

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Том II

III тысячелетие до н.э. – VII век до н.э.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А.Х. Дани и Ж.-П. Моэна

ПРИ УЧАСТИИ

Х.Л. Лоренсо, В.М. Массона,
Т. Обенги, М.Б. Сакеллариу,
Б.К. Тхапара и Чжан Чаншоу

УДК 930.9 (03)
ББК 63.3(0)я2
И 90

Авторы несут ответственность за выбор и представление фактов, содержащихся в этой книге, и за выраженные в ней мнения, которые могут не совпадать с мнением ЮНЕСКО.

Принятые обозначения и представление материала во всей публикации не означают отражения мнения какой-либо части ЮНЕСКО относительно законного статуса стран, территорий, городов, областей, а также их властей и границ.

Международная комиссия по истории научного и культурного развития человечества несет интеллектуальную и научную ответственность за подготовку этого издания.

Согласно контракту № J. 2000-036 между ЮНЕСКО и Издательским Домом МАГИСТР-ПРЕСС на совместное издание **Истории человечества** ЮНЕСКО предоставляет исключительные права соиздателю на продажу книги на территории Российской Федерации и дает право распространять ее на русскоговорящих территориях. Ни книга целиком, ни отдельные ее части не могут быть перепечатаны или воспроизведены электронными, механическими или какими-либо другими средствами, известными в настоящее время или изобретенными впоследствии, включая фотокопирование и запись, или в любой системе хранения и поиска информации, без письменного разрешения Издательского Дома МАГИСТР-ПРЕСС.

Замысел издания на русском языке:

Министр иностранных дел России **И.С. Иванов**,
Генеральный директор ЮНЕСКО **К. Мацуура**,
Постоянный представитель России в ЮНЕСКО **В.А. Каламанов**,
Генеральный директор Издательского Дома МАГИСТР-ПРЕСС **В.Н. Харькин**,
Директор Издательства ЮНЕСКО **М. Танака**

Рецензент: **С.Л. Тихвинский**, доктор исторических наук,
профессор, действительный член Российской академии наук

Под общей редакцией **А.Н. Сахарова**, доктора исторических наук,
профессора, члена-корреспондента Российской академии наук

Ответственный редактор **Э.А. Манушин**, доктор технических наук,
профессор, действительный член Российской академии образования

Научный консультант **А.И. Смирнов**, член-корреспондент
Российской академии естественных наук

***Русскоязычная версия издается при участии
Института российской истории Российской академии наук***

Том II. III тысячелетие до н.э. – VII век до н.э.

Редактор: Э.А. Манушин
Переводчики: В.Н. Ковалев, Е.А. Конюхова,
А.А. Прохоров, В.Б. Сагадиев, Р.М. Салимов
Художественное оформление: Л.Е. Головин
Верстка: Д.Д. Лихтаров, Н.В. Морогина, Я.В. Мустаева
Корректоры: Н.В. Назарова, Е.А. Павлова, Т.Х. Валавина
Зав. производством: Л.В. Колесникова
Служба реализации: А.А. Романченко

Подписано в печать 21.03.2003 г. Формат 60х90/8. Печать офсетная
Усл. печ. л. 79. Тираж 10 000 экз. (1 завод 5000 экз.) Заказ № 6661.
Лицензия на издательскую деятельность ИД № 01537 от 14 апреля 2000 г.

Адрес Издательства: 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 7/15, офис 16
Для писем: 115419, а/я 14
Тел./факс: +7 (095) 290-0689
E-mail: m.press@comail.ru
Интернет: <http://www.magister-unesco.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
в ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

✶

ISBN 5-89317-156-X

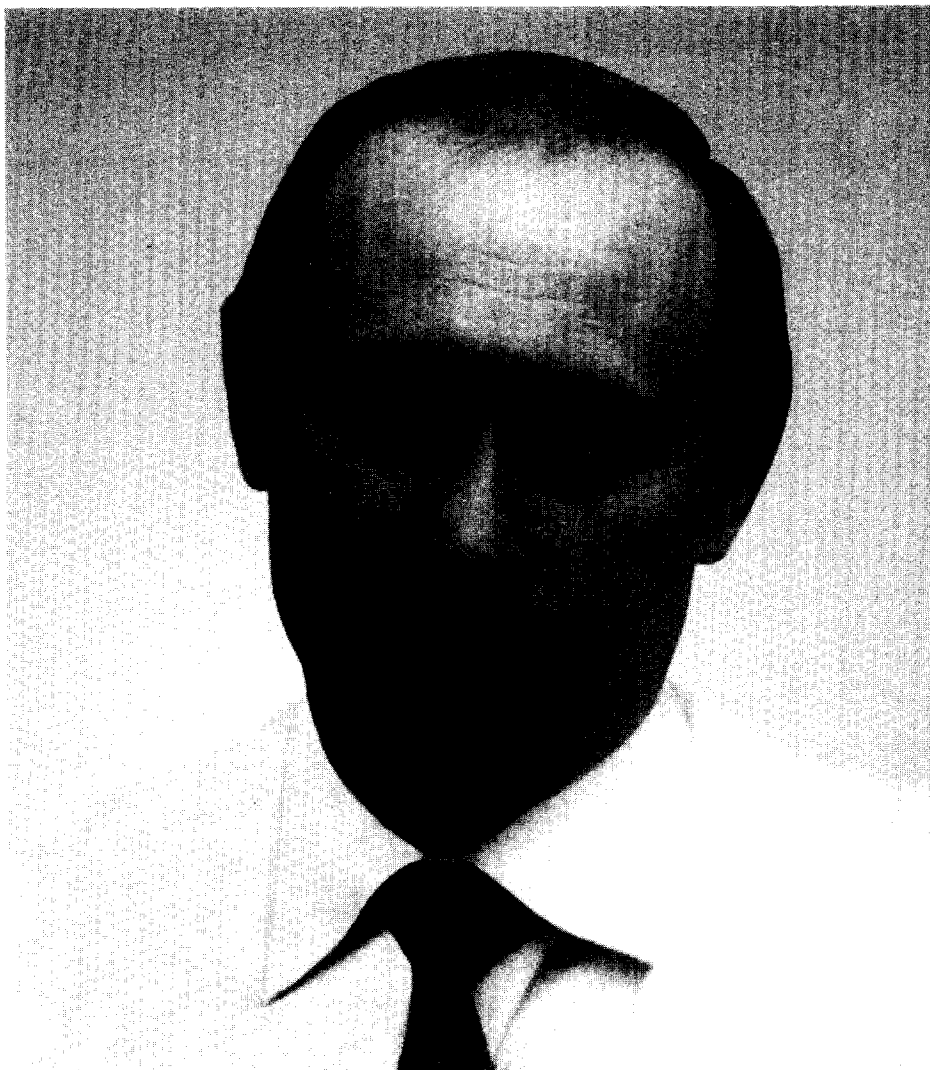

9 785893 171563 >

ISBN 92-3-102 811-1 (UNESCO)
ISBN 5-89317-154-3
ISBN 5-89317-156-X (Т. II)

© ЮНЕСКО, 2003
© ООО «Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС», 2003

Авторам, издателям и читателям
русскоязычной версии энциклопедии
«История человечества», издаваемой ЮНЕСКО

Сердечно поздравляю вас и всех, кто интересуется историей, с важным событием в мировой культурной и научной жизни — выходом в свет русскоязычной версии «Истории человечества», издаваемой по инициативе ЮНЕСКО. Этот масштабный проект — яркий пример плодотворного международного сотрудничества в гуманитарной сфере.

Собранные на страницах энциклопедии факты и материалы убедительно свидетельствуют о неразрывной связи духовного и исторического наследия народов мира и, конечно же, об уникальном вкладе России в сокровищницу цивилизации.

Признателен авторам и издателям за глубокий и кропотливый труд. Желаю вам новых творческих успехов и всего самого доброго.

A handwritten signature in cursive script, likely belonging to the author or publisher mentioned in the text.

ЮНЕСКО

благодарит

ОАО «Промышленная Группа «ЛанРусинвест»

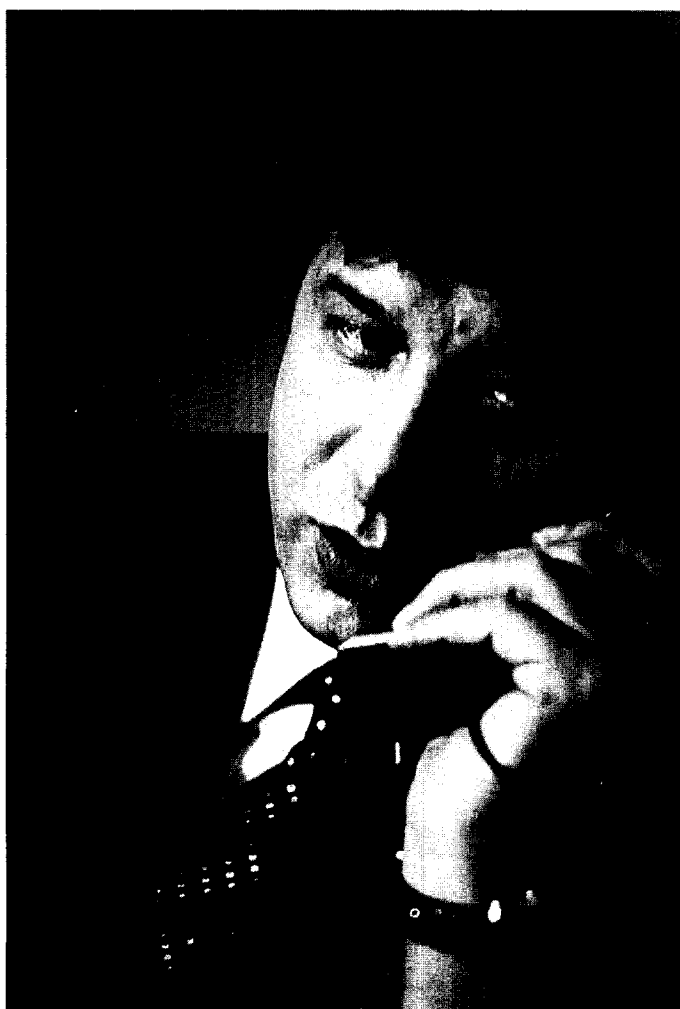
и ее Президента, Председателя Попечительского Совета

Общероссийского фонда «Единение»

Владимира Николаевича Кишенина

за содействие в издании русскоязычной версии

«Истории человечества»

промышленная группа
ЛанРусинвест

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Дорогие читатели!

Благодаря поддержке отечественных и международных организаций, и в первую очередь ЮНЕСКО, появилась возможность довести предлагаемый выдающийся труд до русскоязычных читателей России и всего мира.

Читателю представляется результат огромной работы, которую трудно с чем-либо сопоставить. По сути это коллективная концентрированная память человечества и каждой из его частей. Задача по созданию такого памятника настолько грандиозна, что пока в полном объеме не завершена: Международная комиссия ЮНЕСКО продолжает работу над VI и VII томами «Истории», а Институт российской истории Российской академии наук – над дополнительным VIII томом, посвященным истории России.

«МАГИСТР-ПРЕСС» воспринял работу по подготовке к изданию столь масштабного историко-литературного труда как весьма престижную. В ходе подготовки к выпуску энциклопедии решалось много важных проблем, касающихся перевода и редактирования, терминологии, оформления и др.

К проблемам, связанным с содержанием, относятся, прежде всего, неидентичность подходов разных авторов к оценке доисторических (и исторических) событий, явлений и т.д.; зачастую некоторое смещение акцентов при оценке важности тех или иных событий; повторы, которые при принятой структуре книги неизбежны; отчасти – разная терминология и т.п. Во всех этих отношениях нами был принят единственный целесообразный, с нашей точки зрения, принцип – как можно ближе придерживаться английского оригинала книги. По сравнению с ним были сделаны два изменения.

Во-первых, включено специально написанное для русскоязычного издания предисловие Генерального директора ЮНЕСКО Коитиро Мацууры, в котором дана краткая философская оценка издаваемого труда.

Во-вторых, по нашему предложению и с согласия ЮНЕСКО включено предисловие научного редактора всего издания директора Института российской истории Российской академии наук, члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова (кроме того, являющегося редактором и одним из авторов VIII тома).

В нашей работе над этим томом, как и над другими, большие трудности встретились при переводе на русский язык многих фамилий и имен, которые редко встречаются в литературе; географических названий, отсутствующих в русских официальных и достаточно полных географических атласах; археологических культур, имеющих названия по археологическим стоянкам, местонахождениям и т.п. В этих случаях в тексте помимо русского в скобках давались написания фамилий и имен на английском языке, взятые из оригинала; географические карты оставлены на языке оригинала; названия культур переведены как можно ближе к оригиналу и т.д. Для проверки правильности фамилий, названий и терминов использовался широкий список словарных, справочных и географических изданий, в частности, электронная версия «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия», «The Concise Oxford Dictionary», «Хроника человечества», «Атлас мира», «Библиотека Всемирной литературы» и др. Весьма ценными были консультации с Отделом переводов ЮНЕСКО.

Мы понимали, что многие термины желательнее было пояснить, но в то же время осознавали, насколько увеличился бы и без того немалый объем книги; кроме того, этому препятствовали условия контракта с ЮНЕСКО. Тем не менее в некоторых исключительных случаях редакторские пояснения были даны, но в целом для выяснения значений подобных терминов мы отсылаем читателя к известным справочным изданиям.

При работе над книгой мы со всей ответственностью осознавали, что результат нашей работы может представлять интерес для науки и образования России, способствовать сохранению общего научно-образовательного пространства стран СНГ, повышению роли и расширению применения русского языка во всем мире. Мы уверены, что в этом по существу энциклопедическом издании каждый читатель – от школьника до академика, интересующийся судьбами людей, когда-либо населявших нашу Землю, желающий узнать больше об общепланетарных корнях всего человечества, найдет для себя много интересного и полезного.

История человечества

- Том I *Доисторические времена и начала цивилизации*
ISBN 92-3-102810-3 (UNESCO)
ISBN 5-89317-155-1
- Том II *III тысячелетие до н.э. – VII век до н.э.*
ISBN 92-3-102811-1 (UNESCO)
ISBN 5-89317-156-X
- Том III *VII век до н.э. – VII век н.э.*
ISBN 92-3-102 812-x (UNESCO)
ISBN 5-89317-157-8
- Том IV *VII–XVI века*
ISBN 92-3-102813-8 (UNESCO)
ISBN 5-89317-158-6
- Том V *XVI–XVIII века*
ISBN 92-3-102814-6 (UNESCO)
ISBN 5-89317-159-4
- Том VI *XIX век*
ISBN 92-3-102815-4 (UNESCO)
ISBN 5-89317-160-8
- Том VII *XX век*
ISBN 92-3-102816-2 (UNESCO)
ISBN 5-89317-161-6
- Том VIII *Россия*
ISBN 5-89317-184-5 (Рус.)
ISBN 5-89317-187-X (Англ.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

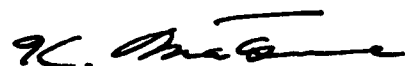
Коитиро Мацуура,
Генеральный директор
ЮНЕСКО

Мне доставляет огромное удовольствие представить публике превосходное русское издание «Истории человечества» и горячо приветствовать партнерскую работу ЮНЕСКО и Издательского Дома МАГИСТР-ПРЕСС, благодаря которой мы знакомим широкий круг новых читателей с этим выдающимся трудом.

Сегодня, когда мировое сообщество вновь охвачено беспокойством, чувством опасности, поскольку оказалось перед лицом очевидных и грубых вызовов, не может быть публикации более своевременной, чем эта. Глубокая мысль, зафиксированная еще пять десятилетий назад в Уставе ЮНЕСКО: «Поскольку войны рождаются в умах людей, то именно в умах людей должна быть создана система защиты мира», – вновь обретает актуальность.

Ответить на эти вызовы путем развития подлинно межкультурного диалога и есть та конкретная цель, которая обусловила появление «Истории человечества». Точно так же, как едина Земля, един и человеческий род при всем его разнообразии. Этот труд – плод объединенных усилий более 450 специалистов всего мира – представляет собой всеобщую историю человеческого духа во всем многообразии путей развития, точек зрения и культурных предпочтений. В книге читатель найдет панораму становления мировых культур, широкое видение научного и культурного развития, включающего многие формы человеческого творчества, приведшего не только к особенностям различных культур, но и к аналогиям между ними, к их конвергенции.

Как определил Альберт Эйнштейн, у человечества нет иного выбора, кроме как «быть единым или не быть вообще». Идти вперед можно, только возводя мосты взаимопонимания между народами и укрепляя тем самым непреходящую убежденность в том, что именно в единстве заключено многообразие человечества. Сегодня этому видению всемирного сообщества брошен насильственный вызов. Именно поэтому наша Организация испытывает глубокое удовлетворение в связи с тем, что издаваемый жизненно важный источник, являющийся одновременно свидетельством общего прошлого человечества и проявлением веры в его общее будущее, становится более доступным широкой публике.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЕДИНА. ОТНОСИТЕЛЬНО

А.Н. Сахаров,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Слова, вынесенные в заголовке Предисловия, являют, на мой взгляд, ту незамысловатую, но одновременно невероятно трудную для разумения истину, которой буквально пронизана семитомная «История человечества», выпущенная по решению ЮНЕСКО вторым изданием на исходе XX в. и сегодня, уже в начале XXI в., публикуемая в России.

Действительно, эта истина незамысловата, потому что она лежит как бы на поверхности человеческой истории, изучаемая самим единым научным сообществом. Именно поэтому создатели «Истории человечества» впервые в мировой историографии попытались представить развитие Человеческого рода в соответствии с самим естественным ходом исторического процесса, обнимающего всю планету, все ее материки, все регионы, все страны и народы, прошлые и настоящие; потому что, по мнению 450 авторов этого монументального труда, представляющих десятки стран и все без исключения геокультурные регионы, вся история Человечества – это единая линия развития.

Все более крепнущее в научном мире понимание единства истории Человечества основано не только на анализе прошлых и современных мировых общественных тенденций, отличающихся интеграционными процессами, на нашем сегодняшнем прозрении многих объединяющих Человечество общественных явлений, но и на новом уровне знаний, полученных наукой на исходе XX в., новых методологических и конкретно-исторических подходах, не известных ранее археологических и антропологических данных, уводящих в глубь тысячелетий, объединяющих неожиданными находками, параллелями, прямыми связями и взаимовлияниями разные народы и обширнейшие регионы.

Этому пониманию способствовали и новые технологии, на которые оказался так богат XX в. и которые помогают проникнуть в тайны человеческого бытия, а также ставшая очевидной хрупкость этого мира в связи с уже потрясшими землю как грандиозными стихийными, так и рукотворными бедствиями и катастрофами, вроде взрыва на Чернобыльской АЭС, которые повлияли на жизнь буквально всего Человечества. Это единство было подчеркнуто нависшей над землей, особенно во второй половине XX в., угрозой атомной войны и возможными неисчислимыми потерями для всего Человеческого рода и даже прекращением его истории.

Сегодня единство Человечества, его общая судьба, взаимосвязь истории всех людей земли еще раз подчеркнута воздушной атакой террористов на Нью-Йорк, их захватом в центре Москвы музыкального театра, другими атаками мировых фанатиков-экстремистов, повлекшими колоссальные жертвы и, возможно, самую страшную из них – осознание всей

незащищенности нашей планеты и ее обитателей, несмотря на горы накопленного оружия, всю иллюзорность нашего благополучия и стабильности, к которой упорно год за годом, столетие за столетием, тысячелетие за тысячелетием с разными успехами и разными результатами шло человечество через тернии своего трудного и долгого пути.

И все же, как показывает «История человечества», достижение единства, глобальности развития человеческого рода – задача невероятно сложная, а само единство весьма относительно по многим параметрам, в том числе из-за природного разобщения, межкультурного, междивизиационного, межрасового, межнационального, социального отчуждения, тем более что Человечество находится в пути, и какая часть этого пути пройдена, а какую еще предстоит пройти – постигнуть очень трудно, как трудно ответить на вопросы, связанные с возможным влиянием цивилизационных достижений, нынешних и будущих, на ближнюю и дальнюю историю Человечества.

Прекрасно осознавая эти трудности, преодолевая или оговаривая индивидуальные подходы и гипотезы, авторы, тем не менее, попытались показать историю Человечества в совокупности как объединяющих, так и разрывающих ее тенденций, выявить адекватность понимания истории, ее естественной, сложной и противоречивой сути.

Думается, что одним из важных достижений «Истории» является объективное, научно обоснованное, покоящееся на огромном количестве как прежних, так и новых систематизированных данных понимание эволюции Человеческого рода от выделения предков человека из мира приматов примерно 60 млн. лет назад, затем этап за этапом превращения этой части животного мира в современного человека. Эта эволюция охватывала все континенты, проходила близкие превращения, хотя и в разное время, под влиянием аналогичных условий существования выявила колоссальную способность человека к адаптации в окружающем мире, его неразрывную связь с постоянно меняющейся экологической средой. Авторы, возможно, впервые в историографии в столь обобщенном виде показывают, как в различные периоды, в далеко отстоящих друг от друга регионах экологическая среда, изменение климата воздействовали на развитие человеческого общества в сходном направлении, что само по себе уже говорит об общности и подверженности единым законам бытия Человеческого рода.

Мне представляется, что издание «Истории человечества» несколько приглушило эгоцентризм поколения рубежа XX–XXI вв. и показало, что все мы, люди этого времени, лишь ничтожная часть единой, идущей из глубины тысячелетий мировой истории. Действительно,

лишь 0,5% этой истории, открытой 2,5–2 млн. лет тому назад появлением Человеческого рода, приходится на то время (с 5 тыс. лет до н.э.), которое считается историческим, т.е. обеспеченным письменными источниками, а 99,5% – на время, когда простиралась так называемая предыстория человечества, полная своих великих общественных свершений, духовных прозрений, технологических революций, массовых миграций, демографических взрывов. На долю же XX в. приходится совсем ничтожная часть этой истории.

Мир постоянно менял человека, человек, меняясь с тысячелетиями сам, изменял существующий мир. Но вряд ли кто рискнет сегодня, особенно после выхода в свет этого издания, утверждать, что поколения, живущие в XXI в., свободны, несмотря на кажущееся могущество нынешнего человеческого разума, от тех же планетарных явлений и законов развития, с которыми столкнулись наши далекие предки, к которым они, как это показывает мировая история, успешно адаптировались и которые продолжают оказывать неодолимое влияние и на сегодняшнюю человеческую жизнь. Просто для того чтобы увидеть и понять хотя бы некоторые из этих процессов, вникнуть в сущность перемен, происходящих с человеком и с человеческим обществом, прикоснуться к происходящим с ними коренным сдвигам, меняющим ход истории, необходим, как показывает «История человечества», охват истории от 25–30 до 50–60 поколений. И это как минимум, и это в период уже письменной истории. Что же говорить о временах «доисторических». Погружение в хронологические глубины бытия отнюдь не меняет общих закономерностей развития Человечества.

Ключом к пониманию единства и особенностей развития различных групп людей на нашей планете, разнообразных регионов земли является, по моему мнению, использование трехуровневого цивилизационного подхода. Первый уровень охватывает основные признаки человеческой цивилизации, свойственные Человечеству в целом на различных этапах его развития. Второй относится к цивилизационным региональным особенностям, третий – к характеристике отдельных стран и народов. Все они взаимосвязаны, все проистекают из общемировых цивилизационных параметров и покоятся на них.

К общемировым цивилизационным ценностям относятся прежде всего такие общие категории, как становление самого человека, его духовное и физическое совершенствование (например появление речи), развитие его разума. Именно первичность мысли, ее приоритет над экономическими, социальными и другими общественными категориями стали основой всего хода человеческой истории и определили цивилизационные черты как первого уровня, так и двух последующих. Человеческий разум создал цивилизацию как постоянно развивающуюся систему человеческих ценностей, куда входят основные технико-экономические показатели, социальные отношения, религия, искусство, культура, духовное развитие, образ жизни, система власти и общества, право, международные связи, военная организация, демографические процессы, взаимодействие человека с окружающей средой, миграции и т.д. И все это в постоянном развитии, становлении от глубин древности до наших дней.

Определяющими в этом цивилизационном развитии выступают такие действия людей, которые по мере освоения их значительными группами и на значительной части планеты круто меняют жизнь людей, давая начало новым виткам человеческой истории, перемене в образе жизни. К таким явлениям относятся овладение огнем, переход к производящему хозяйству, великие изобретения неолитической революции (гончарный круг, колесо, лодка и парус, лук и стрелы, рыболовный крючок и сети, зарождение прядения шерсти и ткачества и многое другое). А позднее – освоение плавки металла, период «городской революции», появление письменности, складывание универсальных

религий, зарождение научных знаний, дальнейшее развитие человечества и становление частной собственности и великих и драматических последствий внедрения в жизнь людей этого общественного института.

«История человечества» неумолимо включает все новые и новые цивилизационные параметры первого уровня, определяющие жизнь населения планеты: освоение конной тяги, что кардинально меняет систему передвижения и военную организацию, создание системы дорог, начало использования пороха и появление огнестрельного оружия, что резко повлияло на «взаимоотношения» как человека с животным миром, так и между самими людьми. Сюда же можно включить великие географические открытия, эпоху Возрождения, а затем эпоху Реформации, великие изобретения человеческой мысли XIX–XX вв. буквально во всех областях знаний, вновь изменившие мир и давшие новое направление мировой цивилизации. Социальными новациями стали выкристаллизовавшиеся за столетия и определившиеся к середине XX в. основные права и свободы человека, главные параметры гражданского общества.

Все эти новации охватили и охватывают всю планету. Благодаря высокому уровню трансляции человеческого опыта и знаний из более развитых регионов в менее развитые (скажем, металлургия зародилась в Западной Азии и оттуда распространилась на огромные пространства Старого Света), мобильности людей, миграционным и демографическим процессам, совершенствованию средств сообщения и связи эти важнейшие для изменения образа жизни людей новации становились неотъемлемым достоянием либо всего человечества, либо значительной его части.

Авторы «Истории человечества» отмечают, что все эти цивилизационные параметры (назовем их параметрами первого уровня) стали таковыми, поскольку они стали определяющими в наиболее продвинутых частях мира, стали диктовать цивилизационное развитие в основных регионах планеты, сосредоточились в так называемых ключевых культурных регионах, влияющих на мировую периферию. Концепция «ключевых регионов» и «периферии» и, добавив мы, наличие между ними так называемых буферных зон дает панорамную, постоянно меняющуюся картину цивилизационного развития мира, поскольку некоторые «ключевые регионы» по многим причинам, в том числе освоения «периферией» еще более новых цивилизационных параметров или, скажем, демографического взрыва, мощных колонизационных процессов или продвижения там новаций социального характера, обгоняют в своем развитии старые центры и сами превращаются в новые «ключевые центры», обрстая собственной периферией.

В этой связи и встает вопрос о втором и третьем уровнях цивилизационного развития Человечества. В силу особых исторических причин отдельные регионы развивались вне магистральных цивилизационных путей, но имели свои специфические достижения, ставшие основой для их развития. Как показано в «Истории человечества», таковыми стали регионы Центральной и Южной Америки, Австралии, восточная часть Европы. Да и основная часть Европы – ее центральные и западные районы – до определенного времени оставались вне общих мировых достижений, которыми были отмечены продвинутые с V тысячелетия до н.э. регионы Северной Африки, Восточного Средиземноморья, Западной Азии, Индии, Китая, где зарождались мощные цивилизационные потоки, полководцем одолевшие позднее значительные части планеты.

Но существовали еще более замкнутые районы, отделенные на тот или иной период от основных культурных центров и связанные с развитием отдельных народов или групп народов. Это был третий цивилизационный уровень. К таковым можно было бы отнести районы Сибири, Океании, части Юго-Восточной Азии и некоторые другие.

Однако все они – любой регион, любой народ – не выпадали из общей истории Человечества. Они привносили

и привносят в эту историю свой, пусть не универсальный, как ведущие регионы, но оригинальный и неповторимый опыт. Универсальная история и история отдельных регионов и народов тесно взаимосвязаны и подвержены взаимовлияниям. Каждый народ вносит свой неповторимый вклад в историю Человечества, что становится особенно очевидным по мере нарастания с каждым тысячелетием и столетием интеграционных мировых процессов. Каждый народ, удобряя почву цивилизации своим разумом, знаниями, опытом, своим трудом, наконец, своими жизнями, создает общий мировой цивилизационный фон, на котором развивается и совершенствуется весь Человеческий род.

Исходя из этих посылов, авторы «Истории человечества» и построили свой труд. В основу его периодизации положен тематически-хронологический принцип и асинхронный подход. Это означает, что вся история Человечества делится на периоды, которые определяются основными цивилизационными критериями, о которых шла речь выше и которые прокладывали, так сказать, «столбовую дорожку» Человеческого рода. Но вместе с тем совершенно очевидно, что понятия «неолитическая революция», «античность», «средневековье», «новое время» «современность», характеризуемые набором этих основных критериев, вовсе не совпадают ни по времени, ни по сущности их основных цивилизационных качеств с развитием других регионов и народов, чье вовлечение в общий исторический поток по ряду причин либо замедлялось, либо было неполным. Не случайно сегодня в науке оспаривается вопрос об адекватном хронологическом соотношении понятий «средневековье» и «новое время» одновременно в истории стран Западной Европы и России. Столь же очевидно на бессмысленность приложении понятия «античность» к регионам, скажем, Юго-Восточной Азии или Южной Африки, не говоря уже об Австралии и Новом Свете. И все же в рамках общей истории Человечества создается Всемирная, но не универсальная история, в условиях которой происходит развитие основных ведущих культур, обогащающихся свойствами иных культур, что и дает общее понимание их прошлой истории в ее целом. Основные же критерии периодизации выступают как важные ориентиры, как векторы всего развития Человечества от низших к высшим формам его существования.

В этой же связи отступает на второй план традиционный европоцентристский подход к мировой и региональной историям, когда такие явления, как Великая французская революция 1789–1793 гг. или начало первой мировой войны (1914 г.) неизменно становились определяющими гранями мировой истории, как впрочем и обращение Римской империи в христианство в качестве конца античности и начала средневековья, что прошло совершенно незамеченным для огромного азиатского региона, или важная для мусульманского мира дата Хиджры (исхода пророка Мухаммеда из Мекки в Медину), определившая начало мусульманского летоисчисления, но совершенно незамеченная остальным, немусульманским миром.

«История человечества», построенная по асинхронному, тематически-хронологическому принципу, учитывающая основные стадии эволюции Человечества, его материального и духовного развития, заключена в семь томов. Том I посвящен «предыстории» Человечества и охватывает период от глубин древности до III тысячелетия до н.э.; том II – с III тысячелетия до н.э. до VII в. до н.э.; том III – с VII в. до н.э. до VII в. н.э.; том IV – с VII в. н.э. до XVI в. н.э.; том V – с XVI в. до XVIII в.; том VI охватывает период XIX в. и том VII посвящен истории Человечества в XX в.

Важнейшим вопросом всего издания «Истории человечества» является характеристика сущности тех эволюционных перемен, которые положены авторами в основу серии. Ответ на него прост и ясен: квинтэссенцией всей истории Человеческого рода, как видно из анализа, принятого авторами, является качество жизни, совершен-

ствование образа жизни людей, прогресс человеческой личности в рамках как индивидуальных, так и коллективистских усилий, прогресс, базирующийся на вечных человеческих цивилизационных ценностях, основными из которых являются права и свободы людей, частная собственность. Люди испокон веков стремились к благоденствию, удобствам, комфорту, к твердому и надежному жизнеобеспечению, и в этом смысле история Человечества также является единой и неделимой, хотя не существует измерений, на которых можно было бы построить понимание этого благоденствия и, если угодно, счастья в те или иные периоды истории. Но общая тенденция ясна. Правда, путь к этому прогрессу длителен и противоречив, откаты на этом пути глубоки и порой необратимы, но Человечество в целом и в отдельных своих частях, даже в малых ячейках, упорно, день за днем, год за годом, век за веком продвигалось и продвигается по пути к материальному и духовному совершенствованию своей жизни, улучшению ее качества.

И все же история Человечества продолжается, и наступивший XXI в., как и предшествующие периоды истории, дает ему на этом пути новые рычаги, новые возможности, новые надежды.

• • •

II том «Истории человечества» обнимает сравнительно короткий период времени: «всего» 2,5 тысячи лет. Это ничтожно мало по отношению к предшествовавшим сотням тысяч лет. И все же сегодня это время кажется нам, наблюдающим стремительное развитие человечества в XX в., безусловно, долгим. Убыстряющее свой бег колесо истории вращалось еще медленно, «рассвет истории», как определяют этот период авторы II тома, был неторопливым и мучительным. Неторопливым, потому что цивилизационные свершения затронули лишь небольшую часть планеты, лишь наиболее продвинутые в ходе «неолитической революции» культурные регионы, прежде всего Северную Африку, Месопотамию, долины Инда и Хуанхэ. А мучительным – потому, что эти свершения подняли человечество на новую цивилизационную ступень, характеризующуюся не только повышением качества жизни Человеческого рода, но и привнесением в человеческую историю тех драматических черт во все расширяющемся масштабе, которые сопровождали успехи людей в своем цивилизационном продвижении. Поистине каждый шаг Человечества к счастью был выстлан терниями борьбы и страданий. И чем больше и успешней были эти шаги, тем более драматичной становилась история Человечества. Материалы II тома это блестяще подтверждают.

Итак, Человечество вступило в бронзовый век, научилось плавить металл, овладело письменностью и счетом, т.е. вступило тем самым из «доисторического» периода своей истории в «исторический», засвидетельствованный письменными источниками. На базе новых технологий и нового уровня культуры бурно развивается хозяйственная деятельность: продолжается одомашнивание животных, развивается переход к оседлому образу жизни, сокращаются расстояния между человеческими сообществами и постепенно рушатся стены их изоляции друг от друга, появляются первые признаки постоянной торговли. Зарождаются стабильные нити взаимосвязей регионов и начинается миграция и перемещение народов по наиболее продвинутым частям планеты. Человечество вместе с письменностью познаёт не только первые шаги своей писаной истории, законы и установления, но и создает замечательные памятники цивилизации – такие, как Библия, произведения Гомера.

Другим важнейшим феноменом этого периода наряду с письменностью и счетом становится «городская революция», появление городов-полисов со сложным соци-

альным составом населения, формирование на земле первых государств. В Египте, на Ближнем Востоке, Месопотамии, Индии, Китае формируются великие государственные цивилизации, чьи достижения становятся достоянием не только того времени, но и последующих столетий. Личностный фактор все более уверенно выходит из исторической тени. А вместе с этими цивилизационными качествами эти две с половиной тысячи лет привносят в жизнь людей социальное расслоение и насилие, эксплу-

атацию и войны, систему тюрем и наказаний, начало борьбы отсталых цивилизаций против передовых. Уровень качества жизни, достигнутый в ту пору Человечеством и ставший ориентиром для всего Человеческого рода, охватывает, увы, слишком малую его часть. А на севере свой марш по планете начинают индоевропейцы, овладевающие плавкой железа, которому в ближайшие столетия предстоит буквально перевернуть весь ход человеческой истории.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	V	8	Начала письменности и основные языковые семьи	65
Предисловие к русскоязычному изданию «Истории человечества»	IX	8.1	От зарождения письменности до создания алфавита <i>Моника Ректор</i>	65
<i>Коитиро Мацуура</i>		8.2	Древнейшие письменные языки <i>Стефен А. Вурм</i>	70
Предисловие	X	8.3	Индоевропейский феномен: лингвистика и археология <i>Дж. П. Мэллори</i>	81
Список рисунков	XVI	9	Устные предания и литература, религия и искусство	94
Список карт	XVIII	9.1	Устные предания и литература	94
Список иллюстраций	XIX	9.1.1	Устные предания <i>Жан-Пьер Моэн</i>	94
Авторы	XXII	9.1.2	Письменность и литература <i>Моника Ректор</i>	96
Список сокращений	XXV	9.2	Религия и искусство	99
А Введение	1	9.2.1	Развитие религии <i>Жюльен Ри</i>	99
От предыстории к истории	3	9.2.2	Искусство и архитектура <i>Жан-Пьер Моэн</i>	108
<i>Зигфрид Ян Де Лаат</i>		9.2.3	Песня, музыка и танец <i>Жан-Пьер Моэн</i>	114
Основные тенденции нового периода	6	В Региональная часть		117
<i>Ахмад Хасан Дани и Жан-Пьер Моэн</i>			От редактора английского издания	118
Б Тематическая часть	13	I Регионы, для которых имеются письменные источники		119
1 Технические аспекты <i>Жан-Пьер Моэн</i>	15	10 Африка		121
2 От эмпирического к научному знанию	23	10.1 Долина Нила (3000–1780 гг. до н.э.) <i>Кристиана Циглер</i>		121
2.1 От эмпирического знания к истокам научной мысли <i>Вальтер Ф. Райнеке</i>	23	10.2 Долина Нила (1780–700 гг. до н.э.)		137
2.2 Измерение времени и создание календарей <i>Жан Леклан и Жан-Пьер Моэн</i>	27	10.2.1 Египет <i>Гамаль Мохтар</i>		137
3 Экономическое и социально-политическое развитие <i>Марио Ливерани</i>	30	10.2.2 Нубия и ее отношения с Египтом (1780–700 гг. до н.э.) <i>Теофиль Обенга</i>		142
4 Оседлые сельскохозяйственные и кочевые скотоводческие народы (3000–700 гг. до н.э.) <i>Эндрью Шерратт</i>	37	11 Европа		149
5 От государства к империи <i>В.А. Якобсон и М.А. Дандамаев</i>	44	11.1 Эгейский мир <i>Михаил Сакеллариу</i>		149
6 Развитие торговли с отдаленными территориями и появление класса купцов <i>Жан-Пьер Моэн</i>	52	11.1.1 Ранний бронзовый век (3000–1500 гг. до н.э.) <i>Христос Думас</i>		150
7 Начало железного века: открытие обработки металлов и его последствия <i>Пьер Вийяр</i>	58			

11.1.2 Средний и поздний бронзовый век (2100–1100 гг. до н.э.) <i>Михаил Сакеλλαриу и Христос Думас</i>	156	14 Европа	330
11.1.3 Упадок и возрождение (1100–700 гг. до н.э.) <i>Михаил Сакеλλαриу</i>	163	14.1 Введение <i>Жан-Пьер Моэн</i>	331
11.2 Кипр <i>Васос Карагеоргис</i>	171	14.2 Южная Европа <i>Ренато Перони</i>	345
12 Азия	174	14.3 Юго-Восточная Европа <i>Румен Катиницаров и Никола Тасич</i>	356
12.1 Месопотамия	175	14.4 Центральная Европа <i>Иштван Эчеди и Тибор Ковач</i>	361
12.1.1 Долина Тигра и Евфрата (3000–1500 гг. до н.э.) <i>К. Ламберг-Карловски и Рита Райт</i>	175	14.5 Восточная Европа (IV тысячелетие до н.э. – VII в. до н.э.) <i>Н.Я. Мерперт</i>	368
12.1.2 Касситский период (1500–700 гг. до н.э.) <i>Жорж Ру</i>	186	14.6 Западная Европа <i>Жак Бриар</i>	375
12.2 Сирия и Палестина	195	14.7 Северная Европа <i>Хенрик Тране</i>	385
12.2.1 Ранний и средний бронзовый век (3000–1600 гг. до н.э.) <i>Доминик Бейе</i>	195	14.8 Религия и искусство <i>Лили Кэлас</i>	395
12.2.2 Поздний бронзовый век и ранний железный век (1600–700 гг. до н.э.) <i>Хорст Кленгель</i>	202	15 Азия	405
12.3 Анатолия (Малая Азия) <i>Экрем Акургал</i>	209	15.1 Центральная Азия <i>В.М. Массон</i>	405
12.4 Иран <i>Райнхард Диттман</i>	228	15.2 Юго-Восточная Азия и Океания <i>Чарльз Хайэм и Вильгельм Г. Солхейм II</i>	415
12.5 Афганистан <i>В.И. Сарианиди</i>	237	15.3 Корея <i>Тадаси Ниситани</i>	429
12.6 Аравийский полуостров <i>Абдул Рахман Ал-Ансари</i>	243	15.4 Япония (3000–700 гг. до н.э.) <i>Тацуо Кобаяси</i>	432
12.7 Долина Инда (3000–1500 гг. до н.э.) <i>Б.К. Тхатар и М.Р. Мугал</i>	252	15.5 Северная Азия и Монголия (3000–700 гг. до н.э.) <i>А.П. Деревянко</i>	436
12.8 Постиндские культуры (1500–700 гг. до н.э.) <i>Б.К. Тхатар и Абдул Рахман</i>	273	16 Австралия <i>Джозефина Флуд</i>	447
12.9 Китай	288	17 Америка	455
12.9.1 Китай (3000–1600 гг. до н.э.) <i>Ань Чжиминь</i>	288	17.1 Краткий обзор культурной эволюции <i>Марио Саноха Обедьенте</i>	456
12.9.2 Китай (1600–700 гг. до н.э.) <i>Чжан Чаншоу</i>	297	17.2 Религия и искусство <i>Хосе Альсина Франч</i>	462
II Регионы, реконструкция истории которых основана только на данных археологии и антропологии	305	17.3 Северная Америка <i>Мелвин Л. Фаулер</i>	469
От редактора английского издания	306	17.4 Мезоамерика: генезис и начальные стадии развития <i>Кристина Нидерберже</i>	479
13 Африка (за исключением долины Нила) <i>Луиза М. Диоп-Маэ (Сенегал), Абубакри М. Лам (Сенегал), Массамба Лам (Сенегал), Теофиль Обенга (Конго), Дэвид У. Филлипсон (Великобритания), Бабакар Салль (Сенегал)</i>	307	17.5 Южная Америка	494
		17.5.1 Северо-восточный и восточный регионы <i>Марио Саноха Обедьенте</i>	494
		17.5.2 Восточный регион <i>Освальдо Р. Эредиа</i>	505
		17.5.3 Западный регион <i>Луис Гильермо Лумбрерас</i>	512
		17.5.4 Юго-западный регион <i>Лаутаро Нуньес</i>	531
		Послесловие <i>Жан-Пьер Моэн</i>	546
		Хронологическая таблица	548

СПИСОК РИСУНКОВ

- 1 Изображение процесса обработки бронзы на египетской росписи захоронений в Фивах (1500-е гг. до н.э.)
- 2 Самые древние железные предметы
- 3 Таблица самых древних изученных железных предметов классической античности
- 4 Работники, нарезающие, переплетающие и наматывающие канаты из ремней
- 5 Примеры использования канатов во времена античности, египетский орнамент
- 6 Древние египетские и вавилонские числа
- 7 Изменение конструкции плуга в Северной Европе, показанное на двух наскальных гравюрах из округа Танумс, лен Бохусн, Западная Швеция
- 8 Первое свидетельство использования конной колесницы в Центральной Евразии из могильной камеры под курганом на р. Синташте, Челябинская область, Россия
- 9 Небольшие модели судов из листа золота для хранения обетов из Норс (Дания)
- 10 Реконструкции лодки из Норт-Ферриби, Йоркшир, Великобритания
- 11 Наскальное изображение лучника на лыжах, преследующего лося, из Залавруга, северо-запад России
- 12 Лыжное снаряжение каменного века из приполярной Европы
- 13 Пиктограммы протобуквенного документа IV тысячелетия до н.э. из Урука, Ирак
- 14 Масштабное изображение тележки II тысячелетия до н.э. из кургана II у села Лчашен на берегу оз. Севан (Армения)
- 15 Резное изображение конной колесницы на плите из камерного захоронения в Кивике, Сканёр, Южная Швеция
- 16 Наскальные рисунки периода халколита с изображением колесных повозок из Лос-Буитрес, Пеналсордо, провинция Бадахос, Испания
- 17 Деревянные колеса из трех сегментов из Меркураго вблизи г. Анкона, Италия
- 18 Наскальное резное изображение телеги, запряженной волами, II тысячелетие до н.э., из Сюника, Армения
- 19 Могильная плита с изображением воина с мечом, копьем и щитом и колесницы, VIII–VII вв. до н.э. из Кабеса-дель-Буэй, Испания
- 20 Наскальные рисунки с изображениями воинов бронзового века и раннего железного века из Фоссум, Швеция, Витликке I, вблизи Танум, Швеция; Валькамоника, Италия
- 21 Иероглифическое письмо
- 22 Пиктографическое происхождение клинописных знаков
- 23 Западные семитские письмена и их более поздние версии
- 24 Примеры китайских пиктограмм и идеограмм, снабженных фонетическими элементами и омофонами «Центр тяжести» индоевропейских языков
- 25 План дворцового здания в Калавассос-Айос-Димитриос, XIII в. до н.э.
- 26 План дворца в Кише, одной из древнейших царских резиденций, раскопанных на территории Шумера
- 27 Первый известный шумерский «закон о свободе» (амар-ги), провозглашающий отмену долгов и освобождение от долгового рабства
- 28 План храма обелисков в Библие
- 29 Реконструкция аморейского дворца в Мари, вид с северо-западного угла
- 30 Фигура сирийского правителя
- 31 План-реконструкция Трои I–IX
- 32 План-реконструкция Трои II с–g (и Трои поздней VI)
- 33 План-реконструкция города Хаттусаса (Богазкёй)
- 34 Рельефное изображение царя хеттов Тудхалии IV (1250–1220 гг. до н.э.) в объятиях бога Шаррумы на западной стене скальной камеры В в Язылыкае, Богазкёй
- 35 Аксонометрическая проекция «круглого храма» в Дашли-3, Северный Афганистан
- 36 Артефакты бактрийской культуры
- 37 Главные здания на цитадельном холме в Мохенджо-Даро
- 38 План хараппской столицы Калибанган, период II
- 39 Типичные гончарные изделия зрелой хараппской культуры
- 40 Индские бронзовые и медные сосуды
- 41 Бронзовые и медные орудия и инструменты из Хараппы и Мохенджо-Даро
- 42 Керамика из захоронений на кладбище Н и сюжеты росписи гончарных изделий из Хараппы
- 43 Яма с колесницей и лошадьми в иньских руинах возле г. Аньян
- 44 Большой дом периода династии Западная Чжоу (реконструкция)
- 45 Сахарское наскальное изображение запряженной лошадей колесницы
- 46 Изображение Египетской торговой экспедиции в «Страну Пунт» на рельефе в погребальном храме царицы XVIII династии Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри

- 48 Каменные «рашпиль» и черепок из поселения Кинтампо, Гана
- 49 Неолитические гончарные изделия из Окала, Габон
- 50 Наскальный рисунок с изображением пастухов и домашнего крупного рогатого скота из Генда-Бифту, Эфиопия
- 51 Наскальный рисунок с изображением плуга с впряженными в него быками из Баати-Факада близ Адиграта
- 52 Артефакты из пещеры на р. Нджоро, Кения
- 53 Деревянные артефакты позднего каменного века из района геотермальных источников Гвишо, Замбия
- 54 Наскальный рисунок с изображением людей, вставших в транс, в Восточном Баркли, Капская провинция, Южная Африка
- 55 Кожаная одежда и обувь (реконструкция) симилонского человека
- 56 Жакет из разноцветных кожаных полос (реконструкция) симилонского человека; верхняя часть отсутствует
- 57 Кожаная шапка и накидка из волокон рафии (реконструкция) симилонского человека
- 58 Мужская и женская одежда бронзового века из Дании
- 59 Схематический разрез кремнедобывающего района Спиенн, Хэно, Бельгия
- 60 Добыча кремня: шахты и каменоломни в Сент-Миеле, департамент Мёз, Франция
- 61 Шахтные галереи по добыче кремня, расходящиеся по радиусам от основной шахты, Граймс-Грейвс, Великобритания
- 62 «Кирки» из оленьих рогов из Граймс-Грейвс, Норфолк, Великобритания. Стрелкой показаны надрезы и желобки
- 63 Стержни и пластины из кремня; местонахождение Ле-Гран-Пресиньи (Франция)
- 64 Артефакты медного века с островов Мальта и Сицилия
- 65 Артефакты медного века с Апеннинского п-ова и о. Сицилия
- 66 Артефакты медного века с о. Сардиния, из Испании и Южной Франции
- 67 Артефакты раннего бронзового века из Италии и Испании
- 68 Типы жилищ среднего бронзового века
- 69 Историко-культурная зона срубной культуры. Артефакты из волжского региона и Украины
- 70 Типы колоколовидных гончарных изделий из Франции
- 71 Ранний бронзовый век на Британских островах
- 72 Типы урн среднего бронзового века, относящиеся к эрамекурской группе, Франция
- 73 Гончарные изделия с резным орнаментом с запада Центральной Франции
- 74 Поселение в Илфорд-Хилл, графство Суссекс (реконструкция)
- 75 Стелы воинов из области Эстремадура, Испания
- 76 Основные формы гончарных изделий, относящихся к культуре красной шнуровой керамики
- 77 Искусно декорированный керамический сосуд эпохи Дзёмон из центральной части Хонсю
- 78 Ранние типы погребальных сосудов культуры яёй, разнообразные двойные кувшины
- 79 Резные фигурки животных верхнеобской неолитической культуры
- 80 Рыболовные крючки и кинжалы, найденные в китайских захоронениях
- 81 Артефакты неолитических племен Нижнего Амура
- 82 Афанасьевская культура Южной Сибири
- 83 Окуневская культура Южной Сибири
- 84 Чаши и кувшины андроновской культуры
- 85 Карасукская культура Южной Сибири
- 86 Глазковская культура Восточной Сибири
- 87 Реконструкция одежды женщины времен глазковской культуры
- 88 Бронзовые предметы шиверского этапа, найденные в Синем Гас (Восточная Сибирь)
- 89 Период формирования
- 90 Статуэтки из Тлатилко, долина Мехико
- 91 Массивные топоры и топоры-пластины ольмеков
- 92 Примерная реконструкция храма Серро-Сечин, относящегося к культуре чавин, Перу
- 93 Изображение орла в Новом храме (Templo Nuevo) в селении Чавин-де-Уантар, Перу
- 94 Базальтовая скульптура из Сан-Лоресо, Веракрус, представляющая часто повторяющийся мотив ольмекской иконографии – человека-ягуара
- 95 Воспроизведение резных орнаментов на керамических изделиях ольмекской цивилизации период I, 1200–900 гг. до н.э.
- 96 Ольмекская цивилизация: символы и стили периода II 900–700 гг. до н.э.
- 97 Монументальное искусство: базальтовая стела, найденная в Ла-Вента, штат Табаско
- 98 Последовательность важнейших поселений на западе Южной Америки (по данным углеродного анализа) (юг Перу, Боливия, северо-запад Аргентины, Чили)
- 99 Полуоседлое поселение, состоящее из круглых построек со стенами из сцементированных камней
- 100 Последовательность поселений (Чили)
- 101 Последовательность датируемых поселений в центрально-южном регионе Анд (Чили)
- 102 Возникновение культурной общности и начало производства пицци в Чили, в контексте андийского региона
- 103 Южноамериканские представители семейства верблюдовых

СПИСОК КАРТ

- 1 Распределение основных способов добывания пищи в мире около 1500 г. до н.э.
- 2 Влияние усовершенствованных сортов кукурузы и технологии орошения на урожайность в долине Оахака, Мексика, между 1300 и 300 гг. до н.э.
- 3 Распространение языков в Древней Африке; письменные языки в древних Мезоамерике и Китае
- 4 Письменные языки в древних Западной Азии и Северной Африке
- 5 Распространение основных ветвей индоевропейских языков, около 500 г. н.э.
- 6 Различные теории прародин индоевропейцев
- 7 Египет и Нубия (3000–700 гг. до н.э.)
- 8 Эгейский мир (2000–1100 гг. до н.э.)
- 9 Греческий мир (1100–700 гг. до н.э.)
- 10 Основные археологические местонахождения на о. Кипр (3000–700 гг. до н.э.)
- 11 Месопотамия: археологические местонахождения в современных городах
- 12 Сирия и Палестина (3000–700 гг. до н.э.)
- 13 Анатолия во времена хеттов
- 14 Географическое размещение местонахождений индской цивилизации в ее развитый и поздний периоды, около 2500–1500 гг. до н.э.
- 15 Расположение халколитических культур и медных кладов постиндской цивилизации
- 16 Мегалитические культуры постиндской цивилизации
- 17 Распространение культуры расписной серой керамики постиндской цивилизации
- 18 Китай (1600–700 гг. до н.э.)
- 19 Африка (отмечены зоны, упомянутые в тексте)
- 20 Распределение наскальных изображений по территории Восточной и Южной Африки
- 21 Европа
- 22 Основные районы распространения наскального искусства эпохи медного и бронзового веков
- 23 Островная Юго-Восточная Азия
- 24 Корея
- 25 Австралия
- 26 Северная Америка: архаические культуры и традиции
- 27 Мезоамерика: основные памятники цивилизации ольмеков (1250–600 гг. до н.э.)
- 28 Культуры региона Анд
- 29 Центрально-южный, южный, крайний южный районы Анд и Патагония: основные зоны, упоминаемые в тексте

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- 1 Украшение во внутреннем дворе VIII дворца царя Ассирии Саргона II из Хорсабада
- 2 Часть клада бронзовых инструментов и ювелирных изделий позднего бронзового века из Яскараенё (Венгрия)
- 3 Обломки оборудования для бронзового литья из Фор-Арруар (Франция)
- 4 Стонхендж, вид на огромные каменные столбы и плиты над ними (Великобритания)
- 5 Стонхендж, вид с северо-востока (Великобритания)
- 6 Раскрашенный барельеф, изображающий Нефертиабет с набором погребальных приношений (Египет)
- 7 Кубит (525 мм), древнеегипетская мера длины
- 8 Изображение египетского писца из мастабы фараона Ахетхотепа из V династии Древнего царства
- 9 Изображение фруктовых деревьев в Месопотамии на рельефе из дворца ассирийского царя Синаххе-риба
- 10 Крепостные укрепления времен Хеттской империи
- 11 Статуя сидящего Гудеа
- 12 Изображение судов бронзового века в местонахождении Витлике (Швеция)
- 13 Бронзовые доспехи (латы) из Мармесса (Франция)
- 14 Небквед в сопровождении своей матери и жены, фрагмент из «Книги мертвых»
- 15 Менгир в виде статуи из Ма-д'Азэ (Франция)
- 16 Наскальное изображение в Галерее чудес (Австралия)
- 17 Пирамиды в Гизе
- 18 Бюст египетского фараона Аменемхета III
- 19 Писец, сидящий «по-турецки»
- 20 Алябастровая статуя сидящего Абикхила, жреца храма в Мари
- 21 Стела из Дждеххонуифанха
- 22 Тонкая каменная (сланцевая) плитка с именем фараона Нармера
- 23 Фрагмент из «Книги мертвых»
- 24 Ожерелье эпохи Среднего царства из Иллахуна
- 25 Фигурки воинов эпохи XI династии из гробницы Мишти в Асьюте
- 26 Артефакты из культуры группы А, Нубия
- 27 Крепость в Бухене, Нубия
- 28 Статуя фараона Хора из XIII династии (Египет)
- 29 Статуя фараона Тутмоса III (Египет)
- 30 Знаменитый писец и архитектор Аменхотеп (Египет)
- 31 Позолоченная модель часовни из сокровищницы гробницы Тутанхамона (Египет)
- 32 Алябастровое подголовье из сокровищницы гробницы Тутанхамона (Египет)
- 33 Большой скальный храм в Абу-Симбеле
- 34 Храм в Вади-эс-Себуа, Нубия
- 35 Коронация фараона Рамсеса II богами Гором и Сетом, Абу-Симбел (Египет)
- 36 Статуя Рамсеса V, дарующего модель наоса (Египет)
- 37 Древнекикладская мраморная фигурка музыканта, играющего на арфе (Греция)
- 38 Древнекикладская мраморная статуя, изображающая женскую фигуру (Греция)
- 39 Древнекикладская мраморная ваза (Греция)
- 40 Древнекикладский круглый ящик из глины (Греция)
- 41 Диск из Феста с иероглифическими надписями (Греция)
- 42 Глиняная дощечка с надписями, выполненными линейным письмом А (Греция)
- 43 Настенная роспись с женским изображением из Микен (Греция)
- 44 Золотая погребальная маска из Микен (Греция)
- 45 Золотая чаша из Вапейо с изображением сцены ловли быка (Греция)
- 46 Настенная роспись с о. Тира с изображением флотилии кораблей (Греция)
- 47 Среднекикладский глиняный кувшин с о. Тира с изображением ласточек (Греция)
- 48 Среднеминойский глиняный кратер (сосуд) с рельефным изображением цветов (Греция)
- 49 Настенная роспись с изображением скачек на быках (Греция)
- 50 Позднеминойская фаянсовая статуэтка «Богиня со змеями» (Греция)
- 51 Позднеминойский каменный ритуальный сосуд (ритон) в форме головы быка (Греция)
- 52 Позднеминойский ритуальный сосуд (ритон) из горного хрусталя (Греция)
- 53 Кратер (сосуд) из Керамеикоса в среднегеометрическом стиле, изготовленный в Афинах (Греция)
- 54 Статуэтка из слоновой кости в среднегеометрическом стиле, изготовленная в Афинах (Греция)
- 55 Кратер (сосуд) из Дипилона в позднегеометрическом стиле с изображением погребальной процессии, изготовленный в Афинах (Греция)
- 56 Бронзовые лошадки, найденные в Олимпии (Греция)
- 57 Бронзовая статуэтка из Олимпии в позднегеометрическом стиле (Греция)
- 58 Найденная в Олимпии бронзовая статуэтка в позднегеометрическом стиле (Греция)
- 59 Плоская фигурка идола, красная подвеска для светильника

- 60 Группа глиняных фигурок, средний бронзовый век
 61 Бронзовая статуя из Энкоми (Кипр)
 62 Трон из слоновой кости из «Царского погребения» в Саламисе (Кипр)
 63 Бронзовая голова из Ниневии (вероятно, Нарамсина, а не Саргона)
 64 «Победная стела» Нарамсина
 65 Шумерский город Ур (аэрофотосъемка)
 66 Зиккурат бога Луны Нанны
 67 Гипсовая статуэтка мужчины из храма Абу в Эшнунне
 68 Аккадская цилиндрическая печать
 69 Штандарт из Ура
 70 Бог Солнца Шамаш вручает «закон о земле» царю Хаммурапи
 71 Каменный ритуальный бассейн из храма D, Эбла
 72 Сирийская цилиндрическая печать в золотой оправе
 73 Оттиск цилиндрической печати Сумирапы, царя Тубы
 74 Оттиск сирийской цилиндрической печати
 75 Оттиск сирийской цилиндрической печати гиксосского периода
 76 Пектораль из Библа
 77 Бронзовая статуэтка (возможно, из Катны)
 78 Изображение сидящей богини плодородия из Угарита
 79 Рельеф Киламувы, царя Самъяла
 80 Ритуальная фигурка оленя в хеттском стиле (Турция)
 81 Ритуальная скульптура в хеттском стиле (Турция)
 82 Пряжка с булавкой в хеттском стиле (Турция)
 83 Двойной идол из листового золота в хеттском стиле (Турция)
 84 Золотой графин в хеттском стиле (Турция)
 85 Золотой кувшин в хеттском стиле (Турция)
 86 Хеттская женская статуэтка из Хасаноглана вблизи Анкары (Турция)
 87 Кувшин из Кюль-Тепе в хеттском стиле (Турция)
 88 Кубок-кувшин из Алака-Хююка (Турция)
 89 Два ритуальных сосуда в форме быков (Турция)
 90 Рельеф на ортостате из городских стен Алака-Хююка (Турция)
 91 Наскальный рельеф с открытого хеттского святилища в Язылы-Кая, Богазкёй (Турция)
 92 Фриз на ободке ритуального серебряного сосуда (Турция)
 93 Богиня Купаба, фрагмент рельефа на ортостате из Каргамиса (Турция)
 94 Деталь рельефа на ортостате из Каргамиса (Турция)
 95 Погребальная стела Тархунпиаса из Мараша (Турция)
 96 Кормящая мать с ребенком с западного ряда ортостатов на северном портале в Кара-Тепе (Турция)
 97 Серебряная урартская ситула (Турция)
 98 Фригийский сосуд из Алишара (Турция)
 99 Фригийская ваза из Гордиона (Турция)
 100 Фригийская фибула из Гордиона (Турция)
 101 Золотая печать из разграбленного погребения в Бактрии (Северный Афганистан)
 102 Каменная цилиндрическая печать из разграбленного погребения в Бактрии (Северный Афганистан)
 103 Образец наскального искусства из Джуббы (Саудовская Аравия)
 104 Печати дилмунского типа с о. Файлака (Кувейт)
 105 Лианитские надписи из Херейбха (Саудовская Аравия)
 106 Калибанган: общий вид раскопок в Нижнем городе
 107 Цилиндрическая печать из Калибангана
 108 Ближний вид захоронения из Калибангана
 109 Большое захоронение в Таоси (Китай)
 110 Гончарные изделия *гуй* и *ли* из Кешенчжуана (Китай)
 111 Фундамент дворца в разрушенном городе периода Шан в Янши (Китай)
 112 Аэрофотосъемка развалин поселения эпохи Инь близ города Анян (Китай)
 113 Бронзовая ритуальная емкость из развалин поселения эпохи Инь (Китай)
 114 Форма для отливки бронзового сосуда из развалин поселения эпохи Инь (Китай)
 115 Изготовленная из жадеита фигурка человека из развалин поселения эпохи Инь (Китай)
 116 Фигурки слонов из жадеита из развалин поселения эпохи Инь (Китай)
 117 Кубок из слоновой кости из развалин поселения эпохи Инь (Китай)
 118 Кость для предсказаний с надписью из развалин поселения эпохи Инь (Китай)
 119 Бронзовый топор из провинции Шаньдун (Китай)
 120 Сосуд *zim* (Китай)
 121 Жадеитовая маска животного эпохи Западной Чжоу (Китай)
 122 Глазурованный керамический кувшин эпохи Западной Чжоу (Китай)
 123 Отреставрированная лаковая *доу* эпохи Западная Чжоу (Китай)
 124 Надпись на резервуаре эпохи Западная Чжоу (Китай)
 125 Бронзовый сосуд эпохи Западной Чжоу (Китай)
 126 Гончарное изделие *ли* поздней сяцзядяньской культуры (Китай)
 127 Крупная бронзовая фигура человека из округа Гуанхан (Китай)
 128 Вид нагорья Ахаггар на крайнем юге Алжира
 129 Наскальное изображение пастухов со стадом из Сефара, плато Тамиллин-Ахаггар
 130 Наскальный рисунок в Аракукаме (Алжир)
 131 Вырезанное на камне изображение лодки, животных и людей в Вади-эль-Баррамия (Египет)
 132 Каменные неолитические дома в Дхар-Тишит (Мавритания)
 133 Глиняные неолитические черепки с отпечатками семян окультуренных хлебных злаков; Уэд-Шебби (Мавритания)
 134 Скальные укрытия в Эле-Бор (Северная Кения)
 135 Керамическая чаша из Центральной Кении
 136 Наскальный рисунок из региона Транскей в Южной Африке
 137 Сельскохозяйственная сценка из Бедалина, Пистунси, Валь-Камоника (Италия)
 138 Каменная форма для отливки бронзовых ручек жезла, поздний каменный век
 139 Повозка из Дупляя (Сербия)
 140 Идол с кремационного кладбища в Корбово близ Кладово (Сербия)
 141 Подвешиваемый сосуд, ранний бронзовый век (Венгрия)
 142 Сосуд в форме колокола, ранний бронзовый век (Венгрия)
 143 Сосуд с ручкой, средний бронзовый век (Венгрия)
 144 Диск из рога, средний бронзовый век (Венгрия)
 145 Золотое украшение в форме диска, средний бронзовый век (Румыния)
 146 Браслет, украшенный бычьими головами, золото с серебряными накладками
 147 Сосуд на ножке с четырьмя ручками (Венгрия)
 148 Небольшой резной фрагмент рога (Венгрия)
 149 Сосуд с основанием в виде человеческих ног, средний бронзовый век (Венгрия)
 150 Широкий браслет в виде золотой пластины, поздний бронзовый век (Венгрия)
 151 Золотая цепь, поздний бронзовый век (Румыния)
 152 Литая бронзовая подвеска, поздний бронзовый век (Венгрия)
 153 Глиняная урна, поздний бронзовый век (Венгрия)
 154 Бронзовый предмет, возможно, крышка ступицы погребальной колесницы, поздний бронзовый век (Словакия)
 155 Клад из Стокхулта, Сканиа (Швеция)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- 156 Наскальная живопись из Валь-Камоники (Италия)
157 Антропоморфная стела с символической композицией из Паспардо, Валь-Камоника (Италия)
158 Выбитые на камне «Вождь племени» («*Chef de tribu*») изображения эпохи бронзового века (Франция)
159 Изображение лодок бронзового века (Швеция)
160 Инструменты класса 2 и керамика эпохи дзёмон (Япония)
161 Скальные резные рисунки из Тасмании
162 Наскальное изображение охотника из Национального парка Какаду (Австралия)
163 Рисунок, выполненный по трафарету, и выбитое на камне изображение вульвы из Национального парка Карнаван-Джордж (Австралия)
164 Собака динго, нарисованная красной охрой и обведенная по контуру белой краской (Австралия)
165 Медные артефакты, относящиеся к эпохе древней медной культуры (США)
166 Жадеитовое долото из Оахаки (Мексика)
167 Жадеитовая голова из Тенанго-дель-Валле (Мексика)
168 Находка (№ 34) из Сан-Лоренсо (Мексика)
169 Черный сосуд из Тлатилко (Мексика)

АВТОРЫ

Акургал, Экрем (Турция), специалист в области археологии и истории Малой Азии. Почетный доктор. Награжден медалью Гёте. Приглашенный профессор Принстонского (США), Берлинского и Венского университетов. Член семи иностранных академий

Ал-Ансари, Абдул Рахман (Саудовская Аравия), специалист в области доисламской археологии и истории Аравийского полуострова. Декан колледжа искусств Университета короля Сауда

Альсина Франч, Хосе (Испания), специалист в области археологии и этнической истории Центральной Америки и региона Анд. Комплютенский университет, Мадрид

Ань Чжиминь (Китай), специалист в области археологии эпохи неолита на территории Китая. Руководитель I секции (эпоха неолита) и заместитель директора Института археологии Китайской академии общественных наук

Бейе, Доминик (Франция), специалист в области археологии Сирии и Месопотамии. Бывший куратор отделения восточных древностей Музея Лувр, Париж. Профессор университета Страсбург II

Бриар, Жак (Франция), специалист по европейскому бронзовому веку, мегалитам Бретани, палеометаллургии. Директор по исследованиям Национального центра научных исследований (CNRS). Директор лаборатории антропологии университета Рен I. Профессор университета Верхней Бретани (доисторический период)

Вийяр, Пьер (Франция), специалист в области ассириологии. Профессор-ассистент университета Париж I

Вурм, Стефен А. (Австралия), специалист в области языкознания Тихоокеанского бассейна, Восточной, Северной и Центральной Азии, древнего и современного Ближнего Востока и арктических областей; язык в обществе, язык и культура. Профессор языкознания Австралийского национального университета. Директор по исследованиям и экс-президент Австралийской академии гуманитарных наук. Президент CIPSH-UNESCO

Дандамаев М.А. (Российская Федерация), специалист в области истории Древнего Востока. Руководитель сектора Древнего Востока Института востоковедения, Санкт-Петербург

Дани, Ахмад Хасан (Пакистан), специалист в области археологии. Профессор Исламабадского университета. Директор Центра изучения цивилизаций Центральной Азии. Член ряда национальных и международных академических обществ

Де Лаат, Зигфрид Ян (Бельгия), специалист в области истории Древнего Рима, археологии и первобытной истории Европы. Главный редактор первого тома «Истории человечества». Член ряда Королевской академии наук, литературы и изящных искусств Бельгии

Деревянко А.П. (Российская Федерация), специалист в области первобытной истории Сибири. Академик Российской академии наук

Диоп-Маз, Луиза Мария (Франция и Сенегал), специалист в области демогеографии и исторической демографии Африки к югу от Сахары. Доктор антропogeографии (Университет Париж I)

Диттман, Райнхард (ФРГ), специалист в области археологии древнего Среднего Востока. Профессор Свободного университета, Берлин

Думас, Христос (Греция), специалист в области археологии эгейского региона, древних памятников в различных регионах Греции. Директор отделения древностей Министерства культуры. Профессор Афинского университета

Иденс, Кристофер (США), специалист по бронзовому и железному веку Западной Азии, в частности Аравии. Ассоциированный исследователь музея Пибоди Гарвардского университета, Кембридж, Массачусетс

Карагеоргис, Васос (Кипр), специалист в области классической археологии. Приглашенный профессор уни-

Ученые звания, степени и должности, которые занимали (или занимают) авторы этого тома, приведены в переводе с английского издания «Истории человечества», том II, 1996 (*Прим. ред.*)

верситетов Лавалья, Оксфорда и Принстона, Французской школы высших исследований. Член Шведской королевской академии, Академии надписей и изящной словесности, Париж. Иностранный член Афинской академии

Катиншаров, Румен (Болгария), специалист в области доисторической археологии Болгарии. Бывший ученый секретарь Института археологии Болгарской академии наук. Генеральный директор Государственного объединения по культурному и историческому наследию при Комитете культуры

Кленгель, Хорст (ФРГ), специалист в области истории Древнего Востока (ассириология, хеттология). Профессор Берлинского университета Гумбольдта

Кобаяси, Тацуо (Япония), специалист в области первобытной истории Японии и этноархеологии коренных народов северо-западного побережья Северной Америки. Профессор университета Кокугакуин в Токио

Ковач, Тибор (Венгрия), специалист в области археологии бронзового века в Центральной и Юго-Восточной Европе. Заместитель директора Венгерского национального университета, Будапешт

Кэлас, Лили (Швеция), специалист по европейскому неолиту, мегалитам и наскальному искусству послеледниковой эпохи. Приглашенный профессор университетов Гётеборга, Осло и университета штата Калифорния в Лос-Анджелесе. Член Гётеборгского королевского общества искусств и наук

Лам, Абубакри М. (Сенегал), специалист по взаимоотношениям Древнего Египта и Черной Африки. Университет Шейха Анта Диоп, Дакар

Лам, Массамба (Сенегал), специалист по африканским цивилизациям эпохи неолита. Бывший директор отделения первобытной и ранней истории институтов Черной Африки. Директор Музея африканского искусства, Дакар

Ламберг-Карловски, К. (США), специалист в области археологии Древнего Востока. Профессор археологии, куратор по археологии Ближнего Востока музея Пибоди Гарвардского университета

Леклан, Жан (Франция), специалист в области египтологии, почетный профессор Коллеж де Франс. Постоянный секретарь Академии надписей и изящной словесности, Париж

Ливерани, Марио (Италия), специалист в области истории древнего Ближнего Востока. Профессор Римского университета. Член Academia Eुरораеа

Лумбрерас-Сальседо, Луис Гильермо (Перу), специалист в области археологии доколумбовых цивилизаций региона Анд. Профессор Высшего национального университета св. Марка в Лиме

Массон В.М. (Российская Федерация), специалист в области истории Центральной Азии. Член-корреспондент академии наук Туркмении, Германского археологического института. Член Датской королевской академии наук и литературы, Лондонского общества древностей. Институт археологии Российской академии наук

Мерперт Н.Я. (Российская Федерация), специалист по неолиту и бронзовому веку европейской части Российской

Федерации. Профессор, руководитель сектора неолита и бронзового века Института археологии Российской академии наук

Мозн, Жан-Пьер (Франция), специалист по неолиту, бронзовому и железному веку. Директор Музея национальных древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ. Директор лаборатории по изучению музеев Франции

Мохтар, Гамаль (Египет), специалист в области истории и археологии Древнего Египта. Бывший президент Египетской организации по охране памятников. Профессор Александрийского университета

Мугал, Мохаммад Рафик (Пакистан), специалист в области древней истории Южной Азии. Генеральный директор департамента археологии и музеев правительства Пакистана. Бывший советник по археологии правительства Бахрейна. Приглашенный исследователь и преподаватель Калифорнийского университета в Беркли и Пенсильванского университета в Филадельфии

Мэллори, Дж. П. (Великобритания), специалист в области археологии индоевропейских народов. Старший преподаватель кафедры археологии и палеоэкологии Университета Королевы, Белфаст

Нидерберже, Кристина (Франция), специалист в области отношений древнего человека с окружающей средой, традиционных аграрных технологий и хозяйственных систем, социополитических и иконографических проблем ранней Центральной Америки и ольмекской цивилизации в Центре мексиканских и центрально-американских исследований в Мехико

Ниситани, Тадаси (Япония), специалист в области археологии Восточной Азии. Профессор кафедры археологии факультета литературы университета о. Кюсю в Фукуока

Нуньес Атенсио, Лаугаро (Чили), специалист в области доисторической археологии южной части Южной Америки. Профессор и соучредитель Института археологических исследований Северного университета в Атакаме. Член Чилийской академии общественных наук

Обенга, Теофиль (Конго), специалист в области древней истории Африки и цивилизаций долины Нила. Профессор Браззавильского университета. Член Французского общества египтологии

Перони, Ренато (Италия), специалист по бронзовому и железному веку Европы и Средиземноморья. Профессор европейской древней истории Римского университета

Райнеке, Вальтер Ф. (ФРГ), специалист в области египтологии и истории науки в древности. Профессор Берлинско-Бранденбургской академии наук. Сотрудник «Берлинского словаря египетского языка»

Райт, Рита (США), специалист в области археологии Ирана и долины Инда, специалист по анализу технологии изготовления керамики. Адъюнкт-профессор антропологии Нью-Йоркского университета

Рахман, Абдул (Пакистан), профессор археологии Пешаварского университета. Участник раскопок большого количества археологических памятников в Пакистане. Составитель каталога монет Пешаварского музея. В настоящее время консультант по археологии правительства Северо-Западной пограничной провинции

Ректор, Моника (Бразилия, США), специалист в области лингвистики и коммуникации Федерального университета в Рио-де-Жанейро. В настоящее время адъюнкт-профессор отделения романских языков университета штата Северная Каролина, Чепел-Хилл

Ри, Жюльен (Бельгия), специалист в области истории религий. Заслуженный профессор в отставке университета в Лувен-ла-Нев (Бельгия). Директор центра истории религий, Лувен-ла-Нев

Ру, Жорж (Франция), доктор, специалист в области ассириологии

Сакеллариу, Михаил (Греция), специалист в области истории Древней Греции. Бывший профессор Фессалоникского университета и директор Центра греческой и римской древности, Афины. Член Афинской академии, иностранный член Accademia Nazionale dei Lincei. Член-корреспондент Академии надписей и изящной словесности и Accademia Pontaniana. Президент Фонда эллинской культуры

Салль, Бабакар (Сенегал), специалист по древним цивилизациям долины Нила. Исторический факультет университета Шейха Анта Диоп, Дакар

Санюха Обедьенте, Марио (Венесуэла), специалист в области археологии и антропологии северной части Южной Америки. Исследователь-стипендиат Смитсоновского института Национального музея Соединенных Штатов в Вашингтоне, округ Колумбия. Член Национальной академии истории, Венесуэла

Сарианиди В.И. (Российская Федерация), специалист в области археологии Центральной Азии. Институт археологии Российской академии наук

Солхейм II, Вильгельм Г. (США), специалист в области первобытной истории Юго-Восточной Азии. Заслуженный профессор в отставке кафедры антропологии Гавайского университета в Маноа, Гонолулу

Тасич, Никола (бывшая Федеративная Республика Югославия), специалист в области первобытной истории Центральной и Юго-Восточной Европы. Директор Института балканских исследований. Член Сербской академии наук и искусств. Действительный член Европейской академии наук и искусств

Тране, Хенрик (Дания), специалист в области археологии бронзового века. Куратор Fyns Oldtid, Холлуфгорд. Член Датского исследовательского совета по гуманитарным наукам

Тхапар, Б.К. (Индия), специалист в области археологии Западной и Южной Азии, в особенности эпохи неолита и медно-каменного века. Бывший генеральный дирек-

тор Археологической инспекции Индии. Председатель Центра культурных ресурсов и обучения. Секретарь Индийского национального объединения по искусству и культурному наследию, Нью-Дели

Фаулер, Мелвин Л. (США), специалист в области археологии центральной и южной части США и Центральной Мексики. Профессор антропологии университета Висконсин-Милуоки

Филлипсон, Дэвид У. (Великобритания), специалист в области археологии Восточной и Южной Африки. Куратор археологического и антропологического музея Кембриджского университета

Флуд, Джозефина М. (Австралия), специалист в области культурного наследия австралийских аборигенов. Руководитель отдела консервации Австралийской комиссии по культурному наследию в Канберре

Хайэм, Чарльз (Новая Зеландия), специалист в области археологии континентальной части Юго-Восточной Азии. Профессор антропологии университета Отаго, Данидин, Новая Зеландия. Стипендиат-исследователь Лондонского общества древностей и Королевского общества Новой Зеландии. Бывший член совета колледжа св. Иоанна, Кембридж

Циглер, Кристиана (Франция), специалист в области археологии Древнего Египта. Главный куратор отделения египетских древностей Музея Лувр. Профессор египетской археологии Школы Лувра

Чжан, Чаншоу (Китай), специалист в области археологии Китая периодов Шан и Чжоу. Бывший заместитель директора Института археологии Китайской академии наук

Шерратт, Эндрью (Великобритания), специалист в области археологии и истории Древнего Мира, в особенности доисторической Европы. Старший смотритель Музея Анмолла Оксфордского университета

Эредиа, Освальдо Раймундо (Аргентина), ум. в 1989 г.; специалист в области археологии Южной Америки

Эчеди, Иштван (Венгрия), специалист в области археологии эпохи неолита и медного века в Центральной и Юго-Восточной Европе. Директор музея «Янус Паннониус», г. Печ

Якобсон В.А. (Российская Федерация), специалист в области истории древнего Ближнего Востока (клинописное право). Руководитель исследовательской группы по филологии Древнего Востока Института востоковедения, Санкт-Петербург

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

в. – век
вв. – века
г. – год, город
гг. – годы
гл. – глава
град. – градус
илл. – иллюстрация
кв. – квадратный
кг – килограмм
км – километр
куб. – кубический
м – метр
мин. – минута
млн. – миллион
наст. в. – настоящее время
н.э. – наша эра

о. – остров
оз. – озеро
ок. – около
п-ов – полуостров
р. – река
рис. – рисунок
с. – страница
сек. – секунда
см. – смотри
см – сантиметр
т – тонна
табл. – таблица
т.д. – так далее
т.е. – то есть
т.п. – тому подобное
тыс. – тысяч
ч. – час

А

ВВЕДЕНИЕ

ОТ ПРЕДЫСТОРИИ К ИСТОРИИ

Зигфрид Ян Де Лаат

К 3100-м гг. до н.э., т.е. в начале периода, рассматриваемого в настоящем томе, история человечества уже насчитывала приблизительно 2,5 млн. лет. К тому времени уже прошло 99,5% всего периода его существования с момента появления первого существа, которое могло быть отнесено к человеческому роду.

Мы не будем обращаться к различию, обычно проводимому между доисторическими временами, т.е. периодом до появления письменности, и историческим периодом в строгом смысле этого слова, или к безбрежному, труднообозримому наиболее древнему периоду в жизни человечества. Следует, однако, указать, что том I «Истории человечества», несмотря на продолжительность той эпохи, ограничен периодом, когда народы не имели письменности и их предыстория была еще далека от окончания. Через 2,5 тыс. лет, охватываемые настоящим томом, письменность была известна фактически лишь в нескольких областях и большая часть народов пребывала в доисторическом периоде.

Том III продолжит рассмотрение народов, не имевших письменности. И сегодня в некоторых регионах мира редко, но встречаются племена, которые, по-видимому, не вышли из периода неолита или даже палеолита. Эти племена предоставляют материал для антропологии и этнографии. Их культуры, особая система ценностей будут, естественно, описаны в последующих томах настоящего труда.

Неподготовленный читатель, возможно, будет удивлен огромной хронологической диспропорцией между различными томами «Истории человечества»: 2,5 млн. лет сконцентрированы в единственном томе, тогда как последним пяти тысячелетиям отданы шесть томов. Это можно объяснить двумя причинами.

Во-первых, научное изучение предыстории началось относительно недавно (ему только полтора столетия). Кроме того, оно основано не на письменных источниках, а в основном на археологических и антропологических находках и свидетельствах, интерпретация которых трудна и часто ненадежна. Наконец, каждый год делаются новые открытия, которые заставляют сомневаться в старых интерпретациях. Поэтому сегодня предыстория находится в состоянии постоянной эволюции и напоминает составление мозаики, в которой многие элементы отсутствуют, а другие еще находятся не на своих местах. В послесловии к тому I были указаны основные пробелы в наших знаниях и некоторые новые трудности, с которыми столкнулись исследователи доисторических времен. Следует отметить, что объем, отведенный

предыстории в настоящем труде, превышает соответствующий объем в издании 1963 г. более чем вдвое, что наглядно отражает прогресс, достигнутый за последние десятилетия. Кроме того, ясно, что большая часть информации, относящейся к доисторическим временам, еще хранится в земле – до новых раскопок, которые постепенно извлекут ее на свет.

Во-вторых, свою роль играет то, что обычно называется «ускорением истории». В течение сотен тысяч или даже миллионов лет культурный прогресс, достигнутый предками человека и позже собственно людьми, был чрезвычайно медленным, временами производя впечатление застоя и даже полной остановки. Однако по мере приближения к современному состоянию цивилизации интервалы между главными стадиями прогресса становятся короче, а даты, обозначающие исторические веки, – ближе друг к другу. Схема этого развития приведена в послесловии к тому I. Поэтому здесь достаточно упомянуть некоторые из этих стадий и их приблизительные датировки:

- первые приматы появились приблизительно 60 млн. лет назад;
- *кенияппитек* является, по-видимому, первым приматом, который использовал инструменты (был первым *пользователем инструментов*) около 14 млн. лет назад;
- эволюционное расхождение между протоантропоидами (предками гориллы и шимпанзе) и гоминидами (предками австралопитека и человека) произошло приблизительно 5 или 6 млн. лет назад;
- гоминиды освоили прямохождение приблизительно 4,5 млн. лет назад;
- первые свидетельства изготовления инструментов имеют возраст 2–2,5 млн. лет. *Создателем инструментов*, которого первого можно отнести к человеческому роду, был *человек умелый (Homo habilis)*;
- более развитый *человек прямоходящий (Homo erectus)* появился около 1,8 млн. лет назад;
- после проживания в регионах Южной и Восточной Африки в течение более 0,5 млн. лет *человек прямоходящий* 1 млн. лет назад начал перемещаться за эти пределы: соответствующие свидетельства находят в Европе, в зоне умеренного климата (они датируются 900 тыс. лет назад), в Китае (700 тыс. лет назад) и несколько позже на Яве;
- умение *человека прямоходящего* обращаться с огнем насчитывает 0,5 млн. лет;

после долгого периода, равного почти 1,5 млн. лет, человек прямоходящий, пройдя различные региональные видовые стадии развития, превратился в *человека разумного* (*Homo sapiens*) (*H. sapiens* с монголоидными признаками в Восточной Азии, *H. sapiens* с австралоидными признаками в Индонезии, *H. sapiens* неандертальский в Европе и на западе Азии и, наконец, в *человека разумного современного вида* – *Homo sapiens sapiens* приблизительно от 130 до 100 тыс. лет назад в Африке).

Появление *человека разумного* сопровождалось значительным ускорением прогресса. Теперь вместо миллионов лет, на которые шел счет времени эволюции на Земле в предшествующие периоды, историки начинают оперировать тысячами лет.

Средний палеолит (который в Европе и Африке соответствует эпохе неандертальского человека) и средний каменный век (который в Африке совпадает со временем появления первого человека разумного современного вида – *Homo sapiens sapiens*) продолжались в общей сложности около 65 тыс. лет, начавшись примерно 100 тыс. лет назад (а в Африке – даже раньше) и закончившись 35 тыс. лет назад. Именно в тот период человеческие существа, уже научившиеся членораздельно говорить и абстрактно мыслить, стали хоронить своих умерших соплеменников, сопровождая погребение примитивными обрядами, свидетельствующими о появлении у них представлений о загробной жизни, а также создали первые немногочисленные образцы наскальной живописи.

К концу указанного периода, т.е. около 40 тыс. лет назад племена первых людей, к этому времени постоянно проживавшие в Европе и Азии у южной оконечности ледников, стали расширять зону своего обитания на соседние континенты. Какие-то племена, населявшие до того Восточную Азию, пересекли узкий перешеек («Берингию»), соединявший в те времена Азиатский и Американский континенты, и, пройдя через Аляску, постепенно колонизировали всю Америку вплоть до Огненной Земли. В этот же период другие такие же группы, отправившись с территории Индонезии, колонизировали Новую Гвинею, Австралию и Тасманию.

Верхний палеолит и эппалеолит (мезолит) – две эпохи, охватывающие конец последнего ледникового периода и начало голоцена, продолжались «всего» 23 тыс. лет, начавшись около 35 тыс. лет назад и закончившись приблизительно 12 тыс. лет назад. Начало этого этапа отмечено появлением новых видов охотничьего оружия для добычи крупных травоядных животных, обитавших большими стадами в тундре, степях и саванне. У племен охотников, первыми начавших применять такое оружие, уже существовала развитая духовная культура. Вся их жизнь протекала в соответствии с ритуалами и верованиями, которые находили художественное воплощение в наскальных рисунках, высечавшихся в камне или выполненных с помощью природных красителей, а также в статуэтках женских фигур и различных животных, и кроме того, в похоронных ритуалах. Позднее, когда ледники отступили, этим людям пришлось приспособливаться к новым условиям окружающей среды и заниматься специализированными видами охоты на определенных животных, рыболовством и сбором съедобных растений, иными словами, наиболее оптимально использовать ресурсы своего биотопа. Жизнь в таких условиях требовала от первобытного человека эмпирических знаний о поведении организмов в среде обитания, о биологии, физиологии тех животных, на которых они охотились, а также о биологическом цикле жизни растений.

Вслед за этим, с X тысячелетия до н.э. и до эпохи неолита, начался постепенный переход к производству человеком продуктов питания (к земледелию и скотоводству).

Этот переход, ставший возможным благодаря накопленным в предшествующий период знаниям в области биологии животных и растений, происходил очень медленно, но последствия данного процесса были столь значительными, что он справедливо считается одним их поворотных пунктов в развитии человеческой цивилизации. Мы не будем повторно рассматривать здесь все обстоятельства, приведшие в дальнейшем к формированию в высшей степени иерархических обществ и возникновению первых государств (см. том I, гл. 29), но в данном контексте особое значение приобретает новый и чрезвычайно важный фактор ускорения исторического процесса: ведь всего 7 тыс. лет разделяют возникновение первой сельскохозяйственной общины и появление первых городов-государств, и еще меньше – всего 5 тыс. лет – отделяют время появления городов-государств от современности.

Эпоха неолита стала свидетелем того, что мы назвали «диахроническим развитием цивилизаций» (том I, введение). В этом свете хотелось бы в начале данного тома подвести промежуточные итоги и оценить уровень развития цивилизации и достижения различных народов в разных частях мира на рубеже IV тысячелетия до н.э.

Прежде всего следует отметить, что практически все регионы мира, даже с самым суровым климатом, как, например, Арктика, были заселены человеком. Лишь несколько отдельных островов и архипелагов в Тихом океане оставались необитаемыми, самыми крупными из которых были острова Новой Зеландии. Многие сообщества охотников-собирателей хорошо приспособились к условиям проживания в своей местности, продолжая традиции многих поколений предшественников, уходящие корнями в эпоху эппалеолита. К концу IV тысячелетия до н.э. охотники-собиратели еще свободно населяли огромные пространства на всей территории Африки к югу от Сахары, Северной Америки, к северу от центральных районов Мексики, Южной Америки, за исключением экваториальных и субтропических районов Анд, Австралии и Тасмании, центральных районов Южной Азии (например, центральные районы Южной Индии и Шри-Ланки), Юго-Восточной Азии и арктических районов Евразии. Но нельзя исключать, что в некоторых регионах, уже вошедших в эпоху неолита, в местах, оказавшихся непригодными для разведения домашнего скота и ведения сельского хозяйства, племена охотников-собирателей продолжали существовать в симбиозе с соседями, освоившими сельскохозяйственное производство эпохи неолита. Некоторые племена охотников благополучно перешли к неолиту в период, охватываемый настоящим томом, однако очень многие из них сохранили первобытный образ жизни своих предков вплоть до наших дней.

В те времена переход к сельскохозяйственному производству и выращиванию домашнего скота, несомненно, рассматривался этими людьми, по крайней мере на начальном этапе, не как воплощение прогресса, а как суровая необходимость, вызванная неблагоприятными обстоятельствами, например изменившимися условиями среды обитания. В начале рассматриваемого в этом томе периода в разных местах племена, занимавшиеся сельским хозяйством и/или разведением домашнего скота, добивались зачастую совершенно разных результатов. В Мезоамерике, например, несмотря на повсеместное распространение кукурузы (маиса) и бутылочной тыквы, эти культуры, тем не менее, долгое время не становились основными продуктами в рационе местных жителей, поскольку они продолжали активно заниматься охотой и собирательством. Большинство народов данного региона полностью перешло к оседлому образу жизни лишь к середине III тысячелетия до н.э.

И тем не менее оседлый деревенский образ жизни утвердился во всем мире. Целые деревни с домами из прутьев,

обмазанными глиной, иногда даже обожженными камнями, пришли на смену пещерам и укрытиям более ранних эпох. Два изобретения – производство глиняной посуды и прядение шерсти – во всех регионах появлялись обычно почти одновременно, с интервалом до 200 лет, так же, как и переход к сельскохозяйственному производству. Новые виды производства постепенно приводили к разделению труда среди жителей этих первых деревень. Со временем возникла естественная необходимость регулировать товарообмен между теми, кто выращивал сельскохозяйственную продукцию, и первыми ремесленниками (гончарами, камнерезами, ткачами и т.д.). Необходимо было также организовывать жителей первых поселков и деревень для выполнения коллективных работ (например, возведения оборонительных сооружений или строительства оросительных систем). Так возникли некоторые общественные установления, признававшиеся всеми членами сообщества и превратившиеся в своего рода неписанный закон.

Развитие сельского хозяйства и разведение домашнего скота положили конец и системе равного распределения добычи между всеми членами сообщества, практиковавшейся в среде охотников и собирателей: совместный труд и «общий котел» сменились жесткой конкуренцией за обладание как можно большим количеством благ в личном пользовании. Возникновение частной собственности породило такие явления, как воровство, захват чужой собственности силой, войны. Судя по тому факту, что вокруг большинства населенных пунктов эпохи неолита имелись оборонительные сооружения, войны между жителями соседних деревень за обладание имуществом друг друга были явлением частым. Структура общества в этих первых общинах эпохи неолита была еще весьма примитивной, но власть местного предводителя и бывшего колдуна-шамана приобрела качественно иную природу. Бывший предводитель ватаги охотников стал теперь «монархом», получавшим свою власть по наследству. Именно он регулировал отношения между обитателями деревни в соответствии с упомянутым выше неписанным законом и возглавлял войско в случае войны. Бывший шаман-колдун теперь получил статус жреца и рассматривался жителями деревни как посредник между ними и богами, от милости которых зависел размер урожая и приплод домашних животных.

В то время как к концу IV тысячелетия до н.э. описанная выше стадия развития была еще характерна для многих регионов, она, тем не менее, начинала уходить в прошлое по мере того, как новые формы материального прогресса постепенно вели к возникновению городов-государств. Первое, на что следует обратить внимание в связи с этим, был ряд открытий и технических достижений в животноводстве (одомашнивание новых видов, начало управления наследственностью – кастрация) и сельском хозяйстве (новые виды продуктов питания и зерновые культуры, изобретение плуга, начало ирригации и осушения, которые открывали для земледелия обширные пространства засушливых или слишком влажных земель). Все это привело к возникновению больших излишков продовольствия, которые обеспечили экономическую основу для создания первых городов-государств. Изобретение колеса (и следовательно повозки) и паруса сделало возможным перемещение и торговлю на дальние расстояния. Наконец, были открыты металлургические процессы, сначала в Западной Азии, а позднее независимо – на Балканах, в Испании, Италии, Китае и в Юго-Восточной Азии.

Экономическая самостоятельность неолитических деревень была нарушена, когда производимые излишки продовольствия начали использоваться для установления торговли между различными сообществами для снабжения потребителей товарами, сырьем, а вскоре также предметами роскоши и престижа. Правители и жрецы присваивали эти излишки себе: они и их ближайшие сподвижники отвечали как за поддержание мирной торговли, так и за захватнические завоевания, чтобы обеспечить добычу сырья (например, для строительства монументальных дворцов и храмов) или драгоценностей, а также для укрепления своего авторитета.

Именно в течение этого переходного периода, который может быть назван «предгородским», развилось расслоение общества, достигавшее своей полноты только в первых городах-государствах, хотя его начало и формирование могут быть прослежены от археологических находок VI–IV тысячелетий до н.э. В начале периода, рассматриваемого в данном томе, расслоение было фактически закончено в Египте и Месопотамии, оно уже далеко продвинулось в то время в Китае, эгейском мире и в меньшей степени в Юго-Восточной Европе, Испании и Италии. Эти культурные, общественные и экономические события будут подробно освещены в настоящем томе.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НОВОГО ПЕРИОДА

Ахмад Хасан Дани и Жан-Пьер Моэн

Великие цивилизации этого периода стали всемирно известными благодаря памятникам, таким как египетские пирамиды, и текстам, таким как Библия. Генрих Шлиман (1822–1890), прочтя «Илиаду», предпринял попытку обнаружить Трою. Он действительно нашел Трою под холмом Гиссарлык на северо-западе Малой Азии. Затем он вел раскопки в Микенах, Тире и Орхамене. Английский археолог Артур Джон Эванс (1851–1941) в 1890 г. открыл Кносс – один из центров эгейской культуры, который он частично восстановил. Уильям Флайндерс Петри (1853–1942) стал известным всему Египту раскопав захоронения в Нагаде и Абидосе; он прославился также более поздними раскопками в Палестине. В 1922 г. английский археолог Говард Картер (1873–1939) открыл под кладкой более позднего периода первую из 16 ступеней, ведущих в гробницу Тутанхамона, умершего примерно в 1344 г. до н.э. Картер работал по заданию лорда Корнарвона, финансировавшего раскопки, который поспешил в Египет, чтобы стать свидетелем этого величайшего открытия. Позднее Мортимер Уилер (1890–1976) предложил метод раскопок, при котором исследуемые места разбивали на квадраты, разделенные земляными стенами. Этот метод, использованный им в Англии в замке Мэйден и в Индии в Харапхе, был принят многими археологами во всем мире для исследования мест, относящихся к рассматриваемому периоду. Тем временем Анри Эдуар Проспер Брейль (Брей) (1877–1961), неутомимый путешественник, обнаружил произведения наскального искусства в Испании и Южной Африке. Наряду с великими памятниками данного периода, которые были уже широко известны, и знаменитыми доисторическими поселениями новые находки открывали более позднюю предысторию каждого континента.

Изобретение в 1949 г. американским ученым Уиллардом Фрэнком Либби (1908–1980) метода радиоуглеродной датировки революционизировало археологию, поскольку позволило определять «абсолютную» датировку органических останков, будь то древесный уголь или кость. Затем были выявлены и получены точные хронологические соответствия с помощью «калибровки» дат по шкале, установленной посредством дендрохронологии – изучения годичных колец деревьев. Использование этого типа анализа послужило началом «археометрии», которая привела к лабораторным находкам в самом широком смысле этого слова, существенным для рассматриваемого

периода: находкам, касающимся физико-химического датирования, определения материалов и понимания их химической эволюции и статистической обработки данных.

В 1970-е и 1980-е гг. Л. Бинфорд и англосаксонская «Новая археология» предприняли историческое изучение таких процессов и явлений, как региональные поселения, одомашнивание растений и животных, неолитизация, развитие металлургии, переход к оседлому образу жизни и развитие торговли. Между тем с марксистской точки зрения целью археологии считалось воссоздание исторической этнографии. Другие точки зрения, будь то топологические или экологические или даже связанные с отдельными событиями, способствовали формированию интересных общих представлений об этом периоде.

Хотя археология является наиболее общим источником информации, другие источники – филологический, литературный и исторический – также доступны в некоторых регионах и дают новые сведения об эволюции сообществ. Широкое разнообразие подходов и источников для изучения привело нас к принятию двух подходов к материалам глав этого тома.

Во-первых, мы уважаем точку зрения каждого автора, даже если аргументы, которые они выдвигают, противоречат друг другу. Часто взгляды различных авторов скорее дополняют, чем исключают друг друга. Например, было предложено несколько более или менее независимых объяснений наступления железного века. Одни ученые приписывают ключевую роль хеттам, которые изобрели металлургию железа и таким образом обеспечили использование одного из главных технических достижений Древнего Мира, положивших начало железному веку. Другие скорее склонны отдать предпочтение социальному объяснению наступления нового века, приписывая эту роль племени всадников, пришедших из степей Центральной Азии, принесших и распространивших на западе металлический меч. Египетские специалисты возражают, указывая, что это были «народы моря», пронесшиеся по дельте Нила на лошадях и с железными мечами и вызвавшие изменения, ознаменовавшие начало железного века.

Другой большой проблемой, вызывающей острые споры, является появление индоевропейцев. Некоторые авторы идентифицируют индоевропейские группы начиная с VI тысячелетия до н.э. Другие более осторожно связывают

некоторые архаичные пласты соответствующих языков с археологическими открытиями, относящимися к бронзовому веку, т.е. ко II тысячелетию до н.э., и даже тогда говорят лишь об определенной степени европеизации.

Во-вторых, мы решили в этом томе принимать во внимание письменные и литературные источники, которые доступны начиная с 3000 г. до н.э. Эти эпиграфические документы дают широкое представление о прошлом некоторых регионов, его исторических, дипломатических, юридических и экономических аспектах.

Одной из наиболее оригинальных особенностей данного тома является попытка описать начало истории, используя письменные источники, их социологический контекст и концепцию исторических времен, при отсутствии свидетельств, относящихся непосредственно к доисторическому периоду. Такой подход казался нам важным для исследователей как истории, так и преистории, и мы читывали его, располагая статьи в томе в определенном порядке. В результате за тематической частью следует региональная часть, которая разделена на две: в первой сгруппированы регионы и цивилизации, для которых доступны письменные источники, а во втором рассмотрены регионы и цивилизации, известные только по данным археологических и антропологических находок.

Истоки подводят нас к древней истории, которая ведет отсчет относительно даты рождения Христа. Легко понять, почему исследователи преистории говорят об изучаемом ими периоде в связи с настоящим. Они констатируют, что скелет, известный как «Люси», имеет возраст 3,5 млн. лет, что использование огня датируется периодом более чем 400 тыс. лет и что настенные изображения в пещере Ласко были выполнены приблизительно 18 тыс. лет назад. В этих примерах ссылки на исторический период и особенно на дату рождения Христа, используемые историками для удобства, были бы бессмысленны. В данном томе, однако, мы подходим к появлению истории Запада, начало которой связывают с возникновением письменности примерно в III тысячелетии до н.э., и эту дату обычно отсчитывают относительно даты рождения Иисуса Христа (начала нашей (новой) эры). Даже при том, что некоторые страны не разделяют эту традицию, казалось бы логичным принять ее во всех разделах данного тома и следовать наиболее широко используемой исторической системе, а именно датированию относительно времени до или после рождения Христа, до или после нашей эры (н.э.).

Следует также сказать, что хронологические разделительные рубежи, выбранные для этого тома, возможно, более применимы к Западной Азии, Египту и Европе, чем к другим частям мира, таким как африканский регион к югу от Сахары, Америка или Океания, но следует иметь в виду, что вообще любое деление исторического времени искусственно и независимо от страны будет требовать некоторой временной переориентации, что не всегда легко. Значимые даты, используемые в этом томе, приведены в общей хронологической таблице в конце настоящего труда.

ТРАДИЦИИ И НОВШЕСТВА

Теперь, когда основные особенности настоящего исследования отмечены, мы должны выделить главные новшества в истории человечества в период с 3000 до 700 г. до н.э.

Переход от медленного процесса культурного развития в доисторический период, период до появления письменности, к последующему быстрому подъему цивилизации является феноменальным достижением человечества. Общий процесс такого качественного культурного изменения и отдельные события, произошедшие на первых ста-

днях городского развития, и составляют главный предмет настоящего тома. Это феноменальное изменение было названо английским исследователем преистории проф. Гордоном Виром Чайлдом (в книге «Man Makes Himself: Man's Progress Through the Ages», 1951) «городской революцией» в отличие от «неолитической революции», проявившейся в появлении в течение последних стадий преистории производящего сельскохозяйственного сообщества. Однако термин «революция» едва ли уместен в обоих случаях, поскольку развитие происходило в течение длительного периода. Кроме того, слово «городской» слишком подчеркивает роль города в развитии цивилизации, проявившейся в раннем неолите (в Иерихоне, см. том I), однако это только одна особенность, присутствующая в некоторых, но не во всех ныне известных мировых цивилизациях. Культурное развитие является результатом сложного взаимодействия людей. Когда все их действия вызывают к жизни новый сложный процесс, то можно говорить о цивилизационном развитии, приводящем к новому способу существования, мышления и действий – целой системе накопленных человеческих достижений, которая называется цивилизацией.

Хотя многие народы и сообщества людей рассматриваемого здесь периода все еще не имели письменности, прогресс, достигаемый сообществом, теперь зависел прежде всего от умения некоторых его членов читать, писать и передавать знания своим современникам и будущим поколениям с помощью письма. Грамотность является главной особенностью цивилизованных людей, которая отличает их от доисторических предков. Именно эта особенность открыла новый мир достижений не только в материальной, но и в научной, культурной, духовной и моральной областях. Сохранившиеся памятники письменности позволяют нам восстановить политическую, социальную и экономическую историю определенного периода, а также понять образ мышления людей того времени, то, чем они руководствовались в жизни, побуждения, которые вдохновляли их на труд, а также их основные представления о вселенной и своем месте в ней. Впервые стало возможным понять философские идеи людей, поэтические мечты, мифологию, юридические и моральные законы и много других особенностей, чего нельзя было сделать прежде только по имеющимся археологическим находкам. В определенном смысле именно теперь начинается реальная история, в которой и литературные памятники, и остатки материальной культуры играют равную роль в интерпретации человеческих действий с учетом географии, экологии и ресурсов того времени, а также способов их использования в зависимости от умения и опыта людей.

В рассматриваемый период это развитие не было равномерным во всех человеческих сообществах. Имелось большое разнообразие среди групп людей. Независимо от наличия или отсутствия письменности у разных групп людей, проживавших в различных частях света или даже в одном и том же регионе, имелись большие различия в накопленном опыте и его наследовании, которое и создает различные культурные традиции, отличающие одно сообщество людей от другого. Тем не менее рассматриваемая эпоха была отмечена появлением государств и цивилизаций и активизации взаимодействия между ними благодаря сознательным усилиям людей. Изоляция человеческих обществ стала исключением. Более важную роль теперь играет взаимосвязь между сообществами, имеющими или не имеющими письменности, городскими или негородскими, сосредоточенными вокруг городов-государств или сельскими народами, обеспеченными новыми технологиями или выживающими с помощью старых инструментов и навыков, осознавшими некий набор идей, изложенных в письменной форме, развивающими искусство и религию или продолжающими традицион-

но верить в волшебство, колдовство и практикующими примитивные формы искусства. Это смешение людей, неравных по культурным достижениям, является главной чертой человеческих цивилизаций рассматриваемого периода. При этом нарастание указанного культурного различия, которое отличает историю от предыстории, с этого времени становится основной характеристикой цивилизаций.

Именно из-за больших различий в достижениях стали популярными идеи превосходства цивилизаций над варварскими сообществами и высказывались мнения о том, что именно от первых к последним передавались новые материалы, методы или технологии. Тем не менее распространение новых идей от одного сообщества к другому рассматривалось как обоснование концепции диффузионизма для выравнивания различий между человеческими культурами. Хотя диффузия некоторых особенностей от одного сообщества к другому не исключена, человеческие общества продолжали развиваться в их собственном специфическом стиле, в рамках своих традиций даже после принятия извне некоторых культурных черт. Общие особенности в разных обществах не обязательно появляются только благодаря процессу заимствования. Одна и та же черта может возникать в двух или более обществах в разное время. Это особенно справедливо в отношении рассматриваемого периода, когда овладение методами обработки меди можно отметить одновременно в различных областях, но привело оно к разным результатам. Сообщества в Западной Азии, Юго-Восточной Азии или Америке в бронзовом веке существенно отличались от друг друга. Постепенно отмирает старая идея о том, что Западная Азия имела монополию на более высокую цивилизацию и поэтому ее культурные черты оказывали влияние на изменения культурных признаков в других регионах. Даже Северная Европа с ее разнородной культурной средой не обязательно всегда была в положении получателя. Старая концепция цивилизованных и варварских сообществ теперь уступает место теории взаимосвязей различных культурных групп в различных экологических зонах, многие из которых взаимодействовали в течение представленной в данном томе стадии развития человеческой цивилизации.

Важно, тем не менее, подчеркнуть новую особенность развития городов. Население, сконцентрированное в городах, можно разделить на несколько социальных групп на основе ремесел, торговли, религии, ритуала, обычаев, традиций и других известных или неизвестных факторов, с учетом которых можно эти группы рассматривать как однородные образования и по отношению ко всему городскому населению использовать такие термины, как «расслоение общества», «социальная стратификация». Повидимому, нет единого образца подобных сообществ, и мы не знаем, как они пришли к мирному решению общих проблем. Другой важный вопрос состоит в том, как все эти факторы интегрировались для образования государств. Возможно несколько ответов, зависящих от местных обстоятельств и опыта. Поскольку по мере усложнения материальной культуры приобретение опыта изменяется, то не все сообщества преобразуются в одно однородное общество. Имеющиеся в настоящее время данные настолько различаются содержательно и количественно, что могут быть адекватно оценены только с учетом перспективы развития каждого общества, поскольку оно формируется в пределах окружающих именно его условий, в том числе экологических. Тем не менее все они вместе составляют картину, слишком отличающуюся от той, которую можно было наблюдать даже в течение столетий зарождающегося городского строительства, обсуждавшихся в томе I.

В следующих главах мы представляем различные аспекты развития человеческих обществ, которые приводи-

ли к формированию того или иного культурного целого. Во всех конкурирующих системах люди жили, обеспечивая себя и способствуя усилению своей культурной индивидуальности. Сложность этих систем возрастала, на различные окружающие условия они реагировали по-разному. Можем ли мы соразмерить влияние человеческого фактора и окружающей среды в этом процессе?

Человеческий фактор можно разделить на разные формы интеллектуальной активности – мысли, идеи, идеологию, философию, воображение, эмоции, чувства и т.д. Можем ли мы ввести коэффициент, применимый к личности, с помощью которого можно было бы оценить человеческий гений? Не следует и пытаться делать это из-за бесконечной сложности задачи, а также потому, что мы имеем дело с людьми в обществе, в котором они строят свой особый мир. Именно реконструкция этих миров является предметом истории. В настоящем томе мы ограничимся главным образом бронзовым и железным веками и попытаемся определить особый мир каждого общества на критической стадии человеческой истории, когда культуры достаточно развились, чтобы строить собственный новый мир.

ПЕРЕХОД К НОВОМУ ПОРЯДКУ

Общей тенденцией нового мирового порядка было освоение технологии производства бронзы (сплав меди и олова). Она в различной степени воздействовала на образ жизни всех основных сообществ. Но медь уже добывали и использовали на предыдущем этапе предыстории, когда происходило развитие городов и формирование государств. Но это была лишь переходная стадия, когда начали появляться новые культурные черты, реальное значение которых стало ощутимым только после их объединения в новую систему, названную здесь цивилизацией. Способы существования в прошлом были разными, и, как бы ни малы были различия, разрыв между ними в новые времена стал увеличиваться. Значительные различия отмечены между теми сообществами, которые пользовались преимуществами благоприятных условий сельскохозяйственных равнин и плоскогорий и полностью освоили технологию производства бронзы, и теми, которые продолжали вести хозяйство, основанное, из-за особых условий окружающей среды, на скотоводстве и сельском хозяйстве. И именно различия между производством и общей потребностью использования минеральных и лесных ресурсов способствовали установлению взаимосвязей между этими двумя группами сообществ. Указанная потребность приводила к обмену или войне и набегам, мирной торговле между соседями или взрывоопасным требованиям одной группы по отношению к другой. Такая ситуация складывалась не только в отношениях между двумя разными сообществами, но и между членами одной и той же группы, приводя к формированию новых общественных отношений, а затем и неоднородных сообществ.

Торговля должна была основываться на некоторых общепринятых и приемлемых нормах, а для этого необходимо было иметь единицы меры и веса – согласованный стандарт, который определял бы ценность товаров. Эта необходимость вела к появлению, с одной стороны, символического письма и, с другой стороны, счета с помощью чисел. Письменность и счет являются двумя великими изобретениями той эпохи, но вряд ли в каком-либо регионе можно выявить единственный их источник. Существующие в настоящее время свидетельства показывают, что различные регионы разработали и развили символы для письма и счета, которые следовали разным правилам. В одном месте система исчисления была четверичной, в другом – двадцатеричной, а в третьем – шестидесятеричной. Так же, как ранее в доисторическую

эпоху языки развились одновременно в различных регионах мира, и в бронзовом веке аналогично формировались письменность и счет в зависимости от одаренности местных сообществ. Для этого было необходимо лишь взаимодействие внутри группы и между различными сообществами. И именно установление такого взаимодействия, поддерживаемого пониманием этих символов и счета членами других сообществ, формировало основы цивилизации.

До сих пор мы ограничивали наше рассмотрение культурных изменений экономическими аспектами, а их последствия – расслоением общества. Тем не менее мы не полностью исчерпали значение экономического фактора. Торговля развивалась не только благодаря спросу на тот или другой материал, но и благодаря производству избыточного продукта. Какова бы ни была потребность – в продуктах для обычной жизни или в предметах роскоши, – производство избыточной продукции являлось минимальной основой для торговли, условием, созданным еще в раннем неолите, когда уже существовала простые формы обмена. Оно вело к созданию целой системы торговли, в которой законы, управляющие обменом, относительной рыночной стоимостью, сбалансированной экономикой и многими другими аспектами, были вполне поняты, приняты и в конце концов сведены в такую систему.

В дополнение к внешним материальным отношениям возникла проблема общественных отношений внутри сообществ. Излишек производства был в конечном счете создан собственными усилиями сообщества, использовавшего новую технологию, природные и хозяйственные условия, имевшиеся в данном регионе. Кто владел этим излишком, кто им распоряжался? Некоторые авторы, особенно придерживающиеся марксистских взглядов, говорили о примитивном коммунизме и, следовательно, о равном распределении этого излишка среди производителей. Но даже если принять, что этот принцип осуществлялся на ранней стадии неолита, то после 3000 г. до н.э. ситуация изменилась.

Во многих регионах не все производители в равной степени пользовались совместно изготовленной продукцией. Фактически имело место нарастание различий между теми, кто производил, распределял и потреблял продукцию. Эти различия вели к появлению новых представлений о труде и рабочих – сельскохозяйственных, промышленных и технических – отличавшихся от тех производителей, которые имели земельную долю или долю произведенной продукции. Этот последний класс брал на себя обязанности собственника земли. В «Истории научного и культурного развития человечества» (1963–1966 гг.) Л. Вули (*Leonard Woolley*) предположил, что такие собственники наделялись землей храмовым руководством или жрецами, особенно в Месопотамии. Но новое изучение вавилонских документов прояснило этот вопрос, и сейчас все большее число ученых соглашается с тем, что существовала система управления, при которой даже в Месопотамии не только один класс непосредственно владел землей. Проблема становится более сложной, если принять во внимание ситуацию в других регионах. Вопрос собственности весьма противоречив. Везде, где доступны документальные свидетельства, видно, как постепенно развивалась система, при которой владельцы и фактические производители устанавливали правила или кодексы, по которым они жили и которые гарантировали им средства к существованию. Такое формирование кодексов отмечается впервые именно в рассматриваемую эпоху.

Однако универсальной кодификации не существовало. Характер производства отличался, средства производства и даже контроль за производством были не всюду одинаковы. Законы, писанные или основанные на обычаях, были также разнообразны. Существовало различие между законами, относящимися к сельскохозяйственному про-

изводству и к животноводству; законы были еще более сложными в сообществах, зависевших от сельскохозяйственного и животноводческого производства или переходивших от одного вида производства к другому. Сообщества, независимо от типа производства, необязательно были изолированы и могли влияться под влиянием условий, которые складывались в других сообществах. Неравенство между сообществами часто было причиной конфликтов. И борьба, и мирное сосуществование приводили к установлению отношений между людьми. Документы того периода отражают указанную ситуацию и показывают, насколько необходимы были взаимосвязи между сообществами. В рассматриваемую эпоху люди сознательно старались улучшать эти взаимоотношения.

Та часть населения, которая была вовлечена в процесс производства, должна была жить ближе к земле, но как жили те, кто имел меньше отношения к производству, но больше к его результату – продукции, те, кто ее распределял и не являлся сельскохозяйственным потребителем? В число людей, распределявших продукцию, были включены участники торговли, отправлявшиеся в дальние страны в поисках необходимых товаров, собиравшие излишки продукции в том или другом месте и делавшие их доступными в других местах. Люди, занятые такого рода деятельностью, могут рассматриваться как принадлежавшие к классу торговцев. Такие торговцы и деловые люди занимали в обществе особое положение, становясь необходимой частью общественного устройства. Если добавить к ним владельцев минеральных ресурсов, людей, которые специализировались в торговле бронзовыми инструментами и развивали технологию их производства, а также иных пользователей металлических изделий, то мы получим целую группу квалифицированных людей, которые были отделены от непосредственного процесса производства. Это справедливо и в отношении торговли скотом, которой тоже занимались специалисты. Таким образом, в рассматриваемый период существовали различные общественные группы: те, которые были заняты в процессе производства и поэтому жили вблизи от мест производства, и те, которые были вовлечены в распределение или занимались какой-либо специализированной деятельностью. Такие группы со временем все более утвердились, но их интересы оставались связанными с нуждами группы. Это была критическая стадия в развитии групп. Общность интересов приводила все большее число людей к одному центру обитания, способствуя развитию городов, как это было в Месопотамии и в долине Инда.

Другой вариант развития заключался в том, что группы могли быть рассеяны, но все же оставались связанными близкими отношениями, как это было в негородской цивилизации Америки. В любом случае новое направление развития в данный период должно теперь рассматриваться в широком контексте общности интересов, а не в ограниченном смысле городского роста, обусловленного обособлением торговцев и специалистов различного типа. Рост городов не является обязательной особенностью цивилизации, так же как предпосылками цивилизации не являются ни памятники, ни другие атрибуты. Поэтому многие общественные институты, которые впоследствии начинают соответствовать этим особенностям или предвещать их, как полагают ученые, должны теперь рассматриваться в другом свете. Такие институты создавались из-за необходимости разрешать проблемы, связанные с различиями в интересах общественных групп, по мере того как они начинали жить в том или ином окружении. Рост города был одним из методов, с помощью которого некоторые общины находили решение их проблем. Представителями цивилизации являются человеческие общины, а города не являются ее основным катализатором. Цивилизация – это нечто намного большее, чем урбанизм. Последний только предоставляет материальные средства для

концентрированного проживания, в то время как цивилизация состоит в формировании более высокоразвитой системы, в которой общины находят лучшие условия для установления отношений между группами, которые и составляют их общество. Начало процесса формирования цивилизации рассматривается при анализе периода, являющегося предметом настоящего труда.

Наличие общих интересов в группе индивидуумов данного сообщества приводит к формированию социальных слоев, а не наоборот. Поэтому расслоение общества состоит в осознании наличия неодинаковых общественных интересов, объединяющих людей в группы; такое групповое сосуществование дает начало общественным классам, которые могут быть равны или неравны по положению в обществе; расслоение же полностью является результатом формирования различающихся групп. Стратифицированные общества являются естественным следствием усложнения условий жизни, которое проявляется в данный период. Вообще считается, что социальная стратификация в то время была санкционирована, а социальные различия предписаны храмовым руководством. Хотя храмы и являлись общественными институтами, имевшими не только простое социологическое значение, но расслоение в городском или негородском обществе подчинялось обычным социологическим принципам. Новое прочтение вавилонских текстов позволило выяснить, что расслоение общества не диктовалось храмовыми жрецами, но сами жрецы были неотъемлемой частью процесса стратификации. Такая интерпретация явно устанавливает связь между храмами в городских центрах и религиозными центрами в негородском обществе. В обоих случаях руководство или жрецы играли соответствующую роль. Поскольку их собственные интересы основывались на необъяснимых сверхъестественных пожеланиях и требованиях всех людей, их общественный статус повышался, а место их деятельности – храмы – привлекали большое внимание. Они становились величественными зданиями. Храмовые центры имели мистическую привлекательность для людей, и поэтому все осуществляли щедрые пожертвования на их содержание или работали на них. Присваивались ли эти щедрые подарки руководством – это другой вопрос. В любом случае руководство не диктовало определенных условий жизни сообществам, поскольку оно само являлось частью той же структуры.

Поднимаясь выше этих общих интересов, мы должны найти единый институт, который их упорядочивал и без которого совместное проживание сообщества было бы невозможно. Но этот порядок не должен был следовать одному образцу. Все, что было необходимо, – это источник власти для принудительного выполнения общепринятых правил в интересах всех общественных групп. В этом случае каждая из них должна была признать необходимость разделить власть с другими, чтобы поддерживать приемлемые и добрососедские условия жизни. Происхождение этого разделения власти могло лежать в далеких доисторических временах, но его формальное развитие как общественного института осуществляется в данный период формирования государства.

Государство – это институт, который, как и город, является чертой цивилизации, но не самой цивилизацией. Государство, существуя на основе принуждения, не может формировать цивилизацию, но цивилизация как форма более высокого развития человечества создает институты, которые удовлетворяют интересам его членов. Государство устанавливает политические и социальные отношения между индивидуумами и группами индивидуумов не только в нем самом, но и за его пределами, с членами других государств. На основе изучения, например, Месопотамии зачастую считается, что города-государства имели первостепенное значение. Но это справедливо не везде. В социально-географическом окружении Месопотамии горо-

да-государства были общим явлением, но на других территориях не было никаких городов, хотя их обитатели создавали государства, которые удовлетворяли их специфическим потребностям.

Являются ли такие государства простыми административными организациями для управления интересами различных сообществ? Положительный ответ верен лишь отчасти. Некоторые ученые считают, что государство регулирует только политические отношения, но по мнению других, оно играет более широкую роль, охватывая все стороны жизни. Каково бы ни было наше мнение, государство – это прогрессивный организм, который привносит фактор общих интересов в процесс развития человеческих отношений. Поскольку эти отношения основаны на некоторых общепринятых законах, государство стимулирует выработку законов, в то время как фактически оно действует в рамках тех законов, которые уже приняты человечеством для обеспечения его собственного выживания. Эти законы относятся и к светской, и к религиозной сферам жизни.

Кто управляет государством? Так же, как жрецы могут приписывать себе собственность, принадлежащую храму, правитель может узурпировать власть в государстве и использовать ее для собственной выгоды. Формы государства могут изменяться от общества к обществу и от региона к региону. Власти в государстве могут также конфликтовать между собой и угнетать собственный народ. Каково бы ни было действие их действия, они должны устанавливать межгосударственные отношения, мирные или военные. По мере расширения общности интересов расширяется и власть государства, которая может пересекать региональные границы и распространяться на другие территории. Этот процесс экспансии может быть или не быть мирным, но везде при расширении государств они должны устанавливать другой порядок, чтобы удовлетворить требованиям нового общества. Этот процесс роста приводит к формированию империй. Переход от государства к империи является шагом к объединению еще большего числа сообществ в единый политический организм. Такое развитие происходит на поздней стадии рассматриваемого периода. Экспансионистская политика одной группы часто дезорганизует дружественное и гармоничное развитие другой. В то же время экспансия не обязательно подразумевает, что группа игнорирует интересы других; климатические условия могут вынуждать людей искать лучшие перспективы в более подходящих регионах. Миграции и перемещения народов являются необходимым следствием поиска более благоприятных условий жизни в лучшем месте. Такое перемещение населения, добровольное или нет, наблюдается и в наше время.

Устоявшиеся сельскохозяйственные сообщества долин рек обычно рассматривались как главные архитекторы цивилизации, потому что именно там отмечается появление алфавитного письма, создание произведений пластических искусств и строительство монументальных зданий, охрана культурных традиций, ведение астрономических вычислений, измерение времени посредством солнечных и лунных календарей, а также создание мифологии, основанной на физическом опыте и народной памяти. Имеется много других характеристик, которые могут быть приписаны той или иной цивилизации на этих землях. В отличие от них степные просторы, пустынные территории и более холодные регионы мира менее пригодны для постоянного проживания. Кочевые и скотоводческие сообщества чаще находились в движении, чем оставались на одной и той же территории, хотя кочевники обычно ежегодно возвращались в определенные места, привлекавшие их своими климатическими условиями. Именно благодаря этому процессу возвращения старые традиции выживали и встраивались в новую мифологию, как это можно видеть у альпийских племен и монголов. Кочевые группы устанавли-

ливали отношения не только между собой, но и между людьми и животными. В этом биологическом симбиозе они довольно эффективно приспосабливались к определенному природному окружению. Настоящая технология одомашнивания животных, если и не возникла в этих местах, то по крайней мере имела большие возможности для дальнейшего развития. Такая спенифическая ассоциация людей и животных вела к лучшему управлению и пониманию потенциальной силы животных. Используя эту силу в собственных целях, скотоводы сделали следующий шаг по пути к прогрессивной цивилизации. Быков и лошадей запрягали в плуг, лошадь и верблюд давали возможность быстрее пересекать травянистые степи и песчаные пустыни. На поздней стадии рассматриваемого периода лошадь уже имела большее значение. Она была постоянным спутником индоевропейцев, которые распространялись по Евразии, устанавливая новый мировой порядок.

Хотя во многих регионах использовались и другие животные, лошадь сохранила свое значение вплоть до очень недавних времен. Ее одомашнивание, обучение и надежное использование, как и ее «партнерские» отношения с людьми, оставили большой след в искусстве, в некоторых ритуалах и шаманских присемах и церемониях. Как урожай является основой сельскохозяйственных цивилизаций, так лошадь была основой кочевого образа жизни и «участвовал» во всех процессах, которые происходили при перестройке кочевой культуры в степную цивилизацию. Лошадь была средством управления другими животными и включения их в хозяйство людей в той же мере, в какой рост урожая позволял им производить излишки продукции и достигать успеха в новых предприятиях на пути к цивилизации. Из соприкосновения этих двух процессов ближе к завершающей стадии рассматриваемого периода зародился новый порядок, который обсуждается в томе III, – создание империй, значительно ускорившееся в результате использования силы лошадей.

Понять различные свойства цивилизации можно благодаря многим документам, открытым к настоящему времени в ходе многочисленных археологических раскопок. Хотя их интерпретация не в равной степени признается всеми учеными, данные, содержащиеся в этих документах, выявляют различные последовательные связи в истории человечества, включая современное понимание Вселенной и места индивидуума в ней, человеческой судьбы, материальных возможностей и сил этого мира, а также понятие о сверхъестественных силах, даровавших, как считалось, дополнительные преимущества вызывавшим к ним, такие, как надежды на лучшее будущее. Из письменных источников мы знаем, что вера в такие сверхъестественные силы существовала, их предполагаемый внешний вид представлен в произведениях скульптуры и живописи. Такие боги и богини получили имена, и о них были сложены легенды. Они детально описаны в письменных документах; в устных сказаниях кочевников и других бесписьменных сообществ сохранялись для последующих поколений героические легенды прошлого, настолько привлекательные, что до настоящего времени влияют на умы людей. К началу бронзового века относится формирование сознательного понимания явного различия между верой в волшебство и колдовство и верой в новые формы религии, которая связывала человечество со Вселенной.

Глиняные плитки из Месопотамии рассказывают о создании людей из глины, их изгнании с небес, золотом веке в прошлом, а также различные легенды о потопах. Они перечисляют правителей и династии, повествуют о войнах. Административные, экономические, законодательные и другие труды проливают свет на пределы и содержание этих действий. Хотя временные границы правления царей являются в большинстве случаев скорее вымышленным, чем историческим фактом, все же эти легенды нельзя назвать полным вымыслом. Их корни находятся в глубине ис-

тории и понимаются соответственно. Это можно сравнить с пророчествами священных книг: Концепция пророка в них является новым элементом, и история разворачивается вокруг личности пророка, по даже в таких рамках имеется движение и явное ощущение культурных изменений. В индийском мире есть традиции древних народов (*пураны* – памятники древнеиндийской литературы; священные книги индуизма; древнейшие из сохранившихся относятся ко 2-й половине I тысячелетия. – Прим. ред.). Здесь же присутствует концепция веков (*юга* – в индуистской мифологии длительная эра развития человечества. – Прим. ред.); легендарная история государства разделена соответственно на различные династии. Как указывал Ф. Паргитер (*FE. Pargiter*), история, изложенная в пуранах, не является чистым вымыслом. Это повествования о земных событиях, записанные много позже, но изложенные в будущем времени, как будто эти события были предначертаны волей богов. И поэтому пураны названы по имени богов (имеются вишнуитские, шиваитские и брахманистские пураны. – Прим. ред.). С другой стороны, в китайских летописях имеется одно молчаливое допущение. Именно в течение жизни императора или нескольких императоров мировые события описываются год за годом, чтобы сфокусировать внимание на величии этого императора и великолепии цивилизации, которой он правил. В Америке мифические концепции доминируют над человеческим разумом, и все люди играют роли, как бы подчиняясь чарам подобных концепций. Такие неоднородные представления об истории мы впервые встречаем именно в течение рассматриваемого периода.

Такие историки, как А. Тойнби, пытаются понять историческую роль каждой цивилизации в изменяющейся перспективе мира. Ученые также говорят о колыбели или колыбелях цивилизации и пытаются оценить указанное разнообразие в масштабе более высокой или низкой степени развития. Региональные различия можно зачастую объяснить неодинаковыми природными условиями. Концепции цивилизации, высокоразвитой или низкоразвитой, центральной или периферийной, развитой или сложной, кочевой или варварской, служат лишь относительно удобными справочными терминами. За немногими исключениями все люди участвуют в движении человечества вперед, все вносят свой вклад в построение цивилизации. Они делают, хотя и по-разному, как усилия, так и плоды этого процесса. Взаимоотношения между людьми постоянно поддерживаются, и поэтому их «близость» становится основным катализатором дальнейшего развития. Подъем и падение одной определенной формы цивилизации не приводит к концу истории человечества, поскольку в других регионах утверждаются другие формы. Следовательно, в более долгой перспективе истории цивилизации – бесконечная суммарность стремлений всего человечества к совершенствованию жизни.

Если такую концепцию исторического прогресса признать бесспорной, то значение прогресса – развитие человечества – следует понимать как его непрерывное бесконечное улучшение. Человеческие достижения, так хорошо документированные в бронзовом веке, были значительным движением вперед, и их импульс никогда не ослабевал, а лишь усиливался вплоть до нашего времени. Именно это было трамплином цивилизации – прочное наследие бронзового века, которое обеспечивает связь между усилиями наших доисторических предков и последующих поколений.

Различные группы вносили разный вклад в это общее продвижение вперед. В пределах настоящей аналитической работы мы старались рассматривать их последовательно, чтобы подчеркнуть роль, которую они играли в мировой истории.

Первое, что следует рассмотреть, – это географию того периода, физические особенности и экологию, а также

вопрос о том, на основе каких технических знаний и опыта люди смогли использовать природные возможности и ресурсы. Мы обычно проводим различие между Древним Миром и Новым Миром. Существуют различные мнения о том, имелись ли между ними какие-либо культурные контакты, кроме того, отмечается некоторое сходство их культурных черт. В Древнем Мире имелись более благоприятные возможности для контактов, хотя природные преграды служили причиной больших различий даже в пределах одного континента, например, между долиной Нила и остальной частью Африки или между греко-римским миром и остальной частью Европы, или даже между западными и южными регионами Азии, с одной стороны, и Китаем, с другой, в отличие от зоны с умеренным климатом в Северной Азии.

В течение рассматриваемого периода в документах впервые появились соответствующие названия. У нас больше нет необходимости называть народы по названиям инструментов и артефактов, которые они изготавливали, или территорий, на которых они обитали. Теперь мы можем говорить о шумерах, вавилонянах, хеттах, минойцах, касситах, мидийцах, египтянах или арийцах. Демография известного тогда мира впервые может быть оценена, а все эти народы – описаны в соответствии с их физическими характеристиками. Они, по-видимому, входили в состав различных этнических групп, хотя последние со временем могли терять свою идентичность, поскольку исторические племена появляются и затем постепенно исчезают в больших сообществах. Например, племена, перечисленные в наиболее ранней книге древних индийцев – Ригведе, слились ко времени составления индийского эпоса. Такой тип изменений человеческого общества впервые представлен именно в документах рассматриваемого периода.

Важной особенностью этого периода является понятие времени, которое проводит различие между легендами и историческими документами. Это понимание времени касается не только часов дня и ночи, но и таких периодов, как неделя, месяц и год. Особенно важным является определение продолжительности года благодаря повторяющимся событиям, например ежегодному наводнению, совпадающему с появлением звезды в Египте, а также изобретение солнечного календаря в Новом Мире. Это одновременно открытие возможности определять время привело к появлению и развитию понятия хронологии – одного из наиболее революционных процессов в раскрытии секретов нашей планетарной системы.

Теперь мы способны анализировать человеческую деятельность – материальную, духовную, философскую, социальную, экономическую, политическую – все области общественной и личной жизни, в которых люди действовали в пределах данного общества. Хотя комплексы Египта, Шумера и Инда относятся к категории цивилизаций речных долин, они существенно различаются между собой. Когда мы сравниваем их культуры с культурами народов, живших в соседних регионах, то видим огромные различия, но, согласно принятому нами определению, они все относятся к одному миру – миру человеческих отношений. Именно их взаимные стремления оказывали влияние на возникновение будущих исторических движений, как это

можно видеть на примере кочевых и скотоводческих народов, которые затем сталкивались с оседлыми народами сельскохозяйственных равнин. Это было естественным следствием предыдущих отношений между группами людей. До сих пор взгляд на такие процессы был односторонним – игнорировалась значимость вклада окраинных народов. Имеющиеся свидетельства, однако, позволяют представить весь процесс роста и оценить пути его воздействия на различные народы. При изучении сообществ прошлого важны не только предметы материальной культуры, но и технологии их производства, которые оказывали влияние на жизнь всего сообщества. Этот технологический аспект вовлекал во взаимодействие самые различные слои сообщества, впервые упоминаемые в древних документах.

Можно отметить и два других важных аспекта человеческого поведения. Один касается вдохновения, хотя и воображаемого, которое является значимым стимулом деятельности людей. Именно с помощью воображения человек находит свое место во Вселенной и пытается связать себя с ней. Воображение и вдохновение приводит людей к разработке различных идей, которые мы сегодня называем религией; люди организуют церемонии и исполняют ритуалы, которые связывают их с этим мистическим миром их собственных представлений. Такие религиозные институты, древние формы которых возникли, вероятно, еще в период верхнего палеолита, определенно являются важными особенностями сознательного прогресса в направлении цивилизации.

Второй аспект касается политического мира, в котором «люди в сообществе» пытались приспособиться к существовавшим рамкам прав и обязанностей. Это политическое самосознание, которое приводило к созданию государств, вкладывало камень за камнем в сооружение цивилизации. Политические рамки могут отличаться, и роль индивидуумов или групп в этих рамках может различаться от места к месту и в разные времена. Однако такие политические отношения являются самыми сильными «уравнителями» социальных групп при формировании единой интегрированной системы.

Человеческие достижения бронзового века феноменальны и далеко превосходят достижения людей доисторического периода. Их наследие имеет фундаментальное значение, поскольку поставило человечество на путь научного и культурного прогресса. Семена, посеянные в бронзовом веке, созревали, чтобы приносить плоды вплоть до наших дней.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Десять критериев цивилизации, согласно профессору Гордону В. Чайлду, предусматривают наличие: 1) урбанизации; 2) письменности и счета; 3) большого населения; 4) монументальных зданий; 5) расслоения общества; 6) правящего класса; 7) излишков производства, чтобы прокормить городское население; 8) торговли на дальние расстояния; 9) свободных от других дел артистов и художников; 10) развития таких наук, как арифметика, геометрия и астрономия, позволяющих прогнозировать жизнь общества.

Б

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Жан-Пьер Моэн

Как было показано в томе I «Истории человечества», техническая сфера является основой наших знаний о доисторических эпохах. В течение периода, охватываемого настоящим томом, в определенных регионах технические новшества приобретают огромную важность. Такую эволюцию можно видеть в Западной Азии, Египте и отчасти в Восточном Средиземноморье. Она появляется в Восточной Азии, например в Китае, в начале III тысячелетия до н.э., в Америке, в том числе в Мексике и Перу, – в течение рассматриваемого периода. К технологиям, необходимым для обеспечения повседневных потребностей людей, относятся технологии сбора и производства продуктов питания, сельского хозяйства и животноводства, обработки материалов, обмена и т.д. Можно отметить определенные впечатляющие аспекты технической эволюции, которые развивались наиболее быстро в динамичном социальном и демографическом контексте.

Демографический рост играет существенную роль в развитии различных технологий, требующих специализации труда и распределения продукции. Важно найти способ оценить демографическую эволюцию. Переход от предыстории к истории может фактически совпадать с образованием больших групп населения, подобным которым прежде не было. Если представить демографическую ситуацию, которая должна была оказывать столь большое влияние на эволюцию сообществ, то следует иметь в виду, что на протяжении тысячелетий палеолита численность населения была очень мала, составляя лишь несколько тысяч человек на обширную территорию (Masset, 1989). Во Франции около VII тысячелетия до н.э. плотность населения составляла около одного человека на квадратный километр. Одновременно с появлением городов в Западной Азии в период раннего неолита отмечается наличие довольно высокой плотности населения в Иерихоне и Чатал-Хююке. Города и их население разрастались и распространялись в обеих названных областях с момента, когда около 3000 г. до н.э. начали появляться первые большие государства. Считается, что в Вавилоне было почти 80 тыс. жителей. Работы по возведению главных общественных и религиозных памятников требовали тысяч работников (илл. 1).

Наиболее известными из таких памятников были пирамиды в Гизе (Египет). Подсчитано, что около 2528 г. до н.э. в конце правления фараона Хеопса, при строительстве крупнейшей пирамиды, являющейся наиболее внушительным из всех памятников античности (высота ее 146,6 м), созданной по приказу фараона, темп укладки составлял более 185 каменных блоков в день; поскольку масса каждого из них в среднем 2,5 т, то за год укладывались каменные блоки общей массой более 100 тыс. т. При строительстве использовалось как минимум 3 тыс. работников или

даже больше, если работа, как полагают некоторые ученые, была сезонной. Численность населения, занятого только на строительстве этой пирамиды, составляла по крайней мере 10 тыс. чел., включая женщин, детей и стариков.

Все большие памятники этого периода свидетельствуют об увеличении плотности населения. Ж. Ковэн (Cawin, 1978) предполагает, что ощутимое увеличение численности населения было одним из наиболее важных факторов эволюции сообществ, их образа жизни, экономических и политических систем.

Коренные перемены, происходившие начиная с III тысячелетия до н.э. и охватывавшие обширную территорию от Индии до Греции, были как причиной, так и следствием развития группы технологий, которые привели к высокой степени специализации, а также уровня производства, которое заслуживает названия «индустриальное». Мастерские, как правило, группировались вместе в границах городов и были защищены близостью дворцов. В них работали рабы, используя сырье, часто добываемое в отдаленных областях, в которые снаряжались специальные походы. Развитие металлургии является прекрасным примером этой зарождающейся «квалифицированной» технологии. Оно формировало образ нового мира, в котором, кроме того, появилась письменность и развилась система мер и весов, которая, в свою очередь, служила основой развитого хозяйства, оформления городских сообществ государственного типа, поддерживаемых теократической религией. Все прогрессивные технологические достижения находились под контролем царя, фараона или управляющих, нанятых непосредственно ими. Следует также иметь в виду, что в этот период в сельских районах продолжали существовать местные хозяйственные традиции, проявлявшиеся в изготовлении глиняной посуды, каменных и деревянных орудий труда, тканей и товаров из травы эспарто и многом другом. Такое производство часто было семейным, в нем использовались местные материалы, поэтому оно бывало ограничено предметами первой необходимости.

МЕДНАЯ И БРОНЗОВАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ

Обработка меди, признаки которой появляются в Южной Турции (Анатолии) в VII тысячелетии до н.э. в Чатал-Хююке, в то время ограничивалась ковкой природного металла. Свидетельства термической переработки медной руды (медь плавится при температуре 1052 °С) встречаются не ранее 3800 г. до н.э. в Тепе-Яхья в Иране. После этого действительно начался медный век. Следует отметить, что ни в Египте, ни в Месопотамии не было месторождений медной руды. Руды, богатые медью, малахитом и хризокол-

лой, добывались группами рабов в восточной части Синайской пустыни в Тимне и в верховьях долины р. Тигр в Аргана-Мадене.

Юго-Западная Анатолия была богата медью, серебром и золотом. Очень скоро металлургические центры сформировались также в Восточной Европе, в них использовали медные руды, которые добывали на шахтах около г. Алибунар на территории современной Болгарии (Югославия? – *Прим. ред.*) и Рудна-Глава на территории Сербии (илл. 2).

Металлургические сооружения в Тимне были исследованы группой, возглавляемой Б. Ротенбергом (*B. Rothenberg*). Он обнаружил каменные молотки, использовавшиеся для вырубки руды из скального массива и ее измельчения, и плавильные печи с трубами для воздушного поддува. Металл очищали плавлением в тиглях и отливали в формах в слитки или в формах других типов. Слитки металла вывозились в центры металлургии для переработки и формирования путем литья иликовки. В большинстве случаев именно на равнине выполнялась окончательная обработка, т.е. устранение грубых кромок, их полировка иковка для упрочнения. Были найдены также украшения в виде булавок, колец и браслетов, оружие – кинжалы и топоры, орудия труда – кирки и тесла.

Кроме чистой меди были обнаружены медные сплавы, которые могли быть изготовлены искусственно. Медь, содержащую мышьяк, часто находят на Кавказе, где имеются природные медные руды, богатые мышьяком, но высокое содержание мышьяка (иногда до 23%) указывает на обогащение сплава. Эта металлургия, основанная на применении мышьяка в сплавах с использованием технологий, которые остаются для нас в значительной степени неизвестными, была широко распространена в Европе в течение III тысячелетия до н.э.

Медный век был периодом процветания. Металлургия находилась во владении правителей, и литейные формы обнаруживаются в том числе в их крепостях – Трое, Алишар-Хююке, Богазкёе, Культепе и далее к западу – на Липарских островах, в Кастри на о. Сирос и в Терми.

Изучение применения олова представляет сложную проблему, поскольку его использование при выплавке мышьяковистой меди сильно изменяется: в Трое I доля олова составляет всего 0,16–1,65%, хотя найдена булавка из меди, содержащая 13,1% олова. В Трое II олово встречается чаще, а в Трое IV даже найдено кольцо из чистого олова.

В течение этого же периода производилась бронза, содержащая 10% олова, наряду с предметами из чистой меди в Алишар-Хююке. В царских захоронениях в городе-государстве Ур (приблизительно 2800 г. до н.э.) среди подно-

шений было много бронзового оружия и орудий с довольно постоянным содержанием олова (от 8 до 10%). И только с 2000 г. до н.э. бронза, содержащая небольшой процент олова, распространилась в Египте. Знаменитое изображение на захоронении в Фивах, относящееся приблизительно к 1500 г. до н.э., показывает все стадии обработки бронзы (рис. 1). Примерно такое же положение было в регионе Эгейского моря, где, в частности на Кипре – острове меди, использование природных ископаемых началось приблизительно в 2000 г. до н.э., в то время как использование бронзы распространялось повсюду (пример – кинжал из Аламбры) (илл. 3). В долине р. Инд нет никаких полезных ископаемых, и все же к харашпской цивилизации относятся несколько медных предметов. Они содержат небольшое количество никеля (до 1,5%, а иногда даже олово – до 27%), происхождение которого остается неизвестным, как и происхождение медных слитков, найденных в Мохенджо-даро.

РАЗВИТИЕ ОБРАБОТКИ ЗОЛОТА

Золото (природный металл, вымываемый из русел рек или добываемый из скальных пластов) является, по-видимому, не первым металлом, который обрабатывали люди. Наиболее древний крупный центр обработки золота был расположен в устье р. Дунай на побережье Черного моря, на территории современной Болгарии, в районе Варны. Стилизованные украшения, бусы, накладные орнаменты и кулоны в форме быков и женских идолов уже существовали в V–III тысячелетиях до н.э. в Восточной Европе и Анатолии (Алака-Хююк, Сарды и Троя). Первые золотые бусы, найденные в Египте, относятся к IV тысячелетию до н.э. и не могут быть признаны искусно обработанными. Начиная приблизительно с 3000 г. до н.э. мастерскую технику работы по золоту демонстрируют драгоценности египетского фараона Джера, похороненного в Абидосе, а также украшения и мебель из царских захоронений в Уре. Следует упомянуть и о несомненно более поздних по времени столовых приборах, статуэтках и украшениях из Трои и Алака-Хююка в Анатолии и из Майкопа на Северном Кавказе. В этих местах и серебро, и золото считались драгоценными металлами. Золото благодаря неизменному блеску вскоре стало олицетворять вечное величие царя или фараона. Роль золота была скорее символической, чем экономической. Его добывали в Аравийской пустыне, в Нубии (по-египетски «нуб» означает золото) и в Анатолии в долине Пактол, известной изобилием самородков. Две шахты по добыче серебра суще-

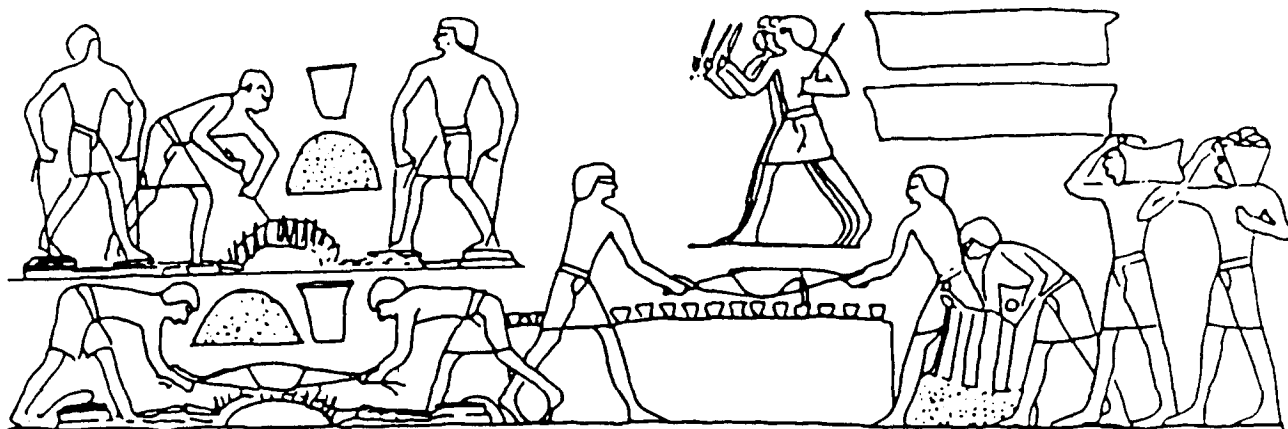

Рис. 1. Изображение процесса обработки бронзы на египетской росписи захоронений в Фивах (1500-е гг. до н.э.): плавка бронзы в тигле перед ее заливкой в формы; справа – работники несут слитки металла, слева – плавка металла, в центре – заливка бронзы в формы (по *Moberi*, 1990)

ствовали в Булгар и Берекетли на равнине в районе Конья. Среди известных методов обработки были выплавка,ковка, гравировка, штамповка, зернение, пайка и изготовление проволоки. Изучение металлургии Суз показывает, насколько разнообразными были браслеты, кольца, серьги, кулоны в форме собак, бусы, а также многие другие головные и нагрудные украшения.

Медные и бронзовые статуэтки из Суз изображают царей и богов. Бог «с золотой рукой» начала II тысячелетия до н.э. является прекрасным примером светских и религиозных сторон при работе по золоту. Другим примером, относящимся к тому же периоду, является Библия, где царь Аби-Шему (XVIII в. до н.э.) похоронен в склепе на глубине 10 м. Его тело было помещено в саркофаг, высеченный из огромного блока известняка и накрытый плитой. На шее у царя – большой золотой диск, украшенный рельефным изображением эмблемы финикийцев: сокола с распростертыми крыльями, держащего в когтях два пальмовых листа. Золотой медальон, нагрудная перегородчатая эмаль и драгоценные камни – все эти украшения, призванные возвысить правителя, выполнены в свободном местном стиле. Кроме того, корона царя и его бронзово-золотой скипетр имеют признаки контактов с Месопотамией. Нож царя сделан из золота и серебра, а ваза в форме чайника – из серебра. Другие золотые предметы, такие как кинжал с ножнами со штампованной отделкой и топор с зернистым узором, являются красноречивым свидетельством профессионального мастерства ремесленников, которые черпали вдохновение при дворах различных правителей того периода. Подобные роскошные предметы были позднее найдены только на острове Киклады и затем в Греции: золотые и серебряные столовые приборы с о. Эвбея, п-ва Пелопоннес и о. Крит по форме были похожи на изделия из Трои. Минойские вазы XV в. до н.э. напоминают соответствующие египетские формы. Золотая чаша с ручкой из могилы в Дендре была, по-видимому, выкована из одного листа, прежде чем ее украсили штампованным орнаментом. Золотые украшения также свидетельствуют о наличии развитых технологий: об этом свидетельствует знаменитая подвеска в виде штампованного листа из Маллии на Крите с изображением двух пчел, обращенных друг к другу и собирающих нектар с цветка, украшенного зернением. Этот предмет датируется приблизительно 2000 г. до н.э. Работы по золоту в минойской культуре предвосхищали искусство Микен, появившееся несколько позже. Железо, использовавшееся в течение данного периода, вероятно, метеоритного происхождения, имело высокое содержание никеля. Это был благородный металл, который использовался при изготовлении бус, найденных в Герзехе (3500 г. до н.э.), лезвия кинжала, найденного в Уре (2800–2000 гг. до н.э.), и ножа, обнаруженного в Дейр-эль-Бахри (2000 г. до н.э.).

ОБРАБОТКА ЖЕЛЕЗА

Античные писатели, такие как Плиний и Лукреций, оставили ценные суждения о развитии обработки металлов, различая «золотой век», самый ранний и наиболее благоприятный для человечества, «бронзовый век», в котором жизнь стала труднее, и «железный век», самый близкий по времени и полный бед, потому что новый металл – железо, в наибольшей степени сослуживший службу человечеству благодаря высокому качеству инструментов, выкованных из него, тем не менее приводил к весьма трагическим ситуациям, когда он использовался как наиболее эффективное оружие – то, которое делалось из закаленной стали, – для криминальных целей. Специалисты по ранней металлургии, такие как Р. Тилькот (*R. Tylecote*) и Р. Плейнер (*R. Pleiner*), объясняют позднее развитие производства железа и стали сложностью этого процесса. Историки Древнего Мира указывают на последствия открытия этого нового вида металлургии.

Уже в 1783 г. Бюффон обратил внимание на сложность разных стадий обработки железа. Действительно, за исключением китайцев, которые умели получать чугун еще в VI в. до н.э., никто из мастеров по металлу времен античности в других регионах не мог получить в своих печах температуру 1500 °С, которая необходима для плавки железа. В период античности железо выплавляли в печи до полутвердого состояния в виде желваков в смеси со шлаком. Тонкие стадии процесса состояли в удалении примесей путемковки и горячего спекания в слиток каждой из частиц чистого железа, также называемого «мягким железом» из-за его податливости. Слитки в виде железных брусков и пластин затем подвергались горячей ковке, для которой должны были быть созданы соответствующие механические и тепловые условия. Заключительная стадия состояла в отжиге или закаливании заготовки, которое улучшает качество металла, придавая ему однородную внутреннюю структуру и увеличивая твердость некоторых частей изделия, таких как наконечник копья или лезвие орудия труда. Наиболее важная фаза операции заключалась в превращении чистого железа в сталь благодаря присадке углерода: процесс, известный как цементация, или науглероживание, включал повторную ковку в древесном угле. Сталь, или сплав железа с углеродом, делалась тверже, и уже поэтому она могла соперничать с другими металлами при производстве оружия и орудий труда.

Согласно легенде, Хеттское царство было центром новшеств в технологии железа, и тому есть много свидетельств. Действительно на всей территории вдоль юго-восточного побережья Черного моря имелся песок, богатый железными рудами и особенно гематитом. В начале II тысячелетия до н.э. их добывали для нужд развивающейся черной металлургии. Согласно Эсхилу и Страбону, именно в этой древней области – Пафлагонии, между современными городами Самсун и Трабзон, и было впервые получено железо.

Эти античные сведения касаются раннего развития железной металлургии, но само железо было известно и в более ранние времена. Около 500 железных изделий, датируемых концом бронзового века (III тысячелетие и первая половина II тысячелетия до н.э.), занесены в каталог Дж. Вальдбаумом (*Waldbaum*, 1980). Среди них – уникальные образцы, такие, как лезвие инструмента из Ура, кинжал Тутанхамона, а также булава, найденная среди сокровищ в Трое, полностью выкованная из метеоритного железа с высоким содержанием никеля; кроме того, в каталог включены несколько образцов оружия и орудий труда, сделанных из литого железа земного происхождения, включая, например, лезвия кинжалов из Телль-Асмара и Алака, а также орудия труда, найденное в пирамиде Хеопса (рис. 2).

Тот факт, что этот черный металл могли выплавлять во времена античности, можно понять, если иметь в виду, что при плавке некоторых медных руд металлурги использовали «флюс», который облегчал отделение металла от примесей и который мог быть оксидом железа. Если происходил перегрев, то, вероятно, образовывались желваки железа. Но даже если выплавка железа и практиковалась, то технология его обработки цементацией и ковкой оставалась неизвестной. Само железо все еще было редкостью и являлось атрибутом важных персон. Из античных документов нам известна сравнительная ценность железа: в XIX в. до н.э. железо было в 40 раз дороже серебра. Но к концу VII в. до н.э., когда серебряные монеты появились в Греции, за серебряную монету весом 6 г можно было приобрести 12 кг железа, т.е. ценовое отношение серебра к железу стало составлять 1:2000. Как отметил Дж.Д. Махли (*J.D. Mubly*, в *Maddin*, 1988), такое впечатление развитие показывает, до какой степени новый металл был освоен в античном обществе (рис. 3). Прогресс этого освоения может быть прослежен начиная с Анатолии.

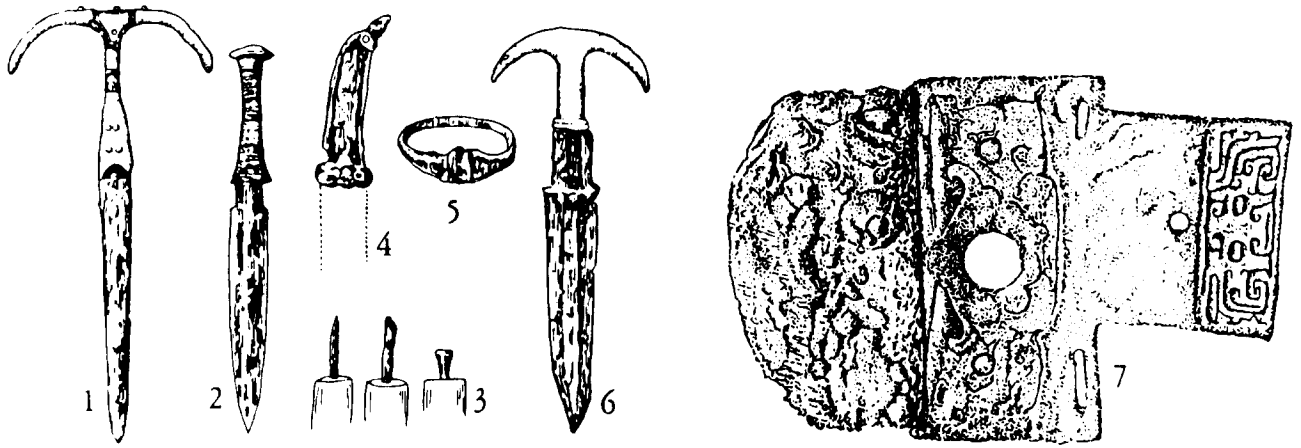

Рис. 2. Самые древние железные предметы из следующих мест: 1 – Алака-Хююк (Турция); 2 – Фивы, кинжал Тутанхамона (Египет); 3 – Фивы, долота (стамески) Тутанхамона (Египет); 4 – Гановце (Словацкая Республика); 5 – Форвольде (Германия); 6 – Ур, железное лезвие с золотой ручкой (Месопотамия); 7 – китайский топор времен царства Цзу с бронзовой втулкой и железным лезвием (по Moben, 1990)

В хеттском обществе железо первоначально использовалось исключительно для церемониальных и ритуальных целей, так же, как и лазурит, сердолик и горный хрусталь. Широко распространенное мнение о том, что хетты имели монополию на производство железа, не выглядит достаточно обоснованным. Действительно, согласно документу, называемому «железное письмо», хетты были вынуждены посылать в подарок ассирийским царям железо из Киликии, региона, лежащего на границе Анатолии и Кавказа, колыбели будущей цивилизации Урарту. Но у нас все же есть надежные свидетельства из иных источников о производстве железа в других местах Западной Азии. В I книге пророка Самуила (Ветхий завет, Первая книга царств) (13: 19–21) имеется упоминание об израильтянах, стремившихся получить железные изделия, изготовленные палестинскими мастерами. Еще одним интересным свидетельством является находка в современном городище Рас-Шамра (Угарит) топора с железным лезвием и бронзовой рукояткой, инкрустированной золотом: судя по надписи, это был подарок фараону от Тушратты, царя Митанни. С XII в. до н.э. производство железа укоренилось в странах Восточного Средиземноморья, что дало пищу для предположений о возможной связи между распространением этой новой технологии, открывающей возможности для быстрого создания оружия, и нашествиями «народов моря». Свидетельством тому может служить киркомотыга данного периода, обнаруженная на горе Адир на севере Израиля: железо этого орудия содержало углерод, и это показывает, что соблюдались принципы получения железа и его дальнейшего улучшения. Тот факт, что эта технология была общепринятой, подтверждается анализом материала египетского ножа, датированного IX в. до н.э. С этого времени уже существует подлинное изобилие железных изделий, несколько тысяч единиц оружия было обнаружено в Хасанлу на северо-западе Ирана. В то же время в Луристане (историческая область на западе Ирана. – Прим. ред.) железо использовалось, по-видимому, для изготовления мечей, кинжалов, ножей и наконечников копий. Такие места раскопок, как Гордион (столица царства Фригия) и Нимруд (Калах) в Ираке также содержат тысячи изделий. А. Снодграсс (Snodgrass, 1980), используя для примера погребальные подношения или оружие, обнаруженные главным образом в могилах греческого кладбища, показывает, как широко было распространено железо в греческом обществе в X в. до н.э. Из 21 меча один был бронзовым, а 20 – железными, из 38 наконечников копий 8 – бронзовых, а 30 – железных. Все 15 найденных ножей были сделаны из железа.

Технические новшества в виде закалки и отжига означали, что железо теперь подвергалось более качественной обработке и стало повсеместно применяемым материалом античности. Закалка описана Гомером в VIII в. до н.э., и на примере различных изделий, найденных в Нимруде, впервые можно видеть признаки применения этого процесса для упрочнения материала. Свидетельства применения отжига – термической обработки, которая улучшает структуру и обрабатываемость металла, пахоты в IV в. до н.э. в Аль-Нине, греческой фактории на анатолийском побережье. Если к этому добавить преимущества богатых и дешевых запасов железной руды, имевшихся почти в каждом регионе, чего нельзя сказать о медной и особенно оловянной рудах, то легко понять, почему античный мир в течение нескольких столетий перешел к использованию железа и стали и почему железо использовалось великими народами того времени для вооружения своих армий. Военное использование железа было очевидно с самого начала железного века, что укрепляет его репутацию как «наихудшего века» по оценке античных писателей. Бронза, с другой стороны, использовалась почти исключительно для украшений, домашних и церемониальных сосудов и статуй богов и царей.

Хотя количество железных изделий увеличивалось в Центральной и Западной Европе между XII и IX вв. до н.э., все же железо широко не использовалось до VIII в. до н.э. на тех территориях, где греческие колонии внесли в распространение технологии изготовления железа значительный вклад, как непосредственно (на Сицилии, в Италии, на юге Франции и в восточной Испании), так и косвенно (на Кастильском плоскогорье, в Аквитании, Бургундии, Баварии, Австрии, Богемии и т.д.). В бухте Популония обнаружено 2 млн. т шлака, что свидетельствует о производстве многих тонн железа между VIII и V вв. до н.э. Выбор этого места был связан, вероятно, с близостью о. Эльба, в то время славившегося своей высококачественной чистой гематитовой рудой. Затем центры железной металлургии начали распространяться более или менее повсеместно в зонах умеренного климата Европы, преимущественно в тех, где имелись большие запасы древесины. Их остатки, однако, изучены недостаточно, за исключением материалов из раскопок на стоянке в пещере Бичи-Скала в Моравии, содержащих железные орудия, датированные начиная с VI в. до н.э. В указанных регионах появление железа обеспечивало определенную экономическую и политическую независимость; именно в это время некоторые этнические группы впервые упоминаются древними историками и географами, прежде всего Геро-

дотом (около 400 г. до н.э.), а также Гекатеем Милетским (VI в. до н.э.). Кельты, иберы, этруски, иллирийцы, даки, фракийцы и скифы являются типичными народами железного века.

Ситуация была неоднородной в Азии, что иногда давало основания для предположений о независимом открытии способа производства железа в изолированных местах. В Индии железо и золото находят вместе в мегалитических захоронениях Бхандара, Нагпуре и Чандрапуре в штате Махараштра, где имеются залежи марганца и железа. Мы пока не знаем очень отдаленных дат этих остатков, но время захоронений датируется первыми годами VI в. до н.э., т.е. самым концом рассматриваемого периода.

Обработка железа в Китае вызывает определенные вопросы из-за уникального характера развития. После очень раннего периода использования метеоритного железа железо земного происхождения было впервые выплавлено в 1100 г. до н.э. Возможно ли, что знание технологии обработки железа, разработанной в Западной Азии, нашло путь в Восточную Азию? С VII в. до н.э. на территории Китая широко использовалось железо, как ковкое, так и превращенное в сталь путем повторного нагрева, закалки и ковки. Затем в VI в. до н.э. там впервые появилась технология литья (чего западный мир не знал до XVI в. н.э.) – результат полностью регулируемого процесса нагревания и обработки руды. Этого удалось достигнуть благодаря наличию в Шаньси и Шэньси залежей чрезвычайно богатых железных руд. Кроме того, вскоре китайцы начали сжигать уголь в печах, вполне приспособленных для выплавки железа.

С другой стороны, около 600 г. до н.э. железо, по-видимому, было неизвестно в Японии, Индонезии, на всех островах Тихого океана и в Австралии. В Африке ситуация была также уникальной. Как уже отмечалось, множество железных артефактов, которые датируются начиная с конца II тысячелетия до н.э., было найдено в Египте, но консервативный египетский характер, вероятно, может служить объяснением относительно позднего признания этого нового металла. Несколько предметов подтверждают мнение историка Геродота о том, что железо применялось в повседневной жизни около 400 г. до н.э. В дальнейшем в царстве Куш в долине Нила быстро появилось преуспевающее производство железа, место появления которого в VIII в. до н.э. – центр страны г. Напата. Этим периодом датируются артефакты из захоронений выдающихся людей периода правления Пианхи (747–716 гг. до н.э.); среди этих артефактов – самые древние железные предметы, найденные в этой части мира: наконечники стрел, треугольные клинки, топоры, ножи, крючки, клещи и т.п. В то время в Египте еще не встречаются формы с патрубками, наличие которых могло бы свидетельствовать о технической независимости металлургии царства Куш или о прямом контакте с Аравией и, возможно, Средиземноморьем, где такие формы встречались. Мероэ, столица Мероитского царства, с VI в. до н.э. процветала и расширялась благодаря обработке железа. Могло ли царство Куш быть центром распространения производства железа на территории Центральной, Западной и Южной Африки? Этот вопрос возникал достаточно часто. Он связан с распространением народов банту, племенные языки кото-

Местонахождение	Определенное назначение предметов	Дата (до н.э.)	Наличие никеля в сплаве	Заключение о составе металла
Доисторический период (до 3000 г. до н.э.)				
Самарра (Ирак)	Инструмент, захоронение А	5000	нет	Из руды
Тепе-Сиалк (Иран)	Три шара	4600–4100	есть	Метеоритное железо
Эль-Герзех (Египет)	Бусина		7,50%	Метеоритное железо
Ранний бронзовый век (3000–2000 гг. до н.э.)				
Месопотамия:				
Ур	Лезвие инструмента, захоронение PG/580		10,90%	Метеоритное железо
Урук	Фрагмент	3100–2800	есть	Метеоритное железо
Тель-Асмар	Клинок кинжала с медной рукояткой	2450–2340	нет	Из руды
Тель-Чагар-Базар	Фрагмент №5, захоронение G.67		нет	Из руды
Анатолия:				
Троя	Булава из сокровищницы	2600–2400	3,02%	Метеоритное железо
Алака	Клинок кинжала, захоронение К	2400–2100	нет	Из руды
	Булава с золотой головкой из захоронения МА	2400–2100	5,08%	Метеоритное железо
	Пластина из захоронения МС	2400–2100	4,30%	Метеоритное железо
Египет:				
Гиза	Кусок ржавчины из Долины храма М	2565–2440	нет	Из руды
	Заржавленный инструмент из пирамиды Хеопса	2565–2440 ?	нет	Из руды
Абидос	Кусок ржавчины	2345–2181	нет	Из руды
Дейр-эль-Бахри	Амулет из захоронения Аа-Шейт	2133–1991	10%	Метеоритное железо
Средний бронзовый век (2000–1600 гг. до н.э.)				
Бухен (Египет)	Наконечник копья	1991–1786 ?	нет	Из руды
Лапифос (Кипр)	Бусина из захоронения 313	1800–1750	нет	Из руды
Поздний бронзовый век (1600–1200 гг. до н.э.)				
Угарит (Сирия)	Топор с втулкой из меди и золота	1450–1350	3,25%	Содержание углерода 0,14%
Фивы (Египет)	Амулет, кинжал, 16 небольших долот из могилы Тутанхамона	1350	есть	Метеоритное железо

Рис. 3. Таблица самых древних изученных железных предметов классической античности (по Мобен, 1990)

рых бытовали на тех же территориях и примерно в то же время. После основания в Северной Африке в 814 г. до н.э. финикийского города Карфагена укоренился, однако, другой вид металлургического производства. Согласно Геродоту, средиземноморские технологии распространились в то время по Атлантическому побережью Африки до Мавритании и оттуда вплоть до Тимбукту, а также от залива Сидра (Большой Сирт) в Ливии через пустыню Сахара до современного г. Гао на р. Нигер в Мали. Как бы то ни было, железо было первым металлом, который стал использоваться в Экваториальной Африке с VII в. до н.э. В Центральной Африке – в Нигерии, в районе поселения Нок, производство железа стало известно, по-видимому, ранее, чем производство бронзы или золота. В следующие столетия производство железа, сельское хозяйство и языки племен банту широко распространились к югу и востоку.

В Америке, Австралии и регионе Тихого океана железо и сталь появились благодаря европейцам. За исключением, вероятно, нескольких лезвий ножей, изготовленных эскимосами Северной Америки из метеоритного железа, в этих регионах не встречается никаких железных изделий, относящихся к рассматриваемому периоду.

ДРУГИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ РЕМЕСЛА

Широкое использование некоторых других видов сырья вынуждало применять специальные технологии. Ремесла, связанные с использованием огня, одним из которых является металлургия, привели к созданию глазурей и стекла, для чего требовались сложные высокотемпературные печи с мехами для принудительной подачи воздуха. Синий «египетский фаянс», похожий на изделия из бирюзы или лазурита, является композитным материалом, состоящим из сердцевины и глазурованной поверхности. Сердцевина образуется при высокой температуре в процессе соединения порошкообразных частиц кварца, смешанных с известью или щелочью. Глазурь получается при соединении извести и соды с кварцем и красителем на основе меди. Эта технология, которая была очень широко распространена в Египте, особенно во время правления XVIII и XIX династий, часто применялась в Европе при производстве «сегментарных бус». В Месопотамии разноцветные керамические цилиндры использовались для изготовления мозаики в виде завитков, которая украшает стены внутреннего двора храма в Уруке, датированного концом IV тысячелетия до н.э. Кирпичи с фаянсовой отделкой стали применяться только в I тысячелетии до н.э. Начало промышленного производства керамики совпадает по времени с применением высокотемпературных печей и поворотного устройства в виде лотка на оси и вращаемого вручную, которое, по-видимому, было предшественником колеса. В середине IV тысячелетия до н.э. круглые гончарные вазы начали появляться в Уруке. Гончарный круг использовался в эгейской культуре только с середины II тысячелетия до н.э.

Как мы уже видели, природные руды и металлы во многих случаях доставлялись с отдаленных территорий. Высококачественные шлифованные каменные блоки, использовавшиеся в архитектуре и скульптуре, привозили из лучших карьеров, зачастую расположенных довольно далеко. Лазурит был одним из полудрагоценных камней, высоко ценившихся и имевших спрос в Египте, Месопотамии и Финикии. Месторождения, существовавшие, по-видимому, в Афганистане и в Уру (приблизительно 2800 г. до н.э.) являются великолепным примером использования царями этого материала. Бирюза могла доставляться с Синайского п-ова, а сердолик и аметист – из Нубии. Высококачественный известняк добывали в Туре, песчаник – в Силсиле, а гранит для египетских скульптур – в Асуане, в обла-

сти катарактов Нила. Алебастр и диорит привозили из Аравийской пустыни.

Мы кое-что знаем о карьерах, в которых добывали эти каменные блоки. Наиболее впечатляющим примером является незавершенный гранитный обелиск, который был найден в каменоломне в районе Асуана. Его длина составляет 42 м, масса – 1 168 т. Его обрабатывали прямо в карьере с использованием круглых каменных молотков, которыми работали многочисленные рабы. Транспортировка осуществлялась с помощью настилов и салазков, в которые впрягались тысячи людей. Двумя другими весьма тяжелыми монолитами были колоссы Мемнона, заказанные фараоном Аменхотепом III (XIV в. до н.э.) для установки на равнине у Фив. Каждый из них весит 1000 т. Использование строительных материалов, таких как камень в Египте и кирпич в Месопотамии, наводит на мысль об обширных пространствах, выделявшихся для возведения официальных зданий, например дворцов и храмов. Три огромных пирамиды – Микерина (Менкаура), Хефрена (Хафры) и Хеопса в Гизе, построенные около 2700 г. до н.э., сохраняют некоторую таинственность символики их архитектурных форм. Зиккурат Ур-Маммон с его храмом на вершине несколько старше пирамид. Он представляет собой сплошную массу высушенных на солнце кирпичей, обложенных водонепроницаемыми обожженными кирпичами, обработанными битумом. Эти формы архитектуры являются одними из наиболее внушительных памятников, дошедших до нас с древних времен. Используемые технологии их возведения остаются неизвестными; кроме того, дефицит леса в этих странах должен был сделать проблематичным возведение строительных лесов.

Древесина ливанского кедра использовалась большим спросом у египетских краснодеревщиков, работавших у фараонов. В царских могилах имеются резные окрашенные сундуки, стулья и троны, колесницы и гробы. Таким образом, складывается впечатление, что большинство специализированных ремесел Египта зависело от импорта, за исключением двух из них: производства льняных тканей, высокого качества которых было известно в античном мире, и папируса, использовавшегося как упаковочный материал при хранении и транспортировке, но прежде всего для письма; при этом знание письма давало власть писцам. Скульптуры из слоновой кости, на которых специализировались финикийцы, поставлялись ко двору всех правителей античности.

Следует упомянуть, наконец, широкомасштабные технические работы по прокладке каналов и обводнению окружающей сельской местности. 350 км каналов и дамб, построенных в Месопотамии, ярко свидетельствуют об усилиях правителей в обеспечении прибыльного хозяйствования. Были даже изобретены устройства, которые могли подавать воду вверх на холмы.

ТРАНСПОРТ

Первые государства были основаны в результате установления международных отношений, которые обеспечивали поставку сырья, новых технологий и относительное экономическое единство, достигнутое посредством конкуренции. Поэтому были крайне необходимы новые технологии перевозок, хотя традиционные средства также развивались, и от царства к царству были проложены сети дорог, защищенных торговыми пунктами – факториями. Дошедшие до нас изображения этого периода свидетельствуют о частом использовании носильщиков-рабов и ослов для перемещения товаров, поскольку они больше подходили для тех областей, где рельеф местности менялся от равнины до пустыни и горных склонов. Одногорбые верблюды – дромадеры – были редкостью и встречались только в пустыне. Сухо-

путный транспорт первоначально не имел таких усовершенствований, как колесо, которое появилось в конце IV тысячелетия до н.э. в Уре и Сузах. Четырехколесные повозки и немного позже двухколесные колесницы, движимые волами, ослами и, наконец, лошадьми, первоначально предназначались лишь для царственных особ. Позже они появились в армии. Использование этого новшества в хозяйстве расширялось, что подтверждается египетской настенной живописью. С другой стороны, салазки, движимые по слою глины, регулярно смачиваемой водой, использовались для перемещения огромных каменных блоков для дворцов и храмов фараонов, как изображено на барельефе из могилы Джутихетеп в Эль-Берши. Эта картина также показывает важность использования канатов, производство которых мы видим на другом барельефе – из могилы Уех-хетеп в Меире (рис. 4). Канаты имели крайне важное значение на судах. Регионы Нила, Месопотамии, дельта Инда, восточное побережье Средиземноморья и побережье Эгейского моря развились в результате интенсивной морской сообщения. Мнение о том, что Нил породил египетскую цивилизацию, находит убедительное подтверждение: река обеспечила политическое и экономическое единство страны и через свое устье соединила ее с Восточным Средиземноморьем. К примеру, барельефы из могилы Мерерука в Саккаре изображают суда с парусами или веслами (рис. 5). Финикийцы, по-видимому, начали играть роль посредников в морской торговле еще с незапамятных времен.

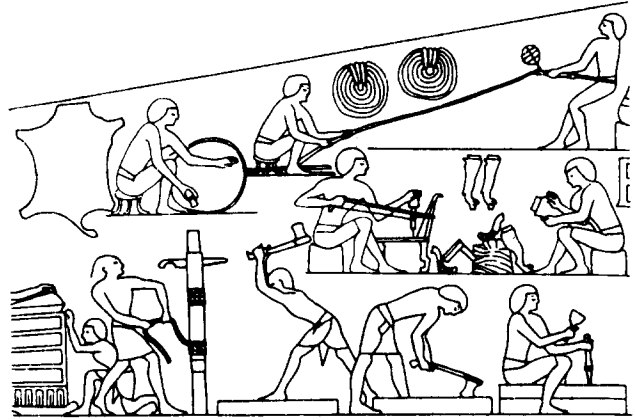

Рис. 4. Работники, нарезающие, переплетающие и наматывающие канаты из ремней (могила Рех-Ми-Ре, Фивы, Египет)

ЕДИНИЦЫ МЕР И ВЕСОВ И ПИСЬМЕННОСТЬ

Новые способы обмена и торговли могли быть развиты только там, где в определенной степени осуществлялось управление системами единиц мер и весов. Традиционная меновая торговля была заменена обмена, при которых стоимость товара соотносилась с условной ценностью; соответствующие символы находят на самых ранних дощеч-

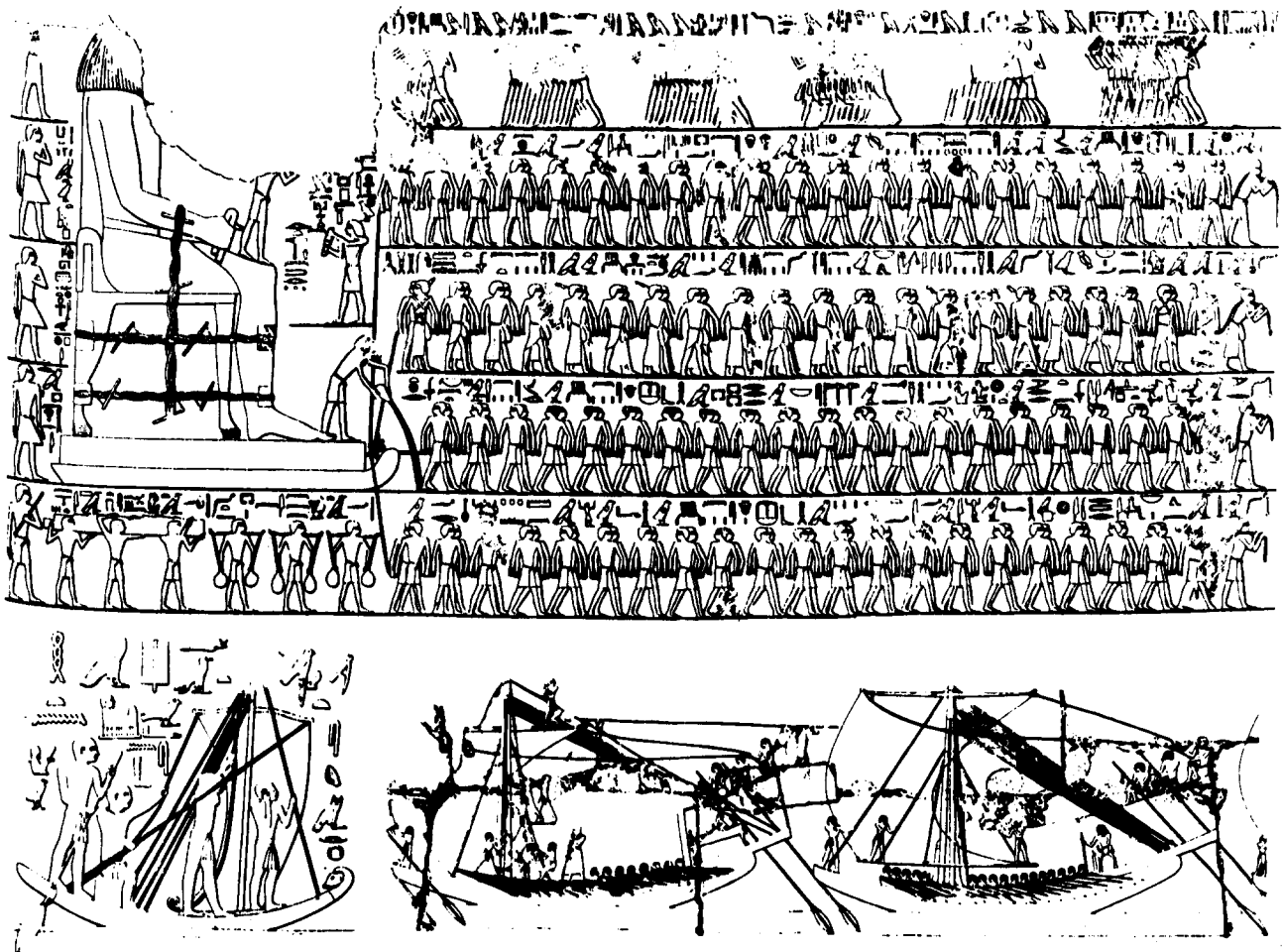

Рис. 5. Примеры использования канатов во времена античности, египетский орнамент

ках с письменами. Видимо, подробные отчеты об экономическом благосостоянии царя или фараона играли по крайней мере столь же важную роль в развитии письменности, как и тексты законов и религиозные тексты. Кроме того, использование весов и разновесов, которые могли представлять собой шлифованные и калиброванные каменные гири, давало возможность оценить эквивалентные количества определенных товаров; так, в некоторых шумерских городах *гур* (120 литров) ячменя был эквивалентен 2,5 шкуры барана и *шекелю* (8 граммов) серебра. Живая овца стоила от 1 до 5 шекелей, вол – от 6 до 18 шекелей, выюнный осел – от 17 до 33 шекелей. Шекель серебра был эквивалентен по стоимости 20 шекелям олова или 50–200 шекелям меди; шекель золота стоил 8 шекелей серебра. Судя по вавилонским текстам, общепринятой являлась шестидесятеричная система. В «Законах из Эшнунны» (XVIII в. до н.э.) (Эшнунна – древний город в бассейне р. Диялы, правого притока р. Тигр, современное городище Телль-Асмар. – *Прим. ред.*) серебряный шекель, по-видимому, признан основной единицей системы ценообразования, так как он соответствовал стоимости одного гура зерна, 3 *силам* (*sila*) рафинированного масла, 16,4 *силы* обычного масла, 15 *силам* свиного сала, 6 *минам* (*minas*) шерсти или 2 гурам соли. Количественная точность состава производимых сплавов и архитектурных форм свидетельствует о том, что технологии царей и фараонов были основаны на научном знании. Высокое положение египетских интеллектуалов того времени – писцов – служит свидетельством высокого уровня технических навыков этих цивилизаций, жизнеспособность которых зависела от уровня организации коллективных работ. Когда Сесострис I решил отправить экспедицию рабов в каменоломни в Вади-Хаммамат, он послал 17 тысяч человек.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CAUVIN, J. 1978. Les premiers villages de Syrie-Palestine du IXe au VIIe millénaire avant J. C. Lyon.
- COGHLAN, H. H. 1961. Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World. Oxford.
- 1977. Notes on Prehistoric and Early Iron in the Old World. Oxford.
- DE JESUS, P. 1980. The Development of Prehistoric Mining and Metallurgy in Anatolia. Oxford. (BAR Int. Ser., 74.)
- DESHAYES, J. 1969. Les civilisations de l'Orient ancien. Paris.
- ELUERE, C. 1990. Les secrets de l'or antique. Paris.
- FORBES, R. J. 1964–72. Studies in Ancient Technology. Leiden. 9 vols.
- JOVANOVIĆ, B. 1982. Rudna Glava. Beograd.
- KOVÁCS, T. 1977. A Bronzkor Magyarországon (L'âge du bronze en Hongrie). Budapest.
- MADDIN, R. (ed.). 1988. The Beginning of the Use of Metals and Alloys. Cambridge, Mass.
- MASSET, 1989. La démographie préhistorique. In: MOHEN, J. P. (ed.), Le temps de la préhistoire. Société préhistorique française. Paris, pp. 30–2.
- MOHEN, J.-P. 1990. Métallurgie préhistorique. Paris.
- MUHLY, J. 1973. Copper and Tin: The Distribution of Mineral Resources and the Nature of the Metal Trade in the Bronze Age. New Haven, Conn.
- MUHLY, J., MADDIN, R., KARAGEORGHIS, V. (eds). 1982. Early Metallurgy in Cyprus, 4000–500 BC. Nicosia.
- PLEINER, R. (ed.). 1989. Archaeometallurgy of Iron. Praha.
- RENFREW, C. 1972. The Emergence of Civilization, the Cyclades and the Aegean in the Third Millennium BC. London.
- ROTHENBERG, B. 1972. Timna: Valley of the Biblical Copper Mines. London.
- SEFERIADES, M. 1985. Troie I, Matériaux pour l'étude des sociétés du Nord-Est égéen au début du bronze ancien. Paris. (Rech. Civilis., 15.)
- SNODGRASS, A. M. 1980. Iron and Early Metallurgy in the Mediterranean. In: WERTIME, T. A., MUHLY, J. D. The Coming of the Age of Iron.
- TALLON, F. 1987. Métallurgie susienne I, de la fondation de Suse au XVIIIe avant J.C. Paris.
- TREUIL, R. 1983. Le néolithique et le bronze ancien égéens. Paris.
- TYLECOTE, R. F. 1976. A History of Metallurgy. London.
- 1987. The Early History of Metallurgy in Europe. London/New York.
- WALDBAUM, J. C. 1980. The First Archaeological Appearance of Iron. In: WERTIME, T. A., MUHLY, J. D. The Coming of the Age of Iron, pp. 68–98.
- WERTIME, T. A., MUHLY, J. D. (eds). 1980. The Coming of the Age of Iron. New Haven, Conn./London.

ОТ ЭМПИРИЧЕСКОГО К НАУЧНОМУ ЗНАНИЮ

2.1

ОТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ К ИСТОКАМ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Вальтер Ф. Райнеке

«Современная наука и промышленность не только восходят к периоду, когда бронза была преобладающим промышленным металлом, но их истоки были, в полном смысле этого слова, обусловлены и вдохновлены просто фактом повсеместного использования бронзы или меди», – писал профессор Гордон Вир Чайлд (*Child*, 1930). Фактически основы многих современных наук и отраслей знаний были заложены в тот период.

В данном контексте «наукой» называется специфическая форма общественного труда; с помощью наблюдения, сбора, анализа и систематизации эмпирического материала, проб и экспериментов, включая использование специальных устройств и оборудования, она получает результаты, которые являются полезными и эффективными для взаимодействия человека с его материальной и социальной окружающей средой, и представляет собой самое высокое обобщение практического опыта. Получаемые результаты определяют систему знаний, установленную в терминах, формулировках, теориях, гипотезах, правилах и законах, которые аккумулируют накопленное наследие прошлого; эта система объективна, т.е. в определенной степени истинна по отношению к действительности. Результаты научной работы используются в производстве и воспроизводстве, а также как инструмент для укрощения сил природы. Некоторые из них служат интересам всего общества, а некоторые – исключительно для развития самой науки, которая, первоначально будучи общественным феноменом, в этот период начала учреждать и развивать свои собственные законы и формировать специфические методы.

Наличие упреждающих форм научных действий и их предпосылок может быть установлено намного раньше III тысячелетия до н.э. Уже в эпоху неолита велось наблюдения за явлениями окружающей среды, результаты наблюдений собирали и передавали из уст в уста. Таким образом иногда приобретались удивительно точные знания природы, особенно в тех сферах, которые были полезны для общества, например, знания, касающиеся видов растений и животных, полезных ископаемых, лекарств и способов лечения, а также планет, имевших значение для религиозных целей и для определения дней, месяцев и летосчисления. В процессе производства, в строительстве и конструировании, равно как и при примитивном товарном обмене, развивались навыки счета и основы арифметики, скла-

дывалась система мер, с помощью которой можно было вычислять размеры и площади тел. Эти арифметические навыки взращивались и развивались с помощью различных игр, которые восходят к дописьменным цивилизациям; было множество игр, развивающих память, настольных игр и игр с бросанием палочек; все они требовали способности к счету и вычислениям.

Наиболее впечатляющим проявлением этих ранних знаний, основанных на сборе результатов долговременных наблюдений, служат астрономически ориентированные культовые центры и сооружения; наиболее известный из них – Стоунхендж в Уилтшире (близ г. Солсбери, Южная Англия), представляющий собой древнейший пример строительства таких сооружений; ему приблизительно 5000 лет. Путем простых наблюдений с использованием нивелирной рейки и определения некоторых направлений с помощью деревянных столбов ось сооружения была установлена таким образом, что ориентируется на точку горизонта, до которой Солнце доходит в момент летнего солнцестояния (илл. 4, 5). Долговременные наблюдения за началом разлива Нила в Египте и ранним восходом Сириуса привели к установлению в 2772 г. до н.э. египетского гражданского календаря, связанного с восходом Сириуса, совпадающим с солнечным восходом, что рассматривалось как знак наступления Нового года. В соответствии с точно известными периодами вегетации год был разделен на три сезона по четыре месяца каждый. Каждый месяц имел 30 дней. Пять так называемых дней сверх года завершали египетский год. Этот календарь, выведенный на основе простых результатов наблюдения, был, по определению известного историка науки О. Негебауера (*Neugebauer*, 1957, p. 81), «единственным разумным календарем из когда-либо существовавших в человеческой истории». Однако ни упомянутые гигантские культовые центры, ни египетский календарь, ни часто изменявшиеся календари лунных месяцев с многообразными трудностями их выверения по солнечному году не являлись результатами научной работы. Фактически все эти достижения были получены путем обработки данных наблюдений. Шаг к анализу и распознаванию существующих законов и правил еще не был сделан. Знание перуанцами астрономии в период археологической культуры чавин выявляет сходный квазиэмпирический подход к миру.

Развитие письма как средства продолжительной и точной регистрации и передачи данных было предварительным условием для эволюции настоящей науки. В течение медного и бронзового веков письменность сформировалась, по-видимому, более или менее независимо в Месопотамии, Египте, долине р. Инд и, наконец, на о. Крит и в Китае. В этих регионах существовало продуктивное сельское хозяйство с устойчивым избыточным производством, ремеслами и торговлей, а также с расслоением общества, главным образом на класс сельских производителей и управляющий класс, который требовал своей доли избытков продукции. Именно это право на получение налогов в форме натуральной продукции (денег еще не существовало) и определенная потребность в распределении и торговле привели к развитию письменности.

Изобретению письменности, несомненно, должен был предшествовать довольно длительный процесс сбора, оценки, анализа и экспериментирования, и этот процесс, по-видимому, являлся одним из постоянных создающих и оценивающих испытаний административной деятельности. Только в отношении египетской и шумерской культур можно составить точное мнение о происшедшем там научном развитии, поскольку для этого имеются письменные свидетельства. Нет сомнений в том, что и в высоко развитой культуре долины Инда научные знания также должны были существовать. Как можно было проектировать, строить и поддерживать в порядке большие города без использования математики? Как можно было управлять судами без определенных астрономических познаний? Многие из этих достижений могли долго выживать в Индии или в древнем Иране, хотя имеющиеся у нас свидетельства относятся только к последним периодам. Это же справедливо и для крито-микенской (эгейской) культуры – цивилизации эпохи бронзы, которой во многом наследовали греки. В Китае, где первые свидетельства существования письменности – тексты на костях для предсказаний и ритуальные надписи на бронзовом сосуде – относятся к середине II тысячелетия до н.э., многое из того, о чем мы знаем из более поздних текстов по математике, астрономии, медицине и историографии, несомненно, было развито в течение более ранней эпохи.

Проведя всесторонний анализ этих китайских свидетельств, Дж. Нидхем и Ван Линь (*Needham*, 1959, pp. 13–15) пришли к следующему выводу: «В целом можно заключить, что система счисления в государстве Шан была более прогрессивной и научно обоснованной, чем современные ей системы древнего государства Вавилония и Египта. Все три системы согласуются друг с другом в том, что новый цикл знаков счета начинался с 10 и с чисел, равных 10 в степени N . За исключением отмеченных случаев китайцы повторяли все первоначальные 9 цифр, добавляя знак, значение которого зависело от его места и *который не был самостоятельным числом*. Система Вавилонии, однако, была аддитивной и накопительной (кумулятивной) в пределах 200, подобно более поздней римской системе; обе эти системы использовали способ вычитания, записывая число 19 как 20–1 и 40 как 50–10. Процесс умножения также применялся, например, 10x100 означало 1000. Только шестидесятичная система счисления астрономов, использовавшая принцип зависимости значения знака от его места в записи, была более последовательной, хотя даже в ней использовались специальные знаки для таких чисел, как 3600, не исключало и обозначение чисел путем вычитания. Кроме того, числа меньше 60 были выражены “накопленными” знаками. Древние египтяне использовали накопительную систему с некоторыми мультипликативными приемами. Поэтому кажется, что китайцы государства Шан были первыми, кто сумел выразить любое число, каким бы большим оно ни было, всего лишь 9 цифрами. При формировании чисел они никогда не применяли принцип вычитания. Поэтому видно, что за “индусскими” цифрами,

которые впоследствии были освоены Западом, стоят две тысячи лет использования в Китае знака, значение которого зависело от места».

В Западной Азии и Северной Африке, особенно в Шумере и Египте, раннегосударственная стадия в начале III тысячелетия до н.э. являлась периодом, когда наука прошла наиболее важную ступень развития. В последующий период, очевидно, ее эффективность возрастала, а процедуры и методы становились более изощренными, но что касается самого научного прогресса, то он, по-видимому, был менее продуктивным. Такая оценка сегодня рассматривается как несомненный факт, независимо от вопроса о том, когда были зафиксированы эти зачастую запутанные системы и научные тексты, – некоторые из них, вероятно, основаны на значительно более древних текстах, относящихся к середине III тысячелетия до н.э.

Математические тексты из Западной Азии и Египта тесно связаны с практическими задачами, такими, как подсчет дебета и кредита, измерение площадей и вычисление размеров фигур, хотя упражнения по правилам арифметики с числами, которые редко встречаются на практике, свидетельствуют о наличии определенного научного интереса. Кроме того, некоторые заключения можно сделать на основании расположения текстов в перечнях: упражнения предназначались для объяснения неких соотношений чисел без формулировки соответствующего правила, что решительно отличает их от греческой науки, которая почти на 2000 лет моложе. Последняя не отрицала, что классическая античность происходит от древних восточных знаний. В частности, греки рассматривали Египет как источник математических знаний (илл. 6–8).

В древних восточных письменах мы находим два типа текстов: таблицы и задачи; последние снабжены соответствующими упражнениями. Иногда содержание таблиц тесно связано с системой мер, как в случае таблиц для преобразования простых дробей в части мер емкости, «квadratных» таблиц для измерения площади и т.д. Другие таблицы были просто средствами вычисления. Таким образом, из документов Западной Азии, где использовалась шестидесятичная система счисления с условным обозначением положения знака, мы узнаем о таблицах умножения, которые приводят результаты умножения именованных чисел на числа от 1 до 20, 30, 40 и 50. Путем разложения на множители и сложения отдельных результатов эти таблицы позволяли выполнять все виды умножения. Кроме того, имелись таблицы для возведения в квадрат, а также для вычисления квадратных и кубических корней. Особенно важными были так называемые обратные таблицы, которые служили для облегчения деления, которое в Западной Азии рассматривалось как умножение на обратную величину делителя.

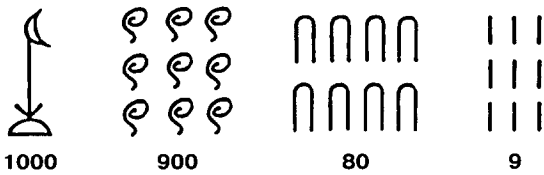
В Египте обычной была десятичная система счисления, в которой каждая степень десяти имела собственный иероглиф. Что касается дробей, кроме $2/3$ и $3/4$, то древние египтяне знали только основные дроби с шагом знаменателя в 1. Таким образом, в отличие от изящной шестидесятичной дроби Западной Азии, вычисления этого типа были неудобными и далеко не простыми. Каждая простая дробь должна была быть разложена на ряд основных дробей с возрастающими значениями знаменателя при шаге 1 и не могла быть выражена иначе. Поэтому таблицы дробей были необходимой принадлежностью для каждого писца. Существовали таблицы основных дробей числа 2, деленного на нечетные числа: от $2/3$ до $2/101$. Построение этих средств вычисления для значений, встречающихся на практике, и их выполнение демонстрирует наличие интереса к математике. Различные возможные решения пробовались до тех пор, пока не получался общепринятый результат (рис. 6).

Эти тексты с задачами дают представление о математическом мышлении в Западной Азии и Египте. Нет сомнения в том, что стадия техники примитивных вычислений

Древние египетские и вавилонские числа

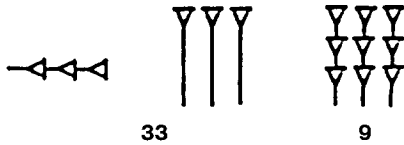
Эти две группы символов показывают, как писцы в Древнем Египте и Вавилоне должны были записывать число 1989, используя свои системы счисления.

Египет

Египетская система счисления, показанная здесь в иероглифической записи, имела основанием 10. Мы видим один знак тысячи, девять знаков сотен, восемь знаков десятков и девять знаков единиц.

Вавилон

Вавилонская система счисления была основана на числе 60. Поэтому число 1989 должно быть записано как *тридцать три* раза по шестьдесят и *девять* единиц. Положение числа 9 справа указывает, что оно состояло из единиц, в то время как число 33, расположенное на одну позицию левее, соответствовало основанию 60.

Рис. 6. Древние египетские и вавилонские числа (по Ritter, 1989)

была пройдена, и имелись основы элементарной математической логики. Хотя большинство упражнений предназначалось для практики и не было записано ни теорем, ни расчетов, ни доказательств, все же они представляют собой раннюю форму математики.

Доступного для анализа материала имеется с избытком, и из него можно сделать следующие выводы: на основе базовых типов вычислений находились решения уравнений с одним или несколькими неизвестными, квадратных и кубических уравнений, задач с простыми и сложными процентами, производились расчеты сложных форм размещений и сочетаний (некоторые из них с числовыми значениями, которые никогда не встречаются на практике), а также арифметических прогрессий. Могли выполняться геометрические и стереометрические вычисления и даже определялся объем усеченной пирамиды. В так называемой задаче о пирамиде уклон пирамиды был определен через тангенс-функцию. Значение числа «пи», равное 3,124 в Западной Азии и 3,16 в Египте, было определено удивительно точно. Были известны пифагоровы числа и правило золотого сечения (или числа Фибоначчи), а практические достижения свидетельствуют и о знании теоремы Пифагора.

Несмотря на все эти достижения в математике, большинство из которых были творением человеческой мысли III тысячелетия до н.э., с середины II тысячелетия до н.э. не отмечалось дальнейшего развития древней восточной

математики. Причина заключалась в том, что приобретенные знания были достаточны для хозяйства и строительства, и общество не нуждалось в дополнительном знании. Отдельные личности, возможно, предпринимали дальнейшие исследования, но результаты их усилий утеряны, поскольку общество фиксировало и передавало из поколения в поколение только то, что могло быть непосредственно использовано.

Хотя математика в Западной Азии и Египте в течение медного и бронзового веков достигла наивысшего развития, астрономические знания были довольно слабыми. Лишь намного позже и только в Западной Азии математические методы стали применяться для вычисления или, вместе с оракулами, для предсказания астрономических явлений. Древняя астрономия имела точные результаты долговременного наблюдения за звездами. Обработка серии этих наблюдений дала возможность, к примеру, создать вышеупомянутый египетский гражданский календарь и осуществлять необходимые поправки к календарю в Западной Азии. То, как появился календарь с продолжительностью года в 354 дня, описано ниже.

Однако регулярное и точное наблюдение и регистрация астрономических явлений были единственным вкладом в развитие астрономии, сделанным древними цивилизациями Востока до середины II тысячелетия до н.э.

Существуют также свидетельства наличия зачатков медицинской науки в Западной Азии и Египте в течение медного и бронзового веков. Можно предположить, что люди, владевшие искусством врачевания, накапливали мастерство при дворах правителей в процессе лечения болезней и хирургических вмешательств; медицинские действия выполнялись, и опыт врачей передавался начиная с эпохи неолита. Подтверждением тому являются следы залеченных переломов на костях и трепанационные отверстия на черепах IV–III тысячелетий до н.э. в Западной Европе. Окостеневшие выступы по краям отверстий в черепе указывают на то, что многие пациенты выживали после операции. В Западной Азии и в Египте были составлены обширные сборники, дающие представление о существовавших тогда медицинских знаниях. Конечно, трудно представить реальное воздействие лекарств, поскольку многие из них известны лишь по названию.

Некоторые хорошо известные средства, однако, применяются уже в течение 5000 лет. В рассматриваемый период трудно разграничить медицину и магию, поскольку религиозное мышление доминировало во всем, магические действия были вполне обычны при лечении болезней, следовательно, их описание становилось частью медицинских текстов. Наследием той эпохи является хорошее знание анатомии, способность уверенно диагностировать множество болезней, наличие медицинской терминологии, формирование медицинских теорий, как, например, египетской теории о сосудах человеческого тела, а также специализация древних врачей в конкретных областях медицины. Тогда же началось осмысление функций различных органов тела.

Сказанное ранее о систематизированной структуре математических текстов в равной степени относится и к медицинским сборникам. Расположение материала соответствовало теоретической концепции. Описание болезней производилось в направлении от головы к ногам. При этом тексты составлены по определенной схеме, очевидно, благодаря накопленным знаниям и довольно давней традиции. Сначала приводится история болезни с описанием ее симптомов, затем следует диагноз, сопровождаемый замечаниями о возможностях лечения, а также дается прогноз относительно течения заболевания. Затем излагаются указания и рекомендации по лечению, и, наконец, приводится состав лекарства. Эта рациональная и обоснованная практикой часть текста иногда сопровождалась магическими заклинаниями.

Самым большим достижением древней восточной науки является накопление, систематизация и передача потомкам бесценного для общества опыта. Были признаны некоторые законы и правила, хотя при этом не говорилось о причинах явлений и не делалось никаких теоретических обобщений. Все ответы формулировала только религия, власть которой была безгранична. Таким образом, каждое открытие рассматривалось просто как проявление определенного порядка в макро- и микрокосме, установленного богами в процессе творения. Главная задача человека состояла в вечном поддержании этого порядка, причем необходимо было регулярно узнавать волю богов.

В Западной Азии и Египте обученные писцы собирали накопленные знания о природе и обществе и систематизировали их по таким категориям, как растения, животные, полезные ископаемые, страны, реки, боги, группы людей, профессии и т.д. При подобном подходе они повторяли мыслительный процесс, который был важен уже при разработке письменности в конце IV тысячелетия до н.э., когда, например, в Египте создавались иероглифические определяющие письменные слова, чтобы поместить какое-то слово в определенный комплекс. Расположение категорий окружающей среды в соответствии с классами терминов, иногда называемое «наукой списка», прослеживается во многих текстах, которые могли использоваться в качестве учебных пособий для школ. Они выглядят как краткие указания к энциклопедии знаний того времени. В Месопотамии, где до начала II тысячелетия до н.э. говорили не только на шумерском, но и на аккадском языке, к этим записям на шумерском языке были добавлены пояснения по-аккадски, что привело к созданию своего рода словаря, филологического пособия.

Устройство мира считалось неизменным, и это мнение распространялось как на природу, так и на общество. В подобной схеме не предусматривалось никакой концепции эволюции; все правила и законы рассматривались как часть навсегда установленного порядка. Миф на все давал ответ и объяснял причины всех явлений. Общественные события интерпретировались как факт постоянного нового воплощения обычного порядка, и каждый правитель должен был рассматривать данный принцип как ритуал. Таким образом, историография в современном смысле слова не могла сформироваться, но, тем не менее, правление царей и некоторые их деяния, в особенности касающиеся культов и войн, отражались в летописях. Имеются свидетельства того, что такие летописи существовали с конца IV тысячелетия до н.э. Первые попытки систематизировать историю были сделаны в середине II тысячелетия до н.э., когда имевшиеся исторические данные были упорядочены и структурированы (например, в широко известном списке фараонов в Египте).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ARCHIBALD, R. C. 1949. *Outline of the History of Mathematics*. Menasha.
- BECKER, O. 1966. *Das mathematische Denken der Antike*. 2nd ed. Göttingen.
- CANTOR, M. 1880. *Vorlesungen über die Geschichte der Mathematik*. Leipzig. Vol. 1.
- CHILDE, V. G. 1930. *Bronze Age*. Cambridge.
- FARRINGTON, B. 1969. *Science in Antiquity*. 2nd ed. Oxford.
- GILLAIN, G. 1927. *La science égyptienne – Parithmétique au Moyen Empire*. Bruxelles.
- GILLINGS, R. J. 1974. *Mathematics in the Time of the Pharaohs*. Cambridge, Mass./London.
- GOLTZ, D. 1974. *Studien zur altorientalischen und griechischen Heilkunde*. Wiesbaden. (Sudhoffs Archiv, 16.)
- GRAPOW, H. et al. 1954–73. *Grundriss der Medizin der alten Ägypter*. Berlin. Vols 1–9.
- KÖCHER, F. 1963. *Die babylonisch-assyrische Medizin in Texten und Untersuchungen*. Berlin. Vol. 1.
- LECA, A. P. 1971. *La médecine égyptienne an temps des pharaons*. Paris.
- NEEDHAM, J. 1959–87. *Science and Civilization in China*. Cambridge. Vols 1–6.
- NEEDHAM, J. with the collaboration of WANG LING. 1959. *Science and Civilization in China, Vol. 3: Mathematics and the Science of Heavens and the Earth*. Cambridge, pp. 13–15.
- NEUGEBAUER, O. 1957. *The Exact Sciences in Antiquity*. 2nd ed. Providence.
- 1975. *A History of Ancient Mathematical Astronomy*. Berlin. Vols 1–3.
- NEUGEBAUER, O., PARKER, R. A. 1962–4. *The Egyptian Astronomical Texts*. London. Vols 1–2.
- PARKER, R. A. 1972. *Demotic Mathematical Papyri*. London.
- REINEKE, W. F. 1984. *Technik und Wissenschaft*. In: EGGEBRECHT, A. (ed.), *Das alte Ägypten*. München.
- RITTER, J. 1989. *Les Sources du nombre*. *Le courrier de L'UNESCO*, pp. 12–17.
- SANTILLANA, G. de. 1970. *The Origins of Scientific Thought*. 2nd ed. Chicago, Ill.
- SARTON, G. 1959–66. *A History of Science*. Cambridge, Mass. Vols 1–2.
- SEIDL, E. 1957. *Einführung in die ägyptische Rechtsgeschichte*. Glückstadt, Hamburg, New York.
- SETHE, K. 1916. *Von Zahlen und Zahlworten bei den alten Ägyptern*. Strasbourg.
- SIGERIST, H. E. 1951. *A History of Medicine, Vol. I: Primitive and Archaic Medicine*. New York.
- SOLLA PRICE, D. de. 1975. *Science Since Babylon*, 2nd ed. New Haven, Conn./London.
- VAN DER WAERDEN, B. L. 1966–8. *Erwachende Wissenschaft*. Basel/Stuttgart. Vols 1–2.
- 1983. *Geometry and Algebra in Ancient Civilizations*. Berlin/Heidelberg/New York/Tokyo.
- WUSSING, H. 1965. *Mathematik in der Antike*. 2nd ed. Leipzig.

ИЗМЕРЕНИЕ ВРЕМЕНИ И СОЗДАНИЕ КАЛЕНДАРЕЙ

Жан Леклан и Жан-Пьер Моэн

Как упоминалось, впервые письменные исторические источники появились в Шумере; в ходе исследований установлена их датировка – это произошло около 3100 г. до н.э. На самом же деле специалисты, работавшие над различными списками династий, которые правили в древней Месопотамии, далеки от единодушия. Другой предмет спора касается наблюдений, связанных с лунными и солнечными затмениями и затмениями Венеры в период правления Аммизадугта, десятого царя I династии Вавилонии; результаты этих наблюдений сохранились на сравнительно недавно найденных табличках с записями астрологических предзнаменований. Подобно планетам, Солнце и Луна были божествами, которые осуществляли прямое влияние на человеческую судьбу, и, следовательно, изучение их движения было весьма важным. Астрономические наблюдения можно назвать скорее списком астрологических предсказаний.

Под влиянием верований в бога луны Наннара шумерский календарь был основан на лунном месяце и состоял из 29 или 30 дней: их чередование не было регулярным, а определялось наблюдением за новолунием. Названия месяцев, присвоенные в соответствии с некоторыми памятными религиозными торжествами, менялись от одного города-государства к другому. Единообразная система была принята при правлении вавилонского царя Хаммурапи: использование фаз луны привело к делению месяца на четыре семидневные недели с прибавленными выходными днями, дополнявшими календарный год. Параллельно сформировалась система, в которой месяц был разделен на шесть недель по пять лунных дней.

С признанием верховенства бога солнца Шамаша вавилонский календарный год стал солнечным годом. Он начинался весной и включал 12 месяцев по 29 или 30 дней, имея общую продолжительность в 354 дня; к ним должны были добавляться еще 11 дней, которые составляли месяц, прибавляемый каждые два или три года. Так что Хаммурапи мог объявить: «Этот год слишком короток. Поэтому следующий месяц будет считаться как второй Улулу».

В древнединастический период каждый город-государство давал разные названия году. И только во время правления Ур-Намму (около 2120 г. до н.э.) появилась единая система названий. Год получал название в зависимости от какого-либо выдающегося события – победы или религиозного торжества. Поэтому он не мог быть назван до тех пор, пока не наступил или фактически закончился. В некоторые эпохи год также называли со ссылкой на правящего главу государства, что иногда вело к появлению двойных названий, например, «год 5-й, год, когда был разрушен Аншан».

В Египте были приняты похожие методы, приводившие к таким же затруднениям. То, что древние египтяне использовали лунный календарь в доисторические времена, является общепризнанным фактом. Однако трудности, с которыми они столкнулись, в частности необходимость пе-

риодически вводить дополнительный месяц в году, заставили их отказаться от этого метода. Все, что от него осталось, имело лишь ритуальное применение, например, согласно иллахунскому папирусу, жрецы выполняли службу в течение чередующихся периодов продолжительностью 29 и 30 дней; это означает, что месячные службы рассчитывались на основе лунного цикла. Два эмпирических наблюдения, без сомнения, оказали влияние на египтян. Первое – ежегодный разлив Нила, от которого зависело плодородие всей долины и который происходил почти регулярно, каждые 365 дней, что равно продолжительности года. Вторым было то, что дата начала разлива была близка к дате «солнечного» появления на горизонте звезды Сотис (Сириус). На рассвете 19 июля Сириус после периода, когда его не было видно из-за совпадения с восходом Солнца, опять становится видимым незадолго до восхода Солнца. Как указывает пластина из слоновой кости, датированная эпохой I династии, Сириус является «предвестником Нового года и разлива Нила».

От теории Эдуарда Мейера о том, что египетский календарь был создан около 4242 г. до н.э. (т.е. именно в середине медного века), от так называемой длинной хронологии уже давно отказались. Сейчас она считается, хотя и с множеством незначительно отличающихся вариантов, «короткой» хронологией. В настоящее время принято считать, что деление года на 12 месяцев по 30 дней (к которым могли быть добавлены 4, 5 или 6 дней, так называемые эпагоменальными днями) продолжалось до 2773 г. до н.э., когда определенно был принят 365-дневный год. В то время он состоял из трех сезонов, каждый из которых делился на четыре 30-дневных месяца: это были сезоны «наводнения», или «паводка» (*ахет*), «последующего движения», или «времени сева» (*перет*), «недостатка», или «времени урожая» (*шмету*). Этот гражданский год, дополненный пятью «эпагоменальными» днями, отставал на один день каждые четыре года от юлианского календарного года продолжительностью 365 и 1/4 дня. В результате первый день гражданского года совпадал с началом солнечного года только один раз в 1460 лет. Древнейшая зарегистрированная дата «солнечного» восхода (1882–1879 гг. до н.э.) приходится на эпоху XII династии, точнее, на период правления Сесостриса III. Это позволяет историкам датировать начало правления основателя XII династии (Среднее царство) фараона Аменемхета I 2000 г. до н.э. (некоторые указывают 1991 г. до н.э.).

Что касается более ранних периодов, то следует принимать во внимание, что египтянами правление каждого фараона рассматривалось как самостоятельная эра: различные события относились к тому году правления фараона, в течение которого они произошли. Поэтому для определения абсолютно точных дат необходимо было знать порядок следования всех фараонов Египта и точную длительность каждого правления. Действительно, «списки фараонов» были составлены в период Нового

царства по приказу правителей, желавших знать имена почитаемых предшественников: примеры включают комнату предков в Кармаке, таблицу Абидоса, таблицу Саккара и прежде всего великолепный Туринский царский папирус (царский список), который открыл Ж.Ф. Шампольон. Эти чрезвычайно ценные документы фрагментарны. Кроме того и прежде всего, в отношении самого раннего периода они неполны и не имеют подтверждений. Во времена Птолемея, около 300 г. до н.э., верховный жрец в Гелиополе по имени Манefon, известный по различным источникам, составил список фараонов, разделив их на 30 династий, правивших в периоды Древнего, Среднего и Нового царств. Он отвел 253 года на I династию и 302 (или 297) года на II династию, т.е. приблизительно 550 лет на первые две династии. Таким образом, именно посредством дедукции, имеющей в различных случаях разную надежность, появление фараонов датируется немногим ранее 3000 г. до н.э. Это время является периодом, когда, с некоторыми оговорками, последовательно правили Скорпион и Ка, а затем Нармер, которого идентифицируют с легендарным Миной. Правление Джосера, основателя III династии, датируется примерно 2624–2605 гг., а знаменитая IV династия, династия строителей великих пирамид в Гизе, правила между 2575 и 2465 гг. до н.э.

Возвращаясь к XII династии и позднему периоду, можно сказать, что об этом времени имеется гораздо больше доступных документов, которые, кроме того, поддаются более надежной интерпретации. Поэтому хронология может быть установлена с большей определенностью, хотя справедливо и то, что сам Второй переходный период остается совершенно неизученным. Считается, что династия фараонов-«восстановителей» Египта и Фив (XVII династия) охватывает время с 1650 до 1551 г. до н.э., т.е. даты, когда с Яхмоса, первого фараона XVIII династии, началась эра Нового царства. Некоторые писатели, однако, предпочитают по-прежнему относить этот «поворотный пункт» истории к 1580 г. до н.э.

Как можно заключить, вопросы хронологии являются слабым местом египтологии. Верно и то, что Египет в основном не обладал историей в нашем понимании этого слова. Ничто в его традициях не указывает на желание рационально, в соответствии с цепью причин и следствий изложить события, происходившие в пределах поколения: в Египте не было написано непрерывной истории и вряд ли было устойчивое намерение обращаться к потомкам. Египтяне считали, что историю творят космические силы, единственными истинными свидетелями чего являются боги; связь между последними и самими египтянами осуществлялась фараонами. Поэтому не удивительно, что Египет не оставил в документах ничего, кроме череды правлений фараонов, указывая последовательные годы каждого из этих царств.

Действительно, как свидетельствует исключительно важный иероглифический текст, высеченный на Камне из Палермо, с самых древних времен датировки производились по памятным событиям, часто религиозного характера. Позднее делались ссылки на данные переписи населения и на периоды, когда собирались налоги, как правило, раз в два года. Еще позднее были записаны даты каждого правления. Кроме того, складывается впечатление, что если в период Среднего царства времена правления отсчитывались от одного Нового года до следующего, то в Новом царстве, напротив, памятной становилась именно дата восшествия властителя на престол.

Перекрестные ссылки также подтверждаются генеалогическими записями. В некоторых случаях, при всей неопределенности таких документов, списки предшественников распространены на 60 поколений. Другой вопрос, вызывавший долгие споры, состоит в возможной синхронности событий в Египте с историей Западной Азии вообще и Месопотамии в частности. Даже в отношении мно-

го более позднего правления Рамсеса II (1290–1224 гг. до н.э.), в течение которого стало более интенсивным смешение народов, не всегда достигалось единодушное согласие.

Это объясняет, почему большие надежды в отношении истории как Египта, так и Месопотамии возлагались на датировку с помощью радиоуглеродного метода и на такие методы, как термолюминесценция и дендрохронология.

На деле, использование этих методов ставит новые проблемы, в частности проблему коррекции так называемых калиброванных с помощью углерода-14 дат из-за непостоянного уровня природной радиоактивности. Что касается дат, считавшихся абсолютными, например, полученных методами дендрохронологии, то они установлены только для некоторых образцов, которые должны быть отнесены к соответствующему им контексту, если мы хотим, чтобы дата события была определена правильно; так, в могиле фараона материал саркофага указывает дату, когда дерево было срублено, а не дату смерти властителя.

Стремясь к хронологической точности, мы должны учитывать все данные более или менее удовлетворительных исследований. В настоящей главе мы ссылаемся на множество таких «хронологических» споров, которые часто возникают при изучении данного периода и которые мы преднамеренно не рассматриваем. Наличие временных неопределенностей иллюстрирует следующий пример датировки известного события.

Исход евреев из Египта, для которого нет никаких современных подтверждений, в действительности касался только половины племени Иосифа, одного из 12 племен, которые должны были позднее образовать Израиль. Событие определено происходило в царствование Рамсеса II (около 1290–1224 гг. до н.э.): группе *хабирус* (*habirus* – родовое название некоторых кочевников Западной Азии), которых сгоняли на принудительные работы чиновники фараона, удалось убежать из обширной зоны строительства Пер-Рамсеса, новой столицы Рамсеса II в дельте Нила (ныне Тель-эль-Даба-Кантир), избрав околный путь, чтобы миновать египетские пограничные посты. Эпизод с переходом через Красное море, несомненно, мог иметь место в районе современной «Лагуны Бодуина» на средиземноморском берегу, – в месте, действительно известном внезапным и неожиданным изменением уровня воды. Выбор пути древними евреями был обусловлен тем, что народы, уже населявшие данную область, не позволили бы им войти в Палестину; это вынудило евреев выбрать длинный обходной путь – на юг до залива Акаба, затем поворот на север через Иорданию; в завершение они захватили Иерихон и расселились на «земле обетованной». На пятом году правления фараона XIX династии Мернептаха (Мернепта), приблизительно в 1219 г. до н.э., как подтверждает «Израильская стела», евреи действительно поселились на этих землях.

Другой важный пример – взятие Вавилона, в отношении которого авторы настоящего тома предлагают даты, колеблющиеся в пределах полутора столетий (от 1750 до 1595 г. до н.э.). В странах без письменных традиций калибровка дат с применением углерода-14 дала сильные аргументы в пользу более высоких хронологических значений. Другие дискуссии имели столь важные последствия, что С. Ренфрю (*C. Renfrew*) без колебаний назвал их «революцией». Они касаются датировки некрополя в Варне (Болгария) и местонахождений в Западной Европе, датированных V тысячелетием до н.э. Это отодвигает дальше в глубь времен появление обработки металлов и мегалитических памятников, которые впредь не будут относиться к рассматриваемому нами периоду. Общий вывод состоит в том, что необходимо ограничить влияние теории диффузионизма и находить другие объяснения для лучшего понимания местной эволюции в результате различных локальных новшеств. Значительный

прогресс был бы достигнут, если бы археологически датированный (калибровкой по углероду-14) результат подтверждал другие малоизвестные исторические календари.

Возможно, в течение этого же периода, т.е. в 3000–700 гг. до н.э., были разработаны и другие хронологические системы. То, что мы знаем, например, о высокоточной хронологической науке в Китае во времена империи Хань, в течение последних веков до н.э., доказывает, что эта наука основывалась на очень древних знаниях. Это также справедливо и в отношении перуанцев археологической культуры чавин конца второй – первой половины I тысячелетия до н.э.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AURENCHE, O., EVIN, J. (eds) 1987. Liste des dates C-14 des sites du Proche Orient de 14000 à 5700 B.P. In: *Chronologies in the Near East. CNRS International Symposium, Lyon (France), 24–28 November 1986.* Oxford. (BAR Int. Ser., 379.)
- BARTA, W. 1983. Zur Entwicklung des ägyptischen Kalenderwesens. *Z. ägyptisch. Sprache Altert. kd.* (Leipzig), Vol. 110, pp. 16–26.
- BRINKMAN, J. 1977. Appendix. In: OPPENHEIM, A. L. (ed.), *Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization.* Chicago/London. 2nd ed. pp. 335–52.
- CLOSE, A. 1980. Current Research and Recent Radiocarbon Dates from Northern Africa. *J. Afr. Hist.* (Cambridge), Vol. 21, pp. 145–67; Vol. 25, pp. 1–21.
- DERRICOURT, R. M. 1971. Radiocarbon Chronology for Egypt and North Africa. *J. Near East. Stud.* (Chicago, Ill.), Vol. 30, pp. 271–92.
- EDWARDS, I. E. S. 1970. Absolute Dating from Egyptian Records and Comparison with Carbon-14 Dating. *Philos. Trans. R. Soc., Ser. A,* Vol. 269, pp. 11–18.
- HASSAN, F. A. 1980. Radiocarbon Chronology of Archaic Egypt. *J. Near East. Stud.* (Chicago, Ill.), Vol. 39, pp. 203–7.
- 1985. Radiocarbon Chronology of Neolithic and Predynastic Sites in Upper Egypt and the Delta. *Afr. Archaeol. Rev.* (Cambridge), Vol. 3, pp. 95–116.
- HORNUNG, E. 1978. *Grundzüge der ägyptischen Geschichte.* Darmstadt.
- KRAMER, S. N. 1975. *L'histoire commence à Sumer.* Grenoble.
- KRAUS, R. 1985. *Sothis – und Monddaten. Studien zur astronomischen und technischen Chronologie Altägyptens.* Hildesheim.
- LIBBY, W. F. 1952. *Radiocarbon Dating.* Chicago.
- LONG, R. D. 1976. *Ancient Egyptian Chronology, Radiocarbon Dating and Calibration.* *Z. ägyptisch. Sprache Altert. kd.* (Leipzig), Vol. 103, pp. 30–48.
- NEUGEBAUER, O., PARKER, R. A. 1960. *Egyptian Astronomical Texts,* Vol. 1. Providence, R.I./London.
- PARKER, R. A. 1950. *The Calendars of Ancient Egypt.* Chicago, Ill.
- RENFREW, C. 1973. *Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe.* London.
- SÄVE-SÖDERBERGH, T., OLSSON, I. V. 1970. In: OLSSON, I. V. (ed.). *Radiocarbon Variation and Absolute Dating.* Stockholm, pp. 35–55.
- SUESS, H. E. 1986. *Radiocarbon and Egyptology,* In: DAVID, A. R. (ed.), *Science in Egyptology.* Manchester, pp. 61–5.
- WEILL, R. 1926. *Bases, méthodes et résultats de la chronologie égyptienne.* Paris.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Марио Ливерани

Основные элементы социально-экономической структуры в Западной Азии в бронзовом веке являются результатом больших революционных изменений, произошедших в процессе бурного развития «первой урбанизации» («городская революция» по Г. Чайлду; период Урук, около 3500–3000 гг. до н.э.), которая знаменует рождение города, государства (храма), централизованного (перераспределенного) управления, бюрократии и письменности, особенно в первоначальном ключевом регионе в Нижней Месопотамии и затем в Египте; и «второй урбанизации» (2700–2200 гг. до н.э.), характеризующейся распространением государственных структур по всему Древнему Востоку и формированием системы взаимодействующих региональных государств. Подобная линия эволюции несколько позднее проявилась в развитии цивилизации Хараппа/Мохенджо-даро в долине Инда и при переходе от неолита к бронзовому веку в Китае, хотя недостаток письменных свидетельств затрудняет точную историческую реконструкцию.

В результате этих изменений в Западной Азии разделение общества на три слоя происходило при участии центральной политической власти и в зависимости от соотношения собственности на средства производства. Центральную часть общества и его политической структуры составляли «большие организации» (*Oppenheim, 1967*), т.е. храмы и дворцы правителей, в руках которых помимо религиозной и политической деятельности концентрировались все отрасли хозяйства, в особенности те, которые имели отношение к производству товаров, их перераспределению, обмену и оказанию услуг. Ремесла, торговля, управление культов, управление, война и многие другие виды деятельности в значительной степени были монополизированы «большими организациями», а осуществлялись людьми, которые не владели средствами производства, фактически принадлежавшими храму или правителю, но которые работали на них и получали от них плату. Поэтому правители, руководившие всеми этими видами деятельности, были политической силой, обладавшей и экономической властью. Представители дворцового (или храмового) сословия в экономическом отношении являлись слугами правителя (или его символической ипостаси – бога), но в то же время и субъектами его политики. В системе перераспределения, сложившейся в государствах в бронзовом веке, дворцовое сословие получало реальную прибыль: в обмен на специализированные услуги их содержание обеспечивалось гораздо выше требований простого прожиточного минимума.

Второй слой общества состоял из земледельцев, он появился еще при догородском (т.е. неолитическом и хал-

олитическом) способе производства. Сельское население, занимавшееся производством продовольствия (земледелием и животноводством), в отличие от служителей двора, сконцентрированных в городе, проживали в деревенских сообществах. Они не имели никакой рабочей специальности и являлись собственниками соответствующих средств производства (полями, скотом), что закреплялось семейной и родовой структурой общества. Эта группа была связана с политическим и экономическим ядром государства, т.е. с двором, обязанностью платить дань. Определенная доля продукции («десятина») и труда (барщина) использовались при дворе правителя для обслуживания управляющего персонала и квалифицированных (не производящих продовольствия) работников, а также для финансирования общественных работ (например для прокладки каналов) и показа состояния (начиная со строительства зданий дворцов и храмов). В обмен на обеспечение продовольствием сельское население получало от дворца основные производственные, религиозные и военные услуги. Весьма часто, однако, внутри этой системы перераспределения происходила своего рода «мутация»: поставки продовольствия из деревень ко двору продолжались, но вознаграждение за это сводилось лишь к идеологической продукции (религиозной и политической пропаганде). Этот второй слой населения оставался данником, находившимся в политическом подчинении у двора, но экономически он был «свободен», поскольку земледельцы имели собственные средства производства.

Наконец, третье сословие имело незначительную связь с двором и городом (и, соответственно, с государством). Оно состояло из племенных групп, занятых в основном кочевым овцеводством в двух различных формах: «вертикального» перегона скота в холмистых регионах (Анатолия, Армения, Иран) и «горизонтального» перегона на полупустынных плоскогорьях. Это третье сословие было свободно не только экономически, так как владело средствами производства и даже не несло общей обязанности по уплате дани, но и политически, поскольку не признавало власть правителя и представляло серьезную проблему для установления его власти в условиях низкой плотности населения и подвижной структуры общества. Города-государства и производящие продовольствие районы были сосредоточены (и изолированы) на наиболее пригодных для ведения сельского хозяйства землях; их часто окружал пояс промежуточных территорий (горных или степных), занятых кочевниками. Жители городов-государств рассматривали кочевников как «бандитов», опасных и агрессивных. Хотя скотоводческие племена действительно могли стре-

миться завладеть товарами, хранившимися в городе, но все же экономическое и военное давление, оказываемое городом-государством на кочевников, значило больше: государство пыталось навязать им обязанности по уплате дани, разработке полезных ископаемых на периферийных территориях и стремилось сократить площади их пастбищ, отдавая предпочтение пахотным землям.

Основное различие между двумя последними слоями видно с социальной точки зрения (в отношении структуры семьи и рода, наследования средств производства). Во дворце (и храме) отдельный работник (обычно специалист в какой-то области) имел прямую связь с центральной администрацией: в обмен на свои услуги человек, зависевший от дворца, получал персональную компенсацию, первоначально в виде продовольствия, а затем (в течение рассматриваемого периода) в виде земельного надела. Предоставление земельного участка, в зависимости от условий, было персонафицировано и обратимо, если работник больше не находился на службе. Персональный характер работы и платы за нее, значение индивидуальной квалификации, отсутствие (по крайней мере теоретически) права на передачу земли (которая принадлежала дворцу или храму) приводили к ослаблению родственных отношений и укреплению персональных связей с центральной властью. Поэтому для дворцового сословия характерными особенностями являлись семейные ячейки, положительная оценка личных заслуг, небольшое значение наследования и прекращение связей между дальними родственниками.

Совершенно иным было положение в деревнях. Там производственной единицей являлась семья, но родство имело большое значение, и наследование земли происходило в основном автоматически. Любой член такой семьи с рождения имел свое предназначение, в значительной степени обусловленное не столько персональным умением, сколько положением по отношению к правам наследования и перспективами на заключение выгодного брака. Солидарность многочисленного семейного клана, кроме того, помогала поддерживать стабильные отношения между различными семьями в течение длительного времени и, следовательно, сокращала риск потери собственности и маргинализации.

В заключение можно также отметить, что значение в скотоводческо-племенной среде больших семей, владевших средствами производства (стадами, пастбищами, путями перегона скота), и основа политической структуры определялись способом производства. Племя было группой больших семейств, связанных между собой экономическими интересами (использованием одних и тех же пастбищ) и идеологическими мотивациями, сосредоточенными на предполагаемом происхождении от общего предка, эпониме племени и почитании культа.

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

К середине II тысячелетия до н.э. эти фундаментальные структуры подверглись изменениям под влиянием отчасти внутренних социально-экономических перемен, отчасти внешних факторов. По сравнению с периодами раннего и среднего бронзового века поздний бронзовый век характеризуется сокращением площади городских поселений и сельскохозяйственных угодий, которые теперь оставались лишь на территориях, лучше обеспеченных водой благодаря ирригации или уровню осадков. Возможно, общее ухудшение климатических условий также играло свою роль; в любом случае ясно, что большие полупустынные регионы, прежде занятые городами и сельскохозяйственными общинами, все в большей степени пустели – особенно во Внутренней Сирии, Иордании и в центре Ирана. В результате оставались большие пространства для пастбищ,

а в сохранившихся городских центрах становилось все труднее поддерживать высокие на фоне происходившего сокращения производственной базы стандарты потребления. На некоторых территориях, находившихся вне влияния этого кризиса (Египет и регион Эгейского моря достигли своего расцвета именно в период бронзового века), сохранялись положительные демографические тенденции, но во всей Западной Азии происходило явное сокращение численности населения.

В долине Инда после внезапного упадка местной цивилизации медленно восстанавливались прежняя численность населения и система поселений. В Китае общая тенденция представляется совершенно иной (и независимой): к середине II тысячелетия до н.э. окончательно сформировались первые большие города и политические структуры регионального уровня; относительно династии Шан впервые можно установить явные взаимосвязи между археологическими находками и историческими записями.

Снижение уровня производства и демографические проблемы вызвали важные изменения в политике, идеологии и технологии и привели к перестройке общественно-экономической структуры. Правители в период среднего бронзового века уделяли особое и постоянное внимание сохранению социальной устойчивости. Благодаря периодическому изданию указов об освобождении от уплаты долгов «свободные» земледельцы (всегда подверженные риску потерять свободу и землю из-за невозможности погасить задолженность) получали некоторую отсрочку для преодоления экономических трудностей. В позднем бронзовом веке, однако, указы об освобождении от задолженностей больше не издавались, задолженность росла и правитель извлекал из этой ситуации свою выгоду, проводя более жесткую налоговую политику и усиливая эксплуатацию. «Праведного и справедливого» правителя среднего бронзового века сменил правитель, характеризовавшийся личной храбростью и принадлежностью к привилегированному классу, склонный к демонстративной роскоши.

Следует подчеркнуть, что этот переход от среднего к позднему бронзовому веку сопровождался, в частности, распространением использования лошадей; их выращивали и специально готовили, чтобы впрягать в легкие двухколесные повозки для военных целей и для охоты. Земледельческая пехота теряла свое традиционное значение, росло превосходство класса «военных специалистов». Воины на колесницах находились на содержании дворца, здесь они получали возможность выращивать лошадей, приобретать качественное вооружение и упражняться в воинском искусстве и доблести. Воины на колесницах составляли своего рода военную аристократию, получая за свою службу разнообразное имущество и удерживая земледельцев в повиновении на положении «крепостных» (земледельцы продолжали возделывать поля, больше не являвшиеся их собственностью). Указанное сокращение территорий, находившихся под контролем двора правителя, а также сосредоточение богатства и политической власти в руках военной аристократии придавало двору новые черты. Он больше не являлся лишь руководящим центром своих владений, теперь он стал также связующим звеном межрегиональной сети (с явными классовыми признаками), присваивавшим результаты труда специалистов-ремесленников, накопившим огромные богатства в виде дорогостоящего имущества и поддерживавшим контакты через междинастические браки, обмен подарками и посланиями.

Различные специализированные группы в основном зависели от двора правителя (храмы теперь находились в экономическом подчинении у двора). Количественные оценки могут весьма отличаться от области к области, но можно предполагать, что 20% населения принадлежало к

дворцовому сословию, разделялось на группы (термин «гильдия» по отношению к этому периоду может ввести в заблуждение) различных рангов, социального престижа и экономического достатка. Вершину социальной и экономической лестницы занимали воины, писцы, священники и торговцы. Воины, т.е. воины на колесницах (*марианну* – технический термин индоиранского происхождения), владели большими поместьями, были связаны брачными узами или происхождением с семьей правителя и разделяли его претенциозную и элитарную идеологию. Лошади и колесницы, вероятно из Центральной Азии, достигали Верхней Месопотамии (государства Митанни), Нижней Месопотамии (Касситского царства), Сирии и Палестины, Анатолии (Хеттского царства и др.), эгейского региона (Микен) и Египта (Нового царства); в этот период они появились также в Северной Индии и Китае. Помимо воинов на колесницах при дворе служил военный персонал более низкого ранга, преимущественно в качестве охраны.

Жрецы обычно были низведены до ранга подчиненных правителя, а центральное (политическое и экономическое) значение храма к этому времени было постепенно утрачено. Тем не менее жрецы пользовались большим авторитетом даже в тех регионах, где храмы были лишь небольшими сооружениями, предназначенными только для отправления культов. Повсеместно храмы содержали большие поместья и крепостных земледельцев, особенно в Египте и Вавилонии, как наследие «первой урбанизации», которая происходила в связи со строительством храмов. Писцы и чиновники также имели высокий социальный статус в обществе и получали высокую плату, так как только они в совершенстве владели лого-силлабической письменностью, необходимой для управления дворцовой деятельностью, но очень трудной в освоении.

Авторитет торговцев не был особенно высок, но они были богаты. По сути, они являлись торговыми агентами двора, действуя по приказу правителя и используя его финансовую поддержку. Тем не менее отношения между двором и торговцами и сама роль торговцев претерпели существенные изменения в период с III тысячелетия до н.э. до позднего бронзового века. В III тысячелетии до н.э. торговцы получали от двора или храма ссуду (в виде серебра или товаров) и уезжали в дальние страны за товарами, которые не производились на родине. По возвращении они оплачивали счета центральной администрации, следя, чтобы стоимость привезенных товаров была эквивалентна полученным ранее ссудам. В позднем бронзовом веке общий принцип оставался тем же, но с двумя существенными поправками. Во-первых, торговцы помимо служебных обязанностей занимались самостоятельной частной деятельностью. Во-вторых, они являлись единственной группой общества, обеспеченной «наличными» деньгами (серебром) и кредитом, и все больше практиковали предоставление ссуд (под проценты, личный залог, под залог недвижимости), таким образом получая дополнительное богатство. Эта финансовая деятельность осуществлялась в перерывах между, так сказать, основной коммерческой деятельностью: счета оплачивались спустя год после получения ссуды; этот год частично мог быть использован для торговых поездок, а частично – для предоставления денег в займы на родине.

Ремесленники, хотя и обладали опытом тонких технологий и были авторами художественных произведений, столь характерных для обществ Древнего Востока в позднем бронзовом веке, получали меньшую прибыль. Они работали в рамках структуры двора правителя, получая (в результате торговой деятельности двора) ценное сырье из отдаленных мест (дерево и слоновую кость, металлы и драгоценные камни), и их главным заказчиком был двор. Их даже предоставляли «в пользование» другим дворам, что способствовало распространению опыта, приемов

работы и художественного вкуса. При этом, однако, они частично теряли личную свободу.

Производство продовольствия обеспечивалось главным образом «свободными» земледельцами, в первую очередь занятыми обработкой неполивных земель. Сельскохозяйственная и животноводческая деятельность могла также осуществляться служащими двора (крепостными) в сельскохозяйственных имениях, принадлежавших правителю или храмам, как это имело место в Нижней Месопотамии, а также (в различных формах) в Египте и Анатолии и в меньшей степени в Сирии, Палестине и в Верхней Месопотамии. Двор получал дань со свободных поселений, но гораздо больше с собственных имений (полный урожай за вычетом семян для следующего сезона и продовольствия для крепостных). Однако двор не мог слишком расширять прямую эксплуатацию, потому что имения двора могли приносить прибыль только при использовании барщины. Земледельцы составляли необходимый резерв трудовых ресурсов, который использовался на наиболее интенсивных сезонных работах, что позволяло двору держать лишь ограниченное количество постоянных крепостных (последнее, очевидно, приводило к еще большим трудностям в поселениях).

В Китае того времени сложилась иная ситуация: сельскохозяйственная технология и управление представляются более отсталыми, социальная структура в большей степени зависела от родственных связей, и поэтому в идеологии общества доминировал культ предков. Тем не менее отношения между городом и селом в основном были такими же: вокруг дворца правителя было сосредоточено специализированное ремесленничество (особенно высоко была развита обработка бронзы); в сельской местности жило большое количество платящих дань земледельцев, обеспечивавших производство продовольствия и поставку рабочей силы для государственных общественных работ – прокладки каналов и строительства храмов. Даже военное использование колесниц характеризует династию Шан как стоявшую наравне с правителями периода позднего бронзового века в Западной Азии и «героической эры» Индии – такое совпадение вряд ли можно приписать результату независимого развития. К сожалению, имеющиеся письменные свидетельства не позволяют нам реконструировать китайское общество середины II тысячелетия до н.э. с точностью до деталей, как это возможно для Западной Азии.

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Тесные связи между двором и свободными группами (при давлении на них со стороны двора) воздействовали на обе стороны и способствовали изменению общественного устройства в Западной Азии. Под влиянием «свободного» крестьянства, его модели семейных связей и передачи собственности в рамках семьи при дворе также все более распространялось наследование персональных постов и услуг. Сын являлся наследником отца, и поэтому участок земли, предоставленный в качестве платы за службу, оставался во владении той же семьи, постепенно теряя свойство вознаграждения, данного на определенных условиях и на ограниченное время, и сливался с другими земельными владениями семьи. Как только владения объединялись, дворцовые вассалы старались освободиться от своих служебных обязанностей. В некоторых случаях их служба становилась лишь синекурой или не более чем титулом; в других случаях правитель жаловал вассалу «освобождение» от службы либо предпочитал заменить обязанность служить на ежегодную или одноразовую плату серебром. В конце этого процесса, который здесь восстановлен гипотетически, но, по-видимому, не всегда воплощался в действительности, двор лишался земли и слуг и полу-

чал лишь прибыль наличными от случая к случаю, что ставило вопрос о его выживании.

С другой стороны, дворцовая модель индивидуальной собственности и положительная оценка личных достоинств оказывала влияние на традиционную структуру семьи в сельской общине. Наследование имущества больше не являлось автоматическим (с преимущественным правом первородства), а было обусловлено поведением сыновей по отношению к родителям. Отец мог лишиться наследства или предпочесть одного сына другому; увеличивалось число случаев усыновления, а также освобождения домашних рабов (женщин). В общем семейство стало в большей степени, чем в прошлом, субъектом личных отношений в ущерб сложившейся структуре. Кроме того, экономическая необходимость способствовала продаже земель.

В среднем бронзовом веке существовали обычаи, которые удерживали каждую семью на земле ее предков. Но требования обычаев больше не действовали в позднем бронзовом веке, когда продажа земли стала свободной (или маскировалась «ложным усыновлением» или другими юридическими ухищрениями). Изменения внутри традиционной семьи и ослабление сплоченности в расширенном семейном клане приводили к широкому изъятию земель из «свободных» областей в пользу ростовщиков (ими были торговцы и дворцовые чиновники). В течение позднего бронзового века в некоторых областях увеличилось число беглых членов общин – должников и рабов. Двор правителя (т.е. государство) в соответствии с требованиями кредиторов создавал судебные (и полицейские) структуры для преследования, поимки и возвращения беглецов. Соседние государства заключали между собой соглашения о взаимном возвращении беглых людей, которые иногда имели политические причины скрываться, но чаще являлись просто должниками и рабами.

В рамках этих эволюционных тенденций племена скотоводов, слабо вовлеченные в дворцовые события в течение позднего бронзового века, приобрели значение альтернативы государству или по крайней мере альтернативного места притяжения, привлекая беглецов (одиночных или объединенных в группы) и даже целые общины: оставаясь на месте, они могли переходить от положения дворцовых вассалов к включению в родовую структуру племени. Этот процесс происходил только там, где были подходящие географические условия. В больших затопаемых долинах Месопотамии и Египта контроль со стороны государства оставался весьма строгим и политическое управление было единым на большой территории. Но в таких регионах, как Сирия, Палестина и горные долины Анатолии и Ирана, политическая неоднородность и сосуществование в близком соседстве обоих элементов – двора и племени – делало ситуацию более открытой и подвижной, и в этих условиях беглецы легко скрывались, что создавало большую проблему для городов-государств.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК: КРИЗИС И НОВЫЕ СТРУКТУРЫ

Внутренние факторы кризиса, столь характерного для заключительной фазы бронзового века, в начале XII в. до н.э. внезапно усилились под давлением внешних факторов. Восточное Средиземноморье было охвачено процессом миграции населения, который вверг политическую систему в пучину беспорядков, уничтожил многие дворцы и разрушил местные установления, способствуя таким образом появлению новых общественно-экономических моделей. Этот кризис и последующая перестройка были наиболее интенсивны в эгейском регионе, в Анатолии, Сирии, Палестине и на Кипре. В долине Нила и в странах к востоку от Евфрата, не затронутых миграцией, уже суще-

ствовавшие государства (Египет, Ассирия, Вавилон, Элам) могли оказывать сопротивление, но их внутренние и международные отношения также находились под влиянием миграционных процессов.

К западу от Евфрата на некоторое время наступил почти полный закат дворов правителей, в связи с чем пришли в упадок и специализированные ремесла (в основном сосредоточенные при дворе), так же, как и сеть международных отношений (обмен подарками, браки между династиями, дипломатия и так далее). Торговцы, ремесленники, писцы, чиновники, воины на колесницах – все потеряли свою экономическую основу и своих (почти уникальных) заказчиков. Упоминания о некоторых группах (например *марианну*) вообще исчезают из письменных документов: роль этих групп, уже превратившаяся в синектуру, к этому времени была исчерпана. Другие группы (например торговцы), напротив, оказались способны реорганизовать свою деятельность в разных направлениях на основе частного предпринимательства, частной собственности на средства производства, лояльности по отношению к клиентам и применения многих технологических усовершенствований.

Разрушение дворцов позднего бронзового века привело к своего рода освобождению различных аспектов культуры и технологии, оказавших существенное влияние на социально-экономические отношения. Обработка железа и алфавитное письмо, основы которых уже сложились в позднем бронзовом веке, теперь могли шире распространяться из-за исчезновения придворных мастеров по бронзе, перерыва в дальней торговле металлом (оловом) и исчезновения сословия писцов, владевших сложным и освоенным веками словесно-слоговым (клиновидным) письмом. Другие технологические усовершенствования (широкомасштабное разведение одно- и двугорбых верблюдов, ирригация полупустынных земель, создание террас на склонах холмов) изменили структуру поселений. В железном веке поселения были распространены намного шире по сравнению с поздним бронзовым веком: в дополнение к побережьям и долинам были заново заселены засушливые плоскогорья и холмы; этот процесс достиг даже оазисов в пустынях; кроме того, была обновлена и значительно расширена сеть межрегиональных отношений. Четкое различие, существовавшее в течение бронзового века между большими укрепленными городами (где располагался дворец, центр политической власти, специализированных ремесел и церемониальной деятельности) и небольшими незащищенными селениями, занятыми производством продовольствия, в железном веке частично исчезает. Города теперь стали меньше, большие деревни были укреплены, а распределение специализированных функций в разных местах стало более неоднородным. На этой новой сцене важную роль сыграли скотоводческие племена, как прежние «полукочевники» (овцеводы), так и новые «кочевники» (разводившие верблюдов). В некоторых регионах они играли, как уже упоминалось, роль политического полюса, альтернативного двору. Крестьянские деревни, прежде являвшиеся административными единицами дворцового государства, становились кланами племен, которые господствовали на этой территории. Различие между кочевыми и оседлыми народами становилось менее очевидным. В некоторых случаях племя начинало господствовать и политически. Переход кочевников к оседлости становится археологически видимым в новых поселениях, появившихся в ранее пустынных областях (во Внутренней Сирии, Иордании, в центре Ирана); племена, ведущие исключительно кочевой образ жизни, начали распространяться в областях, ранее малозначительных с исторической точки зрения (особенно на севере Аравийского п-ова).

Упадок дворцовых государств и возрастание роли скотоводческих племен рождали новую государственную мо-

дель. В бронзовом веке государство было чисто территориальной и административной единицей (территорией, управляемой из резиденции правителя). В государстве железного века политическая принадлежность являлась результатом влияния этнических, родственных и религиозных факторов. Различия в языке и религии приобретали политическое значение и были символически связаны с происхождением от общего предка и поклонением «национальному» богу.

На социально-экономическом уровне упадок дворцовой власти и новая роль племени вели к возрастанию важности «свободных» сельских сообществ в ущерб «слугам правителя». Некоторые эволюционные тенденции позднего бронзового века (например изменение семейных отношений) были на некоторое время приостановлены. Но другие тенденции продолжали развиваться, особенно те, которые были связаны с личной ответственностью, частной собственностью и формированием человеческой индивидуальности. Некоторые группы, ранее принадлежавшие к дворцовому сословию (например торговцы и ремесленники), отделившись от политической элиты, нашли себе новое место и в некоторых случаях представляли собой настоящую копию царского двора. Дворцовая власть получила новый импульс (особенно начиная с X в. до н.э.), но городские собрания и советы старейшин сохранили свою политическую (а не только судебную) роль. Социально-экономические изменения продолжались и в больших царствах с древними традициями – в Египте и Вавилонии, в которых не проявились наиболее острые формы кризиса, но в отдаленных от наиболее перспективных проявлений нового порядка. Прежде «свободные» крестьяне подвергались своего рода общему закреплению. Группы писцов, жрецы и специализированные ремесленники, сосредоточенные в храмах, искали новые формы их отношений с дворцовой властью, основанные на предоставлении «свободы», налоговых послаблениях, освобождении «крепостных» и организации «гильдий», таким образом защищая свою автономию и служа более разнообразным слоям общества.

В Китае переход от династии Шан к династии (Западной) Чжоу, по-видимому, происходил как следствие внутренних столкновений без значительных выраженных социальных сдвигов, характеризовавших конец II тысячелетия до н.э. Роль кочевых народов, которая станет столь важной на следующих этапах китайской истории, в то время была еще вне поля зрения исторических документов; при этом главным содержанием китайской цивилизации в основном все еще оставались динамичные отношения между «внутренней» частью страны и «внешними» территориями.

ВЛИЯНИЕ ИМПЕРИЙ

Различия между «западными» территориями, переживавшими упадок и перемены в начале железного века, и «восточными» территориями, в которых сохранялся более традиционный порядок, в определенной степени уменьшились в результате имперской экспансии Ассирии в IX и VIII–VII вв. до н.э. Это было главным образом политическим явлением (в различных его аспектах: военном, административном и т.д.), но оно оказывало соответствующее влияние и в области культуры (в направлении унификации, но и обеднения), а также на социально-экономические структуры.

Управление, административная и церемониальная деятельность, как и специализированные работы, были сконцентрированы в сердце империи – в ассирийских столичных городах, но в новых формах и масштабе. Масштаб этих городов был намного значительнее, потому что ассирийские столицы имели возможность больше получать от об-

ширных внутренних регионов (включавших всю Западную Азию), используя более жесткую, чем в бронзовом веке, эксплуатацию человеческих и материальных ресурсов. В ассирийских городах концентрация людей была беспрецедентна, а дворцовая зона внутри городов была на редкость обширна. Высокие государственные и дворцовые чиновники, гражданские управляющие и военные чины достигали высокого экономического положения, основанного на крупных поместьях, дарованных правителем, значительных трудовых ресурсах, приобретенных в результате военных кампаний, и налоговых привилегиях. Однако их богатство зависело от расположения правителя, так что в короткое время можно было как получить, так и лишиться крупных поместий в связи с прекращением личных отношений, из-за клеветы или в результате внутренней борьбы, которая подрывала верность родственным связям. Не случайно, привилегированной группой при царе были евнухи, которых отличала особая личная преданность и невозможность передать потомкам свое положение и богатство.

Еще более сильным было влияние ассирийского государства на окружающие покоренные регионы. Политический и военный «империализм» бронзового века приводил к установлению обязанности платить дань, но оставлял нетронутыми местные политические структуры, их производительные силы и культурные черты. Напротив, ассирийское завоевание, особенно с середины VIII в. до н.э., вело к физическому разрушению и политическим присоединениям территорий, превращая самостоятельные государства в провинции империи. Местные дворцы разрушались, местный персонал специалистов (писцов, ремесленников, торговцев и т.д.) ликвидировали или выселяли в Ассирию с двойной целью: пресечь любую возможность политического возрождения захваченных областей и одновременно приобрести для центрального города квалифицированных работников, особенно высоко ценимых за «экзотику». Столица империи, идеально расположенная в ее центре, пользовалась преимуществами централизации не только в виде продовольствия и сырья, но также в форме технологий и художественных стилей побежденных государств, которые до недавнего времени были центрами культурной жизни и население которых было теперь жестоко поработано и перемешано с другими народами.

Отчасти похожая ситуация складывалась в сельской местности среди населения, которое производило продовольствие. Сильные разрушения в завоеванных регионах приводили к упадку поселений, о чем можно судить по археологическим данным. Проводились также массовые депортации, как в сельскую местность Ассирии, так и между различными провинциями, с двойной целью: перемешать покоренные народы (лишая их всех «национальных» особенностей) и заселить Ассирию, у которой потеря населения (в результате постоянных войн) была не менее значительной, чем в побежденных регионах. Исчезновение собственного класса свободных земледельцев и их замена депортированным населением привели к коренным изменениям в общественном устройстве Ассирии. Сельские сообщества стали поселениями крепостных, которые являлись собственностью правителя или высших чиновников (землевладельцев) и которые зачастую были отчуждены от своего рода, религии, языка и культуры.

В конце этого процесса сложилась ситуация, наша оценка которой совпадает с оценкой, данной греками, когда они вступили в контакт с восточными империями: появилось «всеобщее крепостничество» (или даже «всеобщее рабство»). Старое дворцовое сословие, представленное «слугами» правителя, улучшало свое экономическое положение, но все еще зависело от правителя и подчинялось его волеизъявлениям. С другой стороны, старое сословие «свободных» (но экономически угнетаемых) крестьян

в деревенских сообществах потеряло свою экономическую самостоятельность (т.е. собственность на средства производства) из-за долговременной задолженности, а также в результате новой империалистической политики порабощения и переселения.

Хотя этот процесс привел большую часть Западной Азии к всеобщему закреплению, все же в начале железного века новый импульс приобретают элементы инноваций и свободы в окраинных областях, внешних по отношению к империи, но предназначенных для новой централизации в более широком масштабе. Древнегреческий *полис* и финикийские города-государства наращивали торговлю и развивали ремесла, укрепляли свои политические структуры (городские собрания и т.п.), не относящиеся к власти центрального правителя, и достигли более широкого и разнообразного участия населения в принятии решений и общественном распределении ресурсов. При совершенно разных социально-экономических и политических условиях можно отметить некоторое сходство в жизни скотоводческих народов на территориях Сирии, Аравийского п-ова и Ирана. Все эти регионы также оставались внешними по отношению к государству; в них развивались формы политической организации и экономической деятельности, менее подверженные давлению центральной дворцовой власти. Перегонное скотоводство, караванная торговля и зарождавшееся горное дело приобретали в позднем железном веке новое притягательное значение, предоставляя всему региону Западной Азии более высокий стандарт социально-экономических отношений.

Различия имелись также и между традиционными большими центрами цивилизации – Египтом и Вавилонией. В железном веке они все еще являлись крупнейшими «рынками» Западной Азии, потому что имели наивысшую плотность населения и производили наибольшее количество продовольствия. Это же справедливо и в отношении долины Инда на Индийском субконтиненте и для долин рек в Китае. Египту и Вавилону частично присуще стремление к имперским завоеваниям, но они обладали более прочной культурной традицией, освященной веками. Культурное тяготение к древности и традиционализму имело свои параллели на социально-экономическом уровне, проявляясь в возрождении храмов как центров производительной и перераспределительной деятельности, все еще использовавших старые административные методы с применением словесно-слового письма. Города-храмы, которые были ядром государства во время «первой урбанизации», теперь стали некоторым местными копиями, связанными своим освобождением от налогов и организованными своей своеобразной «гильдией». Они являлись частью экономической системы, которую можно назвать «рынком» только в том смысле, что товары получались не просто в обмен на службу, а в рамках сети, в которой труд, вознаграждение за работу и товары обменивались с участием множества посредников, имевших различный юридический статус.

В конце VII в. до н.э. все части Западной Азии поразному продвигались к социально-экономической системе, весьма отличной от существовавшей в бронзовом веке, в зависимости от их связи с имперской унификацией, от бремени традиций и участия в переменах, происходивших в раннем железном веке. При этом, однако, данный процесс сталкивался с двумя различными и почти противоположными явлениями. В политических и географически удаленных областях, подобных греческим городам-государствам, или в социально изолированных группах, подобных депортированным внутрь империи евреям, происходили большие изменения, характеризовавшие «веяния эпохи». Эти новшества шли в направлении развития рациональной науки, этических верований, индивидуализма и формирования (в экономической сфере) плюралистической структуры, в которой государство может быть лишь одним

из компонентов. С другой стороны, в традиционных обществах Египта и Месопотамии (к тому времени включенных в империю Ахеменидов) преобладало стремление к консерватизму, приводившее к реальному возрождению центральной власти двора правителя над порабощенным населением, даже не имевшим (как это было в бронзовом веке) внутреннего «вертикального» (т.е. социального) и «горизонтального» (т.е. географического) разнообразия.

Развитие ранней (Западной) династии Чжоу в Китае лишь внешне напоминало процессы, происходившие в Ассирийском государстве. Конечно, шел процесс консолидации и расширения государственных структур, но образ реальной китайской «империи» представляется анахронической проекцией более поздней (относящейся к династии Хань) ситуации. И только к середине I тысячелетия до н.э. можно предположить некоторую степень координации исторического развития на всей территории Евразии. «Веяния эпохи» в VII в. до н.э. характеризовались широким распространением социальных и культурных тенденций, отчасти сходных во всем регионе: от появления ионийских философов и ученых в Древней Греции и деятельности еврейских пророков до этических верований, связанных с именами Заратустры (Заратустры, *греч.* Зороастра) в Иране, Будды в Индии и Конфуция в Китае. Эти духовные движения также связаны с существенными изменениями в социальных и экономических отношениях, но это является предметом новой главы в истории развития человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADAMS, R. McC. 1981. Heartland of Cities. Chicago, Ill.
 AERTS, A., KLENGEL, H. (eds) 1990. The Town as Regional Economic Centre in the Ancient Near East. Leuven.
 ARCHI, A. (ed.) 1984. Circulation of Goods in the Non-Palatial Context in the Ancient Near East. Roma.
 BALKAN, K. 1986. Studies in Babylonian Feudalism of the Kassite Period. Malibu, Calif.
 BOROWSKI, O. 1987. Agriculture in Iron Age Israel. Winona Lake, Ind.
 BRENTJES, B. (ed.) 1988. Das Grundeigentum in Mesopotamien. Berlin.
 BRIANT, P. 1982. Etat et pasteurs au Moyen Orient ancien. Paris/Cambridge.
 BUCCELLATI, G. 1967. Cities and Nations of Ancient Syria. Roma.
 BULLIET, R. W. 1990. The Camel and the Wheel. New York.
 COGAN, M. 1971. Imperialism and Religion. Pittsburg, Pa.
 DIAKONOFF, I. M. 1967a. Die hethitische Gesellschaft. Mitt. Inst. Orientforsch., Vol. 13, pp. 313–66.
 — 1967b, 1968. [Problems of Economics. The Structure of Near Eastern Society before the Middle of the Second Millennium BC.] Вестник древней истории, 1967, № 4, с. 13–35; 1968, № 3, с. 3–27; 1968, № 4, с. 3–40 (translated into English in Oikumene, Vol. 3 (1982), pp. 7–100).
 — 1969. Agrarian Conditions in Middle Assyria. In: — (ed.), Ancient Mesopotamia. Moscow. pp. 204–34.
 — (ed.) 1991. Early Antiquity. Chicago, Ill./London.
 FALES, F. M. 1973. Censimenti e catasti de epoca neo-assira. Roma.
 — 1975. Popolazione servile e programmazione padronale in tarda età neo-assira. Oriens antiq. (Roma) Vol. 14, pp. 325–60.
 — 1990. The Rural Landscape of the Neo-Assyrian Empire: A Survey, State Arch. Assyria, Bull. Vol. 4, pp. 81–142.
 FRICK, F. 1985. The Formation of the State in Ancient Israel. Winona Lake, Ind.
 GARELLI, P. 1967. Le problème de la 'féodalité' assyrienne du XVème au XIIème siècle av. J. C. Semitica, Vol. 17, pp. 5–21.
 GELB, I. J. 1967. Approaches to the Study of Ancient Economy. J. am. Orient. Soc. (New Haven, Conn.), Vol. 87, pp. 1–8.
 GEUS, C. de. 1976. The Tribes of Israel. Amsterdam.
 GIBSON, McG. 1974. Violation of Fallow and Engineered Disaster in Mesopotamian Civilization. In: DOWNING, T. E.; GIBSON, McG. (eds), Irrigation's Impact on Society. Tucson, Ariz. pp. 7–19.

- GOBLOT, H. 1979. *Les qanats*. Paris.
- GOTTWALD, N. K. 1979. *The Tribes of Yahweh*. New York.
- HELTZER, M. 1976. *The Rural Community in Ancient Ugarit*. Wiesbaden.
- 1982. *The Internal Organization of the Kingdom of Ugarit*. Wiesbaden.
- HELTZER, M., LIPINSKI, E. (eds) 1988. *Society and Economy in the Eastern Mediterranean (c. 1500–1000 BC)*. Leuven.
- HOPKINS, D. C. 1983. *The Highlands of Canaan*. Winona Lake, Ind.
- JACOBSON, V. 1969. *The Social Structure of the Neo-Assyrian Empire*. In: DIAKONOFF, I. M. (ed.), *Ancient Mesopotamia*. Moscow. pp. 277–95.
- JANSSEN, J. J. 1975. *Prolegomena to the Study of Egypt's Economic History During the New Kingdom*. *Stud. altägypt. Kult.*, Vol. 3, pp. 127–84.
- 1981. *Die Struktur der pharaonischen Wirtschaft*. *Gött. Misz.*, Vol. 48, pp. 59–77.
- KLENGEL, H. 1972. *Zwischen Zelt und Palast*. Leipzig.
- (ed.) 1989. *Kulturgeschichte des alten Vorderasien*. Berlin.
- KRAUS, F. R. 1969. *Erbrechtliche Terminologie im alten Mesopotamien*. In: DAVID, M., KRAUS, F. R., PESTMAN, P. W. (eds.). *Essays on Oriental Laws of Succession*. Leiden, pp. 1–57.
- LEMICHE, P. 1982. *Early Israel*. Leiden.
- LIPINE, L. A. 1960. *The Assyrian Family in the Second Half of the Second Millennium BC*. *Cah. Hist. mond.* Vol. 6, pp. 628–43.
- LIPINSKI, E. (ed.) 1979. *State and Temple Economy in the Ancient Near East*. Leuven. 2 vols.
- LIVERANI, M. 1975. *Communautés de village et palais royal dans la Syrie du II millénaire*. *J. econ. soc. Hist. Orient (Leiden)*, Vol. 18, pp. 146–64.
- 1976. *Il modo di produzione*. In: *L'alba della civiltà*. Torino. Vol. 2, pp. 1–126.
- 1984. *Land Tenure and Inheritance in the Ancient Near East: the Interaction between 'Palace' and 'Family' Sectors*. In: KHALIDI, T. (ed.), *Land Tenure and Social Transformation in the Middle East*. Beirut. pp. 33–44.
- 1986. *The Collapse of the Near Eastern Regional System at the End of the Bronze Age*. In: ROWLANDS, M., LARSEN, M. T., KRISTIANSEN, K. (eds). *Centre and Periphery in the Ancient World*. Cambridge, pp. 66–73.
- 1988. *Antico Oriente, Storia, società, economia*. Roma.
- 1990. *Prestige and Interest*. Padova.
- MALBRAN-LABAT, F. 1982. *L'armée et l'organisation militaire de l'Assyrie*. Genève.
- MELLINK, M. (ed.) 1964. *Dark Age and Nomads c. 1000 BC*. Istanbul.
- MENU, B. 1970. *Le régime juridique des terres et du personnel attaché à la terre dans le Papyrus Wilbour*. Lille.
- MUSTI, D. (ed.) 1985. *Le origini dei Greci: Dori e mondo egeo*. Roma.
- OATES, D. 1968. *Studies in the Ancient History of Northern Iraq*. London.
- ODED, B. 1979. *Mass Deportation and Deportees in the Neo-Assyrian Empire*. Wiesbaden.
- 1992. *War, Peace and Empire*. Wiesbaden.
- OPPENHEIM, A. L. 1967. *A New Look at the Structure of Mesopotamian Society*. *J. econ. soc. Hist. Orient (Leiden)*, Vol. 10, pp. 1–16.
- PESTMAN, P. W. 1968. *Burial and Inheritance in the Community of the Necropolis Workmen at Thebes*. *J. econ. soc. Hist. Orient (Leiden)*, Vol. 11, pp. 137–70.
- POSTGATE, J. N. 1974. *Taxation and Conscription in the Assyrian Empire*. Roma.
- POWELL, M. (ed.) 1987. *Labor in the Ancient Near East*. New Haven, Conn.
- READE, J. 1978. *Studies in Assyrian Geography*. *Rev. Assyriol. (Paris)*, Vol. 72, pp. 47–72, 157–80.
- REVIV, H. 1972. *Some Comments on the Maryannu*. *Israel Explor. J.*, Vol. 22, pp. 218–28.
- SANDERS, N. 1978. *The Sea Peoples*. London.
- SAPIN, J. 1981, 1982. *La géographie humaine de la Syrie-Palestine au deuxième millénaire av. J.C.* *J. econ. soc. Hist. Orient (Leiden)*, Vol. 24 (1981), pp. 1–62; Vol. 25 (1982), pp. 1–49, 114–86.
- SCHACHERMYER, F. 1982. *Die Levante im Zeitalter der Wanderungen*. Wien.
- STAGER, L. 1985. *The Archaeology of the Family in Ancient Israel*. *Bull. am. Sch. Orient. Res. (New Haven, Conn.)*, Vol. 260, pp. 1–35.
- STRANGE, J. 1987. *The Transition from the Bronze Age to the Iron Age in the Eastern Mediterranean and the Emergence of the Israelite State*. *Scand. J. Old Testam.*, Vol. 1, pp. 1–19.
- WALDBAUM, J. 1978. *From Bronze to Iron*. Göteborg.
- WALSER, G. (ed.) 1964. *Neuere Hethiterforschungen*. Wiesbaden.
- WERTIME, T. A., MUHLY, J. (eds) 1980. *The Coming of the Age of Iron*. New Haven, Conn.
- ZACCAGNINI, C. 1973. *The Rural Landscape of the Land of Arraphé*. Roma.
- 1981. *Modo di produzione e Vicino Oriente antico*. *Dialoghi Archaol.*, Vol. 3, No. 3, pp. 3–65.
- 1984. *Proprietà fondiaria e dipendenza rurale nelle Mesopotamia settentrionale (XV–XIV sec. A.C.)*. *Stud. Stor.*, Vol. 25, pp. 691–723.
- (ed.) 1989. *Production and Consumption*. Budapest.

ОСЕДЛЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И КОЧЕВЫЕ СКОТОВОДЧЕСКИЕ НАРОДЫ (3000–700 гг. до н.э.)

Эндрю Шерратт

Когда в XVIII в. н.э. европейские авторы впервые начали систематизировать наблюдения о различиях между народами мира, они ввели набор категорий людей, которые с тех пор доминируют в дискуссиях: охотники, скотоводы, земледельцы и городские жители (*Schnapp*, 1993). От подвижной жизни бродячего охотника к стабильности городского поселения (продолжением, по-видимому, должно быть расширение оседлости) – постепенный процесс «привыкания к окружающей обстановке».

К настоящему времени в результате роста числа археологических полевых работ и исследований (*Flon*, 1985) получены неоднородные данные. Образ «человека-охотника» кажется слишком простым в характеристике разнообразия досельскохозяйственных народов. Оседлость больше не является синонимом сельского хозяйства, так как добыча продовольствия на побережье также может обеспечить плотные оседлые поселения; в то же время подвижность охотников в Арктике и в пустынях может рассматриваться как гибкое приспособление к жизни в этих суровых условиях при малой занятости населения. Все это можно считать большим достижением и специализированными способами существования, свидетельством все более трудной жизни народов, зависящих от ежегодного урожая зерна. То же относится и к скотоводству: оно больше не считается переходным занятием между бродячей жизнью охотника и оседлым существованием земледельца; оно сейчас выглядит скорее специализированным ответвлением сбалансированного выращивания растений и разведения животных первыми крестьянами, сформировавшимся из-за необходимости получать дополнительные средства к существованию, связанной с суровыми и часто непредсказуемыми условиями степей, полупустынь или горных долин. Тот же аргумент может быть отнесен к «примитивным» формам сельского хозяйства, характеризующимся сменой посевных площадей или подсечно-огневой системой земледелия. Такие системы земледелия не являются реликтом первобытной формы сельского хозяйства, а скорее служат для естественного повышения плодородия почв, быстро истощающихся при использовании более интенсивных методов земледелия, что все более очевидно в настоящее время. Поэтому это этнографическое различие должно рассматриваться как проявление усиливающейся специализации и адаптации к разнообразным условиям окружающей среды, существовавшим в течение позднего голоцена; это развитие шло параллельно с формированием более интенсивных систем производства пищи, которые были связаны с возникновением городского образа жизни.

Следует помнить, что такие культуры, как культура айнов или культура жителей Полинезии, сформировались в то же время, что и культура Месопотамии, Китая и Америки. Необходимо также отметить развитие систем сельского хозяйства в Европе и появление скотоводческих народов в степях Центральной Азии и в пустынных районах Северной Африки в тех же временных рамках, что и рост крупномасштабных ирригационных систем и интенсивное выращивание финиковых пальм, оливковых деревьев и винограда для удовлетворения растущих потребностей городов и их особых потребителей.

Еще более уместно рассматривать появление различных форм экономики выживания как параллельные и в значительной степени одновременные события, если принять во внимание, что в некоторых случаях они образовывали систему исторически взаимосвязанных и взаимозависимых видов производства. Например, отмечается, что образ жизни скотоводов в Западной Азии во многом зависел от поставок им как зерна, так и орудий труда соседними оседлыми земледельцами; кроме того, демографически вместе обе эти группы составляли часть единой системы, в пределах которой постоянно происходило перемещение избыточного населения, так как члены скотоводческих сообществ, которые не могли скопить столько овец и рогатого скота, сколько необходимо для успешного животноводства, присоединялись к земледельческим группам, иногда даже меняя для этого язык и этническую принадлежность (*Barth*, 1969). Во многих случаях такие скотоводческие группы лучше рассматривать как производителей специальной продукции для городского и сельского населения при благоприятных условиях. Такие примеры показывают спорность стереотипов простого, установившегося «образа жизни», связанного с четкими этническими и культурными особенностями, и взамен предлагают картину взаимосвязанных сообществ в сложной мозаике социальных групп и производств.

Даже если эти связи и не столь непосредственны, существование интенсивных форм сельского хозяйства часто создает возможности, которые изменяют условия существования соседей путем передачи новых видов домашних животных, продуктов питания или технологий группам, которые иначе их не получили бы. Появление новых видов сельскохозяйственной деятельности в Европе и Центральной Азии, таких как выращивание тонкорунных овец, виноделие и использование плуга, могло быть связано с влиянием формирующихся городских культур на более южных территориях. Цепная реакция

продолжалась далее в виде передачи методов разведения домашних животных от скотоводов северным охотникам, приводя к появлению выпаса северных оленей. Тропическое сельское хозяйство также включало методы, разработанные в центральных регионах, продолжалось распространение приемов земледелия из южных окраинных зон, в которых зародилось сельское хозяйство: в Африке к югу от Сахары, Южной Азии и в тропической Южной Америке. Даже на наиболее удаленных островах Арктики и Полинезии появление специализированных видов охоты и сельского хозяйства должно было быть связано с демографическим давлением, исходящим из мировых населенных центров, и с процессами миграции. Народы мира являлись частями обширной взаимодействующей сети, и ни один регион не мог долго существовать в изоляции.

Поэтому в поздний доисторический период процессы глобального экономического развития характеризуются увеличивающимся разнообразием и в то же время взаимосвязями, при которых постоянно формировались новые способы существования, приспосабливающиеся друг к другу. Одновременно с использованием возможностей местной окружающей среды население в различных зонах испытывало влияние быстрее развивавшихся регионов. Начавшееся в XVI в. н.э. историческое вторжение европейских промышленных обществ и их проникновение в самые отдаленные уголки земного шара было только заключительным актом процесса, истоки которого следует искать в предшествующих тысячелетиях и в человеческом потенциале, обеспеченном сельскохозяйственным производством.

МИРОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Причины быстрого развития культур и хозяйственной деятельности людей в голоцене заключаются в биологических изменениях, произошедших в предшествующий ледниковый период, – в появлении людей, анатомически идентичных современному человеку, в развитии их способностей к созданию сложных систем языков, форм обмена, социальной организации и планирования. Результаты этих изменений были глобальны: люди, обитавшие на всех континентах, имели одинаковые анатомические особенности и умственные способности. Тем не менее в голоцене возникли большие, чем когда-либо прежде, региональные различия и образовались локальные центры развития, такие, как Западная Азия и Северо-Западная Африка, Китай, Центральная Америка (включая Мексику) и Центральные Анды. Они были базовыми регионами, в которых шло независимое развитие сельского хозяйства на основе зерновых культур, например пшеницы, проса, риса соответственно на западе и востоке Старого Света или на основе кукурузы в Новом Свете. Именно в этих регионах приблизительно через два или три тысячелетия после появления там деревенского сельского хозяйства и возник городской образ жизни.

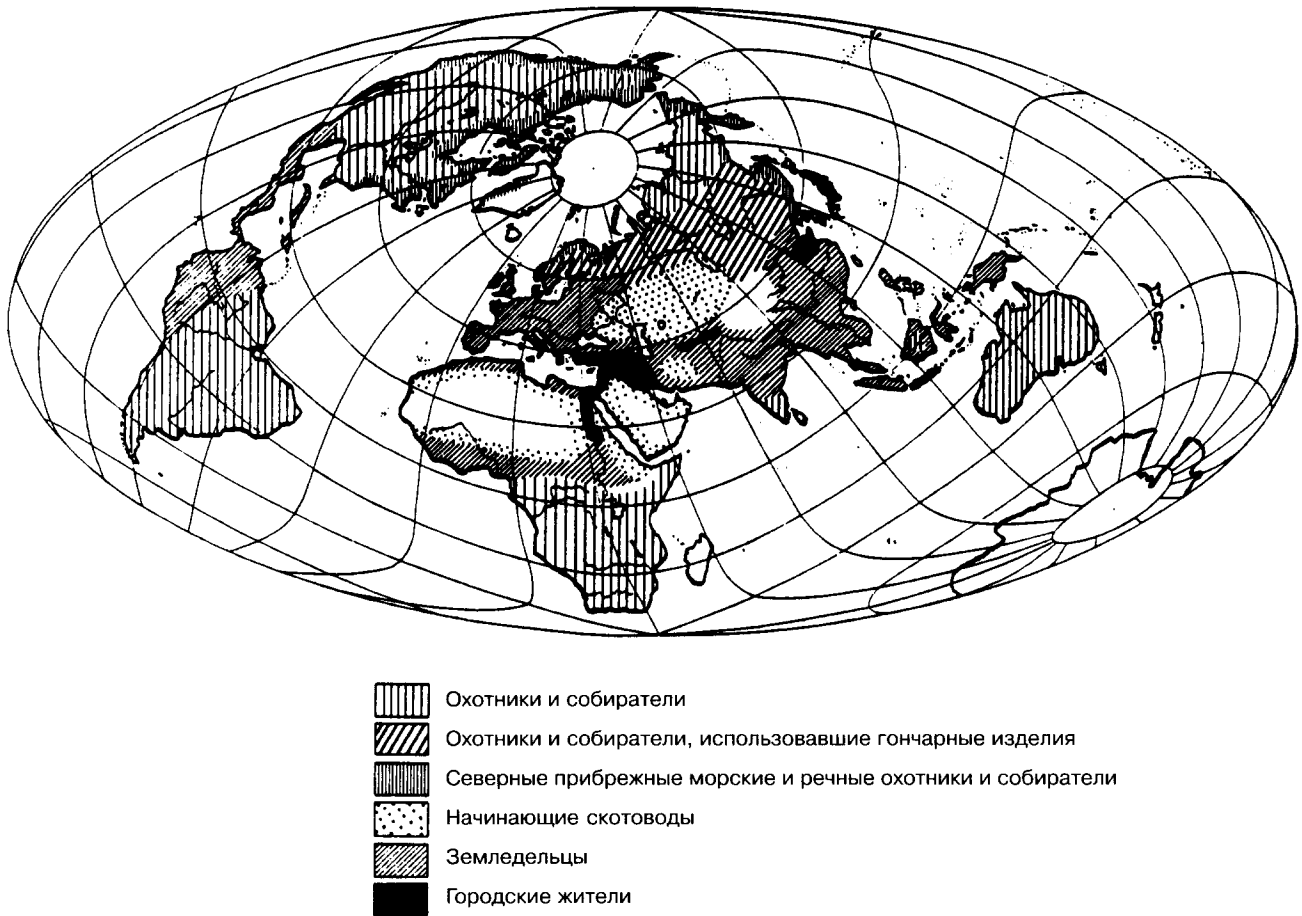
Эти события демонстрируют высокую степень параллелизма в развитии, но они происходили не одновременно в трех главных регионах, где они проявились. Новый Свет был позже освоен людьми, чем другие два центра, а на западе Старого Света специфическая комбинация особенностей окружающей среды, таких как близкое соседство Средиземноморья, оазисов и предгорных зон, вела к особенно быстрому росту. Поэтому в период между 3000 и 700 гг. до н.э. имели место разные стадии этого процесса на различных территориях. Если сельское хозяйство возникло в Ливане в самом начале голоцена, а городской образ жизни появился в Месопотамии в середине IV тысячелетия до н.э., то сельское хозяйство в Америке сформировалось только в течение III тысячелетия до н.э., а сложные

сообщества с храмовыми центрами появились лишь в конце рассматриваемого периода. В Китае, где сельское хозяйство было известно по крайней мере с VI тысячелетия до н.э., первые династии китайского государства сформировались в начале II тысячелетия до н.э., одновременно с первыми цивилизациями бронзового века эгейского региона и Анатолии (карта 1).

Вне этих базовых регионов также очевидно существование подобных различий. Сельскохозяйственное производство быстро распространилось в Европе и на севере африканского побережья и постепенно охватывало более северные части Евразии. Значительную часть региона Африки южнее Сахары все еще заселяли охотники и собиратели; сельское хозяйство начало осваиваться только вместе с использованием железа после окончания данного периода. Широкое распространение сельского хозяйства в Полинезии также еще только должно было произойти, хотя замечательный культурный комплекс в Меланезии, связанный с использованием керамики Лапита, уже во II тысячелетии до н.э. показывает наличие навыков мореплавания, которые должны были привести земледельцев на просторы Тихого океана. В Америке (и в Северной, и в Южной) только незначительная часть территорий была занята населением, занимавшимся сельским хозяйством.

В то время как эти процессы экономического и культурного развития еще находились на начальных стадиях, происходило изменение природных условий. Сразу после окончания ледникового периода произошло повышение уровня моря и распространение лесов (но основное воздействие факторов окружающей среды на сельское хозяйство еще только должно было проявиться), давали о себе знать и долгосрочные изменения (Roberts, 1989, pp. 88–91). Такие регионы, как пустыня Сахара, на которые благотворно повлияло увеличение осадков в раннем голоцене, в рассматриваемый период стали засушливыми, и это давление окружающей среды ускорило переход к преимущественному скотоводству и замещению местных растений (особенно тропического проса и ямса) зерновыми культурами западноазиатского происхождения. Сельское хозяйство в сахели – переходной полосе от пустынь Сахары к саваннам Западной Африки – приобретало явно выраженный местный характер, так как здесь были условия для широкого распространения такого производства продуктов питания, которое появилось в последующий период расселения народов, использовавших железо и говоривших на языках банту.

Однако истоки скотоводства в Африке (и на Аравийском п-ове) менее понятны, чем в другой части этой огромной засушливой зоны, простирающейся через весь Старый Свет, – в Центральной Азии. Именно в период между 3000 и 700 гг. до н.э. общества этой засушливой зоны Евразии постепенно приспособились к местным условиям, и в результате появились подлинно кочевое скотоводство и кочевой образ жизни, дававший возможность преодолевать большие пространства. Эти сообщества в дальнейшем стали важным связующим звеном между цивилизациями западной и восточной частей Старого Света. В отличие от скотоводческих народов, которые в течение рассматриваемого времени поселились на промежуточных участках аллювиальных территорий, занятых цивилизациями долины Нила, Месопотамии и их соседями в Леванте, указанные группы первоначально имели меньше непосредственных контактов с городскими сообществами и вели более независимое существование, хотя в железном веке они тоже вторгались на территории своих более оседлых соседей. Для этой территории, как и для зоны южнее Сахары, III и II тысячелетия до н.э. являлись периодом формирования, в течение которого был накоплен потенциал для намного более широкого влияния на человеческую деятельность.

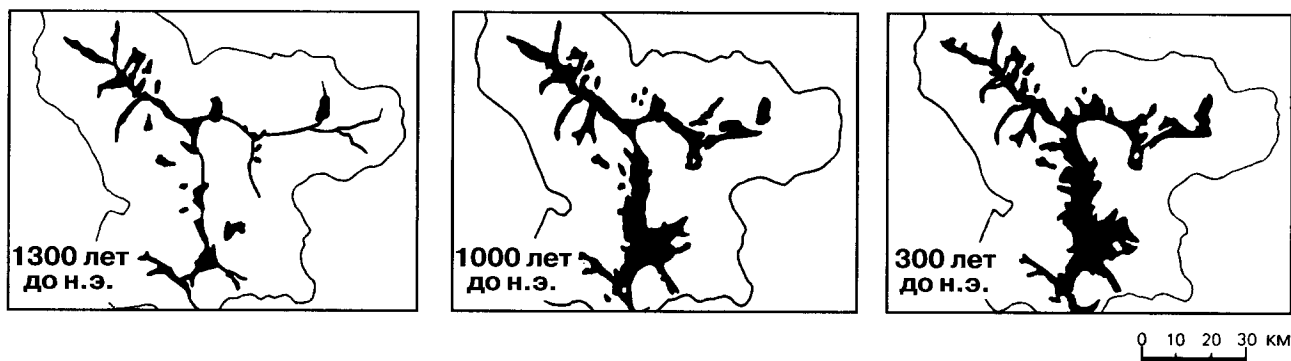
Карта 1. Распределение основных способов добывания пищи в мире около 1500 г. до н.э. (копия из работы Sherratt, 1980b)

НОВЫЙ СВЕТ

В отличие от сельского хозяйства глубинных районов Старого Света, где поселения появились одновременно с возделыванием зерновых культур, злаки Нового Света в течение длительного времени были просто одним из объектов собирательства и не требовали ни оседлости, ни объединения населения в большие общины. Одной из причин этого, возможно, было меньшее количество видов животных, пригодных для одомашнивания, и поэтому охота, рыболовство и собирательство все еще были необходимы для обеспечения людей животным белком в дополнение к таким культурам, как бобы. Культивируемые растения также медленно эволюционировали в более высокоурожайные сорта; так как они были растениями, адаптированными к смене дня и ночи в южных широтах, они не распространялись на умеренные области Северной Америки до значительно более поздних времен, даже несмотря на то, что, например, кукуруза поднялась высоко в Анды. По этим причинам развитие сельского хозяйства в Новом Свете радикально отличалось от такового в Старом Свете.

Однако именно в течение III и II тысячелетий до н.э. как в Центральной Америке (включая Мексику), так и в регионе Центральных Анд и в северной части Амазонии впервые появились общины, хозяйство которых было основано на относительно высокоурожайных хлебных злаках. В различных частях всей этой территории имелись собственные новшества: кукуруза, бобы, корнеплоды – картофель и маниок, кабачок, перец, тыква, хлопок, хотя многие растения и их виды, адаптированные к мест-

ным условиям, имели ограниченное значение. Гончарные изделия, очевидно, впервые появились в этой зоне в Северной Бразилии, Венесуэле и Колумбии; хлопковые ткани были важным вкладом народов побережья между океаном и Андами; предметом широкой торговли являлись украшения из раковин. Из этой межрегиональной смеси складывался новый образ хозяйствования по мере того, как около плодородных аллювиальных пойм разрастались поселения (часто в районе Анд имевшие своим главным центром церемониальные здания на платформах), которые в основном обеспечивали урожай зерновых культур; поселения появились также на равнинах и в горных долинах. Именно благодаря плодородным и достаточно увлажненным почвам сообщества собирались вместе в сельскохозяйственные поселения; распространение этой системы сельского хозяйства в значительной степени зависело от появления полей в холмистых местностях и развития простых систем орошения (карта 2). Организованные поселения создали возможности для роста городских цивилизаций, которые возникли в основном в I тысячелетии до н.э. Такое интенсивное земледелие заметно контрастирует с широко распространенной подсечно-огневой системой земледелия, которая стала позднее характерной для многих из этих областей, частично из-за вытеснения населения с плодородных пойм. Из домашних животных лама и альпака (которых первоначально пасли в поросших травой горах) стали особенно важны как средства передвижения и источник ряда продуктов, а также для интеграции контрастных зон, расположенных в Андах на разной высоте (Murra, 1972).

Карта 2. Влияние усовершенствованных сортов кукурузы и технологии орошения на урожайность в долине Оахака, Мексика, между 1300 и 300 гг. до н.э.; территории, показанные черным цветом, были способны давать по 200 кг с гектара (по Kirby, 1973)

ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ СТАРОГО СВЕТА

В рассматриваемую эпоху в восточной части Старого Света городское общество существовало только в Китае, который был относительно изолирован от остальных современных ему цивилизаций бронзового века.

Цивилизация долины Инда, процветавшая во второй половине III тысячелетия до н.э., если учесть своеобразие индийской культуры, может быть отнесена к культурам западной части Старого Света, с которыми она имела общий комплекс основных зерновых культур и очень тесные торговые контакты. Восточная Индия, Юго-Восточная Азия и Южный Китай составляют мозаику культур, которые использовали камень, медь и бронзу и мало чем отличались от культур зоны умеренного климата Европы: это были еще не городские, но связанные торговлей и технологией с соседними, более сложно организованными, культуры. В основном в тропических областях выращивался главным образом рис, а также древесные культуры и бананы. (В Южной Индии, где использовался еще преимущественно камень и было распространено разведение крупного рогатого скота, выращивали некоторые сорта проса африканского происхождения, появившиеся здесь в результате контактов с Аравией и Восточной Африкой.) Как и в ранних системах сельского хозяйства Америки, основным методом земледелия была не столько подсечно-огневая система, сколько возделывание риса на заливных территориях, ставшее позднее характерной чертой этой территории (Gorman, 1977). Системы орошения, еще не очень широко распространенные, обеспечивали основу дальнейшей интенсификации производства, где в качестве тягловой силы использовались буйволы. Свиньи являлись основным видом домашних животных, были также распространены куры. Культурными, пригодными для возделывания на влажных территориях, были дыни и водяные орехи. Корнеплоды (особенно таро) приобретали все большее значение на островах Юго-Восточной Азии и выращивались на Новой Гвинее с применением дренажных и оросительных каналов. Наличие морских контактов между Южным Китаем и Индонезией в конце II тысячелетия до н.э. установлено путем изучения распространения ритуальных бронзовых барабанов, некоторые из них были украшены изображениями лодок и зданий, сооруженных на сваях. Далее к востоку находились обширные участки археологического комплекса Лапита, к которому относились искусно выполненные гончарные изделия, например, набор сосудов для ритуального употребления ферментированного напитка *кава*, приготовленного из перца вида *Piper methysticum*.

Цивилизация Китая в бронзовом веке очень отличалась от цивилизаций последующих периодов, в течение которых территория Китая была ограничена лишь се-

верной частью (долиной р. Хуанхе) и относилась, таким образом, к зоне умеренного климата, где выращивали просо и коноплю. В рассматриваемый период рис имел меньшее значение, но китайскую капусту (*Brassica sinensis*) выращивали с незапамятных времен. Пшеница и ячмень, так же, как и овцы, появились с запада, распространяясь по степям теми же группами народов, с которыми было связано появление колесных повозок в начале II тысячелетия до н.э. Просо выращивали также дальше к северу, в Корее и Маньчжурии, хотя на отдаленных территориях лов рыбы и собирательство имели большее значение, допуская в то же время некоторую степень оседлости в относительно богатых прибрежных и озерных областях. В Китае просо сбраживали для приготовления «вина», подававшегося теплым в искусно выполненных сосудах из литой бронзы, характерных для периодов Шан и Чжоу.

ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ СТАРОГО СВЕТА

В глубине территории западной цивилизации Старого Света, в долине Нила и в Месопотамии, простые методы орошения применялись в сочетании с использованием плуга для производства излишков основных продуктов питания, таких как пшеница и ячмень, для приготовления не только хлеба, но и пива. Столь же важными в этой области «плодородного полумесяца» были финики, инжир, гранат, оливки и виноград (илл. 9). Они могли использоваться как непосредственно в пищу, так и для изготовления масел и вин, и эти продукты являлись значительным достижением средиземноморских территорий, на которых во II тысячелетии до н.э. получил распространение городской образ жизни. Животные также давали продукты для переработки, особенно шерсть, благодаря которой развивались специализированные промыслы, например ткачество. Вывоз этой продукции обеспечивал поставки другого сырья, от которого зависели городские цивилизации. Подобным сложным формам хозяйствования была присуща динамика, которая объясняет, почему такой образ жизни распространился за пределы его изначальных центров на территориях от Эгейского моря до Южного Ирана и долины р. Инд.

За пределами этой ключевой территории системы сельского хозяйства европейской зоны умеренного климата медленно изменялись под влиянием новшеств, которые могли появиться в поясе лесов и степей извне – из зоны непосредственных городских контактов в Восточном Средиземноморье. Эти новшества включали как новые виды ранее одомашненных животных, например новые породы тонкорунных овец, так и новые способы использования животных, такие как применение крупного

рогатого скота в качестве тяглового средства и для пахоты. Столь же важными были новые продукты питания на основе плодов, богатых сахаром, ставших к тому времени доступными в Средиземноморье и привлечших интерес к виноделию. Появились совершенно новые разновидности домашних животных, и в то время, когда использование ослов и верблюдов в значительной степени ограничивалось Западной и Центральной Азией, появление в Западной Азии и Европе лошадей, одомашненных в евразийских степях, было встречено с большим одобрением. Совместное влияние этих новых особенностей явилось причиной формирования на большей части Западной Евразии сельского хозяйства второго поколения, в котором животные имели большее значение, чем прежде, – хозяйства, которое теперь могло быть названо скорее «сельским хозяйством», чем «садоводством» или «огородничеством» (Sherratt, 1981).

Центральную роль в этой новой системе играло такое новшество, как плуг: он был первым техническим средством, для которого использовалась сила животных и которое обеспечивало функциональную связь между животноводством и производством зерна (рис. 7). Его применение потребовало соблюдения соответствующего баланса между пастбищем и пашней и более широкой, чем прежде, расчистки лесной местности. Использование плуга также сделало возможным освоение засушливых территорий, где большая площадь земель, приспособленных под пастбища для выпаса тягловых животных, могла компенсировать низкое качество пашни.

Разведение крупного рогатого скота в больших количествах, так же, как и новых видов домашних животных, оказало влияние и на устройство поселения, и на формы социальной организации. Расчистка больших участков леса позволила земледельцам освободиться от жесткой зависимости от небольших площадей плодородных почв; кроме того, увеличение поголовья скота привело к расширению новых форм соперничества, нашедших выражение в приобретении продуктов материальной культуры, кото-

рые можно было выставлять напоказ, – предметов из металла. Таким образом, понятие «бронзовый век» не только является технологическим, но и характеризует в целом образ жизни с особым сельскохозяйственно-скотоводческим базисом. Использование лошадей и колесных транспортных средств, изготовление шерстяных тканей и алкогольных напитков играло важную роль в культуре элиты, появлению которой способствовала данная система.

Эти изменения в течение позднего неолита и медного века в Европе не были изначально однородными. Сельскохозяйственное население Юго-Восточной и Центральной Европы, где уже давно существовала простая медная металлургия, с наибольшей готовностью восприняло достижения эгейской цивилизации, копируя ее металлические сосуды в формах своих глиняных изделий. Северная и Западная Европа, где значительная часть населения состояла из коренных местных групп, которые только недавно занялись сельским хозяйством, более стойко сопротивлялась этим переменам: слабо скомпонованные поселения, сосредоточенные вокруг мегалитических монументов, продолжали существовать по крайней мере до следующего тысячелетия. Однако этому образу жизни все в большей степени бросала вызов новая, более подвижная организация общества, связанная с широкой очисткой земель от лесов, а также разведением домашнего скота и захоронением умерших воинов в круглых земляных курганах. Эта совокупность признаков ассоциировалась с характерными сосудами для питья в виде кубков, или чаш, зачастую украшенными отпечатками веревочки (шнура), от чего произошло археологическое обозначение этой культуры как «культура шнуровой керамики» и «культура колоколовидных кубков».

Эти перемены не были просто отражением новых типов сельского хозяйства, они скорее указывают на диапазон изменений культур в ответ на открывшиеся возможности в сфере экономики выживания. Новые структуры в целом характеризовались повышенной подвижностью поселений вместо стабильности и долговечности прежних структур, состоявших как из земляных сооружений на холмах, так и массивных каменных монументов. Такая подвижность стала возможной из-за возросшего значения животноводства в этих сельскохозяйственных структурах зон Европы с умеренным климатом.

Приведенное описание должно дать представление о том, что не было никакой последовательности в переходе от «садоводства» к «сельскому хозяйству» или «скотоводству», а присутствовал, скорее, целый спектр видов хозяйственной деятельности, в котором значимость животных была столь же велика, как и целесообразность использования окружающей среды. Имелось, однако, значительное сходство в образе жизни европейских народов, которые к 2000 г. до н.э. заселяли две широкие зоны (одна располагалась к югу от Карпат, а другая занимала большую часть северо-европейской равнины и запад Центральной Европы), объединенные общим набором материальных объектов, таких как бронзовое оружие или шерстяная одежда, хотя и с региональными различиями, например, в формах поселений и видах погребений. Обширные земли относительно низкого качества быстро очищали, засевали, собирали с них урожай и затем оставляли. Домашние животные, вероятно, являлись основой сельскохозяйственного богатства и благополучия. Погребения занимали заметную часть территории поселения. В местах постоянного пахотного земледелия владение землей, по-видимому, имело большее значение, и поселения, теперь часто укрепленные, стали более заметными. Обе формы хозяйствования, тем не менее, участвовали в товарообмене бронзовыми изделиями и, вероятно, другими товарами, такими как ткани, которые хуже сохранились в археологических слоях. Оба типа обществ поддерживали ограниченные контакты с культу-

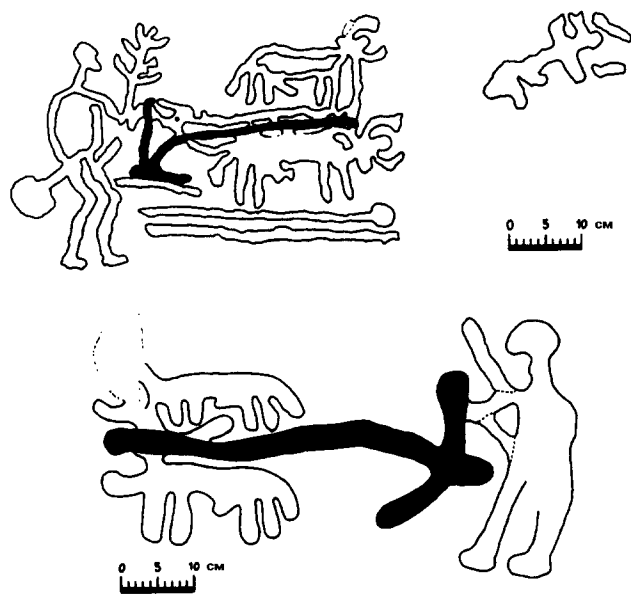

Рис. 7. Изменение конструкции плуга в Северной Европе, показанное на двух наскальных гравюрах из округа Танумс, лен Бохуслэн, Западная Швеция. Вверху – плуг в форме простого крюка (на основе формы мотыги), ранний бронзовый век; внизу – плуг в форме лука (на основе формы лопаты), поздний бронзовый век. Изображение самого инструмента выделено черным цветом (воспроизведено по Glob, 1951)

рами эгейского региона путем обмена ценными материалами, например янтарем, и, возможно, металлами – золотом и оловом.

В течение столетий, следовавших за 1300 г. до н.э., когда городское хозяйство Средиземноморья переживало спад и крах, окружающие территории Европы, степи Причерноморья, Кавказ и Иран, по-видимому, вновь возродились, что наиболее ярко проявилось в развитии производства бронзы в этих регионах, и в то же время создавали основу для успешного распространения сельского хозяйства и скотоводства (Chernych, 1992). Животноводство, включавшее обширное перегонное скотоводство, имело, вероятно, большее значение в горных областях Кавказа и Ирана, и, возможно, в Альпах, однако в других частях Европы, по-видимому, использовались интенсивные формы сельского хозяйства. Одна из возможностей состояла в более широком распространении зерновых озимых культур по сравнению с яровыми культурами, которые в конце доисторического периода были все еще типичны для поздних доисторических земледельцев Европы; чередование озимых зерновых культур и вспашки земли под пар составляло основу сельского хозяйства в умеренных зонах Европы с умеренным климатом вплоть до введения в средние века трехпольного севооборота (Sberratt, 1980a). Повышенные эффективности сельского хозяйства Европы подтверждают археологические раскопки обширных систем полей, датируемых тем периодом; подобные системы продолжали существовать во многих частях континента и особенно хорошо документированы в Великобритании.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РЕГИОН СТАРОГО СВЕТА

Сочетание использования лошадей (одомашненных в течение V тысячелетия до н.э. на территориях современных Украины и Казахстана) и волов, запряженных в колесные повозки, которые в конце IV тысячелетия до н.э. распространились от Северной Месопотамии до Кавказа и Причерноморской низменности, открыло новые возможности освоения степного пояса от Карпат до Алтая. В III и II тысячелетиях до н.э. в этом регионе получили распространение последовательные культурные группы, характеризовавшиеся захоронениями в ямах или камерах под круглыми могильными холмами (курганами). Представляется вероятным, что они были связаны с расселением на восток народов, говоривших на индоевропейских языках (Mallory, 1989).

Содержание домашнего скота (особенно для получения молока) было наиболее важной, но не единственной составной частью производства продуктов питания; также выращивали пшеницу, ячмень и просо, применяя при этом легкий плуг. (Выращивали и коноплю, наркотические свойства которой уже ценились.) Эти народы не были исключительно кочевыми: известно наличие у них больших поселений, состоявших из деревянных построек. Верблюды, как и лошади, использовались для езды верхом и как тягловая сила. Хотя лошади уже в начале II тысячелетия до н.э. запрягались в легкие повозки на колесах со спицами (рис. 8), эти колесницы, вероятно, служили скорее для демонстрации социального положения владельца, чем как повседневное транспортное средство. Указанные степные группы были очень похожи на современные им группы народов восточной части Центральной Европы, применявшие бронзу, с которыми они находились в контакте (и среди которых вскоре распространились колесницы). Однако умение степных сообществ использовать пространство засушливой зоны позволяло им все больше осваивать смежные полупустынные территории на юге, где они в значительной степени поглотили небольшие сообщества земледельцев, применявших орошение в оазисах на территории современного Туркестана и Северного

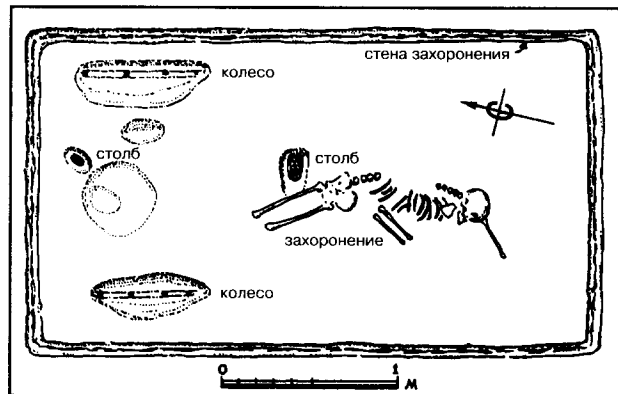

Рис. 8. Первое свидетельство использования конной колесницы в Центральной Евразии из могильной камеры под курганом на р. Синташте, Челябинская область, Россия. Отпечатки колес со спицами (в углублениях, выкопанных для размещения повозки в могиле (воспроизведен по Piggott, 1992)

Ирана, а также Северной Индии. На самом деле их влияние распространялось дальше, свидетельством чего может служить появление в Китае в эпоху династии Шан транспортных средств с колесами, имевшими спицы (Piggott, 1992). Таким образом образовалась цепь народов, установивших между собой связи на всей территории Старого Света с запада на восток.

Превращение данных групп в классических кочевников евразийских степей произошло в течение последующих веков II тысячелетия до н.э. и первых веков I тысячелетия до н.э. (Khazanov, 1984). Это было связано как со смешением европеоидного населения степей с монголоидным населением горных районов Алтая, Саян и Северной Монголии, так и с использованием более крупных пород лошадей для верховой езды. Социальные и культурные результаты такого преобразования проявлялись в возникновении яркого «животного стиля» прикладных искусств, что хорошо иллюстрируют бронзовые элементы уздечки и другие предметы конской упряжи, а также тщательно выполненные захоронения под курганами, которые сопровождалось принесением в жертву людей и лошадей и содержали многочисленные погребальные приношения.

Эти народы были теперь подлинно кочевыми, они жили в юртах столько же, сколько и в долговременных деревнях, и могли преодолевать большие расстояния верхом. Существовала, соответственно, сложная структура общества, поскольку отдельные династии могли обладать огромными территориями благодаря экономическим успехам и военной мощи. Направление перемещений народов теперь поменялось на обратное: набеги и миграции распространялись с востока на запад. На западном конце этой цепи индоевропейские группы народов вошли в историю как киммерийцы и скифы – первые из длинной череды степных народов, которые повлияли на судьбы и характер как восточных, так и западных цивилизаций Старого Света.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом последних археологических исследований во всем мире стал отказ от категорий сравнительной этнографии, позволивший дать археологическим данным более объективную историческую интерпретацию. Этот результат отражает не столько эволюционную замену примитивных структур более прогрессивными, сколько высокую оценку сложившегося ранее разнообразия в

человеческом существовании. Такие термины, как «сельское хозяйство» или «скотоводство», всегда имеют относительное значение, и их содержание постоянно пересматривается при изменении соответствующих обстоятельств. Одним из результатов исследований явилось признание того, что историю больше нельзя излагать в терминах «калорий», т.е. в виде простой последовательности все более эффективных форм обеспечения продовольствием. Сельское хозяйство – это нечто большее, чем технология возделывания зерновых культур: оно является способом организации жизни с ее собственными структурами семьи, материальной культурой и ритуалами потребления; все это тесно связывало людей не только друг с другом, но и с их землями и материальным миром, который они создавали. Каждый из этих аспектов изменчив и непостоянен. Скотоводство также является не просто автоматическим приспособлением к крайностям климата, а представляет собой новый спектр взаимоотношений между людьми и животными, при которых созданные культурные ценности становятся столь же важными для объяснения новых способов существования, как и сама необходимость физического выживания. Поэтому обрядовые центры, искусные бронзовые артефакты или могильные монументы являются интегральными аспектами оценки, представленной здесь: не только культурной надстройкой над экономическим базисом, но частями одних и тех же актов творчества. «Калории» были не самоцелью, а лишь одним из способов реализации человеческих стремлений; надо признать, что, зачастую непреднамеренные, последствия этих стремлений постоянно придают динамику действиям людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BARTH, F. 1969. *Ethnic Groups and Boundaries*. London.
- CHERNYCH, E. N. 1992. *Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age*. Cambridge.
- FLOIN, C. (ed.) 1985. *Le grand Atlas de l'Archéologie*. Paris.
- GLOB, P.V. 1951. *Ard og Plov i Nordens Oldtid*. Aarhus, Universitetsforlaget. (Jysk Arkäol., selsk. Skr., I.)
- GORMAN, C. 1977. A Reconsideration of the Beginnings of Agriculture in South-east Asia. In: REED, C.A. (ed.), *Origins of Agriculture*. Paris/La Haye, pp. 321–56.
- KHAZANOV, A. M. 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge.
- KIRBY, A. V. T. 1973. *The Use of Land and Resources in the Past and Present Valley of Oaxaca, Mexico*. Ann Arbor, Mich. (Mem. Mus. Anthropol., 5.)
- MALLORY, J. P. 1989. *In Search of the Indo-Europeans*. London.
- MURRA, J.V. 1972. El 'control vertical' de un máximo de pisos ecológicos en la economía de las sociedades andinas. In: – (ed.), *Visita de la Provincia de Léon de Huanáco (1562) por Iñigo Ortiz de Zuñiga*. Huanáco (Peru): Universidad Nacional Hermilio Valdizan. (Doc. Hist. Enol. Huanáco Selva central. Vol. 2.)
- PIGGOTT, S. 1992. *Wagon, Chariot and Carriage: Symbol and Status in the History of Transport*. London.
- ROBERTS, N. 1989. *The Holocene: An Environmental History*. Oxford.
- SCHNAPP, A. 1993. *La conquête du possé: aux origines de l'archéologie*. Paris.
- SHERRATT, A. G. 1980a. Water, Soil and Seasonality in Early Cereal Cultivation. *World Archaeol.* (Oxford), Vol. 11, No. 3, pp. 313–30.
- 1980b. *The Cambridge Encyclopaedia of Archaeology*. Cambridge.
- 1981. Plough and Pastoralism: Aspects of the Secondary Products Revolution. In: HAMMOND, N., HODDER, I., ISAAC, G. (eds), *Pattern of the Past: Studies in Honour of David Clarke*. Cambridge, pp. 261–305.

ОТ ГОСУДАРСТВА К ИМПЕРИИ

В. А. Яacobсон и М. А. Дандамаев

Прогресс эволюции человечества до стадии образования государств можно представить, пользуясь терминами теории социального развития, как создание людьми все более совершенной организации для установления социальных отношений на основе материального, технологического, научного и идеологического прогресса в конкретных природных условиях.

Переход от стадии образования племени к стадии построения государства был огромным прогрессом, к которому различные сообщества пришли различными путями. Процесс слияния племен в высокоинтегрированную систему является предметом гипотез историков, использующих различные теоретические модели. Точно так же с различных точек зрения можно рассматривать условия, при которых племенные вожди уступили власть правительствам государств любого типа, монархического или какого-либо иного. Тем не менее будет справедливо признать формирование более высокого уровня управления на основе либо слияния племен в более крупное единое целое, либо распада племен, члены которых объединялись на основе различных социально-этнических принципов. Государство как орган принуждения и политического управления не может основываться лишь на одном этническом единении; когда оно выходит за пределы своих экологических границ путем мирной торговли, культурного проникновения или войны, оно должно предпринимать шаги для еще более значительной интеграции, которая характеризуется как империя. В процессе строительства империи несколько государств могут развить или потерять свою индивидуальную идентичность, чтобы установить сильную власть над всей империей. Какую форму принимал этот процесс в Месопотамии и какие элементы там составляли государство, описано ниже на основе имеющихся документов.

ГОСУДАРСТВА МИРА (ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ МЕСОПОТАМИИ)

В Египте государство формировалось самостоятельно. В отличие от Месопотамии, где географические условия самого начала создавали природные границы первых государств и предопределили их длительное независимое существование, Египет занимал чрезвычайно узкую населенную полосу территории вдоль р. Нил. Не было никаких природных границ, отделявших первые небольшие государства друг от друга, а Нил связывал все районы Египта. В этих условиях войны, неизбежно возникавшие в начале развития цивилизации, определенно вели к быстрому объединению всей долины Нила под единым правлением. Единственной альтернативой объединению могло быть взаимное уничтожение.

Остаются неизвестными детали процесса возникновения в Египте единого правления, так как это происходило в период, предшествующий «писаной» истории, т.е. даже до появления наиболее древних из ныне существующих письменных источников. Поскольку самодержавие возникло рано в такой обширной и богатой стране, государственный сектор хозяйства поглотил фактически все другие секторы. В Древнем Египте можно было видеть лишь незначительные следы примитивной общественной организации; страна была разделена на «номы», которые, по-видимому, примерно соответствовали примитивным общинным организациям и государствам. Номы были устойчивыми административно-территориальными единицами, которые стремились утвердить свою независимость всякий раз, когда ослаблялась центральная власть. Тот факт, что египетские города сохранили некоторые корпоративные признаки (они пользовались правами владения своей собственностью) и видимость самоуправления (при городском правителе существовал совет), можно отнести к остаткам этой общинной организации. История Египта представляла собой постоянную борьбу частного сектора экономики за отделение от «царского» сектора, хотя именно внутри этого сектора он и возник (например, в форме наследственных должностей с дарованными землевладениями). Кроме того, именно в «царском» (государственно-храмовом) секторе экономики постоянно появлялись «вторичные» общины (например, общины кладбищенских служащих). В древности такие общины были единственно возможной формой социальной организации. Эти «вторичные» общины, будучи небольшими, не могли оказывать серьезного противодействия власти правителя. Египетские фараоны стояли во главе обширной, разветвленной и хорошо организованной бюрократической системы, которая охватывала все сферы общественной жизни. Их власть и идеологическая роль были настолько велики, что расценивались как божественное право с самой ранней стадии и до конца существования Древнего Египта как независимого государства.

В долине Инда географические условия были более разнообразны и охватывали обширные территории с неодинаковым развитием. Вначале формирование государства ограничивалось равнинами малых рек, такими, как равнина р. Гомаль, равнина р. Банну, долина р. Хакра, или Беас, и долина р. Качачи в регионе Нижнего Инда. На этих равнинах города возникали неожиданно, причем целью их появления было приведение системы хозяйствования к единому общественно-политическому образцу. Такие города, без сомнения, были центрами управления, а также выполняли религиозные функции. Неясно, однако, кто управлял их делами, так как отсутствуют документы того периода. Такое положение со множеством

центров сохранялось даже тогда, когда индская цивилизация окрепла и когда действие многих общих социально-экономических факторов охватило всю ее территорию (см. гл. 12.7). Эти факторы включали систему мер и весов, стили многих металлических предметов и изделий из керамики, архитектурные черты, такие как использование обожженного кирпича и отвод сточных вод, а также разнообразие форм зданий, градостроительство, характерную стандартную организацию поселений с высоким насыпным холмом на западе и более низким возвышением в жилой зоне на востоке и, наконец, иерархию поселений (Possehl, 1979, p. xi). Ранее считалось, что вся территория управлялась из двух столиц – Мохенджо-даро и Хараппы, но теперь доказано, что города возникали в различных районах и формировались под влиянием общей системы политического и экономического управления, которая обеспечивала однородность культурного развития (Mughal, 1990). Этот рост числа городов сродни строительству империи, которое поддерживалось до тех пор, пока внешняя торговля и сухопутное снабжение из удаленных мест продолжали обогащать государственную казну. Из-за отсутствия расшифрованных документов того времени трудно определить природу системы управления. Но когда вся система рухнула из-за гидрологического сдвига, на местах возобновился собственный специфический способ существования. Позднее в этих субрегионах арии приспособились к окружающим условиям. Арийская клановая система не изменила политико-экономических основ в этих областях, так что в итоге региональная система в долине Инда уцелела, вызвав мощное развитие государства или различных государств, которые выросли на всей территории в рассматриваемый исторический период. Во многих субрегионах данное развитие происходило больше в сельской местности, чем в городах. Сила народа важнее, чем власть одного главы государства, даже если он берет на себя власть от имени народа, чтобы выполнить его пожелания. Именно эта концепция дала начало скорее республиканской, чем монархической системе, как отмечено в более поздней индийской (санскритской) литературе. Однако в развитии городской цивилизации город играл доминирующую роль, примером чего является Мохенджо-даро.

Культурное развитие Китая лучше всего иллюстрируется археологическими данными, найденными при раскопках в верховьях и низовьях р. Хуанхэ, – это был образец неолитической культуры, в котором возвышенности были превращены в комплекс взаимосвязанных деревень с управлением монархического типа, распространявшим свое влияние с равнин в нижнем течении р. Хуанхэ и далее к югу до Шанхая. Важность сельского хозяйства является существенной чертой китайской цивилизации, но данная стадия отличается от более ранней стадии неолита тем, что развивавшееся хозяйство было включено в единую взаимозависимую систему и находилось под управлением правителя государства. В течение первого исторического периода, во время правления династии Шан, государство занимало центральное место, например, в Ченьчоу или Аньяне, служивших источниками административных и религиозных предписаний. Эти города действовали как политические и церемониальные центры, хотя они не могли достичь уровня развития Мохенджо-даро в долине Инда. Семья правителя и знать жили за внутренними стенами в Ченьчоу. Они являлись ядром социальной группы и определяли политическую и экономическую жизнь всего царства. Именно вокруг этого ядра группировались кварталы узкоспециализированных ремесленников и сельскохозяйственные поселения. Удовлетворение нужд деревни, очевидно, контролировалось административным центром, который также отвечал за перераспределение продуктов. При правлении династии Шан городское население было разделено на три основ-

ные социальные группы: аристократию, ремесленников и крестьян. Таким образом, все население, значительно более многочисленное и сложно организованное, чем раньше, было социально стратифицировано и имело производственную специализацию. Главные поселения при династии Шан выполняли все важнейшие функции городов, что указывает на несомненный отход от традиций неолитических сообществ и переход к городской цивилизации. Такое положение сохранялось и в течение более поздних исторических периодов, когда главные города выросли в крупные торговые и политические городские центры (Kwang-Chih, 1974, p. 460).

Другой путь государственного развития можно наблюдать в регионах за пределами цивилизаций, формировавшихся вдоль крупных рек. В этих местах, где не требовалось строить и управлять большими системами орошения и где крупные централизованные государства возникли лишь много позже, частный сектор имел большее значение по сравнению с государственно-храмовым. С конца III тысячелетия до н.э. все общества Анатолии, Западной Азии, Балкан и Италии (за исключением вышеупомянутых примеров) соответствовали этому типу развития. Появившиеся сильные государства (хеттов, ахейцев и т.д.) не были империями, как часто считают, и даже централизованными государствами, а лишь союзами или конфедерациями самостоятельных народов под гегемонией одного государства, которому все государства-члены предоставляли военную помощь и платили дань, в остальном оставаясь независимыми.

Уникальной разновидностью этого пути развития являются древние полисы. Строго говоря, полис не был государством, поскольку его население имело прямое управление и составляло армию. В силу различных причин в I тысячелетии до н.э. происходило своего рода возрождение примитивного сообщества, но на более высоком уровне развития производительных сил, которые не только допускали эксплуатацию человека человеком, но и делали ее необходимой. В этом регионе полис заменил более древние царства, которые ничем не отличались от царств, существовавших в других местах. Так как полис был «обществом равных», то свободные люди считали унижением работать на другого. Это относилось не только к работе по найму, но даже к аренде земли другого человека. В этих условиях можно было эксплуатировать только иноземцев (включая граждан других полисов), которые по той или иной причине попали в рабство. В античном полисе противоречие между свободой и рабством было особенно заметным, получило самое яркое выражение и приобрело собственную терминологию.

Рожденный свободным человек не имел никакого господина или руководителя, за исключением командира во время военных кампаний. Но даже командующего можно было в конце кампании призвать к ответу за злоупотребление властью. В других древних обществах имелись сложные иерархические структуры, в которых низший уровень занимала большая категория персонально зависимых людей, а высший уровень – правитель. Для греков такие общества были воплощением рабства.

В Новом Свете происхождение цивилизации и государства имело свои отличительные особенности, не связанные, очевидно, с развитием Старого Света. Этот полнокровный эволюционный процесс был связан с разнообразием природных условий в различных субрегионах. Различия касались низменностей и высокогорий Южной Мексики: в одном случае была создана классическая негородская цивилизация майя, а в другом – городская цивилизация долины Теотиуакан. Расцвет классического периода майя отмечен пиком численности населения на юге, широким жилищным строительством, возведением множества обрядовых центров, развитием художе-

ственных промыслов, распространением обрядов и составлением календаря, большим количеством иероглифических надписей и, самое главное, преобразованием общественно-политической структуры. Она стала сложной и иерархической, приводящей к явному расслоению общества, т.е. переходу к классовому обществу и появлению наследственной аристократии. В итоге в рамках «негородской цивилизации существовали экономика перераспределения, находившаяся в руках аристократии, система социальных слоев, корпоративное или родовое владение землей и теократически ориентированное управление. Это было установление вождества» (Willey, 1974, p. 97). С другой стороны, в долине Теотиуакан и обводнение земель, и условия совместного проживания были главными факторами развития цивилизации. В результате на смену простой схеме «город – деревня – поселение» пришел рост гигантского города, влияние которого на другие региональные культуры Мезоамерики обусловлено его огромными размерами и необычно высоким уровнем социально-экономической интеграции (Sanders, 1974, p. 128).

Пример расположенных южнее Центральных Анд свидетельствует о трех стадиях развития местных сообществ: первая – занятия охотой, вторая – собирание продуктов питания и начало окультуривания растений, третья – ведение сельского хозяйства. Последняя стадия также состоит из трех периодов. Первый – это период формирования, в течение которого в Центральных Андах зарождались технология, религия и искусство. Сообщество состояло из нескольких селений, число которых постепенно увеличивалось, но которые оставались небольшими. Обрядовые центры были также небольшими и простыми, хотя соответствующий религиозный культ был широко распространен. Хозяйственная деятельность характеризовалась расширением орошения, разнообразием сельскохозяйственной продукции, распространением росписи на гончарных изделиях и изготовлением украшений из меди и сплава меди и золота. В течение второго, или классического, периода развилось интенсивное сельское хозяйство, основанное на широко-масштабном орошении, возросла численность населения, расширилась специализация ремесел и появилось множество предметов роскоши, строились огромные храмы, использовались разные металлы для изготовления украшений, инструментов и оружия, оформилась классовая структура общества, сформировалось государство, управляемое монархами-жрецами, были разработаны основы военного дела. Иными словами, несколько городов группировались вокруг храмовых пирамид. Третий, постклассический период был отмечен более частыми войнами, расширением урбанизации, перепроизводством товаров и политическим объединением в империю инков. Именно в течение этого последнего периода появились распланированные городские центры, окруженные защитными стенами. Наивысшего развития подобная структура достигла в городе Чан-Чане, столице Чиму. Однако даже в течение этого периода полностью отсутствовала письменность, что явилось следствием недостаточного развития математики, астрономии и календаря. И все же инки содержали правительственных чиновников и создавали много общественных сооружений (Coollier, 1974, p. 175).

Наиболее характерной формой государственной организации в древние времена была монархия. Исключениями из этого правила являлись лишь древние полисы и несколько республик в Индии. Однако даже в этих обществах была в конечном счете установлена монархия – и всегда, очевидно, одним и тем же способом: победоносный военный лидер, поддержанный народным собранием, присваивал себе власть вопреки воле совета старейшин, сената и других органов управления. Именно так происходил пе-

реход от военной демократии к монархии в Древнем Шумере и значительно позже возникновение греческих тираний и власти римского императора.

Традиционное определение этой формы правления как «восточного деспотизма» в принципе ничего не означает, и от него следует отказаться. Царская власть, подобно другим социальным институтам, изменялась в ходе исторического развития государства. Но правители всегда должны были соответствовать определенным правилам, и общество оказывало на них психологическое давление. В древности правитель не был, как в период средневековья, представителем Бога на земле, а, напротив, представлял свой народ перед богами. Харизма (*нам лугал* – в Шумере, *хварнах* – в Персии, *царская дхарма* в Индии, «мандат небес» в Китае) давалась правителю по воле богов на определенных условиях и могла быть отнята, если он не соответствовал этим условиям. Постоянные ссылки в древних документах на правителя как на пастыря, стерегущего свое стадо, защитника слабых, вдов и сирот и выразителя *дхармы* не являются простой демагогией. Именно так правитель воспринимался людьми, и таким он видел себя. В течение длительного времени царь продолжал быть своего рода общественным лидером, который хотя и являлся правителем, был обязан заботиться обо всех членах сообщества. Следует помнить, что выборный орган управления назначал правителя, и поэтому принцип наследственной монархии прививался с большим трудом. Вопреки широко распространенному среди современных ученых мнению вплоть до самого конца независимого Месопотамского государства власть правителя в принципе не была наследственной. Считалось, что правителя выбрал представитель великих богов, который иногда предназначал его для этой роли, «когда тот был еще в утробе матери». Конечно, на практике наследник трона обычно принадлежал семейству правителя и назначался правящим монархом, но все же считалось необходимым подтвердить выбор царя волей богов (вероятно, путем жребия). Кроме того, власть правителя в Месопотамии была далека от абсолютной. Раз в год во время новогодних празднеств правитель Вавилонии, сняв свои регалии, должен был войти в «святой святых» храма бога-покровителя Вавилона Мардука и поклониться перед его статуей, что он никогда не посягал на привилегии граждан городов, в которых имелись храмы, не нарушал их честь и не покушался на их имущество. Затем верховный жрец хлопал его по щеке, и только тогда он получал жезл и тиару, которые означали, что его введение в должность возобновлено. В Ассирии в течение торжественной процессии и жертвоприношения на новогоднем празднестве неоднократно объявлялись «правила Ашшура». Остается неясным, относилось ли это к богу Ашшуру или к городу Ашшур – столице Ассирии, однако очевидно, что церемония была предназначена для напоминания монарху о его истинном назначении. Наконец, и вновь вопреки широко распространенному мнению правитель в Месопотамии не был высшим судьей, хотя и обладал правом помилования.

Такое ограничение власти монарха известно и в других обществах, даже если их монархия и не зависела от выборной системы. Правитель в Индии обязан был следовать *дхарме*, а в Китае – конфуцианской морали. В Новом Свете он должен был блюсти традиции и верования.

Представление о монархической власти, не ограниченной никакими правилами или институтами, полностью оформилось только ближе к концу периода античности. Наиболее четко оно было сформулировано в Кодексе Юстиниана: «Воля государя имеет силу закона». Принцип наследственной монархии также оформился в Византии. Эти оба принципа находят отражение в титулах византийских императоров: «самодержец» («автократор») и «порфиноносный» (порфира – мантия монарха).

ГЛАВНЫЕ СТАДИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА В МЕСОПОТАМИИ

Развитие племенных и родовых структур вело к неравенству и, следовательно, к внутренним конфликтам. Они представляли угрозу самому существованию общества, и государство возникло как новая система общественной организации, предназначенной если и не для устранения этих конфликтов, то по крайней мере для удержания их в определенных рамках. Появлению государства обычно предшествовали племенные объединения, некоторые из них были очень большими и занимали обширные территории. Структурно племена в составе объединения могли быть равны или неравны, с одним или несколькими племенами, доминирующими над другими членами «союза». Но первые государства были всегда небольшими по размеру и включали один, два или три (редко больше) города. Здесь мы должны оговориться, что под городом мы подразумеваем центр с населением, которое могло само себя поддерживать и в котором сосредоточивался, перераспределялся и продавался избыток продукции. Именно в связи с этими основными функциями города возникли все остальные функции государства, касающиеся политики, культуры, торговли и ремесел.

Возникнув как центр местной общины, город включал производственные и торговые ресурсы, а также храмы, дома чиновников и храмовых служащих и дворцы или места общественных собраний. Город рос и развивался вместе с общиной и был ее воплощением. Мы называем такие первичные государства «городами-государствами» или «номами». Именно их появление означает начало цивилизации, когда производительность общественного труда достигла уровня, при котором общество могло использовать избыток продукции для содержания значительного количества людей, не занятых производством товаров, а осуществлявших весьма важные для общества функции, являясь управляющими, воинами, жрецами и «интеллигенцией» — учеными, художниками, поэтами и т.д.

Дальнейшее развитие общества требовало все больше таких людей и, следовательно, вызывало необходимость роста избытка продукции. Но до рубежа II—I тысячелетий до н.э. (когда стало применяться железо) производительность труда росла очень медленно, а в Месопотамии она даже падала, так как засоление почв вызывало снижение урожайности. В связи с этим избыток продукции мог расти только экстенсивно — путем ограбления соседей, захвата рабов, расширения занимаемой территории и, таким образом, увеличения численности населения, а также посредством неравной торговли с соседними народами. Всего этого можно было достичь только благодаря войнам, и война стала теперь постоянным фактором в жизни общества.

Победоносные завоеватели объединяли под своей властью множество городов-государств (номов) и создавали территориальные государства, которые в конечном счете занимали весь или фактически весь данный этнокультурный регион. В пределах таких государств прежние центры обычно оставались стойкими сепаратистами. В области хозяйствования они были скорее соперниками и конкурентами, чем партнерами, способными к объединению ради общих интересов. Кроме того, каждый из них имел равные с другими основания требовать, чтобы он стал столицей, и только силой оружия можно было удерживать их статус провинции. Именно поэтому, например, для Месопотамии в течение последних трех тысячелетий до н.э. характерна раздробленность, и поэтому объединенное государство, охватывавшее всю страну, было недолговечным. Стабильность единого государства в Египте сохранялась в силу особых географических условий; единственной альтернативой союзу номов, располагавшихся вдоль узкой долины Нила и не имевших между собой естественных границ, было взаимное уничтожение.

Экономические причины побуждали к непрерывным военными действиями, в результате которых путем проб и ошибок возник новый тип государства — империя (илл. 10). Она далеко перешагнула границы отдельного этнокультурного региона, объединяя различные и экономически дополняющие друг друга области и связывая их торговыми путями. Составляющие части империи обычно находились на различных уровнях общественного и политического развития, и столица не всегда была в этом отношении передовой. Установленный в империи мир способствовал развитию торговли и укреплению экономических связей, а также создавал условия для образования синкретической надэтнической культуры. Однако именно империя впервые в дополнение к уже имевшимся различиям между свободными людьми и рабами или, в более широком смысле, между гражданами и иноземцами заложила основу неравенства между свободными гражданами, в отличие от неравенства между гражданами и негражданами, т.е. между завоевателями и побежденными. Это, в свою очередь, вело к появлению и распространению этнических войн, которые до того времени были фактически неизвестны. Ясно, что стабильность империи зависела от того, насколько хорошо ее части дополняли друг друга, что, естественно, определял случай. И когда после неизбежного выравнивания экономических и культурных условий эти составные части государства становились скорее конкурентами, чем партнерами, дальнейшее развитие империи теряло смысл, и она погибала. Конечно, не каждая империя выживала, достигая своего естественного конца, вернее, единственной империей, которой это удалось, была Римская империя.

На основе этих теоретических соображений мы считаем первой империей в истории человечества Ассирию, государство, существовавшее с IX до VII в. до н.э. Рассмотрение Аккадского царства, царства Ур III династии (2112–2003 гг. до н.э.) или месопотамского царства Хаммурапи как «империй» привело бы к теоретическим и терминологическим спорам. По той же причине политические структуры, созданные майя и ацтеками в Новом Свете, не могут считаться империями, хотя более позднее политическое развитие государства инков в некотором отношении может рассматриваться как империя.

РАННИЙ ДИНАСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В МЕСОПОТАМИИ

Данный период (примерно 2750–2315 гг. до н.э.) характеризовался наличием небольших государств — номов, обычно занимавших менее 100 кв. км и расположенных вдоль Евфрата, его притоков или искусственных каналов. Для описания их политической структуры современная наука использует термины «примитивная» или «военная демократия». Такое государство представляло собой местную общину, сосредоточенную вокруг храма местного бога-покровителя, где хранились неприкосновенные запасы на случай неурожая или других стихийных бедствий, а также запасы для торговли (Месопотамия фактически не имела минеральных ресурсов, и местная цивилизация могла существовать, только ввозя металлы, древесину и даже камень). Вокруг храма, экономического центра общины, жили жрецы, члены общинной администрации, ремесленники и т.д. Очевидно, запасы в храмах представляли заманчивую добычу для соседних номов, и государства в связи с увеличивавшейся военной опасностью стали защищать территории храмов и прилегающих поселений, воздвигая вокруг них стены. Верховная власть принадлежала народному собранию, в которое входили все взрослые боеспособные мужчины. Повседневные дела решал совет старейшин, возглавляемых главным жрецом, который носил титул *энси* (шумерский термин) или *шиншакум*

(аккадская форма этого слова). Другие чиновники общины отвечали за внешнюю торговлю (главный торговец), судебные дела, прокладку каналов и их обслуживание или за деятельность храма. В городе-государстве Ашшур ключевой фигурой являлся *лимму* – чиновник, являвшийся городским казначеем и дававший свое имя текущему году. Наконец, важную роль играл военный руководитель, или *лугаль*, которого, как считается, первоначально выбирали только на время одной военной кампании; обычно им становился сам правитель. По мере роста числа войн важность военного руководителя все больше возрастала, и эта должность стала скорее постоянной. Все чаще правитель предпочитал звание лугаля положению энси, поскольку лугаль пользовался большим авторитетом. Распоряжаясь значительной долей военных трофеев и руководя как храмовой стражей, так и взиманием налогов с граждан, лугаль концентрировал в своих руках значительную власть и все больше отгеснял на второй план такие традиционные учреждения, как совет старейшин, а также других должностных лиц. Шумерская эпическая поэма «Гильгамеш и Агга» конца III – начала II тысячелетия до н.э. повествует о том, как Гильгамеш, полубог, полуправитель г. Урук в Шумере (здесь он носил титул *эн*), когда город был осажден войском Агги (лугаль города Киш), спросивший совет старейшин Урука, следует ли оказать сопротивление или подчиниться Агге. Но когда совет старейшин рекомендовал сдаться, Гильгамеш обратился к народу, который потребовал начать войну и провозгласил Гильгамеша лугалем. Эта война закончилась поражением Киша. Независимо от исторической точности данного повествования изложенный ход событий весьма типичен для более позднего периода: победоносный военачальник, пользующийся поддержкой масс и попирающий традиционные органы управления (совет старейшин, ареопаг или сенат), захватывает власть. Именно так возникли тирании в Греции и позже – устойчивые диктатуры в Римской империи. Именно так возникла монархия в Месопотамии. Слово «лугаль», которое первоначально означало «великий человек», «вождь» или «хозяин», позже стало приставкой к царскому титулу (например, Лугальбанда, Лугльзагеск – *Прим. ред.*). Правитель, в дальнейшем – царь, постепенно передавал свои религиозные функции жрецам, поскольку из-за постоянного участия в военных действиях ему труднее было сохранять ритуальную чистоту (см. Ветхий завет, Первую книгу Паралипоменон, 28:3, где Бог отказывается принять храм от воина Давида: «Не строй дома имени моему, потому что ты человек воинственный и проливал кровь»). Постепенно гражданские и военные должностные лица, которые больше не имели связи с храмовой администрацией, сплачивались вокруг монарха. Благодаря победоносным войнам их власть могла распространяться на несколько номов и вследствие этого автоматически получала превосходство над местными учреждениями. Но в пределах своего собственного нома правитель опирался на народ и старался не допустить усиления неравенства (и последующего роста внутренних противоречий) путем реформ, призванных защитить слабого от сильного. Такие законодательные акты, позже названные «указами о справедливости», периодически издавались вплоть до завоевания Месопотамии персами в 539 г. до н.э.

Считалось, что правитель был назначен великими богами, в частности, богом-покровителем нома. На практике он, вероятно, назначался по жребью или оракулу. Власть правителя первоначально не была ни наследственной, ни даже пожизненной, и хотя позже она стала фактически наследственной, все цари Месопотамии (в самом конце своей истории бывшей независимой страной) теоретически правили «по божественному назначению». В III тысячелетии до н.э. правители и цари также считались сыновьями или потомками богов – не буквально, как, например, герои греческих мифов, а скорее абстрактно: каж-

дый житель Месопотамии рассматривал себя в определенном смысле как «сына бога», но это не мешало ему иметь земных родителей. Вопреки общепринятому мнению, правитель или царь города-государства не был представителем богов на земле; он был скорее представителем общины перед богами, передавая просьбы людей богам и повинаясь приказам последних.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВ НА ТЕРРИТОРИИ МЕСОПОТАМИИ

Древняя Месопотамия прошла через несколько стадий этого процесса, первая из которых состояла в установлении гегемонии данного нома над большим или меньшим количеством соседних номов без формирования единого государства. Следует подчеркнуть, что вопреки общепринятому мнению страна объединялась не в связи с экономической необходимостью. Системы орошения большинства номов были более или менее независимы друг от друга, и учреждение единой системы ирригации еще не было ни возможно, ни необходимо. Города Месопотамии не были и не могли быть торговыми партнерами, так как их продукция была одинаковой, и, следовательно, они, скорее, были склонны к конкуренции. Цель войны состояла в экстенсивном увеличении избытка продукции с соответствующим увеличением численности населения путем территориальной экспансии, а также в простом грабеже. Все номы имели равное право быть столицей, а военные успехи были непостоянными. Однако уже начали появляться термины, отражавшие положение правящего лидера, из которых наиболее важным был *лугаль Киша*. Данный титул носил не обязательно правитель самого Киша: имеются исторические упоминания о не более чем одном лугале Киша в каждый период времени, так что этот титул мог быть получен только с согласия всех остальных правителей или, вероятно, по решению оракула г. Ниппура (по предсказанию или жребью), являвшегося главным религиозным центром Месопотамии (центром культа верховного бога Шумеров Энлиля. – *Прим. ред.*).

Многие ученые считают, что данный титул является доказательством существования доисторической «империи» со столицей в г. Киш. Но с этим нельзя согласиться как исходя из вышеизложенных теоретических предположений, так и потому, что в течение рассматриваемого исторического периода сам г. Киш не был особенно престижным центром. Более вероятным является предположение о том, что имелось доисторическое племенное объединение или союз, религиозным центром которого был г. Ниппур, но политическим и торговым центром – Киш. Лугаль Киша, по-видимому, сначала был военным лидером этого объединения; в исторические времена он стал арбитром в пограничных конфликтах и, возможно, военачальником объединения номов.

Таким образом, территориальная экспансия государства приносила удачливому завоевателю большую избыточную продукцию, прежде всего и главным образом за счет увеличения размера имущества правителя, а также храмовых запасов, которые правители постепенно брали под свой контроль. Это позволяло им проявлять «великодушие» по отношению к полноценным гражданам больших городов или городов, имевших почитаемые храмы, полностью или частично отменяя их налоги и обязательства. Первый, хотя и ослепленный, пример такого «великодушия» содержится в письменах Энтемены, царя Лагаша (одного из крупнейших городов-государств Шумера. – *Прим. ред.*; около 2360–2340 гг. до н.э.) (илл. 11).

Однако первым, кто достиг действительно крупного, хотя и недолговечного успеха в объединении Месопотамии, был правитель г. Умма – Лугальзагеси (около 2336 г. до н.э.). Созданное им государство было своего рода кон-

федерацией: почти все номы объединения сохранили своих правителей, но признали превосходство власти Лугальзагеси и, вероятно, платили дань. Тем не менее Лугальзагеси был очень скоро смещен Саргоном (Саргоном Древним) из г. Аккад (2316–2261 гг. до н.э.), который основал государство, охватывавшее всю Месопотамию. Саргон считал, что ни один из древних или новых городов не подойдет ему в качестве столицы, и поэтому избрал столицей государства почти неизвестный г. Аккад, поскольку желал быть свободным от влияния сильных местных аристократий и жрецов особенно почитаемых храмов, а также порвать с традицией города-государства. Впоследствии все главные основатели государств в Месопотамии по сходным причинам поступали аналогичным образом, также выбирая своей столицей небольшие города или по крайней мере города, имевшие относительно небольшое значение (Иссин, Вавилон, Ниневия) или строя для себя отдельную столицу (Дур-Куригалзу, Кар-Тукулти-Нинурта, Дур-Шаррукин). Единственным исключением был Ур, столица царства Ур во времена III династии. Характерно, однако, что даже эта династия, происходившая из г. Урук, не выбрала в качестве столицы свой родной город, а утвердилась в Уре, где высокопочитаемый местный храм лунного бога возглавляла верховная жрица, которая пользовалась огромным уважением, но не играла никакой политической роли.

Выбор Саргона был неизбежно истолкован как непочтение к великим богам, их городам и храмам. Позднее жреческая традиция была явно враждебной по отношению к Саргону и основанной им династии, обвиняя этих царей в греховном высокомерии. Саргон носил традиционные титулы «царя» (лугаль, по-аккадски *шаррум*), «царя земли» и «царя Киша», последний титул на аккадском языке трансформировался в «шар кишшиатим», что означало «царь народов». Его империя сохранила номовую структуру, и большинство этих номов управлялось энси – представителями местных династий; они играли важную роль в местных культах и сохраняли тайнство, эквивалентное коронации. Местные энси не только желали независимости, но и мечтали о возможности основания собственных государств. Вследствие этого весь период (более 100 лет) правления династии, основанной Саргоном, характеризовался восстаниями. Царь Аккада Нарамсин, внук Саргона, одержавший блестящие победы над внутренними и внешними врагами, был признан богом. Независимо от того, откуда в действительности происходила эта инициатива признания, оно было представлено как «почетный декрет», выражение воли аккадских граждан в благодарность гражданину их города и высшему чиновнику, а также как «просьба» к великим богам, дабы они даровали Нарамсину гражданам Аккада в качестве «бога их города». Восстания, тем не менее, продолжались и при последующих поколениях царей, и это привело к крушению государства и господству кутиев. Месопотамия вновь стала совокупностью городов-государств.

Империя третьей династии Ур (около 2112–2003 гг. до н.э.), основанная после изгнания кутиев, была гораздо меньше, чем при Саргоне и Нарамсине. Однако, как и при Нарамсине, ее правители носили титул «царь четырех четвертей земли», а Шульги, второй царь династии, был даже обожествлен. С другой стороны, цари подчеркивали, что они просто возглавляют совет правителей городов-государств, к которым относились по крайней мере три города – Ниппур, Ур и Урук. Из этого следует, что не только Ур времен III династии был настоящим централизованным государством. Напротив, в этот период были приняты важные меры по оформлению идеологии централизованного государства – был составлен так называемый шумерский «Царский список», последовательный перечень шумерских династий. В нем утверждалось, что в Месопотамии всегда существовало одно единственное царство, про-

сто оно перемещалось из одной столицы в другую. Здесь мы впервые сталкиваемся с харизматическим образом монарха (*намлугаль*, или царский сан), который существует независимо от его носителя и спустился с небес «на заре времен». Следует заметить, однако, что идеология города-государства проявляется даже в этом документе, предназначенном для обоснования автократии: «царский сан» даруется городу – и только через посредство города предоставляется человеку. Другими словами, не существует никаких «династических прав», и любой город может претендовать на статус столицы.

И это действительно случалось. Ишби-Эрра передал «царский сан» Шумер и Аккад Иссину (первая династия Иссин, 2017–1794 гг. до н.э.), и его имя стали писать с приставкой, обозначающей божественность. На самом же деле, однако, Месопотамия распалась на множество враждующих царств, каждое из которых претендовало на первенство. Снова возникла проблема отношений между правителями и городами, и последним были предоставлены привилегии (наиболее древним примером является надпись, сделанная четвертым царем династии Иссин Ишме-Даганом, предоставляющая привилегии Ниппуру). Это послужило началом процесса, в ходе которого города Месопотамии стали гражданскими и религиозными сообществами, лишенными политической независимости, но свободными от государственных налогов или обязанностей и обладающими внутренней автономией. Постепенно они оставили попытки вернуть политическую независимость, но рьяно боролись за свое новое положение и ревниво защищали его. Цари тем временем отказались от претензий на божественность, но утвердили свою власть, хотя это достигло своего полного воплощения только во время правления царя Вавилонии Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.), шестого представителя так называемой первой вавилонской династии. Он использовал тонкую дипломатию и победоносные войны для подчинения всей Месопотамии. В политической структуре государства Хаммурапи больше не было места для номов. Во введении к своим знаменитым законам Хаммурапи перечисляет преимущества, которые он даровал наиболее важным городам Вавилонии, но тщательно избегает даже намеков на персональные связи с любыми городами кроме Вавилона: они были просто частями единого государства. Это государство было разделено на округа на явно административных основаниях, и пост энси был окончательно отменен. В идеологических терминах все это подкреплялось разрывом с фундаментальной концепцией шумерского «Царского списка». Вавилон был объявлен вечным обиталищем монархии. Хотя сопротивление в виде враждебной пропаганды и восстаний проявлялось даже при жизни Хаммурапи, Вавилония как государство, хотя и в усеченном виде, просуществовало больше тысячи лет.

В XIV в. до н.э. несколько городов-государств на севере Месопотамии объединились, образовав территориальное государство Ассирию с центром в Ашшуре. Интересы дальнейшего укрепления централизованного государства заставили правителей касситской династии Вавилонии переехать из Вавилона в специально построенную столицу Дур-Куригалзу, а ассирийского царя Тукулти-Нинурту I – в Кар-Тукулти-Нинурта. По этому случаю Вавилону были предоставлены привилегии. В ответ элита Ашшура объявила царя безумным, сместила и убила. Впоследствии ассирийские цари, тем не менее, покинули Ашшур, но город получил привилегии. Вавилонские цари каждый год возвращались в Вавилон на время празднования Нового года и торжественно подтверждали привилегии города.

В привилегированных городах органы общественного самоуправления – совет старейшин во главе с правителем города – снова вышли на первый план; в течение некоторого времени важную роль также играла организация торговцев – *карум*.

ПЕРВЫЕ ИМПЕРИИ

В конце II тысячелетия до н.э. арамейские кочевые народы (арамей, арамейцы), принадлежавшие к западносемитской группе, начали проникать в Месопотамию из Аравии. Эту неорганизованную орду нельзя было остановить силой оружия. Хотя кочевники Аравийской пустыни не могли захватывать города, рано или поздно города оказывались в полном окружении и им ничего не оставалось как только подчиниться завоевателям. В результате Ассирия, границы которой простирались до Евфрата, была способна удерживать только свою исконную территорию – узкую ленту к западу и востоку от Тигра – между реками Большой Заб и Малый Заб, но арамейцы пришли и сюда. Однако Ассирия смогла сохранить выгодное стратегическое положение, важную роль в международной торговле и мощную военную организацию. Другие «великие державы» того времени или погибли под давлением кочевых арамейских племен (как Хеттское царство), или понесли серьезный урон и были ослаблены (как Вавилония и Египет). Ассирия тем временем должна была выжидать, пока не остановится движение кочевников. В Сирии и на северо-западе Месопотамии возникло много небольших арамейских или скорее «арамеизированных» царств, в то время как в Вавилонии, которая была занята одним из арамейских племен, известным как халдеи, верховная власть была захвачена халдейскими вождями. Эти события сопровождалось вытеснением старых языков арамейским, который в течение нескольких столетий стал общепринятым разговорным языком целого региона, включая Месопотамию.

Только к концу X в. до н.э. Ассирия перешла в наступление с целью взятия под контроль торговых путей и, где возможно, источников сырья. Традиционным методом для этого был «обязательный обмен» или, другими словами, просто грабеж. Такой метод всегда был на вооружении военной и чиновничьей элиты. Другим методом, который предпочитали городская элита и жреческое сословие, была «правильная эксплуатация» покоренных стран, поддержание «имперского мира», который способствовал нормальным экономическим отношениям. В конечном счете это вело к борьбе между двумя «партиями», которые представляли две вышеуказанные группы, а правители действовали в интересах одной или другой «партии» либо пытались маневрировать между ними.

Первоначально, однако, использовался только первый метод. Ассирия опять расширила свои границы далеко на запад и на юг, а также осуществила успешные походы в Сирию и Мидию. Большая часть оккупированных территорий подверглась разрушению и обезлюдела. Ассирийцы фактически не брали пленных, так как они еще не нуждались в притоке рабов. Политическая ситуация также начала изменяться к худшему – на севере разрозненные племена Армянского нагорья объединились, образовав мощное государство Урарту; мелкие сирийские царства начали составлять антиассирийские коалиции; внутренняя ситуация в Вавилонии становилась несколько более устойчивой. Даже в самой Ассирии сепаратистские настроения у некоторых губернаторов провинций представляли значительную угрозу. Эти трудности можно было преодолеть только с помощью радикальных реформ, которые и были осуществлены Тиглатпаласаром III (744–727 гг. до н.э.) – основателем ассирийской империи.

Тиглатпаласар III разбил провинции на меньшие части, создал постоянную армию, которая находилась на содержании у центра, и ввел в практику массовую депортацию населения захваченных стран. Эти люди перемещались вместе с семьями, имуществом и даже «с богами», их селили как можно дальше от родных мест, и в результате они вливались в «народ Ассирии». В конце концов они действительно сформировали большую часть сель-

ского населения Ассирии, усвоив арамейский язык и живя в государстве на положении полурабов. Тем временем в городах жило привилегированное меньшинство. Ряд успешных походов сделал Тиглатпаласара III повелителем империи, которая простиралась от Средиземноморья до Западного Ирана и от Армянского нагорья до Персидского залива. Однако престиж Вавилонии был настолько велик, что, завоевав ее, Тиглатпаласар III сохранил ее как отдельное царство и сам в 729 г. до н.э. короновался царем Вавилонии, тем самым соединив Ассирию и Вавилонию собственной персоной. Большинство его преемников следовали этому примеру (остальные назначали в Вавилонию «вице-монархов» – правителей). В VII в. до н.э., правда лишь на два десятилетия, Ассирия даже завоевала Египет.

Хотя ассирийские цари преуспели в создании весьма эффективной системы управления (которая в значительной степени была скопирована более поздними империями), их империя, тем не менее, представляла собой хрупкое сооружение. Составляющие ее части вообще не отвечали изложенным выше требованиям. В результате в управлении преобладали насильственные методы, а ответом на них был сепаратизм. Привилегированные города действовали в определенной степени в качестве противовеса власти правителя. Они, конечно, были заинтересованы в «имперском мире», в охране и расширении своих привилегий; они были готовы защищать единство империи, но только на определенных условиях. Правители, которые посягали на привилегии святых городов, теряли свои троны и расщеплялись жизнью: Шалманезер V (726–722 гг. до н.э.) – за попытку лишить Ашшур его привилегий, Синаххериб (704–681 гг. до н.э.) – за то, что, разгневанный бесконечными восстаниями, он взял штурмом и разрушил Вавилон (его преемник Асархаддон немедленно принял меры для восстановления города). Но между 652 и 648 гг. до н.э. Вавилон снова стал центром восстания, хотя даже после его жестокого подавления ассирийский правитель счел необходимым подтвердить свое уважение к Вавилону. Для сельского населения не имело особого значения, кто находился у власти, но города, как уже упоминалось, были в значительной степени благосклонны к империи. Именно поэтому владыка Вавилонии Набопаласар (626–605 гг. до н.э.), восстановивший независимость Вавилона, был обязан подчинить силой оружия Ниппур и другие древние вавилонские города. Ассирийская империя пала в результате совпадения нескольких неблагоприятных обстоятельств: постепенного ослабления связей между некоторыми ее частями, роста внутренней вражды и создания сильного враждебного царства Мидия в непосредственной близости от владений Ассирии. В 614 г. Ашшур пал под ударами мидян, в 612 г. мидийская и вавилонская армия овладели Ниневией и разрушили ее, а в 609 г. до н.э. последние остатки ассирийской армии были уничтожены под Харраном – городом в Верхней Месопотамии, последней столицей империи.

Преемником Ассирии в Западной Азии стала нововавилонская империя, которая владела всеми территориями к западу от Евфрата вплоть до египетской границы и просуществовала менее 90 лет. Последний нововавилонский царь Набонид (556–539 гг. до н.э.), также пытался лишить месопотамские города их привилегий (что, фактически, было проявлением его «религиозного реформизма»). Именно поэтому персы смогли без боя вступить в Вавилон. Более поздние поколения (в том числе авторы более поздних книг Ветхого завета или такие патриархи истории, как Геродот) часто путали Ассирию и Вавилонию.

Политические события, происходившие с VI до I в. до н.э., дали новое развитие древним концепциям верховной власти. Как упоминалось ранее, идея «царского сана», передаваемого от одного города другому, была заменена по-

нятием о Вавилоне как о месте вечного местоположения этой власти. Под влиянием более поздних событий (персидского завоевания Вавилонии или прихода греков) идея верховенства городов превратилась в идею верховенства государств, как это выражено в ветхозаветной книге пророка Даниила, в которой говорится о последовательной передаче светской власти Ассирии (Вавилонии), Персии, Греции (имеется в виду империя Александра и его наследников) и, наконец, Риму. Св. Иероним впоследствии перенес эту идею на европейскую почву, где теория преемственности империй (*translatino imperii*) была популярна среди историков средневековья. Ее влияние на историческую и политическую мысль Европы было очень глубоким.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADAMS, R. McM. 1960. The Origin of Cities. *Sci. Am.* (New York), Vol. 203, No. 3, pp. 163–8.
- 1966. The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Ancient Mexico. Chicago, Ill.
- BRIANT, P. 1982. *Rois, tribus et pays. Études sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien.* Paris.
- CHENG Te-K'UN. 1959. Archaeology in China. In: *Prehistoric China.* Cambridge. Vol. I.
- COLLIER, D. 1974. The Central Andes. In: SABLOFF, J. A., LAMBERG-KARLOVSKY, C. C. (eds). *The Rise and Fall of Civilizations.* Seattle, Wash.
- EISENSTADT, S. K. 1973. *The Political Systems of Empires.* London/ New York.
- KWANG-CHIH, CHANG. 1974. The Emergence of Civilization in North China. In: SABLOFF, J. A., LAMBERG-KARLOVSKY, C. C. (eds). *The Rise and Fall of Civilizations.* Seattle, Wash.
- LARSEN, M. T. (ed.) 1979. *Power and Propaganda. A Symposium on Ancient Empires.* København. (Mesopotamia, 7.)
- MUGHAL, M. R. 1990. The Harappan 'Twin Capitals' and Reality. *J. Cent. Asia* (Islamabad), Vol. 13, No. 1, pp. 155–62.
- POSSEHL, G. L. (ed.) 1979. *Ancient Cities of the Indus.* New Delhi.
- SABLOFF, J. A., LAMBERG-KARLOVSKY, C. C. (eds) 1974. *The Rise and Fall of Civilizations.* Seattle, Wash.
- SAKELLARIOU, M. B. 1989. *The Polis-State, Definition and Origin.* Athens, Research Centre for Greek and Roman Antiquity, National Hellenic Research Foundation.
- SANDERS, W. I. T. 1974. Hydraulic Agriculture, Economic Symbiosis and the Evolution of States in Central Mexico. In: SABLOFF, J. A., LAMBERG-KARLOVSKY, C. C. (eds), *The Rise and Fall of Civilizations.* Seattle, Wash., p. 128.
- SYMPOSIUM ON URBANISATION AND CULTURAL DEVELOPMENT IN THE ANCIENT NEAR EAST, 4–7 December 1958. *City Invincible.* Chicago, Ill., 1960.
- WILLEY, G. R. 1974. Commentary on the Emergence of Civilization in the Maya Lowlands. In: SABLOFF, J. A., LAMBERG-KARLOVSKY, C. C. (eds), *The Rise and Fall of Civilizations.* Seattle, Wash., p. 97.
- YOFFEE, N., COWGILL, G. L. (eds) 1988. *The Collapse of Ancient States and Civilizations.* Tucson, Ariz.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ С ОТДАЛЕННЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ И ПОЯВЛЕНИЕ КЛАССА КУПЦОВ

Жан-Пьер Моэн

В рассматриваемый в настоящем томе период появилось одно из технологических новшеств, которое привело к усовершенствованию транспортных средств и значительно расширило горизонты некоторых сообществ со всеми вытекающими из этого экономическими, военными, дипломатическими и социальными последствиями. С доисторических времен интенсивное использование внутренних водных путей сообщения, таких рек, как Нил, Тигр, Евфрат, Инд и Хуанхэ, было важным фактором в развитии больших государств. Но эти государства также изобрели новые сухопутные транспортные средства для перевозки армий, товаров и особенно для передачи сообщений. Развивались новые отрасли производства, и купцы начали заниматься международной торговлей.

Речные и морские пути играли главную роль в том, что человек достиг самых удаленных частей света. К началу рассматриваемого периода уже была исследована большая часть земного шара за исключением островов Тихого океана, но и они постепенно становились известными мореплавателям Запада. Экспедиции достигли островов Новые Гебриды, Новая Каледония и Фиджи приблизительно к 1000 г. до н.э. и даже отважились дойти до островов Самоа в Западной Полинезии. Суда, использовавшиеся для этих океанских путешествий, были, вероятно, большими выдолбленными из ствола дерева лодками, иногда соединявшимися попарно как катамараны, подобно судам, которые в XVIII в. видели в Полинезии первые европейские путешественники. Немногим более известно относительно судов классической античности – благодаря египетской и ассирийской иконографии и некоторым знаменитым описаниям в таких произведениях, как «Одиссея» Гомера, где он подробно рассказывает о возвращении одного из победителей троянской войны, Одиссея, вдоль побережья Анатолии на остров Итака в Греции. Средиземноморское судно имело мачту и парус. Оно было не слишком большим или тяжелым, и спутники Одиссея могли ночью передвигать лодку по берегу волоком. Эти суда перевозили воинов, провиант и добычу. Как стало известно благодаря исследованию остатков от кораблекрушений, были также и торговые суда, перевозившие товары.

Судно, обнаруженное в 1959 г. у мыса Гелидонья на южном побережье Анатолии, около 1200 г. до н.э. везло почти тонну груза – слитки меди и олова. Владельцем был финикиец, направлявшийся в регион Эгейского моря. Возможно, что сирийская печать, найденная на борту, принадлежала именно ему и что он использовал ее для заключения официальных сделок. Члены команды носили амуле-

ты – сирийско-палестинскую имитацию египетского скарабея. Глиняный сосуд для повседневных нужд и лампа из каюты также имели сирийско-палестинское происхождение. Разновесы, найденные на судне, соответствуют системе, которая была принята в Западной Азии и в эгейском регионе, что свидетельствует о наличии экономических связей между этими двумя регионами.

Другое судно, потерпевшее крушение близ Анатолии, которое было обнаружено в 1982 г. в районе Улубурун, везло царский груз, датируемый XIV в. до н.э. Судно длиной от 15 до 17 м перевозило 6 т слитков меди и множество слитков олова. На судне было также около 100 ханаанских амфор, заполненных тонной живицы (терпентина), возможно, предназначенной для изготовления благовоний. В одной из амфор были маслины. Там же найдены осколки синего (отделанного кобальтом) стекла, по составу сходного как с микенскими амулетами, так и с египетскими вазами-слезницами, относящимися к XVIII династии. Были найдены также предметы из слоновой кости, зубов гиппопотама и яйца страуса, возможно, западноазиатского происхождения. Некоторое представление о качестве и разнообразии предметов торговли, осуществлявшейся на остановках у восточных берегов Средиземного моря, дают янтарь с Балтики, черное дерево из Экваториальной Африки, гончарные изделия с Кипра, золотые ханаанские ювелирные изделия, два фрагмента египетских золотых ювелирных изделий – кольцо и скарабей, которые, согласно надписи, принадлежали царице Нефертити, и микенский меч. Как свидетельствуют, например, дощечки, обнаруженные в районе Эль-Амарна в Египте, этот груз был того же типа, что и груз, посланный фараону правителями Западной Азии.

Затонувшие суда, груженные металлом, были также найдены в районе Рошлонга (департамент Эро, Франция); там было поднято 1700 фрагментов бронзовых предметов и 800 кг слитков меди, датируемых VIII в. до н.э. У побережья Англии в районе Дувра и Плимута было найдено бронзовое оружие и инструменты, датируемые приблизительно 1200 г. до н.э. После находки в 1992 г. в Дувре большого деревянного судна мы имеем о них лучшее представление.

В регионах, расположенных далее к северу от Средиземноморья, суда были необходимы для контактов между многочисленными британскими, датскими и другими островами. Касситериды – острова, располагавшиеся, как считается, где-то у побережья п-ова Корнуолл или ближе к Бретани, являются хорошим примером островных торговых пунктов, которые породили процветавшую морскую торговлю касситеритом (оловянным камнем) (рис. 9, 10).

В дополнение к выдолбленным лодкам, обычно использовавшимся в умеренных и северных областях Европы, можно упомянуть *умиак* – открытую большую лодку с килем и деревянным остовом, обтянутым кожей, подобную лодкам, изображенным на наскальных рисунках в Родёй и Форсли в Норвегии.

Обширная иконография скандинавских пещерных поселений бронзового века изображает мирные суда, занятые ловлей рыбы или охотой на китов, но некоторые суда явно предназначались для воинов в боевом снаряжении или для играющих на луре – древнем бронзовом духовом мундштучном инструменте в форме бивня мамонта. Одно из самых древних гравированных изображений – горизонтальная линия, загнутая с обоих концов, обозначала нос и корму судна. На более поздних из них видна вторая горизонтальная линия, символизирующая киль, снабженный тараном. Нос загнут вверх и наружу, создавая опору для установки фигуры дракона, змеи или, как в районе Белого моря, лося. Это было весельное судно, управляемое парами гребцов (до 20 пар). В северных областях, в отличие от Средиземноморья, парус не применялся. Возможно, весла использовались для управления судном, как это следует из эскиза Экьеберга (илл. 12).

Другая техника постройки судов – сборка судна из досок – могла существовать около 1000 г. до н.э. Она обычно применялась в железном веке (400 г. до н.э. в Норт-Ферриби в Великобритании) и в позднем средневековье викингами, которые отваживались выходить в открытое море на таких судах.

Некоторые из судов доисторического периода, обнаруженные в болотистых областях регионов с умеренным климатом, были, без сомнения, паромы, применявшиеся для переправы через реки.

В Англии и Северной Германии обнаружены и идентифицированы многочисленные дороги из бревен, проложенных по топкой почве. Они типичны для рассматриваемого и последующих периодов, в течение которых для облегчения сообщения и торговли также развивались сухопутные пути.

Далее к северу были изобретены разные способы передвижения по снегу. В 1955 г. Кларк (*J.G.D. Clark*) описал остатки лыж и полозьев саней, найденных в Норвегии, Финляндии и Швеции, и наскальные изображения, обнаруженные в районе Залавруга близ г. Беломорск (Карелия). Примерами являются также лыжи из Риихимяки в Финляндии и лыжи из Калвтреска в Швеции вместе с лыжными палками, похожими на весла. Полозья саней из Хейнола в Финляндии и Марьярва в Швеции датируются периодом между III и II тысячелетиями до н.э. (рис. 11, 12).

Изобретение колеса и колесных транспортных средств полностью изменило наземный транспорт, однако эти изменения происходили постепенно. Пиктографические изображения из Урука в Ираке впервые показывают переход от повозок с полозьями к колесницам. Этот переход произошел в конце IV тысячелетия до н.э. (рис. 13). Образцы деревянных колес, терракотовые модели колесниц, рисунки на вазах или поверхностях скал и сами колесницы, найденные в захоронениях, служат доказательством быстрого распространения этого изобретения как в Западной Азии, так и в Восточной и Центральной Европе. Ярким примером является накладка с изображением колесниц, украшающая сундук из Ура, а также деревянные остатки похоронных колесниц из района «Три брата», расположенного между Каспийским и Черным морями, относящиеся к III тысячелетию до н.э. (рис. 14). Пунктирные рисунки из Валькамоники (Северная Италия), рисунки на стеле, обнаруженной на юго-западе Пиренейского п-ова, и рисунки в мегалитическом захоронении в Кивике (Швеция), относящиеся ко II тысячелетию до н.э., показывают, какими великолепными были эти транспортные средства; некоторые из них

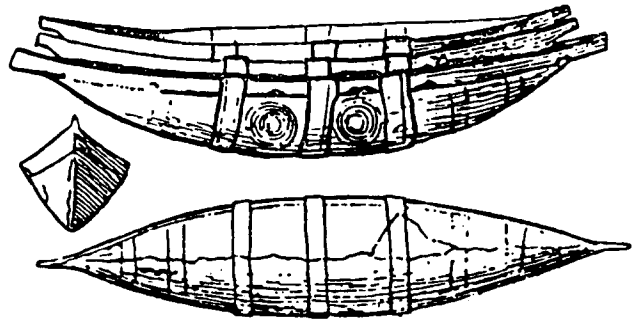

Рис. 9. Небольшие модели судов из листа золота для хранения вещей из Норс (Дания) (по *Clark*, 1955)

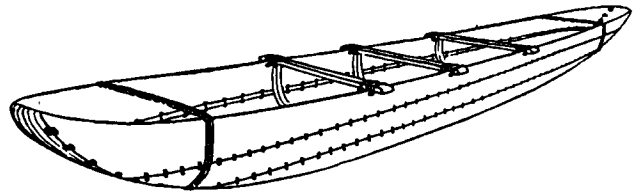

Рис. 10. Реконструкции лодки из Норт-Ферриби, Йоркшир, Великобритания (по *Clark*, 1955)

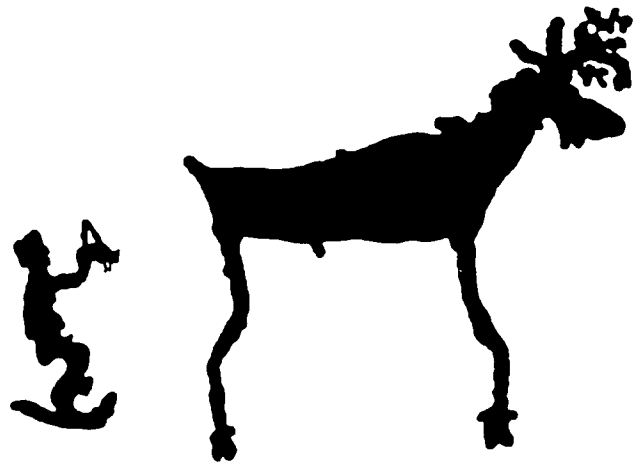

Рис. 11. Наскальное изображение лоса на лыжах, преследующего лося, из Залавруга, северо-запад России (по *Clark*, 1955)

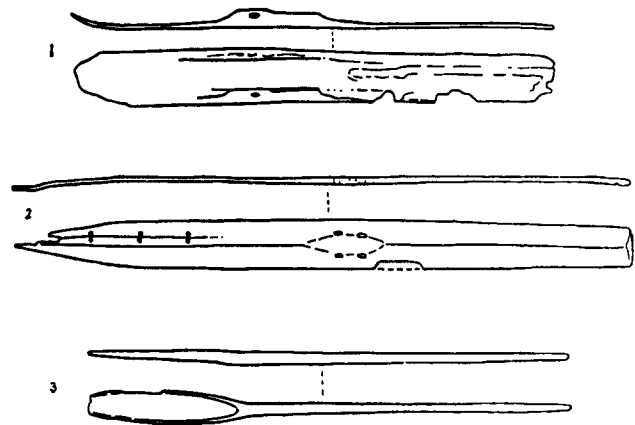

Рис. 12. Лыжное снаряжение каменного века из приполярной Европы: 1 – «южная» лыжа из Риихимяки, Южный Тавастлан, Финляндия; 2, 3 – «арктическая» лыжа и палка из Калвтреска, Буртреска, лен Вестерботтен, Швеция (по *Clark*, 1955)

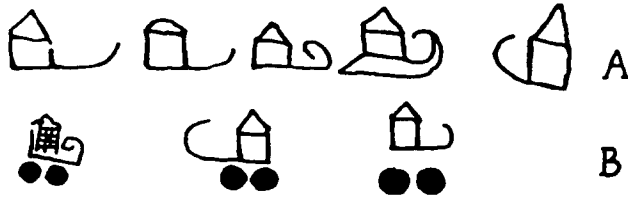

Рис. 13. Пиктограммы протобуквенного документа IV тысячелетия до н.э. из Урук, Ирак: А – символы саней; В – символы повозки «сапи на колесах» (по Piggott, 1983)

были четырехколесными (повозки для процессий), некоторые – двухколесными (военные колесницы), были и повозки для товаров (рис. 15, 16).

Конструкция колеса изменялась по мере развития технологии. Самые древние колеса были сплошными, без спиц и делались из дерева (например, колесо из Де-Эксе, Нидерланды); обычно они состояли из трех сегментов (колеса похоронных колесниц из Армении и Грузии II тысячелетия и колесо из Цюриха III тысячелетия до н.э.) (рис. 17).

Такие сплошные колеса вытеснялись колесами со спицами, и, следовательно, возрастала роль ступицы колеса, служившей опорой для спиц. Во II тысячелетии до н.э. обычно применялись четыре спицы (колесница из Дупляя в бывшей Югославии, колесница из Трудхольма в Дании); колеса этого типа иногда делали из бронзы. В дальнейшем число спиц увеличивалось (например, у похоронных ко-

лесниц начала железного века); некоторые части колеса были сделаны из дерева и металла (бронзы или железа).

Складывается впечатление, что главные особенности конструкции колесницы сформировались в давние времена: широкое распространение получил раздвоенный кронштейн, который соединялся с одной из осей, опиравшейся на колеса. Недостатком этого типа крепления было отсутствие узла сочленения, что затрудняло управление колесницей. Но еще до начала железного века были внесены некоторые технические усовершенствования, позволившие устранить данный недостаток.

Другим важным достижением в истории развития повозок и колесниц стало использование тягловых животных. В самые древние колесные повозки в Западной Азии запрягали ослов, а позже – волов.

Телеги, запряженные животными, изображены на пещерных рисунках в таких местах, как Сюник в Армении, или на стенах, как в Лонгундо (Италия) (рис. 18).

Одомашненная лошадь появилась в степях Восточной Европы начиная с V тысячелетия до н.э. Когда около 2000 г. до н.э. лошади появились в Западной Азии, их запрягали в военные колесницы. Свидетельства использования лошадей как тягловых животных можно найти, например, на резных изображениях из Валькамоники и на изображении священной колесницы из Трудхольма. Для более медленных телег, использовавшихся при перевозке товаров, было ничего надежнее вола, сочетавшего большую силу и устойчивый ход.

Не следует забывать, что лошадь была прежде всего животным для верховой езды и средством быстрого пе-

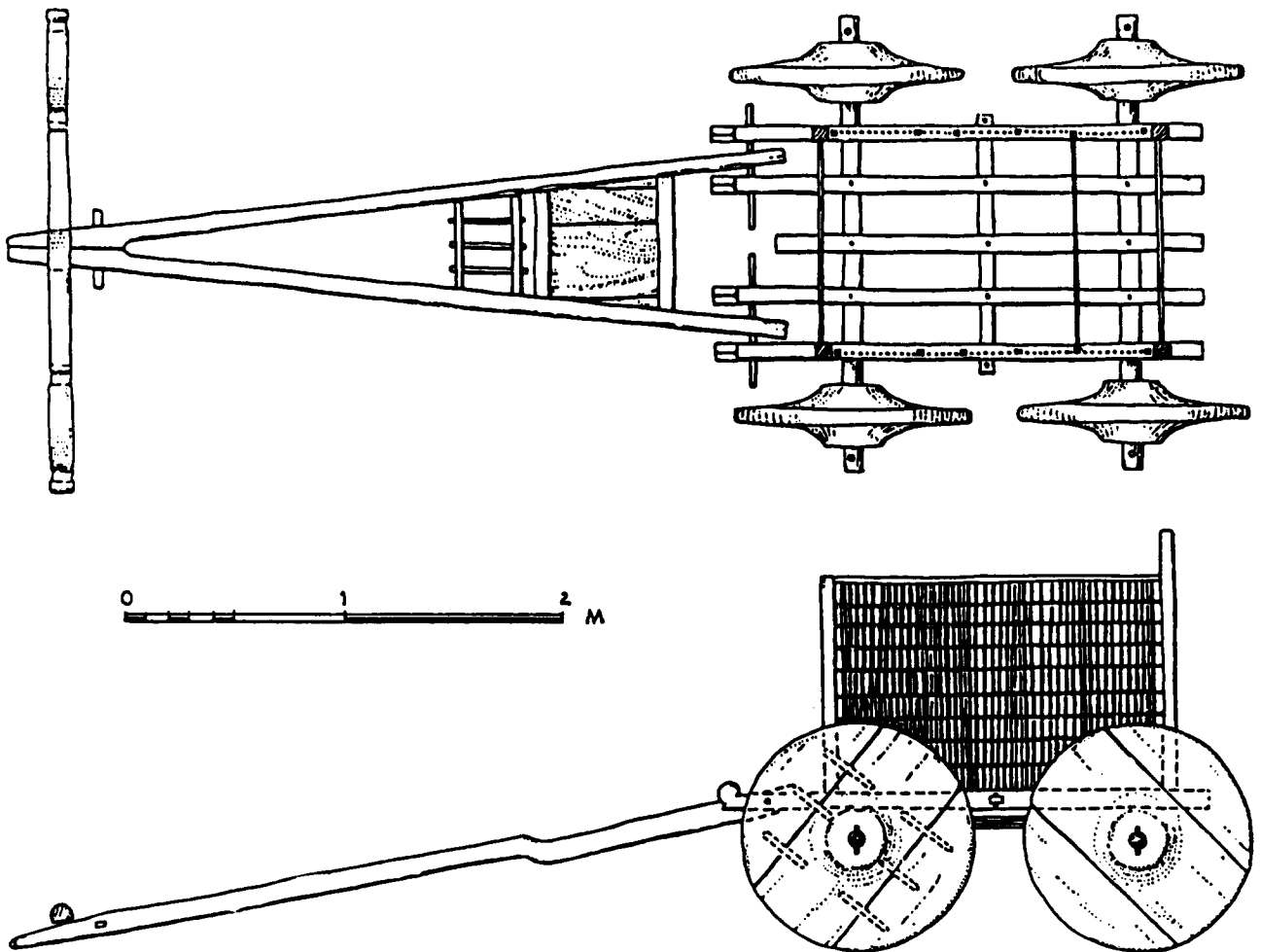

Рис. 14. Масштабное изображение тележки II тысячелетия до н.э. из кургана II у села Лчашен на берегу оз. Севан (Армения) (по Piggott, 1983)

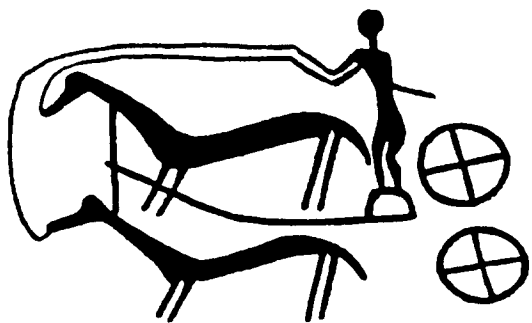

Рис. 15. Резное изображение конной колесницы на плите из камерного захоронения в Кивике, Сканёр, Южная Швеция (по Clark, 1955)

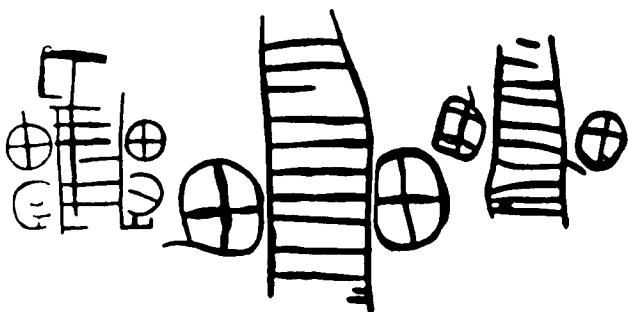

Рис. 16. Наскальные рисунки периода халколита с изображением колесных повозок из Лос-Буитрес, Пеналсордо, провинция Бадахос, Испания (по Clark, 1955)

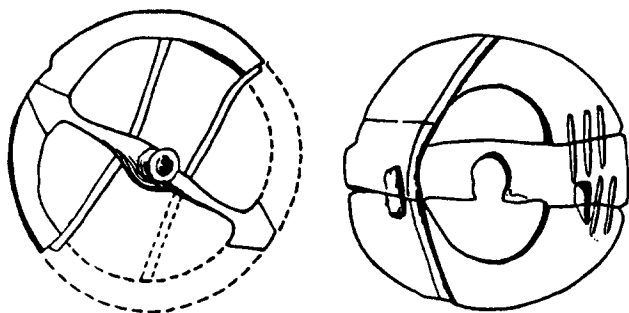

Рис. 17. Деревянные колеса из трех сегментов из Меркураго вблизи г. Анкона, Италия (по Clark, 1955)

редвижения, которое изменило характер человеческих отношений. Для аристократии Центральной Азии и Европы лошадь была символом высокого положения в обществе. Нередко лошадь приносили в жертву на похоронах хозяина и помещали в могилу рядом с ним. Многочисленные подтверждения этого явления в конце рассматриваемого периода находят в Северном Причерноморье, у древних скифов, описание которых дано Геродотом, а также в Центральной Европе – в долине Дуная (Шентвекерцуг) на юге Франции (Ла-Франсез и Казальс), в Испании (Вальфогона-де-Балагер). В конце бронзового века и начале железного века было принято, чтобы в могилу известного человека в дополнение к одежде и оружию клали часть упряжи его лошади. Примеры этого находят в Южной Германии, в Бейлнгриесе и Гернлиндене. Лошади и вскоре конница стали играть решающую роль на поле боя, например, когда между XIII и XII вв. до н.э. охваченный страхом Египет был побежден «народом моря» (рис. 19).

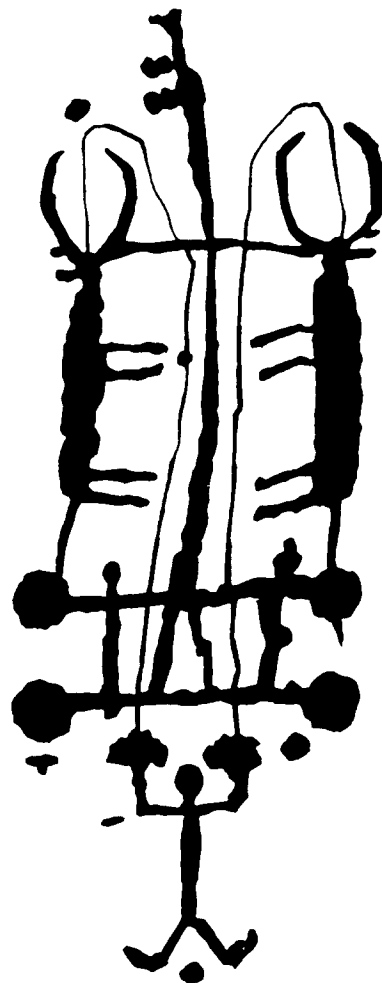

Рис. 18. Наскальное резное изображение телеги, запряженной волами, II тысячелетие до н.э., из Сюника, Армения (по Piggott, 1983)

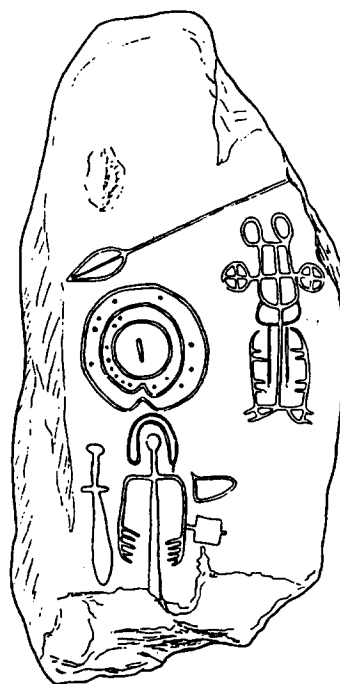

Рис. 19. Могильная плита с изображением воина с мечом, копьем и щитом и колесницы, VIII–VII вв. до н.э. из Кабеса-дель-Буэй, Испания (по Piggott, 1983)

Для повозок и колесниц требовались хорошие дороги, являвшиеся главной особенностью больших централизованных империй, которые нуждались в средствах быстрой передачи информации, перевозки оружия, войск и грузов (для чего с 1500 г. до н.э. использовались гужевые повозки); кроме того, необходимо было снабжать население больших городских центров продуктами питания, а ремесленников – сырьем для их работы. Самыми древними товарами, перевозимыми на большие расстояния, были предметы роскоши, драгоценные камни, металлы, благовония, древесина и пряности. Впоследствии в столичные города доставляли также и продукты повседневного спроса, которые включали пшеницу, оливковое масло, вино и т.д. Часть товаров привозили из очень далеких мест: янтарь, золото, меха и рабов – из Северной Европы, с территории современной России, а также из Азии. Соль, шелк, олово и золото перевозили через пустыни Сахары, Нубии и Аравии караванами одногорбых и двугорбых верблюдов.

Благодаря этим двум животным впервые стало возможным в экономических интересах пересекать обширные пространства, которые без их помощи оставались бы непреодолимыми. Первоначально в древности не было различия между двугорбым бактрийским верблюдом (бактрианом) и одногорбым аравийским верблюдом (дромедаром, или дромадером), что в наше время вызвало определенные недоразумения при изучении истории их одомашнивания. Некоторую помощь в этом вопросе оказали археологические открытия. Среди энеолитических остатков, найденных в городище Алтын-Тепе у с. Меана на юге Туркмении, обнаружено несколько терракотовых статуэток, изображающих верблюдов, точнее их головы и шеи, соединенные с передней частью четырехколесных колесниц. Эти статуэтки, датируемые III тысячелетием до н.э., свидетельствуют не только о том, что верблюд был одомашнен, но и о том, что он использовался как тягловое животное в регионах Центральной Азии. Это еще не означало, что на верблюдах люди пересекали пустыню: для этого должны были существовать веские экономические и политические причины. Столь дальние путешествия не осуществлялись приблизительно до 1100 г. до н.э., когда ассирийцы привезли верблюдов из Мидии для передвижения по горам. Именно они около 700 г. до н.э. начали использовать верблюдов для путешествий через Аравийскую пустыню. Но еще до того как единая политическая власть, т.е. власть Персидской империи, установилась на обширной территории «плодородного полумесяца», могли составлять большие караваны, обеспечивавшие прямую связь между двумя оконечностями этого «полумесяца». Гораздо позднее одногорбые верблюды появились в Ливийской пустыне и в Сахаре.

Прокладка дорог значительно облегчила эти обмены. С III тысячелетия до н.э. египтяне строили дороги, поскольку нужно было перемещать от каменоломен до строительных участков массивные каменные блоки, высеченные для строительства пирамид или храмов или дляobelisks и колоссов, «охраняющих» храмы. На Крите найдены остатки дороги, в этот же период связывавшей города Гортину и Кносс. Главная дорога, шедшая вдоль побережья и соединявшая Египет с г. Газа на восточном побережье Средиземного моря, была проложена несколько позднее. Ступени, высеченные в скале в месте прохождения дороги через ущелье Нахр-эль-Кельб, показывают, что она не могла использоваться для движения колесного транспорта. Во время правления царя Тиглатпаласара I (около 1100 г. до н.э.) ассирийцы имели техническую службу – *уммани*, которая отвечала за строительство дорог, мостов и прокладку траншей.

Вдоль дорог устанавливались промежуточные посты, где животные и люди могли отдохнуть, найти проточную воду, продовольствие и ремонтную мастерскую для транс-

порта. Благодаря этому власти получили возможность контролировать товарооборот и налоги. Быстрая и регулярная передача сведений была жизненно важна для больших империй. Ассирийцы, например, улучшили свою систему связи во время правления царя Синаххериба (около 705–680 гг. до н.э.), который создал вдоль дорог систему для передачи сообщений, использовавшую световые сигналы. Этот метод был известен в Израиле и Месопотамии. Царская дорога из Сард до Эфеса и Суз, законченная Дарием I около 500 г. до н.э., имела все эти особенности.

Империи, выросшие между 3000 и 700 гг. до н.э., обладали значительной экономической мощью благодаря техническому усовершенствованию транспорта. В каждом дворце (например, в Кноссе) и в городе чердаки и склады были переполнены кувшинами с зерном и маслинами.

Были установлены специальные районы для различных ремесел, работ по металлу или по изготовлению глиняной посуды (как в Энкоми). Торговля драгоценными материалами процветала не только в Египте, государствах Западной и Центральной Азии, но также и в деревенских культурах Северной Европы (например, велась торговля зеленым сланцем из окраин г. Олонец в Карелии, балтийским янтарем и оловом с островов Касситериды в районе Британских островов).

В классических государствах античности были приняты различные системы мер и весов (отдельные технические аспекты таких систем рассмотрены в гл. 1). Существование единиц измерения (некоторые из них следовали стандартам отдаленных стран), по-видимому, свидетельствует о важности торговли и других форм обмена в отношениях между народами и распространении изобретений. Одним из примеров является *мина* – финикийская единица веса примерно в 727 грамм, которая, по-видимому, использовалась на территории нескольких регионов Западной Европы (современные Швейцария и Франция) около IX в. до н.э. Деньги как таковые появились гораздо позднее (самые древние родосские монеты датируются V в. до н.э.).

Выгоду из улучшения средств транспорта и расширения экономических горизонтов получали не только сухопутные империи, но и морские державы. Активную посредническую деятельность в Средиземноморье вели финикийцы, торговавшие товарами различного происхождения. Основание Карфагена в 814 г. до н.э. свидетельствует о доступности западных побережий Африки и Европы.

Другим ярким примером морской державы была Греция, возникшая ранее 700 г. до н.э. и в более поздние времена расширившаяся до Великой Греции V в. до н.э., простираясь на западе до Атлантики и на востоке до Черного моря.

Крупные сферы культурного влияния, сформировавшиеся в мире, основывались не только на политическом единстве империй, но и на экономических факторах, связанных с контактами между людьми или торговлей с дальними территориями. Этим объясняется распространение кельтской культуры в Западной и Восточной Европе, широкая сфера влияния арктической культуры, относительное единство андийских культур, среди которых некоторые типы раковин являлись предметом обмена между разными поселениями, и распространение в Меланезии и Западной Полинезии культур гончарных изделий Лапита.

В таком экономическом контексте торговли стремились к специализации. Один мог владеть судном в Восточном Средиземноморье и плавать от порта к порту, предлагая свои товары. Другой мог получить поручение от царя перевозить золотые изделия и зачастую доставлять послания. Третий мог выступать посредником и везти груз оксида олова из Англии на континент для последующей отправки далее на юг.

Некоторые товары нужно было доставлять через пустыни караванами верблюдов. В местностях с неров-

ным ландшафтом, вроде горных районов, их обычно перевозили с помощью вьючных ослов или носильщиков. Дорогое сырье типа янтаря с севера, китайского нефрита или некоторых раковин с Тихого океана иногда перевозили на большие расстояния, до нескольких тысяч километров от места добычи. Купцы следовали за армиями, их число постоянно увеличивалось, они всегда находились в движении. С увеличением объема контактов и международной торговли некоторые народы, например финикийцы, начали торговать своими услугами и контролировали торговые потоки в таком огромном регионе, как южное побережье Средиземного моря.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BASS, G. F. et al. 1989. The Bronze Age Shipwreck at Ulu Burun: 1986 Campaign. *Am. J. Archaeol.* (Boston, Mass.), Vol. 93, pp. 1–29.
- CLARK, J. G. D. 1955. *L'Europe préhistorique, les fondements de son économie.* Paris.
- COLES, B.; COLES, J. 1989. *People of the Wetlands: Bogs, Bodies and Lake Dwellers.* London/New York.
- FORBES, R. J. 1965. *Studies in Ancient Technology.* 2nd rev. ed. Leiden, Vol. 2.
- LEE, N. E. 1955. *Travel and Transport through the Ages.* 2nd ed. Cambridge.
- PARKES, P. A. 1986. *Current Scientific Techniques in Archaeology.* London/Sydney.
- PIGGOTT, S. 1983. *The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea.* London.
- POLANYI, K.; ARENSBERG, M.; PEARSON, H. (eds) 1957. *Trade and Market in the Early Empires.* Glencoe, Ill.
- SABLOFF, J.; LAMBERG-KARLOVSKY, C. C. (eds) 1975. *Ancient Civilization and Trade.* Albuquerque, N.M.
- STEINMAN, D. B.; WATSON, S. R. 1957. *Bridges and their Builders.* New York.
- VIGNERON, P. 1968. *Le cheval dans l'antiquité.* Nancy, *Annales de l'Est.*
- WALTZ, R. 1951, 1954. Zum Problem des Zeitpunktes der Domestikation der Altweltlichen Kameliden. *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.* Leipzig, pp. 29–51 (1951); pp. 45–87 (1954).
- WILL, E. 1957. *Marchands et chefs de caravane à Palmyre.* Syria (Paris), Vol. 24, pp. 262–7.
- WRIGHT, E. V. 1976. *The North Ferriby Boats: A Guide Book.* London. (Marit. Monogr. Reports, 23.)

НАЧАЛО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ОТКРЫТИЕ ОБРАБОТКИ МЕТАЛЛОВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Пьер Вийяр

Период, который длился с XV по VIII в. до н.э., характеризовался постепенным расширением применения железа в обществах Западной Азии и признанием этого металла в Ассирии – милитаристской державе, все усилия которой были, по-видимому, направлены на создание огромной военной машины как орудия постоянных завоеваний.

Действительно, политическая обстановка на Древнем Востоке в середине II тысячелетия до н.э. обрела относительно равновесие, которое, тем не менее, не исключало экспансионистские замыслы ряда больших государств – Египта, касситской Вавилонии, Хеттского царства и государства Митанни, которое простиралось от берегов Средиземного моря до предгорий Загроса. На границах этих царств, особенно в Сирии и Палестине, продолжало существовать множество малых буферных государств, чья военная слабость компенсировалась процветанием, основанным на торговле и производстве, из которых также извлекали выгоду их более сильные соседи. Упадок Митанни и одновременное возникновение Ассирии, главной силы в течение последовавших веков, существенно не изменили это динамическое равновесие.

Однако такой региональный порядок претерпел радикальные изменения около 1200 г. до н.э., когда «народы моря» (объединяющее название, данное народам разного происхождения) положили конец Хеттскому царству, опустошили территорию Сирии и Палестины и изгнали египтян с этих мест. Впоследствии, пользуясь слабостью ранее существовавших государств, новые группы семитских народов (арамейцы, или арамейцы) постепенно заселили страны «плодородного полумесяца» и около середины XI в. до н.э., до возникновения ряда княжеств на территории Сирии, сокрушили Вавилонию.

Эти политические и этнические сдвиги совпали с действительным началом железного века на Древнем Востоке. Считается, что военное превосходство пришельцев было частично связано с владением новыми технологиями. Однако если и существовала связь между этими технологическими достижениями и политическими событиями в начале I тысячелетия до н.э., то она неизбежно была комплексной, поскольку, как ни парадоксально, именно Ассирия, являвшаяся наследницей государств бронзового века, в IX в. до н.э. положила начало политике новых завоеваний и экспансии, способствовавшей формированию новой Ассирийской империи, которая с конца VIII в. и в течение VII в. до н.э. установила и удерживала свое господство практически над всеми странами Западной Азии. Не следует недооценивать важность распространения технологии

железа, но это был лишь один из факторов в серии более сложных технологических и экономических изменений, которые хотя сами по себе и не могут объяснить политические события, но явно вызвали радикальные перемены в существовавших тогда сообществах, в частности, усилив их военные возможности. Например, появление лошадей не только полностью изменило методы ведения войны, но и повлияло на экономическую и общественную структуру в целом.

Очевидно, что такие изменения воздействовали лишь на определенные аспекты экономической деятельности государств, оказывая ограниченное влияние на основные секторы производства, например на производство тканей. Аналогичным образом, каково бы ни было стратегическое значение обработки железа или новой техники, связанной с использованием лошадей, эти перемены не могли стать единственными причинами роста мощи государства. В качестве примера можно привести тот бесспорный факт, что именно владение землями Северной Месопотамии, на которых возделывались зерновые культуры и которые охватывали обширные долины от Загроса до Евфрата, было решающим фактором в способности Ассирии создать прочную империю.

Из-за ограниченного объема главы основное внимание в ней будет уделено преимущественно более динамичным секторам хозяйствования, а не многим особенностям, которые оставались неизменными, отчасти потому, что в большинстве стран эти динамичные секторы зависели от доступа к привозному сырью и вызывали необходимость проведения экономической политики, обеспечивающей его регулярные поставки.

ПОЯВЛЕНИЕ ЖЕЛЕЗА

Иногда трудно дать точное определение влияния, которое оказало появление методов обработки железа на экономику государств Древнего Востока из-за относительной нехватки соответствующих археологических данных, касающихся этой области. Однако в общих чертах можно определить три главные фазы развития этой технологии, отражающие возрастающую важность нового металла для экономики в целом.

В начальной фазе существование предметов, сделанных из железа, свидетельствует о том, что методы обработки железа были уже известны, однако преимущества особых характеристик этого нового металла еще не использовались. Железо по-прежнему оставалось редкостью

и из-за чрезвычайно высокой цены применялось главным образом для изготовления престижных предметов. Во второй фазе особые качества этого металла получили признание и начали использоваться в практических целях (инструменты и оружие), хотя бронза оставалась более распространенным металлом. Наконец, в третьей фазе большинство инструментов и оружия стали делать из железа, хотя оно и не вытеснило бронзу полностью.

Первые свидетельства существования предметов из железа появились на Древнем Востоке относительно рано (не позже IV тысячелетия до н.э.), однако в течение длительного времени использование этого металла было чрезвычайно ограниченным. В середине II тысячелетия до н.э. основные цели, для которых применялось железо (в частности, для изготовления «священного» оружия, предназначенного в подарок правителям или для святилищ), ясно показывают, что Древний Восток все еще находился в первой фазе. Примерами являются кинжал с железным лезвием, обнаруженный в могиле Тутанхамона (около 1350 г. до н.э.) и боевой топор, вероятно, из святилища в Угарите – древневосточном городе-государстве на сирийском побережье Средиземного моря (XIV в. до н.э.), с медным топором, инкрустированным золотом; железное лезвие этого топора содержит значительное количество никеля, что свидетельствует о метеоритном происхождении по крайней мере части металла. Это же относится и к большинству предметов раннего периода и служит некоторым указанием на трудность извлечения железа из руды, что, конечно, было причиной его незначительного распространения.

Обработка железа должна была обеспечить реальный прогресс и переход ко второй фазе, для чего необходимо было создать методы извлечения этого металла из руды в достаточных количествах. Действительно высокий уровень навыков, приобретенных специалистами, занимавшимися обработкой меди и бронзы, не мог быть просто перенесен на обработку железа, главным образом из-за температуры, получаемой в примитивных печах, которая была недостаточно высокой для выплавки железа.

Первый шаг к получению железа, вероятно, состоял в переработке руды (обычно гематита или магнитного железняка) в печи (первоначально, вероятно, просто в яме в земле) с использованием древесного угля. Тщательный контроль за процессом нагрева (возможно, с помощью мехов) давал возможность получить температуру, которая, видимо, не превосходила 1200 °С. Эта температура была ниже точки плавления (1540 °С) чистого железа, но в результате химических реакций при наличии угля она была достаточно высока для превращения руды в рыхлую тестообразную массу, которая остывая приобретала вид пористых блоков. Их нужно было вновь нагревать, и затем удалять остатки шлака ковкой, получая слитки металла, которые могли использоваться для изготовления нужных предметов.

Освоение такой технологии требовало не только наличия руд, пригодных для обработки с помощью методов, известных в Древнем Мире, но и больших запасов топлива, так как для обработки тонны руды затрачивалось восемь тонн древесного угля. В Западной Азии наиболее благоприятные условия имелись прежде всего в горах Армении, а также на северо-западе Ирана и на территории между горными хребтами Тавра и Антитавра. Отсутствие письменных документов об этих районах не дает возможности оценить с определенностью происхождение этих методов или работу шахтеров и изыскателей, которые впервые предприняли попытку переработки руды. Следует также ясно понимать, что окончательные изделия могли изготавливаться в других местах, куда привозили слитки железа.

Однако металл, полученный этим способом, был менее прочным, чем хорошо обработанная бронза. Реша-

ющим шагом стало открытие процессов науглероживания (цементации) железа. Повторное нагревание железного предмета, лежащего на постели из древесного угля, до температуры выше 900 °С – до белого каления – вызывало абсорбцию железом некоторого количества углерода, который обеспечивал превращение поверхностной слитки в сталь. При этом металл приобретал иные физические характеристики – становился более прочным или пригодным для заточки, что, безусловно, повышало его практическую ценность. Наконец, закалка металла (быстрое охлаждение в воде или масле), отсутствовавшая в бронзовой металлургии, делала возможным соединить твердость с прочностью, что обеспечивало железу реальное превосходство.

Не следует, однако, забывать о достаточно постепенном и эмпирическом характере освоения упомянутых выше процессов. Возможно, что методы науглероживания железа появились в XIV или XIII вв. до н.э. сначала в пределах сферы влияния Хеттского или Митаннийского царств, но примечательно, что ассирийские цари XIII в. до н.э. (Салманасар I и Тукульти-Нинурта I) закладывали как священные дары железные пластины в фундамент зданий их столицы Ашшура: очевидно, для них этот металл представлял особую ценность.

Не следует недооценивать и технологические препятствия распространению железа, в основном из-за множества процессов, которые необходимо было соблюдать для получения приемлемых результатов. Для производства железных предметов требовалось определенное время, тогда как медные или бронзовые предметы могли быть изготовлены с помощью одной операции (отливки) и требовали минимальной доработки. Кроме того, ремесленники должны были учитывать большое число различных факторов на каждой стадии производства. В качестве примера можно указать, что процесс науглероживания (цементации) зависел и от температуры печи, которую было очень трудно оценивать, и от длительности нагрева в ней металла. В любом случае, поскольку железные предметы было необходимо ковать, пока они еще были раскаленными в печи с древесным углем, науглероживание, вероятно, зачастую происходило случайно, и только длительная практика позволила кузнецам освоить эту технологию. С определенной уверенностью можно считать, что науглероживание как намеренный и должным образом регулируемый технологический прием вряд ли появилось в Месопотамии раньше VII в. до н.э.

Эти наблюдения дают нам представление об условиях, в которых находились сообщества Древнего Востока, шагнувшие в железный век, – о третьей из описанных выше фаз. И археологические находки, и письменные свидетельства указывают, что этот процесс происходил относительно быстро, хотя его хронология отличалась от региона к региону. Таким образом, представляется вероятным, что этот переход сначала произошел в конце II тысячелетия до н.э. в регионе Средиземного моря (в Киликии – на юге современной Турции, в Северо-Западной Сирии и затем в Палестине). В Ассирии этот процесс был отсрочен до конца IX в., в то время как в Египте он, вероятно, начался еще ранее VII в. до н.э.

Как мы убедились, указанный переход не мог произойти только благодаря технологическим преимуществам нового металла. Теория технологического превосходства филистимлян (которые, как принято считать, связаны с «народами моря»), имевшего место благодаря ревниво охраняемому секрету железной металлургии (см., например, Ветхий завет. Первая книга Царств, 13), без сомнения, должна быть отвергнута, как и идея о том, что Хеттское царство за несколько веков до этого обладало «монополией на железо». Мы должны принять во внимание имеющиеся данные о торговых путях и миграции ремесленников, которые могли быть связаны с политическими изменения-

ми, происходившими в конце II тысячелетия до н.э. Близость источников сырья (особенно в горах Тавра) может частично объяснить лидерство западных областей, хотя также предполагалось, что ускорению появления железа в определенной степени способствовало и разрушение путей снабжения медью и оловом. Вероятно также, что пленение ремесленников и захват сырья во время великих завоевательных походов на запад ассирийскими правителями в IX в. до н.э. (Ашшурнасерпал II и Салманасар III) были факторами, влиявшими на распространение железа в Ассирии. Впоследствии значительная потребность ассирийской армии в оружии и инструментах, вероятно, также способствовала расширению применения железа, если по какой-то причине поставки олова были недостаточными, и эта ситуация сама по себе могла способствовать постепенному освоению возможностей нового металла. Поэтому очевидно, что восприятие железа как наиболее широко используемого металла не следует связывать с какой-либо одной причиной. Напротив, представляется вероятным, что причины были как экономическими, так и технологическими, хотя в период до Новоавилонского царства (VI в. до н.э.) железо, по-видимому, не было дешевле бронзы.

Таким образом, легко понять, почему в конце рассматриваемого периода эти два металла – железо и бронза – использовались параллельно. Изучение ранних железных предметов показывает, что ремесленники часто пытались копировать формы, типичные для бронзового века, и до периода Ахеменидов встречаются предметы, сделанные из обоих металлов (например, меч с железным клинком и бронзовой рукояткой). Большая точность, ставшая возможной благодаря освоению технологии литья, способствовала применению бронзы в качестве материала для декоративной отделки. Таким образом, имелась некоторая степень специализации, и разные металлы применялись для различных целей. Меч как никакое другое оружие выигрывал от использования железа, поскольку бронзовые клинки были недостаточно прочными. Однако бронзовое оружие не исчезло полностью, например, бронзовые шлемы, которые были легче железных, продолжали применяться наряду с железными, обеспечивавшими лучшую защиту (илл. 13).

Использование железа для невоенных целей привело к изобретению новых и усовершенствованию ряда существовавших орудий труда (кирки, топоры, молотки, долота, напильники, пилы и т.д.), оказавших заметное влияние на методы работы ремесленников и особенно на технологию строительства. Однако именно сельское хозяйство, которое все еще было основой хозяйствования, получило, вероятно, наибольшую пользу от распространения обработки железа, поскольку усовершенствование средств производства в этой области затягивалось из-за относительного дефицита металла. Все лемеха плуга и все мотыги, обнаруженные в Месопотамии, начиная с конца VIII в. до н.э. делались из железа, и царь Синаххериб (704–681 гг. до н.э.), описывая в своей летописи работы по обводнению полей, расширившие территории обрабатываемых угодий в районе Ниневии, отмечает, что он использовал железные инструменты для рытья каналов в горах.

УКРЕПЛЕНИЕ ВОЕННОЙ ВЛАСТИ

Хотя распространение технологии обработки железа оказало влияние не только на вооружение, все же очевидна важная роль военных факторов в развитии этой технологии, а следовательно, и в развитии экономики. Появление лошадей в странах Западной Азии, может быть, лучший пример подобного влияния, поскольку показывает, как освоение новых методов ведения войны было связано

с возникновением социальной группы, состоящей из специалистов-воинов, и с переориентацией некоторых секторов экономики (рис. 20).

Вероятно, первая одомашненная лошадь в евроазиатских степях уже существовала в Западной Азии в начале II тысячелетия до н.э., но в то время имела небольшое значение. Колесные повозки использовались уже в шумерский период. Запрягавшаяся, по-видимому, дикими ослами и поставленная на четыре сплошных, без спиц, колеса, крепившихся непосредственно к корпусу, повозка оказывалась слишком громоздкой, чтобы быть действительно эффективной на поле боя. Усовершенствования повозки позволили решать реальные военные задачи, что увеличивало спрос на лошадей в Западной Азии. Корпус колесницы нового типа был легче и прочнее и сделан из кусков дерева, соединенных полосками кожи; он опирался на ось, два колеса имели спицы; упряжь для двух лошадей была достаточно удобна, и в результате сметающие все на своем пути конные атаки могли легко обратить пехоту в бегство.

Очевидно, что эффективность этого нового снаряжения зависела от степени подготовки и маневренности лошадей, которые сами по себе представляли двойную проблему: во-первых, животные, не являвшиеся обитателями Западной Азии, должны были акклиматизироваться здесь, и, во-вторых, их надо было должным образом обучить. Трактат, который был написан, вероятно, в XIV в. до н.э. неким Киккули из Митанни, касается именно этих двух вопросов. Данный текст известен по хеттской версии, обнаруженной в Богазкёе, что подтверждает мнение о том, что новое средство ведения войны было, вероятно, первоначально применено в пределах хетто-митаннийской сферы влияния. Многие технические термины трактата Киккули, напоминающие термины индоарийского происхождения, вероятно, указывают на то, что методы подготовки лошадей были изобретены народами, переселившимися в Западную Азию.

Как бы то ни было, эти открытия быстро распространились в Ассирии и в регионе Сирии и Палестины, что следует из ассирийского трактата (созданного одним из правителей) и ветеринарного текста из Угарита; оба текста были написаны через столетие после работы Киккули.

В течение первых веков I тысячелетия до н.э., когда ассирийская армия становилась доминирующей силой в Западной Азии, колесницы, по-видимому, сделались тяжелее и приобрели новую тактическую роль. Более прочные и запряженные четверкой лошадей, они теперь не вырывались вперед, чтобы обратить в бегство вражеские отряды, а двигались рядом с пешими солдатами. Конница стала легкой и стремительной силой ассирийской армии начиная с IX в. до н.э. Ассирийцы, вероятно, копировали все лучшее у кочевых народов, с которыми они воевали (имеются изображения конных арамейских воинов, датируемые начиная с X в. до н.э.), хотя им требовалось некоторое время для полного освоения новых методов. Барельефы IX в. до н.э. изображают двух всадников, действующих совместно, один из которых сражается, а другой управляет парой лошадей. Такое взаимодействие являлось прямым переходом к новым средствам ведения боя с помощью легкой колесницы. Во время правления Саргона II (721–705 гг. до н.э.) всадники, однако, действовали индивидуально. Подобное тактическое изменение стало возможным благодаря заимствованию особой упряжи, которая при необходимости давала всаднику возможность использовать обе руки, и новой уздечки, позволявшей более эффективно управлять лошастью. В течение этого периода ассирийская армия имела несколько тысяч всадников, разделенных на небольшие группы, приблизительно по сотне в каждой.

Все эти изменения были связаны с новыми методами разведения и дрессировки лошадей. Ассирийцы, по-види-

Рис. 20. Наскальные рисунки с изображениями воинов бронзового века и раннего железного века из Фоссум, Швеция (1, 3), Витлике I, вблизи Танум, Швеция (2, 4); Валькамоника, Италия (5, 6, 7) (по *Mohen & Bailloud, 1987*)

тому, использовали лошадей разных пород для различных целей. В текстах VII в. до н.э. проводится различие между тяжеловозами (для колесниц) и лошадьми для верховой езды, а также между породами из Куша (первоначально, вероятно, происходившими из Нубии) и из Месу (с северо-запада Ирана). Отрывок из летописей Саргона II примерно того же времени повествует о том, как царь Урарту (современная Армения) использовал народ, живший на восточных границах его царства, чтобы эти люди дрессировали молодых лошадей в его конных заводах.

Следует понимать, что в течение рассматриваемого периода лошади, видимо, использовались исключительно для военных целей: было слишком дорого использовать лошадь как тягловое животное в сельском хозяйстве. Поэтому не удивительно, что в Западной Азии лошадь ас-

социировалась с властью и величием. Убедительным примером служит история Идрими, правителя Сирии, который был вассалом царя Митанни; в надписи, вырезанной на его статуе, сообщается, что Идрими вернулся из изгнания, для того чтобы вновь править в своем царстве, и он имел только коня, колесницу и оруженосца. Этот миф о правителе-воине, завоевавшем свое царство, владея только конем, глубоко укоренился по всей Западной Азии; несколькими веками позже Саргон II, оценивая поход против царя Урарту Русы, выделяет среди добычи статую своего побежденного врага с гордой надписью: «С двумя лошадьми и управляющим колесницей я своими руками завоевал царство Урарту». Интересно также, что лошади монарха и его колесницы упоминались вместе с царской семьей в принятых формулировках приветствий, исполь-

зюемых при дипломатических обменах между наиболее сильными правителями в течение периода Эль-Амарна (XIV в. до н.э.).

Представление о власти, основанной преимущественно на военной силе, явно присутствует в обществах, существовавших на западе царства Митанни и в некоторых государствах Сирии и Палестины в конце бронзового века. В этих государствах наряду с персонами царской крови группа *марианну* формировала своего рода военную аристократию. Этот термин, происходящий от индоевропейского слова, первоначально означавшего «молодой человек», использовался для обозначения отрядов на колесницах, которые составляли профессиональную военную элиту.

В хеттском мире владельцы колесниц, по-видимому, также были заняты исключительно военными действиями: они, их семьи, лошади и слуги находились на содержании царя, который предоставлял им в пользование земли, принадлежавшие двору. Следует отметить, однако, что нет примеров приобретения этой социальной элитой самостоятельной власти. Снабжение армии продовольствием и снаряжением организовывалось двором посредством системы налогов. Складывается впечатление, что владельцем лошадей и колесниц было правительство. Военная организация, таким образом, оставалась под пристальным контролем правителя.

Армия Новоассирийской империи дает другой пример растущей профессионализации при ведении войны. В дополнение (в случае необходимости) к принудительному призыву на царскую службу (военную или гражданскую) существовали также постоянная (центральная) армия, организованная как главная сила, подчиненная непосредственно монарху, и крупные провинциальные вооруженные силы, которые, вероятно, насчитывали сотни тысяч человек. Фактически эта армия не формировалась исключительно из ассирийцев. Имеются бесспорные свидетельства использования арамейских наемников в пехоте, а также наличия уже во время правления царя Ашшурнасирапала II (883–859 гг. до н.э.) в подразделениях ассирийских колесниц солдат из государств Северной Сирии, которые особенно ценились как подготовленные профессионалы этого рода войск. Кроме того, после захвата Самарии (722 г. до н.э.) Саргон II сформировал из лучших военачальников этого города корпус колесниц, который вошел в центральную армию и продолжал сохранять свою идентичность как национальная сила. Может вызвать удивление, что нашлись люди, готовые служить в армии их порабитителя, но представляется возможным, что общий профессионализм таких воинов в сочетании с продолжительной традицией использования наемников делал их вполне заслуживающими доверия нового властителя.

Хотя экономические последствия стали очевидны уже к середине II тысячелетия до н.э., но именно Новоассирийская империя дает наилучший пример влияния на экономику растущего сословия профессиональных воинов и значительного расширения военного (и управленческого) персонала. Очевидно, что ассирийская армия сама по себе имела значение для экономики, особенно из-за ограбления других стран, но ее потребность в снаряжении и запасах привела к созданию внутренней системы, которая прочно опиралась на систему провинций и главная функция которой состояла в получении из частного сектора экономики ресурсов, необходимых для обеспечения как гражданской, так и прежде всего военной администрации.

Главной обязанностью правителей провинций Ассирии было *ишку* – представление интересов центральной военной администрации. Этот термин, известный и применявшийся еще со времен Старовавилонского царства (начало II тысячелетия до н.э.), относится и к земле, пожа-

лованной верховной властью, и к соответствующим обязанностям, например военной службе, если земли принадлежали царю. Во второй половине II тысячелетия до н.э. этот термин появляется в Нузи (вассальное княжество на востоке Митанни), а также в Ассирийском царстве; он обычно означал государственную воинскую службу, но иногда и снабжение армией лошадью. В Новоассирийской империи при сохранении, вероятно, указанных основ, во-первых, перестает быть неотъемлемой частью системы связь между илку и землевладением (городские жители, не имевшие льгот, должны были выполнять эти обязанности), и, во-вторых, изменилось содержание персональной службы: если некоторые из обязанных фактически поступали на царскую службу, то другие «отдавали долг» прямыми поставками различных товаров – от сельскохозяйственной продукции до некоторых металлов, – войскам, размещенным в их провинции (имеется доказательство существования такого порядка, в частности, по отношению к отрядам колесниц). Подобная же практика имела место в Ашшуре: в течение зимних месяцев, предшествовавших весеннему сбору армии для ежегодной кампании, всадники брали своих лошадей с собой в селения, которые, очевидно, были обязаны их содержать. Наконец, существует пример объединения бригад ремесленников (иногда из завоеванных народов) в «царский отряд» (*хизир саррути*); этот термин обычно относился к центральной армии. Хотя попытка провести четкое различие между гражданскими и военными властями была бы в определенной степени анахронизмом, складывается впечатление, что одной из задач упомянутых «бригад» было обеспечение армии снаряжением и специализированными услугами. Эти различные примеры характеризуют способ, с помощью которого производительные силы страны вовлекались в систему, предназначенную для обслуживания все более возрастающего бремени специализированной военной машины.

Таким образом, прослеживалась общая тенденция к милитаризации обществ, и именно Ассирия является наилучшим примером укрепления военной власти. Будучи единственным, помимо Египта, выжившим преемником древних восточных государств бронзового века, она обладала более высокой степенью социальной сплоченности и национального единства, чем ее соперники. В этом, возможно, и заключалась причина ее значительных успехов, имевших место по крайней мере в течение некоторого периода времени.

ГОСУДАРСТВА И КОНТРОЛЬ НАД СТРАТЕГИЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Одной из главных экономических проблем большинства государств древней Западной Азии было обеспечение поставок различных ресурсов, жизненно важных для армии и ключевых секторов хозяйствования. Фактически эти товары (лес, металлы, лошади и т.д.) поступали главным образом с гористых территорий, граничивших с «плодородным полумесяцем», которые только периодически контролировались большими урбанизированными государствами или иногда более отдаленными странами. Это вызывало необходимость международных обменов товарами и ресурсами. В самом широком смысле «обмен» означал не только торговлю как таковую, но и прямое ограбление соседних стран всякий раз, когда этого требовали или позволяли обстоятельства.

Что касается торговли, то прямые поставки отмечаются главным образом начиная с середины II тысячелетия до н.э. (XV–XIII вв.), в период политического равновесия между несколькими главными державами. В то время купцы и торговцы явно подчинялись царской власти. В Нузи, например, торговцы были включены в список придворных

служащих, один человек назывался «купцом царицы»; это не означает, конечно, что такие люди не могли вести и собственных дел. Фактически дипломатия и торговля были тесно связаны. Так, в послании к фараону царь Алашии (Кипр) представляет людей, которых он направил к египетскому двору, не только как своих посланников, но и как купцов. Можно упомянуть знаменитое письмо, в котором хеттский царь Хаттусили III (1289–1265 гг. до н.э.) извинялся перед своим адресатом, ассирийским монархом, за то, что изготовление железных клинков, заказанных последним, вероятно, в обмен на бронзовое оружие, еще не было закончено. Царские инициативы в международном товарообмене ясно иллюстрируются сложившейся практикой, при которой подарки одного монарха другому, очевидно, требовали ответных подарков, что фактически маскировало торговые отношения.

Такой порядок, при котором функции посла и торгового представителя часто совмещались, получил наиболее явное выражение в Египте, где внешняя торговля, по-видимому, была монополией фараона. Относительная жесткость складывавшейся в результате этого системы международной торговли (особенно в результате ограничения частной инициативы), несомненно, усиливала роль средиземноморских городов Леванта как торговых посредников. Торговцы из этих портов, частично организованные, благодаря знанию навигации могли иметь прямой доступ к различным видам сырья, которое было жизненно необходимо их сильным соседям. Развиваемое ими хозяйство основывалось на быстром обороте торговли и на большой прибыли от производства предметов роскоши из импортных материалов в дополнение к основной дворцовой экономике главных удаленных от моря держав, в которых аккумулировались резервы и богатство. Этим объясняются близкие отношения между Египтом и городами Ханаана, особенно Вифлеемом. Положение вассала, выражавшееся в выплате дани царскому двору, на самом деле подразумевало взаимную зависимость и союз, из которых обе стороны извлекали выгоду. Расположенный севернее Угарит имел сходные отношения с державами, управлявшими его внутренними территориями. Доказательством этого служит соглашение, содержащее коммерческие пункты, заключенное между хеттским царем Хаттусили III и его вассалом Никмепой, правителем Угарита, а также соглашение, достигнутое примерно в то же время между Угаритом и хеттским царством Кархемиш, которое ставило условием выплату компенсации в случае убийства купцов на территории другой стороны.

Совершенно очевидно, что поскольку наиболее сильные правители зависели от своих заграничных торговых агентов, обеспечивавших поставки многих жизненно важных товаров, они предоставляли им как политическую защиту, так и возможности для международных связей. Именно эти симбиотические отношения наиболее ясно характеризуют торговую деятельность данного периода.

В течение первых веков I тысячелетия до н.э. информация о торговой деятельности становится более скудной, особенно когда Ассирия начиная с IX в. до н.э. постепенно, несмотря на некоторые отступления, завоевывала позиции доминирующей силы в Западной Азии. Официальные надписи ассирийских монархов, восхваляющих себя за невероятно огромную военную добычу, создают впечатление об экономике, основанной больше на грабеже, чем на торговле. Хотя это лишь часть правды, ситуация требует уточнений, поскольку весьма вероятно, что до нас не дошли многочисленные торговые документы I тысячелетия до н.э., написанные по-арамейски (на языке, который применялся для письма на непрочных материалах вроде пергамента). Имеются явные признаки того, что в этот период основная торговая деятельность продолжалась, хотя и проходила в новых условиях экспансии Новоассирийской империи.

Чтобы понять, как желание получить жизненно необходимые стратегические ресурсы могло влиять на направление завоеваний, следует оценить экономическое значение налогов, собиравшихся ассирийцами с других стран. Они могли принимать две основные формы.

Ассирийские победы обычно заканчивались разграблением побежденной страны или возложением на нее тяжелой обязанности платить дань. Такой порядок также формировал способ обеспечения потребностей ремесленников и армии: прежде всего металлы, а также лес и лошади стояли в начале списков полученной добычи, хотя при этом не отвергались и предметы роскоши. Сирийские княжества, такие как Кархемиш и Дамаск, участвовали в снабжении Ассирии не только значительным количеством золота и серебра, но и оловом, медью и железом, и складывается впечатление, что расположение этих регионов в конце важных торговых путей, по которым ввозились металлы, отчасти объясняет нередкие военные походы Ассирии против них. Запасы, накопленные более чем за несколько поколений, особенно во дворцах и храмах, таким образом пускались в оборот в угоду экономическим интересам завоевателя.

Другой формой налога, хотя и намного более скромного по объему, была ежегодная дань, налагавшаяся на вассальные государства, которые признавали власть сюзерена, но которым Ассирия оставляла определенную политическую и экономическую независимость. Эта дань была значительно более умеренной и обычно состояла из предметов роскоши, которыми пользовались главные персоны ассирийского двора. Требуемые товары (например, окрашенная шерсть и изысканные ткани – в случае с финикийским правителем) часто были теми же, что и товары, упоминавшиеся в некоторых торговых документах того периода, и возможно, что ежегодная дань, которая обеспечивала ассирийскую элиту предметами роскоши, была также символом переориентации хозяйственной активности и торговли вассальных стран на Ассирию.

В отсутствие достаточных документальных свидетельств весьма трудно установить точную долю потребностей Ассирии, которая покрывалась такими налогами. Следует, однако, помнить, что ассирийские порядки в этом отношении отличались в разные периоды и в разных местах.

В древние времена завоевания часто принимали форму набегов, целью которых было получение крупной добычи, и они не всегда приводили к постоянной оккупации побежденных стран, просто становившихся государствами-данниками. Такое косвенное управление было непрочным и постоянно грозило восстаниями или разрывами союза. В конце IX и начале VIII в. до н.э. Ассирия пережила период временного упадка, частично вызванного внутренними кризисами, и это ставило под вопрос ее доступ к жизненно важным ресурсам (на востоке – лошади из высокогорных долин Загроса, на западе – металлы из Сирии). Правление Тиглатпаласара III (744–727 гг. до н.э.), отмеченное решительным восстановлением ассирийской военной мощи, положило начало более систематической политике аннексии. Регионы, управлявшиеся провинциальными администрациями, находились главным образом на западе, за традиционными границами по Евфрату, установленными в течение первого периода экспансии во II тысячелетии до н.э. Регионы Сирии и Палестины вместе с пересекавшими их важнейшими торговыми путями, таким образом, стали неотъемлемой частью империи. Однако большинство добывающих областей оставались вне пределов контроля Ассирии. Фрагмент летописи Саргона II, рассказывающий об экспедиции в горы Тавр, описывает добычу полезных ископаемых, упоминая, в частности, медь и железо и оставляя мало сомнений в том, что эта область, обеспечивавшая Ассирию прямым доступом к минеральным рудам, имела особое стратегическое значение.

Система непрямого управления использовалась в отношении всех народов (кроме Вавилонии, культурный и религиозный престиж которой обеспечивал ей особое положение) как вследствие политических причин, так и потому, что не всегда было возможно управлять завоеванными территориями непосредственно. Ассирийские правители часто организовывали набеги на Иранское нагорье, главным образом с целью угона лошадей, необходимых для армии, но они никогда не были способны постоянно управлять этими областями. В другом случае автономия, предоставленная ассирийцами народам, проживавшим на окраинах их империи, показывает их желание направить часть товарного потока с торговых маршрутов так, чтобы иметь возможность контролировать их непосредственно. Таким образом Саргон II вынудил Египет открыть двери для торговли с Ассирией, установив на его границе «причал» (*кара*), на котором взимали пошлину, а ассирийцам предоставляли льготы. Эта торговля, главным образом лошадьми из Нубии, вероятно, шла через арабские племена, способные пересекать по тропам Синай. Ассирийцы, в основном не знакомые с навигацией, пользовались также услугами финикийских городов, которые в течение I тысячелетия до н.э. приняли эту эстафету от хананейских городов. В обмен на дань и торговые льготы для своего сильного соседа, как видно из открытия кара в Арваде (древний город-государство в Северной Финикии. — *Прим. ред.*) и договора, навязанного Тиру Есархаддоном (680–669 г. до н.э.), эти города обладали определенными свободами. Вероятно, потребность Ассирии в металлах и другом сырье способствовала распространению финикийского торгового влияния в Западном Средиземноморье.

Несмотря на очевидную жестокость использовавшихся методов, новоассирийская экономическая система таким образом получала определенную гибкость. В некоторых городах, являвшихся царскими или провинциальными столицами и притягивавшими большую часть ресурсов, наблюдалась повышенная экономическая активность. Политический центр поэтому был чрезвычайно чувствителен к любым перебоям в необходимых внешних поставках, от которых он сильно зависел. Фактически все определялось военной силой и хорошо организованной центральной администрацией. Хотя нет никаких доказательств того, что кризис поставок товаров и материалов, сопровождавший политические сдвиги, непосредственно связан с относительно внезапным крушением Новоассирийской империи в 612 г. до н.э., очевидно, что политический и военный закат Ассирии и центральных регионов империи положил конец ее процветанию и экономической жизнеспособности, имевшей место в течение длительного периода.

БИБЛИОГРАФИЯ

- DALLEY, S. 1985. Foreign Chariotry and Cavalry in the Armies of Tiglath-Pileser III and Sargon II. Iraq (London), Vol. 47, pp. 31–48.
- EBELING, E. 1951. Bruchstücke einer mittelassyrischen Vorschriften-sammlung für die Akklimatisierung und Trainierung von Wagen-pferden. Berlin.
- ELAT, M. 1978. The Economic Relations of the Neo-Assyrian Empire with Egypt. J. am. Orient. Soc. (New Haven, Conn.), Vol. 98, pp. 20–34.
- 1982. The Impact of Tribute and Booty on Countries and People within the Assyrian Empire. Arch. Orientforsch. (Graz), Vol. 19, pp. 244–50.
- FORBES, R. J. 1964. Studies in Ancient Technology. Leiden, Brill. Vols 8–9.
- FRANKENSTEIN, S. 1979. The Phoenicians in the Far West: A Function of Neo-Assyrian Imperialism. In: LARSEN, M. T. (ed.), Power and Propaganda. København. pp. 263–94.
- HANCAR, F. 1956. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien/München.
- HOLMES, Y. L. 1973. Egypt and Cyprus: Late Bronze Age and Diplomacy. In: HOFFNER, H. A. (ed.), Orient and Occident. Neukirchen-Vluyn. pp. 91–8.
- JANKOWSKA, N. B. 1969. Some Problems on the Economy of the Assyrian Empire. In: Ancient Mesopotamia. Socio-Economic History. Moscow, pp. 253–275.
- KHLOPINA, L. I. 1982. Das Pferd in Vorderasien. Orient. Iovan. Period. (Leuven), No. 13, pp. 5–24.
- LITTAUER, M. A.; CROUWEL, J. H. 1979. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near-East. Leiden.
- LOON, M. van. 1966. Urartian Art. Istanbul. Nederlands Historisch-archaeologisch Instituut.
- MAXWELL-HYSLOP, K. R. 1974. Assyrian Sources of Iron. Iraq (London), Vol. 36, pp. 139–54.
- MOHEN J. P.; BAILLOUD, G. 1987. La vie quotidienne à l'âge du Bronze: les fouilles du Fort-Harrovard. Paris. (Vol. 4: L'âge du Bronze en France.)
- MOOREY, P. R. S. 1985. Materials and Manufacture in Ancient Mesopotamia. Oxford. (BAR Int. Ser., 237.)
- OPPENHEIM, A. L. 1967. Essay on Overland Trade in the First Millennium BC. J. Cuneif. Stud. (New Haven, Conn.) Vol. 21, pp. 236–54.
- PARDEE, D. 1985. Les textes hippiatriques (Ras-Shamra-Ougarit II). Paris.
- POSTGATE, J. N. 1974. Taxation and Circonscription in the Assyrian Empire. Rome. (Studia Pohl, Ser. maior, 3.)
- 1979. The Economic Structure of the Assyrian Empire. In: LARSEN, M.T. (ed.), Power and Propaganda. København. pp. 193–222.
- POTRATZ, H. A. 1938. Das Pferd in der Frühzeit. Rostock.
- 1965. Die Pferdetrensen des Alten Orient. Roma. (Analecta Orient., 41.)
- SINGER, C.; HOLMYARD, E. J.; HALL, A. L. 1979. A History of Technology. 8th ed. Oxford. Vol. 1.
- ZACCAGNINI, C. 1977. The Merchant at Nuzi. In: Trade in the Ancient Near East. London, British School of Archaeology in Iraq. pp. 171–89.

НАЧАЛА ПИСЬМЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СЕМЬИ

8.1

ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ ДО СОЗДАНИЯ АЛФАВИТА

Моника Ректор

На протяжении веков человечеству пришлось проделать долгий путь, чтобы научиться обмениваться информацией и хранить ее. Прежде всего людям нужно было найти способы преобразования мысли в язык. Мысль смогла обрести форму в языке только после перехода человека к прямохождению или, точнее, в результате эволюции от человека прямоходящего (*Homo erectus*) к человеку разумному (*Homo sapiens*). Произошло разделение функций больших полушарий головного мозга, развилась затылочная доля, центр тяжести которой сместился к более высокой точке черепа, и начала развиваться лобная доля мозга (Haworth, 1984, p. 265), что привело к изменениям в поведении людей.

Представление мысли было достигнуто с помощью звуковых сигналов, которые однозначно понимались членами группы, пользующимися одной и той же сигнальной системой. Такая устная форма общения позднее была зафиксирована с помощью рисованных знаков и в виде письмен, таким образом каждый народ оставил память о своей культуре. Но письменность – это не только способ сохранения памяти, она еще и символ культуры, о чем ярко свидетельствует пример формирования на протяжении веков систем письма, которые развились со временем в художественные и эстетические формы знания и общения, и там, где это произошло, появился такой вид письменности, как каллиграфия. В разных культурах данный процесс происходил по-разному, например, в Китае, Корее и Японии было достигнуто равновесие между эстетикой и функциональностью благодаря совмещению поэзии и изобразительного искусства.

«Письмо не является языком, оно лишь средство фиксации языка с помощью видимых знаков» (Coulmas, 1981, p. 39). Это вовсе не означает, что язык всех народов обязательно существует в письменной форме. До сих пор достаточно много сообществ использует лишь устную форму общения. Отсутствие письменности – это социокультурное явление.

Письменность не что иное, как вторичная система представления речи с помощью графических элементов, письменное сообщение является относительно постоянным, в то время как речь эфемерна. Устное сообщение теряется раз и навсегда сразу же после его произнесе-

ния, если только оно не было записано на какой-либо электронный носитель. Чтобы не обременять память, информацию о событиях и любые идеи можно зафиксировать в письменной форме. Большим преимуществом письменных сообщений является то, что они могут быть прочитаны разными людьми в разных местах и в разное время.

В ряде случаев письменная форма языка оказывает влияние на устную форму, прежде всего на так называемое орфографическое произношение. Например, по правилам английского языка буква *t* в слове *often* не произносится, однако в разговорной речи часто можно услышать звук *t* в этом слове, что объясняется его присутствием при написании.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ

Мысли должны быть воспроизведены в языке, а воспроизведение по сути представляет собой «вос-произведение», т.е. «вос-создание» чего-либо. Однако сама вещь не может быть воспроизведена, «она должна изображаться косвенно, через посредника; она должна быть представлена в некотором смысле, в то же время оставаясь отсутствующей буквально» (Pitkin, 1969, p. 16).

Уникальное свойство любого изображаемого объекта состоит в том, что он может быть воспроизведен, даже если отсутствует, например, если этот предмет существовал только в прошлом или вообще никогда не существовал и является лишь плодом нашего воображения.

Чтобы контактировать между собой, нам необходим язык, который является способом выражения наших мыслей и средством общения. Как уже указывалось, язык существует в устной и/или письменной форме, в виде отдельных повторяющихся в тексте элементов, ограниченных по количеству (слов) и по качеству (в зависимости от того, насколько широко воспроизводится какое-либо событие) (Baron, 1981, p. 162). Письмо, таким образом, представляет собой видимое изображение элементов в условной последовательности, передающих определенную информацию, содержание которой зависит от порядка расстановки этих элементов. «Рисуночное», или пиктографическое

письмо – это способ выражения мыслей или фиксации событий с помощью рисунков, которые первоначально представляли собой символические изображения предметов, существовавших в природе или сделанных руками человека (Baron, 1981, p. 163).

Письменность первоначально не являлась «письмом» в собственном смысле. Многие сохранившиеся наскальные надписи (петроглифы) представляют собой неупорядоченные и бессистемные рисунки, характеризующиеся произвольностью; порядок их не играет никакой роли. С другой стороны, пиктографическое письмо североамериканских индейских племен – это уже рисуночное письмо, отображение содержания сообщения в виде последовательности рисунков, подобно рассказам в картинках; в этой системе письма события описывали с помощью не имеющих четкого звукового эквивалента символических изображений.

«Рисунки» и «письменные знаки» принципиально различаются между собой. Рисунок – это изобразительный знак, где графические элементы важны, поскольку они воспроизводят форму объектов. Письменности же иконичность не свойственна: в ней графические элементы не воспроизводят ни форму, ни контуры объектов, ни их расположение в пространстве.

Письменность – это в первую очередь воспроизведение языка, а во вторую – код, представляющий собой графическую транскрипцию звуковых единиц. Любая система воспроизведения какого-либо объекта состоит в том, чтобы распознать, какие элементы и отношения между элементами присутствуют в воспроизводимом объекте, а затем выбрать из них те элементы и отношения, которые должны сохраниться в образе объекта. Однако этот образ никогда полностью не совпадает с реальным объектом. Исторически письменность была процессом построения прагматической системы воспроизведения.

ЗНАК

Для того чтобы мысли можно было передать, их необходимо материализовать. Воспроизведение идей осуществляется посредством знаков. Согласно швейцарскому языковеду Фердинанду де Соссюру (*Ferdinand de Saussure*), языковой знак представляет собой неразрывную двустороннюю сущность: он сочетает в себе формальную сторону (*означающее*) и содержательную сторону (*означаемое*). Датский лингвист Луи Ельмслев (*Louis Hjelmslev*) отмечает, что «гораздо более целесообразно использовать термин “знак” для обозначения единицы, включающей абстрактную единицу плана содержания и абстрактную единицу плана выражения, путем установления соответствия между этими планами с помощью функции, которую мы должны называть знаком-функцией» (*Hjelmslev*, 1961, p. 58). По мнению Ельмслева, знак-функция реализуется путем взаимосвязи плана выражения и плана содержания. Например, единице плана выражения *bank* в английском языке соответствует несколько единиц плана содержания, таких как «склон», «институт, который хранит и выдает деньги», «ряд весел» и т.д. В этом примере одной единице плана выражения соответствуют по крайней мере три знака-функции.

В теории Чарльза С. Пирса (*Charles S. Peirce*) знак понимается как элемент процесса обозначения: «Знак, или *репрезентант* (*representamen*), представляет собой некую сущность, замещающую некий объект в некотором отношении или качестве. Знак обязательно направлен на кого-либо, т.е. он порождает эквивалентный знак или, возможно, более совершенный знак в сознании конкретного человека. Это мысленное представление мы называем *интерпретантом* (*interpretant*) знака. Знак замещает ка-

кой-либо объект. Однако он замещает данный объект не во всех отношениях, а соотносится только с определенной идеей, которую мы иногда называем *основой представления*» (*Piers*, 1931–58, p. 228). Таким образом, если кто-либо произносит, например, слово *дерево*, то оно (последовательность звуков) замещает собой некий объект (растение с корнями, стволом, кроной с ветвями и листьями) для кого-либо (лица, произносящего данное слово) в некотором отношении или качестве (выбранный объект – многолетнее растение определенной высоты и формы).

Так как письменность является вторичной системой представления, она преобразует устную речь (первичные знаки) в приблизительное постоянное представление с применением письменных знаков (вторичных знаков, порожденных первичными).

Буквы – это знаки других знаков. Различие между речью и письмом как двумя системами знаков состоит в их специфических функциях. Речь – это система знаков, символизирующих значение, а письмо – система знаков, которые символизируют другую систему знаков либо с помощью иной системы (зрительной системы письма), либо с помощью иной структуры (например, азбуки Морзе).

Алфавитное, или буквенное, письмо – это система, которая воспроизводит различие между *означающими*, а идеографическое письмо – это система представления, основной задачей которой является представление *означающих*. Таким образом, ни одна система письма не может представить в равновесном виде двойственную природу знака.

Благодаря появлению письменности устные высказывания стали доступны не только в момент их произнесения, т.е. речь перестала зависеть от контекста. Алфавитное письмо имеет преимущество перед другими системами благодаря экономии знаков. Каждая система алфавитного письма имеет совокупность основных знаков. Между усилиями, затрачиваемыми на то, чтобы выучить эти знаки, и усилиями для применения знаков на практике существует прямая зависимость. Изучение логографического (иероглифического) письма, например китайского, требует невероятных усилий, но поскольку один знак у китайцев в большинстве случаев соответствует целому слову, текстовое сообщение, как правило, получается коротким. Силлабическое (слоговое) письмо ограничивается примерно 1000 основных знаков, но в некоторых языках таких знаков заметно меньше; например, в японском языке их около 100. Однако в результате того, что на изучение этого письма требуется меньше сил, их гораздо больше уходит на само написание (*Posner*, 1985, pp. 69–70). Буквенно-звуковые (алфавитные) системы письма содержат от 20 до 50 основных знаков, получаемых путем кодификации слогов последовательностями букв. Однако в языках, в которых используется буквенное письмо, слова получаются более длинными.

Когда зародилась письменность? Древнейшие письменные памятники, которые удалось обнаружить археологам, датируются не ранее IV тысячелетия до н.э. Исходя из того, что история письменности составляет всего 5 тыс. лет и что до сих пор она не распространена повсеместно, можно сделать вывод, что письмо вовсе не является крайне необходимым для жизни. Только приблизительно половина населения земного шара пользуется письменностью. Письмо было узаконено в XI в. н.э. как поддержка устной традиции. Вследствие реформ Лютера церковь лишила авторитета устную форму языка и позволила осуществлять перевод Библии на национальные языки. Начиная с этого момента каждый, кто умел читать, мог обратиться к первоисточнику. Благодаря письменности человечество получило возможность накапливать организованное знание, но в результате этого процесса была утеряна устная традиция передачи знаний.

ПИСЬМО: СИСТЕМА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ И СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Письменность может рассматриваться в трех основных аспектах: (1) как *код* – можно изучать внутреннюю структуру письма, взаимосвязь между письмом и устной речью и соответствие между содержанием и выражением на нескольких уровнях; (2) как *средство общения*, т.е. процесс взаимодействия между двумя людьми способом, отличающимся от устной формы общения (с помощью звуков, зрительных и других знаков); (3) как *средство познания*, с помощью которого пишущий имеет возможность и способность оказывать влияние на читателя.

Это ведет к выделению трех основных элементов представления: (1) *содержание* – реальный или воображаемый опыт; (2) *форма* – материальные средства представления, такие как звуки или буквы при языковом представлении или формы и цвета при визуальном представлении; (3) *участники и/или интерпретаторы*.

Как было показано выше, процесс развития письменности начался с обмена идеями и чувствами при помощи видимых знаков, понятных не только тому, кто их передает, но и тому, кто их получает, если он знаком с той же системой знаков. Таким образом, «письмо – это *система человеческого общения, осуществляемого с помощью условных видимых знаков*» (Gelb, 1963, p. 12).

Возникает вопрос: ведет ли письменность свое происхождение от одной системы представления или нет? Трудно сказать, существовала ли когда-либо протописьменность. Древнейшая система письма появилась в шумерской цивилизации, первые письменные источники датируются приблизительно 3100 г. до н.э. Но что же, до этого не было ничего систематического? Специалисты утверждают, что развитие письменности стимулировалось культурными контактами и она быстро развивалась под иноземным влиянием. В большинстве современных наиболее важных систем письма распространен принцип фонетизации: письменные знаки воспроизводят фонетическую оболочку слова, однако письменная форма никогда точно не передает устную речь.

В ходе исторической эволюции письменности для обозначения единиц языка использовались различные лингвистические элементы (табл. 1).

Таблица 1. Лингвистические элементы письма (Gelb, 1963, p. 14)

	Письменные знаки	Система знаков
Отдельный звук (фонема)	Буква, или алфавитный знак	Буквенное, или алфавитное, письмо
Слог	Силлабограмма, или слоговый знак	Слоговое, или слоговое, письмо
Слово	Логограмма, или письменный знак, обозначающий слово или понятие	Логографическое, или словесное, письмо
Фраза	Фразеограмма, или фразовый знак	Фразеографическое, или фразовое, письмо
Просодический элемент	Просодический знак или отметка	Просодическое письмо

Исследование этой системы письменных знаков обычно проводится на разных уровнях: (1) представление знака; (2) классификация по минимальным единицам; (3) набор характерных для соответствующей системы правил, позволяющих изучать формы и принципы письма.

Условная типология систем письменности может быть представлена следующим образом: «(а) *повествовательное* (или синтагматическое) письмо, в котором каждый рисунок соответствует повествовательному высказыванию (письменность иудейцев Аляски); (б) *морфемное* (или аналитическое) письмо, в котором знак – морфема соответствует знаку – графеме (китайское, египетское письмо); (в) *фонемное* письмо, в котором устанавливается соответствие между графемами и фонемами (западные языки)» (Greimas & Courtes, 1982, pp. 375–376).

В этих системах установлено определенное соотношение между эстетикой и функциональностью, как в рисунке, так и в графическом представлении. Это соотношение хорошо прослеживается на примере египетских иероглифов – совокупности небольших стилизованных рисунков, выполненных с большой тщательностью, чтобы подчеркнуть красоту иероглифов. Последние содержат те же элементы, что и настенные украшения на памятниках и гробницах; это был наилучший способ общения безграмотных людей.

Хараппская письменность индской цивилизации

В отличие от совершенных систем письма, которые рассматриваются ниже, существует ряд до сих пор не расшифрованных систем, основанных на принципах, не использовавшихся в последующих системах, что значительно затрудняет их понимание. Письменные памятники такого типа были обнаружены, например, в долине р. Инд, а также на территории нынешней Греции; последние получили название «линейное письмо А».

Доисторическая цивилизация, существовавшая на северо-западе современной Индии, может быть разделена на городскую культуру (хараппскую) и разнообразие сельские культуры. Языковеды предполагают, что разные системы индского письма развились из неизвестного в настоящее время прототипа, родственного протошумерской письменности (Diringer, 1968, p. 49). Протоиндская письменность появилась во второй половине III тысячелетия до н.э. Большая часть обнаруженных письмен представляет собой надписи на печатях, глиняных изделиях и медных табличках, обнаруженных в ходе раскопок в Хараппе и Мохенджо-Даро. Они до сих пор практически не расшифрованы.

Индская письменность – полная система письма, появившаяся в III тысячелетии до н.э., ее древнейшим памятником являются указы царя Ашоки. Она подразделяется на два типа: *кхароштинхи* (*Kharosthi*) и *брахми* (*Brahmi*). Кхароштинхи был создан на основе арамейского письма. Каждый знак обозначает согласный звук в сочетании с гласным *a*; все прочие гласные передавались дополнительными короткими штрихами при знаках для согласных. Брахми представляет собой следующий этап развития письменности. Это письмо сложилось на основе системы кхароштинхи, но здесь используются и другие знаки, обозначающие начальные или слоговые гласные.

Большая часть исследований индской письменности основана на результатах раскопок, проводившихся в Мохенджо-Даро и Хараппе. По мнению Хантера (Hunter, 1934), между буквами индского письма и брахми существует взаимосвязь. В ряде знаков индской письменности он увидел сходство с буквами протоэламского и шумерского письма. Некоторые ученые полагают, что индские надписи представляют собой зашифрованное шумерское письмо. Эта точка зрения основывается на свидетельствах о торговых связях с долиной Инда в III–II тысячелетиях до н.э. (Mitchener, 1978, p. 3). О том, что индские города Лотхаль и Мохенджо-Даро, Макран и Южный Иран, Бахрейн и Шумер были связаны торговыми путями, свидетельствуют

обнаруженные в Месопотамии печати. Есть сведения и о том, что шумерское общество и народы, проживавшие в долине Инда, были торговыми партнерами.

Еще один язык, влияние которого обнаруживается в индских надписях, – разновидность протодравидийских языков. Не приходится сомневаться в том, что индская цивилизация распространилась далеко за пределы долины р. Инд и что народы в этом регионе были знакомы с разновидностями протодравидийского и протоэламского языков. Оба относятся к финно-угорской языковой семье. Помимо протодравидийского и протоэламского языков здесь был распространен и протоиндоарийский, напоминающий индоевропейские языки¹. Большая часть информации об этих языках почерпнута из исследований надписей на печатях, которые связаны с торговлей и содержат имена собственные, названия видов деятельности и титулов, эпитеты, которыми награждали царей, и пожелания.

АЛФАВИТ И ДРУГИЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТИПЫ ПИСЬМЕННОСТИ

Алфавит – это система знаков, каждый из которых служит обозначением одного звука речи. Слово «алфавит» происходит от названия первых двух букв греческого алфавита: *альфа* и *бета*; они соответствуют семитским *aleph* (*алеф*) и *beth* (*бет*), означающим «бык» и «дом» соответственно.

В основе современного алфавитного письма лежит греческая система письменности, которую греки переняли у финикийцев. Однако если финикийское письмо содержало только буквы, обозначающие согласные звуки (т.е. было консонантным), то греки добавили в эту систему буквы, обозначающие гласные звуки. Именно такое развитие греческого алфавита, в котором один звук передавался с помощью согласного и гласного знаков, было наиболее важным шагом в истории развития письменности. С тех пор алфавит не изменялся.

Символы алфавита должны в определенной степени воспроизводить фонемы определенного языка. Из алфавитных систем письма лучше всего известны латинская, кириллическая и греческая системы. Однако они являются не фонетическими, воспроизводящими звуки языка, а фонематическими – они направлены на передачу функционального значения компонентов. Поэтому разные звуки могут обозначаться одними и теми же гласными буквами: например, полный звук [ou], сквозной [u], шумный [o] на письме передаются одним знаком (thougough, through, cough). По сути, между алфавитом (или орфографией) и фонетикой наблюдаются несоответствия. По этой причине лингвисты разработали Международный фонетический алфавит (МФА), представляющий собой систему знаков, реально воспроизводящих звуки речи всех естественных языков. Например, знак [ð] в МФА заменяет звук «th» в слове *this* (в английском языке), «ð» в слове *cada* (в испанском языке), «d» в слове *gade* (в датском языке) и ð в греческом языке.

Латинский (романский) алфавит состоит из 26 символов и знаков препинания – точки, дефиса, апострофа и т.д. С помощью этих знаков можно определять границы между законченными высказываниями, передавать различную интонацию и придыхательные паузы.

Одного латинского алфавита недостаточно для воспроизведения всех звуков языка. В некоторых культурах добавили диакритические знаки и выработали другие условия для изменения основных звуков с помощью букв. Например, во французском языке буква «с» произносится как «к» в слове *cadavre*, а если эта буква пишется с таким орфографическим знаком, как седиль (ç), она произносится как «с», например, в слове *façade*. Буква «п» с тильдой (ñ)

используется для воспроизведения смягченного носового согласного, как, например, в испанском слове *mañana*.

В первой латинской системе письма были только буквы, которые мы сейчас называем прописными. Строчные буквы начали использоваться в IV–V вв. н.э. с развитием римского курсивного письма. После распада Римской империи в некоторых культурах развились национальные системы письма: вестготское письмо в Испании, ирландско-англосаксонское письмо в Англии и меровингское письмо во Франции. В средние века, около 800 г. н.э., Карл Великий ввел на территории современной Франции каролингское письмо – минускульное, в котором использовались только строчные буквы.

В XII в. н.э. на территории Германии появилось готическое письмо. Каролингские буквы округлой формы сменились на угловатые и вертикальные. Готическое письмо легло в основу современной письменности, принятой позднее в качестве общей системы.

В наши дни алфавитное письмо существует в скорописной разновидности, причем прописные буквы взяты из латинского маюскульного письма, а строчные – из каролингского минускульного.

Эволюция письменности также тесно связана с улучшениями и изменениями материалов для письма: папирус уступил место пергаменту, вместо которого потом стала использоваться бумага.

Помимо латинской письменности следует упомянуть еще две системы письма – корейское письмо и кириллицу.

Корейское письмо, орфография которого основана на фонемике, было создано правителем Сейёном (1417–1450 гг. н.э.). Этот правитель прекрасно осознавал, что 30 тыс. китайских иероглифов отбивали у людей охоту учиться и что без упрощения системы письма с безграмотностью справиться не удастся. Корейский алфавит, называемый *hankul*, первоначально состоял из 11 гласных и 17 согласных, а затем сократился до 10 гласных и 14 согласных.

Кириллический алфавит был назван по имени славянского просветителя Кирилла; на кириллице основана письменность некоторых славянских языков. Кириллица используется большинством народов в России и Монголии. Этот алфавит состоит из 32 букв, 20 из которых – согласные. Кириллица создана на основе греческого письма и более древнего славянского алфавита – глаголицы.

ОРФОГРАФИЯ

Произношение слова – это его речевая форма, а его написание или орфография – графическое представление слова. Если бы письмо в совершенстве воспроизводило речь, отпала бы необходимость в каких-либо реформах. Но на самом деле между графемами (буквами) и фонемами наблюдается множество несоответствий. В английском языке можно выделить следующие типы таких несоответствий: (1) один и тот же звук на письме отображается по-разному: например, дифтонг [ay – ай] произносится в словах «eye», «buy», «tie»; (2) одна и та же буква или сочетание букв используется для передачи различных звуков, например, [æ] произносится как [ei] в слове «late» или как [e] в слове «Mature»; (3) в ряде слов некоторые буквы не произносятся, например, «night», «comb», «due»; (4) в некоторых случаях произносится звук [y], а соответствующей ему буквы нет: use [yuz], fugog [fyu'ɪɔ].

Различия в произношении также зависят от времени и места: если сравнить среднеанглийское произношение с современным английским, нормативным английским, а также американским и ирландским вариантами английского языка, можно отметить значительные несоответствия; например, слово *four* (четыре): [fɔ:] – британский

английский; [fɔŋ] – американский Среднего Запада; [foʊ] – южноамериканский.

В эпоху Возрождения, в XV–XVI вв. н.э., была проведена реформа правописания с целью привести орфографию английского языка в соответствие с латинскими и греческими этимонами. Орфография – более консервативна, чем произношение, и она изменяется значительно медленнее; тем не менее она всегда будет модифицироваться.

Как мы уже могли понять, письменность является основным инструментом цивилизации. От семасиологии письмо развилось до стадии фонографии. Сначала письмо было рисованным, когда предмет представлялся в виде пиктограммы. Сейчас существует три основные системы письма: (1) идеографическое (словесное) письмо, в котором каждый символ отображает одно слово, как, например, в китайском письме; (2) силлабическое (слоговое) письмо, в котором каждый слог отображается с помощью одного знака, как, например, в японском письме; и (3) наиболее распространенное алфавитное (буквенное) письмо, в котором каждая фонема отображается разными символами, как, например, в английском письме. В истории развития письменности каждая культура должна пройти все стадии по порядку: идеографическое письмо, силлабическое письмо и алфавитное письмо. Развитие письменности может остановиться на каком-либо из этих этапов, однако то, что люди научились делить слова на слоги, а затем на звуки, свидетельствует о понимании ими структуры языка, их интеллектуальном развитии, способности абстрактно мыслить и реконструировать речевую деятельность. Письменность была великим вкладом в развитие человечества, и этот процесс будет продолжаться и в последующие века, улучшая взаимопонимание между людьми.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Этот термин «означает главным образом группы людей, имеющих общую языковую базу с различными диалектическими особенностями между разными группами...» (*Mitchener*, 1978, p. 9).

БИБЛИОГРАФИЯ

BARON, N. S. 1981. *Speech, Writing and Sign. A Functional View of Linguistic Representation*. Bloomington, Wis.
— 1985. *From Universal Language to Language Origin: The Problem of Shared Referents*. *Semiotica* (Den Haag), Vol. 57, No.1/2, pp. 13–32.

BARTHES, R. 1971. *Ecrivains, intellectuels, professeurs*. Tel Quel (Paris), Vol. 47, autumn, pp. 3–18.
COHEN, M.; GARNOT, J. S. F. 1968. *La escritura y la psicología de los pueblos*. Trans. Juan Almela. Mexico, Siglo Veintiuno.
COULMAS, F. 1981. *Über Schrift*. Frankfurt am Main.
— 1980. *Einleitung*. *Z. Semiot.* Tübingen, Vol. 2 (4), pp. 313–17.
DIRINGER, D. 1968. *The Alphabet, A Key to the History of Mankind*. New York. Rev. ed. London.
DUBOIS, J. 1973. *Dictionnaire linguistique*. Paris.
EHLICH, K. 1980. *Schriftentwicklung als gesellschaftliches Problemlösen*. *Z. Semiot.* Tübingen, Vol. 2, No. 4, pp. 335–59.
FROMKIN, V.; RODMAN, R. 1974. *An Introduction to Language*. New York.
GELB, I. J. 1963. *A Study of Writing*. 2nd ed. Chicago, Ill.
GRACE, W. 1965. *Response to Literature*. New York.
GREIMAS, A.J.; COURTES, J. 1982. *Semiotics and Language: An Analytical Dictionary*. Trans. Larry Crist. Bloomington. Wis.
HAWORTH, K. A. 1984. *The Origin of Language-based Thought: A Synthesis of Cognitive Science and Semiotics*. In: DEELY, J. (ed.) *Semiotics 1984*. New York, N.Y., pp. 261–5.
HJELMSLEV, L. 1961. *Prolegomena to a Theory of Language*. Madison, Wis.
HOLENSTEIN, E. 1980. *Doppelte Artikulation in der Schrift*. *Z. Semiot.* Tübingen, Vol. 2, No. 4, pp. 319–33.
HOOKER, J. T. 1990. *Introduction*. In: *Reading the Past, Ancient Writing from Cuneiform to the Alphabet*. Berkeley/Los Angeles, Calif.
HUNTER, G. R. 1934. *The Script of Harappa and Mohenjo Daro and its Connections with Other Scripts*. London.
KRISTEVA, J. 1971. *Comment parler à la littérature*. Tel Quel (Paris), Vol. 47, autumn, pp. 27–49.
MACKAY, E. J. 1938. *Further Excavations at Mohenjo Daro*. New Delhi.
MALHERBE, M. 1983. *Les langages de l'humanité*. Paris.
MARSHALL, J. 1931. *Mohenjo Daro and the Indus Civilization*. London.
MITCHENER, J. E. 1978. *Studies in the Indus Valley Inscriptions*. New Delhi/Oxford.
MOODY, H. L. B. 1977. *The Teaching of Literature*. 4th ed. London.
OPPENHEIM, A. L. 1977. *Ancient Mesopotamia*. Rev. ed. Chicago, Ill.
PEIRCE, C. S. 1931–58. *Collected Papers*. Cambridge, Mass.
PITKIN, H. 1969. *Representation*. New York.
POSNER, R. 1985. *Língua falada, língua escrita, língua planeada*. *Cruzeiro Semiót.* (Porto), Vol. 2.
SAMPSON, G. 1985. *Writing Systems, A Linguistic Introduction*. Stanford.
SAUSSURE, F. de. 1916. *Cours de linguistique générale*. Paris.
SILVERMAN, D. P. 1990. *Language and Writing in Ancient Egypt*. Pittsburgh.
TOYNBEE, A. J. 1956. *An Historian's Approach to Religion*. New York.
VATS, S. M. 1940. *Excavations at Harappa*. New Delhi.

8.2

ДРЕВНЕЙШИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ЯЗЫКИ

Стефен А. Вурм

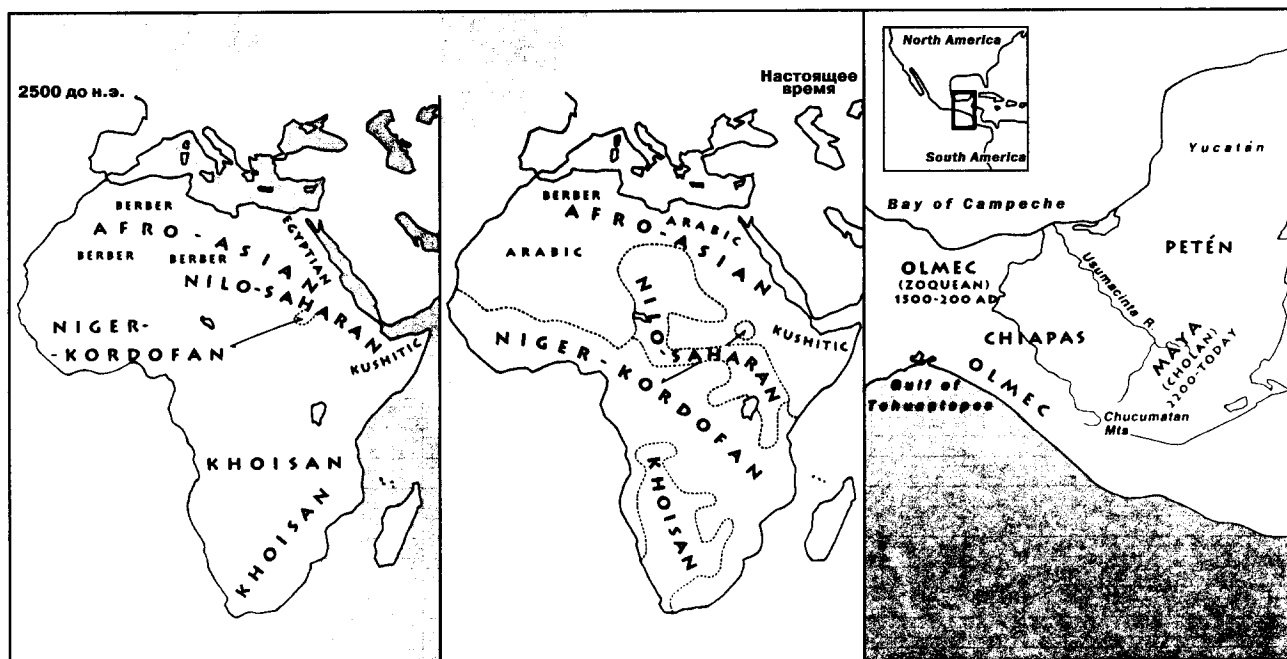
Некоторые наиболее древние цивилизации мира, история их народов и языков, на которых они говорили, довольно хорошо известны нам, потому что эти народы уже в очень древние времена разработали системы письменности, в разной степени используя их для записи текстов о древних временах, которые сохранились до наших дней и обнаруживаются во все больших количествах. Значительная часть надписей была расшифрована и языки изучены настолько, что содержание текстов стало в основном понятным. Это позволяет исследовать историю авторов таких текстов, истоки, развитие и функционирование их культур, а также природу и место данных языков среди других семей. Выдающимися примерами таких народов являются древние египтяне, шумеры, древние китайцы, народы, говорившие на разных древних семитских языках, таких, как аккадский (ассиро-вавилонский), угаритский, финикийский, древнееврейский и арамейский. Народы, говорившие на древних индоевропейских языках, например хетты, и другие народы, языки которых были близки им, как древние индийцы, языком которых был санскрит, и носители других языков Западной Азии, такие как жители Элама и Ура, также относятся к этой категории. Из всех этих языков в настоящем разделе будут рассмотрены китайский и семитские языки, и, кроме того, другие, несемитские язы-

ки, такие как шумерский, судьба которого, тем не менее, неразрывно связана с семитским аккадским языком.

ЕГИПЕТСКИЙ ЯЗЫК (карта 3)

Согласно наиболее признанной в настоящее время классификации языков Африки (Greenberg, 1963; Heine et al., 1981), египетский язык принадлежит к так называемым афроазиатским языкам, среди которых египетский, берберо-ливийский, кушитский, семитский, чадский (и, вероятно, также ометский язык в Эфиопии, который иногда рассматривается как диалект кушитского) составляют пять (или шесть) иерархически и наследственно связанных языковых групп. Первоначально широко распространенное включение египетского языка в семито-хамитскую языковую семью теперь пересмотрено. Египетский язык имел тесные связи с древними семитскими языками и, возможно, также с берберийским языком (Heine et al., 1981).

Шумеры Месопотамии, как полагают, во второй половине IV тысячелетия до н.э. использовали клинопись. Египтяне изобрели иероглифическое (от греческих слов «священные знаки») письмо примерно к 3000 г. до н.э. Именно к этому времени относятся самые старые надписи на нем.

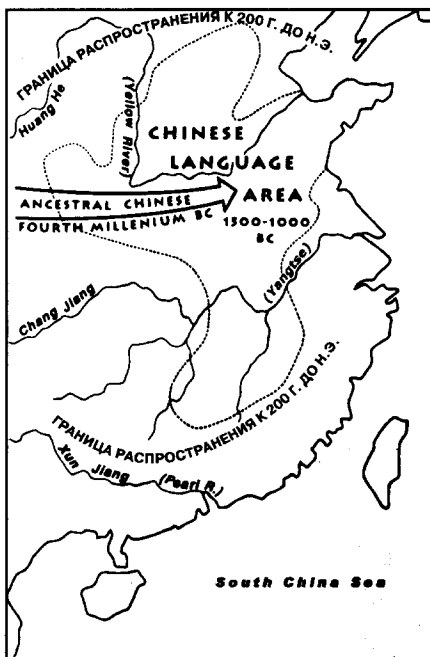
Карта 3. Распространение языков в Древней Африке; письменные языки в древних Мезоамерике и Китае

Как и древняя клинопись Месопотамии, египетские иероглифы были пиктографическим письмом с отдельными рисованными символами, изначально представлявшими только изображенные предметы и слова для их обозначения на египетском языке, например, рисованные символы слов «лицо», «глаз», «дом» и т.д. Символ слова «лицо» также обозначал слова, связанные со зрением. На следующей ступени развития (и вновь аналогично шумерской клинописи) рисованные символы, обозначающие конкретные предметы, названия которых были похожи на другие слова, обозначавшие другие понятия, использовались также для обозначения этих других понятий – они были зачастую более абстрактными и их было труднее представить с помощью самостоятельных рисованных символов. Например, слово *hr* означало «лицо» (звук *h* был, вероятно, сходен с арабским *h*). Слово для обозначения предлога «на» было также *hr*, и его представляли на письме рисованным символом «лицо», обычно с вертикальной черточкой под ним. (Гласные не обозначались, и, как правило, нам не известны. Египтологи приняли некоторые допущения, позволяющие произносить египетские слова путем подстановки гласных *e* или *a* между согласными, но это совершенно искусственный прием, вероятно, не имеющий никакого отношения к египетским гласным.) Ввиду этого *hr* («лицо») и *hr* (предлог «на») могли иметь совершенно разные гласные, но это, видимо, не влияло на использование одного и того же рисованного символа для нескольких совершенно различных понятий, обозначавшихся словами, составленными из одних и тех же согласных. Слова, для которых не находилось никаких подходящих рисованных символов, воспроизводились сочетанием письменных форм, составленных из двух или нескольких иероглифических рисованных знаков, объединенное произношение которых совпадало с произношением нужного слова. Например, *nbt* («сильный») записывалось комбинацией иероглифических знаков, обозначавших понятия «поверхность воды, вода» (произносилось как *n*) и «дерево» (произносилось как *ht*). Дальнейшее распространение этого принципа привело к возникновению отдельных иероглифов, становившихся символами скорее группы согласных букв, чем символами слов и понятий. Так продолжалось до тех пор, пока некоторые

иероглифы не стали обозначать отдельные согласные буквы, что превратило часть иероглифического письма в буквенное. Это позволило заимствовать любое слово, а также грамматические элементы. Очень важным отдельным изменением было дополнение определителей к написанным словам, т.е. знаков, обозначающих общий семантический класс, к которому принадлежали добавляемое существительное или глагол, например, «мужчины», «женщины», «боги», «птицы», понятия о беге, деятельности, действиях, связанных со ртом (еда, разговор), об огне и горении или абстрактные понятия. Подобные определители сами по себе обычно были *знаками* конкретных предметов и понятий – «человек», «женщина», «бог», «птица», «бег», «рот» и т.д. Иными словами, знак, обозначающий бога, добавлялся к имени божества, знак «птицы» – к знакам различных видов птиц, и т.д. Эта система определителей была в принципе очень сходна с системой клинописи и с системой корней китайской письменности. Таким образом, развитая иероглифическая система письма содержала (1) рисованные символы, обозначающие отдельные слова или понятия; (2) символы, обозначающие класс или категорию существительного или глагола, к основному символу которого (или к письменной комбинации групп согласных знаков или букв) добавлялся этот символ; (3) символы, которые обозначали группы согласных или отдельные согласные буквы.

В отличие от шумерской клинописи и китайского письма, которые далеко ушли от первоначальных символических рисунков, египетские иероглифы оставались рисунками на протяжении тысяч лет их применения. Монументальный иероглифический шрифт широко использовался на каменных стенах храмов и захоронений, на могильных камнях, стелах, обелисках, памятниках, а также на картинах и предметах повседневного пользования. Иероглифическое письмо читалось преимущественно слева направо, но иногда и справа налево, при этом отдельные символы всегда были обращены к началу строк. Строки могли быть горизонтальными и вертикальными (рис. 21).

Однако уже в течение I династии, около 2900 г. до н.э., развилась рукописная форма иероглифического письма,

Китайская письменность

- 2200+ г. до н.э. Протокитайский язык. Самые древние пиктограммы и идеограммы, написанные бамбуковым пером. Поздние бессистемные изменения письменности
- 500 Древнекитайский язык
- 250 Изобретение китайской кисти для письма: появление шрифта нового типа с угловыми штрихами разной толщины
- 213 Ли Си пересмотрел и систематизировал шрифт. Корни слов и фонетические элементы
- 103 Изобретение бумаги
- 0 Старокитайский язык
- 500 г. н.э. Первые фонетические методы обозначения произношения китайских знаков
- 600 Среднекитайский язык
- 1100 Современный китайский язык

Египетская письменность

- 3000+ г. до н.э. Ранний египетский язык. Первая иероглифическая письменность. Постепенное расширение использования некоторых знаков для слов с различными значениями, но сходным произношением. Составление сложных символов для обозначения произношения некоторых слов. Некоторые иероглифы начинают обозначать отдельные согласные, делая письменность частично буквенной. Добавление определителей
- 2900 Развитие письменности (иератической) рукописной формы в добавление к иероглифическому письму
- 2600 Древнеегипетский язык
- 2100 Среднеегипетский язык
- 1550 Позднеегипетский язык
- 700 Формирование демотического рукописного шрифта
- 300 н.э. Появление коптского языка как продолжение развития египетского
- 500 Утрата трех систем египетской письменности: иероглифической, иератической и демотической

выполнявшегося чернилами на плоской поверхности, главным образом на папирусе, с помощью кисточки. Она заключалась в рукописной записи иероглифических символов, знак за знаком, большинство из которых имели уже мало общего с их первоначальными иероглифическими рисунками, причем многие знаки соединялись вместе, образуя группы символов (Diringer, 1968, p. 34).

Это рукописное письмо, первоначально вертикальное, а позднее горизонтальное, читалось справа налево и использовалось для любых рукописных текстов, культовых и светских. Лишь позднее возникла так называемая иератическая (от греческого слова «священный, священнический») письменность, а в VII в. до н.э. – и демотическая (от греческого «популярный, простой») письменность. Иератическая письменность затем стала в основном пись-

менностью жрецов. Демотическая письменность в большой степени происходила от иератической, хотя внешне она выглядела по-другому. Многие группы связанных иератических символов соединялись в единые демотические знаки. Написание выполнялось горизонтально справа налево (Diringer, 1968, p. 34–36).

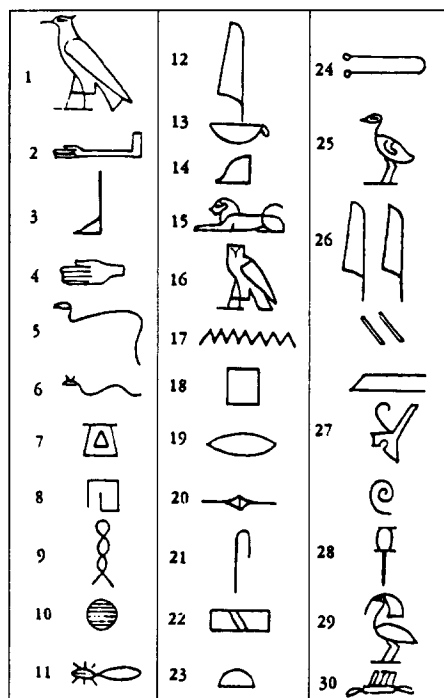
Иероглифическое письмо, включая две его рукописные формы, было утрачено в V в. н.э. вместе с самой историей великой египетской империи и культуры, скрытой от человечества до момента расшифровки иероглифического письма в начале XIX в. Это стало возможным благодаря открытию известного Розеттского камня (названному так по месту находки – Розетта в дельте Нила) французским капитаном М. Буссаром в 1799 г. во время военной экспедиции Наполеона в Египет.

Розеттский камень содержит жреческий декрет от 197–196 гг. до н.э. на двух языках, написанный египетскими иероглифами, демотическим письмом и на греческом языке. Первая расшифровка была выполнена французским египтологом Ж.Ф. Шампольоном в 1822 г. Сегодня только несколько из тысячи иероглифов остаются неразгаданными. Расшифровка иероглифического письма явилась ключом к нашему пониманию египетского языка, который, в свою очередь, открыл для нас историю и культуру египтян и дал детальные знания о них.

Развитие древнеегипетского языка охватывает весь период, рассматриваемый в настоящем томе; этот язык существовал затем еще более тысячелетия – до XV в. н.э., в своем продолжении – устном коптском языке, который до настоящего времени используется в литургии Коптской Христианской Церкви в Египте. В течение своей длинной истории грамматика и словарь египетского языка подверглись значительным изменениям, что дает возможность выделить несколько периодов в его развитии.

Самая ранняя известная форма египетского языка, называемого древнеегипетским, – язык I и II династий египетских фараонов (2900–2600 гг. до н.э.). За ним следовал староегипетский период III–VIII династий (2600–2100 гг. до н.э.) (на этом языке кроме многих иероглифических надписей написаны самые ранние документы на папирусе). Среднеегипетский язык характеризовался увеличением доли разговорных форм и элементов. Его использование охватывало период с IX до XII династии, т.е. с 2100 до 1800 г. до н.э., но его применение как классического литературного языка продолжалось далеко за пределами этого периода. В эпоху XVIII–XXV династий (1550–700 гг. до н.э.) и позднее развивалась и распространялась письменная форма устного языка, названная позднеегипетским языком и ставшая литературным языком при фараоне Аменхотепе IV (Эхнатоне), который правил с 1364 по 1348 г. до н.э. Язык египтян претерпел наиболее значительные изменения, включая синтаксические, при переходе от среднеегипетского к позднеегипетскому языку.

Можно дать схему некоторых особенностей среднеегипетского языка. Существительные, местоимения и глаголы имели мужской и женский род и единственное и множественное число. Прилагательные следовали за существительными, к которым они относились. У существительных не было падежей. Предлоги («к») и соединительные слова («принадлежащий к») выражали специальные конструкции, типа тех, которые использовались для обозначения дательного и родительного падежей в традиционной грамматике. Личные местоимения в качестве суффиксов присоединялись к существительным для обозначения притяжательного падежа. Они также добавлялись к основе глагола (или к основе глагола + знак времени или вида) для обозначения подлежащего. Пассивные формы глаголов обозначались суффиксами, добавленными к основе глагола. Отрицание обозначалось частицей, помещавшейся перед глаголом. Порядок слов был таким: глагол – подлежа-

1 белоголовый гриф	18 табуретка из тростниковой циновки
2 предплечье	19 рот
3 ступня	20 засов
4 кисть руки	21 свернутая ткань (?)
5 спокойно лежащая кобра	22 садовый пруд
6 рогатая гадюка	23 хлеб
7 круглая подставка для кувшина	24 веревочные путы для животных на привязи
8 тростниковое укрытие в поле	25 цыпленок перепелки
9 фигиль из крученого льна	26 два цветущих тростника
10 человеческая плацента	27 две диагональные черты; два ребра сернобыка; спираль; корона Нижнего Египта
11 живот животного с сосками и хвостом	28 долото
12 цветущий тростник	29 хохлатый ибис
13 плетеная корзина	30 часть позвоночника со спинным мозгом, выходящим наружу с обоих концов
14 склон песчаного холма	
15 лежащий лев	
16 сова	
17 Вибрационная энергия, жидкость	

Рис. 21. Иероглифическое письмо (по Rossini, 1989). Древнеегипетские иероглифы, главным образом идеографическое письмо, независимое от клинописи и иногда встречающихся фонетических знаков, уже использовались за три тысячи лет до н.э. Большинство знаков, хотя и символических, являются распознаваемыми изображениями реальных предметов, часто искусно и натуралистично выполненными

щее – прямое дополнение – косвенное дополнение – другие элементы. Придаточные предложения следовали за главным без специального знака или со знаком, обозначающим также мужской или женский род и множественное число.

ДРУГИЕ АФРИКАНСКИЕ И ДРЕВНИЕ АМЕРИКАНСКИЕ ЯЗЫКИ (карта 3)

За одним исключением, рассматриваемым ниже, у нас нет никаких письменных документов на африканских языках и относящихся к периоду, который рассматривается в данном томе. Однако успешно развивающаяся в настоящее время африканская лингвистика дает возможность сделать некоторые предположения относительно вероятного ареала расположения около 2500 г. до н.э. предшественников признанных сегодня четырех главных африканских семейств языков (*Brunner et al.*, 1990, I, p. 37; *Möhlig et al.*, 1977). Складывается впечатление, что семейство языков *хой-сан* (*Khoi-San*), которое сегодня включает исчезающие языки Южной Африки и Танзании, было распространено на обширных территориях в этом регионе и в Восточной Африке. Берберо-ливийские языки современной африканской макросемьи, которыми сегодня пользуются в отдельных областях Северо-Западной Африки, были широко распространены в Северной Африке и в Сахаре. Считается, что все африканское семейство языков, несколько семитских языков которого проникли в Африку из Азии только в течение последних двух тысячелетий, имело свои оригинальные корни в Африке, возможно, уже 15 тыс. лет назад. Нило-сахарская семья языков, которые встречаются местами на территории от запада Судана до Кении и Танзании, была, вероятно, широко распространена на всей территории современного Судана. Нигеро-кордофанское (конго-кордофанское) семейство, которое сегодня занимает небольшую территорию в горах Судана и очень большую часть территории Африки южнее Сахары, было ограничено некоторыми территориями в Западной Африке, а также в горах Нубии.

Исключительный случай, упомянутый выше, – это мероитский язык, язык надписей Мероитского царства, располагавшегося на Среднем Ниле, который остался независимым от давления египетского языка в VIII в. до н.э. Сначала египетский язык использовался как письменный, а мероитский письменный язык развился позднее – самые ранние известные нам документы на этом языке относятся к III в. до н.э. Этот тип письменности состоит из монументального иероглифического и рукописного демотического письма, которые, очевидно, унаследованы от египетской системы знаков, хотя отличия имеют и символы, и их фонетические эквиваленты. Мероитские символы являются чисто фонетическими и буквенными (за исключением двух силлабических знаков). Отсутствуют какие-либо связанные символы, а общее количество знаков равно 23, включая знаки гласных букв (*Diringer*, 1968, p. 140).

Мероитский язык, как сначала полагали, был предком современных нубийских языков, но теперь установлено, что это не так. Подобно нубийскому языку, мероитский, по-видимому, принадлежит к нило-сахарскому семейству, но не имеет близких связей ни с каким другим известным языком данной группы. По этой причине большинство мероитских письменных документов, хотя и легко разборчивы и перепиываемы, еще в значительной степени непонятны. Ни одного двуязычного текста пока не найдено (*Heine et al.*, 1981, p. 301).

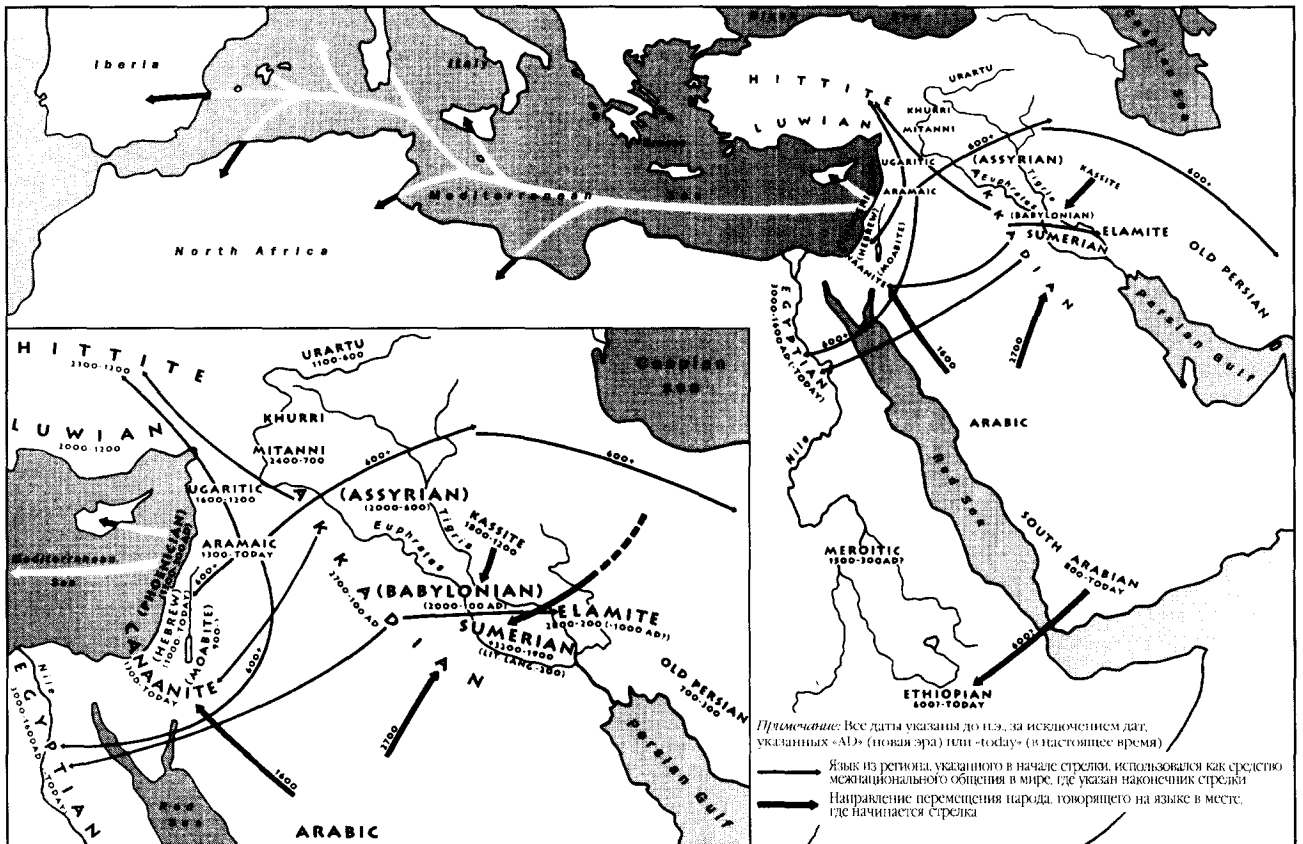
Из языков Древней Америки можно кратко упомянуть язык майя. На основе лингвистической предыстории предполагается, что на языке протомайя говорили в горах Чу-

куматан, на территории современной Гватемалы, приблизительно в 2200-х гг. до н.э. После разделения протомайя на несколько языков приблизительно в 1000 г. до н.э. говорившие на них люди переместились вниз по р. Усумасинта в регион Петен, а позднее на нагорье Чьяпас в Мексике (*Campbell*, 1992, p. 403) и на нагорья вблизи современного г. Гватемала. Майя является единственным языком Древней Америки, в котором впоследствии сформировался полный шрифт (и очень сложная система календарных записей). Самый древний календарь майя, записанный полностью и датированный непосредственно перед 230 г. до н.э., появился, по-видимому, как раз в этих районах у Тихоокеанского побережья Гватемалы. Вероятно, сама письменность майя была изобретена людьми, говорившими на языке чоль семейства майя. Письменность майя, достигшая пика своего развития несколькими веками позднее, в классический период майя, является смесью идеографических и фонетических элементов и содержит определители, обнаруживая тем самым принципиальное сходство с египетской и шумерской системами письменности. Она обычно читалась двумя колонками слева направо и сверху вниз. Надписи высекали на камне или писали на бумаге из коры, листы которой переплетали вместе в виде книг. Приблизительно половина имеющихся ныне текстов доступна для понимания (*Coe et al.*, 1986, pp. 114, 118–20).

Более позднее исследование (1993) показало, что люди, принадлежавшие к древней ольмекской культуре, группировались вокруг залива Кампече и на территории Тихоокеанского побережья к востоку от залива Теуантепек у южных берегов Мексики; эти люди говорили на языке сокве, который был родственником четырем языкам этой части Мексики; они имели иероглифическое письмо, предшествовавшее письменности майя, и это дает нам возможность представить глубину традиций ольмекской культуры.

СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ (карта 4)

Современные знания о культуре и истории самых древних семитских народов являются результатом очень раннего использования ими клинописи, как и до них шумерами, которые, по-видимому, были ее изобретателями. Считается, что шумеры вторглись в Южную Месопотамию примерно во второй половине IV тысячелетия до н.э., двигаясь с севера, возможно, из района Каспийского моря (*Kramer*, 1963, p. 42). Их этническая принадлежность еще не установлена, а их язык, хотя и имевший типологические сходства с алтайскими языками и, вероятно, также некоторые общие особенности с кавказскими языками, рассматривается как изолированное лингвистическое образование. Вопреки мнению ученых, преобладавшим до 1950-х годов, в настоящее время складывается представление, что территория, на которую они вступили, уже была занята другим народом неизвестной этнической принадлежности, который говорил на языке, отличном от шумерского. Согласно Ландсбергеру (*Landsberger*, 1944), от этого языка происходят названия самых древних и наиболее важных шумерских городских центров, которые нельзя объяснить особенностями шумерского языка. То же относится к названиям рек Евфрат и Тигр, которыми пользовались шумеры. Ландсбергер называет этих людей «протоевфратийцы», археологам они известны как убейты. Дополнительные лингвистические свидетельства указывают, что эти люди были земледельцами, основали множество городов и создали развитую сельскую экономику (*Kramer*, 1963, p. 41). Весьма важно также, что имеются данные, позволяющие предположить, что семитские кочевники, пришедшие с Аравийского полуострова, проникли в страну протоев-

3000+ г. до н.э.	Шумерские пиктограммы	1850	Начало старовавилонского периода
2900-	Пиктограммы повернуты на 90 град. Знаки упрощены, стилизованы, их первоначальное количество (2000) уменьшено, оставлены знаки, теперь обозначающие фонетические единицы, и один знак, имевший несколько значений	1600	Окончание широкого использования шумерского как литературного языка. Продолжение ограниченного его использования до 200 г. до н.э. Начало касситского периода. Принятие клинописи с 30 знаками как алфавитного письма в угаритском языке
2500+	Лицевой рисунок знаков разбит на ряд штрихов. Добавление грамматических элементов и определителей	1500	Принятие клинописи в Урарту
2450	Ранний аккадский язык. Появление клинописного шрифта	1200	Начало ассирийского периода
2300	Принятие клинописи в языках Элама (позднее – 113 знаков), Митанни (Хурриями) и Хеттского царства	800	Принятие клинописи в древнеперсидском языке с шрифтом из 41 знака
2000	Принятие клинописи в лувийском языке	700	Шрифт ассиро-вавилонского языка до 600 г. до н.э.
1900	Шумерский больше не является живым разговорным языком. Продолжает использоваться исключительно как литературный язык	600	Начало нововавилонского периода. Клинопись становится практически силлабическим шрифтом
		300	Возрождение клинописи
		100	Окончание использования клинописи

Карта 4. Письменные языки в древних Западной Азии и Северной Африке

фратийцев и что взаимное обогащение двух культур привело к возникновению первой относительно высоко-развитой цивилизации на этой территории до появления здесь шумеров (Kramer, 1963, p. 42). Даже самые древние шумерские надписи содержат заимствованные семитские слова, и самая древняя шумерская династия начинается с правителей, которые имеют семитские имена.

Письменные документы, однако, не относятся к периоду до нашествия шумеров, при этом самые старые из известных надписей, все на шумерском языке, датируются приблизительно 3000 г. до н.э. Они выбиты предшествовавшей формой клинописи, которая в III тысячелетии до н.э. была, вероятно, изобретена шумерами или по крайней мере преобразована ими в эффективную систему письма (Kramer, 1963, p. 302). Постепенно окружающие народы (народы Аккадского царства, государства Элам, города-государства Ур, а позже и Древней Персии и т.д.) заимствовали эту систему и приспособили к своим языкам. Ко II тысячелетию до н.э. она была широко распространена в древней Западной Азии.

Предком клинописи было пиктографическое письмо, в котором каждый символ являлся рисунком одного или нескольких предметов (рис. 22). Его значение совпадало со значением самих предметов или чего-нибудь, связанного с ними, например, один и тот же символ обозначал слова «рот» и «говорить». Эти знаки, по-видимому, первоначально писали на дереве или листьях, но очень рано стали применяться глиняные таблички. На них пиктограммы были вскоре повернуты на 90 град, а поскольку надписи высекались на камне или металле, они сохранились в течение многих веков. Эти знаки постепенно упрощались и стилизовались, а их количество уменьшилось, в значительной степени благодаря замещению первоначальных значений пиктограмм фонетическими символами, при этом пиктограммы обозначали не только предметы и связанные с ними понятия, но и фонетические значения слов, соответствующих этим предметам, независимо от первоначального значения пиктограммы. Например, шумерское слово *xa (ba)* означает «рыба», а также «может». Поэтому пиктограмма «рыба» использовалась и для обозначения слова «может» (Kramer, 1963, p. 306).

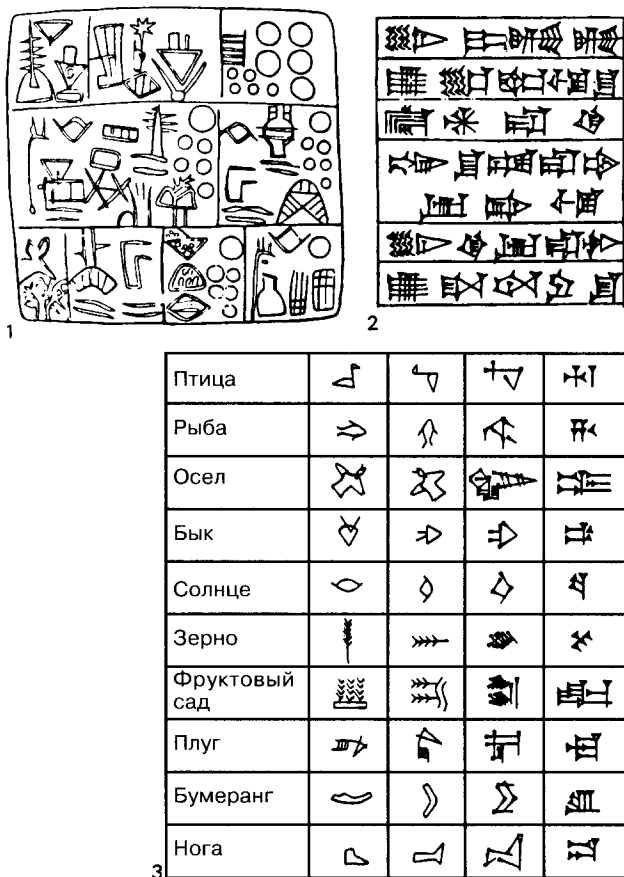

Рис. 22. Пиктографическое происхождение клинописных знаков: 1 – шумерские пиктографические надписи; 2 – вавилонский клинописный текст; 3 – пиктографическое происхождение десяти клинописных знаков (по Naveh, 1982)

Приблизительно в 2500 г. до н.э. или несколько ранее очень важным этапом развития письменности стало разделение линейного рисунка знаков на группы клиновидных штрихов, выдавливаемых на сырых глиняных табличках краем тростниковой палочки с квадратным концом; таблички затем высушивали на солнце или обжигали в печи. Система знаков, которые записывали слева направо, постепенно упрощалась с появлением многих символов, обозначавших только звуки, и грамматических элементов, добавляемых к другим символам. Еще одним важным нововведением стало добавление так называемых определителей к существительным. Как и в египетском языке, эти знаки указывали общий семантический класс, к которому принадлежало существительное. Функция таких определителей в клинописи была подобна функции корней в китайском языке (см. ниже). Определители, вероятно, не произносили, даже когда текст читали вслух (Hayes, 1990, p. 14). Иначе говоря, один и тот же клинописный знак мог либо сам по себе обозначать предмет или понятие, либо указывать на класс существительного, к которому он был добавлен, либо ставиться для фонетического обозначения простого слога или гласной, составлявших грамматический элемент (Diringer, 1968, p. 18). Однако шумерская письменность оставалась по существу мнемонической системой, основанной на запоминании, которое не было направлено на точную передачу произношения (Diakonoff, 1976, p. 112). Тем не менее число отдельных знаков было все еще очень большим.

Сильное влияние на дальнейшее развитие клинописи и судьбу шумерского языка оказало распространение в шумерской области аккадцев, имевших семитское происхождение. Существовали длительные периоды тесных кон-

тактов между шумерами и аккадцами, которые пришли с юга, с Аравийского полуострова, подобно еще более древним народам, говорившим на языках семитской группы, еще до прихода шумеров (см. выше). Эти контакты вели к заимствованию слов обоими языками, а шумерское влияние вызвало изменения в структуре аккадского языка: появление порядка слов «подлежащее – дополнение – глагол», который необычен для языка семитской группы (Thomsen, 1984, p. 16); значительное упрощение богатой семитской системы согласных; заметную ассимиляцию согласных – явно из-за появления языка населения, говорившего на другом, неродственном языке, т.е. шумерском (Bergsträsser & Daniels, 1983, p. 26). Из этих источников следует, что около 2500 г. до н.э. довольно много людей, говоривших на обоих языках и называвшихся шумерами, проживали в северной части глубинных районов страны, при этом аккадский язык распространялся с севера.

К 2300 г. до н.э. шумерский язык как разговорный начал отступать, и по крайней мере часть шумерского населения становилась двуязычной, поскольку шумерский продолжал быть только основным письменным языком (Gelb, 1960). Приблизительно к 1900 г. до н.э. шумерский язык, по-видимому, перестал быть живым разговорным языком повседневного общения и заменялся аккадским языком, хотя, возможно, еще продолжал использоваться некоторое время на юге. После этого периода шумерский язык по-прежнему широко использовался как письменный язык до конца Старовавилонского периода в 1594 г. до н.э. По мере того как шумерский язык становился иностранным, а для писцов – мертвым языком, древняя мнемоническая письменность была заменена более сложной письменностью, основанной на передаче грамматических форм (Thomsen, 1984, p. 23). После этого отдельные типы шумерских текстов еще писались до II в. до н.э.

В то же время вплоть до Ассирийского периода (с XII до VII в. до н.э.) аккадский приобретал все большее значение как письменный язык, а клинопись при этом постепенно упрощалась, хотя и включала приблизительно 570 знаков. Уже позднее ассирийская клинопись фактически превратилась в силлабическое письмо, а древнеперсидский даже способствовал ее превращению в квазиалфавитный шрифт (Diringer, 1968, p. 19). С переходом аккадцев к клинописи и в условиях продолжающегося использования обоих языков для письма в течение длительного периода возникла необходимость в словарях, которые содержали бы шумерские клинописные знаки, их аккадские эквиваленты и целые шумерские предложения с переводом на аккадский (Diringer, 1968, p. 21).

Можно выделить шесть периодов развития клинописи у семитских народов Месопотамии (у аккадцев, говоривших на двух разных диалектах, ассирийцев и вавилонян):

- ранний аккадский язык и аккадская письменность в так называемый шумерский период Ур III (около 2450–1850 гг. до н.э.);
- старовавилонский период (XVIII–XVI вв. до н.э.);
- касситский период (XVI в. – 1171 г. до н.э.);
- ассирийский период (XII–VII вв. до н.э.);
- нововавилонский период (VI в. до н.э.);
- возрождение и исчезновение клинописи (III в. до н.э. – I в. н.э.).

Периодами самого пышного расцвета клинописи были правление Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.) и период с IX по VII в. до н.э. в Ассирии.

В середине II тысячелетия до н.э. клинопись и аккадский язык стали международным языком древнего цивилизованного мира. Эта письменность использовалась множеством других наций, главным образом несемитских, – эламитами, касситами, хеттами, митаннитами и хурритами, а также народами Урарту, Древней Персии и в некото-

рой степени семитскими ханаанитами. Есть даже хорошо сохранившаяся клинописная надпись на египетском (*Diringer*, 1968, p. 24).

После 75 г. н.э. клинопись была забыта и обнаружена только в начале XVII в. европейскими путешественниками на территории древней Западной Азии. К дешифровке приложили усилия английские, французские, немецкие, датские и ирландские ученые XIX в. Они преуспели в расшифровке различных текстов и их языков, при этом Генри К. Роулинсон (*Henry C. Rawlinson*), Эдвард Хинкс (*Edward Hinks*) и Жюль Опперт (*Jules Oppert*) сыграли ведущую роль (*Kramer*, 1963, p. 130). Значительной помощью им стало существование на древних камнях надписей на трех языках, таких, как обширные тексты на староперсидском, эламском и вавилонском языках на Бехистунской скале вблизи г. Керманшах в Персии. Первый расшифрованный текст был на староперсидском, который использовался с конца VI до середины IV в. до н.э. Он был наименее древним и использовал самую простую полуалфавитную форму клинописи, имевшую только около 40 знаков, и этот язык был известен (*Diringer*, 1968, p. 139). За ним последовала расшифровка более сложного текста вавилонского письма, которое имело более 640 знаков; текст был написан на языке семитской группы и поэтому относительно хорошо понятен семитологам. Следующий – новоэламский клинописный текст – имел только 113 знаков, из которых более 80 являлись силлабическими, но язык был до того времени неизвестен. Расшифровка шумерского текста осуществлялась последней не только из-за неизвестности этого языка, но и из-за «неожиданности» факта существования его и самих шумеров. В этой работе пригодились упомянутые выше двуязычные шумеро-аккадские словари. Расшифровка вавилонских и ассирийских текстов дала возможность расшифровать оставшиеся клинописные тексты и понять их языки.

Это длинное обсуждение событий, одним из действующих лиц которых были семитские народы, сыгравшие очень важную роль, показывает, что изучение самых древних текстов и самых древних из известных семитских языков невозможно вне связи их с другими языками и соответствующими им текстами.

На этом этапе обсуждения уместно рассмотреть особенности семитских языков. Как отмечалось, под шумерским влиянием аккадский язык (как ассирийский, так и в вавилонский) приобрел особенности, нетипичные для семитских языков, в то время как основа его структуры осталась типично семитской и была сходна со структурой других семитских языков.

Все семитские языки весьма тесно связаны между собой аналогично таким языкам индоевропейского семейства, как языки романской группы. Нехарактерные особенности некоторых из них, например аккадского и эфиопского, можно отнести к влиянию несемитских языков. Типичная система семитских согласных включает несколько гортанных элементов и так называемые эмфатические (выразительные) элементы. Гласные обычно ограничиваются буквами «а», «и», «у». Вообще говоря, значение корней определяется исключительно согласными, три из которых обычно составляют корень, и, как правило, одна гласная служит для облегчения артикуляции. Гласные (и расширение согласных) служат только для изменения значения корня путем образования именных и глагольных основ и их флексий. У местоимений, глаголов и существительных имеются три числа (единственное, двойственное и множественное) и два рода (мужской и женский), последний во втором и третьем лицах в местоимениях и глаголах. Согласование между существительными и глаголами весьма необычно: есть несколько форм, которые являются строго именными и не подчиняются правилу образования корня из согласных, так же, как и большое число именных отглагольных корней. Слово-

образование осуществляется с помощью приставок, суффиксов и модификации гласных, а также путем образования производных от глагольной основы и большого разнообразия значений корня. Цифры представляют два типа: 20 – двойное число, т.е. удвоение десятка, а 30–90 – множественные, т.е. производные соответственно от 3 до 9. Существуют сложные согласования, особенно в отношении числительных.

Если аккадский язык, относящийся к восточносемитской группе, имеет множество собственных особенностей (см. выше), то остальные семитские языки, которые составляют западносемитскую группу, пережили период дальнейшего общего развития (*Bergsträsser & Daniels*, 1983, p. 2). Западносемитская группа может быть далее разделена на северную подгруппу, включающую угаритский язык; ханаанейскую подгруппу, включающую еврейский, арамейский, финикийский и несколько малых языков; южную подгруппу, включающую североарабский, южноарабский и эфиопский языки. Еврейский и арамейский языки иногда считаются принадлежащими к общей северо-западной семитской группе. Кажется возможным (*Bergsträsser & Daniels*, 1983, p. 1) рассматривать североарабский язык как принадлежащий не к южной, а к центральной семитской подгруппе, которая имеет сходство как с северо-западной, так и с южной семитскими подгруппами.

Полагают, что носители западных семитских языков проникали из Северной Аравии в западные прибрежные области, Сирию, Финикию и Палестину в течение длительного времени, после того как аккадцы вторглись в Месопотамию. Проникновение происходило несколькими последовательными волнами, и со временем различные языки наслаивались друг на друга (рис. 23).

И вновь письменные источники дают нам информацию о второй большой группе семитских языков и их носителях, культуре, обществе и истории. Письменность, которую использовали эти языки, была алфавитной, и от них в конечном счете произошли почти все алфавитные системы многих частей мира. Общим предком этих алфавитов является система, которая впервые проявляется в надписях, рисунках и знаках ханаанских рабочих-шахтеров, сделанных в районе Синая около XVI в. до н.э. Следующие ступени их развития – финикийские и арамейские надписи, датируемые начиная приблизительно с 1300 г. до н.э., а к VI в. до н.э. можно четко выделить ханаанейскую и арамейскую письменность.

Формы финикийской письменности сохранились только в самаритянском языке, но арамейское письмо стало шире использоваться и развиваться, и около 400 г. до н.э. почти превратилась по форме в современные еврейские квадратные буквы (*Bergsträsser & Daniels*, 1983, p. 236). Эти алфавиты, которые вместе составляют северную группу семитских алфавитов, имели 22 буквы – только согласные. Такая особенность могла быть результатом влияния египетской письменности, в которой использовались лишь согласные буквы; это мнение поддерживается относительной предсказуемостью расположения и характера гласных в семитских языках. Направление письма было справа налево.

Простой угаритский клинописный алфавит XIV в. до н.э., состоявший из 30 букв, представляет собой своеобразную загадку. Он четко наносился пером на глиняных табличках в направлении слева направо подобно месопотамской клинописи. В отличие от северосемитских алфавитов, упомянутых выше, этот алфавит содержал три гласных символа для звуков «а», «и», «у», и восемь его букв были сходны с северосемитскими буквами, имевшими то же фонетическое значение (*Diringer*, 1968, p. 150).

Алфавит южноарабских надписей ближе всего к угаритскому буквенному шрифту, но намного моложе, а самые древние надписи на нем датируются начиная с 500 г. до н.э. или,

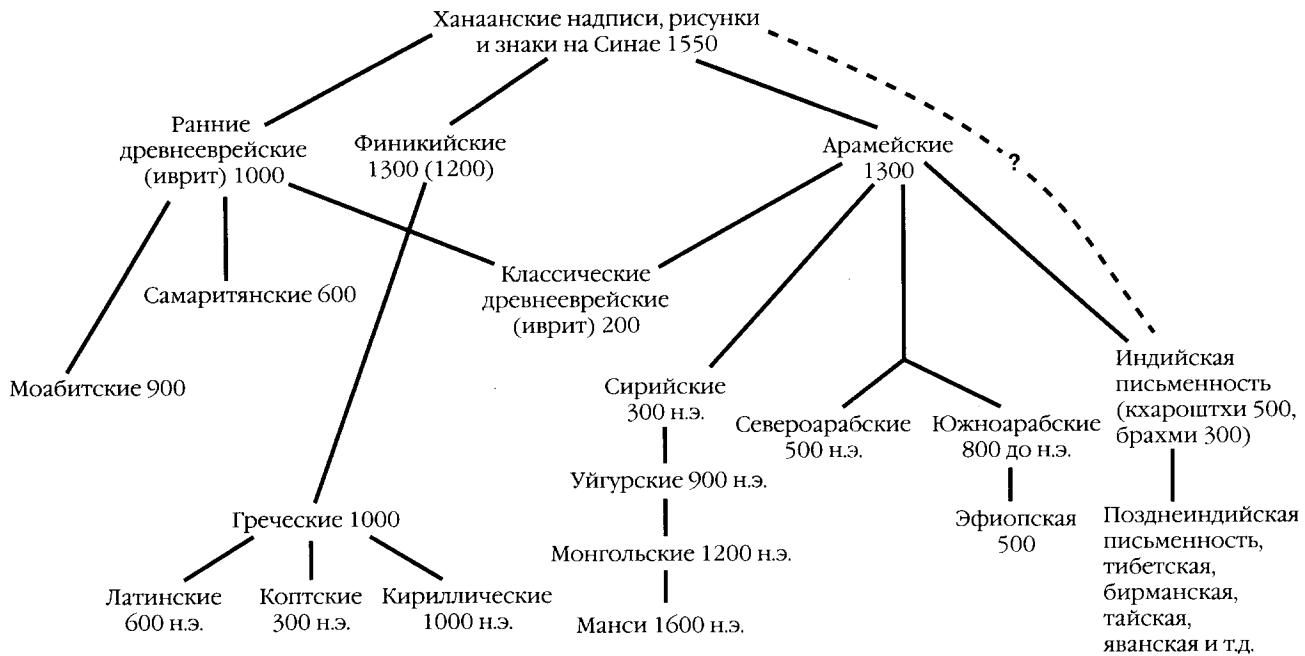

Рис. 23. Западные семитские письма и их более поздние версии (по Wurm, 1987–90)

возможно, двумя или тремя веками раньше (*Bergsträsser & Daniels*, 1983, p. 238).

Таким образом, существовали в основном три разновидности алфавита, применявшиеся в западносемитских языках: ханаанейская (древнееврейский и финикийский алфавиты), арамейская и южносемитская (южноарабский и эфиопский алфавиты). Греческий алфавит развился как четвертый вариант и стал источником возникновения западных алфавитов (*Diringer*, 1968, p. 170).

Из указанных алфавитов древнееврейский использовался в Израильском царстве приблизительно с 1000 г. до н.э. вплоть до VI (или V) в. до н.э. Самаритянский алфавит является последователем древнееврейского и используется в настоящее время для литургических целей у самаритян, которые представляют собой религиозную общину, насчитывающую несколько сотен человек (*Diringer*, 1968, p. 188). Другими потомками древнееврейского алфавита являлись алфавиты царства Моав (середина IX в. до н.э.) и государства Эдом (VIII–VII вв. до н.э.).

Финикийский алфавит существовал в нескольких вариантах в самой Финикии и в финикийских центрах торговли (Кипр, Греция, Северная Африка, Мальта, Сицилия, Сардиния, часть территории современных Франции и Испании). Период бытования этой письменности – приблизительно с 1200 г. до н.э. до III в. н.э., времени создания поздних пунических надписей (*Diringer*, 1968, p. 189), а сам язык просуществовал до VII в. н.э. (*Spuler*, 1953, p. 27).

Арамейский язык и письменность играли особенно важную роль начиная с I тысячелетия до н.э. Первое историческое упоминание об арамейских народах относится к XV–XIV вв. до н.э., а конец великого арамейского переселения в Северную Сирию пришелся на XII–XI вв. до н.э., когда крупные державы того времени (Египетская, Ассирийская, Хеттская и Минийская империи) пришли в упадок или распались. Арамейцы поселились в Месопотамии и Сирии, прекратив сопротивление недавно усилившимся ассирийцам только в середине VIII в. до н.э. Однако их поражение сопровождалось резким усилением арамейской культурной и экономической мощи в Западной Азии, включая всю Сирию и большую часть Месопотамии. Арамейский стал главным языком межнационального общения. Он был одним из официальных язы-

ков империи Ахеменидов и главным языком межнационального общения торговцев от Египта и Анатолии до Индии. Более чем на тысячу лет он стал главным языком в Израиле.

Арамейский шрифт представляет собой одну из двух главных ветвей северосемитского алфавита. Он использовался начиная примерно с X или IX в. до н.э. Его роль все возрастала, и он стал официальным алфавитом и языком Персидской империи. Его упадок был вызван главным образом распространением арабского языка и ислама, хотя несколько селений в Сирии и в других местах сохранили арамейский язык до настоящего времени (*Diringer*, 1968, p. 196).

Классический еврейский алфавит произошел от арамейского, но находился под сильным влиянием ранней формы еврейского алфавита. Самые ранние документы, написанные этим алфавитом, датируются начиная со II в. до н.э.

Самые ранние тексты, использовавшие древний южноарабский алфавит, относятся, вероятно, к VIII в. до н.э. Существуют некоторые связи между этим алфавитом и северосемитским алфавитом. Колонии южных арабов были основаны в Эфиопии во второй половине I тысячелетия до н.э., и там появились их язык и письменность. Эфиопский алфавит, по-видимому, является результатом постепенного развития южносемитского алфавита, в котором было изменено произношение (*Diringer*, 1968, p. 173).

Расшифровка всех этих семитских алфавитов и понимание соответствующих языков составляют основу наших знаний по истории и культуре этих народов. Мы знаем теперь, что западные семиты переселялись на свои территории из Северной Аравии последовательными волнами. Первая волна (угариты) пришла около XV в. до н.э. Следующая волна (ханааны) пришла несколькими веками позже, очевидно, что при этом первыми были финикийцы, расселившиеся колониями в Европе и Северной Африке. За ними последовали моавитяне (население царства Моав) и, наконец, евреи. После ханаанского переселения на эту территорию вступили арамеи (арамейцы), сыгравшие в конечном счете важную культурную и лингвистическую роль, вытеснив из этих местностей большинство других семитских языков вплоть до наступления господства арабского языка в I тысячелетии н.э. (*Spuler*, 1953, p. 24).

КИТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ (карта 3)

Китайский язык принадлежит к сино-тибетской (китайско-тибетской) семье языков, к которой также относится большая тибето-бирманская языковая ветвь. Значительная часть лингвистов вне Китая в настоящее время считает, что языки групп тай (тай-кадай) и мяо-яо Южного Китая и Юго-Восточной Азии не родственны китайскому, хотя в самом Китае многие ученые все еще убеждены, что эти языки связаны между собой (Wurm et al., 1987–90).

Складывается впечатление, что в течение III тысячелетия до н.э. народы, родственные тибетцам и пришедшие с запада, проникли в Северо-Западный Китай, на территорию современной провинции Хэнань и примыкающие районы провинций Ганьсу, Шаньси и Шэньси, которые лежали на оживленном торговом пути, известном с неолитических времен; их языком являлся предшественник китайского языка (Forrest, 1973, p. 82). По-видимому, они не занимали компактную территорию, а расселились на плодородных землях в долинах рек; существовавшие до их прихода не китайское население жило на оставшихся территориях и подвергалось постепенной ассимиляции китайцами. Это сильно повлияло на этнический состав народов Китая, из которых многие жившие к югу от Шанхая являлись тайцами, смешавшимися с китайцами и другими народами, что также оставило след в формировании современного китайского языка.

Самые ранние тексты на китайском языке относятся к 2000 г. до н.э. (Diringer, 1968, p. 67), и считается вероятным, что китайцы были знакомы с письменностью уже в 2200 г. до н.э. (Forrest, 1973, p. 38). Самые ранние из известных образцов китайской письменности уже далеко ушли от простого рисованного изображения предметов, которое может рассматриваться как наиболее ранняя форма письменности. Самыми древними из известных текстов являются надписи на бронзовых сосудах и, возможно, некоторые из многочисленных надписей на костях для прорицаний, использовавшие очень древние формы китайских иероглифов.

Китайская письменность является преимущественно идеографической, и каждый ее знак означает слово. В то время как иероглиф происходит от рисованных изображений предметов и многие китайские идеограммы могут считаться таковыми и сегодня, эта письменность претерпела ряд изменений. Знаки, обозначающие производимые элементы, а также действия, более или менее абстрактные идеи и т.д., должны были быть представлены сложными сочетаниями или специальными символами (например, «подъем» = «рука» + «сосуд»; «прибыль» = «пшеница» + «нож»; «два» = две горизонтальные пластинки). Идеограммы, выходявшие из употребления, использовались для обозначения самых разных понятий, речевое представление которых могло быть таким же или подобным по звучанию одной из устаревших идеограмм. Поскольку это развитие языка происходило отчасти случайно в течение полутора тысяч лет, ведя к нарастанию путаницы в системе письменности, в 213 г. до н.э. Ли Си по приказу императора Цинь Шихуанди предпринял ее глобальный пересмотр и систематизацию. Он кодифицировал и систематизировал использование так называемых корней, которые обозначали или по крайней мере предполагали класс обозначаемых понятий, например, «вода», «огонь», «женщина», «рот», «дерево», «лес». Другая часть иероглифа являлась *фонетическим элементом*, который указывал приблизительное его произношение с помощью обычных знаков, имевших в далеком прошлом определенное общепринятое представление или произношение в разговорной речи. Изменения звуков, произошедшие с тех пор, во многих случаях являлись определенным усложнением. Тем не менее этот систематизированный метод письма в значительной степени остался неизменным до недавнего времени; одно

ПИКТОГРАММЫ							
ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНЫЕ И ЧАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА							
МУЖЧИНА	ЖЕНЩИНА	РЕБЕНОК	РОТ	НОС	ГЛАЗ	РУКА	НОГА
ЛОШАДЬ	ТИГР	СОБАКА	СЛОН	ОЛЕНЬ	ОВЦА	ТУТОВЫЙ ШЕЛКОПРЯД	ЧЕРЕПАХА
ПРИРОДНЫЕ И ИСКУССТВЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ							
СОЛНЦЕ	ЛУНА	ДОЖДЬ	МОЛНИЯ	ГОРА	РЕКА	ЗЕРНО	ДЕРЕВО
БАЗА	ТРЕНОЖНИК	ЛУК	СТРЕЛА	ШЕЛК	КНИГА	ПРЕДСКАЗАНИЕ	ПРИМЕТА
ИДЕОГРАММЫ							
БОРЬБА (МУЖЧИНА ПРОТИВ МУЖЧИНЫ)	ПАХОТА (МУЖЧИНА + ПЛУГ)	ОХОТА (ОРУЖИЕ + ЖИВОТНОЕ)	КОРМЛЕНИЕ ГРУДЬЮ (ЖЕНЩИНА КОРМИТ РЕБЕНКА)				
ЗАКАТ СОЛНЦА (СОЛНЦЕ + ТРАВЫ)	ЯРКИЙ (ЛУНА + ОКНО)	КИСТОЧКА ДЛЯ ПИСЬМА (РУКА + КИСТОЧКА)	ПИСЦ (РУКА + ОБЪЕКТ)				
		НАД	ПОД				
ПИКТОГРАММА + ФОНЕТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ							
ЧЕРНАЯ ЛОШАДЬ (ЛОШАДЬ + II)	ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ (ДУША + SSU)	БЕРЕМЕННОСТЬ (ЖЕНЩИНА + JEN)	РЕКА ХУАН (РЕКА + ХУАН)				
ОМОФОНЫ							
(LAI, «ПШЕНИЦА», «ДЛЯ») LAI «ПРИХОДИТЬ»				(FENG, «ФЕНИКС», «ДЛЯ», FENG) «ВЕТЕР»			

Рис. 24. Примеры китайских пиктограмм и идеограмм, снабженных фонетическими элементами и омофонами (по Diringer, 1968)

главное изменение заключалось в разработке и внедрении очень большого числа сокращенных и упрощенных иероглифов (рис. 24).

Самые ранние китайские пиктограммы и идеограммы рисовались узким бамбуковым пером на шелке, кусках бамбука или дерева и имели линии одинаковой толщины и плавные дуги. Этот период продолжался в течение III в. до н.э. и характеризовался появлением нескольких типов иероглифов. Изобретение в III в. до н.э. клеточки для письма, сделанной из упругих волосков, привело к появлению шрифта нового типа с угловатыми штрихами разной толщины, квадратными формами и острыми углами. Изобретение в 105 г. н.э. бумаги вызвало дальнейшее развитие формы китайских иероглифов, которые с того времени остались в значительной степени неизменными.

При использовании китайских иероглифов, в которых не указывалось произношение соответствующих слов, непонятны различия в произношении между старыми и современными китайскими диалектами. Следует учитывать, что современная китайская письменность имеет в своей основе и представляет собой забытые речевые формы, которым уже несколько тысяч лет (Diringer, 1968, p. 72). Кроме того, в современном китайском языке существует

множество непонятных диалектов (*Wurm et al.*, 1987–90), но китайцы, не понимающие устную речь друг друга, могут читать китайские книги и общаться посредством письменности.

С 500 г. н.э. в Китае начали вводиться фонетические методы обозначения произношения знаков в лексических работах, возможно, стимулировавшиеся усилиями буддийских миссионеров из Индии, которые переводили свои священные книги на китайский. Это дает нам представление о звуковой системе китайского языка того времени, что является важной основой для реконструкции более ранних его периодов. История китайского языка подразделяется китайцами на пять периодов: протокитайский, древнекитайский, старокитайский, среднекитайский и современный китайский язык. Из них протокитайский охватывает период от самых ранних памятников до 500 г. до н.э. и является предметом рассмотрения в настоящем томе; древнекитайский – период между указанной датой и началом нашей эры; старокитайский – период от последней даты до 600 г. н.э.; среднекитайский – период от 600 г. до середины XI в. н.э., даты, знаменующей начало современного китайского языка (*Forrest*, 1973, p. 48).

Методы, с помощью которых были постепенно установлены звуковые структуры и произношение старых форм китайского языка, являются научными достижениями, сопоставимыми с расшифровкой египетских иероглифов и клинописи. Успеху этой работы в значительной мере способствовало то, что китайский язык и письменность продолжают существовать до настоящего времени, в отличие от древнеегипетского языка и клинописи, которые должны были быть повторно открыты после тысяч лет забвения. Невозможно переоценить значение внимания китайских ученых к прошлому своего языка и их обширные труды по соответствующим проблемам.

Исследование древних форм китайского языка должно было выполняться в обратном хронологическом порядке. Современные формы языка и звуки доступны для исследования непосредственно, а более старые формы могут быть постепенно реконструированы на их основе путем сравнительного изучения современных китайских диалектов (*Forrest*, 1973, p. 50).

Много других находок может быть сделано в процессе изучения форм китайских слов, которые в больших количествах заимствовались корейским языком около III в. н.э., японским языком вскоре после этого и вьетнамским языком в IX в. н.э. Дополнительную информацию дают старые китайские таблицы рифм и словари произношений, а также китайская транслитерация большого количества санскритских слов, санскритское произношение которых хорошо известно и которые были введены в китайский язык буддистами начиная с I в. н.э.

При исследовании древнекитайского языка в нем было обнаружено большинство современных китайских иероглифов, состоящих из корней и фонетических элементов, а изучение этих иероглифов и рифм позволило выдающемуся шведскому ученому Б. Калгрэну (*Kalgren*, 1940) установить звуковую систему древнекитайского языка. Это позволяет нам прийти к определенным выводам о звуковой системе протокитайского языка. На их основании, а также исходя из сохранившихся до настоящего времени текстов, мы можем составить представление о китайском языке начиная с самых ранних письменных источников середины I тысячелетия до н.э.

Происхождение китайского языка, известного по историческим документам, вкратце таково: в своей древнейшей из известных форм этот язык фонетически являлся полностью моносиллабическим (однослоговым) языком; он был относительно сложным и постепенно менялся, принимая современную стандартную форму, которая довольно далеко ушла от моносиллабичности; китайский является одним из немногих языков, которые имеют са-

мый малочисленный основной набор фонетически различных слов. Кроме того, в более ранний период чаще, чем в настоящее время, базовые слова функционировали как существительные, глаголы, прилагательные и наречия, и каждое из них имело свой семантический тон (интонацию) (см. ниже).

В китайском языке существует очень небольшое число явных слогов, даже если принять во внимание тональные различия. В старых формах китайского языка каждое базовое слово состояло из одного слога и было, как и сегодня, полностью неизменяемым. В более современных формах китайского языка однослоговые базовые слова должны объединяться, зачастую неразрывно, чтобы формировать элементы переменной длины, но обозначающие отдельные понятия. Каждому слогу соответствует тон, при этом различное значение имеют слоги, идентичные по звуковому составу, но отличающиеся по тону. В старых формах китайского языка (и современных консервативных диалектах, которые отражают более древние формы языка) было шесть или более тонов, хотя современный стандартный китайский язык имеет только четыре тона. Ударение также играет важную роль в составных словах. Грамматические функции выражаются вспомогательными средствами, такими, как порядок следования слов, использование базовых слов со вспомогательными функциями (в частности, использование базовых слов, функционирующих как существительные, чтобы выразить смыслы, которые, например, в английском языке выражаются с помощью предлогов). Между цифрами и указательными местоимениями и существительными, к которым они относятся, вставляются классификаторы или определители, которые различаются в зависимости от формы или природы предмета или понятия, обозначаемого соответствующим существительным.

В отношении самого протокитайского языка следует отметить, что в нем, по-видимому, отсутствовали классификаторы. Не было также и вспомогательного указания на дополнительную предложную функцию существительных, упомянутую выше. Наибольший интерес представляет возможность того, что в течение некоторого времени до появления наиболее древних текстов на протокитайском языке он находился на переходной флективной стадии, и слово формировалось подобно тому, как это происходит в тибетском языке, – с помощью приставок и суффиксов (*Kalgren*, 1920, 1931, 1934).

Знание нами китайского языка и его письменности, представленной в исторических документах, позволяет получить более общее и детальное представление о культуре, социальном устройстве и истории Китая со времени самых ранних письменных документов, ясность понимания которых возрастает ближе к середине I тысячелетия до н.э.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BERGSTRÄSSER, G.; DANIELS, T. 1983. Introduction to the Semitic Languages. Winona Lakes, Ind.
 BRUNNER, H.; FLESSEL, K.; HILLER, F. (eds) 1990. Lexion Alte Kulturen. Mannheim. Vol. 1.
 CAMPBELL, L. 1992. Mayan Languages. In: BRIGHT, W. (ed.), International Encyclopedia of Linguistics. New York/Oxford. Vol. 2, pp. 401–6.
 COE, M.; SNOW, D.; BENSON, E. 1986. Atlas of Ancient America. Oxford.
 DIAKONOFF, I.M. 1976. Ancient Writing and Ancient Written Language: Pitfalls and Peculiarities in the Study of Sumerian. Assyriological Studies (Chicago), Vol. 20, pp. 99–121.
 DIRINGER, D., 1968. The Alphabet: A Key to the History of Mankind. 3rd edn. 2 Vols. London.
 FORREST, R. A. D. 1973. The Chinese Language. 3rd ed. London.

- GELB, I.J. 1960. Sumerians and Akkadians in their Ethno-Linguistic Relationship. Geneva (Genève), No. 8, pp. 258–71.
- GREENBERG, J. H. 1963. The Languages of Africa. Inter. Am. Linguist. (Bloomington, Wis.), No. 29, Pt 2.
- HAYES, J. L. 1990. Manual of Sumerian Grammar and Texts. Malibu, Calif.
- HEINE, B.; SCHADENBERG, T. C.; WOLFF, E. 1981. Die Sprachen Afrikas. Hamburg.
- KALGREN, B. 1920. Le proto-chinois, langue flexionelle. J. asiat. Ser. 11, Vol. 15, pp. 205–32.
- 1931. Tibetan and Chinese. T'oung Pao (Leiden), Ser. 2, Vol. 28, pp. 25–70.
- 1934. Word Families in Chinese. Bull. Mus. Far East. Antiq. (Stockholm), No. 5, pp. 175–83.
- 1940. Grammata Serica, Script and Phonetics in Chinese and Sino-Japanese. Bull. Mus. Far East. Antiq. (Stockholm), No. 12, pp. 1–471.
- KRAMER, S.N. 1963. The Sumerians, their History, Culture, and Character. Chicago, Ill. London.
- LANDSBERGER, B. 1944. Die Anfänge der Zivilisation in Mesopotamien. J. F. Lang. Hist. Geogr. (Ankara), No. 2, pp. 431–7.
- MÖHLIG, W. J. G.; ROTTLAND, F.; HEINE, B. (eds) 1977. Zur Sprachgeschichte und Ethnohistorie in Africa. Neue Beiträge afrikanistischer Forschung. Berlin.
- NAVEH, J. 1982. Early History of the Alphabet: an Introduction to West Semitic Epigraphy and Palaeography. Leiden. The Hebrew University. Jerusalem.
- ROSSINI, S. 1989. Egyptian Hieroglyphics: How to Read and Write Them. New York.
- SPULER, B. 1953. Der semitische Sprachtypus. In: SPULER, B. (ed.). Handbuch der Orientalistik (Leiden–Köln), Vol. 3, pp. 3–25.
- THOMSEN, M-L. 1984. The Sumerian Language. Kobenhavn.
- WURM, S. A. et al. (eds) 1987–90. Language Atlas of China. Hong Kong.

8.3

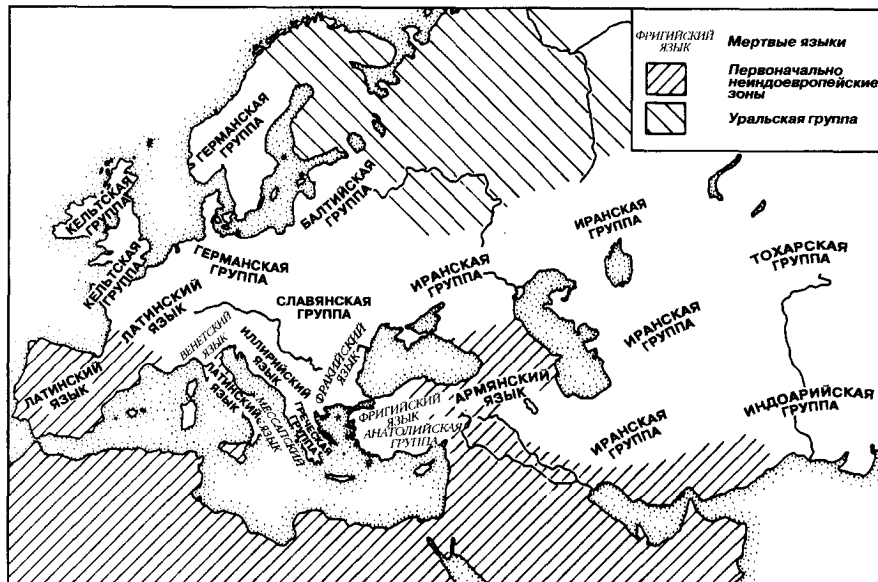
ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ФЕНОМЕН: ЛИНГВИСТИКА И АРХЕОЛОГИЯ

Дж. П. Мэллори

Три четверти государств-членов Организации Объединенных Наций считают один из индоевропейских языков официальным языком своего государства. То, что индоевропейские языки теперь составляют подлинно глобальное семейство языков, в значительной степени является результатом колониальных завоеваний, предпринятых западноевропейскими странами в течение последних 500 лет, дополненных распространением русского языка в Азии. Например, носителей английского и испанского языков вне стран Европы, в которых эти языки возникли, больше в 7 раз, а португальского языка – в 16 раз больше, чем на родине языка. До этой относительно недавней экспансии границы индоевропейской семьи языков в Евразии были ограничены областью, мало отличающейся от территории, на которой они были распространены 2 тыс. лет назад – в железном веке.

Чтобы кратко описать распространение индоевропейских языков, воспользуемся схематической картой Евразии периода около 500 г. н.э. (карта 5). Кельтские языки, которые доминировали на большей части Западной и Центральной Европы в железном веке (около 700 г. до н.э.) в гальштатской и латенской археологических культурах, теперь в значительной степени ограничили Британскими островами. Приблизительно в это время гаэльский (гэльский) язык начал распространяться в Шотландии и на острове Мэн, в то время как бриттский язык в конечном счете эво-

люционировал в валлийский, корнский и, переместившись в Северную Францию, бретонский языки. К тому времени в результате римских завоеваний латинский язык распространился на большей части Римской империи, вследствие чего в течение нескольких веков там появлялись самые ранние документы на романских языках – французском, испанском, португальском, сардинском, итальянском и румынском. Именно в первые века до н.э. латинский язык стал преобладать в Италии и вытеснять близкие ему италийские языки, такие как оскский, умбрский и другие исчезнувшие индоевропейские языки, например, венетский на северо-востоке и мессапский на юго-востоке полуострова. К северу от западной части Римской империи германские племена начали свой путь на юг. От этой германской группы возникли скандинавские языки – северная подгруппа германских языков, которые сегодня представлены исландским, фарерским, норвежским, шведским и датским языками; западные германские языки – английский, голландский, фламандский, фризский и немецкий; на востоке – готский язык, разновидность которого сохранилась в Крыму до XVI в. К востоку от германогворящей Северной Европы жили балты, занимавшие одно время значительно большую территорию на северо-востоке Европы, чем охваченная их лингвистическим наследием – старопрусским (ныне исчезнувшим), литовским и латвийским языками, которые обрели письменность только в XVI в.

Карта 5. Распространение основных ветвей индоевропейских языков, около 500 г. н.э.

Около 500 г. н.э. развились славянские языки и распространились на соседние территории, сформировав в конечном счете западнославянскую группу (польский, чешский и словацкий языки), южнославянскую группу (словенский, сербскохорватский, македонский и болгарский языки) и восточнославянскую группу (русский, белорусский и украинский языки). Нашествия, совершаемые южными славянами, привели их через Балканы на территории ранее исчезнувших дакского, фракийского и иллирийского языков, преобладавших в этом регионе в период, когда кельты господствовали на западе. Единственный доживший до настоящего времени язык из группы палеобалканских языков, вероятно, албанский язык, являющийся возможным потомком иллирийского языка, получивший собственную письменность около 1500 г. н.э. Далее к югу распространен греческий язык, известный с XIII в. до н.э. по линейному письму В на табличках с о. Крит и из Греции микенского периода.

Языковой состав Анатолии колебался в течение периода, представленного письменными документами. Самые ранние тексты анатолийской группы языков (хеттского, лувийского и палаяского) относят к концу бронзового века (около 2000–1000 гг. до н.э.). К железному веку в Анатолии были предствлены только языки, получившие незначительное распространение, например лицийский, которые в дальнейшем полностью исчезли. Фригийский язык появился в центре Анатолии, возможно, в связи с приходом сюда народа откуда-то с дальнего запада, около 800 г. до н.э., но к 500 г. н.э. он также начал исчезать. На востоке жили носители армянского языка – отдельной ветви индоевропейской семьи языков, которые переселились в существовавшее ранее неиндоевропейское царство Урарту и уцелели до наших дней на Южном Кавказе и в Восточной Турции. Свидетельства присутствия ираноговорящих племен относят к 1000 г. до н.э.; присутствие это ни в коем случае не было ограничено территорией современного Ирана, поскольку многие кочевники евразийских степей железного века, по-видимому, также говорили на иранских языках. Хотя они вторглись в Европу и прошли дальше, до наших дней не сохранилось никаких свидетельств о языках древних скифов, сарматов и аланов, за исключением осетинского языка, сохраненного теми аланами, которые осели на Кавказе. Существовали также поселения в Центральной Азии (Согд) и вблизи западных границ Китая (Сака), жители которых говорили на иранских языках. На юге распространились индоарийские языки, лингвистически настолько сходные с иранскими, что можно реконструировать более ранний период, когда существовал общий индоиранский язык. К 500 г. н.э. индоарийский литературный и литургический язык санскрит уже уступил место народным формам языка – пракритам – среднеиндийским языкам и диалектам, легшим через несколько стадий развития в основу новоиндийских языков – языков Бангладеш, Индии, Непала, Пакистана и Шри-Ланки, таких как хинди, урду, панджаби, маратхи и гуждарати. К северу, в бассейне р. Тарим, на границах Китайской империи поселились другие носители индоевропейских языков, которые до своего исчезновения к X в. осуществили переводы буддийских религиозных текстов на тохарские языки – «тохарский А» («восточнотохарский», или турфанский) и «тохарский В» («западнотохарский», или кушанский).

Самые ранние найденные письменные документы свидетельствуют, что границы распространения носителей индоевропейских языков не всегда проходили там, где мы их установили, отнеся к железному веку или позднему. Перемещаясь вновь с запада на восток мы находим испанские тексты, написанные на еще более древних неиндоевропейских языках, названных тартесским и иберийским, хотя и современные баски, возможно, занимали свои территории в Северной Иберии и Южной Франции еще до прибытия индоевропейцев. В Центральной Ита-

лии обнаруживаются остатки этрусского языка, который большинством ученых, хотя и не всеми, считается неиндоевропейским языком. Наличие следов других предположительно неиндоевропейских языков приписывалось также иным частям Италии. Самые ранние документы хеттов свидетельствуют, что они основали свое государство на территории народа, язык которого – хаттский (протохеттский) не являлся индоевропейским; этот язык заменил индоевропейский хеттский язык. Лувийский и армянский языки были вытеснены на территории Восточной Анатолии, которые в противном случае были бы заняты народами, говорившими на хурритско-урартском языке, в то время как ответвление индоарийского языка, по-видимому, в течение короткого периода времени применялся в государстве Митанни (на севере Сирии), языком которого был хурритский. Распространение иранского языка на юг достигло территории древнего государства Элам, которое также оставило собственные неиндоевропейские документы. Наконец, распространение индоарийских языков в Индии происходило, очевидно, за счет вытеснения дравидийских языков, которые по-прежнему преобладают на южной части этого субконтинента. Такие данные свидетельствуют о том, что распространение индоевропейских языков в железном веке было результатом более раннего распространения языков, начавшегося где-то за пределами этой южной границы (Mallory, 1989). Вопрос о том, когда и откуда происходило древнее языковое распространение, сводится к вопросу о поиске прародины индоевропейцев и индоевропейских языков.

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ ПРАРОДИНЫ

Более 150 лет ученые заняты поиском прародины индоевропейцев и следов их переселения через Евразию к историческим местонахождениям (Mallory, 1973). Стоило ученым прийти к достаточно согласованной точке зрения, как возникли новые диаметрально противоположные теории, бросающие вызов прежним, хотя редко перечеркивавшие предыдущие «решения» проблемы. Прародину индоевропейцев находили повсюду на территории между Атлантическим и Тихим океанами и даже на Северном и Южном полюсах! Во временном отношении протоиндоевропейцев относят к периоду примерно между эпохой неандертальцев (около 80 тыс. лет назад) и примерно 1600 гг. до н.э. В настоящее время большинство ученых спорит о том, находится ли их прародина на территории региона Анатолии – Армении или в одном из множества предполагаемых европейских регионов. Как ни парадоксально, наших знаний об индоевропейцах, по-видимому, достаточно лишь для отрицания любого простого решения этой проблемы.

Рассматривая проблему прародины, следует подчеркнуть значение нескольких основных факторов. Во-первых, поскольку не существует никаких прямых свидетельств о языке протоиндоевропейцев, всякие споры о времени и месте должны в определенной степени иметь форму предположения. Во-вторых, проблема прародины – это, по существу, доисторический лингвистический вопрос, и, хотя археологические данные должны играть важную роль, они бессильны помочь нам, до тех пор пока сами лингвистические свидетельства не будут переведены в форму, которую археолог мог видеть при раскопках. В-третьих, хотя для языка, реконструированного с помощью лингвистических методов, требуется наличие его носителей – реальных протоиндоевропейцев, это не обязательно означает, что все элементы проведенной реконструкции должны быть приурочены к определенному месту и времени. Лингвисты, реконструирующие романские языки, могут, например, устанавливать формы, которые в действительности

существовали обособленно несколько сотен лет, но данная проблема значительно усложняется при реконструкции языка протоиндоевропейцев. Этот протоязык целесообразнее представлять как искусственный срез континуума вне времени и пространства, и нельзя точно определить ни одну из этих границ. В-четвертых, и свидетельства наблюдаемого лингвистического поведения, и самые древние лингвистические документы Евразии показывают, что протоиндоевропейцы населяли более ограниченную территорию, чем та, которая была занята около 500 г. н.э. Язык всегда находится в состоянии изменения, и чем больше его территория, тем меньше вероятность того, что язык разнится сообществом будет претерпевать одинаковые изменения фонетики, грамматики и словаря. Следует учитывать, что по крайней мере со времени появления оседлых поселений Евразия была занята носителями многих языков, принадлежащих разным языковым семьям и что даже в отношении носителей общего родового языка следует ожидать, что через какое-то время после их разделения языки начинают изменяться. Поиск протоиндоевропейцев является поиском местоположения языка непосредственно перед их разделением.

КОГДА ГОВОРИЛИ НА ПРОТОИНДООЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ?

Самые древние исторические записи на индоевропейских языках, будь то глиняные таблички в Анатолии и Греции или считающиеся более ранними устные тексты, такие, как затем записанные в «Ригведе» в Индии или в «Авесте» в Иране, относятся к периоду бронзового века, и ни один из них не датируется ранее 1900 г. до н.э. Мы уже имеем явно анатолийские названия в документах на аккадском языке, относящихся к 1900 г. до н.э., а различия между греческим языком конца бронзового века и самыми ранними документами, написанными на индоиранских языках, могут показаться достаточно большими уже с 1300 г. до н.э.; это означает, что они, по-видимому, уже заметно разошлись к 2000 г. до н.э. (Zimmer, 1988). Следовательно, появление языка протоиндоевропейцев должно быть ограничено периодом до 2000 г. до н.э. С другой стороны, мы должны помнить, что нет никаких доказательств, касающихся состояния языков остальной части мира, в которой говорили в это время на индоевропейских языках. Например, о большей части территории европейской зоны умеренного климата нет письменных документов до намного более позднего времени после того, как прошел процесс дифференциации; невозможно также узнать, подверглись ли индоевропейские языки, на которых, возможно, там говорили, таким же звуковым или грамматическим изменениям, по которым мы различаем итальянские, кельтские, германские, балтийские и славянские языки. Мы видим, например, что различные индоевропейские группы, такие, как итальянская и кельтская, или германская, балтийская и славянская, часто имеют общие слова или грамматические особенности, но не с любым языком другой индоевропейской группы. Чрезвычайно неопределенная «позднеиндоевропейская» стадия языка, как считается, усвоила некоторые общие лингвистические особенности, которые не могут быть отнесены к свойствам протоиндоевропейского языка, потому что они ограничиваются несколькими географически смежными языками, которые в остальном, однако, неотличимы от реконструкций протоиндоевропейского языка. Поэтому мы должны сознать, что «историческое событие» разделения индоевропейских языков не обязательно совпадает с упадком реконструированного протоязыка, который является абстракцией, не связанной ни с какими точными датами.

У нас не хватает прямых свидетельств о возрасте протоиндоевропейского языка, но существуют другие – кос-

венные, хотя и менее убедительные подходы к проблеме. Один из них состоит в лексико-культурной реконструкции или лингвистической палеонтологии, посредством которых культурное содержание восстановленного языка может указывать на завершающий период его существования. Поскольку существуют процедурные проблемы таких реконструкций, например выделение заимствованных слов из унаследованных слов языка, лингвисты все же способны обозначить общую схему протоиндоевропейской культуры.

Реконструированный протоиндоевропейский словарь показывает, что носители протоязыка имели оседлую смешанную земледельческую систему хозяйствования. Можно реконструировать слова, обозначающие крупный рогатый скот, овцу, козу, свинью и, конечно, собаку. Сельское хозяйство характеризуется отдельным словарем для обозначения зерна, плуга, ярма и серпа. Число архитектурных терминов ограничено, но они указывают на наличие постоянного жилища, включая слова для «дома», «двери», «дверного косяка», «столба» и «плетня», к которым мог добавляться термин, обозначающий некоторый тип укрепленного поселения. Что касается технологии, то присутствовали термины, обозначающие гончарные изделия и некий основной металл, возможно, медь или бронзу. Все эти слова свидетельствуют о том, что мы имеем дело по крайней мере с неолитическим обществом, которое должно датироваться периодом не раньше VII тысячелетия до н.э. независимо от того, в каком месте Евразии оно находилось.

Пока можно поместить протоиндоевропейский язык где-то между 7000 и 2000 гг. до н.э., и любая дальнейшая попытка уточнить эту дату означает риск пожертвовать надежностью вывода ради его точности. Представление о «революции вторичной продукции» в Европе, например, предполагает, что плуг, колесные повозки, молочные продукты и шерсть не выходили за пределы Западной или Центральной Азии до конца неолита, т.е. до 4000 г. до н.э. или позднее (Sberatt, 1983). Но свидетельства всех этих времен обычно не выдерживают проверки временем или являются косвенными, и следовательно, датировка их первого появления в археологических материалах не очень точна. Тем не менее многие из этих хозяйственных факторов сначала относили к 4000–2500 гг. до н.э. на большей части территории Евразии. Кроме того, плоды таких поисков могут быть приписаны протоиндоевропейскому словарю. Существовали слова, обозначающие шерсть, колесо, некоторые другие части повозки и плуг. Слово «серебро», возможно, также входило в протоиндоевропейский словарь, и оно начинает появляться в Евразии в IV тысячелетии до н.э. Следствием является то, что лексические единицы, приписанные протоиндоевропейскому языку, должны были содержать, по-видимому, термины, которые кажутся менее сочетающимися с тем, что мы знаем о раннем неолите, чем о более позднем периоде; поэтому на основании археологических данных утвердилось мнение о том, что первоначальное распространение индоевропейского языка и проявление разнообразия его групп, вероятно, осуществились не ранее периода, ограниченного V и III тысячелетиями до н.э.

Одни лишь лингвистические данные не являются методом точного датирования протоиндоевропейского языка. Технически возможно лишь датирование конечного существования какого-либо материнского языка и появления его дочерних языков. Лингвисты, исследующие индоевропейские языки и спорящие о степени их дивергенции, видимой между самыми древними исторически подтвержденными языками, предположили, что их разделение заняло порядка 2 тыс. лет (см., например, Cowgill & Mayrhofer, 1986). Это в общем относит протоязык ко времени между V и II тысячелетием до н.э., когда, как уверенно полагают, появились отдельные индоевропейские языки.

Глоттохронологию, область сравнительно-исторического языкознания, занимающуюся, в частности, определением дивергенции между родственными языками на основе ураты «основного» словаря, многие ученые считают теоретически сомнительной и, по крайней мере в случае индоевропейских языков, почти не дающей возможности провести соответствующие процедуры с необходимой точностью. Получаемые с ее помощью даты также находятся в пределах между V и III тысячелетиями (Tischler, 1973; Ebbert, 1988), хотя многие могли бы возразить, что применение такой сомнительной методики не может служить дополнительным подтверждением этих дат.

Общее мнение о датировании протоиндоевропейского языка состоит в том, что на нем говорили в некоторый период времени примерно до 2000 г. до н.э., и есть некоторые свидетельства того, что этот протоязык начал распространяться и разделяться не ранее 5000 г. до н.э. Но необходимо подчеркнуть, что многие лингвисты и археологи убеждены, что этот процесс начался с первоначальным распространением сельского хозяйства из Юго-Западной Азии около 7000 г. до н.э.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ПРАРОДИНЫ

Хотя индоевропейская семья языков и протоиндоевропейский язык являются лингвистическими понятиями, одна лингвистика, по-видимому, неспособна определить расположение прародины, и многие языковеды, действительно, считают такой подход бесплодным, находящимся вне компетенции их науки. Существует, однако, ряд процедур, которые лингвисты используют для определения местоположения протоиндоевропейского языка и которые широко применяются в исследованиях других языковых семейств.

Как и в случае с отдельными языками, семейства языков могут также иметь внешние связи с другими языковыми семействами. Вообще говоря, связи могут быть двух типов: контакты между двумя семействами и генетические отношения, при которых два или более языковых семейств, как полагают, происходят от общего предка. Некоторые возражают, что если удастся показать связь протоиндоевропейского языка с другими языковыми семействами, то это должно помочь в определении его географического положения. Предполагалось наличие лингвистических связей между протоиндоевропейским языком, с одной стороны, и семитскими языками Западной Азии, картвельской языковой группой Южного Кавказа, языками Северного Кавказа, крупным уральским объединением языков североазиатской лесной зоны и другими, даже более удаленными группами алтайских (тюркских и монгольских) языков Азии и дравидийских языков Южной Индии – с другой. На основе таких предполагаемых связей протоиндоевропейские языки располагают вблизи от мест бытования одного или нескольких других языковых семейств. Например, на основе связи с уральскими и северокавказскими языками предполагают, что протоиндоевропейские языки применялись к северу от Черного и Каспийского морей, в то время как контакты с картвельской и семитской группами служат основой для предположения о расположении их прародины на юго-западе Азии, обычно в Анатолии. Их некоторые предполагают, что все эти языки произошли от одного, возможно, палеолитического языка, называемого иногда ностратическим (от латинского *noster* – наш. – Прим. ред.), а затем, согласно недавнему предположению К. Ренфрю, распространились из Юго-Западной Азии вместе с распространением сельского хозяйства (Renfrew, 1991).

Проблемы использования внешних контактов для определения местоположения предков индоевропейцев яв-

ляются достаточно серьезными. Во-первых, сравнения, свидетельствующие в пользу представлений о внешних лингвистических связях между семействами языков, отличаются по своему качеству от представлений о протоязыке отдельного семейства, и обычно трудно найти какое-либо положение, которое не опровергалось бы другим лингвистом. Например, ученые выступают как за (Gamkrelidze, Иванов, 1984), так и против (Diakonoff, 1985; Harris, 1990) наличия связей протоиндоевропейского языка с семитским и картвельским семействами. Когда мнения немногочисленных лингвистов, занятых анализом связей между семействами языков, так расходятся даже после столетия исследований и обсуждений, то другим специалистам трудно составить определенное мнение в отношении предложенных объяснений. Во-вторых, позиционирование прародины относительно другого языкового семейства предполагает, что его носители имеют надежную привязку в виде документов доисторического периода. В-третьих, не столь очевидно, что природа отношений между семействами языков может быть правильно идентифицирована и датирована так, чтобы можно было определить различие между глубокими генетическими отношениями среди различных языковых семейств и более поздними контактами. В-четвертых, любое гипотетическое сходство основано, по существу, на предположении о том, что объектами сравнения являются смежные языки, а не другие неопределенные языки. Складывается впечатление, что проблема предполагаемого соответствия между протоиндоевропейским и другими семействами языков столь же спорна, как и проблема его прародины, и, возможно, обе они не имеют решения.

Другой подход состоит в предположении о том, что связи внутри семейства индоевропейских языков могут дать ключ к выявлению исходного местоположения источника языка. На это часто возражают, что именно в месте наибольшего различия между индоевропейскими языками можно найти центр их первоначального распространения. Этот принцип «центра тяжести» предполагает, что там, где отдельная лингвистическая группа оказывается широко рассеянной, мы можем считать, что ее распространение произошло сравнительно недавно, в то время как значительное лингвистическое расхождение родственных языков свидетельствует о большей длительности и степени такой дивергенции. Следовательно, весьма широкое распределение индоиранских языков на территории Азии следует интерпретировать как свидетельство относительно недавнего их распространения, и, по-видимому, то же можно сказать о распространении кельтских языков в железном веке в Западной и Центральной Европе. Гораздо большее лингвистическое разнообразие обнаруживается при приближении к территориям, расположенным приблизительно между 20 и 40 град. восточной долготы (рис. 25).

Следуя этому принципу, легче объяснить древнейшее исторически документированное распространение индоевропейских языков от центра, который лежал где-то между линией от современной Польши до Албании на западе и от Днестра до Центральной или Восточной Турции на востоке. Эти границы не слишком точны, так как многое зависит от того, к какому периоду относятся оценки количества разных языков. Если данный пример отнести к периоду около 1000 г. до н.э., то центр тяжести сместится к востоку, так как греческий будет единственным представителем европейских языков, поскольку мы совершенно не осведомлены о расположении языков в остальной части Европы. Кроме того, этот подход, очевидно, предполагает, что языки удаляются друг от друга исключительно из-за увеличения расстояния или со временем, и игнорирует другие факторы, как, например, контакты с носителями иных языков, которые также могли влиять на расширение языкового разнообразия. Тем не менее территория, обо-

значенная исходя из принципа центра тяжести, в значительной степени включает все основные современные теории происхождения индоевропейских языков, и кажется маловероятным предположение о том, что их прародина находилась далеко от европейской или азиатской зон распространения этого языкового семейства.

Если внутреннее распределение индоевропейских языков не позволяет нам выбрать одну из модных сегодня, но противоречивых теорий, оно все же имеет очень важное значение, связанное с их местоположением и распространением. Любое решение проблемы прародины должно объяснять диалектальные отношения между различными индоевропейскими подгруппами. Например, мы знаем, что сходство между индоарийской и иранской подгруппами настолько велико, что можно реконструировать протоиндоиранскую стадию, находящуюся между протоиндоевропейским семейством и этими двумя подгруппами. Любое решение проблемы прародины, которое помещает непосредственных предков индоарийских языков далеко от предков иранских языков, будет лингвистически маловероятным. Германская, балтийская и славянская языковые группы имеют некоторые общие грамматические особенности и лексические элементы, которые находят не везде; однако в этом случае такие элементы общности можно объяснить тем, что предки этих языков были географически смежными с конца индоевропейского периода. Точно так же кельтская и италийская группы имеют множество общих особенностей, но они тоже могли являться главными представителями, вероятно, географически смежных западноевропейских языков. Диалектальные связи приобретают большее значение, если они обнаруживаются не между географическими соседями. Например, существуют, по-видимому, более тесные связи

между греческим и армянским языкам (от которых отделились анатолийский и фригийский языки), а также между этими двумя подгруппами и индоиранской подгруппой, чем между указанными подгруппами и любым другим индоевропейским языком (рис. 25), и любое решение проблемы прародины должно так или иначе объяснять эти связи.

Двумя наиболее противоречивыми звеньями в подобных исследованиях являются тохарская и анатолийская подгруппы. Тохарские языки представляются гораздо теснее связанными со своими западными родственниками (Adams, 1984), чем их индоиранские соседи, и поэтому их расположение на восточной окраине индоевропейских языков очень трудно объяснить. Существует два возможных и одновременно противоположных решения. Первое предполагает, что сходство между тохарскими и европейскими языками лучше объясняется миграцией на далекие расстояния из Восточной Европы или Анатолии в направлении Китая. Согласно второму, сходство между тохарскими и европейскими языками основывается не на общих новшествах, а скорее на сохранении архаичных особенностей индоевропейского языка (рис. 25), которые были заменены «центральными» или «южными», т.е. греко-армяно-индоиранскими диалектами (Crossland, 1971). Поэтому тохарские языки, вероятно, всегда находились на периферии индоевропейской территории. В любом случае решение проблемы прародины должно объяснить, как тохарские языки достигли своих исторических мест, имея так мало общего с их индоиранскими соседями.

Существуют проблемы в выявлении отношений анатолийской подгруппы с другими индоевропейскими группами. Она является не только самой ранней из известных ин-

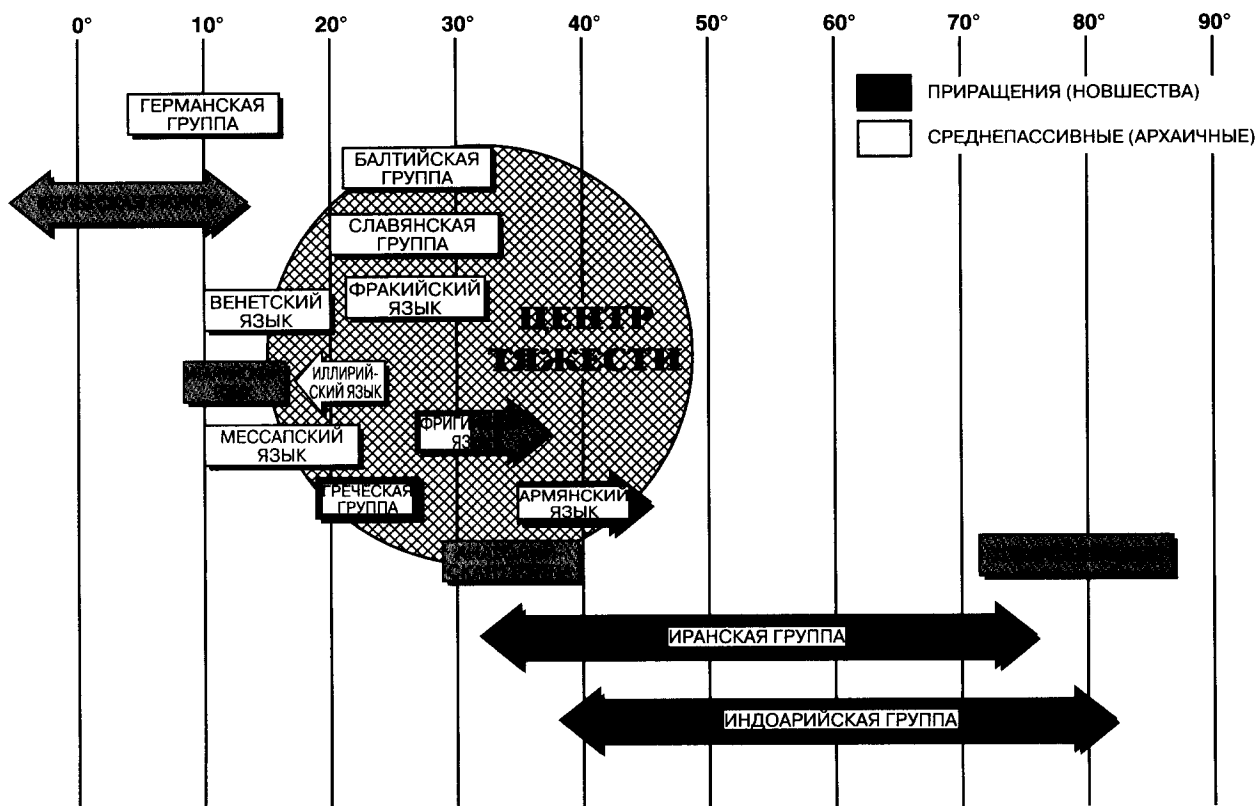

Рис. 25. «Центр тяжести» индоевропейских языков. Языковая общность, например близость греческого, армянского, иранского и индоарийского языков друг к другу и языков с «новшествами», а также сохранение старых среднепассивных окончаний в кельтском, италийском, анатолийском и тохарском языках свидетельствуют о том, что они устояли перед более поздними новшествами. Следует учитывать и то, что фригийский язык, видимо, воспринял одно из новшеств, будучи в общем консервативным (по Mallory)

доевропейских групп, но еще и крайне архаична по структуре, в ней отсутствуют некоторые особенности, обнаруженные во всех других индоевропейских языках. Архаичные особенности анатолийского языка объясняют двумя опять-таки совершенно противоположными способами. В первом случае предполагается очень раннее отделение протоанатолийской подгруппы от других индоевропейских групп; при этом считается, что она была не столько потомком протоиндоевропейского языка, сколько его «сестрой», и оба они происходили от протоиндохеттского языка. Во втором случае предполагается, что различия между анатолийским и другими индоевропейскими языками наилучшим образом объясняются внешними влияниями, т.е. тем, что индоевропейский язык, проникший в Центральную Анатолию, подвергся очень сильному влиянию со стороны местных языков и потерял множество своих индоевропейских особенностей вследствие «упрощения». Оба объяснения требуют отделения анатолийского языка от индоевропейского континуума до 2000 г. до н.э.

Мнение о том, что контакты между индоевропейцами и неиндоевропейцами могли ускорить формирование языкового разнообразия, высказывалось не только в отношении анатолийских, но и других индоевропейских языков для определения более ранних границ протоязыка. При этом предполагается, что центр, из которого происходило распространение индоевропейских языков, должен располагаться там, где обнаруживается наименьшее отклонение от реконструированного протоязыка, поскольку это должно показывать, какая индоевропейская группа изменилась меньше, т.е. подверглась наименьшему влиянию иноземных языков. Наоборот, чем больше отклонение языка от реконструированного протоязыка, тем больше вероятность, что общество его носителей удалилось от места своего возникновения и заимствовало неиндоевропейские элементы. Как и все другие лингвистические принципы, этот также имеет теоретические и методологические недостатки. В теории он связывает изменение языка с влиянием коренных языков, которое чрезвычайно трудно реконструировать. Например, на староанглийском языке говорило население, которое смешалось с более древними носителями кельтских языков – племенами бриттов, и все же влияние древнего языка бриттов на английский представляется незначительным. Определить степень изменений также весьма затруднительно, так как никто никогда объективно не оценивал каждый индоевропейский язык в сравнении с реконструированным протоязыком и не определял, какие его особенности наиболее важны. Нет сомнений в том, что такие языки, как литовский, остаются очень консервативными, сохраняя многие более ранние индоевропейские черты, однако это вряд ли означает, что индоевропейской прародиной был балтийский регион. Действительно, недавнее исследование всей области влияния коренных языков на индоевропейские языки (см., например, *Polomé*, 1986; *Markey*, 1989; *Huld*, 1990; *Hamp*, 1990) показывает, что не существует индоевропейских языков, в которых не проявлялись бы свойства других (неиндоевропейских) языков.

Концепция индоевропейского языка является по существу лингвистической, однако очевидно, что применения только лингвистических подходов недостаточно для определения местоположения доисторических протоиндоевропейских языков. Это не означает отрицания множества проверенных методов, рассмотренных выше, а только то, что ни один из аргументов не дает возможности выбрать тот или иной вариант расположения языковой прародины. Для решения этой проблемы необходимо перевести лингвистическую концепцию в область явлений, которые могут быть проверены археологическими методами.

КУЛЬТУРА ПРОТОИНДООЕВРОПЕЙЦЕВ

Любая попытка преобразовать представления о народах – носителях протоиндоевропейского языка в археологические понятия должна соотноситься, насколько возможно, с лингвистическими данными. Только таким образом можно избежать сложных и ненадежных допущений относительно культуры или физического типа протоиндоевропейцев, а также формирования археологического решения, игнорирующего лингвистические подходы к проблеме. Лексико-культурный анализ, методика, которая предоставляет широкий диапазон дат, связанных с протоиндоевропейским языком, является, очевидно, одной из процедур соотнесения лингвистической информации с археологическими данными. Такой подход, возможно, не даст полной картины доисторической культуры, но может идентифицировать некоторые категории материальной культуры, окружающей среды или социального поведения, с помощью которых археолог может попытаться отличить одну доисторическую культуру от другой.

Климат, в котором жили протоиндоевропейцы, не сильно отличался от современного, им, очевидно, были знакомы как снег, так и жара. Окружающая их среда включала реки, леса с разными деревьями (*Friedrich*, 1970), среди которых были по крайней мере береза, дуб, ива, ясень и, возможно, тис и сосна. Наличию бука (соответствующее слово есть только в европейских языках и даже в них – с сомнительным начальным пониманием) придавалось большое значение, так как обычный бук не произрастал к востоку от линии, соединяющей Балтику с нынешней Одессой. Это, как предполагалось, являлось доводом в пользу расположения прародины в Центральной или Северной Европе, однако известно, что другие виды бука растут вдоль побережья Черного моря и на Кавказе, хотя происхождение этого слова может быть более поздним по сравнению с протоиндоевропейским периодом.

Перечень диких животных, обычно относимый к протоиндоевропейскому языку, включал таких животных, как выдра и бобр, а также волка, лисицу, медведя, рысь, лося, благородного оленя, зайца, ежа, мышь и, возможно, козулю. Наиболее важный реконструированный ихтиологический термин – «семга» (*Salmo salar*), что, следовательно, вновь указывает на Северную Европу как на языковую прародину (*Thieme*, 1954). Однако слово это могло означать и форель – вполне обычный вид для всей Евразии (*Diebold*, 1976).

В перечень слов, обозначающих домашних животных, входил крупный рогатый скот. Согласно хорошо выполненной реконструкции, этот перечень содержал несколько разных корней, таких как корова, вол и бык, а в индийской и греческой языковых группах используется тот же термин для обозначения жертвоприношения крупного рогатого скота. Подтверждено наличие понятий «овцы», «ягнята» и «коза», а также множества родственных слов, которые вместе со словами, обозначающими свинью и собаку, вероятно, должны быть включены в указанный перечень. «Лошадь» (англ. *horse*) является ясно реконструируемым термином, который встречается в разных лингвистических группах и языках (например, в староирландском – *ech*), латинском – *equus* (*equus*), греческом микенского периода – *u-ko* (*i-go*), иероглифическом лувийском – *asuwa* (*asuwa*), стариндийском – *asva-* (*asva-*) и «тохарском В» – *yakwe* (*yakwe*)). Это, вероятно, наиболее «диагностируемый» вид, так как распространение и дикой, и домашней лошади в неолите и начале бронзового века ограничивалось Евразией. Лошадь не была известна к югу от Кавказа до примерно 4000 г. до н.э. и незадолго до 2500 г. до н.э. в Иране или Индии, что чрезвычайно затрудняет отнесение прародины индоевропейцев на юго-восточную периферию. То же можно сказать и об Анатолии

в период до второй половины IV тысячелетия до н.э.; лошадь была неизвестна и в Греции приблизительно до 2000 г. до н.э. Свидетельства присутствия лошади обнаруживаются дальше к северу Юго-Восточной Европы, но они обычно связываются с распространением одомашненных лошадей на территории современной Украины.

Существует традиционный взгляд, согласно которому протоиндоевропейцы использовали лошадей. Он в значительной степени базируется на допущении о том, что им была знакома одомашненная лошадь. Этот термин обычно воспринимается именно в таком смысле, и хотя трудно доказать, что протоиндоевропейское слово эквос (*ekwas*) означало «одомашненная лошадь», существует дополнительное свидетельство в пользу такого мнения. Ко времени, к которому относятся самые ранние исторические документы, все слова, родственные слову «лошадь», естественно, относились к одомашненным лошадям. Имеется соответствие между литовским и староииндийским словосочетанием «хвост лошади». Кроме того, в латинском языке слово «домитор» (*domitor*) и в родственном ему санскритском слово «дамитар» (*damitār-*) означают человека, который «приучает (обучает) лошадей», а устная форма означает «обучение лошади» в староирландском и других языках. Дополнительное лингвистическое подтверждение можно получить из церемонии инаугурации, известной в древних Индии, Риме и Ирландии, которая включает соединение правителя с лошадью; кроме того, элемент «лошадь» часто присутствует в личных именах индоевропейцев. Следовательно, перед отмеченной лингвистической дивергенцией те, кто населял индоевропейский континент, были очень хорошо знакомы с домашней лошадью. Примерно около 4000 г. до н.э. центр одомашнивания лошади должен был располагаться в степи и лесостепи между Днепром и Уралом.

Экономика также включала сельское хозяйство, хотя трудно идентифицировать виды зерновых культур точнее общего названия «зерно». В европейских языках существовали названия, означавшие «ячмень» и «овес», но родственные им понятия отсутствуют в азиатских языках. Имелись также названия сельскохозяйственных орудий, связанных со сбором урожая и обработкой растений, – серпа, зернотерки и, возможно, наиболее легко определяемого – плуга, который, как принято считать, отражает сельскохозяйственные методы, несколько более прогрессивные по сравнению с поздним неолитом.

Набор слов, относящихся к поселениям и архитектуре, к сожалению, не особенно четко выявляется. У предков индоевропейцев явно были дома, поскольку существуют, например, латинский «домус» (*domus*), русский «дом», армянский «тун» (*tun*), староииндийский «дама» (*dāma-*), которые были организованы в большие поселения или деревни. Несколько названий указывают на наличие представления о замкнутом пространстве: старонорвежское «гардр» (*gardr*) – забор, русское «город», хеттское «гуртас» (*gurtas*) – цитадель, староииндийское «грхи» (*grhī-*) – дом, «тохарское В» «керсийи» (*kerçiyi*) – дворец, а также, вероятно, об укрепленных местах проживания, корни которых к тому же указывают на возвышенное место, такие как литовское «пилис» (*pilis*) – форт, греческое «полис» – город, староииндийское «пур» (*pūr*) – форт, фракийское «бриа» (*brīa*) – форт и «тохарское В» «райи» (*rīye*) – город.

Свидетельства о наличии ремесел ограничены, они относятся к гончарным работам и работам по дереву, а также к некоторым индивидуальным инструментам, например, шилу и точильному камню, или украшениям вроде бус: например, албанское «варг» (*varg*) – нитка бус, «тохарское В» «варки» (*warke*) – бусы. Естественно, есть свидетельства о различных предметах одежды: латинское слово «вестис» (*vestis*) и «тохарское В» «вастси» (*wastsi*); деталях одежды – литовское слово «юосмуо» (*juosmuo*) и авестийское «ях» (*yah*) – ремень. Металлы не имеют точных обозначений,

но соответствия, такие, как латинское «эс» (*aes*) – бронза, готское «аиз» (*aiz*) – руда и староииндийское «аяс» (*āyas-*) – металл, железо, предполагают знакомство по крайней мере с одним металлом, возможно медью, хотя имеются надежные свидетельства знакомства и с золотом (латинское «аурум» (*aurum*), «тохарское В» «вас» (*wās*) и серебром. Так как медь и в меньшей степени золото известны нам по стоянкам на большей части территории Евразии начиная с неолита, то складывается впечатление, что знание серебра было ограничено примерно до 3500 г. до н.э. регионами Кавказа, Черного моря и Юго-Восточной Европы, включая эгейский регион (*Mallory & Huld*, 1984).

Существовало множество технологических терминов, которые могли относиться и к хозяйственной, и к военной деятельности. Они включают слова для обозначения таких предметов, как «нож», «копье» (староириландское «гае» (*gae*) – копье и староииндийское «хесас» (*bēsas-*) – метательный снаряд), «лук» (греческое «биос» (*biōs*) – тетива и староииндийское «джайя» (*jiyā*) – веревка для лука, тетива), «стрела» (греческое «иос» (*iōs*) и староииндийское «ису» (*īsu-*) и «топор» («тексо» (*tekso-*). Одно слово, вероятно, связано с войной – «(х)нси» (*(b)nsi-*) – «меч», что подтверждается таким же значением латинского слова «энсис» (*ensis*) и санскритского «аси» (*asi-*). Это слово создаст некоторые трудности при интерпретации, так как мечи не были известны в период неолита, данный тип оружия вообще относят к позднему бронзовому веку. Непросто найти соответствие для протоиндоевропейского слова «меч» до дивергенции протоиндоевропейского языка, но недавняя находка медного меча в могиле вблизи поселка Новосвободная на Северном Кавказе, датируемого концом IV тысячелетия до н.э., является свидетельством в пользу такой исключительной возможности. Более вероятной, однако, является эволюция первоначального значения слова «нож», отмечаемая в некоторых индоевропейских языках; например, староанглийское слово «сиакс» (*seax*) означает «нож» и «меч», и в данном случае это подтверждается родственным словом «аси» (*asi-*) на языке пали, которое тоже означает «нож».

Транспортные средства протоиндоевропейцев включали как лодки (староириландское «нау» (*nāu*), латинское «навис» (*navis*), старонорвежское «нор» (*nor*), староииндийское «нау» (*nau-*) и т.д.), так и колесные повозки (слова, обозначающие колесо, оглоблю и езду на телеге) и пару запряженных волов. Предполагается, что эти слова относятся скорее к тяжелым колесным повозкам или телегам, запряженным волами, чем к более легким колесницам, запряженным лошадьми. Свидетельства о наличии колесных транспортных средств встречаются начиная с IV тысячелетия до н.э. на территории от Центральной Европы до степей и далее до Месопотамии.

В индоевропейской терминологии слова, обозначающие отношения родства и брака, указывают на общество с доминированием мужчин, в котором мужья приобретали женщин себе в дом с помощью некоторой формы обмена подарками. Лексика заметно подчеркивает роль мужчин, и хотя часто используется термин «патриархальный», он мало значит при отсутствии доказательств существования явно матриархальных обществ. Есть некоторые данные о вождях сообществ, хотя трудно точно определить их общественную роль. Совпадение значений слов, обозначающих «поселение» и «клан», показывает, что протоиндоевропейское слово «уик» (*wik-*) относится к такому сравнительно большому родовому образованию, как клан. Часто упоминаемое соответствие между староирландским «ри» (*rī*), латинским «рекс» (*rex*) и староииндийским «радж» (*raj-*), означающими «властитель», оспаривается на том основании, что упомянутое индийское слово не может соответствовать западноевропейским словам, связанным с понятием «королевство» (*Scharfe*, 1985). Существует также несколько терминов, связанных, очевидно, с военны-

ми институтами: например, протоиндоевропейское слово «кор» (*gor-*), видимо, лежит в основе среднеирландского «куир» (*cuire*) – отряд, толпа, старонорвежского «херр» (*herr*) – армия, литовского «карас» (*kāras*) – война, армия, греческого «коиранос» (*koiranos*) – командир и староперсидского «кара» (*kara-*) – армия, люди.

Поддаются реконструкции также термины, связанные с божествами и общей сферой верований; они включают бога неба – индийского Диаупитара (*Dyaupitār*), греческого Зевса-«патера» (*Zēus patēr*) и латинского Юпитера (*Jupiter*), духов – старонорвежского «асс» (*ass*) – бог, староиндийского «асу» (*āsu*) – могучий дух; старонорвежского «драугр» (*draugr*) и староиндийского «дру» (*dru-*) – призрак, а также общие представления о благоговении, почтении, священном и социально-религиозные понятия, касающиеся закона, порядка, обязательства и т.д. Действовавшие религиозные обряды могут быть поставлены в соответствие с латинским «дапс» (*daps*) – жертвенная пища, староанглийским «тайбер» (*tiber*) – жертва, армянским «таун» (*taun*) – банкет и «тохарским А» «тап» (*tap-*) – пища. Имеются также свидетельства ритуалов употребления напитков, таких, как греческий «хеума» (*kbeuma*) и староиндийский «хоман» (*hōman*) – возлияние.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Применение методов археологии при исследовании проблемы языковой прародины и процесса распространения различных индоевропейских языковых групп сильно ограничено тем, что результаты применения этих методов являются скорее вероятными, чем вполне определенными, поскольку археология без помощи текстовых документов и только на основании остатков материальной культуры, хозяйственной деятельности или социального поведения в принципе не может выявить, на каком языке говорили люди. Кроме того, поскольку представляют интерес данные о миграциях, процесс распространения языков не должен приводить к явным несоответствиям археологическим находкам.

Первоначально считалось, что различные «ветви» индоевропейских народов сформировались на их прародине, при этом, например, кельты отправились на запад, а индоиранцы – на юг и восток. Современная модель индоевропейских экспансий исходит из того, что лингвистический континуум увеличивался в размерах до тех пор, пока процессы дивергенции не стали разделять его на все более удаленные группы. Эта экспансия требовала не только миграций на большие расстояния, но и незначительных перемещений населения и менее тесных контактов, при которых периферия постепенно абсорбировала неиндоевропейских соседей. Следствием этого эффекта бильярдного шара должно было быть отсутствие каких-либо признаков, отмечающих направление переселения индоевропейцев с их прародины к местам последующего проживания. Каждая постепенно ассимилировавшаяся подгруппа могла сохранить достаточную часть собственной культуры, поэтому языковые изменения могут быть без особых трудностей выявлены среди археологических данных.

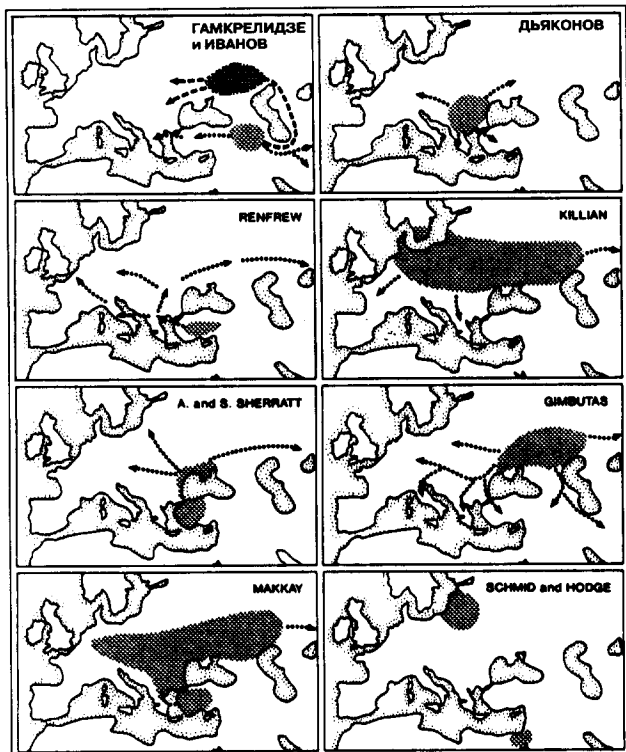
Представляется целесообразным кратко рассмотреть процесс изменения языка начиная с его основ. Индоевропейские языки распространялись на новых территориях социальными группами, отношения которых с окружающим населением могли быть очень разными. В некоторых случаях распространение языка, вероятно, происходило в регионах с такой низкой плотностью населения, что индоевропейцы стали быстро составлять большинство. Такой процесс мог происходить, например, при расселении степных скотоводов в азиатском степном регионе, где их система хозяйствования могла прокормить гораздо более

многочисленное население, чем коренное население охотников-рыболовов-собираателей того времени. Согласно другому предположению, выдвинутому К. Ренфрю (*Renfrew*, 1987), индоевропейские языки распространялись первыми земледельцами в Европе, которые постепенно ассимилировали любые мезолитические народы благодаря более продуктивной системе хозяйствования и более высокой рождаемости.

Второй путь распространения языка включал перемещение индоевропейских меньшинств в занятые другими народами территории. Если это приводило к распространению нового языка, что иногда называется «господством элиты», то меньшинство силой или путем экономического давления подчиняло коренное население, которое затем принимало язык пришельцев. Если бы эта модель полностью соответствовала археологическим находкам, то следовало бы ожидать обнаружения свидетельств об особом положении индоевропейцев, например, элитных захоронений или иерархических поселений. К сожалению, экспансия языка меньшинства не обязательно должна быть тесно связана с простыми археологическими моделями. Наиболее вероятным представляется, что лингвистической ассимиляции неизменно предшествует двуязычие общества – период, в течение которого коренное население говорит и на собственном языке, и на языке пришельцев. Постепенная ассимиляция коренного населения происходит по мере того, как оно во все большем объеме начинает использовать новый язык в ситуациях, когда есть выбор, на каком языке говорить. Можно ожидать, что с течением времени язык пришельцев распространялся в различных сообществах. Например, индоевропейский язык мог первоначально использоваться при обмене или торговле, которые индоевропейцы контролировали, как и выбор языка межнационального общения. Он мог также служить языком военных сообществ, которые, согласно некоторым данным, являлись индоевропейским нововведением. Кроме того, престижные религиозные церемонии, по-видимому, выполнялись на индоевропейском языке. В конечном итоге число ситуаций, в которых использовался местный родной язык, сокращалось, и он оставался лишь домашним языком, на котором говорило только старшее поколение, а затем и вообще выходил из употребления. Поскольку этот процесс длился в течение многих поколений, вряд ли можно ожидать, что археологические находки остатков материальной культуры будут зеркально отражать столь медленные изменения в обществе. Действительно, повседневное использование элементов материальной культуры коренных народов пришельцами – индоевропейцами, могло маскировать всю картину событий. Эти оговорки, конечно, не устраняют необходимости получения конкретных археологических данных о том, что люди переместились из одного пункта в другой и распространили свой язык.

ОБЩЕПРИНЯТЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАРОДИНЫ

Хотя нет полностью удовлетворительного решения проблемы прародины, в настоящее время множество территорий рассматриваются в качестве предполагаемой прародины индоевропейцев, и эти концепции получают широкую поддержку (карта 6). Одни ученые считают, что их прародина в Азии, точнее, на территории Анатолии и Армении; другие предлагают некий вариант европейской прародины. Ни одно из этих решений не ново; фактически все они впервые предложены еще в XIX в. до н.э., что показывает, насколько трудноразрешимой является проблема прародины. Следует также подчеркнуть, что существует так много вариантов, отличающихся мелкими деталями, что даже сторонники одной теории прародины зачастую скорее противостоят, чем поддерживают друг друга.

Карта 6. Различные теории прародины индоевропейцев и их авторы

Так называемая модель XIX в. до н.э. предполагает, что наиболее вероятное месторасположение прародины индоевропейцев находилось в Азии. Эта гипотеза поддержана Библией (согласно которой они происходят от Иафета, сына Ноя), а также подкрепляется весьма распространенной верой в некий исключительный «свет с востока», взглядом на историю, всегда обращавшимся к Азии в поисках новшеств человеческой культуры, и убеждением в том, что человек, по крайней мере так называемая кавказоидная раса, происходит из горных областей Западной Азии, обычно где-то между Кавказом и Памиром. Эта теория поддерживалась научными кругами, особенно активно после первого знакомства европейских ученых с древними письменами Индии и Ирана и с самими древними иранскими текстами, которые упоминают о вере в арийскую прародину, расположенную в горах Западной Азии. У сторонников азиатской прародины были и другие, более специфические аргументы. Они включают убеждение в том, что предки индоевропейцев принесли в Европу сельское хозяйство и что индоевропейские языки были в контакте с языками Западной Азии, особенно с семитскими, но также и с шумерскими. В целом модель XIX в. до н.э. объясняет индоевропейскую экспансию расовым превосходством, способствовавшим распространению даров цивилизации из Азии в Европу, а также связывает ее с древними мигрировавшими скотоводческими народами, племена которых сравнимы как с семитскими племенами Западной Азии, так и тюркскими племенами Азии.

В настоящее время идея азиатской прародины поддерживается в работах таких лингвистов, как Т. Гамкрелидзе из Грузии, И. Иванов из России (1984), А. Долгопольский из Израиля (ранее жил в России) (*Dolgopolsky*, 1987), и археологов, например, В.А. Сафронова из России (1989), К. Ренфрю (*Renfrew*, 1987) и Э. и С. Шерратт (*Sherratt & Sherratt*, 1988) из Великобритании, классика этой науки Р. Дрюиса (*Dreus*, 1988) из США, а также других ученых. Хотя все они доказывают, что распространение индоевропейцев связано с областью Анатолии–Армении, их аргументы не всегда сопоставимы. Гамкрелидзе, Иванов и Дол-

гопольский, например, рассматривают предполагаемые лингвистические отношения между протоиндоевропейским и протосемитским (и протокартвельским) языками как главные аргументы в пользу отнесения прародины индоевропейцев к Анатолии, в то время как В.А. Сафронов вслед за лингвистом Н.Д. Андреевым из России (1986) доказывает, что протоиндоевропейский был «северным» языком, т.е. он генетически связан с уральскими и алтайскими языками, а любые элементы сходства между индоевропейским и семитским языками происходят от их взаимного обмена.

Многие из этих ученых также выдвигают предположения о «первичной» и «вторичной» прародинах. Если все согласны с тем, что древнейших индоевропейцев следует поместить в Азию, то Т. Гамкрелидзе и И. Иванов считают Азию прародиной только языков анатолийской, греческой, армянской и индоиранской групп и вторичной родиной для европейских языков, которые распространились с севера Кавказа. Подобно этому, А. Долгопольский предполагает, что, хотя древнейшая (анатолийская) стадия развития протоиндоевропейского языка находится в Азии, тем не менее в соответствии с принципом «центра тяжести» следует указать Балканы как место, откуда распространились все другие индоевропейские языки. В.А. Сафронов также относит к Анатолии только древнюю стадию эволюции индоевропейцев, но фактическое место распространения поздних индоевропейцев располагает к северу от Карпат, так как Азия не удовлетворяет критериям окружающей среды, реконструированной лексико-культурными средствами. В.А. Сафронов даже предполагает, что хетты и лувийцы переселились в Анатолию из Европы. Э. и С. Шерратт предлагают в качестве прародины протоиндоевропейцев Центральную или Западную Анатолию, основываясь на распределении древних земледельческих сообществ, однако фактическое формирование и распространение протоиндоевропейского языка, вновь за исключением Анатолии, относится ими к периферии прибрежных районов у Черного моря, где индоевропейские языки развились, возможно, аналогично языкам пиджинам (тип языков, используемых как средство межэтнического общения в среде разноязычного населения. – *Прим. ред.*) в связи с формированием систем обмена.

Двое сторонников «анатолийской родины» предлагают четкие модели происхождения и экспансии индоевропейцев, хотя они опять настолько отличаются в деталях, что должны рассматриваться как оппоненты по отношению друг к другу. К. Ренфрю предполагает, что протоиндоевропейцы должны быть связаны с возникновением сельского хозяйства в Анатолии и что распространение индоевропейских языков начиная с 7000–6500 гг. до н.э. является результатом роста численности населения и его экспансии из поколения в поколение, поскольку пришедшие в Европу земледельцы несли с собой более производительное хозяйство в виде «волны усовершенствований», распространявшуюся до Атлантики, вокруг Черного моря и на восток в Азию. Р. Дрюис также помещает индоевропейцев в Анатолию–Армению, но связывает их с распространением военных действий с применением колесниц около 1600 г. до н.э.

Совершенно очевидно, что концепция азиатской, особенно анатолийской прародины индоевропейцев неодинаково аргументируется каждым из ее сторонников, а разнообразие временных рамок столь велико, что многих из них следует считать скорее оппонентами. Например, хотя и справедливо, что английский язык происходит из Англии, но это верно только если говорить об Англии 1100–1900 годов н.э., но ни в коем случае нельзя считать, что тот язык, на котором говорят в США, Канаде, Австралии или Индии, произошел от английского языка позднего бронзового века. Все же различия между теми, кто

относит индоевропейскую экспансию к началу неолита (в частности К. Ренфрю и В.А. Сафронов), и теми, кто придерживается более поздней даты (например Т. Гамкрелидзе и И. Иванов), приводят к теориям, временные выходы которых отличаются на порядок, и еще больший временной интервал отделяет их от дат, предложенных Р. Дрюисом.

Убедительность «азиатских» аргументов основывается прежде всего на двух фактах: это место подходит для семитских и других языков Юго-Западной Азии, если привлекаются связи с такими языками; более важным является положение, выдвинутое К. Ренфрю, о связи распространения индоевропейских языков с распространением сельского хозяйства, а помещение их прародины на юго-запад Азии объясняет механизм распространения языка, что можно проследить по археологическим документам.

В то же время различные «азиатские» теории имеют и большие или меньшие недостатки. Прежде всего распространение протоиндоевропейцев около 1700–1600 гг. до н.э. и его связь с военными действиями с применением колесниц, как предполагал Дрюис, маловероятно (хотя вполне допустимо, что эта связь была возможна во времена ранней индоиранской экспансии). Несмотря на то что есть термины, обозначающие колесные повозки, фургоны и телеги, нет никаких лингвистических свидетельств, что протоиндоевропейцы имели общий набор слов, обозначающих легкие колесные повозки, например колесницы, а любые модели повозок, появление которых совпадает с началом экспансии индоевропейцев лишь около 1700 г. до н.э., кажутся слишком современными, чтобы они могли помочь объяснить различия между древнейшими выявленными индоевропейскими языками. Наконец, эта теория не имеет твердых археологических доказательств. Гипотеза, выдвинутая Т. Гамкрелидзе и И. Ивановым, выводящая индоевропейцев из региона Восточной Анатолии–Армении, помещает протоиндоевропейцев на территорию, в которой они должны были быть фактически в окружении носителей неиндоевропейских языков (кавказских, хурритских, хеттских). Это предполагает, что предки греков на пути к местам своего последующего проживания каким-то образом обошли территорию анатолийских языков, но в отсутствие каких-либо свидетельств переселения с этой территории такое предположение также кажется археологически несостоятельным.

Одной из причин того, что лингвисты выдвинули идею «вторичной» родины, является несоответствие гипотезы об эгейско-анатолийской прародине лексико-культурным требованиям реконструированного словаря; например, Анатолия должна находиться, по-видимому, вне ареала обитания бобра и произрастания березы, термины для которых входят в протоиндоевропейский словарь (Dolgopolsky, 1987). К сожалению, письменные свидетельства из Анатолии недостаточны для ответа на вопрос, имеет ли этот язык полностью родной словарь, т.е. исходный местный словарь периода неолита, который мог превратиться в анатолийский язык, или его следует относить к территории вне Анатолии или начиная с более позднего периода. Имеющиеся у нас сведения весьма затрудняют увязывание протоиндоевропейского языка (или протоанатолийского) с возникновением сельского хозяйства в этом регионе в VII тысячелетии до н.э. Слово «лошадь», например, уверенно реконструировано в протоиндоевропейском языке, хотя до IV тысячелетия до н.э. нет никаких останков лошадей, найденных в Анатолии или в Греции, где, согласно этой теории, около 6500 г. до н.э. должны были существовать предки греков. Если бы прародина была расположена в Анатолии, то нам было бы трудно объяснить, почему в лувийском и греческом языках используется одно и то же индоевропейское слово для обозначения животного, которое они не должны были знать еще в те-

чение тысяч лет. Что касается названий вторичной продукции, то хетты также имели слово, обозначающее «шерсть», которое было родственным этому слову в других индоевропейских языках. На основе таких слов и иных свидетельств неиндоевропейской «основы», именуемой на территории Восточного Средиземноморья, анатолийское происхождение индоевропейского языка могло состояться не ранее IV тысячелетия до н.э. и, вероятнее, вне Анатолии, чем на основе какой-либо существовавшей там ранней неолитической культуры. Кроме того, распространение протоиндоевропейцев вместе с сельским хозяйством должно было инициировать языковые изменения гораздо раньше, чем полагают многие лингвисты. Например, самые древние греческий и индоарийские языки, которые, как считается, тесно связаны общими лингвистическими повествованиями, должны были быть разделены, согласно неолитической модели, вероятно, примерно 5 тыс. лет, а не 1–2 тыс. лет, как предполагают лингвисты. Кроме того, если протоиндоевропейский язык действительно развился на западной границе картвельских, хеттских или хурритских языков, то мы могли бы ожидать гораздо большего соответствия между этими языками и протоиндоевропейским языком, чем до сих пор полагают. Наконец, модель, предложенная К. Ренфрю, которая предполагает перемещение народа из Анатолии, не допускает ни вторичных перемещений индоевропейцев, ни появления в Европе окультуренных неолитических популяций. Это возражение, однако, не является определяющим, так как его можно легко смягчить, признав изначальное распространение земледельцев откуда-нибудь с Дуная и затем допустив более сложное и позднее распространение языка через остальную часть Европы (Zvelebil & Zvelebil, 1988).

Соображения в пользу расположения прародины в Европе высказывались начиная с XIX в., хотя они и не столь стары, как азиатская гипотеза. Первоначально идея европейской прародины была сформулирована на основании принципа «центра тяжести», но получила широкое распространение только теперь из-за отжившего представления о том, что «первоначальные» индоевропейцы были арийскими блондинами, появившимися из Северной Европы. К XX в. были изучены археологические данные в поддержку этой теории, особенно в работах немецкого археолога Г. Коссинны (G. Kossinna). Существование обширной прародины в Центральной Европе зашихлолось и в более современных трудах, например, в работе итальянского лингвиста Дж. Девото (Devoto, 1962), в то время как венгерский археолог Я. Маккей (Makkeay, 1991) подчеркнул важную (хотя не исключительную) роль культуры линейной керамики в распространении индоевропейских языков. Наконец, Балканы также рассматривались как потенциальный регион прародины, особенно на основе лингвистических данных о «центре тяжести», например, русскими лингвистами Б. Горнунгом (1964) и И. Дьяконовым (Diakonoff, 1985), или как «вторичная родина» А. Долгопольским (Dolgopolsky, 1987). Следует отметить, что все эти предполагаемые места прародины находятся к западу от р. Днепр.

Подобное расположение прародины в Европе находит поддержку среди тех лингвистов, которые считают, что протоиндоевропейский язык гораздо ближе к уральским или, возможно, северокавказским языкам (Starostin, 1988), чем к любому из западноазиатских языков. Эта предполагаемая европейская прародина также попадает в середину рассеянной массы индоевропейских языков, ближе к «центру тяжести», причем благодаря предположению о раннем отделении анатолийской подгруппы получается приемлемая модель диалектных отношений в пределах протоиндоевропейского языка. С учетом реконструкции окружающей среды и общества существование протоиндоевропейцев в Центральной или Северной Европе около 5–2,5 тыс. лет до н.э. примерно соответствует

археологическим данным того периода; например, в пределах всей этой территории к IV тысячелетию до н.э. появляются дикие и одомашненные лошади, колесные транспортные средства, вторичная продукция и предположительно определяемые элементы окружающей среды и предметы материальной культуры.

Существуют, однако, серьезные возражения против некоторых предположений о свроепейской прародине. Даже если отвергнуть распространение индоевропейских языков из Анатолии вместе с распространением сельского хозяйства, трудно отрицать некоторое перемещение населения из Азии в Юго-Восточную Европу в VII тысячелетии до н.э. Следовательно, будет непоследовательным настаивать на том, что первые земледельцы Юго-Восточной Европы были протоиндоевропейцами, а земледельцы Анатолии – нет, если, как обоснованно предполагает Ренфрю, они, по-видимому, говорили на одном языке. Неолитические культуры региона Дуная иногда выделялись как протоиндоевропейские, за исключением их южных соседей, в предположении, что хотя неолит Юго-Восточной Европы был результатом азиатской (возможно, неиндоевропейской) колонизации, культура линейной керамики, известная по находкам от Голландии и Франции до Западной Украины, была результатом эволюции окультуренного местного населения. Следовательно, как подчеркивал Я. Маккей, наличие единственной отличительной черты (этоса) могло скорее объяснить быстрое распространение линейной керамики, чем фактическое перемещение населения. Однако многие все еще рассматривают «дунайскую» культуру как результат распространения неолитической культуры юго-востока Анатолии (см., например, *Zvelebil & Dolukhanov*, 1991).

Очевидно, если искать предков индоевропейцев дальше на севере, например, среди культур линейной керамики или культуры северного неолита типа культуры воронковидных кубков и более поздней культуры шнуровой керамики, то труднее будет объяснить присутствие индоевропейцев в Средиземноморье и Азии, так как очень затруднительно найти какие-либо археологические свидетельства экспансии из этих мест на юг и восток в указанное время. Особенно спорной является связь между европейской территорией к западу от Днепра и культурами степей Украины и России; как считается, эта связь, независимо от положения прародины, распространяется по крайней мере на индоиранские языки.

Если «первичная» и «вторичная» родины являются главным элементом некоторых из азиатских гипотез, то многие сторонники европейской прародины основываются на мнении о двух местах ее расположения. Это означает, что родина европейских языков лежит либо на севере, либо на востоке Центральной Европы, в то время как индоиранские языки происходят из степных и лесостепных регионов современной Украины и юга России. Эта модель базируется на широком культурном различии преимущественно сельскохозяйственных народов, обитавшими к западу от Днепра, и в основном скотоводческих племен, живших к востоку от этой реки; обе эти группы должны рассматриваться как древние носители индоевропейского языка. Имелись также попытки объединить названные зоны в одну прародину. Например, и испанский (мексиканский) археолог П. Бош-Гимпера (*Bosh-Gimpera*, 1960), и польский (британский) археолог Т. Сулимирский (*Sulimirski*, 1968) утверждали, что прародина могла простирается от Центральной Европы до региона степей. Эти же территории позднее предлагались в качестве прародины и другими авторами, например немецким археологом Л. Киллианом (*Killian*, 1983).

Если степные культуры должны быть размещены на территории прародины вместе с центрально-восточноевропейскими культурами, то они могли быть связаны тремя возможными способами. Первый предполагает, что

мезолитическая основа во всей Центральной Европе и степном регионе была, по существу, предпротоиндоевропейской и что оба региона эволюционировали в форму протоиндоевропейцев, а степь при этом представляла их восточную ветвь. Последнее является очень сомнительным компромиссом, так как не объясняет, почему такие отдаленные сообщества должны были быть фактически лингвистически идентичными многие тысячи лет и разработать одинаковый набор слов для обозначения явлений природы и окружающей среды, а также новшеств позднего неолита. Второе объяснение признает, что должна была существовать историческая связь между двумя указанными регионами (если оба рассматривать как индоевропейские), и предполагает, что она была установлена в Юго-Восточной Европе.

Как уже отмечалось К. Ренфрю в его «азиатской» гипотезе, через эти места с запада на восток распространялась система производящего продовольствие хозяйства, которое, вероятно, вели и сообщества степной культурной зоны. В таком случае у всех народов этой группы должен был быть один и тот же язык. Позже В.А. Сафронов утверждал, что степные культуры, особенно археологическая ямная культура (культура эпохи неолита в степях Восточной Европы; названа по устройству могильных ям под курганами. – *Прим. ред.*), произошли от культуры воронковидных кубков и отсюда в IV тысячелетии до н.э. распространились по степи. Проблема в связи с этим состоит в том, что существующие археологические данные не подтверждают постепенного распространения производящего хозяйства и, отчасти, перемещения населения из балканского региона или Центральной Европы через степной регион; напротив, скорее можно видеть явный разрыв между оседлыми земледельцами, тяготевшими в конечном счете к Юго-Восточной или Центральной Европе, например, область вблизи ссла Триполье под Киевом, и экономически автономными степными и лесостепными культурами за Днепром, которые прошли свои очень разные пути к сельскому хозяйству (*Zvelebil & Dolukhanov*, 1991). Действительно, данные исследований экономических основ степных культур (*Shtniirelman*, 1993) свидетельствуют о том, что их тип производящего хозяйства происходит из района Кавказа.

Третья возможная ассоциация между Центральной и Восточной Европой и степью заключается в ином решении проблемы прародины – в так называемой курганной теории. В этой модели направления миграции прямо противоположны, и прародина помещена на территории степи и лесостепи между Днепром и Уралом, занятой в те времена в основном скотоводческими племенами, хоронившими своих умерших под курганами. При этом утверждается, что индоевропейские народы переселились с территории юга Украины и России на восток в Азию и, возможно, на юг в Восточную Анатолию через Кавказ, а также на запад, в Центральную и Северную Европу.

Эта «степная» теория была впервые выдвинута в 1890 г. немецким специалистом по проблемам индоевропейцев О. Шрадером (*Otto Schrader*), который в качестве прародины предложил юг России, так как, по его мнению, это была единственная территория, позволяющая удовлетворительно объяснить существование многих общих специфических европейских названий деревьев и хозяйственных черт, которые отсутствуют в индоиранской группе. Теория Шрадера осталась «изолированной» и подвергалась критике в течение множества лет, пока З. Файст (*Sigmund Feist*) в 1913 г. не нашел дополнительные свидетельства в ее пользу. «Степная» теория в дальнейшем была принята Дж. Пуассоном (*Poisson*, 1934) и даже рассматривалась известным английским археологом Гордоном В. Чайлдом (*Childe*, 1926). Лингвистические данные в пользу прародины, включавшей и индоиранских скотоводов, и европейских земледельцев, также подчеркивались

в работах В. Бранденштейна (*Brandenstein*, 1936). В настоящее время эта теория степного вторжения наиболее тесно связана с работами американского (по происхождению литовского) археолога М. Гимбутас (*Gimbutas*, 1991). Гимбутас утверждала, что индоевропейское общество скотоводов возникло в приволжских степях и распространилось на запад, внезапно появившись среди оседлых неиндоевропейских земледельцев в нижнем течении Дуная и далее. Перемещение происходило тремя волнами: около 4500–4000 гг., 3500 и 3000 гг. до н.э. Постоянное давление степных скотоводов привело к появлению патрилинейного и патриархального общества, которое использовало лошадей, строило укрепления на холмах, правая оттуда, хоронило умерших под курганами и поклонялось солнечным божествам. Это привело к постепенному слиянию матриархальных мирных земледельческих сообществ «старой Европы» с индоевропейцами, которые, будучи правящей элитой, изменили лингвистическую траекторию Европы.

«Курганная» теория помещает прародину немного к востоку от центра распространения индоевропейцев и обеспечивает наиболее вероятную связь между историческими индоиранцами Азии и их европейскими родственниками. Действительно, почти все решения индоевропейской проблемы должны связывать степные культуры с более поздними индоиранскими культурами, по крайней мере по этому поводу имеется широкое согласие. Кроме того, как в случае с Центральной Европой, «курганная» гипотеза надежно согласуется с данными лексико-культурной реконструкции, поскольку этот район является родиной одомашнивания лошади, дает свидетельства в пользу наличия в древности колесных транспортных средств и других предполагаемых признаков индоевропейцев и даже позволяет использовать их для объяснения успеха индоевропейской экспансии.

Как и другие теории, «курганное» решение имеет свои слабые места. В то время как «курганные» нашествия далеко на запад вплоть до р. Тиса в современной Венгрии подтверждаются общепризнанными археологическими данными (*Anthony*, 1990), аргументы в пользу дальнейших «курганных» перемещений вне Юго-Восточной Европы скорее основываются на данных о родовых подобиях, например, на распространении одомашненной лошади, колесных транспортных средств, защитных сооружений, курганных захоронений, боевых топоров и могильников животных, которые достаточно хорошо объясняют различные или общие социальные особенности. Свидетельства о степных нашествиях на Центральную Анатолию, Грецию или вообще на побережье Средиземного моря не очень четкие, и предполагаемые связи между степью и археологическим горизонтом культур шнуровой керамики, рассматриваемых рядом специалистов в качестве предка многих северных и западных европейских языков, является постоянной темой для дискуссий. Короче говоря, в то время как лишь некоторые ученые отрицают, что степные культуры были предками индоиранцев, большинство задается вопросом, были ли эти культуры лингвистически предками всех индоевропейцев.

В связи с изложенным должно быть очевидно, что каждое новейшее решение проблемы прародины имеет как сторонников, так и оппонентов, не только погруженных в столетний спор, но и часто возражающих столь же древним доводам. Можно, конечно, отодвинуть границы обитания доисторических индоевропейцев настолько далеко, что они будут охватывать Западную Анатолию, Центральную и Восточную Европу и регионы степей, простирающиеся до Западной Азии, образуя территорию, включающую большинство мест, предложенных в качестве прародины. К сожалению, чем больше территория предполагаемой прародины (или значительно больше компромисса между конкурирующими местоположениями прародины),

тем менее удовлетворительно решение проблемы, так как оно должно либо предложить территории невероятно большого размера, либо указать на археологические культуры со слабыми или маловероятными связями, которые могли бы показать нам их лингвистическую идентичность. Точное происхождение самой большой в мире семьи языков все еще остается во многом неясным.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АНДРЕЕВ Н.Д., 1986. Раннеиндоевропейский праязык. – Л.
- ГАМКРЕЛИДЗЕ Т.; ИВАНОВ И., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси.
- ГОРНУНГ Б., 1964. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. – М.
- САФРОНОВ В.А., 1989. Индоевропейские прародины. – Горький.
- СТАРОСТИН С.А., 1988. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы. – В кн: Этнокультуры Древнего Востока. – Связь. Т. 80. С. 112–163.
- ADAMS, D. Q. 1984. The Position of Tocharian Among the Other Indo-European Languages. *J. am. Orient. Soc. (New Haven, Conn.)*, Vol. 104, pp. 395–402.
- ANTHONY, D. 1990. Migration in Archeology: The Baby and the Bathwater. *Am. Anthropol. (Washington, D.C.)*, Vol. 92, pp. 895–914.
- BOSCH-GIMPERA, P. 1960. El Problema Indoeuropeo. Mexico.
- BRANDENSTEIN, W. 1936. Die erste 'Indogermanische' Wanderung. Wien.
- CHILDE, V. G. 1926. The Aryans: A Study of Indo-European Origins. London.
- COWGILL, W.; MAYRHOFER, M. 1986. Indogemianische Grammatik. Heidelberg.
- CROSSLAND, R. A. 1971. Immigrants from the North. In: EDWARDS, I. E. S.; GADD, C. J.; HAMMOND, N. G. (eds), *Cambridge Ancient History*. Cambridge, Vol. 1, Part 2, pp. 824–76.
- DEVOTO, G. 1962. Origini Indoeuropee. Firenze.
- DIAKONOFF, I. 1985. On the Original Home of the Speakers of Indo-European. *J. Indo-European Stud.*, Vol. 13, pp. 92–174.
- DIEBOLD, D. 1976. Contribution to the Indo-European Salmon Problem. In: CHRISTIE, W. (ed.), *Current Progress in Historical Linguistics*. Amsterdam, pp. 348–87.
- DOLGOPOLSKY, A. 1987. The Indo-European Homeland and Lexical Contacts of Proto-Indo-European with Other Languages. *Mediterr. Lang. Rev.*, Vol. 3, 1987, pp. 7–31.
- DREWS, R. 1988. The Coming of the Greeks. Princeton.
- EHRET, C. 1988. Language Change and the Material Correlates of Language and Ethnic Shift. *Antiq. (Cambridge)*, Vol. 62, pp. 564–74.
- FEIST, S. 1913. Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen. Berlin.
- FRIEDRICH, P. 1970. Proto-Indo-European Trees. Chicago, Ill.
- GIMBUTAS, M. 1991. Civilization of the Goddess. San Francisco, Calif.
- HAMP, E. 1990. The Pre-Indo-European Language of Northern (Central) Europe. In: MARKEY, T. L.; GREPPIN, J. A. C. (eds), *When Worlds Collide*. Ann Arbor, Mich. pp. 291–309.
- HARRIS, A. 1990. Kartvelian Contacts with Indo-European. In: MARKEY, T. L.; GREPPIN, J. A. C. (eds). *When Worlds Collide*. Ann Arbor, Mich., pp. 67–100.
- HULD, M. 1990. The Linguistic Typology of the Old European Substrate in North Central Europe. *J. Indo-Eur. Stud. (Washington, D. C.)*, Vol. 18, pp. 389–423.
- KILLIAN, I. 1983. Zum Ursprung der Indogermanen. Bonn.
- MAKKAY, J. 1991. Az Indoeurópai Népek Östörténete. Budapest.
- MALLORY, J. P. 1973. A Short History of the Indo-European Problem. *J. Indo-Eur. Stud. (Washington, D.C.)*, Vol. 1, pp. 21–65.
- 1989. In Search of the Indo-Europeans. London.
- MALLORY, J. P.; HULD, M. 1984. Proto-Indo-European «Silver». *Z. Vgl. Sprachforsch.*, Vol. 97, pp. 1–12.
- MARKEY, T. 1989. The Spread of Agriculture in Western Europe: Indo-European and (Non) Pre-Indo-European Linguistic Evidence. In: HARRIS, D. R.; HILLMAN, G. (eds), *Foraging and Farming*. London. pp. 585–606.

- POISSON, G. 1934. *Les Aryens: Étude linguistique, ethnologique et préhistorique*. Paris.
- POLOMÉ, E. 1986. The Non-Indo-European Component of the Germanic Lexicon. In: ETTER, A. (ed.), *O-o-pe-ro-si: Festschrift für Ernst Risch*. Berlin, pp. 661–72.
- RENFREW, C. 1991. Before Babel: Speculation on the Origins of Linguistic Diversity. *Cambridge Archaeol. J.*, Vol. 1, pp. 3–23.
- 1987. *Archaeology and Language*. London.
- SCHARFE, H. 1985. The Vedic Word for «King». *J. am. Orient. Soc.* (New Haven, Conn.), Vol. 105, pp. 543–8.
- SCHRADER, O. 1890. *Prehistoric Antiquities of the Aryan Peoples*. London.
- SHERRATT, A. 1983. The Secondary Exploitation of Animals in the Old World. *World Archaeol.* (London), Vol. 15, pp. 90–104.
- SHERRATT, A. and SHERRATT, S. 1988. The Archaeology of Indo-European: An Alternative View. *Antiq.* (Cambridge), Vol. 62, pp. 584–95.
- SHNIRELMAN, V. 1993. The Emergence of a Food-Producing Economy in the Steppe and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe. *J. Indo-Europ. Stud.* (Washington, D.C.)
- SULIMIRSKI, T. 1968. *Corded Ware and Globular Amphorae Northeast of the Carpathians*. London.
- THIEME, P. 1954. *Die Heimat der indogermanischen Grundsprache*. Wiesbaden.
- TISCHLER, J. 1973. *Glottochronologie und Lexikostatistik*. Innsbruck.
- ZIMMER, S. 1988. On Dating Proto-Indo-European: A Call for Honesty. *J. Indo-Europ. Stud.* (Washington, D.C.), Vol. 16, pp. 371–5.
- ZVELEBIL, M.; DOLUKHANOV, P. 1991. The Transition to Farming in Eastern and Northern Europe. *J. World Prehist.*, Vol. 5, No. 3, pp. 233–78.
- ZVELEBIL, M.; ZVELEBIL, K. 1988. Agricultural Transition and Indo-European Dispersals. *Antiq.* (Cambridge), Vol. 62, pp. 574–83.

УСТНЫЕ ПРЕДАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА, РЕЛИГИЯ И ИСКУССТВО

9.1

УСТНЫЕ ПРЕДАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

9.1.1

УСТНЫЕ ПРЕДАНИЯ

Жан-Пьер Моэн

Из работ немецких ученых конца XVIII в. известно, что устные предания могут являться столь же высоко структурированными, как и письменные источники; однако есть некоторые препятствия к изучению устных традиций, особенно когда это связано с отдаленным прошлым, не оставившим никаких следов от первоисточников. Что сегодня осталось от песен, поэм и эпосов, от законов и указов, от молитв и религиозных моральных норм тех обществ, которые не имели письменности или использовали письмо только для ограниченных или специфических целей? Устные предания привлекают внимание прежде всего тем, что люди начали пользоваться языком в современном смысле этого слова около 100 тыс. лет назад. Некоторые устные формы могут различаться по множеству признаков, ассоциирующихся обычно с древнейшими письменными знаками.

УСТНЫЕ ПРЕДАНИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЫЧАИ

В некоторых ранних формах письменности религиозные доктрины записаны на основании устных преданий. Вместе с глиняными табличками на месте древнего города-государства Мари на среднем Ефрате было найдено примерно тридцать обожженных глиняных моделей печени животных, отнесенных приблизительно к XIX в. до н.э. На каждой модели была «божественная» надпись – запись того, что жрец «прочитал» на поверхности жизненно важного органа – печени, внешний вид которой, как полагали, отражал космическую гармонию, скрытую от человечества и известную только богам. Практика предсказаний и толкований знаков оракулами была исключительно устной, как и практика пророчеств, на которые так часто ссылается Библия. Такая же практика побудила китайцев в XII в. до н.э. записывать символы на нижней стороне панциря черепахи. Такие знаки являются графическим представлением того, что вынес «провидец» из своего наблюдения за космосом. Многие от-

тенки значений, выразившихся письменно, указывают на то, что китайцы составили обширный корпус устных преданий, уходящих, вероятно, в далекое прошлое.

Письменность тогда существовала для обслуживания «божественного слова». Каменные скульптуры начиная с XV в. до н.э. изображают египетского бога мудрости, счета и письма Тота, создателя иероглифической письменности, передающего свои слова писцу Небмерутефу. Яхве («слово») дал свой закон Моисею, символизируя переход от исключительно устных сказаний к письменной культуре, созданной по правилам, передававшимся устно.

Древнегреческая концепция мира, описанная Гесиодом (VIII–VII вв. до н.э.), гласила, что гармония космоса произошла от звука, и поэтому музы могли вдохновлять поэтов, которые декламировали свои стихи. Голос больше чем любая другая форма выражения передавал божественную сущность, особенно если он был усилен Эросом.

УСТНЫЕ ПРЕДАНИЯ И РИТОРИКА

Древние Греция и Рим остались верны устной традиции и, в частности, использованию риторики, ставшей одной из основ демократии, ранняя форма которой появилась около 750 г. до н.э. На греческой агоре, т.е. рыночной площади, где происходило народное собрание, свободные граждане обсуждали городские дела, совершенствуя свою речь для усиления убеждения. Поэтому можно отметить своеобразный парадокс: демократия в Афинах возникла в результате сочетания публичных дебатов и введения письменности и явилась политическим шагом, предпринятым в конце VII в. до н.э. для установления законов.

Риторика также использовалась для дидактических целей, например, Сократом в его методе обучения и при философских дискуссиях софистов. Рим заимствовал греческую риторику для развития своей общественной и политической жизни. На форуме, являвшемся римским

эквивалентом агоры, ораторы обсуждали общественные дела и отстаивали свои позиции по определенным вопросам. Форум был также местом, куда выносили и устанавливали вертикально каждого покойного гражданина, а его родственники воздавали хвалу ему и его предкам.

Многие сообщества сохранили устные предания, которые были наиболее эффективной формой выражения общественных отношений и, кроме того, обучения.

УСТНЫЕ ПРЕДАНИЯ, ОБРЯДЫ И ТЕАТР

Во всех обрядах, связанных с жизнью и смертью, в театральные представлениях и в постановках с песнями участники выражались устно, и сам голос играл особую и определяющую роль.

Каждая погребальная церемония сопровождалась криками, жалобами, молитвами, просьбами и проявлениями скорби и утешения. Такая церемония всегда проводилась в условиях, соответствующих обстоятельствам, с использованием специального освещения, цветов, символических предметов. Участники церемонии, включая родственников умершего, жрецов и плакальчиков, занимали строго определенные места, совершали ритуальные действия, включавшие жесты, иногда акробатические, песни, а также слова. Следы таких устных церемоний находят в могилах всех сообществ. Наиболее зрелищными были египетские церемонии, от которых сохранились до нас слова молитв и заклинаний. Многочисленные примеры захоронений, изображающих величественные церемонии, были найдены в Месопотамии, Индии, Китае и Мексике.

Гомер, впервые описавший эти церемонии, рассказывает об одной из них, организованной Ахиллесом в честь своего друга Патрокла, убитого в бою. После погребальной церемонии, речей и кремации в память об умершем были проведены атлетические игры с вручением призов. Такие же религиозные и погребальные обряды дали начало Этрусским играм. И Олимпийские игры, и драматическая форма трагедии происходят, видимо, от погребальных церемоний и религиозных праздников, проводившихся в честь героев. Устные предания играли существенную роль в обоих случаях, особенно в театральных действиях, получивших развитие в греческих городах-государствах.

УСТНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕЛИКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ

Большинство первых великих письменных источников, вероятно, представляют собой заключительную стадию давних устных преданий. Переход от устных сказаний к письменным памятникам может быть показан на нескольких примерах.

Египетские тексты, некоторые из них длинные, например, биографии умерших и магические заклинания, собранные в «Книге мертвых», были текстами, адресованными скорее богам, чем живущим. Писцы были не поэтами, а ремесленниками, которые записывали многие высказывания, произносившиеся на религиозных службах. В то же время человек, читавший текст, подобно богам, в частности богу Тоту, считался наделенным особым даром мудрости, помогавшим ему понимать написанные слова (илл. 14).

В Месопотамии устные предания в виде эпической поэзии, посвященной богу Мардуку, записывались, вероятно, по двум взаимосвязанным причинам: религиозной – для распространения влияния Мардука, и политической – для расширения границ империи. Великий эпос «Творение» был, по-видимому, написан в конце XII в. до н.э. В этом произведении власть Мардука, являвшегося богом-покровителем Вавилона, распространяется на всю Вселенную. Он становится инструментом пропаганды для империи,

стремящейся к обоснованию своей политической и религиозной экспансии.

Хотя библейские пророки интерпретировали слово Бога и долго хранили традицию устной передачи знаний, Яхве на горе Синай начертил «10 заповедей» на каменных досках-скрижалях, чтобы Моисей мог распространять его повсюду, так как записанное слово Бога, ясное и сильное, превосходило интерпретации предсказателей. Писанный закон, неподвластный времени, был подобен предсказанию, автор которого, сам будучи божеством, одновременно и присутствовал, и был недоступен. Великие кодексы Месопотамии также удовлетворяют этому двойному требованию всеобщности и религиозности.

Первые китайские тексты также касались предсказаний. Каждый правитель провозглашал свои законы и собственный календарь, которые составлялись прорицателями и представляли элементы Небесной Империи, олицетворявшей высший закон.

Для греков классического периода Гомер оставался автором устных поэм, которые по своему характеру были скорее светскими, чем религиозными, и которые знал и цитировал каждый гражданин; но разве они утратили свое совершенство от того, что были записаны?

Греческая алфавитная система письма была заимствована у семитских народов в VIII в. до н.э., хотя другие системы, такие как линейное письмо А и линейное письмо Б, также использовались в течение нескольких веков. В то время когда был принят греческий алфавит, основными средствами литературного общения были словесная декламация и песни, например, *клеос* (*kleos*) – «прославление», «восхваление», в которых авторы-барды воспевали героев. Власть выступавших была велика, поскольку их слова давали жизнь героям. Считается, что, принимая алфавитную систему, греки стремились увеличить силу клеос, особенно в религиозных или погребальных контекстах, и это справедливо в отношении текстов на золотом листе, часто помещавшихся в могилы, и надписей, выгравированных на каменных стелах, обращенных к вечности. Письменность не столько конкурировала, сколько была вспомогательным средством по отношению к устным преданиям. Поэмы Гомера приобрели свою письменную форму, вероятно, в VIII в. до н.э., хотя сами записанные события и, вероятно, устные предания относятся к более древнему периоду – на три-четыре столетия. Гесиод, живший в VIII или VII в. до н.э., начал записывать размышления о природе вдохновения и об интерпретации письменных текстов. Он выделил три изначальных божества: Хаос (хаотическая Вселенная), Гея (Земля) и Эрос (Любовь), который имел своим символом лиру и был покровителем творческого вдохновения. Гесиод ввел в устные предания широту и глубину интерпретаций. Музы, дочери Зевса, гарантировали надежность знаний, а Мнемозина (Мнемосина), богиня, олицетворявшая память, считавшаяся матерью муз, обеспечивала бессмертие событиям прежних времен. Обретение письменности способствовало переходу от поэзии к философии; это касается предшествовавших Сократу философов, особенно Гесиода, Гераклита и Парменида. Перикл рекомендовал чтение поэм Гомера в качестве урока демократии; чтение вообще связывалось со способностью к рассуждению. Мудрого Сократа, вдохновленного его «демоном», сменил философ Платон, а затем – софисты.

БИБЛИОГРАФИЯ

- DETIENNE, M. (ed.) 1988. Les Savoirs de l'écriture en Grèce ancienne. Lille.
FONAGY, I. 1983. La vive voix. Paris.
GOODY, J. 1977. The Domestication of the Savage Mind. Cambridge.
LEROI-GOURHAN, A. 1964. Le geste et la parole. Paris.
QUINSAT, G. et al. 1990. Le grand atlas des littératures. Encyclopaedia Universalis.
ZUMTHOR, P. 1987. La lettre et la voix. Paris.

Моника Ректор

Использование алфавита и, как следствие, возможность воспроизведения текста дали людям новое измерение, породив у них осознание своей индивидуальности в противоположность общим свойствам любого человека и преобладавшим до того чувствам. Произошел сдвиг в отношениях между индивидуумом и группой. Теперь знание, информация, общение могли осуществляться с помощью глаз, посредством «бумажных» текстов, размноженных и распространенных, без необходимости использовать устную речь и голоса. Теперь для передачи письменного сообщения требовались книга, читатель и тишина.

Используемый материал и форма книг претерпели несколько радикальных изменений. В XV в. н.э. возникла конкуренция, с одной стороны, между папирусом (сделанным древними египтянами их стеблей одноименного растения) и пергаментом (недубленной кожей, выделанной из шкур крупного рогатого скота и свиных шкур), с другой стороны, между оформлением рукописи в виде свитка или книги. Свиток представлял собой узкую полосу папируса или пергамента с текстом на одной стороне, а книга была рядом «буклетов», помещенных один за другим и стянутых вместе в виде брошюры. Книга получила большее распространение на Западе, поскольку с ней было легче обращаться. Она была подобна современным книгам.

ЛИТЕРАТУРА

Если посмотреть значение слова «литература» в словаре, то можно увидеть, что оно происходит от латинского «*litteratura*» (буквально – написанное; буква). Под этим заголовком находятся следующие статьи: (1) произведения письменности, имеющие художественные достоинства; (2) содержание произведений письменности, относящихся к определенному периоду, стране, языку или стилю; (3) произведения письменности, касающиеся специфических предметов, – научная литература; (4) письмо как действие или писательство как профессия; (5) любой печатный материал. Таким образом, существует тесная связь между словом «литература» и понятием письменного языка. Это представление о письменности явно или неявно присутствует в различных значениях слова «литература».

Литература является социальным явлением, которое включает того, кто пишет, и того, кто читает. Поэтому литература существует только как социальное взаимодействие, она создает между этими двумя индивидуумами взаимное притяжение, эстетическое взаимодействие.

Не каждый текст, однако, может считаться литературным. Безыскусственная классификация относит к «литературным» те тексты, которые имеют «хорошее» качество. Традиция является одним из признаков «литературности»: классические труды считаются литературными, потому что их ценность сохраняется на протяжении веков. Фактически «литературу» от «нелитературы» отличает связь между ситуацией производства слов и восприятием, обес-

печиваемым словами. Мир, представленный и воспроизводимый в литературе, рождается из социального и исторического опыта писателя. Автор и читатель, таким образом, способны пребывать в одном пространстве и времени этого мира, созданного первым и воссозданного вторым. Хотя до настоящего времени мы рассматривали главным образом письменность вообще, к литературе это также имеет отношение. Почему? Во-первых, потому что литература – это язык, устный или письменный; т.е. литература состоит из некоторых отобранных и специализированных форм языка. Литература является прежде всего творческим произведением искусства, которое выражает живой опыт, «предлагаемый к размышлению», или, как считал Аристотель, мимесис (подражание), искусство высшей имитации опыта. Поскольку она является высококачественной выборкой из более широкого множества опытов, то согласно этому своему значению она также является критикой. Таким образом, назначение литературы состоит в том, чтобы «предлагать возвышенную или избранную имитацию жизни посредством литературного искусства» (*Grace*, 1965, p. 6). Во-вторых, это способ обмена мыслями и идеями, которые считаются социально или интеллектуально значимыми. В процессе их распространения получатель приобретает опыт, воображаемый опыт; аналогичный действительности. В-третьих, поскольку литература является воссозданием опыта с помощью знаков, эти знаки могут быть взяты из любой области культурного знания, каждая из которых имеет собственную концепцию истины, столь значимой для людей. Но литература – это не опыт сам по себе; опыт представляет собой описание воспринятой действительности, в то время как литература – воображаемая и идеализируемая реальность.

Поскольку назначение языка связано с опытом, произведение литературы – это больше чем язык, использованный при его создании. Такой опыт является совершенной формой сохранения некоторых аспектов мира: (1) знаний (каждое литературное произведение описывает что-либо) и (2) особенностей восприятия (интеллектуального, эмоционального, социального, религиозного). В этом смысле литература также выполняет дидактическую функцию, т.е. способствует всестороннему пониманию человеком самого себя, а также других людей.

Литература, следовательно, может рассматриваться и как опыт, и как язык. Поскольку письменность – это язык и литература – язык, то и письменность, и литература тесно взаимодействуют в их словесном письменном проявлении. Литература представляет собой проявление языка в действии, в словесном тексте.

Поэтому писатель – это тот, кто управляет письменной стороной языка. По Р. Барту (*Barthes*, 1971, p. 3), «письменность начинается там, где речь становится невозможной». Процесс речи необратим, как велосипед, катящийся только вперед; нельзя вернуть произнесенное слово. Написанное слово можно вернуть, переделать, исправить как произведение искусства, пока не достигну-

то совершенство. Когда речь произнесена, звук исчез, но мы сохраняем ее образ, мы «чувствуем» выражение, высказывание (Barthes, 1971, pp. 11–12). Написанное слово, кроме того, обособленно от писателя, это отдельный предмет.

По этой причине речь может быть более эффективной, чем написанный текст. В речи присутствую я «сам», в письменном тексте мое воображаемое Я заменяет меня «самого». Писать на языке, используемом в устной речи, – это в культурном и политическом смысле навязанное действие. Устный язык старается быть ясным и понятным, соответствующим экспрессии и опыту; письменность, напротив, остается неясным языком, являющимся посредником между «собой» и «устным выражением». Речь – движение, действие, в то время как письменность – стабильность, паралич. Это не означает, однако, что одна из них более реальна, чем другая, они просто являются различными полюсами опыта. Писатель и читатель устанавливают взаимный контакт: каждый принимает свою роль и допускает возможность обольщения, как при любовных отношениях.

Поэтому литература часто преуспевает там, где обычный язык неэффективен, «потому что литература представляет собой определенный символ, объект, который может объединять людей, живущих в корне различающимися жизнями» (Baron, 1985, p. 28).

В литературе взаимоотношения достигаются с помощью творческого потенциала и умения писателя, которые делают объект понятным. Содержание рассеивает сомнения, потому что действие и окружение становятся понятными благодаря подробностям. Непонимание уменьшается с помощью выводов, которые сокращают дистанцию между писателем и читателем. Высокая степень понимания достигается благодаря образам, косвенным ссылкам на общеизвестные понятия, которые не нужно объяснять или изображать.

«Появление человеческой цивилизации и культуры можно интерпретировать как движение ко все большей точности косвенных описаний» (Baron, 1985, p. 31). Это может иметь место в литературном произведении, в котором объект является вымышленным. Само произведение при этом имеет многослойную структуру, состоящую

из нескольких уровней, находящихся один над другим, как, например, в конкретной поэзии, которая комбинирует слова и рисунок. Словесные и визуальные элементы дополняют друг друга и переплетаются в этом виде литературы. Словесный компонент находится на заднем плане, а зрительный компонент допускает постоянное расширение возможностей прочтения поэмы. Читатель может видеть, что воспроизводимость текста не теряется, но, как бы участвуя в акте творчества, по-своему интерпретирует содержание. Автор и читатель-зритель поставлены на один уровень, где оба становятся соавторами. В некотором смысле это – возвращение к иероглифам, к слову-знаку; например, иероглиф «дом» изображается как прямоугольное пространство с одной дверью при виде сверху, причем зрительные и словесные компоненты расположены вместе, линии преднамеренно упрощены, оставлен только контур и главные детали.

ПИСЬМЕННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФОРМЫ ЗНАНИЯ

Письменность связана со всеми видами человеческих знаний: с историей человечества и сохранением ее памятников, с его будущим прогрессом и развитием. «Письменность существует только в цивилизации, и цивилизация не может существовать без письменности» (Gelb, 1965, p. 222). Письменность и речь также тесно связаны. Поскольку письменность более консервативна, то с ее помощью сохраняются и более древние устные формы. Письменность и искусство взаимодействуют; письменность имеет не только функциональное и утилитарное значение, но содержит и эстетические элементы, которые играют большую роль.

Литература заняла центральные места во всех фундаментальных областях человеческой жизни. Существует религиозная, социальная и «личная» литература. Религиозные формы выражения представлены в молитвах и восхвалениях. Когда-то доступный только привилегированному меньшинству, например священникам и монахам, мистический компонент набрал силу благодаря письменным текстам. Книг и других литературных документов боялись, потому что они содержали секреты прошлого и обладали волшебной возможностью предсказывать будущее.

Вторая область, где проявляет себя литература, имеет отношение к социальному импульсу, который выражает поведение людей и отношения между индивидами, а также между ними и их сообществом. В этой области литература касается общественного и индивидуального благосостояния, что можно видеть, например, в этике басен.

Третья область литературы имеет дело с исследованием личного: биографий и автобиографий в форме романов, пьес и поэм, а также с исследованием форм использования и расстановки отдельных слов. Читатель либо погружается в жизнь действующих лиц, их чувства, либо отождествляет свою жизнь с жизнью других и получает воображаемую обратную связь. Каждая литературная работа, принадлежащая к какой-либо области знаний, является также историей; она содержит элементы абстракции, способствует совершенствованию будущего человечества и является действием по восстановлению прошлого.

Письменность становится искусством, потому что она охватывает ситуацию общения. Письменность становится литературой, потому что всегда открыта для применения законов литературной практики, и она является упражнением в этом, собственно процессом создания литературы; она включает не только язык, но и метаязык, т.е. язык, описывающий ее саму.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BARON, N. S. 1981. *Speech, Writing and Signs. A Functional View of Linguistic Representation*. Bloomington, Ind.
- 1985. *From Universal Language to Language Origin: The Problem of Shared Referents*. *Semiotica* (Den Haag), Vol. 57, No. 1/2, pp. 13–32.
- BARTHES, R. 1971. *Ecrivains, intellectuels, professeurs*. *Tel Quel* (Paris), Vol. 47, autumn, pp. 3–18.
- COULMAS, F. 1981. *Über Schrift*. Frankfurt am Main.
- GELB, I. J. 1965. *A Study of Writing*. Rev. ed. Chicago, Ill.
- GRACE, W. 1965. *Response to Literature*. New York.
- GREIMAS, A. J., COURTÈS, J. 1982. *Semiotics and Language: An Analytical Dictionary*. Trans. Larry Crist et al. Bloomington, Ind.
- HAWORTH, K. A. 1985. *The Origin of Language-Based Thought: A Synthesis of Cognitive Science and Semiotics*. In: DEELY, J. (ed.), *Semiotics 1984*. New York. pp. 261–5.
- HJELMSLEV, L. 1961. *Prolegomena to a Theory of Language*. Madison, Wis.
- KRISTEVA, J. 1971. *Comment parler à la littérature*. *Tel Quel* (Paris), Vol. 47, autumn, pp. 27–49.
- MOODY, H. L. B. 1977. *The Teaching of Literature*. 4th ed. London.
- PEIRCE, C. S. 1931–58. *Collected Papers*. Cambridge.
- PITKIN, H. 1961. *Representation*. New York.
- POSNER, R. 1985. *Língua falada, língua escrita, língua planeada* [Spoken Language, Written Language, Planned Language]. *Cruzeiro Semiót.* (Porto), pp. 69–79.
- SAUSSURE, F. de. 1916. *Cours de linguistique générale*. Paris.

9.2

РЕЛИГИЯ И ИСКУССТВО

9.2.1

РАЗВИТИЕ РЕЛИГИИ

Жюльен Ри

Рассматриваемый период человеческой истории в грубом приближении соответствует бронзовому веку. Однако хетты освоили производство железа уже во II тысячелетии до н.э. и вывозили свою продукцию начиная с XIV в. до н.э. Неолитические предки людей бронзового века обеспечили их значительным религиозным наследием: искусством символического представления божеств в статуэтках, фигурках и фресках, молитвами, погребальными обрядами, мегалитами и гипогеями (подземными погребальными камерами), алтарями, святилищами и пиктограммами. У неолитического человека религиозного (*Homo religiosus*) был не только религиозный опыт; он создал духовную доктрину, включавшую мифы, обряды, символы и идеи, касающиеся понятий о трансцендентности, тайнах потустороннего мира, космоса, человека и жизни.

ОБЩИЙ ОБЗОР

Несколько основных религиозных тем могут рассматриваться как характерные для периода 3000–700 гг. до н.э.

Солнечные верования и звездные культы

Великие боги неба начали появляться в конце периода неолита, когда жители региона «плодородного полумесяца» все чаще направляли свои взгляды к небесам. Это религиозное движение приобрело силу в течение последующих тысячелетий и развилось в великие культы Солнца и Луны в Месопотамии и Египте. Поворот религии к поклонению Солнцу и Луне сопровождался учреждением календарей. Звездный культ усилился с началом бронзового века, появились его новые святилища, боги, мифы, ритуалы и торжества.

Это религиозное движение распространилось к территориям Средиземноморья и Атлантического побережья, хотя споры о религиозном значении мегалитических памятников, таких как менгиры, до сих пор не завершены: они были установлены уже в период неолита, и традиция их возведения продолжалась и в бронзовом веке. Большинство специалистов пришли к согласию относительно одной из крупнейших мегалитических построек – Стоунхендж в Великобритании близ г. Солсбери, – в которой точная ориентация в направлении восхода Солнца в день летнего солнцестояния указывает на возможность того, что это замечательное святилище было храмом, посвященным Солнцу.

Огромное количество религиозных символов, относящихся по времени к бронзовому веку можно видеть на резных наскальных рисунках, обращенных к восходящему Солнцу, в Скандинавии, в долинах Альп, в Испании, Африке и многих других местах. Рисунки изображают кисти рук и сами руки, протянутые к Солнцу, что считается символом поклонения, а на других изображены инструменты или оружие, являющиеся как бы дарами Солнцу. Недавние открытия пещерного искусства, видимо, указывают на значительное распространение солнечных культов в то время.

Священные верховные правители и духовенство

С начала III тысячелетия до н.э. одинаковая форма правления существовала на территории от Индии до Атлантики, как у кочевых, так и у оседлых народов: во главе их стоял лидер, который считался обладателем божественной власти. Историки называют эту форму правления «священным правлением».

В Египте начиная с I династии фараонов установилась царская теология, влияние которой продолжалось до Птолемеев. «Мемфисская теология» на стеле Шабак (BM № 797) гласит, что основатель династии Менес является Гором, божественным правителем. Во времена V династии «солнечная революция», связанная с Гелиополем, добавила к титулам фараона название «великий бог, сын Ра»; позднее при XII династии (2000–1788 гг. до н.э.), основанной в Фивах, было добавлено еще название «сын Амона». Веками жрецы развивали доктрину теогамии, т.е. божественного рождения фараона, тогда как сначала при «коронации» на фараона возлагалась обязанность строить храмы и возглавлять ежедневные церемонии поклонения богам. Фараон определял всю иерархию чиновников «дома бога», которые управляли храмами, зачастую с передачей этих обязанностей по наследству. Спустя некоторое время это «жречество» приобрело такую экономическую и политическую власть, что сочло возможным бросить вызов решениям фараона, как это случилось в Фивах во время правления XII династии.

Начиная с IV тысячелетия до н.э. в Месопотамии каждый шумерский город-государство возглавлялся лидером, который назывался лугалем, т.е. «большим человеком», или энси, т.е. «князем-жрецом». Признавалось, что он назначен богом управлять городом, и ему полагалось жить в своем храме. Дошедшие до нас тексты сообщают,

что царская власть исходит от богов, и эта традиция перешла к семитским народам и далее в Вавилон и Ассирию, где имена царей имели сходное значение. Они получали власть при восшествии на престол и коронации. Обширный набор слов, касающихся божественного света и божественного блеска, использовался для описания их атрибутов. Так как правитель отвечал за строительство храмов, организацию подношений богам, поклонения, жертвоприношения и торжества, его служащие постепенно заменили его, а соответствующие обязанности были переданы жрецам. Со временем жрецы стали выступать как прорицатели и заклинатели.

В древнем индоевропейском мире органическое единство различных сословий общества – брахманов, кшатриев и вайшиев, воплощалось в правителе – радже (*rajan*), который происходил из военной аристократии. Посвящение в правители осуществлялось брахманами, и это возлагало на него две функции (военно-политического и духовного вождя) и мистически связывало его с первой из них, как это следует из старого термина «рег» (*reg*), который означает именно первую функцию и сохранился в индийском, латинском и кельтском языках. Правитель «определял линию» политического и религиозного развития. Дюмезиль (*Dumézil*, 1958) показал неоднозначность этой функции. В Индии правитель и брахман образовывали пару, подобную королю и друиду у древних кельтов, однако гармония не длится вечно, и в конце концов в Индии жреческая каста навязала свою волю обществу. (У германских народов, напротив, религиозная функция была присвоена воинами, а жрецам остались вторые роли.) Это индоевропейское наследие проявилось вновь на ранних этапах истории Рима и в Иране, где оно было воспринято Ахеменидами.

Сочетание индоевропейской идеологии царствования и месопотамских теологических взглядов произошло во II тысячелетии до н.э. в Анатолии. В Хеттском царстве в период его расцвета (XIV и XIII вв. до н.э.) великий царь Хаттусили возглавлял жреческую иерархию. Многочисленные каменные барельефы изображают царскую чету, пользующуюся привилегиями жрецов. Время правителя, однако, было занято политикой и военными походами, и он передал свои обязанности по совершению богослужений многочисленному, хорошо образованному и иерархически структурированному духовенству, которое, получив доступ к богатству храмов и наследственным привилегиям класса жрецов, в конечном счете стало вмешиваться в экономические и дипломатические дела.

В Израиле западноазиатская модель монархии установилась поздно и была, согласно мнению школы Упсалы, «божественным правлением». Библейские титулы правителей времен Давида связывают правителя с Яхве: он (царь) выбран Яхве, помазан Яхве, он сын Яхве и спаситель своего народа. Все эти характеристики относились и к Мессии. Хотя и не обладая титулом священника, правители могли вести богослужение, назначать священников и благословлять людей во время главных празднеств.

В период перед Исходом положение духовенства в Израиле было сложным. Оно оставалось как бы главой семьи, который приносил жертвы Богу и благословлял детей. Во времена Завета Моисей считался посредником между людьми и Богом, и он окроплял людей кровью жертв. Его брат Аарон был первосвященником, и левиты – служители религиозного культа считались призванными к особой миссии, особенно после поселения в Палестине. Перенос Давидом Ковчега Завета в Иерусалим обеспечивал превосходство священников, связанных с новой святостью. С того времени иерархия и функции духовенства были прояснены, но реальная организация духовенства в Израиле произошла после Исхода.

Смерть, загробная жизнь и погребальные ритуалы

В течение бронзового века существенно укрепилась вера в загробную жизнь. Наибольшее число свидетельств тому имеется в Египте: от гробниц и пирамид Древнего царства до «Книги мертвых» Нового царства, включая также могилы всех эпох. Кладбища были гимнами жизни и жизни после жизни. Ведийский (ведический) символизм бессмертия сосредоточивался вокруг Солнца, Агни (бога огня) и Сома (божество священного дурманящего напитка и сам этот напиток). Брахманизм обогатил эту символику в соответствии с обрядом жертвоприношения, дававшим возможность преодолевать смерть. В Упанишадах мысль о достижении духовного освобождения идет еще дальше.

Одной из социальных характеристик неолита на Западе было применение общественных захоронений. По данным археологов, в начале бронзового века произошел возврат к индивидуальным захоронениям к северу от Альп и во всей Северной Европе: здесь появилась «курганная» культура с могилами правителей и обильными погребальными подношениями; тела умерших помещали в гробы, выдолбленные из стволов дуба. В конце бронзового века в Центральной Европе, вдоль Рейна и на территории Франции, Испании и Италии появилось новшество в виде «полостей погребальных урн» или захоронения трупосожжений в ямках без урн. Этот новый обычай захоронений следует рассматривать в сочетании с определенными религиозными верованиями в освобождение души, заключенной в теле, чтобы она могла легко достичь небес. В процедуре кремации также появляются солнечные символы. Эти погребальные обычаи сохранялись в государствах ахейцев вплоть до IV в. до н.э.

ШУМЕРСКИЕ И ВАВИЛОНСКИЕ РЕЛИГИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОСТОКЕ

Шумерские и аккадские божества

Придя в Месопотамию в IV тысячелетии до н.э., шумеры оказали сильное влияние на народы этого региона посредством своих городов-государств Ниппур, Эриду (Эреду), Урук, Лагаш, Ур и Мари. Аккадцы, семитский народ с запада, смешался с шумерами. Шумерская клинопись (после многочисленных попыток) была изобретена около 3000 г. до н.э.; эта письменность должна была стать основой формирования мышления этих двух народов. Месопотамская религия развивалась с использованием текстов на шумерском и аккадском языках. С 2000 г. до н.э. к ним добавились вавилонские тексты, и в настоящее время имеется доступ к почти полумиллиону документов.

На шумерском языке божество называлось *дингир* (*dingir*), а по-аккадски – *илу* (*ilu*). Мы не знаем значения этих двух слов, хотя смысл их выявлен благодаря звездной идеограмме, которая всегда предшествовала названию божества, указывая, что он/она жили на небесах. Таким образом, божественное изображалось как небесное, а земной мир был отражением небес. Другой эмблемой божественности был рогатый венец, символизовавший быка, принятый уже к VIII тысячелетию до н.э. в Мурейбете на Евфрате и изображавший божество и символ женской плодородности. Это двойное обозначение власти и плодородия находят на протяжении всей истории месопотамского пантеона, который состоял из многочисленных богов и богинь. Можно также обнаружить монархический принцип, перешедший от правителей страны и отраженный в божественном мире, который управлялся триадой: верховный бог Ану (An), бог воздуха Энлиль и

бог земли Энки. Ясно, что шумеры связали свои представления о божествах с природными условиями и особенностями культуры.

Шумеры и семитские народы наделяли богов человеческим обликом, приписывая им свет и блеск как главные характеристики. Блеск выглядел как пышность статуи или храма этого божества, а иногда создавался искрящимся покровом, например, статуи. Свет мог также становиться ореолом, окружавшим голову статуи, и это месопотамское представление о божественности было заимствовано в Индии, Иране и на Западе. В вавилонском обряде «коронации» статуй богов имело огромное значение, поскольку рассматривалось как надделение их сверхъестественной силой.

Человечество, положение людей и власть правителей

Происхождение людей на земле объясняется в четырех мифах, заключения в которых одинаковы: боги создавали людей, чтобы те служили им. У шумеров божественные предначертания *ме* управляли функционированием космоса и общества: они определяли судьбу каждого, действия человека всегда должны были соответствовать желаниям богов. Эту концептуальную модель аккадцы воплотили в соответствующие обряды. Служение богам состояло из всего множества видов человеческой деятельности, включая и ритуальное поклонение. Управляемая божественным предначертанием, человеческая жизнь проходила в линейном временном измерении, заканчиваясь смертью, которая вела покойного в царство Нергал, где мертвые были только тенями. Веря, что судьбу отражают и явления природы, жители Месопотамии организовали высокоразвитую и разнообразную науку и практику предсказаний.

Для счастья человечества, объяснял миф, верховное божество Ану послало на землю царскую власть. Бог Ану с первого взгляда избрал шумерского царя и облек его полномочиями, произнеся его имя вслух. Он даровал царю тиару и трон вместе со знаками его отличия как вождя народа и слуги богов. Как царь и жрец правитель ежедневно проводил религиозные службы в жилищах богов, о которых он должен был заботиться.

Формы богослужения и молитвы

Благоговевая перед небесным сводом, жители Месопотамии считали его великолепным местопребыванием их великих богов. Правитель строил для них и земные дома: храмы и святилища, места для ежедневных жертвоприношений и подношения даров, великолепие которых описано на табличках вокруг статуи божества. Богов кормили, одевали и одаривали драгоценными камнями и благовоениями. На главных торжествах по случаю новолуния, восхваляя небесный свет, на праздниках акиту (*akitu*), посвященных наступлению нового года, жрецы отправлялись на поиски своего бога, сошедшего с небес, забираясь на зиккураты – огромные культовые башни с несколькими (3–7) ярусами, соединявшимися лестницами и пандусами. Организовывалась большая процессия, просящая даровать возобновление жизни растений. Это мифически-ритуальный пересказ космических процессов был введен хеттами в Угарите и в Иране.

В первой навеянной религиозными представлениями повести, хранящей память о древней Западной Азии, мы встречаем мифическое сообщение о потопе; это произведение – результат усилий семитского гения в поисках бессмертия (легенда о Гильгамеше), так же, как и вавилонская поэма «Энума Элиш» о сотворении мира, написанная, ве-

роятно, в XII в. до н.э. в честь бога Мардука и объявлявшая его господином всех богов и человечества. Месопотамские таблички сохранили для нас первые большие собрания молитв. Шумерская молитва *сискуп* (*siskur*) сопровождалась подношениями и специальным жестом: проситель закрывал рот ладонью или поднимал ее. Эти молитвы были очень короткими, а гимны были обычно унылым перечнем восхвалений бога. Большинство молитв написано на аккадском языке – это гимны, искупительные молитвы, молитвы об избавлении от вреда, молитвы, сопровождающие подношения, царские молитвы о благе страны. Наряду с официальным культом, праздновавшимся в храмах, молитвы отдельных людей дают нам более глубокое представление о религии жителей Месопотамии, о вере в величие богов, к которым они обращались во времена бедствий.

Влияние и распространение месопотамских религий

Хетты

Уже в VI тысячелетии до н.э. в Анатолии существовала очень активная религиозная жизнь, например, в городах Чатгал-Хююк, Эрбаба и Хачилар; там были святилища, фрески, фигурки божественной богини с быком, алтари, практиковались погребальные обряды. Когда индоевропейский кочевой народ, известный как хетты, пришел в Малую Азию в III тысячелетии до н.э., он заимствовал несколько уже довольно сложных местных культов, которые исповедовали аборигены-«хатти» (иначе «протохетты»). В результате этого слияния появились культы Солнца, гор и водных источников. Впоследствии сирийские хурриты оказали влияние на богословов и писцов Хаттусаса (современный Богазкёй), столицы Хеттского царства (1380–1180 гг. до н.э.), познакомив их с религиозными концепциями и обрядами Вавилона, которые были включены в национальный культ. Бок о бок с местными пантеонами существовал иерархический имперский пантеон, в котором, как и в Месопотамии, мир богов изображался как царский двор. На вершине правления находились два небесных существа – Солнце и буря (справедливость и война). Жречество управлялось царем-жрецом, наместником великого бога. Представление о жрецах как о сословии возникает в шумеро-вавилонской религии. Эти должностные лица отвечали за организацию работ в храмах, в которых совершались ежедневные подношения богам и богиням и где священное значение имела чистота. Таблички из Хаттусаса доносят до нас множество текстов гимнов и молитв, использовавшихся во время служб или царских церемоний. В ассиро-вавилонском мире гимны состояли, главным образом, из восхваления бога, хотя хеттские гимны преследовали совершенно утилитарные цели; по-видимому, молитвы как знак поклонения им были неизвестны. Шумеры и хетты обращались к своим божествам, когда испытывали нужду: первые обращались к ним со своими просьбами, в то время как хетты проще относились к божествам, что могло быть следствием индоевропейского влияния.

Культы западных семитских народов: Финикия и Ханаан

Общепринятое название божественного существа было *эль* (*el*) или *илу* (*ilu*), вероятно, эти слова означали силу или власть. *Эль* стал высшим божеством у ханаан. В конце III тысячелетия до н.э. амореи (амориты), семитский народ, живший в среднем течении Евфрата, принес-

ли влияние Месопотамии в Сирию и Палестину. Так появились культы богини Анаг и бога Хадад: божества женского рода играли важную роль в культах плодородия. Боги имели свои места пребывания: городской храм, просто камень в других местах – *бейт-эль* (*beyt-el*) в середине внутреннего двора. Жертвоприношение представляло собой пир в честь божества. Именно царь осуществлял контроль над важными богослужениями, в которых статуи означали божественное присутствие. Погребальный культ эпохи неолита укрепился, целью его была демонстрация веры в жизнь после смерти.

Таблички из Рас-Шамра являются единственным имеющимся у нас собранием мифов западных семитских народов, и они дают нам общее представление о религиозной мысли XIV–XIII вв. до н.э. Подобно жителям Месопотамии, западные семитские народы полагали, что сельское хозяйство должно поддерживать существование богов и людей.

Доведическая религия в Индии и Пакистане

Тысячи печатей, разнообразная украшенная керамика, фигурки мужчин и женщин, религиозные сцены и захоронения, найденные в Мохенджо-даро и Хараппе (в Пакистане) и в Индии, могут быть признаками влияния Месопотамии в конце III тысячелетия до н.э. Поклонение великой богине и великому богу указывает на культ, связанный с плодородием. Рога, символизирующие власть, венец, представляющий Солнце, трон как знак величия – эти символические изображения вавилонских богов также найдены на печатях долины Инда. Теперь мы знаем, что между регионами Евфрата и Инда уже в III тысячелетии до н.э. существовала торговля. Когда-нибудь эти 3500 текстов будут расшифрованы и дадут ответ на загадки доведической религии долины Инда.

РЕЛИГИЯ ЕГИПТА ПЕРИОДА ФАРАОНОВ

На протяжении IV тысячелетия до н.э. Египет имел контакты с Сирией, Палестиной и шумерским миром. От Шумера Египет унаследовал цилиндрическую печать, искусство строительства зданий из кирпича и постройку лодок. Около 3000 г. до н.э. египетский фараон Менес объединил страну и построил ее столицу Мемфис. Жители Египта постоянно становились свидетелями чудес природы: ежедневного рассвета, ежегодного повышения уровня воды в Ниле, впечатляющей регулярности его разливов, изобилия воды без дождя, плодородного ила, пышной растительности под ослепительным небом. Сотворение мира рассматривалось как Золотой век, который дал начало Земле, свету, человечеству и превращению Хаоса в Космос.

Сотворение: боги и мир

Для теологов Мемфиса сотворение мира было делом рук (точнее – слова) бога Птаха (Пта), который создал и объединил вокруг себя восемь первых богов – ипостасей самого себя. Силой своего слова и сердца он создал Вселенную, видимую и невидимую. Он привел живых существ и установил справедливость, создал искусства, города и святилища Египта, власть фараона, город Мемфис и свой храм в нем. Власть фараона была свойством мира богов и людей. Таким образом, Птах – творец живых существ, а также автор всего мироздания, появившегося благодаря силе божественного слова.

Представитель III династии Джосер связал власть фараона с культом Солнца, объединив жречество Гелиополя

со своим правительством. Эта доктрина появляется в «Текстах Пирамид», которые описывают бога Атума, отождествляемого с богом Солнца Ра, как создателя мира и отца других богов. Он начал сотворение мира, сперва насыпав холм над безграничным водным пространством, на который он поместил камень Бен-Бен. Он извлекал создающую силу из своего сознания, символизируемого солнцем. Бог Ра был первым царем Египта и отцом сонма божеств.

В теологии Гермополя – древнего города, центра 15-го нома Верхнего Египта – бог Тот (создатель Великой Восьмерки богов – огдоады, которые слились с ним) был изначальным богом, который вложил яйцо в холм Гермополя. В одном из вариантов этого мифа из изначального болота появилась чашечка цветка синего лотоса.

В течение трех тысячелетий теологические представления и религиозная жизнь Египта определялись этими доктринами о сотворении мира, развитыми в течение первых династий в школах жрецов в Мемфисе, Гелиополе и Гермополе. Существовало 753 божества: местные боги, боги и богини космоса, боги мудрости и т.д. Все они обладали властью – *нетер*, которую Египет пытался выразить посредством образов, символов или знаков, иногда довольно непонятных.

Фараон и религиозные обряды

Удивление египтян перед лицом природы облегчало им постижение тайны жизни и ее священного характера: жизнь была высшим творением богов и обозначалась мистическим знаком *анх*, обнаруживаемым еще с доисторических времен и перенятым коптскими христианами. Этот знак изображали на стенах храмов, погребальных стелах и статуях. Боги и богини преподносили его фараонам и умершим. Царская власть являлась божественным установлением, а осуществлять ее после своей коронации в Мемфисе был призван фараон. Миссией монарха было обеспечивать непрерывность жизни, стабильность космоса и гармоничную работу всего сущего. В святилище – наосе – каждого храма стояла статуя бога, перед которым фараон (через своих жрецов) преклонялся на рассвете, в полдень и вечером с обязательным омовением, подношением пицци и благовоний. Посредством этой церемонии жрец каждый день призывал божественную силу войти в статую. Каждый храм был домом бога, но одновременно он являлся символическим сооружением, ассоциировавшимся с изначальным холмом, который должен был поддерживать творения. Строительство храмов являлось царской привилегией.

Люди и их судьба

Человечество находится в руках богов. Египтяне отдавали себе отчет в превратностях судьбы, но они почитали все священное и любили жизнь. Они прекрасно ощущали течение времени в одну сторону, в направлении бессмертия, символом которого служила мумия. Они были полны радости жизни и хотели унести в будущий мир вещи, которые они сделали для достижения земного счастья. Тем временем они использовали каждую возможность для продления жизни: этому служили *дъед* (*djed*) – колонна, установленная в честь празднования тридцатилетия правления фараона, дом жизни, примыкавший к каждому храму, статуэтки Осириса. Бальзамирование дало возможность сохранять мертвое тело. Пирамиды свидетельствовали о небесном призыве фараона, который воссоединился с богами. Со времени Нового Царства каждый верующий становился Осирисом после смерти, и ритуал бальзамирования распространялся на всех. Экземпляр «Книги

мертвых», представлявшей собой собрание религиозных текстов на папирусе, который начали составлять во время XVIII династии (с 1580 г. до н.э.) и постоянно расширяли вплоть до 650 г. до н.э., обертывались, запечатывались и клались в гробницу в изголовье мумии. Эта книга должна была стать вечным спутником умершего.

Эхнатон, пророк единого Бога и Творца

Новое Царство (1580–1085 гг. до н.э.) основывалось на поклонении богу Амону; Фивы стали политической и религиозной столицей Египта, где духовенство играло выдающуюся роль. Аменхотеп IV перенес столицу страны из Фив в основанный им город Ахетатон (современный Тель-эль-Амарна), приняв имя Эхнатон (древнеегипетское «Полезный Атому»), что делало его фараоном-жрецом и пророком единого бога, творца всего, господина всех народов. Универсальная религия Солнца, т.е. бога Атона, представленного самим солнечным диском, вытеснила религию династического бога Амона. Два сохранившихся гимна Тель-эль-Амарны показывают, как древняя доктрина Гелиополя преобразовалась от бога Ра к Атону – единому богу, создателю всего. Одним ударом она устранила традиционную доктрину, царскую теологию, а также всех других богов. Смерть Эхнатона в 1352 г. до н.э. знаменовала разрыв Амарны с прошлым.

С окончанием периода Нового Царства закончилось религиозное творчество Египта времен фараонов. После этого страна вернулась к старым традициям.

Религия Израиля

Наше знание истории и религии Израиля основано, главным образом, на Библии, но за последнее столетие раскопки в Западной Азии дали много очень ценных сведений о появлении народа, который всегда связывал свое национальную идентичность с Богом.

Патриархальная религия

Сначала возникла племенная религия, которая датируется концом III тысячелетия до н.э. Племена поклонялись богу Эль, которого также называли Шаддаи, т.е. защитник. Они часто посещали местные святилища, где патриархи установили алтари, на которых делались подношения богу. Имя Абрам относится к группе имен, обнаруженных во II тысячелетии до н.э. в Месопотамии. Поселившись в Мамре, он получил имя Авраам (Ветхий завет, гл. Бытие, 17: 5). Различные предания рассматривают его как отца веры Израиля в единого бога. Более поздняя библейская традиция указывает на важность обрезания как знамения вступления Авраама в Завет с Богом и его героической верности ему. Так возникла религия, общая для всех племен. Она была основана на признании Яхве – персонального бога Авраама – защитником каждого человека и стала гарантией межплеменных соглашений и союзов. Эта религия подразумевала специфические формы поклонения Богу; священниками были местные опекуны священного места – территории Бога. Наряду с этой религией святилищ там же сформировался культ бога-воина Себадта, или Саваофа, который объединил племена для победы над врагами.

Моисей и религия договора народа с Богом

Когда, по преданию, на пути из Египта израильтяне расположились лагерем около горы Синай, т.е. горы Бога, Яхве

заключил с людьми договор, дав Моисею скрижали с десятью заповедями. С того времени, согласно вероучению, этот договор приобретает главное значение в отношениях между Яхве и Израилем, в нем народ выступает как носитель божественного откровения. Высшим достоинством является верность, преданность – *xeced* (*khéséd*), образцом чего является сам Яхве. Божественная преданность, даруемая Богом, означает прощение и милосердие по отношению к людям, поскольку Бог является отцом Израиля. Законы Яхве составляют основу договора. Поклонение любому другому богу означало бы, что Израиль подчиняется другим законам и потерял свою независимость. Изначальным компонентом религии израильтян стало запрещение священных изображений, в этом проявилось абсолютное неприятие идолопоклонства.

Израиль в своих верованиях соединил Моисея и его дела с формированием себя как независимой нации. Историки относят эти события к XIV в. до н.э. Слова «Бог, который вывел Израиль из земли египетской», подчеркивали вмешательство Яхве в историю израильтян, а некоторые ритуальные обычаи, вроде празднования еврейской Пасхи и отдыха на седьмой день (празднование Субботы), связаны с этим избавлением. Ковчег Завета, содержащий скрижали закона, стал символизировать для «богоизбранного» еврейского народа силу Яхве. Поклонение ему было организовано в Силохе и в других святилищах, таких как Бетель и Гильгала.

Религия Израиля в период монархии

Сначала племена обосновались в Палестине, тогда у них были судьи, которые имели ограниченную власть. Правление династического типа началось с Саула (около 1030–1010 гг. до н.э.) – основателя Израильско-Иудейского царства. «Избранный Богом», этот царь отвечал за святилища и организацию поклонений, и считалось, что его указы вдохновлены Богом. Царь Давид (1010–970 гг. до н.э.) захватил Иерусалим, сделав его столицей племен, и установил там Ковчег Завета, чтобы придать своему правлению ореол «божественного присутствия» и поднять Сион (холм в Иерусалиме, где, согласно Библии, была резиденция царя Давида, а также храм Яхве. – *Прим.ред.*) до ранга «избранного места пребывания Яхве». Именно этот Ковчег Соломон установил в храме, который он построил. Освящение храма происходило во время осеннего торжества, которое в дальнейшем стало великим царским праздником: торжество было связано с ожиданием дождей, несущих процветание. Во времена Давида и Соломона происходила широкая ассимиляция ханаанских святилищ. Примыкавший к храму царский дворец символизировал божественную природу правления монарха. Духовенство оставалось преданным обычаям Моисея.

Монархическая религия состояла из нескольких компонентов. Царь был слугой Яхве, ответственным за организацию поклонения этому национальному богу. Существовала также народная религия, придававшая особое значение возвышенным местам и все еще находившаяся под влиянием ханаанских обрядов, особенно тех, которые были связаны с плодородием. Религия пророков должна была выступать против этих двух элементов, она должна была развивать индивидуальные и моральные особенности религии Бога ветхозаветного Авраама. Во времена Илии (IX в. до н.э.) конфликт между царем и пророками приобрел открытую форму и усилилось противостояние финикийским богам. Движение пророков приобрело силу. Амос, Иосия и Исайя выступили с критикой царской религии и призывами к ее очищению. В соответствии с законом Моисея и десятью заповедями они старались сделать все возможное, чтобы уничтожить местные святилища.

РАЗВИТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНДООЕВРОПЕЙСКИХ РЕЛИГИЙ

В течение III тысячелетия до н.э. группы народов-завоевателей перемещались на территории между Индией и Атлантикой. В течение II тысячелетия до н.э. они постепенно обособились в Европе, на западных окраинах Азии, в Иране и на равнине между Индом и Гангом. Они говорили на разных диалектах унаследованного общего, ныне утерянного языка, который условно называют протоиндоевропейским. Эта общая основа дала начало многим группам древних и современных языков, включая индоиранскую, греческую, славянскую, германскую, итальянскую и кельтскую языковые группы. Что касается языка как носителя мысли, то французский историк культуры и филолог Ж. Дюмезиль (*Georges Dumézil*, 1898–1986) провел обширное сравнительное исследование, позволившее ему определить пути и способы формирования индоевропейской религии и общества и, таким образом, фундаментальные структуры мысли доисторической эры – теологии, подразделявшей богов на три категории, в функции которых входило либо верховное господство, власть, либо плодородие. Эта теология отражала деление общества на три основные части. Религиозный словарь всех индоевропейских языков тесно связывает идею бога с небесами, а также светом, сверхъестественными свойствами, верховной властью, происхождением по отцу.

Веды и брахманы в Индии

Индоевропейцы достигли бассейна Инда и затем Ганга около 2000 г. до н.э. Их общество состояло из трех высших классов (*варн*): *брахманов*, т.е. священников, ответственных за религиозные вопросы, *кшатриев*, т.е. воинов и защитников; *вайшьев* – земледельцев, скотоводов и ремесленников, «народа». Памятники их литературы, относящиеся к глубокой древности, известны как Веды, имеет дело с 33 персонажами – божествами-попечителями космического порядка. Митра и Варуна были высшими богами, Индра и Маруты – богами воинов, а Насатья, или Ашвины, – богами плодородия и изобилия; Агни – богом огня. Гимны, собранные в «Ригведе», воспевали и восхваляли богов во время жертвоприношений. Через тысячелетие завоевание Индии было завершено и ведические устные предания приобрели письменную форму. Священники-брахманы стали заключать договоры на принесение жертв (в их обязанности входило соблюдение до тонкостей жертвенных обрядов. – *Прим. ред.*) и направили всю религиозную деятельность на поиски бессмертия посредством жертвенных обрядов. Божество Сома и одноименный напиток были напитком «бессмертия».

В качестве реакции, направленной против применения всех этих ритуалов, приблизительно в 700-е годы до н.э. возникли упанишады. Они отстаивали мнение о спасении путем соединения брахмана (космического духовного начала) и атмана (индивидуального, субъективного духовного начала), «Я» с чистым Бытием, чистого Сознания с Блаженством. Освобождение (*мокша*) – это уход от *сансары*, т.е. от бесконечного перевоплощения при возвращении на эту землю, происходящего в результате действий, предпринятых в предыдущей жизни. Чтобы предотвратить переселение души, нужно разорвать цикл кармы. Знание, медитация и мистицизм готовят путь к спасению. Вместо ритуала Индия стала защищать развитие опыта внутреннего света. Космическое духовное начало – брахман – рассматривалось и как имманентное, и как трансцендентное явление.

Зороастризм и маздаизм

Название «Иран» происходит от Иран-шахр (*Iran-shahr*), что означает «страна арийцев». В Индии, как и в Иране, завоеватели считали себя арийцами (знатью). До их прихода между 1200 и 1000 гг. до н.э. различные области Восточного Ирана исповедовали религии Центральной Азии: существовал женский пантеон, состоявший из богинь, но в нем было также одно божество – символ быка; практиковались погребальные обряды, свидетельствовавшие о вере в жизнь после смерти; прослеживается почитание великой богини со второй половины III тысячелетия до н.э. и постепенное появление мужского пантеона с храмами и святилищами.

В IX в. в Восточном Иране пророк Зороастр (греческая передача имени Заратуштра, *zaotar* (*zaotar*) – означало священник и пророк) предпринял важные реформы древнеиранской религии, заменив арийский культ на поклонение верховному богу Ахурамазде. Эти реформы стали нам известны благодаря изучению сборника гимнов, составленного лично реформатором и сохранившегося в «Авесте», собрании священных книг. В гимнах Зороастр заявляет о своей вере в единого высшего бога, творца света, начало и конец всего мира, мудрого господина и царя небес, хранителя законов.

Три пары «функциональных» божеств – боги высшего господства, власти, силы и плодородия – были заменены шестью архангелами, составляющими небесный двор Ахурамазды. Ими были Боху Манах (праведное мышление), Аша (правосудие), Кшатра (власть), Армаити (преданность), Хорватат (здоровье), Амеретат (бессмертие). Отношения высшего Бога с человечеством осуществляются с помощью этих шести существ.

Наряду с монотеизмом присутствовал и дуализм: два духа, боролись за власть над миром – дух добра (Спента Майнью), источник жизни, спасения и бессмертия, и его противник дух зла (Ахра Майнью), лжец, обманщик, источник смерти. Человек свободен выбирать между добром и злом, и этот выбор определяет спасение каждого после смерти и суда. Спасение больше не зависит от перевоплощений, а определяется помещением в награду в «Дом Хвалы» или, в наказание, – в «Дом Теней». Зороастр также проповедовал идею обновления мира и заменил представление о прямолинейном ходе времени на его циклическое течение.

Маздаитское сообщество оформилось вскоре после смерти пророка. Его убеждением была вера в Ахурамазду, но постепенно она смешалась с народными верованиями, происходившими от древней арийской религии. Маздаиты носили пояс, являвшийся напоминанием о связи с брахманом. Центр поклонения превратился в ритуал огня: огонь символизировал жертвоприношение предкам, а также свет Мудрого Бога. Маздаизм существовал как сообщество верующих, давших торжественное обязательство следовать добру и справедливости. Это сообщество поощряло браки между его членами как средство сохранения чистоты своей веры и идеалов борьбы за правду.

Индоевропейцы в Европе

Существует мало данных о пребывании индоевропейцев в Европе в бронзовом веке: кельты (галлы) составляли самую западную ветвь и жили в Галлии и на Британских островах в X–IX вв. до н.э. Когда римляне завоевали эти регионы, они обнаружили социальную и религиозную структуру, состоящую из трех четко выраженных частей: класса друидов, которые были жрецами, врачами, учителями, прорицателями, хранителями традиций, а также выполняли судебные функции; военной аристократии, вла-

девшей землей; скотоводов, которым принадлежали стада. Эта разделение соответствовало структуре индоиранских обществ и отразилась во всех кельтских религиозных традициях.

Ряд каменных статуй-стел III тысячелетия до н.э., найденных в альпийских долинах Италии – Валтеллина, Валькамоника и Альго-Аджиже, украшены трехъярусной резьбой. На самом верху художник высек нечто вроде солнечного символа или человеческой фигуры, на среднем уровне изображены кинжалы, в самом низу – сцены, связанные со скотоводством, земледелием, символы воды и растительности. Не является ли это свидетельством индоевропейского присутствия в альпийских долинах в начале III тысячелетия до н.э.?

Исследование Ж. Дюмезиля привело к открытию существования в Риме идеологии «тройного назначения», берущей свое начало в глубокой древности. В ней было три главных действующих лица: Ромул, божественный сын Юпитера, которому адресованы его обещания; Лукumon, его этрусский союзник и военный стратег; Тит Таций, вождь сабинян (сабинов). Открытие Дюмезиля дало новый импульс изучению происхождения римской религии и подчеркивало важность индоевропейского наследия в появлении этой религии уже при основании Рима в 753 г. до н.э.

Остается только обсудить вопрос о присутствии индоевропейцев в Элладе в бронзовом веке в связи с их столкновением с религией Крита.

РЕЛИГИИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Минойская религия

К середине III тысячелетия до н.э. народы, прибывшие на остров Крит с юга и востока, развили технологию обработки бронзы. Это было началом минойской (по имени мифологического царя Миноса) археологической культуры бронзового века. В середине минойского периода (2000–1580 гг. до н.э.) культурные и религиозные тенденции определялись дворцами городов Кносса и Маллии. В этот период появилось иероглифическое письмо и появились первые группы индоевропейцев. Цивилизация достигла здесь своего расцвета в конце минойской фазы (1580–1450 гг. до н.э.). По мере возвышения Микен и усиления греческой гегемонии культура Крита стала приходить в упадок.

Древние минойские святилища находились на вершинах холмов и гор, а также в пещерах и лабиринтах, указывая на то, что посвящения в их тайны играло важную роль; впоследствии это нашло подтверждение. Главными объектами поклонения были богиня плодородия и бык. В греческой мифологии существовала «богиня диких животных». С возведением дворцов поклонение богине стало еще более значимым: оно осуществлялось в священном жилище, предназначенном для нее, в присутствии царя-священника, выполнявшего ритуал; объектом почтения были трон богини, ее способность к прозрению; выполнялись обряды посвящения; велась служба, посвященная таинствам жизни, смерти и возрождения, организовывались священные танцы и бои быков. Религия, которой следовали во дворце-храме Крита, была полным синтезом культов этой богини и быка, которые распространялись в Западной Азии и Средиземноморье начиная с неолита.

Религия ахейцев и Микен

В начале II тысячелетия до н.э. последовательные волны индоевропейцев вторглись в Элладу, где обнаружили

средиземноморские культы плодородия. Вместе с ахейцами здесь появились лошади, искусная керамика и небесный пантеон мужских богов, управляемых Зевсом, Диосом у ариев (арийцев). Второе крупномасштабное вторжение дало начало блестящей микенской цивилизации, распростиравшейся на п-ове Пелопоннес, в Беотии и Аттике вплоть до о. Крит. Эта цивилизация просуществовала с 1580 до 1100 г. до н.э.

Таблички, найденные в Кноссе, Пилосе и Микенах, содержат письма с обращениями к Зевсу, Гере, Афине, Посейдону и Дионису. Большое жреческое сословие образовалось вокруг царя в Пилосе. За этим сословием были закреплены определенные функции, к выполнению которых привлекались и мужчины, и женщины – от обязанностей жрецов, ответственных за жертвоприношения, до начальника казначейства и пекаря. Боги и богини этих двух цивилизаций встретились, причем индоевропейское общество подверглось значительному влиянию Крита. В микенский период была создана основа греческой религии: ее главные божества, культы и мифы, святилища Дельф, Олимпии, Элевсина и Делоса, а также Акрополь в Афинах. Внушительные микенские захоронения доносят до нас свидетельства устойчивой веры в жизнь после смерти. Даже в рассматриваемый период обряд посвящения гарантировал это благо.

От крито-микенской религии к религии городов

Крито-микенская цивилизация исчезла около 1100 г. до н.э. Воинственные индоевропейские племена прибыли на эти земли и заняли Элладу, прибрежные области Анатолии и острова Эгейского моря. Они, вероятно под наблюдением тирана построили первые города. Индоевропейские особенности пантеона были очень выраженными, при этом Зевс занимал верховное положение. Ликийский бог Аполлон появился в святилищах на Делосе и в Дельфах. Богиня Афродита, образ которой был заимствован у финикийской богини Астарты, появилась в Греции через о. Крит. Богиня Геката была заимствована у карийцев, богиня Кибела – у фригийцев. Все большее значение приобретал обряд посвящения подростков и молодых людей.

Глубокие изменения происходили в Греции приблизительно около 800 г. до н.э. Политика урбанизации вела к строительству городов, что вызвало искоренение и перенос местных культов и преобразование религиозной архитектуры. Древние святилища уступили место храмам, в которых престиж города преобладал над верой. Основание полисов – греческих городов – дало начало политическому культу: задачей божества, опекающего город, становилась охрана его народа, имущества и самого города. Народная религия почитала Диониса и в той же степени Деметру и Кору (культовое имя богини Персефоны), мистерии в честь которых проводились в Элевсине.

Сформировались два религиозных течения: с одной стороны, официальный культ богов полисов – городов-государств, а с другой – мистерии и посвящения. Первое течение было политическим и связывалось с городом. Второе было мистическим, оно имело целью личное спасение и бессмертие. Основные документы, отражающие новые тенденции греческой религиозной мысли, появились в VIII в. до н.э. «Илиада» и «Одиссея», приписываемые Гомеру, представляют нам обширный пантеон греческих богов и их отношения с людьми. Гесиод в дидактической эпической поэме «Труды и дни» изображает Зевса защитником человечества и верховным судьей. Его «Теогония» (т.е. родословная богов) является самой древней систематизацией греческих мифов.

КИТАЙСКАЯ РЕЛИГИЯ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Самые древние данные о религии Китая связаны с неолитической культурой яншао V тысячелетия до н.э. Посуда и остатки продуктов питания, найденные в захоронениях, указывают на веру в загробную жизнь. Существует много находок, относящихся к бронзовому веку периода правления династии Шан (Инь) (1751–1028 гг. до н.э.): украшенные вазы, царские могилы, пророческие надписи на костях животных. Верховное божество Шан-Ди управлял ритмами космоса и явлениями природы. Он даровал царю победу в сражении и обеспечивал обильный урожай. Поклонение ему осуществлялось либо в святилищах предков, либо в сельской местности. Существовали также аграрные культы, столпами которых были власть царя и авторитет предков. Считалось, что первый из предков царя являлся потомком Шан-Ди. Нормальное чередование времен года «обеспечивалось» благодаря жертвоприношениям. В царских захоронениях археологи обнаружили не только кости животных, но и останки людей, вероятно, принесенных в жертву, чтобы они могли сопровождать царя в другом мире. Могилы были домами мертвых. Когда завершалось строительство дворца или храма, человеческие жертвы служили «гарантией» его надежности и долговечности.

В 1028 г. до н.э. приход династии Чжоу ознаменовал начало славного периода под покровительством небесного божества Тянь (Небеса), или Шан-Ди (Бог небес), которое со своего поста в центре небес видело и слышало все. Оно защищало правящую династию, потому что царь был его сыном и одновременно единственной персоной, имевшей право предлагать жертвы богу. Поклонение же предкам продолжалось, и соответствующие таблички теперь помещались в храме предков, а не в бывшем «доме урн».

Помимо высшего бога существовало множество других божеств: боги земли, деревень и поместий. Письменные памятники и мифы описывают это время как период, когда китайцы подняли глаза к небесам, размышляли о природе космоса и месте человечества в нем и изобрели символы и обряды, которые отражали универсальную гармонию триады, состоящей из небес, земли и человечества. Оригинальность их религиозной концепции прослеживается в чередовании и взаимном дополнении двух полюсов: *инь* и *ян*, полярных и постоянно переходящих друг в друга сущностей, взаимодействие которых «ткало полотно жизни». Эта концепция сложилась в V в. до н.э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бронзовый век был критическим в истории религии. В этот период произошло формирование великих религий Западной Азии и Средиземноморья: Шумера, Вавилона, Египта, Израиля, Индии, Ирана и Греции. Основатели этих религий, такие как Авраам, Моисей или Зороастр, были персонажами, оставившими неизгладимый след в истории своих народов. Первые крупные религиозные системы, возникнув, продолжали действовать, обеспечив соответствующие модели для последующих тысячелетий. Прежде всего, признавалась божественность монарха, которая принимала несколько различные формы в Египте, Месопотамии, Индии и индоевропейском мире, Израиле и на Крите. Жречество было также связано с различными культурами, хотя везде оно играло двойную роль: разрабатывало, с одной стороны, теологическую систему, объяснявшую Бога, человеческое существование и мир, а с другой – ритуалы поклонения богам, достояние последних.

Кроме того, эти два тысячелетия оставили очень богатое наследие человечеству: первые великие теологические системы и космогонии; ряд непротиворечивых доктрин о

месте человечества, о значении людских поступков с точки зрения суда, грядущего после смерти, и о загробной жизни, о предназначении человека. Изобретение письменности было одним из наиболее важных событий той эры: она дала человечеству его священные книги, а также святилища и храмы. Религия и культура стали неотделимы.

Одним из значительных событий бронзового века было возникновение Израильского царства. Согласно преданию, благодаря откровению, дарованному Аврааму его Богом, и договору, заключенному между Яхве и Моисеем на горе Синай, народ Израиля принял свое предназначение, которое было, как его понимали верующие, особым по сравнению с другими народами древней Западной Азии.

В последние десятилетия получило значительное развитие изучение пещерного искусства. Мы видим, что изобретение обработки металла сделало возможным изготовление колесниц и оружия, которые стали новыми символами власти и привели к далеко идущим культурным изменениям. Поэтому историков религии должно интересовать изучение медного и бронзового века. Первые исследования искусства бронзового века, в частности, каменных резных изображений в Европе и Африке, выявили ряд символов, указывающих на новые отношения: пристрастие к оружию, внушительное число боевых сцен, множество символов силы и войны. Хотя сохраняются многие свидетельства солнечных культов и обрядов, связанных с плодородием, типичных для периода неолита, теперь их встречается гораздо меньше. Изобретение колесницы и оружия придало сражениям и войнам большее значение, чем сельскому хозяйству. Женские символы стали встречаться реже. Можно предположить, что происходило смещение интересов к мифам о воинах и героях.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ANATI, E. (ed.) 1975. Les religions de la préhistoire. Valcamonica Symposium 72. Capo di Ponte.
 — (ed.) 1983. Prehistoric Art and Religion. Valcamonica Symposium 79. Milano.
 BARGUET, P. 1967. Le livre des morts des anciens Egyptiens. Paris.
 BARUCQ, A., DAUMAS, F. 1980. Hymnes et prières de l'Égypte ancienne. Paris.
 BERGAIGNE, A. 1963. La religion védique d'après les hymnes du Rig-Veda. 2nd ed. Paris.
 BONNEFOY, Y. (ed.) 1981. Dictionnaire des mythologies. Paris.
 BOTTÉRO, J. 1987. Mésopotamie. L'écriture, la raison et les dieux. Paris.
 BOTTÉRO, J., KRAMER, S. N. 1989. Lorsque les dieux faisaient l'homme. Mythologie mésopotamienne. Paris.
 BUDGE, E. A. W. 1961. Osiris, the Egyptian Religion of Resurrection. 2nd ed. New York.
 BURKERT, W. 1977. Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. Stuttgart.
 CASAL, J. M. 1969. De la Mésopotamie à l'Inde. La civilisation de l'Indus et ses énigmes. Paris.
 CASSIN, E. 1968. La splendeur divine. Introduction à l'étude de la mentalité mésopotamienne. Paris.
 GAZELLES, H. 1985. La religion d'Israël. In: PIROT, L., ROBERT, A. (eds), Catholicisme hier, aujourd'hui, demain, Vol. X, Paris, col. 240–277.
 — 1989. La Bible et son Dieu. Paris.
 DE VAUX, R. 1961. Les institutions de l'Ancien Testament. 2nd ed. Paris.
 DI NOLA, A. M. (ed.) 1970–6. Enciclopedia delle religioni. Firenze.
 DUCHESNE-GUILLEMIN, J. 1962. La religion de l'Iran ancien. Paris.
 DUMÉZIL, G. 1958. L'idéologie tripartite des Indo-Européens. Brussels, Latomus 31.
 ELIADE, M. 1958. The Sky and Sky Gods. In: ELIADE, M., Patterns in Comparative Religion. London/New York, Ch. 2.
 — 1974. Traité d'histoire des religions. Paris.
 — 1976. Histoire des croyances et des idées religieuses. Vol. I. De l'âge de la pierre aux mystères d'Eleusis. Paris.

- 1978. Les religions de la Chine ancienne. In: ELIADE, M. (ed.), Histoire des croyances et des idées religieuses. Vol. II, De Gautama Bouddha au triomphe du christianisme, Paris. Vol. 2, pp. 9–46.
- (ed.) 1987. The Encyclopedia of Religion. New York/London.
- ERMAN, A. 1968. Die Religion der Ägypter. 2nd ed. Berlin.
- FAULKNER, R. O. 1969. The Ancient Egyptian Pyramid Texts. Oxford.
- FRANKFORT, H. 1978. Kingship and the Gods. A Study of Ancient Near Eastern Religion. Chicago, Ill.
- GARELLI, P. 1969. Le Proche-Orient asiatique des origines aux invasions des peuples de la mer. Paris.
- GONDA, J. 1960. Religionen Indiens. Vol. I. Veda und älterer Hinduismus. Stuttgart.
- GOYON, J. C. 1972. Rituels funéraires de l'ancienne Egypte. Paris.
- GRANET, M. 1980. La religion des Chinois. Paris.
- GUIART, J. 1979. Les hommes et la mort. Rituels funéraires à travers le monde. Paris.
- INTERNATIONAL CONGRESS FOR THE HISTORY OF RELIGIONS, Roma, April 1955. 1959. La regalità sacra. The Sacred Kingship. Leiden.
- JACOBSEN, T. 1976. The Treasures of Darkness. A History of Mesopotamian Religion. New Haven, Conn.
- JAMES, E. O. 1963. The Worship of the Sky-God. A Comparative Study in Semitic and Indo-European Religion. London.
- KEES, M. 1941. Der Götterglaube im alten Ägypten. Leipzig.
- KLIMKEIT, H. J. 1978. Tod und Jenseits im Glauben der Völker. Wiesbaden.
- KÖNIG, F. 1964. Zarathustras Jenseitsvorstellungen und das Alte Testament. Wien.
- LABAT, R. et al. 1970. Les religions du Proche-Orient. Textes et traditions sacrés babyloniens, ougaritiques, hittites. Paris.
- LAGRANGE, J. M. 1903. Études sur les religions sémitiques. Paris.
- LEBRUN, R. 1980. Hymnes et prières hittites. Louvain-la-Neuve, Centre d'histoire des religions.
- LITTLETON, C. S. 1982. The New Comparative Mythology. An Anthropological Assessment of the Theories of Georges Dumézil. 3rd ed. Berkeley. Calif.
- MASPERO, H. 1950. Les religions chinoises. Paris.
- 1971. Le taoïsme et les religions chinoises. Paris.
- MORENZ, S. 1960. Ägyptische Religion. Stuttgart.
- MYLONAS, G. 1956. Ancient Mycenae, the Capital City of Agamemnon. Princeton.
- NILSSON, M. P. 1981. Geschichte der griechischen Religion. Vol. I. Die Religion Griechenlands bis auf die griechische Weltherrschaft. Vol. II. Die hellenistische und römische Zeit. 3rd ed. München.
- NOTH, M. 1954. Geschichte Israels. 2nd ed. Göttingen.
- NYBERG, N. S. 1966. Die Religionen des alten Iran. 2nd ed. Osnabrück.
- POUPARD, P. et al. (eds) 1993. Dictionnaire des religions. 3rd ed. Paris.
- PUECH, H. C. (ed.) 1970. Histoire des religions. Paris.
- RENOU, L., FILLIOZAT, J. 1985. L'Inde classique. Manuel des études indiennes. 2nd ed. Paris.
- RINGGREN, H. 1966. Israelitische Religion. Stuttgart.
- RIVIÈRE, J. C. 1979. Georges Dumézil à la découverte des Indo-Européens. Paris.
- SETHE, K. 1930. Urgeschichte und älteste Religion der Ägypter. Leipzig.
- SEUX, M. J. 1976. Hymnes et prières aux dieux de Babylonie et d'Assyrie. Paris.
- STEPHENSON, C. 1980. Leben und Tod in den Religionen. Darmstadt.
- WATSON, W. 1966. Early Civilization in China. London.
- WIDENGREN, G. 1968. Die Religionen Irans. Stuttgart.

Жан-Пьер Моэн

Стремление к художественному выражению присутствовало во всех культурах периода между 3000 и 700 гг. до н.э. Существовали крупные центры искусства, связанного с амбициозными архитектурными достижениями в Египте, Вавилоне, Иране, на о. Крит, в Греции, Китае и Мексике. Археологические исследования выявляют богатство и разнообразие наскального искусства повсюду в мире, включая необитаемые в настоящее время регионы. При раскопках зданий, святилищ и могил повсеместно обнаруживают каменные и терракотовые статуэтки, украшенные предметы, каменные и иногда деревянные инструменты или керамические вазы. Художественные произведения были частью жизни, обычным элементом действительности в этот период, хотя мы очень мало знаем о ней: органические остатки почти полностью исчезли за прошедшие века, за редкими исключениями – органические вещества в египетских могилах сохранились благодаря сухой, стабильной атмосфере, органика на датских торфяных болотах и в швейцарских озерах – благодаря постоянной влажности.

ШИРОКОРАСПРОСТРАНЕННЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ИСКУССТВА

В регионах, в которых не сложились государственные структуры, таких, как Европа вне Средиземноморья, Африка за исключением Египта, Северная Азия и большая часть Америки и Австралии, искусство оставалось традиционным, коллективным и религиозным по своему духу. Небольшие антропоморфные и зооморфные модели или скульптуры, изготовленные в стилях, соответствующих тилу культуры, рассматриваются как амулеты или как предметы, связанные с религиозным обетом; к ним относятся, например, бронзовая колесница из Трундхольма в Дании: конь, запряженный в золотой солнечный диск; бронзовая колесница из Штреттвега в Австрии с богиней, окруженной охотниками на оленя; терракотовая колесница из Дуплина в Сербии с птицеголовым божеством. Подобные нарисованные на скалах или выбитые на их поверхностях рисунки помещены рядом и иногда даже сгруппированы вместе в живые картины. Лов рыбы в море и охота на оленя являются любимыми темами, такие рисунки обнаружены, например, на скалах в Залавруге в Карелии; сцены охоты и сражений украшают каменную плиту из Валькамоники в Северной Италии (илл. 137, 156, 157); рисунки молящихся с руками, поднятыми к небесам, найдены в Мон-Бего (Монт-Бего) на юге Франции. Ни одно из этих произведений не изображает эпизоды из повседневной жизни – все они представляют героические или мифические события. В этих многочисленных произведениях часто встречается стереотипная мужская фигура, обычно фигура воина на колеснице, запряженной лошастью, как это видно на стеле из Юго-Западной Испании. Рисунок, несомненно, изображает князя – доминирующую персону в сообществах того времени (см. гл. 14.6, рис. 75). Монументальное искусство в этих регионах было редким, за исключением известных концент-

рических колец вертикальных каменных глыб в Стоунхендже (на юге Англии) (илл. 4, 5), установленных в соответствии с западноевропейской мегалитической традицией, процветавшей в течение неолита.

Терракотовые и каменные статуэтки были также широко распространены вне Европы, заменяя более древние, которые были выполнены в виде сильно стилизованной женщины, сидящей или стоящей, производящей впечатление благородной и процветающей (илл. 15). Египетские фигурки танцовщиц с поднятыми руками, относящиеся примерно к 3000 г. до н.э., были окрашены в черный и красный цвета; другие статуэтки из слоновой кости этого же периода имели веретенообразную форму. На Кипре, в Сирии, Шумере, Иране и на территории современной Туркмении находят глиняные женские фигурки, которые относят к III тысячелетию до н.э., многие из них – фактически без рук, украшенные ожерельями и замысловатыми прическами. Каждая деталь типична для местного стиля. Например, к периоду между 2500 и 2000 гг. до н.э. относятся найденные на архипелаге Киклады мраморные идылы с треугольными головами, широкими плечами и сведенными вместе ногами (илл. 37, 38). Дальнейшая стилизация привела к форме идыла, напоминающей скрипку. Эти статуэтки были все еще широко распространены во II тысячелетии до н.э. Некоторые из них, найденные в Иране и Сирии, были украшены выштамповками, изображавшими глаза, груди и колени, у других имелась серьга из бронзовой проволоки. Их руки сложены на груди в знак преданности, а некоторые держат подношения. Несколько фигурок (например, быков из Майкопа) сделаны из бронзы, серебра или золота – более ценных материалов, предназначенных для изготовления подношений храмам и погребальных приношений при царских похоронах. Бронзовые статуэтки во множестве находят также в богатых металлом регионах, в частности, на Сардинии и в Луристане (на западе Ирана).

Сотни таких статуэток, являющихся отражением местных религий, найдены в долине Инда, в Китае и Японии. Они обнаруживаются и в Америке, особенно в ольмекской культуре Мексики и в культуре чавин в Перу. Сравнение различных центров наскального искусства также отражает общую для всех континентов потребность создавать с помощью знаков и фигурок животных и людей целое мифическое царство, особое для каждого региона. Мы уже упомянули эти европейские, скандинавские, альпийские и испанские центры. Произведения наскального искусства на других больших территориях трудно отнести к определенному времени. Общим для них является то, что в этих регионах начиная с периода неолита, т.е. с VI и V тысячелетия до н.э., люди стали наносить на камни рисунки или гравюры – вплоть до начала нашей эры и даже иногда до настоящего времени, например, в среде австралийских аборигенов.

Существует, однако, общая точка отсчета, применимая для некоторых регионов. В пустыне Сахара жирафы, носороги и слоны исчезли в конце последней влажной фазы, т.е. около III тысячелетия до н.э. Таким образом, мы можем

быть уверены, что изображения этих животных предшествуют опустыниванию этих мест. С другой стороны, лошади и колесницы, в которые они запрягались, появились в этом регионе к концу II тысячелетия до н.э. Затем в I тысячелетии до н.э. они распространились повсюду от Атласских гор в Марокко вдоль Атлантического побережья Мавритании до внутренних гор в Сахаре – на плато Тассилин-Ахаггар, на плоскогорье Адрар-Ифорас и плато Аир.

В Южной Африке наскальное искусство народа сан также имеет, вероятно, неолитическое происхождение: тысячи рисунков, изображающих антилопу канна, покрывают скалы в Барне, Гейм-Пассе и Брагалиесберге. Азиатские рисунки и резные изображения запряженных лошадей и металлического оружия (топоры, алебарды, копья и мечи) можно датировать II и I тысячелетиями до н.э. Они часто перемешаны с существовавшими до них и поэтому более старыми сюжетами, изображающими животных. Эту последовательность можно проследить и в Центральной Индии, Китае, пустыне Гоби, в районе р. Лена и других местах. При интерпретации этих изображений следует соблюдать некоторую осторожность. Действительно, нетрудно установить систематическое различие между изображениями эпизодов охоты и сцен сельскохозяйственной жизни, допустив, что первые предшествуют вторым. Однако было отмечено, что эти два типа изображений могут присутствовать одновременно. В долине Ангары продолжают находить много рисунков последнего доисторического этапа, среди которых видны изображения шамана.

В Австралии места, где встречаются произведения наскального искусства, например Дампир на западе континента, населены с незапамятных времен. Попадают рисунки мифических животных, рыб, кенгуру, ящеров и фантастических «фигур из сновидений», и начиная с доисторических времен трудно установить, какие работы в этих святилищах принадлежат какому периоду. Эти места и сегодня аборигены считают священными. Явно выраженный геометрический стиль, общий для Австралии и Тасмании, может относиться к рассматриваемому периоду (илл. 16).

В Америке разведанные местонахождения произведений наскального искусства также содержат тысячи знаков и изображений фигур животных и людей. Большие участки разрисованных скал и утесов можно видеть как на севере, так и на юге континента. Наиболее древние из разрисованных поверхностей датируются возрастом более 20 тыс. лет, что указывает на долгую доисторическую традицию. Археологи считают более поздними по сравнению с росписями охотников рисунки в геометрическом стиле, который относится к рассматриваемому периоду. Этот стиль включает много региональных особенностей, некоторые из них характеризуются использованием исключительно красного цвета, а другие – красного, желтого и черного цветов. К этому времени геометрические фигуры стали более многочисленными, а изображения животных и людей – более стилизованными. Бразильские рисунки из штата Пиай на северо-востоке страны относят примерно к 2000 г. до н.э. Другие рисунки появились в Патагонии примерно в это же время. К 1000 г. до н.э. в рисунках стали постепенно преобладать сельскохозяйственные темы.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ИСКУССТВА – ГЛАВНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВЕЛИЧИЯ ГОСУДАРСТВ

Монуументальная архитектура, примеры которой сохранились с периода раннего неолита (типа монументов Иерихона), стала наиболее оригинальным самовыражением некоторых цивилизаций, в особенности тех, которые были связаны с великими государствами.

Египет

Речь должна идти прежде всего о знаменитых египетских пирамидах, которые произошли, вероятно, от древнеегипетских гробниц – мастаб, хотя их архитектурное происхождение все еще остается неопределенным. Пирамиды в Гизе и некрополи в Мемфисе являются священными захоронениями, куда живущие приходили, чтобы оставить свои подношения для вечного спасения их монарха. В этих же местах около 2700 г. до н.э. погребальная функция пирамиды была отделена от функции поклонения – данной цели служил храм в отдельном здании. Великая пирамида в Гизе с ее гладкими стенами является наиболее почитаемой из всех и занимает площадь 45 тыс. кв. м. Ее строили приблизительно 10 тыс. человек под руководством фараона Хеопса, который приказал построить этот символ вечности. Храм связан с пирамидой переходом (илл. 17). Сфинкс высотой 20 м встречает посетителей перед входом в захоронение. Пирамида другой – ступенчатой формы была построена в Саккаре в очень ранний период, около 2800 г. до н.э. (это древнейшая пирамида, построенная по приказу фараона Джосера из III династии. – *Прим. ред.*) Погребальные памятники III тысячелетия до н.э. были предназначены для прославления власти божественного монарха. Многочисленные храмы, разбросанные вдоль Нила, являются грандиозным отражением рвения людей по отношению к богам и обожествляемому фараону.

В Египте монументальная скульптура использовалась для прославления власти и бессмертия поблизости от монарших могил и храмов. Одна из крупнейших статуй древности и нашего времени – высеченная из скалы фигура лежащего сфинкса в Гизе имеет портретные черты самого фараона Хефрена. Двадцатиметровые колоссы стояли на страже у входа в храм Рамсеса II. Эти памятники, устремленные в вечность, были построены из камня твердых пород: базальта, диорита и гранита. Каждая фигура имела определенный социальный смысл. Скульптурное изображение фараона Хефрена из диорита являет нам идеализированный образ монарха с его отличительным признаком – соколом Гором за его головой. Ранефер, высший жрец Мемфиса (около 2500 г. до н.э.), известен благодаря его статусу: официальное портретное изображение и строгая поза характеризуют представителя правящего класса (илл. 18).

Позднее, во времена Среднего и Нового царств, могилы фараонов укрывались в лабиринтах, высекавшихся в склоне горы. По-видимому, это делалось из соображений безопасности и для защиты подношений. Наиболее известный из этих подземных некрополей расположен в Долине царей вблизи Фив. В тот период храм строился отдельно. Здание храма в честь Хонсу (в египетской мифологии лунное божество, повелитель времени, покровитель медицины. – *Прим. ред.*) в Карнаке недалеко от Фив имеет старую часть с пилонами и монументальные ворота, расположенные между двумя массивными башнеобразными сооружениями и окруженные с каждой стороны обелисками и статуями. Внутри имеется перистиль – прямоугольный двор, окруженный со всех сторон крытой колоннадой, большой зал с многочисленными, тесно поставленными колоннами (гипостиль) и святилище, в которое входили только жрецы. Священный храм Амона Ра в Карнаке, относящийся к XIX династии, с его колоннами и капителями, выполненными в форме лотоса, колокола или листа пальмы, представляет собой вершину архитектурного искусства. Назначение каждого архитектурного элемента подчеркнуто богатейшими художественным оформлением, например, в гипостиле, символизирующем сотворение мира. Берега реки, водные растения и птицы на барельефах символизируют переправу через великие болота, которые отделяют земной мир от будущего мира. Иероглифические надписи содержат имена человеческих и божественных существ.

ственных действующих лиц этого грандиозного представления. Позднее храмы также стали подземными, подобно скальному храму фараона Рамсеса II в Абу-Симбеле. Официальные и религиозные архитектурные сооружения в Египте, построенные из каменных блоков или высеченные в скалах в надежде на вечность, контрастируют с непрочной кирпичной кладкой дворцов и зданий.

Жрец Ка-апер, современник Ранефера, но имевший более низкий ранг, изображен в реалистической манере в виде деревянной скульптуры; великолепный портрет доносит до нас его мясистое лицо. Именно в этот период жил и известный «сидящий писец из Саккары», скульптура которого изготовлена из раскрашенного известняка. Излишние складки на животе свидетельствуют о его преимущественно малоподвижном образе жизни (илл. 19).

Историки искусство часто обращали внимание на строгие каноны египетской скульптуры, которая характеризуется фронтальным изображением фигуры человека, прижатых к телу руками, выставленной вперед одной ногой и изображением анатомических подробностей в связи с использованием в качестве одежды только набедренной повязки; иногда фигуры изображались в коленах, опирающихся на землю, как в случае статуи Тутмоса III (XV в. до н.э.).

Эти традиции обнаруживаются и в могилах и в храмах – как в рельефах, так и в рисунках. Бог Амон и царица Хатшепсут (около 1500 г. до н.э.) представлены в храме Амона в Карнаке на обратном рельефе – утопленном и не выступающем над поверхностью камня. Другая техника – барельеф, в котором выпуклые фигуры выступают над плоскостью гладкого камня. Двумя выдающимися примерами служат изображения бога Гора в заупокойном храме фараона Сети I в Абидосе (около 1300 г. до н.э.) и невестки Рамоса в могиле последнего в Фивах; Рамос являлся сановником при Аменхотепе III и Аменхотепе IV (1370 г. до н.э.).

Живопись использовалась для специальной цели – для прославления власти фараона и сохранения памяти о его земных деяниях, а также для указания его статуса в загробной жизни. Здесь также очевидны некоторые эстетические каноны: фигуры мужчин окрашивались в красный цвет, а женщин – желтой охрой; черный цвет использовался для волос и глаз, а зеленый и синий – для костюмов, птиц и растений. Фигуры людей, животных и другие объекты рисовались в профиль и располагались так, чтобы их можно было ясно различить. Нег сомнений в том, что из-за этого тени на рисунке не изображались.

Размер изображенных фигур зависел от их положения в обществе. Фигура фараона часто была самой большой, но больше него могли быть фигуры богов, чему имеется множество известных примеров. Фриз из Медума (2700–2600 гг. до н.э.), который изображает гусей, выставивших одну лапу вперед, вытянувших шеи и открывших клювы, готовых отщипнуть кусочек корма, свидетельствует о мастерстве живописца, детально прорисовавшего оперение птиц и их движения. Изображение женщин в трауре на фреске в захоронении Рамоса в Фивах дает пример погребального обряда. Сцена охоты с бумерангом, нарисованная на могиле Нахт в Фивах (около 2400 г. до н.э.), и сцена охоты на птиц в захоронении Менны в Фивах (около 1420 г. до н.э.) представляют мифические болота, место на пути между миром живых и миром умерших. В изображении музыкантов в захоронении Небаномы в Фивах (около 1370 г. до н.э.) объединены фронтальное и профильное представления в живой композиции, в которой художник смог наилучшим образом использовать сложившиеся тогда жесткие условности.

Иероглифы вырезали, гравировали и рисовали на большом количестве украшенных стен, на саркофагах, на пеленах мумий, а также на папирусе, оставляемом в могилах, что придавало зримое единство и глубокое религиозное значение этим сочетаниям.

Одной из наиболее высокоразвитых форм художественного выражения в Египте во времена фараонов было ювелирное искусство. Сокровища Тутанхамона (1350 г. до н.э.) включают подношения, сделанные молодому фараону и помещенные в его склеп. Внутренний саркофаг фараона и знаменитая посмертная маска были сделаны из листового золота. Перегородчатая эмаль из спаянных золотых листов окружена драгоценными камнями, лазуритом, бирюзой и сердоликом. Браслеты и нагрудные украшения Тутанхамона представляют собой перегородчатые эмали высочайшего качества. Другие фараоны и сановники также носили замечательные золотые изделия. Статуэтки, отлитые из золота, носили как амулеты.

Из-за чрезвычайного разнообразия искусства времен фараонов здесь мы смогли привести лишь его краткий обзор. Статуэтки из слоновой кости, выполненные в традициях неолита, амулеты из синей глазури и многие бытовые предметы, такие как наборы косметики, украшенные ложки и музыкальные инструменты, имели прямую или косвенную связь с религией бога-фараона.

Месопотамия

В Месопотамии было много городов, в том числе Ур, Эриду, Урук и Ларса. Единственным строительным материалом здесь был кирпич, применявшийся для возведения стен, арок и сводов для поддержки верхней части зданий. В отличие от Египта, здесь не существовало никаких монументальных захоронений. Храм и дворец становились рядом, формируя архитектурное целое. Зиккурат – культовая башня в виде нескольких ярусов из кирпича-сырца – напоминал египетскую пирамиду, за исключением того, что он не служил погребальным целям. Зиккурат в Уре относят примерно к 2700 г. до н.э., а зиккурат Чога-Занбил вблизи Суз был построен около дворца в XIII в. до н.э. Наиболее значительным комплексом является столица царя Ассирии Саргона II (Шаррукина) близ современного Хорсабада; ее относят к VII в. до н.э., она включает большой дворец, царское святилище и зиккурат из семи ярусов, связанных наклонными плоскостями. К концу рассматриваемого периода дворцы ассирийских царей возводились с окружающими их стенами, имевшими военное значение. В 500 г. до н.э. Геродот описал крепостные валы Экбатаны (греческое название г. Хамадан) в Персии, которые были построены несколькими веками ранее с использованием глазурованных кирпичей ярких цветов – белого, черного, красного, синего, оранжевого, серебристого и золотого. Уже отмечалось, что вкус к сочетающимся цветам брал свое начало от давней традиции изготовления ковров и гобеленов. Известно, что их вешали на стены и клали на полы в комнатах дворца. Изображение на каменной мостовой перед входом во дворец ассирийского владыки Синаххериба в Ниневии (современные холмы Куюнджик в Ираке) является, несомненно, имитацией на твердой поверхности мерцающих красок ковра, который мог иметься в этом дворце.

В Месопотамии различные виды искусства изображали подвиги монархов на охоте и в сражениях. Знаменитая «Стела коршунов» содержит барельеф в честь победы правителя города-государства Лагаш в XXIX в. до н.э. На другом барельефе во дворце ассирийской столицы Нимруд (Кальха) на берегу Тигра изображен царь Ашшурнасирипал II (IX в. до н.э.), осаждающий город. Двумя веками позже в такой же технике охотящийся царь Ашшурбанипал изображен в своем дворце в Ниневии.

Царь и его сановники увековечивались также в виде скульптур, собранных в круг с соблюдением иерархии, с характерным фронтальным расположением; длинные одежды были подобны футляру, соединенные руки прижаты к телу. Наиболее часто использовавшимся материалом

был твердый черный камень. Лица самых древних статуй из Ура, Мари и Лагаша выполнены весьма реалистично (илл. 20). Наиболее известна статуя Гудеа, правителя Лагаша, который изображен в весьма идеализированном виде (илл. 11).

Статуи монархов отливали также из бронзы. Голова аккадского правителя, которым был, вероятно, Саргон или его внук Нарамсин, является одной из наиболее поразительных скульптур, ее относят к 2500 г. до н.э.

Слоновая кость использовалась для изготовления небольших скульптур, таких как статуэтка певицы, обнаруженная в храме Иштар в Мари (2500 г. до н.э.), или для отделки, например, штандарта из Ура, на одной из сторон которого изображена победа царя I династии (илл. 64).

Одним из наиболее оригинальных видов искусства Месопотамии было искусство изготовления цилиндрических печатей; их вырезали таким образом, что после приложения к мягкой глине они оставляли соответствующий рельеф. В этом отпечатке содержалось имя владельца, связанное с божествами-защитниками царя, которые часто изображались в сценах, таких как воскрешение бога царства растений, или в разных процессиях. Эти миниатюрные шедевры во многом являются ключом к пониманию религии Месопотамии.

На противоположном миниатюрному искусству цилиндрических печатей краю спектра произведений искусства было монументальное искусство, в котором применялся глазурованный кирпич, украшения внешних стен главных городов. Сказочные животные – крылатые быки с человеческими головами и бородами – украшали дворец Саргона II близ современного Хорсабада (VIII в. до н.э.). Они были частью мифологической ауры, окружавшей царя, и предназначались для того, чтобы показать его как богоподобного героя.

Средиземноморский мир и Анатолия

Существует ли связь между месопотамским дворцом и дворцом в Кноссе на о. Крит (1700–1500 гг. до н.э.)? Хотя общий план комнат, располагавшихся вокруг центрального внутреннего двора, характерен для обоих типов дворцов, они отличаются другими признаками. На Крите в качестве основного строительного материала применялся покрытый расписной штукатуркой камень, а святилище не являлось важнейшим центром сооружения, как это было в Месопотамии. Однако большие резные изображения рогов в Кноссе показывают, что религия играла важную роль и во дворце. План критского дворца имел некоторые оригинальные особенности, такие как анфилада комнат, составивших жилые помещения. Во дворце в Кноссе было два верхних этажа, соединявшихся лестницами. Критские дворцы в период их наибольшей славы не были укреплены, поскольку защита территории и самого дворца зависела от военной мощи царя на море.

Столетием позже в Анатолии, в Хаттусасе, столице Хеттского государства (возле современного г. Богазкёй), и в континентальной Греции, в Тиринфе, Микенах и Пилосе, большие укрепленные дворцы строились из камня; при этом греческие дворцы включали специальное помещение – «мегарон» (буквально – большой зал) – прямоугольный зал (иногда разделенный одним–двумя продольными рядами столбов) с очагом и входным портиком. Их правители были героями-завоевателями. Хеттские правители нападали на Вавилон, Ассирию и Египет, а греческие осаждали Трою на Эгейском побережье Анатолии, о чем повествует «Илиада» Гомера. Эти дворцы были, несомненно, военными сооружениями. Имелись высокие крепостные валы, для чего использовались большие подогнанные друг к другу валуны – так называемая циклопическая кладка. Входные ворота были укреплены огромными моноли-

тами. Львиные ворота в Микенах являются типичным примером мощи этой архитектуры. Около акрополя царя Микен Агамемнона сохранилось множество царских монументальных гробниц, имеющих форму сотов, с каменными перемычками, которые датируются XIV в. до н.э. Могилы жены Агамемнона Клитемнестры и сокровищница царя Микен Атрея – два наиболее известных примера. Хеттские святилища, например, святилища в Языликае, высеченные в склоне горы, согласно иконографическим источникам, тесно связаны с властью царя.

Если вернуться к о. Крит, в регион Эгейского моря и Грецию, то прежде всего следует отметить известные кикладские мраморные идола, которым часто придавали торжественно застывшие и отвлеченные позы, хотя присутствуют и более живые скульптуры: сидящая фигура человека с арфой и музыкант, играющий на двойной трубе *арулос*. Оригинальность и утонченность дворцов минойской цивилизации, выявляемая при изучении их архитектуры, подтверждается весьма «разборчивыми» и изящными фресками. Специалисты отмечают особенности египетской живописи, состоявшие в использовании плоских, ясно выделенных цветовых фрагментов, но некоторые сцены, например, изображающие ритуальные прыжки через быка в Кноссе, передают и мощь животного, и мастерство и точность движений акробатов. Положение рук и ног, выющиеся волосы и использование свободного пространства для изображения растительности делает композиции критских фресок XV в. до н.э. менее строгими по сравнению с их египетскими аналогами (илл. 49).

Одна из подобных многочисленных фресок – «Человек с лилиями»; возможно, он был царским жрецом. Растения, цветы и птицы размещены на заднем плане, окружая изображенные в профиль фигуры людей. Женский персонаж («парижанка») на фреске имеет признаки использования косметики, выющиеся волосы подчеркивают эlegantность силуэта.

В результате раскопок в районе порта Тира на о. Санторин (Тира, Фера) в архипелаге Киклады обнаружены наиболее выдающиеся фрески, сходные с критскими того же времени, изображающие человеческие фигуры (борцов и рыбаков) и сцены на фоне пейзажа (илл. 46).

Причудливые композиции со свободными кривыми линиями украшают сферический сосуд, похожий на осьминога с вытянутыми щупальцами (поздний минойский период). Терракотовые саркофаги из Агия-Триада служат основанием для рисованных погребальных сцен.

Критская скульптура являлась сравнительно сдержанной, за исключением рогов быков, вырезанных на камне во дворце Кносса, являвшихся символами процветания, и вырезанных из камня сосудов и статуэток, похожих на статуэтку богини из слоновой кости, которая размахивает золотыми змеями (илл. 50). Выдающиеся примеры работ золотых дел мастеров включают кулон, изображающий двух пчел, головы утки и быков, украшенный выпуклыми точками, и тесаки с двойными лезвиями и рукоятками.

Критские новшества проникли в Грецию, заложив основы цивилизации Микен, которая известна богатыми традициями работ по золоту. Прежде всего отметим золотые маски и короны, найденные в Микенах (илл. 44), а также кинжалы с рукоятками, отделанными листовым золотом, бронзовые лезвия которых украшены сценами охоты с силуэтами людей и животных и инкрустированы золотом. Две чаши из Вафио являются шедеврами микенских мастеров по золоту, которые изготавливали также кольца, украшенные фигурами людей и животных, кулоны и накладные художественные изделия. Для изготовления печатей со сложными сюжетами и сосудов, подобных найденному в Микенах, который был украшен головой утки, вырезанной из горного хрусталя, применялись резьба и полировка по твердому камню. Отдельные фрески, обнаруженные в 1970 г. в Микенах, могут соперничать по красоте

с минойскими фресками, но некоторым фрескам, украшавшим дворцы Тиринфа и Пилоса, недостает блеска предшествующего периода. Фреска из Пилоса изображает воинов в шлемах с кабаньими клыками, похожих на персонажей картин музея в Гераклионе (Ираклионе). Резьба по слоновой кости выполнялась в Греции на материалах, ввозившихся из Западной Азии.

Это был период возникновения оживленных торговых потоков во всем Восточном Средиземноморье и обмена ценными дипломатическими подарками. Существовали также несомненные связи между Грецией, Критом, Кипром и Угаритом, располагавшимся на сирийском побережье. Микенская глиняная посуда получила широкое распространение и, по всей вероятности, имела местных подражателей. Торговые отношения способствовали развитию искусства во всех этих регионах. Примечательным является пример Кипра, в частности, его терракотовые гончарные изделия, иногда эмалированные (например, ваза из Китиона), украшенные изображениями людей и животных, скульптурами из слоновой кости и статуэтками из терракоты и бронзы (рогатое божество из Энгоми), которые свидетельствуют о том, что этот остров был центром творческой деятельности.

В Древней Греции (1100–700 гг. до н.э.) возникло понимание художественной выразительности как атрибута «геометрического» искусства. Изготовление керамики потребовало чрезвычайно тонкого мастерства, она украшалась отделкой в виде стилизованных воинов, пеших или на колесницах. Получение скульптур из литой бронзы или гравировка по бронзе следовали тем же канонам тонких и благородных пропорций, классическим примером которых служит статуя Аполлона в музее Бостона.

Империи Востока

В Мохенджо-даро, в долине р. Инд, были найдены остатки крупного города из кирпича, который напоминает иранские города, такие, например, как Тепе-Яхья. Но здесь, несмотря на четкую планировку города, что возможно при сильной политической власти, не имеется следов каких-либо монументальных общественных зданий, дворцов или храмов.

Если даже ограничиться упоминанием нескольких главных центров развития оригинальных искусств, то нельзя пропустить долину Инда, где постоянно делаются все новые археологические находки. Качество трех скульптур из известняка (2400–2000 гг. до н.э.) – две из Мохенджо-даро изображают мужские торсы и одна из Харалпы танцующую девушку – свидетельствует о старой традиции, шедевры которой знакомы нам в ничтожно малом числе. Другие небольшие произведения иллюстрируют скорее пристрастие к драгоценным материалам, чем к выразительным сюжетам. Ряд стеатитовых печатей изготовлен в стиле обратного рельефа, с пиктографическими знаками, напоминающими раннюю письменность этого региона. Драгоценные камни – лазурит из Афганистана, бирюза из Ирана и Тибета и нефрит из Центральной Азии – широко использовались при изготовлении подвесок и бус.

В Китае большие города были построены приблизительно около 1300 г. до н.э. во время правления династии Шан (Инь). К ним относится, например, г. Аньян в Центральном Китае, в провинции Хэнань, на р. Аньян-Хо, притоке р. Вэйхэ, к северу от р. Хуанхэ. Здания строились из глины. Крепостные стены местами имели 18 м в толщину и защищали храмовое здание, расположенное в центре города. Царские могилы были отделены от других могил и начинали походиться на огромные курганы последующей эпохи.

Во времена династии Ся (2000–1500 гг. до н.э.) искусство китайской бронзы достигло пика и оказало влия-

ние на всю китайскую цивилизацию. Оно появилось одновременно с применением письменности, традиционным поклонением предкам и учреждением социальной иерархии, управляемой монархом, который обладал всей полнотой власти. В наполненных сокровищами могилах царей династии Шан (1500–1000 гг. до н.э.) находят ритуальные, часто снабженные надписями бронзовые сосуды и музыкальные инструменты вместе с деревянными и бронзовыми колоколами и наборами колоколов. Бронзовые сосуды имели как ритуальное, так и социальное назначение: хотя первоначально они предназначались для подношений предкам царского клана, позднее их использовали в качестве подарков и наград. Во время правления династии Чжоу феодальная знать потребовала для себя исключительную привилегию обладания бронзовыми сосудами, которые использовались для хранения продовольствия, алкогольных напитков и воды. Изображенные на них геометрические узоры и животные были отлиты с замечательным мастерством. При династии Чжоу также появились зооморфные бронзовые сосуды. Другой оригинальной особенностью китайского искусства было использование нефрита для изготовления украшений и священных статуэток.

Америка

Монументальное искусство отражает появление великих государств во всем мире. Каждое из них имеет свои особенности. Монумент производит потрясающее впечатление и настраивает на мысли о вечности. В Америке храмы, пирамиды и монументальные скульптуры группировались вместе в религиозных и церемониальных местах, которые служили центрами притяжения в государствах, состоявших из рассеянных деревень. В Мексике вокруг таких центров в конце рассматриваемого периода располагались большие города Тикаль, Теотиуакан и Монте-Альбан. К 1300 г. до н.э. Очипала в штате Герреро, находившийся приблизительно в 100 км от Тихоокеанского побережья, несомненно, был религиозной и политической столицей. На территориях штатов Веракрус и Тобаско было распространено монументальное искусство ольмеков, хотя на этой территории не было крупных городов. Наиболее впечатляющим является известный центр ольмекской культуры Ла-Вента.

В Перу, в Чукитанта, руины храма с земляными стенами, отделанными камнем, построенного наверху насыпного холма и датированного 2000–1800 гг. до н.э., считаются развалинами религиозного центра, подобного центрам в Мексике. Внушительное святилище в селении Чавин-де-Уантар, построенное на высоте 3000 м в начале I тысячелетия до н.э., украшенными произведениями скульптуры и каменными блоками также отражает преимущественно религиозную структуру государства. В центре наиболее древней части святилища стоит монолит, известный как «эль-Лансон» – каменный идол, изображающий получеловека-полукошку.

Ольмекское искусство Мексики имеет некоторое сходство с искусством культуры чавин в Перу. Складывается впечатление о налаженном в древние времена культурном обмене, формировавшем основу определенной стилистической общности, элементами которой являются раковины морских моллюсков и позвонки, украшенные криволинейными фигурами. В искусстве чавин образ человека-кошки самый распространенный. Человек-кошка изображен на монолите, установленном в середине древнейшего святилища. Он соседствует с второстепенными фигурами вроде ягуаров, хищных птиц, змей и рыб. Эти символические украшения находят и на каменных или керамических предметах. Независимо от района происхождения искусства чавин, местного или северного (ольмекского), оно яв-

ляется результатом мощного культурного и, без сомнения, политического и религиозного единства.

Настоящий краткий обзор искусства и архитектуры периода с 3000 до 700 г. до н.э. показывает, что, хотя эстетическое выражение универсально, наши знания о нем чрезвычайно фрагментарны. Разнообразие образов и форм ощущается на региональном или даже местном уровнях, и именно здесь проявлялся творческий потенциал: традиционное искусство являлось языком сообщества, но могло использоваться и монархом большого государства для распространения своих установлений и религиозных посланий. Природа этого идеального образа жизненных сил государства, его иконографии и средств, специфических для нее, формируют самую сущность культурной идентичности страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Le grand atlas de l'archéologie. 1985. Paris, Encyclopaedia Universalis.
 Le grand atlas de l'art. 1993. Paris, Encyclopaedia Universalis, 2 vols.
 L'univers des formes. Collection founded by André Malraux and Gallimard. Paris. Several volumes consulted: La Préhistoire; Sumer; Assur; les Hittites; Perse; Parthes et Sassamides; les Phéniciens; le Temps des Pyramides; L'Empire des Conquistadors; l'Égypte du Crépuscule; Naissance de l'art grec; Grèce archaïque; le Mexique des origines aux Aztèques; les Andes de la Préhistoire aux Incas; l'Océanie.
 The Pelican History of Art. Several volumes consulted: Prehistoric Art in Europe; The Arts in Prehistoric Greece; The Art and Architecture of Ancient America; The Art and Architecture of Ancient Egypt; The Art and Architecture of Ancient Orient; The Art and Architecture of China.

9.2.3

ПЕСНЯ, МУЗЫКА И ТАНЕЦ

Жан-Пьер Моэн

В наиболее древних космогониях звуки и ритмы являются частью первичной Вселенной. Согласно Ведам, «мир взорвался подобно крику» – с этого началось его существование. Греческое *логос (logos)* – понятие о слове одно из древнейших понятий древнегреческой философии; библейское «И сказал Господь» объявляют верховенство Божественного слова, которое повторяется и восхваляется в гимнах.

Насколько известно, песня была связана с устными преданиями, с декламацией, часто в сопровождении музыкальных инструментов; она стоит в ряду таких совместных действий людей, как танцы, церемонии похорон, религиозные трапезы и тому подобное.

Недостаточная информация, имеющаяся в этой области, оставляет без ответа много вопросов, но несколько главных открытий подтверждают, что музыка была важной особенностью жизни при дворах древнейших царей. Богато украшенная арфа являлась одним из наиболее престижных погребальных подношений, найденных в могилах в Уре.

Достаточно многое известно о месте музыки в Древнем Египте. Росписи в захоронениях изображают музыкантов, играющих на различных инструментах (илл. 21): богиня любви и судьбы Хатор встряхивает систру; девушка держит лютню; несколько мужчин играют на дудках или трубах, а другие – на арфах; танцоры следуют звукам трещоток и погремушек, жрецы бьют в барабаны и тамбурины во время церемоний; влюбленный ухаживает за своей возлюбленной, играя на свирели, и даже обезьяны изображены с инструментом, похожим на двойной гобой, и лирой. Некоторые из этих инструментов были найдены в захоронениях и теперь демонстрируются в музеях, но относительно самой музыки мы не знаем ничего.

Можно сделать только несколько предположений о многочисленных безмолвных свидетелях этого периода в других регионах. Двумя наиболее известными памятниками являются кикладские скульптуры белого мрамора из Кероса (Греция), которые изображают мужчину, играющего на аулос (*aulos*) – двойной трубе, и еще одного, играющего на арфе (илл. 37). На фреске микенского дворца в Пилосе показана женщина, играющая на лире, а некоторые сохранившиеся фрагменты слоновой кости считаются частями инструмента этого типа. Украшенный саркофаг из Агия-Триада на острове Крит демонстрирует сцену жертвоприношения минойского периода с женской фигурой, играющей на лире, и мужской – на двойной трубе. Несколько позднее в Греции найдены интересные ключи к разгадке музыкальной записи. В VI в. до н.э. Пифагор проводил параллель между музыкальной системой обозначений и математикой.

В Стокгольме исследования музыкальной палеографии выявили существование в северной европейской зоне с умеренным климатом в период между 3000 и 700 гг. до н.э. ряда традиционных ударных (барабанов, бубнов и т.д.), духовых (флейты, дудки для подманивания птиц и т.д.) и шумовых инструментов (трещотки), сделанных из кости,

камня или керамики. Металл, в частности бронза, является «звучащим» материалом, и это свойство использовалось в шумовых и духовых инструментах.

Возникновение любви к нарочито звонким звукам было связано с появлением конной аристократии. Возможно, что в атлантических регионах звенящие подвески (подвески-трещотки) крепились к нагрудникам лошадей. Колокола («тингиннабулы») из Ла-Ферте-Отерив (департамент Алье) и Водреванж были большими выдолбленными дисками приблизительно в 30 см, которые помещали между двумя дисковидными подвижными подвесками. Они, вероятно, являлись также частью упряжи. Украшенные бронзовые трубки с присоединенными позвякивающими кольцами играли, возможно, ту же роль. Такие инструменты находят во Франции в Отёне, Маконе и Буасси-о-Кэль вблизи Парижа.

Другие музыкальные инструменты, по-видимому, использовались скорее в религиозных обрядах. Предполагается, что небольшие 10-сантиметровые колокола и трещотки, найденные в Ирландии в таких местах, как Дурхис, были связаны с культом быка. Металлические рога или трубы из Ирландии и Англии состоят из согнутой воронки длиной до 1 м. Некоторые из них имеют боковой мундштук и издают лишь одну ноту. Другие снабжены осевым мундштуком и издают, в дополнение к отдельным нотам, множество гармоник, например, пятую, седьмую, восьмую или десятую их части. Использование для музыкальных целей инструментов данного типа, несомненно, появившихся в результате использования рогов животных, снова указывает на культ быка.

Луры (скандинавские духовые музыкальные инструменты, разновидность пастушьего рожка. – *Прим. ред.*), которые находят в Скандинавии, Дании и Северной Германии, являются необычными изделиями. Выполненные из трех или четырех частей, отлитых по выплавляемым моделям и соединенных вместе, они имеют длинный конический канал, изогнутый в виде буквы S. Колокольчик этого рожка имеет форму диска, украшенного мелкой чеканкой или выгравированными кольцами. Узкий конец снабжен мундштуком. Подвески, прикрепленные кольцом к основной части инструмента, звенят при соприкосновении друг с другом. Специалисты утверждают, что теоретически лур может издавать до 22 тонов в пределах четырех октав. На практике играющий ограничивается основными нотами и их гармониками в пределах трех октав. Луры находят в болотах в виде симметрично изогнутых пар. Тот факт, что они были оставлены в местах, где совершались подношения водным богам, свидетельствует о том, что они использовались в религиозных обрядах. Луры также известны из произведений наскального искусства, на которых изображается игра на этих инструментах, например, среди Бохусленских наскальных изображений (в местности Бохуслен, юго-запад Швеции); они также видны в сценах похорон или «принесения жертв», как на одной из украшенных надгробных плит вблизи Кивик в Швеции.

Систра – более редкий шумовой инструмент выглядит так же, как и египетский аналог, что видно по находке в некрополе Хохборн в Рейн-Хессе. Длина ее 35 см, форма напоминает двузубую вилку с перемычкой, к которой, вероятно, крепились подвески.

Остатки девятизвонной свирели были найдены в захоронении в Пржечице в Польше; она напоминает инструменты, изображенные на наскальных резных рисунках из северной Адриатики, датируемых началом железного века. Наконец, лира, известная в Западной Азии с III тысячелетия до н.э., изображена на стеле из Вальпамас в области Эстремадура на западе Испании; лира имела, по-видимому, 14 струн, натянутых между двумя симметричными стойками.

В Китае бронзовые колокола были предшественниками ряда металлических ударных инструментов, барабанов и гонгов, которые распространились по всей Восточной Азии. Открытие в 1976 г. могилы Фу Хао, одной из жен правителя Ву Дин (конец XIV – начало XIII в. до н.э.) и находка комплекта из пяти колоколов, уменьшающихся по размерам, подтвердили существование музыкальной системы, состоявшей из пяти нот. Уже в период династии Шан терракотовые свистки, напоминающие окарину, издавали звуки в пределах шкалы из семи нот, на что имеются ссылки в письменных источниках.

Сведения об Америке и других частях света весьма ограничены, но нет причин полагать, что музыка, от звуков манков для птиц до музыки как формы инструментально-го выражения, была в этих регионах неизвестна.

Трудно рассматривать танец вне контекста музыки, которая в большинстве случаев сопровождает ритмичные движения тела. Все же иконографические источники иногда изображают танцовщиков и танцовщиц без сопутствующих музыкальных инструментов. На самом деле ими могли служить колокольчики, привязанные к ногам, и кастаньеты или тамбурины в руках. Танец следует рассматривать как самостоятельный вид искусства.

Некоторые персонажи произведений наскального искусства, например, в испанском Леванте, на плато Тассилин и в Южной Африке, кажутся танцующими. Ряд вооруженных воинов на рисунке из пещеры Ремигия (Испания) прыгает, а обнаженные женщины, изображенные на скале в Верхнем Мертутеке на нагорье Ахаггар в Центральной Сахаре, раскачиваются из стороны в сторону.

Более полная информация имеется лишь в некоторых странах, в частности, в Египте. Значение терракотовых статуэток конца доисторической эры (период Нагада), известных как «танцующие женщины», с руками, поднятыми над головами, по-прежнему не определено, но более поздние изображения танца (с начала III тысячелетия до н.э.) указывают на особый религиозный контекст.

Во времена Тутанхамона (XIV в. до н.э.) на празднике *onem* (*opet*) бог Амон изображался плывущим под парусом к храму в Луксоре, чтобы посетить свой «южный гарем»; ему предшествуют танцовщики, играющие на бубнах для отпугивания злых духов. В следующей за ним процессии нубийские танцовщики, одетые в шкуры животных и ударяющие в бубны, двигаются в такт под звуки «дарабукки» – барабана из терракоты с натянутой мембраной. На причале бога встречает группа танцовщиц, кланяющихся и движущихся назад под звуки систр. Это первое изображение танца *kebi* (*kebi*), или «живого танца».

Ритуальные танцы исполнялись и в других случаях. Существовал, например, праздник Долины, когда Амон прибывал на левый берег, чтобы навестить богиню запада

Хатор. В его честь 12 танцовщиц, изгибаясь назад, образовывали своими телами длинный мост. Праздник в честь бога плодородия и скотоводства Мина сопровождался неистовым кружением. Жрецы показаны движущимися под звуки тамбурина перед фараоном с руками, сжатыми на груди, в то время как танцовщицы изображают колеса повозки, а остальные преклоняют колена. По отношению к мертвым танец символизировал жизненную силу и выживание. На рисунке у входа в гробницу жрецы танцуют, изогнув руки, во время чтения списка подношений.

У ассирийцев долгое время сохранялась древняя традиция танца с оружием. Танцовщики надевали маски и шкуры львов. Множество участников танца исполняли определенные танцевальные движения, опустившись одним коленом на землю. Во всех древнейших ассирийских и еврейских письменных источниках встречается упоминание о танцах с построением в ряд, в кольцо и другие замкнутые фигуры. Один из них, танец вокруг идола быка – Золотого Тельца, по преданию, считался Моисеем опасным из-за состояния транса, которое возникало по причине удаления танцующих от Яхве. Однако Давид выражал свое религиозное рвение, изо всех сил кружась и прыгая перед Ковчегом Завета.

Критские женские статуэтки, образующие кольцо вокруг женской фигуры, играющей на лире, и фигуры трех женщин с вытянутыми руками, поклоняющихся богине и танцующих вокруг нее, выгравированы на гнезде под камень на кольце, найденном в Исопате. Критские женщины танцевали с обнаженной грудью, одетые в длинную юбку. Люди танцевали, простирая руки к богам, как и позднее в Греции перед Зевсом и Артемидой. С каждым богом и каждым событием, каким бы оно ни было по важности, был связан один или несколько танцев. Для Гомера даже игра в мяч была танцем, и нашедшая на берегу Одиссея дочь царя Навсикая вела «хор» этого спортивного танца. Греческие мыслители от Пифагора до Платона рассматривали порядок и ритм как принципы, управляющие миром. Бог жизненной силы Дионис, пришедший с Востока, вдохновенный и пьяный, вел процессию беспорядочно корчившихся и танцующих вакханок и сатиров, которые в танце выражали форму поклонения, известную как «дифирамб».

Мы мало знаем о танцах народов других регионов в рассматриваемый период. Трудно точно понять соотношения между танцующими статуэтками и фигурами, вырезанными на печатях из долины Инда. Ваза III тысячелетия до н.э., найденная в Шанюй-Цзячжай (Китай), с внутренней стороны украшена изображением женщин, танцующих кольцом; но мы можем только сожалеть о скудости наших данных, касающихся части света, где искусство Терпсихоры было так высоко развито уже в последние века до н.э. Отсутствие знаний претягивает обсуждению темы танца в любых других частях света.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Archaeologia Muscularis, No. 1, 1987–98, Celle.
 BOURCIER, P. 1989. Danser devant les dieux. La recherche en danse. Paris.
 COLES, S. 1973. Irish Bronze Age Horns and their Relations with Northern Europe, Proc. prehist. Soc., Cambridge, Vol. 39, pp. 326–56.
 L'HELGOUACH, J. 1989. La musique préhistorique. In: MOHEN, J. P. (ed.), Le temps de la Préhistoire. Paris. Vol. 2, pp. 254–6.
 ZIEGLER, C. 1979. Les instruments de musique égyptiens au Musée du Louvre. Réunion des musées nationaux. Paris.

В

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ОТ РЕДАКТОРА АНГЛИЙСКОГО ИЗДАНИЯ

Наиболее замечательной особенностью периода, охватываемого томом II «Истории человечества», является переход от доисторических к историческим временам в регионах, цивилизации которых определяли развитие человечества. В тематическом разделе мы оценили важность письменности; она является одним из нескольких критериев для определения того периода, который мы называем историческими временами, периода, отличительная особенность которого состоит в желании людей сохранять письменные сведения о своей хозяйственной деятельности, отражать размышления об этике и законе, записывать эпические предания и божественные откровения. В резуль-

тате теперь можно использовать письменные источники, которые хотя и неполны, потому что не все сохранились, но представляют большой интерес для истории. Мы стремились придерживаться принципа различения регионов, в которых письменность была известна и которые соответствуют основным государствам, и регионов, где письменности еще не было. Тем не менее к последним был применен тот же подход, чего часто не было ранее, и которые были открыты повторно благодаря новым методам археологии и антропологии. Они дают примеры блестящей материальной культуры, которая развилась в исторические цивилизации или сильно повлияла на их развитие.

I. Регионы, для которых имеются
письменные источники

АФРИКА

10.1

ДОЛИНА НИЛА
(3000–1780 гг. до н.э.)*Кристиана Циглер***ЕГИПЕТ (карта 7)**

В тех природных условиях, при которых изменения климата в конечном счете вели к превращению большей части страны в пустыню, родилась цивилизация, существование которой было связано с регулярным повышением и падением уровня воды в Ниле. Каждое лето потоки воды с высоких нагорий Эфиопии смывали вниз, в долину черный плодородный ил, от которого зависело сельскохозяйственное производство. Но все же представления о примитивной долине с обильной растительностью были несколько изменены в результате сравнительно недавних геоморфологических исследований и разведки пустынных территорий.

Пустыня простирается насколько хватает глаз: на востоке – высокие плато Аравии и Синая, на которых черные сланцы и пурпурные граниты прорезаны глубокими долинами и вода в которых появляется нерегулярно; на западе – тусклое плато Ливийской пустыни с ее дюнами и скалистыми пустошами, где пересохшие зоны оживляются немногими оазисами, позволяющими населению передвигаться по стране. Этот неприветливый ландшафт служит естественной защитой от набегов соседей и изобилует минеральными ресурсами. Здесь был найден строительный камень для архитектурных сооружений, неподвластных времени: чистый известняк из Туры, светлый песчаник из Силсила, испещренный прожилками алебастр из Хатнуба и розовый гранит из Асуана. Эти области богаты месторождениями руд металлов – золота, меди, а также галенита, малахита и полудрагоценных камней – бирюзы, яшмы и сердоликов. Но изобилие полезных ископаемых никогда не изолировало Египет от других стран. Напротив, поскольку через Египет проходит пояс африканских пустынь от Красного моря до Атлантики, то как его часть Египет скоро стал перекрестком культур. Существовало много мест контактов: пути через Восточную пустыню и Синай вели к развитым цивилизациям Леванта и Месопотамии; через Западную пустыню – к Сахаре с ее пока малоизвестными племенами; наконец Нил связывал Средиземноморье с Нубией и служил коридором в Экваториальную Африку.

ВВЕДЕНИЕ К ИСТОРИИ (3300–3100 ГГ. ДО Н.Э.)

Общество времен фараонов, зависящее от Нила, было наследником культуры Накада, относящейся к IV тысячелетию до н.э., от которой оно унаследовало социальные и идеологические структуры. Во времена культуры Накада III происходили быстрые изменения, которые стали предвестниками Египта времен фараонов. Три из них имели важное значение: урбанизация; установление иерархического общества и появление монарха, уже имевшего атрибуты фараона; распространение единой культуры – культуры Южного Египта по всему региону от Средиземноморья к югу до первого порога Нила у Асуана. Первые большие городские центры, некоторые укрепленные, появились в Южном Египте. Из них наиболее известны Абидос, Омбос (Накада), Кофтос, Эль-Кеб и Иераконполь.

В Иераконполе обнаружены следы древней монументальной архитектуры; в строительстве применялись кирпичи из высушенного ила. Постройки могли иметь религиозное значение, как, например, платформа древнего храма, или служили для погребальных целей, как большие гробницы, одна из которых размерами 6,5 м x 3,5 м приписывается «царю-Скорпиону». Ступенчатая архитектура, которая появилась примерно в этот период, пришла, вероятно, с Востока; выдающимся примером этого стиля является шкатулка из слоновой кости, найденная в некрополе Миншат-Абу-Омара в восточной Дельте. Вдоль всей долины Нила встречаются захоронения меньшего размера, богатство которых отличает их от других некрополей.

Возвышение элиты, отражающееся в накоплении богатств, достигло пика в захоронении в Абидосе, где в результате раскопок обнаружены могилы царей, имена которых написаны рядом с изображением царского дворца (*sefex*), увенчанного соколом.

В Накада III появляются первые имена царей, которые образуют так называемую нулевую династию. Это означает момент вступления Египта в историю. Как следует из очень коротких надписей, власть царей распространилась на весь регион от Мемфиса, Туры, Тархана, Хелуана, Абу-Роача вплоть до второго порога Нила. Их имена, вырезан-

ные или нарисованные на гончарных изделиях, увенчаны изображением бога Гора в виде сокола, который являлся первым символом царской власти.

Действительно ли эти цари управляли политически единым Египтом? Этот вопрос все еще вызывает споры. Более поздние тексты дают некоторые сведения о последовательности царей. «Туринский канон» и «Летописи Манефона» содержат несколько указаний на Мину как на «первого фараона». Однако между мифическим господством богов и правлением Мины было много царей, объединенных общим именем «последователи Гора». Этими

царями, которые считались одними из ипостасей бога Гора в Верхнем и Нижнем Египте, могилы которых были обнаружены в Абидосе, были следовавшие друг за другом Ка, Нармер и Аха; некоторые имена включены в сцены, иллюстрирующие преставление о триумфе, а также вырезаны на церемониальных предметах, например на жезле «царя-Скорпиона» и на жезле Нармера. Соответствия между именем Гор-Аха, во время правления которого начались работы на одном из крупнейших некрополей Древнего Египта – Саггаре, и именем Мен-Миша указывают на этого правителя как на наиболее вероятного кандидата на роль первого царя нового исторического периода. Достаточно точно установлено, что до него объединенным Египтом правил Нармер, как и «царь-Скорпион». Однако какими бы воинственными и жестокими ни казались действия по объединению страны (имелись частые ссылки на «карающий Нижний Египет»), угрозы эти, скорее, характеризуют представления о мощи фараона, а не историческую действительность. Культурное единство долины Нила было к этому времени уже вполне установленным.

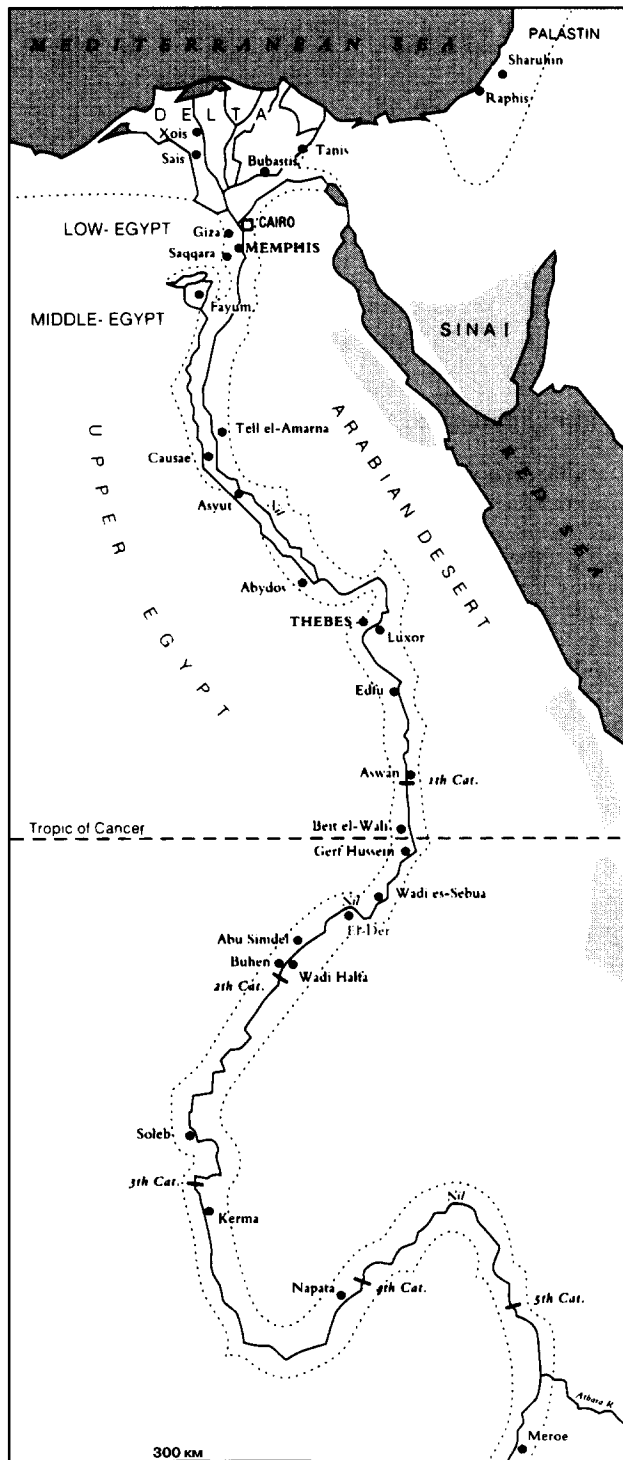
Период династий из Тина (3100–2700 гг. до н.э.)

Первые две династии правили в Египте более 400 лет в период, известный как «период династий из Тина». В течение этого древнего периода общество объединилось вокруг единоличного монарха – фараона, ставшего основой утвердившейся идеологической системы. Широко распространилась письменность; монументальная архитектура из кирпича, следы которой имеются главным образом в погребальных сооружениях, развилась в больших городах. К ним относятся южный древний город Абидос и Мемфис, который был построен у вершины дельты Нила, несомненно, для контроля над недавно присоединенными областями. Помимо надписей, сохранившиеся захоронения несут богатую информацию о преуспевающем централизованном государстве с эффективной и обращенной вовне системой управления.

Зарождение государства фараонов

Не существует никаких документов о фараонах I династии, за исключением их имен, написанных на табличках, цилиндрах, печатях и плитах в захоронениях. «Палермский камень» – обломок диоритовой плиты с высеченным на нем текстом древнеегипетских анналов содержит некоторые данные о событиях того периода. Наиболее известны правления Джера, Дена и Семерхета, захоронения которых выделяются среди многих могил Абидоса. Мы знаем кое-что об их хозяйственной деятельности по переписи и измерению разливов Нила; мы прослеживаем процесс политического объединения Верхнего и Нижнего Египта, утверждение представления о двойной природе царской власти, празднование ритуальных торжеств и побед в походах за пределы долины Нила против азиатов, нубийцев и ливийцев. Меньше данных имеется о II династии, которая, очевидно, следовала за первой без перерыва. Обнаружено очень мало могил фараонов, и только правление Нинечера хорошо документировано «Палермским камнем». Сохранились украшенные монументальные изображения Хасехема, большинство из них было обнаружено в Иеракнопле. Возможно, Хасехем может быть идентифицирован как Хасехемуи, для которого была возведена самая большая могила на царском кладбище Абидоса и который был последним фараоном династий из Тина.

Несмотря на политические конфликты, детали которых до нас не дошли, главные черты института фараонов к этому времени уже установились. Царь, или фараон (от

Карта 7. Египет и Нубия (3000–700 гг. до н.э.)

египетского *пер-аа* (*per-aa*), означавшего «дворец», «великий дом»), имел верховную власть как «центр мира». Характер власти фараона отражен в его титулах; в конце рассматриваемого периода титул состоял из трех имен (по сравнению с пятью, имевшимися в течение классического периода), каждое со своими собственными функциями: в титул входили так называемые имя Гора, т.е. имя божественного сокола, распростершего крылья по небесному своду, делавшее фараона земным наследником богов, имя царя Верхнего и Нижнего Египта, отражающее его власть над всей страной, и, наконец, имя двух владычиц – верхнеегипетской богини-грифа Нехбет и нижнеегипетской богини-змеи Уаджет. Единственным фараоном-правителем был Гор; когда он умер, дальнейшее существование института фараонов обеспечивалось только приходом «нового Гора», выбранного из числа его сыновей или родственников. Царские атрибуты, которым предстояло просуществовать 3000 лет, были унаследованы от додинастического периода и частично «заимствованы» у богов. Подобно последним, фараон носил хвост животного, подвешенный сзади к его набедренной повязке (*ченджит*), и держал в руках скипетр и цеп. У фараона было два особых головных убора: белую «корону» Верхнего Египта фараон носил на красной «короне» Нижнего Египта; эта двойная корона (*пшент* – по-египетски «двойная власть») символизировала царскую власть над обеими землями. Уже появляется *немес* – головной убор, перед которым прикреплялся *уреус* – священная кобра, защищавшая царя. Фараон, державший в руках жезл и кинжал, изображался как военачальник.

Такой тип монарха наложил отпечаток на все сообщество. Осененный божественной царской властью, фараон отвечал за царство и правил руководствуясь общими законами. Все события регистрировались, но не ежегодно или по окончании какого-либо периода, а по определенному списку свершений каждого фараона: указывались год возведения святилища или установления божественной статуи; год выполнения царского ритуала; упоминалась перепись населения каждые два года; указывался год победоносного похода и т.д. В государственных учреждениях и хозяйственной, и религиозной сферах действовали только чиновники, которые были наделены частицей царской власти. Существовали многочисленные подобные должностные лица высокого уровня, которые были хорошо организованы во множестве учреждений, державших на службе бесчисленное количество писцов. Уже упоминавшийся сановник («визирь»), по-видимому, не имел столь большой власти, как в более поздние времена, начиная с IV династии. Он был все еще частью замкнутого круга царских советников, обязанности которых остаются неясными: «управляющий двух тронов», «стоящий в изголовье фараона», «секретарь». Царские канцелярии Верхнего и Нижнего Египта, каждая во главе с советником, отвечали за перепись населения, организацию орошения и составление кадастра, сбор налогов и перераспределение потребительских товаров для государственных учреждений и храмов. Эта передача производилась служащими управления зернохранилищ. Казначейство отвечало за производство товаров. Царские поместья производили масло и вино. В провинциях центральная власть была представлена наместниками, вроде «магната Верхнего Египта» или «правителя Буто и Нехен». Такая степень организации не могла быть достигнута без использования нового средства общения – письменности.

Появление иероглифов

Первые дошедшие до нас письменные документы могут быть датированы примерно 3200 гг. до н.э. Они выполнялись на больших тонких каменных плитках (па-

летках) с рельефными изображениями, которые заменили таблички из слоновой кости, применявшиеся ранее при первых фараонах. Из них наиболее известной является «Бычья палетка», на которую нанесено имя Нармера (илл. 22).

Анализ надписей на 70 частных стелах периода правления фараона Джера показал наличие 21 однобуквенной фонограммы из 30-и, известных в Египте, а также множество других фонограмм, которые похожи на идеограммы и определяющие слова. Поэтому есть основания считать, что Египет за короткое время перешел от системы, основанной на изображениях, к использованию знаков, соответствующих звукам.

Была ли эта система письменности изобретена одним человеком? Такая гипотеза была выдвинута американским египтологом Фишером (*H.G. Fisher*). Вполне возможно, как полагает французский филолог Верню (*P. Vernu*), что разработка и быстрое развитие иероглифов поощрялось первыми фараонами как средство управления и контроля, а также как средство выражения и представления царской и религиозной идеологии.

Очень изящная стела «царь-Змея» из Абидоса, как и многие частные стелы, была не только символом собственности, но и религиозным монументом, в то же время демонстрировавшим мощь фараона. Начиная с этого периода становится очевидной двойная роль письменности – функциональная и формальная.

Но являются ли видимые нами знаки формой письменности? Последовательность титулов и имен собственных, эта «протописьменность», составленная из изолированных или поставленных рядом слов, еще не имеет какого-либо синтаксиса.

Вероятность того, что существовали другие типы текстов, которые были утрачены из-за недолговечности писчих материалов, подводит нас к возможности некоторого пересмотра наших идей. В Саккаре, в могиле Хемака, современника фараона Дена, найдено два чистых свитка папируса. Таким образом, этот носитель информации, который имел большое значение для высокоразвитых форм письменности, был знаком египтянам уже в период правления династий из Тина; следовательно, у фараонов были средства создания архива и регистрации событий особой важности, как тех, что записаны на «Палермском камне». Возможно, также существовали традиционные научные и религиозные тексты, но, согласно имеющимся в настоящее время данным, только в начале IV династии, когда появились автобиографические тексты, иероглифическая система установилась как правильно структурированное средство записи речи.

Первые примеры искусства времен фараонов

Одним из наиболее важных новшеств рассматриваемого периода было распространение монументального искусства. Произведения типа стелы «царя-Змея» (Лувр) сохранили для нас изображения исчезнувших дворцов. Их фасад из высушенных земляных кирпичей напоминает укрепление с защитными башнями; стены с высокими дверями сложены из ряда «ступенчатых» секций, которые образуют поочередно выступы или впадины, увенчанные карнизом. Похожие ступенчатые стены того же периода находят в Месопотамии.

Что касается начала III тысячелетия до н.э., то, как это часто случается применительно к Египту, можно сказать, что мы знаем больше о царстве мертвых, чем о живых. В конце XIX в. французский археолог Амелино (*E. Amélineau*) обнаружил в Абидосе ряд захоронений со стелами, на которых были имена фараонов I династии. Впоследствии при других раскопках найдено примерно 30 некрополей, самый большой из которых располагался на

плато Саккара. Именно там британские археологи обнаружили настолько внушительные монументы, что решили, будто нашли подлинные царские могилы I династии, а могилы в Абидосе считали лишь ложными захоронениями (кенотафами).

Гробницы Саккары все еще сохраняли увенчивающую их прямоугольную кирпичную плиту и следы окружавшей их ограды. Они имели внушительные размеры (35–50 м в длину и около 20 м в ширину), и их форма, похожая на скамью, объясняет происхождение слова «мастаба», которым их называли египтологи (от арабского *мастаба* – каменная скамья). Могилы были украшены ступенчатыми фасадами, которые сохраняли следы штукатурки, окрашенной под цвет тростника. В подземной погребальной камере, приписываемой фараону Ка, была идентифицирована погребальная «часовня», которая также служила преддверием в храм, соседствовавший с пирамидами.

В относящейся еще ко временам правления династий из Тина могиле фараона Хасехема (Хасехемуи) были найдены первые примеры использования обтесанных камней, сложенных в правильной последовательности. Вероятно, желание сэкономить на дорогостоящих материалах вело к развитию новых методов строительства; арочные своды из высушенного кирпича и своды с перекрытиями появились в более скромных могилах Эль-Амры и Туры.

Некрополи времен династий из Тина, хотя и известны главным образом остатками своей архитектуры, также содержали статуи, в основном небольшие, изготовленные из слоновой кости, вроде скульптуры «Склонившийся царь» (Британский музей), а также множество женских статуэток.

Две статуи фараона Хасехема в Каирском музее (одна из известняка, а другая из сланца) выделяются среди этих каменных произведений искусства. Фараон, сидящий на квадратном троне, одетый в церемониальные одежды и несущий «корону» Верхнего Египта, уже имеет все внешние признаки сурового достоинства с устремленным вперед взглядом, типичные для египетской скульптуры.

Первые царские летописи упоминают медные статуи. Царские стелы в Абидосе – высокие плиты с резным верхом – доносят до нас имена монархов. Все еще неясно, были ли они первоначально установлены парами при входе в этот погребальный монумент: самая изящная из стел, изображающая «царя-Змею», по-видимому, была найдена внутри захоронения. Имя царя на стеле, сопровождаемое изображением поднимающейся кобры, увенчано изображением сокола Гора, защищавшего царскую власть. Другие царские стелы весьма неодинаковы по мастерству исполнения. Стелы, которые принадлежали частным лицам, были меньше по размерам и различались формой: они могли быть выполнены из скругленных каменных или прямоугольных плит с именем и титулом покойного либо из четырехугольных панелей, изображавших похоронную трапезу, причем можно отметить признаки посуды.

Декоративные рельефы того же периода значительно различаются. Они могли представлять собой как плоские резные силуэты, так и тщательно высеченные рельефы. Погребальные принадлежности отличаются большим изяществом: к ним относятся гончарные изделия и красивая посуда из гипса, хрусталя или диорита, иногда украшенная золотом. В могилах династий из Тина были обнаружены сотни чаш, содержавших подношения. Среди сокровищ, найденных в могиле министра Хемаки, присутствуют театитовые диски, инкрустированные гипсом, с изображениями животных, преследующих друг друга. Многие изделия вырезаны из слоновой кости: наборы для игр в виде шатулок, наборы для игры в шарики и лью; некоторые туалетные принадлежности или подставки для мебели в форме бычьих ног. Фигуры газелей из Нага эль-Деир и бирюзовые, аметистовые и золотые браслеты, найден-

ные в могиле фараона Джера, свидетельствуют о мастерстве ювелиров того времени и являются предшественниками драгоценных золотых раковин, найденных в могиле Сехемхета из III династии.

Древнее царство: с III по VI династии (2700–2200 гг. до н.э.)

Хотя историки обычно относят начало Древнего царства, которое последовало за ранним династическим периодом, примерно к 2700-м гг. до н.э., переход от одного периода к другому происходил без особых потрясений. Первого фараона III династии с последним фараоном династий из Тина Хасехемуи соединяли родственные связи. Это был период внутренней стабильности и мира.

Религия и политика

Многие из фараонов Древнего царства носили имена, которые нам известны: Джосер, бывший основателем III династии, построивший первую в истории Египта гробницу в форме пирамиды; из IV династии – Снофру, жена которого Хетедерес прославилась в начале XX столетия в связи с обнаружением ее ненарушенного захоронения; затем – Хеопс, Хефрен и Микерин, которые выбрали плато Гиза для установки пирамид – одного из семи чудес света; наконец, Унис, последний фараон V династии, могила которого содержала наиболее древнюю версию «Текстов Пирамид». Другие, менее известные фараоны – Усеркар, Сахура и Нефериркар в период V династии возвели храмы, посвященные Солнцу.

От этого периода остались документы, позволяющие нам получить более четкое представление о фараоне. Мы видели, как с самого начала правителю Египта приписывалась божественная мощь. Древнее царство обогатило эту концепцию эпитетами: фараон стал известен как «бог» или «совершенный бог»; появились новые определения его титула, среди которых титул «сын Ра» (бога Солнца) появляется в период IV династии. Божественное происхождение также приписывалось царскому двору, так, супруга фараона упоминалась не иначе как «та, которая видит Гора и Сета (Сетха)», а также «советник Бога».

С 2350-х гг. до н.э. появились «Тексты Пирамид», высеченные на стенах. Эти наиболее древние религиозные тексты, известные в истории, содержат «магические» формулы, гимны, описания ритуалов и легенды, расположенные без какой-либо системы. Тексты, сохранившиеся со времени правления Униса, утверждают верховенство умершего фараона как божества после его перехода в иной мир; дается множество различных описаний этого мира. Хотя преобладает миф об Осирисе и его сыне Горе, такие тексты также идентифицируют монарха с богом Ра и просят о космической загробной жизни для него на небесах.

В течение рассматриваемого периода божественный фараон, обосновавшийся в своей столице Мемфис у начала дельты Нила, управлял объединенной страной, которая считалась центром Вселенной. Египет, однако, не погрузился в самосозерцание. Недавние раскопки в г. Балат показывают, что оазис Дахля в Западной пустыне был частью египетского царства. На юге под строгим контролем находилась Нижняя Нубия, а контакты с другими территориями в Африке были установлены вплоть до Донголы. На востоке важными торговыми партнерами оставались г. Библ (Библос) и Ливанское побережье. Тип правления и дворцовая культура, установившиеся в период Древнего царства, достигли наивысшей эффективности начиная с III династии. Этой системе предстояло действовать более 500 лет.

Искусство измерений

Писцы, чиновники и образованные люди теперь обладали инструментами, существование которых логически вытекало из появления письменности. Монумены и тексты, относящиеся к Древнему царству, показывают понимание важности цифр и методов измерения и вычисления.

Арифметика и геометрия развивались, видимо, главным образом для практических нужд: инвентаризации сырья, ежегодного измерения уровня разлива Нила, строительства зданий и составления кадастра как основы для системы налогов. Украшенные палетки периода Накада III уже включали некоторые знаки цифр, полный набор которых использовался на протяжении всей цивилизации фараонов. В период Древнего царства система счисления, вероятно, развилась полностью. Это была и десятичная, и аддитивная система счисления: вертикальная линия использовалась для обозначения единиц, а специальные знаки – для различных степеней десяти, от 100 до 1 миллиона. При написании цифр большие значения писались перед меньшими, а при указании чисел между 1 и 10 вертикальная линия повторялась необходимое число раз. То же относилось и к написанию других степеней числа 10. Эта система делала легким сложение и вычитание. Для умножения на 10 нужно было просто заменить число знаком, который обозначал его десятикратное увеличение. Другие типы умножения изображались как ряд удвоений, а деление достигалось с помощью обратной процедуры. По-видимому, вычисление площади и объема облегчалось эмпирическим знанием значений квадратов чисел и квадратных корней из некоторых чисел. Что касается дробей, которые были существенны для пропорционального распределения товаров, то в этом знания египтян были ограничены. Они использовали только дроби, числитель которых был равен единице, изображая сложные дроби в виде сумм простых дробей с различными знаменателями.

Что касается простых геометрических фигур, то земельные формулы давали возможность вычислить площадь трапеции и обнаружить связь между площадью треугольника и площадью прямоугольника. Эти формулы, которые, очевидно, уже были известны во времена строительства пирамид, были собраны воедино в папирусах Среднего царства. Эскиз, принадлежавший архитектору, обнаруженный внутри пирамиды Джосера и относящийся, вероятно, к III династии, определяет кривую линию, которая, видимо, соответствует изогнутости крыши часовни, в виде эквидистантных вертикальных линий с отметками, указывающими на их длину. Хотя горизонтальная линия не проведена, вся система кажется основанной на определении координат. Наиболее впечатляющим открытием египтян, несомненно, является установление отношения между диаметром круга и его площадью и оценка значения числа «пи», которое недалеко от его истинного значения – 3,16. Вероятно, вычисление объема некоторых фигур (пирамиды, усеченной пирамиды и цилиндра), известное нам из более поздних папирусов, диктовалось характерными особенностями архитектуры Древнего царства.

Хотя египетская система счисления была десятичной, системы единиц длины, площади и веса были смешанными. Эти единицы были различными в разных провинциях и в разные периоды, и до сих пор не установлено значение некоторых из них. Начиная с Древнего царства одной из наиболее часто используемых единиц измерения был «царский локоть» длиной 52,3 см. Он подразделялся на 28 «пальцев» примерно по 1,86 см, группировавшихся вместе в «ладонь» из четырех пальцев, по 7,47 см каждая. Существовали также доли «пальцев» – от половины «пальца» до его 16-й части. Именно с помощью этих единиц проводились измерения, описанные в документах рассматриваемого периода, от уровня воды в Ниле при его разливе и размеров

статуй божеств до периметра сада. Наиболее древний папирус из известных до сих пор – «папирус Абусира», который был найден в погребальном храме Нефериркара, главным образом касается разных видов подсчета: ежедневных счетов, ежемесячных счетов, счетов за подношения, запасов мяса, мешков зерна или рулонов тканей, обобщающих счетов, регистрации присутствия служащих и т.д. Числа отмечены на линиях, соответствующих дням месяца, разделены красными линиями на три декады, поскольку измерение времени было также существенной особенностью общества времен фараонов.

Египтяне, по-видимому, не были выдающимися астрономами, хотя ориентация их памятников отражает очень точное наблюдение некоторых созвездий, например, Большой Медведицы: стороны пирамиды в Гизе точно сориентированы по четырем странам света, расчет углов наклона граней совершенно безукоризнен. Максимальная точность характерна для пирамиды Хеопса, отклонение граней которой составляет 5'30" для восточной стороны и 1'57" для южной стороны.

Египтяне сначала использовали календарь, основанный на фазах луны, но в додинастический период год был разделен на 365 дней, распределенных на три сезона по четыре месяца. Каждый месяц состоял из 30 дней, а 5 дополнительных, эпагоменальных дней добавлялись в конце года. Сезоны отражали природный цикл и цикл уровня воды в Ниле, который зависел от времен года. Сезоны известны как *ахет* – наводнение, половодье, *перет* – прорастание, развитие, рост и *чиму* – урожай. По-видимому, был разработан египетский календарь, в котором первый день года соответствовал двум природным явлениям, происходившим почти одновременно в регионе Мемфиса около 19 июля по нашему календарю: ежегодному разливу Нила и новому восхождению звезды Сириус на горизонте. Считалось, что восход Сириуса происходит в «первый день первого месяца сезона половодья». К сожалению, поскольку этот календарь не имел високосного года, каждые четыре года календарь отставал на один день, создавая увеличивающееся несоответствие. К концу Древнего царства это несоответствие составляло приблизительно пять месяцев, и дата, выраженная в сезонах, месяцах и днях гражданского календаря, уже не имела отношения к природному циклу. Действительно, только после 1460 лет (365 x 4) начало года снова пришлось на 19 июля.

Ссылки на восход Сириуса очень важны для установления египетской хронологии. Они служат ценными точками отчета, относительно которых можно расположить последовательность династий. К сожалению, эти ссылки очень редки – их лишь пять за всю историю Египта.

Начиная с времен династий из Тина приход каждого нового фараона являлся отправной точкой для установления новой хронологии. В Древнем царстве даты сначала устанавливались в связи с переписью населения, выполнявшейся по приказу фараона каждые два года. В конце рассматриваемого периода была принята система датирования, основанная на годах правления монарха, сохранившаяся до конца периода фараонов.

Распространение каменной архитектуры в правление Джосера

В правление Джосера, первого фараона III династии, отмечено начало эры каменных монументов; в это время царское захоронение стало приобретать форму, которая отличала ее от частной могилы: появилась пирамида с сопутствующими зданиями, предназначенными для того, чтобы помочь фараону в загробной жизни.

Первая пирамида была построена на плато Саккара около Мемфиса, новой столицы Египта. История донесла до нас имя архитектора, который изобрел искусство воз-

ведения одетых в камень зданий, – Имхотеп, верховный сановник фараона Джосера. Его имя и звание были выбиты в основании статуи Джосера, а его «поучение» передавалось на протяжении тысяч поколений. Наставник писцов, позже он был обожествлен как покровитель врачевания и в этом качестве отождествлялся греками с богом медицины Асклепием.

Помимо широкого использования известняка, гробница Джосера отличается от захоронений его предшественников массивностью и формой, которая свидетельствует о том, что пирамида, очевидно, возводилась в несколько этапов. Возведенная на основании из бутового камня, пирамида возвышается на территории в 15 гектаров, обнесенной оградой. Первоначально сооружение представляло собой квадратную мастабу площадью 60 кв. м; затем площадь захоронения была расширена, чтобы охватить могилы всей семьи. На этой основе Имхотеп возвел четыре террасы, затем еще две. Эти шесть поставленных одна на другую и сужающихся кверху мастаб образовали первую ступенчатую пирамиду. Ее основание имеет площадь 109 x 121 кв. м. Эту гигантскую лестницу высотой 60 м было видно на расстоянии нескольких километров. Символизируя стремление к загробной жизни, она приглашала душу фараона соединиться с вечными звездами, среди которых он должен был занять свое место. Форма монумента также напоминает первоначальный холм, из которого по преданиям возникло Солнце.

Подземный уровень пирамиды содержал склады, где были найдены тысячи гипсовых ваз, а также апартаменты с комнатой, украшенной синей керамической плиткой. Изящные рельефы на стенах из известняка изображают фараона, выполняющего ритуальные действия. Подобные сцены находят в «Южной могиле», которая относится к ряду монументов, соседствующих с самой пирамидой. Все они окружены монументальной стеной высотой 10 м, сделанной из тщательно пригнанных блоков известняка. В стене имеется единственная дверь, ведущая к замечательной галерее с колоннами; эта галерея приводит в большой внутренний двор, ограниченный с запада великолепной «Стеной Кобры».

Тщательно реконструированная усыпальница фараона Джосера ныне возвышается так же, как и 4500 лет назад. Обществу фараона с миром живых помогала статуя, расположенная в небольшом приделе, построенном у подножия пирамиды; через узкие щели в кладке ее обдувал северный ветер. Эта окрашенная статуя из известняка, глазницы которой опустели, является первым примером изображения фигуры правителя в натуральную величину.

Авторы немногочисленных статуй частных лиц того времени, очевидно, черпали свое вдохновение от этой царской модели. Примечательными образцами являются гранитные статуи; а окрашенные известковые статуи Сепи и его жены Несы (Лувр) представляют продолжение древней традиции.

Пирамиды и храмы IV–VI династий

В поисках бессмертия монархи Древнего царства строили наиболее внушительные памятники в истории – пирамиды. Однако до достижения геометрической правильности пирамид, построенных в Гизе, в строительстве царских могил проходила эволюция различных форм. Монументы в Саккаре, Зауит-эль-Ариане, возведенные последователями Джосера, являлись лишь гигантскими лестницами. Последнее сооружение такого типа в Майдуме было позднее перепроектировано. Снофру, отец Хеопса, возвел в Дахшуре двустороннюю пирамиду, силуэт которой напоминает вершину обелиска. Это была первая настоящая пирамида. Мы не знаем, почему тот же фараон построил другую гробницу к северу от этого монумента. В дальней-

шем в Гизе, Саккаре и Абу-Сире фараоны вознесли подобные памятники до небес.

Внутреннее устройство пирамиды было простым. Шахта или коридор, идущий от северной стороны, вел к погребальной камере, где в саркофаге лежала мумия. Видимо, для саркофага Хеопса были возведены три последовательные камеры, первая из которых была подземной. Наклонные плоскости и коридоры, необходимые для переходов и вентиляции, были высечены вне центрального массива монумента. Как только церемония похорон заканчивалась, все проходы и пустоты заполнялись считавшимися неприступными гранитными блоками, чтобы перекрыть доступ к могиле. Тем не менее эти меры предосторожности оказались недостаточны, так как захоронения были разграблены еще в древние времена.

Одни числа дают лишь слабое представление о колоссальных размерах пирамид. Самая высокая из них, названная «Горизонт Хеопса», стала усыпальницей фараона. Ее высота 146,5 м, длина стороны квадратного основания 235 кв. м, наклон грани 51°56'. Пирамида Хефрена – вторая по величине – имеет высоту 143,5 м, длину стороны основания 215,25 кв. м и наклон граней 52°21'. Третья великая пирамида – Микерина в Гизе – знаменует начало строительства меньших монументов: она не достигает и половины высоты пирамид Хеопса и Хефрена; ее высота 62 м, длина стороны квадрата в основании 108,4 кв. м, а наклон 51 градус. Четыре ее стороны ориентированы на четыре страны света.

Только пирамида Микерина сохранила свою внешнюю лицевую сторону, выполненную из тщательно обработанного гранита. Под давлением массы верхних слоев камня потолки усыпальницы и коридоры могли обвалиться. Чтобы избежать этого, уже архитекторы пирамиды Снофру возвели высокий свод с выступами, и Хеопс сделал то же самое для своей величественной «Великой Галереи». Сила тяжести горизонтального потолка его верхней погребальной камеры уменьшается с помощью нескольких разгрузочных камер с поддерживающими плитами, использованными в качестве стропил. Это архитектурное решение часто использовалось в период более поздних династий.

Пирамиды строили не только тысячи рабов, изнемогавших под кнутом тирана. Плато Гиза привлекало множество земледельцев, которые не могли работать на участках в период наводнения. Наводнение также облегчало транспортировку огромных каменных блоков к строительной площадке. На лодках доставляли известняк из Туры, гранит для украшения погребальной камеры и для отделки внешней поверхности пирамиды, а также черный базальт и диорит для скульптур. Каменные блоки тащили волоком, подкладывая круглые бревна, или буксировали на полозьях по глинистым склонам, которые примыкали к возвышавшейся пирамиде. Постоянно увлажняемые, эти склоны облегчали подъем блоков и служили своеобразными подмостями, на которых могли работать все ремесленники.

Кирпичные, каменные и деревянные лодки сопровождали умершего фараона в его последнем путешествии. Пять из них, найденных у пирамиды Хеопса, были сделаны из древесины ливанского кедра, они находились в ямах к востоку и югу от пирамиды. Одна из этих лодок длиной 43 м была найдена сохранившейся в прекрасном состоянии. К восточной стороне пирамиды примыкал высокий храм, связанный с крытым переходом, ведущим к Нилу до нижнего, или долинного, храма, где культ фараона, по-видимому, отправлялся до его смерти. Красота храма Хефрена, который хорошо сохранился, обусловлена зрительной уравновешенностью его квадратных колонн, высеченных из целых блоков гранита. Здесь были найдены остатки 23 статуй фараона. Самая изящная из них, высеченная из диорита, которая хранится в Египетском музее в Каире, служит яр-

ким выражением величия царей-богов Древнего царства. Сидя на троне между двух львов, фараон держит символы единства Верхнего и Нижнего Египта; позади его бесстрашной фигуры божественный сокол Гор раскрыл свои крылья, защищая монарха.

Рельефы, которые в дальнейшем не появляются внутри пирамид, покрывали стены храма и мощные дорожки магическими изображениями. Ритуалы, которые они изображают, были предназначены, чтобы помочь умершему фараону в его путешествии в вечность. На одном из наиболее замечательных изображений показаны шествие «имущества» скончавшегося монарха, персонифицированного в виде молодых женщин, приносящих фараону снофру плоды земли, и транспортировка пальмообразных колонн, которые украшали верхний храм фараона Унаса. Подобные рельефы также находят в храмах богов, многие из которых соединены с пирамидами. Один из храмов стоит перед знаменитым Сфинксом в Гизе. Скульпторы превратили огромную скалу в фигуру лежащего чудовищного животного, льва с головой человека, имеющего черты портретного сходства с самим фараоном Хефреном. Сфинкс олицетворяет мощь фараона и символизирует один из аспектов Солнца – небесного тела, особенно почитавшегося в период V династии.

Именно в пирамидах и их пристройках было найдено большинство статуй владык Древнего царства, отражавших величие и торжественность сына богов. По стечению обстоятельств единственная дошедшая до нас статуэтка Хеопса имеет всего 9 см в высоту; она изображает строителя Гизы держащим царский жезл. В совершенно другом стиле выполнено из кварцита изображение головы его сына Дидуфри (хранится в Лувре): лицо, обрамленное симметричной прической, напоминает о суровости Джосера, хотя и несет оттенок грусти. Сфинкс в Гизе и статуи долинного храма напоминают о главных достоинствах Хефрена.

Но ни один монарх Древнего Египта не оставил после себя так много изображений, как преемник Хефрена Микерин. Все скульптуры характерны округлыми чертами и выражают доброжелательность, что придает облику монарха больше человечности. Три скульптуры из аспидного сланца, изображающие фараона вместе с богиней любви Хатор и покровительницей нома Асьют характеризуются небывалой до того времени точностью изображения человеческого тела. Скульптурное изображение царской четы из Бостонского музея с царицей, стоящей подле своего мужа, по своему величию сравнимо с величием статуи Хефрена.

Фараоны V династии оставили после себя немного статуй. Одна из них, высеченная из красного гранита, является первым примером гигантской статуи: размер одной лишь головы равен почти 70 см. К концу периода Древнего царства для изготовления статуй начала применяться медь. Из меди изготовлена статуя фараона Пепи I и статуя, приписываемая его сыну. Хотя металл поврежден коррозией, статуя Пепи I, имеющая вставные глаза, производит незабываемое впечатление. Некоторые части статуи, по видимому, литые, но большая ее часть выполнена из склепанных пластин, прикрепленных к деревянной основе.

Частные захоронения

Фараон не должен был в загробной жизни оставаться в одиночестве, и вокруг каждой пирамиды выросал настоящий «город мертвых». Около царской могилы стояли небольшие пирамиды, бывшие, очевидно, местом упокоения цариц. Князья и придворные пользовались привилегией на возведение из камня или кирпича своих гробниц, вытянувшихся неподалеку в линию. Подобные могилы строились в провинциях для высших должностных лиц, и их нахо-

дят на территориях, расположенных вплоть до отдаленных южных оазисов. Саркофаг и погребальные принадлежности помещались в подземную камеру, в которую вела вертикальная шахта. Все сооружение увенчивалось мастабой со слегка наклонными стенами.

Высеченная внутри мастабы или построенная частично вне ее «часовня» украшена изображениями жизни на земле. На стенах в определенной последовательности вырезаны, нарисованы или инкрустированы цветной пастой сцены, включающие магические знаки и тексты, которые гарантируют мертвым такое же довольство в загробной жизни, какое было в их земном существовании, в окружении любящей семьи и верных слуг. Они изображают живописные сцены повседневной жизни во времена пирамид. Изображались, в частности, события сельской жизни: сев и сбор урожая, сбор винограда и уход за домашними животными. На стенах могилы Ти пастух старается перевести свое упрямое стадо вброд; в Майдуме гуси с красивым оперением изображены на фоне растений.

Однако главной изображаемой сценой, к которой сходятся все другие сцены, является погребальная трапеза. Как и в предыдущие периоды, эта сцена обнаруживается на стеле с именем умершего. Стела либо помещалась внутри кладки, либо увенчивалась «ложной дверью». Одним из наиболее красивых примеров является изображение Нефертиабет, которая считается сестрой Хеопса. Царевна изображена сидящей за столом, заставленным золотистыми булками хлеба. Элементы барельефа окрашены в разные цвета, которые сохранили свою свежесть. На столе стоят мясные блюда, вино и фрукты, а также холст и мази для обработки мумифицированного тела царевны. Надпись сообщает, что у нее вечно будет «тысяча кусков мяса, птицы, булок хлеба и кувшинов пива». Одно из важных предназначений стелы состояло в том, чтобы регулярно пополнять подношения, которые могли бы обеспечить пропитание умершим.

Египетское искусство было направлено прежде всего на прославление богов и умерших. Рельефы и картины были не просто украшениями: они либо увесочивали религиозные темы, чтобы умиловать богов, от которых зависит устойчивость мира, либо старались обеспечить покойного всем необходимым в загробной жизни. Статуи часто изображают тела, которые являются временными носителями жизненной силы бога или умершего человека и прошли обряд реанимации. Статуи частных лиц обнаруживают в часовнях или в небольших заложенных кирпичами помещениях-кладовых (*сердаб*), которые соединялись с миром живых узкой щелью. В качестве нетленных «запасных тел» они находились на службе идеализированно изображавшего умершего человека. Уже во времена пирамид эти статуи могли относиться к нескольким общепринятым категориям: стоящая фигура, неподвижная или шагающая вперед; сидящий писец; семейная пара или группа.

Мы можем видеть сидящую пару – царевича Рахотепа рядом со своей красивой женой Нофрет (Каир, Египетский музей). Эта скульптурная группа, выполненная из раскрашенного известняка, является идеализированным образом царственной четы, навсегда сохранившей свою вечную молодость. Их вставные глаза были настолько яркими, что рабочие, которые их обнаружили, были охвачены паникой.

Статуя Шаяк-аль-Балад из Египетского музея в Каире является одним из самых древних примеров (V династия) больших деревянных скульптур, которые станут знаменитыми через сотни лет, начиная со статуи Метчетчи (Музей Канзас-сити, США). Фигура стоит вертикально, держа символы власти, и производит внушительное впечатление. Лицо и тело слегка округлы, но это несколько не умаляет выражения достоинства высокого должностного лица.

Хотя статуя находится в таком же состоянии, что и знаменитый сидящий писец (Лувр) (илл. 19), она отличается от последней настроенным выражением лица, наклоненным и будто бы слушающим невидимого собеседника, и яркими глазами из хрустала и кварца, обрамленными медными кольцами. Что касается многофигурных скульптурных групп, то они выражают взаимную привязанность, типичную для египетских семей и делающую их столь близкими нам. Наиболее выдающимся примером таких групп является изображение карлика Сенбеа (Египетский музей, Каир), сидящего около своей жены и нежно обнимающего ее.

Погребальные обряды и верования

Благодаря монументам и произведениям искусства, большинство из которых связаны с погребальными обрядами, мы можем составить представление о множестве верований, унаследованных от более ранних периодов, которые впервые стали понятнее благодаря имеющимся текстам.

Несмотря на зашифрованность этих текстов, можно допустить, что уже в Древнем царстве выделяли трудноуловимые компоненты человеческого существования: *ах* – понятие о свете, который открывал путь к звездам; *ка* – жизненная сила, которая должна постоянно поддерживаться; *ба* – нематериальное понятие, выражающее мощь его владельца; наконец, имя, которое через магию слова было способно дать человеку новую жизнь. Имеются многочисленные свидетельства практики мумификации начиная с этого периода, например, мумия фараона Меренра, хранящаяся в Каирском музее, и мумия куртизанки Нефер, все еще находящаяся в ее погребальной камере в Саккаре.

Канопы, обнаруженные в гробнице Хетедерас, свидетельствуют о практике удаления внутренностей бальзамируемого покойника, которые затем помещали в специальные хранилища. В растворе натронных солей, следы которого были обнаружены на месте при раскопках, в классический период труп выдерживали приблизительно десять дней. После этого жрецы и специалисты по бальзамированию совершали обряд, произнося заклинания над телом, и приступали к бальзамированию. Вымытое, очищенное, обработанное маслами и умащенное благовониями тело заворачивали в непроницаемые для воздуха и ароматизированные ткани, закрепленные льняными повязками и пластинами, и украшали драгоценностями и амулетами. Предметы, использованные во время церемонии «открытия рта», помещали в небольшие емкости и переносили в захоронение, в напоминание важности этого ритуала, который магическим образом возвращал умершему способность чувствовать. Имеется несколько редких сцен в мастабах, изображающих некоторые части погребальной церемонии, такие, как остановка процессии в палатке для «очищения», перевозка покойного на лодке в сопровождении официальных плакальщиц, ритуальные танцы и т.п.

Более сложные обряды похорон фараона описаны в «Текстах Пирамид». После этих церемоний мумия, защищенная тяжелым каменным саркофагом, часто украшенным ступенчатым рисунком, окружалась необходимыми предметами (подголовником, зеркалом, бритвой, палеткой писца, кувшинами с пищей и мазями и, в идеальных случаях, кроватью и креслами) и помещалась на дно вертикальной шахты или в замурованную камеру. В храмах, окружавших пирамиды, или в часовнях над мастабами душа умершего могла вдыхать благовония и радоваться подношениям, регулярно доставлявшимся живыми. Для этой цели служили статуи – «замещающие» тела. Их ставили в замурованные камеры (*сердабы*) или в часовни, где совершались церемонные культовые обряды захоронения. Наследники

и жрецы приходили через равные промежутки времени, чтобы рассеять колдовство и оставить подношения, важные для жизни после смерти, которые записывались в специальном списке: хлеб, пиво, вино, мясо, фрукты, зеленая и черная косметика, мази, ткани и т.д. Часовней, связывавшей царство мертвых и живых, могла быть простая ниша в стеле или небольшая комната. Для фараонов такой комнатой служила внутренняя камера храма, наиболее близкая к пирамиде. Везде главным элементом была стела, часто высеченная из камня в форме двери или ворот. Она символизировала переход между мирами живых и мертвых, а изображенные на ней сцены и тексты, благодаря их магической силе, гарантировали постоянное возобновление подношений, необходимых для существования умерших в загробной жизни.

Однако только возведения гробницы было недостаточно, нужно было также организовать погребальный культ. Как часто следует накрывать стол умершего? Какими должны быть заклинания, необходимые для жизни после смерти? Уже во время IV династии египтяне имели ответы на эти фундаментальные вопросы. Надписи показывают, что захоронения могли снабжаться из многих различных источников: их составляли «подношения, сделанные фараоном», т.е. подношения из собственности царя или от царских культовых учреждений; пожертвование земли; «зámки *ка*», пожалованные фараоном, с территорий которых поставлялись товары к столу подношений; «возврат» подношений, первоначально сделанных храмам или захоронениям и которые в соответствии с контрактом могли перераспределяться для других целей. Погребальный фонд, предназначенный для культа умершего, часто составлялся из собственности разного типа – земель или деревьев вместе с жившими там людьми и их домашними животными.

Управляющие фонда, земледельцы, ремесленники и жрецы заботились об обслуживании умершего в течение грядущих столетий. Его изображение, естественно, было увековечено на стенах захоронения.

Хотя мы хорошо информированы относительно обрядов похорон, нам мало известно о том, как люди Древнего царства представляли себе жизнь после смерти. Нам больше знакома судьба умершего фараона. «Тексты Пирамид», самой старой версией которых является текст пирамиды Унаса, являются компиляцией еще более древних писаний, предназначенных для обеспечения наилучшей загробной жизни фараона. В бесчисленных стихах «Текстов Пирамид» описывается самый старый ритуал похорон, известный человечеству. В своих поисках вечности фараон стремился соединиться с великими космическими галактиками и живущими среди них богами. Фараон становился, в свою очередь, негаснущей звездой или созвездием, как Орион или Сириус, или Солнцем, как сын бога Ра. Чтобы достичь небес и занять место среди богов, фараон использует неожиданный способ: превращается в крылатого скарабея или в дым ароматических курений либо совершает восхождение на гигантскую лестницу (илл. 23). Он призывает на помощь силы богов для преодоления многих препятствий на этом пути и не боится угрожать им, если они откажут ему в помощи. Чтобы сохранить целостность тела, он помещает каждую его часть под защиту бога. Он принадлежит сонму богов также на основании его идентификации с богом Осирисом, покровителем и судьей мертвых.

Первый переходный период и Среднее царство: с VII по XII династию (около 2200–1785 гг. до н.э.)

После долгого правления фараона Пепи II Египет погружился в эпоху беспорядков первого переходного периода, ставших результатом социальных волнений, прини-

маемых некоторыми за «революцию». Ослабление власти фараона, усилившиеся претензии провинций к центральной власти, изменения климата, политические сдвиги, произошедшие в конце Древнего царства, – все эти факторы привели к неустойчивости государственной системы. Племена бедуинов извлекали свою выгоду из сложившейся ситуации, вторгались в Дельту, терроризируя население. Начиная с V династии стали заметными изменения в обществе: государство, управляемое «божественным» фараоном, уступило форме феодального правления, а правители административных округов (номов) постепенно преуспели в передаче своих должностей сыновьям, создав тем самым местные династии, которые фараон должен был как-то держать под контролем.

Попытки достичь объединения последовательно предпринимались правителями Гераклеополя (вблизи Файюма), а также Фив (на юге); возникали конфликты, из которых в конце концов властители Фив вышли победителями примерно в 2500 г. до н.э. Египет был снова воссоединен при правлении Менхотепе Великого, знаменуя начало эпохи Среднего царства, считающейся классическим периодом египетской истории, в течение которого укрепились контакты с соседними странами. Фараоны вернули на прежнее место границы государства, захватив Нубию и распространив свое влияние на Сирию и Палестину. Властители, носившие имена Аменхет и Сесострис, основавшие XII династию, вероятно, были истинными государственными деятелями, реорганизовавшими экономику и управление. Осушение болот Файюма является наиболее известным примером их политики проведения масштабных работ.

Храмы и боги

Существуют некоторые признаки (главным образом косвенные) того, что места поклонения в Египте существовали еще в архаический период. Так, на острове Элефантина у первого порога Нила возле Асуана, остатки додинастических священных подношений свидетельствуют о наличии религиозного культа в этом месте; начиная со времен Древнего царства тут осуществлялись большие строительные проекты – над гранитным *наосом* (главное помещение (святилище) античного храма, где находилось скульптурное изображение божества. – *Прим. ред.*), воздвигнутым Пепи I, вплоть до окончания периода Древнего царства надстраивались один над другим каменные монументы.

Только начиная с эпохи Среднего царства можно действительно проследить необычно быстрое увеличение количества храмов вдоль всего Нила, возведение которых было обязанностью фараона. Они дошли до нас в весьма фрагментарном состоянии. Например, в Тоде, в нескольких километрах от Луксора, по фундаменту небольшого храма, посвященного фараону Муту, можно судить о том, что храм был отдельным зданием, окруженным пристройкой, в которой было девять комнат. Именно под каменными плитами, которыми здесь вымощен пол, были обнаружены знаменитые сокровища Тода – клад из золотых и серебряных слитков и драгоценной посуды.

В Карнаке (севернее Луксора) можно видеть восхитительный пример изящнейшей архитектуры той эпохи – небольшой домик, или «дорожную станцию», где божественная лодка могла отдохнуть во время движения процессии, которая несла статую бога. Покрытые резьбой каменные блоки повторно использовались как материал при строительстве третьей колонны храма бога Амона. Две тысячи лет спустя археологи обнаружили их при разборке монумента. Сегодня домик полностью восстановлен и является одним из сокровищ музея на открытом воздухе в Карнаке. Он представляет собой небольшое прямоугольное здание

из известняка, стоящее на платформе; к зданию можно подойти с двух сторон по слегка покатым склонам.

В Гелиополе (в настоящее время – пригород Каира) монумент в честь бога солнца Ра, построенный Сесострисом I, несомненно, являлся прототипом больших храмов Нового царства, но к настоящему времени сохранился только один из двух обелисков, которые украшали его фасад. Возведение монументов в Абидосе, месте захоронения фараонов династий из Тина, совпало с распространением культа Осириса; Абидос считается центром этого культа. От величественных усыпальниц, на которые ссылаются тексты, здесь остались лишь невыразительные руины.

Малоизвестные боги затмили покровителей Мемфиса, который до тех пор был столицей, – Аписа и особенно Птаха (Пта) и Ра, – с ними, возможно, уже в период III династии жрецы связывали две конкурирующие версии происхождения жизни, известные нам из более поздних источников. Сначала было *нуи* – обширное инертное водное пространство, первозданный океан; из него появился первичный холм, на котором воссел Создатель. Эта идея восходила к реальному природному явлению – разливам Нила, при которых единственной сушей оставались несколько грязных холмиков. Для теологов Гелиополя Создателем был бог Атум, воплощение вечернего заходящего Солнца, который был первым существом и породил восемь других богов (гелиопольскую эннеаду богов), ставших силами природы: Шу – бог ветра и воздуха; богиня Тефнут – божество живительной влаги; она родила Геба – божество земли и плодородия; Нут – богиня неба и т.д. (К другим божествам из гелиопольской эннеады относятся Осирис, Сет, Исифа и Нефтида. – *Прим. ред.*) Для теологов Мемфиса Создателем (демиургом) был Птах, который создал Словом весь мир и восемь первых богов – ипостасей самого себя, сначала представляя все в своем сердце и затем создавая это с помощью рта.

В Среднем царстве до ранга национальных божеств были подняты Монту и Амон, почитавшиеся в Фивах – месте рождения основателей XI династии, а затем Себека – божество плодородия, бог воды, покровитель болот Файюма, изображавшийся в виде крокодила. Осирис, мифическая могила которого была в Абидосе, дал начало новым погребальным обрядам. Согласно легенде, этот бог, убитый и разрубленный на куски своим братом Сетом (Сетхом), воскрес из мертвых благодаря магической силе жены Исиды. Тексты и монументы Среднего царства объявляют его главным богом мертвых, их покровителем и судьей. Многие статуи и стелы этого периода найдены в месте поклонения ему в Абидосе, куда они были доставлены в качестве священных подношений. Его религия объявляет о существовании рая, открытого для любого человека после длительного и рискованного путешествия по подземному миру. Впервые в истории человечества выдвигается концепция последнего суда, который вершится, когда умершего взвешивают на весах.

Египетское представление о мире по существу пессимистическое. Гармония космоса, равновесие между небесами и землей находятся под постоянной угрозой. Только боги могут поддерживать это хрупкое равновесие. Даже они уязвимы и нуждаются в защите, уходе и поддержке. План храма, обряды, выполняемые во время церемонии его основания, строительные материалы, украшение и надписи – все это создает крепость для бога и таким образом увековечивает с помощью магии обряды, гарантирующие постоянное обновление жизни бога. Вездесущий образ фараона на барельефах и в скульптуре подчеркивает его существенную роль в поддержании гармонии мира.

Изучая скульптуры фараонов, можно различить две школы искусства с сильно различающимися тенденциями, – школу севера и школу юга. Можно также провести различия между официальными изображениями монар-

хов, т.е. образами, использовавшимися для пропаганды и усиления их власти, и более мирными изображениями, которые украшают их погребальные монументы. Хотя мы не можем выявить все факторы, лежавшие в основе появления этого нового стиля, можно определить те, что придают ему единство. В изображениях фигуры, одетые в короткие набедренные повязки и являющие образ вечной молодости, уступают место фигурам людей, одетых в плащи или длинную туннику и растерявшим утонченную самоуверенность прошлого. Развилось искусство портрета, и выражение на лицах часто задумчивое или даже может означать боль или смирение. Выбор более статичных образов и тенденция к массивным формам создают впечатление неподвижности. Скульпторы отказываются от раскрашенного известняка и отдают предпочтение отполированному до совершенства темному камню.

Скульптурная фигура Антефа II из XI династии в святилище на Элефантине выполнена в строгом стиле той эпохи. Оно напоминает знаменитые колоссальные статуи, установленные Ментухотепом в его погребальном храме в Дейр-эль-Бахри. Фараоны XI династии оставили множество статуй не только в захоронениях, но и во многих святилищах по всему Египту. Эти скульптуры своими колоссальными размерами выражают могущество властителя Египта. Такие образцы пропаганды сохранились вдоль Нила вблизи второго порога. Подчеркнута мускульная сила фараона, создается образ атлета, обладающего физической мощью, необходимой для победы над врагами. Это можно видеть, в частности, на примере одной из статуй Сесостриса III, представляющей драматический по напряженности портрет правителя.

Статуи Себекхотепа из святилищ Карнака отличаются необычным размером головного убора властителя (*немес*) и чрезвычайно узкой талией. Около этих изображений, которые за исключением нескольких деталей следуют установившимся правилам, стоят многочисленные колоссы Осириса. Со времени правления Сесостриса I они выполнялись в классическом стиле, т.е. фараон изображался в виде бога Осириса, плотно обернутого в саван, с руками, скрещенными на груди. Эти колоссальные статуи, поддерживаемые колоннами, формируют неотъемлемую часть архитектуры религиозных и погребальных храмов. Несмотря на их внушительные размеры, многие из них дают реалистичное представление о внешности монархов, как, например, фрагмент статуи Сесостриса III, обнаруженный в Карнаке.

В статуях частных лиц также проявляется новый стиль, соответствующий изменившемуся назначению этих произведений. Младшие и старшие должностные лица получили привилегию размещать свои статуи в храмах богов. Эти произведения, являвшиеся данью их благочестию, изображают фигуры во время медитации, закутанные в длинные плащи, и в длинных париках. Их левая рука часто лежит на груди, выражая преданность. Некоторые статуи отличаются превосходным исполнением, как, например, статуя сидящего Рехемунха (Британский музей), сидящего Кнумхотепа (музей Метрополитен, Нью-Йорк) или коленапреклоненного Сатснефру. В то же время многие произведения из Абидоса, где эти священные подношения были помещены около «лестницы великого бога», небольшие по размеру и часто посредственные по исполнению.

Сходная тенденция наблюдается на рельефах храмов в Абидосе, Эрнанте и Фивах, где бесчисленные сцены изображают диалог между фараоном и богами или длинный перечень обрядов.

За этими произведениями времен XI династии последовал новый стиль XII династии, самым изящным примером которого является домик, установленный в Карнаке Сесострисом I. На довольно высоком рельефе фараон изображен стоящим перед богами, которые обещают ему

свою защиту. Уравновешенная композиция сочетается с колонной архитектурой, связывающей воедино две или три фигуры. Черты фараона странным образом напоминают черты богов, но разве правитель не сын богов? Иероглифы, сопутствующие этим сценам, выполнены с такой же тщательностью и точностью.

На наиболее известном отшлифованном каменном блоке из святилища, построенного Сесострисом III в Медамуде, изображена глубоко вырезанная двойная сцена подношения хлеба. В ней фараон изображен дважды напротив бога Монту. Оригинальность этого рельефа состоит в том, что монарх изображен в разном возрасте. В левой части изображения лицо имеет округлые черты, свойственные юности, а справа его лицо покрыто морщинами. Эти контрасты, обнаруживаемые и на некоторых других статуях в том же храме, объясняются по-разному. Связаны ли они с новым пониманием места фараона, который, подобно его подданным, испытывает на себе превращение человеческой жизни? Или эти контрастные изображения показывают в одном ярком образе идеал вечного обновления жизненного цикла?

Среднее царство оставило нам и нечто большее, чем «жилища богов». В Кахуме, вблизи Файюма, в ходе раскопок обнаружен целый город. «Новый город» был населен должностными лицами и работниками, занятыми на строительстве пирамиды Сесостриса II. Тесно примыкавшие друг к другу дома работников составляли небольшие переулки, вливавшиеся в главные улицы; дома имели один или два этажа и десяток комнат с небольшими окнами. Их плоские крыши, окруженные низкими перилами, давали место для отдыха прохладными вечерами. Жилой квартал, построенный вдоль улицы на северо-востоке города, включал множество обширных владений (площадью до 2500 кв. м). Здания здесь возводились с колоннадами, украшенными растительными сюжетами, и окружались садами с деревьями; в середине такого участка мог быть пруд с цветущим лотосом, дававший ощущение свежести и прохлады. Подобная картина воссоздана на основе небольших моделей зданий, положенных в захоронения.

На юге страны, где продолжалось завоевание новых территорий, найдены наиболее выдающиеся примеры военной архитектуры: укрепления порта Элефантина, массивные кирпичные здания Кермы и небольшие форты, которые были установлены на всем протяжении от Нижней Нубии до второго порога Нила.

Новые захоронения

На скалистой территории Дейр-эль-Бахри, на западном берегу Нила у Фив Ментухотеп Великий выбрал место для своей усыпальницы. Обширный комплекс, новый по замыслу, включал погребальную камеру, высеченную в скале, и ряд построенных из камня культовых монументов. К комплексу вела триумфальная дорога с поставленными сбоку в линию внушительными статуями фараона. Слегка наклонные дорожки поднимались к двум ступенчатым террасам, ограниченным с трех сторон лесом квадратных и многоугольных колонн. Весь комплекс был увенчан массивным зданием площадью примерно 20 кв. м, остатки которого показывают, что это, возможно, была небольшая пирамида. Однако результаты раскопок свидетельствуют о том, что центральное здание, вероятно, имело плоскую крышу.

Фараоны следующей, XII, династии перенесли столицу севернее и построили пирамиды на краю пустыни. Основатель династии Аменемхет I для установки своей пирамиды выбрал Ит-тауи, современный Лишт, в 60 км к югу от Мемфиса; Сесострис III хотел быть похороненным в Дахшуре (немногим южнее Мемфиса), восстано-

вив таким образом традицию монархов Древнего царства, в то время как Аменемхет III построил огромный поминательный храм из множества помещений в Хаваре, в районе Файюмского оазиса (греческие авторы полагали, что это было местом знаменитого Лабиринта). Высотой в несколько сотен метров эти пирамиды выдерживают сравнение с пирамидами в Гизе, но, хотя они были снабжены остроумными системами охраны от грабителей, их архитектура не могла противостоять разрушительному действию времени.

Все эти сооружения были украшены монументальными скульптурами, которые являлись неотъемлемой частью архитектуры. Так, недвижимая и устрашающая статуя Менхотепта в Дейр-эль-Бахри резко контрастирует с безмятежностью скульптурных изображений монархов Древнего царства. В могилах царевок XII династии в Дахшуре, Иллауне и Хаваре были найдены великолепные драгоценности. Ни в какой другой период ювелиры и ювелиры драгоценных камней не достигали таких высот технического совершенства (илл. 24).

Как и в Древнем царстве, погребальные комплексы фараонов были окружены могилами частных лиц. В них покоились члены семейства фараона и высокие должностные лица; гробницы сооружались из камня или высушенного на солнце кирпича, сейчас от них остались только руины. Наиболее примечательные захоронения, однако, находят в провинциях, что отражает изменение социальных тенденций. У местных правителей и высоких сановников были великолепные могилы, устроенные вблизи городов.

В архитектуре могил царевичей Вахка и Ибу в Кау-эль-Кебир проявилось влияние монументальной архитектуры фараонов с ее портиками, наклонными дорожками и лестницами, ведущими в погребальные камеры, высеченные в скале. В Верхнем и Среднем Египте захоронения, вытянувшиеся вдоль Нила, устроены в скалах, нависших над рекой. В Гиа начиная с периода правления Микерина могилы высекались в каменоломнях, из которых добывали камень для пирамид. В Среднем царстве подобные захоронения делались для членов самых знатных семейств Египта.

Далее к югу князья Асуана, правившие областью у первого порога Нила, предпочитали строгость четырехугольных колонн, которые украшают внутреннюю часть их захоронений. Последовательность подземных комнат здесь нарушена колоннами, высеченными в скале; наиболее изящные из колонн находятся в захоронении Хети в Бени-Хасан. Выполненные в архаическом стиле, они имеют форму и цвета бутона лотоса.

В этот период существенное развитие получила живопись, которая стала самостоятельным видом искусства. Стены могил сначала грунтовались илом, на который наносилась штукатурка; в некоторых случаях каменные стены сразу штукатурились.

Традиционная сцена охоты на болотах обрела новую жизнь на картине из Эль-Берши: мастерски изображены многоцветные птицы, сидящие на акации, листья которой настолько светлые, что кажутся почти прозрачными. Хорошо известная тема кормления животных получает более утонченное решение благодаря искусному использованию цвета. Розоватый цвет шкуры ориксов (сернобыков) подчеркивается черными и белыми линиями их тонких острых рогов. Цвет нанесен широкими мазками, но с попыткой оттенить полутонами горло животного. Другие картины привлекают внимание своими силуэтами, как, например, картина перевозки колоссальной статуи, которая украсила могилу князя Джухитепта в Эль-Берши, или картина, изображающая прибытие каравана азиатов, одежда которых детально выписана. Новыми сюжетами того периода являются сцены сражений и гимнастических упражнений перед ними. Изображение осажденной

крепости или пар борцов обнаруживает тонкое чувство композиции и движения.

Появился обычай помещать в неукрашенных захоронениях модели предметов; особенно широко он распространился во время первого переходного периода и Среднего царства, при этом модели заменяли ставшие более редкими скульптурные изображения на стенах. Модели делались из дерева, они в миниатюре представляли сцены повседневной жизни с несколькими действующими лицами: мастерскую, загородный дом, сцены на открытом воздухе, например, мастерскую ткача, в которой работники склонились над ткацкими станками или развернули мотки льняной пряжи, или рыбаков, тянущих сеть, полную рыбы, развернутую между двумя лодками. В захоронениях г. Асьют на Ниле найдены фигуры, составляющие модель настоящей армии, с марширующими воинами, размахивающими щитами и миниатюрными копьями, с отрядами нубийских лучников (илл. 25). Встречаются также процессии слуг, несущих пищу, идущих одной колонной поперек подставки, как, например, в гробнице в Эль-Берши; идущие одна за одной высокие женщины с подношениями. Самая изящная модель найдена в захоронении Макетре в Фивах, содержавшем и другие замечательные вещи, вроде изображения парада войск перед правителем, который сидит под навесом, окруженный своими подданными. «Женщина с подношениями» (Лувр) стоит прямо, она одета в облегающее платье и подносит кувшин пива, а на голове удерживает корзину с ногой тельца. Вместе с подобными моделями находят множество других предметов из гипса, глазурированных и неглазурированных гончарных изделий. Самыми необычными являются изделия из очень тонкой египетской керамики, кварцевого страза (искусственного камня, изготавливаемого из хрусталя), окрашенного в ярко-синий цвет оксидом меди; они изображают гиппопотамов. Статуэтки женщин, известные как «наложницы мертвых», часто также делались из керамики. Они, вероятно, помещались рядом с умершим, чтобы сопровождать его в загробной жизни.

Примерно в то же время появились первые вырезанные из дерева или камня фигурки *уиабти*, изображавшие слуг, которые должны были сопровождать умершего.

В захоронениях частных лиц в Верхнем Египте обнаруживается множество предметов домашнего обихода. Неповрежденные захоронения Ваха и Мекетры в Фивах, как и большая группа захоронений в Асьюте, в изобилии содержали эти предметы: модели, туалетные принадлежности, индивидуальные украшения из серебра и керамики, миниатюрные инструменты, игрушечное оружие и куски ткани внушительной длины. В могилах помещали также статуэтки, например, было найдено изображение советника Нахта, вырезанное из дерева акации.

Интеллектуальное наследие

В Древнем царстве существовали три литературных жанра: религиозная поэзия, биографии и моральные поучения. К первому относятся «Тексты Пирамид». Второй процветавший жанр включал то, что можно считать автобиографическими записями, выгравированными на стенах захоронений. Они говорили главным образом о вере в будущую загробную жизнь и перечисляли действия, которые соответствовали моральному идеалу: «Я дал хлеб голодному и одежду раздетому; я переправил не имевшего лодку на сушу». Иногда в этот период известные люди желали остаться в памяти потомков благодаря своей образцовой службе, прославившей их и снискавшей им всеобщее уважение, как единственному способу не исчезнуть без следа. Истории побед, одержанных Уни над бедуинами, и рассказ о походах Харххуфа на Асуан являются примерами

ми таких автобиографий. Эти рассудительные и точные отчеты – первые образцы исторической литературы.

От третьего литературного жанра, «литературы мудрости», осталось только одно полностью сохранившееся произведение, написанное Птахотепом. Его «Поучения», как их называли египтяне, состояли из ряда максим. Наиболее древний пример, связанный с именем Хордьедефа, начинается с фразы, объясняющей, что этот труд предназначен для его сына. В этом заключен определенный смысл. «Поучения» обычно приписываются мудрым людям Древнего царства, таким как царевич Хордьедефа, советники Птахотепа или Кагемени, и имеют форму советов отца, обращенных к сыну. Хотя до нас не дошли подлинники текстов того времени, можно считать, что Среднее царство унаследовало уже установившуюся литературную традицию. Эти произведения показывают реальную работу над стилем, в них используются яркие сравнения и нравоучительные изречения, рассматриваются параллельные темы. Предназначенные первоначально для аристократии, они предлагают правила поведения, применимые для каждого.

Качества, которые египтянин должен проявить на своем жизненном пути, разнообразны: сдержанность, благоумие, самоконтроль, доброта, великодушие, справедливость, верность и т.д.

Ученостью зря не кичись!
Не считай, что один ты всеведущ!
Не только у мудрых –
И неискушенных совета ищи.
Искусство не знает предела.
Разве может художник достигнуть вершин мастерства?
Как изумруд, скрыто под спудом разумное слово.
Находишь его между тем у рабыни, что мелет зерно.

(Перевод В. Потаповой. «Библиотека всемирной литературы», т. 1, сер. I, с. 95. – *Прим. ред.*)

Как видно из отрывка, который относится к первому переходному периоду, поучения иллюстрируют одну из неперенных особенностей египетской культуры – внимание к древним образцам:

Подражайте вашим отцам, вашим предкам;
Они правили с помощью своих знаний.
Смотри: их слова сохранились в книгах.
Открой, прочитай их, заимствуй их знание.
Научившийся станет умелым.

Некоторые из этих «Поучений» имеют политический смысл. Составленные в течение первого переходного периода «Поучения» для фараона Мерикары являются и историческим документом, и философским трудом. Описывая египетское государство накануне нашествия войск Фив на его столицу, один из фараонов Гераклеополя, вероятно Хети, сообщает сыну, что следует сохранить, а что – изменить, дает советы об искусстве управления, последовательно объясняет достоинства милосердия, решительности и снисходительного отношения к оппонентам:

Будь справедлив, тогда ты уцелеешь;
Утешь плачущего, не притесняй вдову;
Не отбирай у человека имущества его отца.
Не сокращай владения знатных.
Остерегайся наказывать несправедливо.

В период Среднего царства наблюдался расцвет политической литературы, в которой часто пропагандировалось монархическое правление, например, в «Поучениях» Аменемхета I и в «Пророчествах» Неферти. Из произведения Аменемхета I, основателя XII династии, сохрани-

лись некоторые фрагменты, состоящие из политических советов, данных после попытки ночного предательского убийства:

Остерегайся подданных, которые ничего
собой не представляют,
Об их интригах никто не знает;
Не приближайся к ним один;
Не доверяй брату, не знай друзей;
Не заводи душевных друзей – это пустое.

Второе произведение, которое относится к периоду правления фараона Снофру, описывает пророка, объявляющего о прибытии спасителя, Амени, который должен избавить Египет от беспорядков бунта. Современники не сомневались в том, что этот текст обращен к Аменемхету I.

«Поучение верноподданного», которое написано в форме урока молодежи, сочетает прославление фараона, выраженное в поэтической форме, напоминающей великие гимны той эпохи, с рядом максим в стиле мудрецов Древнего царства. Одно из наиболее популярных поучений того времени – «Кемит» – стремится возвысить Египет до высот морального совершенства. «Сатира профессий» превозносила назначение писателя и критически перечисляла недостатки других профессий, поощряла молодых людей становится писцами.

Набор текстов, известных как «пессимистическая литература», несомненно, отражает социальные волнения времен упадка Древнего царства. Наиболее известными примерами являются «Максима Хакхепересенеба» и «Беда разочарованного со своим *Ба* (душой)» (*ба* – в древнеегипетской религии один из элементов, составляющих человеческую сущность. – *Прим. ред.*); в последнем автор в великолепных стихах высказывает желание оставить этот мир:

Смерть стоит предо мной сегодня,
Подобна аромату лотоса,
Подобна пребыванию на берегу опьянения
Смерть стоит предо мной сегодня,
Подобна протоптанной тропе,
Подобна возвращению домой с войны.

В более лирическом произведении «Песни арфиста», фрагменты которого встречаются на нескольких стелах, содержится приглашение наслаждаться каждым уходящим мгновением.

Сохранилось также несколько образцов прозы этого периода. Наиболее известный из них, «Повесть о Синухете», описывает злоключения придворного фараона Аменемхета I, который был вынужден бежать в Палестину, потому что он подслушал компрометирующий фараона разговор; до своего возвращения в Египет герой пережил много приключений. «Красноречивый земледелец» описывает сложные взаимоотношения неудачливого феллаха со злым главным управляющим Ренси. Любители фантастики могли получить удовольствие от «Сказки потерпевшего кораблекрушение», – истории путешественника, выброшенного на остров, где жила чудовищная змея. Рассказы из папируса Весткара, к сожалению, сохранившиеся лишь во фрагментах, переносят нас во двор Джосера и Хеопса, где ловкий маг демонстрирует свое мастерство; в последнем рассказе из этого сборника описывается божественное происхождение первых фараонов V династии. Искусство повествования, простота стиля, разнообразие устной речи, чередование незамысловатого рассказа и изысканных форм изложения являются главными особенностями литературы, предназначенной для утонченного общества, которое ценило совершенство стиля и знание психологии героев. Эти произведения также отражают весьма высокие моральные идеалы,

которые заметны уже в «Поучениях», унаследованных от Древнего царства.

Нельзя сказать, что наука в то время получила столь же впечатляющее развитие, как и литература. Несмотря на значительный объем знаний, традиционно используемых египтянами, не похоже, что они занимались какими-либо теоретическими исследованиями. Они, тем не менее, достигли ряда важных результатов. Например, во времена Среднего царства был внесен значительный вклад в медицину и математику. Звания врача, стоматолога и хирурга-ветеринара существовали уже в древний период, а носители этих званий также были связаны с магией. Согласно египетскому мировоззрению, большинство болезней являются результатом влияния злых сил, которые должны быть изгнаны посредством магических ритуалов. Но в случае телесных расстройств могли применяться и такие средства, как молоко, мед и вдыхание эфирных масел, а также помет мыши, гиппопотама или пеликана. В период Среднего царства были составлены медицинские трактаты, которые зачастую дошли до нас в виде более поздних списков. Самым известным из них является папирус Э. Смита (*Edwin Smith*), написанный в эпоху второго переходного периода. В нем перечислены случаи костной хирургии, датируемые первыми годами Древнего царства. Травмы спинного мозга, вывихи челюсти и различные переломы описаны в порядке расположения частей тела от головы вниз. Сорок восемь случаев разделены на три категории: излечимые, сомнительные и неизлечимые. Первые две категории сопровождаются диагнозами и рекомендациями по лечению, например: «Делайте ему массаж [в других случаях – наложите бандаж] каждый день, пока он не излечится». Для второй категории, которая содержала такие расстройства, как повреждение спинного мозга, записи ограничены описанием болезни и чисто теоретическим диагнозом; хирург печально заключает, что это «болезнь, против которой ничего нельзя предпринять».

Другие папирусы, составленные подобным образом, рассматривают различные болезни. Один из них, найденный в Иллауне, является руководством по гинекологии. Папирус из Рамессеума (грандиозного заупокойного комплекса Рамсеса II на западном берегу Нила напротив Фив. – *Прим. ред.*) касается мышечных расстройств, ревматических болей и заболеваний общего характера. Изучение мумий выявляет применение некоторых методов вроде трепанации, дренирования абсцессов, зубных пломб и использования золотой проволоки для укрепления выпадающих зубов. Однако, несмотря на знакомство со строением человеческого тела, следовавшее из практики мумификации, египетский врач не был осведомлен о некоторых основных принципах анатомии: сердце вместе с кровеносными сосудами, которые так любовно описываются в папирусе Эберса (*Ebers*), рассматривалось как орган, производивший все жидкости организма, от крови до слез.

Наиболее важным из математических папирусов, найденных в Иллауне, оказался папирус Ринда (*Rhind*) длиной 2 м, скопированный в течение второго переходного периода с рукописи XII династии. Он не являлся, как долго считали, математическим трактатом, а представлял собой ряд задач с решениями: арифметических задач, вычислений объемов и площадей квадратов, прямоугольников, кругов и треугольников, а также задач по делению нечетных чисел от 3 до 101. Он был, возможно, задуман как своего рода логарифмическая линейка для писцов.

НУБИЯ (3000–1780 ГГ. ДО Н.Э.)

Древнегреческий географ и историк Страбон (XVII, 2, 3) был, очевидно, первым, кто применил слово Нубия для обозначения страны, расположенной к югу от Египта. Гипотеза о том, что это слово происходит от древнеегипетского

слова *нуб* (*nub*), означавшего «золото» (*Säve-Söderbergh*, 1992, p. 14), сомнительна, хотя эта страна имела значительные месторождения драгоценного металла, которые разрабатывались во времена фараонов. Первый порог на Ниле, к югу от египетского города Асуан, отмечал северную границу этой страны, которая простиралась на юг более чем на 700 км, вплоть до четвертого порога в центре Судана. Сельская местность здесь была чрезвычайно разнообразной. В настоящее время египетская Нижняя Нубия частично погружена в воды озера Насер, но когда-то после лабиринта первого порога, преодолеваемого Нилом на своем пути, она представляла собой плодородную долину, окруженную песчаными террасами, и образовывала географическую единицу, отличную от суданской Верхней Нубии. Дальше на юг расположены суровые и пустынные области Батн-эль-Хаггар («каменный живот»), где Нил пенится между черными скалами, затем – песчаные пространства района Абри-Дельго и, наконец, обширная равнина в районе г. Донгола. Эта долина окружена огромными пустынями, являющимися причиной засушливого климата с резкими перепадами температур (40 °C и выше в тени днем в течение лета, в то время как зимой ночная температура часто падает ниже 0 °C). Вся эта территория имеет ограниченные природные ресурсы, которые едва позволяют выжить малочисленному населению, занимающемуся рыболовством и выращиванием финиковых пальм. В древности тамариски, акации, сикаморы и другие деревья, посаженные по краям полей, давали древесину для зданий. В Нижней Нубии почти всякая жизнь исчезает, стоит только отойти от реки. Ясно, что до стабилизации климата на уровне, не очень отличающемся от современного, при колебаниях климата были и влажные фазы, четвертая из которых, примерно между 5100 и 2200 гг. до н.э., известна как «неолитические субтропики», но с самых отдаленных эпох Нил был наиболее надежным маршрутом, связывавшим Экваториальную Африку со Средиземноморьем. Животные из тропических стран Африки, такие как жирафы, гепарды или обезьяны, шкуры животных из семейства кошачьих, перья и яйца страусов, слоновая кость, а также черное дерево и золото – все это проходило через Нубию на пути к Египту и Западной Европе.

Нубия была местом встречи различных культур. Местные цивилизации возникли в этом регионе очень давно. Одно из нубийских царств – Керма – было в течение некоторого времени так же сильно, как и царство фараонов, хотя в отношении рассматриваемой эпохи ощущается нехватка письменных данных. Со своим более могущественным соседом Египтом Нубия имела отношения, которые были то мирными и взаимовыгодными, то доходили до военной оккупации.

Наши знания об этой стране полностью изменились после открытий, сделанных в течение международной кампании, начатой ЮНЕСКО во время строительства Асуанской плотины. Перенесение главных памятников и археологические раскопки, выполненные в 1960-е гг. на территории, предназначенной для затопления, привели к рождению новой дисциплины – «нубиологии», и ученые долгое время были заняты публикацией и анализом собранных данных. Вся история Нубии в конечном счете должна быть пересмотрена. Данные раскопок из региона между вторым и четвертым порогами и с территории пустыни весьма немногочисленны. Картина, которую мы описываем в настоящем разделе, не может, следовательно, рассматриваться иначе, как предварительная.

Около 3200 г. до н.э. в Нижней Нубии и регионе Асуана продолжала существовать культура, которая появилась еще в V тысячелетии до н.э. и известна как культура группы А (илл. 26). Период ее существования охватывал более 1500 лет и закончился около 2800 г. до н.э. во время правления первых династий фараонов в Египте. Хотя в Нижней Нубии находят многочисленные предметы, относящиеся к

додинастическому периоду Египта, культура группы А была чисто нубийской, и следует отказаться от старой гипотезы, предложенной американским ученым Рейснером (*GA. Reisner*), о миграции египтян на юг. При том что эта культура была близка цивилизации фараонов, с которой с самого начала имелись контакты, она и особенно ее керамика имели черты сильного сходства с собственно нубийской культурой предшествовавшего периода. Погребенные под толстым слоем нильского ила древнейшие местонахождения группы А исследовать трудно, поэтому пока нет ответа на ключевой вопрос о взаимном влиянии Египта и Нубии; особенно это справедливо в отношении внешнего вида гончарных изделий, которые находят в обеих странах и которые появились в V–IV тысячелетиях до н.э.; это изделия красного цвета с черным верхом, глянцевые и полосатые.

Около 3100–2800 гг. до н.э. общество, по-видимому, было иерархическим. Археолог Д. Уильям (*William*, 1986) выдвинул ныне оспариваемую гипотезу о существовании династии фараонов, основанной в Кустуле, к югу от Абу-Симбел. Дело в том, что, подобно захоронениям в Сайале, самые богатые захоронения в Кустуле, вероятно, принадлежавшие правителям, соперничают с захоронениями фараонов династий из Тина с их золотыми ювелирными изделиями, большими плоскими блюдами из слоновой кости и камня, а также сотнями конических горшков для продуктов питания; последние были чрезвычайно тонкие, с красновато-оранжевым орнаментом, который имитирует плетеные изделия. В Сайале большая палетка в форме головы птицы найдена рядом с грушевидными жезлами. Рукоятка одного из таких жезлов покрыта листовым золотом, украшена изображениями животных, напоминающими резьбу по слоновой кости из Накада. Большое количество предметов (кувшины для вина или пива, медные орудия и оружие) египетского или западноевропейского происхождения указывает на интенсивные торговые отношения, поддерживаемые представителями культуры группы А. Хотя захоронения в Сайале в основном прямоугольные, плотно закрывающиеся большой плитой из песчаника, были и круглые захоронения, иногда включавшие «часовню» как место для подношений; изредка в захоронениях воздвигалась стела с надписью. Эти данные вместе с найденными глиняными фигурками людей и животных указывают на развитую концепцию потустороннего мира. Скальные укрытия, украшенные резьбой по камню, были найдены в Сайале, а в самой крупной из известных деревень, Аффийех, имелись большие здания с каменным фундаментом.

Концентрация богатств в конце указанного периода, несомненно, отражает торговую деятельность народов группы А. Наличие в 578 ямах для хранения, найденных в Хор-Дауде, египетских кувшинов и сосудов с черной верхней частью для пива, вина или масла, свидетельствует о роли этого поселения как пункта обмена и перераспределения товаров (*Midant-Reynes*, 1992, p. 210). Это первое нубийское государство, которое наиболее древние египетские тексты называют «Та-Сети», т.е. «Земля луков», вероятно, имея в виду знаменитых нубийских лучников, по неясным причинам исчезло примерно в конце периода II египетской династии. Возможно, в этом сыграли свою роль набеги войск фараонов I династии, например Джера, изображенные в росписях стен в Джебел-Шейх-Сулеймане (*Trigger*, 1976, p. 46). Но к югу от второго порога нубийская культура продолжала развиваться.

В период Древнего царства египетское присутствие в Нижней Нубии проявлялось в виде мирных экспедиций, предпринимавшихся различными правителями. Хеопс организовывал вывоз из карьеров Тошка, вблизи Абу-Симбела, декоративного диорита, использовавшегося ваятелями царских скульптур. В Бухене, напротив современного г. Вади-Хальфа, на развалинах укрепленного города

были обнаружены имена фараонов IV и V династий, а гончарные изделия и печи для выплавки металлов свидетельствуют о том, что члены египетской колонии занимались выплавкой меди. Египетские анналы также приводят примеры агрессивной политики. Палермский камень, являющийся фрагментом древнеегипетских анналов, восхваляет подвиги Снофру, фараона IV династии: «Осталась опустошенной земля нубийцев. Вывезено пленников – 7000, крупного рогатого и другого скота – 200 000» (*Roccati*, 1982, p. 39). Биографические надписи в некрополе в Асуане, составленные в конце Древнего царства, более красноречивы в отношении политики фараонов в Африке. Хакхуф, «надзиратель за иноземными отрядами», описывает свои походы в отдаленную нубийскую «страну Ям»; он отмечает различные перемещения по долине или по дорогам между оазисами и свои иногда бурные столкновения с различными правителями, перечисляет вывезенные товары: «300 ослов, нагруженных ладаном, маслом, зерном, шкурами леопардов, слоновыми бивнями, дротиками и т.д.»; упомянут карлик, танец которого очаровывал молодого фараона Пепи II. Пепинахт, «надзиратель за отрядами», хвастался численностью и доблестью своих солдат и описывал разорение земли Вават и Ирхет, где «он вырезал много княжеских детей, а также лучших военачальников». Чтобы найти тело своего отца, который умер во время похода на юг, Сабни, князь Асуана, собрал конвой и отправился в Нубию, сопровождаемый «сотней ослов, груженых ароматическими мазями, медом, тканями и маслом», предназначенных для местных правителей. Вместе с найденным телом отца Сабни вывез в Египет экзотические товары, включая огромный бивень слона и шкуру льва длиной 2,5 м (*Roccati*, 1982, p. 216). Эти «отчеты», высеченные на захоронениях в Асуане, содержат много сведений, но иногда туманны; тем не менее они показывают, насколько большим спросом в Египте пользовались товары из дальних стран. «Отчеты» свидетельствуют также о возраставшем сопротивлении, с которым сталкивалось египетское продвижение в глубь Африки.

Это сопротивление совпало с появлением новых нубийских культур, которые, конечно, были связаны с перемещением населения к долине из-за наступления засушливого периода. Такими новыми культурами были культуры группы С и группы В, однако группа В, которую, как полагают, археологи выявили, на самом деле не существовала. Группа С, не имевшая письменности, развилась в Нижней Нубии в период между 2000 и 1500 гг. до н.э. Самая большая концентрация находок обнаружена в Фарасе, Анибе и Дакке.

Отношения с Египтом, вероятно, были миролюбивыми. Население обрабатывало узкие илистые равнины и занималось скотоводством, которое играло важную роль в местной культуре. Круглые могильники, увенчанные каменными насыпными холмами, содержат останки домашних животных, собак, газелей и рогатого скота и, несомненно, свидетельствуют о богатстве их владельцев. В стороне от захоронений были установлены большие каменные стелы с изображениями крупного рогатого скота, овец и коз, которые, вероятно, имели то же значение, что и терракотовые фигурки, помещенные внутрь могил.

Кожаная и льняная одежда людей включала ремни и сандалии. Кожаные головные уборы были украшены перьями. И мужчины, и женщины носили многочисленные украшения из цветного камня или фаянса, серыги, которые в Египте не носили до конца Среднего царства. Ручное изготовление гончарных изделий остается нубийской традицией, для которой характерны черные вазы с белой или цветной отделкой, украшенные резным орнаментом в виде разнообразных геометрических сюжетов. Хотя об образе жизни нубийцев известно мало, остатки каменных стен в деревнях указывают на высокую степень оседлости. Несмотря на контакты с египтянами, население все же сохра-

няло свою культурную идентичность, хотя никогда не обривало собственного государства.

Это также верно и в отношении нубийской культуры круглых захоронений, которая появилась в конце первого переходного периода и следы которой встречаются во всем Египте и Нижней Нубии. Название этой культуры происходит от круглых неглубоких захоронений, которые археологи сравнивают со сковородами. В них находят много предметов, среди них часто встречается оружие. Вероятно, это следы умелых нубийских лучников, первоначально происходивших из восточной пустыни; лучники использовались фараонами как наемники, им даровали землю. В египетских текстах лучники были названы «народом Медья». На нескольких редких рисунках, например, на черепе вола, изображены эти темнокожие воины; изображение не сопровождается никакими иероглифическими надписями.

Около крупного оседлого поселения Керма, в районе третьего порога, развилась другая нубийская культура, которая к концу периода Древнего царства стала представлять угрозу для Египта. Ее происхождение все еще неизвестно, поскольку этот регион мало исследован, но географическое положение в конце неолита делает эту культуру важным звеном между южной харгумской неолитической культурой и культурой группы А Нижней Нубии. Французский египтолог Гратьен (*Gratien*, 1978, pp. 159, 320) предполагает, что культура переходной фазы, предшествовавшая культуре «древней Кермы», является прямой преемницей культуры группы А Нижней Нубии.

К концу Древнего царства к югу от второго порога вполне могло существовать хорошо организованное сообщество, которое сопротивлялось египетскому проникновению. Этим можно объяснить проведение тех военных походов, о которых говорят надписи в захоронениях в Асуане. Несколько позднее хорошо датированные захоронения «древней Кермы» дали возможность обнаружить иерархическое, преимущественно скотоводческое общество, вожди которого владели большими стадами крупного и мелкого рогатого скота. Наличие одного или двух луков в нескольких могилах свидетельствует о воинских традициях.

Если гончарные изделия были по типу африканскими, близкими к изделиям из областей на границах Эфиопии и региона Хартума, то изделия из перламутра, поступавшего с побережья Красного моря, и из слоновой кости из Судана свидетельствуют о процветавшей тогда торговле. Сильное египетское влияние видно в распространенности бронзовых зеркал и кувшинов, на некоторых из них имелись иероглифы. Круговые захоронения были обозначены каменными насыпными холмами или стелами из песчаника, установленными по кругу. Чаши, использовавшиеся в погребальных церемониях, вероятно, оставались вместе с пищей для покойного. Тела, завернутые в воловь шкуры, снабжались множеством предметов – набедренными повязками, украшенными полосками кожи и разноцветными бусами, браслетами и серьгами из слоновой кости, кожаными сандалиями, кинжалами из бронзы и слоновой кости, луками, опахалами из перьев страуса и т.д. Около принесенных в жертву домашних животных, собак, ягнят и баранов, иногда с украшениями, с очень древних времен присутствовали признаки человеческих жертвоприношений в виде завернутых в мешки тел подростков, обнаруженных швейцарским археологом Бонне (*Bonnet*, 1986, p. 48). В ту эпоху возникло также городское поселение в виде ограды с домами из земляных кирпичей и зернохранилищами в ее пределах. Кроме того, появилось производство, что видно на примере обнаруженной мастерской по обработке бронзы.

Политические трудности Египта, возникавшие в течение первого переходного периода, вероятно, способствовали развитию культуры Кермы. Как и у могущественного

соседа, во главе Кермы стал монарх, и это заложило основу настоящего государства. Его армия теперь представляла угрозу для фараонов, которые называли эту новую силу «земля Куш».

Реакция наступила в период Среднего царства, в течение которого воссоединенный Египет подчинил Нижнюю Нубию и установил свою южную границу по второму порогу. Именно в этом регионе около 1900 г. до н.э. Сесострис I построил ряд мощных крепостей из земляных кирпичей вдоль Нила, из которых наиболее известны крепости в Фарасе, Бухене (илл. 27), Миргиссе и Семне. Сегодня они исчезли под водами оз. Насер, но это были настоящие цитадели, защищенные зубчатыми крепостными валами, с укрепленными воротами и рвами. Казармы и склады некоторых из них были рассчитаны на тысячу воинов. Продуманное расположение позволяло каждой крепости поддерживать связь с соседней, наблюдая за всем этим стратегически важным регионом, контролируя местное население и защищая Египет от «отвратительного врага Куш». Крепости также имели экономическое значение, так как являлись пунктами торговли и накапливали золото, в больших количествах добывавшееся в пустынях Нубии.

Поскольку военная оккупация и использование минеральных ресурсов Нижней Нубии продолжались примерно до 1700 г. до н.э., власть царства Керма укрепилась, а его территория простиралась от второго до четвертого порога.

Период, соответствовавший египетскому Среднему царству и эпохе «классической Кермы», характеризовался ростом социальных различий. Об этом свидетельствует сосуществование в главных поселениях районов из хижин с большим числом обитателей, домов египетского типа с одной комнатой и одной дверью, сгруппированных вокруг храма, и круглых деревянных и кирпичных хижин диаметром более 16 м. Захоронения также были неодинаковы, с могильными ямами от 2 до 12 м в диаметре, с надмогильным холмом. В некоторых городских сооружениях проявлялось влияние египетской архитектуры, однако в погребальных традициях преобладало африканское влияние, находившее выражение в архитектуре некоторых зданий, например, в виде большой ритуальной хижины.

Отношения с египтянами были натянутыми, и очень небольшое количество гончарных изделий эпохи фараонов вновь начинает встречаться в могилах только к концу рассматриваемого периода, подтверждая данные археологии и иероглифических текстов. Часто встречаются проклятия в адрес «отвратительного правителя Куша». Государство Керма достигло своего зенита именно тогда, когда Египет охватили волнения второго переходного периода. Сам Верхний Египет больше не был защищен от кушитских нашествий. В результате неожиданных политических перемен правитель Кермы начал считать себя равным фараону, стал управлять областями, в которых проживало египетское население, и поддерживать дружественные отношения с гиксосами, которые вторглись в Египет.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADAMS, S.; VERCOUTTER, J. 1980. The Importance of Nubia: A Link between Central Africa and the Mediterranean. In: MOKHTAR, G. (ed.), *General History of Africa*, Vol. 2, pp. 226–43. Paris.
- ADAMS, W. Y. 1984. Nubia, Corridor to Africa. *Africa in Antiquity. The Arts of Ancient Nubia and the Sudan*. Vols 1–2, 1978. Exhibition Catalogue, Brooklyn.
- Africa in Antiquity*. 1978. *The Arts of Ancient Nubia and the Sudan*. Vols 1–4. Exhibition Catalogue, Brooklyn.
- AMÉLINEAU, E. 1985, 1987–9. *Les nouvelles Fouilles d'Abidos*. Paris. 3 vols.
- ARKELL, A. J. 1961. *A History of the Sudan from the Earliest Times to 1821*. London.

- ASSMAN, J. 1989. *Maât, L'Égypte pharaonique et l'idée de justice sociale*. Paris.
- BARGUET, P. 1986. *Les textes des sarcophages égyptiens du Moyen Empire*. Paris.
- BONHÈME, M. A.; FORGEAU, A. 1988. *Pharaon. Les secrets du pouvoir*. Paris.
- BONNET, C. 1986. *Kerma. Territoire et métropole*. Cairo.
- 1990. *Kerma, Royaume de Nubie*. Genève.
- CENIVAL, J. L. de. 1971. *L'Égypte avant les pyramides*. Paris.
- DREYER, G. 1990. Umm el-Qaab. *Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof*. 3/4 Vorbericht, Vol. 46, pp. 53–89.
- EDWARDS, I. E. S. et al. (eds). 1971. *Cambridge Ancient History*, Vol. I, Part 2. Cambridge.
- EMERY, W. B. 1961. *Archaic Egypt*. Harmondsworth.
- FAULKNER, R. O. 1969. *The Ancient Egyptian Pyramid Texts*. Oxford.
- FISCHER, H. G. 1990. *The Origin of Egyptian Hieroglyphs*. Nebraska.
- GEUS, 1984a. Excavations at el Kadada and the Neolithic of Central Sudan. In: KRZYZANIAK, L.; KOBUZIEWICZ, M. (eds), *Origin and Early Development of Food-Producing Cultures in North-Eastern Africa*. Poznan. pp. 361–72.
- 1984b. *Rescuing Sudan's Ancient Cultures*. Khartoum.
- GHALIOUNGI, P. 1983. *The Physicians of Pharaonic Egypt*. Cairo.
- GRATIEN, B. 1978. *Les cultures de Kerma: Essai de classification*. Lille.
- GRIMAL, N. 1988. *Histoire de l'Égypte ancienne*. Paris.
- HAYNES, J. L. 1992. *Nubia, Ancient Kingdom of Africa*. Boston, Mass.
- HOFFMAN, M. 1980. *Egypt before the Pharaohs*. London.
- HORNUNG, E. 1986. *Les dieux d'Égypte*. Monaco.
- KAPLONY, P. 1964. *Die Inschriften der Ägyptischen Frühzeit*. Wiesbaden.
- LAUER, J. P. 1988. *Le mystère des pyramides*. Paris.
- LECLANT, J. (ed.) 1978. *Le temps des pyramides. L'Univers des formes, Les pharaons*. Paris.
- 1980. The Empire of Kush: Napata and Meroe. In: MOKHTAR, G. (ed.), *General History of Africa*. Paris. Vol. 2, pp. 278–97.
- LIXIKON der Ägyptologie. Wiesbaden.
- LICHTHEIM, M. 1973. *Ancient Egyptian Literature*. Vol. 1: *The Old and the Middle Kingdom*. Berkeley, Calif.
- MALEK, J. 1986. *In the Shadow of the Pyramids. Egypt during the Old Kingdom*. Cairo.
- MIDANT-REYNES, B. 1992. *Préhistoire de l'Égypte. Des premiers hommes aux premiers pharaons*. Paris.
- Naissance de l'écriture. 1982. *Cunéiformes et hiéroglyphes*. Exhibition catalogue. Paris.
- POSENER-KRIEGER, P. 1976. *Les archives du temple de Neferirkaré Kakai (Les papyrus d'Abousir)*. BdE 65. Le Caire.
- REINOLD, L. 1982. *Le site préhistorique d'El Kadada (Sudan central. La nécropole)*. Lille, Université de Lille III. (Doctoral thesis.)
- REISNER, G. A. 1923. *Excavations at Kerma, Vols 1-4*. Cambridge, Mass. (Harvard African Studies, 4–6.)
- ROCCATI, A. 1982. *La littérature historique sous l'ancien empire égyptien*. Paris.
- SÄVE-SÖDERBERGH, T. 1992. *Temples and Tombs of Ancient Nubia*. Paris/London.
- SHERIF, N. M. 1980. Nubia before Napata (-3100 to -750). In: MOKHTAR, G. (ed.), *General History of Africa*. Paris. Vol. 2, pp. 245–77.
- STADELMANN, R. 1990. *Die grossen Pyramiden von Giza*. Graz.
- TRIGGER, B. G. 1976. *Nubia Under the Pharaohs*. London.
- TRIGGER, B. G. et al. 1983. *Ancient Egypt. A Social History*. Cambridge.
- VALBELLE, D. 1990. *Les neuf arcs. L'égyptien et les étrangers de la préhistoire à la conquête d'Alexandre*. Paris.
- VANDIER, J. 1952–64. *Manuel d'archéologie égyptienne*. Vols 1–4. Paris.
- VERCOUTTER, J. 1992. *L'Égypte et la vallée du Nil*. Vol. I. *Des origines à la fin de l'Ancien Empire*. Paris.
- VERNUS, P. 1990. Les espaces de l'écrit dans l'Égypte pharaonique, *Bulletin de la Société Française d'Égyptologie*. No. 119. pp. 35–56.
- WILDUNG, D. 1984. *Sesostris und Amenemhet. Ägypten im Mittleren Reich*. München.
- WILLIAM, D. 1986. *The A-Group Royal Cemetery at Qustul: Cemetery L*. Chicago, Ill.
- ZIBELIUS-CHEN, K. 1988. *Die ägyptische Expansion nach Nubien*. Wiesbaden.

10.2

ДОЛИНА НИЛА

(1780–700 гг. до н.э.)

10.2.1

ЕГИПЕТ

Гамаль Мохтар

В этой главе рассматривается период, характеризующийся многими социальными, экономическими и культурными изменениями, произошедшими после того, как изоляция Египта была нарушена и он стал открыт для внешнего мира.

ВТОРОЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (1784–1570 гг. до н.э.)

XIII и XIV династии

Начиная с Аменемхета IV, седьмого фараона XII династии, стало очевидно, что царская семья начала терять власть. За его коротким и непримечательным правлением последовало еще более короткое правление царицы Себекнефру, которое завершило период процветания Среднего царства. Среднее царство, вероятно, ослабло изнутри из-за появления феодального правления и необходимости придерживаться многих требований провинциальных властителей. Это означало, что фараона будут уважать как главу государства до тех пор, пока он сохраняет силу и способность управлять. Последние фараоны XII династии, однако, были слабы и испытывали недостаток в силе и способностях; в итоге центральная власть пришла в упадок и Египет погрузился в темный и мрачный период. Кроме того, имелись и другие факторы, способствовавшие расколу: внутренние – конкуренция и борьба между членами самой правящей семьи, и внешние угрозы, вызванные новыми широкими миграциями и движениями народов, которые в то время всколыхнули всю Западную Азию. Свидетельства слабости фараонов того периода отражены в документах, которые мы называем «Текстами Проклятия» (*Kemp*, 1983). Эти тексты могут быть датированы концом XII династии и периодом XIII династии и содержат магические проклятия, которые фараон использовал против своих врагов.

Египетское государство было разделено между двумя конкурировавшими династиями в период перед вторжением гиксосов. Царское семейство в Фивах продолжало управлять Верхним Египтом (XIII династия по классификации Манефона), но существовала еще одна династия в Ксоисе в дельте Нила, которую Манефон называет XIV династией. Эта династия потерпела крах, когда гиксосы установили полную власть во всей Дельте. В то время как фараоны Фив, подобно Себекхотепу и Хендеру, тщетно пыгались править всем Египтом, усиливалась миграция семитских групп (которых мы называем «гиксосы») из Северо-Западной Азии в дельту Нила.

Хотя до нас дошло множество памятников XIII и XIV династий, история этого периода все же не ясна. Нам известно 38 имен фараонов этих династий из Туринского папируса, списка Карнака и с их собственных монументов, но хронологическая последовательность этих имен все еще вызывает сомнения (илл. 28). Все признаки свидетельствуют о том, что в Верхнем Египте административные и культурные традиции XII династии сохранились и в правление XIII династии. Пять из шести захоронений того периода, обнаруженные в Саккаре и его окрестностях, были пирамидами, небольшими по размеру и сложными по внутреннему устройству. Погребальные надписи и изображения этого периода свидетельствуют о значительном упадке качества исполнения по сравнению с искусством XII династии, в то время как мемфисская школа искусств сохраняла высокий уровень мастерства.

Период гиксосов (XV, XVI и XVII династии)

После вторжения в Дельту гиксосы бросили серьезный вызов правителям XIII и XIV династий в течение XVIII в. до н.э. Название «гиксосы» принадлежит египетскому историку Манефону, писавшему на греческом языке; оно происходит от древнеегипетского *хеку-шасу*, что буквально означает «правители иноземных стран». К сожалению, отсутствуют письменные документы того времени о завоеваниях гиксосов и их правлении в Египте до войны за освобождение, поскольку до изгнания гиксосов египтяне не желали документировать это величайшее унижение своей нации. Тем не менее существуют некоторые данные о правлении гиксосов, которые дошли до нас благодаря более поздним документам; археологические находки, особенно в Дельте, также дают некоторую дополнительную информацию.

Цель вторжения гиксосов состояла в том, чтобы поселиться, покорить и управлять Египтом. Но в действительности гиксосы заняли только Дельту и Средний Египет до современной области Асьют, в то время как «теневые» фараоны в Фивах продолжали управлять оставшейся частью Египта, вплоть до Асуана на юге.

Гиксосы состояли из нескольких этнических групп, преимущественно семитских, которые вторглись в Египет в результате массовых перемещений и миграции населения из Центральной Азии. Их культура несла черты сильного влияния культуры середины бронзового века Палестины, о чем свидетельствуют остатки их могил и поселений и в Египте, и в Палестине.

Хотя сначала пришельцы управляли захваченной территорией из Мемфиса (*Кемп*, 1983), вскоре они построили большой укрепленный город, который Манефон называл Аварис. Этот город, вероятно, находился на месте г. Тель-эль-Даба в восточной части Дельты. Гиксосы были хорошо снаряжены и весьма воинственны, их военное превосходство над египтянами не вызывало сомнений. Скорость и ударная сила лошадей и колесниц, преимущество доспехов и новых типов оружия, особенно составных (композитных) луков, давали им очевидное превосходство и увеличивали их шансы на победу.

К археологическим находкам, относящимся к гиксосам, относятся прямоугольные в плане укрепленные лагерь, которые сохранились в Египте и Палестине, некоторые типы ювелирных изделий и характерные типы гончарных изделий. Отдельные предметы, помеченные именем гиксосского царя Хайана, были найдены вне Египта¹. Это, однако, не означает, что его власть простиралась так далеко, а лишь указывает на наличие определенных торговых связей.

Нет сомнений в том, что оккупация гиксосов оставила глубокий след в жизни египтян. Это был первый случай в их истории, когда они оказались под властью чужеземцев. Их ненависть к иноземцам была огромна, так как они считали правление гиксосов жестоким ударом по своему национальному достоинству. Согласно Манефону, гиксосы управляли Египтом в течение двух – XV и XVI – династий. Последняя правящая династия гиксосов совпадает с XVII династией, которой была династия фараонов Фив. Пирамиды этих фараонов расположены в Дра-Абу-эль-Нага, к западу от Фив.

Движимые стремлением к освобождению и мести египтяне начали учиться пользоваться оружием гиксосов, и примерно через столетие они обратили его против своих врагов. Началась война за освобождение. Самое раннее свидетельство этой войны – мумия фараона Секненры, который, очевидно, был убит в одной из первых битв против гиксосов. Последовавший его примеру сын Камос начал организованную и решительную войну против врага. Это была война мщения, о чем свидетельствует Карнарвонская табличка, принадлежавшая ученику школы писцов; табличка была копией царского текста, который описывал важные события того времени. Две стелы времен правления Камоса подтверждают его победу, хотя она была, вероятно, не окончательной: он отвоевал лишь территории Среднего Египта. Это стало, однако, первым крупным столкновением в войне с гиксосами, которая в дальнейшем завершилась полной победой египтян.

НОВОЕ ЦАРСТВО (ОКОЛО 1570–1070 ГГ. ДО Н.Э.)

XVIII династия

Фараоны XVIII династии, с которой началось Новое царство, были потомками царей, объединивших Египет и изгнавших гиксосов. Хотя культура XVIII династии усвоила и продолжила традиции предшествовавших периодов без больших изменений, совершенно ясно, что привычку ограничиваться только пределами долины Нила сменило эффективное продвижение к границам Азии и в глубь Африки. Поскольку фараоны Нового царства имели полную власть в Египте, они могли позволить себе вести армии за его пределы. Первые поколения XVIII династии скорее продолжили старую традицию карательных набегов, чем реализовали принципы завоеваний и строительства империи, которые будут типичными для более поздних династий.

Яхмос (египетский фараон в 1559–1534 гг. до н.э. – *Прим. ред.*), который считается основателем Нового царства и XVIII династии, был, очевидно, человеком необычай-

ной силы и больших способностей. Кроме окончательного изгнания гиксосов и победы над независимым Нубийским царством к югу от Египта, он преуспел в реорганизации управления воссоединенной страной. За Яхмосом последовал его сын Аменхотеп I, достойный преемник, который продолжил и развил внутреннюю и внешнюю политику отца. После смерти Аменхотепа I вместе с его матерью Ахмосе-Нефертари был объявлен богом и похоронен в Фивах (*Сету*, 1927). Считается, что его наследник Тутмос I (правил около 1506–1493 гг. до н.э. – *Прим. ред.*) впервые установил власть египетского царства на территории Азии и в Африке. Его сын Тутмос II оказался слабым правителем; он был женат на своей энергичной и честолюбивой сводной сестре Хатшепсут.

Через пять лет после смерти мужа Хатшепсут объявила себя верховной правительницей страны, фактически отстранив от власти законного наследника трона фараона Тутмоса III. Монументы в ее честь называют ее истинным царем Египта, ей присваивают все официальные титулы и атрибуты фараона. Во времена своего весьма успешного правления она сосредоточила внимание на внутренних делах Египта. Значительными достижениями были постройка большого храма в Дейр-эль-Бахри, поход в Пунт (древняя страна, предположительно в районе южного Красного моря и п-ова Африканский Рог. – *Прим. ред.*) и возведение двух великолепных обелисков в Карнаке.

Правивший после Хатшепсут Тутмос III был уже зрелым человеком. Он оставил надпись о том, что во время церемонии в храме в Карнаке, которую вел его отец, статуя бога Амона посредством оракула выбрала его фараоном Египта. Эта история была, вероятно, предназначена для противодействия требованиям Хатшепсут признать, что ее отцом был не Тутмос I, а сам бог Амон.

Тутмос III стал одним из самых великих фараонов Древнего Египта. Он был энергичным воином, великим строителем и талантливым администратором. Он начал свои военные завоевания с похода армии на северо-восток, чтобы встретиться лицом к лицу с силами коалиции городов-государств Сирии и Палестины, которые собрались в г. Мегиддо, у склонов Кармельского хребта в стране Ханаан (Палестина). Он умело выиграл сражение и захватил этот город, получив таким образом контроль над всей областью вплоть до южного Ливана. Ко времени его 16 похода в Западную Азию Египет уже превратился в мировую державу и стал большой империей, простиравшейся от Северной Сирии и Анатолии на севере до четвертого порога Нила в Верхней Нубии на юге. В дополнение к военным победам Тутмос III многого достиг во внутренних делах государства и возводил храмы по всему Египту (илл. 29).

Правления Хатшепсут и Тутмоса III имели интересные различия и в целях, и в практических действиях. За Хатшепсут не числится никаких военных достижений, в то время как Тутмос III считается самым великим воином среди всех египетских фараонов. Ее гордостью было внутреннее развитие Египта, в то время как его гордостью – египетское военное превосходство.

За Тутмосом III последовали два способных и активных фараона: Аменхотеп II, который обладал необычайной силой и атлетическими способностями, и Тутмос IV, проявлявший интерес к культуре солнца. Египет достиг пика своего великолетия и процветания в течение правления Аменхотепа III, сына Тутмоса IV и одной из дочерей царя Митанни. При нем Египет достиг наивысшего благополучия. Он не прославил свое имя военными достижениями. У него было много жен, но его любимой женой была Тийи, замечательная женщина и мать его сына Аменхотепа IV, более известного как Эхнатон. Аменхотеп III заслужил благодарность потомков постройкой храма в Луксоре, который считается одним из самых красивых храмов Египта, доро-

ги с множеством сфинксов с головой барана, ведущей от храма в Луксоре до Карнака, и двух колоссальных статуй Мемнона в западной части Фив (илл. 30). Но к концу его правления, как видно из текстов, обнаруженных в г. Тель-эль-Амарна (древний построенный при Эхнатоне г. Ахетатон), ослабление военной силы вдохновило врагов из Западной Азии составить заговор против египетского владычества².

Его сын Аменхотеп IV не намеревался стать ни воином, ни государственным деятелем. Он интересовался только религиозными, моральными и интеллектуальными проблемами. С самого начала он повел борьбу со жречеством Амона, которое накопило огромные богатства и имело большую власть. В начале своего правления он продолжал жить в Фивах и построил в Карнаке большой храм в честь своего нового бога Атона. Вскоре он решил оставить Фивы и в короткое время основал новую резиденцию и столицу в Тель-эль-Амарне в Среднем Египте. На шестом году правления он переехал в новую столицу вместе со своей женой Нефертити, дочерьми и значительным числом чиновников. Он назвал новую столицу Ахетатон, «Горизонт Атона», и жил там до смерти на четырнадцатом году правления. Он поклонялся богу Атону – созидательной силе Солнца. При этом он изменил свое имя на Эхнатон, что означает «Угодный Атону», приказал стереть все упоминания, даже с глиняных табличек в архиве фараона, имя Амона и постановил, что жречество Амона должно быть распущено, а имущество храмов Амона – изъято. Религия Атона уделяла особое внимание истине и была связана с любовью к природе, она была проще, чем традиционная религия. Эхнатон подчеркивал свободную природу искусства и разрешал художникам изображать его и его семейство в неофициальной обстановке: во время трапез, игр и поклонений богу.

Революционные преобразования Эхнатона не пережили его. Его преемник Семнехкара (правил в 1349–1348 гг. до н.э.) начал процесс примирения со жрецами Амона. После короткого трехлетнего перерыва за Семнехкаром последовал сын Эхнатона Тутанхатон, который вскоре изменил это тронное имя на Тутанхамон («Ниспосланный Амоном»). Хотя он правил только девять лет, при жизни ничем не отличился и умер в возрасте около 18 лет, одним из наиболее знаменитых фараонов Египта он стал благодаря сенсационному открытию его гробницы, которое было наиболее выдающейся археологической находкой XX столетия (илл. 31, 32). После короткого правления фараона Эйе трон Египта занял Хоремхеб, который при Тутанхамоне был полководцем и накопил опыт командования армией и управления. Этот опыт позволил ему справиться с коррупцией, мошенничеством и безответственностью, которые распространились в Египте начиная с правления Эхнатона. Его суровые указы и твердые реформы помогли поддерживать порядок и дисциплину и в результате достичь своеобразного ренессанса, который позволил новой XIX династии вернуть Египту его былую мощь и славу.

ХІХ И ХХ ДИНАСТИИ: ФАРАОНЫ РАМСЕСЫ

ХІХ династия

После смерти Хоремхеба к власти пришла новая династия. Ее основатель Рамсес I был армейским военачальником, которому покровительствовал Хоремхеб. Готовя его к трону, Хоремхеб назначил Рамсеса I верховным сановником. Рамсес I был, однако, уже немолод и правил только около двух лет. За ним последовал его сын и соправитель Сети I. Новая династия выбирала необычные имена, очевидно потому, что ее основатель происходил из северо-восточной части дельты Нила (совре-

менная мухафаза Шаркия). При образовании своих имен фараоны XIX династии заменяли имена южных богов, Тота и Амона, именами северных богов – Ра, Сет и Птах. Поэтому такие имена, как Тутмос и Аменхотеп были заменены на Сети, Рамсес и Мернептах (Мернептех, Мернепта).

Сети I был первым из череды фараонов-воителей XIX династии; он направил все свои усилия на восстановление превосходства и престижа Египта. В начале правления он столкнулся с большой угрозой, исходившей от союза сирийских городов-государств, с которым имели дело еще фараоны XVIII династии. Этот союз сирийских городов-государств был поддержан хеттами, а более ранним союзом руководили цари Митанни. Сети I смог нанести поражение хеттам и их союзникам и восстановить контроль над Палестиной. После устранения угрозы со стороны Ливана он организовал поход в Северную Сирию; в этот раз армии египтян и хеттов впервые противостояли друг другу. Сети I сумел захватить г. Кадеш на р. Оронт, но хетты сохранили свое влияние и власть в Северной Сирии. Борьба между Египтом и Хеттским царством не закончилась, и противостояние продолжалось. Со времен правления Сети I сохранился декрет, столь же суровый, как и более ранние декреты Хоремхеба. Декрет, однако, включает новый элемент – магическое заклинание, которое, как предполагалось, поддерживало приказы фараона. Построенный при нем уникальный храм в Абидосе и великолепное захоронение в Долине царей свидетельствуют о том, что во времена правления Сети I искусство и архитектура сохранили свою славу.

Хотя Сети I достиг некоторых успехов в восстановлении египетской империи в Азии, его преемник и сын Рамсес II все еще чувствовал угрозу со стороны Хеттского царства. На пятом году своего правления Рамсес II отправился в Сирию с четырьмя отдельными армиями, чтобы возобновить борьбу против сильного союза, созданного хеттами. Хотя две из армий Рамсеса II попали в засаду возле г. Кадеша, он все же избежал катастрофы и прорвался в Египет. Рамсес II изобразил эпизоды своих войн (включая сражение за Кадеш) против сирийцев, ливанцев и нубийцев в своих храмах в Нубии (илл. 33, 34)³, в храмах Карнака и Луксора и в своем погребальном храме Рамессеуме. Его войны с хеттами продолжались вплоть до двадцать первого года его правления, когда он заключил знаменитое мирное соглашение с царем хеттов Хаттусили III, на старшей дочери которого он женился. Кроме объявления мира между хеттами и египтянами, это соглашение предусматривало оборонительный союз против любой другой страны, создавшей угрозу одному из участников соглашения. Среди достижений Рамсеса II в течение его длительного (примерно 67 лет) правления было также возведение храмов, обелисков и статуй по всей территории Египта (илл. 35). Превознося военные победы, эти памятники называли его наиболее прославленным и знаменитым фараоном и дали ему имя «Рамсес Великий».

Еще до смерти Рамсеса II в 1224 г. до н.э. умерли 12 его сыновей, и ему наследовал его тринадцатый сын, Мернептах (Мернептех), который сам уже был в зрелом возрасте. На пятом году правления новый фараон оказался в очень трудном положении, поскольку многочисленные «народы моря» с севера в союзе с ливийцами с запада двинулись к западной части дельты Нила. Мернептах одержал победу; результаты сражения запечатлены на стеле: 6 тыс. врагов убиты и больше 9 тыс. взяты в плен. В надписи на этой стеле также описываются его действия в Палестине, и впервые в истории в письменной форме упоминается Израиль (надпись Мернептаха: «Израиль пуст, нет семени его»). – *Прим. ред.*)

После смерти Мернептаха началась династическая борьба, и в течение 20 лет трон занимали пять различных

фараонов. В конце этой династии правили царица Твосрет и ее муж Сети II. Когда Сети II умер, она, как и Хатшепсут, по-видимому, присвоила себе все титулы фараона и правила самостоятельно около двух лет. После ее смерти XIX династия прекратила свое существование, и в течение нескольких лет Египет страдал от беспорядков, пока человек по имени Сетнахт не получил трон, основав XX династию.

XX династия

Эта династия, которая, согласно Манефону, включала 12 фараонов, пережила много событий и дала по крайней мере одного могущественного правителя. Однако было очевидно, что прежний блеск Египта угас. Папирус Харриса сообщает, что в конце XIX династии в стране царил беспорядок и что сириец по имени Арсу сумел подчинить себе всю страну. Порядок был восстановлен Сетнахтом, который правил в течение короткого времени (1186–1184 гг. до н.э.), затем его сменил его сын Рамсес III.

Рамсес III так преклонился перед величием Рамсеса II, что принял имя этого фараона XIX династии. Он также попытался восстановить славу Египта. На пятом, восьмом и одиннадцатом годах его правления произошли сражения, в которых он разгромил врагов Египта на западе и севере. На восьмом году правления главной угрозой стали хорошо спланированные и систематические вторжения с суши и с моря, но он сумел защитить Египет, выиграв первое в истории морское сражение и разбив ливийцев и «народы моря» по всем направлениям. Поражение в одном из этих сражений означало бы занятие Египта народами, у которых воинов сопровождали их семьи и стада. Рамсес III также преуспел в утверждении владычества египетской империи в Палестине, где он построил храм Амона. Одна из его статуй была найдена в Бет-Шане, а текст с описанием его правления – в г. Мегиддо (Wilson, 1951, p. 259).

Рамсес III, однако, достиг более значительных успехов в войне и внешней политике, чем во внутренних делах. Коррупция распространилась по всей стране. Проблемы усугублялись ростом инфляции и грабежами захоронений. Упадок нарастал в течение правления его преемников, Рамсесов IV–XI, в то время как власть жрецов Амона укрепилась (илл. 36). В итоге верховный жрец Амона в Фивах Херихор присвоил себе царские титулы, дав таким образом начало новому периоду в египетской истории – третьему переходному периоду.

ТРЕТИЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (1070–656 гг. до н.э.)

Около 1100 гг. до н.э., в конце правления Рамсеса XI, власть в Египте делили между собой верховный жрец Херихор из Фив и фараон Смендес (Несбанебджет), основатель XXI династии, который правил в Танисе, в северо-восточной части дельты Нила. Таким образом, Египет управлялся из двух разных столиц. Самым удивительным было то, что между этими правителями установились отношения дружбы и сотрудничества. Поездка Венамона показывает глубину падения престижа Египта в Западной Азии к этому времени (Gardiner, 1964, p. 306–313). Венамон был царским посланником, отправленным в Библ, в Финикию, за кедром для божественной лодки Амона Ра; он пережил сильные унижения в течение своего заграничного путешествия.

После смерти Херихора Смендес, по-видимому, получил власть над всем Египтом. В период XXI династии торговля и другие контакты с соседними государствами сохранились, а военных столкновений удалось избежать.

Однако беспорядки, распущенность и мошенничество продолжали нарастать.

В период XXI династии выдвинулось одно из семейств из Файюма. Первоначально члены этой семьи входили в состав ливийских наемников, которые осели в Египте и называли себя «вожди Мешвеша»¹. Один из ливийских предводителей наемников Шешонк захватил трон Египта и в 946 г. до н.э. основал XXII (ливийскую) династию. Он поддерживал мирные отношения с царем Израильско-Иудейского царства Соломоном, но после смерти Соломона он напал на Иерусалим и захватил и вывез сокровища Храма Соломона (3-я Книга царств, 6; Храм – святыня еврейского народа. – Прим. ред.)².

К концу XXII династии Египет был разделен на несколько небольших царств. Страну раздирали гражданская война и нарастающий раскол, а извне усиливалась угроза со стороны Ассирии на севере и мощного Нубийского царства на юге. Правитель из дельты Нила по имени Петубастис основал новую, соперничавшую с первой, ливийскую династию, которую Манефон называет XXIII династией. Ее фараоны носили имена, использовавшиеся фараонами XXII династии.

Одновременно в Саисе, в западной части дельты Нила, была основана третья ливийская (XXIV) династия. Она состояла только из двух фараонов – Тэфнахта и его сына, которого греки называли Бокхорис. В правление Тэфнахта Египет был захвачен нубийским (эфиопским) царем Пианхи (Пи), который стал номинальным правителем всего Египта. Это завоевание с южной стороны было первым успешным завоеванием Египта за тысячу лет; как указано выше, предыдущее завоевание Египта гиксосами пришло с северо-востока. Пианхи имел достаточно сил для захвата египетского трона и для установления нубийского господства в Египте на протяжении следующих 70 лет.

Вместе с тем сначала XXIV династия короткое время правила как своего рода поддинастия, так как признала нубийскую династию в качестве верховных правителей Египта. Армия Бокхориса была побеждена в 720 г. до н.э. в Рафии ассирийским царем Саргоном II (Шаррукином), и почти в это же время Египет был захвачен преемником Пианхи Шабакой, который овладел всей страной. Вскоре началась борьба за Египет между ассирийцами и нубийцами, завершившаяся поражением нубийского царя Танутамона; его разбил Ашшурбанипал в ходе набега ассирийцев на Фивы в 663 г. до н.э. Нубийский царь вернулся в свою столицу в Напате, но продолжал заявлять, что он все еще является настоящим правителем Египта.

После того как ассирийский царь возвратился в свою столицу, назначенные им наместники, которые сохраняли реальный контроль только над Дельтой, столкнулись с постоянным сопротивлением египетского народа. Это сопротивление продолжалось до тех пор пока правитель Саиса Псамметих не добился независимости от Ассирии и основал XXVI династию с центром в Саисе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К ним относятся небольшая статуэтка льва, купленная в Багдаде и хранящаяся теперь в Британском музее, гипсовая ваза из Кносса (о. Крит), фрагмент вазы из обсидиана из Богазкёй (Анатолия) и печать из Палестины.

² Приблизительно 400 глиняных табличек было найдено на развалинах Тель-эль-Амарны. Они содержат тексты писем Аменхотепа III и Аменхотепа IV, которыми фараоны обменивались с соседними правителями.

³ Шесть из храмов Рамсеса II в Нубии были спасены благодаря Международной кампании по Нубии: два храма Абу-Симбел и храмы Вади-эс-Себуа, Бейт-эль-Вали, Эль-Дер и Джерф-Хуссейн.

⁴ Сокращенно «вожди Ма».

⁵ Ветхий завет, 1-я книга Царств, 14: 16–26.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADAMS, W. Y. 1977. *Nubia, Corridor to Africa*. London.
- ALDRED, C. 1968. *Akhenaten, Pharaoh of Egypt: A New Study*. London.
- BARNETT, R. D. 1975. The Sea Peoples. In: EDWARDS, I. E. S. et al. (eds), *Cambridge Ancient History*. 3rd ed. Cambridge. Vol. 2, p. 2, Chapter 28.
- BIERBRIER, M. L. 1975. *The Late New Kingdom in Egypt (c. 1300–664 BC). A Genealogical and Chronological Investigation*. Warminster.
- BIETAK, M. 1968. Vorläufiger Bericht über die erste und zweite Kampagne der österreichischen Ausgrabungen auf Tell el-Dab'a im Ostdelta Ägyptens (1966–1967). *MDAIK*, Vol. 73, pp. 79–114.
- 1975a. Tell el-Dab'a. Wien. Vol. 2.
- 1975b. Die Hauptstadt der Hyksos und die Ramesesstadt. *Antike Welt*, Vol. 6, pp. 24–43.
- BREASTED, J. H. 1909. *A History of Egypt*. 2nd ed. New York.
- CERNY, J. 1873. *A Community of Workmen at Thebes in the Ramesside Period*. Cairo.
- 1927. La culte d'Amenophis I chez les ouvriers de la nécropole thébaine. *BIFAO*, Vol. 27, pp. 159–203.
- DAVIES, N. de G. 1947. *The Tomb of Rekhmire at Thebes*. New York.
- DESROCHES-NOBLECOURT, C. 1963. *Tutankhamen: Life and Death of a Pharaoh*. London.
- DRIOTON, E.; VANDIER, J. 1962. *L'Égypte*. 4th ed. Paris.
- EMERY, W. B. 1965. *Egypt in Nubia*. London.
- GABALLA, G. A. 1977. *The Memphite Tomb-Chapel of Mose*. Warminster.
- GARDINER, A. H. 1964. *Egypt of the Pharaohs: An Introduction*. Oxford.
- HALLO, W.; SIMPSON, W. K. 1971. *The Ancient Near East: A History*. New York.
- HAYES, W. C. 1959. *The Scepter of Egypt*. Cambridge, Mass. 2 vols.
- HELCK, H. W. 1968. *Geschichte des Alten Ägyptens: Handbuch der Orientalistik*. Leiden/Köln. Bd. I.
- HELCK, H. W.; OTTO, E. (eds) 1972. *Lexikon der Ägyptologie*. Wiesbaden.
- KEES, H. 1961. *Ancient Egypt. A Cultural Topography*. London.
- KEMP, B. J. 1983. Old Kingdom, Middle Kingdom and Second Intermediate Period. In: TRIGGER, B. G. et al., *Ancient Egypt: A Social History*. Cambridge, pp. 149–74.
- KITCHEN, K. A. 1973. *The Third Intermediate Period in Egypt (c. 1100–650 BC)*. Warminster.
- 1982. *Pharaoh Triumphant: The Life and Times of Ramesses II*. Warminster.
- LEFEBVRE, G. 1929. *Histoire des grands prêtres d'Amon de Karnak jusqu'à la XXI Dynastie*. Paris.
- MOKHTAR, G. 1981. *General History of Africa: Ancient Civilization of Africa*. Paris, UNESCO, Vol. 2.
- PRITCHARD, J. B. 1969. *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. 3rd ed. Princeton, NJ.
- READ, J. G. 1970. *Early Eighteenth Dynasty Chronology*. *J. Near East. Stud.* (Chicago, Ill.), Vol. 29, pp. 1–11.
- REDFORD, D. B. 1967. *History and Chronology of the Eighteenth Dynasty of Egypt*. Toronto.
- 1970. The Hyksos Invasion in History and Tradition. *Orientalia (Roma)*, Vol. 39, pp. 1–51.
- SÄVE-SÖDERBERGH, T. 1941. *Ägypten und Nubien: ein Beitrag zur Geschichte altägyptischer Aussenpolitik*. Lund.
- 1956. *The Nubian Kingdom of the Second Intermediate Period. Kush (Khartoum)*, Vol. 4, pp. 54–61.
- SETERS, J. van. 1964. A Date for the Admonitions in the Second Intermediate Period. *J. Egypt. Archaeol.* (London), Vol. 50, pp. 13–23.
- 1966. *The Hyksos: A New Investigation*. New Haven, Conn/London.
- SMITH, H. S.; SMITH, A. 1976. A Reconsideration of the Kamose Texts. *Z. Ägyptische Sprache Altert. kd.* (Leipzig), Vol. 103, pp. 48–76.
- TRIGGER, B. G. et al. 1983. *Ancient Egypt. A Social History*. Cambridge.
- WENTE, E. 1975. Tuthmosis III's Accession and the Beginning of the New Kingdom. *J. Near East. Stud.* (Chicago, Ill.), Vol. 34, pp. 265–72.
- WILSON, J. A. 1951. *The Culture of Ancient Egypt*. Chicago, Ill.

10.2.2

НУБИЯ И ЕЕ ОТНОШЕНИЯ С ЕГИПТОМ (1780–700 гг. до н.э.)

Теофиль Обенга

Точные хронологические рамки и некоторые существенные предварительные определения позволяют точнее выявить связи между Нубией и Египтом в течение рассматриваемого периода и сделав соответствующий акцент на научных и культурных аспектах.

ХРОНОЛОГИЯ

Первая дата рассматриваемого периода в Египте совпадает с концом Среднего царства (2040–1785 гг. до н.э.) и началом второго переходного периода (1785–1554 гг. до н.э.), а дата около 700 г. до н.э. примерно соответствует началу египетского Нового царства. В отношении Нубии рассматриваемый период охватывает эпоху от средней и классической культуры Кермы до периода Напаты царства Куш (IX в. до н.э.), т.е. до периода Мероэ (с 270 г. до н.э. до 350 г. н.э.).

С 1970 до 1785 г. до н.э. Египет, находившийся под властью семи фараонов Среднего царства, оказывал сильное влияние на Нубию, как и в период с 1500 до 1100 г. до н.э. при правителях Нового царства. С другой стороны, в правление XXV династии именно цари Куша утвердились в Египте и управляли этой страной с 747 до 656 г. до н.э.

Обозначение этих дат скорее помогает определить некоторую историческую перспективу, чем представить периодизацию, так как хронология цивилизаций египетско-нубийской долины Нила не всегда ясна для читателей, не знакомых с древней историей Африканского континента.

НЕСКОЛЬКО ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Сегодня Нубия этнически и культурно характеризуется как часть долины Нила, населенная народами, говорящими на нубийских языках, которые связаны с негро-африканскими языками народов северо-востока Африки и языками народов, населяющих плато Кордофан и Дарфур к западу от Нила. Таким образом, страна Нубия простиралась от современного г. Асуан до г. Эд-Дебба. Это означает, что почти треть рассматриваемой территории, между первым и вторым порогами, традиционно называемая Нижней Нубией, расположена на нынешней территории Египта, в то время как оставшиеся две трети, т.е. Верхняя Нубия, – на территории Судана.

В VI в. нубийцы жили в регионе у слияния Белого и Голубого Нила в Хартуме. Древние греческие и латинские авторы – Гомер, Геродот, Диодор Сицилийский, Страбон, Сенека и Плиний Старший – упоминают нубийцев и Нубию как «эфиопов» и «Эфиопию».

Древние египтяне использовали следующие слова для обозначения этих «южных земель»: «Хент» – в период Древнего царства (2780–2280 гг. до н.э.); «Кас», «Каш» или «Каши» – в период Среднего царства и «Куш», «Кш» – в пе-

риод Нового царства (1567–1085 гг. до н.э.). Название «Кас» появляется впервые в период Среднего царства на стеле из Бухена, хранящейся сейчас в музее Флоренции в Италии. На этой стеле имеется надпись, датированная – 18 годом правления Сесостриса I (XII династия).

Страна Куш – это «страна золота», что на языке фараонов записывается как *nbw*. Среда обитания древних нубийцев была такой же, как и сегодня. Непрерывное проживание народов на коренных территориях с давних времен до настоящего времени – исключение во всей истории Африки, где миграции и переселения народов были относительно частыми в древние и доколониальные времена. На ранних этапах африканской истории Нил являлся важной транспортной артерией, связавшей Средиземноморский бассейн и внутреннюю часть Африканского континента.

Следует обратить внимание на историческое и культурное значение Нила, который, беря истоки в африканских великих озерах, пересекает восточную часть самой огромной в мире пустыни Сахара. Вода, ил и ежегодные разливы реки сделали возможным проживание людей в этих засушливых условиях пустыни. Плодородной являлась именно долина реки. Геродот называл Нубию и Египет «дарами Нила». Нил также позволял перевозить товары (золото, слоновую кость, шкуры, панцири черепах, животных, дерево и т.д.), людей (слуг, рабов, воинов) и распространять идеи (обряды, институты, верования) между Центральной Африкой и египетско-нубийской долиной Нила, а также между этой долиной и Средиземноморьем. Например, священный статус царской власти и ритуал облачения в шкуру леопарда – это весьма характерные культурные особенности, которые специфичны для долины Нила и остальной части Черной Африки.

Трудно сказать, были ли нубийцы физически похожи на своих соседей. Диодор Сицилийский сделал следующее антропологическое наблюдение относительно некоторых эфиопов: «И особенно у живущих на берегах реки [Нила] черная кожа, плоские носы и вьющиеся волосы»¹. Уже Геродот, «отец истории», отмечал, что «у египтян темная кожа»².

Эти особенности, выявляемые физической антропологией, дают аргументы в пользу представления о том, что нубийцы и египтяне времен фараонов были чернокожими африканцами подобно другим африканцам континента: сара, галла, банту, йоруба, мосси, догон, волоф, фулани, малинке, сонгхай и т.д.

ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ

Для написания истории египетско-нубийской долины Нила, население которой в действительности образует самостоятельную антропологическую и культурную общность, необходимо обращение к разным научным дисципли-

линам. Кратко следует упомянуть и об этих дисциплинах, об их пригодности с точки зрения методологии и исторического взгляда на вещи.

Археология, основанная на результатах раскопок, имеет большое значение для написания египетско-нубийской древней истории. Археологические источники исторической информации рассматриваются как средство решения проблем, связанных со стратиграфией, происхождением центров культурного влияния, датировкой, культурными контактами во времени и пространстве между различными культурными областями и т.д.

Другая важная для истории региона методика состоит в расшифровке древних текстов, их иероглифов, – священных и демогических, а также текстов из Мероэ. Египетские иероглифы были расшифрованы Шампольоном в 1822 г. Мероитские письмены можно прочесть, но сам язык остается неизвестным и нерасшифрованным до настоящего времени. Расшифровка мероитского языка будет, несомненно, одним из ключевых культурных и научных событий³ будущего. Филология дает возможность историкам проследить эволюцию древних языков изнутри: их специфические формы, заимствования, потери, архаизмы, динамику грамматических структур и т.д.

Хронология определяет даты цивилизаций во всемирном временном масштабе: культура Кермы в Нубии разделена на четыре стадии – Старая, Средняя, Классическая и Поздняя Кермы. Это деление, основанное на различиях (в пространстве и времени) в материалах (особенно в керамике), погребальных обрядах (форма захоронений, жертвоприношения) и в отношениях с соседними нильскими культурами – группы А (3000–2500 гг. до н.э.) в случае Старой Кермы, группы С (2000–1500 гг. до н.э.) в случае Средней Кермы и современного ей Египта фараонов, – важно для определения продолжительности древней эпохи в египетско-нубийской долине Нила. Нубийские культурные комплексы, известные как культуры группы А, группы С и культуры Кермы, принадлежат докушитскому периоду. Кушитский период включает культуры Напата и Мероэ, а также культуры группы Х, или культуры Баллана, т.е. культуры переходного периода между культурой Мероэ и началом христианской эры (IV и V вв. н.э.). Историки Древнего Мира, изучающие эти отдаленные периоды африканской истории, таким образом, работают с весьма различными и трудными источниками.

Рассматривая египетско-нубийские отношения, в Египте – с конца Среднего царства фараонов до Позднего царства, а в Нубии – с культуры Средней и Классической Кермы до периода Напата, мы сосредоточимся на основных данных истории научного и культурного развития человечества.

ЦАРСТВО КЕРМЫ

Технологии, использовавшиеся народами культур Средней и Классической Кермы

Начиная с раскопок, проводившихся в Нубии с 1907 до 1932 г. американским египтологом Дж. Э. Рейснером (*George Andrew Reisner*), долина Нила между первым и вторым порогами была, вероятно, наиболее полно изученным регионом в мире. Что касается местонахождения культуры нубийской Кермы, то область раскопок распространялась до региона четвертого порога. Культура Кермы, которая берет свое название от современного города в Судане, между поселением Табо и третьим порогом, является комплексной культурой, охватывающей по времени несколько столетий между культурами группы А и периодом египетского господства в Верхней Нубии в начале Нового царства. Б. Гратьен в своей замечательной по точности детальной работе 1978 г. рассмотрела 47 известных местонахож-

дений культуры Кермы, описав и проанализировав гончарные изделия, погребальные обряды и принадлежности (*Grattien*, 1978). Начиная с 1980 г. профессор Ж. Леклан делал регулярные отчеты о раскопках и исследованиях Кермы, особенно о тех работах, которые проводились профессором Ж. Бонне и его сотрудниками в Университете Женеви (*Leclant & Clerc*, 1986); их данные мы используем в настоящей главе.

Само местонахождение Керма является самым крупным, относящимся к данной культуре, но не менее важны и другие местонахождения. Так, местонахождения культуры Старой Кермы были идентифицированы с поселением Саи к югу от второго порога, где было раскопано почти 60 захоронений; местонахождения культуры Средней Кермы сгруппированы главным образом вокруг второго порога и к югу от них расположены некрополи Семны (11 раскопанных могильников), Укмы, Акши и региона Амара; местонахождения культуры Классической Кермы расположены между Средним Египтом и четвертым порогом – в Укме, где обнаружено несколько сотен могил, в Акше, где более 100 захоронений, в Саи, который является вторым центром Классической Кермы этой области, в самой Керме, где открыто несколько тысяч захоронений, а также в Табо, Бутдумбуше и других местах.

Культура Старой Кермы, имевшая лишь слабые связи с Египтом, появилась в конце периода Древнего царства (около 2280 г. до н.э.) и дала начало культуре Средней Кермы в начале Среднего царства (2052 г. до н.э.). Культура Средней Кермы, отмеченная оживлением отношений с Египтом, сменилась периодом Классической Кермы в правление XVIII династии фараонов и окончательно исчезла в период правления Тутмоса III (1504–1450 гг. до н.э.). Таким образом, период культуры Кермы, который следует рассматривать как единый, несмотря на наличие различных стадий развития, продолжался в Нубии с конца Древнего царства до XVIII династии.

Культуры Средней и Классической Кермы: их отношения с Египтом

Культура Средней Кермы уже имела каменные плотины, сохранявшие ил. Нубийцы таким образом стремились противодействовать огромной пустыне: без подобной гидротехники разливы Нила, выносившие ил на берега, не всегда достигали бы районов, удаленных от реки.

Скотоводство было главным занятием населения Средней Кермы; выращивали крупный рогатый скот, овец и коз. Домашние животные, несомненно, были фактором общественного расслоения, и жертвоприношения животных на захоронениях выражают определенную идеологию скотоводов пустыни. Многочисленные стада овец и коз, выгнанные на зеленую и уничтожившие молодые кусты, по-видимому, значительно истощали растительность. Домашние животные, таким образом, вносили свой вклад в формирование пустыни на территории страны, уже обреченной на засуху.

В культуре Средней Кермы продолжали производить опалуху и цинковку, но развивалось и становилось разнообразнее производство изделий кустарного промысла, включая работы по дереву, коже, керамике и глазури. Гончарные изделия в основном были без отделки, достаточно грубыми по исполнению. Чаще всего в захоронениях встречаются выпуклые широкогорлые сосуды. Они обычно средних размеров – примерно 30 см в высоту и 30 см в диаметре. Основание – круглое, а корпус – выпуклый с искривлением в центре, узким горлом, широким отверстием в виде колокола и простым носиком, продолжающим линию стенок. Глина разного качества, черная внутри и цветная снаружи – от бежевой до красной и черной. Наиболее частый узор на пояске – резные или выдавленные

геометрические орнаменты в виде горизонтальных повторяющихся полос, состоящих из треугольников, ромбов и прямоугольников. Но существовала также и высококачественная керамика: красные чаши с черными ободами, с круглым основанием и выпуклым корпусом. Глина в этом случае очень однородна, стенки тоньше и чрезвычайно твердые. Эти гончарные изделия были полностью покрыты глазурью, имели ровный обод. Внутренняя поверхность густого черного цвета, а наружная – оранжево-красная. Один из видов керамики культуры Средней Кермы имел плоское или немного выпуклое основание, в разной степени вогнутые стенки и горловину в виде колокола с простым ободом. Глина, тем не менее, была того же качества и цвета, что и у высококачественных изделий.

Умершим оказывали большие почести, их хоронили в тканях и кожах вместе с личным имуществом, помещавшимся на тело или около него. В ногах ставились деревянные скамеечки для ног, рядом клали опахала, обычно из нескольких связок перьев страуса. Каменные сосуды и гончарный туалетный кувшин ставились возле головы. На раскопках в Саи Дж.Э. Рейснер обнаружил сферический кувшин из гипса с прожилками, у которого было узкое горло и несколько изогнутый выпуклый обод, закрытый эмалированной синей крышкой с орнаментом в виде розетки (Reisner, 1923, pp. 38–42, 59).

Большое количество прямых костяных игл с очень широкими ушками находят в Старой Керме; как правило, они лежат у пояса умершего.

Красную охру, которая также использовалась в погребальных ритуалах в культуре Старой Кермы и наносилась на всю поверхность тела умершего, находят почти во всех захоронениях. В других частях Черной Африки в доколониальные времена использовали красный каолин или порошок *тукула*, получавшийся из коры красного дерева. Эта традиция символична для всей Черной Африки – красный цвет означает жизнь. Считается, что он обладает защитным действием и поддерживает силы человека. Красное превращает умершего в могущественное существо, продолжающее жить. По существу, в этой идеологии жизнь и смерть образуют единое органическое целое.

В культуре Средней Кермы получило распространение использование металла: ножи с треугольными лезвиями, медные и бронзовые кинжалы с головкой эфеса из слоновой кости в форме полумесяца по типу похожи на кинжалы, найденные при раскопках местонахождений египетского Среднего царства и описанные в 1917 г. Ф. Петри (Flinders Petri) в работе «Инструменты и оружие».

Слоновая кость, раковины и глазурованная глина были наиболее распространенными материалами для украшения. Найденные браслеты для запястий и лодыжек, собранные из коры, кожи и множества дисковидных бус, сделанных из глазурованной глины или кости. Мастера Кермы также работали по сердолику и кварцу, который они покрывали синей эмалью.

Обычным типом амулета был сокол, вырезанный из сланца. На изображениях скарабеев, которые были довольно редкими, наносили знаки или надписи в стиле египетского Среднего Царства.

Культура Средней Кермы имеет много общего с культурой группы С, которая процветала в это же время в Нижней Нубии и характеризовалась круглыми сооружениями, жертвоприношениями животных, установкой воловьих черепов вокруг ям, полусферическими сосудами с резными орнаментами и т.д. Очевидно, что погребальные обычаи культур группы С и Средней Кермы совпадают. Группа С и Средняя Керма, возможно, есть не что иное, как два местных варианта общей более ранней традиции, известной (в случае Кермы) как Старая Керма, остаток которой находят также в местонахождениях ранней культуры группы С. Местонахождения культур группы С находятся к северу от второго порога, к югу от них – место-

нахождение Средней Кермы, которая достигла своего апогея в период культуры Классической Кермы до захвата страны Египтом.

Поселения Классической Кермы, по-видимому, были важными центрами торговли и ремесел. Множество остатков корзин, горшков и коробок находят в центре г. Керма вместе с материалами для изготовления разных предметов, включая красную охру, оксид меди, смолу, куски слюды, горного хрусталя, сердолика и фрагменты яиц страуса. Наряду с сырьем обнаруживают и инструменты: дробилки, полировочные камни, оборудование для изготовления гончарных изделий. Жилища этой культуры строились из высушенных на солнце кирпичей. Распространяясь на север, население занимало старые египетские крепости Среднего царства, оставленные их гарнизоны после окончания правления XVIII династии, в Кубане, Коре, Бухене, Семне и Миргиссе.

В Керме на территории древнего города около храмового района при раскопках 1984–1985 гг. швейцарские археологи обнаружили фундамент круглого сооружения, возведенного вокруг трех рядов деревянных опор. Круглая стена, окружающая эту площадку, имеет внутренний диаметр около 15,5–16,5 м. Кирпичная кладка состоит из высушенных на солнце кирпичей. Отдельные следы охры свидетельствуют о том, что часть сооружения была окрашена. Толщина фундамента вокруг здания под широкие стены из высушенных кирпичей свидетельствует о важности комплекса. Это удивительное строение, возведенное примерно между 2000 и 1800 гг. до н.э., использовалось, по-видимому, в течение нескольких столетий (Leclant & Clerc, 1986).

В западной части г. Керма швейцарская экспедиция обнаружила еще несколько зданий из необожженного кирпича, обрисовав, таким образом, общий план города. В одном из жилищ были найдены предметы быта: ось веретена, фрагменты скорлупы яиц страуса, использовавшиеся для изготовления бус, выщербленное лезвие топора, полировочные или мельничные камни из железистого песчаника, использовавшегося для украшения керамических изделий. На некоторых фрагментах страусовых яиц изображены мужчины и женщины в сопровождении жирафов.

Сельское хозяйство развивалось в культуре Классической Кермы в сочетании с животноводством. Существовала система плотин и оросительных каналов. Из египетских источников времен Среднего царства и XVIII династии известно, что дань, которую платили нубийцы фараонам, включала домашних животных с длинными рогами. Ремесленники обрабатывали кварц, слюду, медь, слоновую кость, золото и делали гончарные изделия. Этот воинственный народ (Нубия назвалась «Та-сети», т.е. «Земля (боевых) луков», начиная с периода египетского Древнего царства), используя оригинальную нубийскую технологию, изготавливал кожаные доспехи. Волосы жирафа, перья страуса, слоновая кость, кварц использовались в Керме в качестве сырья. Гончарные изделия следовали старым традициям – делались красные вазы с черным ободом с резным или выдвинутым орнаментом. Вазы такого типа исчезли в Египте после окончания додинастического периода, следовательно, образцы керамики, датированные более поздним временем, были, вероятно, привезены из Нубии, где этот вид гончарных изделий производился с доисторических времен до IV в. н.э. (Säve-Söderberg, 1941, p. 5; Obenga, 1973, pp. 97–99).

Общество культуры Классической Кермы, которая охватывает конец Среднего царства и весь второй переходный период, было, по-видимому, иерархическим. В Керме к югу от третьего порога правил «князь». Этот вождь, возможно, был центральным правителем, что подтверждается существованием важного сановника, который управлял второстепенными центрами страны. Для «князей» и сановников строились огромные гробницы.

Жертвоприношения животных и людей были распространены во всей Черной Африке, например, в древней Абомее. Поскольку в Черной Африке этническое объединение обычно подразумевает лингвистическое единство, то следует предположить наличие этнического и лингвистического единства всех популяций Кермы, которые занимали долину Нила вплоть до Египта. Несколько независимых групп, географически отдаленных друг от друга, могли, тем не менее, принадлежать к одному лингвистическому сообществу. Письменность им была еще неизвестна. Объектом поклонения был бог Гор, божественный сокол, изображения которого встречаются в древней Мали и Зимбабве (Мономотипе). Использование красной охры для покрытия тел умерших является другой старой погребальной традицией, типичной для Черной Африки.

Культура Поздней Кермы была ассимилирована Египтом, и ее характерные черты быстро исчезли под господством Египта.

Таким образом, независимое нубийское царство Керма, имевшее торговые связи с Египтом, являлось целостным образованием, несмотря на его эволюцию и изменения на различных стадиях истории. Это царство имело обшественную общественную и идеологическую структуру, развитое сельское хозяйство, животноводство и ремесла, а также оригинальные формы искусства: своеобразные изображения на глиняных сосудах, драгоценности и украшения одежды. Селения строились по обоим берегам реки. Людей хоронили на краю пустыни, причем могилы всегда располагались в направлении восток–запад. Тела умерших помещались в могилы в согнутом положении. В могилах найдены самые разные предметы, свидетельствующие о вере людей Кермы в загробный мир.

Керма – замечательное культурное явление. Основные центры этой культуры – Укма и Акша, Саи и Керма – были явно связаны между собой; всей страной управлял «князь» Кермы, что с очевидностью установлено для второго переходного периода. Причина, по которой гиксосские фараоны XV и XVI династий обратились к царю Куша за помощью в борьбе против египетских фараонов из Фив, заключалась в том, что именно там находилась центральная власть Кермы; правительство располагалось непосредственно в Керме.

Царство Кермы, таким образом, занимало Нубию к югу от второго порога примерно с 2000 до 1550 г. до н.э. Какими же были его отношения с фараонами Египта?

Отношения между Кермой и Египтом фараонов

Керма была чрезвычайно богата. Найденные плавильные печи (Emeru, 1962) свидетельствуют о том, что медные рудники в Бухене эксплуатировались со времен Древнего царства. Существовали также другие залежи, протянувшиеся до плато Дарфур на юге, например в шахтах Афрат-ан-Наар. Кристаллические нижние слои горных пород Нубии содержат обогащения золота. Драгоценные и полудрагоценные камни – гранат, хрусталь, кварц, агат и обсидиан – также составляли богатство Нубии. Высоко ценились диориты из Тошки в Нижней Нубии, как и сиреневые аметисты и оранжево-красный сердолик, из которых изготавливали украшения. К ним следует добавить продукты Верхней Нубии: слоновую кость, рога газели и сернобыка, перья страуса, шкуры леопарда и местных животных, например павианов, и жирафов. Через Нубию также вывозили черное дерево и камедь, поскольку она находилась на пути между Египтом и другими странами Черной Африки. Кроме того, в Нубии было много крупного рогатого скота, которым снабжали армию и охраняющие отряды в пустыне. Страна поставляла также домашних слуг.

Нубия, следовательно, обладала богатствами, необходимыми Египту. Рассматриваемый период включает время, когда фараон Камос (из XVII династии) начал завоевание Нубии (Vandersleyen, 1971); при этом он использовал укрепления, поставленные в правление XII династии вблизи второго порога Нила. В ходе этих завоеваний египтяне проникли за пределы Кубана, Кроско и Тошки к северным границам порога, а в период Древнего царства центром действий египтян был Бухен. Фараон Сенусерт III (1878–1843 гг. до н.э.) организовал не менее четырех походов на Нубию и отодвинул границу Египта к югу от порога до Семны, где и была обнаружена его стела. (Предания о военных деяниях Сенусерта III и великих завоевателей Нового царства легли в основу античной легенды о царе-воителе Сесострисе, и это имя указано повсюду в английском издании «Истории» вместо Сенусерта. – Прим. ред.)

Камос, сын Секненра и брат Ахмоса, которому в середине XVI в. до н.э. пришлось вести борьбу за национальное освобождение Египта от гиксосов, в длинном тексте, выгравированном на нескольких стелах, посвященных Амону из Карнака, признал, что ему пришлось разделить страну с двумя правителями: азиатским правителем на севере и царем Куша на юге. Нижняя Нубия между первым и вторым порогами была фактически территорией правителей Куша, а Керма, находившаяся у третьего порога, была столицей этого царства. Во времена Камоса территория Кермы была занята кушитами, а египетский фараон, по-видимому, расширил свои владения вплоть до Бухена.

Завоевание Нубии было продолжено во время правления фараона Ахмоса, который продвинулся до Саи (Vercoutter, 1973). Тутмос I (1530–1520 гг. до н.э.), великий завоеватель периода Нового царства, продвинулся до четвертого порога. Почти каждый фараон от Ахмоса до Тутмоса III (1504–1450 гг. до н.э.) включительно предпринимал походы против Нубии. В конце концов мощное царство Куш было разрушено. После этого Египет получил контроль над долиной Нила от дельты до области Джебель-Баркал между четвертым и пятым порогами. Джебель-Баркал – это г. Напата, который в период XVIII династии являлся административным центром. Первый храм «Амона в Напате, обитателя священной горы», был основан Тутмосом III. Напата, таким образом, стала основным религиозным центром царства Куш.

В период Нового царства, после падения Кермы, управление Нубией находилось полностью под контролем «царского сына Куша». Это был титул египетского чиновника, который подчинялся непосредственно фараону. Правящему египетскому вельможе помогал заместитель по Кушу и Вавату, т.е., можно считать, по Верхней и Нижней Нубии. Основная резиденция «сына Куша» – древнениубийского наместника – была в г. Аниба, но некоторое время он проводил и в Фарассе. Аниба являлась городом-крепостью с храмом Гора, он находился в Нижней Нубии между первым и вторым порогами. В период Нового царства Аниба стала административным центром Нижней Нубии. В течение 13 года своего правления Аменхотеп III (1408–1372 гг. до н.э.) основал большой храм Амона, предназначенный также для поклонения своей собственной персоне, в Солебе, к югу от третьего порога. Царица Тийи (около 1415–1340 гг. до н.э.), любимый спутник Аменхотепа III, «великая царская супруга», «Царица-Мать» Египта в течение половины столетия, мать фараона Эхнатона, бабушка фараона Тутанхамона и свекровь Нефертити, происходила с юга – из Нубии (Куша). Другой храм был построен Аменхотепом III в Седеинге на западном берегу Нила, вверх по течению от третьего порога.

В правление Рамсесов из XIX и XX династий (1314–1085 гг. до н.э.) «вождь южных стран» «царский сын Куша» был чрезвычайно важным человеком. Сети I и, например, «царский сын Нубии» Аменемоп высекали на скале над долиной Каср-Ибрим, на небольшом расстоянии вниз по те-

чению от второго порога, священную надпись, которая возвещает о вновь завоеванной славе Египта: «Совершенный Бог, стреляющий из девяти луков, могущественное сердце, сокрушающее врагов, опустошивший землю Куш, растоптав ее ногами Тьенхену [ливийцев] и уведя их вождей в плен... К нему [фараону] чужестранцы с юга идут с преклоненной головой, в то время как народы севера [Западной Азии] пали ниц перед его блеском...» (*Kitchen*, 1969, pp. 98–99).

Сети I, правивший с 1303 г. до н.э., действительно был великим правителем, который утвердил власть фараонов в Палестине, в земле хеттов, в древней Ливии и в Нубии: «Твои границы простираются от южных земель до пределов ветров севера и границ глубокого зеленого [моря]» (там же). Правление Сети I, которое было временем вновь наступившего благополучия, стало также периодом расцвета искусств Древнего Египта, свидетельством чего является возведение «погребального храма» в Гурне и гипостильного храма в Карнаке, украшенного ритуальными сценами и росписями, изображающими победы фараона над бедуинами, ливийцами, амореями (аморитами) и хеттами.

Но на восьмом году правления Сети I произошло восстание в Нубии, в области Ирем (Ирам). Последовавший за этим военный поход продолжался более двух месяцев, а сражение длилось семь дней. Это восстание нубийцев Ирема, вероятно, было серьезным (*Kitchen*, 1969, pp. 102–103). Другое восстание вспыхнуло в Нубии, вновь в области Ирем, между 15 и 18 годом правления Рамсеса II (1301–1235 гг. до н.э.). Рамсес II вместе с четырьмя сыновьями предпринял поход в Нубию, чтобы помочь наместнику Куша, который, по-видимому, испытывал трудности со сбором дани с нубийцев. Племя ирам, одно из наиболее важных племен Верхней Нубии, среди суданских сельских сообществ было известно со времен египетского Древнего царства (*Priese*, 1974).

Правление Рамсеса II было очень продолжительным. Подобно его отцу и предшественнику Сети I, он попытался разрабатывать золотоносные шахты в пустынях Нубии и Аравии. Золото из пустыни вблизи Вади-Миа, к востоку от современного города Редисийех, и из Вади-Акита, в районе Вади-Аллаки, с укрепленным поселением в Кубане, пополняло египетскую казну.

Сетау являлся, бесспорно, наиболее сильным «царским сыном Куша» между 38 и 63 годом правления Рамсеса II. Этот крупный администратор, получивший энциклопедическое образование писца, сначала служил сборщиком налогов. Он был отнесен к свите Амона-Ра до назначения на должность наместника в Куше. Он закончил свою блестящую карьеру в качестве одного из высших судей государственного трибунала. Возведение нубийских храмов в Абу-Симбеле, являвшихся наиболее важными святынями в Нижней Нубии, а также в Герф-Хуссейне, около 90 км к югу от Асуана, и в Вади-эс-Ссбуа, около 150 км к югу от Асуана на западном берегу Нила, было осуществлено в значительной степени благодаря Сетау. Его жена Мут Неферт (т.е. «Мут Прекрасная») была «настоятельница гарема Амона», что означало выдающееся положение в женском жречестве. Сетау управлял Нубией при участии других высоких египетских чиновников – своего заместителя по области Вават, заместителя по области Куш, правителей крупных городов, таких как Миам и Аниба в Нижней Нубии, а также «инспектора жрецов всех богов южных земель». Администрация проводила учет урожая зерновых культур и инвентаризацию скота. Командир лучников был также «руководителем золотых пустынь Амона в Нубии». На этом посту он контролировал золотые охранные отряды и добычу драгоценного металла местными нубийскими работниками. Египтяне в Нубии составляли довольно значительную часть населения и эксплуатировали Нубию, как любую другую колонию.

Как уже отмечалось, присутствие египтян в Нубии вызвало осложнения. Так, Мернептах, тринадцатый сын Рамсеса II, вззошедший на трон в 1129 г. до н.э. и управляв-

ший Египтом приблизительно десять лет, имел серьезные трудности с Нубией, как видно из текста, высеченного на стеле храма в Амаде: «Меджаи были уведены в Египет, толпы их были преданы огню в присутствии оставшихся; их руки были отрублены, потому что они восстали; у других были вырваны уши и глаза; они были отправлены в землю Куш, и ими были наполнены их города, чтобы Куш никогда не восстал...».

Эта необычная и исключительная жестокость со стороны египтян свидетельствует о том, что подавленное восстание было опасно для Египта. Мернептах на пятом году своего правления использовал тот же довольно нетипичный «силовой прием» и по отношению к «народом моря», как и по отношению к другим «иноверцам» – филистимлянам, шарданцам, сикулам, ликийцам, ахейцам, этрускам и тд.

Последний из Рамсесов – Рамсес XI, ослабевший к концу своего длительного правления, не смог предотвратить государственный переворот, организованный «царским сыном Куша» Ранехеси, который восстал и укрепился в Нубии, таким образом лишив Египет ресурсов долины Нила к югу от о. Элефантина.

Разрыв с Нубией должен был иметь значительные политические последствия.

Напата и Мероэ: царство Куш

Правящий класс царства Куш происходил из Нубии. В ее южной половине область, в которой первоначально поселились кушиты, простиралась до «острова Мероэ» – территории, ограниченной реками Атбара, Нил и Голубой Нил. Центры, такие как Мусаварат-эс-Суфра к северо-востоку от Хартума, по-видимому, уже существовали с периода Напата. Сфинкс царя Аспелты (593–568 гг. до н.э.) был найден вблизи Хартума, но он, возможно, был перемещен туда позднее. Нижняя Нубия, с другой стороны, была неотъемлемой частью царства Куш с самого начала. Нубийские племена жили в Байуде, огромной пустынной степи, которая протянулась от юга Напаты (Кермы) до области Мероэ. В восточной пустыне жил народ блемми, являвшийся предком сегодняшних народов бея.

Самые древние захоронения в Эль-Курру уходят в прошлое на пять поколений правителей перед Каштой (760–742 гг. до н.э.) – почти к 900 г. до н.э. Самый первый царь страны Куш известен нам под именем Алара, и он был, вероятно, прямым потомком Кашты. Алара упоминается только в более поздних надписях, но в контексте, из которого можно предположить, что он был основателем этого царства. Так, Тахарка, египетский фараон из XXV (эфиопской) династии, объявил, что он получил свою власть благодаря заступничеству Алары по поручению его бабушки¹. Ирике-Аманот (431–405 гг. до н.э.) надеялся, что его правление будет столь же долгим, как и правление Алары⁵. Настасен (335–315 гг. до н.э.) писал о месте на дороге от Мероэ до Напаты, где «появился» Алара, и объявил, что сам он в Напате был наделен своим предком «силой, всепобеждающей силой». Следует иметь в виду, что генеалогия женских предков Аспелты заканчивается двумя последними поколениями перед Аларой⁶. Таким образом, исторические данные указывают, что основание Куша должно было произойти около 800 г. до н.э.

Царство Куш имело два важных центра: г. Напату у подножия Джебел-Баркал (т.е. «Святой горы») и Мероэ. В период египетского Нового царства г. Напата был египетским административным центром с несколькими небольшими храмами. Захоронения царей Напаты в Эль-Курру и Нури (около 900–300 гг. до н.э.) находились довольно близко друг к другу. Напатская династия Куш, по-видимому, происходила из области Напата, поскольку она оставалась наиболее важным религиозным центром в течение рассматриваемого периода, хотя пункт, обозначенный Наста-

сеном как место (политического) рождения Алары, не может быть определен достаточно точно. Это, возможно, был Санам-Абу-Дом, расположенный в конце пути через Байуду, между Мероэ и Напатай.

Другой кушитский центр, Мероэ, вопреки бытовавшему ранее мнению, вероятно, играл намного более важную роль в более древние времена. С начала V в. до н.э. Мероэ был местом постоянного пребывания кушитских царей; они отправлялись в Напату только в «коронационное путешествие», для введения в должность и для похорон. Царский дворец в Напате был непригоден для жилья уже ко времени Харсиотефа (404–369 гг. до н.э.), а храмы находились в ужасающем состоянии⁷. Принято считать, что царская резиденция в 591 г. до н.э. была перенесена в Мероэ, но некоторое сомнение вызывает тот факт, что со времен Пианхи (747–716 гг. до н.э.) до периода последнего правителя только цари, царские жены и матери были похоронены вблизи Напаты. Другие члены царского семейства похоронены около Мероэ. Кроме того, текст, описывающий церемонию возведения на престол Танутамона⁸, которая состоялась в 664 г. до н.э., объявляет, что монарх посетил Напату только во время поездки в Египет. Наконец, при раскопках обнаружены поселения на окраине Мероэ, датируемые с VII в. до н.э. Поэтому весьма вероятно, что место, из которого происходили цари Мероэ, было расположено в самом регионе Мероэ.

Независимо от места происхождения царей и их перемещения из Напаты в Мероэ следует допустить, что во времена Кашты, т.е. в течение первого периода истории царства Куш, египетская культура и религия занимали в нем преобладающее положение.

В самом Египте в период XXII и XXIII династий (династий ливийского происхождения) власть фактически принадлежала нескольким соперничавшим вождествам. Повидимому, чтобы спасти Египет от кочевых захватчиков из Ливийской пустыни, Кашта приблизительно в 760 г. до н.э. захватил Верхний Египет. Кушитский царь Присвоил себе титул фараона и дал своей дочери Аменирдис I политически важный титул «божественная дама Амона». Эта «божественная» почитательница египетского царя-бога была дочерью Шепенветем I, последним представителем династии фараонов из Фив. Из-за этого преемник Кашты Пианхи (Пи) оказался вовлечен в борьбу за власть в Египте. Его главным соперником стал Тэфнахт, князь с запада дельты Нила, который готовился подчинить соседние вожества. Пианхи был поэтому вынужден принять меры. Он сам подробно описал свою борьбу против Тэфнахта в течение 19–20 годов своего правления; его рассказ воспроизведен на великолепной стеле, установленной в большом храме Амона в Джебел-Баркал⁹. Тэфнахт был побежден, и в Египте временно наступил своего рода статус-кво. Нубийский царь считал себя реставратором египетской монархии; Пианхи подчеркивал свое уважение к тысячелетним традициям Египта, приказав совершать подношения в храме Амона в Карнаке и гуманно обращаясь с местным населением: «Люди Мемфиса должны быть невредимы, и ни один ребенок не должен плакать. Взгляните на южные провинции: ни один житель не умер, кроме врагов, погрешивших против бога и убитых как мятежники».

Бокхорис, сын Тэфнахта, возобновил военные действия, но потерпел поражение и был убит преемником Пианхи, Шабакой (715–702 гг. до н.э.). Шабака стал первым монархом XXV династии Египта, известной как «эфиопская» династия, среди представителей которой также следует назвать Шабатаку, Тахарку, бывшего, несомненно, самым великим монархом этой династии, и Танутамона (664–659 гг. до н.э.). Нужно отметить, что «эфиопская» царская династия передавала власть кровным родственникам по женской линии; преемниками фараонов становились дети их сестер, их племянники. Греческий историк Николай Дамасский в своей «Истории» определенно указывает на это. Таким об-

разом, Пианхи, который наследовал Каште, не был его сыном, а сам Шабака приходился Пианхи братом. Точно так же и Шабатака, племянник Шабаки, правил до Тахарки; Танутамон, сын Шабатаки, был преемником Тахарки.

Правление этих кушитских фараонов было периодом экономического и культурного возрождения Египта, которое продолжалось несколько десятилетий. Строительство и архитектура получили новый импульс. Старая религиозная и философская литература была «переиздана», а древние сюжеты изобразительного искусства – заново открыты и использованы для украшения храмов и гробниц. Эти древние традиции литературы и искусства активно поддерживались кушитами не только в Египте, но и в самой стране Куш. Пианхи восстановил старый храм Амона в Напате. Его брат и преемник Шабака был чрезвычайно активен на территории Фив, например, он приказал организовать наблюдение за уровнем воды в Ниле в районе порта в Карнаке, возвел пилон в передней части небольшого храма Мадинат-Хабу (строительство завершено Тахаркой), создал рельеф в проходе огромного пилона в Луксоре и возвел перед этим храмом колоннаду (пропилеи); нечто подобное кушитский царь построил также в Медамуде, в 9 км к северу от Луксора. В Карнаке, который является самым большим религиозным комплексом Египта, Шабака обновил ворота в четвертом пилонае, покрыв их позолотой; при этом он возобновил добычу золота в области Вади-Хаммамат. Кроме того, Шабака реконструировал «сокровищницу», расположенную к северу от Зала пиршеств Тутмоса III, и возвел сооружение с колоннами к северу от третьего пилона.

В Мемфисе наиболее важным свершением было «переиздание» знаменитого текста Мемфисской философии¹⁰. Этот текст действительно имеет историческое значение. Датированный в настоящее время эпохой египетского Древнего царства, он является самым первым философским трактатом Средиземноморья, касающимся сотворения мира, согласно ему с помощью Слова Птаха, бог Мемфиса, создал все сущее: растения, животных, людей. Обращает на себя внимание представление о единстве всего сущего и о всемогуществе Слова Творца. Таким образом, еще до Библии и Корана и даже раньше греческих философов египетские философы Древнего царства разработали доктрину Слова, логоса, сотворившего Мироздание. «В Древнем Египте демиург создал мир, произнося названия вещей и существ. Его Слово было достаточным для создания любой реальности путем простого произнесения ее названия» (*Gusdorf*, 1977, p. 16; *Obenga*, 1973). При правлении кушитских царей Египет пережил культурный ренессанс. Возвращение ко многим архаичным традициям не умаляет замечательного результата этих усилий.

В сфере внешней политики Шабака постарался установить хорошие отношения с Ассирией, которая только что покорила Сирию и Палестину. Шабатака, в свою очередь, поддержал малые государства Сирии и Палестины, которые хотели быть независимыми от Ассирии, и в 701 г. до н.э. кушитская армия под командованием будущего царя Тахарки вступила в сражение с ассирийцами около Алтаку в Палестине.

Но кушитскому правлению в Египте не суждено было продлиться долго, поскольку ассирийцы подступили к Египту с северо-востока. После многих попыток ассирийский царь Асархаддон в 671 г. до н.э. захватил Мемфис. Тахарка был вынужден отступить на юг. Ассирийцы забрали с собой в Месопотамию не только статуи, но также ученых и ремесленников.

Таким образом, в разное время между 1780 и 700 гг. до н.э. Нубия и Египет были независимо развивавшимися царствами, поддерживающими торговые связи. При этом империя фараонов расширяла свои границы после падения царства Кермы вплоть до четвертого и пятого порогов Нила, а кушитская Нубия затем завладела всей долиной

Нила от Напаты до Дельты и возрождала культурное, литературное и художественное наследие более ранних периодов Египта. И все же обе эти части долины Нила, Нубия и Египет, никогда не были полностью изолированы одна от другой. Керма, Напата и Мероэ явно принадлежали египетско-нубийской долине Нила; таким образом, они составляют основу «классической античности» Африки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Диодор Сицилийский, Историческая библиотека, книга 3, параграф 8.

² Геродот, книга II, параграф 104. Обратите внимание на то, что эта фаза относится к выходцам из Колхиды, с Кавказа, которые родственны египтянам.

³ Барбер (*Barber*, 1974) в довольно подробной работе даже не упоминает о мероитах.

⁴ Хартумские стелы 2678, 2679.

⁵ Надпись Кавы IX.

⁶ Каирская стела JE 48866.

⁷ Каирская стела JE 48864.

⁸ Каирская стела JE 48863.

⁹ Каир JE 48862.

¹⁰ Бристед (*Breasted*, 1901). Эта стела («Камень Шабак» № 498), находящаяся в плохом состоянии, хранится теперь в Британском музее.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BARBER, E. J. W. 1974. *Archaeological Decipherment: A Handbook*. Princeton, N.J.
- BREASTED, J. H. 1901. *The Philosophy of a Memphite Priest*. *Z. Ägyptische Sprache und Alter. kd* (Leipzig), Vol. 39, pp. 39–54.
- EMERY, W. B. 1962. *Preliminary Report on the Excavations at Buhen*. *Kush*, Vol. 9, pp. 116–20.
- GRATIEN, B. 1978. *Les cultures de Kerma: Essai de classification*. Lille.
- GUSDORF, G. 1977. *La parole*, Paris.
- KITCHEN, K. A. 1969. *Ramesseid Inscriptions*. Oxford, Vol. 1.
- LECLANT, J.; CLERC, G. 1986. *Fouilles et travaux en Egypte et au Soudan, 1984–1985*. *Orientalia* (Roma), Vol. 55, No. 3, pp. 123–319.
- OBENGA, T. 1973a. *Création des êtres d'après l'inscription de Shabaka*. In:— *L'Afrique dans l'antiquité*. Paris, pp. 129–61.
- 1973b. *L'Afrique dans l'antiquité*. Paris.
- PRIESE, K. H. 1974. 'rm und' 3m, das Land Irame. Ein Beitrag zur Topographie des Sudan im Altertum. *Altorient. Forsch.* (Leipzig), Vol. 1, pp. 7–41.
- REISNER, G. A. 1923. *Excavations at Kerma. Vol. II*. Cambridge, Mass., Harvard African Studies.
- SÄVE-SÖDERBERGH, T. 1941. *Ägypten und Nubien: Ein Beitrag zur Geschichte altägyptischer Aussenpolitik*. Lund.
- VANDERSLEYEN, C. 1971. *Les guerres d'Amosis, fondateur de la XVI-IIe dynastie*. Brussels, Fondation égyptologique Reine Elisabeth.
- VERCOUTTER, J. 1973. *La XVIIIe dynastie à Sai et en Haute Nubie*. *Cah. rech. Inst. Papyrol. Egyptol.* (Lille), Vol. 1, pp. 7–38.

ЕВРОПА

11.1

ЭГЕЙСКИЙ МИР

*Михаил Сакеллариу***ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ,
РЕГИОНЫ И ПЕРИОДЫ**

Эта глава посвящена культурной истории Греции и стран бассейна Эгейского моря (Эгеида) в бронзовом (около 3000–1100 гг. до н.э.) и железном веке (около 1100–700 гг. до н.э.). В этот период Греция и Эгеида являлись регионом, культура которого была относительно однородной в бронзовом веке и совершенно однородной в железном веке. Очаги цивилизации бронзового века с отчетливыми региональными характеристиками могут быть обнаружены в различных частях материковой Греции (особенно на юге), на некоторых островах Эгейского моря (в частности на архипелаге Киклады) и на Крите. С началом железного века культурное единство региона стало более заметным в результате перемещения значительных групп греческого населения в Восточную Эгеиду и на Крит.

Археологические данные дают основания для разделения бронзового века на три стадии, а каждой стадии на три периода: ранний бронзовый век с I, II и III периодами – III тысячелетие до н.э.; средний бронзовый век с I, II и III периодами – приблизительно с 2000–1900 гг. до н.э. до 1600 г. до н.э.; поздний бронзовый век с I, II и III периодами, который закончился около 1100 г. до н.э. Более специфические обозначения используются для периодов в отдельных регионах: раннеэлладский I, II, III, среднеэлладский I, II, III и позднеэлладский (или микенский) I, II, III для южной части материковой Греции; раннекикладский I, II, III, среднекикладский I, II, III и позднекикладский I, II, III для Кик-

ладских островов; раннеминойский I, II, III, среднеминойский I, II, III и позднеминойский I, II, III для острова Крит. Временные границы между последовательными стадиями в разных культурных областях различны. В рамках некоторых периодов специалисты также выделяют фазы и субфазы, что приводит к появлению таких обозначений, как «микенский III A1a».

Лишь в исключительных случаях границы между стадиями, периодами и фазами прямо соотносятся с крупными историческими событиями. Такого рода исключения являются переходы от раннеэлладского II периода к раннеэлладскому III периоду, от раннеэлладского III к среднеэлладскому I и от конца позднего бронзового века к началу железного века. Первые два случая связаны с появлением в Греции протогреческого населения. То, что происходило около 1100 г. до н.э. в материковой Греции, бассейне Эгейского моря и на Кипре, а также на Балканах и в Анатолии, представляло собой не столько переход от эпохи бронзы к эпохе железа, сколько миграционное движение, сопровождавшееся разрушением поселений, разрывом культурной преемственности, т.е. являлось радикальным переворотом. В противоположность этому исторические процессы, начавшиеся около 1100 г. до н.э., не прервались около 700 г. до н.э. Основанием для выделения периодов, известных как субмикенский (1100 – около 1050 г. до н.э.), протогеометрический (около 1050–900 гг. до н.э.) и геометрический (около 900–725 гг. до н.э.), служит лишь последовательная смена орнаментальных стилей гончарных изделий.

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (3000–1500 гг. до н.э.)

Христос Думас

Как уже отмечалось в I томе «Истории человечества», размещение поздненеолитических поселений свидетельствует о явном предпочтении, отдававшемся прибрежным местам, и о заметном росте значения южных районов полуостровной Греции. Подобный сдвиг в выборе места для поселений и их распределение отражают постепенное изменение хозяйственных основ эгейского общества. В раннем бронзовом веке выросло значение торговли и мореплавания, что подтверждается интенсивным заселением островов, в том числе самых малых, и побережья Эгейского моря.

На развитие культуры оказывали воздействие и разнообразие географические и природные условия Эгеиды, поэтому можно выделить четыре культурные общности. Раннеэладская культура материковой Греции считается наиболее консервативной культурой эгейских обществ III тысячелетия до н.э., экономической базой которой было сельское хозяйство, основанное на неолитических традициях. Хронологически эта культура подразделяется на раннеэладский I (РЭ I), раннеэладский II (РЭ II) и раннеэладский III (РЭ III) периоды.

На Эгейских островах возникли две культуры: одна – на севере, охватывавшая острова Лемнос, Лесбос, Хиос, Самос и другие, а также прибрежную территорию у Трои (Троаду); другая – на юге с центром на Кикладах, достигавшая берегов Аттики и некоторых островов Южных Спорад (Додеканеса). Обеим культурам были свойственны как преимущества, так и недостатки островных цивилизаций: обусловленная морским окружением изоляция и относительная защищенность от нападений извне были факторами, которые определяли своеобразный островной консерватизм, проявлявшийся и в биологическом, и в культурном отношениях. Несмотря на это, жители островов были восприимчивы к новшествам: сознательно заимствовали и усваивали новые идеи, чему в основном благоприятствовало развитие торговли; кроме того, у них были собственные технические достижения, связанные с необходимостью компенсировать нехватку естественных ресурсов. На три периода – раннекикладский I (РК I), раннекикладский II (РК II) и раннекикладский III (РК III) – условно подразделяется и ранняя кикладская культура. Культура ранней бронзы на Крите, которую Артур Эванс назвал минойской и в которой он также выделил три фазы – раннеминойскую I (РМ I), раннеминойскую II (РМ II) и раннеминойскую III (РМ III), – по своей природе была гибридной, так как сочетала типичную для континентальных областей самодостаточность с островной изоляцией и консерватизмом.

Крупнейшим техническим новшеством этого периода стало зарождение металлургии и, как следствие, использование минеральных богатств региона. Высказывалось мнение, что обработка бронзы была заимствована с Востока (*Theocharis*, 1974, p. 41), но более поздние археологические открытия показали, что развитие металлургии началось на Балканах гораздо раньше, чем было принято считать (*Renfrew*, 1979, p. 381). Анализ изотопов свинца также подтверждает северное, а не на восточное происхождение бронзы в раннем эгейском бронзовом веке. Таким

образом, вполне вероятно, что обработка металлов появилась в регионе с севера (*Renfrew*, 1979, p. 103), а существенную роль в ее распространении сыграли острова. Если принять это во внимание, вряд ли покажется случайным, что древнейший протогородской центр на европейской территории появился на одном из Эгейских островов, в Полиохии на о. Лемнос, и что наиболее раннее свидетельство о добыче руды и производстве металла относится к Кикладским островам (*Renfrew*, 1972, p. 308).

МАТЕРИКОВАЯ ГРЕЦИЯ

Хотя число археологических памятников, дошедших от раннеэладского I периода (3000–2600 гг. до н.э.), невелико, все же выявлено, что при размещении поселений явное предпочтение отдавалось невысоким холмам, расположенным вблизи побережья. Такой выбор характерен почти для всей части полуострова от Македонии и Фракии на севере до Пелопоннеса на юге. Исследования таких поселений, как Михалик в эгейской Фракии, Ситагрой в Восточной Македонии (*Renfrew*, 1979, pp. 196–197) и Критсана на п-ове Халкидики (*Caskey*, 1971, p. 774), показали, что эти области имели прямые или косвенные контакты с северными островами Эгейского моря и южнобалканским регионом. Вследствие этого они могут быть названы «плавильными тиглями» эгейской и балканской культур или в соответствии с характеристикой местонахождения Ситагрой, данной Ренфрю, – Янусом, лики которого «обращены как на север, так и на юг» (*Renfrew*, 1979, p. 197).

Развитие эладской культуры Средней Греции и Пелопоннеса быстрее происходило в прибрежных районах. Эвтрессис в Беотии (области в Средней Греции) представляет собой раннеэладское сельское поселение, для которого установлена хорошо документированная хронология. Убедительные доказательства установления контактов с внешним миром и роста торговли в ту эпоху дали раскопки поселения Лерна на Пелопоннесе, на побережье залива Арголикос.

Несмотря на то что от строений раннеэладского I периода мало что осталось, сохранившиеся фрагменты неолитических поселений наводят на мысль, что жилища в них не подверглись насильственному разрушению. Кроме того, культурный уровень этих поселений обычно низок и больше напоминает о традициях медно-каменного века – переходного периода от каменного к бронзовому веку с его замкнутой аграрной экономикой (*Theocharis*, 1974, p. 94). Древнейшие дома раннего бронзового века в Фессалии, построенные из необожженного кирпича с деревянным каркасом, были похожи на дома, раскопанные в Аргиссе (*Caskey*, 1971, p. 776). Далее к югу дома строились на каменном фундаменте с цоколем. Характерный тип изделий этого периода – полированная глиняная посуда красного цвета: чаши, небольшие кувшины и кружки. В следующий период – РЭ II (около 2600–2400 гг. до н.э.) – развитие ускоряется, но переход от предшествующей стадии

происходит плавно. Некоторые поселения периода РЭ I были оставлены, некоторые расширились, были также основаны новые. Именно в этой фазе сделаны первые робные шаги в направлении урбанизации (*Konsola*, 1986), явившиеся, возможно, результатом становления приморской торговой экономики. Важными новыми чертами общества периода РЭ II становятся коллективные работы, ремесленная специализация и организованная торговля.

В архитектуре обычным был небольшой прямоугольный дом, состоявший из двух помещений и имевший внутренний двор. Эти жилища из необожженного кирпичика на каменном фундаменте, в поселении расположенные очень близко, группировались в кварталы, разделенные узкими улицами. В каждом доме имелся очаг. Приморские поселения (Маника, Аскетарион, Рафина в Аттике) часто окружала сложенная из камня ограда, которая в больших центрах (Эгина, Лерна) превращалась в настоящие укрепления (*Theocharis*, 1974, p. 97). Во многих таких центрах существовало особое здание с внутренним проходом параллельным наружным стенам, которое обычно рассматривается как административный и/или религиозный центр. Подобные здания, называемые также мегаронами периода РЭ II, известны в Фивах в Беотии, в Лерне в Арголиде, Аковитике в Мессении и Эгине (*Walter & Felten*, 1981). Географическое положение поселений, за исключением островного поселения в Эгине, позволяет предположить, что их обитатели контролировали и использовали близлежащие плодородные долины. Вполне возможно поэтому, что мегарон периода РЭ II создавался для сбора сельскохозяйственных излишков, последующего их перераспределения и обмена; об этом можно довольно уверенно судить по большому количеству печатей из мегарона в Лерне (так называемого дома черепицы), что, вероятно, указывает на интенсивную коммерческую деятельность (*Theocharis*, 1974, p. 97). Эти мегароны периода РЭ II, происхождение которых может быть возведено к мегарону позднеэолигических фессалийских поселений, по-видимому, могут рассматриваться как свидетельства постепенной централизации власти.

Быстрое развитие наблюдается в период РЭ II и в области технологий. Обработка металлов к этому времени стала необходимостью, что подтверждается широким распространением металлических предметов в прибрежных и континентальных поселениях (*Theocharis*, 1974, p. 94; *Branigan*, 1974, p. 105). Хотя глиняная посуда по-прежнему изготавливалась вручную, ее ассортимент обогатился новыми формами: наиболее обычными были соусники, так называемые *askoi* (*askoi*), небольшие круглые коробки, кружки с двумя ручками, мелкие чаши, распротраненные в материковой Греции от Фессалии до юга. На севере соусники не встречаются, здесь преобладают кувшины с высоким горлом, чашки и высокие пивные кружки, сферические кружки с одной ручкой и коническим горлом, т.е. виды посуды, напоминающие те, что были найдены в ареале северной эгейской культуры. Орнаменты на гончарных изделиях встречаются редко, обычно они ограничены выдавленными цилиндрической печатью рельефными ободками вокруг больших пифосов (*Caskey*, 1971, p. 785). Новшеством является так называемая технология Урфирниса (древний способ глазурирования), применявшаяся главным образом для изготовления гончарных изделий в южных поселениях.

Заключительная стадия раннеэллиадского периода (около 2100–2000/1900 гг. до н.э.) была, по-видимому, временем глубокого упадка культуры. Многие из разграбленных поселений периода РЭ II были оставлены жителями; прочие, подобно Лерне, заселены пришельцами (Лерна IV), которые, возможно, и разрушили более раннее поселение (Лерну III). Характерными для периода РЭ III новыми видами керамики являются пивные кружки, маленькие чашки, чаши с двумя ручками с отвернутым наружу ободом, круглые кувшины с расширяющимся ободом; со-

усники, по которым определяют период РЭ II, отсутствуют. Гончарные изделия периода РЭ III – полированные, черного или коричневого цвета, некоторые вазы украшены прямыми линиями орнаментами, «обычно темной полуглянцевой краской по светлому фону, иногда светлой краской по темной поверхности» (*Caskey*, 1971, p. 786). Самым важным технологическим новшеством является использование гончарного крута, следы которого иногда встречаются на изделиях. В целом представляется, что основы более поздней среднеэллиадской культуры (2000/1900–1500 гг. до н.э.) были заложены в период РЭ III.

Как уже отмечалось, раннеэллиадская культура была характерна для Эгейского побережья материковой Греции. По словам Дж. Каски (*J. Caskey*), она «истончилась и видоизменилась, когда достигла западного берега, где подверглась другим влияниям адриатической области». Это подтверждается не только отсутствием определенных видов керамики, например соусников, но и тем, что сдвиги и разрушения, происходившие на Эгейском побережье в конце периода РЭ II, по всей видимости, не затронули берега Ионического моря. Имеются некоторые свидетельства существования контактов между западным побережьем Пелопоннеса с Нидри на более северном о. Лефкас и с Кикладами (*Caskey*, 1971, p. 793).

СЕВЕРНЫЕ ЭГЕЙСКИЕ ОСТРОВА

Важнейшими из изученных поселений раннего бронзового века на северных островах Эгейского моря являются Полиохни на Лемносе (*Bernabo Brea*, 1964), Терми на Лесбосе (*Lamb*, 1936) и Эмпорион на Хиосе (*Hood*, 1981).

Археологические исследования этих островов продолжаются; там обнаружены новые поселения, что углубило наши знания об их доисторическом периоде. Троя на аналитическом побережье Эгейского моря, по крайней мере в ранний бронзовый век (Троя I–V), относится к той же северной эгейской культуре, представляя собой ее континентальную провинцию. Воспетая Гомером и раскопанная Шлиманом Троя как бы затмевает более поздние открытия на островах по соседству с ней, даже если последние были на самом деле метрополией культуры Трои. Дело не только в том, что Полиохни на Лемносе был основан раньше Трои, в начале III тысячелетия до н.э. он был уже протогородским поселением, тогда как Троя всегда оставалась лишь укрепленным поселком (*Renfrew*, 1972, p. 129). На самом деле именно острова были ядром северной эгейской культуры; ее присутствие гораздо слабее выражено во Фракии и Троеде, которые следует рассматривать как ее периферию; этот факт отмечался другими учеными, указывавшими на более тесные связи культуры Трои с эгейской культурой, чем с внутренними районами Фракии или Анатолии (*Blegen*, 1963, pp. 5, 7–9; *Hood*, 1982, p. 716; *Doumas*, 1968, pp. 27–28).

По всей вероятности, первые поселенцы прибыли на северные Эгейские острова с соседнего анатолийского побережья приблизительно в конце IV тысячелетия до н.э. (*Bernabo Brea*, 1964, p. 683), на что указывает восточный характер их культуры, которая, вступив в контакт с культурами островной и материковой Греции, постепенно приобрела черты западных культур (*Bernabo Brea*, 1964). Позднеэолигические криволинейные в плане каменные лачуги первых поселенцев уступили место удлиненным прямоугольным домам (*Bernabo Brea*, 1964; *Hood*, 1981). Они образовывали поселения, обладавшие такими городскими чертами, как оборонительная стена (Полиохни II, «голубой» период: *Bernabo Brea*, 1964; Терми V: *Lamb*, 1936; Эмпорион III: *Hood*, 1981), общественные колодцы (Полиохни: *Bernabo Brea*, 1964; 1976; Эмпорион: *Hood*, 1981), мощные улицы (Полиохни: *Bernabo Brea*, 1976), гравийные дороги (Эмпорион: *Hood*, 1981) и, наконец, канали-

зационная система (Полиохни: *Bernabo Brea*, 1976). Для возведения этих сооружений и поддержания их в должном виде необходима была организация общественных работ, требовавших скоординированных усилий жителей, что характерно именно для городских поселений. Кроме того, имеется достаточно свидетельств существования ремесленной специализации, сельскохозяйственных излишков и торговли (*Lamb*, 1936, pp. 12, 43; *Bernabo Brea*, 1964, p. 24).

Что касается материальной культуры, лучше всего документировано и наиболее полно представлено гончарное дело. Для него характерно большое разнообразие форм, отражающее длительный процесс развития этой технологии. Среди сосудов, как грубых, так и изящной работы, имеются кувшины для хранения жидкостей, горшки, кубки, чаши, миски, подставки для фруктов, миниатюрные вазы и т.п. Северную эгейскую культуру представляют так называемые *depas амфикипеллон* (*depas amphiky-pellon*) – высокие кубки с двумя ручками и кувшины с крыловидными выступами, а также антропоморфные и зооморфные вазы.

Помимо глиняной посуды, изготавливали и другие предметы из глины: веретена и фигурки; последние характерны для Терми (*Lamb*, 1936, p. 149). Из каменных отщепов делали ступки, ручные мельницы, жернова, молоты и топоры, в то время как использование кремня и обсидиана для изготовления каменных режущих инструментов было ограниченным.

Множество разнообразных металлических предметов, обнаруженных в поселениях Северной Эгеиды: кинжалы, наконечники копий, топоры, ножи, пилы, зубила, сверла, крючья, иглы, шпильки, бритвы, булавки и т.д. – свидетельствует не только о широком распространении технологии обработки металла, но и косвенным образом – о существовании других видов хозяйственной деятельности, таких как плотницкое дело и рыболовство. Хотя значительно чаще использовалась бронза, обрабатывались также свинец, серебро и золото. Кусочки свинца часто применяли для починки разбитых горшков и изготовления моделей фигурок; из золота и серебра делались главным образом украшения – заколки, подвески, кольца, серьги и другие ювелирные изделия (*Branigan*, 1974).

Пригодной для посевов и пастбищ земли было мало, поэтому жители островов больше внимания уделяли морю и тому, что оно могло им дать. Это объясняет, почему для устройства поселений на островах выбирались их восточные берега, обращенные к побережью Анатолии, которое всегда обеспечивало жизнеспособность здешних сообществ (*Cherry*, 1985, p. 20). Проливы между этими островами и Анатолией давали возможность судам плавать с севера на юг и обратно; быстрым превращением в процветающий городской центр Полиохни, несомненно, во многом обязан своему выгодному стратегическому положению у входа в Дарданеллы, что позволило осуществлять контроль над сообщением между Эгейским и Черным морями. Более того, положение о. Лемнос было идеальным для установления контактов с Южной Эгеидой – через Северные Спорады, проливы у о. Эвбея, а оттуда и с Арголидой – через проливы между Кикладами и восточным побережьем Аттики. При этом суда могли пройти весь путь туда и обратно, оставаясь ввиду берега и не выходя в открытое море. Существование подобного маршрута подтверждают археологические находки.

На севере Эгеиды конец раннего бронзового века наступил внезапно и носил насильственный характер. Одновременно были разрушены все большие поселения: Троя, Полиохни, Терми и Эмпорион. За исключением Трои, которая в среднем бронзовом веке была отстроена и вновь заселена, все селения были покинуты жителями, и острова, по всей видимости, опустели. Причина катастрофы до сих пор остается предметом дискуссии, но, по-видимому, эти

потрясения не могут рассматриваться вне связи с событиями, происходившими на восточном побережье материковой Греции, и с неожиданным появлением на Кикладах приблизительно в то же время небольших укреплений на холмах.

ОСТРОВА АРХИПЕЛАГА КИКЛАДЫ

Расположенные в центральной части Эгейского моря острова архипелага Киклады были заселены по крайней мере с конца V тысячелетия до н.э., на что указывают находки в Салиагосе (см. т. I настоящего издания). Развитие Киклад в раннем бронзовом веке было стремительным, а занятия островитян мореплаванием и торговлей, по-видимому, в значительной степени обусловили тот предпринимательский характер эгейской экономики, который она получила в наследство от III в. до н.э. Самые ранние изображения судов в Эгее найдены на Кикладах; это рисунки, вырезанные на гончарных изделиях, наскальные резные изображения и свинцовые модели кораблей (*Basch*, 1987, p. 76). Согласно имеющимся источникам, суда приводились в движение при помощи весел, кроме того, был изобретен киль, что стало существенным вкладом в технику кораблестроения.

Свидетельств использования парусов ранее конца III тысячелетия до н.э. нет. Как и на северных островах Эгейского моря, скудость сельскохозяйственных ресурсов, по всей видимости, побуждала островитян к занятиям, связанным с мореплаванием, преимущественно к торговле, тем более что Киклады были чрезвычайно благоприятно расположены – между материковой Грецией, Критом и Анатолией. Есть основания полагать, что обитатели Киклад не только положили начало кораблестроению, но имели представление и о навигации, располагая, в частности, рисованными изображениями созвездий.

На Кикладах было мало населенных пунктов, и лишь немногие из них раскопаны. Наши знания о древнем кикладском обществе в основном ограничиваются сведениями о захоронениях. Как правило, кладбища были небольшими (10–30 могил), в каждой могиле погребен один человек, поэтому можно сделать вывод, что поселения, которые еще предстоит исследовать, были невелики по размерам и числу жителей. В течение раннекикладского периода II население, возможно, возросло, так как площадь кладбищ увеличилась, а погребения стали коллективными (*Doumas*, 1977, p. 31). Скудный археологический материал этого периода представлен изолированными жилищами из плоских камней, скрепленных глиной; найденные остатки жилищ не позволяют определить размеры поселений. По-видимому, и здесь островитяне тяготели к побережью, что вполне согласуется со все более усиливавшимся приморским характером кикладского общества. В течение периода РК III большие протогородские поселения возникают в местах, где можно было устроить безопасную якорную стоянку. Такие селения раскопаны в Филакопи на о. Милос, в Аяа-Ирини на о. Кея, в Паройкии на о. Парос. В следующий, среднекикладский, период они превратились в настоящие портовые города и торговые пункты.

Кроме этих портов в период РК III на Кикладах появляется совершенно другой тип поселений – укрепления на нескольких отдаленных от моря и удобных для обороны вершинах холмов, как, например, Кастри на о. Сирос, Кинтос на о. Дилос и Панорм на о. Наксос. Гончарные изделия и металлические предметы, найденные в данных поселениях, свидетельствуют о их связи с Северной Эгеидой; судя по материалам раскопок, жизнь укреплений была недолгой, а конец – насильственным. Это заставляет предполагать, что кикладские укрепления на холмах были основаны беженцами из Северной Эгеиды, которые мигриро-

вали на юг, возможно, имея целью возобновление своей морской активности. Коренные жители Киклад, по-видимому, оказали пришельцам решительное противодействие и изгнали их с островов, однако терпимо отнеслись к их расселению на побережье материковой Греции и на о. Эгина (Doumas, 1988, p. 28).

Материальная культура раннекикладского периода постепенно становится более утонченной во всех сферах – архитектуре, гончарном деле и особенно резьбе по мрамору. От периода РК I сохранился лишь один тип сосудов – плохо обожженные невысокие круглые коробки ручной работы, украшенные резным прямолинейным узором. От них ведут свое происхождение сосуды периода РК II с резными или выдавленными орнаментами в виде криволинейных рисунков. В этот период впервые появляется расписная керамика с прямолинейными сюжетами, нанесенными темной краской по светлому фону. Встречаются также, хотя и довольно редко, изображения на темы животного мира (птицы, рыбы, млекопитающие), как резные, так и рисованные. Гончарные изделия периода РК III более высокого качества и значительно более разнообразны по формам. Преобладают рисованные изображения, в то время как резные постепенно исчезают; криволинейные сюжеты, однако, сохраняются.

Простота и четкость природных линий побережья отразились, вероятно, в формах кикладских мраморных фигурок (Doumas, 1968; Preziosi-Getz, 1985). Хотя мы, по-видимому, никогда не узнаем, какими – религиозными или светскими – были функции этих художественных произведений, их антропоцентрическая направленность не подлежит сомнению. Не отражали ли они идеологию создавшего их общества?

В течение III тысячелетия до н.э. единственным способом погребения было труположение. Покойника закапывали в землю в согнутой позе вместе с погребальной утварью: глиняной посудой, мраморными вазами и фигурками, туалетными принадлежностями и украшениями. Отсутствие в захоронениях предметов домашнего обихода, вероятно, означает, что с умершим погребались только его личные вещи; возможно, это указывает на веру в загробную жизнь (Doumas, 1977) (илл. 37–40).

КРИТ

На Крите больше всего свидетельств, относящихся к раннему бронзовому веку, известному также как «додворцовый период», сохранилось в центральной и восточной частях острова; вероятно, это свидетельствует о заморских контактах Крита и внешних влияниях. По всей видимости, до возникновения в среднеминойский период так называемых дворцов поселения на Крите размещались в труднодоступных и облегчающих оборону местах. Помимо Мохлоса, где были обнаружены следы прямоугольных домов периода РМ I, к этому времени не могут быть отнесены никакие другие архитектурные памятники. Лучшие свидетельства остались от следующего периода РМ II, когда строились дома из камня и глины на грубом фундаменте из валунов с «плоскими крышами на деревянных стропилах, покрытых хворостом, засыпанным землей» (Hutchinson, 1950, p. 205). Лучше всего известно полностью раскопанное поселение в Фурну-Корифи, Миртос (Warren, 1972), за ним следует селение Василики, которое пока исследовано не столь основательно. Оба поселения имеют черты, которые позволяют археологам предположить, что они были предшественниками среднеминойских дворцов. По-видимому, они планировались в расчете на конкретные виды деятельности в определенных областях, поэтом «возникновение здесь дворцов следует объяснять... лишь частично архитектурными, главным же образом – хозяйственными причинами» (Warren, 1972, p. 261). Архитектур-

ные памятники периода РМ III практически неизвестны, возможно, потому, что скрыты под руинами более позднего времени (Hutchinson, 1962, p. 155); не исключено, что те гончарные предметы, которые считаются изделиями периода РМ III, как раз относятся к местному стилю, появившемуся в центральной части Крита и не представляющему указанную фазу развития (Platon, 1981, I, p. 148).

Производство гончарных изделий на Крите в раннем бронзовом веке переживало быстрые изменения – менялась как форма изделий, так и технология изготовления (Hood, 1978, p. 30). На Крите периода РМ I продолжала производиться, хотя и в гораздо меньших количествах, неолитическая полированная посуда; в то же время появились новые стили, их представляют узорчатые полированные изделия – вазы с гладким покрытием и линейным орнаментом, нанесенным красной, белой или темной краской (Betancourt, 1985, p. 23). Разновидностей посуды было много: кувшины, чаши, кружки, аски и т.п. Некоторые формы и декоративные стили были, по-видимому, характерны для определенных регионов (изделия из Пиргоса, Айос-Онуфриос и т.д.). Гончарные изделия периода РМ II отличаются большим разнообразием форм и орнаментальными новациями: изделия из Кумасы со штриховым и перекрестно-штриховым орнаментами, изделия из Василики с пестрым орнаментом, появившимся в результате регулирования условий обжига (Betancourt, 1985, p. 35). Наиболее характерной разновидностью керамики периода РМ III является так называемая бело-темная посуда, представленная значительным количеством форм и орнаментов из белых линейных узоров на темном грунте. Узоры варьируются от незамысловатых линий, кругов и спиралей до сложных геометрических сюжетов (Betancourt, 1985, p. 53).

Изготовление каменных ваз, в производстве которых на территории Эгеиды Крит играл особую роль, по всей видимости, началось не ранее периода РМ II (Hood, 1978, p. 139). Первоначально ассортимент форм и материалов был ограничен. Аспидный сланец использовался для изготовления упомянутых выше круглых коробок, часто имевших резной и рельефный спиральный орнамент. В последующие периоды, вплоть до среднеминойского, «имел место значительный рост видов посуды и используемых материалов», а орнамент выполнялся более тщательно, чем прежде (Warren, 1969, p. 183).

Еще весьма неразвита в фазе РМ I металлургия стремительно распространилась в фазе РМ II. Делались бронзовые инструменты и оружие (кинжалы, копья, наконечники стрел, двойные топоры, ножи, пилы), а также туалетные принадлежности (щипчики, бритвы, скребки); имеются свидетельства применения технологии литья по выплавляемым восковым моделям (Branigan, 1974, p. 106).

В период РМ II на Крите развивалась также обработка золота и серебра, особенно вдоль северного берега острова (Branigan, 1974, p. 107), что, возможно, указывает на местонахождение источников сырья, происхождение предметов и изделий, а также технологий. Техническому прогрессу в металлургии, по-видимому, не помешали разрушения и хаос, отмеченные в Эгеиде к концу периода II раннего бронзового века, и в среднеминойский период развитие металлургии продолжалось.

Мраморная скульптура на Крите в раннеминойский период не была столь популярна, как на Кикладах. Для маленьких фигур использовались другие материалы, такие, как глина, камень, раковины и слоновая кость (Hood, 1978, p. 90).

Хотя свидетельства о росписях по шпукатурке восходят к середине III тысячелетия до н.э., настенная живопись приобрела значение важного художественного средства лишь в среднем и позднем бронзовом веке (Hood, 1978, p. 48). В ряд художественных промыслов можно включить изготовление резных печатей. Начиная с периода РМ II печати вырезали из мягкого камня, слоновой кости, зубов и костей животных и украшали разнообразными линей-

ным и фигурным орнаментом (Hood, 1978, pp. 210–212; Yule, 1980). Ранний бронзовый век на Крите не закончился внезапно, но плавно и постепенно перешел в средний бронзовый век, эпоху больших дворцовых комплексов.

Что касается погребальных обычаев, существовавших на Крите в раннеминойский период, то археологические исследования выявили многочисленные захоронения в пещерах и скальных укрытиях почти на всем острове; эта практика продолжалась и в период РМ II, но была ограничена только северной и центральной частями Крита. В этот период начинается строительство гробниц, представленными двумя типами. Один включал комплексы из внутренней и одной или более внешних прямоугольных камер, которые использовались как оссуарии для коллективных погребений. Другой тип встречается главным образом на равнине Месара (на юге центральной части острова) и представляет собой круглое сооружение с внутренним диаметром от 4 до 13 м. Рядом со входом в круглую камеру, который всегда обращен на восток, имеется одно или несколько отделений. Не известно точно, как они закрывались. Сотни погребений, связанных с этими склепами, указывают на их коллективное использование в течение долгого времени (Branigan, 1970b; Pelon, 1976). Интересно, что в период РМ II появляются также *ларнаки* (*larnakes* – обожженные глиняные монеты) и погребальные склепы. Погребальные обычаи в период РМ III не отличались от практики предшествующего периода; во многих случаях продолжали использоваться одни и те же могилы и склепы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALEXIOU, S. 1969. [Minoan Civilization]. Irakleion.
- BARBER, E. J. W. 1991. Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean. Princeton, N.J.
- BASCH, L. 1987. Le Musée imaginaire de la marine antique. Athènes.
- BERNABO BREA, L. 1964, 1976. Poliochni: Città preistorica nell'isola di Lemnos. Roma.
- BETANCOURT, P. P. 1985. The History of Minoan Pottery. Princeton, N.J.
- BLACKBURN, E. 1970. Middle Helladic Graves and Burial Customs, with Special Reference to Lerna in the Argolid. Ann Arbor, Mich., Diss. Inaug. (microfilm).
- BLEGEN, C. W. 1963. Troy and the Trojans. London.
- 1973. Troy IV. In: EDWARDS, I. E. S. et al. (eds), Cambridge Ancient History. 3rd ed. Cambridge. Vol. 2, Part I, pp. 483–5.
- BOUZEK, J. 1985. The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millennium BC. Göteborg. (Stud. mediterr. Archaeol., 29.)
- BRANIGAN, K. 1968. Copper and Bronze Working in Early Bronze Age Crete. Lund. (Stud. mediterr. Archaeol., 19.)
- 1970a. The Tombs of Messara. London.
- 1970b. The Foundations of Palatial Crete: A Survey of Crete in the Early Bronze Age. London.
- 1974. Aegean Metalwork of the Early and Middle Bronze Age. Oxford.
- CADOGAN, G. 1976. Palaces of Minoan Crete. London.
- CARPENTER, R. 1968. Discontinuity in Greek Civilisation. Cambridge.
- CASKEY, J. L. 1971. Greece, Crete and the Aegean Islands in the Early Bronze Age. In: EDWARDS, I. E. S. et al. (eds), Cambridge Ancient History. Cambridge. Vol. I, Part 2, pp. 771–807.
- 1973. Greece and the Aegean Islands in the Middle Bronze Age. In: EDWARDS, I. E. S. et al. (eds), Cambridge Ancient History. Cambridge. Vol. 2, Part I, pp. 117–40.
- CASSOLA GUIDA, P. 1973. Le armi difensive dei Micenei nelle figurazioni. Roma. (Incunabula Graeca, 56.)
- CHADWICK, J. 1976a. The Decipherment of Linear B. 2nd ed. Cambridge.
- 1976b. The Mycenaean World. Cambridge.
- CHERRY, J. F. 1985. Islands out of the Stream: Isolation and Interaction in Early East Mediterranean Prehistory. In: KNAPP, A. B.; STECH, T. (eds). Prehistoric Production and Exchange. Los Angeles, Calif. (Monogr. 25.)
- CROUWEL, J. 1981. Chariots and Other Means of Transport in Bronze Age Greece. Amsterdam.
- DARQUE, P.; POURSAT, J.-C. (eds) 1985. L'iconographie minoenne: Actes de la table ronde d'Athènes, 21–22 avril 1983. Paris.
- DARQUE, P.; TREUIL, R. (eds) 1990. L'habitat égéen préhistorique: Actes de la table ronde internationale organisée par le Centre national de la recherche scientifique, l'Université de Paris I et l'École Française d'Athènes, 23–25 juin 1987. Paris.
- DAVIS, J. L.; CHERRY, J. (eds) 1979. Papers in Cycladic Prehistory. Los Angeles, Calif.
- DESBOROUGH, V. R. d'A. 1964. The Last Mycenaean and their Successors: An Archaeological Survey c. 1200–1000. Oxford.
- DESBOROUGH, V. R. d'A.; HAMMOND, N. G. L. 1975. The End of Mycenaean Civilization and the Dark Age. In: EDWARDS, I. E. S. et al. (eds), Cambridge Ancient History. 3rd ed. Cambridge. Vol. 2, Part 2, pp. 658–712.
- DESHAYES, J. 1960. Les Outils de bronze de l'Indus au Danube. Paris. (Inst. fr. Archéol. Beyrouth. Bibl. archéol. hist., 71.)
- DICKINSON, O. 1977. The Origins of Mycenaean Civilisation. Göteborg. (Stud. mediterr. Archaeol., 49.)
- DOUMAS, C. 1968. The N.P. Goulandris Collection of Early Cycladic Art. Athina.
- 1977. Early Bronze Age Burial Habits in the Cyclades. Göteborg. (Stud. mediterr. Archaeol., 48.)
- 1983. Thera. Pompei of the Ancient Aegean. London.
- 1988. Early Bronze Age in the Cyclades: Continuity and Discontinuity? In: FRENCH, L.; WARDLE, K. Problems in Greek Prehistory: Papers presented at the Centenary Conference of the British School of Archaeology at Athens. Manchester, April 1986. Bristol.
- DREWS, R. 1988. The Coming of the Greeks: Indoeuropean Conquests in the Aegean and the Near East. Princeton, N.J.
- DUHOUX, Y. 1976. Aspects du vocabulaire économique mycénien, Amsterdam.
- ECKSHMITT, W. 1986. Kunst und Kultur der Kykladen, Vol I: Neolithikum und Bronzezeit. Mainz. (Kult. gesch. antiken Welt, 29.)
- EFFENTERRER, H. van. 1986. Les Egéens. Aux origines de la Grèce: Chypre, Cyclades, Crète et Mycènes. Paris.
- EVANS, A. J. 1921–35. The Palace of Minos at Knossos. Vol. I (1921), Vol. 2 (1928), Vol. 3 (1930), Vol. 4 (1935). London.
- FINLEY, M. I. 1970. Early Greece. The Bronze Age and Archaic Ages. London/Toronto.
- FURUMARK, A. 1941. The Mycenaean Pottery: Analysis and Classification. Stockholm.
- GRAHAM, J. 1962. The Palaces of Crete. Princeton, N.J.
- GSCHNITZER, F. 1981. Griechische Sozialgeschichte von der mykenischen bis zum Ausgang der klassischen Zeit. Wiesbaden.
- HÄGG, P. et al. (eds) 1988. Early Greek Cult Practices: Proceedings of the Fifth International Symposium of the Swedish Institute at Athens, 26–29 June 1986. Stockholm. (Skr. utg. Svenska Inst. Athen, 38.)
- HÄGG, R.; KONSOLA, D. 1986. Early Helladic Architecture and Urbanization. Göteborg. (Stud. mediterr. Archaeol., 81.)
- HÄGG, R.; MARINATOS, N. (eds) 1984. The Minoan Thalassocracy: Myth and Reality. Stockholm. (Skr. utg. Svenska Inst. Athen, 32.)
- 1987. The Function of the Minoan Palaces. Stockholm. (Skr. utg. Svenska Inst. Athen, 35.)
- HAMMOND, N. G. L. 1976. Migrations and Invasions in Greece and Adjacent Areas. New Jersey.
- HARDING, A. F. 1984. The Mycenaean and Europe. London.
- HELCK, W. 1979. Die Beziehungen Ägyptens und Vorderasiens zum Ägäis bis 7. Jh. v. Chr. Darmstadt.
- HOOD, S. 1967. The Home of the Heroes. London.
- 1971. The Minoans: Crete in the Bronze Age. London (Anc. Peoples Places, 75).
- 1978. The Arts in Prehistoric Greece. Harmondsworth.
- 1981–2. Prehistoric Emporio and Ayio Gala. London. 2 vols.
- HOOKE, J. 1976. Mycenaean Greece. London/Boston, Mass.
- 1980. Linear B. An Introduction. Bristol.
- HUTCHINSON, R. W. 1950. Prehistoric Town Planning in Crete. Town Plan. Rev., Vol. 21, No. 3.
- 1962. Prehistoric Crete. Harmondsworth.

- IAKOVIDIS, S. E. 1969–70. [Perati]. Athina.
 — 1983. Late Helladic Citadels in Mainland Greece. Leyden.
- IMMERWAHR, S. A. 1990. Aegean Painting in the Bronze Age. University Park/London.
- KAISER, B. 1976. Untersuchungen zum minoischen Relief. Bonn.
- KNAPP, A. B.; STECH, T. (eds) 1985. Prehistoric Production and Exchange. Los Angeles, Calif.
- KONSOLA, D. 1984. [Early Urbanisation in the Early Helladic Settlements.] Athina.
 — 1986. Stages of Urban Transformation in the Early Helladic Period, in Early Helladic Architecture and Urbanisation. Seminar held at the Swedish Institute, Athens, Proceedings. Göteborg.
 — (ed.) 1987. Thanatos: les coutumes funéraires en Égée à l'Age du bronze. Actes du Colloque de Liège, 21–23 avril 1986. Liège.
 — 1989. Transition du monde égéen du Bronze Moyen au Bronze Récent: Actes de la deuxième rencontre, égéenne internationale de l'Université de Liège, 18–20 avril 1988. *Aegeum*, Vol. 3.
- LAMB, W. 1936. Excavations at Thermi in Lesbos. Cambridge.
- LEHMANN, G. A. 1985. Die mykenisch-frühgriechische Welt und der östliche Mittelmeerraum in der Zeit der 'Seevölker' – Invasionen um 1200 v. Chr. Opladen. (Rhein. Westf. Akad. Wiss., Vortr., 176.)
- LENCMAN, J. 1966. Die Sklaverei im mykenischen und homerischen Griechenland. Wiesbaden.
- LEVY, E. (ed.) 1987. Le système palatial en Orient, en Grèce et à Rome: Actes du colloque de Strasbourg, 19–22 juin 1985. Leiden.
- LINDGREN, M. 1973. The People of Pylos, Prosopographical and Methodological Studies in the Pylos Archives. Uppsala. (Acta Univ. Ups., 3.)
- MADDOLI, G. (ed.) 1977. La civiltà micenea: Guida storica e critica. Roma (2nd ed., 1981; 3rd ed., 1992). (Bibl. univers. Laterza, 384.)
- MARAZZI, M.; TUSA, S.; VAGNETTI, L. (eds) 1986. Traffici Micenei nel Mediterraneo, Atti del convegno di Palermo. Taranto. (Magna Grecia 3.)
- MARINATOS, N. 1986. Minoan Sacrificial Ritual: Cult Practice and Symbolism. Göteborg. (Skr. utg. Svenska Inst. Athen, 9.)
- MARINATOS, S.; HIRMER, M. 1973. Kreta, Thera und das mykenische Hellas. 2nd ed. München.
- MATTHÄUS, H. 1980. Die Bronzegefäße der kretisch-mykenischen Kultur. München.
- MATZ, F. 1962. Kreta und frühes Griechenland. Baden-Baden.
 — 1973a. The Maturity of Minoan Civilisation. In: EDWARDS, I. E. S. et al. (eds), *Cambridge Ancient History*. 3rd ed. Cambridge. Vol. 2, Part 2, pp. 141–64.
 — 1973b. The Zenith of Minoan Civilisation. In: EDWARDS, I. E. S. et al. (eds), *Cambridge Ancient History*. 3rd ed. Cambridge. Vol. 2, Part 2, pp. 557–81.
- MOUNTJOY, P. 1986. Mycenaean Decorated Pottery. Göteborg. (Stud. mediterr. Archaeol.)
- MYLONAS, G. 1977. [Mycenaean religion, temples, altars and temene.] Athina.
- ONASSOGLOU, A. 1985. Die 'talismanischen' Siegel. Berlin.
- PAGE, D. L. 1970. The Santorini Volcano and the Destruction of Minoan Crete. London. (Suppl. Pap., 12.)
- PALAIMA, T. G. 1990. Aegean Seals, Sealings and Administration. *Aegeum*, Vol. 5.
- PELON, O. 1976. Tholoi, tumuli et cercles funéraires. Paris.
- PLATON, N. 1981. La civilisation égéenne. Paris, 2 vols.
- POURSAT, J.-C. 1977–81. Les ivoires mycéniens. Paris. (Bibl. Écoles fr. Athènes Rome, 230.)
- PREZIOSI, D. 1983. Minoan Architectural Design, Formation and Signification. Berlin.
- PREZIOSI-GETZ, P. 1985. Early Cycladic Sculptures. Malibu, Calif. Paul Getty Museum.
- RENFREW, C. 1972. The Emergence of Civilisation. London.
 — 1979. Problems in Prehistory. Edinburgh.
 — 1987. Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. London.
 — 1991. The Cycladic Spirit. London.
- RUIPEREZ, M. C.; MELENA, H. L. 1990. Los Griegos micénicos. Madrid. (Bibl. hist., 16.)
- RUTKOWSKI, B. 1972. Cult Places in the Aegean World. Warszawa.
- SAKELLARIOU, A. 1966. Mykenaike Sphragidoglyphia [Mycenaean Seal Carving]. Atina.
 — 1977. Peuples préhelléniques d'origine indo-européenne. Athina.
 — 1980. Les proto-grecs. Athina.
 — 1990. Between Memory and Oblivion: The Transmission of Early Greek Historical Traditions. Athina, Research Centre for Greek and Roman Antiquity. (Meletemata, 12.)
- SAMUEL, A. E. 1966. The Mycenaeans in History. Englewood Cliffs, N.J.
- SANDARS, N. 1978. The Sea-Peoples. London. 2nd ed. 1985. (Anc. Peoples Places, 89.)
- SCHACHERMEYER, F. 1955. Die ältesten Kulturen Griechenlands. Stuttgart.
- SCOUFOPOULOS, N. 1971. Mycenaean Citadels. Göteborg. (Stud. mediterr. Archaeol., 22.)
- SINOS, S. 1971. Die vorklassischen Hausformen in der Ägäis. Mainz.
- STAVRIANOPOULOU, E. 1989. Untersuchungen zur Struktur des Reiches von Pylos: Die Stellung der Ortschaften im Lichte der Linear B-Texte. Partille.
- STELLA, L. A. 1965. La civiltà Micenea nei documenti contemporanei. Roma.
- STUBBINGS, F. H. 1973. The Recession of Mycenaean Civilization. In: EDWARDS, I. E. S. et al. (eds), *Cambridge Ancient History*. 3rd ed. Cambridge. Vol. 2, Part 2, p. 338–58.
 — 1973. The Rise of Mycenaean Civilization. In: EDWARDS, I. E. S. et al. (eds), *Cambridge Ancient History*, 3rd ed. Cambridge. Vol. 2, Part 2, pp. 627–58.
- TAYLOR, W. 1971. The Mycenaeans. London. 2nd ed. 1990.
- THEOCHARIS, D. R. 1974. Early Helladic Civilisation. In: CHRISTOPOULOS, G. (ed.), *History of the Hellenic World*. Athina. Vol. I.
- TREUIL, R. 1983. Le Néolithique et le Bronze Ancien égéens: les problèmes stratigraphiques, les techniques, les hommes. Paris. (Bibl. Ét. fr. Athènes Rome, 248.)
- TREUIL, R. et al. (eds) 1989. Les civilisations égéennes du néolithique et de l'Âge du Bronze. Paris.
- TRIPATHI, D. N. 1988. Bronzework of Mainland Greece from c. 2600 BC to c. 1450 BC. Göteborg. (Stud. mediterr. Archaeol., 69.)
- TSOUNTAS, C. 1889. Kykladika II. In: *Archaiologike Ephemeris*. Athina.
- VERLINDEN, C. 1984. Les statuettes anthropomorphes crétoises en bronze et en plomb du IIIe millénaire au VIIe siècle av. J.-C. Providence/Louvain.
- VERMEULE, E. 1964. Greece in the Bronze Age. Chicago Ill. / London. 3rd ed. 1972.
 — 1975. The Art of the Shaft Graves of Mycenae. Cincinnati, Ohio.
- WALTER, H.; FELTEN, F. 1981. Alt-Aegina. Mainz. Vol. 3.
- WARREN, P. 1969. Minoan Stone Vases. Cambridge.
 — 1972. Myrtos: An Early Bronze Age Settlement in Crete. London.
 — 1988. Minoan Religion as Ritual Action. Partille. (Stud. mediterr. Archaeol., 72.)
- WARREN, P.; HANKEY, V. 1989. Aegean Bronze Age Chronology. Bristol.
- YULE, P. 1980. Early Cretan Seals: A Study of Chronology. Mainz.

11.1.2

СРЕДНИЙ И ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (2100–1100 гг. до н.э.)

Михаил Сакеллариу и Христос Думас

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР: ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО (карта 8)

Михаил Сакеллариу

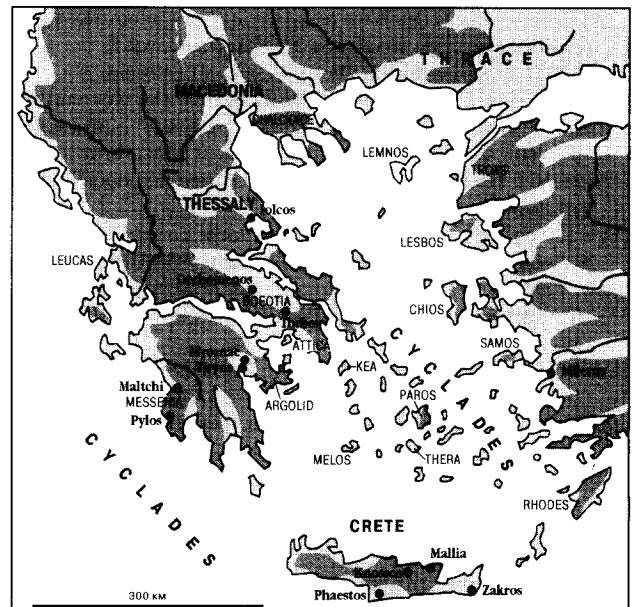
Около 2000 г. до н.э., подобно остальной части Балканского п-ова и Малой Азии (Анатолии), Греция была заселена пришельцами извне; помимо этнических изменений это привело также к упадку в экономике и социальных отношениях. О произошедших сдвигах свидетельствуют и некоторые поселения на островах. В то же время Крит, не затронутый этими событиями, оказался способен сохранить свои культурные достижения и даже добиться дальнейших успехов.

Нашествие оставило свои следы: были полностью разрушены существовавшие ранее поселения, а на их руинах появились признаки новой культуры. Исследование географического распределения и хронологии этих следов показывает, что переселение проходило двумя волнами. Первая, датируемая около 2100 г. до н.э., затронула некоторые приморские поселения на полуостровах Элады, тогда как вторая распространилась из Македонии по суше около 1900 г. до н.э.

То новое, что переселенцы принесли с собой в Грецию, на остальной части Балканского п-ова уже было известно. Некоторые из этих новаций пришли из дунайского региона, например захоронения на территории поселений, строения с полукруглыми выступами и просверленные топоры-молоты. Многие из особенностей восходят к культуре, известной как курганная культура евразийских степей. К ним относятся погребения в склепах или шахтах, над которыми иногда насыпался могильный холм, обычай помещать останки человека на шкуры животных, наличие в гробницах следов охры, а также эллипсоидные в плане постройки, шнуровая керамика, боевые секиры и головки желез.

Эти элементы культуры, характерные для двух различных областей, появились в одних и тех же поселениях одновременно, поэтому можно предположить, что носители курганной и дунайской культур смешались еще до прибытия в Грецию. Носителей курганной культуры можно уверенно отождествить с индоевропейцами. Характерные признаки этой культуры, появившейся в Греции между 2100 и 1900 гг. до н.э., непосредственно связаны с соответствующими признаками культуры протогреков.

Мы считаем, что термин «греческий» следует применять исключительно для обозначения языка, на котором говорили в исторические времена, а термин «греки» – для обозначения тех, кто им пользовался. Термины «протогреческий» и «протогреки» введены для обозначения индоевропейского языка, привнесенного в Грецию около 2000 г. до н.э., и тех, кто на нем говорил, поскольку греки исторических времен появились в результате смешения протогреческого

Карта 8. Эгейский мир (2000–1100 гг. до н.э.)

и догреческого населения, а греческий язык, применявшийся в исторические времена, отличался от протогреческого двумя особенностями. Он вобрал в себя множество догреческих существительных, названий местности, личных имен и имен богов, и при этом в нем было создано большое количество новаций (*Sakellariou M., 1980; Drews, 1988*).

Жизнь новых поселенцев была связана скорее со скотоводством, чем с обработкой земли. Они селились в деревушках, меньших по размерам и расположенных реже, чем поселения, разрушенные ими. Едва появившись в Греции, они прекратили изготовление гончарных изделий со шнуровым орнаментом и использование боевых секир; по крайней мере еще некоторое время они продолжали возводить эллипсоидные или полукруглые постройки. Можно предположить, что они проявляли значительный консерватизм в отношении своих строительных и погребальных обычаев, и это продолжалось вплоть до XVI в. до н.э. (*Sakellariou, M., 1980*). Незадолго до этого времени некоторые поселения, расположенные близко к морю или на пересечениях дорог, вышли из изоляции и отказались от натурального хозяйства. Аргонида вскоре установила контакты с Кикладами и Критом на юге, с Троедой и Халкидикой на севере Эгеиды и с о. Левкас в Ионическом море. В некоторых захоронениях этого периода проявляются признаки первой стадии экономического неравенства. Появление в XVI в. до н.э. захоронений, содержащих оружие и цен-

ные предметы, подтверждает существование военного союза, члены которого распределяли между собой местные богатства, и свидетельствует об усилении монархической власти.

В отличие от материковой Греции Крит около 2000 г. до н.э. переживал спокойный период развития, и во всех сферах проявлялась заметная творческая активность. В критских государствах была создана эффективная административная система, способствовавшая развитию хозяйственной деятельности. Население Крита строило огромные дворцы, которые были предназначены не только для проживания царской семьи, сановников и армии слуг, но и для размещения административных учреждений, мастерских и хранилищ. Заключительной стадией развития стала ликвидация островных кланов, после чего критское общество достигло высокой ступени стратификации и стабильности (Treuil et al., 1989, p. 214). Цивилизация в целом достигла уровня, обеспечившего ей место среди наиболее утонченных культур человечества.

К 1600 г. до н.э. наиболее развитые общества материковой Греции достигли такой степени зрелости, которая позволила им заимствовать достижения критской цивилизации. В это время критские образцы играли решающую роль в развитии греческих обществ. Греция приблизилась к Криту и обрела общие с ним цивилизационные параметры.

Критяне бронзового века известны также как минойцы, а их культура называется минойской. Греческая цивилизация, находившаяся под минойским влиянием, носит название микенской. Этот термин относится не только к жителям Микен, но и ко всему населению части материка, принадлежавшей этой цивилизации, которое мы также знаем под именем «ахейцы».

Вскоре микенцы вступили в соперничество с минойцами на Эгейском море и установили связи с Египтом. Иногда эти связи, значение которых преувеличено, рассматривают как фактор, способствовавший расцвету микенского мира. Около 1450 г. до н.э. микенские войска высадились на Крите, разрушили критские дворцы и основали здесь государство, которое из Кносса осуществляло управление Восточным Критом. В начале следующего века это государство было покорено греками с континента.

Среди прочего микенцы позаимствовали у минойцев систему производства, социальное устройство и политическую структуру. Поэтому Крит и континентальная Греция (самое позднее с 1600 г. до н.э.) могут изучаться как одно целое. И Крит, и Греция были разделены на несколько государств. Примерно до 1450 г. до н.э. на востоке Крита существовало четыре государства – Кносс, Фест, Маллия и Като-Закро. Впоследствии эта часть острова была объединена и перешла под управление микенской династии. В отношении Западного Крита мы не располагаем достаточной информацией. Известно о существовании нескольких небольших рабовладельческих государств в континентальной Греции – Микен, Пилоса, Фив, Орхомена и Иолка; вероятно, были и другие. Площадь Мессении, на территории которой сформировалось государство Пилос, составляла 2600 кв. км. Равная ей по размерам Беотия была разделена на Фиванское и Орхоменское царства. Размеры Микенского царства определить трудно, но, вероятно, они составляли приблизительно от 2000–3500 кв. км. Что касается населения, то в Пилосском царстве оно насчитывало предположительно 50 тыс. человек, а в самом г. Пилосе было около 2500 жителей (Chadwick, 1976b; Treuil et al., 1989; Ruizperez & Melena, 1990).

Относительно системы землевладения известно, что некоторые земли не обрабатывались – они предназначались богам, тогда как другие принадлежали монарху и сановникам; кроме того, существовали индивидуальные частные владения, общинные земли, часть которых передава-

лась в индивидуальное пользование, и земли, обрабатываемые группами людей в обмен на услуги, оказываемые служителями культа (Chadwick, 1976b; Ruizperez & Melena, 1990).

Управление всей производственной деятельностью осуществлялось из дворца посредством четко структурированной административной системы. Имеющиеся в нашем распоряжении документы дают возможность проследить за тщательной работой писцов, счетоводов и кладовщиков. Как в царских, так и частных владениях зерно и скот находились под неусыпным надзором, и продукты частного хозяйства становились предметом налогообложения. Высокие требования предъявлялись к учету свободных ремесленников и рабов, определенных в мастерские, в том числе в частные, а также направленных на различные работы. Эти мастерские снабжались сырьем, а количество и качество произведенных изделий строго контролировалось. Следили и за тем, чтобы сырье и готовая продукция поступали на склады и распределялись из них в соответствии с установленными правилами. Каменщики и прочие ремесленники обеспечивались необходимыми материалами, получали задания и направления на работы. Некоторые мастерские и склады размещались непосредственно во дворце, тогда как другие располагались в пристройках или находились в провинции. Подсчитано, что на службе во дворце в Пилосе было 400 свободных кузнецов, работающих с бронзой, 550 рабынь, изготавливавших одежду, и еще 200 рабынь, занятых в домашнем хозяйстве. Внешней торговлей занималось административное ведомство. Можно предположить, что к этому ведомству относились и торговые суда (Chadwick, 1976b; Duboux, 1976).

Уровень специализации труда был чрезвычайно высок. В одном лишь ткацком производстве существовали две основные категории рабов – для работ с шерстью и для работ со льном; они, в свою очередь, подразделялись на прядильщиков, чесальщиков, ткачей и тех, кто отвечал за отделку. Наконец, были рабы, изготавливавшие отдельные виды изделий, такие, например, как ленты для волос. Известно также, что одежда, произведенная в одной мастерской, украшалась вышивкой в другой. Подобная практика разделения труда преобладала и в ведении домашнего хозяйства: кроме занятых в качестве прислуги, были женщины, единственной задачей которых был помол зерна, другие отвечали за баню и т.д. (Lindgren, 1973; Stavrianopoulou, 1989, p. 24).

Между материковой Грецией и Критом установились торговые связи; они торговали также с эгейскими островами, восточным побережьем Анатолии, Кипром, Египтом, Сицилией и Южной Италией. Микенские изделия обнаружены в Центральной Европе и в Англии. Минойские и микенские дворцы импортировали золото, медь, олово, янтарь и продукты ремесленного производства. Вывозились оливковое масло, вино, шерсть, ткани и вазы. Есть веские основания считать, что 400 мастеров по бронзе в Пилосе, которых было гораздо больше, чем требовалось для нужд царства, в основном производили товары для внешнего рынка. Минойцы и микенцы основали колонии на Кикладах, Родосе и в Милете (в Анатолии). Предполагают, что микенских ремесленников и торговцев можно было встретить и на Кипре. И наконец, в одних случаях доказано, а в других предполагается существование минойских и микенских торговых факторий в Леванте, на Сицилии и в Южной Италии (Treuil et al., 1989).

Минойцы и микенцы добились успехов в кораблестроении и мореходстве, построили сеть дорог, прорыли каналы для орошения и осушения земли, предшествовавшего осушению озер, возвели укрепления; последнее греки уже в исторические времена приписывали мифическим существам, наделенным большей силой, чем обычные люди.

Для лучшего управления огромными предприятиями, которыми, по сути, были минойские и микенские дворцы, на Крите в течение протодворцового периода (пер-

вые века II тысячелетия до н.э.) было разработано идеографическое и иероглифическое письмо. В период поздних дворцов (с XVII в. до н.э.) оно превратилось в письмо, в котором использовались в основном слоговые знаки, а идеограммы отодвинулись на второй план. Наконец, вновь на Крите, но уже для микенского дворца в Кноссе, где после 1450 г. до н.э. говорили по-гречески, было разработано письмо, частично основанное на заимствованиях из предшествовавшей системы письма (илл. 41, 42). Слоговые системы известны как линейное письмо А и линейное письмо Б, соответственно более раннее и более позднее.

В области мер и весов ситуация была, по всей видимости, непростой: многое, кажется, заимствовалось у соседей, причем в то время, когда преобладал определенный консерватизм. Самая большая единица веса была разделена на 30 долей, которые, в свою очередь, подразделялись на четверти. Меры объема твердых тел содержали десятые доли, каждая из которых делилась на шестые, а каждая шестая доля – на четверти. Для жидкостей основная единица делилась на трети, которые делились на трети, затем на шестые, а затем – на четверти (Chadwick, 1976a; Hooker, 1980; Treuil et al., 1989; Ruizperez & Melena, 1990).

О расслоении общества и классовой структуре известно мало. В целом имеющаяся в нашем распоряжении информация сводится к немногим деталям, касающимся рабов. Уже отмечалось, какими видами работ они были заняты. К этому можно добавить, что женщины-рабыни держали своих детей при себе и так же, как и для себя, получали для них пищу, состоящую из пшеницы или ячменя и инжира. Прочая доступная информация фрагментарна и касается разнообразнейших знати и торговцев. Ничего не известно о других слоях общества, о прикрепленных к царской земле зависимых работниках, сановниках, отдельных личностях и даже общинах (Lindgren, 1973; Treuil et al., 1989; Ruizperez & Melena, 1990).

Критские женщины принимали участие в социальной и религиозной жизни и, более того, играли важную роль в обществе. Однако нет достаточных оснований делать из этого вывод о матриархальном характере критского общества; самое большее, оно сохраняло некоторые следы существовавшего в глубокой древности матриархата.

В минойских государствах царь, как принято считать, выполнял функции жреца и судьи, но не располагал сколько-нибудь заметной властью в других сферах. В отличие от него микенский царь, или *аннакс* (*anax*), был востребован в качестве полководца. Мы располагаем некоторыми данными о государственных сановниках Пилоса. Звание *лаваетас* (*lawagetas*), очевидно, означало здесь высокопоставленного начальника, но не главнокомандующего, как ошибочно предполагалось раньше. Считается, что *экетай* (*eketai*), или «товарищи», входили в царское окружение и отвечали за выполнение различных поручений и боевых задач во время войны. Можно предположить, хотя и без полной уверенности, что руководящие посты в административных и военных структурах занимали землевладельцы, известные как *телестай* (*telestai*) (Hooker, 1976; Platon, 1981, I, p. 283; II, pp. 83, 342).

Единственные документы, которыми мы располагаем в отношении областного деления критских и микенских государств и работы администрации различных уровней, касаются Пилоса. Территория царства делилась на две провинции, 16 округов и несколько общин. Община называлась *дамос* (*damos*); это слово даже в греческом языке исторических времен сохраняло значения «община, сообщество» и «территория общины или сообщества». В ионийском и аттическом диалектах дамос превратилось в *демос* (*demos*), от которого образовалось слово «демократия» (*demokratia*). В пилосском царстве дамос владел землей и сдавал ее в аренду. В целом община (дамос) представляла

собой объединение людей, пользующееся определенным самоуправлением. Однако *дамокорос* (*damokoros*), «тот, кто присматривает за дамосом», очевидно, назначался царем, равно как и *коретер* (*koreter*) и *прокоретер* (*prokoreter*) – правитель округа и его помощник (Ruizperez & Melena, 1990, pp. 107–129).

На Крите во II тысячелетии до н.э. не было военных укреплений, а в минойской иконографии нет не только военных сцен, но даже изображений воинов. Более того, ни в погребениях, ни в других критских памятниках того времени не найдено какого-либо оружия. Однако память о минойском морском владычестве была увековечена в традиции, переданной критянами грекам. Естественно поэтому предположить, что между минойскими государствами преобладало взаимопонимание и что их флот или флот их союзников был в состоянии обеспечить защиту от любого нападения с моря. Эта ситуация получила в науке название «минойский мир» (*pax minoica*). Архивы Пилоса дают некоторое представление о командном составе вооруженных сил, передвижениях отрядов и оборонных мероприятиях. Более того, можно предположить, что царство было в состоянии выставить около 200 колесниц. Примерно равные силы имел в своем распоряжении микенский царь Кносса.

ПОСЕЛЕНИЯ И АРХИТЕКТУРА, ИСКУССТВА И РЕМЕСЛА, ИДЕОЛОГИЯ

Христос Думас

После окончания раннего бронзового века, отмеченного серьезными катастрофами во многих частях Эгейского бассейна, цивилизация в различных регионах пошла разными путями. Из поселений Северной Эгеиды сохранилась лишь Троя, которая продолжала свое блистательное развитие вплоть до захвата и разрушения ахейцами. В материковой Греции наблюдался культурный регресс, в то время как на Крите начало II тысячелетия до н.э. ознаменовалось культурным расцветом и строительством больших дворцов, а на Кикладах – ростом прибрежных поселений, основанных в заключительной фазе раннего бронзового века и превратившихся теперь в преуспевающие центры на торговых путях. Если на Кикладах и Крите переход от раннего к среднему бронзовому веку произошел плавно, то на севере Эгеиды и в материковой Греции он сопровождался появлением совершенно новых элементов, явственно представленных археологическими данными как в области архитектуры и погребальных обычаев, так и в сфере материальной культуры и экономики. Эти ранее неизвестные элементы интерпретируются специалистами как свидетельство прибытия в Эгеиду новых групп населения (Blegen, 1973; Caskey, 1973; Sakellariou M., 1980, p. 32).

Северная Эгеида

Как на островах, так и в прибрежных областях северной части Эгейского бассейна археологические данные указывают на замедление развития по сравнению с ранним бронзовым веком. Такие острова, как Лемнос, Лесбос, Хиос, Самос, на которых ранее процветали протгородские центры, в среднем бронзовом веке не играли, по-видимому, существенной роли в культурном развитии эгейского региона. Это наблюдение касается также побережья Македонии и Фракии. Таким образом, весь средний бронзовый век в этом регионе известен исключительно по Трое (Caskey, 1973; см. также 12,3).

Троя VI, просуществовавшая очень долго (около 1800–1300 гг. до н.э.) и представленная восьмью последовательными культурными слоями, была основана на руинах пя-

того города (Троя V), относящегося к раннему бронзовому веку. На начальной стадии этот город имел много характерных особенностей, роднивших его с цивилизацией материковой Греции, но с течением времени появились отличия, и Троя пошла по собственному пути развития (*Blegen*, 1973). Несмотря на то что архитектурные остатки древних стадий довольно скудны, представляется очевидным, что на всем протяжении своей истории город был укреплен. Большинство монументальных оборонительных сооружений относятся специалистами к завершающей стадии существования города (*Blegen*, 1963, р. 115), которая, вероятно, совпадает с поздним бронзовым веком. На укрепленном холме на террасах были построены просторные особняки, вероятно, принадлежавшие чиновникам или фаворитам царя, дворец которого находился на самой вершине, на том месте, где позднее был возведен храм Афины (*Blegen*, 1973). В тех случаях, когда удавалось реконструировать план этих жилищ, выяснилось, что они принадлежали к строениям типа мегарона, т.е. удлиненной прямоугольной постройки, известной в Трое уже в раннем бронзовом веке. Из-за вызванных землетрясением сильных разрушений город был перестроен (Троя VII); два его уровня обозначаются соответственно как стадии а и в. Троя VIIа, уничтоженная пожаром, была, как считают специалисты, городом Приама, и ее конец датируется серединой XIII в. до н.э.

В Трое среднего и позднего бронзового века изготавливалась характерная угловатая сероватая керамика, так называемая минийская посуда, которая обнаружена в среднеэладских центрах в континентальной Греции; она является материальным свидетельством технологических новаций в эгейском регионе – освоения процесса обжига гончарных изделий «при постепенном понижении температуры, что, как правило, придавало ей ровный серый цвет». Этот тип керамики продолжал производиться в Трое вплоть до исчезновения города, а разработанная технология обжига применялась и при изготовлении чисто микенских ваз (*Blegen*, 1963, pp. 140–141). Количество иных артефактов весьма ограничено, среди них – небольшое число бронзовых веретен и ювелирные изделия из золота, серебра и электрума (разновидности самородного золота).

Как и в раннем бронзовом веке, Троя поддерживала тесные связи с другими областями Эгейского бассейна, в особенности с материковой Грецией, на что указывают повсеместное использование минойских гончарных изделий и эладский импорт, первоначально представленный расписной матовой посудой, затем – микенской керамикой, а также изделиями из камня и слоновой кости. Связи Трои с внешним миром должны были осуществляться морским путем, что подтверждается находками в Трое VII кипрской керамики. В отличие от положения дел в Эгееде Троя VI и Троя VII не поддерживали сношений с внутренними районами Малой Азии, как в раннем бронзовом веке, несмотря на то что Троя VI была современницей могущественного государства хеттов.

Возможность исследовать религию и идеологию жителей Трои появилась благодаря открытию рядов монолитных колонн, менгиров, которые предположительно связаны с религиозной жизнью шестого города, а также обнаружению небольшого кладбища, относящегося к заключительному периоду существования города, фактически единственного кладбища, связанного с доисторической жизнью Трои. Оно представляет собой кладбище погребальных урн, содержащих пепел и кости детей и взрослых (*Blegen*, 1963, pp. 139–143).

Вполне возможно, что не лишен значения факт спорадического появления в Эгееде того времени практики кремации (*Iakovidis*, 1970). Поддержание отношений с Эгеедой и прежде всего одновременное появление новаций в изготовлении гончарных изделий, использование лоша-

ди в качестве вьючного животного и восприятие одних и тех же архитектурных форм могут рассматриваться как свидетельство появления в бассейне Эгейского моря новых этнических элементов, отдельные ветви которых осели соответственно в материковой Греции и Троаде. Некоторые ученые считают этих переселенцев «первыми эллинскими народами, ступившими на полуостров» (*Blegen*, 1963, p. 145).

Материковая Греция

Ранние стадии среднеэладского периода (СЭ) характеризуются культурным регрессом; в Северной Греции – Македонии и Фессалии – застой выражен не так сильно, поэтому может показаться, что продолжает существовать цивилизация раннего бронзового века (*Caskey*, 1973). Главными центрами развития стали Средняя Греция (Беотия и Аттика) и Восточный Пелопоннес (Коринф и Арголида). Ранние среднеэладские поселения, по-видимому, были неукрепленными и состояли из скромных зданий простых архитектурных форм, вероятно, служивших жильем для больших семей. Полукруглый план домов, не являвшийся новшеством в архитектурной традиции, существовал наряду с прямоугольным, который в это время преобладал, хотя и с местными разновидностями. Эти среднеэладские постройки были предшественниками того типа зданий, отличавшегося простым прямоугольным планом, который господствовал в микенскую эпоху (1550–1100 гг. до н.э.). Микенские города, возводившиеся, как правило, на склонах укрепленных холмов, состояли из подобных домов, сгруппированных вокруг царского дворца и своим расположением напоминавших размещение зданий в будущих городах средневековья. Городами такого типа среди прочих являлись Микены и Тиринф в Арголиде, Пилос в Мессении, Фивы в Беотии. Дворец наверху цитадели строился по стандартному плану, с местными вариациями, касавшимися лишь второстепенных и служебных комнат: трехчастное ядро состояло из крытой галереи (*aitbousa*), передней (*prodamos*) и мегарона (*domos*), в котором находился круглый очаг, окруженный четырьмя колоннами. Мегарон служил тронным залом, в котором царь проводил официальные аудиенции и приемы и вокруг которого формировался комплекс дворов, портиков и подсобных помещений (*Taylor*, 1971, p. 92).

Несмотря на то что основой экономики оставалось сельское хозяйство, появлялись технические новации, такие, например, как использование гончарного круга и организация изготовления минойской посуды с применением обжига при контролируемой и постепенно снижаемой температуре. Другим новшеством в области керамики было изготовление ваз с красочными изображениями на матовом фоне. Еще одним новым элементом в хозяйстве среднеэладского периода стало использование лошади, до тех пор в Эгейском бассейне неизвестное, в качестве вьючного животного (*Caskey*, 1973, p. 135). Технические новшества имели место и на следующей стадии, когда появилась колесная повозка. Трудности в сообщении, обусловленные горным рельефом материковой Греции, стимулировали освоение морских путей, а развитие торговли вело к более интенсивному использованию природных ресурсов и к дальнейшим техническим открытиям. Одним из наиболее важных крупномасштабных предприятий в доисторической Эгееде было осушение Копайдского озера, для чего потребовалось рытье искусственных каналов и прокладка дренажных туннелей в горах. Возведение мощных укреплений с циклопическими стенами, которые опоясывали микенский акрополь, прокладка дорог в провинциях и строительство мостов, засвидетельствованные богатыми археологическими данными, являлись масштабными общественными работами, характерными для ми-

кенского мира. В технической области процветало производство керамики, и даже сегодня эти керамические изделия изумляют великолепным качеством и разнообразием форм (*Furumark*, 1941). Прогресс в сфере металлообработки подтверждается не только древними текстами, но и впечатляющим разнообразием инструментов, оружия, сосудов и чеканки, найденных при раскопках (*Hood*, 1978; *Chadwick*, 1976b; *Deshayes*, 1960; *Matthäus*, 1980). В то же время установление контактов и развитие отношений с Критом стимулировали появление новых ремесел и видов искусства, таких, как резьба по слоновой кости, изготовление каменных печатей, скульптура и живопись (*Hood*, 1978; *Poursat*, 1977; *Sakellariou*, 1966).

С XVI в. до н.э. микенская Греция постепенно развивает связи с внешним миром, достигнув Ионических островов на западе и Египта, Сирии и Палестины в Восточном Средиземноморье (*Marazzi et al.*, 1986; см. также 14.2). Очевидный размах микенской торговли в Восточном Средиземноморье, особенно после того как был предан забвению Кносс (около 1400 г. до н.э.), иллюстрируется основанием микенских колоний на таких больших островах, как Родос и Кипр.

На протяжении среднего и позднего элладского периодов обычной формой захоронения было труположение. Только в XIII–XII вв. до н.э. наблюдаются отдельные случаи кремации. В среднеэлладский период умерших обычно закапывали в согнутом положении – или в пределах поселения, или на специальных кладбищах вне его. Над одним или несколькими погребениями иногда насыпали курган. Несмотря на разнообразие типов кладбищ, форма самой могилы оставалась неизменной: это была гробница с облицованными стенами. Существовали также захоронения в погребальных урнах – обычно детей и гораздо реже взрослых. С течением времени захоронения стали различаться размерами, числом погребенных людей и погребальным инвентарем. Так, рядом с маленькими гробницами, предназначенными обычно для одиночных погребений, появились большие шахтные гробницы, устроенные для многократных захоронений. Наиболее ранние захоронения никаких погребальных предметов не содержали, но приблизительно XVI в. до н.э. датируются первые гробницы, в которых оставлен богатый погребальный инвентарь, такие, как шахтные гробницы Микен. Разнообразие гробниц и различия в ценности погребальных приношений, вероятно, отражают возникновение в среднеэлладском мире иерархического общества (см. часть этой главы, написанную М. Сакеллариу). Данная тенденция развития не прервалась и в микенские времена, когда от использования шахтных гробниц постепенно отказались. Основным типом захоронения для большинства населения становятся гробницы-камеры, высеченные на склонах холмов и использовавшиеся для многократных труположений, тогда как царей хоронили в великолепных купольных гробницах-толосах, часто украшенных скульптурой. В некоторые гробницы помещали драгоценные сосуды из золота и серебра, оружие, доспехи и украшения, а в гробницы-камеры простых смертных – керамические вазы, несколько металлических или иных орудий труда и менее значительные предметы.

Несмотря на то что имена божеств, вошедших позднее в греческий пантеон (Афина, Деметра, Дионис, Гефест, Посейдон и др.), встречаются на табличках с линейным письмом Б, мы не располагаем информацией о характере микенской религии или обрядах какого-либо из ее культов. Боги упоминаются только как получатели подношений (*Chadwick*, 1976a, p. 84). Однако некоторые здания, планировкой отличающиеся от жилищ, ученые связывают с религией и почитанием божеств. Более того, в их помещениях найдены глиняные статуэтки, ритоны и другие предметы, рассматриваемые обычно как культовые или имеющие ритуальное значение. Такие святилища обнару-

жены в Микенах, на островах Кея, Милос и в других местах. Религиозные или обрядовые сцены, как считается, изображены на некоторых каменных печатях или гнездах перстней. Наконец, круглому очагу в тронном зале, или домосе, микенского дворца тоже приписывается религиозное значение. Таким образом, принято считать, что царь был не только политическим вождем, наделенным светской властью, но и религиозным лидером (*Taylor*, 1971, p. 60) (илл. 43–45).

Киклады и Крит

С конца III тысячелетия до н.э. история Киклад протекала параллельно истории Крита, даже если развитие общества в этих регионах в чем-то различилось. Существование на островах Милос, Фера (современный Санторин) и Парос архипелага Киклады крупных городских торговых центров указывает на приморский торговый характер экономики островов, который и влиял главным образом на структуру и развитие кикладского общества. Расположение поселений и распределение богатств в них заставляет считать, что здесь существовала система управления, заметно отличавшаяся от жестко централизованной дворцовой системы Крита.

С начала II тысячелетия до н.э. наблюдается постепенное проникновение на Киклады минойской цивилизации, и к середине XVI в. до н.э. кикладские торговые города приобрели отчетливый минойский облик. Минойские черты широко представлены как в материальной культуре – архитектуре, гончарном деле, металлообработке, так и в интеллектуальной сфере – письменности, метрической системе и верованиях. Тем не менее эти черты не были, по всей видимости, привнесены на острова колонистами с Крита, как это нередко утверждалось, они варьировались и видоизменялись в соответствии с местными нуждами и вкусами (*Doumas*, 1983).

Археологические исследования показали, что для островов была характерна определенная экономическая, художественная и, вероятно, политическая независимость, бывшая следствием имевшегося у островитян богатого опыта мореходства и необходимости развития международной торговли, обусловленной постоянным ростом сельскохозяйственных излишков на Крите и в материковой Греции.

Одним из наиболее важных городских торговых центров этого периода был Акротири на о. Фера – богатейший источник информации об эгейском обществе XVII в. до н.э., сохранившийся благодаря покрывающему его толстому слою застывшей лавы и вулканического пепла. Четко обозначенная планировка города с канализационной системой под мощными улицами и с просторными многоэтажными домами, украшенными настенной живописью и изобилующими сосудами и прочей утварью, воссоздает картину богатства островного мира в этот период.

Более того, значительное количество обуглившегося зерна, костей животных и других органических остатков дает ценную информацию о климате данного времени, обычном рационе питания жителей, аграрной экономике и методах обработки земли. Из произведений искусства островитян можно узнать множество деталей их повседневной жизни – сведения о путешествиях, технологии кораблестроения, одежде, прическах и украшениях.

Город Акротири был разрушен и погребен под мощными пластами вулканических выбросов при извержении вулкана на о. Фера (Санторин) около 1625 г. до н.э. Это извержение, которое оценивается как в четыре раза более разрушительное по силе и затронутой площади, чем извержение вулкана Кракатау (в Зондском проливе, между островами Ява и Суматра. – *Прим. ред.*) в 1883 г., часто свя-

зывают с событиями, описанными в Библии, такими, как переход евреев через Красное море (при Исходе) и казни египетские, а также с мифом об Атлантиде. Несомненно, столь масштабная геологическая катастрофа должна была оказать разрушительное влияние на жизнь во всем Эгейском бассейне, поскольку большое количество пепла выпало даже на африканском побережье. Однако ее воздействие на критскую цивилизацию не имело, по-видимому, решающего значения, как считалось ранее (Doutas, 1983). По всей вероятности, катастрофа лишь ускорила общественные процессы, которые в эгейском регионе начались вследствие возникновения и постепенного усиления гегемонии микенцев в материковой Греции. После извержения минойское влияние на кикладские поселения заметно ослабло, и в их архитектуре и артефактах все чаще встречаются микенские черты.

Продолжавшийся рост аграрной экономики раннеминойского Крита и необходимость сбора и перераспределения сельскохозяйственных излишков привели к созданию централизованной системы. В первые годы II тысячелетия до н.э. это проявилось в возведении огромных 2–3-этажных сооружений, называемых дворцами. Они строились по особому плану. Жилые помещения, мастерские, склады, залы для народных собраний и места для культовых церемоний размещались вокруг большого прямоугольного двора. Эта планировка, имевшая лишь минимальные местные вариации, вероятно, продиктованные топографическими факторами, применялась во всех известных дворцовых центрах – Кноссе, Фесте, Маллии и Закро (Като-Закро). Протодворцовый период этих «старых» дворцов завершился между 1700 и 1624 гг. до н.э.; к этому времени относятся повсюду наблюдаемые разрушения, обычно связываемые с землетрясением. «Новые» дворцы были построены на тех же местах и в соответствии с тем же основным планом, может быть, немного видоизмененным и улучшенным. «Новодворцовый» период продолжался приблизительно до 1450 г. до н.э., когда были разрушены все дворцы за исключением кносского, который сохранился приблизительно до 1400 г. до н.э., хотя в нем жил уже другой, микенский, правитель. Определить, в какой форме осуществлялась тогда власть, довольно трудно; дворцы, по-видимому, выполняли много функций – административные, хозяйственные и религиозные (Alexiou, 1969; Hägg & Marinatos, 1987).

На периферии дворцов находились городские постройки, обнаруженные следы которых недостаточны для точной датировки. Наиболее полно раскопанным городом минойского Крита является Гурния, расположенная на холме, возвышающемся над северным берегом острова. Древнейшие развалины относятся к концу раннеминойского периода. С этого времени и до окончательного разрушения около 1450 г. до н.э. Гурния представляла собой небольшой городок с сетью улиц, канализационной системой и общественными зданиями, стоявшими вокруг небольшого дворца. Похожим городом был Палекастро, расположенный на восточном берегу Крита, на равнине и, очевидно, лучше обустроенный, чем Гурния, хотя его полное исследование еще не проведено (Cadogan, 1976, p. 129). Особый интерес представляют сельские дома или «виллы», – просторные особняки новодворцового периода, построенные в сельской местности на возвышенных местах; такое расположение обеспечивало обзор равнин, над которыми обитатели «вилл», возможно, осуществляли хозяйственный контроль. «Виллы» очень напоминают дворцы как архитектурой, так и способом ведения хозяйства. Это может означать, что обитатели «вилл» были представителями высшей ступени минойской иерархии, через которых дворцы осуществляли экономический и административный контроль над Критом (Cadogan, 1976, p. 42).

В погребальных обычаях по сравнению с раннеминойским периодом заметных изменений не наблюдается, многие гробницы продолжают использоваться в среднеминойский период. Захоронения в пифосах (глиняных саркофагах) становятся более обычными в протодворцовое время; тогда же появляются предшественники гробниц камерного типа с нишами для индивидуальных захоронений (Alexiou, 1969, p. 24).

В новодворцовый период распространяется практика погребения умерших в пифосах, которые помещали в вырубленные в скалах гробницы-камеры. В это же время наблюдается тенденция к сооружению монументальных гробниц, таких, как «храм-гробница» в Кноссе – комбинация высеченной в скале камеры и впечатляющей двухэтажной постройки по ее фасаду. В соответствии с господствующим мнением этот монумент был предназначен не только для почитания усопшего, но и для культа состоявшего с ним в родственных отношениях божества. Между 1450 и 1400 гг. до н.э., когда кносский дворец, единственный не подвергшийся разрушению, стал резиденцией микенских завоевателей, погребальные обычаи изменились. Умерших еще хоронили в гробницах-камерах, но при этом помещали в ярко окрашенные обычно деревянные гробы или саркофаги. Погребальный инвентарь более не ограничивался вазами и украшениями, но включал вооружение – шлемы, кинжалы, мечи, дротики и копья, что указывает на воинственные пристрастия новых хозяев Кносса (Alexiou, 1969).

В средний и поздний минойский периоды Крит расширил внешние связи и установил новые контакты, особенно с островами Восточного Средиземноморья, о чем свидетельствуют археологические находки. Торговля между этими странами, вероятно, велась на основе обмена дарами между правителями; в качестве даров выступали слоновая кость из Сирии, медь с Кипра, золотые изделия, каменные сосуды, обезьяны и колесницы из Египта, металлические сосуды и сельскохозяйственная продукция – оливковое масло, вино и шафран – с Крита (Alexiou, 1969; Hägg & Marinatos, 1987, p. 261).

Обмен, по-видимому, не ограничивался только материальными предметами, распространялись также технические знания и идеи. Так, например, техника настенной живописи, которая расцвела на Крите дворцовой эпохи и использовалась во всей Эгее, была завезена на Крит из Сирии и Египта. Тематика этой живописи, украшавшей дворцы, «виллы» и другие важные здания, – богатый источник информации о повседневной жизни, общественной и частной, критян того времени (Hood, 1978; Platon, 1981, II).

Хотя расписная штукатурка использовалась на Крите с начала III тысячелетия до н.э., собственно настенная живопись появляется не ранее среднего бронзового века вместе с минойскими дворцами. Произведения минойской настенной живописи не были настоящими фресками, как их часто неверно называют. Возможно, художники и начинали писать, когда штукатурка была еще сырой, но они не прилагали никаких усилий, чтобы поддержать ее сырое состояние до завершения процесса. Из-за этого краски обычно осыпаются, так как не пропитывают штукатурку, однако применение земляных и минеральных красителей (охры, оксидов меди и железа, малахита, лазурита, лимонита и др.) способствовало хорошей сохранности изображений. Странами, давшими образцы для развития настенной живописи в эгейском регионе, часто называют Египет и Сирию, но каким бы ни было происхождение самой техники, общий стиль, идеи и манера исполнения были типично эгейскими. На Крите и в материковой Греции настенная живопись стала характерной особенностью дворцов и богатых домов. На островах Эгейского моря, где также активно развивался этот вид искусства, она служила более широким социальным слоям, и в городских центрах Кеи, Милоса и Феры встречается чаще. Тематика изображений, украшавших сте-

ны домов в среднем и позднем бронзовом веках, отличалась значительным разнообразием. Геометрические и абстрактные сюжеты, изображения растений и животных, по отдельности или в различных сочетаниях, ландшафтов и даже сюжетно-тематических сцен использовались для украшения самых разнообразных поверхностей: дверных и оконных проемов, узких полос под и над ними, небольших свободных пространств, целых стен.

Сюжетное богатство произведений настенной живописи является неисчерпаемым источником информации о флоре, фауне и окружающей среде рассматриваемого периода, одежде, прическах и различных видах хозяйственной, общественной и религиозной деятельности жителей Эгеиды. В настенной живописи проявился различный характер двух миров – минойского и микенского: на Крите и островах общий настрой был мирным и веселым, в материковой Греции – воинственным и суровым.

Среди ученых, занимающихся исследованием доисторической Эгеиды, существует тенденция приписывать почти всей настенной живописи религиозное значение. Однако следует иметь в виду, что общества, создавшие эти произведения, отличались наличием своеобразного светского мировоззрения, которое можно определить как «протонаучное». Таким образом, хотя религиозный характер некоторых изображений не может быть исключен, особенно если подобная интерпретация подкрепляется контекстом и сопутствующими находками, они могли одновременно нести социальную, политическую или иную информацию (Hood, 1978; Platon, 1981, II; Immerwahr, 1990).

Высокого уровня на Крите дворцовой эпохи достигла скульптура, прежде всего ее малые формы: статуэтки, каменные печати, геммы и другие миниатюрные произведения искусства. Материалом служили камень, слоновые бивни и кость (Hood, 1978; Poursat, 1977, 1981). Поскольку эти виды искусства и ремесла находились под непосредственным контролем дворца, должны были соблюдаться диктуемые сверху условия. Некоторые работы выполнялись во дворце или по крайней мере по дворцовому заказу, например резьба по камню, металлообработка или изготовление гончарных изделий, и мастерские, в которых трудились ремесленники, были обнаружены внутри дворцов (Hägg & Marinatos, 1987).

Хотя дошедшие до нас тексты дают мало сведений о религии минойского Крита, довольно много информации может быть по крупицам собрано с помощью произведений искусства, особенно малых форм, и архитектуры. Так, культовые места располагались в сельской местности и в пещерах, а также во дворцах и жилых домах. Религиозное или ритуальное значение присуще некоторым необычным сосудам, а также сценам, представленным в настенной живописи, на геммах и каменных печатях. О минойской религии писалось немало, однако ни формы поклонения, ни природа божеств, ни их атрибуты не могут быть описаны с достаточной определенностью. По-видимому, существовала вера в загробную жизнь и, возможно, в способность природы плодородить. Произведения искусства дают также возможность представить различные церемонии, имевшие скорее социальное, чем религиозное значение, такие как обряды посвящения и празднования, связанные с достижением половой зрелости (Alexiou, 1969; Rurkouski, 1972).

Конец минойской цивилизации наступил после 1400 г. до н.э., хотя признаки упадка появились гораздо раньше. Некоторые ученые придерживаются мнения, что причиной крушения были извержение вулкана на о. Фера, катастрофическое землетрясение или даже иноземное вторжение (Page, 1970; Luce, 1970). Однако археологических данных в поддержку подобных гипотез недостаточно. Маловероятно, чтобы конец цивилизации был вызван природными явлениями, так как носители минойской культуры по-прежнему сохраняли приобретенные знания и опыт, а также контролировали источники сырья. С другой стороны, не обнаружено никаких следов насилия, что уменьшает вероятность предполагаемого вторжения откуда-либо. Мы считаем, что возможной причиной падения минойской цивилизации была внутренняя дезинтеграция и неспособность системы развиваться в соответствии с новыми требованиями; она стала бесполезным пережитком (Dumas, 1983) (илл. 46–52).

БИБЛИОГРАФИЯ

См. библиографию к 11.1.1.

11.1.3

УПАДОК И ВОЗРОЖДЕНИЕ (1100–700 гг. до н.э.)

Михаил Сакеллариу

Около 1100 г. до н.э. общества, относящиеся к микенской цивилизации, испытали потрясение, приведшее к их полному и окончательному падению. В Греции и бассейне Эгейского моря их сменило общество, нормы хозяйственной и социальной организации которого были существенно ниже, чем соответствующие стандарты микенской эпохи, но которое, тем не менее, создало новую цивилизацию. После 1050 г. до н.э. речь должна идти не о «завершении», а скорее о «зарождении» новых явлений во всех сферах – технологии, экономике, социальной организации, типах государств, политических институтах, изобразительном искусстве, религии, письменности и литературе.

Некоторые историки рассматривали период с 1100 до 800 г. до н.э. как «темную эпоху», или «греческое средневековье». Ценность подобных характеристик весьма относительна. Другим широко используемым термином является «геометрический период», как называют время с 1100 до 700 г. до н.э., но он применяется лишь по отношению к изобразительному искусству.

ЭТНИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УПАДОК (карта 9)

Около 1100 г. до н.э. микенский мир подвергся нашествию греческих этнических групп, которые обитали за пределами микенской цивилизации и вели кочевую скотоводческую жизнь. Их обычно рассматривали как дорийцев, но в действительности этот термин применим лишь к некоторым из них. Другие захватчики принадлежали к таким племенам, как беотийцы, фокидийцы, этолийцы, фессалийцы, и другим северогреческим племенам. Нашествием не были затронуты только Аттика и Аркадия. Некоторые греческие племена осели в Эпире (историко-географическая область на западе Греции, большая часть в горах Пинд – *Прим. ред.*) (Hammond, 1972), в то время как македоняне, которых преимущественно ассоциировали с дорийцами и магнесийцами¹, отступили с гор Пинд в будущую Македонию.

Эти вторжения положили начало дальнейшим перемещениям греческого населения. Группы, которые до этого времени жили в собственно Греции, покидали занятые врагами или находящиеся под угрозой нападения области и искали прибежища в других местах. Острова Лесбос и Тинидос, как и лежавшее напротив побережье Анатолии были колонизованы племенами, говорящими на эолийском диалекте. На островах Эвбея, Самос, Хиос, на Кикладах и в прибрежных областях Анатолии поселились иммигранты, которые в основном говорили на ионийском диалекте; некоторые из них прибыли из Аттики (Sakellariou, 1958). Группы переселенцев из Аркадии и других районов Пелопоннеса

переехали в Памфилию (область на юге Анатолии) и на Кипр.

Некоторые группы дорийцев отправились за море, чтобы осесть на Крите и на островах Южные Спорады (Додеканес), в областях на юго-западе Анатолии, расположенных восточнее этих островов, и в Памфилии. В результате все области материковой Греции обезлюдели и обеднели (Snodgrass, 1971).

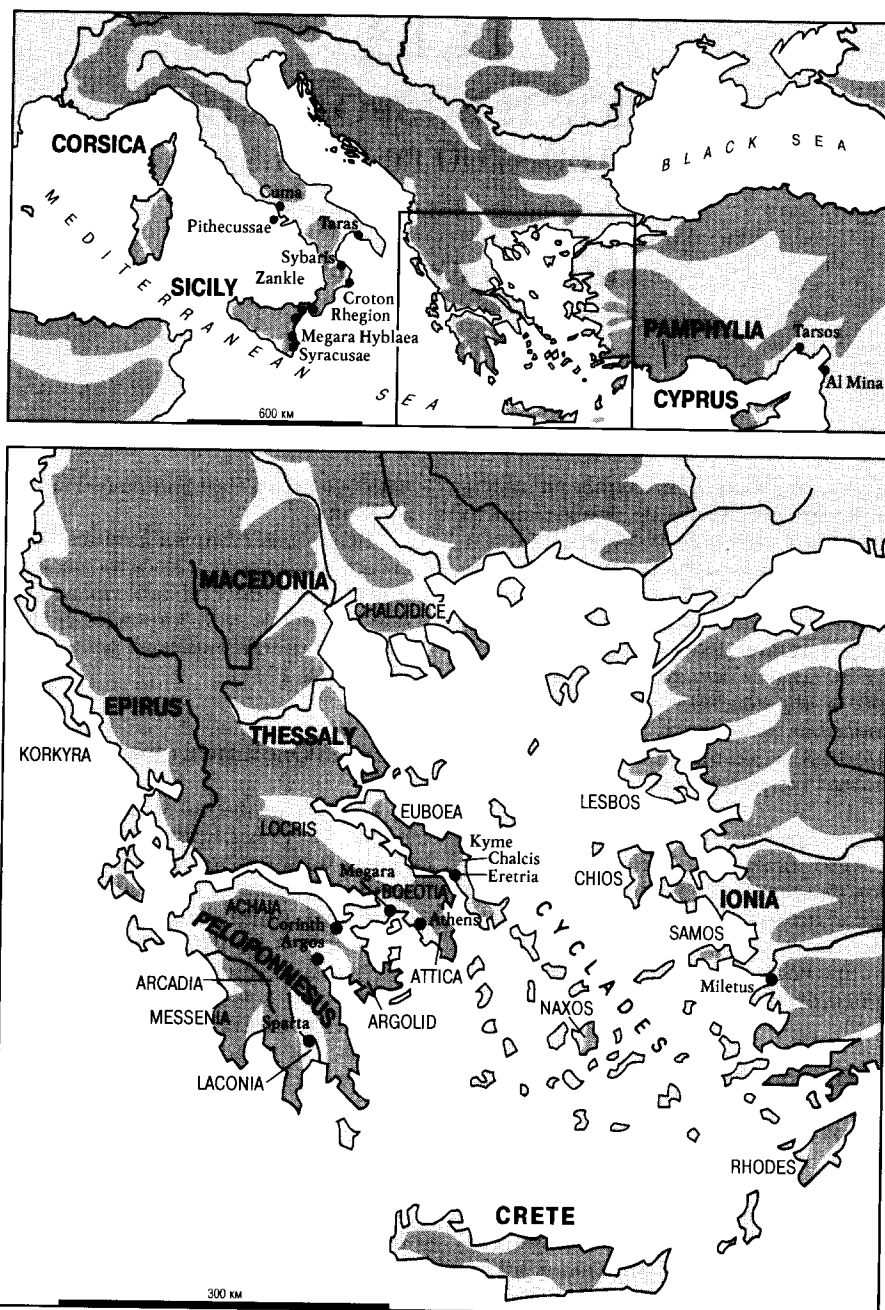
ВОЗРОЖДЕНИЕ (1050–800 ГГ. ДО Н.Э.)

Признаки возрождения не заставили себя ждать. Около 1050 г. до н.э. Крит, где еще сохранялись некоторые следы минойской художественной традиции, а также Аттика и Арголида ввозили предметы, произведенные на Кипре, и усваивали технологии и стили, происходившие из Западной Азии. С 1000 г. до н.э. в этих местах для изготовления оружия, орудий труда и инструментов чаще применялось железо, чем бронза, прежде всего потому, что в континентальной Греции и на греческих островах имелись месторождения железной руды, тогда как бронзу, медь и олово приходилось ввозить. Обработка бронзы возобновилась в континентальной Греции лишь после 900 г. до н.э. Между тем греки научились извлекать серебро из сплавов, богатых свинцом. Приблизительно между 850 и 835 гг. до н.э. они возобновили обработку золота и слоновой кости. Торговые связи Эгейского бассейна с внешним миром с 900 до 800 г. до н.э. были довольно слабыми. Эти связи поддерживались финикийцами, корабли которых привозили из Леванта сырье – бронзу, золото и слоновую кость, а также изделия из этих материалов, ткани, украшения и благовония (Snodgrass, 1971).

ТОРГОВЛЯ И НАЧАЛО ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Около 800 г. до н.э. греческие торговцы оттеснили финикийских и рискнули осесть на периферии Леванта: эвбейцы основали город на сирийском побережье, на месте, ныне известном как Эль-Мина. В это же время в поисках бронзы греки проникли в Тирренское море.

Именно здесь выходцы из Кими, Эретрии и Халкиса (поселений на о. Эвбея) основали старейшие греческие колонии: Пифекуссу (на о. Искья) и Кумы соответственно около 770–760 и 760–750 гг. до н.э. Между 734 и 706 гг. до н.э. в Италии и на Сицилии появилось еще десять колоний. Выходцы из Халкиса, иногда в сопровождении других переселенцев, обосновались в Наксосе (734 г. до н.э.) (восточное побережье Сицилии) и Регие (725–720 гг. до н.э.). Город Наксос, возможно, стал метрополией Катании (728 г. до н.э.) и Леотини, расположенных на Сицилии.

Карта 9. Греческий мир (1100–700 гг. до н.э.)

Коринфяне основали Сиракузы (733 г. до н.э.) на о. Сицилия, заняв по пути о. Керкиру (Корфу). Выходцы из Мегары основали на Сицилии (727 г. до н.э.) Мегару Гиблейскую. Многих колонистов притягивал залив Таранто, среди них были ахейцы – выходцы из Ахайи, которые основали колонии в Кротоне и Сибарисе (720–715 гг. до н.э.), и переселенцы из Спарты, основавшие Тарент (Таранто) (708–706 гг. до н.э.). Незадолго до конца VIII в. до н.э. переселенцы из Халкиса (халкидяне), Эретрии (эретрийцы) и с некоторых островов Кикладского архипелага отправились на север Эгеиды, к полуострову, позднее ставшему известным как Халкидики.

Это колонизационное движение имело несколько причин. Пифекусса и Кимы были основаны как торговые пункты для ведения дел с поставщиками бронзы на Тирренском море и в меньшей степени для уменьшения перенаселенности в метрополиях. Несколькими десятилетиями позже те же метрополии дополнительно отправляли колонистов исключительно по социальным

соображениям, хотя одновременно они основывали новые колонии по обе стороны Мессинского пролива с целью обеспечить сообщение с Тирренским морем. Исход эретрийцев и халкидян на Халкидики также может быть объяснен социально-демографической напряженностью; при этом страна, куда они направились, привлекала метрополию богатыми рудными и лесными ресурсами. Колонисты, отправленные коринфянами в Сиракузы, были преимущественно земледельцами; колонии ахейцев также были сельскохозяйственными. Таранто основали безземельные колонисты, не имевшие политических прав и высланные за попытку поднять мятеж. Еще одной причиной колонизации могло быть изгнание определенных групп населения. Так было в случае с мессенцами, прибывшими в Регий, и, возможно, с мегарцами, основавшими Мегару Гиблейскую (Berard, 1957, 1960; Sakellariou, 1990, pp. 66–123; Ridway, 1992). Своего пика греческая колонизация достигла в VII и VI вв. до н.э.

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ, ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

В течение VIII в. до н.э. халкидяне и эретрийцы с о. Эвбея создали торговую сеть с центром в Эгейском бассейне, протянувшуюся до Сирии и Тирренского моря. Подобно мореходам с о. Родос, они перевозили товары из Эльмины, Тарса и с Кипра в греческие порты Эгейды. Грузы состояли из бронзы, золота, слоновой кости, драгоценных и полудрагоценных камней и готовой продукции (вазы, статуэтки, ткани и благовония). Однако халкидяне и эретрийцы также осуществляли обмен товаров, произведенных на Востоке или в Греции, на бронзу с берегов Тирренского моря. Их соперниками в торговле с Западом вскоре выступили коринфяне, которым не приходилось в плавании обходить Аттику и Пелопоннес; кроме того, они имели порты, расположенные на пути из метрополии в Сиракузы. Большинство знаменитых строителей боевых кораблей в конце VIII в. до н.э. были коринфянами. Страстными мореплавателями, хотя и не принимавшими участия в колонизационном движении, были афиняне. Греческие суда были маленькими и несовершенными, построенными для плавания вблизи берегов. В ходе военных операций они перевозили воинов, вооруженных для сражения на суше. Греческие кузнецы очень быстро овладели восточными технологиями – от обработки железа до производства орудий труда и оружия. Бронзу продолжали использовать для изготовления сосудов, треножников и роскошных ваз. Таков в кратком изложении основной результат исследований археологических памятников VIII в. до н.э. Другой источник, поэмы Гомера, датируемые второй половиной того же столетия, упоминают продукцию с Востока – металлы, тонкие ткани и одежды, украшения и безделушки; все это доставляли в греческие порты финикийцы. Подобную торговлю, очевидно, следует считать типичной для периода до конца IX в. до н.э. или для первых десятилетий эпохи, ставшей свидетельницей рождения «Илиады» и «Одиссеи».

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Даже в экономике наиболее развитых городов роль торговли и ремесел по сравнению с земледелием и скотоводством была незначительной. Гомеровские поэмы упоминают три разновидности собственности за пределами общих владений. Наиболее распространены были *клеры* (*kleros*). Так назывались участки земли, распределенные когда-то по жребью между завоевавшими данную территорию предками собственников. Иногда право собственности передавалось царю, богам или отдельным лицам в качестве воздаяния за оказываемые ими услуги общине. Решение о выделении такой доли собственности (*темос*) принималось старейшинами или народным собранием. Рост численности населения, который можно проследить по археологическим данным, вынуждал также брать во владение землю, которая по тем или иным причинам не была еще чьей-то собственностью. В подобной ситуации любой мог стать владельцем земли, которую он сам расчистил и распахал.

Различия в площади земельных участков постепенно росли. Причинами углублявшегося неравенства были как разница в размере наделов среди прямых наследников, так и передача земли дальним родственникам, уже бывшим землевладельцами. К VIII в. до н.э. количество граждан, имевших лишь клочок земли или вовсе не обладавших земельной собственностью, значительно возросло.

В некоторых обществах работники, которые обрабатывали поля и следили за стадами, были представителями покоренных народов. Лучшее всего известны примеры Лаконии (*илоты*, т.е. «пленники»), Арголиты (*гимнеты*, т.е.

«обнаженные»), Фессалии (*пенесты*, т.е. «бедняки») и Крита (*клероты* – «те, кто возделывают клер», *афамиты* – «селяне» и *мноиты* – «пленники, подданные»). Рабство, по существу, носило патриархальный характер, а рабынь было больше, чем рабов.

Каждый землевладелец был главой и активным членом своего хозяйства, в которое входила его семья (отсюда название *ойкос*, т.е. «дом, семья») и, возможно, его рабы и зависимые работники, а также свободные сельскохозяйственные работники. Каждый ойкос представлял собой отдельную производящую и потребляющую единицу и стремился к полной самодостаточности. По этой причине силы затрачивались не столько на специализацию, сколько на производство разнообразной продукции: коллектив производил все необходимое для пропитания своих членов и принадлежавшего им скота, а также для пошива одежды; при этом изготавливались несложные орудия труда, утварь и мебель.

ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИСА И ДРУГИХ ВИДОВ ГОСУДАРСТВА

Между 1100 и 700 гг. до н.э. появилось большое количество государств различных типов и размеров.

Тип государства, известный древним как *полис* (*polis*), появился раньше, эволюционировал быстрее и распространился шире, чем другие – *этнос* (*ethnos*), *койнон* (*koimon*) и система *демон* (*systema demon*). Государство первого типа было тесно связано с сообществом, объединенным в полис, т.е. населявшим территорию, защищенную укрепленной цитаделью, или *акрополем* (*acro-polis*). Государство-этнос было основано на этносе, т.е. «этнической группе». Другие термины означают (кон)федерации: койнон – конфедерацию полисов, принадлежавших одному народу; система демон – федерацию сельских сообществ. Таким образом, все эти типы государства объединяли небольшие группы населения. В этом отношении греческое государство отличается от государства нашего времени (*Sakellariou*, 1989; *Musti et al.*, 1991). Около 700 г. до н.э. существовало примерно 100 унитарных государств полисного типа на территории от Кипра до Тирренского моря. В настоящее время слово «полис» обычно переводится как «город».

Гомеровские поэмы показывают нам мир, в котором царь и старейшины (*геронты* – «старцы») время от времени встречаются на пирах, обсуждают общественные дела и принимают решения. Взрослые мужчины – члены сообщества, как аристократы, так и простолюдины, сходятся на собрания, которые проводят царь и старейшины, но правом говорить обладают лишь знатные по происхождению люди (*Vlachos*, 1974; *Deger-Jakoltzy*, 1983; *Dreus*, 1983; *Ulf*, 1990). Однако в то время, когда создавались гомеровские поэмы, описанного в них типа управления в Афинах, Коринфе или Спарте уже не существовало.

В Афинах наследственная пожизненная царскую власть в 752–751 гг. до н.э. заменили выборной десятилетней *магистратурой*. Первые три или четыре человека, назначенные *архонтами*, были представителями царского рода Кодридов, их преемники принадлежали к знатным семействам.

В Коринфе царский дорийский род Бакхиадов сам около 780 или 750 г. до н.э. решил заменить передававшуюся по наследству пожизненную царскую власть выборной годичной магистратурой – органом управления, в который один из членов рода избирался другими его представителями.

Неизвестно, когда точно, но, по-видимому, ранее 754 г. до н.э. институты управления в Спарте были перестроены на основании *рептры* (*rhētra*) – указа, установ-

ления. Среди прочего было узаконено, что (1) совет старейшин (*герусия*) должен состоять из 30 членов, в их числе двух царей (принадлежавших к разным родам – Агиадов и Еврипонридов); (2) народное собрание должно регулярно проводиться в четко определенном месте; (3) цари и старейшины обладают правом вносить предложения в народное собрание и объявлять его закрытым. Ретра завершалась фразой, которая дала повод к появлению более или менее спорных изменений текста и его интерпретаций, связанных с приписыванием верховной власти народному собранию. С этой интерпретацией вступали в противоречие другие свидетельства и прежде всего последующие события. В более позднее время народное собрание добивалось права вносить изменения в предложения царя и старейшин, и чтобы положить конец этим спорам, цари представили на рассмотрение народа конституционную поправку в форме, аналогичной указанию дельфийского оракула. Эта поправка, появившаяся задолго до 700 г. до н.э., давала царям и старейшинам право распускать собрание, если народ, вместо того чтобы сказать «да» или «нет» в ответ на внесенное предложение, пытался это предложение «искажить». В 754 г. до н.э., между изданием ретры и принятием упомянутой поправки, появилось новое учреждение – коллегия из пяти *эфоров* (блюстителей), которые осуществляли высший надзор и контроль и обладали реальной властью.

К концу VIII в. до н.э. Спарта считалась крупнейшей и сильнейшей в военном отношении державой в Греции. Спартиаты присоединили к территории своего полиса некоторые земли, завоеванные ими в Лаконии и Мессении. Остальные земли оставили полисам, которым была дарована автономия и которые были населены *перизками* (*perioikoi*) – «жителями окраин» (буквально – «живущие вокруг»). Земля в Спарте, разделенная на клеры, или наделы (4500 в Лаконии и столько же в Мессении), возделывалась илотами – бесправными крестьянами–полурабами. Аргос, бывший вторым по величине и военной мощи государством, занимал часть Арголиды и граничил со Спартой, своим соперником.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Отказавшись от плавных форм и стилизованных рисунков субмикенского искусства, афинские гончары создали протогеометрический стиль (1050–900 гг. до н.э.). Уже в ранних вазах воплощены эстетические принципы, которые будут определять развитие греческого искусства в целом: чувство пропорций, большее внимание к целому, нежели к частностям. Горлышко и основание четко отделялись от корпуса вазы, очертания которого стали овальными; в формах сочетались жесткость структуры и изящество. Орнамент состоял из прямых, волнообразных или ломаных линий, образующих круги, а позднее из меандров, расположенных между двумя узкими, четко обозначенными ободками, один из которых охватывал горлышко вазы, а другой – ее корпус. Остальная поверхность покрывалась блестящей черной краской.

В начале IX в. до н.э. протогеометрический стиль уступил место собственно геометрическому, который продержался до конца VIII в. до н.э. В течение этих двух столетий он прошел несколько последовательных стадий. Сначала расширяются декорированные полосы и становятся обильнее декоративные элементы. К 800 г. до н.э. наблюдается чередование полос различной ширины, сопровождающееся созданием ритмических эффектов; отдельные части вазы более гармонично соотносятся между собой. Вскоре появляются изображения человеческих существ или животных, сначала изолированных, а затем и в составе более сложных композиций – в виде групп танцоров,

кулачных бойцов, погребальные сцены, процессии колесниц, сражающихся воинов, суда с гребцами и другие морские сюжеты. Теперь художники стремятся уловить движение и детали. Их стиль становится живым и выдает явную склонность к точности и упорядоченности, как внешней, так и внутренней. Некоторые большие вазы приобретают монументальный характер.

Афинские гончары превзошли всех прочих по качеству и утонченности своей работы. Их изделия широко продавались за пределами Аттики (Средней Греции) и способствовали распространению соответствующих сюжетов и стилистики. Усвоив афинские достижения, коринфяне в конце VIII в. до н.э. соприкоснулись и с восточными влияниями. Аргос оставался второстепенным центром по сравнению с Афинами и Коринфом, тогда как Крит проявил независимость, особенно в иконографии – изображении человеческих фигур, которые появились на местных гончарных изделиях еще в протогеометрический период. В то же время критская керамика обнаруживает следы минойского наследия и восточных влияний (*Ahlberg, 1971a, b; Goldstream, 1977; Boardman, 1982*) (илл. 53–55).

Сцены, представляющие человеческие фигуры (смертных или богов) в действии, также украшают бронзовые вазы и броши. Изображения выполнены либо в виде барельефа, либо выгравированы на поверхности посредством линий и точек (*Canclani, 1970; Naumann, 1976*).

Статуэтки впервые появились в IX в. до н.э. Небольшие по размеру они могли быть вылеплены из глины, отлиты из бронзы либо вырезаны из слоновой кости. Некоторые использовались для украшения ваз, особенно бронзовых котлов, другие были самостоятельными произведениями. Они изображали людей или животных в различных ситуациях: воина, готового бросить копье или стреляющего из лука, кузнеца, кующего шлем, а также женские фигуры. Иногда это были групповые композиции: кулачные бойцы, музыканты, охотники, лошади и всадники. Со стилистической точки зрения терракотовые или бронзовые фигурки выглядят схематичными, в определенной мере стилизованными и абстрактными, хотя их создатели все же пытаются передать естественные позы и движения. По качеству статуэток мастерские Аргоса и Коринфа несколько превосходили Спарту, Аркадию, Беотию и Крит. Только к концу VIII в. до н.э. Афины добились выдающегося прогресса в этой области (*Zimmerman, 1989; Morris, 1992*) (илл. 56–58).

Искусство золотых дел мастеров, известное главным образом по работам из Афин, представлено изящными диадемами, украшенными геометрическими сюжетами и фигурками людей и животных, а также ожерельями и серьгами.

АРХИТЕКТУРА, ГОРОДСКАЯ ПЛАНИРОВКА, СТЕНЫ

С конца микенского периода и до последних десятилетий IX в. до н.э. единственным типом здания были примитивные постройки из непрочных материалов. Остатки этих жилищ показывают, что их планировка была либо более или менее прямоугольной, либо включала полукруглую апсиду. Положение изменилось около 850 г. до н.э., когда началось сооружение стен, окружающих поселения; к 800 г. до н.э. появились храмы.

Рассматривавшийся как дом-дворец бога храм строился по образцу человеческих жилищ. Так, если касаться лишь плана фундамента, мы обнаружим храмы, в основу которых включена апсида, храмы в виде почти правильного квадрата и в виде прямоугольника. Храмы были, однако, больше домов и лучше построены. Одни имели колонны возле входной двери, другие были окружены внешней колоннадой, тогда как некоторые имели

колоннаду внутреннюю. В настоящее время известно по крайней мере 10 храмов, построенных до 700 г. до н.э. в материковой Греции, на Крите и Эгейских островах. С другой стороны, городские стены, относящиеся к этому периоду, встречаются редко. Смирна (современный Измир) (археологическое местонахождение Байраклы) является первым греческим поселением, возникшим после микенской эпохи, которое было обнесено стенами (приблизительно в 850 г. до н.э.). К концу VIII в. до н.э. в том же поселении была сооружена еще более внушительная стена. Тщательно спланированная, с нижней облицовкой из кирпича и наружной облицовкой из камня она имеет высоту 4,75 м и усилена бастionsами. В конце VIII в. до н.э. стены были построены в Мелии, неподалеку от Смирны, и в Эмпорионе на о. Хиос. Эти стены возводились в спешке. Насколько нам известно, Смирна того времени была также первым греческим поселением, имевшим несомненно городской облик. Занимая площадь 48 тыс. кв. м, она была построена 400–500 каменными домами прямоугольной в плане формы (*Coldstream, 1977; Fagerström, 1988*).

РЕЛИГИЯ

Храмы и вотивные (исполненные по обету) статуи являются наиболее осязаемой частью (каковым они были и в свое время) тех свидетельств, которыми мы располагаем о религии греков между 1100 и 700 г. до н.э. До постройки храмов – приблизительно с 800 г. до н.э. – греки почитали божественные силы, совершая жертвоприношения на примитивных алтарях, возведенных под открытым небом. Мысль о строительстве храма была совершенно новой, так же, как и отношение к нему как к жилищу-дворцу бога. Своеобразными изображениями богов являлись *хоаны* (*хоана*) – примитивно обработанные режущим инструментом деревянные колоды, о которых говорилось, что они упали с неба. Некоторые менее стилизованные фигуры, двух- или трехмерные, могут быть отождествлены с богами Олимпа. Верующие совершали жертвоприношения, посвящали богам статуэтки и другие предметы (*Coldstream, 1977; Snodgrass, 1980; Boardman, 1982*). Но лучшим источником информации о греческой религии до 700 г. до н.э. для нас являются отнюдь не археологические свидетельства, а великие литературные творения последних десятилетий VIII и первых десятилетий VII в. до н.э. – «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, «Теогонии» Гесиода и сборника «Гомеровские гимны». Эти произведения описывают мир, населенный божественными существами. Боги и богини изображаются как личности; ими владеют страсти, и они ведут себя подобно людям. Каждый из них независимо от пола имеет собственный характер и особые функции. Порой они состоят в родстве друг с другом. Это пантеон со строгой иерархией и своими правилами. Зевс является главой пантеона и живет на Олимпе, окруженный семьей богов и богинь, которых он время от времени до принятия своего решения созывает на совещания, подобные совету старейшин. Олимпийские божества больше похожи на людей, чем другие боги. Они наслаждаются амброзией и нектаром (пищей и напитком богов), но также получают удовольствие от запаха сжигаемых для них людьми жертвоприношений. Отдельные божества вмешиваются в жизнь смертных и могут оказать милость царю или народу или, напротив, обрушить на них свой гнев. По большей части они, в сущности, благожелательны; они лишь стремятся покарать преступление, осудить неумеренность или добиться возмездия. Только на границах хорошо знакомого грекам мира обитают более злокозненные божества, подстерегающие смертных, излишне рискующих собой (*Dietrich, 1974; Clay, 1983; Erbse, 1986*).

АЛФАВИТНОЕ ПИСЬМО

Греки приписывали создание своего алфавитного письма мифологическому «изобретателю» Кадму, который, как считалось, прибыл из Финикии в весьма отдаленные времена, приблизительно около XV в. до н.э. по современному летосчислению. Однако в действительности древнейшие источники, свидетельствующие об использовании греческого алфавита, датируются второй половиной VIII в. до н.э., а современные исследования показали, что воспринятым греками прототипом была форма письменности, использовавшаяся финикийцами и другими семитскими народами в X в. до н.э. В финикийской письменности существовали знаки только для согласных звуков. Греки заимствовали эти знаки и их порядок, но сделали следующий шаг. Чувствуя необходимость отразить на письме также гласные, они придали пяти уже заимствованным знакам звуковые значения *a, e, i, o* и *u*. Было также упрощено начертание букв. Современные исследования указывают на фактически одновременное появление довольно ранних местных вариантов письма и на существование различных центров, где они были созданы. При определении мест, где греки могли близко познакомиться с финикийской письменностью, особое значение придается связям между греками и финикийцами в IX в. до н.э. в некоторых районах Эгейского бассейна, а затем, в начале VIII в. до н.э., на побережье Сирии и Палестины (*Jeffery, 1961; Powell, 1991*).

ПОЭЗИЯ

Появление у греков алфавитного письма предшествовало созданию эпических поэм, традиционно приписываемых Гомеру. Из этого, однако, не следует, что данные поэмы изначально существовали в письменном виде. В некоторых бесписьменных обществах есть люди, способные читать по памяти эпические поэмы, сопоставимые по размерам с «Илиадой» и «Одиссеей»; подобное наблюдение навело некоторых исследователей Гомера на мысль, что эти эпические произведения также могли быть сочинениями, которые передавались устно. Однако они характеризуются сложной продуманной структурой и плотной художественной тканью; богатство деталей призвано служить общему замыслу; поэмы наполнены тончайшими текстуальными нюансами. Поэтому некоторые ученые придерживаются мнения, что хотя «Илиада» и «Одиссея» и были записаны сразу, но требовалось еще время для распространения самой письменности, и не исключена возможность, что на ранней стадии поэмы могли передаваться изустно.

«Илиада» и «Одиссея» написаны развитым литературным языком. Для обеих поэм, отражающих ионийский диалект с вкраплениями эолийских элементов, характерны чрезвычайно богатый словарь, включающий множество синонимов, и использование параллельных грамматических форм. Стиль одновременно изыскан и естествен. Гомеровские описания, образы и сравнения стали примерами для подражания. Все стихи написаны одним размером, дактилическим гекзаметром, который обычно состоит из пяти трехсложных стоп (– / /, т.е. длинный – короткий – короткий) и одной двусложной стопы (– /, т.е. длинный – короткий). Размер этот имеет догреческое происхождение и не отражает все возможные комбинации греческих слов, но в «Илиаде» и «Одиссее» использовано большое количество разнообразных приемов, позволяющих избежать неудобочитаемых строк, преодолеть монотонность, вызванную повторением одного и того же ритма, и придать изложению плавность и музыкальность. Четко очерчены характеры основных персонажей; это трагические герои, в борьбе пытающиеся преодолеть последствия гнева богов и вырваться из-под власти рока. Отношения между ними чрезвычайно напряжены. В обеих по-

эмах повествование начинается *in medias res* («с середины вещей», с самой сути дела) – в кульминационной точке описываемых событий и охватывает последние недели истории, которые длятся по 10 лет. С целью оживить предшествующие события поэт искусно пользуется ретроспективными отступлениями, своего рода «обратными кадрами».

Некоторые ученые указывают на недостатки в построении «Илиады» и «Одиссеи», чтобы обосновать теорию об их постепенном создании отдельными *рапсодами* (профессиональными певцами), которые дополняли или соединяли уже существовавшие поэмы. Тщательное исследование, однако, показывает, что эти недостатки не более многочисленны и существенны, чем в других произведениях подобного объема. Спор между сторонниками теории о создании «Илиады» и «Одиссеи» по частям и теми, кто убежден в их фундаментальном единстве, длится уже 200 лет, хотя в последние десятилетия вторая точка зрения явно преобладает.

Другой спор, продолжающийся более двух тысяч лет, также касается проблемы авторства «Илиады» и «Одиссеи»: являются ли обе поэмы плодом вдохновения одного и того же лица? Действительно, между ними существуют весьма ощутимые различия. Поэтому некоторые ученые приписывают их разным авторам, тогда как другие объясняют эти различия тем, что, хотя обе поэмы написаны одним и тем же человеком, «Одиссея» создавалась значительно позже «Илиады».

С древности имя Гомера связывается также с другими поэтическими произведениями, из которых сохранились лишь тексты обращенных к различным богам гимнов, однако большинство из этих выдающихся произведений было создано после 700 г. до н.э. Со времен античности известно об эпосах, которые не приписывались Гомеру, и исследователи пытаются установить содержание и время создания этих произведений.

Важным и весьма сложным является вопрос об источниках и предшественниках «Илиады» и «Одиссеи». Поэмы отражают культурные реалии (особенно в таких сферах, как словарь, технологии, торговля, оружие и военное дело, географические представления, религия и погребальные обычаи), самые поздние из которых относятся к началу VIII в. до н.э., а самые ранние восходят к микенской эпохе. Поскольку фактически эти реалии существовали еще до появления алфавита, делается вывод, что поэмы передавались изустно. В самих гомеровских поэмах профессиональные певцы слагают гимны, восхваляя доблесть и мудрость царей: именно певцам тогдашние цари зачастую были обязаны своей репутацией в глазах последующих поколений. Поэтому предполагается, что на протяжении столетий исполнители-певцы перерабатывали и дополняли выученные ими когда-то эпические сказания, совершенствуя арсенал выразительных средств. Гомеровские поэмы в их нынешнем виде возникли на конечной стадии этого процесса и знаменуют переход поэтического искусства от устной формы к письменной. Их влияние на позднейшую греческую литературу было сильным и многоплановым².

ТЕНДЕНЦИИ К РАЗНООБРАЗИЮ И УНИФИКАЦИИ

В течение VIII в. до н.э. в греческом мире действовали силы, подталкивавшие его к двум различным направлениям развития: в сторону многообразия и в сторону единства. Каждое государство стремилось доказать свою независимость и самодостаточность. Каждое сообщество было самостоятельным культурным организмом. Лишь в отдельных государствах наблюдался прогресс в области техники и организации управленческих институтов. В сфере художественного творчества возникали местные особенности. В то же время вследствие постоянных контактов неко-

торые греки стали осознавать общеэллиническое культурное единство: оно охватывало нравы и обычаи, противопоставляло диалектам общий язык, местным культам – общую религию, а также знаменитые по всей Греции мифы и поэмы, героические сказания и их персонажей. Этим греков объединяла профессия: мореходов, бродячих певцов, странствующих ремесленников; в группы организовывались и паломники.

Со временем многие святилища приобрели большое значение в качестве места встречи эллинов из различных областей. Паломничества в святилище Деметры возле Фермопил и святилище Аполлона в Дельфах привели к созданию в начале VIII в. до н.э. Пилео-Дельфийской амфикионии (религиозно-политического союза племен и городов с общими святилищем, казной, правилами ведения войны. – *Прим. ред.*). В нее входило 12 общин Средней Греции и Фессалии: перребы, магнесийцы, фессалийцы, ахейцы, фтиоты, энинийцы, малийанцы, локрийцы, фокийцы, беотийцы, дорийцы и ионийцы. В совете, управлявшем амфикионией, каждая община имела два голоса. Город Спарта считался частью общины дорийцев, тогда как Афинам и городам о. Эвбея принадлежала часть голосов ионийской общины. Вплоть до 700 г. до н.э. совет амфикионии собирался в святилище Деметры, хотя к тому времени дельфийский оракул стал уже так знаменит, что города обращались к нему за советами по религиозным и политическим вопросам. Кроме того, в VIII в. до н.э. на праздник Аполлона на о. Делос (Дилос), который был крупным религиозным центром с храмом Аполлона, прибывали ионийцы из Афин, Эвбеи, Киклады и Ионии. Храм Посейдона на горе Микале возле г. Эфеса в Кари (на западном побережье Анатолии) стал религиозным центром ионийских городов. Созданное этими городами объединение Паниониион просуществовало сравнительно недолго. И наконец, храм Аполлона в Триопионе служил религиозным центром городов Дориды (небольшой горной местности в Беотии).

СОСТЯЗАНИЯ АТЛЕТОВ

Знать, охваченная духом соревнования, стремилась к превосходству (*aristeia*) во всем, что рассматривалось как высшая доблесть. Сословная этика побуждала знатного человека отличаться на войне, охоте и в спортивных состязаниях. Подобными состязаниями сопровождалась ритуальная и светские церемонии. Олимпия, рост престижа которой как религиозного центра никогда не прекращался, придавала постоянный характер спортивным соревнованиям, каждые четыре года собиравшим греков (сначала из соседних областей, а затем и из более отдаленных краев), желавших состязаться за славу и честь быть увенчанными оливковым венком победителя. В 776 г. до н.э. организаторы этих игр начали записывать имена победителей и названия городов, из которых они приехали. Именно поэтому указанный год рассматривался греками как год первой Олимпиады. На первых 13 Олимпиадах был представлен лишь один вид спорта – бег на 1 *стадий* (от греческого *stadion* – мера длины, равная 192,27 м). В программу игр 14 Олимпиады в 724 г. до н.э. был введен бег на двойную дистанцию – на два стадия, *диавлос* (*diavlos*). Затем в 720 г. до н.э. был добавлен длинный бег-*долухос* (*dolichos*) на четыре стадия, а в 700 г. – пятиборье, или *пентатлон* (*pentatblon*) и борьба. Со временем в Олимпийские игры были включены и другие соревнования.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

К 700 г. до н.э. греки обладали значительным количеством общих религиозных верований и легенд, а также чувством прочной этнической связи. В «Илиаде» это от-

разилось в трактовке Троянской войны как события, общего для всех греков, исполненных решимости дать достойный ответ на вызов со стороны союза чужеземцев. В «Илиаде» и «Одиссее» применительно к грекам используются три равноценных этнических названия: ахейцы, данайцы и аргивяне. Древнейшим примером использования названия «эллины» является фрагмент из Гесиода, сообщавшего о легендарном герое по имени Эллин, общем предке всех греков. Итальяские народы называли эллинов «граи» (*grai*) или «греки» (*graeci*); первоначально эти наименования относились к греческим колонистам, основавшим Кумы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно Хаммонду (*Hammond*, 1972, pp. 405–441; 1979, pp. 1–70), поддержанному Сакелларию (*Sakellariou*, 1983); другой точки зрения придерживается Борза (*Borza*, 1990).

² Здесь обобщено современное состояние исследований гомеровских поэм и отражены основные точки зрения на данную проблему (*Wade-Gery*, 1952, pp. 155–159; *Bowra*, 1955, 1972; *Kakridis*, 1971; *Heuberck*, 1974; *Luce*, 1975; *Broccia*, 1979; *Clarke*, 1981; *Tsagarakis*, 1982; *Romilly*, 1985; *Latacz*, 1985, 1991; *Vivante*, 1985, 1991; *Fenik*, 1986; *Eduards*, 1987; *Silk*, 1987; *Casewitz*, 1989; *Montuori*, 1990; *Tracy*, 1990).

БИБЛИОГРАФИЯ

- AHLBERG, G. 1971a. Prothesis and Ekphora in Greek Geometric Art. Göteborg. (Stud. mediterr. Archaeol., 32.)
 — 1971b. Fighting on Land and Sea in Greek Geometric Art. Stockholm. (Skr. utg. Svenska Inst. Athen, 16.)
 BAKHUIZEN, S. C. 1976. Chalcis-in-Euboea, Iron and Chalcidians Abroad. Leiden.
 BERARD, J. 1957. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité. 2nd ed. Paris.
 — 1960. L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. Paris.
 BOARDMAN, J. 1963. Island Gems. London.
 — 1970. Greek Gems and Finger Rings. London.
 — 1973. The Greeks Overseas. 2nd ed. Hamondsworth.
 — 1982. The Geometric Culture of Greece. In: EDWARDS, I. E. S. et al. (eds), Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge, Vol. 3, Part I, pp. 779–93.
 BORZA, E. N. 1990. In the Shadow of Olympus. The Emergence of Macedon. Princeton, N.J.
 BOUZEK, J. 1969. Homerisches Griechenland im Lichte der archäologischen Quellen. Praha.
 BOWRA, C. M. 1952. Heroic Poetry. London.
 — 1955. Homer and his Forerunners. Edinburgh.
 — 1972. Homer. London.
 BRELICH, A. 1961. Guerre, agoni e culti nella Grecia arcaica. Bonn.
 BROCCIA, G. 1979. La questione omerica. Firenze.
 CANCELANI, F. 1970. Bronzi orientali e orientalizzanti a Creta nell' VIII e VII sec. a. C. Roma.
 CARPENTER, R. 1956. Folktales, Fiction and Saga in the Homeric Epics. 2nd ed. Berkeley, Calif. (Sather class. Lect., 20.)
 CARTLEDGE, P. 1979. Sparta and Lakonia: A Regional History 1300–362 BC. London.
 CASEWITZ, M. (ed.) 1989. Études homériques. Lyons. (Trav. Maison Orient, 17.)
 CHARBONNEAUX, J. 1958. Les bronzes grecs. Paris.
 CLARKE, H. 1981. Homer's Readers: A Historical Introduction to the Iliad and the Odyssey. University of Delaware Press.
 CLAY, J. S. 1983. The Wrath of Athena: Gods and Men in the Odyssey. Princeton, N.J.
 COLDSTREAM, J. N. 1977. Geometric Greece. London.
 COOK, J. M. 1962. The Greeks in Ionia and the East. London.
 COOK, R. M. 1960. Greek Painted Pottery. London.
 DEGER, S. 1970. Herrschaftsformen bei Homer. Wien. (PhD Dissertationen.)
 DEGER–JAKOLTZY, S. (ed.) 1983. Griechenland, die Ägäis und die Levante während der 'Dark Ages' vom 12. bis 9. Jahrhundert v. Chr.: Akten des Symposiums von Stift Zwettl (NÖ) 11.–14. Oktober 1980. Wien.
 DEMARGNE, P. 1947. La Crète dédalique. Paris. (Bibl. Éc. fr. Athènes Rome, 164.)
 — 1964. La naissance de l'art grec. Paris.
 DESBOROUGH, V. R. d'A. 1952. Proto-geometric Pottery. Oxford.
 — 1972. The Greek Dark Ages. London.
 DIETRICH, B. C. 1974. The Origins of Greek Religion. Berlin/New York.
 DIMOCK, G. E. 1989. The Unity of the Odyssey. Amherst, Mass.
 DREWS, R. 1983. Basileus, the Evidence for Kingship in Geometric Greece. New Haven, Conn./London.
 EDWARDS, M. W. 1987. Homer. Poet of the Iliad. Baltimore/London.
 EFFENTERRE, H. van. 1985. La cité grecque. Paris.
 ERBSE, H. 1986. Untersuchungen zur Funktion der Götter im homerischen Epos. Berlin/New York. (Unters. antiken Lit. Gesch., 24.)
 FAGERSTRÖM, K. 1988. Greek Iron Age Architecture: Development through Changing Times. Göteborg. (Stud. mediterr. Archaeol., 81.)
 FENIK, B. 1986. Homer and the Nibelungenlied: Comparative Studies in Epic Style. Cambridge, Mass./London. (Martin class. Lect., 30.)
 FINLEY, M. I. 1966. The World of Odysseus. London.
 FITTSCHEN, K. 1969. Untersuchungen zum Beginn der Sagen-darstellungen bei den Griechen. Berlin.
 GRIFFIN, J. 1987. Homer, the Odyssey. Cambridge.
 HAMMOND, N. G. L. 1967. Epirus. Oxford.
 — 1972–9. A History of Macedonia. Oxford. 2 vols.
 — 1976. Migrations and Invasions in Greece and Adjacent Areas. New Jersey.
 — 1989. The Macedonian State. Oxford.
 HAMPE, R.; SIMON, E. 1981. The Birth of Greek Art. London.
 HEUBERCK, A. 1974. Die homerische Frage. Darmstadt.
 HIGGINS, R. 1961. Greek and Roman Jewellery. London.
 HÖLSCHER, U. 1988. Die Odyssee: Epos zwischen Märchen und Roman. München.
 HURWIT, J. M. 1985. The Art and Culture of Early Greece 1100–480 BC. Ithaca, N. Y./London.
 HUXLEY, G. L. 1962. Early Sparta. London.
 — 1966. The Early Ionians. London.
 JEFFERY, L. H. 1961. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford.
 KAKRIDIS, J. 1971. Homer Revisited. Lund.
 KELLY, T. 1976. A History of Argos to 500 BC. Minneapolis.
 KUNZE, E. 1931. Kretische Bronzereliefs. Stuttgart.
 LATACZ, J. 1985. Homer. München.
 — (ed.) 1991. Zweihundert Jahre Homerforschung: Rückblick und Ausblick, Castalen, Aug. 16–19 1989. Stuttgart.
 LENCMAN, J. 1966. Die Sklaverei im mykenischen und homerischen Griechenland. Wiesbaden.
 LUCE, J. 1975. Homer and the Heroic Age. London.
 MATTUSCH, C. C. 1988. Greek Bronze Statuary from the Beginning through the Fifth Century BC. Ithaca, N. Y./London.
 MONTUORI, F. 1990. Introduzione a Omero con un appendice su Esiodo. Firenze.
 MORRIS, S. P. 1992. Daidalos and the Origins of Greek Art. Princeton, N. J.
 MUSTI, D. et al. (eds) 1991. La transizione dal Miceneo all'alto arcaismo, dal palazzo alla città. Roma.
 NAUMANN, U. 1976. Subminoische und proto-geometrische Bronzeplastik auf Kreta. Berlin. (Beih. athenische. Mitt., 6.)
 NILSON, M. P. 1963. The Mycenaean Origin of Greek Mythology. New York.
 PAGE, D. L. 1955. The Homeric Odyssey. Oxford.
 — 1959. History and the Homeric Iliad. Berkeley, Calif.
 PINSENT, J.; HURT, H. V. 1992. Homer 1987: Papers of the Third Greenbank Colloquium. Liverpool.
 POWELL, B. B. 1991. Homer and the Origin of the Greek Alphabet. Cambridge.
 RIDGWAY, D. 1992. The First Western Greeks. Cambridge.
 ROMILLY, J. de. 1985. Homère. Paris. (Que sais-je?, 2218.)
 RUTKOWSKI, B. 1981. Frühgriechische Kulturdarstellungen. Berlin.
 SAKELLARIOU, M. B. 1958. La migration grecque en Ionie. Athènes.
 — 1983. The Nationality of the Macedonians. In: — (ed.), Macedonia. Athina. pp. 48–63.

- 1989. *The Polis-State: Definition and Origin*. Athens. (Meletemata, 4.)
- 1990. *Between Memory and Oblivion: The Transmission of Early Greek Historical Traditions*. Athens. (Meletemata, 12.)
- SCHWEIZER, B. 1969. *Die geometrische Kunst Griechenlands*. Köln.
- SILK, M. 1987. *Homer, the Iliad*. Cambridge.
- SNODGRASS, A. M. 1964. *Early Greek Armour and Weapons*. Edinburgh.
- 1971. *The Dark Age of Greece*. Edinburgh.
- 1977. *Archaeology and the Rise of the Greek State*. Cambridge.
- 1980. *Archaic Greece at the Age of Experiment*. London.
- STARR, C. G. 1961. *The Origins of Greek Civilisation, 1100–650 BC*. N. Y.
- 1977. *The Economic and Social Growth of Early Greece, 800–500*. N. Y.
- STYRENIUS, C. G. 1967. *Submycenaean Studies*. Lund. (Skr. utg. Svenska Inst. Athen, 7.)
- TAPLIN, O. 1992. *Homeric Soundings: The Shaping of the Iliad*. Oxford.
- THEMELIS, P. G. 1976. *Früligriechische Grabbauten*. Mainz.
- TOMLINSON, R. A. 1972. *Argos and the Argolid from the End of the Bronze Age to the Roman Occupation*. London.
- TRACY, S. V. 1990. *The Story of the Odyssey*. Princeton, N. J.
- TSAGARAKIS, O. 1982. *Form and Content in Homer*. Wiesbaden. (Hermes, 46.)
- ULF, C. 1990. *Die homerische Gesellschaft: Materialien zur analytischen Beschreibung und historischen Lokalisierung*. München. (Vestigia, 43.)
- VIVANTE, P. 1985. *Homer*. New Haven, Conn./London.
- 1991. *The Iliad: Action as Poetry*. Boston, Mass. (Twayne's Masterwork Stud., 60.)
- VLACHOS, G. 1974. *Les sociétés politiques homériques*. Paris.
- WADE-GERY, H. T. 1952. *The Poet of the Iliad*. Cambridge.
- WEBSTER, T. B. L. 1958. *From Mycenae to Homer*. London.
- WHITLEY, J. 1991. *Style and Society in Dark Age Greece: The Changing Face of a Pre-literate Society 1000–700 BC*. Cambridge.
- WHITMAN, C. H. 1958. *Homer and the Heroic Tradition*. Cambridge, Mass.
- WILL, E. 1955. *Korinthiaka*. Paris.
- WILLETTS, R. F. 1977. *The Civilization of Ancient Crete*. London.
- ZIMMERMANN, J.-L. 1989. *Les chevaux de bronze dans l'art géométrique grec*. Genève.

11.2

КИПР

Васос Карагеоргис

ПЕРИОД С 3000 ПО 1900 Г. ДО Н.Э.

Зародившаяся в эпоху неолита цивилизация о. Кипр сохраняла свой островной характер до конца медно-каменного века (халколита) (карта 10). Начало III тысячелетия до н.э. совпало с халколитом, ознаменовавшимся важными культурными сдвигами в юго-западной части острова. В таких местах, как Киссонерга-Мосфилия и Лемба-Лаккус появились поселения, состоявшие из внушительных круглых построек, достигавших иногда 10 м в диаметре. Для изготовления небольших орудий труда и украшений использовалась медь из природных залежей, отсюда название «медно-каменный век» («халколит»).

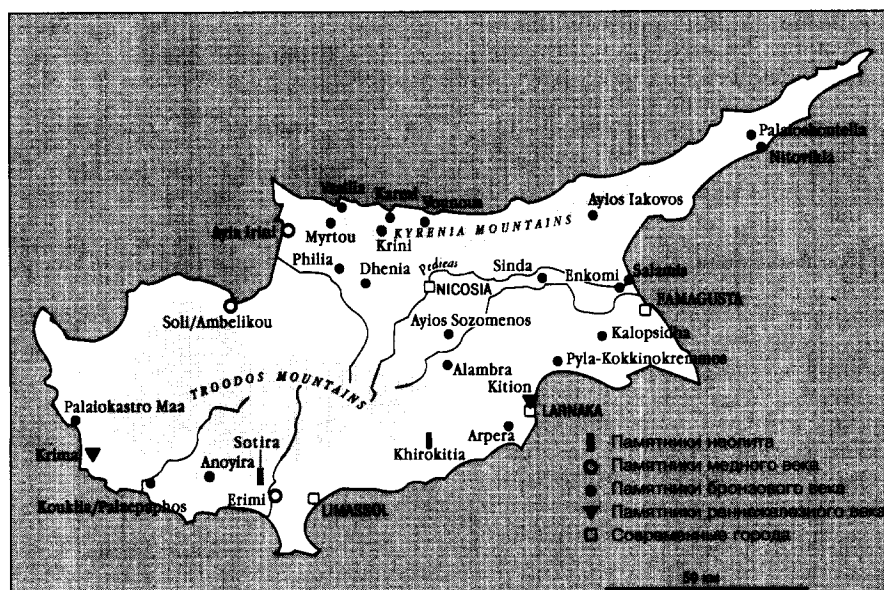
Экономическое и социальное развитие и особенно изменения в религиозной жизни стимулировали художественное творчество населения острова. Богато расписанная (красным по белому) посуда использовалась дома и в качестве погребальных приношений; антропоморфные и зооморфные вазы дают представление о богатом воображении и художественной натуре их создателей. В «священных местах» и захоронениях были найдены статуэтки из терракоты, известняка и пикрита, изображающие главным образом женские, но порой и мужские фигуры (илл. 59). Они символизируют плодородие, идея которого доминировала в религиозных обрядах и ассоциировалась как с плодотворностью людей и животных, так и с плодородием земли. Существовали обряды, связанные с деторождением, о чем свидетельству-

ет открытая в Киссонерга-Мосфилии глиняная модель «священного дома», внутри которой найдены терракотовые и каменные статуэтки; некоторые из них изображают беременных женщин, а одна – женщину во время родов.

Около 2500–2400 гг. до н.э. на обширной территории Средиземноморья, протянувшейся от Кикладских островов до Анатолии и Леванта и включавшей Кипр, произошли коренные изменения в области культуры. Среди новаций отметим строительство гробниц-камер с многократными захоронениями, ввоз таких предметов, как фаянсовые бусы, использование печатей и т.д. Эти новшества указывают на появление выходцев из Анатолии, повлекшем за собой запустение халколитических поселений.

Около 2300 г. до н.э. Кипр вступил в новую фазу культурного развития – ранний бронзовый век. Следы его самых ранних стадий были обнаружены в районе залива Морфу, в г. Никосия и в местонахождении Сотира-Каминудия – раскопанном поселении вблизи южного побережья. Впервые появляются здания с прямолинейными стенами. Гончарные изделия по форме и отделке (красные полированные поверхности) полностью соответствуют анатолийским. В гробницах обнаружены золотые и серебряные серьги анатолийского типа.

Кладбища с гробницами-камерами располагались за пределами поселений. Раскопано большое количество захоронений с богатым погребальным инвентарем, относящихся главным образом к концу этого периода.

Карта 10. Основные археологические местонахождения на о. Кипр (3000–700 гг. до н.э.)

Найдено множество горшков, часто украшенных резными абстрактными узорами или фигурными сюжетами. Плоские терракотовые статуэтки, символизирующие божество плодородия, показывают, что сохранились старые религиозные представления; более того, в гробницах найдены глиняные модели святилищ, наиболее известная из которых – из поселения Вунус (недалеко от г. Кирения). Модель представляет круглое святилище под открытым небом, где происходит ритуальная церемония в честь божеств, изображенных в виде быка и змеи, скорее всего символизирующих жизнь и смерть. Церемонию проводит мужчина, а в загонах поблизости стоят быки. Как религиозный символ бык, несомненно, происходит из Анатолии.

В конце раннего или начале среднего бронзового века киприоты, по-видимому, начали разработку медных месторождений и производство оловянистой бронзы. В гробницах помещались бронзовые инструменты и оружие. Изобилие предметов вооружения (кинжалов) – как бронзовых, так и глиняных моделей – позволяет предположить, что население Кипра было готово к любым неожиданностям.

ПЕРИОД С 1900 ПО 1600 Г. ДО Н.Э.

Среднебронзовый век на Кипре – короткий переходный период, в течение которого остров был густо заселен. Множество свидетельств об этой эпохе происходит из поселений, разбросанных по всему Кипру, таких как Калопсида, Аламбра и Эпископи-Фанеромени. Дома в них имеют большее число прямоугольных комнат, окружающих внутренний двор. Для начала периода характерно появление ввозимых с Крита гончарных изделий, а также керамики и других предметов из Египта и Леванта. Если признать тождество Кипра и Алашии, то первое упоминание об острове появляется в письменных документах дворца в древнем месопотамском городе-государстве Мари, датированных XVII в. до н.э. и сообщающих об Алашии как стране, где производят медь. Кипрские товары, главным образом гончарные изделия, обнаружены в Леванте, Египте и в небольшом количестве на Крите.

Хотя продолжалось производство красной полированной керамики, появились и некоторые новые ее типы, прежде всего посуда с росписью черной краской по белой поверхности. Однако в своей основе материальная культура среднебронзового века развивает культурные традиции ранней бронзы и служит мостиком к позднему бронзовому веку (илл. 60). В конце среднего бронзового века произошли какие-то волнения, причины которых пока не установлены. В различных частях острова было построено несколько укреплений – или с целью защиты от внешней угрозы, или на случай возникновения противоречий между отдельными областями.

ПЕРИОД С 1600 ПО 1050 Г. ДО Н.Э.

Поздний бронзовый век был периодом оживленной средиземноморской торговли и важных изменений в культуре, особенно после изгнания из Египта гиксосов около 1555 г. и установления мира в Восточном Средиземноморье. Развивались отношения Кипра с Эгейдой, причиной чего было, несомненно, наличие на острове богатых залежей медной руды, а также торговые отношения между Критом и Угаритом, расположенным на сирийском побережье напротив Кипра. Приблизительно в это время (около 1500 г. до н.э.) киприоты заимствовали с Крита линейное письмо, приспособленное ими к собственному языку и известное теперь как кипро-минойская письменность. Найдено несколько обожженных

табличек западноазиатского типа с текстами, вытесненными на них этим письмом, однако они до сих пор не расшифрованы, поскольку сам язык данных текстов неизвестен.

Развитие экономики и торговли способствовало появлению городских центров, особенно вблизи восточного и южного побережья, например, в Энкоми, Калавассосе и Марони. Связи с Эгейдой даже окрепли после того как в начале XIV в. до н.э. место минойцев в торговле с Левантом заняли микенцы. На острове появилось множество микенских изделий, особенно гончарных, и с XIV в. до н.э. микенские художественные стили оказывали влияние на искусство Кипра. В таких поселениях, как Калавассос и Марони, обнаружены монументальные дворцовые постройки, сложенные из крупных обтесанных валунов. Это могли быть административные здания, откуда регулировались торговые связи с внешним миром (рис. 26).

Около 1200 г. до н.э., после падения микенской «империи» и Трои, на острове произошли коренные изменения в культурной и политической сферах. В Восточном Средиземноморье появились завоеватели, известные по египетским летописям как «народы моря»; они оставались причиной смут и беспорядков, пока не осели на Кипре и вдоль сирийско-палестинского побережья. Центры позднего бронзового века в этих двух регионах были покинуты населением или разрушены; некоторые города перестраивались с включением эгейских элементов в их планировку, архитектуру и даже религиозную символику (например, появился «рог изобилия»).

Около 1050 г. до н.э. на остров, по всей видимости, пришли новые волны эгейцев. В XI в. до н.э. здесь появились микенская погребальная архитектура и похоронные обряды, а также новые художественные стили. В одной из гробниц Палепафоса, датированной серединой XI в. до н.э., на бронзовом вертеле обнаружено наиболее раннее свидетельство использования на Кипре греческого языка (аркадского диалекта). Мифологическая традиция сообщает об основании греческими героями после завершения Троянской войны городов на острове (илл. 61).

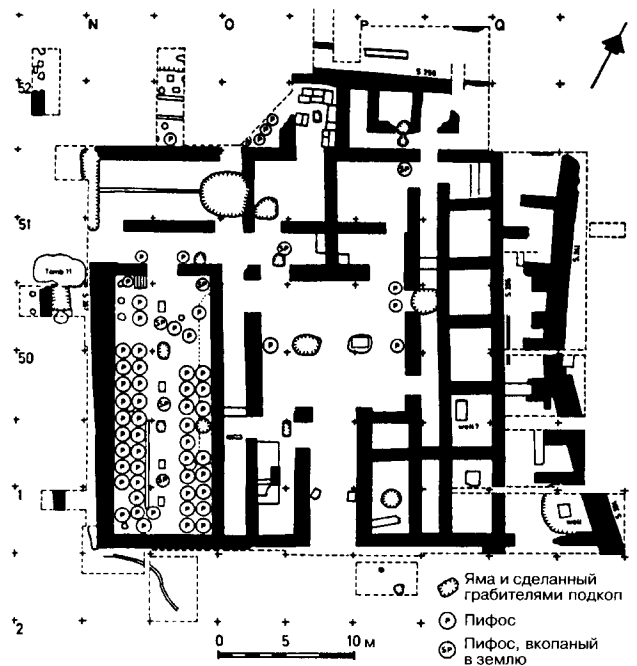

Рис. 26. План дворцового здания (здание X) в Калавассос-Айос-Димитриос, XIII в. до н.э. (по Karageorghis, 1990)

ПЕРИОД С 1050 ПО 700 Г. ДО Н.Э.

Период истории Эгейского бассейна, известный как «темные века», не был столь же «темным» на Кипре, что, несомненно, являлось следствием торговых отношений, развитых среди новопоселенцев благодаря микенской аристократии. Микенцы, получившие верховенство в политической и культурной жизни главных центров, стали, возможно, инициаторами переноса поселений из старых городов на новые места, такие как Саламин, который сменил расположенный по соседству с ним город позднего бронзового века Энкоми (илл. 62).

В конце IX в. до н.э. свою экспансию в западном направлении начали финикийцы, и первой основанной ими торговой колонией стал Китий на Кипре. Вскоре они добились политической власти, чему способствовало политическое господство над островом сменявших друг друга иноземных держав (ассирийцев, египтян, персов). В этот период наблюдается существенное финикийское влияние на кипрское искусство и отчасти на религию. Но старую основу культуры консервативные киприоты сохранили.

Саламин на восточном берегу превратился в главный и чрезвычайно богатый город. Его «царские гробницы» с их «гомеровским» похоронным ритуалом демонстрируют высокий культурный уровень, достигнутый в этот период.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BAURAIN, C. 1984. Chypre et la Méditerranée orientale au Bronze Récent. Synthèse historique. Paris.
- KARAGEORGHIS, V. 1968. Cyprus. Genève.
- 1982. Cyprus from the Stone Age to the Romans. London. (Anc. Peoples Places, 101.)
- 1990. Cyprus at the End of the Late Bronze Age. Nicosia.
- 1991a. The Coroplastic Art of Ancient Cyprus, Vol. I: Chalcolithic-Late Cypriote I. Nicosia.
- (ed.) 1991b. Proceedings of the International Symposium on the Civilisations of the Aegean and their Diffusion in Cyprus and the Eastern Mediterranean, 2000–600 BC, 18–24 Sept., 1989. Lamaca.
- KARAGEORGHIS, V.; VERMEULE, E. 1982. Mycenaean Pictorial Vase-Painting. Cambridge, Mass.

ОТ РЕДАКТОРА

Данные археологических исследований в Азии в настоящее время столь обширны, что с трудом поддаются обобщению. Поэтому Редакционный комитет, стремясь использовать сведения, предоставленные отдельными авторами, каждый из которых является специа-

листом по тому или иному из крупных азиатских регионов, обратился к профессору К. Иденсу с просьбой адаптировать и согласовать части, авторами которых являются К. Ламберг-Карловски, Р. Райт, Ж. Ри, Д. Бейе, Х. Кленгель, А.Р. Ал-Ансари и В.М. Массон, чтобы дать последовательную картину истории континента с 3000 до 700 г. до н.э.

12.1 МЕСОПОТАМИЯ

12.1.1 ДОЛИНА ТИГРА И ЕВФРАТА (3000–1500 гг. до н.э.)

К. Ламберг-Карловски и Рита Райт

Как показано в томе I «Истории человечества», цивилизация и политическая организация государственного уровня появились в Месопотамии в поздний урукский период. Эти достижения поздней урукской культуры принадлежат еще доисторической древности, основные сведения о которой получены из археологических находок. Однако в течение III тысячелетия до н.э. клиновидная система письма вполне развилась и стала пригодной для подробных административных отчетов, царской пропаганды, религиозной литературы и частной переписки.

Письменные источники позволяют, пусть и с известными трудностями, в деталях представить политическую и социальную историю Месопотамии начиная приблизительно с середины III тысячелетия до н.э. (Edzard, 1968; Sollberger & Kupper, 1971). Археология продолжает поставлять важную информацию о материальной культуре древней Месопотамии и жизни простого народа, лишь смутно запечатленной в письменных памятниках.

Хотя жители Месопотамии считали, что все они принадлежат к одной цивилизации, регион отличался зна-

Карта 11. Месопотамия: археологические местонахождения в современных городах

чительным политическим и культурным разнообразием. По крайней мере с начала III раннединастического периода в регионе говорили на шумерском и аккадском языках; первоначально аккадский был более распространен на севере (в районе современного Багдада), но к концу III тысячелетия до н.э. он в качестве разговорного языка постепенно вытеснил шумерский и на юге. Эта лингвистическая пестрота могла в какой-то мере соответствовать тонким отличиям в материальной культуре (например в формах гончарных изделий) между двумя частями Месопотамии, а также, вероятно, некоторым особенностям социальной организации. Политическая история Месопотамии развивалась в определенной степени циклически: короткие фазы региональной интеграции (династии царства Аккада, III династия города-государства Ур и династии Старовавилонского царства) прерывали более длинные периоды раздробленности региона на города-государства или небольшие царства (раннединастический и послеаккадский периоды, периоды Иссины–Ларсы). Эти политические циклы способствовали, однако, ускорению смены отношений между социально-политическими институтами и основным населением и вели к созданию более прочных царств в отдельных областях (касситская и II иссинская династии в конце II тысячелетия до н.э.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

Политическая история Месопотамии первой половины III тысячелетия до н.э. остается малоизвестной. Шумерский «Царский список» (*Jacobsen*, 1939) перечисляет правящие династии различных городов, размещая их в порядке строгой преемственности. В начальных его строках сообщается, что первым городом, в который «с небес спустилась царственность», был Эриду (на юге Месопотамии), а затем говорится о четырех других городах, существовавших до Потопа; все правившие в них династии состояли из нескольких царей, правление каждого продолжалось «десятки тысяч лет». После Потопа «царственность» вновь спустилась с небес в город Киш (к северо-востоку от Вавилона), а затем последовательно переходила к тринадцати сменявшим одна другую династиям в восьми различных городах, в том числе Уруке, Уре, Мари, Кише и Адабе. По своему характеру эти династии отличаются от династий допотопных правителей с нескольких точек зрения: сокращается, становясь правдоподобным, время индивидуального царствования; переход царской власти от города к городу осуществляется силой оружия; о некоторых царях сообщается в документах, написанных во время или вскоре после их правления. Однако даже этот раздел «Царского списка» не является историческим. Список задуман как описание перехода царской власти от города к городу. Но в действительности некоторые из этих якобы сменявших одна другую династий существовали одновременно; в список также не включены династии, правившие в других городах, в первую очередь в Лагаше. Кроме того, из списка исключено несколько царей, о которых известно, что они независимо управляли городами, названными в числе тех, где будто бы осуществлялась династическая преемственность.

И все же шумерский «Царский список» несколько проясняет политическую историю раннединастического периода. Важным центром на севере был Киш, а его цари оказывали значительное влияние на другие области или даже осуществляли над ними контроль: надписи, сделанные по приказам царей Киша, найдены в весьма отдаленных местах, а сами они каким-то образом улаживали конфликты между другими городами (такими как Лагаш и Умма). На юге локальными центрами власти были города Урук, Ур, Лагаш и Умма, и неустойчивое равновесие сил в этом регионе поддерживалось постоянной сменой

враждебных и союзных отношений между ними (*Lambert*, 1952; *Cooper*, 1983).

Из городов-государств лучше всего документирована история Лагаша III раннединастического периода. Расположенный на крайнем юге он состоял из трех крупных центров, 22 небольших городов и около 40 поселений на площади приблизительно 1600 кв. км (*Diakonoff*, 1969). Этот город-государство на протяжении нескольких столетий вел войны с Уммой, своим соседом на северо-западе, и все это время ни одна из сторон не могла нанести решительного поражения другой (*Cooper*, 1983).

К концу III раннединастического периода несколько энергичных царей сумели положить конец постоянному соперничеству месопотамских городов-государств. Лугальзагеси, царь Урука, добился некоторых успехов в подчинении городов-государств в пределах Месопотамии. Однако вскоре Саргон уничтожил плоды его усилий. Саргон Древний (2334–2279 гг. до н.э.), которого шумерский «Царский список» называет вассалом («виночерпием») царя Киша, основал первое месопотамское государство имперского типа, нанеся поражение городам-государствам Двуречья и совершив затем несколько походов или набегов в северном направлении – в северную Месопотамию и Сирию и в восточном – в Элам и Иранское нагорье. Саргон избрал столицей государства почти безвестный город Аккад, куда свез многочисленные богатства, полученные от торговли, в виде дани или добытые грабежом (илл. 63). В правление его непосредственных преемников, особенно Нарамсина (2254–2218 гг. до н.э.), продолжалось использование созданных Саргоном вооруженных сил (илл. 64) и рост богатств новой аристократии Аккадской империи (*Glassner*, 1986). Несмотря на военные успехи аккадцев, города-государства сохраняли свой традиционный уклад, а вожди старой аристократии периодически бунтовали против аккадского правления.

Конец непрочной аккадской гегемонии наступил после смерти преемника Нарамсина Шаркалишари (2217–2193 гг. до н.э.), когда местные династии вновь провозгласили свою самостоятельность, а вторгшиеся горные племена кутиев, жившие раньше в районе горной цепи Загрос, установили контроль над отдельными частями Месопотамии. Этот постаккадский, или кутийский, период остается малоизученным. К концу XXI в. до н.э. последний царь Урука Утухенгаль положил начало изгнанию кутиев и реформированию объединенной Месопотамии. Ур-Намму (2112–2095 гг. до н.э.), могущественный правитель Ура, первоначально подчинялся Утухенгалю, но вскоре сам стал господствовать в регионе, основав империю III династии Ура. Хотя и чрезвычайно обширное, державшее под своим контролем области вдоль р. Тигр на севере и в горах на востоке, государство III династии Ура по характеру весьма отличалось от Аккадской империи. Шульги (2094–2047 гг. до н.э.), преемник Ур-Намму, провел ряд широкомасштабных реформ, благодаря которым была создана скорее бюрократическая, чем захватническая империя (*Steinkeller*, 1987). Однако эта империя просуществовала даже меньше, чем ее предшественница, и пала, не выдержав одновременных набегов кочевников-амореев (аморитов) с северо-запада, мятежей наместников и военного вторжения из расположенного на востоке Элама.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

Основными единицами социальной структуры Месопотамии в III тысячелетии до н.э. являлись города и города-государства. Анализ археологических данных показывает, что большинство жителей Месопотамии были горожанами, населявшими большие и малые города, площадь которых составляла не менее 40 гектаров; напротив, не более

25% жителей обитало в поселениях, занимавших площадь менее 10 гектаров (Adams, 1981). Как видно из табл. 2, эта пропорция на протяжении III тысячелетия до н.э. была довольно неустойчивой, и своего пика городской характер региона достиг в III раннединастический период, т.е. в течение нескольких веков в середине тысячелетия. После этого пика урбанизации процент сельского населения неуклонно возрастал вплоть до начала I тысячелетия до н.э.

Таблица 2. Изменение доли городов и городского населения в Месопотамии

Период	Общая площадь поселения (в гектарах)	Доля негородских поселений (< 10 гектаров), %	Доля городских поселений (> 40 гектаров), %
Поздний Урук	583	50	24
I Раннединастический	1065	21	57
III раннединастический	1659	10	78
Аккадский	1416	18	63
III династия Ура	2725	25	55
Старовавилонский	1791	30	50
Касситский	1308	57	31
Посткасситский	616	64	16

Высочайшая степень урбанизации в Месопотамии представляет собой необычный и нехарактерный для античного мира феномен. Столь значительная роль городов в Месопотамии, несомненно, была обусловлена политикой и экономикой городов-государств. Адамс так описывал перемещение ресурсов между сельской округой и городом: «Зерно, домашние животные, другие сельскохозяйственные продукты, подневольная работа... шерстяная пряжа, вязаная одежда, кожи, сушеная рыба, циновки из тростника и пиво... [обменивались на] камень разных видов, предметы роскоши, предназначенные для укрепления статуса подчиненных городу местных элит, инструменты из меди, оружие и сосуды для повседневных нужд, а также для представительских целей» (Adams, 1981, p. 81). Города, таким образом, изначально являлись рыночными центрами, и этот фактор был, вероятно, главной причиной переселения в них сельских жителей. Города удерживали главенствующую роль в качестве центров производства и распределения продукции ремесленников и вследствие этого были чрезвычайно притягательны для обитателей сельских поселений. Кроме того, интенсивная торговля между городами, характерная для раннединастического периода, делала их сравнительно безопасными местами. К раннединастическому периоду города определенно стали символом светской и духовной власти и привлекали людей не только как рыночные центры, но и как центры местных ритуалов и празднеств.

Большие «организации», согласно определению Оппенгейма храмов и дворцов (Oppenheim, 1977), доминировали в месопотамских обществах как во времена соперничества городов-государств, так и в эпохи региональных империй. Оба эти института были устроены как «домохозяйства», возглавляемые богом или царем и управляемые членами дома. Кроме политической и культовой роли эти «домохозяйства» обладали концентрированной экономической властью, т.е. обширными территориями и водой, пригодными для сельскохозяйственного производства, а также подневольной рабочей силой, искусными ремесленниками и торговцами, которые доставляли сырье в отдаленные места. Помимо этих публичных институтов большие семьи и другие родственные группы также образовывали значительные землевладельческие «домохозяйства», способные накапливать богатства и осуществлять политическую власть.

К началу раннединастического периода в условиях усиления централизации государственной власти среди

храмового и дворцового персонала появилась зависимая рабочая сила, наряду с рабами и полусвободными слугами и работниками в поместьях. Отдельные члены сельских общин также могли на время привлекаться на ирригационные или строительные работы и были обязаны платить подати храмам в виде сельскохозяйственной продукции. Таким образом, общества состояли из пяти сословий: знати, в число которой входили царские управляющие, торговцы и жрецы; граждан или членов сообществ, обладавших частной собственностью; лиц, находящихся под покровительством храмов или дворцов, таких как ремесленники (в обмен на свою продукцию временно получавших во владение небольшое имущество); полусвободных работников, труд которых вознаграждался продовольственным пайком; рабами, военнопленных и прочих бесправных членов сообщества (Diakonoff, 1972, 1982; Gelb, 1965, 1969).

В течение III тысячелетия до н.э. положение храмовых, дворцовых и частных родственных групп подверглось значительным изменениям, отражавшим растущее господство дворца над храмом и публичных институтов над частными группами.

Храм

Уже в период, к которому относится так называемая убейтская культура в месопотамских сообществах существовали особые места отправления культа; к началу урукского периода они превратились в организованные храмовые комплексы. Храмы занимали ключевые позиции в городах и в конце IV тысячелетия до н.э. обладали политической властью. Из древнейших документов позднеурукского периода известно, что земля, выючные животные и семена, хотя и находились при храме, передавались сообществу для сельскохозяйственных работ. Позднее храмы выступают как самодостаточные социально-экономические единицы с собственными управляющими и рабочим персоналом. Храмовыми работниками низшего ранга были обращенные в рабство женщины и дети, небольшое число бывших военнопленных и некоторые другие лица, подаренные храму в качестве «даров благочестия» (Gelb, 1972). Храмовый персонал умело сочетал функции смотрителей земного жилища бога с надзором и поддержанием производственной деятельности. Последняя создавала возможность накопления излишков, обеспечивая участие в торговле и дальнейшее развитие храмовых производств. Главенство в храме требовало религиозного опыта и «священных» знаний, а также политических способностей, обладание которыми в то время, как правило, считалось обязательным для представителей института жрецов.

Автономия храмов начала разрушаться в раннединастический период, когда главенствующая политическая роль перешла к дворцу. Более того, в течение раннединастического и аккадского периодов многие храмы перешли под контроль родственников (часто жен или дочерей) правящего царя, а в период III династии Ура храмы были переведены под юрисдикцию наместников провинций, которые перекачивали излишки храмовой продукции в государственную казну. Несмотря на сокращение автономии храмовых «домохозяйств», представления о связи между царской властью и богами сохраняли за религиозной архитектурой ее выдающееся место в структуре города.

Многие архитектурные идеи, характерные для урукского периода, использовались и в III тысячелетии до н.э., в частности принцип формальной симметрии. Устройство храма может служить примером воплощения этих идей (Crauford, 1977). Состоявшие из одного помещения святилища, к которым обычно тянулся поднимающийся по холму узкий проход, были похожи на здания раннего убейт-

ского периода и просуществовали весь раннединастический период. Другие типы – двухчастные и трехчастные храмы – также имели предшественников среди более ранних зданий и сохранились в III тысячелетии до н.э. в качестве господствующей формы. Четвертый тип, так называемый храм, построенный по плану дома, состоял из внутреннего двора, окруженного несколькими большими помещениями с каждой стороны. Данная храмовая форма, появившаяся в раннединастический период, отчетливо отражала идею храма как места пребывания бога, которому он был посвящен.

Для двух наиболее впечатляющих типов монументальных зданий III тысячелетия до н.э., овального храма и зиккурата, также характерна правильная планировка. Овальный храм, лучше всего сохранившийся в Хафайе, был новшеством раннединастического периода. Предшественниками зиккуратов были Белый храм и храмы на платформах в Уруке, однако в течение III тысячелетия до н.э. конструкцию значительно усовершенствовали. Наиболее впечатляющим примером был зиккурат, воздвигнутый в Уре в период III династии (илл. 65, 66). Ядро зиккурата построено из сырцового кирпича, внешние стены выложены обожженным кирпичом на битумной прослойке. Зиккурат представлял собой многочисленные террасы, образующие ступенчатую башню; три монументальные лестницы – крутая центральная на фасаде зиккурата и две боковые, соединявшиеся в верхней части, достигали первой площадки. Оттуда ступеньки, как бы продолжавшие центральную лестницу, вели непосредственно к святилищу на вершине. Зиккураты были одной из наиболее эффективных и долговечных форм месопотамской архитектуры. Их массивные формы и большая площадь, вероятно, отражали усложнившуюся социальную и политическую структуру, а также возможности привлекать на общественные работы большое количество людей, равно как и методы их организации.

Дворец

Светский «царь» был воплощением высшей политической власти, он появился в месопотамской истории довольно рано. Шумерское слово «лугаль» (буквально «великий человек», т.е. «царь») встречается уже в позднеурукских текстах, тогда как слово «эн» («энчи»), применявшееся в отношении как духовной, так и светской власти, в тех же текстах обозначало титул священнослужителя; слово, обозначающее дворец, *э-гал*, или «большое домохозяйство», находим в урукских текстах I раннединастического периода. Археологические находки показывают, что своеобразная дворцовая архитектура могла появиться в период Джемдет-Наср (название которому дал холм у г. Киш, где были найдены глиняные таблички с древней клинописью и расписной керамикой. – *Прим. ред.*) и определенно существовала в месопотамских городах к концу II раннединастического периода (*Margueron, 1988*). Другими словами, дворец как особая организация и архитектурный компонент городской структуры появился в начале III тысячелетия до н.э. Дошедшие до нас тексты и археологические находки подтверждают некоторые сведения из шумерской мифологии и указания на локальные конфликты между городами.

Шумерская мифология может быть использована для реконструкции истории возникновения царской власти, начиная с древней формы «первобытной демократии». Согласно одной из интерпретаций (*Jacobsen, 1970*), в течение периода, предшествовавшего развитию формальных социальных и политических институтов, решения принимались собранием свободных взрослых мужчин путем достижения общего согласия. Этот «орган» работал в напряженные периоды, когда возникала потреб-

ность во временном вожде. Начало царской власти было положено отказом одного из таких временных вождей в Уруке сложить свои полномочия; причиной его успеха стало то, что он сумел привлечь на свою сторону молодых членов сообщества. Этим мифическим первым царем был Гильгамеш, имя которого появляется в шумерском «Царском списке» как имя первого правителя Урука. Правление Гильгамеша обычно датируют II раннединастическим периодом, когда усиление конфликтов между городами-государствами привело к постройке стен вокруг них (*Nissen, 1972*). Появление во II раннединастический период специфической дворцовой архитектуры и городских стен дает основание предполагать, что царская власть как могущественный институт, независимый от храмов и общинной организации, возникла во второй четверти III тысячелетия до н.э.

Уже говорилось о постепенном возвышении дворца над храмом, а также о некоторых аспектах упадка общинных «советов». Экономические позиции дворца усиливали его растущую политическую власть. Ситуация в Лагаше в III раннединастический период является лучшим примером: из площади 1600 кв. км, которую занимал этот город-государство, дворец владел приблизительно 25–30%, 10 или более храмов – 25%, частные родственные объединения – остальными 40–50% (*Diakonoff, 1969*). Поскольку дворец был единым центром, а храмы представляли собой по крайней мере 10 отдельных организаций, количество родственных объединений было гораздо большим, то степень концентрации дворцового сельскохозяйственного и ремесленного производства была несопоставима с любым другим институтом. Кроме того, начиная с раннединастического периода и особенно широко в правление аккадской династии дворец скупал землю у родственных объединений, что впоследствии значительно уменьшило экономическую мощь этого социального сектора. В период III династии Ура центральное правительство монополизировало всю систему землевладения.

Дворцовая архитектура была менее заметным, но постоянным компонентом месопотамских городов. Подобно храмам, дворцовые постройки имели правильную геометрическую планировку (*Margueron, 1982*). Дворец в Кише (рис. 27), пример наиболее сложной постройки раннединастического периода, состоял из двух больших зданий, разделенных узким проходом. Оба здания были укреплены внушительными внешними стенами, а в одном из них имелись также внутренняя стена, ворота и башня. Во дворце в Кише были монументальный вход с укрытыми за выступы дверными проемами и колонные залы. Внутреннее пространство дворца, например, в Эриду, состояло из комнаты приемов (или гостиной), квадратных внутренних дворов и «тронного зала», ставших затем обычными в дворцовой архитектуре. Дворцы более позднего времени, в том числе начала II тысячелетия до н.э., были изысканнее и больше по размерам; например, дворец в Мари занимал площадь в 2,5 гектара и состоял из более чем 100 комнат, залов, внутренних дворов и коридоров.

Родственные объединения

Большинство населения составляли группы родственников, не входившие в дворцовую и храмовую организацию; например, в Лагаше в течение раннединастического периода к этим группам принадлежали, возможно, две трети населения города-государства. Эти группы весьма различались по своему имущественному положению. Некоторые владели большими поместьями и сумели сосредоточить в своих руках значительные богатства, тогда как другие, обеднев, были вынуждены продать свои земли и записать своих членов в число зави-

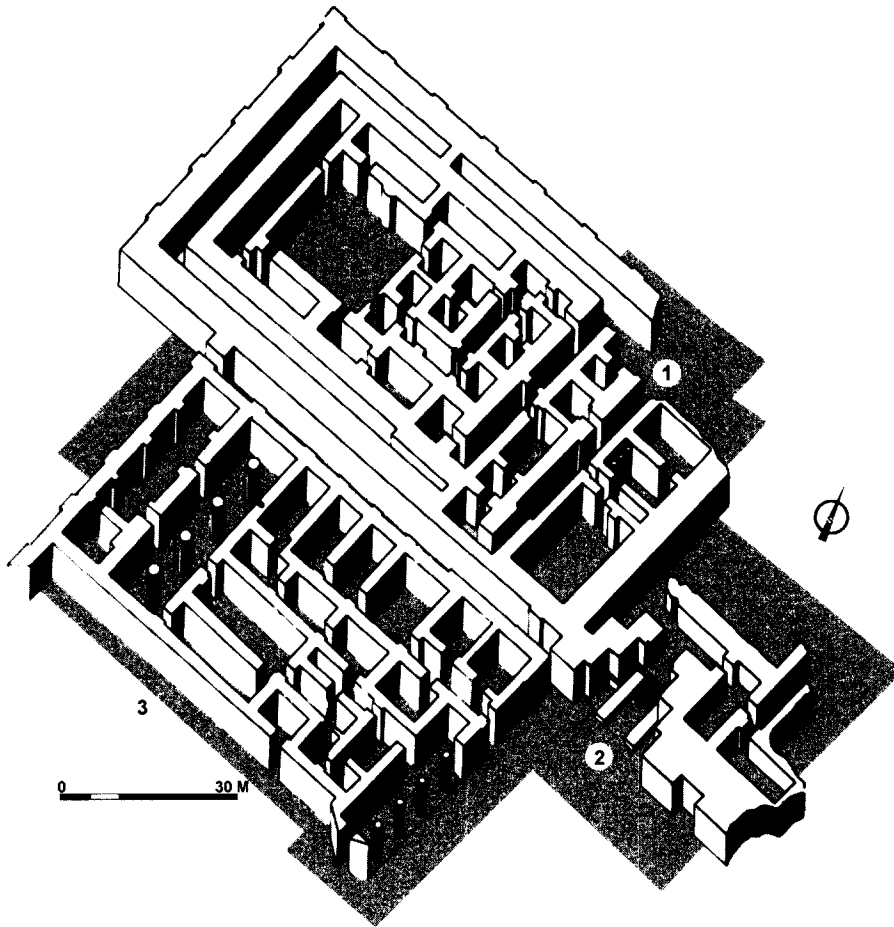

Рис. 27. План дворца в Кише, одной из древнейших царских резиденций, раскопанных на территории Шумера

симых храмовых людей (*Diakonoff, 1976; Gelb, 1979*). Социально-экономическую иерархию отражает распределение богатств на так называемом царском кладбище Ура, датируемом III раннединастическим и аккадским периодами (*Adams, 1966, p. 100*):

- царские погребения (2) – чрезвычайно большие, богатые, с принесенными в жертву слугами;
- богатые, нецарские (20) – много металлов, полудрагоценных камней, других ценностей;
- богатые обычные (434) – некоторое количество металла;
- обычные (825) – керамика.

Как уже упоминалось, эти группы владели землей и участвовали в городских советах, но со временем их позиции значительно ослабли.

Сравнительно мало известно о более обычной светской архитектуре, в том числе о жилищах городских и сельских жителей. Археологические находки и изображения на различных предметах показывают, что основной формой был глинобитный одноэтажный дом с плоской крышей. Эти дома состояли из нескольких помещений, выходивших на площадку в центре здания, которая в аккадскую эпоху превратилась во внутренний дворик. Раскопки в Уре и Хафайе показывают, что эти постройки обычно были сгруппированы в плотные блоки, расположенные вдоль улиц и переулков, внешних стен храмов и других общественных зданий. Соседние дома разделяла общая стена, в которой в случае продажи отдельных комнат могли проделать новые двери. Во время раскопок в Абу-Салабиш была обнаружена весьма отличная от вышеописанной схема застройки времен I раннединастического периода, при

которой по периметру стен строились отдельные блоки зданий. Эта схема, возможно, отражает существование родственных групп, занимавших большие жилые площади (*Postgate & Moon, 1982*). Кроме глинобитных домов на печатях и других предметах изображены тростниковые хижины, подобные тем, в каких и сегодня живут «болотные арабы».

Как монументальной, так и обычной архитектуре III тысячелетия до н.э. были присущи такие элементы, как своды, купола, колонны, лестницы, а также системы канализации.

Идеология

Изменение отношений между храмовой и дворцовой организациями нашло свое отражение также в изменении модели религиозного мышления. Т. Якобсен характеризовал месопотамскую религию как одну из тех, в которых божественное, или «иное», переживается как имманентное, внутреннее, присущее природе самого предмета (в отличие от трансцендентного, находящегося за пределами мира). По его словам, жители Месопотамии рассматривали могущество бога-покровителя «как откровение постоянно пребывающего среди них духа, как власть в центре чего-то, что стало причиной ее бытия, роста и процветания... и внешняя форма встречи с божественной властью имела в древнейшей Месопотамии тенденцию быть просто именем и формой феномена, в котором, как кажется, проявляла себя власть на земле» (*Jacobsen, 1976, p. 6*). Так, например, шумеры использовали слово «эн» для обозначения неба над головой, но это же слово применялось и по отношению к божественной власти на небесах, небесному богу. Таким об-

разом, месопотамская религия была политеистической, ее последователи поклонялись многочисленным богам, каждый из которых связывался с различными сторонами повседневного существования. Храмы были «домами», где пребывали боги, и храмовый персонал отвечал за организацию и управление божественным жилищем (илл. 67). С тех пор как храмы стали священными домами, они наполнились «эссенцией» той божественной силы, которая обитала в их стенах; в соответствии с этим каждый храм отличался от других.

В контексте этих основных понятий уместно выделить два аспекта месопотамской религии: развитие «восприятия» отдельных богов и богинь и соперничество между различными государствами Месопотамии. Эти факторы существенны потому, что в них отразились некоторые из описанных выше политических изменений. В прежние времена формы, которые принимали боги, были тесно связаны с теми явлениями, которые каждый из них представлял: например, птица с головой льва означала грохочущую грозовую тучу. Позднее, в период Джемдет-Наср и раннединастический период, божественные имена получили приставку *эн*, указывавшую на богов и богинь как на «правителей». Третья метафора появилась позднее, в старовавилонский период, когда боги были связаны с праотцами. Иными словами, по мере того как с течением времени менялся характер политического лидерства, изменялись и мифологические представления о богах.

Второй фактор, самоопределение городов-государств и соперничество между ними, имел прямое отношение к религиозным представлениям. В древнейшие периоды городские боги связывались главным образом с хозяйственной жизнью. Энки, бог свежей воды и болотной живности, обитал в Эреду, тогда как божества-покровители стад, подобные Думузи, проживали в центральной части Месопотамии – на богатых пастбищах землях Урука, а богиня зерна Нинлиль жила на севере, в Шуруппаке. Позднее полное отождествление богов с отдельными городами привело к ожесточенному соперничеству, которое имело важные последствия. Для вождей, стремившихся к объединению Месопотамии, это соперничество в области мифологии было отражением политического соперничества и являлось препятствием к созданию государства, включающего в себя весь регион. Не удивительно поэтому, что в старовавилонский период Хаммурапи пытался утвердить Мардука, бога-покровителя города Вавилона, в качестве верховного божества месопотамского пантеона, что должно было стать своеобразной метафорой единства всей долины Тигра и Евфрата. Эту попытку использования теологической реформы в политических целях иллюстрирует гимн того времени:

Нинурта – это Мардук мотыги,
Нергал – это Мардук атаки,
Забаба – это Мардук рукопашного боя,
Энлиль – это Мардук власти и совета,
Набу – это Мардук таблиц судеб...

Подобно тому как Мардук соединил в себе индивидуальности богов, связанных с различными местностями Месопотамии, так и Вавилон добивался верности от этих же городов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

Основными факторами необыкновенного роста могущества храмовой и дворцовой организаций, по-видимому, были сельское хозяйство и зависимое от него ремесленное производство в сочетании с активными торговыми отношениями. Особое значение в экономическом раз-

витии Месопотамии в качестве инструмента отчетности и счетоводства приобрело письмо. Начиная с позднего урукского периода документы содержат сведения о хозяйственной деятельности, связанной с храмовыми стадами, описание иерархии профессий и занятых в них. Позднее эти системы записи были усовершенствованы настолько, что в период III династии Ура тщательно разработанная бухгалтерия фиксировала практически все стороны хозяйственной жизни в государственном секторе. Документы содержали записи о надзоре за ремеслами, управлении текстильным производством, заметки, относившиеся к внешней торговле, и сведения о контроле за количеством продукции (Zagarell, 1986). Значение письменности в организации власти дворцовых и храмовых институтов проявлялось и в том, что письмо делало возможным совершенствование священных и литературных текстов; надписи появились и на печатях, имевших хождение в месопотамских сообществах и за их пределами, и на каменных статуях, создававшихся в ознаменование военных подвигов правителей. В целом письмо как одно из средств управления стало главной опорой верховной власти и основой коллективной памяти месопотамских обществ.

Земледелие и скотоводство

Роль искусственного орошения земель в государственном регулировании была довольно сложной; отдельный город-государство, по-видимому, мог более пруспеть в контроле над водными ресурсами в качестве политического инструмента, чем единое обширное государство. Наиболее распространенной моделью в III тысячелетии до н.э. был местный ирригационный округ, контролируемый отдельным городом. На вопрос, применялась ли та же модель в земледелии и скотоводстве, ответить гораздо труднее.

Храмы, дворцы и большие частные дворы осуществляли почти монопольный контроль над земледелием и скотоводством. Первое конкретное свидетельство государственного управления относится к периоду III династии Ура, когда государство контролировало обширные сельскохозяйственные земли и держало на службе большое количество работников. Более того, государство III династии Ура привлекало работников из больших и малых городов. Например, так называемые сборщики урожая передвигались с юга на север вслед за местным сезонным изменением сроков уборочной страды. Государство, очевидно, забирало свою долю местного урожая; в Гирсу, например, государство и жрецество получали от четверти до половины всего собранного урожая. Осуществляя управление скотоводством, государство проявляло деспотизм и при дележе скота.

Главными новациями в земледелии стали применение новых орудий и изменения в технологии искусственного орошения (Salonen, 1968). Среди археологических находок урукского периода фигурируют отколотые от камня «мотыги», и к тому же времени относятся пиктографические изображения плугов, которые тянут быки или ослы. В раннединастический период был изобретен плуг-сеялка, устройство, при помощи которого затрачивалось меньше усилий и сокращался объем ухажившего на посев зерна. В поздних текстах III династии Ура отражены попытки дальнейшего сокращения объема посева, классификации ячменных полей по соотношению посеянного и полученного с них зерна. В это же время оросительные системы стали более протяженными, мелкие объединялись в крупные, лучше контролируемые, их пропускная способность возросла. Благодаря созданию единой оросительной сети в раннединастический и аккадский периоды там, где ранее встречались лишь отдельные пригодные для земледелия участки, стала возможной обработка более широких

новых земель. Высшей точкой развития орошения было установление решеток на каналах в эпоху III династии Ура. Эти важные работы требовали более совершенных конструкций и более тщательного ухода, и в то же время они способствовали расширению производства продуктов питания для населения, численность которого росла (Adams, 1981; Nissen, 1988).

Содержащиеся в текстах свидетельства указывают, что основными зерновыми культурами были ячмень, просо, пшеница, горох и фасоль. Появилось также несколько новых важных видов культур, в том числе финиковые пальмы и виноградная лоза. Роши финиковых пальм высаживались на высоких дамбах оросительных каналов или на берегах рек, где деревья могли получать дополнительную свежую подземную воду. В середине III тысячелетия до н.э. прослеживается расширение ассортимента продуктов питания: ячмень перерабатывают в муку, солод и пиво; из кунжутных зерен дают масло, а из фиников изготавливают вино.

Домашнее стадо в Месопотамии включало коров, овец, коз, свиней и ослов, вместе с тем продолжалась охота на диких животных. Домашний скот давал не только мясо, но и разнообразные вторичные продукты, которые привели к изменениям в практике земледелия и скотоводства. Крупный рогатый скот, например, держали для получения молочных продуктов, производя в небольших количествах масло и сыр. В среднем месопотамская корова в лучшем случае давала столько молока, что после переработки получалось 5 кварт масла (около 5,7 кг) и 7,5 кварт (около 9 кг) сыра в год, однако оба этих низких показателя вполне сопоставимы с объемом соответствующего производства в Индии в XX в. Овцы высоко ценились благодаря своей шерсти, а поскольку месопотамские овцы были почти вдвое менее продуктивны, чем современные породы, количество шерсти с трудом покрывало потребности текстильного производства III тысячелетия до н.э. Помимо удовлетворения потребностей человека в пище, такие животные, как быки и ослы, использовались в сельскохозяйственных работах и при перевозках грузов.

Скотоводство являлось важным компонентом региональной экономики и подлежало как частному, так и государственному контролю. Государственные записи III раннединастического периода сообщают о большом штате пастухов и упоминают о разведении овец, коз, быков, свиней и ослов. По архивам III династии Ура можно получить представление о детальном бюрократическом надзоре за стадами. Государственная счетная палата в Дрехеме регистрировала получение, содержание и поставку животных, стремясь охватить своим учетом домашний скот, диких животных, домашнюю птицу, кормовое зерно и солому для подстилки. Это письменное свидетельство наводит на мысль, что селекция животных контролировалась государством и другими важными учреждениями, поскольку находящийся в стойлах скот зависел от организации выпаса и дополнительных поставок корма. Использование в качестве пастбищ полей с проросшим ячменем, обычное в настоящее время, очевидно, практиковалось и в III тысячелетии до н.э., свидетельствуя о взаимозависимости земледельческого и скотоводческого хозяйственных секторов и одновременно являясь источником конфликтов между ними. Государство следило за содержанием стад животных, дающих шерсть и волос. Уровень развития текстильного производства отражен в административных документах: сообщается о 6 тыс. т шерсти и об использовании в производстве тканей 9 тыс. рабынь и рабов. В документах III династии Ура содержатся описи большого количества одежды и шерстяных тканей, хранившихся на складах, и записи о реализации этих запасов (Waetzoldt, 1972).

Основная экономическая причина контроля за земледелием и скотоводством связана с религиозными и хозяйственными институтами. Домашний скот и зерно в каче-

стве даров приносились во дворец, принимались как жертвоприношения храмам и взимались как подати с завоеванных земель. Их использовали в качестве жертвоприношений, в качестве частичной выплаты жалования чиновникам и воинам, как вознаграждение работникам царского двора. Продукты также отправлялись в другие города, что лучше всего отражено в административных отчетах конторы в Дрехеме, отвечавшей за перегон партий скота в Шуруппак и Нишпур.

Профессиональная специализация

Специализированное производство распространилось в урукский период, что отражено в списках ремесленников, распределенных по различным разрядам и профессиям. Храмовые и дворцовые учреждения раннединастического периода занимались всеми видами хозяйственной деятельности. Археологические находки показывают наличие в храмовых и дворцовых комплексах помещений для обработки металлов и печей для обжига гончарных изделий. Храм и дворец давали заказы на создание некоторых предметов, например скульптур и художественных изделий, которые отражали религиозные представления и политические достижения и были символами храмовой и дворцовой власти. Широкое разнообразие приемов, применявшихся при производстве этих уникальных изделий, предполагает организованное сотрудничество многих ремесленников-специалистов, таких как резчики печатей (илл. 68), скульпторы, ювелиры и другие.

Во многих производственных сферах и особенно в ремесле появились технические новации (Moorey, 1985). В технике обжига, обработке камня и прикладном искусстве эти новшества представляли собой дальнейшее развитие достижений более ранних времен. В гончарном деле применение в урукский период быстрого гончарного круга привело к резкому сокращению производства расписной керамики; посуда III тысячелетия до н.э. мало украшалась, хотя бывали и исключения, подобные полихромной расписной посуде из Джемдет-Наср и посуды из района р. Дияла с ее ярко-красной росписью. В металлургии III тысячелетия до н.э. продолжалось развитие достижений урукского периода, причем значительно возросли как уровень, так и ассортимент металлической продукции, особенно изделий, предназначенных для повседневных нужд (Limet, 1960; Moorey, 1982). Кузнецы работали с медью, серебром, золотом и свинцом, применяя разнообразные технологии, такие, как литье по выплавляемым восковым моделям, чеканку, пайку и филигрань. Расцвет прикладных искусств в урукский период стал основой для дальнейшего прогресса в изготовлении резных печатей, камнерезном деле и производстве фаянса. Особый интерес представляет изобретательность, с которой шумеры использовали битум: среди прочего он служил сердцевинкой для произведений искусства с медным покрытием, а также основой для инкрустаций из ракушек и камней на разнообразных предметах (илл. 69).

Внутрирегиональный и межрегиональный обмен

Для установления торговых отношений с другими регионами существовали серьезные основания. Недостаток необходимых для развития цивилизации ресурсов вынуждал жителей Месопотамии искать их за ее пределами. По всей видимости, в определенный момент раннединастического периода для получения материалов извне было принято здоровое решение развивать торговое партнерство, а не продолжать политику колонизации новых областей. Несмотря на это, политические лидеры разных вре-

мен использовали военную силу, чтобы путем завоеваний получить добычу и увеличить количество рабочих рук в своем распоряжении. В аккадский период Саргон и его преемники гордились победами в далеких походах на северо-запад, во время которых были покорены Эбла (современный Тель-Мардих в Сирии, недалеко от г. Алеппо), Кедровый лес и Серебряные горы (хребет Аманус и горы Тавр). Эти кампании были весьма дорогостоящими. При этом политические вожди так же гордо сообщали о своих торговых связях. Царь Саргон Древний, например, бравировал в своих записях тем, что «он принимал корабли из Магана и Дильмуна, выстраивавшиеся вдоль причалов Аккада». Месопотамские лидеры, таким образом, успешно и весьма уверенно экспериментировали с альтернативными формами получения разнообразных ресурсов и создали систему, при которой они могли добыть все необходимое не расходуя средства на крупномасштабные военные операции.

Основу широкой внутри- и межрегиональной торговли составляла продукция земледелия и скотоводства. В шумерских мифах содержатся частые ссылки на храмы как на сельскохозяйственные кладовые. Зернохранилища существовали как в имениях, так и по соседству с полем и током. Централизованное учетное ведомство следило за потреблением, чистой прибылью и издержками в разрозненных отдаленных районах, преследуя при этом самые разнообразные цели. Например, поступление продуктов со склада в устье одного из каналов показывает, как ячмень расходовался в качестве корма для быков и платы копавшим канал работникам. Чиновники управления занимались прокладкой каналов как в связи с орошением земель, так и в целях перевозки товаров. Каналы действительно были основной транспортной артерией для распределения ресурсов между сельскими и городскими центрами. В отчетах, близких по времени к эпохе III династии Ура, сообщается о перевозке на судах зерна, рыбы и скота. В одной из записей говорится о 28 мужчинах, в течение трех дней погрузивших 1550 бушелей (более 56 тыс. л) ячменя на судно, которое затем четыре дня плыло по каналу, пока не достигло зернохранилища в Умме.

Помимо внутрирегиональных перевозок на судах, храмы и дворцы осуществляли крупномасштабную межрегиональную торговлю (Lambert, 1953; Leemans, 1960; Neumann, 1979). Эти обширные торговые связи являлись важной составной частью экономики Месопотамии, поскольку лишь за редкими исключениями (например, изготовление гончарных изделий) ремесленное производство находилось в зависимости от снабжения привозным сырьем. Тщательный надзор за специалистами-ремесленниками, разделение продукции по отдельным категориям и контроль за ее качеством были важными факторами успеха Месопотамии в развитии торговых связей.

Развитие торговли за пределами Междуречья хорошо прослеживается уже к началу урукского периода, но на протяжении III тысячелетия до н.э. внешние контакты приобрели гораздо большие масштабы и размах. Некоторые источники указывают на ввоз готовых товаров, из которых лучше всего известны резные хлоритовые сосуды из иранского селения Тепе-Яхья. Однако наибольшее значение среди всего импортируемого в Месопотамию имело сырье. Привозное сырье перерабатывалось в продукцию, большая часть которой использовалась дома. Пользование предметами, произведенными из привозного сырья, предполагает, что основными экономическими ресурсами самой Месопотамии были труд и его организация.

К раннединастическому периоду сложилась важная торговая сеть, в рамках которой между Месопотамией и другими регионами велась торговля разнообразными товарами. Такие продукты, как свиное сало, благоволия, ткани и сельскохозяйственные продукты, обменивались на сырье – медь, бирюзу, лазурит, сердолик, дерево и раковины. Торговля с Востоком осуществлялась с помощью судов,

плававших по Персидскому заливу, или по суше через горы, тогда как в сообщениях с Западом сочеталось передвижение на вьючных животных и речных судах. Месопотамские торговцы проводили операции с товарами из различных мест, например, с ввезенными экзотическими маслами и деревом с Запада; некоторые из этих товаров продвигались дальше на Восток через Дильмун (современный Бахрейн) или через горные перевалы в обмен на материалы, которые нельзя было получить на Западе. Подобным образом жители Месопотамии получали доступ к товарам из весьма отдаленных мест. Например, лазурит доставлялся из Бадахшана на северо-востоке Ирана через перевалочные базы, подобные Шахр-и-Сохта в Восточном Иране, где были основаны мастерские для изготовления лазуритовых бус (Hermann, 1968; Tosi & Piperno, 1973).

Характер продукта определял и количество и социальный статус потребителей. Так как производством и распределением продуктов управляли храм и дворец, многими предметами и украшениями владели, конечно, лишь представители немногочисленной элиты. Производство было всецело связано с социальными запросами, и на определенные продукты эти запросы исходили от различных частей общества. Всегда высоким, например, оставался спрос на гончарные изделия, что подтверждается большим количеством находок при археологических раскопках, в частности погребального инвентаря. Так, на последних стадиях раннединастического периода эти изделия были наиболее распространенным видом инвентаря в погребениях, как богатых, так и бедных, на «царском кладбище» Ура. Это обстоятельство позволяет предположить, что керамические и некоторые другие изделия были доступны всем слоям общества. И наоборот, довольно небольшое количество изделий, изготовленных из привозных материалов, подобных лазуриту и меди, были найдены лишь в немногих захоронениях, что позволяет сделать предположение о различной доступности этих ресурсов.

Предпринимательская деятельность

Еще один из аспектов экономической жизни Месопотамии связан с индивидуальными предпринимателями и независимыми производителями в городе и на селе. Изложенное выше подразумевает, что часть хозяев обладала определенной степенью независимости, особенно те, кто продолжал жить или удалился в многочисленные поселения, где они могли сами распоряжаться собственными средствами производства. Кроме того, предпринимательством занимались некоторые городские жители или в качестве представителей храма и дворца, или же независимо от дворцовых и храмовых имений. Таким образом, с дворцом и храмом сосуществовал ориентированный на торговлю сектор экономики. И торговцы, и независимые производители, например гончары и рыбаки, по-видимому, действовали вне формальных организаций. Их занятия характеризуются как «мелко-товарная и рыночная деятельность», которая являлась дополнительной по отношению к центральной распределительной экономике.

СТАРОВАВИЛОНСКИЙ ПЕРИОД

Империя III династии Ура пала внезапно в результате вторжения из Элама и массового проникновения групп амореев. Если эламиты вскоре ушли, то амореи установили контроль над некоторыми районами Междуречья, особенно вдоль р. Тигр, и основали здесь собственные правящие династии. В других районах наместники Ура и местная знать сформировали правящие кланы. Вследствие этого произошло политическое раздробление Ме-

сопотамии на множество соперничавших городов-государств и маленьких царств, наиболее важными из которых были Ларса, Иссин, Эшнунна и Мари (*Edzard, 1957*). В течение большей части двух первых веков II тысячелетия до н.э. эти небольшие государства поддерживали неустойчивое политическое равновесие, напомиравшее ситуацию раннединастического периода. За контроль над югом Месопотамии боролись Ларса и Иссин, тогда как на севере государство Эшнунна установило временный контроль над своими соседями, а в Вавилоне началось резкое возвышение аморейской династии, основанной в начале XIX в. до н.э. Мари занял промежуточную позицию вдоль Евфрата между месопотамскими государствами на юго-востоке и царствами Катна и Ямхад в Сирии на северо-западе.

Около 1800 г. до н.э. политическая ситуация начала меняться, так как правитель Ларсы Рим-Син и правитель Вавилона Хаммурапи вступили в борьбу за контроль над всем регионом. Рим-Син (1822–1763 гг. до н.э.) сумел нанести решительное поражение своему главному сопернику – Иссину и установить контроль над Южной Вавилонией, тогда как на севере Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.), где его соперниками были Эшнунна и Ларса, начал дипломатические маневры по созданию союза. Короткое время поддерживался некоторый паритет, о чем сообщалось в дипломатическом отчете царю Мари: «Ни один из царей не обладает единоличной властью: 10 или 15 царей поддерживают Хаммурапи, царя Вавилона, столь же многие поддерживают Рим-Сина, царя Ларсы, столь же многие поддерживают Ибальпила, царя Эшнунны, столь же многие поддерживают Амутпила, царя Катны, и 20 следуют за Яримлимом, царем Ямхада». Однако Хаммурапи укрепил свои позиции на севере и вступил в союз с Эшнунной и Мари, с помощью которых разгромил Рим-Сина на юге; затем Хаммурапи повернул на север, завоевав Эшнунну и Мари.

Вавилонская власть над Месопотамией, однако, была слабой. Далекий юг Месопотамии (так называемое Приморье) отделился в правление сына Хаммурапи Самсуилуны (1749–1712 гг. до н.э.). В некоторых других местах власть Вавилона после смерти Хаммурапи все более ослабевала. Главной заботой администрации были трудности осуществления контроля над местными группами. Последующее крушение вавилонской династии было обусловлено в первую очередь ее неспособностью интегрировать эти местные и автономные группы в рамках более крупного социально-политического объединения, каким рисовалась империя ее правителям. Вавилонское государство в течение XVII в. до н.э. ослабло и сильно уменьшилось в размерах, и набег хеттов на Вавилон в 1595 г. до н.э. положил конец аморейской династии.

Характер месопотамского общества в иссин-ларсский и старовавилонский периоды существенно изменился. Как уже отмечалось, степень урбанизации Южной Месопотамии по сравнению с пиком в раннединастический период продолжала уменьшаться (см. табл. 2); к началу старовавилонского периода приблизительно половина населения проживала в городах (*Adams, 1981*). Снижение доли горожан может быть связано с постепенным проникновением технических новаций в глубинные области страны. По мере распространения новых технологий в сельских районах организация работ и характер хозяйственного контроля за произведенными продуктами должны были измениться, что, возможно, привело к развитию рынка и в сельских областях. В это же время происходили серьезные перемены в размещении населения. Военные успехи древнего Вавилона на юге привели к постепенному распаду традиционных южных центров власти и перемещению населения и материальных ценностей в новые центры власти на севере – в Вавилон и его окрестности. Проблема засоленности почв на юге также могла привести к упадку

земледельческого производства и демографическому сдвигу в северном направлении (*Jacobsen, 1982*).

В отличие от централизованной управляемой экономики периода III династии Ура, в иссин-ларсский и старовавилонский периоды появилась имевшая большое значение предпринимательская этика. Эти периоды характеризовались развитием внешней торговли с целью получения предметов роскоши и сырья, хотя сам механизм торговли изменился. Если в III тысячелетии до н.э. храмы и дворцы финансировали торговлю и брали связанный с нею риск на себя, то теперь купцы сами организовывали торговые экспедиции и несли персональную ответственность за возможные убытки. Частные инвесторы вкладывали средства в торговлю по морю через Персидский залив, благодаря которой в Месопотамию из Аравии попадало большое количество меди (*Leemans, 1960*). Семейные частные фирмы из Ашшура имели своих торговых агентов в различных городах Каппадокии (в центре Анатолии); наиболее яркий пример – в Канеше ассирийские купцы жили все вместе в одном большом квартале нижнего города, образуя объединение, которое заключало официальные соглашения с местным правительством (*Larsen, 1976*). Действительно, в то время развивалось частное предпринимательство, движущей силой которого было такое стремление к прибыли, какого не наблюдалось в более ранние периоды.

Новый предпринимательский дух отразился также на экономических и политических отношениях между царским и частным секторами (*Diakonoff, 1982; Renger, 1979, 1984*). Как и в III тысячелетии до н.э., государство продолжало владеть большими участками земли и крупными стадами скота, а также использовать значительное количество полусвободных, но зависимых работников. Государственные чиновники получали свою долю царских земель, но также могли путем покупки обзавестись частными именьями. Несмотря на собственные обширные владения, цари доверяли вступившим с ними в соглашение частным предпринимателям производство и товарооборот материальных ценностей, способствуя таким образом формированию слоя богатых семейств. Однако большинство семей владело лишь небольшими участками земли и зачастую могло пережить различные превратности, связанные с непостоянством земледельческого производства, лишь получая займы в дворцовой или храмовой казне или у богатых чиновников и торговцев. Результатом было увеличение масштабов долгового рабства и отчуждения земли.

Борьба центральной власти за господство над местными группами наиболее ярко представлена в документах местных учреждений, соответствовавших независимым когда-то центрам власти. В городе Сиппаре, например, существовал *алум*, членами которой могли быть только мужчины, жившие в пределах городских стен, и главы богатых семейств. Над этой группой стоял государственный попечитель торговцев, канцелярия которого избиралась по жребию и ежегодно обновлялась. Эту канцелярию поочередно возглавляли мужчины, принадлежавшие к одному из богатейших родов, существовало своеобразное «чередование пэров». Несмотря на то что данный институт, вероятно, был создан как учреждение центральной власти, предназначенное для сбора податей, он служил также организационным центром, представлявшим интересы граждан в их противостоянии государству. Поскольку приобретение земель центральной властью ставило под угрозу экономическое благополучие богатых родов и происходило за счет местных групп, эти общинные институты, возможно, были центрами активного сопротивления государству.

Несмотря на это, правление Хаммурапи было проникнуто идеологией справедливости и правосудия, и среди наиболее значительных его достижений была разработка нового свода законов. В действительности старовавилон-

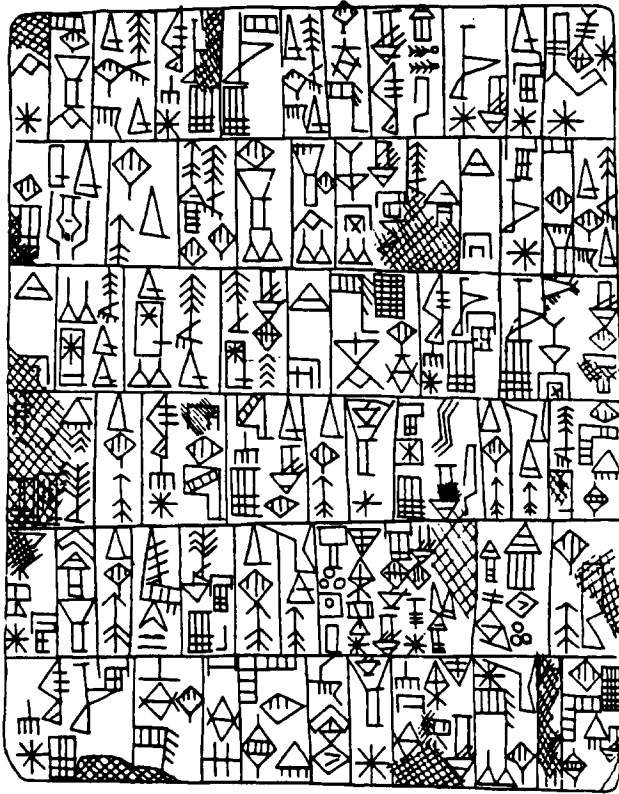

Рис. 28. Первый известный шумерский «закон о свободе» (*ам-ар-ги*), провозглашающий отмену долгов и освобождение от долгового рабства. Табличка датируется временем царствования Энтемены в городе-государстве Лагаш около 2402–2375 гг. до н.э.

ское законодательство не было первой попыткой утвердить официальную систему правосудия, так как сборники законов появились в Месопотамии довольно рано. Законы царя Урукагины, последнего правителя династии из Лагаша, созданные в раннединастический период, стали древнейшим официальным законодательством, в котором были подробно оговорены права отдельной личности, prerogative власти и меры наказания. По тому же пути следовали предшествовавшие, более древние своды законов Ур-Намму («Кодекс Ур-Намму») (2112–2095 гг. до н.э.) и Липит-Иштара (1934–1924 гг. до н.э.) – пятого царя I династии г. Иссин. Хотя эти законы в большой степени влияли на жизнь в самой Месопотамии, они также касались ее отношений с внешним миром. Например, Ур-Намму считал одной из своих задач восстановление морской торговли, в которую он ввел систему стандартизованных мер и весов. Что касается жизни на родине, то давняя традиция связывала имя царя со справедливостью, рассматривая его как защитника слабых от угнетения, наказывающего за преступления. Кодексы законов часто особо выделяли тех, кому покровительствует царь, например вдов, сирот, а также целые профессиональные группы, например земледельцев и купцов.

Эти идеи и мотивы нашли свое место в своде законов царя Хаммурапи, но в них были и новшества (илл. 70). Хотя многое из вышеназванного было нормой уже в ранних законодательствах, законы Хаммурапи, высеченные клинописью на черной базальтовой стеле, выделяются как уникальный по своему значению письменный документ права. В свод законов были введены новые положения, касавшиеся разнообразных сельскохозяйственных реформ, прав отдельных групп общества, вопросов землевладения и общественных занятий жриц *надитум*. Наиболее драматичным в новой политике было, пожалуй, возвращение к принципу «око за око» (по существу,

правило возмездия), что являлось отходом от ранней и, возможно, более гуманной денежной компенсации за преступления, которая была предусмотрена в предшествующих законодательствах. Введение этой репрессалии может быть объяснено происхождением самого Хаммурапи из среды кочевников и новыми настроениями, появившимися после предыдущего захвата страны амореями.

Социальная и законодательная философия старовавилонского периода является едва ли не важнейшим наследием этой эпохи, поскольку здесь мы, по-видимому, впервые сталкиваемся с балансом прав и обязанностей правителя и его подданных (рис. 28). Этот баланс выражен противопоставлением понятий *мишарум* («равенство, справедливость») и *андурарум* («свобода»). Таким образом, цари Вавилона были обязаны защищать независимость и свободу личности, обеспечивать равенство и справедливость, уравнивая права и обязанности правителя и его подданных. Идеи эти не были известны тогда еще нигде в Древнем Мире, и вновь появляются лишь как концепции, заимствованные в железном веке евреями, а также в поздних цивилизациях классического Средиземноморья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Непосредственно накануне периода, которому посвящена эта глава, месопотамское общество за сравнительно короткое время успешно превратило бесплодную сельскую местность в сильное государство. В результате изучения истории развития древней Месопотамии в III тысячелетии до н.э. возникает впечатление о новаторском и агрессивном обществе. Местное население из-за особенностей природы Междуречья подвергалось риску непредсказуемых сезонных наводнений и других стихийных бедствий. Шумеры отразили этот капризный характер природы в образах богов, время от времени ошибающихся и непредсказуемых. Подобные качества воплощали и месопотамские лидеры, вносящие элемент неопределенности в жизнь простых членов общин. Тем не менее в шумерском обществе находилось место и для увеселений, примером чего служат наличие мирских предметов, подобных игорной доске, на «царском кладбище» в Уре и любовно украшенные музыкальные инструменты. Даже простые члены общины участвовали в ежегодных празднествах и ритуальных представлениях. Жизнь не состояла из одного лишь труда без развлечений.

Заслуживает упоминания еще один аспект, который помогает понять характер месопотамского общества. Литература Месопотамии изобилует ссылками на военные подвиги и завоевания, объясняемые стремлением завладеть различными природными богатствами. В отдельные моменты истории Месопотамии ее политические лидеры пытались превратить в колонии и завоевать отдаленные регионы. В середине III тысячелетия до н.э. мало кто мог сравниться с Месопотамией по военной мощи. Тем не менее Месопотамия, по-видимому, отказалась от завоевательной политики ради установления внешнеторговых связей. Иначе говоря, Месопотамия предпочла господство в виде контроля над торговлей и мирное разрешение внутриэкономических проблем. Политические лидеры региона уверенно полагались на свое экономическое превосходство. Следуя этим путем, месопотамское общество активно искало и добивалось выгодного положения в самом сердце сети торгового партнерства, охватывавшей всю Юго-Западную и западные окраины Южной Азии. Находясь на пересечении торговых путей нескольких цивилизаций, Месопотамия выступала как центр международных отношений, игравший главенствующую политическую и экономическую роль.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADAMS, R. 1966. *The Evolution of Urban Society*. Chicago, Ill.
 — 1981. *The Heartland of Cities*. Chicago, Ill.
- COOPER, J. 1983. *Reconstructing History from Ancient Inscriptions: The Lagash-Umma Border Conflict*. Malibu, Calif.
- CRAWFORD, H. 1977. *The Architecture of the Third Millennium BC*. København.
- DIAKONOFF, J. M. 1969. *The Rise of the Despotic State in Ancient Mesopotamia*. In: — (ed.), *Ancient Mesopotamia: A Socio-Economic History*. Moskva, pp. 173–203.
 — 1972. *Socio-Economic Classes in Babylonia and the Babylonian Concept of Social Stratification*. In: EDZARD, D. O. (ed.), *Gesellschaftsklassen in Alten Zweistromland und im angrenzenden Gebiet*. München. pp. 41–52. (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist., Klasse 75.)
 — 1976. *The Rural Community in the Ancient Near East*. *J. econ. soc. Hist. Orient* (Leiden), Vol. 18, pp. 121–33.
 — 1982. *The Structure of Near Eastern Society before the Middle of the 2nd Millennium BC*. *Oikumene* (Budapest), Vol. 3, pp. 7–100.
- EDZARD, D. O. 1957. *Die 'Zweite Zwischenzeit' Babyloniens*. Wiesbaden.
 — 1968. *Sumerische Rechtsurkunden des III. Jahrtausends aus der Zeit vor der III. Dynastie von Ur*. München. (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist., Klasse 76.)
- GELB, I. J. 1965. *The Ancient Mesopotamian Radon System*. *J. Near East. Stud.* (New Haven, Conn.), Vol. 24, pp. 230–43.
 — 1969. *On the Alleged Temple and State Economies in Ancient Mesopotamia*. In: GIUFFRÉ, A. (ed.), *Studi in onore di Edouardo Volterra*. Milano. Vol. 6, pp. 137–54.
 — 1972. *The Arua Institution*. *Rev. Assyriol.* (Paris), Vol. 66, pp. 1–32.
 — 1979. *Household and Family in Early Mesopotamia*. In: LIPINSKI, E. (ed.), *State and Temple Economy in the Ancient Near East*. Vol. I. Leuven. pp. 1–97. (*Orientalia Lovaniensia Analecta*, 5.)
- GLASSNER, J.-J. 1986. *La chute d'Agade: L'événement et sa mémoire*. Berlin.
- HERMANN, G. 1968. *Lapis Lazuli: The Early Phases of its Trade*. Iraq (London), Vol. 30, pp. 21–57.
- JACOBSEN, T. 1939. *The Sumerian King List*. Chicago, Ill.
 — 1970. *Toward the Image of Tammuz and Other Essays on Mesopotamian History and Culture*. Ed. by W. Moran. Cambridge, Mass.
 — 1976. *The Treasures of Darkness: A History of Mesopotamian Religion*. New Haven, Conn.
 — 1982. *Salinity and Irrigation Agriculture in Antiquity*. Malibu, Calif.
- LAMBERT, M. 1952. *La période présargonique: essai d'une histoire sumérienne*. Sumer (Baghdad), Vol. 8, pp. 57–77, 198–216.
 — 1953. *Textes commerciaux de Lagash (époque présargonique)*. *Rev. Assyriol.* (Paris), Vol. 47, pp. 57–69, 105–20.
- LARSEN, M. 1976. *The Old Assyrian City State and its Colonies*. København.
- LEEMANS, W. F. 1960. *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*. Leiden.
- LIMET, H. 1960. *Le travail du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe dynastie d'Ur*. Paris.
- MARGUERON, J. 1982. *Recherches sur les palais mésopotamiens de l'âge du bronze*. Paris.
 — 1988. *Quelques remarques concernant l'architecture monumentale à l'époque 'Obeid'*. In: HUOT, J.-L. (ed.), *Préhistoire de la Mésopotamie*. Paris.
- MOOREY, R. 1982. *The Archaeological Evidence for Metallurgy and Related Technologies in Mesopotamia, c. 5500–2100 BC*. Iraq (London), Vol. 44, pp. 13–38.
 — 1985. *Materials and Manufacture in Ancient Mesopotamia: The Evidence of Archaeology and Art*. Oxford. (BAR, Int. Ser., 237.)
- NEUMANN, H. 1979. *Handel und Handel in der Zeit der III. Dynastie von Ur*. *Altorient. Forsch.* (Leipzig), Vol. 6, pp. 15–68.
- NISSEN, H. 1972. *The City Wall of Uruk*. In: UCKO, P.; TRINGHAM, R.; DIMBLEBY, G. (eds), *Man, Settlement and Urbanism*. London. pp. 793–8.
 — 1988. *The Early History of the Ancient Near East, 9000–2000 BC*. Chicago, Ill.
- OPPENHEIM, A. L. 1977. *Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization*. Rev. ed. completed by E. Reiner. Chicago, Ill.
- POSTGATE, N.; MOON, J. 1982. *Excavations at Abu Salabikh, 1981*. Iraq (London), Vol. 44, pp. 103–36.
- RENGER, J. 1979. *Interaction of Temple, Palace, and Private Enterprise in the Old Babylonian Economy*. In: LIPINSKI, E. (ed.), *State and Temple Economy in the Ancient Near East*. Vol. I. Leuven. pp. 249–56. (*Orientalia Lovaniensia Analecta*, 5.)
 — 1984. *Patterns of Non-Institutional Trade and Non-Commercial Exchange in Ancient Mesopotamia at the Beginning of the Second Millennium BC*. In: ARCHI, A. (ed.), *Circulation of Goods in Non-Palatial Context in the Ancient Near East*. Roma, pp. 31–123.
- SALONEN, A. 1968. *Agricultura Mesopotamica*. Helsinki. (*Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Series B*, 149.)
- SOLLBERGER, E.; KUPPER, J.-R. 1971. *Inscriptions royales sumériennes et akkadiennes*. Paris. (*Littératures anciennes du Proche-Orient*, 3.)
- STEINKELLER, P. 1987. *The Administrative and Economic Organization of the Ur III State: The Core and the Periphery*. In: GIBSON, M.; BIGGS, R. (eds), *The Organization of Power: Aspects of Bureaucracy in the Ancient Near East*. Chicago, Ill. pp. 19–41.
- TOSI, M.; PIPERNO, M. 1973. *Lithic Technology Behind the Ancient Lapis Lazuli Trade Expedition* (Philadelphia, Pa.), Vol. 16, pp. 15–23.
- WAETZOLDT, H. 1972. *Untersuchungen zur neusumerischen Textilindustrie*. Roma.
- ZAGARELL, A. 1986. *Trade, Women, Class and Society in Ancient Western Asia*. *Curr. Anthropol.* (Chicago, Ill.), Vol. 27, pp. 415–30.

12.1.2 КАССИТСКИЙ ПЕРИОД (1500–700 гг. до н.э.)

Жорж Ру

КАССИТСКИЙ ПЕРИОД

В 1595 г. до н.э. набег хеттов на Вавилон положил конец династии Хаммурапи. Политическими преемниками старовавилонских правителей стали касситы, представители появившейся в Месопотамии новой этнической группы. Касситы правили Вавилоном почти четыре столетия (1595–1157 гг. до н.э.). Этот долгий период может быть разделен на две части, определяемые появлением на политической сцене Месопотамии возродившейся и агрессивной Ассирии. Среднеассирийский период в значительной степени совпадал с касситским, но был длиннее на 80 лет. Взаимоотношения Вавилонии и Ассирии были сложными, включавшими, с одной стороны, политическое соперничество и периоды ассирийского господства в Вавилонии, а с другой – вавилонское культурное влияние на Ассирию.

Политическая история

Месопотамия в период с 1595 по 1330 г. до н.э.

Касситы были горным народом, происходившим, возможно, из центральной части массива Загроса, где они продолжали жить в течение I тысячелетия до н.э. Хотя касситский язык принадлежит к неизвестной языковой группе древней Западной Азии, имена некоторых касситских богов свидетельствуют о контактах с индоевропейцами (например, Буриаш – ср. с греческим богом северного ветра Бореас; Марруташ и Шуриаш – ср. с индийскими богами ветра и непогоды Марутами и богом Солнца Сурья). Главными божествами касситов были Харбе, верховный бог, Шукамуна и Шумалия, бог и богиня гор – покровители династии, и лунный бог Шипак.

Отдельные лица с касситскими именами начали появляться в вавилонских списках работников во времена Хаммурапи. Некоторые записи Самсуилуны (1749–1712 гг. до н.э.) и Аби-Эшуха (1711–1685 гг. до н.э.) сообщают о военных действиях, проводившихся в течение нескольких лет против войск касситов в Южной Месопотамии. Из вавилонского «Списка царей» можно понять, что касситы держали под своим контролем часть Месопотамии около 1730 г. до н.э. – во времена, когда правители с касситскими именами (например Каштилиашу) стояли во главе небольших государств на Среднем Евфрате, в первую очередь Хань. Хеттский набег на Вавилон в 1595 г. до н.э. позволил касситам установить политический контроль над Южной Месопотамией (*Brinkman*, 1980a).

Ранняя политическая история касситской династии в Вавилонии практически неизвестна. Со времени правления Самсуилуны под властью «династии Приморья» находилась южная часть Вавилонии. Весьма вероятно, что

в результате хеттского набега эта династия ненадолго овладела Вавилоном. Сообщение Какримской надписи о том, что Агум III вновь установил в Вавилоне статую Мардука, похищенную хеттами, позволяет заключить, что касситская династия утвердилась в Вавилоне в первой четверти XVI в. до н.э. В течение первого столетия касситского правления «цари Приморья» продолжали удерживать под своей властью Южную Вавилонию; они были окончательно изгнаны оттуда около 1460 г. до н.э. в результате военных действий. С этого времени вплоть до падения в 1157 г. до н.э. касситская династия правила всей Вавилонией, или Кардуниашем (касситское название Южной Месопотамии); несмотря на отдельные краткие эпизоды иноземного господства, эти три века представляют собой наиболее длительный период политического единства в истории Южной Месопотамии.

XVI и XV вв. до н.э. были временем, когда складывались империи-соперники позднего бронзового века. Древнехеттское царство в XVI в. до н.э. распалось, не выдержав династических распрей и иных внутренних конфликтов. В то же время возникло два государства имперского типа. Хурриты, народ, обитавший первоначально, с III тысячелетия до н.э., на крайнем севере Месопотамии между Тигром и Евфратом, в XVI в. до н.э. основал царство Митанни. Это царство доминировало, частично с помощью вассальных государств, на обширной территории, протянувшейся от иракского Курдистана через Северную Месопотамию до Северной Сирии. В следующем столетии правители Ассирии изъявляли почтение государям Митанни Паратарне и Шаустатару I. Правители египетской XVIII династии, изгнав гиксосов из дельты Нила, начали свое продвижение в Западную Азию. Наибольших успехов достиг Тутмос III (1490–1436 гг. до н.э.), прочно утвердившийся в Палестине и Южной Сирии, достигнув на севере сферы господства Митанни.

Митанни и Египет вступили в своего рода совладение Сирией и Палестиной, которое сопровождалось обменом царскими подарками и заключением междинастических браков. Это равновесие сил было, однако, недолгим. После восстановления внутреннего политического порядка Хеттское царство приступило к захватам. К середине XIV в. до н.э. хеттский царь Суппилулиума I ликвидировал господство Митанни над небольшими царствами Северной Сирии и посадил двух своих сыновей править в имевших ключевое значение городах Алеппо и Кархемиш. Ассирия же в правление Ашшурбалиста I (1363–1328 гг. до н.э.) и его преемников завершила разрушение Митаннийского государства и таким образом стала великой державой.

Вавилония не принимала непосредственного участия в борьбе за Сирию и Палестину, однако касситская династия была крайне заинтересована в выгодном для нее результате упомянутых изменений в расстановке сил. Поддерживаемые касситскими правителями дипломатиче-

ские отношения служили гарантией того, что чрезмерного усиления одной из этих держав не произойдет. После успехов Тутмоса III и Аменхотепа II в Сирии касситские цари отправляли к ним свои посольства, а впоследствии, при царе Караиндаше (около 1410 г. до н.э.), организовали регулярные дипломатические связи. Касситские цари принимали участие в обмене царскими подарками, характерном для дипломатического и торгового взаимодействия между великими державами; лучше всего такой обмен прослеживается по собранию клинописных табличек в архиве из Тель-эль-Амарны – населенного пункта в Египте, на месте столицы фараона Эхнатона. Касситские цари Кадашман-Энлиль I (1374–1360 гг. до н.э.) и Бурнабуриаш II (1359–1333 гг. до н.э.) дарили своим египетским современникам Аменхотепу III и Аменхотепу IV лошадей и колесницы, лазурит, масла, иногда бронзу и серебро, получая в ответ золото, слоновую кость, дорогие сорта дерева и изысканные одежды. Вавилония приобрела подобным образом такое количество египетского золота, что этот металл стал в региональном хозяйстве эталоном ценности (Edzard, 1960). Тот же архив сообщает о договоре между двумя державами и о браках сестры и дочери Кадашман-Энлиля с Аменхотепом III. Бурнабуриаш выражал беспокойство по поводу роста могущества Ассирии, умоляя Аменхотепа IV не вступать в отношения с Ашшурбаллитом.

Ашшурбаллит I был первым великим царем Ассирии со времен Шамши-Адада I, правившего четырьмя столетиями ранее. Уверенный в себе и умный он состоял в прямой переписке с Аменхотепом IV, требуя признания за собой равного статуса, и отдал свою дочь замуж в касситский царский дом. Когда после убийства царя Тусратты (около 1350 г. до н.э.) хурритское государство Митанни погрузилось в династические распри, Ашшурбаллит оказал поддержку Суттарне (Шуттарне) против хеттского претендента Маттивазы. Последовавшая перестановка сил позволила Ашшурбаллиту подчинить себе центральную часть митаннийской державы, в том числе ее столицу Вассокканне (Вашшукканне) (расположенную где-то в излучине р. Хабур), ограничив подвластную Маттивазе область Ханигальбатом – маленьким государством в верхнем течении рек Хабур и Балих, служившим хеттам буфером против ассирийской агрессии. К концу XIV в. до н.э. господство Ассирии распространилось от границ с Кардуниашем на юге до среднего течения Евфрата на западе.

*Кардуниаш (Южная Месопотамия)
между Ассирией и Эламом (1330–1157 гг. до н.э.)*

Хеттская экспансия в Сирии в начале XIV в. до н.э. и возрождение в конце того же столетия Ассирии резко изменили систему международных отношений в Западной Азии. Конфликт из-за владения Сирией между Египтом и хеттами вспыхнул в конце XIV в. до н.э., в правление фараона Сети I (1317–1304 гг. до н.э.); противостояние продолжалось до решительной битвы возле г. Кадеш на р. Оронте, после которой фараон Рамсес II и царь хеттов Хаттусили III заключили мирный договор. При ассирийских преемниках Ашшурбаллита, особенно при Адад-нерари I (1305–1274 гг. до н.э.), Салманасаре I (1273–1244 гг. до н.э.) и Тукульти-Нинурте I (1243–1207 гг. до н.э.), ассирийское государство значительно расширило свою территорию. В течение этого столетия ассирийские армии совершали походы на север и восток, сражаясь среди прочих с племенами, заселявшими бассейн оз. Ван и область истоков Верхнего Заба и основными позднее государство Урарту. В Месопотамии ассирийцы разгромили и присоединили Ханигальбат и непосредственно столкнулись с хеттским государством; на юге ассиро-вавилонские отношения характеризовались то

начинавшимися, то затихавшими войнами, кульминацией которых стало кратковременная оккупация Вавилонии Тукульти-Нинуртой. В конце XIII в. до н.э. произошел упадок империй Западной Азии, поскольку крупномасштабные перемены в Восточном Средиземноморье привели к разрушению Хеттского царства, серьезно уменьшили роль Египта в Сирии и Палестине и значительно ослабили Ассирию.

В XIII и XII вв. до н.э. Вавилония подвергалась угрозам с разных сторон. Преемником Бурнабуриаша стал внук Ашшурбаллита Карахардаш (1333 г. до н.э.), однако в том же году он был убит. Пришедший в ярость Ашшурбаллит посадил на вавилонский трон вместо узурпатора Наси-Бугаша (1333 г. до н.э.) своего кандидата Куригальзу II (1332–1308 гг. до н.э.). Куригальзу вступил в борьбу с преемником Ашшурбаллита Энлиль-нерари (1327–1318 гг. до н.э.), после чего общая граница была установлена по нижнему течению р. Заб. Поколением позже кассит Наси-марут-таш (1307–1282 гг. до н.э.) и ассириец Адад-нерари I вновь вступили в борьбу, в результате которой граница сдвинулась на юг в пользу Ассирии. В дипломатической сфере Вавилония достигла взаимопонимания с хеттскими правителями, особенно с Хаттусили III, вероятно, в целях координации усилий по сдерживанию ассирийской экспансии.

Напряженность в отношениях между Ассирией и Вавилонией достигла пика в правление касситского царя Каштилиашу IV (1232–1225 гг. до н.э.), который совершал пограничные набеги на ассирийские владения и, возможно, поддерживал государство Ханигальбат в его сопротивлении ассирийскому господству. В ответ на это Тукульти-Нинурта I вторгся в Вавилонию и захватил ее, объявив себя вавилонским царем и осуществляя затем управление страной с помощью нескольких марионеточных царей. Он отправил из Вавилона в Ашшур статую Мардука, наряду с другими сокровищами, медицинскими и священными текстами, а также самим царем Каштилиашу. Конец ассирийскому владычеству через 7 лет положило восстание вавилонян, после которого трон занял Адад-шума-усур (1216–1187 гг. до н.э.), сын Каштилиашу. В Ассирии спустя 10 лет был убит Тукульти-Нинурта, и во время последовавшего династического кризиса вавилонский царь смог выдвинуть собственно кандидата на ассирийский трон.

Менее известные отношения вавилонян с расположенным на востоке Эламом оказались в конечном счете более важными. Вплоть до XIII в. до н.э. среднеэламская политическая история плохо документирована (Carter & Stolper, 1984). Некоторые тексты свидетельствуют о конфликте с Вавилоном в XIV в. до н.э., который привел к захвату (вероятно, недолгому) Суз царем Куригальзу II. После этого эпизода вмешательство Элама в жизнь Вавилона постоянно усиливалось. Эламский царь Унташ-Напириша (около 1250 г. до н.э.) совершал набеги на территорию около г. Дер, а несколькими десятилетиями позже Кидин-Нутран в двух походах достиг внутренних земель вавилонского государства (в том числе Ниппура и Иссина) и низложил одного из марионеточных царей Тукульти-Нинурты. В 1158 г. до н.э. ассирийский царь Ашшурдан I (1178–1133 гг. до н.э.) напал на Вавилон с севера. В том же году эламский царь Шутрукнаххунте вторгся в Северную Вавилонию и сверг касситского царя по имени Забаба-шума-иддина (1158 г. до н.э.); продолжив свои походы, эламиты вскоре опустошили Вавилонию и пленили последнего касситского царя Энлиль-надин-ахи (1157–1155 гг. до н.э.). Эламиты вывезли из Вавилона статую Мардука, уже похитив к тому времени многие другие вавилонские памятники (победную стелу Нарамсина, статую Маништушу, копию свода законов Хаммурапи), найденные поэтому при археологических раскопках в Сузах.

Социальные и экономические условия

Вавилония

Хотя касситы имели собственную племенную (родовую) организацию, они быстро восприняли язык, религию и традиции местного населения. Царь правил, используя бюрократический аппарат, возглавляемый высокопоставленными чиновниками, и опираясь на касситскую аристократию – воинов на колесницах; коренные вавилоняне обычно занимали важные административные посты (*Brinkman*, 1974). Археологические исследования выявили сокращение населения региона в целом, ослабление характерных для более ранних периодов городских черт и увеличение доли жителей сел и мелких городов (*Adams*, 1981). Землевладение было представлено небольшими частными хозяйствами и обширными имениями, принадлежавшими царю, храмам и придворным сановникам (*Brinkman*, 1980b; *Oelsner*, 1982). При Куригальзу II появились первые *кудурпу* – грамоты о царских земельных пожалованиях важным персонам или общинам. О ремесленном производстве касситской Вавилонии пока почти ничего не известно. Процветала межрегиональная торговля, в значительной степени, хотя и не полностью, находившаяся в руках государства; вавилонские торговые связи охватывали территорию от Персидского залива до Восточного Средиземноморья.

Ассирия

Тексты из Ашшура и документы из других мест сообщают о принадлежавших ведущим ассирийским семействам крупных имениях, многие из которых были приобретены в качестве залогов под ссуду. Царь жаловал небольшие хозяйства за военную службу. Дворы провинциальных наместников служили центрами сельского производства и администрации (*Garelli*, 1969, pp. 209–215, 333–334). Небольшие сохранившиеся фрагменты свода ассирийских законов содержат несколько статей (ни одна из них не касается статуса женщины). Эти ассирийские законы отличались от вавилонских и регламентировали некоторые общественные установления, такие, как левират и статус наложницы; они также примечательны суровостью предписываемых наказаний и статьями о строгой дисциплине царского гарема (*Cardascia*, 1969).

Митанни

Архивы г. Нузи, столицы вассального по отношению к Митанни царства Аррапхи (Киркук) к востоку от Тигра, содержат источники по истории хурритского общества в Месопотамии (*Morrison & Owen*, 1981). Эти тексты, датированные концом XV–XIV в. до н.э. дают некоторое представление о сельских жителях и ремесленниках, работавших на царя и получавших в качестве платы продовольственные пайки, а также о богачах, владевших имениями, которые часто приобретались путем фиктивного наследования, осуществлявшегося через усыновление в обмен на подарок. Женщины в Нузи занимали особое положение и обладали широкими правами.

Культурное развитие

Вавилония

Несмотря на иноземное происхождение, касситские правители выполняли традиционные обязанности месопотамских царей. Касситы строили или восстанавливали культовые здания в Ниппуре, Ларсе, Иссине и Уре, следуя

традиционным образцам. В Уруке Караиндаш построил храм нового типа для шумерской богини Инанны (ей соответствует аккадская Иштар), отличавшийся резко выступающими угловыми бастиями и углубленным фасадом со скульптурными изображениями божеств, изливающих воду из ваз (*Strommenger*, 1962; fig. 170). Фигуры богов были составлены из формованных кирпичей по той же технологии, которая использовалась при возведении колонн с геометрическим рисунком в Северной Месопотамии ранее, в начале II тысячелетия до н.э. Нововведение касситов стало, в свою очередь, основой для более поздних среднеэламских, нововавилонских и ахеменидских произведений из глазурованного кирпича.

Куригальзу I стал первым, построившим царскую резиденцию, носившую его имя (эта идея была заимствована позднее ассирийскими царями). Дур-Куригальзу, нынешний Акар-Куф, находился в 30 км от Вавилона. У подножия огромного зиккурата (сильно поврежденного, но все еще достигающего 57 м высоты) располагались три храма и дворец, центральный двор которого был обрамлен портиками и украшенными фресками коридорами. Многие предметы, найденные в этом комплексе, говорят о художественной утонченности и мастерстве вавилонских ремесленников; среди этих находок – фрагменты колоссальной статуи Куригальзу, прекрасные ювелирные изделия и довольно живые статуэтки из раскрашенной терракоты.

Особой разновидностью скульптуры касситского периода являются кудурру, продолжавшие существовать и в новоассирийскую эпоху. Изготовленные из твердого камня, они содержали пространственные записи царских пожалований (земли, других владений, привилегий), над которыми помещались изображения и/или символы богов, а иногда и самого царя в качестве свидетеля пожалования (*Seidl*, 1968). Разновидностью произведений мелкой пластики были резные цилиндрические печати, на которых часто имелась длинная надпись с именем и профессией владельца и, как правило, заклинание или молитва. Печати украшались геометрическим или натуралистическим рисунком (на последних изображались растения, мухи, пчелы, кузнечики, собаки и обезьяны) (*Beran*, 1958).

В касситской Вавилонии создавались научные (медицинские, астрономические или астрологические), дидактические (словари) и традиционные религиозные сочинения. Кроме того, в литературе рассматривались проблемы, далекие от сиюминутных потребностей, например, отношения человека с богами и в особенности вопрос о природе зла. Такие произведения, как «Невинный страдалец», «Диалог о пессимизме» и в определенной мере сказание об Адаме рекомендуют или смирение, которое граничит с отчаянием, или слепое доверие богам, чьи намерения непостижимы (*Lambert*, 1960). В это время вавилонский язык стал международным и использовался в дипломатических сношениях; месопотамские сочинения были известны во всей Западной Азии и переводились на другие языки. Весьма вероятно, что благодаря широкому распространению они проникли в микенскую Грецию, а позже были усвоены классической греческой мифологией (например, история Потопа, о вознесении Этаны – Ганимеда (Этана – в вавилоно-ассирийской мифологии герой, поднимавшийся в небо на орле. – *Прим. ред.*), об Икаре).

Ассирия

Все среднеассирийские правители стремились восстанавливать, обновлять или перестраивать храмы, дворцы и стены в Ашшуре, столице Ассирии. Наиболее активен был Тукульти-Нинурта, построивший в Ашшуре обширную царскую резиденцию, а также основавший новую столицу в Кар-Тукульти-Нинурта. Во второй столице находилась царский дворец, украшенный настенной росписью и

многоцветными панелями из глазурованных кирпичей, на большей части которых было изображено священное дерево (*Eickboff*, 1985). Тукульти-Нинурта преобразовал храм Иштар в Ашшуре в двойное святилище, соответствовавшее уже существовавшим храмам Ана (бога неба) и Адада (бога бури), Сина (бога луны) и Шамаша (бога солнца) (*Andrae*, 1938).

От скульптуры этого периода сохранилось немного. На двух ортостагах – больших каменных плитах, положенных вдоль основания стен – изображены батальные сцены; два барельефа на каменных алтарях изображают царя на богослужении, сами боги представлены символами (например, главное божество ассирийского пантеона Ашшур – крылатым диском). Более богато представлены мастерски сделанные цилиндрические печати; часто украшенные изображением противоборства животных, чудовищ или людей, печати восхищают искусством передачи движения и простотой композиции.

Летописание, этот характерный для Ассирии литературный жанр, прославляющий походы царей, впервые оформилось при Адад-нерари I (около 1300 г. до н.э.). Отчет о победе Тукульти-Нинурты над Кашгилиашу подлинно эпичен по своему объему и стилю. В других жанрах ассирийцы использовали как вавилонские литературные образцы, так и вывезенные из Вавилона тексты; в основу библиотеки царя Ассирии Тиглатпаласара I (1114–1076 гг. до н.э.) легли собрание Салманасара I и трофеи Тукульти-Нинурты. В Ассирии находили работу вавилонские писцы, а вавилонское влияние продолжалось вплоть до основания в Ашшуре храма Мардука, «национального» бога Вавилонии.

Митанни

Раскопки в Нузи свидетельствуют о том, что архитектурные традиции здесь, идет ли речь о дворцах, храмах или частных домах, мало отличались от традиций других месопотамских городов. С другой стороны, многие декоративные детали указывают на сирийское и египетское влияние, которое наиболее очевидно в украшении дворцовых стен (венки, акротерии, букрании, «голова Хатор») и в глазурованных терракотовых статуэтках из храмов. Эти влияния отражают географию международных связей Митанни. Стиль митаннийских цилиндрических печатей во многом родственен сирийской глиптике: он чрезмерно изощрен в композиции, общими мотивами были изображения священного дерева и грифонов. В Нузи также производилась изящная керамическая посуда, расписанная растительным орнаментом и стилизованными изображениями животных по белому или темно-серому фону. Эта митаннийская керамика получила широкое распространение в Северной Месопотамии и Сирии (*Stein*, 1984). Однако для большей части художественной продукции специфический хурритский или митаннийский стиль убедительно определен быть не может.

ПОСТКАССИТСКИЙ ПЕРИОД

Политическая история

В конце позднего бронзового века в Западной Азии произошел крупномасштабный переворот. Два столетия, последовавших за 1200 г. до н.э. и охватывающих ранний железный век, стали свидетелями серьезных перемен в политических и социальных отношениях. Исчезло Хеттское царство, не выдержавшее восстаний покоренных народов, давления со стороны Понтийского региона Анатолии и вторжения «народов моря». В различных частях Анатолии поселились новые этнические группы (например фригийцы). Египет после смерти Рамсеса III (1166 г. до н.э.)

все более замыкался в себе, а впоследствии распался на два царства, что стало началом третьего переходного периода. В Сирии и Палестине появилось большое количество маленьких царств, основанных арамеями, неохеттами, финикийцами, израильтянами и другими только что сформировавшимися этническими общностями. В горной стране на севере среди хурритских племен, ранее вовлеченных в политические события в Месопотамии бронзового века, начало оформляться государство Урарту.

Эти перемены в Западной Азии затронули и Месопотамию. Ассирийские и вавилонские хроники и летописи отмечают начавшееся в XI в. до н.э. движение воинственных народов с запада. Ахламеи (арамеи), впервые упоминаемые в исторических источниках в XIV в. до н.э., представляли военную угрозу для Ассирии, правители которой в XI в. до н.э. многократно сражались с ними на обширных пространствах Северной Месопотамии. В течение XI в. до н.э. арамеи проникли и в Вавилонию, заняв территории вдоль Тигра и в районе г. Ниппур, где сохраняли родовую социальную организацию, высокую мобильность и этническую идентичность. Арамейское вторжение в Вавилонию уничтожило политическое единство и подорвало экономическую жизнеспособность региона. Халдеи, другая племенная группа, появились в Вавилонии в XIX в. до н.э. и расселились вдоль нижнего течения Евфрата (в основном на территории Урука и Ура). В отличие от арамеев халдеи по большей части перешли к оседлости, восприняли вавилонские обычаи и основали сильные племенные государства; их группы заняли центральное место в вавилонском сопротивлении ассирийской агрессии позднее, в I тысячелетии до н.э. (*Dietrich*, 1970).

Сразу после ликвидации эламитами касситской династии в Вавилонии Мардук-кабит-аххешу (1157–1140 гг. до н.э.) основал II династию Иссына (*Brinkman*, 1968). Несмотря на то что вопрос об эламском междоусобии в некоторых частях Вавилонии остается спорным, Мардук-кабит-аххешу к концу своего правления, вероятно, господствовал в Вавилоне, а его сыновья претендовали на управление всей Вавилонией. В это время Вавилония вновь заявила о своем политическом могуществе: третий царь новой династии Нинурта-надин-шума (1131–1126 гг. до н.э.) вторгся в глубь Ассирии, а четвертый царь Навуходоносор I (1125–1104 гг. до н.э.) разгромил эламского царя по имени Хутелудуп-Иншушинак и вернул похищенную статую Мардука. Навуходоносор сталкивался также с ассирийскими войсками и сражался с различными горными народами. При семи последующих правителях пограничные конфликты с Ассирией продолжались. Ассирийский царь Тиглатпаласар I вторгся в глубь Вавилонии и сжег дворец Мардук-надин-аххе в самом Вавилоне. В течение XI в. до н.э. династия значительно ослабла вследствие набегов арамеев, а также нескольких лет неурожая и голода и внутренних раздоров.

Политическими преемниками царей II династии Иссына были недолговечные или вовсе безмянные династии, при которых в X в. до н.э. продолжала усиливаться политическая дезинтеграция региона. Хотя их представители назывались царями Вавилонии, их реальная власть была ограничена существованием родовых областей, независимых городов и постоянными волнениями в сельской местности. Отдельным правителям начала IX в. до н.э., в особенности Набу-шума-укину I и Набу-апла-иддину, удавалось ненадолго восстановить вавилонское могущество и успешно бороться с растущей имперской мощью Ассирии при Ададнирари II и Салманасаре III (см. ниже). Однако вскоре ассирийцы одержали верх. Вторжение Салманасара и военные акции последующих ассирийских царей привели к перемещению центров вавилонского государства на юг, в зону влияния халдейских племен.

В Ассирии династические смуты после убийства Тукульги-Нинурты, а также арамейские вторжения повлекли за собой временное ослабление государства. Положение стабилизировалось в долгое правление Ашшурдана I (1178–1133 гг. до н.э.), а при его преемниках Ашшур-реш-иши I (1132–1115 гг. до н.э.) и Тиглатпаласаре I (1114–1076 гг. до н.э.) Ассирия вновь значительно усилилась. Оба эти царя энергично отражали нападения кочевников на западе; Тиглатпаласар прорвался в глубь Сирии, достигнув побережья Средиземного моря, где собрал дань, и возвратился домой с запасом кедрового дерева для украшения храма Ана-Адада в Ашшуре. Тиглатпаласар устранил угрозу со стороны мушков (фригийцев), горного народа с севера, а затем сражался с союзом племен наири в нагорьях Анатолии к западу от оз. Ван. Он также воевал с другими народами на востоке и в Вавилонии.

Возобновившиеся набеги арамейцев беспокоили Ассирию в правление Ашшур-бел-калы (1073–1056 гг. до н.э.); разгромив этих кочевников, он вытеснил их в Сирию. Набеги с запада и севера продолжались в течение всего X в. до н.э.; группы арамейцев заняли область р. Хабур и значительную часть степи между Хабуром и Ашшуром. Как и в Вавилонии, эта внешняя опасность в сочетании с периодами голода привела к длительному упадку. Ассирия не смогла вернуть утраченных позиций вплоть до вступления на престол Ададнирари в конце X в. до н.э.

Социальные и экономические условия

Незначительное число находящихся в нашем распоряжении документов этого периода показывает, что Ассирия и Вавилония были разделены на провинции, в каждой из которых был свой наместник (*Brinkman*, 1963, 1974). Как и во времена Хаммурапи, общество состояло из трех классов: свободных мужчин, зависимых от государства граждан (*мушкену*) и рабов. В соответствии с обычаями касситов вавилонские цари часто дарили землю различным сообществам (храмам, городам, селам, семьям) или отдельным личностям, достойным особой награды. Эти земли либо являлись царской собственностью изначально, либо приобретались государством у землевладельцев. Первое время состояние хозяйства в этих двух преимущественно аграрных странах было, по-видимому, удовлетворительным, но затем в результате арамейских вторжений катастрофически ухудшилось.

Культурное развитие

В течение рассматриваемого периода цари Ассирии и Вавилонии стремились скорее восстанавливать, чем строить. Скульптура этого времени представлена лишь тонко изваянными фигурами на вавилонских кудурру и немногими сохранившимися ассирийскими алтарями. Цилиндрические печати, по большей части ассирийские, уступают прежним по качеству, но тем не менее примечательны разнообразием сюжетов.

Историческая литература данного периода включает ассирийские летописи, которые становятся все подробнее, и краткие вавилонские сообщения о важных событиях; возрождается жанр царских гимнов. В литературных произведениях отразилась неуверенность людей эпохи в завтрашнем дне. «Вавилонская Теодицея», представляющая собой диалог между невинным страдальцем и другим лицом, завершается выводом, что обман и угнетение совершаются по воле богов (*Lambert*, 1960). «Сказание об Эрре» является мрачной и величественной поэмой, в которой Эрра, бог смерти, на время лишает Мардука власти и дает волю своей неистовой ярости, опустошая Шумер и Аккад (*Gossman*, 1955).

АССИРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Политическая история

Постепенное возвышение Ассирийской империи продолжалось три столетия и закончилось внезапным падением. Ее историю можно разделить на четыре фазы: два длительных периода экспансии, разделенных недолгим сокращением ее территории, а затем стремительный упадок и угасание (*Olmstead*, 1923; *Vieyra*, 1961; *Saggs*, 1984).

Освобождение и заграничные походы (911–783 гг. до н.э.)

Ададнирари II (911–891 гг. до н.э.) освободил Ассирию от непосредственной угрозы со стороны внешних врагов. Он вытеснил арамейцев из долины р. Тигр обратно к р. Хабур, разгромил горные народы на востоке, вновь, после похода вавилонян, занял Аррапхи и, заключив мирное соглашение, обменялся дочерьми с вавилонским царем Набу-шумукином I. Его сын Тукульги-Нинурта II (890–884 гг. до н.э.) закрепил эти успехи во время триумфального похода вдоль р. Хабур и Среднего Евфрата.

Ашшурнасирипал II (883–859 гг. до н.э.) положил начало политике ежегодных военных кампаний и расчетливой жестокости. Угрожая ужасными наказаниями и пытками, он ежегодно вымогал дань с арамейских царств в Джезирахе и с небольших горных царств Тавра и Загроса. Позднее он пересек Северную Сирию и достиг Средиземного моря; достигнутым врасплох финикийским, новохеттским и арамейским государствам Сирии пришлось непомерными «дарами» платить за возможность дальнейшего существования.

Салманасар III (858–824 гг. до н.э.) продолжал политику своего отца в менее жестокой форме и столкнулся с сильным сопротивлением. Не были полностью разгромлены урартские хурриты в горах на севере и востоке, серьезными противниками оказались мидяне (*мадай*) и персы (*парсуа*). В Сирии Салманасар успешно громил коалиции новохеттских и арамейских государств. Хотя попытка захватить Дамаск окончилась неудачей, он все же получал дань с других побежденных городов. На юге Салманасар помог вавилонскому царю Марду-заки-шуми I подавить мятеж его брата, разгромив его арамейских и халдейских сторонников и получив с них дань.

Шамшиадад V (823–811 гг. до н.э.) после борьбы за наследство продолжил военные операции в горах к северу, а также с большим успехом в Вавилонии (он титуловал себя царем Шумера и Аккада). Ададнирари III (810–783 гг. до н.э.) занял трон в малолетнем возрасте, и его мать Шаммурамат – прототип легендарной Семирамиды – четыре года правила в качестве регента. Они воевали с мидянами; позднее Ададнирари сражался в Сирии и сумел овладеть Дамаском, царь которого Бен-Хадад II передал свои сокровища Ассирии.

Ослабление Ассирии (782–745 гг. до н.э.)

Три сына Ададнирари правили, наследуя друг другу. Салманасар IV (782–773 гг. до н.э.) полностью находился под влиянием своего главнокомандующего Шамши-илу, воевавшего в Урарту и Сирии. Правление Ашшурдана III (772–755 гг. до н.э.) было отмечено двумя годами чумы и сирийскими восстаниями. Ашшурнирари V (754–745 гг. до н.э.) большую часть времени проводил дома в Кальху, где в результате военного переворота престол захватил Тиглатпаласар III.

В период ослабления Ассирии значительно расширилось государство Урарту (*Piotrovskii*, 1967; *Kroll*, 1979).

При Аргишти I (787–766 гг. до н.э.) и Сардури II (765–733 гг. до н.э.) это царство включило в свои владения Араратскую равнину и расширилось на юго-западе вдоль Верхнего Евфрата в сторону Сирии. Сдерживание угрозы, исходящей от Урарту, стало одной из главных задач Тиглатпаласара и его преемников.

Победы и экспансия (744–627 гг. до н.э.)

К концу правления Тиглатпаласару (744–727 гг. до н.э.) удалось возродить Ассирийскую империю, реорганизовать ее и сделать более прочной. В результате административной реформы на смену прежней системе ежегодных военных походов и «выколачивания» дани пришла система провинций, управляемых ассирийскими наместниками или находящимися под постоянным контролем вассальных государств. В новые провинции вошли земли в отдельных районах Загроса, некоторые позднететские царства на юго-востоке Анатолии и Сирии, тогда как города финикийцев и филистимлян и внутренние земли на юге Леванта (Израиль, Иудея, Аммон, Моав) стали вассальными государствами. Походы в другие места, особенно в горные области на севере и северо-востоке, должны были держать в страхе врагов (мидян и урартов). В промежутке между 731 и 729 гг. до н.э. Тиглатпаласар вторгся в Вавилонию, низложил царя Мукин-зери (халдейца из племени бит-амукани) и сам занял вавилонский трон.

Составной частью предпринятой Тиглатпаласаром реорганизации было создание профессиональной армии с мощной конницей. Он также ввел в практику массовые депортации покоренных народов, что помогало предотвратить возможные восстания, заселить города, колонизовать аграрные округа и обеспечить квалифицированной и неквалифицированной рабочей силой государственные учреждения. Поскольку большинство населения империи к тому времени говорило по-арамейски, данная политика способствовала арамеизации Ассирии.

Несмотря на то что удалось сдержать непосредственную угрозу со стороны Урарту, появилась новая опасность. К делам империи стали проявлять интерес Египет и Элам, сами пережившие долгие периоды упадка; египтяне и эламиты вместе с урартами поддерживали восстания зависимых от Ассирии государств. Салманасар V (726–722 гг. до н.э.) подавил мятеж в Израильском царстве и превратил его в ассирийскую провинцию. Трудности, с которыми столкнулся при вступлении на престол Саргон II (Шаррукин) (721–705 гг. до н.э.), спровоцировали новые восстания. Меродах-Баладан, глава халдейского племени бит-якин, при поддержке эламского царя Хумбанникаша овладел Вавилоном. Десятью годами позже Саргону удалось сместить его с вавилонского трона, но полностью подавить мятеж он не смог; Меродах-Баладан некоторое время оставался основным противником Ассирии. Египет поддержал восстания в Хаме и Газе в 720 г. до н.э. и в Ашдоде, Иудее, Моаве и Эдоме в 712 г. до н.э.; восстания эти окончились для сирийско-палестинских земель неудачно. При поддержке Урарту и Фригии позднететские Кархемиш и Киликия в 717 г. до н.э. также подняли восстание, которое было подавлено в 712 г. Ответом на «урартский вопрос» стал знаменитый восьмой поход Саргона в 714 г., в ходе которого он разгромил Урарту и взял урартскую крепость Муцацир.

Сыну Саргона Синаххерибу (704–681 гг. до н.э.) в начале правления также пришлось подавлять массовое восстание, охватившее Загрос, Киликию, Финикию и Палестину. Во время кампании в Палестине (701 г. до н.э.) Синаххерид разграбил Лахиш и угрожал Иерусалиму, который избежал разрушения лишь уплатив крупную дань. В Вавилонии Меродах-Баладан вновь занял трон (703 г. до н.э.), но Синаххерид изгнал его в том же году. Юг Вавилонии

все еще был охвачен волнениями, к которым подстрекал Элам, и в первое десятилетие XVII в. до н.э. Синаххерид продолжал вести войну против тех и других, первоначально не достигнув желаемого результата. В конце концов в 689 г. до н.э. он одержал победу и разрушил Вавилон, проявив при этом большую жестокость. Синаххерид пытался также завоевать Египет, поддерживавший восстания в Леванте; попытка оказалась неудачной, поскольку его армию охватила эпидемия. Вскоре после этого Синаххериба убил его старший сын, недовольный тем, что наследником был объявлен его младший брат Асархаддон.

Асархаддон (правил в 680–669 гг. до н.э.) повелел вновь отстроить Вавилон, и в его правление в регионе постепенно наступило спокойствие. Царь подавил восстание в Сидоне и, отразив вторжение киммерийцев и скифов в подвластной ассирийцам области, заключил с ними мир. На востоке он боролся с маннейцами и мидянами. К тому времени мидяне стали оседлым народом и сосредоточились вокруг современного г. Хамадан (древнегреческая Экбатана). Представление о мидийском городе можно составить на основании материалов раскопок в Нус-и-Джан, где обнаружены колонные залы и храм огня (*Stronach*, 1969, 1973). Царь Мидии Хшатрита (правил около 673–653 гг. до н.э.), современник Асархаддона, объединил мидийские племена в союз, который ассирийский царь пытался расколоть, сделав некоторые из этих племен своими вассалами. Главным военным достижением Асархаддона стало завоевание Египта, который в то время был разделен на многочисленные малые царства, подчиненные Тахарке, царю Куша. В 671 г. до н.э. ассирийская армия вторглась в дельту Нила и захватила Мемфис; правители Саиса стали ассирийскими вассалами. Через два года Тахарка отбил Мемфис и поднял восстание в дельте Нила. Асархаддон умер, направляясь на подавление этого мятежа.

Согласно желанию Асархаддона его сын Ашшурбанипал (668–627 гг. до н.э.) взшел на трон Ассирии, тогда как другой сын, Шамаш-шум-укин (667–648 гг. до н.э.), стал наместником Северной Вавилонии. Первой целью Ашшурбанипала был Египет. Ассирийцы разгромили фараона Тахарку и после подавления восстания в Дельте совершили стремительный поход на Фивы, вывезя оттуда богатую добычу. Фараон Псамметих I (до восшествия на престол – Нехо из Самса, после восшествия – основатель XXVI династии фараонов Позднего царства. – *Прим. ред.*) управлял затем из своей столицы Саиса всем Египтом от имени Ашшурбанипала. Среди других военных акций в правление Ашшурбанипала было подавление двух восстаний в Финикии и сопротивление новому вторжению киммерийцев. Отношения Ассирии с Эламом в первой половине VII в. до н.э. были неровными и сопровождались эламскими набегами на Вавилонию (таким как разграбление Сиппара царем Хумбан-хальташем в 675 г. до н.э.). В 664 г. до н.э. эламский царь Уртак вновь напал на Вавилонию, но был разбит. Ашшурбанипал, в свою очередь, спустя 12 лет, в 653 г. до н.э., вторгся в Элам и передал власть своим ставленникам. В это же время он покончил с растущим могуществом Гамбулу, арамейского клана, жившего на болотистых землях на юге Вавилонии, на границе с Эламом. Когда внимание Ашшурбанипала было обращено на восток, фараон Псамметих воспользовался возможностью, чтобы изгнать захватчиков из Египта.

В 652 г. до н.э. восстал северовавилонский правитель Шамаш-шум-укин. Ашшурбанипал держал своего брата под жестким контролем, обязав его следовать своим указаниям в вопросах внешней и внутренней политики, а также в религиозных обрядах. Мятеж Шамаш-шум-укина был, по-видимому, ответом на планы дальнейших ограничений его власти. Внутри Вавилонии восстание было поддержано северовавилонскими городами и большинством племенных областей на юге, т.е. прохалдейскими и/или анти-ассирийскими группировками в самой Вавилонии; по-

мощь извне оказали Элам и арабы. Вавилонское восстание продолжалось четыре года, в 648 г. до н.э. оно было подавлено ассирийскими войсками. Затем в течение трех лет Ашшурбанипал предпринял ряд карательных походов против внешних сторонников Шамаш-шум-укина, опустошив Элам и арамейские территории на вавилонской границе и покорив некоторые арабские племена.

Упадок и крушение (627–609 гг. до н.э.)

Последнее десятилетие жизни Ашшурбанипала окутано мраком. Вавилонией два десятилетия управлял его ставленник Кандалану; при нем она вновь превратилась в экономически благополучный регион. Кандалану умер в 627 г. до н.э., в том же, что и Ашшурбанипал, и вавилонским царем провозгласил себя Набопаласар (625–605 гг. до н.э.). В смутах нескольких последующих лет Набопаласар успешно боролся за власть над Вавилонией с двумя сыновьями Ашшурбанипала, Син-шар-ишкунум и Ашшур-этиль-илани. Как только Вавилония вырвалась из-под власти Ассирии, борьбу за независимость начали и другие части империи. Одновременно усиливалось могущество Мидии, царь которой Киаксар (653–585 гг. до н.э.) угрожал маннейцам и Урарту.

В 616 г. до н.э. Набопаласар начал наступление на Ассирию, совершив в этом году походы вверх по Евфрату до Хабуба и вдоль Тигра до Малого Заба. В следующем году в войну вступили мидяне, разграбившие древнюю столицу Ассирии Ашшур. Набопаласар и Киаксар заключили союз, в 612 г. до н.э. взяли и новую столицу – Ниневию, и убили ассирийского царя Синшаришкуну. Ассирийское сопротивление, возглавляемое теперь Ашшурбаллитом II из Харрани, последней ассирийской столицы в Северной Сирии, продолжалось до 609 г. до н.э., когда исчез последний ассирийский царь. Великая ассирийская империя, столь долго господствовавшая в Западной Азии, пала.

Структура и социально-экономические условия

Структура Ассирийской империи

Хотя теоретически ассирийские цари обладали абсолютной властью, им приходилось считаться с потенциальной оппозицией в собственной семье, со стороны придворных, городского населения и народа Ассирии (Garelli, 1973). Царь пытался достичь согласия такими средствами, как назначение преемников, освобождение от податей или введение трудовой повинности для общин и отдельных лиц. Обязанный, как считалось, богам своими военными успехами и всеобщим благосостоянием, царь ничего не предпринимал, не посоветовавшись с прорицателями, подвергал себя ритуальным унижениям и использовал «царей-заместителей», чтобы избежать предсказанных бедствий (Labat, 1939; Frankfort, 1948).

Царь назначал высших сановников, составлявших центральное правительство; среди них были главнокомандующий (*туррану*), главный виночерпий, дворцовый глашатай, главный дворецкий, визирь и генерал (*раб реши*). Дворец был центром управления страной, здесь же распределялась огромная добыча, свезенная из отдаленных краев империи; осуществлению этих функций помогал большой штат чиновников, писцов, прорицателей, врачей, кладовщиков, поваров, стражей и т.д. (Postgate, 1978).

Провинции возглавляли наместники – *бел михати*, или *шакну*; округами, из которых состояли провинции, управляли сельские старосты (*раб алани*). Наместники были обязаны поддерживать порядок, вершить правосудие, набирать воинов, надзирать за большими строительными

работами и взимать подати (Postgate, 1980). Они обладали широкой автономией, но были, тем не менее, подотчетны финансовым инспекторам (*кину*) и доверенным лицам царя (*журбуту*). Столицу и провинции соединяла прекрасно организованная сеть гонцов.

Войско, главный инструмент имперской власти, состояло из постоянных профессиональных частей, из так называемых царских воинов (юноши, несшие военную службу как одну из форм государственной службы (*илку*) и призывавшиеся на время походов) и из резервистов, мобилизуемых при необходимости (Malbran-Labat, 1982). В профессиональной армии коренные ассирийцы служили в коннице и на колесницах, тогда как другие подданные империи, в первую очередь арамеи, составляли тяжелую и легкую пехоту. В армию также входили иноземные вспомогательные отряды (из мидян, арабов, киммерийцев, эламитов), присоединившиеся к ней более или менее добровольно. Хотя структура армии остается неясной, известно, что ее искусно разработанное материально-техническое обеспечение включало разведывательную службу и технический корпус, в обязанности которого входила главным образом постройка осадных орудий. В стратегически важных пунктах империи находились укрепленные форты с постоянными гарнизонами, арсеналы и мобилизационные пункты.

Социально-экономические условия

По различным причинам, в том числе из-за растущего использования арамейского языка и недолговечных материалов для письма, наши знания о социальных и экономических условиях времен империи остаются неполными. Основным видом хозяйственной деятельности было земледелие; с царскими и храмовыми землями и имениями знати соседствовали небольшие хозяйства. Земледельческая продукция облагалась податями, шедшими на содержание аппарата управления и армии. В сохранившихся записях осталось мало сведений о скотоводстве, но оно, вероятно, также имело большое значение. Мало данных сохранилось и о ремесленном производстве, которое осуществлялось работавшими по контракту частными ремесленниками и царскими мастерскими. Империя обеспечивала ассирийцам легкий доступ к минеральным богатствам Ливана, Аммона (Аммана) и Восточной Анатолии. В торговле, возможно, существовали и государственный, и частный секторы, но разграничить их трудно. Царь поощрял внешнюю торговлю, связанную в основном с предметами роскоши (льняные ткани, хлопок, краски, драгоценные камни, слоновая кость), также приносящую доход государству в виде пошлин.

Ассирийское население, по-видимому, делилось на три сословия: свободных мужчин, имевших различный общественный статус, лиц, зависимых от государства или богатых домов (соотносимых с мушкенау более раннего времени), и рабов (Garelli, 1972). Последнее сословие появлялось главным образом в результате военных действий; рабов использовали на больших строительных работах. Проникнутые духом времени официальные тексты почти всегда используют такие общие термины, как «народ», «человеческие существа» или «слуги», когда сообщают о работах на царской службе.

Культурное развитие

Архитектура и искусство

Ассирийские цари вели строительство даже в более грандиозных масштабах, чем их предшественники во II тысячелетии до н.э. Многие цари восстанавливали или пере-

страивали храмы и дворцы Ашшура, древней столицы Ассирии; некоторые радикально изменяли облик старых городов и основывали новые. На руинах маленького городка царь Ашшурнасерпал II заложил Кальху (Калах, Нимруд), сделав восточнее на престол в здешнем дворце демонстрацией имперской мощи. Салманасар III добавил к этому обширный комплекс, одновременно служивший дворцом, крепостью, арсеналом и казармами. Кальху оставался военной столицей Ассирии до тех пор, пока Саргон не построил неподалеку от Ниневии город Дур-Шаррукин (ныне Хорсабад в Ираке). Синаххериб перенес столицу из Дур-Шаррукина снова в Ниневию, стены которой, ставшие в четыре раза длиннее прежних, окружали дворцы Синаххериба и Ашшурбанипала и несколько святилищ. У подножия стен простирался огромный царский сад из экзотических растений, округа орошалась с помощью разветвленной системы каналов и акведуков. Среди других больших построек были царские резиденции в провинции – Имгур-Энлиль (Балават) возле Нимруда, Тель-Барсип (Тель-Асмар) и Хадату (Арслан-Таш) в Сирии.

Ассирийские дворцы отличало разнообразие и великолепие использованных при их постройке материалов: балки и двери из дерева редких пород, бронзовые и медные гвозди, рельефные кирпичи на полу и особенно украшения из резного камня. Двери охраняли львы, крылатые духи и гигантские крылатые быки с человеческими головами. Вдоль основания стен коридоров и некоторых палат тянулись украшенные барельефами ортостаты. Эти искусно выполненные барельефы изображали сцены сражений или охоты, царские процессии, а иногда магические религиозные обряды; это художественное наследие сделало школу ассирийской скульптуры одной из самых прославленных в Древнем Мире. Стены над каменным цоколем украшали глазурированным кирпичом или выполненными блестящими красками фресками. Немногие сохранившиеся статуи царей и богов имеют меньшую художественную ценность. Лучше представлены другие разновидности скульптуры: наскальная скульптура, стелы с надписями, имеющие украшенный скульптурой верх и обелиски (усеченные многоярусные пирамиды) с батальными сценами и сопроводительными текстами.

Ассирийцы были также искусны в работах по металлу. Помимо великолепных чеканных полос из бронзы, украшавших дворцовые двери в Балавате, сохранилось множество небольших предметов из литой бронзы и прекрасные ювелирные изделия из золота и серебра. Ассирийские мастерицы украшали ковры и одежду тонкими вышивками, что правдоподобно изображено на барельефах ортостатов. Цилиндрические печати этого периода совершенны по своему исполнению и обладают холодной, но впечатляющей красотой. Особого упоминания заслуживают также разнообразные и искусно исполненные украшения из слоновой кости, особенно некоторые детали мебели. На этих созданных финикийскими, сирийскими или ассирийскими художниками небольших шедеврах представлены исключительно мирные сюжеты, что контрастирует с гигантскими барельефами во дворце, посвященными прославлению царской власти (Reade, 1981). В изделиях из слоновой кости обнаруживаются утонченность и чувство прекрасного, подчас оставшееся в тени рядом с государственным искусством, сохранившим для нас жестокие лики ассирийских царей (Gadd, 1936; Barnet & Forman, 1970; Parrot, 1969; Strommenger, 1962; Mallowan, 1978).

Наука и литература

В ассирийских дворцах размещались государственные архивы и библиотеки. В архивах в помеченных ярлыками корзинах хранились царская переписка, законодательные и административные документы. В библиотеках храни-

лись разложенные по порядку на деревянных полках исторические, учебные, научные и литературные тексты (Parpola, 1983). Эти труды обычно писались на глиняных табличках, но порой и на восковых «листах», вставленных в рамки из дерева или слоновой кости. Библиотечные собрания имелись также в храмах и некоторых частных домах.

Библиотеки были не только центрами ассирийской учености, но служили также увековечению ее традиций путем совершенствования письма. Среди текстов, использовавшихся при обучении писцов, – образцы каллиграфии, списки клинописных знаков с их названиями, фонетическими значениями и архаическим написанием, шумеро-аккадские словари, общие руководства по грамматике, образцы текстов разных жанров (законодательных, эпистолярных, религиозных и т.д.), а также двуязычные словари. Эти педагогические пособия часто писались в форме списков.

В виде списков сокращенно излагались и научные знания, что издавна практиковалось в Месопотамии. Такие списки представляли собой каталоги названий различных растений, животных, камней, географических объектов (рек, гор, городов), звезд, богов и их символов, изготавливаемых предметов, иерархии чиновников и общественных сословий и т.д. В этих списках обычно приводились соответствующие термины на других языках, особенно на шумерском (например, двуязычный ряд на 22 табличках «*HARra=hubullu*»). Другим способом передачи научных знаний были руководства и «проблемные» тексты. Первые представляли собой рецепты по изготовлению некоторых вещей, например стекла или сплава, похожего на серебро; вторые рассматривали математические и астрономические проблемы, порой весьма отвлеченные по своему характеру (Oppenheim, 1977).

В основе месопотамской медицины лежала идея, что болезни являются наказанием за различные грехи, насылаемым на больного богами. Прорицатели (*baru*) выясняли природу греха, который привел к заболеванию, а затем заклинатели (*asutu*) пытались изгнать болезнь посредством обрядов и магических формул. В то же время наряду с ритуальной практикой существовала и прагматическая медицина. Профессиональный врач (*asu*) хорошо знал воздействие ряда природных факторов, тщательно изучал симптомы как основу для диагноза и применял хирургические или терапевтические средства, не имевшие ничего общего с магией. Лекарства содержали растительные или минеральные компоненты, некоторые из них используют до сих пор (Kocher, 1963–79).

Представление о болезни как о божественном наказании было одним из аспектов более общей идеи о том, что боги управляют судьбами отдельных людей и сообществ. И вавилоняне, и ассирийцы отчаянно стремились узнать свое ближайшее и отдаленное будущее. К новоассирийскому периоду наука прорицания стала чрезвычайно сложной дисциплиной, кодифицированной в десятках тысяч текстов, часто собранных в огромные трактаты (Bottero, 1974).

Существовали две разновидности гаданий. При предсказании интуитивного или вдохновенного типа бог отвечал на вопросы посредством оракула, видения или особого сна, приходящего при полном одиночестве, или через посредничество пророков, иногда пребывающих в состоянии транса. При дедуктивном предсказании прорицатель искал знаки предзнаменования. Бару пользовались несколькими методами: наблюдением за небесными явлениями, отклонениями в физическом состоянии и поведении людей или животных, исследованием внутренностей священных животных (экстиспиция), особенно печени (гепатоскопия). Астрология, изучавшая влияние звезд на жизнь отдельных людей, была результатом позднего и позднейшего иным путем развития месопотамской традиции предсказаний, заимствованной греками.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADAMS, R. Mc. 1981. *Heartland of Cities*. Chicago, Ill.
- ANDRAE, W. 1938. *Das Wiedererstandene Assur*. Leipzig.
- BARNETT, R. D.; FORMAN, W. 1970. *Assyrian Palace Reliefs in the British Museum*. London.
- BERAN, T. 1958. Die babylonische Glyptik der Kassitenzeit. *Arch. Orientforsch. (Graz)*, Vol. 18, pp. 255–87.
- BOTTERO, J. 1974. Symptomes, signes et écriture en Mésopotamie ancienne. In: VERNANT, J.-P. (ed.), *Divination et rationalité*. Paris, pp. 70–196.
- BRINKMAN, J. A. 1963. Provincial Administration in Babylonia under the Second Dynasty of Isin. *J. econ. soc. Hist. Orient (Leiden)*, Vol. 6, pp. 233–42.
- 1968. *A Political History of Post-Kassite Babylonia (1158–722 BC)*. Roma.
- 1974. The Monarchy in the Time of the Kassite Dynasty. In: GARELLI, P. (ed.), *Le palais et la royauté*. Paris, pp. 395–408.
- 1980a. Kassiten. *Reallex. Assyriol. (Berlin)*, Vol. 5, pp. 464–73.
- 1980b. Forced Laborers in the Middle Babylonian Period. *J. cuneif. Stud. (New Haven, Conn.)*, Vol. 32, pp. 17–22.
- CARDASCIA, G. 1969. *Les lois assyriennes*. Paris.
- CARTER, E.; STOLPER, M. 1984. *Elam: Surveys of Political History and Archaeology*. Berkeley, Calif.
- DIETRICH, M. 1970. Die Aramaer Südbabyloniens in der Sargonidenzeit (700–648). *Neukirchen-Vluyn*.
- EDZARD, D. O. 1960. Die Beziehungen Babyloniens und Ägyptens in der mittelbabylonischen Zeit und das Gold. *J. econ. soc. Hist. Orient (Leiden)*, Vol. 3, pp. 67–97.
- EICKHOFF, T. 1985. *Dar Tukulti-Ninurta. Eine mittlassyrische Kult- und Residenzstadt*. Berlin.
- FRANKFORT, H. 1948. *Kingship and the Gods*. Chicago, Ill.
- GADD, C. J. 1936. *The Stones of Assyria*. London.
- GARELLI, P. 1969. *Le Proche Orient Asiatique*. Paris. Vol. I.
- 1972. Problèmes de stratification sociale dans l'empire assyrien. In: EDZARD, D. O. (ed.), *Gesellschaftsklassen im alten Zweistromland*. München, Bayerische Akademie der Wissenschaften. pp. 73–9.
- 1973. Les sujets du roi d'Assyrie. In: FINET, A. (ed.), *La voix de l'opposition en Mésopotamie*. Bruxelles, Institut des Hautes Etudes de Belgique, pp. 189–213.
- GOSSMAN, P. 1955. *Das Erra-Epos*. Würzburg.
- KOCHER, F. 1963–79. *Die babylonisch-assyrische Medizin in Texten und Untersuchungen*. Berlin. Vols 1–6.
- KROLL, S. 1979. *Urartu, das Reich am Ararat*. Hamburg, Helms-Museum.
- LABAT, R. 1939. *Le caractère religieux de la royauté assyro-babylonienne*. Paris.
- LAMBERT, W. G. 1960. *Babylonian Wisdom Literature*. Oxford.
- MALBRAN-LABAT, F. 1982. *L'armée et l'organisation militaire de l'Assyrie*. Genève.
- MALLOWAN, M. E. L. 1978. *The Nimrud Ivories*. London.
- MORRISON, M. A.; OWEN, D. I. (eds) 1981. *Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians*. Winona Lake, Ind.
- OELSNER, J. 1982. Zur Organisation des gesellschaftlichen Lebens im kassitischen und nachkassitischen Babylonien: Verwaltungsstruktur und Gemeinschaften. *Arch. Orientforsch. (Graz)*, Vol. 19, pp. 403–10.
- OLMSTEAD, A. T. 1923. *History of Assyria*. New York.
- OPPENHEIM, A. L. 1977. *Man and Nature in Mesopotamian Civilization*. *Dict. sci. Biogr. (New York)*, Vol. 15, pp. 634–66.
- PARPOLA, S. 1983. *Assyrian Library Records*. *J. Near East. Stud. (Chicago, Ill)*, Vol. 42, pp. 1–29.
- PARROT, A. 1969. *Assur*. 2nd ed. Paris.
- PIOTROVSKII, B. 1967. *Urartu, the Kingdom of Van and its Art*. London.
- POSTGATE, J. N. 1978. *The Governor's Palace Archive*. London.
- 1980. The Place of the Saknu in Assyrian Government. *Anatol. Stud. (London)*, Vol. 30, pp. 69–76.
- READE, J. E. 1981. Neo-Assyrian Monuments in their Historical Context. In: FALES, F. M. (ed.), *Assyrian Royal Inscriptions: New Horizons in Literary, Ideological, and Historical Analysis*. Roma. pp. 143–67.
- SAGGS, H. W. F. 1984. *The Might that was Assyria*. London.
- SEIDL, U. 1968. Die Babylonischen Kudurru-reliefs. *Baghdader Mitt. (Berlin)*, Vol. 4, pp. 7–222.
- STEIN, D. 1984. *Khabur Ware and Nuzi Ware: Their Origin, Relationship and Significance*. *Assur (Malibu, Calif)*, Vol. 4, No. 1.
- STROMMINGER, E. 1962. *Fünf Jahrtausende Mesopotamien*. München.
- STRONACH, D. 1969, 1973. *Excavations at Tepe Nush-i Jan*. Iran (London), Vol. 7, pp. 1–20; Vol. 11, pp. 129–40.
- VIEYRA, M. 1961. *Les Assyriens*. Paris.

12.2

СИРИЯ И ПАЛЕСТИНА

12.2.1

РАННИЙ И СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (3000–1600 гг. до н.э.)

Доминик Бейе

Географические условия и в первую очередь отсутствие четких естественных границ (за исключением Средиземноморского побережья) препятствовали установлению подлинного политического единства в сирийско-палестинском регионе. С запада на восток здесь можно было выделить от четырех до пяти региональных типов (карта 12).

На западе близость моря создала условия для развития ряда прибрежных городов, таких как Угарит и Библ, которые очень рано стали связующими пунктами между Западной Азией, Средиземноморьем и Египтом.

Протянувшиеся параллельно побережью горы – хребты Аманус, Джебель-эль-Ансари, Ливан и Антиливан – обусловили то, что основные пути проходили с севера на юг, по плодородным долинам (Габ, который пересекала р. Оронт, и Бекаа, в верховьях р. Иордан) с климатом, напоминающим средиземноморский, сообщавшимся через горные проходы с побережьем и внутренними районами. Во внутренних районах в долинах различной протяженности и в различной степени обеспеченных водой появились такие территориальные объединения, как Хама и Алеппо в Сирии, которые играли важную роль в древние времена. Некоторые территориальные единицы, например Дамаск, были оазисами, окруженными пустынной степью, настолько сухой, что она едва могла обеспечить существование кого-либо кроме кочевых пастухов, странствования которых были постоянной особенностью в истории этих регионов. Эту сирийскую степь на востоке и северо-востоке пересекал Евфрат, который очень рано стал главным транзитным путем, соединявшим Месопотамию, Анатолию и Сирию и делавшим северную часть Сирии главным центром сообщения в Западной Азии.

Расположенную на юго-западе Палестину, прорезанную с севера на юг тектонической впадиной Гхор (долиной р. Иордан), холмистую страну, бывшую в древности более плодородной, чем сейчас, заселяли сообщества земледельцев. Окаймленная на востоке Сирийской пустыней, а на западе побережьем с немногочисленными естественными гаванями Палестина была доступна только с севера или, с большим трудом, с юга, где пустыня Негев и Синайская пустыня в различной степени служили препятствием для египетского завоевания.

Эти сирийско-палестинские области стали прибежищем для различных народов, главным образом семитских, и долгое время считалось, что Сирия никогда не создавала собственной цивилизации. Однако исследования, которые проводятся уже несколько десятилетий в этом регионе,

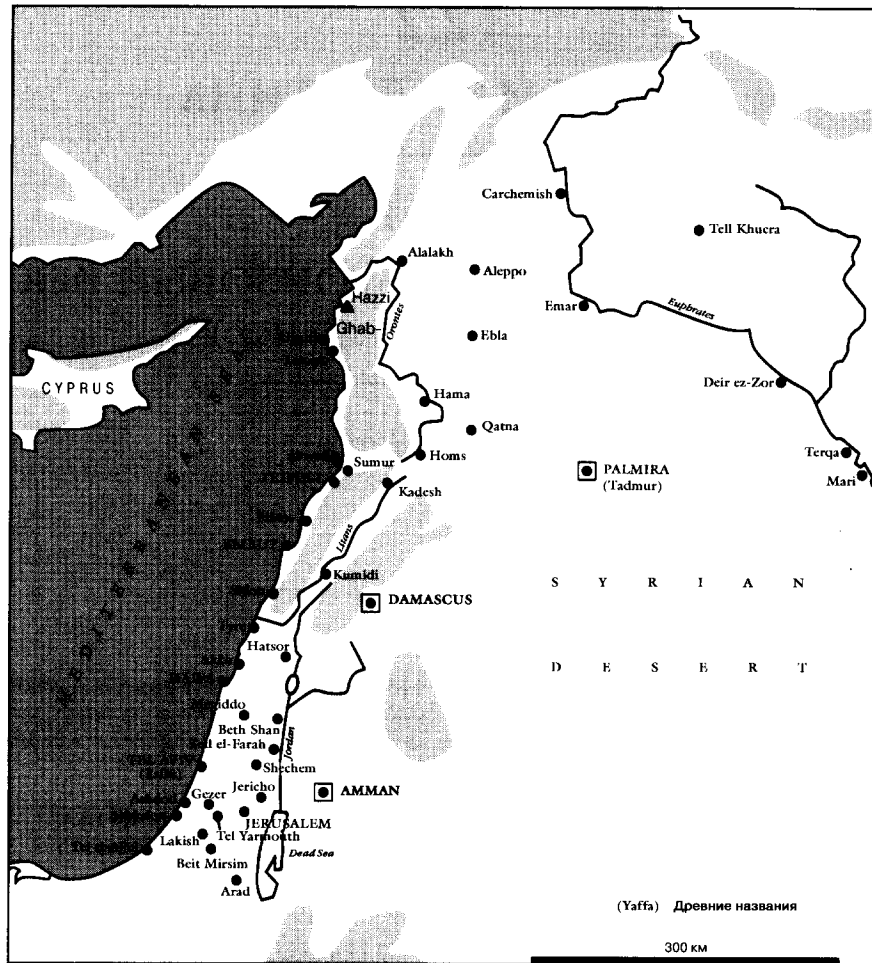
особенно в Северной Сирии, выявляют оригинальный сирийский вклад в мировую культуру, который подпитывался богатством связей Сирии с соседними областями.

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (III ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э.)

Сирия

Евфрат и Джебел-Аманус

Разрушение и запустение важных колоний шумерского типа (Бабуба-Каннас, Аруда) в излучине Евфрата в Сирии приблизительно в конце IV тысячелетия до н.э., несомненно, задержало на время распространение в сирийских землях некоторых культурных достижений, например, шумерской письменности. Об истории Сирии в начале III тысячелетия до н.э. известно пока мало; по крайней мере один важный город, Мари на Среднем Евфрате, ставший центром большого сирийского государства в середине этого тысячелетия, основан очень рано и с самого начала был довольно крупным, что показали исследования французской экспедиции под руководством Ж. Маргерона (*J. Margueron*). Построенный на Евфрате между двумя центрами торговли, Месопотамией и Северной Сирией, город-государство Мари постепенно богател, имея возможность контролировать торговлю товарами, необходимыми Месопотамии, испытывавшей недостаток в таком сырье, как древесина, металлы и камень. Это выгодное географическое положение и масштаб связей с Месопотамией объясняют, почему шумерские традиции были столь широко восприняты семитским населением Мари; примером являются клинописные тексты той эпохи, исполненные в шумерском стиле изображения молящихся и цилиндрические печати. В период расцвета этой цивилизации, между 2600 и 2340 гг. до н.э., династия Мари даже была названа шумерскими писцами как «десятая после Потопа». И действительно, относящийся к указанному времени гигантский дворец, построенный в несколько этапов из высушенного на солнце кирпича, свидетельствует о могуществе государства Мари. Его раскопки, начатые А. Паро (*A. Parro*), еще продолжаются. Большое святилище внутри дворцового комплекса, огороженная священная территория, прилегающая к нему, наводят на мысль, что религиозное и светское начала были тогда тесно и, возможно, неразрывно связаны.

Карта 12. Сирия и Палестина (3000–700 гг. до н.э.)

Некоторые черты в архитектуре храмов типичны для сирийского мира; к ним относятся, в частности, открытое пространство, связанное со святилищем (храмы богинь Иштар и Нинхурсаги и досаргоновский храм Дагана, главного бога г. Эбла), или бетили – стоящие в центре храма камни (Нинни-Заза).

Выгодное положение Мари в системе торговли по Евфрату было причиной его сложных отношений с великими державами того времени, Эблой в Сирии и Аккадом в Месопотамии. Мари осуществлял торговлю не только по Евфрату, но также по его притокам в Верхней Сирии – прежде всего Хабру, а также Балиху. Раскопки немецких ученых в Телль-Хуэра показали, что шумерское влияние достигло Джезирах, в Северной Сирии, уже в архаический период; об этом свидетельствуют стилизованные статуэтки, обнаруженные в небольшом храме. Планировка храма, с другой стороны, отражает специфически сирийскую традицию – это небольшой древний храм, состоявший из единственного выгнутого помещения, приспособленного для отправления культа; к храму ведет проход с колоннами (ангами) с каждой стороны. Храм построен в середине III тысячелетия до н.э. и является древнейшим образцом ряда сирийских храмов, выгнутых в форме мегарона, – такая планировка использовалась много позднее для храма Соломона в Иерусалиме.

Внутренняя Сирия

Большим достижением археологии последнего времени было открытие итальянской экспедицией, возглавляемой П. Маттиэ (*P. Matthiae*), древнего города Эблы, важно-

го центра, о котором ранее было известно из шумерских и аккадских клинописных текстов Месопотамии и который, как считалось, находился в Южной Турции, пока итальянские археологи не обнаружили его в современном г. Телль-Мардих, в 60 км к югу от Алеппо. Тогда как Мари во многих отношениях был уже месопотамским городом, Эбла представляет собой образец «протосирийской» городской культуры внутренних областей Верхней Сирии. Была раскопана часть обширного дворцового здания (дворец G), близкого по времени дворцу в Мари; при раскопках найден колоссальный архив, состоявший приблизительно из 15 тыс. глиняных табличек, покрытых месопотамской клинописью на шумерском, а также на восточноеммитском языке, родственном ханаанейскому и названному эблаитским. Эти архивы принадлежат династии «господ», правивших в обширном государстве, которое имело связи с отдаленными областями (Северной Сирией, Анатолией, Средним Евфратом и Месопотамией) и более близкими городами на сирийском побережье. Благополучие Эблы основывалось на установлении с экономическими целями гегемонии над независимыми провинциями. Ее основные богатства составляли продукты развитого сельского хозяйства – ячмень, оливковое масло, а также скот. Огромное количество овец, упоминаемых в табличках, делало возможной организацию крупного текстильного производства. Была развита торговля металлами – медью, оловом и драгоценными металлами.

Уже раскопанная часть дворца в Эбле состоит из обширного внутреннего двора, с севера и востока ограниченного портиками, где царь давал аудиенции: об этом свидетельствует возвышение, обнаруженное в центре северно-

го портика. Монументальная лестница, вероятно, вела в личные апартаменты. Массивная башня в северо-восточном углу двора с лестницей, состоявшей из трех прямых пролетов, богато украшенных инкрустациями из раковин, подчеркивает значение, придававшееся первому этажу. Несмотря на сходство, обнаруженное между этим дворцом и месопотамскими, например дворцом в Кише, резиденция в Эбле, по-видимому, прежде всего была прообразом будущей сирийской дворцовой архитектуры. К северу от дворца в жилом и административном квартале среди прочего были обнаружены дорогие и редкие фрагменты резной деревянной мебели. Основываясь на том, что известно к настоящему времени, можно сделать вывод, что придворное искусство в Эбле имело глубоко оригинальные черты, хотя в то же время было близким искусству Месопотамии заключительной стадии периода древних династий, до возникновения аккадской империи около 2430 г. до н.э. Именно этим месопотамским царям, скорее всего Нарамсину, следует приписать захват около 2270 г. и разрушение этой протосирийской метрополии. Два соперника, Мари и Эбла, были серьезным препятствием на пути месопотамских завоевателей, стремившихся получить свободный доступ в богатые области Северной Сирии и Средиземноморского побережья. После падения Аккадской империи цари III династии Ура в XXI в. до н.э. вновь установили верховную власть Месопотамии над Мари, Эблой и, что кажется весьма вероятным, над Библом на побережье. Вторжение кочевых аморейских племен на территорию Эблы на время ослабило городскую цивилизацию в регионе.

Сирийское побережье

Судьбы сирийских прибрежных городов в III тысячелетии до н.э. заметно разнились.

Имеющаяся в нашем распоряжении информация о г. Угарит, который приобрел большое значение во II тысячелетии до н.э., остается, к сожалению, довольно неполной. Библи на ливанском побережье, отделенный от внутренних областей высокими лесистыми горами, в раннем бронзовом веке представлял собой прообраз финикийского города в Восточном Средиземноморье, ориентированного исключительно на морскую торговлю. Библи (это имя город позднее получил от греков, по-аккадски он назывался Губл; библейское название Гевал, Гебал) был защищен каменными стенами уже с 2900–2800 гг. до н.э., но только со стороны суши; это говорит о том, что его жители, по-видимому, не опасались нападения с моря. Благодаря двум портам, одному на севере, а другому на юге, положение которых определялось направлением господствующих ветров, город очень рано (со времен II династии), установил выгодные торговые отношения с Египтом. Помимо прочего Библи снабжал фараонов сосновым и драгоценным кедровым деревом, которое активно использовалось при возведении грандиозных монументов. Дары, посылаемые египетскими правителями, размещали в храме и посвящали Баалат-Гебал – богине-«Владычице Библи», которую египтяне отождествляли с Исидой и Хатор. Таким образом, город знал длительный период благополучия, свидетельством которого является богатство местных памятников, хорошо известных по масштабным раскопкам, проведенным французской экспедицией под руководством М. Дюнана (*M. Dunand*).

В центре города стояли три храма, окружавшие водоем – Священное озеро. Храм, находившийся на западе, был святилищем Баалат-Гебал, он состоял из нескольких ярусов и массивных колонн, несших плоскую крышу. Подобная конструкция использовалась также при строительстве больших жилых зданий города. Здания были каменными с деревянными надстройками. Около 2300 г. до н.э.

или немного позже город сгорел, возможно, во время нападения амореев (аморитов), кочевого семитского народа, принадлежавшего к той же группе, что и обитавшие в этих областях ханаанеи. Библи, однако, быстро восстал из руин.

Палестина

Хронология всего раннего бронзового века (этот термин применяется лишь для удобства, поскольку использование металла было ограниченным, а бронза лишь понемногу вытесняла медь) тесно связана с хронологией Египта, что обусловлено открытием в Палестине египетских артефактов и наличием палестинских гончарных изделий в египетских гробницах I династии. Отношения Египта с Палестиной не были мирными, в отличие от торговли между фараонами и Библом. Жители селений (Лакиш, Гезер и др.) у подножия холмов Иудеи и Самарии пытались укрыться от постоянной угрозы за массивными стенами.

Процесс урбанизации в Палестине в III тысячелетии до н.э. был менее интенсивным, чем в Сирии, Месопотамии и Египте, и проходил без таких важных культурных достижений, как создание письменного языка. Люди обычно селились на территориях, наиболее пригодных для развития земледелия (долина р. Иордан, холмы на Западном берегу, восточная часть Иорданского нагорья). Страна состояла из небольших городов-государств; площадь прилегающей к ним возделываемой земли была весьма ограничена. Север, по-видимому, был богаче и плотнее заселен, чем юг. Бет-Шан (современный Бейт-Шеан), Мегиддо и Иерихон построены с большой тщательностью, а их непрерывное социальное и экономическое развитие обуславливалось в первую очередь потребностями в коллективных действиях и общей защите. Стены, первоначально кирпичные, а затем каменные, постоянно укреплялись (в Иерихоне выявлено 17 фаз ремонтных работ) и были оснащены башнями.

В ходе раскопок в Араде (Израиль) был обнаружен город раннего бронзового века II на окраине пустыни Негев и холмов Иудеи; это пример поселения, расположенного в точке, где, несмотря на засушливый климат, пересекались караванные пути, ведущие на Синайский п-ов, в Египет и Аравию. Валы, укрепленные полукруглыми башнями, окружали жилые кварталы; четко выделяется официальный центр с храмами и, вероятно, общественными зданиями. Находившийся в центре застроенного пространства резервуар, наполнявшийся во время дождя, удовлетворял основную потребность в воде. В других местах, например в поселении Джава в базальтовой пустыне, расположенной к югу от Джебель-Друз в Заиорданье, отводные каналы делали возможным получение и сохранение драгоценной воды из русел высохших рек (вади), наполнявшихся во время дождей.

Как показали недавние раскопки, одно из наиболее важных поселений раннего бронзового века находилось в Тель-Ярмуте на холмах к западу от Иерусалима; поселение было полностью укрепленным нижним городом, над которым возвышался акрополь. Оно занимало территорию более 16 гектаров (возможно, на ней жило 7 тыс. человек) и имело большое значение в раннем бронзовом веке III: старые каменные валы были с внешней стороны усилены скатами, существовала вторая линия валов, общая глубина оборонительных сооружений достигала почти 37 м. В монументальных воротах имелся зигзагообразный проход.

В последние века III тысячелетия до н.э. городские поселения были разрушены или покинуты жителями, и в отличие от Сирии, где городская цивилизация никогда по-настоящему не прерывалась, в Палестине произошло возвращение к пастушескому и сельскому образу жизни.

В то же время появился новый тип керамики – красная полированная посуда. Индивидуальные захоронения, по-видимому, вытеснили большие коллективные погребения. Не отказываясь от традиционного объяснения этих сдвигов результатами набегов кочевников-амореев, современные археологи связывают их также с внутренними изменениями, особенно с экологическими.

СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (2000–1600 ГГ. ДО Н.Э.)

Сирия

Хотя амореи довольно быстро ассимилировались в Месопотамии, те аморейские кочевники, которые в последние века III тысячелетия до н.э. предпринимали набеги на Сирию и Палестину, переходили к оседлой жизни и воспринимали цивилизацию оседлых народов медленно. Помимо местных жителей, семиты-амореи, пришедшие с пограничья Сирийской и Аравийской пустынь, вступили в Северной Сирии в контакт с хурритами, азиатским народом, постепенно проникавшим туда с северо-востока Западной Азии и говорившим на агглютинативном языке, пока совершенно неизвестном, к которому они приспособили клинопись.

Внутренние районы Сирии, Эбла, Ямхад

Один из первых сирийских центров, построенный в начале II тысячелетия до н.э., – Эбла. Вокруг нее были сооружены мощные валы, укрепленные скатами, с прорезанными на юго-западе монументальными воротами с многочисленными «клещами» (французское *tenailles*), стены которых имели в основании большие каменные ортостаты. В ходе раскопок итальянские археологи обнаружили два дворца. Если дворец *E* к северу от акрополя известен лишь частично, то здание *Q*, расположенное к западу от дворца III тысячелетия до н.э., представляет собой значительный монументальный ансамбль. Он, по-видимому, выполнял разнообразные функции, на что указывают длительное время его использования и ряд перестроек, которым он подвергся, но прежде всего он был резиденцией и административным центром, а также, вероятно, местом проведения религиозных церемоний, связанных с погребением предков царской семьи. Кроме того, обнаружен некрополь, выдолбленный в скальной породе под дворцом и двумя храмами; там похоронены высокопоставленные лица времен среднего бронзового века II (около 1800–1600 гг. до н.э.). Выявлена структурная связь между упомянутыми подземными камерами и тремя зданиями над ними; это напоминает о практике, известной, например, в Мари или в Уре в Месопотамии в период III династии Ура. Хотя захоронения были разграблены, в «гробнице принцесс», «гробнице господина с козлами» и в меньшей мере в «гробнице водных резервуаров» еще оставались сокровища; помимо керамики и каменных ваз здесь были обнаружены золотые украшения, жезлы фараонов и вырезанные на кости рельефные изображения религиозных сцен, в том числе ритуальной трапезы и, возможно, поклонения быку.

Среди храмов, на сегодняшний день обнаруженных в Эбле, наибольший интерес представляет храм *D*, относящийся к храмам удлиненного типа (напоминающим мегарон). С крыльца с колоннами, расположенными справа и слева от двери, открывался вход в «вестибюль», в дальнем конце удлиненного помещения имелось возвышение и глубокая ниша в стене. Напротив возвышения стоял *бетиль*, характерный для западносемитских культов и представлявший собой грубо обтесанный каменный блок.

В юго-восточном углу помещения находился прямоугольный каменный бассейн, разделенный перегородкой и украшенный барельефами, похожими на другие образцы того же типа (XIX в. до н.э.) (илл. 71). Среди сюжетов, представленных на этих каменных сосудах, следует отметить изображение ритуальной трапезы – мотив, который, по-видимому, был особенно широко распространен, поскольку связан с мифологическими представлениями. На одном из таких бассейнов имеется изображение, интерпретируемое как сцена заключения союза между царями. Этот типично сирийский мотив обнаружен также на цилиндрических печатях.

Один из храмов нижнего города (N) относится к ряду массивных храмов, или храмов-башен, похожих на храмы Ваала и Дагана, великих сирийских богов, в современном городище Рас-Шамра, прежнем Угарите.

В XVIII и XVII вв. до н.э. Эбла, вероятно, попала под власть «великого царства» Ямхад, столицей которого был г. Алеппо и которое господствовало в Центральной Сирии. Хотя от древнего Алеппо не осталось почти никаких следов, британскому археологу Л. Вулли удалось раскопать несколько культурных слоев древнего города Алалах (Тель-Атчан севернее Антиохи в Юго-Восточной Турции), где находится одно из наиболее значительных сирийских строений этого периода – дворец царя по имени Ямрилим (в слое VII, XVIII в. до н.э.). Укрепленный валами с тыльной стороны он представлял собой удлиненное здание, состоявшее из двух крыльев, разделенных центральным пространством. В его официальной северной части глинобитное основание стен было усилено базальтовыми ортостатами – эта особенность долгое время воспроизводилась сирийскими архитекторами. Здание имело по крайней мере один надстроенный этаж, в одном из помещений которого сохранились остатки настенной росписи, напоминавшей роспись критских дворцов.

В клинописных текстах, найденных во дворце Ямрилима, обнаружены оттиски цилиндрических печатей, в первую очередь царских, характерных для «классической» фазы сирийской глиптики. Эти четко датированные документы (конец XVIII и XVII в. до н.э.) являются ценными указателями для хронологии сирийских печатей, точное место которых в стратиграфическом контексте зачастую неизвестно. В мастерских, несомненно существовавших в крупных городских центрах, подобных Алеппо, Эбле, Угариту и Катне, сложился весьма утонченный стиль с использованием твердого камня, такого как гематит (красный железняк). Этот стиль был оригинальным, несмотря на заимствования из соседних Анатолии и Месопотамии, из Египта, особенно в XVII в. до н.э. под влиянием гиксосов, а также минойского искусства. Мифологические тексты, составленные позднее, в XIV и XIII вв. до н.э., в Угарите, дают возможность хотя бы отчасти определить состав преобладающих сюжетов. К ним относятся изображения большого количества божеств, среди которых наиболее популярным является бог грозы, символизируемый, как и у всех народов Леванта, быком и часто изображавшийся на печатях и в форме бронзовых статуэток в виде молодого сражающегося бога. В ряде символов, отражающих естественные силы природы и смену времен года, появление бога грозы, торжествующего над силами зла, представленными в Леванте изображением змеи, возвещало начало дождей, гарантирующих восстановление растительного покрова в сухих сельскохозяйственных областях (илл. 72–75).

Сирийское побережье

Египет довольно скоро восстановил интенсивную торговлю с приморскими городами – Угаритом, несомненно Тиром и Сидоном, но прежде всего – с Библом, лучшим всего известным из этих городов в ту эпоху и внесенным в фараонские списки в качестве египетского города.

Как и в III тысячелетии до н.э., фараоны продолжали посылать дары, но они также направляли и некоторое количество чиновников, в обязанности которых входила по крайней мере организация торговли. Поэтому царей Библа, вероятно, следует рассматривать как вассалов XII династии египетских фараонов. Они носили египетские титулы и писали иероглифами, пытаясь передать псевдоиероглифическим письмом свою финикийскую речь. В выдолбленных в скалах гробницах царей и членов царствующего дома найдены клады ценных предметов, где подарки от фараонов лежали рядом с произведениями местного ювелирного искусства, демонстрирующими сильное влияние египетских образцов (илл. 76). Стилль предметов, найденных в храме Библа, более самобытен: рукоятка кинжала, покрытая золотом, с изображением бодающихся козлов, секиры, богато украшенные филигранью и зернью. Более 1300 приношений было спрятано под полом Храма обелисков, прекрасного образца западносемитского святилища и архитектурной планировки XIX и XVIII вв. до н.э. Собственно храм имел довольно скромные размеры. В его главном помещении, не имевшем кровли, вряд ли находилось что-либо кроме большого бегия на постаменте. Двор, окружавший храм, был довольно обширным, в нем помещалось более 30 стел, многие из которых имели форму обелиска. Одна из них посвящена царем Аби-Шему египетскому богу Херинешу-Ра (рис. 29).

Сирийский Евфрат: Мари, Терка

Город Мари, расположенный восточнее, в омываемой Евфратом части Сирии, пережил второй период расцвета, продолжавшийся до середины XVIII в. до н.э., после чего оказался препятствием для завоевательных амбиций вавилонского царя Хаммурапи Великого и тот буквально смел его со своего пути. Прекрасным источником по истории Мари являются приблизительно 20 тыс. клинописных табличек из архива (охватывающего, однако, период лишь в 40 лет; примерно между 1800 и 1760 гг. до н.э.), обнаруженных во дворце, последним хозяином которого был царь Зимри-Лим. Это монументальное строение, одно из наиболее значительных в ближневосточной древности,

впечатляет как размерами – 300 дворики, комнат и коридоров только на первом этаже, так и прекрасной сохранностью убранства; экспедиция А. Паро (*André Parro*) обнаружила здесь статуи, настенную роспись, бытовую утварь, в том числе полный набор терракотовых форм для выпечки. Возможно, дворец достигал высоты более 15 м (по крайней мере в некоторых частях, где имелся верхний этаж) и располагался вокруг двух больших дворов; на первом этаже находились кладовые, кухни и помещения для слуг, а также официальные апартаменты с тронным залом и святилищем в юго-восточной части, на месте остатков дворца III тысячелетия до н.э. Разумеется, трудно определить, как выглядел и каким образом использовался верхний этаж, но известно, что личные покои царя и некоторые административные учреждения находились здесь (рис. 30).

После падения Мари его положение на Евфрате унаследовал, хотя и в более скромных масштабах, его бывший вассал город Терка, где находилось большое святилище бога Дагана. Вокруг этого города сложилось царство Хана; по-видимому, оно сыграло определенную роль в развитии цивилизации касситов, которые правили Месопотамией с начала XVI в. до н.э.

Палестина

После упадка городской цивилизации и сложных перемещений населения в конце раннего и начале среднего бронзового века Палестина постепенно восстанавливалась: египетские источники начиная с XIX в. до н.э. свидетельствуют об уменьшении количества племен и увеличении числа постоянных поселений; отдельные кланы сосуществовали, на что указывает, кроме прочего, погребальная практика (обнаружены шахтно-камерные склепы и гробницы, могилы с проходами и с курганом над ними). Использование быстрого гончарного круга, возможно принесенного новыми группами населения, привело к созданию тонких гончарных изделий, родственных керамике Анатолии и Северной Сирии.

Ханаанейская цивилизация в Палестине переживала золотой век между 1700 и 1550 гг. до н.э., во время владычества гиксосов в Египте. Гиксосы, известные в Египте как

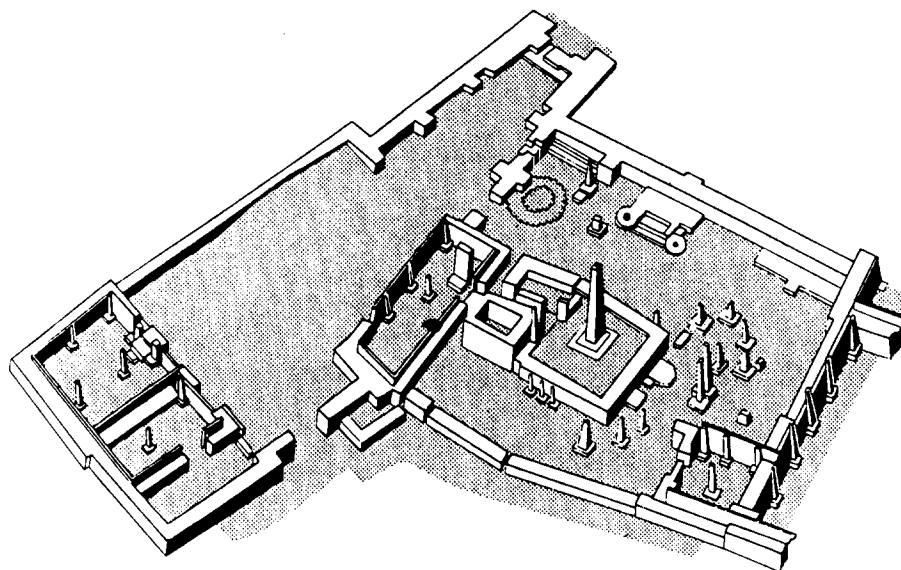

Рис. 29. План храма обелисков в Библе. Наиболее характерную часть составляет прямоугольный двор, в котором находятся 30 стел-obelisков, а в центре – открытое святилище. Здесь, вероятно, стоял обелиск или бегиль традиционного для семитских святилищ типа. Культурный инвентарь состоял из многочисленных бассейнов и столов для жертвоприношений. Найдено большое количество приношений, часто из драгоценных материалов, главным образом бронзовое оружие, статуэтки, покрытые тонким слоем листового золота, и глиняные фигурки животных (по *Amiet*, 1977)

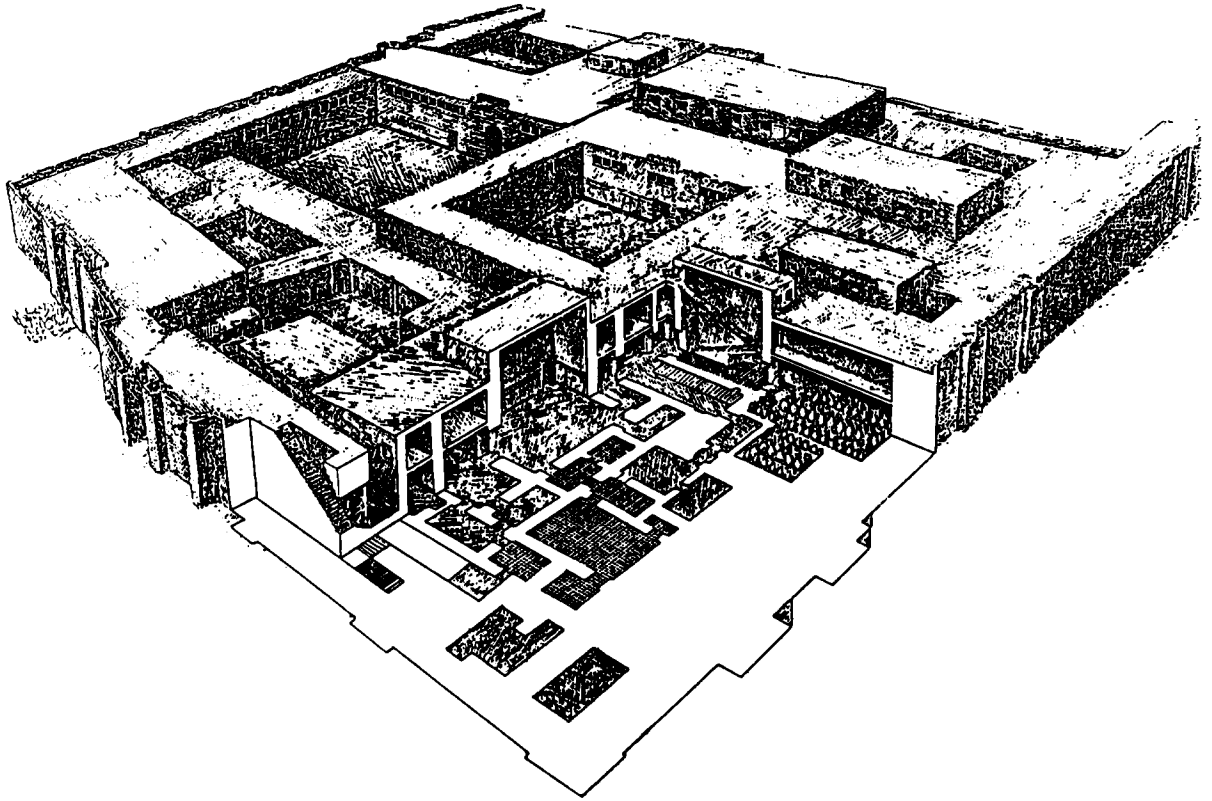

Рис. 30. Реконструкция аморейского дворца в Мари, вид с северо-западного угла. Основанная на работах Ж. Маргерона (*Jean Margueron*) реконструкция подчеркивает то значение, которое с этого времени приобретает идея расположения этажей дворца вокруг центральных внутренних дворов. Хотя тронный зал был на первом этаже, личные покои царя, по-видимому, помещались выше. Этот большой дворец, отдельные части которого датируются XXI в. до н.э., был разрушен около 1760 г. до н.э. войсками Хаммурапи, основателя Старовавилонской империи

«властители чужеземных стран», вероятно, были группировкой честолюбивых и беспокойных безземельных племенных вождей, которым постепенно удалось утвердиться в дельте Нила и установить свое господство по крайней мере над Нижним Египтом. Каково было влияние вторжения гиксосов на цивилизацию Палестины, остается неясным. Традиция приписывает им применение колесницы и некоторые усовершенствования в военной архитектуре. Действительно, теперь гораздо чаще, чем в III тысячелетии до н.э., мощные валы, имевшие башни по углам и усиленные скатами, устраивали вокруг столиц небольших хананейских царств: Шехема, Хатсора, Мегиддо, Бейт-Мирсима, Фараха (на севере), Эль-Аджула (на побережье) и Иерихона. Подход к ним прикрывался монументальными воротами с двойными или тройными «клещами»; подъемы к воротам располагались параллельно валам и потому могли обстреливаться защитниками крепости.

Одним из наиболее важных городов этого времени был Хатсор в Верхней Галилее, стоявший на перекрестке путей из Сирии в долину Иордана. Упомянутый в XVIII в. до н.э. как в текстах египетских проклятий, так и в документах архивов г. Мари в связи с торговлей оловом, этот город должен был иметь официальные архивы, написанные на аккадском языке, поскольку у него были торговые и дипломатические отношения с Вавилоном во времена правления Хаммурапи. Город занимал площадь 80 гектаров; нижний город был окружен валами девятиметровой толщины; в акрополе среди прочего сохранились следы большого дворца. В ходе раскопок, которые провел И. Ядин (*Y. Yadin*), обнаружен построенный в характерном массивном стиле храм, сравнимый с современным ему храмом в Алалахе. В нижнем городе раскопан двойной храм с вырубленными под ним в

Рис. 31. Фигура сирийского правителя. Эта бронзовая пластинка, оставленная в могильном кургане, возможно, была частью фриз, закрепленного на деревянной основе. Правитель изображен в обычной позе жреца, молящегося божеству. Его изысканный костюм, несколько раз обернутый вокруг тела и дополнительно покрывающий плечи, демонстрирует сирийское влияние на богатое галилейское царство Хатсор. Середина II тысячелетия до н.э.; бронза; высота 9,5 см. Айелет-Хашахар, музей Хатсора (по *Orthmann*, 1975)

скальной породе погребальными камерами. Этот храм имел два симметричных святилища, каждое с небольшим внутренним двором в центре, как и в жилых домах.

Большинство декоративных изделий найдено в погребальных кладах, которые были особенно богаты (примером являются раскопки, произведенные Пелла). Высоким качеством отличаются работы местных ювелиров (из Телль-Эль-Аджул) и металлические предметы, тогда как скульптура (статуи или рельефы) встречается редко (рис. 31, илл. 77). Изделия, ввезенные из Египта (особенно скарабеи, алебастровые вазы и инкрустированные шкатулки), имели многочисленные подражания.

Поражение, нанесенное гиксосам Яхмосом, первым фараоном XVIII династии Египта, привело к их изгнанию из Палестины и положило конец этому периоду. Города, подобные Иерихону, Бейт-Мирсиму и Мегиддо, были разрушены. Палестина попала под влияние египетского Нового царства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALBRIGHT, W. F. 1963. *Archaeology of Palestine*. London.
- AMIET, P. 1977. *L'art antique du Proche-Orient*. Paris.
- AVI-YONAH, M. M.; KEMPINSKI, A. 1980. *Syrie-Palestine, II*. Genève (Archaeologia Mundi).
- KENYON, K. 1965. *Archaeology in the Holy Land*. London.
- KLENGEL, H. 1965, 1969, 1970. *Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v.u.Z.* Berlin. 3 vols.
- MATTHIAE, P. 1962. *Ars Syra*. Roma.
- 1975. *Syrische Kunst*. In: ORTHMANN, W. (ed.), *Der Alte Orient, Propylaen Kunstgeschichte*. Berlin, Vol. 14, pp. 466–93.
- 1980. *Ebla, An Empire Rediscovered*. London.
- MELLAART, J. 1966. *The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia*. Beirut.
- ORTHMANN, W. 1975. *Der Alte Orient. Propyläen-Kunstgeschichte*. Vol. 14. Berlin.
- PERROT, J. 1978. *Syrie-Palestine, I*. Genève (Archaeologia Mundi).

12.2.2

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (1600–700 гг. до н.э.)

Хорст Кленгель

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (ОКОЛО 1600–1200 ГГ. ДО Н.Э.)

Политическое развитие

На заключительной стадии среднего бронзового века политическое положение в Сирии и Палестине изменилось. Успешные походы хеттов свели положение царства Ямхада со столицей Алеппо (Халеп), наиболее значительного среди сирийских государств, к статусу маленького провинциального образования. После решительной победы царя хеттов Мурсили над Халепом-Алеппо и коалицией северосирийских правителей (около 1595 г. до н.э.) в Сирии не осталось силы, способной противостоять нападениям внешних агрессоров. Сами хетты, однако, не смогли извлечь немедленную выгоду из этой слабости: конфликты в среде правящего класса хеттов и ряд убийств членов царской династии приблизительно на столетие ослабили Хеттское царство. Такая ситуация способствовала экспансии других государств и благоприятствовала росту в Сирии политического влияния хурритов. Судя по ономастическим отличиям между Алалахом VII и Алалахом IV (Тель-Атшана вблизи от устья р. Оронт), в середине II тысячелетия в языке Северо-Западной Сирии в большом количестве появился хурритский элемент (*Astour*, 1978; *Wilhelm*, 1982, p. 9). Тексты из Алалаха IV (XV в. до н.э.) указывают также на растущее влияние хурритской Митанни, недавно возникшей державы в Северной Месопотамии (*Klengel*, 1978a).

Хурриты и Митанни

Так называемая «автобиография» Идрими, царя Алалаха (около 1480 г. до н.э.), сообщает о бегстве царской семьи из Халеба в Эмар (современная Мескена) на Евфрате (*Dietrich & Loretz*, 1981). Затем рассказывается о походе царя Идрими через Сирийскую пустыню в Аммию в Ханаане (рядом с теперешним Триполи в Ливане). После долгого изгнания Идрими вернулся в Сирию и занял дворец в Алалахе. Прежде чем сделаться царем он присягнул царю Митанни, «могущественному царю, царю хурритского народа». Этот рассказ показывает, что хурритское влияние в Сирии распространялось на запад вплоть до Средиземноморского побережья, и содержит указание на существование системы зависимых царств. Господство Митанни над большей частью Северной Сирии отразилось на культурном развитии этого региона. Однако определить, в чем именно проявилось специфически митаннийское влияние на развитие искусства Сирии, нелегко – не в последнюю очередь потому, что остается спорным само понятие митаннийского искусства (*Barrelet et al.*, 1977; *Hrouda*, 1985).

Египтяне в Сирии

Более заметным в это время было египетское влияние. Торговые и политические отношения с Сирией, в особенности, с Библом (Гублом) и ее внутренними территориями, Египет поддерживал уже более тысячи лет (*Helck*, 1962, p. 5). Нет никаких свидетельств о том, что египтяне ранее позднего бронзового века осуществляли военный контроль над внутренними областями Сирии. Но с возвышением XVIII египетской династии ситуация в корне изменилась. Начиная с правления Аменхотепа I (около 1500 г. до н.э.) (*Krauss*, 1985) в письменных египетских источниках говорится о нападениях на Центральную и Северную Сирию.

Тутмос III (около 1470 г. до н.э.) сообщает о ряде все более дальних походов. Кульминацией первой из этих кампаний стала его победа при Мегиддо над сирийско-палестинской коалицией (в которую, согласно египетским источникам, входили 330 правителей и племенных вождей). После создания египетского военного плацдарма на побережье Тутмос осуществил свои последующие походы в Северную Сирию, воюя с городами на Аккарской равнине и с Тунипом (местоположение которого не определено); во время восьмого похода Тутмос разгромил митаннийские войска и достиг Евфрата. В последние годы своего правления Тутмос вновь воевал в Центральной и Северной Сирии, что, возможно, свидетельствует о сохранении в этих областях верховной власти Митанни.

Аменхотеп II (около 1420 г. до н.э.), преемник Тутмоса III, также проявлял активность в Центральной Сирии, в земле Тахши (северная часть долины Бекаа), возле Катны (в области современного Хомса) и Кадеша (на р. Оронт). Кадеш, как представляется, был самым северным оплотом египетского военного могущества во внутренней Сирии. Аменхотеп I и Тутмос IV (около 1400 до н.э.) позднее установили мирные отношения с Митанни, подкрепленные династическими браками и взаимными дарами. Это сближение бывших соперников, Египта и Митанни, было связано с новым усилением Хеттского царства и возрастающим интересом хеттов к Сирии.

Хетты в Сирии

Наиболее ясно картина хеттского проникновения в Сирию воссоздается по клинописным табличкам, найденным в Тель-эль-Амарнском архиве в Амарне. Хотя и не снабженные датами, вследствие чего их хронология остается спорной (*Rainey*, 1978), эти письма XIV в. до н.э. касаются политической ситуации как в Сирии, так и в Палестине. Другими архивными источниками являются хеттские документы из архива столицы Хеттского царства Хаттусаса (Богазкёй) в Центральной Анатолии и из Угарита (Рас-Шамра) (*Klengel*, 1965–70). Египетские топографиче-

ские списки и другие надписи (*Helck, 1962; Abituv, 1984*), а также несколько клинописных табличек из различных сирийских городов (*Edzard, 1985, pp. 248–259*) дают дополнительные сведения.

Эти богатые источники содержат ценную информацию о том, как менялась ситуация с господством в Центральной и Северной Сирии. На смену господству Митгани приходило хеттское владычество, и сын великого хеттского царя Суппилулиумы занял г. Кархемиш (на Евфрате) в качестве царского наместника Сирии. Египет продолжал властвовать над территориями к югу от Угарита и на равнине вокруг г. Хомса. Напряженность и конфликт между хеттами и египтянами после так называемого амарнского периода не изменили в основе это разделение Сирии-Палестины (*Murman, 1985; Kitchin, 1982*). С началом открытого столкновения в правление Мурсили II египетский фараон Сети I стал продвигаться в Центральную Сирию. Кульминацией этого конфликта была знаменитая битва при Кадеше между египетскими войсками Рамсеса II и войсками хеттов во главе с царем Муваталлисом (около 1275 г. до н.э.) (*Kuschke, 1979; Kadry, 1981*). Вскоре после этого возобладало стремление к примирению, отмеченное мирным договором между Рамсесом II и Хаттусили III (*Spalinger, 1981*), по которому признавался территориальный статус-кво и определялись сферы господства в Сирии-Палестине. Установлению «братства» между этими двумя царями, вероятно, способствовало обоюдное осознание растущей ассирийской угрозы в Северной Месопотамии.

Социально-политическое развитие

К наиболее важным центрам, информация о которых содержится в текстовых источниках, относятся следующие. Город Кархемиш на Среднем Евфрате был резиденцией хеттской династии, тогда как Эмар (современная Мескена), в большой излучине той же реки, являлся важным портом. В Халебе (Алсппо), на севере Сирийской равнины, находился весьма почитаемый храм бога погоды, а в течение нескольких лет – также резиденция другой ветви хеттского царского дома; к югу от него на плодородной равнине лежала земля Нухаше. Много поселений располагалось на реке Оронт, прежде всего г. Алалах в его устье, Ния с окрестной территорией – на равнине Гхаб, Кадеш (Телль-Неби-Менд) и Тунип (вероятно, вблизи Кадеша). Город Катна (Мишриффе), предшественник Хомса на сухопутных торговых путях, лежал неподалеку от р. Оронт. Другими важными пунктами внутренней Сирии были Тадмор (Пальмира) в Сирийской пустыне на севере и Тимашки (Дамаск) у подножия горной цепи Антиливан на юге. Город Кумиди (Камид-эль-Лоз), временно служивший резиденцией высокопоставленного египетского чиновника, располагался между горами в долине Бекаа. «Ханаанейские» центры – Хазор и Мегиддо, Шехем и Иерусалим, Гезер и Лахиш – находились в Палестине. Цепочка важных пунктов протянулась по Средиземноморскому побережью, в том числе Угарит, Арвад/Руад, земля Амурру с городом Сумур на Аккарской равнине, Губла/Библ, Берута/Бейрут, Сидон, Тир, Акко, Яффа, Ашдод, Ашкелон и Газа.

В этих городах и городках имелись стратифицированные общества; их структура в некоторой степени известна лишь по Угариту, Эмару и, в более ранний период, по Алалаху. Господство царского двора в экономической и политической сферах прослеживается, в частности, по угаритским архивам. Экономическая деятельность двора была связана с торговлей на дальние расстояния (здесь у него была едва ли не полная монополия), ремесленниками и ремесленным производством, а также крупными земельными участками. Важное значение двора отражалось в разделении населения на «свободных людей» и «людей царя»; власть двора над «свободными» общинами проявлялась в

управлении и взимании налогов. Иерархический порядок был установлен даже в «свободных» сельскохозяйственных общинах, и к позднему бронзовому веку малая семья с легко отчуждаемым земельным наделом пришла на смену большесемейной организации в деревнях. В результате этих перемен общины оказались под жестким давлением, что привело к высокой задолженности и растущему числу побегов; более отдаленные сельские районы, по-видимому, в некоторой степени обезлюдели, поскольку население стало заниматься пастушеством и/или разбоями, чтобы избежать угнетения со стороны двора и его представителей (*Dietrich & Loretz, 1966; Liverani, 1974*).

Более понятны системы, по которым осуществляли свое господство над зависимыми от них областями Сирии-Палестины египтяне и хетты. Эти системы различались по способу, которым метрополия осуществляла свой контроль над политикой и экономикой сирийско-палестинских земель. Хетты в основном полагались на вассальные договоры и присяги различных местных вождей, за соблюдением которых следил наместник хеттского царя в Кархемише. В отличие от них египтяне ставили своих чиновников в местах, где не было местных правителей, например в Газе, Кумиди и некоторое время в Сумуре; египетская царская семья владела землей и именьями в Палестине и Сирии точно так же, как и в долине Нила. Несмотря на то, что египетские и хеттские власти стремились подавить открытые локальные конфликты, для отношений между различными княжествами, городами и племенами Сирии-Палестины были характерны сохранение полицентризма и продолжавшиеся усобицы. Классическим примером таких столкновений стал отраженный в амарнских архивах конфликт между правителем Библа Риб-Адди, с одной стороны, и правителями Амурру Абди-Аширтой и Азиру – с другой, и усилия последних получить действительную египетскую поддержку против своих врагов. Широко обсуждается вопрос об участии в политических делах региона *ануфу* – людей, составлявших лишенные корней и весьма беспокойные группы, представители которых могли быть наемниками, приверженцами различных группировок или разбойниками.

Археологические исследования дали представление о храмовой архитектуре: о вытянутых или широких помещениях, окруженных стенами дворах с алтарями и курильницами; статуи богов не выставлялись перед народом на свободном обозрении. Помимо храмов, существовали также культовые центры под открытым небом, разбросанные у священных камней или деревьев. Дворцовая архитектура лучше всего известна по Угариту, где здания имели верхние этажи с архивами и мастерскими. Большой дворец в Угарите занимал около гектара. Под ним располагались сводчатые гробницы, поддерживавшие, как считалось, связь царской семьи с предками даже после их смерти.

Хозяйственной основой этих обществ служили земледелие, специализированные ремесла и торговля. Самыми богатыми сельскохозяйственными землями являлись плодородные равнины Северной и Центральной Сирии, некоторые небольшие территории в Палестине и вдоль побережья – на Аккарской равнине и в принадлежавших Угариту внутренних районах. В холмистых областях выращивали виноград и оливки; отсюда вино и растительное масло частично шли на экспорт. В разных сирийско-палестинских государствах имелись также обширные пастбища, особенно на возвышенностях и в сухой степи; наконец, в Угарите большая часть пастбищ принадлежала царю, имевшему огромные стада. В хозяйственной деятельности засушливых и слабо обеспеченных водой зон преобладало кочевое овцеводство и козоводство. Отношения между кочевым и оседлым населением, между племенными объединениями и городами-государствами были чрезвычайно сложными и не сводились к одному лишь антагонизму, обычно подразумеваемому при подобном соседстве. Они

включали также обмен продукцией, отношения патрона и клиентов, гибкую реакцию на социально-политическое давление и природные бедствия и т.д.

В позднем бронзовом веке в изделиях ремесленников часто проявляется смешение различных стилей и традиций. В местной скульптуре прослеживается тенденция к абстракции, по крайней мере в отдельных частях Сирии и Палестины. В более ценных предметах из бронзы, особенно из прибрежной зоны, проявляется сильное египетское влияние, а также высокий уровень развития металлургии. Знаменита была сирийско-палестинская резьба по слоновой кости, сюжеты которой иногда заимствовались из Египта. В некоторых изделиях отчетливо видно сочетание местных и иноземных элементов, отражавшее сложную культуру Восточного Средиземноморья (илл. 78). Наиболее сильно различные элементы, слившиеся в искусстве Сирии и Палестины, представлены в печатях: к концу II тысячелетия участилось использование египетской эмблемы – скарабея, тогда как в Северной Сирии обычными были хеттские печати. В позднем бронзовом веке уже существовал пурпурный краситель из Тира, получаемый из морских улиток и ставший знаменитым в классической древности; его производство в Угарите, Сареппте, Акко и других местах Восточного Средиземноморья подтверждается археологическими находками.

Важным источником богатства была торговля, особенно для городов на побережье или на установившихся сухопутных путях. Уже в среднем бронзовом веке Восточное Средиземноморье и Левант стали обширной сферой межрегионального торгового обмена. В позднем бронзовом веке сильное влияние на сирийско-палестинские центры оказывала микенская торговля, о чем свидетельствуют как клинописные тексты из Угарита, так и археологические находки. Широкое распространение микенских гончарных изделий и их местных имитаций (Hankey, 1967), а также медных слитков (Klengel, 1978b) указывает на тесные связи между Левантом и Эгейским миром; медные слитки, большинство которых привезено с Кипра, были основным предметом этой торговли, что видно по обломкам потерпевших крушение кораблей (Bass, 1986). Наиболее значительными инвесторами в торговлю были дворцовые хозяйства, но существовала и частная торговля, на что указывают документы как из частных домов, так и из дворца (Courtois, 1979).

Письменность

Тексты из Угарита написаны не только слоговым аккадским, но и разновидностью алфавитного письма, имевшего всего 30 клинообразных знаков; это алфавитное письмо широко использовалось в хозяйственных документах и литературных памятниках. Примеры этого письма обнаружены и в других местах Сирии и Палестины, но наибольшее количество алфавитных текстов найдено в Угарите. Эти угаритские тексты с буквами, размещенными в твердом порядке («ABC»), показывают, что угаритский алфавит был одним из предшественников системы письменности, которая теперь используется в большей части мира. Новое упрощенное письмо, пригодное не только для глины и камня, но также для папируса и пергамента, встречается и в других местах Леванта. Изобретение этого алфавитного письма стало главным достижением Сирии позднего бронзового века (Rollig, 1985; Bordreuil, 1979) – региона, где сталкивались месопотамские и египетские влияния, а частые контакты с другими народами благоприятствовали созданию системы письменности, более пригодной для записи чужеземных топонимов и личных имен. Архивы из Угарита отражают формирование литературной традиции, рассчитанной на существование устных механизмов, благодаря которым традиция передается из поколения в поколение. Это литературное развитие, возможно, было местным откликом на политическую ситуацию позднего бронзового века – чужеземное господство.

Литература и религия

В угаритских текстах сохранились сведения о мифологии и религии прибрежной Сирии, и эти тексты дают возможность сравнить их с религией и поэзией Ветхого завета. Наиболее интересные мифологические тексты хранятся в библиотеках жрецов, тогдашних ученых, а некоторые тексты, очевидно, предназначались для публичного чтения в различных – не только связанных с культом – случаях (Rollig, 1978).

Пантеон Угарита был сосредоточен на представлении сил природы, важных для плодородия и земледелия в засушливом регионе. Наиболее важным из этих богов был Ваал, бог бури и дождя. В противоположность Элу, отцу богов и главе пантеона, Ваал представлял собой деятельное божество, и мифы изображают его юным и энергичным. Среди богинь высшим рангом обладала Ашират; она была женой Эла и отвечала за то хорошее, что давал океан. Ям представлял собою сам океан и был врагом Ваала, а значит, и плодородия. Аштар являлся богом воды и нижнего мира; Ашгарта, богиня плодородия, была его женским двойником и на протяжении веков почиталась по всей Сирии-Палестине (сравни с «*Dea Syria*» – «Сирийская богиня» классической античности). Анат была богиней любви, а также войны (сочетание функций, подобное тому, что имела месопотамская Иштар). Мут был богом смерти, правившим в засушливом и бесплодный период, а потому тоже врагом Ваала. Шапаш была богиней солнца, Кушару (Кошар-ва-хасис) – богом ремесла и изящных искусств. Последний, как полагают, был позаимствован с Крита или из Египта, что, возможно, отражает влияние этих регионов на Левант.

Ваал являлся центральным персонажем мифического цикла, бывшего сердцевинной литературной традиции Угарита. Хотя порядок отдельных табличек еще не установлен с полной определенностью, цикл может быть воспроизведен следующим образом. Ваал, после того как Эл воздал ему честь, хочет построить свой собственный дворец на вершине горы Зафон (Хаззи в клинописных текстах, Монс-Кассиус (*Mons Cassius*) в античности, нынешняя Джебель-аль-Акра). Желание Ваала поддерживает его сестра Анат; собрание богов соглашается, и сам Эл утверждает решение (ранняя демократическая процедура, перенесенная в мир богов). Архитектор Кушару прибывает с Крита – явное указание на впечатление от минойских дворцов или на деятельность в Сирии минойских строителей. Ваал должен сразиться со своим противником Ямом; он побеждает и получает титул царя, очевидно, бывший необходимым условием для проживания во дворце. После соглашения с Элом и его женой Ашират начинается строительство дворца. Обеспокоенный влажными морскими ветрами, насылаемыми его врагом Ямом, Ваал отвергает предложение Кушару сделать окна. Но позднее Ваал меняет свое мнение, так как ему нужны отверстия, сквозь которые он будет метать громы и молнии. Следующим эпизодом является конфликт Ваала с Мутом, богом смерти. Ваал спускается в нижний мир, беря с собой тучи, ветер и дождь, – начинается сухой сезон. Анат обнаруживает его тело и погребает его с бесчисленными жертвоприношениями. Но в конце периода засухи Анат удается победить Мута. Ваал оживает и вновь берет власть в свои руки; начинается сезон дождей, возвращающий земле плодородие.

Помимо фрагментов, дополняющих цикл о Ваале, другие мифы содержат описания деяний иных богов, указывая на их достоинства и несовершенство. В угаритских текстах содержатся также эпические повествования, посвященные той же теме засухи и умирающей растительности. Одним из таких повествований является история Акхата. У Акхата, сына царя Данеля, есть лук, которым желает обладать Анат. Она убивает Акхата, принося засуху и неурожай. Отец и сестра Акхата, Пугхат, находят его тело и оплакивают потерю, после чего Пугхат решает отомстить за смерть брата.

Текст обрывается в этом месте, но остальная история, несомненно, описывает воскресение Аххата и возвращение плодородия. Другое эпическое повествование посвящено судьбе царя Керета (Куриту), болезнь которого вредит растительности. Проблемы плодородия и жизни и смерти явно преобладали в литературной традиции Сирии, а также, возможно, «ханаанейских» центров Палестины.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (1200–800 ГГ. ДО Н.Э.)

По общему мнению ученых, поздний бронзовый век закончился в Западной Азии около 1200 г. до н.э. Следующий период условно назван по другому металлу – железу. Этот металл был известен и в более раннее время, однако теперь все чаще использовался при изготовлении орудий труда, по крайней мере в конце этого периода. Железные орудия облегчили обработку трудных почв, рытье колодезцев и вырубку деревьев (*Snodgrass*, 1980). Другим важным новшеством этого периода стало использование в качестве транспорта верблюдов. Способность верблюдов прекрасно обходиться без частых водоемов открыла новые пути через пустынные области и значительно сократила продолжительность путешествия между городами Месопотамии и Средиземноморского побережья, что способствовало росту финикийской торговли (*Zarins*, 1989; *Wapnish*, 1984). Переход от позднего бронзового века к железному веку был отмечен в Сирии-Палестине масштабными социальными переменами. В регион пришли новые группы населения, тогда как группы, уже находившиеся там, образовывали новые этнические общности. Имперские сообщества на севере и юге или рухнули (как хетты), или ушли из Леванта (как египтяне); хотя Ассирия осуществляла с перерывами давление на Западную Сирию, ранняя фаза железного века была периодом чрезвычайной политической раздробленности. Во многих частях Сирии-Палестины (особенно на юге и в горных областях) городские центры бронзового века пришли в упадок, и большое количество людей перешло к сельской жизни или пастушесству. Вместе с тем очень быстро возникли новые царства, и политическая история железного века состояла из соперничества этих небольших государств и попыток отразить возобновившуюся в IX в. до н.э. ассирийскую экспансию.

Этнические изменения в начале железного века

Ханаанейская культура II тысячелетия до н.э. явно была благоприятной почвой для вариантов древней западно-азиатской культуры, которые появились и расцвели в раннем железном веке. Этнические перемены не прервали основную линию развития политической и культурной жизни, но придали новые грани тому «единству в разнообразии», которое характеризовало сирийско-палестинскую культуру уже в позднем бронзовом веке.

Период около 1200 г. до н.э. часто называют эпохой «народов моря» – согласно общему обозначению в египетских надписях; среди названий отдельных групп были «пелесет», «теккер», «шеклеш», «денен» и «вешеш» (*Helck*, 1976; *Schachermeyr*, 1982; *Sanders*, 1985). Египетские источники времен Мернептаха и Рамсеса III изображают эти группы, нападающими со стороны моря, часто в союзе с группами, базирующимися на суше. Весьма противоречивым является вопрос о географическом происхождении и социальном составе «народов моря», о характере и причинах их перемещений в Восточном Средиземноморье. Традиционные точки зрения представляют «народы моря» как группы, переселявшиеся на юг из Юго-Восточной Европы, или как грабителей, вытесненных со своей родины другими мигрантами (например, «дорийским вторжением» в Греции). Более новые интерпретации, учитывающие дву-

смысленность источников этого периода, сочетают вторжения извне, бегство и социальный переворот в качестве факторов, создавших новую политическую ситуацию, но не приведших к полному культурному разрыву с прошлым (*Bienkowski*, 1982; *Muhly*, 1984).

Рамсес III остановил племя пелесетов в египетской зоне Сирии, где эта группа впоследствии осела вдоль южного побережья, став «филистимлянами» в библейской традиции и дав свое имя целому региону (Палестина). На месте своего нового расселения пелесеты оказали влияние на местную ханаанейскую культуру, однако быстро ассимилировались сами. В течение XII–XI вв. до н.э. они все дальше проникали в глубь Палестины, сталкиваясь там как с местными ханаанейскими правителями, так и с израильтянами. Пелесеты не оставили своих собственных документов, и информация об их истории либо получена в результате археологических исследований (*Dotban*, 1982), либо взята из сообщений их врагов – из уже упоминавшихся египетских текстов и библейской традиции.

Израильтяне впервые упоминаются в исторических источниках в конце XIII в. (около 1207 г. до н.э.) – в надписи на израильской стеле Мернептаха среди народов южной части Леванта (*Stager*, 1985a). Библейское предание о происхождении израильтян описывает их вторжение из пустыни и покорение ими существовавших сообществ. Современная наука выражает серьезные сомнения относительно данной версии, отдавая предпочтение версии о социальной трансформации в течение XIII–XI вв. до н.э. групп, уже находившихся на этой территории. Две основные интерпретации говорят либо о постепенном проникновении и переходе к оседлости скотоводов, первоначально проживавших по краям территорий, занятых сельскохозяйственными общинами, либо о восстаниях земледельцев против городских элит бронзового века. Сторонники обеих точек зрения рассматривают существование сельских сообществ, разбросанных в холмистых районах южной части Леванта в начале железного века, как результат политического переворота в конце позднего бронзового века (*Freedman & Graf*, 1983; *Coote & Whitelam*, 1987; *Finkelstein*, 1988). Конфликт между филистимлянами и израильтянами, вероятно, ускорил развитие этнического сознания и сложной политической организации у израильских племен (*Thiel*, 1980).

В южной части Леванта появилось также несколько других групп: эдомитяне, моавитяне и аммонитяне. Эти племена были родственны израильтянам, но жили к востоку от р. Иордан. Севернее, в Сирии, новые этнические общности сложились в результате другой миграции. Арамеи (арамейцы) в течение позднего бронзового века жили на окраине Сирийской пустыни; теперь они проникли в большую часть Сирии. Лувийские элементы, происходившие из юго-восточной части Анатолии и говорившие на индоевропейском языке, обитали в позднем бронзовом веке на самом севере Сирии. Численность их населения выросла после крушения Хеттского царства. Смещение арамейцев и лувийцев с коренным населением привело к появлению культуры, которую часто называют сирийско-хеттской.

Политическое развитие в железном веке

Конец Хеттского царства и резкое ослабление египетского влияния создали в Сирии и Палестине политический вакуум, благоприятный для политических амбиций тех, кто теперь правил страной без верховного повелителя. Ситуацию этого времени проясняет египетский текст – рассказ о злоключениях Унамуна во время его путешествия в Сирию (около 1077 г. до н.э.) (*Blumenthal*, 1982). Правитель Библиа оставил без ответа традиционное египетское требование о поставке кедр. Приблизительно в то же время в Сирии воевал ассирийский царь Тиглатпаласар I

(1114–1076 гг. до н.э.), стремившийся получить дерево для строительства храма в Ашшуре и установить контроль над караванными путями к Средиземному морю. Он вышел к побережью и получил дань с Библа, Сидона и Арвада. Политической силы, способной противостоять ассирийскому вторжению, в Сирии не было.

Первыми политическими образованиями, получившими некоторое значение в Сирии-Палестине раннего железного века, были все те же прибрежные города, особенно Тир, Сидон и Библ. Набег «народов моря» не оказал существенного влияния на торговлю в этих центрах, хотя некоторые их партнеры пострадали от политических и этнических изменений того времени, а на севере исчез Угарит. Финикия не являлась единым государством, она скорее была непрочной ассоциацией городов и прилегающих территорий, управляемых местными властителями и торговой аристократией. Однако финикийские центры имели общие исторические и религиозные традиции, общую культуру и особую систему письма; греческие торговые партнеры воспринимали финикийцев как единый народ и называли их страну Финикия. Приблизительно до 700 г. до н.э. преобладающим влиянием пользовался Тир; по-видимому, в VI в. до н.э. политическим лидером стал Сидон. Исторические данные об этих городах были получены из двух источников. В библейской традиции сообщается об отношениях с финикийскими городами, в первую очередь с Тиром, при царе Хираме I, современнике царя Израильско-Иудейского царства Соломона (около 950 г. до н.э.) (*Katzenstein*, 1973, p. 77; *Donner*, 1982). В IX в. до н.э. возобновилось военное давление на сирийское побережье со стороны Ассирии, и начиная с надписей ассирийских царей Ашшурнасирапала II и Салманасара III ассирийские источники содержат интересные подробности о финикийских городах.

Финикийская торговая экспансия началась уже в XI в. до н.э., отмеченном основанием торговых факторий и колоний. Финикийская колонизация происходила на Кипре, в Малой Азии, на Родосе, в Греции и Египте, на Мальте, Сицилии и даже Сардинии. Греческая керамика X в. до н.э., обнаруженная в Тире и Бассите (Сирия), указывает на древнейшие контакты между этими двумя мирами в железном веке (*Courbin*, 1990). К концу IX в. до н.э. финикийцы основали колонию в Карфагене; Карфаген в свою очередь организовал собственные колонии в Западном Средиземноморье и на атлантическом побережье Африки. В другом направлении финикийские торговцы проникли глубоко во внутренние области Азии. Известно, например, что царь Хирам I из Тира совместно с царем Соломоном организовывал торговые поездки на Красное море. Финикийские достижения в кораблестроении, позволившие их судам выходить в открытое море, были определенно связаны с этими дальними торговыми отношениями (*Klengel*, 1979, p. 195).

Финикийские города не только участвовали в торговых перевозках, выполняя роль посредников между производителями и потребителями, но и сами производили товары на экспорт. Наиболее значительными производствами были изготовление пурпурных красителей и стекла, металлообработка, резьба по дереву и слоновой кости. В регионе производились также некоторые пригодные для экспорта сельскохозяйственные продукты, включая вино, оливки и инжир.

Эта экономическая активность послужила основой для решительного шага в развитии письменности. Основываясь на опыте, накопленном еще в позднем бронзовом веке, финикийцы изобрели алфавитное линейное письмо из двадцати двух знаков (графем) для согласных звуков (писали справа налево). Излюбленным материалом для этого письма стали папирус и пергамент – их непрочность, безусловно, объясняет малочисленность сохранившихся письменных свидетельств о самой Финикии (*Donner & Rollig*, 1966–69) (илл. 79). Новое финикийское письмо распространилось по всей Западной Азии, а его арамейский вариант

послужил основой для других систем письменности, вплоть до Индии, Центральной Азии и Индонезии. Греки приспособили линейное письмо к своему собственному языку; финикийское письмо стало таким образом источником латинского алфавита, используемого ныне на большей части земного шара. «Изобретение» линейного алфавитного письма является одним из наиболее значительных достижений, которым мы обязаны древней Западной Азии (*Rollig*, 1985).

Арамейские государства

Внутренние царства находились в тесном контакте с прибрежными городами. В Сирии возник ряд новых политических образований во главе с арамейскими, или хеттскими (лувийскими) царями. Некоторые из них появляются в письменной традиции с именем легендарного родоначальника династии и термином, означающим «дом» (*bum*). Наиболее значительными из этих царств были чисто арамейские Арам-Дамаск и Хамат, возглавлявшие сирийское сопротивление Ассирии в IX в. до н.э. Другими политическими единицами являлись Бит-Рехов в верхнем течении Иордана, Арам-Цоба в верховьях Оронта, Бит-Агуси вокруг Алеппо и Кархемиш на Евфрате. Скудные сведения о политической истории этих государств содержатся в арамейских или лувийских, библейских и ассирийских текстах (*Grayson*, 1991); их постоянные столкновения и меняющиеся коалиции весьма затрудняют историческую оценку сирийских государств (*Sader*, 1987).

Первым значительным государством Южной Сирии стала около 1000 г. до н.э. Арам-Цоба. Она протянулась до Дамаска и охватывала области к востоку от р. Иордан, безуспешно конфликтуя с Израилем. Позднее правители Дамаска стали играть ведущую роль, извлекая политические выгоды из разделения Израиля и Иудеи после смерти царя Соломона.

В IX в. до н.э. Ассирия провела ряд походов в Сирию и Палестину, начавшихся вторжением Ашшурнасирапала II (883–859 гг. до н.э.), который достиг Средиземного моря. В 853 г. до н.э. Ададидри, правитель Дамаска, и Ирхулени, правитель Хамата, возглавили коалицию против ассирийского царя Салманасара III (858–824 гг. до н.э.); в коалицию входило двенадцать участников, в числе которых были Израиль, Мусри, Ираканата, Арвад, Аммон и передвигавшиеся на верблюдах арабы (*Eph'al*, 1982). Хотя Салманасар разгромил эту коалицию под Каркаротом на р. Оронт, Дамаск и Хамат по-прежнему оставались главной силой сирийского сопротивления и на некоторое время помешали ассирийцам добиться решительного успеха в Сирии. Ассирийский царь Ададнирари III (810–783 гг. до н.э.) также проводил широкомасштабные операции в Сирии и Палестине, дойдя до Дамаска и добившись дани от большинства государств и народов Леванта вплоть до Израиля на юге. Союз перед лицом общей угрозы извне не предотвращал местных конфликтов между различными сирийскими правителями. На стеле из Телль-Афис содержится запись о подобном конфликте – войне между правителем Дамаска Бархададом III и правителем Хамата Закиром около 800 г. до н.э. (*Donner & Rollig*, 1966–1969, p. 204).

В первой половине VIII в. до н.э. ассирийская держава пережила краткий период упадка, вызванного внутренними политическими неурядицами. В различных городах Северной Сирии вспыхнули восстания, а несколько северных правителей попытались заключить союзы с царем Урарту, который в это время распространял свое влияние в направлении Средиземного моря. Это неустойчивое положение проясняет обстоятельство договора между ассирийским царем Ашшурнирари V (753–745 гг. до н.э.) и правителем Бит-Агуси по имени Мати'эл; Мати'эл также заключил договоры с другими княжествами (это следует из надписей

на Сфирских стелах). Восшествие на ассирийский трон Тиглатпаласара III (744–727 г. до н.э.) ознаменовалось возобновлением успешной ассирийской агрессии в западном направлении. Этот царь одержал победы над сирийскими и палестинскими государствами, сведя их к положению провинций ассирийской империи (Kessler, 1975; Oded, 1974).

Израиль

Процесс, благодаря которому в первоначальных поселениях израильтян, имевших родовую социальную структуру и сельский характер, развилась городская государственная организация, остается во многом неясным. Специалисты выделяют в первую очередь технические факторы (железные сельскохозяйственные орудия, устройство полей-террас, емкости для сбора дождевой воды), расширение земледельческого производства, рост численности населения, стремление к увеличению богатств, восстановление торговых отношений в регионе, систему политических отношений патронов и зависимых от них, разделившую семейные группы, и возникновение региональных культовых центров (Stager, 1985b). Согласно Библии, избрание Саула (военным) царем было еще демократическим актом, вызванным усилением экспансии филистимлян. Давид, потомок «колена Иуды», объединил около 1000 г. до н.э. под своим управлением Израиль и Иудею, а позже расширил свое царство в Южную Сирию и Трансиорданию (Malamat, 1983). Иерусалим, бывшая крепость ивуситов, стал столицей, а с переносом ларца – «Ковчега завета» – религиозным центром государства.

Преемник Давида царь Соломон сосредоточил свои усилия на административной реформе и реорганизации армии. Он разделил царство на области, границы которых соответствовали старым племенным рубежам независимых ранее ханаанейских городов-государств. Присоединение этих городов-государств, начавшееся еще при Давиде, привело к значительному обогащению правящего класса Израиля. С другой стороны, простой народ подвергался растущей экономической эксплуатации и был вынужден нести бремя военной экспансии и обороны границ. Соломон вел активную внешнюю торговлю, частью совместно с тирским царем Хирамом, и поддерживал торговые контакты с Южной Аравией вдоль «пути благовоний» (как сообщается в библейском рассказе о царице Савской).

После смерти Соломона единое царство распалось на два политических образования – Израиль и Иудею. Каждое из них воевало со своими арамейскими соседями на севере; тому и другому угрожала имперская экспансия Ассирии. Израиль стал частью Ассирийской империи в 721 г. до н.э., когда Саргон II взял Самарию и депортировал оттуда множество людей, заменив их уроженцами Вавилонии и Хамата. Иудея оказалась в зависимом положении после того, как Синаххериб в 701 г. до н.э. нанес поражение Иезекии.

Культурное развитие в раннем железном веке

В течение раннего железного века, как и в более раннее время, основной характеристикой Сирии и Палестины был политический и экономический полицентризм. Решающее значение в событиях приобретали соперничество, временные коалиции и личные амбиции местных вождей, которые в то же время усиливали региональную дезинтеграцию, что облегчало вмешательство извне. Важную роль в сохранении этой региональной дезинтеграции играла также социальная напряженность между кочевыми родовыми группами, сельскими и городскими жителями, иногда сочетавшаяся с социальными-экономическим расщеплением и его политическими последствиями. Этниче-

ские перемещения и формирование новых этнических общностей в конце II тысячелетия до н.э. не оказали серьезного воздействия на прочные долговременные торговые связи и ремесленные традиции региона.

Несмотря на различия в политической структуре и ориентации, экономическом развитии и языке в Сирии и Палестине, регион обладал определенным «единством в разнообразии» в сферах религии и культуры. Большинство богов, почитавшихся уже в эпоху бронзы, продолжало фигурировать и в верованиях раннего железного века. Однако возникли также новые местные пантеоны и религиозные обычаи, отражавшие политический и экономический полицентризм региона. Появились многочисленные варианты Ваала, или Хадада в Северной Сирии, бога богатства и «господина»; этих Ваалов различали по эпитетам. Благодаря финикийской колонизации поклонение Ваалу и иным финикийским богам распространилось и в других регионах, таким образом влияние восточной религии вышло далеко за пределы области ее возникновения. Мелькарт, бог-покровитель Тира, широко почитался теперь в Средиземноморском бассейне. Эшмун, первоначально местный бог в Библие, стал известен как бог-целитель, обладающий даром возвращать жизнь мертвым, и был позже отождествлен с Асклепием. Астарту (Аштарту) на Западе знали как Танит. С другой стороны, египетский Вес был весьма популярен в Сирии, на что указывают многочисленные амулеты и небольшие фигурки, обнаруженные в сирийских поселениях. Роль Ваала как божества растительности перешла к особому последователю по имени Адон («хозяин»), греческому Адонису, смерть и воскресение которого соответствовали временам года (Rollig, 1973).

Культу Яхве, племенного бога Израиля, пришлось выдержать соперничество с традиционными ханаанейскими богами и влиянием этих богов на перешедших к оседлости израильтян. В пророческой традиции рост социальной напряженности в стране рассматривался как указание на гнев божий, вызванный поклонением иным богам, в особенности Ваалу и Астарте. Пророки появились в IX в. до н.э. в Израиле, а в VIII в. до н.э. – в Иудее. Их требования о восстановлении старинных (племенных) социальных и политических условий были программой выхода из кризиса, в центре которой стояла необходимость отказа от иноземных культов. Культовая реформа Иосии в конце VII в. до н.э. лишь частично удовлетворила эти требования. В то же время сложная политическая и общественная ситуация привела к появлению письменных традиций, в том числе историографической, включенной позднее в Ветхий завет. Еврейская литература близко следовала ханаанейским образцам в области синтаксиса, стиля и размера.

Археологические памятники свидетельствуют о культурном развитии в Сирии и Палестине. Обе области, особенно Сирия, продолжали играть роль моста и места встречи разноплеменных культурных достижений и технологий. Финикийцы и филистимляне, арамеи, сирийские хетты и израильтяне создали варианты древней культуры Западной Азии, которые зачастую были трудноразличимы. В рельефах на оростатах и в монументальной скульптуре дворцов, храмов и ворот сирийско-палестинских городов выразились специфические черты художественного развития региона. Эти памятники указывают на местные особенности творческой фантазии и искусства, но также и на разнообразные иноземные влияния. Помимо торговли основой богатства в сирийско-палестинских центрах продолжали оставаться сельское хозяйство (оливки, вино) и ремесленное производство; позднее большое значение приобрели резьба по слоновой кости и дереву, металлургия, изготовление стекла и крашеных тканей (особенно пурпурных). В период около 700 г. до н.э. этот регион Западной Азии утратил свою независимость, однако принципиальных изменений в образе жизни здесь не произошло.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AHITUV, S. 1984. Canaanite Toponyms in Ancient Egyptian Documents. Jerusalem.
- ASTOUR, M. 1978. Les Hourrites en Syrie du Nord: rapport sommaire. *Rev. Hittite Asiatique* (Paris), Vol. 36, pp. 1–22.
- BARRELET, M. T. et al. 1977. *Methodologique et critiques, I: Problèmes concernant les Hurrites*. Paris.
- BASS, G. 1986. A Bronze Age Shipwreck at Ulu Burun (Kas): 1984 Campaign. *Am. J. Archaeol.* (Boston, Mass.), Vol. 90, pp. 269–96.
- BIENKOWSKI, P. 1982. Some Remarks on the Practice of Cremation in the Levant. *Levant* (London), Vol. 14, pp. 80–89.
- BLUMENTHAL, E. 1982. *Altägyptische Reiseerzählungen*. Leipzig.
- BORDREUIL, P. 1979. L'inscription phenicienne de Sarafand en cuneiformes alphabetiques. *Ugarit-Forsch.* (Neukirchen-Vluyn), Vol. 11, p. 63.
- CADOGAN, G. 1973. Patterns in the Distribution of Mycenaean Pottery in the Eastern Mediterranean. In: *International Symposium 'The Mycenaeans in the Eastern Mediterranean'*, Nicosia, 1972. *Acts*. Nicosia.
- COOTE, R.; WHITELAM, K. 1987. *The Emergence of Early Israel in Historical Perspective*. Sheffield.
- COURBIN, C. 1990. Fragments d'amphore protogéométriques. In: MATTHIAE, P.; LOONS, M. VAN; WEISS, H. (eds), *Resurrecting the Past*. Leiden, pp. 49–64.
- COURTOIS, J. C. 1979. Ras Shamra: Archéologie du site. In: *Supplément au Dictionnaire de la Bible*. Paris. Vol. 9, pp. 1222–94.
- DIETRICH, M.; LORETZ, O. 1966–9. Die soziale Struktur von Alalakh und Ugarit I–II. *Welt Orients* (Göttingen), Vol. 3, pp. 188–205, Vol. 5, pp. 57–93.
- 1981. Die Inschrift der Statue des Königs Idrimi von Alalah. *Ugarit-Forsch.* (Neukirchen-Vluyn), Vol. 13, pp. 201–69.
- DONNER, H. 1982. Israel und Tyrus im Zeitalter Davids und Salomons. *J. Northwest semit.* Lang. (Leiden), Vol. 10, pp. 44 ff.
- DONNER, H.; ROLLIG, W. 1966–9. *Kanaanaische und aramäische Inschriften, I–III*. Wiesbaden.
- DOTHAN, T. 1982. *The Philistines and Their Material Culture*. New Haven, Conn.
- EDZARD, D. O. 1985. Amarna und die Archive seiner Korrespondenten zwischen Ugarit und Gaza. In: *International Congress on Biblical Archaeology, Jerusalem, April 1984. Biblical Archaeology Today*. (Jerusalem), pp. 248–59.
- EPHAL, I. 1982. *The Ancient Arabs: Nomads on the Borders of the Fertile Crescent, 9–5 Centuries BC*. Jerusalem.
- FINKELSTEIN, I. 1988. *The Archaeology of the Israelite Settlement*. Jerusalem.
- FREEDMAN, D. N.; GRAF, D. (eds) 1983. *Palestine in Transition: The Emergence of Ancient Israel*. Sheffield.
- FRITZ, V. 1987. Conquest or Settlement, the Early Iron Age of Palestine. *Biblic. Archaeol.* (Cambridge, Mass.), Vol. 50, pp. 84–100.
- GRAYSON, A. K. 1991. *Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC*. Toronto.
- HANKEY, V. 1967. Mycenaean Pottery in the Middle East. *Annu. Br. Sch. Athens* (London), Vol. 62, pp. 107–47.
- HELCK, W. 1962. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden.
- 1979. Die Seevölker in ägyptischen Quellen. In: MÜLLER-KARPE, H. (ed.), *Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt a. M., 1976: Geschichte des 13. und 12. Jahrhunderts v. Chr.* Darmstadt, pp. 132 ff.
- HROUDA, B. 1985. Zum Problem der Hurriter. *Mari, Ann. Rech. interdiscip.* (Paris), Vol. 4, pp. 595–613.
- KADRY, A. 1981. Some Comments on the Qadesh Battle. *Bull. Centen.* (Cairo), Vol. 81, pp. 47–55.
- KATZENSTEIN, H. J. 1973. *The History of Tyre*. Jerusalem.
- KESSLER, K. 1975. Die Anzahl der assyrischen Provinzen des Jahres 738 v. Chr. in Nordsyrien. *Welt Orients* (Göttingen), Vol. 8, pp. 49–63.
- KITCHEN, K. A. 1982. *Pharaoh Triumphant: The Life and Times of Ramesses II, King of Egypt*. Warminster.
- KLENGEL, H. 1965–1970. *Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z.* Berlin.
- 1978a. Mitanni: Probleme seiner Expansion und politischen Struktur. *Rev. Hittite Asiatique* (Paris), Vol. 36, pp. 91–115.
- 1978b. Vorderasien und Ägais. Ein Überblick über den bronzezeitlichen Handel. In: COBLENTZ, W.; HORST, F., *Mitteuropäische Bronzezeit. Beiträge zur Archäologie und Geschichte*. Berlin, pp. 5–25.
- 1979. Handel und Händler im alten Orient. Wien.
- 1982. Zur Rolle des Eisens im vorhellenistischen Vorderasien. In: HERRMANN, J.; SELNOW, I., *Produktivkräfte und Gesellschaftsformationen in vorkapitalistischer Zeit*. Berlin, pp. 179–89.
- KRAUSS, R. 1985. *Sothis- und Monddaten. Studien zur astronomischen und technischen Chronologie Altägyptens*. Hildesheim.
- KUSCHKE, A. 1979. Das Terrain der Schlacht bei Qades und die Anmarschwege Ramses' II. *Z. dtsch. Paläst. Ver.* (Stuttgart), Vol. 95, pp. 7–35.
- LIVERANI, M. 1974. La royauté syrienne de l'âge du bronze récent. In: GARELLI, P. (ed.), *Le palais et la royauté*. Paris, pp. 329–33.
- LUCKENBILL, D. D. 1926–7. *Ancient Records of Assyria and Babylonia, I–II*. Chicago, Ill.
- MALAMAT, A. 1983. *Das davidische und salomonische Königreich und seine Beziehungen zu Ägypten und Syrien: Zur Entstehung eines Grossreichs*. Wien.
- MUHLY, J. D. 1984. The Role of the Sea People in Cyprus during the LCIII Period. In: KARAGEORGHIS, V.; MUHLY, J. D., *Cyprus at the Close of the Late Bronze Age*. Nicosia, pp. 39–55.
- MURNANE, W. J. 1985. The Road to Kadesh. A Historical Interpretation of the Battle Reliefs of King Sety I at Karnak. *Chicago, Ill.*
- ODED, B. 1974. The Phoenician Cities and the Assyrian Empire in the Time of Tiglath-pileser III. *Z. dtsch. Paläst. Ver.* (Stuttgart), Vol. 90, pp. 38–49.
- RAINEY, A. F. 1978. *El Amarna Tablets 359–379*. Neukirchen-Vuyn. (Alter Orient Altes Testam., 8.)
- ROLLIG, W. 1973. Die Religion Altsyriens. In: MANN, U. (ed.), *Theologie und Religionswissenschaft*. Darmstadt, pp. 86–105.
- (ed.) 1978. *Neues Handbuch der Literaturwissenschaft. Altorientalische Literaturen*. Wiesbaden.
- 1985 *Über die Anfänge unsere Alphabets. Altertum* (Berlin), Vol. 31, pp. 83–91.
- SADER, H. 1987. *Les états araméens de Syrie depuis leur fondation jusqu'à leur transformation en provinces assyriennes*. Wiesbaden.
- SANDARS, N. K. 1985. *The Sea Peoples, Warriors of the Ancient Mediterranean*. London.
- SCHACHERMEYR, F. 1982. *Die Levante im Zeitalter der Wanderungen*. Wien.
- SNODGRASS, A. 1980. Iron and Early Metallurgy in the Mediterranean. In: WERTIME, T.; MUHLY, J. D. (eds), *The Coming of the Age of Iron*. New Haven, Conn.
- SPALINGER, A. 1981. Considerations on the Hittite Treaty between Egypt and Hatti. *Stud. altägypt. Kult.* (Hamburg), Vol. 9, pp. 299–348.
- STAGER, L. E. 1985a. Merenptah, Israel and Sea Peoples. *New Light on an Old Relief. Eretz-Israel* (Jerusalem), Vol. 18, pp. 56–64.
- 1985b. The Archaeology of the Family in Ancient Israel. *Bull. Am. Sch. Orient. res.* (Cambridge, Mass.), Vol. 260, pp. 1–35.
- STECH-WHEELER, T. et al. 1981. Iron at Taanach and Early Iron Metallurgy in the Eastern Mediterranean. *Am. J. Archaeol.* (Princeton, N.J.), Vol. 85, pp. 245–68.
- THIEL, W. 1980. *Die soziale Entwicklung Israels in vorstaatlicher Zeit*. Neukirchen-Vluyn.
- WAPNISH, P. 1984. The Dromedary and Bactrian Camel in Levantine Historical Settings: The Evidence from Tell Jemmeh. In: CLUTTON-BROCK, J.; GRIGSON, C. (eds), *Animals and Archaeology*. London. Vol. 3, pp. 171–87.
- WILHELM, G. 1982. *Grundzüge der Geschichte und Kultur der Hurriter*. Darmstadt.
- ZARINS, J. 1989. Pastoralism in Southwest Asia: The Second Millennium BC. In: CLUTTON-BROCK, J. (ed.), *The Walking Larder: Patterns of Domestication, Pastoralism, and Predation*. London. pp. 127–55.

12.3

АНАТОЛИЯ (МАЛАЯ АЗИЯ)

Экрем Акургал

Предлагаемый обзор цивилизаций Анатолии (Малой Азии) основан на классификации, используемой специалистами по доисторическому периоду, поскольку лишь в Центральной Анатолии имеются свидетельства о протоисторическом периоде, связанном с народом хатти (иначе протохеттами, 2500–1800 гг. до н.э.), и об историческом, связанном с хеттами (1800–1200 гг. до н.э.), тогда как остальные области полуострова оставались на доисторической стадии своего культурного развития. В силу этого наша хронологическая периодизация выглядит следующим образом:

1. Ранний бронзовый век (3000–2500 гг. до н.э.).
2. Средний бронзовый век: цивилизация хатти (2500–1800 гг. до н.э.).
3. Поздний бронзовый век: хетты и хурриты (1800–1200 гг. до н.э.).
4. Железный век: новохеттская, урартская, фригийская, лидийская, карийская, ликийская и греческая (эолийская, ионийская и дорийская) цивилизации (1180–750 гг. до н.э.).

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (3000–2500 ГТ. ДО Н.Э.)

Игравшая выдающуюся роль в VII, VI и даже V тысячелетии до н.э. Анатолия в течение IV и в особенности первых веков III тысячелетия значительно отстала в культурном отношении от других исторических регионов. Если в Египте и Месопотамии письменность была изобретена около 3000 г. до н.э. и народы этих областей достигли весьма высокого уровня культуры, то в Анатолии все еще господствовали первобытные формы социальной жизни, характерные для доисторических поселений. Вплоть до середины III тысячелетия до н.э. на п-ове Малая Азия не появилось какой-либо развитой и значительной цивилизации.

Раскопки, проведенные в последние десятилетия, показывают, что в населенных центрах Анатолии, относящихся к первой половине III тысячелетия до н.э., социальное развитие только начиналось. Обнаружены поселения этого периода, окруженные стенами; вероятно, ими управляли местные вожди. Это были маленькие города-государства, в которых могли успешно развиваться различные ремесла, в том числе металлообработка. Не приходится сомневаться, что наличие на полуострове богатых запасов меди, свинца, никеля и мышьяка имело большое значение для достижения успехов на этой одной из наиболее заметных стадий в развитии производительной экономики. Бронзовые изделия, обнаруженные при раскопках в Анатолии и относящиеся к первой и в особенности второй половине III тысячелетия, содержат 10 и более процентов олова. Это доказывает, что в Анатолии III тысячелетия до н.э. существовало металлургическое производство высококачественной бронзы. Зная, что олово ввозилось из Месопотамии в Кюль-Тепе даже в XIX и XVIII вв. до н.э., можно предположить, что население Анатолии установило тор-

говые отношения с Месопотамией еще в раннем бронзовом веке с целью получения олова, необходимого для производства высококачественной бронзы.

После систематических раскопок большого числа поселений, великолепные описания которых уже изданы, в руках исследователей оказались находки, дающие довольно ясное представление о культуре раннего бронзового века в Анатолии. Информация получена из различных уровней и археологических слоев следующих местонахождений: Троя I, Демирджи-Хёюк (слои D–P), Ёртан (часть класса A), Бейдже-Султан (слои XIX–XVII), Каратас (слои BA I), Тарс (слои BA I–BA 2), Арслан-Тепе, Малатя (BA), Гедиклы и Пулур.

Цивилизация раннего бронзового века во всех регионах Анатолии обладает признаками параллельного развития и в чем-то общим характером. Мы можем выделить по крайней мере четыре региона, которые различаются элементами своего искусства: Западная, Юго-Западная, Центральная и Восточная Анатолия (включающая восток и юго-восток полуострова).

Западная Анатолия – Троя I (3000–2500 гг. до н.э.)

Наиболее значительной и известной цивилизацией в Малой Азии раннего бронзового века был первый город Троя (рис. 32). Первое поселение на этом месте, состоявшем из десятка последовательных культурных слоев, занимало очень маленькую площадь. Во времена, к которым относится слой Ij, когда Троя I достигла вершины своего развития, город имел лишь 90 м в диаметре. Приведенный план представляет реконструкцию руин в свете открытий немецких и американских экспедиций. Троя I–IX была раскопана Г. Шлиманом, В. Дёрпфелем и К. Блегеном, а в настоящее время это важное городище вновь является объектом крупномасштабных раскопок, которыми руководит М. Корфман.

Стены Трои I (квадраты EF 5/6 на плане) еще и сегодня находятся в хорошей сохранности. Городские ворота имели 2,97 м в ширину и защищались двумя башнями. Восточную башню обнаружили в очень хорошем состоянии, как только была убрана покрывавшая ее земля. Высота ее составляла 3,5 м. Основание башни сложено из очень больших камней, тогда как камни верхней части меньше и заметно уже, они напоминают необожженный кирпич или черепицу. Американские археологи сообщают, что стена, имевшая крутой наклон с внешней стороны, завершалась парапетом из необожженного кирпича. Любая попытка врага пробиться во внутреннее пространство через ворота (вход представлял собой длинный коридор) была бы отражена с боковых башен. Американская экспедиция осуществила успешное зондирование, которое показало, что длина стены достигала 115 м.

Дом 102, расположенный на плане в квадратах CD 3 и откопанный американскими археологами, является луч-

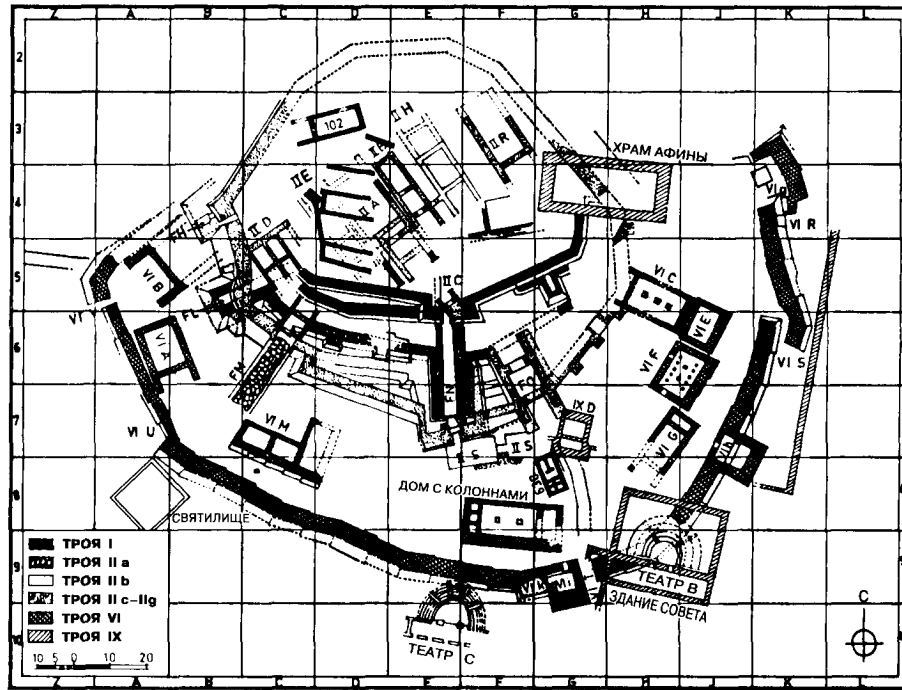

Рис. 32. План-реконструкция Трои I–IX (по результатам раскопок В. Дёрпфельда и экспедиции США)

шим памятником Трои I. Он был построен в фазе *Ib*. Сооружения с абсидой, которые можно увидеть под ним, относятся к фазе *Ia*. Наружные размеры стен дома 102 составляют 18,75 м на 7 м. Стены были сделаны из камней, сложенных «в ёлку». В главном помещении находились два очага, один посередине, а другой – возле восточной стены. Несколько фрагментов центрального очага еще сохранились, но от другого не осталось ничего. В той же самой комнате находились две скамьи, которые могли использоваться как кровати или топчаны. Та, что находилась у северной и восточной стен и от которой ничего не осталось, была 2 м в длину, 90 см в ширину и 30 см в высоту. Та, которую и сейчас можно увидеть в северо-западном углу комнаты, имеет 2,35 м в длину, 1,7 м в ширину и 50 см в высоту. На ней располагалось двойное ложе. При раскопках обнаружено углубление, в котором готовилось и поднималось тесто. Маленькое возвышение позади, у стены, служило столом для разных предметов, однако оно не сохранилось. Кости животных и раковины моллюсков, найденные здесь, показывают, что это было место для приготовления и потребления пищи. Под каменным полом главной комнаты обнаружены два детских погребения, одно возле южной, другое возле северной стены. Там находилось шесть скелетов детей, или мертворожденных, или проживших самое большее одну-две недели. Детская смертность в то время была высокой.

В жилой зоне Трои, в пределах крепости, до сих пор не обнаружен некрополь. Захоронения, вероятно, осуществлялись за городскими стенами. В верхней части стен в домах имелись длинные узкие отверстия для освещения и вентиляции. Они находились непосредственно под плоской крышей, которая делалась из дерева или необожженного кирпича. Дом 102, длинный, узкий, стоявший особняком, имевший переднюю и очаг в центре главной комнаты, является типичным мегароном, одним из наиболее древних образцов, открытых на сегодняшний день. К югу от этого дома можно увидеть пять параллельных стен. Хотя точный план здания представить невозможно, похоже, что эти стены являются остатками жилищ типа мегарона. Южная стена здания (квадрат *4D*) сложена «в ёлку». Следует также упомянуть о стеле с изображением человеческой

головы. Это самый древний в Анатолии пример «монумента», украшенного пластическим сюжетом.

Гончарная посуда изготовлялась вручную. В этом культурном слое в городе впервые появляется троянская посуда, украшенная изображениями человеческих лиц. Троя I имела культурные связи с соседним эгейским регионом. Город исчез в результате пожара.

Другим важным центром раннего бронзового века на западе Анатолии является поселение Демирджи-Хёюк возле Эскишехира. Здесь было обнаружено большое количество гончарных изделий, датируемых первой половиной III тысячелетия до н.э., при раскопках, проведенных М. Корфманом и его сотрудниками Ю. Зеером и Т. Эфе; по результатам раскопок был опубликован великолепный отчет (Korfmann, 1980). В том же слое была открыта группа расположенных террасами домов, похожих на дома в уровнях Троя I и Троя II, которые в течение первой половины III тысячелетия до н.э. часто подвергались перестройкам.

Еще два значительных поселения в Западной Анатолии были открыты в Афродисиасе и Ясосе. Результаты раскопок в этих поселениях опубликовали соответственно М.Ш. Жукowski (Joukowsky, 1986) и П.Э. Пекорелла (Pecorella, 1984). Не подлежит сомнению, что некоторые предметы, найденные в ходе этих раскопок, относятся к раннему бронзовому веку.

В некрополях, расположенных в центральных районах Западной Анатолии, обнаружена керамическая посуда, известная как йортанская, украшенная резными рисунками с белой заливкой. Весьма вероятно, что часть керамики класса А, идентифицированной Т. Камилем (Kamil, 1982), относится к первой половине III тысячелетия до н.э.

И наконец, в поселении Урла (Клазомены), которое раскопал Хайят Эрканал (Hayat Erkanal), обнаружена очень хорошо сохранившаяся стена, похожая на стену в Трое I.

Юго-Западная Анатолия

В Кара-Хёюке возле Коньи, где проводил раскопки Седат Алп (Sedat Alp), в окруженном стенами городке были обнаружены первоклассные произведения искусства, от-

носящиеся не только к среднему, но и к раннему бронзовому веку. Интересно, что в этом поселении обнаружены гончарные изделия, подобные изделиям Трои I и Трои II.

В ходе раскопок в Караташ-Семаюк в Ликии, проведенных под руководством М. Меллинка (*Machteld Mellink*), были вскрыты важные слои, относящиеся к раннему бронзовому веку. В центре раскопанного поселения обнаружен прямоугольный дом с овальным внутренним двором и внешней оградой. Вокруг этого дома располагалось селение, состоявшее из жилищ, спланированных по типу мегарона. На погребальном участке, раскопанном в 200 м от укрепленного поселения, были обнаружены могилы с телами в согнутом положении, положенными в пифосы, выходы которых были ориентированы на восток.

В Бейдже-Султане к северу от оз. Аджигёль, где проводили раскопки С. Ллойд (*Seton Lloyd*) и Дж. Меллирт (*James Melleart*), были идентифицированы слои с XIX по XIII, отнесенные к раннему бронзовому веку. По нашему мнению, только часть керамики в Бейсе-Султане может принадлежать эпохе ранней бронзы, тогда как большинство здешних ее видов имеют характерные стилистические признаки среднего бронзового века I. Археологи, раскопавшие это поселение, считают, что город был укреплен с самого начала. Здания со стенами из необожженного кирпича на каменном фундаменте были мегаронного типа.

В поселении Куручай возле Бурдура, где раскопки проводил Р. Дуру (*Refik Duru*), были также обнаружены произведения искусства, некоторые из них выполнены в стиле раннего бронзового века.

Центральная Анатолия

В этом регионе было раскопано более двух десятков поселений, важнейшими из которых являются Алишар, Алака-Хююк, Караоглан, Этиёкуну, Ахлатлибель и Полатлы. Та культура, которую археологи, раскапывавшие поселения Центральной Анатолии, описывали как позднюю халколитическую, в действительности соответствует раннему бронзовому веку (3000–2500 гг. до н.э.), а культура, которую они отнесли к медному веку, должна быть отнесена к среднему бронзовому веку (2500–1800 гг. до н.э.).

Ранний бронзовый век Центральной Анатолии выглядит довольно бедным по сравнению с прочими частями Анатолии. Гончарные предметы изготавливались вручную и обжигались на открытом огне. Металлические изделия чрезвычайно редки.

Поселение Алишар, где проводил раскопки Остен (*Jon der Osten*), со своей частично остающейся под землей стеной, по-видимому, было укрепленным городом, возможно, управляемым местным властителем. Места погребений находились внутри города. Тела помещали в пифосы в каменных гробницах или просто закапывали в землю.

Алака-Хююк, где раскопки вели Р.О. Арик (*R.O. Arık*) и Х. Кошай (*H. Kosay*), похож на Алишар и, по-видимому, в раннем бронзовом веке был столицей уже довольно значительного княжества.

Восточная Анатолия (включая восточную, южную и юго-восточную территории)

Во время раскопок в Арслан-Тепе, которыми первоначально руководил С.М. Пуглиси (*S.M. Puglisi*), а затем – А. Пальмиери (*Alba Palmieri*), был открыт один из старейших городов-государств Анатолии, окруженный стеной с монументальными воротами. Здесь, вероятно, находилась резиденция очень влиятельного местного монарха. Около 200 штемпельных и цилиндрических оттисков на глиняных печатях показывают, что город был важным торговым центром с начала III тысячелетия до н.э. Среди находок осо-

бого упоминания заслуживают наконечники копий и кинжалы из меди, содержащей 2,7–4% мышьяковистого соединения, изготовленные в начале III тысячелетия до н.э. Формы для производства металлических предметов, найденные в Арслан-Тепе, датируются концом этого тысячелетия.

Произведения искусства раннего бронзового века, похожие на те, что были найдены в Арслан-Тепе и Малатье, были обнаружены в Имамоглу-Хююке возле Малатьи, который был раскопан Э. Узуноглу (*Edibe Uzunoglu*). Замечательным примером объекта раннего бронзового века в Анатолии является значительное поселение в Норсун-Тепе, раскопанное Х. Хауптманном (*H. Hauptmann*) в районе Кебана.

Центр в Гедиклы, расположенный вблизи Сакчегёзу, раскопки в котором вел Б. Алким (*Babadir Alkim*), являлся городом-государством, окруженным стеной толщиной в 3 м. Раскопки в Гедиклы предоставили нам информацию о погребальных обычаях в Анатолии раннего и среднего бронзового века; имеются данные и о кремации, и о захоронении в земле тел умерших.

В поселении Пулур возле Элазига, где вел раскопки Х. Кошай, были обнаружены большие вазы типа «караз» (пифосы), датируемые концом IV и началом III тысячелетия до н.э.

Следует также упомянуть поселение в Икиз-Тепе возле г. Самсун, где вел раскопки Б. Алким (*B. Alkim*). Там обнаружены археологические слои раннего и среднего бронзового века. Интересно отметить, что керамика из этого поселения очень похожа на керамику Юго-Восточной Анатолии. Деревянная архитектура в Икиз-Тепе родственна деревянным постройкам в Караташ-Семаюке и на Балканах.

Центр раннего бронзового века был открыт в Гёзлюкуле в Тарсе, на окраине г. Тарсус, где велась раскопки под руководством Х. Голдман (*Hetty Golgman*). Центр был укреплен стеной и, вероятно, управлялся мелким местным царьком. Среди найденной глиняной посуды было несколько ваз из Северной Месопотамии и с Кипра, а также образцы красновато-оранжевой керамической посуды, большое количество которой встречается и в юго-восточных регионах полуострова Малая Азия. Керамика из Тарса была изготовлена на гончарном круге в первой половине III тысячелетия до н.э.

В Ююк-Тепе возле г. Мерсин, раскопанном Дж. Гарстангом (*John Garstang*), была открыта культура ранней бронзы, подобная той, что была найдена в поселении Гёзлюкуле.

Заключение

Ранний бронзовый век был временем развития Анатолии. Полуостров имел относительно высокую плотность населения, проживавшего в небольших поселениях, защищенных стенами и управляемых местными властями. Средства пропитания давали земледелие и охота, а те, кто жили в поселениях на морском берегу, занимались рыболовством. Существовали города-государства, в особенности на юго-западе и на побережье, поддерживавшие торговые связи с Месопотамией и Эгейским миром. Во внутренних областях полуострова сообщения, несомненно, осуществлялись при посредстве караванов из ослов и мулов, как было и тысячу лет спустя в начале хеттского периода.

Металлообработка не имела широкого распространения. В поселениях раннего бронзового века найдено лишь небольшое количество простых орудий труда и оружия. Вазы из бронзы и благородных металлов появились в Анатолии не ранее среднего бронзового века и, вероятно, не ранее последней трети III тысячелетия до н.э.

Если учесть, что в Анатолии позднего неолита в VI и V тысячелетиях до н.э. имелись лишь статуэтки, большие антропоморфные вазы и стенные росписи и большие рельефы украшали стены спален, то станет ясно, что здешний образ жизни в первой половине III тысячелетия до н.э. был

довольно примитивным. Даже по сравнению с искусством позднего халколита, представленным керамикой, в том числе большими вазами, известными как «чаши для фруктов», уровень культуры раннего бронзового века был очень низким.

За исключением посуды, произведенной в Тарсе, керамика изготавливалась вручную и обжигалась на открытом огне. Большинство ее видов возникло в эпоху халколита. Однако приземистый кувшин со слегка суженным горлом, похоже, не имел аналогов в период халколита. Со временем он трансформировался в элегантный и искусно сделанный кувшин с длинным горлышком, который стал преобладающим видом керамики этого периода.

СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (2500–1800 ГГ. ДО Н.Э.)

Средний бронзовый век в Анатолии – это период процветания и чрезвычайно высокого уровня культуры, основой которых была главным образом продукция металлообработки.

В результате зарождения в средней части полуострова цивилизации хатти и основания у пролива Дарданеллы Трои II–V появились два культурных центра первоисточенного значения. Следует учитывать, что архитектура, керамика и декоративное искусство среднего бронзового века распределяются по двум последовательным стадиям, установленным К. Блегеном: средняя бронза I – т.е. Троя II и ее современники (2500–2200 гг. до н.э.); средняя бронза II – т.е. Троя III–V и ее современники (2200–1800 гг. до н.э.).

Средний бронзовый век I (2500–2200 гг. до н.э.)

Для получения ясного представления о среднем бронзовом веке необходимо детально рассмотреть культуру Трои II–V и культуру городов Центральной Анатолии.

Троя II (2500–2200 гг. до н.э.)

Представление об истории культуры среднего бронзового века I в Анатолии дают руины «второго города» в Трое. Троя II была дальнейшим развитием предшествовавшего ей города. Характерные признаки этого нового периода, как и в Трое I, связаны с древними Кикладами и Эгейдой. Раннеэгейская урфирнская керамика, обнаруженная уже в верхних слоях Трои I, продолжала ввозиться, а также изготавливалась в местных мастерских. Кроме того, легко распознаются связи с культурными центрами Центральной Анатолии и центрами, расположенными далее к востоку. Правители Трои явно не были простыми крестьянскими царями. Они умели использовать свое положение на международных торговых путях с целью сохранения своей доминирующей роли и расширения территории. Все металлы – золото, серебро, медь и олово – ввозились из Центральной и Восточной Анатолии и с Востока. У восточных золотых дел мастеров были позаимствованы некоторые технологии, использовавшиеся троянскими художниками, в том числе сложная техника зернения, которая в странах Востока была известна уже в течение 500 лет. Их трубчатые серьги, например, создавались под влиянием древних восточных образцов. Наиболее утонченные произведения ювелирного искусства в Трое были найдены в кладе, открытом Шлиманом. Помимо бронзовых сосудов и оружия в кладе находилось множество тяжелых медных, серебряных и золотых сосудов, золотых украшений и несколько серебряных слитков. Слитки, вероятно, предназначались для использования при обмене. Золотое

блюдо из этого клада, известное как «соусник», высотой в 7,5 см и весом в 600 г, выполнено в эгейском стиле. Элегантные ручки по форме очень напоминают ручки ваз, известных как *denac* (*depas*), – типично троянских сосудов. Два желобка идентичны желобкам элегантных эгейских чаш того же периода, изготовленных из глины и украшенных урфирнской глазурью.

Гончары Трои были хорошо знакомы с двумя важными техническими изобретениями того времени: печью для обжига и сушки и гончарным кругом. В Трое I вазы лепились вручную и обжигались на открытом огне. В Трое II и Трое III ясно прослеживаются связи с внутренними районами Анатолии. Второй укрепленный город в Трое между 2200 и 2100 гг. до н.э. испытал какую-то ужасную катастрофу. Его разрушение могло произойти в результате набегов на Анатолию индоевропейских племен: набеги начались именно в это время. Однако в последующие периоды, от Трои III до Трои V, не наблюдается следов нового населения. По-видимому, вплоть до основания Трои VI, около 1800 г. до н.э., никаких культурных изменений не происходило.

Важную роль в истории города сыграли фазы II *a–g*, состоящие из семи слоев построек, хотя даже в 2200 г. до н.э. диаметр города был всего 110 м. Хотя Троя I была разрушена в результате катастрофы, между двумя городами нет никакого временного разрыва и культурных различий – напротив, культура Трои I продолжала развиваться в Трое II.

Второму поселению присущ большой прогресс в городской планировке. Судя по мегаронам и расположению пропилей в фазах II *c–g*, Троя II была первым городом в мире, имевшим систему спланированной застройки (рис. 33).

Благодаря регулярной и хорошо разработанной планировке этот город выигрывает при сравнении с другими городами Западной Азии того же периода. Метод планировки состоял в размещении мегаронов рядом для образования одного непрерывного фасада и в размещении имевших в плане форму мегарона пропилей у входов в образуемые таким образом блоки. Этому опыту, вероятно, следовали семь или восемь столетий спустя при постройке цитадели в г. Тиринфе в Греции, где было необходимо пройти через длинные пропилеи, прежде чем войти в комплекс мегаронов, стоявших рядом. Замечательным примером того же типа планировки является Акрополь в Афинах.

Как и в Трое I, главные ворота Трои II находились в центре южной стены (*FN*). Во втором городе, однако, были и другие ворота. Хорошо сохранились развалины юго-западных ворот (*FN*, квадрат *6C*) и в особенности мощный скат длиной 21 м и шириной 7,5 м. Каменная часть стены, которую можно увидеть и сегодня, имеет в верхней части обратный уклон. Венчал стену перпендикулярный ей ряд из сырцового кирпича.

Мощный скат вел к пропилеям *FM*. Вход был шириной 5,25 м и имел двойные ворота. Эти пропилеи, напоминавшие планом мегарон, относились к фазам *c–g* Трои II, т.е. к ее последней стадии. Немного позади него можно увидеть развалины стен, относящихся к Трое II *b* спереди и к Трое II *a* сзади (с северной стороны). Руины стены далее к северу (на плане обозначены черным цветом), находящиеся более или менее на той же оси, что и пропилеи *FM*, относятся к Трое I. Ворота *FN* в квадрате *E7* были главным входом в Троя II *a*. Большие пропилеи *FO* представляли собой главные ворота города в последний период Трои II, когда она находилась на вершине процветания. Это сооружение, как и пропилеи *FM*, в плане представляло собой мегарон с двумя открытыми короткими сторонами. Этот великолепный вход вел во внутренний двор, построенный в период, соответствовавший фазам *c–g* Трои II, т.е. в 2200–2100 гг. до н.э. Чтобы устроить этот внутренний двор, сносили верхнюю часть стен фазы II *a–b* и вымостили пространство камнем. Чтобы войти в царский дворец, следовало пересечь небольшие пропилеи, также имевшие план

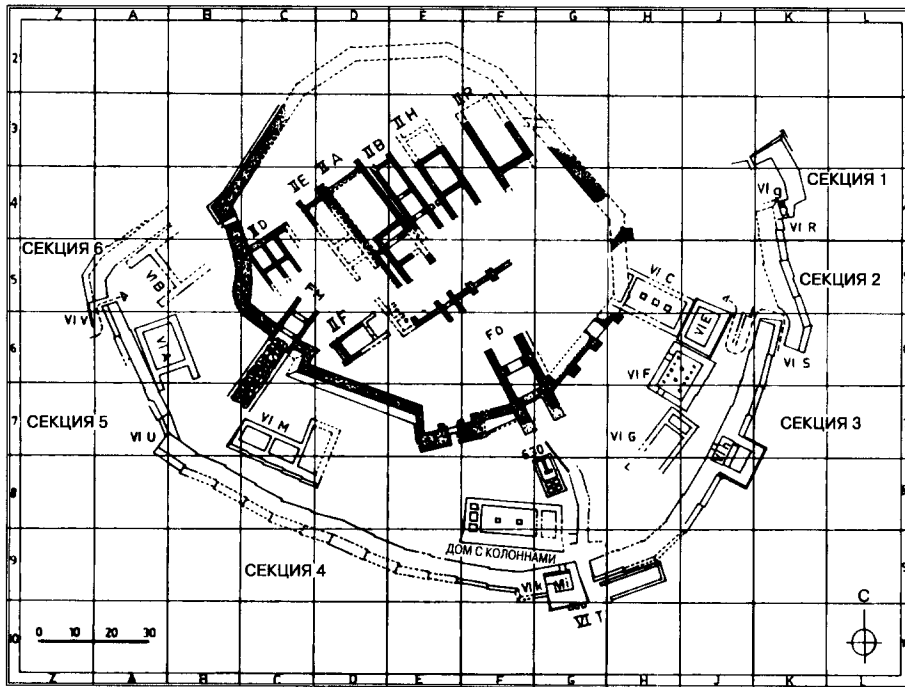

Рис. 33. План-реконструкция Трои II с-г (и Трои поздней VI) (по результатам раскопок В. Дёрпфельда и экспедиции США)

мегарона. Судя по каменному блоку, служившему порогом и лежащему на земле, ширина этих пропилей составляла 1,82 м.

Мощный внутренний двор разделял пропилией фазы II e и большой мегарон; его стены с южной и западной сторон достигали 2 м толщины. Каменное основание, обнаруженное в южном углу, показывает, что к зданию примыкала колоннада. Поэтому, выходя из мегарона, люди видели перед собой прекрасный пример архитектурного украшения. Днем, когда от солнца в мегароне становилось жарко, колоннада обеспечивала желанную тень.

О правильной застройке цитадели Трои II уже говорилось. Все здания были размещены в соответствии с четким планом. Особенно эффектным было расположение большого мегарона (IIA) на вершине холма, господствующего над местностью. Этот дом со стенами толщиной 1,5 м, вероятно, был высоким зданием, служившим центром цитадели и притягивавшим взор. Хотя большая часть этого мегарона была разрушена при прокладке траншеи Шлиманом в направлении север-юг, оказалось возможным на основе сохранившихся развалин определить приблизительный план здания. Как видно на рис. 33, лишь часть его была вскрыта, а часть восточной стены оказалась погребенной под материалами германских раскопок. Ширина здания, включая стены, составляет 13 м. Не вполне ясно, какова была его длина, но она должна была составлять не менее 35-40 м.

Внутренние размеры большой комнаты были 20 м на 10,2 м. В середине комнаты Дёрпфельд обнаружил остатки платформы диаметром 4 м. Он предположил, что в середине комнаты, как и во всех мегаронах, должен был находиться очаг. Хотя никаких мест для сидения и следов напоминающей трон мебели здесь обнаружено не было, в этом роскошном здании, которое долго использовалось царями, связанными с фазами с-г, несомненно, имелись все типы скамей, столов и сидений.

По сторонам мегарона IIA находятся развалины двух других мегаронов того же типа, но меньшего размера. Один из них, восточный (IIB), также был разрушен в результате проводимых в направлении с севера на юг раско-

пок Шлимана, но, вероятно, он был похож на хорошо сохранившийся мегарон на западной стороне (IIE). Считалось, что эти два мегарона являлись местами отдыха или собраний царской семьи. Мегароны IIA, IIR и IIP, выявленные Дёрпфельдом, должны были состоять из большого числа небольших помещений и, вероятно, служили казармами или складами.

Американские археологи окончательно установили, что найденные Шлиманом сокровища относятся к фазе Троя II g. Некоторые другие предметы из золота и серебра, напоминающие сокровища, которые были обнаружены при раскопках, указывают на то, что Троя II g подверглась неожиданному нападению. Разрушенный слой, которым отмечен конец Трои II, имеет среднюю толщину 1 м и содержит признаки страшного пожара, причиной которого был внешний враг, возможно, орды индоевропейских захватчиков. Этот враг, однако, не поселился в Трое, поскольку никаких следов изменений в культуре в Трое III, IV и V не отмечено. Чтобы не прерывать последовательность изложения, об этих периодах жизни Трои будет рассказано в данном разделе, хотя они относятся уже к среднему бронзовому веку (см. ниже). Прибытие новых племен будет рассмотрено в разделе о Трое VI в томе III.

От Трои III до Трои V (2200-1800 гг. до н.э.)

В течение периодов Троя III, IV и V, которые, несомненно, длились долгое время, наблюдается прогрессирующий упадок троянского царства и постепенное завершение его процветания. Руины зданий Трои III лежат к северо-западу от входного пологого ската в квадрате C5. Эти здания были построены из небольших камней неправильной формы. При раскопках, проведенных немецкими археологами, выяснилось, что Троя IV даже не имела оборонительных стен. Развалины оригинальных зданий этого периода были обнаружены при раскопках к востоку от дома IVA (квадрат B6). Предполагается, что город был окружен временными укреплениями. Небольшая стена в квадрате 5A относится к тому же периоду.

Культура хатти (2500–2000 гг. до н.э.)

Сравнительная оценка произведений искусства позволяет сделать вывод о том, что в течение среднего бронзового века в Западной, Центральной, Южной и Восточной Анатолии существовало явное стилистическое единство в области изящных искусств. Такие виды керамики, как кувшины с длинным горлышком, кубки, известные как *depas amphikypellon*, вазы в форме человеческих голов, вазы с широким основанием, статуэтки и идолы из терракоты, бронзы и драгоценных металлов, представлены почти во всех уголках Анатолийского полуострова. Кувшины с длинным горлышком и кубки типа *depas amphikypellon* были широко распространены даже в Греции, Македонии и в Эгейском мире. В целом анатолийское искусство демонстрирует примечательную степень стилистического единства. В частности, украшения ваз, сделанные из обожженной глины, бронзы и драгоценных металлов, выполнены в стиле, специфическом для центральных и южных регионов Анатолии. Орнамент ребристый и состоит из таких геометрических сюжетов, как треугольники, спирали, зигзаги и свастики. Подобный тип орнамента чаще всего встречается в Бейдже-Султане и его округе, а также в Алака-Хююке и других центрах на берегу р. Галис (илл. 80–86). Такое расположение вызывает вопрос о том, не был ли данный стиль создан народами хатти – абorigineнами, населявшими центральные, южные и юго-восточные области Анатолии до вторжения индоевропейцев, которых мы знаем под именем хеттов. Чтобы ответить на него, следует рассмотреть то, что известно об этом протоисторическом народе – протохеттах.

В III тысячелетии до н.э. в центральной части Анатолии жил народ, имя которого – хатти – дошло до нас через хеттские источники. В XIV и XIII вв. до н.э., когда жрецы в Хаттусасе проводили церемонии, связанные с их религией, они иногда читали стихи, значение которых им было не вполне понятно. Эти стихи, вставленные между строчек клинописных текстов, сопровождалась переводом. Где бы ни встречались эти стихи, им всегда предшествовало примечание, что жрец должен в этом месте говорить, что это следует произносить на языке хатти.

Язык хатти отличался от всех прочих азиатских языков. Он легко распознается по обильному использованию префиксов. Например, множественное число передается с помощью различных приставок: бог – *шату*, боги – *ва-шату*; ребенок – *бину*, дети – *лебину*.

Ареал распространения их религии показывает, что хатти обитали в Центральной и Восточной частях Анатолии. Мы знаем, что величайшее хеттское божество, «солнечная богиня Аринна», на хатти называлась Вурусему. Ее муж, бог погоды Тару, ее сыновья, боги погоды Нерик и Зиппалацда, ее дочь Мазуллац и ее племянница Зентухис были божествами хатти с именами хаттского происхождения. Подобным образом к хаттскому периоду восходят Телепинусу, один из наиболее популярных хеттских богов, его жена Хатепинус, богини Инарас и группа богинь Зитхарнас, Кайзис и Хапанталнас.

Влияние хаттской цивилизации заметно и в хеттской мифологии: мифы об Иллуянке (чудовищном змее, сражающемся с богом грозы. – *Прим. ред.*) и Телепинусе (божестве плодородия) основаны на хаттских образцах. Тем не менее, поскольку оба этих мифа дошли до нас в хеттской версии, мы не способны выявить в них элементы хатти. Однако мы располагаем мифологическими фрагментами на языке хатти, которые транскрибировались и во многих случаях переводились самими хеттами. Одно из таких повествований, включенное в магический ритуал почитания бога бури, начинается следующим образом.

Луна упала с неба. Она упала на ворота. Никто не заметил. Бог погоды пролил дождь. Он пролил ливень. Страх охватил его, боль охватила его.

Он спустился, Хапантали, он спустился к ней, вновь и вновь умоляя ее. С неба Камрусса заметила, что Луна упала. Она сказала такие слова: с неба упала Луна, она упала на ворота. Бог погоды увидел это, он пролил дождь, он пролил ливень. Страх охватил его. Боль охватила его. (*E. Laroche*).

Имя Хаттусили, которое носили три хеттских царя, означает: «Тот, кто из Хаттусаса». Хеттские суффиксы «-или», «-ала» и «-ула» являются заимствованными хаттскими суффиксами «-ил», «-ал» и «-ул». Имена хеттских царей Тудхалияс, Арнувандас и Аммунас образованы от хаттских названий гор.

Искусство народа хатти, оказавшее столь большое влияние на хеттов, должно было достичь высочайшего уровня. Вот почему мы считаем, что произведения искусства, которые обнаружены в Центральной Анатолии и демонстрируют заметный уровень стилистического единства, были созданы хаттами. Лучшие образцы хаттского стиля были открыты в Алака-Хююке, Махматларе, Хороз-Тепе и Бейдже-Султане.

Объекты, относящиеся к этой цивилизации (илл. 87, 88), отличаются характерным внешним видом. В Аладже, Ахлатлибеле, Алишаре и Бейдже-Султане найдены глиняные кувшины с удлиненными горлышками, имеющие изящные пропорции, тщательно отполированную поверхность и характерные желобки. Металлические объекты с такими же особенностями обнаружены в Аладже, Махматларе и Хороз-Тепе.

Золотые чаши из захоронений в Аладже дают нам представление об анатолийской версии элегантных кубков, распространившихся позднее, в собственно хеттский период. Тот же тип, декорированный в том же стиле, был обнаружен в относящихся к тому же времени царских гробницах Хороз-Тепе. Он присутствует и в алакской керамике. Желобчатые сюжеты, использовавшиеся для украшения ваз уже в халколитической керамике, позаимствованы из орнаментов металлических предметов. Золотых дел мастера Анатолии бронзового века знали, как варьировать форму и размеры желобков, добиться наиболее удачного эффекта (илл. 85).

Нередко обращают внимание на связи между предметами, изготовленными кузнецами из Аладжи, и продукцией соседних цивилизаций. Однако все эти изделия имеют признаки одного и того же стиля, черты которого являются чисто анатолийскими. Тем не менее нет сомнений, что можно сравнить кипладские «сковороды», сделанные из обожженной глины, и найденные в Аладже и Хороз-Тепе бронзовые зеркала, в наиболее глубокой части которых первоначально находился серебряный диск, в котором хаттские княжны могли видеть свое отражение.

Серебряная статуэтка, найденная в Хасаноглане возле Анкары (илл. 86), является шедевром хаттского искусства. Однако, поскольку она была найдена случайно и, вероятно, когда-то находилась в гробнице, не имеется стратиграфических данных, чтобы ее датировать, хотя ее стиль несомненно хаттский. Почти идентичный бороздчатый рисунок волос, уложенных вокруг верхней части головы, можно увидеть на золотых кубках, найденных в царских гробницах в Алака-Хююке (илл. 84). Еще одним характерным признаком работы хаттских ювелиров является изображение шеи, прикрытой тонкой золотой пластинкой. (Шея и тело бронзового быка из Алака-Хююка (илл. 80) подобным образом покрыты серебром.) Маленькие сферические покрытые золотом груди и пупок в виде покрытой золотом пуговки также вызывают в памяти идолов и статуэтки из гробниц Алака-Хююка (илл. 83). Гравированный пунктиром треугольник лона, полоски материи, скрещивающиеся над грудью и плечами и, прежде всего, длинная шея – все это составляет стилистические элементы, позволяющие установить родство между статуэткой из Хасаноглана и идолами позднего периода раннего брон-

зового века в Анатолии. Хасаногланская статуэтка имеет большой крючковатый нос (илл. 86); моделью для этой статуэтки могла послужить хаттская княжна, представлявшая преобладавший в то время этнический тип. Такие же лица будут обнаружены вновь в хеттском искусстве, поскольку значительная часть населения Центральной и Восточной Анатолии, разумеется, еще имел сильное сходство с хаттами XIII в. до н.э.

Молитвенное положение сложенных рук наводит на мысль, что эта статуэтка изображает умершую хаттскую княжну в позе, принятой при богослужении или молитве. Информация местных жителей об обстоятельствах ее находки и предметах, обнаруженных в непосредственной близости, указывает на то, что она была помещена в гробницу. Уверенность, с которой художник даже в то время был способен запечатлеть живые изгибы тела, позволяет предположить, что эта статуэтка относится к более позднему периоду, чем статуэтки из гробниц Алака-Хююка. Ее можно отнести приблизительно к 2000 г. до н.э.

В имевших форму дисков или животных «штанدارтах» жрецов-царей Центральной Анатолии (илл. 80, 81) также проявляется стилистическое единство, уходящее корнями во внутренние территории Анатолии. В числе сюжетов, использовавшихся для их украшения – решетки, concentрические круги, кресты, свастики, серии точек; те же сюжеты имеются на вазах (илл. 85), идолах (илл. 83) и других предметах того же периода (илл. 82). Это постоянство рисунка можно проследить и по другим деталям, таким как полукруглая форма, приданная головам двух статуэток (идолов), которая была вновь обнаружена не только у идолов, покрытых золотым листом, но и на двух дисках-штандартах, найденных в Аладже, звездобразный орнамент которых был стилизован по тому же принципу. Фигуры нескольких терракотовых идолов, также из Аладжи, изображены с головами той же формы.

Штанدارты в форме быков или волов, возможно, прикреплялись к определенному виду тронов (илл. 80). Штандарты в форме солнечного диска крепились на пьесталах. В их нижней части еще имеются выступы, которыми фигурка вставлялась в пазы этих деревянных шестов, где они, несомненно, удерживались на месте с помощью веревок или ремней. Эти странные и даже загадочные предметы, имевшие форму дуги или полного круга, были, вероятно, символами Вселенной, тогда как фигуры животных являлись зооморфными изображениями определенных божеств.

Значение штандартов

Большая часть предметов, найденных в захоронениях, имела ритуальное значение. «Трещотка» (*rattle*) и другие предметы имели ту же форму, что и штандарты из Хороз-Тепе; это указывает на их религиозный характер. Жрецы хатти использовали трещотки во время религиозных церемоний для сопровождения литургических песнопений.

Ритуальный характер этих впечатляющих и таинственных произведений искусства особенно заметен в штандартах в форме диска или дуги. Большие бычьи рога, которые служат основой, нимбы и сферические штандарты, подразумевающие небесный свод, вряд ли можно истолковать как чисто декоративные композиции. Бычьи рога крепились к каркасу таким образом, чтобы приподнимать и поддерживать штандарт. На некоторых штандартах край диска украшался звездами, они как бы окружают небесную сферу подобно спутникам. Звезды представляли собой маленькие модели штандартов, по периферии которых они были прикреплены. Птицы в полете, которые иногда украшали край штандартов, также могут указывать на небесное значение последних. Подобным образом прикрепленные к штандартам цветы, возможно, являлись симво-

лическим изображением растительности, тянущейся к небу. Нельзя быть уверенным, истолковывались ли свастики на ромбовидных штандартах, частью повернутые вправо, а частью – влево, как символы восходящего и заходящего Солнца, но общий вид штандартов позволяет предположить, что здесь определенным образом представлена Вселенная. Бычьи рога, поддерживающие этот космический символ, вызывают в памяти турецкую сказку о том, что мир покоится на рогах быка. «Каждый раз, когда бык трясет головой, – рассказывается в этой сказке, – земля трясется». Драгоценные ритуальные принадлежности хаттских правителей-жрецов, возможно, были древнейшим изобразительным воспроизведением этой концепции. Аналогичное представление о том, что бык поддерживает Вселенную, мы находим позднее в различных формах хеттской символики. Также не случайно, что проворный и грациозный олень появляется из небесного диска или что его рога, напоминающие нимб и небесный свод, достигают предела небесной сферы. На рельефном изображении Юпитера Долихена, относящемся к римскому периоду, воспроизводящем старый хеттский сюжет, супруга бога погоды Тару стоит, как это было отмечено Ханкарром (*Hancar*), на спине оленя. Хатты называли эту богиню Вурусему, а ее эпитет «солнечная богиня Аринна» определяет ее как владычицу небес и Вселенной. Учитывая, что бык должен однозначно пониматься как атрибут бога погоды, грозы, можно попытаться истолковать появляющегося в этом контексте оленя как символ его супруги, неизменно его сопровождающей. В более поздний анатолийско-хеттский период символами великой богини стали лев и барс, тогда как олень сделался священным животным мужских божеств-покровителей. Но возможно, что хаттский символ великой богини был изменен хеттами. На штандарте из Аладжи рядом с оленем изображены два барса. Возможно, барс был священным животным главной богини и стал объектом поклонения уже в III тысячелетии до н.э. Тот факт, что все штандарты с животными изображают либо быка, либо оленя, заставляет нас истолковать быка как атрибут божества, идентичного богу погоды.

Гробницы в Алака-Хююке относятся к хаттскому периоду, который занимает временной промежуток от 2500 до 1800 г. до н.э., и потому датируются временем приблизительно между 2100 и 1900 гг. до н.э. Меньше крупные поселения в Ахлатлибеле и Этиёкушу (вблизи Анкары) должны принадлежать к последней фазе этого периода, т.е. приблизительно к 2100–2000 гг. до н.э. Находка печатей в этих поселениях подкрепляет более позднюю (вторую из указанных) датировку. В последние годы доисторической эры цивилизация хатти, соприкоснувшись с месопотамским миром, совершила большой скачок вперед. Хатти были неграмотны, но их царьки, несомненно, имели своих писцов, чтобы вести переписку с соседними правителями. Появление печатей в это время представляет первый шаг к восприятию письменности хатти.

Фигура идола, найденная в царских гробницах Аладжи, и натуралистические статуэтки свидетельствуют о высоком уровне хаттской скульптуры малых форм. Тенденция к реализму проявляется уже в идолах из Аладжи. Две одинаковые фигурки типа скрипки (илл. 83), покрытые золотым листом, были еще совершенно схематичны. Они были найдены в той же гробнице, что и натуралистические медные статуэтки, но поскольку они предназначались для того чтобы быть нашитыми на одеяние царя-жреца, их декоративная и ритуальная роль обусловила их исполнение в старом стиле. Хотя груди еще изображались в виде пуговок, а лоно как треугольник (илл. 86), бронзовая статуэтка матери, кормящей грудью ребенка, – замечательная работа, найденная в гробнице в Хороз-Тепе, – показывает подлинный прогресс в передаче линий тела. Глаза и уши, слишком большие, изображены еще довольно примитивно, но асимметричное положение рук и кистей и почти

естественная форма плеч и лица предвосхищают наступление новой тенденции к реализму. Эта статуэтка является древнейшим натуралистическим изображением матери и ребенка среди идолов того времени из Кюль-Тепе. Та же концепция обнаружится у свинцовых идолов начала исторического периода.

Восприятие хаттского стиля хеттами

Хотя предметы, раскопанные в гробницах Алака-Хююка, Хороз-Тепе и Махматлара, выполнены в специфическом анатолийском стиле, сам способ погребения является чужеземным и индоевропейским по происхождению. Гробницы в Алака-Хююке состоят из прямоугольных ям, имеющих 3–8 м в длину и 2–5 м в ширину. Эти ямы, в которых находились тело и погребальные приношения, были с четырех сторон окружены неправильной каменной кладкой и накрыты горизонтально положенными толстыми деревянными балками, в свою очередь покрытыми слоем земли. В них были обнаружены черепа и копыта коров – следы погребального пиршества. Данный способ захоронения до этого времени в Анатолии известен не был. Он похож на погребальные обряды микенцев и особенно напоминает то, что было найдено позже в Гордионе и Анкаре и связано с фригийцами, имевшими индоевропейское происхождение. Подобным образом и штандарты в форме стилизованного быка или оленя, копыта которого стоят на очень маленькой основе из четырех частей, напоминают весьма похожие штандарты, обнаруженные в Майкопе. Следует также отметить, что объекты, найденные в Алака-Хююке, Хороз-Тепе и Махматлара, представляют зооморфные божества, тогда как хатты поклонялись антропоморфным богам. По-видимому, эти гробницы принадлежат хеттским правителям, утвердившимся на земле хаттов. Следовательно, эти хеттские царьки сохранили свои солнечные диски и штандарты в форме животных, а также свои погребальные обряды и религию с ее зооморфными божествами. Однако стиль этих объектов, который преимущественно является малоазийским, показывает, что их изготовили хаттские мастера. На основании сделанных выше наблюдений можно считать, что к 2200 г. до н.э. индоевропейское вторжение уже началось и первые индоевропейские племена продвинулись в большую излучину р. Галис (Кызыл-Ирмак). Весьма вероятно, что разрушения, которыми отмечен конец Трои II g и средний бронзовый век, связаны с индоевропейской иммиграцией. По-видимому, заселение Анатолии хеттами произошло путем постепенного проникновения на эту территорию в течение нескольких столетий. И действительно, вплоть до середины XVII в. до н.э. хеттское государство еще не оформилось.

Заключение

По сравнению с предшествовавшим периодом раннего бронзового века средний бронзовый век I отличается более высоким уровнем культуры. В этой фазе достигается своей высшей точки металлообработка. Произведения искусства из драгоценных металлов, которые были открыты в царских гробницах Алака-Хююка, Махматлара и Хороз-Тепе, представляют собой богатейшие и самые великолепные сокровища, относящиеся к бронзовому веку. Другим прекрасным образцом искусства бронзового века после находок в хаттских городах являются золотые и серебряные произведения искусства из Трои II.

Города-государства среднего бронзового века были такими же небольшими и окруженными стенами, как и в предшествовавший период, и, вероятно, управлялись местными царьками. Властители, господствовавшие в несколь-

ких городах одновременно, по-видимому, еще не появились. Возможно, именно по этой причине архитекторы, строившие большие здания, известные как мегароны, не возводили дворцов и храмов в монументальном стиле, которые мы увидим в среднем бронзовом веке II.

Средний бронзовый век I является протоисторическим периодом в Анатолии. Это обстоятельство обеспечивает нас информацией, которая помогает лучше понять этническую проблематику бронзового века в Анатолии. Как выяснилось, искусство северных и южных городов было создано хаттами, а отдельные фрагменты их языка, религии, мифологии и другие черты дошли до нас через письменные источники Хеттского царства.

Другим народом, имя которого известно из письменных источников уже со среднего бронзового века I, являются хурриты. Каменная пластина с надписью на хурритском языке, охраняемая бронзовым львом (в настоящее время в Лувре), и другие письменные источники свидетельствуют о том, что г. Уркеш (современный Телль-Амуда) был уже около 2300 г. до н.э. населен хурритами.

Мы не располагаем данными, для определения этнического происхождения населения Трои I–V. Тем не менее можно предположить, что троянцы, искусство которых чрезвычайно напоминает искусство островной и материковой Греции, принадлежали к той же индоевропейской этнической группе, которая обитала в эгейском регионе в этот период. Если это так, то население Трои VI представляло собой новую волну индоевропейского вторжения. Это предположение не может быть категорически отвергнуто. Хорошо засвидетельствован факт, что в фазе VII b2 Троя подверглась нападению со стороны другого индоевропейского народа балканского происхождения.

Что касается пеласгов и лелегов, которые, несомненно, жили на западе Анатолии до прихода эллинов, то определенными данными об их истории мы не располагаем. Известно лишь, что в Греции, Эгееде и Анатолии жил народ, названия городов которого оканчивались на «-нтос» («-ntbos») и «-ассос» («-assos»). Кроме того, в бронзовом веке, т.е. во II и I тысячелетиях до н.э., в Анатолии определенно жили несколько других народов.

Как мы видели, в Анатолии имеются свидетельства находящихся рядом труположений и трупосожжений. Кладбища располагались внутри и за пределами городских стен. Лишь в гробницах в Алака-Хююке представлен иной тип захоронения, из-за чего мы связываем их скорее с хеттскими царями, чем с хаттскими властителями.

Типы гончарных изделий, найденных в Анатолии и особенно в Трое I и II, встречаются также в Греции, Македонии и эгейском регионе, что ярко продемонстрировали В. Ортманн (*Orthmann*, 1963), Х. Подзувайт (*Podzuweit*, 1979) и М.С. Жуковский (*Joukowsky*, 1986). Отсюда следует, что морская торговля была чрезвычайно активной. Наличие кубков типа *depas amphikyPELLON* практически в каждой анатолийской деревне говорит также о хорошей организации торговли во внутренней Анатолии, которая осуществлялась караванами с ослами и мулами в качестве тяговой силы.

Средний бронзовый век II (2000–1800 гг. до н.э.)

Хаттские, хурритские и хеттские государства

Период, соответствовавший среднему бронзовому веку II, фактически является в Анатолии первой исторической эпохой, поскольку именно в начале II тысячелетия до н.э., на тысячу лет позднее, чем в Египте и Месопотамии, в центральной части Анатолии была создана письменность и данная область вступила в историю в узком значении этого слова. Западная часть полуострова продолжала, однако,

жить в доисторических условиях вплоть до греческого периода, начавшегося около VIII или даже IX в. до н.э.

В первой четверти II тысячелетия до н.э. Центральная Анатолия находилась под управлением тех же хеттских и хеттских государств, которые сосуществовали здесь в последние два века III тысячелетия до н.э. (см. выше).

Однако, как мы увидим, к концу первой трети II тысячелетия до н.э. Анатолия оказалась под хеттским управлением. Между тем ассирийские купцы, которые, по всей вероятности, в последние два века III тысячелетия до н.э. уже вели активную торговлю в Анатолии, в первой четверти II тысячелетия до н.э. создали здесь имевшие огромное значение торговые фактории.

Ассирийские торговые фактории

Из надписей на глиняных табличках, найденных при раскопках в Кюль-Тепе, Алишаре и Богазкёе, следует, что в Центральной и Юго-Восточной Анатолии в XIX и XVIII вв. до н.э. существовали ассирийские торговые фактории. Они представляли собой как большие поселки (*карум*), так и торговые пункты (*вабартум*). Канесский карум располагался в Кюль-Тепе, в 20 км к северо-востоку от современного г. Кайсери и осуществлял контроль за другими торговыми факториями в Анатолии; сам он находился под непосредственным управлением из Ашшура на Тигре. Пользуясь дорогой Ашшур – Диярбакыр – Малатья – Кайсери или Ашшур – Урфа – Адана (Сейхан) и Гюлек – Кайсери, ассирийские купцы караванами из 200–250 ослов привозили олово, одежду и ткани и продавали свои товары местному населению в обмен на золото и серебро, а также медь, которая была в Анатолии дешевле, чем где бы то ни было. Некий металл, называвшийся *амутум*, стоил в 40 раз дороже серебра и, по-видимому, был железом.

Ассирийцы не имели здесь политической или административной власти или влияния. Карум в Кюль-Тепе представлял собой сооружение в 1000 м шириной и 1500 м длиной, он был построен на северо-восточном, восточном и юго-восточном склонах холма, на котором обитали жители и правители Хеттского царства Несы (Канес). За заботу о безопасности ассирийцы должны были платить налоги местным властителям. Большая часть из тысяч дошедших до нас документов носит торговый, экономический или законодательный характер, хотя некоторые являются историческими или литературными.

Ассирийские колонисты селились на уровне Кюль-Тепе II, современным царям Шаррумкену (Саргону I) и Шамши-Ададу I, т.е. приблизительно в 1900–1800 гг. до н.э.; после них остались там 15 тыс. глиняных табличек. После разрушения уровня II в результате ужасного пожара это поселение было покинуто на 40–50 лет. Впоследствии, около 1750 г. до н.э., ассирийские купцы построили на руинах III уровня большой город (*Ib*). Это новое поселение, в котором также были обнаружены глиняные таблички, было современным Зимри-Лиму, правителю Мари, и Хаммурапи, царю Вавилона (около второй половины XVIII в. до н.э.). Ассирийские торговые фактории в Алишаре и Богазкёе, существование которых подтверждается глиняными табличками, также относятся к периоду города *Ib* в Кюль-Тепе.

Существование коренных и хеттских поселений. период царств

Следуя примеру ассирийских торговых факторий, анатолийские властители также стали пользоваться услугами ассирийских писцов. Поэтому мы располагаем информацией о городах, где правили хетты.

Одним из наиболее могущественных властителей XVIII в. до н.э., несомненно, был Анитта (хеттские цари и

столетия спустя считали его древнейшим основателем своего государства. – *Прим. ред.*). Некоторую информацию о его городе дали две таблички на ассирийском языке из Алишара, ассирийский текст из Кюль-Тепе (ныне в Лувре) и в особенности хеттский текст, найденный в Богазкёе. Его название имеется также на бронзовом книжале, найденном среди руин большого дворца на холме Несы (Кюль-Тепе), где проживало коренное население, с сохранившейся надписью «*эгал Аниттас рубайим*» (дворец царя Анитты). Согласно хеттскому тексту, Анитта, который первоначально был правителем города Куссара, основал маленькое царство, столицей которого стала Несы (Канес). В этом тексте он сообщает, что построил стены и храмы бога грозы и бога Сиусумми. Анитта должен был править в то же время, когда в Кюль-Тепе существовал город *Ib*. Тот факт, что столица называлась Несой, является доказательством, что она была заселена неситами, другими словами – хеттами, говорившими по-неситски (см. ниже).

В письменных источниках постоянно упоминаются города Куссара, Несы, Хаттусас, Цальпа, Пурушанда, Мама, Тайсама и Сибуха. Некоторые из них, подобно Хаттусасу, были хеттского происхождения; Мама являлась хурритским городом. Однако большинство из них, подобно Хаттусасу и Несе, в течение фазы города *Ib* в Кюль-Тепе, современной правлению царя Хаммурапи, стали преимущественно хеттскими центрами. Не подлежит сомнению, что другие анатолийские городские центры также постепенно трансформировались в хеттские города. Индоевропейские вторжения в Анатолию, которые начались уже в последней четверти III тысячелетия, продолжались последовательными волнами в течение нескольких столетий. Однако мы можем быть уверены, что большая часть населения оставалась в средней части полуострова хаттской, а в юго-восточной – хурритской. Более того, хеттские царики принимали порой хаттские или хурритские имена, чтобы обеспечить себе благоволение со стороны своих подданных. По этой причине нередко бывает трудно определить этническую принадлежность правителя. Если, однако, принять во внимание, что хеттское Старое царство было основано к началу XVII в. до н.э., становится очевидным, что военные операции в первой четверти II тысячелетия до н.э. были столкновениями между индоевропейскими царями и туземными правителями Анатолии.

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (1800–1200 ГГ. ДО Н.Э.)

Хетты (карта 13)

В период царств наблюдался рост размеров городов по сравнению с городскими поселениями предыдущих времен. Наземные планы поселений Кюль-Тепе, Кара-Хёюк, Аджем-Хёюк и Алишар были более или менее овальными или круглыми с диаметром 400–700 м. В Алишаре, Кара-Хёюке и Кюль-Тепе обнаружены укрепленные стены. Подземный переход в Алишаре является древнейшим примером хеттского бокового входа, применявшегося в Богазкёе для нападения на врага с фланга.

Дворцы и храмы этого периода, открытые в Кюль-Тепе, Аджем-Хёюке и Кара-Хёюке, приобрели монументальные пропорции. На акрополе в Кюль-Тепе были обнаружены развалины двух дворцов, которые согласно надписям принадлежали соответственно царям Варсаме и Анитте. В менее древнем из них имелся почти квадратный центральный внутренний двор, со всех четырех сторон окруженный залами и коридорами, чрезвычайно напоминающими архитектуру Хеттского царства.

Карта 13. Анатолия во времена хеттов

Лучшее свидетельство оригинальности и творческого характера искусства эпохи царств – многочисленные виды керамики. Можно выделить три разновидности сосудов: сформованные вручную вазы, расписанные многоцветными геометрическими узорами, частично еще несущие отпечаток III тысячелетия до н.э.; вазы, изготовленные на гончарном круте, с изображениями фигур людей и животных; и сюжетных стел; монохромные вазы. Все эти сосуды характерны для нового стиля, который может быть назван хеттским, поскольку он распространился и сохранялся по всей Анатолии до последних столетий II тысячелетия до н.э. Монохромная посуда покрыта красно-коричневым гладким слоем, внешне напоминающим металл. Кульминацию долгого процесса эволюции в керамике, достигшей своего классического уровня, представляют, в частности, кувшины с длинным горлышком (илл. 87, 88).

Изделия из терракоты, бронзы, серебра, свинца и слоновой кости, обнаруженные при раскопках в Кюль-Тепе, Аджем-Хёюке и Кара-Хёюке, являются произведениями прекрасного и необычайно оригинального искусства. В иконографии людей и животных распознается влияние вавилонского искусства, но анатолийские художники преуспели и в создании нового стиля, который можно определить как хеттский стиль с месопотамскими заимствованиями.

Раскопки в Кюль-Тепе (Неса-Канес), Аджем-Гёюке и Кара-Гёюке проводили соответственно Т. Озгюч (*Tahsin Özgüc*), Н. Озгюч (*Nimet Özgüc*) и Седат-Алп (*Sedat Alp*). Наиболее ценные находки выставлены в музеях Анкары и Коньи.

По письменным источникам и произведениям искусства мы можем сделать выводы, что г. Неса, расположенный в Кюль-Тепе, был населен неситами, говорившими на хеттском языке. Стилю архитектуры, керамики и всех видов изобразительного искусства этих трех поселений присущи черты, которые встречаются позднее в период Хеттского царства, что явно указывает на возникновение

хеттской цивилизации в XVIII в. до н.э. в этих управлявшихся хеттскими властителями городах. Если принять во внимание, что, согласно хеттскому тексту из Богазкёя, Анитта был первоначально царьком Куссара (город где-то в центре полуострова), а затем завоевал города Хаттусас, Цальпу (на берегу Черного моря) и Пурушанду (в центральной части полуострова), то можно прийти к заключению, что в XVIII в. до н.э. вся Центральная Анатолия какое-то время находилась под властью одного верховного правителя.

Однако это небольшое царство, собранное из нескольких городов, просуществовало недолго. В изложении хеттской истории, данном хеттским царем Телепину (1535–1510 гг. до н.э.), сообщается, что создать долговечное и хорошо организованное царство, границы которого достигали моря, удалось жившему в Хаттусасе (современный Богазкёй) Хаттусили I (1660–1630 гг. до н.э.). Новое государство действительно было столь могучим, что несколькими десятилетиями позже его сыну Мурсили I (1630–1600 гг. до н.э.) удалось сначала завоевать Алеппо, а затем и Вавилон, что привело к падению династии Хаммурапи.

Несмотря на первоначальную стремительную экспансию, Хеттское царство вскоре утратило свои завоевания и некоторое время, с XVI по XIV в. до н.э., было ограничено своей исконной территорией в излучине р. Галис. Однако в царствование Суппилулиумы I (1380–1345 гг. до н.э.) после подчинения Митгани хеттское государство сделало мощнейшей империей – до такой степени, что в XIV–XIII вв. до н.э. разделило с Египтом гегемонию над восточным миром. Другим великим правителем хеттской империи был сын Суппилулиумы Мурсили II (1345–1315 гг. до н.э.). Его сын Муваталли (1315–1282 гг. до н.э.) сражался с Рамсесом II в знаменитой битве при Кадеше (1285 г. до н.э.). Муваталли собрал все силы Анатолии и Сирии, имея 3500 боевых колесниц с двумя бойцами и возницей на каждой. Битва не при-

несла решительного перевеса ни одной стороне. Возможно, что пользу из нее извлекли хетты, так как после этой даты вопрос о египетском влиянии в Сирии и Месопотамии более не возникал. Не ранее 1269 г. до н.э. был подписан мирный договор между Хаттусили III (1275–1250 гг. до н.э.) и Рамсесом II. Это первый известный в мировой истории договор между двумя большими державами. В период, когда еще продолжался расцвет огромного Хеттского царства, правил Тудхалия IV (1250–1220 гг. до н.э.) и весьма влиятельная царица Пудухепа. В их правление достигло зенита развитие изящных искусств. Правление Арнуванды III (1220–1200 гг. до н.э.), однако, отмечается началом упадка империи. Согласно новым богазкёйским документам, последним царем был Суппилулиума II, правление которого было довольно коротким (1200–1190 гг. до н.э.).

Язык и письмо

Как мы видели, название хеттской столицы Хаттусаса и имя царя Хаттусили, основателя Хеттского царства, образованы от *хаттус*, – слова, которое служило названием главного города хатти в предшествовавший период. Имена таких хеттских царей, как Мурсили, Аммуна, Хуззия и Телепину, также имеют хаттское происхождение. Это показывает, что хеттские правители придавали большое значение привлечению к себе хаттского населения, которое, несомненно, составляло большинство. Более того, в различных документах хеттские правители называли страну, которую поставили под свою власть, ее старым именем – «земля хатти». Однако этот дипломатический подход, принятый пришельцами в отношении хатти, не только диктовался рациональными соображениями, но был также естественным результатом векового сосуществования двух народов. Индоевропейцы, представленные энергичными, но не очень цивилизованными племенами, испытывали, как мы увидим, сильное влияние коренного населения во всех аспектах социальной, политической и культурной жизни.

Новая хеттская цивилизация, в значительной степени основанная на хаттской, была создана индоевропейскими племенами, которые называли себя неситами и говорили по-неситски, но сегодня ошибочно именуются хеттами. Так как единственным ключом, найденным филологами, которые в начале XX в. расшифровывали язык табличек, обнаруженных в Богазкёе, было название «земля хатти», они сочли, что это и есть имя того индоевропейского народа, что переселился в Анатолию. Это обстоятельство, наряду с упоминаниями в Ветхом завете о «хеттах» и «хититим», привело к появлению обозначения «хетты».

На сегодняшний день в Анатолии хеттского периода выявлено четыре ветви индоевропейской языковой семьи – неситский, иероглифический хеттский, лувийский и палайский. Два первых языка использовались царской семьей. Лувийский был в ходу в странах Арзава и Киззуватна на юге полуострова, а палайский – в северной Каппадокии между городами Кайсери и Сивас или, что более вероятно, в Пафлагонии (на побережье Черного моря).

В официальных документах хеттские цари использовали хеттский (несийский) и аккадский языки. Единственным другим языком, который использовался царским двором, хотя и редко, был хурритский.

Хетты пользовались клинописным письмом старовавилонского происхождения, восходящим к периоду более раннему, чем то письмо, которым пользовались ассирийские купцы в Несе. Поэтому вполне возможно, что хеттские правители, которые в последней четверти III тысячелетия до н.э. уже правили в южной части Центральной Анатолии, т.е. в Аладже-Хююке, Махматларе и Хороз-Тепе, использовали (или могли использовать) эту ассирийскую

клинопись; у этих правителей, привлекавших на службу выдающихся мастеров, должны были быть писцы, которые могли вести их переписку с иноземными правителями. Хетты имели также иероглифическое письмо, использовавшееся главным образом на монументах и царских печатях, так как оно состояло из рисуночных знаков, которые могли быть понятны и неграмотному хеттскому простонародью.

Литература

Литература, создававшаяся хеттами, отличалась большой оригинальностью и была совершенно непохожа на сочинения их соседей. Именно хеттам мы обязаны самыми древними и великолепными письменными сведениями об истории восточного мира. Политическое завещание Хаттусили I (1660–1630 гг. до н.э.), указ Телепину (1535–1510 гг. до н.э.), личная летопись Мурсили II (1345–1315 гг. до н.э.), автобиография Хаттусили III (1275–1250 гг. до н.э.) и письма хеттских царей правителям соседних стран являются прекраснейшими литературными произведениями восточной древности.

Царь, царица и правительство

Хеттский царь был главнокомандующим армией и высшей судебной и религиозной властью. На его плечах лежало и ведение дел с иностранными державами. Однако он был мало похож на традиционного восточного абсолютного монарха. Ни один хеттский царь не обожествлялся при жизни. Только после его смерти говорилось: «Он стал богом».

Хотя монархия была наследственной, правитель был лишь *primus inter pares* (первый среди равных). Хеттской империи оставалась чуждой идея восточного абсолютизма и божественного права. В завещании Хаттусили I оговаривается, что высшая знать не подлежит царскому правосудию. Споры между знатными лицами должны были проводиться до собрания знати (*панкус*). В провозглашенных царем Телепину правилах престолонаследия с большим уважением говорилось о правах знати.

Знать владела землями, пожалованными в качестве своего рода феодальных поместий (*ленов*) местными правителями. Знать была обязана обеспечивать войско боевыми колесницами, которые являлись главным компонентом хеттских вооруженных сил.

Отличительной чертой в Хеттском царстве было весьма независимое положение царицы. Она сохраняла титул верховной правительницы, *таваннана*, который имел хаттское происхождение, на протяжении всей своей жизни, даже если ее супруга уже не было на троне. Жена нового царя могла получить титул таваннана лишь после смерти предыдущей царицы. Таваннана участвовала вместе с царем в церемониях и вместе с ним совершала возлияния, как мы можем это видеть на рельефе в Алака-Хююке (илл. 90). Супруга царя Хаттусили III царица Пудухепа играла важную роль в политических делах государства и вела личную переписку с царицей Египта. Она изображена на наскальном рельефе во Фрактине, к югу от Кайсери, совершающей возлияние в честь великой богини. Хеттский текст договора с Египтом на серебряной табличке сообщает, что у царицы даже была официальная печать с ее собственным изображением, разумеется, в объятиях солнечной богини Аринны.

Высокое и уважаемое общественное положение женщины было другой характерной чертой, отличавшей хеттов от соседних народов Западной Азии. Лишь двор имел гарем. Полигамия не была, по-видимому, обычной у этого народа. Семья была организована на патриархальной основе.

Право

Специфической чертой хеттского общества, также отличавшей его от восточных соседей, был гуманный характер его законов. Хетты в гораздо большей степени, чем их соседи, ценили человеческую жизнь и личное достоинство. Они никогда не применяли таких унижающих наказаний, как нанесение увечий, столь обычных для ассирийского права. Им не доставляли удовольствия такие акты жестокости, свойственные ассирийцам, как сажание на кол и сдирание кожи с пленников, массовое избиение врагов, сжигание их заживо или сооружение пирамид из голов. Гуманным было даже обращение с рабами, которые находились под защитой государственного права.

Управление

Хеттские цари осуществляли прямой контроль над территориями своей империи. Управление провинциями находилось в руках их сыновей и других членов царской семьи. В их обязанности входило поддержание в хорошем состоянии дорог, дворцов и храмов. Главные города, такие как Алеппо, Кархемиш и Датасса, управлялись вассалами, избиравшимися из царских принцев. Государствами, находившимися под верховной властью империи, обычно правили местные вассалы, но от имени хеттов. Эти младшие властители не обладали правом сношений с иностранными государствами. Их главная обязанность состояла в выплате дани царскому двору и обеспечении имперской армии необходимыми ресурсами.

Ремесла и торговля

Письменные источники сообщают, что население Хеттской империи в основном было сельским и жило за счет земли. Эти тексты информируют нас, что практиковались все виды торговли. В царском дворе имелся, разумеется, свой собственный высококвалифицированный персонал. В найденной в большом храме Хаттусаса половине клинописной таблички говорится: «Всего 208 человек, из которых 18 суть жрецы, 29 – музыканты, 19 – писцы, использующие деревянные таблички, 35 – жрецы-предсказатели, 10 – певцы на хурритском языке». Итого перечислены 111 человек, остальной текст был на другой половине таблички, которая не сохранилась.

Как мы уже видели, ассирийские торговцы продавали анатолийцам олово, одежду и ткани в обмен на золото, серебро и медь. Из письма Хаттусили III следует, что хетты были знакомы с добычей железной руды и изготовлением путемковки железных орудий, оружия и различного оборудования. Из того же текста, однако, известно, что изготовление инструментов из железа было очень длительным процессом. Серебро использовалось как валюта при торговых операциях.

Вероятно, существовали дороги, по которым могли передвигаться боевые колесницы и четырехколесные повозки, подвозившие необходимые царской армии припасы. Согласно текстам, князья и вассалы, правившие в провинциях и маленьких зависимых государствах империи, отвечали за состояние дорог. Для внутренних и международных перевозок, вероятно, использовались караваны ослов, как это было и в предшествовавший период царств.

Погребальные обычаи

В хеттских табличках, найденных в Богазкёе (Хаттусасе), говорится о «доме из камня», в котором складывались кости после кремации. К хеттской погребальной камере мо-

жет быть отнесена лишь подземная камера в Гавуркале возле Анкары. Существенно то, что тип камеры в Гавуркале напоминает гробницу, характерную для раннего периода, а сам способ погребения очень напоминает описанный в гомеровском эпосе. Это означает, что хеттские цари, подобно хеттским князьям Алака-Хююка последней четверти III тысячелетия до н.э. (см. выше), были погребены в соответствии с обычаями индоевропейских народов.

В некрополе Осман-Каяси возле Язылика в Хаттусасе, который в течение столетий использовали хетты, обнаружены 72 погребения из глиняных ящиков разного типа и размера, из которых 50 содержали пепел, 22 – кости, что указывает на использование жителями Хаттусаса обоим погребальным обычаям – трупосожжения и трупоположения.

Религия

Религия алака-хююкских государственных образований, которыми в последней четверти III тысячелетия до н.э., вероятно, правили хеттские правители, была зооморфной по характеру (см. выше). Эти первобытные верования, преобладавшие среди индоевропейских переселенцев в Анатолию, под влиянием коренного населения хатты уступили место антропоморфной религии. Великий хеттский князь Анитта, который правил во второй половине XVIII в. до н.э., говорит о «храме бури» и другом храме, названном Сиусумми (сравни лат. *deus* и греч. *Zeus*), построенных им самим (см. выше). Однако религия царского двора формировалась в это время в Хаттусасе под влиянием хурритов.

«Тысяча богов хаттской земли», о которых сообщается в текстах, найденных в Богазкёе, изображены на стенах открытого скального святилища, расположенного в 2 км к северо-западу от Хаттусаса (рис. 34). Изображены 63 женских и мужских божества, представленных в церемониальных нарядах, составляющих хеттский пантеон. В центре – бог бури и его супруга, солнечная богиня Аринна, с их сыном богом Саррумой. Эта группа из трех божеств является древнейшим изобразительным воплощением идеи Троицы.

В Хаттусасе было обнаружено семь больших и несколько десятков маленьких храмов. Крупнейший из них посвящен богу бури Тару и его жене, солнечной богине Аринне, которые были главными божествами империи и населения Анатолии в хеттский период, хотя в каждом городе поклонялись своему собственному богу бури. Аринна в одном из своих воплощений (Ишттар) представляла богиню войны и плодородия. Другие божества, например, солнечный бог небес и бог Луны, имели меньшее значение. Хеттская мифология находилась под глубоким влиянием мифологии хурритов и вавилонян, и в текстах, относящихся к мифам и легендам, оригинальные черты отсутствуют.

Архитектура

В царствах, существовавших в последней четверти III тысячелетия до н.э. в огромной излучине р. Галис и, вероятно, управлявшихся хеттскими правителями, не было своего собственного искусства (см. выше). Рождение хеттского искусства можно наблюдать в период царств XVIII и XVII вв. до н.э. в городах Неса, Аджем-Хёюк, Кара-Хёюк и Алишар. Мы уже видели, что дворец в Несе имеет сходство с монументальной архитектурой Богазкёя и что подземный переход в Алишаре является древнейшим образцом хеттского сводчатого прохода. Мы также отметили, что керамика и изобразительное искусство этих центров дают представление о стиле, который можно назвать хеттским. Как мы увидим далее, опреде-

ленные формы, узоры и характерные черты искусства имперского периода были позаимствованы от этих прошлых времен.

Раскопки в Хаттусасе начались в 1906 г. под руководством Х. Винклера (*Hugo Winckler*) и Т. Макриди (*Theodore Makridi*). Они обнаружили, что наиболее значительные достижения были у хеттов в области архитектуры. Новое появилось как в технике строительства, так и в форме зданий. Новой также была система циклопических стен, ранее в Анатолии неизвестных.

Город Хаттусас (Богазкёй)

Хетты были самыми замечательными строителями крепостей в Западной Азии. Могучие стены Хаттусаса были искусно спроектированы, а скалистый ландшафт прекрасно приспособлен для обороны. Две узкие круглые лестницы, которые вели с вала вниз, давали защитникам осажденной цитадели возможность атаковать врага с тыла. Вылазки могли также производиться через сводчатый подземный проход длиной 70 м, сложенный из огромных камней.

Акрополь, известный как Бюйюк-Кале, или «Большая цитадель», был в XIV–XIII вв. до н.э. застроен не имевшими военного значения зданиями, принадлежавшими цар-

ской семье. Крупнейшим памятником на акрополе является здание *D*; оно относится к XIII в. до н.э., и его просторный зал (39 x 48 кв. м) на первом этаже, возможно, использовался как палата для аудиенции, откуда открывался вид на окрестности, в том числе на храм. Здание *E*, также построенное в XIII в. до н.э., являлось небольшой палатой для приемов. Это здание резко отличается от других построек Хаттусаса и напоминает строение типа *bit bilani*, встречающееся на плане дворца Никумепа (XV или XIV в. до н.э.) в Тель-Ачане возле Анталы. Здание *F*, построенное в XII в. до н.э. в северо-западном углу цитадели, как считается, было одним из жилых помещений царской семьи. Поскольку оно занимало стратегическое положение над большой дорогой к столице и отсюда открывался великолепный обзор, оно господствовало над тремя направлениями и должно было идеально соответствовать целям великих царей Хеттской империи. Царский дворец, от которого сохранилось очень мало, размещался на восточном выступе в наиболее защищенной части акрополя. Здание *M* несомненно предназначалось для административных и официальных целей. Здание *C*, в котором обнаружены дары, идентифицировано как небольшое святилище. В здании *K* в XIII в. до н.э. хранились архивы Хеттского царства. Это древнейшее здание в истории человечества, о котором известно, что оно строилось для библиотеки.

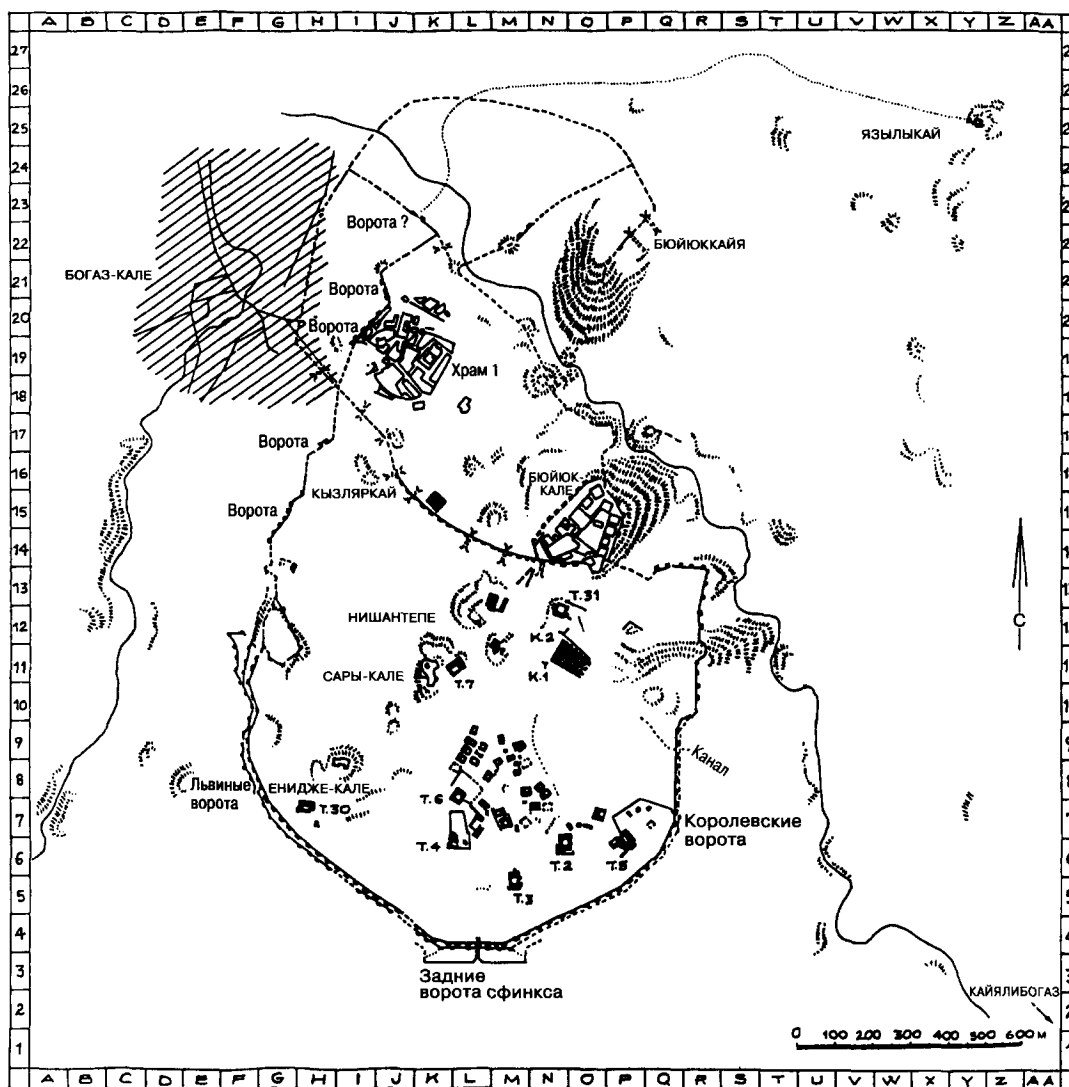

Рис. 34. План-реконструкция города Хаттусаса (Богазкёй) (по Kurt Bittel, Peter Neve)

В Хаттусасе было обнаружено несколько монументальных храмов, которые по своим размерам и архитектурному стилю относятся к прекраснейшим памятникам II тысячелетия до н.э. (рис. 34). Крупнейший из этих храмов (1), посвященный богу бури и его жене, солнечной богине Аринне, производит большое впечатление на посетителя даже сейчас. Вместе с хранилищами, которые его окружают, он занимает территорию 160 м в длину и 135 м в ширину. Сам храм состоит из прямоугольного здания с внутренним двором и крылом, обращенным на северо-запад, в котором размещались девять помещений для богослужения. В двух крупнейших помещениях находились статуи бога бури и богини Аринны.

Храмы 2–5, расположенные в южной части города, по типу немного напоминают храм 1. П. Неве (*Peter Neve*) провел раскопки храмов 6 и 7, а также около 20 небольших культовых зданий к югу от Сары-кале и к востоку от Енидже-кале, т.е. к западу от храмов 2–5. Так как из текстов нам известно, что каждый город имел своего собственного бога бури, то вполне возможно, что каждый из этих небольших храмов принадлежал одному из главных городов империи.

Для хеттской архитектуры характерна асимметрия. Хетты не применяли ни колонн, ни капителей; их здания покоятся на квадратных опорах. Типичными были большие окна, почти достигавшие уровня земли, которые были устроены не в стенах, окружающих святилище, а в фасадных стенах самого храма. Поскольку часть храма из двух комнат со статуями бога и богини была выдвинута вперед, идылы освещались с трех сторон. Эта потребность в свете и яркости дает основание полагать, что хеттские религиозные церемонии изначально проводились на открытом воздухе, что можно видеть в святилище в Язылыкае.

Изобразительное искусство

Хеттское изобразительное искусство, относящееся ко времени возникновения империи (XVII и XVI вв. до н.э.), было тесно связано с искусством эпохи царств, но позднее было постепенно вытеснено примечательным новым стилем. Пропорции сосудов XVII и XVI вв. до н.э. из Алишара и Алака-Хююка являются более стройными и утонченными (илл. 86), нежели пропорции кувшинов с длинным горлом из Кюль-Тепе и Богазкёя, относящихся к XVIII в. до н.э. и представляющих классический стиль. В отличие от изящных ваз XVIII в. до н.э., украшенных одиночными рельефными фигурами, найденных в Кюль-Тепе, замечательные сосуды XVI в. до н.э. из Инандика и Битика полностью покрыты рельефными сюжетами из сцен на религиозные темы. Датировка инандикской вазы подтверждена документом из того же самого святилища, относящимся к царствованию Хаттусили I (1660–1630 гг. до н.э.). Наряду с парой фигур запряженных в ярмо быков из Богазкёя (илл. 89), также относящихся к XVI в. до н.э., эти две большие, очень красивые и стилистически оригинальные вазы являются шедеврами хеттского гончарного искусства.

К XVII в. до н.э. хетты создали такие выдающиеся образцы глиптики, как представленные Тышкевичем (*Tyszkiewicz*) цилиндрические печати и подобные образцы, найденные при раскопках в Кара-Хёюк. Начиная с Аллувамны (1510–1500 гг. до н.э.) хеттские цари использовали печати при подписывании официальных документов.

В письменных источниках постоянно упоминается монументальная скульптура в храмах. Статуи божеств выполняли совершенно особую функцию в хеттских религиозных верованиях. Богов считали покровителями городов. Если статую божества увозили враги, считалось, что город как бы потерял свое лицо. Вот почему Муваталли,

который перенес столицу из Хаттусаса в Датассу возле современного г. Адана, взял с собой все статуи богов во временную резиденцию, откуда ему было удобнее вести приготовления к египетскому походу.

К сожалению, не сохранилось ни одной религиозной статуи, принадлежавшей храму. Все, что мы имеем, – это скульптурные изображения львов и сфинксов, которые стояли по сторонам ворот в Хаттусасе и Алака-Хююке. Можно назвать также монумент в Эфлатун-Пинаре и колоссальную стелу в Фасилларе, которые находятся возле г. Конья и являются памятниками на открытом воздухе, как и порталная скульптура в Хаттусасе и Алака-Хююке (рис. 35; илл. 91, 92).

Сохранилось большое количество великолепных наскальных рельефов и рельефов на ортостатах, являвшихся двумя основными характерными для хеттов типами монументальной скульптуры. Наиболее примечательными из этих рельефов высечен на скале в Язылыкае, где и сегодня можно любоваться изображениями 63 божеств хеттского пантеона. Другие важные наскальные рельефы сохранились в Сиркелы возле г. Аданы (рельеф Муваталли), во Фрактине в Каппадокии (рельеф, изображающий Хаттусили III и его жену Пудухепу, совершающих возлияния в честь божеств), в Манисе (богиня, восседающая на троне) и в Карабеле возле Измира (царь, вооруженный луком и копьем, с хеттской иероглифической надписью). Все образцы ортостатов происходят из Алака-Хююка (илл. 90). На них изображены религиозные сюжеты, царь и царица, совершающие священнодействие перед алтарем, и сцены повседневной жизни, акробаты, охота на львов и т.д. Рельеф, изображающий бога войны, когда-то украшавший восточные ворота Хаттусаса, а теперь находящийся в Музее Анкары, является одним из прекраснейших образцов хеттской скульптуры, сохранившихся до наших дней.

Иконографические детали рельефов, относящихся к периоду хеттской империи, показывают, что хеттские скульпторы следовали установленным правилам. Не только различные части головного убора, причесок и одежды, но и части тела изображались согласно очень строгим канонам. Черты лица, форма глаз, бровей, рта и ушей неизменно остаются теми же самыми. На мужских фигурах всегда имеются широкие браслеты. Хетты были бородатыми или безбородыми, но никогда не носили усов. Положение рук остается неизменным, независимо от того, держат фигуры что-либо или нет; ближайшая к зрителю рука согнута

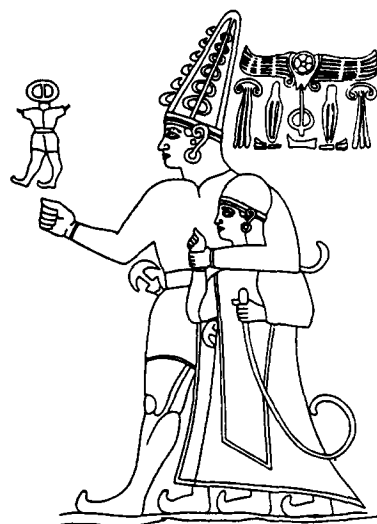

Рис. 35. Рельефное изображение царя хеттов Тудхалии IV (1250–1220 гг. до н.э.) в объятиях бога Шаррумы на западной стене скальной камеры B в Язылыкае, Богазкёй

та и плотно прилегает к телу, тогда как «дальняя» рука слегка вытянута перед корпусом. С другой стороны, женские фигуры, как и мужские, всегда изображены в профиль, держащими обе руки, слегка согнутые, перед собой, в благоговейной позе, которая заставляет думать, что они совершают приношение богам.

С XVI в. до н.э. появляются маленькие статуэтки из серебра и золота, имеющие признаки того же хеттского стиля, что и монументальные пластические произведения. Серебряный ритон в форме припавшего к земле оленя и ритуальный топор из бронзы, украшенный великолепными рельефами, выставлены в нью-йоркском музее Метрополитен (илл. 92). Они относятся к лучшим образцам традиционного хеттского стиля, который был распространен в имперский период не только в Центральной Анатолии, но по всему полуострову, от Антиохии на юго-востоке до Измира на западе.

Хурриты

Во времена хеттов в Анатолии существовали и другие государства. На востоке и юго-востоке находилось царство Митанни, наиболее могущественное из хурритских государств, имевшее большое значение в середине II тысячелетия до н.э. (около 1650–1450 гг. до н.э.). Хурритский является одним из наиболее любопытных восточных языков. Будучи языком агглютинативного типа, он не похож ни на один из семитских или индоевропейских языков, ни на хаттский с его обилием префиксов. В сферах религии и литературы хурритская цивилизация оказала глубокое влияние на хеттов. В эпоху империи хетты восприняли хурритскую концепцию божеств. Эта концепция отражена в рельефах святилища в Язылькае. Эпос о Гильгамеше, миф о Кумарби и трактат Киккули об укрощении лошадей имеют хурритское происхождение. С другой стороны, в хурритской культуре можно проследить индоарийские и лувийские влияния.

Все правители Митанни носили индоевропейские имена, показывающие, что у хурритов господствовала аристократия индоарийского происхождения. Члены этого благородного сословия, составлявшие очень незначительное меньшинство, занимались ездой на колесницах и верхом на лошадях. Их называли «марианни», и, несомненно, благодаря им в Западной Азии стали укрощать лошадей и использовать боевые колесницы. При современном состоянии исследований из хурритского искусства известны лишь глиптика (искусство резьбы на драгоценных или полудрагоценных камнях) и керамика. Наиболее характерными сюжетами на их печатях являются помесные животные, небесные столпы и священное дерево. В некоторых печатях можно разглядеть критские и микенские влияния, например изображение колесниц и передачу стремительного конского бега. Типично хурритскими являются большие кубки с декоративными узорами на черном фоне. Этот тип гончарных изделий появился в правление Шаустатара в середине XV в. до н.э. и в еще более утонченной форме представлен также образцами из Алалаха. Как митаннийское искусство можно также рассматривать настенные росписи в Нузи, изображающие коровьи морды и головы женщин.

Другие народы Анатолии

На юге полуострова Малая Азия проживали лувийцы – индоевропейские племена, существование которых подтверждается лишь их языковым наследием. То же можно сказать о палатгах, живших в Пафлагонии. На юге Анатолии располагались страны Арзава и Киззуватна. Упомянутая в хеттских текстах Аххиява была не чем иным, как

Элладой, страной ахейцев (*Achaioi*), основавших торговые колонии на западе Анатолии. По-видимому, ахейцы (микенцы) имели в XIV–XIII вв. до н.э. свои поселения в Милете в области Кария (Мускеби) и в Паназ-Тепе возле Киме в эолийском регионе. Однако Хеттское царство не смирилось бы с существованием могущественного царства Аххиява в эгейской Анатолии. Когда хетты говорили о стране Аххиява, они, несомненно, имели в виду ахейцев Эллады и островов Эгейского моря.

Троя VI (1800–1275 гг. до н.э.)

Основание в позднем бронзовом веке Трои VI, пришедшей на смену троянской цивилизации среднего бронзового века, приблизительно совпало по времени с основанием первых городов-государств племенами индоевропейских переселенцев. Вероятно, не является случайным, что конец раннеэладского периода и начало среднеэладского периода в Греции приходятся на то же время. Возникновение этих новых цивилизаций в трех соседних областях Древнего Мира следует связать с великим переселением индоевропейцев, которое началось к концу III и продолжалось, возможно, до начала II тысячелетия до н.э. Блеген показал родство населения Трои VI и среднеэладских государств материковой Греции. Похожую, но менее очевидную близость той же природы можно обнаружить также между хеттской цивилизацией и цивилизацией Трои VI. Хотя хетты всегда находились под сильным влиянием с Востока, их цивилизация обладала рядом основных черт, общих с Микенами и Троей VI, в особенности в архитектуре и планировке городов. Однако создается впечатление, что прямых контактов между Троей и Хаттусасом было очень мало. В Трое не было обнаружено ни одного фрагмента хеттской керамики. Сходство, которое можно наблюдать в архитектуре и керамике этих двух культур, не подразумевает обязательного прямого контакта. С большой вероятностью оно может быть приписано местным анатолийским влияниям, достигавшим Трои различными окольными путями. Наземные пути сообщения были небезопасны, и Троя в силу традиции и географического положения была обращена лицом на запад.

Среди привозных товаров преобладала керамика с матовой поверхностью эладского и кикладского происхождения и изделия из Микен. Кроме того, были найдены образцы критской посуды и фрагменты кипрской керамики, подтверждающие, что Троя VI действительно установила морские связи с внешним миром. Местная керамика в Трое VI была одноцветной, скромной и недостаточно привлекательной. Наиболее красивой была так называемая минийская посуда, в больших количествах обнаруженная в самом раннем жилом слое Трои VI.

Жители Трои VI были неграмотны, но их цари, несомненно, имели официальных секретарей для ведения переписки с соседними государствами. Троянцы подняли свою культуру на высокий уровень. Представление об архитектурных достижениях этого блестящего периода, воспетого в гомеровской «Илиаде», дают памятники из слоев VI f–h. Это был город «Илиады», город, который не удавалось захватить даже после десятилетней осады. Приам и его сыновья Парис и Гектор, иными словами царь и царицы, имена которых мы знаем из мифологии, должны были жить в самую великолепную эпоху – в период VI h. Разрушение Илиона, связанное с Одиссеем, пришлось на последующий период, VI a. Блеген правильно объяснил конец Трои VI катастрофическим землетрясением. Развалины фазы VI h под Троей VI a явно представляют собой результат землетрясения, что показывают сделанные при раскопках фотоснимки. Следы смещения пластов еще и сейчас различимы в квадратах G9 и J–K6.

Троя VII a (1275–1240 гг. до н.э.)

Очевидно, это землетрясение не было неожиданным, поскольку в развалинах не обнаружено фрагментов человеческих скелетов, а дома не производят впечатления оставленных в спешке. Американские археологи утверждают, что культурная традиция не прервалась. И в самом деле, в слое VII a найдено столько же серой минийской посуды, что и в слое VI b. Кроме того, они подчеркивают, что керамика, известная как «танская посуда», производилась и в период, связанный с предшествующим уровнем. Похоже, что фаза VII a длилась не более одного поколения.

Согласно данным американской экспедиции, Троя VII a была городом Приама, и, таким образом, Илион гомеровской «Илиады» относится к этому периоду. Однако изучение автором настоящего раздела архитектуры уровня VII a не позволяет ему разделить данную точку зрения. Жители Трои VII a восстановили стены города и разрушенные дома, но вновь построенные ими дома были худшего качества. Еще важнее то, что с точки зрения жилищного строительства особые черты города полностью изменились. Отсутствуют примеры работ столь же высокого художественного уровня или хорошо продуманной городской планировки, какие можно наблюдать в слоях VI f–b. На месте великолепных зданий Трои VI появились дома, отражающие социальное расслоение общества, тесно расположенные и совершенно не похожие на резиденции типа мегарона.

Эти дома хорошо сохранились, их можно увидеть между воротами VI T и VI S в зоне, расположенной возле городской стены (см. рис 32, 33). Эти здания несопоставимы с домами VI G, VI F, VI E и VI C, которые стоят в ряд к западу от указанных ворот. Какова могла быть причина столь резких изменений в троянской архитектуре и городской планировке? Могло ли землетрясение привести к столь радикальным переменам? Можно предположить, что природная катастрофа привела к изменению государственного управления, и царь со своей семьей в сопровождении знати покинул город, а представители низших классов, жившие за пределами цитадели, переместились в нее и поселились на их месте. Ведь трудно представить, чтобы люди, которые построили мегароны и валы фазы VI b, стали бы строить столь непохожие и столь скромные дома лишь в результате землетрясения. Эти изменения можно было бы объяснить исчезновением из города царя и аристократии. Возможно, народ, в течение более пяти столетий терпевший гнет со стороны царя и знати, сумел свергнуть их господство под руководством группы мятежников, воспользовавшихся катастрофой, чтобы захватить власть. Таким образом, можно считать, что народ восстал против монарха и его окружения.

Как мы пытались доказать выше, Илион Приама, слава которого воспета в гомеровской «Илиаде», в действительности является Троей VI b. Археологическая ситуация соответствует эпической, подтверждая повествование «Одиссеи» о разрушении Трои (VII a) ахейцами после безуспешной войны, описанной в «Илиаде». Под этим углом зрения военная хитрость с деревянным конем приобретает новое значение. Ахейцам, неспособным захватить город Илион, несмотря на десятилетние усилия, удалось одержать победу лишь после того как город был разрушен землетрясением и цитадель перешла в руки узурпатора, вождя бедных и неопытных «низших» классов. Поскольку ахейцы знали, что они обязаны своей победой Посейдону, «колебателю Земли» – Гееохому (так он назван Гомером), они воздвигли в его честь статую деревянного коня в знак признательности за его эффективную помощь. Поэтическое воображение превратило это событие в военную хитрость с деревянным конем.

Троя VII b1 (1240–1190 гг. до н.э.)

Толщина имеющего следы пожара слоя VII a колеблется от 0,5 до 1 м. Несмотря на ужасную катастрофу, жители Трои вернулись в свой город и восстановили свои дома и городские стены. Не прервавшееся производство серой минийской и танской посуды доказывает, что самобытная культура Трои продолжала существовать. Руины этого периода можно увидеть в квадратах E-F 8-9 (см. рис. 32, 33). Стиль построек на уровнях VI b и VII a сохранился.

Блеген правильно датирует катастрофу Трои VII a на основе стиля микенской керамики. Кроме того, как мы увидим ниже, 1240 г. до н.э. совпадает с другими историческими событиями.

Троя VII b2 (1190–1100 гг. до н.э.)

Первое изменение после возникновения Трои VII можно увидеть в слое Троя VII b2. На этом уровне впервые появляются посуда с выпуклостями и тому подобные предметы. Этот тип гончарных изделий, до сих пор обнаруженный лишь на Балканах, отличается своей сероватой окраской, декоративными выпуклостями в форме рогов и согнутыми под углом ручками. Появляются также отличия в технике возведения стен: нижняя часть укрепляется ортостатами, т.е. большими, широкими, вертикально поставленными каменными блоками. Построенный в таком стиле дом можно увидеть к востоку от ворот VI U в квадрате A7; руины стены с ортостатами находятся также в квадратах J-K5 и K7.

Народ балканского происхождения, поселившийся в Трое VII b2, вероятно, вступил в нее без больших трудностей, поскольку следов пожара или другой катастрофы между этим слоем и слоем Троя VII b1 не обнаружено. Это позволяет сделать вывод, что среди племен, которые должны были сыграть важную роль в разрушении Хаттусаса около 1180 г. до н.э., были и жившие в Трое VII b2 кочевники с Балкан. Это те самые племена, которые около 1165 г. до н.э. под именем «мушки» сражались против Ассирии, в то время как «народы моря» воевали с Рамсесом III (1198–1176 гг. до н.э.). По-видимому, эгейские переселенцы сделали в Трое свою первую остановку. Возможно, что разрушение Трои VII a ахейцами открыло дорогу этой первой волне переселенцев. Акрополь Трои, в течение столетий служивший оплотом Анатолии против европейских племен, утратил свое традиционное могущество и превратился в базу великих миграций той эпохи.

Троя VIII

Древнейшим следом цивилизации Трои VIII является поздняя геометрическая греческая керамика, датируемая VIII или даже IX в. до н.э.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (1180–750 ГГ. ДО Н.Э.)

Фракийское присутствие в Трое VII b2 доказывается большим количеством посуды с выпуклостями, найденной в этом слое. Этот тип керамики присущ исключительно народам Восточной Европы. В Хаттусасе письменные источники исчезают около 1180 г. до н.э.; эта дата соответствует гипотезе о том, что Хаттусас подвергался нападению фракийцев. Летописи ассирийского царя Тиглатпаласара I, правившего с 1112 по 1074 г. до н.э., являются важным документом, затрагивающим переселение в Анатолию племен из Восточной Европы. В них утверждается, что царь вел войну против мушков, которые впервые появились за 50 лет до начала его царствования на северной границе

Ассирии в верхнем течении Тигра. Таким образом, мушки (возможно, мисы из Юго-Восточной Европы) и некоторые другие балканские племена сосредоточились на ассирийских границах около 1170 г. до н.э., после нападения на Трою и Хаттусас. Эти даты подтверждаются египетскими источниками. Правда, в отношении племен, переходивших границы и высаживавшихся на побережье его царства, Рамсес III (1200–1166 гг. до н.э.) использует выражения «народы моря» или «народы островов». Тем не менее, поскольку он упоминает, что названные племена в числе прочего разорили Арзаву и Кархемиш, мы можем принять эти сведения как подтверждение информации ассирийских летописей, так как Кархемиш находился в регионе верхнего течения Евфрата, неподалеку от границ Ассирийского царства. Письменные источники показывают, что в грандиозном переселении принимали участие не только фракийцы и племена Юго-Восточной Европы, но также «народы моря», или «народы островов». Другим элементом этой мощной приливной волны было переселение дорийцев в материковую Грецию.

Последствия похожего на войну переселения были катастрофическими. Завоеватели с такой жестокостью и яростью разрушали цивилизацию Анатолии, что вслед за ними наступил «темный период». На западе Анатолии он продолжался два века, а на остальной части полуострова – по крайней мере четыре. Между 1180 и 775 гг. до н.э. Центральная Анатолия была населена редко и лишь кочевыми племенами, которые, по-видимому, не оставили никаких материальных следов в своих курганах. Переворот был столь глубок, что даже хеттская традиция в Центральной Анатолии полностью исчезла. Точно известно, что вплоть до появления Фригийского государства в этой области не было городских центров. Таким образом, ни одно из нынешних названий городов в Центральной Анатолии, таких как Гордион, Анкара, Ёзгат, Горум, Токат, Богазкёй или Киршехир, не имеет хеттского происхождения. Напротив, центры к югу от излучины р. Галис и города Южной Анатолии, такие как Нигде, Адана, Малатья и Мараш, сохранили названия хеттского происхождения и относятся к хеттской эпохе.

Новохеттское искусство (1200–700 гг. до н.э.)

На юго-западе Анатолии и в Северной Сирии, где «темные века», похоже, не наступили, хеттские царства после падения империи проявляли замечательную активность. В позднихеттском искусстве можно выделить три различных стиля – ранний, средний и поздний.

Ранний новохеттский стиль (1050–850 гг. до н.э.) является продолжением искусства времен Хеттского царства и выявлен только в Малатье. Большой рельеф в Малатье (Музей Анкары) является типичным примером. На нем изображены две последовательные сцены: слева – бог погоды в колеснице, запряженной двумя быками, носящими имена Шери и Хурри; справа – бог, спустившись со своей колесницы, совершает возлияние, предлагаемое царем Сулумели. В правой руке бог держит бумеранг; а в левой – стрелы молний. В глубине, на одном уровне с его головой, выбиты два иероглифа, представляющие это божество, и символ бога погоды. Со стилистической и иконографической точек зрения рельефы из Малатьи являются поздними произведениями язылыкайской и аладжской школ, которые создавали великолепные скульптуры во времена империи (илл. 90–92).

Средний новохеттский стиль (900–750 гг. до н.э.), непохожий на ранний новохеттский, не является прямым продолжением хеттской анатолийской традиции. Хотя в нем все еще присутствуют художественные формы времен империи, средний новохеттский стиль обладает собственными чертами. Лучшие его образцы были обнаружены в Кархемише и в Зинджирлы.

В позднем новохеттском стиле (750–700 гг. до н.э.) соединились вместе четыре различных художественных течения: традиционный хеттский, ассиро-хеттский, хеттский ассиро-арамейский и финикийско-хеттский стили. Первый из них представлен рельефами в Кархемише (илл. 93, 94); второй – рельефами Арараса из Каргамиса, скульптурами из Зинджирлы и из Сакчегёзю; к третьему относится большая часть скульптур из Ивриза и Каратеппе (илл. 96), а к четвертому – рельефы из Мараша и его окрестностей (илл. 95). Во второй половине VIII в. до н.э. весьма активные школы скульптуры создавали замечательные произведения искусства, особенно в Зинджирлы и в Сакчегёзю. Эти работы оказали большое влияние на искусство греков и этрусков. Львы и грифоны в греческой скульптуре являются точными имитациями моделей, созданных в этих центрах. Позднее новохеттское искусство воздействовало на греческое искусство и некоторыми другими путями. Происходило это прежде всего в силу ключевых позиций данных царств, являвшихся воротами в Западную Азию, и также вследствие благоприятных исторических условий VIII в. до н.э. Таким образом, общая культура хеттов, лувийцев и арамеев, развившаяся в результате их долгого и мирного сосуществования, сделала эти народы достойными представителями Западной Азии.

Урарты (900–600 гг. до н.э.)

На крайнем востоке Анатолии, на плато вокруг оз. Ван, жили урарты, потомки хурритов. Они создали цивилизацию, несущую сильный ассирийский отпечаток. Их произведения искусства были весьма популярны в то время. В частности, бронзовые котлы с украшениями в виде голов людей и животных вывозились во Фригию, Грецию и Этрурию. В музеях Анкары и Стамбула экспонируются великолепные образцы урартского искусства – бронзовые котлы конца VIII в. до н.э., декорированные головами людей и быков (илл. 97).

Фригийцы (около 725 г. до н.э.)

В Центральной Анатолии создали свою цивилизацию фригийцы; она в основном относилась к греческой культурной сфере, но находилась под сильным новохеттским и урартским влиянием. Фригийцы имели фракийское происхождение и, возможно, принимали участие в разрушении Трои VII и Хаттусаса. Однако первые оставленные ими археологические следы относятся к середине VIII в. до н.э. Фригийскую империю основал Мидас, но она просуществовала недолго (725–675 гг. до н.э.), до опустошения киммерийским вторжением в первой четверти VII в. до н.э.

Наиболее важные открытия были сделаны в Гордионе, столице Фригийского царства, и таких центрах фригийской цивилизации, как Алишар, Богазкёй, Аладжа, Пазарлы и Анкара. Произведения искусства, найденные в ходе немецких раскопок в Гордионе в начале века, находятся сейчас в Стамбульском музее. Предметы, обнаруженные американской экспедицией под руководством Р.С. Янга (*Rodney S. Young*), находятся в музеях Анкары и Стамбула. Произведения искусства, открытые С. Булучем (*Sevim Buluç*) в погребальных курганах Анкары, выставлены в музее Средневосточного технического университета в Анкаре (илл. 98, 100).

Фригийский язык был близок фракийскому. Фригийская письменность весьма напоминала греческую и использовалась до конца VIII в. до н.э. Великолепные фригийские изделия из металла и фригийские ткани высоко ценились в греческом мире.

Лидийцы, ликийцы и карийцы

В этот же период на западе центральной части Малой Азии возникли лидийская, ликийская и карийская цивилизации. Лидийский и ликийский языки, подобно хеттскому, принадлежали к анатолийской группе индоевропейских языков. Вместе с тем лидийский и ликийский языки имели много протоиндоевропейских черт. Эти народы могут, по крайней мере отчасти, рассматриваться как представители старой дохеттской цивилизации. Их потомки, возможно, жили вплоть до первой половины I тысячелетия до н.э., но их археологических следов пока не обнаружено.

Карийский язык еще не расшифрован, хотя его письмо похоже на лидийское, фригийское, ликийское и греческое. Поэтому невозможно определить, к какой языковой семье он принадлежит. Геродот писал, что, согласно критской легенде, в минойскую эпоху карийцы назывались «лелегами» и жили на островах. Однако сами карийцы придерживались иного мнения и считали себя коренными жителями Малой Азии, родственными лидийцам и мисийцам.

Эпоха греко-анатолийской цивилизации

Раскопки в Измире (Смирна), Милете и Эфесе ясно показали, что эолийские и ионийские города на западном побережье Анатолии были основаны около 1050 г. до н.э. Учитывая это, можно понять важное значение восточно-греческого искусства в эллинском мире.

В ходе раскопок в древней Смирне (Байраклы) было обнаружено, что греки в Анатолии основывали города, защищенные сильными укреплениями, уже в IX в. до н.э., другими словами – на столетие раньше, чем в самой Греции. Смирна, возможно, была местом создания «Илиады» Гомера, древнейшего и наиболее значительного литературного произведения в западном мире, написанного во второй половине VIII в. до н.э. (750–700 гг.). Ионийский вклад в формирование всемирной культуры человечества был еще более существен. Именно в ионийских городах мы встречаем древнейшие в мире свидетельства свободной мысли и научного поиска. В Милете и других греческих городах Анатолии натурфилософы создали совершенно новый мир, которому суждено было стать колыбелью западной цивилизации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AKURGAL, E. Phrygische Kunst. Ankara.
 — 1961. Die Kunst Anatoliens. Berlin, pp. 23–69.
 — 1993. Ancient Civilizations and Ruins of Turkey, 8th ed. Istanbul.
 ALKIM, u. B. 1966. Excavations at Gedikli (Karahüyük): First Preliminary Report. *Bellet. (Ankara)*, Vol. 30, pp. 27–57.
 — 1968a. Anatolia I. From the Beginnings to the End of the 2nd Millennium BC. New York.
 — 1968b. Anatolia I, Genève.
 ALP, S. 1983. Beiträge zur Erforschung des hethitischen Tempels. Ankara.
 AMIET, P. 1976. Les antiquités du Luristan, Paris (Collect. David-Weill).
 AMIET, P.; ÖZGÜC, N.; BOARDMAN, J. 1980. Ancient Art in Seals: Essays, Princeton, NJ.
 AMIRAN, R. B. K. 1952. Connections between Anatolia and Palestine in the Early Bronze Age. *Israel explor. J.*, (Jerusalem), Vol. 2, pp. 89–103.
 ARIK, R. O. 1935. Alaca Höyük. Ankara.
 — 1937. Alaca Höyük (hafriyatının) ilk Neticeleri. Istanbul.
 AVILA, R. A. J. 1983. Lanzen- und Pfeilspitzen in Griechenland. München. (Prähist. Bronzefunde, V, 1.)
 AZARPAY, G. 1968. Urartian Art and Artifacts. Berkeley, Calif.
 BASS, G. F.; PULAK, C. 1989. The Bronze Age Shipwreck at Ulu Burun. *Am. J. Archaeol.* (Boston, Mass.), Vol. 93, pp. 1–29.

- BERAN, T. 1967. Die hethitische Glyptik von Boğazköy I, Boğazköy–Hattusa V. Berlin.
 BILGI, Ö. 1945. Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasiens. 2nd ed. Tübingen.
 — 1985. Metal Objects from Ikiztepe-Turkey. *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*, Vol. 6. Bonn. pp. 31–96.
 BITTEL, K. 1975. Das hethitische Felsheiligtum, Yazilikaya. Berlin.
 — 1976. Les Hittites: L'Univers des formes. Paris.
 BLEGEN, C. W. 1950. Troy I: General Introduction. The First and Second Settlements. Princeton, N.J.
 — 1951. Troy, the Third, Fourth and Fifth Settlements. Princeton, N.J.
 BOEHMER, B. M. 1976. Beiträge zur Kenntnis hethitischer Bildkunst. Heidelberg.
 — 1987. Glyptik aus dem Stadtgebiet von Boğazköy. Berlin.
 ÇILINGIROĞLU, A. 1984. Urartu ve Kuzey Suriye. Izmir.
 DANMANVILLE, J. 1955. La libation en Mésopotamie. *Rev. Assyriol.* (Paris), Vol. 49.
 DAYTON, J. E. 1971. The Problem of Tin in the Ancient World. *World Archaeol.* (London), Vol. 3, No. 1, pp. 49–70.
 DEIGHTON, H. J. 1982. The Weather-God in Hittite Anatolia. *Oxford. (Bar Int. Ser., 143.)*
 DEMIRCIOĞLU. 1939. Der Gott auf dem Stier. Berlin.
 DIAKONOFF, I. M. 1971. Hurrisch und Urartäisch. München.
 DUPONT-SOMMER, A. 1949. Les Araméens. Paris.
 DURU, R. 1980. Kurucay Höyüğü Kazıları: 1978/79 Calisma Raporu, Anadolu Arastirmalari, Ek Yayin 2. Istanbul.
 — 1986. Kurucay Höyüğü Kazıları. 1984 Calisma Raporu. *Bellet. I.*, Vol. 50 (Ankara), pp. 247–56.
 EATON, E. R.; MCKERREL, H. 1976. Near Eastern Alloying and Some Textual Evidence for the Early Use of Arsenical Copper. *World Archaeol.* (London), Vol. 8, No. 2, pp. 169–91.
 EFE, T. 1988. Demircihühük: die Ergebnisse der Ausgrabungen 1974–1973. Vol. 3. Die Keramik (2 vols). Mainz am Rhein.
 ERKANAL, H. 1977. Die Äxte und Beile des 2. Jahrtausends in Zentralanatolien. München. (Prähist. Bronzefunde, IX, 8.)
 FISCHER, F. 1963. Die hethitische Keramik aus Boğazköy. Berlin.
 FRANKEL, D. 1979. The Ancient Kingdom of Urartu. London.
 FRIEDRICH, J. 1963. Aus dem hethitischen Schrifttum. Berlin.
 GARELLI, P. 1963. Les Assyriens en Cappadoce. Paris.
 GARSTANG, J.; GURNEY, O. R. 1953. Prehistoric Mersin: Yümük Tepe in Southern Turkey. Oxford.
 — 1959. The Geography of the Hittite Empire. London.
 GELB, I. J. 1939. Hittite Hieroglyphic Monuments. OIP (Chicago, Ill.), Vol. 43.
 GOETZE, A. 1957. Kleinasien, Handbuch der Altertumswissenschaft III. 2nd ed. München.
 GOLDMAN, H. 1956. Excavations at Gözlü Kule, Tarsus. Princeton, N.J. Vol. 2.
 GONNET, H. 1975. Catalogue des documents royaux hittites du IIe millénaire avant Jésus Christ. Paris.
 GURNEY, O. R. 1977. Some Aspects of Hittite Religion. Oxford.
 GÜTERBOCK, H. G. 1982. Les Hieroglyphes de Yazilikaya. Paris.
 HAAS, V. 1982. Hethitische Berggötter und hurritische Steindämonen. Berlin.
 HAWKINS, J. D. 1980. Late Hittite Funerary Monuments. Copenhagen. (Mesopotamia 8.)
 HUOT, J. L. 1982. Les céramiques monochromes lissées en Anatolia à l'époque du Bronze Ancien. Paris. 2 Vol. (Inst. Français d'Archéol. Proche Orient, Bibl. archéol. hist., III.)
 JOUKOWSKY, M. S. 1986. Prehistoric Aphrodisias. Vols 1–2. Louvain-La-Neuve.
 KAMIL, T. 1982. Yortan Cemetery in the Early Bronze Age of Western Anatolia. Oxford. (BAR Int. Ser., 145.)
 KAPTAN, E. 1983. The Significance of Tin in Turkish Mining History and Its Origins. *Bull. Miner. Res. Expl. Inst. Turkey* (Ankara), No. 95/96, pp. 106–14.
 KLENGEL, E.; KLENGEL, H. 1970. Die Hethiter und ihre Nachbarn. Leipzig.
 KOSAY, H. Z.; AKOK, M. 1960. Alaca Höyük 1940–1948. Ankara.
 — 1973. Alaca Höyük 1963–1967. Ankara.
 KORFMANN, M. 1980. Demircihühük. Eine vorgeschichtliche Siedlung an der phrygisch-bithynischen Grenze. Vorbericht über die Ergebnisse der Grabung von 1978. *Inst. Mitt.*, Vol. 30, pp. 5–21.

- LAROCHE, E. 1980. *Glossaire de la langue hourrite*. Paris.
- LOON, M. N. V. 1966. *Urartian Art*. Istanbul.
- МАТТНІАЕ, Р. 1963. *Studi sui rilievi di Karatepe*. Roma.
- MELLAART, J. B. 1957. *Anatolian Chronology in the Early and Middle Bronze Age*. *Anatol. Stud.* (London), Vol. 7, pp. 55–88.
- MERIGGI, P. 1975. *Manuale di eteo geroglyphico*. Roma.
- NAUMANN, R. 1955. *Architektur Kleinasiens*. Tübingen.
- ORTHMANN, W. 1963. *Die Keramik der frühen Bronzezeit aus Inneranatolien*. Berlin, *Gebr. ann.* (1st. Forsch., 24.)
- OTTEN, H. 1969. *Die hethitischen historischen Quellen und die Orientalische Chronologie*. Wiesbaden.
- 1993. *Neufunde hethitischer Königssiegel*. Mainz.
- ÖZGÜÇ, T. 1975. *Die Hethiter, Museum für anatolische Zivilisationen*. Ankara.
- ÖZGÜÇ, T.; AKOK, M. 1958. *Horoztepe, Ankara. An Early Bronze Age Settlement and Cemetery*. *TTKY*, Vol. 5, 18.
- PARROT, A. 1961. *Assur*. München.
- PECCHIOLI DADDI, F. 1982. *Mestieri Professioni e Dignita nell'Anatolia Ittita*. Roma.
- PECORELLA, P. E. 1984. *La Cultura Preistorica di Iassos in Caria*. Roma.
- PIOTROVSKI, B. B. 1969. *The Ancient Civilisation of Urartu*. Paris.
- PODZUWEIT, C. 1979. *Trojanische Gefäßformen der Frühbronzezeit in Anatolia, der Ägäis und angrenzenden Gebieten. Ein Beitrag zur vergleichenden Stratigraphie*. Mainz.
- POETTO, M. 1981. *La Collezione Anatolica di E. Borowski*. Pavia.
- SPYCKET, A. 1981. *La Statuaire du Proche-Orient Ancien*. Leiden.
- STRONACH, D. B. 1957. *The Development and Diffusion of Metal Types in Early Bronze Age Anatolia*. *Anatol. Stud.* (London), Vol. 7, pp. 89–125.
- VERMEULE, E. 1964. *The Early Bronze Age in Caria*. *Archaeol.* (Boston, Mass.), Vol. 17, No. 4, pp. 244–9.
- 1972. *Greece in the Bronze Age*. 5th ed. Chicago, Ill.
- WEGNER, I. 1981. *Gestalt und Kult der Istar-Sawuska in Kleinasien. Kevelaer. Neukirchen-Vuyn.* (Alter Orient Altes Testam. 36.)
- WILHELM, G.; BOESE, J. 1987. *Absolute Chronologie und die hethitische Geschichte des 15. und 14. Jahrhunderts v. Chr.* Göteborg.
- YAKAR, J. 1974. *The Twin Shrines of Beycesultan*. *Anatol. Stud.* (London), Vol. 24, pp. 151–61.

12.4

ИРАН

Райнхард Диттман

Написание «культурной истории» Ирана с III до середины I тысячелетия до н.э. в столь ограниченных рамках отнюдь не представляется непосильной задачей, поскольку, в отличие от Месопотамии, культурное развитие Ирана не является разнородным с любой точки зрения – как в силу географического положения страны, так и из-за различной степени археологического исследования отдельных регионов. В течение долгого времени основное место в исследованиях занимала археология западной и юго-западной частей. Северный Иран до последнего времени был исследован крайне слабо, а большие районы на юге и востоке остаются подлинной *terra incognita*, так как их изучение началось лишь с середины 1960-х гг. Большая часть нашей информации об Иране в целом получена при ранних раскопках, участники которых пренебрегали стратиграфией поселений. Сравнительно недавние исследования большей частью проводились в ограниченном масштабе, а их результаты известны лишь по предварительным сообщениям. Несмотря на эти недостатки, некоторые основные тенденции культурного развития Ирана все же можно проследить.

ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА (ОКОЛО 3700–3000 ГГ. ДО Н.Э.)

Время первоначального государственного развития примерно соответствует заключительной фазе поздней убойтской культуры в Месопотамии (около 4000 г. до н.э.), но лишь в пределах так называемого урукского периода; по крайней мере на территории современного Хузистана, в Сузиане (Сузы, период II) в поселениях можно проследить трехуровневую иерархию как признак первоначального государства. На мысль о расслоении общества и уровнях принятия решений в это время наводит явно имевшее место разделение труда, происходившее одновременно со стандартизацией способов производства, которая заметна не только в самой продукции, но также в изображении различных производств в глиняном материале из Суз. В то время установилась ранняя система эффективного административного контроля (использование знаковых камней, глиняных табличек с вырезанными цифрами и цилиндрических печатей). Знаковые камни и глиняные таблички служили для подсчета количеств, тогда как цилиндрические печати, в особенности на крышках кувшинов и дверных запорах, были предназначены для того, чтобы к опечатанным предметам не прикасались те, кому это не дозволялось, и заявляли о праве собственности на имущество. Подобные таблички, покрытые исключительно цифровыми знаками, встречаются в Хузистане – в Сузах и Чогхамише, в области Рамхормоз – в Талль-и-Газире, в Загросе – в Гордин-Тепе и, в конце рассматриваемого периода, в Тепе-Сиалк в оазисе Кашан.

Возможно, этот ранний этап формирования государства не обошелся без внешнего влияния из Вавилонии

(к которой Сузиана относится геоморфологически), затронувшего даже поселения на Евфрате и в Сирии (Южная Хабуба-Кабира, Джебель-Аруда, Телль-Шейх-Хасан) и в Юго-Восточной Анатолии (Хасек-Хёюк, Арслан-Тепе/Малатья). В Иране эта низинная культура проникла не только в горные районы Загроса (Гордин-Тепе) вплоть до Казвинской равнины (Тепе-Кабристан) и оазиса Кашан (Тепе-Сиалк), но и на юг – до Марв-Дашта (Талль-и-Мальян, раннего Банешского горизонта) и Керманского региона (Талль-и-Иблис/Алибадская фаза).

Причины распространения этой низинной культуры в горных местностях не вполне известны. По мнению одних авторов, это явление представляет собой феномен аккультурации, другие авторы предпочитают видеть в нем своего рода колонизационный процесс или развитие, ускоренное потребностью в сырье (которым, как предполагается, была медь Иранского нагорья). В регионе Персидского залива данные о горизонте, современном урукскому периоду, остаются скудными. Прямые контакты между Вавилонией и Ираном в районе залива не подтверждены свидетельствами материальной культуры. Тем не менее древний Дильмун (современный Бахрейн) упоминается по крайней мере однажды в архаических текстах, относящихся к уровню IV a в Уруке (конец урукской культуры), где говорится о дильмунском сборщике пошлин (?). Существует гипотеза, что после крушения торговой системы Урука на севере, в Сирии и Анатолии, которое произошло перед концом урукской культуры, Вавилония в поисках доступа к природным богатствам обратила свои интересы к Персидскому заливу, к Оманским медным копиям, и этой ориентации она придерживалась в последующие периоды. В любом случае урукское государство, по-видимому, не было региональным/территориальным государственным организмом, а являлось скоплением городов-государств, находившихся в непосредственном, ориентированном на торговлю контакте между собой.

ДРЕВНИЕ ГОСУДАРСТВА (ОКОЛО 3000–2150 ГГ. ДО Н.Э.)

Низинные аспекты урукской культуры первоначально оказывали воздействие на местные государства в Загросе и горных районах Юго-Западного и Южного Ирана. Это вскоре привело к развитию (древнего) протоэламского комплекса (Сузы, период III A-B), в котором сохранялись некоторые старые, туземные черты периода, предшествовавшего началу урукского влияния; или, как это можно видеть в Северном Загросе, например в Гордин-Тепе, урукские элементы были вытеснены совершенно иным комплексом, так называемой яникской культурой, имевшей сильно выраженное сходство с культурой I раннего бронзового века на Кавказе и на востоке Анатолии. В Северо-Восточном Иране местная древняя хиссарская культура со своей рас-

писной керамикой свидетельствует о непосредственных связях с традицией расписной керамики в Загросе урукского периода, с Кашанским оазисом и с Туркменией (в так называемом комплексе Намазга III).

В протоэламский период новые серые гончарные изделия, сосуществовавшие некоторое время с расписной посудой старых форм и отчасти их воспроизводившие (тогда как другие формы явно напоминают формы металлических сосудов), в Тепе-Хиссар постепенно вытесняют старую расписную посуду. То, что происходило в этот период в Центральном Загросе, пока еще малопонятно. Южнее, в Хузистане, в Сузиане, появление раннего протоэламского комплекса знаменует собой полный переворот в развитии, что особенно заметно в керамике и глиптике Суз (период III) при сравнении их с материальной культурой более раннего урукского периода. Это можно увидеть и в размещении поселений: в протоэламский период в Сузиане происходило резкое уменьшение их числа, тогда как к северу на прилегающих Изах-Маламирских равнинах оно значительно возросло. Северо-западнее Сузианы, в области Дех-Луран, имела место совершенно иная картина, показывающая более тесную связь в способах производства с предшествовавшим горизонтом. К востоку от Сузианы, в марв-даштском и керманском регионах, развитие от низинных, ориентированных на Урук, так называемых раннебанешского и алибадского комплексов к протоэламскому горизонту (Талль-и-Мальян, средний Банеш, Тепе-Яхья) происходит постепенно, несмотря на то что к югу от Марв-Дашта можно обнаружить свободную от всякого урукского или протоэламского влияния местную систему – так называемый ранний Вакилабадский горизонт.

Переход от урукского к протоэламскому периоду представляет собой феномен, который следует рассматривать в каждом регионе отдельно. Лишь в этот протоэламский период появляется чисто эламское и до сих пор не расшифрованное письмо, так называемое протоэламское письмо А, которое в конце этого же периода вышло из употребления (Сузы, период III B). Позднеурукские и протоэламские глиняные таблички имели отношение лишь к местному управлению; литературных или исторических текстов до сих пор не обнаружено. Таблички с этим письмом найдены почти во всех регионах: в Хузистане – в Сузах, в Тепе-Сиалк в оазисе Кашан; вероятно, в Тепе-Хиссар в районе г. Дамган в Северо-Восточном Иране; в Талль-и-Мальян в Марв-Даште и в Тепе-Яхья в районе Кермана. Даже в Систане, в дельте р. Гильменд, в Шахр-и-Сохта (период I) были найдены некоторые протоэламские артефакты, такие как глиняная табличка с протоэламскими знаками и глиптический материал данного горизонта. Эти находки включены в иное, местное культурное окружение, в котором проявляются непосредственные связи с кандагарским регионом Афганистана, особенно с поселениями в Мундигаке и Саид-Кала-Тепе; с Макраном и Белуджистаном (горизонт ранней нальской и кветтской посуды в поселениях Ниндовари, Нияи-Бутхи, Дамб-Садаат и Мергарх); а также с Туркменией (одна из фаз горизонта Намазга III). Материал, сочетающий различные аспекты северо-восточной иранской серой посуды II Хиссарского периода, белуджистанской культуры Кветта и туркменской культуры Намазга III, был обнаружен на юге бывшего Советского Союза в такой отдаленной местности, как Саразм, сравнительно недалеко от западной китайской границы.

Хотя составить вполне определенное мнение об этих охватывающих столь различные регионы связях не представляется возможным, становится ясным, что протоэламский мир был не менее сложным комплексом, чем широко распространившийся урукский культурный комплекс; он был более ориентирован на Иран и более разнороден в культурном плане. На политическом уровне этот период, по-видимому, характеризуется наличием региональных

центров, осуществлявших контроль за экономически зависимыми субцентрами и связанными с ними сельскими поселениями. Административный контроль, конечно, не мог быть таким же сложным, как относящиеся к этому времени системы в Вавилонии, о чем свидетельствует то, что протоэламские таблички вышли из употребления в начальный период. Другие средства административного контроля, такие как использование цилиндрических печатей, продолжали, тем не менее, применяться в последующие средний и поздний протоэламские периоды (Сузы, период III C-IV B1), современные раннединастическим периодам II и III и аккадской династии в Вавилонии (Сузы, период IV B2). Эта разновидность цилиндрических печатей найдена также в захоронениях того времени в Луристане, а также в Марв-Даште и в районе Кермана. Севернее, в Тепе-Хиссар (ранний период III), а также в Туркмении (археологический горизонт Намазга IV), в Систане (Шахр-и-Сохта, периоды II-III), в Кандагаре (Мундигака IV 1–2) и в Белуджистане (Дамб-Садаат III, Мергарх VII) для среднего и позднего протоэламских горизонтов характерны плоские печати; их явно использовали в целях административного контроля, на что указывают данные, полученные в Шахр-и-Сохте и Намазге IV, позволяющие предположить существование сходной системы в поселениях Белуджистана. Свидетельств, подтверждающих распространение грамотности, в материальных комплексах восточных перселий не обнаружено.

В средний и поздний протоэламские периоды можно наблюдать дальнейшие контакты между раннединастической Вавилонией и Хузистаном: в некоторых захоронениях Суз рядом с человеческими останками находятся колесницы, что напоминает некоторые богатые могилы на так называемом «царском кладбище» Ура и в Кише в Вавилонии. Расписная керамика этого периода истории Хузистана, именуемого в старой литературе «периодом Сузы II», свидетельствует о непосредственной связи с Загросом в Западном Иране – с керамикой из некрополей в Луристане, из Тепе-Гиана и из Годин-Тепе III в Кангаварской долине, поселения которой контролировали важный путь сообщения между Вавилонией и районом Хамадана (древняя Экбатана) на Иранском плато, так называемую Хорасанскую дорогу, ведущую в области Хамрин и Дияла в Вавилонии. Несколько сосудов данной разновидности иранской керамики были обнаружены в Южной Вавилонии в контексте III раннединастического периода: в древнем Лагаше (нынешняя Эль-Хибба), Гирсу (нынешний Телло) и, возможно, в Уре. Другие артефакты из Суз, такие как скульптуры типа «поклонение богам» и «дошечки с обетами», указывают на верования, сходные с представлениями элиты Вавилонии, однако их стиль имеет местные, совсем не вавилонские черты. Статуи типа «поклонения богам» были найдены далее к востоку, на кладбище в южноиранском центре Шахдад.

Кроме того, в данном горизонте также обнаружена группа сосудов из хлорита, которым присущ либо так называемый межкультурный стиль, к которому отнесены сосуды, найденные на западе в Сирии и Вавилонии, или же чисто иранский стиль. Другие хлоритовые сосуды, относящиеся к так называемой современной серии, существуют лишь с конца протоэламского периода, со времен аккадского правителя Маништушу. Их появление совпадает со средним и поздним протоэламскими горизонтами, которые показывают процесс консолидации в региональных центрах, вероятно, не похожий на ситуацию в Вавилонии, которую лучше всего можно определить как «период соперничающих городов-государств». Но в отличие от Вавилонии мы не располагаем здесь прямыми письменными свидетельствами о борьбе за господство одного иранского центра над другим или о коалициях центров. То, что нам известно из вавилонских источников, главным образом из шумерского «Царского списка», относится к конфликтам между

Эламом или такими эламскими правителями, как относящиеся к династии Аван (центр которой не мог находиться далеко от Суз), и различными раннединастическими правителями Вавилонии.

Другим отличием было то, что региональные центры основной части Ирана в тот период не были напрямую связаны реками, бывшими основой ирригационной системы городов-государств Вавилонии, контроль за которыми был одним из главных источников конфликтов. Кроме того, в силу ситуации с водными ресурсами в Вавилонии большие независимые города-государства того времени соперничали за влияние в сферах, которые они стремились контролировать косвенными путями. В Иране в целом положение было совершенно иным, так как группы поселений с городскими центрами были отделены одна от другой обширными, почти незаселенными областями. С другой стороны, то, что этот период не был столь мирным, как может показаться, видно по городским стенам в Талье-и-Мальяне (древнем Аншане), относящимся к началу среднего протоэламского периода, и в большом центре Мундигака в районе Кандагара. По-видимому, даже Шахр-и-Сохта в Систане и большой, до сих пор недостаточно раскопанный центр Шахдад имели свои оборонительные сооружения. Несмотря на часто приводимую легенду о мифическом городе на Иранском нагорье, называвшемся Аратта (Шахдад? Шахр-и-Сохта? Мундигака?), осажденном вавилонским героем Лугальбандой, эти оборонительные системы вряд ли отражают необходимость защиты при внутрииранских конфликтах; скорее они служили для оказания сопротивления набегам кочевников, выступавших на политической сцене Ирана во все периоды его истории. Кроме того, этот спорный горизонт характеризуется наличием больших производственных единиц, изготовлявших престижные предметы для представителей местных властей и высших слоев общественной иерархии, что можно видеть в Тепе-Яхья, Шахр-и-Сохте, Мундигаке и Тепе-Хиссар.

Центры этого горизонта, особенно на северо-востоке и юго-востоке Ирана и в области Кандагара, свидетельствуют о том, что городская организация в разных местах имела много общего, в особенности между двумя городами комплекса – Шахр-и-Сохтой (периоды II–III) и Мундигаком (период IV 1–3A), – который может быть назван «гильмендской цивилизацией». Эта городская культура, современная раннехараппскому периоду в Пакистане, который, за исключением Мергарха и Наушаро на равнине Качи, все еще остается практически *terra incognita*, могла оказать некоторое влияние на урбанизацию поздней фазы зрелого хараппского периода. О непрерывной традиции, идущей от городов гильмендской цивилизации через раннехараппский период в Белуджистане к зрелому хараппскому периоду в Синде, позволяет судить архитектура. Примерами являются ограждения, городские стены, платформенные в Мундигаке, Мергархе, Дамб-Садаате и Рахман-Дхери и даже присущий зрелому хараппскому периоду принцип разделения «акрополя» и нижнего города, ранее проявившийся в Мундигаке. Сходными являются и способы производства керамики (массовая и стандартизованная продукция), а между различными типами посуды и их формами имеются заметные соответствия. Эволюцию антропоморфных терракотовых фигурок можно наблюдать в Мергархе и Наушаро.

В области Персидского залива сведения о горизонте, современном раннему протоэламскому периоду в Иране и периоду Гамдат-Наср – раннединастический I (II) в Вавилонии, становятся более явными, чем прежде. В текстах из Урука, относящихся к тому времени, несколько раз упоминается Дильмун. Применительно к Персидскому заливу этот горизонт называется хафитским периодом, и его материал, например, из местонахождения Хили 8 (фаза I) в Омани, можно связать с материалом Вавилонии и Ирана.

Как уже указано, интересы месопотамских и юго-западных иранских центров в Омани были связаны с медными копьями. Поздний протоэламский горизонт представлен в Персидском заливе умм-ан-норской культурой, в которой обнаружены лишь немногие параллели с вавилонской раннединастической культурой, но имеются прочные связи с южноиранским побережьем, с современной территорией Макран (такие поселения, как Бампур и Дамин), возможно, образуя то культурное единство, которое в письменных источниках Вавилонии известно как Макаан. Не считая немногих раскопанных поселений этого горизонта, умм-ан-норский культурный комплекс лучше всего представлен бесчисленными коллективными захоронениями, которые находят от Бахрейна до Омани.

Наряду с уже упомянутой династией Аван существовало и другое политическое образование, называемое Мархаши (Парахши, Варахши), которое, как и Элам, было разгромлено основателем Аккадской империи Саргоном I. Результаты исследований не исключают, что этот комплекс размещался в восточной части Ирана. Конфликты между Вавилонией и иранскими государствами продолжались на протяжении всего аккадского периода, и по крайней мере Сузы в течение некоторого времени, по-видимому, находились под аккадской верховной властью. Саргон, первый правитель династии, утверждает, что суда из Мелуххи прибывали в порт Аккад. Его сын и второй преемник Маништушу будто бы завоевал значительную часть Иранского плато, в том числе Анчан и Шерихум, который в более поздней копии того же сообщения заменен Мелуххой.

Предполагается, что культура Мелуххи представляет хараппскую или индскую культуру Пакистана. Самые ранние свидетельства о контактах с нею, относящиеся к III раннединастическому периоду, обнаружены в Вавилонии на «царском кладбище» Ура, например, в виде гравированных сердоликовых бус. В долине Инда подобные бусы находят лишь с начальной фазы зрелого хараппского периода, они никогда не встречаются в раннехараппском контексте. Если такие бусы являются указанием на прямые контакты между западом и востоком, то начало зрелого хараппского периода – горизонт Амри III A в Синде – следует отнести ко времени, приблизительно соответствующему III раннединастическому периоду в Вавилонии.

Нарамсин, четвертый царь аккадской династии и последний правитель великого Аккадского царства, заявляет о своей победе над всем Эламом, Мархаши и Мелуххой. Если последнюю отождествить с хараппской цивилизацией, то следует иметь в виду, что среди данных археологических исследований ее поселений отсутствуют какие-либо признаки вооруженного конфликта. Поэтому ко всем заявлениям правителей Аккада об их непосредственной верховной власти над Мелуххой следует относиться с сомнением.

СИМАШКИНСКАЯ И СУККАЛЬМАХСКАЯ ДИНАСТИИ (ОКОЛО 2150–1500 ГГ. ДО Н.Э.)

Приблизительно в царствование последнего правителя династии Авана Кутик-Иншушинаки, современника основателя III династии Ура в Вавилонии Ур-Намму, в Эламе развивалась, параллельно с вавилонской клинописью, местная система письменности, известная как «протоэламское В» или «линейное протоэламское письмо». Эта письменность использовалась лишь в течение короткого периода и известна только по Юго-Западному Ирану, Марв-Дашту и по находкам на кладбище в Шахдаде. Правитель Кутик-Иншушинак, по-видимому, какое-то время осуществлял господство над большей частью Ирана. Политическое образование, называемое Симашки, впервые упоминается в его надписях. Но этой гегемонии над Ираном вскоре пришел конец, так как с середины правления

Шульги, второго из правителей III династии Ура в Вавилонии, Сузы были включены в созданную III династией Ура империю, а Мархаши и Анчан в результате брачных контрактов правителей Ура III Шульги (2093–2046 г. до н.э.) и Шу-Суэна (2036–2028 г. до н.э.) стали ее союзниками. При последнем правителе III династии Ура Иббисуэне (2027–2003 г. до н.э.) эламские войска нанесли ответный удар и разгромили Ур – вероятно, при Киндату, шестом правителе симашкинской династии, или его сыне Идаду I. Киндату заявлял о своей верховной власти над большими частями Элама вплоть до Мархаши. Известно большое число эламских правителей Суз, Анчана и Симашки, хотя установление точной взаимосвязи между ними и правителями Вавилонии, а также их хронологической последовательности, вызывает некоторые вопросы. В царствование последнего симашкинского правителя Эбарти II (Эбарат) возникла двойная монархия Анчана и Суз, в которой объединились низинные и горные регионы Элама; с этого времени в Сузах почитался анчанский бог Напириша. Оба города, Сузы и Анчан, выросли; Анчан достиг своих максимальных размеров в это время и в последующий суккальмахский период, известный здесь как «кафтарийский горизонт». На связь с востоком указывает печать, приписываемая жене Эбарата, в которой обнаруживаются прямые стилистические и иконографические параллели с группой сложных статуэток из Бактрии и из кветтского тайника в VIII мергархском горизонте в Белуджистане. Период правления династии Симашки рассматривается как время постоянных конфликтов между Эламом и несколькими правителями периода Иссин-Ларса в Вавилонии, вызванных соперничеством за верховенство после падения империи Ур III.

Династия Симашки наследовала династия «суккальмахов» (около 1900–1500 г. до н.э.) родом из Анчана (?), называемая так по титулу *суккальмах* («верховный правитель»), использовавшемуся эламскими правителями. Этот период является одним из наиболее хорошо обеспеченных источниками в эламской истории благодаря большому количеству клинописных текстов и надписей на зданиях, в основном из Суз. Верховная власть в Эламе, по крайней мере в Сузах, представляла собой уникальную политическую систему троевластия (имевшую свои истоки в период правления династии Симашки), во главе которой стоял суккальмах; за ним следовали «суккаль Элама и Симашки» (обычно приходившийся братом первому) и «суккаль Суз» (в большинстве случаев сын или племянник суккальмаха). Наследование трона также осуществлялось в соответствии с данным принципом, очевидно, чтобы обеспечить династическую стабильность. Можно установить синхронизм между отдельными суккальмахами и древнеассирийскими и древнеавилонскими правителями, но их реальное хронологическое соответствие с началом и концом суккальмахского периода пока определить трудно. В любом случае этот период закончился ранее, чем была написана основная часть текстов из архива в Хафт-Тепе, которые, согласно исследованиям хронологии среднеэламских царей, с большей или меньшей уверенностью можно отнести к началу XV в. до н.э. Суккальмахская династия не только была вовлечена в конфликты с вавилонским миром, порой в союзе с царством Эшнунна в области Дияла в Северной Вавилонии, но также участвовала в торговой деятельности, в том числе в старовавилонской торговле оловом, что доказывается старовавилонскими клинописными источниками из сирийского центра Мари.

Попытки определения местоположений, известных из текстов политических образований, являются проблематичными. Симашки, наиболее известная политическая единица начала этого периода, располагался либо в восточном Загросе (Гюдин III), либо во «Внешнем Эламе» (Восточный/Юго-Восточный Иран); Мархаши был отождествлен с регионом г. Керман. Если правители Симашки имели

столь большое значение, как это представлено в имеющихся письменных источниках и отражено в титулах эламских правителей, то любое расположение восточнее линии от Шахдада до Тепе-Яхья становится почти невозможным на том простом основании, что по археологическим данным около 2000 г. до н.э. крупные городские центры гильмендской цивилизации в Восточном Иране – Шахр-и-Сохта и Мундигак пришли в упадок и никоим образом не могут быть связаны с этой сильной династией. Помимо Тепе-Яхья и Шахдада в регионе Кермана и кладбища в Хипамане к северо-западу от Кермана, никаких важных политических единиц восточнее Ирана пока не известно, за исключением комплекса Кулли в Макране и начала зрелой городской фазы харапской цивилизации в долине Инда. Тепе-Яхья, а также Шахдад обнаруживают определенные связи со зрелой харапской культурой, влияние которой может быть прослежено на западе вплоть до Суз и Вавилонии (Ур, Киц, Ниппур); «индийское» влияние обнаруживается даже на одной печати из Хамы в Сирии.

В период династии Симашки продолжалась торговля с Персидским заливом (Вади-Сукский горизонт), о чем свидетельствует появление печатей в Сузах, а также в Умме и Уре в Вавилонии, из области залива. Эта торговля, по-видимому, очень скоро оказалась под контролем Дильмуна, потому что в конце этого и в начале следующего суккальмахского периода самыми популярными в регионе залива стали так называемые дильмунские печати, лучше всего известные по находкам на о. Файлака; кроме того, можно назвать примеры из Суз и из Лотгала в Западной Индии. Как показали исследования, эта группа печатей оказала определенное влияние даже на плоские печати староассирийских колоний карумского периода в Анатолии (Турция).

В Северном и Северо-Восточном Иране горизонт серой керамики позднего хиссарского III комплекса распространился вплоть до таких поселений на северо-западе, как Хасанлу, Динха и Гюдин-Тепе, приблизительно современному горизонту хабурской посуды в Ассирии, который примерно может быть датирован временем правления ассирийского царя Шамши-Адада I и вавилонского царя Хаммурапи – началом XVIII в. до н.э. Этот хиссарский III горизонт был связан как с западом, так и с востоком, особенно с Туркменией (Намазга, горизонты V/VI), и с бактрийским и таджикским комплексом, который рассматривается как местный вариант Намазги VI в Туркмении, но который, возможно, отчасти современен Намазге V. Этот хиссарский III и бактрийский комплекс можно проследить во многих поселениях на Иранском нагорье и далее к востоку. Прямые доказательства этому имеются в Восточном Иране, в Систане; они найдены также в Яхье, Шахдаде и даже в Сузах в Хузистане и в Луристане, откуда, возможно, происходят плоские печати этого горизонта; подобные находки сделаны также в Макране – в местонахождениях Хураб, Кулли, Мехи и Ниндовари. Некоторые предметы этого горизонта обнаруживаются на востоке вплоть до Китая (ордосские печати), в долине Инда – в Харappe, Мохенджо-Даро и Чанху-Даро, а наиболее известные – на равнине Качи в Мергархе (VII период), Сибири и в обнаруженном тайнике в г. Кветта, под контролем которого находился Боланский проход, связывающий регион Кандагара через Кветтскую долину и равнину Качи с долиной Инда. Исследования, в особенности в долине Качи в Мергархе/Сибири и в поселении Наушаро, выявили, что этот горизонт должен соответствовать позднегородской фазе в долине Инда – периоду, представленному в индском поселении Амри в период III C (параллельный комплексу C–D Уилера (*Wheeler*) в Мохенджо-Даро). То, что ранее рассматривалось как феномен, пришедший на смену зрелой харапской культуре, часто связывавшийся с индоарийским или «варварским» вторжением в индскую систему, вызвавшим крупне-

ние хараппской культуры, сегодня выглядит как дополнительный материал и показатель сложных межрегиональных отношений в поздней – городской – фазе зрелой хараппской цивилизации. Упомянутые поселения указывают на пути сообщения между регионами, которые напоминают некоторые маршруты позднего исторического «Шелкового пути». Но даже если в горизонте Намазга VI в Туркмении и обнаружены свидетельства о наличии здесь шелка, нельзя ни в коем случае утверждать, что в это время велась широкая торговля шелком. Очевидным, однако, становится то, что сообщения между городами существовали по крайней мере с раннего протоэламского периода, а возможно, и до того. Вместе с тем значение этого феномена не следует преувеличивать, поскольку практически никаких других возможностей для контактов и торговли в это время не имелось из-за пустынь Центрального Ирана, прямой контакт через которые во все доисторические времена был крайне затруднен.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (ОКОЛО 1650–1450 ГГ. ДО Н.Э.)

Завершение хиссарского III культурного комплекса в Северном и Северо-Восточном Иране в XVIII в. до н.э. знаменует начало своего рода «темной эпохи» в наших археологических и исторических знаниях об Иране. Только в Туренг-Тепе, на Гурганской равнине в Северо-Восточном Иране (период III C2), был обнаружен материал более поздней фазы, который свидетельствует о связях северо-восточного культурного горизонта со следующим горизонтом I железного века. Считается, что этот северо-восточный период Туренг-Тепе III C2 завершился около середины XVII в. до н.э. или несколько позднее. Начало культуры I железного века на северо-западе условно датируется не ранее чем серединой XV в. до н.э. или даже несколько более поздним временем. Вплоть до наших дней не проведено настоящих археологических раскопок ни одного местонахождения, которые могли бы заполнить пробел между концом комплекса Туренг-Тепе III C2 на северо-востоке и началом культуры I железного века на северо-западе. Поэтому «темная эпоха» продлилась около ста лет. Все данные, которые связаны с этой эпохой, преимущественно основаны на радиоуглеродных датировках Туренг-Тепе III C2 и Хасанлу (период V), а также Динха-Тепе (период III) в регионе оз. Урмия в Северо-Западном Иране, и на весьма спорных типологических сопоставлениях керамических и металлических артефактов. В Динха-Тепе имеются смутные следы, свидетельствующие о том, что какой-то период отделяет слои, связанные с хабурской посудой Староассирийского царства, от слоев I железного века. Эти возможные промежуточные уровни обнаруживают сходство с урмийской посудой из Хафтаван-Тепе, которая имеет сильные связи с культурой Триалети на Кавказе (на Цалкинском плато, к югу от Триалетского хребта в Грузии, средний бронзовый период). Другим намеком на тесные связи между периодом I железного века и периодом Староассирийского – Старовавилонского царств является цилиндрическая печать, обнаруженная в захоронении периода I железного века в Тепе-Сиалк, некрополь А (период V), которая, если не принимать во внимание возможность наследования как фамильной вещи, должна датироваться не позднее чем серединой XVII в. до н.э. В Западном Загросе, в Луристане, экспедиция Чикагского университета под руководством Холмса (*Holmes*) раскопала несколько поселений: Чигха-Сабз, Камтарлан II, Мир-Вали и Сурх-Думи-Лури, а бельгийский археолог В. Берге (*Vanden Berghe*) исследовал поселения Сараб-Багх и Таварса, в каждом из которых был обнаружен материал позднего бронзового века, имеющий спорное отношение к находкам в Сузах, датируемых временем между XVI и XIV вв. до н.э. К сожалению,

здесь также нет ясно различимого стратиграфического наложения между материалами так называемого позднего бронзового века и периода I железного века.

В Южном Иране на равнине Марв-Дашт обнаружены следующие за кафтарийским горизонтом комплексы калехской, шугасской и таймуранской керамики. О них известно немного, за исключением того, что в Таль-и-Мальяне, включенном в местный калехский горизонт, был раскопан Среднеэламский административный комплекс, отнесенный ко времени начиная с XIII в. до н.э. В Таль-и-Мальяне раскопаны и более старые материалы, но результаты их изучения пока не опубликованы. Другая скудная информация поступила из небольшого сельского поселения Дарвазех-Тепе.

Далее к востоку данные о горизонте, соответствующем периоду I железного века, полностью отсутствуют. Период III в Тепе-Яхья, по всей видимости, принадлежит к периодам II/III железного века, но, похоже, также имелись связи с архаическим дахистанским комплексом в Северо-Восточном Иране и на юге Туркмении, появившимся, возможно, раньше. В регионе Кандагара культура мундигака (V период), обнаруживает некоторую взаимосвязь с хусьской культурой Ферганской долины и с комплексом Жаз-Тепе I в ирригационном веере р. Мургаб и в прилегающих районах Туркмении. Время появления этих комплексов остается спорным, но на основании имеющихся данных оно не может быть намного ранее 1600 г. до н.э. Большинство российских ученых склоняются к более поздней дате. Поселение Пирак (периоды I–II) на равнине Качи явно возникло позднее зрелой фазы хараппской цивилизации и является отчасти современным джхукарскому комплексу в нижнем течении р. Инд (в Синде) и фазе кладбища H в Пенджабе, этим двум почти не известным в культурном плане комплексам позднехараппского периода, а также – Мундигаку V в регионе Кандагара. Связанный с Пираком материал был найден также в двух поселениях в Белуджистане, и были выявлены некоторые их отношения с Персидским заливом, что обнаруживается в Тель-Абраке в Объединенных Арабских Эмиратах. Памятники раннего железного века в Белуджистане остаются тайной, которая может быть разгадана лишь после проведения новых раскопок.

Некоторые историки, а также отдельные археологи интерпретировали изменения, наблюдаемые в конце этой четвертой исторической эпохи, в которую прежние крупные культурные комплексы распались на более мелкие локальные единицы, как свидетельство наступления периода передвижения новых племен, часто связываемого с реконструированной исторически миграцией народа, говорившего на индоарийском и/или иранском языке. Некоторые даже пытались связать с этими племенами начало использования серой керамики в Северном и Северо-Восточном Иране в Тепе-Хиссар и на равнине Гурган в Туренге и Шах-Тепе, а также серой полированной керамикой фазы Сват IV в горных областях Северного Пакистана. Другие связывают эти племена с расписной керамикой джхукарской фазы и фазой кладбища H поздней хараппской культуры в долине Инда.

Следует подчеркнуть, что до настоящего времени не обнаружено прямой связи между какой-либо лингвистической группой и специфическим типом керамики. Старая концепция «горшки – народ» показала свою нежизнеспособность, и не следует связывать любые очевидные перемены в материальной культуре с определенными лингвистическими изменениями и – на более примитивном уровне рассуждения – со спецификой этнических групп. Это великолепно иллюстрируется староассирийским карумским периодом, когда ассирийские торговцы находились в Анатолии в лингвистически не ассирийской и археологически чисто анатолийской среде. Если бы здесь не были найдены староассирийские таблички, никто бы

не предположил присутствия в это время коренных ассирийцев в Анатолии. То, что племена, говорившие на иранском языке, продвинулись или проникли на Иранское нагорье, не подлежит сомнению. Но как и когда это произошло, остается спорным. В I тысячелетии до н.э. иранцы, судя по их личным именам, присутствуют в клинописных текстах Ассирии и Вавилонии. До этого времени они остаются в исторической реконструкции неизвестным фактором, но их следует, по всей вероятности, включить как одну из групп в состав многочисленных коренных местных групп.

ПЕРИОД I ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (ОКОЛО 1450–1100 ГГ. ДО Н.Э.)

После переходного периода, отчасти совпадающего с началом периода I железного века, значительные территории Ирана представляли собой подлинную *terra incognita*. В Эламе старую столицу Сузы в XV в. до н.э. в правление Тепти-ахара на короткое время сменил новый центр, называвшийся Кабанак (сегодняшний Хафт-Тепе), расположенный приблизительно в 20 км к югу от Суз. Административные таблички, обнаруженные при раскопках монументального погребального комплекса и мастерских в Кабанане, показывают, что «Маламирские тексты», приобретенные на антикварном рынке и использовавшиеся для реконструкции позднего суккальмахского периода в Восточном Хузистане, появились здесь и отражают события в Центральном Хузистане. Интересно отметить, что Тепти-ахар называет себя «царем Суз и Анчана», хотя до сих пор в Анчане не обнаружено никаких построек того времени. Во второй половине XIV в. до н.э. эламский царь Унташ-Напириша основал новый культовый центр, называвшийся Дур-Унташ, в 40 км к юго-западу от Суз. Здесь был построен центральный зиккурат, окруженный различными храмовыми комплексами. На ранней стадии строительства открытый двор был окружен несколькими помещениями, и весь комплекс был посвящен «Господину Суз» – богу Иншушинаку. Несколько позднее двор использовался в качестве основы для возведения зиккурата с храмом наверху, посвященным богам Иншушинаку и Напирише, очевидно, наиболее важным божествам равнинных (Элам, представленный Иншушинаком) и горных (Анчан, представленный Напиришей) земель. Весь комплекс был украшен глазурованной плиткой, обожженным кирпичом и гипсовой штукатуркой; в нем найдено огромное количество бронзового оружия, печатей и стеклянных бус. Унташ-Напириша был, согласно П. Амье (*P. Amiet*), первым эламским правителем, при котором появилось эламское дворцовое искусство, которое, помимо архитектурных сооружений в Дур-Унташе, представлено также стелой и частично сохранившейся монументальной бронзовой статуей его жены Напир-Асу. Оставленные Унташ-Напиришей надписи на зданиях обнаружены в ряде поселений Сузианы, а также в Восточном Хузистане в Тепе-Борми, неподалеку от города Рамхормоз. О дальнейшей истории Элама известно мало.

Положение изменилось в XII в. до н.э. при династии Шутруккидов; представители этой династии воспользовались политическим вакуумом в Ассирии и Вавилоне, последовавшим за насильственной смертью царя среднеассирийского государства Тукульти-Нинурты I. Эламский царь Шутрукнаххунте I (около 1165 до н.э.) напал на Вавилонию. Целью этого нападения было, вероятно, расширение эламской территории. Армия Шутрукнаххунте разграбила большую часть вавилонских городов, увезла с собою в Сузы огромную добычу, в том числе победную стелу Нарамсина из Сиппара и статую Маништушу из Эшнунны. Фактически большинство основных произведений месопотамского искусства оказалось собранными в «коллек-

ции» Шутрукнаххунте I и стали известными научному сообществу лишь благодаря французским раскопкам в Сузах. Политическое влияние Шутрукнаххунте I достигало Анчана на востоке; им был также восстановлен храм в Лийяне (построенный Хумбан-Нуменой, предшественником Унташ-Напириши). Ему наследовал его сын Кутирнаххунте I, который нанес последний удар касситской династии в Вавилонии, вывез царя Энлиля-Надинахи в Элам и перенес культовую статую национального бога Вавилонии Мардука в Сузы.

Несмотря на эту агрессивную политику в отношении Вавилонии, Кутирнаххунте I постоянно украшал храмы в Сузах и Лийяне. При его брате и преемнике Шилхакиншупинаке династия Шутруккидов достигла своего расцвета, поскольку тот совершал свои походы не только в Вавилонию, но и далеко на север, за р. Диялу в регион Киркука и в центральные районы Ассирии. Он заботился о храмах в Сузах и Лийяне, а надписи на зданиях также сообщают о его активности в горных областях Анчана. Его преемник Хутелудушиншупинак известен главным образом по надписям на зданиях в различных населенных пунктах Элама, а большой административный комплекс, раскопанный в Анчане, вероятно, относится к его правлению. Он основал в Анчане храмы главных богов эламского пантеона: Напириши, Киририши, Иншушинака и Шимута. На существование подобных административных анклавов в других частях нагорья при Шутруккидах указывают найденные на поверхности надписи на зданиях. Династия Шутруккидов внезапно пала после войны Элама с Навуходоносором I (1125–1104 г. до н.э.), который в конце концов не только разгромил Хутелудушиншупинака, но также увез обратно в Вавилон статую бога Мардука, восстановив, таким образом, вавилонское могущество. Вследствие общего недостатка письменных источников о последующих правителях Элама вплоть до VIII в. до н.э. фактически ничего не известно.

Цари династии Шутруккидов участвовали в украшении скального святилища в Курангуне, а рельефы в Шикафт-и-Салман I, II и III возле Изех-Маламира в силу своей стилистики могут быть связаны с их правлением. Более поздние рельефы в Кул-и-Фарахе можно отнести, в соответствии с недавними исследованиями П. Амье, к периоду непосредственно после падения династии Шутруккидов, т.е. приблизительно к рубежу тысячелетий. Таким образом, несмотря на молчание письменных источников, Эламская держава, возможно, была полностью уничтожена после войны с Навуходоносором, тем более что по вавилонским данным ничего не известно о длительном господстве Вавилонии над Эламом.

Ситуация в период между XV и XI вв. до н.э. в других областях Ирана отчасти уже была описана. На востоке, в Фарсе, можно проследить процессы исчезновения городов и значительного сокращения оседлого населения, которые также имели место, но в гораздо меньшем масштабе, в Сузиане. Помимо города Анчана с его административным комплексом нигде не обнаружены артефакты в сузском стиле, за исключением лишь шога-таймуранской керамики местного производства. Далее к югу и востоку Ирана не открыто никаких постоянных поселений.

На западе обнаружено несколько поселений в Загресе, например, храм (?) в Шурх-Дум-и-Лури, возможно, основанный в середине XIV в. до н.э., который находится на одной из главных дорог, и только так называемая «Постройка I» в Тепе-Гиян, относящаяся к XII (?) в. до н.э. Большая часть артефактов, которые можно отнести к периоду I железного века, была обнаружена бельгийской экспедицией под руководством Л. Ванден Берга в Луристане, в каменных погребениях. Слои I железного века представлены также в Хасанлу V в регионе оз. Урмия в Северо-Западном Иране, где была найдена характерная ранняя западная серая посуда. Содержимое могил середины II тысяче-

летия до н.э. известно также по Гилян и Марлик-Тепе. Более точная датировка этих погребений пока остается спорной; общую хронологическую схему для гилянских погребений предложил Хэринк (*Haerink*). Материал этих погребений указывает на связи с Кавказом, на комплекс Артик I–II в Армении, который изучал Х. Коссак (*H. Kossak*).

Материал, относящийся к периоду I железного века, в Северо-Восточном Иране чрезвычайно редок, однако свидетельствует о связи с горизонтом Яз I в Туркмении, влияние которого можно проследить далее на юг до горизонта Мундигак V в регионе Кандагар в Афганистане и даже в Пираке на равнине Качи в Пакистане, который показывает определенную связь с некоторыми поселениями комплекса ранний Гхул в Белуджистане.

Терракотовые статуэтки из Пирака свидетельствуют о все большем использовании верблюдов, в то время определенно задействованных в торговле на большие расстояния. На равнине Качи, а также в регионах, прилегающих к Персидскому заливу, основной пищей стало зерно.

В Северном Пакистане к этому периоду следует отнести комплекс Сват IV. Его архитектурный и археологический материал выявляет связи с неолитом в Кашмире (местонахождения Бурзахом – Гуфкрал). Заслуживает внимания, что в Сват IV было обнаружено несколько надгробий позднехарапского кладбища типа H, что указывает на связи с Пенджабом.

ПЕРИОД II ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (ОКОЛО 1100–800 ГГ. ДО Н.Э.)

В письменных источниках не имеется почти никаких упоминаний об исторических событиях в Эламе данного периода. Археологически это составная часть новоэламского периода I, основанного на стратиграфии Суз и относящегося к 1000–725 (700) гг. до н.э. Но по причине ограниченного масштаба раскопок в Сузах об этом периоде известно мало, хотя типология керамики тщательно разработана. Имеются следы некоторых видов деятельности в старом культовом центре Дур-Унташе, однако они с трудом находят дальнейшее подтверждение. По-видимому, в течение некоторого времени около XI в. до н.э. большинство поселений среднеэламского периода Сузианы было покинуто. Оставшиеся и вновь основанные поселения были либо малыми, либо средними.

В Фарсе почти невозможно найти поселения после X в. до н.э. Был заброшен даже такой важный центр, как Анчан. Всё, что осталось от политического образования Суз и Анчана, было почти полностью опустошенным высокогорным регионом, а население было сконцентрировано на низменностях. В первой половине II тысячелетия до н.э. в Северо-Восточном Иране (в конце хиссарского периода III C), в Туркмении (культура поздняя Намазга V/VI) и в Пакистане наступает засушливый период. Наиболее ярко это проявилось на равнине Качи, где были оставлены харапские центры на юге и востоке и произошла концентрация поселений культуры пирака и периода I железного века на отрогах гор. Нельзя исключить, что это изменение климата повлияло и на горные области, расположенные юго-западнее, и вынуждало горцев Иранского нагорья переходить к кочевому образу жизни.

Более того, очевидно, что малые эламские анклавы, появившиеся в горных областях в среднеэламский период с целью поддержания эффективного контроля со стороны царя, были к этому времени оставлены. Таким образом, можно также наблюдать распад на уровне политического контроля за прежними структурами.

В Луристане типичными для этого периода являются захоронения, которые Ванден Берг относит к железному веку II; некоторые из них, вероятно, связаны с маленьким царством, известным из клинописных источников как Эл-

липи. Далее к северу, на юг от оз. Урмия, лежало Маннейское царство. Между этими двумя государствами, вдоль Великого хорасанского пути, размещалось несколько племен, самые восточные из которых могут быть объединены под общим названием «мидяне». В регионе оз. Урмия самым значительным поселением этого периода является Хасанлу IV В. Время разрушения этого важного поселения пока остается спорным. Археологи Р. Дайсон (*R.H. Dyson*) и О. Мускарелла (*O.W. Muscarella*) на основании данных радиоуглеродного анализа определили, что разрушение произошло около 800 г. до н.э.; И. Медведская (*I.N. Medvedskaya*), с другой стороны, основывая свою точку зрения на типологических наблюдениях, связанных главным образом с некоторыми элементами конской сбруи и их параллелями в гальштатской культуре С в Европе, предлагает 714 г. до н.э. Проблема состоит в том, что европейская хронология также была основана на первоначальных представлениях о хронологии Западной Азии. Более того, наиболее важные источники для межрегиональной перекрестной датировки конской сбруи – новоассирийские рельефы – отсутствуют для времени между правлениями Ашшурнасирипала II (884–858 гг. до н.э.) и Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н.э.). Мы располагаем лишь небольшой иконографической информацией об этом времени: бронзовыми воротами Балавата, несколькими неполными рельефами времен Салманасара III (858–824 гг. до н.э.) и стелой Ададнирари III (810–783 гг. до н.э.). Количество рельефов Тиглатпаласара III явно недостаточно. Поэтому любые выводы, основанные на наличии или отсутствии некоторых деталей конской сбруи и тому подобному на новоассирийских рельефах, следует делать с величайшей осторожностью; также следует знать, на чем основаны датировки некоторых схем доисторической хронологии в Европе. В соответствии с этим здесь принимается датировка Дайсона и Мускареллы, которая представляется хорошо обоснованной. Если согласиться с тем, что разрушение Хасанлу IV В имело место в конце IX в. до н.э., тогда знаменитые некрополи Сиалк VI и Сиалк В в Капшанском оазисе могут быть датированы этим же столетием, как и поселение Баба-Ян III в Луристане. Та же датировка вполне возможна для поселения Мауилбак-Дельфан, так как здесь была найдена керамика типа Баба-Ян III вместе с цилиндрическими печатями, которые можно датировать временем сразу после правления Салманасара III, т.е. концом IX в. до н.э. Это тот самый новоассирийский царь, который совершал походы против Маннейского царства и племен вдоль Великого хорасанского пути, однако так и не смог установить сколько-нибудь длительный контроль Ассирии в этих регионах. Северный Иран, за исключением уже упоминавшихся групп захоронений в Гиляне, археологически не охарактеризован. На Гурганской равнине время основания Туренг-Тепе IVA, где заметны черты принадлежности к архаическому Дахистанскому комплексу, расположенному далее на восток, все еще остается спорным. Возможно, он возник в IX в. до н.э. или даже раньше. Не вполне ясные связи с Тепе-Яхья III указывают, возможно, на время существования этого поселения в Керманской области. В настоящее время невозможно установить хронологическую последовательность для этого периода в Восточном Иране. В регионе Кандагара, в Мундигаке, материалы конца V – начала VI периодов ясно указывают на связи с горизонтом Яз I в Туркмении и с концом пиракской последовательности на равнине Качи в Пакистане. Гористый регион Северного Пакистана археологически относится к сватской или гандхарской погребальной культуре, которая, возможно, была связана с находками на поверхности земли в Пенджабе. Первоначально считалось, что этот комплекс восходит прямо к позднехиссарскому комплексу в Северо-Восточном Иране; заметны также типологические сходства с некрополями Сум-

бар и Пархай. Тем не менее в настоящее время нельзя установить прямую связь между сватским комплексом и археологическими скоплениями Северо-Восточного Ирана – в силу долгого хронологического интервала между ними.

ПЕРИОД III ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (ОКОЛО 800–550 ГГ. ДО Н.Э.)

Вновь на политической сцене Элам как новое эламское (так называемое Новоэламское) царство появляется приблизительно в середине VIII в. до н.э. Согласно Мирошеджи, Элам был в то время централизован в меньшей степени, чем в период Среднеэламского царства, и имел одновременно три царских резиденции – в Сузах, Мадакту и Хидалу, на что намекает трехчастное деление царских титулов, подобное тому, которое существовало в суккальмахский период. Сузы выполняли функции традиционной столицы и культового центра, Мадакту был местопребыванием царя Элама, а Хидалу в области Бехбехан служил убежищем в беспокойные времена и, вероятно, тем местом, где традиции Элама сохранялись в новоассирийский период I.

Историческая информация получена главным образом из вавилонских хроник и ассирийских царских надписей. Хумбанниш I (743–717 гг. до н.э.) был союзником вавилонского Меродах-Баладана II и враждовал с ассирийским царем Саргоном II из-за города Дер – самого северного пункта, достигнутого этим эламским царем. Преемником его был сын его сестры Шутрукнаххунте II (716–699 гг. до н.э.), известный также как строитель небольшого храма в акрополе Суз, украшенного глазурованной плиткой. Его титулы «Царь Анчана и Суз» и «Расширитель Царства», похоже, были преувеличением, поскольку он утратил часть эламских территорий восточнее Дера и в Западном Эламе при ответном наступлении Саргона II и скрылся в горах, оставив вавилонского царя Меродах-Баладана II на милость Саргона. В результате Саргон II овладел вавилонским тронном. Северный оплот Элама в его борьбе с Ассирией – Эллипи был потерян, когда после смерти в 708 г. до н.э. тамошнего царя ассирийцы сумели воспользоваться соперничеством местных князей. Великий хорасанский путь ходил теперь под контролем Ассирии. В период правления нового ассирийского царя Синаххериба (704–681 гг. до н.э.) конфликт продолжился. Синаххероб также успешно действовал против эламско-вавилонской коалиции. В 691 г. до н.э. эламские силы, в составе которых были войска из Вавилонии, Эллипи, Парсуаши и Анчана, сражались в Халуле против ассирийской армии. Победа, о которой вопреки вавилонским источникам заявлял Синаххероб, привела к осаде и разрушению Вавилонии в 689 г. до н.э. Двое последующих эламских царей Хумбанхалташ I (688–681 гг. до н.э.) и Хумбанхалташ II (680–675 гг. до н.э.) также имели доверительные отношения с местными вавилонскими правителями. Однако попытка вавилонян привлечь Хумбанхалташа II к борьбе против нового ассирийского царя Асархаддона (680–669 гг. до н.э.) окончилась неудачей. В правление брата Хумбанхалташа II – Уртака (674–664 гг. до н.э.) отношения между Ассирией и Эламом стали вполне дружественными. Это «сердечное согласие» сохранялось лишь в первые годы правления нового ассирийского царя Ашшурбанипала (668–627 гг. до н.э.) – до 665 г. до н.э., когда эламский царь неожиданно напал на Вавилон, но был принужден ассирийцами отступить. Политика Топтихумбана, сменившего Уртака на эламском троне, привела к эмиграции трех сыновей Уртака в Ассирию. В результате последовавшего нападения ассирийцев на Элам и поразившая эламитов, эти трое сыновей были посажены здесь в качестве ставленников Ашшурбанипала: Хумбанниш II – в Мадакту (и в Сузах?), а Таммариту – в Хидалу. В граждан-

ской войне между Ашшурбанипалом и его братом Шамашшум-укином, заместником Ассирии в Северной Вавилонии, Хумбанниш II занял сторону вавилонян.

В 647 г. до н.э., после восстановления военного контроля Ассирии над Вавилонией, войска Ашшурбанипала направились в Элам и в следующем году опустошили его и разрушили Сузы.

Сообщение об этих событиях напоминает сообщения о разрушении урартского центра Мусасир Саргоном II и Вавилонии Синаххерибом. Хотя письменные источники говорят о полном разрушении эламской столицы, по археологическим данным это событие не оказало существенного влияния на дальнейшее развитие материальной культуры Элама и Суз; эламит Хумбанхалташ III, который пережил нападение ассирийцев, вновь устроил себе резиденцию в Мадакту. Столетие между разрушением Суз в 646 г. до н.э. и утверждением Ахеменидской династии при Кире II (559–530 гг. до н.э.) Элам просуществовал как малозначащее государство. За пределами Сузианы рельефы новоэламского периода были найдены возле Изех-Маламира в Шикафт-и-Салмане, в Кул-и-Фарахе, Курангуне и Накш-и-Рустаме в Фарсе. Известны также скудные находки в Тал-и-Газире возле Рамхормоза. Далее к востоку материал этого времени полностью отсутствует.

Западнее, в Загросе, во времена ассирийского правителя Тиглатпаласара III (755–727 гг. до н.э.) провинция Хархар, находившаяся где-то в регионе Керманшаха, была включена в ассирийскую провинциальную систему в качестве буфера против живших восточнее мидян, которых теснили к югу киммерийцы, вторгшиеся в Урарту в конце правления Саргона II или в начале правления Синаххериба. Таким образом, контроль над Великим хорасанским путем, похоже, продолжался по крайней мере до правления царя Ассирии Асархаддона. На ассирийское присутствие здесь указывают также две стелы новоассирийского периода, которые датируются временем Тиглатпаласара III и Саргона II, найденные в Луристане (?) и долине Кангавара, возле Годин-Тепе. Регион оз. Урмия, Хасанлу (период III B) и Аграб-Тепе, бывший территорией Маннейского царства, были включены в Урартскую империю в начале VIII в. до н.э., но ничего важного об этих местонахождениях не опубликовано.

В Северо-Восточном Иране сохранялась та же ситуация, что и в предшествующий период. Далее к востоку продолжал существовать комплекс Яз II, связанный с Кандагарским регионом Афганистана (культура мундигак VI). Самая древняя керамика, найденная в Нада-Али в Систане, возможно, также относится к этому горизонту. В Белуджистане, по-видимому, продолжали существовать группы неопределенной керамики ранней гхульской посуды наряду с нерасписной посудой, которая была найдена в верхних пластах в Рана-Гхандай, и, возможно, она связана с материалом железного века из верхних слоев в Пираке и с древними скоплениями в Дур-Хане на равнине Качи.

В Северном Пакистане продолжал существовать комплекс Сват. Поселения этого периода (такие, как Алиграма и Бир-Кот-Хундай) найдены не только в горных районах, но также в Пенджабе (Гхарсадда и поселение на Хатхияльском холме в Таксиле) и в Гумле, период V, в долине Гомая в Вазиристане.

Необходимы дальнейшие полевые исследования на северо-востоке, востоке и юге Ирана с целью выявления корней и объяснения процесса образования Ахеменидской империи. Существуют огромные пробелы в наших знаниях об этих областях Ирана, где, как считается, находилась родина Ахеменидов, подобная древнему Парсуашу, археология которого в столетия, предшествовавшие появлению Ахеменидской империи, и в ранней фазе ее существования практически не разработана.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALLCHIN, F.; HAMMOND, N. 1978. *The Archaeology of Afghanistan from Earliest Times to the Timurid Period*. London.
- AMIET, P. 1966. *Elam*. Auvers-sur-Oise.
- 1986. L'âge des échanges inter-Iraniens, 3500–1700 avant J.-C. Paris.
- 1992. Sur l'histoire élamite. *Iran Antiqua*, Vol. 27, pp. 75–94.
- ASTHANA, S. 1985. *Pre-Harappan Cultures of India and the Borderlands*. New Delhi.
- BRIANT, P. 1984. *L'Asie centrale et les Royaumes Proche-orientaux du premier millénaire (c. VIIIè- VIè siècles avant notre ère)*. Paris.
- CARTER, E.; STOLPER, M. W. 1984. *Elam: Surveys of Political History and Archaeology*. London. (Near East Stud., 25.)
- DITTMANN, R. 1990. Eisenzeit I und II in West- und Nordwest-Iran. Zeitgleich zur Karum-Zeit Anatoliens? *Archäol. Mitt. Iran*, Vol. 23, pp. 105–38.
- DYSON, R. H.; MUSCARELLA, O. W. 1989. Constructing the Chronology and Historical Implications of Hasanlu IV. *Iran* (London), Vol. 27, pp. 1–15.
- HAERINCK, E. 1988. The Iron-Age in Guilan: Proposal for a Chronology. In: CURTIS, J. (ed.), *Bronze Working Centers of Western Asia c. 1000–539 BC*. London/New York. pp. 63–78.
- HOLE, F. 1987. *The Archaeology of Western Iran. Settlement and Society from Prehistory to the Islamic Conquest*. Washington, D.C. (Smithson. Ser. Archaeol. Inq.)
- KOHL, P. 1984. *Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age*. Paris.
- KOSSACK, G. 1983. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formkreises im Kaukasus. *Beitr. allg. Vergl. Archäol.*, Vol. 5, p. 89–186.
- LEVINE, L. D. 1972. Two Neo-Assyrian Stelae from Iran. *Ontario, Art and Archaeology*. (Occas. Pap., 23.)
- MEDVEDSKAYA, I. N. 1991. Once more on the Destruction of Hasanlu IV: Problems of Dating. *Iran Antiqua*, Vol. 26, pp. 149–61.
- MIROSCHEJ, P. de. 1990. La fin de l'Elam: Essai d'analyse et d'interprétation. *Iran Antiqua*, Vol. 25, pp. 47–95.
- NEGHBAN, E. O. 1991. *Excavations at Haft Tepe, Iran*. Philadelphia, Pen. (Univ. Mus. Monogr., 70.)
- POTTS, D. T. 1990. *The Arabian Gulf in Antiquity. From Prehistory to the Fall of the Achaemenid Empire*. Oxford. Vol. I.
- SCHMIDT, E. F.; VAN LOON, M. N.; CURVERS, H. H. 1989. *The Holmes Expeditions to Luristan*. Chicago, Ill. (Orient. Inst. Publ., 108. 1–2.)
- STEIN, A. 1940. *Old Routes of Western Iran*. London.
- VANDEN BERGHE, L. 1979. *Bibliographie analytique de l'archéologie de l'Iran ancien*. Leiden.
- 1983. *Luristan een verdwenen bronskunst uit West-Iran*. Gent, N.V.
- VOGELSANG, W. 1988. A Period of Acculturation in Ancient Gandhara. *South Asian Stud.* (London), Vol. 4, pp. 103–13.

В.И. Сарияниди

Афганистан является страной с чрезвычайно разнообразными ландшафтами. В центральной части страны господствуют высокогорные цепи (местами свыше 4000 м) Гиндукуша. Через эти местами разорванные цепи гор прорываются в расходящихся направлениях реки, подобно спицам в колесе: р. Кабул течет на восток и впадает в Инд; Гильменд, Хашруд и Фарахруд текут на юго-запад в пустынную равнину Систан, где пропадают в дельтах и озерах; реки Герируд (в Туркмении – р. Теджен) и Мургаб текут на запад и север в Тедженский оазис и Мургабскую долину (заканчиваясь ирригационным веером в песках Каракумов) в Туркменистане, а некоторые реки текут в северном направлении на Бактрийскую равнину на севере Афганистана, являясь частью бассейна р. Амударьи. На большей части системы Гиндукуша довольно мало пригодных для возделывания земель (они находятся в узких речных долинах), но имеются сезонные пастбища для скота.

Горные области Афганистана изобилуют иными природными богатствами: медью, серебром и различными драгоценными камнями; в Бадахшане на северо-востоке Афганистана находится одно из немногих месторождений лазурита, которым в бронзовом веке торговали по всей Западной Азии вплоть до Средиземного моря. Более того, реки создают пути, ведущие через узкие горные ущелья (такие как Хайберский проход), которые обеспечивают сообщение между Центральной Азией и долиной Инда.

Доисторический период горных областей известен плохо; скорее всего доисторические сообщества этих районов Афганистана большей частью представляли собой пастушеские общины и небольшие земледельческие поселения в долинах рек.

Поскольку высота Гиндукуша снижается к северу, западу и югу, долины там расширяются и реки текут по сравнительно плоским низменностям. Две из этих низменных областей имеют особое значение для доисторического Афганистана – Бактрия на севере и Систан (Сейстан) на юго-западе Гиндукуша. Бактрия раскинулась по обоим берегам Амударьи в среднем и верхнем ее течении, а также по ее притокам на территории современного Афганистана и частично Узбекистана и Туркмении. В пределах Афганистана Бактрийскую равнину пересекает несколько рек. Если реки Восточной Бактрии (например, Сурхоб и Кокча) впадают в Амударью, то реки Западной Бактрии образуют дельты, не связанные с крупными реками (например, Балхаб, Ташкурган). С трех сторон окруженная горами (Гиндукуш на юге, Памир на востоке и Гиссарский хребет на севере), Бактрия открыта с запада и северо-запада, и это географическое обстоятельство обусловило прочные связи с территорией Туркменистана в доисторический период. Ставшая в I тысячелетии до н.э. сначала сатрапией империи Ахеменидов, а позднее независимым эллинистическим государством, Бактрия была также родиной великопеленной культуры эпохи бронзы.

Систан представляет собой обширный равнинный регион на юго-западе Афганистана и в соседнем Иране, ог-

раниченный на севере Гиндукушем, на юге и востоке горами Белуджистана (в Иране и Пакистане) и на западе – Иранским нагорьем. Гильменд и другие реки стекают с Гиндукуша по относительно широким и плодородным аллювиальным долинам, заканчивая свой путь в низинных дельтах, озерах или болотах. И широкие горные долины средней части бассейна Гильменда, и Систанская равнина обладают значительным потенциалом для поливного земледелия. Систан протянулся вдоль ряда путей, которые огибают Южный Гиндукуш, связывая Центральную Азию, Иранское нагорье и долину Инда (особенно через регион г. Кветта в пакистанской провинции Белуджистан).

Афганистан долгое время манил ученых своими древними и загадочными памятниками, но в течение многих лет был страной, закрытой для иностранцев. Первыми европейцами, получившими в начале XX в. разрешение на раскопки, были французские археологи. Французы практически удерживали монополию на археологические работы до второй мировой войны, после которой работать в Афганистане начали экспедиции из разных стран. Работа, проведенная в 1950–1960-е гг., состояла в основном из исследования поверхности и небольшого зондирования в Систане (*Dupree*, 1963; *Fairservis*, 1952, 1961; *Hammond*, 1970; *Dales*, 1972; *Fisher*, 1973; *Shaffer*, 1971). В то же время, однако, в результате крупномасштабных раскопок Ж.-М. Касали (*J.-M. Casal*) в Музидгаке в 1950-е гг. было выявлено наличие длительной культурной последовательности в доисторический период, которое остается не имеющим себе равных (*Casal*, 1961); раскопки, проведенные Итальянским институтом по изучению Среднего и Дальнего Востока в Шахр-и-Сохте в Иранском Сеистане в 1960–1970-е гг., дали результаты, непосредственно относящиеся к доисторическому периоду Афганистана. 1960-е гг. были также отмечены французскими раскопками эллинистического города Ай-Ханум в Бактрии, что в конечном счете привело к открытию руин поселения хараппской цивилизации в Шортугае и систематическому изучению древних оросительных систем Бактрии в 1970-е гг. (*Francfort*, 1989; *Gentelle*, 1989). В 1969 г. совместная советско-афганская археологическая экспедиция приступила к имевшим большое значение работам в Северном Афганистане (*Sarianidi*, 1972, 1975; *Sarianidi*, 1986). К 1980-м гг., когда археологические исследования в Афганистане были прерваны войной, доисторический период в Бактрии и Сеистане был в общих чертах известен, оставаясь в то же время во многом неясным в других частях страны.

ПРЕДЫСТОРИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Хотя древние земледельческие деревни эпохи неолита были обнаружены в Туркменистане и Иране, никаких следов подобных поселений в долинах рек в предгорьях Гиндукуша в Северном Афганистане не выявлено. Однако пещерные местонахождения в Гхар-и-Маре и Гхар-и-Аспе

в Балхавской долине в предгорьях Гиндукуша содержат культурные слои, датируемые V или IV тысячелетием до н.э. (Dupree, 1972). Эти археологические отложения хранят свидетельства о группах людей, пользовавшихся грубо изготовленными гончарными изделиями и бронзовыми артефактами, а также разводивших овец, коз и, возможно, крупный рогатый скот. Сходная схема, датируемая концом III тысячелетия до н.э., выступает в пещерном селении в Дара-и-Кур (так называемый неолитический культ козы; Dupree, 1972), в долине в предгорьях Бадахшана. Эти местонахождения, видимо, бывшие сезонными стоянками древних кочевников-пастухов Северного Афганистана, примечательны ранним появлением сплава меди и олова, представленного некоторыми предметами в Гхар-и-Маре.

Оседлая жизнь в Северном Афганистане с трудом обнаруживается до начала III тысячелетия до н.э., т.е. приблизительно 3 тыс. лет спустя после появления земледельческих поселений в других местах Центральной Азии. Местные сообщества верхней части Амударьинской равнины в V и IV тысячелетиях до н.э. представлены несколькими поселениями на открытом пространстве в дельтах Балхав и Ташкурган. Находки на поверхности земли в поселениях являются преимущественно микролитическими тесными каменными орудиями из отщепов, подобными орудиям, характерными для археологической Кельтеминарской культуры эпохи неолита в Южном Приаралье. Основы жизнеобеспечения этих групп в верховьях Амударьи пока не выявлены, но, вероятно, они включали собирательство диких растений, охоту и, возможно, в некоторой степени земледелие.

Более длительную историю оседлая жизнь имеет, по-видимому, в бассейне р. Гильменд. Самым ясным и наиболее значительным памятником ранней древности является Мундигак, поблизости от нынешнего г. Кандагар. Поселение расположено в долине притока р. Гильменд; потоки, сбегаящие с предгорий, создавали наилучшие из всех возможных условия для древнего земледелия. Кроме того, в окрестных холмах имелись богатые залежи меди, которые стимулировали развитие древней работы с металлами. Не случайно первые поселенцы в Мундигаке в IV тысячелетии до н.э. были знакомы как с земледелием, так и с металлическими орудиями.

В результате раскопок поселения, проведенных Казалем, были выделены семь периодов, каждый из которых состоит из подфаз. Древнейшие слои, Мундигак I–II, дают представление о первоначальном полукочевом становлении и о возникновении поселения с оседлым населением в течение первой половины IV тысячелетия до н.э. Это селение состояло из прямоугольных глинобитных построек, перемежающихся открытыми пространствами, на которых иногда находились специальные устройства, например печи. В последующий период, Мундигак III (конец IV тысячелетия до н.э.), поселение состояло из блоков комнат, иногда оборудованных скамьями и столбами-подпорками; к концу периода появились некоторые более крупные многокомнатные дома. Люди того времени хоронили умерших в оссуариях (представлявших собой кирпичные склепы), в которых погребались по несколько покойников, причем их черепа часто укладывались отдельно у одной из сторон склепа.

С самого начала сообщество в Мундигаке изготавливало из меди орудия труда, оружие и украшения, а из различных камней (как алебастр и стеатит) – сосуды и печати. Металлообработка постепенно усложнялась, и к III периоду были созданы сплавы олова (5%) и меди. Животные и растительные остатки из этих уровней показывают, что основой жизни было выращивание пшеницы и животноводство (разведение овец, коз и крупного рогатого скота). Даже в этих ранних археологических слоях гончарные изделия были разнообразными и указывали на определен-

ное взаимодействие с населением Белуджистана на востоке. Расписная керамика в слое Мундигак III имеет значительную долю геометрического орнамента, весьма похожего на стили, обнаруженные в Белуджистане (кветтская посуда) на востоке и в Туркменистане (геоксюрская керамика) на северо-западе. Реже встречаются и другие стили орнамента, хорошо известные в Белуджистане. Появление экзотического сырья, в особенности в III период, усиливает впечатление об обширных связях; из привозного лазурита (из Бадахшана) и бирюзы (из Кызыл-Кумов) делались бусы, тогда как относящиеся к III периоду изделия из слоновой кости предполагают наличие связей с Индией (Jarrige & Tosi, 1981).

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (ОКОЛО 3000–1800 ГГ. ДО Н.Э.)

В III тысячелетии до н.э. общества бронзового века в Афганистане переживали свой расцвет, в особенности в Северном (Бактрия) и Юго-Западном (Систан) Афганистане. Эти две территории были ареалами весьма своеобразных культур, развивавшихся разными темпами и шедших различными путями. Но несмотря на эту неодинаковость, обеим областям была присуща одна и та же главная особенность – интенсивные связи с соседними регионами.

Северный Афганистан

К концу IV и началу III тысячелетия до н.э. в Бактрии зародилась оседлая жизнь, основанная на поливном земледелии. Лучшее доказательство этого развития было найдено в бассейне р. Талукан в Восточной Бактрии, где французская экспедиция обнаружила оросительную систему, состоявшую из простых каналов; керамика, найденная в прилегающих поселениях, подобна керамике того же времени из бассейна р. Гильменд на юго-западе. Ко второй половине III тысячелетия до н.э. такие оросительные системы достигали 10 км длины (Gentelle, 1989). К поселениям этого времени, открытых на востоке Бактрии, относятся и Шортугай, нижние слои которого содержат скопления артефактов, принадлежащих индской цивилизации – цивилизации долины Инда: расписную керамику, печати, предметы с резными надписями и орнаментом в харапском стиле (Francfort, 1989). Шортугайское поселение, расположенное вдоль Амударьи при впадении в нее р. Кокча, нередко пытаются рассматривать как харапскую торговую колонию или факторию, поскольку его положение открывало доступ к лазуриту Бадахшана и другим рудным и минеральным богатствам Центральной Азии.

К концу III тысячелетия до н.э. в среднем течении Амударьи появились десятки поселений, образовавших отдельные оазисы с искусственным орошением, которые протянулись от Мейманеха на западе через Шеберган к оазисам к северу от Балха. Эти поселения раскинулись вереницей на долинах рек, стекавших с предгорий Гиндукуша на Бактрийскую равнину. Каждое поселение состояло из нескольких десятков домов, построенных из сырых кирпичей одинаковых размеров, со стенами и полами, покрытыми глиной. Отдельные помещения группировались вокруг внутренних дворов и, вероятно, служили жилищами для больших семей. Представители местной знати, державшиеся особняком от прочих членов общины, строили для себя отдельные укрепленные опорные пункты, стоявшие в стороне от обычных жилых домов.

Лавочники, купцы и чиновники местной администрации жили в более крупных поселениях. Монументальные постройки общественного назначения свидетельствуют о

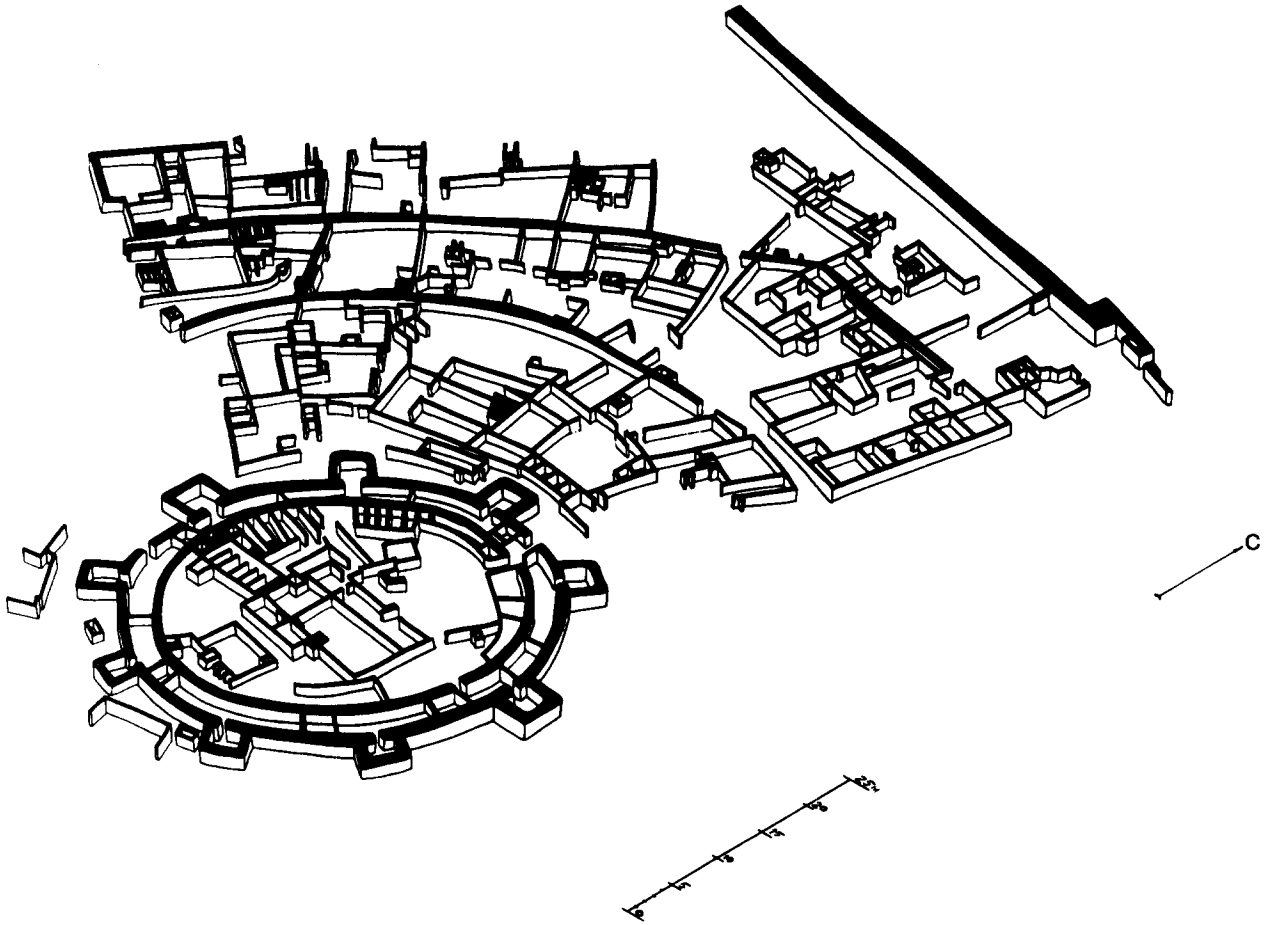

Рис. 36. Аксонометрическая проекция «круглого храма» в Дашли-3, Северный Афганистан

социальной дифференциации. Например, в Дашли-3 существовал целый комплекс монументальных зданий, включавший в себя так называемый круглый храм (рис. 36). Центром этого комплекса было круглое здание с прямоугольными башнями, среди помещений которого находились святилища с приподнятыми платформами и «огненными» алтарями на кирпичных основаниях. От центральной башни по радиусам расходились помещения, в которых жили люди, служившие при храме. Расположенное рядом с первым второе монументальное здание было прямоугольным и представляло собой внутренний двор, по которому были разбросаны небольшие святилища и, предположительно, жилые помещения. Все четыре фасада, обрамлявшие внутренний двор, имели одинаковый план с Т-образными коридорами, разделявшими большие комнаты. Внешний фасад строения был украшен пилястрами, а стены окружал широкий, наполненный водой ров. В результате здание было отделено от окружающего мира и, возможно, представляло собой религиозно-светскую постройку, своего рода бактрийский религиозный и административный центр бронзового века.

Древние бактрийцы хоронили умерших на кладбищах вблизи своих поселений и, значительно реже, среди руин заброшенных селений. Тела умерших укладывали на бок, чаще всего головой на север и с согнутыми руками и ногами. Погребальные приношения, если они были, состояли в основном из большого количества гончарных сосудов и меньшего – единиц оружия и украшений, являющихся артефактами, указывающими на престиж погребенного. В редких случаях элитных погребений тело сопровождали предметы из золота и серебра, чаще всего посуда. В наше время в последние два десятилетия местные жители разграбили многие из этих

кладбищ с целью продажи погребальных даров в Кабуле и других местах; в результате многие из этих предметов перекочевали в собрания больших музеев и в частные коллекции (Pottier, 1984).

Материальная культура Бактрии бронзового века имела много черт, присущих именно этому региону (рис. 37). Гончарные изделия были высокого качества, делались на гончарном круге и обжигались в сложных двухъярусных печах. Как правило, печи устанавливались на окраине селения и часто группировались в одном месте, образуя своего рода квартал гончаров. Данные обстоятельства указывают на то, что торговля гончарными изделиями являлась независимой и весьма специализированной отраслью бактрийской системы хозяйствования. Эти гончары создали изящные и порой причудливые формы посуды, среди которых особенно выделяются вазы и кубки на высоких стройных ножках. Несмотря на тщательную отделку, большая часть керамики оставалась без орнамента, хотя все-таки встречаются немногие примеры процарапанных зигзагов или кругов.

Хотя в бактрийских сообществах продолжали использоваться кремневые орудия из отщепов, в особенности наконечники стрел и сверла, все более обычными становились орудия из металла. Искусные руки древних кузнецов и ремесленников создавали шедевры из металла, отличавшиеся значительным разнообразием. Церемониальные топоры украшались изображениями хищников, вепрей или фантастических животных; тыльная часть одного из таких топоров выполнена в виде фигуры мужчины с двумя орлиными головами, сражающегося с кабаном и крылатым драконом. Бутылочки для благовоний украшались головами животных, а прочие сосуды были терiomорфными, выполненными на высоком художественном уровне.

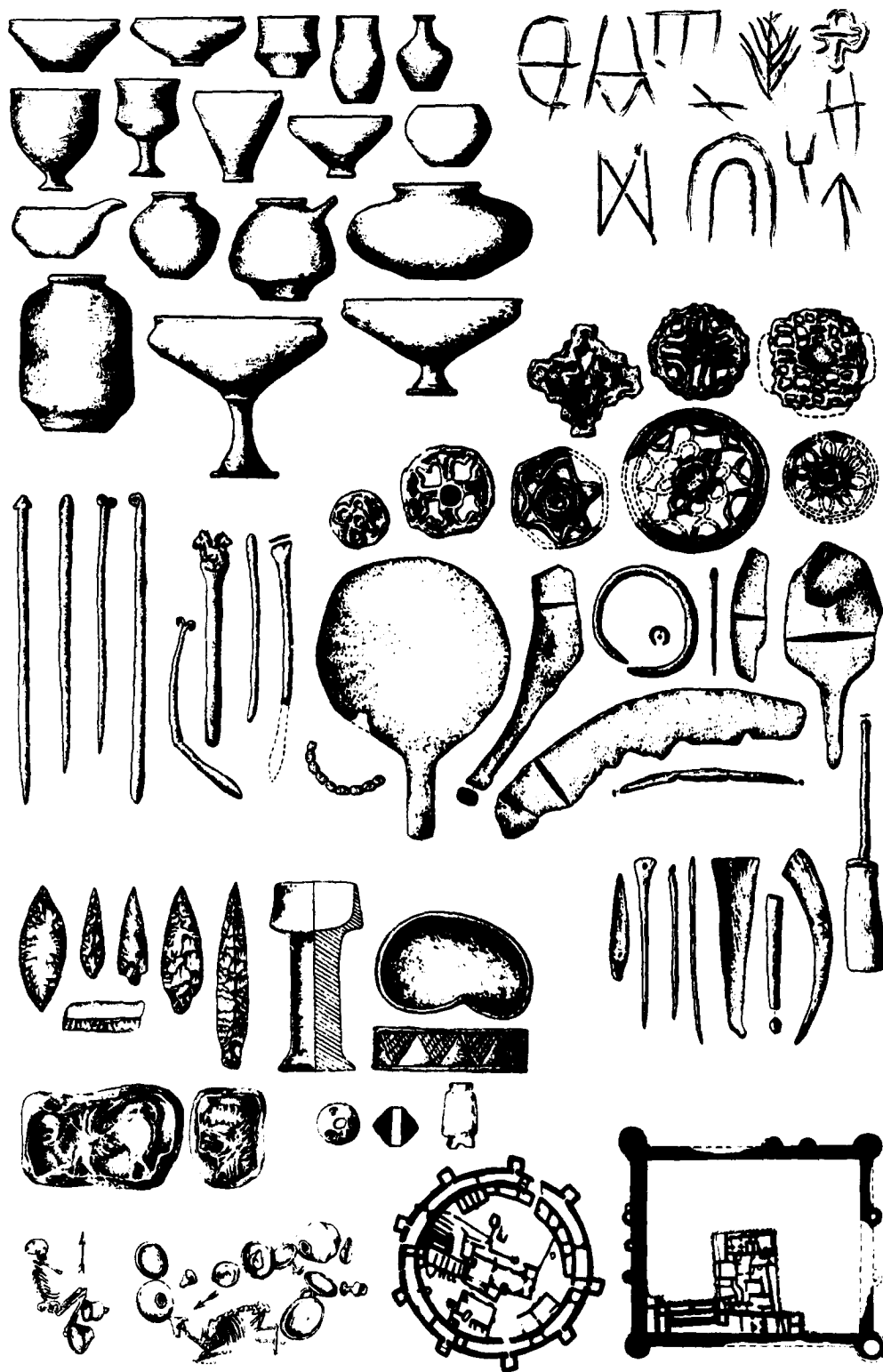

Рис. 37. Артефакты бактрийской культуры

Головки булавок иногда были композициями из птиц, людей и зверей. На ажурных печатях изображались птицы, звери, люди, ретгилии и воображаемые драконоподобные существа; на некоторых печатях изображены крылатые антропоморфные божества с птицеподобными чертами, которые составляли бактрийский пантеон (илл. 101). Разнообразные виды оружия – массивные боевые копья, наконечники дротиков, кинжалы и мечи – делались из металла, также как и использовавшиеся в повседневной жизни зубчатые серпы, бритвы, ножи и вилы. Как правило, ук-

рашения изготавливались из меди, тогда как инструменты и оружие делались из мышьяковистой или оловянистой бронзы. Хотя непосредственные археологические свидетельства на этот счет скудны, широкое применение литья предполагало наличие жаропрочных тиглей, оборудования для разлива металла, литейных форм и печей, температура в которых могла достигать 1100 °С. Технология литья и металлообработки была столь сложной, что некоторые эксперты полагают, будто бактрийские металлурги имели узкую специализацию в пределах этого ремесла.

Художественных вершин в бактрийском бронзовом веке достигла также обработка камня. Помимо разнообразных бутылок для мазей, кубков и прочих каменных сосудов, впечатляющим компонентом бактрийского искусства были каменные амулеты. Часто имевшие резные изображения на обеих сторонах, амулеты представляли как отдельные фигуры, так и более сложные тематические композиции. Последние позволяют заглянуть в духовный мир древней Бактрии, мир, который, видимо, был пронизан дуалистическими представлениями о борьбе сил добра и зла. Камень также использовался для изготовления цилиндрических печатей месопотамского типа, с тщательно вырезанными сложными композициями в бактрийском стиле (илл. 102).

Культура бактрийского бронзового века имеет сильное сходство с современной культурой Маргианы (Мерва) на крайнем юго-востоке Туркмении. Эта общая культура в настоящее время рассматривается как бактрийско-маргианский культурный комплекс (БМКК). Датировка БМКК является спорной: многие археологи бывшего Советского Союза относят его к концу II тысячелетия до н.э., в то время как западноевропейские и североамериканские специалисты все больше склоняются к концу III и началу II тысячелетия до н.э. (*Sarianidi*, 1986; *Amiet*, 1986). Главным вопросом при этих разногласиях является характер отношений с соседними областями: тогда как Сариниди и другие выступают за раннеиранское происхождение БМКК, ученые других стран настаивают на том, что составлявшие БМКК группы населения распространялись в южном направлении в конце III и начале II тысячелетия до н.э. Одним из спорных вопросов является языковая принадлежность народа (народов) БМКК, и некоторые ученые высказывают мнение, что распространение БМКК с севера на юг к границам долины Инда отражает проникновение индоиранской языковой группы в этот регион (*Hiebert & Lamberg-Karlovsky*, 1992).

Бассейн р. Гильменд

В бассейне р. Гильменд и Систане в первой половине III тысячелетия до н.э. происходило развитие крупных городов и важных центров с монументальными общественными зданиями. В Шахр-и-Сохте, в Иранском Систане, в III тысячелетии до н.э. возник город, занимавший, возможно, площадь около 100 га, внезапно исчезнувший в конце того же тысячелетия. В бассейне Гильменда, в Афганистане площадь, занимаемая поселением Мундигак в период IV–I, расширилась до 15 гектаров. К архитектуре этого периода относятся монументальные здания на всех возвышенных точках этого поселения. Одна из этих построек, называемая дворцом, представляет собой массивную стену из обожженного кирпича, наполовину состоящую из колоннады, с дверными проемами, ведущими в комплекс внутренних помещений. Это строение подверглось ряду перестроек, кульминацией которых стало создание сплошной кирпичной платформы (оснащенной лестницей) с внутренней стороны первоначального фасада с колоннами и возведение второй стены с колоннадой, придавшей зданию облик террасного сооружения. Это здание могло быть резиденцией местного правителя. Другое монументальное здание, считающееся «храмом», находилось к востоку от «дворца». Здание представляло собой двойную глухую стену, украшенную остроугольными пилястрами. В пространстве между этими стенами находился внутренний двор и правильно расположенные блоки сообщающихся помещений. В дополнение к этому значительная часть поселения, в том числе «дворец» и, возможно, «храм», а также скудные жилые постройки, были окружены массивной стеной, усиленной контрфорсами и бастionsами. И «дворцом», и «храмом» перестали пользоваться после периода IV–I,

тогда как городская стена и прилегающие к ней жилые здания продолжали использоваться до конца IV периода.

Монументальные здания в Мундигаке указывают на высокий уровень социального развития и на разнообразие административных функций. Артефакты этого периода выявляют четкую преемственность с предшествующим III периодом в использовании материалов, хотя многие виды артефактов (такие, как каменные сосуды, бусы, печати) в IV периоде гораздо разнообразнее по форме, чем прежде. Технические навыки ремесленников Мундигака позволяли поддерживать высокий уровень, достигнутый еще в III периоде, а к ассортименту производимых в мастерских изделий добавились небольшие предметы из железной руды. Найденные в находящемся по соседству поселениях Саид-Кала-Тепе и Дех-Мораси-Гхундай, эти артефакты отнесены к наиболее древним железным объектам (*Shaffer*, 1984).

Мундигак находился в постоянном контакте с окружающими его регионами. Артефакты, и в особенности гончарные изделия, очень близки по стилям к найденным в Шахр-и-Сохте, а оба этих поселения обозначают границы единой в культурном отношении провинции. Сюда продолжают ввозиться те же полудрагоценные камни и другое сырье, что и в III периоде, тогда как готовые артефакты (в особенности расписная посуда) по-прежнему отражают активные связи с Белуджистаном. Проведенный анализ показывает, что определенные виды изящной керамики (серая посуда из Фаиз-Мохаммада в Белуджистане, серая посуда из Эмира в Южном Иране) были изготовлены искусными мастерами-гончарами, продукция которых могла вывозиться на большие расстояния. Серая посуда из Фаиз-Мохаммада, например, перемещалась из центров производства в Качи (Белуджистан) в Шахр-и-Сохту (*Wright*, 1989), а также появлялась в Мундигаке. Другие предметы также явно восточного происхождения, например, некоторые глиняные статуэтки, выполненные в белуджистанском стиле, и головы людей в натуральную величину из известняка, очень похожи на произведения цивилизации долины Инда.

II ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э.

Во II тысячелетии до н.э. произошли огромные перемены в Центральной Азии, Иране и на Инде. Одни поселения в этих регионах были покинуты, а другие значительно уменьшились в размерах. В то же время прервались или резко изменили свой характер международные связи. Этот период был отмечен приходом в Афганистан народов с иными культурными традициями.

В Бактрии в конце первой четверти II тысячелетия исчез БМКК и появилась новая культура. Эта новая культура, характерной чертой которой была изготовленная вручную, иногда украшенная керамика, относится специалистами ко второй половине II тысячелетия и лучше всего представлена в местонахождении Тилль-Тепе возле города Шейберган в Северном Афганистане. В результате раскопок в Тилль-Тепе было обнаружено большое здание храмового типа, возведенное на высокой кирпичной платформе. Храм состоял из просторных залов, крыши которых поддерживались прямоугольными колоннами. В центре главного зала стоял ступенчатый алтарь, на нем горел огонь. Само поселение располагалось вокруг храма. Второе поселение, населенное племенами, которые изготовляли расписную керамику, находилось между городами Мазари-Шариф и Ташкурган (Хульи), в деревне Найбабад; это поселение связано с последней стадией пребывания этих племенных групп в Бактрии. Проживая бок о бок с местными племенами, народ «расписной керамики» был постепенно ассимилирован, и к середине I тысячелетия до н.э. обнаруживается единство в общем облике местной культуры.

В области Гильменда и Сеистана многие поселения исчезли; Мундигака, по-видимому, был временно оставлен. При последующем заселении Мундигака (в период V) над дворцом IV периода была возведена монументальная платформа с сообщающимися небольшими помещениями; назначение этого монумента остается неясным. Следующий, VI период был временем растущего запустения, но вместе с тем и все большего распространения технологии обработки железа. Керамика и многие другие артефакты этих периодов заметно отличаются от тех, что производили более ранние поселенцы Мундигака. Керамика V периода, как правило, грубая, ручной работы и примитивно украшенная, имеет некоторое сходство с керамикой из Чустского поселения эпохи бронзы близ г. Чуст в Ферганской долине в Узбекистане, тогда как глиняная посуда VI периода напоминает в некоторых отношениях керамику поселения железного века Яз I в Туркменистане. Мундигака, однако, остается единственным раскопанным поселением в регионе, и общество этого времени остается практически неисследованным. Поселения, по-видимому, почти полностью отсутствовали до I тысячелетия, когда произошло доахеменидское заселение таких мест, как Кандагар и Нади-Али (Whitehouse, 1978; Dales, 1977). Эти новые поселения стали предвестниками еще более заметного возобновления городской жизни в последующие исторические периоды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бронзовый век Афганистана ни в культурном, ни в социальном отношении не проявился как единый феномен, он, скорее, был ограничен территориями с наибольшим земледельческим потенциалом – в регионах Бактрии и Гильменда-Систана. Культуры бронзового века в этих двух областях различались основными чертами и хронологией развития. В то же время обоим регионам присуще большое количество общих базовых характеристик. Культуры бронзового века были тесно связаны с культурами соседних регионов: Бактрия – с Туркменией и другими территориями Центральной Азии, Гильменд – с Восточным Ираном и Белуджистаном. Эти связи отражают географическое положение Афганистана между центрами социального развития Древнего Мира, в особенности между долиной р. Инд, Туркменистаном и Восточным Ираном. Кроме того, в Афганистане имелось значительное количество драгоценного и полудрагоценного сырья, которое высоко ценилось в Древнем Мире, в том числе лазурит и серебро, а также медь, олово и разнообразные полудрагоценные камни. Общества бронзового века в Афганистане держали под контролем торговые пути, связывавшие цивилизации Западной, Центральной и Южной Азии. Археологические данные бронзового века Афганистана отражают интенсивное взаимодействие удаленных регионов, проявившееся как в использовании экзотических стилей и сырья при изготовлении некоторых артефактов, так и в развитии сложных обществ с внутренней дифференциацией.

Это международное взаимодействие не только принесло выгоды культурам бронзового века, но и оборачивалось бедствиями для них. С началом II тысячелетия до н.э. стали разлагаться городские общества Ирана, Центральной Азии и долины Инда, и интенсивность торговых и прочих связей между этими регионами резко ослабла. Общества бронзового века на территории Афганистана, лишившись выгод своего географического положения, стали

приходить в упадок. По археологическим данным, несмотря на их скудость для этих «темных столетий», II тысячелетие до н.э. было в Центральной и Южной Азии временем широкомасштабных миграций, в особенности народов, говорящих на индоарийских языках. Когда эти этнические перемещения к концу II тысячелетия до н.э. замедлились, центры цивилизации были восстановлены, а межрегиональное движение товаров вновь увеличилось. При этих обстоятельствах в Афганистане вновь начался расцвет городов по тем же самым причинам, что и в бронзовом веке. Это развитие в железном веке в Афганистане и вокруг него создало тот мир, с которым позднее, в I тысячелетии до н.э., столкнулись персы, а затем и греки во время своих имперских продвижений на восток.

БИБЛИОГРАФИЯ

- САРИАНИДИ В.И., 1972. Раскопки Тиль-Тепе в Северном Афганистане. – М.
- 1975. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа. – М. АМЕТ, P. 1986. L'Age des échanges inter-iraniens. Paris.
- CASAL, J.-M. 1961. Fouilles de Mundigak. Paris.
- DALES, G. 1972. Prehistoric Research in Southern Afghan Seistan. Afghanistan (Kabul), Vol. 25, No. 4, pp. 14–40.
- 1977. New Excavations at Nad-i Ali (Sorkh Dagh), Afghanistan. Berkeley, Calif.
- DUPREE, L. 1963. Deh Morasi Ghundai: A Chalcolithic Site in South-Central Afghanistan. Anthropol. Pap. am. Mus. nat. Hist. (New York), Vol. 50, No. 2.
- 1972. Prehistoric Research in Afghanistan (1959–1966). Trans. am. philos. Soc. (Philadelphia, Pa.), Vol. 62, No. 4.
- FAIRSERVIS, W. 1952. Preliminary Report on the Prehistoric Archaeology of the Afghan-Baluchistan Areas. New York. (Am. Mus. Novit., 1587)
- 1961. Archaeological Surveys in the Seistan Basin of South-western Afghanistan and Eastern Iran. Anthropol. Pap. am. Mus. nat. Hist. (New York), Vol. 48, No. 1.
- FISCHER, K. 1973. Archaeological Field Surveys in Afghan Seistan, 1960–1970. In: HAMMOND, N. (ed.), South Asian Archaeology 1971. Park Ridge, N.J. pp. 131–155.
- FRANCFORT, H.-P. 1989. Fouilles de Shortugai. Paris.
- GENTELLE, P. 1989. Données paléogéographiques et fondements de l'irrigation. Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Paris.
- HAMMOND, N. 1970. An Archaeological Reconnaissance in the Helmand Valley, South Afghanistan. East West (Roma), Vol. 20, pp. 437–459.
- HIEBERT, F. T.; LAMBERG-KARLOVSKY, C. C. 1992. Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands. Iran (London), Vol. 30, pp. 1–15.
- JARRIGE, C.; TOSI, M. 1981. The Natural Resources of Mundigak. In: HARTEL, H. (ed.), South Asian Archaeology 1979. Berlin, pp. 115–42.
- POTTIER, M.-H. 1984. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'âge de bronze. Paris.
- SARIANIDI, V. 1986. Die Kunst des Alten Afghanistan. Leipzig.
- SHAFFER, J. 1971. Preliminary Field Report on Excavations at Said Qala Tepe. Afghanistan (Kabul), Vol. 24, No. 2–3, pp. 89–127.
- 1984. Bronze Age Iron from Afghanistan: Its Implications for South Asian Protohistory. In: KENNEDY, K.; POSSEHL, G. (eds), Studies in the Archaeology and Palaeoanthropology of South Asia. New Delhi, pp. 41–62.
- WHITEHOUSE, D. 1978. Excavations at Kandahar, 1974. Afghan Stud. (London), Vol. 1, pp. 1–35.
- WRIGHT, R. 1989. New Perspectives on Third Millennium Painted Grey Wares. In: FRIFELT, K.; SORENSEN, P. (eds), South Asian Archaeology 1985. London, pp. 137–147.

АРАВИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Абдул Рахман Ал-Ансари

Аравийский полуостров, который обычно представляют как полностью песчаную пустыню, на самом деле отличается заметным природным разнообразием. В самых общих словах оно может быть сведено к четырем типам ландшафта, каждый из которых предполагает различные возможности для жизни людей. Горы занимают территорию большей или меньшей протяженности вдоль западного (Хиджазское и Асирское нагорья) и южного (Йеменские горы, горы Джабаль-Кара, Джебель-Ахдар) побережий. Высота этих нагорий превышает 1000 м над уровнем моря, а во многих местах (особенно в Йемене) достигает 3000 м. Горы зачастую лучше снабжены водой, чем прочие части Аравии, что способствовало развитию здесь земледелия в горах и предгорных вадий (сухие долины, заполняющиеся водой после дождей). Юго-западная часть полуострова находится в зоне муссонных летних дождей.

Границами полуострова с трех сторон являются Персидский залив, Индийский океан и Красное море. Протяженные береговые линии создают разнообразие приморских природных условий и обеспечивают морские пути в другие страны. Однако тянущиеся вдоль берегов Аравии горы нередко затрудняют доступ к побережью и оставляют лишь относительно узкие прибрежные низменности, такие как Тихама у южной части Красного моря и Батинах у Оманского залива. С другой стороны, берега Персидского залива на довольно широком пространстве остаются низкими и плоскими. Хотя в области залива выпадают лишь небольшие зимние осадки, такие области, как Хуфуд и Бахрейн, хорошо обеспечены артезианскими источниками воды, которая поддерживает весьма интенсивное земледелие.

Внутренние области Аравийского полуострова заняты песчаными пустынями и каменистыми равнинами. К песчаным пустыням относятся Руб-эль-Хали и Вахиба на юге, Нефуд на севере и небольшие дюнные зоны повсюду в других местах. Для топографии в целом характерно понижение высоты от гор на западе к низкому берегу на востоке. Отдельные крутые откосы, в особенности горы Тувайк к югу от Эр-Рияда, наряду с многочисленными меньшими возвышенностями иногда прерывают это понижение, в котором имеются также мелкие впадины, где располагаются города-оазисы. Города-оазисы имеются и в протяженных вадиях, которые пересекают внутренние области и соединяют их с окружающим миром (например, Батин-Вади или система Румах, которая протянулась от г. Хайбар в Южном Хиджазе до Кувейта; впадина Вади-Сирхан, которая тянется от региона у г. Эль-Джауф до Палестины).

Иногда природные условия способствуют оседлой жизни, основанной на земледелии и торговле; в других случаях они в большей степени пригодны для животноводства и охоты. Со времени появления на полуострове земледелия человеческим сообществам Аравии были присущи в одно и то же время различные образы жизни, соответствовавшие разнообразным сочетаниям исторических и природных обстоятельств. В период, рассматриваемый

в данном разделе, приблизительно с 3000 по 700 г. до н.э., сочетание большей обеспеченности водой и более легкого доступа в окружающий мир способствовало становлению в некоторых областях городской жизни и сложных политических отношений, тогда как прочие части Аравии, лишенные этих преимуществ, заметно отставали.

«НЕОЛИТИЧЕСКИЕ» ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время на Аравийском полуострове выпадает очень мало дождей, за исключением одного лишь гористого юго-запада (Йемен и Южный Асир), который находится в области муссонов. В прошлом природные условия не всегда были столь суровыми. В период с 9000–8000 г. до приблизительно 4000 г. до н.э. область летних муссонов находилась севернее, а зимние грозы на Средиземноморье были несколько сильнее, что давало большее количество осадков, чем сегодня. Следствием такого благоприятного климата стало появление сезонных озер (пляя) и покрытых травой земель даже посреди пустынь (McClure, 1976; Hotzl et al., 1984). Более густая растительность давала пропитание сравнительно большим стадам скота (дикий бык, газель, орикс, или сернобык) и людям, которые потребляли и животную, и растительную пищу. Следы этих человеческих сообществ, представленные в основном оставшимися после них каменными орудиями, встречаются по всему полуострову. Каменные орудия относятся к двум хорошо выявленным традициям, ранняя из которых характеризуется пластинчатыми, а поздняя – двусторонними орудиями.

Производство каменных орудий из пластин известно в разных областях полуострова. На северо-востоке Саудовской Аравии обнаружено много поселений, где существовало производство каменных орудий из отщепов, сравнимое по технологии и типологии форм с тем, которое было развито в Леванте (Zarins, 1992); похожие орудия появляются и в Катаре (Kapel, 1967). Менее выявлены следы производства орудий из пластин, которые встречаются вдоль южного края гор Тувайк, а также в Дофаре и на востоке полуострова, на территории Омана. На основании сравнения с археологической последовательностью Леванта эти орудия могут быть датированы VIII или VII тысячелетием до н.э. Скучные свидетельства о хозяйственной ориентации этих аравийских сообществ указывают на то, что их составляли перемещавшиеся охотники и собиратели – в отличие от более оседлых земледельцев того же времени на севере.

Следы аравийской традиции изготовления бифасов – двусторонних орудий встречаются на большей части полуострова, в разнообразной природной среде (побережья, глубокие пустыни, предгорья). Эта традиция представлена большим числом региональных вариантов, которые, хотя и не вполне изучены в деталях, могут быть отнесены к VI, V и, вероятно, к IV тысячелетиям до н.э. Традиционное

производство, пожалуй, лучше всего известно по Руб-эль-Хали, так называемому неолиту Руб-эль-Хали, где вдоль берегов сезонного озера-плай обнаружено значительное количество использованного каменного материала (*Edens*, 1982). Несмотря на название – неолит и на найденные здесь точильные камни, хозяйственная жизнь, по-видимому, оставалась ориентированной на кочевой промысел животных пустыни (газелей и диких лошадей) и сбор дикорастущих растений. Лишь в конце IV тысячелетия до н.э. в некоторых поселениях появились одомашненные животные, в особенности в Эль-Мархе в Бахрейне (*Roaf*, 1976). В местах, связанных с традицией изготовления орудий из бифасов, иногда встречаются постоянные каменные постройки.

Аравийская традиция бифасов на южном побережье Персидского залива примечательна своей связью с убейтской керамикой. Эта керамика, найденная в поселениях, датируемых концом VI и V тысячелетий, в восточной части Саудовской Аравии, Бахрейне, Катаре и Эмиратах (*Masry*, 1974; *Oates et al.*, 1977), указывает на интенсивное взаимодействие со все более усложняющимися обществами Месопотамии. Во многих из этих поселений были овцы, козы и крупный рогатый скот, вероятно, домашние, но утверждать это с полной определенностью нельзя (*Masry*, 1974). Хотя природа этого взаимодействия остается спорной, благодаря ему развивались обширные торговые связи, о чем свидетельствуют куски обсидиана из Анатолии, которые время от времени находят в регионе Персидского залива. В то же время торговыми отношениями с прилегающими регионами были связаны и другие области Аравии: в регионе пустыни Руб-эль-Хали и в провинции Саудовской Аравии Неджде были в обращении обсидиан из Йемена и морские раковины с берегов Индийского и Тихого океанов. Это взаимодействие с окружающим миром способствовало появлению в Аравии домашних животных и заложило основы для развития торговли в бронзовом веке.

В этот период в Аравии также зарождается, хотя и менее известное нам, производство каменных орудий не из бифасов. Различные его виды появляются во многих горных областях, в особенности на юго-западе Аравии и на Оманском полуострове. Эта «горная неолитическая традиция», предположительно датируемая 6000–3000 гг. до н.э., возможно, отражает способы использования природного потенциала гор полуострова. В одном из отнесенных к этой традиции поселений в Северном Йемене обнаружен десяток овальных в плане хижин на каменных фундаментах (*Fedele*, 1988). Похожие на них небольшие круглые жилища из камня представлены в других поселениях той же культуры в Асире и Омáne. Хотя охота продолжала оставаться одним из важных источников продовольствия, в некоторых поселениях IV тысячелетия до н.э. в горном Йемене началось разведение крупного рогатого скота.

На южном побережье Аравии также наблюдаются разнообразные способы культурной адаптации, отразившиеся в оснащении местного населения. В ходе исследований на Оманском полуострове и на низменности Тихама были обнаружены многочисленные скопления раковин морских моллюсков, относящиеся к среднему голоцену. Материальный состав этих скоплений отличает здешние поселения от поселений в других местах Аравии. Данные радиоуглеродного анализа относят эти скопления в основном к концу VI–IV тысячелетия до н.э., хотя многие продолжали использоваться как свалки и в III тысячелетии до н.э. Население этих районов приспособлялось к местным условиям, так что общины на территории Эмиратов специализировались на охоте на морских млекопитающих; на территории Омáne сочетали прибрежное рыболовство и ловлю рыбы в открытом море со сбором моллюсков; на территории Тихамы охотились в мангровых зарослях и т.д.

Из всех этих мест наиболее тщательно изучены скопления в Куруне (Эль-Хамра) недалеко от г. Маскат в Омáne (*Biagi et al.*, 1984, 1989). Итальянские раскопки выявили здесь последовательность поселков, состоявших из непрочных построек, более долговечных ям-складов, и нескольких кладбищ. Помимо изготовления орудий из отщепов о приморской ориентации хозяйственной жизни свидетельствуют обнаруженные в этих скоплениях различные виды рыболовецких крючков и каменных грузил. Море обеспечивало разнообразной рыбой, черепаками, морскими млекопитающими (морскими свиньями и дельфинами) и моллюсками. В то же время были богаты и наземные ресурсы. Помимо остатков дикорастущих растений (в особенности зизифа) и диких животных, скопления в Куруне с конца V тысячелетия до н.э. содержат остатки одомашненных овец и коз, крупного рогатого скота и сорго. Оттаявшая пока меньшим по значению компонентом питания, домашние растения и животные в сочетании с обильными морскими продуктами обеспечивали более оседлое существование, предшествовавшее появившимся здесь земледельческим сообществам начала бронзового века. Одомашнивание животных засвидетельствовано и в других прибрежных местностях, особенно оно заметно в южной части Красного моря.

В течение IV тысячелетия до н.э. северо-запад Аравии относился к пустынному сирийско-палестинскому региону. Вдоль северного края песчаной пустыни Большой Нефуд появились небольшие разбросанные поселения с характерными для них круглыми каменными постройками. Связанная с ними керамика и каменные орудия из отщепов сопоставимы с образцами более северной культуры медно-каменного века. По всему региону появляется большое количество каменных охотничьих ловушек, похожих на сооружения, найденные на р. Иордан и в других местах; принадлежавшие одному охотнику ловушки занимают порой несколько километров в длину. В Раджаджиле, у г. Джауф, имеются группы ортогостатов из песчаника, установленных на платформах из валунов; вокруг этих монументов найдена та же керамика и отщепы из камня (*Zarins*, 1979). Более поздние мегалитические монументы могли служить площадками для ритуальных обрядов, бывших, возможно, выражением усложнявшихся политических отношений в регионе.

Хотя от добронзовых культур Аравийского полуострова осталось немного впечатляющих монументов и других артефактов, можно утверждать, что они заложили основы расцвета в бронзовом веке. Большую часть групп тогдашнего населения составляли охотники и собиратели, которые вели сравнительно изолированное существование во внутренних областях Аравии. Некоторые новшества, однако, являлись предвестниками последующих достижений. Появление культурных знаков и стад скота закладывало, пусть и не вполне определенный, хозяйственный фундамент оседлой жизни на полуострове, тогда как усложнение техники рыболовства обеспечивало основные ресурсы питания на побережье. Потребность в ловле рыбы в открытом море способствовала развитию «лодочной навигации»; хотя фактических свидетельств на этот счет не имеется, улучшения в конструкции лодок несомненно имели своей целью также перемещения вдоль берегов людей и товаров. На эти перемещения указывает распространение сорго в южных прибрежных областях и проникновение убейтской культуры в регион Персидского залива. К другим свидетельствам связи с удаленными регионами можно отнести появление раковин из Персидского залива в неолитических поселениях Месопотамии, встречающиеся временами в районе Персидского залива куски обсидиана из Анатолии и перемещения обсидиана из Йемена по всему полуострову, а также появление небольшого количества морских раковин во внутренних районах.

НАЧАЛО БРОНЗОВОГО ВЕКА (3000–2400 ГГ. ДО Н.Э.)

Вплоть до конца IV тысячелетия до н.э. различные культуры Аравийского полуострова были во многом сходны по своим хозяйственным и социальным ориентациям, обусловленным местными природными ресурсами; представлявшие их небольшие группы переходили с места на место, чтобы воспользоваться теми или иными сезонными преимуществами. Около 3000 г. до н.э. в различных местах полуострова стали появляться постоянные земледельческие сообщества, и за этим вскоре последовали серьезные социальные изменения, а связи с остальными частями Западной Азии сделались более интенсивными. Впервые эти общества бронзового века оформились в Юго-Восточной и Восточной Аравии, а затем (к третьей четверти III тысячелетия до н.э.) и в Южной Аравии.

В других местах охотничий и скотоводческий способы адаптации просуществовали в течение тысячелетий. От этих сообществ осталось мало заметных археологических следов, за исключением наскальной живописи (илл. 103). За несколько десятилетий исследований были выявлены региональные стили и составлена приблизительная хронологическая последовательность (*Anati*, 1968–1972). Большой частью эта наскальная живопись отражала жизнь охотничьих сообществ, которая в первую очередь была связана с крупным рогатым скотом горных областей, а также с такими животными, как верблюд, орикс, курдючная овца, каменный козел. Хотя некоторые из нарисованных быков были идентифицированы как одомашненные (*Anati*, 1968–1972), доступная археологическая информация связана с охотой на дикие виды. Курдючная овца могла быть одомашнена во II тысячелетии до н.э. (*Anati*, 1968–1972), хотя это утверждение вызывает споры. Для некоторых групп арабов охота до недавнего времени оставалась главным видом деятельности.

Юго-Восточная Аравия

В ходе раскопок французских исследователей в местонахождении Хили 8 в оазисе Эль-Эйн–Бурейми (внутренняя часть Абу-Даби) было обнаружено раннее земледельческое сообщество, сформировавшееся к концу IV тысячелетия до н.э. Поселение состояло из домов, расположенных вокруг квадратной башни из необожженного кирпича, окруженных кольцевым рвом; в центре башни находился глубокий колодец. Были обнаружены следы зерен злаков (ячмень, пшеница и сорго), дынь и фиников; разводили здесь в основном крупный рогатый скот (некоторые кости сохраняют признаки его использования в качестве тягловой силы), а также овец и коз. Среди небольшого количества керамики этого поселения имеется один сосуд, возможно, месопотамского происхождения. Медь в поселении обрабатывалась в незначительном объеме, изделия из нее предназначались, очевидно, для местных нужд. Первоначальное поселение в Хили 8 остается в Юго-Восточной Аравии не имеющим аналогов, хотя известны относящиеся к тому же времени скопления раковин; скопление в Эль-Хамра содержит также небольшое количество керамики, очевидно, связанной с Белуджистаном (*Cleuziou*, 1982; *Cleuziou & Tosi*, 1989).

Вблизи Джебель-Хафит и в других местностях Оманского полуострова были обнаружены погребения конца IV тысячелетия до н.э. (*Frifelt*, 1975). Эти гробницы представляют собой однокамерные пирамиды с тонкими каменными стенами; доступ в маленькую камеру открывался через боковой проход. Хотя в большинстве гробниц находили лишь одного или двух погребенных, в некоторых их было больше (по-видимому, до пяти–шести).

Погребальный инвентарь включал гончарные изделия, формы и роспись которых весьма напоминают месопотамскую посуду из Джамдет-Насра и посуду I раннединастического периода (*Potts*, 1986).

К середине III тысячелетия до н.э. источников информации становится больше – в некоторых поселениях (например, в Умм-ан-Нар, Ганада) появляется месопотамская посуда II и III раннединастических периодов (*Frifelt*, 1975; *Tikriti*, 1985). Около 2500 г. до н.э. появился самобытный вид керамики с черной росписью – стиль Умм-ан-Нар, который просуществовал до конца III тысячелетия. Этот стиль имеет одинаковые черты с керамикой Юго-Восточного Ирана и знаменует начало широкого распространения глиняной посуды в Юго-Восточной Аравии. Более поздним по сравнению с хафитским типом погребений является могила в форме улья с характерными многочисленными концентрическими стенками на низкой платформе. Впервые выявленные в Бате (*Frifelt*, 1975), эти гробницы появляются во многих местах Оманского полуострова и также содержат гончарные изделия месопотамского типа.

Восточная Аравия

Сведения о Восточной Аравии этого периода остаются недостаточными. Хотя по следам на поверхности земли или разграбленным руинам выявлено большое количество поселений, раскопаны из них лишь немногие; к последним относятся самые нижние слои в Кала'ате и Барбаре в Бахрейне, поселки Рамад и Умм-ан-Нусси в Саудовской Аравии и погребения в Бахрейне и Абкайке (Саудовская Аравия). Из-за отсутствия соответствующего материально-контекста рассматривать историю этого региона приходится главным образом на основе сравнения стилей.

Во многих местонахождениях на побережье Персидского залива, в том числе в нескольких из поселений, относящихся к убейтской культуре, найдена керамика, которую можно сравнить с месопотамской посудой культуры позднего Урука на протяжении раннединастических периодов (около 3400–2400 гг. до н.э.). Хотя большую часть материалов следует отнести к концу этого временного промежутка, некоторые более старые материалы, которые появляются в Восточной Аравии (позднеурукская печать, несколько печатей джамдет-насрского стиля и раскрашенные черепки, а также керамика джамдет-насрских типов), относятся ко II раннединастическому периоду. Материалы, относящиеся к III раннединастическому периоду, более многочисленны – это гончарные изделия, каменные сосуды с резными орнаментами межрегионального стиля и ряд скульптурных произведений (*Zarnis*, 1989; *Potts*, 1992). В некоторых из этих поселений также найдена керамика умм-ан-нарского периода (не ранее чем около 2500 г. до н.э.), в особенности в слоях «прагорода I» в Кала'ат-эль-Бахрейн, и в погребальных остатках Абкайка и Таруга. В большом количестве эти материалы найдены на материке и о. Тарут.

О хозяйственной жизни этой культуры Персидского залива известно сравнительно мало. При раскопках в Умм-ан-Нусси и Рамаде найдено небольшое количество образцов фауны – преимущественно остатки овец, коз и еще меньшего количества крупного рогатого скота и свиней; первые и вторые определенно были одомашнены. Каменное производство этих поселений часто представлено лезвиями серпов из пластин, что указывает на возможное выращивание злаков. Рост числа иноземных артефактов в Персидском заливе в середине III тысячелетия до н.э. свидетельствует о расширении связей с окружающими регионами. Вместе с тем поселения и людские сообщества остаются довольно незначительными и разобщенными.

Южная Аравия

До 1980-х гг. истоки цивилизации Южной Аравии оставались совершенно неизвестными. Лишь археологические исследования в Йемене положили начало изучению южноаравийского бронзового века. Эта культура бронзового века впервые была открыта в горных вади к юго-востоку от Саны, где обнаружено более 30 местонахождений, относящихся к III тысячелетию до н.э. Впоследствии похожие местонахождения были обнаружены и в других местах Йеменского нагорья.

Раскопки в некоторых из этих пунктов возле Саны выявили небольшие поселки, состоявшие из многокомнатных построек, окружавших внутренние дворы. Хотя большинство из этих строений похоже по размерам, в ряде случаев одно является большим по размеру, чем остальные, и имеет несколько иное внутреннее устройство; эти представлявшие собой исключение здания могли быть общинными ритуальными центрами или резиденциями высокопоставленных лиц.

Общины разводили овец, коз и в меньшем количестве крупный рогатый скот, свиней и ослов. Следы от зерен на гончарных изделиях позволяют предположить, что в земледелии ячмень преобладал над пшеницей, кроме того, выращивались сорго и просо, а также овес и тмин (Maigret, 1990).

Датировка бронзового века Южной Аравии основана на сравнительно небольшом числе радиоуглеродных анализов. Древнейшие из этих дат относятся к третьей четверти III тысячелетия, а культурный комплекс мог сформироваться уже около 2900 г. до н.э. Те же самые культурные характеристики сохранялись до конца III и в первые века II тысячелетия до н.э. Культура бронзового века Южной Аравии, вероятно, развилась на основе самобытных неолитических традиций, представители которых продолжали населять равнину Тихама вдоль побережий Красного моря и Аденского залива. В керамике можно обнаружить некоторые параллели с Сирией и Палестиной периода IV раннего бронзового века (Maigret, 1990), однако по данным радиоуглеродного анализа эти параллели не связаны с происхождением культуры бронзового века в Южной Аравии.

РАСЦВЕТ БРОНЗОВОГО ВЕКА (2400–1800 ГТ. ДО Н.Э.)

В течение бронзового века Восточная Аравия и Юго-Восточная Аравия имели прямые торговые связи с Месопотамией и долиной Инда, а также опосредованные связи с более отдаленными странами. Хотя эта торговля отражена в археологических находках, клинописные тексты Месопотамии добавляют важные детали (Leemans, 1960; Pettinato, 1972; Heimpel, 1987). Многие тексты касаются торговых и иных отношений с Дильмуном, Маганом и Мелухой. Страна, носившая название Дильмун, это современный Бахрейн и соседние материковые территории; Маган, возможно, имеет отношение к землям по обеим сторонам Ормузского пролива (в том числе на Оманском полуострове), а Мелуха, вероятно, относится к региону Инда. Хотя эти области обменивались очень многими экзотическими товарами, основными объектами торговли была медь из Магана и ткани и зерно из Месопотамии. Дильмун в свою очередь обычно выступал в качестве промежуточного пункта и посредника в этой торговле. Помимо укрепления торговых связей с окружающим миром, система обмена также делала общества Персидского залива объектами внешних культурных воздействий, что обнаруживается в произведениях искусства.

Развитие ускорилось и в других, хотя и не во всех областях Аравии. Культура бронзового века в Южной Аравии в

течение этого периода, по-видимому, изменилась в очень малой степени. Более того, на обширных пространствах внутренних областей полуострова образ жизни кочевых пастухов и охотников-собираателей по сравнению с предшествующими периодами почти не изменился.

Юго-Восточная Аравия

Этот период включает большую часть умм-ан-нарского (около 2500–2000 гг. до н.э.) и первую часть вади-сукского (около 2000–1300 гг. до н.э.) периодов. Поселения конца умм-ан-нарского периода распространены на Оманском полуострове, особенно вдоль внутренних предгорий. Поселки внутренних областей обычно состоят из многочисленных замкнутых жилых групп в пределах одного округа; каждая такая группа расположена вокруг одной или нескольких круглых башен. Поселки обычно имели кладбища (зачастую на более высоком месте) и устройства для регулирования водных потоков, т.е. черты, присущие оазисным поселениям (Tosi, 1975; Cleziosi, 1980). Также распространены прибрежные поселения, характерным примером которых является Умм-ан-Нар; для этих поселений характерно большинство тех же особенностей, что и для поселений во внутренних областях: башни, кладбища и устройства для водного контроля. Обнаружены изолированные башни, скопления раковин, промежуточные пастушеские стоянки, медные копии и прибрежные торговые пункты, т.е. места, где осуществлялись особые виды деятельности. Торговые пункты, представленные поселением Рас-аль-Джунейез, отражают интенсивную торговую связь с долиной Инда и другими соседними регионами.

Являющиеся заметной чертой ландшафта и легко доступные захоронения бронзового века привлекали серьезное внимание археологов. Умм-ан-нарские захоронения представляют собой круглые каменные пирамиды с внутренними камерами, облицованные тесанным камнем или другими отделочными камнями и сооруженные на низких каменных платформах. В отдельных случаях на внешней стороне гробниц появляются рельефы с изображениями животных. Гробницы использовались многократно, о чем свидетельствуют останки от пятидесяти до нескольких сотен умерших. Погребальный инвентарь включал керамику различных стилей, резные каменные сосуды, украшения и некоторые металлические изделия. Появляются формы и декоративные стили керамики, которые отражают связи с пограничными индоиранскими землями. Гробницы вади-сукского периода, хотя и были также построены из камня, в целом были выполнены менее тщательно, чем умм-ан-нарские, и часто принимали форму длинных камер с закругленными концами и боковым входом, иногда окруженных второй кольцевой стеной (Donaldson, 1985; Vogt & Franke-Vogt, 1987).

Характерное расположение и устройство поселений позволяют предположить, что в центре умм-ан-нарского хозяйствования стояло оазисное земледелие. Сельское хозяйство было связано с различными устройствами, включавшими дамбы, каналы и колодцы как для подачи воды на поля, так и для отвода разлившихся вод с полей. Среди выращиваемых растений были злаковые (пшеница, ячмень, сорго) и плодовые деревья (в частности, финики); присутствие сорго подразумевает сравнительно интенсивное земледельческое производство (двойной урожай). Эти сообщества также разводили животных, включая овец и коз, ослов и крупный рогатый скот, причем два последних вида использовались в качестве тягловой силы. Имелись верблюды, о чем свидетельствует небольшое количество костных остатков (особенно в Умм-ан-Нар) и рельефы на гробницах. Вопрос об одомашнивании или приручении верблюдов в Аравии III тысячелетия до н.э. вызывает серьезные споры. Он имеет огромное значение вследствие

чрезвычайной роли, которую сыграло одомашнивание верблюда для пастушества, торговли и военного дела всей Западной Азии.

В некоторых местах сохранились свидетельства о двух видах металлургического производства. Обработка меди производилась во многих поселениях, подобных Хили 8, где наличие шлака, а иногда и литейных форм указывает на существование мелкого производства медных предметов для нужд местной общины. С другой стороны, добыча меди и производство слитков встречаются реже. Одним из таких мест является Мейсар I, где немецкими исследователями была выявлена сравнительно простая технология плавления медных руд для получения небольших слитков, имевших форму «булочек», которые затем могли иметь хождение в Омане или использоваться в дальнейшей торговле того времени (Hauptmann, 1985). Помимо гончарных изделий и меди эти сообщества производили и другие характерные изделия, в особенности резные сосуды из хлорита в стиле, широко распространенном в области Персидского залива и в прилегающих регионах.

Восточная Аравия

В течение этого периода центр сосредоточения населения переместился с материковой части Саудовской Аравии на прилегающие острова, в особенности Бахрейн и Файлака. Датские раскопки в Кала'ат-эль-Бахрейне установили базовую стратиграфическую последовательность для этого региона (Bibby, 1970). На месте, впервые заселенном в середине III тысячелетия до н.э. («прагород I»), выросло поселение конца III тысячелетия («город I»), которое заняло к 2000 г. до н.э. территорию около 20 гектаров. В это время город был окружен каменной стеной («город II»); входные ворота и связанные с ними административные постройки контролировали доступ в гавань. Раскопки в Барбаре (Бахрейн) вскрыли последовательный ряд каменных храмов того времени; небольшой первоначальный храм развился в ступенчатую храмовую платформу. Раскопки на о. Файлака открыли в некоторых поселениях образцы жилой архитектуры. Ребристая красная керамика (Hoflund, 1986a) и характерные штемпельные печати (Kjaerum, 1983) стали признаками барбарской культуры, которая датируется первой четвертью II тысячелетия (илл. 104). Другой характерной чертой этой культуры являются поля курганов в Бахрейне и в материковой части Саудовской Аравии, на которых в сумме находится несколько сотен тысяч могильных холмов (Mughal, 1983; Ibrahim, 1983).

Барбарская культура знаменует собой возникновение городской жизни в Аравии. Являвшийся, возможно, крупнейшим из городов, Кала'ат не был, однако, единственным крупным и плотно заселенным центром в этой области; здесь также существовали мелкие поселения. Иерархия поселений предполагает сложность социального устройства, о которой свидетельствуют функциональное разнообразие архитектуры и разные размеры гробниц. Хотя и не сопоставимое с государственной организацией Месопотамии, политическое устройство барбарской культуры было в большей степени централизовано и иерархично, чем где-либо еще в Аравии того времени. Интенсивное земледелие благодаря обильным артезианским водам вблизи Персидского залива заметно облегчало развитие сложных политических структур; к сожалению, найдено недостаточно свидетельств о практике жизнеобеспечения.

Ясно, однако, что большее значение, чем местное земледелие, имела торговля. Месопотамские клинописные тексты свидетельствуют о важности Дильмуна как перевалочного пункта, через который поставлялись медь, ткани, экзотические камни, дерево и другие товары. Особенности этой торговли выявлены в результате археологических исследований Дильмуна: здесь обнаружены гончарные

изделия, некоторые металлические предметы, которые свидетельствуют о художественном влиянии Месопотамии и на которых обнаружены клинописные месопотамские знаки. Кроме того, найдены керамика, каменные сосуды и другие предметы из Юго-Восточной Аравии, керамические изделия, слоновая кость и набор каменных разновесов из долины Инда, а также некоторые предметы с иранской стороны Персидского залива.

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (1800–1200 ГГ. ДО Н.Э.)

Поздний бронзовый век в Аравии был периодом относительного упадка, отмеченного увеличением роли скотоводства и ослаблением внешних контактов. Несмотря на эти тенденции, продолжали сохраняться некоторые модели развития, установившиеся в предыдущие фазы бронзового века, а в отдельных частях полуострова наметились важные изменения.

В Юго-Восточной Аравии во II тысячелетии до н.э. широко распространилась вади-сукская культура. Ранее считалось, что конец вади-сукской культуры наступил около 1700 г. до н.э., после чего, как предполагалось, региональное хозяйство стало полностью скотоводческим (Cleuziou, 1981). Раскопки в Эмиратах, в особенности в Шимал, в Рас-эль-Хаймах (Vogt & Franke-Vogt, 1987) и в Тель-Абраке, в Умм-эль-Кувейне (Potts, 1990), показывают, что вади-сукскую культурную модель следует отнести к периоду до начала местного железного века, приблизительно до 1200 г. до н.э. В Тель-Абраке особенно явно представлена последовательность поселений на протяжении всего II тысячелетия до н.э. и проявляется длительный контакт с долиной Инда и Месопотамией в конце II тысячелетия до н.э. Несмотря на эти успехи, наши знания о вади-сукском периоде остаются очень слабыми; по-видимому, во внутренних областях произошел повсеместный отход от оседлой земледельческой жизни.

Хронологическая последовательность II тысячелетия до н.э. для Восточной Аравии была установлена в ходе датских раскопок на о. Файлака и в Кала'ат-эль-Бахрейне. Хотя первоначальные результаты в Бахрейне отметили разрыв между «городом I» и «городом II», остров оставался заселенным все II тысячелетие, а более поздний анализ в Кала'ате выявил сопоставимую преемственность также и здесь (Hoflund, 1986a, b). В обоих случаях связи с Вавилонией с течением времени, по-видимому, усиливались: характерная региональная керамика начала II тысячелетия до н.э. была в основном вытеснена вавилонской к концу II тысячелетия. Эти перемены в материальной культуре, возможно, отражают вавилонский контроль над данным регионом в XIV–XIII вв. до н.э. (в течение касситского периода). Археологических данных, относящихся к этому времени, сравнительно немного. В Кала'ат-эль-Бахрейне («город III») были вновь возведены городские стены, а в середине поселения построен большой архитектурный комплекс; судя по его планировке и небольшому числу найденных внутри клинописных документов этот комплекс, возможно, являлся административным центром. Гончарные изделия и печати этого периода были обнаружены в гробницах как в Бахрейне, так и в материковой части Саудовской Аравии; почти во всех случаях эти погребения II тысячелетия до н.э. представляют собой повторное использование существующих гробниц барбарского периода. Однако в последние века II тысячелетия до н.э. население в Кала'ате вновь резко уменьшилось, а поселки на о. Файлака были покинуты.

Очень мало известно о ситуации в Южной Аравии во II тысячелетии до н.э. Поселения и экономические модели, формировавшиеся в конце III тысячелетия до н.э., в основном оставались неизменными. Однако к концу II тысяче-

летия до н.э. произошли знаменательные перемены – оформилось размещение поселений, характерное для поздней южноаравийской цивилизации. Первоначальное заселение в Хаджар-бин-Хумейде датируется концом II тысячелетия до н.э., тогда как нижний уровень в Хаджар-ат-Тамрахе (в Вади-Джубах) на основании радиоуглеродного анализа отнесен к XIV в. до н.э. (Van Beek, 1969; Sauer & Blakeley, 1988). Эти изменения в размещении поселений, возможно, отражают начальную стадию развития систем регулирования водных потоков, которыми прославилась южноаравийская цивилизация.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (1200–400 ГГ. ДО Н.Э.)

В железном веке сообщества Аравийского полуострова выработали многие модели, которые просуществовали до недавнего времени и создали социальную среду, в которой жил пророк Мухаммед. Эти новые модели основывались на трех важных новшествах. Способы водного регулирования стали более совершенными, что способствовало как росту сельскохозяйственного производства, так и увеличению плотности населения. Полное приручение верблюда сделало возможным скотоводство в глубине пустынь, предоставило новое средство для ведения войн и обеспечило новые возможности для дальних перевозок. Дальние перевозки способствовали появлению аравийского ладана и других товаров на межрегиональном аравийском рынке, который расширился по мере увеличения спроса в железном веке и в эпоху империй. Сочетание этих факторов способствовало возникновению на Аравийском полуострове государств и цивилизаций, которые политически и экономически были тесно связаны с различными странами от Средиземноморья до Индии и далее.

Юго-Восточная Аравия

В железном веке поселения на Оманском полуострове стали менее привязаны к предгорьям, чем в бронзовом веке, и все далее распространялись по долинам вади и открытым равнинам. Поселки состояли из больших многокомнатных комплексов из необожженного кирпича, лучше всего сохранившихся в Румейлахе в Абу-Даби (Boucharlat & Lombard, 1985). Возле поселений обычно располагались кладбища, состоявшие из небольших однокамерных пирамид; в этих погребениях содержался характерный инвентарь из раскрашенной керамики, металлического оружия, ювелирных изделий и других предметов. Сохранялась морская ориентация хозяйства прибрежных регионов, проявившаяся в образовании больших скоплений.

Некоторые изменения в размещении поселений по сравнению с моделью бронзового века были, возможно, следствием применения новой системы водного регулирования (*фаладж*, иранский *канат*) с помощью подземных тоннелей, которые вели к верхнему слою водного пласта. Время появления техники *канат* и ее распространения в Юго-Восточной Аравии остается спорным; свидетельства, которые могли бы привести к однозначному заключению, до сих пор не обнаружено. Тем не менее немецкие исследования на территории Майсар в Омане позволили проследить постепенное перемещение поселений вниз по склонам гористой местности, что, возможно, оказалось следствием доступа к нижнему водному пласту с помощью системы *фаладж* (Weisgerber, 1981). Однако, несмотря на эти фундаментальные технические изменения, основные усилия населения были сконцентрированы на выращивании тех же самых культур и разведении тех же животных, что и в бронзовом веке.

В раннем железном веке продолжалось производство меди. Технологическим новшеством этого периода стало

появление изделий из оловянистой бронзы, зачастую в виде тяжелых браслетов и оружия; все олово было привозным, что подразумевает интенсивные внешние связи. Несмотря на общепринятое название этого периода, медь и бронза оставались в железном веке главными используемыми металлами; железо не было широко распространено вплоть до конца I тысячелетия до н.э. Типичными изделиями железного века были каменные сосуды, украшенные прорезанными геометрическими узорами; как и в бронзовом веке, эти местные изделия имели хождение в соседних регионах.

Восточная Аравия

Как и ранее, лучшие свидетельства о жизни населения в регионе Персидского залива дали науке археологические раскопки. «Город IV» в Кала'ат-эль-Бахрейне является примером значительного обновления городской жизни после нескольких столетий, в течение которых это место хотя и не было оставлено, но пребывало в упадке. В этот период в центре поселения были воздвигнуты добротные общественные здания. Хотя они первоначально идентифицировались как дворцы новоассирийского периода, время возникновения и функция этих строений остаются неясными (Lombard, 1986; Oates, 1986). Эти здания примечательны рядом змеиных захоронений в чашах, помещенных под полом.

В других местностях на побережье Персидского залива археологических свидетельств первой половины I тысячелетия до н.э. осталось сравнительно мало. Одно местонахождение в прибрежной части Саудовской Аравии, названное «Соляная копь», относится главным образом к концу I тысячелетия до н.э., однако здесь была собрана с поверхности коллекция цилиндрических печатей и керамики, относящихся к первой половине того же тысячелетия (Lombard, 1988). Повторное использование гробниц в Дахране также относится к этому периоду. Хотя и немногочисленные, эти находки указывают, что население имело обширные связи с соседними регионами, что подтверждают находки новоассирийских, южноаравийских и египетских элементов глиптики и видов керамики, имеющих параллели с вавилонскими изделиями. Согласно летописям Новоассирийского периода, Дильмун в течение VIII–VII вв. до н.э. был царством; один из царей, Упери, посылал дары Саргону. В последние века I тысячелетия до н.э., с которыми связаны «город V» в Бахрейне, Тадж в Саудовской Аравии и повторное заселение о. Файлак, Персидский залив стал частью эллинистического мира и был полностью вовлечен в обширную торговую сеть, которая связывала Индийский океан со Средиземным морем.

Южная Аравия

На мировую арену Южная Аравия вступила в железном веке, когда интенсивное земледелие, основанное на разработанной технике водного регулирования, в сочетании с ростом межрегиональной торговли ладаном, стимулировали образование высокоразвитой цивилизации. Время зарождения южноаравийской культурной традиции и южноаравийского письма остается спорным: одни исследователи настаивают на поздней хронологии – например, Пиренн (Pirenne, 1956) говорил о VI в. до н.э.; другие являются сторонниками ранней хронологии, так, У. Олбрайт (Albright, 1950) говорил о конце II тысячелетия до н.э. Позднюю хронологию невозможно вполне согласовать с накопленными археологическими, историческими и эпиграфическими данными; большинство ученых принимает отдельные версии ранней хронологии, относя начало юж-

ноаравийской традиции к концу II тысячелетия до н.э., а наиболее древние тексты – к первым векам I тысячелетия до н.э. (Wissman, 1975).

История южноаравийских государств известна по их собственным монументальным надписям. Государство Саба (Сабейское царство) возникло приблизительно в начале I тысячелетия до н.э. Первоначально оно находилось под ритуальным управлением (*мукарриб*), а затем, после V в. до н.э., под властью царя (*малик*). Старейшие текстуальные источники в г. Мариб (Йемен), предположительно относящиеся к VIII в. до н.э., сообщают о сооружении городских стен и дамбы. Хотя это, возможно, были не первые подобные сооружения здесь (традиция относит первую дамбу в Марибе к началу II тысячелетия до н.э.), постройки VIII в. до н.э. стали ядром мощной гидрологической системы, развитие которой продолжалось и позднее. Другим примечательным строением в Марибе был храм Аввама, посвященный лунному богу Илумкуху. Построенный в VIII в. до н.э., если не ранее, и со временем совершенствовавшийся, этот храм занимал часть большой овальной территории, окруженной стеной (Albright, 1950).

Согласно библейской традиции, государство Саба было родиной царицы Савской, которая в X в. до н.э. установила торговые отношения с царем Израильско-Иудейского царства Соломоном. Новоассирийские летописи также сообщают об Итамаре и Карибилу из Сабы, выплачивавших Ассирии дань, которая включала ладан. Ассирийские тексты называют население Сабы среди североаравийских групп, что, возможно, отражает существование в VIII и VII вв. до н.э. торговых колоний Сабы в Северной Аравии; хотя эти колонии оказались недолговечными, обширную сеть торговых колоний удалось в последних веках I тысячелетия до н.э. создать минейцам. В VI в. до н.э. отмечена экспансия Сабы в Восточной Африке, когда в эфиопской провинции Тигре появились южноаравийские тексты и архитектурные стили. Присутствие государства Саба в Африке заложило основы более поздней аксумской цивилизации.

Ладанное дерево росло главным образом в области Дофар (на территории современного Омана), тогда как ароматическая смола – мирра (получаемая подсечкой коры тропических деревьев рода коммифора семейства бурзеровых. – *Прим. ред.*) была более широко распространена на нагорьях Южной Аравии; оба этих ароматических растения произрастали также в Восточной Африке. Эти товары могли перевозиться как по воде (через такие порты, как Хор-Рори или Кана), так и по суше; наземные пути сначала шли по Вади-Хадрамаут, а затем огибали пески Рамлат-эс-Сабьатайн. Вдоль южного и западного краев Рамлат-эс-Сабьатайн располагалось большое количество важных городов, в том числе Шабва, Тимна и Мариб. Из этого последнего пункта путь шел вдоль восточного склона нагорья Асир, по территории современной провинции Саудовской Аравии Хиджаз и в конце концов достигал Палестины; города на этом пути, такие как Наджран, Карьят-эль-Фау (Al-Ansary, 1981), Медина, Эль-Ула и Тайма, контролировали важные горные перевалы и пересечения дорог. Возвышение в Южной Аравии Мариба и образование Сабейского царства отражали их стратегическое положение на этом пути.

В середине I тысячелетия до н.э. Саба была не единственным государством в Южной Аравии. Основным его соперником был Катабан с центром в Тимна в Вади-Бейхан; к югу от Катабана лежал Аусан, который охватывал большую часть южноаравийской прибрежной области. Оба эти государства имели доступ к торговле благовониями или по наземному (Катабан), или по водному пути (Аусан). Сабейское царство добилося реальной монополии в этой торговле в V в. до н.э., когда оно покорило и Катабан, и Аусан, превратив их в зависимые государства. В IV в. до н.э. Аусан объединился с Катабаном, чтобы свергнуть сабей-

скую верховную власть, но в результате оказался в зависимости от Катабана, к которому перешел утраченный сабейским царством контроль над торговлей.

Древнейшее засвидетельствованное ритуальное управление (*мукарриб*) в Катабане, возможно, относится к V в. до н.э., т.е. к тому же времени, когда были возведены древнейшие монументальные здания и гробницы в Тимна. К монументам в Тимна относятся впечатляющие городские стены с многочленными воротами (охватывающие территорию около 20 гектаров), массивный комплекс храма Аштар и несколько крупных жилых построек. В Хаид-бин-Акиль, неподалеку от города, расположен вырубленный в скалах комплекс гробниц. В другом месте в Вади-Бейхан система регулирования водных стоков, охватывавшая большое пространство и дополненная колодцами, обеспечивала орошение полей, среди которых были разбросаны селения (в том числе раскопанное поселение в Хаджар-бин-Хумейд). Дорога, построенная через перевал Маблаках, давала доступ к Вади-Хариб на западе и являлась важным пунктом контроля на пути торговли благовониями.

Во второй половине I тысячелетия до н.э. особое значение приобрели минейцы и химьяриты. Столица расположенного севернее Сабы государства Маин находилась в Карнаву; в качестве важного центра на путях торговли благовониями в это образование входил также г. Наджран. Древнейший известный правитель Маин жил около 400 г. до н.э. В эпоху эллинизма минейцы создали ряд торговых колоний и факторий на севере Аравии, в Египте, Сирии-Палестине и греческом Средиземноморье. Химьяриты, родиной которых был Абыян (к северо-востоку от Адена), начали свои завоевания в конце I тысячелетия до н.э. и вскоре поставили под свой контроль большую часть Южной Аравии.

Древняя история области Хадрамаут в Йемене остается малоизвестной. Уже упоминавшееся поселение Шабва возникло в бронзовом веке и позднее достигло больших размеров. Шабва контролировало западный выход из Вади-Хадрамаут, являвшийся стратегически важным пунктом на пути перевозок благовоний. Поселение в Эль-Хурайда, в Вади-Амд, стало в 1937 г. местом первых научных раскопок в Южной Аравии (Caton-Thompson, 1944). В ходе этих исследований были обнаружены храм лунного бога Сина, вырубленный в скалах комплекс гробниц и ферма со службами; древнейшие материалы в этом местонахождении относятся к середине I тысячелетия до н.э.

В основе южноаравийской цивилизации, если рассматривать ее как целое, лежали два фактора. Первым было использование земледельческого потенциала нагорий Юго-Западной Аравии. Оно основывалось на регулировании водных стоков с помощью широкой системы запруд, резервуаров и каналов в пределах широких вади; важным дополнением к этой системе было орошение с помощью колодцев. Система *са'ил* обеспечивала поля водой и илом, поддерживающим плодородие почвы. Террасы на склонах холмов давали дополнительную обрабатываемую земельную площадь под неполивное земледелие. На этих полях выращивались пшеница, ячмень, просо, овес наряду с финиками, виноградом, тмином и льном.

Вторым фактором был рост межрегиональной торговли благовониями, которая стимулировалась расширением спроса на ладан и другие экзотические товары в расположенных на севере империях, относящихся к железному веку. Благовония позволили Южной Аравии занять определенное место в обширной торговой сети I тысячелетия до н.э.; в последние столетия до нашей эры Южная Аравия имела связи с Индией, Персидским заливом и Месопотамией, Северной Аравией, Сирией и Палестиной, Египтом и Восточным Средиземноморьем. Эта торговля позволила Южной Аравии накопить баснословные богатства и открыла регион чужеземным влияниям в искусстве (особенно со стороны греческого мира).

Северо-Западная Аравия

Вплоть до конца бронзового века население Северо-Западной Аравии проявляло себя очень слабо и, по-видимому, состояло из пастухов и/или охотников-собираателей. Это положение резко изменилось в конце II тысячелетия до н.э., когда появились оазисные поселения, развившиеся постепенно в города. История этих северо-западных аравийских городов отражала историю торговли благовыми, которые перевозились на север из Южной Аравии, и соперничество городов за контроль над этой торговлей (*Edens & Bawden, 1989*).

Первым городком, возникшим в регионе Хиджаза, был Курайях, с которым связан так называемый «мидианитский» стиль расписной керамики. Орнамент этих гончарных изделий имел схожие черты со стилями бронзового века в Южном Леванте и появился также в других районах Северного Хиджаза и в пустыне Негев. Курайях, до сих пор мало исследованный, был окружен массивной каменной стеной; в нем имелся квартал гончаров; вблизи поселения находилась обширная система каналов и окруженных стенами полей (*Parr et al., 1970; Ingrabam et al., 1981*). Хотя Курайях в I тысячелетии был покинут, в Северо-Западной Аравии выросли другие большие города, в том числе Джауф, Эль-Ула, Тайма и Медина. Они лучше известны в силу того значения, которое приобрели к концу I тысячелетия, однако и археологические, и текстуральные свидетельства указывают на существование здесь поселений уже с начала I тысячелетия.

В ассирийских летописях описываются враждебные отношения с Джауфом (Адуммату), которым в VIII и VII вв. до н.э. часто управляли царицы; местной археологической информации, освещающей этот период истории Джауфа, не имеется. Набонид, последний царь независимой Вавилонии, в середине VI в. до н.э. вторгся в Хиджаз, занял его до Медины на юге и на десять лет перенес свой двор в Тайма. Наибольшее значение этот город приобрел в середине I тысячелетия до н.э., когда в нем появились несколько массивных ансамблей, окруженных стенами, обширная оросительная система и связанные между собой жилые районы. В культовом центре, относящемся к V в. до н.э., находились ритуальные произведения с характерными заимствованиями из искусства Южной Аравии, ахеменидского Ирана и, возможно, Египта (*Abu Durik, 1986*). С другой стороны, Эль-Ула, по-видимому, пережил период наибольшего роста ближе к концу I тысячелетия и может быть связан с царством Дедан, а позднее – с царством Лихьян.

В течение I тысячелетия до н.э. народы Северо-Восточной Аравии разработали несколько систем алфавитного письма и оставили бесчисленные надписи (граффити) по различным случаям (илл. 105). Древнейшая из этих письменностей датируется VIII или VII в. до н.э. и связана в первую очередь с Тайма (*Winnett & Reed, 1970*). Более поздние варианты письменности, известные в основном как «тамудские», продолжали использоваться по крайней мере тысячу лет. Тамудские надписи являются обычно короткими посланиями личного характера и лишь изредка содержат информацию, которой могут воспользоваться историки. Надписи сообщают, однако, о различных божествах, имевших астральное или планетарное значение; эти боги изображены на некоторых граффити (в особенности возле Тайма).

Археология Северо-Восточной Аравии открыла происхождение мира, в котором родился пророк Мухаммед. Связь между широким использованием верблюдов, торговыми городами и мировым рынком все в большей степени привязывала эту часть Аравии к соседним цивилизациям и создавала в арабских городах все более космополитическую атмосферу. Эпиграфические свидетельства и памятники искусства обнаруживают смешение различных религиозных идей, которое стало частью исторического

фона, на котором происходило зарождение ислама, тогда как торговля сама по себе создавала богатство городов. Эти факторы будущих перемен, формировавшиеся в глубине региональных племенных сообществ, способствовали образованию в регионе нового сообщества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABU DURUK, H. I. 1986. Introduction to the Archaeology of Tayma'. Riyadh, Department of Antiquities and Museums, Kingdom of Saudi Arabia.
- AL-ANSARY, A. R. 1981. Qaryat al Fau – A Portrait of Pre-Islamic Civilization in Arabia. New York.
- ALBRIGHT, F. 1958. Excavations at Marib in Yemen. In: BOWEN, R.; ALBRIGHT, F. (eds), Archaeological Discoveries in South Arabia. Baltimore, Md. pp. 215–68.
- ALBRIGHT, W. 1950. The Chronology of South Arabia in the Light of the First Campaign of the Expedition to Qataban. Bull. Am. Sch. Orient. Res. (New Haven, Conn.), Vol. 119, pp. 5–15.
- ANATI, E. 1968–72. Rock-Art in Central Arabia. Louvain.
- BIAGI, P. et al. 1984. Qurum: A Case Study of Coastal Archaeology in Northern Oman. World Archaeol. (London), Vol. 16, pp. 43–61.
- BIAGI, P.; MAGGI, R.; NISBET, R. 1989. Excavations at the Aceramic Coastal Settlement of RH5 (Muscat, Sultanate of Oman) 1983–5. In: FRIFELT, K.; SORESENSEN, P. (eds), South Asian Archaeology. 1985. London. pp. 1–8.
- BIBBY, T. G. 1970. Looking for Dilmun. New York.
- BOUCHARLAT, R.; LOMBARD, P. 1985. The Oasis of Al Ain in the Iron Age: Excavations at Rumailah 1981–1983. Archaeol. United Arab Emirates (Al-Ain), Vol. 4, pp. 44–73.
- CATON-THOMPSON, G. 1944. The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadhramaut). Oxford.
- CLEUZIOU, S. 1980. Economic et société dans la péninsule d'Oman au IIIe millénaire: Le rôle de l'analogie avec les sociétés actuelles. In: BARRELET, M.-T. (ed.), L'Archéologie de l'Iraq. Paris. pp. 343–59.
- 1981. Oman Peninsula in the Early Second Millennium BC. In: HARTEL, H. (ed.), South Asian Archaeology, 1979. Berlin, pp. 279–93.
- 1982. Hili and the Beginning of Oasis Life in Eastern Arabia. Proc. Semin. arab. Stud. (London), Vol. 12, pp. 15–22.
- CLEUZIOU, S.; TOSI, M. 1989. The South-Eastern Frontier of the Ancient Near East. In: FRIFELT, K.; SORESENSEN, P. (eds), South Asian Archaeology, 1985. London, pp. 14–47.
- DONALDSON, P. 1985. Prehistoric Tombs of Ras al-Khaimah. Oriens Antiq. (Roma), Vol. 23, pp. 191–312; Vol. 24, pp. 85–142.
- EDENS, C. 1982. Towards a Definition of the Rub al-Khali 'Neolithic'. Atlat (Riyadh), Vol. 6, pp. 109–24.
- EDENS, C.; BAWDEN, G. 1989. History of 'Tayma' and Hejazi Trade during the First Millennium BC. J. econ. soc. Hist. Orient. (Leiden), Vol. 32, pp. 48–103.
- FEDELE, F. 1988. North Yemen: The Neolithic. In: DAUM, W. (ed.) Yemen, 3000 Years of Art and Civilization in Arabia Felix. Innsbruck. pp. 34–7.
- FRIFELT, K. 1975. On Prehistoric Settlements and Chronology of the Oman Peninsula. East West (Roma), Vol. 25, pp. 329–424.
- HAUPTMANN, A. 1985. Die Entwicklung der Kupfermetallurgie vom 3. Jahrtausend bis zum Neuzerit, 5000 Jahre Kupfer in Oman. Bochum.
- HEIMPEL, W. 1987. Das untere Meer. Z. Assyriol. (Berlin), Vol. 77, pp. 22–91.
- HOJLUND, F. 1986a. Failaka/Dilmun, The Second Millennium Settlements, Volume 2: The Bronze Age Pottery. Åhrus.
- 1986b. The Chronology of City II and III at Qala'at al Bahrain. In: AL-KHALIFA, H. A.; RICE, M. (eds), Bahrain Through the Ages. London. pp. 217–24.
- HOTZL, H. et al. 1984. Climatic Fluctuations in the Holocene. In: JADO, A.; ZOTL, J. (eds), Quaternary Period in Saudi Arabia. Wien. Vol. 2, pp. 301–14.
- IBRAHIM, M. 1983. Excavations of the Arab Expedition at Sar el Jisr, Bahrain. Manama.
- INGRAHAM, M. et al. 1981. Preliminary Report on a Reconnaissance Survey of the Northwestern Province. Atlat (Riyadh), Vol. 5, pp. 59–84.
- KAPEL, H. 1967. Atlas of the Stone-Age Cultures of Qatar. Åhrus.

- KJAERUM, P. 1983. Failaka/Dilmun, The Second Millennium Settlements, Volume 1/1: The Stamp and Cylinder Seals. Åhrus.
- LEEMANS, W. 1960. Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden.
- LOMBARD, P. 1986. Iron Age Dilmun, A Reconsideration of City IV at Qala'at al Bahrain. In: AL-KHALIFA, H. A.; RICE, M. (eds), Bahrain Through the Ages. London, pp. 225–32.
- 1988. The Salt Mine Site and the 'Hasaeen' Period in Northeastern Arabia. In: POTTS, D. (ed.), Araby the Blest. København, pp. 116–35.
- MCCLURE, H. 1976. Radiocarbon Chronology of Late Quaternary Lakes in the Arabian Desert. Nature (London), Vol. 263, pp. 744–56.
- MAIGRET, A. de. 1990. A Bronze Age for Southern Arabia. East West (Roma), Vol. 34, pp. 5–36.
- MASRY, A. 1974. Prehistory in Northeastern Arabia: The Problem of Interregional Interaction. Miami, Fla.
- MUGHAL, R. 1983. The Dilmun Burial Complex at Sar, The 1980–82 Excavations in Bahrain. Manama.
- OATES, D. 1986. Dilmun and the Late Assyrian Empire. In: AL-KHALIFA, H. A.; RICE, M. (eds), Bahrain Through the Ages. London, pp. 428–34.
- OATES, J. et al. 1977. Seafaring Merchants of Ur? Antiquity (Cambridge), Vol. 51, pp. 221–34.
- PARR, P.; HARDING, G.; DAYTON, J. 1970. Preliminary Survey in N. W. Arabia, 1968. Bull. Inst. Archaeol. (London), Vol. 8–9, pp. 193–242.
- PETTINATO, G. 1972. Il commercio con l'estero della Mesopotamia meridionale 3. millennio av. Cr. alla luce delle fonti letterate e lessicale. Mesopotamia (Torino), Vol. 7, pp. 43–166.
- PIRENNE, J. 1956. Paléographie des inscriptions sud-arabes: contribution à la chronologie et à l'histoire de l'Arabie du Sud antique. Bruxelles.
- POTTS, D. 1986. Eastern Arabia and the Oman Peninsula during the Late Fourth Millennium. In: ROLLIG, W.; NISSEN, H.; FINKBEINER, U. (eds), Gamdat Nasr: Period or Regional Style? Wiesbaden, pp. 121–70.
- 1990. A Prehistoric Mound in the Emirate of Umm al-Qaiwain, U.A.E., Excavations at Tell Abraq in 1989. København.
- 1992. The Chronology of the Archaeological Assemblages from the Head of the Arabian Gulf to the Arabian Sea (8000–1750 BC). In: EHRICH, R. (ed.), Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, Ill.
- ROAF, M. 1976. Excavations at al-Markh, Bahrain. Proc. Semin. arab. Stud. (London), Vol. 2, pp. 144–60.
- SAUER, J.; BLAKELY, J. 1988. Archaeology Along the Spice Route of Yemen. In: POTTS, D. (ed.), Araby the Blest. København, pp. 91–115.
- TIKRITI, W. 1985. The Archaeological Investigations on Ghanadha Island 1982–1984: Further Evidence for the Coastal Umm an-Nar Culture. Archaeol. United Arab Emirates (Al-Ain), Vol. 4, pp. 9–19.
- TOSI, M. 1975. Notes on the Distribution and Exploitation of Natural Resources in Ancient Oman. J. Oman Stud. (Muscat), Vol. 1, pp. 187–206.
- VAN BEEK, G. 1969. Hajar Bin Humeid: Investigations at a Pre-Islamic Site in South Arabia. Baltimore, Md.
- VOGT, B.; FRANKE-VOGT, U. (eds). 1987. Shimal 1985/6. Excavations of the German Archaeological Mission in Ras al-Khaimah, U.A.E.: A Preliminary Report. Berlin.
- WEISGERBER, G. 1981. Mehr als Kupfer in Oman, Ergebnisse der Expedition 1981. Anschnitt (Bochum), Vol. 33, pp. 174–263.
- WINNETT, F.; REED, W. 1970. Ancient Records from North Arabia. Toronto.
- WISSMANN, H. VON. 1975. Über die frühe Geschichte Arabiens und das Entstehen des Sabaerreiches. Wien.
- ZARINS, J. 1979. Rajajil, A Unique Arabian Site in the Fourth Millennium BC. Atlat (Riyadh), Vol. 3, pp. 73–8.
- 1989. Eastern Saudi Arabia and External Relations: Selected Ceramic, Steatite and Textual Evidence: 3500–1900 BC. In: FRIFELT, K.; SORENSEN, P. (eds), South Asian Archaeology, 1985. London, pp. 74–103.
- 1992. Archaeological and Chronological Problems within the Greater Southwest Asian Arid Zone: 3000–1850 BC. In: EHRICH, R. (ed.), Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, Ill.

ДОЛИНА ИНДА (3000–1500 гг. до н.э.)

Б.К. Тханар и М.Р. Мугал

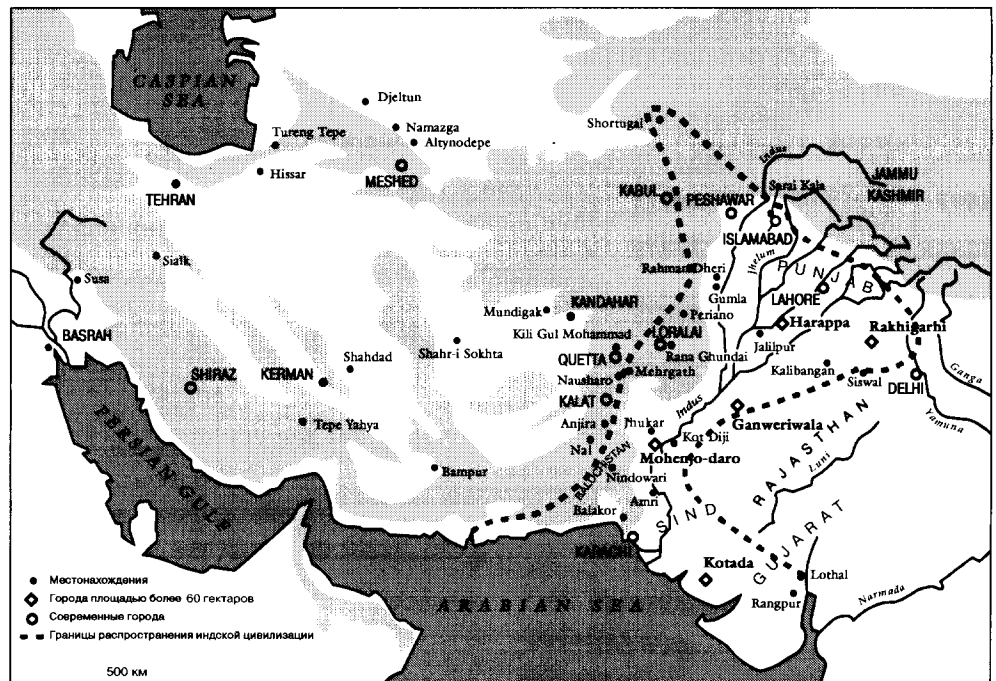
ОБЩИЙ ФОН

Индская цивилизация¹, которая в географическом отношении является крупнейшей из четырех хорошо известных цивилизаций Старого Света, представляет собой, как известно, самый древний этап урбанизации в Южной Азии. Однако для верного понимания процесса зарождения городской жизни в этом регионе весьма уместно рассмотреть современное ему развитие соседних территорий, которые, по-видимому, являли собой обширную арену культурного взаимодействия.

В развитии процесса урбанизации в Южной Месопотамии и на Иранском нагорье часто подчеркивалась роль экологических и природных факторов. Между этими двумя территориями, горной и равнинной, оформилась своеобразная дихотомия, воздействовавшая на историческую и социальную организацию обоих обществ. Равнинные сообщества, занимавшие аллювиальные равнины Месопотамии, зависели от земледелия, дававшего им излишки продуктов питания, и поэтому создавали группировавшиеся вокруг центров поселения вдоль больших водных путей. В отличие от них горные сообщества существовали на территориях с менее продуктивным неполивным земледелием и характеризовались меньшей плотностью населения, сравнительной автономией и изоляцией. Но потребности

населения одной территории дополняли потребности другой. Их взаимодополняемость способствовала развитию отношений между ними: горные сообщества располагали такими природными богатствами, как медь, бирюза, хлорит, древесина и т.д., тогда как в равнинных центрах имелись предназначенные для вывоза излишки продуктов питания и готовых изделий, в том числе тканей.

Географические факторы, обусловившие жизнь поселений в долине Инда, в чем-то были сходны с теми, которые действовали на равнинах Месопотамии и на возвышенностях Ирана. Вся территория долины Инда может быть разделена на две большие части: горы на западе, представленные хребтами Кокхистан, Киргхтар и Сулеймановыми горами, и более низкая долина Инда, разделенная в свою очередь на западный и восточный секторы и территорию дельты. Суровый и безлюдный характер этих горных хребтов подчеркивается чрезвычайной бедностью растительности. Тем не менее они представляли прекрасные пастбища для овец и коз, а также для дикого каменного козла. Эти горные цепи пересекают несколько линий поперечных стоков, которые служат для сообщения долины Инда с Иранским нагорьем, Систаном, Афганистаном и Туркменией. Примечательной чертой западной горной системы были крутые склоны подножий холмов, образующих предгорную зону между горами на западе и аллю-

Карта 14. Географическое размещение местонахождений индской цивилизации в ее развитии и

виальными землями на востоке. Древние поселения сосредоточивались в долинах рек Эхоб, Лоралаи, Кветта, Пишин и Кеж и на аллювиальных равнинах Лас-Бела и Сиби-Качи и создавали потенциал для будущего развития городов вдоль Инда. Трудности существования на сухих плоскогорьях Ирана и Белуджистана толкали горцев в плодородную долину Инда. Это перемещение было возможно, так как отроги Киртхарского и Сулейманова хребтов плавно спускались к расположенным внизу равнинам.

Таким образом, Белуджистан был не захолустьем или пограничной территорией, но областью, имеющей специфические природные условия и связанной с окружающими регионами и ближайшими центрами цивилизации легкодоступными путями. Это был также наиболее важный в культурном отношении регион, где переход от охоты и собирательства к оседлости привел к зарождению городской жизни. Открытия в Мехргархе дали основания для гипотезы о ведущей роли Белуджистана в формировании городской цивилизации в Южной Азии. Мехргархский регион представляет собой пролювиально-аллювиальный бассейн рек Нара и Болан, захватывающий равнину Качи. Эта область перехода от плоскогорий к аллювиальной долине Инда была наиболее благоприятна для развития неолитического и начального городского способа хозяйствования. В ходе раскопок в Мехргархе (Jarrige, 1982; Jarrige & Lechevallier, 1979; Jarrige & Meadow, 1980) была обнаружена непрерывная последовательность культур: докерамическая неолитическая (VIII тысячелетие до н.э.), керамическая неолитическая (VI–V тысячелетия до н.э.) и культура бронзового века (V–III тысячелетия до н.э.), одновременно с которыми существовали культуры, связанные с местонахождением Кили-Гул-Мухаммад, Рана-Гундай, Дамб-Садаат, Шахр-и-Сохта, Мундигак и Кот-Диджи. В 8 км к югу, в Наушаро, находится поселение, относящееся к развитой хараппской культуре и указывающее на то, что долина Качи определено была частью хараппской территории. От последней фазы заселения Мехргарха, называемой «фазой южного кладбища» или «фазой Сиби», остались некоторые каменные и бронзовые предметы и гончарные изделия, формы которых позволяют выявить аналогии с поселениями Центральной Азии (Бактрии, Маргианы,

Южной Туркмении и т.д.), относящимися к концу III тысячелетия до н.э., а также с хараппскими элементами, что указывает на одновременное, по крайней мере частично, существование этого кладбища с индской цивилизацией. Раскопки в Пираке (на той же территории) позволили создать относительную хронологию железного века, привязав ее к концу II тысячелетия до н.э. Поэтому Белуджистан следует рассматривать как территорию, которая не только служила культурным мостом между Иранским плато и долиной Инда, но и как область существенного и самобытного культурного развития.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ (карта 14)

Открытие индской цивилизации в 1921–1922 гг., по словам Маршалла (Marshall, 1931), мгновенно расширило наши знания об Индии приблизительно на три тысячи лет назад. За ее открытием последовали 25-летние исследования и раскопки, в ходе которых было выяснено, что ареал индской цивилизации распространяется главным образом на равнины провинции Синд на юго-востоке Пакистана со значительными культурными контактами с поселениями в изолированных долинах Белуджистана, такими как Дабар-кот, Суткаген-дор, Дашт-Каур на Макранском побережье у границы с Ираном. Хараппа и Чак-Пурхане-Сьял на р. Рави, Котла-Ниханг-Хан возле г. Рупар на левом берегу р. Сатледж в предгорьях Гималаев, несколько поселений вдоль р. Хакра на территории бывшего штата Бахавалпур и Рангпур на р. Сукха-Бхадар на п-ове Катхиявар (штат Гуджарат) – лишь эти поселения были зарегистрированы как местонахождения индской цивилизации за пределами области Синд. Поэтому в 1947 г., после образования двух независимых республик, Индии и Пакистана, большая часть известной области распространения этой цивилизации оказалась в пределах Пакистана и лишь Котла-Ниханг-Хан и Рангпур, считавшиеся ее двумя наиболее удаленными пунктами, остались на территории Индии. В результате полевых исследований в течение нескольких десятилетий в областях, прилегающих к пакистанской границе, в особенности вдоль древних русел Сарасвати (Хаггар), Сутледж и Джамна в штатах Раджастан, Харьяна и Пенджаб, а также на плоских аллювиальных равнинах и прибрежных низменностях в штате Гуджарат, границы этой цивилизации в пределах современной Индии значительно расширились: на востоке до Аламгирпура на р. Хинду, притоке Джамны, за Индо-Гангским водоразделом, приблизительно в 45 км севернее Дели; на севере до Манды, на правом берегу р. Чинаб, приблизительно в 28 км северо-западнее г. Джамму, в предгорьях хребта Пир-Панджал; на юге до Даймабада на левом берегу р. Правара, притока р. Годавари, приблизительно в 230 км к северо-востоку от Бомбея. Подобным образом в тот же период в результате раскопок в самом Пакистане, в особенности в областях Гомаль, Банну, Чолистан, Болан и на Макранском побережье, ареал этой цивилизации расширился как в пределах долины Инда, так и вне ее. Таким образом теперь общий ареал ее распространения в Индии и Пакистане покрывает территорию более 1,2 млн. кв. км с береговой линией длиной почти в 1900 км, т.е. больше, чем современные ей цивилизации Египта или Шумера.

ВИДЫ ПОСЕЛЕНИЙ

Ключевая область цивилизации находится на территории Пакистана, в основном в пределах долины Инда и ее притоков и в границах параллельной речной системы древней Сарасвати (в настоящее время сухие русла рек Хакра и Нара). Лишь в одном месте внутреннего Белуджистана, в Дабат-кот, имеются свидетельства о заселении в

поздний периоды, около 2500–1500 гг. до н.э.

хараппский период, но и здесь оно ограничивается частью поселения. Все прочие известные хараппские поселения – Наушаро, Патхани-Дамб и Балакот, Сонгтакакох и Суткагендор – размещены вдоль восточной и южной границы Белуджистана.

Инд течет с севера на юг не прямо, а принимает заметную S-образную форму, из-за чего увеличивается количество пригодной для обработки земли. Река питается из ледников, а также муссонными дождями и имеет в регионе Синда уклон 4,8 см на 1 км; важной чертой режима течения Инда были периодические разливы. Размещение хараппских поселений в Синдском коридоре соответствует разнице на реке заливных равнин (*дханд*), зависевших от летних разливов. К западу от Инда течет поток, известный как Западная Нара, источником вод для которого являются горные реки, текущие с хребта Киртхар, и разливы Инда. Эти воды в конечном счете стекают в оз. Манчар, которое, имея периодически изменяющийся уровень, давало прекрасную землю для обработки, благодаря чему здесь возникли некоторые раннехараппские поселения, такие как Пандивахи, Дамб-Бутхи и Али-Мурад. Другой специфической природной областью, где были обнаружены хараппские поселения, является равнина Качи – широкое пространство аллювиальных наносов, расположенное у подножья горного Боланского прохода. К востоку от Инда течет Восточная Нара, принадлежащая к речной системе Гхаггар-Хакра-Сарасвати, и эта сторона Инда интересна концентрацией поселений в Чолистане. Вдоль Киртхарского и Сулейманова хребтов и в индской области Кохистан на юго-западе поселения располагались вблизи подземных источников воды. Суткагендор, Сотка-кох, Балакот являлись по существу морскими портами, контролировавшими прибрежную торговлю. Каждое из этих поселений располагалось на выходе из важной долины, по которой из внутреннего Белуджистана можно было попасть на Макранское побережье. Ближе к Пенджабу притоки Инда создали широкие аллювиальные равнины, почти не затрагиваемые разливами. Поселения индской культуры обнаружены в Хараппе, Чак-Пурхане-Сьял и Джалипуре на р. Рави.

Разделение хараппских поселений на города, поселки и деревни является неточным. Города – такие, как Мохенджо-Даро, Хараппа и Лотхал, выделяются обычно из-за своих размеров и наличия монументальной архитектуры, включающей цитадель. Однако можно выделить производящие центры, подобные чолистанским, которые были средоточием отдельных ремесел; полевые стойбища пастухов, использовавших пустынные и отдаленные территории и долины; портовые городки, подобные Суткагендор и Сотка-кох, которые вели морскую торговлю и в то же время были связующими звеньями с сырьевыми районами внутренних областей; многофункциональные поселения. Жители прибрежных поселений, подобных Аллахдино и Балакоту, осваивали морские ресурсы. На западном краю пустыни Тар, где между 1974 и 1977 гг. проводились крупномасштабные исследования, расположение поселений оказалось иным. К густонаселенным поселениям относится столичный город в Ганверивала, занимавший площадь 81,5 гектаров и расположенный на одинаковом расстоянии как от Мохенджо-Даро, так и от Хараппы. Разумно предположить, что Хараппа и Мохенджо-Даро изначально также были расположены в густонаселенных областях, которые в настоящее время невозможно реконструировать вследствие интенсивной обработки почвы и других ландшафтных изменений в результате вмешательства человека. Территория, заключенная между этими тремя городами (Мохенджо-Даро, Хараппа и Ганверивала), по-видимому, была ядром индской цивилизации. Это практически та же область, которая была заселена в раннехараппский период, предшествовавший расцвету индской цивилизации.

Доступ к сырью обеспечивался цепью поселений вдоль коммуникационных линий. В местах добычи сырья осно-

вывались особые поселки, такие, как Шортугаи на р. Оксу в Бадахшанской области, в окрестностях которого добывался лазурит. Поселки на возвышенностях должны были охранять перевалы и поддерживать сообщения между долиной Инда и Белуджистаном для обеспечения внутренней торговли и доступа к источникам сырья. В поселениях, расположенных в пустыне на восточном краю долины, обнаружено мало культурных материалов, что указывает на временный характер таких поселений.

На территории Индии область распространения индской цивилизации приходится на два отдельных географических региона, по существу разрываемых пустыней Тар: восточный регион, занимающий штаты Раджастан, Харьяну, Пенджаб, некоторые районы штатов Джамму и Кашмир и Уттар-Прадеш с речными системами Гхаггар-Сарасвати, Чауганг, Сатледж, Биас, Рави, Чинаб и Джамна; южный регион, занимающий Кач, Катхиявар, прибрежные равнины штата Гуджарат и некоторые внутренние области штата Махараштра с речными системами Луни, Банас, Сабармати, Нармада, Махи, Ким, Тапти и Годавари.

Восточный регион, имевший ряд систем из многих рек, резко отличаясь от Синда с его системой одной реки, имел широкие плодородные равнины с обширной поверхностью ежегодных разливов. Исследования ландшафта показали, что Сатледж некоторое время был главным притоком Гхаггар-Сарасвати, и чем-то подобным была Джамна, что делало Гхаггар-Сарасвати мощной рекой, которая, возможно, вливалась в Большой Качский Ранн (солончак) через реки Хакра и Нара. Гхаггар-Хакра имел четкое обозначенное русло в аллювиальных землях, но не образовывал большой долины, что было бы естественно для реки такой величины. В какое-то время в первой четверти II тысячелетия до н.э. тектонические движения направили Сатледж и Джамна по их нынешним руслам, что доказывается многочисленными маленькими протоками, по которым они протекали, уходя из засушливой области, где течет пересыхающая летом Гхаггар-Сарасвати. Результатом этого стало уменьшение расхода воды, необходимого для поддержания жизни поселений, расположенных ниже по течению. Этот феномен отражен в размещении поселений различных типов.

Большое количество дохараппских² и хараппских поселений было найдено главным образом вдоль сухого в наше время русла Гхаггар-Сарасвати и вдоль протоков Сатледжа, таких, как Наивалс и Вах, но этих поселений нет ни на одном из нынешних русел, за исключением Рупара. Пересыхание речных систем отразилось на дохараппских поселениях в долине Чауганга, оказавшихся в изоляции и развивавшихся своим собственным путем. На сегодняшний день, как это ни парадоксально, и дохараппские, и хараппские поселения наиболее плотно сосредоточены не на р. Инд и ее притоках, с которыми связано название цивилизации, а на высохшей в настоящее время Хакра-Гхаггар-Сарасвати и ее исчезнувших притоках.

В южном регионе распространение поселений не было столь единообразным, как в Синде, Пенджабе и Раджастане. Речные сети в Каче, Катхияваре и на остальной территории штата Гуджарат не были связаны между собой. Это объясняет разветвленность индской цивилизации в этом регионе. Местонахождения Суркотада, Дхолавира (Котади) и Бхататрав имеют разные характерные черты. Примечательно, что в этом регионе отсутствуют дохараппские поселения.

Что касается прибрежных областей, то изрезанная береговая линия к югу от Камбейского залива создавала удобные места для портов, о чем свидетельствуют поселения в местностях Прабхас-Патан на берегах р. Хиранья, Лотхал на р. Бхогаво, Мехгам в устье р. Нармада и Бхататрав в устье р. Ким. В северо-восточной прибрежной зоне Малого Ранна реки Банас, Сарасвати и Рупен образовали своими иловыми наносами в районе устья равнину, которая обес-

печила благоприятную природную зону для хараппских общин; в этой области имеется много поселений. Гуджаратские равнины, расположенные между болотистыми прибрежными зонами и внутренними плато и горами, имеют довольно плоский характер, пересекаются извилистыми реками и создают удобные места для поселений.

Для плато Катхиявар характерна радиальная система стоков. К наиболее значительным поселениям, расположенным в долинах этих рек, относятся Рожди на р. Бхадар и Рангпур на р. Сукха-Бхадар. Интересной особенностью Катхияварского плато являются многочисленные *дайки* (пластинообразные геологические тела, ограниченные параллельными плоскостями, и секущие вмещающие породы. – *Прим. ред.*), достигающие порой ширины 60 м, из которых получали сырье для изготовления различных предметов, в том числе бус.

По плато Кач протекают реки, на юге впадающие в залив Кач, а на севере пропадающие в солончаке Большой Качский Ранн. Ни одна из этих рек не имеет протяженности больше 60 км. К самым известным здешним хараппским поселениям относятся Суркотада, Десалпур, Дхоловира и Пабуматх. Расположенное на окраине Рана поселение Дхоловира могло функционировать как портовый пункт.

Тип поселений обусловлен природными, технологическими и экономическими факторами; на него влияло, возможно, и постепенное понижение высот по направлению от ядра цивилизации к ее восточному и южному регионам и, несомненно, климат. Факторы окружающей среды уже были описаны, а о климате речь пойдет ниже.

Аламгирпур и Хулор, расположенные за водоразделом систем Инда и Джамны, находились на восточном рубеже природной зоны, за пределами которой лежали настоящие индийские муссонные джунгли, которые индскому населению с имеющимися в его распоряжении орудиями труда было бы трудно расчистить для ведения земледелия. Верховья Ганга – Джамны, являвшиеся переходной зоной от сухих равнин долины Инда к муссонным долинам Ганга, соответствовали восточной границе зимнего земледелия, которое в значительной степени являлось основой существования хараппцев. Они также сильно зависели от непересыхающих рек с обширными заливными равнинами; ежегодно затопляемые муссонными паводками равнины получали свежий ил – прекрасное удобрение для злаков. Другим фактором была судоходность рек, позволявшая осуществлять перевозку товаров и обеспечивать доступ к природным богатствам. Самая высокая плотность поселений наблюдается в непосредственной близости от месторождений меди, что характерно для Кхетрийского пояса в Раджастхане и Амба-Маты в Каче. Залежи оловянных руд встречались на хребте Аравали, в районах городов Бхилваре и Удайпуре в штате Раджастхан и Банас-Кантха в Гуджарате. Это имеет особое значение в силу наличия в горах Аравали отложений халькопирита (медного колчедана). В Раджастхане было легко обнаружить стеатит, легкий для обработки камень желтого цвета, и темно-серый сланец, а в Гуджарате возле Раджпиплы можно было добывать сердолик, агат и другие полудрагоценные камни – разновидности халцедона. Во второй области имелась также красная охра, раковины и слоновая кость, бывшие предметами дальней торговли. Источники строительного дерева, такого как сосна, гималайский кедр и вяз, находились в районе Панч-Махал Нижних Гималаях и в горах Западные Гаты. Хараппское проникновение в Гуджарат было, по-видимому, главным образом вызвано стремлением получить порты и сырье. Потребности в кремнистом известняке, кремне, жадеите, лазурите, серебре, золоте и т.п., которых не было в этих регионах, делали их население участниками дальней торговли, имевшей форму прямой или сложного обмена, который в свою очередь вел к межрегиональному взаимодействию.

КЛИМАТ

Климат древней Южной Азии был предметом серьезных споров, а имеющиеся данные воспринимались по-разному. И Стейн (*Stein*, 1931), и Маршалл (*Marshall*, 1931) настаивали на том, что в дохарраппские и хараппские времена (III тысячелетие до н.э.) климат был более влажным, чем современный. Их мнение основывалось на пяти известных фактах: (1) наличие так называемых *габарбандов* для регулирования расхода воды; (2) большое количество древних могильных холмов, не соответствующее поселенным настоящему времени, что указывает на более плотное заселение области; (3) использование в Мохенджо-Даро, Чанху-Даро и Хараппе обожженного кирпича, для изготовления которого требовалось большее количество топлива; (4) наличие в Мохенджо-Даро и в Хараппе искусной дренажной системы для стока ливневых вод; (5) изображение на печатях животных, характерных для болот или тропического леса (тигр, носорог, буйвол, слон), и отсутствие или крайне редкое изображение на них верблюда. Как считалось, окрестности Мохенджо-Даро были покрыты густыми джунглями, бывшими естественной средой обитания для подобных животных. В то же время Маршалл осознавал и слабые места этой аргументации, особенно при сравнении с современными хараппской цивилизациями Египта и Месопотамии, и делал оговорки в отношении этой «плювиальной (дождевой)» теории. Уиллер (*Wheeler*, 1968) также не считал, что аргументы в пользу влажного климата являются бесспорными.

В 1971 г. Гурдип Сингх (*Singh*, 1971, 1974) выполнил анализ пыльцы в отложениях соленых озер (Самбхар, Дидвана и Лункарансар) и в отложениях пресного озера (Пушкар) на территории пустыни, расположенной в штате Раджастхан. Установленная на основе анализа пыльцы последовательность изменений окружающей среды состоит из шести фаз, четвертая из которых, относимая приблизительно к 3000–1000 гг. до н.э., покрывает период индской цивилизации, затрагивая предшествующую и последующую фазы. Эта фаза IV делится на подфазы IV A (3000–1800 гг. до н.э.), IV B (1800–1500 гг. до н.э.) и IV C (1500–1000 гг. до н.э.). Подфаза IV A отличалась значительной влажностью, IV B – менее влажным климатом, а IV C была временем перехода к сравнительно сухим условиям. Палеоэкологическая картина подфазы IV A подразумевает уровень годовых осадков, который по крайней мере на 50 см превышал современный средний уровень в засушливом поясе Раджастхана. Гипотеза о более влажном климате хараппской эпохи подтверждается метеорологическими исследованиями (*Ramaswamy*, 1968), соотношениями изотопов кислорода в Аравийском море, климатическим моделированием интенсивности муссонов (*Meadow*, 1989) и экологическими факторами (*Agrawar & Sood*, 1982).

Теория влажного климата, однако, ставилась под сомнение различными учеными (*Raikes & Dyson*, 1961; *Raikes*, 1967; *Chowdbury & Ghosh*, 1951; *Thapar*, 1977, 1984; *Vishnu Mittre*, 1978, 1982; *Mishra*, 1984), которые считали, что в течение последних примерно 9000 лет заметных изменений климата не было, а аргументы в пользу более влажного климата недостаточно убедительны. Миттре на основании собственного анализа палинологических диаграмм в Раджастхане утверждал, что в 3000–2000 гг. до н.э. климат был засушливым. Что касается роста городов, то подчеркивалось, что большая часть поселений возникла на заливных равнинах, где осадки в виде дождя имели минимальное значение, и они могли успешно существовать вообще без дождей при искусственном орошении или даже без орошения; на заливных равнинах Инда до сих пор сохраняются галерейные леса, являющиеся средой обитания диких животных. Кроме того, было выявлено, что пропускная способность стоков, обнаруженных в Мохенджо-Даро, не соответствует большому количеству осадков – их по-

вседневной функцией был отвод сточных вод. Габарданды были устройствами для сохранения наносов ила, оставшихся после непродолжительных сезонных разливов, вблизи русел, которые всё остальное время были сухими. Более того, данные, полученные в результате исследований пыльцы в Раджастане, нельзя без должной осторожности экстраполировать на весь ареал индской цивилизации, тем более что палинологические данные, полученные в Балакоте (в провинции Синд), по-видимому, не подтверждают существование более влажного климата в IV–III тысячелетиях до н.э. (Dales, 1986). В то же время не следует отрицать существования различных обстоятельств, связанных с живой и неживой природой, вызывавших кратковременные колебания влажности в различных частях этой территории.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Со времени открытия индской цивилизации о ее происхождении и последующем развитии высказывались различные точки зрения. Основываясь главным образом на некоторых связанных с Индом материалах месопотамских поселений, первоначально предполагали, что индская цивилизация была ответвлением шумерской цивилизации, которая предшествовала ей и также в большой степени была связана с рекой. Более внимательный анализ индской и месопотамской культур показал, что фундаментальные различия (планировка городов, письменность, система мер и весов) исключают возможность какой-либо прямой «колонизации» первой со стороны второй. В то же время следует признать, что определенные различия заметны и при детальном рассмотрении таких в основном близких явлений, как признаки самого города, обширные торговые связи, высокоорганизованное земледелие, плодородные речные долины, специализированные ремесла и ритуальные центры. Учитывая природные условия территории, лежащей между двумя регионами, – бесплодные горы с редкими поселениями, – следует считать, что ни о каких исходящих из Месопотамии влияниях говорить не приходится – иначе они бы радикально изменили свою природу, прежде чем достигли долины Инда. Какие бы влияния ни шли с запада на восток (а какие-то определенно имели место), они воздействовали на уже сложившуюся ситуацию.

Другая точка зрения состоит в том, что эта цивилизация самостоятельно сложилась в Северо-Восточной Индии из мозаичных земледельческих культур индо-иранского пограничья и Белуджистана, которые в основном предшествовали хараппской культуре, а иногда были даже современны ей (Fairervis, 1971). Это множество культур может быть классифицировано по шести фазам или пяти стадиям, каждая из которых была более развитой в культурном и техническом отношении, чем предшествующая, а последняя фаза представляет собой собственно цивилизацию. Сторонники данной точки зрения постулируют существование в горных местностях процветающих сельских хозяйств, из которых развились богатые городские хозяйства после того, как местные жители стали достаточно искусными, чтобы использовать потенциал аллювиальных долин на основе всех эмпирических традиций производства пищи их иранских предшественников, успешно приспособленных к новым природным условиям. Помимо прочего это означает, что индская цивилизация была естественной кульминацией длительного процесса. Ее генезис и характер остаются, однако, труднообъяснимыми. Тщательное исследование белуджистанской горной культуры несомненно привело бы к открытию некоего единого уровня развития материальной культуры, но нам все еще недостает знаний об ускоряющих факторах и мотиваци-

ях, бывших необходимыми для последующего шага в ее развитии.

Хорошо известно, что повсюду, где были обнаружены хараппские поселения, возникшие на месте дохараппских (Калибанган, Хараппа, Кот-Диджи, Гумла, Балакот), хараппское поселение кажется появившимся внезапно и уже вполне зрелым. Амри, однако, является примером постоянного заселения с переходом от дохараппской фазы к хараппской.

Полевые изыскания с целью исследования раннего культурного развития в большой долине Инда (Mughal, 1970) предоставили данные, указывающие, что культурные процессы, которые вели к возникновению городов, шли в этом регионе уже с середины IV тысячелетия до н.э. Детальный анализ материалов, раскопанных в таких поселениях предшествовавших культур большой долины Инда, как Кот-Диджи, Рахман-Дхери, Джалилпур, Амри, Балакот, Калибанган и других, выявил наличие многих элементов, в особенности укреплений, видов керамических изделий (терракотовых плиток, браслетов, колес для игрушечных тележек, фигурок быков) и технологии металлообработки, которые впоследствии характеризовали индскую цивилизацию. Этот феномен создает ощущение определенного единства отдельных особенностей культуры, стилей и технологий, предшествовавших возникновению городов. Но сама идея города с централизацией различных независимых видов деятельности в отдельных районах, монументальной архитектурой, тщательно разработанной системой мер и весов, крупномасштабной медно-бронзовой металлургией и письменностью, этим отличительным признаком цивилизации, в данных культурных проявлениях явно отсутствовала, хотя при этом и утверждалось, что начала письменности можно увидеть в граффити и клеймах, встречающихся на посуде, относящейся к культурам, которые рассматриваются как раннехараппские или как стадии формирования индской цивилизации. По вопросу о происхождении хараппского города выдвигалось предположение, что рост земледельческой продукции в деревнях создал потребность в рынках и соответственно в классе торговцев (Agrawal, 1972–1973). Торговцы не только спланировали хараппские города, но также сознательно стандартизировали их культурные особенности. Таким образом, доказывалось, что внезапность возникновения хараппской культуры была результатом продуманных действий, а не процесса естественного развития.

Существует и иная точка зрения, основанная на недавно полученных археологических данных (из раскопок в Тепе-Яхья и Шахр-и-Сохта), свидетельствующих о полномасштабном развитии частично образованного и экономически востребованного комплекса сообществ на индо-иранском пограничье в конце IV тысячелетия до н.э.; согласно этой точке зрения влияния, обусловившие начало формирования индской цивилизации, исходили из Восточного Ирана. Имеет смысл подчеркнуть, что такие довольно развитые сельские общины Белуджистана, как Кулли, где, возможно, имел место синокизм (объединение ряда общин в одну), находились в контакте с сообществами Иранского нагорья и Южной Месопотамии, Хузистана, Туркмении, Систана и Южного Афганистана, так что развитие местных комплексов «село–город» могло быть ускорено распространением идеи цивилизации из этой раннегородской сферы взаимодействия. Имевшиеся возможности, судя по всему, использовались во многих поселениях с различным успехом. Раскопки в Тепе-Яхья и Шахр-и-Сохта выявили синхронизм таких черт, как протоэламские таблички, нальская посуда или терракотовые фигурки быков; в первом поселении была также обнаружена печать из области Персидского залива, оттиски печатей с несомненно индским письмом на черепках, а также месопотамская керамика. Существование в конце IV и начале III тысячелетия протописьменного общества на этой

территории могло в свою очередь стимулировать развитие системы письменности в долине Инда. Более того, находки на островах Бахрейна, о. Файлака, в Бампуре, Алтын-Тепе, Шортугае, Сарай-Кале и Гумле выявили наличие связей между Месопотамией, Систаном, Туркменией, Афганистаном, Белуджистаном и Синдом, которые должны были способствовать распространению знаний.

Значение распространения идей и стимулов из Месопотамии, Ирана и Систана в сочетании с местными идеями и возможностями заслуживает должного внимания. М. Уиллер давно заметил, что идеи имеют крылья, а в Западной Азии III тысячелетия до н.э. идея городской жизни буквально носилась в воздухе. В сознании создателей индской культуры, пусть и в абстрактном виде, созрела модель цивилизации, а обстановка была достаточно подготовлена в социально-культурном отношении, чтобы такая модель была воспринята. Можно приводить аргументы в пользу ускоряющего влияния, хотя и избирательного, мягкого и преходящего, которое ускорило происшедший синойкизм. Роль местных факторов подчеркнул Гхош (*Ghosh*, 1965), который чувствовал, что истоки цивилизации следует искать в границах ранней дохарапской культуры, а не вне ее. Он отчетливо показал, как местное население, без каких-либо колонистов или завоевателей извне, пробудилось, восприняло новые идеи и отреагировало соответствующим образом, ведомое, возможно, несколькими гениальными диктаторами, а также – как торговля с Западной Азией заставила осознать необходимость стандартизации. Но где именно имел место феномен этого взрыва, пока не установлено. Не хранят ли ключ к этой тайне неразведанные еще уровни Мохенджо-Даро или не раскопанное еще поселение в Джудсирджо-Даро?

ПРОТОГОРОДСКИЕ И ДОПИСЬМЕННЫЕ КУЛЬТУРЫ

Белуджистан

Около 5000 г. до н.э. в Большой долине Инда и в Белуджистане появились постоянные поселения, находившиеся вблизи источников воды или на сохранявших влагу землях горных долин, где выращивались злаковые культуры, а козы, овцы и крупный рогатый скот были уже полностью одомашнены. Высокая степень специализации ремесленного производства, дальняя торговля, сложность конструкции жилых домов и общественных зданий, появившихся в период неолита в Мехргархе и Кили-Гул-Мухаммаде, привели к появлению более сложных социально-экономических, религиозных и политических институтов, ставших основой городской жизни в долине Инда.

Ранние культурные проявления в Белуджистане и долине Инда определяются материальными комплексами, обладающими общими культурными признаками, и известны, как правило, по области их концентрации или по названиям главных поселений. Эти культуры развивались приблизительно с 5000 по 2500 г. до н.э.

Середина V тысячелетия до н.э. отмечена началом халколита (медно-каменного века) в Белуджистане, который представлен в долине у г. Кветта, в Кили-Гул-Мухаммаде (уровни II–III) и в Мехргархе (период III). Сопоставимые материалы найдены на плато у г. Калат в слоях, обозначенных как Сураб I–II, и в слоях Сур-Джангал I–II, обнаруженных в долине у г. Лоралаи в Северном Белуджистане (*Fairservis*, 1959).

Был изобретен гончарный круг, появились новые керамические сосуды и декоративные сюжеты. На интенсификацию прочих ремесел указывает находка в Мехргархе тиглей с кусочками меди и мест для огранки камней и обработки раковин. Здания, и в их числе состоявшие из нескольких отделений зернохранилища, навоят на мысль

о существовании излишков и интенсивном выращивании зерновых, в основном ячменя. Это связано с культурами как Мундигака I–II, так и Намазги III периода.

Во второй половине IV тысячелетия до н.э. происходили дальнейшие изменения и усовершенствования, хотя культурного разрыва в Кили-Гул-Мухаммаде, Сурабе и Мехргархе не наблюдается. Новые стили гончарных изделий были представлены двухцветными и многоцветными росписями, лощеной и серой посудой и сосуществовали с более ранними гончарными традициями. Бывшие предметами культа женские статуэтки стали более стилизованными по своей форме, что указывает на растущее значение религии. Дома продолжали строиться из глины или сырцового кирпича на каменном фундаменте.

С началом III тысячелетия до н.э. в Белуджистане связано возрастание сложности в архитектуре и изобилие гончарных изделий; лучшую информацию об этом дают равнины Качи и долины в регионе г. Кветта. В Дамб-Садаате и Мехргархе появляются общественные здания и памятники в виде платформ. Становятся стандартными формы «матери-богини» с украшенной драгоценными камнями грудью. Были выделены особые зоны для работы ремесленников разных специальностей. Наличие морских раковин, лазурита и бирюзы показывает, что Белуджистан уже установил обширные внешние контакты. Распространение видов гончарных изделий и сюжетов их росписи по широкому ареалу указывает на развитую сеть коммуникаций как в пределах долины Инда, так и с другими регионами. Кветтский стиль росписи встречается в керамике из Мундигака III в Афганистане, Шахр-и-Сохты в Систане и даже в отдаленных поселениях раннего бронзового века в Туркмении – в Намазге IV. Этот тип керамики распространился также в южном направлении до Нала к югу от г. Калата и на предгорных равнинах западной части долины Инда.

Одна из значительных культурных территорий к югу от Калата представлена поселением Сохр-Дамб, где с помощью гончарного круга производили гончарную посуду, весьма специфичную по форме и орнаменту; там же обнаружены в погребениях разнообразные бронзовые орудия (*Hargreaves*, 1929). Глиняные емкости с круглым основанием и другие сосуды, включая кубки и чаши, украшены разнообразными геометрическими, растительными, а также зооморфными сюжетами. Широко была распространена также нальская керамика, что создает четкие хронологические рамки для периода около 3300–2500 гг. до н.э.

Археологическая последовательность для региона в долинах рек Лоралаи и Зхоб известна по раскопкам в Рана-Гхандай (*Ross*, 1946), Сур-Джангал и Перьяно-Гхондай. Строения из сырцового кирпича и глины на каменных фундаментах, орудия из кремня, листовидные наконечники стрел, медные предметы, алебастровые сосуды и терракотовые женские статуэтки встречаются здесь наряду с красной посудой, расписанной разнообразными сюжетами, выполненными черной краской. Отмечены контакты с речным бассейном в районе г. Банну и долиной р. Гомаль, особенно в течение первых веков III тысячелетия до н.э. В то же самое время прослеживается взаимосвязь нижней долины Инда с Центральным и Южным Белуджистаном.

Синд

В отличие от региональной культурной модели Белуджистана, для обширных равнин Большой долины Инда характерно заметное единообразие материалов, связанных с культурной интеграцией, за исключением таких периферийных территорий, как Юго-Западный Синд и Северо-Восточный Раджастан. Культуры раннего бронзового века в Большой долине Инда – с их укреплений, дальней торговлей или обменом, ремесленной специализации

ей и производством на местах стандартных орудий труда, керамики и других предметов, с системой хозяйствования, основанной на земледелии, оформившейся религией, зачатками письменности в форме граффити и клейм на глиняных сосудах, а также с большими размерами поселений и сложной архитектурой – представляют раннехарапскую стадию. Появление таких больших поселений, как Мохенджо-Даро и Хараппа в середине III тысячелетия до н.э. знаменовало высшую точку культурных процессов, которые развивались по крайней мере уже с середины IV тысячелетия до н.э. (Mughal, 1970, 1988).

До появления городских центров около 2500 г. до н.э. регион нижнего Инда был усеян постоянными поселениями с социальной организацией различной сложности, архитектурой, технологией производства инструментов и системами обмена; система хозяйствования была основана на земледелии и животноводстве. Эти древние поселения, которых насчитывалось более 30, были современны культурам бронзового века в Белуджистане, и их можно отнести приблизительно к середине IV и началу III тысячелетия до н.э. Наиболее значительными поселениями являются Кот-Диджи и Амри, которые представляют собой основной эталон раннего бронзового века в долине в нижнем течении Инда.

Кот-Диджи, занимающий территорию по меньшей мере 2,6 га, расположен на восточном берегу Инда, напротив Мохенджо-Даро (Khan, FA, 1965). Самое древнее поселение на этом месте, называемое «Кот-Диджиан», было окружено укреплениями из сырцового кирпича и представлено слоями 4–16, которые с помощью радиоуглеродного анализа отнесены к периоду между 3300 и 2500–2200 гг. до н.э. Отмечено использование бронзы, в основном для предметов домашнего хозяйства и личных украшений. Другие предметы представлены пластинами из сланца, листовидными наконечниками стрел, каменными пестиками, зернотерками, бусами из сердолика и лазурита и разнообразными изделиями из терракоты, такими как каркасы и колеса игрушечных повозок. Наиболее типичным элементом этой культуры является изготовленная на гончарном круге керамика, часто украшенная по горлышку простой черной или коричневой полосой и представленная шаровидными сосудами на подставках, сосудами с загнутыми краями и крышками, мисками и чашами. Типы керамики, в частности, соответствуют обнаруженным в контекстах начала III тысячелетия до н.э. в центральной и северной частях долины Инда. В культурных слоях Кот-Диджиана найдены материалы, которые превосходят некоторые элементы зрелой харапской культуры. Поэтому материалы Кот-Диджиана рассматриваются в настоящее время как представляющие начало протогородской стадии индской цивилизации.

Другим достойным внимания поселением является Амри, расположенное в юго-западной части долины в нижнем течении Инда, на правом берегу реки. Наиболее древнее поселение на этом месте, называемое «Амриан», отнесено к середине IV тысячелетия до н.э. Из-за близости к реке средства к существованию здесь, помимо земледелия и скотоводства, давало рыболовство. О степени сложности жилых и прочих строений говорит наличие построек, разделенных на несколько частей. Находки полудрагоценных камней, алебаstra и некоторых типов керамики, происходящих из Белуджистана и с восточного берега Инда, показывают, что Амри и связанные с ним поселения в регионе хребтов Кохистан и Киртхар были вовлечены в обширную систему взаимодействия. Керамика из Амри определяется по форме сосудов и богато украшена черной, коричневой и двухцветной росписью. Больше 80% керамики в ранних культурных слоях было изготовлено вручную, но в более поздние периоды она вытесняется посудой, сделанной на гончарном круге. На расписной амрианской керамике имеются разнообразные геометри-

ческие, «животные» и растительные орнаменты. Многоцветная керамика, в частности, связана с расписной керамикой из Кечи-Бег в долине у г. Кветта. Большая концентрация амрианских поселений наблюдается на территории Синдского Кохистана и на предгорных равнинах у Киртхарского хребта, где к настоящему времени открыто 27 поселений. Другим местом в долине в нижнем течении Инда, где представлена культура, предшествовавшая харапскому поселению, является Балакот.

Прилегающий регион долины в верхнем течении Инда в этот период был густо населен, на что указывает около 100 поселений, приблизительно 40 из которых находятся на территории Чолистана. Высокая концентрация поселений в верхней и центральной частях долины Инда, по-видимому, свидетельствует о том, что именно здесь находился ключевой центр, который позднее привел к полной урбанизации региона. Поселениями, в наибольшей степени связанными с ранним этапом этого процесса развития, являются Сарай-Кала в долине у г. Таксила, Хараппа и Джалилпур в центральной части долины Инда.

Северо-западная пограничная провинция Пакистана и Пенджаб

В Сарай-Кала представлены два больших культурных периода (Halim, 1970–1971, 1972). Начиная с позднего неолитического горизонта периода I поселение было занято людьми, которые пользовались керамикой, изготовленной на гончарном круге, и широко применяли инструменты из камня и кости, а также пользовались бронзовыми, медными и разнообразными терракотовыми предметами. Здесь не были обнаружены постоянные постройки, но наличие ям под столбы подразумевает использование недолговечных материалов для строительства жилых домов в дополнение к стенам из глины на каменном фундаменте. Поселение было постоянным, и это свидетельствует о доступности хозяйственных ресурсов, необходимых для поддержания растущего населения. Глиняная посуда сопоставима с известной керамикой из Кот-Диджиана начала III тысячелетия до н.э.

Два других поселения в той же долине – в Джанге (Mughal, 1989) и в Хатхиале (Khan, GM, 1983) в своем материальном оснащении воспроизводят культурную модель местонахождения Сарай-Кала II.

В Джалилпуре, неподалеку от р. Рави, находится другое поселение начала III тысячелетия до н.э., которому предшествовало местонахождение, связанное с ранней «хакрской» фазой, широко известной по материалам из Чолистана (Mughal, 1972, 1974). Большое количество предметов из лазурита и некоторое количество изделий из буйволовой кожи, обнаруженное в поселениях того времени, говорит об обширном взаимодействии, включавшем в себя торговлю или обмен между отдельными поселениями и между целыми регионами. Гончарные изделия из Джалилпура по типу являются кот-диджианскими, но имеются также двухцветные изделия, которые отсутствуют в поселениях типа Кот-Диджи, однако часто встречаются в поселениях в долине верхнего течения Инда. Хараппа, расположенная в 70 км к северу от Джалилпура, была первым поселением, где производилась керамика, которая теперь рассматривается как типично кот-диджианская. В результате раскопок обнаружена обширная территория, которую занимало раннехарапское поселение.

В центральной области раннехарапской культуры, где по меньшей мере 40 поселений были открыты в Чолистане и значительно больше поселений – по индийскую сторону границы, концентрация населения, судя по всему, была максимальной. Возможно, оно занималось земледелием на заливных долинах р. Хакра и ее притоков, а также разводило коров, овец и коз, используя для этого пустынь-

ные районы вокруг, где были обнаружены стоянки для временного заселения, содержащие характерную раннехарапскую керамику и другие материалы. Наличие в некоторых из этих поселений печей для обжига подразумевает ремесленную деятельность, помимо изготовления керамики на гончарном круге (*Mughal*, 1982, 1989).

Северо-западная часть долины Большого Инда, от предгорий Сулейманова хребта до р. Инд, включая долину р. Гомаль и речной бассейн у г. Банну, с середины V по III тысячелетие до н.э. также была цветущим центром древних культур. В долине р. Гомаль были раскопаны два поселения – Гумла и Рахман-Дхери. В Гумле представлены две последовательности культур (*Dani*, 1970–1971): ранние поселения с характерной неолитической экономикой выживания и более поздний раннехарапский комплекс бронзового века, относящийся ко II–III тысячелетиям до н.э. В течение этого периода бронзовые орудия использовались наряду с микролитами и двусторонне обработанными пластинами из сланца. Керамику изготавливали на гончарном круге, обжигали до красного цвета и обычно расписывали либо черным, либо коричневым, либо тем и другим цветом, нанося линейный и геометрический узор. Примечательно, что комплекс содержит шесть типов керамики развитой (зрелой) харапской культуры, что указывает на контакты с городскими центрами харапской цивилизации.

Рахман-Дхери, занимающий территорию в 22 га, является крупнейшим известным поселением в долине р. Гомаль (*Durrani*, 1988). В результате раскопок здесь были выявлены поселения трех периодов. Поселения, по-видимому, были укреплены с самого начала. Для поселения периода IA характерны глинобитные постройки, некоторые с круглыми зерновыми ямами, в одной из них обнаружены также обуглившиеся пшеничные зерна. Хозяйство местного населения, направленное на добычу средств существования, зависело от земледелия, разведения крупного рогатого скота, коз и овец. В следующий период II на смену зерновым ямам пришли большие глиняные сосуды для хранения зерна, вкопанные в землю. С другой стороны, глинобитные постройки использовались в течение всего времени существования этого поселения. В последний период III городская стена стала ненужной, однако глинобитная платформа, которую заново замостили, продолжала использоваться. О таких специализированных ремеслах, как огранка камней, свидетельствуют встречающиеся бусины на различных стадиях производства и многочисленные каменные сверла. Бронзовые инструменты, пластины из сланца и микропластины, терракотовые фигурки животных и женщин, значительное количество предметов домашнего хозяйства и украшений говорят о процветании общины. Гончарные изделия представлены всеми основными видами раннехарапской посуды, некоторые из них сопоставимы с керамикой того же времени из Северного Белуджистана, особенно из долин рек Зхоба и Лоралаи. Одно из двух других поселений в этом регионе, Хатхала, было раскопано в незначительной степени; данные раскопок соответствуют относительной хронологии в Гумла.

Речной бассейн вокруг г. Банну в северо-западной пограничной провинции Пакистана лишь сравнительно недавно признан важным в археологическом отношении регионом со следами древнего культурного развития. Этот бассейн включает три реки – Куррам, Тоци и Гамбила. В результате интенсивных исследований были открыты поселения различных периодов. Из поселений раннехарапского периода или раннего бронзового века к настоящему времени обнаружено девять, среди которых Таракай-Кила, Ислам-Човки, Мирзали-Хан-Дхери, или Сеер-Дхери, Лак-Ларгай, Тахит-Хель, Забга-Хан-Дхери и Баррай-Хурарра; первые три поселения были раскопаны в различной степени. Самая ранняя радиоуглеродная

датировка (середина IV тысячелетия до н.э.) связана с первым заселением в Шери-Хан-Таракай, занимавшим обширную площадь 0,2 кв. км (*Khan et al.*, 1986), культурный слой которого имеет толщину 2 м. В собраниях артефактов преобладают такие каменные изделия, как пластины, ядрища, полированные топоры, каменные кольца, зернотерки и большие сосуды для молотого зерна. Особенный интерес представляет открытие грубой красной посуды, находящейся в самых древних слоях. В сюжетах росписей представлены изображения козлов, обычных парами, «мальтийский» крест и геометрические орнаменты. По внешней поверхности сосуды украшались лепным глиняным орнаментом, напоминающим украшения из Хакры и Амри. Характерная раннехарапская посуда из Большой долины Инда встречается вместе с посудой из Северного Белуджистана.

Два других местонахождения в бассейне Банну – Леван, или Дар-Дариз и Таракай-Кила – представляют единую культурную группу ранних поселений начала III тысячелетия до н.э., которая по своему содержанию и датировке сопоставима с раннехарапской кот-диджианской керамикой и другими родственными материалами. Постройки в Таракай-Кила возводились из сырцового кирпича или глины на каменных фундаментах. На восточной стороне поселения имеются признаки старой оборонительной стены. С другой стороны, в Леване не имеется правильных построек, а на заселение указывают обломки в ямах различной глубины. В поселении производилось большое количество таких специальных орудий, как полированные каменные топоры, круглые камни, зернотерки, молоты, а также резцы, шилья, скребла, пластины различных форм, листовидные наконечники стрел, микросверла для изготовления бус из бирюзы и лазурита.

Индия, Пенджаб, Харьяна и Раджастхан

На прилегающей индийской территории дохарапские поселения были расположены по рекам Гхаггар (древняя Сарасвати) и Чаутанг (древняя Дришадвати) и по существу повторяли модель из Чолистана, перешедшую через пакистанскую границу (*Mughal*, 1981). Наиболее важными в этой речной системе являются поселения Калибанган, Банавали, Сисвал, Сотхи, Рахигархи, Балу и Рохира. Кроме этих поселений, поселение Митатхал располагалось на сухом ныне русле р. Джамна, которая некоторое время относилась к системе р. Гхаггар. За исключением Сотхи в каждом поселении обнаружены связи между дохарапской и харапской культурами. Основные данные были получены в Калибангане, Банавали, Сисвале и Митатхале.

Калибанган (*Thapar*, ВК, 1975) расположен в 310 км к северо-западу от Дели, на левом берегу ныне сухой р. Гхаггар в северной части Раджастхана. Раскопки выявили два периода заселения, верхний из которых относится к индской цивилизации, или харапскому периоду, а нижний – к предшествующей фазе, называемой, хотя и весьма неточно, «дохарапской».

Поселение с самого начала было укрепленным. Оборонительная стена сооружена из сырцового кирпича (размерами 30 см x 20 см x 10 см, т.е. в пропорции 3:2:1) и с внутренней и внешней стороны обмазана глиной. В обнесенном стенами пространстве дома были построены из сырцового кирпича того же размера, какой использовался при возведении оборонительных стен, уложенного «английской» кладкой. Отмечается использование обожженного кирпича в сточных канавах, размеры этого кирпича были те же самые, что и у сырцового. Интересным свидетельством о практике приготовления пищи является наличие в домах печей как подземного, так и наземного типов, очень напоминающих тандуры, используемые в этом регионе в настоящее время.

Однако отличительной чертой этого периода были гончарные изделия, которые подразделяются на шесть типов, обозначаемых для удобства буквами от А до F. Гончарные изделия одного из этих типов, изготовлявшиеся из высококачественной глины и имевшие гладкую поверхность, красный или пурпурно-красный цвет и черную роспись, были близки кот-диджианской керамике. Также отмечается сходство других изделий с посудой из Амри и белуджистанских поселений. Среди других находок, относящихся к рассматриваемому периоду, наиболее достойны упоминания небольшие пластины из халцедона и агата, иногда зазубренные или со спинкой; бусы из стеатита (дисковые), раковин, бирюзы, терракоты и меди; браслеты из раковин; терракотовые предметы, включающие фрагменты фигурки буйвола, колесо игрушечной повозки, браслеты; каменные жернова; костяное шило; изделия из меди – долото, браслет, режущие орудия неопределенного типа.

Было также обнаружено вспаханное поле этого периода с пересекающимися бороздами, позволявшими культивировать два злака одновременно. Это, возможно, самая древняя пашня, раскопанная к настоящему времени (Lal, 1970–1971).

Поселение Банавали расположено на правом берегу ныне сухого русла р. Сарасвати, приблизительно в 220 км к северо-западу от Дели в округе Хисар, штат Харьяна. В результате раскопок здесь была выявлена последовательность трех культур, самая ранняя из которых относится к дохарапскому периоду, а следующие – к харапскому и позднехарапскому (Bisht, 1984).

В трехметровом отложении дохарапского поселения обнаружено скопление материалов, разительно напоминающее калибанганский комплекс, которое характеризуется наличием шести типов керамики и другими находками, отмеченными в Калибангане. Поселение, по-видимому, было укреплено, хотя и не с самого начала. Здания строились из сырцового кирпича размерами (в см) 30 x 20 x 10 или 36 x 26 x 13, составляющими соотношением 3:2:1. Кроме того, использовались и квадратные кирпичи, имевшие размеры (в см) 30 x 30 x 10 или 27 x 27 x 9, или 24 x 24 x 12. Отмечено также использование обожженного кирпича. Наиболее примечательными сооружениями, обнаруженными в ходе раскопок, являются мостовая двухметровой ширины с кирпичным бордюром, частично раскопанный дом с несколькими обжиговыми печами на поверхности и огневыми ямами, днища которых приобрели красный цвет, что, возможно, указывает на использование этого сооружения в качестве кузницы. Другой интересной находкой стали круглые ямы, выкопанные в полах домов и содержащие голубоватый пепел, перемешанный с обгорелыми зёрнами; возможно, ямы использовались в качестве силосных или мусорных. Среди других находок в отложениях этого периода были костяные остроконечники и шилья, микропластины из халцедона, браслеты из раковин, фаянс, медь и терракота, бусы из золота, полудрагоценных камней, стеатита (диски), фаянса, кости и глины, каменные весы (не приспособленные к индской системе весов), статуэтки животных из терракоты. Достойной вниманием находкой являются черепки с изображением крытой повозки со снабженными спицами колесами. В верхних слоях этого первого поселения уже встречается харапская посуда, хотя и не имеющая еще классических форм, а также терракотовые плитки; можно отметить использование в одном и том же доме кирпичей «дохарапских» и «харапских» размеров. Характер и значение этой, по всей видимости, переходной фазы еще нуждаются в уточнении. Достаточно отметить, что подобная фаза, отсутствующая в Калибангане, несмотря на сохранение дохарапских гончарных изделий в средних слоях последующего харапского поселения, была уже отмечена в Амри (Kasal, 1964), Сисвале и Митатхале (Suraj Bhan, 1975).

Двумя другими поселениями, где были обнаружены сопоставимые материалы, являются Сисвал, расположенный в 26 км к западу от г. Хисара на левом берегу ныне сухого русла р. Чаутанг, и Митатхал – в 118 км к северо-западу от Дели рядом с пересохшим руслом Джамны (Suraj Bhan, 1975).

Во многих поселениях в Пакистане (Амри, Балакот, Гумла, Хатхиал, Хараппа, Джалилпур, Кот-Диджи, Леван-Дхари, Мергарх, Рахман-Дхери, Сарай-Кала и Таракай-Кила) были обнаружены сопоставимые дохарапские и раннехарапские скопления, датируемые временным промежутком 3400–2200 гг. до н.э. На основе радиоуглеродного анализа дохарапский период в Калибангане был отнесен приблизительно к 2500–2300 гг. до н.э. В других индийских поселениях он, по-видимому, продолжался дольше, развиваясь еще в период зрелой харапской культуры. Дохарапские сообщества, вероятно, появились в Раджастанхэне несколько позднее, чем в Синде.

РАЗВИТАЯ ХАРАППСКАЯ КУЛЬТУРА: ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

Уникальность формы и содержания развитой фазы заметно выделяет харапскую культуру из современных ей цивилизаций. Примечательной чертой является общее единообразие городской планировки на территории ее распространения. Единообразие отражено также в стандартизованных материалах разных видов и в изобразительном искусстве. В основных городских центрах не обнаружено храмовых зданий, сравнимых с египетскими и месопотамскими, за исключением платформ для алтарей огня в Калибангане. Также не было обнаружено гробниц представителей высшего или богатого класса, дающих представление об иерархических погребальных обычаях.

Планировка больших и малых городов жестко следовала концепции акрополя (цитадели), строившегося из сырцового кирпича и глины в пределах оборонительных стен, и нижнего города, раскинувшегося в стороне. В Мо-хенджо-Даро, Хараппе и Калибангане цитадели располагались к западу от нижнего города, тогда как в Лотхале, Банавали и Суркотаде они являлись частью самого городского комплекса, хотя и отделенной от него. Высокая цитадель должна была служить административным центром города, и, возможно, вокруг нее располагались главные общественные здания.

В городской планировке индская цивилизация во многом опережала многие известные цивилизации Востока. Сетка улиц, идущих с севера на юг и с востока на запад, делила город на примерно прямоугольные кварталы. О социальном и экономическом статусе жильцов можно судить по размерам домов и их расположению. Самые большие дома размером 26 м x 18 м, были окружены высокой толстой стеной, имели большой внутренний двор, ряд комнат, в число которых входило помещение для мытья, колодец и лестницу, ведущую на второй этаж. Жилища меньшего размера состояли из двух–четырех комнат и внутреннего двора. В пределах города были выделены помещения для различных ремесел и видов деятельности – гончарной мастерской (определена по гончарным горнам), мастерской по обработке раковин и камня, молотбы зерна и т.д. Продуманная дренажная система из кирпичей, до сих пор эффективно действующая как ливневая канализация, является неповторимой чертой здешнего технического умения.

Высокая степень стандартизации проявляется в размерах кирпичей, системе мер и весов, формах и сюжетах росписей керамики, платинах из сланца, металлических предметах и печатях. Эти данные позволяют предположить, что харапская система управления отличалась высокой эффективностью в насаждении стандартов. Сама система

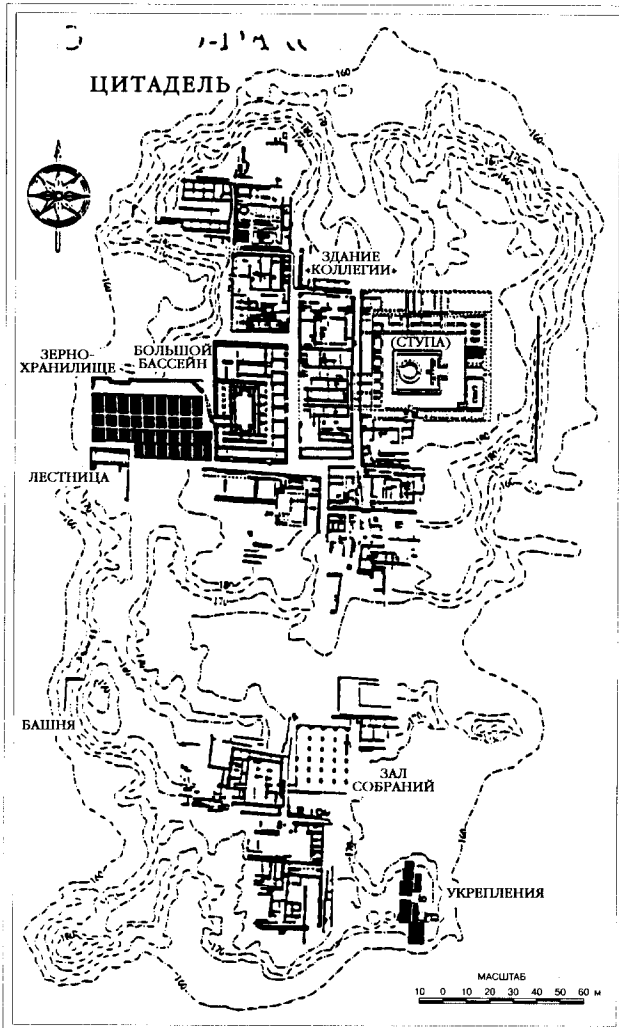

Рис. 38. Главные здания на цитадельном холме в Мохенджо-Даро (по Wheeler, 1968)

управления остается до сих пор неизвестной, хотя наличие провинциальных или региональных звеньев предполагало существование иерархического подчинения. Какой бы ни была центральная власть, сам факт поддержания эффективной системы сообщений в пределах огромной территории и стандартные материальные остатки указывают на полную культурную интеграцию, не имеющую параллелей в истории восточных цивилизаций.

Хотя и в Индии, и в Пакистане раскопано много поселений индской цивилизации, в данном случае целесообразно ограничиться сведениями о Мохенджо-Даро, Хараппе, Калибангане, Лотхале и Суркотаде, обширные площади раскопок которых предоставили археологам большое количество данных о форме и содержании этой цивилизации.

Остатки крупного города Мохенджо-Даро находятся на правом берегу Инда в округе Ларкана пакистанской провинции Синд. Хотя здесь были проведены широко-масштабные раскопки, до сих пор не достигнуты нижние слои поселения, которые должны на 10 м возвышаться над уровнем равнины из-за аллювиальных отложений в течение веков. Город состоял из двух частей: цитадели и «нижнего города» (рис. 38).

Цитадель, расположенная к западу от «нижнего города», была возведена на возвышении – искусственной платформе из глины и сырцового кирпича, на которой стояли главные здания. За исключением прямоугольных бастионов в юго-восточном углу, два из которых защищали зад-

ние ворота, здесь не было обнаружено явных оборонительных сооружений. Из зданий, раскопанных в цитадели, наиболее известным является Большой бассейн, размеры которой составляют 12 м в длину (с севера на юг), 7 м в ширину и 2,5 м в глубину. С севера и юга в бассейн ведут ступени. С помощью гипса и битума бассейн был сделан водонепроницаемым. Этот бассейн, возможно, использовался для ритуальных омовений. С запада непосредственно к Большому бассейну примыкает зернохранилище, состоящее из 27 кирпичных секций различных, но упорядоченных размеров. Другими достойными внимания постройками в цитадели были необыкновенно длинное здание, идентифицированное археологами как резиденция высокопоставленного чиновника (или, может быть, коллегия жрецов), и зал собраний.

К востоку от цитадели лежал «нижний город». Основная его планировка представляла собой прямоугольную сетку главных улиц, идущих с севера на юг и с востока на запад, деливших пространство на кварталы. В ходе раскопок было выявлено шесть, а возможно, и семь таких кварталов. Дома, построенные исключительно из обожженного кирпича, имели выход не на главные улицы, а в переулки. Центром деятельности был внутренний двор. Улицы были немоощными, однако имели кирпичные стоки с люками через определенные интервалы.

Город *Харатта*, своего рода типовое поселение, был расположен на левом берегу р. Рави. В настоящее время река протекает приблизительно на 9 км севернее. Город состоял из цитадели на западе и более обширного нижнего поселения на востоке. Ему был нанесен большой ущерб в середине XIX в., когда оттуда брали кирпичи, использовавшиеся в качестве балласта при строительстве железной дороги Лахор – Мултан. К тому же из-за растаскивания кирпичей ворами осталось очень мало различных остатков монументальных сооружений и признаков планировки улиц.

Цитадель в плане представляла собой неровный параллелограмм с более длинной диагональю в направлении с севера на юг. Здания внутри цитадели стояли на искусственной платформе из глины и сырцового кирпича, которая была со всех сторон окружена оборонительной системой в виде поставленных с регулярными интервалами прямоугольных бастионов. Главный вход, по-видимому, находился на севере. С западной стороны, однако, имелся извилистый проход, защищенный бастионами и находившийся в поле обзора из караульных помещений. В южной стороне этой системы к цитадели вели ряды ступеней (или скат).

К северу от цитадели были обнаружены жилища казарменного типа и круглые рабочие платформы. За ними находился двойной ряд зернохранилищ на облицованной камнем платформе. Подход к зернохранилищам находился на севере, со стороны реки, видимо, для удобства подвоза и вывоза излишков зерна водным путем. О кладбищах R-37 и H речь пойдет ниже (в разделе «Погребения»).

Хараппская столица *Калибанган* состояла из двух основных частей: цитадели на западе, на меньшем по площади холме (KLB-1), и нижнего города на востоке, на более обширном холме (KLB-2), такое расположение подобно расположению насыпей в Мохенджо-Даро и Хараппе. Цитадель размещалась поверх остатков предыдущего поселения, несколько в целом выигрывая в высоте по сравнению с нижним городом, который был расположен восточнее на естественной равнине; между двумя частями поселения сохранялось пространство шириной более 40 м (рис. 39).

Комплекс цитадели представляет собой неправильный параллелограмм, протянувшийся с востока на запад приблизительно на 240 м. Он состоит из двух почти равных по площади, но различных по типу частей, разделенных двойной стеной. Обе части имели оборонительные

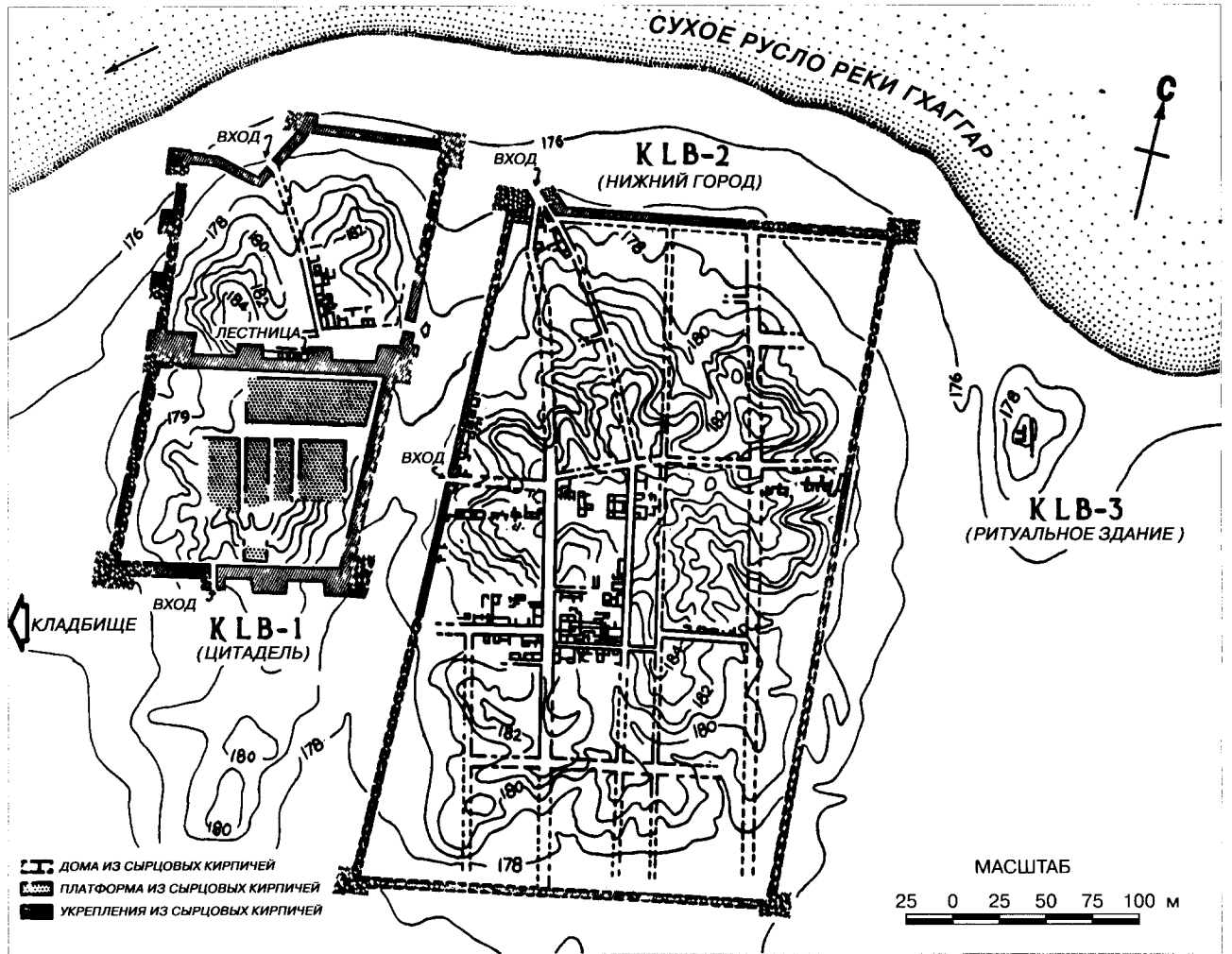

Рис. 39. План харапской столицы Калибанган, период II

стены из сырцового кирпича размерами (в см) 40 x 20 x 10 и 30 x 15 x 7,5, т.е. с пропорцией 4:2:1). В южной половине цитадели, укрепленной более сильно, находились пять-шесть массивных платформ (некоторые из них, возможно, использовались в религиозных или ритуальных целях, на что указывают «алтари огня»), а также яма с кирпичным бордюром, содержавшая кости и рога крупного рогатого скота; здесь же были колодцы и продуманная дренажная система. В северной половине цитадели находились жилые здания, принадлежавшие, возможно, местной элите или правящему меньшинству. Обе эти части имели отдельные входы помимо того, по которому осуществлялось сообщение между ними. Нижний город также был укреплен, он представлял собой почти правильный параллелограмм с размерами приблизительно 360 м с севера на юг и 240 м с востока на запад. Его внутренняя площадь делилась на кварталы неправильной сетью улиц, проложенных с севера на юг и с востока на запад. Улицы на раскопанном пространстве, по-видимому, не вели к каким-либо важным зданиям и не выходили на четко очерченные общественные площади (илл. 106). Дома строились из сырцового кирпича размерами (в см) 30 x 15 x 7,5. В городе не обнаружено уличных стоков. Были найдены домашние стоки, ведущие в сливные емкости, зарытые под уличным покрытием. В город вели двое ворот, одни на севере, другие на западе. Кроме этих двух основных частей города имелась и третья, расположенная приблизительно в 80 м к востоку от нижнего города, которая, вероятно, использовалась в ритуальных целях.

Все находки, сделанные в слоях поселения, являются характерными для индской цивилизации: пластины из сланца, сланцевые разновесы, терракотовые фигурки животных, печати, медные предметы, гладкая и расписная керамика (илл. 107). Особого упоминания заслуживают найденная цилиндрическая печать; терракотовая плитка, на лицевой стороне которой выцарапана рогатая человеческая фигура, а на обратной стороне – фигура человека, тянущего неопределенное животное (возможно, предназначенное в жертву); фигурка медного буйвола; терракотовая линейка с делениями и гребень из слоновой кости.

Поселение Лотхал расположено на прибрежной низменности у Камбейского залива, в 80 км на юго-запад от Ахмадабада (Rao, 1973, 1979–1985). В ходе раскопок здесь были выявлены пять фаз непрерывного заселения, первые четыре из которых, обозначаемые как «Лотхал А», были харапскими, а пятая – «Лотхал В» – является вариантом субиндской культуры, представляющим более позднюю фазу упадка. Хотя среди связанной с Лотхалом А керамики представлены все существенные элементы, присущие индской цивилизации, имеются две разновидности, которые не встречаются в центральном регионе Синда или в восточном регионе: красная посуда с добавлением слюды и черно-красная посуда, причем и та и другая украшены росписью. Другим примечательным видом керамики культуры Лотхал А была «перевернутая гладкая» посуда, которая указывает на связи с поселениями в Синде и Белуджистане. Помимо этих двух особенных видов, прочие гончарные изделия и иные находки, сделанные во время раско-

пок, являются типично индскими. В некоторых росписях, однако, обнаруживается местный стиль.

Поселение было укреплено стеной из глины и сырцового кирпича, которая тянулась приблизительно на 300 м с севера на юг и на 225 м с востока на запад. Его трапециевидная юго-восточная часть должна была служить цитаделью, или акрополем, будучи отделенной от остальной части города 7-метровым возвышением из глины и сырцового кирпича. Наиболее значительные постройки были сосредоточены в цитадели, в их числе здание, названное археологами «резиденцией правителя», а также упорядоченный ряд помещений, в каждом из которых находилась выложенная кирпичом купальня и товарный склад или зернохранилище, построенное в виде двенадцати кубических отсеков с воздуховодами или проходами между ними. В восточной стороне города находился продолговатый бассейн, имеющий в среднем 214 м в длину (с севера на юг), 37 м в ширину (с востока на запад) и, вероятно, 4,5 м в глубину (в настоящее время край в северо-восточном углу сохраняет высоту 3,2 м). К западному краю примыкала платформа из сырцового кирпича, предназначенная, возможно, для размещения грузов. Считается, что этот бассейн служил грузовой пристанью, однако такая интерпретация оспаривается некоторыми учеными (Shab, 1960; Leshnik, 1968; Pandya, 1977; Ratnagar, 1981). Несмотря на различные точки зрения, и пристань, и торговый склад в сочетании с найденными здесь печатями характерного для региона Персидского залива типа говорят об участии этого прибрежного поселения в морской торговле.

Фаза Лотхал *B* отмечена некоторыми изменениями в керамике: перфорированные кувшины и кубки становятся редкими; блюда на подставках становятся приземистее; сложный геометрический рисунок заменяется линейными сюжетами в свободном стиле, включающем стилизованных птиц, изображенных на поверхности горшков; терракотовые браслеты полностью вытесняются браслетами из раковин, кубические разновесы из простого сланца – сферическими из аспидного сланца, а длинные каменные отщепы – короткими пластинами. На печатях исчезают анималистические сюжеты и другие пиктографические элементы. Пристань также перестает использоваться. Периоды *A* и *B* в Лотхале охватываются временным промежутком приблизительно с 2300 по 1600 г. до н.э.

Поселение Суркотада, расположенное приблизительно в 160 км к северо-востоку от г. Бхужд в индийском штате Гуджарат, дает ясное свидетельство о распространении индской цивилизации из долины нижнего Инда до Гуджарата наземным путем (Joshi, 1979). В ходе раскопок здесь были выявлены три культурные фазы хараппской культуры, обозначенные как субпериоды *IA*, *IB* и *IC*. С самого первого заселения (субпериод *IA*) это поселение имело укрепление в виде прямоугольника размерами 120 м х 60 м, при этом более длинная ось его шла с востока на запад, и было разделено на две части, из которых западная половина использовалась в качестве цитадели, а восточная половина была жилой. Цитадельная часть, построенная на искусственном возвышении, была выше, чем жилой район. Крепостная стена была построена из глины с облицовкой из валунов у основания. Тогда как главный вход в цитадель, по-видимому, находился на юге, внутренний переход между двумя частями поселения осуществлялся по наклонному спуску на восточной стороне. Предметы, обнаруженные в отложениях этого субпериода, в основном отнесены к хараппской культуре и включали типичную печать из стеатита, черепки с индскими письменами и длинные пластины из сланца. Наряду с характерной хараппской керамикой была обнаружена полированная двухцветная посуда с росписью коричневого и пурпурно-красного или черного цвета на кремовом фоне, а также «перевернутая гладкая» посуда. Местные жители как один

из видов практиковали захоронения в специальных сосудах. В субпериод *IB* элементы индской культуры проявляются в меньшей степени, взамен появляются новые традиции изготовления грубо выделанных гончарных изделий красного цвета. В верхних слоях обнаружены черепки посуды с белой росписью по черно-красному фону. В субпериод *IC* традиции индской культуры в изготовлении керамики еще более тускнеют, начинает преобладать та же керамика с белой росписью по черно-красному фону. Укрепления были перестроены с использованием валунов и частично покрыты каменной кладкой с облицовкой; к тому же появились угловые бастионы. Усовершенствованный комплекс входных ворот был сделан на южной стороне цитадели. Примечательными находками этого субпериода являются терракотовая печать с индскими письменами и разновесы из сланца. Наличие лошадей подтверждается обнаружением их костей в отложениях этого субпериода, что подкрепляет данные артефактов из Рангпура. Для датировки трех субпериодов поселения в Суркотаде предлагаются временные рамки с 2300 по 1700 г. до н.э.

ЭКОНОМИКА

Экономика главным образом основывалась на земледелии и скотоводстве, которые сочетались с торговлей или обменом для обеспечения сырьем и распространения готовой продукции в долине Инда и за ее пределами. Анализ животных остатков в раннехараппских (Джалилпур, Мехргарх IV–VII и Балакот) и развитых хараппских (Аллахдин и Хараппа) поселениях показал, что преобладало разведение крупного рогатого скота. Однако к началу II тысячелетия до н.э. в хозяйстве использовались также домашние верблюды, лошадь и осел; объектами охоты были онагр (кулан), дикий кабан, газель и носорог. Другими известными хараппскому населению животными были собака, индийский (азиатский) буйвол и кошка, помимо рыбы, речной черепахи и птиц.

Обеспечение продовольствием основывалось на озерных культурах, урожай которых собирался в весенне-летний сезон (*раби*). Озимые злаки еще задолго до возникновения индской цивилизации население выращивало раз в год. К ним относились пять сортов пшеницы (в том числе однозернянка, полба, твердая пшеница), три сорта ячменя, а также горох полевой, горох турецкий, чечевица, лен, ююба и горчица. Урожай фиников и хлопка собирался летом и осенью по крайней мере с VI тысячелетия, а виноград – с начала IV тысячелетия до н.э. Кроме того, потреблялись семена тыквы и кунжута. К концу существования индской цивилизации, во II тысячелетии до н.э., народы хараппской культуры разнообразили свое земледелие выращиванием осеннего урожая зерновых (*кхариф*) на окраинных землях в восточную и южную долины Инда, особенно на территории современного штата Гуджарат, а также на равнине Качи в западной части центральной долины Инда. Свидетельства о выращивании риса были обнаружены в Лотхале и Рангпуре в Гуджарате, а также в Пираке (Constantini, 1979; Vishnu Mittre & Savitri, 1982). Выращивались сорго, африканское просо, два вида азиатского проса и лисохвост. В Чолистане и Банавали найдены терракотовые модели плугов, весьма напоминающие те, что используются сейчас.

ТОРГОВЛЯ

Хорошо известно, что в Синде и на аллювиальных равнинах Пенджаба отсутствуют полезные ископаемые, поэтому необходимые в хозяйстве материалы приходилось ввозить. К ним относились медь, олово, золото, серебро,

известняк, гипс, базальт, гранит, мрамор, сланец, стеатит, алебастр, битум, лазурит, сердолик и другие полудрагоценные и поделочные камни, такие как жадеит, бирюза, амазонит (Marshall, 1931; Wheeler, 1968). Месторождения некоторых из этих материалов находились довольно далеко. Имеются указания на торговые связи с Афганистаном, Белуджистаном, Центральной Азией, Северо-Восточным Ираном, Раджастаном, Гуджаратом, Пенджабом и Южной Индией. Изобретение письменности, использование печатей и пломбирования, стандартизация мер и весов – все это указывает на процветание торговли. Находка в Алтын-Тепе (городище эпохи бронзы на юге Туркмении) трех печатей – одной с индскими письменами, другой – со свастикой, а третьей – с изображением трехглавого грифона наряду с такими предметами из слоновой кости, как трости и фигурки для игры несомненно индийского происхождения, а также терракотовых предметов из Намазги, похожих на изделия из Мохенджо-Даро, указывают на северный наземный путь через Мундигах в Южный Туркменистан (Masson, 1981).

Недавние раскопки в Шортугае в бассейне р. Сырдарья выявили существование здесь хараппской колонии, которая вела торговлю лазуритом. Не говоря уже о типичной хараппской расписной керамике, торговый характер колонии подтверждают также квадратная печать с индским письмом и фигурой носорога, граффити на ободках чаш и кубков, агатовые бусы в форме бочонков, длинные трубчатые и гравированные бусы из сердолика, браслеты из раковин, каркасы игрушечных повозок, терракотовые плитки, фигурки зебу и использование сырцового кирпича хараппских размеров 31 x 16 x 8 (в см) (Francfort, 1984). Артефакты, свидетельствующие о торговых контактах с Месопотамией и Эламом, представлены многочисленными и разнообразными находками. Они включают печати индского стиля; гравированные бусы из сердолика; кусочки инкрустации, сделанные из кости; различные предметы из слоновой кости; игральные кости; золотые диски, бусы с трубчатой перфорацией; изображения индского трилистника; фигурки индийского буйвола с хозяином в различных поселениях Месопотамии и Элама; специфическую керамику, пиксиды из зеленовато-серого камня (хлорита); металлические булавки с головками в виде спирали или головы животного; листовидные ножи и слитки меди в форме «булок»; топоры с полый рукоятью; териоморфные вазы и разновесы в форме бочонка. Обнаружение на южном кладбище Мехргарха и в Сибри некоторых предметов, имеющих мургабско-бактрийские параллели, и гравированных бус из сердолика в иранских поселениях Хиссар, Марлик, Шахдад и Бакум и в Мундигахе в Южном Афганистане является дополнительным свидетельством влияния индской цивилизации на соседние регионы. Не подлежит сомнению, что этот регион был составной частью межрегиональной сети обмена или торговли специфическими товарами, исходящими из соответствующих центров их производства.

Количество предметов индского стиля, найденных в Западной Азии, не позволяет говорить о внушительном объеме торговли ими. Предметов, произведенных в Месопотамии или под месопотамским влиянием, еще меньше. Однако Ламберг-Карловски (Lamberg-Karlovsky, 1972) считает, что появление подобных материалов могло быть результатом опосредованных торговых контактов и подчеркивает роль на индо-месопотамском сухопутном торговом пути таких поселений, как Тепе-Яхья в Иране.

В 1954 г. расшифровка некоторых шумерских и аккадских документов, которые сообщали о землях, называвшихся Дильмун, Маган и Мелухха, подтвердила большой размах торговли между Месопотамией и долиной Инда (Oppenheim, 1954). Саргон Аккадский (около 2370–2280 гг. до н.э.) упоминает, что суда из Дильмуна, Магана и Мелуххи разгружались в его столице. Письменные свидетельства по-

казывают, что индо-месопотамские контакты начались в раннединастический период III и продолжались в период Ларсы, покрывая таким образом как дохараппский, так и хараппский периоды. Месопотамские тексты показывают, что торговые контакты осуществлялись и через Дильмун, и через Маган. При этом Дильмун скорее был торговой базой, чем производителем упоминаемых в текстах товаров. В период, когда торговля через Дильмун достигла своего пика, использовалась серия печатей, называемых «печатами Персидского залива». Сюжеты, на них изображенные, заимствованы главным образом из Месопотамии, хотя на некоторых еще сохраняются индские письмены и изображения буйвола. Эти печати сделаны в форме пуговиц и являются круглыми в плане; печати этого специфического типа были обнаружены в Лотхале.

Страна Дильмун была отождествлена с островами Бахрейн, Файлака и Тарул и прилегающей частью материковой Аравии и занимала особое место в шумерской мифологии (Cornwall, 1946; Bibby, 1969; Rainagar, 1981). Эта идентификация подтверждается клинописными надписями на Файлаке и Бахрейне. Эти острова удобно расположены как в географическом, так и в стратегическом отношении на оживленном морском торговом пути, связывавшем Месопотамию с долиной Инда. Поэтому Дильмун являлся важным промежуточным пунктом, хорошо обеспеченным пресной водой. Находки на Бахрейне (Рас-эль-Кала) и Файлаке игральные фигурки из лазурита вместе с лазуритовыми подвесками, обработанными кусками слоновой кости, полированными каменными разновесами и «печатами Персидского залива» (на некоторых из них выполнены индские пиктограммы, весьма напоминающие найденные в Лотхале и Мохенджо-Даро) показывают роль Дильмуна как перевалочной базы в этой торговле. Находящееся на Бахрейнских островах поселение Барбар позволяет установить относительную хронологию с 2900 по 1800 г. до н.э.

Маган, или Макан, был отождествлен с Оманом и Умман-Наром возле Абу-Даби (Weigerber, 1984). Его называли «страной рудников». Тексты сообщают о следующих товарах, привозимых из Магана: строевом лесе, тростнике, древесине, диорите, луке, каменных вазах, сердолике, красной охре, меди, слоновой кости, золотом песке и козах. По крайней мере два вида этих товаров, слоновая кость и сердолик, были индского происхождения: маганцы лишь перевозили их по морю. Археологические находки в Омане, особенно в Майасапе I, Рас-эль-Джунейзе и в Хи́ли, дали свидетельства (в виде треугольных призматических и грушевидных печатей, узоров индского типа на керамике, гребней из слоновой кости, месторождений меди и хлорита), подтвердившие существование связей между долиной Инда и Оманом (Маганом), бывших звеном в цепи морской торговли по Персидскому заливу.

Мелухха отождествляется с регионами к востоку от Месопотамии, включая северное побережье Персидского залива и Аравийского моря и долину Инда. О Мелуххе сообщается, что оттуда в Месопотамию поставлялись строительный лес, дерево различных пород, медь, золотой песок, лазурит, сердолик, деревянное оборудование, фигурки из слоновой кости, изображающие птиц (павлинов) и собак, – все это, за исключением лазурита, должно было происходить из Индии. Однако в конце II тысячелетия до н.э. Маганом и Мелуххой считали Египет и Нубию или Эфиопию.

Согласно письменным источникам, предметами торговли, отправлявшимися из Месопотамии на восток, были главным образом продовольственное зерно, растительные масла, шерсть и ткани. О том, какое их количество достигало Индии, остается только догадываться, поскольку большинство из этих товаров были скоропортящимися.

Археологические данные о торговле с элантами, являвшимися политическими соперниками Шумера и Акка-

да, остаются отрывочными. На установление каких-то связей указывают фрагмент клейма на черепке горшка, напоминающий хараппскую печать, и две гравированные сердоликовые бусины (Lamberg-Karlovsky & Tosi, 1973; Lamberg-Karlovsky, 1976), найденные в Тепе-Яхья в слое IV А. Существование на Макранском побережье Аравийского моря поселений Балакот, Сотка-кохи, Суткаген-дор указывает на вероятность использования океанских торговых путей.

СИСТЕМА МЕР И ВЕСОВ

Уровень стандартизации и единообразия мер и весов, достигнутый и поддерживавшийся в хараппские времена, был поистине удивительным. Эта система была настолько эффективной, что ее приняли и в древнем Дильмуне (Бахрейн), где было найдено большое количество гирь с индскими печатями с письменами на них.

Гири различного размера делались из сланца, известняка, стеатита, халцедона и других камней. Наиболее обычной формой была кубическая, но порой использовались также сферические, цилиндрические и бочковидные разновесы. Некоторые керамические чашки с мерной шкалой также указывают на пользование весовой шкалой; особый интерес представляет бронзовый или медный брусок с парой чашек.

У хараппской весовой системы в древности не было соперников, так как она строго придерживалась системы, одновременно бывшей двоичной и десятичной. Нижние

величины были двоичными: 1, 2, $1/3 \times 8$, 4, 16... до 12 800, с 16 единицами, равными 13,625 г. Более высокие значения были образованы по десятичной системе, образуя при этом доли по одной трети.

Представление о системе мер дают градуированный кусок раковины из Мохенджо-Даро, фрагмент бронзового стержня из Хараппы и терракотовый стержень из Калибангана. Шкала на раковине Мохенджо-Даро имеет девять делений по 0,67 см. Пять из этих делений составляют хараппский «дюйм», равный 3,352 см, из которых образуется хараппский «фут», равный 33,52 см. Помимо мер длины имелись и меры объема. Другой – бронзовый – стержень из Хараппы разбит на участки по 6,012 см. В ходу были и линейная, и кубическая системы. Измерения построек в Хараппе и Мохенджо-Даро соответствуют обеим этим системам мер. Хараппский «фут» колебался между 33,02 и 33,52 см.

ИСКУССТВО И РЕМЕСЛА

Хараппское искусство и ремесла представлены большим количеством разнообразных материальных предметов. Отдельные категории этих предметов особенно ярко показывают техническое и художественное мастерство и высокий уровень ремесленной специализации.

К наиболее частым находкам в хараппских городах относятся керамические изделия, в число которых входят разнообразные глиняные сосуды, фигурки людей и животных, браслеты и другие предметы повседневного обихода. Керамическую посуду изготавливали на гончарном круге из хорошо растертой глины, которую тщательно и равномерно обжигали, чтобы придать изделиям различные оттенки красного цвета. Сосуды по объему располагались в ряд от больших кувшинов для хранения (зерна) до кубков, тарелок, подносов для приношений, цилиндрических и перфорированных кружек. Стандартизованы были не только формы, но и сюжеты черных росписей по ярко-красной гладкой поверхности, что отражает существование ремесленной специализации. Сюжеты росписей были геометрическими или растительными, повторяющимися мотивами были листья, рыба, чешуя и пересекающиеся круги (рис. 40).

Фигурки людей, как мужчин, так и женщин, главным образом из терракоты, вылепленные вручную были очень выразительны и порой, видимо, носили культовый харак-

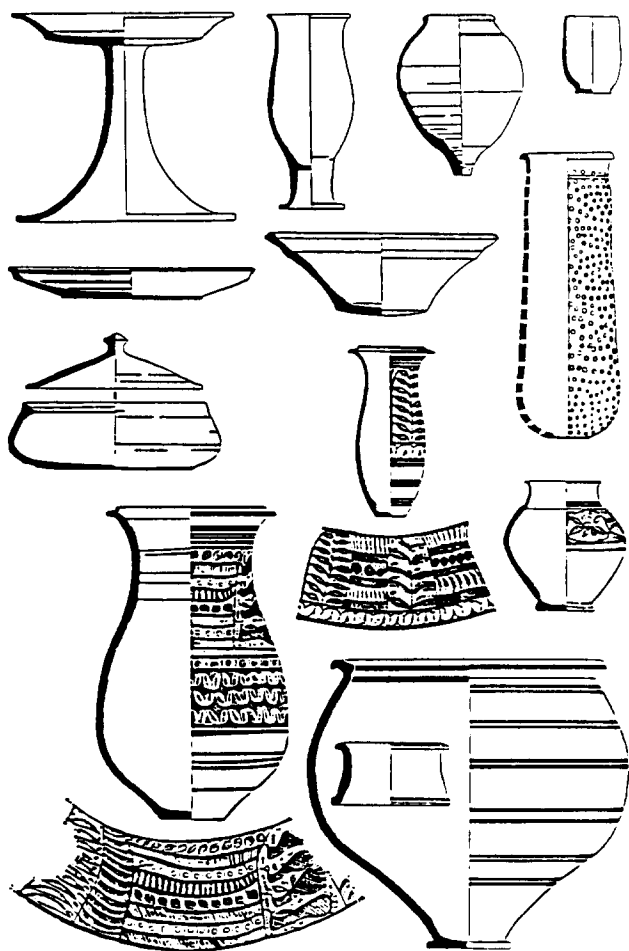

Рис. 40. Типичные гончарные изделия зрелой хараппской культуры (по Wheeler, 1968)

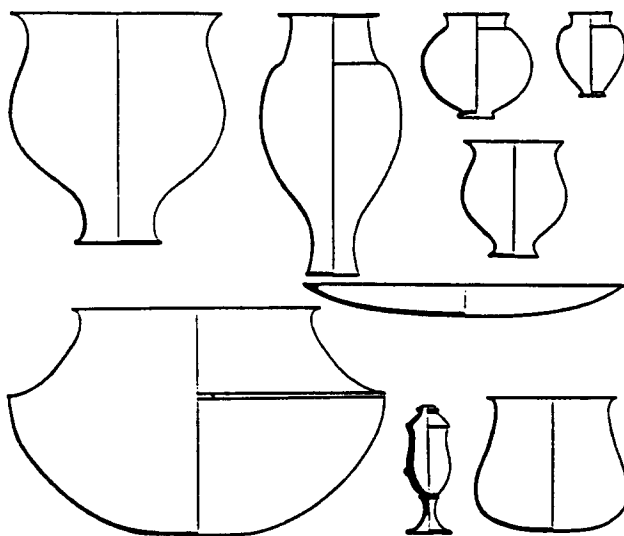

Рис. 41. Индские бронзовые и медные сосуды (по Wheeler, 1968)

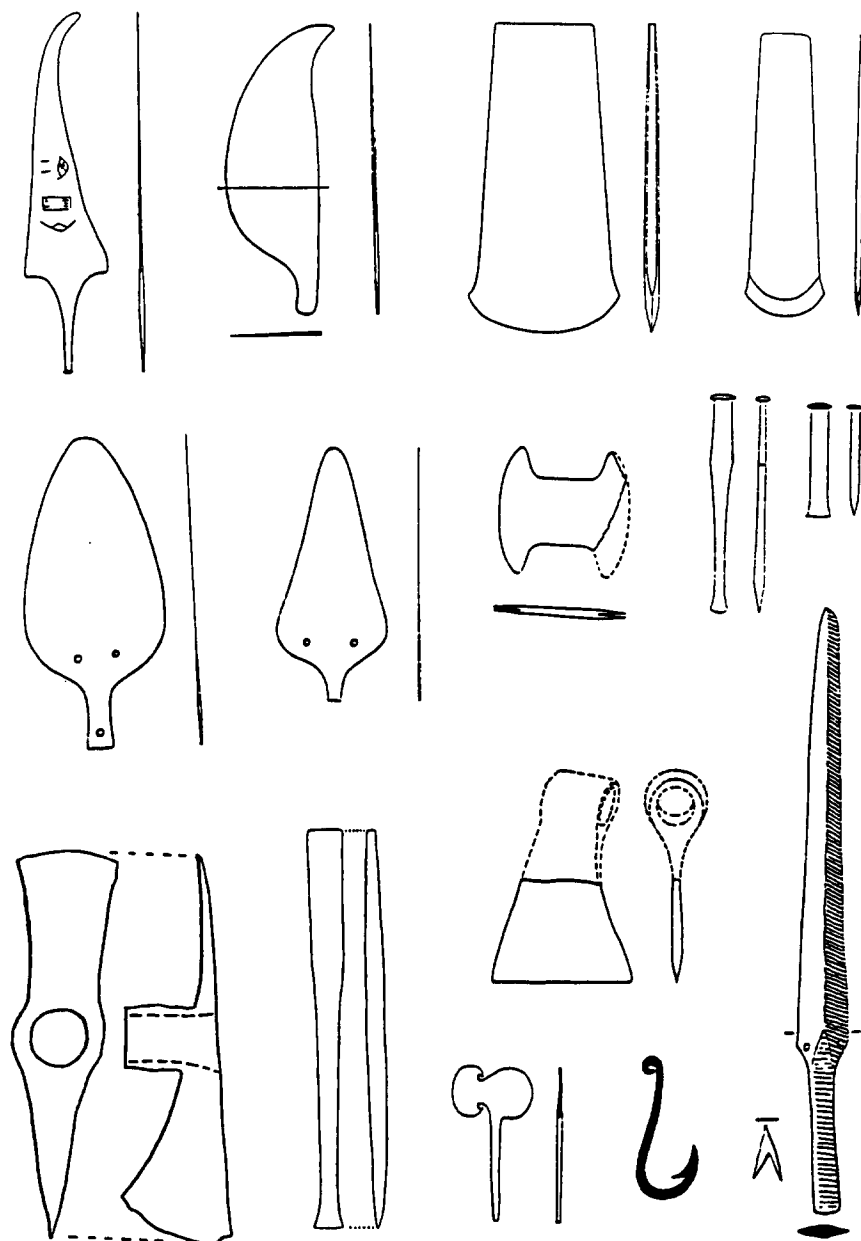

Рис. 42. Бронзовые и медные орудия и инструменты из Хараппы и Мохенджо-Даро (по Mackay, 1938; Vats, 1940)

тер. Мужчины на фигурках изображались с длинным или приплюснутым носом, узким ртом, раскосыми глазами и довольно плоским телом. Большая часть женских фигурок представлена в положении стоя; каждая вертикальная половинка была вылеплена отдельно, а затем обе половинки скреплены вместе. В законченной форме терракотовые женские фигурки имели короткую набедренную повязку и широкий пояс, ожерелья и искусно сделанный всеобразный головной убор, а на каждом боку – каркас (панье) в виде чашек, вероятно, предназначенных для лампового масла или благовоний.

Среди фигурок животных, которые также были вылеплены вручную, преобладали горбатые короткорогие буйволы; другие животные были представлены индийским буйволом, слоном, собакой, овцой, носорогом, свиньей, обезьяной, черепахой и лошастью. Были также обнаружены терракотовые модели повозок с цельными колесами, игрушки, такие как свистки и погремушки, а также конусы, которые, как считают, использовались в качестве игл, чтобы писать по глине, и кубические игральные кости.

Металлические изделия представлены домашней утварью, оружием, инструментами и маленькими предметами из золота, серебра и свинца. Медь поступала из разных месторождений: гор Чагаи в Белуджистане, территории Крети-Ганешвар в Раджастанхане и, возможно, из Омана и Южного Ирана (легендарного Магана). Хараппцы были знакомы с различными технологиямиковки и использовали простые и сложные литейные формы. В области скульптуры замечательным образцом литья и искусного исполнения является бронзовая статуэтка танцующей девушки, 11,2 см высотой. Она изображена в непринужденной позе, ее правая рука лежит на бедре, а левая украшена браслетами. Такие животные, как индийский буйвол, с длинными, отогнутыми назад рогами, нападающий на кого-то буйвол, баран или козел, выполнены в натуралистической и выразительной манере. Помимо этого, изготавливались такие сосуды, как чаши, миски, кубки; делалось оружие и инструменты: копья, наконечники стрел, ножи, топоры, шпильки и т.п. (рис. 41, 42).

Среди каменных объектов лучшими образцами изобразительного искусства являются скульптуры из известняка и алебаstra из Мохенджо-Даро и Хараппы, а также сотни стеатитовых печатей. Скульптуры изображают головы людей, а также сидящие фигуры с выразительными деталями причесок. Один бюст мужчины, найденный в Мохенджо-Даро, является выдающимся образцом искусства ваяния этой цивилизации и, как считается, представляет «царя-жреца». Изображение бороды, бритой верхней губы, ленты на лбу и уха, похожего на поперечное сечение раковины, – все это напоминает другие скульптуры людей. На плаще, перекинутом через левое плечо, имеются характерные изображения трилистника, которые первоначально были заполнены красной пастой. Две маленькие статуэтки из Хараппы представляют собой замечательные образцы реалистической лепки при изображении поз и движений конечностей. Помимо этих произведений искусства, большое количество каменных заготовок, в том числе отщепы и пластины из сланца, использовались для изготовления инструментов, применявшихся в различных видах деятельности.

Стеатитовые печати являются красноречивым свидетельством высокого мастерства и технических достижений индских ремесленников. Они обычно имеют 1,8–3 см в длину и перфорированное утолщение в тыльной части; глубоко вырезанные рисунки изображают большое количество животных и другие фигуры, сопровождаемые пиктографической надписью или линейными сюжетами. Чаще всего встречающийся единорог – напоминающее быка животное с единственным рогом – непременно изображался со священными яслями или подставкой для благовоний, представлявшей собой клетку в форме чаши на стойке. Натуралистично изображались коротконогие буйволы, что особенно заметно в терракотовых статуэтках; возможно, эти животные являлись объектами религиозного поклонения. Также изображались носороги, слоны и тигры, перед которыми стояли кормушки. Несмотря на малые размеры законченных изделий, резчикам удавалось с величайшим мастерством вырезать мельчайшие детали, например, скомпоновать фигурки, изображающие от трех до шести голов различных животных, расходящимися из одного круга. Одно из таких искусных изображений имеет лицо человеческого существа с рогами буйвола, лбом барана, задней частью тигра и бивнями слона. Изображение человеческих фигур и фигур в сочетании с растительными и животными орнаментами, вероятно, имело целью представить фигуру божества.

Сердоликовые бусы с гравированными изображениями производились в мастерских Чанху-Даро, Лотхала и в других местах. Они пользовались большим спросом даже за пределами ключевой центральной области индской цивилизации. Их появление в других регионах не только дает возможность выполнить относительную датировку, но также показывает степень взаимодействия. Бусинки изготавливались в основном в форме удлиненных бочонков. Кроме того, бусы делались из других полудрагоценных камней, а также из стеатита, фаянса, раковин и даже из терракоты.

ИНДСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Индское письмо, которое в своей основе было пиктографическим, не связано ни с одной современной ему письменностью. Оно состоит из более чем 400 специфических символов, или букв, и обнаружено главным образом на печатях, а также на гончарных изделиях, жезлах из слоновой кости, медных предметах и табличках. Количество знаков в одной надписи может варьироваться от одного до 26, а средняя длина текстов составляет пять знаков. До сих пор не отмечено длинных надписей со значитель-

ным количеством повторяющихся деталей. Продолжающиеся исследования по дешифровке этого письма не выявили каких-либо различий в письме отдельных поселений и не обнаружили каких-либо однозначных данных о его эволюции, несмотря на некоторые заявления о развитии этой письменности от слоговой к фонетической, имевшей лишь 20 знаков (Rao, 1982). Анализ распространения этих печатей не дал каких-либо ясных результатов. Единственным аспектом, по поводу которого, вероятно, существует консенсус, является направление письма – справа налево, что поддерживается главным образом следующими четырьмя свидетельствами: а) печать из Хараппы с надписью в трех плоскостях вдоль трех ее сторон – наверху, на левой стороне и внизу; б) черепок горшка из Калибангана с глубоко процарапанными, набегающими друг на друга штрихами с росчерком на левом конце надписи; в) тенденция к легкому нажиму с правой стороны знака, т.е. на левой стороне при оттиске; г) знаки, вынесенные во вторую строку, или переносы. При наличии второй строки также отмечены случаи написания бустрофедоном (когда следующая строка идет в противоположном направлении).

Много раз заявлялось о дешифровке письменности, но ни один из предложенных методов не получил всеобщего признания. Что же касается языка, то к этой проблеме существуют два основных подхода: сторонники одного настаивают на близости с протодравидийским языком и подчеркивают его агглютинативный характер (Asko Parpola, 1984); приверженцы другой точки зрения считают этот язык индоарийским, связанным с ведийским санскритом, фокусируя внимание на бесфлексионный характер этого языка и составные знаки (Rao, 1982). Эти линии аргументации резко противоречат одна другой. Вместе с тем в качестве полезного пособия для дальнейших исследований был опубликован конкорданс всех имеющихся текстов (Mabadevan, 1977; Koskeniemi et al., 1973; Koskeniemi & Parpola, 1979, 1980). В любом случае с полным основанием можно утверждать, что эта письменность использовалась весьма ограниченно, возможно, лишь крутом привилегированных грамотных людей. Мы не знаем, приведены ли на печатях имена собственных лиц, связанных с торговлей, но с определенными оговорками можно предположить, что непохожие на клинописные тексты знаки на индских печатях не использовались как средство более сложной коммуникации.

РЕЛИГИЯ

Данные об этой сложной стороне цивилизации противоречивы, а ввиду отсутствия каких-либо письменных свидетельств их приходится реконструировать по сохранившимся материальным артефактам, из которых наиболее примечательны следующие: а) печати, на которых изображенные сцены могут интерпретироваться как религиозные (в том числе известная «печать Пасупати» из Мохенджо-Даро); б) не относящиеся к произведениям изобразительного искусства и полированные фаллические предметы и круглые камни; в) несколько каменных изображений, в особенности обнаженный торс из Хараппы; г) полуобнаженные женские фигурки из терракоты со сложными прическами, ассоциируемые с культом матери-богини, из Мохенджо-Даро и Хараппы; д) терракотовая плитка из Калибангана (из его цитадельной части), на одной стороне которой изображено рогатое божество, а на другой – мужчина, тянущий за собой животное (козу или быка, возможно, жертвенных). Находка ямы с кирпичным бордюром на вершине одной из платформ цитадельной части Калибангана, в которой содержались кости быков и оленей рога, должна указывать на принесение в жертву животных.

Удивительно, что до сих пор не обнаружено ни одной терракотовой женской статуэтки, которую можно было бы принять за изображение матери-богини, в поселениях, раскопанных в пределах современных границ Индии (Калибанган, Лотхал, Суркотада), за исключением нескольких экземпляров из Банавали, не имеющих характерных корзинообразных причесок. Даже на печатях, найденных в Калибангане, отсутствуют изображения божеств, за исключением, возможно, комбинированной фигуры животного с лицом мужчины на цилиндрической печати. С другой стороны, наверху одной платформы в цитадельной части обнаружен ряд «алтарей огня». Подобные «алтари», или ритуальные ямы, отмечены также отдельно во многих домах нижнего города. Помимо этого к востоку от нижнего города, за пределами оборонительных стен, было обнаружено совершенно особое здание, в котором находится группа из двух таких «алтарей огня». Отсутствие на этом месте естественных для поселения отложений наводит на мысль, что эта постройка предназначалась для каких-то религиозных или ритуальных целей. Поэтому представляется вероятным, что ритуалы, связанные с этими «алтарями огня», играли преобладающую роль в религиозной жизни Хараппы и Калибангана. Повторяющиеся особенности этих алтарей показывают, что обычно выкапывалась неглубокая яма, овальная или прямоугольная в плане; огонь зажигался и гасился прямо на месте, на что указывают фрагменты древесного угля на дне ямы; в центре закреплялся цилиндрический, порой многогранный или прямоугольный блок из глины, высушенной на солнце или слегка предварительно обожженной, а вокруг блока помещались плоские треугольные или круглые плитки из терракоты, возможно, как символические жертвоприношения. На особое значение воды в связи с этими ритуалами, хотя и не обязательно с ее обожествлением, указывает почти расточительное количество колодцев и стоков в цитадельной части. В Лотхале также отмечено несколько «алтарей огня», хотя и с другими чертами (Rao, 1979–1985). Подобные алтари до сих пор не обнаружены в Мохенджо-Даро и Хараппе, хотя Большой бассейн в Мохенджо-Даро указывает на использование воды в ритуальных и религиозных целях. Поэтому выполнение ритуала, связанного с «алтарями огня», по-видимому, было свойственно исключительно региону Калибангана и, возможно, Лотхала.

Конкретные свидетельства о религии времен индской цивилизации по-прежнему ускользают от нас, но, судя по имеющимся данным, представляется, что религиозные верования и обряды в различных регионах варьировались. По-видимому, это была смесь из многих религий и ритуальных предписаний того времени.

ПОГРЕБЕНИЯ

В раскопанных поселениях кладбища имеются в Хараппе, Рупаре, Чандигархе, Калибангане, Лотхале и Суркотаде, но до сих пор не обнаружено царских гробниц или каких-либо особенных погребений. В Мохенджо-Даро не обнаружено упорядоченных погребений хараппского периода. Кладбище в Хараппе (обозначаемое как R-37) располагалось к юго-юго-западу от цитадели и содержало коллективные захоронения людей в вытянутом положении (головы ориентированы на север) с керамикой и другим погребальным инвентарем, включающим личные ювелирные изделия, в прямоугольных или овальных могильных ямах, которые содержали в одном единственном случае гроб из розового (палисандрового) дерева с крышкой из гималайского кедра, а в другом были выложены внутри сырцовым кирпичом. В самой цитадели было также найдено несколько захоронений после кремации, содержащих смесь случайных предметов, точное значение которых невозможно установить (Wheeler, 1968). Кладбище в

Рупаре располагалось к западу от жилой части поселения и также содержало коллективные захоронения (тела хоронились в вытянутом положении, головы покойников в основном ориентированы на северо-запад) в прямоугольных могильных ямах, в которых, как и в Хараппе, находились гончарные изделия и погребальный инвентарь. В Чандигархе остатки кладбища, обнаруженного во время спасательной операции в одной из торговых зон (сектор 17С), имеют сходные признаки коллективных захоронений (тела вытянуты в направлении север–юг).

В Калибангане кладбище хараппского периода располагалось к западу-юго-западу от цитадели на заливаемой в настоящее время рекой равнине; прежде оно должно было находиться вне пределов ежегодного паводка. В ходе раскопок были выявлены три типа захоронений: (1) коллективные захоронения в прямоугольных или овальных могилах (за исключением одного случая головы ориентированы на север), в которых помимо скелета находятся гончарные изделия, личные украшения и туалетные принадлежности (илл. 108); одна из этих могил была изнутри выложена сырцовым кирпичом; (2) захоронение в урне в круглой яме, в которой, помимо основной урны, находились горшки с таким погребальным инвентарем, как бусы, браслеты из раковин и предметы из стеатита; (3) прах в керамическом сосуде и такие личные украшения, как браслеты из раковин и бусы – в прямоугольной или овальной могиле с продольной осью север–юг. Два последних типа захоронений не связаны с какими-либо костными останками. Поразительной чертой захоронений третьей категории было двухъярусное наполнение. Существование трех разновидностей погребальной практики ставит проблему социологического характера. В то же время можно утверждать, что погребальный инвентарь в каждом из этих поселений является типично индским.

В Суркотаде кладбище располагалось к северо-западу от поселения. Обнаруженные погребения представляют собой захоронения в горшках в круглой яме, покрытой каменной крышкой и низкой пирамидкой из камней.

В Латхале кладбище располагалось к западу от поселения, а погребения были двух типов. И тот и другой представляли собой объединенные труположения в вытянутых позах в прямоугольных могилах с керамикой и иным погребальным инвентарем; но если в могилах одного типа находилось по одному скелету, то в могилах другого типа их было два. В двух из трех двойных захоронений были обнаружены скелеты двух людей одного и того же пола (мужские) (Rao, 1985).

В Хараппе Кладбище Н было обнаружено в слое, лежащем выше уровня кладбища R-37. Это кладбище, которое относится к более позднему культурному комплексу, состоит из двух подслоев, каждый из которых представлен различными типами погребений. Нижний слой (II) содержит следы коллективных захоронений, керамики и погребальных принадлежностей (рис. 43) в прямоугольных могилах (тела ориентированы на восток и северо-восток, в отличие от обычной хараппской практики ориентации головы на север). Верхний слой (I) состоял из фрагментарных погребений в больших урнах, закрытых крышками. Маленькие дети в этих урнах были уложены в положение зародыша.

Если труположение с необходимыми погребальными принадлежностями, по-видимому, было обычной погребальной практикой в течение хараппского периода, то одновременное захоронение двух тел не было обнаружено ни в одном другом хараппском поселении, за исключением Дамб-Бутхи. Такими же отклонениями являются найденные в Калибангане погребения в горшках и могилах без костных остатков. Более того, не наблюдается какого-либо единообразия в размещении кладбища по отношению к городу или цитадели. Площади кладбищ, по всей видимости, были относительно небольшими по

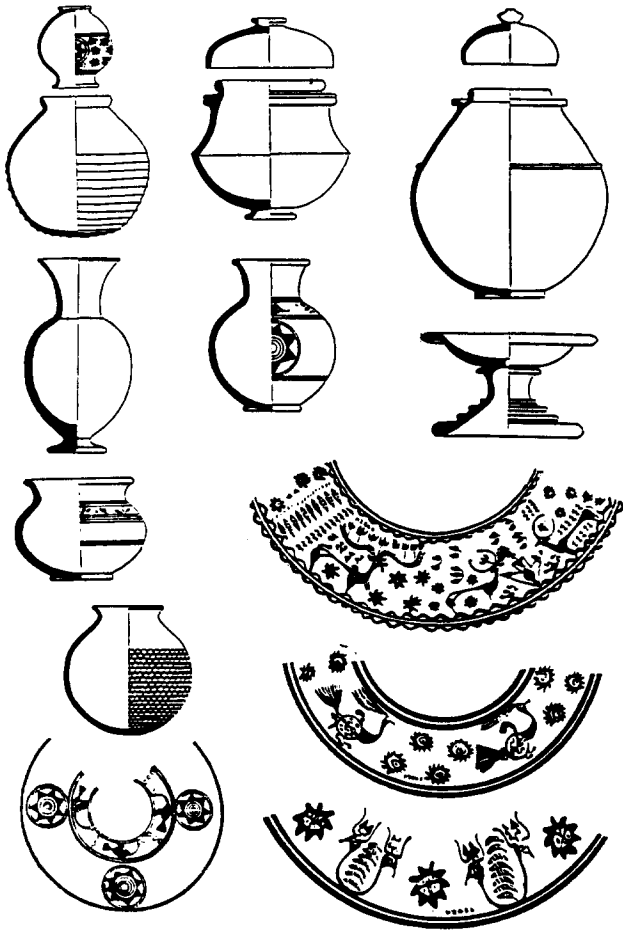

Рис. 43. Керамика из захоронений на кладбище Н и сюжеты росписи гончарных изделий из Хараппы (по Vats, 1940).

сравнению с поселениями, что подразумевает другие способы погребения умерших.

Исследование костных останков из Хараппы выявило две широкие категории этнических типов: протоавстралоидный кавказский, или евроафриканский, и средиземноморский индоевропейский, или каспийский. Подобные исследования захоронений Лотхала также выявили две категории этнических типов: одни погребенные имели долихокефальное соотношение размеров головы, тогда как у других голова имела брахикефальное соотношение и, в свою очередь, обнаруживала близкое родство с черепами, найденными в Сиалке. Представляется очевидным, что популяция индской цивилизации была смешанной. Изучение 13 черепов из слоя II и 18 из слоя I на кладбище Н в Хараппе выявило новую группу круглоголового типа, которая совершенно отсутствовала на относящемся к развитому хараппскому периоду кладбище R-37.

ДАТИРОВКА

Проблема хронологии является запутанной, особенно с тех пор как выявился временной разрыв между происхождением и развитием этой цивилизации в ключевой центральной области и территориями на востоке, а также возможность ошибки или несоответствия в радиоуглеродной датировке.

Нижние слои Мохенджо-Даро до сих пор не достигнуты по причине высокого уровня подземных вод. Маршалл, проводивший раскопки в Мохенджо-Даро (1921–1927 гг.) как самостоятельное исследование, предполагал, что поселение Мохенджо-Даро существовало приблизительно

между 3250 и 2750 гг. до н.э. Он признавал, что короткий период в 500 лет не должен был, конечно, покрывать весь период роста и упадка индской цивилизации, и постулировал тысячелетний период предшествующего роста.

Маккай (Mackay, 1938), который с 1927 по 1931 г. проводил дальнейшие раскопки в Мохенджо-Даро, отнес самые нижние из достигнутых слоев приблизительно к 2800 г. до н.э., а самые верхние – к 2500 г. до н.э., отведя на время существования поселения около 300 лет. Ватс (Vats, 1940), с 1921 по 1931 г. проводивший раскопки в Хараппе, пришел к выводу, что здешние нижние слои были старше самых нижних достигнутых слоев в Мохенджо-Даро, и предложил временной промежуток приблизительно с 3500 по 2500 г. до н.э., основывая свою аргументацию прежде всего на наличии оловянных печатей и оттисков архаического типа ниже уровня IV на холмах F и AB. Таким образом, временной промежуток для индской цивилизации был установлен между 3500 и 2500 гг. до н.э. Эта датировка основана на сравнительном изучении предметов индийского происхождения и типа, обнаруженных в поддающихся датировке контекстах на территории Ирака и Ирана.

Такая точка зрения удерживалась до 1946 г., когда Уилер предпринял дальнейшие раскопки в Хараппе и критически пересмотрел хронологические данные. Произведенный им тщательный анализ показал, что зафиксированной точкой при оценке времени существования этой цивилизации были ее контакты с Шумером, приблизительно относившиеся ко времени Саргона Аккадского, которое сейчас датируется периодом около 2370–2344 гг. до н.э. Документальные свидетельства подтверждают оживленную торговую деятельность в периоды Саргона и его преемников и шумерского города Ларсы. Причиной крушения индской цивилизации Уилер считал вторжение ариев. Предлагая правдоподобное объяснение массовым убийствам мужчин, женщин и детей, о чем свидетельствуют слои позднего периода Мохенджо-Даро, он утверждал, хотя и излишне драматизируя, что виновным является бог Индра. В этих подсчетах время окончания индской цивилизации было условно и весьма субъективно отнесено к 1500 г. до н.э. – общепринятой дате арийских вторжений в Индию. Таким образом, Уилер постулировал, что тысячелетие с 2500 по 1500 г. до н.э. являлось возможным временем существования этой цивилизации, если не учитывать пока не вскрытые глубины Мохенджо-Даро. Он подкреплял свою аргументацию находкой печати в слоях касситского периода в Уре, не принимая во внимание возможность ее сохранения в более позднее время, тем более, что большое количество свидетельств, связанных с печатями, отнесено к датированному контексту периода Саргонидов и Ларсы. Позднее он уточнил свою точку зрения и предложил в качестве времени завершения индской цивилизации 1700-е гг. до н.э.

Последовавшие за развитием радиоуглеродной датировки раскопки в Рагнуре, Лотхале, Калибангане, Суркотаде, Гумле, Амри, Балакоте и Кот-Диджи, а также возобновление исследований в Мохенджо-Даро и Хараппе дали новые свидетельства для перепроверки и уточнения традиционной хронологии. Радиоуглеродной датировке было подвергнуто достаточное количество образцов, полученных из различных слоев этих поселений.

После объективного анализа значительного числа радиоуглеродных данных из этих и двух других связанных с ними поселений – Дамб-Садаат и Нияй-Бутхи, Агравал (Agrawal & Kusumgar, 1974) предложил максимальный временной промежуток с 2300 по 1750 г. до н.э. для всей развитой хараппской культуры. Мы можем согласиться с конечной датой промежутка, но считаем необходимым пересмотреть датировку нижней границы 2300 г. до н.э. Учитывая существование не раскопанных пока нижних слоев Мохенджо-Даро и семь радиоуглеродных датировок верх-

них слоев этого поселения, средняя из которых приходится приблизительно на 1970 г. до н.э., представляется возможным отнести нижнюю границу к 2500 г. до н.э., даже может быть, и к более раннему времени. Более того, в Мохенджо-Даро в нижних достигнутых уровнях мы располагаем почти безошибочно датированным свидетельством в виде резного сосуда из стеатита, который относится к месопотамскому раннединастическому периоду или даже к более раннему времени и поэтому обеспечивает приблизительно хронологический горизонт для этих слоев.

«Наклонный горизонт» зависит от количества времени, необходимого для распространения элементов, используемых как маркеры горизонта. Время существования индской цивилизации было чрезвычайно длительным, около 800 лет, а территория ее распространения занимала не менее 1 млн. кв. км. В пределах столь обширного ареала важную роль в ее распространении и в способах культурной адаптации играли природные различия, свидетельством чего являются данные, полученные в индийских штатах Гуджарат, Харьяна, Пенджаб, Джамму и Кашмир. В Харьяне многие поселения дохарапского комплекса, не затронутые первоначальным распространением индской цивилизации, просуществовали почти до заката последней. Подобным образом и начало, и конец этой цивилизации в Раджастане, Харьяне, Пенджабе, Джамму и Кашмире наступили значительно позднее, чем в ключевой зоне или на центральной территории, что демонстрируется многочисленными культурными остатками.

Что касается применимости радиоуглеродной датировки, то было обнаружено, что этот метод допускает погрешности, которые становятся серьезными ближе к началу II тысячелетия до н.э. и постоянно возрастают к IV тысячелетию. Чтобы избежать этих погрешностей, на конференции в Новой Зеландии в октябре 1972 г. было принято решение о введении кривой для калибровки радиоуглеродных показателей. Начиная с периода, в течение которого эти погрешности во все большей степени влияют на определение времени существования цивилизации и предшествующих фаз, необходимо учитывать применимость такой кривой в отношении исторических дат и археологического материала. Хотя и признается, что коррекционная кривая еще не вполне адекватна, нельзя отрицать, что определение временного промежутка, основанного на радиоуглеродной датировке без калибровки, является устаревшим. С учетом калибровки временные рамки устанавливаются около 2700–1900 г. до н.э.; это дает приемлемое объяснение контактам досаргонского периода.

УПАДОК И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Своим возникновением, развитием и распространением индская цивилизация была в значительной степени обязана таким факторам окружающей среды, как режим рек, климат и доступность природных ресурсов. Парадоксальным образом своим ослаблением она во многом обязана тем же самым факторам. Скелеты, разбросанные в разных местах в верхних слоях домов и улочек в Мохенджо-Даро, приводились как свидетельство нападения ариев. Данные позднего кладбища Н в Харappe рассматривались в качестве представляющих вторгшуюся сюда группу говорящего на арийском языке народа (*Wheeler*, 1968). Но утверждение об арийском вторжении как о решающем факторе, обусловившем конец этой цивилизации, по-видимому, не может быть принят, если датой ее конца является 1750 г. до н.э.

Около первой четверти II тысячелетия до н.э. дальняя и внутренняя торговля природными материалами серьезно сократилась, что отразилось на распределении сырья и предметов роскоши, в результате чего отдаленные поселения обеднели. Поскольку торговля, как кажется, была ос-

новной движущей силой этой цивилизации, то ее сокращение ударило по процветанию городов, ведя к деурбанизации и рассеиванию населения (*Ghosh*, 1982). В течение того же периода изменились условия природного орошения: исчезла речная система Гхаггар-Хакра-Вахинда, во многом по причине поглощения р. Джамна системой Ганга, а р. Сатледж – системой Инда. Доказано также, что харапские города под прессом роста численности населения сами разрушали собственную окружающую среду чрезмерным использованием земли под пастбища, пашни и неумеренным потреблением растительности, оголяя таким образом ландшафт. Ввиду постоянного спроса на дерево в течение развитой фазы харапской цивилизации активно вырубались леса в Гималаях, что в свою очередь вело к эрозии и перемещению речных русел из-за их расширения вследствие отложений.

Долина Большого Инда находится в активной сейсмической зоне. Тектонические сдвиги, оставившие осязаемые свидетельства, обусловили тенденцию Инда к наводнениям, в результате которых происходило запруживание русла и, как следствие, последовательный рост уровня подземных вод на этой территории. Сдвиги также привели к разрушению русла Гхаггар-Нары, что засвидетельствовано обратным уклоном реки возле Манота, который привел к сокращению расхода воды вниз по течению. Сокращение и в конце концов полное прекращение снабжения водой должно было отрицательно сказаться на земледелии и вынудить людей переселяться, что многократно засвидетельствовано в Чолистане и восточнее – в Раджастане. Имеются данные о напоминающем сооружение плотины поднятии дна Инда в результате тектонических сдвигов приблизительно в 120 км ниже по течению от Мохенджо-Даро, что запруживало реку, превращая Мохенджо-Даро в остров. Этот повторяющийся феномен должен был иметь следствия, губительные для морального духа жителей и структуры города. Наряду с этими факторами к концу II тысячелетия до н.э. вдоль северного побережья Аравийского моря имели место такие феномены, как эвстатические колебания (тектонические прибрежные взбросы или морские регрессии), которые сопровождались быстрыми морфологическими изменениями. В результате некоторые из старых портов как на макранском, так и на кач-катхияварском побережье оказались в нескольких километрах от моря и утратили свою роль в торговле; кроме того, так как уровень подземных вод во внутренних поселениях понизился, стандарты городской жизни понизились. Также нельзя недооценивать фактор естественной усталости уже немолодой цивилизации.

Эвстатические колебания уровня океана, рост количества осадков в одних местах и засухливость в других имели различные последствия в разных регионах, что, возможно, объясняет, почему индская цивилизация сохранилась и была столь разнообразна в регионах, подобных Гуджарату, Харьяне, Пенджабу и прилегающим территориям штата Уттар-Прадеш, в течение первой половины II тысячелетия до н.э. И в южных, и в восточных регионах на новых местах было основано много небольших поселений. Позднехарапские поселения в восточных регионах переместились к тем притокам и руслам рек, которые надежно обеспечивались водой и где существовал более высокий уровень подземных вод, необходимый для поддержания их хозяйства, либо в периферийные, менее засухливые области в муссонной зоне бассейна Ганга-Джамны, покидая низменные высохшие долины. Подобным образом отмечается распространение поселений во внутренних районах п-ова Катхиявад (*Possehl*, 1980), где значительно возросло количество небольших поселений.

На п-ове Катхиявад характерным было производство глянцевой красной посуды, которое пережило развитый период индской цивилизации. В бассейне залива Кач таким производством являлось изготовление черно-красной

посуды с белой росписью (в долине р. Банас), а в других местах штата Гуджарат – изготовление прочной красной посуды, расписанной простейшими сюжетами. В сравнении с этим позднехарраппская фаза в восточном регионе представлена смесью пришедшей в упадок культуры, состоявшей из пережитков традиций дохарраппской и харраппской культур, и даже в ограниченном объеме «культуры кладбища Н». Гончарные изделия с монотонными геометрическими сюжетами росписи свидетельствуют об общем упадке этого производства. Длинные отщепы из сланца были вытеснены небольшими пластинами из доступного местного материала. Стандартные гири больше не использовались. Как правило, позднехарраппские поселения показывают упадок или утрату жизненных стандартов и отсутствие городского порядка. Хотя в некоторых поселениях (Бхагванпура, Лотхал, Рангпур, Даймабад) встречаются типичные харраппские печати или процарапанные на глиняной посуде знаки, они, по-видимому, сохранились с прошлых времен и не были предметами постоянного использования. В южном регионе отмечен случай преобразования, тогда как в восточном регионе произошла культурная дезинтеграция.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обычно культуры называются по месту их первого открытия, поэтому эту культуру следовало бы назвать харраппской культурой. Но так как она является выражением высокоразвитой цивилизации, распространение которой первоначально было обнаружено в долине Инда, она называется также индской цивилизацией. Термины «харраппская культура» и «индская цивилизация» являются взаимозаменяемыми.

² Термин «дохарраппский» является взаимозаменяемым с обозначениями «раннехарраппский» или «протогородской».

БИБЛИОГРАФИЯ

- КНОРОЗОВ Ю.В., АЛЬБЕДИЛ М.Ф., ВОЛЧОК Б.Ю., 1981. Протоиндика. 1979. М.
- AGRAWAL, D. P. 1972–3. *Puratattva* (New Delhi), Vol. 6.
- AGRAWAL, D. P.; KUSUMGAR, S. 1974. *Prehistoric Chronology and Carbon Dating in India*. New Delhi.
- AGRAWAL, D. P.; SOOD, R. K. 1982. *Ecological Factors and the Harappan Civilization*. In: POSSEHL, G. L. (ed.), *Harappan Civilization: A Contemporary Perspective*. New Delhi, pp. 223–32.
- ALLCHIN, F. R. 1981. *The Bannu Basin Project (1977–79): A Preliminary Report*. In: HARTEL, H. (ed.), *South Asian Archaeology, 1979*. Berlin, pp. 217–50.
- ASKO PARPOLA. 1984. *Interpreting the Indus Script*. In: LAL, B. B.; GUPTA, S. P. (eds), *Frontiers of the Indus Civilization, Sir Mortimer Wheeler Commemoration Volume*. New Delhi, pp. 179–92.
- BIBBY, T. G. 1969. *Looking for Dilmun*. New York.
- BISHT, R. S. 1982. *Excavations at Banawali: 1974–77*. In: POSSEHL, G. L. (ed.), *Harappan Civilization: A Contemporary Perspective*. New Delhi, pp. 113–24.
- 1984. *Structural Remains and Town-planning of Banawali*. In: LAL, B. B.; GUPTA, S. P. (eds), *Frontiers of the Indus Civilization, Sir Mortimer Wheeler Commemoration Volume*. New Delhi, pp. 89–98.
- CASAL, J. M. 1961. *Fouilles de Mundigak*. Paris. (Publ. Deleg., Archaeol. Fr. Afghanistan, 17.)
- 1964. *Fouilles d'Amri*. Paris.
- CHAKRABARTI, D. K. 1990. *The External Trade of the Indus Civilization*. New Delhi.
- CHITALWALA, Y. M. 1982. *Harappan Settlements in the Kutch Saurashtra Region: Patterns of Distribution and Routes of Communication*. In: POSSEHL, G. L. (ed.), *Harappan Civilization: A Contemporary Perspective*. New Delhi, pp. 197–204.
- CHOWDHURY, K. A.; GHOSH, S. S. 1951. *Plant Remains from Harappa 1946*. *Anc. India* (New Delhi), Vol. 7, pp. 3–19.

- CORNWALL, P. B. 1946. *On the Location of Dilmun*. *Bull. Am. Sch. Orient. Res.* (New Haven, Conn.), No. 102, pp. 3–11.
- COSTANTINI, L. 1979. *Plant Remains at Pirak, Pakistan*. In: JARRIGE, J. et al. (eds), *Fouilles de Pirak*. Paris, pp. 326–33.
- DALES, G. F. 1986. *Some Fresh Approaches to Old Problems in Harappan Archaeology*. In: JACOBSON, J. (ed.), *Studies in the Archaeology of India and Pakistan*. New Delhi, pp. 117–36.
- DANI, A. H. 1970–1. *Excavations in the Gomal Valley*. *Anc. Pakistan* (Peshwar), Vol. 5 (special number), pp. 1–177.
- DURRANI, F. A. 1968. *Excavations in the Gomal Valley: Rehman Dheri Excavations Report No. I*. *Anc. Pakistan* (Peshwar), Vol. 6.
- FAIRSERVIS, W. A. 1956. *Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan*. New York. (*Anthr. Pap. Am. Mus. Nat. Hist.*, 47.)
- 1959. *Archaeological Surveys in the Zhob and Loralai Districts, West Pakistan*. New York. (*Anthr. Pap. Am. Mus. Nat. Hist.*, 47.)
- 1971. *The Roots of the Indian Civilization*. New York.
- FRANCFORT, H.-P. 1984. *The Early Periods of Shortugai (Harappan) and the Western Bactrian Culture of Dashedly*. In: ALLCHIN, B. (ed.), *South Asian Archaeology, 1981*. Cambridge, pp. 170–75.
- GELB, I. J. 1970. *Makan and Meluhha*. *Rev. Assyriol. Archaeol. Orient.*, Vol. 65, pp. 1–8.
- GHOSH, A. 1965. *The Indus Civilization: Its Origins, Authors, Extent and Chronology*. In: MISHRA, V. N.; MATE, M. S. (eds), *Indian Prehistory*. Poona, pp. 113–24.
- 1982. *Deurbanization of the Harappan Civilization*. In: POSSEHL, G. L. (ed.), *Harappan Civilization: A Contemporary Perspective*. New Delhi, pp. 321–4.
- HALIM, M. A. 1970–71. *Excavations at Sarai Khola, Part I*. *Pak. Archaeol.*, Vol. 7, pp. 23–89.
- 1972. *Excavations at Sarai Khola, Part II*. *Pak. Archaeol.*, Vol. 8, pp. 1–112.
- HARGREAVES, H. 1929. *Excavations in Baluchistan, 1925: Sompur Mound, Mastung and Sohr Damb, Nal. Calcutta*. (*Mem. Archaeol. Surv. India*, 35.)
- JARRIGE, J. F. 1982. *Excavations at Mehrgarh: Their Significance for Understanding the Background of the Harappan Civilization*. In: POSSEHL, G. L. (ed.), *Harappan Civilization: A Contemporary Perspective*. New Delhi, pp. 79–84.
- JARRIGE, J. F.; LECHEVALLIER, M. 1979. *Excavations at Mehrgarh, Baluchistan: Their Significance in the Prehistorical Context of the Indo-Pakistani Borderlands*. In: TADDEI, M. (ed.), *South Asian Archaeology, 1977*. Napoli, pp. 463–535.
- JARRIGE, J. F.; MEADOW, R. H. 1980. *The Antecedents of Civilization in the Indus Valley*. *Sci. Am.* (New York), Vol. 243, No. 2, pp. 122–33.
- JOSHI, J. P. 1979. *The Nature of Settlement of Surkotada*. In: AGRAWAL, D. P.; CHAKRABARTI, D. P. (eds), *Essays in Indian Protohistory*. New Delhi, pp. 59–64.
- KHAN, F. A. 1965. *Excavations at Kot Diji*. *Pak. Archaeol.*, Vol. 2, pp. 11–85.
- KHAN, F. A.; KNOX, J. R.; THOMAS, K. D. 1986. *Sheri Khan Terakai: A New Site in the North-west Frontier Province of Pakistan*. *J. Cent. Asia* (Islamabad), Vol. 9, No. 1, pp. 13–34.
- KHAN, G. M. 1983. *Hathial Excavation (A Preliminary Account)*. *J. Cent. Asia* (Islamabad), Vol. 6, No. 2, pp. 35–44.
- KNOROV, Y. V.; VOLCHOK, B. Y.; GURUV, N. 1984. *Some Groups of Proto-religious Inscriptions of the Harappan*. In: LAL, B. B.; GUPTA, S. P. (eds), *Frontiers of the Indus Civilization, Sir Mortimer Wheeler Commemoration Volume*. New Delhi, pp. 169–72.
- KOSKENNIEMI, K.; PARPOLA, A. 1979. *Corpus of Texts in the Indus Script*. Helsinki.
- 1980. *Documentation and Duplicates of the Texts in the Indus Script*. Helsinki.
- KOSKENNIEMI, K.; PARPOLA, A.; PARPOLA, S. 1973. *Materials for the Study of the Indus Script. A Concordance to the Indus Inscriptions*.
- KRAMER, S. N. 1963. *Dilmun: Quest for Paradise*. *Antiq.* (Cambridge), Vol. 37, pp. 111–5.
- 1964. *The Indus Civilization and Dilmun, the Sumerian Paradise Land Expedition* (Philadelphia, Pa.), Vol. 6, No. 3, pp. 44–52.
- LAL, B. B. 1970–1. *Perhaps the Earliest Ploughed Field So Far Excavated Anywhere in the World*. *Puratattva* (Varanasi), Vol. 4, pp. 1–3.
- LAMBERG-KARLOVSKY, C. C. 1970. *Excavations at Tepe Yahya, Iran, 1967–69*. Cambridge, Mass. (*Am. Sch. Prehist. Res. Bull.*, 27).

- 1972. Trade Mechanism in Indus-Mesopotamian Inter-relations. *J. Am. Orient. Soc.* (New Haven, Conn.), Vol. 92, No. 1, pp. 222–9.
- 1976. Foreign Relations in the Third Millennium at Tepe Yahya. In: DESHAYES, J. (ed.), *Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des Origines à la Conquête Islamique*. Paris, CNRS, pp. 33–43.
- LAMBERG-KARLOVSKY, C. C.; TOSI, M. 1973. Shahr-i-Sokhta and Tepe Yahya. Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau. *East West* (Roma), Vol. 23, No. 1–2, pp. 21–57.
- LESHNIK, L. 1968. The Harappan Port at Lothal: Another View. *Am. Anthropol.* (Washington, D.C.), Vol. 70, No. 5, pp. 911–22.
- MACKAY, E. J. H. 1938. Further Excavations at Mohenjo-daro. New Delhi.
- MAHADEVAN IRAVATHAN 1977. The Indus Script, Texts Concordance and Tables. New Delhi. (Mem. Archaeol. Surv. India, 77.)
- MARSHALL, J. 1924. Fresh Light on the Long Forgotten Civilization. *ILL London News* (London), 20 Sept.
- 1926. Annual Report of the Archaeological Survey of India 1923–24.
- 1931. Mohenjo-daro and the Indus Civilization. London.
- MASSON, V. M. 1981. Seals of Proto-Indian Type from Altyn-depe. In: KOHL, P. H. (ed.), *The Bronze Age Civilization of Central Asia*. New York, pp. 149–62.
- 1988. *Altyn-Tepe*. Philadelphia, Pa.
- MEADOW, R. H. 1989. Continuity and Change in the Agriculture of the Greater Indus Valley: The Palaeo-ethnobotanical and 300 Archaeological Evidence. *Wis. Archaeol. Rev.*, pp. 1–12.
- MISHRA, V. N. 1984. Climate, a Factor in the Rise and Fall of the Indus Civilization – Evidence from Rajasthan and Beyond. In: LAL, B. B.; GUPTA, S. P. (eds), *Frontiers of the Indus Civilization*, Sir Mortimer Wheeler Commemoration Volume. New Delhi, pp. 461–90.
- MUGHAL, M. R. 1970. The Early Harappan Period in the Greater Indus Valley and Northern Baluchistan (c. 3000–2400 BC). (PhD Dissertation, University of Pennsylvania.)
- 1972. Excavations at Jalilpur. *Pac. Archaeol.*, Vol. 8, pp. 117–24.
- 1974. New Evidence of the Early Harappan Culture from Jalilpur. *Archaeol.* (New York), Vol. 27, No. 2, pp. 106–13.
- 1981. New Archaeological Evidence from Bahawalpur. In DANI, A. H. (ed.), *Indus Civilization: New Perspectives*. Islamabad, pp. 33–42.
- 1982. Recent Archaeological Research in the Cholistan Desert. In: POSSEHL, G. L. (ed.), *Harappan Civilization: A Contemporary Perspective*. New Delhi.
- 1988. La naissance de la civilisation de l'Indus: Les cités oubliées de l'Indus. In: *Archéologie du Pakistan*. Paris, pp. 71–4.
- 1989. Archaeological Explorations in Cholistan, Islamabad. Islamabad.
- OPPENHEIM, A. I. 1954. Seafaring Merchants of Ur? *J. Am. Orient. Soc.* (New Haven, Conn.), Vol. 74, pp. 6–17.
- PANDYA, S. 1977. Lothal Dockyard Hypothesis and Sea Level Changes. In: AGRAWAL, D. P.; PANDE, B. M. (eds), *Ecology and Archaeology of Western India*. New Delhi, pp. 99–103.
- POSSEHL, G. L. 1980. *Indus Civilization in Saurashtra*. New Delhi.
- RAIKES, R. L. 1964. The End of the Ancient Cities of the Indus. *Am. Anthropol.* (Washington, D.C.), Vol. 66, No. 2.
- 1967. The Mohenjo-daro Floods: Further Notes. *Antiq.* (Cambridge), Vol. 41, pp. 64–6.
- 1968. Kalibangan: Death from Natural Causes. *Antiq.* (Cambridge), Vol. 42, No. 168, pp. 286–91.
- RAIKES, R. L.; DYSON, R. 1961. The Prehistoric Climate of Baluchistan and the Indus Valley. *Am. Anthropol.* (Washington, D.C.), Vol. 63, pp. 265–81.
- RAMASWAMY, C. 1968. Monsoon over the Indus Valley During the Harappan Period. *Nature* (London), Vol. 217, No. 5129, pp. 628–9.
- RAO, S. R. 1973. Lothal and the Indus Civilization. Bombay.
- 1979–85. Lothal – An Harappan Port Town (1955–62). New Delhi. (Mem. Archaeol. Surv. India, 78.)
- 1982. The Department of the Indus Script. New Delhi.
- RATNAGAR, S. 1981. Encounters: The Westerly Trade of the Harappan Civilization. New Delhi.
- ROSS, E. J. 1946. A Chalcolithic Site in Northern Baluchistan. *J. Near East. Stud.* (Chicago, Ill), Vol. 5, No. 4, pp. 291–315.
- SHAH, U. P. 1960. Lothal – A Port. *J. Orient. Inst.* (Baroda), Vol. 9, No. 3, pp. 310–20.
- SINGH, G. 1971. The Indus Valley Cultures. *Archaeol. Phys. Anthropol. Ocean.* (Sydney), Vol. 6, No. 2, pp. 77–89.
- SINGH, G. R. et al. 1974. Late Quaternary History of Vegetation and Climate of the Rajasthan Desert. *Philos. Trans. R. Soc.*, Vol. 267, No. 889, pp. 467–501.
- STEIN, A. 1931. An Archaeological Tour in Gedrosia. Calcutta. (Mem. Archaeol. Surv. India, 43.)
- 1942. A Survey of Ancient Sites Along the Lost Sarasvati. *Geogr. J.* (London), Vol. 99, No. 4, pp. 179–82.
- SURAJ, BHAN 1975. Excavations at Mitathal (1968) and Other Explorations in the Sutlej-Yamuna Divide. Kurukshetra.
- THAPAR, B. K. 1975. Kalibangan: An Harappan Metropolis Beyond the Indus Valley. Expedition (Philadelphia, Pa.), Vol. 17, No. 2, pp. 19–32.
- 1977. Climate During the Period of the Indus Civilization: Evidence from Kalibangan. In: AGRAWAL, D. P.; PANDE, B. M. (eds), *Ecology and Archaeology of Western India*. New Delhi, pp. 67–73.
- 1984. Six Decades of Harappan Studies. In: LAL, B.B.; GUPTA, S.P. (eds), *Frontiers of the Indus Civilization*, Sir Mortimer Wheeler Commemoration Volume. New Delhi, pp. 1–25.
- 1985. Recent Archaeological Discoveries in India. Tokyo/Paris, UNESCO.
- THAPAR, R. 1975. A Probable Identification of Meluhha, Dilmun and Makan. *J. Econ. Soc. Hist. Orient* (Leiden), Vol. 18, No. 1, pp. 1–42.
- VATS, M. S. 1940. Excavations at Harappa. New Delhi.
- VISHNU MITTRE. 1978. Palaeoecology of the Rajasthan Desert During the Last 10,000 Years. *Paleobot.*, Vol. 25, pp. 549–58.
- 1982. The Harappan Civilization and the Need for a New Approach. In: POSSEHL, G. L. (ed.), *Harappan Civilization: A Contemporary Perspective*. New Delhi, pp. 31–40.
- VISHNU MITTRE; SAVITHRI, R. 1982. Food Economy of the Harappans. In: POSSEHL, G. L. (ed.), *Harappan Civilization: A Contemporary Perspective*. New Delhi, pp. 205–21.
- WEISGERBER, G. 1984. Makan and Meluhha – Third Millennium BC. Copper Production in Oman and the Evidence of Contact with the Indus Valley. In: ALLCHIN, B. (ed.), *South Asian Archaeology*, 1981. Cambridge, pp. 196–201.
- WHEELER, M. 1968. *The Indus Civilization*. 3rd ed. Cambridge.
- YASH PAL et al. 1984. Remote Sensing of the Sarasvati River. In: LAL, B. B.; GUPTA, S. P. (eds), *Frontiers of the Indus Civilization*, Sir Mortimer Wheeler Commemoration Volume. New Delhi, pp. 491–98.

ПОСТИНДСКИЕ КУЛЬТУРЫ (1500–700 гг. до н.э.)

Б.К. Тханар и Абдул Рахман

Окончательное крушение харап্পской цивилизации в середине XVIII в. до н.э. означало завершение многовекового опыта городской жизни. Вместе с ней исчезла идея городской планировки и муниципальной организации, прекратилось использование единых мер и весов, возведение монументальных зданий, исчезла письменность. Хотя распад цивилизации не обязательно предполагает полное исчезновение ее носителей, тем не менее в значительной степени изменился и этнический состав населения: появились пришельцы извне со своим собственным образом жизни, в котором урбанизму не было места. Пришельцы расселялись на завоеванных территориях разбросанными сельскими сообществами, воевавшими между собой, а также с местным населением – вплоть до полного его подчинения. Из этих земледельческих сообществ постепенно выделялись местные центры, из которых с течением времени вырастали поселки и города. Однако эти города весьма отличались от городов индской цивилизации, поскольку не имели строгой планировки. Фактически идея городской планировки умерла на том месте, где и родилась, и вновь возродилась лишь спустя 2 тыс. лет. Кто были эти пришельцы? Когда и откуда они появились в бассейне р. Инд? Какова была их материальная культура? Вот главные вопросы, которые рассматривают исследователи постиндской цивилизации. Для ответа на них могут быть привлечены две разновидности источников, каждый из которых по-своему ограничен, – археологические и литературные.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Основными поселениями, где в ходе раскопок удалось проследить стадии упадка или изменений, являются Джжукар (*Majumdar*, 1934), Чанху-Даро (*Mackay*, 1943) и Амри (*Casal*, 1964) в провинции Синд, южное кладбище в Мехргархе и Сибри на равнине у залива Кач (*Santoni*, 1984), комплекс поселений в Кулли в Южном Белуджистане и наиболее характерное поселение в Хараппе (*Vats*, 1940) – все в Пакистане; Рангпур, Лотхал, Суркотада в штате Гуджарат, Банавали и Бхагванпура в штате Харьяна и Бара в Пенджабе – все на территории Индии. В Джжукаре, Чанху-Даро и Амри была выявлена так называемая джжукарская культура, заметно отличающаяся стилем керамики: посуда цвета буйволовой кожи, расписанная черной краской, некоторые орнаменты и формы которой отличаются от типичных изделий развитой харап্পской культуры. Наиболее частым орнаментом являются группы соединенных полукруглых линий или петель, ряды вытянутых ромбов, круги из красных точек, квадраты и т.д. (*Mughal*, 1992). В Амри прогрессирующая трансформация классической харап্পской керамики наблюдается в период III, который стал предшественником джжукарской посуды в период III D. Недавние исследова-

ния ясно показали, что этот гончарный стиль сосуществовал с продолжавшейся, но уже слабевшей харап্পской традицией керамики без какого-либо разрыва. К существенным изменениям в культурном оснащении относятся следующие: прекращение использования квадратных штемпельных печатей и появление круглых печатей с различными рисунками; ограниченное использование кубических разновесов и стилизованных женских фигурок, применение индского письма только на гончарных изделиях; рост производства бус и предметов из фаянса. Комплекс поселений в Кулли с некоторыми своеобразными видами керамики, по-видимому, также просуществовал более длительное время, одновременно с Джжукаром и Мехргархом VIII.

В Хараппе стадия упадка связана с культурой кладбища H, отмеченной двумя типами захоронений в отдельных слоях. Керамика этого периода, красиво расписанная сюжетами, включавшими изображения людей, стилизованных растений, крупного рогатого скота, коз, павлинов, рыб, звезд и т.д., была совершенно непохожа на глиняную посуду Хараппы, Джжукара или Кулли. Кроме того, часто встречаются изображения развернутых сцен на панелях, медальонах и т.п. Эти сцены вызвали необыкновенный интерес, поскольку археологи приписали их ариям. Соответствующий культурный слой был отмечен убогими непрочными постройками. Тот же тип керамики обнаружен в нескольких местах в Чолистане, где были постоянные поселения и такие признаки производства, как печи для обжига. В этих поселениях керамика, связанная с культурой кладбища H, сосуществовала с постепенно приходившей в упадок харап্পской культурной традицией, пока последняя в конце концов полностью не исчезла.

На территории Индии существенным признаком упадка является возрастание в восточном регионе, включавшем Чолистан, и в южном регионе числа поселений ориентированных на различные негородские способы хозяйствования, включая скотоводство. Поселения были гораздо меньшими по размеру и располагались вдали от заливных равнин. Эти культуры впоследствии уступили место разнообразным культурам халколита (медно-каменного века) Центральной Индии и плато Декан.

Во II тысячелетии до н.э. в ареале индской цивилизации, а также на прилегающих территориях возникло множество халколитических поселений. Эти поселения относятся к различным региональным культурным группам и примечательны своим неоднородным происхождением и устойчивыми традициями. В хронологическом отношении они были либо современными, либо более поздними, чем индская цивилизация.

Явные свидетельства о постхарап্পском заселении в Пакистане отмечены в Пираке вблизи г. Сибри на окраине индских равнин, Джжангаре в Синде и в долинах рек Гомар и Сват, в том числе на Гандхарской равнине.

Сиби (Белуджистан)

Наиболее ясное свидетельство о постхарапском заселении окраин индских равнин связано с местонахождением Пирак возле г. Сиби. В ходе археологических раскопок на этом месте было четко установлено, что после первоначального харапского поселения и перерыва неизвестной продолжительности оно было вновь заселено в начале второй четверти II тысячелетия до н.э. Выявлены три последовательные фазы этого непрерывного заселения. Обнаружены постройки первой фазы из необожженного кирпича в сочетании с гончарными изделиями, довольно грубо изготовленными вручную и расписанными в традиции, явно связанной с традицией более ранних периодов на этой территории. Большая часть керамики представляла собой грубую посуду, украшенную лепными поясками и выдавленным пальцами орнаментом. Следы лошади и верблюда были представлены не только костными остатками, но также статуэтками из терракоты и необожженной глины. Обычными среди терракотовых предметов были печати круглой, квадратной или искривленной формы. Обнаружены были также бронзовые и медные предметы – наряду с производством каменных пластин, зазубренные кромки которых предназначались, возможно, для работы по кости или слоновому бивню. В слое второй фазы было обнаружено более или менее похожее скопление с многочисленными терракотовыми и глиняными фигурками бактрианов – двугорбых верблюдов, лошадей и людей, в том числе всадников. Наряду с большим количеством медных и бронзовых инструментов на этом уровне был найден первый кусок железа. В третьей фазе по-прежнему сохраняются все элементы ранней фазы, однако железо теперь представлено большим количеством образцов. Согласно методу радиоуглеродной датировки, третья фаза охватывала промежуток приблизительно с 1000 по 800 г. до н.э., а более ранняя дата, около 1370–1340 гг. до н.э., возможно, относится ко второй фазе.

Остатки зерновых в Пираке периода I представлены пшеницей, ячменем, рисом, просом, овсом; они довольно хорошо документированы в двух секторах, откуда были взяты образцы почвы. С другой стороны, сорго встречается очень редко, и идентификация его остатков вызывает сомнения ввиду небольшого их количества и плохой сохранности (Jarrige, 1979, p. 331).

Материальная культура Пирака, по-видимому, не была только местным явлением: есть основания предполагать, что она была распространена по всей северной части равнины Кач. Наряду с отмеченными отличиями некоторые черты пиракской культуры сближают ее с местной традицией, обнаруженной в Мехргархе. В то же время имеются свидетельства ее контактов с Центральной Азией. Таким образом, пиракская культура представляет собой оригинальный синтез региональных элементов и внешних заимствований из различных источников.

Синд

Материальные скопления, которые следуют за позднехарапским джхукарским горизонтом в Синде, известны как джхангарские. Стратиграфически они проявляются после заселения джхукарского периода в Чанху-Даро и Амри и определяются по специфической черной и серой полированной керамике или по гладкой, декорированной резными геометрическими и линейными узорами. Эта керамика представляет собой полный отход от традиции джхукарской глиняной посуды. Разновидность серой посуды с резным узором, заметно отличающейся по выделке от джхангарской, встречается также в Пираке III. В вместе с железом и датируется в калиброванных датах 915–790 гг.

и 890–770 гг. до н.э. Таким образом, заселение Джхангара целесообразно отнести к началу I тысячелетия до н.э. (Mughal, 1992).

Долина р. Гомаль

Различные типы захоронений, обнаруженные в долине р. Гомаль, в особенности в Хатхале, Гумле и Марха-Шарифе, получили название гомальской могильной культуры. По другую сторону Инда большое сходство с этими захоронениями имеют могилы в Сарай-Кала периода III. Стратиграфически они подразделяются на два периода. К раннему из них относится погребально-похоронный тип захоронения, при котором вместе с телом умершего и несколькими предметами в землю закапывалось жертвенное животное со следами воздействия огнем. В верхних и более поздних погребениях обнаружены человеческие скелеты, как правило, без каких-либо погребальных предметов. Захоронения в Сарай-Кала по другую сторону Инда также подразделяются на два типа, отличавшиеся в основном устройством могил; ни тот, ни другой тип не содержал погребального инвентаря, за исключением двух железных колец на пальцах и фрагментов глиняных браслетов. Способ погребения, однако, напоминает могилы более позднего периода в регионе Гумлы, которые также можно отнести к железному веку. Таким образом, гомальская могильная культура представляет собой новый культурный комплекс постиндского цивилизационного периода.

Долина р. Сват

Культурная последовательность долины р. Сват основывается на относительной хронологии поселения Гхалигаи, где были выявлены семь периодов (I–VII) с III тысячелетия до н.э. до исторических времен (Stacul, 1984). Из этой последовательности ряда мы рассмотрим периоды IV и V.

Период IV Гхалигаи, относящийся приблизительно к XVII в. до н.э. и засвидетельствованный в нескольких поселениях, по-видимому, был связан с ростом численности населения и новыми формами стабильного земледельческого поселения. Ему присущи новые традиции в керамике, каменных и костяных орудиях и тип поселения, свидетельствующие о торговле с дальними территориями. Поселения располагались вблизи рек на вершинах или склонах холмов, неподалеку от речной долины. В течение этого периода, около середины II тысячелетия до н.э., на смену жилищам-землянкам пришли дома с каменными стенами, построенные из камней неправильной формы и гальки. Другим технологическим новшеством стало использование меди. В Кхераи, в долине р. Горбанд, находилось относящееся к этому периоду кладбище. Могилы здесь прямоугольные в плане и покрыты каменными плитами. Некоторые из этих могил содержат остатки скелетов, но в других скелетный материал отсутствует. Погребальный инвентарь, помимо керамики, включает в некоторых случаях золотые серьги.

Керамика представлена посудой, изготовленной на гончарном круге, черно-серого и темно-желтого цветов, обычно полированной, с пятнистой поверхностью; на основаниях этих керамических предметов часто делались отпечатки плетеных изделий. Наряду с такой существовала и красная посуда, изготовлявшаяся на «быстром» гончарном круге и имевшая черную роспись, включавшую изображения растений. Если первый вид посуды по стилю напоминает широко распространенную керамику региона Северного Ирана, то второй, по-видимому, относится к харапской городской и постгородской культурам. Предметы из жадеита и раковин свидетельствуют об обширной межрегиональной торговле. Терракотовые

фигурки людей и животных были найдены главным образом вокруг очагов, что, возможно, указывает на их культовое значение. Статуэтки животных, как правило, изображают горбатого буйвола. Медные предметы представлены листовидными наконечниками стрел. Животные остатки, среди которых часто присутствуют остатки зебу, ясно говорят, что основным видом деятельности было скорее животноводство, чем охота. Растительные остатки указывают на наличие пшеницы, ячменя, риса и, следовательно, специализированного земледелия на обширных пространствах плодородной и хорошо орошаемой земли.

В культурных слоях Алиграмы отмечена переходная фаза между периодами IV и V, определяемая главным образом по изменению керамики и некоторых других предметов. Период IV может рассматриваться как фаза формирования так называемой гандхарской могильной культуры, представленной периодом V. На начало периода V указывает новая стилистика в керамике, свидетельствующая о тесных связях с культурами Северного Ирана. В этот период возрастает количество поселений. Обнаружено три вида посуды – черно-серая, тонкая красная и грубая красная, – которые сохраняются на протяжении всего периода существования поселений могильной культуры. Наблюдается, однако, постепенное улучшение качества исходной глины и использование быстрого гончарного круга, облегчившего производство ваз с более тонкими стенками специфического серого цвета. В этот период происходило также сокращение контактов с территориями за пределами долины. Однако наряду с прямыми связями с соседней долиной р. Дир памятники гандхарской могильной культуры были выявлены в Зариф-Каруне возле Мични в долине у г. Пешавар и в Хатхиале возле г. Таксилы. Поэтому создается впечатление, что эта протоисторическая культура представляет собой не отдельный эпизод, но является частью более обширной культуры, распространившейся в двух различных регионах – субгималайской зоне пакистано-афганского пограничья на западе и на аллювиальных равнинах Пешавара.

Гандхарская могильная культура

Гандхарская могильная культура, соответствующая периоду V последовательности в Сват-Гхалигаи, представлена материальными остатками кладбищ, раскопанных в поселениях Буткара II, Кателаи I и Лоебар I, имеющих одинаковые характеристики.

В ходе раскопок, проведенных итальянской экспедицией в Свате, были сделаны находки, показавшие, что местный материал имеет общие черты с иранской продукцией, и особенно с изделиями Северо-Восточного Ирана; как представляется, он особенно близок керамике из местности Тепе-Хиссар II В. Поскольку Хиссар II В может быть датирован по крайней мере первой четвертью II тысячелетия до н.э., является очевидным, что некоторые из сватских поселений имеют огромное значение при обсуждении проблемы постхараппского заселения Гандхарской равнины.

Гробницы состоят из двух небольших камер, расположенных одна над другой. Верхняя камера (площадью приблизительно 2 x 2,5 кв. м при глубине 2 м) заполнялась после погребения землей и древесным углем и обычно окружалась кольцом необработанных камней. Нижняя камера, отделенная от верхней каменными плитами, была меньше и содержала человеческие останки с погребальным инвентарем. Подавляющее большинство погребений указывает на то, что практиковалось или труположение, при этом тело укладывалось на бок (по оси север – юг) в согнутом положении, или трупосожжение, возможно,

совершаемое после расчленения. В Кателаи не только имелся участок кладбища, отведенный под детские захоронения, но в середине некрополя были обнаружены два полных скелета лошадей. В меньшем количестве могил находился пепел после кремации, иногда помещенный в глиняные гробницы, или «коробки-урны» с плоской крышкой, и большие урны с наружным украшением, состоявшим из накладных орнаментов и резных линий.

Погребальный инвентарь включал большое количество характерной гладкой керамики или темно-желтого, или серого цвета с характерным набором форм. К ним относились высокие «шампанские» кубки, кружки с подставками, кубки с большим расширяющимся венчиком, бутылки с высокими узкими горлышками, горшки с носиками – некоторые с маленькими ручками и один курьезный тройной горшок на трех ножках, вырастающих из основания. Иногда встречаются также терракотовые статуэтки характерного типа – обычно плоские таблички с грубыми изображениями людей (налепленными грудями и сильно стилизованными головами), некоторые с процарапанными ожерельями и глазами). Металлические предметы обычно изготовлены из меди и бронзы (чаще всего это булавки с украшенными головками) и гораздо реже из железа.

После раскопок, проведенных А.Х. Дани в Тимаргархе и Тхане (*Dani*, 1967), была расширена область этой культуры, впервые выявленной в Свате. Он обнаружил следы пребывания ее представителей в Тхане, Дире, Баждауре (Инаят-Кила) и Мардане (Панджпир). Он назвал этот комплекс «гандхарская могильная культура».

«Поскольку эта культура относится к народу или народам, названия которых в ходе наших раскопок открыты не были, – объясняет Дани, – мы предпочли воспользоваться археологической терминологией, основанной на двух главных факторах; во-первых, эта культура известна нам главным образом по погребальному инвентарю, а во-вторых, она впервые была открыта в этом регионе, «Гандхаре» (*Dani*, 1967, p. 25). Похожие гробницы были позднее обнаружены в Зариф-Куруне в Пешаварской долине.

Основываясь на типологии и ограниченной стратиграфии, Дани разделил обнаруженный материал на три периода:

- период I – труположение с медными предметами;
- период II – трупосожжение и захоронение с медными предметами;
- период III – расчлененное и множественное погребение с медными и железными предметами.

Народы, относящиеся к этим трем периодам, очевидно, размещали свои поселения на плодородных аллювиальных землях и возле предгорий на речных долинах. У них были лошади, они занимались земледелием – были найдены круглые и прямоугольные помещения для хранения зерна. Погребальный инвентарь в целом напоминает тот, что был найден в Свате, хотя между периодами существуют заметные различия, особенно в керамике. В целом преобладает серая и красная посуда. Согласно классификации Стакула (*Stacul*), могилы могут быть разделены на четыре группы, и лишь в последней из них, связанной с тонкостенной серой и красной посудой, были обнаружены железные орудия. Таким образом, имеются, по-видимому, серьезные основания предполагать, что значительная часть могил появилась до применения железа в данной области.

Укрупненная хронология этих могил, составленная как по перекрестным сопоставлениям с поселениями за пределами Индии и Пакистана, так и по десятку или более опубликованных радиоуглеродных дат, охватывает широкий временной диапазон. В Кателаи I взято пять образцов, датированных временем между 1500 и 200 гг. до н.э. Два об-

разца из Тимагарха дают 1710 и 1020 гг. до н.э., тогда как два образца из Барамы датированы периодом между 800 и 430 гг. до н.э. Джеттмар (*Jettmar*, 1967, pp. 203–9) доказал, что период III Дани может относиться к VII–VI вв. до н.э. Это основывается на сравнении фрагмента железной стойки с тремя отверстиями, найденного в Тимаргархе, с похожей находкой из Центральной Азии. Другой пример синхронии, относящийся к более позднему времени, – черепки серой посуды из Хатхиала (рядом с Музеем Таксилы) с нацарапанными на них надписями на кхароштхи. Таким образом, было доказано непрерывное проживание в древней области на северо-западе Пакистана – Гандхаре и вокруг нее земледельческого народа, у которого были лошади и который жил здесь в течение почти тысячи лет. Он определенно имел связь с Центральной Азией, хотя их характер пока остается неясным.

Погребения под каменными пирамидами и посуда из Лондо

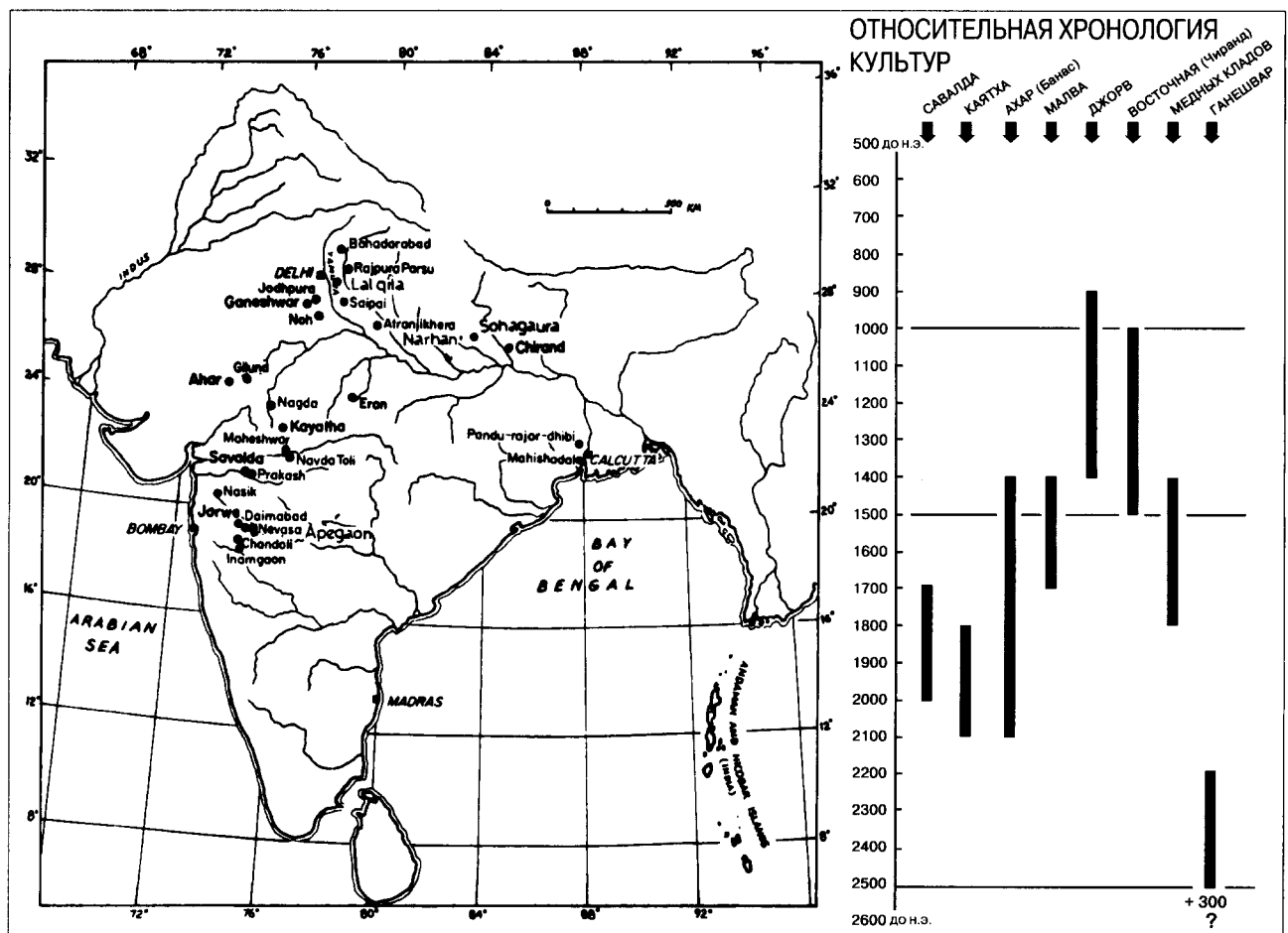
Примерно в начале I тысячелетия до н.э. на границах Белуджистана появилось железо, по-видимому, привнесенное сюда народом, представители которого погребали своих умерших под пирамидами из камней, ездили верхом на лошадях и пользовались керамикой своеобразных форм с характерным орнаментом. Несколько поселений с такими погребениями под пирамидами были выявлены Стейном (*Stein*, 1937) в Белуджистане в районе Макранских хребтов, а также в Кулли и далее к северу вплоть до долины Машкаи в Центральном Джхалаване; особенно среди них выделялись Гатти, Дживанри и Зангиан. Керамика, найден-

ная в погребениях под пирамидами, представляет собой грубую красную посуду, расписанную непрерывными лентами, состоящими из широких завитков или крючковидных спиралей. Типичной формой сосуда была фляга с носиком и с проушинами для ношения на веревке. Почти современными этим погребениям был другой вид керамики, названный Де Карди посудой из Лондо (*De Cardi*, 1951), который встречается в некоторых поселениях от Шамидамб до Кулли-Калата. Это – красная посуда, вероятно, изготовленная вручную и расписанная черными крючковатыми спиральями. Эти спирали на посуде из Лондо, похоже, были копией рельефных завитков на керамике из пирамидальных погребений. Люди, которые пользовались посудой типа Лондо были также наездниками, о чем свидетельствуют изображения лошадей на их гончарных изделиях.

Центральная, Западная и Восточная Индия (карта 15)

В течение II тысячелетия до н.э. на территории Индии существовал ряд халколитических культур, которые по времени совпадали с заключительной фазой индской цивилизации:

- 1) культура савалда в Тапти, Праваре и Годавари (около 2000–1700 гг. до н.э.);
- 2) культура каятха в центральной части плато Малва, в долине Чамбал (около 2100–1800 гг. до н.э.);
- 3) культура ахар, иногда называемая также банасской по месту ее распространения в Юго-Восточном Раджастане (около 2100–1400 гг. до н.э.);

Карта 15. Расположение халколитических культур и медных кладов постиндской цивилизации

4) культура малва в Центральной и Западной Индии (около 1700–1400 гг. до н.э.);

5) культура джорв в северной части плато Декан (около 1400–900 гг. до н.э.);

6) восточная халколитическая культура в бассейне среднего и нижнего течения Ганга, включая регион гор Виндхьян и Западную Бенгалию (около 1300–1000 гг. до н.э.).

За исключением последней, эти культуры были в основном сосредоточены в центре Индии на огромном Деканском плоскогорье (плато Декан), которое характеризуется латеритными почвами, мусонным климатом и уровнем осадков 500–1000 мм в год. Во второй половине II тысячелетия до н.э. халколитические элементы из Северного Декана, спускаясь по течению р. Бхима, проникли также в неолитические культуры долин рек Кришна, Годавари и Тургабхадра. Все эти культуры находились на одном хозяйственном и техническом уровне, но различались особенностями расписной керамики. Смешанный способ хозяйствования этих халколитических сообществ был основан на земледелии, животноводстве, охоте и рыболовстве. Их снаряжение состояло из пластин и микролитов из халцедона. Они пользовались, хотя и в незначительном количестве, медью (за исключением Ахара). Эти культуры были в основном представлены сельскими земледельческими поселениями, которые не превратились в города по причине неадекватной технологии использования природной среды.

Наиболее яркими чертами каждой из этих культур, выявленными в ходе раскопок, проведенных в некоторых основных поселениях, являются следующие.

Культура савалда

Типичное поселение этой культуры находится на южном берегу р. Тапти у г. Дхулия, штат Махараштра (LAR, 1960a). Известно, что эта культура встречается главным образом в долинах рек Тапти и Годавари (Deo et al., 1979), но также отмечена в некоторых поселениях долин Кришны и Кавери (Sali, 1986). Характерным признаком этой культуры является керамика среднего и грубого качества. Поверхность предметов покрывалась толстым гладким слоем различных оттенков коричневого, шоколадного, розового, оранжевого и красного цветов. Ее расписывали черной или пурпурно-красной, или обеими этими красками, а иногда также охристо-красной, нанося геометрические и другие узоры, изображавшие растения, животных, стилизованные человеческие фигуры, стрелы с концами в виде усиков, двойные рыболовные крючки с зазубринами, гарпуны и т.д. Эта керамика представлена кувшинами с высоким горлом, мисками, плоскими блюдами, блюдами на подставках и выпуклыми крышками. Наряду с этими характерными изделиями была также обнаружена полированная серая и грубая толстостенная красная посуда (Sali, 1986). Другие находки включают микролиты, бусы из полудрагоценных камней, каменные ручные мельницы и жернова, костяные наконечники стрел и гарпунов и немногочисленные предметы из меди. Люди жили в глинобитных домах и выращивали пшеницу, ячмень, чечевицу, горох обыкновенный, зеленый и черный турецкий горох, бобы гиацинта и *бер* (индийская ююба).

Культура каятха

Наиболее типичное поселение, отнесенное к этой культуре, расположено в 25 км к востоку от г. Удджайн в штате Мадхья-Прадеш на правом берегу р. Калисиндх, одном из притоков р. Чамбал (Ansari & Dhavalikar, 1975). Эта культура встречается в долине р. Чамбал и характери-

зуется производствами трех основных видов изделий: (1) прочной розовато-красной посуды с темно-лиловой росписью, украшенной рельефными штрихами, которая использовалась в качестве больших кувшинов; (2) посуды темно-желтой с красной росписью, представленной сферическими вазами и блюдами с линейными узорами; эта посуда, видимо, была предметом роскоши, о чем свидетельствует клад в сосудах такого типа, состоящий из двух ожерелий, собранных из 175 и 160 бусин из полудрагоценных камней, и 27 медных браслетов; (3) посуда с гребенчатым орнаментом, использовавшаяся в качестве чаш и блюд, иногда украшенная зигзагами или волнистыми горизонтальными линиями, выполненными инструментом, напоминавшим гребень.

К другим находкам, связанным с культурой каятха, относятся медные изделия – топоры, браслеты, резцы; пластины из халцедона и агата; каменные наконечники жезла; бусы из полудрагоценного камня, в том числе микробусинки из стеатита. Люди жили в глинобитных домах или мазанках с полом, сделанным из твердого сбитого ила.

Культура ахар

Наиболее типичное поселение, давшее этой культуре свое имя, лежит на левом берегу одноименной реки, приблизительно в 3 км к востоку от г. Удайпур в штате Раджастан (Sankalia et al., 1969). Основными местонахождениями, в которых были обнаружены памятники этой культуры, являются Каятха, Ахар и Гилунд (LAR, 1960b). Ахарская культура отличается главным образом гладкой керамикой, а также черно-красной посудой с белой росписью в разных вариантах – грубой неполированной, полированной, с коричневой глазурью, но в немногих формах – в виде чаш, чаш на ножках, продолговатых и сферических ваз. Однако чаши появляются лишь периодически.

Среди других памятников этой культуры особого внимания заслуживают короткие двухконусные терракотовые бусы с пунктирным узором и терракотовые фигурки быков. Если обычным фигуркам быков присуще разительное сходство с западно-азиатскими образцами из Трои и других поселений Анатолии, а также из села Анау около Ашхабада в Туркмении, то стилизованная форма этих быков является уникальной. Их большое количество, возможно, указывает на их использование в качестве даров при обменах. В зависимости от доступности различных материалов дома строили из сырцового или обожженного кирпича или в виде мазанок, иногда укрепляя их кварцевой галькой.

Культура малва

Эта культура получила свое название по центральному ареалу своего распространения – географической и культурной области Малва, лежащей между р. Чамбал на севере и р. Нармада на юге. На востоке она простирается до р. Бетва, а с запада ограничена горным хребтом Аравали. Основными поселениями, где были обнаружены памятники этой культуры, являются Махешвар и Навда-Толи на р. Нармада (Sankalia et al., 1958); Нагда на р. Чамбал (Banerjee, 1986); Пракаш на р. Тапти (Thapar, 1967); Даймабад на р. Правар (Sali, 1986); Каятха на р. Калисиндха (Ansari & Dhavalikar, 1975); Еарн на Бетве (Singh, 1976) и Инамгаон на р. Гход (Sankalia et al., 1971).

Культура малва выделяется главным образом своей керамикой – гончарной посудой. Она делалась на гончарном круге и неизменно наносилось тонкой покрытие оранжевого цвета обычно на внешней стороне, а на блюдах – с обеих сторон. На гладкую поверхность затем наносились линейные узоры красителем – от ненасыщенного

пурпурного до черно-коричневого, хотя преобладал красный фон. Помимо геометрических сюжетов встречаются изображения животных – стилизованного павлина, пятнистого оленя и журавля. Наиболее частыми видами этой посуды являются вазы, чаши (в том числе с носиком), кубки, блюда, блюда на подставках, соусники, крышки.

Наряду с этой основной посудой существовала и другая характерная посуда кремового или темно-желтого цвета. Ее изготавливали на гончарном круге и наносили покрытие желтоватого, красноватого и темно-желтого цвета. Гладкую поверхность расписывали линейными узорами черной или пурпурной краской, узоры были главным образом геометрические. На этой посуде выполнялись также изображения человеческих фигур и антилоп. Встречаются такие ее виды, как кубки, чаши, включая вариант на ножках, блюда на подставках и сферические вазы. Свидетельством отношений с другими современными культурами являются черно-красная посуда с белой росписью, относящаяся к ахарской культуре, и ее вариант – светло-серая и черно-серая посуда с белой росписью из Пракаша, которая также встречается в некоторых поселениях.

Экономика культуры малва основывалась на сельском хозяйстве, охоте и рыболовстве. Люди выращивали пшеницу, ячмень, рис, чечевицу и зеленый турецкий горох. Они жили в глинобитных жилищах, а иногда и в домах из сырцового кирпичика.

Культура джорв

Эта культура распространена главным образом в полупустынных зонах северной части плато Декан, ее центральная область – Правара в бассейне Годавари. Наиболее примечательными поселениями, где были обнаружены отложения этой культуры, являются Насик (*Sankalia & Deo, 1955*), Навасе (*Sankalia et al., 1960*), Хандоли (*Deo & Ansari, 1965*), Пракаш (*Thapar, 1967*), Навдатоли (*Sankalia et al., 1958*), Даймабад (*Sali, 1986*) и Инамгаон (*Sankalia et al., 1971; Dhavalikar, Sankalia & Ansari, 1988*).

Эта культура определяется по керамике с равномерно тонкими стенками, которую изготавливали на быстром гончарном круге. Цвета поверхности – от тускло-коричневого через светло-оранжевый до различных оттенков красного. Керамика подвергалась более сильному обжигу, чем керамика культуры малва. На тонкое покрытие наносились линейные узоры, всегда однообразные. Декор был в верхней части сосуда, но в некоторых случаях также был и у основания. Характерных видов этой посуды было довольно мало, они ограничивались чашами с вогнутыми боками, вытянутыми вазами с носиками и кувшинами с высоким горлом. Помимо этой посуды в рассматриваемый период находились в обращении полированная серая посуда (порой с красно-охристой росписью по ободу) и грубая красная посуда.

Специфической чертой культуры джорв было обращение с умершими. Взрослых обычно хоронили в вытянутом положении, тогда как детей укладывали в две грубые красно-серые урны, положенные горизонтально, отверстиями одна к другой, в могильной яме. В обоих случаях такие ямы выкапывались в домах. В Инамгаоне отход от обычной практики был представлен стоявшей на четырех ножках погребальной урной из необожженной глины, в которой находился мужской скелет в положении сидя.

Средства существования население Джорва получало, занимаясь сельским хозяйством, охотой и рыболовством. Выращивали ячмень, пшеницу, чечевицу, горох и очень редко рис, собирали плоды, например бер (индийская ююба). Основным злаком, по-видимому, был ячмень, так как его можно без труда выращивать в полупустынной среде.

Дома культуры джорв представляли собой мазанки, возможно, с коническими крышами. Поселения в Инамгаоне и Даймабаде, как считается, имели дамбы против наводнений.

Различаются две фазы этой культуры, ранняя из которых закончилась около 1000 г. до н.э. из-за наступления более засушливого климата в этой области, в результате чего, возможно, произошло массовое переселение на юг в долину р. Кришна, хотя поздняя фаза тянулась до 700 г. до н.э., сопровождаясь упадком производства. Миграция народа культуры джорв на юг привела к появлению халколитических элементов в поздних фазах неолитических культур бассейнов рек Кришна и Годавари. Есть основания считать, что в результате этой миграции в южную часть плато Декан население и хозяйство этого региона в период 1500–1000 гг. до н.э. по существу подверглись экспансии. По-видимому, здесь появились некоторые элементы оседлой жизни.

Восточная халколитическая культура

Проявления этой культуры наблюдаются в восточных частях штатов Уттар-Прадеш, Бихар и Западная Бенгалия, включая регион в горах Виндхья на севере полуострова Индостан; главными раскопанными местонахождениями являются Колдихава, Нархан (*Singh & Lal, 1985*) и Сохагаура (*Chaturvedi, 1985*) – оба в округе Горакхпур и Кхерадих (*IAR, 1985*) – в округе Балья штата Уттар-Прадеш; Чиранд в округе Саран штата Бихар (*IAR, 1967–1978*); Пандурадхардхиби (*Dasgupta, 1964*) и Махисдал (*IAR, 1967b*) – соответственно в округах Бурдван и Бирбхун штата Западная Бенгалия.

Характерной керамикой этой культуры является одноцветная и с белой росписью черно-красная посуда; черная посуда с покрытием, иногда с белой росписью; серая посуда с выдавленным орнаментом, сделанным рисовой шелухой; красная посуда с черной росписью; посуда шоколадного или темно-желтого цвета, расписанная кремовыми узорами. Среди них только серая посуда делалась вручную, прочие – на гончарном круге. Наиболее примечательные формы представлены кубками, мисками с длинным носиком, тюльпановидными вазами, чашами на подставках, крышками и т.п.

Экономика этого народа продолжала основываться на сельском хозяйстве, охоте и рыболовстве. Из выращиваемых злаков известны пшеница, ячмень и рис.

Культура медных кладов и культуры, родственные ей

В долине среднего течения р. Ганг в постиндский период процветала загадочная культура, представленная медными кладами. По времени существования она была в основном современна халколитическим культурам регионов Центральной Индии, плато Декан и нижнего течения Ганга.

В первых десятилетиях XIX в. медные клады (состоявшие из гарпунов, антропоморфных фигур, мечей, топоров различных видов, зубил, браслетов и колец) были обнаружены главным образом в тайниках в различных частях Южной Азии (*Lal, 1951*). Наиболее плотное скопление этих кладов было найдено в среднем течении Ганга. Они приписывались харалпским беженцам, ведическим ариям, народу группы мунда или местному народу, говорившему на мундари, а также восточным племенам, говорившим на австронезийских языках, но другие компоненты этой культуры точно установлены не были (*Lal, 1983*).

На основании косвенных свидетельств, особенно полученных в Бахадарабаде и Раджпур-Парсу, где медные клады были обнаружены раньше всего, было выдвинуто пред-

положение, что керамика, названная «посудой цвета охры» (ПЦО), впервые выявленная в Хастинапуре в штате Уттар-Прадеш (Lal, 1955), была связана с этими кладами, хотя тогда еще соответствующих стратиграфических ассоциаций обнаружено не было. Эта гипотеза подтвердилась в 1970 г., когда при раскопках в Сайпайи в округе Этавах, штат Уттар-Прадеш впервые была установлена связь ПЦО с предметами медных кладов – с загнутым наконечником копья и гарпуном. Определение «посуда цвета охры», однако, является неправильным, поскольку эта керамика, по-видимому, была нормального красного цвета, а некоторые из образцов были расписаны черными узорами. Охристая окраска этой керамики, которая легко стирается, могла появиться в результате действия влаги в отложениях, в которых эта керамика находилась. Дополнительные данные были также получены при раскопках в Лал-Кила в округе Буландшахр, в штате Уттар-Прадеш (Gaur, 1973). Здесь впервые медные предметы, в частности фрагмент долота и наконечники стрел, были обнаружены вместе с ПЦО за пределами центральной части ареала культуры медных кладов. Значение этих находок еще больше подчеркивается открытием в Киратпуре (в 3 км от Лал-Кила) медных кладов, содержащих антропоморфную фигуру, два долота и несколько браслетов.

Культуру, представленную медными кладами, раньше датировали второй половиной II тысячелетия до н.э. (Lal, 1951). Позднее, на основании термолюминесцентного метода (Huxtable et al., 1972), по керамическим черепкам из четырех местонахождений был установлен временной промежуток с 2650 по 1180 г. до н.э. Если принять во внимание пределы погрешности при таком определении, приемлемый временной отрезок, по-видимому, составят предельные даты 2000–1500 гг. до н.э. Это подводит нас к другому скоплению, с которым была связана ПЦО.

В штате Раджастан ПЦО была обнаружена в Нохе в округе Бхаратпур (AR, 1967a; Kumar, 1971–1972) и у г. Джодхпур в округе Джайпур в отложениях, находящихся под теми, которые содержали гладкую черно-красную посуду. В ходе полевых исследований в округе Сикар (Agrawal & Kumal, 1982) было открыто другое местонахождение, где ПЦО была обнаружена в ассоциации с большим количеством медных предметов и микролитов. Это местонахождение, известное как Ганешвар, расположено поблизости от богатых медных рудников в районе городов Сикар и Джхунджхуну, находящихся в Кхетрийском медном поясе, в котором, кроме того, имеется множество горячих и холодных источников, использовавшихся при изготовлении орудий труда. К медным предметам, обнаруженным при раскопках в районе Ганешвара, относятся наконечники стрел и копий, рыболовные крючки, булавки со спиральными головками, долота, браслеты, резцы и т.п. Формы некоторых из них очень напоминают обнаруженные в индских поселениях. Примечательной находкой является терракотовая плитка, имитирующая индийский тип. Следует подчеркнуть, что использование названия «посуда цвета охры» в контексте Ганешвара также вводит в заблуждение и не соответствует действительности. Здешняя ПЦО является посудой с красным покрытием, часто расписанной черной краской и украшенной процарапанным узором, и, по-видимому, она была продуктом местного керамического производства. Ее отношение или сходство с ПЦО, связанной с медными кладами региона среднего течения Ганга, остается пока неопределенным. По данным радиоуглеродного анализа отложения в Ганешваре отнесены к 2800–2200 гг. до н.э. (Agrawal & Kumal, 1982). Это приводит к предположению, что данный регион поставлял медные предметы, найденные в хараппских поселениях, расположенных в штате Пенджаб, Харьяна и Раджастан и далее на запад.

Вопреки этим наблюдениям, некоторые ученые предполагают существование двух категорий ПЦО, одна из ко-

торых связана с позднехараппской фазой в Пенджабе, Харьяне и бассейне верхнего течения рек Ганг и Джамна, а другая – с медными кладами в среднем течении Ганга (Suraj Bhan, 1971–1972). Ганешварское скопление в его временных рамках оказывается за пределами этих категорий.

Полуостров Индостан

Железный век

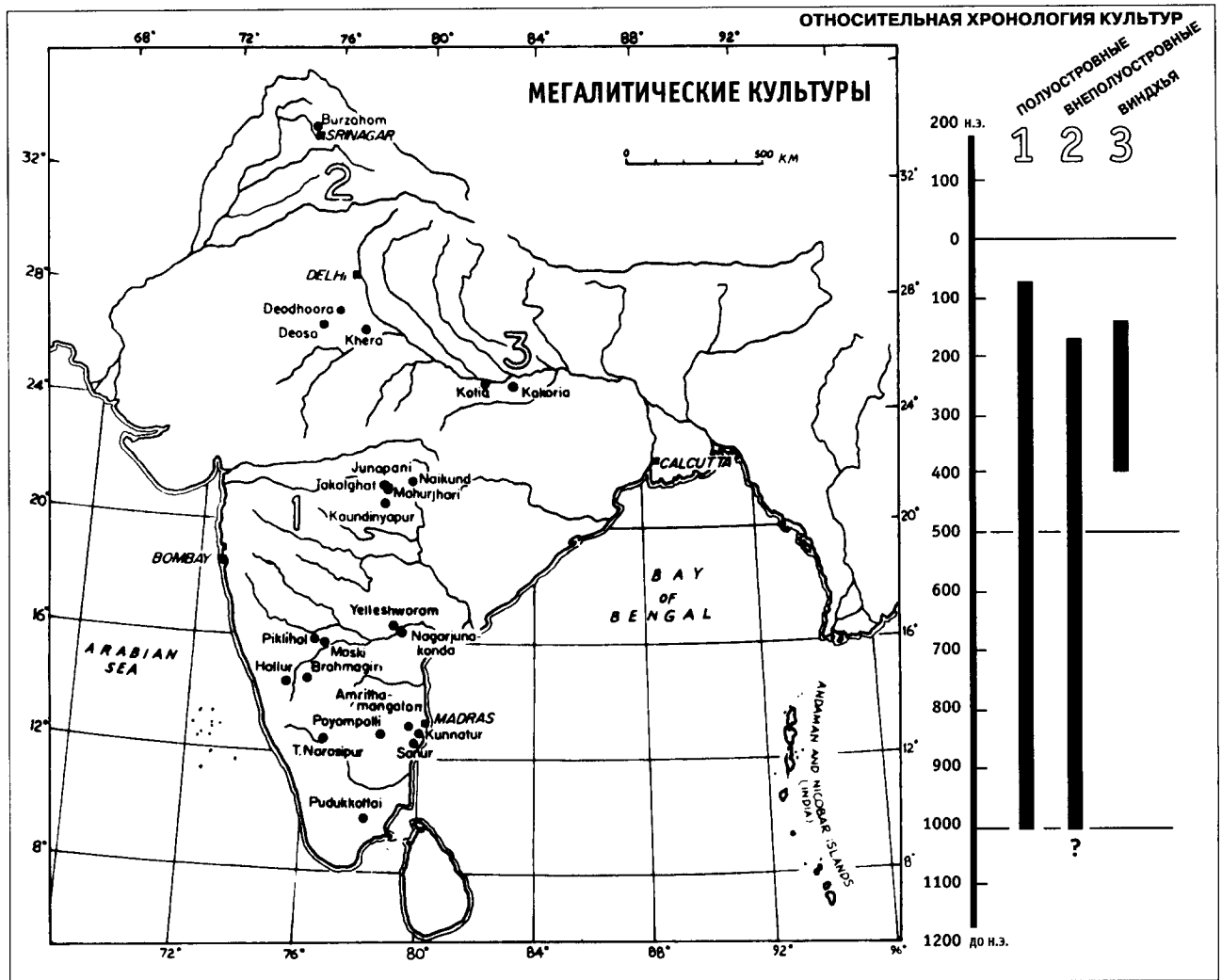
Появление железа в Южной Азии было событием, имевшим важнейшие экономические последствия. Из культур железного века первой половины I тысячелетия до н.э. уже упоминались те, которые развивались на территории Пакистана. Из археологических культур на территории Индии нашего внимания заслуживают мегалитические культуры и культура расписной серой керамики.

Мегалитические культуры (карта 16)

Уже долгое время было известно, что на полуострове Индостан имеется большое количество мегалитических сооружений (захоронений) различных типов, относящихся к раннему железному веку. Нередко такие захоронения составляют небольшие группы, но порой они занимают довольно большие площади. Они также включают плоские захоронения в урнах, помещенных в ямы без какого-либо значительного дополнения из камней. Несмотря на структурные и региональные различия, этим захоронениям присуще общее культурное оснащение, что указывает на широко распространенное влияние единой технологической традиции. За пределами полуострова они обнаружены в Белуджистане, и на территориях, где проживают белуджи, в Макран-Вагхадоре, Шах-Биллавале и Муруд-Мемоме (три последних в радиусе 32 км от Карачи) и Асоте (27 км к северо-востоку от Мардана) – все в Пакистане; в долине Лех у хребта Ладакх к северу от Больших Гималаев; в Бурзахоме и Гуфкрале (в радиусе 40 км от г. Сринагар); в Деосе (52 км от г. Джайпур); Кхере (6 км от г. Фатехпур-Сикри); в Деодхооре и Ладьюне в Алл-море; в обитаемых породах гор Виндхья в округах Аллахабад (Илахабад), Банда, Мирзапур, Варанаси, Сингхбхум. Внутренние соотношения мегалитических обычаев в этих различных регионах пока не установлены, но сами размышления о том, какими они могли быть, будоражат воображение (Lesbniek, 1974).

К этому впечатляющему списку можно добавить мегалитические сооружения Северо-Восточной Индии, привнесенные в этот регион австроазиатскими переселенцами и представляющие собой, как известно, более или менее сохраняющуюся традицию местного населения, причем они выполняют в большей степени роль памятников, а не захоронений. Примечательной чертой этой мегалитической культуры является незначительное количество связанных с нею поселений.

Как уже отмечалось, мегалитические захоронения наиболее густо сосредоточены на полуострове Индостан, приблизительно между 8 и 21 град. северной широты. В одних регионах они находятся возле больших резервуаров воды, в других располагаются в сухих местностях, где имеются высокие скальные уступы, а в третьих они ставились в питаемых муссонами латеритных областях (латерит – глиноподобная горная порода, богатая гидратами оксидов алюминия и железа. – Прим. ред.). Кроме этих топографических соображений, при размещении мегалитических памятников, по-видимому, учитывалась доступность таких природных материалов, как железо, золото и т.п. Так, например, их концентрацию в Видарбхе и Хоспете можно легко объяснить наличием здесь желез-

Карта 16. Мегалитические культуры постиндской цивилизации

ной руды. Подобным образом мегалиты Маски близки к золотым копям.

О типе хозяйства, которым характеризуется мегалитическая культура полуострова Индостан, свидетельствуют зерна злаков, а также артефакты, обнаруженные в раскопанных захоронениях и в местах проживания. Имевшиеся данные в целом скудны, но они показывают, что основной зерновой культурой на юге, по-видимому, был рис, тогда как в Видарбхе и северной части плато Декан – пшеница и ячмень. Среди железных предметов в различных мегалитических погребениях и связанных с ними поселениях найдено довольно большое количество сельскохозяйственных орудий, таких как серпы и мотыги. В захоронениях заметно больше единиц оружия, чем сельскохозяйственных инструментов; преобладают кинжалы и мечи, хотя это соотношение может объясняться ритуальными причинами. Наличие в некоторых мегалитических захоронениях конских черепов и останков скелетов, а среди помещенных туда металлических предметов – удила и стремян, в особенности в регионе Видарбха, может означать, что некоторые из мегалитических народов были конными кочевниками. В то же время данные о выращиваемых культурах (пшеница, ячмень, чечевица, горох обыкновенный, рис, бобы обыкновенные, кормовой горох), полученные при раскопках мегалитических поселений по всей Индии, указывает на то, что по крайней мере часть мегалитического населения, являлась сельскохозяйственной и, вероятно, занималась земледелием как летом, так и зимой, получая достаточно

пищи, чтобы обеспечить ею остальных членов сообщества (Kajale, 1989).

Что касается типологии, то предлагается исключить из обсуждения традиции, сохраняющиеся у аборигенов Северо-Восточной Индии, которые возводят менгиры или сооружают дольмены или плоские каменные возвышения главным образом в качестве мемориалов. С тех пор как в Индии были обнаружены первые мегалитические погребения, им давались различные названия, используя европейские аналоги. Лишь в 1949 г. Кришнасвами (Krishnaswami) предпринял первую попытку классифицировать их главным образом по наземным признакам. Но при этом возникли трудности из-за того, что наземные признаки отличались от планов, выявленных при раскопках. Например, в месте, где на поверхности земли находится круг или пирамида из камней, при раскопках может обнаружиться яма, саркофаг или урна, а в круге из гробниц могут оказаться гробницы с окном или без него, содержащие камеру с проходом. Вообще говоря, круги из каменных пирамид найдены в основном в Видарбхе, тогда как в Декане и в остальной части Индостана разнообразие гробниц вызывает недоумение, включая круги из пирамид, круги из гробниц с разнообразными поперечными ходами (трансептами) и камерами с проходом, круги ям, менгиры и ряды менгиров, захоронения урн, гробницы, похожие на дольмены, камни, поставленные в виде шляп, зонтов, колпаков, и высеченные в скалах подземные пещеры с одной или многими камерами (катакомбные гробницы).

Из них три последних типа являются особенностью штата Керала, захоронения в виде камер с проходом сосредоточены главным образом на севере штата Карнатака (*Sundara*, 1975), а гробницы с разнообразными поперечными проходами – в регионе Пудуккоттай в штате Тамилнад. За пределами полуострова найдены гробницы, каменные креты, пирамиды и менгиры.

Мегалиты широко распространены и в Европе, и в Азии. Разительное сходство форм и использование больших камней, в особенности для гробниц, в абсолютно разных регионах может быть аргументом в пользу общего происхождения хотя бы самой идеи установки таких памятников. Однако связанные с ними культурные остатки, как и эпохи мегалитических погребений в Европе, Индии, Восточной и Юго-Восточной Азии, различны. Европейские мегалиты относятся к неолитическому и халколитическому комплексам, относящимся приблизительно к 5000–2000 гг. до н.э., тогда как мегалиты Индии относятся к железному веку, т.е. строились в пределах I тысячелетия до н.э., а мегалиты Восточной и Юго-Восточной Азии появились в основном в бронзовом веке и сохранялись до начала железного века, покрывая период приблизительно с VIII по III в. до н.э.

Первой характерной особенностью мегалитической культуры Южной Индии является двухцветная керамика, известная как черно-красная посуда, и повсеместное использование железа. Кроме того, имеются еще четыре типа керамики: черная посуда, красная посуда, красная посуда с добавлением слюды и посуда с красновато-коричневым покрытием и белой росписью. Из них посуду с добавлением слюды, порой расписанную черными линейными узорами, находят главным образом в мегалитических погребениях региона Видарбха, тогда как посуда красновато-коричневого цвета, декорированная лепными прямолинейными или слегка криволинейными узорами из каолина, известна в основном в регионе Коимбаторе и иногда встречается также в других местах. Черно-красная и полностью черная посуда обнаружена по всему полуострову. Родственной керамикой является черно-красная посуда с белой росписью, связанная с мегалитическими монументами в самой южной части полуострова, в округах Мадурай и Тирунелвели. На некоторых сосудах встречаются рисунки и клейма мастеров. Выдвинуты различные теории, касающиеся их значения, но их реальное назначение остается неясным. В то же время исследования показали, что большое количество подобных символов является общим для гончарных изделий харашпской, халколитической и мегалитической культур (*Lal*, 1962).

Другим характерным признаком этой культуры является использование железа. К железным предметам относятся мечи, кинжалы, наконечники для стрел с зубринами и хвостовиками для крепления, пики, копья с гребнями, топоры с перекрестным креплением, долота, соусники, сковороды, лампы, иглы, серпы, мотыги и т.д. В одном из раскопанных погребений в Видарбхе (в Махурджхари) обнаружена голова лошади, сделанная из медного листа, который выпуклыми железными заклепками прикреплен к кожаному ободу. Медь, бронза, золото и серебро использовались также для украшений и других менее существенных предметов. Среди личных украшений встречаются бусы из полудрагоценных камней, в том числе с гравировкой по сердолику.

Странным парадоксом является то, что народ, имевший столь большие знания в сфере погребальных сооружений, оставил так мало следов домашних построек, которые представлены лишь полом, иногда с отверстиями под столбы, что подразумевает скромные деревянные постройки.

За пределами полуострова и в регионе Виндхья при раскопках в Бурзахоме и Гуфкрале были выявлены сочетания железных изделий (без характерной черно-красной посуды) с менгирами, которые, по-видимому, не были свя-

заны с захоронениями. Наличие железа было установлено и в ходе раскопок некоторых мегалитических гробниц в округе Аллахабад (Илахабад). Однако в том же регионе Винхья (округа Мирзапур и Варанаси) железо не было найдено в мегалитических захоронениях, которые тем не менее имеют типологическое сходство с захоронениями в округе Аллахабад и на полуострове Индостан, представляя собой гробницы и пирамиды из камней. С другой стороны, в этой группе были обнаружены микролиты и керамика, сопоставимые с халколитической культурой Центральной Индии (*Mandal*, 1972). Наличие железа установлено также в раскопанных гробницах в округе Алмора.

Строителей мегалитов часто рассматривали как первоначальных носителей дравидийских языков, что основывалось главным образом на концентрации мегалитов на полуострове (*Heimendorf*, 1945), однако некоторые ученые настаивают на арийском происхождении южноиндийских мегалитов (*Parpola*, 1973), основывая свою аргументацию на захоронениях раннего железного века, характерной особенностью которых было погребение лошадей на Кавказе и в Луристане, в том числе в некрополе В (около 1000–800 гг. до н.э.), и в захоронениях в Южной Индии, в особенности с отверстием-окном (*Lesbniek*, 1974). Пирамидальные погребения в Белуджистане, по-видимому, добавляют звено в эту цепь, так как предполагают сухопутное распространение этой традиции. В то же время другие ученые вместе с Сундарой (*Sundara*), придерживаются мнения, что «индийский мегалитизм пришел из региона Средиземноморья прибрежным морским путем» (*Sundara*, 1975), или соглашаются с Лешником (*Lesbniek*, 1974), что предшественники индийских мегалитов, по-видимому, находятся в Персии, бывшей под кавказским воздействием.

Исследования человеческих останков из некоторых раскопанных погребений (*Zuckerman*, 1930; *Sarkar*, 1960, 1972; *Gupta & Dutta*, 1962) выявили наряду с автохтонным австралийским типом брахи-мезокефальный народ, напминающий скифские племена, с языком, относящимся к иранской группе, останки представителей которой найдены в некрополе В и в отложениях периода III в Тепе-Гиссар. Предполагается, что широкая миграция этих скифо-иранцев имела место между 2000 и 1000 гг. до н.э. с территории современной Украины. С другой стороны, исследования форм черепов из мегалитов различных типов показали, что люди «кувшинных погребений», как и люди в Адичаналлуре на крайнем юге, по-видимому, имели форму головы, укладывающуюся в пределы долихокефального типа, приближаясь к гипердолихокефальному. Строители мегалитов были, по-видимому, смешанной популяцией.

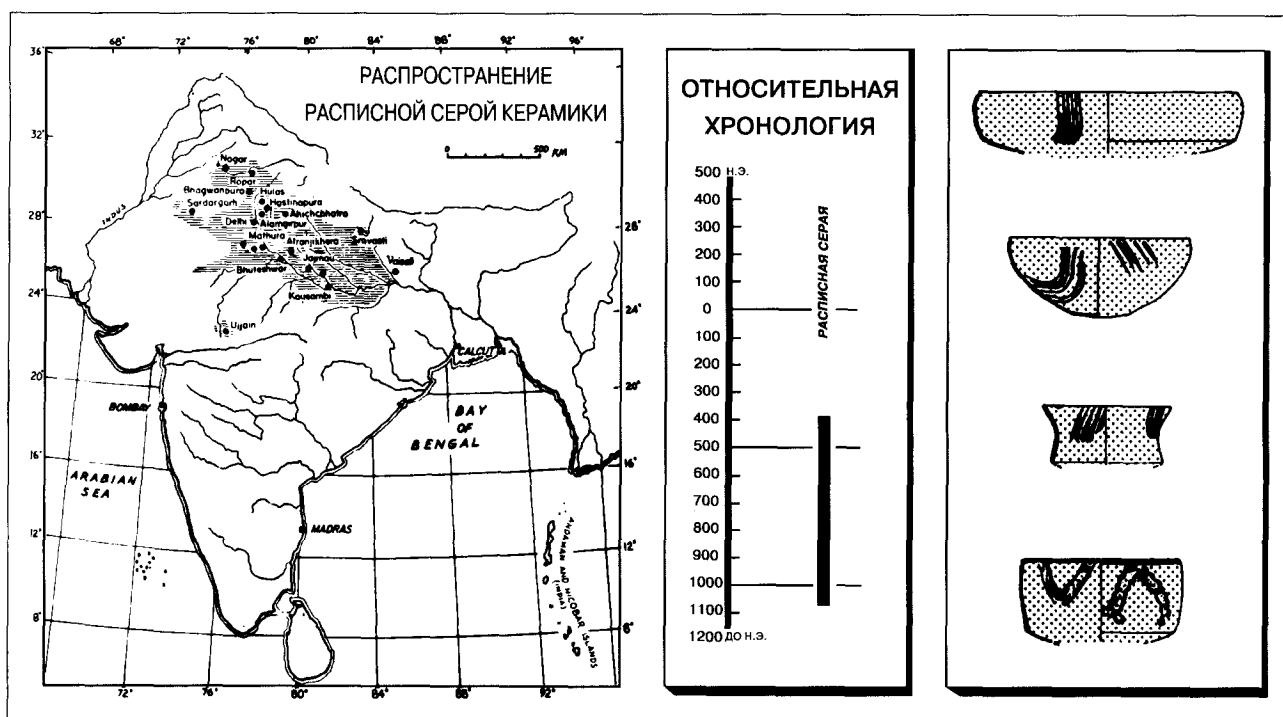
Хронология мегалитической культуры полуострова Индостан в своей начальной стадии частично совпадает с халколитом-неолитом, а в заключительной стадии – с отложениями, которые можно отнести к началу нашей эры и которые содержат между прочим точно датированные римские денарии. Совпадающая фаза неолитическо-мегалитической культуры была отнесена на основе радиоуглеродного анализа одного из раскопанных местонахождений в штате Карнатака (в Халлуре) приблизительно к 1000 г. до н.э., что было подкреплено также шестью полученными термолюминесцентным методом датами в другом местонахождении (Комаранхали) в том же регионе с временным промежутком с 1400 по 900 г. до н.э. Поэтому мегалитическая культура в Южной Индии охватывает приблизительно тысячу лет – I тысячелетие до н.э. В пределах этого временного отрезка выделены две основные фазы (1100–500 и 500–100 гг. до н.э.) (*McIntosh*, 1985). Мегалиты Виндхья радиоуглеродным методом датированы 270 ± 150 гг. до н.э. Менгиры долины в Кашмире, в бассейне верхнего Инда (и в Бурзахоме, и в Гуфкрале) также можно отнести к I тысячелетию до н.э., поскольку они следовали за временем неолитического заселения этих мест.

В последнее время мегалитические захоронения были раскопаны во всех частях Индии, в особенности на юге. Типологически они подразделяются на круги из каменных пирамид (некоторые содержат терракотовые саркофаги), погребальные урны, круги из камней, круги из ям и круги из гробниц с отверстиями под столбы, гробницы камерного типа с проходом и менгиры (Thapar, 1985). Среди них захоронения в Южной Индии неизменно указывают на использование черно-красной посуды наряду с другой посудой и железом. Костные останки людей в немногих случаях выглядят как цельные скелеты в вытанутом положении, но обычно являются вторичными захоронениями более чем одного тела в одной и той же яме, представляющей собой нечто вроде семейного оссуария или склепа. Наличие железа отмечено в каменных кругах, раскопанных в округе Аллахабад регион Виндхья, но его нет в могилах того же района. За пределами полуострова железо обнаружено в отложениях, связанных с менгирами Бурзахом и Гуфкрала, которые не содержат каких-либо погребенных останков.

Культура расписной серой керамики (карта 17)

В Северной Индии, особенно на Индо-Гангском водоразделе и в бассейне верхнего Ганга, расписная серая посуда появляется в первой половине I тысячелетия до н.э., когда начинается использование железа. Размещение этой посуды в настоящее время покрывает высохшую долину Сарасвати, включая территорию у г. Бахавалпур в Пакистане, штаты Пенджаб, Харьяна, западную часть штата Уттар-Прадеш и прилегающие районы Раджастхана, соответствующие территориям, занятым куру-панкалами, сурасенами и матсьяками, упоминаемыми в поздних ведических текстах и «Махабхарате» (Sharma, 1985)), и простирается на юг до г. Удждайн в штате Мадхья-Прадеш. Некоторые местонахождения отмечены также далеко на западе — в Лакхью-Пир в провинции Синд и Хараппа на юге провинции Пенджаб, оба в Пакистане (Lal, 1992). Однако наибольший интерес представляет обнаружение такой посуды в

Тхапли на берегу р. Алакнанда в округе Техри, штат Уттар-Прадеш, что указывает на присутствие культуры расписной серой посуды в Гималаях. Местонахождения этой культуры располжены по берегам рек. Отличительным признаком упомянутой посуды является превосходное качество исходного материала, полученного из хорошо растертой глины, и хороший обжиг тонких изделий. На серую боковую поверхность сосуда наносились линейные и пунктирные черные узоры. Отмечены также узоры, написанные красным по серому, черным по черному и двухцветные. Типы изделий представляют чаши с прямыми боками, чаши и блюда с искривленными боками и порой небольшого размера вазы, а также капсулы для обжига керамических изделий. Среди необычных форм деталей этих изделий можно упомянуть о гофрированных ножках из Хастинапуры и Атранджикхеры, которые, возможно, являлись частью блюд на ножках, и проушины для лямок из Сардаргарха. Распространение расписной серой посуды и ее стратиграфическое положение в культурной истории Индии обусловили ее особое значение, поскольку она являлась одним из преобладавших керамических производств в переходный период, последовавший за завершением индской цивилизации. Несмотря на то, что эта посуда в основном представляла собой обычную столовую, в связанной с нею материальной культуре не заметно никаких городских признаков. В связи с этим следует отметить, что объем такой посуды составляет 10–15% керамических скоплений в раскопанных местонахождениях. Большая часть сопровождающей керамики была красной посудой. Материальное обеспечение людей, пользовавшихся этой посудой, не было слишком богатым. Дома обычно представляли собой мазанки; в некоторых местах отмечено использование сырцового кирпича, но его размеры неизвестны. В Бхагванпуре выявлен план дома, состоявшего из тринадцати комнат. В немногих поселениях отмечено также использование обожженных в печах кирпичей, но обнаруженные куски слишком фрагментарны, чтобы установить полный размер кирпича. Внедрение железа, по-видимому, не привело к каким-либо коренным изменениям в системе хозяйствования этого народа и не внесло суще-

Карта 17. Распространение культуры расписной серой керамики постиндской цивилизации

ственного вклада в специализацию ремесел. Большую часть железных артефактов, найденных в слоях культуры расписной серой посуды, составляют наконечники стрел и копий, серпы, сопровождаемые иглами, булавками, крючками, ножами, резцами и т.д. Социальная и хозяйственная модель оставалась сельской, поэтому можно утверждать, что хотя использование железа началось около 1000 г. до н.э., в промышленных масштабах оно стало применяться лишь около VII–VI вв. до н.э., приведя к урбанизации Северной Индии. Хотя железо стало использоваться в период культуры расписной серой посуды, медь все еще оставалась незаменимым материалом.

Заслуга крупномасштабного возделывания земли в долине верхнего Ганга – Джамны принадлежит народу культуры расписной серой посуды. Их хозяйство было основано на земледелии и разведении крупного рогатого скота. Одним из основных злаков, по-видимому, был рис, хотя имеются свидетельства о выращивании пшеницы и ячменя; это указывает, что население начало собирать два урожая в год. Им была известна лошадь, из чего можно сделать вывод об использовании колесниц. В обеспечении продуктами питания они зависели от таких одомашненных животных, как крупный рогатый скот, буйвол, свинья, коза и собака. Помимо внедрения железа, носителем культуры расписной серой посуды также принадлежит заслуга введения технологии изготовления стекла, о чем свидетельствуют находки стеклянных браслетов и бус. Другими находками, связанными с этим периодом, являются изделия из кости, терракотовые статуэтки людей и животных, игральные кости и игрушечные фигурки людей.

Что касается датировки расписной серой посуды, то имеющиеся радиоуглеродные данные с различных уровней из одиннадцати разных мест дают промежуток между 1025 и 350 г. до н.э. Более тщательный анализ данных, исключая неподходящие, позволяет сделать вывод, что большинство этих датировок сосредоточены между 900 и 400 г. до н.э. Несмотря на это, археологи в Хастинапуре отнесли начало использования такой посуды приблизительно к 1100 г. до н.э. (Lal, 1955), а в Атранджикхере – приблизительно к 1200 г. до н.э. (Gaur, 1983b). Слои культуры расписной серой посуды в использовавших железо поселениях бассейна верхнего Ганга – Джамны могут быть датированы довольно широким периодом между 1100 и 700 г. до н.э. Было обнаружено, что эта посуда частично перекрывает смесь артефактов позднехаряпской фазы в некоторых местонахождениях в штатах Харьяна и Пенджаб (таких как Бхагванпура, Дадхери и Сангхол) при отсутствии в них железа; это может укрепить точку зрения, что вышеупомянутые ранние датировки, связанные с дожелезной фазой и еще нуждающиеся в уточнении, вполне могли предшествовать 1100 г. до н.э. (Lal, 1992).

На территории, граничащей с землей Брахмаварта, священной страной ведизма и брахманизма, появление этой посуды связывалось с приходом в Индию ариев (Lal, 1955). К какой именно волне индоарийских переселений относится появление расписной серой посуды, еще предстоит установить. В этом отношении датировка керамики очень важна. Материальное оснащение, частью которого является расписная серая посуда, особенно в железной фазе, во многих отношениях сопоставимо с материальной культурой эпохи поздних ведических текстов (этапом брахманизма, связанным с упанишадами – поздневедийской литературой), на которую приходится начало формирования территориального государства, возникновение социального расслоения, появления административного аппарата и т.д. По-видимому, существует полное соответствие между поздневедийским и раннеиндуистским (брахманийским) периодом, с одной стороны, и стадией долины верхнего Ганга – Джамны в культуре расписной серой посуды – с другой (Lal, 1992). Население времен «Ригведы» (с которой, как считают, уже проявляется переход ведий-

ской мифологии и политеизма к идее единого бога-творца и затем – абстрактного абсолюта. – Прим. ред.) в основном было скотоводческим, оно не было знакомо с использованием железа и стекла, чем отличалось от представителей культуры расписной серой посуды, которые пользовались землей и другим и являлись вполне сформировавшимся мелземледельческим обществом. Более того, культура расписной серой посуды оказала заметное влияние на более поздние керамические производства Северной Индии, такие как северная черная полированная посуда, и, что еще важнее, привела, вероятно, Северную Индию к порогу так называемой второй урбанизации.

В контексте современных представлений культура расписной серой посуды, по-видимому, не была связана с реликтовыми формами какой-либо из предшествующих индийских культур. Имеются основания утверждать, что ее создатели происходили не из Индии. Что касается ее связей с более западными регионами, то расписная серая посуда может быть сопоставлена со скоплениями гандхарской погребальной культуры долины р. Сват в Пакистане, благодаря которым выявлены две волны перемещений народа, пользовавшегося серой посудой, первая из которых связана с медью и бронзой, а вторая – с железом. Однако в формах этих двух керамик не отмечено никакого особого сходства: характерным типом гандхарской погребальной культуры является высокая ваза на ножке, тогда как специфической формой расписной серой посуды является блюдо (*мхали*), хотя в период второй волны встречаются вазы с плоским дном.

Сравнивая два скопления, т.е. расписную серую посуду из бассейна Ганга – Джамны и керамику гандхарской погребальной культуры долины р. Сват, Дани пришел к выводу, что, по-видимому, можно искать истоки первой в развитии серой посуды гандхарской погребальной культуры на неисследованных до сих пор равнинах между Индом и р. Биас. По его мнению, «окончательный ответ на этот вопрос будет получен лишь тогда, когда наши исследования распространятся на Пенджаб к востоку от р. Инд» (Dani, 1967, p. 55).

В этом отношении имеет смысл отметить новейшие свидетельства. На индийской стороне наличие этой посуды прослеживается до Гхаринды в Пенджабе возле индо-пакистанской границы. Регулярные исследования в пакистанской части Пенджаба, восточнее р. Инд, привели к открытию местонахождений в Дхок-Гангал и Дхери-Кила возле аэропорта Чаклала, примыкающего к исламабадскому скоростному шоссе, где «была обнаружена серая посуда в сочетании с красной посудой, имеющей вдавленные узоры, которая может быть родственной расписной серой посуде с берегов р. Хакра в Пенджабе» (Salim, 1992, p. 37, 48). На нынешней стадии это предположение остается не вполне доказанным, так как классическая расписная серая посуда с характерными росписями здесь пока не найдена. Однако поскольку вышеупомянутые местонахождения обнаружены на территории распространения гандхарской погребальной культуры, то для установления соотношения между двумя культурами требуется лишь более интенсивное обследование местности, сопровождаемое раскопками.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Другим ценным источником, который может быть с успехом использован для получения информации о постхаряпском периоде, является древнеиндийская литература. Эта литература была создана народом, называвшим себя «арии» (благородные) в отличие от представителей местных неарийских племен *даса*, или *дасью* (раб) и в течение многих столетий передававшим ее в устной форме. Древнейшим сохранившимся текстом является *самхита*,

или сборник гимнов «Ригведа». Есть основания предполагать, что многие отдельные гимны ко времени составления «Ригведы» уже просуществовали несколько столетий. Сборники других вед – «Яджурведы», «Самаведы» и «Атхарваведы», как и более поздняя литература, обычно называемая поздневедийской, могут быть отнесены к следующему семи столетиям. Таким образом, более чем тысячелетний период имеет письменные свидетельства, хотя и ограниченные по своему содержанию.

«Ригведа» является необычным памятником. По своему объему она приблизительно равна «Илиаде» и «Одиссее» вместе взятым и состоит из более чем тысячи поэм или «гимнов». Они варьируются от более или менее эпических песен, гимнов, восхваляющих богов и молящих их о чем-либо, до магических заклинаний и фрагментов народных песен; все они довольно разнотипны – «иногда правдивые, искренние и даже возвышенные, но часто детские, вульгарные и невразумительные», – как замечает Макс Мюллер (цит. по Piggott, 1950, pp. 256–257; ср.: Muller, 1956, p. 26). Их язык является хорошо разработанным, но не вполне литературным, его метрическая система, основанная на формах силлабического стиха, зачастую трудна для восприятия. Большая часть «Ригведы» состоит из обращений к различным богам ведийского пантеона, и обнаружено лишь немногим более сорока гимнов, которые не адресованы непосредственно этим божествам. Включения на основе таких материалов можно делать, разумеется, лишь со многими оговорками.

Хотя трудно прийти к какому-либо определенному выводу относительно прародины этих «ариев», обычно называемых индоарийцами, мы находимся в лучшем положении в отношении знаний об их ранних поселениях в Северной Индии и Пакистане и об их постепенном распространении по всей этой территории. Здесь нам помогают данные из ведийской литературы. К счастью, «Ригведа» содержит многочисленные географические данные, которые во многих случаях можно связать с существующими географическими названиями. Реки, например, всегда играли важную роль в жизни индийцев, и даже в эпоху «Ригведы» их почитали как божества, в особенности учитывая неисчислимые блага, приносимые ими людям. В ведийских текстах упоминается 31 река, из них 25 названий встречаются в гимнах «Ригведы». В знаменитой «Надистути» в «Ригведе» перечисляются некоторые потоки, большинство которых принадлежит к системе Инда.

Из пяти водных горных потоков (Сутудри, Випас, Парушни, Асикни и Витаста), которые дали название Пенджабу («Пятиречье») и которые, слившись вместе, впадают в Инд, «Надистути» пропускает Випас, но добавляет Марудвирдху. Сутудри является самой восточной рекой Пенджаба, отождествляемой с современной р. Сатледж. Парушни, нынешняя Рави, была важной рекой, сыгравшей решающую роль в «Дасараджне» («Битва десяти царей»), – она вышла из берегов и утопила противников Судаса. Асикни, позднее известная как Чандрабхага, – это современная р. Чинаб в Пенджабе. Последней упоминается Витаста, самая западная из этих рек, известная сейчас как Джелам. Из западных притоков Инда в «Ригведе» упоминаются реки Кубха (Кабул), Круму (Куррам), Гомати (Гомаль), Сувасту (Сват) и Гаури (Панджхора). Слово *сувасту*, означающее «хорошие жилища», по-видимому, указывает на то, что вдоль ее берегов находились арийские поселения. Река Раса была отождествлена с Яксартом, рекой на крайнем северо-западе ведийской территории. За пределами бассейна Инда упоминаются реки Ганг, Джамна и Сарасвати. Ганг, по-видимому, не был в период «Ригведы» хорошо известен и не играл важной роли. Джамна упоминается только трижды, но Сарасвати упоминается в ведийских текстах очень часто. Как показывают названия рек в «Ригведе», ведийское население знало весь Пенджаб и занимало его большую часть.

Возможно, именно здесь было сложено большинство ведийских гимнов.

Вся территория, известная ведийским поселенцам, была разделена на большое число племенных земельных владений, управляемых царями. Одним из больших исторических событий, представление о котором дают фрагментарные упоминания в *самхитах*, является столкновение, известное как вышеупомянутая «битва десяти царей». Наиболее правдоподобная версия этого конфликта заключается в том, что это была борьба между бхаратами, поселившимися на территории, известной позднее как Брахмаварта (священная страна везидма, и брахманизма, созданная богами; находилась между реками Сарасвати и Дришадводи. – Прим. ред.), и племенами на северо-западе. Царем бхаратов был Судас из семьи Тритсу, а его домашним жрецом, который, согласно традиции, прославляет эту победу в трех гимнах, был Васиштха. Этот мудрец сменил на высокой должности своего предшественника Висвамित्रу, под началом которого бхараты ранее успешно боролись с врагами на берегах рек Випас и Сутудри, после чего между двумя жрецами началось длительное и ожесточенное соперничество; в отместку Висвамित्रа повел племенной союз десяти царей против бхаратов, но лишь затем, чтобы найти гибель в водах Парушни.

О пяти из этих десяти племен известно мало. Это были алины, возможно, с северо-востока Кафиристана (Нуристана), пактхи, название которых напоминает о современном Пакхтуне; бхаланы, возможно, связанные с Боланским проходом; сивы, проживавшие вблизи Инда, и вишанины. Больше сообщается в «Ригведе» о пяти других племенах: ану, которые жили на Парушни (Рави); друхья, которые были тесно связаны с ану; турваса и яду, два союзных племена; пуру, обитавшие на другой стороне Сарасвати и поэтому, вероятно, близкие соседи бхаратов. В результате битвы цари ану и друхья утонули, нашел свою смерть и царь племени пуру Пурукутса. Была еще одна война, в которой Судасу пришлось сражаться с тремя неарийскими племенами – аджа, сигру и якшу, которые объединились под началом царя Бхеды, но потерпели поражение, сопровождавшееся большим кровопролитием на р. Джамна.

Царь был преимущественно военным вождем, и в «Ригведе» содержатся некоторые указания на способы ведения военных действий, сведения о военной музыке и знаменах. Царь и знать сражались на колесницах, а простой народ – в пешем строю. Основным оружием были лук и стрелы. Стрелы имели наконечники из металла или отравленного рога. Другими видами оружия были пики, копья, секиры, мечи и пращи. Царю в управлении помогали два собрания, называвшиеся *сабха* и *самита*. Большое значение придавалось не только согласию между царем и собранием, но и духу гармонии между членами собрания. К такому единству призывает один из гимнов «Ригведы»: «Собрание, говори единодушно, пусть ваши умы все пребывают в согласии».

Царскую власть несколько ограничивало могущество и престиж жреца (*мурохита*), который сопровождал царя в сражении и помогал ему молитвами и заклинаниями. Арии не имели развитой системы хозяйствования и использовали в качестве единицы стоимости и средства обмена такой громоздкий эквивалент, как корова. Как одно из платежных средств упоминается также *нишка* – термин, позднее использовавшийся для золотой монеты, но в то время обозначавший, вероятно, золотое украшение особого типа. Нет данных о постоянном классе купцов или ростовщиков, хотя задолженность иногда упоминается.

Иммигрантам-ариям пришлось вести ожесточенные и продолжительные бои с местным населением, но не было попыток полного истребления побежденного противника. Среди преступлений упоминаются воровство, ночная кража со взломом, грабеж на большой дороге, мошенни-

чество (главным образом в игре), очень частым был ночной угон коров. Браки братьев и сестер рассматривались как инцест. Обычной формой наказания было привязывание преступника к столбу. Фактически арии были диким, беспокорным народом и соблюдали немногие запреты, характерные для позднейшей Индии. Они были очень склонны к опьяняющим напиткам, которых у них было по крайней мере два – *сама* и *сура*. Сому пили во время обрядов жертвоприношений, и ее потребление было санкционировано религией. Сура была сугубо светским и, очевидно, очень крепким напитком: в некоторых пассажах о ней с неодобрением упоминают поэты-жрецы.

Одним из главных богов был Дьяус (санскр. небо, день. – *Прим. ред.*), являвшийся божеством дневного неба и имевший общее происхождение с греческим Зевсом. Варуна являлся хранителем физического и морального порядка, воплощенного в природе (*pṛita*). Его также называли *Асура*. Эта сторона Варуны восходит, по меньшей мере, к индоиранскому периоду, поскольку Ахурамазда (мудрый дух священного канона «Авесты») согласуется по своему характеру с Асурой-Варуной. Сурья является наиболее конкретным из солнечных божеств. Как всевидящий бог он часто называется глазами Митры (бога Солнца), Варуны, Агни (бога огня) и других богов. Сурью произвела утренняя заря, и о нем говорили, что он был сыном богини Адити и Дьяуса. Савитар – преимущественно золотое божество, его глаза, руки, ладони и язык – золотые. Пушан представляет собой бога с довольно неопределенными чертами. Величайший и наиболее почитаемый бог «Ригведы» – Индра, к которому обращена приблизительно четверть гимнов. Он являет собой обожествление арийского военного вождя – прекрасно вооруженный, колоссальный, рыжебородый, толстобрюхий от возлияний. Он – царь богов, громовержец, героически сражается на колеснице, вооруженный луком и стрелами. Он похититель скота, разрушитель вражеских укреплений и победоносный вождь ариев в их борьбе с ненавидимыми аборигенами Пенджаба. Вместе с ним сражаются группы молодых воинов – марутов, которых, по-видимому, возглавлял Рудра, соперник Индры, а в чем-то его двойник.

Презренными врагами, которые осмеливаются посягать на верховную власть Индры, являются *даса* или *дасью*. Они черны лицом, плосконосы и не почитают богов. Они не практикуют арийских жертвоприношений и, возможно, поклоняются фаллосу, но они богаты благодаря большим запасам золота и живут в укрепленных крепостях. Одной из таких крепостей является Хариюпия, отождествляемая с современной Хараппой.

Как и во всех простых скотоводческих обществах, арийский словарь богат названиями для всего связанного со стадами крупного рогатого скота. Одним из важных продуктов питания, очевидно, было молоко. Коров доили трижды в день, практиковалась кастрация быков. Говядину ели как основное мясное блюдо; забивание коровы для гостя было знаком наивысшего уважения, а Индра был первоклассным едоком говядины. Также ели мясо овец и коз. Кожу использовали для многих целей: в качестве ремней, тетивы, постромок, поводьев и хлыстов. Из зерновых, по-видимому, выращивали ячмень. Зрелые колосья ячменя срезались ножом или серпом, связывались в снопы, складывались на току и, вероятно, провеивались или просеивались, чтобы отделить зерно от мякины.

Использовалась какая-то форма контейнера или меры, обозначавшаяся словом *урдара*. Поля обрабатывались плугом, который тянули быки, хотя в связи с этим в «Ригведе» ярмо ни разу не упоминается. Для охраны домов и охоты на кабана использовались собаки. Характерным домашним животным ариев была лошадь. Арийские лошади, по-видимому, в основном запрягались в колесницы, будь то на войне или на колесничных состязаниях, которые были любимым видом спорта.

Практически ничего нельзя извлечь из «Ригведы» о появлении и расположении арийских поселений или домов, главным образом потому, что такие приземленные понятия не могли превратиться в метафоры в гимнах, обращенных к богу войны. Однако все арийские здания, очевидно, были из дерева, прямоугольными, с тростниковой крышей, разделенные на комнаты или отделения. Центральный очаг в арийском доме имел особое значение, так как служил для исполнения домашнего религиозного ритуала. Так же мало можно узнать об одежде, за исключением того, что она в основном была шерстяной. Платья, украшенные вышитыми или ткаными узорами, носили женщины, а плащи или мантии – вероятно, представляли обоих полов. Специализированными ремесленниками в сообществе были кузнец и плотник, работавший топором или теслом и изготовлявший великолепные резные деревянные детали для колесниц. Обрабатываемым металлом, похоже, была только бронза, следовательно, медь также должна была использоваться. Такая домашняя утварь, как котелки (или чайники), делались из металла (*аяс*). Каким именно металлом был аяс, остается неясным, хотя это слово родственно немецкому *Eisen* (*Aйзен*) и английскому *iron* (*айрон*), а также близко латинскому *aes* (*азс*), означающему бронзу. Представление о его цвете дают используемые эпитеты, такие как «красноватый», которые, по-видимому, относятся к бронзе.

К сожалению, при раскопках не было обнаружено никаких письменных сообщений, которые могли бы дать имена различным культурным материалам. В ведийской литературе также нет ничего, показывающего, что индоарийские народы обладали специфической материальной культурой, особой керамикой или теми статуэтками и предметами, которые, будучи найденными при полевых исследованиях, могли бы стать для нас своего рода опознавательными знаками при их перемещениях. Что же касается обрядов жертвоприношения, которые являются главным предметом этих древних текстов, то они не предполагают использования зданий или особых монументов, которые могли бы стать ориентирами для археологов. Кроме того, в «Ригведе» содержится достаточно материала, чтобы показать, что не существовало никакой связи между культурной средой развитой Хараппы и арийским образом жизни, как он описан в этом произведении. «Ригведа», например, свидетельствует, что лошадь была любимым животным ариев, но точно известно, что остатки этого животного не обнаружены в развитых хараппских слоях. Однако в поздней и постхараппском скоплениях лошадь встречается очень часто и, по-видимому, это был период, с которым связан приход ариев в бассейн Инда. Из этого следует, что многие характерные признаки развитой хараппской культуры, такие как городская планировка и письменность, были забыты еще до того, как арии окончательно осели в бассейне Инда. Будучи скотоводческим народом, они не нуждались ни в том, ни в другом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AGRAWAL, R. C.; KUMAR, V. 1982. Ganeshwar-Jodhpura Culture: New Traits in Indian Archaeology. In: POSSEHL, G. L. (ed.), Harappan Civilization: A Contemporary Perspective. New Delhi, pp.125–34.
- ALLCHIN, B; ALLCHIN, R. 1982. The Rise of Civilization in India and Pakistan. Cambridge.
- ANSARI, Z. D.; DHAVALIKAR, M. K. 1975. Excavations at Kayatha. Poona.
- ANTONINI, C. S.; STACUL, G. 1972. The Protohistoric Graveyards of Swat. Roma.
- BANERJEE, N. R. 1965. The Iron Age in India. In: MISHRA, V. N.; MATE, M. S. (eds), Indian Prehistory: 1964. Poona.
- 1986. Nagda 1955–57. New Delhi. (Mem. Archaeol. Surv. India, 85.)

- CASAL, J. M. 1961. Fouilles de Mundigak. Paris.
 — 1964. Fouilles d'Amri. Paris.
- CHAKRABARTI, D. K. 1976. The Beginning of Iron in India. *Antiq.* (Cambridge), No. 50, pp. 114–124.
 — 1981–3. Study of the Iron Age in India. *Archaeol. perspect. India Indep.*, No. 13–14, pp. 81–96.
- CHATTOPADHYAYA, B. D. 1975–76. Indian Archaeology and the Indian Tradition. *Puratattva* (New Delhi), No. 8, pp. 67–72.
- CHATURVEDI, S. N. 1985. Advances of Vindhyan Neolithic and Chalcolithic Cultures to the Himalayan Tarai: Excavation and Exploration in the Sarayyapara Region of Uttar Pradesh. *Man Environ.* (Ahmedabad), No. 9, pp. 101–108.
- COMPAGNONI, B. 1979. Preliminary Report on the Faunal Remains from Protohistoric Settlements of Swat. In: TADDEI, M. (ed.), *South Asian Archaeology*, 1977. Napoli. pp. 697 ff.
- CONSTANTINI, L. 1979. Notes on the Palaeoethnobotany of Protohistorical Swat. In: TADDEI, M. (ed.), *South Asian Archaeology*, 1977. Napoli. Vol. 2, pp. 703 ff.
- DANI, A. H. 1967. Timargarh and Gandhāra Grave Culture. *Anc. Pakistan* (Peshwar), No. 3, pp. 1–407.
 — 1992. Pastoral-Agricultural Tribes of Pakistan in the Post-Indus Period. In: DANI, A.H.; MASSON, V.M. (eds), *History of Civilizations of Central Asia*. Paris. Vol. I, pp. 395–420.
- DASGUPTA, P. C. 1964. The Excavations at Pandu Rajar Dhibi. *Calcutta*.
- DE CARDI, B. 1951. A New Prehistoric Ware from Baluchistan. *Iraq* (London), Vol. 13, pt. 2.
- DEO, S. B.; ANSARI, Z. D. 1965. Chalcolithic Chandoli. *Poona*.
- DEO, S. B.; DHAVALIKAR, M. K.; ANSARI, Z. D. 1979. Apegon Excavations, 1976. *Poona*.
- DHAVALIKAR, M. K.; SANKALIA, H. D.; ANSARI, Z. D. 1988. Excavations at Inamgaon. *Poona*.
- FRANK-FORT, H. P.; POTTIER, M. N. 1978. Sondage préliminaire sur l'établissement proto-historique Harappéen et post-Harappéen de Shortugai. *Arts asiat.* (Paris), No. 34, pp. 29–86.
- GAUR, R. C. 1973. Lal Qila Excavation and OCP Problem. In: AGRAWAL, O. P.; GOSH, A. (eds). *Radiocarbon and Indian Archaeology*. Bombay, pp. 154–62.
 — 1983a. The Aryans – A Fresh Appraisal. *Puratattva* (New Delhi), No. 12.
 — 1983b. Excavations at Atranjikhhera. *New Delhi*.
- GUPTA, P. C.; DUTTA, P. C. 1962. Human Remains Excavated from Megaliths at Yelleshwaram (Andhra Pradesh). *Man India*, Vol. 42, No. 1, pp. 19–34.
- HEGDE, K. T. M. 1973. A Model for Understanding Ancient Indian Metallurgy. *Man* (London), No. 8, pp. 416–421.
- HEIMENDORF, C. von F. 1945. The Problem of Megalithic Cultures in Middle India. *Man India*, Vol. 25, pp. 73–86.
- HUXTABLE, F. et al. 1972. Thermoluminescent Dates for Ochre Coloured Pottery from India. *Antiq.* (Cambridge), Vol. 46, No. 181, pp. 62–3.
- INDIAN ARCHAEOLOGY, A Review/(IAR) 1960a Excavation at Bahurupa and Savalda, District West Khandesh. *New Delhi*. pp. 34–7.
 — 1960b. Excavation at Gilund, District Udaipur. *New Delhi*. pp. 41–6.
 — 1967a. Excavation at Noh, District Bharatpur. *New Delhi*. pp. 28–9.
 — 1967b. Excavation at Mahisdal, District Birbhum. *New Delhi*. pp. 59–60.
 — 1967–78. Excavation at Chirand, District Saran. *New Delhi*.
 — 1985. Excavation at Kheradih, District Ballia. *New Delhi*. pp. 92–4.
- JARRIGE, J. H. 1979. Fouilles de Pirak. Paris.
- JETTMAR, K. 1967. Iron Cheek Piece of a Snaffle Found at Timargarh. *Anc. Pakistan* (Peshwar), Vol. 3, pp. 203–9.
- JOSHI, M. C. 1975–6. Archaeology and Indian Tradition: Some Observations. *Puratattva* (New Delhi), No. 8, pp. 98–102.
- KAJALE, M. D. 1989. Archaeological Investigation on Megalithic Bhagimohari, and its Significance for Ancient Indian Agricultural Systems. *Man Environ.* (Ahmedabad), Vol. 13, pp. 87–100.
- KEITH, A. B. 1912. *Vedic Index of Names and Subjects*. Cambridge.
- KHAZANCHI, T. N.; DIKSHIT, K. N. 1977–8. The Grey Ware Culture of Northern Pakistan, Jammu and Kashmir and Panjab. *Puratattva* (New Delhi), No. 9, pp. 47–51.
- KIM, BYUNG-MO (ed.). 1982. *Megalithic Cultures in Asia*. Seoul.
- KRISHNASWAMI, V. D. 1949. Megalithic Types of South India. *Anc. India* (New Delhi), No. 5, pp. 35–45.
- KUMAR, V. 1971–2. The Discovery of Ochre Coloured Pottery from Noh, District Bharatpur. *Puratattva* (New Delhi), No. 5, pp. 43–4.
- LAL, B. B. 1951. Further Copper Hoards from the Gangetic Basin and a Review of the Problem. *Anc. India* (New Delhi), No. 7, pp. 20–39.
 — 1955. Excavation at Hastinapura and other Explorations in the Upper Ganga and Sutlet Basins 1950–52. *Anc. India* (New Delhi), Nos. 10–11. pp. 4–151.
 — 1962. From the Megalithic to the Harappan: Tracing Back the Graffiti on the Pottery. *Anc. India* (New Delhi), No. 16, pp. 4–24.
 — 1971–72. A Note on the Excavation at Saipai. *Puratattva* (New Delhi), No. 5, pp. 46–9.
 — 1972. The Copper Hoard Culture of the Ganga Valley. *Antiq.* (Cambridge), Vol. 46, No. 184, pp. 282–7.
 — 1977–78. Chronology and Painted Grey Ware. *Puratattva* (New Delhi), No. 9, pp. 64–83.
 — 1992. The Painted Grey Ware Culture of the Iron Age. In: DANI, A. H.; MASSON, V. M. (eds), *History of Civilizations of Central Asia*. Paris. Vol. I, pp. 421–40.
- LAL, M. 1983. Copper Hoard Culture of India: A Reassessment. *Puratattva* (New Delhi), No. 12, pp. 65–77.
- LESHNIK, L. 1974. South Indian 'Megalithic' Burials: The Padunkal Complex. *Wiesbaden*.
- McINTOSH, J.R. 1985. Dating the South Indian Megaliths. In: *South Asian Archaeology*, 1983. Napoli. pp. 487–93.
- MACKAY, E. J. H. 1943. Chanhu-daro Excavations, 1935–36. *New Haven, Conn.* (*Am. Orient. Ser.*, 20.)
- MAJUMDAR, N. G. 1934. *Explorations in Sind*. *Calcutta*. (*Mem. Archaeol. Surv. India*, 48.)
- MAJUMDAR, R. C. (ed.) 1951. *The History and Culture of the Indian People: Vedic Age*. London.
- MANDAL, D. 1972. *Radiocarbon Dates and Indian Archaeology*. Allahabad.
- MUGHAL, M. R. 1992. Jhukar and the Late Harappan Cultural Mosaic of the Greater Indus Valley. In: JARRIGE, C. (ed.). *South Asian Archaeology*, 1991. Madison, Wis. pp. 213–221.
- MÜLLER, M. 1956. *The Vedas*, ed. U.N. GHOSHAL. *Calcutta*.
- PARPOLA, A. 1973. *Arguments for an Aryan Origin of the South Indian Megaliths*. Madras.
- PIGGOTT, S. 1950. *Prehistoric India*. Harmondsworth.
- POSSEHL, G. I. 1961. *Ancient Cities of the Indus*. *New Delhi*.
- RAPSON, E. J. (ed.), 1955. *The Cambridge History of India*. Cambridge. Vol. I.
- SALI, S. A. 1986. *Daimabad, 1976–79*. *New Delhi*. (*Mem. Archaeol. Surv. India*, 83.)
- SALIM, M. 1992. *Archaeological Exploration in Punjab NWFP, Pakistan*. *J. cent. Asia* (Islamabad), Vol. 15, No. 1, pp. 34–77.
- SANKALIA, H. D. 1972–73. *The Cemetery H Culture*. *Puratattva* (New Delhi), No. 6, pp. 12–9.
 — 1975–76. *Prehistoric Colonization in India: Archaeological and Literary Evidence*. *Puratattva* (New Delhi), No. 8, pp. 72–86.
- SANKALIA, H. D.; ANSARI, Z. D.; DHAVALIKAR, M. K. 1971. *Inamgaon: Chalcolithic Settlements in Western India*. *Asian Perspect.* (Honolulu, HI), Vol. 14, pp. 139–46.
- SANKALIA, H. D.; DEO, S. B. 1955. *Report on the Excavations at Nasik and Jorwe*. *Poona*.
- SANKALIA, H. D.; DEO, S. B.; ANSARI, Z. D. 1969. *Excavation at Ahar* (Tambavati). *Poona*.
- SANKALIA, H. D.; SUBBRAO, B.; DEO, S. B. 1958. *The Excavations at Maheswar and Navdatoli, 1952–53*. *Poona*.
- SANKALIA, H. D. et al. 1960. *From History to Pre-History at Nevasa* (1954–56). *Poona*.
- SANTONI, M. 1984. *Sibri and the South Cemetery of Mehrgarh: Third Millennium Connections between the Northern Kachi Plain (Pakistan) and Central Asia*. In: ALLCHIN, B. (ed.), *South Asian Archaeology*, 1981. Cambridge, pp. 52–60.
- SARKAR, S. S. 1960. *Human Skeletal Remains from Brahmagiri*. *Bull. Dep. Antliropol.* (Calcutta), No. I, pp. 5–25.
 — 1972. *Ancient Races of the Deccan*. *New Delhi*.
- SHARMA, R. S. 1975–76. *The Later Vedic Phase and the Painted Grey Ware Culture*. *Puratattva* (New Delhi), No. 8, pp. 63–7.
 — 1985. *Material Culture and Social Formation in Ancient India*. *New Delhi*.

- SINGH, P.; LAL, M. 1985. Narhan, 1983-5: A Preliminary Report of the Archaeological Excavations. *Bharati* (Varanasi), NS, Vol. 3, pp. 113–44.
- SINGH, U. V. 1976. Extension of the Chalcolithic Culture in the Betwa Valley. In: (ed.), *Archaeological Congress and Seminar: 1972. Kurukshetra*. pp. 63–8.
- STACUL, G. 1966. Preliminary Report on the Pre-Buddhist Necropolises in Swat. *East West* (Roma), No. 16, pp. 37–79.
- 1979. The Black-Burnished Ware Period in the Swat Valley (c. 1700–1500 BC). In: TADDEI, M. (ed.), *South Asian Archaeology, 1977. Napoli*. Vol. 2, p. 661.
- 1984. Cultural Change in the Swat Valley and Beyond c. 3000–1400 BC. In: *South Asian Archaeology. Napoli*. pp. 205–12.
- STEIN, A. 1937. *Archaeological Reconnaissance in North-West India and South-East Iran*. London.
- SUNDARA, A. 1975. *The Early Chamber Tombs of South India: A Study of the Iron Age Megalithic Monuments of North Karnataka*. New Delhi.
- SURAJ, B. 1971–2. Comments in the Seminar on OCP and NBP. *Puratattva* (New Delhi), No. 5, pp. 16–21.
- THAPAR, B. K. 1967. Prakash 1955: A Chalcolithic Site in the Tapti Valley. *Anc. India* (New Delhi), Nos. 20–21, pp. 5–167.
- 1981. The Archaeological Remains of the Aryans in North-Western India. In: ASINOV, M. S. et al. (eds). *Ethnic Problems of the History of Central Asia in the Early Period*. Moskva, pp. 295–300.
- 1985. Recent Archaeological Discoveries in India. Paris, Tokyo, UNESCO, Centre for East Asian Cultural Studies.
- THAPAR, R. 1975–6. Puranic Lineages and Archaeological Cultures. *Puratattva* (New Delhi), No. 8, pp. 86–98.
- TUCC, G. 1977. On Swat. The Daidis and Connected Problems. *East West* (Roma), Vol. 27, pp. 9–103.
- TUSA, S. 1979. The Swat Valley in the 2nd and 1st Millennia BC: A Question of Marginality. In: TADDEI, M. (ed.). *South Asian Archaeology, 1977. Napoli*. Vol. 2, pp. 675 ff.
- VATS, M. S. 1940. *Excavations at Harappa*. New Delhi.
- WHEELER, R. E. M. 1968. *The Indus Civilization*. 3rd ed. Cambridge.
- ZUCKERMAN, S. 1930. The Adichanallur Skulls. *Bull. Madras Gov. Mus.*, No. 2, pp. 1–24.

12.9 КИТАЙ

12.9.1 КИТАЙ (3000–1600 гг. до н.э.)

Ань Чжиминь

ДОЛИНА ХУАНХЭ

Долина Хуанхэ – колыбель древнекитайской цивилизации. Протянувшись на север Китая, она занимает площадь около 750 тыс. кв. км, включая Лёссовое плато на западе, в средней части бассейна, аллювиальную равнину на востоке и гористую местность на Шаньдунском п-ове. Регионом, игравшим важную роль в истории человечества, она стала в эпоху раннего палеолита и с течением времени проявляла все более заметную культурную последовательность. Еще до VI тысячелетия до н.э. здесь существовало развитое земледелие и животноводство и появились ранние аграрные сообщества, представленные пейлиганской (*Peiligang*), сишанской (*Cishan*) и дадиванской (*Dadiwan*) культурами. Позднее сформировались яншаоская (*Yangshao*) и лоншанская (*Longshan*) культуры, развившиеся непосредственно одна из другой. В период позднеолитической лоншанской культуры произошел переход от первобытного общества к протогосударству, а возникновение культуры эрлиту (*Erlitou*) ознаменовало окончательное оформление шан-чжоуской цивилизации. Вследствие этого в течение долгого периода перехода к исторической эпохе среднее течение Хуанхэ и другие части Великой Китайской равнины образовывали политический, экономический и культурный центр древнего Китая, и Хуанхэ, таким образом, была неразрывно связана с рождением древнекитайской цивилизации.

Позднеолитическая культура лоншан, главным центром которой была долина Хуанхэ, играла важную роль в общем культурном развитии и обменах. Сама эта культура имела ярко выраженные региональные различия, и особые ее проявления следует рассматривать отдельно. С другой стороны, хотя в этот период на обширной территории Китая и появились многочисленные культурные комплексы, которые имели собственные характеристики и отличия в социальном развитии, взаимные влияния и культурные обмены между ними вызывали тенденцию к слиянию и унификации. Настоящая глава представляет собой введение в эпоху позднего неолита и раннего бронзового века в Китае, при этом особое внимание будет уделено культурным комплексам долины Хуанхэ; в то же время в главе рассматриваются культурные комплексы среднего и нижнего течения р. Янцзы (Чанцзян), юго-восточного приморского региона, северных степей и юго-западных плато.

Среднее течение Хуанхэ

После развития и расцвета культуры яншао, существовавшей более двух тысяч лет, в среднем течении Хуанхэ

около III тысячелетия до н.э. появился совершенно новый комплекс – лоншанская культура. С этого времени здесь произошли большие изменения, затронувшие не только культурные и экономические аспекты развития, но и социальную структуру, вследствие чего произошла дезинтеграция существовавших долгое время первобытных сообществ. Пришедшая на смену лоншанской культуре культура эрлиту, имевшая собственную государственную организацию, является свидетельством возникновения ранней шанской цивилизации.

Культура миаодигу II

Культура миаодигу (*Miaodigou*) II была впервые выявлена в Миаодигу, округ Шансянь, провинция Хэнань, в 1956 г.; новое название она получила по причине своего переходного характера от культуры яншао к культуре лоншан и обычно рассматривается как раннелоншанский комплекс. Эта культура распространена главным образом на границах провинций Хэнань, Шэньси и Шаньси, где наиболее плотно размещены памятники более ранней яншаоской культуры. В стратиграфическом отношении ее слои зачастую обнаруживаются между ниже расположенными яншаоскими слоями и более верхними, которые относятся к лоншанской культуре, и таким образом их последовательность представлена совершенно ясно. Радиоуглеродный анализ датирует культуру миаодигу приблизительно 3000–2700 гг. до н.э., помещая ее между культурами яншао и лоншан.

Вследствие ограниченности археологических исследований в настоящее время мало известно о размещении поселений этой культуры, а находящиеся в нашем распоряжении данные получены в основном из Миаодигу. Судя по этому типичному поселению, дома были круглыми, полуподземными, со ступенями у входа, пол был покрыт смешанной с соломой глиной, а затем ровным слоем известкового раствора; в западной стене находилось полусферическое углубление очага. В центре пола сохраняется след ямы от столба, которая, наряду с несколькими десятками других ямок, окружающих дом, указывает, что крыша была, по-видимому, конической. Возле дома находят большое количество ям-хранилищ и вертикальные печи для обжига керамики, зачастую в довольно хорошем состоянии. По соседству с поселением расположено общее кладбище, где было раскопано 145 шахтных могил с одиночными захоронениями; головы похороненных были ориентированы в одном направлении, и, как правило, отсутствовал погребальный инвентарь, за исключением двух

могил, в каждой из которых находилась маленькая кружка из красной глины. Эта картина совершенно отличается от яншаоских кладбищ, где часто встречаются коллективные захоронения и богатый погребальный инвентарь; она отражает изменения погребальных обычаев и, возможно, социальной структуры.

Земледелие оставалось основным видом хозяйственной деятельности, но достигло более высокого уровня по сравнению с культурой яншао. Средства производства состояли главным образом из полированных каменных орудий, включавших несколько новых типов. Например, среди рубяще-режущих орудий появился толстый топор, весьма удобный для рубки леса. Для копки помимо каменной лопаты стал применяться деревянный *лей* с двумя зубцами, благодаря которому увеличилась производительность обработки пористых лёссовых почв; следы лея постоянно встречаются на стенках канав; он продолжал использоваться и в исторический период. При сборе урожая наряду с полученными из отщепов каменными ножами с зубринами по обеим сторонам и перфорированными каменными ножами, какие использовались в предшествующую эпоху яншао, появился перфорированный каменный нож в виде полумесяца; чаще, чем раньше, применялись изготовленные из камня и раковин серпы. Увеличилось количество видов и численность домашних животных; в дополнение к многочисленным свиньям и собакам появились козы – впервые на территории Китая. Совершенствование земледельческих орудий и увеличение числа домашних животных указывают на большой прогресс сельского хозяйства, чем в период яншао.

В гончарном производстве к основным изменениям можно отнести появление многочисленных сосудов серого цвета при сохранении красной и черной посуды в незначительных количествах. Керамику еще изготавливали вручную, но окончательная отделка обода производилась на вращающемся круге. Обычным украшением были отпечатки от корзины на поверхности, но часто встречаются также наклепные узоры и узоры, выдавленные веревкой или шнуром, тогда как расписная керамика остается редкой и простой в сюжетном отношении, являясь оставшимся элементом предшествующей культуры яншао. Керамике присуще значительное разнообразие форм. Это *динг* (ваза на трех массивных низких ножках), *цзя* (ваза на трех тонких полых ножках), *фу* (котел), печь, чаша, миска, горшок, кружка, *доу* (сосуд на высокой ножке), бутылка и т.д.; многие типы сохраняют формы культуры яншао, особенно кружка, *доу*, горшок и бутылка. Ваза *цзя* была новшеством; она являлась весьма удобным сосудом для варки, поскольку имела широкое основание, контактирующее с огнем, и, несомненно, была прототипом *ли* (вазы на трех дутых полых ножках). В целом очевиден переходный характер гончарных изделий: технология их изготовления основывается на керамической традиции культуры яншао и предвосхищает керамику культуры лоншан. Культура миаодигу II, несомненно, являлась одной из основ более прогрессивной культуры лоншан.

Культура лоншан

Культура лоншан получила свое название по остаткам, найденным в г. Лоншан в округе Чжанькиу, провинция Шаньдун, в 1928 г.; она занимает обширную территорию – почти все среднее и нижнее течение Хуанхэ. Поскольку она распространена в различных регионах и даже имеет различные корни, то обладает поразительным разнообразием культурных аспектов. В основном ее можно разделить на два комплекса: культура лоншан центральных равнин и лоншанская культура Шаньдун I. Первая встречается в среднем течении Хуанхэ и происходит от культуры миаодигу II, тогда как вторая занимает нижнее тече-

ние Хуанхэ и является прямым преемником культуры давенку (*Dawenkou*). В настоящее время споры ограничиваются комплексом в среднем течении Хуанхэ. Стратиграфические данные, полученные в Хоугане возле города Аньян (провинция Хэнань) в 1931 г., привели археологов к заключению, что культура лоншан следовала за яншао и предшествовала шанской цивилизации. Согласно радиоуглеродной датировке время ее существования было отодвинуто приблизительно к 2600–2100 гг. до н.э., т.е. к началу возникновения государства.

Остатки поселений обычно расположены на террасах вдоль малых и средних рек и часто покрывают слои культур яншао и миаодигу, хотя некоторые из них находятся в отдалении от рек, быть может благодаря тому, что внедрение технологии рытья колодцев обеспечивало их водой. Поселения имеют значительные размеры, обычно более 100 тыс. кв. м.

Крупнейшее из них, поселение Таоси в округе Сяньфэн, провинция Шаньси, занимает территорию в 300 тыс. кв. м. План поселений, однако, в настоящее время еще остается неясным, хотя в поселении Байинь в округе Таньинь, провинция Хэнань, на площади 1 тыс. кв. м стояло 46 домов, в основном рядами с запада на восток и с севера на юг. Фундаменты домов накладываются слоями. Постоянно накапливавшиеся отложения придали всей территории поселения вид приподнятой платформы. Дома культуры лоншан различались по форме и могут быть ориентировочно отнесены к трем типам. Первый составляют круглые в плане жилища, построенные прямо на земле, со стенами из смешанной с соломой глины, или самана; на полу внутри помещения или вдоль стен часто обнаруживаются отверстия, оставшиеся от столбов, которые служили для укрепления стен или поддерживали крышу. Пол был утрамбован и покрыт тонким слоем извести, чтобы предохранить от сырости. В центре пола находился очаг для приготовления пищи и обогрева. Второй тип – круглое или квадратное полуподземное сооружение, пол которого покрыт слоем извести, а в центре был устроен очаг. Отверстия от подпорок, однако, не различимы. Имеются также примеры домов из двух помещений; в них северная стена была выше прочих, а вдоль линии стен имелся ряд подпорок. К третьему типу относится пещерное жилище, круглое или квадратное в плане, выкопанное в склоне лёссовой террасы, верхние части стен которого образовывали свод. В близком соседстве со всеми этими домами были выкопаны ямы, обычно используемые как хранилища. В Таоси найден фрагмент известковой штукатурки с геометрическими узорами, представляющий, возможно, остатки настенного покрытия большого дома. Примечательной чертой является наличие колодцев глубиной более 10 м, в большинстве случаев квадратных с защитными стенками из дерева. Внедрение технологии рытья колодцев стало эффективным средством улучшения условий жизни. Не менее существенно то, что довольно обычными в поселениях были гончарные печи. В поселениях Ванченган и Пинляндуй, провинция Хэнань, обнаружены остатки «замков», занимавших площадь от 10 до 50 тыс. кв. м, окруженные стенами из утрамбованной земли; эти находки указывают на то, что уже существовали такие укрепления, как «замок».

Представители культуры лоншан в среднем течении Хуанхэ хоронили некоторых умерших прямо на территории поселения. Вблизи домов и даже под их фундаментами или в основании стен часто находят детские погребения в ямах или в урнах, что указывает на особый погребальный обычай. Общинные кладбища были обычно расположены возле поселений, крупнейшие из них раскопано в Таоси и располагались к юго-востоку от жилых кварталов. Здесь на площади в 5 тыс. кв. м обнаружено более 1300 прямоугольных могил ямного типа. В соответствии с размером ям, наличием или отсутствием гробов

и количеством и качеством погребального инвентаря могилы можно разделить на три типа. Первый включает обширные могилы длиной приблизительно 3 м и шириной 2 м (илл. 109), содержащие гробы и большое количество погребального инвентаря, состоящего из гончарных изделий, в том числе расписанных после обжига, раскрашенных деревянных предметов, таких как барабаны, каменных колокольчиков и предметов из жадеита. В могилах часто находят полные скелеты свиней, помещаемых в них в качестве погребальных подношений. Таких могил раскопано лишь девять, что составляет около 0,7% общего числа. Судя по остеологическим данным, в них были похоронены мужчины. Ко второму типу относятся могилы среднего размера длиной около 2 м и шириной 1 м, содержащие гробы, но меньшее количество погребального инвентаря, включающего, как и в первом случае, глиняные сосуды, расписанные после обжига, раскрашенные деревянные предметы и резные каменные украшения. Вместо полных скелетов свиней здесь находят только их нижние челюсти, до нескольких десятков штук. Всего могил такого рода около 100, т.е. примерно 7%. В них похоронены преимущественно мужчины, небольшое число женщин похоронено с одной или по обеим сторонам могил большего размера. К третьему типу относятся небольшие узкие могилы длиной около 2 м и шириной 0,5 м, чаще всего без гробов и погребального инвентаря. Таких могил раскопано около 1200 – приблизительно 92% общего числа. В целом погребальный инвентарь этого кладбища включает гончарные изделия, расписанные после обжига, и раскрашенные деревянные изделия. Керамика состоит в основном из черной посуды, украшенной красными, желтыми и белыми геометрическими узорами, обычно по внешней стороне; лишь несколько тарелок расписаны по внутренней поверхности – обнаружен рисунок извивающегося чешуйчатого дракона, высунувшего язык, который является древнейшим известным до сих пор изображением дракона. Деревянные барабаны имеют корпус, выдолбленный из части древесного ствола, разρισованного по поверхности, с натянутой крокодиловой кожей, в большинстве случаев полностью разрушившейся. Такие барабаны часто находят вместе с каменными колокольчиками; они образуют древнейший известный нам набор музыкальных инструментов. Находки на кладбище в Таоси, по-видимому, свидетельствуют о существовании здесь патриархального общества с разделением на богатых и бедных.

Продолжалось развитие земледельческого производства; основной злаковой культурой оставалось просо. Среди сельскохозяйственных орудий, наряду с деревянными лезьями и каменными лопатами, появляются мотыги из кости и раковин, применявшиеся для обработки междурядий и прополки. При сборе урожая помимо перфорированных прямоугольных или имевших форму полумесяца каменных ножей использовались серпы из камня и раковин. С развитием земледелия вышло на новый уровень и животноводство: началось разведение свиней, собак, крупного рогатого скота, коз, овец, кур и, возможно, лошадей; наиболее многочисленными были свиньи. С этого времени существуют все «шесть домашних животных» (свиньи, коровы, овцы, лошади, куры и собаки), как их называли в китайской древности. Одновременно, чтобы обеспечить дополнительное питание, продолжали практиковаться охота, собирательство и рыболовство.

Каменные орудия этой культуры были в основном полированных. Находки свидетельствуют о заметном росте качества и разнообразия типов. Кроме того, обнаружено также небольшое количество каменных орудий из отщепов – наконечников стрел, скребков и т.п. В большом количестве появились также использовавшиеся в ритуальных и декоративных целях предметы из жадеита, как *конг* (полая трубка, квадратная снаружи и круглая изнутри в поперечном сечении), *би* (диск) и так называемый *сианцзи*

(трехлопастный би-диск), бывшие прототипами шанских изделий из жадеита. Следует отметить, что обнаружены остатки медного производства этой культуры: в местонахождении Мейшан, в округе Линру (провинция Хэнань), найден тигель для плавки меди. В гробнице в Таоси был обнаружен колокол, отлитый из меди, содержание которой составляло 97,8%. Эти находки доказывают, что древнекитайская металлургическая и литейная технология появилась по крайней мере в поздней культуре лоншан, став предвестником великолепных бронзовых артефактов эпохи Шан.

Примечательный прогресс отмечен в гончарном деле. Керамика по-прежнему была большей частью представлена серой посудой, возросло количество черной посуды, доля красной посуды была мала. В основном она еще изготавливалась вручную, однако отделка, возможно, производилась на вращающемся круге. Характерной новацией этого периода стало появление быстровращающегося круга, который сделал возможным изготовление сосудов с более тонкими стенками, таких как «посуда из яичной скорлупы» с толщиной стенок 2 мм. Самыми распространенными орнаментами было тиснение шнуром, сеткой и в виде шахматного поля, в то время как расписные узоры, нанесенные после обжига, встречаются лишь в отдельных случаях. Преобладающими типами изделий были кружка, тарелка, чаша, миска, динг (уже упоминавшийся треножник с массивными низкими ножками), цзя (ваза на трех тонких полых ножках), *зэнг* (пароварка в виде дуршлага) и крышка. Наряду с ними появились новые формы: *ли* (ваза на трех дутых полых ножках; илл. 110, справа), *янь* (треножник-пароварка), *гуи* (треножник с горлышком; илл. 110, слева) и *хэ* (треножник с носиком); все они развились из цзя и стали характерными типами при переходе от культуры лоншан к шан-чжоускому периоду. Обнаружено большое количество печей для сушки и обжига. По своей форме они в основном повторяют печи культуры миаодигу II. Некоторые печи обнаружены внутри домов, что вместе с появлением гончарного круга указывает на то, что гончарное дело стало независимым производством.

Представители культуры лоншан начинают гадать на лопаточных костях. Гадание осуществлялось на овечьих лопатках. Они обжигались, и появившиеся трещины истолковывались как добрые или злые предзнаменования. Такие лопатки обнаружены в некоторых поселениях этой культуры. Позднее, при шанской династии, развилось искусство прорицания с использованием большого количества гадательных костей.

С развитием земледельческого производства и разделения труда произошли соответствующие изменения в социальной структуре, на что указывают находки на кладбище в Таоси. Могилы, содержавшие деревянный барабан, каменные колокольчики и керамические тарелки с изображением дракона (все эти предметы являлись важными ритуальными принадлежностями), по всей видимости, принадлежали авторитетным вождям племени, которые проводили религиозные церемонии и обладали военной властью. Тот факт, что скелеты людей, найденные в больших могилах, идентифицированы как мужские и что к могилам такого типа чаще всего с одной или с двух сторон примыкают женские погребения, может рассматриваться как красноречивое доказательство того, что в это время полностью установился патриархальный строй. С другой стороны, многочисленные небольшие могилы являются настолько узкими, что могут содержать только тело без какого-либо погребального инвентаря, что тоже явственно отражает неравенство между богатыми и бедными и разделение по рангам. Тем не менее факт, что все разновидности могил сосредоточены в одном месте, по-видимому, указывает на то, что общество следовало обычаям, переходным от ритуалов первобытной общины к практике более сложного социального организма.

Культура эрлиту

Культура эрлиту получила свое название благодаря находкам при раскопках в 1957 г. в Эрлиту в округе Яньши (провинция Хэнань). Она была широко распространена в западной части провинции Хэнань, южной части провинции Шаньси и восточной части провинции Шэньси, а наиболее важные ее остатки были открыты в Эрлиту. Ее культурные слои часто лежат поверх лоншанских, а радиоуглеродный анализ показывает, что ее расцвет приходится приблизительно на 1900–1600 гг. до н.э.

Поселение Эрлиту занимает площадь примерно 370 тыс. кв. м. Культурные отложения здесь имеют толщину 2–4 м и могут быть разделены на четыре фазы, представляющие различные стадии одной и той же культуры. Следует отметить, что в третьей и четвертой фазах появились фундаменты дворцов большого размера. Дворцовый фундамент I сделан из утрамбованной земли, тянется на 108 м с запада на восток и на 100 м с севера на юг. В центре, немного к северу, был обнаружен фундамент зала с четко расположенными отверстиями от несущих крышу колонн, по которым этот зал можно представить как деревянное сооружение с восьмью продольными и тремя поперечными пролетами, покрытое крышей со скатами и выступающим карнизом. Фундамент дворца был окружен остатками ограждения, внутри или по обеим сторонам которого в правильном порядке расположены отверстия от опор, возможно, оставшиеся от коридоров или боковых помещений. Портал находился в южной части ограждения и также состоял из восьми пролетов, указывая на внушительные размеры всего здания. Дворцовый фундамент II также возведен из утрамбованной земли, имеет длину 72,8 м в направлении с севера на юг и ширину 58 м – с запада на восток; здесь оставлен внутренний квадратный двор, с четырех сторон окруженный стенами. В центре северной части отверстия от колонн указывают на фундамент зала с девятью продольными и тремя поперечными пролетами; по его ободу находились каменные основания колонн и остатки стен из дерева и земли, отделявших зал от трех помещений общей площадью около 400 кв. м. Вдоль восточной и западной сторон ограждения найдены остатки коридоров. Ворота состояли из трех пролетов и были обращены на юг. Внутренний двор был расположен несколько ниже, чем зал, и снабжен терракотовыми дренажными трубами, уходящими в землю. Размеры и расположение данного строения, несомненно, указывают на то, что эти руины относятся к дворцовому комплексу – самому древнему из открытых на сегодняшний день. Рядом с территорией дворца были построены бронзовая литейная, гончарная и другие мастерские, указывающие на общий архитектурный план городской застройки. Дома небольшого размера в большинстве случаев являются простыми полуподземными жилищами, мало отличающимися от домов эпохи неолита. Их простота резко контрастирует с великолепием дворцового комплекса и отражает глубину классовую дифференциации.

Раскопанные захоронения этого периода представляют собой в основном ямы среднего и небольшого размера. В первых, которые, возможно, принадлежали знати, обнаружены следы гробов и такой погребальный инвентарь, как бронзовые *цзюэ* (сосуды для вина), *ге* (кинжал-топор), *ки* (боевой топор) и диск, а также жадеитовые *ге*, *юэ* (боевой топор) и сделанные вручную украшения. Малые могилы, встречающиеся в большем количестве, обычно не содержат никакого погребального инвентаря, за исключением таких глиняных сосудов для вина, как *хе*, *цзюэ*, *зу* (кувшин) и т.д., отражающие тот же похоронный обычай, что и могилы на иньских развалинах возле г. Аньян.

В третьей фазе этой культуры появились бронзовые сосуды. При раскопках были обнаружены десять бронзовых *цзюэ* – плоскодонных суженных посередине сосудов

для вина на трех ножках, с длинным горлышком в форме желобка, двумя вертикальными стерженьками возле верхнего края и ручкой на одной стороне; наряду с ними найден плоскодонный бронзовый *цзе*. Они предшествовали шанским бронзовым сосудам. Хотя они были просты по форме и не имели орнаментов, для их отливки было необходимо применение ряда сравнительно сложных технологий. Кроме того, найдены такие бронзовые орудия, как тесло, долото, нож, шило, рыболовный крючок, и оружие – *ге*, *ки* и наконец стрелы, а также маленький колокол и неидентифицированный музыкальный инструмент. Бронзовая пластинка, инкрустированная бирюзой в виде морд животных или геометрических узоров, говорит об изысканном мастерстве тогдашних ремесленников. Эти открытия ясно показывают, что культура эрлиту уже вступила в высоко развитый бронзовый век.

Большие успехи были достигнуты и в обработке драгоценных камней, о чем свидетельствует украшение из жадеита, напоминающее по форме квадратный брусок длиной 17,1 см. Он разделен на шесть частей, по-разному гравированных орнаментами из линий и лепестков, а также изображениями морд животных, выполненными с большим мастерством. Прочие жадеитовые находки включают различные предметы: *ге*, *юэ*, наконечники стрел, ножи, *конг*; и т.д.; искусно изготовленные в мастерской они могли использоваться как часть снаряжения почетных телохранителей или как повседневные украшения, или, возможно, как символы власти и богатства. Можно заключить, что камнерезное искусство культуры эрлиту дало прототипы различных видов жадеитовых изделий и их отделки иньской эпохи.

В керамике сохранялся стиль культуры лоншан, он был в определенной степени представлен в исходном материале, технологии, формах и украшениях. Тем не менее можно отметить и специфические черты. Например, *цзя*, *хе*, *цзюэ* и *гу* являются имитациями подобных изделий из бронзы. На некоторых сосудах вырезаны изображения рыб, *куй* (драконообразного животного), дракона с двумя туловищами и выгиснены напоминающие «грозовую тучу» завитки, имеющие близкие соответствия в орнаменте шанской бронзы. На отдельных сосудах выгравированы знаки, некоторые из них напоминают письмена на гадательных костях более позднего времени. Дальнейшие исследования, возможно, покажут, представляют ли они определенную систему письменности, но все они встречаются как единичные и изолированные символы.

Совершенно ясно, что культура эрлиту не находилась на той же стадии социального развития, что и культура лоншан. Великолепные дворцовые строения, прекрасные изделия из бронзы и жадеита, наличие гончарных и бронзолитейных мастерских, а также, возможно, письменности – все это указывает на то, что уже появилось государство. Имеются доказательства связи культуры эрлиту с историческими династиями Ся и Шан: если судить по ее культурным характеристикам, она появляется во время, близкое к шанской культуре, и ее временной промежуток, возможно, включал те годы, когда шанский царь Чэн (Тан) основал свою династию. Среднешанская культура, представленная комплексом культуры эрлиган в г. Чжэнчжоу, и позднешанская культура, представленная сяотунским комплексом в г. Аньян, ясно показывают непрерывную связь с культурой эрлиту. Даже в обществах, существовавших в это время в долине средней и нижней Янцзы и на территории Внутренней Монголии, имеется много признаков того, что они находились под влиянием культуры эрлиту.

В соответствии с древней китайской легендой династия Ся была первой династией в Китае и правила приблизительно в 2000–1500 гг. до н.э., хотя легендарные версии датировки весьма разнятся. Не представляется возможным с какой-либо степенью достоверности отнести определенный комплекс к культуре ся. Различные ученые отождествляют

с культурой Ся культуры лоншан, эрлиту или часть этих двух культур. Точных доказательств связи какой-либо из них с легендарной династией Ся пока нет.

Нижнее течение Хуанхэ

Культура давенку

Культура давенку (*Dawenkou*) была выявлена в 1959 г. в поселении Давенку в округе Тайань (провинция Шаньдун). Она простирается к северу от р. Хуай, охватывая нижнее течение Хуанхэ, имея своим центром провинцию Шаньдун, а также занимая часть провинций Цзянсу, Аньхой и Хэнань. Обладая такими характерными признаками, как красная посуда и расписная керамика, ранний комплекс этой культуры является вариацией культуры яншао. В средней и поздней фазах ее основной отличительной чертой стала серая посуда, имевшая региональные особенности. В конце концов она трансформировалась в шаньдун-лоншанскую культуру. Хронологически она длилась более 2 тыс. лет. На основе радиоуглеродного анализа ее средняя и нижняя фазы датируются приблизительно 3500–2400 гг. до н.э.

Идентифицированные остатки этой культуры состоят главным образом из захоронений, общее число которых превышает 2 тыс. примерно в десятке местонахождений. Дома, ямы-хранилища и гончарные печи были обнаружены в случайных местах, вследствие чего планировка поселений остается спорной. Захоронения обычно располагались возле поселений, образуя компактные общинные кладбища. Они состоят в основном из одиночных могил, хотя имеется и несколько коллективных погребений. Начиная со средней фазы отмечены также совместные погребения мужчин и женщин, иногда вместе с детьми. Могилы отличаются как размерами, так и качеством погребального инвентаря, который, возможно, является признаком расслоения на богатых и бедных. В могилах большого размера находятся деревянные гробы, их погребальный инвентарь включает многочисленные гончарные изделия, предметы из камня и кости, изящные предметы из жадеита и слоновой кости, количество которых в наиболее богатых погребениях превышает 100 единиц; иногда здесь находят десять и более свиных черепов или нижних челюстей, являющихся остатками посмертных жертвоприношений. Небольшие могилы обычно не содержат гробов, погребальный инвентарь или беден, или отсутствует. Скелеты людей указывают на существование обычая деформирования черепоу и удаления передних зубов, но их физиологические признаки остаются теми же, что и у представителей культуры яншао.

Обилие погребальных предметов отражает расцвет ремесел и появление общинного разделения труда. В средней и поздней фазах гончарное производство характеризовалось преобладанием серой посуды и использованием гончарного круга; изготавливалась также изящная черная, белая и тонкостенная (типа «яичная скорлупа») посуда; как пережиток прошлых времен существовала расписная керамика. Глиняная посуда представлена несколькими типами: динг, гуй (треножник), хе, гу, горшок, доу, подвесная бутылка и т.д.; некоторые гуй, отражая уникальный стиль, делались в форме свиньи или собаки. Каменные инструменты чаще всего полировались и включали в основном топоры, тесла, зубила, ножи и другие орудия производства, а также несколько изящных юэ. Кроме того, имеется большое количество искусных украшений, таких как жадеитовые кольца, *сяньцзи* и подвески, а также изготовленные из слоновой кости гребни и трубочки с узором из четырех лепестков, некоторые из трубочек затейливо инкрустированы бусинами из бирюзы. Все эти находки свидетельствуют о блестящем мастерстве их создателей.

Подобно неолитическому населению среднего течения Хуанхэ, народ культуры давенку в основном занимался земледелием, о чем свидетельствуют обугленные семена проса, каменные ножи, серпы из кости и раковин, мотыги из оленьего рога и другие сельскохозяйственные инструменты, обнаруженные при раскопках. Частые находки в могилах черепов или нижних челюстей свиней могут рассматриваться как еще один признак процветающего сельского хозяйства. Различия в количестве и качестве погребального инвентаря в больших и малых могилах ясно говорят о социальной дифференциации. Об изменениях в обществе также свидетельствуют изменения погребальных обрядов: в совместных погребениях мужчин и женщин большая часть погребального инвентаря собрана на стороне мужчины, что, вероятно, доказывает полный переход от матриархата к патриархату.

Культура шаньдун-лоншан

Культура шаньдун-лоншан развилась из культуры давенку и была распространена приблизительно в том же регионе. Согласно радиоуглеродной датировке, она относится приблизительно к 2400–2000 гг. до н.э., будучи современной культуре лоншан на Великой Китайской равнине. Благодаря взаимному обмену и влиянию они обладали большим количеством одинаковых культурных элементов, что особенно заметно на соседних территориях.

Поселения этой культуры обычно занимают площадь около 100 тыс. кв. м, крупнейшее поселение Лянченжень в округе Жичжао (провинция Шаньдун) имеет площадь 360 тыс. кв. м; кроме того, большое количество поселений находится в слоях культуры давенку. План поселений остается неясным. Большинство домов представляют собой круглые или квадратные полуподземные жилища; их стены сделаны из утрамбованной земли и деревянных столбов внутри, а основания стен находятся во рвах. Поверхность пола сильно утрамбована, на ней сохраняются остатки очага и ямки от вертикальных подпорок. Некоторые здания построены на прямоугольных платформах из утрамбованной земли с несколько наклоненными сторонами. В немногих поселениях сохранились остатки оград из утрамбованной земли, что, вероятно, является признаком существования «замков».

Обнаружено более 200 могил, все одиночные погребения в земляных ямах, детских погребений в урнах найдено не было. Захоронения заметно различаются размерами и количеством погребального инвентаря. В самых крупных находятся деревянные гробы, тогда как в малых они отсутствуют. На кладбище Ченцзы в округе Чжучен, например, среди 78 раскопанных могил крупные составляют 5,7%; в них обнаружены богатые изящные погребальные предметы, включающие узкие кубки на высоких подставках и нижние челюсти свиней, в каждом погребении приблизительно по десятку того и другого. Могилы меньшего размера, составляющие 20% общего числа, содержат от трех до четырех глиняных сосудов. Остальные могилы погребального инвентаря не содержат, что указывает на заметные различия между богатыми и бедными.

Извлеченные из земли каменные орудия по большей части являются полированными и представлены топорами, теслами, зубилами, юэ (боевой топор), наконечниками стрел и т.д.; повсюду найдены также двойные перфорированные ножи в виде полумесяца. Обнаружено небольшое количество каменных орудий из отщепов – наконечников стрел и скребков. Кроме того, найдены ножи и серпы из раковин. Однозначных свидетельств существования медных предметов пока нет, но маски животных, выгравированные на жадеитовом топоре из Лянченжэня, и завитки типа «грозовая туча», процарапанные на черных черепках из того же поселения, имеют некоторое сходство с узора-

ми на шанских бронзовых изделиях; таким образом, возможно появление медных изделий уже в это время.

Благодаря широкому применению гончарного круга гончарное дело сделало значительный шаг вперед, а типичным для этой культуры стало преобладание блестящей черной глиняной посуды. Особо следует отметить, что кубок на высокой подставке приобрел более изящную форму, а толщина его стенок уменьшилась до 1–2 мм, знаменную пик керамического производства, несомненно, находившегося в руках специалистов-гончаров. Керамика была разнообразна по типам и характеризовалась повсеместным использованием плоскодонных сосудов и большим числом сосудов на трех низких ножках и сосудов на круглых ножках. Основными типами были динг, гуй – приземистый горшок и кубок на высокой подставке, тогда как ли полностью отсутствует. Судя по материалу, новым технологиям и формам этой керамики, она являлась преемницей керамики культуры давенку.

Шаньдун-лоншанская культура была современной лоншанской культуре Равнины, и их социальные структуры в основных чертах должны были быть сходными. Гончарная технология, характеризуемая изготовленной на гончарном круге черной посудой, достигла своего высочайшего уровня в шаньдун-лоншанской культуре; в лоншанской культуре Равнины эта посуда найдена главным образом на востоке, тогда как в западном направлении наблюдается тенденция к уменьшению ее количества и появлению отличий в формах. Этот феномен необходимо учитывать при изучении региональных характеристик этих двух культур и их взаимоотношений.

Культура юэши

Культура юэши (*Yueshi*) происходит от шаньдун-лоншанской культуры и представлена поселением Юэши в округе Пинду, раскопанном в 1960 г. Она охватывает в основном тот же регион, что и культуры давенку и шаньдун-лоншан, продолжая ту же непрерывную линию. Радиоуглеродный анализ относит ее приблизительно к 1900–1700 гг. до н.э.

Произошли определенные изменения в керамике. У глиняной посуды черный цвет имеют только тонкие внешний и внутренний слои, которые покрывают толстую красную внутреннюю часть корпуса изделий. Керамика обычно украшалась параллельными рубчиками, а иногда была блестящей или расписывалась по поверхности красными узорами. Основными типами были гуй (мискообразный сосуд), *зун*, горшок, доу с крышечкой, тогда как динг, гуй (треножник) и т.п. отсутствуют. Из орудий труда еще использовались инструменты из камня, кости, оленьего рога и раковин, но появились также бронзовые шила, свидетельствующие, что эта культура уже вступила в бронзовый век.

Культура юэши развивалась приблизительно одновременно с культурой эрлиту среднего течения Хуанхэ, но, по-видимому, еще не вступила в государственную стадию. Ее сменила шанская цивилизация.

Верхнее течение Хуанхэ

Культура мацзяо

Культура мацзяо (*Maiziyaao*) ранее называлась культурой ганьсю-яншао. Ее памятники размещаются по большей части в провинциях Ганьсю, Цинхай и Нинся-Хуэйском автономном районе в верхнем течении Хуанхэ. Она является местным вариантом яншаоской культуры; современное название она получила по поселению, раскопанному в Мацзяо в округе Линьгао (провинция Ганьсю) в 1923 г.

По имеющимся многочисленным находкам эта культура может быть разделена на четыре фазы: шилинся, мацзяо, баньшань и мачан, образующие хронологическую последовательность. Древнейший из них тип шилинся сохранит многие элементы культуры яншао и, возможно, является переходной стадией, тогда как прочие типы составляют типичную культуру мацзяо, относясь, согласно радиоуглеродной датировке, приблизительно к 3200–2300 гг. до н.э., хотя они и разнятся отдельными культурными элементами.

Поселения этой культуры обычно находятся на вторых террасах в долинах. Им присуще большое сходство с поселениями культуры яншао как в размерах и форме жилищ, так и в преобладании земледелия в хозяйственной жизни. В одном из поселений типа мачан обнаружено несколько гончарных печей, всего около 10, что говорит о процветании гончарного производства и четком разделении труда в обществе.

Могилы, как правило, расположены возле поселений, хотя иногда образуют отдельные кладбища в отдалении от жилого массива. Обнаружено более 1600 могил, большая часть которых относится в баньшаньскому и мачанскому типам. Эти захоронения представляют собой главным образом шахтные ямы, хотя имеются и оральные катакомбы с проходом, вход в которые закрывался вертикальными деревянными брусками или каменными плитами. Взрослых обычно хоронили в деревянных, а порой и в каменных гробах, тогда как детей погребали в урнах. Индивидуальные захоронения составляют подавляющее большинство, хотя встречаются и коллективные. Количество погребального инвентаря различно: могила 564 в Лиуване в округе Леду (провинция Цинхай) содержит 95 погребальных предметов, среди которых насчитывается 91 глиняный сосуд, тогда как в других могилах количество керамических артефактов варьируется от 10 до 1–2 единиц. Мужской погребальный инвентарь обычно включает каменные сельскохозяйственные орудия, тогда как женский – каменные или глиняные веретена.

Орудия труда представлены в основном полированными каменными топорами, теслами, зубилами, ножами, зернотерками и т.д., а также изготовленными из отщепов лопатами, ножами и дисками, найденными в большом количестве; обнаруженные микропластины с костяными рукоятками являются пережитками микролитического производства. Кроме того, представлены такие орудия, как костяные лопаты, шилья, наконечники стрел и иглы, а также керамические ножи, веретена и т.д. Что касается металлургии, то за исключением редких находок бронзовых ножей в раскопанных поселениях не имеется никаких следов медных или бронзовых предметов; вероятно, это свидетельствует о том, что медное и бронзовое производства в культуре мацзяо еще не появились.

Керамика включает грубую рыжеватую посуду со шнуровыми отпечатками, но наиболее характерным типом является расписная керамика из высококачественной глины, хорошей выделки, богато декорированная, с четким различием видов керамики по форме и рисунку; при этом отмечается постепенная тенденция к упадку этого производства. Керамика культуры мацзяо характеризуется богатыми черными узорами, состоящими из плавных легких линий и сюжетов, включающих изображения лягушек, рыб и птиц. На одной миске изображена сцена, в которой пять человек танцуют, взявшись за руки. Кувшины, бутылки и горшки обычно покрывались росписью по поверхности (иногда расписывалась лишь верхняя половина корпуса), тогда как чаши и миски обычно декорировались по внутренней стороне. Керамика баньшаньского типа расписывалась красной и черной краской – полосками, зубчиками и кругами, образующими четкий симметричный узор; основными типами сосудов были кувшин с узким горлышком, горшок с двумя ушками и миска с искривленными краями. Керамика мачанского типа обычно

также расписана красной и черной краской, но она грубее, поверхности недостает яркости, а в декоре проявляется стремление к простоте: он состоит обычно из четырех больших кругов и изображений людей в виде геометрических фигур. На глиняном кувшине из поселения Лиуван было обнаружено изображение обнаженной женской фигуры, выполненное путем сочетания рельефа и росписи; довольно реалистичная, эта работа может рассматриваться как замечательное произведение искусства. Основным типам глиняной посуды относились кувшины, горшок, миска и доу; ли встречается редко. На многих расписных сосудах имеются различные знаки, вероятно, клейма их изготовителей.

Захоронения культуры мацзяо, возможно, в определенной степени отражают изменения социальной структуры. Мацзяоская и баньшаньская фазы не имеют больших различий в типе и количестве погребальных предметов, но погребальный инвентарь захоронений мачанского типа свидетельствует о разделении на богатых и бедных совершенно отчетливо. Это, по-видимому, указывает на то, что мацзяоская культура прошла через этапы расцвета, упадка и распада матриархального рода и в конце концов была вытеснена патриархальной культурой цицзя.

Культура цицзя

Культура цицзя (*Qijia*) получила название по поселению Цицзяпин в округе Гуанхэ (провинция Ганьсу), раскопанному в 1924 г. Она в основном совпадает с ареалом мацзяоской культуры и даже выходит за его пределы. Радиоуглеродный анализ относит ее приблизительно к 2200–1900 гг. до н.э., но ее конечная дата, возможно, совпадает с концом культуры эрлиту или даже приходится на более позднее время. Поселения культуры цицзя располагаются на вторых террасах рек и часто накладываются на слои мацзяоской культуры. Дома имеют примерно ту же форму, что и жилища лоншанской культуры, пол в них также покрыт известью.

Обнаружено свыше 800 могил, находящихся в поселениях или рядом с ними и образующих более или менее регулярные кладбища различной площади. По форме они напоминают могилы мацзяоской культуры. Обнаружены дощатые или сделанные из одного бревна гробы и дощатые подставки для тел. Обычно мертвых хоронили поодиночке, но были обнаружены и совместные погребения мужчин и женщин, мужчина обычно – в вытянутом положении лежа на спине, а женщина – в согнутом положении на боку, лицом к мужчине. В трех совместных погребениях мужчина лежит в центре, а с обеих сторон от него женщины, обращенные к нему лицом в согнутом положении. Этих женщин, вероятно, насильно хоронили заживо вместе с покойником, что указывает на то, что в семье женщины находились в подчинении у мужчин. Могилы культуры цицзя различаются количеством погребального инвентаря. Например, на кладбище в Хуаньяннтай в округе Вувей (провинция Ганьсу) количество глиняных сосудов колеблется от 1 до 37, а число каменных би (дисков) – от 1 до 68. На кладбище Циньвейцзя в округе Ионцзин (провинция Ганьсу) насчитывается от 4 до 68 единиц найденных нижних челюстей свиней. Это, возможно, отражает имущественное расслоение.

Заметный прогресс произошел в земледелии и животноводстве. Обнаружено намного больше сельскохозяйственных орудий и обуглившихся семян проса, значительно увеличилось количество видов и поголовье домашних животных. Каменные и костяные орудия в основном те же, что и в мацзяоской культуре, появились также небольшие бронзовые и медные предметы, которых насчитывается более 50; они представлены ножами, шильями, топорами, зубилами, зеркалами, кольцами и другими украшениями.

Как показали исследования, большая часть из них, около 64%, сделаны из меди, а остальные из бронзы. Бронзовое зеркало, обнаруженное в поселении Гаматай в округе Гуйнан (провинция Цинхай) очень напоминает зеркала, найденные в иньских руинах возле г. Аньян и потому может рассматриваться как приблизительно современное последним.

Керамика культуры цицзя состоит большей частью из изготовленной вручную красной посуды, не имеющей следов использования гончарного круга. Ее поверхность часто гладкая, а иногда декорирована сетчатым, шнуровым и гребенчато-тисненым орнаментом и налпным узором. Расписные узоры встречаются очень редко. Эти простые рисунки, состоящие из линий и решеток, являются явными пережитками мацзяоской традиции. Основными типами сосудов были миска, чаша, кубок, доу, горшок с двумя ушками; ли и хе представлены в небольшом количестве и весьма напоминают соответствующие сосуды лоншанской культуры Равнины.

Культура цицзя была преемницей культуры мацзяо, находилась под влиянием лоншанской культуры Великой равнины и может рассматриваться как региональный вариант лоншанской культуры. Общество проходило через стадию разложения первобытного сообщества, предшествовавшую возникновению государства. Большинство культур бронзового века в провинциях Ганьсу и Цинхай и культур на соседних с ними территориях, таких, как культура сибя в горном проходе в провинции Ганьсу, культура кайао (*Kaiao*) в долине Хуанхэ и культура синьдянь (*Xindian*) в долине р. Тао, были тесно связаны с культурой цицзя.

КУЛЬТУРЫ В ДРУГИХ ЧАСТЯХ КИТАЯ

Археологические открытия и исследования показали, что при переходе от первобытного общества к государству культурная преемственность в древнем Китае наиболее ярко проявилась в долине р. Хуанхэ. Здесь возникли и расцвели, сменив одна другую, государственные организации Шан и Чжоу. Гипотеза, что долина Хуанхэ была центром древнекитайской цивилизации, принята как исторический факт. В регионах, окружающих долину Хуанхэ, сформировалось большое количество культурных комплексов, подобных комплексам в самой долине; между центром и периферией имели место различной степени интенсивности культурный обмен и взаимные влияния. В социальном развитии периферийные культуры обычно отставали от культуры Великой Китайской равнины, и их постепенная унификация в рамках шан-чжоуской цивилизации стала основой исторического развития Китая. В хозяйственном отношении эти культуры по большей части основывались на земледелии с заметной региональной спецификой, обусловленной географическими условиями. От среднего и нижнего течения Янцзы до долины Хуанхэ с горным хребтом Циньлин и долиной р. Хуайхэ как границей между ними основным видом производительной деятельности было выращивание риса, тогда как на нагорьях, таких как северные степи и Тибет, преобладало выращивание проса наряду с игравшими важную роль охотой и животноводством.

Среднее течение Янцзы

Общества этого времени представлены здесь кудзялинской (*Qijialing*) и цинлонгкванской (*Qinglongguan*) III культурами. Центр кудзялинской культуры занимает западную часть провинции Хубэй, ее следы также встречаются на примыкающих территориях провинций Хэнань, Сычуань и Хунань. Радиоуглеродный анализ относит ее приблизительно к 3000–2600 гг. до н.э. Среди гончарных изделий

преобладают в ранний период черная посуда и серая посуда – в поздний период, и та и другая изготавливалась вручную. Основными ее формами являются треножки и сосуды на круглых подставках, включающие динг, доу, кубки, горшки и т.д.; другими типичными изделиями являются расписная посуда типа «яичная скорлупа» и глиняные веретена. Судя по характерным чертам, глиняная посуда была преемницей традиций культуры дакси и каким-то образом связана с керамикой культуры миаодигу. Цинлон-гванская культура занимает приблизительно ту же территорию, что и кудзялинская, и согласно радиоуглеродной датировке отнесена к 2400-м гг. до н.э. Гончарные изделия делались вручную и включали главным образом серую посуду с сетчатым тиснением, причем преобладала красная и черная посуда, а расписных сосудов было очень мало. По форме это динг, цзя, гуй (треножник с горлышком), кубок, доу, горшок и т.д. (ли и янь отсутствуют), имеющие заметные региональные особенности и определяющие эту культуру как местный вариант лоншанской культуры.

Нижнее течение Янцзы

В нижнем течении Янцзы основной современной остаточной культурой рассматриваемого периода является культура лянъчжу (*Liangzhu*). Она распространена в восточных провинциях Чжэцзян и Цзянсу и на основании радиоуглеродного анализа относится приблизительно к 3100–2200 гг. до н.э., хотя, возможно, ее конечная дата является более поздней. Места поселений обычно находятся на холмах, возвышающихся над окрестностями, здания строятся на поверхности и на сваях. Захоронения различаются как размерами, так и количеством погребального инвентаря. В некоторых больших могилах содержатся многочисленные предметы из жадеита, такие как конг, би и др. Например, в гробнице 3 в поселении Сидун в округе Вуцзинь (провинция Цзянсу) обнаружено 33 би, окружающих скелет, и 57 предметов – жадеитовых ножей, юэ (топоров) и глиняных сосудов, всего более 100, покрывавших его в один или более слоев; все это отличает данное захоронение от могил низшего ранга в том же сообществе. Обработка камня заметно усовершенствовалась, изделия хорошо отполированы в мастерских и представлены разнообразными типами. Наиболее заметными все еще остаются изделия из жадеита, достойны упоминания маски животных, выгравированные на некоторых конг, которые, возможно, были прототипом масок чудовищ (*mao-ma*) из шанской бронзы. Большой прогресс отмечен в гончарном деле, так как повсеместно использовался гончарный круг. Гончарные изделия представлены главным образом посудой из серой глины, покрытой по поверхности черным слоем, который легко отслаивается; есть также тонкостенная посуда типа «яичная скорлупа» и редкие сосуды, расписанные красками нескольких цветов или только красной. Обычными типами были динг, гуй (треножник с горлышком), хе, доу, кубок, кувшин и т.п.

Эта культура возникла на основе культуры мацзяо и теснейшим образом связана с шаньдун-лоншанской культурой. В то время проявлялась тенденция к разложению первобытного строя, общество находилось на пороге образования государства. Позднее в культуре лянъчжу широко использовалась бронза, она представлена также гончарными изделиями со штампованным орнаментом и хронологически приблизительно соответствует культуре эрлиту раннего шанского периода.

Южный Китай

В юго-восточном приморском регионе, включающем провинции Фуцзянь, Тайвань, Гуандун, Гуанси и Цзянси, в

то время существовали многочисленные культурные комплексы; из них культуры шаньбэй (*Shanbei*), шися (*Shixia*) и таньшипан (*Tanshishan*) относятся приблизительно к 3000–2000 гг. до н.э. согласно радиоуглеродной датировке; культура таньшипан просуществовала еще дольше. Она и культура фэнъпиту (*Fengpitou*) на Тайване принадлежат к одной системе, что указывает на переход этого народа через Тайваньский пролив и поддержание постоянных связей с континентом. Все эти культуры характеризуются обилием полированных каменных орудий, среди которых наиболее широко представлены ступенчатое тесло и топор с плечевыми выступами. Керамика пока изготавливается вручную и представлена главным образом фу (котлом), динг, гуй (треножником), гуй (миской), доу, кубком и кувшином; в некоторых поселениях встречается расписная посуда, начинает появляться керамика со штампованным орнаментом. В целом этот регион в культурном отношении был близок комплексам среднего и нижнего течения Янцзы и обладал некоторыми общими элементами с лоншанской культурой.

Северные степи

В северных степях, приблизительно от Северо-Восточного Китая через Внутреннюю Монголию и до Синьцзяна (Синьцзян-Уйгурского автономного района), были размещены многочисленные культурные комплексы, характерные своими микролитическими традициями, которые можно в первом приближении разделить на две категории. Одна из них связана с группами кочевников, занимавшихся скотоводством и охотой; их поселения мало известны, а связанные с ними находки состоят в основном из микролитов. К другой категории относятся традиции оседлого земледельческого населения, причем в археологическом отношении лучше известна восточная часть Внутренней Монголии. На этой территории выявлена культура фуэхэ (*Fuhe*), являвшаяся неолитическим комплексом, следовавшим за культурами синле (*Xinle*) и хоншан (*Hongshan*), и распространенная в долине р. Сирапгрен и в ее окрестностях. На основе радиоуглеродного анализа эта культура отнесена приблизительно к 3300-м гг. до н.э., но, возможно, охватывала больший отрезок времени.

В поселениях этой культуры обнаружены квадратные и круглые в плане дома полуподземного типа. Каменные орудия представлены главным образом артефактами из отщепов, но также обнаружено значительное количество полированных орудий и микролитов. Глиняная посуда грубая и включает лишь горшки, чаши и т.п. Земледелие было основным видом хозяйственной деятельности, но охота еще играла существенную роль.

Наиболее примечательным комплексом раннего бронзового века является нижнесяцзянская культура (*Lower Xiajiadian*), распространенная на юго-востоке Внутренней Монголии, на западе провинции Ляонин и северо-востоке провинции Хэбэй, которая на основании радиоуглеродного анализа относится к 1700-м гг. до н.э. В ее поселениях обнаружена плотная застройка из домов полуподземного типа и остатки каменных «замков». Орудия производства большей частью делались из камня, микролиты сохранялись как пережитки предшествующего периода, а небольшие изделия из бронзы только появились. Основными видами керамики были ли, янь, динг, зун, горшок и доу. Некоторые сосуды расписывались красными и белыми узорами в виде завитков типа «грозовых туч». Краски легко отслаиваются, предметы, возможно, использовались лишь для погребальных обрядов. Кроме того, обнаружены гуй (треножник) и цзюэ, похожие на соответствующие изделия культуры эрлиту и указывающие на тесную связь этих двух комплексов.

Юго-Западный Китай

На юго-западных нагорьях, занимающих территории провинций Гуйчжоу и Юньнань и регион Тибета, к позднему неолиту относятся лишь немногие находки. Из известных на сей день наиболее важными поселениями являются Байян и Каруо. Поселение Байян расположено возле оз. Эрхай на западе провинции Юньнань и на основании радиоуглеродного анализа отнесено приблизительно к 2100–2000 гг. до н.э. Поселение Каруо находится на р. Ланькан в Восточном Тибете и радиоуглеродным методом датируется приблизительно 3000–2000 гг. до н.э. Оба поселения занимали группы земледельцев, жители первого выращивали рис, а второго – просо; везде большую роль играла охота. По своим культурным особенностям эти поселения были совершенно различны. Каменные орудия из отщепов и микролиты, найденные в Каруо, не имеют аналогов в Байяне, и оба места различаются керамикой. Перфорированные ножи для сбора урожая, раскопанные в обоих поселениях, и расписная керамика из Каруо показывают, что эти два поселения имели определенные связи с неолитическими культурами Хуанхэ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показано выше, между 3000 и 1600 гг. до н.э., в период, охватывающий поздний неолит, в Китае произошел переход от первобытных сообществ к образованию государства и возникла древнекитайская цивилизация с центром в долине р. Хуанхэ. В силу обширности территорий и различного происхождения древние культуры Китая характеризуются чрезвычайным разнообразием и в то же время преемственностью, близостью и неравномерностью развития.

Долина р. Хуанхэ была одним из центров древней мировой цивилизации, а ее среднее течение и особенно примыкающие территории, охватывающие Великую Китайскую равнину, играли чрезвычайно важную роль в истории Китая. Неолитическое земледелие прошло здесь длительный период эволюции и расцвета, а лоншанская культура, развившаяся из культуры яншао, заложила основу государств Шан (Инь) и Чжоу. Эта непрерывная последовательность выражена весьма отчетливо. Происходили постоянные обмены и взаимные влияния между культурами Равнины и культурами периферийных областей, что, разумеется, привнесло много новых элементов в культуры Равнины в процессе формирования китайской цивилизации.

При беглом взгляде на страну в целом становится очевидным, что в развитии культур этого периода проявляются одинаковые тенденции. Лоншанская культура, распространенная в долине Хуанхэ, несмотря на наличие различных вариантов, обладает характерным единообразием. Общие признаки существуют не только в пределах лоншанской культуры, но и у нее и культуры давенку в нижнем течении Хуанхэ, кудзялинской и лянчжуской культур в среднем и нижнем течении Янцзы и даже культур Южного Китая (шаньбэй, шися и таньшишан). Если взять в качестве примера их гончарные изделия, то, несмотря на определенные различия динг, гуй (треножников), хе, доу, кубков, кувшинов и т.д. в этих культурах, в основных чертах стиль является общим для всех. Эти признаки отражают обмены и влияния поздненеолитических культур Китая друг на друга, а также тенденцию к их смешению и унификации в процессе развития, которая быстро и уверенно прогрессирует с расширением территории государств Шан и Чжоу.

Является очевидной и неравномерность развития. Так, например, если в керамике лоншанской культуры происходят изменения, то в культуре мацзяо в верхнем течении Хуанхэ сохраняются традиции яншаоской расписной глиняной посуды, которая по-прежнему делалась вручную, при том что в то же время расписные сосуды делали даже в среднем и нижнем течении Янцзы, а также в Южном и Юго-Западном Китае. Когда культура эрлиту в среднем течении Хуанхэ вступила в фазу цивилизации, подавляющее большинство окружающих территорий еще оставалось на первобытно-общинной стадии.

Древняя цивилизация с центром в долине Хуанхэ на протяжении своего существования оказывала влияние на периферийные регионы, давая им импульсы к развитию. После перехода этого региона в стадию формирования государства он играл еще более важную роль в качестве ядра конгломерата сообществ и таким образом внес выдающийся вклад в объединение Китая.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AN ZHIMIN. 1982. [Essays on Neolithic China]. Beijing.
 CHANG, KWANG-CHIH (ed.). 1977. The Archaeology of Ancient China. 3rd ed. New Haven, Conn.
 KEIGHTLEY, D. N. (ed.). 1963. The Origins of Chinese Civilization. London.
 XIA, NAI (ed.). 1984. [Archaeological Discoveries and Researches in New China.] Beijing.
 — 1984. [Recent Archaeological Discoveries in the People's Republic of China.] Paris.

12.9.2

КИТАЙ (1600–700 гг. до н.э.)

Чжан Чаншоу

ДИНАСТИЯ ШАН (ИНЬ) (1600–1027 ГТ. ДО Н.Э.)

Около 1600 г. до н.э. Китай вступил в бронзовый век, и в то же время началось развитие древнейшей китайской цивилизации. В рамках этой цивилизации возникла первая государственная организация, появились укрепленные города, была разработана система письменности, развилась металлургия бронзы, литье и появились иные культурные новации. Все это произошло в Китае в период Шан.

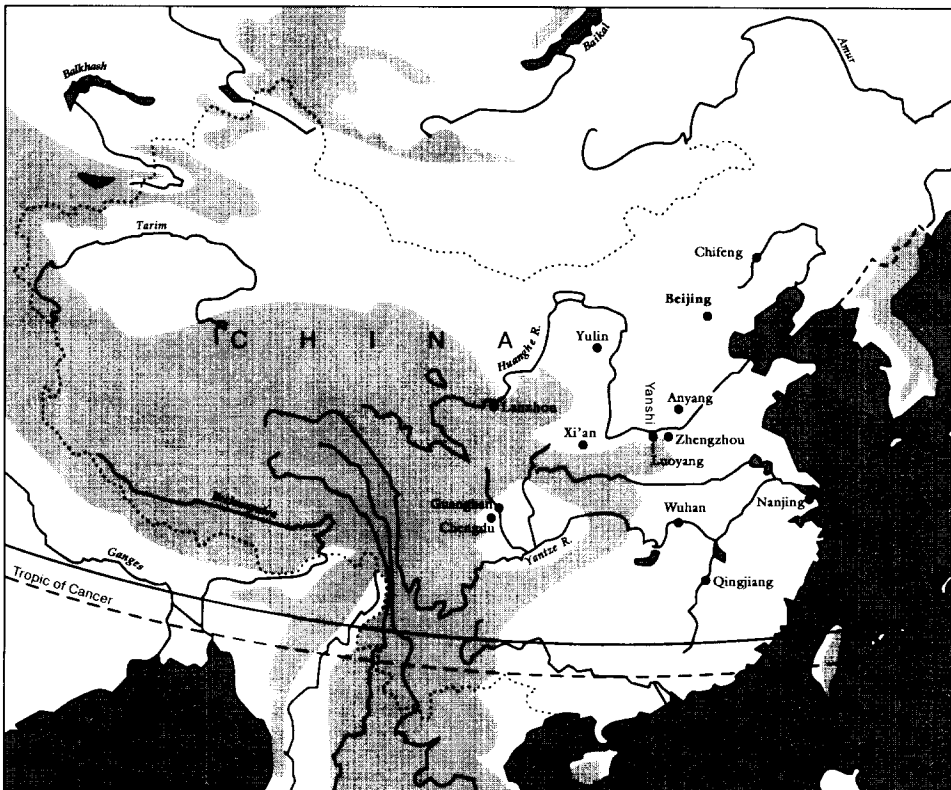
Около 1600 г. до н.э. царь Шанского государства Чэн (Тан) победил легендарную династию Ся, сделал столицей Сибо (в нынешнем округе Янши, провинция Хэнань) и подчинил своей власти часть территории среднего и нижнего течения Хуанхэ. На протяжении долгого времени династия Шан постоянно переносила свою столицу, пока не обосновалась в г. Инь (возле современного г. Аньян, провинция Хэнань) и поэтому получила второе название – Инь. В 1027 г. до н.э. династия Шан (Инь) была разгромлена и уничтожена группой племен во главе с племенем Чжоу, пришедшим с берегов р. Вайхэ.

В традиционных китайских летописях сохранилось мало сведений, касающихся истории и культуры периода

Шан. Наши знания об этом времени основываются главным образом на результатах археологических раскопок. С 1928 г. китайские археологи исследовали руины древнего г. Инь возле Аньяна; в начале 1950-х гг. в административном центре провинции Хэнань г. Чжэнчжоу обнаружена столица среднешанской эпохи; в ходе последующих исследований была открыта древняя шанская столица Сибо. Все эти раскопки и другие исследования позволили выявить различные культурные аспекты периода Шан-Инь.

Столичные города и архитектура

Шанский город в округе Янши был столицей, окруженной стенами. Они были сделаны из утрамбованной земли и тянулись приблизительно на 1700 м с севера на юг, а их максимальная длина с запада на восток достигала 1200 м; обнаружено семь городских ворот в стенах и дороги между ними. В пределах этих городских стен, в центре всей территории находился дворцовый город площадью 200 x 200 кв. м, он также был окружен стенами из

Карта 18. Китай (1600–700 гг. до н.э.)

утрамбованной земли. В этом дворцовом комплексе распорядилось несколько зданий. Основание главного зала имеет 36,5 м в длину и 11,8 м в ширину; в пределах этого зала находился внутренний двор, который с севера замыкает сам зал, с запада и востока – два боковых крыла, а с юга – две фасадные служебные постройки с порталами между ними (илл. 111). В дворцовом комплексе имелись также подземные стоки. Все находки указывают на то, что этот ранний шанский город был высокоразвитой столицей с мощной оборонительной системой, хорошо продуманными дворцовыми комплексами и сложными дренажными сооружениями.

Руины г. Инь (илл. 112) возле г. Аньян имеют еще большие размеры. Дворцовая территория расположена в деревне Сяотун на южном берегу р. Хуань. Здесь были найдены фундаменты более 50 домов, образующие три группы; самая южная состоит из 17 фундаментов из утрамбованной земли, упорядоченно и симметрично расположенных и показывающих, что принцип симметрии уже тогда был развит в архитектуре. По периферии этой территории находятся бронзолитейные мастерские, гончарные печи и мастерские резчиков по кости и камню. Приблизительно в 2,5 км к западу от дворцовой территории, на северном берегу р. Хуань, обнаружено место царских погребений – Сибэйган. При раскопках здесь было вскрыто более 10 крупных захоронений, а также более чем 1000 небольших могил и ям для жертвоприношений. Таким образом, иньские руины дают возможность понять устройство дворцов и кладбищ в столичных городах древнего Китая. Однако, хотя это была столица, здесь не обнаружено развалин городских стен; лишь к западу от дворцовой территории имелся ров, который, вероятно, наряду с естественной преградой в виде р. Хуань представлял собой укрепленный рубеж дворцовой территории.

Все дома шанского периода были построены из дерева и земли. Сначала из утрамбованной земли делали фундаменты, затем на них ставили каменные основания, вводили колонны, перекладки и крыши; стены также строили из утрамбованной земли. Подобные деревянно-земляные постройки обычно доходят до нас в плохом состоянии, и об их структуре дают представление основания колонн или отверстия, оставшиеся в фундаментах. Считается, что эти дома имели двускатные крыши из соломы и тростника.

Другой разновидностью были полуподземные дома с квадратной или круглой неглубокой ямой, выкопанной в земле, с обожженными полом и стенами и конической или двускатной крышей из тростника и соломы. Подобные полуподземные жилища были традиционными в Китае с эпохи неолита.

Хозяйственная жизнь

Иньское общество было оседлым и земледельческим, а преобладающим видом хозяйственной деятельности – выращивание зерновых. Основным злаком было просо, а также пшеница и рис. Сельскохозяйственные орудия состояли главным образом из каменных инструментов – лопаты, серпа, ножа и т.д., наряду с которыми применялись и деревянные орудия – двузубые или лопатообразные (*лей* и *си*); бронзовые орудия были редки. Склонность иньского населения к алкогольным напиткам предполагает, что земледелие этого времени было достаточно прогрессивным, чтобы обеспечить большое количество зерна для виноделия.

В иньский период было также хорошо развито животноводство. Разводили свиней, собак, коров, лошадей, коз, овец и т.д. Тот факт, что иньская царская семья при частых церемониях забивала десятки, а иногда и более сотни жертвенных животных, может быть истолкован

как признак того, что процветало разведение крупного рогатого скота. Еще большее значение имело коневодство. Использование повозок, запряженных лошадьми, сделало сообщение и перевозки гораздо интенсивнее; более того, применение колесниц изменило способы ведения боевых действий. Все разновидности транспортных средств в древнем Китае были оснащены одной осью и двумя колесами и запряжены двумя или четырьмя лошадьми (рис. 44).

Судя по их уникальным особенностям, такие повозки были изобретены, скорее всего, самими китайцами независимо.

Самым важным достижением в технологии было развитие бронзовой металлургии и литья. Именно в иньскую эпоху, особенно в ее поздний период, бронзовая культура древнего Китая пережила расцвет. Среди иньских бронзовых изделий наибольшее значение имели ритуальные, в число которых входили емкости для пищи – динг (треножник) и гуй (чаша), сосуды для вина – гу (кубок), цюэ (чаша на трех ножках), зун (кувшин), ёу (овальный горшок с поворачивающимися ручками) – все они использовались на церемониях жертвоприношений и пирах. Подобные ритуальные сосуды из бронзы свидетельствуют о чрезвычайно высоком уровне бронзолитейного производства как в техническом, так и в художественном отношении (илл. 113). В иньских руинах обнаружена крупная бронзолитейная мастерская с фрагментами глиняных форм (илл. 114) и большое количество тиглей. Все иньские изделия из бронзы отливались в составных формах. Обычно для отливки одного сосуда сравнительно сложной конфигурации использовалась форма, состоявшая из десятков деталей. Чтобы показать, насколько искусными были иньские металлурги и литейщики, достаточно упомянуть, что они были способны изготовить столь тяжелые бронзовые сосуды, как квадратный *си-му-ву динг* – четырехножник массой 875 кг. Иньцы не знали еще железной металлургии, но на двух бронзовых образцах оружия, найденных на иньских развалинах, обнаружены сильно заржавленные и эродированные режущие края, сделанные из железа, которое идентифицировано как метеоритное. Эти железные детали были сначала вы-

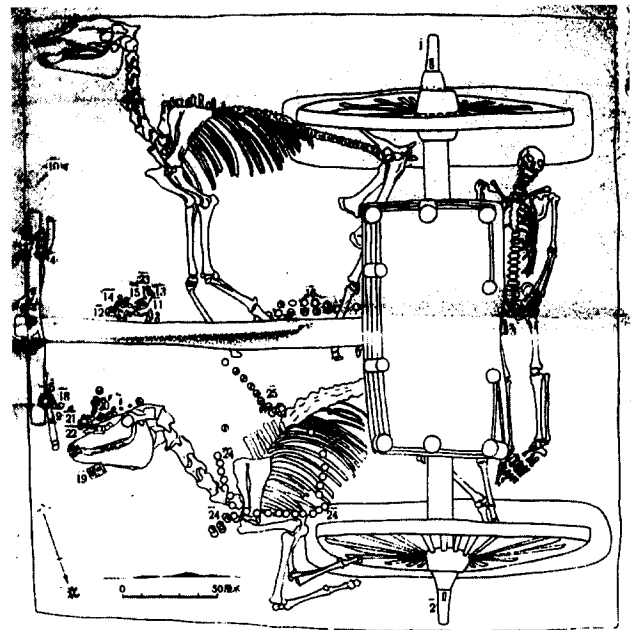

Рис. 44. Яма с колесницей и лошадью в иньских руинах возле г. Аньян (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

кованы, а затем вложены в форму до литья. Предметы, отлитые из расплавленного железа, как известно, появились в Китае не ранее VI в. до н.э.

Гончарное дело – традиционное китайское производство с эпохи неолита. Иньская керамика состояла главным образом из серой посуды, которая по большей части делалась на гончарном круге, иногда с использованием форм, имела преимущественно шнуровой декор, хотя можно встретить также тисненые и прорезанные узоры. Равномерность окраски показывает, что осуществлялось соответствующее регулирование давления в обжиговых печах. В иньский период уже не делалась тонкостенная блестящая посуда, типичная для лоншанской культуры, но появились такие новшества, как белая и глазурированная посуда. Первую делали из белого каолина, часто с резным узором, имитирующим орнамент бронзовых изделий. Она производилась в основном в поздний иньский период и предназначалась исключительно для знати. Поверхность глазурированной посуды разрисовывалась зеленовато-серой или желтовато-зеленой глазурью, которая закреплялась обжигом при температуре 1200 °С. По общему мнению ученых, такая глазурированная посуда, производимая в Южном Китае, являлась предшественницей китайского фарфора.

Одной из характерных черт иньской цивилизации было камнерезное искусство. В иньских руинах обнаружено большое количество нефритовых изделий. Все они изготовлены из нефрита, доставленного с территории современного Синьцзяна. Среди них – разнообразные ритуальные предметы, подвески, а также скульптурные или рельефные изображения людей и животных (илл. 115, 116). Эти нефритовые изделия изготовлены на высоком техническом и художественном уровне. Среди находок в иньских руинах часто встречались также резные предметы из кости и слоновой бивня, по своему декору сильно напоминающие бронзовые украшения. Кубок из слоновой кости полностью покрыт тонкими резными узорами и инкрустирован бирюзой (илл. 117); он может рассматриваться как изысканный и беспрецедентный шедевр китайского искусства.

Китай был первой страной в мире, где появился домашний тутовый шелкопряд и были изготовлены шелковые ткани. В захоронениях иньского периода найдено несколько кусков шелка, в том числе гладкий шелк, монохромный дамат (узорчатая шелковая ткань) с ромбовидным рисунком и несколько изящных вышивок. Все это показывает, что иньские технологии шелкопрядения достигли высокого уровня.

Среди находок в иньских руинах были материалы и изделия, доставленные из отдаленных мест через посреднические пункты; среди материалов – нефрит из Синьцзяна, раковины каури и черепаши панцири для предсказаний с морского побережья. Они могли быть получены путем торговли или обмена. Раковины каури часто использовались как монеты.

Социальное устройство

Династия Шан-Инь правила рабовладельческим государством. Как крупнейший рабовладелец иньский царь постоянно вел войны против других племен с целью захвата как можно большего количества пленных. Будучи орудиями и собственностью своего хозяина, рабы привлекались ко всем видам производственной деятельности и домашним работам; их нередко отдавали в качестве награды или дара и даже использовали при человеческих жертвоприношениях, хороня вместе с умершим господином или принося в жертву богам и духам во время религиозных церемоний. На территории царских погребений на иньских руинах обнаружены расположенные в определенном

порядке многочисленные ямы для жертвоприношений, в каждой из которых находилось около десятка обезглавленных скелетов, оставшихся после церемоний в память об усопших иньских царях. Согласно статистическим данным, общее число обнаруженных в иньских руинах человеческих жертв превышает 2300. Во всех открытых иньских погребениях большого и среднего размера имеются сопутствующие захоронения останков человеческих жертв – мужчин, женщин и детей, насчитывающих в отдельных случаях до 100 человек. Подобные массовые убийства отражают рабовладельческую природу иньского общества.

Государство Инь являлось монархией с царем во главе, которому принадлежала верховная власть и который управлял аристократией, состоявшей из вождей многочисленных племен. Наследование царской власти осуществлялось по принципу перехода титула от старшего брата к младшему, а затем – к сыновьям старшего брата. Эта система, однако, часто приводила к борьбе за престол между братьями, что сильно ослабляло династию. Поэтому уже на зарке династии от этой системы отказались, заменив ее прямым наследованием от отца к сыну.

В иньском обществе имелись некоторые институты, сохранившиеся от предшествовавшей клановой системы. Например, население отдельных территорий представляло собой кланы, каждый из которых имел свою собственную клановую эмблему, название и определенный род занятий. Одно из доказательств такого положения содержится в летописях, где утверждается, что все иньские кланы после падения династии Шан-Инь были обращены в рабство. Тем не менее ядром и основной единицей общества была семья. Правилем была моногамия, и даже скончавшегося иньского царя во время совершавшихся в его честь жертвоприношений по тогдашним представлениям сопровождал дух лишь одной законной жены. Но на практике обычным явлением было наложничество. Господствующее положение в семье принадлежало мужчине, хотя и женщины имели определенные социальные права; некоторые из женщин – членов царской семьи даже допускались к участию в военных походах в качестве командиров отрядов. При обращении к родственникам отца и дядю называли отцом, а мать и тетку – матерью, что тоже свидетельствует о сохранении пережитков клановой системы.

Культура и религия

Одним из главных признаков появления цивилизации является возникновение письменности. В течение позднего иньского периода были созданы полные письменные летописи. Нет оснований сомневаться в утверждениях авторов китайских исторических текстов, что иньские предшественники имели книги и документы. Иньские письменные обнаружены на керамике, бронзовых изделиях, произведениях камнерезов и особенно на черепаших панцирях и костях животных. Надписи на костях и черепаших панцирях использовались царским домом в период поздней династии Инь для памятных записей и предсказаний (илл. 118). Всего найдено около 160 тыс. образцов, почти все на дворцовой территории иньских руин. Система письма состояла из 4 тыс. знаков, половина из которых расшифрована. Анализ правил написания знаков привел филологов, исследующих письменность более поздней династии Хань, к разделению китайских знаков на шесть категорий: (1) самообъясняющие; (2) рисуночные (пиктографические); (3) рисуночно-звуковые (пиктофонетические); (4) ассоциативные сложные слова; (5) взаимообъясняющие; (6) звуковые заимствованные знаки. Фактически в надписях на черепаших панцирях и костях животных использовались лишь пиктографические, идеографические и пиктофонетические знаки, причем основными были

первые. Надписи на костях и панцирях относительно примитивны. Например, одна и та же пиктограмма может читаться по-разному. Однако появление пиктофонетических знаков знаменует новую стадию в развитии письма. Тот факт, что иньская система письменности была достаточно развитой, чтобы записывать разговорную речь и описывать человеческую деятельность, показывает, что династия Шан-Инь принадлежит уже исторической эпохе. Что же касается происхождения китайского письма, то оно восходит, возможно, даже к более раннему периоду.

Из естественных наук одной из первых в Китае появилась астрономия. В иньских гадательных надписях имеются сведения о результатах наблюдений за небесными явлениями. Одним из практических применений астрономических знаний была разработка календаря, что имело важное значение для земледелия. Иньский календарь относился к лунно-солнечному типу с лунными месяцами («лунами»), соответствовавшими циклам Луны, и годом в 12 «лун». Продолжительность лунного месяца составляла от 29 до 30 дней. Каждые два–три года приходилось вставлять дополнительный месяц, называвшийся «тринадцатой лунной», чтобы компенсировать недостающие до полного солнечного года дни.

Что касается искусства и технических аспектов развития, то иньские изделия из бронзы, нефрита и слоновой кости несравненны по форме и декору; литье ритуальных бронзовых сосудов достигло расцвета в период поздней династии Инь. Эти сосуды по большей части тяжелы и величественны. Их форма часто имитирует формы животных, а в качестве декора выступают главным образом морды чудовищ (*маотэ*), изображения драконов (*куй*) и птиц, а в основании – завитки типа «грозовая туча»; они оставляют впечатление богатства и великолепия (илл. 119).

Иньские религиозные верования заключались в поклонении богам и духам. В представлениях людей того времени земля, горы, солнце, луна, ветер, дождь и прочие природные явления имели своих духов. Чрезвычайно важным в религиозных действиях было почитание предков. Гадание и ворожба понимались как средства общения между человеческими существами и духами. Поэтому всем действиям, которые надо было выполнить, предшествовало гадание с целью получения указаний от богов и духов. Чтобы добиться благословения духов, постоянно проводились разнообразные жертвенные обряды, а особенно частыми и торжественными были памятные церемонии в честь предков. Ярким свидетельством развившегося культа является большое количество жертв, обнаруженных в иньских руинах.

ДИНАСТИЯ ЗАПАДНАЯ ЧЖОУ (1027–771 ГГ. ДО Н.Э.)

Народ чжоу, основавший династию Западная Чжоу, возник как группа племен, живших по берегам р. Вайхэ и стоявших на сравнительно низкой ступени культурного развития. Приблизительно в середине XIII в. до н.э. чжоусцы вошли в соприкосновение с династией Шан-Инь и часто подвергались нападениям и грабежам со стороны династических войск, что порой приводило к их восстаниям, а порой принуждало к покорности. В ходе длительных контактов с иньцами чжоусцы постепенно восприняли элементы иньской культуры и в конце концов стали государством, зависимым от династии Шан-Инь. В конце XII в. до н.э. чжоусцы переместились в Чжоуань, современных Цисхань в провинции Шэньси, где построили город, усовершенствовали земледельческое производство и таким образом поднялись на более высокий культурный уровень. В середине XI в. до н.э. их вождь Вэнь-ван был облечен полномочиями и титулом «Наместника Запада» и правом совершать военные походы; после этого он одно за другим

завоевал соседние небольшие государства, распространяя свое влияние на восток, и построил г. Фэнйи в качестве новой столицы на западном берегу р. Фэнхэ, возле нынешнего г. Сиань. После смерти Вэнь-вана его преемник У-ван продолжил укрепление власти, при этом стремясь ослабить династию Шан-Инь. В 1027 г. до н.э. У-ван вступил в союз с племенами ён, шу, цянь, мао, вэй, лу, пэн и пудя борьбы против династии Шан-Инь, и в день *цзяоцзы* второго месяца сошелся с иньским царем Чжоу в решающей битве при Мюе. Хотя иньские силы в несколько раз превышали союзную армию под началом У-вана, им суждено было потерпеть поражение из-за измены передовых отрядов, а иньский царь покончил с собой. Совершив внезапное нападение, У-ван захватил иньскую столицу, сверг династию Шан-Инь и основал династию Чжоу.

Новой династии пришлось столкнуться с многочисленными оставшимися войсками династии Шан-Инь и ее восточных союзников. Чтобы закрепить результаты победы, У-ван придерживался гибкой политики: он посадил править Лу Фу, сына погибшего царя династии Шан-Инь, на ранее принадлежавшей династии Шан-Инь территории и наделил его минимумом властных полномочий, например, поручил ему проведение традиционных церемоний жертвоприношений; в то же время он поручил своим братьям Гуань Шу, Кай Шу и Хуо Шу охранять и надзирать за периферией иньской территории, отсюда их название «Три надзирателя». У-ван хорошо понимал, что столицы Фэнйи и Хао, лежавшие на западе его владений, не годились для управления завоеванными областями, и намеревался построить новую столицу между реками Хуанхэ и Луохэ. Однако, так и не осуществив свой план, он умер от болезни год спустя после разгрома династии Шан-Инь. Его смерть вскоре привела к политическому кризису.

На трон вступил сын У-вана Чэн-ван; но он был слишком юн, и Чжоу-гун, младший брат У-вана, был назначен регентом. Этим были возмущены Гуань Шу и Кай Шу, а сын шанского царя Лу Фу, пользуясь случаем, вступил с братьями, а также с восточными государствами Су, Янь и Богу в союз, чтобы поднять восстание против Чжоу. Восточные союзники шанской династии один за другим отвечали на его призыв, и вследствие этого династия Чжоу оказалась в опасном положении. По приказу Чэн-вана Чжоу-гун начал поход на восток, который длился три года; он убил Лу Фу и Гуань Шу, изгнал Кай Шу и подавил мятеж Су, Янь, Богу и других восточных государств. После этого Чэн-ван в соответствии с желанием У-вана построил новую столицу, названную Луойи (нынешний г. Лоян в провинции Хэнань), переселив в нее старых иньских аристократов и поставив их под контроль многочисленных гарнизонов. С другой стороны, заслуженных сановников собственной династии, а также царевичей и других родственников династии Чжоу он наделил землями на недавно завоеванных территориях, где были образованы вассальные государства различного размера, обеспечивавшие защиту границ. Все оставшиеся шанские кланы были отправлены на территории этих государств. Например, сын Чжоу-гуна получил земли в Лу и власть над шестью такими кланами; младший брат Чэн-вана Кан Шу получил земли в бывшей области Шан и власть над семью кланами; Ши Шан Фу – в Ци, Шао Гон Ши – в Янь и т.д. Эта крупномасштабная раздача земель значительно укрепила власть династии Чжоу, без применения репрессий обеспечив мир на несколько десятилетий и заложив основу для продвижения династии на юг. Однако с середины периода Западной Чжоу наступал постепенный упадок чжоуской династии; в 771 г. до н.э. чжоусцы подверглись нападению иноземных племен и были вынуждены отступить на восток. Согласно традиции, сложившейся в исторической науке, династия Чжоу подразделяется на Западную и Восточную династии, а переселение на восток рассматривается как граница между ними.

О Западной Чжоу в конфуцианской классической литературе сохранилось гораздо больше свидетельств, чем об эпохе Шан-Инь, а при раскопках обнаружено значительное количество материальных памятников этого периода, в том числе много бронзовых ритуальных сосудов с исключительно важными надписями, извлеченных из захоронений и тайников. Поэтому исторические тексты и археологические данные, касающиеся истории Западной Чжоу, богаче по сравнению с соответствующими материалами предшествовавшего периода.

Столичные города и архитектура

Столица династии Западная Чжоу фактически состояла из двух городов: один, называвшийся Фэнйи, построил Вэн-ван, отец У-вана; другой, Хао, основал сам У-ван. Эти города были разделены рекой Фэнхэ, и оба, возможно, были обнесены городскими стенами, хотя пока не обнаружено никаких их остатков и ничего, что могло бы однозначно рассматриваться как дворцовые фундаменты из утрамбованной земли. Восточная столица, основанная в период Западной Чжоу, также состояла из двух городов; остатки стен одного из них, возведенных из утрамбованной земли, были выявлены при археологическом исследовании, но они относятся к периоду Восточной Чжоу и, вероятно, остались после реконструкции города в то время.

Архитектура периода Западной Чжоу была приблизительно той же, что и в эпоху Шан-Инь. Большие здания еще оставались постройками с фундаментами и стенами из утрамбованной земли и деревянными колоннами и перекрытиями. Резиденция знатной семьи, развалины которой хорошо сохранились, имела ворота, передний «холл» и задние комнаты, расположенные по оси и по обеим сторонам; таким образом, комнаты, обращенные на юг, выстроены симметрично и окружают передний и задний внутренние дворы (рис. 45). Это самый древний пример наиболее широко распространенного традиционного типа китайской архитектуры.

Другим новшеством, отметившим дальнейшее развитие архитектуры, стало применение черепицы. Приблизительно в период средней или поздней Западной Чжоу часть домов знати больше не покрывалась тростником и соломой, их сменила черепица. Самыми распространенными жилищами, как и прежде, оставались дома полуподземного типа. В Южном Китае, возможно, по причине влажности, продолжали строить дома на деревянных сваях из досок, в соответствии с местной традицией, восходящей к эпохе неолита.

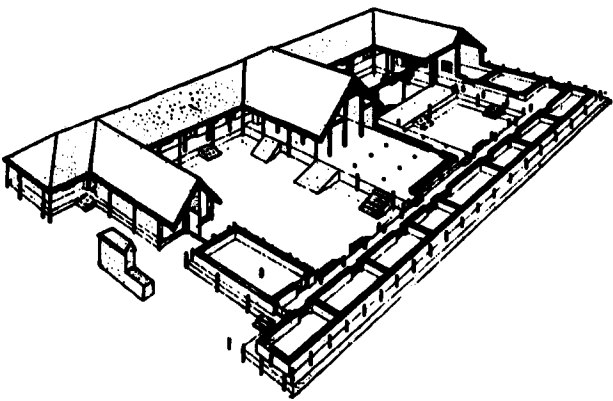

Рис. 45. Большой дом периода династии Западная Чжоу (реконструкция) (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

Хозяйственная жизнь

Согласно легенде, живший в глубокой древности предок чжоусцев был знатоком земледелия; его звали Хоу Цзи (буквально «Господин Просо»), из чего можно заключить, что чжоусцы вели происхождение от группы земледельческих племен, занимавшихся выращиванием проса. Сельскохозяйственные орудия периода Западной Чжоу большей частью еще делались из камня, дерева, кости и раковин, бронзовых инструментов было мало. Пахота производилась двумя земледельцами, при этом один, шедший впереди, поднимал почву, а другой выравнивал ее за ним. По-видимому, в плуг впрягали быков, а чтобы увеличить плодородность почв, использовался севооборот и оставление полей под паром; началось удобрение их навозом. Все это существенно повысило производительность земледелия.

Вся земля Западной Чжоу номинально принадлежала царю. Ее жаловали вассалам и чиновникам. Возделывали ее, разумеется, крестьяне. Согласно конфуцианским классикам, земля делилась на *цзинь*, которые, в свою очередь, подразделялись на квадратные поля-*тянь*, имевшие площадь в 100 му. Каждый цзинь состоял из девяти тяней, восемь из которых индивидуально возделывались восьмью крестьянскими хозяйствами и назывались поэтому «частными полями», тогда как девятый, в центре, обрабатывался коллективно и именовался «общественным полем»; продукция с него отходила феодалному господину. Это была так называемая система «цзинь-тянь». Разумеется, жившие гораздо позднее конфуцианцы модифицировали и идеализировали ее.

В период Западной Чжоу также отмечен большой прогресс в животноводстве, особенно в коневодстве. Согласно историческим документам, при династии Западная Чжоу разведением лошадей занимались предки народа цинь, внесшие значительный вклад в эту область хозяйства. Надписи на бронзовых изделиях неоднократно сообщают, что чжоуский царь лично присутствовал на церемониях, где подросших жеребят забирали у матерей и отправляли в табуны (илл. 120), что говорит о важности коневодства в то время.

Ремесла чжоусцев до свержения династии Шан-Инь находились на сравнительно низком уровне. Однако во время завоевательного похода они пленили множество шанских ремесленников, искусных в различных технологиях, а поскольку политика династии Чжоу в отношении пленных ремесленников была довольно мягкой, то традиции шанского ремесла сохранились почти полностью. Период Западной Чжоу относится еще к бронзовому веку, и основными отраслями ремесленного производства оставались бронзовая металлургия и литье. Бронзовые изделия начала эпохи Западной Чжоу, особенно ритуальные сосуды, по форме и декору незначительно отличаются от тех, что были изготовлены в конце иньского периода, поэтому можно считать, что они были сделаны пленными иньскими ремесленниками или на основе их технических принципов. Лишь в середине эпохи Западной Чжоу ситуация изменилась, и появились новые, западночжоуские, стилистические признаки. При этом уменьшилось число типично иньских сосудов для вина и появилось несколько новых типов. Среди прочего декор бронзовых изделий утратил свою пышность и загадочность, обнаруживая тенденцию к простоте и умеренности. В области технологии еще применялись составные литейные формы, но появились плавильные печи сравнительно большого размера с воздушодувками, несколько образцов которых было найдено в руинах литейной мастерской. В огранке камней (илл. 121) и резьбе по слоновой кости также сохранялись традиционные иньские технологии.

Керамика Западной Чжоу все еще состояла преимущественно из серой посуды. Песочная посуда обычно деко-

рировалась шнуровыми отпечатками, тогда как глиняная была гладкой или с прорезанными горизонтальными параллельными линиями. Поскольку разные племена имели различные традиции гончарного производства, то западночжоуская посуда не повторяла в точности форм иньской, а иньская белая посуда, по-видимому, исчезла совсем. С другой стороны, большой прогресс был достигнут в изготовлении глазурованной посуды, особенно в Южном Китае, в нижнем течении Янцзы, где обнаружены ее образцы; число изделий увеличилось, а формы стали богаче (илл. 122).

На новый уровень в западночжоуский период поднялось производство лакированных изделий. Они имели, как правило, деревянную основу, поэтому плохо сохранялись. В захоронениях Западной Чжоу найдено большое количество лаковых изделий в плохом состоянии, по которым были реставрированы гу (кубки), доу (блюда на высоких подставках; илл. 123), лэй (широкие сосуды на круглых ножках) и зу (продолговатые дощечки); все они были покрыты красным лаком по черной основе, иногда дополнительно инкрустированы кусочками раковин, составленными в различные рисунки, и даже золотой аппликацией. Такими роскошными изделиями, разумеется, могли пользоваться лишь представители знати.

Социальная система

В период Западной Чжоу происходит дальнейшее развитие рабовладельческой системы, сопровождавшееся рядом реформ в социально-политической сфере, первой из которых стало введение системы земельных пожалований. Уже в самом начале данного периода проводилась крупномасштабная раздача земель вассалам с целью упрочения власти новой династии. При этой системе столица и ее округа были напрямую подчинены царю, тогда как обширные завоеванные территории управлялись членами или родственниками царской семьи и представляли собой лояльные династии небольшие государства. Считается, что было свыше 70 вассалов, из которых более 50-ти носили то же второе имя, что и царь. Их делили на пять рангов (в скобках приведены приблизительные европейские средневековые соответствия): *гонг* (герцог), *хоу* (маркиз), *бо* (граф), *цзы* (виконт) и *нань* (барон); все эти титулы передавались по наследству. Вассалы были обязаны повиноваться приказам царя, регулярно платить ему дань и встречаться с ним, возглавлять свои войска в военных походах и т.д., тогда как внутренние дела почти полностью находились в их собственных руках. На бронзовой гуй (чаше), обнаруженной возле города Нанцзин, имеется надпись, детально описывающая владения, пожалованные царем «маркизу» Йи (Йи). Посредством раздачи феодалов вассалам династия Западная Чжоу укрепила свое господство, расширила сферу влияния и сделала страну еще более сильным рабовладельческим государством.

После падения шанской (иньской) династии У-ван, следуя ее примеру, превратил всех членов завоеванных племен в рабов знати, но сохранил их первоначальную клановую систему. Жалую земли вассалам, царь передавал им в распоряжение рабов целыми кланами. Как уже отмечалось, шесть иньских кланов были отправлены в государство Лу, а семь – в государство Вэй, что свидетельствует о характерных чертах кланово-рабовладельческой системы западночжоуского Китая. Представители высшей знати часто дарили рабов представителям низшей знати, о чем сообщается в многочисленных надписях на бронзовых изделиях времен Западной Чжоу. Рабов дарили как поодиночке, так и целыми семьями. Из этого ясно, что рабы также могли заключать браки и иметь детей, но все члены семей рабов непременно были рабами. Купля и продажа рабов также время от времени упоминается в надписях на брон-

зовых изделиях, причем цены на них были очень низкими: пять рабов стоили столько же, сколько одна лошадь или рулон шелка. Другое отличие от иньского периода заключается в том, что массовые принесения рабов в жертву стали в Западной Чжоу, по-видимому, довольно редкими; это может быть интерпретировано как следствие изменений в институте рабовладения; однако нужно отметить, что гробниц чжоуских царей и мест жертвоприношений до сих пор не обнаружено.

При наследовании царской власти или титулов знати династия Западная Чжоу признавала законной лишь правотворчество. Царь жаловал часть территории и рабов царевичам и давал им титулы вассалов различных рангов; подобным образом вассалы жаловали земли своим братьям и младшим сыновьям. Так, на основе патриархально-клановой системы оформилась строго ранжированная правящая группа во главе с царем как верховным правителем. Царь и его вассалы держали под контролем весь бюрократический аппарат, занимавшийся повседневным управлением в соответствии с волей правителей. Часть управляемых составлял класс плебеев, обрабатывавших свои «частные поля» в системе «цзин-тянь» и обязанных трудиться на «общественном поле» на своего господина; его представителям еще удавалось сохранить статус свободных людей. На дне общества находились рабы, утратившие личную свободу.

Культура и религия

Письменность Западной Чжоу в своей основе была той же, что и в иньский период, хотя она шире использовалась, а структура знаков стала более упорядоченной. Если главными памятниками иньской письменности являются надписи на костях и черепаших панцирях, то основные образцы письменности Западной Чжоу – это надписи на бронзовых предметах. В последние годы были найдены также надписи на раковинах и кости. Знаки стали меньше, что является одним из наиболее характерных их отличий от иньских. На ритуальные бронзовые сосуды Западной Чжоу часто наносились пространственные надписи (илл. 124), наиболее длинная из которых состоит приблизительно из 500 знаков. Они весьма обстоятельны по содержанию и иногда сообщают о важных исторических событиях. На бронзовом гуй (чаша) помещена дата завоевания У-ваном иньской державы (илл. 125), которая полностью соответствует дате в исторических текстах. На бронзовой зун (вазе) выправлено описание строительства новой столицы. Кроме того, встречаются описания сражений с другими племенами, царские распоряжения, пожалования и дары аристократам, обоснования прав собственности на земельные участки и т.д. Эти надписи не только показывают эволюцию и изменения в системе китайской письменности в Западной Чжоу, но и содержат имеющую большую ценность историческую информацию.

Календарь Западной Чжоу остался лунно-солнечным, но он несколько отличался от календаря иньского периода. В том календаре лунный месяц («луна») делился на три десятидневных периода, тогда как в западночжоуском календаре с целью приспособления к изменениям фаз луны его разделили на четыре отрезка. Начало года приходилось на одну «луну» раньше, чем в иньском календаре.

Религия Западной Чжоу была примерно той же, что и иньская, и заключалась преимущественно в почитании предков и природных сил. Чжоусцы пересмотрели некоторые аспекты церемоний жертвоприношения своим предкам и богам Солнца, Луны, звезд, рек и земли. Так, появились некоторые новые религиозные представления, например идея Высшего Бога (Шан-Ти). Считалось, что Высшему Богу принадлежит верховная власть над всеми прочими богами и что он жалует царю «полномочия не-

бес» и наделяет его властью над миром. Такого рода использование религиозных представлений для обоснования господства династии было несомненным новшеством.

В период Западной Чжоу по-прежнему процветало прорицание. Наряду с предсказанием по лопаточным костям распространилась магия. Магические церемонии совершались следующим образом: из 50 стебельков постепенно убиралось некоторое количество, и в конце концов получалось их четное или нечетное количество, которое соответственно изображалось либо прерывистой либо непрерывной линией и называлось *яо*; три *яо* образовывали единичную гексаграмму – фигуру из линий, а шесть *яо* составляли двойную гексаграмму (эти две гексаграммы были равны соответственно числам 8 и 64); каждая гексаграмма имела собственное название и значение, посредством которых маг якобы мог передать божественное наставление. Все виды магии описаны в «Ицзине» («Книге перемен») – пособии по предсказаниям, которое считается самым важным из классических конфуцианских произведений.

Помимо «Ицзина» в классическое конфуцианское пятикнижие входят «Шицзин» («Книга песен») и «Шуцзин» («Книга истории»). Эти книги, содержащие многочисленные западночжоуские и даже иньские документы, легенды, поэмы и т.д., были составлены немного позднее окончания периода Западной Чжоу. Они оказали большое влияние на формирование конфуцианской идеологии.

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ БРОНЗОВЫЕ КУЛЬТУРЫ ПЕРИОДОВ ШАН (ИНЬ) И ЗАПАДНОЙ ЧЖОУ

Под господством иньской и западночжоуской династий находились в основном среднее и нижнее течение Хуанхэ – части территорий провинций Хэнань, Шэньси, Шаньси, Шаньдун и Хэбэй. Другие китайские территории были населены в то время различными племенами, большинство из которых уже освоило технологии бронзового века. Более северные племена были главным образом кочевыми или полукочевыми, тогда как южные занимались в первую очередь выращиванием риса. Культуры всех этих племен в различной степени отличались от культур иньцев и чжоусцев. Отношение этих племен к династиям Шан-Инь и Западная Чжоу было либо подчиненным, либо враждебным, и между ними часто вспыхивали войны. Согласно историческим текстам, иньский царь У-дин вел войну против племен гуйфан, которая длилась три года; чжоуский царь Чжао-ван совершил военный поход на юг против племен чу и дошел до реки Хань (Ханьшуй). Однако огромное значение в формировании ханьской народности, несомненно, имели взаимные культурные влияния и этническое смешение между иньцами и чжоусцами с одной стороны, и племенами периферии – с другой.

На севере, в восточной части Внутренней Монголии и западной части провинции Ляонин, параллельно с иньской и западночжоуской бронзовыми культурами развивались нижняя и верхняя сяцзядяньская (*Xiajiadian*) культуры. Поселения нижнесяцзядяньской культуры обычно были окружены стенами и другими оборонительными сооружениями, внутри которых находилось несколько десятков или даже более сотни домов полуподземного типа с глинобитной наземной частью. Возле поселений расположены кладбища, на которых были обнаружены обычные погребальные предметы – гончарные изделия с расписными узорами, нанесенными после обжига (илл. 126), а также небольшого размера изделия из бронзы. В редких случаях погребальный инвентарь включает глиняные гуй (треножки с горлышком) и цзюэ (кубки), напоминающие соответствующие сосуды культуры эрлиту из долины Хуанхэ и потому указывающие на определенные культурные связи этих двух народов. Обе культуры относятся к ранней иньской эпохе. Следующей по времени

культурой является верхнесяцзядяньская. Ее керамика сделана грубо, без декора на поверхности и обожжена при низкой температуре. Найденные в земле бронзовые изделия включают топоры, ножи, кинжалы, копья, другое оружие и инструменты. Обычным погребальным инвентарем были, по-видимому, западночжоуские ритуальные сосуды из бронзы, находившиеся в больших захоронениях вместе с местными бронзовыми емкостями для приготовления пищи, украшениями и т.д., что помогает лучше понять отношения этой культуры с культурой Западной Чжоу.

В географической области Ордос во Внутренней Монголии и соседних северных районах провинций Шаньси и Шэньси также были обнаружены бронзовые изделия, причем ритуальные сосуды идентичны позднеиньским сосудам того же типа, тогда как связанные с ними предметы обладают характерными признаками культуры северных степей; это кинжалы с колоколовидной головкой и другое бронзовое оружие, а также различные золотые украшения. Памятники данной бронзовой культуры показывают, что она, с одной стороны, заимствовала некоторые элементы иньской культуры, а с другой – следовала многим традициям собственного кочевого мира. Ее ареал при близительном отождествлении с территорией, населенной гуйфанскими племенами.

Северо-западными бронзовыми культурами Китая времен династий Инь и Чжоу были культуры синьдянь (*Xindian*) и сива (*Siva*), распространенные на части территории нынешних провинций Ганьсу и Цинхай. Характерной чертой первой являются ли (треножки) с высоким горлышком и дугими ножками, по форме напоминающие раннечжоуские и, возможно, родственные им; обнаружены также некоторые расписные гончарные сосуды и такие бронзовые инструменты, как нож, шило, зубило и т.п. Культура сива представлена кувшином с двумя ушками и седловидным горлышком в качестве типичной керамики и таким бронзовым оружием, как *ге* (кинжал-топор), копье и т.д. Она относилась к временам, приблизительно соответствующим эпохе ранней Западной Чжоу, и принадлежала цяньронским племенам. В течение западночжоуского периода северо-западные племена рон и ди часто совершали набеги на Равнину, подходя близко к столице и угрожая ей. Весьма вероятно, что они были потомками народов культур синьдянь или сива.

Бронзовая культура на западной равнине в провинции Сычуань, Юго-Западный Китай, возможно, принадлежала древнему народу шу, одному из восьми союзников У-вана во время его похода против иньской династии. Эта культура представлена деревянными зданиями, керамикой, наиболее характерным типом которой были сосуды с острым дном, бронзовым оружием и инструментами, такими, как *ге* (кинжал-топор), *юэ* (боевой топор), топор и нож, а также огромными фигурами людей из бронзы (илл. 127) и ритуальными сосудами, идентичными позднеиньским и раннечжоуским. Имеются также разнообразные предметы из нефрита и черепаши панцири для предсказаний. Можно сделать вывод о том, что эта культура имела много общих элементов с культурами Шан-Чжоу и была приблизительно современной позднеиньской и раннечжоуской культурам. Самые ранние бронзовые изделия в провинции Юньнань найдены в округе Цзяньчуань и относятся к периоду, соответствующему позднеиньской эпохе.

Среди бронзовых культурных комплексов времен Шан-Чжоу в регионе рек Янцзы и Ханьшуй наиболее важными являются местонахождения Панлоньчэн в округе Хуанпи (провинция Хубэй), и Вучэн в округе Цинцзян (провинция Цзянсу). В местности Панлоньчэн был обнаружен маленький разрушенный город, имевший площадь 70 тыс. кв. м и окруженный стенами из утрамбованной земли, в пределах которых найдены фундаменты больших домов. В окрестностях города раскопано кладбище, состоявшее из больших захоронений, в каждом из кото-

рых найдены бронзовые ритуальные сосуды, по формам и орнаментам идентичные среднеиньским. На территории поселения Вучэн находятся остатки полуподземных жилищ. Извлеченная из земли керамика состоит в основном из тяжелой посуды со штампованными геометрическими узорами и глазурованной посуды. Среди бронзовых изделий имеются предметы, отлитые в каменных формах. На некоторых глиняных сосудах и каменных формах есть рельефно вырезанные фигуры и знаки. Большое захоронение, обнаруженное в местонахождении Синьган, провинция Цзянси, и содержащее богатый погребальный инвентарь в виде многочисленных ритуальных бронзовых предметов, нефритовых изделий, гончарных сосудов и т.п., возможно, принадлежало главе племен, которые создали культуру, представленную поселением Вучэн. Хронологически это поселение относится к позднеиньской эпохе. После периода Западной Чжоу регион рек Янцзы и Ханьшуй постепенно стал частью владений династии Чжоу, и его территория была пожалована членам царской семьи; в результате здесь появилось большое число карликовых государств, которые позднее все были покорены государством Чу.

В Юго-Восточном Китае бронзовый век представлен культурой хушу (*Husbu*), распространенной в долине Янцзы, в провинциях Цзянсу и Аньхой. Ее поселения большей частью стоят на холмах, возвышающихся над окружающей местностью, а дома имеют обожженный пол. Орудия труда были главным образом каменными, но доволь-

но часто при раскопках встречаются и небольшого размера бронзовые. Гончарные изделия по форме похожи на позднеиньскую и раннечжоускую, также встречаются черепахи панцири и кости для предсказаний. По своему характеру эта культура является местной с большим количеством элементов, усвоенных из иньской и чжоуской культур. Что касается современных провинций Фуцзянь и Гуандун, то их бронзовая культура развилась позднее; в период династий Шан (Инь) и Чжоу население этих территорий находилось еще на неолитической стадии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CHANG, KWANG-CHIH (ed.) 1979. *The Archaeology of Ancient China*. 3rd ed. New Haven, Conn.
- 1980. *Shang Civilization*. New Haven, Conn.
- CHENG, TE-KUN. 1960. *Archaeology in China*, vol. 2: *Shang China*. Cambridge.
- 1963. *Archaeology in China*, vol. 3: *Chou China*. Cambridge/Toronto.
- KEIGHTLEY, D. N. 1978. *Source of Shang History*. Berkeley/Los Angeles, Calif.
- LI, CHI. 1977. *Anyang*. Seattle, Wash.
- PARETI, L. 1965. *History of Mankind*. London. Vol. 2, pt I.
- XIA, NAI (ed.) 1984. *Recent Archaeological Discoveries in the People's Republic of China*. Paris.
- 1984. [*Archaeological Discoveries and Researches in New China*]. Beijing.

II. Регионы, реконструкция истории которых
основана только на данных археологии
и антропологии

ОТ РЕДАКТОРА АНГЛИЙСКОГО ИЗДАНИЯ

Объем археологических исследований в Африке постоянно увеличивается, в связи с чем при сопоставлении полученных редакцией текстов, касающихся различных регионов континента, мы столкнулись с определенными разночтениями. Для того чтобы представить читателю объединенный взгляд на процессы

культурной эволюции этого обширного континента с его сложной историей, Редакционный комитет попросил профессора Д.У. Филлипсона обобщить материалы, которые представили Л.М. Диоп-Маэ, А.М. Лам, Массамба Лам, Т. Обенга и Б. Салл. Данная глава является результатом этой работы.

АФРИКА (ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ДОЛИНЫ НИЛА)

*Луиза М. Дион-Маэ (Сенегал), Абубакри М. Лам (Сенегал),
Массамба Лам (Сенегал), Теофиль Обенга (Конго),
Дэвид У. Филлипсон (Великобритания), Бабакар Салль (Сенегал)*

Для большей части Африки период с III до середины I тысячелетия до н.э. можно охарактеризовать как время последнего расцвета обществ, технология которых была основана на производстве и использовании каменных орудий. К концу этого периода на некоторых территориях, возможно, уже началась обработка металла, однако это не оказало существенного влияния на развитие африканского общества. Во многих регионах к северу от экватора в течение всего этого периода продолжали существовать и развиваться зачатки сельского хозяйства, представленные выращиванием местных зерновых культур и, там, где это было возможно, разведением домашних животных. Основы такого развития были заложены еще в предыдущем тысячелетии, как это показано Д.У. Филлипсоном в томе I «Истории человечества». До сих пор остается некоторая неясность относительно датировки начала перехода к производящему хозяйству в районе экваториальных лесов Центральной Африки. Однако можно считать установленным, что в субэкваториальных районах саванны к югу и юго-востоку от этих лесов подавляющее большинство живших там людей продолжали заниматься охотой и собирательством почти до конца I тысячелетия до н.э. Данная глава прежде всего посвящена процессу развития указанных обществ, связанному с изменениями в экономике, а также сопутствующей ей технологии. Так как общая хронологическая периодизация, приведенная в этом томе, слабо соотносится с историей регионов Африки к югу от Сахары, чтение данной главы следует дополнить изучением главы 33 тома I настоящего издания.

В данном томе история египетской и нубийской частей долины Нила рассматривается отдельно от истории других регионов континента. Специализация авторов, а также специфика и количество доступных источников повлияли на освещение данного вопроса. Это привело к сохранению разрыва в изучении этих двух частей Африки, утвердившегося в историографии, который теперь все больше рассматривается как не имеющий отношения к реальности и лишь мешающий пониманию процессов развития и долины Нила, и остальных районов континента.

По сравнению с соответствующим периодом во многих других частях мира и, разумеется, более поздними периодами африканской предистории, исходные данные, послужившие основой для данной главы, чрезвычайно скудны. В связи с этим к данному тексту следует относиться как к промежуточным, часто умозрительным размышлениям на заданную тему. В некоторых регионах континента, таких как западная часть Центральной Африки, мас-

штаб археологических исследований в настоящее время увеличивается; в других местах они вовсе не развиваются, а кое-где, в сущности, исследования никогда и не начинались. Поэтому мы надеемся, что данная глава поможет обозначить наиболее явные в глаза пробелы в нашем знании по данному вопросу, а также послужит путеводной нитью для дальнейших исследований. Ссылки на данные, которые, строго говоря, выходят за рамки рассматриваемого нами периода, были необходимы для более связного изложения.

«История человечества» – труд, в котором главным образом рассматриваются достижения науки и культуры. В неиндустриальных обществах и развитие, и достижения в этих сферах зависят в значительной мере от факторов окружающей среды. Однако не следует считать, что именно окружающая среда определяет направление человеческого развития, хотя она зачастую служит его стимулом или ограничителем. Несмотря на это, считаем необходимым начать данную главу с рассмотрения отличий природных условий в различных районах Африки на протяжении последних трех тысячелетий до н.э. от тех, что были здесь в более ранний или в более поздний периоды.

В некоторых регионах континента этот период стал временем прогрессирующего опустынивания. В районе нынешней Сахары пустынные территории значительно расширились, зона выпадения осадков ограничивалась в основном некоторыми горными районами, а поверхностные постоянные водоемы стали превращаться в сезонные. Процесс опустынивания, однако, никоим образом не был всеобъемлющим, и исследования показали наличие значительных региональных отступлений от основной тенденции. Но данная тенденция все же была определяющей, и на протяжении жизни многих поколений наблюдалось расширение пустынь, главным образом в южном направлении, и связанное с этим процессом сужение зоны так называемого сахеля (переходной полосы от пустынь Сахары к саваннам Западной Африки. – *Прим. ред.*) и суданских зон (характерных для Судана – природной области, в ландшафтах которой преобладают типичные саванны и «вторичные» (светлые) тропические леса. – *Прим. ред.*). К началу II тысячелетия до н.э. многие части Сахары и сахеля были, вероятно, такими же пустынями, как и в настоящее время. Но по крайней мере в некоторых регионах в те времена – около 1000 г. до н.э. в конце периода, охватываемого в данном томе «Истории человечества», – наблюдалось временное улучшение климатических условий.

В целом в рассматриваемый период для Сахары и Западной Африки характерно значительное изменение климата. В связи с этим необходимо обратить особое внимание на два обстоятельства. Первое состоит в том, что такое изменение климата имело кумулятивный характер. Например, оз. Чад в то время, когда оно достигло максимальной величины, являлось открытым водоемом, достаточно большим, чтобы поддерживать свою собственную систему выпадения осадков, подобно оз. Виктория в настоящее время. С уменьшением площади поверхности озера этот эффект ослабел, что привело к изменению характера растительности на очень большой территории. В бассейне оз. Туркана на севере Кении, видимо, произошли аналогичные изменения. Второе обстоятельство касается степени влияния человеческой активности на скорость исчезновения растительности, что, в свою очередь, косвенно влияло на изменение климата. Период около 3000 гг. до н.э., как будет показано ниже, был временем, когда в районе современных Сахары и сахеля происходил широкий выпас домашнего скота. В условиях хрупкой экосистемы он мог оказать катастрофический эффект на растительный покров и привести к эрозии почвы, исключающей его возобновление. Детальные исследования этой проблемы с учетом региональной специфики еще не проведены, однако уже сейчас можно сделать вывод о том, что деятельность скотоводов послужила причиной уничтожения растительности или способствовала этому. Уменьшение испарения и увеличение потерь воды в свою очередь привели к еще большему понижению уровня осадков.

В нынешних обстоятельствах наиболее полные выводы относительно климатических изменений в районе современной Сахары и северной границы зоны экваториальных лесов можно сделать на основе изучения прежних уровней воды в озерах. Принимая во внимание, что в рассматриваемый нами период уровень воды в них редко был ниже нынешнего, наиболее высокие урезы воды видны довольно четко. Несомненно на наличие региональных особенностей, можно отметить, что в III и II тысячелетиях до н.э. в водоемах, расположенных на пространстве от оз. Чад до озер Восточно-Африканской рифтовой системы (Танганьика, Ньяса, Туркана, или Рудольф, и др.), уровень воды падал. Еще одним подтверждением этой общей картины являются результаты исследования пыльцы и остатков фауны, которые сохранились в приозерных отложениях.

В более южных широтах общая картина климатических изменений выражена менее четко. По сравнению с предыдущим периодом здесь не отмечается значительных колебаний уровня моря. На юге также происходило некоторое сокращение зоны экваториальных лесов, но оно не идет в сравнение с процессами изменений в структуре растительности, имевшими место на севере континента. Периодизация изменений границы лесов в результате развития земледелия еще ждет своего анализа. Также можно утверждать, что в южной части Африки аридные регионы центра и запада не проявляли тенденции к расширению, в то время как засуха оказала опустошительное влияние к северу от экваториальных лесов.

Из приведенного краткого обзора картины экологических изменений можно сделать вывод, что состав африканской флоры и фауны на протяжении трех тысячелетий до н.э. не сильно отличался от того, который преобладал здесь раньше. Главное отличие состоит в том, как был распределен животный и растительный мир, особенно в северной части континента. Представляется очень важным рассмотреть процесс культурного развития общества в данном контексте. Окружающая среда изменяется не только в зависимости от плотности населения, которую она может поддерживать, но также и от способа хозяйствования, наиболее приспособленного для ее эксплуатации. Вот почему почти невозможно делать какие-либо оценки раз-

меров человеческой популяции в древности, если только они не основаны полностью на местных данных¹.

Природные зоны меняли свое местоположение, поэтому были вынуждены мигрировать обитавшие в них животные. Нет никаких оснований полагать, что люди вели себя по-другому. До того как появились международные границы, в мире было очень мало преград для таких перемещений. Данный факт, в сочетании с богатством африканского природного мира, позволял, особенно в районах к югу от Сахары, обходиться без радикальных изменений способов хозяйствования.

Еще одним фактором, повлиявшим на культурное развитие в регионе, но который сам по себе является в большей мере порождением окружающей среды, стали переносимые насекомыми болезни, поражающие людей и домашних животных. Настоящее издание не предполагает подробного рассмотрения этой проблемы, поэтому мы ограничимся лишь приведением примеров таких заболеваний, как малярия и трипаносомоз. Можно утверждать, что само наличие этих болезней могло помешать распространению и развитию человека, но в конце концов в отношении данных заболеваний мог развиваться иммунитет. Природные зоны, где эти недуги распространены, изменяются, и часто радикально, в основном по экологическим причинам.

О факторах, приведенных выше, следует помнить, приступая к изучению региональных и тематических обзоров.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЗОР

Северная Африка и Сахара

Как мы указали в томе I «Истории человечества», для большей части этого региона Африки стадный выпас скота начал практиковаться задолго до 3000 г. до н.э. Скорее всего, этот вывод относится и к земледелию, однако имеющиеся источники не могут с полной достоверностью его подтвердить. IV тысячелетие до н.э. было, как мы отметили ранее, периодом, когда многие горные районы, расположенные в зоне современной Сахары, не испытывали недостатка в воде и вследствие этого имели соответствующую флору и фауну. Время от времени и в более низменных районах появлялись водоемы и реки с регулярным пополнением. Одним из таких мест было поселение на оз. Адрар-Бу в пустыне Тенере на севере Нигера, близ восточного склона плато Аир. В поселении, располагавшемся на берегу озера, жили люди эпохи неолита, ловившие рыбу, добывавшие в водоеме другие средства пропитания, а также разводившие короткорогий домашний скот. Наличие в их рационе растительной пищи, включая, возможно, сорго, недостаточно подтверждено имеющимися данными, хотя находки многочисленных жерновов указывают на ее важность. В нашем распоряжении имеются такие остатки материальной культуры, как микролиты, а также ножи с оббитым с двух сторон лезвием и металлические наконечники; похожие образцы встречаются и восточнее, вплоть до района Борку в Чаде. Гончарные изделия и каменные топоры-мотыги представлены типами, широко распространенными в тот период по всему региону Сахары и суданской долины Нила.

В начале III тысячелетия до н.э. ускорившийся процесс опустынивания привел к уменьшению площади озера Адрар-Бу и в итоге к исчезновению поселения на его берегу. Подобные картины преобладают и на большинстве равнинных территорий Сахары. В ее центральных горных районах (илл. 128), состоящих из плато Тибести, Ахаггар и Акакус, постоянные поселения, вероятно, продолжали существовать несколько дольше. Однако данный факт подтверждается главным образом использованием в качестве жилья скальных укрытий, которые могли часто меняться.

Важным свидетельством социальной и хозяйственной практики того периода являются наскальные изображения, особенно более поздние образцы так называемого звериного стиля, который относится в основном к III и, возможно, II тысячелетиям до н.э. Именно на рисунках, относящихся к этому стилю, встречаются изображения лошадей. Первые изображения верблюдов также датируются концом рассматриваемого нами периода.

Прежде чем приступить к рассмотрению наскальных рисунков Сахары в качестве источника информации о культурном развитии общества того периода, необходимо подчеркнуть, что их датировка остается весьма неточной, поскольку основана главным образом на случайных свидетельствах. Муццолини (*A. Muzzolini*) указал, что в свое время без всякой критики укоренилась, несмотря на успехи в установлении возраста находящихся рядом поселений с помощью метода радиоуглеродного анализа, приблизительная хронология этих изображений, предложенная несколько десятилетий назад Мори (*F. Mori*) и Лоте (*H. Lote*). Преобладала тенденция, сутью которой было хронологическое размещение образцов наскального искусства в весьма упрощенной последовательности, основанной на сюжетных или стилистических критериях. Также, к сожалению, зачастую пытались установить «расовую» принадлежность изображенных там людей, делая неадекватные выводы, основанные на особенностях стиля данных рисунков, чем в первую очередь должны заниматься искусствоведы. Несмотря на указанные трудности, а также на ограниченность некоторых предпринимавшихся исследований по этой проблеме, наскальное искусство действительно позволяет сделать ценные выводы относительно многих аспектов жизни людей в горных районах Сахары в рассматриваемый нами период.

На рисунках чаще всего изображались люди и крупный домашний скот (илл. 129, 130). Изображения диких животных, хотя и не такие уж редкие, обычно не связаны между собой и чаще вырезаны на камне, чем нарисованы красками. Обычно считается (надо признать, без особых на то оснований), что эти изображения в целом древнее тех, на которых нарисованы домашние животные. Последние зачастую изображены в виде довольно больших стад. На рисунках подчеркиваются такие детали, как форма рогов, расцветка шкуры, вымя. С большой уверенностью можно сделать вывод о том, что этим физическим особенностям отдельных животных придавалось большое значение (что и в наши дни не является редкостью среди скотоводов Африки); мы можем также заключить, что, как и сегодня, людьми эпохи неолита практиковалась искусственная деформация рогов животных. Детальное изображение вымени может указывать на то, что основной целью стадного скотоводства было получение молока. На рисунках животные иногда показаны с искусственными украшениями, включая диски, укрепленные между рогов, которые сильно напоминают обычный головной убор египетской богини Хатор. Данное обстоятельство служит еще одним напоминанием о том, что было бы ошибкой недооценивать культурные связи между районом Сахары и египетской долиной Нила в то время.

У нас нет достаточных оснований считать, что одежда и другие атрибуты (например оружие), с которыми нарисованы фигуры людей художниками Сахары, отображают действительные образцы вещей, которыми пользовались в то время. Необходимо подчеркнуть также, что у нас нет достаточной информации об исходной социальной функции искусства Сахары. Не имея представления о том значении, которое это искусство имело для общества, его создававшего (аналогично, например, тому, как сделано в отношении многих южноафриканских росписей), было бы излишне успешным шагом увлекаться детальными интерпретациями сюжетной стороны данного искусства.

Хронология наскальной живописи Сахары остается крайне трудной для оценки. Имеется очень мало примеров, когда наскальные рисунки можно увязать с датированным археологическим материалом или последовательностью на иных, чем каких-либо привходящих, основаниях. И именно данное обстоятельство делает такие примеры вдвойне информативными – как, например, в случае с находкой близ Уан-Мухуджага в массиве Акакус на юго-западе Ливии. Здесь из стены, после того как на ней была выполнена первая серия рисунков, выпал каменный блок, и позже туда была добавлена вторая серия рисунков в ином стиле; выпавший фрагмент остался в археологическом слое, возраст которого с помощью радиоуглеродного метода был датирован примерно концом IV тысячелетия до н.э. И на той и на другой сериях изображен домашний скот, следовательно, первые образцы такого искусства появились в более ранний период, чем рассматриваемый в данной главе. Муццолини предположил, что изображения так называемых тинаннеуинских (*Ti-n-Anneuin*) пастухов в Уан-Мухуджаге и в других местонахождениях Акакуса были выполнены одновременно с самыми ранними рисунками лошадей, датируемыми началом I тысячелетия до н.э.

В Сахаре довольно широко распространены изображения легких двухколесных колесниц, в которые запряжены лошади (рис. 46). Рисунки датируются примерно 1000 г. до н.э. или немного позднее. Попытки расположить места, где встречаются эти изображения, на карте, установив таким образом «маршруты следования колесниц по пустыне», в настоящее время вызывают сомнения: новые, неизвестные до того, транспортные средства могли оказать глубокое впечатление на жителей Сахары, вследствие чего, возможно, их изображали и в тех районах, где их не было. До сих пор не найдено каких-либо материальных следов этих колесниц. Предполагается, что их изображения пришли в регион из Северной Африки.

В рассматриваемый нами период в восточных районах сахеля, между долиной среднего Нила и горами Эфиопии, на засушливой равнине, разделенной на две части реками Атбара и Гаш, довольно долго существовала одна из доисторических культур. Эта культура, получившая название «атбаи», существовала не позднее чем с IV тысячелетия до н.э. Керамика атбаи напоминает стиль древней керамики среднего Нила и, вероятно, имеет общее с ней происхождение. Начиная по крайней мере со второй половины II тысячелетия до н.э. в этом районе возделывалось сорго. В долинах главных рек располагались и довольно продолжительное время существовали большие поселения, площадь которых достигала 4–12 гектаров. Реки служили одним из источников пищи; имеются также определенные данные, подтверждающие, что здесь практиковался выпас домашнего скота. Вдали от рек поселения обычно становились меньше и были временными, что служит веским доказательством существования скотоводства в этом районе. Так

Рис. 46. Сахарское наскальное изображение запряженной лошадию колесницы (из кн. «Сахара», т. 1, 1988, обложка)

же, как и в средней нильской долине в более ранние времена, здесь виден образец сложного заселения, при котором постоянные жилища располагались вблизи рек, а в более отдаленных районах устраивались временные или сезонные стойбища.

Процесс исторического развития в тот период в суданской долине Нила к югу от Нубии исследован недостаточно. Вероятно, на этой территории также довольно долго существовала культура, берущая свое начало в более ранние времена; современная ей Нубия оказывала на нее лишь минимальное влияние. Вплоть до последних веков до н.э. в крупных поселениях Джебель-Мойя и Джебель-э-Тома, расположенных между Голубым и Белым Нилом близ г. Сеннар, сохранялась материальная культура, представленная определенным стилем керамики и каменными артефактами из отщепов. Данный факт предполагает продолжительную стабильность этой культуры, ранние образцы которой появились за 3 тыс. лет до этого в районе Кадеро и Эш-Шахейнаба. Местное хозяйство было основано на выпасе крупного и мелкого рогатого скота в сочетании с птицеводством, охотой и рыболовством. На протяжении всего периода выращиваемые здесь виды сорго претерпели значительные морфологические изменения по сравнению с первоначальными дикими видами, что свидетельствует о долговременном процессе отбора при выращивании этой сельскохозяйственной культуры. Остается загадкой тот факт, что в центре суданской долины Нила до сих пор не было сделано никаких археологических находок, относящихся к III и II тысячелетиям до н.э. Представляется невероятным, что в тот период долина была не заселена; возможно, поселения были столь малы и непостоянны, что их следы трудно обнаружить; не исключено, что они располагались очень близко к главному руслу реки и были смыты последующими наводнениями.

В некоторых районах восточной пустыни между Нилом и Красным морем добывались полезные ископаемые, которые ценились в Египте. Эту территорию также пере-

секали торговые пути, по которым в Египет доставляли товары с побережья Красного моря и из более отдаленных мест. Подобного рода деятельность отражена в многочисленных наскальных резных изображениях, наиболее интересные из которых расположены в районе Вади-эль-Баррамия (илл. 131). Эти наскальные изображения были широко распространены в долине Нила и соседних регионах в додинастические времена. В окружающих пустынях они появлялись и позднее, свидетельствуя о том, что начало торговли в регионе Красного моря, вероятно, совпало по времени с установлением эпохи Древнего царства в Египте в середине III тысячелетия до н.э.

Самой известной дальнейшей торговой экспедицией египтян было путешествие в «Страну Пунт», определение точного местоположения которой долго было предметом споров. Большинство специалистов считают, что она располагалась на побережье Красного моря – либо на территории современного Северного Сомали, либо в районе между приморскими городами Суакин и Массауа. Однако существует мнение и о большей удаленности этой страны от морского побережья и о ее расположении в районе современной границы между Эфиопией и Суданом. Очевидно, что «Страна Пунт» была известна египтянам начиная с периода Древнего царства, однако наиболее подробная информация о ней приходится на середину II тысячелетия до н.э. Тогда были выполнены рельефные изображения в погребальном храме царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри (рис. 47), на которых показаны корабли, нагруженные местными товарами, среди которых были черное дерево, слоновая кость, золото, смола, шкуры леопардов, обезьяны. На вырезанных на камне изображениях можно увидеть, что жители «Страны Пунт» обитали в куполообразных домах, выращивали злаковые культуры и разводили мелкий скот, а также два вида крупного рогатого скота.

«Страна Пунт» является единственным, хорошо подтвержденным в документальных источниках примером регулярных контактов древних египтян с регионами Аф-

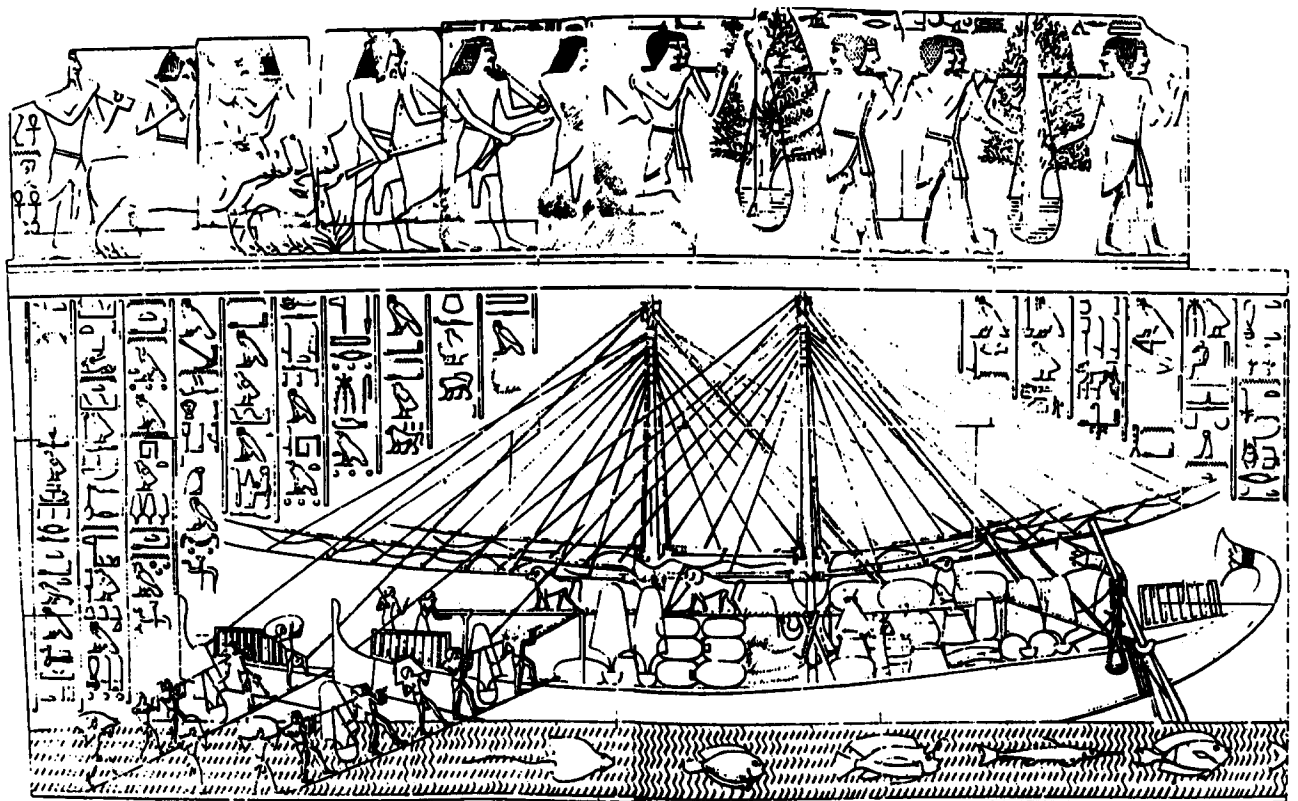

Рис. 47. Изображение Египетской торговой экспедиции в «Страну Пунт» на рельефе в погребальном храме царицы XVIII династии Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри (рис. D.W. Phillipson)

рики за пределами долины Нила. Сама природа этих контактов, а также доступность археологических и документальных свидетельств определяют тот факт, что мы знаем о них большей частью из египетских источников. В то же время географическая локализация этих контактов почти всегда затруднена. Так, например, известно, что люди из племени пигмеев время от времени попадали в Египет, предположительно из регионов Центральной Африки, расположенных к западу от верховий Нила. О связях Египта с Сахарой, отраженных в местном наскальном искусстве, указано выше.

В первые века рассматриваемого периода в пещере Хауа-Фтеа в Киренаике (Ливия) продолжали жить ливийско-капсийские пастухи, разводившие мелкий рогатый скот (подробнее о них см. в т. I «Истории человечества»)². Их керамика имела определенные черты, отличающие ее от современной ей керамики Магриба. Хотя наскального искусства как такового в Хауа-Фтеа не сохранилось, наличие каменных фрагментов и скорлупы страусовых яиц, украшенных рисованным и резным орнаментом, свидетельствует о наличии такого искусства. Начиная с середины III тысячелетия о дальнейшей истории данного поселения известно очень мало.

Западнее, в Магрибе, имеются убедительные доказательства того, что, как и в более ранний период, здесь продолжала существовать так называемая «неолитическая капсийская традиция», а также не прерывались контакты со многими средиземноморскими регионами. Сложившаяся модель сезонного перегонного скотоводства в основном осталась прежней – с поправками на увеличившееся опустынивание внутренних территорий. В данном регионе со временем крупный рогатый скот замещал мелкий. За исключением нескольких особо благоприятных территорий местное население жило небольшими подвижными группами.

Особую важность для истории имеют археологические находки в Дхар-Тишите, близ южного края пустыни на юге Мавритании, так как именно здесь были добыты ясные доказательства возделывания в этом районе злаковых культур, что являлось большой редкостью для региона Сахары. Основным доказательством этого служат черепки гончарных изделий, на которых сохранились отпечатки зерна, вероятнее всего, разновидности проса (*Pennisetum*). Необходимо отметить, что Тишит находится в зоне произрастания диких форм проса и сорго. Основной доисторический период выращивания этой культуры продолжался с середины III тысячелетия до начала I тысячелетия до н.э. На протяжении этого периода климат становился все более засушливым, в результате чего постепенно исчезли многие мелкие озера. В местах основных поселений, сконцентрированных в округе на расстоянии до 40 км, сохранились остатки жилищ с каменными стенами (илл. 132), однако имеются также следы других, менее основательных жилищ по всему району распространения данной культуры. Первые исследования, проведенные здесь в конце 1960-х – начале 1970-х гг., позволяли сделать вывод, что на протяжении второй половины III тысячелетия местное хозяйство было основано на охоте и собирательстве. Считалось, что возделывание проса в значительных масштабах началось лишь с середины II тысячелетия до н.э., когда также развивалось скотоводство, ставшее со временем все более важной формой хозяйствования. Сравнительно недавно исследователи предположили, что эта очевидная последовательность может, хотя бы частично, отражать периодическую смену направлений экономического развития данных поселений в зависимости от климатических изменений. Поэтому можно считать недоказанной позднюю датировку перехода на интенсивное возделывание злаковых культур. Необходимо отметить также, что самые ранние датировки, полученные радиоуглеродным методом непосредственно по черепкам гончарных изделий, на

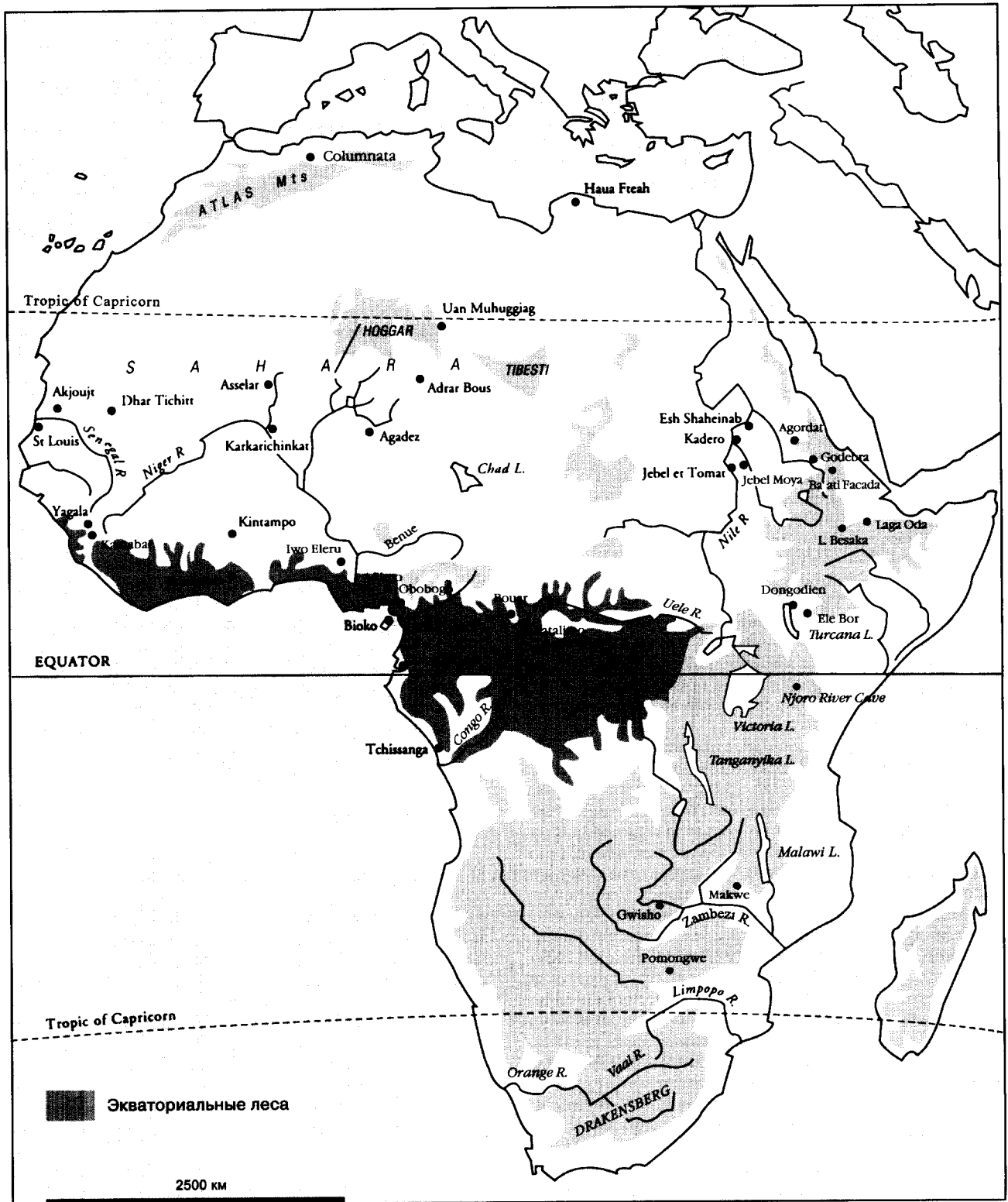
которых остались следы возделываемого проса, относятся примерно к 1000 г. до н.э. Предпринятый анализ нескольких тысяч отпечатков злаковых культур (илл. 133) не выявил наличия среди них следов сорго. Из вывода о том, что культивирование злаковых в данном районе началось сравнительно поздно, не следует, что это заключение относится ко всем районам сахеля.

Несмотря на то что в наскальном искусстве Сахары имеются многочисленные и весьма распространенные примеры изображений домашнего скота, имеется очень небольшая информация относительно каких их хронологии, так и самой практики скотоводства. Выше уже указывалось, что в период среднего голоцена на гористой территории в центральной части Сахары, там, где были сосредоточены основные зоны распространения наскального искусства, преобладали оптимальные условия для жизни человека. В период последующего опустынивания этих районов они становились все менее подходящими для длительного обитания. Произошедшее в результате этого расселение скотоводов и их стад можно показать на примере долины р. Тилемси, которая начинает свое течение в районе нагорья Ахаггар и течет к югу на протяжении около 400 км, где близ г. Гао впадает в Нигер (карта 19). В Асселаре, в северной части долины, имеются свидетельства присутствия здесь скотоводов, датированные концом IV тысячелетия до н.э. Однако дальше к югу первые признаки их появления датируются периодом на 1500 лет позднее, когда здесь, в районе Каркарчинката, стали жить племена, занимавшиеся разведением скота, а также птицеводством, охотой и рыболовством. Можно отметить, что свидетельства того, что они употребляли растительную пищу, не имеется. Представляется весьма соблазнительным рассматривать хронологическую последовательность расселения людей в долине Тилемси как отражающую постепенное распространение ареала обитания скотоводов к югу, по направлению к Западной Африке.

Западная Африка

Проведенные в Западной Африке археологические исследования распределены весьма неравномерно. Что касается Ганы и Нигерии, то здесь выявлены несколько археологических последовательностей, которые, к счастью, позволяют составить общую картину некоторых аспектов местной предьстории в прибрежной зоне, в регионах лесов и саванн, лежащих к северу. Однако необходимо отметить, что буквально вся эта информация основывается на результатах работ, проведенных на единичных местонахождениях, и что за все это время сделано очень мало попыток предпринять подробные региональные исследования, как это было, например, в других регионах, где они высветили всю сложность моделей развития древних обществ на основе использования возможностей, предоставляемых окружающей средой.

В некоторых регионах Западной Африки изготовление гончарных изделий и производство каменных орудий началось до 3000 г. до н.э. Информацией о хозяйственной основе древних обществ, производивших эти изделия, является лишь начиная со II тысячелетия до н.э., однако весьма вероятно, что эти общества, жившие в лесной зоне и на ее окраинах, сильно зависели сначала от охоты, а потом и от возделывания местных видов ямса. Безусловно, использование гончарных изделий свидетельствует о постоянном характере поселений, а находки полированных каменных топоров-мотыг позволяют сделать вывод о том, что они использовались при возделывании земли и при расчистке лесов под посевы. Шоу (*T. Shaw*) отметил, что в целом в Западной Африке того периода можно выделить несколько различных вариантов производства в зависимости от географического расположения – в районах

Карта 19. Африка: отмечены зоны, упомянутые в тексте (по D.W. Phillipson)

около рек и озер в современной сахели, в саванне, лесной зоне или вдоль Атлантического побережья. Термин «гвинейский неолит», которым ранее объединяли эти производства, чтобы отличить их от более ранних культур, не знавших керамики, сейчас не очень популярен, по крайней мере в среде англоязычных авторов, занимающихся первобытной историей. Это связано с тем, что он не отражает в достаточной степени способы добывания пищи, которые, как отмечено выше, в основном довольно явно проявляются.

Одной из немногих датированных последовательностей в Западной Африке, которая охватывает период начала производства гончарных изделий, является скальное укрытие Иво-Элеру, на самом краю современной лесной зоны, на юго-западе Нигерии. Здесь основные новации – полированные каменные орудия и керамика – впервые выявлены в слоях, датированных IV тысячелетием до н.э. Связанные с этими находками каменные орудия из отщепов являются в основном микролитическими. В г. Афикпо, в Нигерии к востоку от р. Нигер, по-видимому, относящаяся

к тому же периоду культура представлена большим количеством немикролитических артефактов, включая топоры-мотыги из отщепов, типичные для густых лесов повсюду в Западной Африке. В Гане одним из наиболее подтвержденных проявлений связанного с керамикой микролитического производства является пещера Босумпра близ Абетифи. За все время существования здесь поселения, которое охватывало последние четыре тысячелетия до н.э., местные керамика и полированные каменные орудия становились все более обычными. Все эти местонахождения подробно изучались по отдельности, и на сегодняшний день нет никаких данных, позволяющих сделать определенный вывод об их экономической базе.

Далее к западу, даже в тех районах Кот-д'Ивуара, Сьерра-Леоне, Гвинеи и Сенегала, где проводились археологические исследования, не было получено подробной информации. Тем не менее с определенной осторожностью можно предположить, что появление в этих последовательно сухих керамики и полированных каменных орудий могло произойти позднее по крайней мере на тысячу лет, чем в относящихся к тому же периоду культурах Ганы и Нигерии. Если эта гипотеза подтвердится дальнейшими исследованиями, на ее основании можно будет сделать далеко идущие выводы. Что касается восточной части лесной зоны Западной Африки, то в отличие от территорий к западу от центральной части Кот-д'Ивуара в этом регионе культивирование ямса достигло уровня, который обеспечивал продовольствием регион с необычайно высокой плотностью населения. Надлежащие выводы об экономическом значении керамики и каменных полированных топоров-мотыг пока не сделаны окончательно, однако было бы разумным предположить, что их наличие означает определенную степень оседлости. В частности, они могли быть использованы при расчистке лесов и/или для обработки почв. Если эти особенности жизни на востоке западноафриканского лесного пояса, где было распространено возделывание ямса, сложились значительно раньше, чем далее к западу, то распространение данной сельскохозяйственной культуры можно рассматривать как первичную стадию развития здесь производящего хозяйства. Ямс является местным растением, распространенным в этом регионе, он неизвестен в более сухих районах севера, поэтому не может быть сомнений в том, что его искусственное распространение является сугубо местным достижением.

Если возделывание ямса было известно в Западной Африке по крайней мере с IV тысячелетия до н.э., то необходимо отметить, что появление здесь каких-либо других форм производящего хозяйства (возделывания других культур или скотоводства) датируется гораздо более поздним периодом. Как обычно, свидетельства, подтверждающие наличие домашнего скота, проявляются гораздо чаще, однако и они довольно малочисленны. Как уже было отмечено, к концу IV тысячелетия до н.э. усилившееся опустынивание в регионах нынешней Сахары вызвало перемещение к югу племен местных скотоводов с их стадами; регионами их размещения стали территории к югу от 19 град. северной широты, такие, как бассейны рек Тишит и Агадес, равнины вокруг оз. Чад и долина Тилемси. Именно на территории этой долины, которая тянется к югу от плато Ахаггар до крутой излучины р. Нигер, находились, как указано выше, поселения скотоводов, датируемые до 3000 г. до н.э. на севере Асселара, но лишь после 2000 г. до н.э. – в районе Каркарчиниката у впадения Тилемси в Нигер³. Местные жители разводили как крупный, так и мелкий домашний скот. Вероятно, район распространения мухи цеце расширился к северу до его нынешних границ, что в итоге замедлило дальнейшее продвижение скотоводов в Западную Африку.

В настоящее время более подробные и информативные данные можно получить только при исследовании двух групп поселений, относящихся ко II тысячелетию до н.э. Первая расположена в Центральной Гане, к западу от

р. Вольга, вблизи современного края лесной зоны. Здесь компактная группа скальных укрытий и открытых поселений вблизи Кинтампо позволяет выявить сложную последовательность развития местного общества, хотя и не без определенных черт сходства с культурами более северных районов – и в орнаменте гончарных изделий, и в типологии каменных орудий; это развитие сопровождалось первым появлением здесь домашних животных около середины II тысячелетия до н.э. Среди находок в Кинтампо (рис. 48) также встречаются каменные предметы неизвестного назначения, по форме напоминающие терку; было выдвинуто предположение, хотя и не без достаточных оснований, что они использовались при приготовлении ямса либо при изготовлении гончарных изделий.

Вторая группа поселений расположена в совершенно другой местности, на равнине Борну на северо-востоке Нигерии, вблизи оз. Чад. Здесь с конца II тысячелетия до н.э., если не раньше, образовались поселения, состоявшие из постоянных жилищ с глиняными полами и деревянными стенами. Обитатели этих поселений изготавливали одинаковую керамику и костяные орудия, так как в данной местности нет залежей камня. Наряду со скотоводством они занимались охотой и рыболовством, а также, вероятно, земледелием, хотя последнее не доказано.

В регионах к западу общая картина становится еще более фрагментарной и трудной для понимания. В Кот-д'Ивуаре, в скальных укрытиях в глубине страны и на побережье вместе со скоплениями раковин встречаются керамика и полированные каменные орудия. В любом случае они не могут быть датированы ранее чем концом III тысячелетия до н.э. В Сьерра-Леоне схожая ситуация наблюдается в отношении находок, сделанных в скальных укрытиях Ягала и Камабаи. В Сенегале и Гамбии основными источниками сведений служат данные исследований прибрежных скоплений раковин близ Сен-Луи и в дельте р. Казаманс, где керамика использовалась начиная с IV тысячелетия до н.э. Можно предположить, что богатые пищевыми ресурсами морское побережье и дельта могли обеспечить определенный уровень оседлости, такой же, как в поселениях Сахары и побережье Восточной Африки, однако нет данных о том, что здесь существовала какая-либо форма производящего хозяйства.

Много споров вызвал вопрос о масштабах развития обработки металлов в Западной Африке в период до 700 г. до н.э., которому посвящена настоящая глава. Как будет показано в III томе «Истории человечества», остается мало сомнений относительно того, что обработка и использование металлов были распространены в регионе начиная

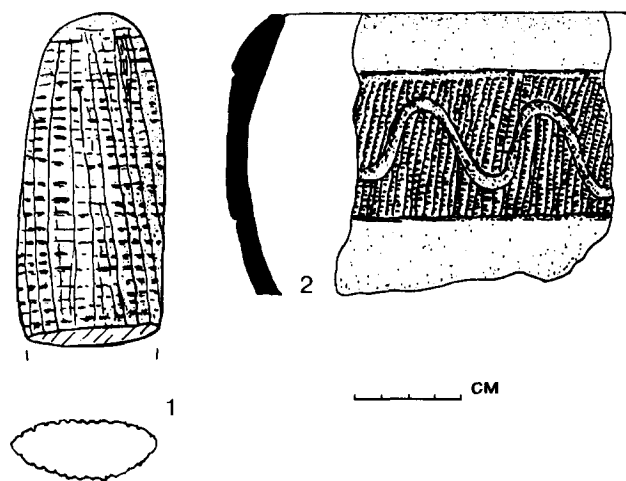

Рис. 48. Каменные «рашпиль» (1) и терка (2) из поселения Кинтампо, Гана (рис. D.W. Phillipson)

с середины или по крайней мере с конца I тысячелетия до н.э. Во время исследований, проведенных в 1970-е гг. в районе г. Агадеса в Нигере, получены определенные свидетельства выплавки меди, датируемые периодом 2500–1500 гг. до н.э. Дальнейшие исследования, проведенные Гребенаром (*D. Grebenar*) и другими учеными, показали, однако, что мы не располагаем неопровержимыми доказательствами развития здесь металлургии в то время: то, что первоначально рассматривалось как остатки горнов, вероятно, является обуглившимися стволами деревьев. Поэтому первые доказанные свидетельства наличия обработки металлов в Агадесе, как меди, так и железа, относятся к середине I тысячелетия до н.э. Медь также обрабатывалась в то время в районе г. Акжукт в Мавритании. В обоих местах использовались простые низкие горны с последующей ковкой полос металла. Хотя, возможно, будущие исследования покажут другую картину, данные, которыми мы располагаем сегодня, не подтверждают мнение о значительном распространении металлургии в Западной Африке в рассматриваемый период⁴.

Наскальное искусство, на основании которого в других регионах континента можно получить важные данные относительно хозяйственной деятельности и общественных отношений древних народов, занимавшихся производством пищи, в Западной Африке встречается крайне редко, и даже имеющиеся образцы, видимо, в основном относятся к сравнительно позднему периоду. Возможным исключением являются две группы наскальных рисунков на северном склоне плато Джос в Центральной Нигерии, на которых изображен крупный длиннорогий скот, не имеющий горбов, – порода, которая ныне не встречается в этих местах.

Можно осторожно предположить, что с учетом весьма редких имеющихся данных реконструкция общих тенденций первобытной истории Ганы и Нигерии в период 3000–700 гг. до н.э. должна основываться на анализе непрерывности и развития местных культур. Здесь нет такого резкого временного разрыва в археологических данных, который можно наблюдать в отношении начальных стадий развития производящего хозяйства в регионах к югу от экватора. Начало земледелия, основанного на возделывании ямса, на границе лесной зоны более восточных регионов Западной Африки является результатом местного развития, однако данное предположение необходимо обосновать в первую очередь во время будущих археологических исследований. С конца III и во II тысячелетии усиливающееся опустынивание районов нынешней Сахары побудило жившие там племена, занимавшиеся скотоводством и/или земледелием, основанным на выращивании зерновых культур, к продвижению на юг. Археологические свидетельства и того и другого рода деятельности впервые появляются в Западной Африке в этот период. Однако влияние переселенцев ограничилось главным образом районом саванн, поэтому эффект от их воздействия на местные общества был постепенным. Эти изменения в способах добывания пищевых ресурсов были неразрывно связаны, правда, не обязательно напрямую, с процессом роста населения и усиливающимся дроблением поселений. Именно в этих процессах лежат основы последующего развития обществ Западной Африки.

Центральная Африка

Далее к востоку лесная зона Западной Африки сливается с экваториальными лесами Центральной Африки, которые занимают большую часть бассейна р. Конго и горные районы, расположенные рядом с западными ответвлениями Рифтовой долины. До недавнего времени археология этого обширного региона была абсолютно неизученной. Сейчас известно, что на окраине лесной зоны в

Камеруне, например, в Шум-Лаке близ Баменды, производство керамики и каменных топоров-мотыг началось приблизительно в то же время, что и в Западной Африке. Вследствие этого, представляется вероятным, что территория возделывания ямса, о которой упоминалось выше, распространялась вплоть до современного Южного Камеруна. На протяжении большей, если не всей части рассматриваемого нами периода леса, вероятно, занимали более значительную площадь, чем в наши дни.

Стадии развития местных обществ можно проиллюстрировать на примере поселения Обобого близ г. Юнде. Здесь, по всей видимости, использование керамики и полированных каменных орудий началось раньше, чем в более северных районах. К середине I тысячелетия до н.э., если не раньше, поселение Обобого занимало площадь около двух гектаров. В ряде глубоких ям наряду с черепками плоскодонной гончарной посуды и каменными топорами-мотыгами были найдены зерноотерки и скорлупа плодов двух типов съедобных растений: масличной пальмы (*Elaeis guineensis*) и атили (*atili – Canarium schweinfurthii*). Несколько кусков шлака, найденных там же, показывают, что уже в то время в этом регионе началась выделка железа.

К тому же I тысячелетию до н.э. современные исследования относят мегалитические погребальные монументы, расположенные вокруг г. Буар, на самом западе Центральноафриканской Республики, на границе с Камеруном. В настоящее время известно по крайней мере о сотне подобных местонахождений, каждое из которых включает холмы из булыжников с возвышающимися над ними мегалитическими стенами без отделки и погребальные камеры. Масса отдельных валунов может достигать двух тонн, однако в основном они имеют небольшой размер. Сделанные там же находки каменных орудий из отщепов, гончарных изделий и жерновов дополняют сведения о строительном уровне подобных монументов – *тазур* (*tazuru*). Можно предположить, что среда обитания людей того периода мало отличалась от современной, для которой характерны довольно сухие лесистые пространства, возможно, в прошлом расчищаемые под поля.

Полевые археологические исследования в Габоне показали, что, возможно, производители микролитов со спинкой, жившие в устье р. Габон близ Либревиля, начали использовать керамику, схожую по типам с современной ей широко распространенной керамикой, которую находят в Камеруне, вероятно начиная с III тысячелетия до н.э. Датировка данных новаций остается неясной, что требует проведения дальнейших исследований: только два местонахождения – в районе р. Дени и в Нзобойоке, на обеих сторонах устья, были отнесены к периоду до I тысячелетия до н.э., и даже к их стратиграфическому определению следует относиться с осторожностью. К тому же времени в I тысячелетии до н.э. относятся первые поселения деревенского типа в провинциях Эстюэр и Огове. Данные поселения занимают площадь около 2 тыс. кв. м. Проведенные там первые исследования позволили обнаружить жернова и скорлупу плодов масличной пальмы, а также гончарные изделия и каменные артефакты из отщепов. Вероятно, в этот же период в регионе началось производство полированных каменных топоров-мотыг (рис. 49).

Суммируя приведенные выше наблюдения, можно заключить, что обитатели прибрежных районов в течение последних трех тысячелетий приобрели определенные черты оседлой жизни и научились интенсивно использовать пищевые растительные ресурсы лесов, прежде всего ямс, как это произошло ранее на севере и северо-западе. Мнение о том, что подобное имело место в значительных масштабах до начала обработки металлов, должно считаться не подтвержденным.

Схожие по типу поселения располагались и дальше к югу, в прибрежных районах Конго, как, например, в нижних археологических слоях в местонахождении Чисанга

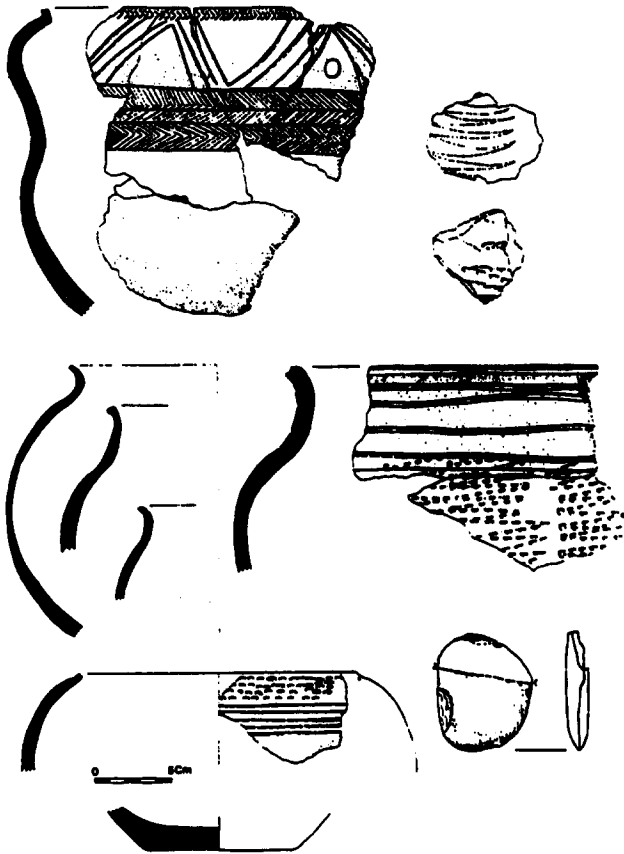

Рис. 49. Неолитические гончарные изделия из Окала, Габон (по Clist, 1989)

близ г. Пуэнт-Нуар, относящиеся к VI в. до н.э. Однако, по всей видимости, в лесных районах в глубине континента керамика и другие признаки оседлой жизни стали известны значительно позже. К югу от лесной зоны, в провинции Нижний Заир, в нескольких местах были найдены полированные каменные орудия и керамика, характерная для группы Нгово, в настоящее время точно датированные последними двумя веками до н.э. Не имеется данных, которые подтверждали бы наличие скотоводства в регионе, в то же время находки скорлупы масличной пальмы и *Canarium*, возможно, свидетельствуют о наличии здесь незернового земледелия. Обработка металлов началась здесь на несколько столетий позже земледелия и производства керамики.

Хотя убедительные данные, позволяющие провести датировку, отсутствуют, весьма вероятно, что к периоду, рассматриваемому в настоящей главе, относятся интересные археологические находки, сделанные на о. Биoko в Экваториальной Гвинее. Производство каменных орудий из отщепов и отсутствие керамики позволяют отнести данную культуру к неолиту, хотя также имеется возможность считать ее гораздо более старой. На основании стратиграфической последовательности, выявленной в Банапе близ г. Малабо, можно уверенно считать, что это производство предшествует содержащему фрагменты гончарных изделий культурному горизонту, который относится примерно к VII в. н.э. Скальные породы вулканического происхождения о. Биoko широко применялись при производстве каменных полированных топоров-мотыг, часть которых также использовалась при обмене с племенами, жившими на континенте. В связи с тем, что на Биoko нет железной руды, эти каменные орудия продолжали использоваться на острове до сравнительно недавних времен.

Археологические данные, относящиеся к зоне экваториальных лесов, остаются весьма отрывочными. Так, сделанные в ряде районов находки нескольких каменных артефактов из отщепов, которые обычно предшествуют началу производства керамики, остаются недатированными. Исследования, проведенные в долинах основных рек, показали, что в отличие от более ранних предположений, большая часть этих территорий была населена племенами, использовавшими керамику, вероятно, в период около I тысячелетия до н.э. Самые древние гончарные изделия из этих районов имеют сходство с керамикой из Баталимо в Центральноафриканской Республике на севере и группы Нгово (см. выше) к юго-западу в Нижнем Заире.

Несмотря на крайнюю скудность имеющихся данных, можно заключить, что зачатки сельского хозяйства, сельского образа жизни и производство гончарных изделий появились, не обязательно одновременно, к северо-западу от экваториальных лесов на территории современного Камеруна в IV или III тысячелетии до н.э. В III и II тысячелетиях подобное развитие шло в Габоне; поэтому можно сделать вывод, что в прибрежных регионах оно началось раньше, чем в глубине лесов, удаленных от моря. К концу I тысячелетия до н.э. эти новации проявились к югу от лесной зоны, в Нижнем Заире. Свидетельства, которыми мы располагаем, позволяют сделать вывод о том, что во внутренних лесных районах развитие неолитической культуры началось значительно позднее и было ограничено, по крайней мере первоначально, долинами рек.

Эфиопия и Африканский рог

Несмотря на то что в нашем распоряжении имеется много свидетельств ботанической природы, показывающих, что Эфиопия была сценой важных новаций в развитии земледелия в Африке, до сих пор было проведено удивительно мало полевых археологических исследований, посвященных изучению культурных контекстов, в рамках которых эти новации имели место. Так же, как и в Сомали, предысторию сельского хозяйства в регионе, отображенную в местном недатированном наскальном искусстве, еще только начали изучать. Хронологические рамки и социальные условия развития производственного хозяйствования в этом ключевом регионе остаются должным образом не изученными. Хотя некоторые аспекты недавней истории региона привели к тому, что местные власти стремились преувеличивать его изолированность в прошлом, необходимо тщательное рассмотрение сущности и масштабов контактов региона с соседними частями Африки и Азии. Когда придет время для тщательных исследований местной древней предыстории, их надо будет проводить с полным учетом данных, полученных в долине Нила и Аравии и относящихся к тому же периоду.

Здесь были исследованы только две изолированные последовательности, относящиеся к предыстории Эфиопии – периоду, который рассматривается в данной главе. В скальном укрытии Гобедра близ Аксума в микролитическом скоплении была найдена керамика, отнесенная к IV или III тысячелетию до н.э. Вполне возможно, хотя и не доказано, что в то же время там началось разведение домашнего скота и (или) появились первые очаги земледелия. Однако нет никаких данных о типах поселений этого периода на севере Эфиопии. В районе оз. Бесака в Рифтовой долине, к востоку от Аддис-Абебы, имеющиеся данные более информативны. Около 1500 г. до н.э. поселение, располагавшееся в том районе, было перенесено дальше от берега озера, что, видимо, совпало с началом разведения крупного скота и вследствие этого с падением значения охоты и рыболовства. Эти изменения в экономической деятельности отразились и на составе

производившихся каменных орудий. Однако следует отметить, что единственное проведенное в Эфиопии комплексное археологическое исследование, специально направленное на выявление истории производства продуктов питания, обнаружило лишь материалы, относящиеся к более позднему периоду, чем тот, который рассматривается в данной главе.

Анализ наскального искусства позволяет нам получить значительную часть данных относительно ранних этапов развития скотоводства в Эфиопии и Сомали (рис. 50). Во всем этом регионе дикий животный мир весьма беден, и этим объясняется тот факт, что буквально все наскальные рисунки относятся к периоду после появления стад домашних животных. Мы не располагаем точными свидетельствами о том, когда появилось скотоводство, однако по общему мнению его можно отнести к засушливой фазе, т.е. около 3000–1000 г. до н.э. В связи с тем, что в этом регионе не имелось диких предков домашнего крупного и мелкого рогатого скота, эти виды животных должны были попасть сюда из каких-то других мест. Расширение пустыни в период около 3000 г. до н.э. могло послужить стимулом для этого.

Древнейшее наскальное искусство во всем регионе, будь то рисунок или резьба по камню, довольно однообразно по стилю. Основная масса рисунков изображает крупный рогатый безгорбый скот, видимо, длиннорогой породы. На поздних более схематичных рисунках можно увидеть горбатый скот, а также первые местные изображения верблюдов. Имеются некоторые указания, полученные во время исследований местонахождений Аксумского царства в Северной Эфиопии, на то, что горбатый крупный рогатый скот не был широко распространен в регионе до I тысячелетия н.э., хотя, как будет отмечено ниже, определенные данные, касающиеся присутствия там верблюдов, особенно трудно интерпретировать.

Эфиопское нагорье является самым южным регионом Африки, где еще до европейской колонизации использовался плуг с впряженными в него быками. Единственный рисунок на скале в Баати-Факада близ Адиграта изображает плуг, который тянут два безгорбых быка (рис. 51); степень схематичности рисунка позволяет сделать осторожный вывод о его сравнительно позднем происхождении.

На территории современной Северной Эфиопии культурное развитие начиная с III тысячелетия до н.э. походило на такие же процессы в нубийской части долины Нила. На это указывает ряд поверхностных сборов, выполненных несколько десятилетий назад в ряде деревенских поселений близ г. Акордат в Эритрее. В то время здесь уже использовалась керамика, и результаты небольших раско-

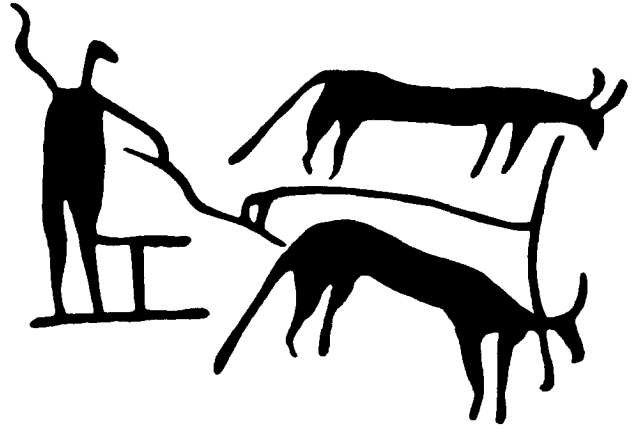

Рис. 51. Наскальный рисунок с изображением плуга с впряженными в него быками из Баати-Факада близ Адиграта (по D.W. Phillipson)

пок в Гобедре близ Аксума позволяют сделать вывод, что начало ее производства датируется довольно ранним периодом.

Некоторые дополнительные ключевые сведения предоставляют лингвистические исследования. На большей части территории региона на протяжении нескольких тысячелетий использовались как разговорные языки кушитской ветви афразийской макросемьи языков. Эрет (C. Ehret), основываясь на изучении корневых основ местного словаря, утверждает, что производящее хозяйство (как скотоводство, так и земледелие) было развито у носителей афразийских языков в Эфиопии по крайней мере 7 тыс. лет. Надо отметить, что эти данные значительно увеличивают возраст земледелия и скотоводства в регионе по сравнению с данными, основанными на археологических источниках. Семитские языки (еще одна ветвь афразийской языковой макросемьи) появляются в Эфиопии только с I тысячелетия до н.э. Примечательно, что в значительной степени носители семитских языков заимствовали словарный запас, относящийся к выращиванию зерновых культур и использованию плуга, от своих соседей, говорящих на кушитских языках.

В Центральной Эфиопии археологические исследования, проведенные на двух местонахождениях, позволили сделать достоверный вывод о наличии там домашнего рогатого скота во II тысячелетии до н.э. В скальном укрытии Лага-Ода, к западу от Харара, археологические горизонты этого времени содержали кости крупного домашнего ско-

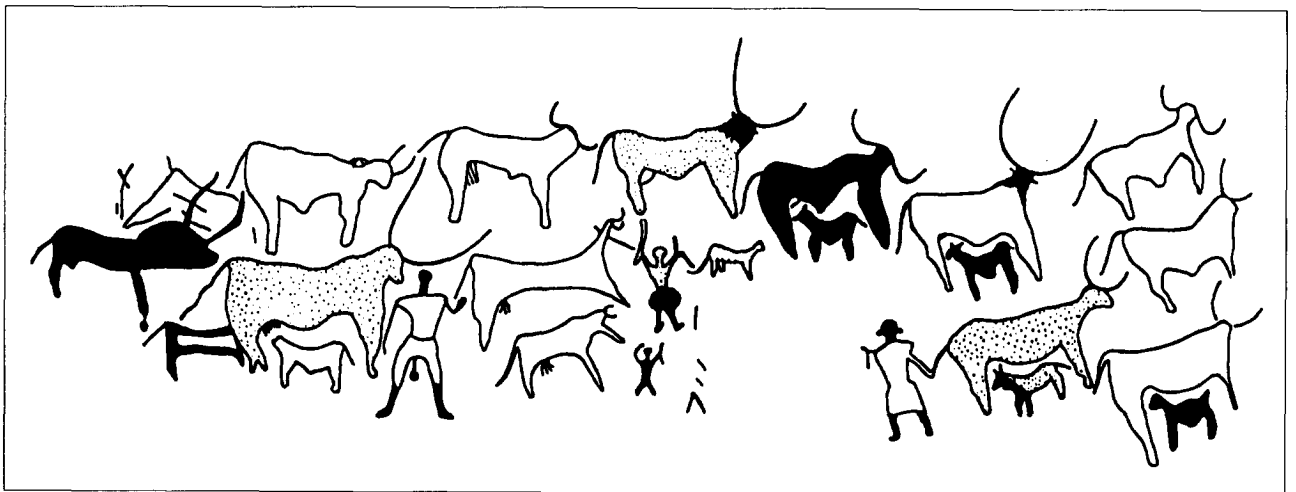

Рис. 50. Наскальный рисунок с изображением пастухов и домашнего крупного рогатого скота из Генда-Бифту, Эфиопия (по D.W. Phillipson, 1985)

та, керамику и каменные орудия из отщепов. Износ режущих краев этих орудий показывает, что они использовались при заготовке злаков или травы, хотя мы не знаем, выращивались ли эти растения специально. В поселениях близ озера Бесака в Рифтовой долине жили пастушеские племена, изготовлявшие керамику; среди используемых ими каменных орудий, в отличие от предыдущих времен, встречаются многочисленные скребки, которые могли применяться при обработке кожи и шкур.

Восточная Африка

В отличие от более северных частей долины Нила, в южном регионе современной Республики Судан проводились лишь небольшие по масштабам и задачам археологические исследования, вследствие этого можно отметить лишь самые ориентировочные черты предыстории региона. Хотя исследования в области исторической лингвистики показывают, что основы сельского хозяйства сложились здесь довольно рано, данный вывод не подтверждается имеющимися археологическими источниками. По-видимому, у племен, изготовлявших каменные орудия и живших в южной части Судана (в современной Экваториальной провинции), керамика появилась по крайней мере во II тысячелетии до н.э. К западу от Нила в тот же период начали разводить домашний скот как на равнинах современной провинции Бахр-эль-Газаль, так и в холмистой местности вокруг г. Амади на юге той же Экваториальной провинции, вблизи современного северного края лесов. С другой стороны, в более засушливых районах к востоку от Нила скотоводство появилось сравнительно недавно. Эта предварительная археологическая картина заметно контрастирует с современными данными, относящимися к более северным районам Судана, и служит, как будет показано ниже, связующей нитью между доисторическим развитием этого южного района Судана и Восточной Африки.

В Кении и Северной Танзании недавние и продолжающиеся исследования позволяют восстановить более цельную картину. В низинных районах Северной Кении берега оз. Туркана (Рудольф) продолжали обеспечивать пищу племена, ориентировавшиеся на рыболовство. Некоторые из них продолжали занимать полупостоянные поселения, появившиеся в регионе в более ранний период. В течение III и II тысячелетий до н.э., по имеющимся данным, уровень оседлости возрастал также и среди малочисленного населения, жившего в относительно засушливом районе к востоку от озера и на юге Эфиопского нагорья. Результаты раскопок, проводившихся в Эле-Боре, показали, что племена, прежде занимавшиеся охотой и собирательством, в тот период разводили мелкий скот, начали употреблять в пищу зерновые культуры (по-видимому, дикие виды) и производить керамику (илл. 134). Данные новации были освоены одновременно с появлением поселений скотоводов вблизи берегов озера, таких как в Донгодиене близ г. Илерет, которые датируются примерно 2000 г. до н.э. Найденная здесь керамика, включая изящно украшенную керамику культуры ндерит, одной из особенностей которой были внутренние насечки (илл. 135), изготавливалась людьми, разводившими крупный и мелкий домашний скот. К концу III тысячелетия до н.э. процесс опустынивания привел к падению уровня воды в оз. Туркана и вследствие этого к изменению природных условий в регионе, которые стали пригодны лишь для кочевого скотоводства.

Имеются свидетельства, что в Северной Кении социально-экономическое развитие отражало изложенную выше последовательность смены типов хозяйствования в Сахаре и сахеле. Оседлый образ жизни изначально проявлялся на берегу озера, богатых пищевыми ресурсами. Впоследствии, с появлением домашних животных, для их вы-

паса стали осваиваться более широкие территории, в том числе, по крайней мере сезонно, расположенные вдали от водоемов. Жители этих районов могли потреблять большое количество съедобных растений. С увеличением опустынивания во многих районах оседлый образ жизни перестал обеспечивать нормальную жизнедеятельность, вследствие чего он сменился кочевым скотоводством, которое до сих пор остается одним из местных типов хозяйствования.

В расположенных далее к югу частях Восточной Африки археологические исследования этого периода проводились довольно интенсивно. Имеются определенные свидетельства, что местная керамика, включая гончарную посуду культуры ндерит (см. выше), производилась здесь примерно с 2000 г. до н.э. или даже раньше⁵, однако другие важнейшие изменения, по всей видимости, имели место значительно позднее, в самом конце II тысячелетия до н.э. К тому времени относятся многочисленные и разнообразные свидетельства о развитии здесь различных типов хозяйствования, включая скотоводство, приспособившихся к условиям окружающей среды.

Несмотря на большой объем имеющихся данных или, может быть, из-за него, остаются большие сомнения относительно значимости и последовательности экономических и технологических новаций, которые появились в Восточной Африке в то время. Было высказано предположение, что домашние животные разводились в Южной Кении и Северной Танзании начиная с времен среднего голоцена или даже ранее, т.е. в период, который далеко выходит за рамки данной главы. Данные предположения, которые, видимо, основываются на не совсем тщательно дифференцированной стратиграфии, сомнительной идентификации остатков животных и/или неточных данных, полученных методом радиоуглеродного анализа, в настоящее время всерьез не рассматриваются. Большинство исследователей придерживается мнения, что одомашнивание животных племенами охотников и собирателей горных районов Восточной Африки началось не ранее середины II тысячелетия до н.э.

До сих пор предметом споров остается вопрос о том, в какой степени указанные новшества сказались на изменении численности населения. Установлено совершенно точно, что в этих районах разводился скот, имевший северное происхождение. Крупный и мелкий домашний скот не имел диких родственных прототипов в Восточной Африке, к тому же в регионах, расположенных севернее, приручение скота произошло значительно раньше – на тысячу лет в Северной Кении и на несколько тысячелетий ранее в долине среднего течения Нила и в Сахаре. Некоторые аспекты местной материальной культуры – каменные орудия из отщепов и определенные типы керамики – имеют мало общего с предметами, найденными в более северных районах. Другие, такие как гончарная посуда культуры ндерит и каменные чаши, могли делаться параллельно с производимыми в Северной Кении и, как в последнем случае, в Южной Эфиопии, как было показано выше. Поэтому представляется верным, что в ту эпоху происходило определенное перемещение людей из одного или нескольких северных регионов в Восточную Африку. Помимо всего прочего домашние животные не могли перемещаться сами по себе, без пастухов. Это доказывает, что происходила широкомасштабная миграция людей. В подобных перемещениях могла участвовать лишь небольшая часть всего населения, которая впоследствии на новом месте на протяжении веков увеличилась в численности. На основании археологических исследований можно сделать вывод о непрерывности процессов развития в данном регионе. Несмотря на несомненно северное происхождение домашнего скота, восточно-африканская «неолитическая» культура, хотя и основанная на скотоводстве, имела в основном местное происхождение.

Во время проведения в Восточной Африке археологических исследований, относящихся к данному периоду, основное внимание было сосредоточено на анализе керамики. Несколько типов гончарных изделий были выделены исходя исключительно из простого изучения технологии нанесения орнамента. Здесь необходим более взвешенный подход, однако мы вынуждены основываться на имеющихся работах.

На возвышенностях Восточной Африки отдельной группой в высокогорном районе в центре нагорья Мау на западной стороне Рифтовой долины, отличающейся большим количеством осадков, располагались поселения, относящиеся к эльментейтанскому (*Elmenteitan*) производству. Датированная периодом между концом II тысячелетия и первыми веками н.э., эльментейтанская культура представлена большими двусторонне обработанными обсидиановыми пластинами и в основном безорнаментными гончарными изделиями.

Одной из необычных черт данной культуры был обычай кремации умерших. Множество кремационных захоронений, относящихся примерно к 1000 г. до н.э., было обнаружено в пещере на р. Нджоро. Возле каждого захоронения были найдены каменные чаши, песты и ступы. Там же были найдены в большом количестве каменные бусины, а также обугленные остатки тыкв и искусно выделанных деревянных сосудов, которые могли использоваться для хранения молока (рис. 52). Кости домашних и диких животных, найденные в эльментейтанских местонахождениях, показывают, что ее представители, жившие на ограниченной территории, практиковали как охоту, так и скотоводство.

Повсеместно в горных районах Восточной Африки можно отметить большое разнообразие в типах поселений первых скотоводов, однако отдельные их группы сложны для классификации. Производства каменных орудий, керамика, каменные чаши и состав стад домашнего скота различаются вне какой-либо зависимости друг от друга. Особые затруднения вызывает выделение различных «культур», основанное на классификации орнаментов керамики. Единственным критерием, который позволяет отличить все местные культуры от эльментейтанской, является особенность погребения умерших – не кремация, а труположение в земле, часто под курганом из камней. Рядом с этими захоронениями часто находят каменные

ручения были найдены каменные чаши, песты и ступы. Там же были найдены в большом количестве каменные бусины, а также обугленные остатки тыкв и искусно выделанных деревянных сосудов, которые могли использоваться для хранения молока (рис. 52). Кости домашних и диких животных, найденные в эльментейтанских местонахождениях, показывают, что ее представители, жившие на ограниченной территории, практиковали как охоту, так и скотоводство.

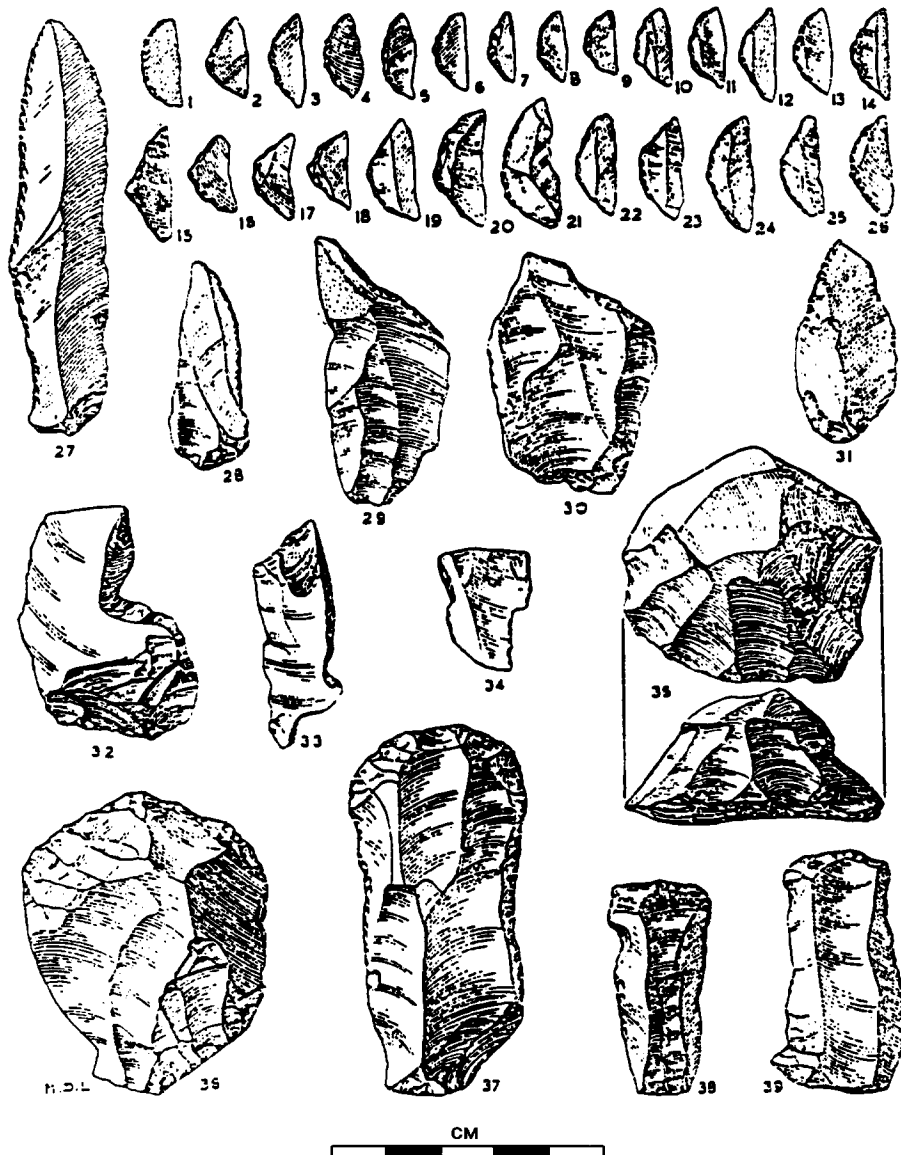

Рис. 52. Артефакты из пещеры на р. Нджоро, Кения: 1–26 – серповидные рубила; 27–31 – пластины со спинкой; 32–34 – угловые резцы; 35 – желвак; 36–39 – концевые скребки (по *Leakey & Leakey*, 1950)

чаши и блюда, которые также встречаются и при раскопках поселений, однако их назначение остается неизвестным. Среди найденных скоплений фауны почти всегда встречаются остатки домашних животных, но с разной частотой по отношению к остаткам диких животных. В стадах домашних животных крупный и мелкий скот присутствует в весьма различных пропорциях. Не было сделано каких-либо определенных заключений о применении растительной пищи – либо дикорастущих, либо окультуренных растений. О сравнительной мобильности данных обществ свидетельствует широкое распространение обсидиановых орудий в районах, удаленных от мест добычи камня, особенно в районе г. Наиваша в Центральной провинции Кении. Вполне вероятно, что очевидная неоднородность археологического материала отражает ситуацию, при которой части общества или целые сообщества жили в различных окружающих условиях, что в свою очередь обуславливало различие хозяйственных целей, возможно, в зависимости от смены времен года. Приложима ли данная гипотеза ко всему имеющемуся разнообразному археологическому материалу, должны показать будущие исследования. Данный археологический комплекс, иногда обозначаемый как восточноафриканский «скотоводческий неолит саванн», датируется концом II тысячелетия до н.э., т.е. по времени совпадает с эльментейтанской культурой. В равнинных районах побережья в рассматриваемый нами период обитали кочевые племена собирателей и охотников, применявших каменные орудия. Ситуация в бассейне оз. Виктория остается неясной, однако известно, что производство керамики и, возможно, скотоводство впервые появились здесь начиная с первой половины последнего тысячелетия до н.э., если не раньше.

Бассейн оз. Виктория, по крайней мере в его юго-западной части, был одним из древнейших центров обработки железа на территориях к югу от Сахары. Имеются убедительные свидетельства, что металлургия развивалась здесь примерно с середины I тысячелетия до н.э. Представляется вероятным, что обработка металлов в период, которого касается настоящая глава, не началась еще в значительных масштабах (если вообще началась), поэтому ее подробный анализ будет рассмотрен в следующем томе «Истории человечества».

Мы все еще не располагаем убедительными данными о породах скота, которые разводили восточноафриканские племена времен неолита. На недатированных наскальных рисунках в Маунт-Эльгон изображены длинноногие безгорбые животные, похожие на животных, ранее изображенных на Африканском роге и упомянутых выше. Маршалл (*F. Marshall*) в своем исследовании описал костные остатки крупного горбатого животного (*Bos*; ср. *indicus*), которые были найдены на юго-западе Кении и отнесены по крайней мере к последним векам до н.э.

Представляется уместным сравнить археологические данные, приведенные выше, с выводами исторического характера, основанными на лингвистических исследованиях. Изучение современных форм языка, его распространение и связи между различными языковыми группами свидетельствуют, что носители нилотских (группа языков на востоке Африки, относится к нилосахарским языкам. – *Прим. ред.*) и кушитских языков занимались сельским хозяйством в Восточной Африке несколько тысячелетий. Было бы весьма заманчивым отождествить эти народы с теми племенами, данные о которых получены археологическим путем, однако имеющиеся в настоящий момент соответствующие свидетельства в лучшем случае не подтверждены доказательствами. Как бы то ни было, археологические и лингвистические данные, согласно которым скотоводство в Восточной Африке развивалось с древнейших времен, не противоречат друг другу. Более поздние исследования позволяют утверждать также, что начало выращивания зерновых культур укладывается приблизи-

тельно в тот же промежуток времени. Последнее утверждение позволяет подчеркнуть еще раз тот факт, что мы располагаем далеко не полными и не удовлетворительными с научной точки зрения археологическими данными даже в отношении Восточной Африки, региона, где объем проведенных исследований по сравнению со всеми другими регионами Африки был наибольшим. Имеющиеся данные, полученные из изучения большинства археологических контекстов, свидетельствуют в основном о потреблении мяса при почти полном отсутствии пищи растительного происхождения у доисторических людей, однако это не значит, что растительная пища не играла важную роль в их рационе.

Несмотря на достаточно большое количество исследований неолита Восточной Африки, все же остается нерешенным ряд основополагающих вопросов, касающихся этого периода. Например, были ли люди, населявшие регион примерно в 1000 г. до н.э., только скотоводами (как зачастую утверждается) или же они занимались смешанными видами сельскохозяйственной деятельности, наличие которых, правда, еще предстоит доказать с помощью археологических исследований? Представляли ли общности, подобные эльментейтанской, которые выделены и определены археологами, определенные доисторические популяции или это была частная хозяйственная адаптация людей, которые в другие времена жили в других местах и в других условиях? Есть ли возможность объединить вне всякого сомнения дополняющие друг друга данные археологии и исторической лингвистики в цельную и непротиворечивую реконструкцию прошлого? Чтобы адекватно постичь «неолит» Восточной Африки, необходимо ответить на эти вопросы.

Южная Африка

В отличие от регионов, рассмотренных выше, в регионе южных африканских саванн в рассматриваемый период, видимо, было мало новаций в развитии. Микролитическая технология использовалась в этом регионе повсеместно по крайней мере с начала или середины голоцена, и в некоторых районах – до сравнительно позднего времени. В Южной Африке, по всей видимости, гончарное дело оставалось неизвестным до конца I тысячелетия до н.э. Вплоть до этой даты в регионе даже после многочисленных археологических исследований не было обнаружено следов, доказывающих, что здесь развивалась какая-либо форма производящего хозяйства. За исключением отдельных районов Южной Африки большинство принятых исследований было ориентировано на изучение конкретных местонахождений, тем не менее представляется возможным распространить реконструкцию образа жизни местных охотников и собирателей, основанную на проведенных исследованиях, и на другие регионы. Материал, приведенный ниже, основывается на исследованиях четырех отдельных территорий.

В *районах саванн*, расположенных к югу от бассейна р. Конго, которые известны своими алмазными копьями, в частности, вокруг г. Дондо на севере Анголы, выделяется определенная местная технологическая традиция – читольянская, которая, по всей видимости, продолжала существовать весь период голоцена и до первых веков н.э. Здесь не было найдено никакого археологического материала, кроме ряда каменных артефактов, да и структура самого поселения еще только изучается.

На основе экстраполяции данных, полученных в результате более подробных исследований некоторых соседних районов, предполагается, что племена, жившие здесь на протяжении трех тысячелетий до н.э., использовавшие каменные орудия и еще не знавшие керамики, являлись кочующими охотниками и собирателями, у которых, как

правило, не было постоянных поселений. Имеющиеся данные, которые, правда, являются весьма фрагментарными, не противоречат данной гипотезе, тем не менее она остается не полностью доказанной.

Рядом с сезонно затопляемыми низинами в долине р. Кафуэ в Южной Замбии расположен район геотермальных источников Гвишо, в котором на протяжении III и начала II тысячелетия до н.э. селились племена охотников и собирателей. Следы их пребывания здесь являются скопления мусора, в которых вследствие заболачивания местности сохранилось большое количество остатков органического происхождения. Такие особые обстоятельства позволили более широко и пристально взглянуть на материальную культуру того периода, чем это позволяют данные, которые обычно можно получить в результате археологических исследований местонахождений. Так, например, здесь были найдены остатки деревянных древков копий и луков вместе с микролитическими наконечниками стрел. Найденные здесь же палки-копалки, вероятно, служили для обнаружения животных в их норах, а также для выкапывания съедобных корней и клубней и прочистки водяных скважин (рис. 53). Кости наземных и водных животных, а также остатки орехов и фруктов показывают разнообразие пищевого рациона живших там людей, хотя даже здесь найденные следы употреблявшихся в пищу растений не могут считаться достаточно полными.

На месте раскопок было обнаружено 35 человеческих скелетов в неглубоких ямах под могильными холмами рядом с источниками; большинство скелетов – в согнутой

позе. Погребальный комплекс этих могил довольно трудно поддается идентификации.

Характер поселения в Гвишо остается не до конца понятным. Много неясностей в его периодизации; мы не знаем, до какой степени данное поселение было сезонным, какова его площадь и время существования. Неизвестно, распространялась ли территория, обеспечивающая жизнедеятельность поселения, на плато, расположенное к югу от долины Кафуэ.

Исследования, предпринимавшиеся до сих пор и направленные на изучение предыстории в Зимбабве и соседних с этой страной районах Замбии и Малави, были сосредоточены главным образом на проведении раскопок в отдельных скальных укрытиях, таких как Макве и Помонгве. Они показали, что в этот период здесь продолжали развиваться микролитическая технология и присваивающее хозяйство, основанное на охоте и собирательстве. Так как при раскопках в этих местонахождениях можно обнаружить долговую последовательность горизонтов, соответствующих периодам проживания, то зачастую трудно выделить отдельные фазы. Ценность этих местонахождений в качестве источников информации заключается в том, что собранные там данные позволяют составить общий взгляд на тенденции в развитии технологии и хозяйства и их хронологии. Такой подход, интерпретирующий данные, полученные в результате исследований отдельных местонахождений, не только как единичные случаи, но и как общий образец одного из способов использования потенциала окружающей среды, имеет большие преимущества, которые нередко недооцениваются.

В Капской провинции Южно-Африканской Республики в III тысячелетии до н.э. развивалась и переживала расцвет популяция, известная как «вилтонская», которая производила микролитические орудия, но не знала керамики. После продолжительной паузы во внутренних засушливых районах в связи с улучшением климатических условий вновь появились поселения человека. Большая часть археологической информации, относящейся к рассматриваемому периоду, получена при исследовании пещер и прибрежных раковинных скоплений. Превосходная сохранность материалов органического происхождения в ряде пещер позволяет судить не только о некоторых аспектах технологии того периода, которые не отражены где-либо еще (даже в таких заболоченных местностях, как Гвишо), но и о приемах охоты и рыболовства, а также о сезонных изменениях в деятельности по добыванию пищи. Например, по имеющимся данным в этом регионе, видимо, практиковался сезонный отгон скота между Драконовыми горами летом и побережьем Индийского океана зимой. Проведение подобного рода исследований значительно облегчается тем, что сохранились письменные материалы, в которых отражены данные о территориях и перемещениях последних популяций охотников-собирателей, живших здесь в XIX в. н.э.

Многочисленные образцы наскального искусства Южной Африки, хотя часто и не датированы с достаточной точностью, также являются потенциально ценным источником информации об этом периоде. За последние годы подход к изучению этого искусства во многом изменился под влиянием предположения, согласно которому оно отражает многие стороны системы верований южноафриканских племен. В свете данной гипотезы необъяснимые ранее изображения сейчас можно интерпретировать как одно из проявлений опытов по введению в транс, практиковавшихся этими племенами. Хотя многие из сохранившихся изображений, вероятно, относятся к двум последним тысячелетиям, некоторые из них намного древнее. С их помощью мы можем составить представление о ряде сторон доисторической повседневной жизни людей и их верований, которые невозможно получить с помощью археологии.

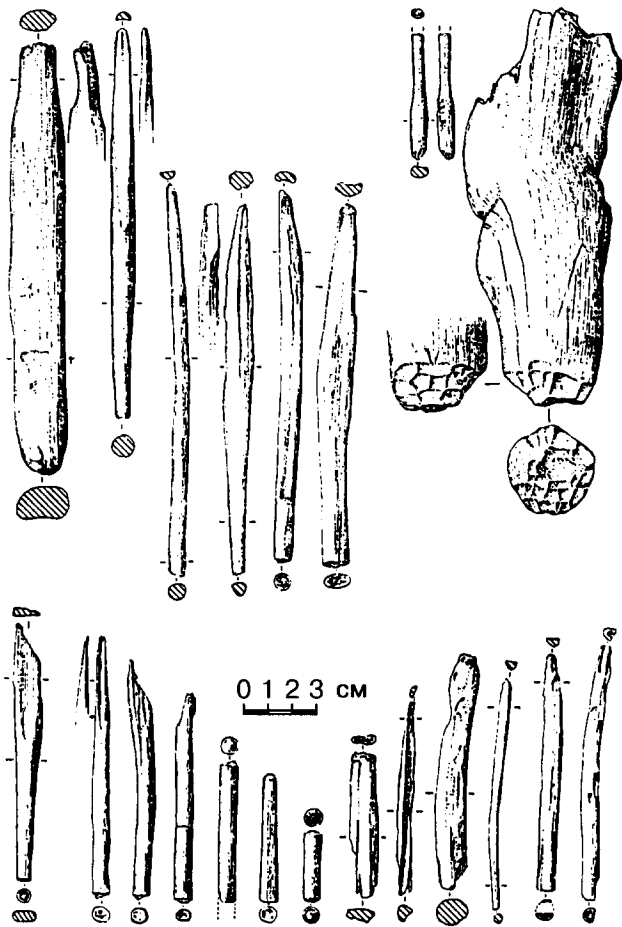

Рис. 53. Деревянные артефакты позднего каменного века из района геотермальных источников Гвишо, Замбия (по Fagan & Van Noten, 1971)

Южноафриканские наскальные рисунки и резные изображения изучаются уже много лет. Первоначально акцент в их изучении делался на подчеркивании изобразительного натурализма, исходя из которого интерпретация их сюжетной основы была довольно упрощенной. Изображения животных рассматривались как описание животного мира, с которым были знакомы племена охотников и собирателей и от которого они зависели экономически. Особый интерес вызывали изображения человеческих фигур, на основании которых делались выводы относительно одежды, оружия и других вещей, а также о различных проявлениях их жизнедеятельности – охоте, танцах или, в более поздних случаях, о разведении домашнего скота. Однако было установлено, что очень многие образцы наскального искусства, особенно живопись, невозможно трактовать упрощенно, поэтому их часто интерпретировали как изображения «мифического» или «воображаемого» порядка.

Более сложная интерпретация этого искусства стала возможной после того, как стало ясно, что виды диких животных, изображенных на рисунках, зачастую имеют мало общего с остатками фауны, которые были найдены в результате археологических исследований в тех же местах. Весьма распространенная там антилопа, которая часто была объектом охоты, о чем ясно свидетельствуют остатки пищи в местонахождениях, на рисунках изображается редко. Очень часто встречаются изображения антилопы канна, иногда выполненные с большой тщательностью и естественностью, однако остатки данного вида довольно редки (илл. 136). Необходимо отметить, что антилопа канна занимает очень важное место в системе верований некоторых современных южноафриканских племен. Вероятно, многие изображения можно лучше объяснить, обратившись к религиозным верованиям бушменских художников, а не к обыденным сторонам их жизни и исследованию среды обитания.

В итоге, главным образом благодаря исследованиям Льюиса-Уильямса (*J.D. Lewis-Williams*), было доказано, что можно более удовлетворительно интерпретировать наскальное искусство на территориях Африки к югу от р. Лимпопо. Прежние этнографические исследования,

проводившиеся среди бушменов, также соотносятся с этим подходом. При сравнении ритуалов и традиционных верований современных бушменов с системой верований, отображенных в наскальном искусстве региона, исследования еще раз подтвердили, что эти верования были широко распространены и являлись довольно однородными. В наскальном искусстве можно ясно увидеть, что практика введения в транс занимала здесь центральное и важнейшее место; вероятно, художники являлись часто и шаманами, которые непосредственно проводили эти ритуалы. Введение в транс у бушменов характеризуется согнутой позой и носовым кровотечением, что часто отображено в наскальных рисунках (рис. 54). Некоторые другие характерные черты этого искусства можно представить как отображение галлюцинаций и других следствий трансa. Ряд исследователей наскального искусства, с энтузиазмом восприняв этот новый подход, делали ошибочные заключения, что все аспекты южноафриканского наскального искусства можно объяснить введением в транс, или распространяли эту практику за пределы ее основной географической территории. Как бы то ни было, в настоящее время мы обладаем (как будет доказано ниже) новым подходом к интерпретации произведений по крайней мере одной из школ древнего наскального искусства Южной Африки и, таким образом, к системе верований авторов этих произведений.

Таким образом, исследования в области наскального искусства послужили толчком в смене приоритетов археологии – от технологии и хозяйства к темам, которые позволяют более полно взглянуть на жизнь людей. Однако каким же было общество, в котором шаманы практиковали транс и/или в котором существовало это искусство? Возможным подходом к этой проблеме является рассмотрение некоторых основных местонахождений в скальных укрытиях в качестве мест, где в определенное время года собирались люди, которые в остальное время были рассеяны в ареале обитания мелкими группами. Подобные сборы имеют жизненно важные функции у современных бушменов. На этих собраниях они обсуждают различные вопросы, обмениваются информацией, заключают союзы и проводят религиозные церемонии. Полномасштабные

Рис. 54. Наскальный рисунок с изображением людей, впавших в транс, в Восточном Баркли, Капская провинция, Южная Африка (по *Lewis-Williams*, 1983)

археологические исследования, проводимые не на отдельных участках, а в каком-либо районе в целом, позволяют обнаружить подобные места собраний; таким образом, мы можем составить гораздо более полную картину первобытной истории. В настоящий момент такие исследования начались и ограничены самой южной частью континента, однако они ясно определяют направление будущих исследований.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Экономика

Наше восприятие древней хозяйственной практики как в Африке, так и в других регионах очень сильно зависит от таких изменчивых факторов, как сохранность археологического материала и основные направления исследований. Например, кости животных в археологических местонахождениях обнаруживаются гораздо чаще, чем остатки растительной пищи. В Африке только с недавних пор, да и то не очень часто, археологи начали применять специальные методы, такие как флотация, которые обычно необходимы для обнаружения остатков растений. В результате при многих исследованиях чрезмерно подчеркивается роль мясного компонента в питании и наблюдается тенденция игнорировать его растительную составляющую. Необходимо признать, что это заблуждение, вероятно, отражает воззрения многих древних африканских народов. Возможно, в связи с тем, что при традиционном разделении обязанностей добыча мяса и другой пищи животного происхождения считалась обязанностью мужчин, а сбор растений – обязанностью женщин, мясо могло рассматриваться как более важная составляющая рациона. Вследствие этого в прошлом изображения животных (как диких, так и домашних) являлись излюбленным сюжетом в наскальном искусстве, тогда как растения изображались крайне редко. В более поздние времена люди, добывающие пищу, считали себя и представлялись в качестве охотников, даже если растительная пища составляла большую часть их рациона. Аналогично, люди, имеющие домашних животных, считали себя скотоводами и преуменьшали, а то и вовсе отрицали свою зависимость от растительной пищи. Таким образом, преувеличение роли пищи животного происхождения имеется как в археологических исходных данных, так и в некоторых поверхностных этнографических исследованиях, от которых археолог может отталкиваться, возможно, даже не осознавая этого.

Еще одно заблуждение может возникнуть вследствие имеющейся у некоторых авторов тенденции использовать термин «скотоводы» по отношению ко всем первобытным обществам, содержащим домашних животных, без учета того, какое место животные занимают в хозяйстве этих людей. При корректном использовании данный термин применим только к тем племенам, для которых скот является главным источником существования и для которых забота о нем является основным видом деятельности. Вместе с упомянутыми выше археологическими данными некорректная терминология может привести к тому, что у читателя сложится неадекватное представление об экономике древней Африки.

Период в африканской преистории, рассматриваемый в этой главе, был в первую очередь не временем нововведений, а этапом, в течение которого закреплялось уже достигнутое. В эту эпоху большинство обитателей континента добывали средства к существованию, по крайней мере в некоторой степени, охотой и собирательством, следуя той модели использования ресурсов окружающей среды, часто имевших сезонный характер, которая сложилась за многие тысячелетия до этого. К югу от экватора данная

модель оставалась единственным способом добывания пищи. В северной половине континента масштаб и интенсивность производства продуктов питания постепенно возрастали, хотя начала этой деятельности можно почти всегда проследить в более ранние периоды.

Важно понять, что одомашнивание животных и окультуривание растений, несмотря на их концептуальную связь, весьма различаются на практике. Окультуривание зерновых растений, с одной стороны, и вегетативно размножающихся растений – с другой, также имеют мало общего между собой. Очень важно принять эти положения во внимание и не делать излишних обобщений.

К 3000 г. до н.э. разведение крупного и мелкого домашнего скота уже практиковалось многие века в районе современной Сахары, в Северной Африке и в долине Нила к северу от центральной части Судана. Поэтому мы не будем рассматривать вопрос о том, как на Африканском континенте зародилось скотоводство. В данном томе «Истории человечества» важно отметить, что в течение последних трех тысячелетий до н.э. в Африке наблюдалось значительное распространение скотоводства на другие территории, главным образом на юг. К 1000 г. до н.э. скотоводство широко практиковалось на большей части Западной Африки, от саванн до северного края экваториальных лесов, в Эфиопии и на Африканском роге и в Восточной Африке к югу вплоть до равнин Серенгети.

Ни на одной из этих территорий до сих пор не было обнаружено остатков диких видов животных, которые могли бы быть предшественниками домашних видов крупного и мелкого скота. Из этого следует, что первые животные не были одомашнены на этих территориях, а были заимствованы в соседних районах, на западе или севере, где разведение скота началось гораздо раньше. Так как стада домашних животных не могли передвигаться сами по себе, можно представить, что также происходили определенные передвижения людей. Необходимо правильно понять данное утверждение. Очевидно, что владельцы домашних животных проводили их адаптацию и селекцию применительно к различным условиям и требованиям новой среды обитания. Именно в результате этого, например, в некоторых лесных регионах Западной Африки были выведены карликовые виды скота, обладающие иммунитетом к трипаносомозу, а на Африканском роге появились виды, устойчивые к нехватке воды. Точно так же не нужно представлять, будто в то время происходили массовые переселения скотоводов и скота в южные широты. Во многих регионах отмечается определенная стабильность в составе населения, которая наблюдалась и в период, когда здесь началось разведение скота. Как правило, новый способ добычи средств к существованию перенимался населением, жившим на определенной территории постоянно. Однако было бы ошибкой отрицать, что в то время происходила миграция населения, возможно, мелкомасштабная, вызванная распространением домашнего скота и, вероятно, происходившая при жизни нескольких поколений.

Мало сомнений в том, что одним из многих главных факторов, обусловивших территориальное распространение скотоводства, было прогрессирующее опустынивание Сахары⁶. Как уже отмечено, этот процесс сопровождался общим смещением к югу растительных поясов саванны и саванн. Данные изменения, произошедшие в течение жизни нескольких поколений, могли послужить толчком для перемещений поселений. Это происходило как раз тогда, когда в египетской долине Нила и, возможно, также в Нубии протекали подобные процессы концентрации населения, которые, как считается, привели к развитию более сложных систем общественного устройства в этом богатом, но территориально ограниченном регионе.

Хотя общая картина распространения скотоводства теперь довольно ясна, развитие земледелия представляет

ся более сложным и проблематичным из-за неполноты первичных данных, о чем уже говорилось выше. Растения, которые традиционно выращивались в районах к югу от Сахары, были местными (лишь сравнительно недавно здесь появились американские и азиатские виды). Земледелие на возвышенностях Центральной Сахары, хотя это и не совсем полно подтверждается имеющимися археологическими данными, вероятно, было ориентировано на пшеницу и ячмень, которые имели западноазиатское происхождение. Доказано, что в тот же период их возделывали в египетской долине Нила. Однако эти зерновые культуры зависят от сезона зимних дождей, поэтому их нельзя возделывать в климатических условиях большинства районов Африки, расположенных далее к югу.

Сами виды растений, выращиваемых к югу от Сахары, значительно различаются между собой. В саваннах преобладали зерновые культуры, а в лесных районах основу составляли вегетативно размножающиеся растения, такие как ямс. В ходе ботанических исследований был сделан вывод, что и те и другие виды имеют местное происхождение, иными словами, начало их возделывания могло иметь место в некоторых регионах к югу от Сахары. Ямс (*Dioscorea* spp.) и другие растения, включая масличную пальму (*Elaeis guineensis*), являются местными растениями на окраине лесной зоны, где, вероятно, их и начали окультуривать. Что касается зерновых культур, особенно таких как тростниковое просо (*Pennisetum*) и сорго, то ботанические и археологические исследования показывают, что они, вероятно, появились в зоне современного сахеля: просо на западе, а сорго на востоке. Африканский рис (*Oryza glaberrima*), хотя также является зерновой культурой, должен возделываться в более влажных условиях, и, вероятно, он впервые появился в заболоченных районах внутренней дельты р. Нигер. Особняком стоят растения, которые возделывались в уникальных условиях Эфиопского нагорья.

Некоторые авторы в своих исследованиях много внимания уделяли вопросу о том, появилось ли земледелие в Африке само по себе или же на его развитие было оказано влияние извне. Эта проблема не может быть решена на основании имеющихся в нашем распоряжении данных, и вообще сама постановка такого вопроса может вызывать споры. Проблема не только в том, что хронология является неточной, – само начало развития земледелия почти невозможно определить и установить как факт с помощью данных археологии. В отношении зерновых культур это обстоятельство вызывает серьезные проблемы, а для таких растений, как ямс, эти проблемы при современных методах исследования выглядят непреодолимыми. Наконец, невозможно установить наличие или отсутствие взаимовлияний между племенами, живущими в одно время. Мы просто никогда не узнаем, имели ли люди, начавшие возделывать просо к югу от Сахары, сведения о том, что далее к северу похожим образом возделываются пшеница и ячмень.

Согласно данным последних исследований, начало земледелия в районах к югу от Сахары напоминает зарождение скотоводства в этом регионе, которое было описано выше, правда, с одним важным исключением. Исключение относится к распространению ямса на территории у краев лесной зоны, в районе современного Южного Камеруна и Юго-Восточной Нигерии. Как уже утверждалось в данной главе, имеются указания на то, что оно развивалось здесь абсолютно независимо и значительно опережало по времени начало окультуривания зерновых растений в соседних районах саванны.

Прежде чем оставить тему культивирования растений, необходимо еще раз подчеркнуть, что имеющиеся археологические данные не вполне отражают действительное положение вещей. Тот факт, что основная часть обнаруженных вплоть до настоящего момента остатков культур-

ных растений Африки датируется сравнительно недавним временем, не означает, что в дальнейшем не будут найдены более древние образцы. Надо заметить, что первые культурные растения могли возделываться в течение многих веков, прежде чем это привело к распознаваемым изменениям в морфологии тех твердых частей растения, которые, по-видимому, сохранились в археологических слоях. Некоторые важные растения не имеют таких твердых частей, вследствие чего вообще неизвестны археологам.

Хотя большая часть изложенного выше относится к развитию производящих форм хозяйства в Африке, будь то скотоводство или земледелие, нельзя забывать о том, что, вероятно, все упомянутые первобытные сообщества континента в большей или меньшей степени продолжали зависеть от охоты и собирательства. Несмотря на всю важность производящих форм хозяйства, которую специалисты по доисторическому времени вполне обоснованно подчеркивают, в те времена не наблюдалось резкого разрыва с охотой, рыболовством и собирательством. И те и другие виды деятельности дополняли друг друга; в определенной мере первоначальное приручение животных и возделывание диких видов растений позволили сохранить и интенсифицировать старые методы получения пищи в условиях увеличившегося потребления, которое было вызвано ростом населения и/или изменениями в окружающей среде.

Данный раздел в целом посвящен той части Африканского континента, которая расположена к северу от экватора. К 700 г. до н.э. сведения о скотоводстве и/или земледелии распространились на большей части этих северных регионов. Однако у нас нет доказательств, что на данной ранней стадии эти сведения коснулись более южных регионов. Пищевых ресурсов диких африканских биомов было достаточно для удовлетворения потребностей людей. Археологами постоянно накапливаются знания о том, как путем разнообразия форм деятельности, сезонной мобильности и гибкости в формах и структуре поселений людям удавалось полностью использовать природные богатства. Эта способность к адаптации и изначальный консерватизм, дополняя друг друга, могут объяснить причины задержки появления производящих форм хозяйства в южной половине Африки. Обстоятельства и время их появления в регионе будут рассмотрены в томе III «Истории человечества».

Обсуждение вопросов хозяйствования не может ограничиваться только способами добычи пищи. Все виды деятельности, рассмотренные выше, имели более широкое значение. Животные, разводимые в неволе, подобранные или добытые при охоте, обеспечивали людей не только съестными припасами, но и были источником таких материалов, как шкуры, кости и бивни, которые можно было использовать для различных целей; использовались также и раковины. Домашние животные в современных африканских обществах зачастую представляют собой самостоятельную ценность, возобновляемую путем воспроизводства и переходящую от владельца к владельцу при различных социальных и политических обстоятельствах не обязательно в качестве объекта потребления. В наскальном искусстве Сахары имеются изображения, подтверждающие, что подобная практика имеет древнюю историю, начавшись гораздо раньше того периода, который рассматривается в данной главе. Дикие и культурные растения также являются источником волокон, наркотиков, благовоний, красок и других веществ, используемых в различных целях. Использование материалов растительного и животного происхождения всегда оцениваются по их важности в развитии технологий.

Необходимо рассмотреть также значение обмена и передач предметов потребления между отдельными людьми и их группами. Здесь предпочтительнее применять тер-

мины «передача» и «обмен», а не слово «торговля», которое часто используется в данном контексте, потому что термин «торговля» имеет признаки формальной организации, регулярности и – у некоторых авторов – действия на далекие расстояния. «Торговля» в указанном значении этого слова, несомненно, имела место на протяжении последнего тысячелетия до н.э., как будет показано ниже, однако в то время в таком виде она представляла собой только малую часть процессов обмена предметами потребления.

Межплеменной обмен и передача предметов потребления предположительно играли большую роль в распространении скотоводства и земледелия, о чем говорилось выше. Домашние животные, обладающие мобильностью и потенциальной ценностью, особенно подходили для этой цели. В качестве убедительного примера можно привести современные африканские общества, в которых организация обмена может служить моделью и для более раннего периода. Домашний скот способен одновременно и обеспечить, и усилить взаимозависимость (не обязательно на равной основе) между группами скотоводов и их соседями, как мы видим в наши дни в Руанде или в окраинных районах пустыни Калахари. Данные ситуации также подчеркивают высокий статус, который имеют владельцы скота, и это в свою очередь может помочь объяснить быстроту распространения скотоводства. К тому же имеется много свидетельств, что и в наши дни практикуется передача скота для закрепления союзов – как социальных (брачных), так и политических. При таком использовании скот может служить в качестве воплощения богатства, которое сохраняется и копируется скорее как эквивалент денежных средств, чем просто как источник съестных припасов. Здесь не место подробно рассматривать эту практику, так как у нас нет определенных свидетельств того, что она имела место в I тысячелетии до н.э., однако важно помнить о ней.

Между соседними группами и отдельными людьми происходил обмен продуктами, добытыми в результате различных хозяйственных усилий. До недавнего времени было принято считать, что в целом эти усилия в виде стратегий выживания являлись прерогативами определенных групп. Так, пигмеи на крайнем востоке Заира считались в основном, а то и исключительно, собирателями, которые обменивались своими продуктами с соседними группами, занимавшимися скотоводством или земледелием.

Товары и продукты из отдельных регионов обладали особой ценностью из-за своей редкости и поэтому перемещались на большие расстояния. Это особенно справедливо в отношении диких видов животных и растений и их производных, таких как шкуры львов и леопардов, ароматические смолы, орехи кола и другие наркотические средства, или морские раковины. В археологических слоях могли сохраниться, видимо, только раковины – как, например, в Восточной Африке. Однако есть также свидетельства в письменных источниках и изобразительном искусстве Египта, где показано, что эти предметы привозились издалека, например, из «Страны Пунт».

Подобным образом обстояло дело и с минералами. Для скотоводов особую важность имеет соль, которая в Африке добывалась несколькими способами: разработкой ее естественных залежей, выпариванием из морской воды или внутриконтинентальных соленых источников, или же более сложными способами, такими, как сбор соли, оседавшей на почве или на некоторых растениях. Все эти методы применялись лишь на немногих и ограниченных территориях, тогда как потребность в соли была повсеместной. Поэтому она служила предметом обмена на больших расстояниях; весьма вероятно, что подобная практика была такой же древней, как и разведение домашнего скота.

Камень для изготовления орудий и украшений также был весьма необходимым сырьем, однако был доступен не

везде. Некоторые обитаемые районы, такие как внутренняя дельта Нигера, абсолютно лишены поделочных камней, каждый из них было необходимо принести сюда из других мест. В других регионах, таких как Восточная Африка, был очень распространен материал низкого качества, однако обсидиан с его великолепным свойством раскалываться на отщепы добывался только на отдельных разработках, продукция которых широко расходилась в виде как необработанного материала, так и готовых изделий. Так как обсидиан с отдельных разработок легко идентифицировать, археологи смогли в деталях выяснить изменения путей его распространения, особенно в Кении. Красивые камни, применявшиеся для изготовления бус, которые весьма ценились и служили довольно долго, также иногда перемещались на очень большие расстояния, например, из горных районов Центральной Сахары в долину Нила.

Много внимания уделялось изучению распространения стилей гончарных изделий. Однако надо заметить, что по своей природе большая часть керамики является громоздкой, тяжелой, хрупкой и малоценной; она изготавливается из материала, который можно легко найти во многих местах. Вследствие этого весьма вероятно, что во многих случаях распространение стилей керамики шло либо путем перемещений самих гончаров, либо при их передаче между отдельными людьми. Большинство керамических сосудов, вероятно, использовалось вблизи места их производства. Разумеется, многие племена, образ жизни которых предполагал почти постоянную мобильность, не пользовались гончарными предметами, предпочитая более легкие и транспортабельные сосуды из дерева, кожи или плетеных изделий; имеется много примеров того, когда люди, которым приходилось перемещаться, переставали использовать керамику. Более надежные указания на перемещение гончарных изделий могут быть получены методом анализа исходной гончарной глины, что было проделано с некоторыми нубийскими тонкими изделиями, для которых было можно определить место добычи глины, из которой они были сделаны. По-видимому, торговля или обмен гончарными изделиями на значительные расстояния были ограничены тонко выполненной посудой, которая рассматривалась как предметы роскоши или престижа, а также керамическими сосудами, в которых перевозилось ценное содержимое, например благовония или вино.

Для большей части Африки в рассматриваемый период металл не имел особого значения в качестве материала. Однако в египетской долине Нила золота, медь и их сплавы использовались в больших количествах начиная с позднего додинастического периода. Большая часть применявшегося в долине Нила металла, особенно золота, имела не местное происхождение, а, вероятно, завозилась издалека – из Южного Египта и Северного Судана. Эти металлы добывались как местным населением, приспособившимся к известным им потребностям, так и старателями и торговцами из долины Нила. Многие другие предметы потребления, такие как драгоценные камни, слоновая кость, звериные шкуры, а кроме того, и рабы-пленные, ввозились в Египет при фараонах, что во многом послужило образцом для установления модели эксплуатации сырьевых богатств Африки, используемых для обработки на более развитых территориях, которая продолжала существовать и развиваться и в более поздние времена.

В конце данного обзора необходимо обратить внимание на проблему, которая возникает при частом и некритическом использовании термина «торговля». Обычная форма передачи предметов потребления была небольшой по масштабам и по расстоянию. Здесь не было необходимости в долгих путешествиях и услугах специалистов-торговцев. Во многих случаях, когда тот или иной предмет, по всей видимости, перемещался на большие

расстояния от места своего происхождения, можно предположить, что он перемещался из рук в руки по определенным сетям обмена. Долгие и специальные путешествия, по всей видимости, предпринимались очень редко, например, как в случае с египетскими старателями и настоящими торговцами⁷.

Технология

На большей части территории Африки в рассматриваемый период металл был неизвестен, поэтому обзор технологии касается главным образом применения камня, глины и материалов органического происхождения. По причине широкого использования и хорошей сохранности наиболее многочисленными являются предметы, сделанные из камня.

В течение последних трех тысячелетий до н.э. практически все общества Африки, о которых мы имеем хоть какие-то сведения, использовали орудия, изготовленные из отщепов, полученных путем оббивки камня. (Возможно, обитатели центральных районов бассейна Заира – региона по-настоящему еще не исследованного в археологическом отношении, где любые виды камня встречаются крайне редко, – являют собой исключение из этого обобщения.) По всему континенту, несмотря на то что можно выделить множество региональных традиций изготовления каменных орудий, основной акцент был сделан на изготовлении микролитов со спинкой, которые впервые появились за тысячи лет до рассматриваемого периода. Тип исходного материала, который был доступен на местах, имел большое и часто недооцениваемое воздействие на размер и стиль производимых орудий. Например, широко доступный обсидиан с весьма подходящей структурой для получения отщепов, добываемый в горных районах Восточной Африки, стал материалом для производства больших орудий с правильными сколами, которые характерны для эльментейтанского производства около 1000 г. до н.э. С другой стороны, во многих более южных районах были доступны лишь небольшие куски кварца весьма грубой структуры, из которого даже умелый человек мог сделать только грубые орудия неправильной формы.

Большая часть сделанных микролитических инструментов должна была быть прикреплена к какой-либо рукоятке, но лишь в очень редких случаях удается найти образцы, точно показывающие, как это было сделано. В отличие от Египта, показательных в этом смысле находок имеется немного – это серп из Колумнаты в Алжире и несколько скребков из пещер в Капской провинции ЮАР. Несколько микролитов, найденных близ Макве в Восточной Замбии, сохранили следы мастики, с помощью которой они крепились в прорези рукоятки. К сожалению, нам мало известно о том, для каких целей изначально предназначались эти орудия. Изучение поврежденных рабочих кромок этих орудий редко применяется к материалам, относящимся к рассматриваемому периоду.

Вследствие этого на сегодняшний день в большинстве случаев, когда определяются функции этих инструментов, к ним прилагаются обычные ярлыки, такие как «наконечник стрелы» или «скребок», которые основаны на субъективном определении этих функций, базирующемся на морфологии данных орудий. В тех районах, где местный исходный материал позволяет произвести уточнения и стандартизацию, как в районах Сахары, такие определения могут считаться по крайней мере правдоподобными, если не абсолютно верными. В некоторых случаях изменения в типе артефакта могут сопровождаться другими новациями, которые указывают на их возможное применение. В качестве примера можно привести поселение близ оз. Бесака в Эфиопии, где первые свидетельства появления здесь домашнего скота дополняются обилием похо-

жих на скребки каменных орудий, которые могли быть использованы в процессе выделки кожи: сравнительная редкость микролитов в то время могла указывать на уменьшение уверенности в удачной охоте.

Подобные проблемы встречаются при изучении полированных каменных орудий. Тип, наиболее часто находимый во многих частях континента, – продолговатое орудие с хорошо заточенной кромкой на более узком конце. Хотя их довольно часто считали «топорами», сейчас выясняется, что они также служили в качестве орудий для капания земли – своего рода мотыгами, с рукоятками или без них. В районе Сахары подобные орудия рассматривались как характерный признак «неолитического» производства и вследствие этого служили косвенным указанием на наличие какой-либо формы производящего хозяйства. Однако мы не видим особых поводов для подобных заключений. Действительно, точно такие же по строению полированные каменные орудия производились в районах саванны в современной Замбии за много тысячелетий до того, как здесь появились первые признаки производящего хозяйства.

Еще одним полированным каменным артефактом, весьма распространенным в южной части Африки, является камень с просверленным отверстием. Это орудие могло использоваться для разных целей, одной из которых, как показано на наскальных изображениях в Южной Африке, являлось обеспечение противовеса для деревянных палок-копалок. Подобная практика сохранилась и до недавнего времени.

Полированные камни также являлись исходным материалом для изготовления широкого ряда орудий, используемых для растирания и измельчения, и напоминают орудия, в более поздний период применявшиеся для перемалывания зерна и иногда другой растительной пищи. В рассматриваемый промежуток времени такие орудия встречаются на большей части континента, за исключением густых экваториальных лесов, однако они были особенно многочисленны и широко использовались в районах, расположенных к северу от экватора. К данной группе можно отнести также различные каменные чаши, блюда, ступы и песты, которые находят в Восточной Африке. Часто считается, что наиболее вероятной функцией этих артефактов было измельчение выращиваемого зерна, однако необходимо помнить, что и дикие виды зерновых культур, собранные в больших количествах, надо было обрабатывать точно так же. Некоторые из терок могли быть использованы и для измельчения совершенно других материалов, например красителей при изготовлении гончарных изделий.

Керамика, как было отмечено, была исключительно продуктом местного производства. К середине I тысячелетия до н.э. на территориях Африки, расположенных к северу от экватора, она встречалась повсеместно, однако далее к югу ее еще не было. Как правило, ее изготовляли вручную, гончарный круг за пределами долины Нила был неизвестен. На большинстве территорий сосуды имели округлое или острое дно, их ставили между камнями в очаге или в углублениях в земле. Только в первом тысячелетии до н.э. на территории между Камеруном и дельтой реки Конго широко использовались сосуды с плоским дном. Орнамент, как правило наносимый перед обжиганием, являлся либо резным, либо вдавленным. Слюда или другие добавки в глину также иногда служили для украшения. Полирование, иногда с применением графита или талька, было обычной практикой, однако настоящая глазурь была неизвестна.

На протяжении большей части рассматриваемого периода металлические орудия и предметы, использовавшиеся в Африке за пределами египетской и нубийской частей долины Нила, завозились туда либо из этих регионов, либо с территорий за пределами континента. Не имеется

данных о применении технологии выплавки и обработки металлов в Африке до начала VI в. до н.э., поэтому этот вопрос рассматривается в томе III «Истории человечества». Находок привозных металлических предметов очень мало, и они ограничены лишь Северной Африкой и некоторыми частями Сахары. На резных скальных изображениях в районе Атласских гор можно увидеть бронзовое оружие, напоминающее некоторые европейские типы II тысячелетия до н.э. На наскальных рисунках в горных районах Сахары, обычно датированных примерно 1000 г. до н.э., изображены легкие колесницы с впряженными в них лошадьми. До сих пор не найдено никаких их материальных остатков, однако кажется невероятным, чтобы они могли быть сделаны без применения металла, особенно это относится к колесам. Итак, мы можем сделать вывод, что за пределами долины Нила металл имел весьма небольшое значение в развитии африканской технологии в тот период.

Использование органических материалов, по-видимому, было гораздо более распространено, чем это может показаться на первый взгляд при рассмотрении результатов археологических исследований. Костяные инструменты и бусы из раковин достаточно просты, и их частая сохранность убеждает в том, что они широко использовались на большей части континента. Шкуры животных и растительные волокна сохраняются крайне редко, однако с помощью наскальных изображений можно составить представление о том, как эти материалы использовались, например, для изготовления одежды, мешков, емкостей для воды. Хорошая сохранность древних органических материалов на краях пустынь в египетской долине Нила показывает, какой широкий спектр артефактов мог быть потерян в других регионах континента. Это особенно справедливо в отношении деревянных предметов, в число которых входили не только вещи повседневного использования, но и художественные произведения. На большей части территории Африки за очень редким исключением в археологических местонахождениях не было обнаружено никаких деревянных предметов. Как раз в регионе экваториальных лесов, где камень в качестве материала не всегда доступен и люди особенно зависели от дерева, условия для его сохранения самые неблагоприятные. Одним из мест, где была получена объемная информация благодаря находкам многочисленных деревянных предметов, относящихся к тому периоду, является район геотермальных источников Гвишо на юге Замбии. Там сохранились и найдены стрелы, луки, палки-копалки, посуда и множество других предметов. Необходимо также обратить внимание на деревянный выдолбленный сосуд, найденный в пещере у р. Нгоро в Кении: он весьма напоминает сосуды, в которых современные скотоводы хранят молоко.

Наконец, необходимо остановиться на технологии строительства, относящейся к тому периоду. Ее можно разделить на технологию возведения жилья, сооружения конструкций для погребения умерших и технологию хозяйственных построек. В Африке, за исключением египетской и нубийской частей долины Нила, не осталось никаких архитектурных следов, относящихся к рассматриваемому нами периоду, которые можно было бы уверенно отнести к чисто религиозным или не имеющим отношения к погребальным обрядам.

Структура жилища была приспособлена к образу жизни его обитателей, и обычно для возведения постоянного жилища требовалось достичь определенного уровня оседлости. Мобильные племена охотников и собирателей в южной половине Африки часто использовали естественные скальные укрытия. Поселения, расположенные на открытом пространстве, даже существовавшие долгое время, как, например, в Гвишо, состояли из таких непрочных и временных жилищ, что при проведении археологических исследований не было обнаружено никаких их следов.

Вероятно, они напоминали куполообразные конструкции, сооруженные из веток и травы, которые до сих пор возводятся на месте временных поселений собирателей, или укрытия рыбаков. Подобная картина, возможно, преобладала и в более северных регионах, где во временных укрытиях обитали многие группы скотоводов. Постоянные поселения строились обычно там, где переход к земледелию обусловил определенный уровень оседлости и стабильности населения. Их появление в египетско-нубийской части долины Нила рассматривается в других главах этого тома; что касается иных регионов Африки, то наиболее интересное по найденным сведениям поселение находится в Дхар-Тишите на юге Мавритании, датированное II и началом I тысячелетия до н.э. Большое число строений, сложенных способом сухой кладки из каменных глыб, располагалось группами на определенном расстоянии друг от друга вдоль крутых откосов, как показано на рис. 10. Имеются данные, что в более высокогорных районах, расположенных далее к югу, с высоким уровнем осадков в то время строились жилища типа мазанок, как, например, в Нтересо в Гане.

Во многих районах умерших хоронили в простых могилах-ямах, однако в некоторых местах встречаются погребальные памятники. Пирамиды из сложенных в кучу камней сооружались над самыми первыми погребениями у скотоводческих племен Восточной Африки. Подобные погребения были обнаружены при раскопках в Танзании и в Кении. Мегалитические погребальные сооружения возводились в Сенегале, Гамбии, о. Биоко, Эфиопии и на территории современной Центральноафриканской Республики. Только в последнем из указанных мест было выявлено, что эти монументы начали строиться до освоения металлургии.

Наконец, необходимо рассмотреть разнообразнейшие по своим типам строения, которые не всегда можно отнести к архитектуре как таковой, использовавшиеся в хозяйственных целях. Можно привести ряд примеров подобных сооружений, хотя в большинстве случаев их с трудом можно датировать интересующим нас периодом. Установленные в ряд камни, которые либо разграничивали очищенные поля, либо образовывали террасы на склонах холмов, долгое время являлись характерными спутниками сельскохозяйственных поселений. Весьма вероятно, что некоторые системы полевых участков в Магрибе сложились еще до финикийцев; возможно, что столь же древними являются террасы в Эфиопии. В засушливых регионах для снабжения водой скота рылись глубокие колодцы. Большинство из них используется до сих пор, и их происхождение установить особенно трудно. Однако на некоторых наскальных рисунках в Сахаре можно увидеть, как воду, доставаемую из глубоких колодцев, передают в кожаных ведрах из рук в руки, точно так же, как это делается и сейчас у многих африканских скотоводческих племен.

Религия и социально-политическая организация

Для тех обществ, у которых не развилась монументальная архитектура, поощряемая властными элитами, археологические реконструкции их общественно-политической организации должны быть обычно основаны на всестороннем изучении самого местонахождения. Исходные данные будут часто свидетельствовать о неравенстве при доступе к ресурсам, хотя надо признать, что данный факт не всегда связан с политической властью. Проведенные во многих районах Африки археологические исследования не выявили таких проявлений неравенства, которые нельзя было бы объяснить межрегиональными различиями. Наоборот, для большей части территорий характерен одинаковый уровень жизни. Одним из очень немногих мест,

где можно провести сравнительный анализ, является Джар-Тишит в Мавритании, где огороженные каменными стенами жилые блоки расположены группами, в которые включены примерно от 20 до 200 таких блоков. Возможно, но никак не доказано, что это неравномерное расположение отражает имущественное неравенство.

В более южных регионах археологи начали исследовать большие местонахождения, часто скальные укрытия, которые, по всей видимости, в определенное время года служили местами регулярных общих собраний племени, члены которого в остальное время жили отдельно друг от друга в значительно меньших временных жилищах. Данная социально-политическая организация подобна той, которая преобладает среди современных племен собирателей и охотников Африки, живущих малыми группами, поддерживающими настоящее равенство.

В подобных обществах, как и во многих других, понятия об общественном престиже и статусе применяются не только по отношению к личности, обладающей социально-политической властью. В Южной Африке наскальное искусство, как это понимается сейчас, служило для того, чтобы подчеркнуть важную роль, которую играли шаманы. У нас нет оснований считать, что наскальное искусство имело такое же значение в Сахаре или на Африканском роге. Весьма соблазнительно при анализе наскальных изображений больших стад сделать вывод о неравном накоплении этой формы богатства, однако мы не знаем, отражали ли эти рисунки действительное положение или же изображали лишь желания художника.

В традиционном африканском обществе редко делается современное, характерное для Запада, различие между политической и религиозной властью. В Египте времен фараонов оба вида власти были накрепко связаны между собой. Несмотря на очень большую степень огосударствления религии в Египте, а также на имеющийся у нас большой объем знаний о ней, который был получен в результате как интенсивных археологических исследований, так и из доступных письменных источников, представляется вероятным, что глубинные основы египетской религии были общими на большой территории, по крайней мере в Северной и Северо-Восточной Африке. Некоторое подтверждение этому дают произведения наскального искусства Сахары, однако наше понимание имеющегося материала затруднено тем исследовательским подходом, который до сих пор не рассматривал искусство региона как единое целое. Данный подход был не в состоянии обнаружить не только общность стилистических условностей, таких как обратная перспектива, характерная для египетского искусства, но и детальное сходство в головных уборах, одежде, ее орнаменте и других украшениях, позах людей и в подходах к изображению множества фигур, которые указывают на общую основу. Другие изделия, такие как маски или искусно выполненные костюмы танцоров, имеют близкие параллели в недавних традициях, сохранившихся в более южных регионах континента. До тех пор пока искусство Сахары и его хронология не будут полно и всесторонне исследованы, невозможно установить, сложились ли отмеченные общие особенности одновременно или же последовательно.

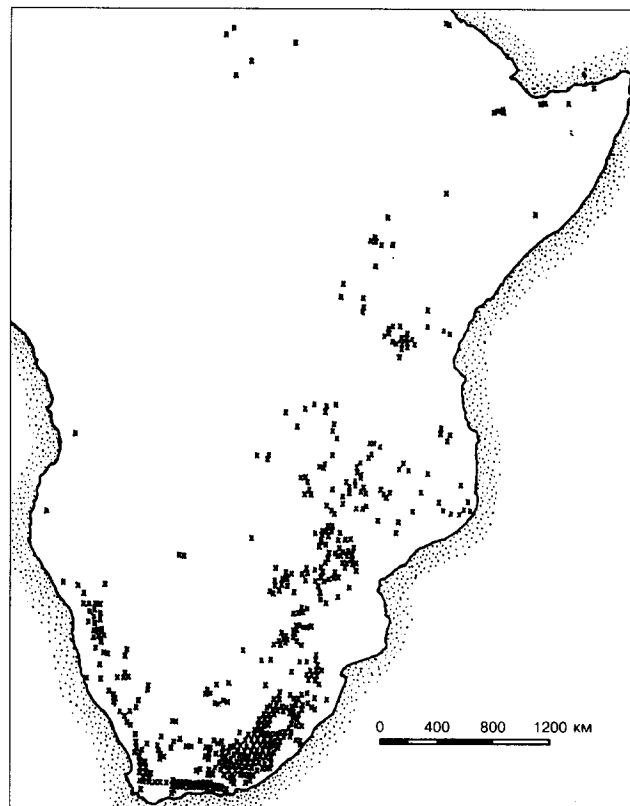
Исследования южноафриканского наскального искусства показали, как уже было отмечено, что значительная его часть связана с практикой шаманизма и введения в транс. Данная практика и в наши дни играет важную роль в общественно-религиозной жизни бушменских народов. Несмотря на неоднократные попытки, до сих пор не доказано, что все наскальное искусство Южной Африки подпадает под эту категорию, не доказано и то, что подобная интерпретация может быть обязательно применена к восточноафриканскому натуралистическому наскальному искусству. Однако с уверенностью можно заключить, что многие основные черты шаманских верований и обрядов,

которые характерны для современной религии бушменов, являются очень древними (они развивались в течение нескольких тысячелетий).

Для всех описанных выше территорий и вообще для большей части континента характерна традиция уважения к умершим. Она должна рассматриваться как один из аспектов, который наиболее очевиден при археологических исследованиях, относящихся к повсеместно распространенной вере в существование душ и духов, которая лежит в основе африканских религиозных верований и обычаев. Возможность того, что по аналогии с более поздними временами местными жителями практиковался каннибализм, никоим образом не снижает действенность этого обобщения. Погребальные приношения в исследованных захоронениях различаются в зависимости от сферы интересов и направленности развития обществ. Так, в южноафриканской Капской провинции в погребениях были найдены раскрашенные камни, а в Замбии и Сомали в захоронениях охотников были обнаружены рога крупных животных. Эти обычаи должны рассматриваться скорее как дань уважения к умершим, а не как вера в загробную жизнь в ее западном понимании.

Искусство

Несмотря на то что предметы искусства зачастую рассматриваются отдельно от других археологических материалов, в данном обзоре сделана попытка представить общий взгляд на проблему. Мы пошли на это, так как считаем, что историческое и археологическое значение искусства может быть понято только в том случае, если само искусство рассматривается в связи с подробными знаниями об обществе, в рамках которого это искусство развивалось. Отделение искусства от остальной материальной культуры общества приводит к рассмотрению его лишь как

Карта 20. Распределение наскальных изображений по территории Восточной и Южной Африки (рис. D.W. Phillipson)

искусства, что невозможно сделать объективно, поскольку культурный контекст художника здесь сменяется культурным контекстом зрителя. Несмотря на то что подобный подход может представлять личную точку зрения, он исторически не обоснован. Поэтому здесь кажется уместным, во-первых, обозначить основные виды африканского искусства, сохранившиеся от периода с 3000 по 700 г. до н.э., многие из которых были описаны и оценены в данной главе, и, во-вторых, обратить внимание на те виды искусства, которые могли быть потерянными для нас.

Общее распределение произведений наскального искусства на территории Африки – как рисунков, так и вырезанных на камне, показано на карте 20. Хотя в нашем распоряжении очень редко имеется точная датировка, остается мало сомнений в том, что многие места, обозначенные на карте, относятся к рассматриваемому периоду, – например в Сахаре, Восточной Африке, Африканском роге и в Южной Африке. Необходимо также указать, что сравнительно редко удается выделить художественные произведения той эпохи из общего археологического контекста. В качестве примера можно привести раскрашенные «могильные плиты» из Южной Африки, глиняные фигурки, редкие каменные скульптуры и скорлупу яиц страуса с нацарапанными на них рисунками из Магриба. Также обычно не принято относить к произведениям искусства такие предметы, как украшенную орнаментом керамику или красиво обработанные каменные орудия, качество которых со всей очевидностью преобладает над их непосредственным функциональным назначением. Данные оговорки еще раз подчеркивают бессмысленность термина «искусство» в качестве одного из классификационных признаков в археологии.

В приведенном списке весьма заметно отсутствие деревянной скульптуры. Несмотря на то, что отсутствие металлических инструментов должно было замедлить зарождение резьбы по дереву, представляется почти невероятным, чтобы такая работа стала известна только с появлением металла. Деревянная скульптура была в более поздние времена представлена очень широко как сфера приложения вдохновения и усилий африканских художников; изучение ее может, как показали работы Вансины (*Jan Vansina*), обогатить историю многими фактами. То обстоятельство, что этот материал (относящийся к рассматриваемому нами периоду) не дошел до нас, является существенным изъяном в имеющихся у нас свидетельствах и позволяет судить об адекватности представленной здесь исторической реконструкции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на высказывавшиеся ранее мнения, период с 3000 по 700 г. до н.э. можно рассматривать как время общей стабильности на большей части территории Африки. Как мы уже указывали в нашем обзоре, масштаб археологических исследований до сих пор является настолько неполным, что определение наиболее распространенных тенденций сильно затруднено нашей неспособностью отделить частное от общего. Имеется также опасность, что более доступные археологические данные, относящиеся к поздним эпохам, могут привести нас к мысли о том, что именно они являются новшествами и соответствуют социально-экономическим отношениям, проявившимся значительно раньше. Исследования в суданской долине Нила и в Восточной Африке еще раз заставили обратить внимание на эту проблему. Как бы то ни было, представляется очевидным, что основные экономические и социально-политические тенденции того периода являлись в своей основе продолжением и интенсификацией процессов, уже проявившихся в предыдущем тысячелетии. К северу от экватора эта тенденция часто связывается с продолжением

и интенсификацией развития сельского хозяйства. К концу рассматриваемого в главе периода очаги сельского образа жизни появляются в некоторых частях бассейна р. Конго и в горных районах Восточной Африки. В его основе лежало земледелие, ориентирующееся на незерновые культуры, а также скотоводство. К югу от экватора присваивающие формы хозяйствования все еще обеспечивали основные источники средств существования. Здесь также развитие технологии являлось продолжением тех тенденций, которые обозначились в более ранние времена. Главные нововведения и преобразования в технологии, которые сопровождают развитие металлургии, здесь в то время еще не проявились.

ПРИМЕЧАНИЯ

Из комментариев к тексту, сделанных Л.М. Диоп-Маэ при прочтении текста, мы приводим следующие:

¹ Очень трудно делать какие-либо демографические оценки населения первобытного общества. Однако мы можем обратиться к тому, что делает Муззолини (*Muzzolini*, 1989), на быстрый рост числа поселений в эпоху неолита на всей территории Африки к югу от Сахары. Л.М. Диоп-Маэ считает, что в период с 1000 по 700 г. до н.э. средняя плотность населения составляла 1–3 человека на 1 кв. км. Видаль (*P. Vidal*) также отмечает рост числа поселений в Центральной Африке в период с 1500 по 500 г. до н.э. (1 чел. на 1 кв. км. См.: *Recherches Centrafricaines*, No. 18, 1984, Aix-Provence, p. 20).

² Десанж (*J. Desanges*) отметил в «Общей истории Африки» (*The General History Of Africa*, vol. II, Ch. 17), что ливийцы, которых египтяне называли техену (*texenou*), изображались в египетской иконографии с начала III тысячелетия до н.э. как высокие, темнокожие люди с толстыми губами. К 2300 г. до н.э. на изображениях появились новые группы ливийцев – людей «с более светлой кожей и голубым глазами, включая значительное число блондинов». Данный тип людей стал очень многочисленным во времена правления Рамсеса III, который, как и его предшественники, вытеснил белых представителей «народов моря» в сторону Ливии в начале XII в. до н.э.

³ Согласно датировкам, проведенным в Каркаришинкате (Мали), Кингампо и Нтересо (Гана), имеется подтверждение того, что одомашнивание животных произошло в период с 2500 по 2000 г. до н.э. Диоп-Маэ (*L.M. Diop-Maés*) считает, что возможна более ранняя дата в некоторых местах, например 4000 г. до н.э. – дата, предложенная Лоте (*H. Lbote*) в ходе исследований в Арлите на плато Аир (см.: *R. Vernet, Vallées du Niger*, Paris, 1993, p. 70).

⁴ До сих пор нет никаких более определенных сведений о начале металлургии в Африке. Данные, полученные в результате радиоуглеродного анализа образцов, видимо, подтверждают гипотезу о ее раннем зарождении. В «*Journal des Africanistes*» (Vol. 52, Nos. 1/2, Paris, 1982, p. 54) Ван Грюндербек (*N.C. Van Grunderbeek*), Роше (*E. Roche*) и Дутрельпон (*H. Doutrélepon*) упоминают об использовании железа в Руанде и Бурунди около 1470 г. до н.э., а более точно – с 1250 по 700 г. до н.э. В 700 г. до н.э. оно обнаружено на севере Камеруна (*A. Marliac, L'âge du fer au Cameroun Septentrional*, Paris, 1988). В Таруге (Нигерия), в районе распространения культуры нок, ранний железный век датируется приблизительно 850 г. до н.э. (*M. Cornévin, Archéologie africaine*, Paris, 1993, p. 121; *A. Close, Journ. A. Hist.*, 1988). Данное свидетельство менее надежно, чем остальные датировки, относящиеся к нокской культуре. Железо было обнаружено и в Массиф-де-Терми (Нигер), где оно увязывается с находками, датированными 1350 г. до н.э. (*G. Quéchon, La fin du Néolithique et les débuts de la métallurgie – Communication to the Maghnia Colloquium*, December 1988).

⁵ Керамика, датируемая 6000 г. до н.э., была обнаружена в нижних уровнях при раскопках в пещере Гамбль в Эльментейте, расположенной восточнее озера Виктория (*J. W. G. Sutton* in «*The General History of Africa*», vol. I, Ch. 19, Paris, 1980, p. 482). Гончарные изделия, датируемые концом IV и началом III тысячелетия до н.э.,

были обнаружены в двух местонахождениях к юго-востоку от этого озера (*D.P. Collet & P.T. Robertsbau*, Azania, XV, 1980, pp. 135–145). В Центральной Африке мегалитические цивилизации существовали с 1100 по 700 г. до н.э. (*P. Vidal* in *L'Archeologie du Cameroun*. Paris, 1992, p. 139, and Nicholas David, 1989).

⁶ Необходимо учитывать, что подобная весьма засушливая фаза длилась несколько веков примерно в V тысячелетии до н.э. Затем, в III тысячелетии до н.э., северная часть Сахары стала пустыней, тогда как южная часть Сахары, оставшаяся влажной, составила одну географическую общность с Суданом. Поэтому с 3000 по 700 г. до н.э. ее не следует воспринимать как часть Северной Африки.

⁷ Известно, в частности, о четырех путешествиях в страну Ям, предпринятых вождем каравана Херкуфом во времена правления фараонов Меренре и Пепи II в XXIII в. до н.э. Первая и вторая экспедиции длились соответственно по семь и восемь месяцев. Кальк (*P. Kalck*) считает, что страна Ям лежала на северо-востоке современной Центральноафриканской Республики (*L'histoire de la République centrafricaine*, Paris, 1974, p.33). Шинни (*PL Shinnie*) указывает, что Вади-эль-Мелек являлся вероятным перевалочным пунктом по пути в Дарфур и Кордофан (см.: 'Egypt And Africa' ed. by W.V. Davies, London, 2nd ed., 1993, pp. 49–53).

БИБЛИОГРАФИЯ

- AMBLARD, S.; PERNÈS, J. 1989. The Identification of Cultivated Pearl Millet (*Pennisetum*) amongst Pottery from Oued Chebbi (Dhar Oualata, Mauritania). *African Archaeological Review*, Vol. 7, pp. 117–26.
- BARTHELME, J. W. 1985. Fisher-Hunters and Neolithic Pastoralists in East Turkana, Kenya. Oxford. (BAR Int. Ser., 254.)
- BOWER, J. 1991. The Pastoral Neolithic of East Africa. *Journal of World Prehistory*, Vol. 5, pp. 49–82.
- BRANDT, S. A.; CARDER, N. 1987. Pastoral Rock Art in the Horn of Africa: Making Sense of Udder Chaos. *World Archaeology*, Vol. 19, pp. 194–213.
- CABLE, C. 1984. Economy and Technology in the Late Stone Age in Southern Natal. Oxford, (BAR Int. Ser., 201).
- CAMPS, G. 1974. Les civilisations préhistoriques de l'Afrique du nord et du Sahara. Paris.
- CARTER, P. L. 1970. Late Stone Age Exploitation Patterns in Southern Natal. *South African Archaeological Bulletin*, Vol. 25, pp. 55–8.
- CLARK, J. D. 1954. Prehistoric Cultures in the Horn of Africa. Cambridge.
- 1963. Prehistoric Cultures of Northeast Angola and their Significance in Tropical Africa. Lisboa.
- (ed.). 1982. *Cambridge History of Africa*, Vol. I. Cambridge.
- BRANDT, S. A. (eds) 1984. *From Hunters to Farmers*. Berkeley, Calif.
- WILLIAMS, M. A. J. 1978. Recent Archaeological Research in South-Eastern Ethiopia, 1974–5. *Annales d'Ethiopie*, Vol. 11, pp. 19–42.
- CLIST, B. 1986. Le néolithique en Afrique centrale: état de la question et perspective d'avenir. *L'Anthropologie*, Vol. 90, pp. 217–31.
- 1989. Archaeology in Gabon, 1886–1988. *The African Archaeological Review*, Vol. 7, pp. 59–95.
- CONNAH, G. 1981. *Three Thousand Years in Africa*. Cambridge.
- DAVID, N. 1982. Tazunu: Megalithic Monuments of Central Africa. Azania, Vol. 17, pp. 43–77.
- DEACON, J. 1984. Later Stone Age People and their Descendants in Southern Africa. In: KLEIN, R. G. (ed.). *Southern African Prehistory and Palaeoenvironments*, pp. 221–328. Rotterdam.
- EGGERT, M. K. H. 1987. Imbonga and Batalimo: Ceramic Evidence for Early Settlement of the Equatorial Rain Forest. *African Archaeological Review*, Vol. 5, pp. 129–45.
- EHRET, C. 1980. On the Antiquity of Agriculture in Ethiopia. *Journal of African History*, Vol. 20, pp. 161–77.
- EHRET, C.; POSNANSKY, M. (eds) 1982. *The Archaeological and Linguistic Reconstruction of African History*. Berkeley, Calif.
- FAGAN, B. M.; VAN NOTEN, F. 1971. *The Hunter Gatherers of Gwisho*. Tervuren, Musée Royal de l'Afrique Centrale.
- FATTOVICH, R.; MARKS, A. E.; MOHAMMED-ALI, A. 1984. The Archaeology of the Eastern Sahel, Sudan: Preliminary Results. *African Archaeological Review*, Vol. 2, pp. 173–88.
- FUCHS, G. 1989. Rock Engravings in the Wadi el-Barramiya, Eastern Desert of Egypt. *African Archaeological Review*, Vol. 7, pp. 127–53.
- GRÉBENART, D. 1988. *Les premiers métallurgistes en Afrique occidentale*. Paris.
- HAALAND, R. 1987. *Socio-Economic Differentiation in the Neolithic Sudan*. Oxford, (BAR Int. Ser., 350).
- HOLL, A. 1989. Habitat et sociétés préhistoriques du Dhar Tichitt (Mauritanie). *Sahara*, Vol. 2, pp. 49–60.
- LANFRANCHI, R.; SCHWARTZ, D. 1990. *Paysages quaternaires de l'Afrique centrale atlantique*. Paris.
- LEAKEY, M. D.; LEAKEY L. S. B. 1950. *Excavations at Njoro River Cave*. Oxford.
- LEWIS-WILLIAMS, J. D. 1981. *Believing and Seeing*. London.
- 1983. *The Rock Art of Southern Africa*. Cambridge.
- LEWIS-WILLIAMS, J. D.; DOWSON, T. 1990. *Images of Power*. Johannesburg.
- MCINTOSH, S. K.; MCINTOSH R. J. 1988. From Stone to Metal: New Perspectives on the Later Prehistory of West Africa. *Journal of World Prehistory*, Vol. 2, pp. 89–133.
- MACK, J.; ROBERTSHAW, P. (eds) 1982. *Culture History in the Southern Sudan*. Nairobi.
- MARET, P. DE. 1986. The Ngovo Group: An Industry with Polished Stone Tools and Pottery in Lower Zaire. *African Archaeological Review*, Vol. 4, pp. 103–33.
- MARET, P. DE.; CLIST, B.; VAN NEER, W. 1987. Résultats des premières fouilles dans les abris de Shum Laka et Abéké. *L'Anthropologie*, Vol. 91, pp. 559–84.
- MARSHALL, F. 1989. Rethinking the Role of *Bos indicus* in Africa. *Current Anthropology*, Vol. 30, pp. 235–40.
- MERRICK, H. V.; BROWN, F. H. 1984. Obsidian Sources and Patterns of Source Utilisation in Kenya and Northern Tanzania: Some initial findings. *African Archaeological Review*, Vol. 2, pp. 129–52.
- MOKHTAR, G. (ed.) 1981. *UNESCO General History of Africa*, Vol. II. London.
- MUZZOLINI, A. 1986. *L'art rupestre préhistorique des massifs centraux Sahariennes*. Oxford, *British Archaeological Reports (International Series 318)*.
- 1991. Proposals for Updating the Rock-drawing Sequence of the Acacus. *Libyan Studies*, Vol. 22, pp. 7–30.
- PHILLIPSON, D. W. 1976. *The Prehistory of Eastern Zambia*. Nairobi, British Institute in Eastern Africa.
- 1977. *The Later Prehistory of Eastern and Southern Africa*. London.
- 1984. Aspects of Early Food Production in Northern Kenya. In: KRYZANIAK, L.; KOBUSIEWICZ, M. (eds), *Origin and Early Development of Food-Producing Cultures in North-East Africa*, pp. 489–95. Poznan.
- 1985. *African Archaeology*. Cambridge.
- 1994. Chapter 40. *History of Humanity*, Vol. I. Paris.
- SHAW, T. 1978. *Nigeria*. London.
- 1981. The Late Stone Age in West Africa and the Beginnings of African Food Production. In: ROUBET et al. (eds), *Préhistoire Africaine*, pp. 213–35. Paris.
- SHAW, T.; DANIELS, S. G. H. 1984. Excavations at Iwo Eleru, Ondo State, Nigeria. *West African Journal of Archaeology*, Vol. 14, pp. 1–269.
- STAHL, A. B. 1985. Reinvestigation of Rintampo 6 Rock Shelter, Ghana: Implications for the Nature of Culture Change. *African Archaeological Review*, pp. 117–50.
- STEHLI, P. (ed.). 1978. *Sahara*. Köln.
- VAN NOTEN, F. 1982. *The Archaeology of Central Africa*. Graz.
- VANSINA, J. 1984. *Art History in Africa: An Introduction to Method*. London.
- VINNICOMBE, P. 1976. *People of the Eland*. Pietermaritzburg.
- WILLCOX, A. R. 1984. *The Rock Art of Africa*. London.
- WILLIAMS, M. A. J.; FAURE, H. (eds) 1980. *The Sahara and the Nile*. Rotterdam.

ЕВРОПА

ОТ РЕДАКТОРА АНГЛИЙСКОГО ИЗДАНИЯ

Эпохе металла в различных странах Европы было посвящено огромное количество литературы, но это одновременно привело к установлению большого числа различных типологий и хронологических систем.

Имеющиеся литературные источники, относящиеся к Европе, следует согласовать друг с другом как для достижения соответствия исторических данных меж-

ду разными регионами, так и для понимания общей картины в рамках однородных справочных данных. Цель работы состояла в том, чтобы читатель сам, читая главу за главой, знакомился с культурными особенностями каждой части Европы, в то же время познавая широкие общие черты развития континента в этот период.

14.1

ВВЕДЕНИЕ

Жан-Пьер Моэн

Период с 3000 по 700 г. до н.э. в Европе соответствует важной новой ступени эволюции общества и включает в себя халколит (медно-каменный век) и бронзовый век. Неолитические новации постепенно изменили образ жизни людей, для которых производящее хозяйство стало играть все более важную роль в этот период. Начиная с 3000 гг. до н.э. сообщества земледельцев и скотоводов освоили столько пространства, сколько было возможно, и даже начали освоение горных районов и Северной Европы. Их владычество над природой стало настолько сильным, что впервые природная среда подверглась изменениям в результате человеческой деятельности. Развитие обществ явно неолитического типа сопровождалось ростом численности населения, довольно широким социальным структурированием, появлением большого числа специализированных ремесел, в частности обработки металлов, сначала меди и золота, а начиная с I тысячелетия до н.э. — железа. Значительно расширившиеся сети торговли были часто важнейшим условием, определявшим развитие подобной деятельности. Тот факт, на который многие авторы обращают внимание, — широкое распространение различных предметов — отражает связи между, например, Грецией и Британскими островами, Скандинавией и Северной Италией, регионами Причерноморья и Пиренейским полуостровом, заставляет предполагать, что в то время шел процесс «европеизации» культур. Эволюция не протекала гладко, в ее ходе произошел ряд более или менее серьезных кризисов разного типа, включая климатический, демографический, экономический, военный и социальный. Их изучение, проведенное с применением методов физических, химических, биологических, гуманитарных и математических наук для наблюдения и интерпретации археологических находок, дали возможность наметить исторический контур этих обществ, которые не имели письменных источников, и попытаться понять процессы адаптации и изменений, которые происходили среди этих доисторических человеческих групп (карта 21).

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

В общих чертах физическая география доисторической Европы почти не отличалась от современной картины в том смысле, что тогда, как и сегодня, можно выделить четыре основных типа ландшафта. Арктическая и субарктическая природная зона была ограничена крайним севером Скандинавии и частью территории современной Российской Федерации; к ней же можно отнести высокогорные районы в Альпах и на Пиренеях. Для этой зоны присуще отсутствие деревьев и преобладание растительности тундры или альпийской зоны.

Северный ландшафт с преобладанием хвойных деревьев также характерен для Скандинавии и России выше 60 град. северной широты, и высокогорным районам. Обычными для этих мест деревьями были сосна, ель, пихта, береза и

ива. В ландшафте приокеанской зоны с умеренным климатом преобладали листопадные леса с дубом, вязом, липой, ольхой и буком. Для ландшафта Средиземноморья были характерны вечнозеленые леса, состоящие из пробкового и обычного дуба, кипарисов и оливковых деревьев. Часть эти леса переходили в лесные заросли (*маки*), состоявшие из самшита, мирта, можжевельника, ракичника, земляничного дерева, олеандра и дикого винограда, или в пустоши, на которых произрастали лаванда, тимьян, шалфей и т.п.

Эволюция ландшафтов между 3000 и 700 гг. до н.э.

Указанные ландшафты Европы в тот период в различной степени подверглись изменениям, которые определялись рядом природных и социальных факторов и приводили время от времени к настоящим кризисам адаптации для человеческих обществ.

Прибрежные ландшафты изменились мало, так как очертания береговой линии остались большей частью такими же, только уровень моря в Западной Европе поднялся на метр, а в Северной Европе он немного понизился. К концу рассматриваемого периода он достиг современного уровня. Разумеется, в отдельных районах возникали местные ситуации, при которых происходили как процессы наступления (Пуату, Франция), так и отступления уровня моря (Венеция, Италия).

Общие процессы изменений в составе растительного покрова в Северной Европе в послеледниковый период стали ясны после исследований многочисленных следов пыльцы, сохранившихся в торфяных отложениях. Они подтвердились и дополнились новыми деталями в результате анализа, предпринятого палинологами из других стран. Начало интересующего нас периода совпало по времени с окончанием так называемого атлантического периода, который мы датируем временем между 5500 и 3000–2500 гг. до н.э.

Мягкость климата (которая была ярче выражена, чем в наши дни) вместе с довольно высоким уровнем влажности вызвала распространение лесной зоны в умеренные широты, появление в них смешанных дубовых лесов с большой долей липы. Следующий период, известный как приполярный (суббореальный), длился с 3000–2500 по 700 г. до н.э. Он характеризуется общим похолоданием иногда при высокой, а иногда при низкой степени влажности. В горных районах смешанные дубовые леса отступили с высокогорья, уступив место березам, пихтам и елям. К концу этого периода, между 1100 и 700 гг. до н.э., повышение уровня влажности, по всей видимости, имело драматические последствия для земледельцев, чьи посевы более не вызревали, а также для обитателей поселений, живших на берегах ряда альпийских озер, которые вследствие повышения уровня воды были вынуждены оставить свои

Καρτα 21. Εβροπια (πo Millotee & Thévenin, 1988)

жилища. Например, именно это произошло около 850 г. до н.э. с поселениями на берегу Невшательского оз. в Швейцарии, что подтверждается несколькими дендрохронологическими данными. После 700 г. до н.э., с наступлением так называемого субатлантического периода, вновь установился мягкий и влажный климат, приведший к новому распространению буковых и грабовых лесов, что во многом напоминало предыдущую ситуацию.

Указанные обстоятельства предопределили также некоторые изменения в составе растительности в Средиземноморье, где, например, во время перехода от атлантического периода к периоду приполярному появились каменные дубы, а также алепская сосна. В Парижском бассейне в течение приполярного периода вяза и липы стали не очень многочисленными, ольха, наоборот, распространилась более широко, а бук появился в Нормандии (Франция). Кроме того, палеоботанические исследования показали, что помимо всех природных изменений начала оказывать влияние на природный состав растительного покрова на больших площадях деятельность человека. Расчистка лесов и влияние человека на природный ландшафт приобрели такое значение, что этот феномен мог быть впервые обнаружен в палинологических диаграммах. Более того, влияние человека иногда сочеталось с естественной эволюцией; так, отступление зоны распространения дубовых лесов в приполярный период в области Средиземноморья и появление им на смену кустарниковых зарослей, по всей видимости, было обусловлено этой новой ситуацией. Эффект от воздействия человеческой деятельности был двойным. Во-первых, на естественный растительный покров оказало влияние увеличение численности домашних животных, особенно коз; отгонное скотоводство сказало и в равнинных, и в горных районах. Во-вторых, деятельность человека проявилась в расчистке лесов, иногда огнем способом на плодородных землях, которые затем превращали в поля и пастбища. Земледелие часто оказывало негативное влияние на лесную зону умеренного климатического пояса. Можно обнаружить следы интенсивной расчистки лесов и появления пыльцы сорных и культивируемых растений не только в Жиронде, Центральном массиве и Бретани (Франция), но и в Великобритании, Нидерландах, Центральной и Восточной Европе. Северный предел, до которого проявлялось влияние деятельности человека на естественную растительность, проходил через Северную Англию и Южную Скандинавию, т.е. там, где зерновые культуры уже не вызревают. В регионах, расположенных к северу от этой линии, а также в высокогорных районах или в тех горных массивах, где земледелие было невозможно, как, например, на территории современной Венгрии в эпоху бронзы, основное влияние на растительность оказывали пастухи и их стада. Экстенсивное использование земли быстро приводило к истощению почвы. Например, в период раннего неолита поселения земледельцев, расположенные на самых плодородных землях долины Рейна, особенно на лёссе, были оставлены, а люди переместились на земли, менее пригодные для обработки. Поиски новых земель для обработки, которые становились необходимыми также вследствие увеличения численности населения, объясняют, почему даже такие неудобные земли, как, например, горы Чевит-Хиллз в Англии, были заселены в конце III – первой половине II тысячелетия до н.э. Успешности этого заселения способствовали благоприятнейшие климатические условия. Впоследствии, как предполагают археологи, с общим похолоданием и повышением влажности, которые приходится на конец приполярного периода, эти горные поселения, где земледелие становилось рискованным, были заброшены. В регионах с более умеренным климатом проблема истощения почвы на протяжении III тысячелетия до н.э. частично преодолевалась путем освоения новых методов земледелия, таких как использование сохи, удобрение почвы,

возделывание новых, более устойчивых видов растений. По всей видимости, в других регионах скотоводство, которое тогда было распространено на довольно больших пространствах, особенно на возвышенностях, начало развиваться с конца II тысячелетия до н.э.: так, например, обстоит дело в ряде регионов современной Великобритании и на горных пространствах в департаменте Юра (Франция). Эти поселения пастухов, как считается, способствовали распространению культуры эпохи железа.

В Южной Европе, особенно на Пиренейском полуострове и на Кавказе, земля, пригодная для обработки, начала использоваться (или, как в некоторых случаях, ее использование возобновилось) начиная с III тысячелетия до н.э., когда стали строиться хорошо разработанные системы оросительных каналов.

Физическая и демографическая антропология

О деятельности людей, живших в III и II тысячелетиях до н.э., известно очень немного. Положения физической антропологии утверждают, что почти все современные морфологические признаки человека уже были в то время. Однако появились и новые черты: с конца III тысячелетия до н.э. брахицефалы стали преобладать в исследованных погребениях, что особенно заметно на примере куполообразных захоронений, относящихся к культуре колоколовидных кубков. Изучение скелета и патологии костей вместе с примерными оценками продолжительности жизни показывают, что обычная жизнь в ту пору была трудной и сопряженной с различными опасностями, такими, как рискованное деторождение, болезни, голод и, время от времени, насильственная смерть. Однако убийства были не настолько частыми, как предполагалось ранее. Изучение неогороженных и даже укрепленных поселений приводит к выводу, что их населяли мирные люди, одежда которых была сделана из шерсти, холста, шкур или кожи.

Некоторые особенности одежды этих людей можно разглядеть на статуэтках из обожженной глины, найденных в Центральной и Восточной Европе, бронзовых статуэтках из Скандинавии, прибрежных районов европейского Средиземноморья, Сардинии (Италия). Особенно информативны в этом отношении мумифицированные тела, найденные в торфяных болотах Дании и Северной Германии, иногда сохранявшиеся на протяжении около 3300 лет благодаря особым условиям болотистой почвы. Примером такого рода служит мумия симилонского человека, которая сохранилась в одном из ледников Тироля на протяжении почти 6000 тысяч лет (рис. 55–57). Одежда варьировалась в зависимости от пола, возраста и времени года. На девушке из Эгтведа (Дания), похороненной летом, надеты короткая рубашка, сделанная из одного куска материи, пояс и короткая юбка длиной до колен. Статуэтка, изображающая двух молодых женщин, исполняющих акробатические танцы, показывает, что они носят такие же короткие юбки. Этот тип летней одежды также можно увидеть на маленькой статуэтке, украшающей рукоятку бронзового ножа, найденного в Кайзерберге (земля Шлезвиг-Гольштейн, Германия). На мумии другой очень молодой женщины, найденной в Скридструпе, надет пояс, ее просторная рубашка была сделана из двух кусков материи, сшитых у плеч. На мумии старой женщины из Борума также надеты рубашка и широкая длинная юбка, которую на талии удерживает пояс (рис. 58). На мужчине из Триндхей надета туника длиной до колен, открытая с боков, которая крепилась у плеч полосками кожи. Полы туники, которые собирались спереди, удерживались поясом на талии. Его плечи покрывала накидка, а голову – войлочная шляпа. Также нам известно, что эти люди носили мокасины, а женщины – сетки для волос.

Рис. 55. Кожаная одежда и обувь (реконструкция) симилонского человека (по Egg et al., 1993)

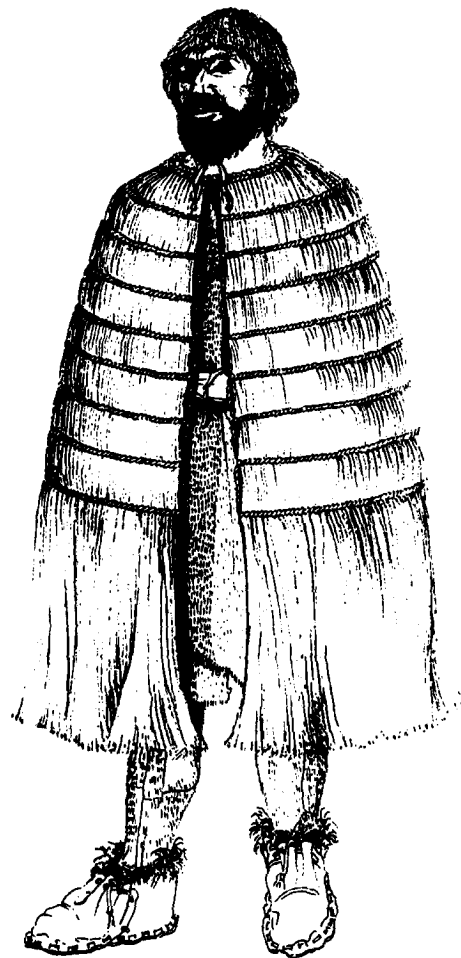

Рис. 57. Кожаная шапка и накидка из волокон рафии (реконструкция) симилонского человека (по Egg et al., 1993)

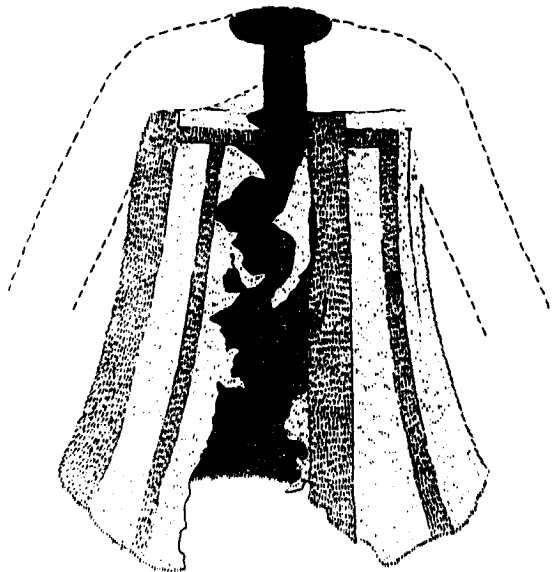

Рис. 56. Жакет из разноцветных кожаных полос (реконструкция) симилонского человека; верхняя часть отсутствует (по Egg et al., 1993)

Рис. 58. Мужская и женская одежда бронзового века из Дании (по Moben & Baillond, 1987)

В Южной Европе носили одежду, похожую на ту, что была распространена на севере (это видно по статуэтке с о. Сардиния).

Очень трудно давать какие-либо демографические оценки. Понятие территории, как установили британские

археологи, означает определенную географическую единицу, в которую входят отдельные хозяйства, небольшие деревни и одно или несколько укрепленных поселений. На каждой из этих территорий, например, таких, которые существовали вокруг Стонхенджа, проживало от 3 до 8 тыс.

человек. Согласно подсчетам, население Британских островов, например, около 3000 г. до н.э. насчитывало около 1 млн. чел., к 1300 г. до н.э. этот показатель достиг максимума в 2 млн. чел., а к 700 г. до н.э. эта цифра снова уменьшилась до 1 млн. чел. В других регионах, таких как Северная Европа, численность населения увеличивалась постоянно, что подтверждается подсчетом количества захоронений.

Особенности технологии и хозяйствования

Центры охоты и рыболовства

Археологические исследования, проведенные в некоторых местонахождениях Северной и Восточной Европы, позволили составить представление о развитии рыболовства и охоты, особенно на тех территориях, где земледелие не получило развития вследствие климатических или культурных причин. Для питания людей, населявших в то время Северную Европу, рыболовство, охота и собирательство играли важную роль. Бесчисленные скандинавские пунктирные изображения фигур людей, выбитые на скалах, например, в Химмельсталунде (Швеция), Фоссуме (Норвегия) и Залавруге (на берегу р. Выг, близ г. Беломорска, Карелия, Россия), показывают сцены охоты и рыбной ловли: охотники на лыжах, вооруженные луками, преследующие и убивающие оленя и крупных птиц, видимо лебедей; люди в лодках, окружающие загарпуненного животного из семейства китовых; одиночные рыбаки в лодках, ловящие крупную рыбу на удочки. Обычные сети, бредни и верши делали возможными большие уловы. Несколько крючков и гарпунов, используемых для ловли щук, были найдены при раскопках в Свердборге (Дания). Обнаруженное там большое количество рыбьих голов позволяет заключить, что рыба специально сохранялась либо путем копчения, либо засушивалась. Новые способы хранения рыбы (применение рассола, соления в керамических сосудах) использовались для создания запасов на зиму или для обмена на мясо, жир, шкуры и меха, орлиные перья для оперения стрел, пух и т.д. Некоторые авторы считают, что путем такого обмена жители Южной Скандинавии могли приобретать слитки меди и олова – сырье для местных центров металлообработки.

Охота и рыболовство также оставались основным видом хозяйственной деятельности в обществах, обитавших в лесных регионах Восточной Европы, как, например, в Усвятах к югу от Санкт-Петербурга или в Чигире на Урале. В остальных районах Европы охота и рыболовство в благополучные периоды служили для развлечения в основном аристократии и жречества (это показывают изображения охоты на оленя на бронзовой повозке из Штреттвега, Австрия; изображение охоты на кабана на колеснице из Мериды, Испания). В голодные периоды, такие как около 1800 и 800 г. до н.э., этот вид деятельности служил необходимым источником пищи и для простых людей.

Земледельческо-скотоводческое хозяйство и деревенские поселения

Согласно имеющимся сведениям, на большей части доисторической Европы преобладало земледельческо-скотоводческое хозяйство с небольшими географическими вариациями в зависимости от климатических условий. Плодородные почвы умеренной зоны использовались и для земледелия (в гораздо большей степени), и для скотоводства, тогда как на засушливых землях юга и в холодных гористых местностях севера в основном разводили скот. Начиная примерно с 3000 г. до н.э. начала проявляться потребность в новых землях в результате истощения первоначальных земель, которые начинали возделываться пос-

ле подсечно-огневой очистки, и опустошения стадами коз; но особенно из-за роста населения. Было установлено, что такие неблагоприятные для жизни гористые регионы, как Месета (Кастильское плоскогорье) в Испании, п-ов Бретань, Альпы и Центральный массив во Франции и даже Шотландия стали расширяться и заселяться. В то же время начали применяться новые методы обработки земли: удобрение почв, развитие системы оросительных каналов в Южной Европе (Пиренейский п-ов и Кавказ) и, что наиболее важно, постепенная замена палки-копалки и мотыги плугом, который тянули вола. Сцены, изображающие папущих людей, были выбиты на скалах как в Северной, так и в Южной Европе. На этих изображениях можно различить два типа плугов: отвальный плуг (в Тиструпе в Ютландии, Дания) и более тщательно изображенный плуг мотыжного типа (в Литслеби в Швеции, Сейбеке и Веббеструпе в Дании, Мон-Бего в Южной Франции и Валь-Камонике в Италии) (илл. 139). С началом использования плуга свершился переход от примитивных форм возделывания растений к пахотному земледелию. Борозда служила небольшим каналом, который сохранял воду и вентилировал почву. Среди возделываемых культур везде присутствуют злаки, виды которых стали более разнообразными на протяжении III тысячелетия до н.э. Ячмень был представлен на Британских островах, просо – в Северной Франции, Швейцарии и Германии; овес и рожь в умеренной зоне Европы появились, по-видимому, довольно поздно. В это же время стали шире распространяться бобовые культуры (кормовые бобы, чечевица), лен, а также плодовые деревья, требующие специального ухода (яблони, виноград, оливковое дерево). Среди домашних животных появились крупные быки, вероятно, в результате одомашнивания диких зубров, а также лошади. Одомашнивание лошадей началось с конца III тысячелетия до н.э., первоначально для этой цели использовались степные виды, а позднее, возможно, были одомашнены и местные виды, особенно в Западной Европе. Одомашнивание быков и лошадей позволило получить тяговую силу и использовать их также для передвижения на большие расстояния.

Поселения деревенского типа отражали различные аспекты сельскохозяйственной жизни. В Европе они очень часто были рассеяны и состояли из одиночных дворов, деревушек и больших деревень, иногда укрепленных. Разнообразные используемые строительных материалов, таких, как камень, земля, дерево и солома, а также сформировавшиеся архитектурные принципы помогают выделить особенности, характерные для каждого региона Европы.

В Средиземноморье около 2000 г. до н.э. часто строились круглые каменные дома, как, например, на о. Филикуди (Липарские острова), Порто-Пероне и Лепоране близ г. Таранто в Италии. Круглые дома из декоративного камня также появились и в Грутинге на Шетландских островах. Еще один тип круглых в плане домов возводился с помощью столбов, вбитых в землю, которые поддерживали стропила, покрытые соломой. Стены подобных жилищ делались из переплетенных ветвей, обмазанных глиной. Около 1000 г. до н.э. в Гуисиане (п-ов Корнуолл, Великобритания) некоторые из таких домов составляли группы, стоящие посередине полей. Вокруг этих групп домов были насыпаны валы и вырыты дренажные каналы. Далее к северу, в районе гор Чевит-Хиллз, такие же жилища были обнаружены по краям полей. В умеренных районах континентальной Европы были больше распространены прямоугольные в плане дома. Столбы, врытые в землю, служили каркасом для плетеных стен, обмазанных глиной, а также поддерживали искусно сделанную крышу, покрытую соломой. Этот метод строительства известен благодаря исследованиям остатков, проведенным на месте поселения в приозерных районах, например близ Невшательского озера (Швейцария), где были выявлены способы соеди-

нения в полдерева, в паз, «ласточкинским хвостом» и т.п. Некоторые дома были построены целиком из дерева методом, при котором стены домов делались из горизонтально расположенных бревен, соединяющихся на углах с помощью пазов. Пример дома такого типа, характерного для регионов Альп, был обнаружен у г. Гальштат (Австрия); этот дом отнесен к началу I тысячелетия до н.э. Внутри дом был оборудован полками и кроватями. В III тысячелетии до н.э. были известны такие плотницкие и столярные инструменты, как деревянные клинья, топоры, тесла и стамески, сделанные из полированного камня. Во II тысячелетии эти инструменты стали делать из бронзы, появились и новые орудия – долота и рубанки. Иногда жилища были снабжены запорами, как, например, в Морже (Швейцария).

Длинные прямоугольные в плане дома, например, такие, как жилища, изученные в Эльпе (провинция Дренте, Нидерланды), являлись типичными для равнин Бельгии и Нидерландов и даже для Скандинавии. На них также похож ряд одиночных хозяйств во Фрисландии (Нидерланды). Другие, более скромные прямоугольные дома группировались на равнинах в небольшие деревушки; в Дампье-ре на р. Ду во Франции дома были поставлены кольцом вокруг двух центральных домов с выступающими крышами. На берегах некоторых озер также можно обнаружить дома, сооруженные на сваях. Такими были знаменитые озерные деревни, которые обычно возводились у кромки воды на влажной земле, но не над водой. Некоторые из этих озерных деревень были окружены изгородью, как, например, в местонахождении в Фиаве, Италия (середина II тысячелетия до н.э.), в Кортелло на Невшатальском оз. в Швейцарии и на Бискупинском оз., близ Познани (Польша) (начало I тысячелетия до н.э.).

При раскопках в местонахождении Вассербург близ г. Бухау в Германии и в Унтерульдингене на берегу оз. Констанц (Швейцария) в ходе исследования поселений можно было выявить несколько стадий их развития. На тех территориях, где поселения располагались недалеко друг от друга, развивались домашние промыслы; они были обнаружены также в поселениях на укрепленных холмах, свидетельствуя о том, что при этом применялся коллективный труд, характерный для иерархически организованного общества.

Домашние промыслы и ремесла

Домашние промыслы были в своей основе традиционными – в том смысле, что используемые методы появились в предшествующих тысячелетиях, особенно в IV до н.э., когда широко распространялись все неолитические новации, в основном связанные с сельскохозяйственным производством. Для изготовления некоторых «престижных» изделий, связанных с религией, охотой или войной, требовались более специализированные производства.

Домашние промыслы в рассматриваемый период характеризовались многими детальными особенностями. Что касается обработки камня, то наиболее известные поперечные наконечники стрел появились в течение III тысячелетия до н.э. Наиболее изощренными из них были наконечники, найденные в Бретани, сделанные из полупрозрачного белого кремня в начале II тысячелетия до н.э. В это же время в центрах обработки кремня в Скандинавии и Франции (Гран-Пресины) изготавливались кинжалы, по качеству сравнимые с аналогичными египетскими изделиями додинастического периода. В этих случаях домашние промыслы, без всякого сомнения, уже трансформировались в специализированные ремесла. Однако на большей части Европы вплоть до начала эпохи железа основные каменные орудия и предметы (скребки, ножи, серпы, проколки, кирки, тесла, топоры – некоторые из них полированные, и т.д.) изготавливались дома. Производство керами-

ки (гончарные сосуды для пищи и кувшины для хранения продовольствия) целиком оставалось частью домашних промыслов. Печи для обжига обычно все еще имели вид простой ямы, однако начиная со II тысячелетия до н.э. появляются немногочисленные усовершенствованные печи, в которых очаг был отделен от камеры обжига решеткой из обожженной глины. Обжигочная печь в Северие (департамент Верхняя Савойя, Франция), датируемая примерно 1000 г. до н.э., относится к этому типу. Подобные печи позволяли добиться равномерного обжига, что объясняет качество изготовленных сосудов, которые были известны в то время по всей Европе. Еще более высокого качества изделий удавалось добиваться там, где началось использование гончарного круга. Имеются свидетельства того, что это устройство использовалось на Крите начиная со среднеминойского периода, а позднее оно распространилось по греческим, этрусским и финикийским колониям на всем Средиземноморье. Только к концу эпохи железа гончары стали применять круг в умеренных зонах Европы, а в Скандинавии он стал известен лишь в средние века.

Такое механическое приспособление, как коловорот, позволяло производить как каменные браслеты, чаши из янтаря и сланца (например, подобные найденным в Уэксексе в Англии, датируемые началом II тысячелетия до н.э.), а также емкости, деревянные колеса и втулки; блюдо из кипариса, найденное в погребении микенского периода, было, вероятно, сделано с применением поворотного круга, и с еще большей вероятностью можно утверждать, что это же приспособление использовалось для изготовления сосуда, найденного в этрусской так называемой Могиле воина в Корнето (Италия).

О технике обработки дерева известно благодаря таким замечательным археологическим памятникам, как погребение с найденной в нем повозкой в Северном Причерноморье («Три брата»), ряд курганных погребений в Дании (Эгтвед) и самые интересные памятники, исследованные в районе приальпийских озер (Цюрихское и Невшатальское в Швейцарии, Ле-Бурже во Франции). Весьма интересны также находки, сделанные в заболоченных местностях, например, в Дании (Ордруп) и России (Усвяты). В ходе исследований этих памятников были обнаружены не только материалы, необходимые для строительства, такие как столбы, балки и доски, но и большое количество других предметов: рукоятки инструментов, ковши, гребни, клинья, луки, ярма, колеса, шкатулки, кадки, блюда, чаши, каноз и т.д. Большая часть этих предметов была вырезана и отполирована с помощью каменных инструментов. К 1000 г. до н.э. применение бронзовых долот и стамесок сделало возможным изготовление вещей из дерева (ящиков и ведер) с более точной пригонкой и с использованием пазов. На севере были найдены лыжи и сани. Куски коры или бересты сшивались вместе и использовались для изготовления циновок и емкостей. Деготь, добывавшийся из березы, часто использовался как клей при починке разбитых сосудов или при креплении режущих пластин к рукояткам серпов. Плетение из прутьев (различных типов корзин) также было очень широко распространено. При раскопках в районе Овернь близ Невшатальского оз. (Швейцария) было обнаружено много хорошо сохранившихся плетеных корзин различного назначения. Техника плетения также применялась при изготовлении сетей (сеток для волос и рыбачьих сетей), кожаных изделий (котомка из Гальштата, Австрия) и в особенности тканей. Ткани изготавливались как из волокон крапивы и льна, так и из шерсти животных. Погребальные одежды, найденные в захоронениях в Дании и относящиеся к эпохе бронзы, являются хорошим примером высокого качества этих тканей, которые, вероятно, производились на дому, о чем свидетельствуют многочисленные находки пряслел и претивовесов для ткацких станков, датируемых III тысячелетием до н.э., на местах поселений.

Одной из самых заметных новаций, которая появилась в III тысячелетии до н.э., стало возникновение глубоко специализированной ремесленной обработки камня, следы которой прослеживаются на территории от России до Великобритании. На всем этом пространстве обрабатываемые материалы изменялись от исключительно твердых скальных пород до высококачественного кремня. Охотники и собиратели, жившие в районе Ноствета (Норвегия), добывали жадеит на маленьком острове Хесприхольмен, на острове Бёмлу этот материал собирался, а затем распределялся. В центре по обработке долерита в Плюсюлене (Кот-д'Армор, Франция) делались полированные топоры в течение двух разных периодов. К 3000 г. до н.э. залежи камня, выходящие здесь на поверхность, разрабатывались с помощью отбивания; зона распространения первых топоров в то время ограничивалась побережьем Бретани (Франция). Около 2000 г. до н.э., вслед за периодом, когда каменоломни, вероятно, были заброшены, производство каменных орудий и изделий стало более значительным по своим масштабам. Близ поверхности каменных глыб разжигали большой костер, жар от которого раскалывал камень, который оставалось только обработать. Петрографические исследования сделали возможным установить места распространения этой второй серии полированных и неположенных каменных топоров, булав, топоров-молотов и других орудий. В число этих мест входили юг Англии, Парижский бассейн, Нижний Рейн, западные районы Франции. Общая масса орудий, произведенных в Плюсюлене, оценена в несколько десятков тонн.

Еще одним интересным примером такого рода является центр по обработке роговой обманки (породообразующий материал, основная часть многих изверженных и метаморфических горных пород. – *Прим. ред.*) в Керлево в районе г. Кемпер (департамент Финистер, Франция), который функционировал во второй половине III тысячелетия до н.э. Из сравнительно мягкого камня производились перфорированные полированные топоры. Некоторые из них, такие как плоские двусторонние топоры, или ладьевидные топоры, являлись парадным оружием. Эти орудия были также широко распространены – от р. Рейн на севере (двусторонний топор из Неймегена, Голландия) до р. Ло на юге (двусторонний топор из Кастельно-Монратье, Франция). Эти топоры в большом количестве также находят в Бретани и Парижском бассейне.

Шахты по добыче кремня представляли собой еще одну форму специализированной добычи камня. Они появились в IV тысячелетии до н.э., однако распространение получили в III тысячелетии до н.э. На большинстве из них из кремня делались кремневые желваки-заготовки для производства полированных топоров, однако из некоторых мест, таких как Коллорнье и Салинель (департамент Гар, Франция), которые относятся к ферьерской (*Ferrières*) культуре, кремний поступал в виде пластин. Двусторонняя оббивка такого кремня делала его подходящим для производства весьма разнообразных предметов, таких как скребки, ножи, серпы, кинжалы и наконечники стрел. В период соответствующий крито-микенской культуре в регионах Европы, богатых известняком, – в Великобритании, Северной Франции, Бельгии, Польше, Северной Ютландии (Дания) и России, добыча кремня из шахт шла параллельно с систематическим применением полированных топоров, которые были более полезны и эффективны, если делались из кремня, чем из каменных отщепов; топоры из отщепов в основном применялись только для обрядовых церемоний. Местонахождение в Кжемьонки-Опатувски близ г. Опатув в Польше датируется тем же временем, что и культуры, известные своими воронковидными кубками и шаровидными амфорами. Там было найдено около 3 тыс. шахт,

Рис. 59. Схематический разрез кремнедобывающего района Спиеинн, Хэно, Бельгия (по Clark, 1955)

некоторые из них глубиной до 11 м. Иногда они были связаны между собой горизонтальными галереями. Большие залежи камня в местонахождении Спиеинн (Бельгия) занимали площадь около 100 гектаров (рис. 59). Проведенные здесь археологические исследования выявили остатки принадлежащих к михельсбергской культуре жилищ земляночного типа с полами, покрытыми пластинками кремния, а также шахты с воронкообразным расширением в верхней части. Некоторые из них достигали в глубину до 25 м. В этих шахтах были найдены кирки, сделанные из оленьих рогов. В Обурге близ Льежа (Бельгия) были обнаружены останки человека, работавшего в шахте и погребенного вместе с «киркой» из оленьего рога под обвалом камней в одной из галерей. Во Франции шахты близ Нуантеля и Ардивийе (департамент Ваза), а также близ Новеан-сюр-Мозель недалеко от Сент-Миеля (департамент Мёз) относятся к тому же типу (рис. 60). Наиболее изученным местонахождением такого рода в Англии является Граймс-Грейвс. Здесь были сделаны многочисленные находки кирок из оленьих рогов (в двух шахтах было найдено 244 орудия) – они могли использоваться одновременно для удаления блоков меловых пород из шахты. Исследователи также нашли здесь и другие орудия: двузубые грабли, костяные клинья, лопаты, сделанные из лопаточных костей оленей и быков, кремневые кирки и т.д. Светильники, помещенные в углубления в меловой породе, служили источником света. Мы также можем вообразить себе, что здесь применялись веревки, корзины, кожаные мешки, лестницы и другие предметы. Археологические остатки, и в особенности черепки, найденные в Граймс-Грейвс, показывают, что добыча камня шахтным методом велась здесь очень долго, на протяжении всего III и начала II тысячелетия до н.э. (памятники культур уиндмилл-хилл, питерборо и кубков) (рис. 61–62). Другие, более скромные примеры шахтной добычи кремня показывают, насколько широко она была распространена в Европе: Кварнби и Тулс-

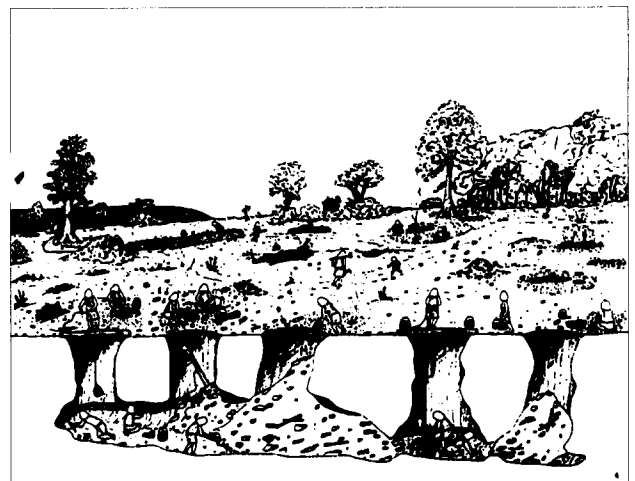

Рис. 60. Добыча кремня: шахты и каменоломни в Сент-Миеле, департамент Мёз, Франция (по Ch. Guillaume)

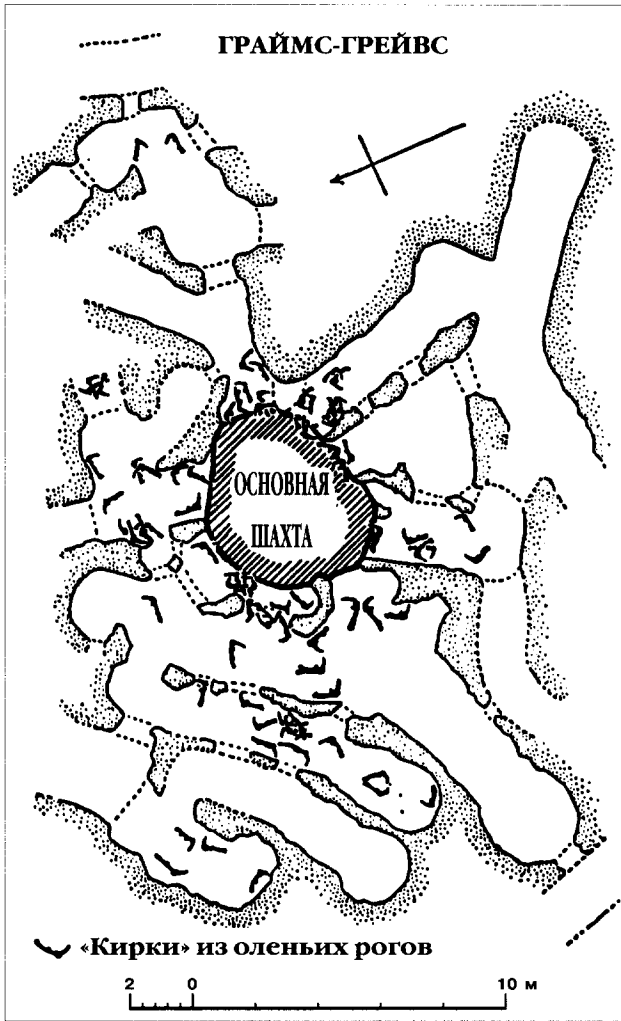

Рис. 61. Шахтные галереи по добыче кремня, расходящиеся по радиусам от основной шахты, Граймс-Грейвс, Норфолк, Великобритания (по Clark, 1955)

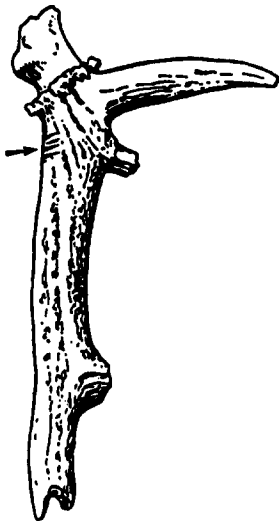

Рис. 62. «Кирки» из оленьих рогов из Граймс-Грейвс, Норфолк, Великобритания. Стрелкой показаны надрезы и желобки (по Clark, 1955)

торп близ Мальмё в Южной Швеции, Росио близ Лиссабона в Португалии, Монте-Табуго в Сицилии. Близ Мюрде-Баррез (департамент Аверон, Франция), в шахтах и галереях применялся огонь для более легкого извлечения камня.

Залежи желтого кремня в районе Ле-Гран-Пресиньи (департамент Эндр и Луара, Франция) также интенсивно разрабатывались во второй половине III тысячелетия до н.э. Исключительное качество этого кремня, который добывался открытым способом, делало возможным получение из больших блоков пластин длиной 20–30 см. Затем эти пластины окончательно обтесывались для получения кинжалов или ножей (рис. 63). В центрах переработки камня в долинах были найдены тысячи заготовок грубо обработанных изделий, упакованных в глиняные контейнеры и готовых к отправке по назначению. Точные петрографические исследования подтвердили факт широкого распространения кремневых пластин из Гран-Пресиньи; иногда их копировали, используя местный кремень, как, например, в центрах в Плёмартене (департаменты Вьенна и Изер) или Вассье-ан-Веркор (департамент Дром) во Франции, которые расположены на расстоянии 500 км от Гран-Пресиньи. Подлинные кремневые изделия из Гран-Пресиньи были в больших количествах найдены в захоронениях, расположенных в бассейне рек Сена – Уаза – Марна в Нормандии, Бельгии и Парижском бассейне. Подобные клады были также найдены в Бретани и департаменте Сона и Луара (Франция). Кинжалы из Пресиньи были обнаружены в Нидерландах в захоронениях, относящихся к культурам кубков старого типа – примерно к 2300–2500 г. до н.э. На востоке Франции они были обнаружены в двух точно датированных контекстах: в Шаравине (департамент Изер, Франция) радиоуглеродная датировка позволила отнести их к 2300–1290 г. до н.э.; в Клерву (департамент Юра, Франция) соответствующий уровень датирован 2120 г. до н.э. В Уру-Сон (департамент Сона и Луара, Франция) образцы культуры бассейна рек Соны и Роны датируются 2180 г. до н.э. – возможно, это слишком поздняя дата. В Швейцарии только в районе Фрибура было найдено 150 кинжалов из Пресиньи. В районе Овернь – Сонери они были обнаружены в уровне, относящемся примерно к 2000 г. до н.э., однако другие скопления относятся к культуре шнуровой керамики, т.е. ко времени на четверть века ранее. Находки кинжалов в первичных захоронениях близ мегалитического монумента в кантоне Вале (Швейцария) подтверждают это предположение. Сооружение этого монумента в период с 2240 по 2220 г. до н.э. предшествовало использованию колоколовидных кубков.

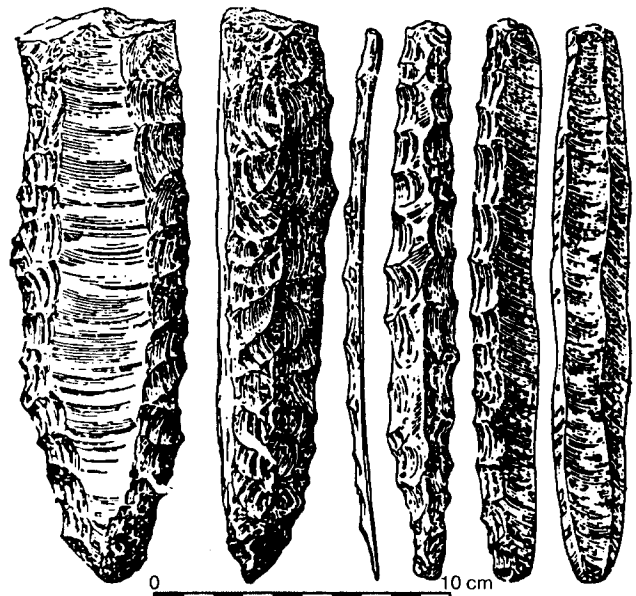

Рис. 63. Стержни и пластины из кремня; местонахождение Ле-Гран-Пресиньи (Франция) (по Clark, 1955)

До сих пор не ясно, как производились кремневые кинжалы из Гран-Пресиньи или к какой культуре принадлежали мастера и их заказчики. Несколько черепков гончарных изделий из Артене, найденных в Гран-Пресиньи, дают очень мало информации по этим вопросам. Кем являлись люди, обеспечившие распространение этих изделий? Достоверно известно, что пользователи этих кинжалов принадлежали к различным культурам на весьма значительных пространствах Европы и не имели прямых связей с современными им культурами области Турен (Турень) (историческая область во Франции, в бассейне Луары. – *Прим. ред.*).

Хотя период широкого распространения этих кинжалов длился всего несколько столетий до 2000 г. до н.э., престиж, связанный с их обладанием был таков, что в некоторых местах, как Фор-Арруар близ Сорель-Мусселя (департамент Эрлуар, Франция), кинжалы из Гран-Пресиньи все еще применялись в начале II тысячелетия до н.э., и когда они ломались, то из их частей делались скребки, наконечники стрел и орудия для ретуши каменных изделий. Такие же переделанные изделия были найдены и в Швейцарии.

Еще один вид промыслов – производство соли, появился в течение II тысячелетия и играл важную роль в I тысячелетии до н.э. В Салли-де-Беарн (департамент Атлантические Пиренеи, Франция) в середине II тысячелетия до н.э. соленая вода из источников нагревалась в небольших мисках, и в результате испарения на дне оседала соль. Большое количество золы, смешанной с остатками этих мисок, предполагает широкий размах такого производства. Соляные скальные копи в Гальштате в Австрии контролировались вождями, чьи богатые захоронения располагались у самых входов в шахтные галереи на протяжении первой половины I тысячелетия до н.э. Содержание исследованных могильных комплексов показало, что эти вожди поддерживали связи с Северной Италией, в которых соль играла, вне всякого сомнения, основную роль. Очевидно, она была необходима в хозяйстве с широким использованием животных, а также применялась при новых способах сохранения мяса.

Все эти специализированные ремесла имеют общие черты. Они давали высококачественные изделия и продукты в результате использования превосходного сырья и применения эффективной технологии. Зачастую был только один тип производимого изделия или продукта. Практика хранения и вывоза излишков показывает, что объем производимой продукции превышал нужды той культурной группы, которая ее производила. Система обмена служила для обеспечения равновесия спроса и предложения, однако ее механизм нам неизвестен. Эти черты специализированных ремесел создавали необходимые условия для развития обработки металлов.

Обработка металлов: начало эпохи металла

С начала III тысячелетия до н.э. (на Балканах, вероятно, немного раньше) стала постепенно известна обработка металлов, что изменило отношения между различными человеческими группами. Уникальные качества новых исходных материалов – меди, золота, серебра, бронзы и железа – вместе с возможностью их многократного использования, что делало их накапливаемым средством потребления и торговли, а также зачастую их дальнейшее географическое происхождение должны были очаровывать доисторического человека. Одновременно металлы были причиной и отражали процессы социального расщепления, которое становилось все более выраженным. Расцвет специализированной обработки металлов в тех местах, которые зачастую находились довольно далеко от районов добычи руды и производства слитков, привел к

появлению в некоторых регионах, таких как Южная Скандинавия, Нормандия или Южная Германия, центров, где создавались новые виды изделий и даже новые технологии.

Первые следы обработки металлов в Европе датируются периодом, который ненамного отстает по времени от появления аналогичных свидетельств в Западной Азии (в Иране и Анатолии). Археологи спорят о масштабе связей между Троей и Северными Балканами, которые, как утверждают некоторые из них, благоприятствовали развитию добычи и выплавки медной руды в таких центрах, как Рудна-Глава в Сербии. Другие исследователи настаивают на более раннем местном происхождении металлургии, тогда как еще одна группа ученых утверждает, что на появление знаний об основах металлургии повлияли культуры степных районов Северного Причерноморья. В Румынии в горах Трансильвании, где велась добыча медной руды, были найдены орудия, использовавшиеся для ее добычи, – кувалды и кирки, относящиеся к временам до 3000 г. до н.э. Далее к югу, в Айбунаре в Болгарии, добыча меди, вне всякого сомнения, являлась для местных вождей, чьи захоронения были обнаружены на территории могильника близ Варны, хорошей возможностью увеличить свои богатства и укрепить власть. В этих захоронениях были найдены многочисленные изделия из золота: накладка в виде быка, очень стилизованный женский идол, бусины для ожерелий или браслетов и кольца. Все эти изделия наряду с другими престижными изделиями – глиняными масками, декорированными золотыми украшениями, найденными в некоторых кенотафах (могилах, не содержащих погребений. – *Прим. ред.*), были призваны утверждать власть вождей.

В более позднем захоронении под курганом близ Майкопа (Северный Кавказ) останки человека, занимавшего высокое положение, были окружены похожими богатыми украшениями: 17 золотых и серебряных блюдов находились рядом с балдахинном, ткань которого была украшена штампованными золотыми аппликациями, изображающими 70 быков, 23 льва и 40 колец. Четыре трубчатые стойки, сделанные из золота и серебра, украшены у основания двумя золотыми и двумя серебряными статуэтками, изображающими быков. Там же найдены две золотые диадемы, ожерелье, сделанное из золота, лазурита, бирюзы и сердолика, несколько медных и кремневых орудий и предметов вооружения.

На одном из Липарских островов – Диане (Италия) были обнаружены следы шлака медной руды, датируемые примерно 3000 г. до н.э. В течение последующих веков металлообработка распространилась по Западной Европе. В районе Алезии на о. Корсика первые свидетельства тому были найдены в археологических слоях, относящихся к 2800–2600 гг. до н.э. В материковой Франции на юге Центрального массива медные шахты, датируемые серединой III тысячелетия до н.э., были обнаружены в Кабриере (департамент Эр) и в Аван-де-Буш-Пейроль (Аверон). Руда, добываемая в Альпах, также начала использоваться очень рано. Изделия из меди в то время включали в себя бусы, шилья, плоские топоры и кинжальные юбки; золотые украшения представлены бусами и небольшими аппликациями. Все эти типы изделий обнаружены и на Пиренейском полуострове, где медные шахты, расположенные в районе Мола-Альга-де-Сереллес (Испания) в то время уже начали использоваться, что подтверждается находками форм для отливки плоских топоров. В Португалии укрепления близ Замбужала, возможно, возводились для наблюдения за работой местных медных шахт. В атлантических регионах Европы медные шахты были также найдены в Маунт-Габриеле в Ирландии, где для измельчения руды перед плавлением применялись кувалды из полированного камня. Из этих центров добычи распространялись готовые слитки, что делало возможным появление производства по обра-

ботке металлов там, где ощущался недостаток своей руды, например в Скандинавии. Первые значительные культуры эпохи металла в Европе появились в Тисапогларе и Юнетиче в Центральной Европе, Ремеделло, Ринальдоне и Гаудо в Италии, Монтань-Нуар во Франции и в Эль-Аргаре и Тагусе на Пиренейском полуострове. Места переработки металла на Британских островах и западе Франции также внесли вклад в зарождение цивилизации, основанной на использовании металла. Медные, золотые, серебряные и свинцовые изделия были более многочисленными и разнообразными; они принимали форму украшений (бусы, заколки, диадемы), парадного оружия (боевые топоры, кинжалы) и инструментов (шилья, топоры).

Некоторые авторы утверждают, что колоколовидные вазы приморского стиля, получившие распространение от Праги (Чешская Республика) до Лиссабона (Португалия), производились людьми, которым была известна обработка металлов, и, как считается, именно они способствовали ее распространению по всей Западной Европе. Сейчас известно, что в культуре колоколовидных кубков проявлялись европейские связи того времени, но этот феномен был не единственным и приходится он на период около 2000 г. до н.э., т.е. время сравнительно развитой стадии металлообработки.

Проведенные анализы показали, что доисторический человек в то время пытался найти более или менее естественный сплав меди и мышьяка, с тем чтобы получить более твердый металл. Вследствие этого использование мышьяковистой меди являет собой этап в европейской металлообработке, который можно проследить на пространстве от Кавказа до Бретани (ножи из Карно имеют поверхность, обогащенную 23% мышьяка и датируются примерно 1700 г. до н.э.) и Британских островов. На п-овах Корнуолл и Бретань запасы олова (известного как касситерит – оловянный камень и добывавшегося на островах Силли) разрабатывались начиная примерно с 1800 г. до н.э.

Оловянистая бронза в Западной Азии появилась на тысячу лет раньше, чем в Европе: первые ее образцы были найдены, например, в царских захоронениях города-государства Ур в Южном Двуречье. Несмотря на то что имелись большие возможности использования месторождений олова в Богемии и в меньшей степени в Италии, только с открытием западного маршрута доставки олова, главным образом морем, в Европе начался настоящий бронзовый век, основные центры которого находились в Греции и Италии, Центральной, Северной и Западной Европе. Наиболее значительным периодом использования оловянистой бронзы (с содержанием олова от 15 до 20%, что во время плавки делало металл более жидкотекучим, а при застывании – более твердым), являлся средний бронзовый век (1500–1200 гг. до н.э.). Многочисленные изделия в то время производились в атлантическом регионе (пальстабы (бронзовые топоры), мечи, наконечники копий, браслеты и т.п.), по своему качеству они соперничали с изделиями из Центральной Европы (пальстабы, мечи, заколки, браслеты и наголенники) и Северной Европы, где также производили оригинальные вещи из драгоценных металлов (посуду и украшения). Греция, минойский и микенский мир Эгейского моря в этот же период накапливали свои сокровища, в том числе настоящие шедевры прикладного искусства (микенские кинжалы и маски).

С началом эпохи поздней бронзы (1200–700 гг. до н.э.) в Центральной Европе в сплавы стали добавлять сурьму, а в Западной Европе – свинец, что несколько уменьшило содержание олова в бронзе. Объемы производства были значительными: различные технические новации сделали возможным производство скандинавских литых нагрудников, шлемов, щитов и котлообразных сосудов. В это время создавались большие запасы бронзы для переплавки, которые включали до нескольких тысяч фрагментов; об этом

свидетельствуют клады в Болонье (Италия), Ларно (департамент Юра, Франция) и Айлхэме (Англия). Затонувшие корабли, нагруженные бронзой, позволяют составить представление о маршруте западной торговли оловом с ее пунктами в Дувре (Англия), Уэльва (на юге Испании), Рошлонг (близ г. Сет на юге Франции). Процветали крупные центры по обработке металлов, такие как Велем-Сент-Вейд в Венгрии, Фор-Арруар и Сорель-Муссель (департамент Эрилуар) во Франции, по-видимому, они были эквивалентами таких микенских центров, как Пилос, что подтверждается многочисленными находками следов металлургического производства: остатками горнов, фурм тиглей, литейных форм и целого ряда инструментов: молотов, зубил, наковален, долот и т.д. Качество бронзы в то время упало, что, видимо, можно объяснить почти промышленными объемами производства.

Присадка свинца особенно облегчила процесс отливки, однако свинец не позволял обеспечить однородность сплава и делал его мягким. К концу этого периода сотни топоров в Бретани, иногда сделанные почти целиком из чистого свинца, не могли быть использованы в качестве инструментов; по всей вероятности, они являлись слитками, а так как они имели разные стандартные размеры, можно считать, что эти топоры выступали как ранняя форма валюты. Некоторые исследователи считают, что это неконтролируемое расширение производства бронзовой продукции вызвало кризис, который привел к началу обработки железа.

В Европе метеоритное железо от случая к случаю обрабатывалось на протяжении всего бронзового века; одним из примеров такого рода является кинжал из Гановче в Словакии, относящийся к культуре отомани (XV в. до н.э.). Уменьшение количества железной руды земного происхождения иковка нового металла для получения требуемых форм вызвали применение более тонкой технологии, чем та, которая использовалась при обработке меди. Более или менее обогащенное углеродом железо имело уникальное сочетание податливости и прочности, которые не использовались целиком вплоть до начала века железа, начавшегося в Европе в зависимости от региона между 1100 и 700 гг. до н.э. Технологические новации, вероятно, были заимствованы из Анатолии и распространялись как восточносредиземноморскими переселенцами, которые двигались на запад, так и полукочевыми конными племенами, элементы упряжи которых были найдены в погребениях от Черного моря до Пиренейского п-ова.

Первые железные предметы появились в эпоху поздней бронзы в виде декоративных вставок в рукоятки некоторых бронзовых мечей в Швейцарии, небольшого количества клинков для мечей (Веллюир, департамент Вандея, Франция) и других видов оружия, таких как наконечники стрел, имитирующие бронзовые аналоги, найденные в пещере Керуа недалеко от Шазеля (департамент Шаранта, Франция). В регионах, богатых железной рудой, таких как Пиренеи, Лотарингский бассейн и Богемия, переход к железу происходил быстрее, чем в других. В могильнике в Гальштате близ Зальцбурга (Австрия) были найдены свидетельства раннего начала эпохи железа. Здесь добывалась каменная соль, поэтому это место, по всей видимости, являлось важным центром обмена и торговли. Железо здесь было найдено в основном в виде оружия, такого как длинные мечи (которыми были вооружены всадники), наконечники копий и большие ножи, тогда как бронза представлена украшениями (браслеты и застежки), блюдами и т.п.

О первых кузницах известно очень немного; до сих пор исследовано только одно значительное местонахождение в Бычи-Скале в Чешской Республике, где были найдены наковальни, молоты и пара больших клещей. Железу, которое производилось к 700 г. до н.э., еще не хватало тех ве-

ликопепных качеств, которые оно приобретет спустя два века в Греции и спустя пять веков в Галлии. Болотная руда также начала использоваться в Северной Европе и в некоторых районах Западной Европы. Такие технологические усложнения, как закалка и сварка, в полной мере стали применяться лишь в более поздние периоды.

КОММУНИКАЦИИ И ОБМЕН

Благодаря развитию специализированных ремесел и средств сообщения произошло расширение экономических горизонтов. Использование животных в качестве тягловой силы и для нужд транспорта изменило условия обмена. Лошадь, одомашненная в конце IV тысячелетия до н.э. на территориях Украины, Ирана и Анатолии, появилась в Европе в то же время, что и упряжь: детали сбруи, которые делались сначала из оленьих рогов (Дереивка, Украина), а затем из бронзы (Бамут, Кавказ), показывают, что животными уже управляли. Используемая для верховой езды и перевозки грузов лошадь стала идеальным средством транспорта на равнинах Восточной и Центральной Европы. Всадник очень быстро стал неотъемлемой частью общества доисторической Европы. Волы или быки чаще чем лошади использовались в качестве тягловой силы: на наскальных рисунках они изображаются впряженными в плуг. Сначала быки, а затем и некоторые представители семейства лошадиных к 3000 г. до н.э. стали использоваться для перемещения самых древних колесных повозок – царских колесниц из Ура в Месопотамии и из Суз в Иране. Использование колеса распространилось в III тысячелетии до н.э. от равнин к северу от Кавказа (местонахождение «Три брата») до Швейцарии (г. Цюрих) и Италии (стоянка Меркураго). Колесами иногда были снабжены погребальные или боевые колесницы, а также повозки. Их использование привело к развитию дорожной сети. На севере также продолжали использоваться сани и лыжи.

Водные транспортные средства дополняли сухопутные: именно благодаря их использованию острова стали излюбленным местом для хранения запасов, торговли и обмена (острова Кипр, Сицилия, Сардиния, Сибли и т.д.). Произведения скандинавского и пиренейского наскального искусства изображают большие суда, которые могли бы составить конкуренцию кораблям Одиссея и были способны выдержать сильное волнение моря. Изучение остатков нескольких лодок, найденных в Дании, дает возможность оценить высокий уровень используемой технологии: применялись шитые доски, такелаж, мачты и т.п. Находки, сделанные на затонувших кораблях (бронзовые изделия в Дувре, Уэльсе и на мысе Аг), подтверждают ту экономическую роль, которую играло мореплавание.

Использование новых средств, облегчивших передвижение, оказало стимулирующее влияние на развитие торговли и обмена и, вероятно, расширило их масштабы. Термины «коммерция», «торговля» очень часто применяются по отношению к этрусскому вину, перевозимому в амфорах в районы Западного Средиземноморья и страны, занятые кельтами, начиная с VIII в. до н.э. В других случаях обмена были более или менее нерегулярными и зависели от самих продуктов обмена: олово и медь, незаменимые для производства бронзы, вне всякого сомнения, перемещались по достаточно упорядоченным торговым путям, тогда как украшения, предметы роскоши и домашней утвари могли вывозиться или обмениваться от случая к случаю, если они попадались на пути «купца». Более того, денежная система в то время еще не начала использоваться, и известны только несколько примеров возможных протоденежных средств обмена, таких как упомянутые выше свинцовые топоры из Бретани. Два вида изделий являются характерными для системы обмена того времени – янтарь и стеклянные бусы.

Желтый янтарь распространялся по Европе начиная с III тысячелетия до н.э. в виде бус и декоративных пластин. Химический анализ этих изделий показывает, что в большинстве случаев они были изготовлены из окаменевшей смолы, в которой содержится 3–8% янтарной кислоты, что характерно для отложений янтаря из Северной Германии (земля Шлезвиг-Гольштейн), Дании (п-ов Ютландия) и южного побережья Балтийского моря (Калининградская область России, Литва, Польша). Другие, менее значительные отложения янтаря можно найти почти во всей Европе, однако содержание янтарной кислоты в янтаре здесь гораздо меньше и их разработка, по всей видимости, не считалась важной. Тысячи экземпляров янтарных бус и подвесок, относящихся к концу III тысячелетия до н.э., были найдены при исследовании мегалитических монументов в Дании; они были обнаружены также во Франции (департамент Марна и в поселениях близ Шаравиня (департамент Изер). В Дании и Польше из янтаря вырезали небольшие статуэтки животных. При исследовании Модлонского свайного поселения на р. Модлона (Вологодская область, Российская Федерация) были найдены изделия из янтаря, относящиеся к началу II тысячелетия до н.э. Весьма многочисленные находки были сделаны в захоронениях в местонахождении Сактич далее к югу в Центральной России. К тому же периоду относится янтарь, найденный в Лос-Милларесе (Испания), Бретани (Франция) и Уэссексе (Англия). Янтарные диски в оправе из золота, найденные в Мантоне, Эймсбери и Нормантоне (Англия) часто сравнивают с украшениями минойской эпохи, найденными в Исопате на о. Крит. Находки большого количества янтарных гранул в Греции в конце, как его называет Плиний, «адриатического янтарного пути», свидетельствуют о развитии обмена в середине II тысячелетия до н.э. в микенскую эпоху; только в одном погребении в Каковатосе было найдено 500 бусин из янтаря. Тип перфорированных янтарных пластин, известных как «каковатосские», показывает сходство с изделиями из Центральной Европы, которые были обнаружены, например, в Эльзасе (Франция). Таким образом, исходный материал мог распространяться по местам изготовления изделий, которые впоследствии попадали на сложившиеся торговые пути. Это предположение объясняет факт нахождения необработанных кусков янтаря в некоторых удаленных районах, таких, как Фор-Арруар близ Сорель-Мусселя (департамент Эрлуар, Франция).

Другой вид изделий – стеклянные бусы – начал распространяться с III тысячелетия до н.э. на большей части Европы от Восточного Средиземноморья до Великобритании, где в 36 захоронениях, относящихся к первой половине II тысячелетия до н.э., была найдена 121 бусина. Они сделаны, в зависимости от пропорции используемых компонентов, из фаянса, получаемого спеканием зерен кварца с добавлением небольшого количества извести или щелочного флюса и покрытого глазурью из смеси соды, извести, кварца с синим или зеленым красителем обычно на основе окислов меди. Египтяне эпохи XVIII и XIX династий знали секреты этих процессов, которые впоследствии были воспроизведены в мастерских в Центральной и, вероятно, в Западной Европе. Одним из примеров определенного единства в процессе распространения этой технологии являются находки сегментированных бусин, продолговатых и округлых. Феномен обмена такими технологиями очень сложен: по всей видимости, он соотносится с восприятием умения в очень специфической и ограниченной сфере.

В качестве примеров, подтверждающих мнение о многочисленных связях по направлениям «север – юг» и «восток – запад» между удаленными регионами Европы можно привести свидетельства, относящиеся к типологии керамических и металлических изделий, а также особенности некоторых стилей. Ряд исследователей рассматривают эти обменные связи с исторической точки зрения. Не-

которые говорят об определенном индоевропейском единстве, которое оформилось в начале III тысячелетия до н.э., когда в Центральной Европе до побережья Атлантики распространилась шнуровая керамика. Другие ищут причины сходства между погребальными приношениями в археологических комплексах в перемещении дорийцев из Центральной Европы в Грецию. Эти гипотезы не являются общепринятыми и часто должны корректироваться в зависимости от территорий и от предмета рассмотрения (материальная культура аристократии или низших классов, антропология, лингвистика и т.п.).

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Некоторые заключения, касающиеся общества того времени, могут быть сделаны на основе изучения мест обитания людей, в особенности захоронений и поселений. Доиндустриальная стадия специализированного ремесленного производства привела к образованию излишков, разделению труда и структурированию общества. Представляется важным, что в некоторых из так называемых могил вождей стали появляться богатые погребальные приношения, как только в значительных масштабах развивалась обработка металлов: в Варне (Болгария) «богатые» могилы с труположением в вытянутом состоянии и кенотафы с масками из обожженной глины сгруппированы вместе на отдельной территории кладбища. Другие могилы являются более простыми и содержат захоронения умерших в согнутом положении. Уже упоминавшееся захоронение в Майкопе (Северный Кавказ) также свидетельствует об обычаях включения престижных приношений в погребальную утварь захоронений людей высокого ранга; более того, возможно, что там даже приносились в жертву люди, как это делалось при похоронах царей в Уре. Могилы вождей начиная с первой половины II тысячелетия до н.э. были исследованы в Германии, например, в Лейбингене; во Франции в некоторых курганных захоронениях в Бретани, в Карноэ близ Кимперле (департамент Финистер) и в Сент-Адриен и в Англии, например, в Буш-Барроу в Уэссексе. В районе Буш-Барроу, занимающем площадь 100 км в длину и 80 км в ширину, расположен знаменитый монумент Стонхендж, который был построен поэтапно в период с 2500 по 1500 г. до н.э.

Систематические исследования монументов, длинных курганов, круглых курганов, кругов из стоящих валунов, а также поселений, показали, что в наиболее плодородных зонах можно выделить от четырех до пяти концентраций остатков памятников, каждая из которых характеризует территорию. Территория имеет около 20 км в диаметре и включает в себя одно или несколько поселений и несколько курганов. Все природные ресурсы здесь – сельскохозяйственные: от 3 до 8 тыс. человек, живших на каждой территории, делились на семьи, связанные между собой и руководимые одной правящей семьей, которая строила самый величественный погребальный монумент. Имели ли место какие-либо особые связи между правящими семьями на каждой территории? Весьма вероятно, что так оно и было: территория Стонхенджа, находящаяся в центре и обладавшая монументом, на возведение которого требовались значительные трудовые усилия, без сомнения, управлялась лицом, имевшим более высокий статус, чем другие правители территорий, над которыми он, по-видимому, господствовал. Район Буш-Барроу близ Стонхенджа с его индивидуальными захоронениями и особенно богатым погребальным комплексом, в котором были представлены атрибуты власти (полированный каменный жезл, медные кинжал и топор, золотой нагрудник, покрывало и т.п.), вполне мог принадлежать одному из этих крупных вождей. Их власть носила военный и политический характер, о чем можно судить по постоянному присутствию оружия в их

захоронениях. Была ли эта власть также и религиозной? На четырех из пяти территорий большие круги, образованные поставленными вертикально валунами (такие, как монумент в Стонхендже), показывают, что религия издавна играла важную роль в жизни общества того периода; к этому можно добавить многочисленные курганы, реликвии погребальных обрядов, которые составляли неотъемлемую часть религиозной практики. Можно предполагать, что религиозная власть принадлежала жрецам, предшественникам кельтских друидов, которые обладали астрономическими, медицинскими и другими знаниями. Об этом по крайней мере можно судить по удаленности религиозных монументов от поселений, а также в связи с некоторыми их «астрономическими» особенностями.

Как установлено выше, для развития специализированных ремесел, особенно металлообработки, было необходимо стратифицированное стабильное общество, в котором была возможна переработка сырья и часто – его превращение в конечные продукты с последующим распространением, даже если последнее вызывает сомнения. Здесь в качестве примера снова можно привести захоронения вождей, находящиеся недалеко от Варны в Болгарии, рядом с медными шахтами Айбунара. Расположенные на возвышенностях укрепления, связанные с обработкой металлов, только подтверждают наше впечатление; примерами такого рода могут служить также укрепления в Вучедоле (Сербия) и Замбухале (Португалия), относящиеся к III тысячелетию до н.э. Памятники в Велем-Сент-Вейде (Венгрия) и в Фор-Арруаре (Франция) весьма напоминают сооружения в Пилосе (Греция), относящиеся к тому же периоду, где, как известно из табличек с линейным письмом Б, местный владыка держал 300 бронзовых дел мастеров для производства орудий труда и оружия. Из этого следует, что в отдельных регионах значительное развитие обработки металлов было возможным благодаря вождям и царям, обладающим большой властью и гарантирующим порядок и защиту. Эта социальная особенность подтверждается следами, оставшимися после военных столкновений, постепенным увеличением количества оружия и иногда впечатляющими укреплениями высокогорных поселений.

Изучение скелетов, найденных в погребениях, показало, что причиной смерти редко служили насильственные действия; наиболее частые случаи последних приходится примерно на 2000 г. до н.э. Самым известным примером такого рода является археологический слой со следами войны в подземном захоронении близ Роэ (департамент Воклюз, Франция), где тела мужчин, женщин и детей лежали впеременку; среди их останков были найдены многочисленные кремневые наконечники стрел. Там была найдена женщина, обнимавшая двух маленьких детей, а третий лежал между ее коленями. Во Франции находки скелетов, относящихся к тому периоду, являются частыми; около пятнадцати из них были найдены с повреждениями костей от стрел, что говорит о причинах их гибели. Во II тысячелетии до н.э. свидетельства насильственной смерти становятся более редкими. До сих пор найдено только одно свидетельство такого рода (тазовая кость человека, пронзенная копьем с бронзовым наконечником, обнаруженная в Куинсфорд-Милл, Дорчестер, Англия), несмотря на то, что бронзовое оружие в тот период становится более доступным и разнообразным – появились наконечники стрел, копья, кинжалы, мечи и боевые топоры. К 1000 г. до н.э. защитные средства, такие как шлемы, нагрудники, щиты и наголенники, играли скорее социальную, чем военную роль. Все эти предметы приходится на то же время, что было описано Гомером, благодаря чему мы можем представить себе, как они использовались. Укрепленные лагеря, которые в тот период распространились по всей Европе, являлись, возможно, аналогами микенских цитаделей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CLARK, J. G. D. 1955. L'Europe préhistorique, les fondements de son économie. Paris.
- COLES, J. M.; HARDING, A. F. 1979. The Bronze Age in Europe. London.
- EGG, M. et al. 1993. Die Gletschermumie vom Ende der Steinzeit aus den Ötztaler Alpen. Mainz.
- ELUERE, C. 1982. Les ors préhistoriques. Paris. (L'âge du bronze en France, Vol. 2).
- FORBES, R. J. 1964–9. Studies in Ancient Technology. Leiden. 9 vols.
- GIMBUTAS, M. 1965. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris/The Hague/London.
- GUILLAUME, C. 1980. Saint-Mihiel, Côte de Bar, Meuse. In: 5000 Jahre Feuersteinbergbau. Bochum, pp. 479–506.
- LICHARDUS, J. et al. 1985. La proto-histoire de l'Europe, le néolithique et le chalcolithique. Paris.
- MILLOTTE, J. P.; THÉVENIN, A. 1988. Les racines des Européens des racines aux Celts. Horvarth. Le Coteau. France.
- MOHEN, J.-P. 1992. Métallurgie préhistorique. Paris.
- MOHEN, J.-P.; BAILLOUD, G. 1987. La vie quotidienne à l'âge du Bronze: les fouilles du Fort-Harrouard. Paris. (Vol. 4.)
- MUHLY, J. D. 1973. Copper and Tin, Transactions. New Haven, Conn.
- MULLER KARPE, H. 1974, 1980. Handbuch der Vor- und Frühgeschichte. München. Vols 3, 4.
- PIGOTT, S. 1983. The Earliest Wheeled Transport. London.
- RENFREW, C. 1979. Les origines de l'Europe. Paris.
- RENFREW, C.; SHENNAN, S. (eds) 1982. Ranking, Resource and Exchange. Cambridge.
- TYLECOTE, R. F. 1986. The Prehistory of Metallurgy in the British Isles. London.
- WHITTLE, A. 1985. Neolithic Europe, A Survey. Cambridge.

Ренато Перони

III ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э.

В рассматриваемый нами период Южная Европа не сильно отличалась в своих основных чертах от Европы Северной или Западной, другими словами, мегалитическая архитектура, проявившаяся в возведении монументов, главным образом культовых и погребальных, сложенных из больших каменных плит, часто гигантского размера, без сомнения, являлась самым значительным культурным явлением Южной Европы. Мегалитические памятники региона позволяют нам получить ценную информацию о развитии науки и технологии, хозяйственной и социальной структуре, политической и религиозной практике обществ, существовавших здесь в III тысячелетии до н.э.

Что касается развития науки и технологии, мегалитические памятники (как и другие сооружения), хотя и принадлежат к абсолютно различающимся культурным и архитектурным традициям, включая и египетские пирамиды (ряд из которых был построен в рассматриваемый нами период), косвенным образом позволяют судить о том, как небольшие сообщества, рассеянные по Европе и берегам Средиземного моря, в течение III тысячелетия до н.э. приобрели необходимые навыки для выполнения исключительно трудных и сложных технических операций. Эти навыки предполагают знание различных законов физики, включая статику, а также владение разнообразными технологиями, начиная от вырубки из скал и последующего извлечения каменных блоков в открытых разработках и заканчивая их транспортировкой и установкой. Перемещение каменных блоков, вероятно, происходило с помощью цилиндрических или сферических катков – использование последних подтверждается находками, сделанными на территории храмов Мальты, – часто на большие расстояния. Во многих случаях в процессе установки, без сомнения, было необходимо использовать рычаги. Вся эта технология была основана на использовании законов статики, например, при сооружении декоративной арки.

Экономические и социальные аспекты истории древних обществ Южной Европы включают большое количество нерешаемых проблем. Имеющиеся археологические данные заставляют полагать, что в течение III тысячелетия до н.э. сообщества людей в Южной Европе в основном были небольшими, состоявшими не более чем из нескольких десятков человек, вероятно, семейные или родовые группы представителей нескольких поколений. Более того, логично предположить, что эти общества не были ни сложно устроенными, ни стратифицированными. Доминирующая роль, которую в этих группах играли воины, – что подтверждается многочисленными данными, отраженными в искусстве, погребальных приношениях и первых металлических артефактах, – очевидно, не была связана с какой-либо формой наследования власти и еще менее – с формами концентрации богатств в руках отдельных людей с последующей передачей их по наследству. Однако все теории, объясняющие причины сооруже-

жения мегалитических монументов, соглашаются в том, что для этого были необходимы огромные трудовые затраты, особенно в сравнении с предполагаемой небольшой численностью сообществ. Вследствие указанного можно предположить, что очень большое количество имевшегося в наличии человеческого труда отвлекалось на продолжительное время из других сфер хозяйственной деятельности, в особенности из сферы производства пищи – скотоводства и земледелия. Этот вывод остается в силе, даже если учесть весьма авторитетно обоснованную теорию, согласно которой возведение мегалитических монументов было результатом совместной работы нескольких сообществ, объединенных географическими и культурными связями, а также взаимными обязательствами. В то же время данная теория, которая позволяет значительно уменьшить предполагаемое время, потраченное на возведение каждого отдельного монумента, не отвечает на вопрос о сравнительно высокой доле человеческого труда, напрямую не связанного с добыванием средств существования. С другой стороны, отсутствие в этих сообществах определенной социальной структуры заставляло исключить возможность того, что какая-либо определенная задача могла быть насильственно навязана сверху низшим слоям сообщества, причем решение этой задачи привело бы к значительному снижению прожиточного уровня, как это произошло в тот же период в протогородских сообществах Западной Азии. С учетом сказанного можно заключить, что, с одной стороны, сообщества Южной Европы в III тысячелетии до н.э. имели несколько более высокий уровень производства средств существования, чем мы предполагали, а с другой – что мотивация возведения мегалитических монументов была очень сильной.

Представляется необходимым рассмотреть политические и религиозные аспекты. Мегалитические погребальные сооружения являлись местами коллективного захоронения и как таковые были в своих основных чертах похожи на подземные погребальные камеры, выскаемые в скалах. Разница заключается в том воздействии, которое мегалитическое погребальное сооружение оказывало на окружающее пространство, в его массивности, вызывающей трепет. Если погребение являлось коллективным, более того, общинным, можно предположить, что его впечатляющие размеры служили для выражения мощи и богатства самого сообщества; эту же цель, по всей видимости, преследовал и выбор мест для установки монументов. Большинство из них было построено на возвышенностях, а также рядом с участками, используемыми для выращивания культурных растений, выпаса скота и т.п., которые снабжали общину самыми необходимыми ресурсами для поддержания жизнедеятельности. По этой причине данные сооружения часто использовались в качестве пунктов стратегического контроля. Если оставить в стороне их «политическое» значение, мегалитические захоронения явно подчеркивали растущую важность поклонения умершим

или, точнее, поклонения предкам (это подтверждается фактом их использования для нескольких поколений). Весьма сложно понять значение и основные черты религиозных верований, связанных с этим культом, однако можно предположить, что, наличие в погребальных контекстах различных символов и антропоморфных фигур, зачастую окруженных священными предметами, означает, что определенные образы умерших трансформировались в богоподобных героев путем обожествления, которое могло принимать различные формы. Если согласиться с этим постулатом, то возникает вопрос – в какой мере в III тысячелетии до н.э. в сообществах Южной Европы были развиты формы персонификации и очеловечивания божеств, если они вообще существовали.

Храмы Мальты

Даже если оставить в стороне красоту и грандиозность храмов Мальты, интерес к ним основывается еще и на том, что они являются единственным известным нам примером сооружений в Южной Европе рассматриваемого периода, построенных для религиозных целей, не связанных с поклоном умершим. Об этом свидетельствует полное отсутствие в таких памятниках погребальных артефактов и символики, связанной с погребальными обычаями, наличие скульптур – подлинных статуй, представляющих собой женские фигуры, часто обнаженные, обладающие более чем внушительными пропорциями и такие большие, что не остается сомнений в том, что они являлись объектами религиозного поклонения. Там же находятся барельефы с изображенными на них фигурами людей, объекты ритуального назначения, «очаги», вместилища сосудов, вероятно, для возлияний, «жертвенные плиты», «алтари», ниши для хранения подношений, каменные урны, в которые помещались кости жертвенных животных, фигурки и другие предметы явно культового назначения. Все эти свидетельства, взятые вместе, служат для обоснования теории, согласно которой данные монументы являлись святилищами, предназначенными для поклонения божествам. Несмотря на то что только в Западной Азии в то время встречались храмовые сооружения и различные формы религиозной символики и предметов культа, отсутствие какого-либо значительного восточного влияния на Мальте заставляет отказаться от идеи о восточном происхождении храмов Мальты или о прямом воздействии восточных религиозных верований.

Есть все основания предполагать, что и в архитектурном, и, возможно, в религиозном отношении предшественниками храмов Мальты являлись местные погребальные монументы. Связующим звеном здесь, по всей видимости, служит склеп в Хал-Сафлиени – вырубленное в скале трехуровневое погребальное сооружение, состоящее из ряда камер, значительно различающихся в плане. Некоторые из меньших камер напоминают по форме вырубленные в скальном основании подземные пещеры-погребения, датируемые ранним энеолитом Мальты. Большие камеры, которые могли использоваться, по крайней мере первоначально, для религиозных церемоний и в которых явно прослеживается структурное членение, создаваемое колоннами, нишами, потолками и т.п., обнаруживают очевидное сходство с мегалитической архитектурой. Археологические находки также подтверждают, что период строительства и использования сооружения в Хал-Сафлиени в качестве места захоронения и религиозного поклонения охватывает как ранний энеолит Мальты, который, очевидно, предшествовал времени строительства мегалитических храмов, так и более поздние времена, когда велось это строительство. По всей вероятности, на интерьер этого скального комплекса повлияли такие подземные сооружения, как храм в Хал-Сафлиени. В качестве косвенно-

го подтверждения этой теории интересно отметить, что если в интерьерах этих мальтийских мегалитических комплексов имеется большое количество проходов с двумя или даже тремя продольными двухаксиальными камерами, идущими параллельно основной оси от входа до центральной апсиды у заднего торца (этот прием повторяется в двух или трех расположенных рядом «храмах»), то внешне эти сооружения, напротив, выглядят довольно примитивными, бесформенными и напоминают курганы. Это хорошо видно на примере различных наземных планов, составленных при раскопках и при исследовании хорошо сохранившегося комплекса в Джантти, а также моделей храмов, обнаруженных среди других предметов культа.

Если обратиться к той форме религиозной практики, которая была выражена в монументах Мальты, то полезно отметить, что многие статуэтки, изображающие характерные женские фигуры с преувеличенными пропорциями, идентичные находкам в мегалитических храмах, также были обнаружены в Хал-Сафлиени. Образы, которые, по всей видимости, были объектами поклонения, представляли собой определенное божество, возможно, персонифицированное. Здесь можно обнаружить большое сходство с богиней плодородия, богиней-матерью, однако находки в Хал-Сафлиени не только показали, что подземные погребения использовались в качестве святилищ как для погребальных ритуалов, так и для отправления определенного религиозного культа, возможно, даже в более ранний период, чем время сооружения мегалитических монументов, но и подтвердили, что этот культ был культом хтонического божества, богини умерших, и что между этими двумя аспектами прослеживается глубинная связь.

Мегалитические сооружения в Италии, испанском Леванте и на юге Франции

Мегалитические сооружения на Апеннингах, относящиеся к III тысячелетию до н.э., либо малозначительны, как несколько рядов дольменов среди обнаруженных в Пугле и относящихся к этому времени, либо находятся на периферии. Примером последних является погребальное сооружение в Сан-Мартин-де-Корлеан, близ г. Аоста, недалеко от границы с Францией, известное своими великолепными резными стелами. Также и на юге Франции антропоморфные стелы являют собой наиболее впечатляющие и, возможно, наиболее важные примеры мегалитической архитектуры. На этих монументах всегда изображено лицо, даже если оно временами стилизовано до неузнаваемости; также изображались и другие части мужского или женского тела (иногда эти композиции дополнительно украшали изображениями головных уборов, деталей одежды, оружия, орнаментами и других предметов). Ряд характерных черт этих фигур наводит на мысль о том, что они представляют мертвых героев, отражая тенденцию к их обожествлению.

Кроме мегалитических захоронений и небольших дольменов с подземными захоронениями, расположенных между курганами с прямоугольными камерами и длинными входными коридорами (как в Ферьер-ле-Веррери), в ходе раскопок на юге Франции был обнаружен ряд монументов, представляющих большой интерес. Они также имеют форму сильно вытянутых погребальных камер с входными коридорами, высеченными в скале, однако в данном случае они покрыты мегалитическими плитами с насыпанными над ними курганами. Эти монументы представляют собой переход от мегалитических захоронений к расположенным под поверхностью одиночным погребальным камерам, высеченным в скале. Комплексы из одной или более камер были обнаружены на юге центральной части Италии, на Сардинии (где они представлены памятниками, примечательными своей ар-

хитектурой и декором, либо рисованным, либо рельефным), на Сицилии и на Мальте.

Мегалитические погребения на востоке Пиренейского п-ова имеют большое значение, особенно те из них, которые располагаются на его юго-восточной оконечности. Большинство данных памятников относится к альмерийской культуре, основной центр которой располагался в Лос-Милларесе, большом укрепленном поселении с обширным комплексом захоронений. Особенно впечатляют оборонительные сооружения Лос-Миллареса с их валами длиной 275 м из камней, стоящими на них полукруглыми бастионами (над которыми к тому же должны были возвышаться башни), прикрытые отрогом плато, на котором, собственно и располагалось само поселение. В пределах этой территории, на четырех круглых буграх, занимавших командные позиции, располагались еще несколько сложенных из камня укреплений с полукруглыми бастионами. Подобными особенностями (сооружения, сложенные из камня, ряды башен) также обладают укрепленные поселения в Лебу и Буссарг на юге Франции.

Мегалитические захоронения на юго-востоке Испании можно разделить на два основных типа: могилы с проходами или галерейные могилы в виде вытянутого прямоугольника или трапеции, которые зачастую ненамного шире, чем входной проход, но обычно довольно длинные; второй тип представлен круглыми в плане погребальными камерами, также имеющими входной проход, иногда довольно длинный. Этот тип, в свою очередь, также варьируется: стены коридора и камеры могли быть сооружены из поставленных вертикально больших каменных плит или же из небольших блоков, которые постепенно, выступая друг над другом, сходились наверху, образуя «декоративную арку» (на самой вершине покрытую большими каменными плитами). Подобные сооружения напоминали минойские толосы или похожие на ульи сооружения в Месаре на Крите, которые относятся к тому же периоду. Подобные и другие особенности, похожие на соответствующие особенности цивилизации Восточного Средиземноморья, если и подчеркивают более «развитый» по сравнению с соседними регионами характер альмерийской культуры, тем не менее не являются достаточно убедительными, чтобы послужить доказательством теорий «колонизации» с востока и даже возможности сильного и непосредственного культурного воздействия отсюда.

Самая древняя мегалитическая традиция Западной Европы (см. том I «Истории человечества») в начале III тысячелетия до н.э. еще переживала расцвет на Пиренейском п-ове и юге Франции, где она совпала с появлением другого феномена – металлургии, имеющей коллективный характер. Данное обстоятельство было частично отражено в сотнях общих захоронений, имеющих простой прямоугольный план, в Португалии, Южной Испании, Каталонии, в Пиренеях и на юге Центрального массива во Франции. Показательным в данном случае является ряд искусственных гротов в районе Палмелы в устье р. Тахо (Тежу), которые имитируют погребения с «декоративными арками» и относятся к тому же периоду, что и поздние колоколовидные кубки, известные как «сьемпосуэлос», а также изделия из меди, такие как зазубренные наконечники стрел, шилья и плоские топоры.

Начало выплавки меди

Помимо мегалитической архитектуры, еще одним важнейшим фактором культуры Южной Европы в III тысячелетии до н.э. было распространение выплавки меди. Особенно значительным ее появление выглядит как с точки зрения развития науки и технологии, так и в плане экономического и социального прогресса. (В IV тысячелетии до н.э. наблюдались отдельные случаи выплавки меди, одна-

ко они были весьма нечастыми, что подтверждается современными археологическими исследованиями, включая найденные в местонахождении Диана на о. Липари образцы медного шлака, которые с помощью радиоуглеродного анализа были датированы примерно 3050 г. до н.э.

Уникальная находка в сентябре 1991 г. останков человека в Симилонском леднике на австрийско-итальянской границе проливает свет на особенности жизни в эпоху ранней металлургии около 3300 г. до н.э. Тело мужчины, его одежда, оружие и другие вещи, вмёрзшие в лед, полностью сохранились. Это самые старые мумифицированные человеческие останки, известные на сегодня. Симилонский человек был небольшого роста (1,58 м), имел волнистые темные волосы, на его спине, запястьях и коленях обнаружены следы татуировок. Он одет в плащ, сшитый из квадратных кусков кожи и кожаную обувь, набитую травой (см. гл. 14.1, рис. 55–57). Мужчина вооружен кремневым кинжалом, который помещен в ножны, сделанные из ясеня и укрепленные на его поясе. В нескольких метрах от тела в расщелине скалы найден кожаный колчан длиной 80 см. В нем обнаружены 14 калиновых прутьев, только два из которых являются готовыми стрелами, с оперением из орлиных перьев и кремневыми наконечниками. Лук из тиса длиной 1,8 м приторочен к поясу мужчины. Тетива была аккуратно свернута и хранилась в кожаном мешочке, в котором также найдены четыре костяных и кремневых наконечника стрел, березовый деготь, служивший для их крепления к стреле, кремневые заготовки, а также спелая слива, что означает: мужчина погиб в сентябре, без сомнения, замерзнув во время первых заморозков и снегопадов. В мешочке также обнаружены два галлюциногенных гриба, хорошо известные фармакологам. Древний человек нес за плечами плетеную корзину, в которой находились палица из оленьего рога, силки для ловли небольших животных, шкура животного, кленовые листья, смешанные с древесным углем. В его руках был топор с медным лезвием, прикрепленным к тисовой рукоятке. Высказывались различные предположения относительно причин, которые привели к появлению этого человека на высоте 3210 м. Вышел ли он на охоту? Искал ли он медную руду? Собирался ли он встретить какого-либо духа или божество? В Институте первобытной истории Университета Инсбрука (Австрия) проводятся многочисленные исследования, которые со временем расскажут нам больше об этой уникальной находке прямо из начала эры металла.

Из всех регионов Южной Европы представляется наиболее целесообразным сосредоточиться на рассмотрении древнего металлургического производства в континентальной Италии, как наиболее типичной в этом отношении, – не потому, что она имела большую важность или ее памятники являются самыми богатыми, а по причине ее лучшей изученности. Это производство здесь было довольно значительным по своим масштабам, либо из-за наличия местных источников сырья (как подтверждают имеющиеся свидетельства), таких как рудоносные пласты в холмах Тосканы, либо из-за разнообразия самого производства: в дополнение к выплавке меди, получаемой из оксидов и сульфатов, здесь производились серебро, свинец (данные имеются только по Сардинии) и сурьма, а также использовался мышьяк в качестве добавки в сплавы меди. Особый технологический интерес вызывает раннее приращение составных из двух частей форм для отливки медных изделий, поскольку такая технология напоминает металлургию Восточного Средиземноморья. Фрагмент литейной формы, найденный близ Террины (Корсика), является в данном случае типичным.

Если обратить внимание на экономические и социальные стороны этого производства, то необходимо отметить, что большая часть металлических изделий являлась оружием – это были топоры, алебарды, кинжалы и т.п.

Оружие этих типов было настолько широко распространено, что встречается на территориях разных культурных сообществ. Можно даже предположить, что в тот период существовала прослойка свободных металлургов или по крайней мере мастеров, которые не были привязаны к своей родной общине, и на этом основании придти к выводу, что именно это привело к появлению настоящего межкультурного обмена в области обработки металлов.

Ряд археологических местонахождений в Италии дал названия региональным культурам, относящимся к III тысячелетию до н.э. Культура гаудо была выделена в Кампании, культура ринальдоне – в Лацио, Умбрии и Тоскане, культура ремеделло была распространена в долине р. По. Кинжалы и алебарды, типичные для этой культуры, служили моделями для наскальных изображений в Монт-Бего в районе Танда на франко-итальянской границе и в Валь-Камоника близ г. Брешиа. Эти местонахождения с их наскальным искусством были населены начиная с позднего неолита до начала бронзового века или, как в Валь-Камоника, до начала железного века. Стилизованное изображение скота также является типичным для наскального искусства III тысячелетия до н.э. В поселении Монт-Бего жили не только пастухи, но и собиратели различных руд, которыми богат регион Южных Альп. Имеются свидетельства добычи медной руды в тот период в районе Кабриер (департамент Эро, Франция) и в районе р. Рио-Тинто в Южной Испании. Считалось, что новые богатства, связанные с появлением меди, привели к появлению аристократии, которая строила укрепления, такие, например, как расположенные в районе Вила-Нова-де-Сан-Педро или Замбухала в Португалии. Если обратиться к фактам, то следов обработки металлов здесь мало, распределены они весьма неравномерно в археологических слоях и не могут считаться доказательством наличия именно такой социальной структуры. Другие следы культур атлантического происхождения обнаружены в верхних археологических слоях – это сосуды, относящиеся к культуре колоколовид-

ных кубков, в сочетании с металлическими изделиями – кинжалами, шильями и наконечниками стрел, относящиеся примерно к 2000 г. до н.э. Эти сосуды были широко распространены на Пиренейском п-ове и юге Франции и еще больше рассеяны в Италии и на Сицилии (рис. 64–66).

II тысячелетие до н.э.

Культура, развившаяся в этот период в регионе у границы Франции и Швейцарии в долине р. Роны является хорошим примером образования гомогенной культурной группы, связывающей Европу воедино. Ее центр располагался в Юре – горах во Франции и Швейцарии и в регионе кантона Вале близ г. Сион в Швейцарии, а ее следы прослеживаются вдоль Ронской низменности вплоть до Средиземноморского побережья. Эта культурная группа, относящаяся к началу и середине бронзового века, по всей видимости развилась на основе культуры колоколовидных кубков. Наиболее характерными типами бронзовых изделий являются топоры с изогнутыми краями и скошенными режущими кромками (топорики, шпатели, топоры, найденные близ Нейруза и Розо, и т.п.), кинжалы с металлической рукояткой и перфорированные закладки с головками в виде шара, кольца или трилистника. Для этой же культурной среды характерны вазы, украшенные ленточным орнаментом, выдавленным пальцами.

Самым важным изменением в Южной Европе того периода, как и в большинстве других регионов континента, стало появление самых ранних форм разнообразных устойчивых социально-экономических структур в рамках сообществ. Эти изменения можно определить, опираясь на различные археологические данные. Во-первых, индивидуальные погребальные приношения, характеризующие внешние признаки богатства и власти в соответствии с установленными обычаями, встречаются в виде постоянно повторяющихся сочетаний предметов погреб-

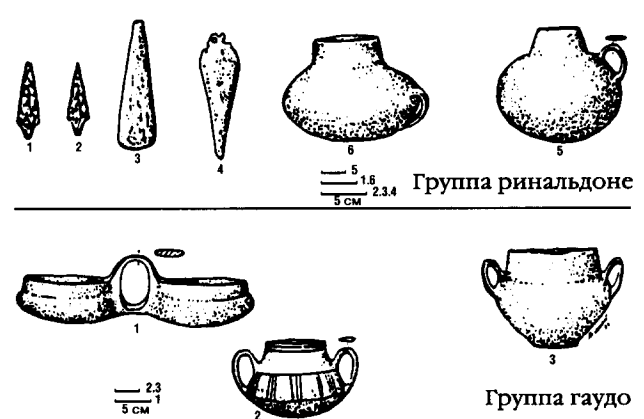
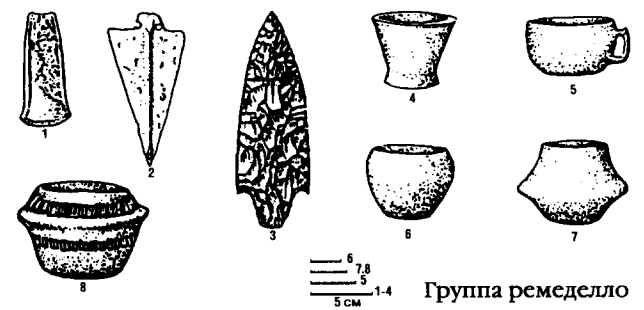

Рис. 64. Артефакты медного века с островов Мальта и Сицилия (по Millotte & Tbévenin, 1988)

Рис. 65. Артефакты медного века с Апеннинского п-ова и о. Сицилия (по Millotte & Tbévenin, 1988)

Рис. 66. Артефакты медного века с о. Сардиния, из Испании и Южной Франции (по Millotte & Thévenin, 1988)

бальной утвари. Во-вторых, можно отметить появление важных новшеств в строительстве отдельных жилищ, когда большие дома приобрели определенные черты сходства с монументами. В-третьих, наблюдается постепенная стабилизация, отбор и концентрация поселений вместе с возрастанием требований к военным факторам выбора места их строительства. Теперь поселения обычно располагались изолированно на возвышенности, окруженной естественными преградами, обеспечивающей контроль над окружающей территорией.

Одним из наиболее далеко идущих последствий появления этих новых поселений стало то, что впервые появились условия, благоприятные для установления длительных отношений, интенсивных и широких по своим масштабам, между развитыми городскими сообществами Восточного Средиземноморья и менее развитыми сообществами Европы, отношения, которые в конечном итоге привели к полномасштабному культурному взаимодействию (очевидно, более значимому для менее развитой стороны).

Италия и Сицилия как связующее звено между эгейским миром и континентальной Европой

Особенно важными эти отношения были для двух участников: с одной стороны это был Балканский полуостров, которому уже приходилось играть подобную роль несколькими тысячелетиями ранее, хотя в то время она была выражена не столь ярко и прямо, и который продолжал ее играть и в более поздние периоды; другой стороной в этом процессе были Апеннинский п-ов и о. Сицилия.

Представляется весьма важным, что первые, прямые и продолжительные контакты между эгейским миром и Южной Италией приходятся на XVI в. до н.э. и были установлены мореплавателями, представителями микенской цивилизации. Следовательно, первоначальная фаза отношений с Западом относится к периоду расцвета этой ци-

визации в Арголиде, на п-ове Пелопоннес, что может объяснить, по крайней мере частично, факторы, предопределившие возникновение этого феномена. Если обратиться к самому раннему периоду, то единственным археологическим доказательством наличия контактов между местным населением Италии и эгейскими мореплавателями являются находки в нескольких местах в результате раскопок фрагментов завезенной микенской керамики. Случайные находки подобного типа, относящиеся к XVI и XV вв. до н.э., были сделаны в различных районах юга Италии (кроме Сицилии). Любопытно, однако, что большинство этих археологических находок обнаружено, как можно было ожидать, не на юго-востоке полуострова, омываемого Ионическим и Адриатическим морями и вследствие этого более близкого к миру Эгейского моря и Греции, а гораздо далее к западу, на некоторых островах на юге Тирренского моря, архипелаге Липарских островов и о. Вивара в Неаполитанском заливе. Эти данные, по всей видимости, означают, что в тот древний период целью эгейских мореплавателей являлось не установление торговых контактов с населением Южной Италии, а скорее прокладывание торгового пути через Западную Европу для соединения с «оловянным путем», который шел по Атлантическому побережью Европы вплоть до п-ова Корнуолл. Острова в Тирренском море, вероятно, являлись важнейшими пунктами на этом пути и, скорее всего, служили местом встречи микенских мореплавателей и местных торговых партнеров.

Вследствие этого логично предположить, что возвышающаяся микенская цивилизация была кровно заинтересована в установлении нового торгового пути, по которому мог бы доставляться металл, особенно олово, в качестве альтернативы пути, пролежавшего вдоль побережья Анатолии и находившегося под морским контролем минойского Крита.

Начиная с XIV в. до н.э. появляются свидетельства усиления и развития контактов микенцев с Южной Италией. И масштабы, и методы этих контактов заставляют предположить, что их мотивация радикально изменилась. Также можно отметить расширение зоны контактов с регионами Центральной Италии, хотя там они были не такими значительными. Еще одним регионом, с которым установились более тесные и прочные связи, являлась Сицилия. В XIII в. до н.э. влияние микенцев распространилось и на о. Сардиния. Несомненно, особенно в отношении Южной Италии и Сицилии, что эта новая фаза контактов привела к полномасштабному процессу аккультурации (даже если она и была ограниченной в своем размахе), которая принесла с собой значительные изменения в технологии, а также в хозяйственной и социальной структурах.

Археологические находки свидетельствуют о распространении микенского влияния на различных территориях, расположенных вдоль побережий Южной Италии и Юго-Восточной Сицилии. С их помощью можно составить представление об объемах и продолжительности торговли, которая осуществлялась в местах захода кораблей. Имеющиеся данные убеждают, что в первую очередь эгейские мореплаватели были заинтересованы в торговле с местным населением. Поселения на южном побережье должны были зависеть от более масштабной торговли, связывавшей их с населенными внутренними южными, центральными и, в некоторой степени, северными регионами Италии. Немногочисленность археологических находок микенского происхождения в Центральной Италии, в отличие от их преобладания в более южных районах, свидетельствует в пользу теории, согласно которой эти предметы попали сюда уже по вторичным, местным торговым путям, а не с помощью прямых контактов с эгейскими мореплавателями. Данное утверждение представляется еще более верным для Северной Италии, где, тем не менее, от-

раниченное число находок микенской керамики на берегах р. Адидже свидетельствует, что у этих регионов существовала прямая связь с торговым путем в Центральную Европу, который пересекал Альпы через перевал Бреннер.

Развитие торговли привело к появлению двух главных тенденций. Во-первых, отдельные морские центры, являвшиеся либо портами для захода кораблей, либо узлами торговой сети, выросли в своем значении и получили большее влияние, что обуславливало их потенциальное превосходство над соседними сообществами, усиливало и ускоряло процесс отбора, концентрации и стабилизации поселений и заставляло обращать большее внимание на оборону. Во-вторых, как прямой результат более высокого статуса, приобретенного этими центрами, которые стали исполнять новую для себя роль торговых партнеров эгейских мореплавателей и соседних племен, возросло и их военное значение. Вследствие этого среди высших слоев сообществ юга Италии усилилась тенденция к присвоению ими исключительных властных общественно-экономических функций. Проявления данной тенденции можно отметить на примере их обширных и впечатляющих жилищ, контрастирующих с домами простых людей; на примере их монументальных захоронений, расположенных отдельно от других захоронений, и, наконец, на примере их погребальных подношений, одной из особенностей которых является наличие большого количества завезенных микенских ваз.

Среди новаций в технологии, которые появились в Южной Италии и на Сицилии вследствие контактов с микенскими мореплавателями, самой значительной – и самой показательной в плане глубоких изменений общих социальных и хозяйственных условий жизни местного населения – послужило производство гончарных изделий. Зачастую эти изделия представляли собой тщательную имитацию микенских моделей, они делались из очищенной глины на гончарном круге, покрывались рисованными орнаментами и обжигались в гончарных печах при очень высокой температуре.

Технологические процессы на местах воспроизводились весьма тщательно и точно, что можно объяснить только тем, что передача необходимых навыков местным ученикам осуществлялась эгейскими мастерами. Это замечание выявляет интересный аспект взаимоотношений местного населения и микенских мореплавателей и убеждает, что такие отношения не надо рассматривать только как простой обмен товарами. Отсюда можно сделать выводы: во-первых, местные общины – или их правящая верхушка – сами нанимали мастеров для изготовления предметов роскоши; во-вторых, на эти предметы был большой спрос и ими активно торговали, что подтверждается обширными археологическими данными.

Эти процессы проходили на Сицилии в период существования там тапсосской (местонахождение *Thapsos*, XIV–XIII вв. до н.э.) и панталикской (*Pantalica*, XII–XI вв. до н.э.) культур; на юге Центральной Италии можно выделить апеннинскую (XIV в. до н.э.), субапеннинскую (XIII–XII вв. до н.э.) и протовилланованскую (*Proto-Villanovan*, XII–XI вв. до н.э.) культуры. Они, в свою очередь, оказали большое влияние на современные им культуры Северной Италии, особенно на терремарскую (*Terremare*) и пескиерскую (*Peschiera*).

Местонахождение близ Терремары, состоявшие из поселений с жилыми домами, покрыты большим культурным слоем, образовавшимся в результате разложения органических остатков. Это типично для культур среднего и позднего бронзового века на западе области Эмилия-Романья в регионе, расположенном между р. По, Апенниннами и р. Панаро. Деревни, построенные на берегах рек и озер, такие как Горзано и Кастионе-деи-Мерчези, строились на сваях для защиты полов от сырости. Найденные здесь двухконусные керамические изделия украшались выемками,

ребрами и выпуклыми криволинейными краями. Многочисленные металлические артефакты – закладки, браслеты, кулоны, топоры и кинжалы свидетельствуют о влиянии Центральной Европы, но в то же время нет никаких сомнений, что это – оригинальные местные изделия. Здесь также были сделаны находки, такие как бритвы и фибулы, относящиеся к более позднему периоду. Прах кремнированных умерших помещали в урны, которые затем располагались в местах погребений. Эти погребения были заброшены в XII в. до н.э., однако мы не знаем, почему это произошло.

Как уже отмечалось, процесс аккультурации, хотя и частичной, на Сицилии, вероятно, начался раньше и проявлялся яснее. Для тапсосской культуры характерны грандиозные групповые захоронения с замечательными погребальными приношениями, включающими большое количество привозной микенской керамики, а также бронзовое оружие, которое производилось на месте, но в значительной мере копировало эгейские модели. Во время раскопок поселения в Тапсосе, расположенного на побережье, были найдены остатки кирпичных сооружений, построенных по сложному наземному плану и состоящих из ряда помещений. Эти сооружения, хотя лишь приблизительно напоминают восточно-средиземноморские модели, никак не могут быть отнесены к местной архитектуре. При отсутствии прямых доказательств представляется неразумным полностью исключать теорию, согласно которой эти постройки являлись местами торговли, используемыми эгейскими мореплавателями.

Для панталикской культуры было характерным то, что количество завезенной микенской керамики здесь было не так велико, однако в этой культуре различные эгейские и кипрские стили были освоены как часть местной керамической традиции, в которой с этих пор начали применяться гончарный круг и другие технологические новшества, о которых упоминалось выше. В поселении Панталика, которое дало название культуре, жило приблизительно несколько сотен жителей, если судить по площади, занятой жилищами, а также по количеству найденных захоронений – более 5 тыс. Поэтому данное поселение можно отнести к протогородскому центру. То, что в этой общине существовала правящая аристократия, подтверждается обнаруженным дворцом вождя (*анактороном*), роскошно отделанным и расположенным в центре поселения. Он был построен из массивных кубических блоков, интерьеры этой резиденции говорят о явном эгейском влиянии. Здесь даже имелась литейная для изготовления бронзовых предметов.

На Апеннинском п-ове изменения в технологии и социальной структуре, связанные с микенским влиянием, были не так ярко выражены в культуре, названной апеннинской, но четко прослеживаются в сменившей ее субапеннинской культуре, основными центрами которой являлись Скольо-дель-Тонно, Торре-Кастеллучия, Порто-Пероне и Коппо-Навигата в Апулии, Торре-дель-Мордилло и Бродо-ди-Требисачче в Калабрии. Эти центры уже имели определенные протогородские черты, хотя и не такие явные, как в Панталике. Далее к северу поселения, которые можно было бы отнести к протогородским, не встречаются.

Эти различные по своему уровню модели аккультурации, вызываемые цивилизациями Восточного Средиземноморья путем воздействия на культуры Сицилии и Италии, начиная с юга и заканчивая Альпами, могут, возможно, объяснить ту роль посредника между эгейским регионом и Центральной Европой, которую играли в тот период Апеннины и Балканы. Эта их функция была тем важнее, что она не была односторонней передачей культурных влияний, а, наоборот, помогла развитию взаимных отношений.

Установление общих методов металлургии, подходов в дизайне и технологии, применявшихся при изготовле-

нии оружия, украшений, изделий из серебра и бронзы на большей части Европы и на территориях вдоль Средиземноморского побережья в XIII и XII вв. до н.э., являлось, без сомнения, одним из важнейших следствий процессов культурной унификации в доисторические времена в этих регионах. Разумеется, это отразилось и на других аспектах местных культур, особенно связанных с идеологией и символикой. Было совершенно верно указано, что эти «общие языки», общие подходы появились в результате слияния двух различных традиций в металлургии – эгейской и центральноевропейской. Такой феномен мог проявиться как результат полномасштабного процесса культурного взаимопроникновения, включавшего широкий обмен опытом и моделями, который мог быть реализован только при условии свободного перемещения ремесленников между регионами. Уже отмечалось присутствие эгейских мастеров на Сицилии и в Италии: это абсолютно доказано в отношении гончаров и более чем вероятно в отношении мастеров по металлу. С другой стороны, имеется масса свидетельств, подтверждающих присутствие в Греции и эгейском регионе бронзовых дел мастеров, прибывших из Италии. При раскопках поселений XIII и XII вв. до н.э. на этих территориях были сделаны находки, которые можно отнести к микенским, включая различные бронзовые предметы, особенно мечи, кинжалы, ножи и фибулы, по своему типу характерные для континентальной Европы. Эти находки эксперты считают доказательством иммиграции в регион Греции и Эгейского моря этнических групп с севера, что нашло отражение в хорошо известной легенде о вторжении дорийцев. Другие артефакты имеют определенное сходство с металлическими изделиями, производимыми тогда же в Италии. В то же время некоторые их особенности показывают, что они были сделаны на месте, в Греции и эгейском регионе, а не завезены. Это наблюдение подтверждается важной находкой – литейной формой для изготовления топоров специфически итальянского типа в «Доме торговца маслом» в Микенах.

Начиная с XII в. до н.э. и, безусловно, после разрушения и оставления микенских дворцовых комплексов, связи между Восточным Средиземноморьем, с одной стороны, и Сицилией и Италией – с другой, постепенно ослабли. В то же время четко обозначилось тяготение культурной ориентации этих южных регионов к континентальной Европе.

Крупные острова Западного Средиземноморья: культуры нураги, талайотов и торре

В тот же период, а также в первые века I тысячелетия до н.э., на Сардинии и Балеарских островах шли совершенно другие процессы культурного развития. Они нашли выражение во впечатляющих архитектурных памятниках, которые дали свои названия соответствующим местным культурам, как, например, нураги в Сардинии и талайоты на Балеарских островах. Эти архитектурные формы представляли собой усеченные конические башни, иногда в несколько этажей, построенные из больших каменных блоков. Внутри на кронштейнах-выступах были помещения, связанные также внутренними лестницами. Эти башни стояли либо отдельно, либо являлись частью поселений. В последнем случае поставленные в линию и связанные стенами они образовывали основную внешнюю оборонительную стену (Балеарские острова). Иногда сгруппированные вместе, образуя таким образом трехдольные или многодольные структуры, над которыми возвышалась центральная главная башня, они становились цитаделями, напоминающими средневековые замки (Сардиния). Кроме этих башен, на островах представлены также групповые мегалитические захоронения в виде удлиненных сооружений, несколько напоминающие галерейные захоронения (из-

вестные как «могилы гигантов» на Сицилии и так называемые наветасы на Балеарских островах). Еще одной общей особенностью культур нураги и талайот, не известной современным им культурам Сицилии и Италии, было существование обнаруженных мест поклонения (куда приносились жертвоприношения, иногда очень ценные), включая священные монументы, такие, например, как «храмы-колодцы» на Сардинии. Методы строительства, всех подобных сооружений иногда варьировались, поскольку планы самих сооружений изменялись от весьма приблизительно многоугольного до абсолютно выверенных равноугольных. Теория, согласно которой архитектура нураги и талайот многое заимствовала от восточных и эгейских образцов, является неподтвержденной, хотя в некоторых ее чертах действительно существует вполне различимое сходство, что при известных условиях может свидетельствовать о наличии определенных влияний. У нас также имеются свидетельства того, что самое раннее микенское присутствие на Сардинии приходится на период расцвета архитектуры нураги. С другой стороны, теоретические предпосылки, касающиеся многих технических и структурных аспектов архитектуры нураги и талайот, такие как декоративная арка, круглые помещения и т.п., уже были характерны для мегалитической архитектуры Западного Средиземноморья в III тысячелетии до н.э.

На протяжении III и II тысячелетий до н.э. в рамках культуры нураги на Сардинии переживала свой количественный и качественный расцвет бронзовая металлургия, одной из характерных черт которой было резкое возрастание производства небольших скульптурных фигур. Одновременно с первыми стадиями развития этого феномена, но уже после того как микенское влияние на Сардинии ослабло, по крайней мере частично, появляются доказательства присутствия на острове восточных мастеров по металлу. В их изделиях прослеживается влияние кипрской и сирийско-палестинской традиций, которое, по всей видимости, начало проявляться с начала VIII в. до н.э., когда началась финикийская колонизация западных земель.

Сардиния развивалась в VIII и VII вв. до н.э. на основе торговых связей между восточной и западной частями Средиземноморья. Для ее цивилизации характерны традиции строительства больших каменных башен (нураги) и бронзовая металлургия с производством статуэток, тренги, фигурок воинов, борцов, пастухов, женщин с детьми и животных, особенно оленей.

Корсиканские торре (*torres*) являются еще одним примером загадочных монументов, расположенных на островах Западного Средиземноморья. Рядом с башней в Филитосе находятся большие вырезанные из камня статуи, представляющие воинов с мечами, иногда в шлемах.

ЭПОХА БРОНЗЫ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В течении бронзового века, в отличие от островов Западного Средиземноморья, в Юго-Западной Европе основные тенденции культурного развития были подобны процессам, происходившим в других частях континента, особенно на Апеннинском п-ове. Однако недостаток специфического сходства в металлургии и архитектуре указывает на то, что здесь происходило культурное развитие совершенно иного типа, в котором проявлялась высокая степень изоляции. Это особенно верно для самого раннего периода, когда на юге Пиренейского п-ова возникла эль-аргарская (*El-Argar*) культура, с которой были связаны валенсийская культура (в регионе Валенсии, расположенном далее к югу) и в начальный период – аталайская (*Atalaia*) культура (на юге Португалии). Многие распознаваемые черты местонахождений этих культур напоминают некоторые другие европейские и итальянские культуры – от поселений, расположенных на возвышенностях и окру-

женных кирпичными укреплениями, до широкого развития металлургии, особенно производства оружия и украшений (в последнем случае также применялось серебро и золото); от огромных урн и индивидуальных захоронений, сложенных из каменных плит, вместо групповых погребений до погребальных приношений, различающихся в разных захоронениях, что доказывает существование социальных различий (рис. 67). Однако нет очевидной связи между этими культурами и дизайном бронзовых артефактов и гончарных изделий, еще слабее она прослеживается в обычае хоронить умершего под его жилищем, а не в склепах, стоящих отдельно от поселения.

С другой стороны, в культурах позднего бронзового века, существовавших в Лангедоке (Мэлак) и Каталонии (Агуллана) во II и I тысячелетиях до н.э., обнаруживаются более близкие связи с остальной Европой, особенно с Центральной Европой. Они известны своими захоронениями трупосожжений в урнах, которые схожи с так называемыми полями погребальных урн в регионах, расположенных к северу от Альп. Сходство проявляется в видах и украшениях оссуариев, других сосудов и бронзовых изделий.

Можно также обнаружить связи между Атлантикой и Средиземноморьем: корабль, груженный бронзой, найденный на побережье в Рошлонге близ Агда (департамент Эро, Франция), вероятно, предназначался для итальянских литейных мастерских, как и другие бронзовые изделия, найденные на побережье вблизи Уэльвы на юге Испании. Они, вне всякого сомнения, имеют атлантическое происхождение и их можно найти вплоть до Сардинии и Сицилии (находка в Сарде близ Монте-Са-Идды). Это также доказывает проникновение в Средиземноморье западных образцов; самой крупной находкой подобного рода является коллекция из 3 тыс. предметов, обнаруженная близ Вена (департамент Шаранта, Франция), которая приходится на пик атлантического бронзового века.

Выше неоднократно отмечалось, что итальянские и греческие мастера бронзовых дел нуждались в олове. Касси-

терит (оловянный камень), оксид олова с п-ова Корнуолл (Англия) или п-ова Бретань (Франция), без сомнения, поступал в обращение в то же время, что и выплавленная бронза; это было подтверждено несколькими веками позднее первыми историками, такими как Геродот.

Для общества Юго-Западной Европы в тот период было характерным наличие жесткой иерархической структуры. Это обстоятельство помогло утвердиться отношению к воинам как к героям, в честь которых на юго-западе Пиренейского п-ова воздвигались украшенные стелы. Пример подобного стиля можно найти в Субстансьоне (департамент Эро, Франция). Оружие здесь представлено щитами, иногда шлемами, мечами и копьями; фибулы и круглые застежки также составляют часть доспехов. На Пиренейском п-ове также нередко встречаются изображения колесниц с впряженными в них двумя лошадьми. Это, по всей видимости, подтверждает, что аристократия того периода, по крайней мере в этой части Европы, своими чертами напоминала знать, описанную Гомером.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Происхождение италийско-этрусской цивилизации и зарождение Рима

Весьма широко распространено мнение, что эпоха письменной истории в регионе берет начало в центральных и южных районах Италии в конце VIII и в VII в. до н.э., когда, с одной стороны, развивался впечатляющий феномен греческой колонизации на юге полуострова и на Сицилии, а с другой стороны, в Этруррии и прилегающих к ней регионах появились первые городские центры и древнейшие города-государства. Одновременность этих двух процессов – хотя греческая колонизация в основном началась немного раньше, чем появились первые центры городской италийско-этрусской цивилизации, – привела многих ученых к выводу, что последние возникли под влиянием именно греческой колонизации, путем передачи социальной и культурной моделей, происшедших из Восточного Средиземноморья. Строго говоря, эта теория не является неверной, однако она оставляет без внимания другие, столь же значительные аспекты проблемы.

Как уже отмечалось, появление на Сицилии и в Южной Италии центров, наделенных явными протогородскими чертами, датируется по крайней мере XIII в. до н.э. Этот феномен предполагает определенное знакомство с социальными и культурными моделями, типичными для наиболее развитых цивилизаций Восточного Средиземноморья. С другой стороны, как будет показано ниже, развитию на некоторых территориях Центральной и Южной Италии местных городских центров предшествовала долгая фаза их формирования, для которой было характерно широкое развитие протогородских тенденций. Ранние стадии этого процесса относятся к началу IX в. до н.э., т.е. они начались значительно раньше, чем появились первые греческие колониальные поселения на Западе, и ранее того короткого периода, который известен как «доколониальный», когда установились первые контакты, носившие чисто коммерческую основу.

Вследствие этого было бы логично предположить, что на протяжении столетий до и после 1000 г. до н.э. формируемую протогородскую фазу раннего железного века и отстоящую от нее в глубь веков эпоху бронзы связывала линия непрерывного развития.

Для начала IX в. до н.э. в Этруррии является характерным параллельное развитие двух явлений. Во-первых, внезапно оказалось брошенным множество поселений, расположенных на возвышенностях, окруженных природными

Рис. 67. Артефакты раннего бронзового века из Италии и Испании (по Millotte & Thévenin, 1988)

преградами в виде крутых склонов или голых скал. Эти поселения, располагавшиеся на нескольких гектарах, часто занимали господствующее положение над районом площадью не менее 100 кв. км. Согласно оценкам, их население составляло несколько сотен человек. В то же время возросло значение ограниченного числа крупных центров, располагавшихся на возвышенностях и так же труднодоступных, но более значительных по своим размерам, охватывающих более 100 гектаров (их население могло составлять несколько тысяч человек). Подвластная им территория достигала приблизительно 1 тыс. кв. км, что весьма похоже на то, что называется «территориальным модулем древних государств». Эти поселения эпохи раннего железного века располагались в большинстве случаев на территории, где появились первые крупные этрусские города-государства, такие как Тарквинии, Вейи, Цере (современная Черветери) и Вулчи. В этих поселениях раннего железного века не было кирпичных или каменных построек, они состояли в основном из деревянных хижин. Не имеется данных, свидетельствующих о наличии здесь городской инфраструктуры или каких-либо форм монументальной архитектуры сооружений (храмов, общественных зданий и т.п.). Как бы то ни было, эти поселения, несомненно, выражали одну из форм социальной организации, явно предшествующей образованию городских структур, и именно поэтому они могут называться протогородскими.

С другой стороны, сама одновременность этих двух феноменов – сравнительная внезапность и масштабы оставления древних поселений и появление новых центров – заставляет предполагать, что основной причиной этого процесса было возникновение гораздо больших общин, ставших основой протогосударственных образований.

В начале фазы формирования центров, если судить по погребальным склепам (кремированные останки; погребальный обряд, который в настоящее время получил название «вилланова» по с. Вилланова около г. Болонья), в новых сообществах, вероятно, не сложились какие-либо заметные социально-экономические структуры. Однако уже на протяжении жизни немногих поколений процесс диверсификации привел к образованию правящего класса, который контролировал большую часть властных функций и богатств сообщества. Между этим правящим классом, пик могущества которого пришелся на вторую половину VIII в. до н.э., и городской аристократией раннего этапа этрусской цивилизации, известного как период «ориентализации» (начало VII в. до н.э.), явно не прослеживается никакой преемственности.

Данные процессы сопровождался целым рядом явлений, рассмотрение которых может выявить некоторые их аспекты. Во-первых, начиная с первых десятилетий VIII в. до н.э., а в некоторых случаях даже раньше, в могильные камеры знати стали помещать ценные предметы, особенно изделия из металла и керамику сирийско-палестинского (во всяком случае, восточного) и греческого производства. Во-вторых, в то же время и в том же контексте начали появляться местные имитации этих предметов роскоши, что привело к перениманию основных технологических нововведений; некоторые из них были теми же самыми, какие ранее появились на Сицилии и на самом юге Апеннинского п-ова: круг для изготовления гончарных изделий, очистка глины, расписной орнамент и использование высокотемпературных обжиговых печей. В-третьих, практика погребений снова свидетельствует о том, что были восприняты новые обычаи, касающиеся различных аспектов жизни общества, от тактики военных действий до этикета на пирах.

Таким образом, археологические данные позволяют получить информацию о начале развития этрусской цивилизации в период существования культуры вилланова (IX–VIII вв. до н.э.) в регионе, расположенном между г. Физоле, недалеко от Флоренции, на севере и Римом на

юге. Этот регион был богат медью, свинцом с примесью серебра и железной рудой и, по-видимому, вследствие этого был привлекателен для производителей, ремесленников, торговцев и мореплавателей, имевших связи с Южной Италией и Восточным Средиземноморьем. Развитие Этрурии в VII в. до н.э. было бурным. Ее население быстро выросло, увеличивалось число ее городов и некрополей, ее хозяйство развивалось в результате ввоза из Азии, Египта и Греции драгоценностей, таких как слоновая кость и золото. Культура Этрурии переняла на свой манер ориентальный стиль.

Цере (Черветери) в то время был процветающим прибрежным городом, товары из которого вывозились на запад. Начиная с этого времени в некрополе Тарквиний появляются могильные курганы аристократии, которая ориентировалась на греческие города-государства как на модель социального устройства. Появляются обычаи городской жизни, религиозная и общественная архитектура, божества, иконографические сюжеты, оружие и многие другие небольшие изделия, используемые в повседневной жизни, такие как фибулы, заколки и бритвы. Первый этрусский текст был написан с использованием греческого алфавита. Следы интенсивных контактов между цивилизациями можно обнаружить на примере орнаментов на золотых предметах, найденных в захоронении близ Реголини-Галасси (675–650 гг. до н.э.). В наши дни именно этот факт приводится в качестве объяснения причины быстрого развития этрусской цивилизации.

Внезапное появление протогородских центров было ограничено регионом Этрурии и некоторыми территориями Кампании. Далее к югу, особенно в южной части Апулии и Калабрии, они возникали в результате более долгого и постепенного процесса. С одной стороны, как уже отмечалось, основные черты, характерные для этого процесса, проявились гораздо раньше и с самого начала эта тенденция сравнительно ясно обозначилась (например, модели социальных структур, появившиеся в Этрурии в VIII в. до н.э., здесь имели место начиная уже с IX в. до н.э.). С другой стороны, эти протогородские центры, видимо, весьма пассивно пользовались имевшимся у них преимуществом в виде естественных связей с Центральной Италией, связей, которые стали активно использоваться в этих регионах только после начала греческой колонизации.

Местные протогородские центры раннего железного века в Калабрии и Апулии никогда не достигали масштабов этрусских городов, тогда как центры такой же величины во времена Великой колонизации появились и в греческих колониях.

Пример Лациума-Ветуса, региона, который соответствует современной области Лацио, отличается как от Этрурии, так и от более южных регионов полуострова. Он лежал к югу от р. Тибр, которая обозначала границу между Лациумом-Ветусом и Этрурией. В этом регионе возвышение протогородских центров не было внезапным процессом, как на землях этрусов. Как правило, поселения конца бронзового века здесь не забрасывались и первоначально не менялись в своих размерах и основных чертах. В то же время начиная с середины IX в. до н.э. здесь наблюдался устойчивый и постепенный рост нескольких центров. Однако данные центры оставались гораздо меньшими, чем города этрусов: их площадь занимала примерно 50 гектаров и никогда не превышала этот предел. Размер территории, контролируемой ими, варьировался от 200 до 300 кв. км, и лишь в весьма редких случаях он был больше.

Единственным исключением был Рим. В отличие от того, как это было в большинстве других подобных случаев, дата основания города (753 г. до н.э. в соответствии с древней традицией), является более поздней по сравнению с реальной датировкой; одна из самых древних частей поселения, Капитолийский холм и его склоны, относится еще

к эпохе бронзы или, точнее, по меньшей мере к XIV в. до н.э. Между концом бронзового и началом железного века поселение выросло и стало включать в себя Палатинский холм. Начиная с середины IX в. до н.э. это поселение быстро распространилось на территорию холмов Эсквилин и Квиринал. В течение этого периода Рим занимал площадь в 150–200 гектаров, его значение было так же велико, как и основных протогородских центров Этрурии, хотя они обычно располагались на возвышенности, обеспечивающей естественную защиту, тогда как топография Рима была более беспорядочной и фрагментарной.

Задолго до того как Рим стал настоящим городом вследствие особого расположения, его гегемония над Лациумом была предопределена. Если бы не это расположение, господство было бы установлено несколькими веками позднее. Установление власти Рима над Лациумом стало важнейшей предпосылкой последующего продвижения Рима в центральные и южные районы Италии.

Древнейший период финикийской и греческой колонизации Центрального и Западного Средиземноморья

Процесс аккультурации, почву для которого подготовили еще эгейские мореплаватели примерно в середине II тысячелетия до н.э. во время своих контактов с Южной Италией, Сицилией и Сардинией, значительно оживился в раннем железном веке вслед за основанием новой волной мореплавателей с востока – финикийцами и греками – нескольких колоний в Центральном и Западном Средиземноморье.

Дошедшие до нас классические письменные источники относят появление самых древних финикийских колоний на западе к XII–XI вв. до н.э., что в первую очередь относится к колониям в Иберии (Кадис) и Северной Африке (где, как считается, г. Утика был основан на три века раньше Карфагена), а также к созданным несколько позднее колониям на Мальге, Сицилии (Мотия) и Сардинии (Нора, Сульцис, Тарр). Однако мы не располагаем археологическими данными, которые могли бы подтвердить эту датировку, так как самая ранняя исследованная колония относится к началу VIII в. до н.э. Также трудно установить, сколькими годами ранее финикийские мореплаватели начали пользоваться этими морскими путями. Небольшие украшения восточного происхождения, такие как скарабеи и тому подобные изделия, которые были найдены в некоторых южноиталийских склепах, относящихся к раннему железному веку и датированных первой половиной IX в. до н.э., безусловно, можно рассматривать как показатель торговой деятельности подобного рода, однако такие находки встречаются нечасто.

Греческая колонизация началась немного позднее. Методы и формы греческой и финикийской колонизаций часто сравнивают и противопоставляют. Так, огромное значение имел выбор места, где основывалось поселение: финикийцы располагали свои центры на небольших островах или оконечностях полуостровов, тогда как греки основывали колонии хотя и на побережье, но в более доступных местах, иногда даже недалеко в глубине территории. Эти разные подходы служили двум разным целям: в первом случае поселение основывалось исключительно как торговый порт для захода кораблей, во втором случае оно служило средством территориального господства и дальнейшего расширения колонии. Вследствие этого, разумеется, греческие колонии оказывали гораздо более сильное культурное воздействие на местное население, чем поселения финикийцев.

Однако было бы неразумным преувеличивать эти различия. С одной стороны, как станет ясно в дальнейшем, самые первые греческие поселения в Италии и Сицилии

вначале основывались исключительно с торговыми целями, что подтверждается их топографическим расположением, которое было таким же обособленным, как и у финикийских колоний. С другой стороны, имеются территории, например на юго-востоке Пиренейского п-ова, где финикийские поселения и сельскохозяйственные фермы очень быстро установили настоящий контроль над окружающей территорией, хотя и ограниченной прибрежной полосой, что также дало толчок для формирования местных смешанных культур.

Как бы то ни было, очевидный антагонизм между финикийскими и греческими колонизаторами не препятствовал эпизодической смене ролей: например, имеются находки финикийских артефактов на территории древнейших греческих поселений (также как и свидетельства физического присутствия там финикийцев), и наоборот. Имеются все основания полагать, что обе стороны время от времени торговали между собой, особенно в доколониальный период. Этот период был сравнительно недолгим, если учесть, что его первые стадии должны приходиться на IX и VIII вв. до н.э., а первые греческие колонии появились немногим ранее середины VIII в. до н.э.

Самым первым из этих центров стала Питекуса, колония, основанная на о. Искья со стороны Неаполитанского залива, что подтверждается всеми древними письменными источниками и археологическими данными. Основателями колонии стали выходцы из Халкиса, города, расположенного на о. Эвбея. Несколькими годами позже эти переселенцы из Халкиса обосновались на Апеннинском п-ове, где создали колонию Кумы (севернее Неаполя) на месте более древнего местного поселения.

Удивительным, но одновременно и показательным фактом является то, что первый этап колонизации греки начали не с более доступных районов, а сразу продвинулись в те места, которые отныне должны были служить северо-западными рубежами их экспансии в Италии; это решение подчеркивает приоритет, придававшийся соображениям стратегии и коммерции. Во время раскопок в Питекусе был найден центр выплавки железа, в котором использовалось сырье, привезенное с о. Эльба, расположенного недалеко от побережья северной части Этрурии. Стоит отметить, что хотя древние греческие поселенцы и придавали большое значение торговле с Этрурией, они не решались селиться на этрусском берегу, предпочитая сохранять дистанцию. Этрусские города-государства, очевидно, были очень сильны, а их власть над центральными и северными районами Тирренского моря была достаточно прочной, вследствие чего грекам было необходимо проявлять определенную осторожность.

Только через несколько лет, но также до середины VIII в. до н.э., греки из Кум осознали необходимость установления контроля над собственными морскими торговыми путями, основав колонию Занкла (современный г. Мессина) на сицилийском берегу Мессинского пролива. Несколько позже на противоположном берегу п-ова Калабрия переселенцами из Халкиса была основана колония Реджо (современный г. Реджо-ди-Калабрия).

На протяжении жизни двух поколений первых колонистов греческая экспансия приобрела совершенно иной характер: вместо основания изолированных торговых и военных форпостов греки стали систематически занимать большие земельные площади. Прежде всего, менее чем за десять лет (734–727 гг. до н.э.) греки различного происхождения, в основном халкидийцы и дорийцы, колонизовали весь восточный берег Сицилии, основав Наксос, Сиракузы, Лентини, Катанию и Мегару Гиблейскую, еще через десять лет или немного позднее на северо-восточном берегу был основан Милаццо. Таким же быстрым было занятие переселенцами с Пелопоннеса в конце VIII в. до н.э. всего ионического побережья Южной Италии, где были основаны колонии Кротон, Сибарис, Метапонт и Тарент,

а местное население было покорено. Греческая колонизация Сицилии и италийских земель была постепенно завершена на протяжении VII в. до н.э.; примерно к 700 г. до н.э. она приобрела характер господства над территорией и уже не сильно отличалась от своей окончательной формы, которая сложится позднее.

Между классическим и варварским мирами: венеты, лигуры и иберы

На протяжении раннего железного века на севере Италии, в средиземноморских регионах современной Франции и на Пиренейском п-ове не наблюдалось ни процессов формирования протогородской цивилизации, как в Этрурии, ни территориальной экспансии, сопоставимой с эллинской колонизацией Сицилии во времена Великой колонизации. В Северной Италии период формирования протогородов начался не ранее VI в. до н.э. Большие доисторические поселения, основанные в районе Болоньи в IX и VIII вв. до н.э., не могут считаться настоящими протогородскими формированиями, хотя их часто сравнивают с этрусскими центрами, приводя в пример практиковавшийся в этих местах свойственный культуре вилланова погребальный обряд с трупосождением и сохранением праха в некрополях. Только во второй половине VII в. до н.э. греческие мореплаватели отважились появиться на средиземноморских берегах Прованса и Восточной Испании, они начали создавать первые греческие колонии в начале VI в. до н.э., когда был основан Марсель. Эти выводы не меняют того факта, что даже в раннем железном веке указанные регионы уже в некоторой степени выступали посредниками в отношениях между классической средиземноморской цивилизацией и варварским миром континентальной Европы.

Одной из наиболее характерных черт, присущих культурному развитию Европы на протяжении столетий, было образование больших этнических групп (иллирийцы, кельты и т.д.) в тот же период (хотя и не совсем параллельно), что и развитие значительных культур (галльштатской, латенской и т.п.). Рассматриваемые регионы на протяжении нескольких веков, во всяком случае, уже в раннем железном веке, представляли собой модель развития, и, несомненно, этот пример имел каталитический эффект для менее цивилизованных регионов Европы.

В северо-восточной части долины р. По развивалась культура, известная как культура эсте (название по г. Эсте), зона влияния которой примерно совпадала с территорией, где на протяжении веков обитали венеты, что убедительно подтверждается эпиграфическими находками и письменными источниками. Эта культура оказала сильное влияние на территории, расположенные восточнее Центральных Альп. Несомненно, модель цивилизованного общества, существование которого подтверждается найденными погребальными камерами близ Эсте, относящимися к VIII в. до н.э., представляла собой пример для появившейся в VII в. до н.э. галльштатской культуры. Это влияние проявилось в различных сферах – от оружия до стиля одежды, от этикета при проведении пиров до погребальных обрядов.

Регион к северо-западу от Альп, вероятно, также подвергся влиянию, хотя, может быть, и менее очевидному, со стороны культуры голасекка, которая возникла на северо-западе Италии. Те же причины, что указывались выше в отношении венетов, живших в регионе современ-

ной Венеции, показывают, что эта культура имела лигурийское происхождение. В тот период районы, населенные лигурами, должны были быть более обширными и, вероятно, включали в себя Средиземноморское побережье современной Франции и Пиренейского п-ова, по крайней мере вплоть до устья р. Эбро. В тот период продолжали развиваться так называемые культуры полей погребений в Лангедоке и Каталонии, датируемые поздним бронзовым веком.

Все еще неясно, где на юге современной Испании точно был расположен район расселения иберов. Именно там, за Геркулесовыми столпами, располагалось мифическое царство Тартесс, известное своими сказочными богатствами. С археологической точки зрения, для этих территорий в тот период характерно развитие высоко развитой бронзовой металлургии, а также необычное разнообразие культурных обменов, которые велись начиная с регионов Центрального и Западного Средиземноморья, особенно с Сардинией и Сицилией, а через последнюю – с Восточным Средиземноморьем, и заканчивая районами Атлантического побережья, вплоть до Британских островов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALMAGRO-GORBEA, M. 1977. El bronze final y el período orientalizante en Extramadura. Madrid.
- ANATI, E. 1976. Evolution and Style in Camunian Rock Art. Capo di Ponte.
- BARFIELD, L. 1971. Northern Italy before Rome. London.
- BARKER, G. W. W. 1975. Prehistoric Territories and Economics in Central Italy. In: HIGGS, E. S. (ed.), Palaeoeconomy. Cambridge. Vol. 3, p. 75.
- BERNABO BREA, L. 1966. Sicily before the Greeks. 2nd ed. London.
- BIETTI SESTIERI, A. M. 1973. The Metal Industry of Continental Italy, 13th to the 11th century BC, and its Connection with the Aegean. PPS, Vol. 39, pp. 383–424.
- BLANCE, B. 1971. Die Anfänge der Metallurgie auf der iberischen Halbinsel. Berlin.
- CAMPS, G. 1988. Terrina et le Terriniens, Recherches sur le chalcolithique de la Corse. Roma.
- CIVILTA NURAGICA. 1985. Milano.
- COFFYN, A.; GOMEZ, J.; MOHEN, J. P. 1980. L'apogée du bronze atlantique, le dépôt de Vénat (Charente). Paris.
- COLES, J. M.; HARDING, A. F. 1979. The Bronze Age in Europe: An Introduction to the Prehistory of Europe, c. 2000–700 BC. Beccles/London.
- EVANS, J. D. 1971. The Prehistoric Antiquities of the Maltese Islands: A Survey. London.
- GUILAINE, J. 1972. L'âge du bronze en Languedoc occidental, Roussillon, Ariège. Paris.
- 1994. La mer partagée, la Méditerranée avant l'écriture, 7000–2000 avant J. C. Paris.
- LUMLEY, H. de 1994. La montagne sacrée. Aix-en-Provence.
- MILLOTTE J. P.; THÉVENIN, A. 1988. Les racines des Européens des racines aux Celtes. Horvarth. Le Coteau. France.
- PERONI, R. 1963. Letà del bronzo media e recente tra d'Adige e il Mincio. Memoria del Museo civico di Storia naturale di Verona, Vol. 2, pp. 49–104.
- 1971. Letà del bronzo nella penisola italiana. In: L'antica età del bronzo, Firenze. Vol. 1.
- PHILLIP, P. 1975. Early Farmers of West Mediterranean Europe. London.
- ROUDIL, J. L. 1972. L'âge du bronze en Languedoc oriental. Paris.
- SCHUBART, H. 1975. Die Kultur der Bronzezeit im südwesten der iberischen Halbinsel. Madrid.
- TRUMP, D. H. 1966. Central and Southern Italy before Rome. London.

Румен Катиниаров и Никола Тасич

Конец халколитических культур был в определенной мере следствием опустошительных набегов со стороны степных племен, носителей ямной (древнеямной) культуры, а позднее катакомбной культуры, при их продвижении к сербско-хорватскому региону бассейна Дуная и Балканам. Они оказали влияние на культуру вучедол (курганное захоронения в Батайнице, Войке и Молдова-Вече), которую впоследствии совершенно вытеснили. Несмотря на важность этих миграций, основными факторами, обусловившими исторические перемены в регионе, являлись органическое развитие, культурное взаимодействие и ассимиляция.

До начала эпохи бронзы культурный обмен с эгейским миром, особенно с Западной Анатолией, был незначительным. Существенное продвижение в этой области началось в раннем бронзовом веке. Имеющийся археологический материал показывает, что в тот период культуры регионов, расположенных южнее гор Стара-Планина, взаимодействовали с эгейской и анатолийской культурами. Территория, которая включает и п-ов Халкидики, являлся «нервным центром», где встречались культурные влияния севера и юга.

В силу того, что существует почти абсолютное сходство между глиняными сосудами, найденными на месте древнего поселения в Терми (IV–V) на о. Лесбос, керамикой Юго-Восточной Болгарии, относящейся к первой и началу второй фаз раннего бронзового века, а также значительной частью керамики Трои, можно заключить, что на юго-востоке Болгарии, северо-западе Анатолии и некоторых островах Эгейского моря развивалась одна и та же культура.

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (3200–2000/1900 ГГ. ДО Н.Э.)

Раскопки, проведенные на месте древних поселений в Болгарии – теллей, обнаружили культурные слои, относящиеся как к халколиту, так и к раннему бронзовому веку, между которыми наблюдается стратиграфический разрыв. Сейчас трудно установить точно, относится ли этот перерыв в развитии ко всем поселениям. Высока вероятность того, что поселения были временно заброшены на короткий период, после которого их заселили новые обитатели. Археологи отметили, что большинство поселений на юго-востоке Болгарии были построены на руинах поселений эпохи халколита (телли в Караново, Езеро в области Бургас, Капитан-Димитриево, Юнаците в области Пловдив; Кирилтово в области Хасково и т.д.). В то же время число поселений, построенных на руинах поселений эпохи неолита, является незначительным (телль в Веселиново, область Бургас). Можно также найти поселения, которые были заселены только начиная с эпохи бронзы (телли в Нова-Загоре в области Бургас и т.д.). Данный факт может служить косвенным доказательством роста населения в регионе в бронзовом веке.

Кроме поселений, построенных в раннем бронзовом веке на месте теллей, люди селились также на естественно защищенных холмах с крутыми склонами. Характерным для поселений такого типа является памятник в Михаличе (Хасково), который был обнесен стеной, сложенной из камней различных размеров, по всей вероятности, скрепленной глиной. У основания толщина стены достигала 1,6 м.

Верхний слой телля в Езеро, который относится к раннему и среднему бронзовому веку, достигает толщины в 4 м. Археологами были выявлены 13 культурных уровней. Первое поселение, относящееся к эпохе бронзы, было окружено каменной стеной с толщиной у основания 1,5 м. Она была облицована большими необработанными камнями, уложенными способом сухой кладки. Промежуток между стеной и облицовкой был заполнен камнями различных размеров, скрепленными глиной. С ростом численности населения пространство, ограниченное стеной, стало слишком тесным. Для обеспечения безопасности людей, живущих за пределами стены, вокруг границы выросшего поселения была построена новая стена, еще более мощная. Сооружение внешней стены превратило поселение в крепость, подобную той, что была возведена на телле в районе Казанлыка. В поселении на телле в Езеро видны признаки первоначальной планировки, хотя и весьма примитивной. Жилища, расположенные на различных уровнях, были выстроены вдоль прямых линий либо располагались группами. Центр поселения, который остался незастроенным, был местом пересечения улиц, ведущих к выходам, проделанным в стене.

В поселениях на севере Болгарии, в отличие от юга страны, люди не жили подолгу. Вероятно, это объясняется нестабильностью форм хозяйственной деятельности, в которой преобладало скотоводство, а также набегами отдельных групп степных племен.

В раннем бронзовом веке поселения на северо-западе Болгарии располагались на естественно защищенных возвышенностях (доисторические поселения Градец, Царь-Петрово в области Михайловград и т.п.). Люди на севере Болгарии наряду с подобными поселениями также продолжали жить в пещерах, которые давали более надежную защиту (Магурата близ Рабиче в области Михайловград, пещера Деветачка в районе Ловеча и т.п.).

Большинство поселений, располагавшихся близ оз. Варна и на Черноморском побережье, также относятся к эпохе ранней бронзы (г. Созопол, село Китен в области Бургас и т.п.). На территории этих памятников было найдено много хорошо сохранившихся предметов, относящихся к повседневной жизни, включая изделия, вырезанные из дерева, а также большое количество костей домашних и диких животных.

Магурская культура на северо-западе Болгарии являлась составной частью большой культуры магура-котофени, которая была распространена на северо-западе Болгарии и на территории, с севера ограниченной Южными Карпатами (Трансильванскими Альпами), а на юге – Центральной Сер-

бийей. Археологический материал, обнаруженный в Западной Румынии, позволяет получить более полную картину перехода от классических халколитических культур к культуре котофени. Археологи доказали, что эта культура имеет черты, типичные культуры чернавода III; в то же время последняя частично предшествует культуре котофени. Было также доказано, что в развитии культуры чернавода III был определенный этап, соотносящийся с культурами салькуца IV и котофени, продолжительность которого еще не определена. Культура чернавода III также была распространена на территории современной Добруджи, где были найдены и определенные следы, оставленные культурой Езеро. В целом анализ материала, найденного в Езеро, подтверждает это заключение, однако на его основе также можно сделать определенный вывод, что культуры чернавода и котофени развивались параллельно, так как фрагменты глиняных горшков, типичных для них обеих, были обнаружены в самых древних слоях телья Езеро.

Ранний бронзовый век в районе Южных Карпат выделяется появлением здесь культуры шнекенберг-глина III. Поселения располагались на равнине; часто они возводились на территории телей, относящихся к халколитической культуре гумельница, на речных островах и сравнительно редко в пещерах. Керамика в значительной мере восходит к традициям культуры котофени. К этой же культуре относится довольно редкое украшение глиняных сосудов, которое представляет собой не более чем орнамент, выдавленный пальцами ниже обода сосуда. Некоторые виды сосудов, особенно горшки с одной или двумя ручками, были очень распространены в эпоху ранней бронзы в регионе Карпат и Дуная. Редкие металлические предметы, относящиеся к фазе глина III, были найдены в некоторых погребениях. В северной Мунтении, за исключением сосуда и кинжала с лезвием треугольной формы, другие предметы – браслет, плоский топор и т.п. – также были обнаружены в гробницах.

Культура Отомани сформировалась в тот же период или немного позднее в регионе, расположенном между р. Тиса и Трансильванией (историческая область на севере Румынии. – *Прим. ред.*). Концентрация археологических памятников особенно велика в верховьях р. Кришул, среднем течении р. Муреш и верховьях р. Тиса; ее следы отмечены и в северных районах вплоть до Словакии. Поселения встречаются главным образом у подножья Карпатских гор, особенно в гористых районах Трансильвании. Они всегда укреплялись, даже если располагались на островах. Культура отомани начала развиваться во второй половине раннего бронзового века; ее развитие прекратилось после вторжения на ее территорию носителей карпатской версии курганных комплексов.

Мурешская, или печицкая, культура развивалась вне зоны Южных Карпат, но она важна по причине своих прямых контактов со многими современными ей культурами. В определенном смысле образовывала мост между эпохой ранней бронзы в Паннонии и в Карпатах. Ее развитие продолжалось все это время до начала среднего бронзового века; эта культура считается богатой: было найдено много предметов, сделанных из меди, бронзы и золота. Наиболее тщательно изученные могильники располагаются в окрестностях Мокрина (312 захоронений), Дежка, Питвароша и Шорега (229 захоронений). Умерших помещали в могилу в скорченном положении; погребения содержат большое количество предметов – металлических украшений и сосудов. Захоронения в урнах гораздо более редки, например, в Мокрине на 312 захоронений приходится только 4 урны.

Трудно установить с точностью, когда бронзовый век начался в бассейне Дуная. Вучедольская культура может рассматриваться в качестве переходной между двумя периодами, и, по мнению некоторых исследователей, заключительная стадия этой культуры приходится на ранний бронзовый век. Винковичская культура развивалась на этой осно-

ве, сохраняя старые формы гончарных изделий, однако абсолютно изменив вучедольский стиль ее декорирования (процарапанный, прорезной или тисненый орнамент). Типичными формами изделий являлись вазы с ручками, достаточно большие амфоры с ручками у обода или на корпусе сосуда и довольно необычной формы (в виде бутылки) цилиндрические сосуды. Кроме гончарных изделий, большое значение имеют украшения из золота, особенно клад украшений, найденный в районе Градины-Бошута и довольно большие круглые золотые пластины из Оролика. В районе Дуная на территории Сербии и Хорватии к концу эпохи ранней бронзы возникла ватинская культура с ареалом распространения от Дуная до Сербии. Классическая фаза ее развития, которая и получила собственно название этой культуры, отличается барочными формами сосудов, их крышек, амфор, урн, подставок и зооморфных фигур, золотых украшений, бронзовых топоров и, прежде всего, замечательных изделий из кости. Украшения с изображением спиралей различных форм, по всей видимости, говорят о прямых контактах с микенской цивилизацией.

Самыми важными археологическими памятниками ватинской культуры в области Банат являются поселения в Ватине, Жидоваре и Панчево, а также в Фейдваре и Попов-Салаше к северу от г. Нови-Сада (в районе г. Бачка), Гомолаве в округе Срем, Винче близ Белграда и Люлячи в Шумадии. Дома были просторными и хорошо построенными; в них имелось две или три комнаты (Жидовар, Попов-Салаш, Фейдвар, Люлячи). Часто это были полуземлянки (Винча, Гомолава).

Ватинская культура на придунайских территориях Сербии и Хорватии существовала не так долго, как считают некоторые исследователи, – примерно с 1700 по 1500 г. до н.э., что, по нашему мнению, ставит под сомнение тезис о микенском влиянии в период археологических ямных культур или о миграции микенцев в этот регион.

В раннем бронзовом веке регион, расположенный к югу от Савы и Дуная, – центральная территория Балкан – являлся переходной межкультурной зоной, о которой до сих пор мало что известно. Дунайские культуры развивались в северной части региона. Скотоводческий компонент в системе хозяйствования здесь был более очевидным, чем в земледельческих районах бассейна Дуная.

До сих пор было предпринято мало исследований, посвященных изучению раннего бронзового века на Центральных Балканах, в Македонии и Косово. Немногие имеющиеся данные были получены при изучении поселений в окрестностях Ниша, Алексинаца, а также в Косово, которые относятся к недостаточно выделенной культуре, названной ее исследователем М. Гарашаниным (*Garašanin et al.*, 1971) группой Бубани-Хум III.

СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (2000/1900–1600/1500 ГГ. ДО Н.Э.)

Некоторые тели, заселенные в раннем бронзовом веке, были также населены и в эпоху средней бронзы. Другие тели, впервые появившиеся в эпоху средней бронзы, продолжали существовать и в позднем бронзовом веке (телья в Маноле, в области Пловдив).

Верхние археологические слои телья в Езеро содержат гончарные изделия, формы которых являются новыми, а также редкими и непохожими на более нижние слои, относящиеся к раннему бронзовому веку. Эти новые особенности представлены в развитой форме в телье у Нова-Загоры. Раскопки, организованные на месте поселения, позволили получить важные дополнения к имеющимся знаниям об эпохе средней бронзы. Роль оружия и орудий труда из бронзы сильно возросла. Среди орудий главное место занимают тяжелые топоры с проушинами. Конец эпохи бронзы ознаменован появлением новых видов оружия, таких как пики и копья.

Для рассматриваемого периода характерны элегантные чаши и кувшины со скошенными носиками и высокими ручками. Чаши с острым или округлым дном, которые имели две вертикальные ручки с выступами треугольной формы, выходящими за уровень их обода, заслуживают особого внимания благодаря своей необычной форме. Их поверхности – либо коричневые, либо черные лощеные, некоторые из них имеют прорезной или тисненый орнамент, инкрустированный материалом белого цвета. С точки зрения типологии такие вазы могут представлять собой развитие чаш троянского стиля. Они также являются предшественниками более поздних греческих сосудов – кантарос (*kantharos*). Эти типичные вазы были найдены как в Южной, так и в Северной Болгарии.

Гончарные изделия культуры Трой V и VI представлены здесь только единичными образцами, похожими на балканские изделия среднего бронзового века.

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (1600/1500–1200/1150 ГГ. ДО Н.Э.)

В позднем бронзовом веке структура поселений значительно изменилась. За немногими исключениями (телли в Русе и Маноле), в тот период поселения-телли оказались заброшенными.

Поселения, построенные на новых местах на юго-востоке Болгарии (Пченичево в области Хасково; Асеновец в области Бургас) и на ее северо-западе (Балей, Ново-Село, Врав, Арчар в области Михайловград; Варбица и Валчитран в районе Ловеча и т.д.), имеют другую природу. Они разбросаны по обширной равнине или долине вблизи от рек и источников воды. Исследования остатков этих поселений, проведенные на местах их расположения, подтвердили, что если в раннем и среднем бронзовом веке поселения отстояли друг от друга на расстояние от 3 до 10 км, то в эпоху поздней бронзы это расстояние увеличилось. Поселения перестали быть компактными, как раньше. В дополнение к поселениям подобного типа в течение позднего бронзового века появились поселения на вершинах отдаленных возвышенностей. Апсидные жилища, сложенные из сырцовых кирпичей на высоких каменных фундаментах, которые относятся к этому же периоду, были найдены на большом острове Дуранкулак в области Варна.

Обработка металлов в эпоху поздней бронзы продвинулась далеко вперед. Доказательством этому служит большое количество литейных форм для отливки различных металлических предметов. Недалеко от деревни Побит-Камак в районе г. Разград было найдено большое количество таких форм для отливки топоров с проушинами, топоров с закраинами, мечей, наконечников копий, ритуальных топоров и слитков (илл. 138). Находка в Соколе в области Бургас содержала девять форм для отливки топоров с закраинами, наконечников копий и шильев.

Уникальный золотой клад из Валчитрана, область Ловеча, позволяет составить представление о развитии ювелирного искусства в позднем бронзовом веке. Он состоит из 13 предметов, изготовленных из 22-каратного золота, общей массой 12,5 кг, и датируется временем между XV и XIII вв. до н.э.

В позднем бронзовом веке произошла внезапная и радикальная смена практически всех типов орудий труда и предметов вооружения. Появились новые виды металлических изделий: топоры с закраинами с кольцом и без него, серпы различных размеров, кинжалы, мечи, наконечники копий и стрел. Рапиры микенского типа также были найдены в земле Болгарии (Доно-Левски, Перуштица, область Пловдив; Доктор-Йосифово, Галатин, область Михайловграда; Сокол). После детального анализа Б. Хансел (*B. Hänsel*) пришел к выводу, что эти изделия были произведены на месте, но под влиянием южной традиции. В конце брон-

зового века появился новый тип меча – с массивной рукояткой – который обладал колюще-режущими свойствами. Эти мечи отличаются по форме от мечей микенского типа. Они встречаются гораздо чаще к северу от Стара-Планины, особенно в карпатско-дунайском регионе. Для данного периода также характерны двоянные топоры.

Большинство глиняных сосудов, типичных для среднего бронзового века, продолжали производиться и в период поздней бронзы. Также появилось много новых форм сосудов. Для рассматриваемого периода характерны сосуды с двумя высокими ручками.

В поздний бронзовый век на обширной территории по обоим берегам Дуная, от рек Тиса и Сава до рек Олт и Искыр, развилась особая культура, для которой была характерна керамика, образцы которой особенно часто находят в могильниках с трупосождениями. Глиняные сосуды с гладкой поверхностью, часто лощеной, имеют темносерый, серо-коричневый или черный цвета. На боковой поверхности сосуда часто имеются четыре конусообразных выступа. Многие сосуды украшены весьма разнообразными геометрическими узорами, изображающими ленты, треугольники, круги, спирали и переплетающиеся фигуры, они также инкрустированы белым материалом.

В бассейне Дуная, относимся к региону Карпат, и в Центральных Балканах поздний бронзовый век можно разделить на две фазы: более ранняя фаза была отмечена преобладанием инкрустированной керамики и продолжающимся развитием некоторых культур предыдущего периода (витенберг III, монтеору II, отомани II) в горных регионах Южных Карпат; на вторую фазу приходится появление курганных комплексов и начало развития культур белегиш и белегиш-кручени на большой территории карпатской и центральной частей бассейна Дуная. Таким образом, первая фаза соответствует продолжению развития культур раннего и среднего бронзового века, тогда как вторая фаза означает их окончательное исчезновение. В отношении культур горных районов Южных Карпат можно отметить высокую степень консерватизма в их развитии.

С появлением и распространением инкрустированной керамики в регионе начались важные процессы интеграции культур и стилей, которые вначале распространились к северу из Южной Венгрии, а затем, пересекая бассейн Дуная в Сербии и Хорватии, – далее к югу, к румынской и болгарской частям бассейна. Этот культурный процесс проявился в отдельных культурах под разными названиями, такими, как «дубовач», «дубовач – жута-брдо», «дубовач – цирна», «жута-брдо – гирла-маре», «дубовач – цирна – враца». В. Думитреску (*Dumitrescu*, 1961) использует в своих работах широкое понятие «культура полей погребальных урн Дунайского бассейна». Ясно, что различные названия вызваны прежде всего нечетким определением культурной принадлежности определенного археологического местонахождения, различиями в региональном понимании культур и неопределенностью датировок этих культур, которые на самом деле существовали некоторое время в бассейне Дуная. В исследованиях, проведенных в бывшей Югославии, рассматривается культура дубовач – жута-брдо, тогда как в Румынии эта же культура получила название «жута-брдо – гирла-маре». Во всяком случае, местонахождения, в которых были сделаны находки инкрустированной керамики, включая и находки в Северо-Западной Болгарии, относятся к одному и тому же культурному комплексу. Необходимо отметить, что период его существования не был одинаковым на всей территории. В регионах, где данный комплекс не был вытеснен культурой белегиш-кручени, как, например, в ограниченном районе Сербии к югу от Дуная и ущелья Железные Ворота/Джердап (местонахождения Кличевач, Усье, Жуго, Брдо, Ливаде, Ваюга и др.), эта культура продолжала существовать на протяжении значительного периода времени, вплоть до появления культурной группы гава, другими словами, практически до конца бронзового века. Рас-

копки велись главным образом в захоронениях, так как именно там находили весьма интересный и обильный материал. Была раскопана почти тысяча погребений, в основном в могильниках на территории Олтении (западной части Валахии; местонахождения Гирла-Маре, Гогозу, Цирна, Балта-Верде и Островул-Корбулуй), сербского бассейна Дуная (местонахождения Песак и Гламия близ Корбово; Дупляя, Дубовач, Оресач, Ваюга и др.) и северо-восточной части Болгарии (окрестности Видина, Враца-Балей, Орсоя, Арчар, Макреш, Долно-Линево и др.). Погребальный инвентарь этих некрополей является очень богатым и разнообразным, а также искусно украшенным; он включает урны, блюда, используемые как крышки, горшки и антропоморфные и зооморфные фигуры. По используемым методам украшения и применяемой технике, инкрустациям из белого материала и сложной системе сюжетов керамика культуры дубовач – жуто-брдо достигла наивысшего уровня среди доисторических культур того времени. Взгляды гончаров – изготовителей этой керамики также нашли выражение в антропоморфных и зооморфных фигурах, найденных в погребениях и жилых помещениях. Первоклассные образцы искусства, характерного для этой культуры, хорошо известны: «дупляйская колесница», идолы из Врсача и Кличевача, а также многочисленные фигуры, найденные в могильниках Баната, Олтении и Северо-Западной Болгарии (Орсоя) (илл. 139, 140).

Есть все основания считать, что культура дубовач – жуто-брдо / гирла-маре – цирна – враца существовала довольно долго. Мы склонны согласиться с В. Думитреску (*Dumitrescu*, 1961), который утверждал, что весь культурный комплекс «культур полей погребальных урн Дунайского бассейна» длился с 1600 по 1100 г. до н.э., а некрополь в Цирне существовал с 1500 по 1200 г. до н.э.

Культура белегиш, или белегиш-кручени сформировалась в регионе Срема и в сербском бассейне Дуная на протяжении второй половины позднего бронзового века, к концу фазы банатской инкрустированной керамики. Ее развитие совпало по времени с появлением в районе между Дунаем и Тисой носителей курганной культуры, что повлияло на ее характерные черты. Инкрустированная керамика имела свои местные варианты. Доказательством временной связи здесь служит наличие инкрустированной керамики в могильниках ранней фазы культуры белегиш (например, в местонахождениях Илнадза или Белегиш). Она занимала большую часть территории, на которой до этого развивалась фаза дубовач инкрустированных гончарных изделий.

Могильники культуры полей погребальных урн с кремнированными останками в некоторых местах достигают площади в несколько гектаров. Некрополь в Карабурме близ Белграда насчитывает 230 захоронений, могильник в Белегише – 178 захоронений. Что касается жилищ, то здесь более или менее представительным является только поселение Гомолава близ Хрткивчи в районе Срем.

Для культуры белегиш характерны грушеобразные урны, обычно с высокой цилиндрической или продолговатой горловиной, украшенные резным орнаментом или шнуровым орнаментом. Кроме урн, часто встречаются сосуды с двумя ручками. В некоторых могильниках (в Белегише и Карабурме) довольно большие сосуды использовались для погребения умерших детей. Блюда также были характерны для культуры белегиш. Они применялись в качестве крышек для урн, используемых при погребении. Наряду с пеплом и останками умершего в урны помещались металлические изделия, часто оплавленные огнем. Среди них обычны бронзовые украшения: головные украшения, подвески, булавки, диадемы и браслеты. Типологические особенности этих предметов позволяют отнести их к горизонту Вг В2 – Вг С, согласно центральноевропейской системе датирования. Последняя фаза культуры белегиш – погребения с урнами, украшенными рифлением, – относится к немного более позднему

периоду. Самую раннюю ее фазу можно расположить в периоде, последовавшем за Вг В2 и перед Вг С, что означает временной промежуток примерно с 1400 по 1200 г. до н.э. Затем последовало появление комплекса гава – белегиш II.

Только в последние десятилетия были получены данные о процессах, происходивших в поздний бронзовый век на территории Центральных Балкан. Открытие и исследование поселений и могильников, относящихся к культурам парачин и медияна, а также к археологическим памятникам Западной Сербии, позволили составить довольно ясную картину культурного развития в тот период. Культура парачин представляет собой важную особенность позднего бронзового века, образуя связующее звено между культурами бассейна Дуная – с одной стороны, и культурами Балкан и эгейского мира – с другой стороны. Она была распространена на территории региона, через который проходил основной путь передачи влияний доисторических культур – в долине р. Морава, а также распространялась вплоть до Косово – в одном направлении и в долину р. Вардар – в другом направлении. Могильники данной культуры состоят из захоронений кремнированных останков и погребальных урн вблизи от поселений, включая Сталач (Гологлава), которое было исследовано особенно хорошо. В этом местонахождении, расположенном на холме, возвышающемся над широкой долиной Моравы, были раскопаны остатки тщательно построенных домов, полы в которых были покрыты речной галькой. Там были найдены многочисленные следы материальной культуры: керамика, изделия из камня и кости, а также несколько металлических предметов, включая характерные наконечники копий.

Погребальные урны были сделаны довольно грубо, как и другие изделия, которые находились в урнах или располагались рядом. Каменные плиты, довольно большие фрагменты керамических сосудов и блюда служили в качестве крышек для урн. Конические и биконические кубки с высокими фигурными ручками являются наиболее интересными среди остальных керамических изделий.

Ручки сосудов украшены буторками в виде бутона или рога, что является важной особенностью стиля данной культуры. Орнаменты довольно бедны: они состоят из налелных ободков с насечками, неглубокого, довольно грубого рифления или процарапанных сюжетов на основе спиралей. Два довольно малых двуручных сосуда (*kantbaros*) из Парачина и Обрежа, украшенные спиралью и другими символами, отражают связи между Карпатами на севере и эгейскими культурами на юге в позднем бронзовом веке.

Культура парачин существовала довольно продолжительное время: в течение позднего бронзового века и в первую половину заключительной стадии бронзового века. Формы некоторых керамических урн (украшенных рифлением), бронзовые изделия, найденные в Сталаче (наконечники копий) и другие данные свидетельствуют о том, что конец данной культуры приходится на период примерно между 1200 и 1100 гг. до н.э.

Регионы Косово и Северной Македонии до сих пор должным образом не исследованы. Необходимо отметить металлические изделия из Рогово и Игларево, найденные в погребениях с насыпанными над ними курганами. Микенский меч из Игларево и другие находки в этом местонахождении показывают, что может быть установлена хронологическая параллель с шахтными погребениями (*Schachtgräber*) так называемого Круга А в Микенах, которые соотносятся с позднеэлладским периодом IIIA, т.е. с серединой XIV в. до н.э. Если обратиться к центральноевропейской датировке, то этот период приходится на стадию Вг С. Считается, что предметы, найденные в Рогово, относятся примерно к тому же периоду, как и керамика из слоя, занятого жилыми помещениями в местонахождении Дния-Врнич, где также были обнаружены поля погребальных урн, относящиеся к более поздней эпохе.

КОНЕЦ БРОНЗОВОГО ВЕКА (1200/1500–950/900 ГГ. ДО Н.Э.)

Заключительная стадия бронзового века в карпатско-дунайско-балканском регионе отмечена двумя важными явлениями: рифленой керамикой типа гава-белегиш II и многочисленными кладами бронзовых предметов, особенно в Западной Румынии, в сербском бассейне Дуная (Джердап–Железные Ворота и Врсачко–Горие) и особенно в районе Срема и в Славонии. В определенной степени эти два явления связаны между собой.

Культура гава обнаружена в восточной части Карпатского бассейна. Ее керамика отличается красивой, часто черной и лощеной поверхностью, украшенной рифлением. Выпуклый орнамент на поверхности изделий в сочетании с изогнутым рифлением – т.е. особенности, также упоминаемые в контексте «эгейских миграций», также являются типичными. Наибольшие группы находок обнаружены при исследовании могильников с захоронениями трупосожжений (в местонахождениях Ваюга-Песак, Банатска-Паланка). Среди этих находок курган в Сюзане близ Лугожа на юго-западе Румынии представляет особый интерес: там были найдены сотни цельных сосудов, урн и амфор, чаш различных форм с ручками в виде лент, выступающими над их ободом, и блюд. Местонахождение Гава в дунайском регионе Карпат может быть датировано на основе бронзовых изделий из погребений, которые подобны по своему типу бронзовым предметам, связанным с периодом На А, который приходится на конец II тысячелетия и на начало I тысячелетия до н.э., т.е. примерно на время между 1100 и 900 гг. до н.э. На заключительной стадии бронзового века к западу от ареала распространения культуры гава в районе Срема, в Банате и сербском бассейне Дуная (в районе Белграда) продолжала развиваться культура белегиш (белегиш II).

Большие и малые могильники, как правило, также содержат погребения, относящиеся к ранней фазе этой культуры (в местонахождениях Карабурма, Сурчин, Белегиш, Илнадза, Войловича близ Панчево); то же самое относится к региону румынского Баната, к некрополям, расположенным в местонахождениях Кручени, Бодба и Толвадия. Остатки жилых строений были исследованы не так полно, тем не менее видно, что они были предназначены для кратковременного проживания, поскольку устроены в виде ям и пещер, без каких-либо следов долговременных сооружений. В местонахождениях Яков (Экономия-Сава), Гомолава близ Хртковци и Белегиш (Градец) были найдены бронзовые изделия, принадлежавшие тому же горизонту, что и клады периода На А. Переход от конца ранней фазы к поздней фазе произошел постепенно на протяжении периода с 1250 по 1150 г. до н.э., а окончание данной фазы может быть связано с находками большого количества кладов в периоды На А1 и А2, при переходе от II к I тысячелетию, примерно в 950 г. до н.э.

Лощеная черная керамика продолжала встречаться в местонахождениях, расположенных к югу от Савы и Дуная, в долине рек Моравы, Нишавы, в окрестностях г. Крушеваца и в Косово. Находки, сделанные в районах Светозарево, Крушеваца и в Шумадии, свидетельствуют об окончании бронзового века в регионе Центральных Балкан.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (950/900–700 ГГ. ДО Н.Э.)

Археологические исследования, проведенные в Болгарии, подтвердили, что материальные культуры позднего бронзового века и раннего железного века являются преемственными по отношению друг к другу. Необходимо отметить в этой связи, что завершилось исследование зна-

менитой Трои. Археологические данные подтвердили, что Троя VIIa была разграблена и сожжена. По всей вероятности, многие ее обитатели, спасшиеся бегством во время боевых действий, возвратились на прежнее место после ухода завоевателей. Восстановление Трои VIIb на основе плана ее предшественницы со всей очевидностью было делом рук фракийских племен, пришедших с территории Болгарии. Эти пришельцы поддерживали тесные отношения с коренными жителями Трои, с которыми, как можно предположить, они имели общее происхождение.

В раннем железном веке началось возведение мощных крепостей на вершинах, трудных для доступа, в гористых районах. Стены укреплений были сложены из необработанных камней способом сухой кладки без применения раствора. По всей вероятности, эти крепостные сооружения предназначались для защиты людей и стад скота при различных угрозах. Также в эту эпоху были обнаружены следы жизнедеятельности в некоторых пещерах, таких как Магура и Деветачка.

Самые первые орудия труда и предметы вооружения сначала копировали форму бронзовых изделий. Например, некоторые мечи, относящиеся к X в. до н.э., повторяют форму более старых бронзовых мечей карпатско-дунайского типа. В ранний железный век появились плоские топоры с боковыми рукоятками и другие орудия и предметы вооружения. Появление железных плугов и их производство резко увеличило урожайность. На начало раннего железного века приходится формирование так называемой мегалитической культуры на юго-востоке Фракии.

Основание на фракийском побережье Эгейского и Черного морей греческих колоний привело к расширению контактов между Фракией и Грецией.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BLEGEN, C. W. 1963. Troy and the Trojans. London.
- BONA, I. 1975. Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen. Budapest.
- CHILDE, V. G. 1929. The Danube in Prehistory. Oxford.
- DUMITRESCU, V. 1961. Necropola incineratie din epoca bronzului de la Cîma [Bronze Age Crematoria in Cîma]. București.
- FOLTINY, S. 1955. Zar Chronologie der Bronzezeit der Karpatenbeckens. Bonn.
- GARAŠANIN, M. et al. 1971. Praistorijski kulturi vo Makedonija [Prehistoric Culture in Macedonia]. Stip.
- GEORGIEV, G. I. 1961. Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazian (Südbulgarien); Symposium, 'L'Europe à la fin de l'âge de la pierre'. Praha. pp. 45–100.
- 1967. Beiträge zur Erforschung des Neolithikums und der Bronzezeit in Südbulgarien. Arch. austr., Vol. 42, pp. 126 et seq.
- GIMBUTA, S. M. 1965. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Den Haag.
- HANSEL, B. 1970. Bronzene Griffzungenschwerter aus Bulgarien. Prähist. Z. (Berlin), Vol. 45, pp. 26–41.
- 1976. Beiträge zur Regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn.
- KATINČAROV, R. 1974. Division en périodes et caractéristique de la civilisation à l'âge du bronze en Bulgarie du sud. Archeologia, Vol. 16, No. 1, pp. 1–22.
- 1981. Etat des recherches sur l'âge du bronze en Bulgarie du Sud-Est. Bull. Inst. Archéol. (Sofia), Vol. 36, pp. 118–26.
- 1982. Sur la synchronisation de civilisations de l'âge du bronze ancien en Thrace et dans la région d'Égée et d'Anatolie. Thracia Prehist. (Sofia), Vol. 3, Suppl. Pulpudeva, pp. 132–49.
- MOZSOLICS, A. 1967. Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest.
- MÜLLER-KARPE, H. 1980. Bronzezeit I-III. München. (Handb. Vorgesch., Vol. 4.)
- TASIĆ, N. (ed.) 1984. Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans. Revised. Beograd.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА

Иштван Эчеди и Тибор Ковач

Медный век и ранний бронзовый век в истории Центральной Европы крайне плохо датируются вследствие имеющихся противоречий между данными, полученными с помощью методов радиоуглеродного анализа, и традиционной хронологией. Эта неясность сильно затрудняет представление общего обзора, посвященного рассматриваемому периоду, поэтому исследования подобного рода предпринимались довольно редко. Приоритет отдавался изучению отдельных деталей, тенденций «микрорегионального развития». Постоянно ведущаяся полемика по вопросу касается главным образом проблем часто противоречащих друг другу систем хронологий и терминологии. Вследствие этого наш обзор культурной истории Центральной Европы на протяжении двух тысячелетий до н.э. можно рассматривать только как робкую попытку выявить основные ее черты и показать самые важные факты.

Популяции, населявшие в медный век (халколит, или энеолит), примерно около 3000 г. до н.э., огромные территории от Рейна до Вислы и от севера Балкан до севера Среднеевропейской равнины, можно считать продолжателями традиций культуры линейно-ленточной керамики эпохи раннего неолита. На протяжении предыдущего этапа в различных географических областях сформировались ясно различимые отдельные культурные общности. Ниже представлено описание основных характерных особенностей этих общностей, которое делает возможной реконструкцию культурной истории периода, последовавшего за поздним неолитом.

Население Центральной Европы, жившее в условиях континентального климата, постепенно воспринимало и передавало далее, в районы Северной и Западной Европы, основные культурные импульсы, исходившие из Восточного Средиземноморья, Анатолии и степей Восточной Европы. Эта передача началась вместе с установлением обмена между сельскими общинами, которые производили ту продукцию, которая была лучше приспособлена к местным условиям. Такое самоподдерживающееся развитие на широкой этнической базе делало возможным длительную культурную ассимиляцию. Первой фазой этого процесса, которую можно четко выявить археологическими методами, было формирование культуры линейно-ленточной керамики, поэтому вполне убедительными кажутся выводы Ренфрю (*Renfrew*, 1987), который утверждает, что группы, относящиеся к этой раннеэнеолитической культуре, могли являть собой популяцию, говорившую на одном из древнейших индоевропейских языков. Вся территория Центральной Европы может быть разделена на две основные части: первая – к северу от Альп и Карпат, на которой реки текут главным образом в направлении юг – север (северный регион); второй, южный регион включает территории в пределах Карпат и к востоку от Альп. Районы в среднем течении Дуная, Богемия, Моравский бассейн и Верхняя Австрия из-за географического положения обладали промежуточными характеристиками и играли важную роль в культурном обмене между двумя основными регионами.

В Центральной Европе в период около 3000 г. до н.э. не прослеживаются следы каких-либо значительных этнических перемещений ни между двумя регионами, ни в пределах самих регионов. Тем не менее археологические находки свидетельствуют об усилении в тот период культурных контактов, а также об ускорении распространения культуры и ее интеграции, которые в отдельных случаях могли привести к появлению новых особенностей материальной культуры. Для южного региона, географически открытого в сторону Балкан и связанного через Дунай с бассейном Черного моря, в самый ранний период неолита весьма важны были связи с юго-востоком.

Культуры местного населения, жившего в регионе Карпат в раннем халколите, развивались под влиянием южных и юго-восточных соседних культур. Так, постепенная интеграция поздней ленгильской культуры (местонахождения в Бродзяны-Нитре, Тисаполгаре, Салкуце, Винча-Плочнике) привела к образованию местных культур, основные центры которых располагались в Бодрогкерешпуре, Людьянице, Лазнянах, Балатон-Лазинье, а также первых этапов культур мондзее и ретц-гайри. Группы людей в бассейне Карпат в раннем халколите постепенно меняли основы своего хозяйствования, переходя от возделывания зерновых культур к содержанию животных. На территориях первых неолитических деревень можно обнаружить только плохо сохранившиеся остатки временных жилищ. Захоронения этих скотоводов показывают, однако, что люди периода халколита являются непосредственными преемниками местных групп позднего неолита. Умерших клали в могилы в скорченном положении на боку, что характерно и для более ранних погребений. Формы гончарных изделий, найденных в погребениях, прослеживались и в неолитической керамике. Усиление роли правящей верхушки, возжей, характеризуется наличием в могилах характерного оружия из меди и золотых подвесок. Частично этот процесс был связан с изменениями в системе хозяйствования.

Перемены в регионе Карпат оказали значительное влияние на культурное развитие моравского бассейна и некоторых территорий современной Польши (Йорданув, Злотники, Бжечь-Куявски и т.д.). Многие исследователи полагают, что постоянное влияние со стороны южного региона также привело к культурным изменениям на территории к северу от Альп и образованию новых видов материалов северного региона в позднем неолите.

Культура воронковидных кубков появилась на севере Европы после неолита, и ее влияние в период халколита может быть обнаружено к югу вплоть до Моравии. Новые культуры северного региона (михельсбергская, баальбергская, вьорекская, алыгхаймская и т.д.) сложились на основе культурных традиций местного населения времен позднего неолита, а также юго-восточных и северных культурных влияний. Хотя эти культуры имеют типологические различия, так как особенности их гончарных изделий варьируются в зависимости от местных

традиций, тем не менее нельзя недооценивать общие тенденции в их развитии: имеющиеся данные свидетельствуют об общем для всех культур процессе нарушения стабильности существования поселений эпохи позднего неолита и о появлении более мобильных, в основном скотоводческих групп. Власть и высокое положение вождей этих сообществ становятся более очевидными; находки в могилах и на кладбищах бодрогкерештурской культуры четко свидетельствуют об этом. В целом изменения в образе жизни, более интенсивное взаимодействие культур и слабые, археологически трудно определяемые миграции привели к переменам в погребальных обрядах – к распространению погребений с трупосождением и к появлению захоронений под курганами различных объемов. Что касается курганов, то они характерны для культур на всей территории Евразии, поэтому сами по себе они не служат доказательством каких-либо этнических перемещений или миграций.

Мы уже отметили значение древней медной металлургии, имевшей, несомненно, юго-восточное происхождение, которая стала весьма важным фактором развития не только южной части, но и всей Центральной Европы. Археологические находки подтверждают межкультурный характер распространения технологических новаций. Представляется бесспорным, что это производство было результатом автохтонного развития археологических культур Северной Балкан и Карпат, так как уже в культурах позднего неолита можно обнаружить продукты новой технологической фазы. Так, были обнаружены бусы, сделанные из медных минералов – малахита и азурита, а также медные браслеты и кольца – продукты успешного освоения выплавки меди. Однако это не исключает возможности, что знания и опыт, необходимые для нахождения и эксплуатации местных залежей медных руд, появились здесь в результате культурного влияния Анатолии и Восточного Средиземноморья. Этот перенос кажется еще более вероятным, если рассматривать аналогичные характеристики культурного развития. Неолитическая технология выплавки меди могла обеспечивать получение достаточного количества металла для изготовления небольших изделий, главным образом украшений. По сравнению с ней металлургия эпохи халколита, позволявшая производить тяжелые плоские топоры, простые топоры и топоры-тесла, означала революционную перемену в технологии (тисаполгарская и бодрогкерештурская культуры). Новая технология делала необходимой сравнительно широкую эксплуатацию поверхностных залежей простых медных руд, а также, разумеется, самородной меди.

Производство этого первого этапа расцвета центрально-европейской металлургии можно обнаружить в различных объемах на всей территории региона. Так, характерные медные топоры-тесла были найдены в Центральной Германии и в Силезии; мода на медные украшения была распространена вплоть до Куявии (историческая область между средним течением р. Висла и верхним течением р. Нотец, – *Прим. ред.*) в Польше (местонахождения в Плауэне, Йордануве, Хлинско, Штольхофе и Бжечь-Куявском).

Возникновение на Балканах и в Карпатах медной металлургии привело к разработке залежей медных руд в Альпах и их окрестностях, что подтверждается находками тиглей, относящихся к михельсбергской, пфинской и мондзейской культурам. Также несомненно, что медная металлургия культуры воронковидных кубков развивалась в рамках той же межрегиональной модели ее распространения.

Хотя исследователями было обнаружено довольно много единиц медного оружия (топоры-тесла, кинжалы с листовидными клинками) и орудий труда (плоские топоры и долота), большинство инструментов по-прежнему изготавливалось из камня. Широкое распространение обсидиановых и кремневых ножей, полированных и плоских топоров, интенсивная разработка залежей камня в

Малой Польше (историческая область Польши, в бассейне верхнего и среднего течения Вислы, – *Прим. ред.*) и Венгрии показывают, что медные предметы, как и золотые украшения, были основными показателями высокого социального статуса. Оружие и орудия из металла стали повсеместно использоваться только в бронзовом веке.

В первой половине III тысячелетия до н.э. в первый, но далеко не в последний раз в истории Центральной Европы массовые переселения из причерноморского региона обусловили изменение этнической и культурной картины южного региона. Первые небольшие группы древних кочевников появились в Трансильвании и восточной части Среднедунайской равнины (Венгерской низменности) в период, который отмечен появлением медных топоров-тесел. До этого на этапе формирования модели хозяйствования, наиболее приемлемой для степного региона, ими была успешно одомашнена лошадь. Эти первые степные кочевники, вероятно, принадлежали к древним этническим группам, говорившим на индоиранских языках, и, по видимому, именно их появление привело к исчезновению культуры гумельница, к которой относятся богатые находки в районе Варны. Следующая волна степного народа, возводившего могильные курганы (их культура обычно называется культурой охранных погребений или курганной культурой), появилась на территории, благоприятной для кочевого способа хозяйствования, в позднем бронзовом веке. Насыпные холмы, похожие по своим особенностям на курганы, можно найти почти по всей Европе; время их распространения – от позднего неолита до средних веков, однако настоящие могильные курганы, насыпанные над ямными погребениями и характерные для одноименной культуры, не встречаются за линией Будапешт – Белград. Группы, пришедшие в регион из степей, по всей видимости, не оказали значительного влияния на распространение индоевропейских языков или на формирование новых культурных комплексов в раннем бронзовом веке. Тем не менее их проникновение на юго-восточные территории Центральной Европы привело к важным переменам. Так, оно стало одним из факторов, обусловивших исчезновение материальной культуры, связанной с медной металлургией. Культурный вакуум, даже если он и не носил этнического характера, проявился на большой территории нижнего течения Дуная и Карпат. После прекращения местного культурного развития образовавшийся вакуум привел к усвоению материальной культуры эгейского происхождения, которая была перенесена сюда этническими балканскими группами. Этот фактор стал главным в быстром появлении и распространении баденской культуры энеолита, которая на своем начальном этапе была удивительно однородной. Появление региональных особенностей проявилось позднее, с процессами изменения этнокультурного ландшафта региона.

При исследовании поселений, относящихся к баденской культуре, были обнаружены главным образом мусорные ямы, ямы для хранения припасов и жилища типа землянок. Укрепленные поселения с большими, тщательно построенными домами встречаются редко (например, в Вучедоле, Нитрянске-Градке). При исследовании могильников было отмечено, что особое положение вождей подчеркивалось помещением в их погребения жертвенных животных. Медные изделия встречаются редко, что, вероятно, свидетельствует об упадке металлургии в тот период. Медные крученые ожерелья, найденные в погребениях на территории Австрии близ западной границы ареала распространения культуры, являют собой немаловажное исключение, так как служат доказательством сохранения ранней альпийской металлургии, которая начала развиваться еще до формирования баденской культуры. (Развитие территорий, которые остались незатронутыми «баденнизацией», показывает странную асинхронность; культурная преемственность на территории баденской культуры

радикально сменилась, тогда как некоторые более старые соседние культуры продолжали развиваться. На южных и юго-западных границах распространения баденской культуры племена, связанные с местонахождениями Ретц, Гайари и Мондзее, позднее вместе с другими популяциями стали творцами поздней вучедольской культуры – предшественницы раннего бронзового века.)

Прямые контакты между степью и центральноевропейским регионом в период баденской культуры, по всей вероятности, привели к очень важным переменам в видах домашнего скота. Одомашнивание лошади и появление колесных повозок являются признаками позднейшего развития транспорта, основанного на их использовании. Эти повозки, судя по дошедшим до нас моделям и изображениям, были тяжелыми, их могли везти только волю; находки, указывающие на их начальное распространение, обнаружены как в районе распространения баденской культуры, так и на территориях соседних культур и в степи. Вторым по значимости следствием одомашнивания животных наряду с использованием их тягловой силы стало применение шерсти для изготовления тканей и получение молочных продуктов питания. Факторы, определившие культурные преобразования в III тысячелетии до н.э., аккумуляровались в поздний медный век скотоводство приобрело все большее значение в жизни сообществ, оно же обусловило более мобильный образ жизни с ярко выраженной социальной дифференциацией. Эти перемены послужили катализаторами для культурных контактов, которые проявлялись в форме как торговли, так и набегов. После долгого периода неолита в период халколита новый тип хозяйствования развивался благодаря межрегиональным контактам. Для этого типа характерны возросшие потребности вождей, развитие новых методов производства и распространение новых технологий.

На некоторых территориях южного региона (речные долины Трансильвании, восточная часть Венгерской низменности) в период позднего халколита развивалась ямная культура степного происхождения, тогда как в восточных и южных районах, где была распространена баденская культура, сформировались родственные ей культуры котопени и костолач. Баденская культура была характерна для территории от Малой Польши, расположенной на севере за Карпатами, до Нижней Австрии на западе. Ее влияние можно обнаружить в Моравии, Силезии и почти во всем северном регионе.

К северу от Альп в позднюю фазу культуры воронковидных кубков на местонахождениях более ранних баальбергской, алыхаймской и михельсбергской культур сформировались новые культурные комплексы, на которых сказались баденское влияние. Для этих новых культур характерны оборонительные сооружения на возвышенностях и местами – мегалитические погребения, построенные под влиянием западных и северо-западных культур (распространенных в Зальцмонде, Бернбурге и Вальтерниенбурге; мегалитов в Гессене).

Погребальные сооружения рассматриваемого периода, погребальные камеры, иногда украшенные резным или процарапанным орнаментом, погребения, сложенные из камней, и погребения курганного типа весьма разнообразны. Представляется вероятным, что в большинстве культур к захоронениям относились как к «домам мертвых», и эта общая идея играла важную роль в погребальных обрядах. Тщательное строительство пристанища для умершего, напоминающего дом, навес кочевника или хижину, характерно для степных культур, культур Балкан, а также Центральной Европы. Подобные сооружения строились из камня или дерева. Среди погребений ямного типа в Восточной Венгрии можно также найти остатки похожих на юрты сооружений над захоронениями, либо защитные крышки, сделанные из расколотых стволов деревьев. Погребения, сложенные из камней, применялись представителями раз-

ных культур, а в степных районах, Южной Польше и на Балканах встречаются катакомбные захоронения. Некоторые погребальные сооружения достигают весьма впечатляющих размеров, что, вероятно, обозначает высокий социальный статус умершего.

Крупномасштабная культурная интеграция в северном регионе началась в последней трети III тысячелетия до н.э. Она протекала независимо и от южного, и от восточного влияния. Распространение культуры шарообразных амфор к востоку от Эльбы и до Днестра было первым шагом, за которым последовало появление культуры шнуровой керамики на территории, до тех пор занятой культурой воронковидных кубков.

Широкое распространение шнуровой керамики с одинаковыми основными характеристиками в северной половине Европы долгое время объяснялось миграциями населения; также предполагалось, что эта керамика появилась впервые в степном регионе. Однако кажется более вероятным, что в период культуры воронковидных кубков на севере Центральной Европы экстенсивное земледелие и эксплуатация почв привели к их истощению, что привело к появлению территорий, напоминавших степь. Вследствие этого изменилась и модель хозяйствования, начавшая ориентироваться главным образом на разведение скота. Группы скотоводов по причине общей этнической основы (культуры воронковидных кубков) и компактности своих сообществ оставили довольно бедную и недифференцированную материальную культуру и погребальный обряд, который сравнительно быстро стал типичным для обширной территории (общеевропейский археологический горизонт составляют одиночные захоронения под курганами, «А»-образные топоры, амфоры и кубки).

В развитии новых культурных образований на территории от Альп и Карпат до Скандинавии в конце III тысячелетия до н.э. важную роль начали играть два новых фактора: появление культуры колоколовидных кубков и влияние северобалканских культур раннего бронзового века, которое проявилось в передаче достижений древних греческих цивилизаций в Центральную Европу.

Изменения в южном регионе, которые можно наблюдать на основе археологических данных, начались с постепенного «растворения» и исчезновения баденской культуры. Как и раньше – в период образования данной культуры, эти изменения протекали на большой территории, и формирование новых культур шло путем освоения новых, в основном южных элементов. Новая металлургия была важнейшим, или по крайней мере самым характерным из этих элементов. На Балканах и в Карпатском регионе появилась новая технология плавления металлов и литая изделий из него. Стали использоваться новые виды руд и новое литейное оборудование, например составные формы. Для изготовления топоров с отверстиями под топорнице, плоских топоров и долот применялся сплав меди и мышьяка (мышьяковистая бронза). Практически только сплав применялся в первую фазу бронзового века. Объединяющее влияние культурных контактов нашло отражение в одинаковости основных черт металлургического производства и керамики новых культур карпатского региона (с центрами в местонахождениях Сомогвар, Мако, Чака, Нырсег, Йидогин, Глина III-Шнекенберг и Нагирев). Относительно быстрая смена материальной культуры заставляет считать тот период весьма динамичным, хотя поселения, состоявшие из хижин и землянок, в основном не изменились по сравнению с более ранними строениями. Поэтому можно заключить, что образ жизни, характерный для позднего халколита, оставался прежним и в первый период раннего бронзового века (илл. 141).

Распространение культуры раннего бронзового века и появление культуры колоколовидных кубков вместе привели к изменениям в культурных группах шнуровой керамики. Популяции, относящиеся к культуре колоколовид-

ных кубков, названной так по характерной форме сосудов, в конце концов достигли бассейна Вислы и карпатского региона. Раньше или позже они начали сливаться с местным населением, что привело к формированию особой материальной культуры, включавшей колоколовидные кубки и местные центральноевропейские гончарные изделия, которые можно найти в районе Будапешта и в Малой Польше. Появление новых пород одомашненной лошади также может быть связано с расселением в регионе представителей культуры колоколовидных кубков (илл. 142).

Примерно в начале XVIII в. до н.э. закончился период культурных влияний и этнических передвижений, различающихся по своим масштабам и происхождению, и в Центральной Европе установился новый статус-кво. В некоторых частях региона примерно на протяжении следующего тысячелетия в общих чертах прослеживается определенная этническая преемственность, хотя, разумеется, время от времени и возникали небольшие миграции и местные преобразования. Группы имели различные этническое происхождение и состав, и их развитие даже за одинаковый период времени достигало разных уровней в зависимости от образа жизни и культурных контактов. Население Центральной Европы в бронзовый век не только заимствовало культурные и технические новации других регионов (Кавказа, Причерноморья и Балкан), которые ускоряли его собственное развитие, но и само способствовало формированию социально-экономических отношений и политических изменений на континенте, особенно во второй половине тысячелетия. Довольно большой период европейской предистории разделен здесь на три фазы: период отомани-фюзешабонь-унетице (далее – период унетичской культуры – культуры бронзового века в Центральной Европе; название по могильнику Унетиче близ Праги. – *Прим. ред.*) (XVIII–XIV вв. до н.э.); курганный период (XIV–XIII вв. до н.э.) и период культуры полей погребальных урн (XIII–XI вв. до н.э.).

ПЕРИОД УНЕТИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Развитие культур бронзового века в карпатском регионе в некоторых отношениях отличалось от развития в других регионах Центральной Европы. Как было показано, эпоха бронзы началась здесь раньше вследствие прямых и косвенных контактов с Балканами и Причерноморьем. То, что в этом районе установился именно бронзовый век, подтверждается «стандартизацией» племенных территорий; развитие поселений-теллей, характеризующих продолжительный период стабильности и иногда даже преемственность поселений, появившихся в более древние эпохи. Из всех характерных черт того времени самыми важными являлись способность системы хозяйствования регулярно производить излишки, которые использовались для обмена и торговли, а также устойчиво высокий уровень металлургии и обработки металлов, зачастую основанных на использовании заводского сырья и способных производить оружие и предметы труда, необходимые для нового жизненного уклада.

Основы этого процесса были заложены в начале II тысячелетия до н.э., хотя первыми значительными его проявлениями стало образование печицкой, отоманийской, фюзешабоньской и витенбергской культур в восточной части карпатского региона, которым ознаменовалось начало средней фазы бронзового века (илл. 143–147). Более или менее современные этим культурам популяции запада карпатского региона (с культурами ватья, инкрустированной керамики и мадара) не только соединяли в себе основные черты среднедунайских и восточнокарпатских культур, но и – особенно последняя – играли существенную роль в обороте различных изделий и в передаче не-

которых проявлений в духовной сфере (илл. 148, 149). Большая часть Центральной Европы в тот период была населена этническим конгломератом, который получил название «унетицкая культура». Население, жившее на территории современных Западной Словакии, Моравии, Богемии, Южной и Центральной Германии и Южной Польши не было однородным по своему составу. Как мы уже видели, период формирования культуры относится к началу II тысячелетия до н.э., отсюда этнический состав территориальных формирований определялся в первую очередь производителями колоколовидных кубков и шнуровой керамики.

Территориальные формирования и особенно хронологические фазы унетичской культуры много раз пересматривались. Представляется вероятным, что развитие этой культуры было связано главным образом с разработкой находящихся на ее территории залежей руд (меди и олова), которая служила основой для быстрого развития местной металлургии и торговли бронзой, и поставкой сырья в центры обработки бронзы на севере Европы. В северной части альпийского региона и на прилегающих территориях существования местного населения, жившего на плато, у берегов озер и иногда рек, также зависело от добычи руды, в первую очередь медной. Главным образом из района Зальцбурга сырье переправлялось по долинам рек в отдаленные районы. Население этого субрегиона относилось к различным культурным традициям (например, унтервельбингской, бёхаймкирхенской и визельбургской на территории современной Австрии), согласно типичным чертам, присущим отдельным памятникам и группам находок (в Штраубинге, Зингене, Адлерберге, Ланквайде, позднее – в Лохаме, в Германии), либо согласно топографическому положению (центральная равнинная и альпийская группы на территории современной Швейцарии).

В верхнем течении Вислы на основе мерзановичской культуры стала развиваться тшцинецкая культура, родственная культурам северных частей карпатского региона. Благодаря географическому положению тшцинецкая культура соединяла черты, характерные для культур как запада Центральной Европы, так и Восточной Европы.

Два взаимосвязанных фактора оказали решающее влияние на хозяйственное и социальное развитие как восточных, так и западных частей Центральной Европы (теоретически разделенной западными отрогами Карпат к востоку от бассейна р. Морава). Первым фактором является контроль над рудными залежами и их использованием, определяющий масштабы производства и торговли бронзой, которые постоянно расширялись благодаря развитию технологий и росту спроса. Растущая потребность в металле, по всей видимости, определила характер взаимоотношений племен, контролирующих залежи руд (например, в районе Витенберга и Унетиче), с носителями других культур. Этот фактор также изменил разделение труда внутри этнических образований и повлиял на положение отдельных лиц и некоторых семей, что в дальнейшем привело к формированию различных уровней социальной иерархии. Этот процесс редко отражается в археологических находках, поэтому можно только предполагать, как он протекал на различных территориях. Как бы то ни было, можно видеть его общий результат.

Начиная с XVII в. до н.э. наблюдалась определенная стабилизация, которая проявлялась в преемственности этнически однородных образований, которые абсорбировали более древние группы различного происхождения, что подтверждается данными антропологии. Эта преемственность была весьма значительной, несмотря на некоторые изменения культурных черт в результате внутреннего развития или же под влиянием традиционных контактов.

Другим основным определяющим фактором была очевидная напряженность, вызванная дефицитом руды в Северной Европе и спросом на металл со стороны микен-

ской цивилизации, которая являлась наиболее развитой в Европе в бронзовый век. Начиная с XVI в. до н.э. необходимость разрешения этой проблемы привела к формированию системы межрегиональных торговых отношений, в которую был вовлечен почти весь континент. Население Центральной Европы играло здесь посредническую роль, получая благодаря этому материальную выгоду, которая увеличивалась также в связи с производством меди и золота на востоке Карпат. Посредническая роль в торговле обусловила и характер культурных влияний, которые проникали на эту территорию вдоль нижнего течения р. Дунай и через Трансильванию (возможно, наряду с путем через Западные Балканы) и привели к прогрессивным изменениям.

Эгейско-черноморское влияние отразилось на всех сторонах повседневной жизни Европы. Трудно переоценить важность процессов развития, проявившихся как следствие обмена и торговли. Даже несмотря на то, что только небольшое количество археологических находок имеет бесспорное микенское происхождение (например, бронзовая чаша из Донзена), нетрудно показать, что население Центральной Европы, особенно ее восточной части, использовало знания, приобретенные при торговых контактах, а также воспринимало новации из региона Средиземноморья, иногда меняя их первоначальные содержание и форму. Некоторые из них, такие как тип городской застройки, колеса со спицами, удила, сделанные из оленьего рога, длинные мечи и кинжалы, металлические сосуды и святилища, оказали решающее влияние на дальнейшее развитие материальной и духовной культуры.

Поселения деревенского типа, напоминающие поселения-телли балканского региона, впервые появились в районе рек Тиса и Марош. Во многих из них были земляные укрепления, хотя в некоторых случаях (например, поселение близ г. Бекеш) укреплялась только центральная часть поселений. Хижины, часто полуземлянки, постепенно исчезали, и им на смену появились дома с оплукатуренными побеленными стенами и глиняными полами; иногда стены поддерживались балками, укрепленными в фундаментных траншеях (как, например, в Тисафюрде). В Бекеше даже были обнаружены остатки бревенчатого дома. Крыши были остроконечными или крутыми наклонными, иногда плоскими. Прямоугольные в плане дома (3,5 м x 6,1 м) имели от одного до трех помещений.

В центральной части региона во второй половине рассматриваемого периода также создавались похожие поселения и укрепления, например в Банове, Кромержиж-Градиско и Блучине. В холмистых местностях довольно рано для строительства стали использовать камень и дерево (дома в Арбоне, Бальдеге; укрепления в Мёхинге, Чески-Крумлове, Ивановце) (рис. 68). Позднее, вероятно, при влиянии Восточного Средиземноморья появились новые типы сооружений, лучшим примером которых служит форт с каменными стенами в Спишски-Ствртоке. Доказательства выращивания пшеницы, ячменя, проса, бобов и льна, а также разведения домашних животных (крупного рогатого скота, овец, коз, свиней, лошадей) находят почти повсеместно. Их соотношение в хозяйстве определялось главным образом географическим положением: в це-

лом на востоке региона преобладало воздествывание культурных растений, дополняемое скотоводством, тогда как на западе основным занятием населения было скотоводство.

В рассматриваемый период в Центральной Европе появилось два крупных центра металлургии: один на востоке карпатского региона, другой – на территории среднего течения Дуная. Центр в Карпатах имел прямые контакты с Юго-Восточной Европой, что обусловило не только его более раннее возникновение, но и сделало его ведущим в развитии удивительно продуктивной металлургии на западе региона. Судя по остаткам литейных форм и фурм, литейные производства имелись во всех значительных поселениях на востоке Центральной Европы, продукция которых доставлялась в главные центры (например, такие как Печица, Варсанд, Барца). О высоком качестве продуктов металлургии можно судить по находкам, сделанным при исследовании могильников с трупосожжением или смешанного типов (в городах Фюзешабони, Тисафюрд, Дунауйварош), особенно по коллекциям золотых и бронзовых изделий типов, характерных для Туфалау-Шмига и Хайдушамшона. Как и более поздние находки бронзовых изделий, например, близ Косидера, они характерны смешением местных традиций и влиянием территории Среднего Дуная.

Именно в этот период в Карпатском регионе начали изготавливать все виды вооружения воина бронзового века. Оно состояло из боевого топора, меча с бронзовой рукояткой, длинного кинжала с деревянной или костяной рукояткой, копья с наконечником и каменной палицы.

Металлургия западных территорий достигла вершины в унетитико-ланквандскую фазу и изучена на материалах, полученных при исследовании могильников с плоскостными захоронениями в Гемайнлебарне, Штатцендорфе, Ребисовичах, Роггендорфе и Гроссбрембах, а также погребений вождей в Хельмсдорфе, Лёбингене, Леки-Мале и Рензендуле и некоторых кладов (например, найденных близ Кози-Грбетки, Дискау, Брайзинхена, Трассема, Гаубикельхайма и Гранова). Богато украшенные кинжалы с бронзовыми рукоятками, алебарды с длинным древком, плоские топоры с широким лезвием, массивные крученые ожерелья и браслеты, закладки с шарообразной или дисковидной головкой являются наиболее заметными предметами. Обмен продукцией между двумя центрами металлургии и взаимное усвоение «модных» стилей можно подтвердить многочисленными примерами. По-видимому, это обстоятельство являлось одной из причин некоторого единообразия, которое очевидно даже при оценке эффективности орудий и оружия. Такой же феномен наблюдается и в случае с керамикой, если обратиться к ее назначению, строению и основным формам. Хотя большая часть сосудов для хранения продовольствия, чаш, кувшинов, кубков и урн имеет различные формы и модели, соответствующие той культуре, в рамках которой они были произведены, другие изделия, такие как сковороды, емкости для углей, пряслица и т.д., практически одинаковы повсюду, как и артефакты из камня и оленьего рога.

Социальное расслоение или по крайней мере наличие сильной элиты подтверждается несколькими группами

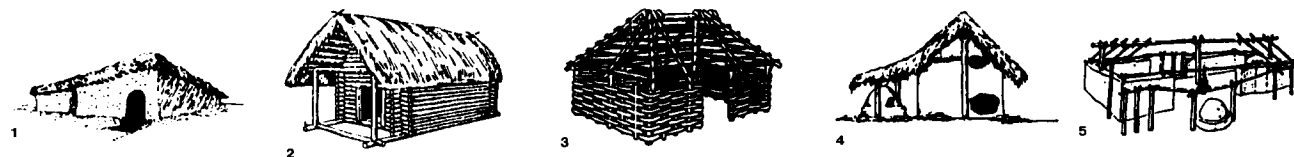

Рис. 68. Типы жилищ среднего бронзового века: 1 – полуземлянка со стенами из плетня; 2 – каркасный дом (точное расположение стыков определено при раскопках); 3 – дом со стропильной крышей и плетеными стенами, обмазанными глиной; 4, 5 – детали конструкции дома поз. 3 (по Kovács, 1977)

находок укрепленными частями больших поселений, семейнымикладами, группами погребений воинов с большим количеством найденного там оружия и богато украшенные курганные захоронения с каркасом из дерева или камня. Наличие разделения труда видно на примере особого погребального инвентаря, в который входили орудия мастера по золоту или атрибуты знахаря, а также, возможно, пряслица, найденные в женских погребениях. Таким образом, примерно к середине II тысячелетия до н.э. для Центральной Европы было характерно определенное единство развития, обусловленное многосторонними контактами, углубляющаяся социальная дифференциация и стабильность, основанная на балансе сил племен региона. Можно добавить, что распространение влияния культур карпатского региона в направлении на север и северо-запад продолжалось даже в завершающий период среднего бронзового века. Это хорошо видно на примере кладов косидерского типа, а также бронзовых изделий с похожими, почти идентичными формами и украшениями, найденными в Моравии (Годонин), Южной Германии (Акенбах, Бюль) и Южной Польше (Гродница).

КУРГАНЫЙ ПЕРИОД

В это время центр решающих изменений переместился в западную часть Центральной Европы. Определенная культурная трансформация, исследование которой еще далеко от завершения, привела к появлению длившегося около двух веков периода, который получил название «курганный период» по характерным для него захоронениям. Разнородное население в тот период удерживалось вместе силами экономических и политических интересов при сложившемся более или менее одинаковом образе жизни на огромной территории от Рейна до Тисы. В рамках конгломерата курганной культуры можно выделить несколько территориальных образований: эльзасское, швейцарское (равнинный центр и область Альп), среднерейнское, восточно-гессенское, люнебургское, богемско-оберпфальцское, среднедунайское и карпатское. Представляется логичным выделить три хронологические фазы в развитии данной культуры, хотя между ними и нет четких границ. Зону ее формирования точно определить невозможно, но, по всей вероятности, это была территория распространения более ранних унетичкой и мадровце-ветеровской культур – по крайней мере тех их районов, которые соприкасались с восточной частью среднего течения Дуная и карпатским регионом соответственно. Неясно, имела ли эта культура центральное ядро или же, что представляется более вероятным, она являлась итогом общих преобразований на всей территории, что подтверждается историей развития западных районов Центральной Европы в эпоху бронзы. Причины, приведшие к нарушению ранее сложившегося равновесия, до конца не ясны. Вероятно, различные темпы развития в субрегионах привели к углублению социальной дифференциации в некоторых сообществах и к изменениям в межплеменных отношениях. Нельзя также исключить влияние климатических изменений в начале второй половины тысячелетия, что, впрочем, трудно доказать. Более холодный и влажный климат обусловил преимущества скотоводства. Соответственно эта форма хозяйствования стала преобладающей в курганный период.

В связи с недостаточным объемом исследований поселений, данный период известен главным образом благодаря курганным погребениям, которые были изучены в основном в Хагенау (плато Швабский Альб, или Швабская Юра), Тюрингии и на западе Богемии. Несмотря на то, что почти везде основные характеристики погребений идентичны, на разных территориях имеются небольшие различия в размерах и формах погребений, деревянных и осо-

бенно каменных конструкциях, числе захоронений в курганах, в которых находятся главным образом скорченные скелеты, но также иногда и останки от трупосожжений. Между другими особенностями погребений и богатством или бедностью сделанных там находок трудно установить какую-либо связь; этот вывод приложим даже к полям курганов, на которых располагаются иногда сотни захоронений (как, например, в Дышине). Во многих случаях были обнаружены остатки деревянных гробов (Вайнинген, Шварца) и тканей (Шварца, Тапе). Предметы одежды, орудия труда и оружие, а также частота их нахождения различаются от места к месту.

В то время как керамика отражает в основном местные традиции (резные и штриховые орнаменты на западе и налепные на востоке), типы металлических изделий стали более похожими между собой, чем это было ранее. В курганный период в качестве оружия использовались короткие мечи с деревянными рукоятками, прикрепленными к клинку двумя или четырьмя заклепками, саблеобразные мечи с бронзовыми рукоятками, бронзовые наконечники стрел, пальстабы, заколки с головками в виде печатей, гофрированные листовые браслеты, браслеты со спиральным орнаментом и т.д. Представляется весьма вероятным, что местные миграции различной интенсивности также играли определенную роль в процессе интеграции, проявившемся в схожести черт материальных культур и в общей традиции.

Население к северу от Карпат сохранило свою этническую преемственность и сформировало предлужицкую культуру, на которую курганная культура оказала свое влияние. Подобным образом на севере карпатского региона возникла пилинская культура, в то время как в восточных районах культурное развитие было иным (например, на территории между реками Самош и Тиса – культура сициуде-сус; в Трансильвании и Молдавии – культура ноа, в которой видно влияние восточноевропейских культур).

ПЕРИОД ПОЛЕЙ ПОГРЕБАЛЬНЫХ УРН

Можно предположить и частично подтвердить данными археологии, что события в Восточном Средиземноморье в последней трети тысячелетия (упадок микенской цивилизации, набеги «народов моря», разрушение Хеттского царства) и их последствия оказали влияние на торговую и политическую ситуацию в Европе позднего бронзового века. Это был период, когда начали проходить процессы выравнивания, стирания различий между южной и северной частями континента. Этот период был также временем «технологического взрыва» на базе вековых металлургических традиций «варварской» Европы, который привел к массовому изготовлению металлических изделий. Он сказался на всей экономике региона, так как эффективность сельского хозяйства и ремесел возросла в связи с усовершенствованием орудий труда (серпов, ножей, шильев, долот, топоров), изобретением новых орудий (например, пилы) и быстрым ростом их количества. Шлем, латы, щит и наголенники, выкованные из бронзовых пластин, стали весьма распространенными, и в это же время уменьшается значение боевых топоров. Данный факт начал не только окончательное разделение оружия на оборонительное и наступательное, но также изменил всю природу ведения боевых действий.

На большей части территории региона мы можем наблюдать много родственных черт материальной и духовной культуры, поскольку изменение форм и образцов артефактов на протяжении почти шести столетий явно замедлилось. Все это, наряду с однородным характером плоскостных могильников с трупосожжениями (Вёльфсхайм, Гаммертиген, Харт, Ахольсхаузен, Зальцбург-Морцц, Кновиц, Милавце, Партизанске, Байерсдорф, Вал и т.д.), ука-

зывает на сложившуюся культурную целостность. Большие укрепленные поселения (Бляйнскопф, Кнетцберг, Зойслитц-Гольдкуппе, Бахау-Вассербург, Нимча, Любовице, Велемсентвид и Бюкксентласло), клады, найденные в Лазанах, Сухоле, Уриу-Опалие, Курде, Синчу-Сусени и Хайдубёсёрмени и в других местах, зачастую состоящие из нескольких сотен предметов, можно рассматривать как признаки возросшей социальной дифференциации (илл. 150, 151). Общая масса клада, найденного в Уйоарде-Сус достигает 1300 кг, клада из Спальнаци II – 1200 кг, клада из Аюды – 752 кг.

До сих пор среди исследователей нет полного согласия относительно факторов, положивших начало культуре полей погребальных урн, обстоятельств образования этой культуры, которая распространилась на половину Европы, и даже места ее возникновения. Некоторые считают, что изменения, приведшие к ее возникновению, являлись результатом развития на местах, другие выдвигают теорию, что поля погребальных урн появились в результате миграций в поисках новых залежей рудных ископаемых и земли, наиболее пригодной для возделывания в XII в. до н.э. Как бы то ни было, на основе данных археологии было доказано, что материальная культура периода полей погребальных урн была связана с поздним периодом курганной культуры многими общими формами и типами.

Теория «Великой экспансии» с территории культуры полей погребальных урн в зону Средиземноморья не может быть принята современными исследователями. В то же время некоторые данные, по всей видимости, говорят о том, что субрегиональные миграции (такие как проникновение лужицкой культуры на территорию Северной Моравии и Северо-Западной Словакии, а также проникновение на запад культуры полей погребальных урн) играли важную роль в формировании этнических групп и монолитной материальной культуры в рассматриваемый период, хотя ее различные проявления и менялись во времени и территориально, так же, как и распространение технических новаций (таких, как литье полых изделий, улучшение техники изготовления покровов, производство доспехов, бронзовых сосудов, брошей и т.д.), традиций и верований. И для завершения картины необходимо указать на сооружение укреплений, изготовление оружия в большом количестве и впечатляющего качества, большое количество кладов и сокровищниц нерелигиозного характера – все это говорит о том, что мир в последующие века был скорее более воинственным, нежели мирным, когда население росло гораздо быстрее, чем раньше.

В последний период бронзового века в Центральной Европе можно выделить три больших культурных конгломерата: культуру полей погребальных урн, лужицкую и гавскую культуры (илл. 152–154). Дальнейшее их подразде-

ние на территориальные группы и хронологические фазы зависит от различий в терминологии и хронологии.

Как было показано, может быть, несколько поверхностно, оценка непрерывности – прерывности, существования – отсутствия культурного распространения, связанного с социально-экономическим развитием, а также ролью миграций, часто является источником неопределенности. По этой причине любое предположение, относящееся к этнолингвистической идентификации, является спорным с самого начала. Вот почему можно лишь высказать догадку, что население западных территорий, на которых развивалась культура полей погребальных урн, являлось предшественником кельтских племен; лужицкая культура стала основой для образования западных славян, а гавская культура – фракийцев.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BANNER, J.; BÓNA, I. 1974. Mittelbronze-zeitliche Tell-Siedlung bei Békés. Budapest.
- CHILDE, V. G. 1929. The Danube in Prehistory. Oxford.
- COLES, J. M.; HARDING, A. F. 1979. The Bronze Age in Europe. London.
- ECSEDY, I. 1979. The People of the Pit-Grave Kurgan in Eastern Hungary. Budapest. (Fontes Archaeologici Hungariae.)
- FOLTINY, S. 1955. Zur Chronologie der Bronzezeit des Karpatenbeckens. Bonn.
- GIMBUTAS, M. 1965. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. The Hague.
- HACHMANN, R. 1957. Die frühe Bronzezeit im westlichen Ostseegebiet und ihre mittel- und sudost-europäischen Beziehungen. Hamburg.
- HÄNSEL, B. 1958. Beiträge zur Chronologie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken. Bonn.
- KALICZ, N. 1968. Die Frühbronzezeit in Nordost-Ungarn. Budapest.
- KOSSACK, G. 1954. Studien zum Symbolgut der Umenfelderkultur und Hallstattzeit Mitteleuropas. Berlin.
- KOVÁCS, T. 1977. A Bronzkor Magyarországon [L'âge du Bronze en Hongrie]. Budapest.
- MOZSOLICS, A. 1942. Der frühbronzezeitliche Umenfriedhof von Kisapostag. Arch. Hung. 26.
- 1973. Bronze und goldfunde des Karpatenbeckens. Budapest.
- 1985. Bronzefunde aus Ungarn, Deptfundhorizonte von Aranyes, Kurd und Gyermely. Budapest.
- PATEK, E. 1968. Die Urnenfeldkultur in Transdanubien. Arch. Hung. 44.
- PITTONI, R. 1954. Urgeschichte des Österreichischen Raumes. Wien.
- POPESCU, B. 1944. Die frühe und mittlere Bronzezeit in Siebenbürgen. București.
- RENFREW, C. 1987. Archaeology and languages: The Puzzle of Indo-European Origins. London.
- STIG SØRENSEN, M. L.; THOMAS, R. (eds.). 1989 The Bronze Age - Iron Age Transition in Europe. Oxford. (BAR Int. Ser., 483.)

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА (IV тысячелетие до н.э. – VII в. до н.э.)

Н.Я. Мерперт

В главе 52 тома I «Истории человечества» уже говорилось о необычном разнообразии природных и исторических условий в Восточной Европе, которое даже в эпоху неолита обуславливало неравномерность и специфичность развития отдельных частей региона. Данная закономерность относится как ко времени, так и к темпам развития неолитической культуры в каждой из этих зон, а также объясняет их культурную самобытность. Характерные черты и неравномерность развития разных районов в значительной степени сохранили свое значение и в последующий период, который был отмечен появлением и распространением медной и бронзовой металлургии. Рассмотрению истории Восточной Европы в данный период и посвящена эта глава.

Восточная Европа является обширным регионом с большим количеством разнообразных ландшафтов и климатических зон. На западе она граничит с восточными окраинами Центральной Европы (Венгрия, Чешская Республика, Словакия и Польша), на востоке – с Уральскими горами, на юге – с дунайским регионом, Северным Причерноморьем, Кавказом и Каспием, а на севере – с Приполярьем. Южные районы региона включают горы, предгорья и долины Карпат, Крыма и Кавказа, для которых характерен мягкий, умеренный континентальный, а на самом юге субтропический климат, а также значительную часть евразийских степей (на востоке, в районе Каспийской низменности, они переходят в полупустыни) и южную лесостепную полосу, ограничивающую Восточно-Европейскую равнину. Север региона охватывает остальные лесостепные районы, обширную полосу лесов и, далее на север, районы тундры с суровым субарктическим и арктическим климатом.

До сих пор климатические условия в регионе в последние три тысячелетия до н.э. остаются предметом дискуссий. Ряд исследователей считают, что в III тысячелетии до н.э. в некоторых степных районах Евразии установился засушливый климат, однако нельзя утверждать, что этот процесс охватил и был определяющим фактором развития. В целом жизнь населения Восточной Европы в период с конца IV до первой четверти I тысячелетия до н.э. протекала в климатических и географических условиях, схожих с современными. Их разнообразие было не менее значительным, чем сегодня.

Исторические условия, в которых формировался каждый район Восточной Европы, были весьма разнообразными. В первую очередь необходимо отметить, что южные районы непосредственно соседствовали с развитыми культурными центрами с высокопродуктивной экономикой, позднее игравшими решающую роль в освоении и распространении металлургии. В Восточной Европе такими центрами являлись Балканы и Кавказ. Некоторые южные районы были напрямую связаны с этими центрами. На севере они граничили с причерноморско-каспийскими степями,

которые на востоке, на границах с Азией, контактировали с третьим весьма важным культурным центром – цивилизациями Западной Азии. С ростом населения в степи, вызванным развитием особых миграционных форм скотоводства, сложились условия, в которых достижения всех трех культурных центров оказались «сфокусированными» и начали быстро распространяться на обширные территории. Данный фактор был определяющим в постепенном развитии как самой степной зоны, так и зоны лесостепей, граничившей с ней, а позднее и отдельных лесных районов. В связи с этим необходимо подчеркнуть прежде всего значимость последовательного распространения производимых типов экономики, которые во много раз превосходили экономические модели эпохи неолита и были восприняты населением значительной части Восточной Европы, а также всей территории южной зоны и части северной зоны.

В то же время западные и северо-западные (балтийские) районы имели непосредственные связи с Центральной Европой, где в начале эпохи металлов происходили перемещения и слияния различных племенных групп. Начали формироваться и распространяться большие культурные сообщества. Схожие процессы проходили и в соседних с ними восточноевропейских районах. Активное взаимодействие между этими двумя регионами играло значительную роль в их истории и определяло особый характер культурного развития запада Восточной Европы.

Только в северных районах лесной зоны и тундры, отдаленных от развитых культурных центров и не имевших культурных контактов с ними, на протяжении большей части рассматриваемого периода продолжалась эпоха неолита. Однако даже здесь происходили определенные эволюционные процессы. Они выражались как в повышении эффективности традиционных видов деятельности – охоты, рыболовства и собирательства, так и в появлении в отдельных северных районах производящей экономики, приспособленной к местным условиям (это касается прежде всего скотоводства).

Относительно остальной части Восточной Европы необходимо отметить, что в рассматриваемый период наблюдался резкий рост плотности населения, усиление экономической активности, повышение общих стандартов экономического, социального и культурного развития и скорости культурных преобразований.

В целом в данный период наблюдалось усиление контактов, взаимодействия и культурной интеграции. Наряду с производящей экономикой важную роль играло появление в Восточной Европе металлургии и металлообработки. Это стало одним из решающих факторов технического, экономического и культурного развития, налаживания связей, организации производства и формирования структуры общества. Металлургия значительно расширила производственные возможности и знания людей,

что способствовало началу эксплуатации огромных природных ресурсов. Эти знания касались как характеристик и свойств новых материалов, так и химических, физических и технологических процессов их использования. Появление центров добычи руды и металлообработки оказало большое влияние на общий уровень и темпы развития отдельных районов, а также на отношения между ними. С одной стороны, оно способствовало усилению неравномерности исторического развития, а с другой – резко повысило потенциал и значение некоторых районов, что привело к своего рода «перераспределению» их исторических ролей.

Эти перемены, однако, произошли не сразу. Традиционные центры на Балканах, в бассейне Дуная и на Кавказе, сформировавшиеся в эпоху неолита, сохранили свое значение на ранних стадиях развития металлургии в Восточной Европе, став первыми ее очагами. В то же время продолжала сохраняться традиционная система влияния и связей. Только позднее начали разрабатываться новые источники получения металлов и появляться новые центры металлургии; металлообработка распространилась на больших территориях, что привело к значительным изменениям в системе связей и в характере взаимодействия между различными районами.

Необходимо отметить, что производство металла и связанные с ним процессы являются одними из наиболее четких показателей степени и общего уровня развития отдельных районов.

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Имеющиеся данные говорят о том, что во второй половине IV тысячелетия до н.э., в начале эпохи металла, на территории Восточной Европы произошли значительные культурные и этнические изменения. Эта эпоха отмечена использованием примесей для составления сплавов, значительным расширением сферы применения металлов, что было характерно и для эпохи бронзы. Эта стадия длилась до первой половины II тысячелетия до н.э. В ее рамках выделяют две фазы. Первая длилась с конца IV и в течение большей части III тысячелетия до н.э. Ее можно обозначить как эпоху ранней бронзы в Восточной Европе. На протяжении данного периода балкано-карпатский и кавказский металлургические центры сохраняли свое значение. Однако, во-первых, произошли заметные изменения в их расположении, и, во-вторых, резко повысилась роль и влияние металлообработки в соседних с ними районах. В течение данной фазы самой важной тенденцией было объединение металлургических традиций, характерных для обширных территорий, включая Балканы и Карпаты, юг Восточной Европы от эгейского региона на западе до Урала на востоке, Кавказ, Анатолию и Западный Иран. В это же время появился причерноморский металлургический район. На этой территории происходили значительные перемещения больших этнических групп, и с ней связаны важные изменения в характере взаимоотношений развитых культурных центров юга с другими районами. Контраст между уровнями их развития был значительным. Ранние земледельческие культуры южной зоны эпохи неолита прекратили свое существование как в балкано-дунайском регионе, так и на Кавказе. Здесь появились связанные между собой культуры, занявшие всю территорию региона, а также соседние обширные степи и лесостепи Восточной Европы. Таким образом, можно говорить не просто об отдельном металлургическом районе, но о причерноморской контактной зоне, которую отличали активные взаимоотношения и прочные связи между многочисленными культурами, что чрезвычайно существенно для изучения исторического и культурного развития региона. Степные племена, которые развили миграционные формы ското-

водства, также играли значительную роль. Они обеспечивали контакты между различными культурными группами, активизацию и территориальное распространение процессов взаимодействия, а также определенную непрерывность связей внутри новой системы культурных общностей. В то же время группы мастеров-металлургов и кузнецов начали появляться в районах, расположенных за пределами главных металлургических центров, что способствовало распространению методов металлообработки и установлению новых связей.

На Кавказе, в Анатолии и в эгейском регионе широкое распространение получили изделия из мышьяковистой бронзы, тогда как в районах, расположенных севернее, – из чистой меди. Для отливки наиболее характерного типа металлических изделий, топора с проушиной, применялись специальные сдвоенные формы, которые полностью открывались с передней стороны.

В культурных центрах юга, образовавшихся во времена энеолита, в эпоху ранней бронзы продолжала поддерживаться сформировавшаяся ранее традиция земледелия, хотя состав населения и облик культур претерпел существенные изменения. Так, на северо-западе Причерноморья последняя стадия развития трипольской культуры приходится на III тысячелетие до н.э., хотя она и значительно трансформировалась под влиянием центрально-европейских культур воронковидных кубков, шаровидных амфор, шнуровой керамики с запада и скотоводческих культур с востока. Наиболее характерной является синкретичная усатовская культура. Ее носители, жившие в постоянных и укрепленных поселениях, соседствовали с кочевниками, которые продвинулись далеко на запад. На ее территории были найдены украшенная керамика, напоминающая керамику Триполья, антропоморфные скульптуры, сосуды с сужающимся горлом и шнуровым орнаментом, а также, что особенно важно, типично степные курганные погребения.

На Кавказе в конце IV и в начале III тысячелетия до н.э. появилось два очень больших металлургических и культурных центра – кура-араксинский на территории центральных и восточных районов Закавказья и майкопский, расположенный на Северном Кавказе, в долине Кубани и верховьях Терека.

Кура-араксинская культура распространилась вплоть до северо-запада Ирана, ее следы обнаруживаются даже в Восточном Средиземноморье. Ее экономической основой было земледелие и скотоводство. Эта культура представлена в основном остатками больших, поселений, состоящих из круглых домов, лишь изредка укрепленных. Металлургия кура-араксинской культуры основывалась на залежах меди и мышьяка Малого Кавказа. Данная культура являлась наиболее развитой в восточной части причерноморского региона и поддерживала связи с Анатолией (непосредственно у своих западных границ) и эгейско-балканским регионом.

Майкопская культура развивалась в то же время, что и кура-араксинская, однако ее экономической основой было главным образом скотоводство. Она представлена поселениями, иногда укрепленными (Мешоко), а также многочисленными захоронениями, преимущественно курганного типа, в которых начиная со знаменитого Майкопского кургана обнаруживаются очень богатый погребальный инвентарь, особенно в могилах вождей племенных союзов (Мунчаев, 1975). Данная культура не обладала запасами руды и в этом отношении зависела от кура-араксинской культуры. Тем не менее металлообработка в ней достигла высокого уровня развития, и ее изделия были распространены довольно широко. Майкопская культура имела связи как с Восточным Средиземноморьем, так и с черноморско-каспийскими степями.

В этих же степных районах эпоха ранней бронзы отмечена значительной интеграцией и взаимозависимо-

стью между скотоводческими группами и южными земледельческими центрами. Становление миграционных форм скотоводства привело к увеличению плотности населения. Степь больше не разделяла людей, а, наоборот, объединяла их. Быстрый рост численности населения и поголовья скота, а также потребность в новых пастбищах, продуктах земледелия, металлических изделиях и других жизненно необходимых ресурсах способствовали появлению больших и достаточно сильных, хотя и довольно нестабильных, племенных союзов. Они активно развивали контакты друг с другом, что приводило к образованию обширных культурно-исторических регионов. Первым из них был регион распространения древнеямной культуры, которая в пору своего расцвета занимала обширные степные и лесостепные территории от Урала и прикаспийских районов на востоке до Днестра на западе, а отдельные группы ее носителей проникли на Балканы и в бассейн Дуная (*Мерперт*, 1974, 1976). Данная культурная общность представлена главным образом погребениями. Поселения встречаются очень редко. На становление древнеямной культуры повлияло несколько степных неолитических культур. Их интеграция связана с продвижением крупных групп кочевников из восточных районов (Волги, Дона и Предкавказья). В рамках региона можно выделить несколько различных районов, характеризующихся общими чертами, такими как преобладание курганных погребений, индивидуальные захоронения (причем тела помещались в могилы в скорченном положении и обсыпались охрой), небольшое количество погребального инвентаря, керамика с закругленным (позднее также с плоским) дном, с резным, штампованным, а в дальнейшем и шнуровым орнаментом, распространение деревянных повозок с массивными колесами и монументальные антропоморфные стелы. Эти культуры развивались с конца XIV по XI в. до н.э. На территориях, соседствующих с земледельческими культурами (районы Днестра и Дона), племена, практиковавшие ямные погребения, вскоре сами перешли к оседлому образу жизни, начали возводить укрепленные поселения и развили сложную скотоводческо-земледельческую экономику (*Лагодовская, Шапошникова и Макаревич*, 1952). В остальных степных районах преобладали миграционные формы скотоводства. Встречается мало свидетельств металлообработки на ранних стадиях, это в основном небольшие предметы из чистой меди. На более поздних стадиях широкое распространение получили большие топоры, долота и кинжалы из мышьяковистой бронзы.

Развитие отдельных групп носителей древнеямной культуры, живших на территории бассейна Дуная и на Балканах, сыграло важную роль в истории данного региона (*Dimitrescu*, 1973; *Ecsedy*, 1979; *Jovanovic*, 1979; *Gimbutas*, 1973; *Panajotov & Deragčov*, 1984). В лесостепных районах Карпат, Подолья, Волыни и среднего течения Днестра племена древнеямной культурной общности установили связи с представителями культуры шнуровой керамики и боевых топоров, оказав заметное влияние на их развитие (*Мерперт*, 1976). В первую очередь это воздействие коснулось культур среднего и верхнего Приднепровья, Прикарпатья в районе верхнего Днестра, а также районов Городско-Здолбицка и Стжижовска на Волыни. Не исключено, что восточнее древнеямные племена приняли участие в формировании и развитии майкопской культуры на Северном Кавказе и степных культур Урала и Южной Сибири. На поздних этапах в древнеямной культурно-исторической общности значительно усилились процессы дифференциации и изоляции отдельных культур.

Таким образом, можно сказать, что культуры данного региона сыграли решающую роль в становлении и последующем развитии культур эпохи бронзы в лесных и степных районах Восточной Европы.

СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Эпоха средней бронзы охватывает конец III и большую часть первой половины II тысячелетия до н.э. Этот период характеризуется распространением мышьяковистой бронзы в степных и лесных районах и оловянистой бронзы в районе Карпат. Основным центром производства мышьяковистой бронзы оставался Кавказ. Западный (карпатский) центр металлообработки отличался большой производительностью. Оба центра продолжали оказывать влияние на обширные соседние территории, где в свою очередь также образовались центры металлообработки. Один из них, черноморский центр, сложился в степных районах Причерноморья, Приазовья и на Дону. Он находился под влиянием как карпатского, так и кавказского центра, однако и он влиял на них (*Черных*, 1978, с. 67). Еще один центр, «полтавский», сформировался в среднем и нижнем течении Волги. К концу эпохи средней бронзы изоляция этих центров возросла. Соответственно культурные контакты в причерноморском регионе, которые в начале этого периода были очень интенсивными, к концу его значительно ослабли, что привело к экономическому упадку данного региона.

В технологии отливки топоров произошли радикальные изменения – переход от литья в открытой форме к закрытой форме; в нее металл заливался через специальное отверстие. Качество изделий улучшилось, а их количество возросло.

Культурное развитие Северного Кавказа приняло специфические формы (здесь мы ограничимся рассмотрением характерных черт истории европейской части Кавказа). На западе региона распространилась дольменная культура, главной особенностью которой являются мегалитические захоронения или дольмены (*Марковин*, 1978). Умерших хоронили в скорченном положении сначала в индивидуальных, а в более поздние периоды и в коллективных могилах. Погребальный инвентарь наряду с керамическими и каменными изделиями включал бронзовые топоры и кинжалы. Данная культура развивалась с III по третью четверть II тысячелетия до н.э. Ее происхождение остается предметом дискуссий. Существует интересная гипотеза, согласно которой в этот регион морским путем могли прибыть представители средиземноморских цивилизаций.

На значительной территории, от Кубани до границ Дагестана, сформировалась северокавказская культурно-историческая общность, которая объединяла не менее пяти родственных культур (*Марковин*, 1960). Они представляли индивидуальные курганными захоронениями с большим количеством погребального инвентаря, включая изделия из камня, керамики и бронзы. Эти культуры продолжали развиваться и в эпоху поздней бронзы. В течение всего периода их существования уровень влияния на них степных культур повышался.

Далее к востоку, в Дагестане, с конца III по первую половину II тысячелетия до н.э. развивалась особая культура. Она представлена поселениями, состоящими из каменных домов прямоугольной и круглой формы, погребениями либо в ямах, накрытых каменной плитой, либо в катакомбах, редкими коллективными погребальными комплексами с большим количеством металлических изделий (в некоторых случаях их число достигает 1500). Экономика всех этих культур была основана на скотоводстве и земледелии, причем скотоводство играло более важную роль.

В причерноморских и прикаспийских степях распад древнеямной культурно-исторической общности, миграции населения, появление новых культур и металлургических центров, формирование новых источников влияния привели к значительной культурной трансформации. В степных и лесостепных районах бассейна Дона, Приазовья и Северного Причерноморья в конце III тысячелетия

тия до н.э. начало развиваться несколько скотоводческих культур, носители которых возводили довольно схожие особые погребальные сооружения – катакомбы; эти культуры имели также родственные элементы материальной культуры (каменные боевые топоры и булавы, бронзовые топоры и украшения). Данные культуры сформировали катакомбную культурно-историческую общность (Попова, 1955), в рамках которой выделяется не менее пяти самостоятельных культур (Братченко, 1976; Братченко и Шапошникова, 1985). Эти культуры различаются формами катакомб, положениями, в которых хоронили умерших (скорченные или вытянутые) и особенно типами сосудов. Большинство сосудов имеют плоское дно, изредка на них нанесен шнуровой орнамент, однако встречаются и круглодонные сосуды, напоминающие древнеямную керамику.

Основное влияние на образование катакомбной общности оказали Кавказ на востоке и культуры шнуровой керамики на западе, хотя в то же время в ней продолжали сохраняться древнеямные культурные традиции.

В свою очередь, катакомбные культуры оказали значительное воздействие на обширные соседние степные и лесостепные районы, вплоть до зоны лесов. На востоке, в среднем и нижнем течении Волги, проявлением этих тенденций стало образование синкретической полтавкинской культуры, в которой переплелись элементы древнеямной и катакомбной культур. На западе и северо-западе катакомбные культуры взаимодействовали со среднеднепровской культурой и культурой шнуровой керамики Подолья, Вольны и Карпат, которые в тот период переживали расцвет. Здесь образовалась очень важная зона контактов, связывавшая степные районы с культурами эпохи средней бронзы Центральной Европы и балкано-дунайского региона.

К концу эпохи средней бронзы (вторая четверть II тысячелетия до н.э.) происходит определенная перегруппировка населения и возрастание активности лесостепных племен. В Приднепровье и в районе между Днестром и Доном в рамках этой тенденции формируется скотоводско-земледельческая культура, для которой характерна керамика с несколькими закраинами. В районе между Доном и Волгой сложилась абашевская культура, которая позднее распространилась вплоть до Урала, где появились металлургические центры, использующие местные руды.

В эпоху средней бронзы быстро начали развиваться лесные районы, где до этого сохранились неолитические традиции. Перемены были связаны как с культурным развитием местного населения, так и с появлением здесь больших групп, экономика которых основывалась на использовании металла. К концу III и началу II тысячелетия до н.э. в прибалтийских районах появились культуры шнуровой керамики и боевых топоров, представители которых были знакомы как со скотоводством, так и с основами земледелия. Их ассимиляция с потомками местных культур эпохи позднего неолита стала определяющим фактором культурного и этнического развития региона.

В тот период группы населения, относящегося к культуре шнуровой керамики, проникли на восток и расселились в долине Волги, где появились две очень похожие культуры – фатьяновская и балановская. Первая из них занимала территорию верховьев Волги и междуречья Волги и Оки, а вторая – среднее течение Волги и районы, лежащие к востоку, вплоть до Вятки. С появлением фатьяновских и балановских племен в этих районах развилось лесное скотоводство, а также, по всей видимости, подсечно-огневое земледелие. Для фатьяновской культуры характерны ямные погребения, внутримогильные сооружения из дерева, индивидуальные захоронения, в которых тела помещали обычно в скорченном положении, с богатым инвентарем, представленным круглодонными сосудами со шнуровым орнаментом, каменными боевыми топорами и

долотами, медными топорами, копьями и украшениями. Погребения, напоминающие фатьяновские, были найдены и на территории распространения балановской культуры. То же относится и к укрепленным поселениям (Бадер и Халиков, 1987). Вероятно, здесь находился и металлургический центр (Черных, 1966).

Фатьяновская и балановская культуры, оказав значительное влияние на культурное развитие этого лесного района, постепенно сами стали объектом внешнего воздействия, войдя в культурную общность, относящуюся к эпохе поздней бронзы.

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Период массовых переселений и разрушения культурных общностей, которыми отмечен конец эпохи средней бронзы на территории Восточной Европы, конец второй четверти II тысячелетия до н.э., сменился периодом, характеризующимся возникновением новых центров металлургии и новых культурных общностей. Эти процессы происходили в начале эпохи поздней бронзы, т.е. в 900–800 гг. до н.э., в частности, широко распространились весьма разнообразные бронзовые изделия, стала преобладать оловянистая бронза и дальнейшее развитие получили технологии, включая отливку полых изделий, с использованием так называемой слепой сердцевины. Изготавливались также долота и наконечники копий (Черных, 1978). Резко возросло количество центров металлообработки. Они были сгруппированы в три вновь образовавшиеся металлургические провинции: евразийскую, кавказскую и европейскую. В первую входили степные районы от Днестра до Енисея. Она сложилась в результате культурной и экономической консолидации кочующих групп скотоводов, которая сыграла важную роль в общей культурной интеграции этого обширного региона. На западе Приднепровье и Северо-Западное Причерноморье образовали европейскую провинцию, включавшую и балкано-дунайский регион. Она также оказала значительное влияние на степные культуры. В Приднепровье сложилась контактная зона, где сочетались воздействия со стороны обеих провинций с постепенным преобладанием восточных, волго-уральских, центров. Это привело к активному взаимодействию различных культур, ранее резко отличавшихся друг от друга, и положило начало интеграционным процессам. В третьей металлургической провинции, кавказской, в эпоху поздней бронзы произошли фундаментальные изменения в расположении и характере основных центров, а также в технологии производства изделий и их ассортименте. Здесь также распространилась оловянистая бронза. Художественное литье с применением восковых моделей и многосторчатых форм достигло высокого уровня развития. Однако влияние этого значительного металлургического центра на соседние европейские территории резко упало, что связано с общими тенденциями к изоляции основных культур в эпоху поздней бронзы.

Одним из абсолютно новых и наиболее заметных явлений в Евразии эпохи поздней бронзы стало появление в XVI–XV вв. до н.э. в лесных и лесостепных зонах групп вооруженных всадников и мастеров по металлу, относимых к сейминско-турбинской культуре, основными памятниками которой являются некрополи и святилища. Скелеты в многочисленных погребениях данной культуры были переломаны в ритуальных целях представителями враждебных групп. Большое место в погребальном инвентаре занимают предметы вооружения, сделанные из бронзы, такие как долота, копья и кинжалы. Анализ форм и состава изделий показал, что они в основном произведены в горных и предгорных районах Алтая из местного сырья. Кроме того, обнаруживаются изделия из районов Сибири, расположенных между Енисеем и Байкалом. При продвиже-

нии на запад эта синкретическая культура восприняла новые элементы, главным образом уральские. Быстрое и значительное продвижение представителей данной культуры стало возможным благодаря сложному вооружению и высокоразвитой технике верховой езды. В Восточной Европе эти племена достигли Оки на западе и Печоры на севере; изделия данной культуры находят на территории от Монголии до Молдавии, а ее технология оказала решающее воздействие на все последующее развитие металлургии в лесной и степной зоне.

Далее к югу, в прикаспийских и причерноморских степях и прилегающей к ним лесостепной зоне, эпоха поздней бронзы отмечена появлением и развитием огромных культурных общностей, объединявших оседлые племена лесостепной зоны и долин рек со скотоводами-кочевниками открытых степей. Основной культурной общностью такого типа стала срубная культурная территория, занимавшая территорию от Южного Урала до правобережья Днепра и доходившая даже до Днестра. Ее ядро сложилось в XVI–XV вв. до н.э. на востоке региона на основе древнеямной культуры с элементами полтавкинской и абашевской культур. При распространении на запад в срубную культурную общность вошли местные культуры Дона, Северного Донца, Приазовья и Приднепровья. Этот процесс, а также природные и исторические условия, характерные для каждого региона, привели к образованию на территории срубной зоны ряда отдельных культур, сохранивших некоторые общие черты, особенно в погребальном обряде. На последнем этапе существования срубной культурной общности различия культур, развивавшихся на ее территории, резко усилились, что обусловило ее распад в IX в. до н.э.

Памятники срубной культуры состоят из поселений, могильников и кладов, включавших металлические изделия и формы для литья. Поселения иногда были укреплены. Жилища представляли собой полуземлянки с деревянными, реже каменными стенами. Погребения были как курганного, так и могильного типа. Часто над могилами возводились деревянные конструкции из бревен (срубы). Найденные скелеты лежали в скорченном положении на боку, с запястьями перед лицом. В отдельных случаях практиковалось трупосожжение. Часто в погребениях находят кости животных, особенно черепа быков и лошадей. Сосуды в основном плоскодонные с резным или штампованным геометрическим орнаментом. Среди бронзовых изделий встречаются орудия (серпы, топоры, долота и ножи), предметы вооружения (копья и кинжалы) и украшения (кулоны и браслеты). Используемый металл имел различное происхождение в пределах евразийской металлургической провинции. На всей территории срубной культурной общности можно найти свидетельства местной металлообработки (рис. 69).

В границах срубной культурной общности, в районе контактной зоны на правобережье Днепра, с XIV по XII в. до н.э. развивалась сабагиновская культура (Березанская и Шарафутдинова, 1985), в которой черты срубной культуры сочетались с сильным влиянием балкано-дунайских культур и европейской металлургической провинции. Затем с конца XII по IX в. до н.э. ее сменила синкретическая белозерская культура, которая ознаменовала финальную стадию развития всей срубной культурно-исторической общности (Отрощенко, 1985).

Главным источником западного и юго-западного влияния на Северное Причерноморье в XIII и XII вв. до н.э. стала северобалканская культура ноа, распространившаяся до лесостепных районов Молдавии и правобережья Днестра.

Некоторые культуры эпохи поздней бронзы лесостепной зоны, прилегающей на юге к лесной зоне, были связаны с племенами, ведущими свое происхождение от культуры шнуровой керамики и ее производных. В их число входят комаровская культура, развивавшаяся в верхнем и сред-

нем течении Днестра, а также тшцинецкая культура в западных районах Украины и Беларуси (Артеменко, 1987), белогрудовская культура лесостепных районов Правобережной Украины (Березанская, 1987) и сосницкая культура верховьев и среднего течения Днепра (Артеменко, 1987).

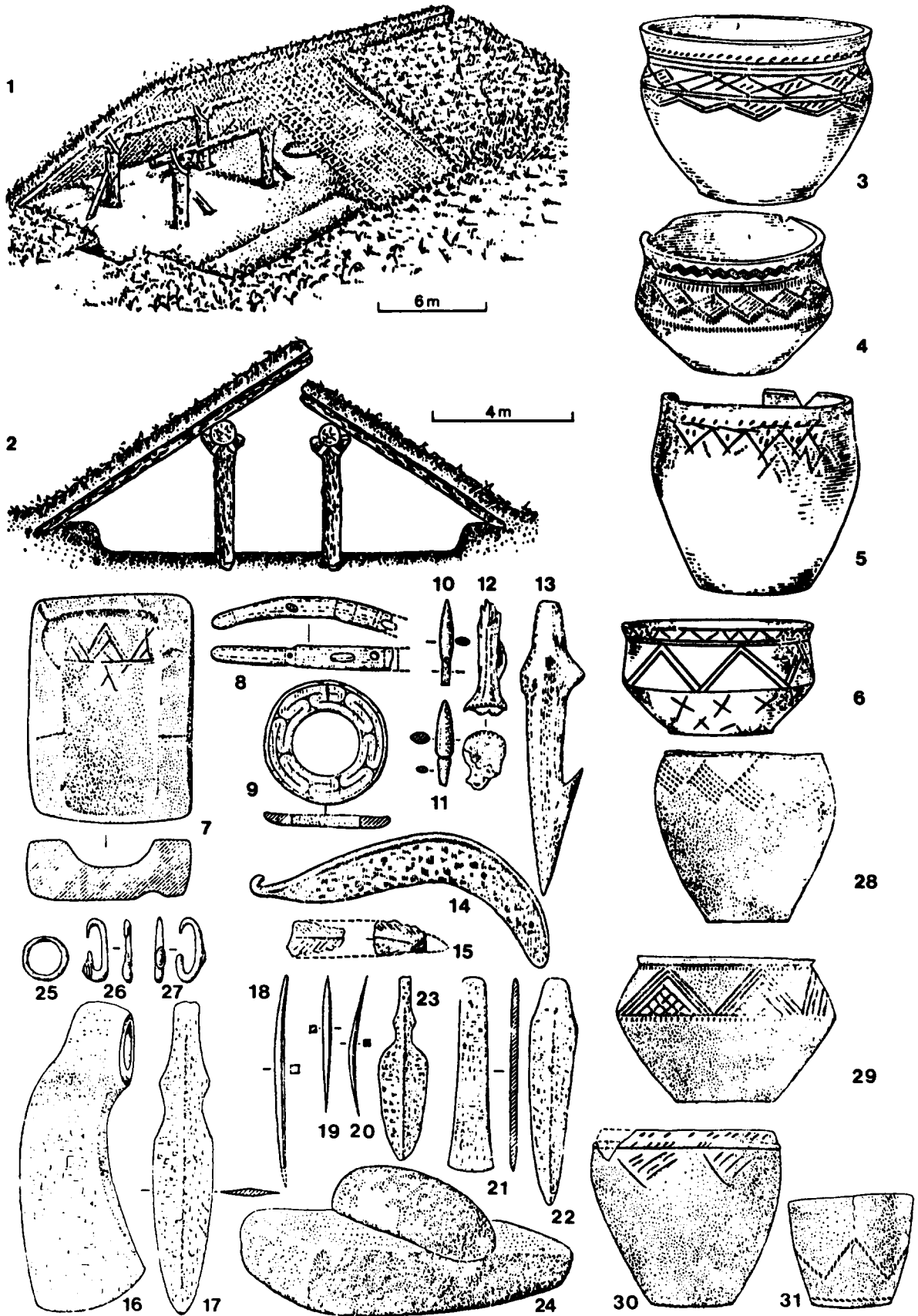
Другая группа важных культур севера лесостепной и юга лесной зоны испытала влияние срубной культурной общности и ее прямое воздействие с севера, с взаимной ассимиляцией с местным населением. В нее входят бондарихская культура (междуречье Днепра и Дона), поздняя ковская культура (верховья Волги и Оки) (Бадер и Попова, 1987) и казанская культурная зона (среднее течение Волги и Камы).

На востоке прибалтийских районов во второй половине II тысячелетия до н.э. еще сохранялись некоторые традиции эпохи неолита, однако к концу II и началу I тысячелетия до н.э. земледелие и скотоводство стали преобладать, получила распространение металлообработка, появившаяся в эпоху средней бронзы, возникли укрепленные поселения. Первоначально типичными были могильные погребения, практиковалось трупоположение или трупосожжение. Курганы появились позднее, однако обнаруживаются и могильные захоронения.

На севере лесной зоны во II и начале I тысячелетия до н.э. преобладали непродвиженная экономика и неолитические традиции, но на побережье Белого моря, в Карелии, вблизи Онежского и Ладожского озер и в бассейне Печоры стали появляться металлические изделия и основываться местные центры металлообработки (Ошибкина, 1987).

Наконец, на юго-востоке Восточной Европы, на территории Северного Кавказа, местные металлургические центры, несмотря на происходившие в регионе перемены и ослабление связей со степными районами, достигли вершины своего развития. Общие процессы культурной эволюции проявились как в продолжении существования культур, появившихся ранее, так и в возникновении новых культур, таких, например, как кобанская. Она возникла в XII–XI вв. до н.э. в горных районах Северной Осетии и в первой четверти I тысячелетия до н.э. распространилась на всю центральную часть Северного Кавказа, продолжая развиваться и в раннем железном веке вплоть до VI в. до н.э. Эта культура представлена поселениями, могильниками и кладами (Крутов, 1960). Поселения обычно располагались в труднодоступных местах и иногда укреплялись рвами. На их территории были обнаружены дома с каменными фундаментами, гончарные и литейные мастерские, а также святилища. Погребения представлены могильниками и сравнительно редко курганами. Умерших хоронили в каменных гробах, индивидуально, на боку или в скорченном положении. Рядом с ними находят скелеты или отдельные кости лошадей. Погребальный инвентарь весьма богат: он включает глиняные и бронзовые сосуды, бронзовые топоры, копья, кинжалы, пояса, браслеты и фибулы. Глиняные сосуды имеют глазурованную черную поверхность с резным орнаментом. Бронзовые изделия были украшены геометрическими, зооморфными или антропоморфными гравировками. В металлургии использовались местные залежи меди, мышьяка, свинца и сурьмы, а олово доставлялось из Закавказья. Основой экономики было скотоводство, у подножий гор развивалось также пахотное земледелие с использованием тягловых животных.

Далее к востоку, в Дагестане, Чечне и Ингушетии, с XIII по IX в. до н.э. сложилась каякентско-хорочоевская культура, по уровню развития примерно соответствующая кобанской культуре. Она также была связана с процессами культурного выравнивания, и на ее территории тоже формировались собственные центры металлообработки. Мертвых хоронили в каменных гробах. Рядом со скелетами (в скорченном или сидячем положении) находят орнаментированные сосуды и украшения из бронзы и сурьмы (Марковин, 1969).

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЗОНА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ. Артефакты из:

ВОЛЖСКИЙ регион						УКРАИНА																														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31						
Глина						Камень		Кость		Бронза											Камень		Бронза		Глина											
Реконструкция строений																																				

Рис. 69. Историко-культурная зона срубной культуры. Артефакты из волжского региона и Украины

На северо-западе Причерноморья, в степных районах и на Кавказе обнаруживаются отдельные железные изделия, относящиеся ко второй половине II тысячелетия до н.э. Однако только со второй четверти I тысячелетия до н.э. железо становится основным металлом, что позволяет говорить о начале эпохи железа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АРТЕМЕНКО И.И., 1985. Среднеднепровская культура. – Археол. Укр. – Т. 1.
- 1987. Культуры позднего бронзового века южной полосы лесов Европейской части СССР. – В кн.: КРАЙНОВ Д.В., КОСАРЕВ М.Ф. (ред.). Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – Археол. СССР. – М.
- БАДЕР О.Н., ПОПОВА Т.Б., 1987. Поздняковская культура. – В кн.: КРАЙНОВ Д.В., КОСАРЕВ М.Ф. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – Археол. СССР. – М.
- БАДЕР О.Н., ХАЛИКОВ А.К., 1987. Балановская культура. – В кн.: КРАЙНОВ Д.В., КОСАРЕВ М.Ф. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – Археол. СССР. – М.
- БРАТЧЕНКО С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев.
- БРАТЧЕНКО С.Н., ШАПОШНИКОВА О.Г., 1985. Катакомбная культурно-историческая общность. – Археол. Укр. – Т. 1.
- ВАСИЛЬЕВ И.Б., 1980. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. В кн.: Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев.
- КРУПНОВ Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. – М.
- МАРКОВИН В.И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. – М. (Мат. исслед. археол. СССР, 63).
- 1969. Дагестан и горная Чечня в древности. – М.
- 1978. Дольмены Западного Кавказа. – М.
- МАССОН В.И., МЕРПЕРТ Н.Я. (ред.), 1982. Энеолит СССР. – М.
- МЕРПЕРТ Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М.
- 1976. Древнеямная культурно-историческая область и вопросы формирования культур шнуровой керамики. – В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. – М.
- МООРА КА., 1964. К вопросу о возникновении Прибалтийской историко-культурной области. – М.
- МУНЧАЕВ Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. – М.
- 1982. Энеолит Кавказа. – В кн.: МАССОН В.И., МЕРПЕРТ Н.Ю. (ред.). Энеолит СССР. – М.
- ОШИБКИНА С.В., 1987. Энеолит и бронзовый век севера Европейской части СССР. В кн.: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.
- ОТРОЩЕНКО В.В., 1985. Белозерская культура. – Археол. Укр. – Т. 1.
- ПОПОВА Т.Б., 1955. Племена катакомбной культуры. – М.
- ЧЕРНЫХ Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. – М.
- 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. – Сов. Археол. – № 4. – М.
- CHERNYKH, E. N. 1976. Metallurgische Bereiche der Jüngerer und Späten Bronzezeit in der USSR. J. Indo-Eur. Stud. (Washington, D. C.)
- 1980. Metallurgical Provinces of the 5th-2nd Millennia BC in Eastern Europe in Relation to the Process of Indo-Europeanization. J. Indo-Eur. Stud. (Washington, D. C.), Vol. 8, No. 3/4.
- DIMITRESCU, V. 1973. A propos d'une nouvelle synthèse concernant l'époque néo-énéolithique du Sud-Est et Centre-Est de l'Europe. Dacia (Bucharest), N.S., Vol. 17.
- ECSEDY, I. 1979. The People of the Pit-Grave Kurgans in Eastern Hungary. Budapest.
- GIMBUTAS, M. 1973. Old Europe c. 7000–3500 BC: The Earliest European Civilization Before the Infiltration of the Indo-European Peoples. J. Indo-Eur. Stud. (Washington, D. C.), Vol. 1, No. 1.
- JOVANOVIĆ, B. 1979. Indoevropljani i eneolitski period Jugoslavije [The Indo-European and Eneolithic Age of Yugoslavia]. In: GARASANIĆ, M. V. (ed.), Praistorija jugoslavskih zemalja. Sarajevo. Vol. 3, pp. 27–54.
- KÓSKO, A. 1985. Influences of the 'Pre-Yamnaya' ('Pre-Pitgrave') Communities from the Black Sea Steppe Area in Western European Cultures. In: KOZŁOWSKI, J. K.; MACHNIK, J. (eds), L'énéolithique et le début de l'âge du bronze dans certaines régions de l'Europe. Krakow.
- PANAJOŤOV, I.; DERAGČOV, V. 1984. Die Ockergrabkultur in Bulgarien (Darstellung des Problems). Stud. Praest. (Sofia), Vol. 7, pp. 99–116.

Жак Бриар

**АТЛАНТИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ ЕВРОПЫ
В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ**

Западная Европа в бронзовом веке характеризуется наличием сформировавшейся культурной и экономической общности, которая может быть названа атлантической бронзовой культурой. В ее становлении нельзя исключать влияние Средиземноморья, особенно на Пиренейском п-ове, а также постоянное культурное взаимодействие с Центральной Европой. Одним из главных факторов, обеспечивших процветание атлантической культуры, являлись рудные залежи – меди (Ирландия, Корнуолл, Астурия), олова (Корнуолл, Бретань, Испания), золота (Ирландия) и свинца, иногда с примесью серебра (Испания и Бретань). Добываемый металл служил средством обмена на всем побережье Ла-Манша (который являлся своеобразным внутренним морем), то же относится и к изделиям из металла: топорам, мечам, украшениям, драгоценностям из золота или балтийского янтаря, а также, в позднем бронзовом веке, котлам и бронзовым щитам из Ирландии. Представители средиземноморских цивилизаций в поисках олова появлялись на Касситеридях – «оловянных» островах, получая его в обмен на различные украшения, например на стеклянные бусы, которые вскоре стали имитировать местные мастера. О том, каким образом данный обмен осуществлялся, свидетельствуют остатки деревянного судна, которые были найдены в песках Хамбера – эстурия рек Трент и Уз в Норт-Ферриби, а также обнаруженные в море в районах Дувра и Плимута на юге Англии затонувшие в результате кораблекрушения грузы бронзы.

Появление металла в атлантических регионах Европы, которое датируется концом III тысячелетия до н.э., сопровождалось изменениями в религиозных и погребальных обрядах. Обычай индивидуального погребения распространился благодаря традициям культуры шнуровой керамики, на которую, в свою очередь, повлияли группы из Северной Европы. Некоторые общности, например принадлежащие к культуре колоколовидных кубков, одними из первых стали пользоваться металлом, изготавливая золотые украшения и медные топоры и кинжалы, хотя и в очень небольших количествах. Открытие бронзы – сплава меди и олова – означало действительное начало металлообработки и бронзового века, чрезвычайно активного периода в истории атлантических регионов Европы.

На первом этапе бронзового века на обоих берегах Ла-Манша развились значительные и яркие цивилизации, представители которых были скотоводами и мастерами по металлу, оставившими большое количество изделий, что позволило проследить весь путь развития этих обществ. Бронзовый век в атлантических регионах Европы длился примерно с 2000 по 800 г. до н.э. – в период, отмеченный его высшими достижениями, после чего последовал кризис, вызванный появлением железа, пошатнувшего систему экономических связей на западе, основанную на добыче олова и распределении бронзовых изделий.

Эпоха халколита

В период перехода от неолита к бронзовому веку в регионе появились новые культурные группы, ряд которых, например артенакская, были обнаружены сравнительно недавно. В 1962 г. в Артенаке, недалеко от Сен-Мари (департамент Шаранта), на западе Центральной Франции, исследовали погребальный грот. Рядом со скелетами были найдены кремневые кинжалы и наконечники стрел, а также фрагменты керамики необычного стиля, с загнутыми ручками, напоминающими форму носа. Керамика этого типа была обнаружена в Аквитании, а также в Парижском бассейне, в укрепленном поселении Фор-Арруар. Группы, относившиеся к этой культуре, состояли в основном из земледельцев, выращивавших пшеницу и ячмень и разводивших крупный рогатый скот, овец и свиней. Они играли важную роль в торговле, особенно в вывозе кремневых пластин, а металл имел лишь второстепенное значение в их хозяйствовании. Хронологическое положение артенакской культуры долго вызывало споры. Первоначально ее относили к «веку бронзы без бронзы», сейчас она считается халколитической цивилизацией, которая существовала с 2400 по 2200 г. до н.э., что подтверждается и методами радиоуглеродного анализа (2300–2040 гг. до н.э.).

Вариантом артенака на севере Франции является горская (*Gord*) группа, которая получила свое название от поселения, расположенного к югу от Компьенья (департамент Уаза). Формы керамики немного отличаются от артенакских, хотя здесь были найдены и характерные для нее небольшие сосуды с четырьмя выступами. Горская группа была преемницей культуры сена-уаза-марна (СУМ), однако хронологически предшествовала культурам, знакомым с медью, например группе культур кубков.

Фактически появление группы культур кубков стало решающим фактором в становлении бронзового века в Европе. Гончарные изделия в виде перевернутых колоколов очень высокого качества, часто сопровождаемые небольшими изделиями из меди, находили в погребениях на всей территории Европы. Около 1930 г. Гордон Вир Чайлд предположил, что эти погребения относились к бродячим группам, которые распространили технологию металлообработки по всей Европе. Испанские исследователи считали, что центр Пиренейского п-ова стал отправной точкой этого явления и что именно отсюда кочевые группы начали свое продвижение к северо-западу Европы. Сангмайстер (*Sangmeister*, 1963) в 1961 г. развил более сложную теорию, согласно которой после миграции на север наступил период смешения этих групп с группами культур Северной Европы, после чего произошло передвижение в обратном направлении – от Нидерландов до Южной Франции, и в результате таких смешений появились новые типы керамики. В настоящее время эти теории, основанные на перемещениях групп населения со своими культурами, отброшены. Считается, что в данном контексте мож-

но говорить скорее о культурном и экономическом влиянии, передаче идей и перемещении изделий, а не о бродячих народах. В любом случае более детальный анализ указанных культурных групп выявил большое региональное разнообразие, а также различия в хронологических последовательностях.

В Северной Европе появление колоколовидной формы сосудов основывалось на местных типах керамики – кубках с выступающим основанием (КВО). На их основе сложилось несколько типов кубков; некоторые из них были полностью покрыты простым орнаментом (ППО), а некоторые – шнуровым (ПШО).

Исследователи из Нидерландов размещают эти ряды керамики в период задолго до II тысячелетия до н.э., основываясь на данных, полученных радиоуглеродным методом (2190 г. до н.э. – керамика из Анло, Нидерланды). Оба вышеуказанных типа керамики – ППО и ПШО распространились сначала в Нижней Саксонии и Вестфалии, а затем в Бельгии и в северных и восточных частях Франции. Эту керамику находят в индивидуальных погребениях и повторно используемых дольменах. Влияние данных типов украшения керамики прослеживается вплоть до юга Франции (Ла-Алиад, департамент Верхние Пиренеи) (рис. 70). Культуры на территории Нидерландов с их низкими кубками и «сжатыми» орнаментами на керамике продолжали существовать до начала позднего бронзового века. Эти кубки были найдены в географической области Велюве, в центре Нидерландов, в могильных курганах вместе с металлическими инструментами, орудиями из металла, небольшими молотками и полированными каменными скребками.

Один из типов колоколовидных кубков был настолько распространен, что считается «интернациональным типом». Эти элегантные кубки с профилем в виде буквы S, украшенные штриховыми горизонтальными полосами,

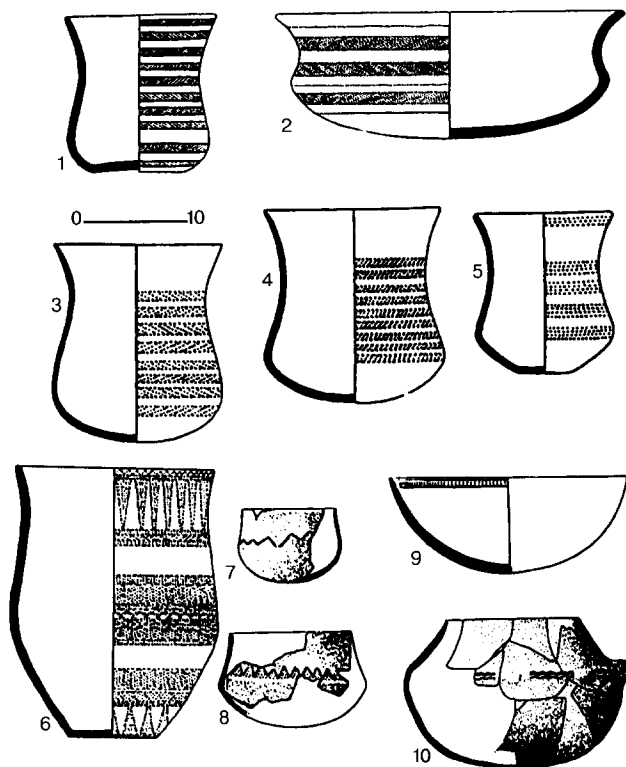

Рис. 70. Типы колоколовидных гончарных изделий из Франции: 1, 2 – изделия из Кербора, область Бретань; 3–5 – изделия из департамента Вандея; 6 – ваза с сжатым орнаментом из Валлера, департамент Нор; 7–10 – изделия из Артена, запад Центральной Франции (рис. J. Briard)

состоящими из наклонных линий, нанесенных с помощью гребня или шнура, были найдены на территории от Пиренейского п-ова до Нидерландов. Их помещали в индивидуальные погребения, как, например, в Портжуа, департамент Эр (Франция), а также в повторно используемые дольмены и галерейные погребения. В некоторых мегалитах встречаются весьма необычные наборы колоколовидных гончарных изделий (например, в Керборе). Представители культуры кубков распространяли изделия из меди – лезвия кинжалов с хвостовиками, медные шилья и золотой бисер. Среди поздних иберийских культурных групп, таких как Пальмела в Португалии, встречаются небольшие наконечники стрел, которые вывозились на большую часть атлантического побережья Франции. В этот же период стали более распространенными плоские топоры, которые часто изготавливались из мышьяковистой бронзы иберийского происхождения.

Английские и ирландские специалисты считают, что культура кубков сыграла значительную роль в развитии Британских островов, где было найдено около тысячи гончарных изделий данного типа. Наряду с региональными типами (Уэссекс, север Англии) были найдены и колоколовидные кубки «интернационального» и нидерландского типов (ППО, ПШО), а также большое количество их вариантов, которые быстро развивались и широко распространялись в начале позднего бронзового века, в период формирования уэссекской культуры.

Для культуры кубков характерны индивидуальные погребения, а также сооружения, окруженные рвами. Самая древняя часть знаменитого Стонхенджа относится именно к этой категории. Поселения культуры кубков хорошо известны на Британских островах, к ним относятся, например, хижины овальной в плане формы, остатки которых были найдены на п-ове Корнуолл; они состояли из двойного кольца кольев и имели вход с крыльцом. В некоторых деревнях встречаются остатки загонов для домашних животных (Суссекс) и первых сельскохозяйственных участков на открытой местности (кельтские поля). Однако основой благосостояния народов культуры кубков являлся контроль над торговлей сначала кремневыми пластинами, а затем металлическими изделиями, который привел даже в Британии к формированию правящей касты, установившей власть над сельскохозяйственными сообществами, ведущими свое происхождение от местных неолитических групп.

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

В эпоху ранней бронзы на Британских островах развивалось несколько цивилизаций (Burgess, 1980). Некоторые, напрямую происходившие от неолитических групп, характерны гончарными изделиями с геометрическим орнаментом, – сосудами для пищи, найденные главным образом в Ирландии, Шотландии и на севере Англии. Это были скотоводческие племена, хоронившие своих умерших в погребальных камерах или возводившие курганы над трупосожжениями. Среди других керамических групп важным элементом являются характерные формы колоколовидной керамики. В индивидуальных погребениях представителей культуры колоколовидных кубков найдены медные кинжалы и золотые украшения. Эти группы, по всей видимости, играли доминирующую роль в распределении и контроле над первыми формами богатства в виде металлов. Именно они сформировали уэссекскую культуру, наиболее значительную цивилизацию раннего бронзового века на Британских островах (рис. 71). Под большими курганами, такими как Буш-Барроу, были захоронены мелкие правители вместе с символами власти (скипетры), мечами и кинжалами из меди и бронзы, иногда украшенными золотом, и украшениями из янтаря и гагата

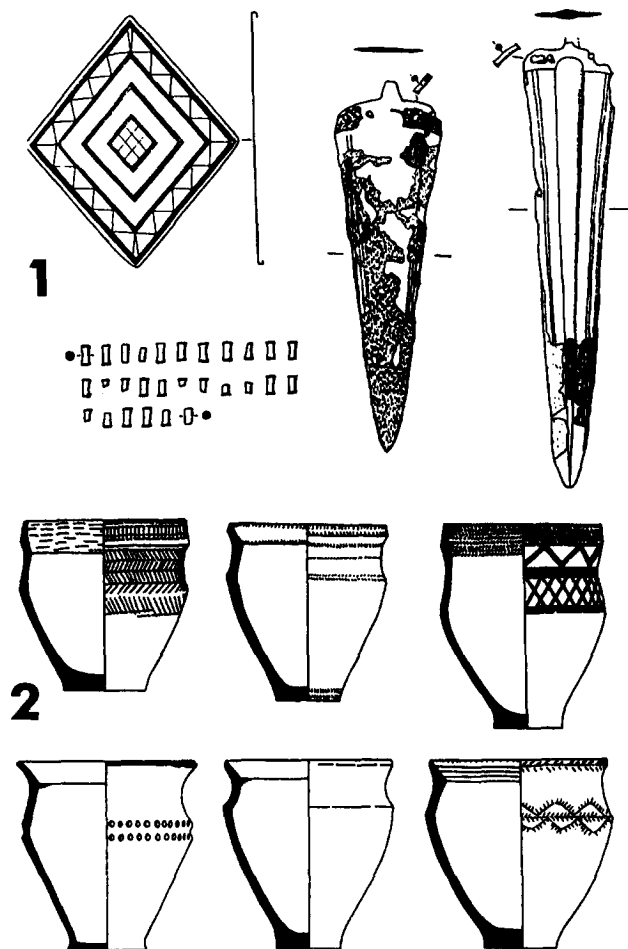

Рис. 71. Ранний бронзовый век на Британских островах: 1 – курган в Буш-Барроу, Уэссекс; 2 – урны с ободами-венчиками (по Annable & Simpson, 1964)

(черного янтаря). Некоторые типы топоров и булавок свидетельствуют о контактах с Центральной Европой (Унетиче), некоторые украшения имеют следы средиземноморского влияния. Эти правители из Уэссекса властвовали над скотоводческими группами, практиковавшими трупосожжения. В тот же период в Ирландии началась разработка меди и золота. Наиболее примечательными изделиями, произведенными там, были медные кинжалы и алебарды, топоры, украшенные геометрическими узорами, и прежде всего золотые диадемы и ожерелья, которые вывозились на континент (в Бретань и Нормандию) и там воспроизводились.

«Астрономический» храм в Стонхендже, вблизи Солсбери в Великобритании, состоит из каменных блоков, расположенных кольцами и подковами. Его сооружение показывает, что поклонение Солнцу и Луне было очень важным для этого населения, существовавшего за счет земледелия и разведения скота. Металлообработка касалась главным образом «аристократической» части населения, и первые металлические изделия имели исключительно военное назначение или являлись предметами престижа, призванными подчеркнуть власть правителей.

Изделиями из золота, например, чашами из Риллатона (Корнуолл), Фрицдорфа (Германия) и Эшенца (Швейцария), обменивались из статусных соображений. В тот же период на территории Бретани развивалась армориканская культура курганных погребений, по всей очевидности, родственная уэссекской культуре. Об этом свидетельствуют одинаковые типы бронзовых кинжалов, украшенных золотыми шрифтами, кремневых наконечников стрел, украшений и драгоценных сосудов из серебра или

золота (Briard, 1984). Мелких армориканских вождей хоронили под гигантскими курганами в могилах, сложенных из мегалитических валунов, или, что было новшеством для того времени, в деревянных гробах. Эти курганы равномерно распределены по всей территории п-ова Бретань, что некоторым образом свидетельствует о равном разделе земли.

Вожди того времени, видимо, контролировали торговые пути, особенно пути доставки балтийского янтаря и местного олова. Так же, как и в Уэссексе, в данном регионе практиковался обмен драгоценными сосудами, сделанными из золота (Плумийо) или серебра (Сент-Адриен). В армориканской культуре бронзового века присутствует пиренейский компонент – мечи в форме пестика из Карноэ, однотипные с аргарскими мечами из Испании. Более того, наличие серебра также подтверждает связи с аргарской культурой юго-востока Пиренейского п-ова. Наряду с большими погребениями курганного типа обнаружены и более бедные захоронения, свидетельствующие о появлении социального расслоения; к ним относятся простые камеры или небольшие могилы с очень скудными погребальными приношениями. Оригинальными являются могилы с наборами стеклянных или фаянсовых бус. Эти женские погребения на о. Груа, относящиеся к департаменту Морбиан, или в Плуинек (департамент Финистер) являются индивидуальными. Анализ бус показал наличие следов меди и олова, что свидетельствует об их местном или британском изготовлении на основе средиземноморских прототипов. В рассматриваемый период в Бретани ставились последние большие менгиры, которым часто придавалась правильная форма. У их подножья нередко находили типичные для эпохи бронзы гончарные изделия (например, в Керлоа и Плуарзеле, департамент Финистер). Находки, относящиеся к обыденной жизни той эпохи, встречаются гораздо реже: в торфяниках близ Плуеска были найдены останки домашних животных (крупный рогатый скот и овцы), в курганах встречаются зернотерки и гончарные изделия с выдавленным пальцами орнаментом. Погребальное сооружение под курганом Сен-Жюд близ Бурбриака показывает, что дома строились из деревянного каркаса и покрывались соломой и папоротником.

Хронология уэссекской и армориканской культур долго оставалась спорной. Одно время считалось, что найденные драгоценные сосуды были завезены из Западной Азии или восточного Средиземноморья, а изображения нескольких кинжалов микенского типа, вырезанных на камнях в Стонхендже, служили доказательством того, что этот «астрономический» монумент воздвигли архитекторы из эгейского региона. Последние данные, полученные радиоуглеродным анализом, особенно в Бретани, позволили отнести данный период курганных захоронений вождей примерно к 2000–1600 гг. до н.э.

Ранний бронзовый век на территории Нидерландов довольно беден своими достижениями; местные культуры развивались на основе культуры колоколовидных кубков и представлены украшенными кубками (велювского типа) и некоторыми предметами, завезенными из Центральной Европы, такими, например, как небольшой треугольный кинжал с рукояткой, украшенной оловянными штифтами из Баргероостервельда (Laet, 1982). Курганные захоронения здесь связаны со следами сложных сооружений в виде святилищ, окруженных кольцами столбов. К концу раннего бронзового века для погребения кремированных останков стали применяться большие урны (хильверсумского типа).

В конце III тысячелетия до н.э. Пиренейский п-ов продолжал оставаться под влиянием культуры колоколовидных кубков (Лос-Милларес). Однако на юго-востоке полуострова под средиземноморским влиянием начала развиваться аргарская культура. Местонахождение, которое дало имя этой культуре, расположено в Эль-Аргаре и пред-

ставляет собой укрепленную вершину холма, расположенного на северном берегу р. Антас. Там же находится могильник с примерно тысячей захоронений, который был исследован Сиретом (*Siret*, 1913). Другие местонахождения на возвышенностях были найдены на линии длиной примерно 300 км от Гранды до Мурсии (*Coles & Harding*, 1979) – в Эль-Офисио, Ифре. Санате, Бастада-де-Тотане. Во время раскопок в Серра-де-ла-Виржен были обнаружены остатки круглых хижин со стенами, состоящими из двух колец столбов, поддерживающих плетни. Шубарт (*H. Schubart*) выделяет в развитии погребальных комплексов Эль-Аргара две стадии: на первой стадии в камерные захоронения помещали медные и бронзовые алебарды и кинжалы, каменные напульсники для лучников, костяные пуговицы и небольшие сосуды с выпуклым основанием. На второй стадии появилось, наряду с погребениями в камерах, большое количество захоронений нового типа, в которых останки умерших помещали в большие керамические сосуды. Там же помещали более сложные кинжалы с четырьмя заклесками, топоры и серебряные диадемы с небольшими передними пластинами. В гончарных изделиях повторялись формы металлических сосудов в виде чаш; украшения представлены спиралями из бронзы, золота и серебра. Влияние Средиземноморья прослеживается в ввозе стеклянных бус (находки в г. Фуэнте-Аламо). На более поздних стадиях мастера по металлу из Эль-Аргара делали большие мечи, которые были распространены вплоть до северо-запада Пиренейского п-ова – до мест в районе Энтрамбасагуаса и Куэваллузы, Сантандера. Украшенные орнаментами клинки были иногда посажены на золотые рукоятки (находки в Гвадалахаре). Эти клинки были распространены вплоть до Южной Франции. Вероятно, одним из источников благосостояния представителей аргарской культуры была разработка залежей свинца с примесью серебра, однако нельзя недооценивать и значение земледелия и скотоводства. В Ла-Виржене были обнаружены следы оросительных каналов, а в укрепленном поселении Эль-Офисио были сооружены резервуары для хранения воды. Другие регионы Пиренейского п-ова в эпоху ранней бронзы также развивались в довольно благоприятных условиях. На юго-востоке региона Шубартом (*H. Schubart*) была обнаружена группа погребений, вокруг которых кольцом были поставлены каменные плиты (Аталайя, Беха). Разработки медной руды велись сначала на юго-западе в районе р. Рио-Тинто (*Rotenberg & Freijero*, 1981), а затем на севере, в Галисии и Астурии (*Blas Cortina*, 1983). Из добытой меди производились плоские топоры и слитки (например, в Гамонедо), при анализе которых в их составе была обнаружена медь с примесью мышьяка. Изделия из этой меди в раннем бронзовом веке были распространены вдоль атлантического побережья Франции от Жиронды до Нормандии.

СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

В эпоху средней бронзы в Западной Европе происходит сокращение числа контактов между регионами, расположенными далеко друг от друга, например со Средиземноморьем. Исчезли роскошные погребения знати, возрос уровень регионализации, особенно заметно проявившийся в увеличивавшемся разнообразии гончарных изделий. В этот период металлообработка достигла огромного прогресса, а развитие производств ряда изделий со специфическими региональными чертами привело к появлению конкурирующих между собой центров металлообработки.

На Британских островах сохранилась традиция погребения в урнах. Края некоторых урн были усилены своего рода декоративными фланцами, поэтому этот тип стали называть «урны с выступающим ободом». Этот же тип урн

был распространен и в Нидерландах (урны из Дракенштайна), там для урн были характерны украшения в виде подковы, служившие ручками. Подобные урны достигли даже северо-запада Франции (рис. 72). Так, Бланше (*Blanchet*, 1984) выделяет тип урн из Эрамекура – урны с прахом, имевшие арочный орнамент, над которыми возводились курганы, такие, как в Эрамекуре (департамент Сомма, Франция). Иногда погребения были окружены рвами, как, например, в Понтавере (департамент Эн, Франция). В этом последнем был найден металлический предмет в виде небольшого инструмента с втулкой. Обычай погребения праха в урнах также начал распространяться и в Бретани, где их помещали в уже использовавшиеся мегалиты (Кольпо, департамент Морбиан) или в специальные сооружения, окруженные рвами, как в Шапель-де-л'Иф в Лангенане, который отнесен с помощью радиоуглеродного анализа к 3030 ± 70 гг. до н.э.

В Бретани продолжали возводиться последние курганы, иногда плотно сконцентрированные, особенно во внутренних районах, таких как Мон-д'Арре или в глубине департамента Морбиан. Погребения представляют собой своды сухой каменной кладки, покрытые плитой, и небольшие курганы над закопанными урнами. В погребении помещали кинжал и двухконусный керамический сосуд с четырьмя ручками.

На западе Центральной Франции восточное влияние проявилось в связях с центральноевропейской курганной культурой. Гомес выявил эти фации на основе материала, собранного в пещере Дюффэ близ Ла-Рошетт в департаменте Шаранга 1980 г. (*Gomez*, 1980). Керамика представлена мисками, чашами и кувшинами, некоторые из них украшены рельефными геометрическими орнаментами (рис. 73), полученными на поверхности по специальной технологии (*Hügelgräberkultur*), заключавшейся в удалении материала сплошными полосками. Восточное влияние, проникавшее вплоть до западных районов Центральной

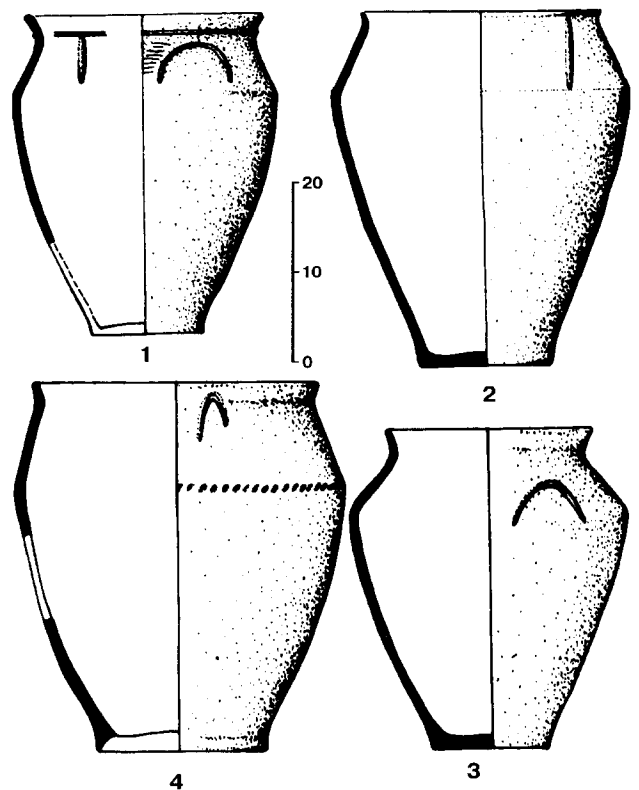

Рис. 72. Типы урн среднего бронзового века, относящиеся к эрамекурской группе, Франция: 1 – из Круси; 2 – из Бюси-ле-Лон; 3 – из Компьеня; 4 – из Мезьер-Сюр-Сен (рис. *J. Briard*)

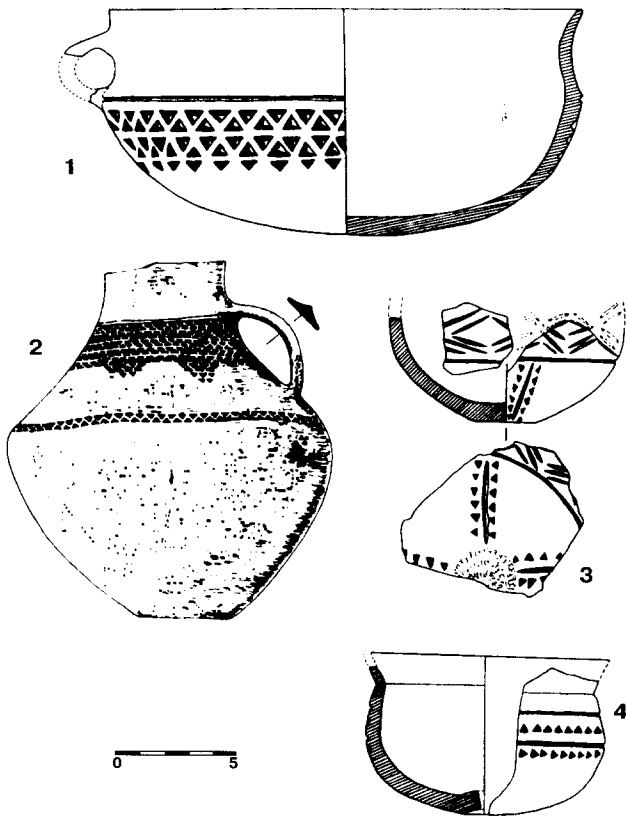

Рис. 73. Гончарные изделия с резным орнаментом с запада Центральной Франции: 1 – из Ранконья; 2 – из Ле-Дюффе; 3, 4 – из Буа-дю-Ро (по Gomez, 1980)

Франции, можно объяснить поисками новых рудных залежей. В некоторых медных изделиях того периода содержится значительное количество никеля, что может свидетельствовать о его альпийском происхождении. Однако, даже не касаясь чисто экономических факторов, можно отметить, что культурное воздействие со стороны других регионов, которое достигало Франции по Рейну, Роне, Сене и Луаре, также начало проявляться.

Проведенные в последние десятилетия исследования много добавили к нашим знаниям об аграрных поселениях и постройках, особенно на территории Британских островов. Работы Флеминга (*A. Fleming*) на территории Национального парка Дартмур и Баргесса (*C. Burgess*) в Чевииот-Хиллз и Национальном парке Нортумберленд были посвящены так называемым кельтским полям. В районе Чевииотских гор были исследованы террасные участки земли, ограждения, границы полей, а также круглые дома на огороженных участках с отверстиями для столбов, которые поддерживали деревянную кровлю. Дома различаются размерами и представлены, с одной стороны, большими постройками диаметром 9–10 м, иногда сгруппированными в небольшие деревни, с другой – простыми, стоящими изолированно пастушескими хижинами, к которым примыкают загоны для скота. В районе Дартмура на юго-западе Англии вокруг поселений из 10–12 круглых домов возводились большие насыпи-валы. В других регионах Англии (графства Суссекс и Гэмшир) и в Ирландии было найдено большое количество обрабатываемых полей, часто открытых, свидетельствующих о развитой организации земледелия (рис. 74). Отдельные примеры такого рода встречаются также в Бретани (район г. Бреннили) и в Нидерландах. Основными сельскохозяйственными культурами являлись злаковые (пшеница и ячмень); среди домашних животных наибольшее распространение получили козы, овцы и крупный рогатый скот. Остеологиче-

ские останки домашних свиней с трудом отличаются от диких кабанов. В данном регионе именно в этот период началось одомашнивание лошади. Наряду с земледелием и скотоводством значительную роль продолжала играть охота. Особое значение придавалось охоте на оленей, так как их рога использовались для практических целей (изготовление мотыг; рукояток топоров) и ритуальных поделок (амулеты для сбережения от злых сил).

На побережье Атлантики и Ла-Манша можно было найти большие колонии моллюсков, употреблявшихся в пищу, о чем свидетельствуют многочисленные временные или постоянные (как в Ле-Гур, департамент Жиронда) запасы раковин. Именно в бронзовом веке началось рациональное использование морской соли; в частности, были сделаны попытки выпаривания ее в сосудах для удобства перевозки.

На территории Нидерландов примечательные находки были сделаны в районе торфяников, особенно в провинции Дренте. В частности, были обнаружены остатки деревянных дорог, либо в форме гатей, выложенных из бревен, того же типа, что были найдены в графстве Сомерсет в Англии, или же длинных однопутных троп, различным образом выложенных из досок. Болотистая местность лучше защищала поселения, а также служила для расположения мест поклонения. В Баргероостервельде было найдено и реконструировано деревянное святилище. С помощью радиоуглеродного анализа оно было датировано 1295 г. до н.э. Сооружение включало ограждение из больших камней, установленных по окружности диаметром 6 м. В центре стояли две большие части дубового ствола, служившие основанием для четырех столбов, которые поддерживали перекладины в виде священных рогов (*Bloemers et al., 1981*). Этот культ крупного рогатого скота был очень распространен: некоторые жертвенные рога, сделанные из керамики, встречаются немного позднее всюду вплоть до восточных районов Франции (находка в Куртаване).

Аграрные культы дополнялись cultами Солнца. Золотые диски, отдаленно напоминающие солнечный диск знаменитой культовой солнечной колесницы из Трундхольма в Дании, были найдены на Британских островах (диск из Лансдауна в графстве Сомерсет). В позднем бронзовом веке в Ирландии подобные солнечные диски часто прикрепляли к булавкам, как, например, на находках из Булибрайена в графстве Клэр (*Herity & Eogan, 1977*). Еще одним видом солнечных символов, возможно, являются золотые конусы, найденные в Авантоне близ г. Пуатье (Фран-

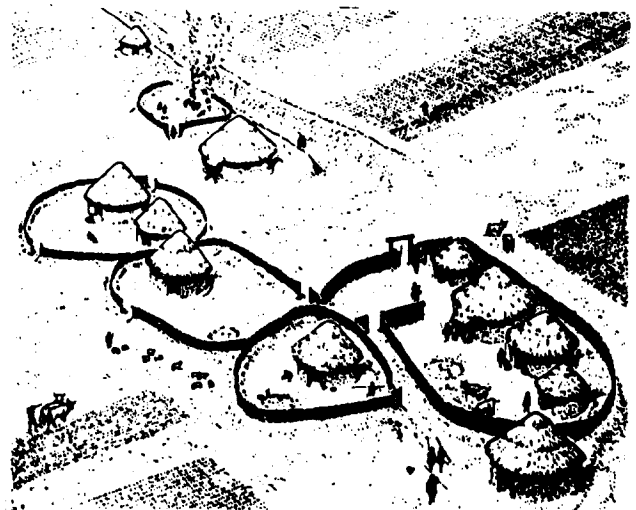

Рис. 74. Поселение в Илфорд-Хилл, графство Суссекс (реконструкция) (по Moben & Baillond, 1987)

ция) (Pautreau, 1979). Они напоминают предметы, найденные в Шифферштадте и Этцельсдорфе (Германия), которые, как считает Мюллер-Карпе (*H. Müller-Karpe*), могут рассматриваться в качестве символов огня и датироваться средним бронзовым веком, так как они часто встречаются вместе с пальстабами (вид бронзового топора).

Рисунки в пещерах Ирландии, Великобритании, Галисии и Португалии, по всей видимости, также относятся к культуре Солнца. Они представляют собой концентрические круги, иногда спирали, высеченные в естественных скалах наряду с другими абстрактными символами в виде чаш и рыбьих скелетов; иногда там же изображались топоры (Крокман, графство Тайрон; Кэрбан, Аргиль).

Металлообработка в среднем бронзовом веке на западе Европы стала более разнообразной: производятся новые модели топоров, за которыми последовали пальстабы, а также большие, довольно широкие мечи (как из Сен-Брандона в Бретани) или же, наоборот, очень узкие рапиры (найденные на Британских островах). Улучшились наконечники копий. Для Британских островов характерна особая модель с двумя небольшими отверстиями или двумя петлями на краине или у основания раstraба.

По набору производимых предметов можно выделить основные районы металлообработки. В Англии были группы в районе Арретон-Дауне, а затем в Актон-Парке, производившие наконечники копий, пальстабы и рапиры. В Бретани группа требу производила большие мечи с широким основанием; отдельные гигантские их образцы служили церемониальным оружием. Эти мечи вывозились в Центральную Францию (Бон) и в Нидерланды (Оммершан).

К концу среднего бронзового века увеличились объемы производства пальстабов, что сказалось на росте обмена в приатлантических районах. В Ирландии производились короткие модели, а в Британии и Нормандии – топоры с широким лезвием, верхняя часть которых часто была украшена орнаментами в виде трезубцев или щитов. В Бретани топоры были узкими и украшались орнаментом в виде ленты. Рядом с ними были найдены массивные золотые браслеты, украшенные геометрическими мотивами. В западных районах Центральной Франции производились топоры с трапециевидными лезвиями. В районе Медока продолжительное время, вероятно, до конца среднего бронзового века, использовались длинные топоры с закраинами. На Пиренейском п-ове в эпоху средней бронзы довольно долго продолжалась аргарская традиция с ее мечами, лезвия которых по форме напоминали пестики, однако к концу этого периода появляются первые атлантические пальстабы – подлинно местные орудия.

Из золота также изготавливались замечательные предметы. Крученые золотые шейные гривны производились в Ирландии (Тара). Несколько этих изделий было найдено на континенте (Фресне-ла-Мер в Нормандии; Сесон-Севинье в Бретани). Массивные золотые браслеты, украшенные геометрическими узорами, находят как в Бретани, так и на северо-западе Пиренейского п-ова. В рассматриваемый период изменился и состав металлов. В бронзе место мышьяка занял никель. В этих сплавах иногда появлялся свинец, особенно в Британии. В то же время в Бретани в конце среднего бронзового века в больших количествах в бронзу добавлялось олово, а свинец присутствовал в незначительном количестве. Аллювиальные отложения оловянных руд в данный период разрабатывались в самом широком объеме.

Технология литья также развивалась. Первые сплошные литейные формы раннего бронзового века были заменены составными формами, в которых отливались топоры с закраинами, пальстабы, наконечники копий и т.д. (Анвек, департамент Финистер). Медь хранилась в виде слитков различной формы: полосы, чушки, плоско-выпуклые слитки.

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

В начале I тысячелетия до н.э. в результате падения Микен и великих классических империй Средиземноморья, которое было связано с вторжением «народов моря», в Европе произошли многочисленные культурные и технические изменения. Раньше с «диффузионистской» археологической точки зрения эти процессы связывали с возвышением культуры полей погребальных урн, которая начала распространяться из Центральной Европы на запад и юго-запад. Современные исследования несколько изменили этот подход, хотя нет никаких сомнений, что крупные широкие переселения оказали большое влияние на культуру бронзового века. Регион Атлантики также испытал это воздействие, однако определенным образом «переварил» его, восприняв некоторые черты в процессе, который известен как «аккультурация».

В Восточной Франции появились новые культуры, напоминающие своими чертами культуры Центральной Европы и курганную культуру. Эти культуры часто рассматриваются как «переходные группы». Лучшей иллюстрацией этой смешанной фации служит материал, найденный в захоронениях Коломбин близ Шампле в департаменте Йонна. Там было исследовано около сотни погребений, включая одно женское, в котором вместе со скелетом были найдены спиральные ножные браслеты, бронзовые трубки, вероятно, служившие для украшения одежды, серьги и элегантное украшение из клыка дикого кабана, оправленное в спираль из бронзы. Гончарные изделия были украшены широкими желобками в стиле, который впервые появился в культурных группах на территории Германии (Виглесе). Для переходных групп характерны булавки с закраинами, распространенные в Восточной Франции и достигавшие ее центральных районов (Шери, департамент Шер), а также булавки со сферическими головками и новые типы мечей: узкие клинки из Риксхайма (местонахождение в Эльзасе) с периферийной частью в виде простого металлического хвостовика с заклепками. Эти клинки имитировались приатлантическими мастерами западной группы в Росноане, клад в департаменте Финистер. Клад в Росноане содержит новые типы наконечников копий с длинными крепящимися к древку частями, массивные пальстабы, а также первые топоры восточного типа с расширяющимися лезвиями. Инструменты также стали более разнообразными: появились первые молотки с отверстиями под рукоятку, первые долота и стамески с хвостовиками для крепления. Появились также бритвы с овальными лезвиями и плоским хвостовиком, что, вероятно, свидетельствовало о переменах в моде, когда войны перестали носить бороды.

В начале позднего бронзового века подобные предметы были распространены на всей приатлантической территории. Пиренейский п-ов стал более тесно связан с западным сообществом. Однако время от времени встречающиеся здесь находки относятся к разным периодам. Так, в Ла-Уэрта-де-Арриба (провинция Бургос, Испания) были найдены бритвы с хвостовиком и мечи с прорезью для крепления рукоятки, похожие на мечи из Росноана, однако рядом с ними находились пальстабы с двумя боковыми закруглениями, относящиеся к более позднему периоду.

На Британских островах также произошли изменения, появился ряд новых производимых изделий (стадия Пенарда), включая мечи, на формы которых повлияли континентальные модели, новые типы украшений, ребристые браслеты, а также орудия с отверстиями под рукоятку – молотки и небольшие стамески. К этому периоду относятся два судна, затонувшие у южного побережья Англии с грузом бронзы. Остатки кораблекрушения из района Мур-Сэнда с грузом были подняты на поверхность близ Плимута в 1977 г.; в число бронзовых изделий входили мечи эльзасского типа из Риксхайма, пальстабы бретон-

ского типа и меч с изогнутой рукояткой, аналоги которого были найдены на востоке Франции (Пепинвиль). Находка остатков кораблекрушения близ Лангдон-Бэй, к востоку от Дувра, более значительна по количеству предметов: на поверхность было поднято около 300 бронзовых изделий, включая топоры восточного типа, мечи, наконечники копий и булавки. Эта находка является ярким примером ввоза на Британские острова металлических изделий с континента.

Одной из новаций, характерных для позднего бронзового века, стало начало производства мечей нового типа с широким клинком. Мечи более старых типов, вероятно, производились на юге Германии, например, в Хемиккофене и Эрбенхайме. Однако очень быстро мастера на западе Европы стали производить новые оригинальные металлические изделия в Уилбертоне (Англия), Сен-Бриё (Бретань), Сен-Дени-де-Пиль (юго-запад Франции). Новые типы мечей были также найдены на Пиренейском п-ове: в Сан-Хуан-дель-Рио, на р. Эсла, Бела-Виста (Испания), в округе Эвора (Португалия) и т.д. (Coffyn, 1985). Эти мечи заметно различаются своими деталями, что облегчает выделение региональных групп, к которым они принадлежат. Однако вскоре, к концу позднего бронзового века, примерно в 800 г. до н.э., эти модели были заменены единым типом меча с сужающимся окончанием. Мечи этого типа были найдены на Пиренейском п-ове (Риа-де-Уэльва, Рио-Гвадалимар в Испании; Фийес-де-Деус в Португалии), на юго-западе Франции (Сен-Леон-сюр-л'Иль), в Бретани (Нант, Гуэснаш), на Британских островах (Рич-Марш, Бичи-Хед), в Нидерландах (Неймеген) и Германии (Катленбург). Одно время считалось, что существовала единая культура, к которой относились подобные мечи, однако затем было выяснено, что за исключением мечей в каждом регионе металлические изделия имели особые черты.

Некоторые культуры, например исследованная в районе Венá на западе Центральной Франции, свидетельствуют о сильном континентальном влиянии (Coffyn, 1985). Особенно значительным было альпийское влияние на производство украшений в виде многочисленных браслетов с резным орнаментом, а также булавок и пряжек, которые начинали производиться в Швейцарии, в районе палатитов (свайных построек) и в долине Роны. В Парижском бассейне среди находок встречаются как изделия из более западных районов, так и континентальные типы мечей (протогалыштатские мечи). Состав металла в этих группах изделий различается: в мечах, произведенных на западе, содержалось большее количество свинца (Moben, 1977). Залежи свинца активно разрабатывались на Британских островах, во Франции (Бретань) и в Испании. Вероятно, месторождения олова постепенно истощались, поэтому в сплавы добавлялось все большее количество свинца, что отрицательно сказывалось на их качестве. Низкое качество сплавов, по всей видимости, стало одной из причин, приведших к замене бронзы железом примерно в 700–600 гг. до н.э.

Разнообразие производимых изделий облегчает задачу выявления мест, где происходил обмен, а многочисленные карты, показывающие распределение типичных изделий по местностям, свидетельствуют об интенсивных торговых отношениях в конце атлантического бронзового века. В Ирландии производились великопеленные котлы, которые, несомненно, использовались на ритуальных пирах. Также часто встречаются и другие приспособления, использовавшиеся на пирах, например, вертела как атлантических, так и континентальных типов, особенно с Пиренейского п-ова. Интересно отметить, что в этом случае вновь появляются украшения в виде животных. Вертел из клада, найденного близ Шеллана (департамент Вандея, Франция), заканчивается небольшим стилизованным изображением головы оленя. Это было новшеством, так как

на протяжении большей части эпохи бронзы для украшения был характерен староевропейский геометрический стиль, проявляющийся в бытовых предметах, погребальных сосудах и оружии. Вероятно, религиозные табу запрещали изображение животных или людей.

Население Пиренейского п-ова в период своего наиболее интенсивного экономического развития производило топоры с двумя кольцевыми петлями, которые могли использоваться и как топоры, и как мотыги. Наиболее распространенными были массивные пальстабы, однако втульчатые топоры с двумя боковыми ушками также встречаются. Форма для отливки пальстаба с двумя кольцевыми петлями была найдена в Галисии (Музей Луго), а форма для втульчатого топора – в Астурии, в Лос-Оскосе (*Blas Cortina*, 1983). Торговля этими изделиями достигала Сардинии, однако наибольшее развитие она получила в атлантических регионах: на юго-востоке и в центре Франции (Анжер), в Бретани (Ле-Фольгосе), на юго-западе Британских островов (Керленд, Уэст-Бакленд и т.д.), Ирландия (Бэликолинг, Корк). Большие сомнения вызывает принадлежность топоров с двумя кольцевыми петлями, найденных на севере Германии (Вильдесхаузен) и даже в Швеции (Сванхайс) (Coffyn, 1985). Торговля пальстабами с двумя кольцевыми петлями, производившимися на Пиренейском п-ове, является лишь одним примером широкого распространения производства в поздний атлантический бронзовый век, позволяющего считать то время апогеем атлантического бронзового века.

Наши знания об атлантических погребениях позднего бронзового века довольно отрывочны. На Британских островах при погребении использовались довольно грубо выполненные урны, украшенные наlepным подковообразным узором или выдавленными пальцами орнаментом. В эти урны, имеющие форму ведра или бочки, помещались остатки от трупосожжения. На юге Англии, в районе Девелы и Римбюри, сложилась особая традиция погребения, которая, как считалось раньше, была заимствована на континенте. На самом деле использовавшиеся там урны являли собой развитие традиций погребальных урн среднего бронзового века в Англии.

На континенте влияние групп культур погребальных урн проявлялось вплоть до атлантического побережья. Культуры, развивавшиеся на востоке, на территории прирейнских районов в Швейцарии и Франции, были особенно динамичными и оказали сильное влияние на культурные группы позднего бронзового века II, современные таким культурам, характерным своей металлообработкой, как Сен-Бриё и Уилбертон. На востоке и в западных районах Центральной Франции, а также в исторической области Шампань (Марэ-де-Сен-Тон) было выявлено множество полей погребальных урн. На последней стадии позднего бронзового века эти культуры утратили свое единобразие. Керамика представлена разнообразными типами, от первоначальной желобчатой керамики позднего бронзового века I (Куртаван) до сложных изделий, частично рейнского происхождения: чаши в виде кардинальской митры с массивным основанием, миски в виде усеченных конусов, ступенчатые, украшенные криволинейным геометрическим сюжетом или орнаментом в виде рыбьего скелета, желобчатые чаши, кубки, сосуды в форме усеченных конусов и т.д.

Все эти коллекции гончарных изделий связаны с погребениями с трупосожжениями; некоторые из погребений были обнесены кольцевыми или прямоугольными погребальными ограждениями (в Шампани), или же сооружения принимали странную форму замочной скважины (в Нидерландах и Германии). Эта культура полей погребальных урн распространилась вплоть до западных районов Центральной Франции, где были обнаружены погребения в пещерах (Ранконь, департамент Шаранта), и до севера Пиренейского п-ова. В данном регионе оригина-

нальные местные фации связаны с укрепленными поселениями (Кастрос-де-Галисе, укрепленные жилые дома в Кортес-де-Наварра в долине р. Эбро).

Одной из оригинальных черт позднего бронзового века на Пиренейском п-ове являются погребальные стелы, изображающие умерших воинов в личном снаряжении, иногда вместе с их боевыми колесницами. Наиболее известна стела из местонахождения Солана-де-Кабанас в провинции Касерес (Испания), на правой части которой изображен умерший воин, лежащий на спине. Наверху стелы изображены копье и меч, рукоятка которого похожа на находку, сделанную на Балеарских островах. Рядом с головой воина показан шлем (?). В центре стелы изображен большой щит с волнистым краем – щиты этого типа были найдены в Испании и Ирландии, что снова свидетельствует о развитии морской торговли. У подножия стелы в Солане изображена колесница с двумя впряженными в нее лошадьми, что свидетельствует о знакомстве с этим военным транспортным средством. Ряд похожих стел был найден в области Эстремадура (на западе Испании) и описан Альмагро Горбеа (*Almagro Gorbea*, 1977). Можно выявить заметное развитие стиля: стелы, на которых изображались только щиты, мечи, копья, боевые колесницы, шлемы, зеркала (Торрехон-дель-Рубио, Испания), постепенно были заменены стелами с изображениями воинов, как, например, в Солане-де-Кабанас (Португалия) или в Сарса-де-Монтанчес (Испания). В последнем случае на шлеме имеется небольшой конический выступ – как на настоящих бронзовых шлемах, которые находят в реках, куда они попадали в качестве жертвенных даров, например, в Сене в Париже (*Mohen*, 1977) (рис. 75). Стелы с изображенными на них иберийскими воинами были найдены и на юге Франции, в Субстансьоне близ Монпелье и в Бюу, департамент Воклюз.

В позднем бронзовом веке на некоторых гончарных изделиях появились также украшения в виде диаграмм, которые считали какими-то посланиями или «пиктограммами». На гончарных изделиях, найденных в Мора-ан-Валлуар в департаменте Дром (Франция), встречаются бордюры с изображениями символических знаков, напоминающих фигуры людей и животных. Там же изображены солнечные знаки, свастика, лебеди и лошади над орнаментом в виде рыбьего скелета, что, вероятно, должно символизировать небесное море. Человеческие фигуры изображены собравшимися в небольшие группы и держащимися за руки. Подобные сюжеты встречаются также на западе центральных районов Франции – на вазах, найденных в Ранконь и Керуа в департаменте Шаранта. Подобные пиктограммы были найдены также в Лангедоке во Франции и за Пиренеями, в частности, в Каталонии. Это свидетельства первых попыток символического письма в атлантических регионах Европы.

Среди предметов, предназначенных для религиозных церемоний, часто встречаются культовые изображения повозок, либо большие, с настоящими бронзовыми колесами, либо миниатюрные, зачастую сделанные из керамики. Среди последних находок такого рода выделяется бронзовое колесо с солнечными символами, выложенными из красной меди, найденное в болоте близ Кулона в департаменте Дё-Севр. Мода на эти культовые повозки сохранялась вплоть до самого начала железного века. На этих повозках могли быть установлены изображения божеств, солнца, а также ритуальные котлы и ведра, или ситулы, которые можно увязать с кульгом воды. Как в регионе Альп (например, в Лак-дю-Бурже), так и на юго-востоке Франции (Шалюсе) иногда встречаются глиняные фигурки с небольшими ритуальными моделями повозок.

В бронзовом веке музыка играла важную роль при отпраздновании религиозных церемоний. В Альпах и Северной Европе обнаружены наскальные рисунки, изображающие процессии. В атлантических районах свидетельства тако-

го рода не встречаются, однако здесь были найдены музыкальные инструменты, относящиеся к той эпохе. В Ирландии были найдены несколько медных труб с боковыми или центральными мундштуками, с помощью которых можно издавать различные ряды звуков. Было высказано предположение, что эти трубы сменили использовавшиеся до этого духовые инструменты, сделанные из рогов животных, в частности быков. В Ирландии также найдены трещотки в виде больших сфер с кольцами, которые частично могли заполняться бронзовыми гранулами или мелкой галькой и издавать звонкие звуки. Коулз (*J. Coles*), изучавший эти инструменты, считает, что трубы в виде рогов и трещотки, напоминавшие гениталии быка, использовались в церемониях, посвященных культу быка, распространенному от Средиземноморья до Северной Европы. Во Франции были найдены трещотки иного типа – в виде колокольчиков и полых цилиндров, к которым прикреплялись бронзовые детали, имеющие форму колец и полумесяцев. «Подвески-трещотки» были известны в регионе Балтики, а также в Уэльсе и Франции; они

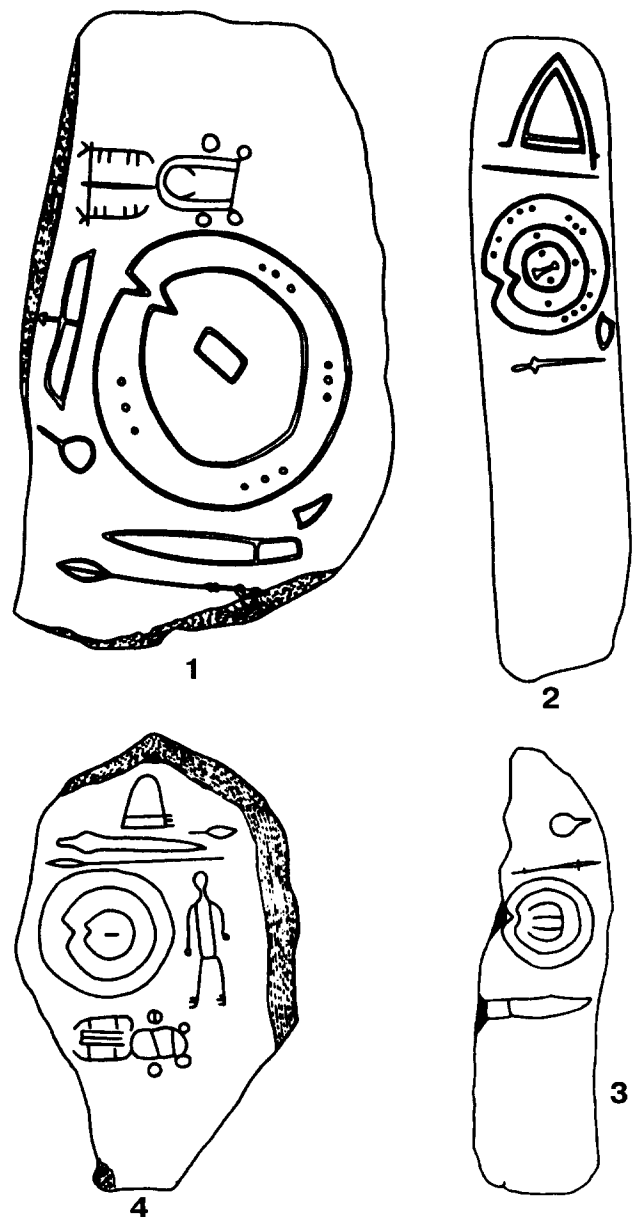

Рис. 75. Стелы воинов из области Эстремадура, Испания: 1 – из Торрехон-дель-Рубио; 2 – из Валенсия-де-Алькантара; 3 – из Арройос; 4 – из Сарса-де-Монтанчес (по *Coffin*, 1985)

представляли собой диски с металлическими пластинами, прикреплявшиеся к церемониальным поясам или к конской упряжи. Они могли выполнять также мифическую роль при обрядах и ритуальных танцах. Многие музыкальные инструменты, сделанные из хрупких материалов, до нас не дошли, как, например, костяные свистки или тростниковые свирели, хотя некоторые их образцы были найдены на территории Польши. На найденные в нескольких местах керамические каркасы можно было натягивать шкуры, и они служили подобием барабанов.

ОКОНЧАНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА В АТЛАНТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ

Расцвет атлантической культуры приходится на период между 800 и 700 гг. до н.э. В этот период развита сеть торговли, основанная, без сомнения, на существовании значительного флота, о чем имеются некоторые свидетельства, обеспечила благосостояние населения региона, система хозяйствования и прежде всего торговля которого базировалась на изготовлении бронзовых изделий и их вывозе. Появление железа вызвало экономический кризис в Западной Европе. Оставшиеся непроданными запасы бронзовых изделий часто пытались использовать для других целей. В Бретани в этот период началось изготовление (причем в больших количествах) топоров с проушинами, сделанных из бронзы с высоким содержанием свинца, а иногда и вовсе из чистого свинца, – своего рода создания «монетной системы» на основе таких топоров. Однако эти топоры были бесполезны по причине низкого качества металла, из-за глубокой проушины и посредственного литья. Выделяются несколько моделей этих топоров: большие топоры, образцы которых были найдены в Треу (департамент Финистер), Дауэ и Пльурьен (департамент Кот-дю-Нор); малый тип топоров представлен изделиями из Мор и Кувилля в Верхней Бретани и Нормандии. Тысячи этих топоров были спрятаны в тайниках, обнаруживаемых в наше время в болотах, куда их могли поместить в знак почтения к божествам. Топоры вывозились на Британские острова, вплоть до их северных частей, в Германию, Нидерланды и Юго-Западную Францию, но не в Испанию, где также должен был образоваться излишек собственной бронзы, из которой изготавливались пальстабы с двумя кольцевыми петлями и топоры с проушинами. Некоторые модели, такие как топоры с поверхностью, обработанной с одной стороны, служили скорее средством обмена, чем настоящими орудиями.

Лонакская коллекция (по кладу, найденному в Лонаке близ Монпелье) изделий, полученных из вторично обработанной бронзы, включающая бронзовые топоры, браслеты и сосуды в виде усеченных конусов, которые также предназначались для обмена, а не для практического использования, представляет собой уникальное явление на юге и юго-западе Франции. Груз бронзовых изделий, в результате кораблекрушения оказавшийся в море у берегов Рошлонга и поднят на поверхность, по всей видимости, свидетельствует о том, что лонакская бронза вывозилась в средиземноморские регионы. Разумеется, хотя бронза и была заменена железом при изготовлении изделий для обычных нужд, она оставалась превосходным материалом для изготовления и торговли ритуальными предметами и украшениями. Не случайно представители культур Восточного Средиземноморья активно стремились к так называемым Касситеридам – «Оловянным островам», разбросанным вдоль побережья от Пиренейского п-ова до Британских островов, и к Бретани. Пункты торговли оловом и бронзой со средиземноморскими купцами сохранились не только в Испании (Тартессос), но даже в устье Луары (Корбило). Эти пункты торговли должны были появиться с конца бронзового века.

Между изделиями, относящимися к железному веку I и традиционному бронзовому веку, наблюдаются многочисленные взаимные влияния. В целом ряде известных мечей с Британских островов, иногда относимых к протогалльскому типу, нельзя с большой уверенностью определить, являются ли они имитацией мечей континентального типа или же прототипом им служили изделия позднего бронзового века, которые затем были восприняты культурами железного века. В Англии этот тип мечей известен как мечи из Эварт-Парка. Британские клады содержат орудия, распространенные в железном веке I, что свидетельствует о продолжении производства в приатлантических регионах в то время. В Бельгии, в Кур-Сент-Этьене (провинция Брабант) в могильнике, относящемся к раннему железному веку I, были найдены железные рукоятки кинжалов с крестовинами и бронзовые топоры с проушинами, которые сохранились от позднего бронзового века (Marien, 1952). Клады, обнаруженные в центральных районах Франции, содержат фибулы железного века I или более поздних периодов. В поселении Венá (департамент Шаранта) последними типами производимых изделий являлись мечи типа «Эварт-Парк», пряжки поясов с украшениями в виде когтей, браслеты с шишечками, а также рукоятка меча с крестовиной, которая, по всей вероятности, скопирована с континентальных моделей. В этом кладе даже было найдено небольшое количество железа.

Подобный феномен наблюдался и на Пиренейском п-ове. Большой клад из Риа-де-Уэльва (*Almagro Basch*, 1958) включает значительное количество мечей с сужающимися клинками классического атлантического типа, мечи с массивными рукоятками балеарского типа, кинжалы, с рукоятками, имеющими вырезы, или шляпками заклепок (загвоздок). Там же найдены двойные кольца, похожие на кольца железного века I, найденные в Лангедоке, а также сдвоенные фибулы того же периода, похожие на те, что были найдены на Кипре и во Франции (клады в Нотр-Дам-д'Ор и Венá). Все эти коллекции датируются примерно 700 г. до н.э. и являются свидетельством сохранения некоторых аспектов культуры атлантического бронзового века в то время, когда первые культуры железного века достигли Восточной Франции и долины Роны.

В заключение можно отметить, что в период между ранней и поздней стадиями бронзового века атлантические регионы Европы развивались быстрыми темпами. В период халколита наблюдалось значительное единообразие в развитии Европы благодаря повсеместно распространенной культуре колоколовидных кубков. Ее распространение не полностью совпадало с миграциями населения, как обычно считалось, скорее оно происходило вследствие обмена идеями и технологическими знаниями. В раннем бронзовом веке развитие культур было весьма неравномерным. В регионах Ла-Манша – в Уэссексе и Бретани – отмечался рост богатства и развивались экономические связи, достигавшие Средиземноморья. Северо-Западная Европа осталась под влиянием традиций культуры колоколовидных кубков и часто получала металл только в виде небольших слитков с побережья Атлантики или из Центральной Европы. Группы культур на Пиренейском п-ове развивались под воздействием эль-аргарской культуры и под влиянием групп, развившихся из нее. В их развитии проявлялась тенденция к поддержанию отношений со Средиземноморьем. Однако было показано, что аргарские клинки для мечей были найдены также и в Юго-Западной Франции и Бретани.

Внешние источники процветания культур раннего бронзового века иссякли в средний бронзовый век. Общества стали приобретать региональный характер с сильно различающимися металлообрабатывающими фациями, однако почти для всех характерно изготовление типичного орудия – пальстабов.

В этот период возрос обмен между группами культур Нидерландов и британскими и приатлантическими группами. Оригинальные культуры полей погребальных урн заняли место первых курганных культур и распространились по всему северо-западу Европы. Пиренейский п-ов в некоторой степени развивался самостоятельно, здесь продолжала развиваться аргарская традиция и не расширился обмен бронзовыми изделиями с северными регионами. В поздний бронзовый век сильное давление со стороны восточных культур полей погребальных урн дестабилизировало атлантический мир, но в то же время, как показывает состав кладов, скорее произошла интенсификация процессов обмена и культурного взаимодействия, чем действительная военная конфронтация. Однако тот период не был и особенно мирным. Укрепленные поселения были весьма многочисленными, и общее беспокойство проявляется в иберийских стелах с их боевыми колесницами и культуром погибших воинов. В данный период творческий потенциал мастеров по бронзе проявился в создании новых украшений и видов оружия на основе идей, заимствованных с востока. Хорошо известные мечи с утонченными к концам клинками являются типичным примером этого процесса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALMAGRO BASCH, M. 1958. Deposito de la Ria de Huelva. Madrid.
- ALMAGRO GORBEA, M. 1977. El Bronce Final y el Periodo Orientalizante en Extra madura. Madrid. (Bibl. praehist. hisp., 14.)
- ANNABLE, F. K.; SIMPSON, D. D. A. 1964. Guide Catalogue of the Neolithic and Bronze Age. Devizes.
- BLANCHET, J. C. 1984. Les premiers métallurgistes en Picardie et dans le Nord de la France. (Mém. Soc. préhist. fr., 17.)
- BLAS CORTINA, M. A. de. 1983. La Prehistoria reciente en Asturias. Oviedo.
- BLOEMERS, J. H. F.; LOUWE KOOIJMANS, L. P.; SARFATIJ, H. 1981. Verleden Land Archeologische opgravingen in Nederland. Amsterdam.
- BRIARD, J. 1984. Les tumulus d'Armorique. Paris. (L'âge du Bronze en France, Vol. 3.)
- 1985. L'âge du bronze en Europe (2000–800 avant J. C.). Paris.
- 1989a. Poterie et civilisations, I: Néolithique de la France. Paris.
- 1989b. Poterie et civilisations, II: Chalcolithique et l'âge du bronze en France. Paris.
- BURGESS, C. 1980. The Age of Stonehenge. London.
- CHILDE, G. 1957. The Dawn of European Civilization. 6th ed. London.
- COFFYN, A. 1985. Le bronze final atlantique dans la Péninsule ibérique. Paris.
- COFFYN, A.; GOMEZ, J.; MOHEN, J. P. 1981. L'apogée du Bronze atlantique. Le dépôt de Vénat. Paris. (L'âge du Bronze en France, Vol. 1.)
- COLES, J. M.; HARDING, A. F. 1979. The Bronze Age in Europe. London.
- ELUERE, C. 1982. Les ors préhistoriques. Paris, Picard. (L'âge du Bronze en France, Vol. 2.)
- FLEMING, A. 1988. The Dartmoor Reaves. London.
- GOMEZ, J. 1980. Les cultures de l'âge du bronze dans le Bassin de la Charente. Périgueux.
- HERITY, M.; EOGAN, G. 1977. Ireland in Prehistory. London.
- LAET, S. J. DE. 1982. La Belgique d'avant les Romains. Wetteren.
- MARIEN, M. E. 1952. Oud Belgie. Anvers.
- MOHEN, J. P. 1977. L'âge du bronze dans la région de Paris. Paris.
- MOHEN, J. P.; BAILLOUD, G. 1987. La vie quotidienne. Paris. (L'âge du Bronze en France, Vol. 4.)
- PAUTREAU, J. P. 1979. Le Chalcolithique et l'âge du Bronze en Poitou. CAEP, Musée de Poitiers.
- ROTENBERG, B.; FREIJEIRO, A. B. 1981. Studies in Ancient Mining and Metallurgy in South-West Spain. London.
- SANGMEISTER, E. 1963. La civilisation du vase campaniforme. In: COLLOQUE ATLANTIQUE, 1., Rennes, Sept. 1961. Les civilisations atlantiques du Néolithique à l'Age du Fer: Actes, pp. 25–55.
- SIRET, L. 1913. Questions de chronologie et d'ethnographie ibérique, Vol. I. Paris.
- SCHUBART, H. 1974a. Zur Gliederung der el Argar-kultur, Studien zur vor- und frühgeschichtlichen Archeologie.
- 1974b. Die Kultur der Bronzezeit im Südwesten der Iberischen Halbinsel. (Madríder Forschungen, 9.)

Хенрик Тране

Территория Северной Европы характеризуется огромным разнообразием рельефа, климата и состава почв, что отразилось как на древних, так и на современных культурах. Представляется удобным выделить на всей этой территории четыре региона:

1. Регион юго-востока Польской низменности (часть Среднеевропейской равнины на территории Польши. – *Прим. ред.*), характерный лессовыми почвами и большим сходством по своим условиям с Чехией и районами, расположенными далее к юго-востоку.

2. Центральный регион, состоящий из Северной Германии и Южной Скандинавии, с достаточно однообразными географическими и культурными условиями, для которого характерно богатство материальной культуры и в котором можно выделить много более мелких подрегионов или территориальных единиц.

3. Регион Центральной Скандинавии от г. Кальмар на юго-востоке до г. Гетеборг на юго-западе и от г. Тронхейм на севере до г. Фалун на востоке, для которого характерна узкая береговая зона с многочисленными островами и глыбоко врезавшимися в побережье норвежскими фьордами, шведским озерным краем, почвы которого пригодны для земледелия, в то время как внутренние районы были бедны такими почвами, вследствие чего по своим условиям напоминают следующий, четвертый регион.

4. Регион северной части Скандинавии с длинным побережьем Норвежского моря и многочисленными реками, текущими в основном на восток, оставался окраиной остальных регионов. Около половины этого региона лежит за Полярным кругом. К северу от Тромсё земледелие невозможно.

Хотя Скандинавия и Северная Германия обладают очень продолжительными культурными традициями, и, разумеется, здесь располагается огромное число древних памятников, на этих территориях постоянно делаются новые открытия. Представляется довольно удобным хронологическое выделение четырех стадий в развитии региона, хотя они и не совпадают с традиционной археологической периодизацией.

Первая стадия, или начальная неолитическая фаза, приходится на период с 2800 по 2200 г. до н.э., в соответствии с данными, полученными на основе радиоуглеродного анализа. В этот период развивались неолитические культуры шнуровой керамики, боевых топоров и одиночных захоронений. Было доказано, что некоторые свидетельства, использовавшиеся для обоснования старой гипотезы о вторжении в регион, являлись ошибочными или недостаточно обоснованными, особенно после того как целый ряд данных, полученных с помощью радиоуглеродного метода, показал, что развитие в регионе было непрерывным, без каких-либо драматических событий, наличие которых предполагалось ранее. Новые черты, прослеживаемые в археологическом материале, которые стали причиной выделения отдельных культур шнуровой керамики и боевых топоров, в настоящее время рассматриваются как результат развития местных культур, чему способствовало, впрочем, и умерен-

ное внешнее влияние. Однако этот вывод не преуменьшает сверхрегиональный характер наиболее характерного новшества того периода – боевых топоров, а также не объясняет причины их столь быстрого распространения.

Вторая стадия, 2200–1500 гг. до н.э., включает в себя культуру колоколовидных кубков, унетицкую и современные ей культуры бронзового века. На севере впервые появляются группы культур, представители которых занимались металлообработкой.

Третья стадия, 1500–1000 гг. до н.э., характеризуется развитием северного аналога центральноевропейских культур курганных погребений и соответствует началу полностью выраженного бронзового века: именно на него приходится ранняя стадия лужицкой культуры (названной по области Лужица (*Lausitz*) в Германии. – *Прим. ред.*) и апогей бронзового века в Северной Европе.

Четвертая стадия, 1000–700 гг. до н.э., совпадает по времени с развитием центральноевропейской культуры полей погребальных урн и с расцветом лужицкой культуры к югу от побережья Балтийского моря; к ней относятся многочисленные и разнообразные находки в Скандинавии.

Выделение более мелких областей в пределах указанных выше регионов является вполне возможным, однако стоит отметить, что, несмотря на существование региональных отличий в каждой из перечисленных стадий, имеется также большой перечень характерных черт, общих для каждого региона и даже соседних. Для всего региона Северной Европы характерно отсутствие месторождений металлов, используемых в эпоху бронзы, вследствие чего этот регион полностью зависел от их поставок с юга.

ПЕРВАЯ СТАДИЯ: 2800–2200 ГГ. ДО Н.Э.

Современные взгляды на историю этих веков радикально отличаются от традиционных пониманий. По найденным боевым топорам и гончарным изделиям можно распознать ряд местных групп и их развитие, и можно убедиться, что внешние культурные импульсы быстро преобразовывались в местные традиции. Остается открытым вопрос, насколько глубоким было влияние новых популяций на местные культуры. Новая однолинейная модель развития допускает наличие связи индоевропейских языков с культурами шнуровой керамики не более, чем с остальными неолитическими культурами. Немногочисленные данные из области физической антропологии на этой стадии свидетельствуют о значительной неоднородности населения, гораздо большей, чем она была среди более древних неолитических популяций. Представляется невозможным выделить антропологический или расовый тип носителей культуры шнуровой керамики на фоне остальных культур.

Центральный регион был уже связан всеедино мегалитическими культурами, на этой территории практиковались повторные погребения в уже существующих мегалитических сооружениях. В то время как труположения были

повсеместными, расположение тел умерших различалось. На северо-западе Германии и в Ютландии обычным было погребение в деревянном гробу, сделанном из выдолбленной колоды или из досок, под насыпанным небольшим холмиком. Иногда под одним холмиком располагалось до десятка погребений, относившихся к разным поколениям, что позволяет получить полезные стратиграфические данные об эволюции материальной культуры, представленной погребальным инвентарем. На северо-востоке Германии, в Польше, Северной Ютландии и на островах в Датских проливах возводились каменные погребальные камеры, в то время как на территории остальной Скандинавии преобладали простые погребения в могильные ямы.

Мужские погребения содержат предметы вооружения, такие как боевые топоры или кремневые рабочие топоры, кремневые сколы (ножи) и янтарные диски. Женские погребения лучше всего распознаются по ниткам янтарных бус или по отсутствию оружия. Скелеты, как правило, очень плохо сохранились, и это затрудняет определение их возраста и пола. В погребения, ориентированные с востока на запад, обычно помещали одно тело в согнутом положении на боку, мужчин головой на запад, женщин – на восток. Со временем весьма распространенной стала вытянутая поза. Необычные медные украшения в виде брелков, которые находят в некоторых погребениях на территории Швеции, свидетельствуют о продолжавшихся контактах с континентом. Кремневые наконечники стрел, найденные в ряде погребений, возможно, говорят о причине смерти.

Было высказано предположение, что освоение песчаных почв обусловило появление новой культуры. Избыток населения мог быть одной из причин начала этого освоения. В процессе взаимодействия с прежними поселениями новый обычай распространился по всей территории мегалитической культуры, получив при этом местную окраску.

В Швеции и на юго-востоке Норвегии боевые топоры и гончарные изделия не были похожи на южнскандинавские и северогерманские. Местные ладьевидные топоры отражают долгий и сложный процесс развития стиля, который, по всей видимости, зародился в Южной Швеции, а затем распространился на север, северо-запад и северо-восток. Керамика, однако, не встречается вместе с боевыми топорами, также с ними не соотносится и погребальный ритуал. Известно о 253-х погребениях в Швеции и шести в Норвегии, все они без курганов. Таким образом, северные регионы, вероятно, не претерпели радикальных изменений в своей материальной и духовной культуре в тот период.

Наиболее интересным типом топора является боевой топор, сделанный из твердого камня; в Дании и земле Шлезвиг-Гольштейн их было найдено около 3500, в Швеции – 2450 и около 160 – в Норвегии. Самый ранний «пан-европейский» тип топора сравним с топорами из металла, однако в Северной Европе они не встречаются. Очевидно, что более поздние типы развились на основе этих древних топоров, и эта традиция сохранялась на протяжении нескольких веков до конца бронзового века. Хотя многие топоры, без всякого сомнения, должны были быть весьма эффективны в бою, их проушины невелики (около 2 см в диаметре), поэтому рукоятки были слишком тонкими. Известны также «боевые топоры» из мягкого камня, что, видимо, свидетельствует о постепенном превращении этих орудий из практических в символические. Если боевые топоры служили признаком власти военных вождей или аристократии, то это означает, что их власть была достаточно ограниченной, поскольку топоров было очень много. В то же время нет никаких сомнений в том, что кремневые топоры, которые находят в погребениях и кладах, служили для практических целей. Их изготовление продолжало долгую традицию, и эти топоры были незаменимы для повседневной работы. В погребениях довольно редко встречаются наконечники стрел, хотя отдельные

случаи имеются во всех культурах региона; их отсутствие, по всей видимости, служит скорее показателем того, что считалось подходящим, а что нет для помещения рядом с усопшим. В кладах встречаются кремневые топоры, долота и наконечники копий, а также заготовки для них; их находят главным образом на севере и востоке Дании и в более северных районах, вне зон захоронений. Отдельные боевые топоры, кремневые топоры и палицы, а также горшки помещали, вероятно, в качестве культовых подношений у источников воды или у больших валунов.

В Северной Швеции, на берегах Ботнического залива, главным образом на плоскогорье Норланд, была обнаружена впечатляющая группа кладов, состоящая примерно из 260 топоров, сделанных из южнскандинавского (датского) кремня. Считается, что они принадлежали шведской культуре ладьевидных топоров и современным ей культурным группам прибрежных охотников (культура ямочно-гребенчатой керамики) и отражали глубокое проникновение южнскандинавских изделий на север. Вопрос о том, в какой мере этот вывод приложим к проникновению других элементов духовной и материальной культуры, остается без ответа. Переход от использования простого кварца к кварциту в качестве материала для изготовления орудий приходится на первую и вторую стадии. Группы, жившие во внутренних районах вдоль рек, по всей вероятности, проводили лето и осень у подножий гор, а зиму и весну в лесах, используя различные типы жилищ и охотничьих и производственных лагерей для общностей из одной или двух семей. Похожая социальная система, по-видимому, существовала и в Северной Норвегии, однако там зимние поселения строились на морском побережье, и от них остались многочисленные следы в виде сосредоточенных хижин, которые можно сравнительно легко обнаружить благодаря хорошей сохранности мусорных ям и торфяных стен в условиях холодного климата. Из местных сланцев здесь изготавливались наконечники стрел и копий, скребки и даже рыболовные крючки. Вероятно, летние месяцы жители проводили во внутренних районах, основных лесах вдоль рек, таких как Луле и Альта, где они охотились на лосей (или оленей) и ловили форель и лосося. Люди могли кочевать по территории в зависимости от времени года, как это делают саами (лапландцы) даже в наши дни. Очевидно, не существовало культурных различий между охотничьими племенами, жившими на обеих сторонах возвышенности Манселья в Норвегии и Финляндии. Не имея достаточных результатов радиоуглеродного анализа, трудно датировать постепенный процесс развития данных обществ. Этому мешает также примитивность большинства найденных каменных орудий и отсутствие в поселениях хорошо датированных изделий из Южной Скандинавии.

О поселениях культуры шнуrowой керамики известно немного. По всей видимости, они были небольшими и оставили после себя мало материалов, кроме бракованных изделий из кремня, скребков, наконечников стрел, зернотерок и черешков гончарных изделий. Обычно поселения располагались в тех местах, где раньше жили представители других неолитических культур, что, по-видимому, отражает одинаковость способов добывания средств существования. Небольшие размеры поселений свидетельствуют о том, что они носили временный характер и были предназначены для обитателей, которые вели кочевой образ жизни.

Было исследовано несколько жилищ того периода. Одно из них представляет собой небольшой прямоугольный дом площадью 5 x 6 кв. м полуземляночного типа со следами столбов, поддерживающих стены. Эти следы были обнаружены во время широкомащитных раскопок в Форбассе, в ходе которых было установлено, что ближайшее жилье (вероятно, также одиночный дом) находилось на расстоянии 300 м. О том, как добывались средства пропитания, известно

немного. Кости животных встречаются редко, но найденные свидетельствуют о преобладании крупного рогатого скота над мелким. Виды зерновых культур в основном известны по выдавленным отпечаткам на гончарных изделиях; по-видимому, основной из них являлся ячмень, встречаются также следы пшеницы и проса, яблوك, черносливы и жемудей. Некоторые курганы возводились над уже распаханной почвой, и эти участки не могут быть намного старше, чем сами курганы. Основные характеристики борозд, прорезанных плугом, не отличаются от аналогичных следов, оставленных в период развития мегалитической культуры или в бронзовом веке, поэтому, вероятно, возделывание земли осуществлялось тем же древним способом, хотя уже и на очень легких почвах. Достоверных свидетельств об использовании лошади в качестве тяглового или верхового животного за пределами Восточной Польши не имеется. Найденные сплошные колеса указывают на применение повозок, в которые запрягались быки.

Гончарные изделия включали в основном сосуды с ручками, применявшиеся для жидкостей, однако известно и о больших сосудах для хранения продуктов. Исключительно редкие условия хранения позволяли случайно сохраняться деревянным чашам или берестяным сосудам (например, в погребальном сооружении из камня и дерева в Кобберупе в Центральной Ютландии).

В районе Гданьского залива была исследована местная ржучевская (*Rzucewo*) культурная группа, представители которой специализировались на добыче морских ресурсов. Они охотились на тюленей, морских свинок (род дельфинов), китов, диких гусей и лебедей, ловили рыбу. Кроме того, в окрестных лесах они охотились на зубра, бурого медведя, рысь, разные виды оленей, волков и кабанов. Однако этот образ жизни не был чисто мезолитическим, так как у представителей данной культуры были такие домашние животные, как свиньи, крупный рогатый скот, лошади и собаки; они также возделывали пшеницу и ячмень. Поселения располагались на террасах вдоль берега, прямоугольные в плане дома имели столбовую конструкцию. Артефакты свидетельствуют о наличии определенной специализации. Гарпуны из рогов животных и различные виды долот, сделанных из кости, являются особенно важными находками такого рода. Также весьма характерными являются янтарные бусы и керамика, напоминающая керамику северных районов. Умерших иногда хоронили внутри жилищ.

Эта прибрежная культура имеет свой скандинавский эквивалент – культуру ямочно-гребенчатой керамики, многочисленные следы которой, включая остатки довольно значительных поселений, встречаются на побережье Дании и Швеции. До сих пор остается загадкой, является ли данная культура прибрежной адаптацией современной ей культуры различных групп населения внутренних районов или же ее представители имели другое происхождение, от этнических групп, процветавших благодаря рыболовству и торговле. Еще одна культурная группа занимала большую часть внутренних районов Польши впис от верховьев Одры (Одера) и к западу до восточных частей Германии. Топоры, сделанные из серпентина (минерала подкласса слоистых силикатов), который добывали в районе Собитки, вывозились далеко от места добычи.

ВТОРАЯ СТАДИЯ: 2200–1500 ГГ. ДО Н.Э.

Короткая переходная стадия в регионе представлена так называемой культурой колоколовидных кубков, которая названа по характерной форме сосудов, во многом напоминающих кубки культуры шнуровой керамики. В этот период в захоронениях в дополнение к кубкам появляются металлические изделия. В основном это были клинки небольших кинжалов с рукоятками из органиче-

ских материалов и некоторые украшения, в том числе янтарные бусы. Луки и стрелы стали часто встречаться в мужских погребениях. Кремень оставался наиболее предпочтительным материалом для изготовления наконечников стрел на протяжении всего бронзового века. Единственным исключением на этом фоне является лужицкая культура, в которой бронзовые наконечники стрел стали применяться примерно с 1000 г. до н.э.

Характерная для керамики культуры колоколовидных кубков традиция с орнаментами в виде поясков была распространена вплоть до юго-запада Норвегии (поселение Огна). Следует отметить, что на севере Европы не было найдено ни одного настоящего колоколовидного кубка западного или южного происхождения. Однако знания о характерных чертах данного стиля могли быть получены на местном уровне, вследствие чего керамика такого стиля могла быть изготовлена в Ютландии и Норвегии. В то время как фаза культуры колоколовидных кубков в Нидерландах и на северо-западе Германии была связана с развитием местной металлообработки, представляется сомнительным, что эта культура способствовала появлению металлического производства в более северных районах. Однако именно благодаря данной культуре с запада (в Польше – с юга, из Богемии) в регион пришла мода на кинжалы. Как бы то ни было, честь введения металлургии на севере Европы должна принадлежать унетичкой культуре. Топоры первого типа, отлитые на юге Скандинавии, копировали унетичские топоры, хотя и с добавлением некоторых западных черт. Настоящие топоры с запада очень редко встречаются в Скандинавии, поэтому унетичское влияние несомненно. Наибольшее влияние в ту эпоху оказывала унетичкая культура юго-востока Германии, а также курганная культура ее северо-западных районов. Под их прямым воздействием и началось развитие века металла в Скандинавии.

Время с 2200 по 1500 г. до н.э. характерно постепенным распространением металлургии и знаний о технологии литья несложных предметов по всей территории Северной Европы. Кинжалы и медные топоры новых форм, которые в принципе выглядели как древние неолитические топоры, характеризуют начало новой эры. Кинжалы дали название данному периоду в истории Скандинавии. Они не были медными, это были кремневые имитации металлических изделий; они часто встречаются в мужских погребениях (ранее в них находили боевые топоры). Производство тонких широких кинжальных клинков привело к появлению новой технологии получения заготовок из кремня – путем выдавливания. Вероятно, такая технология появилась здесь с запада, где подобные небольшие простые кинжалы начали изготавливаться немного раньше. Однако улучшение данной технологии могло иметь место и в Южной Скандинавии.

На севере Балтики гончарные изделия и погребальные приношения соответствовали неолитической традиции. Большие курганы, покрывающие деревянные погребальные камеры с одиночными захоронениями, стали возводить к югу от побережья Балтийского моря. Их погребальный инвентарь по своему исключительно богатству превосходил все ранее известные примеры. Находки в данных погребениях стали наиболее ярким проявлением унетичкой медно-бронзовой культуры на территории Польши и Германии (районы Силезии и Саксонии). Был исследован большой курган IV в Леки-Мале размерами 5 м x 24 м, возведенный над глубокой камерой, выложенной деревянными бревнами и покрытой сверху пирамидой из камней. Наряду со скелетом там были найдены горшки, бронзовый кинжал, топор, алебарда, браслеты и две золотые серьги. Вторичное погребение также содержало мужской погребальный комплекс, немногим менее богатый. В других курганах в Леки-Мале были найдены повторные погребения. Большие курганы не были равномерно распределены по

всей территории распространения унетицкой культуры. Они сгруппированы в весьма ограниченном районе вокруг современного Вроцлава.

В обычных плоскостных захоронениях обнаружены скорченные скелеты, ориентированные с севера на юг. В Силезии также встречаются погребения камерного типа из крупных валунов или деревянных конструкций. Здесь различия между обычными захоронениями и курганными состоят в том, что в последние помещали многочисленные золотые и бронзовые изделия; и эти различия отражают еще одно новое явление – возникновение и развитие социальной иерархии. Этому предшествовало накопление завозимого металла и изделий из него в руках привилегированной группы, которая начала распоряжаться этими богатствами. Помимо погребений в регионе найдены клады с кинжалами, топорами, алебардами, браслетами и шейными гривнами. Клады зачастую повторяют состав погребального инвентаря. Для данной стадии характерно начало массового ввоза металлов в северные районы. В результате Южная Скандинавия оказалась включенной в почти всеевропейское сообщество, широко использовавшее металл для практических и символических целей.

К северу от Балтийского моря погребения и клады гораздо беднее, и лишь на протяжении жизни многих поколений здесь укоренилась общеевропейская тенденция. Поэтому металлические изделия появились в погребениях только к самому концу второй стадии, а до того металл обычно прятался в кладах.

В Южной Польше и соседних частях Германии устройство кладов практиковалось гораздо дольше, чем на территории распространения унетицкой культуры. В кладах преобладали топоры, что соответствовало продолжению неолитической традиции. Только ближе к окончанию второй стадии появились в больших количествах погребения с бронзовым оружием, украшениями и деталями одежды, особенно много их было на северо-западе Германии, в районе распространения группы культуры зёгель-вольде (*Sögel-Wohldede*). Эта группа являлась ответвлением южногерманской курганной культуры, однако имела свои явно выраженные местные особенности, которые сохранялись на протяжении веков. По всей видимости, частично благодаря влиянию этой культурной группы первоначальная фаза бронзового века в Скандинавии получила специфически местную окраску. Более восточные культурные течения через территорию распространения унетицкой культуры и Балтийское побережье также оказали влияние на становление местного стиля орнаментации, представляющей собой имитацию криволинейных и геометрических орнаментов юго-востока Европы.

Первыми металлическими изделиями в Скандинавии были почти исключительно топоры с закраинами такого типа, в котором сочетались особенности унетицких и западноевропейских (британских) топоров. Количество завезенных топоров невелико по сравнению с изделиями, произведенными на месте. Местные топоры встречаются вплоть до 68° 40' северной широты. Новые типы металлических изделий появлялись постепенно и со временем заменили в погребениях широко распространенные кремневые кинжалы. На протяжении жизни нескольких поколений кремневые кинжалы и каменные боевые топоры продолжали играть свою традиционную роль. На юге Балтики отказ от старой традиции шнуровой керамики происходил еще медленнее, а на северо-востоке Польши эта традиция даже перешла в следующую из рассматриваемых нами стадий. Традиции шнуровой керамики везде сопровождал унетицкий погребальный обряд, при котором тела умерших располагали в скорченном положении, по направлению север – юг, с различными позами в мужских и женских погребениях. Появление курганных погребений и трупосожжений (в Польше), а также погребений с выг-

нутым труположением на западе отражало распространение влияния южных курганных культур.

В Скандинавии и земле Шлезвиг-Гольштейн наиболее характерным типом оружия являлся кремневый кинжал, изготовлявшийся на протяжении почти тысячи лет. Число найденных кинжалов на сегодня составляет почти 20 тысяч. Большая их часть из Южной Швеции и Дании, однако они были найдены и на территории от Северной Германии до Нидерландов, в Польше и далее к югу до Словакии; северный предел их распространения – Полярный круг. Самые большие кинжалы достигают 40 см в длину. При погребении они тщательно восстанавливались до тех пор пока от них не оставалась только рукоять. Первоначальный тип кинжала с лезвием в виде листа, вероятно, имел рукоять из органических материалов, как, например, кинжал с ножами, найденный близ Випенкатхена на северо-западе Германии. Большинство кинжалов были предназначены для размещения в погребениях, и только очень незначительное их количество было обнаружено на территории погребений. В традиционный погребальный инвентарь включались лишь немногие предметы, дополняющие кинжалы. В погребениях они заменили топоры с проушинами, характерные для предшествующего периода, что указывает на активное восприятие новшеств.

Материал для самых больших кинжалов добывался из слоев кремня хорошего качества на севере Дании, однако на местах он иногда заменялся кремнем, вырубаемым из скал на восточном побережье Дании. Все кинжалы, найденные за пределами Южной Скандинавии, были импортированы оттуда. В Польше кремень из местного источника использовался для изготовления особого (стржижовского) типа кинжалов, однако на юге Балтики бронзовые кинжалы уже стали более доступными, по крайней мере для элиты. Аналогичная технология применялась при изготовлении кремневых серпов, которые встречаются гораздо реже, однако в основном в районах их распространения совпадают с районами распространения кинжалов. Эти серпы служили заменой соответствующих металлических изделий. И кинжалы, и серпы помимо своего прямого назначения могли служить для высекания огня.

Для севера Скандинавии на данной стадии, как и во всем бронзовом веке, характерны керамика с добавкой асбеста, орудия и наконечники стрел из сланца и, прежде всего, ножи с одной режущей кромкой. Керамика с отщипками тканей на поверхности является еще одним доказательством связей севера с восточными районами. Основной пищей служила рыба, ее кости составляют 96% от всех животных останков, обнаруженных на территории поселений. Жилища прямоугольной в плане формы с утопленными ниже уровня земли полами защищали от холодов в условиях местного климата.

Погребальный обряд и примитивная керамика отражали продолжающуюся неолитическую традицию. Труположение было повсеместным, однако теперь жители Скандинавии помещали тела в вытянутом положении, как поступали со своими умершими вождями представители унетицкой культуры, возводившие над их захоронениями самые большие курганы. Для индивидуальных погребений умерших продолжали использоваться гробы, выдолбленные из колоды дерева, которые часто помещались в мегалитические сооружения. Каменные погребальные камеры стали обширнее, в них проделывался специальный проход, облегчавший их повторное использование. Курганы возводились как над каменными, так и над деревянными (из дуба) гробами.

Поселения на юге Скандинавии стали появляться начиная с периода влияния культуры колоколовидных кубков. Начали появляться ориентированные по направлению восток – запад длинные жилища с полом на уровне земли или с утопленным полом, с одним рядом столбов вдоль оси дома. Их ширина достигала 6,5–8,5 м, а длина дохо-

дила до 44 м, хотя известны и дома небольших размеров – 5 м x 18 м. Здесь были найдены остатки домов разных размеров (в указанных пределах), пол которых был ниже уровня земли на 40 см. В Скандинавии при размещении поселений предпочтение отдавалось прибрежным участкам – даже в Дании и Южной Швеции, где земли во внутренних районах были так же пригодны для земледелия, как и почвы на побережье. Эта тенденция явно обозначилась на второй стадии и продолжилась в железном веке. Потребность в доступе к информации, технологическим новациям, изделиям и идеям из дальних регионов обусловила тягу к побережьям.

Золотые кинжалы, найденные в районе Святково и Иновроцлава близ Вислы, очевидно, являлись аналогами золотых топоров из Дискау в Саксонии и были одинаково бесполезны для практических нужд. Представители групп курганной культуры с их богатыми погребениями и соседствующими с ними кладами по неизвестным нам причинам начали концентрировать материальные ценности и хранить их в земле в таких масштабах, как никто другой. В какой мере это явление отражает процессы политического или экономического развития, исследовано недостаточно.

Использование золота не только для браслетов и других украшений, но также для изготовления предметов вооружения показывает, что этим предметам стали придавать и практическое, и символическое значение, – может быть, в качестве символов политической или религиозной власти. То же можно сказать и о бронзовых изделиях.

Обладание металлами – бронзой и золотом – давало новую и уникальную возможность выразить статус и престижное положение владельца вследствие ограниченной доступности и трудоемкости, связанной с их добычей и обработкой в сравнении со старыми каменными и кремневыми ресурсами. Таким образом, статус личности и связанные с ним символы начали проявляться в металле, и эта особенность характерна для следующего бронзового и раннего железного веков.

Некоторые скелеты в могилах, относящихся к культуре кинжалов в Дании, сохранились достаточно хорошо, поэтому появилась возможность провести антропологические исследования. Выяснилось, что люди обладали плотным телосложением, длинными конечностями и крепкими костями. Средний рост мужчин составлял 176,7 см, женщин – 162,5 см, т.е. был примерно такой же, как и у людей III и IV вв. н.э. и даже более поздних эпох. Черепа были короче, выше и более округлые, чем у людей железного века в Дании. У нас нет оснований считать, что эти скелеты относятся к какой-либо другой группе населения.

Социальные причины должны были быть движущей силой, обусловившей распространение культуры эпохи металлов на территории Скандинавии, лишенной пригодных для эксплуатации месторождений. Обладание металлом немедленно разделило мир на две части. Кремневые топоры и кинжалы у ряда южноскандинавских групп, лишенных доступа к металлам, вероятно, имели такую же ценность, как и металлические изделия у их более удачливых соседей на юге.

ТРЕТЬЯ СТАДИЯ: 1500–1000 ГГ. ДО Н.Э.

Около 1600 г. до н.э. на территории Южной Скандинавии металла стало настолько много, что это время можно принимать за полное наступление бронзового века. Это, однако, не означает, что каждый владел бронзовыми изделиями или что в каждом погребении они были; это значит, что типов металлических изделий стало так много, что даже обычные предметы, такие как иголки, серпы, пугови-

цы и рыболовные крючки, не говоря уже об украшениях, оружии и предметах культового назначения, таких как бритвы и символические изображения солнца, стали делаться из бронзы. Никто не знает, сколько бронзы было зарыто в землю, но только в земле Шлезвиг-Гольштейн на территории в 9435 кв. км было найдено около 2 тыс. бронзовых и 250 золотых предметов, относящихся к периоду 1600–1050 гг. до н.э. Вероятно, такое же, если не большее количество предметов было уничтожено, прежде чем 180 лет назад не появились первые музеи.

Для третьей стадии характерно преобладание северных вариантов курганных культур. На территории Польши, в Померании, были сконцентрированы значительные культурные группы, ориентированные на запад и на север, в направлении Скандинавии; другая группа, в Силезии, – ориентировалась на юг. Весьма легко распознаются местные типы изделий, такие как оси длиной до 63 см и спиральные левидные браслеты.

По-видимому, развитие новых типов изделий и стилей на территории Южной Скандинавии протекало далеко не равномерно. Иногда западные районы развивались быстрее восточных, затем – наоборот. Следует принять во внимание, что даже на таких географически единых и небольших территориях, как Дания или Северо-Западная Германия, региональные различия играли заметную роль в развитии местных культур. Местные черты со всей очевидностью представлены в продолжении таких традиций, как погребальный обряд: сохранялись погребения в гробу, выдолбленном в дубовой колоде, в каменных погребальных камерах (север Ютландии); сохранялось положение тела умершего. Гончарные изделия и технология изготовления изделий из кремневых отщепов и на третьей стадии оставались довольно единообразными.

Одной из примечательных тенденций на данной и последующей стадиях стала возможность археологического изучения индивидуальных особенностей погребений. Разумеется, индивидуальные погребения были известны начиная с культур каменного века, однако только начиная с культур шнуровой керамики осталось достаточное количество погребений, чтобы их можно было исследовать с применением статистических методов. На протяжении всего бронзового века погребальный инвентарь, сопровождающий захоронения, оставался стереотипным, однако становился более разнообразным. Стандартный набор, помещаемый в погребение, продолжает встречаться часто, однако в этот период появилось и удивительно много погребений с нестандартным инвентарем. То же повторилось и в погребальном обряде – теперь чуть ли не каждый второй курган имеет свои характерные особенности. На фоне однообразных гончарных изделий, предметов из кремня и построек данные индивидуальные особенности не могут не бросаться в глаза.

Ни от одного периода не осталось такой массы погребений, в которых положение и сочетание широкого ряда предметов, украшений, оружия и орудий были бы исследованы в месте локализации объекта. Это дало возможность изучить местные вариации предметов вооружения, стилей одежды и украшений. Стандартный набор предметов в мужских погребениях включал меч (или кинжал), топор, бритву, пряжку или двойную застежку для пояса; в женских погребениях обычно присутствуют шейные гривны, браслеты, гребни и диски от пояса (иногда также и кинжалы). Исключительно благоприятные условия хранения в погребениях под торфяными курганами в Ютландии позволили донести до нашего времени первые полные комплекты европейской одежды. За исключением детской одежды, сохранился ряд предметов повседневной одежды. Мужчины носили длинные рубахи до колен, короткие плащи и круглые или цилиндрические шапки. Женщины носили блузы с короткими рукавами и короткие или длинные, похожие на пледы юбки. Было высказано предполо-

жение, что короткие юбки относились к одежде замужних женщин, тогда как незамужние носили длинные юбки. В погребении на девушке из Эгтведа (в возрасте от 16–18 лет) надета короткая юбка, у нее недлинные волосы. На голове у женщины (около 18 лет) из погребения в Скридструпе – сложная прическа с сеткой для волос, на ней надета длинная юбка. К сожалению, отсутствие остеологического материала, относящегося к тому периоду и пригодного для антропологических исследований, препятствует дальнейшему изучению этой проблемы.

В трех мужских погребениях были найдены мелкие частицы гематита, от которых отскабливался порошок, чтобы, вероятно, окрашивать лица умерших в красный цвет. В XII и XI вв. до н.э. в мужских погребениях регулярно встречались массивные крученые золотые браслеты, которые могли быть признаком высокого или особого положения этих людей в среде своих соплеменников. Предметами такого рода могут быть также особо украшенные топоры, бронзовые или деревянные чаши, тележки-котлы, складные стулья и золотые диски. Примерами подобных погребений являются захоронения в Пеккателе и Скаллерупе с тележками-котлами; захоронения с золотыми дисками; вероятно, захоронение колдуна в Хвидегарде, в котором были найдены особая длинная одежда с капюшоном и мешок с кусочками янтаря, окаменелостями, останками животных и т.д.

Самым знаменитым погребальным монументом бронзового века на севере Европы является курган Кивик с погребальной камерой, покрытой гигантской каменной пирамидой (75 м в диаметре). Плиты погребальной камеры изнутри украшены резными изображениями. Они весьма похожи на изображения в саркофаге Агия-Трида на Кипре. Вероятно, подобные изображения могли быть иллюстрациями к религиозным обрядам, в которых при жизни участвовал (или которое проводил) умерший человек. В самом погребении от древнего разграбления остались лишь маленькие фрагменты бронзового меча и чаша. На знаменитой каменной плите изображена двухколесная колесница с впряженными в повозку с укреленным на ней бронзовым диском, позолоченным с одной стороны и украшенным спиральным орнаментом. Эта солнечная колесница отразила поклонение Солнцу как великой силе, обеспечивающей плодородие, и представляла лица дня и ночи. В другой сцене изображены огромные культовые топоры, которые парами находились в кладах; клады продолжали устраивать и на следующей стадии.

Число курганов резко возросло; частично это можно объяснить обилием находимых в них металлических предметов, которое позволяет датировать погребения гораздо более узкими рамками, чем раньше. Именно на этот период приходится кульминация возведения курганов. Курганы средних размеров (2 м x 20 м) часто расширяли для новых захоронений; иногда большие курганы возводились всего лишь над одним индивидуальным погребением. Такие «суперкурганы» встречаются по обеим сторонам Балтики. Особые захоронения в таких или других курганах, вероятно, отражали появление нового социального класса, позиция которого в обществе подчеркивалась монументальными курганами с богатым инвентарем. Эти преемники гигантских унегичских курганов стали встречаться чаще, что, вероятно, отражало широкое распространение нового социального порядка.

В Скандинавии, однако, не было столь огромного разрыва между верхами и низами общества, как на терри-

тории распространения унегичской культуры. Здесь больше погребений с богатым инвентарем, они распространены равномернее, и переход от самых богатых погребений к средним выражен не так резко. Однако стоит помнить, что довольно значительное количество погребений, в которых нет металлических предметов, могло быть утеряно под курганами, но некоторые из них курганов не имели. До сих пор остается открытым вопрос о том, относятся ли известные на данный момент погребения к единой популяции. Детские погребения здесь представлены явно недостаточно, поэтому крайне маловероятно, что даже при самом вольном подсчете численности населения, основанном на числе известных погребений (50 тысяч в Дании), население было достаточно большим, чтобы соответствовать тому обществу, которое можно определить по количеству могил.

При возведении курганов значительное количество пригодной для обработки земли выводилось из обращения, так как для среднего по размерам кургана требовалось срезать дерн с 2–4 гектаров. В Центральной и Северной Скандинавии этой проблемы не было. Здесь курганы в виде пирамид сооружались из многочисленных валунов, оставленных внутренним ледником после таяния. Они в больших количествах лежали на побережьях Южной Норвегии и Швеции вокруг Ботнического залива. Пирамиды из них являются единственным материальным свидетельством, позволяющим соотносить их с эпохой бронзы в Южной Скандинавии. В Швеции число этих пирамид из камней достигает 3 тысяч, что говорит о серьезности культурного воздействия, однако металлические изделия в этих погребениях встречаются крайне редко. Пирамиды так часто возводились в районе мысов на побережье, что могли служить в качестве указателей для мореплавателей или для территориальных разметок.

Планировки домов данного периода настолько многочисленны, что можно выявить определенные стандарты. Встречаются небольшие странные дома овальной формы размерами 3 м x 6,5 м или 4 м x 8 м со стенами, которые поддерживались столбами, или со стенами из торфа, а также большие длинные дома полностью «столбовой» конструкции на юге Ютландии. У большинства домов пол находился на уровне земли, но иногда встречаются и жилища с утопленным полом. Размеры этих больших домов варьируются от 6,2 м x 17,5 м до 9,5 м x 25,5 м. Два ряда внутренних столбов поддерживали крышу и стены из досок или плетня (может быть, обмазанные глиной). Их углы были закруглены, сами они ориентированы по направлению восток – запад. Вряд ли случайно, что курган в Траппендале был возведен над местом сгоревшего дома с погребением в центре. Ориентированный по направлению восток – запад длинный дом, состоявший из трех продольных проходов, со стенами различных конструкций, но всегда построенных из деревянных столбов, был характерен для северо-запада Германии, Нидерландов и Южной Скандинавии на протяжении следующих почти 3 тыс. лет. В Восточной Германии и Польше дома были прямоугольными, почти квадратными, также со стеновыми столбами, но и с крышей особой конструкции.

Наскальные резные изображения являются уникальными свидетельствами той эпохи. Весьма необычным обстоятельством является то, что они, за редкими исключениями (Кивик, Сагахольм и, возможно, Рете), не были связаны с погребениями. Наскальные изображения включают такие предметы, как топоры, копья и плащи в натуральную величину; изображены также сцены борьбы, женитьбы, процессии и вспашка земли; иногда встречаются изображения рук или ног, но чаще всего изображаются круги различных размеров и лодки. Изображения вырезались на гладкой скальной поверхности вблизи уровня земли, иногда они встречаются также на крутых склонах и на стенах пещер. Следы различной деятельности на этих высечен-

ных изображениях встречаются редко, и они мало информативны. Наскальные рисунки встречаются главным образом на северо-востоке региона. В Нёмфорсене (Норрланд) находится крупнейшее в Скандинавии собрание наскальных изображений (около 1400), это, видимо, говорит о том, что здесь находился религиозный и общественный центр. На изображениях южные сюжеты сочетаются с местными. Резные изображения появляются иногда на камнях, расколотых с применением огня и сложенных в пирамиды, из расположенных поблизости поселений; эти камни, видимо, заменяли здесь более северные скальные поверхности.

Интересной параллелью со шведскими наскальными изображениями, а также индоевропейской литературой, являются тройные борозды, прорезанные с помощью плуга, которые обозначали границы могильника в Борнхольме. Пахота была не только необходимым видом работ при обработке почв и севе, но также имела сильное религиозно-культурное значение, которое долго сохранялось в народной культуре на севере, а также и в Индии и других местах (см.: «Илиада», XIII).

Обычные методы пахоты были исследованы на примере борозд, оставшихся под курганами бронзового века. На о. Зеландия небольшие поля размером от 300 до 1000 кв. м, окруженные каменными изгородями, отнесены с помощью радиоуглеродного анализа к 1200 г. до н.э. и позднее. В других местах небольшие поля, огороженные деревянными изгородями, просто не могли оставить следов на поверхности, они встречаются только при раскопках курганов. Таким образом, известно, что поля существовали в Дании, на Скандинавском п-ове и в Северной Германии, однако это не говорит о том, что их не было на всей территории региона. В Северной Скандинавии следы земледелия, выявленные с помощью анализа пыльцы и радиоуглеродного анализа, относят к периоду с 1800 по 500 г. до н.э.

В Южной и Западной Норвегии существовала прямая связь между районами с пригодной для земледелия почвой вдоль побережья, применением металла в бронзовом веке и местами, где находятся памятники с наскальными изображениями, однако следует отметить, что большая часть пахотных земель была освоена уже на предыдущей стадии. Во внутренних и горных районах о связях местного населения говорят находки бронзовых изделий и форм для литья. Как бы то ни было, охотники и собиратели на высокогорьях никогда не смогли достичь уровня культуры, характерного для настоящего бронзового века. Их культура так и оставалась культурой каменного века до тех пор, пока железо не заменило местные кварцы и аспидные сланцы в качестве материала для изготовления орудий труда и предметов вооружения. В бронзовом веке со всей очевидностью выявилась явная дихотомия в доисторическом периоде Скандинавии, когда стал очевидным контраст между богатыми металлом югом и центром и бедными ресурсами севером.

Изделия из Южной Скандинавии и даже из Центральной Европы завозились и в Финляндию. Находки на самом севере Лапландии показывают, как остро нуждались в металле местные охотники. Было высказано предположение, что металлические изделия обменивались на меха.

Даже наскальные резные и рисованные изображения севера Скандинавии отличаются от южных. На них изображены дикие животные – добыча охотников; эти рисунки, по-видимому, продолжали традицию магических ритуальных изображений на стенах пещер времен палеолита, в то время как на резных изображениях, относящихся ко второй и третьей стадиям, собственно к эпохе бронзы, преобладают сюжеты из мира земледельцев и мореплавателей. Фигура лошади, отлитая из бронзы, являющаяся частью культовой солнечной повозки из Трундхольма, а также похожая пара лошадей со Скандинавского п-ова являются не только самыми крупными образцами скульпту-

ры северного бронзового века, но и самыми древними изображениями лошади. Видимо, это не случайность, а отражение сильного влияния одомашнивания лошади на культ северных народов. На следующей стадии лошадь все еще оставалась важным культовым животным, что выражалось в изображениях конской головы на носках судов, бритвах и золотых чашах.

Плоская круглая поверхность украшений для одежды была идеальной для спиральных орнаментов; этот иноземный стилизованный элемент полностью преобладал с 1500 по 1300 г. до н.э. в Скандинавии и Северной Германии, после чего его сменил более простой орнамент из концентрических кругов, возможно, в результате других внешних влияний.

Около 1300 г. до н.э. Мекленбург стал ведущим районом на севере Европы, в местной культуре которого совершенно явно проявилось влияние культуры полей погребальных урн. Заметному увеличению числа погребений с большим количеством металлических изделий и больших курганов, таких как Фридрихсруэ и Пекатель, сопутствовало любопытное преобладание женских погребений, что противоречит общей тенденции к мужскому доминированию в бронзовом веке. В данный период трупосожжение постепенно стало применяться на всей территории. По всей видимости, этому способствовало влияние Центральной Европы, которое продолжало ощущаться с различной интенсивностью.

Так же, как кремневые кинжалы были местной реакцией на новые тенденции с юга, так и данные новации были вызваны появлением металлических изделий и стилей, относящихся к центральноевропейским культурам, таким как курганная культура и культура полей погребальных урн. Новые типы мечей, металлические сосуды, керамика, стеклянные бусы и даже, возможно, колесницы микенского типа завозились в регион и сразу же копировались, что приводило к формированию местных типов изделий. Так, местные сферы деятельности определились в Мекленбурге, Западном Гольштейне, Ютландии, Зеландии и Скандинавском п-ове, они характеризовались различными темпами развития и своим колоритом. В тот период материальная культура в регионе стала настолько разнообразной, что рассматривать ее целесообразно на широкой основе, и изучать идеи и новации того времени на таком уровне, который был невозможен на более ранних этапах.

Янтарь добывался на побережье Дании и берегах Балтийского моря, главным образом на побережье восточной Польши и России. В то время как на первой стадии в погребениях янтарь встречается достаточно часто, к третьей стадии относится только один небольшой (3,3 кг) клад янтаря, а в более поздних погребениях даже янтарные бусы встречаются редко. Однако одиночные бусины, кольца или небольшие кусочки янтаря помещались в погребения на протяжении всего бронзового века. Наверное, считалось, что магические свойства, отпугивающие злые силы, присутствуют даже в небольших фрагментах янтаря. Золото, вероятно, постепенно заняло место янтаря в качестве драгоценного материала для изготовления украшений. И наоборот, когда янтарь в северных находках стал попадаться реже, он начал высоко цениться в Центральной Европе и в Средиземноморье бронзового века.

ЧЕТВЕРТАЯ СТАДИЯ: 1000–700 ГГ. ДО Н.Э.

Переход к четвертой стадии около 1050 г. до н.э. был постепенным. Конец предыдущего периода пришелся на начало развития культуры полей погребальных урн в Центральной Европе. Наибольшие изменения произошли в погребальном обряде. Именно в это время погребения в урнах стали повсеместными на всей территории региона. Лужицкая культура на территории Польши оказала силь-

ное влияние на соседние культуры на западе и севере, которое наиболее явно выразилось в гончарных изделиях позднего бронзового века. Обычай погребений в урнах имел серьезные последствия для археологического материала. Бронзовые изделия больше не помещались на теле умершего так, как они располагались при его жизни. Еще одним следствием изменений в обряде стало прекращение находок целых предметов одежды; лишь случайно встречающиеся небольшие фрагменты шерстяных тканей дают возможность сделать вывод, что при их изготовлении применялась та же технология, что и прежде. Немногочисленные женские статуэтки показывают, что некоторые женщины продолжали носить короткие юбки прежнего типа.

Еще одним следствием стало то, что большие предметы более не помещались в погребения, поэтому мечи, поясные диски и т.п. там больше не встречаются. В качестве замены иногда изготавливались миниатюрные мечи, однако другие предметы в миниатюре не копировались, что еще раз подчеркивает ту важность меча – не столько как оружия, но как символа власти. По находкам из кладов известно, что традиции изготовления этих предметов никогда не прерывались, только теперь их помещали вне могил. Данный факт мог быть прямым следствием погребений в урнах. Другим результатом указанных изменений стало отсутствие необходимости возведения больших курганов над захоронениями. Так, в Скандинавии и на южном побережье Балтийского моря были найдены лишь небольшие курганы размерами 0,5 м x 5 м, под которыми находились несколько урн, возможно, относящихся к одной семье.

Большие курганы отныне стали исключением, они, судя по найденным в них мечам и другим символам богатства и власти, возводились лишь над погребениями мужчин с высоким социальным положением. Примерами такого рода являются «курган короля Бьорна» в Уппланде и «княжеское» погребение в Седдине. Только сравнительно недавно начались дискуссии о социальных и политических структурах этих обществ. В настоящее время преобладает точка зрения, согласно которой в обществах, подобных тем, которые развивались на территории Западной Балтики, сложился определенный тип управления во главе с вождем. В таких местах, как Седдин, Банье, Вольдтофте или Кивик, археологические данные настолько красноречивы, что позволяют сделать вывод о возникновении здесь мелких царств в поздние периоды. Несомненно, общественные структуры сильно различались даже в пределах отдельных регионов, таких как Дания или Померания, не говоря уже о регионах от Балтики до Северной Скандинавии. Только сравнительно недавно при проведении дискуссий исследователи стали опираться на данные, полученные при изучении поселений и кладов, поэтому для убедительной реконструкции структур местных обществ необходимо проведение более масштабных раскопок и исследований.

В то время как курганные погребения оставались нормой для Скандинавского полуострова и Северной Германии, захоронения кремниевых останков, над которыми более не делались возвышения, стали типичными на территории распространения лужицкой культуры, а также на юге Скандинавии, Гольштейна и в некоторых районах Северной Германии. Впрочем, представители лужицкой культуры также не отказались полностью от курганных погребений. Вторичные погребения в одном и том же захоронении были распространены на протяжении всего бронзового века, однако есть основания считать, что правом на это обладали в первую очередь члены одной семьи или клана. В погребениях стало меньше не только крупных предметов – уменьшение числа погребальных предметов стало общей тенденцией. Этот факт может быть связан с увеличением дефицита металла либо с более симво-

лическим использованием металлических изделий, принадлежавших умершему. Находки фрагментов серпов и бритв служат подтверждением последнего предположения. Количество металлических изделий в погребениях, а также их характер, по всей видимости, зависели от социальных отношений в местных обществах и положения умершего в социальной иерархии. Следует отметить, что погребальные комплексы лужицкой культуры и северных культур весьма похожи. Судя по погребальному инвентарю, имелось небольшое число богатых людей и очень много бедных, в погребениях которых металлические изделия встречаются редко. Между ними была средняя прослойка (илл. 155).

Места, где проводились религиозные церемонии, очень трудно обнаружить; одним из немногих вероятных памятников такого рода является крутой холм в Борбьерге на о. Зеландия, где были найдены два клада с золотыми чашами. Предполагается, что места с наскальными изображениями также выполняли культовые функции, а не были просто выдолбленными картинками. На обоих берегах Балтийского моря было обнаружено большое количество (около 300) правильно расположенных земляных печей в виде ям, в которых найдены растрескавшиеся от огня камни и древесный уголь. Было высказано предположение, что они использовались для приготовления мяса в очень большом количестве, вряд ли предназначавшемся для обычного питания. Для отправления культа, по всей видимости, не возводилось каких-либо специальных построек, для этой цели использовались особенности ландшафта – вершины холмов, реки и озера, скалы, валуны, отдельные деревья или роши, о чем свидетельствуют находки кладов и наскальных изображений. Предполагается, что в местных культах использовались лишь символы богов, их изображений не существовало. Настоящие культовые фигуры не встречаются, за исключением нескольких бронзовых статуэток.

Обожествлялись главным образом природные силы – прежде всего Солнце. Предпринималась попытка рассматривать топоры, копья и т.п. в качестве символов богов, которые стали известны гораздо позже, таких как Один (Вотан). На протяжении рассматриваемой нами стадии были заимствованы из Центральной Европы изображения утки, лебедя в качестве символов, связанных с культом Солнца. Соревнование в этом качестве с лошадью, по всей видимости, закончилось вничью, так как отныне оба животных изображались либо вместе с солнечными символами, либо поодиночке. Изображения быка или козла встречаются крайне редко, может быть, потому, что они отражали более слабое восточное влияние.

Кургану в Кивике, относящемуся к третьей стадии, в четвертой стадии по своему значению соответствует памятник в Седдине. Самый большой курган в Северной Европе (вне Англии) имеет размеры 11 м x 90 м. В нем был найден исключительно богатый погребальный инвентарь, расположенный в каменной камере, стены которой были оштукатурены и разрисованы. Большой курган близ Перлеберга на востоке Германии был окружен несколькими курганами меньшего размера и с более бедными погребальными комплексами. Подобная ситуация повторяется в Уппланде, на юго-западе датского п-ова Фюн и западе Гольштейна (Дитмаршен), но ни один из этих памятников не сравним по своим масштабам с курганом в Седдине. Золотые изделия занимают важное место в находках на территории данных памятников, что ранее было характерно и для унегицкой культуры. Только в Вольдтофте (о. Фюн) богатство погребальных комплексов сочетается с такими же необычно масштабными и интересными находками на территории поселения (в частности, там были найдены строения с разрисованными стенами и единственное свидетельство литья «лур» – духовых музыкальных инструментов). Значение столь монументальных выражений исполь-

зования богатства остается необъясненным, однако такие памятники являются последними звеньями в очень редкой цепи подобных центров на территории Центральной и Северной Европы в бронзовом веке, опередившими на несколько веков хейнебургские памятники.

Производство бронзовых изделий было весьма индивидуализировано, за исключением таких стандартных предметов, как серпы, ножи и некоторые топоры, формы для отливки которых могли использоваться многократно. Более сложные предметы, такие как большие инструменты, украшения и предметы вооружения, изготавливались с помощью модели из воска, которым покрывали глиняную сердцевину, а затем снаружи обмазывали глиной для получения наружной формы. Для извлечения готового бронзового изделия литейную форму надо было разбить. Таким образом, бронзовые изделия севера Европы характерны своей неповторимостью, они никогда не достигали уровня массового производства центральноевропейских районов. Кованые металлические изделия не пользовались популярностью в Скандинавии, однако на южном берегу Балтийского моря даже такие большие предметы, как щиты, бронзовые сосуды и диадемы из Херцшпрунга весьма искусно выковывались из бронзы.

До сих пор не ясно, занимались ли обработкой бронзы в каждом поселении. Что касается лужицкой культуры, то было установлено, что в укрепленных поселениях следы металлообработки встречаются гораздо чаще, чем в обычных поселениях, а в Скандинавии следы бронзового литья присутствуют в большинстве поселений. Как правило, в них проживало лишь несколько семей. Судя по раскопкам поселений и могильников как в области распространения лужицкой культуры (Торнов), так и в Скандинавии, численность групп доходила до 30 человек.

В Вольдтофте в глиняных сосудах были найдены настоящие клады зерна. Как уже отмечалось, ячмень играл более важную роль, чем пшеница, просо или овес. Также в пищу употреблялись чернослив и яблоки; на южном побережье Балтики встречаются бобы и лен; иногда в погребениях находят сосуды со следами напитков на меду (возможно, медовухи или пива). Анализ обугленных корок внутри горшков показал, что они содержали разные аминокислоты, что свидетельствует о присутствии там мяса.

Кости домашних животных, найденные на территориях поселений в Швеции, Дании, Польше или Северной Германии, свидетельствуют о преобладании крупного рогатого скота, следом за ним идут свиньи и овцы. Лошади встречались очень редко, однако, например, представители лужицкой культуры придавали лошади большое значение, что проявилось в отдельных конских захоронениях. Крупный рогатый скот использовался в качестве тягловой силы для плугов и повозок, в ту эпоху владение им могло свидетельствовать о богатстве, хотя и не столь большим, как в случае с бронзой. Важное значение земледелия подтверждено следами от системы полей, которые сохранились под курганами. Прimitивный плуг типа сохи начиная с бронзового века был известен на территории Дании и Северной Германии.

В IX и VIII вв. до н.э. укрепленные поселения стали неотъемлемым признаком лужицкой культуры, развивавшейся на территориях Польши и Германии, однако этот феномен прежде всего относится к железному веку. Такие поселения занимали довольно большие площади (памятник «Сведеншанце» близ Вроцлава имеет площадь 6,7 гектара). За исключением укрепленных поселений и каменных фундаментов домов в Центральной Скандинавии обычные поселения бронзового века можно распознать только при вспашке земли по появляющимся черепкам гончарных изделий и следам очагов. Традиции строительства жилищ в рассматриваемый период остались теми же, что и отмеченные выше, иногда их восточная часть напоминает хлев для скота, который, возможно, использовался для содер-

жания животных в зимние месяцы. Тщательно выровненные и раскрашенные фрагменты штукатурки или обмазки стен строения на территории поселения в Вольдтофте, вероятно, свидетельствуют об особом значении данного дома, который был либо религиозным центром, либо жилищем вождя. Данный случай является нехарактерным для этого периода, но здесь можно вспомнить об урне в виде раскрашенного дома, которая была найдена в Стора-Хаммар на Скандинавском п-ове.

В течение примерно 500 лет большие бронзовые духовые инструменты (луры) изготавливались литьем в Скандинавии. Обычно они отливались парами, своими изгибали зеркально отражая друг друга. В болотах на западе Балтийского региона было найдено три пары таких инструментов в одном месте. Луры, даже если и не отличались своими музыкальными качествами, являлись техническими шедеврами: достигая длины в 2,25 м, они состояли из 4–5 частей и имели отдельный резонатор. На наскальных изображениях показано, что их использовали как на берегу, так и в море. По всей видимости, луры являлись особыми ритуальными предметами, став наиболее популярными именно на четвертой стадии. Таким образом, музыка, даже извлекаемая металлическими трещотками, играла важную роль в церемониях, отпугивая злых духов, наряду с другими элементами культа, такими как инсценировки поединков, процессии и различные жертвоприношения (каннибализм известен лишь в зоне распространения лужицкой культуры). Луры, золотые чаши, парадные доспехи, шлемы и щиты (находки во Фрёлунде содержат от 16 до 18 щитов из Северной Германии), большие наконечники копий и мечи, топоры непрактичной формы, относящиеся к рассматриваемому периоду, могли либо быть общинными приношениями, либо принадлежать вождям, контролировавшим «клановый» ритуальный инвентарь.

Одни клады носят более личный характер, они включают украшения для одежды или предметы вооружения, принадлежащие одному или нескольким людям и представляющие собой ценный источник сведений, позволяя реконструировать местные виды одежды и изучить местные производственные территории. Другие клады, состоящие из металлического лома или большого количества орудий, могли представлять собой запасы металла, пригодного для дальнейшей переработки. Новые типы продолжали появляться в дополнение к уже имеющимся, однако после периода, характеризующегося большим стилевым разнообразием, последовала более единообразная стадия с самым сложным стилем вне зоны распространения лужицкой культуры, который сравним со спиральным стилем предшествующего периода.

Скульптура занимала весьма небольшое место среди литых изделий из бронзы. Известны лишь несколько статуэток, изображающих обнаженных женщин с шейными гривнами или мужчин с рогами на голове и с большими топорами, найденных в западных прибалтийских районах, но не относящихся к лужицкой культуре, для которой, наоборот, было характерно большое количество скульптурных изображений быков и птиц наряду с гончарными изделиями. Фрагменты вырезанных из дерева скульптур, найденные в Норвегии, дают представление о том, что было потеряно из-за недолговечности таких материалов, как дерево, кожа, солома и ткани. Несомненно, что данные образцы скульптуры малых форм имели культовую принадлежность.

Пришельцы из других мест могли попадать в район устья Одера из Карпат, а в восточные районы Центральной Швеции – из Финляндии, и массовое обновление объектов материальной культуры свидетельствует либо о подобных перемещениях, либо об интенсивных связях между о. Зеландия и устьем Одера, Центральной Ютландией и территорией в устье Эльбы. Булавки и другие украшения, а также гончарные изделия являются признаками вли-

яния лужицкой культуры на соседние территории, свидетельствуя о перемещении женщин, которое, вероятно, происходило в рамках постоянного обмена невестами. Как и всегда, подобные перемещения должны были совершаться морским путем, вследствие чего Ютландия была единственной частью Скандинавии, в которую из ведущих культурных районов, расположенных к югу от Балтийского моря, можно было попасть по суше. От бронзового века не осталось ни одного судна, за исключением лодок, выдолбленных из стволов дуба, однако изображения судов часто встречаются в наскальных рисунках и на бронзовых изделиях, особенно на бритвах. Несомненно, что основной причиной появления изображений судов являлось то, что они были важной частью культа, что, в свою очередь, отражает важность мореплавания для Скандинавии, где внутренние районы были неблагоприятными для жизни, тогда как побережье отличалось плодородными почвами и изобиловало сотнями островов. Поселения бронзового века также отражают эту привязанность к морю, так как большинство из них располагалось в прибрежной зоне. Хотя сельскохозяйственные сообщества могли довольно сносно существовать и во внутренних районах, только море обеспечивало доступ к изделиям из бронзы, новым идеям и технологиям. До сих пор не ясно, были ли изображенные корабли построены из деревянных досок, или же их остов был обтянут кожей. На наскальных рисунках в Северной Скандинавии встречаются изображения лодки, очень похожей на эскимосский каяк.

К 800 г. до н.э. на севере Европы появилось железо, однако прошло немало времени, прежде чем Скандинавия вступила в настоящий железный век. В некотором смысле в рассматриваемый период местные культуры достигли вершины своего развития. Социальные различия между богатыми и бедными, которые проявлялись в возможности накапливать и сохранять металлические изделия и другие ценности в земле, были острее в последние века перед 700 г. до н.э. по сравнению с предыдущими периодами. Как это сказалось на процессах исторического развития, до конца не ясно. Более чем за тысячелетие Скандинавский п-ов, Дания и южные соседние территории создали и развили ряд самых богатых и технологически наиболее прогрессивных культур бронзового века в Европе, несмотря на отсутствие в регионе природных меди, олова и золота. В этом – главный парадокс бронзового века Северной Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ссылки на скандинавских и польском языках не приводятся. Читатели могут обратиться к *Nordic Archaeological Abstracts*, Vol. 72, Viborg, 1975 и последующие годы, а также *Polish Archaeological Abstracts* начиная с 1969 г.

- AMBROSIANI, B. (ed.) 1989. Die Bronzezeit im Ostseegebiet. Stockholm.
- BAUDOU, E. 1990. Stand der Vorgeschichtsforschung in Nordschweden. *Prähistorische Leitschrift*, Vol. 65, pp. 1–45.
- BERGLUND, B. G. 1969. Vegetation and Human Influence in South Scandinavia during Prehistoric Times. *OIKOS* (København), Supplement 12, pp. 9–28.
- BJÖRHEM, N.; SÄFVESTAD, U. 1989. *Fosie*. Vol. 4. Malmö. (English summary)
- BRØNDSTED, J. 1961, 1963. *Nordische Vorzeit*, Vol. I, Steinzeit; Vol. 2. Bronzezeit. Neumünster.
- BURENHULT, G. 1973. *The Rock Carvings of Götaland*. Bonn/Lund.
- COBLENZ, W.; HORST, F. (eds) 1978. *Mitteeuropäische Bronzezeit*. Berlin.
- GARDAVSKI, A. 1976. *Lausitzerkultur oder Lausitzerstil? Arb. – Forsch. ber. sächs. Bodendenkmalpfl.* (Berlin), Vol. 20/21, pp. 131–49.
- GEDIGA, B. 1980. *Forschungsprobleme der frühen Bronzeperioden in West-Polen*. *Archaeol. Pol.* (Wrocław), Vol. 29, pp. 177–91.
- GEDL, M. 1980. *Die Dolche und Stabdolche in Polen*. München (Prähist. Bronzefunde, Vol. 6, 4).
- 1985. *Die Kulturumwandlungen von der Früh- bis in die Mittelbronzezeit in Südwestpolen*. In: *L'énéolithique et le début de l'Age du bronze dans certaines régions de l'Europe*. Kraków. pp. 99–114.
- HAGEN, A. 1967. *Norway*. London.
- HAKANSSON, I. 1985. *Skånes Gravföndfrån Aldre Bronsålder som Kjälla til Studiet av Socialstruktur*. Lund. (English summary).
- HELKOG, E. T. 1983. *The Iversfiord Locality*. Tromsø.
- HERRMANN, J. (ed.) 1976. *25 Jahre Archäologische Forschungen der Deutschen Demokratischen Republik, Ausgrabungen und Funde*, Vol. 21. Berlin.
- HOPF, M. 1982. *Vor- und Frühgeschichtliche Kulturpflanzen aus dem Nördlichen Deutschland*. Mainz.
- HORST, F. 1985. *Zedau, eine Jungbronze- und Eisenzeitliche Siedlung in der Altmark*. Berlin.
- 1986a. *Jungbronzezeitliches Femhandelzentrum im Gebiet von Brandenburg/Havel*. Veröff. Mus. Ur- Frühgesch. Potsdam (Berlin), Vol. 20, pp. 267–75.
- 1986b. *Die Jungbronzezeitlichen Steinäxte mit Nachenknäuf aus dem Elbe-Oder-Raum*. In: *Jahrbuch Bodendenkmalpflege in Mecklenburg* 1985. Berlin, pp. 99–123.
- HVASS, S.; STORGAARD, B. (eds) 1993. *Digging into the Past: 25 Years of Danish Archaeology*. København.
- IVERSEN, J. 1973. *The Development of Denmark's Nature since the Last Glacial*. København. (Geol. surv. Denmark, Vol. 5, Ser. 7c.)
- JAANUSSON, H. 1981. *Hallunda: A Study of Pottery from a Late Bronze Age Settlement in Central Sweden*. Stockholm.
- 1983. *Main Early Bronze Age Pottery Provinces in the Northern Baltic Region*. *Stud. balt. stockh.* (Stockholm), Vol. 1, pp. 39–50.
- JENSEN, J. 1982. *The Prehistory of Denmark*. London.
- 1987. *Bronze Age Research in Denmark 1975–1985*. *J. Dan. Archaeol.* Vol. 6.
- KADROW, S. 1991–2. *Iwanovice*. Vols 1–2. Kraków.
- KÜHN, H. J. 1979. *Das Spätneolithikum in Schleswig-Holstein*. Neumünster.
- KRISTIANSON, K. 1987. *From Stone to Bronze: The Evolution of Social Complexity in Northern Europe 2300–1200 BC*. In: BRUMFIELD, E. M., EARLE, T. K. (eds), *Specialisation, Exchange and Complex Societies*. Cambridge. Vol. 1, pp. 130–45.
- LERSSON, T. B. 1986. *The Bronze Age Metalwork in Southern Sweden*. Lund.
- LOMBORG, E. 1973. *Die Flintdolche Dänemarks*. København.
- MACHNIK, J. 1977. *Frühbronzezeit Polens*. Wrocław.
- MALINOWSKI, T. 1962. *Les rites funéraires chez la population de la civilisation lusacienne en Pologne*. *Prz. Archeol.* (Wrocław), Vol. 14, pp. 1–140.
- MALMER, M. P. 1962. *Jungneolithische Studien*. Bonn/Lund.
- 1981. *A Chronological Study of North European Rock Art*. Stockholm.
- MAZUROWSKI, R. F. 1984. *Amber Treatment Workshops in the Rzucewo Culture*. *Prz. Archeol.* (Wrocław), Vol. 32.
- SCHWANTES, G. 1958. *Geschichte Schleswig-Holsteins; Vol. 1: Urgeschichte*. Neumünster.
- STENBERGER, M. 1967. *Sweden*. London.
- STRÖMBERG, M. 1974. *Untersuchungen zur Bronzezeit in Südostschonen*. *Medd. Lunds Univ. Hist. Mus.* (Lund), pp. 101–68.
- 1975. *Studien zu einem Graberfeld in Loderup*. Lund.
- STRUVE, K. W. 1971. *Geschichte Schleswig-Holsteins, Vol. 2, Part 1: Die Bronzezeit, Periode I-III*. Neumünster.
- 1979. *Geschichte Schleswig-Holsteins, Vol. 2, Part 2: Die Jüngere Bronzezeit*. Neumünster.
- WIDHOLM, D. 1980. *Problems concerning Bronze Age Settlements in Southern Sweden*. *Medd. Lunds Univ. Hist. Mus.* Lund, pp. 30–46.
- WILLROTH, K. H. 1985. *Die Hortfunde der älteren Bronzezeit in Südschweden und auf den dänischen Inseln*. Neumünster.
- WISLANSKI, T. (ed.) 1970. *The Neolithic in Poland*. Wrocław.
- WÜSTEMANN, H. 1974. *Zur Sozialstruktur im Seddiner Kulturgebiet*. *Z. Archaol.* (Berlin), Vol. 8, pp. 67–107.
- WYSZOMIRSKI, M. 1974. *Scandinavian Flint Daggers*. *Medd. Lunds Univ. Hist. Mus.* Lund.

Лили Кэлас

В данной главе¹ будут рассмотрены общие аспекты тех артефактов и других археологических находок, которые принято относить к религии и искусству. Предмет нашего обзора – Европа в 3000–600 гг. до н.э., за исключением эгейской части Восточного Средиземноморья. Описание общей истории такого обширного региона является почти невыполнимой задачей, так как мы имеем дело с проявлениями весьма разнообразной в разных районах культурной жизни. Вследствие этого представляется целесообразным дать лишь общий набросок основных характеристик и схожих черт, оставляя без внимания оригинальные явления, которые встречаются довольно часто.

Прежде всего необходимо оговорить вопросы географического деления в рамках региона. Южной Европой мы называем районы, расположенные южнее центрального массива Альпийских гор и Карпат. В Центральную Европу входят центр Германии вплоть до границы с Карпатами и Вислой, район от Берлина и Варшавы до австрийской и венгерской границы. Термины «Западная», «Восточная» и «Северная Европа» мы употребляем в тех значениях, которые сложились в современной литературе. Ни в одном из этих регионов не было какой-либо единой культуры. Необходимо также отметить, что археологические сведения о древней истории Европы различны для разных регионов. Как бы то ни было, имеющаяся информация о погребальных обрядах и материальных находках позволила нам представить обзор общеевропейских религиозных практик и представлений, относящихся к эпохам позднего неолита и бронзы.

Выводы, сделанные в данной главе, основываются на анализе погребального инвентаря, следов погребальных церемоний и символических и натуралистических изображений. В этой сфере было выдвинуто огромное количество гипотез, так как религия охватывает чрезвычайно широкий круг явлений, имеющих важное значение для людей, живущих в разные эпохи и в разных местах. «Искусство» в той же степени, что и «религия», – весьма неоднозначное понятие, поэтому вполне объяснимо, что в отношении древних находок предположений и гипотез более чем достаточно.

В наши дни религия считается социальным фактором, объединяющей и «консервативной» идеологией. Искусство может рассматриваться как творческий, коммуникативный элемент в жизни общества. В католической и протестантской Европе общепризнано, что между религией и искусством имеется историческая связь. По-видимому, данный вывод приложим также и к буддизму. Однако в других религиях подобной связи может и не быть.

Изучение погребений и их содержания всегда давало важный материал, на который опираются ученые в интерпретации древних религий Европы. Погребальные обычаи свидетельствуют о жизненных воззрениях и их динамике. Для научного анализа также необходимо учитывать современные представления. Некоторые из них являются продолжением и развитием ранних религий, о которых есть

сведения, дошедшие до нас либо в письменной, либо в устной традиции. Исследования антропологов о религиозных практиках и идеях современных племен, находящихся на уровне каменного века, также играют важную роль при сопоставительном изучении религии и искусства.

Выводы относительно погребений следует делать очень осторожно. Мегалитические сооружения, описанные в гл. 55 тома I «Истории человечества», по всей видимости, строились на века, они рассматриваются как выражение воззрений на загробный мир или вечное пристанище для духов предков. Как свидетельствуют недавние исследования, эти монументы, особенно самые большие и сложные, а также связанные с ними церемонии и жертвоприношения служили лишь очень ограниченному кругу людей. Отсюда закономерно следует вывод о том, что, по представлениям людей той эпохи, бессмертными были не все, а не только те, чьи останки помещались в данные сооружения. Исключительно лица, обладавшие высоким положением в обществе, могли рассчитывать на подобные церемонии. Таким образом, мегалитические памятники дают информацию скорее о социальных отношениях в ту эпоху, чем о религиозных представлениях всего общества. Их социальной функцией было утверждение незыблемости власти определенного рода.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Возникновение в регионах мегалитических памятников индивидуальных погребений курганного или могильного типа свидетельствовало о появлении новых религиозных представлений. Однако этот факт мог говорить и о том, что погребенные в таких захоронениях занимали более важное положение в обществе. Указанные изменения стали очевидными в III тысячелетии до н.э. Основные характеристики погребений различались от региона к региону, а иногда даже в границах одного региона. Так, тело могло располагаться в скорченном или вытянутом положении, в деревянной или каменной погребальной камере (гробу). Методы возведения больших сооружений основывались на неолитической традиции курганных погребений и мегалитических погребальных камер.

Наиболее радикальное изменение в религиозных верованиях – кремация. В эпоху ранней бронзы, в начале II тысячелетия до н.э., она, вытеснив ингумацию, стала весьма распространенным погребальным обрядом в обширных районах, прежде всего в Центральной Европе. С середины II тысячелетия до н.э. кремация практиковалась почти на всей территории Европы. Встречается множество вариантов погребений, свидетельствующих о трупосожжении, например, таких, в которых прах помещался в урны, деревянные сосуды или заворачивался в кусок ткани.

Позднее, начиная с середины XIII в. до н.э., погребения в урнах группируются вместе на обширных полях – так на-

зываемых полях погребальных урн. Они обнаруживаются в большей части территории Европы, в Румынии, Венгрии, России, в соседних с ними западных, южных и северных районах. На востоке Центральной Европы на протяжении всей эпохи бронзы практиковалось как труположение, так и трупосожжение, иногда в одном могильнике. Более чем вероятно, что основное идейное обоснование трупосожжения было одинаковым во всей Европе. Возникает вопрос, связано ли появление полей погребальных урн с изменением в экономике или это был шаг в сторону утверждения социального равенства, что, впрочем, маловероятно. Когда погребальный инвентарь стал минимальным, что отражало изменения в религиозных традициях, возросло количество богатых кладов бронзовых изделий.

В качестве объяснения возникновения обычая кремации высказывалось предположение, что сжигание трупа вело к высвобождению души или какой-либо другой духовной силы, однако это лишь гипотеза.

Следует отметить, что эпоха бронзы была периодом значительных изменений. Именно тогда появилось множество новаций в общественной, экономической и технической областях. Наиболее очевидная из них – формирование прослойки вооруженных воинов и возвышение привилегированных лиц, о чем свидетельствуют «богатые» и «бедные» погребения. Уже в мегалитических погребениях прослеживалось различие между богатыми и бедными, однако только теперь оно стало таким очевидным. Рост богатства был связан с процессами социального расслоения, которое значительно усилилось в наиболее развитых районах в эпоху поздней бронзы. Перемены, начавшиеся в тот период, продолжались и в дальнейшем, проявившись главным образом в смене приоритетов. Как было показано в главах, посвященных эпохе бронзы, в различных регионах Европы эволюционные процессы начинались и заканчивались не одновременно. Укоренение новаций в Северной Европе проходило медленнее, чем в центральных и южных районах, которые испытывали более сильное влияние высокоразвитых культур Средиземноморья и Востока. В эпоху поздней бронзы на большей части территории Европы определенно господствовала уже гомогенная культура.

ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

Появившееся изобразительное искусство, особенно такие его формы, как наскальное, декоративное искусство (украшенные предметы вооружения, керамика, ювелирные изделия), скульптура, стали весьма сложным средством коммуникации. Художники изображали не только человеческие фигуры, животных и узнаваемые предметы, они также обращались к абстрактным символам, общим для большей части Европы. Имеется множество гипотез и интерпретаций религиозной символики, и изобразительное искусство дает возможность проанализировать эту проблему с несколько другой точки зрения. Наскальные рисунки не всегда считались религиозными символами. Ранее предполагалось, что они фиксировали реальные события. В настоящее время исследователи согласны с тем, что эти рисунки выражали комплекс идей, чувств и представлений о жизни. Визуальное искусство в концентрированной форме отражает современные представления об окружающем мире и его проявлениях.

Обращаясь к понятию «искусство», необходимо подчеркнуть, что оно не всегда применимо к первобытной истории. В более узком смысле данный термин обозначает лишь эстетическую концепцию. Однако образы и символы, высеченные на камне под открытым небом, разумеется, появились не для украшения скал, они передавали определенную информацию, причем авторы наскальных изображений обращались как к мистическим силам, так и

к окружающим людям. В то же время украшения на орудиях могли и не нести никакой информации.

Скорее правилом, чем исключением, является квалификация находок (практическое назначение которых трудно объяснить), как объектов религиозной деятельности; чаще всего так поступают в отношении изображений и пиктограмм. Поскольку изобразительное искусство выполняло коммуникативные функции (как и язык символов некоторых современных религий), ученые склонны, зачастую не имея на то достаточно веских оснований, усматривать более глубокое религиозное значение наскальных изображений и знаков. Например, можно сказать, что богато украшенное бронзовое изделие, такое, как топор, использовалось в религиозных целях. В то же время оно свидетельствует и о социальном положении его владельца. Альтернативное толкование значения подобных предметов состоит в том, что люди дописьменной эпохи не разделяли символы и украшения.

Драгоценные изделия, такие, как бронзовые котлы и золотые чаши, специально изготавливались для религиозных церемоний. Типичными примерами подобных предметов являются многочисленные и искусно сделанные котлы, украшенные чеканкой, сценами пиров с изображенными на них людьми и животными, сценами процессов и битв; такие котлы были найдены в Центральной Европе, Австрии, Венгрии и даже Скандинавии. То же можно сказать и о миниатюрных четырехколесных бронзовых повозках, на которых укреплялись эти котлы; иногда повозки украшали скульптурными изображениями впряженных в них уток. Еще одним примером является знаменитая культовая шестиколесная повозка из Трундхольма (о. Зеландия, Дания). На ней был укреплен богато украшенный позолоченный диск, она дополнена скульптурным изображением впряженной лошади. Довольно большое количество оплавленных бронзовых котлов и чаш использовалось в качестве сосудов, в которые помещался пепел умерших людей, обладавших высоким социальным статусом. Вероятно, такие предметы специально изготавливались для этих целей.

МУЗЫКА

Многочисленные находки свидетельствуют о том, что музыка играла важную роль в различных церемониях. На территории Западной Европы были известны медные трубы, которые могли издавать звуки различных тонов. В Скандинавии, особенно в Дании, свыше 500 лет производились большие бронзовые луры (трубы), являвшиеся настоящими шедеврами бронзового литья. Их находят в болах, иногда до трех пар в одном местонахождении. Наскальные рисунки изображают, как люди трубят в них, находясь на борту корабля или на берегу. Достаточно часто встречаются также трещотки – большие полые кольца, которые могли заполняться кусочками бронзы или камешками, и благодаря этому издавали звонкие звуки. Все эти музыкальные инструменты, а также рожки, флейты и другие, сделанные из недолговечных материалов, могли использоваться в религиозных церемониях. Весьма вероятно, что звуки музыки сопровождали работу художников, авторов наскальных рисунков, являясь важным элементом этого процесса.

БРОНЗОВЫЕ СТАТУЭТКИ

Женские и мужские бронзовые статуэтки, такие, например, как найденные в Гревенс Венге (Зеландия) или в Фардале (Ютландия), а также наскальные изображения танцоров свидетельствуют о роли танца в церемониях. Разумеется, в данных празднествах были и другие элементы, о которых нам ничего не известно.

В Центральной Европе в эпоху бронзы широко распространились изображения на бронзовых изделиях птиц, включая таких водоплавающих, как утки и лебеди. В Северной Европе часто встречались изображения конских голов, в том числе и на камне. Существовали также небольшие трехмерные скульптуры этих животных. Однако невозможно установить, придавалось ли этим маленьким скульптурам, а также статуэткам, изображающим людей, какое-либо символическое значение и использовались ли они в церемониях. Некоторые из них могли быть детскими игрушками. Однако, когда их находят, например, в погребальных урнах и котлах, а также устанавливают, что они были элементами музыкальных инструментов, таких, как бронзовые луры, можно предположить, что им придавалось символическое значение. То же касается и украшений и орнаментов на мечах, шлемах и щитах, являвшихся атрибутами вождей и воинов.

НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

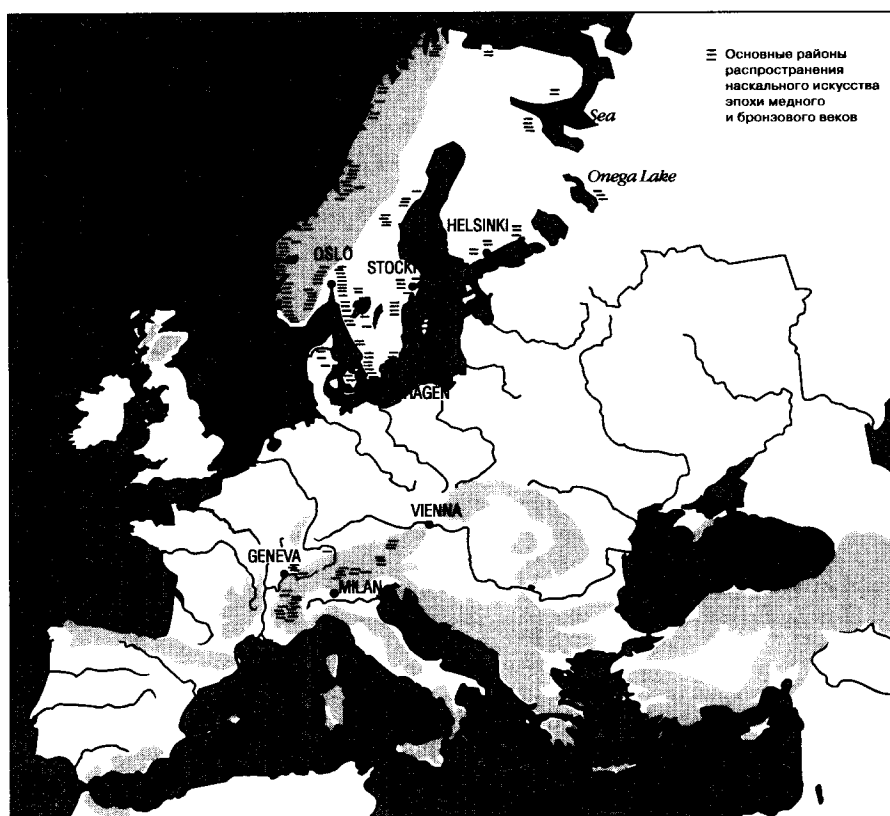
Только о наскальном искусстве без сомнений можно сказать, что оно имело религиозное предназначение. Как явление наскальное искусство встречается во всем мире, однако его стили, сюжеты и датировка значительно различаются. В Европе наиболее часто оно обнаруживается в районе Альпийских гор, особенно у их подножия, в долинах Северной Италии и во французских Приморских Альпах. В Северной Европе наскальные изображения находят на севере Германии, в Дании, Норвегии, Швеции, финской и российской частях Карелии. Далее на восток, в районе между Онежским озером и Уральскими горами, в таком количестве они не встречаются. Севернее они сравнительно редки, что можно объяснить плохими условиями, не способствующими сохранности изображений. Говоря об общих особенностях географического распространения наскального искусства, необходимо

отметить, что этот феномен зафиксирован главным образом на периферии современных ему культурных центров. Наиболее многочисленны образцы наскального искусства в Испании, Южной Франции, Северной Италии, Карелии и Скандинавии.

В галерейных погребениях эпох позднего неолита и ранней бронзы (см. гл. 55 тома I настоящего издания) также имеются изображения, выполненные на камне, однако наиболее интересные образцы этого искусства были найдены на поверхности скал и отдельных камней на открытом пространстве. Характерная особенность распространения наскального искусства состоит в том, что, за исключением некоторых отдельных изолированных мест, именно в Альпах и Северной Европе наблюдается значительная концентрация памятников с огромным количеством сюжетов и тысячами изображений и знаков. Очевидно, данный феномен отражает тот факт, что наскальное искусство служило для выражения или провозглашения каких-либо идей и было средством коммуникации. Это положение применимо ко всем цивилизациям, однако в первобытных обществах коммуникативная роль искусства была более важной, даже доминирующей.

Еще одна характерная черта наскального искусства эпохи бронзы – появление рисунков антропоморфных существ мужского пола. В эпоху неолита в тех изображениях божеств, чей пол можно определить, женские образы преобладали. Мужские изображения составляли меньшинство, около 3% всех имеющихся (*Gimbutas, 1991*). Даже если будущие исследования увеличат их долю, соотношение мужских и женских образов останется неизменным.

Можно проследить, как женские изображения постепенно теряли свое значение. Например, в эпоху энеолита на юге Франции распространяются антропоморфные статуи – менгиры (см. гл. 55 тома I настоящего издания), изображающие представителей обоих полов (илл. 15), однако постепенно мужские статуи стали преобладать. Начиная с эпохи ранней бронзы они уже доминируют.

Карта 22. Основные районы распространения наскального искусства эпохи медного и бронзового веков

Наскальные изображения представляли собой контуры, высеченные или нацарапанные на поверхности с помощью камня. Часто скальные породы вокруг изображений стесывались, в результате чего получался барельеф.

Однако следует отметить, что наскальное искусство появилось не в эпоху бронзы и даже не в эпоху неолита. Сохранились, главным образом в пещерах, изображения эпохи палеолита. Известны также высеченные и нарисованные изображения эпохи мезолита, однако они встречаются не очень часто. Исключением здесь являются Северная Скандинавия, Карелия и район Белого моря, где эта традиция не прерывалась вплоть до периода, совпавшего с эпохой бронзы на юге Скандинавии. Не ясно, имела ли место преемственность между наскальным искусством эпох бронзы и палеолита на континенте. Что касается сюжетов и стилей, то наскальное искусство эпохи бронзы отличалось от предыдущих периодов натурализмом в изображении людей, кораблей и т.п., являясь общепонятным рисуночным письмом. На этом языке посвященный мог читать с такой же легкостью, с какой современные люди понимают международные знаки дорожного движения.

С географической точки зрения одно из отличий наскального искусства эпохи бронзы состояло в его распространении в тех районах, где раньше оно не встречалось.

Наиболее важные районы распространения наскального искусства

В районе Альпийских гор, от озера Гарда до швейцарской границы, памятники наскального искусства весьма многочисленны. Чаще всего они встречаются в горных долинах Северной Италии, особенно в долине Камоника, а западнее – также во французских Приморских Альпах. Наскальное искусство Альп и Южной Скандинавии очень схоже.

Италия

В Италии наиболее изученным районом распространения наскального искусства является долина Камоника, которую пересекают реки Оглио, Адидже и Лунджиана. Самая высокая вершина здесь – гора Адамелло (3500 м над уровнем моря), однако наибольшее значение для жителей Валь Камоника имела гора Пиццо Баделе (1000 м), которую видно с каждого памятника, расположенного у подножья Альп, на их склонах и террасах, на высоте от 300 до 500 м. Здешние долины были густо населены в течение тысячелетий. Поселения, находившиеся здесь ранее, по-видимому, исчезли без следа. Петроглифы и менгиры (антропоморфные статуи, в некоторых случаях их сходство с человеческими фигурами едва прослеживается) являются здесь единственными доисторическими памятниками.

Наиболее распространенными в итальянских Альпах являются петроглифы, похожие на диски с лучами, которые рассматриваются в основном как символы солнца (данный вывод принимается не всеми исследователями), кольца, колеса, отпечатки ног и т.д. Некоторые из этих знаков часто связывают с символами животных, особенно оленей, режее человека. Считается, что изображения домов рядом с символами солнца означают храмовые сооружения, а конструкции, похожие на столы, рядом с животными символизируют сцены жертвоприношений. Весьма распространены также изображения двух сражающихся людей. Другими часто встречающимися сюжетами являются лошади, люди с поднятыми руками (молящиеся), погребальные церемонии, изображающие скорбящих людей (также с поднятыми руками) рядом с лежащим телом. Встречаются изображения пар быков, впряженных в четырехколесную повозку или в примитивный плуг, воору-

женных людей и т.п. Среди рисунков людей наибольший интерес вызывают фигуры с необычными перьями и другими элементами ритуальных одежд. Обычно на одной и той же скальной поверхности встречаются различные сюжеты, некоторые из них представляют собой повторяющиеся мотивы – предметы вооружения (например кинжалов), фронтоны домов, животные и т.п. (илл. 156–157). Атрибуция и датировка сюжетов основывается на известных в определенное время стилях оружия, особенно кинжалов, изображения которых напоминают хорошо датированные типы, относящиеся к неолитическим культурам, особенно к культуре ремедель. Сцены, изображающие этрусских воинов, свидетельствуют о долгой традиции. Точно установлено, что она существовала вплоть до завоевания римлянами Цизальпинской Галлии около 200 г. до н.э.

Франция

Другой район распространения наскального искусства лежит по соседству с Северной Италией, в долинах французских Приморских Альп, примерно в 80 км к северо-востоку от Ниццы (Юго-Восточный Прованс). С точки зрения природных условий данный район представляет большой интерес. В долинах, таких, как Мервей, Фонтанальба, Валоретт и Вальмаск, расположенных на высоте 2200–2600 м над уровнем моря, обнаружено большое количество петроглифов. Изображения на скалах и отдельных камнях окружают самую высокую вершину района, Мон-Бего (2872 м), как пояс. Самым распространенным камнем, на который наносились изображения и барельефы, был аспидный сланец.

В хаотическом беспорядке бесплодных долин, таких, как Мервей и Фонтанальба, с разбросанными повсеместно камнями, которые нанесло сюда во время четвертичного оледенения, только небольшие озера и ручьи оживляют лунный пейзаж. Природные условия здесь неблагоприятны, к тому же район достаточно удален от обитаемых мест. Такие названия, как «Озеро ада» или «Долина ада», «Вершина дьявола» и т.п., вероятно, говорят о том, что христиане испытывали страх, наблюдая скопление языческих символов в этих пустынных местах. В высокогорных долинах не было обнаружено никаких поселений. Однако следует помнить, что в эпоху бронзы климат был теплее и суше, а зона распространения древесной растительности, по-видимому, выше (сейчас она достигает 2300 м над уровнем моря). В целом данный район не был благоприятным для жизни за исключением летних месяцев. Зима была долгой и холодной с частыми обильными снегопадами. Поселения находились на более низких склонах или в долинах, ближе к Средиземноморскому побережью. В то же время тропинки на горных перевалах говорят о том, что пастухи в засушливые месяцы перегоняли овец на пастбища в высокогорные районы. Отгонное скотоводство, которое зародилось в древности, все еще практиковалось, о чем свидетельствуют находки, обнаруженные во всем альпийском регионе, например, в районе перевала Сен-Бернар на итало-швейцарской границе.

Набор сюжетов наскального искусства во французских Приморских Альпах более ограничен и гомогенен, чем в Северной Италии. Различия между двумя районами носят довольно глубокий характер, что объясняется отличиями в ландшафте. Наскальное искусство Италии развивалось у подножий Альп, где имелись хорошие пастбища и люди могли жить круглый год. Несмотря на это, обитатели Приморских Альп использовали схожий язык образов в изображении оружия и абстрактных символов. Среди сюжетов одно из центральных мест занимает символическое изображение быка. Оно весьма стилизовано и представлено в виде головы животного с большими рогами, иногда встре-

чаются изображения всего животного, либо одного, либо впряженного в плуг (с пахарем или без него). На этих рисунках человек представлен очень маленьким по сравнению с плугом и животным, то же можно сказать и об изображениях оружия, что свидетельствует о том, что самим людям придавалось меньшее значение.

Часто встречаются изображения кинжалов, копий, топоров и орудий труда (например серпов). Антропоморфные изображения весьма редки, обычно они связаны с животными и оружием. Большинство людей представлено бесполоыми, в случае же, если половую принадлежность можно определить, это всегда мужчины (илл. 158). Имеется только несколько изображений женских фигур (их идентифицируют по половым органам). Абстрактные символы представлены кругами, спиралью, крестами, знаками в форме звезд, квадратами, пересеченными прямоугольниками, параллельными линиями, точками и т.п. Некоторые символы считаются изображениями домов, полей и дорог, однако такие толкования представляются недостаточно обоснованными. Скорее, это лишь абстрактные символы, значение которых от нас скрыто. Как и на севере Италии, большинство изображений – барельефы. Со временем осадочные сланцевые скалы покрылись желтым, оранжевым и красным налетом. Вследствие этого рисунки четко видны, имеют различные оттенки серого цвета на фоне покрытой налетом поверхности.

Атрибуция наскального искусства Приморских Альп так же, как и Северной Италии, основана на интерпретации стилей оружия – различных типов кинжалов и алебард. Впечатляют размеры изображенных предметов вооружения. Те из них, которые представлены в натуральную величину, скорее всего повторяли очертания реальных бронзовых оригиналов. Даже отверстия для заклепок воспроизводились весьма точно. Размеры оружия резко контрастируют с размерами изображенных рядом людей. Многие очертания предметов вооружения напоминают бронзовое оружие культуры роны и культуры полада, относящихся к ранней и средней эпохам бронзы (2300–1500 гг. до н.э.). Гомогенный характер наскального искусства Приморских Альп свидетельствует о том, что местная традиция не была такой долгой, как в Северной Италии.

Северная Европа

По сравнению с наскальным искусством альпийского региона наскальное искусство севера Европы было более разнообразным. Здесь можно выделить две основные группы. В первую (иногда ее называют также арктической) входит наскальное искусство охотников, живших в каменном веке, для которого было характерно более или менее натуралистичное изображение животных. Вторую группу образует наскальное искусство Южной Скандинавии эпохи бронзы со стилизованными изображениями, похожими на пиктограммы. Между двумя группами нет четкой границы: в обеих есть общие черты в стиле, сюжетах и топографии.

Наскальное искусство северной группы распространялось на юг до фьорда Осло. Сюжеты эпохи бронзы встречаются вплоть до 66 параллели, вблизи Полярного круга. Иногда сюжеты и стили, характерные для обеих групп, появлялись на одной и той же поверхности, что свидетельствует о том, что в данной местности жили две группы разной этнической принадлежности. О контактах двух культур говорят и петроглифы на скалах у порогов реки Намфорсен в провинции Ангерманланд в Центральной Швеции. В данном случае смешанные мотивы северной и южной групп показывают, что наскальное искусство охотников и собирателей было еще актуальным в эпоху бронзы. Один из шведских исследователей высказал предположение, что данная местность служила торговым центром для торговцев мехом из Южной Скандинавии, привозивших взамен бронзовые

изделия (Malmer, 1989). Анималистические мотивы в искусстве Южной Скандинавии свидетельствуют о влиянии северных культур, что хорошо видно на примере изображений диких животных на скалах близ Аусевика на западном побережье Норвегии. Таким образом, в эпоху бронзы две традиции некоторое время развивались синхронно.

Памятники наскального искусства северной группы встречаются на огромной территории, от Атлантического побережья и лесов Центральной Швеции на западе до юго-востока Финляндии (Карелии) и побережья Белого моря (единственного арктического района во всем регионе) на востоке. На этой территории расположено несколько климатических зон. На западном побережье Скандинавского полуострова тогда, как и сейчас, господствовал умеренный климат, чему способствовала близость Гольфстрима; в то же время на побережье Белого моря климат был арктическим. Петроглифы, относящиеся к северной группе, обнаруживаются главным образом близ воды – у фьордов, рек и озер, а также около дорог, проложенных в проходимых местах. Природные условия в разных частях данной территории сильно различаются, то же можно сказать и о стилях петроглифов, что объясняется разбросанностью кочующих групп охотников. Типичным сюжетом является дичь: лось, королевский олень, красный олень, а также лебедь (как на петроглифе у Онежского озера). Из всех хищников встречаются изображения только медведя, на которого охотились ради мяса. Изображались также морские животные, как тюлень, кит, рыбы – лосось и камбала. За исключением изображений лосей, представленных повсеместно, рисунки других животных обнаруживаются в разных районах с различной частотой. Так, птицы чаще встречаются на востоке, а рыбы на западе, близ Атлантического побережья. Изображения людей и кораблей редки. Очертания фигур более или менее реалистичны, однако можно проследить, как со временем стала проявляться тенденция к формированию более условного стиля. Вероятно, различия отражали изменения в духовной культуре. Силуэты животных, а также их изображения, дополненные «линией жизни», сердцем и другими органами или скелетом, очерченным внутри тела, также, вероятно, являются примерами этих изменений.

Так как большая часть памятников наскального искусства была обнаружена в горных и лесных районах, на склонах прибрежных скал и у порогов рек, это искусство считается искусством охотников каменного века. Его культурная основа не вызывает сомнений – в петроглифах отражен мир охотников и собирателей, людей, которые на протяжении веков вели традиционный кочевой образ жизни. Принято считать, что начало данного искусства можно отнести к эпохе мезолита, приблизительно к VI тысячелетию до н.э., однако более подробная датировка на протяжении эпохи бронзы невозможна. Ясно лишь, что эта мезолитическая культура частично совпала по времени с началом эпохи железа в Южной Скандинавии и еще существовала в первые века н.э.

Наскальное искусство эпохи бронзы встречается не только в Южной Скандинавии, но и в соседних районах Северной Германии. В широком смысле южная группа территориально совпадает со всей культурной областью эпохи бронзы на севере Европы. В этом регионе Дания в культурном смысле была наиболее развитым районом к северу от Альп. Швеция и Норвегия с их многочисленными памятниками наскального искусства представляли собой периферию по отношению к данному культурному центру.

В Дании и Северной Германии чаще всего встречаются абстрактные мотивы, тогда как в Норвегии и Южной Швеции (особенно в провинциях Эствольд и Бохуслен) – изображения животных. Считается, что в данных районах находится самое большое количество памятников наскального искусства в мире (илл. 159). Здесь можно увидеть изображения кораблей, на палубе которых черточками

представлены люди, приводящие их в движение с помощью весел; среди них иногда показаны более крупные человеческие фигуры, играющие на луре (трубе), а также акробаты, выполняющие упражнения на палубе. Некоторые «корабли», вероятно, являлись санями. Кроме того, изображались фигуры невооруженных и вооруженных людей (последние с мечами или кинжалами, копьями, щитами и шлемами), одиночные фигуры и процессии молящихся людей с поднятыми руками, сцены битв, оплакивания, пахоты, совокупающиеся пары, части человеческого тела (руки, ноги, ступни). Дикие и домашние животные, такие, как свиньи и кабаны, медведи, олени, крупный рогатый скот, лошади, лани и собаки, в сценах охоты показаны либо вместе с человеком, либо отдельно. Встречаются также изображения голов и рогов быка, рыб (лососа), птиц (журавля) и гигантских змей, а иногда даже растений и деревьев. Помимо узнаваемых фигур имеется большое количество абстрактных символов (простые и концентрические круги, кресты, спирали, волнистые линии, лабиринты, решетки и т.п.), а также (повсеместно) абрисы чаш. Так же, как и в Альпах, огромное количество отдельных сюжетов уникальны и не встречаются более нигде.

Еще одной чертой сходства данного искусства с альпийским является тенденция показывать отдельных вооруженных людей возвышающимися над остальными фигурами, как бы подчеркивая их доминирующую роль. Существует мнение, что это изображения богов. Одиночные и множественные изображения мечей и копий выполнялись в натуральную величину. Размеры кораблей варьируются больше всего – от нескольких сантиметров до нескольких метров. После чаш, ног и ступней в наскальном искусстве Южной Скандинавии чаще всего встречаются изображения кораблей. Вероятно, причиной этого была та роль, которую они играли в жизни людей, являясь основным средством коммуникации в регионе, богатом заливами, озерами и реками. Поскольку Северная Европа не располагала залежами меди и олова, металл доставлялся сюда из добывающих районов водным путем. Таким образом, эти рисунки подчеркивали важную роль кораблей в Скандинавии; в других местах подобные сюжеты встречаются не так часто. Стоит отметить и довольно редкие изображения четырехколесных повозок, иногда с впряженными в них быками, и двухколесных боевых колесниц. Последние даже более многочисленны, чем повозки, однако они почти не встречаются в Скандинавии. Должно быть, они копировались с изображений на ввезенных изделиях: они похожи на сюжеты греческих ваз, относящихся примерно к тому же периоду. Женские изображения встречаются редко. Следует отметить, что на наскальных рисунках иногда можно увидеть беременных животных.

Итак, сюжеты наскального искусства Альп и Северной Европы имеют много общего. В обоих регионах мужские изображения преобладают (весьма распространены рисунки, представляющие вооруженных мужчин и мужчин с эрегированным пенисом). Миниатюрные рисунки встречаются чаще, чем изображения в натуральную величину. Одиночные фигуры очень редки. Большей частью на наскальных рисунках в одном месте изображалось множество людей, иногда никак не связанных между собой. Интересно, что, несмотря на преобладание миниатюрных рисунков, предметы вооружения (кинжалы, мечи и копья) и ступни показаны в натуральную величину. Если рядом с изображением оружия или повозки имеются фигуры людей, то величина последних всегда подчеркивалась. Абстрактные мотивы также имеют очень много общего.

Многочисленное повторение одних и тех же сюжетов на одной поверхности в Северной Италии, Южной Франции и Южной Скандинавии, разумеется, не является случайностью. Скорее всего, это делалось для усиления магического воздействия символических изображений.

Отмеченные черты сходства не означают, однако, что сюжеты наскального искусства Северной Европы были

заимствованы из альпийского региона. Данное сходство можно объяснить тем, что оба этих региона были связаны с гальштатской культурой, развивавшейся на территории Центральной Европы, в Венгрии и Австрии. Представители гальштатской культуры альпийского региона, богатого металлами и солью, поддерживали активные связи с этрусками на севере Италии и греческим миром. Археологические находки, сделанные на территории Южной Скандинавии, показали, что даже этот отдаленный район имел прямые или опосредованные контакты с указанными регионами. В местах, где наскальное искусство не было распространено, изображения делались на бронзовом или золотом оружии, котлах, чашах, поясных пластинах и керамике. Изделия из плохосохраняющихся материалов, несомненно, также украшались. К предметам искусства можно отнести и трехмерные антропоморфные и зооморфные бронзовые статуэтки.

Примером заимствования сюжетов и, вероятно, идей являются находки, сделанные в великолепном погребении в Кивике, расположенном на Балтийском побережье на юго-востоке Швеции. Погребение покрыто курганом из камней (в наши дни его диаметр составляет 70 м при высоте 3,5 м, однако первоначальные размеры должны были быть гораздо больше). Плиты, которыми выложены стены погребальной камеры, украшены стилизованными фигурами, расположенными симметрично, среди них – парные изображения двух лошадей, двух кораблей, двух дисков (возможно, солнечных), двух топоров. Это погребение напоминает парные клады, встречающиеся в болотистой местности. На двух плитах представлены различные сюжеты, которые, как считается, символизируют процессию и обряд жертвоприношения, здесь же имеется изображение двухколесной боевой колесницы с возничим (сюжет, типичный для Средиземноморья). Рисунки на каждой плите обведены линией, поэтому они напоминают тканые gobelens и драпировки. Не ясно, символизируют ли данные уникальные изображения церемонии в честь вождя или какую-либо другую церемонию, смысл которой нам неизвестен. Так как погребение было разграблено 200 лет назад, там были найдены только небольшие фрагменты бронзовых изделий, украшенных в типичном для эпохи бронзы севера Европы стиле и относящихся примерно к 1300-м гг. до н.э., что соответствует датировке изображений на плитах из погребальной камеры. Подобные примеры подтверждают факты культурного заимствования, которое проявилось во ввозе из Южной и Центральной Европы бронзовых изделий и тканей. Однако сюжеты наскального искусства заимствовались не только благодаря ввозу украшенных бронзовых изделий. Наиболее важные внешние культурные влияния передавались благодаря путешественникам. Таким образом, идеи распространялись довольно легко, а степень их восприятия зависела от различных причин.

Датировка наскальных изображений предметов эпохи бронзы часто производится по настоящим бронзовым изделиям, найденным в хорошо датированных погребениях и кладах. Она осуществляется также благодаря сопоставлению с изображениями, выбитыми на каменных плитах в датированных погребениях. Датировка изменений в стилях и сюжетах зачастую невозможна.

В северных районах региона основной сюжет наскального искусства – дикие животные, птицы и рыбы, служившие объектом охоты местного населения. Изображения предметов, которые можно было бы датировать, отсутствуют, поэтому стилевые изменения являются единственным основанием для хронологии. Однако в последние годы палеогеографические исследования на Белом море и Онежском озере позволили датировать изменения уровня воды, отраженные на скальных поверхностях с нанесенными на них петроглифами, которые в настоящее время находятся ниже этого уровня. Благодаря таким данным

петроглифы, высеченные охотниками и собирателями севера Европы, можно датировать началом с IV тысячелетия до н.э. (Savateev, 1990). Наскальное искусство Южной Скандинавии прослеживается с эпохи неолита, однако его расцвет приходится на вторую половину эпохи бронзы, примерно 1000–500 гг. до н.э.; отдельные образцы встречались и позднее, один или два века спустя, уже в эпоху раннего железа.

Назначение и смысл наскального искусства

В Европе наскальное искусство изучается на протяжении примерно 150 лет. За это время были сделаны попытки установить обоснованную хронологию, проанализировать имеющиеся памятники и реконструировать мифологическую основу.

Особенно трудно поддавались датировке наскальные изображения на севере. Однако, как уже отмечалось, недавние исследования изменений береговой линии в Карелии в определенной степени помогли решить данную проблему. Тем не менее остается открытым вопрос о том, можно ли распространить эту датировку на весь север Скандинавии. Как бы то ни было, она может служить ориентиром для хронологии. Датировка наскального искусства эпохи бронзы началась примерно век назад, когда изображения предметов вооружения начали сравнивать с уже датированным настоящим бронзовым оружием.

Помимо хронологии внимание исследователей привлекало изучение значения символов. Было высказано убедительное предположение, что эти символы несли определенную информацию, впоследствии став средством коммуникации.

В настоящее время исследователи считают, что наскальное искусство являлось сакральным письмом. В связи с этим было высказано бесчисленное количество гипотез, интерпретирующих значение различных символов, высеченных на камне.

Характеризуя современные религии, ученые обращаются к их мифологическому содержанию. Они различают религии на основе трактовки природы божества (единобожие, многобожие, Троица и т.п.), происхождения жизни и других эсхатологических проблем. Естественно, что подобный метод повлиял на цели и направления изучения наскального искусства, с его помощью часто делались попытки объяснить содержание сюжетов и символов наскального искусства.

В одном из самых авторитетных исследований, посвященных наскальному искусству Южной Скандинавии, петроглифы рассматривались как мифологические символы плодородия, бытовавшие в аграрном обществе (Almgren, 1934). О. Альмгрен указал на имеющееся сходство с древними восточными и западными религиями, такими, как вавилонская, египетская и греческая. По его мнению, скандинавское наскальное искусство эпохи бронзы было частью культа плодородия. Так, наскальные изображения кораблей соотносятся с древнеегипетской традицией, в которой модели кораблей («корабли богов») использовались в религиозных празднествах. О. Альмгрен считал, что разнообразные человеческие изображения символизируют свадьбы, убийства, оплакивание, воскрешение и месья бога плодородия, сцены сражений – ритуальные инсценировки боев между богом плодородия и его противниками, а изображение ноги, как и в индийском фольклоре, означало присутствие бога и т.п. Считается, что магические и культовые элементы в таких рисунках, как изображения человека с головой птицы, несущего символ в виде круга (вероятно, солнца), или пахаря за работой, держащего в руке ветвь растения, являются весомым доказательством гипотезы О. Альмгрена. По мнению ее сторонников, эти и другие сюжеты и символы служили для напоминания о

ежегодных церемониях, а также для их пропаганды в соседних местностях.

Гипотеза о культе плодородия противостояла гипотезе о культе мертвых, предложенной ранее некоторыми шведскими археологами. Она была выработана на основе анализа изображений кораблей, ступней ног, кругов и чаш на погребальных плитах. Чаши рассматривались как сосуды для подношений, корабли – как погребальные суда, доставлявшие умерших в загробный мир. Однако гипотеза о культе плодородия казалась более убедительной, вследствие чего она господствовала в течение почти полувека.

Более радикальная гипотеза основана на индоевропейских мифах, согласно которым источники, относящиеся к различным культурам, свидетельствовали о том, что изображения повозок, боевых колесниц, колес, кораблей, ступней ног и т.п. являлись отражениями невидимого божества (но не какого-либо конкретного бога или богини), которое было запрещено изображать непосредственно.

М. Гёрман (Görman, 1987), изучая петроглифы Швеции, прежде всего изображения людей, змей и различных окружностей, сравнивал их со схожими сюжетами памятников гальштатской и кельтской культур. По его мнению, на этих изображениях представлены кельтские боги Цернунн, Таранис и Луг, что свидетельствует о трансформации старых индоевропейских мифов в кельтской религии.

Несомненно, что у определенного количества символов наскального искусства есть прототипы в кельтской культуре, поэтому не исключено, что они были связаны с мифологией кельтов; помимо прочего, кельтская культура оказала сильное влияние на Южную Скандинавию. В тот же период, когда новые элементы появились в орнаментах бронзовых изделий севера Европы, они обнаруживаются и в наскальном искусстве. Представляется вероятным, что это культурное воздействие привело к переменам в религии и культуре эпохи поздней бронзы. Однако нельзя утверждать, что кельтская религия была именно такой, какой ее представляли позднеримские источники, в которых даже имена богов по-разному передавались различными авторами. Некоторые римские источники уподобляют их римским богам.

В настоящее время исследователи единодушно отвергают гипотезу о культе плодородия. Скептическое отношение встречает и гипотеза о культе солнца, которая используется для интерпретации имеющихся наскальных изображений кругов. Дело в том, что кроме тележки с позолоченным диском из Трудхольма не существует других археологических свидетельств распространения культа солнца на севере Европы.

Статистические исследования (Malmer, 1981) показали, что сюжеты, связанные с земледелием, встречаются не так часто, как другие сюжеты и абстрактные символы. Необходимо помнить, что в соседних районах земледелие появилось уже в исторические времена, что в тех районах Швеции и Норвегии, где концентрация наскальных изображений наиболее высока, землю стали обрабатывать только начиная с XIX в. н.э. Скотоводство, вероятно, играло более важную роль, однако из имеющихся изображений можно получить не слишком много сведений о нем. Стоит отметить, что рыболовство, которое в Скандинавии являлось важным источником пищи, представлено только на одном наскальном рисунке; изображения рыб в эпоху бронзы также встречались не очень часто. Рисунки диких животных более распространены, однако сцены охоты довольно редки. Таким образом, добывание средств к существованию не являлось основной темой в наскальном искусстве Южной Скандинавии.

Теории и гипотезы, касающиеся альпийского наскального искусства, примерно такие же, хотя и отражают местную специфику. Здесь религиозные интерпретации тоже являются актуальными. Так, Жорж Дюмезиль выдвинул теорию (Dumézil, 1958), согласно которой разделение индо-

европейских обществ на три группы – правителей, воинов и ремесленников, отразилось в трех божествах – неба, грома и исцеления. Более того, по его мнению, данные мифы являлись всеобщими, и их можно обнаружить в религиях кельтов, римлян и германцев. В настоящее время эту теорию критикуют многие исследователи, отмечающие, что мы не располагаем никакими данными о существовании единой индоевропейской культуры с такими специфическими чертами.

Анри де Люмле (*Lumley*, 1984) выступил с теорией, согласно которой большая группа памятников наскального искусства в долинах вокруг горы Мон-Бего в Приморских Альпах служила святилищем под открытым небом для людей, живших в районе Ривьеры. Известно, что высокие вершины, такие, как Арарат, Синай, Олимп, играли важную роль в мифологии средиземноморских народов. И гора Мон-Бего могла иметь такое же религиозное значение для жителей долины Мервей. Установлено, что символы наносились на поверхность скалы таким образом, что стоящий к ним лицом всегда видел вершину или горную цепь.

Де Люмле также рассматривал индоевропейскую религию в ее средиземноморской версии. По его мнению, земледельцы и пастухи Южных Альп в эпоху бронзы практиковали культ быка, о чем свидетельствуют многочисленные символы и изображения на скалах. Еще одним культом являлось поклонение богине земли, или великой богине, символами которой выступали абстрактные и некоторые антропоморфные фигуры. Третьим культом был культ грозы, или бога, приносящего дождь и оплодотворяющего землю. Он представлен тавроморфными и антропоморфными изображениями с диском на голове. В некоторых исключительных случаях, по мнению де Люмле, бог грома и дождя и богиня земли (получающей дождь), изображались вместе.

Эммануэль Анати (*Anati*, 1964, 1974) также считает, что петроглифы долин Северной Италии соотносимы с индоевропейскими мифами. По его мнению, изображения на поверхности скал и стел, которые разделялись на три части и представляли собой три разных символа (не всегда одни и те же), были связаны с тремя богами – неба, земли и подземного царства.

Французские и итальянские исследователи, как правило, считают, что определенные символические рисунки быка, плуга, бороны, косы или оружия свидетельствуют об их широком распространении в повседневной жизни в эпоху бронзы. Некоторые ученые предполагают, что изображения полевых работ наносились на камень в весенние месяцы, для того чтобы урожай был хорошим. Вообще имеется огромное количество различных интерпретаций сюжетов и мотивов наскального искусства, даже Ветхий завет рассматривался в качестве одного из его источников.

В связи с этим можно выразить те же сомнения, что и при обсуждении предложенного толкования наскального искусства Южной Скандинавии как выражения культа плодородия. Изображения объектов, прямо связанных с земледелием и скотоводством, в Приморских Альпах и в Северной Италии по сравнению со всеми другими сюжетами наскального искусства встречаются не очень часто. Изображения быка, включая голову и рога, вероятно, имели два значения причем символическое занимало центральное место.

Все эти интерпретации были и, по-видимому, останутся гипотезами, которые невозможно доказать.

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ОБЩЕСТВЕ

Так как о мифологическом содержании религий эпохи бронзы известно мало, можно попробовать рассмотреть их с другой точки зрения. Как уже говорилось, наскальное искусство является особым символическим вы-

ражением магическо-религиозных феноменов. Петроглифы были естественным средством коммуникации с трансцендентными силами и одновременно несли определенную информацию членам того общества, в котором они появились. Религия, как и идеология, имеет не только философские, но и социальные аспекты. Отсюда возникает вопрос: какую роль религия играла в обществе?

Внешние, наблюдаемые формы религии – это церемонии, сооружения, где они проходят, а также облегченные духовной властью священнослужители и их отношения с верующими. Согласно данным антропологических исследований, церемонии разрабатывались и проводились священнослужителями – жрецами или вождями. Религия была делом общественным, а не частным, одно из ее основных назначений состояло в сохранении общественных традиций. Ученые показали, что отправление культа могло способствовать стабилизации власти и укреплению авторитета правящей семьи. Принимая во внимание вышеизложенное, представляется возможным рассмотреть роль наскального искусства в обществе.

В связи с этим сразу возникает множество вопросов. В каких частях поселений располагались памятники наскального искусства? Были ли эти святилища собственностью одной семьи или принадлежали всему поселению? Принимая во внимание тот факт, что символы наносились на поверхность скал и передавали информацию многим поколениям в течение тысячелетий, можно ли сделать вывод об определенной стабильности системы коммуникаций?

Эти вопросы изучались скандинавскими учеными начиная с 1970-х гг., в результате были выработаны новые подходы к их решению. Исследования ясно показали, что в Южной Скандинавии наблюдалась пространственная корреляция между территориальным расположением поселений и святилищ. В некоторых случаях представлялось возможным выделить культовый центр целого района, как, например, в Тануме (Западной Швеция).

Для того чтобы понять смысл и назначение языка наскальных изображений, необходимо знать, элементом какого общества он был. Разумеется, между представлениями о мире охотников и собирателей севера и знакомых с бронзой жителей Южной Скандинавии, развивавших смешанную экономику, основанную на скотоводстве, охоте, рыболовстве, земледелии и ремеслах, наблюдались большие различия. Различным было мировоззрение и у людей, живших в двух разных альпийских регионах, то же можно сказать и о жителях Альп, с одной стороны, и Южной Скандинавии – с другой.

Относительно северной группы наскальных изображений, из которых только часть принадлежит к рассматриваемому периоду, на основании имеющихся социоантропологических исследований можно сказать, что структура общества охотников, рыболовов и собирателей была более или менее эгалитарной. Цель и смысл их наскального искусства, так же, как и палеолитического искусства, состояли в магическом воздействии на добычу. Рисунки представляли собой магическое средство, помогающее охотникам добиться своей цели. Часто указывается, что между религией и магией имеются различия. Однако следует подчеркнуть, что в магии всегда есть религиозные аспекты, и, наоборот, магия, в данном случае охотников, является частью религии. Помимо магических петроглифов, изображающие дичь, выполняли сигнальную функцию: сообщали другим охотникам о границах охотничьих угодий, установленных ловушках или местах удачной охоты. Памятники наскального искусства могли быть также местом общих собраний и празднеств. Некоторые из них, такие, как памятники с тысячами изображений в районе фьорда Альтя на севере Норвегии, вероятно, были местами, куда люди приходили ежегодно из самых отдаленных уголков.

Хотя тотемизм связан с мифологическими представлениями, понимаемыми как определенного рода религия, интерпретации наскальных изображений в качестве тотемов имеют и социологический аспект, так как тотемизм отражает характер общественной организации. Исследователи из скандинавских стран часто опровергают тотемные гипотезы, указывая на то, что ни скандинавские народы, ни народ саами не сохранили традиций, свидетельствующих о тотемном значении наскальных изображений. Более того, они отмечают, что низкая плотность населения, жившего на обширных северных территориях в тот период, не могла способствовать возникновению тотемизма. Однако при этом не учитывается тот факт, что религию саами отделяют от религии охотников каменного века тысячи лет. Поэтому не удивительно, что к нашему времени в их культуре не осталось никаких следов тотемизма.

Российские и финские исследователи склонны соглашаться с тотемными интерпретациями. Среди балтийских и финских народов традиция тотемных мифов продолжалась до позднего средневековья, примерно до 1400–1500-х гг. н.э. В пользу тотемной гипотезы говорит тот факт, что охотники продвигались с востока на запад и обратно, о чем свидетельствуют стилистические и другие черты сходства археологических находок, обнаруженных в районе фьорда Альфа (Норвегия) и в районе Завалрути, Бесовых Следков и Бесова Носа на побережье Белого моря. Племена охотников должны были практиковать экзогамию, что могло способствовать распространению феномена тотемизма. Таким образом, изображения антропоморфных фигур в необычных одеяниях и совершающих странные движения следует интерпретировать как изображения шаманов или колдунов.

Сюжеты наскального искусства альпийских и южно-скандинавских групп эпохи бронзы так же сильно отличаются от наскальных изображений севера Скандинавии, как и их общественная структура. Особенность эпохи бронзы в Скандинавии состояла в том, что бронзу завозили в регион издалека, тогда как альпийские районы находились вблизи от центров металлообработки.

Археологические данные говорят о массовом распространении предметов вооружения в основных центрах эпохи бронзы, даже в Южной Скандинавии, прежде всего в Дании. Находки оружия свидетельствуют о появлении в Центральной Европе в эпоху ранней бронзы новой общественной группы – воинов. Можно сделать вывод либо о том, что в эту эпоху велись многочисленные войны, либо о том, что медные рудники и торговые пути, проходившие через альпийские перевалы, нуждались в защите. В районах, где имелись богатые залежи меди, развивались новые технологии и торговля, наблюдался рост благосостояния населения. Экономический рост был стабильным, вследствие чего в некоторых местах высшие слои общества, представители которых ученые называют вождями, могли наслаждаться чрезмерной роскошью, о чем свидетельствуют погребения и находки, сделанные в них, а также украшения из бронзы. Характерной чертой данного периода было то, что эти процессы затронули и менее богатые общества. В ряде районов, таких, как Юго-Западная и Юго-Восточная Швеция, доступ к бронзе был ограничен, поэтому бронзовые изделия не стали обычными, а являлись предметами роскоши, свидетельствующими о высоком статусе их владельца.

Если рассматривать Скандинавию и соседние с ней районы Северной Германии в целом, можно отметить, что археологические данные свидетельствуют о неравномерности развития этих обществ в различных районах, но еще сильнее неравенство проявлялось в распределении ресурсов внутри обществ. Помимо погребений наиболее информативны находки коллекций золотых и бронзовых изделий в кладах. Они особенно часто встречаются в Дании и Южной Швеции, а в других же районах Южной

Скандинавии – довольно редко. Некоторые клады, скорее всего, были запасами мастеров бронзовых дел, однако те из них, что были найдены в болотах, несомненно, прятались там из религиозных соображений. Сохранение кладов, по-видимому, имело важное значение для общества и тех лиц, чье богатство становилось очевидным во время религиозных церемоний. Для кого, по каким причинам и для каких целей устраивались подобные клады, неизвестно. Можно предполагать, что это было связано с какими-то мифологическими представлениями, свидетельства о которых до нас не дошли.

Иерархическая общественная система проявлялась в наличии статусного оружия, например кинжалов, мечей и т.п., а также тех изысканных украшений, которые носили богатые люди, выказывая стремление к роскоши. По всей видимости, обычным было то, что вещи богатых и занимающих высокое положение в обществе людей приобретали символическое значение в менее процветающих районах. Об этом убедительно свидетельствуют сюжеты наскального искусства как в Альпах, так и в Южной Скандинавии.

Вышесказанное объясняет, почему многие исследователи из стран Северной Европы считают наскальные изображения оружия, кораблей, боевых колесниц и лошадей символическими приношениями трансцендентным силам. Согласно новой, еще более смелой гипотезе (*Malmer, 1989*), данные символы служили заменой бронзовых изделий, которые жители бедных районов не могли позволить себе принести в качестве жертв. В данной гипотезе мифологический компонент игнорируется. Гипотеза является весьма перспективной с социологической точки зрения, однако она не вполне отражает мировоззрение людей первобытной эпохи, будучи проявлением «экономического» стиля мышления, типичного для наших дней. Как бы то ни было, если идея о том, что наскальные изображения служили заменой сакральных подношений, и не является общепризнанной, то не согласиться с тем, что некоторые символы имели определенный социальный смысл, нельзя. По-видимому, основным назначением наскальных рисунков было распространение в обществе определенных идей об общественном устройстве, а также в период ломки традиционных идеологий и общественных структур демонстрация того, кто именно обладал властью.

В Альпах, особенно в Приморских Альпах, встречается большое количество символов, таких, как прямоугольники, квадраты, пунктирные линии, закрученные в спирали. Принято считать, что они изображают домашние хозяйства с прилегающими полями, служба, таким образом, своеобразными кадастровыми картами. Однако древние люди не нуждались в картах, так как были знакомы с окружающим ландшафтом с детства. Столь же необоснованной представляется и альтернативная версия, согласно которой различия в размерах хижин и прилегающих участков, якобы изображенных на таких рисунках, свидетельствуют о неравенстве в распределении собственности и власти. В эпоху бронзы не было недостатка в земле, поэтому богатство измерялось не площадью имеющейся земли, а числом рабочих рук и количеством голов скота. Именно последнее, а также контроль над рабочей силой являлись решающими факторами процветания в древности. Разработка медных рудников – еще одно доказательство данного тезиса.

Естественно, что привилегированная прослойка начала утверждать свои интересы. Для легитимизации и сохранения власти ее представители использовали символы и церемонии, которые подчеркивали значимость тех, кто имеет право контролировать богатства. Таким образом, символы социального статуса, высеченные на поверхности скал, могли служить напоминанием о сложившихся в обществе отношениях. Логично допустить, что петроглифы отражали мифы, посредством символов объясняющие

окружающий мир, и одновременно свидетельствовали об отношениях высших и низших слоев общества.

Однако в наскальном искусстве имеется и большое количество сюжетов, таких, как змеи и различные абстрактные символы, которые вряд ли можно рассматривать как показатели общественного положения. Известно, что их прототипы встречаются на бронзовых изделиях, относящихся к галльштатской и кельтской культурам Центральной и Южной Европы, где, вероятно, они были связаны с кельтской мифологией. Торговля через альпийские перевалы способствовала распространению в Северной Италии кельтского влияния, включая религиозные идеи. Здесь оно встречалось и, возможно, сочеталось с микенскими и этрусскими элементами. Ввоз бронзовых изделий приводил к появлению в Скандинавии новых стилей. Нельзя с уверенностью сказать, прибывали ли они непосредственно из ремесленных центров Северной Италии или по какому-либо другому, более сложному маршруту. Также неизвестно, воспринимались ли местным населением мифы и значения символов в оригинальном виде или приспособлялись к местным традициям. Ввоз бронзовых изделий и исходного сырья должен был быть значительным, особенно в Дании – важном центре скандинавской торговли. Именно торговля способствовала развитию ремесленной традиции обработки бронзы, которая с точки зрения истории искусства являлась одной из наиболее интересных страниц данной эпохи в Европе.

Большие объемы импорта бронзы должны были компенсироваться вывозом товаров такой же ценности, которыми могли быть янтарь, меха, сушеная рыба, кремний, а также рабы. С помощью торговли, напрямую или опосредованно, менее развитые районы знакомились с появившимися новшествами. В определенной степени эти идеологические и социальные изменения отражались в наскальном искусстве.

Обобщая вышесказанное, приходим к выводу, что наскальное искусство – полезный источник разнообразной информации, подтверждающей выводы, полученные на основе данных археологических исследований. Кроме того, оно имеет самостоятельную ценность. Это искусство отражало различные проявления духовной жизни, например формирование абстрактных понятий, запечатленных в изображениях и символах. Однако их интерпретации остаются недоказанными гипотезами. В настоящее время среди ученых не пользуются широкой поддержкой утверждения о том, что каждый сюжет в наскальном искусстве имел исключительно религиозное значение, где бы он ни был и к какому бы времени ни относился. Для того чтобы расшифровать смысл и значение наскальных изображений, следует, по-видимому, не только строить гипотезы относительно значения каждого символа, но и уделять больше внимания их сочетаниям. Для этого изучение наскального искусства должно осуществляться повсеместно и опираться на данные археологических исследований. Чтобы понять роль наскального искусства в жизни общества, необходимо проводить исследования его связей с окружающей местностью, близлежащими поселениями, погребениями, коммуникациями и т.п., которые в настоящее время только начинаются. Экономические и социальные аспекты общественного устройства, отраженные в археологических находках и наскальных изображениях, должны подвергаться тщательному анализу; на его основе можно будет сделать убедительные выводы; обобщения и гипотезы относительно религии эпохи бронзы должны строиться на прочном фактическом фундаменте.

Учитывая эти требования к изучению наскального искусства, можно признать, что у ученых появляются новые цели исследования. Важно установить наличие связей между памятниками наскального искусства и современной им культурой, в частности, их взаимное расположение относительно соседних поселений, погребений, коммуникаци-

онных путей, в том числе и водных. Необходимо также обратить внимание на то, как часто встречается тот или иной символ и как он расположен. Несмотря на то что уже сделан важный вклад в решение этих проблем, в целом тема только начинает разрабатываться.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мегалитические погребения и другие памятники (менгиры, мегалиты, каменные круги и т.п.), появившиеся в эпоху ранней бронзы, рассматриваются в гл. 55 тома I настоящего издания.

БИБЛИОГРАФИЯ

Основными языками публикаций по наскальному искусству Скандинавии являются скандинавские. Так как большинство исследователей из других стран ими не владеет, в приведенной библиографии даются отсылки главным образом на англоязычные публикации начиная с 1981 г. Для того чтобы ознакомиться с более ранними работами, см. *Malmer* 1981, где приводится список исследований с 1839 по 1980 г.

- ALMGREN, B. 1967. Den osynliga gudomen [The Invisible Divinity]. Stockholm.
- 1988. Die Datierung bronzezeitlicher Felszeichnungen in Westschwedens. (Acta mus. antiq. septentr. regiae Univ. upsalaensis, 6.)
- ALMGREN, O. 1934. Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkunden. Frankfurt am Main.
- ANATI, E. 1961. Camonica Valley. New York.
- 1964. Camonica Valley. London.
- 1974. Methods of Recording and Analysing Rock-Engravings. Capo di Ponte. (Camunian stud., 7.)
- BERTILSSON, U. 1987. The Rock Carvings of Northern Bohuslän. Spatial Structures and Social Symbols. Stockholm.
- BOSTWICK BJERCK, L. G. 1988. Approaches to Scandinavian Petroglyphs, from Fertility Cults to Graffiti. Festschrift til Anders Hagen, Arkeologiske Skrifter Historisk Museum, No. 4, pp. 301–9.
- BURGTTELLER, E.; LAUTH, L. 1965. Felsgravierungen in den österreichischen Alpenländern. Jahrb. Oberösterreich. mus. ver., Vol. 110, pp. 326–78.
- COLES, J. M.; HARDING, A. F. 1979. The Bronze Age in Europe. London.
- DUMÉZIL, G. 1958. L'Idéologie tripartite des Indo-Européens. Bruxelles.
- GEORGIEV, G. II. 1961. Kulturgruppen der Jungstein und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien / Südbulgarien, Symposium 'L'Europe à la fin de l'âge de la pierre'. Prague.
- GIMBUTAS, M. 1991. Civilization of the Goddess. San Francisco.
- GÖRMAN, M. 1987. Nordiskt och keltiskt. Südsandinavisk religion under yngre bronsålder och keltiskt järnålder. Lund (German summary: Nordisch und Keltisch. Südsandinavische Religion während der jüngeren Bronzezeit und keltischer Eisenzeit).
- HULTKRANTZ, A. 1986. Rock Drawings as Evidence of Religion. In: STEINSLAND, G. (ed.), Words and Objects. Towards a Dialogue between Archaeology and History of Religion. Oslo.
- KAELAS, L. In Press. Interpretation des gravures rupestres protohistoriques du nord de l'Europe. Une remise en question. In: Le Mont Bégo. Laboratoire de Préhistoire du Musée Nationale d'Histoire Naturelle, Institut de Paléontologie Humaine.
- LUMLEY, H. DE, 1984. Les gravures rupestres de l'âge du Bronze de la Vallée des Merveilles Mont Bégo, Alpes Maritimes. L'Anthropologie, Vol. 88, pp. 613–47.
- MALMER, M. P. 1981. A Chronological Study of North European Rock Art. Stockholm. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. (Antik. Ser., 32.)
- 1989. North-European Bronze Age Rock Art. In: NORDSTRÖM, H. Å.; KNAPE, A. (eds), The Bronze Age Studies. Stockholm. (Mus. nat. Antiq. Stud., 6.)
- SAVVATEEV, J. A. 1990. Rock Art from Lake Onega: 4000–2000 BC. Swansons.

АЗИЯ

15.1

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

В.М. Массон

Центральной Азией называется регион, расположенный к востоку от Каспийского моря и к западу от Памира и Тянь-Шаня. Его северные и южные границы более размыты и определяются пустынями Каракумы и Кызылкум на севере и горными районами Ирана и Афганистана на юге. В настоящее время на данной территории расположены республики Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Казахстан, а также северные районы Афганистана и северо-восточные районы Ирана. Топография и ландшафты региона весьма разнообразны, здесь есть бесплодные пустыни, высокие горы, пересеченные цветущими долинами, орошаемые предгорные районы и низинные аллювиальные равнины и дельты.

Основные реки, включая Амударью, текут с Памирских гор на северо-запад и впадают в Аральское море. Зеравшан, основной приток Амударьи, стекает с Гиссарского хребта, питая своими водами Самарканд и Бухару. Далее по течению в Амударью впадает ряд малых рек, текущих с Гиссарского хребта и Памира. Исток Сырдарьи находится в Тянь-Шане, река также течет на северо-запад по направлению к Аральскому морю. Далее к югу, в горных районах Афганистана, берут начало небольшие реки, такие как Балх, который течет на север по направлению к Амударье, однако, не доходя до реки, образует аллювиальную дельту. Реки Мургаб и Теджен текут на север и в районе Каракумов, образуя дельты, теряются в песках. Река Атрек, стекающая с Копетдага, течет в западном направлении и впадает в Каспийское море.

Эти реки определили районы расположения древних поселений. Наиболее важными из них в рассматриваемый период были: низовья Атрека, где формировались культуры Дахистана и Парфии; малые реки северных предгорий Копетдага; реки Теджен и Мургаб, в районе которых появилась классическая культура Маргианы; среднее течение Амударьи и ее притоки, где находилась древняя Бактрия; Зеравшан; низовья Амударьи, где складывалась культура Хорезма.

На юго-западе Центральной Азии неолитические культуры появились довольно рано, к концу VII тысячелетия до н.э. На основе земледельческой джейтунской культуры в V тысячелетии до н.э. развилась местная энеолитическая культура (Намазга I–II). В данной главе рассматриваются основные черты последней стадии энеолита в Центральной Азии (Намазга III), культур эпохи бронзы (Намазга IV–VI) и распространение местных культур эпохи бронзы в Центральной Азии (Маргиана и

Бактрия). Затрагиваются также вопросы развития степных районов на севере региона и их связей с югом Центральной Азии. В то время как на юге сформировались культуры эпохи бронзы, в районе распространения кельтеминарской культуры развивалась смешанная экономика, основанная на охоте, собирательстве и скотоводстве, а также добыче меди и бирюзы. Здесь возводились деревянные и тростниковые жилища. В дальнейшем в степных районах сложился андроновский культурный комплекс, относящийся к эпохе бронзы и сыгравший важную роль в развитии Центральной Азии.

ПОЗДНИЙ ЭНЕОЛИТ (3500–3000 ГГ. ДО Н.Э.)

К концу IV и началу III тысячелетия до н.э. на территории, где в настоящее время располагаются центрально-азиатские республики, быстро развивались земледельческие культуры. Местные общины жили вдоль узкой полосы оазисов, в северных предгорьях Копетдага и дельте Теджена. Земледельческие поселения появились также и на востоке, в районе дельты Мургаба и даже в верховьях Зеравшана, однако главный центр развития духовной и материальной культуры находился в густонаселенных юго-западных районах.

Материальная культура, следы которой были найдены в оазисах Копетдага, четко подразделяется на две основные группы, очевидно, относящиеся к двум разным группам древних племен (*Массон, 1964; Masson & Sarianidi, 1972*). Основными центрами западной группы были поселения в Кара-Тепе и Намазга-Тепе. Площадь поселения Кара-Тепе составляла 8 гектаров, здесь жили около 700 человек. Керамика была украшена оригинальным сложным геометрическим орнаментом и изображениями животных. Типичными центрами восточной группы являются поселения Алтын-Тепе и Геоксюр. В рассматриваемый период поселения Алтын-Тепе значительно увеличилось, заняв площадь в 25 гектаров. Для керамики этой группы типичны полихромные рисованные орнаменты в форме крестов и полукрестов (*Хлотин, 1964; Массон, 1977*). Известна также и третья группа, расположенная в горных районах Западного Копетдага, для которой была характерна серая керамика.

Несмотря на развитие энеолитических центров на юго-западе, неолитические племена охотников, рыболовов и собирателей продолжали занимать большую часть

территории Центральной Азии. Архаические культура и экономика данных общин позволяли удовлетворять минимальные потребности населения (*Masson & Sarianidi, 1972*). В то же время на основе именно этих культур позднее в степных районах развились культуры эпохи бронзы. Раскопки в Саразме, поселении в верховьях Зеравшана (близ Пенджикента в Таджикистане), показали, что неолитические охотники поддерживали непосредственные связи с оседлыми земледельческими общинами: грубая керамика этих племен находится в том же горизонте, что и ярко расписанная керамика оседлого населения (*Исаков, 1986*). Культурное влияние ранних земледельческих цивилизаций на северных соседей было незначительным, проявляясь главным образом в некоторых формах и орнаментировке керамики.

Технологическая и экономическая основа развития земледельческих общин в указанный период значительно расширилась. Внедрение ирригационного земледелия постепенно привело к появлению объединенных ирригационных систем. Примером такой системы служит памятник, найденный вблизи поселения Геоксюр I в дельте Теджена (*Лисицына, 1978*). Длина трех ее каналов достигает 3 км, а ширина – 2,5–5 м; вода попадала на поля по отводным канавам. Схожие ирригационные сооружения возводились и в предгорных районах. На полях выращивали ячмень и пшеницу; сорт возделываемого ячменя требовал ирригации. Кроме того, местные общины разводили скот. Наиболее распространенными видами были овцы и козы, также встречались свиньи и крупный рогатый скот.

Специализированное ремесленное производство являлось важным аспектом экономики. Стандартизированные изделия, производившиеся гончарами, кузнецами и гранильщиками камня, свидетельствуют о профессиональных навыках и все более совершенствующейся технологии. Например, керамика обжигалась в печах, где поддерживалась постоянная температура, поэтому гончары должны были следить за ними очень внимательно. Вероятно, ремесленники занимались своим делом на постоянной основе. Но так как мастерские не располагались отдельно в какой-либо части поселения, ремесленники поддерживали близкие связи с родственниками; ремесленное производство обслуживало общину не через рыночные отношения, а через родственные связи. В русскоязычной литературе подобная форма специализированного производства получило название «общинного ремесленного производства».

Еще одним фактором, повлиявшим на развитие культур Центральной Азии в начале эпохи бронзы, являлась интенсификация межрегиональных связей. Технология производства, формы и декоративные элементы некоторых керамических изделий из Кара-Тепе напоминают керамику Северо-Восточного Ирана. Геоксюрская традиция раскрашенной керамики была известна в Шахр-и-Сохта в провинции Систан в Восточном Иране, влияние этого стиля прослеживается и в находках из таких поселений, как Мундигак. Связи с месопотамским эламским миром проявились в том влиянии, которое данный регион оказал на малые формы искусства и которое могло быть вызвано миграциями племен в южные районы Центральной Азии, а оттуда – в другие регионы. В тот же период торговля все сильнее связывала между собой районы Западной Азии, что стало основой для усиления протоэламского присутствия на Иранском нагорье. Завезенные предметы роскоши, в том числе украшения из ляпис-лазури и сердолика, стали появляться в Центральной Азии во все больших количествах.

Все эти факторы привели к складыванию сложных общественных структур, характеризующихся социальной дифференциацией и имущественным неравенством.

В крупных поселениях находят от 12 до 15 многокомнатных строений с общим кухонным помещением, зер-

нохранилищами и внутренним двором. Этими домами, вероятно, пользовались большие семьи, объединявшие на основе родства обычные семьи. Их экономическая деятельность координировалась большой семьей, ставшей основной общественной единицей. В тот же период появляются коллективные погребения, в которых помещалось от 12 до 20 умерших; считается, что эти погребения принадлежали большим семьям. Встречаются также индивидуальные погребения. В то время как в большинстве одиночных погребений содержится только один или два керамических сосуда, в некоторых из них инвентарь немого богаче. В погребении близ Кара-Тепе было найдено восемь красивых сосудов и большая изящная терракотовая статуэтка, в другом поврежденном погребении – 15 украшенных сосудов и терракотовая статуэтка, изображающая стоящего бородатого мужчину. В женском погребении в Алтын-Тепе обнаружено пять керамических и два каменных сосуда, а также ряд медных предметов. В женском погребении в Саразме найден большой набор украшений, в том числе изделия из золота, лазуритовые и сердоликовые бусы. В этих богатых погребениях, вероятно, похоронены представители высших слоев земледельческих общин: вожди, жрецы и жрицы, чье высокое общественное положение при жизни требовало особого погребального обряда после смерти. Представители верхушки жили в больших поселениях, таких как Алтын-Тепе и Кара-Тепе.

Важной предпосылкой указанных изменений, особенно в области экономики и технологии, являлось накопление знаний. При анализе основных черт древних производств можно составить ясное представление о природе этих знаний. Аграрный цикл нельзя соблюдать не имея календаря, основанного на астрономических наблюдениях. Солярные символы на большой женской терракотовой статуэтке позволяют сделать вывод о том, что годичный цикл состоял из 15 месяцев по 24 дня с пятью «добавленными» днями. Развитие металлургии требовало накопления практических знаний в области химии и физики высоких температур. Судя по находкам соответствующих каменных орудий, металлические руды плавилась непосредственно на территории поселений, а не в местах добычи. Металлообработка предполагала использование разнообразных технологий, включая холодную и горячую ковку, а также литье. Благодаря различным формам высокотемпературной обработки мастера добывались высокого качества металлических орудий. Анализ изделий показал, что холодная ковка повышала твердость медных ножей и топоров (твердость металла на поверхности орудий равнялась 137 кг/кв. мм, тогда как внутренняя твердость составляла всего 80–85 кг/кв. мм). После холоднойковки осуществлялась закалка. Самые чистые металлы применялись для изготовления высококачественных дорогих изделий, тогда как для обычных использовали смешанные окисленные руды. В гончарном деле также прослеживается связь между типами глины и теми изделиями, на изготовление которых они шли. Эти знания, ставшие основой для развития древней науки, применялись в основном в производстве, ремеслах и земледелии.

Прогресс в духовной жизни ранних земледельческих обществ Центральной Азии был более значительным, чем технические достижения. Орнаментированная керамика является одним из лучше сохранившихся элементов материальной культуры первых земледельцев, который изучают археологи. Гончарное дело было практическим искусством, продукция которого использовалась ежедневно. В то же время орнаментировка керамики не была ни примитивной, ни нанесенной на скорую руку, она свидетельствует о целой системе символических орнаментов, отражающих искусство мастера, традиции и местные стили. Рисованные геометрические орнаменты, например в

виде змей, говорят о знании ремесленниками симметрии, композиции и цветовой гаммы. Это искусство передавало в абстрактной форме обычный ритм повседневной жизни, земледельческие производственные циклы. На поверхности керамических изделий также были представлены различные животные. Изображения горных козлов и снежных барсов встречаются довольно часто, что, возможно, связано с системой двойной атрибуции и тотемическими представлениями. Семантические ассоциации здесь также очевидны: например, изображения птиц и солнечных кругов постоянно встречаются вместе, связывая такие понятия, как «птица» и «небо». На некоторых сосудах обнаруживаются целые сюжеты, изображающие несколько животных и символические фигуры, вероятно, имевшие мифологическое значение. Наиболее интересными символами являются ступенчатые кресты и ступенчатые треугольники. Большое количество предметов повседневного пользования, выполненных в одном стиле, формировало определенную эстетическую и духовную атмосферу, играло важную роль в организации и воспитании различных возрастных групп общины.

Предметы, явно связанные с религиозной деятельностью, проливают дополнительный свет на мировоззрение представителей ранних земледельческих культур. Святилища с расположенным в центре ритуальным очагом и возвышением являлись довольно распространенными. В Кара-Тепе два таких святилища примыкали к группе надворных построек, внутренних дворов и зернохранилищ, образуя единый архитектурный комплекс. Он представляет собой ранний вариант храма, в котором совершение ритуальных действий сочеталось с экономической деятельностью, в частности хранением зерна и семян, в интересах всей земледельческой общины. В поселении на территории оазиса Геоксюр были распространены домашние святилища, состоявшие из небольших помещений с круглым очагом (алтарем) в центре, которые располагались в многокомнатных жилых комплексах.

Терракотовые скульптуры, имевшиеся в каждом доме и очень часто помещавшиеся в погребения, также дают представление о культурном мире. Существуют терракотовые статуэтки, наскоро слепленные в виде антропоморфных фигур, которые, по-видимому, использовались только один раз в ходе определенной церемонии. Другие скульптуры тщательно сделаны, иногда они очень массивны. Большинство статуэток представляет женские фигуры, с декором в виде аппликаций или росписью, с подчеркнутыми сложными прическами. Такие статуэтки, иногда выполненные в камне, очевидно, изготавливались для постоянного использования. Эти более тщательно сделанные фигуры, по всей вероятности, помещались в алтари святилищ – на фрагменте раскрашенного сосуда из Кара-Тепе изображены два человека, поклоняющиеся сидящей женской статуе. Подобные статуэтки, возможно, являлись образами женского божества, покровительницы плодородия, богини-матери. Даже если это так, образ богини был сложным и многозначным. Иногда она изображалась со змеей; например, на статуэтке, найденной в одном из погребений, змея изображена ползущей по бедру богини. Змея в данном случае, по-видимому, ипостась богини подземного царства. Сдвоенное святилище в Кара-Тепе означало, что покровителей было двое: богиня плодородия и ее супруг.

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (3000–2500 ГГ. ДО Н.Э.)

Постепенное накопление признаков цивилизации эпохи бронзы в оазисах Копетдага происходило в первой половине III тысячелетия до н.э., в период Намазга IV. В это время различные технологические новации обусловили структурные перемены и развитие существовав-

шей энеолитической экономической базы. Региональные различия в культурах предгорий Копетдага, о которых говорилось выше, сохранились и в этот период. Несмотря на то что поселение в дельте Теджена к данному периоду практически исчезло, геоксюрская традиция расписной керамики и искусства малых форм продолжилась в различных центрах, например в Алтын-Тепе. В западных предгорьях керамика серого цвета стала характерной для таких поселений, как Ак-Тепе, ее образцы были также найдены в могильнике Пархаи. Зона ее распространения лежала между современным Ашхабадом и Горганской равниной в Иране. К концу рассматриваемого периода в Маргиане появилось первое земледельческое поселение (Келлели).

Раскопки в Алтын-Тепе позволили составить ясную картину общего культурного и социального развития в течение всего периода. Поселение в Алтын-Тепе было главным центром, его характеризуют даже урбанистические черты. Массивная стена из сырцового кирпича окружала поселение, занимавшее площадь 26 гектаров. Центральные ворота, по бокам которых стояли две башни, имели ширину 15 м и были разделены стенами на два узких прохода с каждой стороны мощеного центрального коридора. Раскопки в жилой части поселения внутри городской стены и обнаружение пяти последовательных горизонтов на месте строений (Алтын 8–4) позволили сделать вывод о постепенном процессе культурного развития. Жилища ранних горизонтов состояли из одной жилой комнаты и пристроек, окружавших открытый двор. Самое большое строение этого ансамбля, очевидно, использовалось как место проведения ритуалов, о чем свидетельствуют стены с нишами и огромное количество найденных небольших терракотовых ящичков, бока которых украшены орнаментами. Позже появляется новая форма жилища, состоявшего из нескольких комнат, в одной из них находился приподнятый над поверхностью очаг. Площадь самых больших домов такого типа составляет 50–65 кв. м. Их планировка показывает, что здесь жили группы родственных семей, совместно владевших зернохранилищем и выполнявших ритуалы.

Характер погребений свидетельствует о современной им социальной структуре. Некоторые погребения помещались под полом или стенами жилищ. Большинство этих внутренних погребений – детские, хотя встречаются и захоронения взрослых. Их погребальный комплекс обычно минимален и состоит из нескольких сосудов и каменных бусин. Есть и более богатые погребения, как правило, молодых женщин, в которые помещались медные и каменные изделия, включая мраморные светильники. В таких погребениях хоронили людей, обладавших высоким социальным положением и, возможно, выполнявших особые ритуальные функции. Коллективные погребения, помещенные между домами, составляют примерно треть всех погребений. В них содержатся останки двух-пяти человек, а в одном погребении найдены останки 14 человек. Коллективные захоронения, вероятно, были склепами небольших семей. Помимо предметов повседневного пользования в них обнаруживаются предметы, свидетельствующие о высоком социальном положении покойника, например набалдашники жезлов, печати и светильники. Незначительные отличия в богатстве инвентаря, найденного в обоих типах погребений, говорят о том, что социальная структура общины Алтын-Тепе была сравнительно недифференцированной, ее члены не сильно различались по общественному положению, классы еще не сформировались.

В жилой части поселения Алтын-Тепе также очевидны признаки общего технологического прогресса. Основная экономика, по всей видимости, мало изменилась со времен энеолита и включала земледелие и стадное скотоводство с применением тех же приспособлений и ору-

дий. Вероятно, в этот период был одомашнен бактрийский дикий верблюд; глиняные модели повозок говорят о том, что благодаря этим животным значительно увеличились возможности транспортировки грузов. Перемены были еще более очевидны в ремесле, где они проявились в возросшей специализации и повышении мастерства. О прогрессе в гончарном деле свидетельствуют появление гончарного круга и более искусное использование печи для обжига. Распространение быстрого гончарного круга происходило довольно высокими темпами: если в начале периода с его помощью было сделано около 15% керамических изделий, то в скором времени этот показатель составлял уже 90%. Появление быстрого гончарного круга могло быть вызвано развитием техники, использующей вращательное движение, уже относительно давно применявшейся в прядении и изготовлении лучковых сверл. Эта новая технология обусловила единообразие форм сосудов, а массовость производства привела к упадку и исчезновению расписанных изделий, изготовляемых в единственном экземпляре. В этот же период появились двухрядные печи для обжига с отверстием для подачи воздуха, расположенным сверху. Эти технологические изменения улучшили контроль над температурой горения и обжига.

В металлургии также внедрялись значительные технологические новшества. Стали использоваться различные сплавы на основе меди с добавлением свинца, серебра, свинца и мышьяка, свинца и олова. Последний вариант бронзы появился ближе к окончанию эпохи ранней бронзы. Разные сплавы использовались для различных целей. Так, в Алтын-Тепе мышьяковистая бронза применялась для изготовления различных орудий, а бронза с примесью свинца или серебра – для украшений и деталей одежды. Литые и кованные изделия стали широко использоваться, в их число входили булавки с украшенными головками, печати с петлей-ушком на тыльной стороне. Наконец, в Алтын-Тепе плавильные печи, а также каменные орудия, применявшиеся в металлообработке, обнаруживаются на территории всего поселения, рядом и с жилищами и с мастерскими. Тенденция к образованию отдельных ремесленных районов внутри поселения станет преобладающей в последующий период. Так, район плавильных печей существовал на окраине поселения Хороз-Тепе. Сходные процессы специализации проявлялись и в других ремеслах. Анализ, предпринятый при изучении остатков орудий, применявшихся в ткацком деле, обработке кожи, камня и кости, позволил сделать вывод об усложнении используемых технологий. Прогресс в технологии и экономике способствовал культурному развитию, которое достигло своей вершины в следующий период. Технологический и экономический прогресс в конечном счете обусловил переход к городскому образу жизни.

В искусстве, представленном расписной керамикой, проявилась тенденция к использованию ярких цветов. Геометрические орнаменты образуют единообразные и динамичные структуры, в которых трудно выделить отдельные элементы. Встречаются также натуралистические сюжеты, такие как изображения коз, деревьев и змей, свернувшихся кольцами. Деревья изображаются либо отдельно, либо группами, иногда рядом с ними стоит коза. Подобные рисунки, вероятно, отражают представления о древе жизни, весьма распространенные и в других культурах во всем мире. Изображения креста, двух- и четырехступенчатой пирамиды, несомненно, имели свое особое семантическое содержание. Они вырезались на боковых панелях терракотовых ящичков (часто имевших четыре ножки), которые, по всей видимости, использовались в ритуальных целях. В пархайском могильнике найдены прямоугольные ритуальные сосуды на четырех ножках. Эти погребальные сосуды украшены по углам маленькими светильниками, изображениями голов баранов и быков вдоль

края и свернувшихся змей по бокам. Такая сложная семантическая композиция, должно быть, представляла тройную иерархическую модель вселенной, в которой огонь символизировал солнце, копытные животные – земную твердь, а змеи – подземный мир. Кресты также часто встречаются на печатях и клеймах. Вероятно, печати имели двойное предназначение, выполняя функции талисмана и являясь символом власти.

Трансформацию культурных систем иллюстрируют и изменения в формах терракотовых статуэток. Первоначально наиболее распространенными были трехмерные изображения сидящих женщин, являвшиеся продолжением геоксюрского стиля. Постепенно эти статуэтки и их раскраска становятся все примитивнее. В то же время фигуры становятся более плоскими, детали на них выделяются с помощью глиняных аппликаций, а не раскраски. Аппликациями особенно часто украшались статуэтки из серой глины в западных предгорьях Копетдага. Более того, на самих статуэтках появляются новые символы. Так, высеченные зигзаги покрывают массивную женскую статую из Хороз-Тепе, вероятно, представлявшую богиню или покровительницу воды, благосклонность которой была жизненно необходима для земледелия. Фигурка, укрепленная на груди еще одной женской статуэтки, подчеркивает традиционную функцию покровительницы плодородия.

Подводя итоги, можно сказать, что в оазисах Центральной Азии в указанный период происходили процессы постепенной культурной эволюции и аккумуляции технического потенциала, что в итоге обеспечило быстрое духовное и культурное развитие региона в эпоху средней бронзы.

СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (2500–2000 ГГ. ДО Н.Э.)

Кульминация развития цивилизаций эпохи бронзы характеризуется тремя главными чертами: ростом местных городских центров в предгорных районах, распространением оседлого образа жизни на территории новых оазисов в дельте Мургаба, установлением прочных связей с соседними регионами, включая Афганистан, Иран, Белуджистан, долину Инда и Месопотамию.

В предгорьях Копетдага городская цивилизация начала зарождаться в третьей четверти III тысячелетия до н.э. Наиболее изученным городским центром является Алтын-Тепе, однако были и другие. Поселение в Намазга-Тепе, например, достигло размеров в 50 гектаров и установило контроль над большим районом, расположенным вдоль реки, на территории которого имелись небольшие поселения, такие как Тайчана-Тепе, Шор-Тепе и Коша-Тепе. Хотя по соседству с Алтын-Тепе небольшие поселения деревенского типа найдено не было, они, скорее всего, существовали. Их обнаружение затруднено, потому что к настоящему времени толщина речных наносов достигла 2 м. Весьма вероятно, что Алтын-Тепе и Намазга-Тепе были городами-государствами, контролирующими оазисы Копетдага. Однако даже в период расцвета эпохи бронзы процесс складывания государств шел не очень быстро: в обоих городах не найдено ни царских погребений, ни дворцовой архитектуры.

В ходе раскопок в Алтын-Тепе выяснилось, что город делился на различные районы или кварталы. Квартал гончаров, например, располагался в северной части города и занимал около 2 гектаров, там найдено около 50 печей для обжига. Металлурги и кузнецы жили в другом квартале, на территории которого обнаружено большое количество орудий для обработки металлов. В этих, а также в обычных жилых кварталах вдоль кривых улочек стояли многокомнатные дома. Такие кварталы отличались от районов для высших классов, в которых улицы были прямыми и пересекались под прямым углом, а жилища – просторны-

ми и лучше выстроенными. В свою очередь, все жилые районы отличались от ритуального центра. Он состоял из ступенчатого строения высотой 12 м, напоминающего башню, окруженного хранилищами, мастерскими и могилами, где хоронили жрецов.

Судя по сложной структуре, очевидной социальной дифференциации и множеству экономических функций, Алтын-Тепе не был просто большим земледельческим центром. Центральное расположение храмового комплекса могло означать, что светская власть была ограничена теократией. В тот период в Алтын-Тепе жило приблизительно 6000–7500 человек, разделенных на социальные группы, различающиеся условиями и образом жизни. Социальные различия, в свою очередь, могли быть обусловлены определенным положением человека в системе производства и распределения.

Ремесленный квартал гончаров, например, состоял из многокомнатных строений, схожих с домами, в которых жили большие семьи в поселениях эпохи позднего неолита. В коллективных погребениях данного района найдено только небольшое количество глиняных сосудов, а погребенные тела были просто обернуты в тростниковые подстилки. Эти материальные атрибуты свидетельствуют о самом низком общественном положении умерших. Средние слои общества объединяли более состоятельные семьи, жившие отдельно в «квартирах» из пяти или шести комнат с кухонным помещением. Такие семьи погребали умерших рядом с домами; обычно в данных погребениях находят не только керамику, но и бронзовые кольца, каменные бусы, терракотовые статуэтки и металлические печати. Представители высших слоев жили в больших и просторных резиденциях. В коллективных погребениях рядом с ними находят богатые наборы печатей, статуэток, браслетов, каменных бус и поясов; тела в них обернуты в красивые шерстяные ткани. В индивидуальных погребениях в том же районе иногда помещался необычный инвентарь. В одном случае в мужском погребении кроме традиционных бус и сосудов найдены массивная «колонна» из белого мрамора и длинный каменный жезл. В другом случае в погребение молодой женщины был помещен богатый набор туалетных принадлежностей, включая керамические и мраморные сосуды, медные изделия, серебряное зеркало и украшенный жезл из слоновой кости явно индийского происхождения. Подобный необычный погребальный инвентарь, вне всякого сомнения, свидетельствовал об особом общественном положении умершего, принадлежавшего к духовной или светской аристократии.

Жезл из слоновой кости из погребения в Алтын-Тепе, о котором говорилось выше, является не единственным свидетельством связей с Индией. Были найдены и другие изделия из слоновой кости, такие как ряд квадратных печатей харалпского происхождения. Многие изделия из Алтын-Тепе могут быть датированы началом периода Намазга V, 2500–2400 гг. до н.э. Городская, зрелая, фаза харалпской цивилизации также сложилась примерно в 2500 г. до н.э. Ее представители вскоре основали по крайней мере одно поселение в Центральной Азии, в районе Шортугая в верховьях Амударьи на территории Восточной Бактрии (Francfort, 1989). Вероятно, это была колония, в задачи которой входило установление контроля над путями торговли ляпис-лазурью от Бадахшана далее на восток. Наличие индийских изделий в Алтын-Тепе говорит о существовании торговых связей между различными регионами. В этот же период Центральная Азия развивала связи с расположенными на западе Ираном, Эламом и Месопотамией. Месопотамский зиккурат мог послужить моделью для ступенчатой башни в ритуальном центре Алтын-Тепе. Различные произведения искусства также обнаруживают влияние западных стилей.

Прогресс различных областей Центральной Азии в период расцвета эпохи бронзы отражает быстрый рост

накопленных знаний, который шел параллельно с усилением социальной дифференциации, усложнением экономических отношений и технологии. Несмотря на то что археологические находки свидетельствуют о некоторых практических проявлениях данных знаний, о сути и диапазоне этих знаний современные ученые могут судить лишь предположительно.

Ирригационное земледелие повсеместно оставалось основным видом экономической деятельности. Данный факт предполагает существование общепринятой календарной системы, связанной с аграрным циклом. Развитие астрономических наблюдений и рост знаний в этой области, по всей видимости, повлияли на распространение астральной символики, которая особенно хорошо представлена в ритуальном центре в Алтын-Тепе. На каменной плите, найденной на его территории, обнаружены изображения креста и полумесяца; в погребение жреца было помещено золотое изображение головы быка, украшенное символом луны. Сияющие звезды есть на ряде терракотовых статуэток, представляющих одну из ипостасей женского божества, богиню неба.

Культивирование новых видов растений и разведение новых видов домашних животных требовало накопления эмпирической информации в области биологии для проведения более эффективной селекции. Так, например, в Алтын-Тепе была выведена особая порода собак. Они были высокими и массивными, с широкой грудью, короткими мордами и мощными челюстями. Терракотовые статуэтки, изображающие эту породу собак, показывают, что им купировали уши и хвост. Они весьма похожи на современных среднеазиатских овчарок и, очевидно, также использовались для охраны стад.

Качество гончарных изделий значительно возросло благодаря повсеместному внедрению двухрядных печей для обжига, позволявших контролировать температуру процесса. Эти сооружения стали технической базой массового производства высококачественных стандартизированных сосудов. Прослеживается также более избирательный подход к выбору сырья (глины, красок). В металлообработке проходили схожие процессы повышения качества, связанные с внедрением специализированных технологий. Так, для производства серебряных печатей применялась техника литья по восковой модели. Иногда после отливки на печати с помощью гравировки наносилось изображение трехголового дракона.

Городская фаза развития цивилизации недолго господствовала в предгорьях Копетдага. Около 2200 г. до н.э. площадь поселения Алтын-Тепе сократилась, а поселение Намазга-Тепе было практически заброшено. В этом районе обнаружено несколько других поселений, относящихся к рассматриваемому периоду. В то же время на востоке, в оазисах Келлиели, Гонур и Тоголок в дельте Мургаба, появляются небольшие поселения городского типа. Их материальная культура по своим основным характеристикам практически совпадает с культурой эпохи средней бронзы в Алтын-Тепе. Эти культурные соответствия с цивилизацией Намазги говорят о том, что общины с запада колонизировали берега Мургаба, принеся с собой на новое место традиции производства керамики, терракотовых женских статуэток и металлических печатей. Новые поселения в дельте Мургаба стали основой для развития цивилизаций Маргианы и Бактрии.

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК (2000–1500 ГГ. ДО Н.Э.)

Около середины II тысячелетия до н.э. в Центральной Азии и соседних регионах произошли фундаментальные исторические и социальные изменения. В предгорьях Копетдага (несколько поселений (площадью, не превышающей несколько гектаров) сменили городские центры.

Иногда они возникали на руинах бывших городов (например, в Намазга-Тепе, Анау, Улут-Тепе) или на новых местах (Теккем-Тепе, Элкен-Тепе). Появились и отдельные могильники (Янги-Кала). Поселения состояли из массивных домов, сложенных из необожженного кирпича, как и в более ранние времена. Упадок проявился в других областях материальной культуры: керамические изделия стали более грубыми, производство терракотовых женских статуэток и печатей резко снизилось.

В то время как бывший центр цивилизации на востоке Центральной Азии переживал упадок, в долине Мургаба (древняя Маргиана) и в среднем течении Амударьи (древняя Бактрия) образовались новые, активно развивающиеся центры. В этот же период, особенно во второй половине II тысячелетия до н.э., степные племена усилили свою экспансию, достигнув Северного Афганистана. Контакты между культурами подразумевали взаимное влияние и сосуществование и обусловили начавшийся культурный синтез.

Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК)

Эпоху поздней бронзы в Маргиане и Бактрии можно разделить на два периода. В течение первого периода, в 2000–1750 гг. до н.э., в Маргиане сложился гонурский комплекс, а в Бактрии – сапаллийский и дашлийский комплексы. Второй период – 1750–1500 гг. до н.э. (тоголокский комплекс в Маргиане и джаркутанский комплекс в Бактрии) (*Массон*, 1959; *Сарианиди*, 1977, 1990; *Масимов*, 1979; *Аскар*, 1973, 1977; *Аскар* и *Абдуллаев*, 1981). Для первого периода характерно впечатляющее единство материальной культуры, названное учеными бактрийско-маргианским археологическим комплексом.

Поселения образовывали группы городов и деревень в оазисах дельты Мургаба, вокруг небольших притоков Амударьи таким же образом группировались поселения Бактрии. Жители обоих регионов занимались ирригационным земледелием; по каналам вода из Мургаба и Амударьи попадала на поля, где возделывались пшеница, турецкий горох и виноград. Стадное скотоводство также являлось важной сферой экономической деятельности. Основными видами домашних животных были овцы и козы, выращивались крупный рогатый скот, а также свиньи, лошади, верблюды и ослы. Одомашненная лошадь была заимствована из казахских степей. В ходе археологических раскопок кости свиней обнаруживают довольно часто, что свидетельствует о стабильном снабжении водой.

В обоих регионах в группах поселений выделялись более крупные, площадь которых превышала 5 гектаров. Примерами таких поселений городского типа являются Таип I (12 гектаров) и Гонур (28 гектаров) в Маргиане и Сапалли-Тепе в Бактрии. В больших поселениях обычно находят остатки крепостных сооружений, примыкающих к аморфным возвышениям, свидетельствующим о том, что здесь находилось поселение. Крепости были квадратными, с круглыми башнями по углам, их площадь достигала 1,5 гектара. В городах выделялись ремесленные кварталы, в которых находились печи для обжига и плавки и производились керамические и металлические изделия. В отдельных городах, например в Тоголоке 21 и Джаркутане, имелись культовые центры, окруженные стенами. В джаркутанском культовом центре на мощном дворе между четырьмя колоннами располагался алтарь. Здесь же находились хозяйственные постройки и хранилища. В поселениях деревенского типа, в отличие от городов, не было крепостей и специализированных ремесленных кварталов, их площадь составляла от 0,5 до 3 гектаров. Большие поселения можно считать городами, к которым примыкали деревни. Эта структура явля-

ется основанием для появления городов-государств, хотя нет прямых доказательств того, что общества эпохи поздней бронзы достигли этого уровня политической организации.

Анализ погребений показал сравнительно высокий уровень процветания общин БМАК. В могильнике близ Джаркутана было около 700 погребений, тогда как в Сапалли-Тепе обнаружено только 100 погребений. Грабители раскопали огромное количество бактрийских погребений и продавали находки на черном рынке (*Pottier*, 1984). В погребениях обычно содержится значительное количество разнообразных предметов, иногда до 30 керамических сосудов и 12 бронзовых и медных изделий. Женские погребения из Сапалли-Тепе значительно богаче мужских, а такие признаки власти, как печати, встречаются только в женских погребениях. Этот обычай свидетельствует о том, что женщины, по крайней мере принадлежавшие к высшим слоям общества, по положению были равны мужчинам. Весьма интересна находка боевого топора, говорящая о возросшем значении оружия. Большое число кенотафов, вероятно, отражает увеличение числа военных столкновений. В кенотафе из Сапалли-Тепе найдены бронзовый топор и копье, что наводит на мысль о том, что он был возведен в память о воине, погибшем в каком-то другом месте. Часто в кенотафах погребальный инвентарь значительно богаче, чем в индивидуальных захоронениях.

Материальная культура первых поселений Маргианы, таких как Келлиели, была в значительной степени связана с традициями намазгинской цивилизации, однако довольно скоро она трансформировалась в культуру с характерными для БМАК чертами. В отличие от хаотичной планировки жилищ в старых городах, таких как Алтын-Тепе, в поселениях БМАК планировка строений была более упорядоченной. Характерным строением стал дом, квадратный в плане, окруженный стеной с проходом. Крепостные сооружения и культовые центры в большем масштабе воспроизводили тот же план. Как считает В. Сарианиди, в поселении Тоголок 21 имелся культовый центр подобного типа (*Sarianidi*, 1986b). Это сооружение, прямоугольное в плане, окружала внешняя стена размером 50 м x 60 м и толщиной 4 м, по углам которой располагались круглые башни. За этими стенами размещались строения, комнаты которых были покрыты штукатуркой.

В подобных строениях обнаружены узкие комматывкладовые и большие сосуды, которые также могли использоваться для хранения припасов. На территории комплекса найдены сосуды с носиками, пригодные для совершения обрядов возлияний, многочисленные маленькие каменные колонны, голова каменной статуи быка и массивный бронзовый боевой топор.

Количество женских статуэток в этих комплексах резко снизилось, а их стиль изменился. Довольно распространенными стали грубо сделанные скульптурные антропоморфные изображения. Фигурками людей, змей и животных иногда украшали культовые сосуды. Значительные стиливые изменения претерпела глиптика (*Сарианиди*, 1976; *Масимов*, 1981). В эпоху бронзы в Маргиане производилось три типа печатей. Первый – плоские бронзовые печати с петлей-ушком, например такие, как найденные в Келлиели. Форма и декор в виде геометрических и зооморфных мотивов этих печатей продолжали традиции Алтын-Тепе. Большие печати с более разнообразным декором, очевидно, являются развитием этой ранней традиции. Второй тип печатей представлен плоским каменным амулетом с проделанным горизонтально отверстием, в которое продевался шнур. Формы этих печатей, например ступенчатый крест, также относятся к центральноазиатской традиции. В то же время в их стиль и декор вносились и некоторые новые элементы, включая изображения орла с расправленными крыльями, быков, сражающихся с дракона-

ми (рогатыми змеями), и героев, держащих в руках двух побежденных животных. Данная иконография свидетельствует о месопотамско-эламском и хараппском влияниях. Третий тип глиптики представлен цилиндрическими печатями со сложными мотивами и сюжетами, которые часто размещались в два ряда. Данные печати также отражают месопотамско-эламскую традицию, присутствие которой в Центральной Азии свидетельствует о сложных процессах культурного синтеза.

Состав используемых сплавов остался прежним. Их выбор определялся технологическими требованиями, предъявляемыми к изделию. В Сапалли-Тепе найдено 220 металлических предметов, 90% которых было сделано из сплавов; 19% изделий изготовлено из бронзы с добавлением олова. Бронза с примесью олова редко встречалась в предгорьях Копетдага, которые сильно удалены от источников этого металла. Количество металлических изделий резко возросло, особенно в Бактрии. Наибольший интерес представляют художественные изделия из бронзы: церемониальные топоры, зеркала с ручками в виде антропоморфных фигур, булавки с резными головками и рельефные сосуды, украшенные небольшими скульптурными изображениями.

Один из самых любопытных аспектов развития этих центральноазиатских культур состоит в появлении их следов в отдаленных местах. Керамику, печати, каменные сосуды, металлические изделия и другие предметы, характерные для БМАК, находят в погребениях во многих местах Южного Ирана и Западного Пакистана. Находки, сделанные в Мергаре VIII, Сибири и других местах равнины Качи, к западу от долины Инда, особенно впечатляют. Эти перемещения изделий и (возможно) людей, принадлежавших к БМАК, являются предметом активных дискуссий. Языковая принадлежность народа или народов БМАК остается одним из их главных вопросов. Некоторые исследователи предполагают, что распространение культуры БМАК в южном направлении вплоть до границ долины Инда свидетельствует о появлении в регионе индоиранской языковой группы (*Hiebert & Lamberg-Karlovsky*, 1992).

На втором этапе эпохи поздней бронзы (1750–1500 гг. до н.э.) культуры Маргианы и Бактрии претерпели значительные изменения. Поселения в дельте Мургаба стали перемещаться южнее после того, как река начала высыхать. Поселения Бактрии переносились восточнее. Новые поселения, как правило, имели небольшие размеры, хотя среди них встречаются и довольно крупные, например Тахирбай в Маргиане (около 20 гектаров). Многие черты, характерные для БМАК, такие как керамика и глиптика, первоначально продолжали сохраняться. В больших количествах встречаются керамика и предметы степного происхождения, относящиеся к эпохе бронзы. В то же время многие важные традиции прервались. Так, при раскопках в Кучук-Тепе на юге Узбекистана обнаружены керамика и другие предметы материальной культуры, сильно отличающиеся от культуры БМАК. На территории этого поселения были найдены следы укреплений, построенных на фундаменте из сырцового кирпича, что нехарактерно для архитектурного стиля БМАК.

В тот же период, когда на востоке происходили указанные изменения, предгорья Копетдага вновь начали заселяться, о чем свидетельствуют такие памятники, как «башня» из Намазга-Тепе, южный холм в Апау и поселение Экин-Тепе. Большая часть этих поселений имела небольшие размеры, поселений городского типа было очень мало (одно из них – поселение Экин-Тепе, занимавшее около 20 гектаров). В данном районе исследован также сумбарский могильник, который датируется концом эпохи поздней бронзы. Найденная здесь керамика, схожая с изделиями из Сиалка и Хурвина в Иране, вызвала дискуссии о продвижении на запад носителей иранских языков и о происхождении мидян и персов.

Степные районы в бронзовом веке и распространение индоиранских языков

В тот период, когда быстро развивались городские культуры юга Центральной Азии, на севере региона также происходили важные изменения. В степных районах на основе групп первобытных охотников сложились общины эпохи бронзы, занимавшиеся скотоводством и земледелием. Эти северные племена вели кочевой образ жизни в отличие от своих соседей на юге. Северные группы эпохи бронзы изучены довольно неравномерно.

Во II тысячелетии до н.э. на обширных территориях Казахстана и Южной Сибири сформировался андроновский культурный комплекс. Культуры, входившие в него, практиковали земледелие или смешанную экономику, основанную на земледелии и скотоводстве. Крупный рогатый скот играл более важную роль в степных и лесостепных районах, тогда как овец и коз разводили в основном в полупустынях и предгорьях. Эти культуры были знакомы с технологией изготовления бронзы, они возводили укрепленные поселения и использовали колесницы с впряженными в них лошадьми.

Именно в евразийских степях была одомашнена лошадь и изобретена легкая двухколесная колесница, что имело огромное историческое значение. Лошадь впервые была одомашнена в Северном Причерноморье в IV тысячелетии до н.э. (*Anthony*, 1986), но ее использование в качестве тяглового животного для колесниц началось позднее. Первым памятником, свидетельствующим об этом, является курган в Синташте (Южный Урал), относящийся к XVII–XIV вв. до н.э. (*Ленинг*, 1977). Земляной курган покрывал яму, выложенную бревнами, в которую была помещена колесница с колесами с 10 спицами. Останки лошадей также находят в обычных погребениях и в курганах, куда они, очевидно, помещались в качестве жертвоприношений. Распространение на юг лошадей, повозок и, разумеется, самих степных жителей сыграло важную роль в истории Центральной Азии и прилегающих к ней регионов (*Masson & Sarianidi*, 1972).

Тогда как основные центры степных культур находились вне Центральной Азии, некоторые группы степняков продвигались на юг, ассимилируя или завоевывая местное население. Возле Хорезма, в низовьях Амударьи, были найдены памятники, относящиеся к тазабагыябской культуре, входящей в андроновский культурный комплекс (*Итмина*, 1977). Около 50 тазабагыябских поселений имеют небольшие размеры, состоят из двух или трех крупных жилищ, построенных из бревен, с полом, находящимся немного ниже уровня земли. В этих поселениях жили около 100 человек, среди которых были и мастера по металлу. Представители тазабагыябской культуры практиковали ирригационное земледелие в дельте Амударьи, отводя воду из рукавов с помощью каналов.

Схожая культура была распространена в низовьях Зеравшана. Следы пребывания степняков встречаются в горных районах. В ходе раскопок в Заманбабе было найдено поселение и могильник. Представители данной культуры жили в полужемлянках и производили грубую керамику, часто с круглым дном. Однако эти племена обрабатывали бронзу и торговали с оседлыми общинами юга региона. В могильнике Даштикозы, расположенном в верховьях Зеравшана, в 60 км к востоку от Пенджикента, найдены металлические изделия и керамика, типичные для андроновской культуры. Схожие находки были сделаны в ряде поселений, расположенных в горных районах юго-запада Таджикистана.

В зонах взаимодействия степных культур с оседлыми земледельческими культурами юга их черты смешивались. В могильнике Даштикозы использование красной охры в погребальных обрядах и наличие фрагментов угля у оснований погребений свидетельствуют о влиянии андронов-

ской культуры, в то же время архитектура погребальных сооружений следует традиции катакомбных погребений Сапалли (*Потемкина*, 1987; *Исаков и Потемкина*, 1989). Керамика из Даштикова была сделана на гончарном круге, что, очевидно, говорит о том, что она была произведена в оседлых поселениях южных оазисов. Бешкентская и вахшская культуры юга Таджикистана (*Piankova*, 1981) являются примерами этого смешения культур, в которых оседлые поселения и земледелие сочетались со скотоводством. Многие изделия из керамики, найденные в бешкентских погребениях, похожи на керамику последнего периода эпохи поздней бронзы на территории Южного Узбекистана. Судя по последним находкам, керамика из южных сельскохозяйственных районов в качестве экзотических предметов роскоши распространилась вплоть до Северного Казахстана, где она встречается на территории памятников андроновской культуры.

Свидетельства контактов также обнаруживаются в Маргиане и Бактрии. На территории многочисленных постоянных поселений Маргианы были найдены фрагменты грубой керамики с простым резным орнаментом, которая резко отличается от обычной керамики региона (*Сарианиди*, 1975). Керамика этого типа является характерной для культур степных районов эпохи бронзы. Находки ее фрагментов в Маргиане свидетельствуют о продвижении жителей степей в южном направлении и их возможном слиянии с обитателями укрепленных поселений городского типа. Кремация – типичный для района степей обряд – также стала встречаться на юге. В джаркутанском могильнике найдены каменные сосуды, содержащие кремированные останки, хотя трупосождение было совершенно нехарактерно для местной традиции погребений, но довольно часто встречается в андроновских могильниках.

Имеющиеся археологические свидетельства позволяют сделать несколько заключений, касающихся генезиса культур и этногенеза, протекавших в тот период миграций племен. Степняки, имевшие традиции скотоводства, активно проникали в Центральную Азию. Крупный рогатый скот составлял основу их стад. Во главе этих степных племен стояла военная аристократия, использовавшая колесницы и бронзовое оружие. Некоторые из этих переселившихся племен постепенно начали взаимодействовать с оседлым населением оазисов, что привело к их культурной ассимиляции. В свою очередь, оседлые культуры оказывали влияние на соседние степные племена. Андроновская культура именно в этом отношении отличается от современных ей культур Казахстана и Южной Сибири.

Археологические данные, относящиеся к эпохе поздней бронзы, можно объяснить с помощью теории, согласно которой во II тысячелетии до н.э. после распада индоиранской историко-языковой общности индоиранские племена расселились (*Zaebner*, 1961; *Boyce*, 1975). Лингвистические данные убедительно показывают, что эти племена активно практиковали скотоводство, именно обладание скотом служило у них мерой богатства и процветания. Боевые колесницы (в иранской традиции – *rata* (*rata*), в индийской традиции – *patkha* (*ratkha*) играли очень важную роль; то же можно сказать и о воинах (*patishatruhi*, «стоящие на колесницах»). Исследователи давно связали продвижение групп андроновской культуры на юг с появлением в Индии носителей индоиранских языков с северо-запада. Однако имеющиеся данные не позволяют точно идентифицировать отдельные археологические культуры с определенными этническими группами II тысячелетия до н.э. Весьма вероятно, что в оазисах Бактрии и Маргианы шло два параллельных процесса: языковая ассимиляция местного населения и культурная трансформация переселенцев. Различная интенсивность взаимодействия обусловила формирование сложной ар-

хеологической картины. Как бы то ни было, нет убедительных аргументов, которые опровергли бы вывод о том, что в Центральной Азии в этот сложный период миграций, военных конфликтов и взаимной ассимиляции шло образование индоевропейского этноса. Появление во II тысячелетии до н.э. на границе долины Инда объектов материальной культуры, относящихся к БМАК, возможно, является археологическим свидетельством распространения этого этноса.

Процессы культурного синтеза в Центральной Азии стимулировали развитие культур путем их взаимообогащения и обмена опытом. Уже накопленная система практических знаний послужила основой для дальнейшего прогресса. Особенно значительным он был в металлургии, масштабы и специализация которой чрезвычайно возросли. Контроль над залежами руд в Центральном Казахстане был важным источником власти и богатства для андроновских общин. На местных рудниках добывались такие необходимые в эпоху бронзы металлы, как медь и олово. Важнейшими центрами металлургии были районы Атасу и Миржика. Выплавка меди и олова росла постоянно, в бронзу добавляли мышьяк, сурьму и свинец (*Кузнецова*, 1987). Пропорции металлов в сплаве зависели от последующего использования его для изготовления орудий труда либо предметов вооружения: орудия ударного действия содержали 4% олова, режущие – 5–9% олова, колющие и строительные орудия – 9–12% олова. В местных центрах металлообработки постепенно сложилась своя технология и часто особые типы изделий. Например, в районе Смиречья (*Кузьмина*, 1970) в эпоху бронзы широко применялись оловянно-свинцовые сплавы. Судя по редкости примесей, в этом центре использовались местные руды. Контакты с севером также способствовали технологическому прогрессу в южных оазисах, которые получали руды и технологические знания из довольно отдаленных регионов. Металлические изделия из Сапалли-Тепе были сделаны из мышьяковистой бронзы, оловянистой бронзы, мышьяковистой бронзы с примесью свинца и мышьяковисто-оловянистой бронзы (*Аскаров*, 1977). Состав этих сплавов позволяет говорить о том, что мастера пользовались полиметаллическими рудами.

Изменения в архитектуре также отражали проходившие процессы слияния традиций. «Правильная» архитектура с квадратными планами могла иметь степное происхождение. Поселение, прямоугольное в плане, размерами от 60 м x 95 м до 70 м x 120 м, окруженное рвом и валом, впервые появляется в андроновском культурном комплексе. Большой интерес также вызывает так называемый круглый храм в Дашли 3 на севере Афганистана, поскольку известно, что овальные хижины и «столбовые» жилища полумесячного типа являются типичными для районов, находящихся вне границ оазисов. Андроновские поселения на юге Урала следуют данной модели до мельчайших деталей. Северные каноны религиозной архитектуры могли быть заимствованы жителями южных оазисов, несмотря на то что сырцовые кирпичи больше подходили для сооружений с прямоугольным планом.

Значительные изменения произошли также в духовной сфере. В южных оазисах пресеклась традиция изготовления терракотовых женских статуэток. В более ранние периоды они были почти в каждом жилище и часто помещались в коллективные погребения; их исчезновение отражало важные изменения в обрядах и культах местного населения. Повсеместно в храмах Бактрии и Маргианы стали появляться огненные алтари, однако до сих пор не ясно, в честь какого божества возжигались священные костры. Сосуды, явно предназначенные для ритуальных целей, теперь встречаются очень часто. Некоторые исследователи предполагают, что эти сосуды служили вместилищем для хорошо известного священного напитка *самы*, упоминания о котором есть в индоиранской мифологии. В рели-

гиозном центре Тоголок 21 был найден целый набор таких сосудов. Однако в них могло храниться и простое вино.

Иконография печатей также дает возможность больше узнать о духовной культуре данных обществ. Некоторые исследователи сделали попытку идентифицировать бактрийский пантеон на основе глиптической иконографии (*Sarianidi*, 1986a). Появление нового, удивительно динамичного и высокохудожественного стиля изображений на квадратных печатях-амулетах уже само по себе было значительным явлением. Сюжет, представляющий крылатых змееподобных драконов, нападающих на быков и других животных, мог отражать противоборство разумных сил. Еще одним важным элементом иконографии печатей Маргианы и Бактрии стали изображения птиц. Они представляют двух птиц, сидящих на дереве, летящих птиц и стаи птиц. Птицы и птицеподобные существа были важной составляющей индоиранской мифологии.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (1500–600 ГГ. ДО Н.Э.)

Культурные изменения, произошедшие в первой половине II тысячелетия до н.э., были только предвестниками фундаментальных сдвигов в Центральной Азии. На юго-западе Туркмении, в районе Дахистана в низовьях Атрека, вновь в больших масштабах стали появляться поселения; некоторые из них, такие как Мадау, Изаткули и Тангсикилджа, занимали площадь до 100 гектаров. Большая интегрированная система ирригации служила для поддержания экономики этих поселений (*Лисицына*, 1978).

Язская культура развивалась на территории оазисов, расположенных к востоку от верховий Атрека, в предгорьях Копетдага и в Маргиане, возможно, распространилась вплоть до Ферганской долины. Язские поселения были в основном меньше по размерам, чем в предшествующий период, однако на их территории продолжали возводиться цитадели, построенные на твердом основании в несколько метров высотой. Разветвленная система ирригационных сооружений доставляла воду на поля, где возделывалась пшеница, несколько сортов ячменя, рожь, турецкий горох и виноград. *Канаты*, системы подземных туннелей и колодцев, приносившие воду с отдаленных горных склонов, появились в I тысячелетии до н.э. в таких поселениях, как Улуг-Тепе, располагавшемся в предгорьях Копетдага (*Piankova*, 1981). Этот прогресс в развитии типов поселений и в некоторых технологических аспектах сопровождался и рядом регрессивных изменений. Так, сократилось использование гончарного круга, керамика ручной лепки стала повсеместной. Некоторые керамические изделия украшались простым расписным геометрическим орнаментом, что было очевидным возрождением традиций эпохи ранней бронзы.

Предпринимались попытки объяснить эти явления миграциями племен. Однако до сих пор не найдено убедительных доказательств, свидетельствующих о появлении в Центральной Азии или соседних регионах какой-либо новой культурной традиции. Более правдоподобной выглядит точка зрения, согласно которой указанные перемены были обусловлены трансформациями местных культур, вызванными формированием раннего классового общества, при этом интеграционные процессы способствовали распространению культурных моделей на большие расстояния (*Masson*, 1985). Приняв такую точку зрения, можно сделать вывод о том, что культура Центральной Азии в эпоху железа, особенно комплексы язского типа, развивалась народами восточноиранской языковой группы. Этот период был кульминацией долгого процесса этногенеза, который начался с появлением в регионе носителей индоиранских языков. Бесспорно, что южные оазисы, включая долину Зеравшана, стали центрами социально-экономического развития в эпоху желе-

за. На основе данных обществ сложились такие древние царства, как Парфия, Бактрия и Согдиана, в свою очередь ставшие основанием для образования империи Ахеменидов после VI в. до н.э.

На территориях, расположенных севернее, местные культуры степного происхождения эпохи бронзы претерпели трансформацию, в которой прослеживалось и южное влияние. Складывание амирабской культуры в районе Хорезма стало результатом этого процесса. Для данной культуры характерны такие архаические черты, как «столбовые» жилища и керамика ручной лепки. В то же время в рамках хустской культуры (Ферганская долина) возродилась традиция расписной керамики, однако уже с новой стилистикой – использованием растительных мотивов и иногда декоративных орнаментов. Судя по ряду характерных черт, хустская культура была частью широкой культурной области, сложившейся на территории Восточного Туркестана. В погребениях Тагискена, к востоку от Аральского моря, найдены свидетельства появления у степных племен аристократической элиты, а также тесных связей с южными оазисами. Данные погребения, относящиеся к XI–VIII вв. до н.э., являются монументальными мавзолеями, возведенными из необожженного кирпича, что характерно для южной традиции, тогда как погребальные обряды и инвентарь имели степное происхождение (например, трупосожжения и войлочная обивка стен погребальной камеры). Эти перемены создали условия для длительного и исторически важного разделения Центральной Азии на две взаимодействующие зоны: городских цивилизаций и кочевых племен.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АСКАРОВ А.А., 1973. Сапалли-Тепе. – Ташкент.
 — 1977. Древнеземледельческая культура юга Узбекистана. – Ташкент.
 АСКАРОВ А.А.; АБДУЛЛАЕВ Б.И., 1981. Джаркутан. – Ташкент.
 ГЕНИНГ В.Ф., 1977. Могильник Сингапта и проблема ранних инфиренных племен. – Сов. Археол. № 4. С. 53–73.
 ИСАКОВ А.И., 1986. Саразм – новый раннеземледельческий памятник Средней Азии. – Сов. Археол. № 1. С. 152–167.
 ИСАКОВ А.И.; ПОТЕМКИНА Т.М., 1989. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане. – Сов. Археол. № 1. С. 145–167.
 ИТИНА М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тыс. до н.э.). – М.
 КУЗЬМИНА Е.Е., 1970. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы. – М. (Кратк. сообщ. Инст. Археол., 122).
 КУЗНЕЦОВА Е.Ф., 1989. Производство цветных и благородных металлов в Центральном Казахстане в эпоху бронзы и ранних кочевников. В кн.: МАССОН В.М. (ред.) Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата. С. 118–121.
 ЛИСИЦЫНА Г.Н., 1978. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. – М.
 МАСИМОВ И.С., 1979. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба. – Сов. Археол. № 1. С. 111–131.
 — 1981. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба. – Сов. Археол. № 2. С. 132–150.
 МАССОН В.М., 1959. Древнеземледельческая культура Маргиана. – М.
 — 1964. Средняя Азия и Древний Восток. – М.
 — 1977. Алтын-Тепе в эпоху энеолита. – Сов. Археол. № 1. С. 164–188.
 — 1981. Алтын-Тепе. – Л.
 ПОТЕМКИНА Т.М., 1987. К вопросу о миграции на юг степных племен эпохи бронзы. В кн.: МАССОН В.М. (ред.) Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата. С. 76–78.
 САРИАНИДИ В.И., 1975. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане. – Сов. Археол. № 2. С. 20–29.
 — 1976. Печати-амулеты мургабского стиля. – Сов. Археол. № 1. С. 42–68.
 — 1977. Древние земледельцы Афганистана. – М.

- 1986a. Бактрийский пантеон. — Межд. асс. изуч. культ. Центр. Азии. Инф. бюлл. № 10. С. 5–20.
- 1990. Древности страны Маргуш. — Анхабад.
- ХЛОПИН И.Н., 1964. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. — М.
- ANTHONY, D. 1986. The 'Kurgan Culture', Indo-European Origins, and the Domestication of the Horse: A Reconsideration. *Curr. Anthropol.* (Chicago) Vol. 27, pp. 291–313.
- BOYCE, M. A. 1975. *History of Zoroastrianism*. Leiden.
- FRANCFORT, H.-P. 1989. *Fouilles de Shortugai*. Paris.
- HIEBERT, F. T.; LAMBERG-KARLOVSKY, C. C. 1992. Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands. *Iran* (London), Vol. 30, pp. 1–15.
- JARRIGE, J.-F.; HASSAN, H. U. 1989. Funerary Complexes in Baluchistan at the End of the Third Millennium in the Light of Recent Discoveries at Mehrgahr and Quetta. In: FRIFELT, K.; SORENSEN, P. (eds), *South Asian Archaeology 1985*. London, pp. 150–66.
- KHLOPIN, I. N. 1981. The Early Bronze Age Cemetery at Parkhai II: The First Two Seasons of Excavations: 1977–1978. In: KOHL, P. (ed.), *The Bronze Age Civilization of Central Asia*. New York. pp. 3–34.
- MASSON, V. M. 1985. La dialectique des traditions et des innovations dans le développement culturel de la Bactriane. In: GARDIN, J. C. (ed.), *L'archéologie de la Bactriane ancienne*. Paris, pp. 31–8.
- MASSON, V. M.; SARIANIDI, V. I. 1972. *Central Asia: Turkmenia Before the Achaemenids*. London.
- PIANKOVA, L. T. 1981. Bronze Age Settlements of Southern Tajikistan. In: KOHL, P. (ed.), *The Bronze Age Civilization of Central Asia*. New York. pp. 287–310.
- POTTIER, M.-H. 1984. *Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'âge de bronze*. Paris.
- SANTONI, M. 1984. Sibri and the South Cemetery at Mehrgahr: 3rd Millennium Connections Between the Northern Kachi Plain (Pakistan) and Central Asia. In: ALLCHIN, B. (ed.), *South Asian Archaeology 1981*. Cambridge, pp. 52–60.
- SARIANIDI, V. I. 1981. Margiana in the Bronze Age. In: KOHL, P. (ed.), *The Bronze Age Civilization of Central Asia*. New York. pp. 165–93.
- 1986b. Le complex culturel de Togolok 21 en margiane. *Ars asiat.* (Paris), Vol. 41, pp. 5–21.
- ZAEHNER, R. C. 1961. *The Dawn and Twilight of Zoroastrianism*. London.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И ОКЕАНИЯ

Чарльз Хайэм и Вильгельм Г. Солхейм II

В данной главе рассматривается история континентальной и островной Юго-Восточной Азии (включая Тайвань), Меланезии и Микронезии. В то время Полинезия была необитаемой, за исключением Тонги и Самоа (карта 23).

Имеющиеся данные, позволяющие реконструировать процессы интеллектуального и культурного развития региона, весьма неоднородны. На большей части территории континентальной и островной Юго-Восточной Азии проводились весьма ограниченные археологические изыскания, большинство из них опирается на недостаточно подтвержденную хронологию, а их результаты до сих пор не опубликованы. Археологические исследования в Микронезии осуществляются только в течение последних 15 лет, и отчеты лишь о некоторых из них напечатаны. Меланезия изучена несколько лучше. До сравнительно недавнего времени большинство археологических изысканий было направлено в основном на поиск оригинальных артефактов.

Имеются три главных источника данных, позволяющих реконструировать прошлое региона: биолого-антропологические, археологические и лингвистические. Сотрудничество между археологами и лингвистами для реконструкции переселений племен и их датировки в Меланезии и Полинезии началось около 20 лет назад (*Paulley & Green, 1973*). Лингвисты и антропологи, используя языковые данные, реконструировали общественную организацию древних жителей Австронезии и Океании (*Marshall, 1984*). Результаты этих работ довольно противоречивы, но тем не менее весьма перспективны.

Из трех языковых семей, доминирующих в наши дни в Юго-Восточной Азии, только сино-тибетские языки, по видимому, не бытовали на территории региона в рассматриваемый период. Носители тибето-бирманских языков жили на северо-западных границах современной Мьянмы (Бирмы), однако нет свидетельств того, что бирманские языки были распространены на территории этой страны. Австроазиатские языки, вероятно, сначала преобладали в континентальной части Юго-Восточной Азии, однако в некоторых районах на побережье Южного Китая и Вьетнама также могли обитать их носители. Начиная со II тысячелетия до н.э. китайские языки стали проникать с севера на юг Китая, однако территория их бытования в регионе к концу рассматриваемого периода нам не известна.

Австронезийские языки были распространены на островах Юго-Восточной Азии в Тихом океане. Вероятно, обитатели Суматры и западной части Явы говорили на австроазиатских языках. Однако, по-видимому, постепенно эти языки стали вытесняться австронезийскими, за исключением некоторых районов Суматры. Австронезийские языки, предшественники современных языков внутренних районов Центральной Вьетнама и восточной Камбоджи, могли начать распространяться в глубь континента с территории побережья еще до 1000 г. до н.э. Они также могли проникнуть во внутренние районы с восточного побережья Западной Малайзии.

Так же, как и в наши дни, в тот период в регионе обитали представители трех основных расовых типов: меланезийцы, негритосы и южные монголоиды. Весьма вероятно, что все три типа имели общее происхождение – с территории континентальной Юго-Восточной Азии. Ранее выдвигалась гипотеза, согласно которой они сложились на континенте, а затем различными путями и в разное время начали заселять тихоокеанские острова Юго-Восточной Азии.

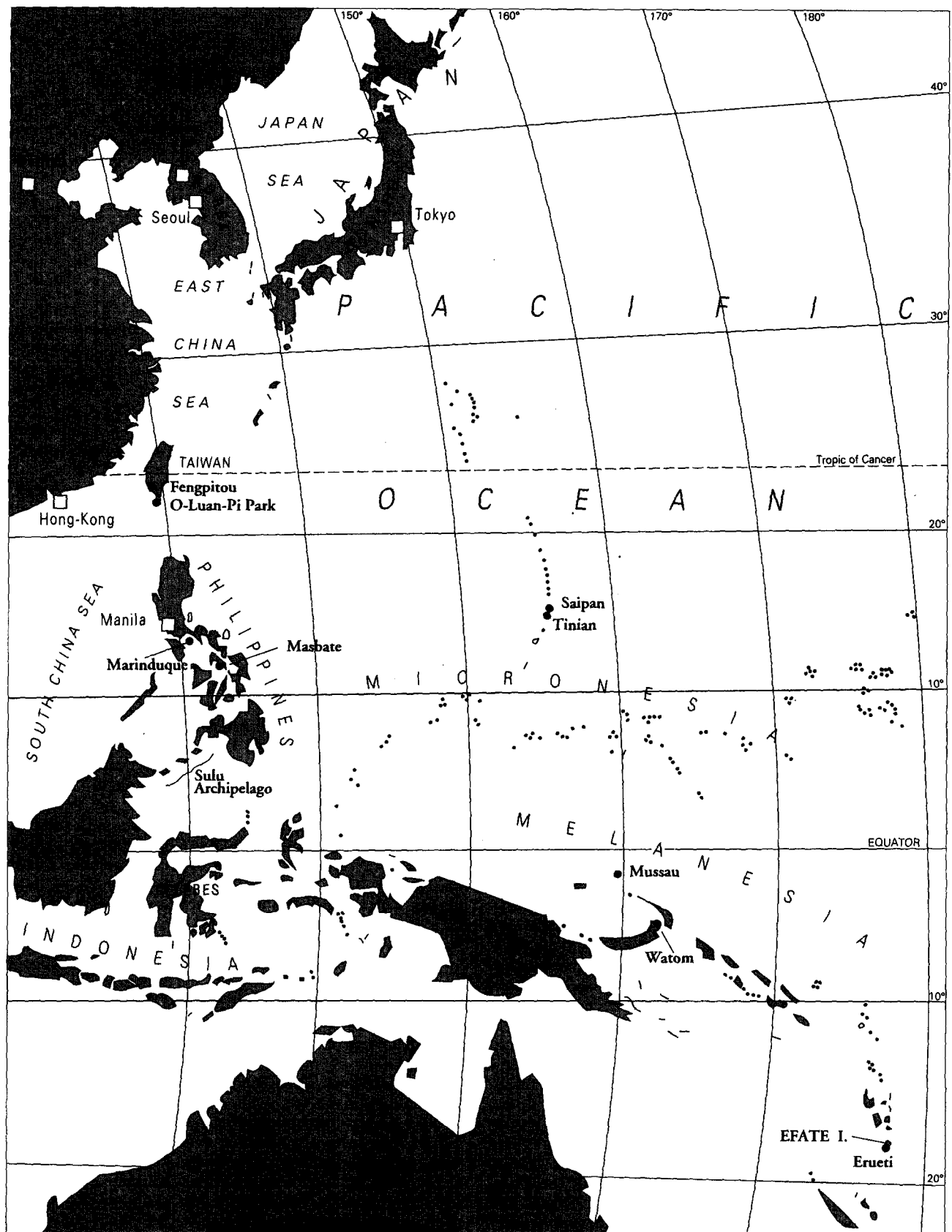
Негритосы в настоящее время обитают на некоторых Филиппинских островах, на севере Малайского полуострова, Мьянмы и Таиланда. Новые данные и методы анализа привели к появлению новых гипотез. Негритосы являются наименее многочисленным и наиболее рассеянным из всех трех расовых типов. Раньше считалось, что они были древнейшими обитателями островной и континентальной Юго-Восточной Азии, однако в наши дни эта гипотеза опровергнута. Анализ генетических данных свидетельствует о том, что филиппинские негритосы обладают генетическим набором, характерным для азиатско-тихоокеанского региона, и не имеют ничего общего с африканскими пигмеями. Сравнительный анализ показал, что негритосы появились сравнительно недавно, около 20–30 тыс. лет назад, тогда же они заселили Австралию (*Turner, 1985, p. 9*). Было высказано предположение, что этот расовый тип продолжал складываться на местном уровне в различных районах Юго-Восточной Азии в период раннего голоцена. Меланезийцев, которые, вероятно, первоначально обитали на всей территории Индонезии и в ряде континентальных районов региона, в рассматриваемый период начали вытеснять южные монголоиды. В итоге районами их обитания остались только острова Восточной Индонезии, Новая Гвинея и Меланезия.

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Чарльз Хайэм

Рассмотрение древней истории Юго-Восточной Азии в период с 3000 по 700 г. до н.э. коснется трех основных тем. Первая из них – развитие кочевых племен охотников и собирателей, живших в горных вечнозеленых лесах. Вторая – свидетельства, оставшиеся от древних оседлых общин, населявших побережье и унаследовавших давние традиции эксплуатации морских ресурсов, в настоящее время утерянные в результате подъема уровня моря. Наконец, третья тема – распространение поселений, обитатели которых были знакомы с обработкой бронзы, внутрь континента вдоль речных систем.

Пять тысяч лет назад в этой части света только закончились геологические трансформации, когда после окончания оледенения периода плейстоцена уровень моря поднялся на 40–60 м. Данные изменения проходили повсеместно, однако в Юго-Восточной Азии они носили весьма драматический характер, приведя к затоплению огромных

Карта 23. Островная Юго-Восточная Азия

площадей. Три основные реки региона наполняются в сезон дождей, длящийся пять месяцев, что характерно для всей Юго-Восточной Азии. В таких реках, как Меконг и Юаньцзян (Красная), резкое повышение уровня воды в период муссонов усугубляется весенним таянием снегов в Восточных Гималаях. Реку Менам питают многочисленные

притоки, стекающие с хребта Пхетчабун и с гор Западного Таиланда. Около 5 тыс. лет назад вследствие наступления моря все они были гораздо короче. Геоморфологические исследования отложений морской глины в районе Бангкока и низовьях Юаньцзяна позволили установить, что морское побережье в то время проходило в десятках

километров в глубь континента по сравнению с современной линией.

Расположение поселений в Юго-Восточной Азии на протяжении тысячелетий зависело от речных потоков, поэтому рассмотрение особенностей региона логично начать с освещения этой темы. Как правило, с декабря по апрель в континентальных районах дуют сравнительно прохладные и сухие ветры. В дельте Юаньцзяна и на побережье Вьетнама к югу от Хюэ вследствие этого все осадки выпадают в виде измороси. В районе хребта Чыонгшон эти ветры известны как сухие и горячие ветры лао. В период с апреля по май ветер обычно начинает дуть с юга-запада. В это время собираются грозовые тучи, и после долгих сухих месяцев местные жители собираются на праздник дождя, который имеет древнейшие традиции. На северо-востоке Таиланда в районе реки Бангфай местное население запускает в небо большие ракеты в виде фаллосов для «оплодотворения» туч, призывая таким образом дождь. В это время начинают высаживать рис, и ландшафт, окрашенный в однообразные серо-коричневые цвета, становится зеленым. Меконг, который, например в феврале 1949 г. нес к морю только 1700 куб. м воды в секунду, с сезоном дождей увеличивает этот показатель в 200 раз. Если не рыть отводящие каналы и не строить дамбы, реки выходят из берегов и затопляют большие площади. Поток воды в Меконге настолько велик, что впадающая в него в районе Пномпеня река Тонлесап начинает течь в обратном направлении в одноименное озеро, которое является естественным гигантским регулятором стока.

Контраст между влажным и сухим сезонами в равнинных районах, расположенных ниже 400 м над уровнем моря, способствует произрастанию сухих сезонных лесов. Большинство деревьев сбрасывает листья в сухой сезон. В этих условиях, когда поверхность земли открыта и хорошо освещена, набирают свой рост травянистые растения, которыми питаются стада диких быков и оленей. В высокогорных районах более короткий сухой сезон, более низкие температуры и совершенно иной характер почв определяют и другой лесной покров. Известно, что влажные вечнозеленые леса представляют собой постоянный растительный покров, который оберегает поверхность земли от воздействия солнца и проливных дождей. Животные и птицы этих лесов обитают не на земле, а на деревьях, являющихся источником пищи. Здесь воздействие муссонов сглажено и люди живут в более стабильных природных условиях. Сезонные изменения не так контрастны и в прибрежных районах. В прошлом изучению древних поселений в прибрежных районах уделялось слишком мало внимания, возможно из-за того, что повышение уровня моря уничтожило все свидетельства. Тем не менее, очевидно, что вследствие богатства эстуариев пищевыми ресурсами эти районы в древности были густо заселены.

ГОРЫ И РАВНИНЫ

В Юго-Восточной Азии поселения человека резко различаются главным образом в зависимости от их расположения в горных или равнинных районах. Этот контраст в наши дни проявляется в различиях между, например, современным и сугливым Бангкоком и поселениями охотников на севере Таиланда; та же модель отношений приложима и к древности. Большинство ранних исследований во Вьетнаме было проведено французскими учеными в колониальный период, а главным районом их деятельности были окрестности Ханоя, официальной столицы. Начиная с 1920-х гг. Мадлен Колани и Анри Манси разыскали множество пещер, обитаемых в древности, расположенных в известняковых горах в провинциях Хоабинь и Баксон (Colani, 1927;

Mansuy, 1924). Эти поселения обычно устраивались на склонах гор у малых рек, основу хозяйства данных обществ составляли рыболовство, в том числе ловля моллюсков, и охота на млекопитающих. Так как техника проведения раскопок в то время не была совершенной, удалось мало узнать о растительных компонентах рациона обитателей поселений. Их материальная культура, которую часто называют хоабиньской, включает целый ряд каменных орудий, изготовленных методом оббивания. Наиболее распространенным типом был бульжжик размером с кулак, один край которого обрабатывался для получения режущей кромки. Со временем рабочий край некоторых каменных орудий стали затачивать тщательнее, придавая им форму тесла, что делало орудие более эффективным.

Вьетнамские археологи провели много исследований этих пещерных поселений. В некоторых из них они нашли следы растений, включая рис (поселение Сомтрай). Здесь же были найдены орудия, похожие на мотыги. Согласно Хоан Суан Чиню (Hoang Xuan Chinh, 1984), характер износа рабочих поверхностей этих больших и тяжелых орудий свидетельствует о том, что они применялись для обработки почвы. Однако прежде чем можно будет заключить, что обитатели этих вьетнамских поселений возделывали рис, необходимо ответить на два вопроса. Первый касается вида возделываемого риса, так как пока в распоряжении ученых имеются только образцы из Сомтрая. Второй вопрос состоит в том, не использовались ли эти мотыги для добычания диких съедобных растений таким же образом, как и для возделывания культурных растений.

Это не единственная трудность в изучении вьетнамских поселений. Несмотря на то что данные, полученные с помощью радиоуглеродного анализа, позволяют отнести данную культуру к периоду 12000–6000 гг. до н.э., более точная датировка до сих пор не осуществлена. Так, в Северном Таиланде Честер Гоннан провел раскопки на территории трех пещер, в одной из которых, пещере долины Баньян, обнаружил свидетельства интенсивной деятельности ее обитателей, связанной с охотой и собирательством. Материальная культура данного памятника очень напоминает хоабиньскую и с помощью радиоуглеродного анализа датируется периодом с 3000 г. до н.э. по 900 г. н.э. В ходе раскопок были обнаружены многочисленные зольники и остатки очагов, что может говорить о том, что в этой большой и хорошо вентилируемой пещере, находящейся недалеко от водного потока, в разное время могли жить разные группы людей. Древние обитатели этих мест ловили в реке рыбу, крабов и моллюсков, охотились и собирали растения в лесах. Обнаружены остатки огурцов и тыкв, семена атили и 110 фрагментов рисовой шелухи. Исследовав их, Д. Йен (Jen, 1977) пришел к выводу о том, что они, по всей видимости, близки к диким видам риса. По его мнению, рис вышелушивался с помощью каменного жернова. Как и во многих других поселениях, в самых верхних горизонтах пещеры долины Баньян содержатся небольшие фрагменты керамики и каменные тесла. Сейчас невозможно установить, изготавливалась ли керамика самими членами общины охотников и собирателей либо она была получена в результате обмена с соседними племенами. Как правило, керамика редко использовалась кочующими группами из-за своей хрупкости.

Те же черты, включая следы длительного обитания в небольших пещерах, хозяйства, связанного на охоте и собирательстве, знакомство с керамикой и каменными орудиями, обнаружены С. Пукаджорном (Pookajorn, 1981) в ходе археологических раскопок на территории поселения Кхаоталу в западной части долины Менама. Согласно данным радиоуглеродного анализа, поселение было обитаемым в период с X тысячелетия до н.э. до 1500 г. до н.э. В Западной Камбодже, в районе гор Кравань на берегах небольшой речки Стунгсангкер, следы такой же организации жизни обнаружены в пещере Лаангспен («Пещера у моста»).

Если для небольших мобильных групп охотников и собирателей горных районов был характерен консервативный образ жизни, то в прибрежных районах и долинах наблюдалась совершенно иная ситуация. Несмотря на то что множество древних поселений затопило поднявшееся море, следы некоторых древних поселений сохранились, так как находились на возвышенных участках берега в тех местах, где в прежние времена уровень моря был выше, чем в наши дни. Эти памятники найдены на поднявшихся отмелях Северного Вьетнама, особенно в районе Тханьхоа и на островах залива Бакбо, а также севернее современной береговой линии Сиамского залива в Таиланде. В 1985 г. были проведены раскопки в Кхокпханомди, в ходе которых получен богатый материал, позволяющий составить представление о некоторых чертах экономической и духовной жизни местных обществ. Поселение, которое занимало площадь 5 гектаров, а в настоящее время находится на 12 м выше окружающих его рисовых полей, в прошлом размещалось вблизи эстуария реки Бангпаконг. Раскопки проводились на площади 10 кв. м. Культурный слой закончился на глубине 6,8 м. В ходе раскопок Бернард Мэлони взял образцы почв с окружающей территории, при анализе которых он выделил следы окаменевшей пыльцы и древесного угля. Результаты его исследований весьма интересны. В полученных анализах доминировала пыльца мангровых деревьев, тогда как следы древесного угля попадались лишь в незначительных количествах. Однако находки начиная с горизонта 2 м и ниже сильно отличались от предыдущих. Количество микроскопических фрагментов древесного угля значительно возросло, а мангровой пыльцы – снизилось. В то же время чаще стала встречаться пыльца травянистых растений. Эти изменения трудно объяснить иначе, чем воздействием жителей поселения Кхокпханомди на окружающий ландшафт (рис. 76).

При анализе содержания нижних горизонтов поселения можно найти подтверждение приведенным выводам на основе следов материальной культуры. Там обнаружены полированные каменные тесла, используемые в таких тяжелых работах, как расчистка лесов. Горизонты богаты зольниками, здесь также встречаются следы риса. До сих пор не ясно, возделывался ли рис специально. Обитатели поселения могли, например, собирать дикий рис на лодках, как это практиковалось на озере и реке Тонлесап еще сравнительно недавно. На территории поселения было найдено около 400 небольших ножей, сделанных из раковин, и все они имеют характерный для Юго-Восточной Азии вид ножей для жатвы. Пока анализы остатков риса из этого поселения не завершены, однако несомненно, что жители Кхокпханомди не испытывали недостатка в источниках пищи, добывая ее в эстуарии, мангровых зарослях, на отмелях и в море. Здесь встречаются многочисленные остатки рыбы, моллюсков, черепах и крабов. Трудно представить себе, что в условиях, когда эти богатые и ежегодно пополняемые источники пищи были такими доступными, у местного населения возникали проблемы с пропитанием.

Погребения являются важным источником информации о социальной организации древних обществ. Рядом с поселением Кхокпханомди, исследованным в 1985 г., находился могильник, в котором были найдены определенные свидетельства изменений в социальных отношениях и структуре общины. Было найдено около 150 индивидуальных погребений, большинство труположений ориентировано головой на восток. В ранних погребениях инвентарь не отличается богатством. В него обычно входили один или два керамических сосуда, личные украшения из раковин, иногда тесло, рыболовный крючок или рыбные кости. Тело умершего обсыпали красной охрой, оборачивали в лубяной саван и помещали на деревянный помост в могильной яме. В двух случаях в погребении сохранились следы содержимого желудка умершего, включая кости и чешую рыбы.

1

2

3

Рис. 76. Основные формы гончарных изделий, относящихся к культуре красной шнуровой керамики: 1 – высококачественная красная керамика; 2 – песчаниковая красная керамика; 3 – песчаниковая серая керамика (по *Chang*, 1969)

Особенно интересно проследить, чем отличаются друг от друга отдельные группы погребений. Согласно имеющимся радиоуглеродным данным, в первый раз это место было заселено около 2000 г. до н.э., и вскоре после этого сделаны первые погребения. Их группы в течение примерно трех веков располагались рядом друг с другом или одна поверх другой на горизонте глубиной 4 м. Если взглянуть на структуры этих групп, то можно установить много интересных фактов. Во-первых, в каждую группу входят мужские, женские и детские погребения. Что касается последовательности погребений, то на различных этапах группы, по-видимому семьи, хоронили умерших на месте других семейных захоронений на протяжении почти десяти поколений. При анализе следов родовых травм на тазовых костях женщин было установлено, что в большинстве случаев женщины должны были выносить по крайней мере нескольких детей, погребенных рядом с ними. Имеются также данные, говорящие о том, что некоторые генетические отклонения наследовались на протяжении нескольких поколений.

Относительно погребальных обычаев можно отметить, что группы погребений были обычно окружены мусорными кучами с остатками жизнедеятельности. Распределение лунок для столбов свидетельствует о том, что над погребениями и вокруг них возводили деревянные ограж-

дения, защищавшие от попадания мусора. Круглые ямы рядом с погребениями также наводят на мысль о том, что там закапывали пищу; это, возможно, было частью погребального ритуала, а пища предназначалась предкам.

Если предположить, что каждая группа погребений представляла отдельную общественную группу на протяжении жизни десяти поколений, возможно, входивших в одну семью, то возникает вопрос: выделяются ли по составу погребального инвентаря более богатые и влиятельные группы? В отношении первых трех поколений ответ будет отрицательным. Однако начиная с четвертого поколения, относящегося примерно к 1600 г. до н.э., имеются признаки, говорящие о смене тенденций. В некоторых мужских погребениях были найдены украшения из панциря черепахи с изящным декором, которые были сломаны и помещены рядом с телом. Их реконструкция показала, что эти украшения служили своеобразными декоративными пластинками для нагрудника. На одной из них проделано отверстие для крепления. Начиная с пятого поколения положение кардинально изменилось. Вековая традиция аккуратных погребений, расположенных группами, была оставлена. На всей раскопанной территории найдены останки только одного человека, женщины, умершей в возрасте около 40 лет. Ее погребение (№ 15) является особенно большим, 3 м в длину и около 1 м в глубину. Тело женщины покрывала пирамидальная насыпь, состоящая из глиняных цилиндров, относящихся к ранней стадии керамического производства. На ее вершине было установлено три разбитых сосуда для приготовления пищи. Под цилиндрическими сосудами найден женский скелет, покрытый охрой, и необычно богатый погребальный инвентарь: около 120 тысяч раковинных бус, украшение для волос, сделанное из раковин, диски из раковин, крепившиеся на плечи, с украшениями в виде рогов, браслет из раковин. Рядом с правой лодыжкой обнаружена раковина, в которой находилось два камня, используемых для полировки керамики, а также приспособление, с помощью которого вылепливались керамические изделия. Ясно, что женщина обладала высоким социальным статусом. Это же относится и к ее семье. Женщина родила двух или трех детей, один из которых, по всей видимости, был погребен рядом с ней. Это захоронение 18-месячного младенца, погребенного по идентичному обряду и со схожим набором инвентаря, содержит даже миниатюрную гончарную модель накопальни.

Второе богатое детское погребение было найдено на 1 м южнее от этого женского погребения. В последующем наблюдаются значительные изменения в погребальных обрядах. Исключительно богатых погребений, таких как № 15, больше не находят, однако погребения женщин, занимавших высокое общественное положение, продолжают встречаться. Так, обнаружено погребение двух взрослых женщин, похороненных рядом под почти квадратным сооружением, состоящим из 20 отдельных выровненных слоев, над которыми возвышались глиняные стенки основания. В одном из женских погребений находится захоронение шестилетнего ребенка, которое появилось здесь уже после сооружения камеры, о чем свидетельствует то, что одна из стенок ее основания была сломана. Инвентарь данных погребений сравнительно богат. В детском погребении найдено около 18 тысяч раковинных бусин и тяжелый раковинный диск. В каждом женском погребении обнаружены глиняные гончарные приспособления и тысячи раковинных бусин. Однако рядом с данной погребальной камерой располагались современные ей погребения с более бедными комплексами. Так, в погребении женщины, родившей пять или более детей, также похоронено четверо младенцев. В восьми погребениях из этого ряда найдено только девять раковинных бус.

Каким же был уровень технологических знаний этих людей, чья жизнь внезапно прерпела изменения пример-

но в 1500 г. до н.э., когда уровень моря внезапно упал и богатые прибрежные пищевые ресурсы иссякли? В их распоряжении находился источник отличной гончарной глины, из которой они с высоким уровнем мастерства лепили сосуды, затем украшавшиеся. Некоторые сосуды, найденные в погребениях, являются настоящими шедеврами. Обитатели поселения также изготавливали целый ряд украшений, материалом для которых служили красивые перламутровые раковины, имевшиеся на побережье. Путем обмена они получали каменные орудия. Были найдены каменные тесла, сточенные до основания. Также они получали точильный камень, необходимый для заточки и заострения изделий из камня, кости или раковин. Ими изготавливались раковинные ножи, костяные рыболовные крючки, гарпуны и глиняные грузила для сетей.

Включение ряда изделий в погребальный комплекс позволяет получить важную информацию о воззрениях и верованиях этой исчезнувшей культуры. Не вызывает сомнений, что постепенно представители данной общины стали отличать социальное положение определенного лица с помощью нателных украшений. На первых стадиях существования поселения, по всей видимости, социальная дифференциация среди лиц и групп была небольшой. Однако на протяжении жизни десяти поколений статусные различия постепенно усиливались. Исключив из рассмотрения необычно богатое погребение № 15, мы обнаружим, что большое значение в этом обществе имели обряды, связанные с вступлением во взрослую жизнь, в число которых входило удаление определенных зубов; у мужчин эти обряды дополнялись ношением черепаховых украшений. Поселение Кхокпханомди, занимавшее выгодное стратегическое положение вблизи эстуария большой реки, очевидно, являлось центром обмена предметами роскоши. Можно представить, что высокий статус мог приобретаться теми, кто изготавливал высококачественные керамические сосуды или кто контролировал доступ к предметам роскоши в рамках разраставшейся общины.

РАВНИННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

О поселениях внутренних равнинных районов Юго-Восточной Азии известно немного. Возможно, наибольшая плотность таких поселений встречается в так называемой Срединной стране, в районе слияния рек Юаньцзян и Лисяньцзян. Здесь вьетнамские археологи исследовали около 50 древних поселений, которые они отнесли к культуре пхунг-нгуен. Пхунг-Нгуен – это поселение площадью 3 гектара, из которых 3960 кв. м было раскопано. К сожалению, до сих пор не найдены могильники, равные по значению могильнику Кхокпханомди, однако многочисленные находки полированных каменных тесел и красивой орнаментированной керамики свидетельствуют о схожести этих материальных культур. Вдали от побережья во внутренних районах для изготовления украшений чаще использовался нефрит, а не раковины. В поселении Лунгход, 365 кв. м которого уже раскопано, было найдено 12 погребений. В двух из них обнаружены каменные браслеты, бусины и серьги, а также керамические сосуды и каменные тесла, причем их намного больше, чем в остальных 10 погребениях, на основании чего исследователи сочли их доказательством социального расслоения. К сожалению, проведено только три радиоуглеродных анализа находок, относящихся к культуре пхунг-нгуен. Все они были получены из более поздних горизонтов и свидетельствуют о том, что финальная фаза развития этой культуры приходится на середину II тысячелетия до н.э. Вследствие этого ранние поселения данной культуры могли принадлежать к тому же периоду, что и поселение Кхокпханомди. Несмотря на то что у нас недостаточно информации об экономической деятельности представителей данной культуры, можно

предположить, что они уже возделывали рис и содержали домашних животных, таких как крупный рогатый скот и свиньи, в дополнение к повсеместному рыболовству и собирательству, что характерно для небольших сельскохозяйственных общин Юго-Восточной Азии и в настоящее время.

Благодаря раскопкам, проведенным на территории трех поселений, Ноннокхта, Банчянь и Банпхактоп, в нашем распоряжении имеется гораздо больше информации о первых поселениях, располагавшихся во внутренних речных долинах Северо-Восточного Таиланда. В первых двух был обнаружен довольно ранний культурный слой, в котором найдены погребения с инвентарем, включая целые керамические сосуды и раковинные бусы. Под данными погребениями исследован материковый горизонт, где были взяты анализы фрагментов древесного угля. В Ноннокхта радиоуглеродный анализ такого фрагмента, найденного на глубине 11 см, показал дату 3510–2865 г. до н.э. В Банпхактопе эта дата составила 2635–2085 г. до н.э., а в Банчяне – 3885–3045 г. до н.э. Эти датировки говорят о том, когда впервые образовались поселения, но до сих пор неизвестно, как долго они существовали. Датировка культурного слоя всех трех поселений осложняется, кроме прочего, тем, что если археологи могут найти фрагменты древесного угля в материковом горизонте, то и древние люди могли разместить погребение в том же слое. Исследовательские археологами находки из этого погребения могут показать завышенные датировки. Этот простой факт лишь подчеркивает важность сбора угольных фрагментов из очагов и зольников. К сожалению, ни в одном из трех поселений они не были достаточно представлены.

Тем не менее можно заключить, что в период после 3000 г. до н.э. наблюдалось распространение поселений вдоль рек Северо-Восточного Таиланда, Центральной Камбоджи, долины реки Менам и низовий Меконга. В наиболее изученных поселениях Ноннокхта и Банчянь были найдены мужские, женские и детские погребения с погребальным инвентарем, который свидетельствует о высоком уровне мастерства гончаров, наличии обмена каменными украшениями и теслама, а также такими экзотическими изделиями, как браслеты и бусы из раковин. В могильнике Ноннокхта обнаружены кости домашних животных – крупного рогатого скота и свиней. Можно предположить, что погребальный ритуал включал поминальный пир, а часть жертвенного животного помещалась в погребальный комплекс. Судя по рисовой мякине, которая добавлялась в глину, местные обитатели были знакомы с рисом. Однако неясно, возделывался ли этот рис специально или его дикие разновидности собирались у водоемов, вблизи которых были построены поселения.

Мы не располагаем достаточным количеством данных, свидетельствующих о социальной организации местных обществ. Д. Байард (*Bayard*, 1984), проанализировав структуру могильника в Ноннокхта, пришел к выводу о том, что в данных обществах социальное расслоение было незначительным; по-видимому, он близок к истине. Очевидно, что ни одно погребение не может сравниться по богатству инвентаря с погребениями Кхокпханомди.

ПОЯВЛЕНИЕ БРОНЗЫ

Выплавка металла и изготовление металлических изделий является одним из главных технологических достижений человечества. Во многих регионах мира освоение бронзовой металлургии предшествовало эпохе железа, и Юго-Восточная Азия не является исключением. Следует отметить, что горные районы региона особенно богаты залежами медных и оловянных руд. Известно, что такие поселения, как Кхокпханомди, Пхунг-Нгуен и Ноннокхта, входили в сеть обмена, связывающую горные и равнинные поселения, по которой доставлялись необходимые мине-

ралы. Мы мало знаем о способах выплавки и доставки олова; в то же время в ходе исследований в Таиланде было получено достаточно информации о добыче меди. Пиготт (*Pigott*, 1984) и Натапинто (*Natapinto*) активно изучали основные источники меди в древности. В частности, в Пхулоне, на южном берегу Меконга, они исследовали большой медный рудник и прилегающие к нему районы, установив, что он эксплуатировался с конца II тысячелетия до н.э. на протяжении почти тысячи лет. Руда извлекалась на поверхность из шахт, а затем ее куски разбивались на каменных плитах с помощью булыжников. Следы такой деятельности встречаются на глубине до 10 м. В ходе раскопок была найдена форма для литья, однако до сих пор не установлено, где находились горны.

Относительно более полные свидетельства о добыче меди были найдены в долине Кхаовонгпхрачан в Центральном Таиланде. В районе поселения Нонпавай, занимающего площадь 5 гектаров, на глубине 3 м были найдены следы выплавки металлов – плавильные тигли, остатки мехов, фрагменты медной руды и простые формы для отливки слитков. В Нилкамхенге на глубине 5,25 м обнаружены отложения медной руды, разбитые каменными колотушками, а также фрагменты шлака и остатки тиглей. Были найдены даже медные слитки. Как и жители Кхокпханомди, благосостояние которых основывалось на контроле над побережьем и добычей раковин, люди, занимавшиеся добычей и обменом меди, должны были процветать. Один из представителей этой культуры был погребен в Нонпаве под толстым слоем шахтных пород и отходов металлургического производства. Кроме того, Пиготт и Натапинто обнаружили могильник, в котором в одном из мужских погребений была найдена пара форм для отливки топоров.

В ходе раскопок 1981 г. в Баннади, небольшом поселении на северо-востоке Таиланда, был восстановлен весь процесс получения бронзы, начиная с разработки рудников. Первые обитатели поселения знали о бронзе всегда, хотя она явно была большой редкостью в то время. В ходе раскопок найден целый ряд горнов, выложенных глиной, а в них – большое количество древесного угля. Возле каждого горна обнаруживаются концентрации бронзовых фрагментов, разбитых тиглей и угля. Очевидно, слитки меди и олова смешивались в небольших тиглях, которые затем помещались внутрь горнов, загруженных древесным углем. Для получения нужной температуры плавления, вероятно, применялись меха. Когда металл был расплавлен, его заливали в двустворчатые формы, сделанные из песчаника. Возможно, для предотвращения разрушения форм из-за контраста температур их также предварительно нагревали. Эти формы использовались для литья топоров, наконечников копий и стрел. Для изготовления сложных украшений применялся метод отливки по восковой модели, которую предварительно обмазывали глиной. Потом металл заливали через специальное отверстие, вытесняя воск.

Такая техника литья с использованием двустворчатых каменных форм широко распространена. Около века назад ее следы были впервые обнаружены в поселении Самронгсен в Камбодже (*Noulet*, 1877; *Mansuy*, 1902). В ходе раскопок 1965 и 1967–1986 гг. в Донгдау, в низовьях Юаньцзяна, проводившихся на площади 550 кв. м, было установлено, что между горизонтами на глубине 5 и 6 м существует стратиграфическая преемственность между нижним слоем, относящимся к культуре пхунг-нгуен, и так называемой культурой донгдау, представители которой были знакомы с обработкой бронзы. Данные радиоуглеродного анализа, полученные на месте соседнего поселения Тханьден (на территории которого Ха Ван Тан (*Ha Van Tan*) обнаружил литейные формы из песчаника, практически идентичные формам, найденным на северо-востоке Таиланда), свидетельствуют о том, что литье бронзы практиковалось здесь с 1500 г. до н.э. Эта датировка согласуется с

датировкой позднего слоя культуры пхунг-нгуен в Донгдау 1885–1415 г. до н.э. На территории поселения Докчуа в низовьях Меконга также были найдены каменные формы, которые датируются периодами с 1735 по 1105 г. до н.э. и с 800 по 415 г. до н.э. Данные, полученные в ходе термолюминесцентного анализа керамики и анализа остаточной радиации бронзовых изделий из Нонноктха (за исключением трех исследований древесного угля, которые ученые сочли ненадежными), согласуются с датировкой начала использования металлов между 1500 и 100 г. до н.э. Анализ бронзовых изделий из погребений в Банчане привел к аналогичным выводам. По всей видимости, в тот же период возникает поселение Баннади. Данные радиоуглеродного анализа, полученные в Нонпавае и Пхулоне, не оставляют сомнений в том, что добыча и выплавка металлов в регионе началась во второй половине II тысячелетия до н.э. Результат радиоуглеродного анализа одного из фрагментов, найденных в Нонпавае, может свидетельствовать о том, что начало металлургии здесь приходится на 2200-е гг. До окончания обработки всех результатов из Нонпавае делать дальнейшие выводы представляется нецелесообразным. Чарльз Хайэм (*Higham*, 1988, p. 126) относительно памятника в Нонноктха писал: «Таким образом, горизонты, содержащие бронзу, вероятно, относятся к периоду между 2000 и 1000 г. до н.э., более точные датировки пока невозможны». На конференции по древней истории Тихоокеанского региона, проходившей в Сизтле в августе 1989 г., Винсент Пиготт сообщил, что находки из Нонпавае, свидетельствующие о выплавке меди, датируются периодом с середины по конец III тысячелетия до н.э. В начале 1991 г. в ходе раскопок в Нонгноре близ Кхокпханомди к юго-востоку от Бангкока Ч. Хайэм (*C.F.W. Higham*) обнаружил погребение, содержащее медный браслет. И погребение и поселение определенно датируются серединой III тысячелетия до н.э. (*Solheim*, 1968). Если это и не подтверждает раннюю датировку металлургии бронзы в Нонноктха периодом до середины III тысячелетия до н.э., то по меньшей мере показывает, что такие предположения небеспочвенны.

Таким образом, можно предположить, что знания о литье изделий из сплава меди и олова довольно быстро распространились по путям обмена, сложившимся в Юго-Восточной Азии. Судя по распределению находок из бронзы, реки и морское побережье являлись основными путями в этой системе обмена изделиями роскоши и информации. Данные, полученные в Кхокпханомди и в меньшей степени в Пхунг-Нгуене, позволяют прийти к выводу, что изделия из бронзы использовались в сравнительно развитых оседлых поселениях, жители которых по необычным и красивым вещам определяли статус их обладателя.

Именно с учетом данного социального контекста мы наилучшим образом сможем оценить роль, которую этот металл сыграл в культурном развитии Юго-Восточной Азии в период с 1500–1000 по 700-е гг. до н.э. Для того чтобы лучше понять жизнь общин, развивавших металлургию, необходимо вновь обратиться к захоронениям. Несмотря на то что в настоящее время известно несколько памятников, в которых найдены погребения с инвентарем, содержащим бронзу, только погребения в Баннади и Нонноктха позволяют получить достаточно информации для выводов о социальной структуре. Для обоих памятников верно утверждение о том, что бронза очень редко встречается в погребениях. В Нонноктха только в 14 из 217 погребений содержались бронзовые изделия или приспособления для литья, такие как формы и тигли. В Баннади этот показатель также составляет только 11,5% от 60 погребений. Для изготовления каких изделий использовалась бронза? Представляется, что наиболее распространенными бронзовыми изделиями были браслеты, по крайней мере это следует из состава погребального инвентаря. В погребении в Баннади также раскопаны бусы, а в сосед-

нем поселении Банчань – наконечник копья и топор (в двух различных погребениях). Топоры найдены и в Нонноктха. В Баннади вне погребений обнаружены небольшие наконечники стрел и литая проволока, соединяющая две части сломанного каменного браслета, в которых для этой цели просверлено два отверстия. Представляется вероятным, что бронзовые изделия помещались в погребение в качестве экзотических и необычных вещей рядом с изделиями из камня, раковин и керамики.

В Баннади археологи обнаружили две группы погребений, относящихся к одному периоду и расположенных по разные стороны поселения, на расстоянии 30 м друг от друга. И в том и в другом случае погребения занимали четко ограниченный участок. Останки умерших располагались рядом друг с другом или поверх друг друга, так же, как и в могильнике Кхокпханомди. При анализе погребального инвентаря из обеих групп захоронений стало ясно, что в одной из них значительно чаще встречаются необычные предметы. Так, около 90% раковинных бус найдено в одной из этих групп, там же находились все браслеты из морских раковин. Члены только этой группы были погребены вместе с фигурками коров и экзотическими каменными браслетами. Здесь же, в самых поздних погребениях, найдено первое железо. Эти данные позволили предположить, что, поскольку данное поселение было небольшим и, по всей видимости, достаточно независимым, его обитатели, погребенные в указанной группе и, возможно, связанные между собой родственными узами, принадлежали, очевидно, к высшему слою общества, обладавшему значительным богатством. В дальнейшем, когда будут исследованы другие поселения, можно будет выяснить, повторяется ли где-нибудь такая структура погребений.

В поселении Нонноктха погребения эпохи бронзы также устраивались особым образом. Мужские, женские и детские погребения располагались рядами. В каждом ряду всегда имеется несколько мужских погребений с необычно богатым инвентарем. Д. Байард (*Bayard*, 1984) предположил, что могильник использовался двумя связанными между собой группами, одна из которых была богаче другой. По его мнению, одним из факторов, приведших к образованию имущественных различий, было коллективное владение землями, более пригодными для возделывания риса. Еще одним дополнительным фактором мог быть контроль над распределением металла.

Дальнейшее рассмотрение общественной организации в период, когда бронзовые изделия стали престижными и распространялись по путям обмена, коснется распределения мест поселений, изучения их размеров, численности населения и уровня их автономии или зависимости от более крупных и развитых поселений, в сфере влияния которых они находились. В ходе исследований поселений в Северо-Восточном Таиланде основное внимание уделялось изучению географического распределения и размеров поселений для выявления времени и места политических изменений, приведших к установлению контроля над сетью поселений со стороны более сильных центров. Уилен (*Wilen*) работал в бассейне реки Хуайсайкао, Хайам и Кийнгам – в среднем течении реки Си и в районе озера Кумпхавали, а Уэлч проводил исследования в верховьях реки Мун. К западу от хребта Пхетгачабун Хо занимался изучением этой же проблемы в районе Лопбури (*Ho*, 1984; *Higham & Kijngam*, 1984; *Welch*, 1984). Эти исследования не выявили свидетельств того, что до 700 г. до н.э. какое-либо поселение в рассматриваемых районах значительно превышало по размерам соседние. Таким образом, здесь мы встречаемся с так называемыми сегментарными общинами, связанными между собой отношениями обмена изделиями и, возможно, брачными партнерами. В этих общинах, по всей видимости, жило до нескольких сотен людей, которые объединялись в группы в зависимости от социального статуса. В рамках данной общественной системы

обеспечение, обмен и владение престижными изделиями могло быть важным средством получения, демонстрации и повышения статуса отдельного лица или всей общины. При этом доминирующее положение занимали те, в чьем распоряжении находились источники получения богатств. На примере Кхоккиханомди мы видели, как система общественного разделения формировалась на протяжении нескольких веков. Со временем бронзовые изделия стали престижными, однако среди знакомых с металлообработкой обитателей поселений Нонноктха и Баннади не наблюдалось такого общественного разделения, которое, как предполагалось, должно было сложиться в общинах, контролирующей добычу и выплавку металлов. Тенденции к образованию централизованной системы власти с вождем во главе в полной мере проявились в Юго-Восточной Азии уже в более поздний период, рассматриваемый в следующих томах «Истории человечества».

ОСТРОВА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ОКЕАНИИ

Вильгельм Г. Солхейм II

Предполагается, что приморские и островные культуры начали складываться в Юго-Восточной Азии около 5000 г. до н.э. К 3000 г. до н.э. на островах, окружающих Южно-Китайское море, вдоль побережья Филиппин и на островах Восточной Индонезии появилось несколько приморских культур, взаимодействующих друг с другом. В Восточной Индонезии и на южных и центральных Филиппинских островах местные обитатели освоили обработку камня методом оббива, изготавливая в некоторых случаях оббитые каменные ножи. На юго-западе Сулавеси около 3000 г. до н.э. появились настоящие микролитические орудия. Представители одной из приморских культур Индонезии, вероятно, начали продвигаться на острова Новая Британия и Новая Ирландия, расположенные к северу от Новой Гвинеи, после 2000 г. до н.э.

Весьма вероятно, что представители одной или нескольких приморских культур Юго-Восточной Азии около 4000 г. до н.э. или даже раньше появились на побережье Южного Китая и время от времени контактировали с обитателями приморских районов Южной Кореи и западной части о. Кюсю. Однако они оказывали незначительное влияние на эти районы до тех пор, пока после 2000 г. благодаря им сначала в Корее, а затем на Кюсю появился рис. Не вызывает сомнений, что данные культуры взаимообогащались с такими культурами, как кайа в Южной Корее и ва в Западной Японии.

Носители данных приморских культур оказали генетическое и лингвистическое влияние на меланезийское население Новой Гвинеи и ряд островов Меланезии, к тому времени уже обитаемых. Однако большинство островов Океании было впервые заселено именно представителями народов Юго-Восточной Азии.

ОСТРОВА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Тайвань

Древнейшие памятники культур охотников и собирателей восточного побережья острова датируются на основании находок в пещере Чанпиньян периодом с 3275 по 2575 г. до н.э. (Y-2638; *Chang et al.*, 1969, p. 134). Древнейшим памятником под открытым небом на Тайване является стоянка в парке О-Луан-Пи, датируемая периодом с 2835 по 2735 г. до н.э. (Beta-6159; *Li*, 1983a, p. 40). Находки, сделанные на территории этих двух памятников, отличаются друг от друга. В пещере Чанпиньян были найдены следы долговременного производства, включая находки камен-

ных, костяных и роговых орудий. Каменные орудия можно разделить на грубые и на более тщательно обработанные. Грубые орудия представлены в основном оббитыми изделиями, а также некоторым числом орудий из обыкновенной гальки. Большая часть оббитых орудий изготавливалась из пляжной гальки без ударных площадок и использовалась лишь однократно. Все орудия из обыкновенной гальки представляют собой обработанные со всех сторон рубила. Тщательно выполненные орудия также изготавливались методом оббива из пляжной гальки, изредка с применением ударной площадки. Иногда их использовали несколько раз, вновь обрабатывая затупившиеся рабочие поверхности. «Известные типы орудий включают скребки, проколки, ножи, универсальные орудия и зазубренные скребки» (*Chang et al.*, 1969, p. 135); они, вероятно, применялись при изготовлении орудий из кости и оленьих рогов. Тщательно обработанные орудия появились в основном позднее грубых, однако был период, когда оба типа изготавливались одновременно. Орудия из кости и рога представляли собой «расщепленные кости с заостренными концами для прокалывания, кости с суставом на одном конце и с одинарным или сдвоенным заостренным концом на другой... иголки с ушками... долота... и длинные инструменты в виде стамески» (*Chang et al.*, 1969, p. 135). Предполагается, что с помощью этих инструментов плелись корзины и, возможно, рыболовные сети.

Выше горизонта, не содержащего фрагментов керамики и отражающего период существования культуры охотников и собирателей в памятнике в парке О-Луан-Пи, находится культурный слой, датируемый периодом с 2200–1800 по 550–350 г. до н.э. (Y-1577; *Chang et al.*, 1969, pp. 45–56). Самая ранняя фаза представлена красной шнуровой керамикой, следующая фаза – расписной керамикой, полированными каменными и костяными орудиями и начиная примерно с 1000 г. до н.э. орудиями из раковин. Последняя фаза отражает дальнейшее развитие данной материальной культуры. Основными видами деятельности ее носителей являлись рыболовство и собирание моллюсков, а также земледелие и охота (*Chang et al.*, 1969, pp. 80–81). На территории большого могильника в Пейнанае были исследованы погребения, покрытые каменными плитами, в которых найдена керамика, отличная от всех остальных типов древней керамики Тайваня. Практически в каждом погребении помещались нефритовые серьги, похожие на аналогичные изделия Северного Вьетнама и Филиппин. Этот могильник возник примерно в 3000 г. до н.э. На севере острова, ближе к его восточному побережью, примерно к концу рассматриваемого периода сложилась культура чилин, известная своими мегалитическими сооружениями.

На западе Тайваня, на побережье и в долинах, исследован ряд культур, вероятно, практиковавших земледелие. Первой такой культурой была культура шнуровой керамики, начало которой приходится на 2540–2430 г. до н.э. (SI-1229; *Chang*, 1973, p. 525). В нашем распоряжении нет неопровержимых доказательств того, что в ее рамках развивалось земледелие, хотя на керамике из самых южных районов распространения данной культуры, относящейся примерно к 2000 г. до н.э. имеются следы риса (*Li*, 1983b, pp. 105–106). Раньше считалось, что остальные культуры появились в этом районе в результате миграций с материкового Китая (*Chang et al.*, 1969; *Dewar*, 1978), однако в настоящее время они рассматриваются как результат развития местных культур под определенным континентальным влиянием. Оба района имеют общие с материковым Китаем типы керамики и орудий, но в остальном тайваньские культуры не демонстрируют большого сходства ни с одной материковой культурой. Мы считаем, что и остатки материальной культуры, и лингвистические данные говорят о наличии торговых контактов между островом и материковым Китаем, Вьетнамом и Северными Филиппинами, а не о масштабных миграциях из данных регионов в период после примерно 3000 г. до н.э.

Культуры восточного побережья отличаются от культур, расположенных на западном склоне гор, пересекающих остров с севера на юг, за исключением ряда памятников южной оконечности острова и района Тайбэя, которые имеют ряд схожих черт в типах орудий¹.

Культура тапенкенг, развивавшаяся на равнинах западной части острова, стала первой культурой Тайваня, освоившей производство керамики. Начальные этапы ее развития приходится на период, предшествующий рассматриваемому, а ее окончание датируется примерно 2500 г. до н.э. Данная керамика украшена орнаментом, нанесенным с помощью шнура. На территории ее распространения также были найдены зазубренные камни небольших размеров, вероятно, использовавшиеся в качестве грузил для рыболовных сетей. Таким образом, нам известно, что представители данной культуры изготавливали веревки и сети. Немногие восстановленные расписанные сосуды имеют либо сравнительно плоское дно, либо круглое основание, их центр тяжести расположен довольно низко. Вероятно, эти сосуды использовались для хранения припасов. Каменные орудия включают небольшие полированные тесла, четырехугольные в поперечном сечении; те из них, что были найдены в северных районах, имеют выступ для крепления к рукоятке; также встречаются небольшие камни с неровной поверхностью, вероятно, использовавшиеся для разбивания раковин и других твердых объектов, полированные перфорированные проколки из сланца треугольной формы с прямым основанием, а также орудия, рассматриваемые как мотыги (*Chang et al.*, 1969, pp. 53–59, 164–171, 211). За исключением этих каменных мотыг, которые могли использоваться и для добывания диких клубней, у нас нет других свидетельств того, что земледелие играло более или менее важную роль. Нет никаких данных и относительно тех растений, которые могли возделываться в том случае, если земледелие все-таки было развито.

Культура тапенкенг стала основой по крайней мере для двух культур – культуры юаньшань на севере и культуры красной керамики на юге. Представляется вероятным, что технологическую основу новых культур отражают имеющиеся находки, относящиеся к некерамическим изделиям культуры тапенкенг с некоторыми заимствованиями с континента (*Li*, 1983a, pp. 103–105): на севере стали чаще встречаться ступенчатые тесла, некоторые виды мотыг и перфорированные проколки из сланца треугольной формы, появились и другие виды проколок, тесла с выступами и керамические прясла. В более поздних горизонтах найдены нефритовые украшения (*Chang et al.*, 1969, pp. 175–185). В центральных и юго-западных районах Тайваня данные культуры развивались на протяжении двух тысячелетий, за это время заимствовав ряд характерных черт извне, однако в основном на своей базе (*Chang et al.*, 1969, p. 111; *Li*, 1983a, pp. 103–105). Так, были заимствованы треугольные и полукруглые каменные ножи, керамические диски с отверстием посередине, около 1000 г. до н.э. появились ножи или тесла довольно необычной, ступнеобразной формы, разнообразные украшения и орудия из раковин, в ряде мест стали возводиться каменные погребальные камеры. Формы и орнаментация керамики также были весьма разнообразными (*Chang et al.*, 1969, pp. 64–109; *Li*, 1983b). Вероятно, глиняные прясла изготавливались в Фенпиту с самого начала, тогда как в О-Луан-Пи они появились около 1000 г. до н.э., уже в видоизмененной форме (*Li*, 1983b) (илл. 116).

Филиппины, Восточная Малайзия и Восточная Индонезия

На Филиппинах в двух местах найдены памятники, относящиеся к периоду, рассматриваемому в данной главе: на севере это долина Кагаян, расположенная на севере о. Лусон, на западе – пещера на острове Палаван. Можно с

уверенностью сказать, что все большие и многие малые острова архипелага были заселены людьми, однако до сих пор раскопки проводились лишь на некоторых из них.

Нет убедительных доказательств появления земледелия уже в тот период, однако типы каменных орудий и следы износа на них могут свидетельствовать о том, что в регионе имелись отдельные центры земледелия или зачатков садоводства, служивших дополнением к охоте и собирательству. Ни одно поселение до сих пор не раскопано, но на территории некоторых памятников на северо-востоке и в центре Лусона найдены следы неглубоких жилищ полуподземного типа.

Оббитые каменные орудия, которые, после того как приходили в негодность, выбрасывались, изготавливались без заранее подготовленных ударных площадок. Они являются самыми частыми находками, иногда встречаются и каменные заготовки для будущих орудий (нуклеусы) (*Ronquillo*, 1981). Было также найдено некоторое количество оббитых орудий с минимальным обновлением рабочей поверхности. Кроме того, на многих центральных островах вплоть до Лусона встречаются каменные ножи, часть которых была сделана из заранее подготовленных нуклеусов. Формы оббива не были какими-либо особыми. Изготовители каменных орудий стремились получить специальную форму и угол наклона рабочего края. Он мог быть прямым, вогнутым или выгнутым. Одно из найденных орудий с вогнутым краем очень напоминает криволинейный струт. Употреблялись также нуклеусы с высоким углом наклона рабочих краев. Заточка рабочих краев оббитых тесел начала практиковаться с самого начала данного периода. Орудия, в частности тесла с заточенными краями, из оббитых раковин были найдены на территории ряда памятников на Южных Филиппинах и на Палаване. Они весьма схожи с аналогичными каменными орудиями. По всей видимости, данные орудия изготавливались из раковин моллюсков *Tridacna*, однако до сих пор уделялось очень мало внимания изучению проблемы производства и использования этих орудий. На Палаване в одном из погребений найдены ложка и украшение из раковин. Здесь же, в сосуде из известняка, обнаружены остатки бетеля.

Начиная примерно с 2000 г. появляются украшения из раковин, обожженной глины и, несколько позже, из драгоценных камней. Бусы из сердолика и нефрита, а также очень красивые полированные нефритовые серьги были найдены на Палаване и в долине Кагаян в горизонтах, относящихся к периоду после 1000 г. до н.э. Стали часто встречаться нефритовые браслеты и украшения для рук, сделанные из больших раковин. В течение II тысячелетия до н.э. начали применяться каменные орудия для обдиранья луба, примерно в это же время в долине Кагаян появились прясла. В изготовлении полированных каменных орудий наблюдалась определенная эволюция, которая особенно проявилась в модификации выступа для крепления к рукоятке, что привело к появлению типичных для Филиппин ступенчатых тесел. Кроме того, было найдено не очень большое количество костяных орудий, таких как иголки, шилья, приспособления для нанесения татуировок и проколки (*Beyer*, 1948; *Fox*, 1970; *Solheim*, 1964, 1968, 1981).

Самая ранняя керамика, изготовленная около 3000 г. до н.э., обнаружена в долине Кагаян, а также в Восточной Индонезии. У нас нет свидетельств того, что к югу от центра о. Лусон до о. Минданао в тот период тоже изготавливалась керамика. Первые образцы керамики были простыми, однако вскоре появилась техника окраски в красный цвет, а также типичные для Юго-Восточной Азии неглубокие чаши с дном в виде кольца и без такового, небольшие сосуды округлой формы и сосуды с остросереберными стенками. Стали использоваться орнаменты в виде выдавленных на поверхности кругов и штриховых линий, иногда инкрустированные известняком, и простые орнаменты в виде точек. Этот стиль орнаментированной керамики был

найден на севере долины Кагаян на о. Лусон, в пещере Батунган на о. Масбате (*Solheim, 1968*) и на о. Сулавеси в Индонезии. Незадолго до 1000 г. до н.э. новые типы и формы керамики, на протяжении двух тысяч лет являвшиеся весьма распространенными на территории Северного и Южного Вьетнама, начали появляться в пещерах Табон и Ниа, а также в Восточной Индонезии. Металл стал встречаться к концу данного периода в виде весьма редких бронзовых, а затем, немного позже, и железных предметов (*Fox, 1970; Solheim, 1964, 1968, 1981*). До начала данного периода в погребениях пещеры Ниа на о. Саравак были распространены захоронения умерших в скорченном положении, однако с 2500 г. до н.э. начали появляться погребения в вытянутом положении, причем в них помещали керамику (*Harrison, 1967*). В период с 2000 по 1500 г. до н.э. на Палаване в пещере Табон появляются первичные, а также, возможно, вторичные погребения в больших керамических сосудах. Считается, что этот обряд пришел с континента, где он некоторое время практиковался в Северо-Восточном Таиланде и Северном Вьетнаме.

Морские торговые пути, объединенные в сеть, получившую название «нунангао», предположительно начали складываться еще до начала рассматриваемого периода (*Solheim et al., 1979, pp. 196–199*). Связи, налаженные благодаря этой сети, могли привести к появлению каменных ножей, которые дополнили традиционные для региона оббитые орудия. Техника изготовления таких ножей, по-видимому, заимствовалась с о. Сулавеси в Индонезии. Несомненно, торговцы были выходцами из прибрежных групп, занимавшихся рыболовством, и были близко с ними связаны в культурном и языковом отношении. Незадолго до 3000 г. до н.э. они принесли знания о заточке рабочих краев каменных орудий из южных регионов на Филиппины. Вероятно, Южные Филиппины и Северо-Восточная Индонезия являлись теми районами, где они начали развивать производство орудий из раковин, технологию которого они завезли на север Филиппин. К 3000 г. до н.э. их торговые пути охватили весь район Южно-Китайского моря; по этим путям производство керамики в следующем тысячелетии распространялось с материковой Юго-Восточной Азии на Тайвань, Филиппины, Борнео и в Восточную Индонезию.

Примерно в это же время на севере Филиппин и Тайване, с одной стороны, и в пещерах Табон (о. Палаван) и Ниа (о. Саравак) – с другой, появляются отличающиеся от всех предыдущих типов две группы полированных каменных орудий. Около 1000 г. до н.э. варианты этого нового стиля пещер Табон и Ниа стали встречаться на Центральных Филиппинах, к востоку от о. Палаван. Впервые обнаруженная на Филиппинах в пещере Каланай на о. Масбате (*Solheim et al., 1979, pp. 22–78*) эта керамика была отнесена к керамической традиции сахайнь–каланей. Схожая керамика ранее найдена на территории поселения Сахайнь, на побережье Центрального Вьетнама. Керамика с подобной орнаментацией встречалась на многих восточных островах Юго-Восточной Азии и побережье Южного Вьетнама, а схожие с ней образцы – в Западной Камбодже и на побережье Сиамского залива (*Solheim, 1959*). В пещере Каланей были также найдены редко встречающиеся железные орудия и бронзовый колокольчик (*Solheim et al., 1979, fig. 23b*), причем последний весьма напоминал колокольчики из поселения Донгсон во Вьетнаме.

В пещере Табон исследователи обнаружили бусы из сердолика, вероятно попавшие сюда с восточного побережья Индии. Около 1800 г. до н.э. здесь же начали появляться нефритовые бусы и серьги, названные линглинго (*lingling-o*). Точно такие же серьги, относящиеся к тому же периоду, были найдены на севере о. Лусон в долине Кагаян, на юго-востоке Тайваня, в пещере Ниа на о. Саравак, на побережье Центрального и Южного Вьетнама, на юге и востоке Таиланда. Более редкий, но схожий тип серег в виде

двухголового животного встречался в этих же районах в то же время. Образец одной из них был найден в кладе из Ботель Тобаго, на юго-востоке Тайваня, еще одна серьга обнаружена в Бандонтапхете в провинции Канчанабури на западе Таиланда среди других изделий, относящихся примерно к 1400-м гг. до н.э.

Торговые пути, связывающие восточное побережье Индии с восточными районами континентальной и островной Юго-Восточной Азии, а также северо-восточные районы этого региона с Кореей и Японией, сложились, по всей видимости, около 1000 г. до н.э. или ранее. К концу рассматриваемого периода именно по ним передавались знания о производстве бронзы, о чем свидетельствуют находки в пещере Табон. Эти пути были не частью сложившейся торговой сети, а скорее самостоятельными небольшими системами торговли, в каждой из которых перемещались различные товары. Об этом можно судить по отсутствию нефритовых бус и серег линглинго на островах Висаян и о. Минданао; в настоящее время только один образец этих изделий обнаружен в пещере Ниа (*Fox, 1970; Patanne, 1972; Harrison, 1970, 1971; Solheim, 1964, 1981; Solheim et al., 1979*).

Имеется очень мало данных относительно Восточной Индонезии и Ирианджай (индонезийской части Новой Гвинеи), и лишь небольшая часть раскопанных там памятников хорошо датирована. Исследованные памятники очень напоминают памятники Центральных и Южных Филиппин. Между памятниками островов Талауд (расположенных восточнее Минданао), юго-запада Сулавеси и Восточного Тимора имеется хронологическая преемственность. Находки из пещеры Ниа очень похожи на находки, сделанные в пещере Табон и ее окрестностях на о. Палаван. Основное различие в технологии между этими двумя группами памятников состоит в том, что ряд украшений из камня и раковин, найденных в пещере Табон, не представлены в пещере Ниа и остальных трех районах. Единственным исключением является уже упоминавшаяся нефритовая серьга из пещеры Ниа. На о. Саравак и юго-востоке о. Минданао найдены образцы керамики с отпечатками на поверхности сосудов, сделанными с помощью шнура, а также плетеных корзин (*Chin, 1980; Bellwood, 1976, pp. 255–267; 1985, pp. 227–228; Harrison, 1967; Harrison, 1970, 1971; Harrison & Medway, 1962; Solheim et al., 1979*).

Находки на западе и северо-востоке Сулавеси, а также в Тиморе в основном похожи на эти образцы керамики. Самые ранние керамические изделия являются гладкими, однако вскоре их стали красить в красный цвет, как на Филиппинах, наносить на них орнаменты в виде отпечатанных кругов и полукругов, иногда напоминающих разворачивающийся свиток, а также штриховые орнаменты в форме треугольников. На юго-западе Сулавеси в ранних горизонтах встречается в основном простая керамика, однако здесь же были найдены два расписанных фрагмента керамики с впечатанным орнаментом в виде концентрических окружностей, похожим на образцы из пещеры Батунган на о. Масбате, Филиппины, относящиеся к тому же периоду. На Сулавеси были также найдены ступенчатые тесла. Здесь, как и на Борнео, обнаруживаются каменные орудия для обдиранья коры, напоминающие аналогичные изделия с Филиппин (*Bellwood, 1976, 1985; Glover, 1969, 1971, 1977; Solheim, 1968*).

Памятники Тимора отличаются от памятников других районов незначительно. Керамика на острове впервые появилась около 3000 г. до н.э., однако полированные каменные орудия были неизвестны жителям острова. Имеются следы земледелия и разведения свиней и некоторых сумчатых, вероятно, завезенных с Новой Гвинеи (*Glover, 1971*). Во многих районах острова встречается керамика, схожая с филиппинским стилем сахайнь–каланей, которая появилась здесь к концу рассматриваемого периода или немного позже.

Западная Индонезия и Западная Малайзия

В нашем распоряжении нет свидетельств того, что до конца периода, рассматриваемого в данной главе, в неолитических культурах Суматры, Западной Явы и Западной Малайзии практиковалось земледелие. По всей видимости, в северной части Суматры был наиболее распространен поздний хоабинский стиль галечных орудий и оббитых орудий из необработанных нуклеусов. В южной части Суматры и западной части Явы оббитые орудия встречаются наряду с немногочисленными орудиями хоабинского типа. Редкие фрагменты керамики, найденные в верхних горизонтах ряда памятников, не датированы и, вероятно, относятся к более позднему периоду. По всей видимости, морские торговцы из восточных районов Юго-Восточной Азии контактировали с представителями местных культур в ходе торговых операций с Индией в I тысячелетии до н.э.

Западная Малайзия в древности была ближе к Суматре, чем к континентальной части региона, поэтому она рассматривается в разделе, посвященном островам Юго-Восточной Азии. Здесь есть четыре памятника, относящихся к данному периоду, однако в одном из них датировка не соответствует стратиграфии. В нижних горизонтах двух других памятников были обнаружены следы хоабинских изделий. В памятнике Гуа-Ча имеется четкая граница между горизонтом хоабинской культуры и горизонтом малайской неолитической культуры. В хоабинском горизонте не содержится фрагментов керамики. С помощью метода радиоуглеродного анализа образцов из промежуточного горизонта он датирован периодом с 1280 по 750 г. до н.э. (ANU-2217). На наш взгляд, вполне вероятно, что представители малайской неолитической культуры были предшественниками современных негритосов в различных генетических соотношениях с южными монголоидами, на основе чего возникли различные современные этнические группы. Горизонт неолитической культуры свидетельствует о зачатках земледелия. Здесь же были обнаружены полированные каменные тесла и довольно красивая керамика, отчасти напоминавшая керамику сахайнь-каланей (Peacock, 1959).

Вторым памятником является Гуа-Кечиль. В нижних горизонтах здесь встречается простая керамика со шнуровым орнаментом, в промежуточном – видоизмененная шнуровая керамика, а в верхних горизонтах – малайская неолитическая керамика, однако наряду со шнуровой. Вероятно, на побережье представители хоабинской культуры вошли в контакт с вновь прибывшими носителями малайской неолитической культуры, в результате чего модифицировали свою керамику по образцу неолитической. В большинстве хоабинских памятников найдены морские раковины, свидетельствующие об обмене с прибрежными группами или о периодических экспедициях в прибрежные районы. В период преобладания неолитической культуры обмен между жителями внутренних лесных районов и побережья продолжался (Dunn, 1975, pp. 132, 136–137). Однако до сих пор не было найдено ни одного прибрежного или равнинного памятника, датированного этим периодом. Единственным исключением является памятник Джендеран-Хилир, относящийся к 3600–2000 гг. до н.э. (I-10758), обнаруженный в аллювиальных отложениях с большим содержанием олова. Здесь обнаружены керамические сосуды с тремя ножками, похожие на малайскую неолитическую керамику (Peacock, 1959, fig. 12a).

Океания

В рассматриваемый период Океания подверглась экспансии носителей австронезийских языков, которая являлась продолжением их расселения и передвижения в торговых целях по всей Юго-Восточной Азии. Сначала с ост-

ровов Юго-Восточной Азии (это подтверждается археологическими данными) они проникли на северо-запад Меланезии и, вероятно, в Микронезию. Археологические исследования свидетельствуют о возможности существования докерамического австронезийского поселения в районе архипелага Бисмарка. Так как известно, что производство керамики началось на островах Юго-Восточной Азии незадолго до 3000 г. до н.э., представляется вероятным, что это первое поселение в Меланезии относится к тому же периоду. Было высказано предположение, что в этих первых переселившихся с островов Юго-Восточной Азии группах началось расслоение общества и зародился институт вождя. Данный тезис, хоть он и представляется резонным, в настоящее время невозможно подтвердить или опровергнуть.

Меланезия

Меланезию можно разделить на две части – материковую, которую образует Новая Гвинея, и островную. Новая Гвинея и примыкающие к ней большие острова Новая Британия и Новая Ирландия с расположенными вблизи малыми островами были заселены в позднем плейстоцене, поэтому вероятно, что по крайней мере несколько местных культур имеют автохтонное происхождение и развивались на основе предшествующих культур. В то же время ряд других культур был привнесен в этот район вновь прибывшими группами. Нет данных, которые подтверждали бы высокую численность коренных меланезийцев в период первых контактов с народами побережий Юго-Восточной Азии, однако последние, прибывая в этот район, по-видимому, селились главным образом на небольших островах или на побережье больших островов, не смешиваясь с меланезийцами. Со временем, однако, контакты должны были активизироваться, так как вскоре после 1500 г. до н.э. меланезийцы заимствовали практику мореходства у вновь прибывших племен и сами начали продвигаться в направлении Новой Каледонии и других прежде незаселенных островов Меланезии. Некоторые меланезийцы восприняли и язык пришельцев, так как их потомки говорят на австронезийских языках. Земледелие во внутренних районах Новой Гвинеи продолжало развиваться.

Археологические исследования в Новой Гвинее до сих пор были ограничены в основном территорией Папуа – Новой Гвинеи, и даже здесь большие районы до сих пор не изучены. Большинство раскопок проводилось во внутренних горных районах, тогда как на равнинах их осуществлено меньше.

В ходе работ в Папуа – Новой Гвинее, в районах, расположенных ниже 2 тыс. м над уровнем моря, а также на архипелаге Бисмарка были найдены каменные ступы, песты, фигурки и наконечники палиц. Для всех этих находок характерны общие сложные стилевые элементы, например изображения голов птиц, а также методы изготовления (долбление, шлифовка и полировка). Несмотря на то что их датировка, как правило, не установлена, ряд находок приблизительно датирован. Так, были найдены фрагменты ступок; первая, из поселения Ваньек, датирована периодом с 3000 по 1000 г. до н.э., а вторая, с восточных гор, – периодом с 1500 по 1000 г. до н.э. К предыдущему периоду относятся простые оббитые орудия без заданной формы за исключением рабочего края, которые характерны для многих памятников, так же, как и полированные топоры-тесла, полукруглые в поперечном сечении. Рядом с ними часто встречаются и большие оббитые каменные ножи. Около 500 г. до н.э. широко распространены полукруглые тесла уступили место полированным теслам с прямоугольным поперечным сечением, технология изготовления которых заимствована из Юго-Восточной Азии.

По всей видимости, керамика появилась в Папуа – Новой Гвинее уже после окончания рассматриваемого периода, однако несколько фрагментов, найденных в Ваньеке, относятся к периоду с 2000 по 1000 г. до н.э. Формы керамики простые, с округлым или острым дном; по всей видимости, она была изготовлена методом скручивания. Эта традиция керамики позднее распространилась по северному побережью Папуа на 1000 км. Многие местонахождения открыты не непосредственно на побережье, а во внутренних горных районах.

Наиболее изученные местонахождения того периода не содержат артефактов. Такими являются земледельческие поселения в болотах Кука в центральных горах. Около 9 тыс. лет назад, на третьей фазе развития данного местонахождения, здесь начали сооружаться отводные каналы, образовавшие множество небольших островков, на которых развилось земледелие. В верхних горизонтах были найдены деревянные лопаты и палки-копалки. Весьма вероятно, что эти типы земледельческих орудий раньше также использовались для копания и контроля за уровнем воды в каналах. Следы от столбов, служивших основанием для жилищ, показывают, что жилища сооружались из подручного материала, вероятно, прямо над водой. Группы, жившие здесь, привезли с собой из Юго-Восточной Азии домашних животных и растения (свиней, кур и собак; таро, ямс и хлебное дерево). Были заимствованы также растения побережья Новой Гвинеи (бананы и сахарный тростник) (Bellwood, 1979, pp. 233–279; Bulmer, 1985; Bulmer & Bulmer, 1962; Burton, 1984; Garanger, 1972; Golson, 1972; Green, 1979; Swadling, 1981; White & O'Connell, 1982, pp. 171–197).

Для большинства островов Меланезии самым ранним и наиболее изученным является культурный комплекс лапита, известный главным образом своей характерной керамикой. В 1500 г. до н.э. производство керамики было заимствовано с островов Юго-Восточной Азии. Именно на этой основе развилась данная традиция, распространившаяся вплоть до островов Фиджи. Наложение пластин глины друг на друга было общим методом производства керамики с последующей доработкой с помощью приспособлений в виде лопатки и небольшой наковальни, которыми утончали стенки сосуда. Ассортимент и формы керамики напоминают традицию сахайнь-каланей островов Юго-Восточной Азии с ее округлыми или плоскими днищами или с подставкой в виде кольца, неглубокими чашами, округлыми сосудами с глубокими, выдающимися краями и острыми ребрами. Эта керамика впервые появилась вскоре после 2000 г. до н.э. на северо-западных островах Меланезии и представлена от архипелага Тонга и

Самоа на востоке до Новой Каледонии на юге уже с 1000 г. до н.э. Красивый штампованный орнамент (рис. 78) напоминает татуировку по форме и по технике. Подтверждением того, что жители данного региона умели делать татуировки, служит находка инструментов, вероятно, использовавшихся для этих целей. Быстрое распространение такой керамики указывает на наличие судов, выходивших в океан и, по-видимому, снабженных противовесами. Однако до сих пор не было найдено следов этих судов. В границах бытования традиции керамики лапита быстро развилась масштабная торговля обсидианом и другими материалами.

Неретушированные обсидиановые изделия и нуклеусы встречаются в большинстве местонахождений. Полированные тесла из раковин и камня с полукруглыми, круглыми, прямоугольными, трапециевидными и прочими формами поперечных сечений, имеющие выступ для крепления к рукоятке, встречаются довольно часто. То же можно сказать и о скребках, приспособлениях для обдиранья коры, рыболовных крючках, разнообразных украшениях из раковин и камня, например браслетах, бусах и подвесках. Исследователи находят также напильники из кораллов и вулканических камней. В некоторых местах были обнаружены камни, по всей видимости, использовавшиеся для устройства очага.

В Мангасси на острове Вануату (Новые Гебриды) и в ряде мест в Новой Каледонии были исследованы культуры, традиции изготовления керамики которых отличались от других. Лишь несколько фрагментов керамики лапита обнаружено на Эрүэти и Эфате. Основная часть керамики была сделана скорее методом скручивания глиняного жгута, а не наложения слоев. Местные изделия из камня и раковин, как правило, больше напоминают изделия культуры лапита, чем керамику (Bellwood, 1979, pp. 244–262; Garanger, 1972; Kirch, 1987; Poulsen, 1987; Spriggs, 1984).

Микронезия

До 1977 г. в Микронезии не проводилось интенсивных и масштабных археологических исследований, и в настоящее время в печати находятся только предварительные отчеты о раскопках. Считается, что острова Западной Микронезии вплоть до Марианских островов на востоке долго не были заселены. Единственное раннее местонахождение, найденное в Восточной Микронезии, находится на атолле Бикини в цепи Маршалловых островов. Памятник датирован примерно 1800 г. до н.э. с помощью радиоуглеродного анализа фрагментов древесного угля, однако никаких других находок там сделано не было. Фрагмент раковинного тесла, схожего с находками на территории докерамических местонахождений Северной Меланезии, а также изделие из коралла обнаружено в горизонте, относящемся к самому концу рассматриваемого периода (Strecth, 1987). Следующие ранние находки также датируются этим временем.

Самое древнее местонахождение Западной Микронезии находится на о. Гуам в цепи Марианских островов и относится примерно к 2000 г. до н.э. Ранняя керамика региона получила название марианской красной керамики. Некоторые ее образцы покрыты простым насеченным или вдавленным орнаментом, иногда выложенным известняком. Наряду с этой керамикой находят базальтовые оббитые орудия и тесла, а также раковинные бусы, браслеты, фрагменты тесел и подвески. Эту раннюю керамику обозначают как керамику с добавлением кальцинированного песка (ДКП), чтобы отличить ее от керамики с добавлением вулканического песка (ДВП). В настоящее время известно, по крайней мере по отношению к Гуаму, что керамика с добавлением известняка появилась позже рассматриваемого периода.

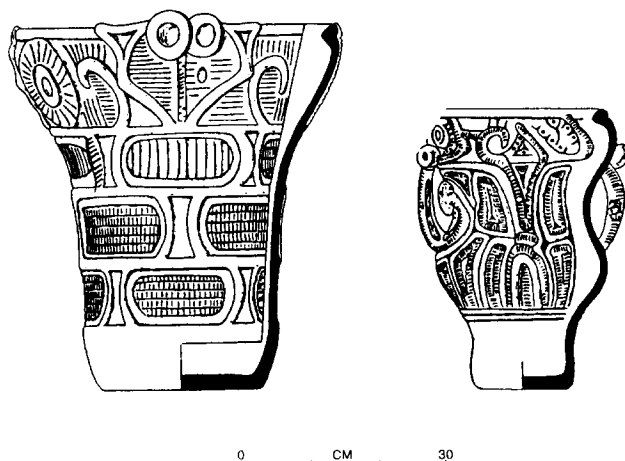

Рис. 77. Искусно декорированный керамический сосуд эпохи Дзёмон из центральной части Хонсю (по Kamikawanba, 1968)

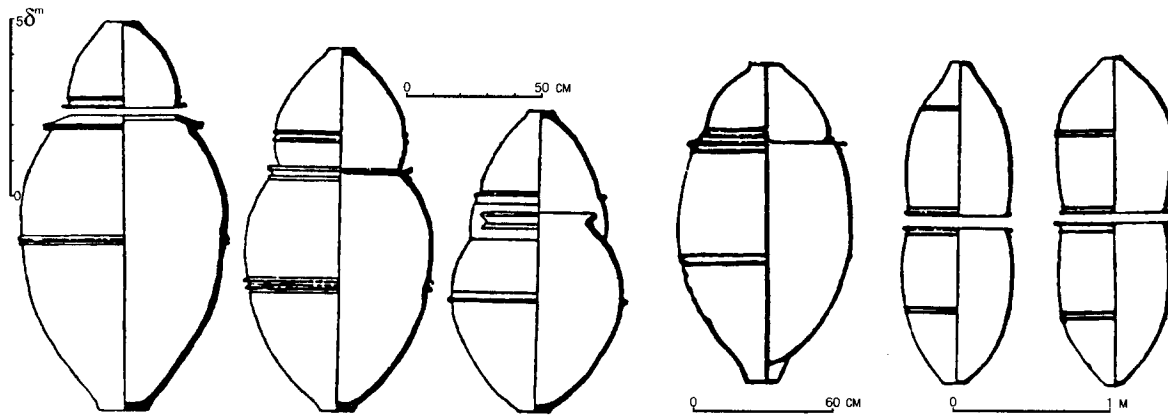

Рис. 78. Ранние типы погребальных сосудов культуры яёй, разнообразные двойные кувшины (по Kaneko, 1964)

Самой ранней достоверно датированной керамикой являются находки из Тарагуэ на о. Гуам, относящиеся к 1500–1000 гг. до н.э. Эта керамика также является красной и иногда орнаментирована впечатанными кругами, схожими с орнаментами на керамике из Батунгана на Филиппинах, а также из ряда мест на юго-западе Сулавеси в Индонезии. В Тарагуэ было найдено два раковинных тесла, причем одно из них находилось в нижнем горизонте. Материалом для их изготовления послужила раковина моллюска *Tridacna gigas*, который не обитал на Марианских островах в период голоцена (Spoebr, 1957; Spoebr & Simoto, 1981)².

В настоящее время в истории Гуама выделяется четыре стадии: первая, получившая название «эпоха, предшествующая возведению латтов» («латты» – каменные сооружения Гуама в виде чаш на подставках), датируется примерно с 1485 по 500 г. до н.э. О некерамических изделиях этой эпохи известно мало. Основными находками являются тесла из раковин *Tridacna*, раковинные рыболовные крючки и, вероятно, раковинные долота. Ранняя керамика ДКП представлена неглубокими чашами, зачастую с острыми ребрами (Moore, 1983).

Самые последние исследования на территории Северного Гуама с использованием радиоуглеродного метода свидетельствуют о том, что наиболее ранние следы деятельности человека относятся примерно к 2000 г. до н.э. Именно в этом горизонте найдены фрагменты толстостенных и плохо обожженных керамических сосудов очень больших размеров и лишенных орнаментов. Хотя подробные исследования этих находок еще не проводились, они не похожи на марианскую красную керамику. В этом же горизонте обнаружен коралловый напильник. Начиная с горизонта 1000 г. до н.э. стенки керамики, вероятно ДКП, становятся тоньше. Здесь же найдены раковинные тесла и базальтовый фрагмент. В горизонте, датированном периодом с 1000 по 500 г. до н.э., другого местонахождения раскопаны фрагменты керамики и коралловый напильник. И наконец, в третьем местонахождении, в горизонтах начиная с 2300 г. до н.э. были обнаружены следы четырех «столбовых» жилищ, фрагменты керамики, украшение из раковин, рыболовный крючок и кусок красной пемзы. В горизонте, датированном 1400 г. до н.э., также открыты фрагменты керамики, рыболовный крючок, коралловые напильники или скребки (включая одно приспособление для сверления), базальтовый пест, два камня для пращи и две раковинные бусины.

В ходе масштабных исследований на о. Палау были обнаружены только две находки, относящиеся к предполагаемому периоду первых заселений острова, который начался примерно в 1800 г. до н.э. Этот период представлен фрагментами простой неорнаментированной керами-

ки. Найденный орнаментированный образец совершенно не похож на гуамские неглубокие чаши. Единственной некерамической находкой, относящейся к раннему периоду, здесь является тесло из раковины *Tridacna*.

Полинезия

Тонга, а затем и Самоа стали первыми заселенными островами в Полинезии. Заселение Тонги носителями австронезийских языков, прибывших, вероятно, с Фиджи, началось около 1000 г. до н.э. Переселенцы привезли с собой растения и домашних животных. Жители этих трех островов поддерживали контакты друг с другом благодаря дальним морским путешествиям на протяжении тысяч лет, развив типичную полинезийскую культуру. Их продвижение на восток в сторону других островов Полинезии началось уже после рассматриваемого периода (Bellwood, 1979, pp. 253–254).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мне хотелось бы поблагодарить Эрику Канеко (*Erika Kaneko*) за материалы по древней истории Тайваня. Она не несет ответственности за мои интерпретации, хотя в большинстве случаев я придерживался ее суждений.

² Выражаю благодарность Чарльзу Стрехту за предоставление неопубликованной информации по Микронезии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALLEN, J.; GOSDEN, C. (eds) 1991. Report on the Lapita Project. Department of Prehistory, Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National University.
- AYRES, W. S.; HAUN, A. E. 1985. Archaeological Perspectives on Food Production in Eastern Micronesia. In: FARRINGTON, I. S. (ed.), Prehistoric Intensive Agriculture in the Tropics. Oxford. pp. 455–73. (BAR Int. Ser.)
- BAYARD, D. T. 1984. A Regional Phase Chronology for Northeast Thailand. In: – (ed.), Southeast Asian Archaeology at the XV Pacific Science Congress. University of Otago Studies in Prehistoric Anthropology, Vol. 16. Dunedin, New Zealand, pp. 161–8.
- BELLWOOD, P. 1976. Archaeological Research in Minahasa and the Talaud Islands, Northeastern Indonesia. *Asian Perspect.* (Honolulu), Vol. 19, No. 2, pp. 240–88.
- 1979. *Man's Conquest of the Pacific*. New York.
- 1985. *Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago*. Sydney.
- BEYER, H. O. 1948. *Philippine and East Asian Archaeology, and its Relation to the Origin of the Pacific Island Population*. Quezon City, National Research Council of the Philippines. (Bull., 29.)

- BULMER, R.; BULMER, S. 1962. Figurines and other Stones of Power among the Kyaka of Central New Guinea. *J. polyn. Soc.* (Wellington), Vol. 71, No. 2, pp. 192–208.
- BULMER, S. 1985. Papuan Pottery: An Archaeological Consideration. *Bull. Indo-Pac. prehist. Assoc.* (Canberra), Vol. 6, pp. 123–32.
- BURTON, J. 1984. Field Research at the Stone Axe Quarries of Western Highlands and Simbu Provinces, Papua New Guinea. *Bull. Indo-Pac. prehist. Assoc.* (Canberra), Vol. 5, pp. 83–92.
- CHANG, KWANG-CHIH et al. 1969. Fengpitou, Tapenkeng, and the Prehistory of Taiwan. New Haven, Conn. (Yale Univ. Publ. Anthropol., 73.)
- CHIN, L. 1980. Cultural Heritage of Sarawak. Kuching.
- COLANI, M. 1927. L'Age de la pierre dans la province de Hoa Binh. *Mém. Serv. géol. Indoch.* Vol. 14, No. 1.
- DALTON, G. 1977. Aboriginal Economics in Stateless Societies. In: EARLE, T. K.; ERICSON, J. E. (eds). *Exchange Systems in Prehistory.* London. pp. 191–212.
- DEWAR, R. 1978. Ecological Context and the Prehistory of the West Central Taiwan Coast. *Asian Perspect.* (Honolulu), Vol. 21, No. 2, pp. 207–41.
- DUNN, F. L. 1975. Rain-Forest Collectors and Traders: A Study of Resource Utilization in Modern and Ancient Malaya. Kuala Lumpur. (Monogr. Malays. Branch r. asiat. Soc., 5.)
- EGLI, H. 1972. Neusteinzeitliche Typenkreise an der Ostküste van Taiwan. *Anthropos*, Vol. 67, pp. 229–67.
- FOX, R. B. 1970. The Tabon Caves: Archaeological Explorations and Excavations on Palawan Island, Philippines. Manila, National Museum. (Monogr., 1.)
- GARANGER, J. 1972. *Archéologie des Nouvelles-Hébrides.* Paris.
- GLOVER, I. C. 1969. Radiocarbon Dates from Portuguese Timor. *Archeol. phys. Anthropol. Ocean.* (Sydney), Vol. 4, No. 2, pp. 107–12.
- 1971. Prehistoric Research in Timor. In: MULVANEY, D. J.; GOLSON, J. (eds), *Aboriginal Man and Environment in Australia.* Canberra, pp. 158–81.
- 1977. The Late Stone Age in Eastern Indonesia. *World Archaeol.* (London), Vol. 9, No. 1, pp. 42–61.
- GOLSON, J. 1972. Both Sides of Wallace Line: New Guinea, Australia, Island Melanesia and Asian Prehistory. In: BARNARD, N. (ed.), *Early Chinese Art and its Possible Influence in the Pacific Basin.* New York.
- GREEN, R. C. 1979. Lapita. In: JENNINGS, J. D. (ed.), *The Prehistory of Polynesia.* Cambridge, Mass.
- HARRISSON, B. 1967. A Classification of Stone Age Burials from Niah Great Cave, Sarawak. *Sarawak Mus. J.* (Kuching), Vol. 15, No. 30/1, pp. 126–200.
- HARRISSON, T. 1970. The Prehistory of Borneo. *Asian Perspect.* (Honolulu), Vol. 13, pp. 17–45.
- 1971. Prehistoric Double-spouted Vessels Excavated at Niah Caves, Borneo. *J. Malays. Branch r. asiat. Soc.* (Kuala Lumpur), Vol. 44, No. 2, pp. 35–78.
- HARRISSON, T.; MEDWAY, L. 1962. A First Classification of Prehistoric Bone and Tooth Artefacts. *Sarawak Mus. J.* (Kuching), Vol. 10, No. 19–20, pp. 335–62.
- HIGHAM, C. F. W. 1983. The Ban Chiang Culture in Wider Perspective. *Proc. br. Acad.* (London), Vol. 69, pp. 229–61.
- 1988. *The Archaeology of Mainland Southeast Asia.* Cambridge.
- HIGHAM, C. F. W.; KIJNGAM, A. 1984. Prehistoric Investigations in Northeast Thailand. Oxford. (BAR Int. Ser., 231.)
- HO, C. M. 1984. The Pottery of Kok Charoen and its Further Context. London. (PhD thesis.)
- HOANG XUAN CHINH. 1984. The Hoabinhian Culture and the Birth of Botanical Domestication in. In: BAYARD, D. (ed.), *Southeast Asian Archaeology at the XV Pacific Science Congress.* University of Otago Studies in Prehistoric Anthropology, Vol. 16. Dunedin, New Zealand, pp. 169–72.
- KIRCH, P. V. 1987. Lapita and Oceanic Cultural Origins: Excavations in the Mussau Islands, Bismarck Archipelago, 1985. *J. Field Archaeol.* (Boston, Mass.), Vol. 14, pp. 163–80.
- LI, KUANG-CHOU. 1983a. Problems Raised by the Klen-ting Excavation of 1977. *Bull. Dept. Archaeol. Anthropol.* (Taipei), No. 43, pp. 86–116.
- 1983b. Report of Archaeological Investigations in the O-Luan-Pi Park at Southern Tip of Taiwan. Taipei.
- MAJID, Z. 1982. The West Mouth, Niah, in the Prehistory of Southeast Asia. *Sarawak Mus. J.* (Kuching), Vol. 31, No. 52, pp. 1–200.
- MANSUY, H. 1902. Stations préhistoriques de Samrong-Seng et de Long-prao (Cambodge). Hanoi.
- 1924. Stations préhistoriques dans les cavernes du massif calcaire de Bac-Son. *Mém. Serv. géol. Indoch.* Vol. 11, No. 2.
- MARSHALL, M. 1984. Structural Patterns of Sibling Classification in Island Oceania: Implications for Culture History. *Curr. Anthropol.* (Chicago), Vol. 25, No. 5, pp. 597–637.
- MOORE, D. 1983. Measuring Change in Marianas Pottery: The Sequence of Pottery Production at Tاراque. Guam. Agana, University of Guam. (MA thesis.)
- NOULET, J. B. 1877. L'âge de la pierre dans l'Indo-Chine. Paris. (Matériaux pour l'Histoire primitive et naturelle de l'Homme, Ser. 2B.)
- PATANNE, E. P. 1972. *The Philippines in the World of Southeast Asia; A Culture History.* Quezon City, Philippines.
- PAWLEY, A.; GREEN, R. C. 1973. Dating the Dispersal of the Oceanic Languages. *Ocean. Linguist.* (Honolulu), Vol. 12, pp. 1–68.
- PEACOCK, B. A. V. 1959. A Short Description of Malayan Prehistoric Pottery. *Asian Perspect.* (Honolulu), Vol. 3, No. 2, pp. 121–56.
- PIGOTT, V. C. 1984. The Thailand Archaeometallurgy Project 1984: Survey of Base Metal Resource Exploitation in Loei Province, Northeast Thailand. *Southeast Asian Stud. Newsl.* (Bangkok), Vol. 17, pp. 1–3.
- POOKAJORN, S. 1981. The Hoabinhian of Mainland Southeast Asia: New Data from the Recent Thai Excavations in the Ban Kao Area. Pennsylvania. (unpublished MA thesis on deposit with the Department of Anthropology, University of Pennsylvania.)
- POULSEN, J. 1987. Early Tongan Prehistory. Canberra, Australian National University. Vol. 2. (Terra Australis, 12.)
- RONQUILLO, W. P. 1981. The Technological and Functional Analysis of the Lithic Flake Tools from Rabel Cave, Northern Luzon, Philippines. Manila. (Anthropol. Pap., 13.)
- SOLHEIM II, W. G. 1964. *The Archaeology of Central Philippines.* Manila. (Mogr. natl. Inst. Sc. Technol., 10.)
- 1968. The Batungan Cave Sites, Masbate, Philippines. In: — (ed.). *Anthropology at the Eighth Pacific Science Congress.* Honolulu, HI. pp. 20–62. (Asian Pac. Archaeol. Ser., 2.)
- 1981. Philippine Prehistory. In: FATHER, G. C. et al. *The People and Art of the Philippines.* Los Angeles, pp. 16–83.
- (ed.) 1959. Sa-huynh Pottery Relationships in Southeast Asia. *Asian Perspect.* (Honolulu), Vol. 3, No. 2, pp. 97–188.
- SOLHEIM II, W. G.; LEGASPI, A. M.; NERI, J. S. 1979. *Archaeological Survey in Southeastern Mindanao.* Manila. (Monog., 8.)
- SPOEHR, A. 1957. *Marianes Prehistory Archaeological Survey and Excavations on Saipan, Tinian and Rota.* Chicago. (Fieldiana, Anthropol., 48.)
- SPOEHR, A.; SINOTO, Y. H. (eds). 1981. *Micronesian Prehistory.* Asian Perspect. (Honolulu), Vol. 24, No. 1 (special issue), pp. 1–138.
- SPRIGGS, M. 1984. The Lapita Cultural Complex: Origins, Distribution, Contemporaries and Successors. *J. Pac. Hist.* (New York), pp. 202–3.
- STRECHT, C. 1987. *Archaeological Reconnaissance Site Survey of the Islands of Bikini Atoll, Republic of the Marshall Islands, Micronesia.* Honolulu, Berkeley, Bikini Atoll Rehabilitation Committee.
- SWADLING, P. 1981. *Papua New Guinea's Prehistory: An Introduction.* Port Moresby.
- TURNER, C. G. 1985. The Modern Human Dispersal Event: The Eastern Frontier. *Q. Rev. Archaeol.* (Salem, Mass.), Dec., pp. 8–9.
- WELCH, D. 1984. *Adaptation to Environmental Unpredictability: Intensive Agriculture and Regional Exchange at Late Prehistoric Centers in the Phimai Region.* Honolulu. (PhD thesis.)
- WHITE, J. P.; CROOK, K. A. W.; BUXTON, B. P. 1970. Kosipe: A Late Pleistocene Site in the Papuan Highlands. *Proc. prehist. Soc.* (Cambridge), Vol. 36, pp. 132–70.
- WHITE, J. P.; O'CONNELL, J. F. 1982. *A Prehistory of Australia, New Guinea and Sahul.* Sydney.
- YEN, D. E. 1977. Hoabinhian horticulture: The evidence and the questions from northwest Thailand. In: ALLEN, J. et al. (eds), *Sunda and Sahul.* London, pp. 567–9.

15.3

КОРЕЯ

Тадаси Ниситани

В Корее период, охватывающий 3000–700 г. до н.э., соотносится с периодом от средней культуры чулмун (*Chulmun*) (характеризующейся геометрическими и гребенчатыми орнаментами гончарных изделий и относящейся к неолиту) и до ранней культуры мумун (*Mumun*) (с гладкой керамикой, относящейся к бронзовому веку). Соответственно, в этой главе рассматривается технология и культура этих двух периодов (карта 24).

ПЕРИОД КУЛЬТУРЫ ЧУЛМУН

Приблизительно 12 тыс. лет назад с окончанием последнего ледникового периода и началом периода межледникового потепления, повышение уровня моря, связанное с таянием ледников, определило очертания отодвинувшейся в глубь материков береговой линии как Восточной Азии, так и других частей света. Именно в этот период установились нынешние очертания Корейского полуострова. После этого в течение около тысячи лет уровень моря время от времени повышался и спадал неодинаково в различных районах, слегка изменяя топографию береговой линии. Именно на период палеолита приходится появление керамики, тогда как до этого в течение сотен тысяч лет в этом регионе мира использовались только грубые каменные орудия. Самые древние образцы керамики (гончарные изделия типа «юкимун»), когда-либо находившиеся в Корее, были найдены в местонахождениях Осанни (провинция Канвондо) и Тонсамдон (г. Пусан), украшены прищипленным, лепным или накладным орнаментом и представляют собой в основном плоскодонные чаши. Гончарные изделия такого типа не были обнаружены на западном побережье полуострова.

В это время в западных районах Кореи внезапно появляется чашеобразная керамика с закругленным или заостренным дном, украшенная классическим гребенчатым орнаментом. Происхождение этого типа керамики, вероятно, следует искать на северо-востоке Китая, особенно в провинции Ляонин. Считается, что впервые она появилась на юго-восточной оконечности Корейского полуострова близ Тонсамдона (г. Пусан), также ее следы можно найти на территории о. Цусима. Однако не исключено, что на тип находок, сделанных в Тонсамдоне, довольно рано начали влиять как культуры восточного побережья, так и впоследствии культуры западного побережья, которые, по-видимому, здесь смешивались и взаимодополнялись.

В литературе и научных кругах КНДР и Южной Кореи считается установленным, что культура чулмун приходится на период неолита и, соответственно, является неолитической культурой. Однако первые зачатки земледелия и животноводства, которые являются важными показателями, определяющими культуру неолита во всемирном понимании, появились в Корее позднее. В тот период основными средствами к существованию в данном регионе про-

должали оставаться в основном охота и рыболовство, что характерно для палеолита, поэтому предпочтительнее называть культуру чулмун скорее палеолитической, чем неолитической.

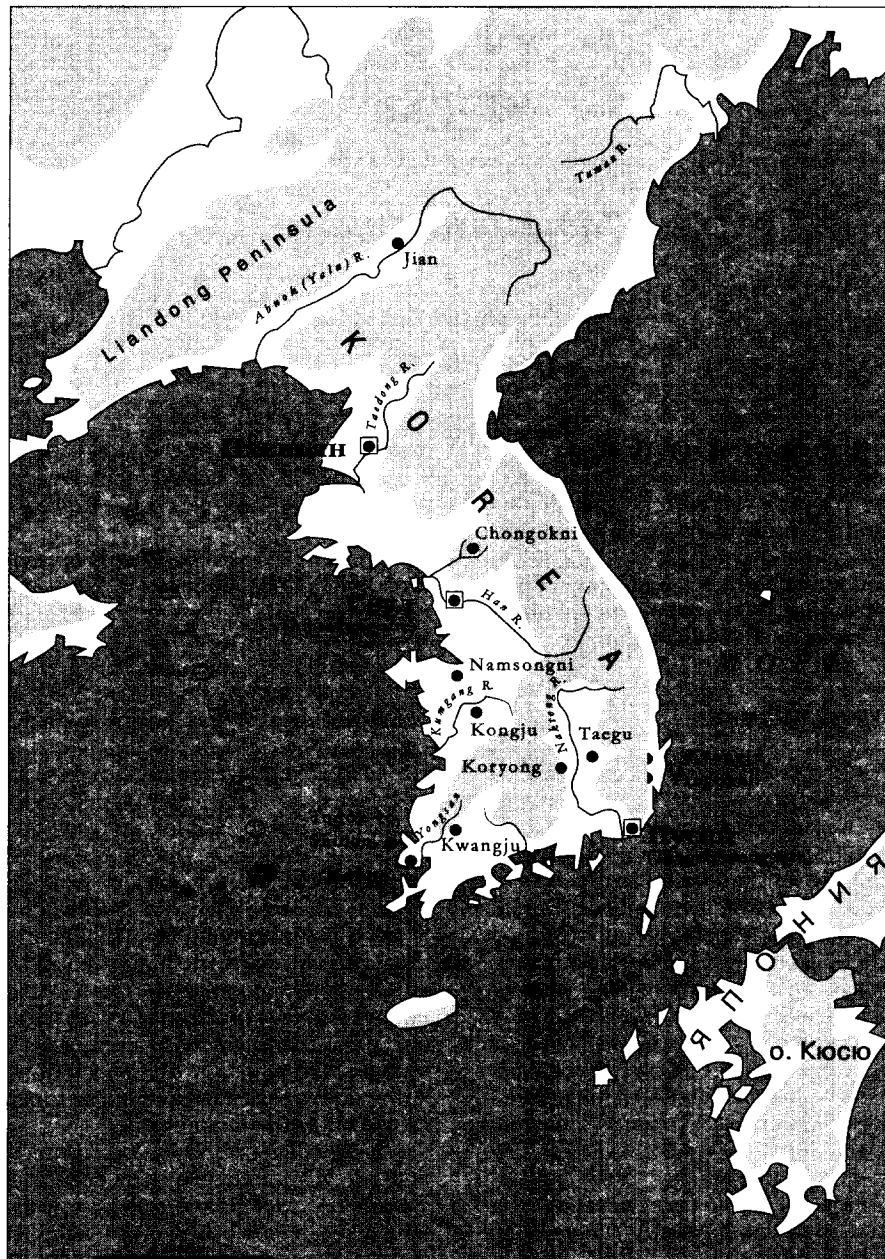
Среди найденных каменных орудий особенно выделяются хорошо обработанные каменные наконечники стрел, а также гарпуны, используемые соответственно для охоты и рыболовства. Известны и другие виды каменных орудий. Принимая во внимание, что на всей территории страны зерноотерки, которые относятся по крайней мере ко второй половине периода чулмун, были найдены в сочетании с каменными серпами, следами проса (*Setaria italica*) и других сельскохозяйственных культур, наличие в тот период примитивного земледелия можно считать установленным. Более того, после находок остатков хранившихся желудей мы знаем, что в этот период уже имело место собирание съедобных растений. Большинство поселений культуры чулмун располагалось на прибрежных территориях и вдоль берегов крупных рек. Именно в речных районах часто можно обнаружить груды раковин. Эти скопления весьма богаты археологическим материалом как природного происхождения (раковины, кости животных и рыб), так и остатками артефактов – каменных орудий и гончарных изделий. Там же в значительных количествах встречаются артефакты из кости и рога, среди них рыболовные крючки и наконечники гарпунов.

Люди культуры чулмун обитали в землянках, объединенных в группы. В целом на Корейском полуострове установлено более десяти местонахождений, в которых располагались такие поселения; к настоящему времени раскопано только примерно 70 древних жилищ, поэтому важная проблема выявления структуры данных поселений еще ждет своего разрешения.

Несмотря на то что период чулмун имеет некоторые общие черты, характерные для неолитических культур всего мира, все же культура этого периода является специфически корейской доисторической культурой, находившейся примерно на одном уровне развития с культурой дзёмон (Япония).

ПЕРИОД КУЛЬТУРЫ МУМУН

Примерно в первой половине I тысячелетия до н.э. культура чулмун исчезает, а ей на смену приходит археологическая культура, для которой характерна гладкая (мумун – по корейски), безорнаментная керамика, вследствие чего автор обозначает этот период как период керамики мумун (культуры мумун). Следует отметить, что в академических кругах КНДР и Республики Корея особо подчеркивается тот факт, что в этот период на Корейском п-ове появились дотоле неизвестные великолепные бронзовые изделия, и поэтому керамику мумун предпочитают относить к периоду бронзового века. Детальное рассмотрение периодизации археологических культур

Карта 24. Корея

Кореи выполнено в другой работе автора (*Tadashi Nishitani, 1982*), поэтому здесь данный вопрос не обсуждается; отметим, однако, что в будущем к этой проблеме необходимо вернуться снова.

Как правило, керамика мумун лишена украшающих элементов. Однако на ранних образцах керамики этого типа можно заметить легкий орнамент, состоящий из рядов точечных углублений и коротких прорезанных линий. В период чулмун также встречалась неорнаментированная керамика, однако ее цвет и выделка отличаются от гончарных изделий мумун. По сравнению с керамикой чулмун новая керамика делалась из более чистой глины, обжигалась при более высокой температуре и имела светлорыжий цвет. Структура материала и технология производства этих гончарных изделий имели временные и территориальные различия. Общей чертой является широкий ассортимент изделий, включавший широкогорлые шаровидные сосуды, сосуды с узким горлом, кубки и чаши, а в более поздние периоды — и чаши с плоским дном. Сосуды, найденные в бассейне

р. Тэдонган на северо-востоке полуострова, характерны своей формой, напоминающей корейскую керамику с загнутым двойным ободом из предшествующего периода. На территории, протянувшейся с северо-востока на юг, иногда встречаются широкогорлые сферические кувшины, относящиеся к первой половине этого периода, орнаментированные рядами точек и выступов, а также узкогорлые лощеные кувшины ярко-красного цвета. Во второй половине рассматриваемого периода спирали или ленты из глины стали лепиться к горловинам широкогорлых сферических кувшинов. На это же время приходится наиболее широкое распространение характерных черт керамики мумун; тогда же начали встречаться черные лощеные кувшины с длинным горлом.

В скоплениях рабочих инструментов, или орудий с острым режущим краем, полированные каменные орудия занимают основное место, по крайней мере в первой половине рассматриваемого периода. При этом изделий из бронзы было найдено очень мало, они главным образом представлены инструментами для работы по

дереву и украшениями. Во второй половине данного периода заметно развилось вооружение, например появились бронзовые кинжалы, наконечники копий и алебарды. В начале фазы расцвета производства бронзовых изделий расширилось производство таких артефактов, как бронзовые зеркала с многочисленными подвесными украшениями и тонкими ребристыми линейными орнаментами, бронзовые колокольчики, различные виды бронзовых изделий необычной формы и других предметов, вероятно, магического назначения. Так как эти виды полированных каменных орудий и бронзовых изделий появились на Корейском п-ове одновременно, явно прослеживается влияние неолитической культуры лоншан и культуры бронзовых кинжалов из провинции Ляонин на северо-востоке Китая. Очевидно, именно эти культуры повлияли на формирование культуры, необычной для Кореи, какой и была культура мумун; впоследствии она оказала прямое воздействие на формирование культуры яёй (*Yayoi*) в Японии.

Во второй половине периода мумун, когда вполне развилось производство бронзы, также появились первые изделия из железа. Первоначально это были литые инструменты, завезенные из Китая в «эпоху воюющих царств», однако со времени основания империей Хань колонии Рагрангун они начали вытесняться коваными изделиями. Таким образом, несколько веков существования культуры мумун были временем быстрого распространения технологических новаций и развития производства разнообразных предметов и орудий с острыми кромками. Более того, новые явления можно отметить в различных сторонах образа жизни отдельных людей и социальной жизни в тот период, хотя жилища типа землянок остались со времен культуры чулмун практически неизменными. Размеры поселений изменялись от очень небольших, таких как Суукри в провинции Кёнгидо, где одновременно стояли всего пять жилищ, до поселений, обычно включавших до десяти жилых сооружений. Также появился ранее неизвестный феномен большого поселения. В местонахождении Суктанри в провинции Хванхэ-Пукто на площади в 10 кв. км были обнаружены остатки свыше 100 жилищ, заселявшихся в три фазы в этом периоде. В местонахождении Сонггукри в провинции Чхунчхон-Намдо были также обнаружены следы крупного поселения, которое, по видимому, занимало площадь 1,5 км x 2 км, хотя возможно, что в этих пределах оно было разделено на группы жилищ. Схожие тенденции к изменениям в это время также со всей очевидностью проявились в типах захоронений: высеченные из камня впечатляющие по своим размерам мегалитические дольмены и каменные погребальные камеры стали появляться не в единичных случаях, а в массовом порядке.

Рост размеров поселений, возведение мегалитических памятников и увеличение плотности распределения поселений, вероятно, были обусловлены формированием новой хозяйственной базы культуры мумун. Именно в этот период произошел переход от присваивающей системы хозяйствования культуры чулмун к хозяйствованию, основанному на земледелии. В отдаленном северо-восточном регионе охота продолжала оставаться основным занятием, но даже здесь начали возделываться различные виды проса (*Setaria italica* и *Panicum miliaceum*). Земледелие на Корейском п-ове ориентировалось главным образом на выращивание злаков с небольшими зернами, таких как просо, однако в южном регионе от западного до южного побережья, т.е. на территории, подверженной муссонам, судя по найденным остаткам и отпечаткам зерен на гончарных изделиях, довольно быстро развивалось возделывание риса (*Oryza sativa*). Впоследствии возделывание риса из этого региона сначала проникло на север о. Кюсю, оказав прямое влияние на формирование японской культуры яёй, а затем

постепенно продвигалось на север до 39-й параллели. В поселении Намгён в пригороде Пхеньяна, рис возделывался на сухих землях в дополнение к просу, сорго (*Sorghum bicolor*) и сое (*Glycine max*).

На северо-востоке для обработки сухих полей применялись каменные мотыги и заступы, и считается, что в большинстве районов использовались также деревянные орудия, хотя до сих пор не найдено ни одного такого артефакта. Одним из свидетельств в пользу такого вывода является сцена работы с предполагаемым деревянным орудием – лопатой, изображенная путем литья на бронзовом зеркале. На изображении рукоятка заступа располагается под углом к его полотну, что делает возможным создавать дополнительное давление при вскапывании почвы. Кроме того, в скоплениях полированных каменных орудий культуры мумун содержится ряд инструментов, которые, как считается, были эффективными для изготовления деревянных сельскохозяйственных орудий. В их число входят большой топор-рубилло, квадратное тесло и плоско-выпуклое тесло. Хотя и наблюдаются временные и региональные отличия в форме найденных изделий, на всей территории Корейского п-ова находят каменные ножи в виде полумесяца, которые использовались при уборке различных зерновых культур. Приспособления для размалывания, включая зернотерки, по сравнению с предыдущим периодом в основном не изменились.

С началом сельскохозяйственного производства возросла важность сохранения урожая. В Сонггукри была найдена единственная в Корее яма для хранения зерна в виде «земляного мешка».

В каменных погребальных камерах в местонахождении Квэджондонг недалеко от г. Тэджон в провинции Чхунчхон-Намдо был обнаружен ряд характерных погребальных предметов. Гончарные сосуды культуры мумун, вероятно, использовались в качестве емкостей для подношений в виде пищи и питья для умерших; здесь же были найдены бусины в форме запятых из амзонита, которые, по всей видимости, носил умерший. Наибольший интерес в погребениях вызывают бронзовые изделия, которые по функциональному признаку могут быть разделены на две группы. В первую группу входит оружие, символизируемое здесь полированными каменными наконечниками стрел и небольшими бронзовыми кинжалами. Вторую группу составляют магические церемониальные изделия, включающие бронзовые колокольчики, бронзовые зеркала, украшенные линейными орнаментами и многочисленными подвесками, и бронзовые изделия необычной формы. Обе эти группы погребально-инвентаря, по всей видимости, свидетельствовали о статусе умершего при его жизни. Другими словами, предметы вооружения говорят о том, что человек обладал политическим, экономическим и военным могуществом. В то же время церемониальные предметы могли показывать, что погребенный, возможно, выполнял роль либо жреца, либо шамана при церемониях, связанных с земледельческим культом. Если это так, то можно сделать вывод, что в период культуры мумун уже появились вожди, выполнявшие и жреческие функции. Более того, судя по расположению погребений и артефактов, земледельческое сообщество составляли несколько поселений, которые управлялись такими вождями-жрецами и образовывали племенную общину.

БИБЛИОГРАФИЯ

- NISHITANI, T. 1982. Period Divisions in Korean Archaeology. In: Kobayashi Yukio Hakase koki kinen rouhunshu. (A collection of papers to commemorate the 70 th birthday of Dr Yukio Kobayashi), pp. 873–92, Heibonsha.

15.4

ЯПОНИЯ

(3000–700 гг. до н.э.)

Тацуо Кобаяси

ЯПОНСКИЙ ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД

Культура дзёмон развилась на цепи небольших островов на самом востоке Азиатского континента. Данные радиоуглеродного анализа показали, что эта культура выделилась из предшествующей палеолитической культуры около 10000 г. до н.э. и завершилась примерно в 400 г. до н.э. образованием новой земледельческой культуры яёй (*Yūyōi*). За этот долгий период в рамках культуры дзёмон развивалась система хозяйствования, основанная на охоте, рыболовстве и собирательстве, а не на производящих формах хозяйства. Следует иметь в виду, что эта культура фактически существовала на протяжении почти десяти тысячелетий. Также важен тот факт, что культура дзёмон развивалась на островной территории, вследствие чего влияние на нее со стороны континента было весьма ограниченным.

Культура дзёмон была изолированной культурой с весьма своеобразным стилем жизни. Важнейшими чертами культурного комплекса дзёмон являются: (1) хозяйство, основанное на охоте, рыболовстве и собирательстве; (2) производство и использование керамики; (3) охота с применением лука и стрел; (4) одомашнивание собак; (5) плавание по открытому морю в долбленых каноэ; (6) оседлый образ жизни в поселениях и (7) высокий уровень структурирования социальной организации. Почти 10 тыс. лет истории дзёмон подразделяются на шесть периодов в соответствии с развитием стилей керамики: I – предварительный, II – начальный, III – ранний, IV – средний, V – поздний и VI – заключительный периоды дзёмон. На основании большого количества памятников можно заключить, что с первого по четвертый периоды население Японии росло, не испытывая каких-либо превратностей судьбы. Все данные указывают на то, что средний период дзёмон являлся пиком в культурном развитии региона. Этот пик был достигнут примерно в 3000 г. до н.э., хотя эта дата и является спорной. Рост населения прекратился в поздний период дзёмона, в некоторых районах он уменьшился очень резко. Эта тенденция показывает, что в средний период дзёмон культура была наиболее полно адаптирована к природной среде Японских островов.

Производство и использование гончарных изделий несомненно являлось одной из основ культуры дзёмон. Разумеется, керамические изделия служили в качестве сосудов для хранения, однако это было не единственным их назначением. Еще более важным является то, что в этих сосудах можно было готовить пищу. Об этом можно судить по обесцвечиванию поверхности керамики в результате нагревания, а также по обугленным остаткам внутри многих сосудов. Более того, количество керамических изделий дзёмон необычайно велико по сравнению с культурами собирателей других регионов мира. Это говорит о том, что приготовление пищи на костре стало повседневным де-

лом. Данное обстоятельство сделало возможным для представителей культуры дзёмон использовать в пищу множество растений, которые были несъедобны в сыром виде. Другими словами, приготовление пищи на костре позволило людям находить достаточно пищи на небогатых ресурсах ограниченных территориях круглый год, делая более ненужными передвижения на большие расстояния в поисках пищи. В свою очередь, это обусловило переход к оседлому образу жизни.

Прямым следствием оседлого образа жизни стало возведение прочных жилищ, для чего требовались значительные затраты труда. Со временем такие жилища составляли типичное для эпохи дзёмон деревенское поселение, в котором жилые дома выстраивались кольцом вокруг центральной площади. В таких поселениях люди, начав использовать все возможные пищевые ресурсы, стали строить ямы для хранения припасов. В отличие от большинства собирателей, которые для обеспечения своей мобильности стараются свести принадлежащую им собственность к минимуму, люди эпохи дзёмон были одними из самых больших доисторических обладателей «вещей»: большого количества гончарных изделий, тяжелых каменных инструментов и всех видов крупных и малых ритуальных принадлежностей.

Однако прежде чем люди эпохи дзёмон смогли полностью перейти к оседлому образу жизни, им нужно было развить новые и более сложные, чем прежние, принципы взаимодействия с окружающей средой. Они должны были понять, как можно удовлетворять все свои потребности с помощью ресурсов, добываемых на ограниченной территории, во все времена года, на протяжении многих лет и даже жизни целых поколений. Естественно, оставаясь постоянно на одном месте, они могли приобрести гораздо более полные знания и понимание возможностей окружающей их среды и благодаря этому уточнить свою стратегию эффективного ее использования. Частью этой стратегии должно было быть распределение и чередование деятельности по добыче средств существования, своеобразный «календарь дзёмон».

В этих условиях интенсифицировались отношения культуры дзёмон и окружающей среды. Во-первых, люди открывали для себя все большее количество съедобных растений и животных, существенно расширив выбор источников питания. В начальный (II) период люди начали использовать в пищу рыбу и моллюсков, а также, вероятно, большинство видов водорослей, что стало большим дополнением к пищевым ресурсам и повысило стабильность хозяйственной базы. Образование скоплений раковин, относящиеся к тому периоду, красноречиво свидетельствует о произошедших изменениях. В средний и поздний дзёмон (периоды IV и V) стали появляться большие поселения деревенского типа, с постройками, установленными в плане по кольцу или в виде подковы, и с диаметром более 100 м.

К сожалению, мы, вероятно, никогда не составим полный список использовавшихся растений и животных по причине плохой их сохранности в большинстве местонахождений. Однако раковинные скопления и немногие пещерные местонахождения, а также находки в болотах дали нам сведения о части этого списка. Ради получения мяса представители культуры дзёмон охотились на крупных животных – оленей, кабанов, медведей, на средних – волков, лис, енотов, собак и зайцев, и на самых маленьких – крыс и т.п. – всего более чем 60 различных видов, т.е. почти на всех млекопитающих Японских островов. Многие народы не едят обезьян, потому что они похожи на людей, однако люди эпохи дзёмон их также употребляли в пищу. Это разнообразие животных обусловлено не тем, что охотники культуры дзёмон не могли найти предпочитаемых ими оленей и кабанов. Разумеется, на эти два вида шла очень интенсивная охота, однако не такая, чтобы поставить их под угрозу исчезновения. Скорее всего, в эпоху дзёмон разнообразие используемых животных было сознательно спланировано. Этот же широкий подход к эксплуатации ресурсов животного мира виден в использовании 300 видов моллюсков, более 70 видов рыб и 35 видов птиц.

Растительные остатки сохраняются не очень хорошо, поэтому наши знания об использовании растений сравнительно бедны. В настоящее время во влажных районах Японии произрастают 58 видов съедобных растений. Представители культуры дзёмон, вне всякого сомнения, употребляли в пищу папоротник-орляк, королевский папоротник, удо (*Aralia cordata*) и другие подобные растения. Оценки показывают, что список употреблявшихся в пищу растений не мог включать меньше 300 видов. Принимая во внимание, что в разные времена года являются съедобными и разные части растений – корни, стебли, листья, цветы, семена, Котаро Сираи (*Kotaro Shirai*) пришел к выводу о наличии 450 источников пищи растительного происхождения. К этой цифре надо, вероятно, добавить еще более 100 видов съедобных грибов.

Несомненно, наиболее существенной характеристикой культуры дзёмон являлось целенаправленное использование многих видов растений и животных в качестве пищевых ресурсов. Эта черта является важной в понимании жизненного уклада в эпоху дзёмон. Люди сознательно расширили свой рацион за счет почти всего спектра пригодных для еды видов животных и растений. Для использования такого широкого разнообразия продовольственных ресурсов в целях питания был необходим высокий уровень знаний, и представители культуры дзёмон должны были стремиться к их получению. Другими словами, они ощущали целесообразность варьирования своего рациона и необходимость приобретения знаний для этого. Это была стратегия «устойчивого развития» культуры дзёмон, которая четко выражает отношения людей с окружающей средой.

Основой данной стратегии являлось целенаправленное использование всех возможных пищевых ресурсов, имеющихся в природе, – ресурсов моря, рек, равнин и гор, и имеющиеся свидетельства показывают, что люди осуществляли ее весьма успешно. Именно в этом заключается одна из ярких черт культуры дзёмон. Разумеется, в процессе распознавания, какой вид является съедобным, а какой нет, они узнавали также и о целебных или ядовитых свойствах объектов. В конце концов представители культуры дзёмон стали обладать весьма основательными и достаточно точными знаниями о мире природы.

Имеется еще один очень важный аспект в использовании широкого разнообразия растений и животных: большинство из них не может быть должным образом усвоено организмом в сыром виде. Для преодоления этого ограничения необходимо было выработать совершенно новую модель поведения. Она напоминала изготовление камен-

ного орудия из обыкновенной гальки: пища «изготавливалась» путем изменения естественных свойств растения или животного, например путем кипячения в керамической посуде. Однако этот процесс варки был предназначен не только для того, чтобы сделать пищу более мягкой и легкой для еды, – более важным являлось то, что кипячение делало возможным удаление таннинов (танниновой кислоты) и горечи, а иногда и ядов из растений.

Например, желуди, добываемые в листопадных лесах, должны были быть прокипячены для удаления таннинов, прежде чем их можно было есть. Этот процесс был известен уже в предварительный период культуры дзёмон. Однако имеются некоторые виды желудей, для удаления таннина из которых требуются более сложные процессы. Особенно тщательного приготовления требует конский каштан. Народы культуры дзёмон освоили эти процессы по крайней мере с начала среднего дзёмона, около 3000 г. до н.э. В самом простом виде этот процесс предполагал кипячение желудей или конских каштанов, затем перемалывание мякоти в муку, которую затем вымачивали в холодной проточной воде до одной недели. В результате таннины удалялись под действием высокой температуры и воды. После того как этот процесс был освоен, желуди и конские каштаны вошли в рацион представителей культуры дзёмон в качестве основных продуктов наряду с каштанами и грецкими орехами.

Среди рыб некоторые виды являются особенно ядовитыми. Самым деликатесным блюдом современной японской кухни является «собака-рыба» (такифугу). Эта рыба настолько ядовита, что закон требует от владельцев ресторанов обладания специальной лицензией на право готовить ее. Однако в раковинных скоплениях эпохи дзёмон в больших количествах встречаются нижние челюстные кости этого вида – явное доказательство того, что в ту эпоху люди уже знали, как избавиться от яда этой рыбы.

Выращивание растений является вторым способом производства пищи. В некоторых местонахождениях культуры дзёмон встречаются остатки периллы, турецкого гороха, тыквы и гречихи, что свидетельствует о наличии по крайней мере некоторых зачатков земледелия. Многие археологи видят в этом доказательство зарождения сельского хозяйства, но это не так несмотря на то что представители культуры дзёмон действительно возделывали некоторые культуры, их основной стратегией выращивания все же оставалось использование как можно более широкого круга диких растений и животных. Нет никакой необходимости рассматривать факт выращивания растений в качестве доказательства сельскохозяйственной деятельности и образа жизни. Сельское хозяйство в Японии появилось не раньше IV в. до н.э., когда возделывание риса стало главным способом получения основного продукта питания. Эта стратегия совершенно иная, чем в культуре дзёмон. Ограниченное культивирование растений в рамках разнообразной охотничье-рыболовно-собирающей деятельности следует отличать от системы хозяйствования, основанной на земледелии.

Разведение животных является третьим по значимости способом пополнения пищевых ресурсов. На ранних этапах начального периода дзёмон была одомашнена собака, о чем свидетельствуют захоронения этих животных. Более чем вероятно, что представители этой культуры заботились о собаках задолго до того времени, которое устанавливают археологические методы. Однако нет никаких свидетельств, что были одомашнены какие-либо другие животные или птицы, поэтому возможность этого остается лишь гипотетической. Однако имелись определенные исключения для диких кабанов. Так, например, кости кабанов в большом количестве найдены в местонахождениях на небольших вулканических островах вокруг основных Японских островов – там, где кабаны не водятся. Почти с полной уверенностью можно считать, что представители культуры дзёмон, переправляясь на острова на своих лодках, брали с собой молодых кабанчиков, чтобы ла-

комиться мясом этих высоко ценимых ими животных. (Они даже брали их с собой в плавания с о. Хонсю через пролив Цугару на о. Хоккайдо, где некоторые кабаны сбегали и возвратились к дикой жизни. Позднее они стали наносить ущерб местным крестьянам и были истреблены.) Было найдено несколько захоронений останков молодых кабанчиков, что может говорить об отношении к ним как к домашним любимцам. Кабаны были единственными животными, кроме собак, которых люди хоронили.

В эпоху дзёмон также использовались способы изменения естественного состояния растений и животных для их хранения долгое время. Засушивание, копчение и брожение представляют собой три основных процесса подготовки пищи к хранению. Применение этих технологий значительно укрепило пищевую базу культуры дзёмон.

Стратегия выживания в эпоху дзёмон поддерживалась с помощью целого ряда орудий и технологий. Основными орудиями были охотничьи копыта, луки и стрелы, а также ямы-ловушки; в рыболовстве применялись крючки, гарпуны, сети и верши; для сбора растений применялись орудия для раскапывания и корзины. Вторая группа орудий и приспособлений включала горшки для приготовления пищи, жернова, дробилки и ножи, а также очаги. Орудиями третьей группы являлись изделия, которые использовались для получения и поддержания в рабочем состоянии орудий первой, основной группы – сверла, топоры, точильные камни и т.п. Большинство этих орудий входило в набор артефактов культуры дзёмон с ее появления, и в этом наборе с течением времени происходило мало изменений. Имелись значительные региональные и временные отличия в стилях орудий, но общее функциональное назначение всего набора оставалось неизменным. Более того, этот набор орудий и приспособлений вовсе не является уникальным достижением культуры дзёмон – он встречается во всем мире. Эти три группы орудий, приспособлений и инструментов могут быть названы изделиями первого класса.

Второй класс изделий включал артефакты, производство которых было также развито в эпоху дзёмон. Глиняные фигурки, каменные фалосы, кинжалы и мечи, а также глиняные и каменные пластинки являлись основными изделиями второго класса (илл. 160). Изделия этого класса часто считают нефункциональными, так как их функции не определяются их формами и, по всей видимости, не имеют прямого отношения к хозяйственной деятельности. Однако представители культуры дзёмон уделяли больше времени и внимания изготовлению изделий именно данного класса, чем изделий первого класса. Таким образом, можно заключить, что изделия второго класса выполняли важную функцию в адаптивной системе культуры дзёмон, отличающуюся от функций орудий первого класса. Эта роль должна была состоять в выражении мировоззрения людей культуры дзёмон. Орудия второго класса составляли важную часть материальной культуры начиная со среднего периода дзёмон, что свидетельствует об уникальности данной культуры и о ее возросшей стабильности.

Около 700 г. до н.э., в конце позднего периода дзёмон (V период) на северо-западе о. Кюсю появились очаги возделывания риса, который был завезен с Корейского п-ова. Контакты с этим неизвестным народом, говорящим на незнакомом языке и ведущим свой образ жизни, оказали огромное влияние на местное население и культуру. Абсолютно новая система хозяйствования, основанная на земледелии, а также новый способ миропонимания, который сопровождал ее, повлияли на мировоззрение народа культуры дзёмон. До этого времени изделия второго класса в материальной культуре западной Японии существовали не в таких масштабах, как на востоке, где им придавалось особое значение. Теперь же внезапно в местонахождениях, относящихся к культуре дзёмон на о. Кюсю, появляются глиняные фигурки. Это можно рассмат-

ривать как оживленное движение против чужеземной земледельческой культуры. Однако это оживление было кратковременным, и в течение примерно столетия центр культуры дзёмон проявился в центре островов в Кинки, где снова была сделана попытка возродить культуру. Именно тогда в регионах культуры дзёмон, ближайших к очагам вторгшейся земледельческой культуры, стали изготавливаться наиболее известные типы каменных кинжалов, мечей и других каменных изделий второго класса. Однако два века спустя культура дзёмон уступила место новому образу жизни – около 300 г. до н.э. земледельческая культура яёи сменила культуру дзёмон охотников-рыболовов-собираателей.

Список животных и рыб, используемых в период дзёмон

Общее название	Виды
олень	<i>Cervus nippon Temminck</i> (олень <i>shika</i>)
медведь	<i>Ursus arctos Linne</i> (бурый медведь) <i>Selenarctos thibetanus</i> (Ж. Кювье) <i>japonicus</i> (Schlegel) (японский черный медведь)
серао	<i>Capricornis crispus</i> (Temminck) (японский серао)
енотовидная собака	<i>Nyctereutes procyonoides</i> (Gray) (енотовидная собака)
лисица	<i>Vulpes vulpes</i> (К. Линней) (лисица обыкновенная, лисица красная)
волк	<i>Canis lupus bodophilax</i> (Temminck) (японский волк)
кабан	<i>Sus scrofa Linneя</i> (дикий кабан)
обезьяна	<i>Macaco fuscata</i> (Blyth) (японская макака)
крыса/мышь	<i>Rattus</i> sp. (крыса) <i>Mus</i> sp. (мышь)
заяц	<i>Lepus brachyurus</i> (Temminck & Schlegel) (японский заяц)
собака-рыба	Tetraodontidae <i>Takifugu</i> sp. (собака-рыба)

Источники: Okada, 1965; Nihon Gyozui Gakkai, 1981.

Список растений, используемых в период дзёмон

Общее название	Виды
королевский папоротник	<i>Osmunda japonica</i> Thunb. (японский королевский папоротник)
папоротник-орляк	<i>Pteridium aquilinum</i> (L.) Kuhn и подвид <i>latiusculum</i> (восточный папоротник-орляк, северный папоротник-орляк)
удо	<i>Aralia cordata</i> Thunb. (аралия удо)
перилла	<i>Perilla frutescens</i> (L.) Britton, подвид <i>japonica</i> (перилла)
гречиха	<i>Fagopyrum esculentum</i> (гречиха)

Источники: Makino, 1989; Iwatsuki, 1992; Satake et al., 1981, 1982.

Список, вероятно, окультуренных растений, возделываемых в период дзёмон

Общее название	Виды
турецкий горох	<i>Phaseolus radiatus</i> L. и подвиды (турецкий горох)
тыква	<i>Lagenaria leucantha</i> и подвиды (тыква)

БИБЛИОГРАФИЯ

- AIKENS, C. M.; HIGUSHI, T. 1982. Prehistory of Japan. New York.
- IWATSUKI, K. (ed.) 1992. Nihon no Yasei Shokubutsu: Shida [Ferns and Fern Allies of Japan]. Tokyo.
- КОБАЯШИ, Т.; КАТО, С.; FUJIMOTO, Т. (eds) 1981–84. Jomon Bunka no Kenkyu [Studies in Jomon Culture]. Tokyo.
- МАКИНО, Т. 1961. (Rev. ed. 1989.) Shin Nihon Shokubutsu Zukan [Makino's New Illustrated Flora of Japan]. Tokyo.
- NIHON GYORUI GAKKAI [Ichthyological Society of Japan] (eds.) 1981. Nihonsan Gyomei Daijiten [Dictionary of Japanese Fish Names and their Foreign Equivalents]. Tokyo.
- OKADA, K. (ed.) 1965. Shin Nihon Dobutsu Zukan [New Illustrated Encyclopedia of the Fauna of Japan]. Tokyo. Vol. 3.
- OKUYAMA, S. (ed.) 1977. Terasaki Nihon Shokubutsu Zufu [Terasaki's Illustrated Flora of Japan]. 2nd ed. Tokyo.
- SATAKE, Y. et al. (eds) 1981, 1982. Nihon no Yasei Shokubutsu [Wild Flowers of Japan]. Tokyo. Vols 2–3.
- TAKASHIMA, S.; SOBAJIMA, Y.; MURAKAWA, M. 1971. Yuyo Shokubutsu [Common Useful Plants in Colour], Osaka. (Hyojun Genshoku Zukan Zenshu, 13 [Colour Illustrated Series 13])
- TORIHAMA KAIZUKA KENKYU GURUPU (ed.). 1979. Torihama Kaizuka [The Torihama Shellmound Site], Fukui.

15.5

СЕВЕРНАЯ АЗИЯ И МОНГОЛИЯ (3000–700 гг. до н.э.)

А.П. Деревянко

Развитие древних культур в голоцене в различных регионах Старого и Нового Света происходило по-разному. В одних (Ближний Восток, Восточная Азия и др.) уже в VIII тысячелетии до н.э. появляется керамика, складывается производящее хозяйство, несколько позже возникает металлургия. В других регионах длительное время, вплоть до I тысячелетия до н.э., древние популяции сохраняют неолитические традиции. Такое неравномерное развитие культур наблюдается и в Северной Азии и Монголии.

СЕВЕРНАЯ АЗИЯ

Развитие культур Северной Азии в III тысячелетии до н.э. проходило разными темпами: в Южной Сибири в это время появляются первые металлические изделия и происходит постепенный переход к скотоводству. В средней и северной части Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и северо-востоке древние племена продолжают жить в каменном веке, и основу их хозяйства по-прежнему составляют преимущественно охота и рыболовство.

Ландшафт западносибирской области представляет собой огромную низменность с многочисленными озерами, прорезанную долинами Оби, Иртыша и Енисея. К неолиту (III тысячелетие до н.э.) относится наиболее типичное поселение этого региона – Уэстый-яг в низовьях р. Оби (*Чернецов, 1953*).

Поселение находится на болотистой пойменной террасе левого берега р. Ляпин, впадающей в Обь. В юго-западной части островка обнаружены остатки 17 жилищ, расположенных на очень близком расстоянии друг от друга. В большинстве случаев это четырехугольные, приближающиеся к квадрату в плане жилища размерами от 9 м x 9 м до 20 м x 20 м. Площадь некоторых жилищ превышает 600 кв. м. Глубина ям достигает 3–4 м. Это были большие по размерам полуподземные жилища.

При раскопках поселений данного типа обнаружены тесла, тщательно отшлифованные долота, а также ножи из нефрита. Наконечники стрел тоже шлифованные. Помимо шлифованных орудий встречаются и двусторонне обработанные изделия. В поселениях найдено много керамики. Размеры сосудов различны. Сосуды имели параболоидную или яйцеобразную форму. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов. В подавляющем большинстве он нанесен гребенчатым штампом. В поселениях найдены и штампы из камня, которыми наносился орнамент.

Неолитические памятники низовьев Оби представляют своеобразную культуру, в основе которой, по-видимому, лежало рыболовство, а охота играла вспомогательную роль: в Сибири только рыболовство могло дать надежные источники питания, позволяющие жить в поселках на одном месте в течение длительного времени.

На юге Западной Сибири, в верховьях Оби, распространялась верхнеобская неолитическая культура, памятники которой открыты на всей территории лесостепного и части лесного Приобья. Всего известно около 100 памятников: могильники, стоянки, отдельные местонахождения неолитических предметов. Верхнеобская культура датируется концом IV – III тысячелетием до н.э. Поздний этап этой культуры представлен самусьским и томским могильниками, могильниками на старом мусульманском кладбище Томска, Новокусковской стоянкой и другими.

Для этой культуры характерны миндалевидные ножи, скребки, которые обычно делали на концах пластин. В инвентаре могил встречаются и «выпрямители древков стрел», а также каменные стерженьки с насечками на концах, которые служили частью составных рыболовных крючков. Разнообразны наконечники стрел, изготовленные как из ножевидных пластин, так и из специальных заготовок. Для обработки дерева использовались тесла. Они отличались по размерам, поперечному сечению и степени обработки рабочего края.

Своих соплеменников люди хоронили в групповых могилах, которые первоначально, по-видимому, имели деревянные перекрытия. Самая яркая их черта – наличие трупосожения и трупоположения в одном могильнике. На месте погребения после похорон иногда устраивалась тризна и производилось очищение огнем. В могилах встречались плоскодонные сосуды, орудия труда и оружие.

Сосуды были плоскодонными, венчик выделяется только горизонтальным рядом ямок. Орнамент заполняет обычно всю боковую поверхность сосуда и состоит чаще всего из рядов черточек.

В погребениях самусьского могильника увеличивает число шлифованных орудий. Наряду с большими ассиметричными ножами с выпуклым рабочим лезвием и миндалевидными ножами на отщепках появляются и хорошо отшлифованные ножи с вогнутым лезвием и наконечники копий, узкие, ромбические в сечении. В могилах найдены рубящие орудия: тесла и топоры. Сосуды были круглодонными и остродонными. Орнаментировались они сложными рядами мелких оттисков отступающего гребенчатого штампа.

Одной из наиболее характерных черт неолитических племен Западной Сибири является ярко выраженное оригинальное искусство, известное костяной и каменной пластикой и петроглифами. Среди резных изображений преобладают фигурки медведя и лося (рис. 79 А, В). Интересный и выразительный материал для характеристики искусства неолитических племен Южной Сибири даст замечательная картинная галерея на р. Томи у деревни Писаной (*Окладников и Мартынов, 1972*). Среди древнейших рисунков, выполненных точечной выбивкой, выделяются фигуры людей с расставленными и согнутыми в коленях ногами. Эти человечки как бы приседают в танце. Руки их

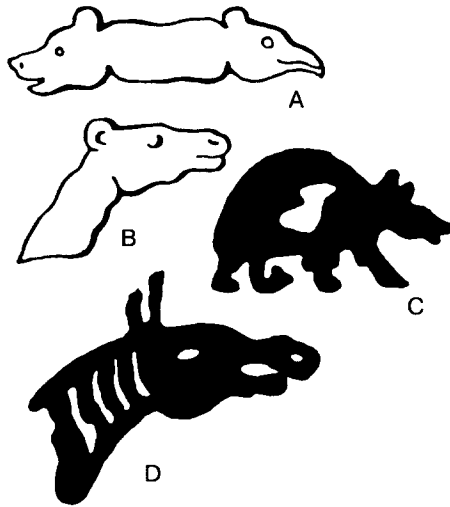

Рис. 79. Резные фигурки животных верхнеобской неолитической культуры

распростерты в стороны и тоже согнуты. Но больше всего на томской писанице изображений животных. Все писаницы представляют собой как бы окаменевший обломок древнего «звериного» эпоса, целую поэму о животных. Главное место среди рисунков занимает изображение лося – главного объекта охоты в неолите. Лося изображены в движении. У них короткое массивное туловище с мощным горбом и узкий сухой круп. Морды животных очерчены лаконично и вместе с тем очень живо, с пластической глубиной рельефа. Кроме лося имеются также изображения медведей и птиц.

В Восточной Сибири выделены четыре неолитические культуры. К развитому и позднему неолиту относятся серовская и китойская культуры (Окладников, 1950). Серовская культура (конец IV – первая половина III тысячелетия до н.э.) известна по раскопкам стоянок, могильников, наскальным изображениям. В период развития серовской культуры наступает расцвет неолитической культуры лесных охотников Восточной Сибири. В погребениях и на стоянках в большом количестве встречаются наконечники стрел, копий, кинжалы, скребки, скребла, резцы и другие изделия из камня, обработанные тончайшей ретушью. В могилах найдены хорошо сохранившиеся составные ножи и кинжалы. Вкладные лезвия тщательно обрабатывались с двух сторон и поднимались к костяной основе.

Серовцы значительно усовершенствовали свое охотничье вооружение, и впервые в Сибири у них появился лук усиленного типа. Во многих погребениях обнаружены костяные обкладки для лука. Размеры серовских луков, судя по сохранившимся остаткам, достигали более полутора метров.

Серовские сосуды с округлым дном украшались гребенчато-пунктирным штампом или зигзагообразными параллельными линиями.

Серовцы были не только охотниками, но и рыбаками. Рыбу они вылавливали с помощью разнообразных снастей, в том числе крючков, изготовленных из кости и дерева. В одной из могил обнаружен цельный крючок простейшего типа, вырезанный из кости (рис. 80). На позднем этапе серовцы стали широко применять составные крючки из шиферных или альгаматолитовых стержней, к которым привязывали костяное или деревянное жильце-острие. Для ловли рыбы использовались также гарпуны и приманки в виде изображения рыб. Последние делались из кости или камня. О применении серовцами сети свидетельствуют многочисленные грузила.

Китойский этап (вторая половина III – начало II тысячелетия до н.э.) отмечен распространением погребений

без каменных кладок, с обильной засыпкой костяков охрой, символизирующей жизненное начало, «кровь мертвых». В китойских захоронениях появляются оригинальные стерженьки для рыболовных крючков с выступами на одной стороне (рис. 80 А, В). В инвентаре широко распространяются нефритовые тесла, линзовидные в сечении, треугольные ножи-острия из нефрита, плоские ножи из плиток аргиллита, поверхность которых уплощена широкими диагональными фасетками отжимной ретуши, песчаниковые «выпрямители» древков стрел – ложила, составные кинжалы и ножи (рис. 80 С) и другие характерные вещи. Среди украшений выделяются каменные кольца, изготовленные из белого мрамора.

Продолжает развиваться реалистическое искусство, анималистическое в основе. В китойских захоронениях встречаются изображения рыб, в том числе плоские костяные, вероятно, служившие шаманскими амулетами. Имеются и изображения голов лосей, вероятно, представлявшие собой навершия шаманских жезлов-тростей типа бурятских шаманских конных тростей; появляются и антропоморфные скульптуры, предшественницы скульптур человека, характерных для эпохи металла.

Наиболее ярко и полно искусство неолитического периода представлено на Ангаре, на скалах Каменных островов. На всех трех каменных островах обнаружены сотни прекрасных рисунков. Одни были выбиты точной и упорной рукой мастера, другие прорисованы краской – или темной, густого тона, или более светлой. На скалах Каменных островов много рисунков своеобразно стилизованных антропоморфных фигур, изображений рыб, загадочных фантастических знаков, особенно много изображений лося. На многие десятки метров тянется эта удивительная картинная галерея каменного века. Нередко одни рисунки наслаиваются на другие. Конечно, наскальные изображения Каменных островов были созданы не одним талантливым художником и даже не одним племенем и народом. Десятки поколений древних людей обитали у этих скал и оставляли своим потомкам все новые рисунки.

В Якутии к развитому неолиту относится белькачинская культура (III – начало II тысячелетия до н.э.) (Мочанов, 1977). Для ее каменного инвентаря характерна пластинчатая техника. Около 65% всех орудий труда сделано на пластинах. Но в то же время наблюдается тенденция увеличения числа изделий из отщепов. К концу периода белькачинской культуры уже 60% составляют орудия труда на отщепах. Каменный инвентарь представлен главным образом пластинами-вкладышами, проколками на пластинах, пластинами со скошенным краем, остриями с притупленным краем, концевыми скребками на узких пластинах, угловыми и боковыми резцами на пластинах, многофасеточными резцами с нуклеидными рукоятками, долотовидными орудиями на отщепах, концевыми скребками с ушками, рыболовными грузилами из галек, шлифованными костяными иглами, шильями, остриями для вкладышевых орудий. Сосуды белькачинской культуры имеют яйцевидную форму, округлое дно и прямой венчик, под которым расположен ряд сквозных отверстий. Новый элемент в орнаментации – зубчатый штамп на венчике в сочетании с отпечатками витого шнура на тулове сосудов.

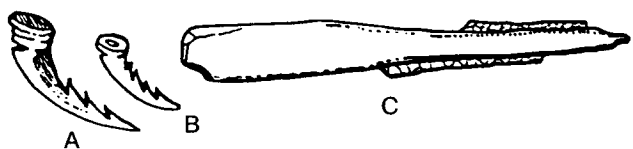

Рис. 80. Рыболовные крючки и кинжалы, найденные в китойских захоронениях

Финальным неолитом – началом бронзового века в Якутии датируется ымыяхтахская культура. Хронологически она относится к XIX–IX вв. до н.э. (Федосеева, 1980). Все от этого времени сохранилось около 145 памятников. Они распространены на очень обширной территории, включая восточную и северную часть Средней Сибири (Таймыр и Якутию к западу от Верхоянского хребта), Северо-Восточную Сибирь и Чукотку.

Нуклеусы представлены одноплощадочными и двухплощадочными призматическими ядрищами. Орудия труда делались как из ножевидных пластин, так и из отщепов. Очень часто встречаются двусторонне ретушированные удлиненно-треугольные наконечники стрел с прямым или выемчатым насадом: небольшие треугольные и трапециевидные концевые скребки с крутым лезвием, многофасеточные резцы, удлиненно-треугольные двусторонне ретушированные наконечники копий, овальные ножи с миндалевидным поперечным сечением, массивные прямоугольные ретушированные вкладыши. Из кремнистого сланца и зеленого нефрита изготавливались небольшие прямоугольные тесла, а также стамески. Из белого нефрита делались украшения в виде тонких плоских колец с небольшими округлыми отверстиями посередине.

Костяной инвентарь представлен главным образом наконечниками копий и ножами с одним или двумя узкими пазами, куда вставлялись пластины-вкладыши, а также костяными шильями, иглами, отжимниками и ретушерами.

Для ымыяхтахской культуры наиболее характерны сосуды яйцевидной формы, с выпуклым туловом и намеченным венчиком. Наряду с этим встречаются хорошо профилированные сосуды почти шаровидной формы. Сосуды украшались шахматно-шашечным орнаментом в виде прямоугольных или ромбических вдавлений.

На позднем этапе ымыяхтахской культуры (X–IX вв. до н.э.) появляются и первые бронзовые изделия: кинжалы, ножи, украшения. Бронза в Якутию попадает из более южных районов и по типу близка к изделиям сейминско-турбинского и карасукского типа.

Основу хозяйства неолитических племен в Якутии составляла охота и рыболовство. Селища представляли собой поселения, иногда долговременные, где люди жили в жилищах типа чума. Очень часто люди в течение сравнительно короткого времени возвращались на одно и то же место, что приводило к образованию насыщенного культурного слоя.

Особым районом, где формировались своеобразные культуры в эпоху неолита, был юг российского Дальнего Востока. В неолите здесь можно выделить три района – Средний Амур, Нижний Амур, Приморье, где развитие неолитических культур идет своеобразными путями (Окладников и Деревянко, 1973).

К развитому неолиту на Среднем Амуре (конец IV – III тысячелетие до н.э.) относится осиноозерская культура. Каменный инвентарь, обнаруженный при раскопках поселений этой культуры, был сравнительно немногочисленным. Здесь не найдено нуклеусов каких-либо устойчивых и определенных форм, а встречались желваки из кремня и халцедона со следами скалывания с них отщепов, причем скалывание осуществлялось без какой-либо четко выраженной системы и дополнительной подправки ядрищ. Из отщепов, скалываемых с таких нуклеусов, изготавливали наконечники стрел, вкладыши, скребки и проколки. В поселениях найдены сельскохозяйственные орудия труда: песты, куранты, зернотерки, утяжелители для палок-копалок. Племена жили оседло в полуподземных жилищах. В конце III – начале II тысячелетия до н.э. в этот район проникают племена с Нижнего Амура, которые также переходят к земледелию.

К развитому неолиту (конец IV – III тысячелетие до н.э.) на Нижнем Амуре относится кондонская культура. При раскопках поселений обнаружены иволистные наконеч-

ники стрел, изделия из ножевидных пластин, призматические нуклеусы. Но орудия труда, изготовленные из ножевидных пластин, составляют незначительный процент по сравнению с двусторонне ретушированными изделиями. Наконечники стрел, вкладыши для ножей, скребла и другие орудия труда делались из специальных заготовок и обрабатывались тонкой ретушью.

Весьма разнообразна керамика, характерная для этого этапа. Преобладают толстостенные сосуды с широким венчиком, украшенные различными комбинациями спирального орнамента и плетенки. Очень часто орнамент в виде «амурской плетенки» наносился на сетчатый фон внешней поверхности сосудов. На сосудах этого типа встречается и меандр. Особый интерес представляет глиняная скульптура женщины из поселения Кондон, которая хорошо передает монголоидный антропологический тип. Неолитическое поселение в селе Кондон датировано 2520±25 гг. до н.э.

На заключительном этапе неолита (конец III – середина II тысячелетия до н.э.) на Нижнем Амуре распространяется оригинальная вознесенская культура. Для нее характерно полное исчезновение пластинчатой техники, на смену которой приходит техника двусторонней ретуши. Наконечники стрел, вкладыши лезвия для ножей, скребла, ножи и другие орудия труда делались из специальных заготовок и покрывались тщательной ретушью с двух сторон.

На этом этапе неолита на Нижнем Амуре начинает широко внедряться техника шлифования. В поселениях позднего неолита в большом количестве встречаются не только шлифовальные тесла, но и наконечники стрел, ножи, а на заключительном этапе – и кинжалы.

Особый интерес представляет керамика финального этапа неолита Нижнего Амура. Большинство сосудов слабо профилированные. Поверхность многих из них покрывалась разнообразным орнаментом: зигзаг, сетчатый штамп и т.д. Среди сосудов выделяется посуда, предназначенная, по-видимому, для ритуальных целей. Стенки таких сосудов тщательно ложились и покрывались красной краской. По сырой глине до обжига наносился самый разнообразный орнамент, в том числе и изображения в виде масок-личиц. Такие маски-личицы имеют непосредственное сходство с личинами нижнеамурских петроглифов. В это время на Нижнем Амуре сложился мощный этнический центр, который оказывал сильное влияние на формирование древних культур соседних территорий. В конце III тысячелетия до н.э. часть племен с Нижнего Амура продвигается по Амуре почти до Верхнего Амура. Следует отметить, что и на Нижнем Амуре наблюдается распространение сельскохозяйственных орудий. Племена нижнеамурской культуры, ихтиофаги каменного века, встретившись с земледельцами Среднего Амура и Уссури, вероятно, восприняли от них новый вид хозяйства и в скором времени сами перешли к земледелию.

Неолитические племена Приамурья жили оседло в больших поселках, состоящих из полуподземных домов. Раскопки на Нижнем и Среднем Амуре показали, что архитектура жилищ у различных неолитических племен данных территорий была очень сходной. Это были полуподземные жилища с выходом через дымовое отверстие.

В раннем и развитом неолите экономическую основу оседлых племен, обитавших в бассейне Нижнего Амура, составляло рыболовство. Многочисленные малые и крупные реки, впадающие в Амур, и озера были богаты рыбой. Именно в Приамурье изобретена первая в мире блесна. Широко использовались сети, крючки, гарпуны (рис. 81 А, В). Особенно большое значение в экономике неолитических племен Амура имел массовый ход рыбы во время нереста лососевых.

У неолитических племен Амура выявлено яркое и самобытное искусство. Оно проявилось не только в пышной и оригинальной орнаментировке сосудов, но и в рису-

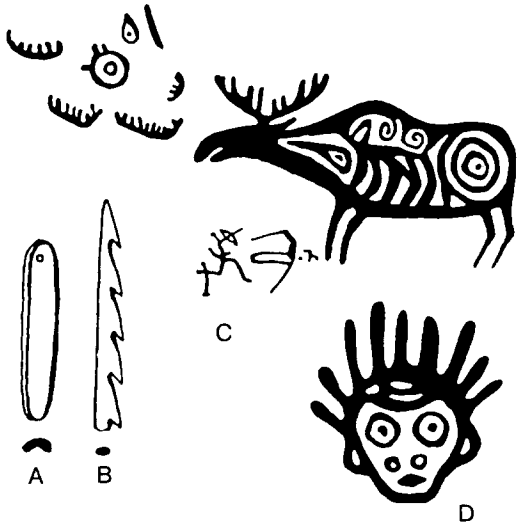

Рис. 81. Артефакты неолитических племен Нижнего Амура: А – блесна; В – гарпун; С, D – рисунки на камне (охотничья сцена, маска и выгнутые подобно луку лодки)

ках на камнях. Известно несколько «картинных галерей» каменного века, среди которых особое место по выразительности и красочности рисунков занимают петроглифы у нанайского поселка Сакачи-Алян, на небольших реках Кие, Уссури и в других местах. Наиболее многочисленны рисунки на отдельных камнях вверх от поселка Сакачи-Аляна по берегу Амура, в 60 км от Хабаровска.

Центральное место среди древнейших изображений, а их сотни, занимают стилизованные антропоморфные маски-личины. Имеются также изображения птиц, зверей, змей, сцены охоты (рис. 81 С, D). Особо следует выделить изображения лодок. В Сакачи-Аляне лодки входят в большую композицию, выбитую на одном крупном валуне. В центре находится личина, выше – спираль, вероятно, изображающая змею. По бокам выбиты дугообразные лодки с людьми.

Много общих элементов в развитии культуры прослеживается у племен Приморья. Племена зайсановской культуры (III тысячелетие до н.э.) жили в полуподземных домах, составлявших поселки из 10–20 жилищ. Характерно появление шлифованных орудий из сланца, мелких орудий из обсидиана и керамики с орнаментом в виде парал-

лельных зигзагов, выполненных гребенчатым штампом и прочерчиванием. Интерес представляют изображения человека, черепахи, животных, вылепленные из глины. Изделия из камня включают рубящие орудия, наконечники стрел, ножи, скребки, скребла, вкладные лезвия.

В середине III тысячелетия до н.э. зайсановскую культуру сменяет кировская, которая имеет много общих с ней элементов. Племена Приморья в развитом и позднем неолите занимались охотой, рыболовством и собирательством, в том числе морепродуктов: моллюсков, водорослей, трепанга, крабов. В позднем неолите появляется примитивное земледелие.

В конце IV – начале III тысячелетия до н.э., когда на значительной территории Северной Азии продолжали развиваться культуры каменного века, на юге Сибири, на Алтае и в Минусинской котловине происходят важнейшие прогрессивные изменения: древние племена переходят к производящему хозяйству – скотоводству, и у них появляются металлические изделия.

Первая культура эпохи металла в Южной Сибири – афанасьевская. Афанасьевские племена жили по берегам рек и озер. Лучше всего изучены погребения афанасьевской культуры. Афанасьевцы хоронили умерших в курганах. С внешней стороны курганы имеют круглую ограду диаметром от 5 до 20 м (рис. 82 А). Стенки ограды выкладывались из вертикально врытых плит или из крупных камней различной формы. Высота ограды до 1 м. В центре ограды обычно находилась одна или две, реже три могилы, в плане близкие к форме квадрата. Площадь их составляет около 10 кв. м. Ориентированы они с юго-запада на северо-восток. По краям могильных ям часто сохраняются продольно положенные бревна – остатки бревенчатого перекрытия. Поверх перекрытия насыпался земляной холм, который иногда обкладывался плитами. В этих могилах захоронено от трех до восьми человек. Погребенные лежат либо на спине с согнутыми в коленях ногами, либо на боку в скорченном положении. Обычно тела посыпали охрой. Много в материальной и духовной культуре афанасьевских племен было связано с неолитическими традициями. В их быту продолжали широко использоваться каменные орудия: наконечники стрел и дротиков, ножи, топоры, песты, скребки. Это объясняется тем, что афанасьевцы еще не знали техники литья. Металл использовался в основном для украшений (серег, браслетов), для оков, починки деревянных сосудов, изготовления игл, шильев, небольших ножичков (рис. 82 В). Металлические изделия изготавливались преимущественно ковкой. Афанась-

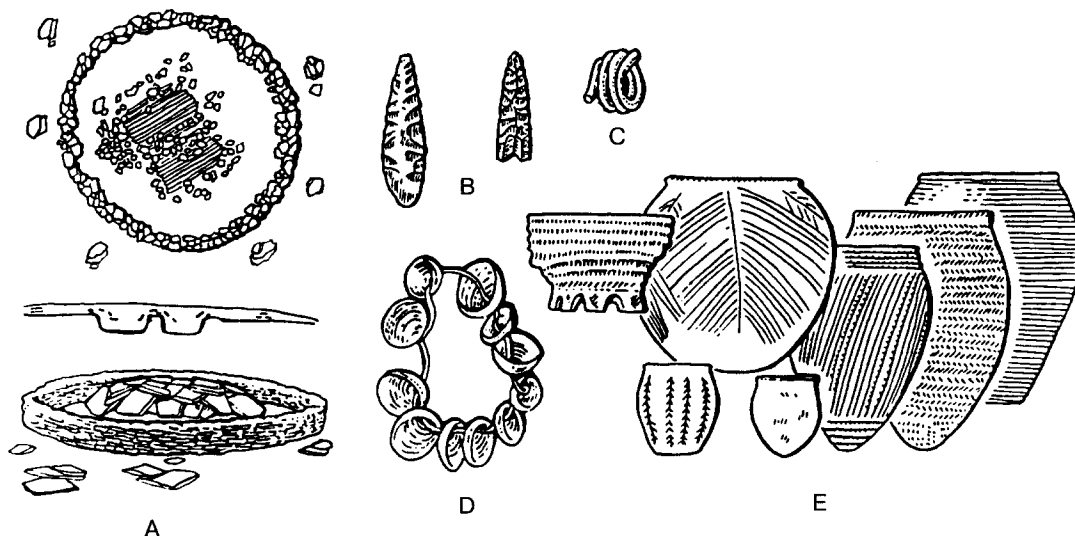

Рис. 82. Афанасьевская культура Южной Сибири: А – курганы; В – каменные орудия; С, D – металлические украшения; Е – сосуды

евцы использовали для этого медь, золото, серебро и даже железо. На руке одной пожилой женщины в могильнике на Афанасьевской горе в Минусинской котловине обнаружены остатки браслета, при изготовлении которого использовалось метеоритное железо (рис. 82 С, D).

Сосуды делались из дерева и глины (рис. 82 E). Форма сосудов яйцевидная с округлым дном, реже встречаются плоскдонные горшки. Обычно они небольших размеров – от 1,5 до 3 л, но встречаются сосуды емкостью до 200 л. Украшались посуда орнаментом в виде горизонтального и вертикального зигзага, елочки, а также волнистыми линиями, различного рода штампами.

Большие изменения у афанасьевцев происходили в хозяйстве. Наряду с традиционными охотой, рыболовством и собирательством афанасьевцы начинают практиковать скотоводство. Об этом свидетельствуют остатки мясной пищи, положенной вместе с погребенными. Среди костей домашних животных встречаются кости барана, лошади и коровы. Кроме скотоводства афанасьевцы, по-видимому, начинают заниматься земледелием, о чем говорят песты, терочники для растирания злаков.

Жили афанасьевцы в небольших поселках в жилищах двух типов: землянках и срубках. Поселки, судя по численности погребенных в могильниках, были небольшими – 5–10 семей (*История Сибири*, 1968). У афанасьевцев не прослеживается имущественного неравенства или зависимого положения мужчин и женщин. Встречаются парные захоронения, но погребения мужчин и женщин в одном захоронении очень редки; чаще встречаются коллективные погребения мужчин, женщин и детей. Судя по количеству захоронений детей в могильниках, среди них наблюдалась высокая смертность. У афанасьевцев было распространено раннее материнство: в погребениях часто обнаруживаются девушки 13–14 лет с новорожденными или младенцами в возрасте до одного года, а также с утробными умерших, останки которых найдены в могильниках, составляет 40–50 лет, и лишь немногие доживали до 60 лет.

Очень сложен вопрос о происхождении афанасьевской культуры. Афанасьевцы относятся к европеоидной расе (*Алексеев и Гохман*, 1984). Они отличались от коренного монголоидного населения преимущественно высоким ростом и крупным телосложением. Многие исследователи считают, что афанасьевские племена пришли с запада и генетически связаны с ямной культурой междуречья Волги и Урала. При раскопках многослойной стоянки Тоора-Даш на Енисее удалось проследить связь неолитических горизонтов с афанасьевской культурой (*Семенов*, 1983). Вполне вероятно, что формирование этой культу-

ры произошло в результате слияния пришлого населения с запада с местными племенами позднего неолита. Афанасьевская культура известна по находкам в Западной Монголии и Синьцзяне, где также представлен европеоидный тип населения.

В начале II тысячелетия до н.э. в Южной Сибири афанасьевская культура сменяется окуневской, изученной по раскопкам могильников, каменным изваяниям и петроглифам.

Могильники состояли из одного, реже из четырех курганов. Известен только один большой могильник из 14 оград (*Вадецкая*, 1986). Ограды четырехугольные, сооружены из вкопанных вертикально плит песчаника или сложены из глыб булыжника. Высота оград до 50 см, размеры от 2,5 м x 3 м до 40 м x 40 м. В оградах от 1 до 22 могил. Окуневские могилы – небольших размеров, неглубокие, для погребения одного или двух умерших. Стенки и дно ям выкладывались плитами в виде ящика. Перекрытие также делалось из плит, а сверху сооружался небольшой холмик из земли и камней. Реже встречались перекрытия из бревен, поверх которых укладывались плиты. В могилах хоронили в основном одного человека, реже совместно женщину и ребенка или мужчину и женщину, иногда с ребенком. Тело при погребении укладывали на спину с сильно согнутыми коленями и вытянутыми руками, ориентировали чаще головой на запад. Под голову умершего подкладывали камень, реже плиту с углублением для головы, лицо и тело раскрашивали поперечными полосами. Всех умерших хоронили в одежде, с большим количеством культовых предметов и амулетов охотничьей магии.

Окуневская культура относится к бронзовому веку, но в инвентаре еще встречаются каменные изделия: наконечники стрел, копий, топоры, тесла. Металлические изделия изготовлены из меди и бронзы. Обработывался металл ковкой и литьем. Из металла делались рыболовные крючки, ножи, топоры, игольники, шилья, височные кольца (рис. 83 B–D). Шилья и ножи вставлялись в деревянную или костяную рукоять. Из кости делались игольники, иглы для шитья и вязания сетей, остроги. Игольники изготовлены из трубчатых костей птиц. В некоторых иглах сохранились шерстяные нити. Иглы для вязания сетей представляют собой крупные удлиненно-овальные пластины с закругленными концами. Такого же типа иглы известны в китайских и глазковских погребениях Прибайкалья.

Сосуды встречаются двух типов: банки с расходящимися кверху прямыми стенками и широким плоским дном и горшки с немного суживающейся горловиной. Сосуды украшались оттисками зубчатого штампа или палочки. Рисунки покрывают не только стенки, но и дно (рис. 83 E). Для

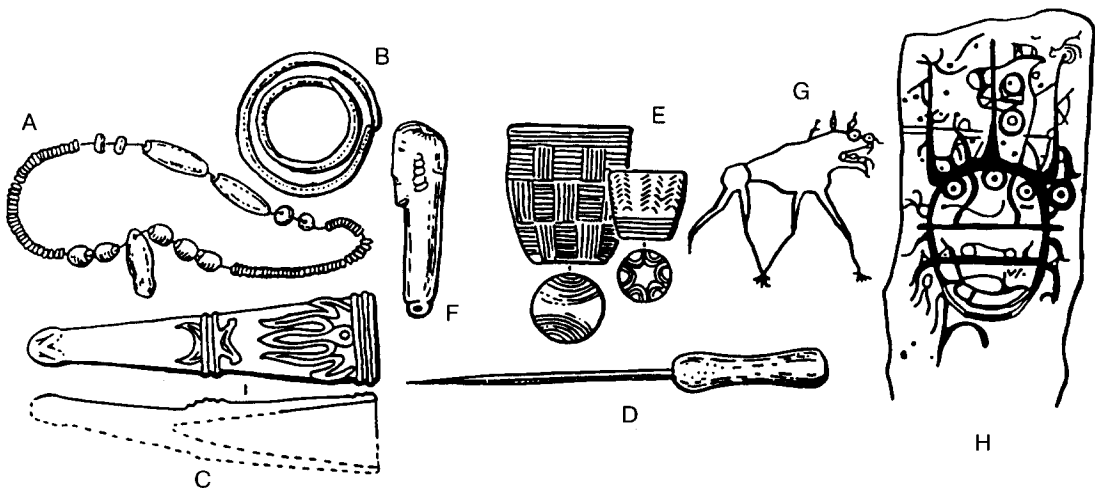

Рис. 83. Окуневская культура Южной Сибири: А – ожерелье; В–D – металлические орудия; Е – сосуды; F – женская статуэтка; G, H – резные изображения

окуневского времени характерны и своеобразные курьельницы. Хорошо реконструирована одежда окуневцев (*Вадецкая*, 1986). Нижняя одежда была шерстяной. Ворот, рукава и подол украшались каменным разноцветным бисером. Поверх платья надевали меховые нагрудники. Их украшали резцами (зубилами) лисицы, сурка, колечками и бисером. Найдены остатки меховой сумочки, расшитой 40 зубами марала. Обувь делалась из кожи и расшивалась зубами соболя (от 70 до 160 зубов), причем использовался только правый верхний третий коренной зуб. Для иголки и амулетов использовались бусы, бисер, зубы и клыки животных, астрагалы и фаланги козули, лося (рис. 83 А).

Замечательными и необычными памятниками окуневской культуры являются произведения искусства. Образцы искусства представлены несколькими видами: каменными изваяниями с человеческими лицами, маленькими каменными головками и костяными пластинами с выгравированными на них женскими лицами, вырезанными из кости и камня изображениями птиц и зверей, фантастическими изображениями хищников, выбитыми на плитах и изваяниях, и реалистическими рисунками животных – быков или коров, вырезанными тонкими штрихами на каменных плитах (рис. 83 G, H). Все миниатюрные женские изображения хорошо передают монголоидные черты лица (рис. 83 F). Антропологические материалы также свидетельствуют о большей монголоидности окуневцев по сравнению с афанасьевцами. Окуневские племена занимались охотой, рыболовством, но основой хозяйства было скотоводство. Разводили они овец, лошадей, крупный рогатый скот. Судя по изображениям на стенах, окуневцы имели двухосные и одноосные повозки, в которые впрягали быков.

На Алтае в первой трети II тысячелетия до н.э. существовала каракольская культура, родственная окуневской. Каракольская культура имеет некоторые отличия в керамике, характерно почти полное отсутствие монументальной скульптуры, при этом обнаружена уникальная полихромная живопись в погребальных комплексах.

К северо-западу и западу от окуневской культуры в верховьях Оби известны различного типа памятники, которые относятся к самусьско-сейминскому культурно-историческому пласту: корни его уходят в поздний неолит таежной зоны Западной Сибири. Племена занимались преимущественно охотой и рыболовством. Орудия труда и вооружение делались в основном из камня, кости, дерева, но в это время появляются и первые металлические изделия. Племена вели полуседлый образ жизни.

В середине II тысячелетия до н.э. окуневскую и близкие ей культуры в Южной Сибири сменяет андроновская культура, памятники которой известны в Приуралье и Казахстане. Это была не единая культура, а сложившаяся в период расцвета бронзы культурно-историческая общность, объединяющая ряд родственных культур.

Основными памятниками андроновской общности являются могильники и поселения. Могильники состоят из десятка или нескольких десятков оград. Известны курганные, бескурганные и грунтовые могильники. Андроновцы

сначала возводили ограду, а потом внутри ее выкапывали яму для могилы. Ограды сооружались на значительном расстоянии друг от друга. Высота ограды достигала 1 м, диаметр 5–10 м. Ограда делалась из вкопанных, реже из горизонтально положенных плит. Внутри ограды выкапывалась одна, а иногда две–три могильные ямы глубиной от 1 до 3 м. Могильные ямы обычно прямоугольной формы, стенки их укреплены деревянными или каменными плитами. После погребения сооружение перекрывалось деревянными плахами или плитами, а затем насыпался курган. У андроновцев существовало два обряда погребения: трупоположение и трупосождение. При трупоположении покойника укладывали на подстилку на бок с согнутыми в коленях ногами и сложенными перед лицом руками.

Андроновская керамика представлена двумя основными типами – горшками и сосудами баночного типа (рис. 84). Поверхность сосудов первого типа тщательно залощена и украшена меандром, волнистыми и прочерченными линиями, заштрихованными треугольниками. Сосуды второго типа украшались елочным орнаментом.

Большого совершенства у андроновцев достигает бронзолитейное дело. Орудия труда и вооружение отличались в двусоставных формах. У андроновцев широкое распространение получили втульчатые и вислобушные топоры, копья сейминско-турбинского типа, серпы, кинжалы, мотыги, различного рода украшения. Обработка металла и выплавка производились на месте поселения.

Основным занятием андроновцев было скотоводство. Разводили они крупный и мелкий рогатый скот, лошадей. Скотоводство имело оседлый характер. Селились андроновцы по берегам рек и озер в поселках, состоящих из долговременных, углубленных в землю жилищ площадью до 200 и более метров. Важную роль наряду со скотоводством играло земледелие. Выращивалась пшеница и другие злаки.

Наличие крупных курганов для одного человека и особый погребальный обряд свидетельствуют об имущественной дифференциации у андроновцев, выделении отдельных семей из общины и особом положении мужчины в семье.

Андроновская культура не имеет связи с предшествующими культурами. Скорее всего андроновцы пришли в Сибирь из Казахстана в XVIII–XVII вв. до н.э. Андроновцы были людьми своеобразного европеоидного антропологического типа, который получил название андроновского.

В конце II тысячелетия до н.э. андроновская культура в Южной Сибири сменяется карасукской (XIII–VIII вв. до н.э.), отражающей финальный этап и период расцвета культур бронзового века Южной Сибири и Монголии.

Наиболее распространенными памятниками карасукского времени являются могильники, насчитывающие до нескольких сот курганов. Они устраивались в виде круглых или прямоугольных оградок из поставленных на ребро каменных плит. Внутри ограды сооружался каменный ящик, перекрытый плитами, а затем он засыпался землей. Могильные ограды часто пристраивали одну к другой. Умершего клали в могилу в одежде, на спину, иногда на бок, головой на северо-восток, вместе с вещами, которые были

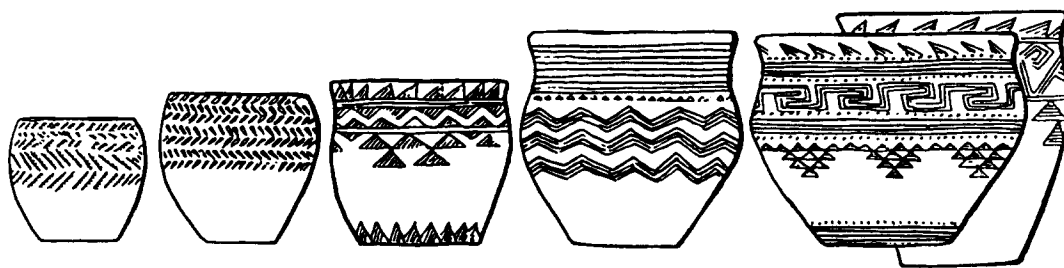

Рис. 84. Чаши и кувшины андроновской культуры (регион Урала и Казахстан)

необходимы ему в предполагаемом загробном мире. В головах ставили один или два горшка с жидкой пищей, а у ног клали куски мяса.

Горшки были шаровидной формы, с выпуклым дном, иногда плоскодонные. Они украшались резным или штампованным геометрическим орнаментом в виде заштрихованных треугольников, ромбов, меандра (рис. 85 D).

Из бронзовых изделий наиболее многочисленны находки ножей и кинжалов различных типов, рукоять у них часто орнаментировалась и имела наверху в виде кольца, грибовидной шляпки или головы животного (рис. 85 C). Типичны для карасукской культуры бронзовые кельты, боевые топоры, копья, наконечники стрел, тесла, различного рода украшения, среди которых преобладали украшения для головы, нагрудника, обуви, а также серьги, ожерелья, браслеты и перстни (рис. 85 A, B).

Жилища были полуподземного типа, как небольшие по размерам, так и крупные, площадью до 200 кв. м. В больших домах находилось несколько очагов, часто расположенных в ряд. Вдоль стен устраивались нары-лежанки. В поселках люди жили в зимнее время. Летом они кочевали вместе со скотом и жили в легких переносных жилищах. Все необходимое – мясо, молоко, шерсть, кожу – люди карасукской культуры получали от скотоводства. Они разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Охота и рыболовство являлись дополнительными источниками средств к существованию. Карасукская эпоха, судя по наскальным изображениям, ознаменовалась появлением колеса со спицами и четырехосных и двухосных колесниц. Вполне вероятно, что на финальном этапе развития карасукской культуры лошадь стала использоваться и для верховой езды.

Искусство карасукской культуры представлено прекрасными бронзовыми изделиями с орнаментом и изображениями голов животных, петроглифами и каменными стелами, главным сюжетом которых являются стилизованные изображения оленей.

В карасукское время могильники представляли собой родовые кладбища. Родство по мужской линии приобретает все большее значение. Появляются курганы семейной или родовой знати, отличавшиеся от основной массы погребений размерами и богатым погребальным инвентарем.

Очень сложен вопрос о происхождении карасукской культуры. Одни специалисты считают ее автохтонной и генетически связанной с андроновской (*История Сибири*, 1968). Безусловно, андроновский комплекс оказал существенное влияние на формирование и развитие этой культуры, но антропологически карасукские племена имеют много общего с европеоидными группами, объединенными под общим названием «памиро-ферганская раса». Сложность проблемы заключается в том, что карасукские племена, как и племена сопредельных территорий, на финальном этапе бронзового века поддерживали тесные социально-экономические и культурные контакты, и однозначно ответить на вопрос о происхождении карасукской культуры на данном этапе исследований практически не-

возможно. Типичные карасукские бронзовые изделия на востоке встречаются в Забайкалье, Маньчжурии, вплоть до юга Дальнего Востока, на юге и юго-западе – в Монголии, Ордосе, Казахстане, на севере – в лесостепной полосе Западной Сибири.

В Восточной Сибири, в отличие от Западной, во II тысячелетии до н.э. племена продолжают вести присваивающее хозяйство. Но и в их жизни происходят важные изменения – появляются погребения с медными и бронзовыми изделиями. Эта новая глазковская культура, открывающая эпоху металла в Прибайкалье, охватывает период с XVIII по XIII в. до н.э. (*Окладников*, 1955). В Бурятии ее разновидность называется фофановской, а в Забайкалье – доронинской культурой.

В глазковское время продолжает в значительной степени сохраняться традиционная неолитическая техника обработки камня. Наконечники стрел, копий, скрепки, тесла, топоры и многие другие орудия по-прежнему изготавливались из камня отжимкой ретушью. Но вместе с тем в глазковской культуре не наблюдается того ювелирного изыска отжимки ретушью, которое характерно для серовской и китойской культур. Упадок технической традиции был, по-видимому, связан с появлением нового материала – металла.

Количество металлических изделий, найденных в погребениях и в поселениях глазковской культуры, по сравнению с каменными и костяными крайне незначительно. Обнаружены ножи, рыболовные крючки, иглы, шилья, украшения, изготовленные из меди и бронзы. Чаще всего находят тонкие листовидные медные ножи, которые закреплялись в костяную или деревянную рукоять (рис. 86 A–C).

Основой хозяйства племен в глазковское время в Прибайкалье и Забайкалье остаются охота, рыболовство и собирательство. Особенно большую роль приобретает рыболовство. В глазковское время совершенствуются орудия лова рыбы: появляются новые типы гарпунов, крючков (рис. 86 D–F), приманок для рыб. Лов рыбы производится также сетями, рыбаки используют легкие берестяные лодки.

Важные изменения в глазковское время происходят и в общественных отношениях. В глазковских могильниках чаще встречаются парные захоронения. В мужские захоронения помещались в основном орудия рыбной ловли и охоты. В женских встречается инвентарь, связанный с охотой, обработкой выловленной рыбы или убитых на охоте животных, собирательством, а также большое количество украшений. По материалам одного из захоронений сделана реконструкция одежды глазковской женщины (рис. 87). В это время, по-видимому, широко распространение получил шаманизм. Впервые в погребениях появляются бесспорные атрибуты шаманского костюма, а также бубен и колотушка.

К финальному периоду бронзового века в Восточной Сибири относится шиверский этап (XII–VIII вв. до н.э.). Он является своеобразным продолжением глазковской культуры. Для него характерно появление нового типа сосудов:

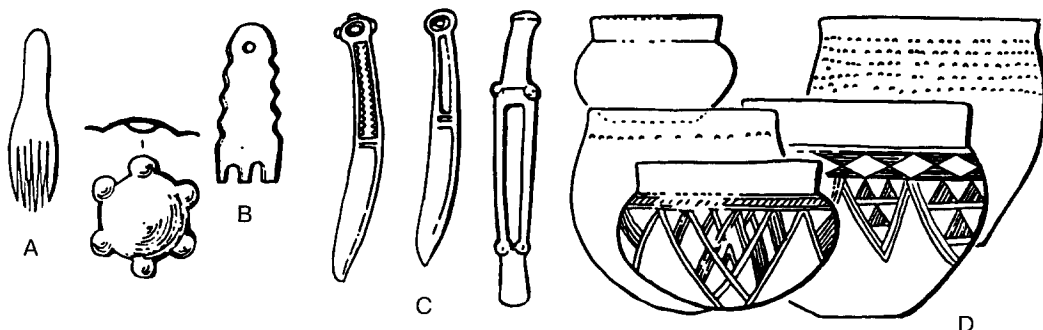

Рис. 85. Карасукская культура Южной Сибири: А, В – бронзовые украшения; С – бронзовые ножи и кинжалы; D – сосуды

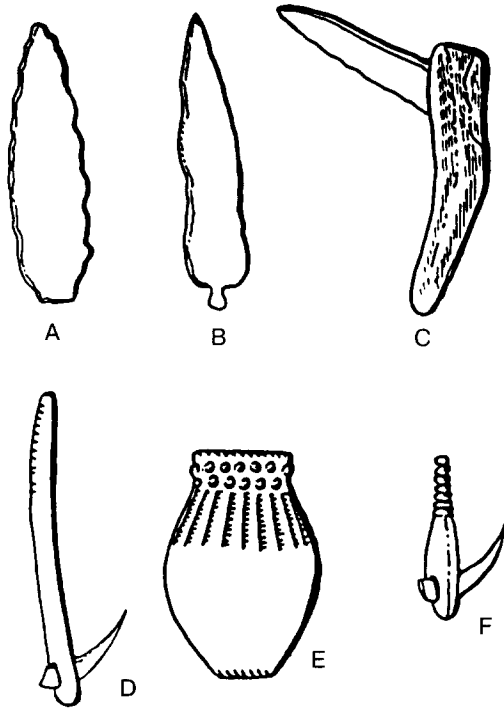

Рис. 86. Глазковская культура Восточной Сибири: А–С – медные ножи; D, F – крючки и гарпуны; E – приманки для рыб

вместо круглодонных глазковских сосудов, украшенных штампованным орнаментом, обнаруживаются плоскодонные, украшенные «ложнотекстильным» или шахматно-шашечным орнаментом. В Прибайкалье и особенно в Забайкалье в это время появляются бронзовые изделия карасукского типа.

В бассейне Амура и в Приморье в конце II тысячелетия до н.э. также происходят важные изменения, связанные с проникновением на эту территорию металла. Наиболее хорошо изучен бронзовый век на юге Дальнего Востока в Приморье, где выделена синегайская культура (XIII–VIII вв. до н.э.). Племена этой культуры жили оседло в поселках, насчитывающих от 10 до 40 полуподземных жилищ. Площадь жилищ в среднем от 25 до 70 кв. м. В плане они имели прямоугольную или овальную форму. В таком жилище в центре находился один или два очага.

Рис. 87. Реконструкция одежды женщины времен глазковской культуры

Сосуды – все плоскодонные, изготавливались без применения гончарного круга. Форма их различна: миски, широкогорлые сосуды баночного типа, а также сосуды с хорошо профилированным туловом и отогнутым венчиком. Орнаментировались они налепными валиками, горизонтальным и вертикальным зигзагом. Встречаются сосуды, поверхность которых имеет красное лощение и роспись черной краской. В жилищах найдены каменные орудия: топоры, наконечники стрел, шлифованные кинжалы, ножи, курнаты, терочники, зернотерки. Кость широко использовалась для изготовления панцирных пластинок, украшений, орудий труда. В поселении Синий Гай на озере Ханка найдено более 20 изделий из бронзы: ножи, шилья, крючки. Бронзовые изделия выплавлялись непосредственно в поселениях. Об этом свидетельствуют льячки и литейные формы (рис. 88). Племена юга Дальнего Востока испытали сильное влияние с запада: шлифованные кинжалы, ножи, украшения являются у них копиями бронзовых изделий сейминско-турбинского и карасукского типа.

Рис. 88. Бронзовые предметы шиверского этапа, найденные в Синем Гае (Восточная Сибирь)

Основу хозяйства составляли земледелие, свиноводство, охота и рыболовство. В ряде поселений найдены обугленные зерна чумизы. Племена, жившие на побережье, занимались морским промыслом и собирательством морепродуктов.

МОНГОЛИЯ (300–700 ГГ. ДО Н.Э.)

В III тысячелетии до н.э. в Монголии продолжают существовать неолитические культуры. На этой территории можно выделить два района, где наблюдается специфика в их развитии: Восточная и Южная Монголия.

Поздний неолит в Восточной Монголии известен по раскопкам десятков стоянок временного типа, а также ряда поселений с жилищами, которые относятся к тамцаг-булакской культуре.

В ходе раскопок найдены остатки нескольких полуподземных жилищ площадью до 40 и более квадратных метров. Каркас стен такого жилища состоял из вертикально поставленных столбов, расположенных в 40–60 см один от другого. На верхние концы этих столбов клалась горизонтально обвязка, являющаяся опорой для нижних концов перекрытия. Верхние его концы опирались на внутреннюю обвязку, опорой для которой служили столбы, поставленные в центре жилища. Входили и выходили из жилища, по-видимому, через дымовое отверстие по специально изготовленному бревну с зарубками. Подобная система входа наблюдалась археологами в неолитических и более поздних поселениях Северной и Восточной Азии, а также этнографами вплоть до XIX в.

Рассматривая каменный инвентарь, следует прежде всего отметить, что многие его технико-морфологические показатели свидетельствуют о влиянии традиций, характерных для предшествующих этапов неолита и мезолита. Первичная обработка характеризуется различного типа нуклеусами для снятия ножевидных пластин. Сработанные нуклеусы в дальнейшем нередко превращались в орудия труда: отбойники, резцы, скобели и изделия типа рубанков для обработки кости и дерева.

Основная часть ножевидных пластин сравнительно небольших размеров, правильной формы. На многих пла-

стинах, особенно из туфа, видны следы употребления их без дополнительной подправки лезвия ретушью. На пластинах, изготовленных из более твердых материалов, следы работы выражены не так ярко. Из ножевидных пластин изготовлялись резцы, ножи, вкладыши для ножей, проколки, скребки. В процентном отношении орудия из ножевидных пластин составляют абсолютное большинство. Из орудий труда в жилищах чаще всего обнаруживаются скребки, скребла, тесловидно-скребловидные инструменты. Широко использовалась кость. Из нее делали наконечники стрел, основы для составных ножей и кинжалов, а также украшения. В одной костяной основе сохранилось два кремниевых вкладыша.

Из орудий для размолва злаков в жилищах найдено несколько фрагментов и целая зернотерка ладьевидной формы, фрагменты пестов и курантов. Рабочая поверхность зернотерок хорошо отшлифована и затем прокована. Из земледельческих орудий обнаружен каменный диск с биконическим отверстием, использовавшийся в качестве утяжелителя для палки-копалки.

Керамика в поселении толстостенная, в основном это слабо профилированные сосуды баночной формы. Сосуды украшались глубоко прочерченными параллельными линиями. Тесто – с примесью мелкозернистого песка и раковин, хорошо уплотненное, в изломе светло-желтого и темно-серого цвета.

Хронологически тамцаг-булакская культура относится к III тысячелетию до н.э.

Следующий обширный район Монголии, где наблюдается своеобразие в развитии неолитических культур, – южные сухие степи Монголии и пустыня Гоби: там человек вынужден был приспосабливаться к экстремальным природным условиям.

Первые стоянки эпохи неолита на юге Монголии были открыты центральноазиатской американской экспедицией Р.Ш. Эндрюса (*Andrews*, 1926). Наибольшую известность получили дюнные стоянки Шабарак-усу. Дискуссионной оставалась проблема хронологии находок из Шабарак-усу. Благодаря последующим работам советско-монгольской историко-культурной экспедиции стоянки Шабарак-усу удалось стратиграфически расчленить на несколько этапов (*Окладников*, 1962). Наиболее ранние горизонты (VII–VI тысячелетия до н.э.) уходили непосредственно под дюны, а поздние залегали в толще дюнных отложений в погребенной почве (30–40 см), перекрытой песками.

В позднем неолите в Южной Монголии (III тысячелетие до н.э.) в первичной обработке продолжала сохраняться пластинчатая техника: нуклеусы имели коническую, призматическую форму. Из ножевидных пластин изготовлялись наконечники стрел, скребки, вкладыши для ножей, резцы. Но основная часть орудий труда изготовлялась уже из двусторонне ретушированных изделий.

Совершенно иной облик имеет керамика: сосуды тонкостенные, хорошо профилированные, с плоским дном. Появляется в это время и расписная керамика. Наружная поверхность сосудов часто украшалась красной краской. Встречаются и фрагменты сосудов, имеющих настоящую орнаментальную роспись, выполненную черной краской по красному фону. В некоторых поселениях темная краска наносилась на желтый фон. Расписная керамика довольно часто встречается в неолитических памятниках Южной Гоби.

Важные изменения в это время происходят и в хозяйстве. В поселениях в большом количестве встречаются зернотерки, куранты и песты. Интересна и другая закономерность: культурные остатки данного периода сохранились в основном в погребенных почвах. Племена занимались охотой и земледелием.

Исследования неолитических памятников Монголии позволили ответить на некоторые вопросы, связанные с верованиями и искусством древнего населения. Все погребения, найденные в Восточной Монголии, свидетельствуют о единстве погребальных обрядов на обширной территории, а следовательно, и об определенном этническом единстве населения. Антропологический тип позднего неолитического населения – монголоидный. Тела в погребениях располагались в сидячем положении, ориентированы лицом на запад или восток. Могильная яма небольших размеров настолько узкая, что в ней мог поместиться только один человек, сидя. Погребения преимущественно были очень бедными, и только погребение, прорезавшее пол жилища № 1 в Тамцаг-Булаке, содержало украшения и костяные кинжалы с вкладышными лезвиями.

В неолите у племен Восточной Монголии прослеживается культ животных. В Тамцаг-Булаке открыто скопление, состоявшее из черепа какого-то небольшого животного, бус из орнаментированной кости и клыков марала. Еще одно скопление костей крупного животного, собранных и уложенных в специальное углубление, по-видимому, было погребением, связанным с культом животного. Несколько ритуальных захоронений костей диких животных открыто на стоянках в бассейне р. Керулен.

Об искусстве неолитических племен Монголии пока имеется не очень много сведений. Из украшений в восточных районах обнаружены подвески из клыков марала и бусины из раковин унго, а на юге – бусины, изготовленные из скорлупы яиц страуса, некоторые из них украшены геометрическим орнаментом. В Монголии известны сотни тысяч наскальных рисунков. Хронологически они относятся в основном к бронзовому и железному веку. Второй половиной III тысячелетия до н.э. датируются наскальные изображения в Ульзит-Сомона в Центральной Гоби. На отшлифованных песками и покрытых «скальным загаром» плоскостях сланца выбиты десятки изображений животных и людей. Многие рисунки покрыты таким же густым «загаром», как и скалы, на которых они выполнены. Наиболее древние сюжеты связаны с изображением дикой лошади с подчеркнuto угрированными половыми признаками. Эти изображения, несомненно, отражают древнюю идею о плодородии зверей – основного источника существования охотничьих племен далекого прошлого.

Переход древних племен Монголии к освоению нового материала для изготовления орудий труда – металла – является пока мало изученным. Начало данного процесса относится к концу III – первой половине II тысячелетия до н.э. В это время в Монголии начинается аридизация климата. Пластинчатую технику первичной и вторичной обработки каменных орудий почти полностью заменяет техника двусторонней обработки. На стоянках значительно меньше каменных орудий по сравнению с неолитическими. Большинство известных стоянок располагается на песчаных выдувах по берегам небольших водотоков (подземных источников) или озер. В результате перемещения песка в последующее время многие стоянки находятся в «открытом» состоянии. На поверхности хорошо прослеживаются очаги, вокруг которых и концентрируются находки: в основном каменные орудия, фрагменты керамики, кости животных.

В Восточной Монголии исследовано несколько комплексов, относящихся к эпохе раннего металла. Одна такая стоянка располагалась у небольшого водотока Хуйтын-Булак в 130 км северо-восточнее города Чойбалсана. При раскопках вскрыто несколько очагов диаметром от 0,4 до 1,5 м. Очаги обкладывались крупной базальтовой или кварцевой галькой. В самих очагах также встречалась обожженная и растрескавшаяся галька небольших размеров, которая, возможно, нагревалась и использовалась для приготовления пищи. В очагах и за их пределами находились кости лошади и верблюда, мелкие фрагменты керамики. Каменный инвентарь, собранный вокруг очагов и на небольшом удалении от них, содержит значительное количество готовых изделий. Орудия изготовлялись в основном

из халцедона, намного реже из кремня. Среди изделий преобладали концевые вкладные лезвия для ножей, наконечники стрел трех типов: с прямым основанием, с асимметричными жалыцами и с округлым основанием – лавролистные. Все эти наконечники близки по типу к изделиям глазковской культуры раннего металла Прибайкалья. В двух очагах обнаружены капельки плавленной, сильно окислившейся меди.

К энеолиту относится и погребение, раскопанное в местности Норовлин-уула в 72 километрах от Чойбалсана, на правом берегу р. Керулен (Волков, 1975). Погребение частично разрушено. Размеры сохранившейся части могилы в плане 75 см x 70 см. На глубине 1,6 м от современной поверхности находился костяк в скорченном положении сидя, на охристой подсыпке. Погребенный был также посыпан охрой. При раскопках погребения собрано около 3000 мелких цилиндрических бусин диаметром 1,5–2 мм, изготовленных из белой пасты. Наибольшее их количество найдено у черепа. Более крупные бусы шаровидной формы, полые внутри, лежали у шейных позвонков. Типологически эти бусы близки к афанасьевским из Южной Сибири. Рядом с ними найдено два цилиндрических кольца с насечками по краю, также аналогичных афанасьевским. Возле лица лежал обломок подвески из клыка кабана, несколько плоских бусин, одна из сторон которых покрыта узором в виде вертикальных нарезок, 10 подвесок из клыков кабарги. Под рукой, ближе к груди обнаружен костяной двухлезвийный кинжал длиной 28 см. По краям у него вырезаны пазы, в которые вставлены кремневые вкладыши. В верхней части рукояти имеется отверстие, очевидно для подвешивания кинжала. Неподалеку от него найдены две крупные пластины без ретуши и шесть миниатюрных пластинок с ретушью по краю.

Из других украшений следует отметить семь уплощенных бляшек, изготовленных из раковин. Две бляшки – круглые, с отверстием в центре и радиальными насечками, а две зооморфные бляшки – в виде фигурок кабана или медведя, с парными отверстиями в верхней части. Особый интерес представляет амулет – хорошо отшлифованный плоский каменный пест длиной 22,5 см, с закругленными концами. В верхней части амулета просверлено отверстие для подвешивания. На одной плоскости высечено лицо человека. Глубокими резными линиями тщательно прорисованы брови. Овальными углублениями переданы глаза, обрамленные округлым валиком. Легким рельефом намечены выпуклости щек, отделенные впадинами от носа. Нос выступает на плоскости камня, длинный, прямой, несколько расширяющийся в нижней части. Два вертикальных выступа под ним, возможно, изображают усы. Рот намечен небольшим углублением. В нижней части амулета, на заостренных его краях, вырезаны четыре ряда симметричных насечек.

Несмотря на определенный схематизм в передаче черт лица, изображение из погребения Норовлин-уула очень выразительно отражает антропологические черты лица, в котором больше европеоидных, чем монголоидных черт, тогда как сам череп из погребения относится к монголоидному типу.

Погребение из Норовлин-уула по ряду важных признаков генетически близко к позднееолитическим погребениям из Тамцаг-Булака: скорченное положение костяка, костяной кинжал с вкладными каменными лезвиями, тогда как все украшения, в том числе и амулет, имеют аналогии в энеолитических культурах Южной Сибири – афанасьевской и глазковской.

На юге Монголии открыто большое количество стоянок на песчаных выдувах. Некоторые местонахождения занимают десятки тысяч квадратных метров, и порой среди них трудно выделить комплексы, относящиеся к неолиту и энеолиту. К числу таких местонахождений в Южной Гоби относятся Шабарак-усу, Тутригийн-Ширэте. Песчаные дюны в результате эоловых процессов развеевы, и

огромное количество материалов находится на поверхности. Часто можно проследить очаги с концентрацией вокруг них каменных орудий, костей диких животных.

Стратиграфически энеолитические стоянки залегают в кровле погребенных почв и в песчаных горизонтах над ними. Энеолит приходится на период осушения климата и формирования на юге Монголии эоловых отложений. В энеолите древние племена Южной Монголии продолжали широко использовать камень для изготовления различных орудий труда, но технические приемы первичной и вторичной обработки камня в энеолитический период претерпевают существенные изменения: пластинчатая техника постепенно сменяется техникой двусторонней ретуши. В энеолите в Монголии появляется расписная керамика. Орнамент наносился черной краской по серому фону в виде геометрических фигур: квадратов, ромбов, треугольников, тонких линий под разным углом. Аналогичный орнамент на керамике найден на сопредельных территориях в энеолитических поселениях в Синьцзяне и Ордосе, а также в Средней Азии.

В Западной и Северо-Западной Монголии открыты и раскопаны погребения, аналогичные афанасьевской культуре Сибири. Один могильник обнаружен в местности Алтан-сандал в верховьях реки Северный Тамир в Архангайском аймаке. Раскопано три кургана (Новгородова, 1989). Курганы небольших размеров, в диаметре 4–4,5 м, плоские, сильно задернованные. Насыпь курганов невысокая (20–40 см), состояла из мелкого камня с земляной засыпкой. Могильные ямы смещены от центра на юго-запад и восток. В плане они имели округлую форму. Погребенные находились на глубине 1,2–1,5 м. Дно могилы и тела засыпаны охрой. Костяки лежали на спине с согнутыми в коленях ногами. Погребальный инвентарь крайне беден.

Три аналогичных кургана раскопаны в местности Шатар-чулуу на реке Туин-гол в Баянхонгорском аймаке. Эти курганы больших размеров. Первый – диаметром 10 м, высотой 0,7 м. Насыпь кургана состояла в основном из речной гальки и небольших окатанных валунов. Под насыпью обнаружено две кольцевые кладки из гранитных плит. В северной части кургана между кольцевыми кладками найдены фрагменты керамики с резным орнаментом.

Могильная яма «подпрямоугольной» формы (2,8 м x 2 м, глубиной 1,7 м) находилась в центре кургана. Погребенный был положен на спину с согнутыми в коленях ногами, ориентирован головой на восток. Лицо закрыто куском бересты. Погребенный и дно могильной ямы засыпано охрой.

Второй курган находился в 50 м от первого. Диаметр его 6,5 м, высота 35–40 см. Насыпь кургана состояла из галечника и мелких валунов. По наружному краю насыпи была сделана кольцевая кладка из гранитных плит высотой 30–35 см и шириной до 50 см. Еще одно кольцо обнаружено вокруг могильной ямы. Могильная яма овальной формы (11,5 м x 0,9 м, глубиной 0,7 м) засыпана охрой. Погребенный был положен на спину с согнутыми в коленях ногами.

Третий раскопанный курган по конструкции и обряду погребения аналогичен двум описанным выше. Погребальный инвентарь во всех курганах крайне беден. Но имеющиеся материалы не оставляют у исследователей сомнений в том, что все курганы относятся к афанасьевской культуре: конструкция погребального сооружения, обряд захоронения, палеоантропология, фрагменты сосудов, орнаментированные типично афанасьевским орнаментом в виде горизонтальной елочки. Подобный узор особенно часто встречается на сосудах афанасьевской культуры Алтая и Минусинской котловины. Погребения в Западной Монголии, по-видимому, относятся к концу III – началу II тысячелетия до н.э.

Бронзовый век Монголии изучен еще недостаточно хорошо. Здесь найдены многочисленные художественно обработанные изделия из бронзы: ножи, кинжалы, топо-

ры, кельты, шилья, украшения и т.д., но большинство находок – из поверхностных сборов или плохо документированные; они хранятся в различных музеях Монгольской Народной Республики.

Химический анализ некоторых бронзовых изделий из Западной Монголии, а также типология позволяют говорить о проникновении в Монголию бронзовых изделий сейминско-турбинского типа (Черных и Кузьминых, 1989) в середине II тысячелетия до н.э.

Эпоха бронзы в Монголии связана с карасукской культурой, которая в Монголии известна по многочисленным изделиям из бронзы. Поселений этого времени в Монголии не найдено, а число раскопанных могильников незначительно. Реконструировать экономику, социальные отношения можно только на основании исследований, которые проведены в Южной Сибири.

Как уже отмечалось, в Монголии известно большое количество бронзовых изделий карасукского типа. Наиболее многочисленную и яркую группу представляют ножи, которые разделены на две основные подгруппы: вогнуто-обушковые и дугообразно-обушковые (Валков, 1967). Орнаменты на рукоятках ножей представляют собой вертикальные ряды треугольников по краю, ряды квадратов, витой шнур, разделенный через равные промежутки круглыми выпуклостями, желобок, разделенный вертикальной рельефной линией (Новгородова, 1989). Многочисленны среди бронзовых изделий карасукского типа кинжалы, кельты, шилья, украшения.

Наиболее яркие, хорошо документированные находки, относящиеся к бронзовому веку, получены при раскопках трех курганов у горы Тэвш-уул в Убурхангайском аймаке на восточных склонах Гобийского Алтая (Валков, 1972). Курганы имели не совсем обычную форму: удлиненные невысокие насыпи с вогнутыми сторонами являются своеобразным вариантом так называемых фигурных плиточных могил.

Погребальный обряд во всех трех курганах одинаков: захоронение в узкой могильной яме (глубиной до 1 м), на животе, головой на восток. В двух могилах найдено 560 пастовых, 126 сердоликовых и 24 бирюзовых бусины, около 200 бронзовых полусферных бляшек разной величины, каменные точила и фрагмент расписного сосуда.

В третьей могиле помимо бус обнаружено два уникальных массивных золотых зажима (заколки для волос), лежавших по обе стороны от черепа. Концы заколок украшены прекрасно выполненными в карасукском стиле головами горных баранов. По внешней стороне заколок отлиты небольшие цилиндры, в которых закреплены бирюзовые камни. Заколки декорированы в типично карасукском стиле поперечными насечками. По мнению Э.А. Новгородовой (1989), эти погребения карасукского типа можно датировать второй половиной II тысячелетия до н.э.

Искусство эпохи металла можно представить по многочисленным изделиям из бронзы, украшенным головками животных, причем древние литейщики явное предпочтение отдавали изображениям козла, барана, оленя. Это было отражением древнейшего культа скотоводов – культа тотемного предка – копытного животного. Бронзовые и глиняные изделия украшались также геометрическим орнаментом в виде ритмических повторений комбинаций треугольников, ромбов, квадратов. Подобные элементы широко распространены на глиняных и бронзовых изделиях в Китае, где они рассматриваются как символы плодородия.

В Монголии известно большое число петроглифов, относящихся к неолиту и бронзовому веку. На рисунках изображены в спокойной позе и стремительном беге животные: олени, горные бараны, лошади, барсы, тигры. Многие древние гравюры связаны с охотой, сражениями, слож-

ными магическими обрядами. К концу бронзового века относятся изображения колесниц, четырех- и двухколесных. В упряжках – две, три или четыре лошади. Возницы стоят, широко расставив ноги. В руках некоторые из них держат боевые луки.

В энеолите и бронзовом веке в Монголии начинает формироваться скотоводческое хозяйство, которое достигает расцвета в карасукское время. Древние племена разводили крупный и мелкий рогатый скот.

Обобщая данные о развитии древних культур в Северной Азии и Монголии в III – начале I тысячелетия до н.э., можно сделать несколько общих выводов.

1. В III тысячелетии до н.э. на большей территории Северной Азии и Монголии развиваются культуры эпохи неолита. Основу хозяйства составляли охота, рыболовство и собирательство. Прimitивное земледелие и использование дикорастущих злаков прослеживаются только у племен Амура и в Монголии.

2. В Южной Сибири, в Минусинской котловине и на Алтае, в конце IV – III тысячелетия до н.э. появляются первые изделия из меди; наряду с присваивающими формами хозяйства племена начинают заниматься скотоводством.

3. Культуры бронзового века в Северной Азии и Монголии начинают быстро развиваться во II тысячелетии до н.э. Основу хозяйства составляет скотоводство.

4. С VIII в. до н.э. на обширной территории Северной Азии и в Монголии формируются культуры железного века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АЛЕКСЕЕВ В.П., ГОХМАН И.И., 1984. Антропология азиатской части СССР. – М.
- ВАДЕЦКАЯ Е.Б., 1986. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.
- ВОЛКОВ В.В., 1967. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. – Улан-Батор.
- 1972. Раскопки в Монголии. – В кн: Археологические открытия 1971 года. – М. С. 554–556.
- 1975. Археология Северной и Центральной Азии. – В кн: Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск. С. 76–79.
- ДЕРЕВЯНКО А.П., 1986. Древняя Монголия. – В кн: История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. – М. С. 75–81.
- ДЕРЕВЯНКО А.П., ОКЛАДНИКОВ А.П., 1969. Древние культуры восточных районов Монгольской Народной Республики. – Советская археология. № 4. С. 141–156.
- ДОРЖ Д., 1971. Неолит Восточной Монголии. – Улан-Батор.
- ИСТОРИЯ СИБИРИ, 1968. – Л. Т. 1.
- МОЧАНОВ Ю.А., 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск.
- НОВГОРДОВА Э.А., 1989. Древняя Монголия. – М.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., 1950. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М. – Л.
- 1955. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (глазковское время). – М. – Л. Т. 3.
- 1962. Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 г.). – Советская этнография. № 2. С. 33–40.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., ДЕРЕВЯНКО А.П., 1970. Тамцаг-Булак – неолитическая культура Восточной Монголии. Материалы по истории и филологии Центральной Азии. – Улан-Удэ. Т. V. С. 3–22.
- 1973. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., МАРТЫНОВ А.И., 1972. Сокровища томских писаниц. – М.
- СЕМЕНОВ В.А., 1983. Многослойная стоянка Тоори-Даш на Енисее. – В кн: Древние культуры евразийских степей. – Л. С. 20–33.
- ФЕДОСЕЕВА С.А., 1980. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н. 1953. Древняя история Нижнего Приобья. – М. – Л. С. 25–34.

АВСТРАЛИЯ

Джозефина Флуд

В доисторическую эпоху Австралия развивалась динамично: перемены происходили как в окружающей среде, так и в жизни людей, которые были вынуждены постоянно адаптироваться к изменяющимся природным условиям. Однако в отличие от других континентов, основанный на охоте и собирательстве образ жизни коренных австралийцев оставался достаточно стабильным и практически не изменился более чем за 40 тыс. лет. Австралия представляет собой единственный обитаемый континент, где в конце плейстоцена не произошло значительных культурных сдвигов, таких как развитие сельского хозяйства и возникновение поселений городского типа. В Австралии сохранились кочевое собирательство и охота, в то время как во всех остальных уголках земного шара, включая расположенную поблизости территорию Папуа – Новой Гвинеи, большинство населения стало заниматься земледелием, разведением овощей или скотоводством. На Австралийском континенте не получили развития и такие виды деятельности, как изготвление и использование луков и стрел, гончарное дело и обработка металлов.

Основная адаптация к австралийским природным условиям происходила в то время, когда континент был впервые заселен, и ее доисторические завоеватели значительно изменили окружающую среду, в частности в связи с применением системы огневого земледелия (Jones, 1969). Образ жизни, основанный на собирательстве и охоте, идеально подходил для Австралии, самого сухого континента в мире. Он позволял коренному населению добывать достаточно средств к существованию в суровых погодных условиях, в которых европейская система сельского хозяйства, как выяснилось позднее, была абсолютно непригодной.

После того как кочевой образ жизни, характеризующийся необходимостью передвигаться налегке, прочно укоренился в Австралии, возможность развития земледелия, садоводства, гончарного дела или перехода к оседлому образу жизни стала маловероятной. Заставить местных жителей осуществить подобный переход могли бы только глобальные изменения окружающей среды или другие радикальные сдвиги, но их не произошло.

ХОЗЯЙСТВО И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

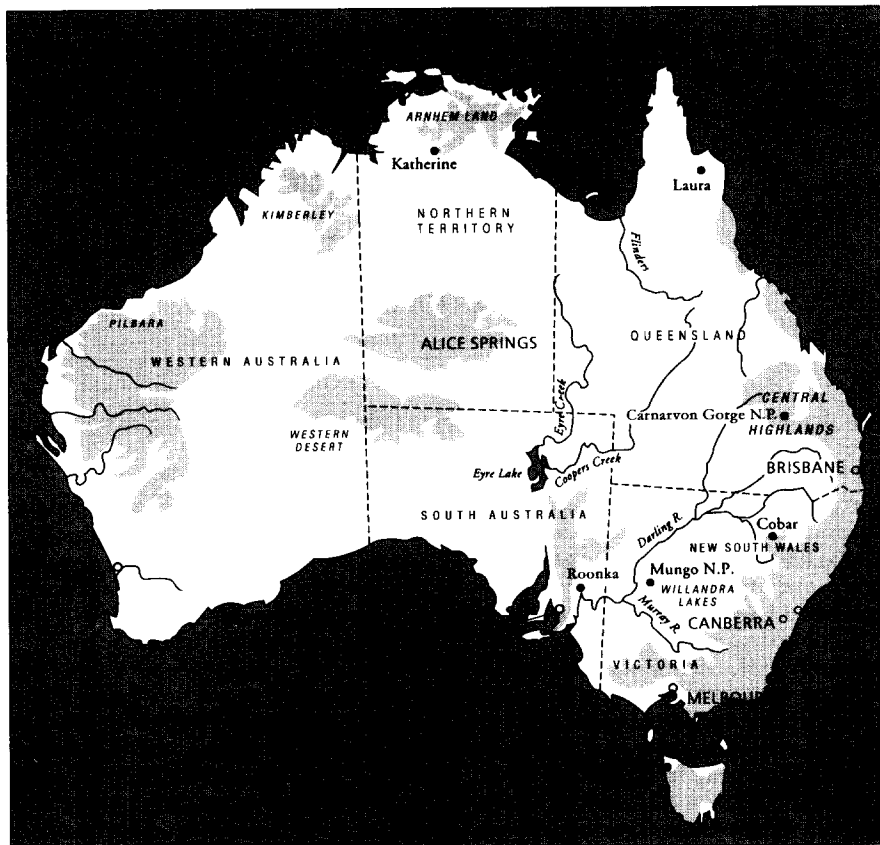
Для Австралии конец плейстоцена был периодом постепенного развития. В отличие от северного полушария, здесь не было четкой границы между концом плейстоцена и началом голоцена, и в данный период не произошло существенных климатических сдвигов. Благодаря этому жизненный уклад коренного населения не претерпел резких изменений. Развивавшаяся в течение всего плейстоцена универсальная система хозяйствования австралийских

аборигенов позволила им не только выжить, но и жить в достатке, а также адаптироваться, без существенных изменений в хозяйстве или образе жизни, к послеледниковому сокращению площади Австралийского континента и нарастающей сухости климата в результате повышения уровня Мирового океана и потепления.

Ученые предполагают, что приблизительно до V тысячелетия до н.э. подъем уровня океана происходил довольно быстро, затем этот процесс замедлился, и около 5 тыс. лет назад океан достиг современного уровня. Это означает, что за последние 5 тыс. лет береговая линия Австралии не изменилась. В результате повышения уровня океана была затоплена значительная часть суши. С другой стороны, прекращение наступления воды привело к увеличению площади намытых островов и эстуариев, а также доступных для местных собирателей прибрежных зон, наиболее богатых рыбой и моллюсками. В устьях рек образовались песчаные лагуны, которые ранее размывались постоянно поднимающимся морем. К появлению значительного количества небольших заливов, богатых пищей, привело и затопление речных долин.

Если некоторые районы, главным образом прибрежные, стали более благоприятными для обитания человека, то другие, наоборот, менее пригодными или вообще не пригодными для проживания. Одной из областей, которая опустела около 5 тыс. лет, является озерный район Уилланда (Willandra), расположенный на западе Нового Южного Уэльса (карта 25). В этой полусухой зоне, граничащей с пустынным «сердцем» континента, находится оз. Мунго. Эта область включена в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО благодаря своей археологической и геоморфологической ценности (Flood, 1994, pp. 39–55). В период плейстоцена оз. Уилландры были полны пресной воды и изобиловали крупной рыбой и моллюсками, которых хватало для пропитания значительной части населения, но около 17,5 тыс. лет назад в результате изменений климата вода стала испаряться более интенсивно и 15 тыс. лет назад большинство озер пересохло. Потребовались новые источники пищи, и охотники-собиратели смогли приспособиться к сложившейся ситуации, мигрировав к таким крупным рекам, как Муррей и Дарлинг, и перейдя со своей основной пищи на муку из злаковых растений. Экстенсивное собирательство, высушивание и перемалывание зерна для использования в пищу было большим технологическим шагом вперед, и в Австралии это произошло не позднее, чем в Западной Азии и других частях земного шара.

Почему же подобное использование злаковых, в частности дикорастущего проса (*Panicum decompositum*), не привело к развитию земледелия и переходу к оседлому образу жизни? Возможными причинами, по которым австралийские аборигены не стали земледельцами, садоводами или скотоводами, были следующие: отсутствие

Карта 25. Австралия

подходящих для одомашнивания растений и животных; отсутствие стимула в виде глобальных изменений окружающей среды, требующих принятия чрезвычайных мер для адаптации; врожденный культурный консерватизм и относительное изобилие даров природы. Охотников-собираателей иногда характеризовали как «общество природного изобилия», которое жило в гармонии с окружающим миром (Lee & Devore, 1968). Если в отношении некоторых первобытных народов, существовавших за счет охоты и собирательства, эта точка зрения скорее идеалистична, чем реалистична, то для коренного населения Австралийского континента она может быть достаточно точным определением. Охотники-собираатели Австралии, очевидно, жили в условиях такого изобилия, что у них не было необходимости в повышении урожайности съедобных растений или в создании продуктовых запасов. Это изобилие, вероятно, достигалось путем установления определенного равновесия со средой обитания, при котором численность населения не превышала продовольственных возможностей соответствующей территории. Другими словами, имевшимся продуктами питания можно было бы прокормить гораздо больше людей, чем их было в действительности. Таким образом, стимулом к получению большего количества пищи путем развития сельского хозяйства могли послужить лишь глобальные изменения окружающей среды или рост численности населения.

Это представляется самым вероятным объяснением отсутствия сельского хозяйства в доисторической Австралии. Охотники-собираатели не испытывали потребности в увеличении количества продуктов питания, так как между численностью населения и возможностями окружающей среды сохранялось равновесие. Поиски пищи принесли столь эффективные результаты, что затрачивать дополнительные усилия на выращивание сельскохозяйственных культур было нецелесообразно.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

На вопрос о возможности одомашнивания австралийских млекопитающих ответить довольно легко: на этом континенте не было местных сумчатых, подходящих для одомашнивания. В Австралии в доисторические времена не водились такие животные, как свиньи, коровы, овцы, козы или куры, которые были приручены в других странах. Конечно, местных птиц – гусей, пеликанов или индюков, встречавшихся в австралийской кустарниковой степи, можно было одомашнить, но этого не произошло, в отличие от Папуа – Новой Гвинеи (White & O'Connell, 1982, pp. 171–197).

В северной части Австралии местные жители могли просто собирать съедобные растения, которые в Папуа – Новой Гвинее приходилось специально выращивать. В доисторические времена вдоль восточного побережья п-ова Кейп-Йорк росли, например, кокосовые пальмы. Скорее всего, они появились здесь естественным путем; попавшие в море кокосовые орехи были вынесены на берег. Нет свидетельств того, что аборигены сознательно посадили здесь кокосовые пальмы или ухаживали за ними до начала европейской колонизации.

Ямс (вид растений рода диоскорея) был одним из основных продуктов питания как в Северной Австралии, так и в Папуа – Новой Гвинее. В качестве пищи здесь использовались и другие клубнеплоды: таро (тропическое многолетнее растение семейства ароидных) и такка (род многолетних трав семейства такковых, из корневищ которых получали пищевой крахмал – так называемый полинезийский аррорут). Важно учитывать не только само наличие какого-либо съедобного растения, но и его относительное изобилие, а также легкость выращивания. Многие съедобные растения, дикие виды которых произрастали на п-ове Кейп-Йорк и которые культивировались в Азии, требовали регулярных атмосферных осадков, поэтому они имели

ограниченное распространение на неплодородных почвах Кейп-Йорка в условиях сезонной засухи (Golson, 1971). Наиболее подходящие для выращивания сельскохозяйственных культур почвы Кейп-Йорка занимали тропические леса. Конечно, потенциальные земледельцы могли бы расчистить эту территорию с помощью огня, но для такой тяжелой работы необходима была веская мотивация. В отличие от земледельцев-островитян, аборигены, жившие на материке, могли решить проблему недостатка пищи путем перехода на другое место, поэтому, скорее всего, у них никогда не было серьезных стимулов к возделыванию земли.

На Австралийском континенте в доисторические времена не произрастала кукуруза, которая была основной сельскохозяйственной культурой в Мексике и Центральной Америке. Не было там также пшеницы и ячменя, как в Центральной Азии. Главным продуктом питания в некоторых районах засушливой, удаленной от моря части Австралии стала широко распространенная на всем материке местная зерновая культура – дикорастущее просо (*Panicum decompositum*), являющееся подвидом того же рода растений, к которому относится окультуренное в других частях света просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*) и итальянское просо (*Setaria italica*).

Почему жители Австралии, несмотря на то что начали собирать зерно уже в конце плейстоцена, не перешли к культивированию злаковых? У местных жителей были для этого все необходимые предпосылки: они питались разнообразными дикорастущими растениями и мясом диких животных, разработали технологию жернового помола и способы хранения муки. Природные условия в Новом Южном Уэльсе, расположенном в удаленной от моря части материка с наполовину пересохшими бассейнами рек, подобны климату Мексики и Месопотамии, где сельское хозяйство было развито, хотя две последние территории характеризуются более разнообразным ландшафтом и, возможно, страдают от обильных ливней и засухи в меньшей степени, чем континентальная зона Австралии.

Одной из основных проблем, возникавших при сборе дикорастущих злаков, являлось одновременное их созревание, что затрудняло возможность сбора большого количества зерна одновременно. Однако эта проблема была разрешена: уборку урожая стали производить в тот момент, когда зерна уже налились, а колосья еще оставались зелеными. Затем колосья укладывали в снопы и оставляли до момента высыхания и вызревания зерна, после чего зерно вымолачивали.

Сбор злаков осуществлялся в большом масштабе путем выдергивания колосьев с корнем, отрыва стеблей или вымолачивания зерна в смеске из коры – традиционный способ в Центральной Австралии. На юго-западе Квинсленда, в районе р. Куперс-Крик, для жатвы использовали каменные ножи: важное свидетельство того, что в континентальной части Австралии имела место деятельность, близкая к сельскохозяйственной.

Сбор зерна был одним из способов адаптации населения к природным условиям в засушливой центральной части континента, где средняя норма осадков составляет не более 300 мм в год. В тропической и прибрежной зонах Австралии, орошаемых более обильно, основным источником питания являлись плоды, орехи и клубнеплоды, а не зерновые. В центральной и южной части континента фактически не было съедобных растений, которые можно было бы окультурить, за исключением дикорастущего проса. Его широко употребляли в пищу, но им не запасались в большом количестве и специально не сеяли. Люди, жившие неподалеку от равнинных рек в континентальной зоне с умеренным климатом, фактически были единственными в Австралии, кто мог перейти к выращиванию зерновых культур. Обитатели данного района ис-

пользовали определенную технологию обработки дикорастущего проса, которое составляло около 30% их рациона. Эту технологию некоторые ученые называли зачаточным этапом развития сельского хозяйства, однако последующих этапов – возделывания земли, посева семян и хранения излишков полученных продуктов питания – не последовало. Не приходится сомневаться в том, что усилия, которые необходимо было приложить для обработки почвы и посева, перевесили возможные преимущества земледелия. Вместо этого местное население максимально обеспечивало себя пищей за счет охоты и сбора разнообразных съедобных растений, применяя оригинальные технологии.

ПЕРЕРАБОТКА ЯДОВИТЫХ ПЛОДОВ

Наиболее передовые и сложные сельскохозяйственные приемы были связаны с обработкой ядовитых орехов макрозамии (*Macrozamia*) и других саговников. Есть мнение, что данная технология была завезена в Квинсленд 4,5 тыс. лет назад и практически не изменилась до настоящего времени. Основным доказательством ее неместного происхождения является то, что обрабатывать ядовитые орехи могли только люди, имевшие большой опыт (Beaton, 1982).

Макрозамия относится к виду саговников (цикадовых) – пальмовых или папоротниковидных растений, история которых насчитывает 200 млн. лет. Плоды этого растения представляют собой похожие на ананасы «шишки». Они крупные, яркого цвета и при этом чрезвычайно ядовиты. Орехи макрозамии токсичны и для скота, так как, по рассказам животноводов из малонаселенных районов Австралии, вызывают так называемую вертячку. Кроме того, обнаружено, что цикадовые содержат одно из наиболее сильнодействующих канцерогенных веществ в мире.

Выведение яда из плодов цикадовых растений было длительной и сложной процедурой. В разных районах применялись различные методы. Например, орехи раскалывали, а ядра вымачивали в воде. После выведения яда из плодов получали крахмалистую, похожую на муку массу, из которой выпекали «цикадовый хлеб». Другим способом было удаление яда брожением: ядра орехов помещали в специальные сосуды или ямы на несколько месяцев. После того как орехи покрывались пеной или плесенью, их можно было употреблять в пищу. Но люди никогда не ели плоды цикадовых растений, не научившись заранее их обрабатывать.

Питательная ценность цикадовых очень высока: они содержат около 43% углеводов и 5% белков. Многие виды саговников приносят огромное количество плодов, их урожайность значительно выше, чем у большинства зерновых культур. Аборигены даже выжигали растительность, мешавшую размножению саговников. Цикадовые рощи являются, таким образом, природными памятниками культуры древних австралийцев. Регулярное выжигание ненужной растительности увеличивало урожайность цикадовых в 7–8 раз и приводило к одновременному созреванию плодов. В результате саговники могли одновременно прокормить большие группы людей, собиравшихся на определенные ритуальные церемонии.

Точно установлено, что цикадовые растения использовались в таких регионах, как п-ов Арнемленд на севере Австралии, для того чтобы обеспечить сотни людей, одновременно собравшихся на несколько недель или месяцев в одном месте для проведения различных церемоний, необходимым количеством пищи. Подобным же образом плоды макрозамии были «традиционной пищей» во время общеплеменных сборищ с обрядовыми или ритуальными целями на центральном плоскогорье Квинсленда (Bowdler,

1981). Используемые в качестве повседневной или ритуальной пищи плоды цикадовых растений имели высокую питательную ценность, были полезны, их урожайность была предсказуема, и их было легко собирать. Кроме того, аборигены успешно освоили способы их обработки. Процесс приготовления из них пищи не отнимал так много времени, как может показаться. У проживавшего на Арнемленде племени анбара на сбор плодов и приготовление около 1 кг цикадового хлеба, в котором содержится 1 300 килокалорий, уходило около часа. Это означало, что одна женщина могла обеспечить себя необходимым количеством пищи, работая по два часа ежедневно (*Meehan, 1982*).

ОГНЕВОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Хотя аборигены и не занимались непосредственно возделыванием земли, они использовали ряд сельскохозяйственных приемов, например пересаживали ямс и другие клубнеплоды и разводили фруктовые деревья вокруг своего лагеря (*Flood, 1994, pp. 259–260*). Для повышения плодородия почвы они использовали огонь – технологию, называемую огненным земледелием (*Jones, 1969*). Применение огня играло важную роль в истории культуры коренных австралийцев, но, к сожалению, этот процесс практически недоступен для археологических исследований. Многие растения, обнаруженные в Австралии первыми белыми переселенцами, были выращены аборигенами в результате выжигания другой растительности в течение тысячелетий.

Огонь использовался для подачи сигналов, а также для облегчения пути во время перехода с одного места на другое: пламя расчищало дорогу, а заодно и убивало змей, скрывавшихся в густых кустарниковых зарослях. Тропы, проложенные аборигенами, сохранялись расчищенными благодаря регулярному разведению огня в саванне, скрэбе (зарослях вечнозеленых кустарников) и труднопроходимых местах в джунглях. На всем континенте огонь использовался во время охоты: животных пронзали заостренной палкой или ударяли дубиной, когда они выбегали из укрытия, спасаясь от пламени.

К числу других причин широкого использования огня можно отнести охотничьи стратегии с дальним расчетом: после выжигания кустарник давал молодые побеги, появлялась молодая трава, что привлекало кенгуру и других травоядных, на которых велась охота. Кроме того, огонь способствовал лучшему росту эвкалиптовых деревьев и многих съедобных растений: корнеплодов, молодых листьев и побегов папоротника-орляка. Зола играла роль удобрения, и растения давали свежие молодые побеги после первого же ливня, следующего за разведением огня (*Flood, 1994, pp. 250–252*).

Огневое земледелие нельзя приравнивать к подсечно-огневому земледелию, тем не менее широкомасштабное и регулярное использование огня приводило к расширению естественной среды обитания человека и увеличению количества и разнообразия пищевых ресурсов.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Аборигены, например племя багунджи, проживавшее в бассейне р. Дарлинг, существовали в относительном равновесии с количеством доступных продуктов питания. В неблагоприятное время года новорожденных убивали, однако нет свидетельств того, что засуха приводила к смерти других людей. Численность населения, которое надо было кормить, регулировалась только в неблагоприятные сезоны, так как обычно было достаточно легко раздобыть пищу в необходимом количестве (*Allen, 1974*).

Когда запасы пищи истощались, на поиски пропитания уходило много времени и сил. Однако в отличие от Центральной Азии и узкого перешейка Мексики, в Австралии не было недостатка в земле, и в тяжелые времена люди просто чаще меняли места стоянок. Для племен, живших в суровом климате Западной пустыни, переходы на 400–500 км, главным образом в засушливые периоды, были обычным явлением. Уже в современную эпоху исследователи наблюдали за перемещениями одной из групп, которая в поисках пищи 9 раз за 3 месяца переходила на новые места по территории песчаной пустыни, площадь которой превышала 2600 кв. км (*Gould, 1980, pp. 6–28, 68–69*).

Система хозяйствования австралийских аборигенов была очень гибкой: они разнообразно питались, пользуясь преимуществами сезонного изобилия продуктов или случайными находками, это мог быть, например, выброшенный на берег кит. Такая универсальная система добывания пищи снижала риск нехватки какого-либо продукта на малое количество осадков, как правило, были богаче пищей. Численность людей определялась количеством продуктов, имевшихся в наличии в самое неурожайное время года, каковым в районах с умеренным климатом обычно считалась зима. Летний период изобилия использовался не для собирательства и хранения излишков урожая с целью прокормить большее количество людей, а как время, когда оставалось больше свободного времени для отдыха и интеллектуальных занятий. В благоприятное время года поиск пропитания в районах, богатых пищей, занимал лишь 1–2 часа в день. В худших климатических условиях на это обычно уходило не более 6–7 часов в день. Даже в период засухи в пустыне женщины могли обеспечить всю группу необходимым количеством пищи, работая только по 2–3 часа в день (*Gould, 1980, p. 64*).

РАЦИОН ПИТАНИЯ И ЗАПАСЫ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Австралийские аборигены, ведущие традиционный образ жизни, не только имели больше свободного времени, чем современный фермер или служащий, но и, как правило, лучше питались. Рацион групп, хозяйство которых организовывалось эффективно, был более сбалансированным, разнообразным и питательным, чем рацион многих белых людей в наши дни. Каждый представитель жившего на побережье Арнемленда племени анбара, например, ежедневно потреблял около 2400 килокалорий, 40–50% которых приходилось на свежую рыбу, моллюсков, ракообразных либо мясо животных или птиц, которых водило в том районе около 50 видов (*Meehan, 1982*).

В других частях земного шара образование излишков продовольствия приводило к появлению технологий и способов хранения пищи, но в Австралии практически невозможно было сохранить многие продукты в течение долгого времени. Трудности, возникавшие при попытке хранения пищи в условиях австралийского климата, являются наиболее вероятной причиной того, почему местные жители не делали продуктовых запасов. Сочетание жаркого климата и сезонного характера дождей в тропической зоне Австралии затрудняло хранение продовольствия не только для аборигенов, но и для первых белых переселенцев. Европейцы часто сталкивались с тем, что убитая ими дичь портилась через несколько часов, даже если ее предварительно обрабатывали неизвестными коренному населению способами: солили или коптили.

В других частях света многие продукты питания отварили, чтобы их сохранить, но австралийские аборигены вареную пищу не ели. На островах, расположенных в проливе Торреса в пределах видимости с п-ова Кейп-Йорк, черепаховое мясо отваривали в панцирях крупных черепах, затем насаживали на вертел и сушили на солнце. Такое вяленое мясо употребляли в пищу во время плаваний на каноэ, которые могли продолжаться несколько недель. В отличие от этого на п-ове Кейп-Йорк панцири использовались в качестве сосудов для хранения воды, а не для варки пищи. Еду готовили в земляных печах или жарили на огне.

К факторам, препятствующим созданию запасов пищи, можно отнести не только сложности предохранения съестных припасов от воздействия тепла, воды, набегов животных, птиц и насекомых – термитов и саранчи, но и традиционный кочевой образ жизни австралийских аборигенов. В районе, богатом пищей, люди могли не менять место стоянки в течение нескольких месяцев, но ни одна группа не оставалась на одном месте в течение всего года. На территориях, где доступной пищи было меньше, группы чаще осуществляли переходы. Охотники-собиратели уносили с собой все основное снаряжение, кроме некоторых тяжелых предметов, например каменных жерновов, которые, как правило, оставляли на прежнем месте. Переносить на руках приходилось также маленьких детей. Сравнение материальной культуры древних племен из различных районов показало, что больше всего имущества было у групп, живших в местах, богатых пищей: они достаточно редко осуществляли переходы с места на место.

Основной причиной того, что в Австралии не развилось земледелие, предполагающее оседлый образ жизни и накопление имущества, скорее всего, было изобилие продуктов питания и отсутствие такого стимула, как глобальные изменения климата на всем континенте. Археологические данные показывают, что традиционная система хозяйствования австралийских аборигенов, основанная не на ограниченном, а на чрезвычайно разнообразном рационе питания, формировалась благодаря тому, что группы постоянно меняли места стоянок в зависимости от времени года, уходя своими корнями в далекое прошлое. Несмотря на то что находящиеся в удаленной от моря части континента озера периода плейстоцена пересохли, люди, жившие на оз. Мунго 30 тыс. лет назад, питались приблизительно теми же продуктами, которые составляли рацион племени багунджи в прошлом веке, за исключением, пожалуй, злаков, которые стали периодически употреблять в пищу только начиная с первой половины голоцена.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Артефакты

В середине голоцена, 4–5 тыс. лет назад, появились некоторые новшества, например сложносоставные орудия специализированного назначения – так называемые микролиты. Эти небольшие каменные предметы, сделанные из пластин-отщепов, являлись очень легкими, но в то же время высокоэффективными орудиями. Они имели симметричную форму, были тонко отделаны и вставлялись в деревянные рукоятки. К таким сложным орудиям, состоявшим из двух или даже трех частей, относились, например, метательная палица (*atlatl*) и копья с каменными наконечниками, прикрепленными с помощью смолы к длинному древку.

Ученые предполагают, что деревянная метательная палица, или бумеранг (название, общепринятое у местного населения), была изобретена в Австралии в середине голоцена. С ее помощью расстояние метания было увели-

чено более чем до 100 м, что сделало это оружие самым эффективным и смертоносным; оно могло использоваться как для охоты на крупных животных, так и на войне и на поединках.

Для исследователей культуры и историков загадкой остается тот факт, почему в Австралии никогда не использовались лук и стрелы. Если бы материк Австралия был полностью изолирован от остального мира, как, например, о. Тасмания, сразу же после того, как были изобретены лук и стрелы, это объяснило бы их отсутствие. Данный факт еще сложнее истолковать, чем использование аборигенами многих других заморских предметов, например каноэ. Луки и стрелы стали применяться в послеледниковую эпоху на всех обитаемых континентах кроме Австралии. Лук обычно считался более эффективным охотничьим и боевым оружием, чем копье. Луки и стрелы использовались в Папуа – Новой Гвинее, на островах в проливе Торреса, они были обнаружены капитаном Куком на небольших островах, расположенных в непосредственной близости от Кейп-Йорка, но коренное население Австралии их не применяло. По-видимому, не только аборигены, жившие на п-ове Кейп-Йорк, но и островитяне считали используемые на континенте копья и метательные палицы лучшим оружием и орудием охоты и ловли рыбы. Основным предметом товарообмена местных жителей Кейп-Йорка были копья, которые пользовались большим спросом на западных островах в проливе Торреса. Метательные палицы также приобретались островитянами и использовались в охоте на дюгоней (водных млекопитающих). Наибольшим спросом пользовались два типа копий: рыболовецкие остроги с четырьмя костяными зубцами и боевые копья, косящая часть которых была сделана в форме зубца и острия одновременно. Копья, возможно, первый товар, который стали вывозить австралийцы.

Копье, расстояние метания и сила удара которого были увеличены с помощью дополнительного действия рычага, используемого в метательном устройстве, было, без сомнения, более эффективным средством охоты на австралийских сумчатых, чем стрела. Стрелы использовались в Папуа – Новой Гвинее, в районе р. Флай, для охоты на самых крупных местных животных – кенгуру вида валлаби. Но в Австралии водились более крупные и толстокожие животные, с которыми стрелы справиться не могли.

Еще одним новым видом оружия было так называемое смертоносное копье – длинное деревянное копье приблизительно с 20 каменными зубцами, вставленными с помощью смолы в пазы с двух сторон древка. Эти каменные зубцы располагались на копье таким образом, что, когда оно вонзалось в тело животного, его нелегко было вынуть, и, если раненое животное не было убито сразу, оно умирало от потери крови.

Не все новшества представляли собой орудия, предназначенные для войны или охоты; некоторые предметы, например небольшие обтесанные камни, которые часто укреплялись на конце метательной палицы, являлись специальными инструментами, используемыми в качестве долота для выделки бумерангов, подносов, щитов и других предметов из очень твердой древесины засушливой зоны. Здесь изготавливали и такие орудия, как, например, крупные плоские верхние и нижние «жернова», которые применялись для перемалывания твердого зерна злаков, растущих в засушливой зоне Австралии, в муку для выпечки хлеба.

Наскальное искусство

Большую часть наскальных росписей и рельефов невозможно датировать, однако многие косвенные доказательства указывают на то, что эти высеченные на камне или выполненные красками изображения появились в Австралии именно в период, рассматриваемый в данном томе, и

что в некоторых районах условно-геометрический стиль, характерный для предыдущей эпохи, сменил новый образный стиль.

Австралийское наскальное искусство конца голоцена отличается значительным региональным разнообразием (Flood, 1990; 1994, pp. 276–279; Walsh, 1988). Эти различия не являются результатом того, что в качестве «холста» использовались разные типы горных пород, а отражают культурные особенности разных регионов. Наскальное искусство на о. Тасмания представлено главным образом гравированными изображениями (илл. 161), а в современном штате Виктория – практически только рисунками. На западе штата Новый Южный Уэльс, в области Кобар, находится основная часть «галерей» красочных рисунков; здесь на стенах десятков пещер изображены небольшие яркие красно-белые фигурки. А на побережье этого штата рисунки – более крупные и представляют собой преимущественно вариации на морские темы. Основным видом искусства в районе современного Сиднея была гравировка. Здесь можно насчитать тысячи мест, где сохранились высеченные на камне изображения практически в натуральную величину различных существ – от китов до птиц лирохвостов, от антропоморфных фигур до собаки динго.

Искусство гравировки достигает расцвета в регионе Пилбара в Западной Австралии, где его развитие прослеживается во всей полноте и разнообразии. Здесь встречаются изображения некоторых вымерших видов животных, например полосатого тасманийского волка или «тасманийского тигра» – вида, который прекратил свое существование за пределами Тасмании около 3 тыс. лет назад. Здесь обнаруживаются вполне реалистические изображения животных, как правило, в натуральную величину, выполненные в контурной манере, а также фигурки людей и животных, высеченные на камне пунктиром. Эти изображения кремового цвета резко выделяются на темном фоне скалы. Хотя точно датировать их невозможно, очевидно, что более яркие и светлые изображения появились позднее, чем те, которые практически уничтожены выветриванием и покрыты трещинами и наносами.

Эти более поздние рисунки полны жизни и движения, что удивительно для такого сложного вида искусства, как наскальная гравировка, выполняемая с помощью отбойного инструмента и резца. Изящные фигурки изображены в виде рельефных силуэтов и в движении – бегущими, танцующими, борющимися, занимающимися любовью. Многие изображения людей, включая странные антропоморфные существа, известны под названием «кунунгера». У этих фигурок мужского пола раздвоенные кисти рук вместо пальцев, гигантские гениталии, выступающие вперед морды и длинные спиралеобразные «антенны» на голове. Кунунгера и другие гравированные изображения не прятались от посторонних глаз. Напротив, они часто делались на огромных глыбах, расположенных на вершинах пирамидальных гор, откуда они смотрят как бы со стен гигантской картинной галереи на унылые песчаные равнины.

Эти рисунки могли видеть и мужчины, и женщины, и дети. Ученые предполагают, что их вообще могли делать женщины, так как они всегда расположены неподалеку от источников воды и, как правило, на расстоянии нескольких метров от овальных участков скал, которые стали гладкими в результате перемалывания зерна. Верхний жернов часто оставался на том месте, где он использовался, и в разломах некоторых отшлифованных участков обнаружены зерна злаковых культур. Приготовление теста путем смешения муки с водой было издавна знакомо женщинам древней Австралии. Участки, на которых осуществлялось перемалывание зерна, и места расположения гравированных изображений находятся в непосредственной близости друг от друга. Поэтому возникает предположение, что фигурки кунунгера являются произведением женского творчества. В разных частях Австралии можно также най-

ти фигурки, изображающие женщин с пышными формами, которые олицетворяют «любовную магию». Эти рисунки были сделаны древними австралийскими художниками, мужчинами.

По богатству росписи наскальная живопись плато Кимберли, северной части Австралии и Кейп-Йорка может соперничать с произведениями подобных видов искусства в других частях мира. Плато Кимберли знаменито своей огромной коллекцией красочных фигурок ванджина (*wandjina*). Художественная сила и мастерство прослеживаются и в крошечных фигурках мими (*mimi*), являющихся произведениями древнейшего искусства на п-ове Арнемленд. Выразительные и динамичные, они изображены в детальных жизненных сценах, характерных для доисторической эпохи (илл. 162). Гораздо лучше известен более поздний стиль Арнемленда – так называемая прозрачная наскальная живопись, особенностью которой было изображение скелета и внутренних органов живых существ наряду с внешним обликом.

Наскальная живопись Квинсленда имеет характерные черты. На п-ове Кейп-Йорк в изобилии представлены одни из наиболее колоритных произведений наскального искусства в мире (илл. 16). Огромное количество изображений животных, птиц, растений, людей в натуральную величину и духов украшают стены сотен пещер в горах. Обнаружены искусные изображения, тщательно расписанные, мифологических предков. Некоторые рисунки использовались в магических или колдовских целях; на них изображены лежащие навзничь мужчины и женщины с деформированными гениталиями, пронзенные копьем или укушенные змеей.

Декоративное искусство было распространено во всей Австралии, но как доминирующая форма наиболее развилось на территории, где сейчас находится национальный парк Карнарвон – на Центральном нагорье, на юге штата Квинсленд. Изображения кистей рук, ступней, подвесок, топоров, дубин, бумерангов и др. организованы как декоративные элементы орнамента и раскрашены в красный, желтый и черный цвета, резко выделяющиеся на фоне белых песчаных стен. Этот красочный и яркий орнамент также является ценным памятником местной материальной культуры (илл. 163). По археологическим данным, этот стиль искусства появился на юге Квинсленда около 4 тыс. лет назад, одновременно с традицией изготовления микролитов и технологией обработки плодов цикадовых.

Искусство аборигенов никогда не было «искусством ради искусства», оно являлось частью религиозной жизни и необходимым сопровождением обрядов и ритуалов. Эстетическая ценность произведений искусства всегда стояла на втором месте, а использовали их прежде всего в религиозных и практических целях. Среди коренного населения Австралии не было профессиональных художников, хотя отдельные личности признавались особо одаренными. В искусстве аборигенов преобладают сюжеты, отражающие традиционные верования. В символическом изображении могущественных духов, связывающих аборигенов со «Временем сновидений» – священной для аборигенов эпохой, которую они считают началом мироздания, прослеживаются мифологические мотивы. Это говорит о том, насколько значим и реален был миф для древних австралийцев, живших в гармонии с окружающей средой.

Погребальные обряды

В Австралии в эпоху голоцена распространилось множество различных погребальных ритуалов. На о. Тасмания умерших сжигали, а на континенте, как правило, предавали земле. Важные данные о погребальных обрядах в период с III тысячелетия до 700 г. до н.э. получены в результате обширных раскопок, которые в последнее десятилетие

велись в местечке Рунка, расположенном на берегу р. Муррей в Южной Австралии (*Pretty*, 1977). Здесь обнаружено более 150 захоронений. Останки покоились в песчаной дюне на отмели у излучины реки и в результате внезапного наводнения 1956 г. подверглись эрозии. Дюна, возможно, служила охотникам-собираателям убежищем во время ежегодных разливов реки, которая надолго затоплила большую часть долины. Обнаружено три типа захоронений: тела лежали в вытянутом положении на спине, или в позе эмбриона на боку, или в полусогнутом положении на спине с прижатыми к груди ногами. Последний тип погребения – самый древний из трех в могильнике Рунка III (он использовался приблизительно 4 тыс. лет назад). Это свидетельствует о том, что способы погребения подверглись изменениям. Первый и второй типы (вытянутое положение на спине и поза эмбриона), по-видимому, относятся к одной эпохе и представляют собой альтернативные способы захоронения.

На основании исследований могильника в Рунке можно сделать вывод о том, что способ погребения зависел от общественного положения умершего. Ученые предполагают, что людей, занимавших высокое положение в обществе, хоронили в соответствии со специальными погребальными ритуалами, в то время как других предавали земле без особых почестей. В куче хозяйственных отходов на одном из мест стоянки древних аборигенов найдены остатки разломанных и сожженных человеческих костей, возраст которых соответствует времени захоронений в Рунке III. Это могли быть кости врагов, побежденных в битве. Маленьких детей и стариков хоронили, по-видимому, где-то в другом месте, поскольку в дюне покоились лишь останки людей зрелого возраста. В то же время это место не было могилой только воинов племени, поскольку там были обнаружены и женские скелеты. Тем не менее в Рунке преобладают останки зрелых мужчин, у некоторых недостало одного зуба, что было знаком человека, прошедшего обряд инициации и ставшего полноправным членом племени. Это согласуется с традицией, которой придерживались и в историческую эпоху жители района р. Муррей. Она состояла в том, что старых и больных людей оставляли умирать под открытым небом, а тела маленьких детей или предавали земле сразу после смерти, или заворачивали в ткань и переносили на другое место для высыхания, после чего сверток с останками помещался в расщелине скалы или расщепе дерева.

В могилах людей, занимавших высокое положение в обществе, обнаружено значительное количество погребальных предметов. Одним из наиболее впечатляющих захоронений в Австралии является могильный холм 108, относящийся к самому древнему периоду Рунки III. Его возраст оценивается приблизительно в 4 тыс. лет. Глубокая цилиндрическая шахта ведет в небольшую камеру, в которой захоронен взрослый мужчина, лежащий на спине с согнутыми ногами. Слева от него покоится маленький ребенок. И мужчина, и ребенок богато одеты. На голове мужчины – повязка или обод из двух параллельных рядов зубов кенгуру-валлаби. Эта повязка сделана из подобранных парных резцов с зубринами, предназначенными для того, чтобы лучше закрепить повязку. (Повязка могла быть сделана также из человеческих волос, свитых в нить и переплетенных, как делает коренное население Центральной Австралии и в наши дни.) Вторая повязка из передних зубов кенгуру-валлаби перекинута через предплечье левой руки мужчины; это могла быть нарукавная повязка или вторая головная повязка. У австралийских аборигенов и в настоящее время головные повязки являются символом посвящения мужчины в полноправные члены общества. Этот могильный холм в Рунке позволяет с уверенностью предположить, что и обычай носить головные повязки, и обряд выбивания зубов во время обряда инициации появились приблизительно 4 тыс. лет назад.

По-видимому, тело было плотно завернуто в покрывало из шкуры какого-то животного, так как правая рука мужчины крепко прижата к боку, а по центру тела расположен ряд костяных заколок, похожих на те, которые использовались для закрепления покрывала в исторические времена. Под левым плечом мужчины обнаружена плотная масса из костей лап небольших животных; это позволяет предположить, что покрывало было закреплено на плече с помощью снятых с этих лап шкурок. Покрывало вполне могло быть сделано из меха опоссума, некоторые покрывала подобного типа изготовлялись не менее чем из восьми шкурок. Кости птиц, обнаруженные слева от тела, возможно, указывают на то, что одеяние было отделано декоративной каймой из птичьих перьев. На ребенке найден кулон из черепа птицы и ожерелье из позвонков рептилии; его ступни раскрашены охрой.

Это захоронение говорит о том, что несколько тысяч лет назад имело место как расслоение общества, так и ритуальное детоубийство. В Австралии обнаружено еще несколько подобных могил, в которых найдены останки взрослого мужчины, ребенка и погребальные предметы. Поэтому совместное захоронение взрослого и ребенка свидетельствовало, вероятно, не о их случайной одновременной смерти, а о ритуальном убийстве маленьких детей. Во всех подобных случаях рядом с ребенком покоились только взрослые мужчины, и не было обнаружено ни одного совместного захоронения матери и ребенка, свидетельствующего об их одновременной смерти или о том, что ребенок был убит из-за того, что его мать не могла больше заботиться о нем. Наиболее вероятным объяснением такого детоубийства является то, что это был ритуал, связанный с социальным статусом умершего, который ценился выше, чем жизнь ребенка.

Благодаря раскопкам в Рунке появились новые сведения о доисторической эпохе Австралии, указывающие, с одной стороны, на изменения социальной организации, в частности на расслоение общества, и с другой – на древнюю традиционных обычаев аборигенов (первичные и вторичные захоронения, погребальный инвентарь и обряд выбивания зубов).

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ

Интенсификация – термин, который обычно употребляется в отношении роста производства и производительности. Многие обнаруженные археологами на территории Австралии находки свидетельствуют об усложнении социальных отношений, развитии хозяйства, переходе к полукочевому образу жизни и, следовательно, росте численности населения в доисторическую эпоху. Этот процесс развития начался приблизительно 5 тыс. лет назад (*Lourandos*, 1985). Археологические данные показывают, что в тот период рост выражался в следующем:

- 1) в увеличении интенсивности освоения новых районов и темпов организации мест стоянки;
- 2) в усложнении системы ведения хозяйства на местах стоянок (увеличении количества используемых ресурсов и совершенствовании способов собирательства);
- 3) в освоении областей с неблагоприятными природными условиями: засушливых зон, горных областей, влажного тропического леса и затопляемых земель;
- 4) в увеличении объема товарообмена: росте количества продуктов обмена, укреплении социальных взаимоотношений и совместном участии нескольких племен в церемониях.

Заметное увеличение площади освоенных мест и рост интенсивности их захвата наблюдались на территории всей Австралии. Этот процесс начался около 5 тыс. лет назад и, по-видимому, представлял собой развитие системы хозяйствования в том, что касается землепользования, собирательства пищи и использования других ресурсов, а

также стремления к оседлому образу жизни. Эта гипотеза подкрепляется тенденцией к основанию базовых лагерей на более длительный срок и активизации взаимоотношений между группами, что проявлялось в увеличении объема товарообмена и проведении совместных церемоний. Около 3 тыс. лет назад подобные процессы происходили и на Тасмании, хотя остров был полностью изолирован от материка. Это позволяет предположить, что процесс интенсификации там начался независимо и представлял собой естественную эволюцию сообщества людей, основными занятиями которых были охота и собирательство.

Вряд ли можно считать, что изменения в хозяйстве и культуре Австралии в период позднего голоцена произошли под влиянием событий, имевших место в других частях мира. Конечно, некоторые предметы, растения и животные были завезены на этот континент, например дикая австралийская собака динго, изображения которой часто встречаются на наскальных рисунках (илл. 164). Предполагают, что собаки динго попали в Австралию из Азии 4–5 тыс. лет назад. Возможно, это было сделано намеренно, но вероятно и то, что динго случайно были вынесены на побережье Австралии. Собаки динго занимали важное место в австралийских обрядах и мифологии. Их приручали, пока они еще были щенками, иначе они неминуемо превратились бы в диких животных. Динго широко использовались как домашние животные, а также в качестве «одеял» в холодные ночи.

Из других мест в Австралию, возможно, были завезены микролиты, например наконечники копий, но в принципе эти орудия могли быть и независимо изобретены на континенте. Они не встречаются на о. Тасмания, который был полностью изолирован от остального мира приблизительно 10 тыс. лет назад в результате образования в период послеледникового подъема уровня океана широкого Бассова пролива, в котором часто бушуют штормы.

Наиболее близким родственником собаки динго была одомашненная в 1500–2000 гг. до н.э. собака из города Хараппа – одного из центров индской цивилизации. С учетом отсутствия в Австралии таких характерных для неолита элементов, как гончарное дело и земледелие, можно сделать предположение, что, скорее всего, эта собака появилась на этом континенте в период, предшествующий неолиту, и что она была завезена охотниками-собираателями, а не земледельцами. Распространение в Австралии заморских предметов было минимальным, например, курительные трубки, барабаны из кожи и каноэ появились на северном побережье Австралии, но не распространились в расположенные южнее районы с умеренным климатом.

Очевидно, что в конце голоцена тенденции к усложнению жизни и региональным различиям постепенно усиливались. Период развития хозяйства и культуры 4–5 тыс. лет назад совпадает со временем, когда климат стал более сухим, по крайней мере на юго-востоке Австралии и на о. Тасмания. Считается, однако, что эти климатические изменения, скорее всего, были просто предпосылкой данного развития, но не играли определяющей роли. Интенсификация, имевшая место в Австралии в конце голоцена, подобна культурным процессам, происходившим на других континентах, например в Европе в эпоху мезолита, и ее можно рассматривать как естественный эволюционный процесс перехода к более прогрессивным уровням охоты и собирательства и более сложным социальным отношениям.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALLEN, H. R. 1974. The Bagundji of the Darling Basin; Cereal Gatherers in an Uncertain Environment. *World Archaeol.* (London), Vol. 5, pp. 309–22.
- BEATON, J. M. 1982. Fire and Water: Aspects of Australian Aboriginal Management of Cycads. *Archaeol. Oceania* (Sydney), Vol. 17, No. 1, pp. 51–9.
- BOWDLER, S. 1981. Hunters in the Highland: Aboriginal Adaptations in the Eastern Australian Uplands. *Archaeol. Oceania* (Sydney), Vol. 16, pp. 99–111.
- FLOOD, J. 1990. *The Riches of Ancient Australia: A Journey into Prehistory.* Brisbane.
- 1994. *Archaeology of the Dreamtime.* Sydney/London. Rev. ed.
- GOLSON, J. 1971. Australian Aboriginal Food Plants. In: MULVANEY, D. J.; GOLSON, J. (eds.), *Aboriginal Man and Environment in Australia.* Canberra. pp. 196–238.
- GOULD, R. A. 1980. *Living' Archaeology.* New York.
- JONES, R. 1969. Fire-stick Farming. *Aust. nat. Hist.*, Vol. 16, pp. 224–8.
- LEE, R. B.; DEVORE, I. (eds) 1968. *Man the Hunter.* Chicago, Ill.
- LOURANDOS, H. 1985. Intensification and Australian Prehistory. In: PRICE, T. D.; BROWN, J. A. (eds), *Prehistoric Hunter-Gatherers: The Emergence of Cultural Complexity.* Orlando, Fla. pp. 385–423.
- MEEHAN, B. 1982. *Shell Bed to Shell Midden.* Canberra.
- PRETTY, G. L. 1977. The Cultural Chronology of the Roonka Flat. In: WRIGHT, R. V. S. (ed.), *Stone Tools as Cultural Markers: Change, Evolution, Complexity.* Canberra. pp. 288–331.
- WALSH, G. L. 1988. *Australia's Greatest Rock Art.* Bathurst.
- WHITE, J. P.; O'CONNELL, J. F. 1982. *A Prehistory of Australia, New Guinea and Sahul.* Sydney/New York/London.

АМЕРИКА

ОТ РЕДАКТОРА АНГЛИЙСКОГО ИЗДАНИЯ

В то время как в хронологические пределы, установленные для данного тома, вписывается часть истории Старого Света, то эти временные рамки лишь в некоторой степени справедливы в отношении Нового Света. Несмотря на то что в обеих частях земного шара этот период характеризуется началом обработки металлов, возрастающим интересом к системам счисления и письменности, развитием некоторых общин до уровня государственного устройства, все же в традиционных подходах к изуче-

нию истории Западного полушария придается меньшее значение установленным точным временным границам (3000 и 700 г. до н.э.), чем в исследованиях Европы и Азии. Это является причиной затруднений, возникающих при попытке вписать события в эти искусственные временные пределы в следующих главах. В частности, было необходимо сократить некоторые разделы, чтобы придерживаться хронологии, предусмотренной в данном томе, и избежать отклонений.

КРАТКИЙ ОБЗОР КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Марио Саноха Обедьенте

Начиная с VIII–VII тысячелетий до н.э. на Американском континенте начинается потепление климата, которое достигает своего пика в V–III тысячелетиях до н.э. Это изменение оказало огромное влияние на жизнь людей, специализировавшихся исключительно на охоте. Мегафауна плейстоцена, которая пережила систематическое истребление этими охотниками (*Martin, 1973*), постепенно вымерла из-за исчезновения климатических условий, необходимых для ее размножения. Для людей на всей этой части света, занимавшихся собирательством и охотой, это вызвало необходимость коренным образом изменить образ жизни, и различные народы на обоих материках начали окультуривать растения, которые были пригодны для использования в качестве пищи, и растения для получения сырья. Некоторые охотничьи народы нашли также способы одомашнивания животных, а отдельные племена, жившие на побережьях, расширили способы, посредством которых они использовали морские, речные и озерные ресурсы в периоды изменения уровня мирового океана, и впоследствии перешли к оседлому образу жизни и производства.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

В начале III тысячелетия до н.э. практически на всех обитаемых территориях Североамериканского материка существовали древние культуры народов, живших за счет охоты, рыболовства и собирательства. Они разработали разнообразную и стратифицированную стратегию использования природных пищевых ресурсов, которая прослеживается в большом многообразии региональных систем хозяйствования.

Западные регионы

Культура пустынь (*Heizer & Krieger, 1956; Spencer & Jennings, 1965, pp. 40–42*) представляла собой своеобразную попытку приспособления общества к неблагоприятным природным условиям, преобладающим в засушливых отдаленных западных регионах Северной Америки. Совокупность орудий производства свидетельствует о существовании технологий изготовления корзин, обработки дерева и камня, изготовления и обработки тканых и плетеных изделий, выделки шкур животных, охоты с луком и стрелами, сбора трав, зерен, корней и клубнеплодов, а также использования морских раковин для изготовления нательных украшений. Местное население также собирало плоды некоторых деревьев для приготовления галлюциногенных напитков, применявшихся в связи с некоторыми обрядами.

Одна из наиболее характерных форм культуры пустынь известна под названием кочизской (*Cochise*) культуры (*Sayles & Antevs, 1941*), которая была распространена в пу-

стынном районе на юго-востоке Аризоны, – там, где были найдены песты для толчения зерна и плодов с твердыми оболочками. Климатические условия, существовавшие во многих местонахождениях кочизской культуры, обеспечили сохранение остатков материальной культуры, по которым можно восстановить некоторые изделия, например сандалии из растительных волокон, кожаные мокасины, предметы из кости, артефакты для добывания огня трением, сверла и приспособления для сева, которые определенно указывают на то, что в первобытной культуре уже начался переход к оседлому образу жизни. Климатические различия, существовавшие между западной и юго-западной частями Северной Америки, привели к развитию региональных традиций. На юго-западе ввоз из Мезоамерики более урожайных культурных растений вместе с другими элементами культуры, которые распространились в результате межплеменного обмена, способствовал ускорению процесса дезинтеграции древней культуры и формированию явно выраженных земледельческих обществ (*Aikens, 1978; Lipe, 1978*).

Первобытная культура развивалась в естественных природных условиях, для которых было характерно наличие лесов умеренного климата и разнообразие животных и растительных продовольственных ресурсов. На западе Северной Америки в древности также появились новые способы добычи и обработки природных ресурсов. Основным приемом был помол растительных продуктов с использованием пестов или жерновов; применялись топоры и каменные мотыги; была разработана обработка природной меди ковкой для изготовления спиц и других металлических предметов (*Fowler & Winter, 1956; Fowler, 1959a, b; Spencer & Jennings, 1965; Griffin, 1978*).

В некоторых местах, например в поселении Эва на территории современного штата Теннесси (*Lewis & Kneberg, 1959*), группы населения занимались собирательством речных двустворчатых моллюсков и речным рыболовством. Применение орудий, сделанных из кости, наличие каменных артефактов – ложек и наконечников различных видов для копий и стрел, а также копьеметалок, буров и предметов, которые, возможно, использовались в качестве мотыг, является свидетельством того, что в период между 5200 и 500 гг. до н.э. сообщества, жившие за счет природных ресурсов и составившие основу архаического общества, уже достигли высокого уровня разнообразия и сложности процессов производства, которые, возможно, включали изготовление одежды и обуви, а также выделку шкур животных.

Восточные регионы

Особые проявления этих многосторонних тенденций были обнаружены среди древних сообществ на северо-востоке Североамериканского континента, на территории современных США. Здесь было выявлено сходство с

подобными процессами, протекавшими с VI по V тысячелетие до н.э. в субарктических и арктических регионах Северной Америки. К примеру, в таких местонахождениях, как Ламока (штат Нью-Йорк), каменные орудия – мотыги, полукруглые долота и ложки в форме полумесяца – напоминают предметы, характерные для северного древнего мира (Byers, 1959). В качестве еще одного характерного примера можно также назвать древнюю медную культуру – возможно, производственный процесс, распространенный у некоторых народов на северо-востоке, в областях, где сейчас находятся штаты Мичиган, Висконсин и Миннесота. Эту культуру уже можно назвать региональной традицией специализированной холодной обработки металла, появившейся примерно к 3000 г. до н.э. Предметы, изготовленные по этой технологии, были найдены по всему восточному побережью Соединенных Штатов; среди них оси, рыболовные крючки, курительные трубки, трещотки, наконечники гарпунов, шилья, ложки в форме полумесяца и наконечники копий и стрел (Griffin, 1978, pp. 234–246).

Проявление древнего образа жизни с постепенным расширением оседлости благодаря появлению больших возможностей у человека использовать все природные ресурсы для обеспечения выживания было также обнаружено в северных регионах Северной Америки. Здесь были найдены крупные захоронения и большое количество предметов, связанных с ритуалом погребения. На том основании, что здесь были обнаружены различные орудия: скрепки, резцы, ложки, молотки, мотыги, наконечники копий и стрел и другие предметы, изготовленные из кости, можно сделать вывод о многообразии способов трудовой деятельности древних обитателей этих регионов. (Harp, 1978, pp. 102–114).

По всей видимости, древние люди, отличительной чертой образа жизни которых было использование природных ресурсов, перешли в Северной Америке к полуседлому образу жизни. Там были основаны стоянки и поселения или жилища в пещерах и в зависимости от вида деятельности выделены специальные места: очаги или печи, места для хранения орудий, места коллективных захоронений и мусорные свалки. Очевидное существование организованных обменов сырьем и изготовленными изделиями на обширных территориях свидетельствует о том, что разные сообщества занимались взаимодополняющими видами деятельности.

До I тысячелетия до н.э. темпы социально-исторического развития американско-индейских сообществ Северной Америки были такими же, а в некоторых отношениях даже более быстрыми, чем темпы развития других индейских обществ, населявших континент Америки, однако после этого времени тенденция к развитию и переменам пошла на спад. К факторам, влияющим на трудовую деятельность, относились не только природные условия, но, в частности, и отсутствие ряда культурных растений, которые способствовали бы продуктивной сельскохозяйственной деятельности. Но еще более важным фактором было отсутствие интенсивных процессов взаимодействия и соперничества – как между племенами, так и в пределах одного общества, что имело место в Мезоамерике и в Центральном Андах. В результате основу жизни общества в большей части Северной Америки продолжали формировать такие виды трудовой деятельности древних людей, как собирательство растений и речных двустворчатых моллюсков, охота и рыболовство.

Предполагают, что приблизительно к 2000 г. до н.э. на востоке Северной Америки количество съедобных диких растений, с которых можно было снимать урожай с использованием соответствующих приемов, достигло уровня, достаточного для образования временных союзов сравнительно многочисленных групп людей и зарождения в них правящих слоев, способных организовывать крупно-

масштабные земляные работы типа тех, следы которых наблюдаются, например, в Поверти-Пойнт или в низовьях Миссисипи (Caldwell, 1958; Gibson, 1974; Fowler, 1983; Spencer & Jennings, 1965, pp. 57–60). Обмены и кругооборот сырья и изготовленных изделий между удаленными друг от друга сообществами были также характерны для заключительного этапа архаической культуры и начального этапа так называемой лесной культуры. Однако нерепродуктивное накопление, связанное с ритуальным погребением товаров при захоронениях, не привело к высвобождению производительных сил, способных обеспечить дифференциацию и вызвать противоречия внутри одного племени и между племенами, что могло бы привести к окончательному распаду эгалитарного образа жизни в архаическую эпоху.

Приблизительно в 1000 г. до н.э. на востоке Северной Америки существовали разные типы сельскохозяйственного производства: земледелие, включавшее выращивание таких местных видов растений, как подсолнечник и амарант, и террасное земледелие, для которого интенсифицировалось сооружение террас. В этот период наблюдалось необычайное развитие ремесел, прежде всего гончарного производства: делались погребальные урны, курительные трубки и антропоморфные статуэтки; кроме того, делались декоративные предметы из меди и морских раковин, медные топоры и обсидиановые ложки. Эти технологии обработки были характерны для так называемого хоупвеллского культурного комплекса, начальный этап развития которого относится к 350 г. до н.э. Этот комплекс отражает уровень развития американско-индейских сообществ восточной части Северной Америки в рассматриваемый период.

Непрерывный процесс социально-исторического развития шел в начале архаического периода и в юго-западной части Северной Америки. Знаменательным событием здесь было появление земледелия приблизительно в 2000 г. до н.э., т.е. намного раньше, чем в восточной части континента. По-видимому, это было результатом влияния близкого соседства с земледельческими группами населения, проживающими на севере Мезоамерики. Около 1000 г. до н.э. группы людей, отождествляемые с культурой могольон (*Mogollon*), стали использовать системы искусственного орошения, существенно увеличив площадь возделываемой земли и расширив возможности ежегодного получения большого урожая.

За относительно короткое время, к концу I тысячелетия до н.э., многие народы этого региона перешли к оседлому образу жизни, основанному на орошении; примером может служить племя хохокам, проживавшее на юго-западе современного штата Аризона. Постепенное развитие типов сельскохозяйственного производства проявилось в росте численности населения, увеличении размеров и изменении конструкции жилищ, изменении типов поселений. В результате этого в последующие века появились городские зоны с большой плотностью населения (*Di Peso*, 1983).

МЕЗОАМЕРИКА И СЕВЕР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

Мексика и северная часть Центральной Америки составляют южное продолжение Североамериканского континента – географическую область, которая включает в себя Гватемалу, Гондурас, Сальвадор и Никарагуа вплоть до п-ова Никая в Коста-Рике. Этот регион включает в себя различные климатические зоны: влажные низменности, покрытые саваннами, тропические дождевые леса и листопадные леса, расположенные на границах с гористыми прохладными районами. С древнейших времен такие различия обуславливали взаимозависимость регионов, кото-

рые развивались в разных природных условиях. Приблизительно в I тысячелетии до н.э. это привело к формированию рынков для распределения произведенных товаров в регионах и к интенсивным формам земледелия для поддержания сообществ ремесленников и торговцев, которые формировались в зарождающихся городах.

В промежутке между 5000 и 3000 гг. до н.э. группы людей, проживавшие в северной части Мезоамерики, в долинах Теуакан и Оахака, уже окультивировали и выращивали съедобные растения (фасоль обыкновенную, перец стручковый, авокадо, кукурузу), а также растения, которые ремесленники могли использовать в качестве сырья, например тыквы. За довольно короткое время эти люди построили деревни с достаточно высокой плотностью населения, где могли вести стабильный образ жизни практически в течение всего года, дополняя рацион питания, основанный на продуктах земледелия, с помощью охоты, рыбной ловли и собирательства. Подобные процессы происходили в долине, или бассейне Мехико вокруг оз. Чалко-Хочимилко (*Niederberger*, 1979). В отличие от предложенной в предыдущих исследованиях Мезоамерики модели перехода к оседлому образу жизни и развития земледелия в полузасушливых областях (*McNeish*, 1971), находки, обнаруженные в районе Чалко-Хочимилко, показывают, что постепенный переход к оседлому образу жизни происходил в оптимальных биоклиматических зонах, где рядом росли такие виды растений, как кукуруза (*Jea*), которая, возможно, была окультурена между 3000 и 2000 гг. до н.э., растения из рода трав (в частности, амарант и физалис), а также стручковый перец и куркубита (*curcubita*). Эти растения добавлялись в пищу, состоящую из мяса объектов охоты – озерных птиц, черепах, мелких грызунов и, в меньшей степени, оленей.

В сущности, в период между 3000 и 800 гг. до н.э. наблюдалось значительное развитие сельскохозяйственного производства и развитие ремесел: гончарного, ткачества, обработки камня. На многих территориях, например в долине Теуакан, в результате расширения площади обрабатываемой земли возникла необходимость в регулировании подачи воды на поля, которой было недостаточно для поддержания и расширения объема сельскохозяйственной продукции. К 800 г. до н.э. уже были построены системы оросительных каналов для отвода воды из ручьев и рек и ее накопления в резервуарах для последующего использования. Системы орошения позволили заниматься земледелием на территориях, расположенных далеко от источников воды, и выращивать разные культуры на одном земельном участке в течение всего года, что способствовало росту численности населения и предоставило людям большую защиту от голода и засухи.

К 1000 г. до н.э. деревенский образ жизни уже установился в Мезоамерике. В бассейне Мехико, долине Оахака и на побережье Мексиканского залива сформировались города с довольно большой плотностью населения как политические и административные центры для менее крупных и зависимых от них населенных пунктов. На побережье Мексиканского залива продолжался рост населенных центров – Сан-Лоренсо и Ла-Вента (*Flammery*, 1968), в которых были организованы общественные работы. Возведение таких сооружений, как пирамиды и храмы, которое отражает административные, политические и религиозные нужды, свидетельствует о процессе расслоения эгалитарного общества.

Начиная с 1100 г. до н.э. общество ольмексов, административный и культурный центр которых находился в Ла-Венте, стало движущей силой в расширении сети обмена сырьем и готовыми изделиями, которая охватывала обширные территории Мезоамерики. Приблизительно в 500 г. н.э. центр ольмекской культуры переместился в долину Оахака, где началось заранее намеченное строительство поселения Монте-Альбан.

Этот процесс проявился и в других частях Мезоамерики. Более широкое использование предметов, сделанных из нефрита, магнетита, гематита и базальта, а также поиски и добыча исходных материалов в местах, расположенных очень далеко от городских центров, привели к дифференциации труда в городских и сельских сообществах. Необходимость расширения систем сельскохозяйственного производства, которые поддерживали существование городской организации Мезоамерики, еще более возросла из-за увеличившейся концентрации населения в городских поселениях, в которых были расположены мастерские по обработке сырья, и структуры, которые регулировали обмен с другими территориями.

Процесс, подобный тому, который шел в долине Мехико, также начался на юге Мексики и в Белизе. Начав с образования небольших поселений охотников-земледельцев в 2500 г. до н.э. (*Hammond*, 1977), к 1250 г. до н.э. народ майя создал системы земледелия, основанные на возделывании полей вдоль рек на прибрежных возвышенностях, что позволяло им использовать землю в течение всего года, вне зависимости от сезонных паводков.

ЮГ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ, СЕВЕР ЮЖНОЙ АМЕРИКИ, АНТИЛЬСКИЕ ОСТРОВА И БРАЗИЛИЯ

Между 5000 и 3000 гг. до н.э. южную часть Центральной Америки, северную часть Южной Америки, Антильские острова и Бразилию населяли группы людей, которые все еще применяли всевозможные способы добычи природных ресурсов. Большая часть побережья Тихого океана, Карибского моря и Атлантического океана была населена группами собирателей морских растений и животных, основными средствами к существованию которых были охота, морское и прибрежное рыболовство и собирательство моллюсков.

Многие из таких групп собирателей, использовавших стабильно возобновляемые природные ресурсы, сосуществовали с другими группами, жившими на удаленных от моря территориях и добывавшими себе пищу главным образом собирательством, а также – изредка – путем выращивания съедобных растений, охоты или рыболовства. Таким образом, на некоторых прибрежных территориях существовала возможность перехода к полуседлому образу жизни, и это иногда приводило к образованию сельскохозяйственных поселений.

Начиная с 3000 г. до н.э. на юге Панамы произошли значительные изменения в способах добычи пищи. Возможно, этому способствовали методы возделывания земли, которые стали применяться в стадиях развития культуры таламанка (*Talamanca*) и бокете (*Boquete*). Эти культуры, в которых использовался элементарный набор каменных орудий, достигли пика своего развития в период между 950±70 гг. и 350±75 гг. до н.э. с появлением гончарного производства и различных способов добычи пропитания, которые включали в себя уже не только выращивание растений, но и окультивирование кукурузы (*Linares*, 1975; *Linares & Ranere*, 1971; *Ranere*, 1972, 1976). В разных местах на побережье Тихого океана также обнаруживаются свидетельства параллельного развития сообществ, занимавшихся собирательством морских продуктов, типичная картина для стадии развития культуры монагерильо (*Willey & McGimsey*, 1954, p. 136), относящейся примерно к 2500 г. до н.э. и характеризующейся производством гончарных изделий и, возможно, каменных пестов и зернотерок для обработки растительной пищи. Исследования лигофитов, проведенные Пиперно в этом регионе, и последующие работы показали что группы людей, возможно, стали употреблять в пищу зерновые начиная с 4900 г. до н.э. и, вероятно, использовали

метод подсечно-огневого земледелия к III тысячелетию до н.э., не зная еще гончарного дела (*Piperno*, 1989).

На северо-востоке современной Венесуэлы места поселений сообществ охотников-собирателей, относящиеся приблизительно к 3000 г. до н.э., были обнаружены на берегах лагун и в эстуариях, которые образовались в речных бассейнах удаленной от моря части суши в результате подъема уровня моря в период между V и II тысячелетиями до н.э. Группы людей в этих местах могли использовать обильные животные ресурсы мангровых зарослей, окружающих лагуны и эстуарии, собирать разнообразные эндемические растения и охотиться на наземных и обитающих по берегам рек животных, которых было очень много вокруг их поселений. Обнаруженные топоры, мотыги, песты для толчения, тарелки из полированного камня, сетевые грузила, костяные гарпуны и наконечники копий и стрел, относящиеся ко времени между 3000 и 2600 гг. до н.э., свидетельствуют о возможном существовании производящего хозяйства, характерного для подлинно деревенского образа жизни (*Sanoja*, 1989a, 1989b).

С древнейших времен сообщества людей, живших на Малых и Больших Антильских островах, в основном занимались собирательством. На местонахождениях в Доминиканской Республике можно обнаружить свидетельства применения во II–III тысячелетиях до н.э. орудий, связанных с собирательством и обработкой местных растений, таких как *Zania integrifolia*, для приготовления муки и выпечки хлеба с использованием ряда приемов, подобных применявшимся при обработке горькой кассавы (маниока) (*Veloz Maggiolo*, 1976, Vol. I).

Маниок (*Manihot esculenta Crantz*), без сомнения, люди выращивали в низовьях Ориноко приблизительно с 1000 г. до н.э., а также в средней части Ориноко начиная приблизительно с 700 г. до н.э. (*Sanoja*, 1979, pp. 262–266; *Vargas*, 1981, pp. 461–469; *Sanoja & Vargas*, 1983). Эти занятия были связаны с гончарными традициями барранкас и ронкуин, проявление которых в этих местах может быть объяснено влиянием сообществ, населявших восточные склоны Анд в Перу или Эквадоре или низовья р. Магдалены в Колумбии (*Sanoja*, 1979, pp. 321–323).

По-видимому, с самых древних времен сообщества собирателей к северо-востоку от Венесуэлы, в частности на побережье Атлантического океана на территории нынешней Гайаны, обнаружили случайно или опытным путем новые для них способы культивирования местных растений, что, однако, не изменило основной присваивающий характер хозяйствования этих сообществ. Вероятно, что сообщества собирателей Венесуэлы существовали независимо до 600 г. до н.э., пока не попали под влияние сообществ гончаров и садоводов, живших в бассейне р. Ориноко.

Приблизительно к III тысячелетию до н.э. побережье современной Бразилии, главным образом его южная часть, было заселено оседлыми группами собирателей морских продуктов. Они добывали себе пропитание в основном путем собирания моллюсков, которые водились в солоноватых водах эстуариев. Иногда к их пище добавлялось мясо выброшенных на берег китов, а в окрестностях поселений на побережье и береговых склонах – мясо пекари, а также плоды дикорастущих растений (*Hurt*, 1974, pp. 20–21).

В удаленной от моря части Бразилии другие сообщества, которые могут быть отнесены к так называемой бразильской архаике, также жили охотой, речным рыболовством и собирательством наземных и речных моллюсков. Эти люди жили в скальных укрытиях и на открытых местах – так же, как и тысячи лет назад (*Sanoja*, 1982a, pp. 25–27; *Schmitz*, 1987).

Начиная примерно с 1000 г. до н.э., с появлением групп земледельцев-гончаров на северном побережье Бразилии произошли значительные изменения. Возможно, предпосылки этих перемен появились еще на стадии развития мина (*Simoes*, 1981), в период между 3000 и 1600 гг. до н.э.,

когда местные жители уже занимались собиранием морских моллюсков, но одновременно изготавливали глиняную посуду и пользовались каменными орудиями, поэтому, возможно, умели обрабатывать растения для приготовления пищи. Этой фазе (между 2144 и 1644 гг. до н.э.) соответствуют сведения о выращивании кукурузы и кассавы на территориях современных бразильских штатов Рио-де-Жанейро, Эспириту-Санту и Минас-Жерайс (*Schmitz*, 1987).

Находки в низовьях Амазонки, датируемые приблизительно 980 г. до н.э., свидетельствуют о проживании в том районе групп гончаров, отнесенных к так называемой стадии ананатуба (*Megggers & Evans*, 1957). Выявлено, что там занимались выращиванием растений и жили в поселениях среднего размера. Как и в низовьях Ориноко, характерные особенности древних гончарных изделий, обнаруженных в местонахождениях фаз мина и ананатуба, скорее всего, тоже были заимствованы у других сообществ древних гончаров-садоводов, живших на северо-востоке Колумбии. Однако эта теория едва ли правдоподобна, если учесть, что в этих сообществах так и не появились производительные силы, которые могли бы перестроить производственные процессы и функционирование социальной организации для перехода к оседлому образу жизни.

Также были обнаружены свидетельства того, что в период с 1800 по 1000 г. до н.э. в лесной зоне перуанской Амазонки жили сообщества гончаров, относящиеся к периоду развития тутискайно (*Latbrap*, 1959; 1970). Они существовали за счет собирания наземных и пресноводных улиток и моллюсков. И хотя нет прямого или косвенного указания на то, что эти группы населения занимались выращиванием растений, можно высказать предположение, что они окультурили и выращивали маниок вида *Manihot esculenta* – растение, которое было известно в Северо-Западной Колумбии уже начиная с 4000 г. до н.э. (*Sanoja*, 1982a, p. 145).

Возможно, следы одной из наиболее явно связанных последовательностей при переходе от присваивающего к производящему способу хозяйствования в северной части Южной Америки обнаружены в низовьях Магдалены, в Колумбии, где с 4000 по 3000 гг. до н.э. выращивание маниока (*Manihot esculenta*) и его переработка в муку происходили одновременно с производством глиняной посуды, собиранием морских и прибрежных ресурсов и охотой на наземных животных (*Sanoja*, 1982a, pp. 46–53; 1982b, pp. 166–172; *Reichel-Domatoff*, 1965, 1985). Переработка горькой кассавы для получения съедобного продукта, совершенно отличавшаяся от той, которая была основана на сырых продуктах, представляла собой местную абсолютно новую технологию, благодаря которой у населения появилась возможность питаться без необходимости ежедневного сбора корнеплодов с засеянных полей и накопления запасов пищи для будущего потребления. Эта технология позволила также обмениваться образующимися излишками с другими, неземледельческими сообществами.

На севере Южной Америки окультуривание маниока оказало значительное влияние на образ жизни групп населения. Сложные приемы переработки горькой кассавы в муку очень быстро распространились по всему региону и во многих случаях создали необходимые предпосылки для развития оседлого образа жизни. Это произошло, например, в низовьях Магдалены, где приблизительно в 1000 г. до н.э. сформировались сообщества земледельцев-гончаров, отнесенные к периоду маламбо (*Angulo Valdez*, 1962, 1981), которые постепенно переходили к земледельческому труду и отходили от охоты, рыболовства и собирательства моллюсков как основных средств существования.

Территория побережья Тихого океана, занимаемая в настоящее время Республикой Эквадор и Республикой

Перу, а также северная часть Чили дает нам еще более четкое представление об историческом процессе, происшедшем между 3000 и 700 гг. до н.э., который привел к значительным изменениям в жизни американо-индейских сообществ. Эти сообщества перешли от эгалитарного племенного устройства к началу социально стратифицированного общества, что было уникальным явлением в Южной Америке.

Приблизительно к 2300 г. до н.э. образ жизни людей, населявших побережье Эквадора, подвергся значительным изменениям. Примерно к этому времени здесь уже были поселения с довольно высокой плотностью населения, занимавшие большие площади. Здесь были дома с куполообразными крышами, расположенные прямоугольными блоками, и насыпи, вероятно, служившие фундаментами размещенных вокруг площади общественных зданий; была также обнаружена подземная камера, предназначенная для захоронения людей, занимавших высокое положение в сообществе (Patterson, 1981, p. 300). Подобные процессы имели место и на пустынном побережье Перу и северной части Чили.

Земледелие развилось на побережье Перу, возможно, около 4000 г. до н.э. в результате влияния групп людей, живших на высокогорных плато, которые уже с 5720 г. до н.э. занимались выращиванием фасоли (*Phaseolus lunatus* и *Phaseolus vulgaris*), а также изготовлением тканей из растительных волокон (Kaplan et al., 1973). В горных местонахождениях в районе перуанского г. Аякучо были обнаружены датируемые тем же периодом свидетельства того, что окультуривание растений и одомашнивание животных началось там довольно рано, в период хайуа (McNeish et al., 1970, p. 3). Это предположение было сделано в связи с обнаружением окаменелых костей ламы (*Lama glama*) и морской свинки (*Cavia porcellus*), которые, по-видимому, свидетельствуют о начале одомашнивания животных. Этот процесс, возможно, являлся важной составляющей перехода к оседлому образу жизни в Центральном Андах и северных районах Чили, где группы бывших охотников могли перейти к оседлости в результате одомашнивания ламы, альпаки и викуны (Núñez, 1994).

Окультуривание растений оказало значительное социальное и хозяйственное влияние на сообщества собирателей, живших на Перуанском побережье, и привело в результате к усложнению социальной организации. Выращивание хлопка и ткачество стали вехой в исторической эволюции побережья. Эти нововведения положили начало традиции высокого мастерства, которая вплоть до XVI в. н.э. передавалась от поколения к поколению сообществами, жившими на побережье и на высокогорном плато Перу.

Переход прибрежных и горных регионов Перу в неолит стал возможен благодаря интенсивному социальному взаимодействию между народами обоих регионов — фактору, который, похоже, отсутствовал в Эквадоре. Кроме того, на перуанском побережье были обнаружены крупные местонахождения с монументальными сооружениями, отнесенные приблизительно к началу II тысячелетия до н.э., например комплекс Чукитанга, в котором были жилые дома, дворцы, террасы, платформы, насыпи и т.д., построенные из камня и необожженного кирпича. К концу II тысячелетия до н.э. в прибрежных долинах уже существовали системы орошения, которые позволили значительно повысить продуктивность, что в свою очередь привело к интенсивному росту населения и его социальному расслоению. Это ускорило зарождение форм политической организации для контроля над производством и обменом продуктами труда и сырьем между населением прибрежных и горных регионов Перу (Patterson, 1981, pp. 302–303; Moseley, 1975, pp. 103–119; Lumbresas, 1983, pp. 34–36).

Разные племена на побережье Перу и на высокогорье жили в тесном контакте между собой и создали широкую систему взаимодействий, которая подготовила почву для

формирования сложных интегрированных социально-политических систем, которые регулировали ход исторического развития общества, обеспечивая взаимную дополняемость отдельных видов производств в разных регионах. Это можно проследить на примере археологического комплекса в селении Чавин-де-Уантар в долине Мосна, на севере перуанских Анд. Храмовые постройки, произведения скульптуры и другие фрагменты этого комплекса отражают слияние сходных концепций и идей, распространенных как на лесных территориях Восточной Кордильеры, так и на высокогорном плато и на прибрежных регионах Перу. Чавин, вероятно, был церемониальным центром, предоставляющим жизненно важную для земледельцев информацию о климатических циклах в обмен на производственные товары или добытое сырье, приносимые в качестве вознаграждения сообществами, пользующимися этими услугами (Patterson, 1981, pp. 306–307).

Приблизительно к 500 г. до н.э. в Центральном Андах стали использоваться практически все технологические новшества, которые должны были способствовать переходу андийских городов-государств к такой форме социальной организации, как надрегиональные политические союзы, которые стали характерными для региона уже в XVI в. н.э.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AIKENS, M. C. 1978. The Far West. In: JENNINGS, J. (ed.), *Ancient Americas*. San Francisco, pp. 131–82.
- ANGULO VALDEZ, C. 1962. Evidencias de la Serie Barrancoide en el norte de Colombia. *Rev. Colombiana Antropol.* (Bogotá), Vol. II.
- 1981. *La tradición Malambo*. Bogotá.
- BYERS, D. S. 1959. The Eastern Archaic: Some Problems and Hypotheses. *Am. Antiq.* (Washington, D. C.), Vol. 24, pp. 233–318.
- CALDWELL, J. R. 1958. Trend and Tradition in the Prehistory of the Eastern United States. *American Anthropological Association*. (Mem., 88.)
- CORREAL, G.; HAMMEN, T. VAN DER. 1977. Investigaciones arqueológicas en los Agrigos Rocosos de Tequendama. Bogotá.
- DI PESO, C. 1983. Las sociedades nucleares de Norteamérica: La Gran Chichimeca. In: ACADEMIA NACIONAL DE LA HISTORIA, *Historia General de América*. Caracas. Vol. 7.
- FLANNERY, K. V. 1968. The Olmec and the Valley of Oaxaca: A Model for Interregional Interaction in Formative Times. In: BENSON, E. (ed.), *Dumbarton Oaks Conference on the Olmec*. Washington, D. C.
- FOWLER, M. 1959a. Modoc Rock Shelter: An Early Archaic Site in Southern Illinois. *Am. Antiq.* (Washington, D. C.), Vol. 24, pp. 257–70.
- 1959b. Summary Report of Modoc Rock Shelter, 1952, 1953, 1955, 1956. Illinois.
- 1983. Las sociedades nucleares de Norteamérica: Llanos, Praderas y el Este. In: ACADEMIA NACIONAL DE LA HISTORIA, *Historia general de América*. Caracas.
- FOWLER, M.; WINTERS, H. 1956. Modoc Rock Shelter. Preliminary Report. Illinois State Museum.
- GIBSON, J. L. 1974. Poverty Point: The First American Chiefdom. *Archaeol.* (New York), Vol. 27, No. 2, pp. 97–105.
- GRIFFIN, J. B. 1978. The Midlands and Northeastern United States. In: JENNINGS, J. (ed.). *Ancient Native Americans*. San Francisco. pp. 221–80.
- HAMMOND, N. 1977. The Earliest Maya. *Sci. Am.* (New York), Vol. 236, No. 4, pp. 116–33.
- HARP, E. 1978. Pioneer Cultures of the Sub-Arctic and the Arctic. In: JENNINGS, J. (ed.). *Ancient Native Americans*. Calif.
- HEIZER, R. F.; KRIEGER, A. D. 1956. The Archaeology of Humboldt Cave. University of California. (Pub. am. Archaeol. Ethnol., 47.1.)
- HURT, W. 1974. The Interrelationship between the Natural Environment and Four Sambaquis. Bloomington, Ind. (Occas. Pap. Monogr., 1.)
- HURT, W.; HAMMEN, T. VAN DER; CORREAL, G. 1976. El Abra Rock Shelter, Sabana de Bogotá, Colombia, South America. The Quaternary of Colombia. Bloomington, Ind. Vol. 2. (Occas. Pap. Monogr., 2.)

- KAPLAN, L.; LYNCH, T.; SMITH, C. 1973. Early Cultivated Beans (*Phaseolus vulgaris*) from an Intermontane Peruvian Valley. *Science* (Washington, D. C.), Vol. 179, No. 4086, pp. 76–7.
- LATHRAP, D. 1959. The Cultural Sequence at Yarínacocha, Eastern Peru. *Am. Antiq.* (Washington, D. C.), Vol. 23, No. 4, pp. 379–88.
- 1970. The Upper Amazon. New York.
- LEWIS, T. M. N.; KNEBERG, M. 1959. The Archaic Culture in the Middle South. *Am. Antiq.* (Washington, D. C.), Vol. 25, pp. 165–83.
- LINARES, O. 1975. De la Recolección a la Agricultura en el Istmo. *Rev. Panameña Antropol.*, Vol. I, pp. 9–27.
- LINARES, O.; RANERE, A. J. 1971. Human Adaptation to the Tropical Forest of Western Panamá. *Archaeol.* (New York), Vol. 24, No. 4, pp. 346–55.
- LIPE, W. 1978. The Southwest. In: JENNINGS, J. D. (ed.) *Ancient Native Americans*. San Francisco, pp. 327–402.
- LUMBRERAS, L. 1983. Las sociedades nucleares de Suramérica. In: ACADEMIA NACIONAL DE LA HISTORIA, *Historia General de América*. Caracas.
- MARTIN, P. 1973. The Discovery of America. *Science* (Washington, D. C.), Vol. 179, pp. 969–74.
- MCNEISH, R. et al. 1970. Second Annual Report of the Ayacucho Archaeological Botanical Project. Andover, Mass.
- 1971. Speculations about How and Why Food Production and Village Life Developed in the Tehuacan Valley, Mexico. *Archaeol.* (New York), Vol. 24, No. 4, pp. 307–15.
- MEGGERS, B. J.; EVANS, C. 1957. Archeological Investigations at the Mouth of the Amazon. Washington, D. C. (*Bur. Am. Ethnol.*, Bull. 167.)
- MOSELEY, M. E. 1975. The Maritime Foundations of Andean Civilization. Menlo Park, Calif.
- NIEDERBERGER, C. 1979. Early Sedentary Economy in the Basin of Mexico. *Science* (Washington, D. C.), Vol. 203, pp. 131–42.
- NÚÑEZ, L. 1994. The Western Part of South America (Southern Peru, Bolivia, North-west Argentina and Chile) during the Stone Age. In: DE LAET, S. J. (ed.). *History of Humanity*. Paris/London. Vol. I, pp. 348–62.
- PATTERSON, T. 1981. *Archaeology: The Evolution of Ancient Societies*. Princeton, N. J.
- PIPERNO, D. 1989. Non Affluent Foragers: Resource Availability, Seasonal Shortages and the Emergence of Agriculture in Panamanian Tropical Forests. In: HARRIS, D.; HILLMAN, G. (eds) *Foraging and Farming*. London, pp. 538–54.
- RANERE, A. 1972. Ocupación Precerámica de las Tierras Altas de Chiriquí. In: SIMPOSIO NACIONAL DE ANTROPOLOGIA, ARQUEOLOGIA Y ETNOHISTORIA DE PANAMÁ, 2. Adas. Panamá, pp. 197–207.
- 1976. The Preceramic of Panamá: The View from the Interior. In: ROBINSON, L. (ed.). *Proceedings of the First Puerto Rican Archeology*. San Juan, Fundación Arqueológica, Antropológica e Histórica de Puerto Rico. (Inf, I.)
- REICHEL-DOLMATOFF, G. 1965. Excavaciones Arqueológicas en Puerto Hormiga (Departamento de Bolívar). Bogotá, Universidad de los Andes. (*Antropol.*, 2.)
- 1985. Monsú. Un sitio arqueológico. Bogotá.
- SANOJA, M. 1979. Las Culturas Formativas del Oriente de Venezuela: La Tradición Barrancas del Bajo Orinoco. Academia Nacional de la Historia. Col. Estudios, Monografías y Ensayos, No. 6. Caracas.
- 1982a. De la Recolección a la Agricultura. *Historia General de América*. Vol. 3. Caracas.
- 1982b. Los Hombres de la Yuca y el Maíz. Caracas.
- 1989a. From Foragings to Food Production in North-Eastern Venezuela and the Caribbean. In: HARRIS, D.; HILLMAN, G. (eds), *Foraging and Farming*. London, pp. 523–37.
- 1989b. Origins of Cultivation around the Gulf of Paria, North-Eastern Venezuela. *Research*, Vol. 5, pp. 448–58. Washington D. C.
- SANOJA, M.; VARGAS, I. 1983. New Lights on the Prehistory of Eastern Venezuela. In: WENDORF, P.; CLOSE, A. (eds). *Advances in New Archaeology*, Vol. 2, pp. 205–44. New York.
- SAYLES, E. B.; ANTEVS, E. 1941. The Cochise Culture. *Medallion Papers*. Vol. 29.
- SCHMITZ, P. I. 1987. Prehistoric Hunters and Gatherers of Brazil. *Journal of World Prehistory*. Vol. I, No. 1.
- SIMÕES, M. 1981. Colectores-Pescadores Ceramistas do Litoral do Salgado (Pará). *Boletim do Museu Paranense Smilio*. No. 78, Belem, Pará, Brazil.
- SPENCER, R.; JENNINGS, D. 1965. *The Native Americans*. New York.
- VARGAS, I. 1981. Investigaciones Arqueológicas en Parmana: Los sitios de La Gruta y Ronquín, Edo, Guarico, Venezuela. Academia Nacional de la Historia. Caracas. (Serie Estudios, Monografías y Ensayos 20.)
- VELOZ MAGGIOLO, M. 1976. Medioambiente y Adaptación Humana en la Prehistoria de Santo Domingo. Vol. I. Editorial de la Universidad Autónoma de Santo Domingo. (Col. Historia y Sociedad 24.)
- WILLEY, G.; MCGIMSEY, C. 1954. The Monagrillo Culture of Panamá. Cambridge, Mass. (*Pap. Peabody Mus. Archaeol. Ethnol.*, 49, No. 2.)

РЕЛИГИЯ И ИСКУССТВО

Хосе Альсина Франч

Хронологические рамки данного тома, в сущности, соответствуют стадии развития Нового Света, называемой «периодом формирования». По причинам и доводам, которые были обобщены североамериканским археологом Фордом (*James A. Ford*, 1969, pp. 1–5), в английской и латиноамериканской литературе, посвященной исследованию данного предмета, очевидно предпочтение именно этого названия. Форд, в свою очередь, подразделяет этот период на два этапа: этап формирования поселений (3000–1200 гг. до н.э.) и этап формирования теократического общества (1200–400 гг. до н.э.), за которым следует протоклассическая фаза, возвещающая о полном расцвете цивилизации (рис. 89).

На следующих страницах будут рассматриваться свидетельства, которые в большом количестве были обнаружены к настоящему времени в трех крупных регионах: Мезоамерике, промежуточной территории и Андах. В каждом из этих регионов многочисленные археологические

данные свидетельствуют о зарождении первых религиозных систем, и прежде всего – в двух цивилизациях, которые сложились в Мезоамерике и в Андах, – в ольмекской культуре и культуре чавин.

МЕЗОАМЕРИКА

Местонахождения, в которых были обнаружены наиболее ценные археологические последовательности, относящиеся к рассматриваемому периоду, сконцентрированы в долине Мехико, штатах Тласкала, Оахака и Чьяпас; вдоль побережья Мексиканского залива (южная часть штата Веракрус и штат Табаско); на западе Мексики и в горной части Гватемалы. Два наиболее древних культурных комплекса в этом регионе обнаружены в Тлапакоя-Соапилко у оз. Чалко (*Niederberger*, 1976) и в долине (бассейне) Мехико, где последовательность культур включала следующие

Годы	Долина Мехико	Долина Теуакан	Штат Чьяпас	Юг штата Веракрус и штат Табаско	Центральная Америка	Колумбия	Эквадор (побережье)	Эквадор (горы)	Перу (побережье)	Перу (горы)	Перу (восточные регионы)
500	Сакатенко	Санта-Мария	Кончас			Маламбо				Чакинауи	
700											
900	Манангаль	Ахалпан	Куадрос	Сан-Лоренсо			Чоррера	Кото-коллоа		Урабарриу	
1100	Айотла		Окос	Чичаррас							
1300	Невада	Пуррон	Барра								Котош-Вайрахирка
1500			?								
2000	Зохапилко	Абехас				Монагрильо				Еспехо-Темпрано	
2500											
3000							Серро-Манготе		Вактивия		
3500											
4000								Монсу			

Рис. 89. Период формирования

фазы: соапилко (2500–2000 гг. до н.э.); невада (1400–1200 гг. до н.э.); айотла (1200–1000 гг. до н.э.) и манангаль (1000–800 гг. до н.э.). Есть подтверждение того, что в фазе айотла в местонахождении Терремото-Тлалтенго сообщества земледельцев жили на озере в специально приспособленных свайных постройках.

В целом можно приблизительно охарактеризовать группы населения, развивавшиеся на более ранних фазах – вплоть до 1200 г. до н.э., – как эгалитарные, или племенные общества, в отношении которых обнаруживается все больше свидетельств и данных, подтверждающих непрерывный процесс их общественного развития начиная с этого времени. Здесь более сложная социально-политическая организация сопровождается усложнением в области искусства, что, в свою очередь, обязательно подразумевает еще большее усложнение религиозного содержания этих форм художественного выражения. В пределах того региона, который принято считать Мезоамерикой, наиболее интенсивное развитие наблюдалось в районе, который А. Касо (*Alfonso Caso*) называет «мезоамериканской Месопотамией», т.е. на юге штата Веракрус и на смежных территориях штатов Чьяпас и Табаско; эти места представляют собой очаг так называемой ольмекской цивилизации. Накопленный материал, главным образом в штате Герреро, практически не позволяет опровергнуть или, по крайней мере, ставить под сомнение так называемую экспансию ольмекков. То, что здесь произошло, – не что иное, как социально-политическая эволюция, которая одновременно произошла как в долине Мехико и Оахаке, так и на территории Герреро и вдоль побережья Мексиканского залива; в последнем регионе все произошло в наиболее концентрированном виде, и именно здесь появились первые ритуальные центры – в Ла-Венте, Сан-Лоренсо и Трес-Сапотес – с их монументальными статуями, алтарями и стелами.

В то же время следует обратить внимание на то, что одновременно с сельским укладом жизни, который, очевидно, преобладал в Терремото-Тлалтенго, в этом районе, например в Тлапакоя и Тлатилко, был развит также городской и полугородской образ жизни. Примером этого является образование столиц или городков и небольших городских центров, характерных для такой формы племенной организации, как вождество (*Alcina*, 1991, pp. 32–35).

Именно в фазе айотла в долине Мехико наблюдалось важное развитие социальной иерархии и торговли между разными регионами, что опять же свидетельствует о «формировании некоторых институциональных форм административного управления». К подобным свидетельствам существования политической организации в Мезоамерике можно отнести и явление, которое в применении к региону Анд мы назвали комплексом «святилище-рынок-ярмарка» (*Alcina*, 1990), т.е. конвергенцию экономических интересов, религиозных культов и многогранных ярмарок. В этот комплекс были вовлечены такие виды деятельности, как перераспределение товаров, народные празднества и религиозное паломничество. Большое количество фигурок, найденных в Тлатилко и Тлапакоя, указывают прямо или косвенно на существование таких ярмарок. Статуэтки изображают танцующих мужчин и женщин, музыкантов, играющих на барабанах и окаринах (или *omechicahuastli*), фокусников и акробатов, в то время как другие изображают настоящих шаманов или жрецов в еще более сложном убранстве, например в головных уборах и с украшениями, которые специально отличают или подчеркивают важность фигур, носивших их (рис. 90).

Очень распространенным элементом, имеющим явно обрядовое значение, была маска, которая хранилась вместе с телом ее обладателя, но никогда на лице покойного. Возникает предположение, что некоторые из этих масок применялись только в определенных братствах, в то время как другие использовались мимами или труппами танцовщиков, декламаторов или клоунов.

Рис. 90. Статуэтки из Тлатилко, долина Мехико (по *Pina Chan*, 1958)

В мезоамериканском искусстве в целом, но главным образом в традициях Центральной Мексики, встречается большое количество разнообразных символов и иероглифических знаков, относящихся к рассматриваемому периоду формирования. Они представляют собой настоящую систему письменности, т.е. передают определенные послания, касающиеся видения космоса и системы верований. Из длинных рядов этих символов, изученных Хоралемоном (*Joralemon*, 1971), можно особо выделить следующие: знак в форме латинской буквы U; пятиконечный элемент, или «квинтет»; цветок с четырьмя лепестками; кисть человеческой руки и пернатого змея.

Для многих авторов, включая Хоралемона, такие знаки и символы представляли собой полностью формализованные изображения божеств, из которых Хоралемон смог выделить по крайней мере десять. Среди них – полиморфный дракон, т.е. пресмыкающееся, дополнительно наделенное атрибутами птицы и хищника из семейства кошачьих и ассоциируемое с землей и сельскохозяйственными культурами; фантастическая крылатая птица-чудовище с раздвоенным языком; антропоморфный карлик; божество, представляющее собой получеловека-полуягуара; божество-змея с атрибутами птицы и т.д.

Несмотря на то что эти символы и знаки иначе интерпретировались другими исследователями, можно сделать предположение, что здесь, как и в мексиканском искусстве постклассической фазы, мы обнаруживаем наличие сложного языка с грамматическими элементами метафорического характера, которые еще более затрудняют ин-

терпретацию этих знаков (Alcina et al., 1992, pp. 31–37). Такое использование метафоры может, в свою очередь, объяснить, почему некоторые иероглифы или графические знаки встречаются в различных контекстах, вызывая разнообразные ассоциации и, соответственно, приобретая различный смысл, хотя мы и можем присвоить каждому из этих знаков одно определенное значение. Это означает не только то, что система верований и видение космоса людьми, жившими в горных районах в фазах айтла и мананталь (1200–800 гг. до н.э.), стали чрезвычайно сложными, но также и то, что их соответствующее художественное выражение уже представляло собой высоко развитую систему, которую мы вновь встречаем в том же регионе в классическую и постклассическую фазы.

Одна из наиболее важных культур, известных нам, – ольмекская культура, художественный стиль которой распространился на обширной территории, но основным районом сосредоточения этой культуры было побережье Мексиканского залива. Здесь появляются первые городские или церемониальные центры Ла-Вента, Серро-де-лас-Месас, Трес-Сапотес, Сан-Лоренсо и др.

Из разнообразных форм ольмекских художественных произведений наиболее выдающимися, без сомнения, являются их скульптуры и рельефы. В свою очередь, из скульптурных произведений ольмеков самыми известными и заслуживающими наибольшего внимания являются колоссальные изображения голов из камня; известны по крайней мере 14 таких скульптур. Головы гигантских размеров, высотой до 3 м и массой 10 т изображают лица людей негроидной внешности, с широкими ноздрями, толстыми губами и глазами навывкате. Они покрыты плотно сидящими головными уборами, свисающими с обеих сторон головы. Эти статуи не являлись изображением божеств – такой вывод можно сделать на том основании, что головы лишены соответствующих отличительных характеристик и символических знаков. Возможно, в них были запечатлены образы «основателей рода» или «предков», что было бы характерно для общества, политическую организацию которого, по всей вероятности, составляли различные вожества.

В искусстве ольмеков сочетаются два явно противоположных стиля. Оно характеризуется, с одной стороны, истинным реализмом, как в случае колоссальных каменных голов, с другой – абстрактным стилем. К типичным особенностям ольмекского искусства, особенно относящихся к антропоморфным изображениям, можно отнести так называемый «ольмекский рот», а также V-образные трещины, или «ольмекские морщины», которые можно увидеть на изображениях черепов различных мифологических существ, изображенных на церемониальных «топорах» различного типа (рис. 91).

Помимо колоссальных изображений голов и антропоморфных фигур, были обнаружены скульптуры, высеченные в «реалистической» манере, которые представляют собой фигуры, изображенные, как правило, сидящими в позе, в некоторых случаях напоминающей позу писцов египетского стиля. Другие держат на коленях или фигурку божественного ребенка, или жезл, или цилиндр, или же священный сундук. Стиль этих скульптур и массивных голов был исследован мексиканскими учеными; они отметили степень совершенства, которой редко достигали искусства других мезоамериканских культур. В любом случае, величайшим шедевром из всей этой серии сидящих человеческих фигур можно, по всей видимости, назвать статую, известную как «Борец» (*El Luchador*), из Санта-Мария-Укспанана (штат Веракрус, Мексика). Она изображает бородатого мужчину с полусогнутыми руками и ногами и создает впечатление сильнейшего физического усилия посредством передачи напряжения всего тела «борца».

Алтари представляют собой совершенно оригинальный тип скульптуры, который применялся на протяжении веков, главным образом в городских центрах майя. Это

Рис. 91. Массивные топоры и топоры-пластины ольмеков (по Covarrubias, 1946)

массивные каменные глыбы, которым придана форма призм и по бокам которых вырезаны сцены, выполненные горельефом и барельефом. На многих алтарях изображены сидящие фигуры, подобные упомянутым выше, но они представлены так, как будто бы выходят из пещеры или ниши, которую можно интерпретировать как пасть дракона, который, в свою очередь, может символизировать бога или богиню из потустороннего мира.

В некоторых случаях такие антропоморфные фигуры держат в руках божественного ребенка. Так, на многих алтарях изображены жрецы, качающие на руках божественного младенца, который достаточно часто встречается в искусстве ольмеков.

Из области монументальной скульптуры можно упомянуть еще стелы, которые, должно быть, так же, как и алтари, широко использовались на всей территории культуры майя. Известны стелы из Трес-Сапотес, Серро-де-лас-Месас, Ла-Вента, Эль-Бауль, Исапа и других мест. На них изображены фигуры, облаченные в сложные одежды, и ряды орнаментов, которые, в свою очередь, могут представлять мифологические сцены, очень трудные для понимания, хотя и нельзя полностью исключать возможность того, что здесь мы имеем дело с чисто реалистическими представлениями.

Иконографические исследования, проведенные Коваррубасом (Covarrubias, 1946), Друкером (Drucker, 1952), Коэ (Coe, 1972) и Хоралемоном (Joralemon, 1971), позволяют считать, что многие скульптурные изображения, характерные для мира ольмеков, соответствуют мифическим фигурам или истинным божествам, многим из которых впоследствии было суждено найти место в пантеоне народов Мезоамерики, там развиваться и приобрести еще более оформившиеся черты в различных культурах в последующие периоды. Действительно, голова дракона с ее «ольмекским ртом», длинные клыки ягуара, «ольмекские морщины» и другие виды орнамента над бровями, вероятно, послужили прообразами головы бога дождя, который приобретал различные стилистические особенности в разных культурных регионах, где он появляется под именем Тлалок, Чак, Косихо или Тахин.

Другим мифическим образом, часто встречающимся в этом искусстве, является евнухоподобный карлик или божественное дитя, показанное устроившимся на руках жреца-императора или взрослого антропоморфного существа. Не менее интересными здесь являются такие типичные черты, как сомкнутые веки и повязка на глазах, которые могут означать предзнаменование появления божественного предка бога Ксипе-Тотек.

Все это, в совокупности с развитием таких архитектурных форм, как храмы, явно свидетельствует о существовании устоявшейся системы верований, подразумевающей политическую организацию наподобие государства, которая стояла на более высокой степени развития, чем простое вождество или община, организацию с соответствующей кастой жрецов, к которой, скорее всего, принадлежал правитель.

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

В данном разделе мы прибегаем к терминологии Роуза (*Irving Rouse*, 1972), который называет «промежуточной территорией» Центральноамериканский перешеек и самые северные регионы Анд, чтобы сгруппировать множество обнаруженных здесь древнейших ключевых свидетельств, относящихся к местному периоду формирования. В действительности территория, в которой эти находки были в большом количестве обнаружены, сокращается до района от бухты Парита в Панаме до окрестностей Картахены-де-Индиас в Колумбии. Здесь местонахождения и соответствующие им культуры – серро-манготе, монагрильо, пуэрто-ормига, монсу, канапоте, барловенто и маламбо датируются периодом 4000–1000 гг. до н.э. Они, без сомнения, имеют отношение к находкам в Вальдивии, Котоше, Яринакоче и других местонахождениях в центральном и северном регионах Анд (*Meggens et al.*, 1965, p. 168), а также к обнаруженным остаткам более молодых цивилизаций, принадлежащим традициям ронкуин, барранкас и бокачика, которые существовали до 600 г. до н.э. на территории Венесуэлы и оказывали культурное влияние на Антильские острова до 200 г. до н.э.

Наиболее древнее проявление периода формирования в Центральной Америке обнаружено в районе бухты Парита, где в местечке Серро-Манготе были заложены непосредственные предпосылки культуры монагрильо. Хронология этого археологического местонахождения начинается приблизительно с 2900 г. до н.э. – даты, которая соответствует тому времени, когда гончарное дело еще не было развито. Вместе с тем среди находок были обнаружены ручные мельницы, которые можно рассматривать как свидетельство того, что там было развито земледелие или земледельческо-собираательское хозяйство. Что касается погребальных обрядов, то они были достаточно сложными, и применялись два типа захоронения: первый состоял в погребении тела в скорченном положении, а во втором случае кости умершего собирались в узел и предавались земле в таком виде.

Культура монагрильо, следы которой также обнаружены на побережье бухты Парита, была на вершине своего развития приблизительно в 2140 г. до н.э. и уже является типичным примером цивилизации с развитым гончарным делом, хотя уровень технологического и художественного развития все еще оставался достаточно низким. Действительно, гончарные изделия культуры монагрильо были слишком грубыми, их украшали нацарапанным криволинейным орнаментом или же раскрашивали красными полосками по беловатому фону. В развитии такого ремесла, как резьба по камню, наблюдается прогресс в отношении совершенствования технологии. При нанесении рельефа продолжали использовать практически те же самые способы, которые были известны и на этапе развития культу-

ры серро-манготе, в которой керамические изделия украшали прорезными бороздками разной ширины, составлявшими элемент орнамента из завершающихся окружностями параллельных линий, пунктирных линий, спиралей, Т-образных фигур и т.д. (*Willey & McGimsey*, 1954). Несмотря на то что земледелие было основным источником питания, население занималось также собиранием растений и моллюсков, а за счет охоты и рыболовства добывались продукты, дополняющие рацион.

Среди этих местонахождений можно упомянуть Турриальбу (Коста-Рика); здесь сложный стиль керамического искусства, известный как «Ла Монганья» (1515 г. до н.э.), также имеет общие черты со стилем гончарных изделий периода формирования. Связь культуры турриальба с культурой северного побережья Колумбии подтверждается тем, что в обоих местах обнаружены противни, или большие плоские блюда, типичные для выпечки хлеба из юкки, который на испанском языке называется «касабе» (*casabe* – кассава).

Если местонахождения в районе г. Картахены в Колумбии, особенно стоянки Барловенто и Пуэрто-Ормига, являются относительно древними, то более молодые из них, например Монсу (*Reichel-Dolmatoff*, 1985), дополняют археологическую последовательность в этой зоне. Вместе они убеждают нас в том, что глиняная посуда применялась здесь начиная по крайней мере с V тысячелетия до н.э. Все это делает эту территорию одной из самых значимых для начала периода формирования на всем континенте. Археологическую последовательность по находкам в Монсу составляют Турбана, Монсу, Пуэрто-Ормига, Канапоте, Барловенто и Маламбо (*Reichel-Dolmatoff*, 1985, pp. 53–81).

Самые древние находки в Монсу радиоуглеродным методом датированы 3350 г. до н.э. Так как период турбана предшествует этапу монсу, то начало гончарного производства в Турбане может относиться к 3800 г. или даже 4000 г. до н.э. Таким образом, это культурное местонахождение является наиболее древним местом на всем континенте, где впервые научились изготавливать гончарные изделия, возможно, даже более древним, чем бассейн Гуайас с его культурой вальдивии, самые ранние керамические изделия которой датируются только 3500 г. до н.э. По мнению исследователей, «технологическое и эстетическое развитие гончарного дела значительно» в Монсу. Стиль орнамента здесь главным образом прорезной геометрический.

Очевидно, мы еще далеки от того, чтобы точно определить место зарождения гончарного дела во всей Америке, так как на территории между Картахеной-де-Индиас и Гуайакилем пока обнаружено достаточно мало очагов культуры, относящихся к периоду формирования. Кроме того, хотя мы и можем предположить, что гончарное дело представляет собой независимое изобретение в Америке, пока еще нельзя полностью исключить возможность контактов через Тихий океан, как утверждают Меггерс, Эванс и Эстрада (*Meggens, Evans & Estrada*, 1965).

Следующий этап развития проявляется в Пуэрто-Ормига, в местонахождении, известном благодаря раскопкам, которые проводил там Рейчел-Долматофф (*Reichel-Dolmatoff*, 1965). Эта культура, датируемая периодом с 3100 по 2500 гг. до н.э., дает нам первые художественные изображения людей той эпохи. Так, на ободке большого подноса с использованием резьбы и лепки изображено лицо человека, его глаза окружены несколькими вырезанными концентрическими кругами. Другие вылепленные и вырезанные фигуры представляют собой изображения животных. Богатый геометрический орнамент на гончарных изделиях делался путем оттиска морских раковин на глине или с использованием других средств резьбы.

Следующие этапы развития культуры в области Картахены, в соответствии с вышеупомянутой археологической последовательностью, были обнаружены в местонахожде-

нии Канапоте, расположенном в пригороде Картахены (оно датируется приблизительно 2000 г. до н.э.), а также в Барловенто, находящемся в болотистой местности к северу-востоку от Картахены (радиоуглеродная датировка этого местонахождения относит его к 1500–1000 гг. до н.э.). На этой стадии в орнаменте, нанесенном на гончарных изделиях, использовались мотивы предыдущих этапов, с очень простыми геометрическими резными или гравированными узорами.

Рассмотренные культурные фазы связаны с поселениями многочисленных семейств, хозяйство которых было основано на зарождающемся земледелии, в жилищах большого размера типа «общих домов». Преобладало выращивание юкки и маниока, продолжалось собирание мидий и других моллюсков, люди занимались также рыболовством и охотой на разнообразных диких животных, в изобилии водившихся в лесах и саваннах, жаркий климат которых становился все более сухим, что было характерно для гололоны приблизительно с 7000 г. до н.э.

Последний этап выявленной археологической последовательности, который следует рассмотреть, соответствует культуре маламбо (1120 г. до н.э. – 70 г. н.э.). В этот период художественное развитие достигло небывалых высот в изображении лиц антропоморфных существ, а также в изготовлении женских статуэток, гончарных сосудов, украшенных наклепным и прорезным орнаментом, в стиле которых видно родство с изделиями Венесуэлы, характеризующимися глубоким прорезным орнаментом.

Наконец, местонахождение Сипакон неподалеку от Боготы представляет собой место обитания общества переходного типа, земледельческий образ жизни которого дополнялся охотой и собирательством. Это местонахождение датируется 1230 г. до н.э. и является самым ранним известным до настоящего времени на территории саванны в регионе Боготы (*Correal & Pinto, 1983*).

ТЕРРИТОРИЯ АНД

Территория Анд является последней из рассматриваемых нами огромных территорий, на которых происходил переход от мира магии и мифа к миру религиозного опыта и художественного выражения, – переход, характерный для периода формирования во всей Америке. Эту территорию, в свою очередь, можно подразделить на два региона: северную территорию Анд, включающую хорошо документированную археологическую последовательность вдоль побережья – Вальдивию, Мачалилью и Чорреру, а также некоторые горные районы; центральную территорию Анд с многими древними местонахождениями, включая Уака-Приета, Котоши и другие, и с очагом великой древней цивилизации – культурой чавин.

Археологическая последовательность в бассейне Гуайас на побережье Эквадора начинается с вальдивийской культуры, при раскопках центра которой – Вальдивии – были обнаружены самые древние гончарные изделия на Американском континенте, датируемые 3200 г. до н.э. (*Meggers et al., 1965*). В настоящее время после раскопок в Реал-Альто можно указать еще более раннюю дату – 3545 г. до н.э. (*Damp, 1988, pp. 25–32*), которая больше соответствует периоду монсу в Колумбии. На сегодняшний день вальдивийская культура в целом гораздо лучше известна, чем какая-либо другая культура периода формирования в Южной Америке, так как в нашем распоряжении находятся не только даты в отношении самой Вальдивии, но и в отношении Сан-Педро, Реал-Альто, Лома-Альва и Эль-Энканто (на о. Пуна).

Вальдивийское искусство главным образом представлено изображениями так называемых «Венер», т.е. в основном женскими статуэтками, которые в изобилии имеются во всех местонахождениях этой культуры. Эти «Венеры» обыч-

но представляют собой лепные изделия высотой всего лишь около 10 см; в редких случаях они могут быть крупнее, но тогда они полые. У всех этих статуэток, выполненных на груди или полуобнаженными, особо подчеркнуты области груди и лобка. Поэтому современное распространение в народе прозвище этих фигурок полностью подтверждается их ярко выраженным сексуальным характером. Что касается других особенностей этих статуэток, то здесь следует отметить, что их волосы отполированы до блеска, или же на них сделаны надрезы с целью воспроизвести контуры отдельных волосков. В некоторых случаях волосы «Венер» окрашивались в красный или зеленый цвет, чтобы отойти от естественного цвета глиняных изделий. Руки статуэток обычно соприкасаются или свободно скрещены на груди, хотя у некоторых статуэток они касаются губ в каком-то гипотетическом жесте. Некоторые из более крупных полых статуэток имеют преувеличенно большие животы и изображают беременных женщин, и внутри у таких фигурок находились камушек, что позволяло пользоваться статуэткой как погремушкой. Другие статуэтки имеют две головы, такие примеры были обнаружены в долине Мехико и в других местах.

Основной вопрос, все еще не разрешенный, касается назначения этих статуэток. Некоторые исследователи сделали предположение, что они использовались как целительные шаманами и знахарями. Мы полагаем, что, как и в Мезоамерике, большая часть этих статуэток могла использоваться в умилюгивительных земледельческих обрядах. Нельзя также отрицать, что они каким-то образом были связаны с использованием таких наркотических средств, как листья коки, или различных дыхательных галлюциногенов.

Некоторые исследователи высказывали предположение, что геометрический орнамент вальдивийской керамики I и II, который представляет собой часто повторяющийся рисунок одного и того же типа, можно интерпретировать как совершенно абстрактные изображения змеи и животного из семейства кошачьих, и такая интерпретация может свидетельствовать как об отношении данной культуры к лесному окружению, так и о ее связи с цивилизацией Чавин (*Damp, 1988*).

Свидетельства о более позднем развитии вальдивийской культуры – фазы в Мачалилье и Чоррере (1500–500 гг. до н.э.) – углубляют и дополняют характерные особенности древнейшего гончарного искусства и достигают, особенно в Чоррере, уровня, который был определен как начальная панэквадорская традиция. Керамика этой культуры, без сомнения, весьма примечательна не только с эстетической точки зрения, но и технологией изготовления. Если особенностью сосудов в стиле Мачалилья является так называемая «ручка в виде скобы», то на этапе чоррера появляются сосуды с широким трубчатым носиком в верхней части и, как правило, с плоской ручкой. Что касается статуэток в стиле «матэ», то уровень совершенства их исполнения и классической красоты поистине можно назвать исключительным.

Несмотря на то что о периоде формирования в горной части территории Анд имеется значительно меньше сведений, чем на побережье, все же можно назвать некоторые культуры и местонахождения, относящиеся к рассматриваемому периоду, например культуру «Древнее зеркала» (*Espejo Temprano*) (2200 г. до н.э.) в районе оз. Сан-Пабло; Котокаль (1700–500 гг. до н.э.) около г. Кито и Серро-Наррио (2000 г. до н.э.) в Каньяре, около г. Куэнка.

Котокаль представляет собой деревенский комплекс, организация которого немного проще, чем на побережье в Реал-Альто. Обнаружено множество гончарных изделий с орнаментом геометрического типа, который можно интерпретировать так же, как и орнамент на других подобных сосудах. Общий культурный уровень местонахождения, по-видимому, одинаков с вальдивийской культурой. Из других предметов в этом месте были найдены только не-

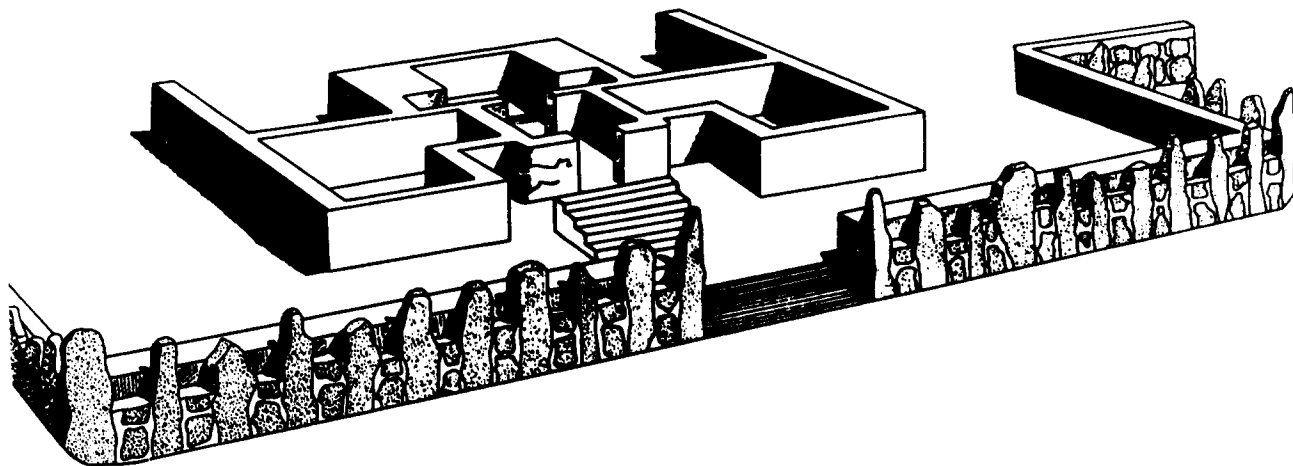

Рис. 92. Примерная реконструкция храма Серро-Сечин, относящегося к культуре чавин, Перу (по *Haufmann-Doig*)

сколько статуэток, например вылепленная на фрагменте керамического изделия фигура человека, который сидит скрестив ноги, а его голову украшает подобие тюрбана.

В верховьях Амазонки археологи обнаружили и исследовали комплекс культур, относящихся к периоду формирования. Наиболее важными из них являются культуры тутискайно и котош. Культура тутискайно была обнаружена в местонахождении Таринакоча в бассейне р. Укаяли. Здесь можно выделить две фазы: раннюю тутискайно (около 2000 г. до н.э.) и позднюю тутискайно (1500–1300 гг. до н.э.). Как и в других культурах периода формирования, художественное выражение здесь концентрируется на орнаменте ободьев гончарных изделий со ступенчатыми краями, а также на, возможно, самом древнем изображении животного из семейства кошачьих – образе, который, как мы увидим, стал преобладающим сюжетом в Центральном Андах.

Культура котош-уайра-хирка (1800–1300 гг. до н.э.), следы которой были обнаружены в бассейне р. Уануко в ходе раскопок, проводимых группой японских археологов под руководством Исуми (*Izumi & Sono*, 1963), дала нам ключевые материалы, касающиеся развития религиозного мышления и художественного выражения. Знаменитый Храм скрещенных рук (*Templo de las Manos Cruzadas*) с его глиняными лепными украшениями, без сомнения, представляет собой древнейший дошедший до нас пример использования скульптуры в декорировании архитектурных памятников. Кроме того, в местном орнаменте гончарных изделий проявлена значительная техническая и художественная сложность, которая состоит в слиянии различных гончарных традиций в культурном центре бассейна Уануко во II тысячелетии до н.э.

Местонахождение Уака-Приета в долине Чикама на побережье Тихого океана исследовано Бёрдом в 1946–1947 гг. (*Bird & Hyslop*, 1985). Поселение в этом месте относится к периоду, когда гончарное дело еще не развилось (3100–1300 гг. до н.э.), однако здесь было обнаружено много остатков тканей. Помимо геометрического орнамента, который трудно интерпретировать, на тканях изображены некоторые элементы, которые стали чрезвычайно распространенными, особенно в культуре чавин, например кондор (*Bird & Hyslop*, 1985, p. 165, fig. 110–111), змеи, антропоморфные фигуры и т.д.

Цивилизация чавин представляет собой явление, подобное во всех отношениях феномену цивилизации ольмек в Мезоамерике. Территория культуры чавин является первой крупной областью в Центральном Андах, где поддерживалась культурная преемственность; эта культура представляет собой наиболее важный шаг в процессе художественного и религиозного развития (рис. 92). Основываясь на исследованиях Бёрджера (*Burger*, 1989)

и многих других ученых, можно классифицировать последовательность гончарных изделий культуры чавин четырьмя фазами: урабарриу (1200–800 гг. до н.э.), офрендас (800–600 гг. до н.э.), чакинауи (600–400 гг. до н.э.) и рокас, или ханабарриу (400–300 гг. до н.э.). Одна лишь керамика чавина, которая входит в перечень наиболее совершенных произведений искусства Перу, могла бы в достаточной мере свидетельствовать об эстетическом развитии этой цивилизации, однако оно также может быть подтверждено рельефами и объемной скульптурой из камня и других материалов. Несмотря на то что искусство чавина появилось в результате автономного местного развития, оно, тем не менее, может быть связано с другими культурами, либо принадлежащими тому же региону, как, например, Уака-Приета, либо с появившимися на соседних территориях, как, например, Чоррера. Можно даже проследить взаимосвязь культуры чавин с «лесными» культурами восточных склонов Анд или горных долин р. Мараньон. В свою очередь, влияние культуры чавин проявлялось на территориях, расположенных далеко на юге, как вдоль побережья, так и в центральной части Перу – в Чикаме, Куписнике, Анконе, Паракасе, Аякучо и т.д.

Селение Чавин-де-Уантар, возможно, было местом поклонения богу Уари или посвященным этому божеству ритуальным центром, назначение которого было аналогичным тому, которое имели храмы в Ла-Венте или Трес-Сапотес на побережье штата Веракрус в Мексике. Один из наиболее важных этапов в жизни этого церемониального центра связан с Новым храмом (*Templo Nuevo*) (рис. 93).

К северу от поселения расположено не менее важное строение – храм «Пастушеский посох» (*Shepherd's Crook*), или «Крючковатый посох» (*Hooked Staff*; исп.: *Templo del*

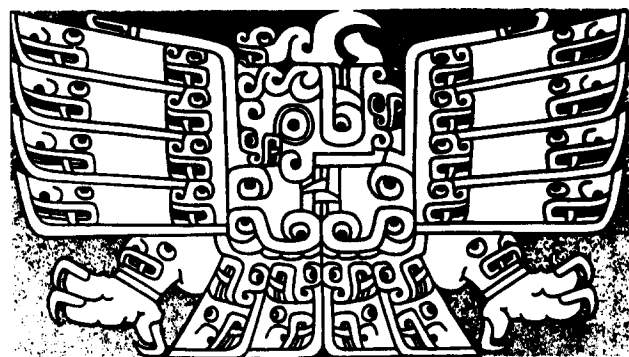

Рис. 93. Изображение орла в Новом храме (*Templo Nuevo*) в селении Чавин-де-Уантар, Перу (по *Roué*, 1962)

Lanzon), который фактически воспроизводит древнюю андийскую архитектурную модель, имеющий в плане форму буквы U с заниженной круглой площадью в центре. Этот храм, по-видимому, является самым древним зданием в этом комплексе. Вся структура в целом пересекается многочисленными подземными галереями: *Las Ofrendas* («Пожертвования»), *El Campamento* («Лагерь»), *Los Laberintos* («Лабиринты»), *El Lanzon* («Пастушеский посох») и другими. В результате раскопок, которые проводились Лумбрерасом в *Las Ofrendas*, было сделано предположение, что эта галерея относится к древнейшему периоду существования храма, относящемуся к той эпохе, когда поклонялись изображению пастушеского посоха. Ко второму этапу строительства храма относятся галереи, известные как *La Portada* («Портал»), *Las Columnas* («Колонны») и *Las Vigas Ornamentales* («Декоративные балки»).

Эволюция религиозного мышления, в результате которой появилось святилище в Чавин-де-Уантаре, определенно способствовала соответствующему развитию пластических искусств – объемной скульптуры и рельефа, которые распространились на всей территории культуры чавин¹. В результате тщательного сопоставления произведений искусства чавин с керамическим искусством археологической культуры индейцев Перу паракас, относящейся к периоду Окукахе, Роув (*Rowe*, 1962) предложил установить археологическую последовательность скульптуры, которую он разделил на четыре этапа: АВ, С, D и EF. К самому древнему из этих этапов Роув отнес скульптурные произведения из храма «Пастушеский посох»; обелиск Тельо – одно из самых сложных произведений стиля чавин – он отнес к этапу С, а рельеф на стеле Раймонди отнес к наиболее типичному для последнего этапа.

Искусство чавин, несомненно, повлияло на стиль более поздних художественных произведений Центральных Анд. По мнению Роува, искусство чавин представляет собой весьма сложную лингвистическую систему, в которой метафорическое выражение подобно эвфемизму в литературном контексте. Роув считает, что можно говорить о трех уровнях возрастающей сложности: на первом используется прямое упоминание (аллюзия); на втором – косвенный иносказательный или метафорический символ; на третьем используется подмена. Для проведения более точной аналогии между литературным процессом и произведениями искусства чавин Роув указывает в качестве основных стилистических особенностей симметрию, повтор, соразмерность и ограниченный круг основных тем.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Основные произведения искусства, которые должны быть приняты во внимание при изучении этих форм художественного выражения, указанных североамериканским археологом Джоном

Роувом, включают следующие: *La Gran Imagen* («Великий образ»), *El Lanzon* («Пастушеский посох»); *El Obelisco Tello* («Обелиск Тельо»); *El Estela Raimondi* («Стела Раймонди») – хранящиеся в Музее Лимы; изображения орла и ястреба на Черно-белом портале Великой пирамиды; многочисленные другие предметы, рассеянные по всей территории распространения культуры чавин.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALCINA FRANCH, J. 1990. El complejo 'santuario-mercado-festival' y el origen de los centros ceremoniales en el Area Andina Septentrional. In: Homenaje a Richard P. Schaedel. Austin, Tex.
- 1991. En torno al urbanismo precolombino de América: el marco teórico. Ann. Estud. am. (Sevilla), Vol. 48, pp. 3–47.
- ALCINA FRANCH, J.; LEÓN-PORTILLA, M.; MATOS, E. 1992. Azteca Mexica. Las culturas del México Antiguo. Madrid. Lunwerg-Quinto Centenario.
- BIRD, J. B.; HYSLOP, J. 1985. The Preceramic Excavations at the Huaca Prieta, Chicama Valley. Perú. New York. (Anthropol. Pap. am. Mus. nat. Hist., 62.)
- BURGER, R. L. 1989. Long before the Incas. Nat. Hist. (New York), No. 2, pp. 66–73.
- COE, M. D. 1972. Olmec Jaguars and Olmec Kings. In: BENSON, E. (ed.), The Cult of the Feline. Washington, D. C. pp. 1–12.
- CORREAL, G.; PINTO, M. 1983. Investigación arqueológica en el municipio de Zipacón. Cundinamarca. Bogotá.
- COVARRUBIAS, M. 1946. El arte 'olmeca' o de La Venta. Cuad. am. (México, D. F.), Vol. 4, pp. 153–79.
- DAMP, J. 1988. La primera ocupación Valdivia de Real Alto. Quito, Corporación Editora Nacional. (Bibl. ecuat. Arqueol., 3.)
- FORD, J. A. 1969. A Comparison of Formative Cultures in the Americas: Diffusion of the Psychic Unity of Man. Washington D. C.
- IZUMI, S.; SONO, T. 1963. Excavations at Kotosh, Peru. Andes 2. Tokyo.
- JORALEMON, P. D. 1971. A Study of Olmec Iconography. Washington D. C. (Stud. Pre-Colombian Art Archaeol., 7.)
- MEGGERS, B. J.; EVANS, C.; ESTRADA, E. 1965. Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases. Washington, D. C. (Smithsonian Contrib. Anthropol., 1.)
- NIEDERBERGER, C. 1976. Zohapilco: Cinco milenios de ocupación humana en un sitio lacustre de la Cuenca de México. México, D. F. (Colecc. Cient., Arqueol., 30.)
- 1979. Early Sedentary Economy in the Basin of Mexico. Science (Washington, D. C.), Vol. 203, pp. 131–42.
- REICHEL-DOLMATOFF, G. 1965. Excavaciones Arqueológicas en Puerto Horniga (Departamento de Bolívar). Bogotá. (Antropol., 2.)
- 1985. Monsú: Un sitio arqueológico. Bogotá.
- ROUSE, I. 1972. Introduction to Prehistory: A Systematic Approach. New York.
- ROWE, J. H. 1962. Chavin Art: An Inquiry into its Form and Meaning. New York.
- WILLEY, G.; MCGIMSEY, C. 1954. The Monagrillo Culture of Panamá. Cambridge, Mass. (Pap. Peabody Mus. Archaeol. Ethnol., 49, No. 2.)

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

Мелвин Л. Фаулер

Древнейший (архаический) период в доисторическом развитии Северной Америки не вписывается в хронологические рамки, предусмотренные в томе II «Истории человечества», так как его начало совпадает с началом V тысячелетия до н.э., а окончание приходится на первую половину I тысячелетия до н.э. Точную датировку данного периода указать невозможно, так как ни начало, ни конец этого этапа не ознаменовались каким-либо важным событием. Для архаического периода в целом был характерен традиционный охотничий образ жизни на протяжении всего этого длительного промежутка времени. В некоторых регионах, тем не менее, происходило культурное развитие, которое являлось результатом расширения разнообразия способов использования природных ресурсов, роста населения и технологических новаций.

Здесь будет рассматриваться расположенная к северу от Мезоамерики часть Североамериканского континента, в которую входят следующие территории: (1) арктическая и субарктическая территории; (2) западная часть Северной Америки; (3) юго-западная часть Северной Америки; (4) восточная часть Северной Америки, включая Великие равнины. Несмотря на то что территории весьма различны в культурном и природном отношении, все же каждая из них представляет собой удобное для рассмотрения объединение культурных основ, что позволяет наметить и общую картину (карта 26).

АРКТИЧЕСКАЯ И СУБАРКТИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИИ

Приблизительно до 4000 г. до н.э. единственной обитаемой частью арктической территории были прежде всего Аляска, западные районы Юкона и северо-западные территории Канады. Восточные районы Арктики все еще находились в тисках отступающего Лаврентийского ледового щита. Западная же часть Арктики была обитаема *человеком разумным* на протяжении многих тысячелетий. Во время Висконсинского оледенения эта часть континента соединялась с Азией, и именно в этом месте находился сухопутный переход Берингия, служивший коридором, по которому *человек разумный* добрался до Северной Америки.

По определению Дюмона, все древнейшие культурные традиции Западной Арктики послеледниковой эпохи в совокупности относятся к палеоарктической традиции. В основе этой традиции лежал способ отщипа каменных пластин по «технологии Леваллуа» (Dumond, 1983, p. 74). Есть несколько региональных разновидностей этой традиции, определяемых количеством и природой двусторонне обработанных орудий (бифасов) в скоплениях, которые, возможно, развились в соответствии с местными особенностями, однако, видимо, во всех местах без исключения был известен унифицированный способ изготовления пластин по этой технологии. Вполне возможно, что палеоарктическая традиция представляет собой технологию,

появившуюся на этой территории из Азии в конце плейстоцена, и на ее основе сложились некоторые более поздние традиции.

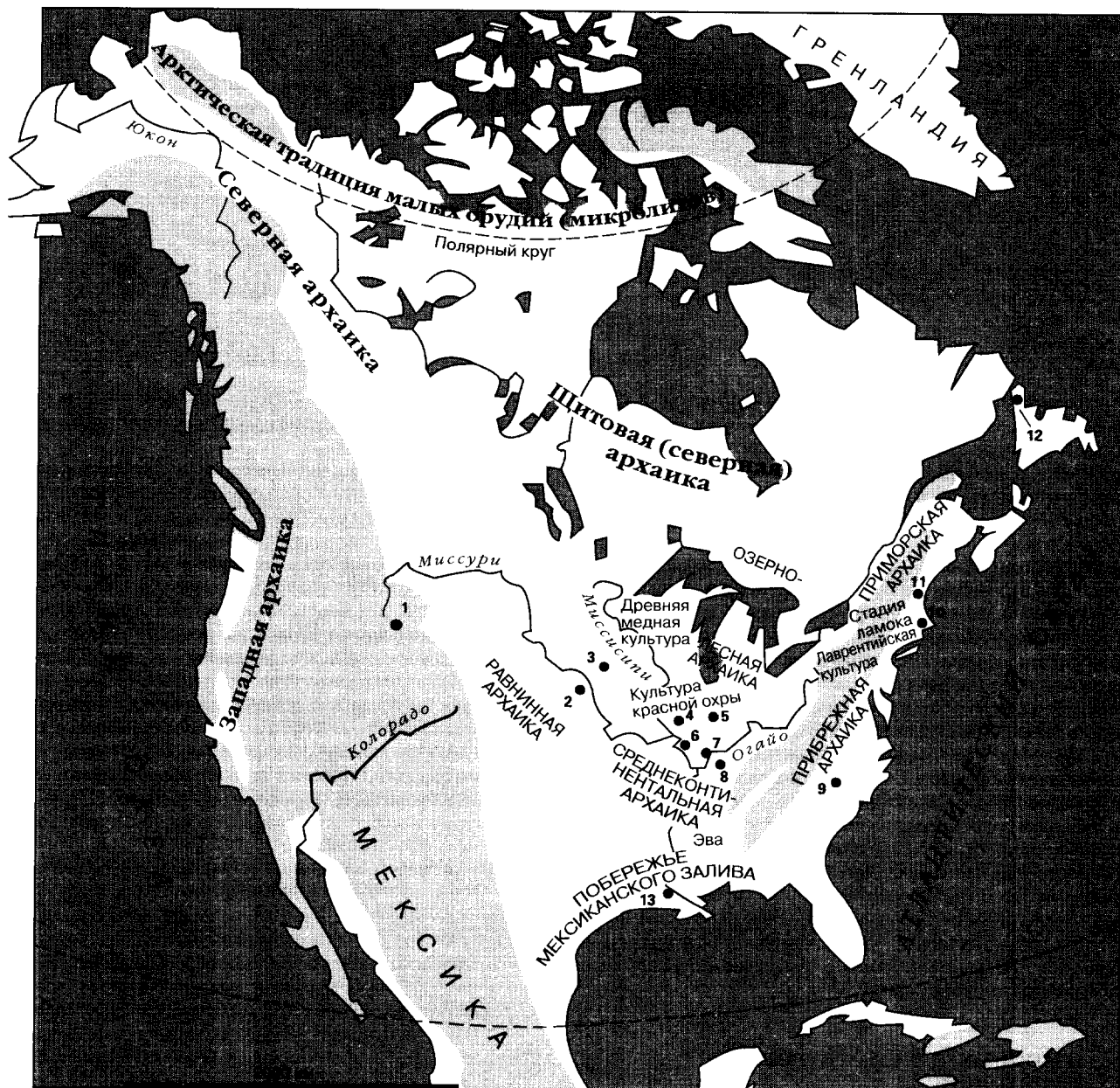
Приблизительно к 4000 г. до н.э. в Арктику проникли древнейшие традиции из внутренних районов Североамериканского континента. Это были способы изготовления наконечников копий и стрел, зазубренных по краям, которые не имели аналогов в Азии (Dumond, 1983, p. 78). Во всех северных частях Североамериканского континента происходило подобное распространение древних традиций в северные широты, так как в результате потепления климата по мере отступления ледников леса протянулись на север. На территории у Гудзонова залива об этом свидетельствует шитовая или северная архаика. Приморская архаика восточного побережья распространилась к северу на п-ов Лабрадор и о. Ньюфаундленд. Это расширение лесных и адаптированных к приморским условиям охотников и собирателей, по-видимому, совпало с периодом потепления, и охотники-собиратели вполне приспособились к новой флоре и фауне.

Предполагают, что около 2000 г. до н.э. в регионе Северной Аляски, в районе Берингова моря, возникла новая традиция – так называемая арктическая традиция малых орудий (АТМО). Она быстро распространилась, в течение относительно короткого времени пересекла арктическую оконечность Североамериканского континента и достигла северо-востока Гренландии (Bielawski, 1988; Maxwell, 1985). В Восточной Арктике эта традиция носит название додорсетной культуры. Проявление АТМО впервые было обнаружено на мысе Денбиг в заливе Нортон на Аляске (Giddings, 1964, 1967). Обнаруженное скопление включало различные орудия, в том числе определенно малые орудия – микропластины, хорошо обработанные ядрища, резцы, инструменты, изготовленные из отщепов, и другие артефакты. Стратегия выживания была ориентирована как на прибрежное рыболовство и ловлю проходной рыбы, так и на охоту в удаленных от моря районах.

Истоки АТМО неизвестны, хотя Дюмон (Dumond, 1983) делает предположение о том, что ее корни, возможно, следует искать в азиатской палеоарктической традиции. Вне зависимости от своего происхождения, эта традиция представляет собой первую общую арктическую культуру и может также свидетельствовать о последнем приходе людей из Азии в Северную Америку. Она может быть связана с приходом инуитов или эскимосов, которые наиболее близки к азиатскому типу людей из всех североамериканских племен, населявших Северную Америку до появления европейцев.

ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Западная часть Северной Америки означает территорию, которая простирается к западу от Скалистых гор до побережья Тихого океана. Помимо самой горной гряды,

5000–2000 гг. до н.э.

Архаические традиции и местонахождения

- 1 Пещера мумий (Mummy Cave)
- 2 Логан Крик
- 3 Симонсен
- 4 Костер
- 5 Ривертон
- 6 Модок
- 7 Ферри
- 8 Индейский курган
- 9 Гора Морроу
- 10 Упанукет
- 11 Невилл
- 12 Пор-о-Шуа
- 13 р. Амит

2000–500 гг. до н.э.

Некоторые основные археологические местонахождения и ранние керамические культуры

- 1 Павети-Пойнт
- 2 Пещера Солтс
- 3 Грейв Крик
- 4 Столлингс-Айленд

Карта 26. Северная Америка: архаические культуры и традиции

территория состоит из трех очень широких географических зон. К югу от канадской провинции Британская Колумбия, в штатах Вашингтон, Орегон и Айдахо, находятся высокие межгорные плато. По ним протекают крупные реки, впадающие в Тихий океан. По многим из этих крупных рек лосось шел вверх по течению на нерест и обеспечивал богатый сезонный запас пищи. Главным образом в пределах штата Юта расположено крупное нагорье, известное как Большой Бассейн. Это внутренний дренажный бассейн, большая часть территории его бессточна; центром его является Большое Соленое озеро. Большой Бассейн расположен в полусухой климатической зоне.

Вдоль североамериканского побережья Тихого океана, в основном в Калифорнии, раскинулась прибрежная равнина, богатая прибрежными ресурсами, включая проходную рыбу. По долинам внутренних районов протекают крупные реки. В этих долинах и близлежащих предгорьях в изобилии растут желудевые деревья.

На всех этих территориях запада Северной Америки сложились долговременные архаические традиции. Адаптация к различным климатическим зонам завершилась уже к V тысячелетию до н.э., и на большинстве территорий сложившиеся в то время традиции просуществовали до прихода в эти районы первых американских поселенцев, что произошло в основном в XIX в. В районе плато важным сезонным источником питания был лосось, а также растительные ресурсы. Эйкенс (*Aikens*, 1983, p. 195) подчеркивает, что «на плато и Большом Бассейне местное изобилие лосося, корнеплодов, кедровых орехов привлекало в сезоны группы собирателей с сотен квадратных миль в округе. Люди приходили туда, где были необходимые ресурсы, и возвращались обратно, унося с собой собранный урожай».

На побережье Тихого океана – области наибольшей концентрации природных богатств – появились более локализованные поселения постоянного типа с большой численностью населения, которая постоянно увеличивалась. Распределение ресурсов осуществлялось посредством торговли, «в которой использовались конкретно измеримые стандарты стоимости» (*Aikens*, 1983, p. 195).

В период с V по I тысячелетие до н.э. архаические культуры, распространенные в прибрежном тихоокеанском регионе, имели больше общих черт с восточной архаикой центральной части континента, чем с культурами Бассейна и плато. Эти сравнения проводятся с учетом уровня социально-культурной интеграции и численности населения, а не на основе сходства определенных памятников материальной культуры.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

В период с V по I тысячелетие до н.э. две архаических культурных модели – стадия чиракава кочизской культуры и так называемая ошарская традиция (*Irwin-Williams*, 1968, 1973) западной архаики – характеризуются растущей интенсивностью использования растительной пищи, ростом численности населения и его образом жизни, типичной особенностью которого был сезонный переход на другое место. В важную категорию артефактов, обнаруженных в этой области, входят крупные каменные зернотерки. В системе поселений, по-видимому, преобладали относительно крупные базовые лагеря, в которых были обнаружены ямы для хранения продуктов и многочисленные очаги. Анализ материальной культуры, флоры и фауны, остатки которых были найдены в местонахождениях на юго-западе, относящихся к среднему архаическому периоду, показывает, что система жизнеобеспечения местного населения была основана на широком использовании съедобных семян, возможно, простом выращивании овощей и охоте на мелких млекопитающих.

Есть некоторые свидетельства того, что уже до I тысячелетия до н.э. в пищу могла идти дикая кукуруза (маис). Это подтверждают остатки кукурузы, обнаруженные в пещере Бэт-Кэйв в штате Нью-Мексико, датируемые, возможно, 2000 г. до н.э. (*Dick*, 1964). Другое свидетельство относится к стадии армико традиции ошара (1800–800 гг. до н.э.); здесь на основе полинолического анализа было сделано предположение о том, что на этом этапе кукуруза уже выращивалась. Другие тропические культурные растения, как тыква и бобы, появились здесь немного позднее. Однако кукуруза не стала основным продуктом питания на юго-западе Северной Америки и на протяжении всего следующего тысячелетия.

ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Археологические данные свидетельствуют о том, что охотники на крупных животных более древних эпох постепенно исчезли с исторической сцены. Адаптация этих специализированных охотников уже не была жизненно важной в изменившихся в последующий период природных условиях на востоке. Численность населения увеличилась, и эффективным способом адаптации стало использование разнообразных местных ресурсов, доступных на ограниченной территории.

Хотя в архаический период во всей восточной части Североамериканского континента были распространены общие разнообразные способы адаптации населения для своего жизнеобеспечения, в этой широкой модели существовали некоторые отличия. Варианты основывались на стилистических различиях в способах изготовления орудий и различных стратегиях адаптации к использованию разнообразных ресурсов. Варианты, которые можно распознать, определяются по их местонахождениям: приморская архаика, прибрежная архаика, озерно-лесная архаика, среднеконтинентальная архаика и равнинная архаика (карта 26).

Приморская архаика

Культура переходного периода, распространившаяся вдоль северо-восточного побережья Северной Америки от залива Мэн до п-ова Лабрадор, известна как приморская архаика. Она характеризуется приспособлением населения к охоте на морских млекопитающих, о чем свидетельствуют обнаруженные в прибрежных местонахождениях фрагменты костей животных, а также костяные наконечники гарпунов. Другими орудиями в этом скоплении являются плоские или заостренные с хвостовиками наконечники копий из каменных отщепов и шлифованных сланцевых пластин, а также полированные каменные топора и долота. Ценные свидетельства о существовании этой традиции были обнаружены в результате открытия и раскопок комплекса захоронений в Пор-о-Шуа на северо-западном побережье о. Ньюфаундленд (*Tuck*, 1970, 1971, 1978). В результате раскопок было найдено более 100 захоронений с сопутствующими погребальными предметами. Многие тела были раскрашены красной охрой для подготовки покойного к вступлению в загробную жизнь. Эта традиция была достаточно распространенной в погребальных обрядах архаического периода на северо-востоке. В этих захоронениях было найдено много разнообразных инструментов, но главным образом – наконечники гарпунов и другие предметы, связанные с охотой на морских млекопитающих. Помимо добычи морских ресурсов, которая, вероятно, носила сезонный характер, люди приморской архаики использовали и ресурсы суши, охотясь на лося и на северного оленя (карибу). О том, что такая адапта-

ция произошла, свидетельствуют и другие местонахождения на этой территории. Она происходила в период с V по II тысячелетие до н.э.

Прибрежная архаика

Приспособление к прибрежным природным условиям и ресурсам прилегающих к побережью происходило также на территории, расположенной к югу от залива Массачусетс до территорий современных штатов Северная и Южная Каролина. Адаптация к данной территории в целом шла более-менее однородно, хотя и отмечались некоторые различия в способах приспособления к новой среде обитания. Основными видами занятий населения в области распространения прибрежной архаики были ловля проходной рыбы, собирательство двустворчатых моллюсков и охота на оленей. В ходе раскопок археологом Динкозом (*Dincauze*, 1972, 1976) были обнаружены местонахождения, где прослеживалась адаптация к новым условиям. Динкоз выделяет два этапа развития прибрежной территории района Новой Англии: Невиль и Старк. Наиболее характерными для этих районов являются крупные наконечники копий с плоскими основаниями, которые относятся к традиции узких наконечников с хвостовиками. Здесь также были обнаружены различные пробойники, рубила, топоры и тесла. Динкоз усматривает подобие развития этих областей и развития Северной Каролины (*Coe*, 1952, 1964). Таким образом, возможно, что почти единая традиция была распространена на всем Атлантическом побережье.

Щитовая (северная) архаика

В Канаде, на территории Лаврентийской возвышенности, окружающей Гудзонов залив, преобладают елово-пихтовые леса с примесью ивы и березы в речных и озерных долинах. Эта территория была по сути последней, от которой отступили ледники, и она не могла быть заселена человеком до V тысячелетия до н.э. Адаптацию к этой территории, происходившую в древнюю эпоху, Райт назвал щитовой архаикой (*Wright*, 1972a, b). Древнейшие представители населения, жившие в северных лесах, могли быть охотниками на крупных животных, приспособившимися к изменившимся природным условиям. Охота на карibu, стадное животное, не сильно отличалась от охоты на других крупных животных. В результате разрастания лесного массива пища людей могла пополняться путем охоты на других животных – лося и оленя, а также собирания прибрежных речных продуктов, семян и плодов. Наконечники копий и стрел из каменных отщепов варьируются по форме: они могли быть или крупными с хвостовиками, или короткими с зазубринами по краям, или треугольными. Многие наконечники были сделаны из отшлифованного и отполированного сланца. В зависимости от сезона образ жизни людей, живущих на этих территориях, возможно, изменялся от стоянок на берегах рек и озер, организуемых для ловли рыбы, до охоты на карibu.

Озерно-лесная архаика

К югу от Великих озер, на территории от Новой Англии на востоке до штата Миннесота на западе, преобладали смешанные леса из деревьев с твердой древесиной и сосной. Эти леса тянулись к югу вдоль рек, впадающих в Великие озера. Прерии, или высокотравные степи отмечали южные пределы этой территории в штатах Висконсин, Иллинойс и Индиана. Эта территория имела более богатую фауну и более обильные пригодные в пищу растительные ресурсы, чем территория северных лесов, рас-

положенная к северу от Великих озер. Здесь была распространена одна из наиболее известных архаических культур, включавшая лаврентийскую культуру, распространенную на территории современного штата Нью-Йорк, и древнюю медную культуру на территории штата Висконсин. Скопление орудий, относящихся к этому типу архаической культуры, включает в себя наконечники копий и стрел – плоские с хвостовиками и зазубренные по краям, концевые скребки, сделанные из сломанных наконечников, разнообразные буры и режущие инструменты с двумя рабочими краями. В более поздние периоды орудия из отшлифованного камня, такие как долота, топоры, тесла, ножи, эскимосские ножи с дугообразным лезвием (улус) и наконечники копий, были добавлены к комплексу орудий на востоке. Некоторые из этих орудий, сделанные из сланца, выглядят очень похожими на инструменты, характерные для северной архаики.

Подобные типы орудий изготавливались на территории штата Висконсин и в регионе Верхнего озера, где не было природной меди. Это производство называлось древней медной культурой. Действительно, люди, жившие на территориях озерно-лесной архаики, к западу от Великих озер, нашли природный материал, который было гораздо проще обрабатывать, чем кремнистый известняк и даже сланцы, которые они привыкли использовать. Его можно было обрабатывать как мягкий и податливый камень. Для обработки самородной меди применялись в основном технологии, используемые при изготовлении инструментов из каменных отщепов: термическая обработка, расплющивание и т.д. Этот материал был настолько удобен, что древние люди стали добывать его систематически (*Griffin*, 1961). Обмен им, возможно в виде готовых изделий, осуществлялся на обширной территории северо-запада. Естественно, что в результате древние культуры на этой территории были в основном такими же, что и культуры на востоке. Общими изделиями в комплексе орудий озерно-лесной архаики были различные предметы, предназначенные для ловли рыбы. Это были медные или костяные рыболовные крючки, остроги (копья с двумя или несколькими зубцами) и копья. Сети также скорее всего использовались, но не сохранились.

Среднеконтинентальная архаика

Вариант древней адаптационной стратегии, которую Форд назвал речной архаикой (*Ford*, 1974), возможно, является одной из наиболее хорошо изученных моделей древнего образа жизни. Она была распространена в центральном бассейне р. Миссисипи и ее основных притоков. Эта территория занята в основном широколиственными лесами, в которых преобладают дубы и орехоплодовые виды культуры. Долины крупных рек в изобилии обеспечивали местное население речными пищевыми ресурсами. Даже в прериях люди пользовались богатствами лесов, находящимися в низовьях рек. Эта обширная территория, которая тянется от штата Нью-Йорк до штата Висконсин и с севера штата Иллинойс до низовий Миссисипи, несомненно, была одним из самых богатых природными ресурсами регионов на всем континенте. В небольшом по площади речных долинах было представлено большое разнообразие биogeографических ресурсных зон. Сезонные изменения способов добычи пищи могли привести группы из низовий рек на края лесных массивов, на плоскогорья с их прериями, где они могли обеспечить себя излишками пищи. Именно в этой области был обнаружен ряд более крупных местонахождений, относящихся к древнему периоду. Есть данные о том, что в этом регионе численность населения могла быть большой и что в период с V по II тысячелетие до н.э. здесь могли появиться постоянные поселения.

В местонахождениях на территории среднеконтинентальной архаики были обнаружены свидетельства использования в пищу мяса оленя, енота, опоссума и других мелких млекопитающих. Рыба, по-видимому, была важным продуктом питания. Птицы, в частности водоплавающие, также использовались. Кроме этого, здесь было развито интенсивное собирание диких растений.

Артефакты, которые использовали народы среднеконтинентальной архаики, включали наконечники копий и стрел с зазубренными краями и хвостовиками различной формы. Также были обнаружены боковые и концевые скрепки, некоторые – с рукоятками или сделанные из сломанных наконечников копий, обрабатывающие инструменты, буры, криволинейные струги и другие производственные инструменты. В скоплениях также найдены разнообразные украшения, например бусы, костяные булавки и подвески из гальки. Орудия из шлифованного и полированного камня разнообразных форм и функций составляют значительную часть набора инструментов. Среди них – так называемые камни-символы в большом многообразии форм. Камень в форме капли, который называли грузилом, возможно, использовался так же, как и камни-бола индейцев Южной Америки, т.е. как грузы, которые привязывались к концам веревки и применялись в охоте на животных, чтобы при броске обвивать их шею или ноги. На этой территории они, возможно, использовались для ловли водоплавающей птицы.

Здесь было обнаружено большое количество зернотерок, которые, возможно, использовались для перемалывания орехов и семян. Песчаник использовался как абразивный камень для точения и обработки других орудий.

В этой области были обнаружены стилистические различия в орудиях, в оружии, поэтому, например, по формам наконечников копий и стрел и виду других артефактов можно определить границы подобластей, относящихся к среднеконтинентальной архаике. Наборы орудий на различных небольших участках этой обширной территории, очевидно, также отличались рядом специфических особенностей. Образ жизни групп населения также варьировался в соответствии с местной базой ресурсов. Например, приспособление к сезонному циклу берег реки – прерии несколько отличалось от адаптации к сезонному циклу берег реки – плато Озарк.

Археологические находки, относившиеся к среднеконтинентальной архаике, были обнаружены в нескольких местонахождениях и регионах. Стадия развития этой культуры в поселении Ламока, штат Нью-Йорк (*Ritchie*, 1969), возможно, является наиболее удаленной ее частью в северо-восточном направлении, о которой нам известно. Эта стадия находилась во взаимоделинии с лаврентийским сегментом озерно-лесной архаики. Артефакты этого сегмента имеют много общего с находками в местонахождениях среднеконтинентальной архаики. Поселение Костер в штате Иллинойс – надежно подтвержденный пример среднеконтинентальной архаики, а в расположенном южнее скальном укрытии Модок были найдены свидетельства длительного пребывания людей в этом месте (*Fowler*, 1959). В долинах рек Теннесси и Камберленд находятся некоторые из крупнейших поселений среднеконтинентальной архаики. Объяснить это можно тем, что здесь в изобилии водились речные моллюски и были чрезвычайно богатые лесные ресурсы.

Исследования архаических культур центральной части континента в значительной степени способствовали нашему пониманию стратегии адаптации населения к сезонному циклу. Среди этих исследований выделяется работа Уинтерса (*Winters*, 1968), в которой рассматривается культура ривертон в долине р. Уобаш (приток р. Огайо). На примере этой культуры автор показал ход сезонных перемещений людей той эпохи в пределах ограниченной территории долины. Ежегодные передвижения включали сто-

янку в летнем базовом лагере, промежуточные временные стоянки в лагерях весной и осенью и проживание в небольших зимних поселениях. На протяжении всего года у групп населения находились специальные места для охоты, собирательства и лагерей.

Равнинная архаика

В конце Висконсинского ледникового периода и в течение нескольких тысячелетий после него на равнинной территории Северной Америки преобладали охотники на крупных животных. Однако в постплейстоценовую эпоху этот образ жизни переместился к северу вместе с крупными животными. Несколько ранее на некоторых территориях, но в основном во время и после периода потепления, на равнинах с запада и востока начали проявляться новые способы адаптации групп населения к установившимся условиям. Эти группы состояли из охотников и собирателей, пользовавшихся «разнообразными способами добычи пищи, включающими широкое использование весьма разнообразных небольших млекопитающих, семян и других растительных продуктов, а иногда рыбы, пресмыкающихся, земноводных и подобных животных» (*Wedel*, 1983, p. 216).

В местонахождениях, относящихся к равнинной архаике, обнаружены следы разнообразных видов деятельности, направленной на добычу пищи. Во многих этих местонахождениях были обнаружены зазубренные наконечники метательных орудий, а в более поздних – наконечники различной формы с хвостовиками и зазубринами. В тех же местонахождениях были обнаружены остатки бизона и виргинского оленя. Хотя на равнинах коллективная охота на бизона была распространена на протяжении большей части доисторического периода, по-видимому, она не была важным фактором для людей архаики.

Во всех гипотезах о происхождении равнинной архаики рассматривается так или иначе воздействие, которое оказал период потепления на территорию Великих равнин. Возможно, более жаркий и сухой климат периода потепления привел к тому, что корм в низкотравных прериях перестал быть таким обильным, как раньше. Это могло повлечь за собой вымирание или уход из области Равнин крупных пород бизонов, наиболее предпочитаемых охотниками, а следовательно, и переселение самих охотников на крупных животных. Харт (*Hurt*, 1966) предполагает, однако, что Равнины никогда не были полностью покинуты людьми. Там, возможно, оставалось несколько благоприятных областей, служивших своего рода убежищем для людей и животных. Оставшееся население, скорее всего, должно было разнообразить свои навыки в охоте, чтобы выжить. Предполагается, что появление более мелкого вида современного бизона могло быть ответом на суровые условия периода потепления.

Многие сведения ранней равнинной архаики показывают, что ее развитие могло иметь место на территориях по краям высокогорных равнин. В Пещере мумий (*Mummy Cave*) (*Wedel et al.*, 1968), в штате Вайоминг, были обнаружены следы длительного периодического проживания западных древних людей в течение нескольких тысяч лет. На восточных окраинах Равнин были обнаружены остатки поселений, относящихся к периоду ранней архаики, датированные ранее 4000 г. до н.э. Вслед за периодом потепления, приблизительно с 3500 до 1000 г. до н.э., поселения, относящиеся к местной архаике, обнаруживаются на всей равнинной территории, и особенно вдоль долин основных рек. Равнинная архаика представляет собой, в сущности, сочетание особенностей архаики восточной и западной частей Северной Америки, проявившееся в результате переселения людей, адаптировавшихся к условиям Равнин, после того как вслед за периодом потепления климат стал умеренным.

ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ ПЕРИОДА АРХАИКИ

В образе жизни народов Северной Америки на протяжении архаического периода произошли некоторые важные изменения. Они послужили основой или ступенями для дальнейшего культурного развития.

Рост численности населения

В период архаики произошло максимальное распространение людей на новых территориях и их адаптация к новым природным условиям. Несомненно, к I тысячелетию до н.э., после окончательного освобождения северных территорий от гигантских ледовых щитов, все территории Северной Америки были заселены. Исключением был только о. Гренландия, большая часть которого (более 80%) и по сей день остается покрытой льдом. Однако даже там прибрежные участки, свободные от ледового покрова, были заселены в период поздней архаики.

В этот поздний период на новые места перебирались люди, уже хорошо акклиматизировавшиеся, которые приспособивались к новой окружающей среде, используя способы адаптации, выработанные в разных архаических условиях. Наиболее впечатляющим в этот период было распространение арктической традиции малых орудий (или микролитов), которая, вероятно, была культурой нового народа – инуитов, иногда называемых палеоэскимосами. (В настоящее время инуиты – самоназвание эскимосов. – *Прим. ред.*) Древнейшие проявления этой культуры обнаружены в районе Берингова пролива на Аляске, но в течение нескольких сотен лет она распространилась повсеместно, вплоть до северо-восточного побережья Гренландии. Это вполне могло быть началом развития и распространения на территории северного склона Аляскинского хребта, а также на островах и в заливах северной части Канады культуры, ориентированной на использование прибрежной зоны (*Dumond, 1987; Bielewski, 1988; Maxwell, 1985*).

Отмечалось несколько передвижений архаических культур лесной зоны внутренней части Северной Америки на арктическую, субарктическую и другие территории. Одной из таких культур является северная архаика (*Dumond, 1987; Anderson, 1968*). Далее к востоку обнаруживается уже упоминавшаяся щитовая архаика. Она сложилась в результате перехода людей из района Великих озер на север, в субарктическую область. Люди и культура переместились на север, так как северная лесная зона распространилась в ранее покрытые ледником регионы вдоль берегов Гудзонова залива и в западном направлении. На северном побережье Атлантического океана, в области, расположенной к северу от Новой Англии, в период поздней архаики распространилась приморская архаика. Развитие равнинной архаики после периода потепления свидетельствует о еще одном переселении людей в ранее необитаемые области.

Социальная дифференциация – усложнение погребальных обрядов

Свидетельства о существовании социальных различий в архаических культурах обнаруживаются на примере обращения с умершими, как видно из раскопанных захоронений. Вероятно, на большей части архаического периода общества были эгалитарными, и социальная дифференциация была незначительной. Позднее изменилось отношение к погребальным обрядами и возникли различия между захоронениями. В некоторые захоронения помещали больше предметов, и более специализированных, чем в другие.

Было раскопано несколько скелетов, относящихся к периоду между 5000 и 2000 г. до н.э., и было обнаружено много захоронений, датированных уже более поздним периодом. В более поздних захоронениях в местонахождении Модок (самые древние из которых относятся примерно к 6000 г. до н.э.) находились простые погребальные предметы: в одном случае – каменный топор, в другом – наконечник копья. Один случай представляется особенно интересным, потому что в захоронении была обнаружена груда птичьих костей, в основном крупных птиц, вероятно лебедей. Из некоторых костей были сделаны шилья, в то время как приблизительно половина была оставлена в первоначальном виде. Естественно, эти подношения мало могут сказать о социальной дифференциации сообщества.

В более поздний период, около 2000 г. до н.э., большой комплекс, насчитывающий более тысячи захоронений, находился рядом с Индейским курганом в Кентукки (*Webb, 1946*). Эта территория была, возможно, кладбищем людей, относящихся к среднеконтинентальной архаике, а также и местом их обитания. По-видимому, здесь существовала некоторая дифференциация между захоронениями, так как приблизительно в одной трети из них были обнаружены погребальные предметы, предполагающие существование по крайней мере двух разных групп в обществе. Люди, захороненные вместе с погребальными предметами, могли быть теми, кто при жизни приобрел славу или статус, и стали, таким образом, «большими людьми». Эта форма социального различия встречается среди эгалитарных обществ. Другим различием в этих захоронениях было то, что только в небольшой доле могил были найдены погребальные предметы, привезенные издалека, например медные артефакты, возможно, из района Верхнего озера, и подвески из ракушек с побережья Мексиканского залива. Эти предметы считались большим «вкладом» в имущество группы, поэтому, скорее всего, могли быть захоронены только вместе с людьми, занимавшими исключительное положение в обществе.

Третьим интересным фактором в захоронениях Индейского кургана является то, что погребальные предметы находились в могилах представителей обоих полов и всех возрастов. Вероятно, погребальные предметы в этих захоронениях являются показателями социальных различий в обществе, которые определяются происхождением и наследуются (*Binford, 1971*). В этом направлении необходимо провести дальнейшие исследования.

На территории поздней лесной архаики был обнаружен комплекс захоронений, в которых применялась красная охра и лежали ожерелья и другие артефакты. Погребальные обычаи подобного типа обнаружены на территории от Новой Англии до штатов Индиана и Иллинойс. В первом случае речь идет о культуре красной охры, распространенной в Иллинойсе. Здесь среди погребальных предметов найдены экзотические пластины, названные «индюшачьи хвосты». Другие артефакты – шлифованные пластины из сланца и каменные топоры – чаще обнаруживаются на территории Новой Англии. В большинстве из этих захоронений, однако, нельзя найти никаких сведений о социальной дифференциации. Вместе с тем по этим находкам можно предположить, что на этапе поздней архаики проявлялось большее внимание к умершим.

Захоронения на территории приморской архаики свидетельствуют о распространении культуры красной охры к северу-востоку. В Пор-о-Шуа (о. Ньюфаундленд) было обнаружено крупное кладбище, в котором исключительно хорошо сохранились как скелеты, так и костяные орудия (*Tuck, 1971*). Погребальные предметы были обнаружены в большинстве захоронений. Существовало разделение по полу – об этом можно судить по типам находившихся в могилах орудий. Вместе с погребальными предметами хоронили как детей, так и взрослых. Найденные орудия, как и большое количество личных украше-

ний, были настолько разнообразными, что предоставляли полную информацию о всех видах деятельности людей приморской архаики.

В окрестностях залива Сан-Франциско было раскопано местонахождение, которое, хотя и относится к несколько более позднему периоду, чем рассматриваемый здесь, все же показывает развитие социальной дифференциации в поздней архаике на западе Северной Америки. В этом месте было обнаружено более 40 захоронений, из них 18, расположенных в середине, содержали более 60% погребальных предметов от всех обнаруженных; это были могилы или кремнированных, или преданных земле. На основании такого различия в обращении с умершими было сделано предположение о «иерархической социальной структуре» (King, 1974).

В целом, данные об обычаях погребения в поздний архаический период указывают на появление большего внимания к погребению умерших. Многие данные свидетельствуют о существовании эгалитарного общества, в котором выделялись отдельные личности, которые признавались достойными высокого положения в обществе. Есть некоторые данные, предполагающие усиление социальных различий, которые могли передаваться по наследству, предоставляя человеку социальный статус по рождению.

Системы товарообмена

В архаических культурах были разработаны системы товарообмена для приобретения экзотических для них товаров, таких как медь, качественные типы кремня, раковины с побережья Мексиканского залива и скоропортыющиеся материалы. Эти системы приобретения товаров, возможно, были основаны на взаимном обмене и не предусматривали каких-либо специализированных торговцев. Товары перемещались в обоих направлениях от группы к группе путем обмена на другие товары. Таким образом, желаемые и необходимые материалы распространялись на обширных территориях. Подобные системы обмена хорошо известны народам, занимающимся собирательством и охотой. Вероятно, они развились как механизм обмена продовольственными ресурсами для уравновешивания неравномерно распределенных ресурсов или для выживания в голодные годы. Такие обмены, возможно, не всегда были необходимыми, но их сеть сохранялась открытой благодаря обмену экзотическими товарами, которые часто завершали свой путь в качестве погребальных подношений.

Функционирование этих систем обмена лучше всего можно проследить на примере распространения экзотических товаров с территорий, на которых они были произведены. Медь, например, в большом количестве добывалась в районе Верхнего озера. На этой территории, где процветала так называемая древняя медная культура, были сделаны многочисленные предметы из меди: полукруглые долота; топоры с прорезью; дугообразные ножи, подобные по форме и назначению эскимосским «улус»; наконечники копий с прорезями и хвостовиками; а также бусы и другие украшения. Многие из этих предметов озерно-лесной архаики подобны сделанным шлифованным и полированным каменным орудиям, которые характерны для северной и приморской архаики (илл. 165).

Непосредственно за территорией древней медной культуры обнаруживается меньшее количество артефактов из меди. Предполагается, что эти предметы привезены из района Верхнего озера, хотя некоторые из них могли быть сделаны из самородков, найденных в ледниковых наносах. Медные артефакты чаще обнаруживаются на территориях озерно-лесной и северной архаики, но также хорошо известны и южнее – в регионе среднеконтинентальной архаики.

Одним из наиболее интересных исследований сетей товарообмена периода архаики был анализ обмена экзотическими товарами, обнаруженными в захоронениях Индейского кургана. Большая часть этих предметов была сделана из ракушек с побережья Мексиканского залива. Уинтерс (Winters, 1968) сделал заключение, что эти предметы были получены или обменены на другие предметы с учетом их действительной «стоимости». Кроме того, он приходит к выводу, что такие системы обмена носили циклический характер и товары поступали с регулярными интервалами. Подобные ценные предметы, возможно, были только частью системы товарообмена. Они укладывались в могилы вместе с владельцами как подношения близких родственников и должников при погребальном обряде. Эти подношения еще раз подтверждали социальное положение умершего. В результате захоронения определенные предметы изымались из обращения, тем самым поддерживался спрос и укреплялась необходимость товарообмена; таким образом, экзотика была характерной особенностью наиболее распространенных товаров, передававшихся из рук в руки.

Развитие постоянных поселений и центральных сообществ

Во многих архаических местонахождениях имеется мало или совсем нет данных о действительной организации поселений. Укрытия были неосновательными и временными. Поселения представляли собой один из небольших сезонных лагерей. Следует рассмотреть возможность объединения в одну группу нескольких таких лагерей и даже объединение групп в единое поселение на территориях, богатых сезонными ресурсами. В период поздней архаики, возможно к 3000–2000 гг. до н.э., могли образоваться центральные базовые поселения, где люди могли жить в течение всего года.

Сведения о постройках того времени достаточно скудны, хотя некоторые данные были обнаружены. Одним из таких местонахождений является Упанукет № 6 на юго-востоке штата Массачусетс (Robbins, 1959). Были обнаружены ямы под столбы, расположенные по шести окружностям; эти столбы, вероятно, служили основой строений. Части окружностей заходили одна на другую, обеспечивая вход. Диаметр этих окружностей варьировался от 9 до 14 м, одна большая окружность была диаметром 20 м. В пределах окруженной ямами площади были обнаружены очаги. Более крупное здание могло быть ритуальным центром сообщества.

В местонахождении Костер была обнаружена площадь, которую занимал прямоугольный дом, относящийся к стадии Хелтон. К другим находкам отнесены возможные склады и ямы для приготовления пищи. Эта территория могла быть развивающимся центральным базовым лагерем.

Одно из местонахождений, которое, возможно, было осенним лагерем для общеплеменных собраний людей в период архаики, было обнаружено в Ферри – месте, возвышающемся над долиной р. Огайо в ее низовьях на юге штата Иллинойс (Fowler, 1957). Здесь были собраны богатые сведения об обработке орехов, найдены зернотерки и каменные молотки. Более крупные зернотерки типа ступы, возможно, оставались на этом месте, чтобы ими можно было пользоваться каждый год после возвращения в лагерь. Предметы, относящиеся к периоду архаики, рассеяны по площади в несколько гектаров, среди них – большое количество наконечников копий и стрел, многие из которых были сделаны из кремнистого известняка, выходы которого находились поблизости на отвесном берегу. Здесь было обнаружено большое количество «каменной-символов» или их фрагментов различных типов. Была выдвинута гипотеза, что такие «камень-символы» разнообразных

форм были опознавательными знаками разных групп. Осенью, в период созревания желудей, несколько групп людей собирались здесь и занимались собирательством. Ежегодное посещение этого лагеря предоставляло также возможность собрать местный кремнистый известняк и изготовить наконечники.

На берегах рек бассейна Миссисипи в ее среднем течении было обнаружено много скоплений раковин. Моллюски в изобилии водились в этой области, и их было достаточно, чтобы прокормить увеличивающееся население, так что в береговых районах могли формироваться центральные лагеря (Fowler, 1959). В таких местонахождениях найдены орудия, украшения и другие предметы, показывающие, что там осуществлялся полный деятельности цикл: добыча пищи, производство и обрядовые действия. Индейский курган может быть одним из таких мест. Другим местонахождением является Эва в районе Биг-Санди-Ривер в штате Теннесси. Эва в течение долгого времени была местом, которое интенсивно и в течение долгого времени заселялось группами людей и где в изобилии скапливались раковины моллюсков. В других местах, связанных с Эвой, были развиты определенные виды деятельности, направленные на жизнеобеспечение. Некоторые сведения о постройках были получены по многочисленным обнаруженным ямам под столбы. Эти ямы, однако, были так часто расположены, что не представляется возможным определить тип сооружения. Эва была, возможно, центральным лагерем для других лагерей, специализировавшихся на определенных видах работ.

Пример древнего более сложного земляного сооружения был обнаружен в местонахождении Паверти-Пойнт в штате Луизиана. Видимо, здесь общество было достаточно хорошо организовано, чтобы управлять работой многих людей. Центральной постройкой в этом местонахождении является большое земляное сооружение геометрической формы, размер которого в поперечнике составляет около 1200 м. В первоначальном виде оно, возможно, состояло из шести концентрично расположенных восьмиугольников с гранями, представляющими собой земляные насыпи. Почти половина этой земляной постройки была размыта протекающей рядом рекой. Между гранями были прорыты рвы: ряды из пяти рвов и шести граней составляют каждую из восьми секций земляного сооружения. Секции ведут из центральной открытой площади в наружную часть восьмиугольника. Рвы частично могли образоваться, когда из них брали землю для сооружения насыпей. В настоящее время высота насыпей составляет всего около полуметра, но предполагается, что первоначально она могла быть не менее трех метров. Внутреннее расстояние между гранями восьмиугольников было около 595 м, а внешнее – 1210 м. Исследователи полагают, что грани являлись фундаментом (Ford & Webb, 1956, p. 128), который выдерживал до 600 домов.

Насыпь смыкалась с тремя холмами, один из которых в плане был в виде птицы. Вместе с восьмиугольником на них потребовалось около 800 000 куб. м земли (Webb, 1968, p. 318). Конечно, во всей восточной части Северной Америки в этот период не было ни одного сооружения, способного сравниться с постройкой в Паверти-Пойнт.

Уникальность размера, сложности и формы земляной насыпи, а также обнаруженные в ее толще небольшие предметы из обработанного камня натолкнули некоторых исследователей на мысль, что это сооружение было построено людьми, пришедшими сюда из другой области. Некоторые сделали предположение, что это был аванпост ольмеков в нижнем течении Миссисипи. Не подлежит сомнению необычность характера местонахождения, хотя оно могло быть частично более широко распространенного культурного феномена. Отличительными признаками этой культуры являются изделия из обожженной глины, которые, по-видимому, использовались для приготовления

пищи на раскаленных камнях. Гончарные изделия, обнаруженные в Паверти-Пойнт, имеют много общего с традиционными изделиями из смешанной с волокном глины с юго-востока. Конструкция граней, хотя они и более правильной формы, подобна кольцевым насыпям из ракушек, делаемым сообществами, которые населяли побережье Атлантического океана. Таким образом, Паверти-Пойнт может представлять пример яркого образа жизни сообщества, необычного для этой территории. По-видимому, комплекс в Паверти-Пойнт просуществовал очень недолго, возможно, не более 200 лет, и одновременно в нем могли находиться всего лишь несколько сотен людей. Удовлетворительное объяснение его происхождения и назначения – это предметы дальнейших исследований.

Керамика

Имеется мало данных о существовании сосудов в период ранней архаики. Корзины и кожаные сосуды для приготовления пищи на раскаленных камнях, без сомнения, использовались, впрочем, как и деревянные чаши и ступы, но свидетельств об их существовании не сохранилось. Есть свидетельство об изготовлении каменных чаш на крайнем юго-востоке и северо-востоке в поздний архаический период – между 2000 и 1000 г. до н.э. Эти чаши делались из мягкого камня, были, как правило, плоскодонными, с утолщенными ручками по бокам. На севере они были более глубокими, почти конической формы, хотя о возможных способах их использования можно только догадываться.

Подобная посуда делалась из глины, которая смешивалась с каким-либо непластичным материалом, затем изделиям придавалась соответствующая форма и они обжигались. Эта технология, по-видимому, впервые развилась на территории Атлантического побережья штатов Флорида и Джорджия. В бассейне р. Саванна, в Джорджии, гончарные изделия из смешанной с волокнами глины, представленные гладкими, без орнамента чашами, радиоуглеродным анализом датированы приблизительно 2500 г. до н.э. Подобная керамика появилась несколько сотен лет спустя в долине р. Сент-Джонс, штат Флорида (Bullen & Stoltman, 1972). Сосуды, внешняя поверхность которых была украшена орнаментом, появляются в обеих областях позднее (возможно, в 2000 г. до н.э.). Эта технология изготовления сосудов распространилась на запад, в низовья Миссисипи, к 1500 г. до н.э.

В более позднее время гончарное дело параллельно развивалось и на северо-востоке. Эти керамические изделия были сделаны из глины, в которую добавлялся песок (или измельченный гравий), а с внутренней и внешней стороны глиняного сосуда делались оттки веревкой или шнуром. Этой технологии предшествовало производство каменных сосудов. Типичными изделиями, выполненными по указанной технологии, является керамика стиля винет из штата Нью-Йорк (Ritchie, 1969) и изделия файет из штатов Иллинойс и Индиана.

Хотя некоторые исследователи высказывали предположения о происхождении этой технологии из других областей – из Мексики и северной части Южной Америки на юго-восток, а с запада Арктики и из Азии – на северо-восток, однако, видимо, в этом не было необходимости. Скорее всего, эти технологии были разработаны местным населением. Каким бы ни было происхождение этих новаций, они являются базой, на основе которой развивалось впоследствии производство керамики на востоке Северной Америки.

На Аляске керамика обнаружена в культуре чорис, относящейся приблизительно к началу I тысячелетия до н.э. (Giddings, 1964, 1967; Dumond, 1983, p. 81). Здесь гончарные изделия определенно имели азиатское происхождение, что свидетельствует о постоянном взаимодействии народов Азии и Северной Америки.

Собирательство и окультуривание растений

Для архаических культур, за исключением арктической и субарктической территорий, были характерны экстенсивные способы добычи растительной пищи. Во многих областях это было собирание плодов деревьев, например желудей, грецких орехов и орехов pekan, которые были важным источником продовольствия. Семена других растений также собирались в изобилии. Это были новые или пересаженные растения, такие как амарант, некоторые виды сорных растений, подсолнечник и другие. Эти растения, дающие обильный урожай семян, могли выживать в одной и той же естественной среде только в течение немногих лет, после чего на их места сажались другие растения, которые, в свою очередь, достигали кульминации в своем развитии. Если, однако, среда обитания продолжала быть неустойчивой, то многие из растений могли выживать и приносить урожай. Хотя данных об этом периоде немного, предполагается, что древние люди способствовали росту многих из этих растений и таким образом делали шаги к их окультуриванию. Это особенно справедливо в отношении территории среднеконтинентальной архаики.

Подсолнечник (вид *Helianthus*), возможно, был окультурен в центральной части континента и распространился оттуда на другие территории Северной Америки. Есть данные об использовании в пищу некоторых сорных растений (вид *Iva*) в районе местонахождения Костер, в долине р. Иллинойс. Развитию прибрежного садоводства на этой территории способствовало то, что ежегодные разливы рек создавали новую естественную среду для растений каждый год (Struever & Vickery, 1973).

Появляется все больше данных о том, что тыква и кабачок могли входить в состав комплекса растений на территории среднеконтинентальной архаики. В археологических контекстах в штатах Миссури, Иллинойс, Кентукки и Теннесси были найдены фрагменты кожуры и семян, которые приблизительно датируются периодом с 6000 по 2000 г. до н.э. (Smith, 1987, p. 11). Они могли появиться здесь в результате распространения тропических окультуренных растений на север. Однако все больше свидетельств указывает на то, что это были растения, появившиеся в результате изменений естественной среды, независимо окультуренные на востоке. Нет свидетельств того, что в архаические времена на востоке выращивалась кукуруза.

В целом, можно сделать вывод, что народы на территории среднеконтинентальной архаики стимулировали рост растений, дающих высокий урожай семян. В некоторых случаях благоприятные условия роста обеспечивались путем выжигания участков земли для уничтожения конкурирующей растительности, или же люди просто пользовались преимуществом постоянного изменения естественной среды обитания растений в береговых районах, затопляемых при разливах рек. В других случаях необходимо было проявлять большую заботу об условиях, в которых растения могли нормально размножаться (Ford, 1974). В эпоху поздней архаики все это привело к образованию комплекса съедобных растений, который приобретал все большую важность как часть стратегии выживания. Эта стратегия была основана на окультуривании новых растений, и в продовольственный комплекс не входили такие тропические виды растений, как кукуруза, бобы и тыква. Подобная модель выживания использовалась в период архаики и на юго-западе, где к данному комплексу кукуруза, возможно, была добавлена не ранее 1000 г. до н.э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период между V тысячелетием и началом I тысячелетия до н.э. на континенте Северной Америки был временем полного развития архаического образа жизни.

Это был период «вселения» в зоны с самыми разнообразными ресурсами, которые распространились там в постплейстоценовую эпоху, или эпоху голоцена. В этот период сформировались определенные и хорошо распознаваемые традиции, связанные с природными зонами, к условиям которых они приспособились. Эти традиции различались от региона к региону, и различия проявлялись в разных наборах орудий и характерных для этих областей животных и растительных ресурсов. Общими характеристиками всех этих архаических традиций были: сезонные циклы добычи пропитания, растущая зависимость от растительных ресурсов и интенсивное использование ресурсов ограниченной территории.

В течение рассматриваемого периода люди открыли новые территории обитания, такие как Восточная Арктика, субарктическая зона и область Равнин, и сумели приспособиться к новым условиям природной среды. Наиболее выдающимся распространением населения на новой территории был быстрый переход палеоэскимосов (инуитов) из региона Берингова пролива далеко на восток, в Гренландию.

На многих территориях, таких как восточная лесная зона, среднеконтинентальные речные земли и юго-запад, выращивание растений стало основной стратегией жизнеобеспечения для народов поздней архаики. Эта стратегия основывалась на использовании и окультуривании новых видов растений – сорняков, подсолнечника и других. В мезоамериканской части Северной Америки этот процесс начался в период ранней архаики. К началу поздней архаики, приблизительно к 2000 г. до н.э., была одомашнена кукуруза и земледелие стало основным способом жизнеобеспечения. Кукуруза распространилась на юго-западе, возможно, в то же время, но она не стала основным продовольственным растением в течение по крайней мере всего следующего тысячелетия. Нет свидетельств использования кукурузы в период архаики и на востоке Северной Америки. Земледельческая стратегия, однако, позволила выработать образ действий, заключающийся в «предварительной адаптации», на основе которой кукуруза стала выращиваться на востоке с начала новой эры.

Ко времени поздней архаики на территориях, богатых продовольственными ресурсами, где к тому же было хорошо развито земледелие, появились относительно крупные оседлые сообщества. Это особенно характерно для среднего и юго-западного регионов континента. Такие сообщества, возможно, служили центрами использования ресурсов территории, с которыми были связаны окружающие более мелкие общины, и поддерживающие эти центры сообщества, расположенные вдали от них. Подобные сообщества сформировались в прибрежных регионах части Северной Америки, богатых морскими ресурсами, такими как проходная рыба, и внутриконтинентальными ресурсами, такими как желуди. Таким образом, западные области в период поздней архаики могли развиваться и без земледелия.

В средней части континента, на востоке и в прибрежных районах штата Калифорния, есть свидетельства о появлении социальных различий. Они обнаруживаются главным образом на примере различного отношения к умершим. Вопрос о том, являются ли эти различия показателем положения в обществе, определяемого происхождением, или приобретенного социального статуса, пока остается нерешенным.

Как в Калифорнии, так и на востоке, система товарообмена приобретает все более широкий характер. Об этом свидетельствует, в частности, наличие чужеземных экзотических предметов в захоронениях. Однако обмен также служил механизмом для более широкого распределения съестных припасов и других продуктов.

К периоду архаики относится и появление древнейшей керамики. На востоке гончарные изделия датируются приблизительно 2000 г. до н.э., и высказываются предположения об их местном происхождении. В Арктическом регионе керамика появляется после 1000 г. до н.э.; возможно, она попала сюда из Азии. На юго-западе гончарные изделия обнаруживаются намного позже, возможно, в результате перехода земледельческих народов из Мезоамерики на север.

Подводя итог, можно отметить, что в период с V до начала I тысячелетия до н.э. в Северной Америке были заложены основы, на которых смогли впоследствии развиться более сложные культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AIKENS, C. M. 1983. The Far West. In: JENNINGS, J. D. (ed.), *Ancient Native Americans*. San Francisco, pp. 149–201.
- ANDERSON, D. D. 1968. A Stone Age Campsite at the Gateway to America. *Sci. Am. (New York)*, Vol. 218, No. 6, pp. 24–33.
- BIELAWSKI, E. 1988. Paleo Eskimo Variability: The Arctic Small-Tool Tradition in the Central Canadian Arctic. *Am. Antiq. (Washington, D. C.)*, Vol. 53, No. 1, pp. 52–74.
- BINFORD, L. R. 1971. Mortuary Practices: Their Study and their Potential. In: BROWN, J. (ed.), *Approaches to Social Dimensions of Mortuary Practices*. Washington, D. C., Society for American Archaeology. (Mem. 25.)
- BULLEN, R. P.; STOLTMAN, J. B. (eds) 1972. *Fiber Tempered Pottery in the Southeastern United and Northern Colombia: Its Origins, Context and Significance*. Florida Anthropological Society.
- CHARLES, D. K.; BUIKSTRA, J. E.; KONINGSBERG, L. W. 1986. Behavioral Implications of Terminal Archaic and Early Woodland Mortuary Practises in the Lower Illinois River Valley. In: FARNSWORTH, K. B.; EMERSON, T. E. (eds), *Early Woodland Archaeology*. Kampsville, Ill. pp. 458–74.
- COE, J. L. 1952. The Cultural Sequence of the Carolina Piedmont. In: GRIFFIN, J. B. (ed.), *The Archaeology of the Eastern United States*. Chicago, pp. 301–9.
- 1964. The Formative Cultures of the Carolina Piedmont. *Trans. am. philos. Soc. (Philadelphia)*, New Series, Vol. 54.
- DICK, H. 1964. *Bat Cave*. (Monogr. Sch. am. Res., 27.)
- DINCAUZE, D. 1972. The Atlantic Phase: A Late Archaic Culture in Massachusetts. *Man Northeast*, Vol. 4, pp. 40–61.
- 1976. The Neville Site: 8,000 years at Amoskeag, Manchester, New Hampshire. Cambridge, Mass. (Peabody Mus. Monogr., 4.)
- DUMOND, D. E. 1983. Alaska and the Northwest Coast. In: JENNINGS, J. D. (ed.), *Ancient Native Americans*. San Francisco, pp. 69–113.
- 1987. A Reexamination of Eskimo-Aleut Prehistory. *Am. Anthropol. (Washington, D. C.)*, Vol. 89, pp. 32–56.
- FARNSWORTH, K. B.; EMERSON, T. E. (eds) 1986. *Early Woodland Archaeology*. Kampsville, Ill.
- FORD, J. A.; WEBB, C. H. 1956. Poverty Point, A Late Archaic Site in Louisiana. *Anthropol. Pap. am. Mus. nat. Hist. (New York)*, Vol. 46, No. 1.
- FORD, R. I. 1974. Northeastern Archaeology: Past and Future Directions. *Annu. Rev. Archaeol. (Palo Alto, Calif.)*, Vol. 3, pp. 385–413.
- FOWLER, M. L. 1957. Ferry Site in Hardin County, Illinois. *Springfield, Ill. (Sci. Pap., 9, 1)*
- 1959. Modoc Rock Shelter: An Early Archaic Site in Southern Illinois. *Am. Antiq. (Washington, D. C.)*, Vol. 24, pp. 257–70.
- GIDDINGS, J. L. 1964. *The Archaeology of Cape Denbigh*. Providence, R. I.
- 1967. *Ancient Men of the Arctic*. New York.
- GRIFFIN, J. B. 1961. Lake Superior Copper and the Indians. *Ann Arbor, Mich. (Misc. Stud. Great Lakes Prehist., 17.)*
- HARP, E. 1983. Pioneer Cultures of the Sub-Arctic and the Arctic. In: JENNINGS, J. D. (ed.), *Ancient Native Americans*. San Francisco, pp. 114–47.
- HURT, W. 1966. The Althermal and the Prehistory of the Northern Plains. *Quaternaria (Roma)*, Vol. 8, pp. 101–13.
- IRWIN-WILLIAMS, C. 1968. Archaic Culture History in the Southwestern United States. *Contrib. Anthropol.*, Vol. 1, No. 4, pp. 48–53.
- 1973. The Oshara Tradition: Origins of the Anasazi Culture. *Contrib. Anthropol.*, Vol. 5, No. 1.
- KEEGAN, W. F. (ed.) 1987. *Emergent Horticultural Economies of the Eastern Woodlands*. Carbondale, Ill. (Occas. Pap., 7.)
- KING, T. F. 1974. The Evolution of Status Ascription around San Francisco Bay. In: BEAN, L. J.; KINGS, T. F. (eds), *Antap: California Indian Political and Economic Organization*, pp. 35–54. (Anthropol. Pap., 2.)
- LIPE, W. D. 1983. The Southwest. In: JENNINGS, J. D. (ed.), *Ancient Native Americans*. San Francisco, pp. 421–93.
- MAXWELL, M. 1985. *Eastern Arctic Prehistory*. New York.
- MEIGHAN, C. W. 1959. California Cultures and the Concept of an Archaic Stage. *Am. Antiq. (Washington, D. C.)*, Vol. 24, No. 3, pp. 289–305.
- RITCHIE, W. A. 1969. *The Archaeology of New York State*. Rev. ed. Garden City, NY.
- ROBBINS, M. 1959. Wapanucket No. 6, An Archaic Village in Middleboro, Massachusetts. *Attleboro, Mass.*
- SMITH, B. D. 1987. The Independent Domestication of Indigenous Seed-Bearing Plants in Eastern North America. In: KEEGAN, W. F. (ed.), *Emergent Horticultural Economies of the Eastern Woodlands*. Carbondale, Ill. pp. 3–48. (Occas. Pap., 7.)
- SMITH, B. D.; COWAN, C. W. 1987. Domesticated Chenopodium in Prehistoric Eastern North America: New Accelerator Dates from Eastern Kentucky. *Am. Antiq. (Washington, D. C.)*, Vol. 52, No. 2, pp. 355–7.
- STARNE, W. A. 1979. The Archaic Concept: Its Development in North American Prehistory. *New York State Archaeol. Assoc. Bull. (New York)*, No. 75, pp. 67–77.
- STRUEVER, S.; VICKERY, K. D. 1973. The Beginnings of Cultivation in the Midwest Riverine Area of the United States. *Am. Anthropol. (Washington, D. C.)*, Vol. 75, No. 5, pp. 1197–220.
- STYLES, B.; AHLER, S.; FOWLER, M. L. 1983. Modoc Rockshelter Revisited. In: PHILLIPS, J.; BROWN, J. (eds), *Archaic Hunters and Gatherers in the American Midwest*. New York, pp. 261–98.
- TUCK, J. A. 1970. An Archaic Cemetery in Northern New Foundland. *Sci. Am. (New York)*, Vol. 222, pp. 112–21.
- 1971. An Archaic Cemetery at Point aux Choix, New Foundland. *Am. Antiq. (Washington, D. C.)*, Vol. 35, No. 3, pp. 343–58.
- 1978. Regional Cultural Development, 3000 BC to 300 BC. In: TRIGGER, B. (ed.), *Handbook of North American Indians*. Washington, D. C. Vol. 15, pp. 28–43.
- WATSON, P. J. (ed.) 1969. *Prehistory of Salts Cave*. Springfield, Ill. (Report of Investigations, 16.)
- WEBB, C. H. 1968. The Extent and Content of Poverty Point Culture. *Am. Antiq. (Washington, D. C.)*, Vol. 33, No. 3, pp. 297–331.
- WEBB, W. S. 1946. *Indian Knoll, Oh 2, Ohio County, Kentucky*. Lexington. (Rep. Anthropol., 4, 1.)
- WEDEL, W. R. 1983. The Prehistoric Plains. In: JENNINGS, J. D. (ed.), *Ancient Native Americans*. San Francisco, pp. 183–219.
- WEDEL, W. R.; HUSTED, W. M.; MOSS, J. H. 1968. Mummy Cave: A Prehistoric Record from the Rocky Mountains of Wyoming. *Science (Washington, D. C.)*, Vol. 160, pp. 184–5.
- WILLEY, G. R.; PHILLIPS, P. 1958. *Method and Theory in American Archaeology*. Chicago.
- WINTERS, H. D. 1968. Value Systems and Trade Cycles of the Late Archaic in the Midwest. In: BINFORD, S.; BINFORD, L. (eds), *New Perspectives in Archaeology*. Chicago.
- WRIGHT, J. V. 1972a. *The Shield Archaic*. Ottawa. (Publ. Archaeol., 3.)
- 1972b. *Ontario Prehistory*. Ottawa.

МЕЗОАМЕРИКА: ГЕНЕЗИС И НАЧАЛЬНЫЕ СТАДИИ РАЗВИТИЯ

Кристина Нидерберже

Эволюция Мезоамерики – очага первой высокоразвитой цивилизации Нового Света – начинается незадолго до 1500 г. до н.э. и продолжается около трех тысячелетий.

Термин «Мезоамерика», который ввел Кирхофф в 1943 г., является прежде всего культурным понятием. Этим термином определяют цивилизацию, занимавшую обширную территорию в Центральной Америке: юг современной Мексики, Гватемалу, Белиз, Сальвадор, часть Гондураса и западные районы Никарагуа и Коста-Рики. В 1519 г., во время первых контактов индейских племен с европейскими завоевателями, Мезоамерика, которая находилась тогда под властью ацтеков и под влиянием цивилизации майя, включала площадь около 1 млн. кв. км. В этой зоне сосуществовало более восьми основных языков, каждый из которых имел множество диалектов.

В XVI в. н.э. эта цивилизация, процветавшая на территории, характеризующейся чрезвычайно разнообразными природными условиями и этническим составом, отличалась культурным единством, несмотря на некоторые региональные отличия.

Система хозяйства была основана на культивировании кукурузы, фасоли и тыквы, хотя выращивались и многие другие растения, такие как амарант, помидоры и красный перец. В низменностях, помимо авокадо и других тропических фруктов, также разводили какао и хлопок, которые, наряду с другими продуктами, были предметом интенсивного межрегионального товарообмена.

В этом районе было развито как экстенсивное сельское хозяйство (подсечно-огневое земледелие), так и специализированные технологии интенсивного возделывания земли. Последние подразделяются на два основных типа: 1) устройство террас на склонах холмов с хорошей системой ирригации, главным образом в полусухих зонах и 2) строительство насыпей для огородов и искусственных островов (*chinampas*) в лагунах и в болотистой местности, характеризующейся избытком влаги. На таких искусственных островах, соединенных системой пресноводных каналов, были созданы благоприятные условия для развития интенсивного земледелия.

Социальная структура земледельческих общин Мезоамерики отличалась ярко выраженным иерархическим характером. Централизованная политическая власть и функции организации религиозной жизни и церемоний были сосредоточены в руках элиты и передавались по наследству. Между этой аристократической верхушкой и крестьянами находился класс воинов, организованные сообщества ремесленников и влиятельные группы торговцев, которые странствовали по всей Мезоамерике, распространяя такие утилитарные товары, как призматические пластины из обсидиана, или предметы роскоши: жадеит, какао или перья птицы кетцаль.

Архитектурные сооружения в городских центрах Мезоамерики построены в традиционном городском и религиозном стиле. Жилые дома, часто оборудованные пар-

выми баниами, и дворцы из гладко отесанных каменных плит, которые, как правило, оштукатуривались или окрашивались в разные цвета, строились вокруг внутренних дворов, или патно. Над этими архитектурными комплексами, так же, как и над церемониальными центрами и зданиями, предназначенными для торговой деятельности, возвышались многоступенчатые пирамиды, на вершине которых располагались святилища.

В основе идеологии и религии лежала сложная система верований. Анализ различных доколумбовых рукописей и исторических хроник позволил преодолеть некоторые бытующие на Западе стереотипы и лучше осознать самобытность Мезоамерики. Хроники на языке науатль, собранные в XVI в. францисканскими монахами Андресом де Ольмосом и Бернардино Саагуном – людьми универсальных взглядов, которые намного опередили свое время, а также современные толкования этих текстов, сделанные А. Гэрибэйем и М. Леоном Портулья, дают нам представление о жизни доколумбовой Америки. Во всех этих текстах рассматриваются некоторые важные аспекты зарождения в Мезоамерике власти, развития дипломатических отношений, экономики и торговли, норм поведения, семейных отношений, а также традиционных форм иронии и юмора. Записи «бабьих сказок» (*huehuellatolli*) отражают традиции устного народного творчества. Элегии «с глубоким смыслом» (*icnocuicatl*) представляют собой ценную коллекцию философских произведений, авторы которых рассуждают о преходящем характере всего сущего. Поэтические произведения той эпохи также включают песни о любви, о «цветущем древе дружбы» (*xochicuicatl*), о ежегодном пробуждении природы, появлении молодой зелени с началом сезона дождей (*xopanquicatl*). Авторы песен о войне (*yaocuicatl*) описывают солдатское обмундирование (толстые, набитые ватой «доспехи», головные уборы, являющиеся отличительным признаком каждого отряда воинов, щиты, украшенные птичьими перьями, копья с заостренными наконечниками из обсидиана), повествуют о сражениях, кодексе чести и печальной участи пленников, которых часто приносили в жертву богам. Однако наилучшее представление о космологии, концепциях пространства и времени и существовании сложных теогоний, сформировавшихся в отдаленном прошлом Мезоамерики, дают священные гимны (*teocuicatl*) и предания о божествах, а также сведения о жрецах и обрядах (*teollatolli*).

Считалось, что мир очень нестабилен и находится во власти великого множества духов, как земных, так и небесных, которые могли постоянно принимать новые обличья и характеризовались различными особенностями в зависимости от их местонахождения во времени и пространстве. В начале XVI в. в пантеоне индейцев, говорящих на языке науатль, основным могуществом обладали очень древние божественные существа. Например, Кецалькоатль (или «Пернатый Змей») (*Quetzalcoatl*), герой-цивилизатор (*Tabuizcalpantecutli*), создатель системы письма и календа-

ря и в то же время олицетворение планеты Венеры; символ смерти и возрождения – ветер (*Ebeocatl*), а также дуалистическое божество, наделенное волшебной силой (*Xolotl*). Ксипе Тотек (*Xipe Totec*) («Наш повелитель-мученик») олицетворял принцип возрождения всего живого, а Тиалок (*Tlaloc*) почитался как бог гор и дождя. Тонатлиу (*Tonatiuh*) был богом солнца, которое заходило каждый вечер на западе под властной рукой ночи. Победе космических сил в борьбе за восхождение светила на востоке, благодаря чему человеческий род мог продолжать свое существование, отчасти помогала «драгоценная вода» или кровь; с этим связана практика человеческих жертвоприношений и ритуальных самоубийств.

В Мезоамерике были развиты системы письменности, в которых комбинировались пиктограммы, знаки, отражающие идеи (идеограммы), и фонетические (транскрипционные) знаки и определители. Счетная система основывалась на числах, кратных двадцати. Эта двадцатеричная система счисления использовалась для фиксации исторических событий, времени правления династий, географических координат, торговых сделок, обрядовых или ритуальных действий, математических расчетов (именно майя ввели понятие нуля) и для определения траектории движения звезд и других небесных тел.

Даты определялись по двум календарям одновременно: ритуальному состоящему из 260 дней (цикл движения Венеры, состоящий из 20-ти 13-дневных периодов), и солнечному, разделенному на 18 месяцев по 20 дней, к которым добавлялось еще пять дней. Начальные даты этих двух календарей совпадали один раз в 52 года. Ацтеки отмечали начало каждого такого 52-летнего периода – мезоамериканского «века» – ритуальными народными праздниками, например великой «Церемонией нового огня».

Все эти кратко описанные особенности являются основными характеристиками мезоамериканского мира на последних этапах развития цивилизации до появления там испанских завоевателей. Благодаря археологическим данным мы можем сейчас проследить появление во II тысячелетии до н.э. ряда обстоятельств, которые лежали в основе социально-политического и культурного развития обществ Мезоамерики, представляющих цивилизацию, являющуюся ввиду своей изоляции одной из самых оригинальных в истории человечества.

Технологическое и экономическое развитие в начале голоцена и образование сельских общин к 1500 г. до н.э.

В Центральной Америке в послеледниковый период происходило развитие не только земледелия, но и многих комплексных видов деятельности, характерных для неолитического образа жизни. Более тесная взаимосвязь людей с природой сопровождалась образованием новых моделей поселений, переходом в некоторых районах с благоприятными природными условиями к оседлому образу жизни и появлением новых способов добычи пищи. Первое неоспоримое свидетельство культивации растений в Центральной Америке относится к очень раннему периоду: VIII тысячелетием до н.э. датируются следы выращивания тыквы (*Cucurbita pepo*) в древних пещерах долины Оахака (*Smith*, 1986). Интенсивный уход за растениями, включая их охрану и отбор, уже в начале голоцена привел к окультуриванию и выращиванию основных продуктов питания, главным образом первой местной зерновой культуры – кукурузы (*Zea mays mays*).

Оседлые поселения

В начале голоцена в Центральной Америке начался сложный и асинхронный процесс перехода к оседлому образу жизни, который происходил по-разному в различ-

ных областях и зависел от природных условий. Остатки древнейших постоянных поселений, которые образовались к началу V тысячелетия до н.э., обнаруживаются только в эстуариях или в бассейнах рек, впадающих в высокогорные озера. Но уже к середине II тысячелетия до н.э. наблюдается равномерное распределение по всей территории населенных пунктов такого типа, которые наряду с сельским хозяйством являются определяющей особенностью начальной стадии культурного развития Мезоамерики, в то время как во всех остальных областях, главным образом на широких просторах северной части Центральной Америки, сохранялся кочевой образ жизни.

Благодаря археологическим исследованиям последних десятилетий появилось гораздо больше сведений о территориальном распространении ранней мезоамериканской культуры в середине II тысячелетия до н.э. Значительное количество сельских общин постоянного типа образовалось к 1500 г. до н.э. в различных биоклиматических зонах и на разной высоте над уровнем моря. Наиболее важными для изучения развития древних сложных обществ являются несколько ключевых зон. В одной из них – на прибрежных равнинах Юго-Восточной Мезоамерики – недавно были сделаны новые находки. О южном побережье Тихого океана, первые исследования которого проводились Коэ и Фланнери (*Coe & Flannery*, 1967), а также Гринном и Лоуэ (*Green & Lowe*, 1967), сейчас появилось гораздо больше сведений благодаря проведению недавних раскопок в районе Масатлана (*Clark*, 1994), Пасо-де-ла-Амада (*Blake*, 1991), Ла-Бланка (*Love*, 1991) и Эль-Месак (*Pye & Demarest*, 1991). Возникает предположение, что к 1400 г. до н.э., на этапе Локона/Окос, здесь произошли прогрессивные социально-политические изменения, которые привели к появлению небольших независимых вожеств и образованию первых региональных центров, в которых были обнаружены остатки жилых построек, предназначенных для элиты общества. Еще одной зоной, представляющей интерес для археологов, является южный озерный район Мексиканского нагорья с умеренным климатом, где удалось установить хронологическую последовательность этапов развития на протяжении длительного периода (*Niederberger*, 1979, 1987) – от рано образовавшихся протоаграрных поселений постоянного типа (этапы Плайя I и II: 5500–3500 гг. до н.э.) до ранних классовых обществ (этап Невада: 1400–1250 гг. до н.э.). Ценные археологические находки были обнаружены и в других местах и районах, культурное развитие которых датируется приблизительно одним и тем же периодом. К ним относятся Эль-Опеньо в штате Мичоакан (*Oliveros*, 1974) и многие другие места на территории штата Колима (*Kelly*, 1980) в Западной Мексике, а также полузасушливая долина Теуакан, где были обнаружены археологические и ботанические свидетельства появления новых способов добычи пищи и начала процесса одомашнивания растений, который достиг своей кульминации на раннем этапе Ажалпан, к 1500 г. до н.э., в виде прочно укоренившейся системы сельского хозяйства (*MacNeish*, 1967). И наконец, археологические данные, полученные в долине Оахака, и первые исследования, проводимые в местах поселений в Тьеррас-Ларгас, остаются ценным источником информации о возникновении и развитии сложных обществ (*Flannery*, 1968, 1976).

Способы добычи пищи, сложившиеся к 1500 г. до н.э.

Система добычи пищи во всей Мезоамерике была основана на эксплуатации разнообразных природных ресурсов. Длительный процесс культивации кукурузы, который начался в Центральной Америке незадолго до начала VI тысячелетия до н.э., привел к тому, что уже к I тысячелетию до н.э. здесь выращивались не очень крупные кукурузные початки, урожайность которых, соглас-

но археологическим и ботаническим исследованиям, проводимым в Оахаке, составляла в среднем около 300 кг с гектара. Помимо культивации кукурузы – злаковой культуры, обладающей исключительной способностью приспособляться к разнообразным природным условиям, – сельское хозяйство было основано также на выращивании фасоли (*Phaseolus*), тыквы (*Cucurbita*), амаранта, томатов (*Physalis*) и некоторых специй, характерных для мезоамериканской кулинарной традиции, – мари амброзиевидной (*Chenopodium*) и красного перца (*Capsicum annuum*). В низменностях выращивались и многие другие растения, например авокадо (*Persea americana*) и пряные плоды мыльнянки (*Casimiroa edulis*). На основании анализа каменных орудий, обнаруженных в некоторых южных районах Мезоамерики, исследователи предполагают, что в этих местах выращивали такие клубнеплоды, как маниок (*Manihot esculenta*).

Одной из отличительных особенностей мезоамериканской системы хозяйства является сохранение унаследованных от предков традиций собирательства и уклада жизни, основанного главным образом на земледелии. По тысячелетней традиции в полузасушливых районах в пищу использовали такие дикорастущие растения, как мясистые листья агавы (которые запекались в земляных печах), листья и плоды опунции (*Opuntia*) и крупноцветного кактуса *Pitahaya*, а также плоды гигантского кактуса-подсвечника (*Lemnaireocereus*). Регулярно собирали стручки многих бобовых растений (*Prosopis*, *Leucaena*) и дикорастущего хлопчатого дерева (*Ceiba parvifolia*).

Археологические данные показывают, что в период между 1500 и 700 гг. до н.э. в пищу употреблялось мясо прежде всего одомашненной собаки, а также белохвостого оленя, кролика, американской антилопы и дикой свиньи пеккари. Индюки (*Meleagris gallopavo*) играли важную роль в рационе многих областей, хотя до сих пор не ясно, были ли они уже одомашнены к тому времени. Из пресмыкающихся на всей территории высоко ценилась пресноводная черепаха (*Kinos-ternon*), а игуана являлась ценным источником пищи в районах низменностей. В поселенях, расположенных неподалеку от морских рукавов, например, в Окосе, на побережье Тихого океана в Гватемале, в большом количестве употребляли в пищу уток, рыбу, крабов, устриц, моллюсков и мелких улиток. В районах высокогорных озер с умеренным климатом питались также мясом оленя, антилопы, собаки, кролика и свиньи пеккари. К этим источникам пищи добавлялись богатые и чрезвычайно разнообразные озерные ресурсы. В долине Мехико такие ресурсы включали пресноводную рыбу семейств *Atherinidae*, *Goodeidae* и *Cyprinidae*, черепах, водяных змей, лягушек и личинки земноводных. К последним относится знаменитый аксолотль, или саламандра (семейство *Ambystoma*), позднее эти личинки стали подаваться к столу ацтекских правителей как деликатес. Объектом охоты также являлись озерные птицы, которые водились здесь в изобилии. Это были как местные водоплавающие птицы (*Anatidae*), например утка (вид *Anas diazi*), так и целый ряд перелетных птиц, прилетающих сюда в зимний период (утки, лысухи и «канадский» гусь). Долина Мехико представляла собой основное место зимовки многих видов перелетных птиц вплоть до исторических времен, когда к 1900 г. н.э. место наибольшего распространения этих птиц было искусственно истощено. В 1862 г. Ороско-и-Берра отметил в специальном примечании, в котором говорится об утках и гусах, что «эти лапчатые птицы прилетают в зимнее время года в таком огромном количестве, что они покрывают, в прямом смысле слова, большую часть поверхности» озер. В доколумбовы времена это природное изобилие способствовало тому, что долина Мехико (главным образом ее южная часть, где много пресноводных водоемов) стала благоприятным районом для образования постоянных поселений.

Технологии

Древнейшая известная нам статуэтка из обожженной глины, которая была обнаружена в археологическом слое, датированном III тысячелетием до н.э., восходит к догончарному этапу Сохапилко на юге долины Мехико (Niederberger, 1979). У нас пока нет точных сведений о первых керамических изделиях в Центральной Америке. Известно, что во II тысячелетии до н.э. гончарное искусство развивалось во всей Мезоамерике, и произведения этого искусства являлись антропоморфные и зооморфные терракотовые статуэтки. Создается впечатление, что местные глиняные изделия, представляющие собой полукруглые миски (*jicara*) и посуду характерной сферической формы без горлышка (*tecomate*), имитируют различные сосуды из тыквы (*Lagenaria siceraria*), которые довольно долго использовались в Центральной Америке. Такие тщательно вылепленные и отполированные горшки из бурой прибрежной глины иногда покрывались красной росписью, образующей геометрические узоры. Отмечалось, что в соответствии с характерным мезоамериканским обычаем некоторые крупные сосуды сферической формы без горлышка (*tecomate*) использовались для отваривания кукурузы вместе с золой или известью, благодаря чему зерна становились более мягкими. Изящная по форме керамика также включала хорошо отшлифованную плоскостонную посуду и бутылки, напоминающие сосуды из тыквы, украшенные тонким рельефным орнаментом с вертикальными, наклонными или спиралеобразными бороздками.

Древние мезоамериканские орудия труда, используемые в повседневной жизни, изготавливались из различных материалов: дерева (палки-копалки, капканы), кости (шпиль, иглы), раковин и камня; из последних делались молоты, скребки, ножи, буры, резцы, точильные и шлифовальные камни (Lorenzo, 1965). Это время отмечено впечатляющим развитием технологии изготовления острых каменных пластин из обсидиана, обрабатываемого особым образом для получения тонких и эффективных режущих инструментов призматической формы. Эти орудия, которые ацтеки называли *ixtete*, высоко ценились на протяжении всего периода развития мезоамериканской культуры.

На основании иконографических исследований некоторых рельефов на терракотовых плитах можно сделать заключение, что наиболее распространенным оружием являлась копьеметалка (*aitlatl*). Наконечники копий, которые, как правило, изготавливались из обсидиана, прикреплялись к древку.

Начиная со II тысячелетия до н.э. форма жерновов, используемых для перемола кукурузы и другого зерна, претерпела значительные изменения. К 1500 г. до н.э. поверхность ступ (или камней, на которых толкли зерно) становится намного больше, впервые появляются длинные песты с двумя ручками (или активный инструмент для толчения).

Были развиты и такие виды деятельности, как ткачество и плетение корзин. Обнаружены свидетельства того, что в этот период уже выращивали хлопок. Найдены осколки глиняных изделий, из которых изготавливались крути с отверстием в центре, использовавшиеся в качестве веретена. Из кактусовых волокон и тростниковых стеблей изготавливались веревки, сети, корзины и циновки.

Древнее мезоамериканское жилище и быт

В течение нескольких десятилетий исследователи мезоамериканской культуры придерживались точки зрения, согласно которой изучение обычного жилища на фоне сельской общины может дать интереснейшие результаты для глубокого проникновения в сущность цивилизации. Благодаря таким исследованиям в нашем распоря-

жении сейчас имеются точные сведения о сельской жизни в Мезоамерике в период с 1500 по 700 г. до н.э. Наибольшее количество археологических находок было обнаружено в долине Оахака (Мексика) (Winter, 1976; Flannery & Marcus, 1983).

Стандартное жилище в Оахаке было прямоугольной формы, его площадь составляла в среднем 18–24 кв. м. Пол из утрамбованной земли в некоторых случаях засыпался мелким песком. Стены, поддерживаемые столбами из сосеи, состояли из веток, облепленных глиной; они часто отшлифовывались, изредка покрывались побелкой. Внутреннее пространство дома, по-видимому, разделялось на мужскую и женскую половину. Дом находился во дворе площадью около 300 кв. м; именно там выполняли большую часть домашней работы: молотли кукурузу, готовили еду или изготавливали глиняную посуду. Во дворе обнаруживаются гончарные печи, колоколообразные ямы для хранения продуктов и места захоронений. Ямы, в которых хранили излишки пищи, использовались в дальнейшем как мусорные свалки, поэтому их изучение предоставляет ценную информацию о ведении домашнего хозяйства. При раскопках таких мусорных куч были обнаружены кукурузная шелуха, семена авокадо, фрагменты каменных жерновов и пестов, костяные иглы, остатки костей оленя, кролика, зайца и пресноводных черепах, а также предметы нехозяйственного назначения, возможно, связанные с обрядовой деятельностью, например, шипы морских рыб, которые могли использоваться для кровопускания, перья попугаев и фрагменты барабанов, сделанных из панцирей черепах.

Новые интересные свидетельства, обнаруженные на юге Мезоамерики, в равнинной области побережья Тихого океана, позволяют сделать предположение, что к 1400 г. до н.э., как говорилось выше, здесь уже могли произойти некоторые социально-политические изменения: образование небольших независимых вождейств и социальная дифференциация (Clark, 1994; Blake, 1991). Создается впечатление, что строение 4 кургана 6 в Пасо-де-ла-Амада (Чьяпас) представляющее собой большой полукруглый дом сложной конструкции общей площадью 122 кв. м, свидетельствует о благосостоянии и статусе зарождающейся наследной элиты. Погребения в этом районе, например могила ребенка с зеркалом из белой слюды в изголовье – символом высокого положения в обществе, также характерны для ранней стадии социальной дифференциации.

К 1200 г. до н.э. появляются новые модели поселений. Деревушки, расположенные в одном районе, различаются размерами и значением. В начале I тысячелетия до н.э. поселение в Тьеррас-Ларгас в Оахаке занимало площадь в два гектара и состояло из пяти домов с прилегающей территорией. Неподалеку от него находился региональный центр Сан-Хосе-Моготе площадью более 20 гектаров, в котором было 80–130 жилых домов, а также несколько общественных зданий, построенных на широких ступенчатых площадках из камня и пластов высушенной глины. В полу одного из этих однокомнатных сооружений была обнаружена яма с покрытыми штукатуркой стенками, заполненная толченой известью. Одна из гипотез, выдвинутых в отношении данной находки, состояла в том, что это здание представляло собой святилище, в котором собирались представители определенных социальных слоев общества для проведения обрядов. У сапотеков, населяющих долину Оахака в исторические времена, некоторые виды деятельности были связаны с определенными ритуалами, которые, возможно, были развиты и в Сан-Хосе-Моготе. Во время таких ритуальных сборищ люди жевали наркотическое вещество – табак, смешанный с известью. Независимо от того, насколько верной является данная гипотеза, она способствовала появлению новых концепций, касающихся социально-политических отношений древних обитателей Мезоамерики. В целом новая пространственная и со-

циальная структура, сложившаяся к концу II тысячелетия до н.э., привела к зарождению типичной для Мезоамерики централизованной формы организации поселений, для которой характерна зависимость небольших сельских общин от региональной столицы – центра политической, религиозной и экономической жизни.

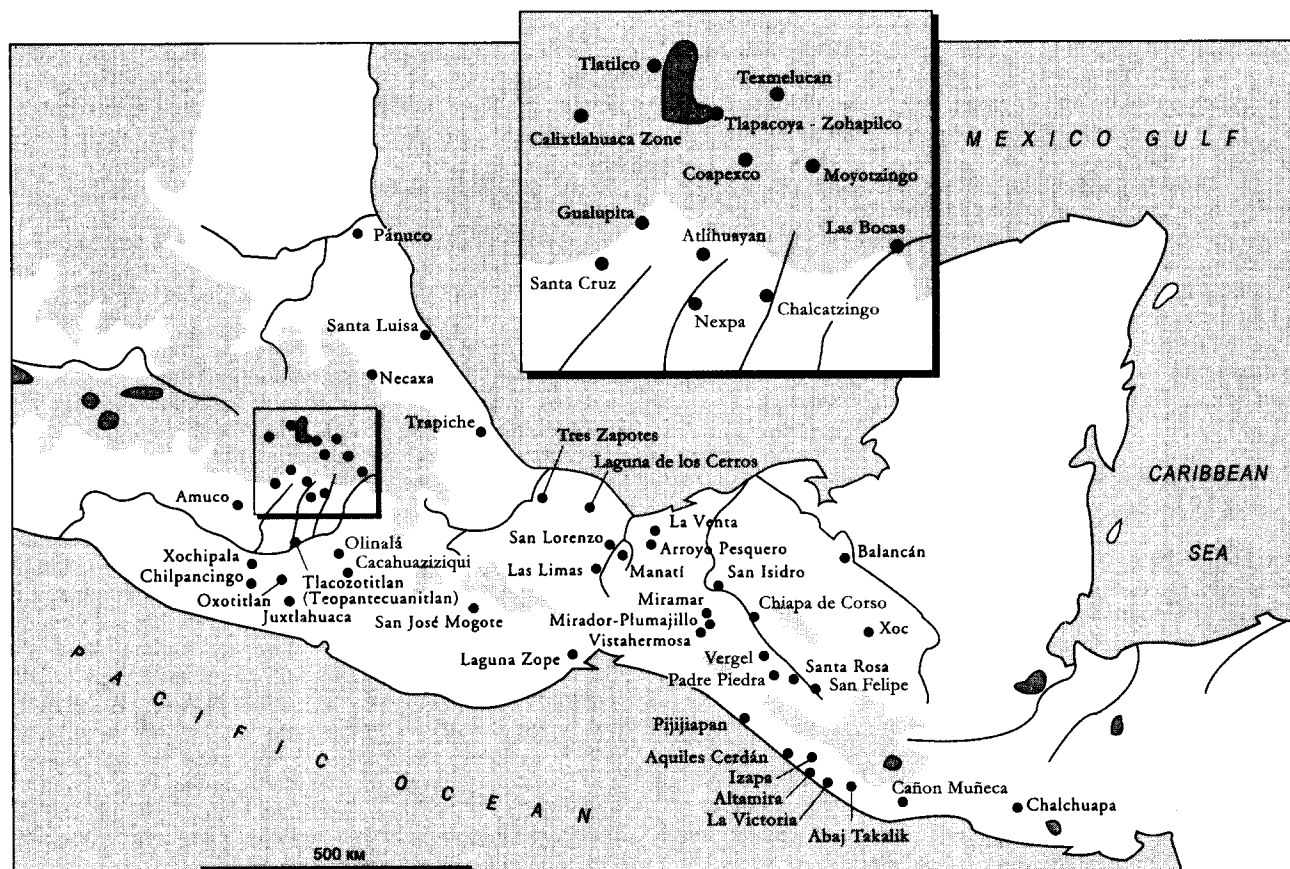
Цивилизация ольмеков и образование региональных центров (карта 27)

К концу II тысячелетия до н.э. в Центральной Америке появляется огромное количество инноваций – как в религии и индивидуальных и коллективных верованиях, так и в области техники и способов ведения хозяйства. В течение долгого времени у ученых практически не было данных об этом промежуточном периоде, имеющем огромное значение для понимания особенностей будущего (в начале христианской эры) образования первых крупных городских центров, таких как Тикаль у майя, Монте-Альбан у сапотеков или Теотиуакан в долине Мехико. В силу фрагментарности и противоречивости сведений или просто их отсутствия многие исследователи придерживались точки зрения, что в I тысячелетии до н.э. у большинства племен, за исключением некоторых, живших на побережье Мексиканского залива, была развита архаическая система хозяйства, а в социально-политическом отношении эти сообщества представляли собой эгалитарные сельские общины.

Эта точка зрения была опровергнута недавними археологическими открытиями, в результате чего что все больше ученых-археологов поддерживают гипотезу об образовании городских центров на ранних стадиях развития Центральной Америки. Тем не менее эта позиция предполагает точное определение данной формы территориальной организации.

Ряд обязательных критериев, на основании которых археологи делают заключения о существовании городских центров в Западной Азии (например, система письменности, используемая в торговле или обработка металлов), не применимы при изучении Мезоамерики. Однако если мы утверждаем, что какое-либо место в Мезоамерике приобрело статус столицы (с учетом данных о наличии там а) развитых политических и религиозных институтов; б) явной социальной дифференциации; в) планирования архитектурных сооружений; г) класса квалифицированных ремесленников; д) межрегиональных торговых связей; е) важных научных достижений, например разработанной комплексной системы астрономических наблюдений или иконографической системы письма для постоянной фиксации определенных идей или событий), то мы должны признавать, что городские центры – не просто города (*urbs*), а главные города (*caput*) – полностью сформировались в Мезоамерике уже к 1200 г. до н.э. (Niederberger, 1987, pp. 692–722). С этой точки зрения, региональные центры I тысячелетия до н.э. и города-государства, образование которых в Мезоамерике датируются началом христианской эры, различаются только статусом, но не характером (Bray, 1979).

Образование к 1200 г. до н.э. региональных столиц в Мезоамерике связано с развитием самобытной системы образов и иконографии, основанных на особой системе верований. С начала XX в. эту специфическую культуру стали называть культурой ольмеков. Первоначальная неопределенность данного термина, уже отмеченная У. Хименес-Морено в 50-е гг. XX в., со временем возрастала; это очевидно в более ранних работах. К сожалению, к настоящему времени данный термин уже настолько вошел в употребление, что нельзя говорить об отказе от него. Тем не менее необходимо рассмотреть случаи использования этого термина, способные ввести в заблуждение.

Карта 27. Мезоамерика: основные памятники цивилизации ольмеков (1250–600 гг. до н.э.)

Термин «ольмеки»: семантическая проблема

История исследований данного региона свидетельствует о том, как ряд случайных событий может повлиять на формирование определенных направлений мысли и трактовок. Когда в 1925 г. авторы монографии «Племена и храмы» Блом и Ла-Фарж (*Blom & La Farge*, 1926–1927), а позднее Стирлинг (*Stirling*, 1940) обнаружили на болотистых равнинах побережья Мексиканского залива представляющие интерес для археологов местонахождения: Ла-Вента, Трес-Сапотес и Сан-Лоренсо с их монументальными каменными скульптурами из вулканических пород, оказалось, что они не соотносятся ни с одной из известных к тому времени мезоамериканских культур. Этому выдающемуся культурному комплексу было дано условное определение культуры ольмеков (термин был предложен Бейером и Савиейм в конце 1920-х гг.). На самом деле так называли этническую группу раннего исторического периода – обитателей Каучуковой земли (ольмеков), которые населяли побережье Мексиканского залива незадолго до появления здесь испанских завоевателей и которые, скорее всего, не имели никакого отношения к обнаруженному археологическому комплексу. Как бы то ни было, условное понятие укоренилось, и термин «ольмеки» вскоре приобрел неопределенную семантику. Вводящая в заблуждение связь исторической этнической общности с еще не квалифицированным археологическим открытием, а также приверженность ученых принципам лингвистического детерминизма, привела к мысли о том, что в эпоху, представляющую интерес для археологов, побережье Мексиканского залива являлось региональным центром «прометеевой» этнической общности – ольмеков, отличающейся ранним и динамичным развитием культуры. В связи с этим «ольмекам» было суждено оказывать влияние, господствовать или покорять соседние племена, названия которых неизвестны и которые играли пассивную роль и остались на зачаточной стадии развития.

Археологические раскопки, проведенные в последние несколько десятилетий, не дали никакой информации, которая могла бы подкрепить гипотезу о постепенном распространении в других районах Центральной Америки традиций древней культуры племен, населяющих побережье Мексиканского залива. Гораздо более комплексную картину представляют исследования последних лет. Во-первых, датировка различных местонахождений в этой области, произведенная с помощью радиоуглеродного метода, явно свидетельствует о том, что городские центры ольмеков на побережье Мексиканского залива были образованы не раньше поселений в других районах Центральной Америки, системное исследование которых проводится в настоящее время. Можно также отметить, что археологические находки, связанные с ольмекской цивилизацией и обнаруживаемые за пределами побережья Мексиканского залива, не отличаются какими-либо местными особенностями. Кроме того, некоторые теории больше не рассматриваются как убедительные, например, теория, согласно которой «местные» элиты в разных районах Центральной Америки были «ольмекизированы» в результате межрегиональных торговых отношений и приобретения редких товаров с целью упрочить свой статус. На самом деле уже с начала 1970-х гг. ученые пытаются доказать, что нельзя рассматривать древнюю Мезоамерику как область, общества которой параллельно шли по двум качественно различным линиям эволюции. Исследования сетей межрегиональной торговли и товарообмена также говорят о наличии сложных перемещений в разных направлениях, предполагающих существование в Мезоамерике большого количества политических и административных центров достаточно высокого уровня (*Niederberger*, 1974; 1976, p. 265; 1987, p. 678, 750). Следует отметить, что все больше исследователей сейчас принимают положения «решетчатой модели межрегионального взаимодействия», предложенной Демарестом

(Demarest, 1989, p. 337). Некоторые пересмотренные к настоящему времени взгляды также полностью опровергают постулат о том, что побережье Мексиканского залива населяла этническая группа, более высокоразвитая в культурном отношении (Hammond, 1989; Flannery & Marcus, 1994).

В целом обоснованные доводы, касающиеся антропологии, и последние открытия свидетельствуют о необходимости сформулировать новые рабочие гипотезы, которые помогут объяснить происхождение и развитие древней мезоамериканской цивилизации. С учетом этого мы не будем использовать здесь термин «ольмеки» в отношении определенной группы людей; данный термин будет употребляться исключительно для обозначения стиля в культуре и, в более широком смысле, цивилизации.

Определение стиля культуры и его значение

С семиотической точки зрения и согласно теории Соссюра, образ включает форму (*означающее*) и содержание (*означаемое*), что является характеристикой любой системы знаков. Из этого следует, что анализ форм художественного выражения ольмеков и заключенного в них смысла является непростой задачей.

С начала XX в. ученые испытывают постоянный интерес к силе и неоспоримому совершенству художественных произведений ольмеков. Однако исследования этого феномена часто сводились к структурно неопределенной и упрощенной истории искусства, игнорирующей методы точного научного анализа и – что поднимает очень серьезные проблемы – внутренней хронологии.

Целый ряд ольмекских знаков и образов, воплощенных во множестве скульптурных и графических форм, отражают несколько основных тем. Одним из центральных образов редко является именно ягуар, как часто утверждалось ранее. Как правило, это – полиморфное существо, сочетающее черты человека и животного семейства кошачьих (илл. 166). Образ ребенка, наделенного чертами хищника, часто использовался в искусстве резьбы по камню и в гончарном искусстве. Мигель Коваррубьяс (Covarrubias, 1957), один из первых исследовавший культуры ольмеков в 1940-е гг., отметил, что не ясно, люди ли скрываются под маской ягуаров или наоборот.

Одним из самых впечатляющих изображений человека-ягуара является знаменитый «ольмекский рот» – в форме перевернутой латинской буквы U с опущенными вниз губами. Коваррубьяс назвал его сочетанием страшно разъяренной морды рычащего ягуара и лица кричащего ребенка.

Предпринимались попытки расшифровать смысл этих образов. Они могли быть связаны с широко распространенными в доисторическую эпоху в Америке верованиями, касающимися шаманских превращений людей в животных, во время которых человек, вовлеченный в религиозный или целебный ритуал, мог обрести силу хищника. Было также высказано предположение, что различные формы изображений человека-ягуара с различными особенностями, например с закрытыми глазами, могли быть прототипами традиционных мезоамериканских божеств, в частности бога смерти или бога кукурузы. Следует отметить, однако, что представления о мезоамериканских персонализированных божествах, как и в греко-римских теогониях, были очень сложными. Некоторые исследователи высказали убедительные доводы в пользу того, что мезоамериканские космология и системы верований были основаны на менее устойчивой и анимистической идее существования одной или нескольких главных сил, сочетающих различные свойства живых существ и природных сил (Marcus, 1978; Poborilenko, 1977).

Кроме того, как отмечал Коэ (Coe, 1972), эти изображения человека-ягуара – символа власти и силы – могли иметь политическое значение, использоваться как эмблемы власти и быть связанными со священными политическими правителями и династическими ритуалами наследной элиты.

Некоторые исследователи ставили под сомнение преимущественное положение ягуара, пумы и других животных семейства кошачьих в ольмекской иконографии и настаивали на особом значении рептилий – кайманов и змей. Поэтому следует избегать слишком упрощенных, ограниченных или исключающих все остальные точки зрения интерпретаций и всегда учитывать необычайную сложность ольмекских образов и символов.

Применив комплексный подход, Хоралемон (Joralemon, 1976) установил, что в ольмекской иконографии часто встречаются биологически aberrантные (отклоняющиеся от нормального типа) существа. Он указал, что прототипами этих мифологических созданий, являющихся плодом человеческого воображения, служили реальные живые существа, черты которых были отделены от их биологической сути; из них были образованы новые сочетания, в результате чего получились фантастические составные существа. В процессе этой рекомбинации некоторые естественные элементы сохранились в первоначальном виде. Так, в составном образе «ольмекского дракона» можно выделить зуб каймана, морду ягуара, крыло птицы и туловище змеи. Хоралемон приводит ряд примеров полиморфных и фантастических мифологических существ, часто встречающихся в ольмекской иконографии: человек-ягуар, птица-ягуар, птица-змея, ягуар-кайман-птица и змея-млекопитающее-птица.

Отдельные рисунки характеризуются высокой степенью абстракции или стилизации и основаны на приеме синекдохи (изображения части вместо целого), о чем упоминал Кублер (G. Kubler). На них могут изображаться небесные тела или силы из потустороннего мира, мифические существа, символы общественного положения или события общественной жизни, приуроченные к торжественным случаям, например поединки. Эти элементы включают «крест Андрея Первозванного», мотивы в форме латинских букв U, L и перевернутой E, окружности, прямые линии, спирали, ромбы, пятиконечные фигуры, цветы с четырьмя лепестками, элементы орнамента в форме глаза, ступни, кисти руки или лапы хищника, перьев, небольших щитов, горящих факелов, а также мотивы в форме буквы V или рассеченной надвое головы (все эти элементы представлены отдельно или в сочетании с растительным орнаментом). Некоторые из таких объектов вполне могли представлять собой древнюю форму графической записи информации; таким образом, их следует рассматривать как первую стадию развития системы письменности. Коэ (Coe, 1976), например, приводил убедительные доказательства того, что цветок с четырьмя лепестками был прототипом иероглифа майя *kin*, который соответствует «солнцу» в более поздних классических культурах.

Тем не менее ольмекское искусство и система знаков не ограничиваются сторреалистическими или абстрактными образами. Резные каменные и небольшие терракотовые статуэтки часто представляют людей очень реалистично. Действительно, в этой области ольмекское искусство представляет собой кульминацию развития культуры доколумбовой Америки. Искусные мастера обладали тонким чувством объема и удивительной способностью передачи трехмерных изображений (илл. 167). Прекрасными примерами этого являются небольшие статуэтки, изображающие сидящих в безмятежных или задумчивых позах людей, и фигурки людей с бритыми головами, обнаруженные в Лас-Бокас (штат Пуэбла) или в Тлапакойа (штат Мехико), а также статуэтки из зеленых вулканических пород (погребальный предмет 4) в Ла-Венте (штат Табаско). Это мастерство так-

же прослеживается в манере выполнения других терракотовых статуэток, изображающих упитанных младенцев с пухлыми щечками; при их изготовлении использовалось естественное сочетание выпуклостей и вогнутостей. Для монументального искусства также характерно ощущение реальности, проявляющееся в натуралистических изображениях, примером которых может служить памятник 34 в Сан-Лоренсо (илл. 168). И наконец, следует упомянуть круглые скульптуры ольмеков; среди них наибольшего внимания заслуживают гигантские человеческие головы из камня высотой от 1 до 3 м и весом до 25 т (эти произведения искусства будут рассмотрены ниже).

Хронология

Если мы хотим составить более полное представление об ольмекской цивилизации и взаимосвязях между различными местонахождениями и районами, необходимо определить внутреннюю хронологию ольмекского периода, в частности следует соотнести этапы развития архитектуры и скульптуры с заслуживающими доверия и более точными хронологическими ориентирами. До последнего времени многие ученые рассматривали искусство ольмеков как статическое явление, которое появилось *ex nihilo* (из ничего) и оставалось практически неизменным на протяжении всего периода существования. К счастью, благодаря раскопкам, проведенным в последние десятилетия, а также благодаря датировке с помощью радиоуглеродного метода большого количества находок, появилась возможность составить более четкие представления о стадиях развития гончарного искусства и соотнести их с определенными археологическими горизонтами.

История существования ольмекской цивилизации охватывает приблизительно 5–7 веков. На основании исследований стиля гончарных изделий и иконографии этот период можно разделить на три основные стадии, краткая характеристика которых представлена в табл. 3.

Таблица 3. Хронология ольмекской Мезоамерики

Датировка, основанная на радиоуглеродном методе	Фазы	Определение	Характеристики керамических изделий
1200–900 г. до н.э.	I	Древние ольмеки (илл. 169, рис. 94)	Часто встречается рельефный орнамент с отдельными абстрактными мотивами
900–700 г. до н.э.	II	Расцвет культуры ольмеков (рис. 95)	Среди элементов орнамента часто встречаются прерывистые двойные линии, резной орнамент с тонкими и гладкими линиями и мотивы в виде рассеченных голов и существ с мималевидными глазами
700–500 г. до н.э.	III	Упадок культуры ольмеков	Дезинтеграция стиля, нет развития в изображении старых мотивов, переход к новым образам

В фазах I и II прослеживается параллельное развитие культуры во всех рассматриваемых районах. С другой стороны, упадок культурного развития, который характеризует фазу III, по-видимому, происходит не одновременно в разных областях Мезоамерики. В некоторых районах этот процесс имел место до 600 г. до н.э., а в других он начинается только к 500 г. до н.э.

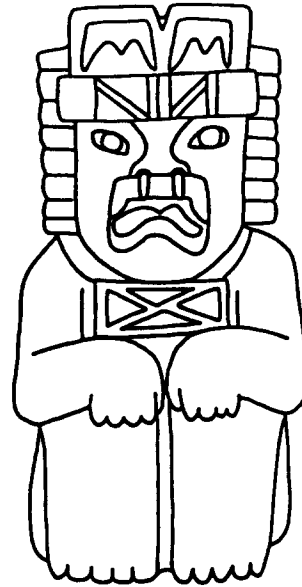

Рис. 94. Базальтовая скульптура из Сан-Лоренсо, Веракрус, представляющая часто повторяющийся мотив ольмекской иконографии – человека-ягуара; высота 90 см (по Coe & Diehl, 1980)

Распространение стиля и цивилизации

Коста-Рика граничит с ольмекской Мезоамерикой на юге. Тем не менее многие памятники материальной культуры, сделанные в типично ольмекском стиле (маски, «ложки», кулоны и антропоморфные статуэтки из блестящего голубовато-зеленого жадеита, хранящиеся теперь в музеях и частных коллекциях), могли попасть сюда гораздо позднее.

Остатки поселений с впечатляющими пирамидальными храмами в явно ольмекском стиле были обнаружены в Сальвадоре, в районе Чалчуапа (Sharer, 1978). Археологические местонахождения обнаружены и в Гватемале, главным образом вдоль Тихоокеанского побережья (Coe & Flannery, 1967), а также в удаленной от моря части страны,

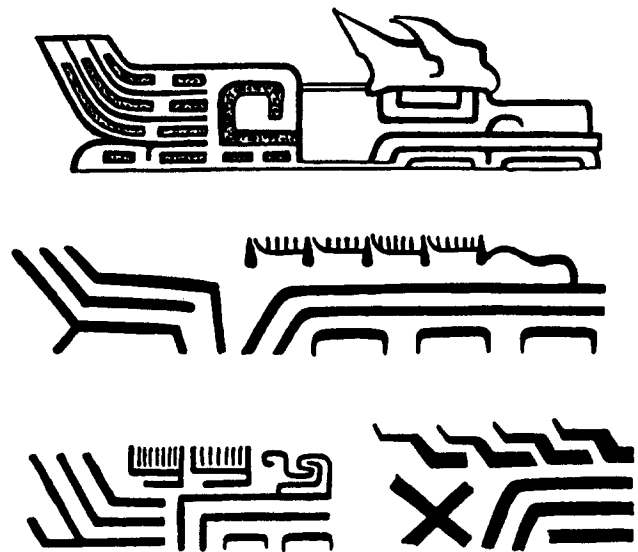

Рис. 95. Воспроизведение резных орнаментов на керамических изделиях ольмекской цивилизации (период I, 1200–900 г. до н.э.) (по M. Covarrubias). Хорошо прослеживаются различные этапы становящегося все более абстрактным доминирующего символического мотива – мифологического гибрида, сочетающего черты дракона, животного семейства кошачьих, рептилии и птицы

в Абах-Такалик, где найдено большое количество монументальных скульптурных произведений, включая типичную ольмекскую круглую скульптуру, например памятник 16/17 или памятник 23, представляющий собой колоссальную голову 1,85 м высотой, изображающую сановника, сидящего в нише (Graham, 1981). О том, что происходило в данную эпоху в Гондурасе, мало известно, однако свидетельства того, что его территория была обитаема, обнаружены в Лос-Наранхос, недалеко от оз. Йохоа (Baudez & Becquelin, 1973).

Что касается Мексики, то наши знания о процветании там мезоамериканского образа жизни, все еще неравномерны. Фактически неисследованными остаются некоторые штаты, представляющие важное значение с точки зрения возникновения и развития цивилизации ольмеков, например штат Пуэбла. Об этом свидетельствуют находки, сделанные в ходе раскопок во многих местах, например в Лас-Бокас, а также в долине Нексапа, Некакса и Тепатласко (Aufdermauer, 1973). То же можно было бы сказать и о штате Герреро, если бы в ходе раскопок, проведенных в 80-е гг., там не было обнаружено крупное ольмекское поселение в Тлакозотитлан-Теопантекуанитлане (Donjuan, 1986, 1994; Niederberger, 1986). В этом штате была найдена одна из наиболее впечатляющих коллекций небольших украшенных резьбой каменных предметов в ольмекском стиле (Олинала, Сан-Херонимо, Тлаксмалак и стела Амуко – см. Grove & Paradis, 1971; Griffin, 1981), а также великолепно сохранившиеся рисунки на камне (Хустлауака, Остотидиан, Какауазизики).

Древние города в штатах Веракрус и Табаско на побережье Мексиканского залива были первыми, в которых проводились археологические раскопки, и из относящихся к этому периоду мест во всей Мезоамерике они лучше всего изучены. Поселение в Сан-Лоренсо, обнаруженное М. Стирлингом систематически раскапывавшееся затем Коэ и Дилом (Coe & Diebl, 1980), а в последнее время Сайфером (Cyphers, 1994), является важным источником информации о фазах I и II; к этому времени относятся также и образование поселений в местечке Лагуна-де-лос-Серрос (Bové, 1978). В поисках свидетельств о фазах II и III в Ла-Венте проводились систематические раскопки в 1942–1943 гг. Друкером и Скиером, в 1955 г. – Друкером, Хейзером и Скиером (Drucker, Heizer & Squier, 1959), а в настоящее время – Гонсалесом Лауком (Gonzalez Lauck). Там было сделано значительное количество находок. Трес-Сапогес – еще один важный центр ольмекской культуры, который был основан приблизительно в то же время, что и поселения в Ла-Венте. Оно продолжило свое существование и развитие в послеольмекскую эпоху. Одной из наиболее интересных находок последних лет был местный комплекс священных подношений, обнаруженный в 1988 г. на побережье Мексиканского залива, неподалеку от родника Серро-Манати. Эти предметы, свидетельствующие об обрядах ольмекского периода, которые были обнаружены непосредственно в месте их создания и исключительно хорошо сохранились, включают 11 деревянных бюстов антропоморфных существ, хорошо отшлифованные каменные долота, останки детских костей, фрагменты предметов из гематита и древнейшие известные на сегодняшний день каучуковые ядра (Ortiz & Rodríguez, 1994).

В штате Чьяпас, в котором обнаружена ценная информация о переходе от послеольмекских стадий развития культуры к стилю Изапа, также было найдено большое количество свидетельств о фазах I и II ольмекского периода (Navarrete, 1974). По словам Ли (Lee, 1989), древние ольмекские поселения открыты в следующих местах: Рио-Тотолак, Сан-Исидро и Маритано – в среднем течении р. Грихольва, в Чьяпа-де-Корсо, Аматаль, Санта-Роза, Верхель, Падре-Пьедра, Сан-Фелипе, Виста-Эрмоса, Мирадор/Мирамар – в Центральной впадине, а также Альваро-Обре-

гон, Изапа, Альгамира, Альварес, Акилес-Сердан, Пихихья-Пан – на побережье Тихого океана. В некоторых местах были обнаружены остатки построек, которые представляли собой низкие террасы – иногда с полом из вулканического пепла или светлого песка, а также небольшие базальтовые платформы. Следует отметить, что именно в фазе II началось строительство общественных зданий и архитектура претерпела коренные изменения. В фазе II, по словам Ли (Lee, 1989, p. 207), «типичные для Чьяпас архитектурные сооружения были представлены тремя основными типами: одной или несколькими насыпными пирамидами, длинной крестообразной платформой и служащими фундаментом «акрополя» крупными квадратными или прямоугольными платформами с одной или несколькими надстройками... Пирамидальные и плоские платформы и некоторые группы зданий размещены вокруг площадей». В трех поселениях, относящихся к фазе II, – Финке-Акапулько, Верхеле и Сан-Матео – были построены одни из древнейших архитектурных сооружений в Мезоамерике, предназначенных для поединков (Lowe, 1977).

Раскопки, проводимые в штате Оахака, главным образом в долине Оахака (Flannery & Marcus, 1983, 1994) (см. выше) и в районе Истмус (Zeitlin, 1978), предоставили очень ценную информацию о способах добычи пищи, моделях поселений, обрядах и системах межрегионального товарообмена в период с 1200 до 600 г. до н.э.

Множество представляющих интерес для археологов мест, относящихся к фазам I, II и III, в частности Гуалупита, было обнаружено в штате Морелос в ходе раскопок, проводимых под руководством Вайянта в 1932 г. Одним из наиболее знаменитых поселений является Чалкацинго, в 1934 г. в нем были найдены рельефы на камне в ольмекском стиле. В результате недавно проведенных там археологических раскопок получены новые сведения, открыто еще 70 украшенных резьбой плитняков, скальных оснований и каменных глыб (Grove Paradis et al., 1987, 1989; Oliveros, 1994). Из них 31 изваяние представляет собой сложные рельефы, стелы, отдельные памятники, мегалитическую круглую скульптуру, в частности, «алтари-троны», человеческие головы или условный ольмекский символ власти в виде массивной сидящей фигуры в накидке и с «крестом Андрея Первозванного» на груди (памятник 16). Что касается датировки этого огромного массива рельефных изображений, то основная часть, скорее всего, соответствует мезоамериканским фазам I и II, а стиль некоторых стел и других резных изображений указывает на то, что они появились в фазе III или позднее. Выделяется тематически связанная группа, представленная памятником 13 («Правитель»), памятником 1 («Царь») и памятником 9; эта группа отражает многозначность верований и стилистических приемов, характерных для фаз I и II. На всех трех рельефах изображено в фас или в профиль чудовище с широко открытым ртом – метафорическим образом пещеры и входа в потусторонний мир, – украшенным спиралеобразными элементами орнамента (символами жизни, ветра и плодородия) или растительными мотивами. В двух случаях сановник, занимающий высокое положение в обществе, изображен сидящим в пещере; по-видимому, он исполняет роль промежуточного звена между землей, миром людей и небесной сферой. Другие рельефы, скорее всего, визуальнo воспроизводят важную последовательность мифических циклов: на них изображены растения (тыквенные), символы дождя и зооморфные существа – хищники семейства кошачьих, которые господствуют над людьми или пожирают их. Если в Чалкацинго были обнаружены археологические слои, в которых найдены свидетельства проживания здесь людей и которые соответствуют рельефам, относящимся к фазам II и III, то о поселениях, образованных

в этом месте в течение фазы I (фаза Аamate), известно мало или вообще ничего не известно. Поиск и определение ранних стадий развития культуры в этом месте имеют огромное значение для лучшего понимания процессов взаимодействия между районами древней Мезоамерики.

По последним данным, долина Мехико также сыграла важную роль в развитии особых, типичных для Мезоамерики технологий, систем хозяйства и моделей культуры (Tolstoy & Paradis, 1970; Niederberger, 1970, 1976, 1979, 1987). То, что этот район в значительной мере способствовал формированию ольмекского стиля и верований, другими словами, становлению древней Мезоамерики, довольно долго затмевалось рядом фактов, которые к настоящему времени признаны не соответствующими действительности. Прежде всего в популярной археологической литературе с 1940 г. по конец 1960-х гг. постоянно повторялась серьезная ошибка в определении относительной и абсолютной хронологической последовательности образования поселений. Это привело к тому, что сложилось убеждение, что в Эль-Арболильо-Сакатенко – месте, где археологические раскопки проводились относительно недавно и которое ошибочно датировалось 2000–1500 гг. до н.э., – были образованы примитивные первые поселения долины Мехико. Однако после того как здесь обнаружили артефакты в ольмекском стиле, в частности в Тлатилко, появилось предположение, что эти предметы изготовили представители вторгшихся на эту территорию племен, находящихся на более высоком уровне культурного развития. В действительности, поздние поселения в Сакатенко, которые были образованы в период с 500 по 200 г. до н.э., являются современниками последних прототеотиуаканских стадий периода формирования, т.е. они сформировались в промежутке между 600 и 1000 гг., и находятся выше археологических слоев, в которых обнаружены первые находки в долине Мехико, относящиеся к ольмекскому стилю. Даже несмотря на то что миф о древних поселениях в Арболильо-Сакатенко сейчас развеян (под посторонним влиянием), во многих публикациях все еще прямо или косвенно утверждается лежащая в основе этого мифа мысль о том, что для мезоамериканских фаз I, II и III в долине Мехико было характерно отставание в культурном развитии и пассивность. На это ошибочное суждение повлиял и тот факт, что некоторые остатки фундамента древних построек испытали воздействие трех образованных впоследствии на этом месте влиятельных доиспанских и современных городских центров с большой концентрацией населения: классического Теотиуакана с зависимыми городами, ацтекского Теотиуакана и мегаполиса XX в. – Мехико. Из всех процессов реконструкции и перестройки древних поселений и памятников, представляющих интерес для археологов, событием, «нанесшим смертельный удар», было разрушение крупнейшего поселения ольмекских времен – Тлапакойа, большая часть которого была изрыта бульдозерами в 1958 г., так как оттуда брали строительные материалы для автомагистрали Мехико–Пуэбла. В то время была уничтожена огромная земляная насыпь, которая тянулась от холма к древнему озеру; сохранилось лишь несколько внешних основных границ этой платформы (Niederberger, 1987, p. 702). Связываемые с этим местом керамическая посуда, фрагменты орнамента из ракушек, артефакты из жадеита и изысканные погребальные вещи, относящиеся к фазам I и II, сейчас хранятся в Коллекции Роча (Roch Collection), в находящихся неподалеку частных поместьях, а также в музеях Мексики и США, в частности в Музее американских индейцев в Нью-Йорке. Тем не менее на границе разрушенной территории, в Сохапилко, были обнаружены следующие друг за другом археологические слои, которые оставались нетронутыми в течение 6 тыс. лет (Niederberger, 1987). Анализ данной хронологической последовательности показывает, что в

этом месте за несколько тысячелетий произошел переход от доаграрного оседлого поселения эгалитарного типа 5500 г. до н.э., о котором говорилось выше, к раннему классовому обществу, что привело к образованию здесь к 1250 г. до н.э. главного областного центра ольмеков.

Для фаз I и II характерна керамическая посуда тонкой работы, украшенная стилизованными элементами орнамента: «крестом Андрея Первозванного», лапами-крыльями, пылающими бровями, спиралями, ромбовидными или пятиконечными элементами. Глубоко вдавленный в поверхность сосудов фазы I орнамент становится более тонким и гладким в фазе II, что позволяет изображать более сложные и переплетенные графические символы. В Тлапакойа самыми распространенными знаками в богатом репертуаре графических сообщений являются головы человека-хищника из семейства кошачьих с мастерски выписанным профилем и такие мотивы, как кисти рук, миңдалевидные глаза и существа с разрубленными головами, иногда в совокупности с растительным орнаментом. Помимо резных изображений фантастических полиморфных существ, например человека-амфибии-хищника с закрытым (или омертвевшим) глазом, и знаменитой скульптуры ольмекского дракона, вылепленного из глины землистого цвета (Reilly, 1994, p. 243), были представлены и натуралистические образы, включая рыб и уток. Глиняные статуэтки изображают сановников в высоких головных уборах и с нагрудными украшениями в виде вогнутого зеркала, людей с умышленно деформированными головами, частично или полностью лысыми, головы младенцев, полые внутри, и особенно часто важных персон, занимавших высокое положение в обществе, а также воинов в тщательно продуманных костюмах, предназначенных для поединков, – с перевязанными запястьями и локтями, головными повязками, тяжелым защитным поясом или корсажем и набедренными подушечками из материала типа кожи (Niederberger, 1987, p. 434; Bradley & Joralemon, 1993). В 1992 г. в районе, находящемся чуть выше Тлапакойа–Сохапилко, были обнаружены рисунки, высеченные на камне. Некоторые из них, включая изображения детских лиц с пухлыми щеками в профиль и овальный орнамент в виде свитка с перекрестными штрихами, по-видимому, соответствуют фазам I и II. Выгравированные на отвесных скалах или на стенах пещер, входы в которые были позднее взорваны, эти рисунки смотрят на восток, самую важную в Мезоамерике часть света, и на огромные покрытые снегом вершины вулканов Попокатепетль и Истаксиуати. Они могли представлять собой важную часть святилища, особенно ранним утром, освещаемые первыми лучами солнца. Таким образом, совокупность данных о древней эпохе Мезоамерики свидетельствует об активном участии Тлапакойа–Сохапилко в межрегиональном обмене товарами и технологиями, осуществлявшемся в разных направлениях.

Исследования последних лет и новые данные дают более четкое представление о сложной социально-политической обстановке и важности хозяйственной деятельности в древних поселениях долины Мехико в фазах I, II и III. Теперь мы можем критически оценить первые исследования, проведенные в этой области археологами Коваррубьяс (Covarrubias, 1957), Пина-Чан (Pica Chan, 1958) и Портером Уивером (Porter Weaver, 1953), и описать общую картину развития культуры, а также точно определить хронологическую последовательность сложной иконографии каменных рельефов и глиняной посуды, по счастливой случайности обнаруженных в таких местах, как Тлапакойа и Тлатилко. В действительности, систематическое исследование ольмекских графических символов показывает, что эти два места, а также район Лас-Бокас в Пуэбла, являются наиболее полными источниками информации о сложной иконографии на керамических изделиях в древней Мезоамерике.

*Городские центры, архитектура
и территориальная организация*

Образование мезоамериканских областных центров, таких, как Сан-Лоренсо (Веракрус), Ла-Вента (Табаско), Чалкацинго (Морелос) и Теопантекуанитлан (Герреро), связано с несколькими взаимосвязанными факторами: введением эффективных систем землепользования, ростом населения, усложнением формы правления и заметным развитием межрегионального товарообмена.

Сан-Лоренсо был построен на большом плоскогорье, расположенном на высоте около 50 м над периодическими затопляемыми равнинами. Большая часть сохранившихся до сегодняшнего дня общественных зданий-пирамид относится к позднему классическому периоду (этап Вилья-Альга); об архитектуре ольмекского периода в этом месте пока очень мало данных. Тем не менее в ходе раскопок, которые недавно проводились там А. Сайфером (Cyphers, 1994), глубоко в земле были обнаружены остатки платформ, базальтовых колонн, возможно, использовавшихся в качестве столбов, на которых держалась крыша, а также многоступенчатых строений, между уступами которых располагались каменные горизонтальные площадки в форме латинской буквы L, и жилых домов для элиты, пол в которых был сделан из местного бентонита или из глины красноватого цвета. Разработанные системы водоснабжения состояли из искусственных резервуаров, соединенных с подземными отводными каналами, представляющими собой U-образные каменные желоба с базальтовым покрытием. Что касается ремесел, то в этом поселении изготавливали орудия из обсидиана, варили клей из битума; также здесь находились мастерские, в которых делали небольшие предметы из ильменита или проводились такие работы, как резьба по камню и переделка крупных базальтовых памятников.

Из всех памятников Сан-Лоренсо наиболее выделяют следующие: базальтовая круглая скульптура, стелы и резные колонны (Coe & Diehl, 1980), на которых обнаруживается богатый и логичный последовательный комплекс символов, позволяющий составить представление о культуре и идеологии ольмеков. Огромные столообразные прямоугольные «алтари», или «троны», например, памятник 20 и памятник 14 (1,83 м высотой), в тимпан каждого из которых помещена скульптура, изображающая сидящего человека, иногда держащего на руках ребенка, могут рассматриваться как отражение культа предков, мифов о происхождении или традиционных династических ритуалов. В Сан-Лоренсо обнаружено 10 колоссальных человеческих голов из камня, самая последняя из которых была раскопана Сайфером в 1994 г. Мэтью Стирлинг, нашедший в 1946 г. в Сан-Лоренсо впечатляющую огромную голову № 1 (которую условно назвали «Королем» («*El Rey*»)) и которая весит 25 т), предположил, что каждая монолитная голова обладает индивидуальными особенностями и, возможно, представляет собой портрет известного правителя. Была также выдвинута гипотеза, что эти головы, украшенные головными уборами, напоминающими шлемы, головными повязками и подбородочными ремнями, могут изображать причисленных к лику святых героев-победителей. Обнаруженные в большом количестве круглые скульптуры включают изображения сидящих антропоморфных существ и хищников из семейства кошачьих. К этой же категории относится и блестящее открытие, сделанное в 1992 г. в местечке Лома-Асусуль, расположенном к югу от Сан-Лоренсо. Эта находка представляет собой пропорциональную скульптурную группу из трех мастерски высеченных статуй, две из которых изображают похожих друг на друга юношей в позе *орантов*, обращенных лицом к небольшому животному из семейства кошачьих. Поблизости была также найдена скульптура более крупного хищника. Этнографам и специалистам, изучавшим майянский

манускрипт «Пополь-Вух», написанный до начала конквисты, этот сюжет сразу напомнил древнее предание о молодых красивых героях-близнецах из мифологии майя, то покорявшихся богам, то сопротивлявшихся злым силам из потустороннего мира (включая хищников из семейства кошачьих). Независимо от степени правдоподобности этой гипотезы данная сцена предоставляет исследователям ольмекской культуры очень редкую возможность изучить группу взаимосвязанных скульптур в их первоначальном виде.

Больше всего свидетельств, относящихся к периоду с 900 г. до н.э. обнаружено в Ла-Венте, расположенной на низком плоскогорье, которое окружено болотами, реками и лагунами. В результате раскопок, проведенных в 1955 г., выяснилось, что в центре Ла-Венты находилось три группы общественных зданий и церемониальных центров, известных как комплексы А, В и С. Они были расположены вдоль центральной оси, идущей с севера на юг, с небольшим отклонением (на 8 град.) к западу. Комплекс С включает самый известный памятник этого места: Великий курган С1 – огромную пирамиду из глины и песка около 30 м высотой в форме конуса с каннелюрами (вертикальными желобками). У основания пирамиды – на ее фундаменте – с южной стороны стоят в ряд высокие каменные плиты, которые, скорее всего, устанавливались там непосредственно при постройке этого сооружения. Каждая плита, похожая на стелу, украшена барельефом; на некоторых из них изображены морды хищников из семейства кошачьих. Комплекс В, который хуже изучен, состоит из нескольких вытянутых курганов из утрамбованной земли и огромной платформы, названной Акрополем Стирлинга. Комплекс А, который был наиболее полно исследован, представляет собой два симметрично организованных внутренних двора, окруженных «изгородью» из призматических базальтовых колонн, по бокам которых расположены платформы и пирамиды из утрамбованной земли.

В ходе раскопок комплекса А выяснилось, что поверхности внутренних дворов и окружающих их пирамид намеренно сохранялись в хорошем состоянии, для чего покрывались слоями глины и песка, которые затем окрашивались. В результате проведения стратиграфических исследований удалось определить различные цвета, в которые окрашивались поверхности: розовый, желтовато-зеленый, белый, желтый, коричневый, оранжевый и ярко-красный. В месте, где находится комплекс А, в резных гробницах из песчаника и под базальтовыми колоннами обнаружены захоронения людей, занимавших высокое положение в обществе. Были также найдены небольшие тайники, в которых хранились погребальные каменные долота и статуэтки, а также находящиеся глубоко в земле крупные подношения, представляющие собой глыбы отшлифованного серпентина, уложенные или в несколько слоев, или в форме мозаики, стилизованно изображающей морду хищника из семейства кошачьих.

На территории города было сосредоточено более 90 монолитных скульптур – массивных голов, сидящих фигур, стел и «алтарей». На стеле № 2, впечатляющем памятнике из базальта, достигающем 3,5 м в высоту, изображена иератическая фигура в фас и в положении стоя, представляющая собой сановника в накидке (возможно из птичьих перьев), в высоком трехъярусном головном уборе, украшенном сложным орнаментом, и с изогнутым предметом в руках (рис. 97). На мифической (или исторической) стеле № 3 изображена официальная встреча двух лиц, занимавших высокое положение в обществе, особыми знаками отличия которых служат разные головные уборы и нагрудные украшения.

Датировка и соответствующее хронологическое распределение по фазам I, II и III этих огромных скульптурных комплексов в Ла-Венте и Сан-Лоренсо остаются предметами дискуссии. Такая хронологическая неопределен-

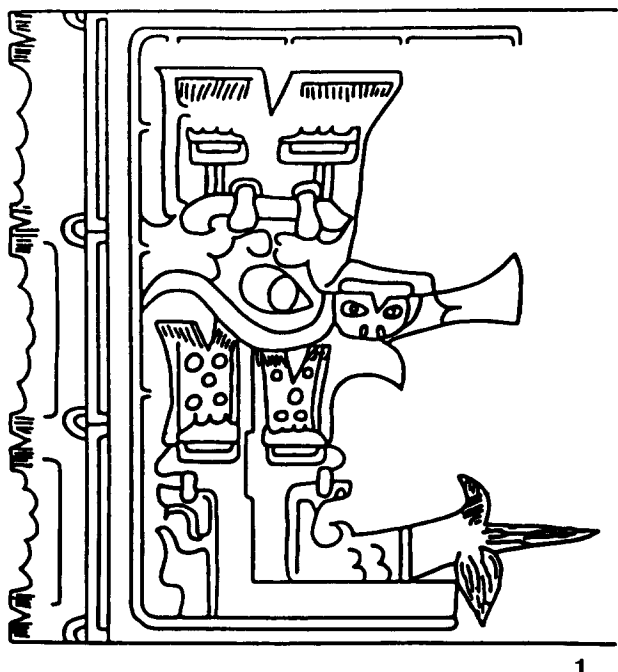
ность даже приводима в некоторых случаях к острым спорам. Датировка отдельных скульптур действительно является сложной, кропотливой работой, и достоверность полученных результатов зачастую прямо пропорциональна проявлению осторожности. Полевые работы, которые еще проводятся в этих местах, могут дать новую информацию по этой проблеме.

В результате недавних раскопок и исследований, проведенных в Ла-Венте и близлежащих районах под руководством Гонсалеса Лаука, была составлена новая топографическая карта, и появилось больше сведений об общем распределении остатков архитектурных сооружений, включая еще шесть строительных комплексов (D–I). Тем не менее предстоит много сделать для того, чтобы определить этапы развития строительных технологий и датировать

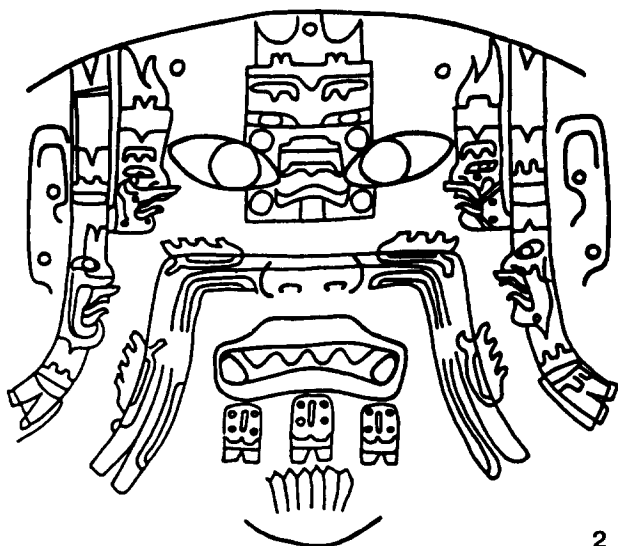
многие архитектурные сооружения фазами I, II, III и более поздними эпохами, к которым относится, например, комплекс F, соответствующий позднему классическому раннему постклассическому периоду. В действительности, как показывает радиоуглеродный анализ образцов, обнаруженных в этом месте в 1955 г., Ла-Вента являлась самым крупным городом I тысячелетия до н.э. На последней стадии рассматриваемого периода – в послесольмекскую эпоху – форма Великого кургана C1, по предположению некоторых исследователей, могла напоминать строение «E-VII Sub» в Уаксактуне, относящееся к концу доклассического периода.

Тот факт, что крупные поселения с архитектурными и скульптурными памятниками ольмекского периода могут быть обнаружены и за пределами прибрежной зоны Мексиканского залива, подтверждается открытием в 1983 г. места Тлакосолтитлан (Герреро). Переименованная в Теопантекуанитлан эта древняя столица, расположенная недалеко от места слияния рек Бальсас и Амакусак, представляет собой отличный пример спланированного города с общественными и церемониальными архитектурными комплексами, находящегося за пределами атлантической водораздельной зоны. На сегодняшний день там обнаружено три церемониальных архитектурных комплекса, условно обозначенные как группа A, B и C, и жилой район.

Расположенная в долине группа A, самой высокой частью которой является южная платформа, представляет собой ряд ступеней, возвышающихся одна над другой, между которыми находится углубление. Эта прямоугольная замкнутая площадь размером 14,2 м x 18,60 м была обнаружена Донжуаном (*Donjuan*, 1986, 1994). Она ограничена четырьмя вертикальными стенами из массивных, хорошо обтесанных травертиновых глыб, имеющих форму параллелепипеда и скрепленных без помощи известкового раствора. На дне этого углубления были обнаружены четыре монолита весом около 2,5–3 т в форме перевернутой латинской буквы T. Каждый из этих монолитов

1

2

Рис. 96. Ольмекская цивилизация: символы и стили периода II (900–700 гг. до н.э.). Обычными являются гладкие линейные мотивы на керамических изделиях и предметах из жадеита. Здесь мы видим необычные, заходящие один на другого фронтальные гравированные изображения некоего мифического существа с миндалевидными, широко посаженными глазами (1) на керамическом изделии из Тлапакоя (долина Мехико), (2) на отполированном жадеитовом топоре из Арройо-Пескуэрро, Веракрус (по *Joralemon*, 1976)

Рис. 97. Монументальное искусство: монументальные скульптуры были тесно связаны с религиозными обрядами и общественной жизнью крупных региональных столиц ольмекского периода. На этой базальтовой стеле, достигающей 3,5 м в высоту (по *M. Covarrubias*), найденной юго-западнее большой земляной пирамиды (курган C1) в Ла-Вента, штат Табаско, изображен правитель в накидке и с высоким, многоярусным головным убором, украшенным особыми символами и знаками отличия. Сановника сопровождают два лица рангом ниже, держащие в руках, как и он сам, предметы, нам неизвестные

украшен глубокими рельефами, на которых запечатлен колоритный образ человекоподобного хищника из семейства кошачьих с миндалевидными глазами, ртом в форме перевернутой буквы U, в некоторых случаях покрытым красной киноварью, а также головной повязкой, украшенной орнаментом, сочетающим элементы разрубленной надвое головы и «креста Андрея Первозванного».

За пределами площади найдены остатки земляных построек, в частности ступени лестниц с перилами, завершающимися колоннами в форме стилизованных голов животных из семейства кошачьих с пылающими бровями. К востоку и западу от углубления были построены подземные водосточные каналы, представляющие собой каменные закрытые желоба U-образной формы, подобные обнаруженным в Ла-Венте и Сан-Лоренсо. К северу от этой зоны найдено несколько резных монолитов, включая стелы, круглые скульптуры, напоминающие по форме рептилий, огромные прямоугольные троны, передняя часть которых украшена рельефом, в орнаментальных завитках которого встречаются изображения голов людей, а также мегалитическую человеческую голову из камня 1 м высотой. О крупных гидравлических работах – разработке систем интенсивного водоснабжения, которые велись за пределами церемониального комплекса, свидетельствует наличие крупного акведука, состоящего из двух параллельных рядов намывных мегалитических глыб, вымощенных плитами. Данная система ирригации – первая система такого типа из известных в Мезоамерике – использовалась для водослива и контроля над стоком воды из расположенной высоко дамбы в периодически затопляемую равнину и реку Бальсас (в среднем течении называемую Мескала), расположенную ниже этого места. Группа В, находящаяся северо-восточнее группы А, представляет собой комплекс сооружений, последнее из которых (строение 3) с нишами V-образной формы и вдавленным орнаментом из пунктирных линий напоминает архитектурный облик и орнамент алтаря и внутреннего двора Т-25 в Чалкацинго. Группа С состоит из ряда более поздних курганов и платформ, находящихся неподалеку от Барранка-Сека, включая строения, предназначенные для поединков, датировка которых еще не определена.

Теопантекуанитлан в общем является современником Ла-Венты, хотя с учетом датировки археологических слоев под внутренним двориком радиоуглеродным методом представляется возможным, что в будущем появятся свидетельства о существовании еще более древних поселений, т.е. основанных к 1400 г. до н.э.

На холме, к северо-западу от группы А, был обнаружен каменный склеп со сводчатой крышей, а в нем – разрушенное погребение. Следует отметить, что погребальные каменные сооружения, относящиеся к фазе II ольмекской цивилизации, с камерами со сводчатой крышей были обнаружены в 1989 г. в Чилпанкинго (Рейна Роблес и Гонсалес Кинтеро, см. ниже). В ходе последних археологических раскопок установлено, что особая технология укладки крыши появилась именно в Герреро, а не в архитектуре майя классического периода.

За пределами северо-западной части внутреннего двора Теопантекуанитлана обнаружены захоронения детей вместе с захоронениями собак, располагавшиеся вокруг сооружений типа алтаря. К дополнительным находкам, соответствующим фазе II, относятся глиняные черепки, предметы из обсидиана и хорошо обработанные морские ракушки, в которых были сделаны отверстия и из которых составлялся зооморфный и геометрический орнамент (*Gamez Eternod*, личные записи).

Свидетельства о характерной для фазы II технологии обработки морских ракушек, использовавшиеся для составления некоторых из таких орнаментов, были обнаружены в жилой зоне Теопантекуанитлана – зоне 6

(*Niederberger*, 1955). Эти свидетельства включают необработанные ракушки или их фрагменты, предметы, обработка которых не была завершена, и готовые предметы из семи видов ввозимых морских раковин. 75,6% всех готовых предметов сделано из жемчужницы (*Pinctada mazatlanica*). В этой жилой зоне, где в ходе раскопок найдены многочисленные фрагменты полых статуэток, изображающих детские лица, и осколки керамических изделий с орнаментом в виде разрубленных голов, также было обнаружено огромное количество предметов из привезенного из других мест обсидиана (74% всех каменных артефактов в зоне 5). Эти предметы из обсидиана, представляющие собой призматические пластины, напоминают местные изделия из сланца – катушки из серпентина, пробки и стилеты, украшения из полупрозрачного и янтарного оникса, фрагмент зеркала из железняка и многочисленные слюдяные пластины. В ходе исследования руин жилых построек были получены некоторые данные о рационе питания местного населения, который помимо кукурузы, обнаруженной в результате анализа спор и пыльцы, включал речную зубатку, крабов, кроликов, мясо рыжего благородного оленя, белохвостого оленя и собак. Последние составляли более 50% всего употребляемого в пищу мяса животных.

Разработка методов системного анализа среды, в которой развивалась культура ольмексов во многих областях древней Мезоамерики, а также более четкое определение внутренней хронологии на протяжении всей эволюции данной культуры должны помочь сформулировать заслуживающие большего доверия концепции возникновения, развития и местных особенностей этой древней цивилизации, которая была названа культурой ольмексов.

Политическая власть и социальная дифференциация

При попытке определить политическую структуру дописьменных обществ ученые сталкиваются с двумя основными проблемами: противоречивостью археологических данных и ограниченностью понятий, используемых в теоретических определениях. Специалисты по Мезоамерике, как правило, основывают свои концепции на трехчастной классификации Сервиса и Фреда (*Service, Freid*), в которой выделяется три уровня социально-политической эволюции: 1) эгалитарные общества; 2) общества с социальной дифференциацией, или вождества; 3) государства с классовой структурой общества. Несмотря на то что преимуществом этой классификации является отход от предыдущего традиционного выделения только двух уровней развития общества – догосударственные объединения и государства, эффективность применения этой классификации снижается, по нашему мнению, из-за слишком размытого определения второй категории – вождества. Действительно, точно известно, что на этой промежуточной стадии – между эгалитарными обществами и государствами с классовыми обществами – можно обнаружить многообразие уровней политической интеграции и форм власти.

В отношении политической организации ольмекского мира выдвигались различные теории, предполагающие существование империи (*Caso*, 1965; *Bernal*, 1968; *Coe*, 1989), государства (*Heizer*, 1960) или примитивного государства (*Drucker*, 1981). Все эти предположения основывались на исследованиях южных районов Веракруса и западных районов Табаско, которые рассматривались как центральная зона или район метрополии. ИмPLICITным или эксплицитным следствием этого была тенденция рассматривать социально-политическую организацию обществ, проживающих за пределами береговой зоны Мексиканского залива, как находящуюся на более низком уровне

не развития. Ольмекскую социально-политическую систему считали и вождеством (*Sanders & Price*, 1968). Однако даже сторонники такой интерпретации, характеризовали большую часть сообществ, живущих не на побережье Мексиканского залива, в частности населяющих высокогорное плато, как отсталые эгалитарные общества. Эта точка зрения еще не до конца изжита, и следует отметить, что в большинстве статей, опубликованных в мартовском выпуске 1995 г. журнала «Мексиканская археология» («*Arqueología Mexicana*»), посвященном ольмекам, упоминаются эти гипотезы.

Как справедливо указывал Друкер (*Drucker*, 1981, p. 30), «определить форму организации гораздо сложнее, чем искать недостатки в уже данных определениях. Это касается наших суждений о культуре «ольмеков». После проведения раскопок в южной части долины Мехико появилось утверждение, впоследствии поддержанное в испанскими и французскими учеными, что в фазе I и II ольмекского периода все племена древней Мезоамерики находились приблизительно на одном уровне развития в социально-политическом отношении. С появлением нового фактического материала, собранного на местах, будет, несомненно, все сложнее придерживаться (в целях сохранения согласованности точек зрения в отношении антропологии) мнения о том, что какая-то определенная этническая группа или район – на побережье Мексиканского залива, по предположению Коваррубьяса, или в Герреро – оказывали прямое или косвенное влияние на более примитивные племена в древней Мезоамерике.

Что касается формы общественного устройства в ольмекский период, то отнесение сообществ 1200–600 гг. до н.э. к промежуточной стадии вождества допустимо, но все же слишком неопределенно. Формы правления, существовавшие у ольмеков, часто считали достаточно примитивными вождествами в соответствии с этнологическими моделями, разработанными для Меланезии, без учета интеллектуальных достижений и качественно иного уровня политической интеграции, достигнутого до образования крупных городских центров Мезоамерики классического периода. Дискуссии по этим вопросам еще продолжают. Тем не менее сейчас, по-видимому, уже можно предположить, не прибегая к спорному определению примитивного государства, что социально-политическая организация обществ древней Мезоамерики ольмекского периода характеризовалась очень сложной социальной дифференциацией. Археологические находки, обнаруженные в штатах Чьяпас, Оахаке, Герреро, Морелос, в долине Мехико и на побережье Мексиканского залива, свидетельствуют не только о существовании наделенных законным статусом политических структур и централизованной власти, а также о постоянно углубляющейся социальной дифференциации. В ходе анализа похоронных обрядов выявлены значительные различия в способах погребения – от простого захоронения тела в земле или в мусорных ямах до выложенных камнем могил, искусно сделанных склепов, резных саркофагов или камер со сводчатой крышей. Было также обнаружено большое разнообразие погребальных подношений.

В конце II тысячелетия до н.э. так называемые региональные столицы обществ со сложной социальной дифференциацией стали основными центрами информационного обмена, включая создание, получение и распространение графических символов и сообщений. К свидетельствам интеллектуальных достижений относится и сформировавшийся в фазах I и II комплекс графических символов, которые истолковываются как мифограммы (*Niederberger*, 1987, p. 716), т.е. идеографические знаки, соответствующие не звукам речи, а, возможно, топонимическим символам, родословным, знакам социального различия, символам небесных или земных божеств. Они были

непосредственными предшественниками идеограмм, передающих точные значения слов наряду с их акустическим образом, которые, по-видимому, стали использоваться после сложения систем идеографического письма в фазе III. Это явление было убедительно описано в работе Фланнери и Маркуса (*Flannery & Marcus*, 1983, p. 57), основанной на материалах проведенного в Сан-Хосе-Моготе (Оахака) исследования комплекса иероглифов, соответствующего этапу Розарио (700–500 гг. до н.э.), который называют также периодом «Одного перехода».

*Двойственный характер
сетей межрегионального товарообмена:
заключительные комментарии*

С учетом всего вышеизложенного возникает вопрос: как объяснить относительное единство стиля – выражение общей системы верований – в древней Мезоамерике, если мы не обладаем информацией о распространении культурных особенностей в результате прямого или косвенного влияния, исходящего из какого-либо одного района? Соответствующую информацию можно получить проанализировав экономически выгодные системы товарообмена.

С начала голоцена на всей территории Центральной Америки развивался межрегиональный обмен различными товарами, включая обсидиан. В конце II тысячелетия до н.э. наблюдается заметное увеличение объема и разнообразия этих товаров. Как показывают полученные в ходе раскопок многочисленные данные и проведенные исследования (*Hirth*, 1984; *Pires-Ferreira*, 1976; *Niederberger*, 1976, 1987), продуктами обмена были следующие материалы: обсидиан, сланец, известь, соль, глина, битум, пористые вулканические породы, используемые для изготовления жерновов, а также хлопок, слюда, железная руда, применяемые для изготовления вогнутых зеркал, кальцит, оникс, янтарь, аметист, горный хрусталь, жадеит и серпентин, используемые в ювелирном искусстве, зубы акул, черепахи и ракушки из Тихого и Атлантического океана.

С начала 1900-х гг. и после выхода в свет первых работ по этнологии Марселя Моссэ (*Marcel Mauss*) исследователи обратили внимание на то, что такие сети товарообмена имели не только экономическое значение. В более ранних работах, посвященных древней Мезоамерике, отмечалось, что в конце II тысячелетия до н.э. хорошо организованные системы товарообмена существовали параллельно с информационными сетями, обмен сообщениями по которым осуществлялся столь же часто и регулярно. Благодаря двойственному характеру такой сети обмена формы культурного развития были внутренне связаны с формами экономического развития. Возникает предположение, что все дифференцированные в социальном отношении земледельческие сообщества, являющиеся участниками такого межрегионального обмена, не только использовали общие графические изображения со сходной семантикой и системы представлений, но и активно способствовали их систематизации, эволюции и распространению.

Появление к концу II тысячелетия до н.э. дифференцированных обществ, региональных центров, земляных и каменных общественных зданий, систематизированных графических символов и сетей межрегионального товарообмена – основы культурного развития и крупномасштабной интеграции в пределах области – было результатом эволюции, которая происходила в течение нескольких тысячелетий в южной части Центральной Америки. Этот длительный процесс привел в конечном счете к образованию самобытной социокультурной многонациональной панмезоамериканской системы, которую можно определить как мезоамериканская «эпоха 1».

BIBLIOGRAFÍA

- AUFDERMAUER, J. 1973. Aspectos de la cronología del preclásico en la Cuenca de Puebla-Tlaxcala. *Comunicaciones. (Puebla.)* Vol. 9, pp. 11–24.
- BAUDEZ, C. F.; BECQUELIN, P. 1973. Archéologie de Los Naranjos, Honduras. *Mission archéologique et ethnologique française au Mexique. Mexico. (Etud. Mesoam., 2).*
- BERNAL, I. 1968. *El Mundo Olmeca.* Mexico.
- BLAKE, M. 1991. An Emerging Early Formative Chiefdom at Paso de la Amada, Chiapas, Mexico. In: FOWLER, W. R. (ed.), *The Formation of Complex Society in Southern Mesoamerica.* Boca Raton/Ann Arbor, Mich. pp. 27–46.
- BLOM, F.; LA FARGE, O. 1926–7. *Tribes and Temples. (Publ. I).* New Orleans.
- BOVÉ, F. J. 1978. Laguna de los Cerros: An Olmec Central Place. *J. New World Archaeol.,* Vol. 2, No. 3.
- BRADLEY, D. E.; JORALEMON, P. D. 1993. *The Lords of Life.* Indiana.
- BRAY, W. 1979. From Village to City in Mesoamerica. In: MOORLEY, P. R. (ed.), *The Origins of Civilization. (Oxford.)* pp. 78–108.
- CASO, A. 1965. Existió un imperio olmeca? *Memoria del Colegio Nacional. (Mexico.)* Vol. 3, pp. 11–60.
- CLARK, J. E. 1994. Antecedentes de la cultura olmeca. In: CLARK, J. E. (ed.), *Los Olmecas en Mesoamérica.* Mexico, pp. 31–67.
- COE, M. D. 1972. Olmec Jaguars and Olmec Kings. In: BENSON, E., *The Cult of the Feline.* Washington, D.C. pp. 1–18.
- 1976. Early Steps in the Evolution of Maya Writing. In: NICHOLSON, H. B. (ed.), *The Origins of Religious Art and Iconography in Preclassic Mesoamerica. (Lat. Am. Stud. Ser., 31).* Los Angeles, pp. 109–22.
- 1989. The Olmec Heartland: Evolution of Ideology. In: SHARER, R. J.; GROVE, D. C. (eds), *Regional Perspectives on the Olmec.* New York, pp. 68–82.
- COE, M. D.; DIEHL, R. A. 1980. *In the Land of the Olmec: The Archaeology of San Lorenzo Tenochtitlan. Vol. I.* Austin, Tex.
- COE, M. D.; FLANNERY, K. V. 1967. *Early Cultures and Human Ecology in South Coastal Guatemala. (Smithsonian Contrib. Anthropol., 3).* Washington, D.C.
- COVARRUBIAS, M. 1957. *Indian Art of Mexico and Central America.* New York.
- CYPHERS, G. A. 1994. San Lorenzo. In: CLARK, J. E. (ed.), *Los Olmecas en Mesoamérica.* Mexico, pp. 43–67.
- DEMAREST, A. 1989. The Olmec and the Rise of Civilization in Eastern Mesoamerica. In: SHARER, R. J.; GROVE, D. C. (eds), *Regional Perspectives on the Olmec.* New York, pp. 303–44.
- DONJUAN, M. G. 1986. Teopantecuanitlán. In: *Arqueología y etnohistoria del Estado de Guerrero.* Mexico, pp. 55–80.
- 1994. Los Olmecas en el estado de Guerrero. In: CLARK, J. E. (ed.), *Los Olmecas en Mesoamérica.* Mexico, pp. 143–73.
- DRUCKER, P. R. 1981. On the Nature of Olmec Polity. In: BENSON, E. (ed.), *The Olmec and Their Neighbors.* Washington, D.C. pp. 29–47.
- DRUCKER, P. R.; HEIZER, R. F.; SQUIER, R. J. 1959. *Excavations et La Venta, Tabasco, 1955. (Bull. 170).* Washington, D.C.
- FLANNERY, K. V. 1968. Archaeological Systems Theory and Early Mesoamerica. In: MEGGERS, J. (ed.), *Anthropological Archaeology in the Americas.* Washington, D.C. pp. 67–87.
- (ed.). 1976. *The Early Mesoamerican Village.* New York.
- et al. 1967. Farming Systems and Political Growth in Ancient Oaxaca, Mexico. *Science. (Washington, D.C.)* Vol. 158, pp. 445–54.
- FLANNERY, K. V.; MARCUS, J. (eds). 1983. *The Cloud People: Evolution of the Zapotec and Mixtec Civilizations of Oaxaca, Mexico.* New York.
- 1994. Early Formative Pottery of the Valley of Oaxaca, Mexico. *Prehistory and Human Ecology of the Valley of Oaxaca. Vol. 10, Mem. of the Mus. of Anthropology No. 27. (Ann Arbor, Mich.)*
- GONZALEZ LAUCK, R. 1994. La antigua ciudad olmeca en La Venta, Tabasco. In: CLARK, J. E. (ed.), *Los Olmecas en Mesoamérica.* Mexico, pp. 93–111.
- GRAHAM, J. A. 1981. Abaj Takalik. In: J. A. GRAHAM (ed.), *Ancient Mesoamerica.* pp. 163–79.
- GREEN, D. F.; LOWE, G. W. 1967. Altamira and Padre Piedra, Early Preclassic Sites in Chiapas, Mexico. (Pap. 20). Provo, Utah.
- GRIFFIN, G. G. 1981. Olmec Forms and Material found in central Guerrero. In: BENSON, E. (ed.), *The Olmec and their Neighbors.* Washington, D.C. pp. 209–22.
- GROVE, D. C.; PARADIS, L. 1971. An Olmec Stela from San Miguel Amuco, Guerrero. *Am. Antiq. (Washington, D.C.)* Vol. 36-I, pp. 95–102.
- GROVE, D. C.; PARADIS, L. et al. 1987. *Ancient Chalcatzingo.* Austin, Tex.
- HAMMOND, N. 1989. *Cultura hermana: Reappraising the Olmec.* *Quarterly Review of Archaeology.* Vol. 9, No. 4, pp. 1–4.
- HEIZER, R. F. 1960. Agriculture and the Theocratic State in Lowland Southeastern Mexico. *American Antiquity.* Vol. 26, No. 2, pp. 215–22.
- HIRTH, K. G. (ed.) 1984. *Trade and Exchange in Early Mesoamerica.* Albuquerque.
- JORALEMON, P. D. 1976. The Olmec Dragon: A Study in Pre-Columbian Iconography. In: NICHOLSON, H. B. (ed.), *Origins of Religious Art and Iconography in Preclassic Mesoamerica. (Lat. Am. Stud. Ser. 31).* Los Angeles, pp. 27–71.
- KELLY, I. 1980. Ceramic Sequence in Colima: Capacha, an Early Phase. (Anthropol. Pap., 37). Tucson, Ariz.
- KIRCHHOFF, P. 1943. *Mesoamerica. Acta Am. (Mexico.)* Vol. 28, pp. 67–77.
- LEE, T. A. 1989. Chiapas and the Olmec. In: SHARER, R. J.; GROVE, D. C. (eds), *Regional Perspectives on the Olmec.* New York, pp. 198–226.
- LORENZO, J. L. 1965. *Tlatilco. Los Artefactos. (Ser. Invest. 7, III).* Mexico.
- LOVE, M. W. 1991. Style and Social Complexity in Formative Mesoamerica. In: FOWLER, W. R. (ed.), *The Formation of Complex Society in Southeastern Mesoamerica.* CRC Press. Boca Raton/Ann Arbor, Mich. pp. 47–76.
- LOWE, G. 1977. The Mixe-Zoque as Competing Neighbors of the Lowland Maya. In: ADAMS, R. E. (ed.), *The Origin of Maya Civilization.* Albuquerque.
- MACNEISH, R. S. 1967. A Summary of the Subsistence. In: BYERS, D. S. (ed.), *The Prehistory of the Tehuacan Valley, Environment and Subsistence.* Austin, Tex. pp. 290–309.
- MARCUS, J. 1978. Archaeology and Religion: A Comparison of the Zapotec and Maya. *World Archaeol. (London.)* Vol. 10, No. 2, pp. 172–91.
- NAVARRETE, C. 1974. *The Olmec Rock Carvings at Pijijiapan, Chiapas, Mexico, and Other Olmec Pieces from Chiapas and Guatemala. (Pap. 35).* Provo, Utah.
- NIEDERBERGER, C. 1955. Nacar y 'jade' Guerrero y las rutas de comunicación interregional en LA Mesoamérica Antigua (1000–600 BC). *Espacio, Cultura y Sociedad en Guerrero. Coloquio Internacional CIESAS/CNRS/INAH, June.* Mexico.
- 1970. Excavations at Tlapacoya, Mexico. *Cultural Remains II. XXXV Annual Meeting. Society for American Archaeology. Dpt de Prehistoria.* Mexico.
- 1974. *Inicios de la vida sedentaria en America Media. Historia de Mexico, Vol. I. (Barcelona/Mexico).* pp. 39–120.
- 1976. Zohapilco: Cinco milenios de ocupación humana en un sitio lacustre de la Cuenca de México. (Colecc. Cient., Arqueol., 30). Mexico.
- 1979. Early Sedentary Economy in the Basin of Mexico. *Science. (Washington, D.C.)* Vol. 203, pp. 131–42.
- 1986. Excavaciones de una área de habitación doméstica en la capital 'olmeca' de Tlacoatzitlan, Guerrero. In: *Arqueología y Etnohistoria del Estado de Guerrero.* Mexico, pp. 81–103.
- 1987. *Paléopaysages et Archéologie préurbaine du Bassin de Mexico. 2 vols. (Collect. Etud. Mésoam., Sér. I, II).* Mexico.
- OLIVEROS, J. A. 1974. Nuevas exploraciones en El Opeña, Michoacan. In: BELL, B. (ed.), *The Archaeology of West Mexico. Jalisco, Sociedad de Estudios Avanzados de México, A. C. Ajijic, Mexico.* pp. 182–201.
- 1994. *Imagen precolombina del huracán. Arqueología Mexicana. (Mexico.)* Vol. 2, No. 7, pp. 66–69.
- ORTIZ, P.; RODRÍGUEZ, M. C. 1994. Los espacios sagrados olmecas: El Manatí, un caso especial. In: CLARK, J. E. (ed.), *Los Olmecas en Mesoamérica.* Mexico, pp. 69–91.
- PIÑA CHAN, R. 1958. *Tlatilco. (Ser. Invest., I, 2).* Mexico.
- PIRES-FERREIRA, J. W. 1976. Shell and Iron-Ore Mirror Exchange in Formative Mesoamerica, with Comments on Other Commodities. In: FLANNERY, K. V. (ed.), *The Early Mesoamerican Village.* New York, pp. 311–26.
- POHORILENKO, A. 1977. On the Question of Olmec Deities. *Journal of New World Archaeol. (London.)* Vol. 2, No. 1, pp. 1–16.

- PORTER WEAVER, M. 1953. Tlatilco and the Preclassic Cultures of the New World. Viking Fund Publications in Anthropology (New York.) Vol. 19.
- PYE, M. E.; DEMAREST, A. A. 1991. The Evolution of Complex Societies in Southeastern Mesoamerica: New Evidence from El Mesak, Guatemala. In: FOWLER, W. R., The Formation of Complex Society in Southeastern Mesoamerica. Boca Raton/Ann Arbor, Mich. pp. 77–100.
- REILLY, F. K. 1994. Cosmología, soberanismo y espacio ritual en la Mesoamérica del Formativo. In: CLARK, J. E. (ed.), Los Olmecas en Mesoamérica. Mexico, pp. 239–59.
- REYNA ROBLES, R. M.; GONZALEZ QUINTERO, L., Preface by Niederberger, C. (forthcoming). Rescate arqueológico de un espacio funerario de época olmeca en Chipancingo, Guerrero. Mexico.
- SANDERS, W. T.; PRICE, B. 1968. Mesoamerica: the Evolution of a Civilization. New York.
- SHARER, J. (ed.). 1978. The Prehistory of Chalchuapa, El Salvador. Philadelphia.
- SMITH, C. E. 1986. Preceramic Plant remains from Guilá Naquitz. In: FLANNERY, K. (ed.), Guilá Naquitz. Archaic foraging and Early Agriculture in Oaxaca, Mexico. New York. pp. 265–274.
- STIRLING, M. W. 1940. Great Stone Faces of the Mexican Jungle. Nat. Geogr. Mag. (Washington, D.C.) Vol. 78, No. 3, pp. 309–34.
- TOLSTOY, P.; PARADIS, L. 1970. Early and Middle Preclassic Culture in the Basin of Mexico. Science. (Washington, D.C.) Vol. 167, pp. 344–51.
- WINTER, M. 1976. The Archaeological Household Cluster in the Valley of Oaxaca. In: FLANNERY, K. V. (ed.), The Early Mesoamerican Village. New York. pp. 25–31.
- ZEITLIN, R. N. 1978. Long-distance Exchange and the Growth of a Regional Center on the Southern Isthmus of Tehuantepec. In: STARK, B.; VOORHIES, V. (eds), Prehistoric Coastal Adaptation. New York. pp. 183–210.

17.5

ЮЖНАЯ АМЕРИКА

17.5.1

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ И ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОНЫ

Марио Саноха Обедьенте

ОБРАЗ ЖИЗНИ, ОСНОВАННЫЙ НА СОБИРАТЕЛЬСТВЕ

Период с 3000 по 2000 г. до н.э. в Новом Свете был временем оптимальных климатических условий: повышение температуры положило конец преобладающему влиянию ледника, характерному для эпохи плейстоцена и начала голоцена. В Колумбии тенденция к потеплению климата в послеледниковую эпоху прослеживается в результатах палинологического анализа, проведенного в разных местах Восточной Кордильеры в Колумбии (*Correal & Hammen*, 1977, p. 16), а также в ряде северо-восточных регионов Южной Америки, хотя в последнем случае это менее заметно.

Начиная с этого времени в разных частях Нового Света наблюдается тенденция к интенсивному собирательству растений и, возможно, к экспериментированию с растениями с целью производства продовольствия. На севере Южной Америки эти изменения проявились в варианте образа жизни, основанного на охоте и собирательстве, который мы включаем в «традицию неспециализированных каменных артефактов»; самые древние их примеры можно обнаружить в местонахождениях Эль-Абра, Текендама, Суэва, Немокоп и Чида, исследования в которых проводили Харт (*Hurt*), Корреаль (*Correal*), Хаммен (*Hammen*) и Ардила (*Ardila*).

Как было отмечено в томе I «Истории человечества», характерной особенностью традиции неспециализированных каменных артефактов и, в частности, «пещерной» технологии, является получение отщепов и нуклеусов путем раскалывания исходных более крупных нуклеусов. Получившиеся в результате раскалывания фрагменты применяли для различных целей в зависимости от их строения; в некоторых случаях применялось тщательное обтесывание одной кромки. Этот комплекс каменных артефактов существовал параллельно с производством изделий из кости, для чего длинные кости млекопитающих раскалывали и придавали им определенную форму. Все каменные и костяные артефакты, по-видимому, использовались как режущие инструменты, скребла, дробила и остроконечники, хотя, как правило, между их формой и функцией не просматривается определенного соответствия.

Этот вариант «присваивающего» способа хозяйствования, вероятно, был связан с повсеместной практикой охоты на животных и собирания растений, а также с возможностями использования доступных пищевых ресурсов в разнообразных экосистемах (морской, речной, лесной, степной и др.) северной части Южной Америки, Вест-Ин-

дии и Центральной Америки; в более позднюю эпоху он был связан с возникновением примитивных способов земледелия, возможно, с окультуриванием растений, которые определили основные черты производящего хозяйства земледельческих родовых обществ в этом регионе.

Между 5000 и 3000 гг. до н.э. люди из сообщества охотников-собирателей культуры векас, по-видимому, начали уходить с п-ова Санта-Элена, возможно, в результате полного высушивания окружающей среды (*Stothern*, 1976; *Lumbreras*, 1983, p. 26). В III тысячелетии до н.э. (3000–2300 гг. до н.э.) в этом регионе появляется так называемая вальдивийская культура (*Meggens et al.*, 1965; *Latrap et al.*, 1977); характерная для этой культуры сложная технология изготовления гончарных изделий и, возможно, способы выращивания кукурузы использовались приблизительно с 2400 г. до н.э. представителями рода Коэльо в местонахождении Реаль-Альто (*Zevallos et al.*, 1977). Население, относящееся к вальдивийской культуре, по-видимому, восприняло виды деятельности древних сообществ охотников-собирателей и жило не только за счет собирания моллюсков и ловли рыбы, но и благодаря разработке приемов использования прибрежных и внутриконтинентальных ресурсов. Это привело в данном случае к появлению сообществ, занимавшихся гончарным делом и специализировавшихся на собирании морских двусторчатых моллюсков (в основном вида *Anomalocardia subrugosa*) и брюхоногих моллюсков (например, *Cerithidea purpurascences*), а в удаленных от моря районах – к формированию земледельческих сообществ. Такое разделение труда между составляющими частями единой этнической группы было характерно и для других древних обществ Старого и Нового Света и было, в частности, связано с различными формами социальной и религиозной организации.

Имеющиеся сведения показывают, что сообщества собирателей, населявшие побережье Эквадора между 6000 и 5000 гг. до н.э., уже начали применять некоторые формы контроля над производством пищи. По-видимому, они находились на ранних этапах развития гончарного дела – процесса, во многом определявшего социальное развитие, который нашел свое отражение в так называемом культурном комплексе Ачалья. Судя по черепкам глиняной посуды, относящейся к этой культуре, она была очень примитивна даже по сравнению с еще более примитивными изделиями комплексов Вальдивия А или Вальдивия I, относящихся к тому же времени (*Stothern*, 1976, p. 91; *Meggens et al.*, 1965; *Hill*, 1966, 1975). Кроме того, имеются данные о том, что уже на поздних этапах культур векас и ачалья проявляются намерения организовать территориальное пространство в виде постоянного поселения в месте, в кото-

ром можно использовать как морскую экосистему, так и речные и лесные ресурсы внутренних районов, вокруг которого сезонные лагеря – в основном в прибрежной зоне. В Реаль-Альбо (*Lathrap et al.*, 1977), вероятно, воспроизводится подобная форма территориальной организации: с одной стороны, это – крупное селение, в котором жилые постройки расположены вокруг центральной площади или строения, предназначенного для проведения общеплеменных сборов или торжеств, а с другой стороны, здесь наблюдается подразделение территории на центральное поселение и прибрежные лагеря. Основная сельскохозяйственная деятельность в центральной сельской общине представляла собой переход от присваивающего хозяйства культур вегас и ачалья к развитию производящего хозяйства. Населяющие прибрежную зону сообщества, жившие собирательством, рыболовством и охотой, использовали ту же технологию изготовления глиняных изделий, что и гончары-земледельцы в удаленных от моря районах, однако с добавлением некоторых элементов, возможно, связанных с обрядами плодородия; эти элементы явно просматриваются в вальдивийских статуэтках. Но в целом в деятельности этих сообществ сохранились технологические, социальные и идеологические особенности, характерные для образа жизни людей, основанного на охоте и собирательстве.

Не обсуждая сущность и форму теории распространения местных особенностей, разработанной Мергером, Эвансом и Эстрадой (гипотеза которых хорошо подкрепляется фактами), или доводы о местной эволюции, выдвинутые Лумбрерасом, Бишофом, Стотерном, Маркосом и другими исследователями, можно считать, что окончательный разрыв с хищническим образом жизни общества, жившего за счет охоты и собирательства на побережье залива Гуаякиль, произошел под влиянием сторонних стимулирующих факторов, без местных прецедентов. Присваивающее хозяйство, порожденное социально-историческим развитием местных сообществ охотников-собирателей, сохранялось, подвергаясь все более интенсивным изменениям в родовой формации, образ жизни которой был основан главным образом на производстве продуктов питания и которая была образована под влиянием сообществ с более развитыми производительными силами.

ПОЯВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА В КОЛУМБИИ

Источники перехода к производящему хозяйству на территории современной Колумбии также, вероятно, следует искать в социально-историческом процессе, начавшемся с появлением сообществ охотников-собирателей, связанных с традицией изготовления неспециализированных орудий труда.

О распространении этого комплекса неспециализированных орудий в долинах и низменностях Атлантического побережья Колумбии говорится в трудах Харта и др. (*Hurt et al.*, 1976, p. 16); Корреала и Хаммена (*Correal & Hammen*, 1977, p. 110) и Рейчел-Долматофф (*Reichel-Dolmatoff*, 1965a, p. 48). Хотя в нашем распоряжении нет абсолютных дат, чтобы определить рамки этого периода, Корреаль и Хаммен связывают возможность перехода населения в другие районы с рядом климатических и демографических изменений, которые происходили на высокогорном колумбийском плато между 4000 и 3000 гг. до н.э. Приблизительно в это время наблюдалось сокращение численности населения на данной территории, что совпало с повышением средней температуры и резко выраженным процессом нарастания сухости климата. Одновременно с возможным демографическим спадом в сообществах охотников-собирателей высокогорного плато (приблизительно

в 3350 г. до н.э.) на побережье Карибского моря в Колумбии развивались модели культурных форм и трудовой деятельности, характерные для сообществ охотников-собирателей.

В период около 3350 г. до н.э. у обитателей Монсу – местонахождения, типичного для ранней стадии развития вышеупомянутого процесса (*Reichel-Dolmatoff*, 1985, p. 169), – охота на наземных животных (оленья, кабана, грызунов) преобладала над рыболовством, охотой (на черепаха) и собирательством (крабов, сухопутных улиток) на заболоченных территориях и мелководьях на побережье.

Тем не менее через 260 лет в поселении Пуэрто-Ормига (*Reichel-Dolmatoff*, 1965b, 1971), расположенном неподалеку от Монсу, потомки того же народа практически перестали охотиться на крупных млекопитающих, ограничиваясь мелкими грызунами, а с собирательства пресноводных улиток перешли к собирательству двустворчатых моллюсков (в основном рода *Pitar* и *Ostrea*). Более того, рыбу, а также черепаха и крабов ловили в основном в болотах или реках. Раковины некоторых видов улиток (например, *Melongena*), водящихся в пресной воде или в эстуариях, могли использоваться в качестве сосудов (*Reichel-Dolmatoff*, 1971, p. 342; 1965b, p. 45). При анализе животного мира, являвшегося объектом охоты и собирательства сообщества охотников-собирателей, живущих в селении Текендама, следует обратить внимание на то, что образ жизни этого народа был определенно основан на охоте на крупных млекопитающих (*Mazama*, *Odocoyleus*) и мелких грызунов, таких как агутти и горбатый заяц (*Dasyprocta*), а также на собирательстве сухопутных улиток видов *Drymaeus* и *Plekocheilus*, большая часть которых была обнаружена на позднем этапе Текендамы (*Correal & Hammen*, 1977, p. 56).

Если мнения Корреала и Хаммена являются верными, то можно считать, что перемены в образе жизни племен охотников-собирателей, переместившихся на побережье Карибского моря в Колумбии, происходили приблизительно в течение двух веков. От занятий, связанных главным образом с охотой на наземных млекопитающих, они постепенно переходили к более разнообразным способам добычи пищи, включая собирательство морских и водящихся в эстуариях двустворчатых моллюсков, рыболовство и собирательство в реках и лагунах. Комплекс каменных орудий, связанных с такими видами деятельности, состоял из отщепов с одной рабочей поверхностью; режущих инструментов, которые могли использоваться в качестве буров и резцов (на некоторых из них были выбоины от ударов); округлых камней, используемых в качестве пестов; молотков, шлифовальных камней, наковален или приспособлений для раскалывания орехов – камней с углублением в центре, топоров и нуклеусов призматической формы, напоминающих инструменты, которые использовали древние собиратели морских продуктов на северо-востоке Южной Америки.

Стратиграфические исследования в Монсу также указывают на применение шильев или остроконечников, сделанных из рогов животных (вида *Mazama*), возможно, наконечников, изготовленных из сколов длинных костей млекопитающих или хвостов скатов (вида *Dayasatis*), мисок и бусин из кости и раковин. В Пуэрто-Ормига, с другой стороны, преобладают артефакты из раковин морских и пресноводных моллюсков. Обнаружение в Монсу и Пуэрто-Ормига, в Ротине и низовьях р. Магдалена (по сведениям, сообщенным лично Ангула) мотыг и топоров, сделанных из раковин *Strombus gigas*, а также противней или плоскодонных мисок для выпечки хлеба из муки горького маниока, относящихся не ранее чем к 2250 г. до н.э., позволяет предположить, что регион в низовьях Магдалены был одним из первых центров окультуривания растений в Южной Америке (*Sanoja*, 1979, 1982).

По-видимому, природные условия в низовьях Магдалены были основным фактором, повлиявшим на переориентацию хозяйственной деятельности сообществ, живших за счет собирательства, охоты и рыболовства, которые переселились на побережье Карибского моря в Колумбии. Важным обстоятельством, возможно, было и изобилие растительности, особенно горькой и сладкой разновидностей маниока (*Manihot esculenta*), которые, судя по всему, произрастали в этом регионе (Rogers, 1963; Sanoja, 1979, 1982a, b). Уже по крайней мере с III тысячелетия до н.э. сообщества охотников-собирателей-рыболовов, обитавших в нижнем течении Магдалены, относили такие виды растений к съедобным. В пищу шла не только их зелень в отваренном или жареном виде, но и корневища этих растений, мякоть которых перерабатывали в муку, а затем выпекали из нее хлеб.

Ядовитые разновидности маниока (кассавы) лучше всего подходят для выпечки хлеба из муки этого растения. Его корневища содержат больше крахмала и меньше волокон, чем корневища сладкого вида, и качество получаемой из них муки выше, а ее выход больше, и соответственно, количество получаемого хлеба тоже больше. Тем не менее процесс обработки маниока достаточно сложен и состоит из ряда операций: растирание корней, выжимание сока из мякоти для удаления синильной кислоты, просеивание высушенного продукта, приготовление муки и выпечка хлеба из маниока в глиняных плоскодонных мисках или на противнях. Чтобы осуществить каждую из этих операций, необходимо было уметь изготавливать деревянные терки со специальными вставными микроотщепами, чтобы их поверхность стала шероховатой, различные корзины для обработки мякоти, включая сита для просеивания маниока, или «типити», а также иметь специальные знания в области гончарного дела для изготовления противней. Кроме того, местные земледельцы должны были быть знакомы с технологией выращивания растений: делать отводки или сажать черенки для размножения разных видов маниока вегетативным путем, предотвращать смешение дикорастущих и окультуренных растений путем обрывания соцветий и опыления растений.

Для координации различных работ при изготовлении хлеба из маниока, без сомнения, требовались значительные качественные и количественные изменения в составе производительных сил древних сообществ охотников-собирателей-рыболовов, живших в низовьях Магдалены. Эти изменения можно рассматривать как один из примеров древнего процесса «неолитизации», положившего конец присваивающему хозяйству охотников-собирателей и означавшего начало перехода к производящему хозяйству родовой общины на севере Южной Америки.

При анализе стиля орнаментов на гончарных изделиях Вальдивии, Пуэрто-Ормига, Монсу и Монагрильо в работах Меггера и др. (Meggers et al., 1965, p. 168) и Рейчел-Долматофф (Reichel-Dolmatoff, 1985, p. 191) рассматривается вопрос о том, предшествовала ли в хронологическом отношении керамика Вальдивии керамике Пуэрто-Ормига, или же, напротив, гончарные изделия в Монсу и Пуэрто-Ормига были сделаны ранее керамики Вальдивии. Несмотря на формальное сходство, которое явно проглядывается в орнаментах обеих культур, следует отметить, что, хотя социально-исторические процессы, определявшие формирование обоих родовых сообществ, отражают, по существу, отказ от присваивающего общества и развитие производящего хозяйства родовой общины, темпы этих изменений были разными. В Вальдивии данный процесс завершился быстро, и занимающиеся выращиванием кукурузы сельские сообщества вскоре достигли определенного уровня социально-политической стратификации и организации, а также в целом относительно высокого уровня развития производительных сил.

В Монсу и Пуэрто-Ормига процесс распада общества охотников-собирателей происходил очень медленно. Хотя мотыга применялась в земледелии до III тысячелетия до н.э., все же сочетание использования такого высокоурожайного поначалу растения, как маниок, с собирательством, охотой и рыболовством довольно долгое время с трудом осваивалось в процессе общего развития производительных сил сельской родовой общины.

Одной из характерных особенностей выращивания растений было то, что эта работа требовала приложения сравнительно небольших усилий и минимальной организации общественного труда. В совокупности с присваивающими формами хозяйствования, такими как охота, рыболовство и собирательство, земледелие могло приносить высокий урожай продуктов, богатых углеводами и белками. Однако этот источник продовольствия не был ни постоянным, ни увеличивающимся. Тем не менее хранение корнеплодов в земле, а муки из кассавы – в домашних условиях не требовало постройки специальных общественных хранилищ или усовершенствования системы распределения и потребления продукции. Необходимо было только справедливо разделить землю на участки, урожай с которых мог собирать земледелец. Подобным образом фауна, представители которой являлись объектами охоты и ловли, продолжала развиваться в естественных условиях без вмешательства человека. Таким образом, вариант сельского общества, занимавшегося выращиванием растений, стал усовершенствованной и расширенной версией присваивающей формы хозяйствования. Выращивание зерновых культур, таких как кукуруза, обработка сельскохозяйственной продукции, ее распространение и потребление составили комплекс работ родовой общины, в котором также сохранялись дополнительные виды деятельности, унаследованные от более древних обществ. На побережье залива Гуаякиль, например, в те времена сохранились относящиеся к вальдивийской культуре поселения гончаров, принадлежавшие сообществам рыболовов и собирателей, однако они не играли решающей или вспомогательной роли в росте производительных сил земледельческих сообществ, населявших удаленные от моря регионы, которое было необходимо для социально-исторического развития общества в целом. В этом можно видеть подтверждение историко-диалектического вывода о том, что социальный прогресс достигается не в результате адаптации к формам натурального хозяйства, а в результате упорного отхода от них.

В свете вышеупомянутых рассуждений тот факт, что земледельческие родовые общины в низовьях Магдалены и на побережье залива Гуаякиль характеризуются общими элементами «надстройки», такими как символические элементы формального выражения, используемые в гончарном деле, не подразумевает, что одна из этих общин сыграла определяющую роль в развитии культуры другой. Эти общинные формы образного выражения могут быть результатом сложившейся исторической ситуации, выражающейся в принадлежности к родовой общине. Археологами было выдвинуто огромное множество теорий в отношении проблемы существования традиции украшения глиняных изделий «лепным – резным – пунктирным» орнаментом, характерным для гончарного искусства сообществ рассматриваемого выше периода формирования – самых дальних предшественников родовых общин в Южной Америке.

Форд (Ford, 1969) в своем монументальном труде анализирует американские культуры периода формирования и убедительно показывает, каким образом формы «надстройки» определяются материальным базисом родового общества и некоторых сообществ, находящихся на начальной ступени формирования классов – сообществ, связываемых с образованием государства. Но если эти оп-

ределяющие элементы проявляются в осязаемой форме, например, в традиции художественного орнаментального стиля гончарных изделий, то подразумевается ли при этом перемещение групп людей, распространение идей, или же это результат независимого развития? Гордон Вир Чайлд (*Cbilde*, 1981, p. 239) объяснял этот феномен как исторически определенную социальную традицию, существующую у разных народов. Окружающая среда или окружающие среды, ресурсами которых пользовались представители древних культур, занимаясь земледелием, ведя присваивающее хозяйство или занимаясь другими видами деятельности, были мирами, которые лучше всего рассматривать на примере творческой деятельности людей. Она нашла свое выражение в технике украшения глиняных изделий, и для этого потребовалось только внести ряд изменений в объемы используемого сырья и поверхности глиняных предметов путем добавления одних материалов и сокращения использования других. Орнаментальный стиль был в основном формой отражения природной окружающей среды, представленной зооморфными, антропоморфными, топоморфными и другими сюжетами, различающимися в зависимости от их сущности: «Поскольку в эгалитарном сельском образе жизни главное противоречие, побуждающее общество к развитию, состоит скорее во взаимоотношениях человека с природой, чем в отношениях между людьми, то ответ на это, в соответствии с сущностью определенной общественно-экономической формации, особенно той, которая связана с надстройкой, как правило, выражается в отражении этого основного противоречия» (*Vargas*, 1985a, p. 97; *Delgado*, 1985, p. 69).

На побережье Карибского моря в Колумбии, в таких местонахождениях, как Барловенто, Канапоте, Букарелия, Самбрано и Ротин, эгалитарный сельский образ жизни, обеспечиваемый производственной деятельностью смешанного типа, включающей в себя выращивание растений, собирательство морских животных и растений, рыболовство и охоту на суше, оставался без изменений в течение нескольких тысячелетий. Вероятно, сообщества аборигенов постепенно перемещались с побережья на заболоченные территории и клагунам в дельте р. Магдалены, несколько выше места ее впадения в Карибское море – в места, где производство пищи могло быть более эффективным при сочетании наземной и водной фауны.

Такой процесс наблюдается, например, на этапе маламбо (*Angulo*, 1962, 1981), датированном 1100 г. до н.э. В этом месте прослеживается отход от собирания моллюсков и заметно большее внимание охоте и речному рыболовству. Кроме того, этап маламбо резко отличается от предыдущего социально-исторического развития – это первый пример формирования крупного постоянного поселения – центра, в котором интенсивно развивались различные виды деятельности, характерные для эгалитарного образа жизни родовой общины (выращивание растений, гончарное дело, ткачество, охота и рыболовство). По-видимому, во всех родовых деревенских сообществах эгалитарного типа на жилой территории располагались не только дома, но и места захоронений. При раскопках рядом со скелетами людей обычно обнаруживались и погребальные предметы, соответствующие полу умершего и отражающие его деятельность в повседневной жизни. Были обнаружены свидетельства возможных различий в отношении к умершим: хотя обычными были прямые первичные захоронения, меньшая их часть представляла погребения в глиняных урнах с приношениями в виде продуктов питания и орудий труда.

Непрерывность традиции украшения керамических изделий лепным и резным орнаментом, появившейся еще на этапах монсу и пүэрто-ормига, прослеживается в антропоморфных масках, пекарной утвари, блоках веретен, бусинах ожерелий и в большом разнообразии предметов

посуды, форма которых иногда достаточно сложна. По сути, поселение Маламбо является прототипом центрального сообщества, характерного для родовых сельских эгалитарных общин, которые развивались на побережье Карибского моря Колумбии в течение I тысячелетия до н.э. и нескольких веков новой эры.

ПОЯВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА В ПАНАМЕ

В томе I «Истории человечества» уже отмечалось, что приблизительно в 4840 г. до н.э. образ жизни, основанный на собирательстве, также установился и на побережье Тихого океана в Панаме, в местонахождении Серро-Манготе, расположенном в устье р. Санта-Мария (*McGimsey*, 1956, p. 151–161). В результате исследования археологических остатков в Серро-Манготе было обнаружено, что проживавшие в этом месте группы населения были организованы в небольшие, но устойчивые сообщества, которые обеспечивали себя путем собирательства дикорастущих растений и моллюсков, рыболовства и охоты.

Свидетельства изготовления древнейших гончарных изделий в Панаме были обнаружены в местонахождении Монагрильо, датированном приблизительно 2140 г. до н.э. и расположенном в районе бухты Парита – на перешейке со стороны Тихого океана (*Willey & McGimsey*, 1954). Исследования местной культуры показали, что люди общины из Монагрильо добывали себе средства к существованию путем рыболовства и собирания моллюсков (в основном *Ostrea chilensis* и *Tivela gracilor*) на илистом дне в устье р. Парита. Еще одним важным источником пропитания этих людей была охота, что подтверждается наличием останков оленя вида *Odocoyleus chiriquensis*, дикой свиньи пекари (*Pecari ungulatus*), пресноводных черепах, кроликов и агути. Свидетельств выращивания растений не обнаружено, хотя некоторые орудия труда, такие как песты и ступы, указывают на то, что растения и пальмовые орехи обрабатывались для приготовления пищи.

Поселения сообщества Монагрильо, живущего охотой и собирательством, были расположены вдоль древнего побережья бухты Парита, хотя, по-видимому, в период заселения этих мест окружающая среда здесь подвергалась изменениям. Происходящее в это время осаднение горных пород привело к образованию прибрежной лагуны, что увеличило приток рыбы и моллюсков в это место и, соответственно, способствовало формированию здесь поселений более постоянного типа до тех пор, пока эта лагуна не превратилась в соляную котловину, после чего это место было покинуто (*Linares*, 1977, p. 18; *Ranere & Hansell*, 1978, p. 47).

В целом сообщество охотников-собирателей Монагрильо, занимались присваивающим хозяйством, начиная с этапа Серро-Манготе, поэтому наличие в Монагрильо керамики с резным орнаментом могло быть результатом того, что технология изготовления гончарных изделий была перенята у других племен из соседних регионов. Стилистические особенности керамики указывают на северо-восток Колумбии, где другие сообщества, занимавшиеся охотой, собирательством и выращиванием растений, также умели изготавливать украшенную резным орнаментом глиняную посуду уже приблизительно с 3300 г. до н.э.

В результате стратиграфических исследований, проведенных в других местонахождениях, например в скальном укрытии Агуадальче, получены данные о последовательности культурных изменений, которые произошли на Тихоокеанском побережье Панамы между 5000 и 2000 гг. до н.э., с компонентом Серро-Манготе в основании и с гончарным искусством Монагрильо – на высшем уровне (*Linares*, 1977; *Ranere & Hansell*, 1978). Рацион питания обитателей укрытия Агуадальче показывает, что основным способом добы-

чи пищи людей была охота на крупных млекопитающих, например оленя (вида *Odocoyleus*), грызунов, броненосцев, игуан и черепах. Подобно народу Монагрильо, обитатели этой пещеры употребляли в пищу моллюсков, а также морскую и пресноводную рыбу, которую ловили на побережье; возможно, в то время оно находилось несколько ближе к пещере, чем теперь.

В удаленной от побережья части Панама этот период, известный как этап бокете, характеризуется постепенной стабилизацией в переходе к производящему хозяйству, который завершился приблизительно в 940 г. до н.э. с появлением гончарного ремесла и разнообразных форм жизнеобеспечения, включавших выращивание растений и, возможно, даже разведение кукурузы (*Ranere*, 1972, 1976; *Linares & Ranere*, 1971; *Linares*, 1975, 1977; *Fonseca*, 1985). Представляется вероятным, что при переходе к формам производящего хозяйства в Панаме сообщество охотников-собирателей одновременно пользовались исключительной возможностью эксплуатации морской экосистемы и речной – лесной экосистемы в таком небольшом удаленном от моря регионе, как на узком перешейке, омываемом Карибским морем на востоке и Тихим океаном на западе.

В высокогорных долинах вокруг вулкана Чирики, на севере Панама, в таких местонахождениях, как Эль-Ато и Серро-Пунта, обнаружены данные, показывающие, что около 500 г. до н.э. там уже были развиты сельские родовые формации, система производящего хозяйства которых основывалась на выращивании и обработке бобов и кукурузы, возможно, гибрида, полученного в результате скрещивания сортов чапалоте, польо и наль-тель. Заметной особенностью этих древних панамских земледельческих культур была художественная обработка камня, из которого делались большие ступы, барабаны и крупные человеческие фигуры, изображающие мужчин, держащих в руках головы, взятые в качестве трофеев (*Linares*, 1977, p. 24).

Но самые древние свидетельства работы сельских родовых общин и, следовательно, перехода к производящей системе хозяйствования в южной части Центральной Америки, обнаруживаются в местонахождениях Ла-Монтанья и Чапаррон, расположенных в долине Турриальба в Коста-Рике (*Snarkis*, 1984, 1976; *Fonseca*, 1985) и в соответствующих местонахождениях в районе залива Баия-де-Кулебрас (*Lange*, 1980) на северо-востоке Коста-Рики.

Из исследований, которые проводились до настоящего времени, можно сделать вывод, что стилистические особенности гончарных изделий древних обитателей Ла-Монтанья в долине Турриальба соответствуют традиции украшения глиняной посуды резным и лепным орнаментом, характерной для древних сообществ, занимавшихся гончарным делом на северо-востоке Южной Америки, а также традиции, которую на месте называют двухцветной линейчатой (*Bicromo en Zonas*). Кроме того, обнаружение противней, предназначенных для выпечки хлеба, свидетельствует о выращивании и потреблении обработанного горького маниока (кассава), один из возможных центров окультуривания которого был, видимо, расположен в низовьях р. Магдалены. Каменные изделия включают жерновые камни, орудия типа долота или клина, а также резцы, скребки, ножи и топоры.

Помимо маниока и, возможно, других корнеплодов и овощей, обитатели Ла-Монтанья также собирали плоды с деревьев, что подтверждается находками семян авокадо (вида *Persea*). Жилые постройки, похоже, были небольшими и разрозненными, что, скорее всего, указывает на полуседельный образ жизни сообщества (*Fonseca*, 1985).

Неподалеку от местонахождения Ла-Монтанья, южноамериканское происхождение которого не вызывает сомнения, находится другое местонахождение – Чапаррон, в котором обнаруживается мезоамериканское влияние;

оно начало проявляться на юге Центральной Америки в I тысячелетии до н.э. Позднее оно стало преобладающим в культурном развитии всей Центральной Америки.

ОБРАЗ ЖИЗНИ В ВЕНЕСУЭЛЕ, ОСНОВАННЫЙ НА ОХОТЕ И СОБИРАТЕЛЬСТВЕ

Известные на сегодняшний день археологические данные показывают, что сообщества, жившие охотой и собирательством, поселились на побережье и, возможно, на удаленной от моря территории Венесуэлы уже к V тысячелетию до н.э. С помощью радиоуглеродного анализа были обнаружены свидетельства существования сообществ, живших в период с 3770 по 3400 г. до н.э. за счет собирательства на северо-востоке, в регионе у впадения р. Ароа в Карибское море. Археологи назвали это местонахождение комплексом Эль-Энеаль (штат Яракуй) (*Crucent & Rouse*, 1958, p. 76; *Rouse & Crucent*, 1963, p. 155). Обнаруженные инструменты включают молоты, наковальни и жерновые камни, напоминающие найденные в Серро-Манготе и Монагрильо в Панаме, а также артефакты с боковыми рабочими поверхностями.

Прямых свидетельств собирательства растений не обнаружено, однако наличие зернотерок показывает, что переработка и потребление некоторых видов орехов или зерен имели место. С учетом особенностей найденных здесь орудий труда предполагается, что эти сообщества собирателей, расселившиеся вдоль западного побережья Венесуэлы, имели отношение к сообществам, населяющим побережье Тихого океана в Панаме. Их распространение можно проследить вплоть до центрального побережья, где находится комплекс Кабо-Бланко (*Crucent & Rouse*, 1958, p. 92).

К востоку от Эль-Энеала, в районе между Сасаридой и Капатаридой в штате Фалькон, были найдены отложения раковин видов *Donax* и *Tivela* – остатки пищи людей. В некоторых из них были обнаружены орудия – двусторонние остроконечники и скребки, сделанные из кварца, кремнистого известняка или песчаника, относящиеся к культуре эль-хобо, а также грузила для сетей и шлифованные топоры, подобные найденным на островах Вест-Индии. Такие находки могут свидетельствовать о том, что охотники эль-хобо совмещали охоту с собиранием морских растений и животных (*Elena Rodríguez*, из личных архивов).

В Венесуэле древнейшие известные на сегодняшний день свидетельства существования сообществ, образ жизни которых был основан на охоте, рыболовстве и собирательстве, были обнаружены на северо-восточном побережье. При исследованиях, проводившихся на средства Национального географического общества у подножья горной цепи Серрания-де-Пария, в заливе Карьяко, на полуострове Арая и у подножья горного массива Кариле были обнаружены скопления раковин (*Sanoja*, 1979, 1982a, 1982b, 1984, 1985a, 1986; *Sanoja & Vargas*, 1978, 1983; *Sanoja & Romero*, 1986; *Rodríguez*, 1985; *Rondón*, 1986). В этих местах также были найдены грубо обработанные каменные орудия, изготовленные с использованием техники оббивки, а в местонахождениях, относящихся к более поздней эпохе, были обнаружены артефакты из полированного и шлифованного камня, ракушек и кости. Древнейшие стоянки Гуаяна и Но-Карлос на Атлантическом побережье полуострова датируются периодом с 4370 по 4220 г. до н.э.

Предметы, относящиеся к традиции изготовления каменных инструментов, напоминающие по форме молотки, характерные для Гуаяны и Но-Карлоса, также были обнаружены в других скоплениях раковин на побережье залива Кариакко, например в Эль-Бахо, и преобладают в нижних слоях раковинных отложений в Лас-Варас. Оба эти

места расположены на возвышенности в непосредственной близости от лагуны Компома. Сообщества, жившие в этих местах, обеспечивали себя путем собирания устриц и улиток видов *Melongena* и *Cassia* в мангровых зарослях, а также охотой и рыболовством. Были обнаружены и следы возможной переработки растительной пищи.

В результате проведения стратиграфических исследований в Лас-Варас – месте, расположенном в мангровых и пальмовых зарослях, обнаружены каменные инструменты, напоминающих молотки, относящиеся к ранним стадиям заселения, а также несколько топоров, больших ножей и мотыг из полированного камня, жернова конической формы, наконечники из кости и раковин и сосуды из камня. В более близких к поверхности земли археологических слоях таких находок было больше. В этом месте также обнаружено большое количество предметов, возможно, ритуального назначения, вырезанных из листов слюды, которым придана форма фаллоса или кинжала, а также полукруглые долота и украшения из раковин.

Почва, покрывающая территорию с найденными отложениями, – черного цвета, по структуре она напоминает песок. Почва подобного типа, напоминающая чернозем, была обнаружена на илстых побережьях, покрытых мангровыми лесами, она резко отличается от красноватого суглинки холма, на котором были обнаружены отложения раковин. Высказано предположение, что такие почвы, возможно, были созданы человеком для получения благоприятных условий для выращивания растений.

Анализ мест проживания показал, что, возможно, здесь были сделаны заслоны от ветра, обеспечивающие обитателям Лас-Варас надежное укрытие. Концентрация в различных местах артефактов, а также остатков пищи позволяет предположить, что каждая отдельная или нуклеарная семья выполняла всевозможные виды работ для социальной группы. Было обнаружено и место коллективной деятельности – очаг для приготовления пищи. Умерших хоронили на жилой территории. По расположению костей было сделано предположение о вторичных захоронениях, для чего кости помещались в корзины, которые иногда обнаруживались рядом с зернотерками и морскими раковинами.

Местные варианты образа жизни сообществ охотников на северо-востоке Венесуэлы дополняются так называемыми маникуарными (от названия местонахождения Маникуаре) формами (*Cruent & Rouse, 1958; Rouse & Cruent, 1963*), представленными в докерамических комплексах Кубагуа, Ла-Адуана, Маникуаре, Пунта-Горда и Карупана, находящихся на побережье заливов Пария и Арая и на о. Кубагуа. Орудиями, характерными для этих живущих собирательством племен, являлись наконечники копий и гарпунов, сделанные из костей или раковин, биконические камни, которые, возможно, использовались как ядра для стрельбы из рогаток, песты и зернотерки, использовавшиеся, скорее всего, для переработки овощей, а также полукруглые долота и сосуды, сделанные из раковин моллюсков вида *Strombus gigas*.

Радиоуглеродным анализом установлено, что охотничьи сообщества, относящиеся к маникуарному типу, появились около 2325 г. до н.э. на о. Кубагуа, а затем одни из них остались на нем, а другие переселились на северное побережье Арай к 1730–1090 гг. до н.э. В результате типологического сравнения этих комплексов с последовательностью в Лас-Варас полукруглые долота из раковин, обнаруженные в верхнем археологическом слое в Лас-Варас, были приблизительно отнесены ко времени между 2000 г. и концом I тысячелетия до н.э. (*Sanoja, 1986*).

Общие особенности, характерные для сообществ охотников-собирателей, которые жили на северо-востоке Венесуэлы, свидетельствуют о существовании двух основных

культурных вариантов. Один был основан на использовании морских, речных и водящихся в эстуариях ресурсов и на применении камня в качестве сырья. Этот культурный вариант достиг кульминации своего развития, возможно, во II или в I тысячелетии до н.э. с зарождением начальных форм земледелия. Вторым вариантом включал сообщества собирателей, существовавшие исключительно рыболовством и собирательством морских растений и животных, а основным материалом для изготовления орудий здесь были морские раковины.

Первый вариант, свидетельства существования которого обнаруживаются в Гуаяне, Но-Карлосе, Ремихьо, Лас-Варасе и в Эль-Бахо, составляет часть южноамериканской традиции использования неспециализированных орудий труда, включая отложения раковин (*sambaquis*) на побережье и во внутренних районах Бразилии. Вторым вариантом – это вариант карибского регионального развития, и местонахождения, в которых это развитие происходило, находятся на северо-востоке Венесуэлы, на Кубе и в штате Флорида; они приблизительно датируются 2000 г. до н.э. в Гуаябо-Бланко и периодом примерно с 5000 до 2000 г. до н.э. в местонахождении на р. Сент-Джон-Ривер (*Veloz Maggiolo, 1980, p. 21; Sanoja, 1982a, p. 43; Rouse, 1951, p. 260; 1960, p. 8*).

Относящиеся к первому культурному варианту местонахождение Куэва-дель-Элефанте на юго-востоке Венесуэлы, где в скальном укрытии около р. Карони были обнаружены отщепы из яшмы и кварца, зернотерки и, возможно, ступы (*Sanoja & Vargas, 1970*), а также комплекс Канаима в том же районе (*Rouse & Cruent, 1963, p. 42*), могут свидетельствовать о том, что на этой удаленной от побережья территории жили сообщества, образ жизни которых был основан на традиции собирательства севера Южной Америки, происхождение которой прослеживается до традиции изготовления неспециализированных орудий труда, зародившейся в Эль-Абра и Текендаме – на востоке Колумбии, или до охотничьей традиции эль-хобо (*Rouse & Cruent, 1963, p. 42*).

Приблизительно к I тысячелетию до н.э. оба культурных варианта, основанных на собирательском образе жизни, перешли к смешанной системе хозяйствования, которая вызвала переход к новым формам общественного устройства; здесь местное население достигло значительных успехов в освоении ряда земледельческих технологий, как, например, в комплексе Педро-Гарсия (штат Ансоатеги), датируемом приблизительно 570 г. до н.э. Сообщества собирателей здесь уже использовали топоры, конические песты, ступы и инструменты из отщепов, а также полукруглые долота и сосуды из раковин моллюсков *Strombus gigas*. Обнаруженные в комплексе Мичелена, расположенном в бассейне оз. Валенсия (штат Карабобо), конические песты и каменные пластины указывают на существование собирателей в удаленных от моря районах, которые по технологическому уровню были близки сообществам, жившим на северо-востоке Венесуэлы и, возможно, достигшим такого же уровня развития производительных сил.

ПОЯВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА В ВЕНЕСУЭЛЕ

С учетом имеющихся данных, можно определить две важные тенденции в раннем производящем хозяйстве в Венесуэле: (а) самостоятельный процесс перехода к производящему хозяйству сообществ, живших собирательством на востоке Венесуэлы, (б) производный процесс начавшийся с родовых общин, занимавшихся гончарным делом, которые появились в бассейне р. Ориноко и в бассейне оз. Маракайбо в I тысячелетии до н.э.

В первом случае сообщества собирателей, похоже, преуспели в разработке ряда сельскохозяйственных орудий,

предназначенных для вырубki леса, вспашки земли, обработки древесины и, возможно, для создания слоя плодородной почвы для выращивания растений. Свидетельств, указывающих на виды культурных или собираемых растений, не обнаружено, хотя ими могли быть любые разновидности местных корнеплодов и клубнеплодов, растущие на востоке Венесуэлы: горький маниок (кассава, *Manihot esculenta*), «мапуэй» (вид диоскореи, или *Dioscorea triphyda*), таро (*Xanthosoma saggitifolium*), виноград «лаирен» (вид *Calathea*) и другие растения. Если они на самом деле выращивались, то можно предположить, что сформировался земледельческий центр со смешанной системой хозяйствования, включавшей охоту, рыболовство и собирательство, с приходом на северо-восток Венесуэлы земледельческих родовых сообществ с низовьев и среднего течения Ориноко, известных как традиция барранкас и традиция ронкин.

С 900 г. до н.э. эти сообщества в указанном регионе Ориноко перешли на производящее хозяйствование, аналогичное тому, которое развилось на побережье Колумбии начиная с III тысячелетия до н.э. и которое было основано на совмещении выращивания горького маниока (кассава) с охотой, рыболовством и собирательством. Форма и орнамент гончарных изделий, относящихся к традиции барранкас, имеют много общего с керамикой ранних родовых обществ запада Южной Америки в таких местонахождениях Пуэрто-Ормига, Котош и даже Вальдивия (*Sanoja*, 1979, 1982a, b, 1984, 1985a, b, c). Традиция ронкин включает многие черты формы и орнамента, характерные для среднего этапа периода формирования в регионе Анд, а также для культуры чоррера в Эквадоре и культуры монсу в низовьях р. Магдалена в Колумбии (*Vargas*, 1979, 1981; *Sanoja & Vargas*, 1978, 1983). С учетом вышесказанного, можно предположить, что на появление гончарного дела на востоке Венесуэлы частичное влияние оказали другие родовые или примитивные классовые общества запада Южной Америки, которые перешли к производящей системе хозяйствования, уже начинавшей развиваться в местных сообществах собирателей (*Sanoja*, 1985b, c).

Исследования Тартуси и Нуньес Регейро (*Tartusi & Núñez Regueiro*, 1984, p. 67) на западе Венесуэлы позволили отказаться от мнения, что местонахождение Ранчо-Пелудо является самым древним местом окультуривания маниока на северо-западе Венесуэлы, которое ранее было выдвинуто Роузом и Краксентом (*Rouse & Cruixent*, 1963, p. 48). Эти два автора датировали это место 2820 г. до н.э., однако более поздние раскопки показали, что в хронологическом отношении оно соответствует первым векам новой эры.

Свидетельства окультуривания горького маниока были обнаружены к югу от оз. Маракайбо в местонахождении Каньо-Гранде, датируемом 650 г. до н.э. и соответствующем в культурном отношении родовым обществам, развивающимся в низовьях рек Сину и Магдалена (*Sanoja & Vargas*, 1978, p. 67; *Sanoja*, 1969, 1982a, p. 145, 194, 1972, 1982b, p. 184, 1985a; *Vargas*, 1985a, b). Характерной особенностью гончарных изделий этих ранних родовых обществ является выпуклое дно с отверстиями; такие предметы были обнаружены в низовьях Магдалены и отнесены к традиции маламбо. В различных археологических местонахождениях на северо-западном побережье оз. Маракайбо также были обнаружены свидетельства, подтверждающие факт распространения культурного влияния традиции маламбо в этом регионе (*Tartusi et al.*, 1984).

На северо-западном побережье оз. Маракайбо, в местонахождении Лагунильяс, датируемом временем с 600 по 200 г. до н.э., обнаружены следы раннего перехода к выращиванию кукурузы (*Wagner & Tarble*, 1975; *Wagner*, 1980). Было установлено, что на развитие этого процесса также оказали влияние ранние родовые общества Северной Колумбии. Это мнение подтверждено находками скоплений

раковин в Ла-Питиа на п-ове Гуахира в Венесуэле (*Gallagher*, 1964; *Acosta Saignes*, 1953).

ПОЯВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА В РЕГИОНЕ АМАЗОНКИ В БРАЗИЛИИ

История перехода к производящему хозяйству в регионе Амазонки в Бразилии вызывает интересные проблемы для изучения особенностей этого процесса на севере Южной Америки. С одной стороны, район низовой Амазонки, где в ходе исследования остатков древнейших местонахождений были обнаружены следы возможного выращивания растений, находится на огромном расстоянии от основных центров на северо-западе Южной Америки, в которых занимались выращиванием зерновых культур и корнеплодов, а также от мест, в которых обнаружены следы гончарного производства того времени. С другой стороны, на территории между этими двумя регионами до сих пор не обнаружены какие-либо промежуточные местонахождения, которые бы относились к более древней эпохе, чем культурные комплексы в низовьях Амазонки, и которые могли бы свидетельствовать о миграции древних сообществ, знакомых с земледелием и гончарным делом, вниз по течению реки по направлению к Атлантическому побережью.

Древнейшее свидетельство существования сообществ, владевших гончарным искусством и, возможно, занимавшихся земледелием, было обнаружено в местонахождении Мина, на побережье бразильского штата Пара, на территории, известной как Сальгадо, омываемой солоноватыми водами бухты Маражо и лежащей между этой бухтой и устьем р. Гурупи (*Simões*, 1981). Радиоуглеродным анализом остатков растений и осколков ракушек, используемых при изготовлении керамических изделий, это место отнесено ко времени с 3000 по 1600 г. до н.э.

Комплекс орудий труда включает каменные жернова, молотки, скребки и ножи; эти артефакты напоминают орудия, найденные в скоплениях раковин (*sambaquís*) на южном побережье Бразилии. Что касается общих культурных черт, то можно считать, что образ жизни местного населения был основан на собирательстве моллюсков, рыболовстве, охоте, потреблении некоторых видов растений, которые перемальвывались или размельчались с использованием каменных молотков, а также на изготовлении гончарных предметов.

Гончарные предметы культуры мина делались из глины, смешанной с толчеными раковинами, и украшались красной росписью или напольчатым орнаментом. Согласно Симозу (*Simões*), прослеживается сходство керамики мина и глиняных изделий, обнаруженных в Пуэрто-Ормига и Мачалилье на северо-западе Южной Америки, что позволяет сделать предположение о миграции древних групп гончаров с побережья Карибского моря Колумбии или побережья Эквадора к побережью Атлантического океана на севере Бразилии. Керамика культуры мина имеет общие черты и с гончарными изделиями культуры алака, для которой также было характерно собирательство моллюсков, остатки которых обнаружены в болотистой местности на северо-западном побережье Гайаны (*Evans & Meggers*, 1960).

В регионе Амазонки явные свидетельства существования земледельческих родовых сообществ, перешедших на производящее хозяйство и занимавшихся гончарным делом, были обнаружены в местонахождении Ананатуба в дельте Амазонки (*Meggers & Evans*, 1957; *Evans*, 1964; *Simões*, 1969). Преобладающими видами деятельности местного сообщества были те, которые сохранились от существовавшего здесь ранее общества охотников-собирателей, т.е. охота, рыболовство и собирательство, но с добавлением некоторых форм выращивания или переработки зерна и

семян, что подтверждается находками каменных жерновов и ступ. Радиоуглеродным анализом этап Ананатуба отнесен к 980 г. до н.э. Поселение в Ананатубе, видимо, состояло из одного общего дома овальной или круглой в плане формы, площадью 300–700 кв. м, в котором жило от 100 до 150 человек и который обычно размещался на лесном участке неподалеку от саванны или довольно глубокого водоема.

В поселении Хауари, связанном с сообществом Ананатуба (Hilbert, 1968), судя по обнаруженным остаткам, жило сообщество, занимавшееся земледелием, производством гончарных изделий и собираньем пресноводных моллюсков и улиток. Судя по находкам полых глиняных трубок, обитатели Хауари набивали их табаком, получая сигары; этот обычай развит и у многих современных индейских племен, живущих в области между Амазонкой и Гайаной. Вместе с обнаруженными в Хауари каменными топорами и мотыгами, пестами и ступами это свидетельствует о том, что там были развиты методы подготовки почвы для выращивания растений и способы их обработки для потребления.

Как уже было отмечено, регион низовий Амазонки стоит в стороне от основных путей миграции населения, известных на Южноамериканском континенте. Вместе с тем в этой среде, исключительно богатой животными и растительными ресурсами, были благоприятные условия для сбалансированного проживания даже при отсутствии окультуренных растений (Meggers, 1971, p. 35). Судя по особенностям культуры мина, там мог идти процесс формирования полуседлых сообществ, знавших гончарное дело и пользовавшихся изобильными природными ресурсами. Обнаружено, что особенностями форм гончарных изделий Ананатубы и Хауари включают использование таких видов орнамента, которые уже были разработаны много веков тому назад сообществами, знавшими гончарное дело, жившими в восточных предгорьях Анд; к ним относятся резной и штриховый орнаменты, разделенные на участки углубленными бороздками.

Одно из местонахождений, в котором этот декоративный элемент встречается с древних времен, относится к этапу Пастаса (Porras, 1980, pp. 113–117). Здесь не было обнаружено непосредственных свидетельств сельскохозяйственной деятельности, однако найденные веретена позволяют сделать предположение об использовании и возможном выращивании хлопка. Кроме того, в восточных предгорьях Кордильер в Перу была обнаружена культура тутискайно (Lalbrap, 1958, 1970). Здесь образ жизни был основан на собирательстве пресноводных моллюсков, а гончарные изделия украшались тонким резным перекрестным орнаментом, разделенным на участки широкими прорезными бороздками. Эти изделия напоминают находки из Хауари в низовьях Амазонки, хотя прямых или косвенных свидетельств о выращивании кукурузы или других растений там не обнаружено.

Не имеется дат, относящихся к этой культуре, определенных радиоуглеродным анализом, однако типологическое сходство гончарных изделий культуры тутискайно с керамикой Котоша позволяет предположить, что эта культура должна быть отнесена ко времени с 1000 по 1800 г. до н.э. (Lumbreras, 1974, pp. 51–54).

В формировании сельских родовых сообществ в низовьях Амазонки можно выделить две важные особенности. Первая заключается в наличии местной производственной базы, которая, вероятно, была создана сообществами, жившими охотой, собирательством и рыболовством. Вторая особенность состоит в использовании достижений иных культур, особенно проявившемся в совершенствовании керамической технологии, которая могла быть разработана другими древними сообществами западной Амазонии, где соответствующие формы производящего хозяйства продолжали явно преобладать.

ПОЯВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА В ВЕСТ-ИНДИИ

Существование сообществ охотников-собирателей в Вест-Индии отмечено с 5000 г. до н.э. Эта дата относительно близка ко времени существования древних поселений на северо-западе Венесуэлы. Так, в Банвари, в лагуне Оропуш на о. Тринидад, напротив восточной части полуострова Пария, был обнаружен набор орудий, которые, по-видимому, использовались для обработки растительной пищи: конусообразные песты со следами износа из-за трения, ступы с грубо обработанными поверхностями, каменные шары и диски, рубила или ножи, сделанные из обтесанных камней, микроотщепы, возможно, топоры прямоугольной или суживающейся формы, а также наконечники копий и иглы из кости (Veloz Maggiolo, 1980, p. 35; 1976, 1982; Harris, 1973, 1976).

Сообщество охотников-собирателей-рыболовов банвари обычно рассматривалось как результат развития смешанной формы присваивающего хозяйства, основанного на использовании ресурсов мангровых лесов и включавшего с самых первых этапов развития такие виды деятельности, как собирательство и обработка растительных продуктов. Согласно Велоз Маджоло (Veloz Maggiolo, 1982, p. 35), культура банвари распространилась по всему архипелагу Вест-Индии около 2200 г. до н.э. и приблизительно в то же время достигла Кискеи, или Эспаньолы (одно из названий о. Гаити в колониальный период. – Прим. ред.).

Влияние культуры банвари явно обнаруживается в отложениях в местонахождениях Ойо-дель-Торо в провинции Магорис Доминиканской Республики, датированных 1840 г. до н.э., и Эль-Порвенир (1200 г. до н.э.). В них обнаружен набор орудий, включавших песты с плоской поверхностью, молотки цилиндрической формы, ступы с шершавой поверхностью и топоры, свидетельствующие о развинутой форме присваивающего хозяйства, основанного на собирании *Crassostrea rizophorae* и сухопутных улиток видов *Polydones* и *Caracollus*. Здесь с 5000 по 4000 г. до н.э. тоже использовались ресурсы мангровых лесов, как и на северо-западе Южной Америки.

Почти в то же время в других сообществах Вест-Индии, на которые оказала влияние культура банвари, начинают развиваться собирательство таких видов растений, как гуайига (*Zamia debilis*) и купей (*Clusea rosea*), и использование коралловых терок, а также морское рыболовство, охота на игуан, *Heteropsomys*, *Isolobodon portoricensis*, *Nesophontes* и собирательство морских животных и растений (*Cittarium pica*, *Geocarcinus lateralis*). Использование гуайиги в качестве растительной пищи заслуживает внимания, так как процесс приготовления муки и хлеба из корней этого растения подобен процессу обработки горького маниока. Что касается передачи технологических навыков при такой обработке, то они могли появиться у охотников-собирателей на о. Гаити после переселения сюда владеющих гончарным ремеслом членов сообществ с северо-востока Венесуэлы в более позднюю эпоху (Sanoja, 1982a, p. 224).

Подобная тенденция обнаруживается в таких местонахождениях, как Куэва-Берна, Ла-Альаграсия в Доминиканской Республике (Veloz Maggiolo et al., 1977), которые датируются 1890, 1625 и 1225 гг. до н.э. Она проявляется в прекращении использования ресурсов мангровых лесов и в большем внимании собирательству растений, сухопутных улиток и охоте. Захоронения устраивались на жилых территориях, в кучах отходов от хозяйственной деятельности в пещерах. Анализ останков скелетов, выполненный Л. Кальдерон (*Luna Calderón*) (Veloz Maggiolo et al., 1977, pp. 27–32), показал, что члены сообщества собирателей в пещере Берна страдали от недостаточного или неправильного питания и инфекционных болезней, поэтому сред-

няя продолжительность жизни составляла всего 12,5 лет – свидетельство суровых условий жизни.

К концу II – началу I тысячелетия до н.э. сообщества собирателей, связанные с культурой банвари, расселились в разных областях на территории современной Доминиканской Республики, главным образом в археологических местонахождениях Эль-Порвенир, Мадригалес и Ла-Пьедра в районе современного г. Сан-Педро-де-Макорис. В том же районе найдены и другие поселения сообществ собирателей, такие как Ла-Ислета, с набором орудий из морских раковин (*Strombus gigas*), характерным для традиции маникуаре на северо-востоке Венесуэлы (Veloz Maggiolo, 1980). Но наиболее явно комплекс инструментов, сделанных из раковин, представлен на Кубе, в поселениях Куэва-Фунче и Гуаябо-Бланко, датированных радиоуглеродным анализом периодами приблизительно с 2050 по 1200 г. до н.э. (Куэва-Фунче) и с 2000 по 1500 г. до н.э. (Гуаябо-Бланко). В этом районе у г. Левиса (провинция Ориенте) были обнаружены следы изготовления плоских пластин из отщепов кремня, относящихся к 3190 г. до н.э. (Kozlowsky, 1974). Такие же инструменты, датируемые приблизительно 1775 г. до н.э., обнаружены на о. Антигуа, в местонахождении Джолли-Бич, среди остатков, относящихся к культуре банвари и маникуаре, что свидетельствует о взаимодействии этих трех культурных традиций (Veloz Maggiolo, 1976, p. 64; Davis, 1974).

Предполагается, что основным центром развития традиции изготовления инструментов из пластин кремня и яшмы были Большие Антильские острова. На Кубе эта традиция представлена в районах Левиса и Агуасвердес (Kozlowsky, 1972, 1974); Каниман в провинции Матансас (Febles, 1982), а в Доминиканской Республике – в местонахождениях Баррера-Мордан и Педерналес, которые датируются временем с 2610 по 2590 г. до н.э.; Эль-Курро и Лас-Салинас (1450 и 2480 гг. до н.э.) (Veloz Maggiolo, 1976, p. 111; Pantel, 1975; Ortega & Guerrero, 1981). Типы пластинчатых инструментов включают плоско-выпуклые пластины, плоско-выпуклые скребки, лезвия, буравы, остроконечники, резцы, скребла с зубчатыми краями, наковальни, молотки и т.д. Хотя некоторые исследователи рассматривали эту широкую традицию изготовления плоско-выпуклых инструментов лишь как антильскую палеоиндейскую традицию, тот археологический контекст, в котором эти инструменты были найдены, содержит свидетельства о рабочих процессах, свойственных исключительно собирательскому образу жизни: собиранию моллюсков, рыболовству, охоте на море и на суше и, возможно, обработке дерева. Существование производства наборов каменных инструментов, характерного, как показано, только для Больших Антильских островов, могло быть результатом процесса, внедренного там представителями специализированных охотничьих обществ Центральной Америки, Мезоамерики или северо-запада Венесуэлы, однако социально-исторический характер развития антильских племен может быть объяснен лишь в контексте собирательского образа жизни.

Данные, полученные в результате исследования остатков костей для определения патологий древних людей в местонахождении Куэва-Роха, связанном с традицией баррера-мордан в Доминиканской Республике, показывают, что средняя продолжительность жизни в этом сообществе составляла 25–30 лет; люди погибали в результате несчастных случаев, серьезных переломов, артрита, дегенеративных болезней костной системы, анемии и инфекционных заболеваний. Это также свидетельствует о суровых условиях жизни, в которых приходилось существовать древним занимавшимся собирательством сообществам Вест-Индии. Исследования, проведенные Л. Кальдерон, также показали, что причи-

ной плохого здоровья местного населения было чрезмерное потребление белковой пищи и сильная зависимость от окружающей среды. В результате низкого уровня развития производительных сил люди так и не смогли перейти к производящему хозяйству или хотя бы достигнуть такого уровня присваивающего хозяйства, который бы обеспечил им более сбалансированное питание в отношении потребления углеводов и белков (Veloz Maggiolo et al., 1977).

Присваивающий характер хозяйства, которое вели сообщества в Вест-Индии, не мог способствовать переходу к производящему хозяйству. Только к началу новой эры, после переселения на острова земледельческих родовых групп с северо-востока Венесуэлы, связанных с культурными традициями барранкас и ронкин, произошел резкий качественный и количественный скачок в изменении образа жизни. Новые иммигранты ввели смешанную форму производящего хозяйства, основанного на земледелии, охоте и собирательстве морских продуктов, которое было развито на континенте и которое, в свою очередь, стало основой образования родовых общин в Вест-Индии (Sanoja, 1979, 1980; Vargas, 1979, 1981; Sanoja & Vargas, 1983).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя доступные данные об истории и культуре исследуемого региона в соответствующий период, можно сделать вывод, что общественный уклад охотников-собирателей, пришла в упадок уже приблизительно в VI тысячелетии до н.э. В основе этого процесса лежали различные причины: ряд связанных с оледенением климатических сдвигов, повлиявших на образ жизни людей, который очень сильно зависел от доступных природных ресурсов, а также постепенное исчезновение крупных животных, изменения уровня моря, температурные изменения и общие изменения флоры и фауны.

Перемены в окружающей среде и ее характерные особенности также, судя по всему, повлияли на структуру основ жизнеобеспечения и социальную организацию сообществ собирателей. Отход от паразитических форм существования и поиск более богатых и стабильных источников пропитания, который отмечен уже в основном на собирательстве образе жизни древних людей, вероятно, привел к еще большей территориальной стабильности племенных групп и к проявлению большего интереса как к поиску и потреблению растительной пищи, так и к производству или приспособлению технологий и артефактов для специализированного собирательства и протокультуривания определенных растений.

Возникновение земледелия и окультуривание растений не были внезапными изобретениями или процессами, происходившими только в пределах определенного сообщества. Напротив, их можно рассматривать как логическую последовательность различных процессов интенсификации взаимоотношений между людьми и растительным миром в разных частях земного шара.

Согласно Кларку, появление гончарных изделий не было случайным. Керамика появилась как раз в то время, когда количество окультуренных растений начало преобладать над дикорастущими (Clark, 1980, p. 14). Можно добавить, что глиняные сосуды как предмет производства также появились в результате возникновения в обществах собирателей производительных сил и нового взгляда на землю как на объект деятельности человека. Это понимание вызвало необходимость реорганизации структуры общества таким образом, чтобы интенсифицировать процесс перехода к новому земледельческому родовому обществу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ACOSTA SAIGNES, M. 1953. Arqueología de la Guajira Venezolana. Bull. Soc. Suisse Am. (Geneve), No. 7, pp. 6–8.
- ANGULO VALDEZ, C. 1962. Evidencias de la Serie Barrancoide en el norte de Colombia. Rev. Colombiana Antropol. (Bogotá), Vol. 11, pp. 73–88.
- 1981. La tradición Malambo. Bogotá.
- ARDILA, G. 1984. Chía. Un sitio precerámico de la Sabana de Bogotá Bogotá.
- BATE, F. 1983. Comunidades Primitivas de cazadores Recolectores en Sudamérica. In: ACADEMIA NACIONAL DE HISTORIA. Historia General de América. Caracas. Vols 1–2.
- BULLEN, R.; SLEIGHT, F. 1963. The Krum Bay Site. A Preceramic Site on St. Thomas. Virgin Island. (Am. Stud., rep., 5.)
- CHILDE, V. G. 1981. Los Mundos Sociales del Conocimiento. In: PEREZ, J. A. (ed.), Presencia de Vere Gordon Childe. México, D. F. pp. 239–63.
- CLARK, G. 1980. Mesolithic Prelude. Edinburgh.
- CORREAL, G.; HAMMEN, T. VAN DER. 1977. Investigaciones arqueológicas en los Abrigos Rocosos del Tequendama. Bogotá.
- 1979. Investigaciones Arqueológicas en los Abrigos Rocosos de Nemocón y Sueva. Bogotá.
- CRUXENT, J. M.; ROUSE, I. 1958. Arqueología Cronológica de Venezuela. Washington, D. C. (Est. monogr., 6.)
- 1974. Early Man in the West Indies. In: ZUBROW, E. et al. New World Archeology (New York), pp. 71–81.
- DAVIS, D. 1974. Some Notes Concerning the Archaic Occupation of Antigua. In: CIPECPAN 5. Actas., pp. 65–71.
- DELGADO, L. 1985. Bestiario y Animismo en la Afarería del Oriente de Venezuela. Gens. Bol. Soc. Venez. Arqueol. (Caracas), Vol. 1, No. 3.
- EVANS, C. 1964. Lowland South America. In: WILLIAM RICE UNIVERSITY. Prehistoric Man in the New World. Chicago, pp. 419–50.
- EVANS, C.; MEGGERS, B. 1960. Archaeological Investigations in British Guiana. Washington, D. C. (Bur. am. Ethnol., 177.)
- FEBLES DUEÑAS, J. 1982. Estudio Tipológico y Tecnológico del Material de Piedra Tallada del Sitio Arqueológico Canimar I, Matanzas, Cuba. La Habana.
- FERRERO, L. 1977. Costa Rica Precolombina. 2nd ed. San José, Costa Rica.
- FONSECA, O. 1985. Historia Antigua del Caribe de Panamá, Costa Rica y Nicaragua. In: SIMPOSIO DE VIEQUES, 2. Actas. Fundación Arqueológica del Caribe.
- FORD, J. 1969. A Comparison of Formative Cultures in the Americas: Diffusion of the Psychic Unity of Man. Washington, D. C. (Contrib. Antropol., II.)
- GALLAGHER, P. 1964. La Pitia: An Early Site in Northwestern Venezuela. Ann Arbor, Mich.
- HARRIS, P. 1973. Preliminary Report on Banwari Trace. In: CIPECPAN 4. Actas., pp. 115–25.
- 1976. The Preceramic Period in Trinidad. In: ROBINSON, L. S. (ed.). Proceedings of the First Puerto Rican Symposium on Archeology. San Juan, Puerto Rico. pp. 33–64. (Informe, I.)
- HILBERT, P. P. 1968. Archeologische Untersuchungen am Mittleren Amazonas. Berlin.
- HILL, B. 1966. A Ceramic Sequence for the Valdivia Complex. Ecuador.
- 1975. A New Chronology of the Valdivia Ceramic Complex. Ñawpa Pacha. Lima.
- HURT, W.; BLASI, O. 1960. O Sambaquí do Macedo, Paraná, Brasil. Curitiba, PR (Arqueol., 2.)
- HURT, W.; HAMMEN, T. VAN DER; CORREAL, G. 1976. The El Abra Rock Shelters, Sabana de Bogotá, Colombia, South America. In: The Quaternary of Colombia. Vol. 2. Bloomington, Ind. (Occas. Pap. Monogr., 2.)
- KOZLOWSKY, J. K. 1972. Industria Lítica de Aguas Verdes. Baracoá, Oriente, Cuba. La Habana. (Ser. 9, Antropol. Prehist., I.)
- 1974. Preceramic Cultures in the Caribbean. Zeszyty Naukowe, Praha, Uniwersitetu Jagiellońskiego 386. Prace Archeologiczne, Zest. No. 2.
- LANGE, F. W. 1980. The Formative Zoned Bichrome Period in Northwestern Costa Rica (800 BC to AD 500) based on Excavations at the Vidor Site. Bahía de Culebra. Vinculos (San José, Costa Rica), Vol. 6, No. 1/2, pp. 33–42.
- LATHRAP, D. 1958. The Cultural Sequence at Yarinocochoa, Eastern Peru. Am. Antiq. (Washington, D. C.), Vol. 23, No. 4, pp. 379–88.
- 1970. The Upper Amazon. New York/Washington, D. C.
- LATHRAP, D.; MARCOS, J.; ZEIDLER, J. A. 1977. Real Alto: An Ancient Ceremonial Center. Archaeol. (New York), Vol. 30, No. 1.
- LINARES DE SAPIR, O. 1975. De la Recolección a la Agricultura en el Istmo de Panamá. Rev. Panameña Antropol., Vol. 1, pp. 9–27.
- 1976. From the Late Preceramic to the Early Formative in the Intermediate Area: Some Issues and Methodologies. In: ROBINSON, L. S. (ed.), Proceedings of the First Puerto Rican Symposium on Archeology. San Juan, Puerto Rico. pp. 65–77. (Informe, I.)
- 1977. Ecology and the Arts in Ancient Panamá. Washington, D. C. (Stud. Pre-Colombian Art Archaeol., 17.)
- LINARES DE SAPIR, O.; RANERE, A. J. 1971. Human Adaptation to the Tropical Forests of Western Panamá. Archaeol. (New York), Vol. 24, No. 4, pp. 346–55.
- LUMBRERAS, L. 1974. The Peoples and Cultures of Ancient Peru. Washington, D. C.
- 1983. Las sociedades nucleares de Suramérica. In: ACADEMIA NACIONAL DE HISTORIA, Historia General de América. Caracas. Vol. 4.
- MCGIMSEY, C. R. 1956. Cerro Mangote: A Preceramic Site in Panamá. Am. Antiq. (Washington, D. C.), Vol. 22, pp. 151–61.
- MEGERS, B. J. 1971. Man and Culture in a Counterfeit Paradise. Chicago/New York.
- MEGERS, B. J.; EVANS, C. 1957. Archaeological Investigations at the Mouth of the Amazon. Washington, D. C. (Bur. am. Ethol., Bull., 167.)
- MEGERS, B.; EVANS, C.; ESTRADA, E. 1965. Early Formative Periods of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases. Washington, D. C. (Smithsonian contrib. Anthropol., I.)
- ORTEGA, E.; GUERRERO, J. 1981. Cuatro nuevos sitios paleoamericanos en la isla de Santo Domingo. Santo Domingo.
- PANTEL, A. G. 1975. Progress Report and Analysis of the Barrera-Mordan Complex, Azua, Dominican Republic. Rev. Domin. Anthropol. Hist. (Santo Domingo), Nos. 5–7.
- PATTERSON, T.; LANNING, E. 1974. Early Man in South America. In: ZUBROW, E. et al., New World Archaeology. New York. pp. 44–50.
- PORRAS, P. 1980. Arqueología del Ecuador. Otavalo.
- RANERE, A. 1972. Ocupación Precerámica en las Tierras Altas de Chiriquí. In: Simposio Nacional de Antropología, Arqueología y Etnohistoria de Panamá, 2, Panamá. Actas. Panamá, pp. 197–207.
- 1976. The Preceramic of Panamá: the View from the Interior. In: ROBINSON, L. (ed.), Proceedings of the First Puerto Rican Symposium on Archeology. San Juan. (Inf. I, pp. 103–107).
- RANERE, A.; HANSELL, P. 1978. Early Subsistence Patterns along the Pacific Coast of Central Panamá. In: STARK, B. L.; VOORHIES, B. (eds), Prehistoric Coastal Adaptations: The Economy and Ecology of Maritime Middle America. New York. Chap. 3.
- REICHEL-DOLMATOFF, G. 1965a. Colombia. New York.
- 1965b. Excavaciones arqueológicas en Puerto Hormiga (Departamento de Bolívar). Antropol. (Bogotá), No. 2.
- 1971. Early Pottery from Colombia. Archaeol. (New York), Vol. 24, No. 4, pp. 338–45.
- 1985. Monsú. Un sitio arqueológico. Bogotá.
- REICHEL-DOLMATOFF, G.; DUSSAN, A. 1958. Reconocimiento Arqueológico de la Cuenca del Río Sinú. Rev. Colomb. Antropol. (Bogotá), Vol. 6, pp. 31–149.
- RODRIGUEZ, M. E. 1985. Aproximación al Modo de Vida Recolector del Oriente de Venezuela. Gens. Bol. Soc. Venez. Arqueol. (Caracas), Vol. 1, No. 3, pp. 22–40.
- ROGERS, D. 1963. Studies in Manihot Esculenta Crantz and Related Species. Econ. Bot. (New York), Vol. 90, No. 1, pp. 43–54.
- RONDÓN, J. 1986. Recolectores Múltiples Litorales: Un Modo de Vida. Caracas, Universidad Central de Venezuela. (MA thesis in Anthropology.)
- ROUSE, I. 1951. A Survey of Indian River Archaeology, Florida. New Haven, Conn. (Publ. Anthropol., 44–5.)
- 1960. Entry of Man into the West Indies. In: MINTZ, S. Papers in Caribbean Anthropology. New Haven, Conn. (Publ. Anthropol., 61.)
- ROUSE, I.; CRUXENT, J. M. 1963. Venezuelan Archaeology. New Haven, Conn.

- SANOJA, M. 1969. Investigaciones Arqueológicas en el Lago de Maracaibo: La Fase Zancudo. Caracas.
- 1972. La Fase Caño Grande y sus relaciones con el Norte de Colombia. In: *International Congress of the Americanists*, 40, Roma. Vol. I, pp.225–60.
- 1979. Las Culturas Formativas del Oriente de Venezuela: La Tradición Barrancas del Bajo Orinoco. Caracas. (Est., Monogr. Ens., 6.)
- 1980. Los Recolectores Tempranos del Golfo de Paria, Edo. Sucre, Venezuela. In: *CIPECPAN*, 8. Actas. Phoenix, Ariz. (Anthropol. pap., 22.)
- 1982a. De la Recolección a la Agricultura. In: *ACADEMIA NACIONAL DE HISTORIA*, Historia General de America. Caracas. Vol. 3.
- 1982b. Los Hombres de la Yuca y el Maíz. Caracas.
- 1984. Problemas de Arqueología del Noreste de Venezuela. In: *URSS. ACADEMIA DE CIENCIAS*. Institute de Arqueología. Los Problemas de la Arqueología de America Latina. Moskva.
- 1985a. Arqueología del Noreste del Lago de Maracaibo. Gens. Bol. soc. venez. Arqueol. (Caracas), Vol. I, No. 2, pp. 54–73.
- 1985b. Preceramic Sites in Eastern Venezuela. *Nat. Geogr. Soc. res. rep.* (Washington, D. C.), Vol. 18. pp. 663–8.
- 1985c. La Sociedad Tribal del Oriente de Venezuela. Gens. Bol. soc. venez. Arqueol. (Caracas), Vol. I, No. 3, pp. 41–67.
- 1986. La Formación de Cazadores Recolectores en Venezuela. In: VARGAS, I. (ed.), *Actas de la 2º Reunión de Vieques*, P. R. Fundación de Arqueología del Caribe.
- SANOJA, M.; ROMERO, L. A. 1986. Excavaciones arqueológicas preliminares en los concheros precerámicos de Guayana y Ño Carlos, Edo. Sucre, Venezuela.
- SANOJA, M.; ROMERO, L. A.; RONDÓN, J. 1982. Investigaciones Arqueológicas en los Concheros de Guayana, El Bajo y Las Varas, Edo. Sucre, Venezuela. *Acta scient. venez.* (Caracas), Vol. 33, suppl. I, p. 16.
- SANOJA, M.; VARGAS, I. 1970. Proyecto Orinoco. Informe N° 2: Investigaciones Arqueológicas en el Bajo Orinoco: La Cueva del Elefante. Caracas.
- 1978. Antiguas Formaciones y Modes de Producción Venezolanas. 2nd. ed. Caracas.
- 1983. New Lights on the Prehistory of Eastern Venezuela. In: WENDORF, F.; CLOSE, A. (eds), *Advances in New Archaeology*. New York. Vol. 2, pp. 205–44.
- SIMÕES, M. 1969. The Castanheira Site: New Evidence on the Antiquity and History of the Ananatuba Phase, Marajó Island, Brazil. *Am. Antiq.* (Washington, D. C.), Vol. 34, pp. 402–10.
- 1981. Coletores-pescadores ceramistas do litoral do Salgado (Pará). *Bol. Mus. para. Emilio Goeldi* (Belém, Pa.), No. 78, p. 27.
- SNARKIS, M. J. 1976. La Vertiente Atlántica de Costa Rica. *Vinculos* (San José, Costa Rica), Vol. 2, No. 1.
- 1984. Central America: The Lower Caribbean. In: *STONE, L.; STONE, D.* (eds), *the Archaeology of Lower Central America*. Albuquerque, N. M. Chap. 8.
- STOTHERN, K. 1976. The Early Prehistory of the Santa Elena Peninsula, Continuities between the Preceramic and Ceramic Cultures. In: *International Congress of the Americanists*, 41, Mexico. Actas. México, D. F. Vol. 2, pp. 88–9.
- 1979. La Prehistoria Temprana de la Península de Santa Elena, Ecuador: Una Interpretación Preliminar. *Vinculos* (San José, Costa Rica), Vol. 5, No. 1/2, pp. 73–87.
- 1985. Los Cazadores y Recolectores Tempranos de la Costa del Ecuador. In: *International Congress of the Americanists*, 45, Bogotá. Actas. Bogotá.
- TABIO, E.; GUARCH, J.; DOMINGUEZ, L. 1976. La Antigüedad del Hombre Pre-agroalfarero en Cuba. In: *INTERNATIONAL CONGRESS OF THE AMERICANISTS*, 41, Mexico. Actas. México, D. F. Vol. 3, pp. 725–32.
- TARTUSI, M.; NIÑO, A.; NUÑEZ-REGUEIRO, V. 1984. Relaciones entre el área Occidental de la Cuenca del Lago con las áreas vecinas. In: WAGNER, E. (ed.), *Relaciones Prehispánicas de Venezuela*. Caracas, pp. 67–88.
- TOLEDO, M. I. 1985. Evidencias Prehispánicas en la Región Oriental del Lago de Maracaibo. Gens. Bol. soc. venez. Arqueol. (Caracas), Vol. I. No. 2, pp. 74–87.
- UBELAKER, D. H. 1980. Human Skeletal Remains from Site OGSE-80, a Preceramic Site on the Santa Elena Peninsula, Coastal Ecuador. *J. Wash. Acad. Sci.* (Washington, D. C.), Vol. 70, No. 1, pp. 3–24.
- VARGAS, I. 1979. La Tradición Saladoide del Oriente de Venezuela: La Fase Cuartel. Caracas.
- 1981. Investigaciones Arqueológicas en Parmaná: 1-os Sitios de La Gruta y Ronquín, Edo. Guárico, Venezuela. Caracas.
- 1985a. Arqueología de la Zona Sur del Lago de Maracaibo. Gens. Bol. soc. venez. Arqueol. (Caracas), Vol. I, No. 2, pp. 88–102.
- 1985b. Visión General de la Arqueología del Lago de Maracaibo. Gens. Bol. soc. venez. Arqueol. (Caracas), Vol. I, No. 2, pp. 5–37.
- VELOZ MAGGIOLO, M. 1976. Medioambiente y Adaptación Humana en la Prehistoria de Santo Domingo. Vol. I. Santo Domingo. (Col. Hist. Soc., 24.)
- 1980. Las Sociedades Arcaicas de Santo Domingo. Santo Domingo.
- 1982. The Antillean Preceramic: A new Approximation. *New World Archaeol.* (Los Angeles). Vol. 5, No. 2, pp. 33–44.
- VELOZ MAGGIOLO, M. et al. 1977. Arqueología de Cueva de Berna. San Pedro de Macorís, R. D. (Ser. Cient., 5.)
- WAGNER, E. 1980. Los Pobladores Palafíticos de la Cuenca del Lago de Maracaibo. Caracas.
- WAGNER, E.; TARBLE, K. 1975. Langunillas: A New Archeological Phase for the Lake Maracaibo Basin. *J. Field Archaeol.* (Boston, Mass.), Vol. 2, pp. 105–18.
- WILLEY, G.; MCGIMSEY, C. 1954. The Monagrillo Culture of Panamá. Cambridge, Mass. (Pap. Peabody Mus. Archaeol. Ethnol., 49, No. 2.)
- ZEVALLLOS MENENDEZ, C. 1971. La Agricultura en el Formativo Temprano del Ecuador (Cultura Valdivia). Guayaquil.
- ZEVALLLOS MENENDEZ, C. et al. 1977. The San Pablo Corn Kernel and its Friends. *Science* (Washington, D. C.), Vol. 196, No. 4288.
- ZUCCHI, A.; TARBLE, K. 1984. Los Cedeñoides: un nuevo grupo prehispánico del Orinoco Medio. *Acta cient. venez.* (Caracas), Vol. 35, pp. 293–309.

**СОБИРАТЕЛИ МОЛЛЮСКОВ И РЫБОЛОВЫ
НА ПОБЕРЕЖЬЕ БРАЗИЛИИ**

В соответствующем разделе тома I «Истории человечества», где говорится о племенах охотников и собирателей на востоке Южной Америки, мы подразделили территорию Бразилии на два крупных региона, различающихся, главным образом, фитогеографическими особенностями. Это – зона *каатинга* (*caatinga*) и *серрадо* (*cerrado*) в северо-восточной и центральной части Бразилии и зона влажных тропических лесов и прерий в южной части Бразилии и северо-восточной части Аргентины. С древних времен в обоих регионах жили люди, образ жизни которых был основан на собирательстве дикорастущих плодов и охоте.

По известным данным, другие территории были заселены приблизительно к 3000 г. до н.э. Это – прибрежный регион, в который входят территории, находящиеся неподалеку от берега моря, на которых сказались изменения уровня океана, а также места в устьях и узких рукавах рек, впадающих в море. Мы можем назвать эту область «прибрежным регионом с лагунами и устьями рек», хотя она очень разнообразна по природным условиям, которые различаются в зависимости от ряда факторов, главным образом от степени близости к открытому морю. Древнейшее известное нам поселение в этом районе датируется примерно 3000 г. до н.э., хотя некоторые исследователи предполагают, что люди поселились здесь еще раньше, в период, когда уровень моря был на несколько метров ниже современного. Это означает, что стоянки древних племен могли находиться в непосредственной близости от древней береговой линии, на широкой полосе суши, которая сейчас залита морем.

Очень сложно определить точную конфигурацию морского побережья, протяженность которого составляет более 8 тыс. км, так как береговая линия все время изменяется. Она огибает более или менее замкнутые бухты (некоторые из них в сущности представляют собой внутренние озера), перемежающиеся прямыми берегами, полностью открытыми ветрам, дующим с моря, и излучинами, слегка защищающими берега от ветров. Прибрежные фауна и флора, связанные с этими особенностями берегов, также отличаются от одного места к другому, хотя в целом здесь преобладают два типа растительности: мангровые леса – на территориях с более спокойными водами, состоящие из деревьев видов *Rhizophora mangle* и *Avicennia nitida*, густые заросли которых вместе с другими видами растений покрывают илистую почву в низинах, а также растительность, типичная для мелководий, – на более открытых участках. В первом случае жизненный цикл наиболее распространенной фауны определяется морскими приливами и отливами и соленостью воды. В эту группу входят устрицы, различные виды моллюсков, питающаяся ими рыба, а также некоторые виды крабов и птиц. На мелководьях фауна многочисленнее и

представлена сухопутными животными, которые обитают несколько дальше от берега. В низовьях рек, впадающих в море, фауна более разнообразна: проходная рыба, идущая на нерест в менее соленую воду, аллигаторы, кавии (морские свинки) (*Hydrochaeridae*), некоторые виды моллюсков, олени и т.д.

Большая часть побережья окаймляется горными грядами, которые, если расположены близко к воде, ограничивают скалистой стеной узкую полосу берега, а в тех местах, где горы отступают дальше от моря, образуется широкая низменность или достаточно пологий откос, который местные жители называют «*baixada*», или низкая береговая полоса. В течение последних 10 тыс. лет или более эти прибрежные равнины время от времени заливались морем, когда его уровень поднимался на несколько метров, в результате чего под водой оказывались участки суши, находящиеся на расстоянии приблизительно 5–6 км от современной береговой линии. Вода не доходила только до небольших скалистых вершин или ограниченных возвышенных территорий, где могли селиться люди. Именно здесь обнаруживаются места доисторических стоянок. Типы растительности в этих прибрежных равнинах изменялись с изменениями уровня моря: иногда здесь на мелководье вырастали густые леса, богатые фауной, которые затем, с подъемом уровня моря, вытеснялись мангровыми зарослями, или же, наоборот, тропическим лесом типа *mata atlântica*, который покрывал склоны прибрежных гор.

Как отмечено выше, некоторые исследователи полагают, что первые поселения на побережье Бразилии можно датировать приблизительно 3000 г. до н.э. Было выдвинуто предположение, что эта территория заселялась в направлении с севера на юг вдоль линии побережья. В остатках поселений обнаруживаются данные, свидетельствующие о длительном процессе приспособления человека к этим очень специфическим природным условиям. Хронологическую последовательность формирования поселений в северном и северо-восточном регионах Бразилии до сих пор не удалось определить. Дело в том, что местонахождения древних времен здесь еще не достаточно глубоко изучены, однако в некоторых доступных литературных источниках высказываются предположения, что эти поселения относятся к более позднему периоду, чем представляющие интерес для археологов места на южном и центральном побережье страны.

Вероятно, территории, близкие к побережью, были заняты охотниками и собирателями, пришедшими из внутренних регионов. По ряду причин они могли переселиться сюда в различные времена и постепенно адаптироваться к условиям окружающей среды, богатой разнообразными ресурсами.

В период приблизительно с V по II тысячелетие до н.э. племена, обитавшие в удаленных от моря регионах, в частности на территориях современных штатов Гояс и Минас-Жерайс, проявляли повышенное внимание к собирательству диких плодов и сухопутных моллюсков. В то же

время расширились занятия речным рыболовством, а предметы охоты ограничиваются рядом небольших наземных млекопитающих, таких как броненосцы, черепахи, ящерицы и, возможно, олени; все вместе свидетельствует о вероятной нехватке пищи. Подобная ситуация, сложившаяся в зонах *caatinga* и *cerrado*, могла оказать влияние на некоторые группы людей, заставив их отправиться на поиски новых мест стоянок, включая побережье.

Наибольшая концентрация поселений доисторических людей, связанных с приморскими природными условиями, обнаружена на южном и центральном побережье Бразилии. Древнейшее из них появилось 5 тыс. лет назад и отражает первые столкновения групп людей с неизвестной им незадолго до этого средой. Если существовали и более древние места стоянок, которые в настоящее время затоплены морем, то можно предположить, что технологии, которые использовали эти группы примерно в 3000 г. до н.э., должны принадлежать комплексу, уже адаптированному к использованию морских ресурсов, однако свидетельств зарождения этого комплекса не было обнаружено даже в самых нижних археологических слоях древнейших мест, в которых проводились раскопки. Основопологающим видом деятельности здесь было собирание моллюсков и устриц в мангровых зарослях, их можно было просто собирать руками без необходимости использования сложных инструментов или специальных приспособлений.

Вероятно, наиболее благоприятным местом на побережье для устройства поселений древних людей были мангровые леса, так как в них водилось множество животных, которые могли обеспечить пищей относительно малочисленные группы людей. Такими ресурсами были моллюски, ракообразные и рыба, заходившая в более спокойные воды устьев рек на нерест или же в поисках моллюсков для пропитания. В древнейших местонахождениях, таких как Пиасагуэра (датируемом приблизительно 2982 г. до н.э.) и Мар-Касаду (приблизительно 2450 г. до н.э.), а также на побережье штата Сан-Паулу среди технического снаряжения были найдены каменные топоры, определенно предназначенные для рубки деревьев, типичные для культур, которые развивались в густых лесных массивах и влажных тропических лесах внутренних территорий.

Помимо каменных топоров здесь были обнаружены инструменты, предназначенные для шлифования и точения этих топоров, а также наковальни, на которых разбивали на куски кварцевые нуклеусы для получения отщепов с очень острым краем, образующимся естественным путем. Эта традиция изготовления орудий имела место в большей части поселений на побережье.

Некоторые племена охотников-собирателей находили себе пристанище на берегах бухт и узких морских заливов, спокойные воды которых изобиливали практически всеми необходимыми для пропитания ресурсами. В основном это были двустворчатые моллюски, которых, возможно, приносили в лагерь в корзинах, сплетенных из растительных волокон. Здесь собиралась вся группа, и добычу поедали сообща; перед этим моллюсков клали на тлеющие угли, предназначенные скорее для раскрытия раковин, а не для приготовления пищи. Этот способ может объяснить находки большого количества участков со слоями пепла, которые в ряде случаев занимают значительную площадь на территории поселения. Важно отметить, что здесь не обнаружены очаги, конструкция которых говорила бы о том, что они были предназначены для приготовления пищи. Остатки пищи складывались в кучу непосредственно на жилой территории поселения, там же устраивались захоронения и выбрасывали орудия, ставшие ненужными по окончании сезонов.

Вначале рыба была вторичным источником пищи, и рыболовство ограничивалось районами мелководий, в спокойной воде которых приходящую сюда на нерест,

медленно движущуюся рыбу можно было легко поймать с помощью деревянного гарпуна с костяным наконечником. Этот наконечник имел крючковатую форму, так что его конец, противоположный острию, значительно выдавался вперед, когда наконечник привязывался к древку. Зубец предназначался для удержания рыбы на гарпуне после того, как она была пронзена. Таких приспособлений, как рыболовные крючки, с помощью которых можно было бы ловить рыбу в глубоких и бурных водах, не было обнаружено. Фрагменты костей акул, китов и дельфинов, возможно, являются останками мертвых или умирающих животных, вынесенных на берег приливом, которые подбирались обитателями побережья. Их кости и зубы использовались для изготовления ожерелий и браслетов.

Некоторые виды употребляемых в пищу моллюсков водились в чистых песках на побережье открытого моря, и свидетельствуют о том, что эти места также посещали рыболовы. Однако сильный ветер, дующий с моря, конечно, препятствовал устройству здесь постоянных поселений.

Несмотря на то, что обитатели побережья раньше жили в удаленных от моря районах и только потом приспособились к морскому климату, они не уделяли особого внимания охоте на сухопутных животных. На их стоянках обнаружено лишь незначительное количество окаменелостей – остатков небольших грызунов или, в редких случаях, животных среднего размера, таких как пака (*Agouti paca*), олень (вида *Mazama*) и морская свинка, обитающая на берегах рек. Их кости часто использовались для изготовления наконечников или лопаток.

Доисторические люди, после которых остались скопления раковин (*sambaquis*), по сути, жили на отходах, которые оставались от потребляемой ими пищи. Вследствие этого уровень почвы постоянно поднимался, так как для разложения раковин моллюсков требуется достаточно долгое время. В штате Санта-Катарина раковинные кучи достигают в высоту более 20 м. Такая подвижная почва не была приспособлена для строительства массивных и постоянных сооружений, и люди жили не в домах, а во временных хижинах или укрытиях из дерева и соломы, предназначенных для проживания в них в течение нескольких дней или недель. Некоторые фрагменты, обнаруженные на местах древних стоянок, определяемые главным образом стратиграфическим методом, считаются остатками таких сооружений. Они заставляют сделать предположение, что люди оседали на одном месте на короткий период времени, а затем переходили на другое место в поисках новых ресурсов. Некоторые из таких стоянок, возможно, располагались на соседних удаленных от моря территориях, однако наиболее вероятно, что такие переходы осуществлялись вдоль побережья моря или лагуны. Каждая группа, должно быть, занимала несколько раковинных скоплений, в соответствии с циклом пополнения запасов моллюсков вслед за периодом их интенсивного собирательства, в результате чего образ жизни древних людей был основан на сезонном использовании пищевых ресурсов. Социальная структура, возможно, представляла собой небольшие группы людей, характеризующиеся небольшими различиями с точки зрения количества членов группы и взаимоотношений между ними. В захоронениях не обнаруживаются никаких находок, которые свидетельствовали бы об особом социальном статусе или роли отдельных членов группы.

В течение следующих тысячелетий такой образ жизни распространился по всему побережью, и в некоторых местах собирательство моллюсков оставалось основным средством к существованию. В этих местах рыболовство и, еще в большей степени, охота были делом второстепенным. Это было обусловлено рядом факторов, включая благоприятную температуру воды и наличие защищенных от

ветра и штормов песчаных побережий и бухт, окруженных мангровыми лесами, и в таких условиях моллюски и морские улитки оставались основным источником питания. Находки, обнаруженные в археологических слоях, относящихся к древнейшему периоду существования этих поселений, свидетельствуют о том, что в то время собирание моллюсков из семейства брюхоногих не было систематическим, поскольку они относительно редко встречались. Однако в более позднюю эпоху обнаруживается тенденция к частому употреблению их в пищу, возможно, по той причине, что местные жители стали использовать разнообразные ресурсы и покинули мангровые леса, обратив внимание на берег открытого моря. Это побережье, с более чистой водой и постепенным увеличением глубины, было благоприятной средой обитания для многих видов моллюсков из семейства брюхоногих, раковины которых обнаруживаются в остатках лагерей. Местное население также собирало на берегу моря и двусторчатых моллюсков других видов. Это в значительной степени расширило диапазон доступных ресурсов, так как люди наткнулись на виды животных, не встречающиеся в водах бухт и впадающих в них рек: морских черепаха, морских ежей, крабов и, возможно, ослабленных дельфинов и акул, которые заходили на мелководья или приближались к берегу.

В напластованиях раковинных скоплений, относящихся к более поздней эпохе, обнаруживается заметное увеличение количества рыбных костей. Не приходится сомневаться в том, что более близкое знакомство с морем позволило этим группам регулярно, а не дополнительно или спорадически, пользоваться ресурсами, масса которых, к счастью, была гораздо больше, чем у их традиционного источника пищи – моллюска. Например, небольшая рыба имеет массу приблизительно 1 кг, что равнозначно 50 моллюскам, средняя масса которых составляет около 20 г. Кроме того, ее было проще приносить в лагерь, который не всегда находился поблизости от того места, где добывали пищу.

Рыба, возможно, стала важным продуктом питания начиная с 1000 г. до н.э., и многие артефакты, связанные с рыболовством, приобрели большее распространение. Такие предметы представляют собой обработанные рыбы кости со специально увеличенным отверстием для протягивания нити. Они могли использоваться в качестве игл для изготовления рыболовных сетей. Эти предметы всегда обнаруживаются в археологических слоях с наибольшим количеством костей рыб. Рыбу ловили в основном на мелководьях с помощью гарпунов или лука и стрел. Рыболовные крючки, по-видимому, практически не использовались, так как только небольшое количество костяных предметов такого типа было обнаружено в Форт-Марешале (штат Санта-Катарина), в археологических слоях, соответствующих развитию гончарного ремесла, которые датируются приблизительно 1100 г. н.э. (Bryan, 1977).

В целом все раковинные скопления и лагеря на побережье Южной Бразилии характеризуются вышеописанными особенностями, но в некоторых из этих мест были обнаружены свидетельства, указывающие на взаимоотношения людей, живших в этих местах, с обитателями удаленных от моря территорий. Эти свидетельства включают артефакты, известные как «зоолиты», хотя они и не всегда изображают животных, а могут принимать геометрические формы и даже изображать людей; в некоторых случаях в качестве исходного материала для их изготовления использовался китовый ус. Как правило, все эти предметы сделаны из камня твердых пород и представляют собой изображения рыб или птиц, большинство из них имеют углубления сбоку или сзади. Поскольку форма этих полостей не позволяет сделать предположение о ежедневном использовании таких артефактов в домаш-

нем хозяйстве, скорее всего, эти углубления предназначались для помещения туда предметов ритуального характера. К сожалению, не было обнаружено ни одного предмета, культурное назначение которого можно было бы точно определить. Некоторые авторы считают, что эти артефакты появились не ранее 2500 г. до н.э., однако, возможно, они относятся только к I тысячелетию новой эры, так как некоторые образцы были обнаружены в лагерях этого времени. Около 85% зоолитов было найдено в поселениях в штатах Парана и Санта-Катарина, расстояние между которыми составляет 420 км, некоторые были обнаружены далее к северу, на побережье штата Сан-Паулу, а другие – южнее, в штате Риу-Гранде-ду-Сул, и даже на юге Республики Уругвай. Существование взаимосвязи между группами, жившими на побережье, и в удаленных от моря районах доказывают находки зоолитов на берегах р. Жакуи на всем ее протяжении вплоть до южного края Бразильского плоскогорья. Эти памятники материальной культуры, возможно, являются древнейшим известным нам свидетельством взаимосвязи между группами населения побережья, жившими собирательством моллюсков и рыболовством, и охотничьими народами внутренних районов страны, хотя мы до сих пор не можем судить о степени и особенностях этих взаимоотношений. Нельзя не принимать в расчет и предположение о том, что люди, благодаря которым зоолиты появились в удаленных от моря районах, жили на побережье и меняли места стоянок в зависимости от сезона. Собираание шишек араукарии в этой области обеспечивало многие «охотничьи народы» ценным растительным продуктом питания, который добавлялся к их рациону в разные периоды.

Система хозяйствования, основанная на рыболовстве и собирательстве моллюсков, была активной и эффективной на всем побережье до прихода первых племен, знакомых с гончарным делом и, возможно, земледелием. Многие скопления раковин и места стоянок уже были покинуты к тому времени или отданы пришельцам в результате сложившегося положения дел, о чем говорит тот факт, что в их верхних слоях, как правило, не обнаруживается свидетельств пребывания там людей, знакомых с гончарным делом. Возможно также, что эта «оккупация» носила временный или спорадический характер. Это означает вовсе не то, что земледельцы полностью обходились без морских ресурсов, а то, что они жили в деревнях, построенных на небольшом расстоянии от берега. Таким образом, море стало лишь одним из средств добычи пищи, помимо земледелия, охоты и собирания растений.

Хотя большая часть известных данных связана с центральными и южными побережьями Бразилии, нельзя не упомянуть о существовании доисторических поселений в других береговых районах. Например, места стоянок собирателей моллюсков и рыболовов были обнаружены на побережье северо-восточных штатов Мараньян и Баия, однако время сооружения этих стоянок пока еще не известно.

ОХОТНИКИ-СОБИРАТЕЛИ ВНУТРЕННИХ РЕГИОНОВ БРАЗИЛИИ

В течение двух-трех тысячелетий, предшествующих появлению земледелия к 2000 г. до н.э., продолжали изготавливать такие же артефакты, как и в более ранние времена, хотя отмечается уменьшение размеров этих предметов. В качестве примера можно привести типичное для культуры паранаиба (а также культуры итапарика) орудие, представляющее собой крупный длинный скребок с тыльной поверхностью килевидной формы, который потом был заменен подобными предметами меньшего размера. Помимо этих скребков, были обнаружены и другие разнообразные каменные инструменты: скребки с боковой

или концевой рабочей поверхностью, ножи с тонко ретушированными лезвиями, а также отщепы и тонкие пластины, которые использовались даже без специальной обработки. По сути, все эти инструменты были режущими или скребковыми. Поскольку ни один из этих артефактов не похож на оружие, предполагается, что все такие орудия использовались для обработки предметов из дерева, кожи, рога или раковин. Это позволяет сделать предположение о развитии более широкого и разнообразного спектра ремесел, чем в предыдущую эпоху, когда, по сути, существовал только один тип инструментов.

При адаптации охотников-собирателей, пришедших из удаленных от моря регионов к природным условиям побережья, лагун и водоемов или болотистой местности, им пришлось совершенствовать известные способы добычи пищи.

Приблизительно в 4000 г. до н.э. стало распространяться использование каменных наконечников, в основном в открытых прериях, которые изредка пересекались полосами густой растительности, покрывающей берега водоемов, а также в лесистой местности, например, в лесах араукарий на юге Бразилии. Такое распространение орудий свидетельствует о том, что в это время появились группы охотников, образ жизни которых отличался от жизни их предшественников, что нашло отражение в использовании многими группами относительно разнообразных наборов каменных орудий: скребков, ножей, щеток и множества специально не заточенных, но пригодных к использованию отщепов и пластин, которые были обнаружены во внутренних территориях штатов Сан-Паулу, Парана, Санта-Катарина и Риу-Гранде-ду-Сул. Здесь мы сталкиваемся с обстоятельствами, которые описаны выше применительно к центру и северо-востоку Бразилии на территории с ксерофитовой растительностью (*caatinga* и *cerrado*).

Племена, жившие охотой и собирательством на удаленных от моря территориях, должны были научиться распознавать съедобные плоды, корни, почки и т.п., которые, возможно, не употреблялись в пищу их предками. Со временем это привело к приобретению знахарями (*pajes*) отдельных племен глубоких знаний о множестве целебных растений методом проб и ошибок. Люди этой эпохи также стали интенсивно использовать в пищу крупных сухопутных улиток (*Strophochelidae*), скопления раковин которых обнаруживаются в некоторых пещерах в регионе *cerrado*. Все это, без всякого сомнения, свидетельствует о том, что процесс адаптации шел полным ходом.

Есть вероятность того, что по мере проведения дальнейших исследований и углубления наших знаний об этом периоде будут обнаружены и другие подобные способы адаптации, например, охота на нанду (американского страуса – *Rhea americana*). Нанду является одним из немногих стадных животных, обитающих на территории Бразилии. Свидетельством того, что на них охотились в древности, могут быть ядра – бола, обнаруженные во многих местах на юге Бразилии. Возраст этих бола пока определен не точно, но в принципе известно, что они были широко распространены в более позднюю эпоху; вместе с тем по некоторым данным ряд таких бола был связан с предметами, относящимися к культуре умбу V тысячелетия до н.э.

В некоторых местах в континентальной части были обнаружены небольшие рыболовные крючки, которые указывают на то, что рыболовство стало более распространенным видом деятельности. Эти предметы определенно показывают, что люди стали обращать большее внимание на ресурсы, которые раньше использовались спорадически или не использовались вообще. Рыболовные крючки были найдены у г. Унаи и в пещере Сантана-ду-Риашу (штат Минас-Жерайс). Несмотря на это, рыбных остатков, обнаруженных в местонахождениях, представляющих интерес для археологов, практически во всех пеще-

рах и укрытиях, недостаточно для того, чтобы определить, были ли эти ресурсы основным продуктом питания. Если это так, то, скорее всего, рыба съедалась сразу же, вблизи того места, где она была поймана, и поэтому ее остатков на местах стоянок не обнаруживается. Единственным местом, где были найдены рыбные остатки в большом количестве, является местонахождение GO-I, с которым отождествляются культуры паранаиба и серранополис (в данном случае речь идет о второй культуре).

ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ БРАЗИЛИИ

Древнейшие свидетельства выращивания растений на бразильской почве – достаточно туманный аспект в археологической истории этой страны. Кукуруза впервые появляется в Серра-ду-Сипу (штат Минас-Жерайс) приблизительно в 1950 г. до н.э. на фоне интенсивного собирательства растений и охоты на мелких животных и оленя. В этом месте, в сухой пещере Сантана-ду-Риашу, было обнаружено несколько зерен, датированных этим периодом, хотя, по-видимому, другие зерна относились к нижним слоям, соответствующим более ранней эпохе (*Prous*, 1980). В этом же – центральном – регионе Бразилии, к западу от штата Минас-Жерайс, также имеются свидетельства выращивания растений. В более высоких археологических слоях, в пещере Женту, было обнаружено большее разнообразие культивируемых видов, которые также связаны с образом жизни собирателей и охотников: тыква (*Cucurbitacea*), арахис (*Arachis hypogaea*) и кукуруза (*Zea mays*). Здесь были найдены и примитивные гончарные изделия. Этот период, известный как культура унаи, также был отнесен к 1950 г. до н.э., хотя в среднем он продолжался до 1550–1150 гг. до н.э. (*Dias*, 1980a). Более нижние слои в той же пещере свидетельствуют о том, что здесь жили группы, для которых собирательство растений и сухопутных улиток, в совокупности с охотой на небольших животных, было основным средством добычи пищи.

Несмотря на предполагаемый возраст зерновых культур, их выращивание, по-видимому, не произвело коренных изменений в образе жизни людей. В отличие от других частей света, где общество перешло на более сложную ступень социально-экономического развития, в этой части Бразилии охота и собирательство продолжали оставаться самыми эффективными средствами жизнеобеспечения. Предполагается, что во всем этом регионе выращиваемые растения занимали второстепенное место в рационе питания. Здесь не было ни одного культурного растения, превосходившего по качеству или количеству огромное разнообразие съедобных плодов, корнеплодов, листьев и почек, которые местные жители уже научились использовать и которые предлагались самой природой.

С другой стороны, ни один из этих специально не выращиваемых ресурсов, за редким исключением, не был доступен в количестве, достаточном для обеспечения пищи большого числа людей, живущих в одном сообществе. По этой причине количество членов групп было ограниченным. Этот фактор, возможно, также повлиял на то, что ни одно из этих растений не подвергалось обработке с целью его последующего хранения и что способы такой обработки растений, следовательно, никогда не были развиты. Группам, живущим охотой и систематическим собирательством растений, которые продолжали оставаться основными видами деятельности, приходилось осуществлять переходы на большие расстояния, которые занимали несколько дней; это также, без сомнения, способствовало отсутствию интереса к земледелию.

В результате анализа археологических документов и этнографических данных, касающихся XVI–XVII вв., не было обнаружено никаких свидетельств того, что земледельцы тропиков и субтропиков стали использовать но-

вые технологии или средства, приспособленные к окружающим их специфическим природным условиям, с целью улучшить или увеличить выход сельскохозяйственной продукции. Принятию каких-либо технологических контрмер не способствовали такие особенности климата, как малоплодородные сами по себе почвы, сезоны дождей на некоторых территориях, перемежающиеся с длительными периодами засухи, за которыми опять следуют обильные осадки, насекомые-паразиты, уничтожающие растения, и многое другое. Мы ничего не знаем о причинах отсутствия интереса к таким усовершенствованиям, как использование удобрений, постройка дамб для предотвращения эрозии почвы, сооружение плотин, использование периодически затопляемых земель по берегам рек, которые остаются сырыми в течение более долгого времени, или же эксплуатация разных экосистем. Общепринятое мнение, что зерновые культуры в этой области не могли выращиваться в большем объеме из-за неплодородности почвы, т.е. исключительно по причинам экологии, абсолютно не объясняет различных путей развития племен с точки зрения их социально-экономической организации. Не вызывает сомнения то, что при анализе этого типа хозяйства необходимо обратить внимание прежде всего на культурные факторы.

Большинство способов адаптации, разработанных группами населения в центральном, северо-восточном и юго-восточном регионах Бразилии, были высокоэффективны для обеспечения сбалансированного питания в течение всего года. Рыболовы и собиратели моллюсков на побережье моря и берегах рек, рыболовы-охотники, жившие на берегах лагун и в заболоченных местностях на юге Бразилии, и охотники-собиратели центрального и северо-восточного регионов, удаленных от моря, брали у природы все, что им было необходимо для нормального существования.

Впоследствии, когда окультуренные растения попали в центральный район Бразилии (штат Минас-Жерайс), там уже сформировался вполне сбалансированный и стабильный образ жизни, основанный на охоте и собирательстве. Трудности, возникшие при адаптации этих зерновых культур к среде, где не были развиты технологии, которые могли бы преодолеть или уменьшить воздействие неблагоприятных природных условий, скорее всего, способствовали тому, что при выращивании кукурузы, гороха и, возможно, тыквы и маниока основной акцент делался на «собирательство» этих растений, а не на их урожайность. Предполагают, что в более позднюю эпоху местные жители восточного региона Бразилии собирали кукурузу, когда початки еще были мягкими, недозревшими, хотя данные об этом носят чисто умозрительный характер. В отношении периодов, относящихся уже к новой эре, также есть данные о том, что некоторые из таких групп (например Тимбира) вновь возвращались к охоте и собирательству, как только весь собранный урожай кукурузы и других выращиваемых растений был съеден (Lowie, 1946). В результате оставалось только зерно, предназначенное для посадки в следующем году, поэтому в этих местах, скорее всего, никогда не было излишков, которые можно было бы хранить. Предполагается, что в археологических местонахождениях в этих регионах никогда не будут найдены какие-либо артефакты или орудия, которые могли использоваться для земледелия или обработки выращиваемых зерновых культур.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН АРГЕНТИНЫ

В северо-восточной части Аргентины в направлении с севера на юг почти параллельно протекают две реки – Уругвай и Парана. В истории образования поселений в этом регионе обнаруживается культурная пос-

ледовательность и достаточно много общих особенностей с поселениями Бразилии. На севере региона, в провинции Мисьонес, процветала культура альтопаранаенсе II (приблизительно с 8000 г. до н.э.), которая в Бразилии называлась «хумаита». На смену этой культуре, с характерными для нее каменными орудиями типа бумеранга, пришли другие культурные традиции, принесенные племенами, жившими охотой и собирательством, которые использовали каменные метательные наконечники треугольной формы с хвостовиком и зубринами, напоминающие наконечники, характерные для бразильской культуры умбу. К югу от этого региона были обнаружены другие каменные наконечники, указывающие на то, что здесь жили охотники, которые, по всей видимости, охотились на сухопутных животных, обитающих на берегах рек, в частности, оленя и нанду. Эта картина повторяется и к востоку от р. Уругвай, в стране, носящей то же имя. С другой стороны, на р. Парана, к юго-западу от этого речного района, мы обнаруживаем явные свидетельства того, что здесь жили племена, занимавшиеся рыболовством. Приблизительно в 550 г. до н.э. в культуре кулулу развивается технология обработки кости, которая отразилась в изготовлении рыболовецких гарпунов.

На существование земледельцев в этом районе указывает только наличие гончарных изделий. Если эта связь обоснована, то выращивать различные растения здесь, возможно, стали приблизительно в 50 г. до н.э., и начали заниматься этим люди, которые жили за счет охоты, рыболовства и собирания плодов. Первая керамика, которая появляется на севере этого региона, подобна гончарным изделиям бразильской культуры такуара, характерной особенностью которых был резной орнамент из точек и штрихов на поверхности глиняных предметов, а также узоры, получаемые путем отпечаток плетеных корзин на поверхности мокрой глины. Южнее также обнаруживается керамическая посуда с подобным орнаментом и подобной формы, хотя в результате более детального анализа были выявлены незначительные местные особенности, например, использование в качестве непластичных добавок измельченных черепков гончарных изделий и толченых раковин; эти особенности заставляют сделать предположение о влиянии разных культур, существовавших в центральном районе Бразилии и/или в районе Амазонки.

РЕГИОН АРГЕНТИНСКОЙ ПАМПЫ

Пампа представляет собой территорию, характеризующуюся практически полным отсутствием рельефа: это слегка холмистая широкая равнина, окруженная рядом горных цепей – восточные гряды Центральной Кордильеры (Сьерра-де-Кордова и Сьерра-де-Сан-Луис) отделяют пампу от более неровной местности предгорий Анд; кроме того, Сьерра-дель-Тандиль и Сьерра-де-ла-Вента на прерывают однородную плоскость этой равнины на юге. Хотя на сегодняшний день пампа состоит только из обрабатываемых земель и пастбищ, первоначально в этой зоне росли помимо трав группы кустов; там практически не было деревьев, кроме низкорослых видов и кустарников, которые занимали небольшие участки на северо-западе (Сьерра-де-Кордова и Сьерра-де-Санта-Фе). Здесь можно выделить два субрегиона: влажную, или восточную пампу и засушливую, или западную пампу. В последней природные условия и растительность, характерные для влажной пампы, постепенно вытесняются песками и дюнами, в которых преобладают редкие заросли низкорослых деревьев. Во влажной пампе много лагун, рек, заболоченных участков, которые были очень привлекательны для людей и животных.

У нас нет сведений об эпохе, которая последовала за периодом развития культуры охотничьих народов традиционсе, не имевших каменных наконечников, поселившихся в этом регионе приблизительно в 5000 г. до н.э. и, возможно, доживших там и до новой эры, приблизительно до 1500 г. до н.э., когда появились различные каменные орудия. В качестве сырья для изготовления таких инструментов использовался главным образом кварцит, это были в основном терки и, реже, односторонне оббитые скребки большого или среднего размера, рабочий край которых обрабатывался ретушью. Это производство, относящееся к культуре бланкагранденсе, распространилось практически на всей территории влажной пампы, включая побережье Атлантического океана, – об этом свидетельствуют находки различных каменных орудий, более или менее одинаковых по форме и размерам (Piana, 1981). Возникшие в последнее время проблемы с хронологией и стратиграфией, не позволяющие точно определить период развития этой культуры. При ее идентификации в районе лагуны Бланка-Гранде, в западной части центральной пампы Буэнос-Айреса, Бормида отнес эту культуру к субарбореальному (*subarboreal*) периоду, во время которого был образован слой, содержащий соответствующие артефакты, т.е. ко времени между 3500 г. до н.э. и началом новой эры. Однако в том же слое были обнаружены окаменелые остатки крупного рогатого скота, которые определенно появились здесь уже после завоевания Америки испанцами, в XVI в. н.э. Точной датировке событий препятствует то, что все исследования проводились в местах с перемешанными археологическими слоями, и большая часть доступных нам данных была получена в результате анализа находок, обнаруженных на поверхности.

АРГЕНТИНСКАЯ ПАТАГОНИЯ

Аргентинская часть Патагонии, которая простирается от Атлантического океана до Анд, была населена уже на начальной стадии образования племенных стоянок, приблизительно в X тысячелетии до н.э., народами, основным источником жизнеобеспечения которых была охота на гуанако. В большинстве публикаций, основанных главным образом на радиоуглеродном анализе для датирования, основное внимание уделяется югу центральной части плоскогорья Патагонии, и эти работы являются основными для нашего обзора. Древнейшие периоды, представленные культурами тольденсе и касапедренсе, с характерными для них орудиями, описываются в томе I. В культуре тольденсе инструменты изготавливались из отщепов и ретушировались по краям, к ним относятся скребла, ножи, буравы крупного и среднего размера и, в особенности, метательные наконечники треугольной формы без хвостовика. Эта культура существовала приблизительно в V тысячелетии до н.э. С другой стороны, скребла и ножи культуры касапедренсе изготавливались из отщепов и пластин, края которых ретушировались под острым углом. В этой культуре не было каменных метательных наконечников, вместо них использовались бола, которые были единственными метательными орудиями. Остатки культуры касапедренсе, которые датируются приблизительно III тысячелетием до н.э., были обнаружены в Куэва-де-лос-Тольдос.

Южнее, в районе Рио-Пинтурас, жили охотники на гуанако, которые изготавливали каменные орудия, объединяющие в себе особенности двух вышеупомянутых типов и относящиеся к более позднему периоду – приблизительно до 1450 г. до н.э. (Gradin, 1984). В соответствии с хронологической последовательностью, определенной для этой территории (Gradin et al., 1979), культура Рио-Пинтурас II проявлялась в период с 2950 по 1430 г. до н.э. Артефакты этого периода все еще напоминают некоторые предметы

предыдущего периода, однако в это время проявляется явная тенденция к использованию длинных тонких отщепов для изготовления скребел и ножей. Каменные наконечники копий или стрел в то время не делали. Позднее (Рио-Пинтурас III), приблизительно в 190 г. н.э., продолжали использовать ту же технологию обработки камня, однако наблюдается уменьшение размеров пластин из кремнезема, служивших в качестве заготовок для изготовления различных орудий. Среди этих инструментов все еще не было метательных наконечников.

Охота на гуанако и во вторую очередь на нанду в основном обеспечивала местное население пищей во все времена. Позднее к этим ресурсам добавилась растительная пища (корнеплоды), мелкие млекопитающие – в удаленных от моря районах и моллюски – в определенных местах прибрежной зоны. Земледелие у этих групп развито не было. На большое значение гуанако указывает не только факт обнаружения окаменелых остатков этого животного практически в каждом археологическом слое в жилых пещерах, но и наличие живописных изображений гуанако начиная с момента заселения этой территории. На первых рисунках, соответствующих культуре тольденсе (приблизительно X тысячелетие до н.э.), изображены стада гуанако, преследуемые охотниками, вооруженными бола. В меньшем количестве встречаются типичные изображения кистей рук, нарисованные на стенах пещер, при этом рука художника использовалась в качестве модели. Рука прикладывалась к стене, ее контур обводился краской, которая выдувалась через трубочку. Позднее, в период развития культуры касапедренсе, рисунков на охотничьи темы больше не встречается, но изображения гуанако сохраняются: они, как правило, представляют беременных или окруженных детенышами самок. В качестве элементов орнамента используются кисти рук и антропоморфные сюжеты. Позднее, к началу новой эры, пиктографические изображения представлены абстрактными и конкретными геометрическими рисунками, последние изображают фигуры людей и животных. В это время к пиктограммам добавляются резные изображения отпечатков следов человека, следов нанду, пумы или гуанако, или же силуэтов гуанако, ящериц и реже людей (Gradin et al., 1979). Так или иначе, во всех этих рисунках преобладает образ гуанако, который, без сомнения, имеет не просто эстетическую ценность: скорее всего, он был частью сложной системы обрядов, смысл которых утрачен для нас навсегда.

Предполагается, что морское побережье было занято теми же охотниками на гуанако, пришедшими из удаленных от моря мест, после 1500 г. до н.э. Это не привело к их полной адаптации к морским ресурсам в качестве основного, если не единственного источника продовольствия, поскольку наличие окаменелостей континентальной фауны, включая гуанако и различных грызунов, свидетельствует о том, что в находящихся поблизости равнинах и оврагах Патагонии пищу продолжали добывать. Кроме того, каменные метательные наконечники, обнаруженные в местах бывших поселений на побережье, напоминают наконечники, характерные для культуры внутренней территории Патагонии, и это позволяет считать, что такие наконечники использовались с той же целью. Тем не менее, поселившись на морском берегу, эти группы также стали употреблять в пищу моллюсков, в основном видов *Mytilus* и *Chione*, а также рыбу, введя, таким образом, новые продукты питания в свой рацион, который в течение нескольких тысячелетий был основан на мясе гуанако. По-видимому, для добычи водных ресурсов не существовало особых технологий. Здесь не было обнаружено специальных приспособлений для ловли рыбы, и по предположению Кавиглия и Борреро (Caviglia & Borrero, 1978) в отношении местонахождения Баия-Солано (Чубут), рыбу, скорее всего, ловили в заводях между скалами, которые уходили под воду во время прилива.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BORRERO, L. A.; CAVIGUA, S. E. 1978. Estratigrafia de los Concheros de Bahía Solano: Campaña 1976–1977. In: CONGRESO DE ARQUEOLOGIA ARGENTINA, 5, SAN JUAN. Actas. San Juan.
- BROCHADO, J. J. P. 1977. A alimentação na floresta tropical. Porto Alegre, RS. (Inst. Fil. Cienc. hum., cad., 2.)
- BRYAN, A. L. 1977. Resumo de Arqueologia do Sambaquí do Forte de Marçal Luz. Belo Horizonte, MG, Universidade Federal de Minas Gerais. (Arq. Mus. Hist. nat., 2.)
- CAGGIANO, M. A. 1983. Caracterización y antropodinamia en el NE a propósito de los fechados radiocarbónicos para el Delta del Paraná. Relac. Soc. argent. Antropol. (Buenos Aires), N. S., Vol. 15.
- CALDERÓN, V. 1969. A Fase Aratú no recôncavo e litoral norte do Estado da Bahia. Belém, PA.
- CAVIGLIA, S. E.; BORRERO, L. A. 1978. Bahía Solano: su interpretación paleoetnozoologica en un marco regional. In: CONGRESO DE ARQUEOLOGIA ARGENTINA, 5, SAN JUAN. Adas. San Juan.
- DIAS, O. 1978–80a. Os cultivadores do planalto e do litoral. Goiânia, GO.
- 1978–80b. Rio de Janeiro: a tradição Itaipú e os Sambaquís. In: SCHMITZ, P.; BARBOSA, A.; RIBEIRO, M. B. (eds.). Arcaico do litoral. Goiânia, GO.
- GRADIN, C. 1980. Secuencias Radiocarbónicas del Sur de la Patagonia Argentina. Relac. Soc. argent. Antropol. (Buenos Aires), N. S., Vol. 14, No. 1.
- 1984. Arqueologia y Arte Rupestre de los Cazadores de la Patagonia. In: SEMINARIO SOBRE LA SITUACIÓN DE LA INVESTIGACIÓN DE LAS CULTURAS INDIGENAS DE LA PATAGONIA, MADRID. Las Culturas de América en la Epoca del Descubrimiento. Madrid.
- GRADIN, C.; ASCHERO, C. A.; AGUERRE, A. M. 1979. Arqueologia del area del Río Pinturas (Provincia de Santa Cruz). Rel. Soc. argent. Antropol. (Buenos Aires), Vol. 13.
- GUIDON, N. 1978–80. Os Cultivadores do planalto e do litoral. Goiânia, GO.
- HEREDIA, O.; CASPAR, M. D. 1985. Projeto 'Aproveitamento Ambiental das Populações Pré-históricas do Rio de Janeiro': abordagem ecologica. In: REUNIÃO NACIONAL DE ARQUEOLOGIA BRASILEIRA, 3, GOIÂNIA. Atas. Goiânia.
- HEREDIA, O. et al. 1981/82. Pesquisas arqueológicas no Sambaquí de Amourins, Magé, RJ. Belo Horizonte. MG. (Arq. Mus. Hist. nat., 6–7.)
- 1984. Assentamentos pré-históricos nas ilhas do litoral centro-sul brasileiro: o Sítio Guaíba (Mangaratiba, RJ). Rev. Arqueol. (Belém, PA), Vol. 2, No. 1.
- 1985a. Escavações arqueológicas no sítio Salinas Peroano, Cabo Frio, RJ: nota prévia. In: REUNIÃO NACIONAL DE ARQUEOLOGIA BRASILEIRA, 3, GOIÂNIA. Atas. Goiânia.
- 1985b. Resultados preliminares das escavações arqueológicas no sítio Boca da Barra (RJ). In: REUNIÃO NACIONAL DE ARQUEOLOGIA BRASILEIRA, 3, GOIÂNIA. Atas. Goiânia.
- 1985c. Pesquisas arqueológicas no sítio Geribá I. In: REUNIÃO NACIONAL DE ARQUEOLOGIA BRASILEIRA, 3, GOIÂNIA. Atas. Goiânia.
- 1985d. Pesquisas arqueológicas na Ilha Grande: sítio Ilhote do Leste. Nota prévia. In: REUNIÃO NACIONAL DE ARQUEOLOGIA BRASILEIRA, 3, GOIÂNIA. Atas. Goiânia.
- JACOBUS, A.; SCHMITZ, P. I. 1983. Restos alimentares do sítio GO-JA-01, Serranópolis, Goiás. Nota prévia. São Leopoldo, RS.
- LOTHROP, S. K. 1946. Indians of the Parana Delta and La Plata Littoral. In: Handbook of South American Indians. Washington, D. C. Vol. I, pt I. (Bur. am. Ethnol., Bull., 143.)
- LOWIE, R. H. 1946. Eastern Brazil: An Introduction. In: Handbook of South American Indians. Washington, D. C. Vol. I, pt 3. (Bur. am. Ethnol., Bull., 143.)
- MADRAZO, G. B. 1973. Síntese de Arqueologia Pampeana. Etnia (Buenos Aires), No. 17, art. 73.
- MENGHIN, O. F. A.; BORMIDA, M. 1950. Investigaciones Prehistoricas en Cuevas de Tandilia (Provincia de Buenos Aires) Runa III. Buenos Aires.
- METRAUX, A. 1929. La civilisation materielle des Tupinambá et ses rapports avec celles de autres Tupi-Guarani. Paris.
- MIGLIAZZA, E. C. Linguistic Prehistory and the Refuge Model in Amazonia. In: PRANCE, G. T. (ed.), Biological Diversification in the Tropics. New York.
- MILLER, E. T. 1967. Pesquisas arqueológicas efetuadas no Nordeste do Rio Grande do Sul. Belém, PA.
- PIANA, E. L. 1981. Topominia y Arqueologia del Siglo XIX en La Pampa. Luclias de Frontera con el Indio. Buenos Aires.
- PROUS, A. 1978–80. Os Cultivadores do planalto e do litoral. Goiânia, GO.
- 1980–1. Fouilles du grand Abri de Santana do Riacho (MG), Brésil. J. Soc. am. (Paris.)
- REX GONZALEZ, A. 1979. Las Exequias de Painé Güor. Relac. Soc. argent. Antropol. (Buenos Aires), N. S., Vol. 13.
- SCHMITZ, P. I. 1976. Sítios de Pesca Lacustre em Rio Grande, RS, Brasil. São Leopoldo, RS.
- 1978–80. Os Cultivadores do planalto e do litoral. Goiânia, GO.
- SCHMITZ, P. I.; BARBOSA, A. S. 1985. Horticultores pré-históricos do Estado de Goiás. São Leopoldo, RS.
- STADEN, H. 1974. Duas viagens ao Brasil. Itatiaia, SP, Edusp.
- UCHOA, D. 1978–80. Arcaico do litoral. Goiânia, GO.
- WÜST, I. 1983. Aspectos da ocupação pré-colonial em uma área do Mato Grosso de Goiás. Tentativa de análise espacial. São Paulo, SP. (MA thesis.)

17.5.3

ЗАПАДНЫЙ РЕГИОН

Луис Гильермо Лумбрерас

На территории Анд, в западной части Южной Америки, находятся страны, которые в настоящее время известны как Колумбия, Эквадор, Перу и Чили, а также западные части Аргентины и Венесуэлы. Эти страны в основном связаны с побережьями Тихого океана и их пересекает длинная горная цепь, которая берет свое начало у берегов Карибского моря – огромного залива, разделяющего Северную и Южную Америку, тянется вдоль материка Южной Америки до западной его оконечности и сглаживается почти в регионе Антарктики.

На всей этой огромной территории, за исключением самой южной точки материка, где примитивные племена, существующие за счет охоты и собирательства, дожили до наших дней, развитие и постепенное распространение земледелия способствовало переходу к неолитическому образу жизни, который к III тысячелетию до н.э. преобладал на большей части этой территории, кроме нескольких южных районов, где переход к неолиту произошел позднее.

Люди неолита, жившие в Андах, по-разному переходили к образу жизни, основанному на земледелии. В сущности, они выбирали различные формы оседлого существования и постепенно приспосабливались к видам деятельности, необходимым для получения сельскохозяйственной продукции. Это, в свою очередь, определило появление преобладающего типа поселений – деревень вокруг аллювиальных низменностей, даже на тех территориях, большую часть которых занимали пастбища, согласно всем доступным нам данным всегда связанные с земледелием. Тем не менее пастбища преобладали не везде, в частности, их не было на побережье, где царило изобилие морских ресурсов, способствовавшее концентрации на берегу моря, в укрытиях среди скал или на открытых местах, многочисленных групп, занимающихся рыболовством и собиранием моллюсков.

Исходя из этого, можно наметить общую типологию неолитических поселений, которые существовали в области Анд:

1. Земледельцы тропической зоны – обитатели влажных тропических лесов, основным средством к существованию которых было выращивание маниока (*Manihot utilissima* и *M. esculenta*), кукурузы (*Zea mays*) и других растений, встречающихся в жарком климате, дополненное собирательством растений и охотой на лесную дичь (главным образом, оленей и грызунов). Система земледелия этих людей, основанная на вырубке и расчистке леса, вынудила их вести полукочевой образ жизни на территориях, расположенных вдали от аллювиальных низменностей, где земледелие было более стабильным. Группы этих людей занимали всю северную часть Анд, обычно их восточные склоны, где они вступали в тесный контакт с обитателями бассейна Амазонки, образ жизни которых был основан на подобной системе хозяйствования, хотя по большей части они занимались выращиванием горького маниока (кассавы), и их системы земледелия находились на разных уровнях развития.

2. Земледельцы зоны с умеренным климатом; они жили в долинах и оврагах, и их способы жизнеобеспечения были основаны преимущественно на выращивании бобовых (видов *Phaseolus vulgaris*, *Ph. lunatus*, *Canavalia*), кукурузы, тыквы или кабачков (*Cucurbitaceae*, *Lagenaria siceraria*) и различных плодов, например, овощного перца (*Capsicum annuum*, *C. pubescens*), а также других растений умеренного климата, включая хлопок (*Gossypium barbadense*). К рациону людей здесь добавлялись морские продукты (их ловили или собирали как непосредственно на побережье, так и у подножья гор), а также одомашненные животные – утки (*Cairina moschata*) и морские свинки (*Cavia porcellus*), которые, по-видимому, стали использоваться только по окончании III тысячелетия до н.э. Эти народы жили на прибрежных долинах в регионе Центральной Кордильеры и в долинах и оврагах в предгорьях.

3. Земледельцы и скотоводы высокогорных плато, жившие в *туне* – холодной высокогорной андийской степи и окружающих территориях; их система жизнеобеспечения была основана на выращивании картофеля (*Solanum tuberosum*) и других клубнеплодов, растущих в холодном климате, например, улююко (*Ullucus tuberosus*), ока (клубни кислицы, *Oxalis tuberosa*) и машва (клубни настурции, *Tropaeolum tuberosum*), а также зерновых, например квиноа и канива (*Chenopodium quinoa* и *Ch. pallidicaule*), к которым, определенно, следует добавить амарант (*Amaranthus*). Эти люди также одомашнили животных семейства верблюдовых, обитающих в высокогорных районах Анд: ламу (*Lama glama*) и альпаку (*Lama pacus*), и питались разнообразной дичью, дикорастущими растениями, морской и пресноводной рыбой.

4. Народы побережья, жившие главным образом за счет рыболовства и собирательства моллюсков. Эти группы населения находились в близком соседстве с кочевыми группами, использовавшими растительные ресурсы, произрастающие сезонно на пустынных прибрежных холмах, известных здесь как *ламас* (*lomas* – холмы), покрываемые буйной растительностью зимой (с мая по сентябрь) и превращающиеся в пустыню летом.

Следовательно, для каждого из этих народов был характерен свой собственный образ жизни, даже несмотря на существование определенных форм обмена (это нельзя упускать из виду), который позволял осуществлять взаимную передачу опыта ведения различных видов хозяйства.

Обитатели поселений в тропиках явно отличаются наибольшими особенностями в развитии и наиболее широким распространением, что можно объяснить только природными условиями, а не культурным единообразием. Это были очень мобильные люди, хотя не обязательно подразумевается, что они были кочевниками: причиной их бесконечных переходов с места на место был постоянный поиск подходящих для земледелия участков большой площади.

Основной задачей данной главы является описание обитателей бассейна и берегов р. Гуаяс в Эквадоре. Эти люди делали древнейшие гончарные изделия в Андах (но не во

всей Южной Америке, так как еще более древняя керамика была обнаружена в Колумбии). Речь идет о времени около 3000 г. до н.э.¹, – самом древнем периоде, к которому относятся известные нам данные о вальдивийской культуре с ее установившимся земледелием, так как обнаруженные данные позволили нам отнести на два–три тысячелетия ранее культуру вегас (догончарный этап), с которой были связаны древнейшие сведения об использовании окультуренных растений. Представляется возможным, что в этом регионе была и довальдивийская культура изготовления гончарных изделий, таких же, как и керамика культуры ачала (*Stolbert*, 1976). В любом случае, в период с 3000 по 2500 г. до н.э. на побережье Тихого океана в этом регионе и, вероятно, на аллювиальных низменностях р. Гуаяс люди, принадлежащие к вальдивийской культуре, осуществили переход к неолиту и занимались выращиванием кукурузы и даже хлопка.

Вальдивийская культура достаточно однородна и наиболее хорошо изучена по сравнению со многими другими культурами, сформировавшимися в Южной Америке в эпоху неолита. Большая часть обнаруженных местонахождений вальдивийской культуры сконцентрирована вдоль побережья, к западу от горной цепи Чонгон-Колонче, к северу от Манаби, в районе залива Гуаякиль, на о. Пуна, а в более позднюю эпоху они появились на побережье провинции Эль-Оро. В последнее время были обнаружены поздние вальдивийские местонахождения, расположенные еще дальше к северу и востоку (в Сан-Исидро, к северу от Манаби, и на высокогорном плато Каньяр-Асуай). Все это говорит о том, что на начальных этапах развития эта культура была сконцентрирована на побережье р. Гуаяс и в южной части Манаби, а затем она стала распространяться, начиная с этапа 6. Археологи выделяют восемь этапов развития этой культуры.

На первых двух этапах появляются поселения определенного типа с постройками в виде хижин из растительных материалов, приблизительно эллиптическими в плане, размерами приблизительно 5 м x 3,5 м. На начальном этапе хижины строились прямо на земле, но на этапе 2 вокруг них рылись траншеи, предназначенные для установки «тростниковых стен», сделанных из плетней, обмазанных глиной. Вероятно, что сами поселения тоже строились по эллиптическому плану и состояли из однообразных домов, что может свидетельствовать не только об эгалитарном обществе, но и об отсутствии разделения труда между жителями одного поселения. Таким образом, на этапе 2 развития вальдивийской культуры можно наблюдать изменения в технологии сооружения стен жилых построек, но в социальной организации еще не было никаких перемен, и она осталась приблизительно на том же уровне, как и на предыдущем этапе развития догончарной фазы лас-вегас (*Damp*, 1985).

Однако в период с этапа 3 по этап 5 появились важные новации (*Zeidler*, 1984). Размер построек увеличились до 12 м x 18 м, а в середине этих сооружений появилась внутренняя перегородка; кроме того, в каждую из отгороженных частей строения делался отдельный боковой вход. Поселения теперь ставились так, что можно заметить разделение их на две половины, как, например, в поселении Реаль-Альго, в центре которого располагалось четыре кургана – два больших и два малых, что может свидетельствовать о разделении сообщества.

В это время поселение в Реаль-Альго, которое наиболее хорошо изучено, достигает пика своего развития, на котором оно оставалось до конца этапа 5. Поселение располагалось на пересеченной местности и было обращено к югу. Имевшиеся данные указывают, что население стремилось сосредоточиваться в крупных деревьях компактными и упорядоченными группами. Согласно Маркосу (*Jorge Marcos*, персональные контакты), это может указывать на наличие некоторой организации типа вождества.

На этапе 6 снова происходят крупные изменения, главным образом в том, что касается организации поселений,

по-видимому, в связи с процессом разнообразия производства. Поселение в Реаль-Альго значительно уменьшилось в размере, однако по соседству с этим местом появляется ряд небольших деревень. Наблюдается переход к модели образования рассредоточенных поселений, что, скорее всего, было результатом длительной засухи на п-ове Санта-Элена, в результате которой сельскохозяйственная территория стала ограничиваться только равнинами. Тем не менее (по мнению Маркоса) этот факт можно объяснить и как процесс распада централизованного вождества в результате отсутствия излишков, которые могли бы обеспечить его дальнейшее существование; люди начали искать дополнительные источники пищи, прибегая к товарообмену, например, путем энергичного развития торговли морскими моллюсками вида *Spondylus princeps*.

На этапе 7 начинается процесс распространения вальдивийской культуры в разных направлениях; она достигла района Атакамес на севере Манаби и распространилась дальше на юг, по крайней мере, до р. Аренильяс в провинции Эль-Оро. Увеличение численности чужеземного населения в этом районе вызвало ряд новаций, которые впоследствии будут характерны для культуры мачалилья, а также станут частью культуры серро-наррио на высокогорном плато. В районе Асуай были найдены гончарные изделия, напоминающие вальдивийскую керамику этапа 8, которая была обнаружена в Сан-Исидро (Манаби).

Население, относящееся к вальдивийской культуре, занималось рыболовством, собирательством моллюсков, охотой и земледелием и было приспособлено как к природным условиям дождевых тропических лесов, так и к климату полусухих ксерофитных лесов и рощ. Такое положение дел, в соответствии с доступной нам информацией, имело место уже на этапе вегас, приблизительно к V тысячелетию до н.э. Таким образом, можно сделать вывод, что керамика появляется здесь в то время, когда неолитический образ жизни находился уже в полном расцвете и, соответственно, гончарные изделия были только одним из нововведений, а не предвестниками неолитической культуры в этом районе. Конечно, даже в этом случае вальдивийская керамика вполне могла появиться на основе предшествующих моделей гончарного искусства – колумбийской керамики или других местных или привозных глиняных предметов. Тем не менее исследование технологии изготовления, форм и орнамента вальдивийских гончарных изделий, которые кажутся очень сложными на первый взгляд, выявляет искусную технику лепки, но примитивную до такой степени, что возникает ощущение, что все их элементы скопированы с плетеных корзин, технология изготовления которых вполне могла зародиться в этой области, и именно на основе этой технологии могла появиться вальдивийская керамика. Даже сейчас – хотя здесь и нет прямой зависимости – в Санто-Доминго-де-лос-Колорадос плетут корзины, формы которых напоминают вальдивийские предметы с характерным для них геометрическим орнаментом.

Все работы выполнялись весьма примитивными инструментами, сделанными из раковин, камней и дерева, которые обрабатывались путем оббивки или шлифовки. Наиболее сложным из инструментов был полированный топор в форме буквы Т, он появился на этапе вегас и широко использовался на протяжении всей вальдивийской последовательности. Рыбу ловили с помощью сделанных из раковин крючков, а также сетями. Было обнаружено, что здесь очень рано стал использоваться хлопок, и из него ткали одежду (*Marcos*, 1973) с использованием ткацких станков.

Исследования Пирсаля (*Deborah Pearsall*, 1978 и персональные контакты) показали, что вальдивийское население выращивало кукурузу, фасоль обыкновенную (*Phaseolus vulgaris*), каролинские бобы (*Phaseolus lunatus*) и тыкву (*Lageraria siceraria*), дополняя свой рацион белковой пищей – морскими животными и дичью, в основном мясом оленя.

Об эволюции вальдивийской культуры в этом регионе, к сожалению, известно немного. По-видимому, главную роль в распространении керамики в центральной части Анд и даже в некоторых частях Центральной Америки сыграла культурная фаза мачалилья, но о ней можно судить только по редко встречающимся черепкам гончарных изделий и достаточно скудным другим данным. Позднее, к 1500 г. до н.э., появляется культура чоррера, которая распространилась на обширной территории, хотя опять же данных об этой культуре слишком мало. На сегодняшний день имеющаяся информация позволяет лишь сделать предположение, что в этой области был осуществлен переход к неолиту. Тем не менее следует отметить, что здесь были сделаны важные достижения в том, что касается обработки земли, в основном в отношении использования воды.

Очевидно, начиная с времен развития вальдивийской культуры здесь возводились земляные сооружения для водохранилища. Это были искусственные плотины, преграждающие путь дождевой воде с окрестных склонов, благодаря которым могло осуществляться водоснабжение территорий, пригодных для земледелия. Для постройки этих дамб необходим был коллективный труд, помимо традиционных бытовых занятий. Точно так же на этапе чоррера в районе р. Гуаяс, где происходили постоянные наводнения в результате сильных ливней и паводков, развилась культура «маленьких верблюдов» («*little camels*», *camelopes*) – технология сооружения насыпей и поднятых полей, позволявших сохранять воду при разливах рек и в то же время избежать затопления посевов.

Земледельцы и скотоводы, жившие в горах на территории, расположенной намного ближе к югу, в основном в условиях пустынного климата на юге центральных частей Анд – на юге Перу, Боливии и в северной части Чили, вероятно, сделали наиболее важные для себя открытия в этот период, однако они мало изучены. Имеющиеся сведения об этих нововведениях относятся лишь к поздним этапам; ряд свидетельств, обнаруженных на северном побережье Чили, указывает на то, что неолитический образ жизни этих людей был основан главным образом на рыболовстве и охоте.

Что касается земледельческих народов, которые жили в зоне с умеренным климатом, и обитателей побережья у центральной части Анд, то о них имеется достаточно много данных.

Фактически сельское хозяйство заметно развилось в центральной части Анд в III тысячелетии до н.э. и превратилось в основную движущую силу даже в тот период, когда оно начало замещать присваивающее хозяйство живших на побережье групп населения, которые занимались сбором моллюсков.

По имеющимся сведениям до начала III тысячелетия до н.э., люди, обитавшие на побережье, добывали значительную часть продовольствия путем собирания растений на прибрежных холмах, рыболовства и собирания моллюсков, жили в разрозненных и малонаселенных лагерях. По причинам, до сих пор остающимся неизвестными, с этого времени обнаруживается потеря интереса к ресурсам близлежащих холмов и усиление зависимости этих людей от ресурсов моря; результатом этих изменений было появление очень крупных поселений, связанных с добычей и потреблением моллюсков и в гораздо меньшей степени – растений, собираемых на холмах.

В целом наблюдается значительный рост численности населения, происходят глубокие изменения в организации и производительности сельских сообществ. Благодаря работам ряда археологов, начиная с первых исследований Бёрда (*Bird*, 1946), имеется достаточно количество сведений о поселениях периода 3000–1500 гг. до н.э. на побережье Перу. Там было обнаружено более сотни представляющих интерес для археологов мест, к которым за последнее время добавилось еще несколько место-

нахождений в разных частях высокогорного плато. Все эти места находятся в северном регионе Перу, на территории, известной под названием Андес-де-Мараньон, которая включает и высокогорья, и побережье – от Ламбаеке и Кахамарки на севере до Лимы и Хунина на юге.

Важным достижением этого периода было появление новых зерновых культур, особенно кукурузы и хлопка, которые ранее не встречались на этой территории. Некоторые ученые полагают, что эти культуры были завезены с севера, другие считают, что они были независимо окультурены в Центральных Андах. К этим растениям добавились и многие другие, известные и в настоящее время; это были бобовые, например фасоль обыкновенная (*Phaseolus vulgaris*), каролинские бобы (*Phaseolus lunatus*) и др.; тыквенные растения различных видов (*Lagenaria siceraria*, *Cucurbita ficifolia*, *C. moschata*), фрукты, стручки и клубни, например, красный перец (вида *Capsicum*), съедобная канна (*Canna edulis*) и съедобные клубни *jiquma* (*Pachyrrhizus tuberosus*). Таким образом, растения, идущие в пищу, на побережье ограничивались видами, растущими в умеренном климате. Эти растения распространились в северном и восточном направлении вместе с рядом окультуренных поздних растений, типичных для жаркого климата, например, маниоком (*Manihot ulioissima*), бататом (сладким картофелем, *Ipomoea batatas*), арахисом (*Arachis hypogaea*) и другими. И только к концу этого периода, одновременно с началом развития гончарного дела или даже позднее здесь появляются с юга не только окультуренные растения, но и одомашненные животные, например лама.

Люди, жившие на побережье, в основном питались продуктами моря, включая морских млекопитающих и другие крупные виды морских животных, а также рыб и моллюсков. Важно отметить, что постепенное уменьшение в этот период в рационе местного населения мяса морских млекопитающих и рыбы и переход к более широкому потреблению моллюсков можно объяснить не отсутствием соответствующих технологий (которые, напротив, развились), а другими факторами, к которым некоторые археологи относят климатические условия.

Помимо глобальных сдвигов, которые происходили во всем мире, климатические изменения на побережье Перу были достаточно частым явлением. Они были обусловлены неустойчивыми взаимодействиями течения Гумбольдта (Перуанского течения), приносящего холод с юга, и теплого течения «Эль-Ниньо» с севера. В результате этого на побережье, главным образом в северной его части, господствовали циклы, в которых очень сухой климат сменялся длительными ливнями.

Если обратиться к новым аспектам земледелия, то следует как первую рассмотреть проблему кукурузы. Бонавиа (*Bonavia*, 1982, p. 346) на основе своих исследований местонахождения Лос-Лавиланес, в Уармее, представил обзор основных спорных вопросов, касающихся кукурузы. Оставляя в стороне многочисленные эпизодические суждения, можно сделать предположение о том, что в Андах кукуруза была окультурена независимо и что этот процесс начинался в высокогорных долинах с умеренным климатом, в районе р. Мараньон, где эта культура появилась в результате окультуривания примитивного вида растений под названием *confite morocho* (сладкая кукуруза) (*Bonavia*, 1982, p. 369). Известные на сегодняшний день свидетельства, подкрепляющие это мнение, были обнаружены в результате раскопок, проведенных Т. Линчем (*Tomas Lynch*) в местонахождении Гитарреро, Уайласом (*Huaylas*) в Эль-Калехоне и Р. Макнейшем (*R. MacNeish*) в Аякучо. В Гитарреро кукуруза была обнаружена в археологическом слое, соответствующем догончарной стадии развития и датированном периодом с 5780 г. по I тысячелетие до н.э. на основании расчетов, в соответствии с которыми древнейшие остатки кукурузы относятся ко времени приблизительно с 3000 по 2000 г. до н.э. (*Smith*, 1980, p. 122), т.е. к среднему периоду развития культуры в

этом районе, к которому относится комплекс III пещеры Гитарреро. Проблема состоит в том, что промежуток времени, в который вписывается эта находка, – очень большой.

В Аякучо были обнаружены свидетельства выращивания хлопка, кукурузы и других растений, относящиеся к этапу «Чиуа», – с 4300 по 3100 г. до н.э. (*MacNeish et al.*, 1970, p. 38). Гайнат (*W. Gainat, MacNeish et al.*, 1970, p. 38), один из специалистов в этой области, придерживается мнения, что древнейшая кукуруза из Аякучо относится к комплексу «*confite morocho*», и представил доказательства ее независимого окультуривания. По сути дела, утверждается, что к III тысячелетию до н.э., до того как в перуанских Андах появилась керамика, кукуруза уже выращивалась в этом районе, о чем свидетельствуют находки, обнаруженные на побережье, например, в вышеупомянутом местонахождении в Уармее, где, однако, эта зерновая культура могла появиться и позднее. Следов выращивания кукурузы не было обнаружено на стоянках, относящихся к III тысячелетию до н.э., например, в Уака-Приете, однако в поселениях, датируемых II тысячелетием до н.э., – Асперо в Супе и Лос-Гавиланс в Уармее (оба места находятся в центральной части побережья), она уже присутствует.

Что касается хлопка (*Gossypium barbadense*), который играл важную роль в этот период, то, насколько известно, культивировались только четыре вида, два из которых (*G. barbadense* и *G. hirsutum*) зародились в Новом Свете. Вопрос о происхождении этих видов хлопка представляет интерес для генетиков, после того как они установили, что оба эти вида являются аллополиплоидами, т.е. это – гибриды, выделившиеся в отдельные виды в результате кратного увеличения числа наборов хромосом по сравнению с хлопком, культивируемым в Азии, и дикорастущим хлопком Нового Света (*Towle*, 1961, p. 64). Прослеживается тенденция рассматривать это явление как результат скрещивания перуанского лесного растения (*G. raimondii*) или подобного ему предшественника и культурного азиатского вида, возможно, *G. arboreum*. С другой стороны, мезоамериканский вид *G. hirsutum*, выращиваемый в Мексике с древнейших времен, приблизительно с 5800 г. до н.э., т.е. этот вид появился намного раньше, чем имело место возможное азиатское влияние, и в действительности этот вид хлопка был окультурен независимо. Поэтому можно предположить, что гибрид *G. barbadense*, который появился в Андах, мог тоже появиться независимо от азиатского влияния. Важно отметить, что в Перу также существует дикорастущий хлопок или, точнее, его некультивируемая разновидность *barbadense*.

Хлопок сыграл важнейшую роль в экономическом и социальном развитии побережья, благодаря ему, помимо других предметов, появились сети и другие рыболовецкие снасти, с помощью которых существенно расширились возможности использования морских ресурсов.

Не возникает сомнения в том, что новая система хозяйствования в значительной степени благоприятствовала развитию обитателей побережья, поскольку она предоставила возможность удачно использовать изобилие морских ресурсов с урожаями растений на возвышенностях и во влажном климате у рек, текущих по склонам гор.

Несмотря на то что археологические местонахождения на побережье, в которых были обнаружены скопления хозяйственных отходов, характеризуются, в общем, неолитическим образом жизни, они значительно различаются по организации, типу построек и т.д., что не позволяет говорить о культурном единстве в то время. Каждое из этих мест характеризуется самобытным развитием культуры при наличии межрегиональных контактов.

Как правило, группы стремились селиться в непосредственной близости от моря, но также образовывали поселения и неподалеку от источников пресной воды, позволявших им заниматься земледелием, однако при этом древние поселения всегда располагались на значительном рас-

стоянии от стремительных горных потоков, в связи с чем некоторые археологи предположили, что существовала тенденция выбирать места для поселений скорее с учетом возможности заниматься ловлей рыбы и собиранием моллюсков, чем земледелием. Тот факт, что в долинах не было обнаружено остатков древних поселений, ни о чем не говорит, поскольку люди, поселившиеся в этих долинах позднее, занимались здесь как интенсивным, так и экстенсивным земледелием, в результате чего следы более древних поселений были стерты. Остатки древних лагерей в основном были обнаружены в пустынных районах, им удалось сохраниться благодаря своему местонахождению.

Лучше всего изучено местонахождение Уака-Приета, в долине Чикама; исследования здесь велись Бёрдом в 1946 г. Уака-Приета представляет собой бугор высотой около 12 м, образовавшийся в результате напластования отходов и другого мусора, оставлявшегося последовательными группами обитателей. Этот бугор возвышается на краю бывшего русла р. Чикама, на северном побережье Перу, приблизительно в 4 км от современного русла реки, неподалеку от небольшой рыболовецкой бухты, известной как Эль-Брухо. Современная береговая линия отделяет бугор от моря. Это место явно не годилось для ловли рыбы, так как побережье завалено камнями, море достаточно бурное, и здесь нет естественных укрытий, которые могли бы защитить от ветра.

Хислоп (*Hyslop*) подготовил посмертное издание записок Бёрда о раскопках в Уака-Приете, в которых он принимал участие в течение многих лет (*Bird & Hyslop*, 1985). Радиоуглеродный анализ показал, что люди в Уака-Приете жили в течение долгого времени до развития гончарного ремесла – с 3000 по 1200 г. до н.э. (*Bird & Hyslop*, 1985, p. 53). Согласно критической оценке Хислопа (*Bird & Hyslop*, 1985, p. 245), хотя на протяжении длительного существования сменявших друг друга групп населения в Уака-Приете не было коренных изменений, все же в этом месте прослеживается ряд не лишенных важности перемены.

В археологическом слое № 6, соответствующем древнейшему этапу развития этого поселения, уже обнаруживаются все компоненты, характерные для этого периода. Тем не менее остатков жилых построек, типичных для более поздних периодов, не сохранилось, и только в нескольких местах выявлены признаки использования определенных участков в хозяйственных целях, как будто бы там располагались лагерь. Выясняется, что рыболовство здесь играло важную роль; этот вывод можно сделать на основании того, что в мусорных скоплениях найдено много рыболовных сетей, крючков и рыбных костей.

На следующем этапе в стратиграфической последовательности – в слое № 5 появляются первые свидетельства орнаментации как текстильных изделий, так и сосудов из тыквы. Для изготовления тканей применялся примитивный способ, известный как «плетение», и образцы тканых изделий состоят из различных нитей, либо естественных цветов (коричневого и белого), либо окрашенных в голубой или красный цвет. На рисунках изображены зооморфные существа, обычно птицы с распростертыми крыльями, представленные в профиль, а также двутелые змеи и антропоморфные создания. На сосудах из тыквы рисунки, изображающие антропоморфные и зооморфные фигуры, выжигались.

Технология ткачества приобретает наибольшую важность на этапе № 4. Образцы текстильных изделий превосходятного качества, украшенных изображениями различных фигур и геометрическими орнаментами, датируются этим и последующими периодами, и именно в этот период также появляются новые способы нанесения орнамента, развивающиеся и в дальнейшем. На этом же этапе прослеживаются изменения в рационе питания людей, поскольку явно сокращается количество каменных артефактов и снижается потребление рыбы и мяса птицы.

На этапе № 3, который датируется приблизительно 2000 г. до н.э., происходят основные изменения в разных

сферах деятельности, в основном в ткачестве. Расширилось производство тканей, они становятся более разнообразными по технологии изготовления; в то же время плетеных материалов (а также украшенных сосудов из тыквы) становится меньше, и они упрощаются.

На этапе № 2 эта тенденция также прослеживается, и наблюдается переход от потребления рыбы к потреблению моллюсков. Также обнаруживается больше артефактов из раковин.

Самый последний этап характеризуется еще большим упрощением рисунков на текстильных изделиях, которые больше не изображают фигуры людей или животных. Керамика появляется позднее, на соответствующем уровне развития хозяйства. Однако, как указывается Бёрдом во вступлении (*Bird & Hyslop*, 1985, p. 253), за исключением этих изменений, жизнь населения Уака-Приеты была больше чем консервативная.

При своих раскопках Бёрд обнаружил сооружение, стены которого были сделаны из круглых камней, поддерживаемых хозяйственными отходами, что позволило сделать предположение о существовании небольших полупогруженных в землю домов, овальных или квадратных в плане. Похоже, что все вместе подобные постройки поддерживались большой несущей стеной, до сих пор различимой. Дома располагались бессистемно, в них были сделаны небольшие входы и лестницы, ведущие на поверхность. Постройки уходили в глубину до 6 м. Крыши большинства из них, видимо, поддерживались деревянными балками.

Эти сооружения занимали только верхние слои, что свидетельствует о том, что строительство в этом месте начало медленно развиваться в III тысячелетии до н.э. Подобное положение дел наблюдается и южнее, в долине Виру, в месте, также расположенном неподалеку от моря, где Стронг и Эванс (*Strong & Evans*, 1952) раскопали другую насыпь подобного типа, известную как Серро-Прието-де-Гуаньяпе. Здесь мы обнаруживаем неряшливо построенные и беспорядочно расположенные дома, стены которых были сделаны из глины, размоченной в морской воде.

Исследования этих местонахождений явно указывают на то, что в первой половине III тысячелетия до н.э. общественная жизнь велась в основном в рамках отдельного сельского поселения, для которого была характерна тенденция к созданию замкнутой системы производства и потребления, хотя есть и свидетельства контактов, возможно, по морю, между удаленными народами. Бёрд обнаружил в захоронении 903 сосуда из тыквы с выжженными рисунками, стиль которых напоминает вальдивийскую керамику этапа 3 (*Bird & Hyslop*, 1983, p. 71). Тем не менее в то время в Перу не только не делалось никаких попыток к изготовлению глиняных изделий, но и технология их изготовления не была перенята вплоть до начала II тысячелетия до н.э.

За последние несколько лет в разных местах были обнаружены свидетельства использования глины для лепки небольших фигурок, а также предметов, напоминающих по форме сосуды из тыквы. В слое, относящемся к фазе мито, в Котоше (*Уаснако*), были найдены разные предметы из необожженной глины, миниатюрные изделия в виде антропоморфных фигурок, тыквы и сосуды, которые могли быть имитацией расколотых тыкв или каменных ступ. На побережье в Асперо (в долине Супе) и в Бандуррии (неподалеку от Уарала, к северу от Лимы) были найдены куклы в том же стиле. В то время еще не была известна технология обжига глины, чтобы сделать эти предметы керамическими. Первые свидетельства появления керамики, созданной непосредственно в Центральном Андах, относятся к периоду с 1800 по 1500 г. до н.э.

По-видимому, наиболее значительные изменения в Уака-Приете были результатом случайных контактов местного населения с внешним миром – с одной стороны, с неолитическим образом жизни и развитым гончарным производством в северном регионе Анд, а с другой сторо-

ны, с завершившимся развитием, которое начало проявляться южнее, на побережье Анкаша и Лимы, где уже был осуществлен переход от деревенского, или сельского, типа поселения к зачаткам андийских городских центров.

Южнее, на территории между долиной Касма и долина Лимы, последние годы III и начало II тысячелетия до н.э. были отмечены активным развитием хозяйства, хотя такое развитие наблюдалось отчасти и на северном побережье. Около долины Моче – между долиной Чикама и Виру – было обнаружено местонахождение Альто-Салаверри (*Pozorski & Pozorski*, 1979), которое представляет собой поселение достаточно сложного типа с большим количеством жилых построек, полупогруженных в землю, сооружения были простыми и бессистемно расположенными, как и в Уака-Приете и Серро-Прието. Здесь были обнаружены общественные здания. В нескольких прямоугольных строениях, которые могли использоваться в общественных целях или, по крайней мере, не только в качестве жилых домов, были обнаружены огороженные участки с платформами и захоронениями. С архитектурной точки зрения они сложнее, чем жилые постройки, и очевидно, что их планировка и конструкция была в некоторой степени заранее продумана. Ко всем этим сооружениям прилегает огороженная территория, представляющая собой что-то вроде углубленного внутреннего двора, круглого в плане; позднее такие огороженные участки были неотъемлемой частью многоцелевых ритуальных центров, и могли, по-видимому, использоваться как солнечные обсерватории и для календарных исчислений. Сооружения такого типа были обнаружены еще только в двух из всех известных мест, находившихся на догончарной стадии развития: в местечке Пьедра-Парада, в долине Супе, и в Салинас, в долине Чао. Последнее находится в непосредственной близости от Альто-Салаверри, что может свидетельствовать о том, что такой тип строений появился впервые на севере, хотя эта точка зрения слишком спорна с учетом современного состояния науки.

По окончании II тысячелетия до н.э. особенно в местонахождениях, где рано начало развиваться гончарное дело, как, например, в Чавин-де-Уантаре – знаменитом церемониальном центре начала I тысячелетия до н.э., углубленные круглые площади становятся важной частью храма.

На всем протяжении центрального побережья мест столь же старых, что и Уака-Приета, не известно, поэтому возможно, что в первой половине III тысячелетия образ жизни в расположенных здесь поселениях был подобен образу жизни в Уака-Приете. Больше данных имеется о местонахождениях, относящихся к периоду со второй половины III по первую половину II тысячелетия до н.э.

Недалеко от Касмы, к северу, в долине Непенья есть место Лос-Чинос, где были обнаружены группы каменных построек, большинство из которых полупогружены в землю; они размещались вместе без какого-либо плана в долине между холмами. Здесь, как и в Альто-Салаверри, встречаются и отдельные дома, и комплексы зданий, построенных из камней разного размера, скрепленных глиной; камни сложены так, что внутренняя поверхность стен достаточно ровная. В плане дома были прямоугольными, круглыми и квадратными, они наполовину уходили в землю – на глубину до 1,5 м от поверхности, и их средние размеры были 1,5 м x 1,8 м. На некоторых местах стен видны попытки выкладывать камни так, чтобы внутри получался геометрический орнамент. Проблема состоит в том, что в этом месте не проводилось тщательного исследования, чтобы точно определить возраст и внутреннюю хронологическую последовательность различных компонентов.

Однако в Касме, в нескольких километрах южнее этой долины, было обнаружено одно из наиболее примечательных мест этой эпохи – Лас-Альдас, в котором сохранился обширный комплекс зданий общественного назначения. Это одно из древнейших местонахождений с сооружениями в виде пирамид. Одно из них, наиболее интересное, –

центральное сооружение из семи платформ, установленное на естественном холме. Дома здесь не были полупогруженными, они строились на скалах, их стены были достаточно прочными, и их не надо было подкреплять грудой хозяйственных отходов, которая возвышается над ними в настоящее время. Самое важное строение в этом местонахождении датируется гончарным этапом – первой половиной II тысячелетия до н.э., так что период расцвета огромного построенного здесь церемониального центра приходится в основном на 1800–1200 гг. до н.э.

Другое местонахождение, к югу от Лас-Альдас и недалеко от него, в ущелье Лас-Кулебрас, представляет собой архитектурный комплекс из жилых домов и общественных зданий. Лас-Кулебрас расположено на южной стороне бухты, неподалеку от пересохшего русла реки. Местонахождение полностью погребено под землей, но все же здесь можно было найти различные типы построек. Некоторые представляют собой небольшие квадратные или прямоугольные здания, сложенные из камней разного размера, внутренняя поверхность стен этих домов плоская, как и в Лос-Чинос в Уармее. Другой тип построек – более крупные здания, стены которых также были архитектурно оформлены, например, с внутренней стороны в стенах были выдолблены прямоугольные ниши. Третий тип – различные сооружения, построенные на террасах, окруженные по периметру каменными блоками, причем из-за выступов более крупных камней стены получались рельефными. Террасы, например, в Лас-Альдас, примыкают к складкам холмов – с середины до самого верха. В центральной части сделаны несколько рядов огромных каменных ступеней, которые спускаются от самой верхней террасы до самой нижней. В этом же месте были обнаружены проходы и сооружения, назначение которых неизвестно. На стенах нескольких домов заметны следы глиняной обмазки; некоторые постройки были многоэтажными. Данных, полученных здесь в результате археологических раскопок, явно недостаточно, даже несмотря на то, что было точно определено, что это местонахождение относится к рассматриваемой эпохе.

Далее к югу находится комплекс Асперо, в котором были обнаружены новые и очень интересные находки. Так, встречаются группы общественных зданий в форме насыпей, которые располагаются на жилой территории, поэтому поселение напоминает более поздние церемониальные центры, в которых жилые постройки группировались вокруг общественных зданий. Фелдман (*Feldman*, 1980) раскопал одну из таких насыпей, известную как Уака-де-лос-Идолос. Она представляет собой пирамиду, на вершине которой находится ряд огороженных территорий, расцениваемых как части храма или церемониального комплекса. Даже в этом случае такое пирамидальное сооружение является только частью комплекса зданий, стоящих на холме и в его складках неподалеку от долины Супе. Там находится шесть крупных насыпей, некоторые сгруппированы парами, а часть стоят отдельно; они могли быть построены в разное время, но могли существовать и в одну эпоху. К ним примыкают 11 меньших насыпей и обширная территория с остатками отложений хозяйственного происхождения. Заслуживает внимания отсутствие какой-либо системы расположения зданий, которые, предположительно, были церемониальными центрами. При их сооружении, вероятно, следовали топографии уступов, которые служили фундаментами этих строений. По-видимому, топография также была решающим фактором при определении расположения всего комплекса – общественных зданий вместе или по отдельности. «Общественный» характер этих построек проявляется не только в их назначении – церемониальном или общинном – но и в том, что для их возведения требовалось гораздо больше рабочих рук, чем для постройки жилых домов.

Некоторые из насыпей в Асперо возводились по строительной технологии, более или менее распространенной в этот период во всем центральном регионе Перу. Насыпи

строились из камней, упакованных в сетки из камыша или крепкого тростника, наподобие корзин; эти «корзины» укладывались друг на друга, связывались между собой и благодаря этому удерживались на месте. По-видимому, для выполнения этой работы необходим был коллективный труд; он применялся для строительства общественных зданий, которые обычно были связаны с культовыми обрядами.

В соответствии с радиоуглеродным анализом² (*Feldman*, 1980, p. 246), период Асперо должен быть помещен в промежуток времени с начала до середины III тысячелетия до н.э., практически в одно и то же время с Уака-Приетой. Было определено и несколько более ранних дат, но они стоят особняком и не очень важны.

Тенденция к такой сложной организации прибрежных поселений в докерамическую эпоху наблюдается в явном виде и южнее, причем с еще более выраженным стремлением к единообразию. Примером является местонахождение Рио-Соко, исследования которого проводились Уэдом (*Wedt*, 1964). Там, к северу от долины Чанкай, почти у самого моря, на южном берегу высохшего русла реки располагается группа насыпей. Вблизи от остатков жилых построек, в которых были обнаружены остатки окультуренных растений и продуктов моря, находится не более шести крупных насыпей, окруженных меньшими, как и в Асперо. Дома здесь расположены отдельными изолированными группами и хаотически. Самая высокая насыпь, № 6, представляет собой сооружение, построенное из крупных каменных глыб, коралловых блоков и китовых костей. Насыпь № 7 включает несколько зданий и является наиболее сложным из всех центров.

В отличие от общественных зданий, жилые постройки были простыми, прямоугольными в плане, делались из низких стен, сложенных из камней, связанных глиной; эти стены служили основанием сооружения из стволов деревьев и тростника, на которых крепилась крыша. Согласно Энгелю (*Engel*, 1958), там также были обнаружены остатки складских помещений или хранилищ.

Исследования хранилищ съестных припасов, которые представляли собой строения и были неотъемлемой частью поселений, были дополнены данными, полученными в результате обнаружения в песке, в местонахождении Лос-Гавиланес в Уармее (*Bonavia*, 1982), подобного строения, специально предназначенного для хранения и датированного концом III тысячелетия до н.э. Хранилища продовольствия в Андах обеспечивали основу жизнеобеспечения и воспроизводства городской системы и, как правило, помимо хранилищ домашнего назначения в каждом городе были общественные или государственные склады, которые не только обеспечивали необходимыми запасами продовольствия и одеждой членов общества и его чиновников, но и представляли собой средства, с помощью которых городской центр мог проводить работу по строительству общественных зданий, религиозных центров и т.д.

Южнее, в долине Чильон, к северу от Лимы, был обнаружен комплекс Параисо, относящийся к первой половине II тысячелетия до н.э.

Это местонахождение расположено неподалеку от устья р. Чильон, на расстоянии около двух километров от моря, и относится к завершающей стадии процесса, который археологи Моуслей и Баррет (*Moseley & Barret*, 1969) разделили на три этапа на основании изучения изменений в технологии ткачества. Согласно исследованиям, на древнейшем этапе, названном «Плайя Эрмоса» («Красивый берег»), преобладающим способом выработки ткани было «переплетение» нитей, а на втором этапе – «Кончас» («Раковины») – технология усложняется в результате добавления отдельных пар основных нитей. Наконец, на третьем этапе – «Гавьота» («Чайка»), переплетение нескольких пар основных нитей становится основным приемом ткачества. Эта последовательность, которая, по всей видимости, имела место на всем побережье в районе Лимы, не всегда по-

вторяется в той же хронологической последовательности и даже не всегда характеризуется теми же особенностями в других местах, где были обнаружены следы использования подобных приемов в ином порядке или без какой-либо определенной последовательности вообще. Это касается местонахождений Асперо, Лос-Гавиланес и Уака-Приета. В соответствии с указанной хронологией развития ткачества, на древнейшем этапе поселения были небольшими, занимали территорию всего в несколько сотен квадратных метров, но на последней стадии развития они располагались на нескольких тысячах квадратных метров. Паттерсон (*Patterson*, 1971) считает, что в самом начале в одном таком месте проживало около 100 человек, и около 1500 человек – в конце, на этапе «Гавьота». Начальные этапы в низменностях, возможно, приходились на период с 2500 по 1900 г. до н.э., а этап «Гавьота», вероятно, относится к 1900–1750 гг. до н.э., когда гончарное искусство достигло центрального побережья. Местонахождение Параисо относится к этому последнему периоду. Это место также считается крупнейшим на данную эпоху и состоит из огромного строительного комплекса, занимающего площадь 50–60 гектаров с близко расположенными жилыми кварталами и несколькими огороженных мест общественного назначения. Строения сложены из полевых камней, связанных глиной и отделанных выровненной штукатуркой. На некоторых стенах было обнаружено несколько нанесенных на штукатурке простых линий типа граффити, которые представляют собой неопределенные рисунки.

Насколько известно, южнее не было обнаружено подобных мест, где все указывало бы на то, что жизнь населения проходила в четко ограниченных пределах поселения, как, например, в нескольких местах, обнаруженных к югу от Лимы. В долине Асия представилась возможность исследовать поселение, состоящее из прямоугольных по форме тростниковых хижин (Комплекс I), внешне видимые как небольшие холмики 15 м в окружности и высотой 1 м. Стены построек, которые когда-то существовали здесь, были сделаны из глины; сейчас от них остались только части оснований, достигающие порядка 80 см в высоту, однако предполагается, что первоначально эти стены были не намного выше. Этими стенами окружена площадка прямоугольной формы около 12,5 м в длину, она была подразделена на внутренние части, вход в нее находится с северной стороны. Внутренние помещения были выкопаны в земле; остатки этих построек можно отнести к концу II тысячелетия до н.э. (приблизительно 1314 г. до н.э.).

Далее к югу находится широкая пустыня Ика, где были обнаружены свидетельства, указывающие на существование здесь четко идентифицируемого неолитического образа жизни, как, например, в поселение рыболовов и собирателей моллюсков в местонахождении Отума, неподалеку от Паракаса, относящемся к тому же периоду.

Таким образом, становится ясно, что на всем побережье у Мараньонских Анд неолитическая культура достигла стадии полного разделения, главным образом в результате изменений в социальном устройстве – выделении сектора населения, связанного с храмами и последующего формирования культовых центров; при этом общественные здания отличались от жилых построек как по форме, так и по размеру.

Примечательной особенностью является то, что этот процесс шел в рамках автаркического образа жизни отдельных поселений, в результате чего в их развитии прослеживаются местные особенности. Это замкнутое хозяйство в рамках поселения, тем не менее, не препятствовало контактам сообществ между собой, о чем можно судить по одинаковости некоторых принципов строительства и других технологий, которые использовались в центрах, расположенных неподалеку друг от друга, например, в Уака-Приета, Серро-Приета, Лас-Кулебрас, Асперо и других. Подобным образом, некоторые предметы, обнаруженные

в этих местах, определенно свидетельствуют о существовании обмена продуктами и/или сырьем.

Местные особенности и автаркические тенденции принимают разные формы. На высокогорном плато обнаруживается более единообразный процесс развития, как будто бы там распространялась одна культура с определенными основными характеристиками.

По всей видимости, восточные склоны Анд, в регионе с крупными реками Мараньон и Уальяга, играли важную роль, и влияние этой территории ощущается как в центральной, так и в западной части горной цепи. Климат в этой области – умеренный, с постоянными осадками в течение всего лета (которое длится приблизительно полгода), и очень благоприятный для адаптации растений, произрастающих в зоне со средними и высокими температурами воздуха. В этой гористой местности растут плодовые деревья и водится крупная дичь – олени, кролики, вискика (вид *Sylvilagus* и *Lagostomus crassidens*) и более мелкие животные. Сезон дождей благоприятствовал выращиванию кукурузы, в результате чего не было необходимости в системах орошения или специальной обработке почвы. Маниок (*Manibot utilissima*) и весьма разнообразные плодовые деревья тоже могли здесь выращиваться без особых проблем. На эту зону также оказывали сильное влияние находящиеся поблизости дождевые леса Амазонии и влажный климат Северных Анд.

В этот период в поселениях, оседлый образ жизни в которых определялся самой конструкцией домов, построенных из камней и глины, появляются здания, которые, вероятно, служили обрядовыми центрами и представляли собой сооружения, в центре которых находился очаг сложной кладки – с подземной системой, обеспечивающей подачу воздуха. Поселение подобного типа впервые было обнаружено в начале 1960-х гг. (*Izumi & Sono*, 1963), неподалеку от города Уанако в Котоше. Керамическая стадия развития котошито представлена здесь рядом зданий, которым были даны названия Северный храм, Белый храм, Храм маленьких ниш, Храм скрещенных рук и т.д. Эти храмы представляли собой квадратные территории, огороженные стенами, сложенными как из обычных камней, скрепленных глиной, так и из тесаных камней с закругленными краями и плоскими обработанными поверхностями. Стены Храма скрещенных рук, например, сохранились по всей высоте, так что на их внутренней поверхности можно увидеть узкие прямоугольные ниши, перпендикулярные полу, внутри которых были обнаружены фрагменты костей, которые, предположительно, являются остатками подношений. Под двумя нишами были найдены вылепленные из глины изображения скрещенных кистей рук, или же просто рук в натуральную величину. В середине этих помещений расположены участки, как правило, двухуровневые: небольшие плоские дворики, или патио, с очагом в центрах и, окружающие их по периметрам напоминающие скамьи уступы. Очаг был особенно важен, поскольку он тщательно встроен в пол внутреннего дворика, и к его нижней части подходит предназначенная для подачи воздуха труба, горизонтально лежащая под землей и выходящая наружу. Исследование поперечного сечения одного из очагов показало, что он, скорее всего, использовался в течение длительного времени, затем был реконструирован и использовался снова. Возможно, в таких очагах – в вырытом в земле прикрытом резервуаре – постоянно поддерживался огонь (с учетом трудностей, которые возникали при его разжигании) специально назначенными «священными» хранителями огня. Подобные сооружения были обнаружены в Параисо, на побережье у Лимы, хотя они и не типичны для прибрежных поселений.

Такой тип построек обнаруживается чаще в местонахождениях таких, как Тантамайо (Уанако), где Бонньер и Розенберг (*Bonnier et al.*, 1985) нашли относящиеся к докерамической эпохе остатки таких же огороженных внутренних дворики, как и указанные выше, а также в место-

нахождении Пируру – в остатках подземных жилищ. Подобные находки были обнаружены и в Ла-Гальгаде, на склонах Западной Кордильеры, и в провинции Пальяска, в Анкаше, где группа зданий такого типа сохранилась в отличном состоянии. Во внутреннем дворике расположены печи и центральные очаги, в стенах выдолблены небольшие ниши, а пол отшлифован. Как и в храмах Котоша, вход в эти внутренние помещения был через сделанный в центре одной из стен проем, открывающий доступ в квадратный холл, в середине которого расположен круглый очаг. Воздух к этому очагу поступал по каменной трубе, входное отверстие которой находилось под порогом дверного проема. Очаг здесь также окружен скамьей. Гридер (*Bueno & Grieder, 1979*) обнаружил нечто подобное в Сантьяго-де-Чуко, на стоянке, названной Пахильяс, а в результате раскопок, проведенных Бюргером в Эль-Кальехон-де-Уайлас, было открыто еще несколько внутренних двориков подобного типа, соответствующих как докерамической, так и ранней керамической стадиям.

Не вызывает сомнения, что к тому времени, когда гончарное искусство появилось в этом регионе, описанная выше система строительства уже была полностью развита и распространилась по значительно более обширной территории, включая Кахамарку на севере и охватывая практически всю территорию Анд, по которой течет р. Мараньон. Распространение керамики с севера и востока (?) было событием, которое укрепило этот процесс в Центральных Андах и усилило тенденции, намеченные в данной главе, хотя и не повлекло за собой крупных технологических новаций.

В соответствии с известными данными, керамика появилась в Центральных Андах в первой половине II тысячелетия до н.э. и в период с 1800 по 1200 г. до н.э. распространилась по всему этому региону – и по побережью, и в высокогорных районах. Как отмечено выше, свидетельства использования необожженной глины для лепки небольших статуэток были обнаружены в различных местах – и на побережье, и в горах, например, в Асперо (*Feldman, 1980*), Котош-Мито (*Izumi & Terada, 1972: plates 51a–b*), Бандуррии – неподалеку от Уачо (*Rosa Fung*, лично переданное сообщение), Парансо (*Engel, 1966, pl. VI–I*), и Асии (*Engel, 1963, p. 82*). Можно подумать, что мы рассматриваем здесь историю развития сообщества, только что обнаружившие для себя пластические свойства глины как часть собственных достижений и тем самым открывшие возможности гончарного дела, но так случилось, что практически по чистой случайности керамика появляется в этих же самых местах лишь несколько лет спустя как ремесло, уже полностью сформировавшееся и определенно отражающее длительную сложившуюся традицию. Мы знаем, по крайней мере частично, что эта традиция зародилась в вальдивийской культуре Эквадора. Вовсе не удивительно, что несмотря на практически одновременное появление предметов из необожженной глины в Андах, это было результатом первых контактов между племенами Центральные Анд, которые все еще находились на докерамической стадии развития, и обитателями побережья в том районе, где процветала вальдивийская культура. Независимо от вышеупомянутого сходства форм глиняной посуды этапа 3 вальдивийской культуры и обнаруженных в Уака-Приете сосудов из тыквы с выжженными рисунками, в Лос-Гавиланес, в долине Уармея (*Bonavia, 1982, p. 143*), были найдены бусы из раковин моллюсков *Spondylus*, которые водятся только на севере и не встречаются в водах у Перу и Чили.

Spondylus princeps или *Mullu* (мулли) – это моллюск, высоко ценившийся древними народами Перу и использовавшийся во многих их обрядах особенно в тех, которые были связаны с культом воды. Но чтобы получить таких моллюсков, эти народы обязательно должны были обращаться к обитателям побережий в Гуаяс или Манаби или, в крайнем случае, даже к тем, которые жили в местах около современного г. Тумбес. По-видимому, потребность

в этих моллюсках была связана с их особым свойством – быть индикатором смены температуры воздуха, т.е. предсказывать чередование сезонов дождей с сезонами засухи, обусловленное приходом и уходом этого теплого морского течения. Моллюск *Spondylus* обладает высокой чувствительностью к смене температур и может перемещаться на большие расстояния; он появляется или исчезает в соответствии с приходом или уходом Эль-Ниньо. Таким образом, перуанские жрецы могли предсказывать климатические изменения, просто проверяя наличие, количество и широту распространения мулли. Раковины этих моллюсков к тому же считались высококачественным материалом для ожерелий, нательных украшений, ритуальных предметов и т.д. и высоко ценился на всей территории, поэтому товарообмен, включавший моллюсков вида *Spondylus*, даже между народами, жившими на очень большом расстоянии друг от друга, был одним из наиболее распространенных видов деятельности.

Появление гончарного дела явно по-разному было воспринято на всей территории Центральные Анд. В каждом случае это новое ремесло находило себе нишу у разных сообществ в результате приспособления глиняных изделий к местным потребностям и образу жизни, как по форме, так и по назначению. Поэтому керамика приобрела местные и региональные особенности уже на начальной стадии ее развития. Процесс адаптации к местным условиям проявлялся как в разнообразии технологий изготовления гончарных изделий, так и в различии способов лепки отдельных частей посуды, которым не легко было придать определенную форму. В результате некоторые комплексы глиняных изделий имеют примитивную форму, в то время как другие выглядят так, как будто бы они относятся к высокой стадии развития гончарного искусства.

В дополнение, исходя из этого, Фанг (*Fung Pineda, 1972*) выдвинула альтернативное предположение о независимом от других регионов изобретении гончарного дела на центральном побережье. Если это справедливо, то можно, в свою очередь, предположить, что исходными пунктами распространения гончарного ремесла по всей территории Перу были три крупных центра: один – на севере Анд, второй – на центральном побережье и третий – на востоке Амазонки. В любом случае, эти три «очага» в принципе соответствуют трем основным морфологическим тенденциям, прослеживающимся на ранней стадии развития перуанской керамики. Так, среди гончарных изделий на побережье, по определению Фанг, должны были находиться изобретенные здесь сосуды с носиком трубчатой формы и горшки без горла, и эта керамика была наиболее разнообразной. В результате развития керамического производства на востоке появились сосуды с двумя горлышками и соединяющей их ручкой, а после обжига глиняные изделия окрашивались росписью. Этот тип керамики широко распространился в южных районах, главным образом, в Ике и Аякучо-Андауайлас.

Характерными гончарными изделиями на севере были кувшины с низким широким горлом, плоскодонные чаши и чуть позднее – сосуды с ручками в виде скоб. Форма всех этих предметов посуды, конечно, напоминала форму всем известных различных предметов из других материалов, и они изготавливались по похожей технологии. Примечательно, что некоторые сосуды были обтекаемой формы, но они существовали только на начальном этапе развития керамики и исчезли в начале I тысячелетия до н.э.

Следует отметить, что, как уже отмечалось, в центральном районе Перу, совпадая по времени с появлением гончарного дела, которое, по предположению Фанг, было продуктом местного происхождения, значительных масштабов достигло развитие городских центров. Немного позднее, в течение I тысячелетия до н.э., в этом регионе достигает расцвета цивилизация чавин, знаменитая своим высоким хозяйственным и социальным развитием. Кроме того, в гончарных изделиях «восточного» типа много

общего с керамикой неолитического типа, которая была найдена на южных окраинах территории Чавин, а керамика «северного» типа – с глиняной посудой, обнаруженной на севере этого региона.

Было точно установлено, что в регионе Анкаша и Лимы происходила урбанизация – в том смысле, что здесь были определены территории и площадки, весьма отличающиеся от поселений сельского и деревенского типов; здесь центральным элементом группы зданий были общественные сооружения и здания для общественных нужд. Ход урбанизации лучше всего изучен в прибрежных долинах, где быстро выросли городские центры благодаря хорошей системе орошения земли, обеспечивавшей развитие сельского хозяйства. Подобным образом, возникновение в этот период поселений городского и протогородского типа должно было также быть связано с успешным выполнением ими религиозных функций, среди которых наиболее важными были предсказание наступления сезонов засухи и дождей и специальные астрономические наблюдения, которые помогали делать такие предсказания. Земледельцы, жившие на побережье, пользовались преимуществом близости к рекам, сбегаящим по склонам Западной Кордильеры. Реки, как правило, были довольно мелкими большую часть года, но летом – с января по март – сильные ливни наполняли реки, которые в различной степени затапливали прибрежные долины, и эта вода использовалась для широкого орошения. В долинах, расположенных на севере, существовала проблема дренирования потоков: если этот процесс не контролировался, то мог стать катастрофическим. Все это требовало ведения специального календаря, тщательного прогнозирования погоды и предсказания событий космического уровня. Как отмечалось выше, море, с его рыбой и моллюсками, определенно играло такую же важную роль в обеспечении благосостояния региона.

Как было обнаружено, одним из местонахождений, характеризующимся наиболее быстрым ростом в раннем керамическом периоде (1800–1200 гг. до н.э.), был церемониальный центр в Лас-Альдас, основанный во второй половине предыдущего тысячелетия, в докерамическую эпоху. По мнению Фанг (*Fung Pineda*, 1972, р. 23), «для строительства храма в Лас-Альдас потребовалось много рабочих рук, чтобы подготовить почву; добыть, переместить и уложить камни; срубить, высушить и слесить тростник, из которого делали сети, не позволявшие рассыпаться каменным платформам. Все это осуществлялось с использованием примитивной техники, поэтому, естественно, требовало огромных затрат труда людей. Большая часть рабочих могла придти из долины Касма и других расположенных по соседству долин – Кулебрас и Уармей. Откуда бы ни приходила рабочая сила, над ней должен был осуществляться контроль и управление группой лиц, которые точно знали, что нужно делать, и которые были способны командовать и заставлять рабочих делать именно так, как надо».

Лас-Альдас было выбрано как подходящее место для возведения церемониального центра, потому что, несмотря на его удаленность, оно было расположено в разумных пределах для легкой и быстрой связи с населенными центрами в соседних долинах, главным образом в долине Касма... Установка вокруг и вблизи Храма ряда тщательно направленных в определенную сторону камней, как и само расположение Храма, – это особенности, которые также прослеживаются и в отношении некоторых других храмов в долине Касма, например, в Сечин-Альто – предполагают развитие прогрессивных способов».

Лас-Альдас, определенно, был лишь одним из ряда комплексов церемониального назначения, возведенных в этот период, в начале II тысячелетия до н.э. Уильямс (*Williams*, 1980, р. 401) выделяет по крайней мере три конструктивных элемента, которые распространились повсеместно при строительстве общественных зданий в этот период:

насыпь или пирамида; круглые площадки или углубленные в землю внутренние дворики круглой формы; храмы, образующие в наземном плане форму буквы U. Все эти формы уходят своими корнями в докерамический период развития, к III тысячелетию до н.э., и, в свою очередь, представляют собой модели церемониальных центров, которые стали преобладать на территории Мараньонских Анд на протяжении I тысячелетия до н.э.

Некоторые из этих компонентов, например круглый погруженный ниже уровня земли внутренний дворик, по-видимому, имеет северное происхождение. Этот вывод можно сделать на том основании, что подобные дворики обнаруживаются в таких находящих на докерамической стадии развития местах, как Альто-Салаверри и Салинас-де-Чао. Другие формы, например U-образные конструкции, могли зародиться на центральном побережье, в долинах Чильон, Римак и Луриин неподалеку от Лимы. Вместе с тем пирамидальные платформы обнаруживаются в обеих зонах. К указанным особенностям культур побережья следует, конечно, добавить и характерные для горных и восточных районов типы построек, такие как внутренние дворики в Котоше (Храм скрещенных рук и т.д.), которые также были унаследованы с докерамических времен.

Некоторые долины, особенно Касма, в этот период выглядели чрезвычайно богатыми. Здесь организуются церемониальные центры, сопоставимые по масштабу только с городскими центрами поздних классических времен. Наиболее значительным был центр Сечин-Альто, длина которого была приблизительно 2 км и ширина – 1 км. Основной особенностью этого центра была огромная пирамида, которую С. Тельо (*Tello*, 1965) назвал величайшим памятником архитектуры, когда-либо выполненным на Перуанском побережье. Площадь основания этой пирамиды составляет 200 x 350 кв м, ее высота – около 35 м над уровнем долины. Перед пирамидой проложена широкая улица, состоящая из ряда внутренних двориков, или плато, расположенных на разной высоте на территории площадью в 400 x 1400 кв. м. Среди этих двориков встречаются по меньшей мере две круглые площадки, а на самой этой огромной улице находится большое количество зданий меньшего размера, а также платформы; все они расположены вдоль центральной оси в северо-восточном направлении.

Развитие городских центров в долинах Супе, Пативилка, Уаура и долинах, расположенных вокруг Лимы, вплоть до Лурина, достигло уровня, если и не совсем равного указанному, то, по крайней мере, близкого к нему. Церемониальные центры распространились и в высокогорные долины, но среди них не обнаружены сооружения, которые были бы сходны по размеру с конструкциями, расположенными на побережье. Несмотря на то, что гончарное ремесло распространилось во всех направлениях, так что к началу I тысячелетия до н.э. оно уже дошло как до оз. Титикака, так и до оазисов в прибрежной пустыне, тем не менее регион Кахамарка и Трухильо не достиг апогея развития центральной территории Перу, да и южные области сохраняли свой маргинальный характер.

По сути, к началу I тысячелетия до н.э. общая картина, сложившаяся на территории Анд, представляла собой процесс дезинтеграции сельского образа жизни. В этот период начинают преобладать городские центры, в которых хозяйственная деятельность общины была направлена в определенное русло и были организованы сильные и централизованные системы сбора налогов в региональном масштабе.

Исторические и археологические данные, обнаруженные в Центральном Андах, там, где сейчас находится Перу, приблизительно между 6 и 15 град. южной широты, свидетельствуют о существенном развитии цивилизации, апогеем которого было образование влиятельных, подчинивших себе многие народы государств, например «империи инков». Она была основана приблизительно в XV в. н.э., и в

ее времена произошла политическая унификация на обширной территории, простирающейся более чем на 5000 км от Северных, или Экваториальных, Анд (горных хребтов, расположенных к северу от экватора) до Южных Анд (до 35 град. южной широты).

Образование империи инков не было изолированным событием в Андах, его корни уходят к древнему расцвету андийской цивилизации, когда, по окончании периода неолита, в Центральных Андах шло развитие городских культур.

Горные хребты Южной Америки – Кордильеры тянутся по побережью Тихого океана вдоль всего континента с севера на юг. Кордильеры отличаются большим разнообразием ландшафта, который можно подразделить на четыре основных орографических территории: северная, или экваториальная, зона, центральная зона, северно-центральная зона и южная зона. На каждой из этих территорий развитие неолитической культуры и последующий переход к цивилизации принимали различные формы. Это ясно прослеживается в период с 1500 по 700 г. до н.э., рассматриваемый в настоящей главе (карта 28).

КУЛЬТУРА ЧАВИН

В начале III тысячелетия до н.э. в Центральных Андах уже начался процесс самобытного развития, который лучше всего прослеживается в северном регионе, известном также как Мараньонские Анды. К тому времени, когда к началу II тысячелетия до н.э. в этом регионе из Экваториальных Анд распространилось гончарное производство, докерамическая неолитическая культура здесь уже вышла за рамки обычного сельского образа жизни, и общественная организация стала постепенно сосредотачиваться вокруг церемониальных центров различных типов. Эти центры направляли большую часть производственной деятельности на выполнение определенных задач, например, крупномасштабных работ по орошению, или на определение подходящего времени для сельскохозяйственных целей. В то же время существование таких центров вело к накоплению излишков в общинных складах (более крупных, чем хранилища отдельной семьи), благодаря чему появилась возможность обеспечивать людей, служивших в храмах, и распределять ресурсы между рабочими, привлеченными для строительства общественных зданий, путем использования систем перераспределения, которые пока нельзя выявить с достаточной степенью точности.

Появление гончарного производства на севере Перу было связано с быстрым развитием торговли. Изготовление гончарных изделий стало одним из факторов, способствовавших консолидации этого процесса, который привел к большей свободе выбора мест для поселений (они стали теперь формироваться на некотором расстоянии от непосредственных источников воды) и к большему разнообразию рациона питания в результате появления новых способов приготовления, хранения и транспортировки пищи.

Процесс, который продолжался приблизительно с 1500 по 1000 г. до н.э., был чрезвычайно эффективен. Мараньонские Анды стали богатым и изобильным регионом, в то время как на севере и на юге – в Северных Андах и в южной части Перу (в Алуримакских Андах) – сохранялся сельский образ жизни. Увеличился как размер, так и количество церемониальных центров: в каждой долине насчитывалось несколько таких центров, окруженных поселениями, находящимися на высокой стадии развития, и обширными участками обрабатываемой земли. В этих поселениях прослеживалась тенденция удовлетворять свои потребности не только местными ресурсами, но и путем торговли с близкими или далекими территориями. Вывод о том, что люди, жившие на этих территориях, могли производить больше продуктов, чем им требовалось, можно

сделать на основании размеров общественных зданий, существовавших у этих народов возможностей приобретать дорогостоящие предметы роскоши, которые привозились из дальних стран, а также того, что поселения в каждом регионе ставились в местах, наиболее подходящих для эффективного производительного труда и разнообразного использования местных ресурсов. Кроме того, обнаружены свидетельства значительного роста численности населения, которое заняло практически все территории, пригодные для продуктивного использования.

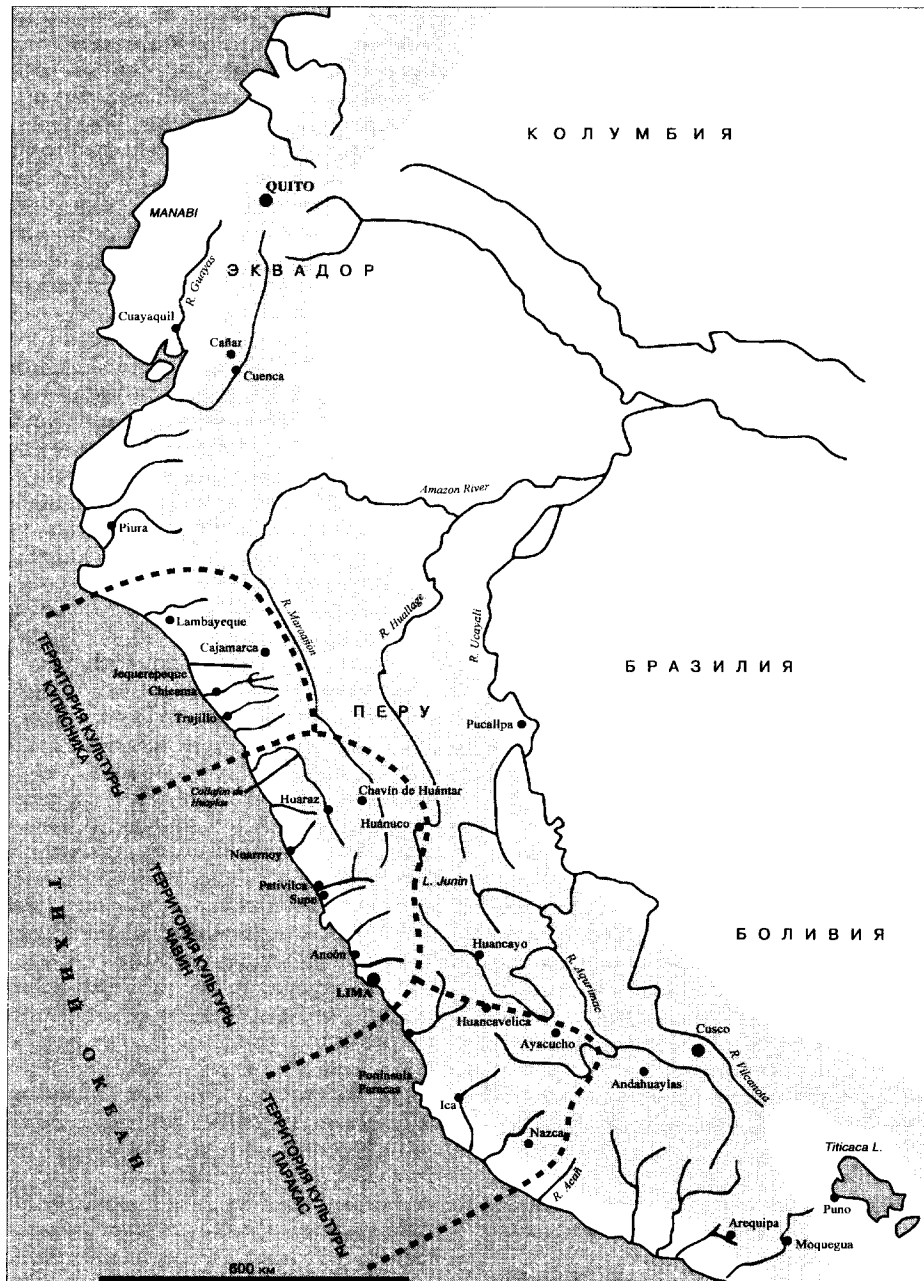
Вся территория сьерры – системы горных хребтов, от Кахамарки на севере до плато Хунин на юге была заселена земледельцами, хотя они и предпочитали селиться в регионах с более умеренным климатом, где была доступна вода для орошения. Подобная ситуация также наблюдается в долинах и прибрежных районах от Ламбаеко до Лимы, где изобилие рыбы и других морских продуктов обеспечивало местное население пищей, богатой животным белком.

Были обнаружены свидетельства того, что процесс окультуривания растений и одомашнивания животных достиг в Андах очень высокой степени развития. Земледелие и скотоводство в Андах могло быть основано на значительном количестве ресурсов, которые, за некоторым исключением, были местного происхождения. Все археологические данные указывают на то, что здесь было известно большинство способов и технологий обработки почвы и использования водных ресурсов, например, сооружение террас для земледелия и строительство систем оросительных каналов разных масштабов, а также использование календаря, способы прогнозирования погоды и т.д.

Мараньонские Анды расположены в промежуточной области – между влажным экваториальным севером и засушливым перуанским югом. Здесь встречаются вересковые пустоши и высокогорные плато, лишенные растительности (пуна), – типичные особенности, характерные для горного андийского ландшафта как на севере, так и на юге. Здесь произрастает кукуруза, фасоль, тыква, в изобилии водится рыба и морские животные. Это зона с умеренным климатом и со средним температурным уровнем. Благодаря промежуточному положению этой области, ее обитатели могли пользоваться не только богатейшими ресурсами влажных тропических лесов Северных Анд и Восточной Амазонки, но и продуктами земледелия неолитических культур в засушливых южных районах с прохладным климатом. Таким образом, в период с 1500 по 1000 г. до н.э., прибрежные и горные районы северной части Перу были достаточно хорошо обеспечены пищевыми ресурсами и играли роль лаборатории, в которой многие растения и животных приспособляли к новым окружающим условиям. В результате этого Анд из южной части Анд в северную попали одомашненные животные семейства верблюдовых (лама и альпака), а также, возможно, и картофель, квиноа и другие подобные зерновые культуры.

Тем не менее в отличие от того, что происходило во время развития неолитической культуры в предыдущие тысячелетия, в этот период, с возникновением «сфер влияния», проявился новый феномен – формирование однородных региональных культур. Наиболее самобытную из этих культур, влияние которой распространилось на обширной территории, археологи назвали «чавин». Местные географические названия были даны другим культурам, например, культура куписнике на севере и культура котош в Уанако.

В результате взаимоотношений, которые установились между севером и югом, эта «урбанистическая революция» вышла за пределы северной части Перу и оказала значительное воздействие на образ жизни людей на юге, хотя ее влияние на высокоразвитую неолитическую культуру тропической зоны Северных Анд было относительно небольшим. Таким образом, неолитическая культура в таких засушливых районах, как Ика и Аякучо, которая не достигла высокой

Карта 28. Культуры региона Анд

стадии развития за предыдущие два тысячелетия, была подавлена в результате контактов с цивилизацией чавин, и здесь, в оазисе, расцвела яркая культура, которую археологи назвали «паракас». Позднее она послужила мостом между народами севера и юга и привела к развитию обмена товарами и технологиями, который происходил в обоих направлениях между северными культурами, основанными на выращивании кукурузы, и южными культурами, сосредоточенными на культивировании картофеля и скотоводстве. Она способствовала переходу к городскому образу жизни в андийской гуне несколько веков спустя (около 500 г. до н.э.), с возникновением культуры пукара, которая развивалась в бассейне оз. Титикака и р. Вильканота.

Однако этот процесс полностью был сосредоточен вокруг культуры чавин, которая распространилась в регионе, в настоящее время занятом департаментами Анкаш и Лима; на севере развивалась культура куписнике с рядом местных разновидностей – в Ламбаэке, Ла-Либердад и Кахамарке, а на юге – культура паракас, существовавшая в

маргинальной и производной форме в Ике, Аякучо и Уанкавелике. В период с 1500 по 700 г. до н.э. к северу и к югу от этих территорий преобладающей формой организации были неолитические поселения сельского типа.

Цивилизация чавин представляет собой выдающийся пример урбанистической революции в андийском регионе. Она развивалась в широких долинах с хорошей системой водоснабжения и была основана на выращивании зерновых культур, растущих в условиях умеренного климата: кукурузы, фасоли обыкновенной, хлопка и различных видов тыквенных растений, а также маниока, арахиса (*Arachis hypogaea*) и других тропических культур. Она была также основана на интенсивном использовании морских ресурсов на всей территории: остатки моллюсков обнаруживаются в горах как на таком же расстоянии от моря, как и само поселение Чавин, так и на расстоянии сотен километров от побережья.

Тем не менее, хотя и следует признать важную роль, которую сыграла культура чавин в развитии сельского хо-

зайства и эксплуатации морских ресурсов, а также разведении одного из видов грызунов (морских свинок) и, по всей видимости, домашней птицы (*Cairina moschata*, или мускусной утки), это не было единственной особенностью этой культуры. На самом деле, в основе развития данной цивилизации лежали крупнейшие достижения предыдущей эпохи неолита. Речь идет главным образом об изменении способов изготовления артефактов и возведении общественных сооружений.

Часть работ по изготовлению артефактов, которые раньше осуществлялись в основном в домашних условиях, взяли на себя искусные ремесленники, составившие элиту, связанную с церемониальными центрами. Такие ремесленники обладали различным социальным статусом, определявшимся размером и значимостью церемониального центра. Гончарные и текстильные изделия продолжали делать в домашних условиях в основном для хозяйственных нужд, но в то же время их ассортимент значительно расширился в результате появления новых предметов, более разнообразных по форме: мисок, сосудов для питья, подносов, тарелок, чашек и т.д. С другой стороны, многие искусства развивались за пределами бытовой сферы, и они целиком и полностью находились в компетенции квалифицированных ремесленников. Типичный пример – резчики по камню, которые стали скульпторами и граверами и определенно были связаны с крупнейшими храмами. Они обладали знаниями о прочности и свойствах горных пород в разных каменоломнях, а также умели высекать или гравировать сложные рисунки на камнях различных видов. Таким образом, искусство резьбы по камню и скульптура были отдельными видами деятельности, связанными с общественным, а не частным сектором.

Подобные изменения имели место и в производстве ювелирных изделий и предметов роскоши из раковин, кости, рога оленя или полудрагоценных камней. В храмах этого периода археологами были обнаружены изящные произведения искусства – ножные и ручные браслеты, ожерелья, медальоны и другие украшения, ценность которых заключается не только в их искусной отделке, но и в материале, из которого они сделаны, будь то тончайшие раковины моллюсков из тропических морей на севере (*Spondylus* и *Strombus*), или полудрагоценные камни из южной пустыни (малахит, бирюза или содалит), или же такие редкие камни, как обсидиан, который, скорее всего, привозился сюда с юга, из Уанкавелики. Расстояние между Уанкавеликой (каменоломней) и Гуаяс-Манаби (где добывались раковины) составляет почти 2 тыс. км.

Не вызывает сомнений и тот факт, что керамическая посуда и изделия из хлопка изготавливались для элиты специалистами, работавшими в мастерских, связанных с храмами. Несмотря на то что технология изготовления керамики, используемая в домашних условиях и в мастерских церемониальных центров, была практически одинаковой, разница заключалась в качестве готовых изделий: благодаря сложности рисунка и изысканности других элементов, глиняные предметы роскоши из мастерских являлись выдающимися произведениями искусства. То же можно сказать и о декоративных тканях, например, гобеленах или парче, на которых изображены божества культуры чавин.

Второе важное изменение касается строительства общественных зданий, и именно оно проводит четкую границу между городским центром и поселением сельского типа предыдущей эпохи неолита. Это были сооружения огромного масштаба. В районе Куписнике были обнаружены остатки дорог, построенных в общественных целях между дворцами, находящимися на расстоянии нескольких километров друг от друга (хотя это и не означает, что ими могли пользоваться все члены общества) (Beck, 1979). Там были построены оросительные системы, выходящие далеко за пределы одной общины и предполагающие взаимодействие и определенные договоренности между дву-

мя или несколькими сообществами, например, о расписании работы оросительных каналов и о ряде мероприятий, которые могли выполняться только при наличии координационных или даже, скорее, централизованных органов управления. Тем не менее, кроме этих крупномасштабных сооружений, которые должны были строиться на основе межобщинных соглашений, об отходе от системы сельских общин свидетельствуют, по сути, церемониальные центры, представляющие собой очень точно спроектированные крупные здания, расположение, стиль и форма которых определялась в соответствии с установленными правилами.

До этого периода церемониальные центры явно были местными по типу, хотя и имели много общего в форме и конструкции, и, с учетом их индивидуальных особенностей, оказалось невозможным отнести все эти центры к какой-либо одной культуре. Оказывается, системы, созданные для контроля над ними, распространялись только на часть долины или, самое большее, – на одну долину, объединяя сообщество, уже связанные между собой территориально и/или этнически. Эти локализованные структуры завершили свое существование с расцветом культуры чавин.

В этот период стали строиться общественные здания, например, храмы, влияние которых распространялось на весь регион, а не только на отдельные долины или сообщества. С культурой чавин было связано распространение определенного стиля на обширной территории, включающей по меньшей мере 20 прибрежных долин (от р. Санта до р. Ика) и несколько высокогорных долин. Это было не просто распространение художественного стиля, хотя он также было достаточно важен сам по себе. Однако наиболее значимым было то, что общественные сооружения стали строиться по стандартной модели, по одной и той же технологии, с соблюдением одинаковых размеров, расположения и форм, а в некоторых случаях даже из одних и тех же материалов. Тем не менее в общем единообразии архитектурных сооружений в этой области можно выделить региональные особенности. В некоторых долинах уделялось большее внимание одним элементам и меньшее – другим, что свидетельствует об определенной степени региональной автономии на общем фоне явно централизованных методов организации строительства общественных сооружений и, возможно, системы производства в целом.

С учетом современного уровня знаний было бы неразумно пытаться детально описать политическую систему, хотя очевидно, что политическая организация была довольно сложной. В поддержку этой гипотезы говорят свидетельства существования определенных форм коллективных подношений, сконцентрированных в церемониальных центрах. В храмах селения Чавин-де-Уантар – места, по названию которого была названа соответствующая культура, были обнаружены дары, принесенные сюда с центрального побережья, из района Куписнике и с северной горной гряды. Тем не менее взаимных подношений не было найдено, и это заставляет сделать предположение о неравноправных взаимоотношениях, которые состояли в основном в обязательствах платить дань.

Конечно, такая ситуация не возникла внезапно. Напротив, к этому пришли постепенно, и начало этого процесса восходит ко второй половине II тысячелетия до н.э., а апогей его развития приходится приблизительно на 700 г. до н.э., т.е. на период, когда можно было наблюдать все те особенности, о которых говорилось выше. На начальной стадии, которая, возможно, продолжалась приблизительно до 1000 г. до н.э., в близлежащих долинах или в небольших высокогорных районах прослеживаются тенденции к унификации и централизации культуры в местном масштабе. Этот процесс имел место в долинах департамента Лимы (Анкон-Чильон, Римак и Лурич) и в долинах Супе-Уармей-Пативилка, которые, по всей видимости, стали местными центрами культурного развития, но в то же время они были

связаны единой политической и хозяйственной системой. В период с 1000 по 700 г. до н.э. эти местные центры попали под власть более высоко развитой региональной системы, такой как чавин. Впоследствии, приблизительно с 700 по 500 г. до н.э., этот процесс вступает на третью стадию своего развития, на которой наблюдается еще большее усиление влияния цивилизации чавин, поскольку в этот период прослеживается общая тенденция к унификации, распространившаяся на всей территории от Мараньонских Анд – Пиуры и Кахамарки – до Апуримакских Анд – Аякучо и Ики. На сегодняшний день свидетельством этой экспансии являются обнаруживаемые во всех этих местах керамические изделия со сходными особенностями, которые археологи отнесли к позднему этапу развития культуры чавин. Затем происходит внезапное крушение, и после 500 г. до н.э. в развитии культур в разных районах и поселениях обнаруживаются резкие расхождения, и они стремятся сохранить свою независимость. Скорее всего, это произошло в результате разгрома централизованной власти.

Приблизительно в 500 г. до н.э. церемониальный центр в Чавин-де-Уантаре был покинут, и некоторые археологи, последователи теорий, выдвинутых Хулио С. Тельо, считают это место столицей или центром того, что, возможно, было единым государством этой эпохи.

Центр Чавин-де-Уантар, несомненно, является самым выдающимся примером этой стадии культурного развития. Он был местом сосредоточения всего того опыта и мастерства, которые были приобретены за предыдущие века людьми, жившими на побережье и в горах на севере, юге и востоке. Чавин состоял из группы зданий, расположенных на территории треугольника, образованного слиянием двух рек и подножьем высокого горного хребта, вершины которого, вздымающиеся на несколько тысяч метров в высоту (более 5 тыс. м), были увенчаны снежными шапками. Река Уачекса, которая берет свое начало чуть выше снеговой границы, протекает по западному склону и соединяется с р. Мосна на юге, затем поворачивает на северо-восток и вливается в широкую р. Мараньон – приток Амазонки, впадающую в Тихий океан на другом конце континента.

Место расположения Чавина было выбрано не случайно; причина выбора места, где сливаются две реки и сильно сужается долина, становится ясна с учетом расположения сооружений. Долина или, скорее, теснина, в которой расположен Чавин, очень узкая: не более нескольких сотен метров в ширину и только несколько километров в длину. По сути, это узкий проход, огороженный с востока и запада высокими горами, которые на расстоянии 2–3 км круто вздымаются более чем на 4,5 тыс. м. Чавин расположен на вершине этого прохода, на высоте 3180 м, и представляет собой отличное место для астрономических исследований и наблюдений за звездами на фоне остроконечных вершин окружающих гор. Кроме того, Чавин находится на пересечении дорог, ведущих с побережья в джунгли, и является центром Мараньонских Анд в целом.

Церемониальный центр в Чавине не является единым комплексом, построенным за короткий промежуток времени. На самом деле процесс его строительства был достаточно продолжительным, в течение которого здания накладывались одно на другое и добавлялись новые элементы. В общих чертах этот процесс можно подразделить на два основных этапа: первый, или «древний» этап строительства и заселения – с 1500–1200 по 1000–700 гг. до н.э. и второй, или «новый» период – с 1000–700 по 500 г. до н.э. Конечно, здания также могли здесь строиться как до начала, так и после окончания этих двух этапов, но никаких свидетельств этого не было обнаружено.

В соответствии с известными археологическими данными, строительство «древнего» храма в Чавине было начато в последние века II тысячелетия до н.э. (в период с 1350 по 1100 г. до н.э.). Это сооружение не раз перестраивалось; на-

сколько можно судить по обнаруженным архитектурным остаткам, оно расширялось и даже полностью реконструировалось. Приблизительно в начале I тысячелетия до н.э. (1000–700 гг.), в период, когда во всех аспектах культуры чавин начали происходить крупные изменения, были предприняты еще более интенсивные работы по расширению и реконструкции храма. Старый храм перестал быть очагом церемониального центра, «центр тяжести» сместился к югу, где функции старого храма взяло на себя более крупное и более величественное здание. Этот «новый» храм, в отличие от своего предшественника, вероятно, изменялся мало, и его разрушение, причиной которого, скорее всего, была какая-то катастрофа, возможно, сейсмического характера, знаменует начало упадка цивилизации чавин.

Место, где находился древний храм в Чавине, частично было занято новым храмом, поэтому сохранилась лишь незначительная часть остатков этого старого храма. Основное сооружение имело форму буквы U, открытая часть которой была обращена на восток, в результате чего лучи восходящего солнца освещали фасад здания, располагающийся в глубине сооружения. Таким образом, здание состояло из двух стен, одна из которых смотрела на север, а другая – на юг, и центральной секции – с западной стороны. Эти стены образовывали открытое пространство в центре сооружения – на расстоянии 40 м до каждой стены, представляющее собой подобие атриума. Обе стены и центральная секция сооружены из платформ, возвышающихся на 12 м над атриумом и образующих верхний уровень ступенчатой пирамиды, которая занимала площадь более 10 гектаров, спускаясь к р. Мосна, расположенной приблизительно на 30 м ниже верхнего уровня.

Здание было построено из ряда возвышающихся друг над другом уступов, стоящих на фундаменте, который представлял собой расположенные параллельно друг другу приблизительно на расстоянии метра тонкие каменные стены, пространство между которыми заполнено землей и битым камнем. Некоторые промежутки между стенами были оставлены пустыми, они служили в качестве подземных проходов или галерей, используемых в разных целях. Эти коридоры образуют запутанные лабиринты в нижней части здания. В некоторых случаях каменные стены были сложены настолько аккуратно, что даже с внешней стороны они имеют ровную поверхность (а стены нового храма были даже сложены из камней, украшенных рельефом), хотя это не было общепринято, и свидетельством этого выравнивания является обмазка глиной и окраска стен.

Платформы выглядят очень прочными и массивными. С внешней стороны они обложены огромными отесанными камнями, некоторые из них весят несколько тонн. В тех местах, где стены покрыты штукатуркой, шлифовке камней уделяли мало внимания, но зато неоштукатуренные участки стен сложены из специально выбранных высококачественных глыб, которые отесывались и затем полировались. Камни, очевидно, скреплялись друг с другом с помощью глины, и для того чтобы связка между каждой парой глыб была как можно прочнее, в глину подмешивались небольшие клинообразные камешки. Важной особенностью было то, что те стены, которые не были покрыты штукатуркой, сложены из гигантских плит, причем два ряда узких плит перемежаются рядом плит большей толщины.

Атриум состоит из четырехугольной платформы, в центре которой находится круглый углубленный внутренний дворик (диаметром 21 м). Два ряда ступеней, ведущие в этот дворик, расположены с восточной и западной сторон, образуя линию, позволяющую определить положение Солнца, используя в качестве ориентира центр дворика и точку, в которой атриум соединяется с центральной платформой. Платформа расположена таким образом, что она является точным продолжением западной лестницы.

Пол круглого дворика сделан из крупных плоских плит из желтого известняка. Окружающая его стена, служащая

парапетом платформы или атриума, является одной из самых красивых стен в Чавине. В основании стены сделан небольшой цоколь, не более 10 см высотой и около 5 см шириной, который отделяет стену от пола двора. Над ним выложен еще один ряд каменных плит, около 36 см высотой, украшенных рельефами, изображающими вереницу абсолютно разных ягуаров, которые обращены мордами к западной лестнице (четырнадцать ягуаров направляются к этой лестнице с северной стороны и столько же – с южной). Все эти рисунки расположены в западной половине двора, которая освещается лучами восходящего Солнца. Каменные плиты в другой половине двора не покрыты резными изображениями, за исключением двух, которые обрамляют восточную лестницу.

Над каменными плитами с резными изображениями ягуаров расположено два тонких ряда камней, поддерживающих еще один ряд четырехугольных плит 80 см высотой, на которых вырезаны изображения антропоморфных существ в элегантных нарядах (головные уборы отличаются особым изяществом), они держат в руках предметы, напоминающие музыкальные инструменты, включая трубу в форме змеи. Как и ягуары, они обращены лицами к центру, где расположена лестница, ведущая в центральную часть храма. Скорее всего, этих рисунков, как и изображений ягуаров, также было двадцать восемь, но сохранилось только несколько из них.

Как и плиты во всем здании, платформа, окружающая центральный дворик, не представляет собой монолитную структуру, она пересекается рядом галерей, в которых были найдены приносимые в храм дары. В результате раскопок одного из этих коридоров было обнаружено несколько сотен красивейших предметов, представляющих собой изящную керамическую посуду, сосуды, сделанные из привозного камня, украшенные тонким орнаментом изделия из кости, рога и декоративные раковины, привозимые из разных прибрежных районов, а также остатки пищи: мясо утки, оленя, ламы и морской свинки, и моллюски (Чавин расположен приблизительно в 300 км от ближайшего побережья и отделен от него двумя огромными горными хребтами).

Центральная часть старого храма с фасада была практически полностью разрушена; в некоторых местах стены обвалились либо в результате какого-то стихийного бедствия, или потому что не выдержали нагрузки самого здания после изменения его внутренней структуры. Вся центральная часть храма пересекается запутанными проходами, один из которых имеет наибольшее значение, поскольку он не только расположен в самом центре здания – вдоль линии, о которой говорилось выше, но и пересекает другой проход, образуя крест. В месте их пересечения находится наиболее впечатляющая из всех находок в Перу – высеченная из камня статуя, которая, с учетом ее формы, была названа Лансон (пастуший посох с крючком). Высота этой статуи более 4 м, она изображает антропоморфное божество, которое почти определено было главным богом, почитаемым в Чавине. Статуя находится в центре крестообразного пересечения и обращена лицом к востоку. Она смотрит на длинный (более 12 м) коридор, соединяющийся с небольшим отверстием, через которое поступало немного света и воздуха снаружи. Согласно произведенным подсчетам, в полдень солнечные лучи могли попадать через это отверстие в коридор и освещать свирепое лицо Лансона; возможно, это длилось всего несколько минут.

Если мы знаем, что в галерее Лансона располагалась статуя, то о назначении других подземных коридоров известно мало или вообще нет данных. Одни из этих галерей использовались в качестве водостоков, в других были обнаружены подношения, а третьи, возможно, служили складами или сокровищницами для хранения ценностей. Здесь было также обнаружено несколько коридоров, которые, по всей видимости, были предназначены для стока воды, хотя снаружи к ним не примыкало никаких ре-

зервуаров, в которых эта вода могла бы собираться, и мы не знаем, куда она стекала.

В связи с этим было выдвинуто предположение (Lumbreras et al., 1976) в отношении ряда галерей или проходов, предназначенных для проведения воды по коридорам, которые были невидимы снаружи. Вода протекала по подземным каналам, попадая туда с самой высокой точки р. Уаческа, а затем она распределялась по сети невидимых трубопроводов с помощью специальных вентилях, благодаря чему шум, вызываемый падающей водой, усиливался, и из храма доносились звуки неопределенного происхождения; это было частью «литургии», предусмотренной религией Чавина. Проверка этого предположения проводилась на одном из каналов или трубопроводов старого храма, и производимые звуки напоминали рычание льва или крокодила или же просто шум водопада. Инженер Гонсалес (*Chacho Gonzales*) выдвинул другую более обобщенную версию, заключающуюся в том, что некоторые из этих галерей использовались для игры с шумом воды и создания «звуковых картин», которые могли изменяться по желанию. В результате исследования части системы подземных коридоров, образующих загадочные лабиринты, было установлено, что их структура напоминает огромный саксофон.

Из подземных каналов вода попадала в р. Мосна через водосток, сооруженный в таком месте, где его невозможно было увидеть. Мы также обнаружили впускную трубу в р. Уаческа и элементы подземных водопроводов, по которым вода поступала в храм. По-видимому, старый храм, в котором находится статуя Лансона, был построен таким образом, что можно было слышать громкий шум.

Все это служит подтверждением теории о том, что данное место было выбрано после тщательного исследования условий, необходимых для постройки «звучащего» храма, который также мог служить хорошей астрономической обсерваторией и в котором (если эта гипотеза верна) можно было точно определять периоды равноденствия с помощью сложной системы освещения Лансона в эти дни, не говоря о круглом дворике, который был очень точными солнечными часами.

Что касается нового храма, видимо, он воплощает последнюю стадию в длинном ряду расширений и реконструкций. В своем окончательном виде он представляет собой архитектурный комплекс, который был в несколько раз больше, чем старый храм. В плане он имеет ту же U-образную структуру, и его основной особенностью является платформа пирамидальной формы, в центре которой расположена большая квадратная площадь, уровень которой находится на несколько метров ниже уровня платформы. Центральная ось здесь также лежит в направлении запад-восток, вдоль лестниц, и проходит через центр площади и через один или два небольших внутренних дворика или атриума в центре пирамиды, где располагался внушительный портал, являющийся входом в огромный храм. Этот портал состоит из двух колонн цилиндрической формы, украшенных великолепными резными изображениями фантастических птиц, которые некогда поддерживали притолоку с резными рисунками, изображающими, вероятно, четырнадцать хищных птиц (ястребов-перепелятников, соколов или орлов), семь из них смотрят на север, и семь – на юг. Одна из колонн была сделана из белого камня, а вторая – из черного, и они соединяются в центральной точке равноденствия. Продолжением портала снаружи, с обеих сторон, служил длинный низкий цоколь, облицованный большими каменными плитами: белыми с южной стороны и черными – с северной, что создавало некое подобие дихотомии между светлым и темным.

Являющийся входом в атриум портал, облицованный каменными плитами, которые были украшены различными рельефными фигурами, относящимися к пантеону бо-

гов Чавина, по сути, был ложным входом. Через этот портал не было прямого прохода, можно было продвинуться только на несколько метров к западу, и уже из этого места расходилось две лестницы – на север и на юг, которые вели к расположенным по бокам двум входам на вершину пирамиды.

Все сооружение в целом было окружено карнизом из каменных плит, украшенных резными изображениями хищников из семейства кошачьих, но прежде всего птиц. Ниже карниза, как бы поддерживая его, шел ряд крупных голов фантастических существ, высеченных из камня и смонтированных в кладку стен.

Одной из наиболее выдающихся особенностей храма в Чавине, определенно, является его сложное декорирование, которое, очевидно, было частью более сложной религиозной системы. Помимо украшенных рельефом каменных плит, притолок, резных колонн и даже горизонтально расположенных каменных карнизов, вероятно, большая часть стен здания была обмазана глиной и на их поверхностях, как и во многих подобных храмах на побережье, могли быть вылеплены фигуры или нарисованы различные изображения. В результате проведенных сравнений было выявлено, что рельефы на камне относятся к разным периодам, и фигуры на старом храме и храмах, построенных в более позднюю эпоху, значительно отличаются друг от друга как по форме, так и по содержанию.

Художественный стиль древнейшей эпохи – спокойный и монументальный, а более поздний стиль – легче, хотя и достаточно перегружен дополнительными декоративными элементами. Антропоморфная фигура Лансона выполнена в натуралистическом стиле, даже несмотря на то, что она изображает демона с огромными клыками, волосами, напоминающими змей, когтями вместо ногтей и внушает ужас смотрящему на нее. На обелиске, который, возможно, находился в центре круглого двора старого храма, изображены две чудовищных рептилии (крокодилы), туловища которых состоят из растений, животных и фантастических зооантропоморфных существ, без каких-либо дополнительных элементов орнамента, не считая сложности самих образов. В более позднюю эпоху изображения божеств и каких-либо других фигур, вырезанные на каменных плитах, включают сложные дополнительные элементы, представляющие собой спирали, клыки и т.д., так что в некоторых случаях эти части рельефов кажутся основными.

Однако без учета данных стилистических изменений, наиболее важной особенностью является способ представления изображений. Эти кажущиеся свирепыми божества с антропоморфными чертами наделяются устрашающими и смертоносными атрибутами внушающих ужас существ, а если они представлены в зооморфных образах, то в них наиболее явно подчеркиваются те элементы, которые символизируют уничтожение: изогнутые клыки у змей или рептилий, перекрещивающиеся клыки и когти хищников из семейства кошачьих и когти хищных птиц, таких как сокол или орел. По-видимому, все это, включая злобное выражение на лицах фигур и отталкивающее изображение волос и бровей в виде извивающихся, скручивающихся в кольцо змей, было рассчитано на то, чтобы вызвать у зрителя страх. Изображение этих монстров на стенах храма, издающего громоподобные звуки, и символика, напичканная элементами, определенно направленными на устрашение людей для того, чтобы добиться повиновения с их стороны, были внешним выражением чрезвычайно сложной структуры власти (здесь можно назвать ее религиозной или теократической), под влиянием которой находилось множество сообществ на обширной территории побережья, сьерры и высокогорных плато, покрытых джунглями.

Тем не менее влияние культуры чавин, которое стало наиболее сильным приблизительно к 700 г. до н.э., явно не могло быть основано только на ритуальных атрибутах,

каким бы обширным ни был их комплекс, вся эта сложная система обрядов в целом была только фоном, на котором обслуживающие храм жрецы, специально обученные механике, гидравлике и другим полезным наукам того времени, осуществляли технологические и магические функции. «Оракул», который был признанным авторитетом в Чавине, почитался, хотя и в остаточных формах, вплоть до XVII в. н.э.: один испанский переселенец написал в 1616 г., что «неподалеку от города Чавин находится огромное и очень впечатляющее здание, построенное из камней, украшенных рельефом; это «*гуака*»³ или одно из наиболее знаменитых языческих святилищ, как для нас Рим или Иерусалим, куда индейцы приносили дары и жертвоприношения, поскольку демон, который жил в этом месте, проносил предсказания и пророчества» (*Vasquez de Espinosa*, 1948, p. 458). Наличие такого положения дел в эпоху, когда Чавин был на вершине власти, объясняет, почему сюда приносились дары из разных мест, расположенных от него на расстоянии в несколько сотен километров.

Однако Чавин славится не только тем, что здесь находился оракул, к которому стекались паломники из тысяч мест для поклонения и за советами и предсказаниями. Важным фактором является и наличие божеств, а также создателей их изображений – архитекторов и искусных мастеров Чавина в других местах. В Чавине был построен не единственный храм такого типа, хотя он и наиболее впечатляющий из всех тех, которые нам известны. Как уже говорилось выше, в каждой долине и в каждом регионе находился подобный церемониальный комплекс, и керамика и иконографическая система каждого из этих храмов может рассматриваться как относящиеся к модели Чавина, хотя они и не полностью идентичны гончарным изделиям и иконографии Чавина. Это не просто имитация стилистических и формальных особенностей, т.е. тех же предметов и того же подхода к ним. На самом деле, многие особенности, приписываемые архитектуре и искусству Чавина, были явно получены в результате взаимодействия между регионами. Таким образом, некоторые из предшествующих Чавину технологий и искусств можно обнаружить как на побережье, в Лиме и Анконе, Касме и Непенье, а также в Кальехон-де-Уайлас, так и, возможно, в восточных и северных Андах и в районе Куписпике.

Храмам, представляющим в плане латинскую букву U, открытая часть которой обращена к лучам Солнца, придавалась наибольшая важность (в некоторых случаях она обращена к востоку, а в некоторых случаях – к западу), они становятся символами цивилизации. Подобные строения были наиболее распространены в долинах современного департамента Лимы: в долине Чильон было два или три таких храма; в долине Римак мы знаем о существовании трех, а в долине Лурин их было более трех. Все они очень похожи друг на друга, если не полностью идентичны: одинаковая ориентация, размер, форма конструкции.

Лучше других известен храм в Гарагас, расположенный в низменности, в месте пересечения долин Чильон и Римак, т.е. там, где в настоящее время находится северная часть г. Лимы. Этот храмовый центр состоит из пяти небольших насыпей, организованных в треугольник вокруг обширной открытой территории, 415 м в длину и 215 м в ширину, центральная ось проходит в направлении северо-северо-восток – юг-юго-запад. Центральная пирамида, состоящая из массивных ступенчатых платформ, расположена в южной стороне этой открытой местности, ее длина 38 м, ширина – 155 м и высота – 23 м – в центральной части, четырехугольной по форме. Боковые стены чуть ниже: западная стена – 260 м длиной, 115 м шириной и только 9 м высотой, а восточная стена – 140 м длиной, 40 м шириной и едва достигает 6 м в высоту. На открытой местности было сооружено несколько углублений, круглых внутренних дворов, а внутри пирамиды или центральной платформы расположен атриум, напоминающий ат-

риум в Чавине. Он также имеет U-образную форму и отделан великолетными фризами, вылепленными на обмазанных глиной стенах, окрашенными яркими акварельными красками и украшенными рельефом в стиле Чавина. Вереница этих рельефных фигур обращена к центру, как и в Чавине.

В восточной части храма, где также проводились раскопки, были обнаружены другие фризы и вылепленные из глины рельефы, которые, с учетом присутствия в них морских мотивов, скорее всего, были связаны с религиозными культами, распространенными на побережье. Некоторые из этих фризов свидетельствуют о контактах с районом Куписнике на севере.

Наличие элементов, характерных для Куписнике, как в самом Чавине, так и во всей зоне его влияния, явно указывает на то, что культура куписнике была тесно связана с культурой чавин. И действительно, все данные свидетельствуют о том, что так и было на самом деле, поскольку предметы, относящиеся к культуре куписнике, были обнаружены во многих местах, находящихся под влиянием чавин. Кроме того, сходство, обнаруживаемое между некоторыми из таких остатков, привело к тому, что эти две культуры отождествлялись до той степени, что до последнего времени керамику куписнике называли типичной для искусства чавин классического периода. Некоторые археологи, однако, всегда могли различить между собой предметы двух культур, но в то же время они рассматривали искусство куписнике как стиль «прибрежной культуры чавин», но в настоящее время эта точка зрения считается ошибочной. Она неверна не только потому, что культура чавин также господствовала на побережье, в департаментах Лимы и Анкаса, но и потому, что влияние культуры куписнике распространилось в удаленных от моря районах – на высокогорных плато Кахамарки и Трухильо.

КУЛЬТУРА КУПИСНИКЕ И ДРУГИЕ КУЛЬТУРЫ

Начало развития культуры куписнике, как и культуры чавин, приходится на докерамический период эпохи неолита, и эта культура достигает высокой степени развития в период приблизительно с 1500 до 1000 г. до н.э. Тем не менее в той области, которую мы называем Куписнике, наблюдается меньшая степень культурного единства, чем в культуре чавин, скорее всего, в результате более слабой централизованной власти. Несмотря на то что керамика, иконография и другие археологические остатки, обнаруженные в этой области, характеризуются сходными стилистическими особенностями, у археологов возникали сильные сомнения по поводу отнесения всех этих предметов к одной культуре: в области Кахамарки встречаются такие две культурных разновидности, как пакопампа и уакалома, в районе Ламбаеке можно выделить одну субкультуру, а в долине Хекетепеке – другую. Культура куписнике в районе Чикама отличается от культурных особенностей в Виру и даже от формы той культуры, которая распространена в Моче.

Отделение всех этих культурных разновидностей в северных областях от их первоначальной зависимости от культуры чавин оказалось сложной задачей, и о них достаточно количества сведений. Возможно, местные культурные особенности имеют меньшую важность, чем общие тенденции. У нас пока еще не было возможности полностью исследовать северный район Чавина, который стал бы основной точкой, к которой сходились бы все свидетельства в этом отношении, хотя к северу от Кахамарки был обнаружен впечатляющий церемониальный центр Пакопампа, с монолитными цилиндрическими колоннами и крупными рельефами на каменных стенах, скульптурой и керамикой высокого качества. В верхней части долины Хекетепеке, в районе Кахамарки, находится храм Ла-Коппа,

или Кунтур-Уаси, который также имеет пирамидальную форму и каменную скульптуру. Археологической экспедицией был раскопан очень красивый храм «Уака-де-лос-Рейес», в Трухильо, в котором было обнаружено несколько фигур, вылепленных из глины, включая огромные головы хищников из семейства кошачьих. Возведение крупномасштабных общественных зданий, которое привело к строительству храмов и относящихся к ним построек, вероятно, имело здесь такое же значение, как и в Чавине, и являлось отражением подобного пути развития, но какого-либо культурного единства здесь не прослеживается, или, по крайней мере, оно явно не выражено.

Если попытаться выделить общие особенности культуры куписнике, то выяснится, что сама по себе скульптура куписнике уже является особенностью, которая отличает эту культуру от культуры чавин, поскольку характерной чертой последней является обработка камня, а не скульптура как таковая. Статуи в Пакопампе и Кунтур-Уаси представляют собой объемную скульптуру, а не просто являются декоративными архитектурными элементами. Подчеркнутое внимание к скульптуре обнаруживается и в керамике, которая характеризуется не только гравированными или вырезанными изображениями в стиле, предпочитаемом художниками Чавина, но и тем, что из глины очень часто лепили статуэтки, изображающие людей, животных и растения. Эта особенность по сути является достаточно обобщенной, так как глиняные изделия, предназначенные для хозяйственного использования, как правило, имеют красивую форму и украшены резными изображениями.

Единство наилучшим образом прослеживается в иконографии. Если основными образами искусства культуры чавин являются настоящие чудовища, деспотичные, внушающие ужас плоды воображения, то образная система культуры куписнике стремится к натурализму, почти к портретному сходству, и ни в коем случае не является эзотерической, за исключением нескольких стилизованных изображений существ, которые, правда, не обязательно являются свирепыми. Можно почти с уверенностью считать, что если в этом искусстве появляются устрашающие элементы, то это – результат контактов с культурой чавин. Хищники из семейства кошачьих, змеи и, в меньшей степени, возможно, орлы являются постоянно повторяющимися образами на культурных предметах, хотя способы их изображения отличаются от тех, которые были характерны для искусства чавин. На самом деле идея государства Куписнике – в какой бы форме оно ни существовало – не была точно определена, как в случае Чавина, даже несмотря на то что там, скорее всего, сложились такие же условия. Есть свидетельства широкого использования излишков для строительства общественных зданий (хотя и в меньшем масштабе, чем в Чавине) и содержания людей, посвятивших себя служению в храмах. Были обнаружены свидетельства существования обмена сырьем и предметами роскоши между территориями, находившимися на больших расстояниях друг от друга, а также тенденции к культурному единству до такой степени, что мы можем говорить о существовании общей религии.

Таким образом, культура куписнике служит критерием оценки всего культурного процесса, изучение которого проводится в настоящее время, и предоставляет ряд свидетельств о развитии сложной цивилизации, которая на юге граничила с территорией культуры чавин, а на севере – с мощной неолитической культурой чоррера, распространенной на том месте, где появилась древнейшая известная в Андах керамика вальдивийской культуры. Культура чоррера, как и куписнике, с которой она имела некоторую связь, отличается своими колоритными глиняными изделиями, в основном представляющими по форме скульптурные произведения, но, насколько нам известно, здесь никогда не была развита социальная структура, выходящая за рамки сельского образа жизни.

Связь, которую поддерживала культура чоррера с куписнике и чавин, была в основном сосредоточена на обмене моллюсками мулли (*mulu*, *Spondylus princeps*), которую пользовались большим спросом в Центральных Андах. По-видимому, представители этой культуры были главными поставщиками таких моллюсков и передавали их и на юг через регион Каньяр, благодаря чему в этот период распространилась культура наррио. Оба народа – наррио и чоррера – активно участвовали в товарообмене, хотя ни один из них не перешел на стадию развития, следующую за образом жизни, сосредоточенным вокруг поселения. То же самое могло бы произойти и с народами куписнике, но им удалось перейти на более высокую стадию развития, с церемониальными центрами, в которых трудились люди, овладевшие специальными знаниями. Уже упоминалось о том, что в области распространения культуры чавин была обнаружена керамика куписнике, и хотя некоторые предметы, как и те, которые были найдены в Чавин-де-Уантаре, обнаруживаются и в центре Анкона, сюда они могли попасть просто в результате товарообмена.

Другие народы, например, в Котоше и Сьерра-де-Уанакко, к востоку от Чавина, по-видимому, достигли подобной стадии развития, хотя нет точных данных о территории, которую они занимали, и о том, создали ли они политическую и хозяйственную систему или продолжали вести неолитический сельский образ жизни.

Те же самые процессы наблюдаются и в южных областях, на высокогорных Андийских плато (пуно) и обширных пустынных территориях. Тем не менее в отличие от района Куписнике и Котоша, где развитие шло в определенной местной форме, неолитическая культура на юге проявилась лишь в ограниченной форме, и, видимо, все указывает на то, что даже появление керамики, которое определенно предшествовало распространению влияния культуры чавин, не вызвало здесь каких-либо крупных изменений. С другой стороны, распространение влияния чавин в районах Ики и Аякучо дало начало процессу перехода к более сложным формам общественного устройства, что можно проследить на примере развития культуры паракас.

Паракас, как и куписнике, является самобытной культурой и, по сути, имеет столько отличительных особенностей, что археологам было трудно согласиться с тем, что она образовалась под влиянием контактов с Чавином. Сельское хозяйство в районе Ики было сосредоточено вокруг оазисов и значительно отличалось от земледелия, основанного на крупномасштабных системах орошения в долинах к северу от Лимы. Район Аякучо также является засушливой зоной с небольшим количеством водоемов и гораздо меньшим количеством сельскохозяйственных ресурсов, чем на всей территории сьерры в Мараньонских Андах. Развитие сельского хозяйства, основанного на выращивании кукурузы, как на севере, было невозможно в таких природных условиях, и вместо этого здесь выращивали картофель и занимались разведением крупного рогатого скота, который обеспечивал *kawsaj*⁴.

Распространение влияния культуры чавин в этой области, естественно, не было связано с тем, что каста жрецов пыталась найти здесь источники пропитания. С другой стороны, из Уанкавелики и Аякучо можно было привозить обсидиан, а шерсть и хлопок хорошего качества – из Ики, и представляется вероятным, что контакты Чавина с этими регионами объяснялись желанием добыть сырье для производства предметов роскоши. И это было не только возможностью: храмы действительно нуждались в таких контактах. Если контакты были основаны именно на этом, то тем же можно объяснить характер и формальные особенности культуры паракас, в которой проявились многие характерные черты иконографии чавин на фоне самобытного характера этой культуры.

Мы не знаем, было ли у представителей культуры паракас много храмов и когда они начали их строить. Несколько церемониальных центров было обнаружено в Чинке, но они датируются периодом после VI в. до н.э. Комплекс Серрильос в Ике, датируемый более древней эпохой, представляет собой достаточно грубо сложенное сооружение с использованием глины в небольшом количестве, и он, скорее всего, был построен сравнительно небольшой группой неопытных строителей. Храм в Серрильос, по сути, мог быть работой местной общины или даже результатом совместного труда нескольких семей. Храм Уичкана в Аякучо, строительство которого, вероятно, было начато до распространения здесь влияния Чавина, – тоже не очень большое сооружение, а храм Чупас, находящийся в этой же высокогорной долине Аякучо, возможно, был построен общими усилиями одной общины. Чупас, появившийся в период распространения здесь культуры чавин, представляет собой сооружение, возможно, включающее в себя не один храм в форме пирамиды или платформы. И хотя возникает предположение, что эти здания были построены в разные периоды, но в конструкции ни одного из них не отражается мастерство высокого уровня или признаки централизованной планировки, а при их постройке не использовалось ничего кроме совместного труда общины. Во всех этих случаях мы имеем дело с обществами, которые находились на границе с зонами влияния Чавина. Культура паракас приобрела определенное значение только много веков спустя, незадолго до ее упадка и слияния с культурой наска. Самых по себе нововведений, например, многоцветной керамики, которая покрывалась росписью после обжига, или использования шерсти для изготовления разноцветных тканей, недостаточно для того, чтобы можно было сделать какие-то предположения об уровне развития этой культуры, которого она, возможно, так никогда и не достигла. Кроме того, вероятно, сельский образ жизни остался основной формой общественного устройства, характерной особенностью которой является организация небольших поселений группами людей. Только потом эти поселения развились в городские центры, характер которых отличался от городов, образовавшихся под влиянием Чавина.

Как и зона куписнике, которая граничила на севере с такими неолитическими культурами, как чоррера и наррио, культура паракас имела плохо очерченные границы с неолитическими общинами на юге: Маркавалье и Калуйу – в департаментах Куско и Пуно, Чирипа – на юге Титикаки, Уанкарани – в департаменте Боливии Оруро и Фальдасдель-Морро – на севере Чили.

Эти южные неолитические культуры, помимо многих других отличительных особенностей, например, хозяйства, основанного на скотоводстве, сделали значительный шаг вперед: они научились использовать и обрабатывать металлы – золото и медь. Таким образом, эти культуры принадлежали в некоторой степени к эпохе энеолита. Насколько нам известно, в Чавине, так же, как и в Паракасе и Куписнике, металлургия была не известна приблизительно до начала I тысячелетия до н.э.

Древнейшие остатки металлических предметов были обнаружены в местонахождении Уайуака, в Андауайлас, к югу от Аякучо. Это были чеканные листы золота, полученные с помощью специальных орудий (*Grossman*, 1972, р. 270), включая каменную наковальню и молот, предназначенный для этой цели и имеющий специальную форму. Эти находки были датированы с помощью радиоуглеродного анализа периодом с 1700 по 1300 г. до н.э. или даже раньше, если основываться на уточненной датировке Гроссмана (*Grossman*, 1983, р. 58), который относит соответствующие находки к периоду с 2180 до 1115 г. до н.э.⁵ Культуре, к которой относятся эти предметы, было дано название «муйу-моко», и она определенно не относилась к культуре чавин (по сути, она ей предшествует) и развилась на

ограниченной территории, включающей Андауайлас и Аякучо (этап Ранча), а также оказала влияние на южное побережье (этап Ача) в Акари, к югу от Ики. Согласно Гроссману, муйу-моко представляла собой относительно примитивную культуру, основанную на сельском образе жизни, с развитой керамикой, которая, хотя и изготавлялась в основном для хозяйственных нужд, была хорошего качества. Здесь не было обнаружено свидетельств существования сложных форм общественного устройства, хотя и очевидно, что торговые контакты этой культуры простирались на далекие расстояния, вплоть до побережья, откуда привозили раковины (море находилось на расстоянии более 250 км), до Аякучо и Уанкавелики, откуда привозили обсидиан, а также на далекий юг (Мокегуа или в северную пустыню Чили – в район Сан-Педро-де-Атакама), откуда привозили лазурит и бирюзу. Вместе с золотом здесь были обнаружены все эти камни в форме бусин для ожерелий.

Еще южнее, неподалеку от оз. Титикака, было обнаружено свидетельство, связывающее с культурой уанкараниде-оруро, указывающее на то, что к I тысячелетию до н.э. (*Ponce Sangines*, 1970) или по крайней мере в период с 1000 до 500 г. до н.э., в эпоху чрезвычайно высокого уровня развития неолитической культуры, на перуанско-болливийском высокогорном плато – Альтиплано – выплавляли изделия из меди.

Медь и золото определенно не использовались в широком масштабе. Каких-либо ремесел, занимающихся обработкой этих металлов, не существовало, и они не дали начало определенной системе хозяйства. Появление металлургии не привело к переходу к «веку металлов» с последствиями, подобными тем, которые имели место в Старом Свете. На самом деле, металлургия развивалась в передовых культурах севера, где гораздо позднее, в первую очередь появляются изделия из золота, но и здесь обработка металлов не имела значительных последствий. В Чавине и Куписнике золото появилось приблизительно в 1000 г. до н.э., а медь – только около 700 г. до н.э.

Культуры чирипа и калуу, которые развились в районе оз. Титикака, в южной части Альтиплано на высокогорных Андийских плато, на высоте более 3600 м, без сомнения, были наиболее высокоразвитыми культурами в этом регионе. Другие относительно примитивные неолитические культуры, расположенные к востоку и западу, а также и к югу от Альтиплано, находились на более низких стадиях развития. Этим степным культурам явно приходилось преодолевать значительные трудности для своего жизнеобеспечения; земледелие было достаточно ненадежным способом добычи пищевых ресурсов и, естественно, дополнялось охотой, рыболовством и собирательством. Тем не менее эти культуры достигли больших успехов в изготовлении текстильных и гончарных изделий, а также в использовании и обработке меди. С другой стороны, в районах Чирипа и Калуу наблюдался значительный рост численности населения, и были обнаружены некоторые свидетельства, что там существовали коллективные постройки, выходящие за рамки чисто бытовых, например, храмы и общественные здания.

Система хозяйствования на этой территории была главным образом основана на скотоводстве – выпасе лам и альпак, которые обеспечивали местное население мясом, а также шерстью для изготовления тканей и высококачественной кожей. Скотоводство могло дополняться выращиванием корнеплодов (картофеля и таких местных растений, как *olluco*, *oca* и *masbwa*) и таких культур, как, например, квиноа и канива или таких видов растений, как амарант (*kiwicha*). Все эти растения в совокупности были основой питания местного населения, хорошо сбалансированного по содержанию углеводов и животных белков.

Тем не менее климат в этой области – чрезвычайно суровый. Несмотря на то что времена года здесь определяются в соответствии с периодом дождей (три месяца) или

засухи (девять месяцев), большая разница температур наблюдается не в разные сезоны, а скорее в разное время суток. Так, например, на протяжении всего года в этой области днем стоит летний зной, а ночью – зимняя стужа, и в то же время разница температур между летним и зимним периодом не превышает 1–2 °С. Это значительно затрудняло возможность заниматься сельским хозяйством, помимо высоты и проблем добычи воды. Годовой уровень осадков составляет в среднем от 200 до 700 см, и они выпадают здесь нерегулярно – в течение трех месяцев, и, кроме того, годы чрезвычайно обильных ливней чередуются с долгими годами засухи. Несмотря на сложности, возникающие при попытке приспособиться к таким природным условиям, народы, населяющие Альтиплано, смогли создать здесь стабильную систему хозяйствования уже в эпоху неолита и достигли еще большего успеха после V в. до н.э., с началом процесса образования городов в культуре пукара, а затем в культуре тиауанаку.

По сути, к этим суровым природным условиям люди умело адаптировались; так, местное население воспользовалось преимуществом морозных ночей и дневных подъемов температуры для обезвоживания сочной мякоти пищевых ресурсов, которые можно было хранить в таком виде в течение длительного времени и легко перевозить (обезвоженный картофель, или *chuno*, обезвоженное мясо, или *charki*, и т.д.).

В соответствии с имеющимися данными, ни один из этих народов не жил в изоляции, и между севером и югом, западом и востоком установились обширные сети товарообмена, которые тянулись на сотни километров по пустыням и бескрайним просторам холодных сухих степей. Таким образом, Паракас всегда имел контакты с Куско и Пуно, т.е. с культурами маркавалье и калуу, а также чирипа. Это служит объяснением факта обмена знаниями, технологиями и продуктами между народами.

Такое положение дел обеспечило возможность значительной экспансии культуры чавин в период приблизительно с 700 до 500 г. до н.э., т.е. к концу рассматриваемой эпохи. Возникает предположение, что Чавин стал государством-завоевателем, хотя у нас и нет явных свидетельств, доказывающих, что это было на самом деле. В результате обнаружения керамики одного и того же типа и изображений определенных божеств в иконографии разных мест известно лишь то, что сфера влияния Чавина распространилась на всю область Куписника, а также на Аякучо и Ику. В этот период она также распространилась и в северных Андах, вплоть до района Каньяр в Эквадоре. Тем не менее она не вышла за пределы района Паракас на юге, и границами культуры чавин считаются долины Аякучо и Ика.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Bischof* (1980, p. 383, note 108): (1–7076) 5010 ± 120 гг. до наст. в.; (1568–142) 5000 ± 190 гг. до наст. в.; (1–7075) 4920 ± 120 гг. до наст. в.; (15GS-146) 4750 ± 120 гг. до наст. в.

² Датировка углеродным анализом в Уака-де-лос-Сакрифисиос (без поправок): (UCR-242) 3950 + 150, (UCR-243) 4060 + 150; (UCR-244) 4150; 150 (GX-3862) 4260 + 150 гг. до наст. в. Эти даты с поправками были бы следующими: 2533, 2674, 2790 и 2930 гг. до н.э.

³ *Guaca* – термин из языка кечуа, который означает «святылище».

⁴ *Kawsay* – слово из языка кечуа, под которым подразумевается пища или питание; средства, обеспечивающие выживание.

⁵ Известными датами, определенными радиоуглеродным анализом, являются следующие (*Grossman*, 1972):

UCLA – 1808E – Углерод – 3550 ± 100 гг. до наст. в.

UCLA – 1808A – Углерод – 3440 ± 100 гг. до наст. в.

UCLA – 1808J – Углерод – 3185 ± 160 гг. до наст. в.

UCLA – 1808D – Углерод – 2200 ± 430 гг. до наст. в.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BECK, C. M. 1979. Ancient Roads on the North Coast of Peru. Berkeley, Calif. (PhD thesis.)
- BIRD, J. 1948. Preceramic Cultures in Chicama and Virú. Mem. Soc. am. Archaeol. (Menasha. Wis.), No. 4, pp. 21–8.
- BIRD, J.; HYSLOP, J. 1985. The Preceramic Excavations at the Huaca Prieta, Chicama Valley, Peru. New York. (Anthropol. Pap. am. Mus. nat. Hist., 62, pt 1.)
- BISCHOF, H. 1980. San Pedro und Valdivia – Frühe keramikkomplexe an der Küste Südwest-Ekuadors. Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Vol. 1, Deutsches Archäologisches Institut, V. C. H. Beck.
- BONAVIA, D. 1982. Los Gavilanes. Mar, desierto y oasis en la historia del hombre. Lima.
- BONNIER, E.; ZEGARRA, J.; TELLO, J. C. 1985. Un ejemplo de cronoestratigrafía en un sitio con super-posición arquitectónica – Piruru – Unidad I/II. Bull. Inst. français Étud. and in. (Lima), Vol. 14, No. 3/4, pp. 80–101.
- BUENO, A.; GRIEDER, T. 1979. Arquitectura precerámica en la sierra Norte. Espacio (Lima), No. 5.
- BURGER, R.; SALAZAR, L. 1985. The Early Ceremonial Center of Huaricoto. Early Ceremonial Architecture in the Andes. Washington, D. C.
- DAMP, J. 1979. Better Homes and Gardens: The Life and Death of the Early Valdivia Community. Calgary. (PhD thesis.)
- 1985.
- ENGEL, F. 1957. Sites et établissements sans céramique de la côte péruvienne. J. Soc. Am. (Paris), N. S., Vol. 46, pp. 67–155.
- 1958. Algunos datos con referencia a los sitios precerámicos de la costa peruana. Lima, (Arqueol., 3.)
- 1963. A Preceramic Settlement on the Central Coast of Peru: Asia, Unit I. Trans. am. philos. Soc. (Philadelphia, Pa.), N. S., Vol. 53, pt 3.
- 1966. Le complexe précéramique d'El Paraiso (Perou). J. Soc. Am. (Paris), N. S., Vol. 55-1, pp. 43–95.
- FELDMAN, R. A. 1980. Aspero, Peru: Architecture, Subsistence Economy and Other Artifacts of a Preceramic Maritime Chiefdom. Cambridge, Mass. (PhD thesis.)
- FUNG PINEDA, R. 1969. Las Aldas: su ubicación dentro del proceso histórico del Perú antiguo. Dédalo, Rev. Arte Arqueol. (São Paulo), Vol. 5, No. 9–10, pp. 5–208.
- 1972. El temprano surgimiento en el Perú de los sistemas socio-políticos complejos: Planteamiento de una hipótesis de desarrollo original. Apunt. Arqueol. (Lima), Vol. 2, pp. 10–32.
- GROSSMAN, J. 1972. An Ancient Gold Worker's Tool Kit. The Earliest Metal Technology in Peru. Archaeol. (New York), Vol. 25, No. 4, pp. 270–5.
- 1983. Demographic Change and Economic Transformation in the South-Central Highlands of Pre-Huari, Peru. Nawpa Pacha (Berkeley, Calif.), Vol. 21, pp. 45–126.
- IZUMI, S.; SONO, T. 1963. Excavations at Kotosh, Peru. Andes 2. Tokyo.
- IZUMI, S.; TERADA, K. 1972. Excavations at Kotosh, Peru, 1963 and 1966. Andes 4. Tokyo.
- LANNING, E. P. 1960. Chronological and Cultural Relationships of Early Pottery Styles in Ancient Peru. Berkeley, Calif. (PhD thesis.)
- 1967. Peru Before the Incas. Newark, N. J.
- LATHRAP, D. W. 1974. The Moist Tropics, the Arid Lands, and the Appearance of Great Art Styles in the New World. In: KING, M.; TRAYLER, J. (eds), Art and Environment in Native America. Austin, Tex. pp. 115–58.
- LATHRAP, D. W.; COLLIER, D. 1976. Ancient Ecuador, Culture, Clay and Creativity, 3000–300 B.C. Chicago.
- LUMBRERAS, L. G. 1971. Towards a Reevaluation of Chavín. In: CONFERENCE ON CHAVÍN, Washington, D. C. Acts. Washington, D. C. pp. 1–28.
- 1974. The Peoples and Cultures of Ancient Peru. Washington, D. C.
- LUMBRERAS, L. G.; GONZALÉZ, C.; LIETAER, B. 1976. Acerca de la función del sistema hidráulico de Chavín. Lima.
- MACNEISH, R.; NELKEN-TERNER, A.; GARCIA COOK, A. 1970. Second Annual Report of the Ayacucho Archaeological-Botanical Project. Andover, Mass.
- MACNEISH, R. S. et al. 1981. Prehistory of the Ayacucho Basin, Peru. Vol. II: Excavation and Chronology. Ann Arbor, Mich.
- MACNEISH, R. S.; PATTERSON, T. C.; BROWMAN, D. L. 1975. The Central Peruvian Prehistoric Interaction Sphere. Andover, Mass. (Pap. Peabody Fond. Archaeol., 7.)
- MARCOS, J. 1973. Tejidos hechos en telar en un contexto Valdivia Tardío. Cuad. Hist. Arqueol. (Guayaquil), Vol. 40, pp. 163–76.
- MEGGERS, B. J.; EVANS, C.; ESTRADA, E. 1965. Early Formative Periods of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases. Washington, D. C. (Smithsonian Contrib. Anthropol., 1.)
- MENZEL, D.; ROWE, J. H.; DAWSON, L. 1964. The Paracas Pottery of Ica: A Study in Style and Time. Berkeley/Los Angeles.
- MOSELEY, M. E. 1975. The Maritime Foundations of Andean Civilization. Menlo Park, Calif.
- MOSELEY, M. E.; BARRET, L. K. 1969. Change in Preceramic Twined from the Central Peruvian Coast. Am. Antiq. (Washington, D. C.), Vol. 34, No. 2, pp. 162–5.
- PATTERSON, T. 1971. The Emergence of Food Production in Central Peru. In: STUEVER, S. (ed.). Prehistoric Agriculture. New York. pp. 181–207.
- PATTERSON, T.; MOSELEY, M. E. 1978. Phytolith Analysis of Archeological Soils: Evidence for Maize Cultivation in Formative Ecuador. Science (Washington, D. C.), Vol. 199, No. 4325, pp. 177–8.
- PONCE SANGINÉS, C. 1970. Las culturas Wankarani y Chiripa y su relación con Tiwanaku. La Paz. (Publ., 25.)
- POZORSKI, S.; POZORSKI, T. 1979. Alto Salaverry: A Peruvian Coastal Preceramic Site. Ann. Carnegie Mus. (Pittsburgh, Pa.), Vol. 48, Art. 19, pp. 337–75.
- RAVINES, R.; ISBELL, W. H. 1976. Garagay: sitio temprano en el valle de Lima. Rev. Mus. nac. (Lima), Vol. 41, pp. 253–72.
- ROSAS LANOIRE, H. 1970. La secuencia cultural del período formativo de Ancón. Lima. (BA thesis.)
- ROSAS LANOIRE, H.; SHADY, R. 1970. Pacopampa, un centro formativo en la sierra nor-peruana. Seminario de Historia Rural Andina, Lima. Actas. Lima.
- ROWE, J. H. 1967. Form and Meaning in Chavín Art. In: HOWE, J. H.; MENZEL, D. (eds), Peruvian Archaeology: Early Selected Readings. Los Angeles, pp. 72–103.
- SMITH, E. 1980. Vegetation and Land Use Near Guitarrero Cave. In: LYNCH, T. (ed.), Guitarrero Cave, Early Man in the Andes. New York. pp. 65–83.
- STOERTHER, K. 1976. The Early Prehistory of the Santa Elena Peninsula, Ecuador. In: CONGRESO INTERNACIONAL DE AMERICANISTAS, 41., MÉXICO, 1974. Actas. Mexico, D. F. Vol. 2, pp. 88–98.
- STRONG, W. D.; EVANS, C. 1952. Cultural Stratigraphy in the Virú Valley, Northern Peru. New York. (Stud. Archeol. Ethnol., 4.)
- TELLO, J. C. 1942. Origen y desarrollo de las civilizaciones prehistóricas andinas. In: CONGRESO INTERNACIONAL DE AMERICANISTAS, 27, LIMA, 1939. Actas. Lima.
- 1956. Arqueología del valle de Casma. Lima.
- 1960. Chavín: Cultura matriz de la civilización andina. Lima.
- TERADA, K.; ONUKI, Y. 1982. Excavations at Huacaloma in the Cajamarca Valley, Peru, 1979. Tokyo.
- 1985. The Formative Period in the Cajamarca Basin, Peru: Excavations at Huacaloma and Layzon, 1982. Tokyo.
- VASQUEZ DE ESPINOZA, A. 1948 (1629). Compendio y descripción de las Indias Occidentales. Washington, D. C.
- WENDT, W. E. 1964. Die präkeramische Siedlung am Rio Seco, Peru. Baessler Arch. (Berlin). Vol. 9, No. 36, pp. 225–75.
- WILLIAMS, C. 1980. Arquitectura y Urbanismo en el Antiguo Perú. In: Historia del Perú. Lima. Vol. 8, pp. 367–585.
- WING, E. 1977. Animal domestication in the Andes. In: REED, C. (ed.). Origins of Agriculture. The Hague/Paris, pp. 837–59.
- ZEIDLER, J. A. 1984. Social Space in Valdivia Society: Community Patterning and Domestic Structure at Real Alto, 3000–2000 B.C. Urbana, Ill. (PhD thesis.)

Лаутаро Нуньес

Обширную территорию, которую занимают Анды, можно условно разделить на четыре региона: центрально-южный, южный (область западных долин), крайний южный и Патагонию. Эти регионы охватывают южную часть Перу, Боливии, северо-запад Аргентины и Чили (карта 29). Области Анд и Тихоокеанского побережья, от пустыни до субантарктической степи, характеризуются разнообразием природных условий, которые способствовали зарождению и развитию здесь различных культур.

Народы, живущие за счет охоты и собирательства на центральных и южных плоскогорьях, в рассматриваемый период начали заниматься двумя видами деятельности – разведением лам и земледелием. В долинах, расположенных к востоку и западу от горных вершин, преобладал субтропический тип сельского хозяйства, а в тихоокеанской области традиционными видами деятельности были рыболовство и специализированное собирательство.

Это повлияло на развитие цивилизации в южном регионе и, частично, на крайнем юге, где охота и специализированное собирательство сохранились благодаря изобилию диких растений и животных. Еще южнее, в Патагонии, такие виды деятельности переходного типа приобрели абсолютно другой характер: скудость растительности и, напротив, изобилие травоядных животных в этом районе привели к тому, что наряду с активным использованием прибрежных ресурсов охота стала здесь основным занятием вплоть до исторических времен.

Так называемая неолитическая революция сильнее всего повлияла на образ жизни народов, населяющих северные районы с засушливым и полузасушливым климатом, где склоны Анд использовались в качестве пастбищ, а долины и оазисы были пригодны для земледелия и выращивания овощей (именно там были обнаружены древнейшие известные свидетельства существования данных видов деятельности). Это способствовало переходу к новому, более оседлому образу жизни. Благодаря ресурсам, обеспеченным близостью Тихого океана, как в дельтах рек, так и в междуречьях, образовались поселения полуоседлого типа, что, в свою очередь, привело к росту населения, а также к активизации движения товаров, ресурсов и людей вдоль побережья, в горах и в зоне тропических лесов.

Хотя изменения, произошедшие в неолите, распространились в большей части центрально-южного и южного регионов, там сохранились настоящие «этнические островки» племен охотников-собирателей-рыболовов, которых не затронул этот процесс и которые жили в местах высокой концентрации ресурсов дикой природы, например в дельтах рек, впадающих в Тихий океан, в районе горных озер, в зоне пампы и в Патагонии. Поэтому у жителей данных районов не было необходимости заниматься земледелием для обеспечения себя пищей; адаптировавшееся к таким «экстремальным» природным условиям население, плотность которого была достаточно высока, могло нормально существовать, будучи отрезанным от андийской цивилизации. Некоторые из этих «примитивных народов»

и их предков (племена уро, чанго, пеуэнче, фуэгино и она) разработали чрезвычайно сложные идеологические системы и технологии независимо от достижений в области земледелия и скотоводства.

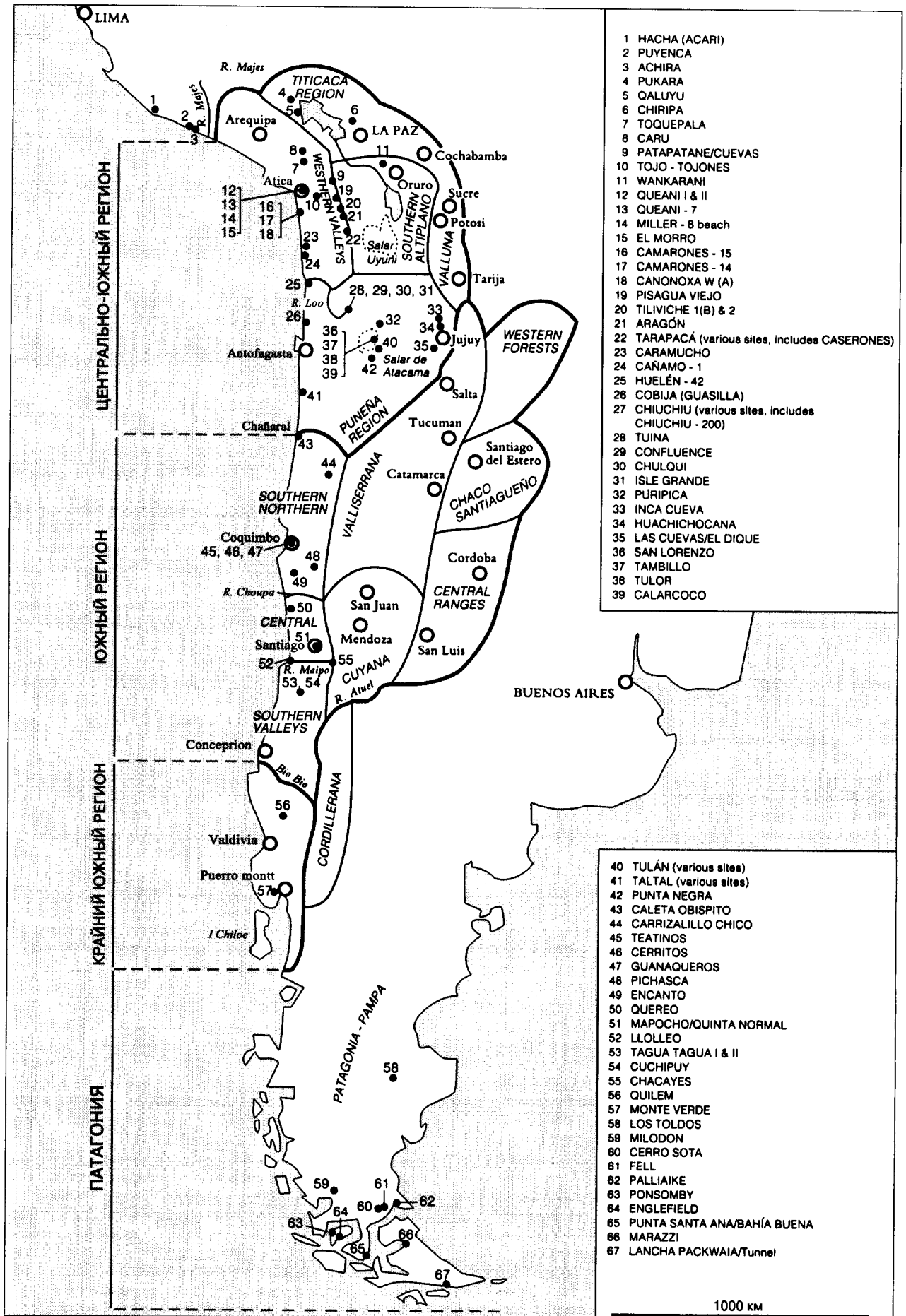
ПЛЕМЕНА, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ОХОТОЙ И СОБИРАТЕЛЬСТВОМ, И ПРОИЗВОДСТВО ПИЩИ В III–I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н.Э. (рис. 98)

В этот период на побережье Тихого океана было образовано много поселений полуоседлого типа, основная масса которых была сосредоточена в устьях рек и, в меньшей степени, на берегах рек в междуречье, причем наибольшая концентрация населения наблюдалась на побережье, в Патагонии. Несколько хорошо организованных поселений постоянного типа с жилищами круглой формы и стенами из сцементированных камней было расположено в районе между Талталем и устьем р. Лоа (место Уэлен-42, поз. 25 на карте 29); остатки других лагерей с шаткими хижинами (простыми домиками на сваях) обнаружены на обширной территории побережья рядом с компактными кучами хозяйственных отходов (рис. 99).

Прибрежные ресурсы были более надежными, поскольку здесь всегда существовала возможность выбора в случае недостатка продовольствия; таким образом, для адаптации к природным условиям на берегах водоемов, безусловно, требовалось гораздо меньше усилий, по сравнению с теми, которые приходилось затрачивать охотникам, живущим в удаленных от моря районах. Тенденция к образованию постоянных поселений на побережье наблюдалась во всем данном регионе. По сути, Тихий океан способствовал основанию постоянных поселений, однако для групп, живших здесь до I тысячелетия до н.э., был характерен полуоседлый образ жизни.

В этот период в регионе существовали базовые (первичные) места стоянок и вторичные лагеря, которые характеризовались различной степенью постоянства и находились на расстоянии друг от друга. Такое разделение обуславливалось чередованием системы нерегулярного питания, связанной с переходами с места на место, с системой добычи средств к существованию более постоянного типа – на ограниченной территории и зависящей от возможностей каждого племени обеспечивать себя необходимой пищей. Пищевые ресурсы могли пропасть или, наоборот, в изобилии появиться в определенном районе под воздействием различных природных факторов, которые никак не были связаны с вмешательством человека: в результате прихода теплого течения Эль-Ниньо, сильного прилива, подъема уровня береговых песчаных наносов, прихода больших косяков рыбы, массового прилета птиц, периодов нереста, приплода млекопитающих и т.д.

В нормальных условиях побережье, на котором были расположены базовые лагеря, обеспечивало людей разнообразными продуктами питания, позволяя добывать необ-

Карта 29. Центральнo-южный, южный, крайний южный районы Анд и Патагония: основные зоны, упоминаемые в тексте

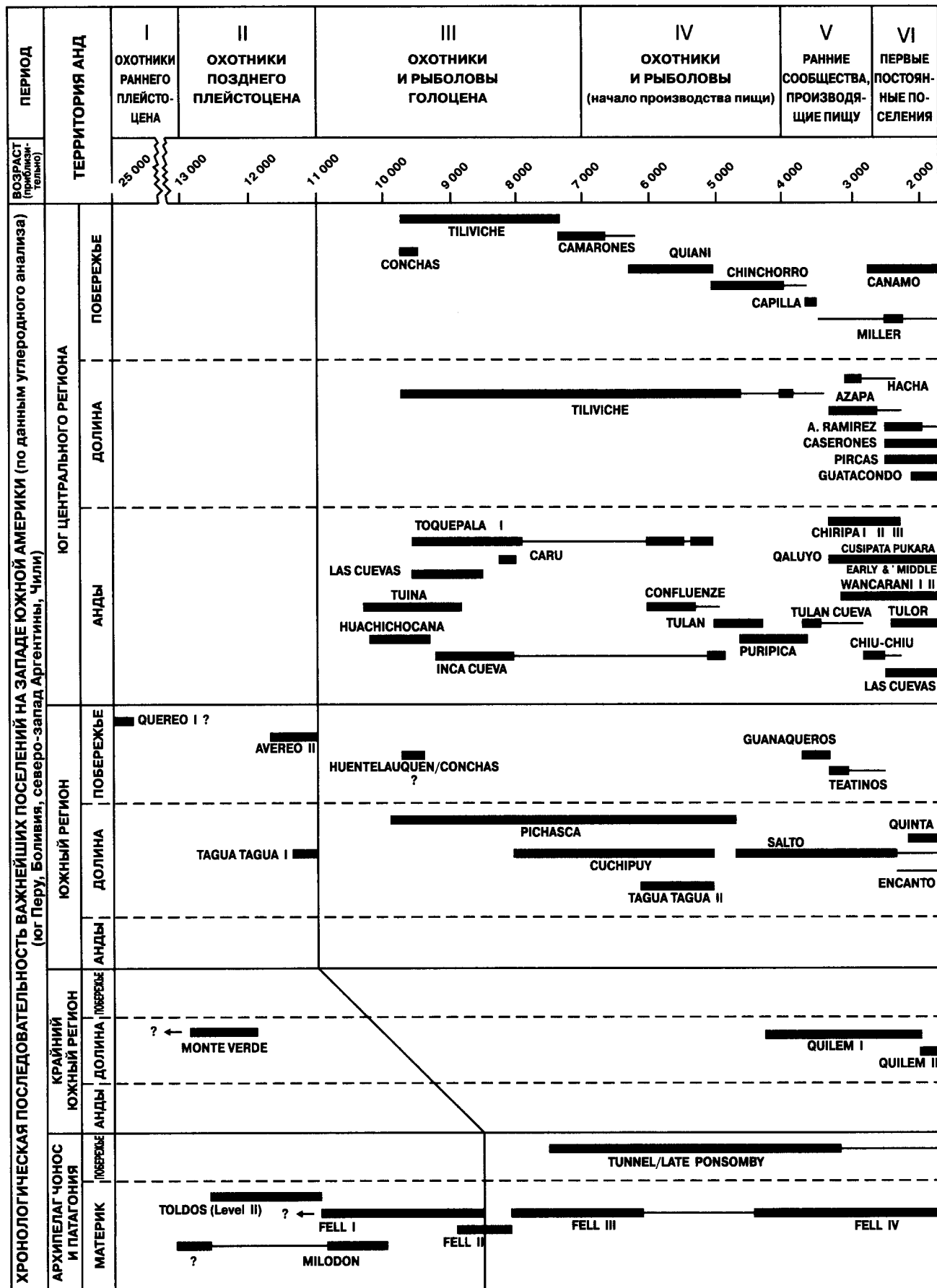

Рис. 98. Хронологическая последовательность важнейших поселений на западе Южной Америки (по данным углеродного анализа) (юг Перу, Боливия, северо-запад Аргентины, Чили)

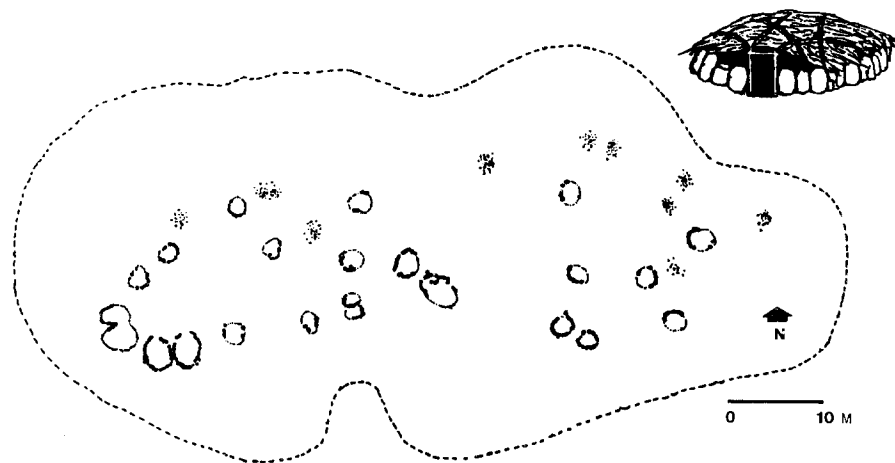

Рис. 99. Полуоседлое поселение, состоящее из круглых построек со стенами из спемментированных камней. Общины рыболовов-собирателей в устье р. Лоа; III тысячелетие до н.э. Представлена реконструкция строения (Уэлен-42, Чили; Nuñez et al., 1974)

ходимую пищу группам населения, которые в силу возраста или принадлежности к определенному полу постоянно жили на одном месте. Поскольку плотность населения в этих племенах была значительной и они вели полуоседлый образ жизни, другие группы взрослых людей специализировались на использовании потенциала тех районов, где большие запасы пищевых ресурсов обнаруживались лишь время от времени.

Благодаря тому, что некоторые группы переходили с места на место, они могли приносить в базовые лагеря пищу, добытую в удаленных районах. Что касается периодов наиболее интенсивного труда, то следует напомнить, что в зоне побережья чередуются только два времени года – лето (с октября по март) и зима (с апреля по сентябрь). Лето является периодом наибольшей активности, а зимой доступных ресурсов, пригодных для употребления в пищу, гораздо меньше. В силу сезонного характера добычи ресурсов в базовых лагерях наибольшая активность наблюдалась летом; там использовали менее сложные способы добычи пищи и вели более оседлый образ жизни. Вторичные или удаленные места стоянок, напротив, заселялись в зимний период; их жители были вынуждены переходить с места на место, прилагать значительные усилия для поиска средств к существованию и использовать более сложные технологии (например рыболовные лесы и крючки). Они также охотились на различных птиц, которые никогда не улетали с побережья. Переходы с места на место практиковались в течение всего года, но были более или менее интенсивными в зависимости от сезона. Такие переходы осуществлялись как в «горизонтальном» направлении – вдоль побережья, так и в «вертикальном» – в удаленные от моря районы. Этот образ жизни привел к тому, что одна из наиболее плодородных прибрежных областей на земном шаре стала самодостаточной, и охотники и рыболовы, живущие на побережье, наносили гораздо меньший вред окружающей среде в процессе добывания пищи, чем охотники, населяющие удаленные от моря районы (Allison, 1985).

В этот период кочевые племена охотников и собирателей, которые образовывали стоянки все дальше от побережья, стали интенсивно охотиться на водящихся в Андах животных семейства верблюдовых и в больше заниматься собирательством в долинах и оазисах. В южной части Перуанских Анд в III тысячелетии до н.э. основание новых лагерей происходило и в области Токепала (поз. 7 на карте 29), а кочевые племена осуществляли переходы из горных районов на побережье и обратно (Rawines, 1972). В это время, как можно проследить на примере поселения Сан-Николас, расположенного на юге перуанского побережья, сюда пришли охотники из горных районов, принеся с собой орудия из обсидиана, который добывался в высокогорных рудниках.

Еще южнее народы, занимающиеся охотой и собирательством и основавшие такие поселения, как Тиливиче (поз. 20), Арагоне (поз. 21), Конаноксе (поз. 18) и Тарапаче (поз. 22), расширили спектр своей деятельности, добывая пищу как на побережье, так и в оазисах внутренних районов. Другие племена – обитатели гор – поселились на окраинах пуны Атакамения на восточных склонах Анд, неподалеку от местечка Хухуй. В начале II тысячелетия до н.э. потомки охотников Уачичоканы (поз. 34) и другие племена, находящиеся на более высокой стадии развития, например, из Инка-Куэва (поз. 33), обосновались здесь в пещерах (Aguerre et al., 1975). Эти племена находились на высоком уровне культурного развития: они охотились на различных животных и занимались собирательством и культивацией растений. В процессе сезонных переходов они вступили в контакт с населением восточных субтропиков (об этом свидетельствуют обнаруженные здесь перья попугаев макао). Было даже высказано предположение, что эти племена дошли до берегов Тихого океана, поскольку их способы изготовления плетеных и тканых изделий напоминают подобные предметы рыболовов из Чинчорро.

В начале II тысячелетия до н.э. многие группы, жившие охотой и собирательством на западных склонах пуны Атакама, достигли высокого мастерства в охоте на верблюдовых и грызунов (например, в месте Тулан-52, поз. 40). Они умели изготавливать каменные жернова и обносили свои жилища круглыми каменными стенами. Эти племена использовали все ресурсы, доступные на данной территории (рис. 100).

Одному из таких народов, проживавшему на р. Пурипика (поз. 32), в III–II тысячелетиях до н.э. удалось расширить рацион питания благодаря одомашниванию животных из семейства верблюдовых. С этим племенем связывают ряд охотничьих орудий, зернотерки (ступы с коническим углублением) и микролиты треугольной формы, которые были характерны и для живших в ту же эпоху охотников Чиу-Чиу (поз. 27) и скотоводов, обосновавшихся на р. Лоа-Медио (Druss, 1977). Местные племена продолжали вести подобный образ жизни, основанный одновременно на охоте, собирательстве и одомашнивании лам, до конца рассматриваемого периода, когда они вступают в контакт с более сложными сообществами, знакомыми с гончарным делом.

На побережье центрально-южной части области Анд народы в Чинчорро образовывали в устьях рек поселения более постоянного типа уже ко II тысячелетию до н.э. Охотники и собиратели удаленных от моря районов находились с этими племенами в тесном контакте, о чем свидетельствует наличие здесь викунии и такой зерновой культуры, типичной для области Анд, как квиноа.

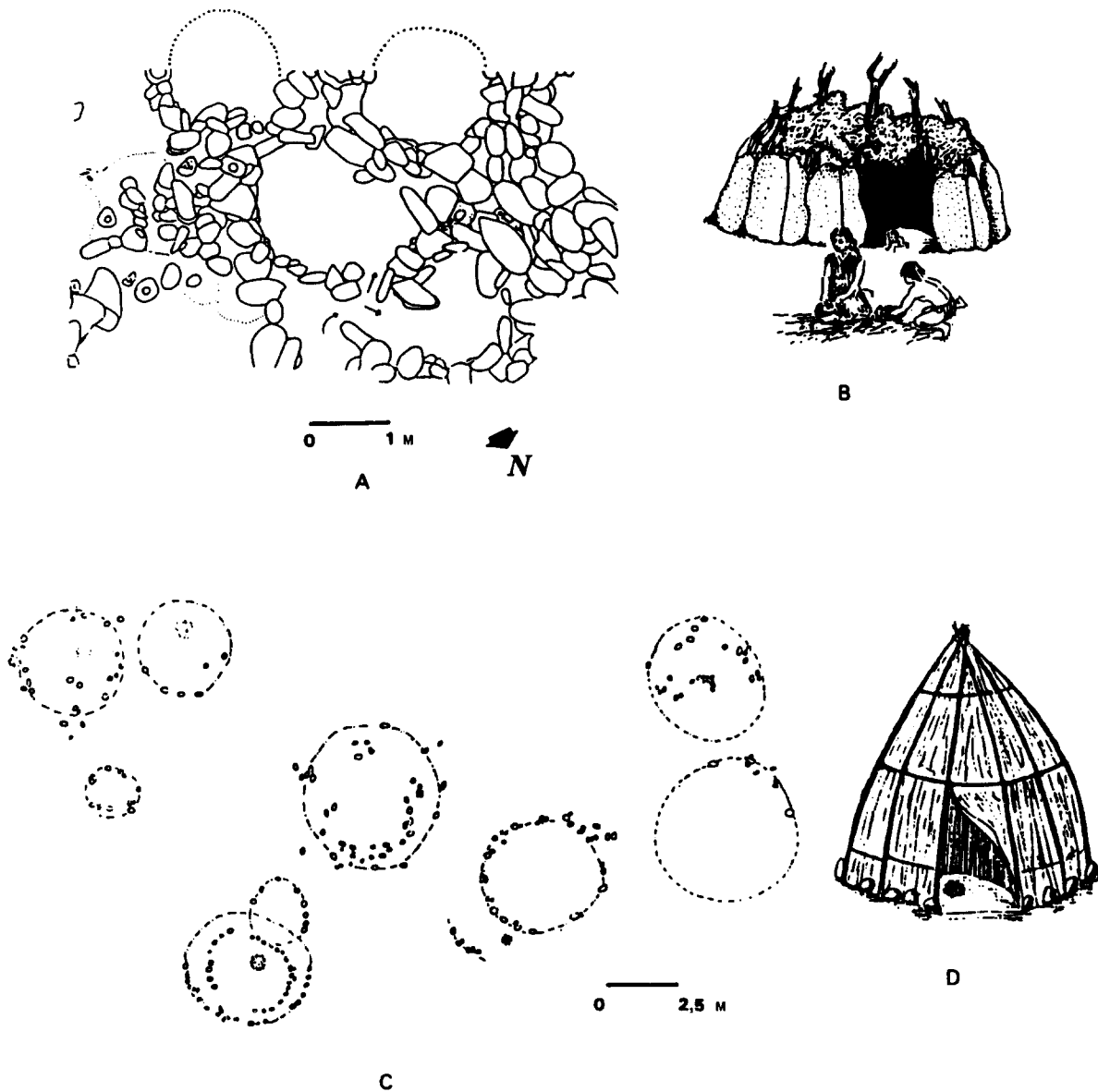

Рис. 100. Последовательность поселений: А – часть полуседящего поселения, состоящего из круглых построек с каменными стенами. Субандийские охотники и собиратели III тысячелетия до н.э. (Тулан-52, Чили; *Núñez*, 1983); В – реконструкция туланского строения; С – схематичный вид деревни с круглыми строениями на опорах и с расположенными в центре очагами, в таких деревнях обнаруживаются остатки ранней керамики. Общины охотников-земледельцев с р. Сан-Хосе-де-Арика, II-I тысячелетие до н.э. (Ача-2, Чили; *Muñoz*, 1982); D – реконструкция ачского строения (*Muñoz*, 1982)

В южной зоне в период с III по II тысячелетие до н.э. имели место переходы в сторону побережья – через лагерь Каньямо (поз. 24), Абтао и Тальгаль (поз. 41). Следы использования широких тонких каменных пластин с двумя рабочими поверхностями, а позднее – крючков из раковин позволяют сделать предположение о переходах в эту эпоху народов, живших на берегу моря, в направлении полузасушливой зоны чилийского побережья.

Впоследствии в местах других прибрежных лагерей, таких как Арика (Кеани-7, поз. 13 и Камаронес-15, поз. 16, датированных 1660 и 1160 г. до н.э. соответственно), было обнаружено, что, с одной стороны, в этих обществах сохранялись древние традиции, а с другой – в них стали происходить радикальные перемены, в частности началось выращивание тыквы, выжигание, одомашнивание верблюдовых, изготовление детских люлек, турбанов, а также появились индивидуальные могилы, лесные растения и перья лесных птиц, тропический маниок и т.д. Другими словами, племена, пришедшие из зоны Альтиплано, присоединились к восточным народам и изменили местный образ жизни. Столь

важная и используемая в течение долгого времени народами Чинчорро практика мумификации умерших перестала быть господствующим погребальным обрядом.

Охотники и собиратели, жившие в долинах и южных предгорьях Анд – Пичаске (поз. 48), Моррильос, Атуэле и других местах, использовали в пищу мясо животных из семейства верблюдовых и, возможно, даже одомашнили их. Кроме того, эти народы уже были знакомы с отдельными зерновыми культурами, которые они приносили с собой в период сезонных переходов с места на место, хотя их сезонные лагеря находились на андийских плоскогорьях. В эту эпоху племенами, занимающимися рыболовством в районе Гуанакерос (поз. 47) и Театинос (поз. 45), были образованы поселения полуседящего типа с высокой концентрацией населения на ближайших равнинах, где выращивались бобовые растения (*Phaseolus vulgaris*), вошедшие в рацион питания на побережье.

Судя по находкам, обнаруженным в области пуны, в местах Пурипика, Учичокана и Инка-Куэва, можно утверждать, что в этот период процесс одомашнивания лам интен-

сифицировался и что на высокогорных плато в центрально-южном регионе образовалось особое протосельское общество догончарного типа, которое достигло пика развития во II тысячелетии до н.э. (см. том I), хотя в нашем распоряжении пока не очень много доказательств этого. Тем не менее были обнаружены другие свидетельства одомашнивания животных и производящего хозяйства в прибрежном районе центрально-южного региона. В период с V по II тысячелетие до н.э. в оазисе Тиливиче стали чаще употреблять в пищу грызунов, таких как морские свинки (вид *Cavia*). Мясо этих млекопитающих содержит много белка – ненамного меньше, чем мясо ламы; их можно содержать в неволе на небольших огороженных площадках или помещениях; интенсивнее их стали разводить с этой целью в более позднюю эпоху (Hesse, 1982; Núñez, et al., 1986).

Подобный процесс развития наблюдается и в высокогорных долинах, где эти же виды животных также одомашнивались догончарными племенами, жившими в районе р. Лоа-Медио, например, лам и морских свинок разводили охотники Чиу-Чиу. Такие животные приручались охотниками в основном в период с V по II тысячелетие до н.э., и их количество резко возросло с началом экспансии земледельческих и скотоводческих общин, которая продол-

жалась со II тысячелетия до н.э. до первых веков н.э., в результате чего мясо этих животных стало одним из главных продуктов питания на всей территории Анд – от Альтиплано до побережья. Это, без сомнения, в значительной степени способствовало одомашниванию других животных для употребления их мяса в пищу в низменностях и средних возвышенностях, где млекопитающие встречались редко и даже верблюдовых не было в изобилии.

Племена, занимавшиеся охотой и собирательством в долине Тиливиче, неподалеку от побережья Тихого океана, выращивали кукурузу (*Zea mays*) на небольших участках, также, как и народы, жившие в Центральных Андах (рис. 101). Этот процесс наблюдался и в Гитаррерос, и в Аякучо, и на перуанском побережье в Уармее в период с V по II тысячелетие до н.э., у племен, находящихся на догончарной стадии развития (Lynch, 1973; MacNeish et al., 1975; Grobman et al., 1977).

Южнее, в области пуны, были обнаружены явные свидетельства того, что охотничьи народы, жившие в одной из пещер Учичоканы, неподалеку от Хухуя в Аргентине, выращивали кукурузу в период с VIII по VI тысячелетие до н.э. (Fernández Distel, 1974), хотя то, что этот вид деятельности зародился в такой далекой древности, еще не доказано. Как бы то ни было, не вызывает сомнения тот факт,

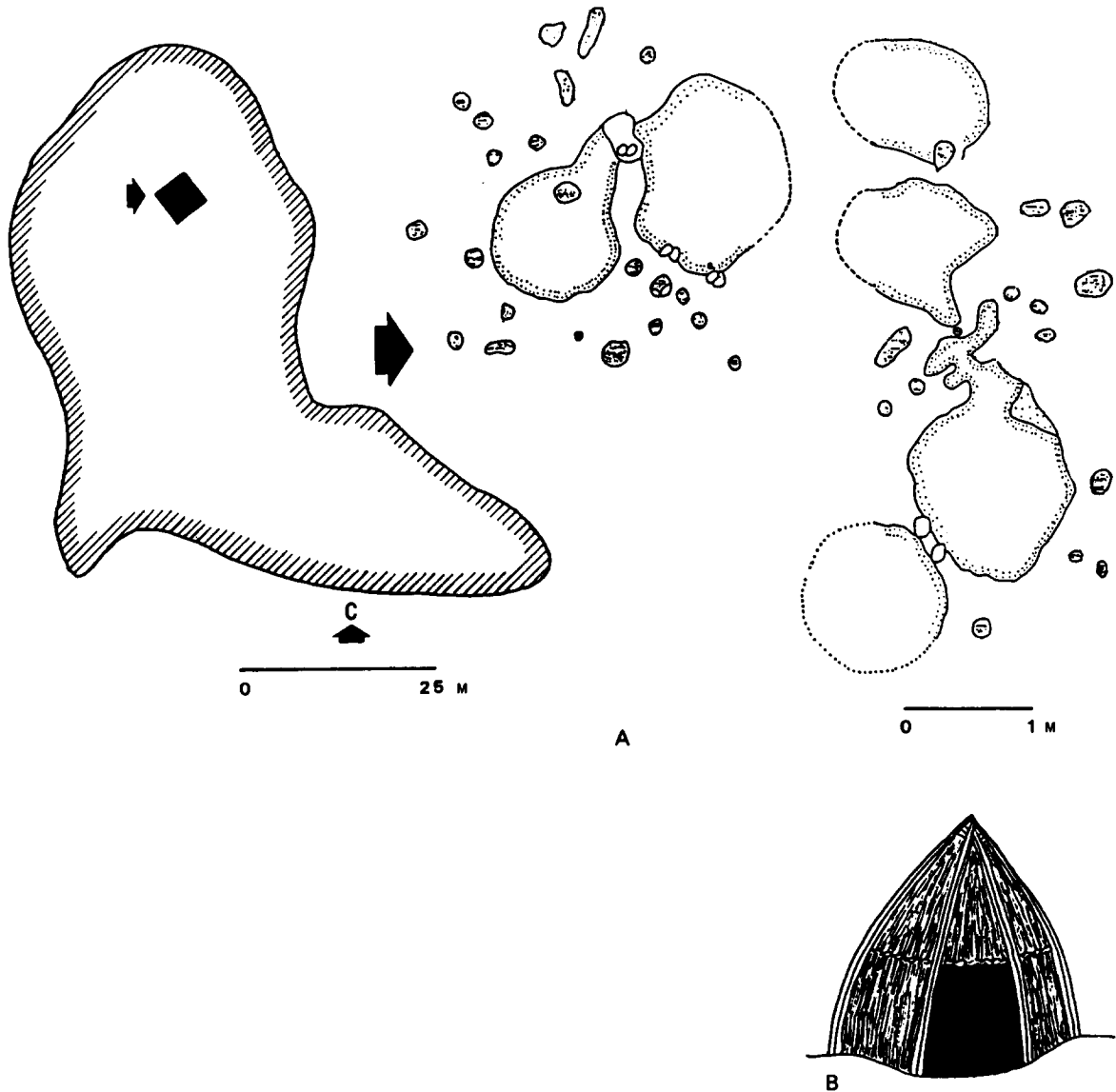

Рис. 101. Последовательность датированных поселений в центрально-южном регионе Анд: А – полуоседлое поселение и каменная мастерская с круглыми строениями на опорах. Общины охотников-собирателей, занятых выращиванием кукурузы (*Zea mays*) и разведением морских свинок (вид *Cavia*); VIII–III тысячелетия до н.э. (Тиливиче (В), Чили; Núñez, 1983); В – реконструкция тиливического строения

что охотничьи народы начали заниматься земледелием до III–II тысячелетия до н.э. в густонаселенных андийских районах, а также в областях, расположенных южнее.

Разведение морских свинок наряду с выращиванием кукурузы в Тиливиче людьми, образ жизни которых был основан главным образом на охоте и собирательстве, служит подтверждением того, что одомашнивание животных и перенос зерновых культур из высокогорных областей способствовали увеличению значения оазисов, расположенных недалеко от Тихого океана. Это произошло в результате миграций населения между высокогорными районами и побережьем, о которых свидетельствует наличие викуний в Камаронес и обсидиана в Тиливиче. Такие передвижения были связаны с образованием базовых лагерей, сконцентрированных в прибрежных районах с более постоянными ресурсами.

Таким образом, как на побережье, так и в оазисах постепенно осуществлялся переход к более оседлому образу жизни, что подтверждается обнаружением остатков поселений, состоящих из сгруппированных жилищ, свай, на которых держалась кровля, мусорных куч, каменоломен и захоронений. Тенденция к развитию этих видов деятельности, которые, кроме прочего, способствовали укреплению здоровья людей, наблюдается в районах с более постоянными ресурсами. Однако демографический дисбаланс все же имел место, о чем свидетельствует высокий процент детской смертности, что было установлено в ходе исследования относящихся к этой эпохе захоронений (в Тиливиче). Это говорит о том, что предпосылки развития производящего хозяйства существовали.

Необходимость искать выходы из периодических пищевых кризисов способствовала широкому развитию различных видов деятельности, направленных на добычу пищи: охоты, рыболовства и собирательства, а также земледелия и скотоводства. Таким образом, произошедшие в период с V по II тысячелетие до н.э. развитие земледелия и разведение морских свинок стали началом перехода к новым уровням развития и увеличению продолжительности жизни в зоне низменностей. Наличие кукурузы показывает, что виды деятельности, направленные на добычу средств к существованию, различались в зависимости от выбора и использования растений, не характерных для побережья, которые могли компенсировать недостаток углеводов. Параллельно с этим в рационе питания наблюдается увеличение процента животного белка.

Было сделано предположение, что на восточных склонах Альтиплано и на северо-востоке Аргентины в изобилии встречались андстральные дикорастущие растения, которые успешно культивировались и переносились в низины, где их урожайность была более высокой (Núñez, 1974). Была также выдвинута гипотеза, что в области Альтиплано морские свинки разводились в неволе в далекой древности (Lumbreras, 1981). К настоящему времени точно установлено, что кочевые охотничьи народы занимались культивацией растений в период с V по II тысячелетие до н.э. – на ранних стадиях культурного развития, для которых были характерны наконечники копий в форме листа, корзины из растительных волокон, долота с толстым концом, крючки, циновки из камыша, а также песты и ступы для размолва зерна (Núñez, 1986).

Другие племена рыболовов в Арике, Камаронес и в устье р. Лоа, по всей видимости, выращивали кукурузу в прилегающих областях или приносили ее из долин, удаленных от моря, однако пока нет достоверных свидетельств этого (Bird, 1943; Schiappacasse & Niemeyer, 1984; Zlatar, 1983). А в долине Тарапака, неподалеку от Тиливиче, охотники и собиратели жили на открытом воздухе в лагерях меньшей площади, где они использовали в пищу мясо гуанако, плоды мескитовых деревьев, съедобные корни и листья водяных растений, а также рыбу и моллюсков, которых они приносили с побережья. Установлено, что в IV–III тысячелетиях до н.э. они выращивали кукурузу и квиноа (*Chenopodium*

quinoa), хотя их образ жизни был основан главным образом на собирательстве. Эти народы питались съедобными листьями и корнями рогоза (*Typha angustifolia*), а также стручками и измельченными зернами мескитовых деревьев (*Prosopis juliflora*), которые размалывались в муку. В меньшей степени они употребляли в пищу амарант – широко распространенную в Андах зерновую культуру, содержащую больше белков и жиров, чем кукуруза и фактически идентичную ей по количеству калорий и углеводов. Кукурузу и квиноа выращивали в Тарапаке еще до прихода туда в середине I тысячелетия до н.э. новых оседлых групп – через земледельческие поселения в Касеронес (поз. 22) и Пиркас, где следы этих зерновых культур также обнаруживаются.

Впоследствии, начиная с 1350 г. до н.э., кукуруза выращивалась земледельцами из долины Асапа (Арика); свидетельства об изменениях около 850 г. до н.э. типа пищевых отходов были обнаружены и в пустыне Канамо. Возможно, что на начальной стадии развития и в период формирования кукуруза и квиноа стали разводиться здесь в результате древних экспериментов, проводимых в центрально-южном регионе Анд охотниками и собирателями, уже знакомых с гончарным ремеслом.

В Тиливиче и Тарапаке обнаружены свидетельства экспериментальной культивации растений, а также интенсивного собирательства плодов рожкового дерева и рогоза и их перемалывания. В районах, расположенных южнее, орудия для дробления со временем стали традиционными для живущих здесь племен. На территории от побережья и сьерры Центральных Анд до центрального района Чили семена, стручки, кости, высушенное мясо, рыбу и другие продукты дробили в каменных и деревянных ступах с глубокими коническими углублениями, а зерна плодов рожкового дерева, кукурузы и квиноа перемалывали в более плоских ступах для получения муки. В I тысячелетии до н.э. эти продукты распространились по всей территории западных долин и районов, прилегающих к пуне.

Кукуруза распространилась от Канады до Чили, став, таким образом, третьей по счету зерновой культурой, ценящейся во всем мире: хотя она содержит меньше белков и жиров, чем пшеница, она богаче калориями и углеводами; кроме того, она является питательным и высокоурожайным продуктом, который оказалось возможным выращивать в различных природных условиях. Хотя кукуруза растет и на высоте около 4000 м, она не типична для Альтиплано, а скорее характерна для долин с умеренным климатом, расположенных к западу и востоку от Анд. Большое разнообразие видов кукурузы, которое обнаруживается в долине восточной Боливии, заставляет предположить, что она была завезена сюда из областей, расположенных по ту сторону Анд или даже с северо-востока Аргентины.

Еще один злак, квиноа, характерен для высокогорных районов Перу и Боливии. Его стали выращивать в расположенных ниже долинах с умеренным климатом наряду с кукурузой, однако эта культура выращивалась и еще ниже – на западных склонах Анд, приблизительно на высоте 1200 м над уровнем моря. Здесь квиноа высаживали на одних плантациях с кукурузой, по крайней мере об этом говорят свидетельства, обнаруженные в Тарапаке. Отсюда эта культура распространилась в Центральную Аргентину и южные и центральные районы Чили (Núñez, 1974).

Разведение морских свинок и выращивание кукурузы и квиноа способствовали переходу к более или менее оседлому образу жизни в оазисах, расположенных еще дальше от моря. Хотя ни один из этих видов деятельности не привел к изменению господствующей системы хозяйства, основанной на охоте и собирательстве, но они содействовали постепенному развитию земледелия в оазисах, начиная с продуктов питания, типичных для побережья. Большое количество поселений круглой формы со свайными жилищами и хижинами и мусорные кучи, а также другие, организованные впоследствии поблизости, сви-

детельствуют о высоком уровне организации полуоседлых групп, живших в Тиливиче.

Если достаточно переполненные захоронения, датированные 1880 г. до н.э., можно рассматривать как могилы кочевников, которых настигла здесь смерть, то некоторые группы в этом оазисе вели более оседлый образ жизни в конце рассматриваемого периода. Поскольку они пришли в оазис с побережья, можно предположить, что они постепенно усовершенствовали образ жизни, основанный на проживании в двух местах, в результате чего как побережье, так и удаленные от моря долины стали частью континуума с дополняющими друг друга природными и пищевыми ресурсами.

Тот факт, что жившие на побережье Арики группы рыболовов совершали подобные переходы вдоль р. Сан-Хосе в сторону пампы Ача (поз. 1), служит свидетельством того, что временное переселение в оазисы было характерно для центрально-южного региона. В данном случае, такие группы построили лагерь временного типа с неосновательными круглыми жилищами и занимались собирательством дикорастущих злаков и охотой на небольших животных. В период со второго по I тысячелетие до н.э. они также освоили выращивание тыквы и кабачков, обучились ремеслу, в частности изготовлению грубых изделий из глины и остатков морепродуктов (*Muñoz*, 1982).

Практически доказано, что в конце древнего охотничьего периода, с IV по II тысячелетие до н.э., ряд окультуренных зерновых культур, которые выращивались на склонах Анд в области Амазонки – ачира (*Canna edulis*), арахис (*Arachis hypogaea*), маниок (*Manihot seculenta*), батат (*Ipomoea batata*), тыква (*Cucurbita ficifolia*) и кабачок (*Cucurbita moschata* и *maxima*), – распространились во всех долинах и на всей территории побережья Анд. Эти растения встречались вместе в долинах, расположенных вдоль побережья Тихого океана. Не известно, были ли кукуруза и бобовые окультурены или приспособлены к местному климату в расположенных выше над уровнем моря долинах, однако и *Phaseolus lunatus* и *Phaseolus vulgaris* выращивались охотниками в долинах центрально-, центрально-южного и южного регионов Анд еще до начала IV тысячелетия до н.э.

В то же время картофель (вид *Solanum*) и квиноа (*Chenopodium quinoa*), местом происхождения которых является Альтиплано, впервые попали в долины, например, в бассейне Аякучо, в III тысячелетии до н.э., где в V–IV тысячелетиях до н.э. выращивали амарант. Впоследствии эти растения постепенно распространились на юге центральной части Альтиплано и в южном районе Чили. Это распространение лам, картофеля и квиноа из высокогорных районов Центральных Анд вниз, в южные районы и даже на побережье, было обусловлено чрезвычайно быстрым развитием нового скотоводческого образа жизни. Он основывался на частых переходах из одного места в другое, в результате которых древнейшее земледелие и скотоводство достигли таких отдаленных районов, как южная и центральная часть Чили.

В VIII тысячелетии до н.э. в Южных Андах, в полузасушливых долинах Чили, охотничьи народы Пичаски поселились у притока р. Ургадо, где природные условия подходили для интенсивной охоты и собирательства растений, о чем свидетельствуют узкие треугольные наконечники в форме листа, обнаруженные вместе с зернотерками (*Ampuero & Hidalgo*, 1975). Ряд технологий, например технологии изготовления плетеных изделий, тканей и палочек для добычки огня, позволяют сделать предположение о высоком развитии поселившихся здесь племен, которые имели контакты даже с такими удаленными районами, как побережье, находящееся в 80 км.

Поверхность большой пещеры (Эль-Сальто) расположена в промежуточном археологическом слое, датированном не ранее V тысячелетия до н.э., и именно здесь в отложениях обнаружены первые следы бобовых (*Phaseolus vulgaris*), выращивание которых дополняло охоту и соби-

рательство. Несколько позднее, в III тысячелетии до н.э., начинает экспериментально культивироваться тыква и кукуруза. Последняя выращивалась на месте и, возможно, была принесена со склонов Анд Восточной Аргентины во время сезонных переходов. Имеются свидетельства того, что в этих полузасушливых долинах охотничьи народы употребляли в пищу также бобовые растения, хорошо приспособленные к этой среде. Так, остатки фасоли обнаруживаются в больших количествах в пещере Эль-Сальто.

Не известно, повлияли ли эти культуры на изменение образа жизни в естественных укрытиях, способствуя поселению людей в лагерях, где они могли вести полуоседлый образ жизни. Предполагается, что древние земледельцы и собиратели работали группами, одинаковыми по составу, а их последователи, возможно, образовали поселения более постоянного типа в долинах, подходящих для развития сельского хозяйства, во II и I тысячелетиях до н.э., и это случилось задолго до культурной экспансии племени молье, которое поселилось в пещере Пичаска приблизительно в 475 г. до н.э.

Племена рыболовов, известные как Уэнтелаукен, жили на побережье, возможно, уже с VIII тысячелетия до н.э. и питались в основном морепродуктами, для чего организовали крупные лагеря полуоседлого типа. Мы не знаем, переходили ли они в прилегающие долины в поисках дополнительных источников пищи, когда начинались штормы, главным образом зимой.

У нас нет информации о том, что происходило после этих этапов развития, вплоть до поздней стадии, известной как Гуанакерос. Здесь на побережье начиная со II тысячелетия до н.э. обитали сообщества полуоседлого типа, образ жизни которых в большой степени зависел от морских ресурсов, однако можно предположить, что находящиеся поблизости долины играли определенную роль в снабжении данных народов дополнительными источниками пищи. В любом случае, это имело место в следующий период – Театинос, приблизительно в начале I тысячелетия до н.э., поскольку известно, что морепродукты не содержали необходимого количества белков. Это привело к активной эксплуатации растительных ресурсов в долинах посредством специализированного собирательства, а также к более частому использованию орудий для помола. Так как охотники и собиратели Пичаски совершали переходы до побережья, представляется возможным, что такие племена, как театинос стали выращивать в низменностях несколько зерновых культур из тех, которые встречались в удаленных районах на континенте.

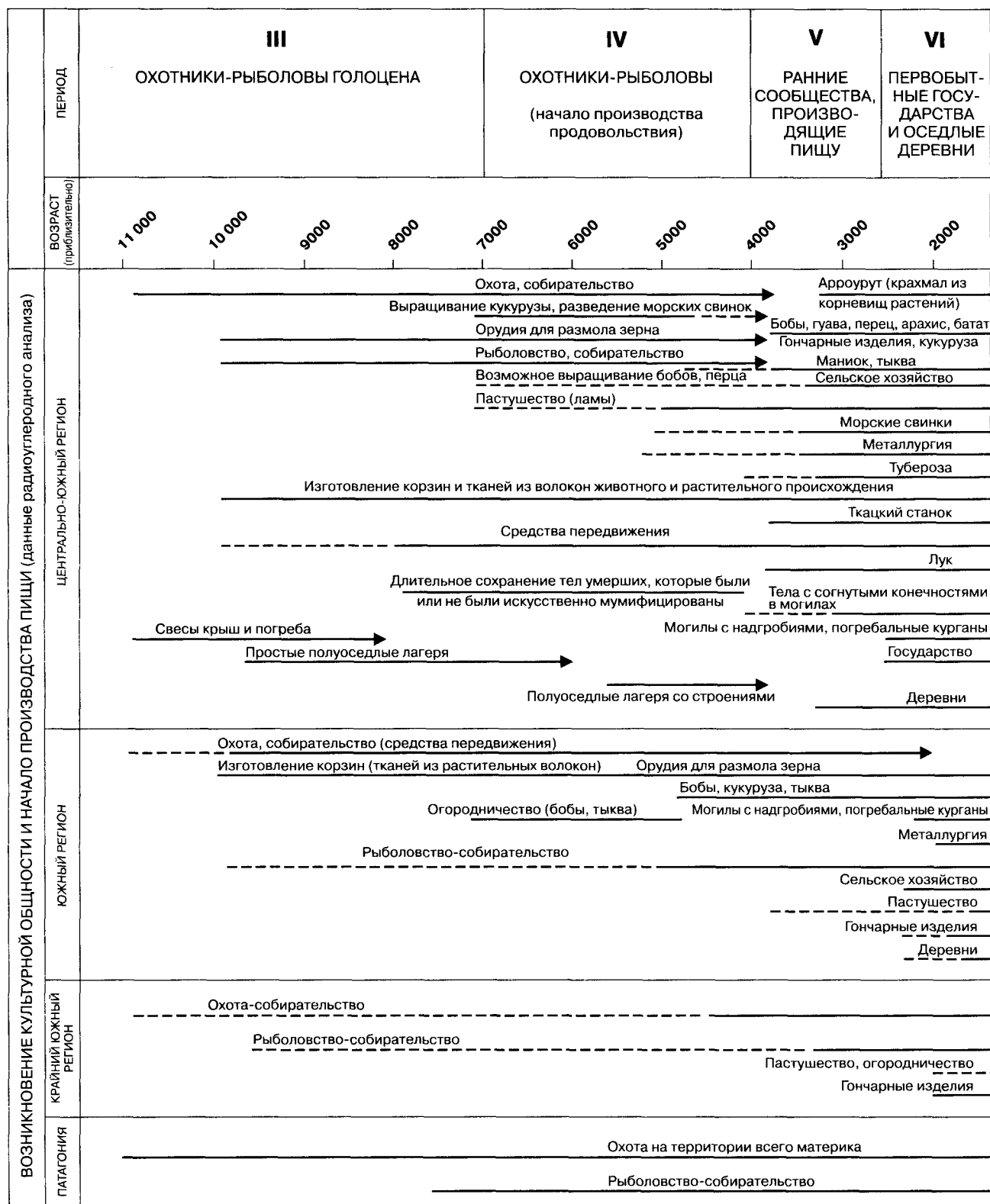
В тех местах, где к побережью прилегали пригодные для земледелия долины и пастбищные луга, культурные изменения были более значительными, поскольку континентальные охотники и собиратели, жившие там до I тысячелетия до н.э., преуспели в одомашнивании и/или адаптации диких животных и растений, подготовив, таким образом, почву для перехода общества к эпохе неолита. Влияние данного процесса распространилось и за пределы этой территории.

ПОЯВЛЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ ОСЕДЛЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И СКОТОВОДОВ (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э.) (рис. 102)

Свидетельства, обнаруженные в центрально-южном андийском регионе

Рассмотрим область, простирающуюся от высокогорных районов до прибрежных долин и горных вершин у оз. Титикака.

В период со II по I тысячелетие до н.э. в ущелье Тулан на чилийских склонах пуны, неподалеку от Сан-Педро-де-Атакама, жили скотоводы. Они также занимались земледелием

Возможная временная шкала

Рис. 102. Возникновение культурной общности и начало производства пищи в Чили, в контексте андийского региона. Центральню-южный, южный, крайний южный регионы и Патагония

и собирательством дикорастущих растений и плодов. Обнаруженные здесь остатки лам, примитивной керамики, кукурузы и квиноа позволяют предположить, что стада и мелкие земледельцы мигрировали в этом направлении.

Тем не менее с I тысячелетия до н.э. народы, образ жизни которых был основан на скотоводстве и земледелии, стали жить группами в небольших деревнях, которые стро-

ились вблизи плодородных долин (*vegas*) или вечнозеленых пастбищных лугов, орошаемых подземными источниками. Представители одного из племен скотоводов построили очень примитивное поселение для временного использования. В нем обнаружено большое количество полукруглых площадок с углубленным в землю полом, которые датируются началом I тысячелетия до н.э. (*Benavente*,

1981). В Чиу-Чиу-200 основным родом занятий было разведение лам в плодородных долинах р. Лоа, где люди также владели и ремеслами: там обнаружены тканые и плетеные текстильные изделия и циновки, ткацкие станки, керамические изделия, украшенные рельефом, лепниной, гравированными и выжженными изображениями, и т.д. Поскольку образ жизни основывался на достаточно хорошо развитом скотоводстве, основным продуктом питания здесь было мясо; местное население также имело контакты с другим племенами, жившими на большом расстоянии, о чем свидетельствуют обнаруженные перья тропических птиц и раковины из Тихого океана. В поисках мест, более подходящих для скотоводства и земледелия, люди из этих поселений путешествовали в караванах, используя лам в качестве вьючных животных.

Пути, по которым скотоводы Чиу-Чиу-200 переходили в районы западных гор и долин Аргентины, пересекали оазисы Атакамы. Таким образом, уже очень давно все древние поселения земледельцев-скотоводов стали располагаться только в тех местах, где был корм для скота, на высоте около 2000 м. Лагеря этих племен располагались на обширной территории в нижнем течении р. Лоа, а также на более плодородных лугах в верховьях гор, в Тури, или в рощах рожковых деревьев и чанярес (деревьев, плоды которых были съедобны), пастбищах в оазисах Поконче и Тчапучаяна в Сан-Педро-де-Атакама, включая плодородные долины и леса Каламы. С этого времени скотоводы осуществляли переходы только в тех районах, где было достаточно корма для домашних животных и где оседлый образ жизни в поселениях был неразрывно связан с передвижениями скота.

Эти племена пастухов-земледельцев I тысячелетия до н.э. сохранили охотничьи традиции, поскольку они, скорее всего, были потомками охотничьих народов, которые начали одомашнивать животных в период Пурипики/Чиу-Чиу. Тот факт, что эти племена, как и народы Чиу-Чиу-200, использовали наконечники стрел, полые внутри, подобные наконечникам, которые изготавливались скотоводами Уанкарани в Альтиплано, а также микролиты и буравы с треугольным сечением, напоминающие предметы, используемые жителями Пурипики, позволяет предположить, что эти народы являлись потомками более древних обитателей данной области.

Такие виды деятельности, как земледелие и скотоводство, появившиеся в первой половине I тысячелетия до н.э., развиваются и наряду с другими достижениями оседлого образа жизни начинают обеспечивать население, численность которого увеличивалась, большим количеством пищи, что привело к массовому образованию поселений. В западном районе, около пуны, в таких поселениях, как Тулор (поз. 38) (рис. 103), помимо собирательства плодов чанара и рожковых деревьев, стали разводить лам, выращивать кукурузу и другие еще не установленные зерновые культуры. Стены круглых вырытых в земле жилищ возводились здесь из сырца, крыши имели форму конуса, хижины были обнесены защитным ограждением. Это напоминает поселение Касеронес в долине Тарапакеню; жившие здесь племена построили дамбу в устье р. Сан-Педро, и разлившиеся водные потоки способствовали образованию аллювиальных почв и лесов, что ускорило переход к полностью оседлому образу жизни (Llagostera et al., MS; Niñez, 1974).

Широкое использование полированной глиняной посуды землистого цвета и изделий из меди в поселении Тулор, а также строительство крупных хранилищ на задворках жилых районов свидетельствуют о существовании значительных излишков, которые можно было перевозить на далекие расстояния. Наличие здесь тихоокеанских раковин и нескольких глиняных черепков из района Сальта и западных аргентинских лесов позволяет сделать предположение о наличии торговых караванных путей, ведущих в окружающие Анды низменности и анклав. Контакты

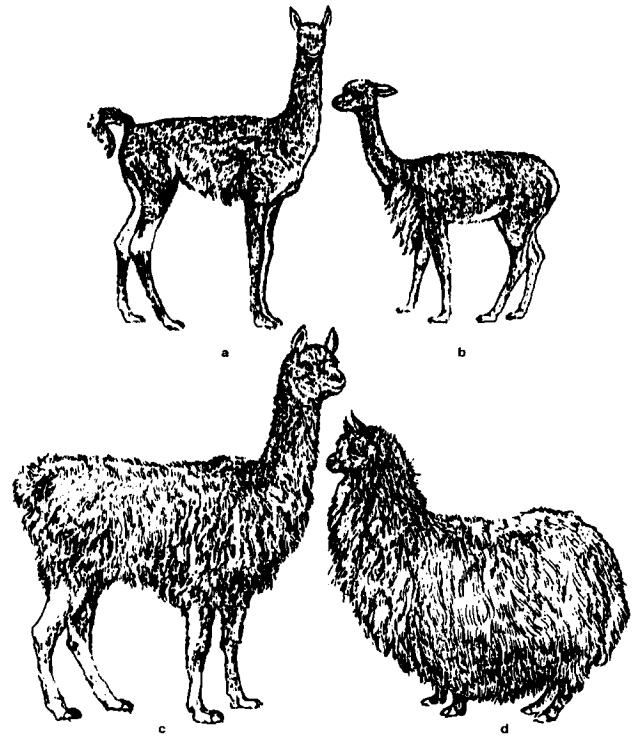

Рис. 103. Южноамериканские представители семейства верблюдовых: а – гуанако (*Lama guanicoe*), дикий вид; б – викунья (*Vicugna vicunga*), дикий вид; в – лама (*Lama glama*), одомашненный вид; д – альпака (*Lama pacos*), одомашненный вид (Niñez, et al., 1986)

устанавливались с более мелкими поселениями, расположенными на восточной границе пуны, такими как Портегро-Гранде и Кампо-Колорадо. Подобная ситуация сложилась и у народов, которые пришли из Уанкарани и южной части Альтиплано.

Некоторые поселения, расположенные в других близлежащих оазисах, например Токано-Ориенте, достигли высокой стадии культурного развития к 630 г. до н.э. (Le Paige, 1971), практически одновременно с поселениями в Сан-Франсиско, в низменностях по ту сторону Анд.

В ущелье Эль-Торо, например, приблизительно в 650 г. до н.э. помимо разведения лам выращивали тыкву обыкновенную, киноа, арахис, фасоль, кукурузу, ачиру и картофель. Не возникает сомнений в том, что эпицентр культурных сдвигов находился именно здесь и обусловлены они были прежде всего разведением лам и земледелием, а также в том, что число постоянных поселений (некоторые из них, окруженные защитными стенами, были особенно тщательно построены) постепенно увеличивалось. Наряду с использованием пастбищных земель люди опять стали временно обосновываться в пещерах, однако это делалось исключительно с целью разведения скота за пределами поселений более постоянного типа, в которые они периодически возвращались. Вывод об этих усовершенствованиях можно сделать на основании развития более сложного ремесла, поскольку использование металла и полудрагоценных камней свидетельствует о появлении символов статуса и улучшения семейного и общественного благосостояния (Raffino, 1977; Tarragy, MS).

Было сделано предположение, что деревни в ущелье Эль-Торо обладают особенностями, характерными для горных районов в низовьях западной части пуны. Эти поселения появились здесь под влиянием контактов как с племенами, жившими в районе Титикаки, так и со скотоводами из области оз. Поопо в Боливии.

Что касается экспериментов по одомашниванию животных из семейства верблюдовых в западной пуны, то можно утверждать, что они проводились и в западной ча-

сти Альтиплано и это способствовало появлению древних поселений в Уанкарани. Племена, населявшие Альтиплано, возможно, распространились на данной территории в поисках новых пастбищных земель и мест, подходящих для земледелия, проходя через горные районы южной части Альтиплано к оазисам и долинам в районе пустыни Атакама и к вершинам западных долин.

Известно, что группы земледельцев, например те, которые жили в Сан-Франсиско, распространились по всей территории низменностей Северо-Восточной Аргентины в период с 650 по 450 г. до н.э. и развивались независимо от культур Альтиплано. Предполагается, что эти племена положили начало обмену излишками, которые перевозили вплоть до оазисов в Сан-Педро-де-Атакама, где были обнаружены черепки керамических изделий с гравированными изображениями, относящиеся к этой культуре.

Поселение в Аче, неподалеку от Акари (район Арекипы), которое датируется периодом с 1060 по 1050 г. до н.э., представляет собой пример того, насколько важной была роль земледелия на ранней стадии его развития; здесь выращивали растения семейства тыквенных, фасоль, арахис, гуаву, перец и хлопок. Этот образ жизни распространился во многих низменностях южной части Перу.

Южнее, в западных долинах Арики, было обнаружено свидетельство того, что процесс перехода к земледелию и оседлому образу жизни начался приблизительно в 1350 г. до н.э., хотя нам известно только несколько постоянных поселений (Santoro, 1980). Раннее на побережье была развита исключительно добыча морских продуктов. Есть вероятность того, что культивация растений и разведение морских свинок начались здесь до II тысячелетия до н.э., как и у оседлых племен в Тиливиче. Тем не менее народы, жившие рыболовством и ведущие полуседлый образ жизни на этом побережье, в Кеани-7 и Камаронес-15, в 1690 и 1160 г. до н.э. соответственно стали употреблять в пищу новые выращиваемые растения. В их рацион вошли такие растения, как тыква обыкновенная (*Cucurbita maxima*) и маниок (*Manihot esculenta*); последний наряду с семенами декоративных растений попал сюда из восточной области Амазонки через Альтиплано. Так как на побережье были обнаружены остатки лам, можно предположить, что жившие здесь в этот период племена употребляли в пищу излишки, которые оставались у андийских скотоводов. Другие свидетельства культивации растений, обнаруженные в расположенной на берегу моря пещере Ла-Капилья-де-Арика, служат подтверждением того, что с 1820 по 890 г. до н.э. рацион питания местного населения значительно изменился: в пищу стали употреблять батат, тыкву и маниок. Этот вывод можно сделать на том основании, что в местах обитания более поздних племен рыболовов в Чинчоро было найдено лишь незначительное количество остатков хлопка и квиноа (Micoz, 1982).

В границах с прибрежной зоной долинах Арики люди время от времени занимались охотой и собирательством, как и жители Тиливиче и Тарапаки. Рацион питания на побережье и в долинах, где земледелие не было развито, обогащался за счет кукурузы, квиноа и морских свинок. Известно, что зерновые культуры, которые употребляли в пищу племена, жившие на побережье, выращивались с использованием специальных технологий в прилегающих долинах. Зерно также перевозили из Альтиплано в восточные районы Амазонки. Тем не менее приблизительно в 1350 г. до н.э. сельскохозяйственная деятельность в этом районе претерпела крайне важные изменения в результате появления там сообществ земледельцев из долин, для которых были характерны захоронения в огромных могилах неподалеку от примитивных огородов и хижин, построенных из легковесных материалов, типичных для первых поселений постоянного типа. Народы, относящиеся к так называемой культуре асапа, выращивали фасоль, тыкву, батат, маниок, кукурузу и перец (вида *Capsicum*), а так-

же изготавливали металлические предметы и ткани из шерсти, по всей видимости, собиравшейся в месте, где в неволе выращивались животные (Santoro, 1980).

Немного позднее, приблизительно в середине I тысячелетия до н.э., в этих долинах появилось множество поселений сельского типа с примитивными постройками, например, Альто-Рамирес. Масштабы могильных холмов свидетельствуют о том, что местная группа населения вела там успешное существование, выращивая субтропические растения и собирая обильный урожай кукурузы.

В таких поселениях жили выходцы с Альтиплано или народы, которые пришли из района Титикаки; об этом можно судить на основании того, что в стиле текстильных изделий данных племен, без сомнения, прослеживается сходство с изделиями, изготавливаемыми жителями церемониального центра в Пукаре на начальной стадии (Mujica, 1985). Эти переселенцы смешались с населением, долин и побережья, в результате чего здесь появилось организованное общество, ведущее оседлый образ жизни и использующее морские ресурсы, которые служили дополнением к новым сельскохозяйственным продуктам.

Доминирование кукурузы над такими растениями, как тыквенные, тыква обыкновенная, бобовые, батат, ачира и квиноа, позволяет сделать предположение о том, что изменения в сельском хозяйстве в районе Альто-Рамирес происходили параллельно с ограниченным разведением лам в неволе, если, конечно, шерсть, которая использовалась в процветающей текстильной промышленности этих сообществ, не привозилась из высокогорных районов.

Эти общекультурные достижения распространились на обширной территории в низменностях и на берегу моря, включая промежуточные пункты в долине Камаронес и в устьях рек Лоа и Кобиха в последние годы I тысячелетия до н.э. Обнаружение керамики, шерсти ламы, искусно вытканых текстильных изделий, металлургического производства, кукурузы и квиноа в районе между устьями рек Лоа и Кобиха служит подтверждением того, что данные изменения затронули и пустынное побережье. Они имели огромное значение для района, расположенного на периферии, там, где море было единственным источником пищи (Santoro, 1980; Moragas, 1982; Nuñez, 1971).

В этот же период, приблизительно в середине I тысячелетия до н.э., в долине Тарапака было основано поселение Касаронес; построенные в нем здания имели такую сложную конструкцию, что можно предположить, что это поселение было полугородского типа. Здания имели прямоугольную форму, стены возводились из известковых блоков, а остроконечные крыши хижин делались из ветвей и держались на прочных сваях из рожкового дерева (Nuñez, 1982). Жилая территория состояла из нескольких общественных хранилищ круглой формы и внутренних двориков; все поселение было обнесено двойной стеной, предназначенной для защиты и укрепления. В полу жилых построек, который находился ниже уровня земли, вырыты ямы, предназначенные для устройства очагов для приготовления пищи, и содержатся остатки глиняных сосудов, в которых хранили зерно; также там были обнаружены типичные углубления для свай, как и в Тулоре (Сан-Педро-де-Атакама). Наличие хранилищ у стен и в углах жилищ подтверждает то, что здесь оставалось много излишков, в основном кукурузы и плодов рожкового дерева; их в большом количестве перемалывали в муку, которую затем, вероятно, вывозили в другие места.

Развитие ремесла можно проследить на примере многочисленных глиняных изделий, предназначенных для хозяйственных нужд, среди которых особо выделяется темная отполированная керамика, подобная гончарным изделиям культуры Сан-Педро-де-Атакама на начальной и кульминационной стадиях ее развития. Таким образом, в пуне и в Тарапакенос определенно прослеживаются общие тенденции в то время, когда разные племена скотово-

дов-земледельцев приступили к постройке поселений в районах, где росли рожковые деревья и протекали ручьи, т.е. фактически начали переход к новому, полностью оседлому существованию.

Металлические предметы, искусно сделанные ткани, плетеные изделия тончайшей работы – все это является свидетельством того, что местное население усовершенствовало средства производства. Рост численности населения подтверждается не только размером поселения, которое, по всей видимости, было в три раза больше, чем Тулор, но и большим количеством захоронений и мусорных куч.

Сельскохозяйственная деятельность имела здесь первостепенное значение, при этом кукуруза преобладала над такими культурами, как бобовые, тыквенные и стручковый перец, а собирательство плодов рожкового дерева – над собирательством плодов перечного дерева и пакая (*Inga racae*). Обнаружение муки из кукурузы, квиноа и плодов рожкового дерева, свидетельствующие о важности такого вида деятельности, как помол, говорит о специализации местного населения на перевозке муки и зерна в караванах. Поскольку остатки рыбы, моллюсков, шерсти, используемой в разнообразных целях, и перьев тропических птиц с востока (привезенных через Альтиплано) встречаются часто, можно предположить, что в это поселение привозили предметы из разных районов всей области, пересекаемой вдоль и поперек торговыми путями, которые тянулись на большие расстояния. Доказано, что лам здесь разводили в неволе и что они использовались в качестве вьючных животных для перевозки обмениваемых товаров на территории между побережьем и Андами, где местом пересечения всех дорог было поселение Касеронес.

Свидетельства, обнаруженные в южном и крайнем южном регионах

Охотничьи народы, которые жили в полузасушливом и плодородном районе западных долин, спускающихся к берегу Тихого океана чуть южнее р. Копьяно, достигли определенных успехов в выращивании ряда сельскохозяйственных культур и использовании специализированных способов собирательства растений еще до прихода людей из-за гор, которые владели навыками земледелия, разведения скота и изготовления керамики.

В начале I тысячелетия до н.э. на побережье существовали густонаселенные поселения полуседлого типа. Тем не менее обнаруживаются свидетельства того, что море не обеспечивало местные народы необходимым количеством продуктов, содержащих белок, в результате чего на стадии развития Театинос жители близлежащих долин начали разрабатывать более интенсивные технологии собирательства определенных растений и помола. Возможно, некоторые зерновые культуры из тех, что стали впоследствии выращивать в этом месте, были принесены охотничьими народами из Пичаски, поскольку они пришли на побережье на ранней стадии развития местных народов. Подобные инновации и смешение видов производящей деятельности наблюдается и южнее. Территорию к югу от бассейна Сантьяго на позднем этапе развития Кучипиу густо населяли племена охотников и собирателей, которые вели полуседлый образ жизни в лагерях, расположенных на берегах рек и озер неподалеку от морского побережья. По всей вероятности, здесь не возникло никаких трудностей при переориентации со специализированного собирательства растений на земледелие. Однако в то же время кажется невероятным, что разведение лам, которым занимались древнейшие скотоводы, могло иметь здесь успех.

В Патагонии изобилие диких животных семейства верблюдовых не привело к интенсивному развитию скотоводства, поскольку здесь было достаточно охотничь-

их ресурсов. Тем не менее в этом районе, по-видимому, предпринимались некоторые попытки одомашнивания гуанако, которых приручали и привязывали неподалеку от горных склонов в качестве приманки. Кроме того, до сих пор не известно, были ли те немногие животные семейства верблюдовых (гуанако или ламы *chilibueques*), использовавшиеся в качестве вьючных животных в этом районе в период испанского влияния, приручены или полностью одомашнены арауканскими племенами, после чего они могли распространиться далее на юг (*Latcham*, 1922). Таким образом, охота наряду с кочевым рыболовством и собирательством на побережье оставались здесь основными видами деятельности, продолжая длительную традицию охотничьих народов этапа Фелл на последних стадиях их развития; оба типа природопользования сохранялись в этом районе до первых контактов с европейцами.

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНО-ЮЖНОМ РЕГИОНЕ АНД И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДРУГИЕ РЕГИОНЫ

В конце периода, который продолжался вплоть до I тысячелетия до н.э., на берегах рек, впадающих в Тихий океан, и на склонах Западных Анд, в высокогорных районах центрально-южного региона, были построены постоянные поселения сельского типа, в которых не было каких-либо значительных архитектурных сооружений религиозного назначения. В центральной части Альтиплано, в районе Титикаки, скотоводы-земледельцы выращивали на территории своих поселений квиноа и картофель (*Solanum tuberosa*), а также держали крупные стада лам. Это привело к образованию более сложных культур, таких как калуфу, чирипа и кусипата.

Начало развития культуры чирипа приходится на доклассический период, с 1350 по 650 г. до н.э.; она появилась в болотистой местности в районе Титикаки. Представители этой культуры выращивали картофель (*chhuco*), а также занимались рыболовством и разведением лам. Их жилища имели прямоугольную форму и строились вокруг центрального внутреннего двора. Искусно сделанные стелы говорят об особом внимании к религиозным обрядам, а также о выборочном товарообмене золотом и медными предметами (*Browman*, 1977). В классический период – 650–250 гг. до н.э. – носители этой культуры совершали переходы к западным склонам Анд и, возможно, в район пуны, о чем свидетельствуют обнаруженные здесь медные предметы, не характерные для Альтиплано.

В это же время, приблизительно в 650–550 гг. до н.э., недалеко от оз. Титикака появляется другая культура, влияние которой было очень значительным. В Пукаре был построен церемониальный комплекс, в центре которого возвышалась пирамида и каменная стела, изображающая антропоморфное божество с лицом хищника семейства кошачьих. Топор и отрубленная голова, которые держит в руках это существо, позволяют предположить, что это жрец или палач, а данный культ был развит у всех народов, живших в этом районе (*Mujica*, 1985).

Создание этого святилища способствовало политическому объединению большой массы сельского населения посредством раннего образования социально-политической организации, воздействие которой распространилось на весь район. Влияние церемониального центра дошло, в частности, до поселений, расположенных в западных долинах Асапа и Тарапака, недалеко от Тихого океана, куда приезжали на караванах из Пукары скотоводы-земледельцы, привыкшие к субтропическому климату. Здесь на стадиях Альто-Рамирес и Пиркас земледельческие народы изготавливали ткани с символикой начального и промежуточного периода соответственно.

В южной части Альтиплано в первых поселениях сельского типа в Уанкарани занимались разведением лам и выращиванием квиноа в I тысячелетии до н.э. Все эти изменения в культурном отношении оказали влияние на восточные и западные склоны Чилийских и Аргентинских Анд в районе пуны: здесь строились жилища круглой формы из сырца, защитные стены, изготавливались медные изделия, каменные скульптуры, изображающие головы лам, зооморфные и антропоморфные глиняные статуэтки, курительные трубки, керамические свистки и глиняная посуда.

Не вызывает сомнений тот факт, что торговцы, приезжавшие в караванах с Альтиплано, оказали значительное влияние на совершенствование земледелия и скотоводства в этом районе и даже способствовали развитию этих видов деятельности в ряде западных долин, где они не были известны ранее. Таким образом, жители различных анклавов в предгорьях пуны Атакама и в западных долинах, расположенных на склонах гор, спускающихся к побережью Тихого океана, начали осваивать сельский образ жизни, развивая все те достижения, которые были сделаны народами, обитавшими в этом районе в далекой древности (*Ponce, 1970; González & Pérez, 1966; Núñez, 1974; Mujica, 1985*).

Одновременно с развитием Пукары в 1550 г. до н.э. в районе Альтиплано в Тиуанако появляется поселение сельского типа с группами прямоугольных в плане жилищ. В этом месте также было развито земледелие, скотоводство, гончарное дело и обработка золота и меди (*Ponce, 1970*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В IV тысячелетии до н.э. народы, занимающиеся охотой и собирательством в центрально-южном регионе Анд, истощили запасы доступных ресурсов, чему способствовали также климатические изменения. Переход к производящему хозяйству на всей территории Анд, не зависимо от того, было ли это земледелие или скотоводство, можно считать значительным прогрессом, поскольку это привело к росту населения, большему разнообразию производимых продуктов и к увеличению средней продолжительности жизни людей по сравнению с народами более древней эпохи.

Племена, которые смогли воспользоваться преимуществами культивации растений и одомашнивания животных, уже достигли определенного уровня полуседлости, позволившего им перейти к новому производительному труду. В сравнительно засушливых областях, например в Чили, неравномерность осадков обуславливала изменения окружающей среды (в частности, сократились ресурсы, доступные охотникам и собирателям), в результате чего изменялись и маршруты кочевых охотничьих народов. Такая нестабильность привела к тому, что зерновые культуры и животные были перемещены в районы с более постоянными ресурсами, с хорошим климатом и почвой, достаточным количеством корма и воды для скота; именно в этих местах были образованы поселения и/или лагеря более постоянного типа (*Lynch, 1973; Núñez, 1974*).

В то же время в андийских низменностях в период со II по I тысячелетие до н.э. участились попытки одомашнивания и разведения лам, о чем свидетельствуют явные контакты между побережьем и горными районами Анд. Тот факт, что народы, жившие на побережье, не принимали непосредственного участия в одомашнивании, не исключает того, что они могли пользоваться преимуществами этого процесса, поскольку рацион питания данных племен стал более разнообразным. Кроме того, эти племена существовали за счет тех же ресурсов, что и первые земледельцы близлежащих долин, которые занимались производством пищи на территории орошаемых земель в районе Тихого океана.

До сих пор у нас нет свидетельств того, что у культивируемых субтропических растений были местные предшественники, помимо тех, которые обнаружены в горных районах. Напротив, по-видимому, большую часть этих растений начали культивировать в период, предшествующий рассматриваемому в данном томе, в районе, находившемся в пределах досягаемости племен охотников и собирателей. Последние, судя по всему, приспособили такие растения к различным природным условиям территорий между Андами и побережьем Тихого океана, в результате чего необходимость освоения производящего хозяйства стала еще острее. Переходы с одного места на другое приобрели большее значение в то время, когда в I тысячелетии до н.э. сюда пришли переселенцы, в частности выходцы с противоположных склонов Анд. Они владели более сложными технологиями (керамика, караваны с ламами, изготовление тканей и металлургия), которые способствовали улучшению условий для распространения и развития усовершенствованного земледелия и скотоводства.

Необходимость хранения продуктов для их использования в периоды нехватки пищи привела к образованию первых поселений сельского типа. Морские ресурсы и ирригация в результате разливов рек, а также образование террас в устьях рек, в низменностях, способствовали появлению там первых небольших земледельческих поселений. В зарослях рожковых деревьев и в устьях рек в высокогорных районах Анд успешно развивалось земледелие и скотоводство. Плодородные андийские низменности с их грунтовыми водами и заросли тола в горах обеспечивали местное население стабильными и сезонными источниками пищи, в результате чего помимо охоты они впервые смогли заняться масштабным разведением лам.

Земледелие и скотоводство постепенно развивались и распространялись в течение всего I тысячелетия до н.э., вынуждая людей переходить на те места, где почва и условия подходили для выпаса животных, что способствовало образованию общин. У людей отпала необходимость жить исключительно в естественных укрытиях, и благодаря большей надежности и постоянству трудовой деятельности начали появляться примитивные жилые постройки.

Тем не менее такой прогресс, ведущий к переходу к оседлому образу жизни в поселениях, наблюдался не везде. Некоторые племена скотоводов вели полукочевое существование, обосновываясь в пещерах в неблагоприятных природных условиях; другие разводили лам, не занимаясь при этом земледелием; встречались даже такие группы населения, образ жизни которых продолжал основываться на традиционных охоте и собирательстве.

По мере развития земледелия и скотоводства, взаимоотношения между людьми приобретали все больше черт общинности, и конфликты между ними стали менее напряженными, поскольку до I тысячелетия до н.э. земля, пригодная для земледелия и выпаса скота, не была густо заселена, и споры по поводу раздела территории возникали редко. Идеологические и технологические достижения передавались из поколения в поколения, в результате чего на маленьких островках с благоприятными природными условиями посреди бескрайних необитаемых равнин сложились культурные традиции. Постепенно возникла новая идеология товарообмена; она была основана на самообеспеченности каждой общины, и во время сезонных переходов и путешествий ресурсы из разных мест попадали в соседние районы.

Это новое прогрессивное мировоззрение привело к тому, что в распоряжение людей чаще поступали более разнообразные ресурсы, чем требовались племенам, жившим за счет охоты и собирательства. Интенсивнее стали использоваться лесные богатства, и собранный с зерновых культур урожай разделяли на две части: для употребления и для хранения; хранение упрощалось благодаря сухому

климату и возможностям дегидратации путем заморозки. Таким образом, трудовая деятельность приобрела более постоянный характер: об этом свидетельствует появление жилых построек, складов, орудий труда, огородов или скотных дворов. В то же время наблюдается развитие материальной культуры в результате совершенствования ремесел.

Последствия этих изменений проявились в образовании поселений более постоянного типа на обширной территории. Расширяются сферы производящего хозяйства, впрочем, как и использование ресурсов, предназначенных для удовлетворения новых потребностей: строительство домов из сырца, ирригация, металлургия, изготовление тканей, печи для обжига керамических изделий и т.д. В земледелии и скотоводстве наблюдается рост производительных сил, в результате чего увеличились запасы пищи и доступ к новому сырью, обеспечивающему удовлетворение новых запросов общины. В этих условиях во всех регионах предпринимались попытки воспользоваться преимуществами большого количества энергосберегающих ресурсов путем совершенствования технологий и организации человеческого труда: появились лопаты, мотыги, плоскородные ступы для перемола, глиняные сосуды для хранения продуктов, начали строиться каналы.

Если морские ресурсы дополняли более развитую форму производящего хозяйства в лагерях полуседлого типа, то в земледельческих общинах, расположенных по берегам рек, и в основанных высоко в горах поселениях скотоводов были обнаружены новые источники благосостояния, которые наряду с прибрежными ресурсами привозились на караванах лам на начальной стадии развития товарообмена. В это время появляются предметы роскоши, например перья тропических птиц, полудрагоценные камни и тихоокеанские раковины, привозимые из отдаленных районов. Переселенцы кочевали в поисках более подходящих мест для расширения и развития нового производства пищевых продуктов и товаров, символизировавших социальный статус.

По мере такого развития большее значение приобретала идеология, например ритуалы перехода из жизни к смерти, о чем свидетельствует большое количество обнаруженных захоронений. Кроме того, под руководством вождя племени, которые обеспечивали своим попечением всестороннюю гражданскую и религиозную защиту, было проведено ранжирование различных повседневных занятий.

Некоторые группы людей постепенно стали выделяться в зависимости от рода деятельности: те, кто в большей степени занимался вопросами организации поселений, стояли особняком от тех групп населения, основной деятельностью которых было скотоводство, земледелие, работа в каменоломнях и торговля. В поселениях со сложной организацией наиболее важной частью населения стали ремесленники.

Мастеровые, посвящавшие часть рабочего времени занятиям ремеслом, усовершенствовали традиционные способы производственной деятельности, такие, как изготовление корзин, веревок и тканой одежды, при этом теперь из шерсти лам делались более изысканные вещи. Литые металлические предметы стали символами социального статуса, шире стала использоваться керамика.

В целом понятие андийской цивилизации применяется в отношении тех сообществ, которые смогли извлечь пользу в религиозном, политическом, архитектурном, научном, технологическом и художественном отношении из земледелия, скотоводства и использования прибрежных ресурсов, посредством чего эти народы облегчили себе ведение дальнейшей борьбы за существование, поскольку они постепенно переходили к городскому образу жизни.

Тем не некоторые из этих усовершенствований имели место только в среде, где преобладал городской образ жизни. За пределами очагов распространения центральных

культур в районе Титикаки на значительной части рассматриваемой территории преобладал сельский образ жизни. В поселениях наблюдалось усложнение организации, и равновесие в них поддерживалось благодаря караванным путям, которые проходили вдалеке от районов, характеризующихся централизацией управления и власти, и благодаря которым распространялись новые технологии и ресурсы.

В то же время лагеря охотников и собирателей гораздо дольше сохранялись на юге, хотя в них также наблюдался некоторый прогресс. Развитие сельского хозяйства, земледелия и скотоводства в течение I тысячелетия до н.э. продемонстрировало возможность вести нормальное существование без переходов с места на место в поисках пищи; доступные ресурсы даже приумножались в тех местах, где обосновывались люди. Эти процессы происходили на обширной территории и явились предзнаменованием начальных стадий развития цивилизации на юге центральной части Анд уже в начале нашей эры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AGUERRE, A. M.; FERNANDEZ DISTEL, A.; ASCHERO, C. 1975. Comentarios sobre nuevas fechas en la cronología arqueológicas precerámica de la provincia de Jujuy. *Relac. Soc. argent. Antropol.* (Buenos Aires), N. S., Vol. 9.
- ALLISON, M. 1985. La salud de las poblaciones arcaicas. In: CONGRESO NACIONAL DE ARQUEOLOGÍA CHILENA, Arica. Resúmenes de Ponencias. Arica.
- AMPUERO, G.; HIDALGO, J. 1975. Estructura y proceso en la pre y protohistoria del norte chico de Chile. *Chungará* (Arica), No. 5, pp. 87–124.
- AMPUERO, G.; RIVERA, M. 1971. Secuencia arqueológica del alero de San Pedro Viejo-Pichasca. *Bol. Mus. Arqueol. Serena* (La Serena). No. 14, pp. 45–69.
- BENAVENTE, M. A. 1981. Chiu-Chiu-200: Un campamento de pastores. Santiago de Chile. (BA thesis.)
- BIRD, J. 1943. Excavations in Northern Chile. *New York*. (Anthropol. pap. am. Mus. nat. Hist., 38.)
- BROWMAN, D. 1977. Tiwanaku Expansion and Altiplano Economic Pattern. In: CONGRESO DE ARQUEOLOGÍA CHILENA, 7, Talca. Ponencia. Talca.
- CASTILLO, G. 1974. Fortaleza Molle en el flanco sur del Valle de Elqui. *Creces* (Santiago de Chile), No. 6, pp. 12–15.
- CHILDE, G. 1946. *Orígenes de la civilización*. México, D. F.
- DRUSS, M. 1977. Environment, Subsistence Economy, and Settlement Patterns of the Chiu Chiu Complex (ca. 2,700 to 1,600 BC) of the Atacama Desert, Northern Chile. *New York*. (PhD thesis.)
- FALLABELLA, F.; PLANELLA, M. T. 1982. Nuevas perspectivas en torno al periodo alfarero temprano en Chile Central. In: CONGRESO NACIONAL DE ARQUEOLOGÍA, 9, LA SERENA. Resúmenes de Ponencias. La Serena.
- FERNÁNDEZ DISTEL, A. A. 1974. Excavaciones arqueológicas en las cuevas de Huachichocana. *Dep. de Tumbaya, prov. de Jujuy, Argentina. Relac. Soc. argent. Antropol.* (Buenos Aires), N. S., Vol. 7, pp. 101–27.
- GAMBIER, M.; SACCHERO, P. 1970. Secuencias culturales y cronologías para el Sudoeste de la provincia de San Juan. *Hunuc Huar*, No. I, San Juan, Argentina.
- GONZÁLEZ, A. R.; PÉREZ, J. 1966. El área andina meridional. In: INTERNATIONAL CONGRESS OF AMERICANISTS, 36, SEVILLA. Actas. Sevilla. Vol. I.
- GROBMAN, A. et al. 1977. Study of Preceramic Maize from Huarney (North Central Coast of Peru). *Bot. Mus. Leafl.* (Cambridge, Mass.), Vol. 25, No. 8, pp. 221–42.
- HESSE, B. 1982. Animal Domestication and Oscillating Climates. *J. Ethnobiol.* Vol. 2, No. 1, pp. 1–15.
- LAGIGLIA, H. 1962–8. Secuencias culturales del centro-oeste Argentino; Valles de Atuel y Diamante. *Rev. Cient. Invest. Mus. Hist. nat. San Rafael* (Mendoza), Vol. I. No. 4.

- LATCHAM, R. 1922. Los animales domésticos de la América precolombina. *Publ. Mus. Etnol. Antropol. (Santiago de Chile)*, Vol. 3, No. 1, pp. 1–199.
- LE PAIGE, G. 1964. Los cementerios de la época agro-alfarera en San Pedro de Atacama. *An. Univ. Norte (Antofagasta)*, No. 3, pp. 51–91.
- 1971. Paleolítico en el sureste del Salar de Atacama, Tulán. In: CONGRESO DE ARQUEOLOGÍA CHILENA, 6, SANTIAGO DE CHILE. *Actas. Santiago de Chile*, pp. 151–61.
- LLAGOSTERA, A.; BARON, A. M.; BRAVO, L. Investigaciones arqueológicas en Tulo-I. In: SIMPOSIO DE ARQUEOLOGÍA ATACAMEÑA, I, ANTOFAGASTA. *Actas. Antofagasta*.
- LUMBRERAS, L. G. 1970. La evidencia etnobotánica en el análisis del tránsito de la economía recolectora a la economía productora de alimentos. Lima. (*Arqueol. Soc.*, I)
- 1981. *Arqueología de la América Andina*, Lima.
- LYNCH, T. 1973. Harvest Timing, Transhumance and the Process of Domestication. *Am. Anthropol. (Washington, D. C.)*, No. 75, pp. 1254–9.
- MACNEISH, R. S.; PATTERSON, F. C. BROWMAN; D. L. 1975. The Central Peruvian Interaction Sphera. Andover, Mass. (Pap. Peabody Found. *Archaeol.*, 7.)
- MEIGHAN, C. W. 1979. Archaeology of Guatacondo, Chile. In: MEIGHAN, C. W.; TRUE, D. L. (eds), *Prehistoric Trails of Atacama: Archaeology of Northern Chile*. Los Angeles, pp. 99–126. (*Monum. archaeol.*, 7.)
- MORAGAS, C. 1982. Túmulos funerarios en la costa de Tocopilla (Cobija) – II Región. *Chungará (Arica)*, No. 9, pp. 152–73.
- MUJICA, E. 1985. Altiplano-Coast Relationships in the South-Central Andes: from Indirect to Direct Complementary. In: MASUDA, S.; SHIMADA, I., MORRIS, C. (eds), *Andean Ecology and Civilization*. Tokyo. pp. 103–40.
- MUÑOZ, I. 1982. La Capilla No. 4: Un asentamiento poblacional tardío en la costa de Arica. *Doc. Trab. (Arica)*, No. 2, pp. 98–112.
- MUÑOZ, I.; CHACAMA, J. 1982. Investigaciones arqueológicas en las poblaciones precerámicas de la costa de Arica. *Doc. Trab. (Arica)*, No. 2, pp. 3–97.
- ÑEZ RIGUEIRO, V. 1974. Conceptos instrumentales y marco teórico en relación al análisis del desarrollo cultural del Noroeste Argentino. *Rev. Inst. Antropol. (Cordoba)*, No. 4, pp. 69–190.
- NIEMEYER, H. 1985. Descubrimiento de la primera aldea Molle. *Creces (Santiago de Chile)*, No. 6, pp. 3–7.
- NÚÑEZ, L. 1971. Secuencia y cambio en los asentamientos humanos de la desembocadura del río Loa, en el norte de Chile. *Bol. Univ. Chile (Santiago de Chile)*, No. 112, pp. 3–25.
- 1974. La agricultura prehistórica en los andes meridionales. *Santiago de Chile*.
- 1980. Asentamientos de cazadores-recolectores tardíos en la Puna de Atacama: hacia el sedentarismo. *Chungará (Arica)*, No. 8, pp. 137–68.
- 1982. Temprana emergencia de sedentarismo en el desierto chileno: Proyecto Caserones. *Chungará (Arica)*, No. 9, pp. 80–122.
- 1983. Paleolítico y arcaico en Chile: diversidad, secuencia y procesos. México, D. F.
- 1986. Evidencias arcaicas de maíces y cuyes en Tiliviche: hacia el sedentarismo en el litoral fértil y quebradas del Norte de Chile. In: CONGRESO NACIONAL DE ARQUEOLOGÍA, ARICA. *Actas. Arica*. NÚÑEZ, L.; GARGES, H.; LLAGOSTERA, A. 1986. *Guía del Museo Arqueológico*. San Pedro de Atacama.
- POLLARD, G. C. 1971. Cultural Change and Adaptation in the Central Atacama Desert of Northern Chile. *Nawpa Pacha (Berkeley, Calif)*, No. 9, pp. 41–64.
- PONCE, C. 1970. Las culturas Wankarani y Chiripa y su relación con Tiwanaku. *La Paz*.
- 1978. El Instituto Nacional de Arqueología de Bolivia: su organización y proyecciones. *La Paz*. (Doc. Internos, 3178.)
- RAFFINO, R. 1977. Las aldeas del formativo inferior en la quebrada del Toro (Salta, Argentina). *Estud. Atacameños (Antofagasta)*, No. 5, pp. 64–108.
- RAVINES, R. 1972. Secuencia y cambios en los artefactos líticos del sur del Perú. *Rev. Mus. Nac. (Lima)*, pp. 133–84.
- RAVINES, R.; ALVAREZ, J. 1972. Fechas radiocarbónicas para el Perú. Lima. (*Arqueol.*, II.)
- SANCHEZ, M.; VALDES, C. 1982. Excavaciones arqueológicas en Cautín: alero Quillem I. In: CONGRESO NACIONAL DE ARQUEOLOGÍA, 9. La Serena. *Resumen*. La Serena.
- SANTORO, C. 1980. Estratigrafía y secuencia cultural funeraria: fases Azapa, Alto Ramírez y Tiwanaku (Arica, Chile). *Chungará (Arica)*, No. 6, pp. 24–5.
- SCHIAPPACASSE, V.; NIEMEYER, H. El arcaico en el norte semiárido de Chile. Un comentario. (Unpublished MS.)
- 1984. Descripción y análisis interpretativo de un sitio arcaico temprano en la quebrada de Camarones. *Santiago de Chile*. (*Publ. Ocas.*, 41.)
- STEHBERG, R. 1984. *Arqueología de Chile Central*. *Gac. Arqueol. Andina (Lima)*, No. 12, pp. 4–5–15.
- TARRAGÓ, M. (Ms.) La historia de los pueblos circum puneños en relación con el altiplano y los andes meridionales. In: SIMPOSIO DE ARQUEOLOGÍA ATACAMEÑA, I, SAN PEDRO DE ATACAMA. *Actas. San Pedro de Atacama*.
- UHLE, M. 1919. *La arqueología de Arica y Tacna*. Quito.
- ZLATAR, V. 1983. Replanteamiento sobre el problema Caleta Huelén. *Chungará (Arica)*, No. 10, pp. 21–8.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жан-Пьер Моэн

Период 3000–700 гг. до н.э., рассматриваемый во втором томе «Истории человечества», характеризуется рядом черт, придающих ему определенную степень единства.

Прежде всего, это – ускорение развития событий во времени. Если в доисторическую эпоху, которой посвящен первый том, темпы хода времени измерялись геологическими эпохами, то теперь они измеряются изменениями, обусловленными климатом: основной единицей счета становится 1000 лет, однако к концу этого тома даются ссылки с точностью до 100 лет, хотя не все эти даты определены точно. Начиная с III тысячелетия до н.э. появляется ряд исторических дат, но в отношении их достоверности могут возникать некоторые сомнения и споры. Благодаря формированию крупных государств и возникновению письменности, в частности сохранности хорошо различимых надписей на дощечках, стелах и памятниках, можно составить представление об основных вехах политического, правового и исторического развития общества. Таким образом, память об этих событиях сохранялась и использовалась как в нравоучительных, так и в политических целях: имена правителей обнаруживаются рядом с именами богов.

Впечатление об ускорении хода времени создается благодаря двум выдающимся событиям. Происходит необычайный рост товарообмена, обусловленный появлением транспортных средств и выделением особого класса купцов. В результате этого новые технологии быстро распространяются и приспособляются для местного использования, в связи с чем у историков складывается мнение о более быстром техническом прогрессе.

Второй фактор связан с памятниками письменности – основными источниками исторической науки, благодаря которым официальная или конфиденциальная информация была сохранена для следующих поколений. Поскольку системы письма распространялись все быстрее, исторические события начинают чаще фиксироваться, и возникает впечатление, что со временем «история становится больше», т.е., другими словами, история развивается быстрее. Эта иллюзия того, что события сменяют одно другое с большей скоростью, привела к появлению понятия прогресса, которое является центральным для нашего исследования исторических событий данного периода. Последующие «металлические» века, в том виде, в котором они традиционно описываются, являются хорошим примером этого: медный век, в котором появились орудия из чистых металлов (меди и золота) и сократилось использование простых руд, таких, как карбонаты или оксиды (медные руды), сменился бронзовым веком – веком медных сплавов, в которых использовались мышьяковистые руды, олово, а затем и сплав олова со свинцом и которые, несмотря на сложность технологии их изготовления, были более функциональными материалами (более плавкими и прочными). Последним металлическим веком был железный век, в котором для получения высококачественной стали – металла, не сравнимого по своим свойствам ни с каким другим, который впервые стал использоваться для производства оружия, – требовалось высокое мастерство и квалификация. Не возникает со-

мнений в том, что это был технический прогресс, однако можно сделать несколько уточнений относительно ряда географических областей и культур, в которых наблюдаются определенные предпочтения (золоту, которое было символом бессмертия для фараонов) или, напротив, неприятия (неиспользование металлов в таежных районах России). По сути, для определения эволюции общества теперь не следует брать за основу только модель технологического развития. Можно понять, почему до последнего времени ученые основывались преимущественно на этом принципе; дело в том, что последовательность развития технологий часто легко выявляется. Тем не менее, поскольку интересы различных типов общества не совпадают, устанавливается новое демографическое и экологическое равновесие, которое отражает богатство изобретательской мысли, проявляющееся скорее в том, каким образом группы населения приспосабливаются к окружающей их среде, чем в явных свидетельствах общественного развития. Таким образом, при рассмотрении вопроса о соотношении уровней эволюции кочевых и оседлых групп населения, сейчас очевидно, что первые не являются архаической ступенью развития вторых, а, напротив, представляют собой форму общественного устройства, связанную с определенными географическими особенностями, традициями и непосредственными обстоятельствами. Мы видели, как появление однопорбых верблюдов в пустынях Аравийского полуострова привело к обогащению купцов-кочевников в этом районе, которые стали одним из сословий в сложной иерархической системе в эпоху правления династии Ахеменидов. Мы также рассматривали пример того, как племена охотников и рыболовов, живших в лесных районах на севере Европы и в Азии, достигли выдающегося уровня культурного развития и могли соперничать с сельскими общинами более южных областей.

Кроме того, неоднократно говорилось об относительной автономии городской системы и государственной системы. Одним из первых поселений, напоминающих, по сути, городской центр, является Иерихон, образованный в VIII тысячелетии до н.э., т.е. намного раньше, чем какое-либо государственное объединение, которое впервые появляется только в начале II тысячелетия до н.э. И хотя столицей государства был, как правило, городской центр, оно могло развиваться и на основе религиозного центра, как в Америке.

Таким образом, история развивается не по линейной модели. Мы больше не можем принимать за основу простую теорию о последовательной смене охотников земледельцами, затем купцами и, наконец, городскими жителями. И если эволюция общества не рассматривается более как линейная, мы должны теперь говорить о ней как о разветвляющейся структуре. Мы уделяем значительное внимание исследованию разнообразных культур, которые, по-видимому, отражают развитие народов в диахронии. Поэтому такие важные этапы в истории человечества, как эпоха неолита и «металлические» века, которые рассматриваются в данном томе, описываются так, чтобы можно было выявить местные особенности, характер-

ные для каждой из культур, которые – в мировом масштабе – снижают убедительность концепции об этих значительных эволюционных периодах. Мы уже прошли этап, когда обнаружение того, что скотоводство и земледелие развивалось в Евразии, Африке и Америке одновременно или что орудия из меди начали изготавливать на всех этих континентах в один и тот же период, вызывало удивление. Нас интересует, как и почему эти формы производительного труда развились в разных обществах. Археология теперь не только делает открытия, но и ставит вопросы. Таким образом, она становится гуманитарной наукой, а не просто областью открытий.

Третьей характеристикой исследования, проводимого во втором томе, является присущая современному уровню знаний трудность определения соотношения между разными областями науки, которые изучают данный предмет. Наблюдается, например, ряд несоответствий между различными историческими и физико-химическими подхо-

дами к определению точной, единодушно признаваемой хронологии. В качестве еще одного примера можно привести тот факт, что историки, лингвисты и археологи не всегда придерживаются единого мнения относительно того, что следует понимать под индоевропейским феноменом. Помимо этих очень специфических точек зрения, разные специалисты по данному периоду придают первостепенное значение либо экономике, либо политике, либо даже религии, либо другим областям (например истории искусства, лингвистике или археологии).

Мы решили оставить эти вопросы открытыми, даже если авторы четко аргументируют свои позиции. У читателя, таким образом, появляется возможность ознакомиться с представленными здесь статьями и составить собственное мнение о проблемах, каждая из которых, без сомнения, весьма интересна. При этом мы попытались собрать наиболее репрезентативные концепции.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

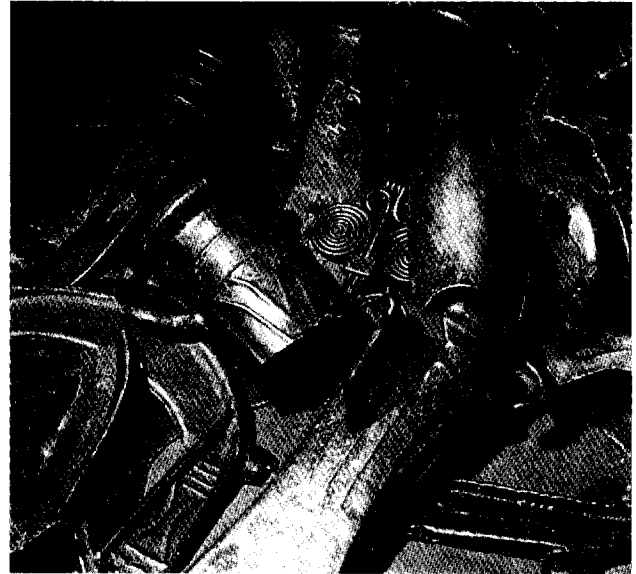
ГОДЫ ДО Н.Э.	ЕВРОПА			АФРИКА			АЗИЯ		
	Северная/ Западная Европа	Восточная/ Центральная Европа	Южная Европа	Египет/ Нубия	Африка: Северная Сахара	Другие аф- риканские страны	Анатолия	Сирия/ Палестина	Месопотамия
	Конец неолита	Энеолит	Энеолит	Начало истории (3300–3100)					Урук Период Джемдет-Нагр (3100–2000)
				Период дина- стий из Тина (3100–1700)					
3000	Халколит (3000–2000)	Ранний брон- зовый век (3000–2000/ 1900)	Ранний бронзо- вый век (3000–2000)		Бовидиан. Тенере	Ското- водство	Ранний брон- зовый век (3000–2500)	Ранний бронзовый век (3000–2500)	
									I раннединасти- ческий период (2900–2750)
				Древнее царство (2700–2200)					II раннединасти- ческий период (2750–2600)
									III раннединасти- ческий период (2600–2375)
2500							Средний бронзовый век (2500–1800)		
									Аккадский период (2375–2230)
			Минойская куль- тура. Средний бронзовый век (2100–1600)						III династия Ура (2113–2006)
2000	Ранний бронзовый век (2000–1600)	Средний бронзовый век (2000– 1600/1500)		Первый переходный период				Средний бронзовый век (2000–1600)	
							Поздний бронзовый век (1800–1200)		
				Среднее царство (1785)		Земле- делие			
	Средний бронзовый век (1600–1300)	Поздний бронзовый век (1600–950)	Поздний брон- зовый век (1600–1100)	Второй переходный период (1785–1570)				Поздний бронзовый век (1600–1200)	
1500				Новое царство (1570–1070)			Хетты (1500–700)		Касситский период (1500–700)
	Поздний бронзовый век (1300–800)		Микенцы Троянская война				Троянская война (1300)		
					«Эквидиан»			Железный век I (1200–800)	
			Железный век I (1100–700)				Железный век I (1180–750)	Израиль (1100)	
1000				Третий переходный период (1070–656)		Появление банту (око- ло I тыся- челетия)			
		Железный век I (800–500)			Медный век	Железный век		Ассирийцы (911–609)	
	Железный век I (800–500)								
700			Рим (753)		Карфагеняне			Финикийцы	
600									
500								Хурриты	

АЗИЯ					АВСТРАЛИЯ И ОКЕАНИЯ	АМЕРИКА			ГОДЫ ДО Н.Э.
Иран	Центральная Азия	Аравийский п-ов	Пакистан/ Индия	Китай/ Япония		Северная	Центральная	Южная	
Формирование государств					Керамика				
Первые государства (3000–2150)	Ранний брон- зовый век (3000–2500)	Ранний брон- зовый век (3000–2400)	Индская ци- визация (3000–1500)			Древняя медная культура			3000
	Средний бронзовый век (2500–2000)							Охотники и первые земледельцы	2500
		Средний бронзовый век (2400–1800)							
Симашкинская и сукальмахская династии (2150–1500)					Натуралисти- ческое искус- ство. Керамика				
	Поздний бронзовый век (2000–1500)			Ся			Первая деревня: Куэльо		2000
		Поздний бронзовый век (1800–1200)							
				Шан (1600– 1027)					
	Железный век I (1500–600)		Постиндские культуры (1500–700)				Ранний до- классический период		1500
Железный век I (1450–1100)									
		Железный век I (1200–400)							
Железный век II (1100–800)									
			Арийцы (1000–800)	Чжоу (1027– 771)	Земледелие. Скотоводство		Ольмеки		1000
								Первые поселения земледельцев	
Железный век III (800–550)								Чавин	
									700
									600
									500

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Украшение во внутреннем дворе VIII дворца царя Ассирии Саргона II (721–705 гг. до н.э.); изображена перевозка бревен кедрового дерева (Хорсабад); высота 4 м (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото *R.M.V.*)

Илл. 2. Часть клада бронзовых инструментов и ювелирных изделий позднего бронзового века из Яскараснё; медь Лептг, Венгрия (по *Kovács*, 1977)

Илл. 3. Обломки оборудования для бронзового литья из Фор-Арруар (департамент Эривуар, Франция), 1300–1000 гг. до н.э. Начиная слева сверху: терракотовая форма для отливки булавок и наконечников для стрел; форма из воска для отливки колец, тоноров и наковален; глиняная подставка для фурмы (устройства для подачи дутья); фрагменты тигля и наконечников для стрел (с согласия Музея национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Ле, Франция; фото *D. Vigears*)

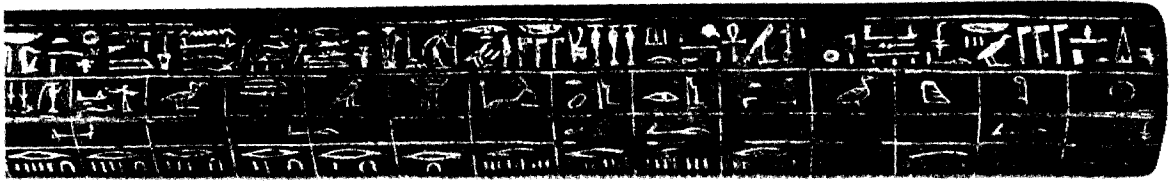
Илл. 4. Стоунхендж (Великобритания), вид на огромные каменные столбы и плиты над ними (фото Ж.-П. Моэна)

Илл. 5. Стоунхендж (Великобритания), вид с северо-востока (фото Ж.-П. Моэна)

Илл. 6. Раскрашенный барельеф, изображающий Нефертиабет (предполагаемую сестру фараона Хеопса) с набором погребальных приношений (Египет, 2700 гг. до н.э.); изображено также много цифр египетской иероглифической системы счисления; справа внизу иероглиф, соответствующий числу 1000, повторяется четыре раза (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото RMN)

Илл. 7. Кубит (525 мм), древнеегипетская мера длины (с согласия Музея Egizie, Турин, Италия)

Илл. 8. Изображение египетского писца, составляющего отчет для кладбища, из мастабы (древнеегипетского захоронения с покатыми сторонами и плоской крышей. – Прим. ред.) фараона Ахетхотена из V династии Древнего царства, 2450–2290 гг. до н.э. (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото R.M.N.)

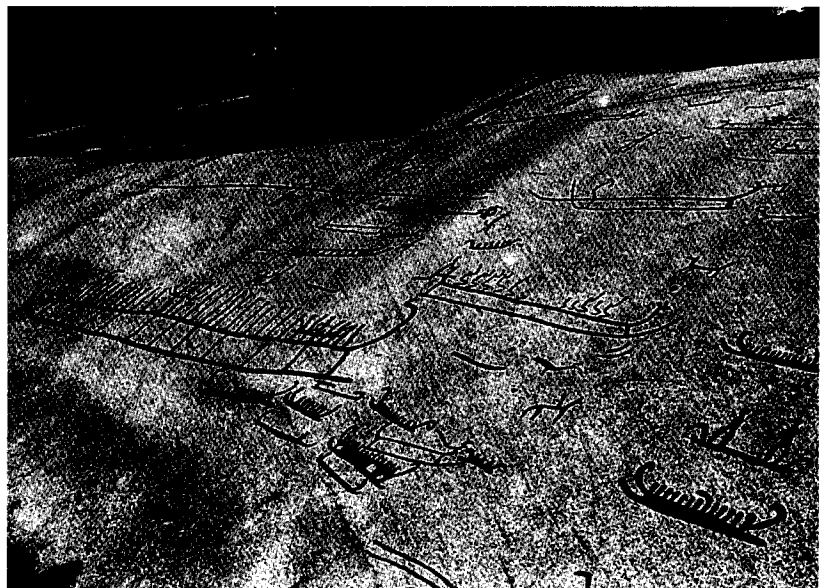
Илл. 9. Изображение фруктовых деревьев в Месопотамии на рельефе из дворца ассирийского царя Синаххериба (около 700 г. до н.э.); показаны вавилонские плесеники, идущие под охраной вдоль речного берега с финиковыми пальмами (с согласия Музея Ашмола, Оксфорд, Великобритания)

Илл. 10. Крепостные укрепления времен Хеттской империи, 1450–1200 гг. до н.э. (фото Э. Акургала)

Илл. 11. Статуя сидящего Будды, около 2150 г. до н.э. Темно-зеленый диорит; высота 45 см (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото RMN.)

Илл. 12. Изображение судов бронзового века в местонахождении Витлике вблизи Танум, местность Бохуслен, Юго-Западная Швеция (фото Eric Coquengnot)

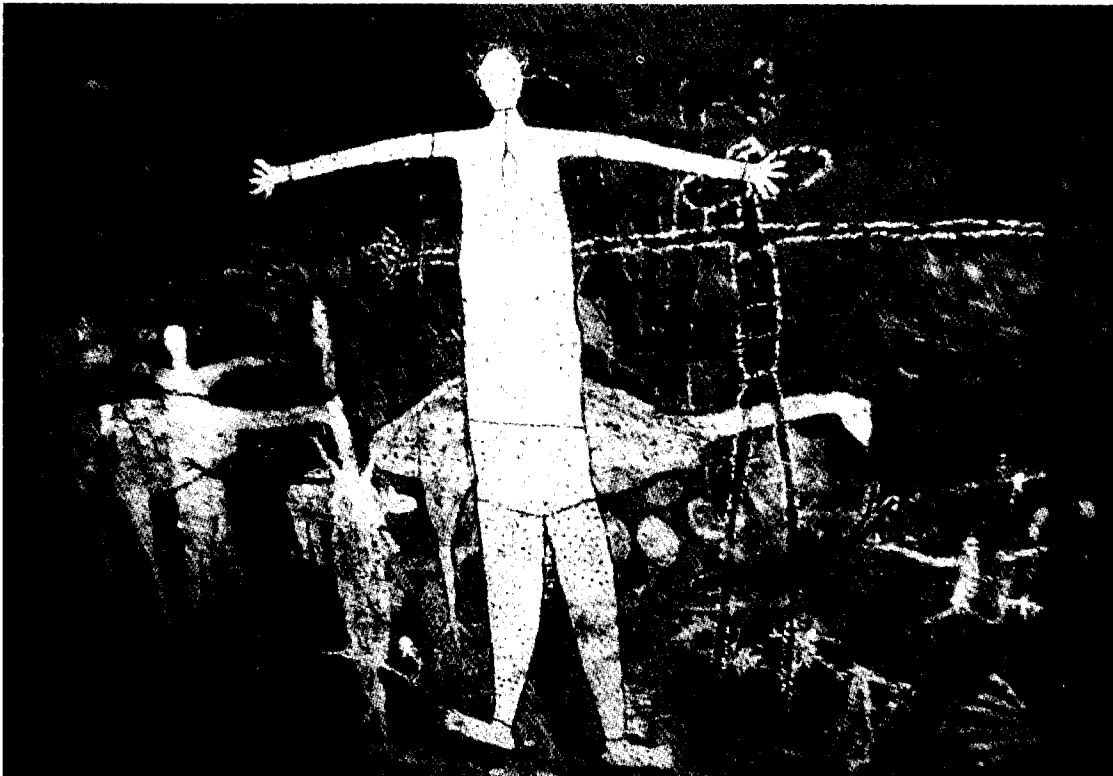
Илл. 13. Бронзовые доспехи (латы) из Мармесса, верхнее течение р. Марна, Франция; IX–VIII вв. до н.э. (с согласия Национального музея древностей в Сен-Жермен-ан-Лэ, Франция)

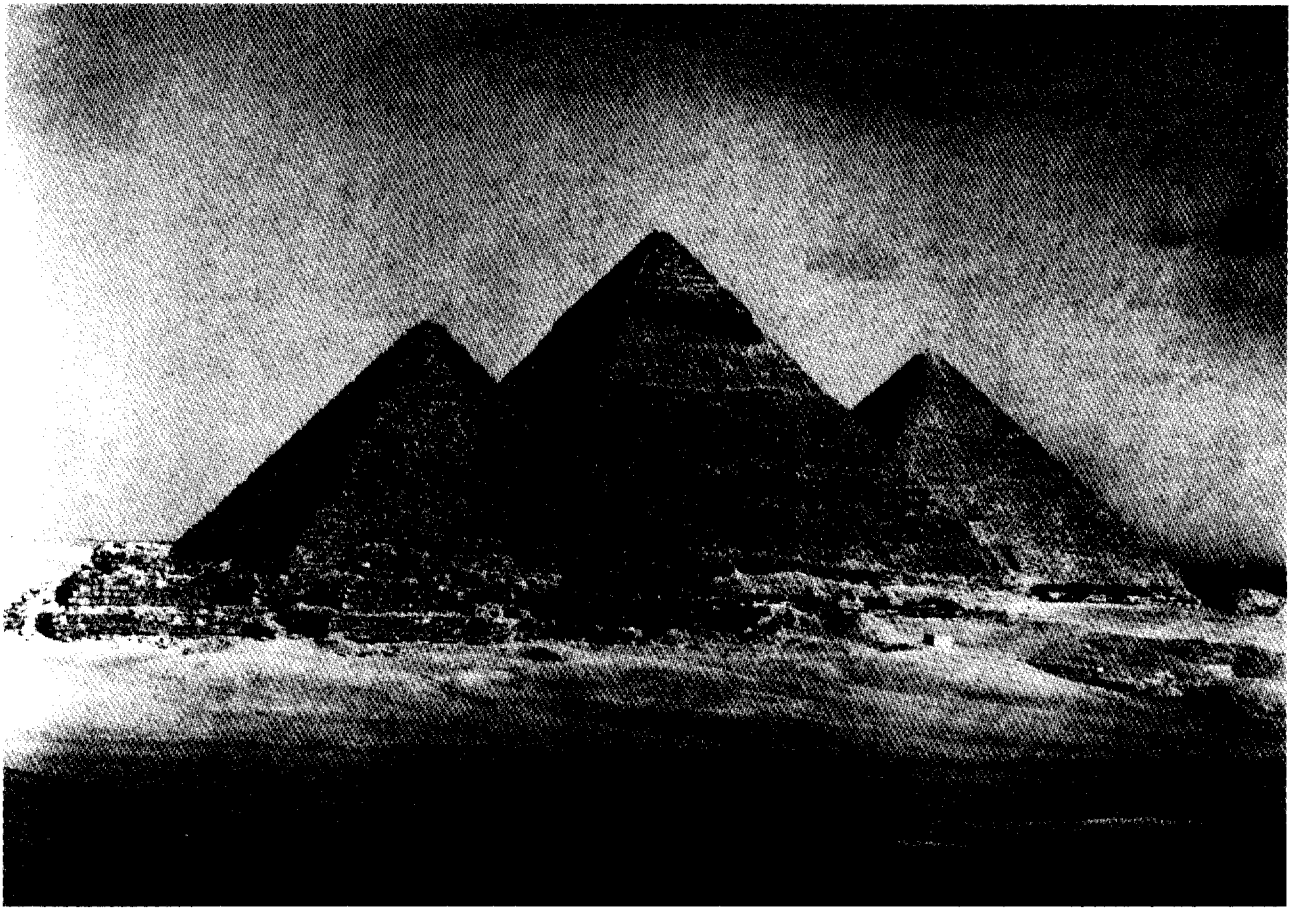
Илл. 14. Небквет в сопровождении своей матери и жены. Фрагмент из «Книги мертвых» приблизительно 1320 г. до н.э. Рисунок на папирусе, длина 15 см (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото *RMN*.)

Илл. 15. Менгир в виде статуи из Ма-д'Азэ, Монтоло, Аверон, Франция. Конец III тысячелетия до н.э. (с согласия Национального музея древностей в Сен-Жермен-ан-Лэ, Франция)

Илл. 16. Наскальное изображение в Галерее чудес, север штата Квинсленд, Австралия. Белая фигура больше человеческого роста с «любовной подвеской», имеющая, как считается, любовно-магическое значение. Тонкая темно-красная фигура позади – дух Квинкана (фото *Дж. Флуд*)

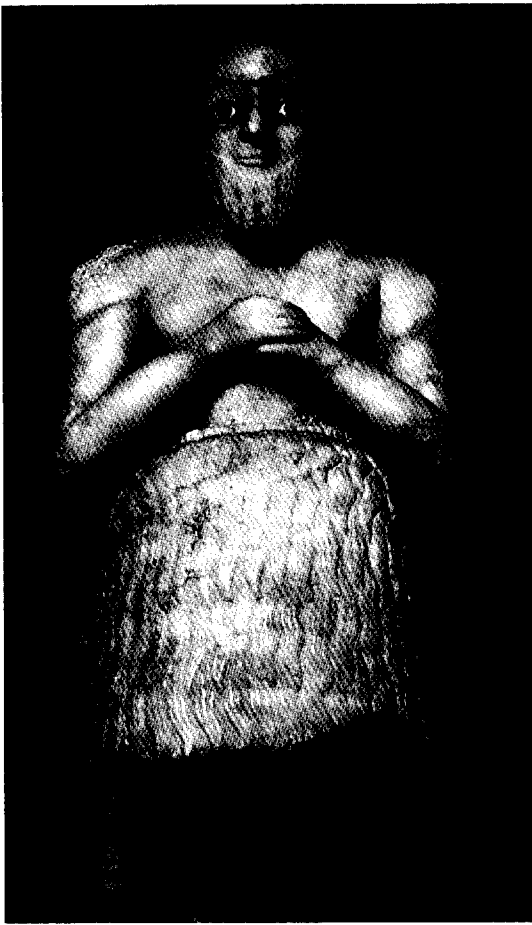
Илл. 17. Пирамиды в Гизе (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

Илл. 18. Бюст египетского фараона Аменемхета III (1842–1797 гг. до н.э.). Вулканический камень (с согласия Музея Фитцуильяма, Кембридж, Великобритания)

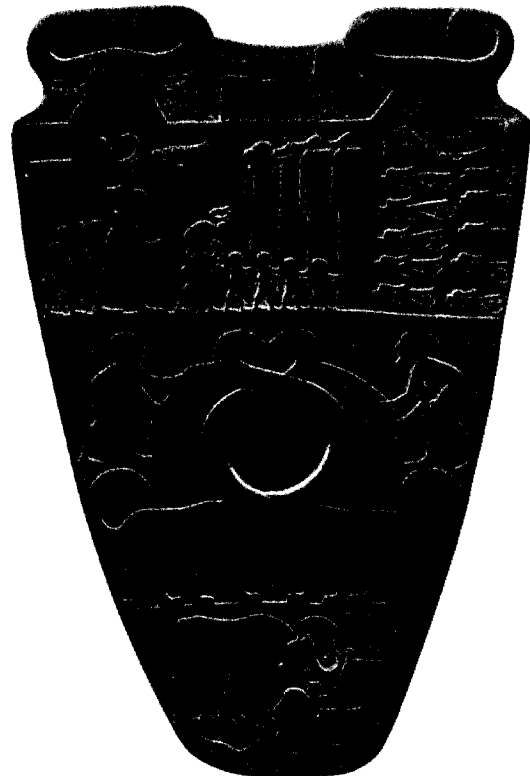
Илл. 19. Писец, сидящий «по-турецки». Раскрашенный известняк (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото RMN.)

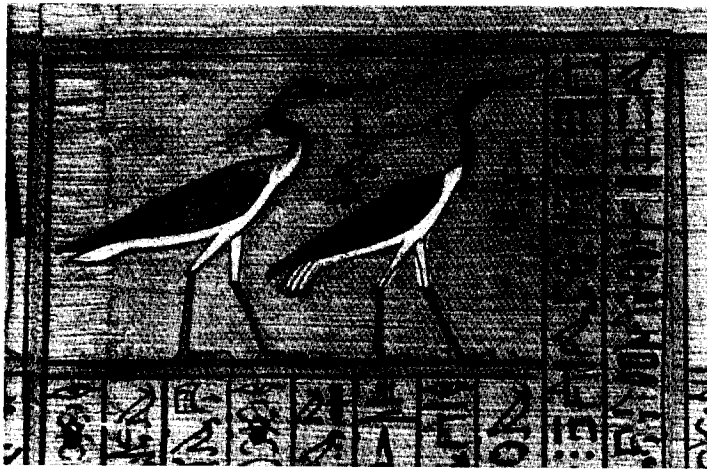
Илл. 20. Алебастровая статуя сидящего Абикхила, жреца храма в Мари, около 2800–2685 гг. до н.э. (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

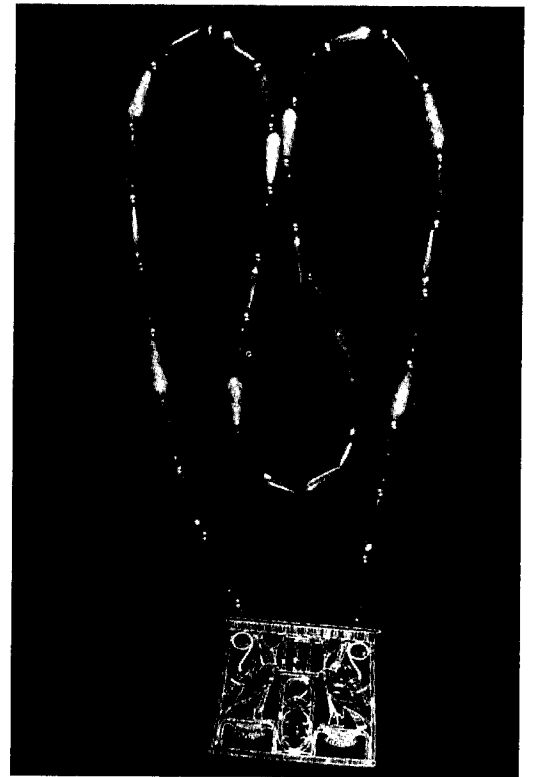
Илл. 21. Придворный музыкант Амона, аккомпанирующий себе на арфе, поет гимн в честь бога Хорахте. Стела из Джедхонунуфанха, около 1000–900 гг. до н.э. Раскрашенное дерево; высота 29,4 см (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото R.M.N.)

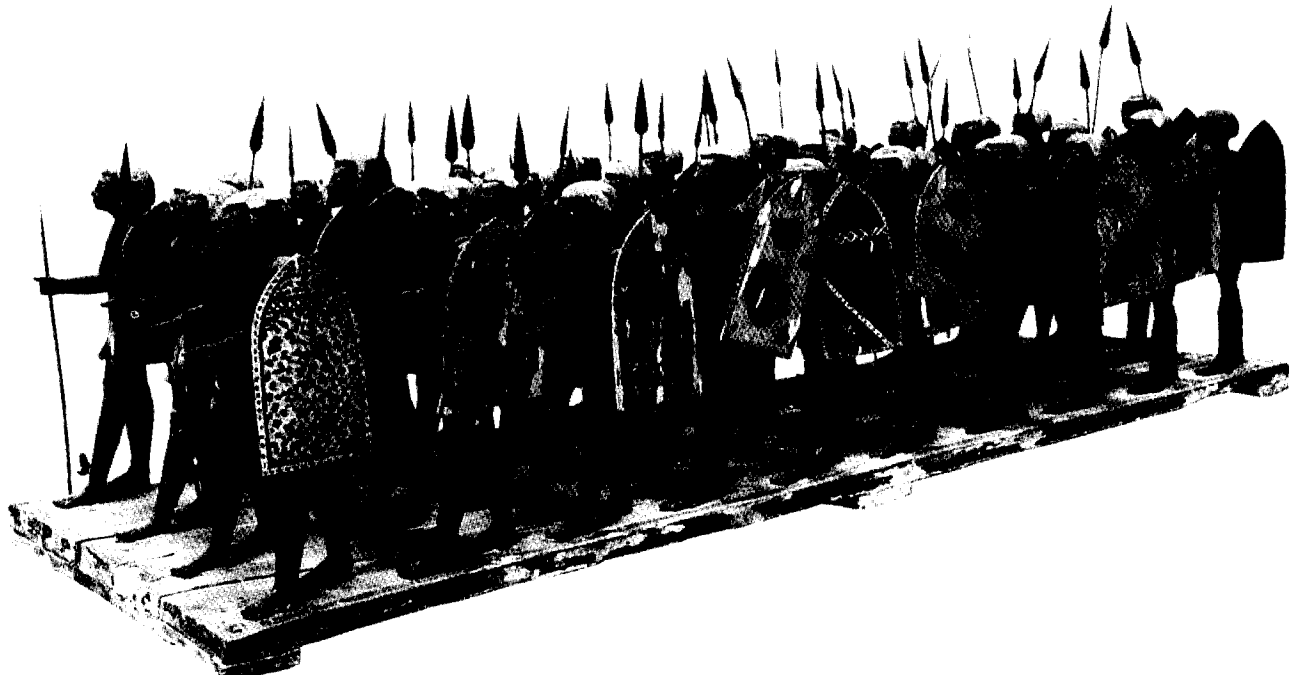
Илл. 22. Тонкая каменная (сланцевая) плитка с именем фараона Нармера (с согласия Египетского музея, Каир, Египет)

Илл. 23. Иллюстрированное заклинание для превращения кого-либо в цаплю или птицу-феникс. Фрагмент из «Книги мертвых», около 1320 г. до н.э. Раскрашенный папирус; длина 13 см (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото *RMN*.)

Илл. 24. Ожерелье эпохи Среднего царства, найденное в Иллахуне (с согласия Египетского музея, Каир, Египет)

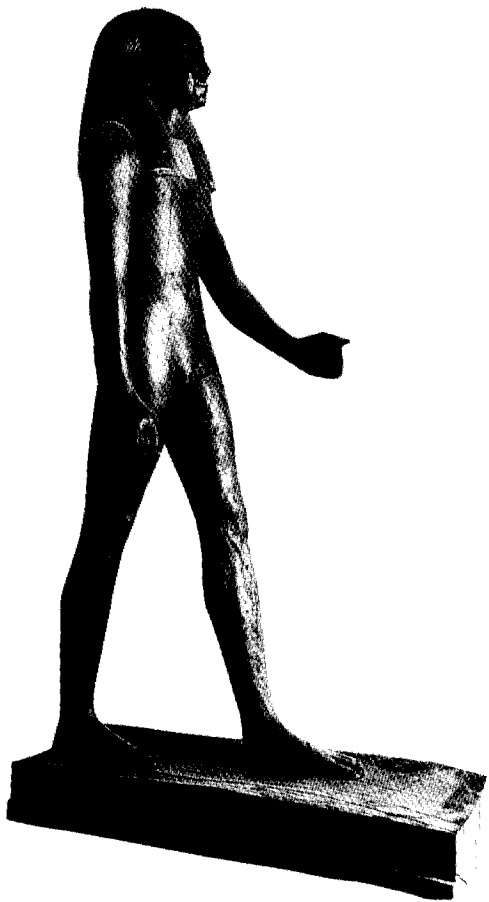
Илл. 25. Фигурки воинов эпохи XI династии из гробницы Мишти в Асьюте (с согласия Египетского музея, Каир, Египет)

Илл. 26. Артефакты из культуры группы А, Нубия (фото Объединенной скандинавской экспедиции)

Илл. 27. Крепость в Бухене, Нубия (фото Rex Keating)

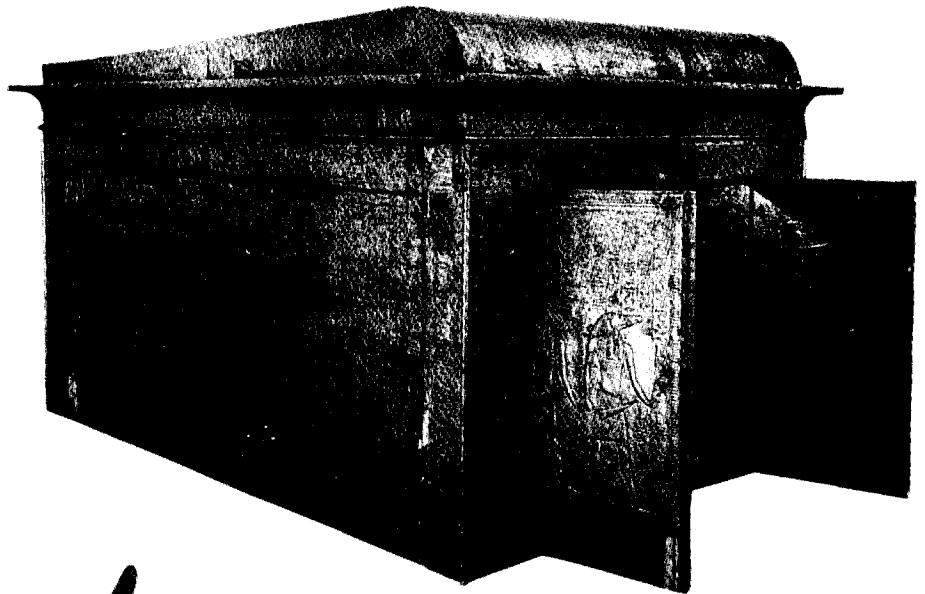
Илл. 28. Статуя фараона Хора из XIII династии (с согласия Египетского музея, Каир, Египет)

Илл. 29. Статуя фараона Тутмоса III (с согласия Египетского музея, Каир, Египет)

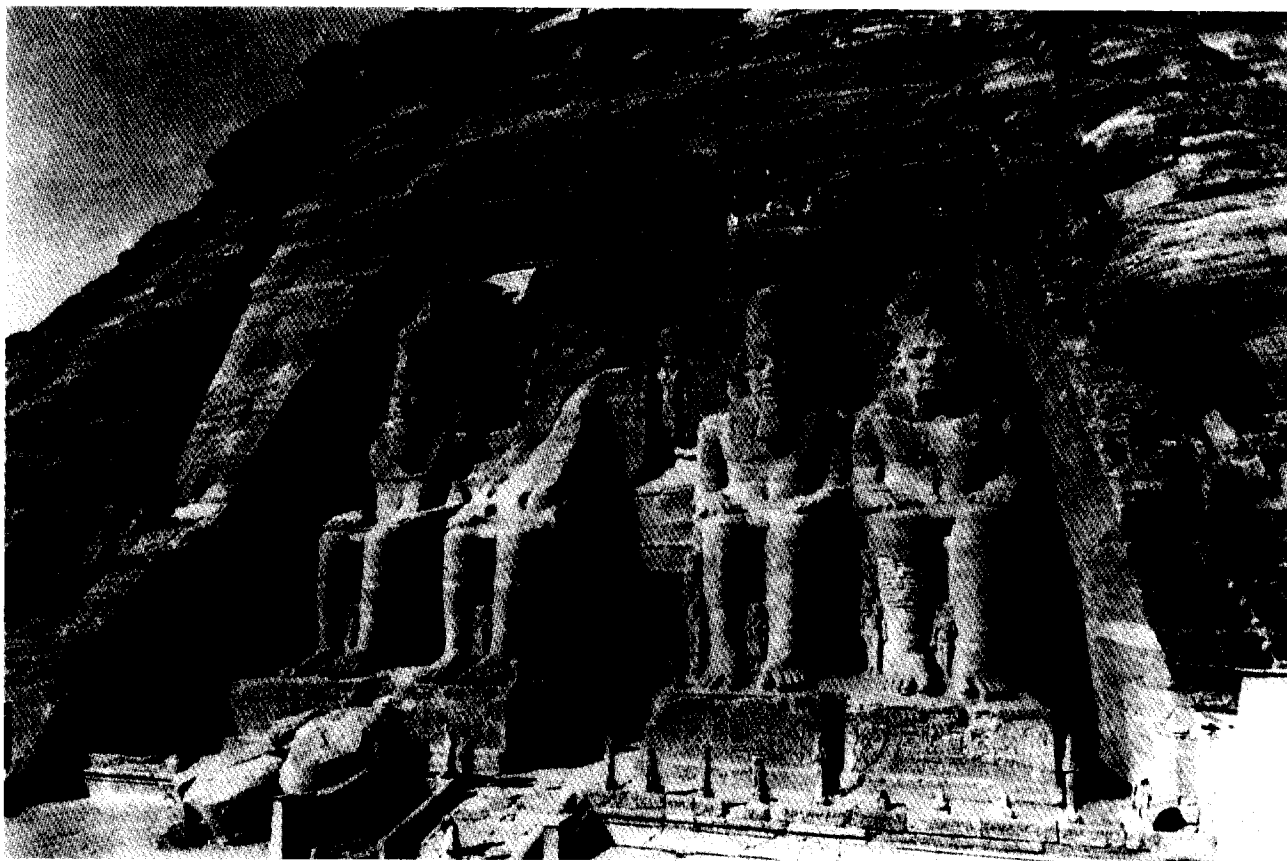
Илл. 30. Знаменитый писец и архитектор Аменхотеп, сын Хапу из XVIII династии (с согласия Египетского музея, Каир, Египет)

Илл. 31. Позолоченная модель часовни из сокровищницы гробницы Тутанхамона (с согласия Египетского музея, Каир, Египет)

Илл. 32. Алебастровое подголовье из сокровищницы гробницы Тутанхамона (с согласия Египетского музея, Каир, Египет)

Илл. 33. Большой скальный храм в Абу-Симбеле (фото G. Mokhtar)

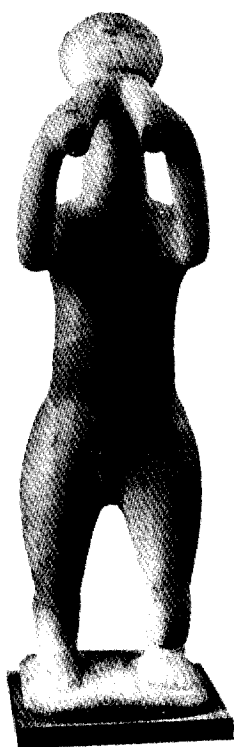
Илл. 34. Храм в Вади-эс-Себуа, Нубия (фото G. Mokhtar)

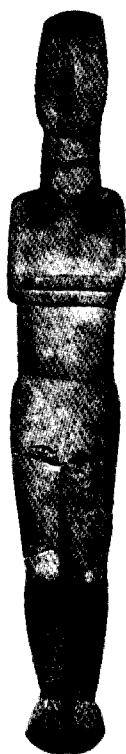
Илл. 35. Коронация фараона Рамсеса II богами Гором и Сетом. Абу-Симбел, Малый храм (с согласия Центра документации и изучения Древнего Египта, Каир, Египет)

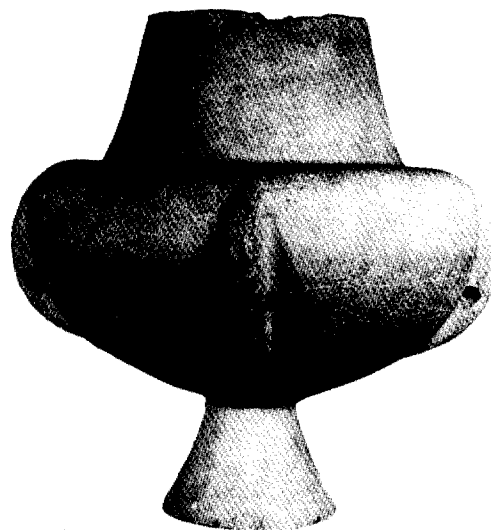
Илл. 36. Статуя Рамсеса V, дарующего модель наоса (с согласия Египетского музея, Каир, Египет)

Илл. 37. Древнекикладская мраморная фигурка музыканта, играющего на арфе; высота 0,225 м (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

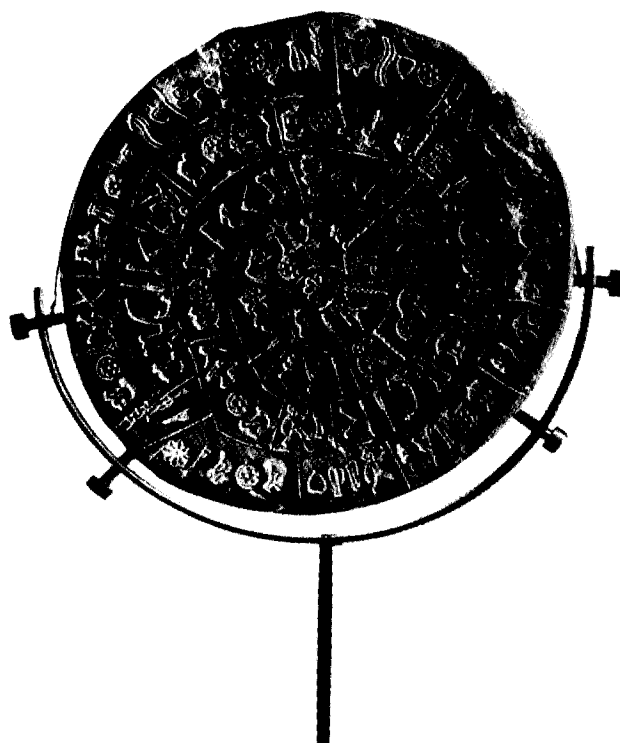
Илл. 38. Древнекикладская мраморная статуя, изображающая женскую фигуру; высота 1,52 м (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

Илл. 39. Древнекикладская мраморная ваза (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

Илл. 40. Древнекикладский круглый ящик из глины с нанесенным краской линейным орнаментом; высота 0,72 м (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

Илл. 41. Диск из Феста с иероглифическими надписями (с согласия Археологического музея Ираклиона, Греция)

Илл. 42. Глиняная дощечка с надписями, выполненными линейным письмом А (с согласия Археологического музея Ираклиона, Греция)

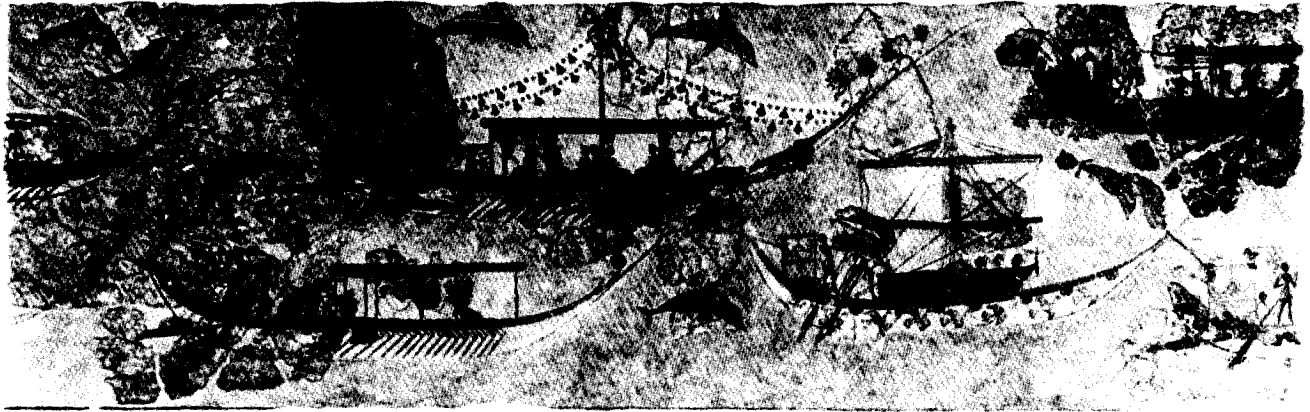
Илл. 43. Настенная роспись с женским изображением из Микен (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

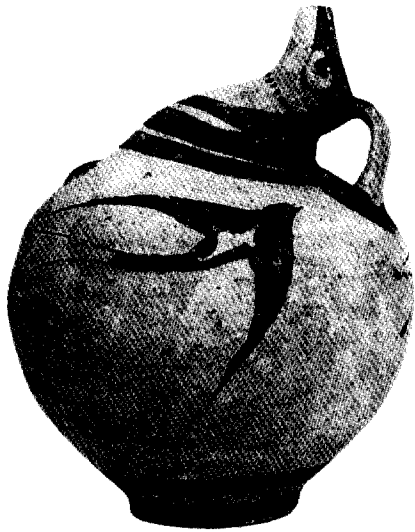
Илл. 44. Золотая погребальная маска из Микен (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

Илл. 45. Золотая чаша из Вапейо с изображением сцены ловли быка (с согласия Национального исторического музея, Афины, Греция)

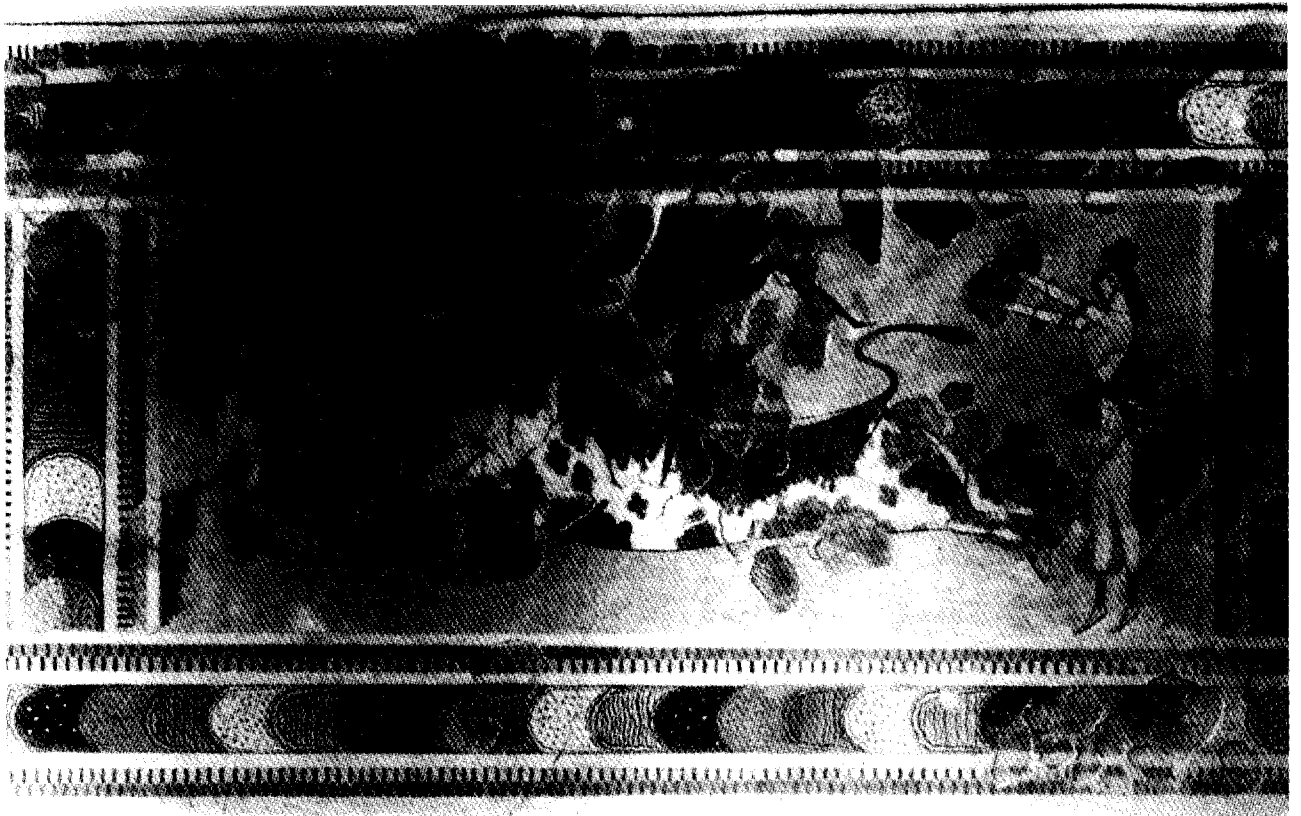
Илл. 46. Настенная роспись с о. Тира с изображением флотилии кораблей (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

Илл. 47. Среднекикладский глиняный кувшин с о. Тира с изображением ласточек (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

Илл. 48. Среднеминойский глиняный кратер (сосуд) с рельефным изображением цветов (с согласия Археологического музея Ираклиона, Греция)

Илл. 49. Настенная роспись с изображением скачек на быках (с согласия Археологического музея Ираклиона, Греция)

Илл. 50. Позднеминойская фаянсовая статуэтка «Богиня со змеями» (с согласия Археологического музея Ираклиона, Греция)

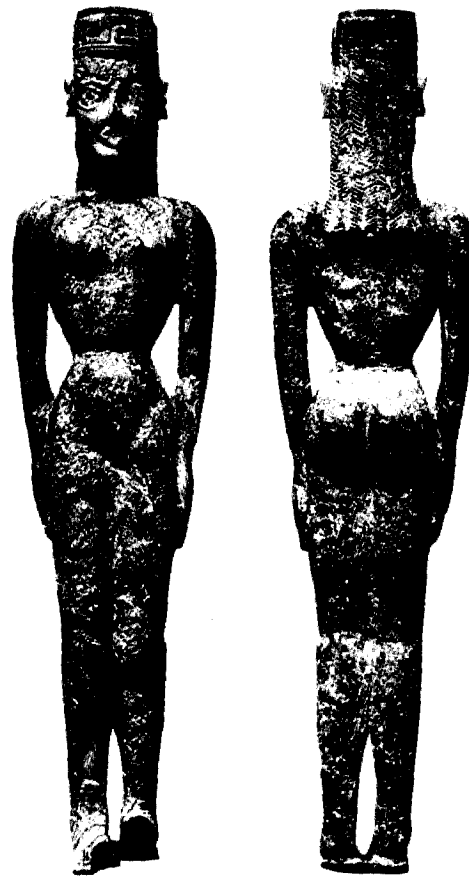
Илл. 51. Позднеминойский каменный ритуальный сосуд (ритон) в форме головы быка (с согласия Археологического музея Ираклиона, Греция)

Илл. 52. Позднеминойский ритуальный сосуд (ритон) из горного хрусталя (с согласия Археологического музея Ираклиона, Греция)

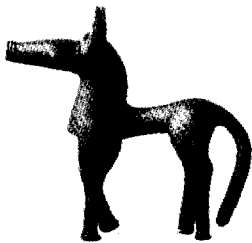
Илл. 53. Кратер (сосуд) из Керамейкоса в среднегеометрическом стиле, изготовленный в Афинах; высота 0,515 м (с согласия Германского археологического института, Афины, Греция)

Илл. 54. Статуэтка из слоновой кости в среднегеометрическом стиле, греческая адаптация восточного прототипа богини Астарты, изготовленная в Афинах; высота 0,24 м (с согласия Германского археологического института, Афины, Греция)

Илл. 55. Кратер (сосуд) из Дипилона в позднегеометрическом стиле с изображением погребальной процессии, изготовленный в Афинах около 740 г. до н.э.; высота 1,23 м (с согласия Германского археологического института, Афины, Греция)

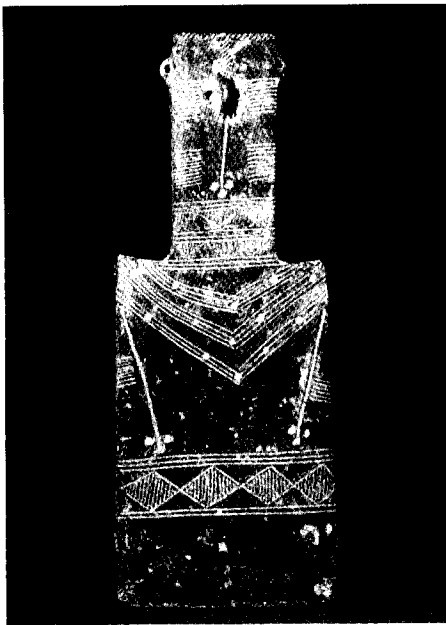
Илл. 56. Бронзовые лошадки, найденные в Олимпии, высота 0,85 м; аргивская работа (с согласия Германского археологического института, Афины, Греция)

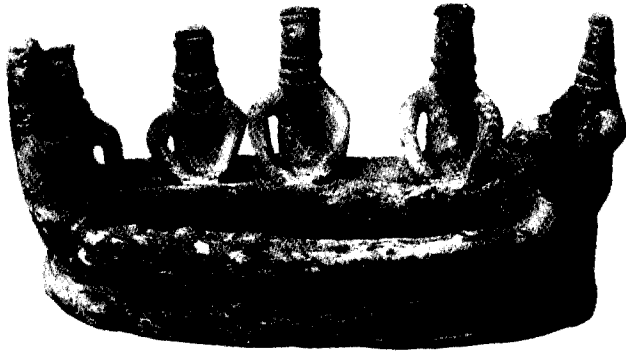
Илл. 57. Бронзовая статуэтка из Олимпии в позднегеометрическом стиле; высота 0,15 м (с согласия Германского археологического института, Афины, Греция)

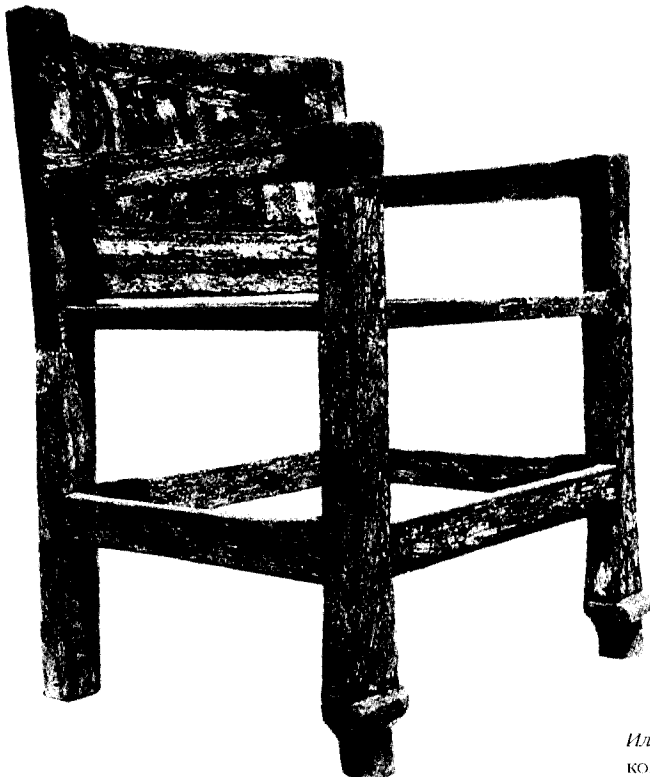
Илл. 58. Найденная в Олимпии бронзовая статуэтка в позднегеометрическом стиле; высота 0,144 м; аргивская работа (с согласия Германского археологического института, Афины, Греция)

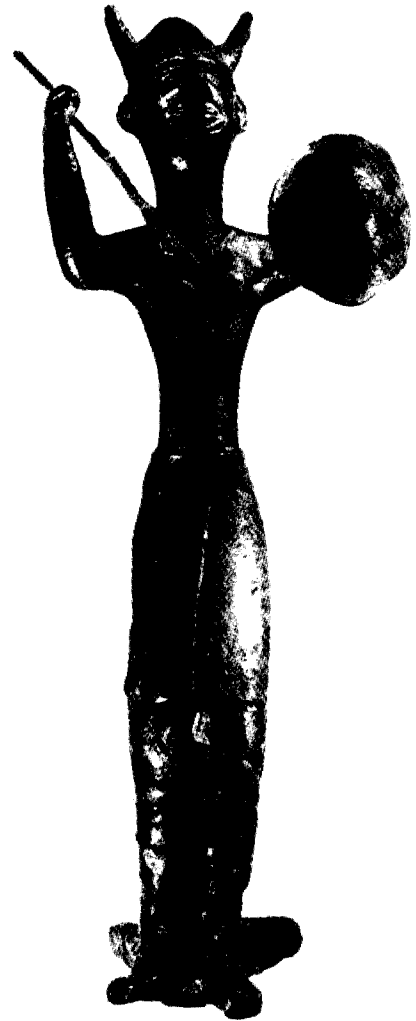
Илл. 59. Плоская фигурка идола, красная подвеска для светильника, конец III тысячелетия; Кипр (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция)

Илл. 60. Группа глиняных фигурок, сидящих вокруг какого-то корыта (занятых стиркой? приготовлением теста для хлеба? или каким-то ритуальным действием?). Средний бронзовый век, Кипр (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция)

Илл. 62. Трон из слоновой кости из «Царского погребения» в Саламисе; конец VIII в. до н.э.; Кипр (с согласия Кипрского музея, Никосия)

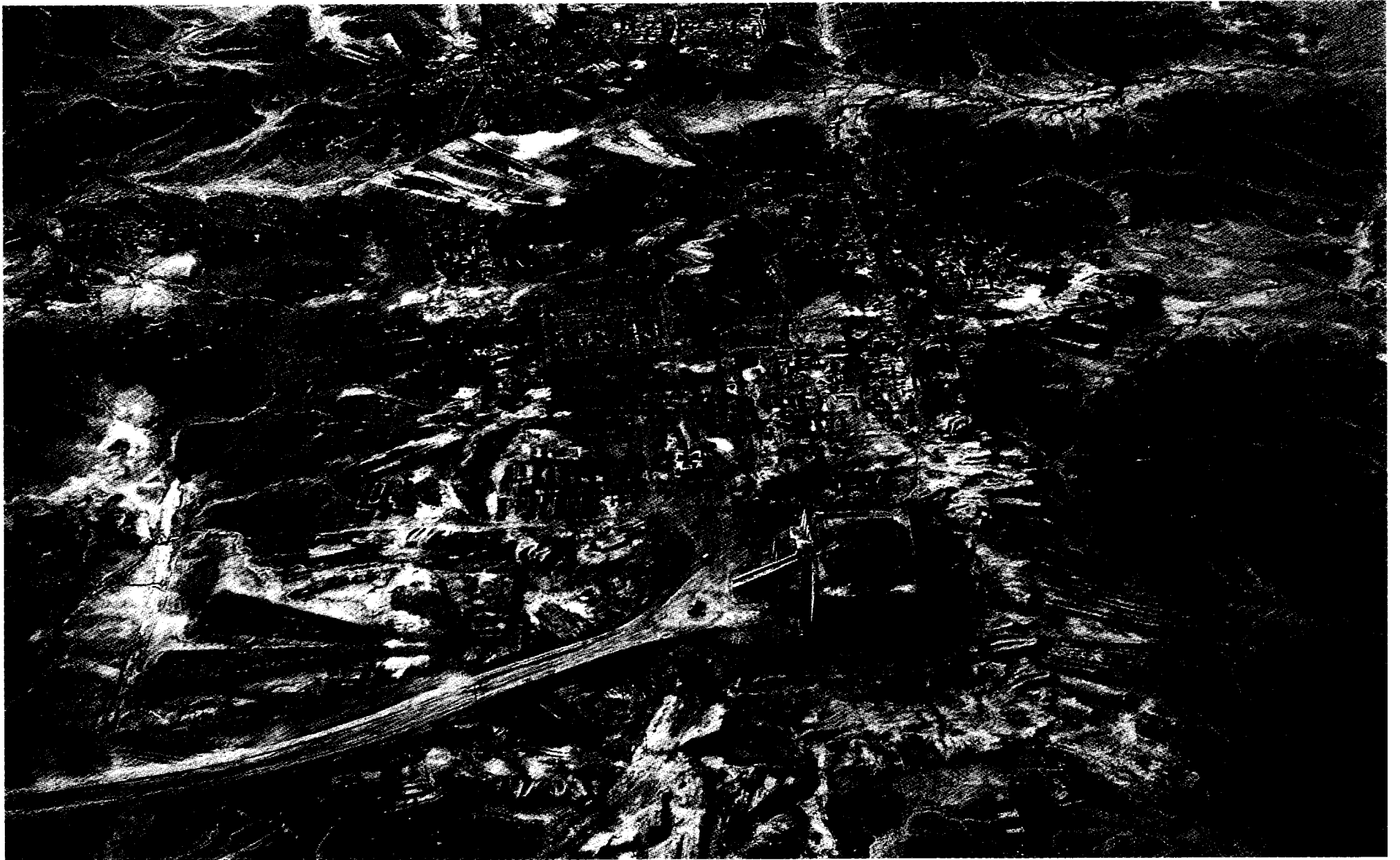
Илл. 61. Бронзовая статуя из Энкоми, изображающая вооруженное божество, стоящее на постаменте в форме медного слитка; XII в. до н.э.; Кипр (с согласия Кипрского музея, Никосия)

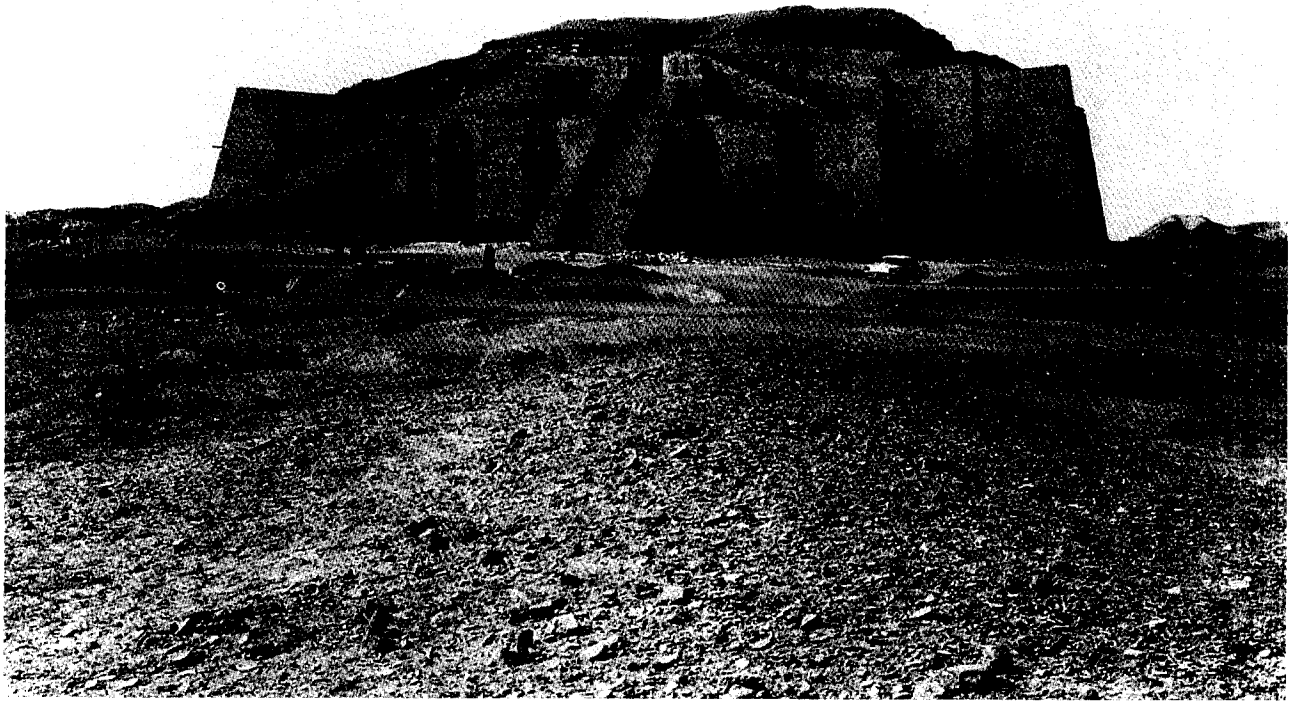
Илл. 63. Бронзовая голова из Нишевни, вероятно, Нарамсина, а не Саргона; Багдадский музей, Ирак (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

Илл. 64. «Победная стела» Нарамсина (2254–2218 гг. до н.э.), царя Аккадской империи и внука Саргона; песчаник, высота 2 м. Найденная в Суссе, стела изображает Нарамсина, стоящего над побежденными врагами. Музей Лувр, Париж, Франция (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

Илл. 65. Шумерский город Ур (аэрофотосъемка). На переднем плане зиккурат бога Луны Нанны (Фото G. Gerster)

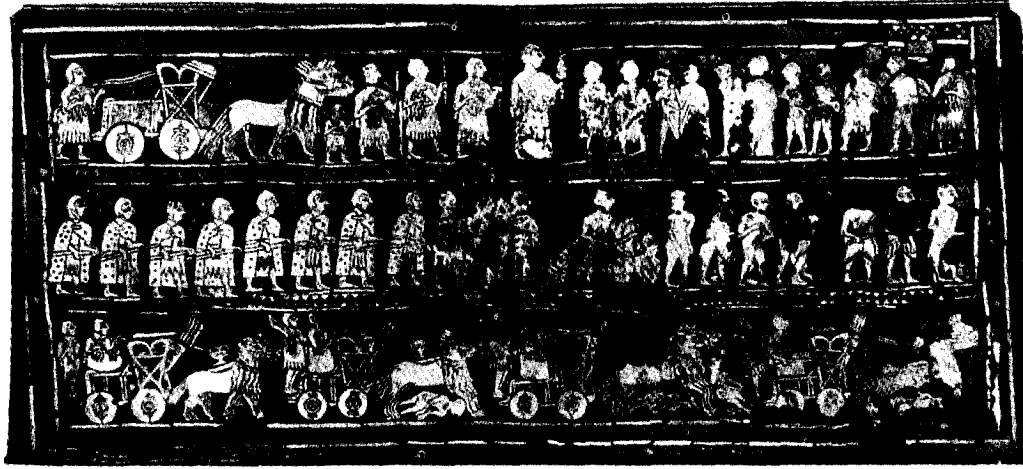
Илл. 66. Зиккурат бога Луны Нанши. Построен Ур-Намму, царем Ура, около 2112–2095 гг. до н.э. (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

Илл. 67. Гипсовая статуэтка мужчины, держащего в руках кубок, из храма Абу в Эшнунне; около 2900 г. до н.э. (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

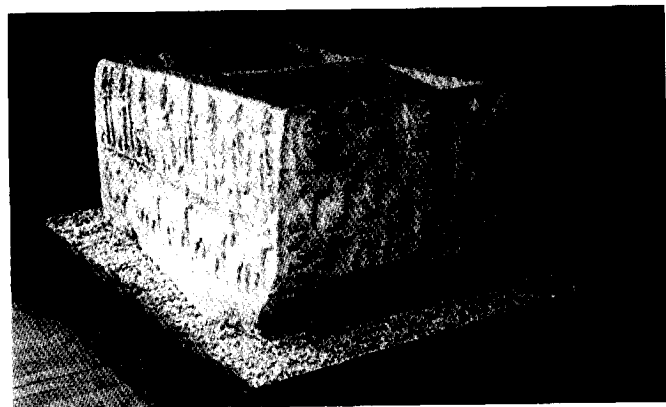
Илл. 68. Аккадская цилиндрическая печать, изображающая процессию, приносящую дары некоему божеству (фото К. Ламберг-Карловски)

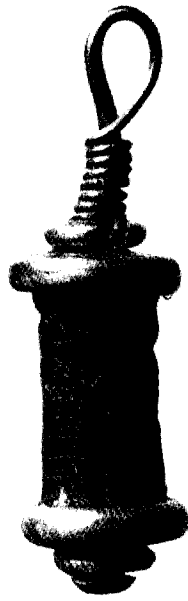
Илл. 69. Так называемый Штандарт из Ура с «Царского кладбища» Ура, около 2685 г. до н.э.; мозаика из ракушек, лазурита и сердолика, материалов, которые Месопотамии приходилось ввозить; высота 0,20 м. Верхнее изображение, как полагают, символизирует его «мирную сторону», а нижнее – «военную сторону». Британский музей, Лондон, Великобритания (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

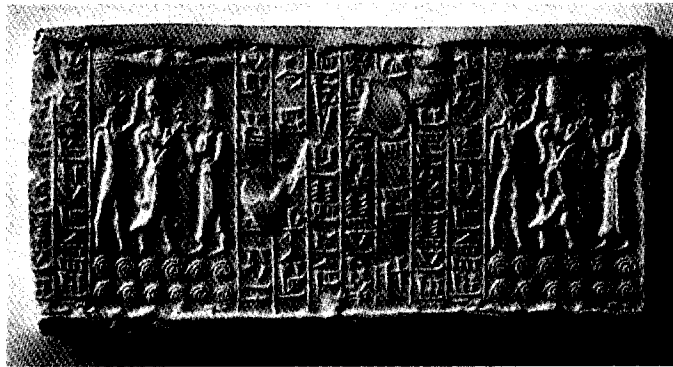
Илл. 70. Бог Солнца Шамаш (сидит), бог справедливости, вручает «закон о земле» царю Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.). Музей Лувр, Париж, Франция (фото К. Ламберг-Карловски)

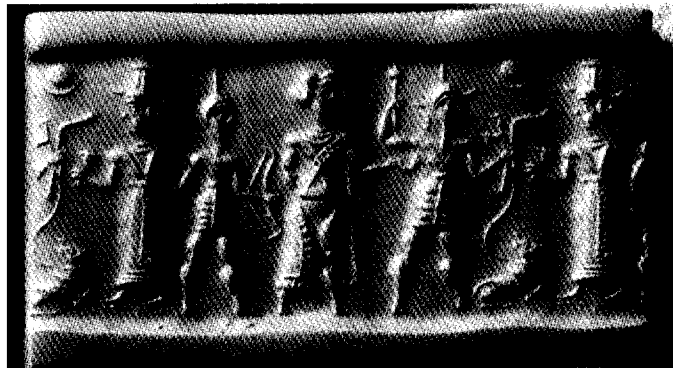
Илл. 71. Каменный ритуальный бассейн из храма D, Эбла (современный Эль-Мардих). Разделенный на два отделения бассейн является цепным памятником северосирийской скульптуры начала II тысячелетия до н.э. Его впаившая поверхность украшена барельефами на мифологические и религиозные темы: изображена ритуальная трапеза с участием царя и царицы, мирная процессия каких-то рогатых животных, обнаженный герой с головой льва, выгуливающий двух львов. Прослеживается определенное сходство между этими барельефами и печатями Кашадокии, датированными периодом возникновения ассирийских торговых поселений на ее территории. Известняк, XIX в. до н.э.; высота 64 см, длина 117 см, ширина 79 см (с согласия Музея Алеппо, Сирия)

Илл. 72. Сирийская цилиндрическая печать в золотой оправе. Гравированный рисунок паряду с картушем с именем владельца содержит изображение встречи представителей двух поколений сирийских богов: Ваал, молодой и порывистый бог грозы, обращается к более спокойной фигуре, держащей в руках сосуды, из которых льется вода. Эти атрибуты, присущие в Месопотамии богу воды, мудрому Эа, в Сирии, по всей видимости, относятся к богу Эл, отцу всех богов угаритского пантеона. Гематит (красный железняк) и золото, XVIII в. до н.э.; высота 4,2 см, диаметр 1 см (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция)

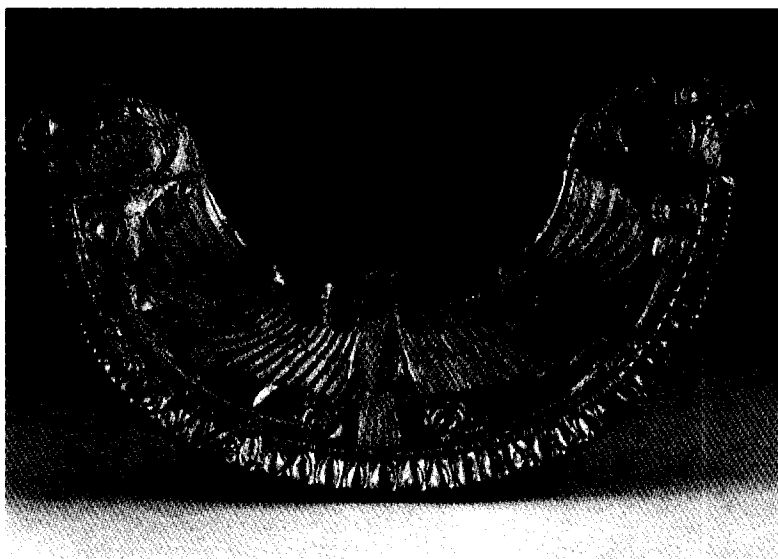
Илл. 73. Оттиск цилиндрической печати Сумирапы, царя Тубы. На длинном картуше: царь клянется в своей преданности богу грозы Ададу, богу Луны Сину и Ишгар, богине любви и войны. Сам царь изображен в центре, увенчанный яйцевидной тиарой, в длинном отороченном мехом одеянии, отдающим дань уважения «Великой сирийской богине». Здесь явно прослеживается египетское влияние, нашедшее свое выражение в изображении на печати большого крылатого солнечного диска, фигуры, напоминающей Гора, египетского покровителя власти фараонов, и знаков жизни, носимых царем. XVII в. до н.э.; высота 4 см (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото *RMN*.)

Илл. 74. Оттиск сирийской цилиндрической печати: сцена поклонения «Великой сирийской богине», у которой, судя по всему, были весьма тесные отношения с царствующим домом. Возглавляет процессию бог Адад (Ваал), размахивающий оружием и держащий на привязи быка. За ним следует богиня, движение руки которой, приоткрывающей нижнюю часть тела, показывает, что она олицетворяет собой женское начало, готовое к священному обряду бракосочетания, обещающее плодородность и изобилие. Вооруженный бог, замыкающий процессию, – гораздо реже встречающаяся фигура; возможно, это Решеф, властелин преисподней и покровитель царей-воителей, подобный месопотамскому Нергалу. Около 1700 г. до н.э.; гематит (красный железняк); высота 2,1 см, диаметр 1 см (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото *RMN*.)

Илл. 75. Оттиск сирийской цилиндрической печати гиксосского периода. После покорения Египта гиксосами различные сирийские царства переняли многие черты египетской культуры, сочетая их со своими традициями. Владелец этой печати, например, облачен в головной убор и одежды явно египетского покроя, благословляет бог Гор с головой сокола, фигура которого увенчана *тиентам*. Надпись, выполненная египетскими иероглифами, содержит имя владельца печати и формулу удовлетворенности. XVII в. до н.э.; зеленая яшма; высота 2 см, диаметр 1 см (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото *RMN*.)

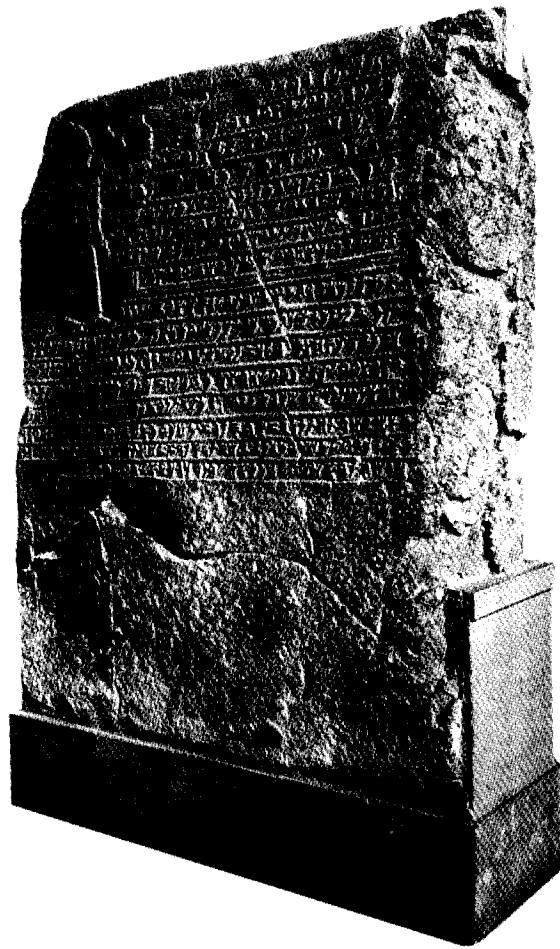
Илл. 76. Пектораль из Библы. Стилизованное под египетского сокола это украшение – часть обрядовых погребальных предметов из царских захоронений первых веков II тысячелетия до н.э., найденных в этом прибрежном городе. Возможно, что это местная копия с египетского оригинала, а не дар, присланный в Библ фараонами Среднего царства, как в случае некоторых других предметов. Барельеф на золотом листе; высота 10 см, длина 20,5 см. Ливан (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото *R.M.N.*)

Илл. 78. Изображение сидящей богини плодородия из Угарита; слоновая кость. Образец высочайшего мастерства древних сирийцев в этой области искусства, а также свидетельство эгейского влияния на культуру Леванта; Сирия (*Bildarchiv Preussischer Kulturbesitz*, Берлин, Германия)

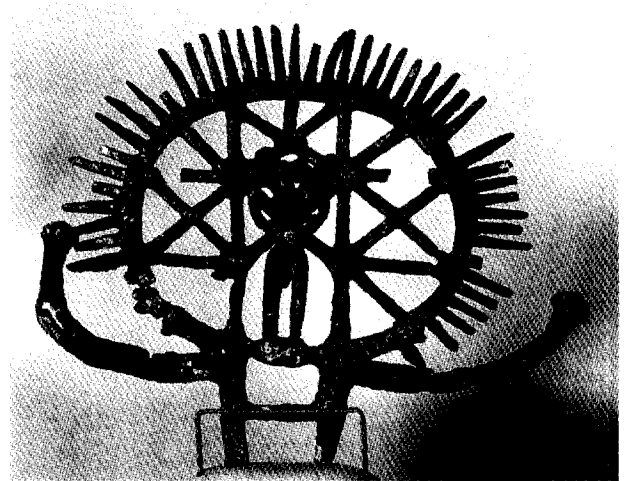
Илл. 77. Бронзовая статуэтка, возможно из Катны. Голова человека, сидящего на троне в царском облачении с богатой меховой опушкой по краям, увенчана яйцевидной тиарой с несколькими наложенными один на другой рядами рогов. Это обстоятельство позволяет предположить, что перед нами бог-царь или некая особа, игравшая роль божественного покровителя царства, в данном случае Катны, одного из крупнейших городов аморитской Сирии. XVIII–XVII вв. до н.э.; бронза; высота 17 см (с согласия Музея Лувр, Париж, Франция; фото *R.M.N.*)

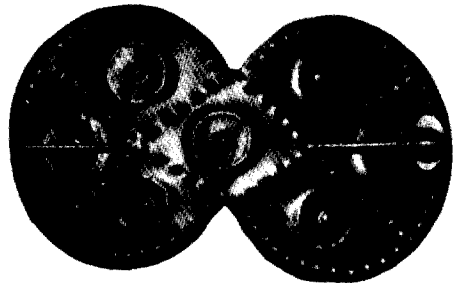
Илл. 79. Рельеф Киламувы, царя Самъяла, города в Северной Сирии (Самъял/Зинкирли), около 850 г. до н.э., с фишикийской надписью (Bildarchiv Preussischer Kulturbesitz, Берлин, Германия)

Илл. 80. Ритуальная фигурка оленя, символизирующего главное хеттское женское божество – богиню Солнца Аринну, супругу бога погоды, из Алака-Хююка. Бронза, инкрустированная серебром; высота 52 см. Хеттский стиль, 2100–2000 гг. до н.э. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

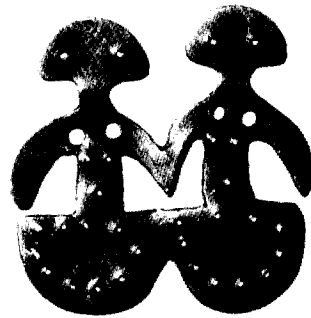
Илл. 81. Ритуальная скульптура, символизирующая космос, из Алака-Хююка. Представляет собой фигурку лани, символа хеттского женского божества, расположенную под небесным сводом, поддерживаемым парой рогов быка, неперменным атрибутом хеттского бога погоды. Бронза; высота 25 см. Хеттский стиль, 2100–2000 гг. до н.э. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

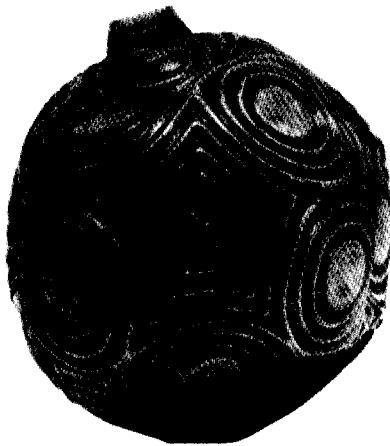
Илл. 82. Пряжка с булавкой. Золото; длина 13 см. Хеттский стиль, 2100–2000 гг. до н.э. Из Алака-Хююка. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

Илл. 84. Графин. Золото; высота 15,3 см. Хеттский стиль, 2100–2000 гг. до н.э. Из Алака-Хююка. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

Илл. 83. Двойной идол. Листовое золото; высота 3,1 см. Хеттский стиль. Из Алака-Хююка. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

Илл. 85. Кувшин и его вид со стороны дна. Золото; высота 17,7 см. Хеттский стиль, 2100–2000 гг. до н.э. Из Хороз-Тепе. Музей Метрополитен, Нью-Йорк (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

Илл. 86. Хеттская женская статуэтка из Хасаноглана вблизи Анкары. Серебро и золото; высота 24,4 см. Хеттский стиль, 2100–2000 гг. до н.э. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фото Э. Акургана)

Илл. 87. Кувшин из Кюль-Тепе. Глина с красновато-коричневым оттенком; высота 39,8 см. Хеттский стиль, заимствованный у хеттских княжеств; XVIII в. до н.э. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

Илл. 88. Кубок-кувшин из Алака-Хююка. Глина с красновато-коричневым оттенком; высота 35,8 см. Хеттский стиль, заимствованный у хеттских княжеств; XVII в. до н.э. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фотоархив Хирмера, Мюнхен, Германия)

Илл. 89. Два ритуальных сосуда в форме быков, олицетворяющих Серри и Хурри, двух священных животных Тесупа, бога погоды. Глина с красновато-коричневым оттенком; высота 90 см. Хеттский имперский стиль; XVI в. до н.э. Из Богазкёя. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фото Э. Акурчала)

Илл. 90. Рельеф на ортогасте из городских стен Алака-Хююка. Царь и царица с подношением вина перед алтарем и изображение быка, символа бога погоды. Базальт; высота 126 см. Хеттский имперский стиль; XIV в. до н.э.; Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фото Э. Акургала)

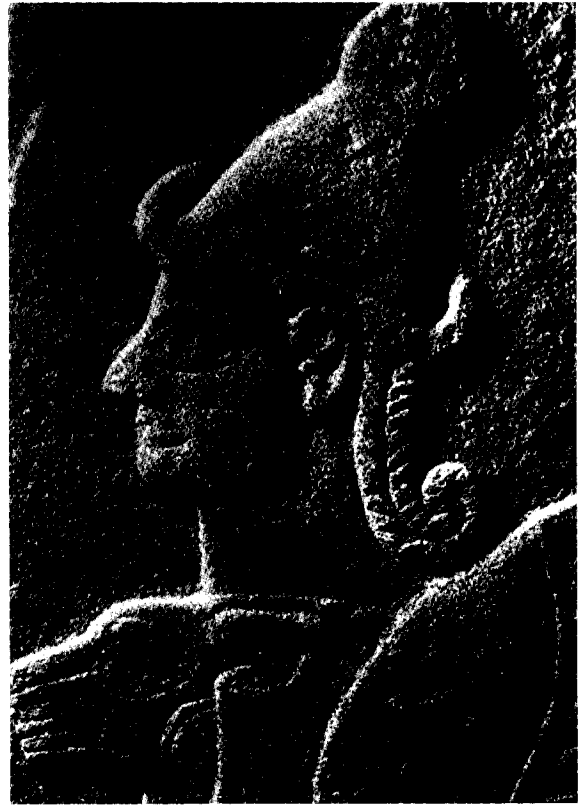
Илл. 91. Наскальный рельеф с открытого хеттского святилища в Язылык-Кая, Богазкёй. Базальт. Процессия из 12 богов на западной стене скального помещения комнаты D. Хеттский имперский стиль; XIII в. до н.э. (фото Э. Акургала)

Илл. 92. Фриз на ободке ритуального серебряного сосуда с изображением оленя, символа богини Солнца Аринны. Сцена изображает подношение вина богу; возможно Хепиту. Хеттский имперский стиль; XIV–XIII вв. до н.э. Найден в Центральной Анатолии (фото Э. Акургала)

Илл. 93. Богиня Купаба. Фрагмент рельефа на ортостате из Каргамиса. Базальт; высота 82 см. Неохеттское искусство, традиционный стиль, VIII в. до н.э. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фото Э. Акургала)

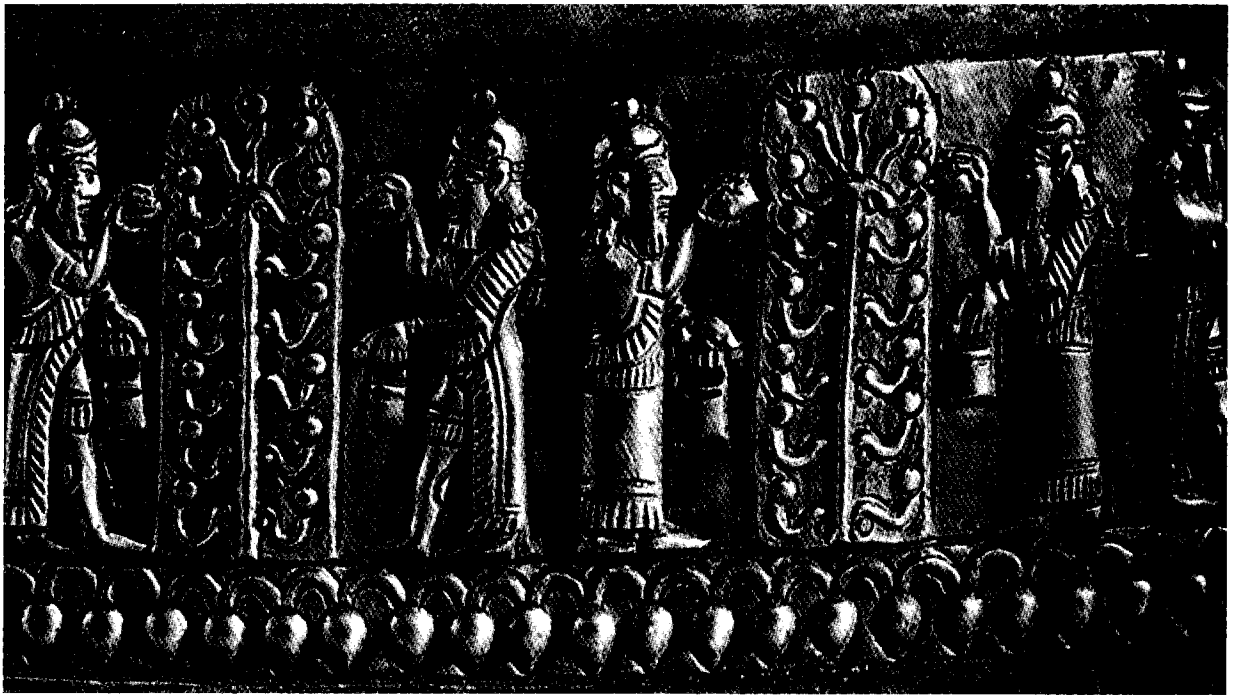
Илл. 94. Деталь рельефа на ортостате из Каргамиса, изображающего фантастическое существо с телом льва и головой человека. Базальт. Неохеттское искусство, традиционный стиль, VIII в. до н.э. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фото Э. Акургала)

Илл. 95. Погребальная стела Тархунниаса из Мараша. Базальт. Неохеттский арамейский стиль; около 700 г. до н.э. Музей Лувр, Париж, Франция (фото Э. Акургала)

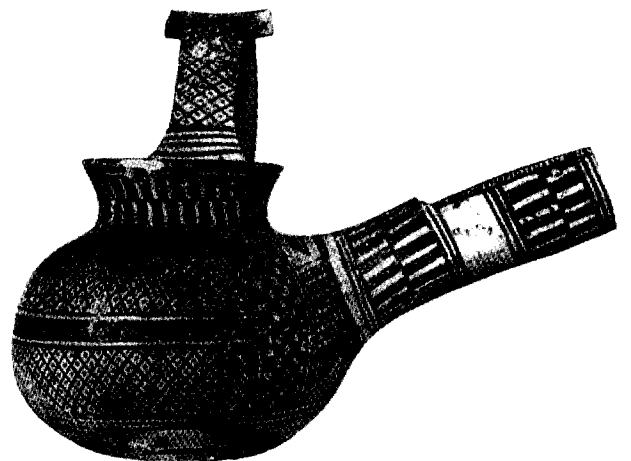
Илл. 96. Кормящая мать с ребенком с западного ряда ортостатов на северном портале в Кара-Таше недалеко от Аданы. Базальт. Неохеттский фишикийский стиль; около 700 г. до н.э. (фото Э. Акургала)

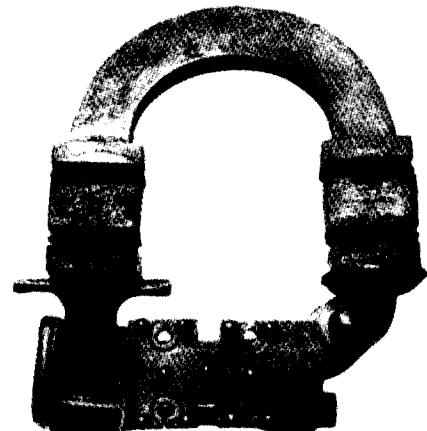
Илл. 97. Изображение сценки с урартской ситюлы (металлического сосуда). Серебро. Урартский стиль; VIII в. до н.э. (фото Э. Акургала)

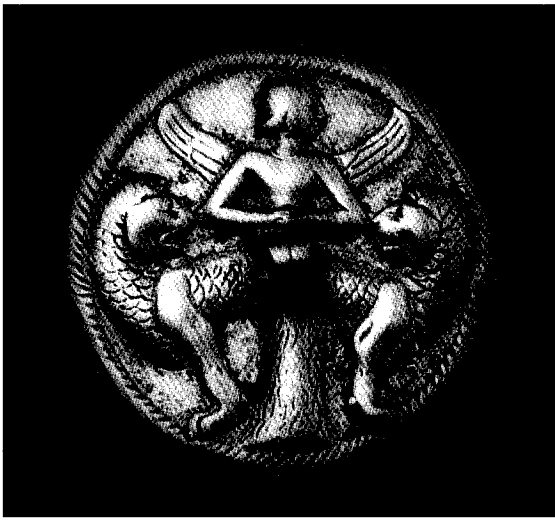
Илл. 98. Фригийский сосуд из Алишара. Глина. Переходный (промежуточный) стиль; около 730 г. до н.э. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фото Э. Акургала)

Илл. 99. Фригийская ваза из Гордиона. Глина. Зрелый фригийский стиль. Археологический музей, Стамбул (фото Э. Акургала)

Илл. 100. Фригийская фибула (металлическая застёжка) из Гордиона. Бронза. Зрелый фригийский стиль; около 700 г. до н.э. Музей анатолийской цивилизации, Анкара (фото Э. Акургала)

Илл. 101. Золотая печать с изображением крылатой богини и львов из разграбленного погребения в Бактрии, Северный Афганистан (фото *В.И. Саррианиди*)

Илл. 102. Каменная цилиндрическая печать из разграбленного погребения в Бактрии, Северный Афганистан (фото *В.И. Саррианиди*)

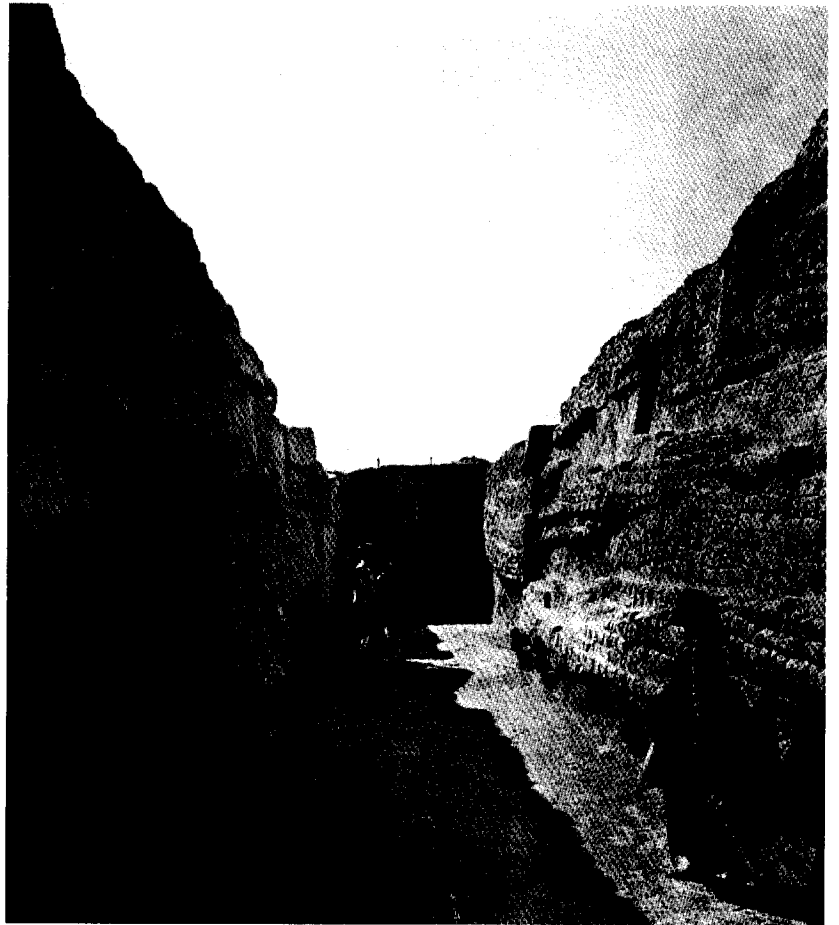
Илл. 103. Образец наскального искусства из Джуббы (север Саудовской Аравии) с изображением животных, следующих за людьми. На них наложено изображение больших людей, двое из которых несут *caprid* (фото *А.Р. Ал-Ансари*)

Илл. 104. Печати дилмунского типа с о. Файлака, Кувейт (фото *А.Р. Ал-Ансари*)

Илл. 105. Линейные надписи из Херейбха, северо-запад Саудовской Аравии (фото А.Р. Ал-Ансари)

Илл. 106. Калибанган: общий вид раскопок идущей с севера на юг улицы в Нижнем городе, II период (Хараппа) (фото В.К. Тханар)

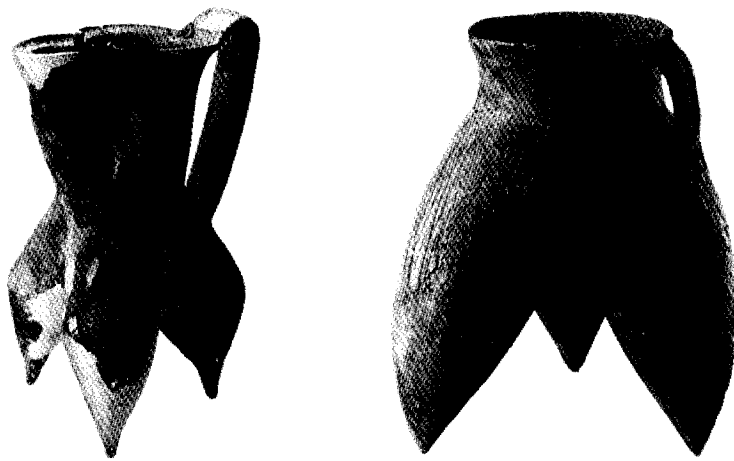
Илл. 107. Цилиндрическая печать и ее оттиск, II период (Хараппа) из Калибангана (с согласия Archaeological Survey of India)

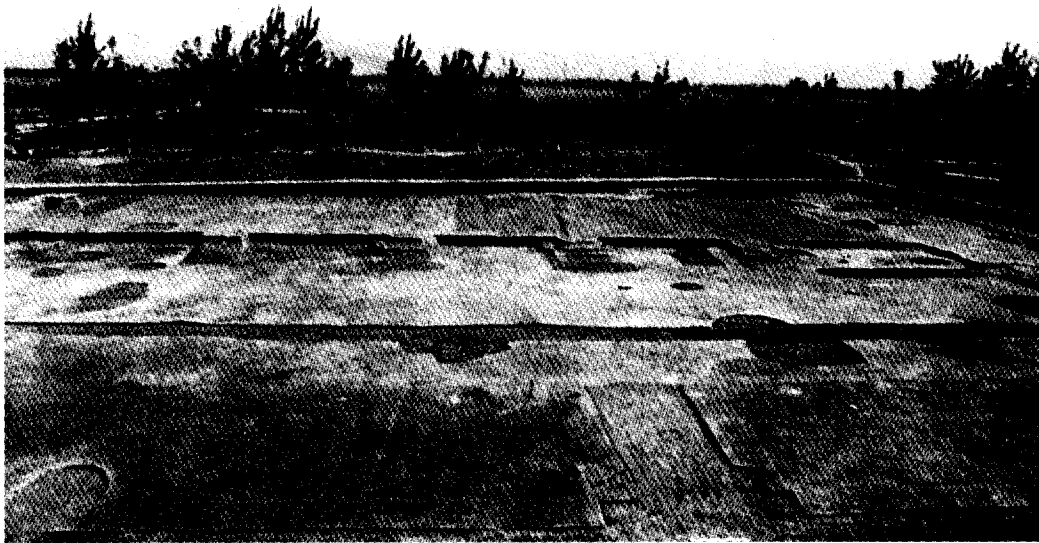
Илл. 108. Ближний вид захоронения из Калибангана, позволяющий рассмотреть скелет в вытянутом положении и различные гончарные изделия, II период (Харанша) (фото БК Тханара)

Илл. 109. Большое захоронение в Таоси, округ Сяньфэн, провинция Шаньси (фото Ань Чжимина)

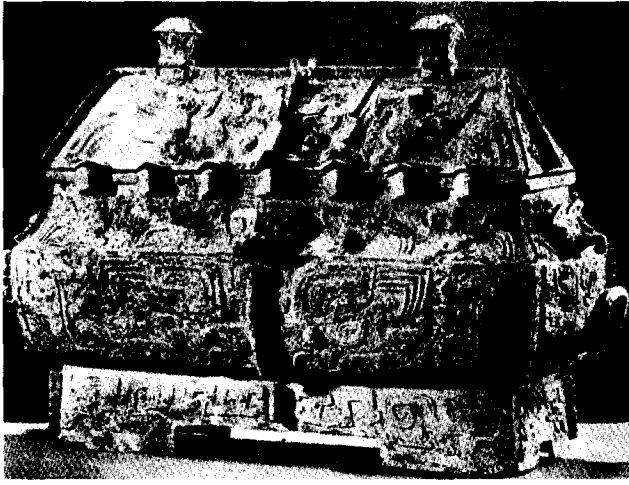
Илл. 110. Гончарные изделия гуй и ли из Кспенчжуана в округе Чапгьянь провинции Шэньси (фото Аль Чжэмина)

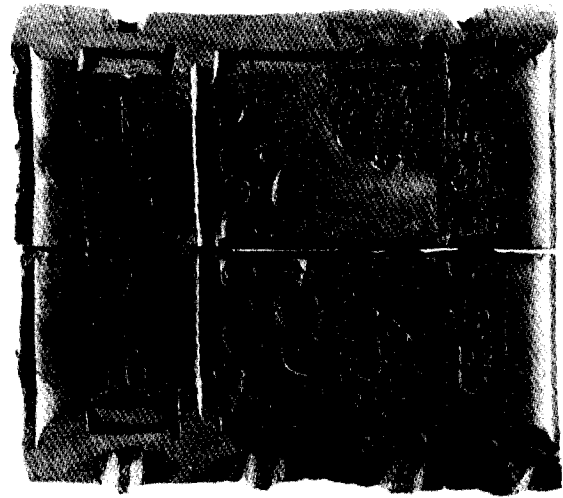
Илл. 111. Фундамент дворца в разрушенном городе периода Шан в Янши (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

Илл. 112. Аэрофотосъемка развалин поселения эпохи Инь близ города Аньян (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

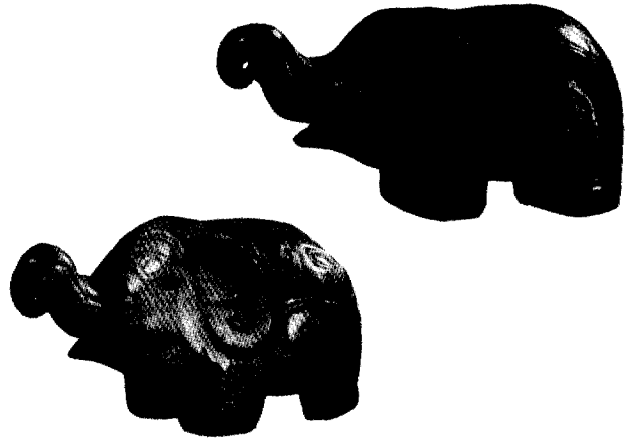
Илл. 113. Бронзовая ритуальная емкость из развалин поселения эпохи Инь близ города Аньян (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

Илл. 114. Форма для отливки бронзового сосуда из развалин поселения эпохи Инь, высота 0,25 м (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

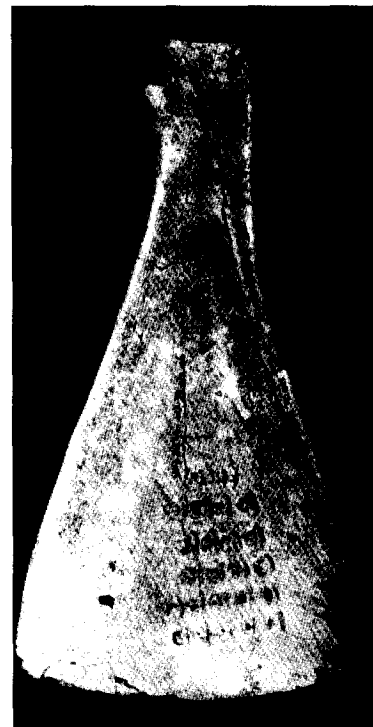
Илл. 115. Изготовленная из жадеита фигурка человека, сидящего на корточках, из развалин поселения эпохи Инь близ города Аньян (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

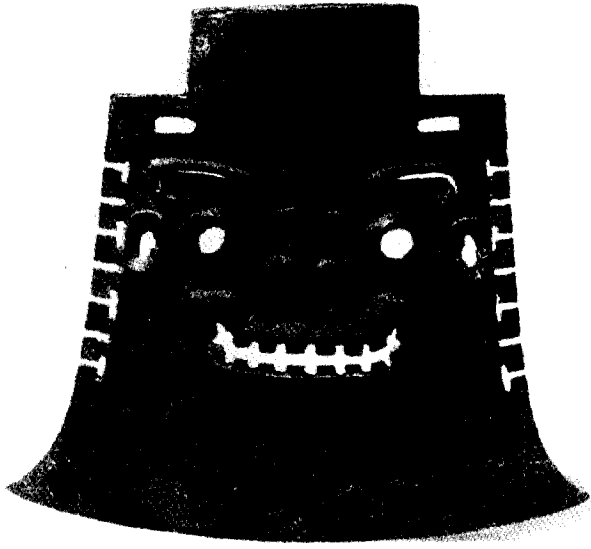
Илл. 116. Фигурки слонов из жадеита из развалин поселения эпохи Инь (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

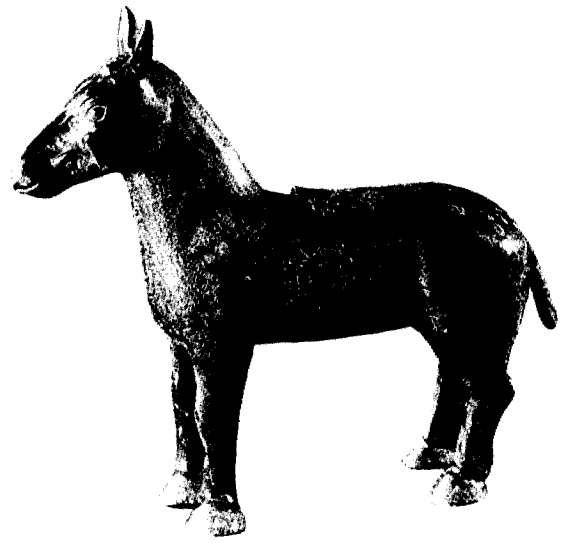
Илл. 117. Кубок из слоновой кости, инкрустированный бирюзой, из развалин поселения эпохи Инь близ города Аньян (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

Илл. 118. Кость для предсказаний с надписью из развалин поселения эпохи Инь близ города Аньян (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

Илл. 119. Бронзовый топор для отсечения голов ритуальным жертвам из провинции Шаньдун; высота 0,35 м (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

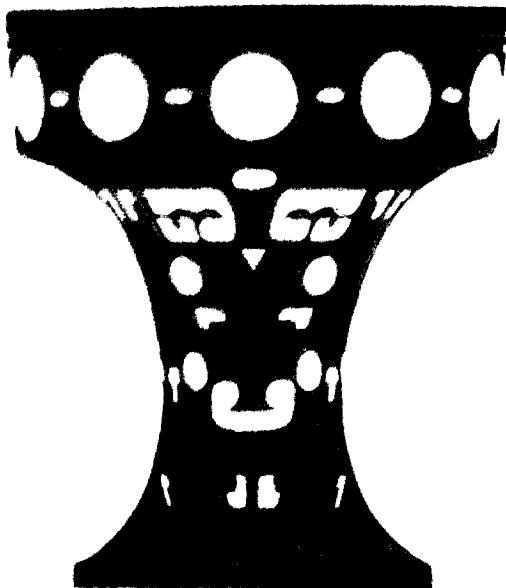
Илл. 120. Сосуд *zim* в виде жеребенка с надписью, рассказывающей о том, что император Чжоу присутствовал при обряде отлучения жеребят от кобылиц (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

Илл. 121. Жаденовая маска животного эпохи Западной Чжоу из округа Чаньань, провинция Шэньси; высота 0,25 м (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

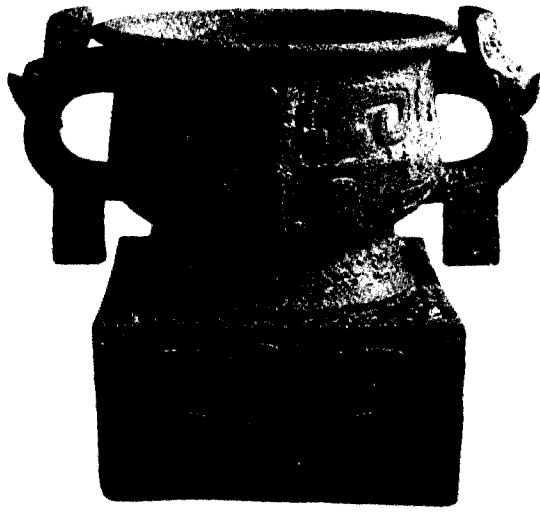
Илл. 122. Глазурованный керамический кувшин эпохи Западной Чжоу из Лояна, провинция Хэнань; высота 0,27 м (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

Илл. 123. Отреставрированная лаковая *доу* эпохи Западной Чжоу (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

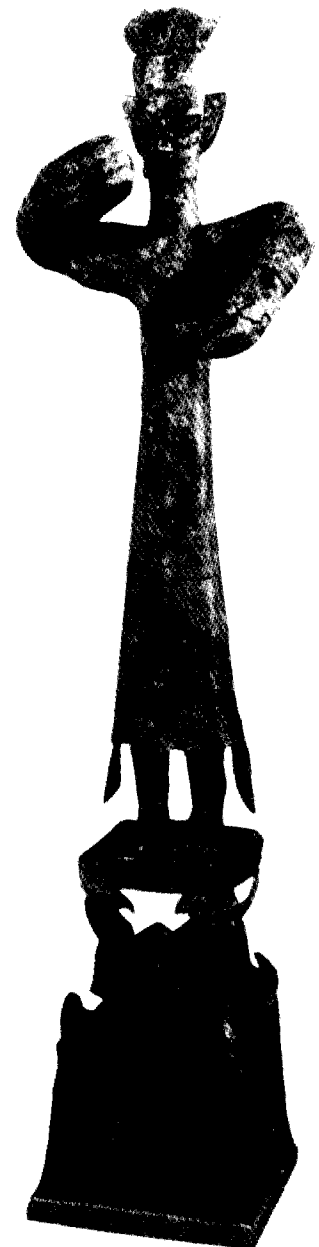
Илл. 124. Надпись на резервуаре, скопированная притиранием, династия Западная Чжоу (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

Илл. 125. Бронзовый сосуд эпохи Западной Чжоу из Линьтоу с надписью, рассказывающей о покорении государства Шан (Инь) У-ваном (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

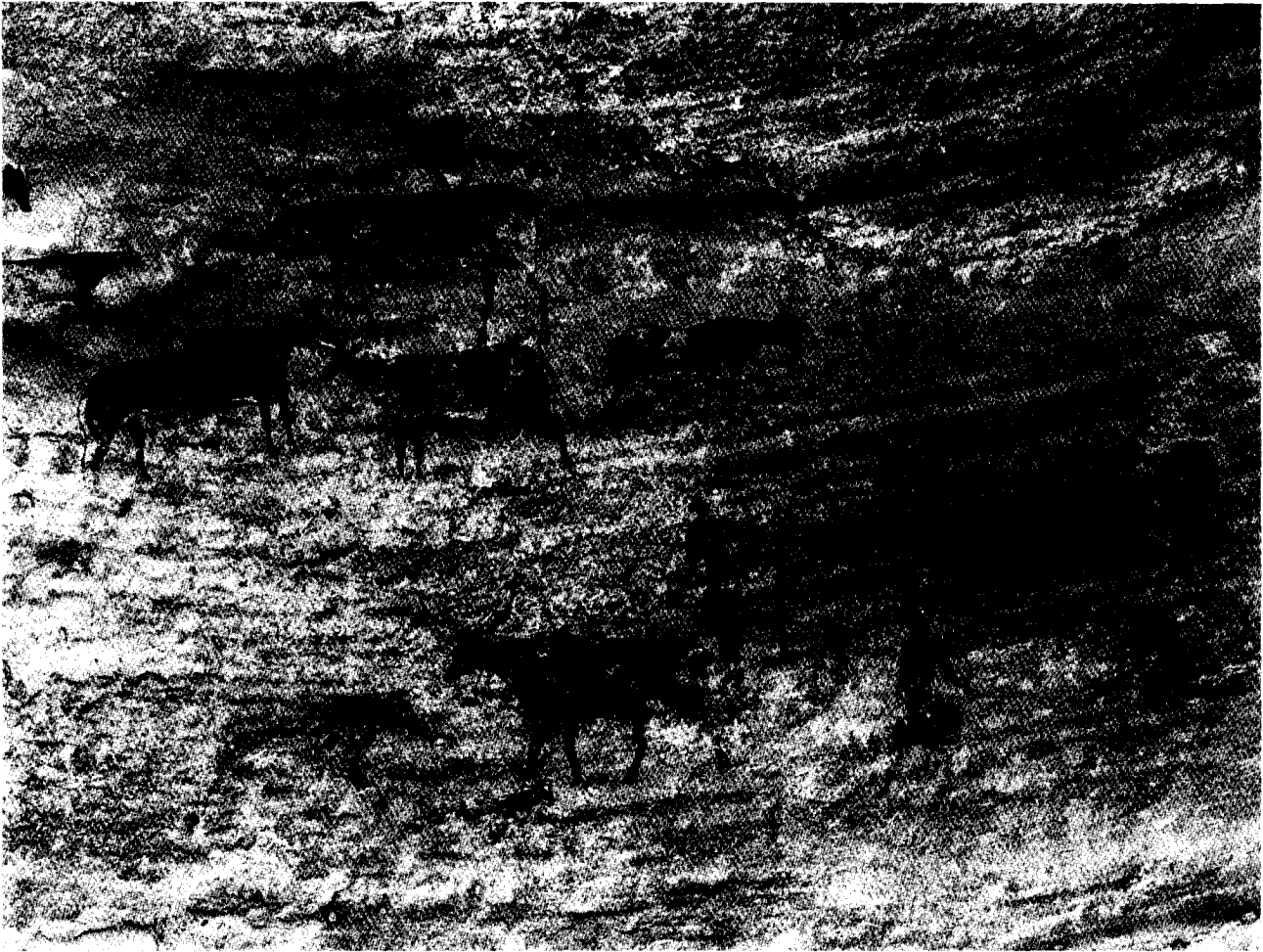
Илл. 126. Гончарное изделие с рисунком, нанесенным после обжига; поздняя сяцзяньская культура (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

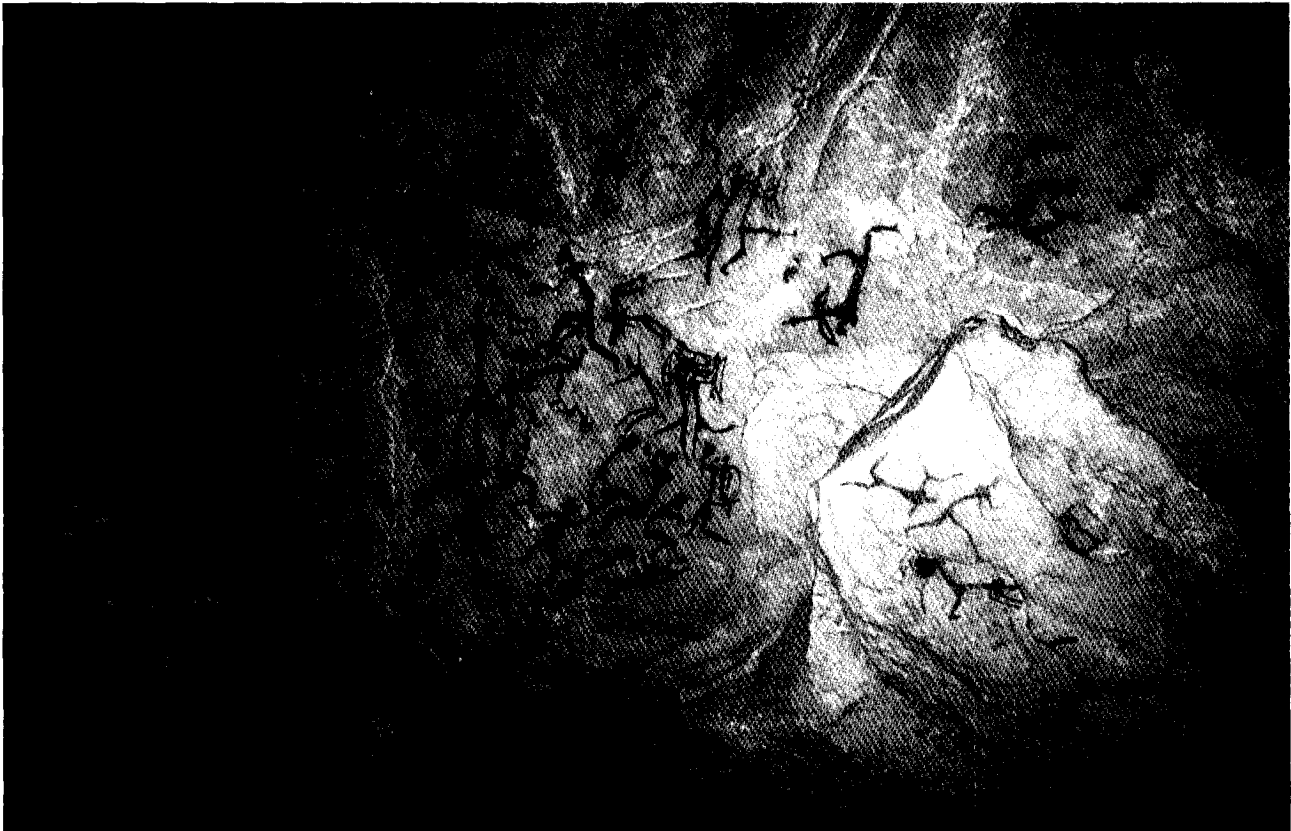
Илл. 127. Крупная бронзовая фигура человека из округа Гуанхан, провинция Сычуань; высота 2,6 м (с согласия Института археологии Китайской академии общественных наук, Пекин)

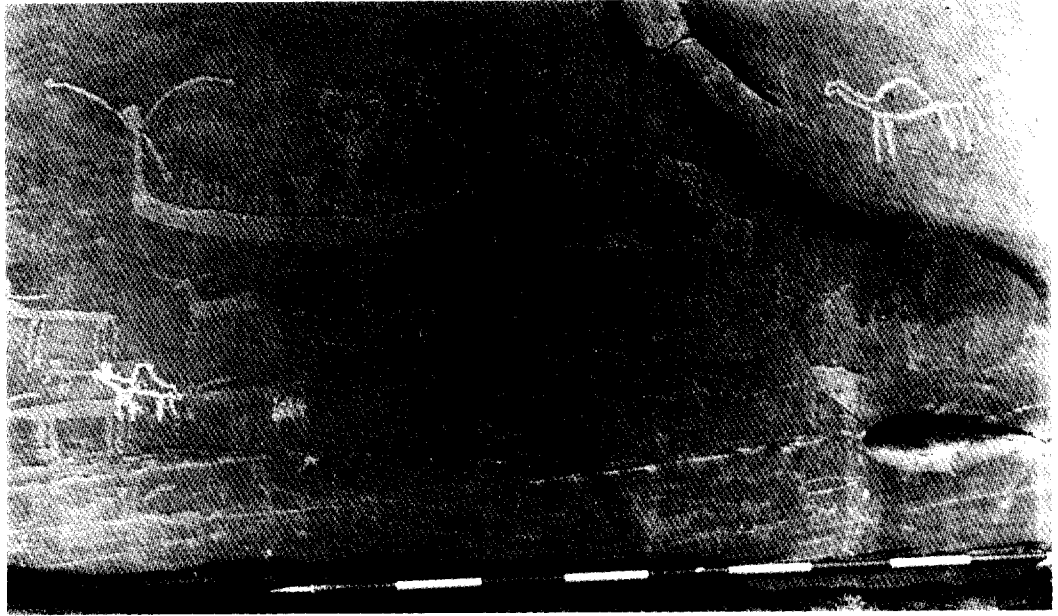
Илл. 128. Вид нагорья Ахаггар на крайнем юге Алжира и расположение пещеры, в которой найдены характерные наскальные рисунки (фото *F. Soleilhacoup*)

Илл. 129. Наскальное изображение пастухов со стадом из Сефара, плато Тамилли-Ахаттар (фото K.H. Striedter)

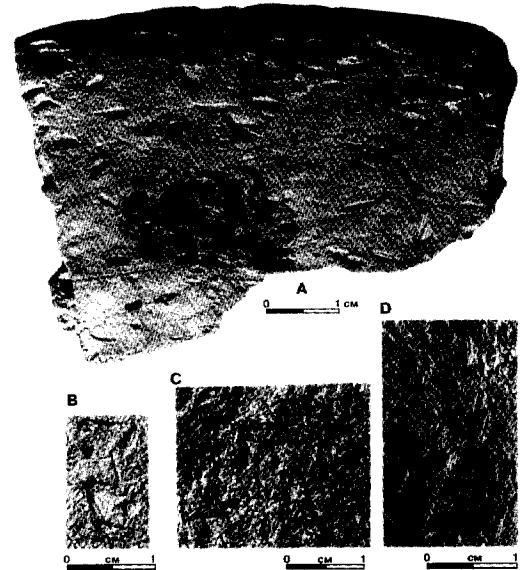
Илл. 130. Наскальный рисунок в Аракуаме, Алжир (фото L.V. Viallet)

Илл. 131. Вырезанное на камне изображение лодки, животных и людей в Вади-эль-Баррамии в Восточной сирийской пустыне (фото *Gerald Fuchs*)

Илл. 132. Каменные неолитические дома в Дхар-Тишиит, Мавритания (фото *Augustin Holl*)

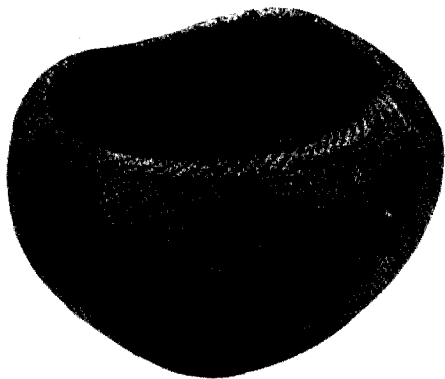

Илл. 133. Глиняные неолитические черепки с отпечатками семян окультуренных хлебных злаков; Уэд-Шебби, Мавритания (фото *Silvie Amblard*)

Илл. 134. Скальные укрытия в Эле-Бор, Северная Кения (фото *Д.У. Филлипсона*)

Илл. 135. Керамическая чаша из Центральной Кении (фото ДУ. Филлитсона)

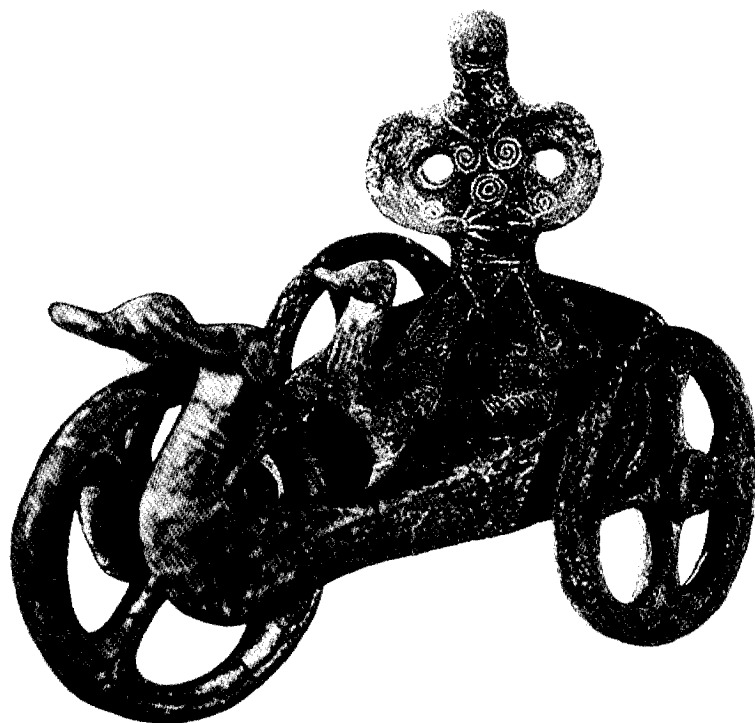
Илл. 136. Наскальный рисунок с изображением антилопы кашна и охотника из региона Транскей в Южной Африке (с согласия пресс-службы Университета провинции Натал; фото P. Vinnicombe)

Илл. 137. Сельскохозяйственная сценка: один человек управляет плугом, который тащит пара лошадей, а еще пять человек копают; из Бедолина, Пистунси, Валь-Камоника; II тысячелетие до н.э. (Centro Camuno di Studi Preistorici, Италия; фото WARA)

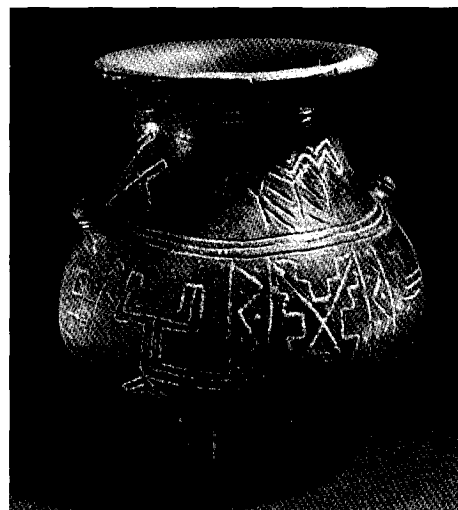
Илл. 138. Камешная форма для отливки бронзовых ручек жезла из деревни Побит-Камак, округ Разград; поздний каменный век (фото *Hans Mayer*)

Илл. 139. Повозка из Душляя (с согласия Национального музея, Белград, Сербия)

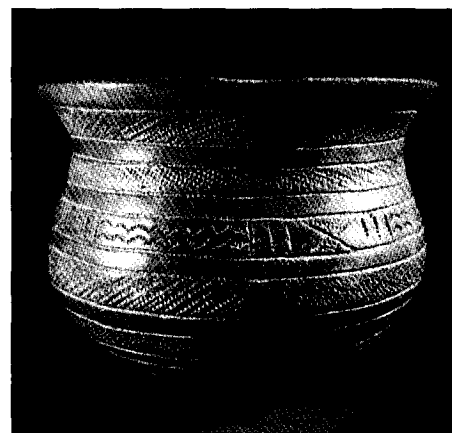

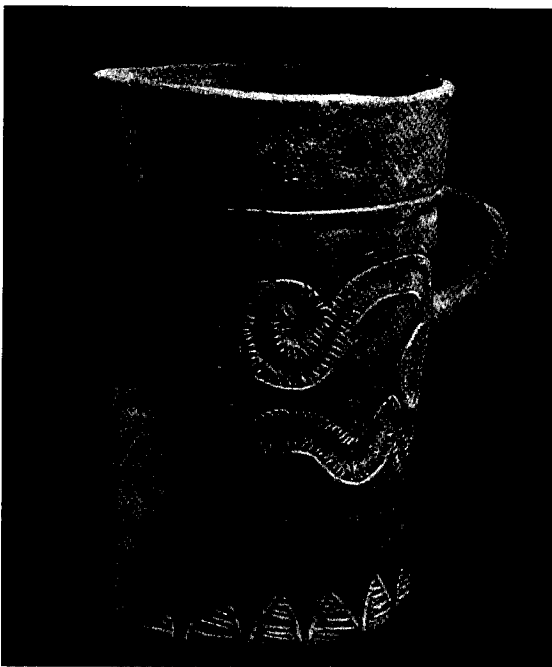
Илл. 140. Идол с кремационного кладбища в Корбово близ Кладово (с согласия Национального музея, Белград, Сербия)

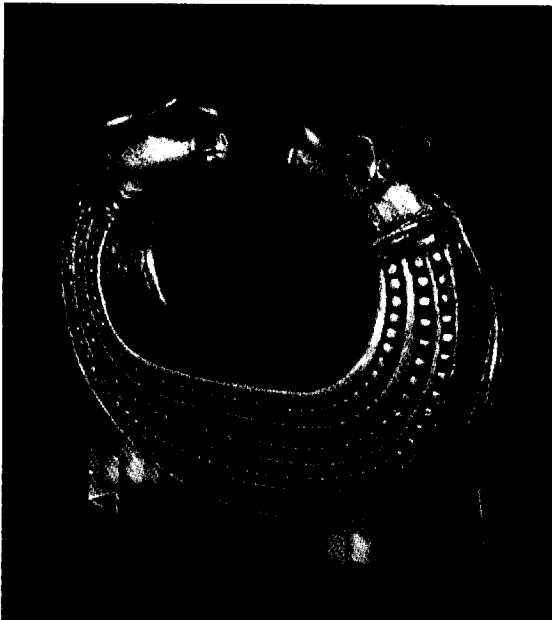
Илл. 141. Подвешиваемый сосуд. Глина. Поверхность украшена гравированными линиями, инкрустированными мелом; высота 13,5 см; диаметр горла 9,2 см; основания – 4 см. Ранний бронзовый век. Надьиревская культура. Надьирев, медье Сольнок, Венгрия (по *Kovács*, 1977)

Илл. 142. Сосуд в форме колокола. Глина. Поверхность украшена отштампованными поясками, перемежающимися гладкой поверхностью, что создает ощущение ритмичности; высота 10 см; диаметр горла 6 см. Ранний бронзовый век. Культура колоколовидных кубков. Тёкель, медье Пенг, Венгрия (по *Kovács*, 1977)

Илл. 143. Сосуд с ручкой. Глина. Украшен рядами извивающихся насечек и спиральными линиями, проведенными пальцем; по окружности основания прорезаны треугольники; высота 15,5 см; диаметр горла 9,8 см, основания – 9 см. Средний бронзовый век. Культура фюзсабони (медье Хевеш, Венгрия) (по Kovács, 1977)

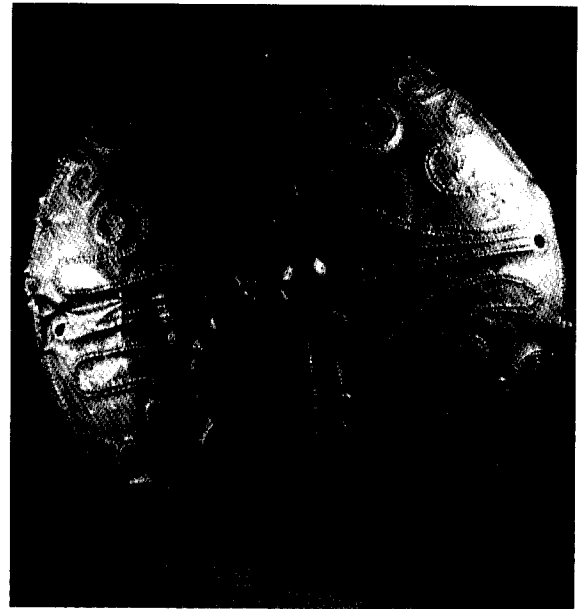

Илл. 146. Браслет, украшенный бычьими головами. Золото с серебряными накладками по внешнему краю и треугольными инкрустациями на бычьих головах. Внешняя поверхность разделена рядами валиков с желобками; внутренняя поверхность украшена резьбой. Внешний диаметр 10,8 см; внутренний диаметр 6,9 см; масса 611,84 г. Происхождение неизвестно, возможно, Трансильвания (по Kovács, 1977)

Илл. 147. Сосуд на ножке с четырьмя ручками. Глина. Украшен резными линиями и выступами, окруженными прорезанными кругами. Высота 15 см; диаметр горла 20,5 см, основания – 9,5 см. Культура фюзсабони. Тисафюред, медье Сольнок, Венгрия (по Kovács, 1977)

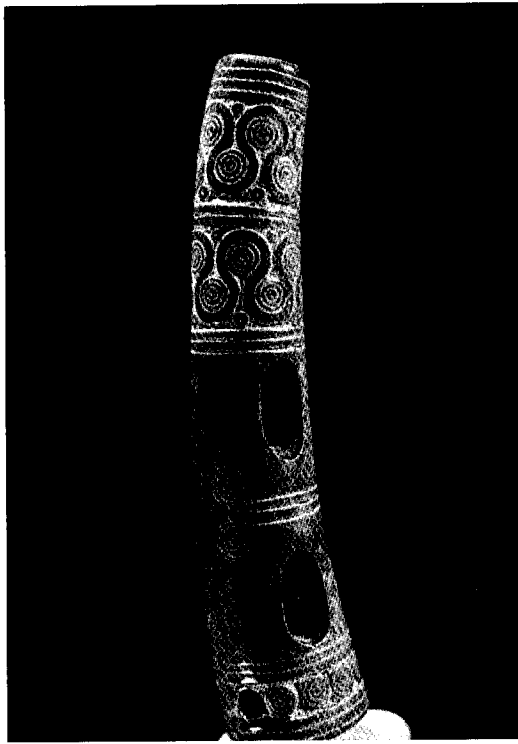

Илл. 144. Диск из рога, возможно, основание ручки хлыста. Ободок с насечками окружает переплетенные прорезанные спирали. Диаметр 5,2 см; толщина 0,1 см. Средний бронзовый век. Культура фюзсабони (медье Хевеш, Венгрия) (по Kovács, 1977)

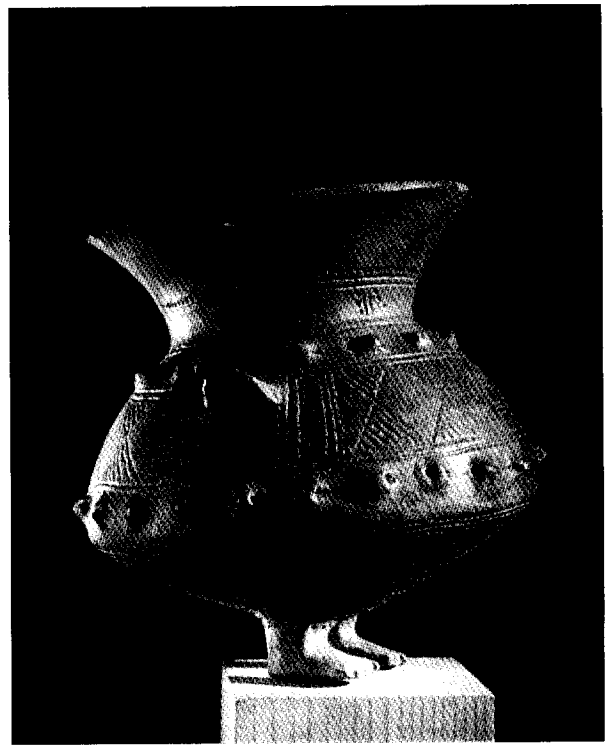

Илл. 145. Золотое украшение в форме диска. Разделенная на четыре части поверхность покрыта чеканкой. Внутренний край одной из четвертей украшен стилизованным изображением птиц. Диаметр 13 x 13,5 см; глубина 2,4 см; масса 82,31 г. Средний бронзовый век. Отгалака, Графинери, Румыния (по Kovács, 1977)

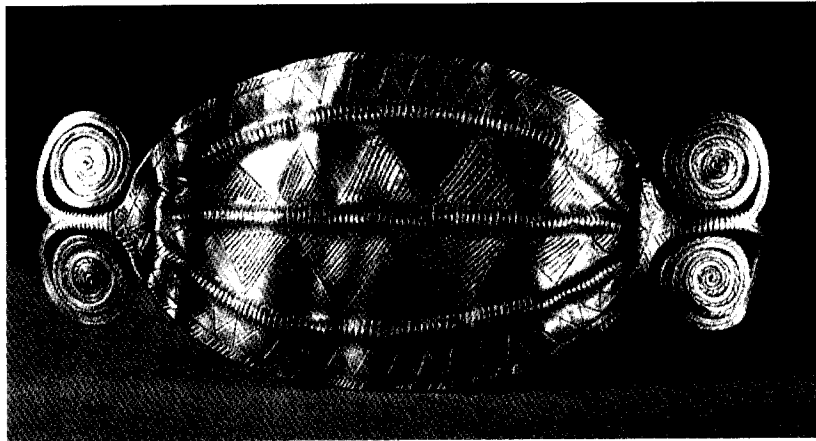

Илл. 148. Небольшой резной фрагмент рога с двумя овальными отверстиями для мундштука и двумя круглыми отверстиями (вверху и внизу), расположенными перпендикулярно по отношению к первым и предназначенными для крепления уздечки. Украшен резьбой и концентрическими кругами. Длина 9 см; верхний диаметр 1,3 см, нижний диаметр 2 см. Средний бронзовый век. Культура ватъя, Венгрия (по Kovács, 1977)

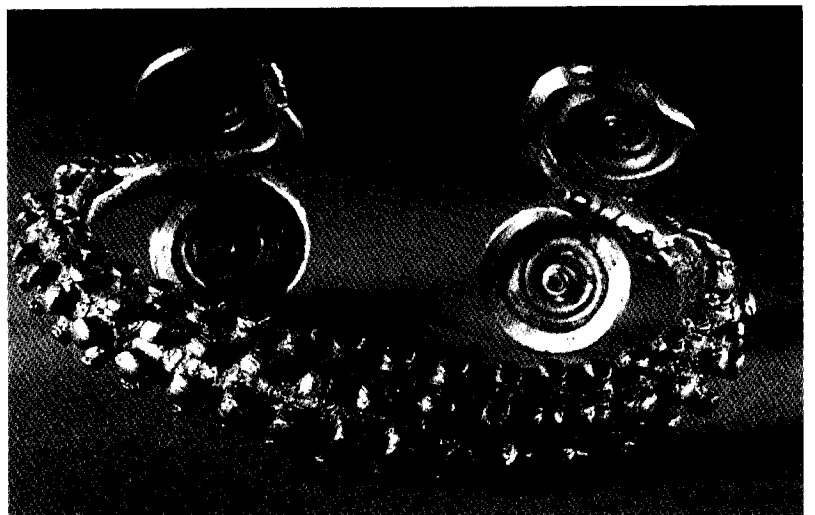

Илл. 149. Сосуд с основанием в виде человеческих ног. Глина. «Плечи» и «тело» украшены рядами маленьких выпуклостей, остальная поверхность – прорезанными линиями и точками. В краю горла и двух ручках проделаны отверстия, позволяющие его вешать. Высота 10,5 см; диаметр горла 9,5 см. Средний бронзовый век. Культура ватъя, Иванча, медье Фехер, Венгрия (по Kovács, 1977)

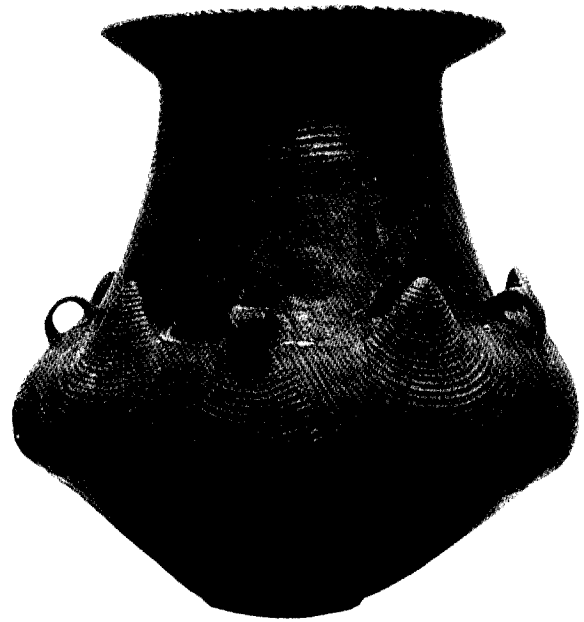
Илл. 150. Широкий браслет в виде золотой пластины. Украшен гравированным геометрическим узором и двумя плоскими спиральями на каждом краю. Длина 17,5 см; ширина 7,8 см, масса 161,92 г. Поздний бронзовый век. Часть клада, найденного в Бодрогкерештур, медье Боршод-Абауй-Землен, Венгрия (по Kovács, 1977)

Илл. 151. Золотая цепь. Сохранилось только 81 из первоначальных 86 хребтообразных звеньев. Диаметр звена 1,8–3,4 см; общая масса 328,08 г. Поздний бронзовый век. Часть клада из Шарвашо, Сарасау, Румыния (по Kovács, 1977)

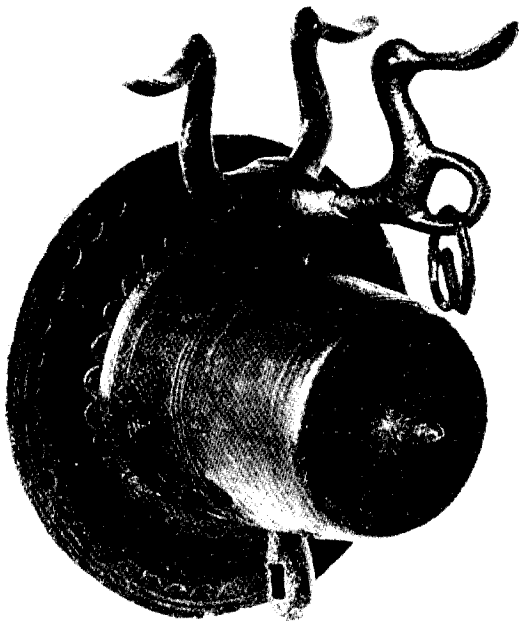

Илл. 152. Литая бронзовая подвеска. Внешняя поверхность рифленая, внутренняя – гладкая. Высота 12,4 см; диаметр 14,8 см. Поздний бронзовый век. Книггерельце, медье Ноград, Венгрия (по Kovács, 1977)

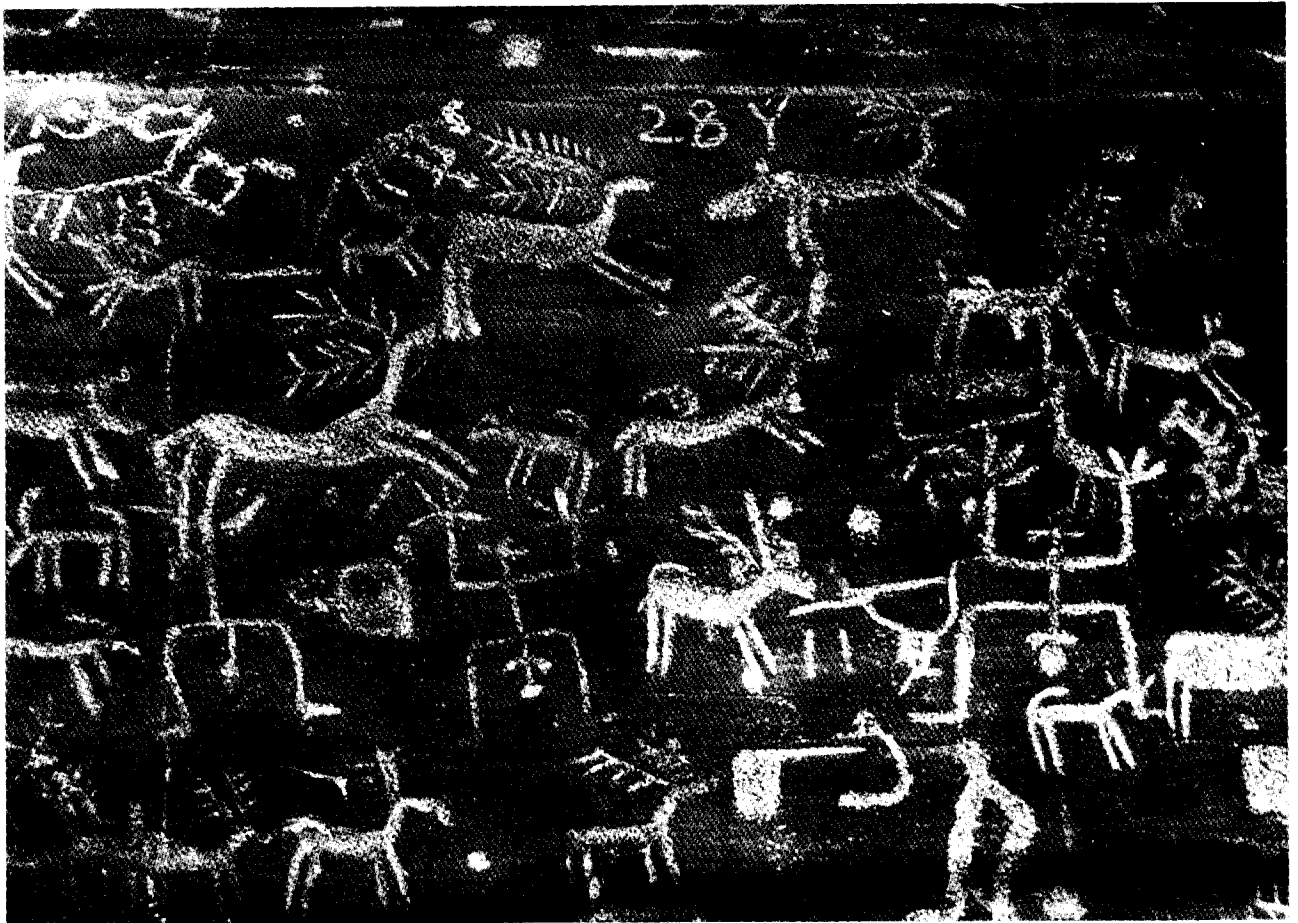
Илл. 153. Урна. Гинна. Ободукрашен рисунком в виде раковин. Горло обведено лентой из резных параллельных линий; на плечике нависающие друг на друга насечки образуют ракушкообразные выступы между ручками. Высота 57 см; диаметр горла 38,5 см; основания – 15 см. Поздний бронзовый век. Кушваура гава, Поросло, медье Хевеш, Венгрия (по Kovács, 1977)

Илл. 154. Бронзовый предмет, возможно, крышка ступицы погребальной колесницы. Состоит из двух частей. Усеченный конус, наложенный на основной диск, украшен рядами линий и дуг и имеет два отверстия для запорной шпильки, один конец которой выполнен в виде трехголовой птицы. Одновременно был найден второй, почти такой же предмет. Высота 8,1 и 8,5 см; длина шпильки 13,8 и 14,2 см. Поздний бронзовый век. Наньбоброк, Бобровец, Словакия (по Kovács, 1977)

Илл. 155. Клад из Стокхольма, Скандинавия (Государственный исторический музей, Стокгольм, Швеция)

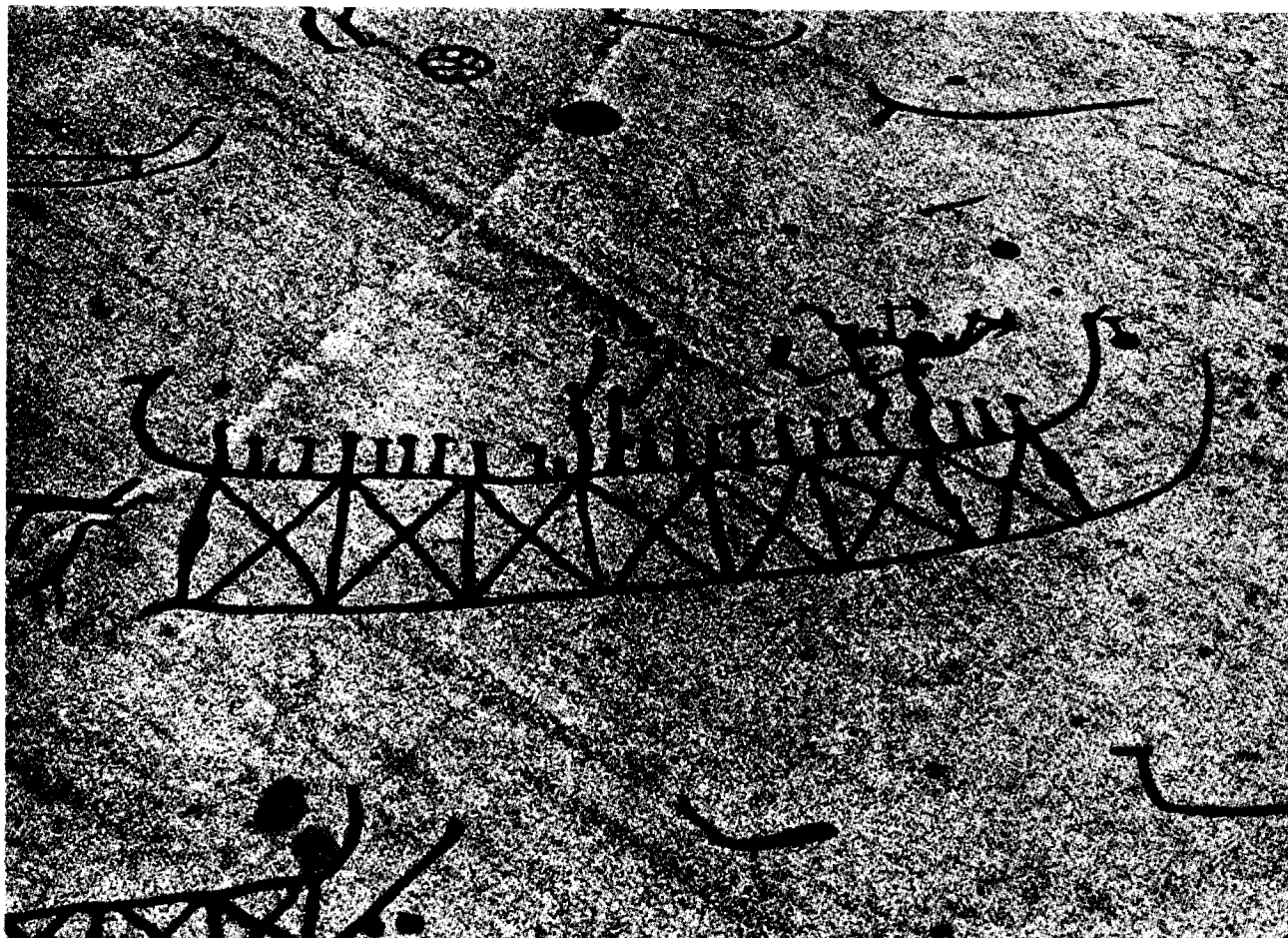
Илл. 156. Наскальная живопись из Накуане, Гранд-Рон, Валь-Камоника (Северная Италия), II тысячелетие до н.э. (*Centro Camuno di Studi Preistorici*, Италия; фото WARA)

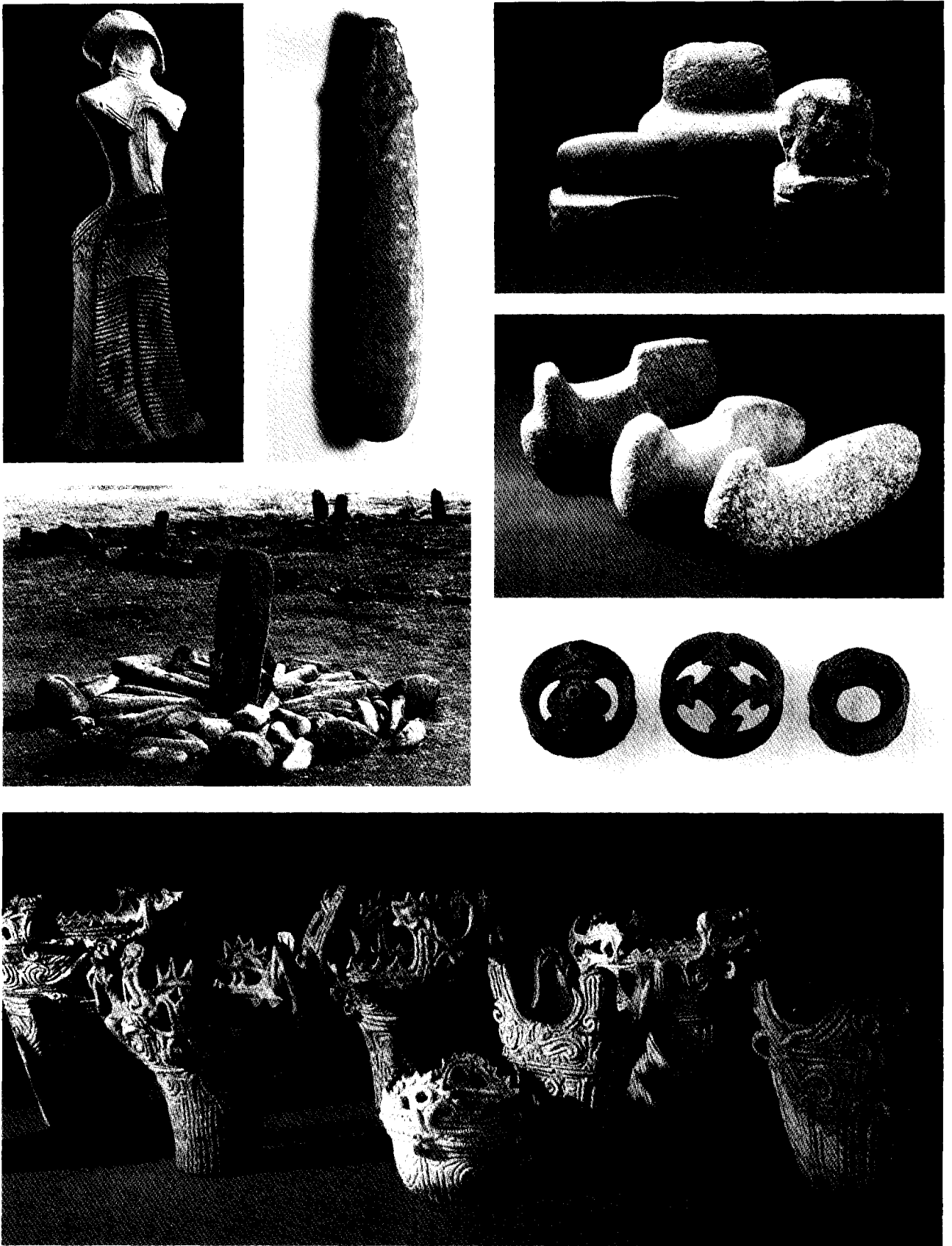
Илл. 157. Антропоморфная стела с символической композицией, изображающей оленя, две аллбарды, два крученых металлических ожерелья, пять кинжалов и пару оленьих рогов из Паспардо, Валь-Камоника; конец III тысячелетия до н.э. (*Centro Camuno di Studi Preistorici*, Италия; фото WARA)

Илл. 158. Выбитые на камне «Вождь племени» («*Chef de tribu*») изображения эпохи бронзового века. Валле-де-Мервей, департамент Приморские Альпы, Франция (фото Ж.-П. Мозна)

Илл. 159. Изображение лодок бронзового века. Местонахождение Витглике I близ Танум, местность Бохуслен, Юго-Западная Швеция (фото *Eric Coquenguiot*)

Илл. 160. Инструменты класса 2: 1 – глиняная фигурка, средний дзёмон, местонахождение Нисипомае, префектура Ямагата; высота 45 см; 2 – каменный жезл; средний дзёмон; пещера Осакаи, префектура Тоёма; длина 98,2 см; 3 – каменные предметы в виде печатей; заключительный дзёмон; справа налево – «Усыпальница Кинсейби», местонахождения Суганума и Миянома, префектура Гифу; высота 8 см (правый); 4 – каменные предметы в форме куколок насекомых; заключительный дзёмон; местонахождение Йеносита, префектура Гифу; длина 23 см (правый); 5 – глиняные серпы; заключительный дзёмон; местонахождение Кайамо, префектура Тумма; длина 5 см (средняя). Ритуальные предметы: 6 – упорядоченная груда камней с вертикально поставленным камнем; поздний дзёмон; местонахождение Охийю, префектура Акига; высота 80 см. Гончарные изделия эпохи дзёмон: 7 – стиль гончарных изделий эпохи дзёмон, напоминающих пламя; средний дзёмон; местонахождения Умагака, Иванохара и Саика, префектура Ниигата; высота 27 см (правос); Япония (фото Т. Кобаяси)

Илл. 161. Скальные резные рисунки или петроглифы на горе Камерон-Вест на северо-восточном побережье Тасмании. Археологические свидетельства позволяют предположить, что эти уникальные глубоко врезанные круги относятся скорее к голоцену, чем к плейстоцену (фото *R. Edwards*)

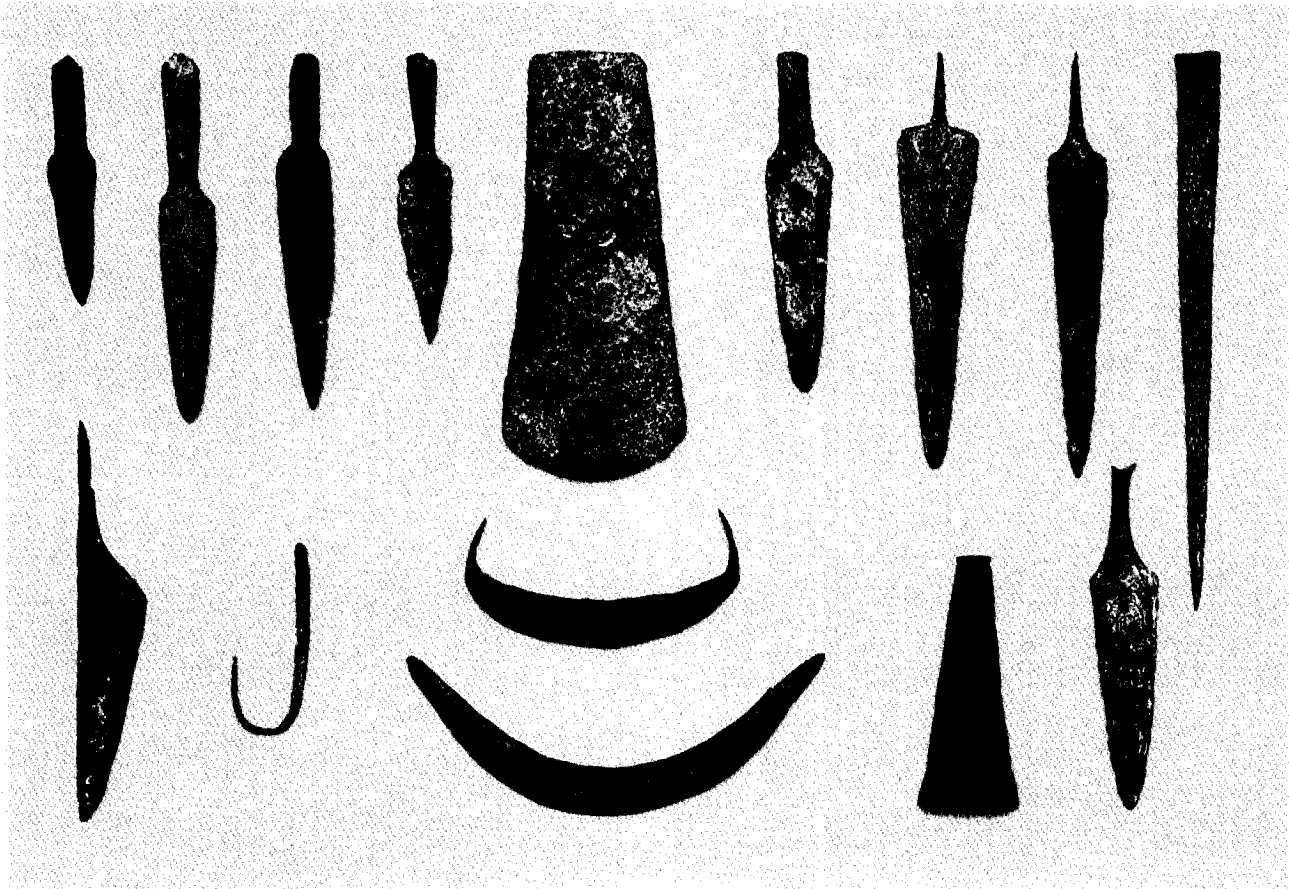
Илл. 162. Наскальное изображение охотника с копьём с зазубренным наконечником и копьёметалкой из Национального парка Какаду, штат Северная территория, Австралия (фото *R. Edwards*)

Илл. 163. Рисунок, выполненный по трафарету, и выбитое на камне изображение вульвы из Национального парка Карнафон-Джордж, штат Квинсленд, Австралия. Слева – изображение заточенного каменного топора, привязанного к деревянной ручке (фото Дж. Флуд)

Илл. 164. Собака динго, нарисованная красной охрой и обведенная по контуру белой краской, из местонахождения Лайтнинг-бразерс близ г. Катерин, штат Северная территория, Австралия (фото Дж. Флуд)

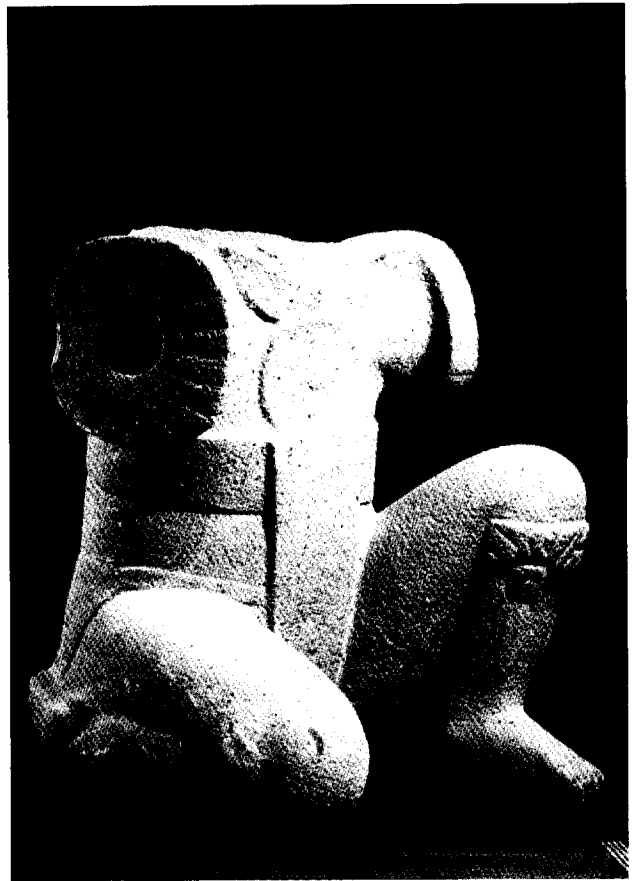
Илл. 165. Медные артефакты, относящиеся к эпохе древней медной культуры. Вверху слева – наконечники с черенками для копий; вверху справа – наконечники копий с хвостовиками; внизу слева – рыболовный крючок; внизу в центре – дугообразные ножи; внизу справа – небольшое долото (с согласия Публичного музея Милуоки, США)

Илл. 166. Жадитовое долото из Оахаки с резным изображением человека или животного семейства кошачьих; высота 22 см (с согласия Национального музея антропологии, Мехико, Мексика)

Илл. 167. Жадитовая голова из Теотихуакан-дель-Валье, штат Мехико; высота 23 см (с согласия Национального музея антропологии, Мехико, Мексика)

Илл. 168. Находка (№ 31) из Сан-Лоренсо (штат Веракрус, Мексика) – базальтовая скульптура, изображающая человека с просверленными дисками на месте плеч, возможно, для установки подвижных рук (ср. *Coe & Diehl*, 1980, pp. 340–343), высота 79 см (с согласия Национального музея антропологии, Мехико, Мексика)

Илл. 169. Черный сосуд из Теотихуакан с резным узором, преобладавшим в графическом наборе фазы I (с согласия Национального музея антропологии, Мехико, Мексика)